

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXVI

1899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРІНА. ЄРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13
1899

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВѢСТНИКЪ

историко-
литературный
журналъ.

годъ двадцатый
апрѣль, 1899

СОДЕРЖАНИЕ.

~~~~~  
АПРÈЛЬ, 1899 г.  
~~~~~

	стр.
I. Владими́рские Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. I—V. (Продолжение). Графа Е. А. Саліаса	5
II. Записки графини В. И. Головиной (1766—1820). IX—X. (Продолжение)	33
III. Былое. (Изъ семейной хроники). В. А. Тихонова	49
IV. Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнѣ. М. А. Давидовой . . . . . <i>Иллюстрація.</i> Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.	76
V. Русское знамя въ Средней Азии I—IV. И. М. К.	96
VI. Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневский и Григоровичъ). И. Н. Полевого	123
VII. «Мерзлый русскій». А. И. Фаресова	144
VIII. Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые наброски). И. Ф. Тюменева	158
Иллюстрація: 1) Устюжна. Ворота соборной ограды.—2) Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).—3) Соборъ въ Устюжнѣ.—4) Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.—5) Устюжна. Казанскоѳ кладбище.—6) Видъ Весьегонска.—7) Плоть и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ.—8) Оборотъ въ Весьегонскѣ.	
IX. Родина князя Потемкина. Л. Я. Зайцева	196
X. Исторія одной замѣчательной книги. М. Н. С.	201
XI. Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). Л. Е. Оболенского	221
XII. Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводе. А. К. Бороздина	244
XIII. Типографское дѣло. Г. Л. И. . . . . <i>Иллюстрація.</i> Иларіонъ Федоровичъ Богдановъ.	251
XIV. Памятіи В. О. Михневича. Б. Б. Глинскаго . . . . . <i>Иллюстрація.</i> Владимиръ Осиповичъ Михневичъ.	260
XV. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. II. (Продолжение). В. Т.	281
XVI. Критика и библіографія.	298
1) А. Н. Минхъ. Историко-географический словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ 1. Саратовъ. 1898. (Приложение къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). В. б.—ва.—2) Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательные сошения Россіи съ Западомъ въ начатѣ XVII вѣка. Москва. 1898. С.—3) П. А. Картавовъ. Библиографическая извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898. бориса Городецкаго.—4) Влияніе морской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхона. Издание Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгия Александровича. Спб. 1898. П. к.—5) Лирика И. П. Полонскаго. Критический этюдъ Н. М. Соколова. Издание И. П. Соколова. Спб. 1899. С. л.—ка.—6) Краткий исторический очеркъ Елисаветградскаго общества распространения грамотности и ремесль. 1873—1898 г. П. З. Рябкова. Елисаветградъ. 1899. А. Фаресова.—7) Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898. Б. г.—8) Очерки современного офицерскаго быта. Соч. Н. И. Бутовскаго. Спб. 1899. И. И. З.—9) Библіографические материалы. Описи книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и пе-	

См. слѣд. стр.

чаги. Библиография. Библиотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Сиб. 1898. п. щ—ва.—10) Документы Нижегородской губернской ученою архивной комиссии. Сборникъ статей, сообщений, описей и документовъ. Томъ III. Нижний Новгородъ. 1898. В. Р—ва.—11) Общественная жизнь Англии. Издание I. Д. Трайла. Томъ IV. Отъ возвращения Гакова до смерти Аанны. Т. V. Отъ возвращения Георгия I до битвы при Баттердоо. Москва. 1898. И.—12) Вань-Мюденъ. История швейцарского на- рода. Перев. съ франц. подъ редакціей Ф. Л. Радлова. Выпускъ I, съ 86 поли- тилажами. Выпускъ II, съ 6 политин. Опб. 1898. П. к.—13) А. Кариловъ. 1797— 1897. Материалы для истории Владимира губернской типографии къ столѣтнему юбилею. Владимиръ-на-Клязьмѣ. 1898. В. Р—ва.—14) Н. Панковъ-Сильванский. Государевы служащие люди. Происхождение русскаго дворянства. Сиб. 1898. Печ.—15) Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена. 1883 года. Соста- вляла и издалъ И. Голышевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голи- шевка, близъ с. Мстера, Владимирской губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898. В.—скаго.— 16) Книга для чтенія по истории среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ прео- дователей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Выпускъ III-й. Москва. 1899. И.—17) А. Фаресовъ. Народники и марксисты. Сиб. 1899. гл.—18) А. Ля- щенко. Къ истории русскаго романа. Шабашническій элементъ въ романахъ Ф. А. Эмина. Опб. 1898. В. Б.—19) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румын- ловскаго музеевъ за 1897 годъ. М. 1898. щ.—20) Иезуиты, ихъ исторія, ученіе, организация и практическая дѣятельность, въ средѣ общественной жизни, поли- тики и религіи. Составилъ Ж. Губерь. Сиб. 1899. П. к—аго.	327
XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи	348
1) О французскихъ византинистахъ.—2) Интеллектуальная исторія Сцилії.— 3) Титантъ французской революціи.—4) Наполеонъ подъ Тулономъ.—5) Армий- ская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ.—6) Эпизодъ изъ временъ берлинской ре- волюціи 1848 г.—7) Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ.—8) Изъ записокъ американскаго генерала.—9) Французы въ Портъ-Артурѣ.—10) Конгрессъ исто- рии религій.—11) Смерть Эркмана и Бамбергера.	
XVIII. Изъ прошлаго	350
Къ характеристику императора Николая I. Сообщено К. А. Энгельгардтъ, урожденной Лопатиной.	
XIX. Смѣсь	382
1) Къ юбилею Пушкина.—2) Годичное общее собрание императорскаго рус- скаго историческаго общества.—3) Русскій археологическій институтъ въ Кон- стантинополѣ.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—6) Археологическое общество.—7) Географическое общество.— Подѣльныя древности.—8) Музей Ф. М. Достоевскаго.—9) Завѣщаніе И. С. Никитина.—10) Некрологъ: Л. И. Поливановъ.	
XX. Замѣтки и поправки	382
1) Еще о Жирянскомъ дѣлѣ 27 июля 1868 года. И. Любарскаго.—2) Къ запискамъ графини Головиной. Вас. Доброравова.	
XXI. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Антона Григорьевича Рубинштейна.—2) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Исторический романъ въ четы- рехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ немецкаго З. У.). Часть I, гл. VII—VIII. (Конецъ первой части).	

При настоящей книжкѣ «Исторического Вѣстника» разсылается ино-
городнымъ и городскимъ подписчикамъ объявление отъ книгоиздательства
А. В. Деврена.

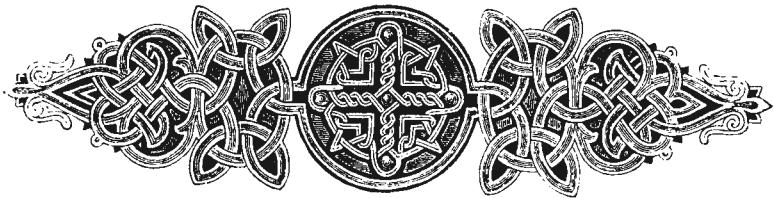
АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

Съ фотографіи 1889 года, Ясвопна въ Спб.

дозв. ценз. 18 марта 1899 г. спб.

Библиотека "Руниверс"

ВЛАДИМИРСКИЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергию Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

РОШЕЛЬ МЕСЯЦЪ послѣ смерти и похоронъ, пышныхъ и торжественныхъ, «послѣдняго» Басманъ-Басанова.

Въ барскомъ домѣ стало нѣсколько тише обыкновенного. Исчезновеніе молодого барина не могло быть замѣтно, такъ какъ все населеніе заводовъ уже давно не видало больного, лежавшаго въ постели. Оплакивать горько и печалиться было собственно некому, такъ какъ

Аникита Ильичъ слишкомъ жалѣть Высоксу безъ наследника, чтобы жалѣть самого псковника. Сусанна ежедневно поминала своего Алешу въ разговорахъ съ Угрюмовой, но все-таки чувствовала извѣстнаго рода облегченіе, что молодой человѣкъ унесъ съ собой тайну, разоблаченіе которой могло повліять на все ея существованіе.

Если въ домѣ казалось тише, то причина этому была не смерть молодого Басанова, а нѣчто совершенно иное... Причиной было недовольство и пасмурное настроеніе духа нѣсколькихъ лицъ, глав-

---

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXV, стр. 777.

ныхъ или видныхъ, сообщавшееся и другимъ второстепеннымъ со-
жителямъ.

Аникита Ильичъ былъ недоволенъ, угрюмъ, раздражителенъ и
безпощаднѣе, чѣмъ когда либо, въ наказаніяхъ провинившихся...
Онъ даже два раза поступилъ явно несправедливо, по мнѣнію своихъ
подданныхъ, чего прежде не бывало.

Самовластный старикъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, послѣ при-
вычки всей своей жизни видѣть и считать волю свою закономъ
для всѣхъ, вдругъ дожилъ до того, что юное существо, тихое, без-
вольное, дѣвушка полуребенокъ и годами, и разумомъ, — упорно
противилось ему... Нѣ средствъ побороть это сопротивленіе не было...
Ни лаской, ни угрозой нельзя было одолѣть глубокаго горя и по-
стоянныхъ слезъ молоденькой Аллы Ильевой.

Разумѣется, вскорѣ послѣ похоронъ дѣвушки была снова прове-
дена по винтушкѣ своей теткой въ апартаменты барина и, несмо-
тря на ея горькія мольбы пощадить, не была пощажена...

Аникита Ильичъ, судя по долголѣтнему опыту, убѣждалъ Аллу,
что «стерпится—слюбится».

Однако онъ ошибся. Прошелъ мѣсяцъ, и молодая дѣвушка стала
предметомъ всѣхъ разговоровъ, соболѣзнованій и удивленія. Никто
ничего навѣрное не зналъ. Нѣкоторые едва рѣшились подозрѣвать...
Большинству же и на умъ не приходила правда... Поэтому въ разго-
ворахъ не стѣснялись... Заставить всѣхъ сразу замолчать простымъ
объявленіемъ о своей прихоти старикъ, конечно, не хотѣлъ... Онъ
гнѣвался, раздражался, не могъ одолѣть виновной упрямицы, счи-
тавшей себя несчастною, и бросался на безвинныхъ...

А говорить постоянно въ домѣ и во двору, охать и ахать объ
Аллѣ Васильевнѣ было не мудрено. Дѣвушка, прежде постоянно
рѣзвившаяся, какъ дитя, прыгавшая и хохотавшая больше всѣхъ,
заразительно дѣйствуя своимъ дѣтскимъ весельемъ и на другихъ,
теперь ходила, какъ потерянная, и на ней лица не было.

Аллинъка плакала и плакала... Слезы рѣкой текли... Лице ея
одновременно и похудѣло и опухло. Если ея бѣлорозовыя щеки осу-
нулись, то глаза, вѣки и носъ некрасиво вздулись... И хорошенъкая
дѣвушка съ такимъ лицемъ бросалась въ глаза и поражала всякаго.

Мать ея на всѣ вопросы отвѣчала, что у дѣвушки странныя
головныя и зубныя боли. Алла утверждала то же самое. Отецъ ея
Василій Васильевичъ тотчасъ послѣ похоронъ сталъ собираться на
богомолье въ Кіевъ.

Уже три раза вызывалъ баринъ къ себѣ на верхъ по винтушкѣ
тетку, а затѣмъ и мать молодой упрямицы, приказывая имъ ее
унять... Женщины винились, просили за нее прощенія, но заявляли,
что съ «дурочкой» ничего подѣлать не могутъ.

— Будь она умная, да понятливая,—говорила Ильева,—то сама
бы рада была. А съ этакой взятки гладки. Прикажите ее въ мона-

стырь свезти да хоть въ послушницы отдать... Можетъ, и обойдется, смирился.

Но этого, разумѣется, самъ Басановъ не желалъ...

Благодаря этой хворости, головнымъ и зубнымъ болямъ Аллы, нашелся въ Высоксѣ человѣкъ, изъ видныхъ, который тоже ходилъ самъ не свой, и на которомъ тоже лица не было.

Это было высокское пугало—оберъ-рунть.

Сначала при видѣ Змглода съ искаженнымъ отъ невѣдомой причины лицемъ всѣ обыватели еще пуще стали избѣгать его, но затѣмъ вскорѣ убѣдились, что «Турка» не злобенъ, не остервенелъ, а напротивъ осовѣлъ и «размякъ»... Только удивительное лицо его стало будто звѣринымъ, а на дѣлѣ онъ чудно подобрѣлъ, ко всѣмъ ласкается, какъ злой, но отощавшій песь, съ голоду хвостъ поджавшій...

Дѣйствительно, умный, самоувѣренный и безощадно строгій начальникъ полиції вдругъ преобразился. Онъ бродилъ унылый, задумчивый, а дѣло свое—соглядатайство и доносы барину—бросиль почти совсѣмъ. Все, что попадало ему на глаза и подъ руку, за что прежде была бы крутая расправа его личная или по приказу барина, теперь всѣмъ сходило съ рукъ. Когда виновный кидался въ ноги оберъ-рунту и молилъ:

— Денись Иванычъ, не погуби!

Змглодъ глядѣлъ тупо, уныло, не злобно и отвѣчалъ глухо:

— Богъ съ тобой... Только смотри, «самому» не попадись опять...

Разумѣется, Ильева и сама Алла объясняли Змглоду то же самое: хворость. И умный человѣкъ, одинъ изъ умнѣйшихъ въ Высоксѣ, наивно вѣрилъ. А страданія обожаемой дѣвушки его смягчили, сдѣлали добрѣе, потому что озабочивали, даже мучили. Василій Васильевичъ, чистая душа, но скромнѣйшій человѣкъ и въ полной зависимости отъ жены, ушелъ въ Кіевъ грустный и только сказалъ Змглоду;

— Полагательно, Денись Иванычъ, скоро свѣту представлеіе...

Глупая старуха Ильева была счастлива, однако повѣрить кому либо важное происшествіе въ ихъ семьѣ,—благосклонность барина къ ея красавицѣ, Аллинѣкѣ, она считала преждевременнымъ. Сама молодая дѣвушка, умная сердцемъ, почуяла, что откровенно признаться и объяснить «такое» своему первому другу Змглоду—невозможно. Первые дни дѣвушка хотѣла руки на себя наложить, затѣмъ хотѣла просить Змглода вмѣстѣ убѣжать съ Высоксы, куда глаза глядятъ, но, конечно, у нея не хватило духу ни на то, ни на другое.

А это предложеніе—вмѣстѣ спастись бѣгствомъ, которое казалось дѣвушкѣ столь же мудренымъ, какъ и самоубійство — было бы радостно принято Змглодомъ тотчасъ же. Но глупенькая Алла не знала, чѣмъ она давно стала для этого ея «милаго Турки».

Если повелитель всей Высоксы съ заводами и чуть не полный хозяинъ всего намѣстничества былъ озлобленно придирчивъ и всѣхъ заставилъ притихнуть насторожѣ и жить «ушки на макушкѣ», — то главная личность послѣ него была точно также угрюма, раздражена и тоже срывала свой гнѣвъ на комъ могла, за исключениемъ виновнаго...

Сусанна тоже чуть не въ первый разъ въ жизни была сильно озадачена, но и смущена. Если старики, неограниченно властный, не могъ справиться съ девушкой ребенкомъ, то энергичная и смѣлая «барышня» Высоксы, безстрашная и, какъ звали ее, «озорная», не могла справиться съ простымъ креѣстнымъ человѣкомъ своего дяди, съ простымъ писаремъ его конторы.

Анька Гончай тоже удивлялъ всѣхъ своимъ видомъ, не меныше Аллы, не меныше оберъ-рунта. Молодой конторщикъ ходилъ темиже ночи и проговаривался, что погубить душу свою...

— Если не съ собой покончу, то съ другимъ кѣмъ!.. говорилъ онъ.—Не себя, такъ поросенка прикончу. Захрюкаетъ у меня поросенокъ по-соловьину или зальется соловей по-поросачьи...

Разумѣется, словъ этихъ никто не понималъ, кромѣ Санны. Она тревожилась, сердилась, иногда выходила изъ себя отъ гнѣва, грозилась... но добиться не могла ничего.

Молодой конторщикъ, взятый въ любовники зря, очертя голову, въ минуту праздной скуки, озорно и необдуманно, начиналъ ей уже давно надоѣдать, тяготить своей безумной страстью, порывами дикой ревности и даже угрозами погубить и себя и ее вмѣстѣ, въ случаѣ ея «прихотничества».

Такъ называлъ Анька сначала намеки, а затѣмъ и заявленья Санны, что она легко можетъ охладѣть къ нему и выбрать себѣ кого другого.

Умный и энергичный малый всегда былъ смѣль до крайности, предпримчивъ во всемъ и, подобно ей, тоже «озорной», а любовь «барышни», казалось, перевоспитала его, усиливъ стократъ его качествъ и недостатки... Будучи смѣлымъ всегда, теперь онъ былъ готовъ идти на все безъ исключения, ради или изъ-за Сусанны... хотя бы на жестокую казнь и смерть. Будучи ревнивымъ отъ природы, теперь онъ изнывалъ и болѣлъ отъ ревности. Она грызла и душила его!..

Единственный человѣкъ, которому Анька изъ любви всегда слѣпо повиновался, его отецъ, Абрамъ, напрасно старался успокоить и образумить сына, единственнаго и обожаемаго имъ.

Анька подозрѣвалъ теперь измѣну любимой женщины и забывая, кто она и какая общественная разница между нимъ и ею, зналъ, понималъ и видѣлъ только одно: потребность расправиться, прекратить свои мученья и душевную пытку какъ бы то ни было... Убийствомъ—такъ убийствомъ!

Горе Аньки свалилось на него сразу... Какъ неожиданно толкнула его судьба въ объятья красавицы барышни, такъ же сразу, смаху, судьба отняла у него эту женщину, которую онъ, человѣкъ пылкій и самолюбивый, боготворилъ, страстью и гордо упиваясь своимъ чувствомъ, но и своей побѣдой.

И вдругъ все рухнуло... Онъ опять сталъ для нея конторщикомъ и крѣпостнымъ... Угрюмова передала ему приказъ барышни ее не беспокоить... Сусанна Юрьевна приказала:

— Сидѣть смирно, покуда за нимъ не пошлютъ, коли вздумается повидать!..

Покуда Анька думалъ, что это простое временное охлажденіе, онъ терпѣливо ждалъ. Но вдругъ онъ убѣдился, что онъ замѣщенъ, и прихотливо, грубо... Другой на его мѣстѣ пользуется расположеньемъ, а, можетъ быть, уже и ласками «барышни», для которой онъ самъ сразу какъ бы пересталъ существовать.

Скрываясь теперь отъ Гончаго больше, чѣмъ отъ кого либо другого, Сусанна и Угрюмова сумѣли такъ устроиться, что ему не было никакой возможности узнать, кто былъ этотъ счастливый соперникъ... Два раза Анька среди темноты, вечеромъ, дерзко влѣзъ по столбу на балконъ барышни и тщетно глядѣлъ чрезъ завѣшенныя окна и напрасно прислушивался. Онъ слышалъ мужской голосъ въ комнатѣ, где самъ бывалъ недавно запросто, но узнать, кто его замѣститель, онъ не могъ. Когда и какъ появлялся, когда и гдѣ выходилъ этотъ незнакомецъ, Анька провѣдать не могъ. Стоять въ коридорѣ насторожѣ у дверей комнаты барышни цѣлый вечеръ или ночь до разсвѣта онъ, конечно, не смѣлъ. Наконецъ, однажды Анька узналъ, кто его соперникъ, и пытка отъ ревности стала еще нестерпимѣе. Онъ терялъ разсудокъ отъ бури на душѣ и, конечно, не способный смиро и покорно переносить свое положеніе отвергнутаго, началъ чаще и дерзче являться къ Угрюмовой, прося, а затѣмъ даже и требуя, повидать барышню. Но Сусанна не хотѣла видѣть его. Сначала она не принимала его, потому что желала избѣжать глупаго объясненія, а затѣмъ при упорствѣ Аньки она разсердилась и стала отказывать еще упорнѣе. Наконецъ, при первой же угрозѣ молодого малаго, переданной Сусанчѣ, она отвѣтила чрезъ ту же Угрюмову тоже угрозой—приказать кое-что на счетъ дерзкаго конторщика оберъ-рунту...

— Коли такъ,— объявилъ Гончай наперсницѣ, — то передайте барышнѣ, что я одинъ погибать не хочу... Вмѣстѣ любились, вмѣстѣ и пропадемъ пропадомъ.

Разумѣется, эти слова смущали Сусанну, знаяшую крутой, непреклонный нравъ и предпримчивость своего бывшаго любимца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, хотя она и упорствовала, но раскаивалась въ своей жестокости къ Анькѣ... Если бы Гончай взялся иначе и мягче, онъ снова былъ бы въ милости, такъ какъ новый

избранникъ былъ только забавой и успѣль ей наскучить, прежде чѣмъ она успѣла окончательно рѣшить вопросъ, приблизить ли его къ себѣ... Этотъ любимецъ былъ не высокскій житель и не крѣпостной Басанова, а вновь явившійся, вольный человѣкъ, выписанный служить по найму.

По волѣ судьбы Сусанна впервые увидѣла его и была поражена его красотой на отпѣваніи тѣла ея Алеши... въ то самое мгновеніе, когда гробъ собирались поднять и нести изъ храма въ склепъ, пѣвчіе спустились съ клироса, гдѣ были укрыты иконостасомъ и прошли стать впереди духовенства... Въ этой вереницѣ человѣкъ въ двадцать, среди давно знакомыхъ лицъ, Санна вдругъ увидѣла незнакомую ей личность. Это былъ высокій, стройный, свѣтловолосый малый, лѣтъ двадцати на видъ, съ поразительно красивыми задумчивыми глазами... Удивительная тонкость и правильность черть лица, особенное, томное выраженіе глубокихъ, темносинихъ глазъ выдѣляли молодого малаго изъ кучки пѣвчихъ и изъ всей толпы.

Послѣ преданія тѣла землѣ «барышня» тотчасъ подошла къ хору пѣвчихъ, похвалила ихъ пѣнны за обѣдней и спросила регента, чей голосъ свѣжий, звонкий, сильный покрывалъ всѣ голоса въ «Иже Херувимской»...

Конечно, она это уже знала, сама догадавшись теперь, чей голосъ слышала.

Регентъ указаль на стройнаго красавца, сказавъ, что онъ малороссъ, ученый пѣвчій, выписанный недавно изъ Москвы, по имени Тарасъ Файко...

Барышня похвалила новаго пѣвчаго, мѣряя его хищнымъ взоромъ съ головы до пять, но юный хохоль глядѣль на нее или особенно равнодушно и холодно или же... чрезчуръ простовато...

Не прошло, однако, дней пяти, какъ онъ былъ позванъ въ комнаты «барышни» спѣть что нибудь «божественное» въ присутствіи барина и молодой барышни Дарьи Аникитишны.

Великолѣпный теноръ, сильный и порядочно обработанный, удивилъ всѣхъ, даже старыхъ дѣвицъ Тотолминыхъ, тоже приглашенныхъ слушать.

Сама «барышня» настолько прельстилась голосомъ Тараса, что вскорѣ снова раза два приказала позвать его и заставила вечеромъ пѣть у себя, но уже безъ гостей... Затѣмъ онъ уже больше вызываемъ барышней не былъ и у нея не пѣль... Однако, его видали мелькомъ въ домѣ и въ коридорѣ, и уже ходилъ слухъ, что «старая баловница Анна Фавстовна промѣняла Аньку на Файку».

Но это было вѣрно на половину. Сусанна собиралась, колебалась и не рѣшалась... Чѣмъ больше и ближе узнавала она Тараса, тѣмъ менѣе былъ онъ ей привлекателенъ, такъ какъ отличался невозмутимымъ спокойствиемъ духа, почти сонливостью.

II.

Приближался сороковой день поминокъ по скончавшемся моло-домъ баринъ, и вся Высокса снова ожидала прекращенія занятій и работъ на заводахъ. Повсюду отъ барскихъ палатъ до слободы все населеніе собиралось если не въ самій храмъ, то къ храму, къ его оградѣ, постоять во время литургіи и помолиться.

Наканунѣ утромъ, какъ разъ за двадцать четыре часа до начала заупокойной службы, по Высоксѣ распространилась такая вѣсть, которая всѣхъ поразила... Долго потомъ вспоминали этотъ день всѣ обыватели...

Рано утромъ, еще когда Аникита Ильичъ не кончилъ пилить и не начиналъ еще пить калмычко снадобье, по винтушкѣ явился Змглодъ и угрюмый—какимъ онъ былъ теперь всегда—должилъ барину если не важную, то удивительную вѣсть...

Въ гербергѣ на разсвѣтѣ остановился пріѣзжій изъ губернского города, прибывшій на почтовыхъ лошадяхъ... баринъ еще молодой и офицеръ. Онъ легъ отдохнуть и еще, должно быть, не просыпался... Денщикъ же его на опростъ Змглода заявилъ, что баринъ, офицеръ гвардії, пріѣхалъ представиться барину Аникитѣ Ильичу и предполагаетъ проснувшись тотчасъ идти въ домъ.

— Чего же ты съ этимъ лѣзешь по винтушкѣ!.. — разсердился Аникита Ильичъ... Докладываешь, когда я еще, видишь, пилю... Что ты ума рѣшился?

— Потому я порѣшилъ поспѣшить... — началъ Змглодъ, но баринъ, сердито замахиваясь «голландкой», которую вытащилъ изъ бревна, крикнулъ:

— Когда же это было, чтобы ты бѣгалъ докладывать о пріѣзжихъ, не давъ мнѣ одѣться и лба перекрестить! Хочешь, поплюю тебя на скотный на недѣлю коровъ доить...

— Аникита Ильичъ,—медленно и сурово заговорилъ оберъ-рунть... Коровъ доить я пойду, коли глупъ, а вы дайте доказать. Я еще въ разумѣ своемъ и знаю, что творю... Дѣло если не важное, то совсѣмъ особое.

— Ну?...—спокойнѣе отозвался старикъ вопросительно.

— Я спросилъ, по долгу своему, званіе и имя пріѣзжаго, чтобы доложить вамъ въ обыкновенный часъ, но солдатъ отвѣтилъ, что ему бариномъ строжайше запрещено сказываться... Хоть, говоритъ, убей, не скажу, кто мы такіе... А вотъ когда мой баринъ встанетъ да побываетъ у вашего барина, то вы все здѣсь ахнете и замѣчетесь, какъ угорѣлые... Ну, какъ я ни бился, ничего не добился... Вотъ и пришелъ доложить, что ждетъ васъ внезапу—диковина какая-то... а не просто пріѣзжій...

— Умница! Молодецъ! И былъ и остался молодцемъ!—воскликнулъ Аникита Ильичъ.

И, бросивъ пиленіе, онъ тотчасъ прошелъ въ кабинетъ, весело усмѣхаясь... Черезъ минуту, не выдержавъ, онъ кликнулъ Масѣча и, отпивая свое мутно-блѣлое снадобье, выговорилъ:

— Масѣичъ... Слышаль? А знаешь, кто этотъ офицеръ? Зачѣмъ пріѣхалъ?..

— Знаю,—отвѣтилъ камердинеръ холодно.

— Ань, врешь! Не знаешь!.. И не можешь знать.

— Ань, знаю...

— Врешь, говорю тебѣ!—вскрикнулъ Аникита Ильичъ.

— Не вру, сказываю я вамъ!—вскрикнулъ и Масѣичъ.

— Ахъ, идолъ упрямый... Такъ говори, а я молчать буду. Говори. Кто?

— Сынокъ чей либо... Изъ тѣхъ, кому вы въ Питеръ писали изъ-за барышни... Что?—подсмѣхиваясь отвѣтилъ Масѣичъ.

Аникита Ильичъ молчалъ и улыбался.

— Мудрено, виши, догадаться... Вы думаете, вы одни на догадку прытки...

— Правда, Масѣичъ... И знаешь, по-моему, кто... который изъ сыновъ?.. Завадскій... Либо князь Устюжскій... Ну что жъ, слава Богу. Только давай Богъ, чтобы ко двору пришелся... А зря за первого попавшагося гвардейца я Высоксу не выдамъ замужъ. Тыфу! то биша Дарьушку не выдамъ...

И Аникита Ильичъ, нѣсколько волнуясь, не допилъ свое питье и, приказавъ растворить всѣ двери, чтобы доступъ къ нему былъ тотчасъ свободенъ, началъ свои занятія дѣлами.

Не прошло получаса, какъ тотъ же Змѣодѣлъ явился со стороны коридора и пріемной сть новымъ докладомъ.

— Баринъ офицеръ уже собирается выходить изъ герберга въ полной аммуниціи... А она такая диковинная, какой я никогда еще, да и никто не видалъ въ Высоксѣ.

И по описанію оберъ-рунта Аникита Ильичъ понялъ, что офицеръ—гусаръ. Это удивило и пуще взволновало бывшаго измайловаца.

Въ ту же минуту, въ пріемной, въ коридорѣ и въ канцеляріи все будто шевельнулось... Вѣсть, добѣжавшая снизу, всполошила весь верхъ.

— Диковинный офицеръ изъ столицы къ барину...

Но нежданній гость и его невиданный еще въ Высоксѣ мундиръ оказались пустяками сравнительно сть тѣмъ, что случилось затѣмъ и вихремъ разнеслось повсюду, заставивъ ахнуть отъ удивленія всѣхъ, начиная отъ пораженного извѣстіемъ барина и кончая послѣднимъ рабочимъ.

Завѣдующій канцеляріей Пастуховъ въ виду важности гостя добровольно взялъ докладъ на себя. И едва появился въ пріемной

молодой и статный гусарский офицеръ, какъ онъ опросилъ его и вошелъ къ барину со словами:

— Желаетъ представиться и засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе поручикъ Дмитрій Андреевичъ Басманъ-Басановъ...

Когда Пастуховъ простодушно передалъ эти слова барину, то Аникита Ильичъ осталбенѣлъ, затѣмъ перемѣнился въ лицѣ и будто задохнулся... Затѣмъ онъ поднялъ обѣ руки и едва слышно проговорилъ не своимъ голосомъ:

— Если перевраль... въ солдаты... Лобъ забрею, если напуталъ!..

Пастуховъ поблѣднѣлъ отъ страха... Ему казалось, что онъ передалъ вѣрно... Но вѣдь на грѣхъ мастера нѣть. Вдругъ, окажется, маху даль.

Увидя, что управляющій канцеляріей собирается бѣжать изъ комнаты, вѣроятно, для переспроса, Аникита Ильичъ крикнулъ:

— Стой!.. Идолъ...

И старикъ, страшно взволнованный, прошелъ два раза по комнатѣ, потомъ сѣлъ. Чрезъ полѣ-минуты онъ уже спокойнѣе спросилъ:

— Онъ сказалъ: Дмитрій Андреевичъ Басманъ-Басановъ... Или сказалъ просто... Басановъ?..

— Сдается...—запепеталъ Пастуховъ...—Сдается мнѣ, что изволилъ сказать Басманъ...

— Ну, вотъ... вотъ и лобъ!—страннымъ боязливымъ голосомъ произнесъ Аникита Ильичъ... Да! За этакое... за этакое замуровать живьемъ надо...

Пастуховъ стоялъ уже блѣдный, какъ полотно, и хотѣлъ что-то вымолвить, но посинѣлые губы только дрожали. Голосъ и видъ барина испугали его больше, чѣмъ угроза.

Дѣйствительно, ничего подобного теперешнему своему состоянію давно не испытывалъ старикъ... Смерть сына Алексія его не поразила, ибо онъ ее ждалъ... Только смерть брата Саввы Ильича такъ же когда-то взволновала его и заставила кровь стучать въ вискахъ.

Все, что сотни разъ мерешилось ему со дня смерти сына и во снѣ и наяву, о чёмъ онъ мечталъ, какъ юноша или какъ малый ребенокъ, зная, что желаніе это есть несбыточная мечта... теперь внезапно стало дѣломъ, дѣйствительностью...

«Высокса послѣ его смерти будетъ попрежнему принадлежать Басманъ-Басановымъ и такъ... на сто лѣтъ... и больше...»

«Но Басманъ ли онъ?!—мысленно восклицалъ онъ теперъ и боялся, трепеталъ... Вдругъ сейчасъ окажется, что конторщикъ осель, враль... Басановыхъ много въ Россіи. Чорта ли въ нихъ! Есть и мѣщане Басановы... Но Басманъ-Басановыхъ нѣть больше. Онъ одинъ послѣдній... Поэтому какъ же онъ могъ самъ такъ малодушино сразу повѣрить дураку конторщику и допустить себя до того, что все нутро у него будто перевернулось! Зря, безъ причины, изъ-за

идола, который перевралъ. Ему, животному, что Басановъ, что Басманъ-Басановъ—все одно... Имъ всѣмъ, что имъ Высокса?! Что съ ней будетъ?! Чья она будетъ?!

— Да... да... —едва слышно зашепталъ Аникита Ильичъ.—Если перевралъ... Если меня зря хватилъ ножемъ въ самое сердце... За это... не знаю самъ, что съ тобой сотворю...

Пастуховъ опустился на колѣни, всхлипывая...

— Цыцъ, проклятый... Услышать... Что подумаютъ!—прошепталъ старикъ.—Проходи... Въ спальню иди...

Управитель канцелярии, совершенно пришибленный приключившимся бѣдой, поднялся и на носкахъ прошелъ въ спальню...

— Ахъ, какая обида...—зашепталъ Аникита Ильичъ, оставшись одинъ.—Ахъ, обида! Вотъ не ждалъ... Повѣрилъ на мгновеніе ока, и всего перетряхнуло... Понятно, что просто Басановъ и лѣзеть ко мнѣ... Думаетъ, идолъ, что его мѣщанскоѣ прозвище то же, что и мое... Ну, ладно... Погоди. Я вотъ тебя сейчасъ приласкаю. Будешь, Басановъ, помнить Аникиту Басманъ-Басанова.

Старикъ поднялся, оправился, вздохнулъ глубоко, потомъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ него... Онъ поглядѣлъ на громадную домну съ дымящимися трубами, где пережигалась руда, день и ночь, уже четверть вѣка, на разстилавшееся за нею огромное озеро, сиявшее, какъ зеркало, и на длинную высокую плотину, которую они съ братомъ Саввою чуть не собственноручно соорудили, дежуря по очереди въ началѣ работъ... Рѣзные ученые «рябчики» изъ столицъ говорили, что плотина не выдержитъ первого же весеннаго половодья или большихъ ливней, и озеро рванется и затопить заводы на пять верстъ... А вотъ она третій десятокъ лѣтъ хочетъ стоять... Затѣмъ глянулъ старикъ на зданіе, выстроенное по его рисунку ради забавы—на пятиугольную коллегію съ башней и часами... Наконецъ, повернувъ голову, онъ посмотрѣлъ на каменный храмъ съ высокой колокольней... Здѣсь подъ алтаремъ покоятся и спятъ вѣчнымъ сномъ братъ Савва Ильичъ, создатель всего этого, его двѣ жены, малолѣтній Саввушка и наконецъ Алексѣй, на котораго была послѣдняя надежда и который тоже лишилъ Высоксу истиннаго наследованія... Будетъ она принадлежать какимъ нибудь Завадскимъ... Ужъ лучше князьямъ Никаевымъ.

— Да, жаль мнѣ тебя... Дорогая моя...—съ чувствомъ произнесъ старикъ...—Отдамъ я тебя лучше князьку Давыдкѣ, свойственнику, чѣмъ совсѣмъ чужому человѣку... Ну, а теперь этого смутителя моего духа надо принять и отвадить...

Аникита Ильичъ, печально настроенный, пережившій вдругъ изъ-за пустого случая нѣсколько глубоко прочувствованныхъ мгновеній, кликнулъ не сурово, а какимъ-то слабымъ голосомъ, какъ никогда не звалъ холоповъ.

— Эй! Кто тамъ?..

Въ прихожей и коридорѣ уже набралось довольно много народу... Всѣ безъ исключенія удивленно и почтительно оглядывали сидѣвшаго на креслѣ офицера и недоумѣвали, отъ чего баринъ заставляетъ ждать такого гостя...

«Хочеть ему себя показать и малость поучить!.. — думали нѣкоторые.—Меня, молъ, аммуниціей не удивишь. Я самъ въ гвардіи былъ»...

При окликѣ барина изъ приемной явился Змглодѣ.

— А! ну, вотъ...—выговорилъ стариkъ.—Ты умный! Слышаль ты, какъ о себѣ велѣлъ доложить офицеръ?

— Слышалъ,—угрюмо отвѣтилъ оберъ-рунть.

— Говори!..

Змглодѣ приглядѣлся къ барину и молчалъ соображая. Баринъ вскрикнулъ: «Говори!» А это съ нимъ рѣдко когда случалось. И не даромъ «Турка» Высокскій былъ умнѣе всѣхъ другихъ. Онъ тотчасъ понялъ и отвѣтилъ...

— Приказали они сказать, что желаютъ имѣть честь вамъ представиться и засвидѣтельствовать...

— Имя... имя свое, какъ онъ назвалъ? Фамилію свою?..

— Не слыхалъ...—глуho отвѣтилъ догадливый оберъ-рунть.

— Не слыхалъ... не слы-халъ?!.. — протянулъ Аникита Ильичъ и тоже догадался, что Змглодѣ лукавить...

«Почему?»—подумалось ему... И затѣмъ, отчаянно маxнувъ рукой, будто желая отогнать отъ себя грустныя мысли и прекратить свое волненіе, онъ выговорилъ рѣзко...

— Проси сюда...

Аникита Ильичъ сталъ середи кабинета, глядя въ дверь... На порогѣ появился красивый, стройный офицеръ съ привѣтливымъ открытымъ лицомъ, съ добрыми свѣтлыми глазами...

— Имѣю честь представиться въ качествѣ вашего родственника...—началъ онъ наклоняясь.

— А-а? Родственника!!—шепнуль стариkъ, но тѣмъ своимъ шепотомъ, котораго всѣ боялись и который теперь и офицера нѣ сколько озадачилъ.

— Точно такъ-съ... Дальній, но все же...

— Какъ ваша фамилія?..—уже грозно произнесъ стариkъ, и маленькие глаза его вспыхнули, метнули искру...

— Дмитрій Басманъ-Басановъ.

— Что-о?—протянулъ стариkъ, какъ бы грозясь.

Офицеръ слегка смущился.

— Басманъ-Басановъ... Дмитрій... По отцу Андреевичъ,—тише вымолвилъ онъ.—Принадлежу къ той же фамиліи, какъ и вы...

— Басановъ!.. Басановъ!.. Не Басманъ-Басановъ...

— Басманъ-Басановъ...

— Не Басманъ!—вдругъ, наступая на офицера, вскрикнулъ Аникита Ильичъ такимъ голосомъ, что въ приемной комнатѣ, въ кори-

дорѣ и въ канцеляріи все встрепенулось и двинулось, не зная, что лучше—бѣжать къ барину или бѣжать отъ барина, отъ похмелья въ чужомъ пиру!

— Виноватъ-сь, но вы ошибаетесь...—смѣлѣе произнесъ молодой человѣкъ, добродушно улыбаясь.—Я Басманъ-Басановъ. Отецъ моего родителя, а мой, стало быть, дѣдъ, Иванъ Дмитріевичъ, приходился двоюроднымъ вашему покойному родителю Ильѣ Михайловичу. Стало не только я Басманъ... но прихожусь вамъ, какъ внучатый...

Но офицеръ не договорилъ. Старикъ двинулся, обхватилъ его, но не обнялъ, а повисъ на немъ... Ноги его подкосились.

— Помоги... Посади...—прошепталъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ, изумляясь, довелъ старика подъ руку къ креслу.

Аникита Ильичъ опустился на него, какъ пришибленный... Если бы старикъ отъ природы своей умѣлъ плакать, то теперь разрыдался бы на весь домъ.

Онъ поглядѣлъ на офицера, протянулъ къ нему руки, хотѣлъ сказать: «поцѣлуемся», и вдругъ, нечаянно для самого себя, прошепталъ:

— Высокса...

III.

Бывали роковые минуты въ жизни Аникиты Ильича, но такой, казалось, еще никогда не бывало. Голосъ его, крикнувшій «не Басманъ» и всполошившій всѣхъ, всѣмъ доказалъ, что съ бариномъ произошло что-то изрядное, имѣющее огромное значеніе...

Весь домъ, просители, канцеляристы, дежурная дюжина, нахлѣбники, даже нѣмецъ докторъ Веніусъ, случившійся въ квартирѣ князя Никаева,—всѣ узнали и повторяли крикъ барина: «Басановъ! Не Басманъ!».

Но, разумѣется, никто не зналъ, чѣмъ все кончилось. Все въ кабинетѣ барина стало вдругъ тихо на цѣлые полчаса, и весь домъ продолжалъ ждать, чѣмъ все разрѣшится... Одно обстоятельство было удивительно: Пастуховъ, доложившій объ офицерѣ, исчезъ, яко бы пропалъ безъ вѣсти... Нельзя же было предположить, что канцеляристъ присутствуетъ при бесѣдѣ барина съ гостемъ родственникомъ. Никто, конечно, не подозрѣвалъ, что Пастуховъ блѣдный и трепетный сидѣлъ въ комнатѣ около козель съ бревномъ и пилой и бредилъ наяву о солдатствѣ, Сибири...

Между тѣмъ Аникита Ильичъ, быстро оправившись и вполнѣ овладѣвъ собой, снова облобызлся съ нежданнѣмъ дорогимъ гостемъ, заставилъ его себѣ разсказать подробнѣйшимъ образомъ все, что только тотъ зналъ о своемъ дѣдѣ, чтобы убѣдиться, что нѣтъ ошибки... Но ничего подобного быть не могло... Молодой Дмитрій передалъ со словъ своего покойнаго отца, что его дѣдъ имѣлъ двоюроднаго брата, бѣднаго помѣщика гдѣ-то въ трущобѣ, котораго звали

Ильей по отцу Михайловымъ... но что его сыновья, ихъ дальняя родня, нынѣ богачи, владѣльцы огромныхъ желѣзныхъ заводовъ. Отецъ только изъ гордости ни разу за всю жизнь не захотѣлъ явиться въ Высоксу.

Наконецъ, послѣ бесѣды съ Аникитою Ильичемъ, совершенно сраженнымъ, молодой человѣкъ, немало удивленный его видомъ, предъявилъ ему свой полковой отпускъ, гдѣ значился такъ, какъ заявлялъ... Понемногу стариkъ пришелъ совсѣмъ въ себя и сіялъ... Прежде всего, спохватившись, онъ приказалъ, чтобы немедленно вещи родственника перенесены были въ домъ, а двѣ гостиныя внизу отѣлены, и въ нихъ устроено помѣщеніе для неоцѣнимаго гостя-племянника. Затѣмъ онъ послалъ за барышней.

Сусанна, конечно, давно уже знала невѣроятную вѣсть отъ Угрюмовой и не повѣрила, отнеслась такъ же, какъ и стариkъ, говоря:

— Басановъ—просто... Не Басманъ же...

Но вскорѣ явился человѣкъ отъ барина со словами «пожаловать на верхъ спознакомиться съ братцемъ».

— Баринъ приказалъ ту-жъ минуту,—прибавилъ онъ.

Сусанна догадалась и взволновалась. Она быстро оправилась предъ зеркаломъ и двинулась къ дядѣ... Разумѣется, она была встревожена немногимъ менѣе старика... Она сразу поняла, что судьба Высоксы вдругъ выяснилась и опредѣлилась, вполнѣ зависѣла отъ новоявленнаго, какъ снѣгъ на голову, близкаго родственника. А, стало быть, и вся ея будущая жизнь зависѣла теперь отъ этого неиздомаго молодого человѣка...

Когда Сусанна вошла, удидѣла офицера и познакомилась съ нимъ поклономъ, то Аникита Ильичъ воскликнулъ радостно...

— Что вы... что вы... Этакъ-то! Родные, да этакъ. Поцѣлуйтесь... Санна, обними его, поцѣлуй... И вы... и ты... ты, Дмитрій... Цѣлуйтесь...

Санна вспыхнула, молодой человѣкъ смущился настолько, насколько въ его года и будучи офицеромъ смущаться, казалось, было бы даже не мыслимо... Краснѣя они обнялись и расцѣловались.

— Смотри, пожалуй,—сказалъ стариkъ.—Красная девушка заалѣлась. Вонъ ты какого нрава-то. Ну, что же?.. Тѣмъ лучше... Не озорникъ, а степенный.

Въ нѣсколько мгновеній, послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми обмѣнялись Дмитрій и красавица, она уже знала, что за человѣкъ предъ ней...

Въ опредѣлениіи нрава, характера мужчины у Сусанны были вѣрный глазъ, поразительная смѣтка или просто опытъ... Черезъ четверть часа она чувствовала себя внезапно обрадованной, даже счастливой. Ея судьба была рѣшена!.. И она знала, какъ рѣшена! Она знала и видѣла этого молодого человѣка такъ, какъ если бы знала давно или уже прожила съ нимъ годъ. Когда Аникита Ильичъ от-

пустиль племяннику или вѣрнѣе приказалъ уходить и оставить его наединѣ съ «племянникомъ», Санса вернулась къ себѣ радостно сіяющая и бросилась къ Угрюмовой...

— Анна Фавстовна!—воскрикнула она... Вотъ ужъ не слыхано, не видано... И словъ у меня нѣту. Постѣ... Соберусь съ мыслями.. Вотъ ужъ этакого не ждала я... этакого? Да что же это? Чудо что ли какое?.. Или опять навожденіе дьявольское! И вотъ сейчасъ все разсыплется...

Но на вопросы Угрюмовой Сусанна ничего не отвѣтила, задумалась и долго сидѣла не двигаясь съ радостнымъ, почти восторженнымъ выраженіемъ на лицѣ.

Анна Фавстовна глядѣла на нее, разиня ротъ, и думала.

— Неужто же отъ того, что красавецъ... Новый ей отыскался?..

Но наперсница ошибалась... Не отъ лица и статности гостя родственника взволновалась красавица, а отъ того — «что» и «кого» провидѣла и угадала она въ этомъ молодомъ человѣкѣ.

Между тѣмъ Аникита Ильичъ настолько потерялъ отъ радостнаго событія разсудокъ, что и гостя племянника ввель въ недоразумѣніе.

Дмитрій Басановъ объяснилъ ему, что его дочь красавица, но онъ полагалъ ее много моложе.

— Дочь?—удивился старикъ..

Оказалось, что молодой человѣкъ принялъ Сусанну за Дарьюшку, слышавъ приказаніе позвать барышню.

— Гей!—крикнулъ Аникита Ильичъ и приказалъ появившемуся лакею звать немедленно наверхъ «маленькую» барышню...

Когда, дѣйствительно, маленькая, всегда робкая, а теперь совершенно перепуганная Дарьюшка явилась въ кабинетъ, то послѣдовало почти то же...

— Подѣлуйтесь!—приказалъ Аникита Ильичъ...—Дарьюшка, онъ намъ родня. Онъ мнѣ племянникъ. Поняла? Нѣть?..

Молодой человѣкъ, нагибаясь, расцѣловался съ родственницей, но нисколько при этомъ не смущился... Эта маленькая дѣвочка, съ глупо испуганнымъ лицемъ, если и смущила его, то совершенно на иной ладъ. Она поразила его прежде всего своимъ удивительно невзрачнымъ видомъ, малымъ ростомъ, глупымъ лицемъ.

— Ну, ужъ невѣста?!—подумалъ онъ.

Затѣмъ, весь день Аникиты Ильича спутался. Онъ не разставался съ племянникомъ. Пріемъ просителей былъ отмѣненъ, докладъ коллежскаго правителя и завѣдующаго канцеляріей ограничился двумя, тремя важнѣйшими дѣлами, покуда отпущенныій Дмитрій Басановъ переодѣвался... Гулять по саду старикъ тоже не пошелъ...

Къ обѣду старый баринъ явился подъ руку съ молодымъ и представилъ ему всѣхъ присутствующихъ—и свойственниковъ и нахлѣбниковъ. День и прѣѣздъ офицера напомнилъ всѣмъ другой день и

другой пріїздъ... Все было буквальнымъ повторенiemъ того, что видѣли давніе высокіе обыватели лѣтъ десять тому назадъ. Тогда явилась красавица и всѣхъ сразу очаровала, и всѣ почуяли, что она сдѣлается важной личностью въ домѣ. Теперь явился красавецъ, и всѣ также ясно поняли, что ему суждено стать важной личностью въ ближайшемъ будущемъ и еще важнѣйшей въ далекомъ будущемъ...

Какъ былъ радостно настроенъ тогда баринъ, такъ же былъ весель и счастливъ онъ и теперь, пожалуй, даже еще счастливѣе... Причины были разныя... Тогда онъ радовался за себя лично, а теперь за свое дѣтище... Всѣ думали, что дѣтище—Дарьушка. И ошибались. Если бы маленькая барышня вдругъ умерла, то баринъ былъ бы огорченъ на половину... Она, Высокса, все-таки стала бы по закону Басмань-Басановскою.

За обѣдомъ всѣ замѣтили, что Сусанна Юрьевна какъ-то особенно красива. Съ прической ли своей она что вдругъ сдѣлала, или же удивительно измѣнчивое лицо ея преобразилось отъ оживленія и радости.

Даже Аникита Ильичъ замѣтилъ эту перемѣну и подумалъ:

«Не такая она себялюбивая, какъ я полагалъ. Вотъ радуется за меня и за Высоксу!»

Тайная мысль Аникиты Ильича, что судьба сама привела къ нему наслѣдника, мужа для дочери, и что этотъ бракъ дѣло рѣшеное, разумѣется, сообщилась тотчасъ же всѣмъ. Всѣ привѣтливо глядѣли черезъ столъ на гостя офицера, носящаго фамилію барина, и всѣмъ будто казалось, что онъ не сегодня утромъ явился, а уже давно живеть въ Высоксѣ.

Сусанна глядѣла на Дмитрія такъ, какъ если бы тоже его давно знала и любила. Онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, но на ея обычномъ мѣстѣ, около Аникиты Ильича. Гостей на это ея мѣсто никогда не сажали. Убѣженіе, что этотъ молодой человѣкъ будетъ объявленъ женихомъ Дарьушки, не позднѣе, какъ чрезъ нѣсколько дней, а затѣмъ сдѣлается владѣльцемъ всего состоянія, главнымъ лицомъ послѣ старика дяди, то-есть замѣнить ее самоѣ — не печалило Сусанну, а радовало...

— Молодые-то господа нась затрутъ! — сказала ей Угрюмова.

— У меня на это свои мысли! — загадочно отвѣтила на это Сусанна, смѣясь и тщательно прихорашиваясь къ обѣду.

Дарьушка, сидѣвшая около отца и противъ молодого человѣка, была какъ потеряная... Всѣ, глядя на нее, недоумѣвали... Разумѣется, дѣвушка подростокъ тоже поняла, что это женихъ, ея будущій мужъ... Никто, отъ барина до послѣдняго мальчугана буфетчика, этого не сказалъ. А между тѣмъ всѣ это знали, какъ если бы баринъ самъ объявилъ это съ порога зала, какъ когда-то объявилъ о смерти Алексѣя Аникитича.

Громкій и веселый говоръ за обѣдомъ не прекращался. Дмитрій Басановъ говорилъ съ Аникитой Ильичемъ о Петербургѣ и о службѣ въ гвардіи. Старикъ вспоминалъ свое время. Разница оказывалась огромная.

То были послѣдніе годы царствованія «дщери Петровой» и шестимѣсячная «неразбериха» Петра Феодоровича... Теперь кончался уже третій десятокъ лѣтъ славнаго и громкаго «во всемъ свѣтѣ» царствованія «Великой» монархини. За эти тридцать лѣтъ было такъ много пережито россіянами, что молодой Басманъ-Басановъ при иныхъ воспоминаніяхъ, иныхъ вопросахъ старого Басманъ-Басанова, раскрывалъ широко глаза и говорилъ:

— Возможно ли... Вотъ удивительно... Не вы мнѣ это скажи — не повѣрилъ бы.

Аникита Ильичъ смеялся.

— У насть въ казармахъ своя скотина была, коровы, овцы, свиньи... Жены солдатки доили, а ребятишки свиньями и поросятами занимались... А пойдемъ лѣтомъ въ лагерь, а то въ походъ — скотину гонимъ, каждая рота — свою.

— Да, вѣдь это же не полкъ, а цыганскій таборъ! — замѣтилъ Дмитрій...

— Истинно такъ, — отозвался Аникита Ильичъ смеясь. — Такъ вотъ поди... Привычка. Никому на умъ не приходило, покуда Петръ Федоровичъ не ахнулъ на насть и не завель нѣмецкихъ порядковъ...

Среди обѣда, говоря и общаго оживленія со старикомъ вдругъ приключилось что-то... Онъ слегка измѣнился въ лицѣ, оглянувшись на столь страшными глазами и остановилъ ихъ на гостѣ... Молодой человѣкъ, не привыкшій къ дисциплинѣ Высоксы, спросилъ наивно:

— Вамъ нездоровится, дядюшка?

Но онъ не получилъ отвѣта... Все смолкло и замерло за столомъ.. Даже Сусанна тревожно глянула на дядю, изумляясь необычному явленію. А Аникиту Ильича будто ножемъ въ сердце ударила неожданно явившаяся мысль.

«Что же это я? — думалось ему. — Ума рѣшился?!»

Да, случилось нѣчто, что доказывало, что онъ совсѣмъ потерялъ голову. Перемѣнившись въ лицѣ, — настолько смутила его мысль, вдругъ явившаяся въ голову, — старикъ вдругъ зашепталъ, противъ воли, какъ бы теряя самообладаніе. Ударъ былъ слишкомъ силенъ...

— Какъ же это я?.. — шепталъ онъ... — Не вѣроятно... Повѣрить нельзѧ... Никто не повѣритъ.

Онъ поглядѣлъ на Дмитрія и будто вдругъ собрался что-то сказать, но колебался.

«Нельзѧ! Нельзѧ! — проговорилъ онъ мысленно. — Сейчасъ. За столомъ? При всѣхъ? Нельзѧ!»

Однако, продолжать сидѣть за столомъ, ждать еще полчаса было невозможно. Аникита Ильичъ чувствовалъ, что за эти полчаса онъ измучится, истерзается...

«У чертей на сковородѣ легче!»..—подумалъ онъ и вдругъ обратился ко всѣмъ...

— У меня до моего дорогого племянника важнѣюще дѣло... Сидите... А мы съ нимъ выйдемъ въ китайскую, перемолвимся и вернемся... Пойдемъ, Дмитрій Андреевичъ.

И оба встали и двинулись въ гостиную, гдѣ послѣ обѣда всегда подавался десертъ и сладкіе напитки. Сусанна изумленно проводила обоихъ широко открытыми глазами. Она ломала себѣ голову и ничего понять не могла.

Между тѣмъ Аникита Ильичъ, взявъ Дмитрія Басанова подъ руку, вышелъ съ нимъ, столь же взволнованный и тревожный, какимъ былъ при извѣстіи, что предъ нимъ стоитъ «Басманъ», а не просто Басановъ.

Очутившись за дверями, стариикъ выговорилъ:

— Я не скрываюсь... Я на чистоту... А тамъ что Богъ дастъ. И какъ вы... или ты посудишь... Но я еще не спросилъ и не знаю... Будто разумъ у меня сегодня отшибло... Повѣришь, мудрено... Скажи... Мне не терпится знать... Женатъ ты?..

— Холость, дядюшка,—разсмѣялся Дмитрій...

Аникита Ильичъ порывисто обхватилъ молодого человѣка рукой, попѣловался съ нимъ и быстрымъ шагомъ вернулся къ столу, таща его за собой... Лице старика сіяло вновь, но казалось уже восторженнымъ.

— На всякаго мудреца много на свѣтѣ простоты,—заявилъ онъ садясь.—Всякій можетъ обмахнуться, а я, Аникита Басманъ-Басановъ, сегодня съ Дмитріемъ Басманъ-Басановымъ удивительного маxу даль... И вотъ сейчасъ спохватился... Гэй... Подавайте венгерскаго намъ... Выпьемъ за здоровье дорогого гостя.

И весь этотъ день въ домѣ, по выраженію коллежскаго правителя Барабанова, любившаго острить, прошелъ чистымъ «турманомъ».

Баринъ самъ свергълся и другихъ всѣхъ завергъ.

IV.

Дмитрій Басманъ-Басановъ, двадцатипятилѣтній человѣкъ, былъ безспорно красивый и статный молодецъ и вдобавокъ съ явными признаками родовитости. Мундиръ, и притомъ еще блестящій, конечно, красилъ его, но и въ простомъ одѣяніи, хотя бы въ рубахѣ и кафтанѣ крестьянина, онъ бы все-таки сохранилъ въ своей фигурѣ нѣчто особенное, не пріобрѣтаемое ни воспитаньемъ, ни средой, а родовое, наслѣдственное, породистое... Его голосъ и выговоръ, кисти его рукъ и ступни ногъ чуть не маленькия по росту помѣшили бы ему, если бы ради шутки онъ захотѣлъ прослыть за мужицкаго парня. Ряженѣе не скрыло бы расового иаящества.

Нравомъ это былъ крайне беспечный, мягкий и добродушный человѣкъ. Не очень далекий, пожалуй, строго судя, даже простоватый, но воспитаніе и лоскъ среды, въ которой онъ жилъ и вращался съ юношества, скрали недостатокъ ума. Благовоспитанность замѣнила собой многое, чего въ немъ не было.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дмитрій былъ крайне чувствительный и сердечный малый, ласковый и привѣтливый съ низшими, не намѣренно, а невольно, по кротости души.

Въ его характерѣ была одна яркая особенность, даже главная основная черта, которую прозорлива Сусанна увидѣла или угадала тотчасъ... Это было безвзліе, полное, безграничное; болѣе чѣмъ ребяческая податливость; необходимость, даже потребность быть подъ властію, быть руководимымъ. Въ этой господствующей чертѣ характера молодого человѣка былъ отчасти виноватъ его покойный отецъ, крутой деспотъ, съ первыхъ его ребяческихъ лѣтъ сломившій ту волю, которая могла быть въ сынѣ... Андрей Ивановичъ Басановъ носилъ даже прозвище «Грозный».

Когда отецъ умеръ, то молодой человѣкъ почувствовалъ себя совершенно потеряяннымъ среди людей, будто оробѣвшимъ... Онъ былъ уже офицеромъ, а дѣйствовалъ, какъ малый ребенокъ, ибо некому было приказывать ему... Маленькое состояніе, оставшееся послѣ отца и при которомъ онъ могъ бы существовать въ столицѣ и въ гвардіи, быстро растаяло и исчезло... И Дмитрій самъ не зналъ, какъ это случилось... Въ то же время онъ встрѣтился съ пожилой женщиной, дворянкой, вдовой, богатой, молодящейся... Она влюбилась въ него и предложила средства къ жизни. Дмитрій по примѣру нѣкоторыхъ товарищей если не по полку, то по гвардіи, согласился на то, что было въ нравахъ, и низостью для молодого офицера вовсе не считалось.

Разумѣется, сорокалѣтняя вдова замѣнила отца и вполнѣ овладѣла безхарактернымъ добрякомъ. Попавъ подъ вліяніе этой женщины, которая какъ бы закабалила его, Дмитрій этого не замѣтилъ. Послѣ крутого отца всякая зависимость показалась бы свободой. Женщина была только ревнива, но не деспотична. Отецъ всячески держалъ его «въ ежовыхъ рукоицахъ», и молодой малый, которому было уже, наконецъ, двадцать два года, не смѣлъ шагу ступить, безъ объясненія, куда онъ отправляется, зачѣмъ, къ кому и когда вернется. Вмѣстѣ съ тѣмъ мечта отца постоянная и неотступная была одна — женить сына на богатой дѣвушкѣ приданницѣ. И онъ старался всячески отдалять сына отъ женщинъ, чтобы этотъ не увлекся.

Часто заходилъ между отцемъ и сыномъ разговоръ о томъ, что у нихъ есть дальние родственники, страшные богачи, но бхать знакомиться съ ними Андрей Ивановичъ не хотѣлъ. Онъ зналъ отлично все, касавшееся до Высоксы, зналъ, что его троюродный братъ

Савва Ільичъ холость, затѣмъ онъ узналъ, что этотъ родственникъ умеръ, и его часть досталась его родному брату Аникитѣ Ильичу. Онъ зналъ также, что у этого родственника только двое дѣтей, сынъ и дочь... Эта дочь лѣтъ на десять моложе Дмитрія и могла бы современемъ стать его женой. Но отправляясь съ поклономъ къ богачу родственнику онъ пересилить себя не могъ. Состояніе — вотчина въ Тульской губернії — было маленькое, и оба Басманъ-Басановы, и отецъ, имѣвшій място при генералѣ-прокурорѣ, и сынъ гусаръ, перебивались, сводя концы съ концами. Дмитрій самъ не собирался жениться, былъ доволенъ и счастливъ подъ крыльышкомъ отца, какъ когда-то былъ доволенъ, сидя «подъ юбками» своей нянки. Матери онъ не помнилъ, такъ какъ потерялъ ее четырехъ лѣтъ отъ рода.

Неожиданная и внезапная смерть Андрея Ивановича, конечно, подействовала на молодого человѣка потрясающимъ образомъ. Онъ готовъ былъ руки на себя наложить. Онъ не могъ даже представить себѣ, какъ будетъ онъ жить одинъ одинехонекъ, безъ кого либо, надъ нимъ власть имѣющаго.

Но на счастье не прошло и полугода со смерти отца, какъ умная и независимая женщина утѣшила его, спасла... Видя, съ кѣмъ она имѣеть дѣло, она не стала ждать, чтобы онъ рѣшился на что либо... Она сама стала упорно ухаживать за нимъ и быстро, безъ особаго труда, достигла своей цѣли.

Дмитрій вообразилъ себѣ, что онъ увлеченъ, что онъ полюбилъ эту женщину, пожилую, не красивую, но зато дѣйствительно очень умную и очень энергичную.

Она не помыкала имъ, какъ отецъ, но зато также отдалаля его всячески отъ женскаго общества. И тамъ, гдѣ могла оказаться соперница, онъ шагу не смѣлъ ступить безъ нея. И онъ былъ опять доволенъ, не чувствовалъ себя потеряннымъ среди чужихъ людей.

Если бы не катастрофа и неожиданная смерть этой женщины, то нѣть сомнѣнія, что она кончила бы тѣмъ, что женила бы его на себѣ...

Оставшись снова одинъ на свѣтѣ, но и снова безъ средствъ, Дмитрій пришелъ въ мрачное отчаяніе. Онъ былъ убитъ и настолько, насколько могъ быть убитъ по безпечности и добродушию своего нрава. Онъ сталъ собираться въ монахи, къ великому удивленію товарищѣй и знакомыхъ. Однако, нежданно чужой человѣкъ, старикъ умный, добрый, вмѣшался въ его судьбу.

Статскій совѣтникъ Завадскій, котораго Дмитрій никогда въ глаза не видаль, вызвалъ его къ себѣ и разспросилъ... Узнавъ все до него касающееся, онъ спросилъ молодого человѣка, знаетъ ли онъ своего однофамильца Басманъ-Басанова, богача заводчика. Дмитрій отвѣтилъ, что это его родственникъ, но дальний, и что онъ его не знаетъ,

такъ какъ его отецъ и даже дѣдъ не знались съ нимъ изъ чувства извѣстной гордости.

Завадскій передалъ Дмитрію послѣднюю новость про своего бывшаго товарища по полку, то-есть, что узнать изъ письма къ нему самого Аникиты Ильича... смерть единственнаго сына и наслѣдника и желаніе скорѣе выдать дочь, наслѣдницу всего состоянія, замужъ, за порядочнаго молодого человѣка... пожалуй, за сына своего товарища.

Завадскій, разсказавъ про это, объяснилъ, что дѣтей у него нѣтъ, а что когда онъ прослыпалъ про гусара Басманъ-Басанова, то ему пришло на умъ... Почему старикъ заводчикъ не хочетъ въ зятья однофамильца и даже, быть можетъ, родственника? Быть можетъ, онъ даже не знаетъ о существованіи гусара.

Разумѣется, Завадскій убѣдилъ Дмитрія тотчасъ собраться къ родственнику...

— Попытка не пытка,—сказалъ онъ,—спрось не бѣда! Почемъ знать, чего не знаешь?

Такъ какъ молодого человѣка было не мудрено убѣдить въ чемъ бы то ни было, то, разумѣется, чрезъ недѣлю Дмитрій уже выѣхалъ изъ Петербурга къ троюродному дядѣ на поклонъ, точно такъ же, какъ когда-то собралась и Сусанна Касаткина.

И случилось желанное... Какъ красавица дѣвушка, внучка, такъ и красавецъ гусарь, племянникъ, были радостно, почти восторженно приняты старикомъ Басановымъ, хотя и по двумъ совершенно различнымъ причинамъ. И если Сусанна когда-то не была удивлена своимъ успѣхомъ, то Дмитрій самъ себѣ не вѣрилъ, видя, какой переполохъ произвело его появленіе.

Разумѣется, собираясь къ старому дядѣ, у которого послѣ смерти сына была богатѣйшая наслѣдница дочь, онъ очень мало надѣялся на успѣхъ. Если бы не убѣжденія нежданнаго благопріятеля Завадскаго, то, конечно, онъ не собрался бы вовсе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы дядя этотъ принялъ его холодно и негостепріимно, то онъ быстро уѣхалъ бы по легкомыслію... Но приемъ, оказанный ему, превзошелъ ожиданія, и Дмитрій былъ даже озадаченъ.

Первый день, проведенный имъ въ Высокосѣ, показался ему безъ конца, такъ много впечатлѣній пришлось испытать...

Три главныи личности поразили его... Самъ хозяинъ, стариkъ, показался ему добрымъ и глупымъ... совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ говоривалъ, судя по слухамъ, его отецъ... Дмитрій, конечно, не зналъ, что нежданная радость обрѣсти жениха для дочери, однофамильца, сдѣлала вдругъ Аникиту Ильича добрымъ, и эта радость, внезапно свалившаяся на голову, такъ смутила его, такъ огорошила, что, пожалуй, дѣйствительно сдѣлала его на одинъ день будто глупымъ. Не даромъ же нѣсколько часовъ спорядъ мысленно ликовалъ онъ, что отдастъ Высокосу Басманъ-Басанову, и разспрашивая, толкуя о

всякихъ пустякахъ, не подумалъ спросить, женатъ или холостъ — новоявленный родственникъ.

Сусанна особенно и необъяснимо поразила Дмитрія. Цѣлыхъ полчаса времени предполагалъ онъ, по недоразумѣнію, что она дочь и наслѣдница всего... И эта ошибка, продолжавшаяся хотя и не долго, однако оставила свой слѣдъ. Теперь онъ жалѣлъ, что ошибся, что эта красавица только племянница Аникиты Ильича... За обѣдомъ, сидя около нея и разговаривая съ ней, онъ каждый разъ опускалъ глаза, когда взоры ихъ встрѣчались... Каждый разъ, что эта женщина взглядала ему въ лице, онъ смущался, какъ юноша...

— Ухъ, какая она... — думалось ему. И почему онъ, офицеръ, гусаръ, столичный житель и щеголь, выдавшій женщинъ и красавицъ... все-таки такую будто еще никогда не видалъ. Видно, въ глухи и трущобахъ водится такое, чего нѣть въ столицахъ.

Дмитрій не бралъ, конечно, въ расчетъ, что по милости отца и ревнивицы онъ при своихъ двадцати пяти годахъ видаль женшинъ только издали, а близко сошелся лишь съ двумя: при жизни отца — съ нѣмочкой, глупой и рыжеватой, продававшей сливочное масло и простокващу въ Большой Морской, а по смерти отца со своей сорокалѣтней ревнивицей, которая приказала любить себя. Какъ всѣ наивные и неопытные люди, онъ вдобавокъ не замѣчалъ или не понялъ, что эта красавица родственница съ первой же минуты поставила себѣ цѣлью увлечь его.

И Дмитрій дивился про себя, какъ быстро и сильно все сильнѣе съ каждымъ часомъ нравится ему эта родственница. Помимо ея прекрасного лица, какихъ-то лучей въ лицѣ этомъ, будто освѣщаемомъ огнемъ чудныхъ глазъ, было въ ней еще что-то, для него обаятельное, чарующее... Это было — ея власть надъ нимъ, сразу возникшая, сразу сказавшаяся. Съ первого же мгновенія покорила она и взяла его, а онъ отдался. Невидимо, непонятно, необъяснимо, но ощутительно для нихъ обоихъ.

Разумѣется, безхарактерный и увлекающійся молодой человѣкъ быль бы способенъ даже бросить помыслы о богатой невѣстѣ и увезти отсюда жену... не Дарьушку, а Сусанну. Но она, Сусанна, рѣшила иное... Она сразу увидѣла, что можетъ сдѣлать съ нимъ все, что захочетъ... И она рѣшила теперь, что онъ будетъ мужемъ Дарьушки, а ей замѣнить покойнаго Алешу... А тамъ... послѣ?.. Авось они переживутъ «старую Киту!» А когда переживутъ, и онъ, Дмитрій, станеть хозяиномъ Высоксы... тогда... тогда видно будетъ!..

V.

На слѣдующій день, сороковой день поминовенія усопшаго молодого барина, вся Высокса рано поднялась на ноги.

Всѣ заводы были закрыты. Въ домѣ потушили громадныя печи, гдѣ пережигалась руда, и выливался, плавился чугунъ.

Въ десять часовъ около дюжины экипажей появились у подъѣзда—для барина «съ бариномъ», для двухъ барышень, для родни барина и для всѣхъ нахлѣбниковъ изъ дворянъ. И пѣлый поѣздъ двинулся въ храмъ, хотя до него было всего сажень триста разстоянія...

Вокругъ храма была съ ранняго утра густая толпа крестьянъ и заводскихъ. Аникита Ильичъ въ открытой коляскѣ, выписанной изъ-за границы, сидя рядомъ съ племянникомъ, который былъ въ полной парадной формѣ, доѣхалъ отъ дома до церкви шагомъ, среди моря головъ, обнаженныхъ и кланяющихся при его проѣздѣ.

Служба длилась долго... Но все, что было въ церкви отъ барина Аникиты Ильича и до послѣдняго мальчишки рабочаго съ завода—смотрѣло не печально...

Что-то случилось...

Случилось то, что всѣ думали и были заняты мыслями не объ усопшемъ молодомъ баринѣ, а о новомъ молодомъ баринѣ. Всѣ чуяли, что одинъ замѣнилъ другого.

Заупокойная служба и вся обстановка въ храмѣ все было такъ же торжественно, какъ когда-то при похоронахъ.

Но къ торжественности этого сорокового дня примѣщалось нѣчто особенное, что всѣ ощущали. Не было печали, гореванія... Всѣ и все смотрѣло если не весело, то бодро, оживленнѣе, чѣмъ подобало... Довольный видъ старого барина, должно быть, подѣйствовалъ на всѣхъ. А фигура красавца въ сияющемъ мундирѣ, «племянникъ» барина подѣйствовали на толпу, какъ могло бы подѣйствовать какое либо нежданное чудо, «воочію» приключившееся.

Это первое появленіе Дмитрія при народѣ въ послѣдній день поминокъ по усопшемъ, замѣна одного молодого Басмань-Басанова другимъ Басмань-Басановымъ именно въ этотъ день, именно въ храмѣ—было замѣчено и суевѣрно истолковано всѣми отъ господъ до крестьянъ.

Дмитрій стоялъ около дяди. Господское мѣсто было за правымъ клиросомъ, на одну большую ступень выше пола, а возвышеніе было обнесено бѣлой съ позолотою балюстрадой, обитой свѣтлозеленымъ сукномъ. На полу былъ разостланъ темный персидскій коверъ. Старый баринъ стоялъ всегда одинъ сзади своихъ и еще одной маленькой ступенькой выше ихъ, на особомъ коврикѣ и былъ поэтому видимъ всѣми чуть не по поясъ.

На этотъ разъ впереди мѣста стали, какъ всегда, двѣ барышни, одна высокая и стройная красавица, другая маленькая и невзрачная толстушка... Съ ними всегда бывало становился покойникъ Алексѣй. Теперь же не съ ними, а рядомъ съ дядей и ступенькой выше ихъ, стоялъ новоявленный Басановъ.

Что хотѣлъ этимъ сказать Аникита Ильичъ, его рабы поняли тотчасъ... Только намѣстника, въ его прїезды, ставилъ онъ около себя, да и то шутилъ потомъ:

— Приказать старостѣ господское мѣсто въ храмѣ уксусомъ съ мятої окурить, чтобы подьячимъ не отдавало!

Налѣво противъ этого мѣста было такое же возвышеніе, большее, обитое темнымъ сукномъ и огороженное темной балюстрадой, гдѣ становились только свойственники барина. За этимъ вторымъ возвышеніемъ въ глубинѣ церкви было третье, самое просторное, для нахлѣбниковъ дворянъ и для семьи Ильева. Такимъ образомъ Бобрищева и князь Никаевъ съ дѣтьми бывали и въ храмѣ отличены отъ простыхъ приживальщиковъ, хотя и дворянъ.

Но въ этотъ сороковой день случилось нѣчго особое... Если направо всѣхъ удивлялъ новый молодой баринъ, около старого барина, то налѣво—была другая диковина... Вся семья Ильева, за исключеніемъ его самого, ушедшаго на богомолье, его жена и сестра, его два сына, Егоръ и Михайло, и двѣ дочери, Алла и Лукерья... впервые стали на этомъ мѣстѣ съ его свойственниками. Баринъ наканунѣ приказалъ... Призналъ ли наконецъ Аникита Ильичъ своихъ «боковыхъ» за настоящую родню? Или иное что приключилось?.. Одна Сусанна, изумленная, догадалась и мысленно пошутила:

— Неужели Алла Васильевна на это мѣсто со всей семьей прішла... по винтушкѣ!

Наконецъ, уже предъ полуднемъ всѣ вернулись изъ храма, но не разошлись по своимъ комнатамъ. Одинъ лишь баринъ прошелъ къ себѣ на верхъ подписать двѣ спѣшныя бумаги, одну въ Петербургъ, другую въ Нижній-Новгородъ богачу купцу. Онъ начиналъ съ нимъ «большое дѣло»—поставку чугуна и листового желѣза въ цѣлый край, пріобрѣтенный и созданный великой царицей—въ Новороссію.

Всѣ понемногу собирались въ большой залѣ, гдѣ уже былъ накрытъ длинный столъ «покоемъ» человѣкъ на сто... Это была поминальная сороковая трапеза по усопшемъ. Ради этого особаго случая не только всѣ приживальщики изъ мѣщанъ, никогда не допускавшіеся за барскій столъ, но даже нѣкоторыя личности, не смѣвшія садиться при баринѣ, его крѣпостные люди, были сегодня позваны къ столу помянуть раба Божія Алексѣя.

Поэтому Барабановъ съ двумя своими главными «коллежскими товарищами» и завѣдующій канцеляріей Пастуховъ, а съ нимъ и оберъ-рунть Денисъ Ивановичъ Змглодъ и многіе другіе, никогда не бывавшіе за столомъ барина, какъ Анна Фавстовна, няня Дарьушки—Матвѣевна, и наконецъ дѣячки и пономари обѣихъ высокскихъ церквей, даже просвирня, даже случайно, въ очередь, дежурившій въ этотъ день «дюжинный» простой дворовой... всѣ попали за барскій столъ.

— День изрядный въ семьѣ моей,—сказалъ наканунѣ Аникита Ильичъ.—И на сей день всѣ мы яко бы станемъ равны предъ лицемъ людей, какъ по священному писанію мы всѣ равны предъ лицомъ Господа!..

Разумѣется, всѣ, никогда не бывавшіе за столомъ барина, должны были размѣститься на двухъ концахъ «покоя» и, конечно, не держать разговаривать промежъ себя. Ровно въ полдень залъ уже былъ полонъ, и явившіеся ожидали появленія господь, держась отдѣльными кучками...

Семья князя Никаева или майоръ Константиновъ или старая дѣвицы Тотолмины, какъ дворянки, и даже Ильевы, какъ побочные родственники, не могли здѣсь мѣшаться съ семьей крѣпостнаго Барабанова, а тѣмъ паче съ нѣкоторыми другими приглашенными и допущенными... Только одна Угрюмова въ качествѣ чиновницы и любимицы барышни стояла около Бобрищевой, самой гордой изъ всѣхъ приживалокъ. Она гордилась и своимъ древнимъ родомъ и тѣмъ, что ея сестра, хотя и была «отвергнута» мужемъ и пострижена, а все-таки была когда-то барыней хозяйкой въ Высоксѣ.

Густая толпа собралась на площади между домомъ, коллегией и домной; здѣсь всѣмъ предполагалось подносить стаканъ вина и кусокъ пирога.

Около половины первого мальчуганъ Фунька пронесся стрѣлой съ верху во второй этажъ, чуть не сбивая съ ногъ сновавшихъ гостей и служителей. Забѣжалъ въ комнаты барышни, гдѣ сидѣли въ ожиданіи и Дмитрій и Дарьушка, онъ шепнуль съ порога:

— Баринъ!

Но этотъ обычный Фунькинъ шопотъ можно было, казалось, разслышать за версту. А въ залѣ одно его молнievидное появленіе уже сказало: «баринъ», и заставило всѣхъ оправиться... даже духовенство.

Новый высокскій гость и обѣ барышни вышли въ залъ. Сусанна подошла говорить съ Бобрищевой, а Дмитрій удивилъ всѣхъ, подойдя подъ благословеніе не только отца Гавріила, но равно и «проволочнаго батьки» отца Григорія.

Минутъ чрезъ пять появился самъ баринъ... Всѣ сѣли за столъ. Поминальный обѣдъ начался тихо... Никто почти не разговаривалъ или обмѣнивался двумя-тремя словами въ полголоса и даже шепотомъ... Слышался только легкій лязгъ приборовъ о посуду, да мягкие спѣшные шаги служившихъ лакеевъ.

Въ половинѣ обѣда люди разлили всѣмъ венгерское и донское, смотря кому... По знаку Аникиты Ильича все духовенство, священники, дьяконы, дьячки и пономари, сидѣвшіе вмѣстѣ, но по старшинству на лѣвой половинѣ «покоя», всѣ сразу поднялись съ мѣстъ... Въ ту же минуту изъ дверей показались шеренгой по два въ рядъ пѣвчіе... Они прошли и выстроились за духовенствомъ...

По второму знаку барина, всѣ безъ исключенія, но кромѣ Дмитрія и двухъ барышень, тоже поднялись и стали у стола. Оглянувшись стоявшихъ съ своего мѣста и какъ бы удостовѣряясь, что все въ порядкѣ, Аникита Ильичъ взялъ въ руки бокаль съ венгерскимъ,

и все послѣдовали его примѣру. Снова окинувъ столъ, суровымъ взоромъ старикъ глянулъ на Дмитрія, Сусанну и дочь... Когда они встали, онъ не спѣша послѣдовалъ ихъ примѣру. Въ залѣ воцарила мертвая тишина. Все были на ногахъ, кругомъ стола съ бокалами въ рукахъ. Служившіе люди тоже стали смирно тамъ и такъ, какъ были застигнуты, кто съ блюдомъ, кто съ бутылкой или приборомъ... Аникита Ильичъ произнесъ торжественно:

— Упокой Господи душу раба твоего, болярина Алексія.

Дарьушка заплакала и тотчасъ разрыдалась, но никто этого не замѣтилъ, ибо не слыхалъ, такъ какъ сразу звучно и громогласно грянула хоръ пѣвчихъ, которому вторило и духовенство, а равно и все присутствующіе, кромѣ женщинъ. Аникита Ильичъ пѣлъ сурово и фальшиво, но зато громко, пересиливая иногда самого Тараса, заливавшагося соловьемъ.

«Со Святыми упокой» огласило весь домъ, а чрезъ отворенные окна долетѣло и до улицы, где толпа стоящаго народа поснимала шапки и начала креститься. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, все искренно въ эту минуту поминали мысленно молодого барина, которого любили... Въ домѣ одна «маленькая» барышня плакала по братѣ. Самъ баринъ былъ только хмуръ. Зато барышня очевидно думала о другомъ. Покуда гремѣлъ хоръ, она два раза посмотрѣла и перевела глаза съ одного лица на другое... Съ пѣвчаго, стоявшаго впереди другихъ, около регента, на молодого гусара, стоявшаго около нея... и съ него, Дмитрія, снова на Тараса...

Затѣмъ она едва замѣтно улыбнулась и подумала:

— Спасибо, не поспѣшила... А запоздай онъ... Было бы теперь... Бѣда не бѣда, а глупство!

Хоръ смолкъ, и все отпили изъ бокаловъ. И среди снова наступившей тишины снова раздался суровый голосъ барина.

— И сотвори ему вѣчную память!—протянулъ Аникита Ильичъ...

— «Вѣчная память, Вѣчна-ая па-а-мять»...—подхватилъ и повторялъ хоръ пѣвчихъ уже безъ вторы присутствующихъ, и тянула концертомъ, на все лады съ переливами, то едва слышно, то гремя на весь домъ.

Затѣмъ все снова сѣли за столъ, и подъ вліяніемъ ли крѣпкаго, быть можетъ, столѣтнаго напитка «изъ запаса Саввы Ильича» или по примѣру самого барина столъ оживился, бесѣда завязалась всюду, кромѣ концовъ «покоя», где заранѣе было указано «знати честь».

Однако и на концѣ праваго крыла обѣденнаго стола былъ нарушенъ приказъ барина. Оберъ-рунть, уже давно глядѣвшій чрезъ столъ на Аллу Ильеву, вдругъ сказалъ что-то... Аникита Ильичъ услыхалъ его голосъ и, обернувшись въ его сторону, грозно поглядѣлъ на него, а потомъ по направленію его взгляда.

Змглодѣй глядѣлъ на Аллинью... И странными глазами глядѣлъ

онъ!.. Никогда Аникита Ильичъ не замѣчалъ у своего полицмейстера такого выраженія и лица и взора... И что-то будто кольнуло старика... Онъ и удивился и озлобился.

— Краше въ гробъ кладутъ, — вдругъ достигли до его слуха повторенныя Змглодомъ слова.

— Молчать!—грозно раздалось на всю залу. Всѣ встрепенулись и двинулись... Протопопъ отецъ Гавріилъ, неспій въ ротъ кусокъ судака, вздрогнулъ и выронилъ вилку на тарелку. Бесѣдовавшіе, принявъ въ первое мгновеніе это воскликаніе барина всякой на себя и убѣдясь, что оно относится къ «Туркѣ», оправились и вздохнули свободнѣ...

Но все смолкнувшее все-таки притихло совсѣмъ, такъ какъ лицо барина стало другое, чѣмъ за минуту назадъ, когда онъ подпѣвалъ пѣвчимъ и духовенству.

Лице же Дениса Ивановича, на которое всѣ невольно глянули, не стало смущеннѣ или смирененнѣ... Напротивъ, Змглодъ озлобленно исподлобья глядѣлъ на всѣхъ.

Между тѣмъ, Аникита Ильичъ старался овладѣть собой, тѣмъ волненіемъ, которое сказалось въ немъ, и отъ странного взгляда Змглода на Аллу и глупыхъ словъ его. И безъ того для старика заплаканное лицо глупой дѣвочки было занозой въ сердцѣ. А этотъ «Турка» нашѣть время сказать свои дурацкія слова? И какъ глядѣлъ онъ на нее... Въ старай будто противъ воли проснулось чутье, и закопошилось какое-то чувство, ему почти незнакомое... Ревность?!.. Къ своему рабу? Къ хаму?!. Хотя и вольному, не русскому даже подданному, но все-таки его рабу... котораго, если онъ захочетъ, то можетъ тотчасъ стереть съ лица земли...

И только подъ конецъ обѣда вполнѣ успокоился старай и снова, милостиво оглядывая столъ и гостей, привѣтливо разговаривая съ Дмитріемъ. Наконецъ всѣ поднялись и откланялись барину. Близкіе прошли за нимъ въ Китайскую гостиную. Здѣсь говоръ и оживленіе усилились.

Конечно, въ эту Китайскую были допущены только родня и нахѣбники дворяне.

Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ же сѣсть около Сусанны, но она тихо шепнула ему.

— Дмитрій Андреевичъ, обойдитесь ласково съ нашими старухами, да, пожалуй, со всѣми приживающими. Они васъ всѣ превознесутъ за ласку, а молодому человѣку оно на пользу.

Разумѣется, Дмитрій тотчасъ исполнилъ совѣтъ, какъ приказаніе, и отправился любезничать со всѣми, переходя по очереди отъ одного къ другому. Бобрищева и докторъ Веніусъ были тотчасъ очарованы имъ. Двѣ старыя дѣвицы, Клавдія и Людмила Саввишны Тотолмины, были совершенно околдованы. Только Ильевы и Никаевы не растаяли отъ любезностей офицера. Алла глядѣла на него равнодушно и, какъ

бывало всегда за послѣднее время, уныло... Что касается до молодого князя Давыда Никаева, то онъ отнесся къ новоявленному Басманъ-Басанову вполнѣ непріязненно.

Молодой человѣкъ, красивый брюнетъ съ пробивающимся чернымъ пушкомъ на губѣ и подбородкѣ, не начавшій еще бриться по дворянскому обычаю, былъ странный малый, простоватый на видъ, а въ дѣйствительности очень умный, отчасти лукавый и скрытный и далеко не робкій... Онъ не стѣсняясь показывалъ теперь Царьюшкѣ, сидѣвшей около Сусанны на диванѣ, что ему этотъ новый любимецъ ея отца — не указъ.

Однако, молодой человѣкъ былъ сильно смущенъ за эти два дня... Уже давно глухо, боязливо, намеками, а все-таки бѣгала молва въ Высоксѣ, что Аникита Ильичъ не прочь бы женить Давыда на своей дочери, испросивъ на это, конечно, разрѣшеніе святѣйшаго синода. При жизни Алексія это было неважнымъ событиемъ, но когда Царьюшка вдругъ стала единственной наследницей всего состоянія, ея замужество за князя Никаева стало вопросомъ первѣйшей важности.

— Стало быть, мы и все будеть въ рукахъ у «Давыдки», — думалось всѣмъ въ Высоксѣ.

И со дня смерти Алексія молодой человѣкъ сталъ сдержаннѣе, горделивѣе, сталъ мечтать... что вотъ не нынче - завтра Аникита Ильичъ призоветъ его на верхъ... И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, или вѣрнѣе какъ бы громъ грянуль съ небесъ на голову Давыда... Явился офицеръ, родственникъ, красавецъ, и очаровалъ и Аникиту Ильича, и Сусанну Юрьевну, и всѣхъ... А эти всѣ стали на него, Давыда, поглядывать совсѣмъ иначе, даже, казалось, ухмыляются насмѣшиво.

Дмитрій замѣтилъ въ юномъ князѣ какую-то сухость въ обращеніи, удивился, а потомъ догадался. «Эхъ, голубчикъ, — подумалъ онъ. — Не сталъ бы я, право, отбивать у тебя твою карлицу, если бы вотъ «она» одно словечко сказала»...

Она была, конечно, Сусанна.

И Дмитрій самъ бытъ озадаченъ собственными помыслами и ощущеніями. Не минуло еще двухъ сутокъ, что онъ былъ въ Высоксѣ, только три раза бесѣдоватъ онъ съ Сусанной и уже очутился въ полной ея власти...

— Что за притча? — тревожно спрашивалъ онъ самъ себя. — Ужъ больно скоро она меня окрутила.

И трудно было бы рѣшить, что именно было причиной...

Басановъ, Андрей Ивановичъ, и затѣмъ пожилая ревнивица-сожительница, несолько лѣтъ отстранявшіе молодого человѣка отъ всѣхъ женщинъ, были что-ль виновны? Не только красавицъ писаныхъ, но и просто молодыхъ женщинъ видать онъ только издали и о чарахъ кокетства понятія не имѣлъ.

Или же Сусанна Юрьевна была и впрямь, какъ выразился про нее докторъ Веніусъ, «жемчужина въ навозѣ»? Не даромъ же петербургскій баловень судьбы графъ Мамонинъ влюбился въ нее когда-то и, если бы она не сдалась опрометчиво, то, можетъ быть, и женился бы на ней. А здѣсь, въ Высоксѣ, кто могъ сказать ей: «что она? какая ей цѣнѣ?» Побывай она въ столицахъ и въ высшемъ обществѣ, то, быть можетъ, сама бы узнала правду и ахнула... Ахнула бы такъ же, какъ «Царевна Красота» въ сказкѣ, когда уви-дѣла въ ручье диво дивное, а затѣмъ узнала, что диво это—она же!

Разумѣется, иногда подобныя мысли приходили въ голову Санны. Иарьда гости въ Высоксѣ укрѣпляли въ ней убѣжденіе, что она жемчужина, зарытая въ землю, затерянная, видимая и оцѣниваемая людьми... одной Высоксы.

Одинъ гостившій у нихъ морякъ, пріѣзжавшій съ казеннымъ заказомъ, человѣкъ еще молодой, но путешествовавшій кругомъ свѣта,увѣрялъ ее, что, на его глаза, она самая красивая женщина изъ всѣхъ, какихъ онъ видалъ... И онъ говорилъ это просто, спо-койно, холодно... Онъ же сказалъ, что она «подобна лицемъ и повад-кою баядеркамъ». А что такое «баядерка», онъ разъяснилъ туманно...

Дмитрій теперь находилъ тоже, что въ Сусаннѣ есть что-то осо-бенное, неуловимое и невыразимое, помимо красоты. Онъ находилъ и въ лицѣ ея и во всемъ тѣлѣ ту диковинную особенность, что она кажется всегда не то сонной, не то усталой, не то облѣнившейся... покуда не глянешь ей въ глаза!.. Въ чудныхъ глазахъ горить та-кой огонь, пышеть такое пламя, что эта лѣнь всего тѣла только пуще дивить, но колдуетъ, чаруетъ, манитъ...

И это было вѣрно...

Высокая, стройная, но немного узкая въ плечахъ, Санна дви-галась и ходила медленно, плавно, но слегка раскачиваясь, будто отъ лѣни или устали. Она никогда не садилась, какъ всѣ, а без-сильно опускалась, опираясь, полулежа, на столъ или мебель, или опрокидывалась на спинку сидѣнья, какъ разслабленная... Но взоръ при этомъ горѣлъ, вспыхивалъ, сверкалъ... А если на мгновеніе взоръ потухалъ, когда она глубоко задумывалась, то еще ярче и пламеннѣе зажигаясь, опять жегъ и человѣка, говоря ему... говоря то, чего словами не передать!.. И теперь каждый разъ, что Сусанна полулежа въ креслѣ или на диванѣ, взглядала такъ на Дмитрія, онъ начиналъ волноваться и мысленно повторялъ:

— Чудно это? Мурашки по спинѣ бѣгаютъ отъ нея!

Иногда же онъ будто читалъ въ ея глазахъ такъ ясно, какъ если-бѣ она сама говорила:

— Какъ знаешь... За тобой дѣло...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Графъ Саліасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ¹⁾.

(1766—1820).

IX.

Устро́йство Александровского дворца въ Царскомъ Селѣ для великаго князя Александра Павловича.—Заботы о великомъ князѣ императрицы Екатерины.—Жизнь при дворѣ.—Посѣщеніе великокняжеской четы императрицей.—Немилость великаго князя Александра къ гр. Головиной.—Скорбь великой княгини.—Княгиня Радзивиль.—Рожденіе великаго князя Николая Павловича.—Гибель Екатерины на великаго князя Константина Павловича.—Слабость здоровья императрицы, ея предчувствія близкой кончины.

ЕЛИКІЙ князь Александръ Павловичъ со своимъ дворомъ перебѣхалъ 12-го іюня въ Александровскій дворецъ, выстроенный императрицей для своего внука. Онъ былъ очень красивъ и расположень передъ большимъ правильнымъ садомъ, примыкавшимъ къ английскому саду. Подъ окнами великой княгини находился цвѣтникъ, окруженный желѣзной рѣшеткой съ калиткой, черезъ которую она входила въ свои апартаменты. Нѣсколькими днями раньше перебѣза императрица подозвала меня (это было на одномъ изъ маленькихъ воскресныхъ баловъ) и сказала: «Будьте добры сказать вашему мужу, чтобы онъ размѣстилъ мебель въ Александровскомъ дворцѣ: онъ совершенно готовъ. Я желала бы уже видѣть великаго князя устроеннымъ со всѣмъ его дворомъ въ новомъ помѣщеніи. Выбе-

¹⁾ Продолженіе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 801.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТИКЪ», АПРѢЛЬ, 1899 г., т. LXXVI.

рите для себя апартаментъ, который найдете наиболѣе пріятнымъ и наиболѣе близкимъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ. Надѣюсь, что она мною довольна; я дѣлаю все возможное, чтобы ей понравиться; я ей отдала самаго красиваго молодого человѣка во всей имперіи». Ея величество остановилась на минуту и затѣмъ прибавила: «Вы видите ихъ постоянно; скажите мнѣ, дѣйствительно ли они любятъ другъ друга, и довольны ли они другъ другомъ». Я отвѣтила истинную правду, что они казались счастливыми: тогда они еще были счастливы, сколько могли. Императрица положила свою прекрасную руку на мою и сказала съ волненiemъ, растрогавшимъ меня: «Я знаю, графиня, что вы не созданы для разрушения семейнаго счастья. Я все видѣла, я знаю больше, чѣмъ это думаютъ; поэтому мое благоволеніе къ вамъ неизмѣнно». «Ваше величество,—отвѣтила я,—то, что вы мнѣ сейчасъ сказали, дороже для меня всѣхъ драгоцѣнностей міра, и я клянусь всю свою жизнь употребить на то, чтобы заслужить это мнѣніе, которое для меня дороже жизни». Я поцѣловала ея руку, а она встала, говоря: «Я оставляю васъ, мы слишкомъ хорошо понимаемъ другъ друга, чтобы устраивать изъ этого зѣлицѣ». Князь Алексѣй Куракинъ¹⁾, стоявшій напротивъ насъ во время этого разговора, подошелъ пригласить меня на польскій. «Ясно, кузина, что къ вамъ милостиво относятся», сказалъ онъ. Я ничего не отвѣчала: я была такъ растрогана, что съ трудомъ понимала, что онъ мнѣ говорилъ. Я передала моему мужу приказъ ея величества, онъ сейчасъ же распорядился все устроить. Черезъ три дня мы уже были въ нашемъ новомъ жилищѣ.

Я позволяю себѣ помѣстить здѣсь одно размыщеніе. Клеветникамъ удалось убѣдить нѣсколькихъ презрѣнныхъ людей, способныхъ повѣрить злу, что императрица Екатерина поощряла страсть Зубова къ великой княгинѣ Елисаветѣ... Разговоръ, приведенный мною и происходившій 9-го іюня 1796 года, мнѣ кажется достаточнымъ, чтобы опровергнуть эту ужасную ложь. Я скажу больше: императрица сама говорила съ Зубовымъ въ концѣ 1795 года по поводу его недостойнаго чувства къ великой княгинѣ и заставила его всецѣло измѣнить свое поведеніе. Когда мы вернулись въ Царское Село, не было и помину ни о прогулкахъ, ни о взглядахъ, ни о вздохахъ. Графиня Шувалова осталась на нѣкоторое время въ праздности. Мы ее называли тогда *impressario in Augustino* (директоръ въ замѣшательствѣ) — название одной комической оперы Чимарозы.

¹⁾ Кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (род. 1759, † 1829), впослѣдствіи генераль-прокуроръ при Павлѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I. Подобно брату своему, кн. Александру Борисовичу, онъ находился въ опалѣ, какъ племянникъ Никиты Ив. Панина, пользовавшійся расположениемъ великаго князя Павла Петровича.

Великий князь и великая княгиня были очень довольны своим дворцомъ; мои апартаменты были надъ апартаментами великой княгини и, находясь посрединѣ зданія, выдавались полукругомъ. Она могла разговаривать со мной, стоя у послѣдняго окна передъ угломъ. Однажды послѣ обѣда мы забавлялись этимъ, она сидѣла у своего окна, а я у своего, и мы долго бесѣдовали. Въ это время великий князь и мой мужъ играли на скрипкѣ въ моей гостиной. Тогда между всѣми нами еще господствовала гармонія. Черезъ нѣсколько недѣль картина перемѣнилась: великий князь сталъ неразлученъ со своими новыми друзьями; великая княгиня Анна каждое утро приходила за великой княгиней Елизаветой, чтобы идти гулять въ садъ. Я гуляла съ графиней Толстой, апартаменты которой были рядомъ съ моими; она получила въ этомъ году разрѣшеніе бывать на вечерахъ у императрицы. Великий князь становился съ каждымъ днемъ все холоднѣе ко мнѣ, князья Чарторыйскіе почти не посѣщали меня, чувства князя Адама занимали всѣхъ, но братъ Константинъ влюбился въ великую княгиню Анну, которой онъ нравился. Эта смѣсь кокетства, романовъ и заблужденійставили великую княгиню Елизавету въ ужасное и затруднительное положеніе: она замѣчала перемѣну въ своемъ мужѣ, ей приходилось каждый вечеръ встрѣтить въ своемъ домѣ человѣка, повидимому, любившаго ее, что, казалось, поощрялъ великий князь, доставлявшій ему случай видѣть великую княгиню.

Императрица объявила ихъ императорскимъ высочествамъ, что она послѣ обѣда посѣтить ихъ въ новомъ жилищѣ. Прекрасный десертъ былъ приготовленъ въ колоннадѣ, представлявшей нѣчто въ родѣ открытой гостиной, со стороны сада ограниченной двумя рядами колоннъ. Съ этого мѣста открывается обширный и красивый видъ. Затѣмъ вошли во внутренніе апартаменты, императрица сѣла между великой княгиней и мной и сказала: «Я прошу вашего разрѣшенія, ваше высочество, показать этимъ господамъ ваши комнаты». Такъ какъ это было въ воскресенье, то было много придворныхъ лицъ, между прочимъ, вицеканцлеръ, графъ Остерманъ, и графъ Морковъ. Великая княгиня кивнула головой и сдѣлала мнѣ знакъ, такъ что я поняла, что она чѣмъ-то смущена. Она наклонилась за спиной императрицы и сказала мнѣ: «Книга на туалетномъ столѣ». Я сразу поняла, что надо было скрыть отъ глазъ общества томъ «Новой Элоизы», который графиня Шувалова одолжила обѣимъ великимъ княгинямъ. Наканунѣ этого дня великая княгиня привела меня къ себѣ утромъ, у насть былъ интересный разговоръ въ ея кабинетѣ, затѣмъ она меня повела въ свою уборную, гдѣ я написала эту книгу, по поводу которой я осмѣлилась ей сдѣлать нѣсколько замѣчаній, выслушанныхъ ею съ обычной милостью. Я легко поняла, чего она желала, и не задумываясь попросила у ея величества разрѣшенія показать, какъ привратница, покой ея высочества этимъ

господамъ. Императрица нашла это удобнымъ; я отправилась съ быстротой молніи, опередила общество и спрятала книгу. Въ этотъ вечеръ я получила большое удовлетвореніе. Великая княгиня за дессертромъ сообщила мнѣ отрывокъ изъ письма принцессы ея матери, которая говорила мнѣ самыя любезныя вещи.

Каждый день, казалось, влекъ за собой новые опасности; я очень страдала изъ-за всего того, чему подвергалась великая княгиня. Помѣщаясь подъ нею, я видѣла, какъ она входила и выходила, такъ же, какъ и великаго князя, постоянно приводившаго съ собой къ ужину князя Чарторыйскаго. Однъ Божъ читаль въ моей душѣ. Однажды, болѣе обыкновенного мучимая всѣмъ тѣмъ, что происходило у меня на глазахъ, я вернулась послѣ вечера у императрицы, перемѣнила платье и сѣла у окна, находившагося надъ окномъ великой княгини. Высунувъ свою голову, насколько только могла, я замѣтила кусочекъ бѣлаго платья великой княгини, освѣщенаго луной, лучи которой проникали въ наши комнаты. Я видѣла уже, какъ вернулся великий князь съ своимъ другомъ, и предположила, что великая княгиня одна въ своемъ кабинетѣ.—Я набросила косынку на плечи и спустилась въ садъ. Подойдя къ рѣшеткѣ цвѣтника, я увидѣла ее одну, погруженную въ грустныя размышленія. «Вы одни, ваше высочество?»—спросила я ее. «Я предпочитаю быть одной, — отвѣчала она,—чѣмъ ужинать наединѣ съ княземъ Чарторыйскимъ. Великий князь заснулъ на диванѣ, а я убѣжала къ себѣ и вотъ предаюсь своимъ невеселымъ мыслямъ». Я страдала отъ невозможности быть възлѣ нея съ правомъ не оставлять ея и входить въ ея комнату. Мы бесѣдовали больше четверти часа, послѣ чего я вернулась къ своему окошку. Я начинала становиться настоящей помѣхой великому князю; онъ зналъ мои чувства и былъ убѣжденъ, что они не похожи на его собственныхъ. Князь Чарторыйскій съ удовольствиемъ видѣлъ, какъ великий князь ставилъ препятствія для моихъ сношеній съ великой княгиней. Онъ зналъ прекрасно, что я не способна ему служить, и потому очень старался меня поссорить съ великимъ княземъ.

Мой мужъ осмѣлился сдѣлать ему представление о его поведеніи и о томъ вредѣ, который онъ дѣлалъ для репутаціи своей жены. Это только еще болѣе раздражило противъ меня, и я приняла рѣшеніе молчать и страдать молча.

Однажды, утромъ, я сидѣла за клавесиномъ съ графиней Толстой, когда услышала, какъ тихо отворилась дверь, и вошла, или, лучше сказать, влетѣла въ комнату великая княгиня. Она взяла меня за руку, повела въ мою спальню, заперла дверь на ключъ и бросилась въ мои объятья, заливаясь слезами. Я не могу передать, что происходило со мной. Она собиралась сказать мнѣ, какъ постучали въ дверь, крича, что пріѣхала моя мать изъ деревни меня навѣстить. Великая княгиня была очень огорчена этой помѣхой и

сказала мнѣ слово, котораго я никогда не забуду; затѣмъ она отерла свои слезы, вошла въ гостиную и была очень привѣтлива съ моей матерью, налила ей чай и сдѣлала видъ, что пришла нарочно, чтобы предложить ей завтракъ. Таковъ уже былъ тогда ангельскій характеръ этой государыни, несмотря на ея молодые годы; ея нѣжность скромно скрывала ея собственныя чувства, если они могли огорчить другихъ, ея доброта всегда брала верхъ.

Въ Царское Село прїѣхала полька, княгиня Радзивиль. Она была представлена императрицѣ, принявшей ее очень хорошо, но не давшей ей ничего изъ того, что она просила. Между тѣмъ ея просьбы были скромны; она хотѣла быть опекуншою одного молодого князя Радзивила, на что она не имѣла никакого права, — для того, чтобы завладѣть его состояніемъ и желала, получить портретъ, т. е. быть назначеннай статсь-дамой. Несмотря на свои 50 лѣтъ, она сохранила еще свою свѣжесть, любовь къ искусствамъ, о которыхъ она высказывала оригинальные взгляды; она была очень занимателна въ обществѣ, имѣла добродушный видъ, что повело къ тому, что всѣ были съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ. Пресмыкаясь и низкопоклонствуя при дворѣ, она приправляла свои манеры и рѣчи оригинальностью, дѣлающей ихъ менѣе непріятными, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Я не буду говорить объ ея нравахъ, слишкомъ хорошо известныхъ, она пренебрегала всѣми приличіями по желанію и по влечению и говорила, что ея мужъ, какъ страусъ, воспитываетъ чужихъ дѣтей. Императрица иногда забавлялась ея остротами и ея восторженностью, но ее часто утомляли ея низости. Я помню, что однажды на собраніи въ колоннадѣ она зашла такъ далеко въ своей низости, что ея величеству было не пріятно, и она даже дала ей косвенно урокъ, обращаясь къ англійской левреткѣ, подаренной ей герцогиней Нассауской. Эта маленькая красавица собачка очень пресмыкалась, но ревновала другихъ собакъ. Ее звали Панья, что попольски значитъ госпожа. «Послушай, Панья, — сказала ей императрица, — ты знаешь, что я тебя всегда отталкивала, когда ты пресмыкаешься: вѣдь я не люблю низости». Княгиня Радзивиль привезла съ собой одну изъ своихъ дочерей, прелестную личность, совсѣмъ на нее не походившую; это былъ вооплощенный разумъ и кротость. Императрица дала ей фрейлинскій шифръ, а ея двухъ братьевъ назначила камеръ-юнкерами. Она была очень слабаго здоровья и умерла въ Петербургѣ послѣ короткой болѣзни, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти ея величества. Въ бреду она безпрестанно говорила, что императрица ее зоветъ. Я пошла къ ея матери, думая найти ее въ отчаяніи, но она не высказала сожалѣнія, и состраданіе, которое я могла ей высказать, было напрасно; мнѣ осталось только пожалѣть, что я не увижу больше Христины, заслуживавшей лучшей матери.

25-го іюня, меня разбудили въ 5 часовъ утра пушечные вы-

стрѣлы, объявлявшіе о разрѣшеніи отъ бремени великой княгини Маріи Феодоровны сыномъ, названнымъ Николаемъ. Она разрѣшилась въ Царскомъ Селѣ, императрица ухаживала за ней всю ночь и была преисполнена радости отъ рожденія еще одного внука. Чрезъ недѣлю было назначено крещеніе, и великий князь Александръ былъ воспріемникомъ своего брата.

Черезъ нѣкоторое время случилось происшествіе, очень огорчившее ея величество. На одномъ изъ воскресныхъ баловъ воспитательница молодыхъ великихъ княжень, Ливенъ, попросила разрѣшенія у императрицы поговорить съ ней. Императрица усадила ее возлѣ себя, и Ливенъ сообщила ей о поступкѣ великаго князя Константина съ однимъ гусаромъ, съ которымъ онъ очень жестоко обошелся. Этотъ жестокій поступокъ былъ совершенною новостью для императрицы; она сейчасъ же призвала своего довѣренаго камердинера и приказала ему собрать всевозможныя свѣдѣнія обѣ этомъ происшествіи. Онъ вернулся съ подтверждениемъ доклада Ливенъ. Ея величество была такъ огорчена, что чуть не заболѣла; я узнала потому, что когда она вернулась въ свою комнату, съ ней сдѣлалось нѣчто въ родѣ удара. Она написала великому князю Павлу о всемъ случившемся, прося его наказать сына, что онъ и исполнилъ со всей строгостью, но не такъ, какъ бы слѣдовало. Затѣмъ императрица велѣла посадить его подъ арестъ.

Слѣдующее воскресеніе, не чувствуя себя еще вполнѣ хорошо, императрица приказала великому князю Александру дать у себя баль. Этотъ баль мнѣ показался грустнымъ до невозможности. Нездоровье императрицы беспокоило меня въ глубинѣ души, у меня были тяжелыя предчувствія, которыя, къ несчастію, слишкомъ скоро оправдались. Пригласили великую княгиню Анну, которую ни за что не хотѣлъ пустить изъ дома великій князь Константинъ. Она не пробыла и получаса на балу, какъ онъ прислалъ за нею, и она уѣхала, едва удерживая слезы.

Новые проекты и новые надежды занимали общество: говорили о бракѣ великой княжны Александры со шведскимъ королемъ. Однажды вечеромъ императрица подошла ко мнѣ и сказала: «Знаете ли, что я занята устройствомъ судьбы моей внучки Александры и хочу ее выдать за графа Шереметева»¹⁾. «Я слышала

¹⁾ Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ (р. 1751 г., † 1809 г.), впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, шефъ пажескаго корпуса, одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей того времени. Въ 1796 году Шереметеву было 45 лѣтъ. Впослѣдствіи онъ женился на крѣпостной своей артисткѣ, Прасковѣ Ивановнѣ Ковалевской († 1803 г.), отличавшейся выдающимися душевными качествами, и бракъ этотъ былъ признанъ императоромъ Александромъ. Послѣ смерти Прасковы Ивановны, Шереметевъ, въ память ея, основалъ шереметевскій страннопріимный домъ въ Москвѣ.

объ этомъ, ваше величество, — отвѣтила я, — но говорятъ, что родные не согласны». Этотъ отвѣтъ ее очень позабавилъ.

Хотя казалось, что ея величество совершенно поправилась, она все же жаловалась на боль въ ногахъ. Однажды, въ воскресенье, между обѣдней и обѣдомъ, она взяла меня за руку и подвела къ окну, выходившему въ садъ. «Я хочу, — сказала она, — построить здѣсь арку, соединенную съ залами колоннады, и воздвигнуть на немъ часовню; это бы избавило меня отъ того длинного путешествія, которое мнѣ приходится дѣлать, чтобы выслушать обѣднюю. Когда я подхожу къ амвону, у меня уже нѣть силъ держаться на ногахъ. Если я скоро умру, яувѣрена, васъ это очень опечалитъ». Эти слова императрицы произвели на меня непонятное впечатлѣніе, слезы оросили мое лицо. Ея величество продолжала: «Я знаю, что вы меня любите. Я васъ тоже люблю, успокойтесь». Она меня быстро оставила, она была растрогана. Я стояла, прижавшись лицомъ къ стеклу и заглушая рыданія.

Мнѣ казалось, что дни летѣли; я испытывала большую грусть, чѣмъ всегда, покидая Царское Село. Въ глубинѣ души мнѣ чудился голосъ, говорившій: Ты провела здѣсь лѣто въ послѣдній разъ. За нѣсколько дней до отѣзда, великая княгиня Елизавета попросила у меня прощальную записку. Я никогда не могла понять мотива этой просьбы, но это еще болѣе омрачило мои мысли. Все, казалось, готовилось къ грустному концу. Я повиновалась ей, а она дала мнѣ въ обмѣнъ тоже записку, которую я храню до сихъ поръ.

X.

Приѣздъ въ Петербургъ шведского короля Густава IV. — Герцогъ Зюдерманландскій. — Деликатность императрицы. — Празднства въ Петербургѣ и переговоры о бракѣ Густава IV съ великой княжной Александрой Павловной. — Переписка императрицы съ Густавомъ и его поведеніе. — Настроеніе духа императрицы и ея недоровье. — Мрачный предчувствія графини Головиной. — Кончина императрицы Екатерины.

По возвращеніи въ городъ, начали говорить вслухъ о прїѣздѣ шведского короля и готовились къ праздникамъ и удовольствіямъ, смѣнившимся похоронами и слезами.

Король прїѣхалъ черезъ нѣкоторое время послѣ возвращенія двора въ городъ. Онъ носилъ имя графа Гага и жилъ у своего посла, барона Стединга. Его первое свиданіе съ императрицей было очень интереснымъ; она его нашла такимъ, какимъ желала найти. Мы были представлены королю въ Эрмитажѣ. Выходъ ихъ величествъ былъ замѣчательнъ: они держались за руку, и величественная осанка императрицы не затмила благороднаго вида молодого короля;

его черный шведский костюмъ, волосы, спускающиеся до плечъ, придавали ему рыцарскій видъ. Всѣ были поражены этимъ зрѣлищемъ.

Трудно себѣ представить что либо менѣе величественное, чѣмъ наружность дяди короля—герцога Зюдерманландскаго. Онъ—небольшого роста, съ косыми смильющими глазами, губы у него сердечкомъ, животъ выпаченъ, а ноги, какъ спички. Его движенія быстры и суетливы. Я ему очень понравилась, и онъ настойчиво ухаживалъ за мной при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ. Императрицу это очень забавляло. Однажды, вечеромъ, въ Эрмитажѣ онъ ухаживалъ за мною болѣе обыкновенного. Ея величество подозревала меня и сказала смильясь: «Знаете пословицу: вѣрь на половину тому, что тебѣ говорятъ, но вѣрьте только на четверть вашему ухаживателю».

Дворъ находился въ Таврическомъ дворцѣ; чтобы разнообразить вечера, дали небольшой балъ, на который были приглашены лица, бывавшія въ Эрмитажѣ. Мы собирались въ гостиной, императрица вошла и сѣла возлѣ меня. Мы бесѣдовали нѣкоторое время; ожидали короля, чтобы открыть балъ. «Мнѣ кажется,— сказала императрица,— что лучше начать танцы; когда явится король, онъ будетъ менѣе смущенъ, увидавъ всѣхъ танцующими, чѣмъ ожидающими его прихода. Я сейчасъ скажу, чтобы играли полонезъ». «Вы приказываете мнѣ сказать это?» — спросила я.— «Нѣтъ,— отвѣтчила она,— я сейчасъ позову камеръ-пажа». Она сдѣлала знакъ рукой, не замѣченный камеръ-пажомъ, но принятый вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ на свой счетъ. Старецъ подбѣжалъ къ императрицѣ такъ быстро, какъ онъ только могъ съ помощью своей длинной палки; она поднялась, отвела его къ окну и очень серіозно разговаривала съ нимъ около пяти минутъ. Затѣмъ она вернулась ко мнѣ и спросила, довольна ли я ею. «Мнѣ хотѣлось бы,— отвѣтила я,— чтобы всѣ петербургскія дамы пришли учиться у вашего величества тому, съ какой любезностью нужно принимать гостей». «Но какъ же я могла сдѣлать иначе,— возразила она:— я огорчила бы этого старишка, сказавъ, что онъ ошибся; вместо этого я поговорила съ нимъ о томъ, о семъ, увѣрила его, что я его дѣйствительно звала, онъ доволенъ, вы довольны, а я въ особенности».

Король явился, и императрица была привѣтлива и любезна съ нимъ, но соблюдала мѣру и необходимое достоинство. Ихъ величества взаимно изучали другъ друга и пытались проникнуть намѣренія другъ друга. Прошло нѣсколько дней, и король заговорилъ о своемъ желаніи союза, императрица отвѣтила такимъ образомъ, что нужно устроить возможность переговоровъ о главныхъ пунктахъ, а потомъ уже давать обѣщаніе. Переговоры и пренія слѣдовали одни за другими, хлопоты министровъ и договаривающихся все увеличивались и возбуждали любопытство двора и города.

Былъ парадный балъ въ большой галлереѣ Зим资料的 дворца. Король еще не зналъ о склонности къ нему великой княжны Алे-

ксандры, и его это очень тревожило. Черезъ день на большомъ празднике въ Таврическомъ дворцѣ я сидѣла возлѣ императрицы, а король напротивъ настѣ, когда княгиня Радзивилль принесла императрице медальонъ съ портретомъ короля изъ воска работы замѣчательного художника Тончи, сдѣлавшаго его на память послѣ того, какъ онъ всего одинъ разъ видѣлъ короля на балу въ галлерей. «Онъ очень похожъ, — сказала императрица, — но я нахожу, что графъ кажется на немъ очень грустнымъ». Король съ живостью отвѣтилъ: «Еще вчера я былъ очень несчастливъ». Благопріятный отвѣтъ великой княжны былъ ему сообщенъ только утромъ этого дня.

Когда дворъ перебѣхалъ въ Зимній дворецъ, то было приказано всей придворной и городской знати давать балы. Первый балъ былъ у генераль-прокурора графа Самойлова. Погода была еще хорошая; поэтому нѣсколько русскихъ и шведскихъ вельможъ ожидали пріѣзда императрицы на балконѣ. Въ ту минуту, когда показалась ея карета, замѣтили, какъ поднялась комета и погасла надъ крѣпостью. Это явленіе дало поводъ ко многимъ суевѣрнымъ предположеніямъ. Императрица вошла въ залъ, гдѣ уже находился король, и начался балъ. Послѣ первыхъ танцевъ императрица удалилась съ королемъ въ кабинетъ, гдѣ принимала нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ. Нѣкоторые лица играли въ бостонѣ. Въ это время ихъ величества впервые совѣщались по поводу брака. Императрица вручила королю бумагу, прося ее прочесть дома; я была въ бальной залѣ, и ея величество призвала меня и велѣла занимать тѣхъ, кто не игралъ. Вскорѣ она вернулась съ королемъ въ бальную залу. Былъ предложенъ очень хороший ужинъ, но императрица не сѣла за столъ и уѣхала очень рано.

Графъ Строгановъ тоже далъ балъ, который почтила своимъ присутствіемъ императрица. Переговоры о свадбѣ улаживались, и поэтому ея величество была весела и болѣе любезна, чѣмъ обыкновенно. Она велѣла мнѣ сѣсть за ужиномъ напротивъ влюбленныхъ, чтобы потомъ я могла разскѣзть ей о ихъ бесѣдѣ и ихъ манерѣ себя держать. Король былъ поглощенъ великой княжной, они разговаривали безъ умолку. Послѣ ужина императрица позвала меня и спросила о моихъ наблюденіяхъ. Я ей сказала, что заботы Ливенъ оказались бесполезными, что великай княжна совершенно испорчена, такъ что больно смотрѣть, что король не ъль и не пиль, и что они пожирали другъ друга глазами. Всѣ эти шутки очень позабавили императрицу. У нея въ рукахъ былъ вѣръ, чего я никогда не видала, и она его держала такъ странно, что я не могла удержаться, чтобы не посмѣтить на нее. Она это замѣтила. «Мнѣ кажется, что вы надо мною смѣетесь», сказала она мнѣ. «Признаюсь, ваше величество, что мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы держали такъ неловко вѣръ». «Не правда ли, — сказала она, — я похожа на простушку попавшую во дворецъ, но на старую про-

ступку». «Эта рука не создана для пустяковъ,—отвѣчала я,—она держитъ вѣръ, какъ скипетръ». Были еще праздники у австрійскаго посла, графа Кобенцеля, и у вице-канцлера графа Остермана на дачѣ.

Я хочу помѣстить здѣсь копіи съ нѣсколькихъ бумагъ, написанныхъ собственною рукою императрицы и шведскаго короля. Онъ были сообщены мнѣ вскорѣ послѣ смерти Екатерины Второй.

«24 августа, шведскій король, сидя со мной на скамейкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, попросилъ у меня руки Александры. Я отвѣтила ему, что онъ не можетъ просить ее, а я его слушать, такъ какъ существуютъ переговоры о бракѣ его съ принцессой Мекленбургской. Онъ меня увѣрилъ, что они уже прерваны. Я сказала, что я обѣ этомъ подумаю. Онъ просилъ меня разузнать, не чувствуетъ ли моя внучка къ нему отвращенія, что я ему обѣщала и сказала, что черезъ три дня я ему дамъ отвѣтъ. Дѣйствительно, черезъ три дня, поговоривъ съ отцомъ, матерью и дѣвицей, я сказала на балу у Строгонова графу Гага, что я соглашусь на этотъ бракъ подъ условiemъ: во-первыхъ, чтобы Мекленбургскія связи были окончательно разорваны, и, во-вторыхъ, чтобы Александра осталась въ той вѣрѣ, въ которой родилась и воспитывалась. О первомъ условии онъ сказалъ, что оно не подлежитъ сомнѣнію, а о второмъ онъ старался убѣдить меня всѣми силами, что оно невозможно. Мы разстались, оставаясь каждый при своемъ мнѣніи».

«Первое упрямство длилось 10 дней, и всѣ шведскіе вельможи были иного мнѣнія, чѣмъ король. Не знаю, какъ имъ удалось его переубѣдить. На балѣ у посла онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ удалилъ всѣ сомнѣнія, возникшія у него по поводу вопроса о религії. Вотъ когда, кажется, все устроилось! Въ ожиданіи я написала письмо № 1, и такъ какъ оно у меня было въ карманѣ, то я ему дала его, говоря: «Прощу васъ прочесть со вниманіемъ эту записку. Она утвердить васъ въ тѣхъ хорошихъ намѣреніяхъ, которыя вы высказываете». На другой день во время фейерверка онъ меня поблагодарилъ за записку, сказавъ, что былъ недоволенъ только тѣмъ, что я не понимаю его сердца. На балу въ Таврическомъ дворцѣ король шведскій самъ предложилъ матери обмѣняться кольцами и обѣщаніями. Она мнѣ это сказала, я переговорила съ рентгомъ, и мы рѣшили совершить это въ четвергъ при закрытыхъ дверяхъ, по обряду греческой церкви.

«Между тѣмъ договоръ улаживался министрами; главную роль въ немъ игралъ пунктъ о свободномъ исповѣданіи православной религії. Онъ долженъ былъ быть подписанъ остальюю частью договора въ этотъ четвергъ. Когда его прочли уполномоченнымъ министрамъ, оказалось, что этого пункта нѣть. Наші спросили шведскихъ, что это означаетъ; они отвѣчали, что король взялъ его, чтобы переговорить о немъ со мной. Мнѣ доложили обѣ этомъ неожи-

данномъ обстоятельствѣ; было 5 часовъ вечера, а въ 6 должно было происходить обрученіе. Я тотчасъ же послала къ королю узнатъ, чѣд онъ мнѣ хочетъ сказать по этому поводу, такъ какъ до обрученія я его не увижу, а послѣ будетъ слишкомъ поздно отступать. Онъ мнѣ устно отвѣтилъ, что онъ поговорить со мной; совершенно неудовлетворенная этимъ отвѣтомъ, чтобы сократить переговоры, я продиктовала графу Моркову письмо № 2 съ тѣмъ, что если король подпишетъ этотъ проектъ удостовѣренія, я сдѣлаю сегодня вечеромъ обрученіе. Было 7 часовъ, когда былъ отправленъ этотъ проектъ, а въ 9 часовъ графъ Морковъ привезъ мнѣ № 3, написанный и подписанный рукой короля, но гдѣ вмѣсто точныхъ и ясныхъ опредѣленій, которыя я предложила, были пустыя и темныя. Тогда я велѣла сказать, что я захворала. То время, что они еще здѣсь оставались, проходило въ постоянныхъ пересылкахъ. Регентъ подписалъ и утвердилъ договоръ, какимъ онъ долженъ быть быть. Король долженъ его утвердить черезъ два мѣсяца послѣ своего совершеннолѣтія. Онъ его отоспалъ для совѣщанія въ свою консисторію»¹⁾.

№ 1 — копія записки ея императорскаго величества, переданная изъ рукъ въ руки шведскому королю.

«Не согласитесь ли вы со мной, братъ мой, что не только въ интересахъ вашего королевства, но и въ вашемъ личномъ интересѣ нужно условиться о бракѣ, который вы желаете?

«Если ваше величество согласны съ этимъ и увѣрены въ этомъ, то почему вопросъ о вѣрѣ порождаетъ препятствія вашимъ желаніямъ?

«Позвольте мнѣ сказать вамъ, что даже епископы не найдутъ, что возразить на ваши желанія, и выражутъ готовность устранить всякое сомнѣніе по этому поводу.

«Дядя вашего величества, министры и всѣ тѣ, которымъ въ виду ихъ долголѣтней службы, преданности и вѣрности къ вашей особѣ

¹⁾ Записка эта во многомъ сходится съ письмомъ императрицы Екатерины къ русскому посланнику въ Швеціи барону Будбергу отъ 19-го сентября ст. ст. 1796 г. («Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», IX, 316 и слѣд.), но въ то же время и разнится отъ него нѣкоторыми подробностями и большей краткостью, тогда какъ приложенія къ запискѣ копіи переписки совершенно тождественны. Поэтому можно предположить съ полнымъ основаніемъ, что записка, приводимая Головиной, написана была Екатериной по какому либо особыму поводу, а не является лишь копіей съ письма ея къ Будбергу, какъ склоняется думать это г. Бильбасовъ («Исторія Екатерины Второй», XII, ч. 2-я, 498). Это предположеніе доказывается также послѣдующимъ изложеніемъ гр. В. Н. Головиной, что разсказъ о послѣдніхъ дняхъ жизни Екатерины сообщенъ ей очевидцемъ — тѣмъ же лицомъ, которое доставило ей и записку, между тѣмъ, какъ начало царствованія Павла застало Будберга въ Стокгольмѣ. Видно, что хорошо знавшая людей Екатерина заботилась о томъ, чтобы печальный эпизодъ со свидетельствомъ короля не былъ отнесенъ къ недостатку ея предусмотрительности: Густавъ IV уже въ это время показалъ признаки психического разстройства.

вы можете больше всего въбрить, всѣ согласны въ томъ, что этотъ пунктъ не содержитъ ничего противорѣчащаго ни вашей совѣсти, ни спокойствію вашего правленія.

«Вашъ народъ, далекій отъ того, чтобы порицать вашъ выборъ, съ восторгомъ одобрить его и будетъ попрежнему благословлять и обожать васъ, потому что вамъ онъ будетъ обязанъ вѣрнымъ залогомъ своего благосостоянія и личнаго и общественнаго спокойствія.

«Этотъ же выборъ, смѣю сказать, докажетъ здравость вашего рѣшенія и сужденія и будетъ способствовать увеличенію молитвъ вашего народа за васъ.

«Отдавая вамъ руку моей внучки, я глубоко убѣждена, что даю вамъ самое драгоцѣнное, что могла бы вамъ отдать и чѣмъ могла бы лучше всего убѣдить васъ въ искренности и глубинѣ моего расположения и дружбы къ вамъ. Но, ради Бога, не смущайте и вашего и ея счастья, примѣшивая къ нему предметы, совершенно посторонніе, о которыхъ благоразумнѣе всего и вамъ самимъ и другимъ хранить глубокое молчаніе; иначе вы подаете поводъ къ безконечнымъ огорченіямъ, интригамъ и сплетнямъ.

«По материнской нѣжности, съ которой, какъ вы знаете, я отношусь къ моей внучкѣ, вы можете судить о моей заботливости о ея счастіи. Я не могу не чувствовать, что таковыми же будетъ и мое отношеніе къ вамъ, лишь только вы будете соединены съ нею узами брака. Могла ли я когда нибудь согласиться на него, если бы видѣла малѣйшій поводъ къ опасности или къ затрудненію для вашего величества, или если бы я не видѣла напротивъ всего того, что способно упрочить счастье и ваше, и моей внучки?

«Къ столькимъ свидѣтельствамъ, которыхъ должны повліять на рѣшеніе вашего величества, я прибавлю еще одно, болѣе всего заслуживающее ваше вниманіе: проектъ этого брака былъ составленъ и поддерживаемъ блаженной памяти покойнымъ королемъ вашимъ отцомъ. Я не привожу свидѣтелей ни изъ вашего, ни изъ моего народа, хотя ихъ множество по этому доказанному дѣлу, я лишь назову французскихъ принцевъ и дворянъ изъ ихъ свиты, чье свидѣтельство тѣмъ менѣе подозрительно, что они совершенно безпристрастны въ этомъ дѣлѣ. Находясь въ Спа съ покойнымъ королемъ, они часто слышали, какъ онъ говорилъ объ этомъ проектѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе беспокоившихъ его, исполненіе котораго могло лучше всего скрѣпить доброе согласіе и хорошия отношенія между двумя домами и двумя государствами.

«А если этотъ проектъ составленъ покойнымъ королемъ, вашимъ отцомъ, то какъ же могъ этотъ столь образованный государь, преисполненный нѣжностью къ своему сыну, измыслить то, что рано или поздно могло бы повредить вашему величеству во мнѣніи вашего народа и ослабить привязанность къ вамъ вашихъ подданныхъ. А что этотъ проектъ былъ слѣдствіемъ долгаго и глубокаго

размыщленија, слишкомъ хорошо доказываютъ всѣ его поступки. Едва укрѣпивъ власть въ своихъ рукахъ, онъ велѣлъ внести въ сеймъ законъ объ общей терпимости всѣхъ религій, чтобы такимъ образомъ разсѣять весь мракъ, порожденный вѣками фанатизма и невѣжества, возобновить которые въ настоящее время было бы и безразсудно, и постыдно. На сеймѣ въ Гетфле онъ еще болѣе высказалъ свои намѣренія, рѣшивъ съ своими наиболѣе вѣрными подданными, что въ бракѣ его сына и наслѣдника соображеніе о величии того дома, съ которымъ онъ соединялся, должно было брать верхъ надъ всѣмъ прочимъ и что разница въ религіяхъ не могла служить никакимъ препятствіямъ. Я приведу здѣсь анекдотъ объ этомъ именно сеймѣ въ Гетфле, который дошелъ до моего свѣдѣнія и который всѣ могутъ подтвердить вашему величеству: когда былъ поднятъ вопросъ объ установлѣніи налога на его подданныхъ во время его свадьбы, въ актѣ, составленный по этому поводу, вписали такъ: во время свадьбы королевскаго принца съ лютеранской принцессой. Епископы, выслушавъ проектъ этого акта, вычеркнули по своему собственному побужденію слова: съ лютеранской принцессой.

«Соблаговолите довѣриться опыту тридцатилѣтняго царствованія, во время котораго мнѣ удавалась большая часть моихъ предпріятій. По этому опыту и самый искренней дружбѣ, я осмѣливаюсь вамъ дать вѣрный и прямой совѣтъ съ единственной цѣлью доставить вамъ возможность пользоваться счастиемъ въ будущемъ.

«Вотъ мое послѣднее слово: не подобаетъ русской великой княжнѣ перемѣнить вѣру.

«Дочь императора Петра I вышла замужъ за герцога Карла-Фридриха Голштинскаго, сына старшей сестры короля Карла XII, и для этого не перемѣнила религіи. Права ея сына на наслѣдованіе шведскимъ королевствомъ не были изъ-за этого менѣе признаны сеймомъ, который послалъ торжественное посольство въ Россію, чтобы предложить ему корону. Но императрица Елизавета уже объявила этого сына своей сестры русскимъ великимъ княземъ и своимъ предполагаемымъ наслѣдникомъ. Условились по предварительнымъ статьямъ Абоскаго договора, что вашъ дѣдъ будетъ выбранъ наслѣдникомъ шведскаго престола, что и было исполнено. Такимъ образомъ двѣ русскія государыни возвели на престолъ линію, изъ которой произошли вы, и открыли вашимъ блестящимъ способностямъ дорогу къ царствованію, которое никогда не будетъ болѣе благополучнымъ и прекраснымъ, какъ того бы хотѣлось мнѣ.

«Позвольте мнѣ прибавить откровенно, что необходимо нужно, чтобы ваше величество стало выше всякихъ преградъ и сомнѣній, пусть всякаго рода доказательства будутъ собраны, чтобы разсѣять ихъ, такъ какъ они могутъ только повредить и вашему счастью, и счастью вашего королевства.

«Я скажу больше: моя личная дружба къ вамъ, неизмѣнная съ

самаго вашого рожденія, вамъ докажеть, что время не терпить, и что если вы не рѣшитесь окончательно въ эти дорогія для меня ми-
нуты, то планъ этотъ можетъ совершенно исчезнуть изъ-за тысячи
препятствій, которыя снова представляются, лишь только вы уѣдете.
Если съ другой стороны, несмотря на серіозные и неоспоримые
доводы, представленные мною и тѣмъ, которые наиболѣе заслужи-
ваютъ вашего довѣрія, религія все же должна служить непобѣди-
мымъ препятствіемъ къ союзу, казалось, желаемому вами еще не-
дѣлю тому назадъ, то вы можете быть увѣрены, что съ этой ми-
нуты не будетъ больше рѣчи объ этомъ бракѣ, который могъ быть
столь дорогимъ для меня въ виду моей нѣжности къ вамъ и моей
внучкѣ.

«Я приглашаю ваше величество внимательно отнести ко всему,
мною изложеному, моля Бога, управляющаго сердцами королей,
просвѣтить вашъ разумъ и внушить вамъ рѣшеніе, сообразное съ
благомъ вашего народа и съ вашимъ личнымъ счастіемъ.

«№ 2. Проектъ. Я торжественно обѣщаю предоставить ея импе-
раторскому высочеству государынѣ великой княжнѣ Александрѣ
Павловнѣ, моей будущей супругѣ и шведской королевѣ, свобо-
ду совѣсти и исповѣданія религіи, въ которой она родилась и
воспитывалась, и прошу ваше величество смотрѣть на это обѣ-
щаніе, какъ на самый обязательный актъ, который я могъ подписать.

«№ 3. Давъ уже мое честное слово ея императорскому величе-
ству въ томъ, что великая княжна Александра никогда не будетъ
стѣснена въ вопросахъ совѣсти, касающихся религіи, и такъ какъ
мнѣ казалось, что ея величество этимъ довольна, то я увѣренъ,
что императрица нисколько не сомнѣвается въ томъ, что я доста-
точно знаю священные законы, которые предписываютъ мнѣ это
обязательство, что всякая другая записка становится всесѣло из-
лишней».

Подписано: «Густавъ Адольфъ. 11—22 сентября 1796 года».

Графъ Морковъ мнѣ сказалъ, что императрица была такъ огор-
чена поведеніемъ короля, что послѣ полученія его второго отвѣта
она имѣла видъ, что ее постигъ ударъ паралича.

На другой день былъ праздникъ, приказано было дать парадный
балъ въ бѣлой галлерѣ; на немъ присутствовалъ шведскій король,
грустный и очень смущенный. Императрица была величественна и
говорила съ нимъ съ возможною непринужденностью и благород-
ствомъ. Великій князь Павелъ былъ разгневанъ и бросалъ грозные
взгляды на короля, который уѣхалъ черезъ нѣсколько дней. Вели-
кій князь Александръ далъ балъ, на которомъ всѣ были въ траурѣ
по случаю смерти королевы португальской. Императрица пріѣхала
на этотъ праздникъ вся въ черномъ, что я видѣла въ первый
разъ, такъ какъ она, за исключениемъ лишь особыхъ случаевъ, носила
всегда полутрауръ. Ея величество сѣла возлѣ меня; я ее нашла

блѣдной и осунувшейся, и мое сердце забилось отъ крайняго беспокойства.

«Не находите ли вы,—спросила она меня,—что этотъ баль похожъ не на праздникъ, а скорѣе на нѣмецкія похороны? Черныя платья и бѣллы перчатки производятъ на меня такое впечатлѣніе».

Въ бальной залѣ два ряда оконъ на набережную. Мы стояли у окна, когда луна взошла; императрица ее замѣтила и сказала: «луна сегодня очень красива, стоитъ посмотрѣть ее въ телескопъ Гершеля. Я обѣщала шведскому королю показать его, когда онъ вернется».

Ея величество напомнила мнѣ по этому поводу отвѣтъ Кулибина; это былъ крестьянинъ, ученый, самоучка, который былъ принятъ въ академію, благодаря своему выдающемуся уму и замѣчательнымъ изобрѣтеннымъ имъ машинамъ. Когда англійскій король прислалъ императрицѣ телескопъ Гершеля, она велѣла одному нѣмецкому профессору изъ академіи и Кулибину привезти его въ Царское Село. Его помѣстили въ гостиной и стали рассматривать луну. Я стояла за кресломъ императрицы, когда она спросила профессора, не сдѣлалъ ли онъ какія нибудь новыя открытія съ помощью этого телескопа: «Безъ сомнѣнія, луна обитаєма, видна страна, прорѣзаная долинами, и цѣлые лѣса построекъ». Императрица выслушала его съ невозмутимой серіозностью, и когда онъ отошелъ, подозвала Кулибина и спросила его:

— А ты, Кулибинъ, открылъ ли что нибудь?

— Я не такъ ученъ, какъ господинъ профессоръ, государыня: я ничего не видѣлъ.—Императрица съ удовольствіемъ вспоминала объ этомъ отвѣтѣ.

Объявили, что ужинъ поданъ; императрица, никогда не ужинавшая, прогуливалась по комнатамъ и затѣмъ сѣла за нашими стульями. Я сидѣла рядомъ съ графиней Толстой, которая, кончивъ юсть, не поворачивая головы, отдала свою тарелку. Она была очень удивлена, увидавъ, что ее приняла прекраснѣйшая рука съ великолѣпнымъ брилліантомъ на пальцѣ. Она вскрикнула, узнавъ императрицу, которая ей сказала:

— Развѣ вы меня боитесь?

— Я смущена,—отвѣтила графиня,—тѣмъ, что отдала вамъ тарелку.

— Я пришла помочь вамъ,—отвѣчала императрица и стала шутить съ нами по поводу пудры, сыпавшейся съ нашихъ шиньоновъ на плечи. Она намъ разсказалла, что графъ Матюшкинъ, личность очень нелѣпая, по возвращеніи изъ Парижа приказалъ пудрить себѣ спину, увѣряя, что эта мода принята всѣми наиболѣе элегантными людьми во Франціи. «Я васъ покидаю, мои красавицы,—прибавила императрица,—я очень устала». Она ушла послѣ того, какъ положила мнѣ на плечо свою руку, которую я попѣловала въ послѣдній разъ съ непреодолимымъ чувствомъ беспокой-

ства и грусти. Я слѣдила за ней глазами до самой двери, и когда я перестала ее видѣть, мое сердце билось, точно хотѣло оторваться. Я вернулась домой и не могла спать. На другое утро я пошла къ моей матери въ то время, когда она вставала, и разразилась слезами, говоря о моихъ наблюденіяхъ надъ здоровьемъ императрицы. Моя мать пыталась меня разувѣрить, но напрасно: я была, какъ приговоренная къ смертной казни, и какъ бы находилась въ ожиданіи своего смертнаго приговора.

Въ жизни бываютъ предчувствія, которыя сильнѣе нашего разума. Говоря себѣ, что нужно ихъ отбросить, удалить отъ нашей мысли, мы, тѣмъ не менѣе, смущены ими и недостаточно сильны, чтобы ихъ побѣдить. Въ бѣдахъ и несчастіяхъ, посыпаемыхъ намъ, какъ испытанія, Богомъ, надо предаться волѣ Божіей, и достаточно уже этого желанія, чтобы занять душу и успокоить скорби, но предчувствіе—беспокойное чувство, которое, кажется, держится только нашей собственnoю слабостью, вызываемое внутреннимъ, чуждымъ намъ побужденіемъ. Оно преслѣдуетъ насъ, какъ тѣнь, пугающая насъ и беспрестанно представляющаяся нашимъ глазамъ.

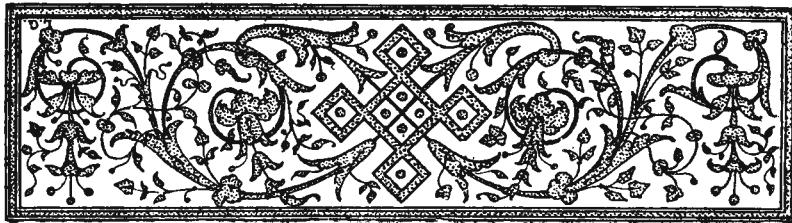
Черезъ нѣсколько дней, когда я завтракала въ 10 часовъ утра у своей матери, вошелъ придворный лакей, служившій моему дядѣ, и попросилъ разрѣшенія у моей матери разбудить его: «Около часу, какъ императрицу постигъ ударъ!»—сказалъ онъ намъ. Я страшно вскрикнула и побѣжала къ моему мужу, который былъ внизу въ своей комнатѣ. Я съ трудомъ спустилась по лѣстницѣ, дрожь во всемъ тѣлѣ едва позволяла мнѣ ходить. Войдя къ мужу, я должна была сдѣлать надъ собою усилие, чтобы произнести эти страшныя слова: императрица умираетъ. Мой мужъ былъ страшно пораженъ; онъ сейчасъ же потребовалъ одѣваться, чтобы поѣхать во дворецъ. Я не могла ни плакать, ни говорить, тѣмъ менѣе думать. Торсуковъ, племянникъ первой камеръ-фрау императрицы¹⁾, вошелъ и сказалъ намъ по-русски: «Все кончено: ея уже нѣть, а съ ней погибло и наше счастье!

Пріѣхали графъ и графиня Толстые; графиня осталась со мной, а графъ уѣхалъ во дворецъ съ моимъ мужемъ. Мы провели до 3-хъ часовъ дня самое страшное время моей жизни. Каждые два часа мой мужъ посыпалъ мнѣ записочки; была минута, когда надежда озаряла всѣ сердца, какъ лучъ свѣта темноту, но она была очень не-продолжительна и сдѣлала еще болѣе тяжелой увѣренность въ несчастії. Императрица прожила 36 часовъ, пораженная ударомъ; ея тѣло продолжало жить, но голова была мертвa: произошло кровоизліяніе на мозгъ. Она перестала жить 6-го ноября.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Марии Савицны Перекусихиной.

БЫЛОЕ.

(Изъ семейной хроники).

Дядюшка Иванъ Максимовичъ и его супруга.

I.

Нѣ было лѣтъ пять, когда однажды тетушка Елена Васильевна сказала мнѣ:

— Ступай въ кабинетъ къ дядѣ и скажи ему, что онъ «байбакъ».

Я пошелъ и въ точности исполнилъ это приказаніе.

И вотъ съ этого-то времени я началъ уже ясно помнить дядюшку Ивана Максимовича. Это былъ невысокаго роста, круглый старичекъ, неизмѣнно, за исключеніемъ

служебныхъ и торжественныхъ выѣздовъ, облеченный въ темно-синій бархатный пиджакъ, бѣлую пикейную жилетку и свѣтло-сѣрые, въ мелкую клѣтку, брюки. Волосы онъ стригъ довольно коротко, но надо лбомъ оставлялъ небольшой кокъ и височки зачесывалъ впередъ. Усы и бороду брилъ гладко, только надъ самымъ подбородкомъ, на шеѣ, оставляя коротенькую щетинку, — такія бородки назывались «американскими». Лицо у него было свѣжее и чистое и для его возраста — а было ему въ то время лѣтъ шестьдесятъ — замѣчательно сохранившееся. Все въ немъ было какое-то мягкое и круглое; только по выраженію его холодныхъ, свѣтло-

сѣрыхъ глазъ, всегда насмѣшило и проницательно выглядывавшихъ изъ-подъ густыхъ, слегка нависшихъ бровей, можно было заключить, что «байбакъ» этотъ далеко не лишенъ характера.

Дядюшка Иванъ Максимовичъ былъ человѣкъ долга и привычки. Сердце едва ли играло большую роль въ его жизни, уравновѣшенной до послѣдней крайности, спокойной и ровной, какъ гладь неожиданно захваченного морозомъ озера, сразу затянувшаяся тонкимъ, но еще прозрачнымъ льдомъ.

Любилъ ли кого дядюшка Иванъ Максимовичъ—я не знаю, но съ тетушкой, супругой своей, Еленой Васильевной, онъ жилъ удивительно ладно и болѣе, чѣмъ за тридцатилѣтнее ихъ сожительство, едва ли между ними хоть разъ пробѣжала черная кошка. А между тѣмъ, ихъ бракъ не былъ бракомъ по любви... Но не былъ онъ также и бракомъ по расчету. Свадьба ихъ состоялась по довольно оригинальнымъ побужденіямъ.

Дядюшкѣ Ивану Максимовичу было уже лѣтъ сорокъ, когда онъ, по дѣламъ заѣхавъ въ городъ В. и задержавшись тамъ болѣе, чѣмъ на годъ, свелъ знакомство съ одной очень почтенной семьей. Въ семье этой была дѣвушка лѣтъ семнадцати, особенно полюбившаяся Ивану Максимовичу своимъ сильнымъ и выдержанымъ характеромъ и необычайно для ея лѣтъ разсудительностью. Но будучи болѣе, чѣмъ вдвое старше ея и отнюдь не имѣя намѣренія вторично (дядюшка уже былъ вдовъ) заковать себя въ цѣпи Гименея, онъ смотрѣлъ на эту дѣвушку скорѣе съ родительскимъ, чѣмъ съ какимъ инымъ чувствомъ, и, любуясь ею, думалъ не о себѣ, а о младшемъ братѣ своемъ, Алексѣѣ Максимовичѣ, жившемъ въ то время въ нашемъ родномъ городѣ, К.

И вотъ однажды Иванъ Максимовичъ, заканчивая какое-то дѣловое письмо къ меньшему своему брату, сдѣлалъ своимъ мелкимъ и красивымъ почеркомъ, украшеннымъ многочисленными завитушками, такого рода приписку: «Присмотрѣлъ я здѣсь для тебя прекрасную невѣstu, дѣвицу юную, собою весьма пригожую, а по душевнымъ качествамъ какъ нельзя болѣе для тебя подходящую: ибо она разсудительна, дѣловита и характера ровнаго, чего въ твоей женѣ желаль бы болѣе всего видѣть, такъ какъ самъ ты нрава пылкаго и непостояненъ. Взаимно вы очень бы другъ друга дополняли. Если уdosужишься, прїѣзжай ко мнѣ погостить; я тебя познакомлю съ семействомъ оной дѣвицы и—кто знаетъ—можеть быть, тутъ-то и найдешь свое счастье».

Алексѣй Максимовичъ уdosужился и прїѣхалъ. Онъ былъ еще молодъ—не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Видный и статный мужчина, дѣйствительно пылкаго характера, обаятельно краснорѣчивый и, дѣйствительно, въ то время еще нѣсколько легкомысленный.

Молодая, достойная девица сразу сильно приглянулась Алексю Максимовичу; а ему не стоило особенного труда вскружить ея, хотя и разсудительную, но все же еще семнадцатилетнюю головку. И недолго думая, Алексей Максимович, какъ слѣдуетъ, по чину, т.-е. черезъ старшаго брата, попросилъ у родителей девицы ея руки. Родители были люди бѣдные, а женихъ былъ человѣкъ даже весьма богатый. Невѣстѣ онъ очень нравился, и потому согласіе было дано почти безъ промедленія, и Алексея Максимовича объявили женихомъ, а свадьбу назначили черезъ три мѣсяца, потребныхъ для устройства будущаго жилья молодыхъ.

Проведя недѣли двѣ съ невѣстой, Алексей Максимовичъ выѣхалъ обратно къ себѣ на родину въ К. для того, чтобы ремонтировать свой домъ и привести все въ порядокъ, для начала будущей, уже супружеской, жизни.

— Это ничего, что берешь жену безъ приданаго. Характеръ и разумъ ея дороже всякихъ денегъ,—разсудительно напутствовалъ его Иванъ Максимовичъ.

— Ну, вотъ, зачѣмъ мнѣ деньги? Я и самъ богатъ. Главное, полюбилась она мнѣ—вотъ это дорого!—пылко отвѣтилъ женихъ и уѣхалъ.

А, прїѣхавъ въ К., началъ хлопотать по устройству своего дома, а между хлопотами какъ-то познакомился съ одной бѣдной, но поченной вдовой, матерью трехъ дочерей и одного сына. Двѣ дочери и сынъ были совсѣмъ еще маленькими, старшей же дочери было уже около двадцати лѣтъ. Была ли она столь же разсудительна, какъ и невѣста Алексея Максимовича,—не знаю, но что хороша она была надиво—это доподлинно извѣсно, и пылкое сердце Алексея Максимовича не выдержало и все отдалось красавицѣ-дѣвушкѣ.

Быстро, почти очертя голову, ни надѣй чѣмъ не задумываясь, женился онъ на ней, ввелъ ее въ свой наполовину еще отремонтированный домъ и только тогда вспомнилъ, что въ городѣ В. есть у него невѣста.

Какъ громомъ поразило Ивана Максимовича письмо отъ меньшаго брата его Алексея Максимовича, извѣщавшаго о благополучномъ вступлении въ законный бракъ съ девицей Юлией Алексѣвной Медынцевой.

Ударъ былъ настолько силенъ и неожиданъ, что Иванъ Максимовичъ не вздумалъ даже и попрекать своего брата за столь легкомысленное поведеніе, а только написалъ ему коротко и сухо: «Поздравляю, желаю полного счастья». И отправилъ это лаконическое посланіе съ первой же оказіей. А самъ, одѣвшись по-визитному, отправился къ родителямъ невѣсты, чтобы принести погинную.

Родителей онъ не засталъ дома, но, какъ человѣкъ пожилой и въ семье ихъ считавшійся уже почти за роднаго, былъ принятъ дочерью, невѣстой его брата.

— Вы съ чѣмъ-то недобрый пріѣхали, Иванъ Максимовичъ,— сразу догадалась умная и проницательная дѣвушка, едва взглянувъ на озабоченное лицо Ивана Максимовича.

— Вы не ошиблись, Елена Васильевна,—отвѣтилъ Иванъ Максимовичъ и, послѣ небольшаго колебанія, рассказалъ ей всю правду.

Поблѣднѣла Елена Васильевна, до крови закусила себѣ губку, но, собравъ всѣ силы своего характера, выговорила:

— Отъ души желаю ему счастья.

Эти простыя слова, эта выдержанность тронули Ивана Максимовича больше, чѣмъ тронули бы его всякия слезы, истерики и обмороки.

— Братъ мой васъ недостоинъ,—почти нѣжно заговорилъ онъ,— и я, зная его характеръ, болѣе всѣхъ виноватъ, что смутить вашъ покой.

— О Иванъ Максимовичъ, не вините себя и не бойтесь: мой покой не будетъ нарушенъ,—отвѣтила ему дѣвушка.

Глядя на холодное лицо дѣвушки, дядюшка Иванъ Максимовичъ вѣрилъ, что она говоритъ правду, но... не всю: можетъ быть, не будетъ она страдать, какъ страдала бы влюбленная дѣвушка, покинутая своимъ женихомъ, но положеніе ея въ семье и въ обществѣ, какъ отвергнутой невѣсты, было крайне непривлекательнымъ. И вотъ тутъ-то Иванъ Максимовичъ, нарушивъ всѣ исконные обычай, рѣшилъ самый важный шагъ своей жизни. Онъ прямо и откровенно сказалъ ей все, что думалъ объ ея положеніи, но также искренно и правдиво замѣтилъ, что если бы онъ былъ ея женихомъ, ничего подобнаго случиться бы не могло.

— Но я втрое старше васъ, Елена Васильевна, и потому никогда не позволяль себѣ и думать о возможности такого для меня счастія,—сейчасъ же прибавилъ онъ.

Елена Васильевна поднялась съ мѣста и рѣшительно, словно заранѣе обдумавъ, проговорила:

— Я согласна. Полагаю, что и родители мои противиться этому не будутъ. Поговорите съ ними.

Родители дѣйствительно не противились. Всѣ сдѣланныя ими приготовленія къ свадьбѣ не пропали даромъ, только подъ вѣнцомъ стоялъ съ ихъ дочерью не молодой, увлекательный и полный кипучей жизни Алексѣй Максимовичъ, а солидный, зрѣлый и всѣми уважаемый братъ его.

И многие находили это не только естественнымъ, но и весьма удачнымъ.

Была ли счастлива молоденькая Елена Васильевна со своимъ уже пожилымъ мужемъ,—сказать не берусь, но что жили они не-

обычайно согласливо, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мужа своего звала она не иначе, какъ «дѣдушкой», а заботилась о немъ, какъ бабушка о внучкѣ, и круто изъ молодой дѣвушки преобразилась въ солидную даму. Даже и костюмы свои старалась дѣлать отнюдь не молодящими ей, а напротивъ придающими ей извѣстную солидность.

Дѣтей у нихъ не было, и тѣмъ не менѣе молодая женщина никогда не была праздной. Помимо заботъ по хозяйству, которое велось у нихъ образцово, она сумѣла сдѣлаться помощницей, что называется, правой рукой своего мужа и въ дѣлахъ его. А впослѣдствіи, когда вернувшагося съ молодой женой на родину въ губернскій городъ К. Ивана Максимовича выбрали въ городскіе головы, злые языки говорили, что онъ только туловище, а головой является Елена Васильевна.

II.

Дядюшкѣ Ивану Максимовичу къ томъ времени, какъ я его помнить началъ, было уже лѣтъ шестьдесятъ, тетушкѣ Еленѣ Васильевнѣ — подъ сорокъ. Дядюшка уже давно былъ «головой» и стоялъ въ ряду наиболѣе уважаемыхъ гражданъ нашего города.

Жили они въ собственномъ домѣ, въ просторной, необычайно чисто содержимой квартирѣ. Страсть къ чистотѣ у Елены Васильевны доходила до болѣзnenности, такъ, по крайней мѣрѣ, говорили даже и врачи. Многочисленныя горничные-подростки цѣлые дни только и заняты были тѣмъ, что всюду стирали пыль, мыли окна, подоконники, чистили драпировки и, право, чуть не выливали полъ. Квартира была подраздѣлена, такъ сказать, на участки, и каждый участокъ находился въ завѣданіи особой горничной-дѣвушки, и горе было той, въ районѣ которой Елена Васильевна нашла бы пятнышко или соринку. Горе было бы той, которая хоть на одинъ разъ въ сутки меныше протерла бы окна въ отведенныхъ ея завѣданію комнатахъ. И всѣ онѣ знали, что ни малѣйшее упущеніе отъ зоркаго глаза Елены Васильевны не укроется. У нея даже были особенные пріемы для контроля своихъ горничныхъ, такъ, напримѣръ, она незамѣтно клала на подоконники коротенкія бѣлые ниточки и потомъ, обходя свои владѣнія, осматривала подоконники и, если находила хоть одну ниточку на мѣстѣ, что свидѣтельствовало, конечно, что подоконникъ не протирался, строго взыскивала съ провинившейся дѣвушки.

Наказанія, которымъ она ихъ подвергала, были многообразны. Она ихъ ставила въ уголъ (иногда и на колѣни); запирала въ темный чуланъ; одѣвала въ затрапезное платье. Бывали и строже наказанія: такъ, одной уже помолвленной дѣвушки она объявила, что свадьбу ея откладываетъ на годъ, а если буде она этому

рѣшенію подчиниться не желаетъ, то можетъ выходить замужъ, только приданаго, которымъ обыкновенно награждала тетушка своихъ дѣвушекъ, она не получить.

Но къ чести Елены Васильевны нужно отнести то, что она не только никогда не подняла руки ни на одну изъ своихъ прислужницъ, но никогда ни на одну не возвысила даже голоса и не выбрана какимъ нибудь обиднымъ словомъ.

Штатъ прислуги въ домѣ Елены Васильевны былъ почти сплошь женскій. Исключение представляли только кучеръ и поваръ. Горничные дѣвушки, число которыхъ иногда доходило до десяти, были все сиротки, взятые на воспитаніе. Брали ихъ тетушка въ возрастѣ отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, ростила, школила и потомъ выдавала замужъ, награждая, судя по расположению, иногда и довольно солиднымъ приданымъ.

Въ дѣлѣ домоводства у нея были двѣ помощницы: ея двоюродная сестра, Екатерина Александровна, благообразная вдова лѣтъ сорока, да старшая горничная, Марья Алексѣвна, сухая, строгая старая дѣва, приблизительно этого же возраста, числившаяся, такъ сказать, въ рангѣ камердинера у дядюшки Ивана Максимовича.

Въ числѣ воспитанницъ была одна и на привилегированномъ положеніи. Худенькая, невзрачная Сашенька, дочь какой-то умершей родственницы Елены Васильевны, воспитывалась въ ея домѣ «за дочку», т. е. училась въ гимназіи и брала приватные уроки музыки.

Весь домъ трепеталъ передъ Еленой Васильевной—хуже всякой кары боялись домочадцы сухого, проницательного взгляда ея свѣтлосѣрыхъ, круглыхъ глазъ, ея холодного голоса, ея сдержаннѣыхъ, но вѣсѣхъ замѣчаній—весь домъ, за исключениемъ дядюшки Ивана Максимовича. Ему бояться было ничего, такъ какъ онъ-то и былъ кумиромъ этого дома, и его культь царилъ въ немъ. Все служило ему, и первая же служила тетушка Елена Васильевна. Всѣ были проникнуты мыслью, что первое лицо въ этомъ домѣ Иванъ Максимовичъ. Ради него соблюдалась и эта удивительная чистота, ради него и воздухъ былъ здѣсь пропитанъ какой-то ароматичной свѣжестью. Ни одинъ стаканъ чая, налитый Екатериной Александровной, не подавался дядюшкѣ ранѣе, чѣмъ тетушка Елена Васильевна не попробуетъ, достаточно ли онъ горячъ, сладокъ и крѣпокъ. А дядюшкѣ приборъ за обѣдомъ Елена Васильевна даже и накрывала сама, съ математической точностью раскладывая на свои мѣста всѣ необходимые предметы.

Все для дядюшки, все для Ивана Максимовича.

А дядюшка Иванъ Максимовичъ жилъ да поживалъ себѣ въ этой атмосфѣре заботливаго порядка, врядъ ли даже и замѣчая его. Онъ такъ сроднился со всѣмъ съ этимъ, что былъ бы, вѣроятно, крайне изумленъ, если бы въ извѣстный часъ, даже въ извѣстную

минуту, протянувъ руку къ извѣстному мѣсту, не нашелъ бы тамъ, напримѣръ, стакана чая или хорошо набитой трубки, или газеты. Или, садясь за столъ обѣдать, не увидалъ бы передъ своимъ приборомъ того бѣлага, легонькаго вина, котораго онъ ежедневно выпивалъ за столомъ маленький, граненый стаканчикъ; или кофе, поенный ему утромъ, оказался бы необычной крѣпости. Онъ удивился бы этому, вѣроятно, не менѣе того, если бы въ одинъ прекрасный день не взошло солнце, или съ безоблачнаго неба вдругъ ливня полился бы дождь.

Размѣренно и аккуратно, какъ брететовскіе часы, шла жизнь Ивана Максимовича въ его домѣ, и почти также размѣренно и аккуратно шла она и внѣ дома, несмотря на то, что дядюшка Иванъ Максимовичъ многіе и многіе годы избирался согражданами на постъ городского головы и отказался только самъ отъ этой чести, когда здоровье Елены Васильевны окончательно разстроилось. Это-то еще болѣе и утвердило мнѣніе согражданъ, что настоящимъ городскимъ головой и была Елена Васильевна.

— Заболѣла она,—говорили они,—и старикъ нашъ отъ службы отказался.

Какъ городской голова, дядюшка Иванъ Максимовичъ не представлялъ изъ себя ничего особенного. Онъ въ общественныхъ дѣлахъ былъ просто хозяинъ-скопидомокъ, заботился болѣе о томъ, чтобы городской сундукъ былъ всегда полонъ; былъ скуповать на всякия украшенія города и только на школы не жалѣлъ денегъ.

И дѣйствительно при немъ городъ никогда не нуждался, и денежнѣя дѣла его къ тому времени, какъ дядюшка рѣшилъ покинуть свой постъ, были въ самомъ блестящемъ положеніи. Держалъ себя дядюшка со всѣми не то, чтобы гордо, но крайне независимо. Однаково холодно привѣтливъ былъ онъ и со старшими, и съ равными, и съ младшими. У себя въ домѣ каждого мужчину встрѣчалъ онъ на порогѣ кабинета и провожалъ до порога гостиной, не дальше; каждую же даму встрѣчалъ на порогѣ гостиной, провожалъ же до порога залы, т. е. до самой передней, не иначе—кто бы эти мужчины и дамы ни были. Такоже равно со всѣми держалъ онъ себя и въ городской думѣ, и во всемъ городѣ.

И вотъ эта-то черта его почему-то больше всего и не понравилась новому губернатору, знаменитому въ свое время С., прославившему себя на всю Россію самыми необычайными выходками необузданного самодура. Губернаторъ С. былъ типичнѣйшій щедринскій «помпадуръ». Свою волю, свой капризъ онъ считалъ закономъ. И губернію, и городъ терроризировалъ до крайности и держаль въ вѣчномъ, напряженномъ страхѣ. И долго все сходило ему съ рукъ, и съ каждымъ днемъ онъ зазнавался и забывался все болѣе и болѣе... Но грязнулъ и на него громъ: дѣянія его переполнили чашу

терпѣнія, назначена была сенаторская ревизія, и самодуръ-помпадуръ слетѣлъ съ мѣста.

Вотъ этотъ-то губернаторъ, почти тотчасъ же по пріѣздѣ къ намъ въ губернію, и не возлюбилъ отъ всей души моего дядюшку Ивана Максимовича. Но старый голова былъ неуязвимъ и ко всѣмъ вздорнымъ и мелочнымъ придиркамъ новаго губернатора относился болѣе чѣмъ равнодушно. Кипѣлъ помпадуръ, но сдѣлать пока ничего не могъ, придраться серьезно было не къ чему.

Но вотъ однажды, въ какой-то большой, торжественный праздникъ, губернаторъ, ѳдучи въ соборъ, замѣтилъ какое-то упущеніе со стороны городского головы, а, подъѣзжая къ собору, увидалъ и самого голову, неторопливо вылѣзшаго изъ своихъ объемистыхъ саней, запряженныхъ парою древнихъ, бѣлыхъ, какъ лунь, рысаковъ. «Голова» былъ уже на паперти, гдѣ въ ожиданіи губернатора толпилось разное начальство. Быстрыми шагами нагналъ губернаторъ голову и сталъ ему что-то говорить о замѣченныхъ имъ упущеніяхъ.

— Неумѣстно здѣсь, ваше превосходительство,— холодно замѣтилъ ему дядюшка Иванъ Максимовичъ.

— Какъ? Что?—вскрипѣлъ губернаторъ.—Вы со мной разговаривать не желаете?

— Въ храмѣ Божіемъ, кромѣ обращенія къ Богу, никакихъ себѣ разговоровъ позволить не могу,—отвѣтилъ на это стариkъ.

— А! Вотъ какъ?! Въ такомъ случаѣ, мы съ вами вмѣстѣ больше служить не можемъ!—уже выйдя изъ себя, крикнулъ губернаторъ.

— Ничего не имѣю противъ того, чтобы вы подали въ отставку, ваше превосходительство,—ясно и отчетливо проговорилъ Иванъ Максимовичъ и, осѣнивъ себя крестомъ, съ паперти вошелъ внутрь собора.

III.

Вскорѣ послѣ этого события, но отнюдь не вслѣдствіе его, дядюшка Иванъ Максимовичъ покинулъ службу, и жизнь его, и безъ того ровная и размѣренная, какъ ходъ маятника, стала еще ровнѣе и еще размѣренѣе. Тетушка, благодаря какому-то недугу, уже второй годъ никуда ни на шагъ не выходила изъ дома. Плотно засѣль и дядюшка. И въ самой вѣнчаниѣ его совершились нѣкоторыя перемѣны: онъ запустилъ бороду и волосы, и вскорѣ эта борода, красавая, сѣдая, широкой лопатой разрослась и легла ему на грудь, а отросшіе волосы, мягкими серебристыми локонами падали на плечи. И отъ этого лица Ивана Максимовича стало значительно мягче и привѣтливѣе.

Лицо же тетушки, напротивъ, становилось все непріятнѣе и непріятнѣе. На щекахъ появилась какая-то одутловатость, а цвѣть кожи сталъ прозрачно-желтоватый.

Тихо потекла жизнь въ ихъ домѣ. Квартира дѣлилась на двѣ половины: въ первой, такъ сказать, парадной — помѣщался кабинетъ дядюшки, заль, гостиная, общая супруговъ спальня и комнатка Сашеньки. Во — второй столовая, кабинетъ тетушки, комната ея двоюродной сестры, Екатерины Александровны, и буфетная. А наверху, на антресоляхъ, жили — престарѣлая, совсѣмъ уже больная старушка, Елизавета Андреевна, бывшая тетушкина гувернантка, и всѣ дѣвушки горничные воспитанницы.

Дядюшка, вопреки обыкновенію всѣхъ старыхъ людей, просыпался очень поздно, т. е. часовъ въ десять, и прямо изъ спальни, въ халатѣ, шелъ къ себѣ въ кабинетъ, къ которому примыкала маленькая его уборная, и при помощи своего камердинера — Марии Алексѣевны дѣлалъ свой туалетъ. Тетушка же, одѣвшись въ спальнѣ, отправлялась на свою половину и усаживалась въ большое кресло, стоявшее возлѣ окна, на которомъ лежала всегда пачка въ восьмушку нарѣзанной бумаги и дюжина хорошо очищенныхъ карандашей.

Екатерина Александровна въ это время приготавливала чай и кофе. Двѣ громадныхъ чашки — одна съ кофе, другая съ чаемъ, — большой молочникъ съ густыми, кицяченными сливками и тарелка съ горячими домашними булочками и ватрушками, устанавливались на подносѣ и подавались для осмотра тетушки. Прихлебнувъ по ложечкѣ изъ той и изъ другой чашки, осмотрѣвъ каждую булочку и ватрушечку, — храни Богъ, если бы хоть одна изъ нихъ была подгорѣлой или плохо выпеченной, — тетушка говорила: «хорошо, не сите». И подносъ этотъ бережно, покрытый чистой салфеткой, отправлялся на половину къ дядюшкѣ, который, только что окончивъ свой туалетъ, усаживался тоже въ большое вольтеровское кресло къ окну, на широкомъ подоконникѣ котораго, обитомъ кожей, лежала уже пачка газетъ и стояла ящикъ съ сигарами.

Подносъ съ чаемъ и кофе устанавливался на маленькой столикѣ и вмѣстѣ уже со столикомъ вносился въ кабинетъ и ставился передъ кресломъ дядюшки. Иванъ Максимовичъ снималъ съ подноса салфетку, затыкалъ ее однимъ концомъ за жилетъ и принимался за кофе и булочки. Кушать онъ всегда съ хорошимъ аппетитомъ. Выпивъ свою большую чашку кофе и скушавъ всѣ булочки, дядюшка подвигалъ себѣ другую чашку, уже съ чаемъ, который пилъ всегда безъ сливокъ, закуривалъ сигару и развертывалъ газеты.

Когда чашка чая была допита, столикъ съ подносомъ, безшумно, какими-то таинственными руками уносился изъ кабинета. А дядюшка въ это время сидѣлъ и читалъ. Мертвая тишина царила на его половинѣ, только шелестъ переворачиваемыхъ газетныхъ листовъ нарушалъ ее.

На половинѣ тетушки было тоже тихо. Елена Васильевна, откупившавъ чай, сидѣла въ своемъ креслѣ и читала какую нибудь книгу.

По временамъ, она брала восьмушку бумаги, карандашъ и быстро-быстро набрасывала нѣсколько строкъ. Свернувъ бумагу, она вкладывала ее въ конвертъ и карандашемъ же надписывала адресъ. Потомъ чуть прикасалась къ колокольчику, стоявшему возлѣ нея, и отдавала конвертъ словно изъ-подъ земли выросшей горничной-дѣвушкѣ. И конвертъ немедленно отправлялся по адресу.

Елена Васильевна не любила разговаривать и всѣ свои приказы отдавала именно этимъ путемъ, т. е. на восьмушкахъ бумаги карандашемъ нѣсколько строкъ. И куда только не разносились эти конверты! Иногда это была записка къ домашнему доктору, съ просьбой пріѣхать или съ какимъ нибудь специальнымъ вопросомъ. Иногда, когда еще дядюшка былъ головой, конверты эти летѣли къ нему въ думу и содержали въ себѣ напоминаніе или указаніе, какъ въ томъ или въ другомъ вопросѣ нужно дѣйствовать и говорить; иногда ихъ относили въ тѣ благотворительныя учрежденія, которая находились подъ опекой тетушки; иногда это былъ приказъ повару на кухню съ отмѣной какого нибудь еще съ вечера заказанного блюда; иногда это была дружественная записка къ старичку—вице-губернатору, котораго тетушка почему-то особенно любила. Иногда это былъ приказъ въ книжный или нотный магазинъ о присылкѣ тѣхъ или другихъ нотъ, той или другой книги. Очень часто это были записки на ту половину, къ дядюшкѣ. Короче сказать, такихъ записокъ тетушкой отправлялось въ день иногда до двадцати пяти штукъ и даже болѣе.

И такъ тетушка сидѣла и писала записки, а дядюшка сидѣлъ и читалъ газеты.

Било полдень.

Это былъ часъ, назначенный для приема гостей и посѣтителей. Въ передней дребезжалъ звонокъ, журнальная дѣвочка отпирала дверь и впускала посѣтителя. Если кто спрашивалъ: «дома ли Иванъ Максимовичъ?»—неизмѣнно отвѣчалось: «дома, пожалуйте-сь». Да опытные люди и не задавали этого вопроса, потому что они всѣ знали, что Иванъ Максимовичъ не только всегда дома, но и всегда всѣхъ и каждого въ этотъ часъ принимаетъ; тогда какъ Елена Васильевна принимала на свою половину съ очень большимъ разборомъ и крайне рѣдко. Исключеніе дѣялось только для близкихъ родственниковъ, для домашняго доктора, для старичка вице-губернатора да еще для двухъ-трехъ самыхъ интимныхъ друзей. Это тоже всѣ знали, и потому рѣдкай посѣтитель спрашивалъ въ передней: «принимаетъ ли Елена Васильевна?» Къ дядюшкѣ же входили всѣ безъ доклада.

Изъ передней посѣтитель вступалъ въ залу, въ большую, свѣтлую, но вѣюшую холодомъ залу. Дядюшка Иванъ Максимовичъ со своего кресла уже видѣлъ входившаго, и если это былъ мужчина, то вставалъ не торопясь и шелъ къ нему съ такимъ расчетомъ,

— Былое —

что встрѣчалъ его на порогѣ своего кабинета, привѣтливо улыбался и обыкновенно говорилъ:

— Милости просимъ!—указывая на кресло, стоявшее *vis-à-vis* съ его кресломъ.

Затѣмъ, подвигалъ гостю ящикъ съ сигарами и прибавлялъ:

— Пожалуйста!

Затѣмъ, когда гость, окончивъ свой визитъ или переговоривъ о нужномъ дѣлѣ, поднимался, чтобы уходить, дядюшка вставалъ и провожалъ его черезъ весь кабинетъ, черезъ всю смежную съ кабинетомъ гостиную, но дальше уже не шелъ, а простиившись вторично, поворачивался и отправлялся на свое кресло.

Если приходила дама, дядюшка поднимался со своего мѣста гораздо скорѣе и выходилъ въ гостиную и встрѣчалъ гостю уже въ дверяхъ, между гостиной и залой. И гостю онъ не вводилъ въ кабинетъ, а принималъ въ гостиной, усаживалъ на диванъ, а самъ садился сбоку въ кресло. Провожалъ же гостю онъ неизменно до самой передней. Но тамъ не дожидался, когда она одѣнется, а, поклонившись ей, отправлялся къ себѣ въ кабинетъ.

И такимъ онъ былъ для всѣхъ: для чужихъ и для родныхъ, для молодыхъ и старыхъ, для захудалыхъ и сановныхъ — безъ исключенія. Если единовременно сходились и мужчина, и дама, приемъ былъ въ гостиной. Если собиралось нѣсколько мужчинъ, то къ креслу, стоявшему *vis-à-vis* съ дядюшкинымъ, подвигалось другое кресло, третье, четвертое и иногда передъ нимъ образовывался цѣлый полукругъ кресель.

Поговорить дядюшка любилъ, говорилъ довольно краснорѣчиво, но всегда съ легкой ироніей и иногда эта иронія, что называется, безъ бритвы брила. Помню, — это уже было въ послѣдній годъ жизни дядюшки, когда ему, кажется, уже перевалило за восемьдесятъ — прїѣхалъ я изъ Петербурга на родину, ну, и конечно, первый визитъ къ старику. Встрѣтилъ онъ меня, по обыкновенію, привѣтливо и любезно на порогѣ своего кабинета, но одѣтъ уже былъ не въ бархатный пиджакъ, а въ халатъ.

— Ну, садись, разсказывай! — началъ онъ, подставивъ мнѣ для поцѣлуя сначала одну, а потомъ другую щеку. — Слышалъ я про тебя и даже читалъ, что ты теперь писательствуешь. Пьесы пишешь для театра?

— Да, дядюшка. И три мои комедіи уже поставлены на императорской сценѣ, — похвастался я.

— Ну, и съ успѣхомъ?

— Да, дядюшка.

— Такъ, такъ! — поддакнулъ онъ, потомъ, помолчавъ немнogo, не то спросилъ, не то сказалъ. — А Островскій-то умеръ.

— Да, дядюшка, недѣли три тому назадъ, — подтвердилъ я.

— Да, большой былъ драматургъ... Ну, чтожъ, пиши, пиши! —

одобрительно проговорилъ онъ и потомъ, послѣ маленькой паузы, вдругъ спросилъ: — Не помнить ли, какъ это у Шекспира, Гамлетъ, кажется, говоритъ: «когда великие умираютъ, маленькие дѣлаются великими?»

И въ глазахъ его вспыхнулъ огонекъ былой ироніи.

Я понялъ, что это — камешекъ въ мой городъ, и улыбнулся.

Гости, посѣтители и визитеры могли являться къ дядюшкѣ Ивану Максимовичу отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ дня, при чемъ засидѣвшіеся до половины четвертаго или явившіеся послѣ трехъ съ половиной часовъ считались какъ бы приглашенными къ обѣду. Приборъ ихъ ужъ былъ накрытъ. Въ четыре часа дядюшка поднимался съ кресла и, сказавъ: «милости просимъ откупшать», велъ гостя или гостей на вторую половину квартиры — въ столовую.

Обѣдъ неизмѣнно состоялъ изъ четырехъ блюдъ. Водки за столомъ никогда и ни для кого не подавалось. Закусокъ тоже никакихъ не было, но если былъ гость, то къ его прибору ставилась бутылка краснаго или бѣлаго бордосскаго вина. Передъ приборомъ же дядюшки стояла бутылка какого-то бѣленькаго, очень легкаго донскаго. Никакого другого онъ не пилъ и пить не могъ. Привычки для него были второй натурой. Мѣнять ихъ ему было очень трудно. Такъ, когда исчезъ въ продажѣ хороший Жуковъ табакъ и дядюшка *volens-nolens* долженъ былъ отказаться отъ трубки и перейти на сигары, онъ остановился на первыхъ же попавшихъ ему и уже до конца жизни неизмѣнно курилъ только этотъ разъ навсегда имъ выбранный сортъ. И нельзя сказать, чтобы сигары дядюшки были особенно хороши. Онъ были русскаго производства, кажется, рублей въ десять сотня. Но когда мой братъ, вернувшись изъ Америки, привезъ въ подарокъ дядѣ ящикъ великолѣпныхъ гаванскихъ сигаръ, то стариkъ, поблагодаривъ его за память и любезность, попробовать было сейчасъ же закурить одну изъ этихъ «регалий», но, сдѣлавъ двѣ-три затяжки, отложилъ ее въ сторону и, сказавъ: «нѣть, это мнѣ не по вкусу», принялъся за свою «русскую капустку».

Впрочемъ, для гостей дядюшка держалъ всегда особый ящикъ хорошихъ гаванскихъ сигаръ.

За столъ, къ обѣду всегда садились, кроме самого дядюшки, тетушка Елена Васильевна, ея двоюродная сестра Екатерина Александровна, воспитанница Сашенька и почти всегда одинъ или двое изъ приглашенныхъ. Обѣдъ проходилъ въ чинной бесѣдѣ. Затѣмъ, дядюшка тутъ же въ столовой пересаживался на кресло, закуривалъ сигару и, прихлебывая изъ чашки черный кофе, продолжалъ еще бесѣдоватъ со своимъ гостемъ ровно до половины шестаго. Затѣмъ, вставалъ, прощался и отправлялся къ себѣ въ спальню, гдѣ, умывшись и причесавшись, ложился спать.

Тетушка оставалась на своей половинѣ. Воспитанница Сашенька играла обыкновенно въ это время на рояль излюбленныя тетушкой пьесы.

Въ восемь часовъ дядюшка просыпался и выходилъ въ свой кабинетъ, но теперь уже садился не къ окну на кресло, а на кресло къ письменному столу. Туда подавался ему чай, и онъ, при свѣтѣ четырехъ свѣчей, принимался за чтеніе, но уже не газетъ, а книгу и писаніе какихъ-то записокъ.

Въ это время къ дядюшкѣ допускались только люди близкіе и интимные. Но имъ онъ всегда былъ очень радъ и охотно прерывалъ свою работу.

Въ полночь, въ кабинетъ безшумно входила тетушка и, перекрестивъ мужа, пожелавъ ему спокойной ночи, отправлялась въ спальню и ложилась спать. Дядюшка же сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ еще часа три и потомъ, уже самъ сдѣлавъ свой вечерній туалетъ, со свѣчкой въ рукахъ, въ халатѣ, шелъ въ спальню и тамъ на большой, двухспальной кровати, рядомъ со своей супругой, покойно отходилъ ко сну.

IV.

Дядюшка былъ не богатъ. У него было домъ и капиталъ, приносившій ему шесть тысячъ рублей въ годъ процентовъ. Вотъ и все. Но жить онъ такъ аккуратно, что этихъ денегъ ему и тетушкѣ хватало на все и поэтому онъ не считалъ нужнымъ заниматься комерціей, какъ дѣлали его другіе братья. Скупымъ его называть было нельзя, но тѣмъ болѣе нельзя было назвать и щедрымъ. Онъ былъ расчетливъ. Не любилъ онъ давать денегъ взаймы, а большихъ суммъ никогда никому и не давалъ. Бывало нужны деньги, что называется, до зарѣзу — придешь къ дядюшкѣ, попросишь, а онъ только улыбается.

— Погоди, — говорить, — до первого числа... Вотъ, какъ оно придется, я подсчитаю, сколько у меня отъ истекшаго мѣсяца останется, ну, и этотъ остатокъ, пожалуй, могу тебѣ дать, но уже отнюдь не взаймы, а безвозвратно.

А иногда заявить, что въ этомъ мѣсяцѣ ничего дать не можетъ, такъ какъ остатокъ расходной суммы имъ уже обѣщанъ заранѣе другому. Изъ капитала же ни подъ какимъ видомъ и ни для кого онъ бы колейки не взялъ. И это всѣ знали и поэтому не докучали ему бесполезными просьбами.

Тихо, холодно текла жизнь этихъ двухъ людей. Всѣ имъ оказывали глубокое уваженіе, но врядъ ли кто горячо любилъ ихъ, да если бы кто и любилъ, то не могъ бы и не сумѣть бы проявить свою любовь по отношенію къ нимъ. Никакой порывъ, ничто выходящее изъ нормы не допускалось въ этомъ домѣ. Голоса тамъ у всѣхъ звучали какъ-то ровно, и даже обыкновенно шумный и увлекающійся младшій братъ Ивана Максимовича, Алексѣй Ма-

ксимовичъ, переступая порогъ дядюшкинаго дома, какъ-то невольно стихалъ и умѣрялъ свои порывы.

Я забылъ сказать, что тетушка Елена Васильевна, выйдя замужъ за Ивана Максимовича, простила своему первому, такъ легко-мысленно ей измѣнившему, жениху. Именно — простила, но не забыла, и ихъ отношенія на всю уже дальнѣйшую жизнь пріобрѣли этотъ оттѣнокъ: съ одной стороны — человѣкъ простившій, а съ другой — человѣкъ прощенный. «Прощенному человѣку» эти отношенія, очевидно, не нравились, и потому Алексѣй Максимовичъ никогда особенно недолюбливаль тетушку Елену Васильевну. Онъ бывалъ у своего старшаго брата, не только простившаго, но и забывшаго его поступокъ, довольно часто; но неохотно оставался у него обѣдать, неохотно «шелъ на ту половину», т. е. на половину тетушки Елены Васильевны. Его широкой и горячей натурѣ было тамъ скучно и холодно, а эта полная, желтолицая дама съ большими круглыми глазами, съ плотно сжатыми, тонкими губами, очевидно будила въ немъ неособенно пріятныя воспоминанія, а можетъ быть, иногда не только непріятныя, но и тяжелыя, такъ какъ Алексѣй Максимовичъ недолго прожилъ съ своей красавицей и горячо любимой имъ женой, умершей въ самомъ, какъ говорится, цвѣтущемъ возрастѣ. Да и не одинъ Алексѣй Максимовичъ неохотно шелъ «на ту половину».

Помню, какъ непріятно было и намъ, дѣтямъ, когда насть по праздникамъ, принарядивъ и напомадивъ, возили на обязательный поклонъ къ дядюшкѣ Ивану Максимовичу, къ которому, какъ къ «старѣйшинѣ» нашей семьи, вся родня относилась съ большими почтеніемъ. Сколько наставленій, сколько напоминаній дѣлалось намъ, дѣтямъ, какъ держать себя у дядюшки, что говорить, какъ подойти къ ручкѣ къ тетушкѣ, какъ поздравить, и потомъ строго наказывалось вести себя чинно, не болтать лишняго, не шумѣть, опрятно кушать... ахъ, безъ конца! И ёдешь, бывало туда, какъ на закланіе, и только Бога молишь, чтобы тетушка обѣдать не остановила, потому что тогда весь праздникъ пропадетъ. Послѣ веселой, шумной, безалаберной атмосферы, царившей въ нашемъ домѣ, чинность и тишина дядюшкиныхъ комнатъ дѣйствовали на насть, дѣтей, самыми удручающимъ образомъ. Тетушка еще бывало непремѣнно за что нибудь выговоръ сдѣлаетъ. Просто бѣда! Только одно утѣшеніе и было, что наши гувернеры и гувернантки, сопровождавшіе насть, тоже смирялись и какъ-то робѣли подъ «круглымъ окомъ» тетушки Елены Васильевны. И вотъ сознаніе, что они тоже кого нибудь да боятся, вознаграждало за тоску и страхъ, переживаемый нами тамъ.

Впослѣдствіи, когда я подросъ, я сталъ довольно охотно ходить къ дядюшкѣ и съ удовольствиемъ бесѣдовалъ съ этимъ умнымъ и наблюдательнымъ старикомъ. Но тетушкина половина никогда не

привлекала меня, да и для всяких другихъ, съ каждымъ годомъ, тамъ становилось все жутче и жутче: здоровье тетушки портилось а вмѣстѣ съ этимъ и характеръ ея становился все непривѣтливѣе.

И вотъ, наконецъ, у насъ въ домѣ кто-то сказалъ, что доктора опредѣлили у тетушки водянку, и что дни ея сочтены.

Въ то время я былъ только что произведенъ въ офицеры и широко предавался всѣмъ радостямъ открывшейся мнѣ новой жизни. Только по праздникамъ да по воскресеньямъ на минутку заѣзжалъ я, чтобы поздравить дядюшку, и, къ стыду моему долженъ признаться, всегда радовался, когда мнѣ говорили, что на «ту половину» пройти нельзя, такъ какъ тетушкѣ дѣжалось все хуже и хуже, и она почти никого уже не принимала.

Тетушка умирала...

Кровать ея уже перенесли изъ спальни въ ея кабинетъ на ту половину, и она все свое время проводила неподвижно, или сидя въ своемъ креслѣ, или лежа въ постелѣ. Возлѣ нея безсмѣнно дежурила уже окончившая курсъ гимназіи воспитанница Сашенька, а допускались къ ней только самые близкіе, интимные люди. Она уже не выходила въ столовую къ обѣду, но весь порядокъ жизни дядюшки Ивана Максимовича шелъ самымъ обычнымъ образомъ, не измѣнившись ни на iota. Въ тѣ же часы вставалъ онъ, пилъ свой кофе и чай, предварительно опробованный тетушкой Еленой Васильевной, въ тѣ же часы онъ принималъ своихъ посѣтителей, въ тѣ же часы обѣдалъ. Однимъ словомъ, все измѣненіе въ его жизни состояло только въ томъ, что теперь онъ уже одинъ ночевалъ въ своей супружеской спальнѣ, да послѣ обѣда проводилъ часть возлѣ одра своей болѣющей супруги. Тетушка умирала, но и умирающая зорко слѣдила, чтобы порядокъ въ домѣ и особенно въ жизни дядюшки Ивана Максимовича ничѣмъ не нарушался.

Когда дядюшка Иванъ Максимовичъ, посидѣвъ съ нею послѣ обѣда часъ, отправлялся въ половинѣ шестого къ себѣ въ спальню отдохнуть, тетушка, какъ и прежде, приказывала воспитанницѣ Сашенькѣ садиться за стоявшій въ смежной съ ея кабинетомъ комнатѣ рояль и играть разныя излюбленныя ею пьесы.

Недѣли за двѣ до смерти она вдругъ приказала Сашенькѣ сыграть похоронный маршъ Шопена. Сердце замерло у бѣдной дѣвушки, но ослушаться приказанія своей благодѣтельницы она не смѣла, и вотъ скорбные, рыдающіе звуки полились изъ-подъ пальчиковъ Сашеньки, а изъ глазъ ея закапали слезы. Эта худенькая, блѣдная дѣвушка искренно любила тетушку Елену Васильевну. И съ этого вечера Сашенькѣ неизмѣнно приказывалось играть только похоронный маршъ Шопена.

А тетушка тутъ же, за стѣной, сидя въ креслѣ или полусидя въ постелѣ—лежать она уже не могла—слушала и умирала.

Тетушка Елена Васильевна умирала не одна: на антресоляхъ,

въ комнатѣ, какъ разъ расположенной надъ кабинетомъ тетушки, тоже медленно отходила въ вѣчность старушка, гувернантка тетушкина, Елизавета Андреевна. И одна умирающая то и дѣло спрашивалась о здоровье другой.

— Ну, какъ старуха-то на верху?— спрашивала кого нибудь тетушка.

— Шлоха,—неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Скажите ей, чтобы подождала умирать-то: чтобы намъ вмѣстѣ умереть, чтобы вмѣстѣ и хоронить насъ,—чуть слышно говорила тетушка.

А старушка-гувернантка тоже справлялась о здоровье своей воспитанницы и искренно боялась, какъ бы ей, старухѣ, не пережить свою питомицу-Леночку. И она сама торопила свою смерть, такъ медленно разрушавшую ея старенькое, совсѣмъ уже до костей высохшее тѣло.

Дней за пять до смерти, когда дядюшка Иванъ Максимовичъ запелъ послѣ обѣда посидѣть къ ней, тетушка велѣла ему пододвинуться поближе и заговорила:

— Я скоро умру, но ты не печалься и жизни своей не наруши. Живи, какъ жилъ, и будь такимъ же. Со мной, вѣроятно, вмѣстѣ умретъ и старуха моя, Елизавета Андреевна; хочу я, чтобы насы вмѣстѣ хоронили и могилу ей вырыли бы слѣва отъ моей могилы—справа будетъ могила твоя. На похоронахъ мнѣ никакого предпочтенія не дѣлать, а первое мѣсто уступить ей и имя ея раньше моего упоминать. А гроба чтобы были совершенно одинаковые, и поминать потомъ всегда вмѣстѣ. Въ случаѣ, ежели она раньше меня умретъ, похороны ся отложить — меня подождите. Она при жизни изсохла, и духу отъ нея не будетъ. Если же я раньше умру, меня хоронить, не ждать, потому что во мнѣ воды много.

— Хорошо,—тихо и серьзно отвѣтилъ дядюшка.

— Ну, а теперь, мой дружокъ, иди и отдохни,—отпустила она своего супруга, и какъ только онъ прошелъ на свою половину, воспитанница Сашенька заиграла похоронный маршъ Шопена.

Наканунѣ смерти тетушка пожелала проститься съ родными, и мы собрались въ довольно просторной гостиной и одинъ за другимъ проходили въ комнату умирающей. Настала моя очередь. Я вошелъ и вздрогнулъ: передо мной, на постелѣ, между громадныхъ, бѣлыхъ подушекъ, сидѣло что-то страшное, безформенное и какъ будто даже беззвѣтное. Я понялъ, что это была тетушка Елена Васильевна. Больше, круглые глаза ея пристально и упорно смотрѣли на меня, и потомъ эти глаза сдѣлали мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ ближе. Я приблизился,

— Ты офицеръ?—разслышалъ я вопросъ.

— Да, тетушка, недавно только произведенъ.

— Дядя мнѣ говорилъ обѣ этомъ, но сама я тебѣ еще офицеромъ не видала.

Проговоривъ эти слова, тетушка помолчала немнога, и потомъ начала опять этимъ ужаснымъ голосомъ умирающаго человѣка:

— Завтра, а, можетъ быть, и сегодня я увижу твою покойницу-мать. Мы соединимся съ ней тамъ.— И круглые глаза умирающей поднялись кверху.— Я увижу ее и все разскажу про тебѣ. Ей будетъ пріятно. Она тебѣ такъ горячо любила. Ну, а теперь, прости меня и ступай.

Я наклонился, поцѣловалъ лежащую поверхъ одѣяла желтую, мягкую руку и, едва сдерживая рыданія, вышелъ изъ комнаты; быстро прошелъ столовую, торопливо одѣлся въ передней и, выбѣжалъ изъ дома дядюшки, разрыдался.

«Она увидить мою покойную мать», шепталъ я и въ эту минуту глубоко вѣриль, что это именно такъ и будетъ.

Въ ночь наканунѣ смерти, тетушка позвала къ себѣ сестру Екатерину Александровну и горничную Марью Алексѣевну.

— Скоро отойду,—заговорила она, обращаясь къ нимъ.—Дѣдушку... (такъ всегда она звала своего мужа, дядюшку Ивана Максимовича) дѣдушку оставляю вамъ на руки. Смотрите! Берегите его у меня пуще глазу. Чтобъ пылинка на него не сѣла! Чтобъ на минутку не опоздать чего нибудь подать ему! Чтобъ онъ и не замѣтилъ, что меня и на свѣтѣ нѣтъ. А если упущеніе какое будетъ—смотрите! Я, вѣдь, и съ того свѣта приду, и бѣда вамъ!

«И взглядъ ея», какъ разсказывала мнѣ потомъ Екатерина Александровна, «въ эту минуту былъ такъ ужасенъ, что обѣ мы, т. е. и я, и Марья Алексѣевна, затрепетавъ, упали на колѣни и поклялись исполнить ея завѣтъ».

Прошла ночь, день прошелъ, насталъ часъ обѣда. Дядюшка Иванъ Максимовичъ, откусивъ, зашелъ къ своей супругѣ. Воспитаницѣ Сашенькѣ тетушка приказала играть похоронный маршъ Шопена, и супруги остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ, въ со всѣхъ сторонъ затворенной комнатѣ.

Часа черезъ два приѣхалъ докторъ и, войдя въ комнату къ умирающей, объявилъ сидѣвшему возлѣ нея въ креслѣ дядюшкѣ Ивану Максимовичу, что агонія уже началась, и скоро, вѣроятно, все будуть кончено.

Замѣръ весь домъ. Всѣ словно по щелямъ попрятались и стихли. И только въ одиннадцатомъ часу ночи, когда дядюшка Иванъ Максимовичъ вышелъ изъ кабинета Елены Васильевны и своей ровной, неторопливой походкой, но теперь уже съ опущенной внизъ головой, прошелъ на свою половину,—всѣ поняли, что тетушка Елена Васильевна скончалась.

И началось тутъ то, что обыкновенно начинается возлѣ только что умершаго человѣка: слезы, рыданія, безтолковая суетня, не-

связный испотъ, растерянныя лица. Но на половинѣ у дядюшки попрежнему было все тихо, а самъ онъ, совсѣмъ одѣтый, стоялъ на колѣняхъ въ своеемъ кабинетѣ передъ образомъ Казанской Божией Матери и, повидимому, спокойно, безъ слезъ, молился . . .

Часу въ пятомъ утра, которая-то изъ горничныхъ дѣвушекъ забѣжала на антресоли и заглянула въ комнату всѣми забытой въ суматохѣ, умиравшей Елизаветы Андреевны. Старушка поманила ее къ себѣ рукой.

— Ну, какъ Елена-то Васильевна? — угасающимъ шепотомъ спросила она.

— Ахъ, Елизавета Андреевна, развѣ вы не знаете? Елена Васильевна ужъ часовъ пять, какъ скончались! — отвѣтила горничная.

— Ахъ, чтожъ... ну, вотъ... ахъ, чтожъ... ну, какъ мнѣ... вотъ и не сказали... А я, и ну... ахъ!.. заволновалась старушка, и никто и не замѣтилъ, какъ и когда она умерла.

Утромъ, въ постелѣ, нашли ее уже остывшей.

V.

Едва ли существуетъ гдѣ нибудь большая, старая семья, въ преданіяхъ которой не сохранилось разсказа о какомъ нибудь сверхъестественномъ, непостижимомъ, чудесномъ случаѣ. Но въ нашей, въ то время еще здоровой нервами, семье, такъ сравнительно недавно вышедшей изъ нѣдръ простого народа, такого разсказа не существовало. Тетушка Елена Васильевна, послѣ своей смерти, пополнила эту пробѣль.

Впрочемъ, прежде чѣмъ разскажу это событие, я позволю себѣ вкратцѣ разсказать, что послѣдовало непосредственно за кончиной Елены Васильевны. Прежде всего, конечно, послѣдовали похороны, пышные и торжественные похороны. Распоряжался ими почему-то стариекъ вице-губернаторъ, неизмѣнныи, добрый другъ покойной тетушки. И надо отдать ему справедливость, что устроилъ онъ это все очень хорошо, а главное почти никаколько не нарушивъ образа жизни дядюшки Ивана Максимовича. Дядюшка, конечно, присутствовалъ на всѣхъ панихидахъ, но панихиды эти назначались именно въ тѣ часы, когда дядюшкѣ было удобно. Дядюшка былъ молчаливъ, серьезенъ, но отнюдь не имѣлъ вида человѣка, убитаго горемъ.

— Философъ, — говорили про него одни знакомые, посѣщавшіе панихиды.

— Да чтожъ ему убиваться-то? Вѣдь, поди, и самъ собирается уже вслѣдъ за своей вѣрной подругой, — объясняли другіе.

Два гроба, совершенно одинаковыхъ, стояли въ переднемъ углу большой залы и двѣ покойницы — тетушка и ея гувернантка — ле-

жали въ этихъ гробахъ. Дядюшка, на этотъ разъ въ черномъ сюртукѣ и черномъ галстукѣ, стоялъ въ ногахъ, какъ разъ посрединѣ между двумя гробами, и молился. А сзади стояли родня и знакомые.

На третій день гробы подняли и на рукахъ понесли въ довольно отдаленный отъ города монастырь. Дядюшку тепло одѣли и усадили въ большую карету, запряженную двумя старыми, уже едва передвигавшими ноги, бѣлыми рысаками. И карета медленно поплыла за гробами.

Кортежъ былъ очень внушительный. Длинной вереницей шло духовенство, масса дѣтей изъ разныхъ покровительствуемыхъ тетушки приютовъ; множество именитыхъ гражданъ и начальства и большая толпа народа.

А въ монастырѣ ждали уже двѣ готовыхъ, рядомъ вырытыхъ, могилы и вся монастырская братія.

Отслужили обѣдню, отгѣли покойницъ, и имя «Елизаветы» всегда упоминалось передъ именемъ «Елены». Опустили въ могилы, сказали нѣсколько прочувствованныхъ словъ, засыпали могилы землей. Дядюшка задумчиво постоялъ нѣсколько минутъ между ними, потомъ перешелъ на мѣсто, назначенное для его могилы—тутъ же, рядомъ, справа отъ тетушки, и на немъ немного постоялъ и тоже о чѣмъ-то подумалъ; потомъ, сѣвъ въ свою карету, посадилъ съ собой старичка вице-губернатора, и былые рысаки неторопливо, разбитой рысцой потащили двухъ старцевъ обратно въ городъ.

Дома былъ приготовленъ поминальный обѣдъ человѣкъ на сто, и въ той же самой залѣ, гдѣ только что передъ этимъ стояли два гроба, живые люди принялись за обильную трапезу. Соборный протодіаконъ своимъ могучимъ басомъ удивительно красиво провозгласилъ вѣчную память покойницамъ и всѣ выпили по стаканчику какого-то особенного поминального питья. Дядюшка присутствовалъ, но не кушалъ и ничего не пилъ.

Послѣ обѣда гости быстро разошлись. Дядюшка прошелъ къ себѣ въ спальню, переодѣлся изъ сюртука въ халатъ — съ этого дня ужъ онъ не зналъ другого костюма—затѣмъ, онъ отправился «на ту половину», гдѣ въ столовой былъ уже накрытъ столъ для простого, обыкновенного домашняго обѣда. Екатерина Александровна и Сашенька, одѣтые во все черное, стояли возлѣ своихъ приборовъ. Дядюшка сѣлъ, покушалъ, выпилъ стаканчикъ своего бѣлаго донскаго, потомъ перешелъ на другое кресло, закурилъ сигару, и ему подали чашку чернаго кофе...

И жизнь потекла опять для него своимъ обычнымъ, ненарушеннымъ порядкомъ.

Прошло дней пять. Младшій братъ дядюшки, Алексѣй Максимовичъ, вернулся изъ-за границы и, какъ всегда, привезъ съ собою массу новинокъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько особо усовершенствованныхъ горѣлокъ для лампъ, подъ названіемъ «ми-

травльеза». И вотъ, отправляясь первый же разъ по пріѣздѣ къ своему старшему брату, Алексѣй Максимовичъ захватилъ въ подарокъ ему прекрасную кабинетную лампу съ новой горѣлкой «митральезой».

До сихъ поръ въ домѣ дядюшки, по крайней мѣрѣ въ парадныхъ комнатахъ, никогда и никакихъ лампъ не бывало. Горѣли исключительно свѣчи, но Алексѣй Максимовичъ, горячій поклонникъ всего новаго, всякихъ новыхъ открытій и изобрѣтеній, сумѣлъ убѣдить старшаго брата не только принять лампу въ подарокъ, но и употребить ее въ дѣло.

И вотъ какъ разъ въ эту-то ночь и случилось то необъяснимое событіе, о которомъ я упомянуль въ началѣ главы.

Часовъ въ пять утра Екатерина Александровна, принявшая теперь уже безраздѣльно въ свои руки все хозяйство, проснулась въ неописуемомъ ужасѣ. Трепеща всѣмъ тѣломъ и обливаясь холоднымъ потомъ, вскочила она съ своей кровати и бросилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ спала ея помощница, Марья Алексѣевна.

— Что съ вами, Екатерина Александровна?—испуганно спросила та, разбуженная этимъ несвоевременнымъ посѣщеніемъ.

— Боже мой! Боже мой!—дрожала Екатерина Александровна, не въ силахъ еще отъ страха разсказать, что съ ней случилось.

— Сестру я видѣла! Сестру Елену Васильевну!—начала она, наконецъ, послѣ того, какъ Марья Алексѣевна дала ей какихъ-то капель.—Пришла она ко мнѣ, одѣтая вся въ бломъ, въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ ее въ гробъ положили, пришла, посмотрѣла на меня своими глазами, надавила мнѣ рукой на грудь, тяжело надавила, да и говоритъ: «ты это что же? Развѣ я не тебѣ поручила дѣдушку? Развѣ я не тебѣ наказывала печись о немъ? Слѣдить, чтобы на него соринка не упала, пылинка не сѣла? А ты до чего довела? Ты моего Ивана Максимовича въ арапа превратила? Негромъ сдѣлала? Чернѣе сажи онъ сталъ! Такъ-то ты за нимъ смотришь! Ну, говоритъ, берегись, Катерина! Я съ тобой расправлюсь не по здѣшнему!» И, тиснувъ еще разъ мнѣ грудь рукой, исчезла.

Задрожала отъ этого разсказа и Марья Алексѣевна, и обѣ женщины, робко прижавшись другъ къ другу, долго просидѣли молча, не зная, что имъ дѣлать. Первая спохватилась Екатерина Александровна.

— Пойдемъ, пойдемъ, Марья, молиться!—предложила, наконецъ, она, и онѣ робко, то и дѣло вздрагивая, отправились въ комнату, гдѣ скончалась Елена Васильевна, и гдѣ передъ иконой Божией Матери постоянно теплилась лампада.

Тамъ онѣ зажгли еще нѣсколько восковыхъ свѣчей и, укрѣпивъ ихъ передъ большимъ киотомъ, опустились на колѣни и стали молиться.

Сталъ заниматься поздній зимній день, а двѣ бѣдныхъ женщины все еще молились обѣ упокоеніи души рабы Божией Елены.

Но вотъ насталъ часъ и обычныхъ дневныхъ хлопотъ. Изъ кухни уже принесли горячія булочки и ватрушки, Катерина Александровна принялась готовить чай и кофе для дядюшки Ивана Максимовича; а Марья Алексѣвна, зная, что онъ сейчасъ долженъ проснуться, отправилась къ нему на половину съ кувшиномъ свѣжей воды для умыванія. И недолго ей пришлось проходить у дверей спальни. Скоро донеслось оттуда характерное старицкое кряхтѣніе, скрипнула деревянная кровать, зашлепали туфли и только что успѣлъ дядюшка проговорить свое обычное «Марья, можешь войти», Марья Алексѣвна уже беззвучно вошла въ спальню.

Дядюшка стоялъ передъ умывальникомъ (теперь его уборная уже была перенесена въ спальню) и собирался умываться. Марья Алексѣвна съ кувшиномъ воды подошла къ нему и стала поливать на руки. Но едва успѣла она плеснуть въ первый разъ, какъ, похолодѣвъ отъ ужаса, выронила изъ рукъ кувшинъ и съ перекосившимся лицомъ прижалась къ стѣнѣ: и руки, и лицо дядюшки были покрыты сажей, и черная грязь потекла съ нихъ въ тазъ.

— Что? Что это такое?—испугался и самъ стариkъ, и не столько этой сажи, сколько испуга своей горничной.

Марья Алексѣвна побѣжала на ту половину за другимъ кувшиномъ и тамъ встрѣтившей ее Екатеринѣ Александровнѣ успѣла только шепнуть: «весь черный, въ сажѣ, словно арапъ!»

Дѣло выяснилось: лампа «митральеза», подаренная Алексѣемъ Максимовичемъ и горѣвшая съ восьми часовъ до четырехъ въ кабинетѣ дядюшки, все время немилосердно коптила, а стариkъ, погруженный въ свои занятія и думы, не замѣчалъ этого. Въ этотъ же вечеръ онъ впервые нарушилъ свой обычай тщательно умываться передъ отходомъ ко сну. И такимъ образомъ все это оказалось очень просто и ясно... Но вѣцій сонъ Екатерины Александровны, странное явленіе покойницы-тетушки, такъ и осталось чудеснымъ, необъяснимымъ событиемъ въ нашей семье.

Весь день мыли и чистили кабинетъ дядюшки и смежную съ нимъ гостиную, и Иванъ Максимовичъ, поэтому, долженъ былъ необычно проводить это время на «той половинѣ», въ комнатѣ покойной Елены Васильевны. Но съ этого дня зато уже порядокъ жизни въ домѣ не нарушался ничѣмъ до самой смерти Ивана Максимовича. Не нарушила его и свадьба воспитанницы Сашеньки, черезъ годъ послѣ смерти Елены Васильевны вышедшей замужъ за очень почтенного человѣка и поселившейся съ мужемъ въ томъ же домѣ, въ квартирѣ, отведенной имъ въ нижнемъ этажѣ, подъ дядюшкой половиной, раньше всегда сдававшейся какимъ-то жильцамъ. Не нарушали его и почти каждый годъ рождавшіяся дѣти этой Сашеньки. Все было попрежнему, постарому, только бархатный пиджакъ смѣнился теплымъ халатомъ.

Бывали, впрочемъ, попытки со стороны дядюшки нарушить этотъ

режимъ. Иногда, въ ясный зимній день или въ теплый, свѣтлый, весенній вечеръ, онъ вдругъ скажетъ:

— А поѣду-ка я сегодня покататься!

Ну, сейчашь отдается приказаніе старому кучеру запрягать лошадь — теперь уже одну лошадь, потому что оба бѣлыхъ рысака, переживъ всѣ положенные для конской жизни сроки, наконецъ все-таки окончили, и ихъ смѣнилъ какой-то громадный гнѣдой конь, тоже необычайно старый и запрягавшійся только исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда Екатерина Александровна ъездила въ церковь. Ну, вотъ, заложать этого коня въ сани или пролетку, Марья Алексѣевна одѣнеть дядюшку, повяжетъ ему шарфъ вокругъ шеи, сама застегнетъ перчатки, и тотъ, неторопясь, спустится на крыльцо, взглянетъ на лошадь, на небо и потомъ, улыбнувшись, скажетъ:

— Нѣть, должно быть, сегодня холодно.

А если это весной, то:

— По всей вѣроятности, въ городѣ страшная пыль.

И такъ же, не торопясь, поднимется обратно по лѣстницѣ, разоблачится, переодѣнется въ халатъ, да и засядетъ въ своеемъ кабинетѣ года на три, т. е. до новой попытки прокатиться.

Дядюшка жилъ долго. Умеръ и его другъ, старишокъ вице-губернаторъ, послѣдня пятнадцать лѣтъ бывшій уже въ отставкѣ; умеръ и домашній докторъ — нового такъ и не заводили, да и незачѣмъ было, такъ какъ дядюшка всегда былъ здоровъ; умеръ, впрочемъ предварительно не безъ скандала слетѣвъ съ мѣста, и его врагъ, губернаторъ-помпадуръ С.; постарѣлъ и одряхлѣлъ разбитый парличомъ меньшой братъ дядюшки, Алексѣй Максимовичъ; посѣдѣла и сгорбилась Екатерина Александровна; расцвѣла и располнѣла воспитанница Сашенька; получилъ дѣйствительного статскаго советника ея почтенный супругъ; переодѣлись въ гимназические мундирчики ихъ старшіе мальчики, а дядюшка все жилъ, жилъ и на видъ не старѣлъ даже совсѣмъ и потомъ... какъ-то почти вдругъ ему наѣло жить, онъ взялъ да и умеръ.

VI.

Смерть дядюшки Ивана Максимовича, несмотря на его болѣе, чѣмъ преклонный возрастъ, была для всѣхъ полной неожиданностью, такъ какъ умеръ онъ, пользуясь ненарушимымъ здоровьемъ, да и притомъ до чрезвычайности странно.

Правда, потомъ уже многіе поняли, что онъ еще за годъ до смерти началъ готовиться къ ней, но готовился онъ такъ тайно, что обнаружилось это только черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, когда было вскрыто духовное завѣщаніе.

Умеръ дядюшка въ сущности до крайности просто, и вотъ эта-то

простота казалась, да и теперь еще кажется, для всѣхъ свидѣтелей его смерти, крайне необычной, неестественной даже.

Дѣло было такъ: наступило 25-ое марта, день рожденія дядюшки. Къ двѣнадцати часамъ дня собрались въ его гостиной, для принесенія поздравленія, довольно еще многочисленные знакомые, почитатели и родственники старика. Собрались и съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга: дядюшки въ кабинетѣ не было, а между тѣмъ къ этому часу онъ долженъ быть бы, прочитавъ всѣ газеты, начать свой обычный пріемъ.

— Что же это такое? Неужели еще онъ изъ спальни до сихъ поръ не выходитъ?—слышался недоумѣвающій шепотъ.

Начали беспокоиться. Но вотъ въ залѣ глухо загудѣли старинные часы и пробили двѣнадцать, и съ послѣднимъ ударомъ ихъ, вмѣсто дядюшки, на порогѣ гостиной появилась Марья Алексѣевна.

— Иванъ Максимовичъ извиняются и изъ спальни сегодня не выйдутъ. Желающихъ же поздравить ихъ просить пожаловать туда,—какимъ-то страннымъ и неувѣреннымъ голосомъ проговорила она.

Всѣ испуганно переглянулись.

— Что жь онъ боленъ?—спросилъ кто-то Марью Алексѣевну.

— Не могу знать-съ. По виду ничего незамѣтно-съ. Только кофе не кушали,—отвѣтила старушка.

Всѣмъ сразу идти въ спальню показалось неудобно, и потому решено было, что первыми войдутъ ближайшіе родственники, то есть Алексѣй Максимовичъ, Сашенька съ супругомъ и дѣтками, Екатерина Александровна и еще двое-трое изъ родныхъ.

Почему-то на ципочкахъ и испуганно переглядываясь, отправились они къ дверямъ спальни. Первымъ отворилъ ихъ и вошелъ Алексѣй Максимовичъ.

На большой, рѣзной орѣховой кровати, на высоко взбитыхъ подушкахъ, подъ шерстянымъ вязанымъ еще руками Елены Васильевны одѣяломъ, полулежалъ, полусидѣлъ дядюшка Иванъ Максимовичъ. Волна серебристыхъ, тщательно расчесанныхъ, но уже сильно покрѣпѣвшихъ кудрей и широкая, бѣлая, красивая борода обрамляли его совершенно здоровое, а по возрасту даже удивительно еще свѣжее лицо. Весело посматривалъ онъ на входившихъ и привѣтливо улыбался.

— Благодарю! Благодарю отъ души за память,—ласково отвѣчалъ онъ на поздравленія и почти нѣжно поглаживалъ головки приблизившихся къ его кровати дѣтей.

— Братъ, что съ тобой? Здоровъ ли ты? Отчего ты въ постелѣ?—спросилъ Алексѣй Максимовичъ.

Дядюшка улыбнулся.

— Здоровъ, какъ можетъ быть здоровъ почти столѣтній старецъ. А отчего я не встаю съ постели, отчего я не выхожу изъ спальни...—началъ было дядюшка и на минуту замолкъ.

— Да, отчего?—повторилъ свой вопросъ Алексѣй Максимовичъ.

— А скажи мнѣ, братъ, зачѣмъ я долженъ вставать съ постели и выходить изъ спальни?—вопросомъ на вопросъ отвѣтилъ дядюшка.

— Какъ, зачѣмъ?—нѣсколько растерявшись, заговорилъ Алексѣй Максимовичъ.—Да оттого, что нельзя же здоровому человѣку постоянно лежать въ постелѣ. Это нездороно даже.

— Въ моемъ возрастѣ не можетъ быть уже и рѣчи о томъ, что здорово и нездороно. Все здорово и все нездороно. Старое тѣло устало жить и двигаться, и пусть лежитъ оно покойно. Восемьдесятъ семь лѣтъ, каждое утро оно поднималось, двигалось, одѣвалось, пило, єло, дѣлало что-то для того, чтобы каждый же вечеръ, раздѣвшись, улечься въ постель. Довольно этого. Пусть ужъ лежитъ, чтобы... не ложиться.

Проговоривъ эту сравнительно большую тираду, дядюшка замѣтно ослабѣлъ и даже закрылъ глаза. И всѣ присутствующіе тихо вышли изъ спальни.

Пройдя въ гостиную, они составили тамъ домашній совѣтъ. Рѣшено было пригласить доктора, а, если понадобится, даже созвать консиліумъ. Слова и этотъ спокойный видъ дядюшки почему-то смущали всѣхъ, а то, что онъ, проговоривъ только нѣсколько фразъ, такъ замѣтно ослабѣлъ, всѣхъ серьезно пугало. Но безъ разрѣшенія старика привести къ нему доктора все-таки не рѣшались и поэтому условились подождать до завтрашняго утра. Посторонніе гости, собравшіеся для поздравленія, разѣхались, а родные учредили, такъ сказать, дежурство въ дядюшкиной квартирѣ.

Прошелъ день. Иванъ Максимовичъ лежалъ въ своей постелѣ, очень мало кушалъ, отказался отъ вина и не курилъ сигаръ. Къ утру онъ замѣтно поблѣдѣлъ и даже какъ будто похудѣлъ немного.

Тутъ уже родные рѣшились упросить его принять доктора. Иванъ Максимовичъ улыбнулся и согласился. Пріѣхалъ докторъ. Это былъ знаменитый въ напечъ краѣ профессоръ Николай Андреевичъ В., пользовавшійся репутацией не только несравненнаго врача, но и замѣчательно умнаго человѣка. Имя его произносилось на ряду съ именами Боткина и Захарьина.

Пробывъ съ полчаса въ спальнѣ Ивана Максимовича, онъ вышелъ въ гостиную, гдѣ домочадцы ждали его приговара.

— Ну, что?—первымъ спросилъ Алексѣй Максимовичъ.

— Да что! Я всегда былъувѣренъ, что Иванъ Максимовичъ умный старикъ. Жаль, что поздно я съ нимъ познакомился.

— Да нѣть, какъ его здоровье-то?—перебилъ кто-то профессора.

— О, здоровье у него удивительное! Такого здоровья ни у кого изъ насъ нѣть, да и не было.

— Такъ отчего же онъ въ постелѣ лежитъ, не встаетъ?

— Какъ отчего? Оттого, что умираеть,— совсѣмъ просто отвѣтилъ докторъ.

— Умираеть?—испуганно повторили присутствующіе.—Но вѣдь должна же быть какая нибудь причина смерти?

— Ахъ, причинъ умереть у каждого изъ насъ всегда достаточно, только далеко не всегда мы знаемъ ихъ, а вотъ онъ,— и докторъ кивнулъ головой на спальню,—даже знаетъ эту причину.

— Да что же это за причина?—уже нетерпѣливо спросилъ Алексѣй Максимовичъ.

— Восемьдесятъ семь лѣть и... надоѣло каждое утро вставать для того, чтобы вечеромъ ложиться.

И докторъ, улыбнувшись, сталъ прощаться съ присутствующими.

— Да, кстати! Если вы хотите позвать къ нему духовника, то не стѣсняйтесь. Онъ ничего противъ этого не имѣеть, то-есть я хотѣль сказать, что это уже не напугаетъ его,—добавилъ докторъ на порогѣ передней и, накинувъ на себя шинель, торопливо пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

— Послушайте, Николай Андреевичъ,—крикнулъ сверху Алексѣй Максимовичъ.—Внутри-то есть какой нибудь процессъ?

— Нѣтъ, ничего нѣтъ, только сердце гаснетъ,—уже отворяя дверь на улицу, отозвался профессоръ.

Дядюшка умиралъ тихо и спокойно. Спокойно принялъ онъ духовника, исповѣдался и причастился; спокойно посматривалъ онъ и даже немного бесѣдоваль съ кѣмъ нибудь изъ постоянно дежурившихъ въ его спальнѣ родственниковъ, больше всего съ братомъ, Алексѣемъ Максимовичемъ, но слова его отнюдь не носили какого нибудь торжественнаго или даже важнаго характера. О смерти съ нимъ, естественно, никто не рѣшался заговаривать, и поэтому онъ и самъ не говорилъ о ней и только разъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, и то словно про себя, онъ сказалъ:

— А вѣдь умирать совсѣмъ не страшно.

И въ его спальнѣ совсѣмъ не вѣяло смертью. Даже не чувствовалось атмосферы, которая обыкновенно окружаетъ тяжело больного человѣка. Въ ней было свѣтло и даже привѣтливо, и если бы не съ каждымъ днемъ замѣтно ослабѣвшія силы старика и словно истлѣвшее его тѣло, можно было бы подумать, что онъ просто по капризу лежитъ въ постель и лѣнится вставать. Отъ всякихъ лѣкарствъ и укрѣпляющихъ средствъ онъ наотрѣзъ отказался. Худѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ часомъ, говорилъ все меныше и меныше и все болѣе и болѣе слабѣющимъ голосомъ. Старикъ угасъ, а возлѣ него были близкіе люди, и никто не плакалъ, никто не рѣшался заплакать. Только Александра Ивановна, то-есть бывшая воспитанница Сашенька, а теперь уже мать семейства и штатская генеральша, поднималась иногда снизу, изъ своей квартиры, съ красными, заплаканными глазами, но и она, входя въ комнату

умиравшаго, старалась принять совершенно спокойный видъ. На разбитаго же параличомъ Алексея Максимовича умирание брата производило даже какое-то ободряющее впечатлѣніе. Онъ сталъ менѣе раздражителенъ, спокойнѣе смотрѣлъ на свою парализованную руку и волочащуюся ногу и не такъ уже сердился, когда его языкъ не слушался и не сразу выговаривалъ то, что хотѣлъ сказать Алексей Максимовичъ.

Шесть дней пролежалъ въ постелѣ Иванъ Максимовичъ и почти высохъ за эти шесть дней. Шерстяное одѣяло опускалось все ниже и ниже и плотнѣе прилегало къ кровати. Вмѣсто тучнаго тѣла подъ нимъ, казалось, лежали уже старыя кости.

На седьмое утро онъ уже былъ такъ слабъ, что говорить не могъ совсѣмъ, но видимо еще узнавалъ присутствующихъ въ его спальнѣ и дѣлалъ попытки привѣтливо улыбнуться имъ. Но вотъ его глаза какъ-то сами собой закрылись, дыханіе стало тише, онъ не то заснулъ, не то забылся, а черезъ часть прїехавшій молодой докторъ объявилъ, что все кончено...

Хоронили дядюшку Ивана Максимовича съ большой торжественностью. Въ думѣ было назначено экстренное засѣданіе о томъ, какъ почтить память человѣка, стоявшаго во главѣ городскаго самоуправленія чуть ли не болѣе двадцати лѣтъ, и решено было, что городъ поставитъ ему на могилѣ памятникъ. Надъ могилой произнесено было много рѣчей. Состязались лучшіе губернскіе ораторы. Конечно, не забыты были, всегда произносимые въ этихъ случаяхъ, стихи, гласящіе почти про каждого усопшаго въ почтенномъ возрастѣ, что

«Покойно почилъ онъ, зане совершилъ
Въ предѣлахъ земли все земное».

Но что именно совершилъ дядюшка Иванъ Максимовичъ, это такъ и осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ. Прожилъ восемьдесятъ семь лѣтъ. Изъ нихъ около двадцати лѣтъ предсѣдательствовалъ въ думѣ, то-есть руководилъ преніями и отстаивалъ «городскую копейку»; сочувственно относился къ хорошимъ начинаніямъ, не одобрялъ дурныхъ. Оставилъ послѣ себя совершенно честное, безъ малѣйшаго пятнышка имя. Вотъ и все! Мало этого? Не знаю. Можетъ быть, и довольно; можетъ быть, даже и очень довольно, потому что далеко не всѣмъ это удается. Можетъ быть, и впрямь слова:

«Покойно почилъ онъ, зане совершилъ
Въ предѣлахъ земли все земное», —

звучали на его могилѣ, какъ нельзѧ болѣе умѣстно. Все, что дано ему было вмѣстить, онъ и вмѣстилъ, а большаго отъ него и требовать нельзѧ было. Необъятнаго никто не обниметь, а предѣль объятнаго—для каждого человѣка свой положень...

Послѣ смерти дядюшки былъ вскрыть его письменный столъ. Тамъ оказалось: конвертъ съ пятью стами рублями денегъ и съ надписью на немъ: «На мои похороны», духовное завѣщаніе и письмо на имя Алексѣя Максимовича.

Духовное завѣщаніе привело всѣхъ въ крайнее недоумѣніе, потому что въ немъ совершенно ничего не говорилось о капиталѣ, болѣе ста тысячъ рублей, числившемся у дядюшки Ивана Максимовича. Въ немъ говорилось только о домѣ, въ которомъ жилъ и умеръ старикъ, и который онъ завѣщалъ дѣтямъ бывшей воспитанницы Сапенъки, а нынѣ Александры Ивановны. Письмо къ Алексѣю Максимовичу разъяснило все.

Оказалось, что въ послѣдній годъ своей жизни дядюшка вдругъ сталъ раздаватъ свой капиталъ, который ранѣе такъ свято оберегался. И раздавалъ крупными кушами, отъ десяти тысячъ и болѣе, и давалъ на нужду дѣйствительную и чрезвычайно разумно. Такъ, самому Алексѣю Максимовичу, дѣла которого уже въ это время пошатнулись, онъ отдалъ чуть ли не за мѣсяцъ до смерти послѣднія сорокъ тысячъ, а раньше этого онъ далъ двадцать тысячъ нѣсколько зацутавшемуся въ дѣлахъ племяннику; пятнадцать тысячъ бѣдной и обремененной большой семьей родственницѣ и т. д. до послѣдней копейки, такъ что ко дню его смерти у него оставалось всего на всѣго пять сотъ рублей, завѣщанныхъ имъ на свои похороны.

Дальше дядюшкѣ, значитъ, и жить нельзя бы было, потому что жить бы было не на что. Но деньги были раздаваемы такъ, что знали обѣ этомъ только тѣ, кто ихъ получалъ. Въ посмертномъ же письмѣ къ Алексѣю Максимовичу дядюшкѣ, объясняя такое полное израсходованіе своего капитала, просилъ всѣхъ принявшихъ отъ него помошь, отнюдь не считать себя въ долгу ни передъ его памятью, ни передъ другими законными наследниками.

Стало быть, за годъ еще онъ почувствовалъ приближеніе смерти и дѣльно, какъ хороший хозяинъ, распорядился своимъ состояніемъ.

Многіе всему этому очень удивлялись, да и удивляются до сихъ поръ, а я думаю, что это такъ просто: старикъ только ясно сознавалъ, что онъ непремѣнно умретъ. Молодымъ это сознаніе почти совсѣмъ недоступно, да немало и стариковъ, которые гонять его отъ себя прочь и закрываютъ глаза предъ неизбѣжностью смерти.

Влад. Тихоновъ.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБЪ А. Г. РУБИНШТЕЙНѢ.

В ВЕСНЫ 1892 по апрѣль 1893 года, я провела въ Дрезденѣ, гдѣ имѣла случай часто видѣть Антона Григорьевича Рубинштейна. Въ это время онъ жилъ въ гостиницѣ Зендига, Европаисcher Hof. Гостиница эта лучшая не только въ Дрезденѣ, но, вѣроятно, во всей Саксоніи, заслуживаетъ того, чтобы описанію ея посвятить нѣсколько строкъ. Она расположена вблизи вокзала, представляеть собой одно изъ красивѣйшихъ зданій города, фасадомъ своимъ выходитъ на главную улицу и занимаетъ чуть ли не цѣлый кварталъ. Ея внутренній комфорть и роскошная отделька еще не составляютъ главнаго достоинства — оно заключается въ удивительной стройности порядковъ, во внимательномъ отношеніи къ прѣзжимъ всего персонала, начиная съ самого хозяина и кончая маленькимъ «пажемъ» (казачкомъ).

Въ отношеніяхъ хозяина къ своимъ постояльцамъ нѣть ни малѣйшаго торгащества, они скорѣе даже носять нѣкоторый оттенокъ рыдарства, такъ, напримѣръ: всѣ долго живущіе пенсионеры получаютъ отъ него на Новый годъ и Пасху по роскошной корзинѣ цветовъ. Не мудрено, что такой человѣкъ отнесся съ должнымъ уваженiemъ къ желанію А. Г. поселиться у него и ради чести украсить списокъ своихъ гостей славнымъ именемъ Рубинштейна согласился на довольно стѣснительныя для себя условія, напримѣръ, чтобы въ сосѣднихъ комнатахъ никто не смѣлъ играть въ часы, когда А. Г. бывалъ дома. Однажды мы застали А. Г. чрезвычайно разстроеннымъ, но онъ не пожелалъ сообщить причину, приведшую

его въ это состояніе, и три дня крѣпился, дѣлясь все болѣе и болѣе нервнымъ. Наконецъ не выдержалъ и сказалъ: «А мнѣ, кажется, придется отсюда уѣхать!» Оказалось, что въ номерѣ рядомъ съ нимъ поселилась жена какого-то посла и, желая, вѣроятно, похвастаться своимъ искусствомъ передъ знаменитымъ сосѣдомъ, цѣлый день угощала его своей игрой, соло и со скрипкой, и въ довершеніе несчастія исполняла сочиненія А. Г., чего онъ вообще не любилъ. Прислушиваясь невольно все время къ звукамъ, раздававшимся за стѣной, А. Г. совсѣмъ не могъ работать, пришелъ въ страшно нервное состояніе и собирался уже выѣхать, не зная, какъ пресѣчь это зло. Но, по первому же заявлѣнію Зендигу, послѣдній распорядился предложить слишкомъ усердной дилетанткѣ или прекратить игру, или выѣхать. Она страшно разобидѣлась, и на слѣдующій день ея комната опустѣла, а успокоенный А. Г. предался опять мирно своимъ занятіямъ.

Позволю себѣ маленько отступленіе, чтобы разсказать кстати нѣсколько подобныхъ случаевъ, слышанныхъ много отъ самого А. Г. Какъ-то разъ, во время пребыванія его въ одномъ изъ большихъ городовъ, въ его номерѣ вечеромъ собралось нѣсколько друзей, и по просьбѣ ихъ онъ сѣлъ за рояль. Вдругъ во время игры раздается стукъ въ дверь, и вошедшей лакей докладываетъ, что ея превосходительство, генеральша Х., занимающаясосѣдній номеръ, просить прекратить музыку, такъ какъ она ей мѣшаетъ. А. Г., котому, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни пришлось слышать такую просьбу, а не обратную, немедленно закрылъ рояль и послалъ генеральшѣ свою визитную карточку со словами, что онъ очень извиняется за причиненное ей беспокойство. Когда генеральша увидѣла, кого она просила прекратить игру, то до такой степени была смущена, что немедленно собрала свои пожитки и въ тогдже вечеръ уѣхала изъ отеля. Другой разъ, въ одномъ изъ городовъ Шотландіи, когда А. Г. въ воскресный день въ обычное время сѣлъ упражняться на инструментѣ, въ комнату вспѣль инспекторъ и попросилъ перестать, такъ какъ онъ своей игрой нарушаетъ воскресный покой. Но однажды съ Р. былъ совершенно обратный случай: въ гостиницѣ, въ которой онъ стоялъ, находилась тяжело больная. Чувствуя приближеніе смерти, она послала къ А. Г. съ просьбой, чтобы онъ пришелъ и сыгралъ ей; желаніе умирающей было исполнено, и она перешла въ лучшій міръ подъ дивные звуки игры А. Г.

Возвращаюсь къ разсказу: помѣщеніе, занимаемое А. Г., находилось въ части отеля, носившей название «Пансіонъ Зендига» и отличавшейся нѣсколько менѣе роскошнымъ уранствомъ, но за то и гораздо болѣе тишиной. Теперь эта скромная половина великоколѣпнаго отеля сдѣлалась до нѣкоторой степени исторической, вслѣдствіе дощечки, прибитой къ двери одной изъ комнатъ и гла-

сящей, что здѣсь въ теченіе 1870 года жилъ Рубинштейнъ. Двѣ комнаты въ бэль-этажѣ, занимаемыя А. Г., окнами своими выходили на главную улицу Прагеръ-страссе и состояли изъ небольшой спальни и довольно просторнаго кабинета, заново и специально для А. Г. обставленнаго, согласно его требованіямъ: передъ среднимъ окномъ помѣщался большой письменный столъ, за которымъ входящій всегда видѣть склоненнаго надъ работой артиста. У правой стѣны стоялъ очень красивый, въ древне-германскомъ стилѣ диванъ и передъ нимъ небольшой столъ; на немъ неизмѣнно красовались свѣжіе цвѣты, которые А. Г. очень любилъ. Они постоянно возобновлялись заботливыми руками его друзей; очень часто на столѣ появлялись дорогія вазы, но А. Г. не любилъ и не цѣнилъ такихъ подношеній, онъ сохранялъ ихъ до поры до времени и передъ отъездомъ въ какой нибудь городъ раздавалъ знакомымъ. Вечеръ наканунѣ отъѣзда посвящался всегда уничтоженію всѣхъ полученныхыхъ имъ за послѣднее время писемъ. Письменный столъ былъ лишенъ всякихъ украшеній, на немъ посрединѣ лежала всегда масса исписанной нотной бумаги—текущая работа А. Г., которая въ часы отдыха и приема гостей покрывалась отъ любопытныхъ взоровъ чистымъ листомъ; справа въ большомъ порядкѣ были разложены многочисленные очищенные карандаши и самыя простыя и дешевыя ручки для перьевъ. Единственнымъ предметомъ, представлявшимъ нѣкоторую цѣнность, былъ ножъ для бумаги, слоновой кости, изображавшій собою слѣдъ миниатюрного башмачка и всюду сопровождавшій А. Г. Но, кажется, подъ конецъ и онъ подвергся одной участіи съ другими вещицами и былъ, вѣроятно, кому нибудь подаренъ, такъ какъ исчезъ со стола. Тутъ же справа лежали книги, которыхъ А. Г. читалъ или собирался прочесть; онъ читалъ очень много, и любимыми его чтеніемъ были книги исторического содержанія; прочитанныя книги клались на столѣ возлѣ входной двери и оттуда уносились ихъ владѣльцами. Съ лѣвой стороны стоялъ портретъ старшой внучки въ кожаной рамкѣ, единственный портретъ, который А. Г. возилъ съ собою. Порядокъ на письменномъ столѣ сохранялся съ необыкновенной педантичностью, и если какаянибудь вещица случайно была переставлена, то А. Г. немедленно водворялъ ее на мѣсто. Налѣво отъ стола, въ простынкѣ оконъ, стоялъ очень красивый стеклянный шкафъ краснаго дерева съ инкрустациими, долженствовавшій очевидно быть хранилищемъ музыкальной библіотеки; но А. Г. не возилъ съ собою ни единой тетради нотъ, почему шкафъ оставался совершенно пустымъ и только на верхней вѣнѣчинѣ его полкѣ лежала всегда небольшая груда нотъ, присыпаемыхъ авторами на разсмотрѣніе. Эти ноты тоже въ концѣ концовъ поступали въ чье нибудь владѣніе, за исключеніемъ тѣхъ тетрадей, которыхъ присыпались съ просьбою вернуть ихъ обратно, что А. Г. всегда и поручалъ исполнить кому нибудь изъ близкихъ лицъ.

Лѣвую стѣну комнаты покрывала собою огромная и отвратительная картина, изображавшая не то хаось, не то мѣстную лысую гору; подъ нею стоялъ рояль Бехштейна; столъ возлѣ двери, шкапъ для платьевъ и небольшой, покрытый скатертью столъ посрединѣ—довершали убранство комнаты.

Здѣсь, на чужбинѣ, какъ-то особенно ярко и рельефно выступала крайняя простота и непрятательность А. Г., скрывавшася дома за роскошью обстановки. То, что собственно составляло его личную обстановку, заключалось въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, да и тѣ были въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что—если можно такъ выразиться—весь Рубинштейнѣ, уѣзжая куда нибудь, укладывался въ одинъ небольшой ручной чемоданъ! Едва ли могъ бы кто либо другой пропутешествовать съ такимъ ничтожнымъ багажемъ, съ какимъ великий артистъ объѣздилъ Старый и Новый свѣтъ и прожилъ столько лѣтъ за границей. Но А. Г. умѣлъ въ случаѣ надобности сокращать свои личныя потребности и привычки до минимума¹⁾). Какъ все, что онъ дѣлалъ, носило на себѣ отпечатокъ самобытности и оригинальности, то и самый способъ укладыванія вещей въ чемоданъ былъ по истинѣ рубинштейновскій! Дѣтски непрактичный въ житейскихъ дѣлахъ, онъ эту простую процедуру усложнялъ, насколько могъ: чемодану полагалось стоять въ спальнѣ возлѣ кровати и на особой специально для того имѣющейся во всѣхъ отеляхъ подставкѣ; съ своего мѣста онъ переносился только въ вагонъ, а такъ какъ вещи, подлежавшія укладкѣ, находились по большей части въ другой комнатѣ, то А. Г. безконечное число разъ бѣгаль торопливо и дѣловито изъ одной комнаты въ другую, принося по одной штуцкѣ всѣ вещи въ порядкѣ ихъ слѣдованія въ чемоданѣ. Присутствующимъ случайно при этой церемоніи не позволялось не только прикасаться къ священной особѣ чемодана, но даже приносить вещи изъ другой комнаты, и все до послѣдней бездѣлушки приносилось и укладывалось самимъ А. Г. Прежде всего въ изѣдра сакъ-вояжа высыпались всѣ карандаши, перья и прочія мелочи, затѣмъ полагались ноты, и такъ постепенно занимали каждый свое мѣсто всѣ предметы его обихода²⁾. Когда чемоданъ былъ наполненъ, то въ комнатѣ положительно не оставалось ничего, что принадлежало бы А. Г., кромѣ тѣхъ вещей, ненужныхъ ему, которая онъ дарилъ тѣмъ, кто въ данную минуту подвернется. Теплое пальто онъ или надѣвалъ, или вмѣстѣ съ пледомъ бралъ въ вагонъ. А. Г. страшно привыкалъ къ тѣмъ ве-

¹⁾ Къ нему вполнѣ подходятъ слова Гамлета, который говорилъ, что могъ бы быть заключенъ въ орѣховую скорлупу и все-таки считать себя царемъ необъятнаго царства.

²⁾ А. Г. говорилъ, что онъ до такой степени знаетъ, гдѣ какая вещь лежитъ, что можетъ, закрывши глаза, запустить руку въ чемоданъ и вынуть именно то, что нужно.

щамъ, которая постоянно употреблялъ, сживался съ ними и даже, если можно выразиться такъ о неодушевленныхъ предметахъ, привязывался къ нимъ, какъ къ старымъ товарищамъ. Онъ такъ неохотно замѣнялъ ихъ новыми, что очень часто кто нибудь изъ посѣтителей, замѣтивъ вещь, пришедшую въ негодность, потихоньку ее унесетъ и подложитъ на мѣсто ея другую. Обнаруживъ подлогъ, А. Г. приходилъ въ ярость и примирялся съ новой вещью только въ силу необходимости; если же виновный проговоривался, то получалъ свой подарокъ обратно. Рѣдко, рѣдко бывали случаи, когда онъ соглашался что нибудь принять. Между вещицами, особенно имть любимыми, былъ маленький мундштучекъ изъ янтаря: онъ постоянно курилъ изъ него, а въ промежутки вертѣлъ въ рукахъ, говоря, что прикосновеніе къ янтарю даетъ приятное, мягкое ощущеніе. Однажды мы застали его не только разстроеннымъ, но даже огорченнымъ: онъ разбилъ янтарный мундштучекъ, бывшій многие годы его неизмѣннымъ спутникомъ.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ,—что со мной случилось. Я хотѣлъ закурить, а мундштука нѣтъ. Я сталъ его искать, и вдругъ подъ моей ногой что-то хрустнуло. Смотрю—мой мундштукъ. Это я его раздавилъ! Знаете—я чуть не заплакалъ!

Кто-то изъ его дрезденскихъ друзей подарилъ ему другой, но онъ ему не нравился, и А. Г. часто вспоминалъ своего погибшаго друга. А. Г. никогда не ходилъ въ магазины и никогда самъ ничего не покупалъ; всѣ порученія и покупки исполнялись кѣмъ нибудь изъ его близкихъ. Когда же ему приходилось сдѣлать что нибудь, что нельзя было поручить другому, напримѣръ, заказать себѣ пальто или платье, то съ этими затрудненіями онъ справлялся по-своему: призывался какой нибудь портной, ему вручалась старая вещь на образецъ, по которому слѣдовало сдѣлать самую точную копію. Ни снимать мѣрки, ни примѣрять не позволялось. Заказанная вещь доставлялась и принималась готовая и въ тотъ день, когда появлялась копія, оригиналъ отдавался кому нибудь изъ служащихъ. Здѣсь кстати замѣчу, что для ношенія извѣстныхъ вещей у А. Г. были установлены числа. Такъ, напримѣръ, 1-го мая полагалось облечься въ лѣтнее пальто, и хотя бы въ этотъ день выпадъ снѣгъ, А. Г. не измѣнялъ своему правилу; точно также и шубу онъ не снималъ до опредѣленнаго дня, хотя бы на дворѣ уже цвѣли фіалки и пѣли соловьи. День А. Г. проводилъ въ строгомъ опредѣленномъ порядкѣ, отъ которого онъ отступалъ очень рѣдко и неохотно и только въ силу необходимости. Онъ вставалъ неизмѣнно въ 8 ч., не взирая на то, въ какомъ часу легъ наканунѣ. Иногда онъ возвращался изъ своихъ поездокъ съ ночнымъ поѣздомъ, но слуга долженъ быть разбудить его все-таки въ положенный часъ. Только разъ, не разглядѣвъ часовъ, онъ всталъ въ 7 и такъ поразилъ прислугу, что она не могла утаить этого событія отъ другихъ, сообщивши, что

«Excellenz ist heute um 7 herausgalopiert». Что же касается А. Г., то, не желая сознаться въ своей ошибкѣ, онъ сказалъ, что «mein Engel» его разбудилъ часомъ раньше. Кличку «mein Engel» онъ далъ горничной за ея чрезвычайное безобразіе. Весь персоналъ го-

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.
Съ фотографіи В. Гриффа въ Карлсруѣ.

стиницы очень любилъ А. Г., конечно, главнымъ образомъ за его щедрость; хотя въ отелѣ, по всей вѣроятности, жило немало генераловъ и именитыхъ людей, но только одного А. Г. звали неизмѣнно всѣ Excellenz, и когда онъ пріѣзжалъ обратно въ гостиницу, то

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1899 г., т. lxxv.

6

отъ подъѣзда и по всему коридору раздавались крики прислуги: Excellenz приѣхалъ! и всѣ бросались ему на встрѣчу. Лакей, служившій ему за столомъ, всегда норовилъ выйти изъ строя и подать А. Г. не въ очередь полное блюдо. Утромъ А. Г. выпивалъ одинъ стаканъ чаю и просматривалъ заграничныя газеты. Русская газета «Новое Время» приходила позднѣе, и онъ ждалъ ее съ страшнымъ нетерпѣніемъ. Здѣсь, со словъ А. Г., замѣчу, что онъ, вставая рано, никогда не зажигалъ свѣчу, а отыскивалъ гдѣ нибудь у окна мѣстечко посвѣтлѣе и тамъ усаживался, до такой степени ему претилъ днемъ—искусственный свѣтъ. Живя въ Петергофѣ лѣтомъ, онъ пилъ чай на балконѣ, составлявшемъ какъ бы продолженіе столовой. Тутъ со всѣхъ сторонъ къ нему слетались воробы, которыхъ онъ кормилъ хлѣбомъ. Онъ разсказывалъ о своихъ пернатыхъ друзьяхъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, удивлялся ихъ ловкости, проворству и смышенности, недоумѣвая, какъ можетъ быть столько жизни и ума въ такомъ крошечномъ созданіи. «Вѣдь воробей это—«едва» существо!»—говорилъ онъ. А. Г. очень часто грѣшилъ противъ правильности русской рѣчи, иногда даже просто самъ выдумывалъ слова, но всегда для того, чтобы однимъ точнымъ выраженіемъ опредѣлить свою мысль. Однажды, въ бытность его директоромъ с.-петербургской консерваторіи, онъ, послѣ очень бурной репетиціи съ ученическимъ оркестромъ, пришелъ въ свой кабинетъ и сразу изъ разгнѣваннаго громовержа превратился въ благодушнаго собесѣдника. Во время отъ 12—1 къ нему въ кабинетъ часто заходилъ кто нибудь по дѣламъ или просто повидаться. Кто-то изъ присутствовавшихъ спросилъ его, отчего ученики его такъ боятся. Онъ отвѣчалъ съ искреннимъ недоумѣніемъ и даже огорченіемъ въ голосѣ: «Я, право, не знаю, чего они меня боятся: я имъ ничего не дѣлаю—я только кричу и «топчу» ногами». И добродушно разсмѣялся.

Кстати разскажу еще о двухъ репетиціяхъ: однажды, когда ставился, кажется, «Неронъ», артистъ, исполнявшій заглавную роль, позволилъ себѣ взять для эффекта высокую ноту, не бывшую въ партитурѣ. Это не ускользнуло отъ вниманія автора, и онъ сдѣлалъ замѣчаніе исполнителю. Но на слѣдующую репетицію послѣдній явился въ такомъ страшномъ парикѣ, специально впрочемъ имъ заказанномъ, что А. Г. подошелъ къ нему и сказалъ: «знаете, берите вашу ноту, но бросьте этотъ парикъ!»

Другой разъ на репетиціи А. Г. непремѣнно требовалъ, чтобы волторнистъ взялъ свою ноту піано, что ему не удавалось. Извѣстно, что волторнистъ для достиженія піано вкладываетъ руку въ широкое отверстіе трубы, чѣмъ и умѣряетъ силу звука. Но А. Г. не довольствовался этимъ и требовалъ еще большаго піано.

Тогда волторнистъ разсердился и сказалъ:

— Что же, вы хотите, чтобы я засунулъ въ трубу пальто?

— Ахъ,—отвѣчалъ А. Г.,—влѣзьте сами въ нее, если хотите, только дайте мнѣ піано!

Пропшу извиненія за частыя отступленія, но это — неизбѣжно въ бѣглыхъ воспоминаніяхъ. Итакъ, возвращаюсь къ разсказу. Просмотрѣвъ газеты, А. Г. закрывалъ плотно всѣ двери и садился за рояль. Играли онъ въ то время изо дня въ день все однѣ и тѣ же вещи своего сочиненія, по большей части техническія; эти же піесы входили въ программы всѣхъ концертовъ, въ которыхъ ему въ то время случалось принимать участіе. Играли онъ, какъ казалось, въ полголоса, не позволяя себѣ, повидимому, увлекаться: уже тогда онъ страдалъ частыми и мучительными припадками удушья, и всякое сильное возбужденіе вызывало ихъ. Однажды въ Лейпцигѣ, послѣ репетиції «Моисея», онъ вѣжалъ въ столовую гостиныцы съ помертьѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ:

— Вина, вина,—закричалъ онъ,—или я умру!

Онъ выпилъ вина, и припадокъ прошелъ.

Какъ-то разъ онъ противъ своего обыкновенія не игралъ утромъ. На вопросъ: почему? отвѣчалъ, что у него болитъ палецъ. И дѣйствительно, отъ холода у него растрескался третій палецъ правой руки.—«Я очень радъ,—сказалъ А. Г.,—потому что я играю по обязанности. Я долженъ играть, иначе меня забудутъ: люди слишкомъ заняты дѣлами и политикой, чтобы сосредоточиться на человѣкѣ съ двумя специальностями. Имъ говорятъ: «вотъ піанистъ!»—А, хорошо!—«А вотъ—композиторъ!»—Отлично!—Но у нихъ слишкомъ мало времени, чтобы остановиться на томъ, кто—и исполнитель и композиторъ. Да, втеченіе своей жизни я высказалъ не мало такихъ изреченій, но я самъ ихъ забываю, и нѣтъ стенографа, который бы записалъ на листу сказанное слово».

Повидимому, мысль, что послѣ смерти онъ будетъ забыть,—угнетала его. Онъ говорилъ, что на глазахъ его былъ уже такой пріемѣръ — Листъ, котораго встрѣчали съ невѣроюеннымъ энтузиазмомъ и тотчасъ послѣ смерти забыли. А. Г. думалъ, что та же участіе постигнетъ и его. Видя, какъ глубоко онъ опечаленъ такой перспективой, ему замѣтили, что въ скоромъ забвеніи Листа отчасти виноватъ онъ, такъ какъ появился на эстрадѣ непосредственно вслѣдъ за Листомъ и сосредоточилъ на себѣ вниманіе, симпатіи и восторги публики. То-есть, этими словами хотѣли дать понять А. Г., что его не забудутъ такъ скоро, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ признавковъ появленія такого генія, который бы его затмилъ. А. Г. слушалъ очень внимательно, и въ глазахъ его на мгновеніе какъ будто мелькнуло какои-то свѣтъ, но затѣмъ онъ поникъ головой и ничего не сказалъ.

Вставъ изъ-за рояля, онъ переходилъ къ письменному столу и садился за работу.

Въ то время онъ писалъ «Христа», кромѣ того, свои афоризмы и записки. Послѣднія были уже довольно подвинуты, какъ вдругъ однажды А. Г. объявилъ, что уничтожилъ ихъ. Объяснилъ онъ свой поступокъ тѣмъ, что хотя въ запискахъ своихъ онъ и сообщалъ много интереснаго—свои встрѣчи, разговоры съ выдающимися людьми всѣхъ странъ и народовъ, но приходилось писать все больше о себѣ, и это ему такъ опротивѣло, что онъ бросилъ свои записки въ каминъ.

Около двухъ часовъ А. Г. спускался внизъ въ общую столовую, гдѣ въ уголкѣ, слѣва отъ входа, накрывался для него отдѣльный маленький столикъ. Кухня отеля Зендика считалась по справедливости лучшій въ Дрезденѣ: обѣдъ состоялъ изъ безконечнаго количества чрезвычайно тонко приготовленныхъ блюдъ, въ число которыхъ обязательно входили всякие примеры и деликатессы, но иногда такой изысканный обѣдъ бывалъ слишкомъ легкимъ для человѣка, который, подобно А. Г., съ такою педантичностью соблюдалъ расписаніе дня и въ длинный промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ не принималъ никакой пищи. Потому онъ требовалъ за обѣдомъ большую порцію такъ называемаго Hausbrot (людей хлѣбъ), нѣчто среднее между нашимъ чернымъ и ситнымъ, и съ наслажденiemъ угощался имъ, такъ какъ бѣлаго не ъѣлъ совсѣмъ, кромѣ какъ съ утреннимъ чаемъ. Когда кельнеръ забывалъ его подавать, то А. Г. призывалъ его и говорилъ:

— Дай намъ нашъ насущный хлѣбъ!

Онъ былъ до такой степени умѣренъ въ ъѣде, что, бывало, когда ему приходилось предпринимать далекую поѣздку, то онъ бралъ въ карманъ одинъ хлѣбецъ, такъ называемый розанъ, которымъ и питался, такъ какъ, благодаря плохому зрѣнію, боялся выходить изъ вагона, когда ъѣхалъ одинъ. Свой обѣдъ всегда запивалъ краснымъ виномъ. Однажды его кто-то спросилъ, смеясь:

— Были ли вы когда нибудь «навеселѣ?»—А. Г. не понялъ.

— Я всегда веселъ,—отвѣчалъ онъ.

— Нѣть, вы не поняли моего «деликатнаго вопроса?»

— Ахъ, былъ ли я пьянь!—засмѣялся А. Г.—Нѣть, никогда: я не могу пить больше, чѣмъ мнѣ хочется. То, что мнѣ требуется, я выпиваю съ удовольствіемъ, но больше не могу. Шампанскаго никогда не пью, терпѣть его не могу! Впрочемъ, разъ я былъ пьянь, когда мнѣ было 12 лѣтъ. Мы были во Франкфуртѣ. Меня повели въ знаменитый погребъ Мушъ и стали угождать. Я пилъ, но ничего не чувствовалъ. Когда же выпелъ на воздухъ, то мнѣ сдѣлалось дурно — я упаль въ обморокъ. Меня снесли домой, положили въ постель, и я оставался безъ чувствъ день или два.

За границей А. Г. оставался, какъ всегда, русскимъ хлѣбосоломъ и вопреки мѣстнымъ обычаямъ постоянно приглашалъ къ своему обѣду знакомыхъ и обязательно всѣхъ пріѣзжихъ.

Послѣбѣденное время предназначалось для отдыха и пріема посѣтителей. Если же никого не было, то А. Г. опять работалъ или читалъ, никогда не оставаясь въ праздности.

Разъ въ недѣлю, въ среду или четвергъ, къ нему изъ Берлина прїѣжалъ молодой піанистъ Гофманъ съ отцомъ. На этихъ урокахъ А. Г. позволялъ присутствовать всѣмъ желающимъ. Молодой Гофманъ обыкновенно приходилъ съ совершенно самостоятельно разученной пьесой и, такъ какъ онъ всегда игралъ наизусть, то А. Г. бралъ принесенную тетрадь и, сѣвъ за письменный столъ, слѣдилъ по нотамъ за исполненiemъ, спросивъ предварительно, какой характеръ вещи и какъ ее надо понимать. Затѣмъ, углубившись въ ноты, А. Г. воспринималъ звуки не только слухомъ, но всѣмъ своимъ существомъ: имъ овладѣвало волненіе, выраженіе лица ежеминутно мѣнялось, руки нервно скимались, и все вмѣстѣ взятое было такъ выразительно, что по однимъ его движеніямъ можно было понять, какъ хотѣлъ бы А. Г., чтобы была исполнена пьеса. Но онъ воздерживался отъ всякихъ замѣчаній, пока не раздавался послѣдній аккордъ. Тогда вставалъ и начиналъ объяснять. Иной разъ говорилъ: «хорошо, очень хорошо, но все-таки—недостаточно хорошо», и, заставляя повторить, становился позади стула играющаго и, какъ бы дирижируя, показывалъ всѣ оттѣнки, нота за нотой. Однажды онъ говорилъ о томъ, что публика простить исполнителю все, кромѣ скуки, что обѣ этомъ нужно постоянно помнить, во время исполненія, разнообразить свою игру, насколько возможно, и при повтореніи одного и того же мотива никогда не фразировать два раза одинаково. Онъ говорилъ долго и много и былъ особенно въ ударѣ, но, къ несчастію, никому не пришло въ голову записать его словъ, столь поучительныхъ для музыкантовъ. Уходя отъ него, кто-то замѣтилъ: «Не правда ли, всѣ его слова—это чистые червонцы!» «Нѣть, — отвѣчалъ присутствовавшій случайно при урокѣ американецъ, въ которомъ трудно было заподозрѣть тонкое художественное чутье,—нѣть, не червонцы: его слова—это лучи солнца!»

Нѣсколько разъ въ недѣлю къ А. Г., послѣ часовъ пріема, приходили лица, съ которыми онъ занимался. Въ сумерки онъ часто ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, это замѣняло ему прогулку, такъ какъ онъ никогда не ходилъ пѣшкомъ. При искусственномъ освѣщеніи А. Г. избѣгалъ работать, боясь слишкомъ утомить свое зрѣніе. Вечера свои онъ обыкновенно проводилъ въ дома, у знакомыхъ или въ театрѣ. Знакомыхъ у А. Г. въ Дрезденѣ было очень много, но, собственно говоря, близкій кружокъ состоялъ изъ немногихъ старинныхъ друзей, знавшихъ А. Г. еще ребенкомъ и относившихся къ нему, какъ старшіе къ младшему, съ покровительствомъ и снисходительностью. Съ этими друзьями онъ по большей частиѣ здѣшилъ въ театрѣ, чаще всего они заѣзжали за нимъ,

такъ какъ вечеромъ онъ одинъ не любилъ выѣзжать въ людныя мѣста: въ то время онъ на одинъ глазъ былъ совершенно слѣпъ и другимъ вслѣдствіе постояннаго напряженія начинайло плохо видѣть. При выходѣ изъ театра ощупывалъ свой путь палкой, про которую говорилъ, что это—его глаза, и безъ нея никуда не выѣзжалъ. Для большей безопасности его всегда кто нибудь бралъ подъ руку и подсказывалъ, гдѣ ступенька или порогъ. Было нѣсколько случаевъ, когда онъ, оступившись, падалъ и сильно расшибался. Однимъ изъ его самыхъ старинныхъ и преданныхъ друзей въ Дрезденѣ былъ стариикъ Ц.; онъ тоже зналъ А. Г. еще маленькимъ и относился къ нему съ трогательною заботливостью, неизмѣнно появлялся на вокзалѣ, когда А. Г. уѣзжалъ, въ какомъ бы часу это ни было, и успокаивался только тогда, когда устроившись его въ отдѣльномъ купѣ и поручивъ попеченіемъ кондуктора. Онъ очень часто приходилъ къ А. Г. играть въ пикетъ, но игралъ съ такою медлительностью, что А. Г., будучи вообще нетерпѣливъ, выходилъ изъ себя. Но однажды А. Г. пришлось играть въ винтъ съ господиномъ, который обдумывалъ каждый ходъ еще дольше Ц. Тогда А. Г. примирился съ своимъ старымъ партнеромъ и съ видомъ полной покорности судьбѣ шепнулъ тому, кто сидѣлъ возлѣ него.

— Знаете, Ц. передъ этимъ господиномъ—курьеръ.

Любимой игрой А. Г. былъ преферансъ; въ винтъ онъ садился только тогда, когда не было партнеровъ для преферанса. За границей же преимущественно игралъ въ вистъ или seat и по самой маленькой. Ни въ какія другія игры онъ не игралъ. «Но было время, разсказывалъ онъ, когда меня считали игрокомъ, и дѣйствительно я игралъ день и ночь въ банкъ. Въ Баденѣ-Баденѣ я доигрался до того, что ходилъ, высунувъ языкъ. Случалось выигрывать до 12.000 въ вечеръ. Но разъ я проигрался до послѣдняго сюртука и съ тѣхъ поръ бросилъ навсегда». Всѣ подобные разсказы изъ эпохи своей Sturm und Drangperiode А. Г. передавалъ съ необычайнымъ добродушнымъ юморомъ, который, къ сожалѣнію, не воспроизведимъ на бумагѣ.

Кромѣ этого интимнаго кружка друзей, у А. Г. была еще масса знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества. Но съ музыкальнымъ міромъ Дрездена А. Г. находился въ натянутыхъ отношеніяхъ, ни самъ не ходилъ къ артистамъ, ни они у него не бывали, и никогда не выступалъ въ мѣстныхъ концертахъ. На вопросъ, почему онъ не играетъ въ Дрезденѣ, онъ всегда отвѣчалъ: «Въ Дрезденѣ я играю только въ вистъ!» Разладъ съ музыкальнымъ міромъ произошелъ по слѣдующему поводу: какъ всегда, А. Г. оставлялъ большія суммы денегъ на разныя благотворительныя учрежденія тѣхъ городовъ, гдѣ онъ находился; такъ и тутъ онъ устроилъ концертъ въ пользу бѣдныхъ г. Дрездена съ участіемъ оркестра дреаденской оперы.

Но послѣдній потребовалъ плату за свое участіе; А. Г., возмущен-
ный такимъ корыстолюбіемъ, выразилъ музыкантамъ свое негодо-
ваніе и порвалъ съ ними всѣ сношенія. Онъ не только не высту-
палъ, но даже никогда не ходилъ въ концерты, на которые ему
присылали билеты ¹⁾). Между посѣтителями часто являлись совер-
шенно незнакомыя лица, въ числѣ которыхъ нерѣдко попадались
просители, одолжавши А. Г. и устными и письменными просьбами.
Ему страшно надобѣдали американки, которыхъ онъ называлъ «фи-
локсерами Европы». Онъ вторгались къ нему во всякое время, даже
когда онъ работалъ, и просили его автографовъ, и бывали случаи,
когда послѣ ихъ посѣщенія у А. Г. исчезалъ со стола какой ни-
будь нужный ему листъ рукописи. Однажды къ нему пришла по-
ченная старушка, которую А. Г. видѣлъ въ первый разъ въ жизни.
Она высидѣла у него весь пріемъ съ явнымъ намѣреніемъ переси-
дѣть всѣхъ остальныхъ, и такъ какъ это ей не удалось, то она
явилась на второй, на третій день и продолжала сидѣть долго и
упорно, молча улыбаясь всѣмъ тѣмъ, кого хотѣла выжить, и повер-
гая А. Г. въ недоумѣніе: что ей нужно? Наконецъ эта тайна разъ-
яснилась: когда старушка постигла всю тщету своихъ посѣщеній
и осталась дома, на ея мѣсто явились богато и нарядно одѣтая
дама съ неменѣе нарядной дѣвочкой и мопсомъ и на вопросъ А. Г.:
«Чѣмъ могу служить?» сказала ему съ нѣкоторымъ упрекомъ въ
голосѣ, что она пришла вмѣсто г-жи Н (старушки), которая столько
дней ходила къ нему, чтобы застать его одного, а у него постоян-
ный народъ; между тѣмъ, у нея къ А. Г. есть дѣло, которое заклю-
чается въ томъ, чтобы онъ ей назначилъ ежегодную пенсию, такъ какъ
она вдова артиста и нуждается. А. Г., передавая этотъ разговоръ,
всею душой возмущался нахальствомъ нарядной дамы, но искренно
жалѣлъ, что его личныя средства не позволяютъ ему оказывать по-
мощь лицамъ, подобнымъ г-жѣ Н, которая, по его убѣждѣнію, имѣла
полное право разсчитывать на его поддержку, какъ музыканта, ибо
сами принадлежали къ семьямъ артиста. А. Г. ежедневно получалъ
просительныя письма самаго разнообразнаго и подчасъ нелѣпаго
содержанія: напримѣръ, одинъ господинъ просилъ купить у него дога
за очень большую цѣну, но онъ полагалъ, что А. Г. ничего не
стоитъ дать эту сумму ему, такъ какъ онъ нуждается; одна швея
просила подарить ей швейную машину; дѣвица, сознававшаяся прямо,
что не обладаетъ талантомъ, но имѣетъ страстное желаніе посвятить
себя музыкѣ, просить А. Г. принять ее стипендіаткой въ С.-Петер-
бургскую консерваторію; наконецъ дама, желающая начать собствен-
ное дѣло, просить подарить ей 20.000 марокъ и т. д. Всѣ эти письма

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, когда островъ Занть поразило бѣдствіе въ видѣ опустоши-
тельного землетрясенія, А. Г., позабывъ всѣ личные счеты, устроилъ концертъ,
сборъ съ котораго пожертвовалъ пострадавшимъ.

сопровождались обыкновенно длинными и подробными біографіями просителей; А. Г. никогда самъ не читалъ этихъ посланій, а просить кого нибудь прочесть и передать вкратцѣ содержаніе и, если нужно было, поручалъ на нихъ отвѣтъ.

Мало-по-малу, къ А. Г. стали съезжаться русскіе, и вокругъ него вскорѣ образовалась маленькая колонія, состоявшая преимущественно изъ лицъ, специально пріѣхавшихъ, чтобы заниматься съ нимъ.

Несмотря на то, что А. Г. очень дорожилъ каждой свободной минутой, онъ, тѣмъ не менѣе, удѣлялъ массу времени педагогическимъ занятіямъ, добродушно поварачивая на то, что его «превратили въ учителя».

Пріѣхавшую къ нему молодежь онъ ваялъ подъ свое особое покровительство, входилъ во всѣ интересы ихъ жизни и всячески старался выдвинуть ихъ на музыкальномъ поприщѣ.

Самъ онъ въ то время покинулъ уже давно эстраду, но неугомонные антрепренеры не давали ему покоя, постоянно приглашая его на благотворительные концерты. Онъ тяготился и утомлялся этими концертами, сопряженными съ разѣздами, но не имѣлъ духу отказать, если вмѣстѣ съ нимъ приглашался кто нибудь изъ его русскихъ protégés. «Надо же дать имъ заработать!»—говорилъ онъ, какъ будто оправдываясь, и, чтобы дать имъ заработать, тратилъ свои деньги, время и трудъ! Но за то для него было громаднымъ удовлетворенiemъ и удовольствиемъ видѣть русскія лица вокругъ себя, и вторженіе бодраго, молодого элемента вносило не мало жизни и разнообразія въ его въ высшей степени монотонное и одинокое существованіе за границей.

1-го апрѣля, набалованной имъ кучкѣ молодежи пришла дикая фантазія обмануть его. Думали, думали, чѣмъ бы больше всего поразить А. Г., и рѣшили сочинить письмо, якобы пришедшее изъ Петербурга и содержащее въ себѣ самыя невѣроятныя новости о его излюбленномъ дѣтишѣ, консерваторіи. А. Г. не былъ способенъ ни на малѣйшій обманъ, почему самъ чрезвычайно легко ему поддавался. Онъ ни на минуту не усомнился въ подлинности письма и съ такимъ интересомъ и неподдельнымъ ужасомъ выслушивалъ всѣ новости, что читающій не выдержалъ и открылъ мистификацію. Вмѣсто того, чтобы разсердиться, А. Г. расхохотался, остался очень доволенъ удачной выдумкой и замѣтилъ только: «Зачѣмъ вы мнѣ сказали, я бы еще больше повѣрилъ!»

За границей А. Г. особенно строго придерживался русскихъ обычаевъ. На Рождество онъ задумалъ устроить елку для молодежи. Долго рѣшили, кто будетъ «дѣтьми» и кто «взрослыми»; когда жребій былъ брошенъ, А. Г. далъ денегъ и поручилъ купить маленькую елку, украшенья и «подарки», на которые ассигновалъ по пятидесяти пфенниговъ на душу. Къ числу «дѣтей» относились

и родные ученицы, и другие русские друзья А. Г., который самъ радовался предстоявшей «елкѣ», какъ ребенокъ. Но, къ несчастію, какъ разъ въ то время, когда надо было елку убирать украшеніями, что должно было совершиться въ компаніи А. Г., къ нему изъ Лейпцига пріѣхало нѣсколько друзей. Они желали, вѣроятно, показать ему свое особенное расположение и вниманіе тѣмъ, что пріѣхали въ день его русского праздника, но на этотъ разъ гостепрійный А. Г. былъ такъ не радъ ихъ посѣщенію, что не могъ даже скрыть своего неудовольствія. Елку пришлось перенести въ другую комнату и открыть «сюрпризъ», самъ А. Г. вынужденъ былъ сѣсть за карточный столъ, и присутствіе иностранцевъ нарушило прелестъ и гармонію маленькаго русскаго торжества. Тѣмъ не менѣе «елка» отлично удалась, непріятное впечатлѣніе сгладилось, такъ какъ пріѣзжіе гости уѣхали обратно, и всѣ остались довольны.

Въ Свѣтлый праздникъ А. Г. непремѣнно хотѣлъ, чтобы на столѣ въ его комнатѣ всю недѣлю стояли яйца, куличъ и пасха, несмотря на то, что самъ онъ ни того, ни другого никогда неѣлъ. Не такъ легко было добыть въ Дрезденѣ куличъ и пасху. Послѣ долгихъ и усердныхъ поисковъ, нашлась, однако, булочная, въ которой умѣли ихъ дѣлать, и А. Г. былъ чрезвычайно доволенъ, когда увидѣлъ убранный по русскому обычаю столъ.

Въ Новый годъ онъ получилъ такое количество цвѣтовъ, что его кабинетъ превратился въ цвѣтущій садъ: всюду, на роялѣ, на столѣ, на стульяхъ, красовались огромныя, роскошныя корзины цвѣтовъ, придававшія комнатѣ какой-то фантастический видъ. А. Г. былъ столько же восхищенъ красотою ихъ, сколько тронутъ вниманіемъ къ себѣ друзей, и всѣмъ своимъ гостямъ повторялъ, указывая на корзины: «Посмотрите, какая прелестъ!»

Весною, А. Г. стала помышлять о перѣѣздѣ за городъ и поручилъ искать дачу г-жѣ В., своей дальней родственницѣ, дрезденской старожилкѣ и слѣдовательно основательно знакомой съ окрестностями. Намѣченныя дачи онъ затѣмъ єздилъ съ г-жею В. осматривать самъ и въ одну изъ такихъ поѣздокъ попалъ подъ проливной дождь. Помѣщаясь на задней скамейкѣ, спиной къ кучеру, А. Г., не захватившій пальто, мокъ подъ сильнымъ дождемъ, по меньшей мѣрѣ, втечение двухъ часовъ! Поистинѣ можно изумляться хладнокровію его спутницѣ, укрывшихся подъ переднимъ навѣсомъ ланда, не позволившихъ поднять вторую половину, подъ предлогомъ духоты, и спокойно созерцавшихъ, какъ на великаго артиста падали цѣльные потоки холоднаго дождя. А. Г., относившійся обыкновенно съ полнымъ равнодушіемъ къ такъ называемой погодѣ, на этотъ разъ не на шутку испугался: онъ продрогъ и промокъ до костей! Этотъ душъ не прошелъ ему даромъ: А. Г. на другой же день занемогъ. У него заболѣло горло, температура сильно повыси-

лась, онъ жаловался на то, что кашель и удушье не даютъ ему ни минуты покоя ночью, что отъ малѣйшаго движенія и наклона у него дѣлается головокруженіе. Тѣмъ не менѣе, онъ ни за что не хотѣлъ поддаться болѣзни, продолжалъ выходить и ни въ чёмъ не измѣнилъ порядка своего дня. Само собой разумѣется, что онъ не обратился къ докторской помощи и никакимъ лѣкарствомъ не старался облегчить своихъ страданій, которыхъ, повидимому, были гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ это показывалъ. По выздоровленіи А. Г. поиски дачи возобновились, и наконецъ выборъ палъ на мѣстечко Клейнъ-Чахвицъ, расположенное на берегу Эльбы, визави съ лѣтней резиденціей короля, Пильницъ, и въ 10-ти минутахъ ѿзды по желѣзной дорогѣ отъ Дрездена. Справедливость требуетъ замѣтить, что выборъ этотъ не только нельзя назвать удачнымъ, но даже трудно было бы найти что либо менѣе подходящее къ вкусамъ и требованіямъ А. Г. Такъ какъ онъ почти безвыходно сидѣлъ дома, то слѣдовало бы дать хоть глазамъ его отдохнуть на красивой природѣ, между тѣмъ плоская, скучная мѣстность Клейнъ-Чахвица была совершенно лишена всякой живописности и поэзіи. Вилла А. Г., носившая одно название съ мѣстечкомъ, стояла на скрещиваніи трехъ дорогъ и на столько открыто, что, гдѣ бы ни сидѣлъ А. Г.—въ кабинетѣ или на крошечномъ балконѣ-крылечкѣ,—онъ былъ виденъ отовсюду, и счастье, что дурное зрѣніе мѣшало ему разглядѣть направляемые на него со всѣхъ сторонъ бинокли его любопытныхъ и нескромныхъ сосѣдей. Благодаря такому положенію дачи и скучѣ, витавшей надъ Клейнъ-Чахвицемъ, всѣ его обитатели развлекались гуляніемъ мимо виллы, сдѣлавшійся вскорѣ знаменитой. Въ довершеніе бѣды, лѣто стояло настолько жаркое, что даже работу моста пришлось остановить, такъ какъ желѣзо накалялось, и А. Г. положительно изнемогалъ отъ зноя. Онъ никогда не гулялъ и только вечеромъ пробѣгалъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по дорожкѣ сада. Однажды, кто-то изъ молодежи замѣтилъ, что ему слѣдовало бы больше ходить. Онъ отвѣчалъ:

— Да я не то, что вы: я на попятный, а вы—все впередъ, вся жизнь передъ вами!

— А вѣдь было время, когда вы гуляли, да еще съ Каменнаго острова въ Петербургъ на урокъ!

— Да, было, было!—отвѣчалъ А. Г., сдѣлавшійся вдругъ серіознымъ подъ наплывомъ воспоминаній.—Отъ 22-хъ до 24-лѣтняго возраста все было. Я испыталъ нужду и не только голодъ, но и лишенія всякаго рода. Я понимаю, что можно сдѣлаться воромъ. Иной разъ нужно было расплачиваться: требуютъ, пристаютъ! Но что дѣлать, когда нѣть? Однажды портной изъ Вѣны вытребовалъ съ меня деньги черезъ квартального! Но я никогда не дѣлалъ долговъ. Иногда прибѣгалъ къ хитрости: за каждый урокъ мнѣ выдавались билетики, за которые я получалъ впослѣдствіи деньги. Когда

ужъ очень плохо приходилось, я отсыпалъ билетики подъ предлогомъ, что за недостаткомъ времени я не могу продолжать уроковъ. Получалъ деньги, но лишался урока. Но одинъ разъ я сдѣлалъ ужасную подлость, единственную во всю мою жизнь, но она до сихъ поръ меня тяготитъ! Въ то время существовала извѣстная фортепіанная фабрика Виртъ. Я, какъ и другіе, бралъ у нихъ фортепіано на комиссію, за что получалъ извѣстный процентъ. Такъ мнѣ слѣдовало получить порядочную сумму, но ея не присыпали. Между тѣмъ мнѣ деньги нужны были до зарѣзу! Тогда я написалъ письмо, въ которомъ говорилъ, что если я не получу немедленно денегъ, то перестану хвалить ихъ инструменты. Деньги я получилъ. Но это было ужасно подло съ моей стороны, и мнѣ до сихъ поръ непріятно вспоминать о томъ!

Всѣ разсмѣялись. Но лицо А. Г. отражало душевное волненіе, которое возбуждало въ немъ воспоминаніе о его «подломъ» поступкѣ.

Однажды, во время своего пребыванія въ Кл. Чахвицѣ, А. Г. сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ только что вышедший тогда романъ Золя «La Debâcle». Когда онъ дошелъ до описанія перевязочного пункта и всѣхъ его ужасовъ, то картина такъ ярко представилась его живому воображенію, что онъ почувствовалъ себѣ дурно, бросился въ свою спальню, но упалъ, не дойдя до постели, и былъ найденъ распостертымъ на полу безъ чувствъ. Нѣсколько дней послѣ того онъ былъ очень блѣденъ и слабъ.

— Я легко падаю въ обморокъ, — разсказывалъ онъ.— Не могу видѣть крови—мнѣ дѣлается дурно. Когда я жилъ въ Парижѣ, то очень часто ходилъ въ кондитерскую, гдѣ была прехорошенская приказчица. Когда у меня заводились деньги, я отправлялся туда погрѣсть пирожки. Вотъ разъ я ёлъ, ёлъ, ёлъ, но, должно быть, въ нихъ было дурное масло, и я упалъ въ обморокъ. Еще разъ я долженъ былъ играть во дворцѣ. Но у меня сдѣлался нарывъ на пальцѣ. Тѣмъ, не менѣе я игралъ весь вечеръ. Боль была нестерпимая! Когда я кончилъ, ко мнѣ подошла одна очень красивая дама и сказала мнѣ нѣсколько словъ. Вместо отвѣта я упалъ безъ чувствъ. Тогда говорили, что я упалъ, пораженный ея красотой! Но никто не зналъ, что я игралъ съ нарываемъ на пальцѣ!

(Извѣстно, что однажды въ Парижѣ послѣ концерта, а также въ Петербургѣ послѣ одной изъ лекцій по пятницамъ въ консерваторіи, онъ упалъ безъ чувствъ).

Вслѣдъ за А. Г. въ Кл. Чахвицѣ перебралась и вся маленькая русская колонія, которая хотя и отнимала у него много рабочаго времени, но съ другой стороны окружила его какъ бы атмосферой родины: онъ слышалъ русскую рѣчь, видѣлъ русскія лица, бесѣдовалъ о близкихъ ему интересахъ русской музыки, и это составляло единственную отраду въ его унылой обстановкѣ. Въ это лѣто исполни-

лось 52 года со дня его первого выступления на эстраду, и русская колония задумала чѣмъ нибудь ознаменовать этотъ юбилейный день. Рѣшили устроить маленький праздникъ, для чего была выбрана самая красивая изъ вилль, занимаемыхъ русскими, съ большими садомъ, спускавшимся прямо къ Эльбѣ. Въ устройствѣ праздника самое живое, горячее участіе принялъ владѣлецъ виллы, скульпторъ Кирхгофъ, прожившій болѣе 20 лѣтъ въ Россіи, очень ее любившій и прекрасно говорившій порусски. Онъ съ сыномъ собственоручно соорудили и воздвигли посреди сада громадную лиру, сплошь покрытую цветами. Въ перспективѣ горѣлъ колоссальный вензель изъ красныхъ шка利ковъ, изображавшихъ рубины; весь садъ утопалъ въ разноцветныхъ огняхъ. Надъ красивымъ входомъ, въ родѣ сѣней, развѣвались флаги русскихъ національныхъ цветовъ и повѣшены были такие же трехцветные фонари. А. Г. встрѣтила одна изъ ученицъ, одѣтая въ русский костюмъ, и на вышитомъ полотенцѣ преподнесла ему по русскому обычаю хлѣбъ-соль. Когда А. Г. выпѣль на балконъ, чтобы полюбоваться иллюминацией, дѣятельно очень удивившися, то вдругъ изъ глубины сада раздался хоръ: «Heil dir, du grosser Mann!» А. Г. вздрогнулъ отъ неожиданности и когда узналъ, что этотъ сюрпризъ устроили ему мѣстные жители, крестьяне и ремесленники, пожелавшіе непремѣнно принять участіе въ чествованіи, то онъ былъ растроганъ до слезъ: онъ спустился въ садъ, горячо благодарили регента и пожимали съ чувствомъ грубья, рабочія руки всѣхъ участниковъ. Конечно, А. Г. видѣлъ на своемъ вѣку и не такие праздники въ свою честь, но вся прелесть этого скромнаго торжества заключалась въ его сельской обстановкѣ, въ русскомъ его колорите среди чужбины, въ его поэтической живописности, которая произвела на всѣхъ впечатлѣніе чего-то феерического.

Само собой разумѣется, что праздникъ закончился «роскошнымъ» фейерверкомъ, самымъ роскошнымъ, который можно было достать въ мѣстной лавченкѣ. Вѣсть о праздникѣ разнеслась молвой далеко за предѣлы Чахвица, вслѣдствіе чего вилла была окружена громадной толпой народа, а на другой день въ газетахъ появилось описание торжества. Особенно симпатичны были тотъ горячій интересъ и участіе, съ какими относилось къ празднованію мѣстное населеніе; весь Чахвицъ встрепенулъся и заволновался: волновалась хозяйка лавочки, которая поставляла фейерверкъ и фонари, волновался хоръ, регентъ котораго отсутствовалъ, но былъ вызванъ телеграммой изъ Гамбурга, волновались устроители, съ трепетомъ слѣдившіе за малѣйшимъ облачкомъ на небѣ, и это волненіе охватило всю мѣстность и улеглось только постепенно и довольно долгое время спустя.

На этомъ маленькомъ торжествѣ я остановлю свои личныя воспоминанія, въ которыхъ мною намѣренно обойдена молчаниемъ арти-

стическая сторона пребыванія А. Г. въ Дрезденѣ, такъ какъ она носить неизмѣнно одинъ и тотъ же характеръ всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся. Въ Берлинѣ въ тотъ годъ ставили его балетъ «Виноградная лоза» и оперы «Разбойники» и «Маккавеи», въ Лейпцигѣ блестящимъ музыкальнымъ торжествомъ праздновали пятидесятилѣтіе его первого появленія въ Гевандгаузѣ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ; затѣмъ онъ появлялся въ концертахъ въ Прагѣ, Боннѣ, Бреславльѣ, Кельнѣ и въ другихъ городахъ, и всюду его появление не только встрѣчалось обычными восторгами и овациями, но тотчасъ принимало характеръ какого-то особенного празднованія, такъ какъ вся музыкальная и хоровая общества и вся лица, такъ или иначе причастныя искусству, старались превзойти другъ друга въ чествованіи своего знаменитаго гостя¹⁾.

Всѣ появленія А. Г., какъ въ качествѣ исполнителя, такъ и въ роли дирижера, и всѣ торжества, устроиваемыя въ его честь различными городами, были въ свое время описаны въ газетахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, потому передавать ихъ здѣсь было бы повтореніемъ.

Въ поясненіе причинъ его добровольного изгнанія привожу его собственные слова.

— «Всѣ удивляются,— говорилъ онъ,— почему я оставилъ Россію, но никто не знаетъ, какъ ко мнѣ тамъ относятся. У меня сотня примѣровъ отношенія ко мнѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ: втеченіе чуть ли не тридцати лѣтъ собирали деньги на сооруженіе памятника Глинкѣ и все не могли собрать. Наконецъ, я далъ концертъ и весь сборъ, пять тысячъ, отдалъ на этотъ памятникъ. Такимъ образомъ черезъ годъ онъ былъ оконченъ, и послѣдовало его открытие, сопровождавшееся музыкальнымъ торжествомъ. И что же? Не только никому не было известно, на какія средства оконченъ памятникъ, но меня даже не пригласили на его открытие. Композиціи мои могутъ не нравиться, но все же я — музыкантъ и, какъ музыкантъ, имѣть право на приглашеніе. Но нѣтъ! Меня исключили. Затѣмъ въ Россіи моихъ вещей не ставятъ, только когда ктонибудь боленъ, то даютъ «Демона», какъ будто я, кромѣ него, ничего не писалъ. Когда я вторично сдѣлался директоромъ консерваторіи, то пресса не нашла ничего лучшаго, какъ кричать противъ меня, Наконецъ, никто не знаетъ, какое громадное значеніе имѣли для Россіи консерваторія и музыкальное общество. Вѣдь до нихъ никто не подозрѣвалъ, что исполненіе симфоніи можетъ доставить удовольствіе. Можно находить то и другое нехорошимъ въ консерва-

¹⁾ А. Г. былъ такъ скроменъ, что никогда самъ не рассказывалъ ни о восторгахъ, которые вызывалъ, ни о почестяхъ, которыхъ ему оказывали. Всѣ подробности узнавались или изъ газетъ, или изъ разсказовъ лицъ, которыхъ присутствовали при музыкальныхъ торжествахъ.

торії, но нельзя отрицатъ ея громаднаго вліянія какъ на напра-
вленіе театрівъ, такъ и на отношеніе къ музикѣ общества, т. е.
публики. Прежде дѣтей заставляли заниматься музыкой только для
того, чтобы они сумѣли сыграть какую нибудь вещицу на именини
папаши и мамаши. Теперь занимаются иначе и иначе преподаютъ.
Русская консерваторія за 30 лѣтъ своего существованія сдѣлала
гигантскіе шаги впередъ, и за границей не подозрѣваютъ, что она—
одна изъ первыхъ въ Европѣ, и во многомъ — первая. Но меня
удивляетъ, что къ ней всѣ такъ враждебно относятся: у насъ не
понимаютъ отношенія дѣла къ дѣлу и стараются портить тамъ,
гдѣ слѣдовало бы помогать. Впрочемъ, заключилъ А. Г. свою рѣчъ,
не будемъ говорить объ этомъ, чтѣ менѣ сильно волнуетъ».

Къ А. Г. часто приходили лица, желавшія получить отъ него бі-
ографическія свѣдѣнія. Онь имъ неизмѣнно отвѣчалъ одно и то же:

— Что же у меня могло быть? Ich habe gelebt, geliebt und gespielt! Вотъ все, что я дѣлалъ!» (Жилъ, любилъ, игралъ!).

А. Г. былъ очень суевѣренъ: онъ боялся трехъ свѣчей, 13-го
числа, понедѣльниковъ и пятницъ и никогда въ эти дни ни-
чего не предпринималъ, особенно далекихъ поѣздокъ. Не любилъ,
когда ему желали передъ концертомъ успѣха, никогда не писалъ и
не позволялъ писать просто: я выѣзжаю тогда-то, а писаль: я «на-
дѣюсь» выѣхать, изъ суевѣрнаго страха, что иначе судьба его на-
кажетъ. У него была масса примѣтъ, въ которыхъ онъ вѣрилъ съ
какою-то первобытной наивностью, напримѣръ, вѣрилъ, что если
онъ, уѣзжая, съ кѣмъ нибудь не простится, то, значитъ, навѣрное
опять увидится; поэтому очень часто, какъ будто случайно, передъ
отѣзdomъ забывалъ проститься съ нѣкоторыми друзьями, которые,
не зная его примѣты, конечно, очень огорчались такимъ кажущимся
невниманіемъ. Отправляясь въ концертъ, всегда замѣчалъ, кто ему
первый попадется на встрѣчу: если попадалась баба съ пустой кор-
зиной или лоткомъ, то это было дурнымъ предзнаменованіемъ;
если же корзина была полна, да еще случайно ноша разсыпалась,
то А. Г. ликовалъ, ибо видѣлъ въ этомъ полную гарантію успѣха.
Удивительно, что эти пустяки имѣли громадное вліяніе на его на-
строеніе. Однажды, передъ концертомъ онъ былъ страшно мраченъ.
На вопросъ своей ученицы, что съ нимъ, отвѣчалъ, что утромъ,
умываясь, разбилъ кувшинъ, и что это дурной знакъ. Былъ ли
А. Г. въ нервномъ состояніи вслѣдствіе этого, или по какой дру-
гой причинѣ, но оркестръ, которымъ онъ въ тотъ вечеръ дирижи-
ровалъ, разошелся, и его пришлось остановить. Сидя послѣ концерта
за ужиномъ и разговаривая о случившемся, А. Г. ударилъ кула-
комъ по столу и воскликнулъ:

— Ахъ, этотъ кувшинъ!

Осеню, незадолго до своей смерти, А. Г. купилъ домъ. Въ тотъ
же день онъ въ разговорѣ какъ будто вскользь бросилъ фразу:

— Я сегодня купилъ домъ на Ивановской, и знаете — № 13! Это что нибудь да значитъ!

Очевидно, его часто посѣщали мысли о смерти. Какъ-то разъ, живя еще въ Дрезденѣ, рано утромъ, въ совершенно необычное для выхода время, онъ ушелъ изъ гостиницы и, вернувшись, сказалъ, что ходилъ отдавать свое завѣщеніе на храненіе. Кромѣ того, онъ выписалъ всѣ свои сочиненія и сталъ приготовлять ихъ, какъ говорилъ, для посмертнаго изданія. Рѣшивъ вернуться въ Россію, А. Г. постоянно повторялъ: «Ѣду въ Россію — умирать!»

Подъѣзжая къ границѣ, А. Г., спокойно бесѣдовавшій со своими спутниками, вдругъ заволновался, бросился къ окну, сталъ во что-то пристально всматриваться и когда увидалъ рѣчку, отдѣляющую насъ отъ Германіи, его лицо озарилось, онъ снялъ шапку и воскликнулъ:

— Вотъ она — Россія! — поклонился до земли. Онъ вернулся весной изъ Штутгартта, гдѣ исполнялось въ концертномъ залѣ его послѣднее произведеніе, духовная опера «Христосъ», подъ его личнымъ управлениемъ. Его пребываніе чествовалось особымъ торжествомъ, устроеннымъ герцогомъ и оказавшимся послѣднимъ въ его жизни: осенью его не стало.

Желаніе А. Г. исполнилось: прахъ его покоятся тамъ, гдѣ всегда пребывало его сердце — на родинѣ. Итакъ, мрачныя предчувствія о смерти и забвеніи, обвѣдавшія свѣтлую душу артиста, къ несчастью, оказались пророческими.

М. Давидова.

РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

О РАСПОРЯЖЕНИЮ покойного туркестанского генераль-губернатора, К. П. фонъ-Кауфмана, въ 1871—1872 годахъ, «въ видахъ удовлетворенія общаго интереса и для скорѣйшаго ознакомленія читающей публики со вновь занятую нами страною», составленъ былъ фотографическій «Туркестанскій альбомъ». Альбому этому поставлено было задачею представить наглядно: 1) прошедшую жизнь края въ сохранившихся древнихъ памятникахъ (археологическая часть); 2) современную жизнь населенія—типы вѣрованія, обряды, обычаи, жилища, костюмы и виды болѣе населенныхъ мѣстностей края (этнографическая часть); 3) культуру страны въ промышленномъ и техническомъ отношеніяхъ (промышленная часть) и 4) движение русскихъ въ эти страны, сгруппировавъ въ одномъ цѣломъ виды мѣстностей, где приходилось отличаться русскому оружію, и портреты тѣхъ дѣятелей, которые были первыми, открывшими путь въ Среднюю Азию (историческая часть). Каждой изъ четырехъ частей альбома предполагалось предпослать соответственный объяснительный текстъ. Но программа эта, столь широко задуманная, по неизвѣстнымъ причинамъ, осуществлена не была. Фотографическій альбомъ былъ изданъ всего въ шести экземплярахъ¹⁾, а текстъ къ нему никогда не былъ напечатанъ. Изъ собранныхъ же для него матеріаловъ, насколько извѣстно, появился въ свѣтъ лишь трудъ М. И. Бродовскаго «Техническія производства въ Туркестанскомъ краѣ» (Спб., 1876). Между тѣмъ, «альбомъ», по авторитетному отзыву Вл. В. Стасова, «долженъ быть признанъ изданиемъ истинно-монументальнымъ, ибо въ такой систематической полнотѣ не была у насъ представлена, въ вѣрныхъ снимкахъ съ натуры, ни одна часть нашего государства, даже и Великороссія во всей ея совокупности»²⁾.

¹⁾ Экземпляры эти были представлены генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ: императору Александру II, наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу, великому князю Владимиру Александровичу, академіи наукъ, императорской публичной библіотекѣ и русскому географическому обществу.

²⁾ В. В. Стасовъ: «Фотографическія и фототипическія коллекціи императорской публичной библіотеки», Спб., 1885.

Въ надеждѣ, что когда либо трудъ этотъ, по сохранившимся въ императорской публичной библиотекѣ негативамъ, будетъ изданъ вновь и сдѣлается достояніемъ публики, и желая облегчить издателю составленіе объяснительного текста, я воспользовался найденными въ бумагахъ К. П. фонъ-Кауфмана нѣсколькими черновыми статьями, съ описаніемъ главныхъ эпизодовъ поступательного движенія нашихъ войскъ въ Среднюю Азію, со взятія Акъ-Мечети въ 1853 году по 1871 годъ, чтобы ознакомить интересующихся исторіей нашихъ окраинъ со многими, неизвѣстными доселѣ, подробностями событий, укрѣпившихъ русское знамя на Востокѣ, и повѣдать о подвигахъ не только прославленныхъ уже дѣятелей, но и тѣхъ скромныхъ героевъ, имена которыхъ упоминались, въ свое время, въ реоляціяхъ, но нынѣ мало кому памятны.

Особенная цѣнность упомянутыхъ статей, въ значительной части принадлежащихъ, въ первоначальномъ видѣ, перу М. А. Терентьевъ,—заключается въ томъ, что написаны онѣ на мѣстѣ, по подлиннымъ документамъ; въ описаніяхъ событий царствованія императора Александра II изложены по показаніямъ живыхъ свидѣтелей и проповѣдены самимъ Константиномъ Петровичемъ, взявшимъ на себя и редакцію ихъ, судя по множеству его собственноручныхъ исправленій и вставокъ, и той тщательности, съ которой въ повѣствованіи о событияхъ его времени исключено, гдѣ только возможно, все, что указывало бы на его личную инициативу и руководящую роль. Подробность—характерная и свидѣтельствующая всѣмъ, близко знавшимъ покойнаго устроителя Туркестана, что рукопись готовилась не только для справокъ, но и для печати.

Поэтому, придавъ сему драгоцѣнному для будущаго историка материалу форму послѣдовательного очерка и помѣщая его на страницахъ «Исторического Вѣстника», я думаю лишь исполнить намѣреніе К. П. и послужить исторической правдѣ.

П. Е.

I.

Движеніе въ глубь Азіи до 1853 года.

Кошмаръ Англіи—поглощеніе Россіей Азіи—представляющій нась въ воображеніи англійскаго народа и его государственныхъ дѣятелей въ видѣ коварныхъ и ненасытныхъ завоевателей и приписывающій намъ ихъ собственный девизъ: «tout prendre, ne rien rendre et toujour prétendre», объясняется, однако, не одною мнительностью. Страшить ихъ толь неудержимый потокъ, который, подхвативъ Русь еще въ XV столѣтіи, съ завоеваніемъ Перми, Вятки и Югорской земли, влечетъ Россію на Востокъ, неуклонно приближая къ британской сокровищницѣ. Задержанная на время въ этомъ движеніи татарскимъ нашествіемъ—поработенная, угнетенная Азіей слабая удѣльная Русь, кровью своею затушившая угрожавшій Европѣ монгольскій пожаръ, свергнувъ съ себя иго, воспряла мощнымъ государствомъ, и ставъ твердою ногою на развалинахъ азіатской Золотой орды, двинулась сама на Азію, какъ рѣка, прорвавшая плотину, возвращается въ свое русло.

«ИСТОР. ВѢСТН.», АПРЕЛЬ, 1899 г., т. IXXVI.

7

Съ завоеваніемъ царствъ Казанскаго (1552) и Астраханскаго (1556), съ покореніемъ Сибири (1581), Россія пріобрѣла новыхъ со-сѣдей—и мирныхъ, и беспокойныхъ. Мирныхъ пришлось защищать, отъ враговъ защищаться. Возникли на восточной границѣ укрѣпленія, явилась необходимость занимать стратегические пункты. Съ текенiemъ времени, замиренные народы, оказавшіеся между Россіей и дикими азіатскими племенами, въ огражденіе себя отъ напирающихъ на нихъ изъ Азіи ордъ, стали вступать въ русское подданство и постепенно сливаться съ коренною Русью: башкиры, калмыки, киргизы, поочередно, подчинились русской державѣ. Граница Россіи перевалила за Ураль. Но все это движение на Востокъ, всѣ эти мирныя пріобрѣтенія и завоеванія азіатскихъ пространствъ совершились съ единственою цѣлью, вызванной нападеніемъ самозащиты или защиты слабыхъ, просившихъ у Россіи противъ сильныхъ покровительства. Если же взоры русскихъ государей и обращались иногда на Азію съ болѣе широкими видами, то лишь для развитія великаго средне-азіатскаго торгового пути, но попытки въ этомъ направлениі, несмотря на посылавшихся еще царемъ Иваномъ Грознымъ, а затѣмъ и государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, гонцовъ къ закаспійскимъ владыкамъ для развѣдокъ и мирныхъ соглашеній,— не имѣли успѣха, и средняя Азія долго оставалась для русскихъ полусказочною страною.

Такимъ образомъ, не завоевательные замыслы нашихъ государей, не корысть и не жажда славы влекли нашихъ воиновъ въ теченіе вѣковъ къ столицѣ Тамерлана, а случай и необходимость—эти два двигателя, для которыхъ нѣть преградъ.

Болѣе сознательное отношеніе къ Востоку и желаніе ближе ознакомиться съ средне-азіатскими народами и ихъ бытомъ стали проявляться у насъ лишь съ начала прошлаго столѣтія.

Императоръ Петръ Великій, наслышавшись о возможности, при помощи великой средне-азіатской рѣки, связать Россію съ Азіей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ свѣдѣнія, что хивинцы преградили русло, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, рѣшилъ какъ для исправленія этого русла, такъ и для повѣрки слуховъ о золотоносности Аму-Дарьинскихъ водъ, снарядить двѣ экспедиціи: одну со стороны Сибири, подъ начальствомъ подполковника Бухгольца, другую, подъ предлогомъ поздравленія хивинского хана со вступленіемъ на ханство, подъ начальствомъ гвардіи капитанъ-поручика князя Бековича-Черкасскаго. Бухгольцъ долженъ былъ идти долиною Иртыша, заложить по дорогѣ нѣсколько крѣпостей и овладѣть Эркетомъ (Яркендомъ). Бековичъ долженъ былъ проникнуть въ Хиву, а затѣмъ и въ Бухару и соединиться съ Бухгольцомъ у Яркента. Походъ со стороны Сибири повелъ къ тому, что мы, позабывъ объ Эркетѣ, заняли въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1715 по 1720 годъ) всю долину Иртыша на протяженіи слишкомъ 1.000

верстъ, устроивъ здѣсь рядъ крѣпостей. Бековичъ же погибъ, не достигнувъ цѣли. Снарядившись въ Астрахань и выступивъ въ Хиву въ февралѣ 1717 года, черезъ степь, отъ Красноводскаго залива, съ отрядомъ, имѣвшимъ до 3.000 человѣкъ, Бековичъ встрѣтилъ хивинцевъ на рѣкѣ Карагачъ. Несмотря на завѣренія князя Черкасскаго, что онъ идетъ въ Хиву съ мирными предложеніями, хивинцы на него напали вооруженно силою, но послѣ трехдневнаго боя вынуждены были отступить. Путь въ Хиву былъ, такимъ образомъ, открыть, чѣмъ и слѣдовало воспользоваться, чтобы проникнуть въ столицу ханства и на мѣстѣ объяснить цѣль экспедиціи; вмѣсто того, Бековичъ вступилъ вновь въ переговоры съ ханомъ Ширгазы, принялъ приглашеніе прибыть въ его лагерь и поддался его увѣщаніямъ раздѣлить отрядъ, для удобства, будто бы, продовольствія, на нѣсколько партій. Какъ только это было исполнено, хивинцы уничтожили весь отрядъ по частямъ. Первою жертвою своей неосторожности палъ самъ князь Черкасскій. Онъ былъ обезглаголенъ въ ханской ставкѣ. Неудача экспедиціи 1717 года повлекла за собою и очищеніе восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ оставленные въ заложенныхъ крѣпостяхъ гарнизоны понесли громадную потерю въ людяхъ, вслѣдствіе недостатка здоровой воды. На Красноводскую крѣпость произведено было нѣсколько нападеній туркменами по наущенію хивинцевъ, и хотя эти нападенія были отбиты, начальники гарнизоновъ, видя невозможность удержаться въ укрѣпленіяхъ, рѣшили ихъ покинуть и весною 1718 года отплыли въ Астрахань съ оставшимися въ живыхъ людьми.

Гибель Черкасскаго не разстроила, однако, виды великаго императора на Аму-Дарью и не охладила Петра въ розысканіи торгового пути на Востокъ, для каковой цѣли туда постоянно посылались послы: князь Урусовъ, Лихаревъ, Артемій Волынскій, Флоріо Беневскій. Изъ нихъ послѣдній три года бѣхалъ въ Бухару, задерживаемый то въ Шемахѣ, то въ Тегеранѣ. Недружелюбіе бухарцевъ заставило его спасаться бѣгствомъ въ Хиву, гдѣ онъ былъ принятъ лучше, но и оттуда долженъ быть все-таки выѣхать тайно. Беневскій подтвердилъ слухи о золотѣ и старомъ теченіи Аму-Дарьи въ Каспій, но, возвратясь въ Россію, уже не засталъ въ живыхъ государя, который, незадолго до своей кончины, отнявъ у Персіи, лично предводительствуя войсками, прикаспійскія области, избралъ другой путь въ сердце Азіи: черезъ Киргизскія степи и Сырь-Дарью.

Усилія посланного къ киргизамъ мурзы Тевкелева увѣнчались успѣхомъ, и въ 1732 году народное киргизское собраніе Малой и Средней орды подписало запись о поступленіи своемъ въ подданство Россіи. Съ этого времени, началась борьба русской цивилизациіи съ пастушескими и дикими племенами азіатскихъ степей. Много было испытано способовъ привить дикарямъ, если не гражданское устройство, то какія нибудь понятія о правѣ и справедливости, но всѣ попытки

оказывались бесплодными: дикари уважали только одно право — право силы, и тогда уже, негласно поощряемые английскимъ золотомъ¹⁾, упорно уклонялись отъ мирныхъ сосѣдскихъ отношеній. Грабежи, убийства, увозъ плѣнныхъ для продажи въ Хивѣ повторялись на линіи ежегодно. Отряды наши тщетно гонялись за разбойничими шайками по безводнымъ степямъ — было очевидно, что необходимо возвести рядъ укрѣплений, которые прорѣзали бы степь вдоль и поперекъ, лишивъ разбойниковъ возможности проскользить мимо съ добычею. Въ этихъ цѣляхъ, въ 1754 году, былъ занятъ небольшой участокъ илецкихъ соляныхъ копей для устройства тамъ крѣпостцы и поселенія, а на сѣверѣ урало-уйская линія была соединена съ иртышской, и проведена новая пограничная черта отъ Звѣриноголовскаго укрѣпленія до Омска. Но вообще правительство наше всячески избѣгало наступательныхъ дѣйствій и долгое время отклоняло всякия предположенія объ исправленіи нашихъ восточныхъ границъ, путемъ вооруженного занятіясосѣднихъ беспокойныхъ ханствъ. Даже императоръ Павелъ, мечтавшій сначала совмѣстно съ Франціей, а затѣмъ и собственными силами, умѣрить корыстолюбіе и эгоизмъ Англіи, выразившійся въ притязаніяхъ ея на Мальту и Іоніческие острова, походомъ въ Индію, — отказался отъ мысли занять Хивинское ханство, несмотря на представлявшіяся къ тому удобства. Когда русской службы майоръ Бланкеннахель, пробывшій въ Хивѣ долгое время въ качествѣ врача при ханѣ и изучившій ее во всѣхъ подробностяхъ, по возвращеніи въ Россію въ 1797 году, подтверждая старые слухи о минеральныхъ богатствахъ страны и возможности исправленія русла Аму-Дарьи, представилъ государю планъ завоеванія ханства, съ маршрутомъ для экспедиціоннаго отряда, и планъ этотъ, по разсмотрѣніи его въ «совѣтѣ при высочайшемъ дворѣ»²⁾, не былъ одобренъ къ исполненію лишь потому, что походъ въ Хиву привлекъ бы «разныхъ другихъ державъ вниманіе и усугубилъ бы ихъ зависть» и могъ бы «вывести Россію изъ настоящаго ея мирнаго положенія»³⁾, — императоръ, на протоколѣ совѣта, съ своей стороны, добавилъ, что «совѣтъ, исчисляя причины, препятствующія овладѣть Хивою, позабылъ одну изъ главнѣйшихъ, т. е. неимѣніе къ тому никакого повода справедливости»⁴⁾.

¹⁾ Англійское правительство, между прочимъ, уже во время персидскаго похода заявляло турецкому султану, что «русскій государь хочетъ непремѣнно обладать всею восточною торговлею, вслѣдствіе чего товары Азіи пойдутъ въ Европу чрезъ Россію. Порта должна оружіемъ остановить усиѣхи русскихъ на Востокѣ, и если она объявитъ Россіи войну, то получить денежнную помощь не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго». Лобысевичъ. Описаніе хивинскаго похода. Гл. I. Спб. 1898.

²⁾ Нынѣ государственный совѣтъ.

³⁾ Журналъ совѣта 23-го іюля 1797 года (Архивъ Госуд. Сов., т. II, Спб., 1888).

⁴⁾ Журн. сов. 13-го августа 1797 года (тамъ же).

Между тѣмъ, отношенія наши къ Хивѣ все ухудшались, хивинцы продолжали вторгаться въ наши предѣлы, уводить въ плѣнъ мирныхъ жителей, мутить киргизовъ и грабить караваны. Англичане, съ своей стороны, стали принимать энергичныя мѣры для защиты своей сѣверо-западной границы. Наконецъ, и мы убѣдились, что нѣтъ другихъ средствъ образумить Хиву, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Въ октябрѣ 1839 года изъ Оренбурга выступилъ, подъ командою генераль-адъютанта Перовскаго, отрядъ въ составѣ 4.250 человѣкъ, при 18 орудіяхъ и 2.000 киргизскихъ возчиковъ и верблюдовожатыхъ, но цѣли своей этотъ отрядъ не достигъ; и не хивинскія скопища, а суровая зима и болѣзни остановили его движение въ февралѣ 1840 года. Щадя людей, Перовскій, скрѣпя сердце, рѣшился вернуться на Эмбенскій постъ. Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе Перовскаго о неуспѣшномъ исходѣ экспедиціи, повелѣлъ приступить къ приготовленіямъ для новаго похода, но и эта вторая попытка не удалась и по той же причинѣ: отрядъ дошелъ до Чушкакуля, но развившаяся цынга и другія болѣзни унесли изъ него болѣе 1.000 человѣкъ, 10.000 верблюдовъ и 8.000 лошадей. Перовскій вторично долженъ былъ вернуться въ Эмбенское укрѣпленіе. Неудача этого второго похода вселила во многихъ убѣжденіе въ невозможности дойти отрядомъ до Хивы, и лишь 23 года спустя на долю К. И. фонъ-Кауфмана выпало доказать противное. Но самый неуспѣхъ экспедиціи Перовскаго принесъ свою пользу. Она окончательно доказала, что дѣйствовать набѣгами, вдали отъ опорныхъ пунктовъ, мѣра рискованная, и что къ цѣли надо было подходить, хотя и медленно, но вѣрными шагами, оцѣшивъ степь рядомъ укрѣпленій. Основаніе этой цѣпи положено было въ 1845 году: возникли укрѣпленія Оренбургское, Уральское, затѣмъ Раимское, Карабутакъ, Кось-аралъ. Съ возведеніемъ Раима совершилось занятіе устьевъ Сыръ-Дарьи. На Аральскомъ морѣ заведены суда, въ февралѣ 1853 года спущены на воду первый пароходъ, доставленный въ разобранномъ видѣ изъ Швеціи. Занятіе Сыръ-Дарьи давало, съ одной стороны, возможность подготовить для Хивы серьезный ударъ, а съ другой—соединить оренбургскую линію съ сибирскою. Тѣмъ временемъ, назначенный вновь, вмѣсто Обручева, оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Перовскій предпринялъ движение вверхъ по Сыру, но посланный для этого въ 1852 году полковникъ Бларамбергъ потерпѣлъ подъ стѣнами Акъ-Мечети неудачу, и экспедиція была отложена до слѣдующаго года.

II.

Взятие Акъ-Мечети въ 1853 году.

Въ 1853 году, генералъ-адъютантъ Перовскій, наученный уже опытомъ 1839 года и неудачею Бларамберга, принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію войскъ для дальнаго степнаго похода. Первая колонна выступила изъ Оренбурга 25-го апрѣля. Весь отрядъ, по присоединеніи къ первой второй колонны изъ Карабутака, состоялъ изъ 2.168 человѣкъ, при 12 орудіяхъ и 150 киргизъ-охотниковъ. Перевозочные средства заключались въ 2.038 верблюдахъ, 228 волахъ и 494 телѣгахъ.

Въ началѣ юля, отрядъ прибылъ въ Аральское укрѣпленіе. По дорогѣ заложены были два укрѣпленія: фортъ № 1 при истокѣ изъ Сыра рукава Казалы и фортъ № 2 при уроцішѣ Кармакчи. 2-го юля, Перовскій подступилъ съ легкимъ отрядомъ къ Акъ-Мечети и расположился лагеремъ въ 600 саженяхъ отъ укрѣпленія. Команданту крѣпости было послано предложеніе сдаться, но кокандцы, подпустивъ парламентеровъ къ крѣпостному валу, встрѣтили ихъ выстрелами.

Рекогносцировка указала, что умудренные прошлогоднимъ опытомъ кокандцы значительно усилили свои верки: наружный валъ былъ срытъ, строенія вокругъ цитадели уничтожены, толщина стѣнъ крѣпости увеличена. Два рва вокругъ цитадели соединены были въ одинъ, шириной въ двѣ сажени. Лазутчики сообщили еще, что на стѣнахъ были заготовлены штурмовые бревна и кисякъ¹⁾ для пораженія штурмующихъ.

Ни калибръ отрядной артиллеріи, ни количество взятыхъ снарядовъ не дозволяли бить брешь въ глиняной стѣнѣ четырехсаженной толщины; атака же открытою силою на стѣну, въ пять сажень (считая отъ dna rva) вышиною, казалась также рискованною. По этимъ причинамъ, было решено бомбардировать крѣпость, а въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія сдѣлать брешь миною, взорвавъ одну изъ башенъ, и затѣмъ штурмовать обвалъ.

5-го юля, построена была первая наша батарея въ 250 саженяхъ отъ крѣпости, а 6-го, когда прибыли послѣдніе эшелоны отряда, устроена и другая на лѣвомъ берегу Сыра, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ до 318 сажень ширины. Къ 8-му числу дѣйствовало уже 5 батарей, состоявшихъ изъ двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, одной 12-ти-фунтовой, двухъ полуфунтовыхъ и четырехъ единороговъ, пяти мортиръ и одного ракетнаго станка.

¹⁾ Комъя глины.

Къ 9-му іюля часть батарей была выдвинута на разстояніе 150 саженъ отъ крѣпости, а съ 10-го началось веденіе подступовъ. Въ размѣщении батарей принималъ дѣятельное участіе генераль-майоръ С. А. Хрулевъ, присланный въ отрядъ по высочайшему повелѣнію. Въ донесеніи отъ 9-го іюля Перовскій отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: «въ лицѣ этого отличнаго офицера его императорское величество изволилъ дать мнѣ помощника и со-вѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся». Впослѣдствіи всю честь взятія Акъ-Мечети Перовскій приписалъ Хрулеву.

Непріятель, между тѣмъ, отвѣчалъ весьма энергично, несмотря на совершенное убожество артиллерийскихъ средствъ своихъ, сравнительно съ нашими; за неимѣніемъ чугунныхъ гранатъ, кокандцы надѣлали кожаныхъ, которыя обивались бичевкою или струнами и затѣмъ снаружи осмаливались. 13-го, съ захваченнымъ кокандскимъ лазутчикомъ послано было въ крѣпость генераломъ Перовскимъ слѣдующее предложеніе о сдачѣ: «По приказанію государя моего императора всероссійскаго, пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную кокандцами на русской землѣ, для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ. Акъ-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго. Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена; назадъ они не пойдутъ. Хотите остаться живы—просите пощады; хотите умереть въ Акъ-Мечети—и это въ вашей волѣ; мнѣ не къ спѣху; я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться, а бить, покуда не отворите ворота. Все это сказалъ бы вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подѣлжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, если бы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не дѣлается между честными воинами».

Отвѣтъ требовался къ вечеру.

Огонь былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ, а вечеромъ посланный возвратился съ письмомъ коменданта, который увѣрялъ, что теперешнее кокандское правительство не обязано отвѣчать за несправедливости прежнихъ владѣтелей страны — кипчаковъ; что русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости безъ объявленія войны, а это и послужило поводомъ къ недружелюбной встрѣчѣ парламентеровъ, что, наконецъ, комендантъ готовъ сдать крѣпость, но съ тѣмъ, чтобы русскіе дали ему 15 дней срока и отошли на это время отъ крѣпости; въ противномъ же случаѣ, гарнизонъ будетъ защищаться, пока еще цѣло оружіе и не истощится кисякъ.

Вслѣдствіе этого, осадные работы возобновлены были на другой же день, и къ вечеру 14-го числа аппроши были доведены уже на двѣ сажени отъ рва.

Медленность осадныхъ работъ, видимо, не нравилась войскамъ, предпочитавшимъ неотложный штурмъ, но, кромѣ землекопныхъ работъ въ жаркую лѣтнюю пору, отрядъ терпѣлъ еще нѣкоторый недостатокъ въ мясѣ, такъ какъ киргизы, боясь, что русскіе, взявъ и разоривъ Акъ-Мечеть, уйдутъ назадъ и оставятъ ихъ мишеню кокандцевъ, упорно отказывались доставлять войскамъ скотъ. Только когда увидѣли, что отрядъ заготовляетъ запасы сѣна и топлива и, слѣдовательно, намѣревается остаться въ Акъ-Мечети,—киргизы успо-коились и не только стали доставлять скотъ, но 150 человѣкъ изъ нихъ нанялись даже на работы госпиталя и магазина.

Скучая однообразiemъ, солдаты нерѣдко продѣливали разныя штуки: такъ, когда окончено было занятіе траншеей края рва, солдаты сами спустились въ ровъ и преспокойно расположились на отдыхъ на уступѣ крутаго эскарпа, въ совершенной безопасности отъ выстрѣловъ. Одинъ изъ рядовыхъ 4-го баталіона, Григорьевъ, работавшій постоянно съ саперами, по собственной охотѣ, замѣтивъ, что на обвалѣ башни лежать набитые землею мѣшки, свалившіеся изъ ложемента, устроеннаго кокандцами на верху обвала, взобрался среди бѣлага дня, на обвалъ, высыпалъ изъ мѣшковъ землю и спокойно возвратился на мѣсто подъ выстрѣлами непріятеля, оправдываясь впослѣдствіи тѣмъ, что мѣшки ему понадобились для исподняго платья, которое совсѣмъ износилось.

Башкиры также отличались полнымъ пренебреженiemъ къ жизни и презрѣнiemъ къ непріятельскимъ выстрѣламъ, отъ которыхъ никогда не укрывались ни за турами, ни за повозками, а наскучивъ ходить по траншеѣ, выбирались зачастую на открытое мѣсто, а не то украдкою фуражировали арбузы и дыни въ кокандскихъ огородахъ подъ самою крѣпостью. Показывая другимъ, какъ слѣдуетъ закрываться отъ пуль лопатами, они желѣзную держали передъ лицомъ плащмя, а деревянную ребромъ, чтобы «казенную вещь не испортило пулей».

Непріятель освѣщалъ наши ночные работы факелами изъ шестовъ, обмотанныхъ насалеными тряпками. Впослѣдствіи мы воспользовались этимъ средствомъ, освѣщая факелами и плошками крѣпостные стѣны, въ видахъ противодѣйствія вылазкамъ, на которыхъ кокандцы оказались великими мастерами. Первую вылазку, силою въ 20 человѣкъ, они сдѣлали днемъ, 19-го іюля, въ 3 часа по полудни. Спустившись по веревкамъ со стѣнъ, они бросились съ саблями на голову траншей; наши приняли ихъ сначала за башкиръ и не стрѣляли. Кокандцы изрубили двухъ солдатъ и успѣли бѣжать.

Между тѣмъ, разнесся слухъ, что изъ Ташкента идетъ въ Акъ-Мечеть подкрѣпленіе; поэтому рѣшено было произвести поискъ по дорогѣ въ Ташкентъ до ближайшаго укрѣпленія Джулекъ, куда и выступилъ 21-го іюля отрядъ изъ двухъ сотень казаковъ и

50 башкиръ при одномъ орудіи. 23-го числа, покинутый гарнизономъ Джулекъ былъ занятъ и разоренъ, а 27-го отрядъ уже вернулся въ лагерь съ трофеями.

Къ этому же времени окончены были минные работы и заряжены два горна. Работы эти ведены подпоручикомъ учебного саперного батальона Орловскимъ¹⁾). Непріятель пытался было вести контрь-мину, но она была открыта нами и обрушена ручными гранатами.

Диспозиція къ штурму была слѣдующая: 27-го числа, въ 10 часовъ вечера, въ крѣпостную стѣну должны были быть пущены конгревовы ракеты съ двухъ пунктовъ. Въ 11 часовъ выстрѣль съ одной изъ батарей; въ 12 часовъ фальшивая тревога, послѣ которой войска, занимавшія траншеи, начинали отступленіе; въ 1 часъ утра 28-го числа, выстрѣль съ другой батареи, въ 2 часа вторая фальшивая тревога въ траншеяхъ, въ 3 часа 3 ракеты; по третьей отступали послѣднія части, оставленныя въ крѣпостномъ рвѣ, а одна рота размѣщалась въ крытыхъ траншеяхъ; въ $3\frac{1}{2}$ часа три ракеты одна за другою; пять минутъ спустя послѣ послѣдней— взрывъ, а затѣмъ штурмъ.

При этомъ имѣлось въ виду: утомить кокандцевъ выстрѣлами и ракетами, а фальшивыми тревогами убѣдить ихъ, что штурма въ эту ночь не будетъ.

Диспозиція была исполнена въ точности, но кокандцы тотчасъ же послѣ взрыва заняли проломъ и, несмотря на градъ нашей картечи, открыли сильный ружейный огонь по батареямъ и штурмовымъ колоннамъ. Первая колонна изъ 1-й роты 4-го линейнаго батальона, съ командою штутцерныхъ²⁾ во главѣ, два раза ходила на штурмъ, но оба раза была отбита и только когда подоспѣла еще одна рота, брешь была занята. Роты эти тотчасъ же разсыпались по стѣнамъ и башнямъ и открыли огонь во внутренности крѣпости. Въ $4\frac{1}{2}$ часа крѣпость уже была въ нашихъ рукахъ.

Комендантъ крѣпости, Мухамедъ-Вали, былъ убитъ въ самомъ началѣ штурма; ближайшіе его сподвижники легли, какъ обѣщались, всѣ до единаго; насчитано 230 труповъ; въ плѣнъ взято 74 человѣка, въ томъ числѣ 35 раненыхъ.

Наша потеря на штурмѣ состояла: изъ 5 нижнихъ чиновъ убитыми и 49 ранеными. Въ теченіе же осады ранено было: 2 штабъ и 6 оберть-офицеровъ и 71 нижній чинъ; убито нижнихъ чиновъ 8, умерло отъ ранъ 13, безъ вѣсти пропалъ 1. Всего выбыло изъ строя 106 человѣкъ. Трофеями нашими были: 2 бунчука, 8 знач-

¹⁾ Умеръ въ 1895 г. членомъ военнаго совѣта.

²⁾ Изъ 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 матросовъ съ парохода «Перовскій» (остановившагося въ 2-хъ верстахъ выше Акъ-Мечети) и 6 солдатъ изъ числа лучшихъ стрѣлковъ, коимъ и даны были штутцера.

ковъ, 2 мѣдныя орудія, нѣсколько фальконетовъ, 66 крѣпостныхъ ружей, 150 шашекъ, 1.000 ядеръ и 120 лошадей.

Падение Акъ-Мечети, считавшейся оплотомъ кокандского владычества въ низовьяхъ Сыръ-Дары, должно было произвести сильное впечатлѣніе на кокандцевъ, и слѣдовало ожидать, что они не замедлятъ попытаться взять крѣпость обратно.

Такъ и случилось. 14-го декабря того же 1853 года, 13.000 кокандцевъ, при 17 орудіяхъ напали на фортъ Перовскій, но часть гарнизона (550 человѣкъ при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ) сдѣлала на разсвѣтѣ 18-го числа вылазку подъ начальствомъ капитана Шкунъ и совершенно разсеяла кокандскія скопища, захвативъ всѣ 17 орудій, 4 бунчука и 7 знаменъ. Наша потеря состояла изъ 18 убитыхъ и 49 раненыхъ.

Движеніе впередъ со стороны Западной Сибири, какъ бы на встречу со стороны Оренбурга, началось годомъ позже.

Въ 1854 году, занята была Заилийская долина, гдѣ и возведено укрѣпленіе Вѣрное.

Оренбургская степь представляла въ это время театръ полнаго беспорядка — тамъ безчинствовалъ извѣстный разбойникъ Исетъ-Кутебаровъ (съ 1853 по 1858 годъ). Неуловимый, дерзкій, онъ покорился только тогда, когда мы сами отказались отъ надежды захватить его и даровали амнистію.

Восточная война задержала нѣсколько выполненіе плана соединенія границъ оренбургской и сибирской; вопросъ этотъ возникъ снова только въ 1859 году. Приготовленія къ экспедиціи взволновали кокандцевъ, которые, сосредоточивъ, по совѣту англійскихъ эмиссаровъ, подбивавшихъ ихъ объявить священную войну — газаватъ,—значительные скопища у Пишпека, перешли въ наступленіе и напали на наше укрѣпленіе Кастанѣкъ (9-го іюля 1860 года); нападеніе было отбито, но возможность его повторенія и дальнѣйшихъ вторженій въ наши предѣлы кокандцевъ заставила насъ поспѣшить занятіемъ верховьевъ реки Чу.

Поэтому, въ августѣ того же года, отрядъ изъ 1.044 человѣкъ пѣхоты и 3 сотень казаковъ, при 8 орудіяхъ, 7 мортирахъ и 4 ракетныхъ станкахъ, подъ командою полковника Циммермана, взять крѣпость Токмакъ, а 3-го сентября и Пишпекъ послѣ пятидневной осады.

Разрушивъ главные верки этихъ укрѣпленій, отрядъ возвратился на линію. Циммерманъ произведенъ въ генералы.

III.

Нападеніе кокандцевъ на новую линію. Бой при Узунъ-Агачѣ.

Кокандцы послѣ взятія Пишпека стали еще энергичнѣе пропагандировать газаватъ и тѣмъ возмущать подданныхъ намъ киргизъ. Вскорѣ по отѣзду изъ Вѣрнаго генералъ-майора Циммермана, кокандцы начали стягивать свои регулярныя и иррегулярныя войска къ Ауліе-ата и Меркѣ, присоединивъ къ себѣ волей и неволей скопище изъ киргизъ, на пространствѣ между Ауліе-ата и Пишпекомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, непріятель, въ числѣ болѣе 20-ти тысячъ, съ 10-ю орудіями, подъ начальствомъ сераскира и правителя Ташкента Ка-наатъ-ша, двинулся на общий сборный пунктъ къ развалинамъ Пишпека. Изъ прокламаціи кокандцевъ было видно, что на этотъ разъ они имѣли намѣреніе дѣйствовать сначала на наши сообщенія, а потомъ приступить къ уничтоженію нашихъ поселеній и укрѣплений. И дѣйствительно, перейдя Курдай, кокандцы направились окольными дорогами къ западу отъ Кастека и отрѣзали его отъ Узунъ-агача. Къ нимъ присоединились кочевавшіе по близости киргизы наши.

Военные силы Заилійскаго края въ это время (начало октября 1860 г.) состояли изъ 9 ротъ, 8 сотенъ, 7 орудій и 4 ракетныхъ станковъ. Всего до 2.440 человѣкъ. Войска эти раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ Кастекѣ, передовомъ нашемъ укрѣplenіи,— одна рота, одна сотня, три орудія (безъ лошадей) и два ракетныхъ станка, въ Вѣрномъ: 5 ротъ, 4 сотни, 4 орудія и два ракетныхъ станка; въ укрѣplenіи Илійскомъ—одна рота; на пути изъ Вѣрнаго въ Копалъ—2 роты, сотня, прислуга и лошади батарейнаго взвода¹).

Увѣренность наша въ полной безопасности послѣ урока, даннаго кокандцамъ, была такова, что кастекскій воинскій начальникъ не придалъ никакого значенія извѣстію о сборѣ кокандскихъ скопищъ, доставленному перебѣжавшимъ къ намъ киргизомъ.

Слухи, однако же, упорно повторялись, хотя и не давали ничего опредѣленнаго. Опасаясь за передовое укрѣплеіе, отстоявшее отъ Вѣрнаго всего на 80 verstъ, а также и за промежуточные выселки—зерно будущей колонизаціи, начальникъ Алатавскаго округа подполковникъ Колпаковскій²) тотчасъ усилилъ отрядъ въ Кастекѣ и выслалъ изъ Вѣрнаго въ Узунъ-агачъ и Каскеленъ небольшия гарнизоны, но, получивъ извѣстіе о прибытіи на р. Чу главной части

¹⁾ Лошадей вели на продажу въ Копалъ, вслѣдствіе предписанія привести дивизіонъ на мирное положеніе.

²⁾ Впослѣдствіи степной генералъ-губернаторъ.

непріятельскихъ скопищъ, онъ передвинулъ Узунъ-агачскій отрядъ къ Кастеку, оставилъ на Узунъ-агачѣ одну роту пѣхоты, сотню казаковъ и два легкихъ орудія, а къ западу отъ Узунъ-агача—въ Саурукъ-курганѣ (на рѣкѣ Кара-Кастекѣ): роту пѣхоты, 25 казаковъ и ракетный станокъ. 15-го октября, Колпаковскій разослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ киргизамъ письма съ приглашеніемъ присоединиться къ нашимъ отрядамъ. Но киргизы выжидали, чья возьметъ, и не торопились съ услугами. Они уклонялись даже отъ сообщенія извѣстій о движениіи непріятеля. Поэтому наши двигались на авось и, не подозрѣвая серьезной опасности, разгуливали небольшими командами. 16 числа, отрядъ, назначенный на Саурукъ-курганѣ, дойдя почти до мѣста, былъ охваченъ цартию киргизовъ, но отбился безъ потери. Кастекскій воинскій начальникъ майоръ Экебладъ, казалось, все еще сомнѣвался: «не знаю, писалъ онъ Колпаковскому 17 числа, могу ли навѣрное сказать, что непріятель тутъ; но всѣ признаки даютъ право думать это». 18-го въ Кастекѣ прибылъ самъ Колпаковскій, едва не попавшись въ плѣнъ на пути: онъ также ѿхалъ съ небольшимъ конвоемъ и попалъ на засаду, устроенную киргизами верстахъ въ десяти за Кескеленомъ. Киргизы, къ счастью, не разобрали въ сумеркахъ, много ли, мало ли єдетъ нашихъ, и, покруживъ немного, исчезли.

Войска наши къ этому числу были расположены слѣдующимъ образомъ: въ Кастекѣ,—4 роты, 4 сотни и 7 орудій; въ Саурукъ-курганѣ—одна рота и одинъ ракетный станокъ; на Узунъ-агачѣ—рота, сотня и два орудія; въ Кескеленѣ—полъ-сотни водворенныхъ казаковъ; въ Вѣрномъ—двѣ роты и полторы сотни водворенныхъ казаковъ; въ Илійскомъ укрѣплениіи и Заилійскомъ пикетѣ—рота, сотня и два горныхъ орудія.

18-го октября, передовыя непріятельскія партіи появились, почти одновременно, въ виду Кастека, Узунъ-агача, Саурукъ-кургана. Показавшійся на высотахъ Кастека непріятельскій развѣздъ былъ разсѣянъ сотнею казаковъ, захватившою при этомъ трехъ плѣнныхъ.

Посланы были изъ Кастека небольшіе развѣзы къ сторонѣ Узунъ-агача (27 верстъ) и Саурукъ-кургана (13 верстъ) съ цѣллю притянуть стоявшія тамъ войска въ Кастекѣ, къ главнымъ силамъ. Но отряды эти были отрѣзаны, и для соединенія съ ними пришлось двинуться самимъ главнымъ силамъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о находчивости хорунжаго Ростовцева, посланного съ 60 казаками въ Узунъ-агачъ съ приказаниемъ. Не доходя пяти верстъ до пикета, команда была окружена толпами киргизъ, только что отхлынувшихъ отъ пикета, на который они тщетно нападали весь день 19 октября. У казаковъ была простая телѣга, которую Ростовцевъ вздумалъ выдать за пушку: какъ только киргизы наядутъ, онъ зычнымъ голосомъ командуетъ: «орудіе съ передковъ»—казаки раздвигаются, снимаютъ телѣгу съ передка, и

киргизы спасаются. Команда потеряла только трехъ ранеными и благополучно добралась до Узунъ-агача, откуда на встрѣчу ей про-билась сотня Жеребятьева съ однимъ орудіемъ.

На разсвѣтѣ, 20-го числа, въ виду Узунъ-агача показались но-вья толпы, но отбитыя картечью ограничились джигитовкой на дальней дистанції, чѣмъ и занимались до вечера. Въ четыре часа, по кастекской дорогѣ, затрещала перестрѣлка; Жеребятьевъ снова полетѣлъ на выручку. Оказалось, что это сотня Усова съ ракет-нымъ станкомъ, посланная Колпаковскимъ узнать, почему вчераш-нее приказаніе не исполнено.

Около полудня получены были записки изъ Саурукъ-кургана, и тогда Колпаковскій съ ротою, двумя сотнями, пятью орудіями и двумя ракетными станками выступилъ изъ Кастека, а къ вечеру прибылъ на Узунъ-агачъ, присоединивъ, по пути, роту подпору-чика Сярковскаго изъ Саурукъ-кургана. Непріятель, послѣ без-успѣшныхъ нападеній на Узунъ-агачскій пикетъ, въ теченіе 19 и 20 чиселъ, отошелъ къ западу отъ этого пикета и расположился на ночлегъ въ пяти верстахъ за возвышенностями. Ночью на 21 число Колпаковскій съ отрядомъ изъ 3 ротъ, 4 сотенъ, 6 орудій и двухъ ракетныхъ станковъ, выступилъ противъ кокандцевъ, оста-вивъ на пикетѣ небольшую часть войскъ (75 человѣкъ пѣхоты и 25 казаковъ) съ однимъ орудіемъ. Непріятель, какъ оказалось, не имѣлъ при себѣ артиллеріи, которую долженъ былъ оставить по затруднительности сообщеній, частію за хребтомъ, въ особомъ ла-герѣ, частію (6 орудій съ поломанными лафетами) на хребтѣ, от-куда онъ были впослѣдствіи спущены назадъ.

Мѣстность, занятая непріятельскимъ расположениемъ, находится къ сѣверу отъ дороги въ укрѣпленіе Вѣрное по обѣимъ сторонамъ р. Кара-Кастека; рядъ возвышеностей и сопокъ, раздѣляемыхъ широкими логами, дѣлали эту мѣстность весьма пересѣченою. Рѣка Кара-Кастекъ, раздѣляясь здѣсь на нѣсколько рукавовъ, течетъ въ обрывистыхъ берегахъ, но по незначительной глубинѣ вездѣ пере-ходима въ бродъ.

По приближеніи нашего отряда, кокандскіе наблюдательные по-сты очистили впереди лежащія высоты.

Какъ только наши войска подошли къ непріятельской позиціи на пушечный выстрѣль, артиллерія подъ начальствомъ штабсъ-ка-питана Обуха была выдвинута впередъ и открыла огонь. Казаки, составлявшіе прикрытие, отстали, и потому артиллерія пустилась по берегу Кара-су одна. Непріятель думалъ, было, этимъ воспользо-ваться: спѣшившись онъ бросился на орудія, но, осыпанный кар-течью, отхлынулъ назадъ. Тутъ подоспѣли казаки и прибѣжала стрѣлковая рота. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи и нарѣзныхъ ружей, съ которыми тщетно пробовали состязаться фальконеты и

турки¹⁾, заставило непріятеля отойти за р. Кара-Кастекъ. Во время этого отступления, Обухъ приказалъ втащить одно орудіе и одинъ ракетный станокъ на крутую сопку, откуда и дѣйствовалъ по отступавшимъ вблизи толпамъ, нанося имъ жестокое пораженіе. Всльдь за отступавшими кокандцами, отрядъ перешелъ на лѣвый берегъ Кара-Кастека и двинулся вверхъ по рѣкѣ.

Между тѣмъ, къ кокандцамъ, которыхъ въ началѣ боя было только до 5 т., стали подходить подкрепленія, и отрядъ нашъ былъ окружено со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами непріятеля.

Пройдя пять верстъ по рѣчкѣ и миновавъ широкую лощину, впадающую съ сѣвера въ долину рѣчки, отрядъ пріостановился. Впереди была стрѣлковая рота съ артиллеріею и сотня казаковъ; ракетная команда съ сотнею казаковъ стояла на флангѣ, за ними остановилась еще одна рота и двѣ сотни, въ аріергардѣ шелъ Сярковскій со своею ротою. Ближайшая высота была занята колонною сарбазовъ (регулярной непріятельской пѣхоты), остальные высоты пестрѣли густыми толпами пѣшихъ и конныхъ кокандцевъ. Пока отрядъ нашъ ожидалъ присоединенія аріергарда,—изъ поперечной лощины высыпала густая толпа пѣшихъ кокандцевъ, которая и насѣла на роту Сярковского. Разсыпавъ всю роту въ цѣль и, не оставивъ резерва, Сярковскій сталъ отступать къ рѣкѣ. Пѣшие кокандцы раздались, и густая толпа конныхъ врѣзалась въ цѣль. Частью въ кучкахъ, частью въ одиночку отбивались наши молодцы. Юнкеръ Шороховъ ободрялъ людей своимъ примѣромъ. Тутъ подоспѣлъ поручикъ Вроченскій съ ракетною командою и Обухъ съ сотнею казаковъ и однимъ орудіемъ: кокандцы были отбиты. Такъ какъ непріятельская позиція тянулась параллельно нашему движению, то отрядъ перемѣнилъ фронтъ и выстроился боевымъ порядкомъ: стрѣлковая рота составила лѣвый флангъ, шесть орудій и три сотни стали въ центрѣ, линейная рота стала на правомъ флангѣ. Рота Сярковского и сотня Вроченскаго пристроились подъ угломъ противъ лощины. Обстрѣлявъ высоту огнемъ артиллеріи, подполковникъ Колпаковскій двинулъ войска впередъ. Сарбазы были сбиты; артиллерія наша съ большими усилиями взобравшись на гору, оставилъ у подошвы, завязшими въ грязи, два орудія. Кокандцы быстро спустились съ соседнихъ возвышеностей и бросились на крайнюю линейную роту. Офицеры, бывшіе въ цѣпи, одушевляя нижнихъ чиновъ собственнымъ примѣромъ, въ упоръ били кокандцевъ изъ револьверовъ. Выстроившися на горѣ артиллерія наша довершила пораженіе этой толпы. Подобной же участіи подверглась и другая колонна сарбазовъ, наступавшая смѣло и торжественно съ барабанами, трубами и распущенными значками. Кокандцы стали поспѣшно отступать на всѣхъ пунктахъ. Поразивъ,

¹⁾ Турки—длинное (до 1^{1/2} сажени) ружье.

такимъ образомъ, непріятеля, отрядъ нашъ, утомленный продолжительнымъ, девяти-часовымъ боемъ съ противникомъ, въ 20 разъ сильнейшимъ, долженъ былъ отказаться отъ преслѣдованія. Отдохнувъ немногого, войска продолжали движеніе къ Кастеку для пополненія патроновъ и запасовъ продовольствія. Пройдя еще до Саурукъ-кургана, подполковникъ Колпаковскій выслалъ сотню казаковъ отвезти раненыхъ въ Кастекъ и доставить оттуда патроновъ. Киргизы зажгли скирды заготовленного здѣсь сѣна и пустили паль, но вѣтеръ погналъ его въ другую сторону. Дождавшись патроновъ, отрядъ пошелъ опять на Узунъ-агачъ, куда и прибылъ поздно ночью, сдѣлавъ въ теченіе дня 44 версты и выдержавъ 9-ти-часовой бой.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла: изъ 1 убитаго и 26 раненыхъ, въ томъ числѣ 1 оберъ-офицеръ; контужены были: штабъ-офицеръ 1 (самъ подполковникъ Колпаковскій) и нижнихъ чиновъ 5. Потеря непріятеля неизвѣстна, но въ одной пѣхотѣ считалось до 350 человѣкъ убитыхъ, въ томъ числѣ 6 пятисотенныхъ начальниковъ (пансантовъ). Лазутчики увѣряли, что вся потеря убитыми и ранеными доходила до 1.500 человѣкъ, что весьма возможно, такъ какъ въ этомъ славномъ для нашего оружія дѣлѣ непріятель, сверхъ ожиданія, выказалъ большую настойчивость, атаки его были смѣлы, и онъ неоднократно бросался въ рукопашную.

Во время Узунъ-агачскаго дѣла, кокандскія скопища нѣсколько разъ подступали и къ Кастеку, но гарнизонъ каждый разъ отражалъ нападенія.

Сераскиръ Канаатъ-Ша, въ своеемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, увѣрялъ хана, что русскихъ убито 200 человѣкъ, въ томъ числѣ подполковникъ Шайтановъ и есаулъ Бутаковъ, а Колпаковскій смертельно раненъ.

Впослѣдствіи, когда слухи эти достаточно распространились и пріобрѣли въ глазахъ киргизъ значеніе достовѣрнаго факта, дико-каменные киргизы были чрезвычайно поражены, увидя одного изъ убитыхъ (есаула Бутакова) во главѣ летучаго отряда, громившаго ихъ аулы. Кокандцы, потерпѣвъ неудачу, ушли восвояси, оставивъ часть регулярныхъ своихъ войскъ въ курганахъ между Меркэ и Ауліеата и распустивъ большую часть киргизскихъ скопищъ на кочевья. Часть непріятельскихъ войскъ, возвращавшаяся съ Узунъ-агача чрезъ горный проходъ Кара-Бура, была тамъ застигнута сильнымъ бураномъ, и такъ какъ люди были одѣты по-лѣтнему, то ихъ и погибло до 300 человѣкъ.

Такъ плачевно окончилось предпріятіе кокандцевъ, задуманное въ широкихъ размѣрахъ и разбившееся о двѣ неодолимыя препоны: невозможность провести артиллерію и невозможность бороться съ войсками, которые даже и порознь дѣйствуютъ въ одномъ общемъ направленіи, поддерживая другъ друга и не заботясь о числѣ непріятеля.

На реляціи корпуснаго командира о дѣлѣ 21 октября императоръ Александръ II собственноручно написалъ:

«Славное дѣло. Подполковника Колпаковскаго произвести въ полковники и дать св. Георгія 4 степени».

Штабсъ-капитанъ Обухъ получилъ золотую саблю.

Со стороны Оренбурга мы также подвинулись вверхъ по Сырь-Дарьѣ около ста верстъ, занявъ и укрѣпивъ Джулекъ (1861 г.) и разрушивъ строившіяся въ 90 верстахъ выше крѣпостцы Яны-курганъ и Динь-курганъ.

Смерть кокандскаго хана Медлябека, погибшаго подъ ударами убийцъ кипчаковъ, послужила сигналомъ долголѣтнимъ беспорядкамъ, раздиравшимъ ханство. Всѣ подвластные Коканду киргизы возмутились, а дикокаменные, кочевавшіе и въ нашихъ предѣлахъ, а потомъ признававшіе и нашу власть, простерли свою дерзость до того, что взяли крѣпость Токмакъ и осадили Пишпекъ. Чтобы не дать Пишпека въ руки дикокаменныхъ, у насъ рѣшено было самимъ взять его, что и исполнено генералъ-майоромъ Циммерманомъ 24 октября 1862 г. послѣ 11-ти дней осады, съ потерей 7 офицеровъ ранеными и контуженными и 13 убитыми и 44 ранеными и контуженными нижнихъ чиновъ. Такая убыль произошла, главнымъ образомъ, вслѣдствіе взрыва порохового погреба.

Въ 1863 г. предприняты были рекогносцировки вверхъ по Сыру на пароходахъ «Аралъ» и «Сырь-Дарья», подъ начальствомъ флигель-адъютанта Бутакова; въ то же время сухопутный отрядъ дошелъ до самаго Туркестана и занялъ Сузакъ. Сибирскіе отряды доходили до Ауліеата. Рѣшено было связать линіи рядомъ форпостовъ по хребту Карагату, не трогая ни Туркестана, ни Чимкента.

Весною 1864 г. началось движеніе отрядовъ: сибирскій подъ начальствомъ полковника Черняева взялъ штурмомъ крѣпость Ауліеата (4 июня), потерявъ при томъ только 3 человѣкъ ранеными, а сырь-даргинскій, подъ начальствомъ полковника Веревкина, занялъ г. Туркестанъ, сдавшійся на 4-й день осады, во время которой мы потеряли 5 человѣкъ убитыми и 33 ранеными и контуженными. Оба полковника произведены въ генералы. Въ видахъ приданія дальнѣйшимъ нашимъ дѣйствіямъ большаго единства, учреждена была ново-кокандская линія, въ которую вошли вновь занятыя терраторіи. Начальникомъ линіи назначенъ былъ генералъ-майоръ Черняевъ. На соединеніе съ сибирскимъ отрядомъ изъ Туркестана посланъ былъ небольшой отрядъ (405 человѣкъ) подъ начальствомъ генерального штаба капитана Мейера. Отрядъ этотъ былъ окруженнъ кокандцами на весьма неудачной позиціи подъ Акъ-Булакомъ. Мейеръ вступилъ въ переговоры, обѣщаю кокандцамъ возвратить Туркестанъ и Ауліеата и на этихъ условіяхъ былъ выпущенъ изъ западни. Между тѣмъ Черняевъ, узнавъ о критическомъ положеніи оренбургскаго отряда, двинулся къ нему

на помошь и, отразивъ нападенія непріятельскихъ шаекъ, успѣль притянуть къ себѣ отступавшаго уже Мейера. Затѣмъ предпринята была атака на Чимкентъ, но она не удалась по недостатку артиллерийскихъ снарядовъ — все дѣло кончилось рекогносцировкою, а кокандцы, по отступлениіи нашихъ войскъ, торжествовали побѣду пушечной пальбой и трубными звуками. Отряды наши возвратились на квартиры въ Ауліеата и Туркестанъ.

IV.

Взятие крѣпости Чимкента.

Послѣ паденія Туркестана и Ауліеата, взятыхъ въ началѣ юнія нашими войсками, кокандцы, собравъ огромное скопище, намѣревались дѣйствовать наступательно. Задержанные, однако, на Акъ-Булагѣ ничтожнымъ отрядомъ русскихъ и потерпѣвъ значительный уронъ при рекогносцировкѣ Чимкента, они отказались отъ предпріятія и приступили къ работамъ по укрѣплению и вооруженію Чимкента.

Получивъ свѣдѣніе, что главныя кокандскія силы отошли отъ Чимкента, въ которомъ оставленъ только десятитысячный гарнизонъ, Черняевъ рѣшился овладѣть городомъ, прежде нежели непріятель успѣеть въ немъ окончательно утвердиться.

Съ этою цѣлью, въ концѣ августа 1864 г., Черняевъ выступилъ съ двумя ротами и 4 орудіями къ Туркестану, присоединивъ здѣсь къ себѣ еще $4\frac{1}{2}$ роты пѣхоты, $1\frac{1}{2}$ сотни казаковъ, 4 орудія, 2 мортиры и 2 ракетныхъ станка, и двинулся къ Чимкенту, куда направилъ въ то же время изъ Ауліеата 4 роты пѣхоты, 1 сотню конныхъ стрѣлковъ, 1 сотню казаковъ и 1000 человѣкъ киргизъ милиционеровъ, изъ новыхъ подданныхъ, при 5 орудіяхъ, 4 мортирахъ и 2 ракетныхъ станкахъ. Отряды взяли продовольствія на мѣсяцъ, по 200 патроновъ на ружье, двойной комплектъ зарядовъ для батарейныхъ и полуторный для легкихъ орудій, 100 бомбъ для двухпудовой мортиры и по 300 гранатъ на каждую полупудовую.

19 сентября, оба отряда соединились подъ Чимкентомъ и немедленно произвели рекогносцировку цитадели и укрѣплений города. Въ ту же ночь, заложена батарея на 4 батарейныхъ орудія, съ разсвѣтомъ открывшая огонь, на который кокандцы отвѣчали изъ семи орудій и двухъ мортиръ. Видя, что кокандская артиллериа значительно усовершенствовалась и бѣть на болѣе дальнюю дистанцію, чѣмъ наша, Черняевъ приказалъ заложить новую батарею на 6 орудій и 4 мортиры въ 300 саж. отъ крѣпости, чтобы съ близкой дистанціи и болѣе частой пальбой взять верхъ надъ артиллерией противника.

Необыкновенно твердый грунтъ и вылазки непріятеля воспрепятствовали окончить эту батарею, но траншей-майоръ, подполковникъ Лерхе, воспользовался этими вылазками и 22 числа, въ 10 часовъ утра, двинулъ противъ выдавшися кокандской пѣхоты большую часть войскъ, находившихся въ траншѣй. По первому донесенію Лерхе о его наступленіи, къ нему были высланы изъ лагеря на подкрепленіе двѣ роты со взводомъ артиллеріи.

Несмотря на сильный огонь непріятельскихъ орудій, расположенныхъ на восточной сторонѣ крѣпости и цитадели, роты подполковника Лерхе стремительно атаковали непріятеля, опрокинули его и на плечахъ кокандцевъ добѣжали до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ штыками проложили дорогу и черезъ непріятельские трупы ворвались въ городъ. Подоспѣвшій въ это время съ двумя ротами при двухъ орудіяхъ Черняевъ безпрепятственно вошелъ въ цитадель черезъ ровъ по деревянному жолобу водопровода.

Черезъ часъ послѣ начатія приступа городъ съ цитаделью и десяти-тысячнымъ гарнизономъ былъ въ нашихъ рукахъ.

Потеря наша во время этого штурма состояла изъ 2-хъ убитыхъ, 17 раненныхъ и 19 контуженныхъ нижнихъ чиновъ, а за все время осады изъ 6 убитыхъ и 41 раненныхъ и контуженныхъ.

Герою дня, подполковнику Лерхе, пожалованъ слѣдующій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й степени, а генералу Черняеву св. Георгія 3-й степени.

Чтобы воспользоваться впечатлѣніемъ послѣднихъ нашихъ успѣховъ, генералъ Черняевъ двинулся къ Ташкенту съ отрядомъ въ 1550 человѣкъ при 12 орудіяхъ. 2-го октября, по стѣнамъ цитадели (со стороны кокандской дороги) открыть былъ огонь изъ двухъ батарей. Командиръ одной изъ нихъ, известный уже по своей отвагѣ, подполковникъ Обухъ вскорѣ донесъ Черняеву, что стѣна обрушена, и что можно ручаться за успѣхъ. Черняевъ разрѣшилъ начать штурмъ и самъ двинулся съ резервомъ. Обухъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать предварительную рекогносцировку съ нѣсколькими охотниками, двинулъ впередъ всю свою колонну и только подъ самой стѣной созналъ свою ошибку: бреши не было; сбита была только верхняя, видная съ поля, часть стѣны. Роты, однако же, спустились въ ровъ, но выбраться оттуда безъ лѣстницъ не могли. Чтобы выручить ихъ, Черняевъ поставилъ здѣсь всѣ 12 орудій, обстрѣлялъ стѣны картечью, сбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ и тѣмъ далъ возможность выбраться, засѣвшимъ во рву, людямъ. Потеря наша простиралась до 16 убитыми и до 62-хъ ранеными, въ томъ числѣ 4 офицера, изъ коихъ подполковникъ Обухъ и поручикъ Рейхардъ вскорѣ умерли. Отрядъ безъ преслѣдованія отступилъ къ Чимкенту.

Междудѣй, регентъ Кокандского ханства мулла Алимъ-Кулъ рѣшился перейти въ наступленіе и въ началѣ декабря двинулся лѣвымъ берегомъ Сыра, съ цѣлью занять Туркестанъ, гдѣ тогда

было только $2\frac{1}{2}$ роты пѣхоты и $1\frac{1}{2}$ сотни казаковъ. Командиръ Туркестана подполковникъ Жемчужниковъ выслалъ по дорогѣ въ Чимкентъ уральскую сотню есаула Сѣрова, при одномъ горномъ единорогѣ для развѣдокъ. Сотня эта была окружена подъ Иканомъ скопищами Алимъ-Кула (до 15.000 человѣкъ), спѣшилась, залегла въ неглубокую канаву, устроивъ съ открытыхъ сторонъ завалы изъ мѣшковъ съ провантомъ, и продержалась здѣсь три дня съ 4 по 6 декабря! Видя всѣ свои попытки безуспѣшными, кокандцы стали подкатывать къ сотнѣ арбы (двухколесныя телѣги) съ сѣномъ и подъ прикрытиемъ этихъ импровизированныхъ мантелетовъ приблизились наконецъ настолько, что положеніе сотни стало безвыходнымъ. Изъ Туркестана высланъ былъ отрядъ изъ 150 человѣкъ пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, но начальникъ отряда подпоручикъ Сухорко, не дойдя до мѣста, по недоразумѣнію, возвратился въ Туркестанъ.

Кокандцы, въ виду столь упорного сопротивленія горсти людей, выслали парламентеровъ, но предложеніе ихъ о сдачѣ было рѣшительно отвергнуто есауломъ Сѣровымъ, который, потерявъ надежду на помошь изъ Туркестана, рѣшился пробиться. Бросивъ убитыхъ и тяжело раненныхъ и заклепавъ подбитое орудіе, казаки съ шашками наголо врѣзались въ кокандцевъ... Геройское усиливѣе увѣнчалось успѣхомъ: казаки, почти всѣ израненные, пробились, потерявъ за все время 57 человѣкъ убитыми. Весь отрядъ состоялъ изъ 109 человѣкъ (въ томъ числѣ 2 офицера); осталось не раненныхъ только 7 человѣкъ. Сѣровъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и слѣдующимъ чиномъ.

Въ концѣ апрѣля 1865 года, генералъ Черняевъ снова двинулся къ Ташкенту, занялъ крѣпость Ніязбекъ, чтобы овладѣть плотиною, поднимающею воду до уровня ташкентскихъ водопроводовъ, разбилъ, 9-го мая, подъ Ташкентомъ самого Алимъ-Кула, который при этомъ былъ убитъ, и затѣмъ обложилъ городъ. Извѣстія, что на помошь къ Ташкенту спѣшить бухарскія войска, и надежда на содѣйствіе нашей партии въ городѣ заставили Черняева предпринять штурмъ въ ночь на 7-е іюня, но главныя силы наткнулись ночью на глубокій оврагъ, задержавшій артиллерію, и штурмъ обратился въ рекогносцировку.

V.

Штурмъ Ташкента.

Значительное протяженіе городскихъ стѣнъ, большое количество воротъ и множество дорогъ, сходящихся къ городу, дѣлали для нашего, слабаго числомъ, отряда совершенно невозможнымъ обложение города. Поэтому 15 іюня генералъ Черняевъ, получивъ новая

8*

свѣдѣнія о движениіи эмира и не желая очутиться между двухъ огней, рѣшился, несмотря на несоразмѣрность силъ противника, штурмовать Ташкентъ, по богатству и многолюдности значительнейшій городъ въ Кокандскомъ ханствѣ.

Окруженный непрерывною стѣною въ 24 версты, городъ имѣлъ видъ неправильного овала, вытянутаго съ сѣвера на югъ. Будучи перерѣзанъ почти на двѣ равныя части съ сѣвера на югъ каналомъ Бось-су, городъ состоялъ изъ лабиринта извилистыхъ и довольно узкихъ улицъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись почти исключительно глиняные дома. Въ центрѣ города и на юго-восточной его части находились обширные базары. На сѣверо-восточной оконечности города имѣлась цитадель, съ ханскимъ дворцомъ. Городская стѣна была усиlena рвомъ и во многихъ мѣстахъ приспособлена къ артиллерийской оборонѣ. Въ стѣнѣ, окружающей Ташкентъ, устроены 12 воротъ и 2 прохода.

Населеніе Ташкента размѣщалось въ городѣ довольно опредѣленными группами: въ западной половинѣ города, а также въ центрѣ его сосредоточено было промышленное и торговое населеніе, а юго-восточная половина была занята бывшими приближенными хана, т. е. служилымъ сословіемъ: военными и аристократіей, намъ по преимуществу враждебными. Ближайшія окрестности Ташкента, на расстояніи 2—5 верстъ, покрыты сплошь огороженными садами, между которыми проходятъ дороги, ведущія къ разнымъ городскимъ воротамъ. Общая окружность этого зеленаго ложа садовъ простирается до 70 верстъ.

Численность непріятеля въ точности извѣстна не была. У насъ же было всего 1951 человѣкъ ($9\frac{1}{2}$ ротъ) при 12 орудіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, Черняевъ рѣшился взять городъ открытою силою. Рядъ рекогносцировокъ, произведенныхъ инженеръ-поручикомъ Макаровымъ, въ время блокады крѣпости, показалъ, что атака Ташкента могла быть поведена на одинъ изъ воротъ юго-восточной части; при томъ атака этой части города представляла еще ту выгоду, что, овладѣвъ ею, мы уже овладѣвали и всѣмъ городомъ, такъ какъ здѣсь только и держалась партія, намъ враждебная.

Главный отрядъ нашъ, послѣ покушенія 7 іюня, расположился въ городскихъ садахъ и приступилъ къ приготовленію штурмовыхъ лѣстницъ. Для облегченія же перехода черезъ ровъ, инженеръ-капитанъ Яблонскій устроилъ нѣсколько арбъ съ небольшими откидными лѣстницами. Войска главнаго отряда должны были выступить 14 іюня въ 11 часовъ вечера и тихо подкрасться къ Камеланскому воротамъ, обернувшись для этого колеса орудій войлокомъ. Сады, прилегавшіе къ городской стѣнѣ, облегчали скрытое приближеніе войскъ. Штурмъ долженъ былъ начаться съ разсвѣтомъ 15 числа.

Одновременно съ атакой главнаго отряда, полковнику Краевскому, стоявшему въ селеніи Куйлюкъ, у переправы черезъ Чир-

чикъ, на ходжентской дорогѣ, предписано было сдѣлать демонстрацію со стороны кокандскихъ воротъ (въ 6 верстахъ отъ комеланскихъ) и, ограничиваясь бомбардированиемъ города, поддержать тѣмъ атаку главныхъ силъ.

По занятіи наружной ограды, передовыя войска главной колонны должны были немедленно двинуться вправо, по улицѣ, идущей кругомъ городской стѣны, овладѣть кокандскими воротами, соединиться здѣсь съ отрядомъ полковника Краевскаго и затѣмъ овладѣть цитаделью.

Главный отрядъ, въ составѣ 7 ротъ и 6 орудій (2 легкихъ и 4 батарейныхъ), выступилъ тремя эшелонами. Впереди шла штурмовая колонна, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Абрамова, изъ охотниковъ и $2\frac{1}{2}$ ротъ пѣхоты. Охотниками командовали: ротмистръ Вульферть, поручики: Шороховъ и Лапинъ. Въ верстѣ за штурмовой колонной шелъ резервъ изъ двухъ ротъ съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ майора де ла-Кроа, а еще въ верстѣ за нимъ второй резервъ изъ $2\frac{1}{2}$ ротъ, съ 4 батарейными орудіями, подъ начальствомъ подполковника Жемчужникова.

Въ два съ половиною часа штурмовая колонна, подойдя къ воротамъ на полторы версты, сняла съ верблюдовъ штурмовыя лѣстницы и, неся ихъ на рукахъ, двинулась впередъ садами; впереди шла небольшая цѣль стрѣлковъ, которая, пользуясь темнотою ночи и пересѣченною мѣстностью, подкралась къ самой стѣнѣ, мимо спавшаго непріятельского караула, часовой котораго, поздно увидавъ русскихъ, бросилъ ружье и, не разбудивъ товарищѣй, бѣжалъ. Присутствие караула впереди воротъ, которыхъ были завалены, заставляло думать, что гдѣ нибудь въ стѣнѣ есть лазейка, потому охотники рѣшились воспользоваться оплошностью врага и заставить его самого указать имъ дорогу.

Для этого, часть охотниковъ, какъ еказано, подкралась къ стѣнѣ, а другая, выждавъ нѣсколько, принялась будить оплошныхъ караульныхъ штыками. Въ переполохѣ кокандцы и не думали защищаться, а прямо бросились къ лазейкѣ, завѣшанной кошмою и потому незамѣтной съ поля—этого только и было надо: переколовъ оплошныхъ, охотники пролѣзли въ лазейку и тотчасъ же забрались на барбетъ, куда съ громкими «ура!» взбиралась уже и другая часть охотниковъ по лѣстницамъ. Это обстоятельство сильно помогло дѣлу: ворота съ двумя башнями и артиллеріей были взяты, безъ всякой, съ нашей стороны, потери.

Занявъ стѣны, часть охотниковъ немедленно стала отваливать и разбивать ворота, остальные заняли близъ лежавшіе сакли и сады. Священникъ Маловъ, ѿхавшій съ крестомъ впереди штурмовой колонны, по крику «ура», бросился впередъ и первый пролѣзъ въ пробитую охотниками щель городскихъ воротъ.

Ротмистръ Вульферть, взойдя на стѣну съ нѣсколькими охот-

никами, тотчасъ же кинулся вдоль стѣны занять ближайшій барбетъ и овладѣль тутъ однимъ орудіемъ, но самъ былъ раненъ пулею въ руку.

Между тѣмъ, штурмовая колонна Абрамова въ числѣ 250 человѣкъ, пробѣжалъ въ открытыя уже ворота, тотчасъ же двинулась вправо вдоль по улицѣ, чтобы овладѣть кокандскими воротами и впустить отрядъ Краевскаго.

Пройдя до карасарайскихъ воротъ, гдѣ уже начиналось мирное населеніе, Абрамовъ повернулъ къ базару, чтобы жители могли уѣхать во взятіи нами города. На первой же улицѣ встрѣчены были барикады, защищаемыя сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Барикады были взяты, и отрядъ подошелъ къ главному базару. Здѣсь сопротивленіе оказалось еще сильнѣе: кромѣ барикадъ, расположенныхъ на каждомъ поворотѣ, всѣ прилегающія сакли были заняты стрѣлками. Выйдя съ базара, отрядъ на каждой улицѣ встрѣчалъ уже по нѣскольку защищаемыхъ барикадъ, такъ что каждую изъ нихъ приходилось брать штыками. Прорѣзавъ, такимъ образомъ, почти всю сѣверную половину города, Абрамовъ вошелъ въ цитадель, которую засталъ уже занятою войсками де-ла-Кроа и Жемчужникова.

Скоро по начатіи штурма, когда Абрамовъ двинулся вправо вдоль стѣны, непріятель, нѣсколько опомнившись отъ испуга, сталъ сосредоточиваться у Камеланскихъ воротъ противъ войскъ нашей главной колонны и занялъ ближайшіе сакли и сады. Пока войска выбивали непріятеля изъ этихъ закрытій, значительныя массы непріятельской пѣхоты, собравшись на двухъ ближайшихъ улицахъ, съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «Аллахъ» бросились на войска. Двѣ удачно пущенные поручикомъ Макаровымъ пудовые фугасныя ракеты, а вслѣдъ за ними ударъ въ штыки, опрокинули кокандцевъ и заставили ихъ, въ совершенномъ беспорядкѣ и съ большою потерюю, очистить улицы. Съ этого момента, нашъ лѣвый флангъ сталъ твердою ногою въ городѣ, хотя на занятой части городской стѣны перестрѣлка съ деревьевъ и дальнихъ домовъ продолжалась еще до вечера.

Вслѣдъ за колонною Абрамова, была направлена колонна майора де-ла-Кроа (двѣ роты съ однимъ орудіемъ), а за нею колонна подполковника Жемчужникова (двѣ роты при 2 орудіяхъ).

Несмотря на то, что де-ла-Кроа шелъ слѣдомъ за Абрамовымъ, онъ встрѣтилъ новыя барикады, весьма скоро устроенные изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ. Пока де-ла-Кроа выбивалъ непріятеля изъ барикадъ, подоспѣль и Жемчужниковъ; соединившись вмѣстѣ, колонны ихъ двинулись къ цитадели, которую и заняли, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра, почти одновременно съ Макаровымъ. Немедленно и здѣсь была выдвинута артиллерія, открывшая огонь по городу. Между тѣмъ, священникъ Маловъ, отдѣлившись случайно уже на базарѣ,

отъ колонны Абрамова, съ 45 человѣками и нѣсколькими офицерами, тщетно подавалъ сигналы трубой, отвѣта не было слышно: пришлось идти наугадъ улицами незнакомаго города, ориентируясь только по выстрѣламъ. Выйдя на главную улицу, горсть эта была осыпана сзади градомъ пуль. Потерявъ сразу нѣсколько убитыми и ранеными, люди прибавили шагу, но почтенный Маловъ ободриль ихъ и посовѣтовалъ лучше дать отпоръ, а не то на широкой и прямой улицѣ все равно всѣхъ перестрѣляютъ. Солдаты послушались совѣта, легли на землю и открыли огонь по густой толпѣ почти въ упоръ,—ни одна пуля не пропала даромъ; передніе ряды сартовъ повалились, а остальные бросились бѣжать. Это дало возможность оставшимся въ живыхъ вынести своихъ раненыхъ и безъ дальнѣйшей потери присоединиться къ войскамъ, занявшимъ цитадель.

Но цитадель оказалась плохую защитою отъ выстрѣловъ съ деревьевъ сосѣднихъ садовъ. Кромѣ того, кокандцы еще подожгли службы ханскаго дворца, и огонь, распространяясь довольно быстро, угрожалъ уже пороховому складу (въ 2 тысячи пудовъ) и нѣсколькимъ тысячамъ чиненыхъ гранатъ. Приходилось очистить цитадель.

Выйти, однако, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ войти: непріятель занялъ лавки и сакли у самыхъ воротъ и рѣшительно не пропускалъ никого безнаказанно. Тогда отецъ Маловъ, крикнувъ: «за мной, братцы», бросился, съ крестомъ въ рукѣ, впередъ и въ мигъ очистилъ прилежащиій берегъ Бось-су отъ непріятеля, едва не поплатившись при этомъ жизнью: сартъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, но фитильное ружье дало только вспышку. Благодаря такому самоотверженію безоружнаго священника, войска благополучно выбрались изъ цитадели.

Междудѣмъ, согласно диспозиціи, отрядъ полковника Краевскаго двинулся въ полночь отъ Куйлюка къ Ташкенту. Чтобы не обнаружить своихъ намѣреній и не дать непріятелю времени собраться на стѣнахъ, онъ долженъ былъ не открывать огня до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ обнаруженъ или пока не услышитъ выстрѣловъ главнаго отряда. Непріятель, замѣтивъ отрядъ полковника Краевскаго, открылъ по немъ огонь изъ девяти орудій, на который тотъ отвѣчалъ четырьмя орудіями, но скоро за стѣною послышалось «ура» отряда Абрамова. Вслѣдъ за тѣмъ, пѣхота Краевскаго, съ помощью людей Абрамова, подававшихъ лямки и ружья, стала взбираться на стѣну. Въ это время Краевскій получилъ извѣстіе о появлѣніи, на правомъ его флангѣ, идущаго изъ города непріятеля. Тотчасъ же съ казаками и четырьмя конными орудіями онъ поскакалъ на перерѣзъ имъ. Удачные выстрѣлы картечью на самую близкую дистанцію заставили толпы кокандцевъ бѣжать. Горсть казаковъ (39 человѣкъ) бросилась ихъ преслѣдоватъ. Появлявшаяся,

вслѣдь за тѣмъ, толпы кокандской кавалеріи были встрѣчены не менѣе удачно и также обращены въ бѣгство. Преслѣдуемая горсткою храбрыхъ, конница эта разбросала по дорогѣ свои знамена и, доскаакавъ до Чирчика, въ беспорядкѣ бросилась къ броду, топя другъ друга.

Междуда тѣмъ, поднявшаяся на стѣну пѣхота Краевскаго, соединившись съ Абрамовыхъ, продолжала дальнѣйшее движеніе вдоль стѣнъ. Самъ Краевскій съ остальными войсками своего отряда, по вступленіи въ городъ, соединился съ Жемчужниковымъ, уже оставившимъ въ это время цитадель, и вмѣстѣ съ нимъ, расположился на позиціи между Кокандскими и Кашгарскими воротами, на мѣстѣ ханской ставки.

Съ очищеніемъ половины города и прекращеніемъ перестрѣлки главный отрядъ расположился у Камеланскихъ воротъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ лагерь отряда прибыли аксакалы преданныхъ намъ частей города, съ изъявленіемъ совершенной покорности и обѣщаніемъ назавтра явиться въ лагерь со старшинами и почетными лицами всего города. Но къ вечеру непріятель снова засѣлъ въ ближайшихъ сакляхъ и открылъ огонь по нашей цѣпи. Сообщеніе между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Краевскаго почти прекратилось. Барикады появились на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Сопротивленіе сдѣгалось еще упорнѣе: были случаи, что одинъ, два человѣка кокандцевъ съ айбалтами (топоръ на длинной рукояткѣ) кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ, не прося пощады.

Посланные по смежнымъ улицамъ небольшіе отряды встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе; приходилось брать сакли штыками.

Общими усилиями нашихъ войскъ улицы были очищены вторично. Артиллерія, выдвинутая отъ воротъ на версту внутрь города, открыла огонь. Отъ нашихъ гранатъ еще съ вечера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлись сакли, и пожаръ, распространившійся въ ближайшей части города, продолжался до слѣдующаго дня. Къ ночи всѣ войска стянулись къ Камеланскимъ воротамъ.

16 іюня, утромъ, полковникъ Краевскій, съ тремя ротами и двумя орудіями, былъ посланъ для сбора непріятельскихъ орудій и взрыва цитадели. По всей дорогѣ встрѣчены были имъ тѣ же барикады и тотъ же огонь изъ смежныхъ домовъ, какъ наканунѣ. Барикады снова были уничтожены, сакли взяты, и отрядъ вступилъ въ цитадель, гдѣ также встрѣтилъ новое сопротивленіе, но, благодаря распорядительности Краевскаго, отрядъ, исполнивъ порученіе, возвратился въ лагерь безъ большой потери.

Къ вечеру улицы были совершенно очищены. Передъ закатомъ солнца прибыли наконецъ посланные отъ аксакаловъ, прося позволенія всѣмъ старшинамъ города явиться на другой день.

17 числа, всѣ аксакалы и почетные жители города, явившись къ генералу Черняеву, изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству.

Городъ сдался и обязался выдать оружіе. Всѣ аксакалы, а также многіе изъ жителей приняли самыя энергичныя мѣры къ отысканию орудій, находившихся въ самомъ городѣ, и къ вечеру было доставлено самими жителями до 20 мѣдныхъ орудій и до 300 ружей. Вслѣдъ затѣмъ въ городѣ водворилось спокойствіе. Ташкентъ былъ покоренъ окончательно.

Трофеями нашими были: 16 знаменъ (въ томъ числѣ одно бухарское), множество значковъ, 63 орудія разнаго калибра и множество ружей.

Потеря наша: оберъ-офицеровъ раненыхъ—3, контуженныхъ—4; нижнихъ чиновъ убитыхъ—25, раненыхъ—86, контуженныхъ—24.

Непріятельскій гарнизонъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, состоялъ изъ 5.000 сарбазовъ и 10.000 сипаевъ, которые большую частью убѣжали во время штурма.

Вскорѣ по занятію Ташкента, Черняеву было предъявлено требованіе со стороны бухарского эмира—объ очищеніи этого города. Черняевъ отвѣчалъ на это арестованіемъ всѣхъ бухарскихъ подданныхъ, торговавшихъ въ занятыхъ нами городахъ. Мѣра его распространена была оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Крыжановскимъ и на Сыръ-Дарынскую линію и на Оренбургъ. Между тѣмъ, эмиръ просилъ пропустить къ высочайшему двору своего посла, прибывшаго въ фортъ № 1, къ пріѣзду туда оренбургскаго генераль-губернатора, но такъ какъ послѣдній былъ снабженъ полномочіемъ вести всѣ дипломатическія сношенія въ Средней Азіи, то послу былъ возвращенъ дальнийшій путь и предложено вступить въ переговоры на мѣстѣ. Эмиръ на это не согласился и возбудилъ въ окрестностяхъ Ташкента партизанскіе набѣги, вынудившіе насъ занять долину за Чирчикомъ. Генераль Крыжановскій далъ, тѣмъ временемъ, полномочіе Черняеву вести переговоры о мирѣ. Къ этому присоединилось предложеніе эмира прислать въ Бухару русское посольство. Черняевъ, не подозрѣвая ловушки, хотя въ виду арестованія бухарскихъ купцовъ можно было опасаться со стороны эмира отвѣтной репрессії,—поспалъ въ Бухару миссію изъ нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ (Струве, Татаринова, Глуховскаго и Колесникова). Миссія эта въ Бухарѣ, какъ и слѣдовало ожидать, была задержана, и Черняеву объявлено, что ея не выпустятъ до тѣхъ поръ, пока бухарскій посолъ не будетъ допущенъ къ императору. Узнавъ объ этой новой дерости эмира, Черняевъ немедленно двинулъ къ Джизаку (30 января 1866 г.), переправясь съ большими затрудненіями черезъ Сыръ-Дарью, у Чиназа. Но зимній походъ безъ дровъ, безъ фуража и безъ достаточныхъ запасовъ былъ крайне тяжелъ и неудаченъ.

Простоявъ напрасно подъ Джизакомъ до 11 февраля, Черняевъ рѣшился отступить къ Дарьѣ, гдѣ и сталъ лагеремъ у Чиназа.

Всльдь за симъ Черняевъ бытъ смѣненъ и на его мѣсто прибылъ новый губернаторъ, генералъ-майоръ Романовскій.

Междуд тѣмъ, въ окрестностяхъ лагеря и на соображеніяхъ его съ Ташкентомъ появились партизанская партіи, грабившія нашихъ подданныхъ и нападавшія на одиночныхъ людей и почтальоновъ. Для укрощенія этихъ разбойниковъ организована была изъ туземцевъ милиція, которая, опираясь на легкіе отряды наши, скоро очистила край отъ хищниковъ.

5 апрѣля, была произведена рекогносцировка вверхъ по Сыру, причемъ у непріятеля было отбито до 14.000 барановъ. Кромѣ того, рекогносцировка эта убѣдила насъ въ справедливости извѣстій о наступленіи эмира, всльдствіе чего генералъ Романовскій рѣшился предупредить его. Выступивъ со всѣми войсками изъ-подъ Чиназа, Романовскій встрѣтилъ эмира съ 40.000 войскомъ, близъ уроцища Иръ-Джаръ, на берегу Дарьи. То была первая встрѣча нашихъ войскъ съ бухарцами.

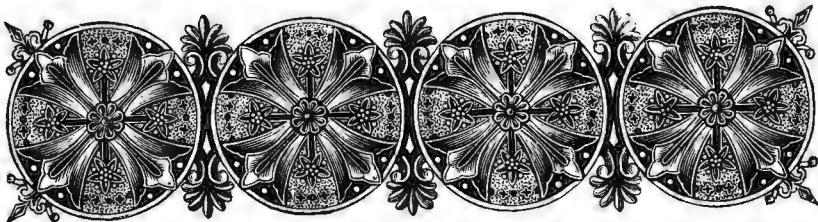
Громадное скопище эмира было на голову разбито и разсѣяно, и самъ владыка Бухары и глава мусульманства на Востокѣ долженъ бытъ спасаться бѣгствомъ.

Значеніе этой побѣды для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи очевидно.

Послѣ Иръ-Джарскаго боя народъ, считавшіяся дотолѣ непобѣдимымъ, долженъ бытъ уступить первенство въ Средней Азіи новой великой силѣ. Только послѣ Иръ-Джарскаго боя вселился среди азіатцевъ тотъ страхъ передъ нашимъ оружіемъ и убѣжденіе въ нашей непобѣдимости, которые до сихъ поръ держатся между азіатскими народами и даютъ намъ нравственный перевѣсь, ведущій къ побѣдамъ.

(Продолженіе въ следующей книжкѣ).

ТРИ ТИПА РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ.

(Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ).

I.

ОЕ ЗНАКОМСТВО съ Аристомъ Аристовичемъ Куникомъ началось осенью 1863 года въ то время, когда я дописывалъ свою магистерскую диссертацио. Помнится, что я пришелъ однажды въ иностранное отдѣленіе академической библіотеки, сталъ рыться въ книгахъ, еще наканунѣ мнѣ выданныхъ, а потомъ мнѣ понадобилась какая-то справка въ каталогахъ отдѣленія, и я направился въ комнату, гдѣ обычно засѣдалъ съ своимъ помощникомъ добрѣйшій Антонъ Антоновичъ Шиффнеръ¹⁾), завѣдывавшій иностраннымъ отдѣленіемъ академической библіотеки. На этотъ разъ я засталъ у Шиффнера какого-то неизвѣстнаго мнѣ господина довольно внушительной наружности. На видъ это была прямая противоположность моему давнему знакомцу, Шиффнеру: тотъ былъ худой, сутуловатый, блѣдный, съ тонкими, нѣжно-обрисованными чертами лица

¹⁾ А. А. Шиффнеръ, извѣстный академикъ-лингвистъ, отличный знатокъ народной поэзіи финскихъ и тюркскихъ племенъ—человѣкъ замѣчательно-простой, милый и удивительно-обязательный по отношенію ко всѣмъ молодымъ людямъ, занимавшимся въ академической библіотекѣ. Когда нибудь, въ другомъ мѣстѣ, я помяну его добрымъ словомъ въ числѣ людей, которымъ я многимъ обязанъ въ моей ранней молодости.

и большимъ горбатымъ носомъ; а незнакомецъ, стоявшій у его стола, былъ приземистый, широкоплечій здоровякъ, остриженный подъ гребенку, съ мягкими расплывчатыми чертами лица и рыжеватой съ просѣдью подстриженной бородой, некрасивый, но съ очень умнымъ и пріятнымъ выраженіемъ глазъ, которые смѣло и прямо смотрѣли изъ-за большихъ золотыхъ очковъ. Заложивъ руки въ карманы короткаго пиджака, съ книгой подъ мышкой, онъ очень горячо обсуждалъ съ Шиффнеромъ какой-то вопросъ, поднятый на послѣдней академической конференціи; я подошелъ къ столу и попросилъ позволенія заглянуть въ каталогъ.

Антонъ Антоновичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сей-часъ же заговорить со мною о моей диссертациі, при чемъ въ бѣсѣдѣ нашей мы коснулись, между прочимъ, Краледворской рукописи.

— А вы эту книгу знаете?—вдругъ обратился ко мнѣ незнакомецъ, стоявшій около Шиффнера, и черезъ столъ, безъ церемоніи, швырнуль мнѣ книгу, которую вынулъ изъ-подъ мышки. Это была тогда только что появившаяся книга Иречка о древнѣйшей чешской поэзіи.

— Нѣть, не знаю, — сказалъ я, взглянувъ на титуль книга:— Это что-то совсѣмъ новое?..

— Да. Только что прислали мнѣ изъ магазина. Я просмотрѣлъ: любопытно... Хотите прочесть?

— О, конечно. Но...

— Такъ возьмите ее... Вернете Антону Антоновичу.

Я поблагодарилъ за любезность и просилъ позволенія занести книгу лично.

— Это Куникъ,—сказалъ Шиффнеръ.—Вы не знакомы? Живетъ въ академическомъ домѣ, на углу Набережной и 7-й линіи. Ступайте къ нему, посмотрите,—отличная библіотека.

Минуту спустя, мы разстались, и я поспѣшилъ домой съ новой книгой...

Нѣсколько дней спустя, я отправился къ Кунику, чтобы занести ему книгу Иречка, и засталъ его дома, въ его прекрасной академической квартирѣ, выходившей окнами на набережную. Устроѣство квартиры было удивительно простое; но, кроме простоты, въ квартирѣ почтенаго ученаго была еще замѣтна всюду удивительная чистота и порядокъ, рѣдко встрѣчаемая въ квартирахъ старыхъ холостяковъ. Главнымъ украшеніемъ квартиры была обширная, превосходно систематизированная и удобно разставленная библіотека, въ которой чрезвычайно простые шкафы-полки были такъ практично устроены, что книги было очень легко доставать безъ всякихъ лѣстницъ и приспособленій. И во всѣхъ углахъ этой библіотеки, которая занимала всѣ лицевые комнаты квартиры, опять-таки не было ни пыли, ни беспорядка: взглянувъ на эти полки, можно

было подумать, что хозяинъ только и дѣлаетъ, что стираетъ пыль съ своихъ книгъ. Любопытною особенностью квартиры Куника — этого известнаго и, можно сказать, первокласснаго ученаго — было отсутствіе ученаго кабинета въ томъ казовомъ и обычномъ смыслѣ, въ какомъ мы его себѣ представляемъ въ квартирѣ каждого ученаго или литератора. Замѣтно было, что онъ охотнѣе занимался въ маленькой комнаткѣ, смежной съ прихожею, гдѣ у него стояла конторка и шкафъ съ справочными книгами; но и въ огромныхъ комнатахъ, въ уютномъ уголкѣ, около книгъ, стояли тоже столы, на которыхъ онъ занимался, и которые, очевидно, придвигалъ къ тому мѣсту своей библіотеки, изъ котораго ему было удобнѣе и сподручнѣе доставать книги съ полки...

Въ ту пору моей жизни я такъ страстно любилъ книги, что, увидавъ книжныя богатства Куника — признаюсь! — позабылъ и о приличіи первого визита, и о хозяинѣ, и съ увлеченіемъ сталъ оглядывать полки, заставленныя почтенными фоліантами.

Это, видимо, понравилось хозяину и даже порадовало его, и онъ, понимая мое увлеченіе, самъ очень охотно и любезно сталъ знакомить меня съ лучшими уголками своей библіотеки.

— Да! Вотъ видите, все это я могъ купить, могъ собрать, потому что очень давно сталъ собирать, когда еще старая Толкучка была цѣлѣ... А теперь гдѣ вы это все достанете?

И съ наивностью истиннаго книжника онъ добавилъ совершенно серьезно:

— Еслибъ я зналъ, что Толкучка сгоритъ, я бы не пожалѣлъ денегъ... Тамъ вѣдь такія удивительныя рѣдкости были...

И бесѣда на эту тему завязалась у насъ такая оживленная, что я удалился уже только тогда, когда Аристу Аристовичу пришлось идти на службу въ Эрмитажъ.

Такъ началось мое знакомство съ Куникомъ и продолжалось много и много лѣтъ, и каждый разъ, когда мнѣ приходилось съ нимъ встрѣчаться или вступать съ нимъ въ сношенія по вопросамъ, меня интересовавшимъ, я находилъ съ его стороны такъ много предупредительности и готовности оказать мнѣ посильную помощь, что не могу не вспомнить объ этомъ съ самою искреннею признательностью. И эта предупредительность и услужливая готовность вовсе не вызывались какими либо личными отношеніями или симпатіями ко мнѣ — они были въ Куникѣ чертою характера, если не врожденною, то издавна укоренившуюся, исходившую изъ того несомнѣннаго уваженія къ труду и трудовой энергіи, которымъ онъ былъ проникнутъ. На видъ сухой, мало-доступный, рѣзкій и угловатый въ приемахъ, Куникъ всегда былъ готовъ служить каждому, кто къ нему обращался, и своими знаніями, и своею громадною,

поразительную начитанностью, и сокровищами своей библиотеки. Если онъ не могъ отвѣтить на вопросъ положительно, онъ прямо и коротко отвѣчалъ:

— Я этого не знаю... Я этимъ не занимался — и отвѣчалъ безъ всякихъ увертокъ и уклоненій.

Въ томъ, что онъ зналъ, онъ выше всего цѣнилъ несомнѣнныи фактъ, и въ разслѣдованіи всѣхъ его сторонъ, всѣхъ соприкасающихся съ нимъ частностей, любилъ добираться до самой сути. Онъ не разъ говаривалъ мнѣ въ бесѣдахъ нашихъ:

— Въ изслѣдованіи научномъ не бываетъ мелочей: здѣсь все важно... Очень крупныя научныя гипотезы бываютъ построены именно на этихъ мелочахъ.

И постоянно соображаясь съ этой теоріею, онъ очень высоко цѣнилъ каждый исторический анекдотъ, каждый случайный намекъ источника, допускавшій возможность «членія между строками».

Очень и очень жалѣю я, что не записывалъ все то, что слышалъ отъ Куника по закулисной исторіи XVIII вѣка въ Россіи, въ ту зиму, когда нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ я работалъ въ его библиотекѣ надъ богатѣйшимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ книгъ по масонству и масонскимъ ложамъ. Въ частномъ быту, въ бесѣдѣ съ глазу-на-глазъ, онъ былъ чрезвычайно сообщителенъ, говорилъ охотно и много, и любилъ блеснуть своимъ знаніемъ источниковъ русской исторіи, своею громадною начитанностью, своимъ отличнымъ знакомствомъ съ археологіею и нумизматикой. При этомъ, въ противоположность многимъ другимъ ученымъ, онъ любилъ говорить о своихъ личныхъ воззрѣніяхъ на тотъ или другой научный вопросъ, любилъ дѣлиться своими мнѣніями и выводами, и нѣсколько не стѣснялся тѣмъ, что эти мнѣнія встрѣтятъ съ чьей нибудь стороны возраженія, что они будутъ опровергнуты или покажутся странными. Это былъ очень простой и прямой человѣкъ, и одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые по-своему любятъ Россію и вѣрятъ въ ея будущее...

Безъ малѣйшей зависти и съ большимъ добродушіемъ относился онъ ко всѣмъ тѣмъ, которые трудились, подобно ему, въ области изученія Россіи — ея старины, ея древностей, ея исторіи. Онъ умѣлъ цѣнить трудъ и каждому воздавалъ должное по заслугамъ, хотя и относился съ сурою критикою къ увлеченіямъ теоріями, партійными взглядами и пристрастіемъ къ извѣстнымъ доктринаамъ.

— Съ исторіей шутить нельзя, — говаривалъ онъ не разъ — и коверкать ее нельзя, какъ угодно... Передъ нею преклоняться надо...

Уважая чужой трудъ, онъ всегда былъ отзывчивъ на всякую помощь этому труду и не жалѣлъ при этомъ ни хлопотъ, ни времени, которому, однако же, отлично зналъ цѣну. Я никогда не забуду, какъ онъ хлопоталъ за меня, когда мнѣ понадобилось снять фотографію со скиескихъ древностей Эрмитажа, или какъ онъ цѣ-

лую недѣлю перерывалъ всѣ свои бумаги, чтобы отыскать мнѣ древній планъ Новгорода, который былъ для него снять съ плана, начертанного на стѣнѣ въ церкви Флора и Лавра... Это были добрыя, искреннія, безкорыстныя услуги на пользу дѣла, которое онъ любилъ, которому посвятилъ всю свою жизнь, и на пользу кото-раго охотно поощрялъ и другихъ трудиться.

Въ послѣднія десять лѣтъ я не видѣлся съ А. А. Куниковъ: во время моихъ пріѣздовъ изъ деревни и краткихъ пребываній въ Петербургѣ, не удалось мнѣ ни разу заглянуть къ нему; но отъ многихъ приходилось слышать, что его желѣзное здоровье, поддер-живаемое чрезвычайно аккуратною жизнью, начало ему измѣняться, и онъ часто становился болѣть... И вдругъ, прошлую весну, я совер-шенно случайно и неожиданно столкнулся съ нимъ у Дворцового моста на набережной. Онъ былъ неузнаваемъ и произвелъ на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Сгорбленный, опустившійся, онъ какъ-то особенно потемнѣлъ въ лицѣ; потухшіе глаза ввалились; пону-ривъ голову, онъ тихо двигался по набережной, съ видимымъ уси-ліемъ передвигая ноги... Не было въ немъ и тѣни прежняго Ку-ника, съ его бодрой осанкой, живостью въ движеніяхъ и здоровымъ видомъ.

— Аристъ Аристовичъ! Здравствуйте... Очень радъ васъ видѣть...

Онъ остановился, съ усилиемъ поднявъ на меня глаза и молча протянулъ мнѣ руку.

— Ну, какъ ваше здоровье? — невольно сорвалось у меня съ языка.

— Какое тамъ здоровье! Сами видите! Въ дорогу соби-ваться надо, — почти съ досадою проговорилъ онъ глухимъ ка-кимъ-то голосомъ и, безнадежно махнувъ рукою, поспѣшилъ со мною разстаться.

Эта встрѣча особенно живо припомнилась мнѣ, когда я на дняхъ прочелъ въ газетахъ о кончинѣ почтеннаго Ариста Аристовича... Судя по его словамъ, при этой послѣдней нашей встрѣчѣ, онъ давно уже предвидѣлъ свой конецъ и шелъ къ нему спокойно и разумно. Въ трудахъ своихъ онъ оставилъ намъ цѣнныій вкладъ въ русскую историческую науку; а въ памяти всѣхъ знавшихъ его сохранилось о немъ представлѣніе, какъ о человѣкѣ прямомъ, правдивомъ и чест-номъ, какъ объ истинномъ ученомъ, для котораго въ жизни была только одна утѣха и радость — наука.

II.

Съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ я познакомился осенью 1857 года, мѣсяца два спустя послѣ поступленія въ университетъ. Признаюсь, что его первая лекція меня поразила и охватила какимъ-

то особеннымъ жаромъ... Это было что-то чрезвычайно увлекательное, образное, яркое, богатое любопытными и новыми (для насъ, первокурсниковъ) фактами — и какъ это было чудесно изложено, какъ сгруппировано, какъ прямо вело къ определеннымъ и яснымъ выводамъ! При этомъ много вліяла сама внѣшность профессора: его смуглое лицо было подвижно и выразительно, а его черные большие глаза горѣли такимъ огнемъ, такъ превосходно дополняли его рѣчъ, такъ привлекали къ нему все наше юношеское вниманіе, что имъ нельзя было не увлечься, ему нельзя было не довѣриться, не предаться ему всей душей! Прослушавъ эту превосходную лекцію, я (Богъ вѣсть почему?) рѣшилъ, что непремѣнно слѣдуетъ «къ Срезневскому сходить», и что-то ему сказать, что-то выразить, а главное — заявить о себѣ и о своемъ желаніи трудиться, просить его руководства въ предстоящихъ занятіяхъ. Рѣшилъ — и пошелъ, предварительно разузнавъ адресъ Срезневского у нашего общаго друга, старика Савельича¹⁾.

И. И. Срезневский жилъ въ ту пору въ 9-й линіи Васильевскаго острова, далеко за Среднимъ проспектомъ, почти противъ церкви Благовѣщенія. Онъ занималъ весь третій этажъ дома, какъ человѣкъ многосемейный и, кажется, довольно зажиточный. Я засталъ его дома усталымъ, только что вернувшимся съ лекцій, засталъ въ его чудесномъ кабинетѣ, сплошь заставленномъ книгами, которыя, буквально, окружали его со всѣхъ сторонъ: книги были у него около стѣнъ въ шкафахъ, книги около стола на этажеркахъ, книги на столѣ, на особой полкѣ, книги подъ диваномъ, на которомъ онъ отдыхалъ... Книги всюду — цѣлое море книгъ! Хозяинъ и счастливый обладатель этихъ книжныхъ сокровищъ встрѣтилъ меня очень радушно даже и тогда, когда человѣкъ доложилъ ему, что «студентъ пришелъ», и еще радушнѣе, когда я назвалъ свою фамилію.

— Боже мой! Вѣдь вотъ какая судьба! Представьте, — сказалъ мнѣ въ видѣ привѣтствія Измаиль Ивановичъ, — вѣдь я, вотъ точно такъ же, какъ вы, совсѣмъ еще юный... являлся къ вашему батюшкѣ познакомиться. ...Помню очень хорошо! Кажется, у Аларчина моста онъ жилъ? Въ Коломенѣ?

Разговоръ завязался обѣ отцѣ и вывелъ меня изъ затрудненія. Но съ такимъ удивительно умнымъ и тонкимъ собесѣдникомъ, какъ Измаиль Ивановичъ, затрудняться было невозможно... Онъ удивительно ловко руководилъ бесѣдой; онъ видѣлъ меня насквозь и отлично понималъ тѣ побужденія, которыя меня къ нему привели... Вотъ почему, послѣ десяти-минутной бесѣды, онъ очень ловко навелъ меня на мои планы университетскихъ занятій, на то, что я

¹⁾ Швейцарь университета — личность историческая, знакомая всѣмъ старымъ студентамъ Петербургскаго университета.

думаю дѣлать, какую специальность избрать и т. д. Ну и я, конечно, тотчасъ высказался и сообщилъ ему весь тогъ сумбуръ, который бродилъ тогда въ моей юношеской головѣ...

— А! Вотъ что?.. Ну, что-жъ, прекрасно! — говорилъ Измаиль Ивановичъ, слушая меня и прикидываясь внимательнымъ. — Все это можетъ быть вамъ полезно... Работайте... А мы вамъ помогать будемъ...

И въ заключеніе нашей бесѣды, которая изсякла сама собою, Измаиль Ивановичъ пригласилъ меня бывать у него по субботамъ, въ назначенные дни, чѣмъ окончательно привель меня въ восторгъ.

Вскрѣ послѣ того, однако же, наступило маленькое разочарованіе. Вызвано оно было слѣдующимъ случаемъ. Не совсѣмъ довольный порядками въ нашей университетской библіотекѣ, я проникъ въ сосѣднюю съ университетомъ библіотеку академіи наукъ и нашелъ тамъ такое обиліе книжныхъ богатствъ по вопросамъ, которые меня интересовали, что засѣль въ этой библіотекѣ и буквально проводилъ въ ней цѣлые дни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль такихъ усердныхъ занятій, я услышалъ въ одинъ прекрасный день вопросъ отъ А. А. Шиффнера:

— Зачѣмъ вамъ тутъ проводить столько времени? Вѣдь здѣсь вамъ заниматься неудобно... Отчего вы не возьмете отъ насъ книги на домъ?

— Да развѣ это возможно? — чуть не воскликнулъ я.

— Конечно. Найдите только изъ вашихъ профессоровъ поручителя за себя, и мы вамъ будемъ давать книги на домъ...

Я поблагодарилъ за совѣтъ и тотчасъ же устремился въ университетъ, гдѣ, кстати, у меня предстояла лекція Измаила Ивановича. Послѣ лекціи подхожу къ нему съ бланкомъ академической библіотеки и съ полною увѣренностью въ томъ, что онъ не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ.

Измаиль Ивановичъ, какъ и всегда, любезно встрѣтившій меня, вдругъ совершенно измѣнился, когда выслушалъ мою просьбу.

— Помилосердуйте, какъ это можно! — заговорилъ онъ спѣшно. — Да вѣдь, если я за всякаго студента стану ручаться, такъ что жъ изъ этого выйдетъ? Я разорюсь, а я человѣкъ семейный... Нѣть ужъ, извините... ¹⁾.

Я поклонился молча и, вернувшись въ библіотеку, рассказалъ Шиффнеру о своей неудачѣ. Тотъ улыбнулся, пожалъ плечами, и тотчасъ же подписалъ свое поручительство на бланкѣ, который и вернулъ мнѣ, сказавъ просто:

— Берите книги на мое поручительство...

¹⁾ Кстати сказать, Измаиль Ивановичъ бралъ очень много книгъ изъ академической и университетской библіотекъ и, подобно многимъ другимъ профессорамъ, держалъ ихъ у себя по цѣлымъ годамъ.

Я не зналъ, какъ его благодарить, и съ той поры, въ теченіе всего университетскаго курса, пользовался дарованной мнѣ льготою.

Но мимолетное впечатлѣніе миновало; неудовольствіе улеглось, а интересъ лекцій и личности Измаила Ивановича остался не нарушеніемъ и цѣльнымъ, и тотъ обзоръ славянскихъ нарѣчій и литературы, которымъ онъ занималъ нась, филологовъ первого курса, былъ курсомъ весьма живымъ и сильно возбуждавшимъ нашу любознательность.

Я усердно посѣщалъ эти лекціи, а затѣмъ рѣшился какъ-то явиться къ Измаилу Ивановичу и на одинъ изъ субботниковъ, и мнѣ очень понравилось тамъ бывать... Народу на этихъ субботникахъ бывало много, и все академики, профессора, педагоги, сановники и генералы отъ науки — все люди съ большими именами, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, со связями и значеніемъ «въ свѣтѣ». И надо было видѣть Измаила Ивановича среди этого люда, чтобы вполнѣ и по достоинству оцѣнить его умъ, его обширную учность, его изворотливость и опытность въ житейскихъ отношеніяхъ. Онъ умѣлъ говорить со всѣми и самаго мочаливаго собесѣдника вызвать на интереснѣйшую бесѣду; умѣлъ каждого изъ гостей своихъ выставить передъ другими въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, умѣлъ во время вставить въ общую бесѣду свое вѣское словечко и во время разнять острою шуткою слишкомъ горячо заспорившихъ противниковъ. Мнѣ было такъ хорошо изъ моего укромнаго уголка все это наблюдать и слушать, я такъ много выносилъ каждый разъ изъ этихъ субботниковъ, знакомился и даже дерзалъ вступать въ разговоры съ такими тузами русской науки, что эти вечера у Срезневскаго сдѣлялись для меня истинною отрадою, и я считалъ своимъ долгомъ бывать на нихъ какъ можно чаще... Не могу не прибавить къ этой характеристицѣ субботниковъ, что однимъ изъ лучшихъ украшеній этихъ назначеннѣй дней была та удивительно теплая и привлекательная атмосфера семейнаго дома, въ которомъ чувствовалось мягкое влияніе доброй хозяйки, видимо бывшей добрымъ геніемъ для всѣхъ и для самого хозяина. Впослѣдствіи я былъ введенъ Измаиломъ Ивановичемъ въ кругъ его милой (тогда еще очень юной) семьи и имѣлъ полную возможность оцѣнить и его, какъ отличнаго семьянина, примѣрнаго мужа и отца.

Влияніе и значеніе Срезневскаго среди современаго намъ студенчества было чрезвычайно вѣско и сильно, хотя самъ Измаиль Ивановичъ держалъ себя отъ студентовъ довольно далеко и ни у кого изъ студентовъ не заискивалъ, ни съ кѣмъ не сближался и не дозволялъ себѣ никакой фамильярности: его и уважали, и побаивались... И въ томъ небольшомъ кружкѣ, къ которому я принадлежалъ¹⁾, Срезневскій пользовался большимъ почетомъ, хотя мы были

¹⁾ Въ составѣ его, кромѣ меня, входили: Л. Н. Майковъ, Е. Е. Замысловскій,

очень разборчивы въ симпатіяхъ къ профессорамъ и ясно видѣли большие недочеты въ преподаваніи Срезневскаго. Надо признаться, что онъ былъ удивительно неровенъ и непослѣдователенъ въ исполненіи своихъ профессорскихъ обязанностей. Хотя онъ и считался профессоромъ славянскихъ нарѣчий, но менѣе всего могъ научить славянскимъ нарѣчіямъ и менѣе всего способенъ былъ увлечь къ ихъ изученію. Собственно языками славянскими не могъ онъ и занимать нась очень много, довольствуясь болѣе сравнительнымъ ихъ обзоромъ, указаніемъ на отличія и особенности и тотчасъ переходилъ къ краткимъ обзорамъ отдѣльныхъ славянскихъ литературъ, къ краткимъ очеркамъ исторіи отдѣльныхъ письменъ, къ характеристикахъ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ писателей, поэтовъ, ученыхъ славянскихъ, къ воспоминаніямъ о своихъ поѣздахъ по славянскимъ землямъ — и тутъ былъ увлекателенъ, краснорѣчивъ и художественъ въ изложеніи, особенно если попадалъ на нѣкоторые свои любимые коныки. Я и до сихъ поръ не могу забыть двухъ лекцій, посвященныхъ характерной дѣятельности Вука Караджича, одной лекціи о вѣкѣ царя болгарскаго Симеона и пяти лекцій, въ которыхъ Срезневскій далъ намъ полную картину польской литературы въ XVI и XVII вѣкахъ. Все это было такъ превосходно, что мы, бывало, уходя съ подобныхъ лекцій, говоривали между собою:

— Измаиль! О, Измаиль — это чистый змѣй искусствитель!

Но за немногими блестящими высокохудожественными лекціями наступалъ цѣлый рядъ лекцій вялыхъ, скучныхъ никому не нужныхъ, которые читались по какимъ-то старымъ тетрадкамъ и которые записывать (даже въ видѣ конспекта) было невозможно. До очевидности ясно было для нась, что къ этимъ лекціямъ профессоръ не готовился, а, опираясь на опытность свою, говорилъ по памяти, какъ по грамотѣ... хотя я самъ слышалъ не разъ отъ Измаила Ивановича, что онъ «никогда въ жизни не приходилъ на лекцію, не посвятивъ нѣсколько часовъ на приготовленіе къ ней». Остается предположить, что эти лекціи были только слѣдствиемъ ослабленія энергіи въ той удивительно-подвижной, живой и отзывчивой натурѣ, которою обладалъ Измаиль Ивановичъ, и которая постоянно побуждала его захватывать въ руки ровно втрое болѣе дѣла, нежели онъ могъ выполнить...

Была и еще одна очень дурная замашка у Срезневскаго, какъ профессора — и мы эту замашку терпѣть не могли. И по натурѣ своей — замкнутой, недовѣрчивой, крайне неподатливой на искренность — и по тому времени, къ которому относились его первые шаги на поприщѣ науки, Срезневскій былъ скептикомъ, въ самомъ полномъ значеніи этого слова. И этотъ скептицизмъ (столь не

Макушевъ, Ф. Ф. Ординъ, Н. А. Трессинъ, А. М. Скабичевскій и др. И. Писаревъ. Изъ этого кружка, увы, въ настоящее время живы только трое.

свойственный юношескому сознанию) страшно коробилъ насъ, когда профессоръ, посвятивъ болѣе половины лекціи на всестороннее обслѣдованіе какого нибудь вопроса и подходя къ неизбѣжному выводу, вдругъ изображалъ на лицѣ своеемъ недоумѣніе, начиналъ толковать «о возможностяхъ домысловъ» (его любимое выражение) и заключалъ словами:

— Можетъ быть такъ, а можетъ быть и не такъ...

У насъ тогда и руки опускались; и мы говорили себѣ невольно:

— Да зачѣмъ было и огородъ городить?!

Вообще говоря, уважая въ Измаила Ивановича его замѣчательный умъ, его знанія и талантливость, мы цѣнили въ немъ профессора не по тому, что онъ намъ даваль, а потому, что могъ бы дать и чѣмъ насъ изрѣдка угощалъ, какъ дорогимъ и изысканнымъ блюдомъ.

Впрочемъ, недочетовъ Срезневского, какъ профессора, нельзя было не простить ему, если принять въ соображеніе всю ту массу работы, труда и обязанностей, какія онъ на себя наваливалъ постоянно не по какимъ либо расчетамъ корыстолюбія, а только по снѣдавшей его постоянной алчности къ работѣ... Ему и то, и это хотѣлось сдѣлать; онъ какъ будто боялся упустить удобный моментъ для рѣшенія того или другого вопроса, какъ будто говорилъ себѣ постоянно:

— Умри я, кто же этимъ займется? Кто къ этому сумѣеть подойти?

И хватался разомъ за нѣсколько вопросовъ и всепѣло предавался ихъ рѣшенію, забывая обо всемъ остальномъ, и почти одновременно работая для академіи наукъ, для археологического общества, для археографической комиссіи, и еще для какихъ нибудь двухъ-трехъ ученыхъ учрежденій и обществъ, всюду стараясь поспѣть къ сроку и всюду, весьма естественно, затягивая ходъ дѣла и выходъ книжекъ журнала, такъ что многіе даже рѣшились заподозрѣвать Измаила Ивановича въ лѣни и халатности, не угадывая одного изъ главныхъ и существеннѣйшихъ недостатковъ его натуры—способности разбрасываться въ трудахъ.

Въ ту пору, когда началось мое знакомство съ Измаиломъ Ивановичемъ, онъ, хотя и числился при университете профессоромъ славянскихъ нарѣчій, но, въ сущности никакимъ изъ славянскихъ языковъ, кромѣ древне-русскаго, не занимался. За то въ эту специальную отрасль изученія онъ вдался всей душой, и изучалъ памятники древнерусского языка и письма всесторонне, т. е. постоянно переходя отъ филологическихъ данныхъ къ археологическимъ, изучая, вмѣстѣ съ языкомъ памятниковъ, и бытъ, и древности русскія. Кажется, въ эту именно пору онъ задумалъ заняться составленіемъ того будущаго труда, къ которому онъ стремился всею душою, ревностно и рьяно, роясь въ рукописяхъ, въ надписяхъ, въ припи-

сахъ къ рукописямъ, собирая громадный материалъ и разнося его по бесконечному множеству карточекъ, которыми и тогда уже переполнены были цѣлые сундуки, стоявшіе подъ его письменнымъ столомъ. Ему мерещился, въ воображеніи его носился какой-то громадный и чудный трудъ, въ родѣ словаря Дюканжа, передъ памятью которого Измаиль Ивановичъ благоговѣлъ, и насыть училъ преклоняться... Но его отвлекала дѣйствительность съ тѣми многими путями дѣятельности, по которымъ онъ постоянно разбрасывался, его отвлекала масса всякаго рода отношеній, которыхъ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ поддержать, его отвлекала большая семья, которую онъ горячо любилъ и на которую много тратилъ времени, стараясь и дѣтей своихъ увлечь на трудный путь научнаго подвижничества... И трудъ, который долженъ быть бы составить его славу, доставить ему громкое имя въ русской наукѣ, остался неоконченнымъ и даже неприведеннымъ въ порядокъ... ¹⁾ а та сила и энергія, которыхъ бы могли двинуть этотъ трудъ и довести его до конца, растрачивались на мелочи, на крошечныя статейки въ нѣсколько страничекъ, посвященныхъ разслѣдованію крошечнаго вопроса, въ которомъ наука не особенно нуждалась. И вотъ этотъ-то постоянный разладъ между внутреннею потребностью широкой дѣятельности научной и ограниченными размѣрами того, что оказывалось возможно произвести въ дѣйствительности—этотъ разладъ (на мой взглядъ) постоянно тяготилъ и мучилъ Измаила Ивановича и приводилъ его ко многимъ очень страннымъ и неожиданнымъ результатамъ. Однимъ изъ первыхъ было то, что онъ искалъ оправданія себѣ и своей узкой научно-литературной дѣятельности, все болѣе и болѣе склоняясь на сторону сухого, педантически-обслѣдованного факта, и утверждая, что въ наукѣ важны только отдѣльные факты, а связь, послѣдовательность изложенія и постановка, освященіе факта съ извѣстной стороны — не имѣютъ значенія. Къ сожалѣнію, Измаиль Ивановичъ внушалъ свое воззрѣніе на научное изслѣдованіе и той молодежи, которая его постоянно окружала и, тѣмъ самымъ, многихъ запугалъ и отбилъ отъ науки, а другихъ въ теченіе извѣстнаго времени заставилъ идти такимъ путемъ, къ которому они, собственно говоря, вовсе не были способны. Въ результатѣ получалось разочарованіе, отвращеніе отъ научной карьеры, и очень часто — разрывъ съ Измаиломъ Ивановичемъ, который для многихъ, не успѣвшихъ въ него поближе взглянуться, изъ обожаемаго наставника и руководителя, обращался потомъ въ лютого ворога... И это были не единичные случаи, и я могу завѣрить, что нѣкоторые изъ подобныхъ разрывовъ навсегда

---

¹⁾ Лишь весьма недавно явились въ свѣтѣ отдѣльныя части этого труда въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, приготовленныхъ къ печати ученою дочерью Измаила Ивановича—О. И. Срезневской.

оставили весьма болезненный следъ въ душѣ Измаила Ивановича и до крайней степени развили въ немъ почти болѣзньное недовѣріе къ молодежи.

Что касается до меня, то я стоялъ въ отношеніи къ Измаилу Ивановичу въ какомъ-то совершенно исключительномъ положеніи. Онъ постоянно ласкалъ и баловалъ меня въ теченіе всего пребыванія моего въ университете, а въ первые три-четыре года послѣ университета, вплоть до моего магистерскаго диспута, приблизилъ меня къ себѣ настолько, что я пользовался постоянно его большимъ расположениемъ, почти искренностью. Онъ былъ со мною даже довольно откровенъ, хотя откровенность не принадлежала къ выдающимся чертамъ его нравственного типа; случалось даже, что онъ высказывалъ передо мною отзывы о разныхъ общественныхъ и научныхъ дѣятеляхъ, нарушая этимъ свою обычную, чрезвычайную сдержанность; мало того: онъ даже весьма охотно вступалъ со мною въ споры, хотя вообще не любилъ открыто высказывать своихъ мнѣній, предпочтая, чтобы эти мнѣнія угадывались по нѣкоторымъ его намекамъ и полу-словамъ. Вообще говоря, въ ту пору моей молодости (между 1861—1864 гг.)¹⁾ Измаиль Ивановичъ выказывалъ мнѣ большое расположение: руководилъ моимъ чтеніемъ и научной подготовкой, любилъ выслушивать мои отчеты о прочтенномъ и самъ нерѣдко сообщалъ мнѣ впечатленія, вынесенные имъ изъ чтенія той или другой книги. Моя страсть къ книгамъ, моя неутомимая жажда въ пріобрѣтеніи знаній, видимо, очень приходились по сердцу Измаилу Ивановичу, и онъ, нѣсколько преувеличивая мои способности и не вполнѣ угадывая главныя стороны моей натуры, усиленно побуждалъ меня готовиться къ университетской карьерѣ, которая и мнѣ самому представлялась тогда верхомъ благополучія.

Особенно памятно мнѣ одно лѣто (1863 или 1864 г.?), когда Измаиль Ивановичъ жилъ въ Лѣсномъ, на дачѣ Шуппе, и я очень часто бывалъ у него, гулялъ съ нимъ по парку, проводилъ вечера (и мы засиживались иногда далеко за полночь), оставался на ночь и уходилъ въ городъ рано утромъ. Я никогда не забуду этихъ бесѣдъ съ Измаиломъ Ивановичемъ, до такой степени онъ были увлекательны. Онъ выступалъ передо мною во всеоружії своего знанія и во всей силѣ таланта, который онъ такъ глубоко и опасливо скрывалъ Богъ-вѣсть почему! Какія широкія картины набрасывалъ онъ тутъ, какія смѣлые гипотезы позволяли себѣ строить, какую выказывалъ смѣлость взгляда и зоркую наблюдательность настоящаго, крупнаго ученаго!..

¹⁾ Нельзя при этомъ упустить изъ виду, что эти именно годы были весьма тяжелыми годами въ жизни И. И. Срезневского. Въ этотъ періодъ (послѣ первыхъ студенческихъ волненій) очень многіе изъ его прежнихъ учениковъ совсѣмъ его покинули, и я былъ однимъ изъ немногихъ, остававшихся ему вѣрными.

— Измаиль Ивановичъ!—вырывалось у меня иногда въ минуты такихъ бесѣдъ,—да вѣдь это такъ хорошо, такъ хорошо!.. Отчего бы вамъ не написать объ этомъ?..

Онъ вдругъ какъ будто спохватывался, съеживался какъ-то особыенно, въ глазахъ его выражалось опасливое сомнѣніе, даже беспокойство, какъ будто онъ хотѣлъ сказать:

— Еще ты, чего доброго, не воспользуйся тѣмъ, что я тебѣ сообщилъ...

И очарованіе исчезало, и Измаиль Ивановичъ перемѣнялъ и разговоръ, и тонъ рѣчи, и являлся передо мною такимъ именно, какимъ мы его знали по каѳедрѣ, да по его крошечнымъ статейкамъ, разбросаннымъ въ академическихъ извѣстіяхъ и въ журналахъ археологическихъ обществъ.

Годъ спустя послѣ этихъ бесѣдъ, начались мои годы странствованій; я уѣхалъ на югъ, потомъ назначенъ былъ министерствомъ на каѳедру въ Варшавскую главную школу, преобразованную (годъ спустя) въ Варшавскій университетъ. Рѣдко бывая въ эти годы въ Петербургѣ, я рѣдко видался и съ Измаиломъ Ивановичемъ, но поддерживалъ съ нимъ довольно усердно письменныя сношенія.

Въ началѣ 1871 года, вслѣдствіе столкновенія съ ректоромъ Варшавскаго университета, я долженъ былъ подать въ отставку и вернулся въ Петербургъ на житѣе... Впечатлѣнія изъ Варшавы я вынесъ очень тяжелыя; я чувствовалъ, что со мною поступили несправедливо, что я безъ всякой съ моей стороны вины очутился въ очень тяжеломъ положеніи. При томъ въ Петербургѣ, въ кружкахъ, близкихъ къ университету, ходили невыгодные для меня слухи о моей отставкѣ, усердно распространяемые клеветами моего сильнаго противника, протежируемаго графомъ Д. А. Толстымъ... Понятно, что тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ я прежде всего вспомнилъ о своемъ дорогомъ учителѣ, объ И. И. Срезневскомъ — прежде всего захотѣлъ ему сообщить правдивую версію моей «варшавской исторіи» и предъ нимъ, главнымъ образомъ, оправить себя... Пріѣзжаю въ такое время, когда Измаила Ивановича можно было навѣрно застать дома—въ воскресенье до 12 часовъ,—вхожу въ знакомый мнѣ его кабинетъ, встрѣчаюсь съ хозяиномъ—и не узнаю его... Онъ встрѣчаетъ меня съ ледяною холоднотью, съ готовымъ на устахъ строгимъ выговоромъ и порицаніемъ... Но я догадываюсь, въ чёмъ дѣло, и останавливаю его на полусловѣ.

— Измаиль Ивановичъ! Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ моему учителю и наставнику, чтобы съ вами подѣлиться моими тяжелыми впечатлѣніями и вамъ первому разсказать мою невзгоду... Но я не пріѣхалъ просить ни протекціи вашей, ни ходатайства—они мнѣ не нужны...

Эти слова магически подействовали на Измаила Ивановича. Онъ разомъ измѣнился по отношенію ко мнѣ—обласкалъ, пригла-

силь къ воскресному цирогу... Но я уже ни полусловомъ не обмолвился ему о моей варшавской исторіи. Я зналъ, что онъ не слышкомъ жалуетъ тѣхъ, кто попадаетъ «подъ колесо Фортуны».

Послѣ этой встрѣчи, мы долго не видались съ Измаиломъ Ивановичемъ. Я поѣхалъ къ нему уже тогда, когда успѣль оправиться отъ своего тяжкаго испытанія и стать крѣпко на ноги. Помнится, что это было въ моментъ появленія моей «Исторіи русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ»,—какъ разъ въ то время, когда эта книга встрѣчена была въ обществѣ такимъ успѣхомъ, какихъ немного выпадало на долю авторовъ-издателей въ нашей книжной торговлѣ¹⁾.

Я былъ встрѣченъ съ распостертыми объятіями. Измаилъ Ивановичъ, которому я поднесъ мою книгу, осыпалъ меня комплиментами, расхвалилъ книгу и даже обѣщалъ свое содѣйствіе при ея второмъ изданіи (что и выполнилъ въ точности, сообщивъ мнѣ кое-какіе снимки съ рукописей, объясненія глаголического текста и т. д.). Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ мы встрѣчались довольно часто и на субботникахъ, и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; добрыя знакомыя отношенія поддерживались долго, и только въ послѣдніе годы жизни Измаила Ивановича, когда онъ сталъ часто болѣть, а я часто отлучался изъ Петербурга, я видѣлся съ нимъ очень рѣдко.

Въ памяти моей, за многое признательной и благодарной Измаилу Ивановичу, сохранилось о немъ очень цѣльное представлениe. Съ полнымъ убѣжденіемъ я готовъ утверждать, что онъ, при своихъ способностяхъ и знаніяхъ, могъ бы быть однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ ученыхъ; но у него не хватало на это характера и той бодрости духа, которые такъ необходимы при самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивалась въ немъ та мнительность, та недовѣрчивость къ себѣ самому, которая не давали ему возможности приняться за чтонибудь большое и крупное, и способствовали тому, что онъ размѣнивался на мелочи и въ преподаваніи своемъ, и въ научной дѣятельности. Нельзя, однако же, не пожалѣть, что всѣ статьи, напечатанные Измаиломъ Ивановичемъ при жизни и разбросанные по множеству журналовъ и сборниковъ, доселѣ не собраны воедино. Такое собраніе всего написанного имъ въ теченіе его ученой карьеры лучше всего могло бы указать каждому на ту жизненную основу, которую носила въ себѣ дѣятельность этого ученаго, хотя онъ еято болѣе всего и опасался, ее-то болѣе всего и старался скрыть въ тайникѣ своей души.

¹⁾ Книга напечатана была въ количествѣ 5.000 экз.; въ первую же недѣлю распродано было 1.000 экземпляровъ, а остальные 4.000 разошлись въ теченіе послѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ.

III.

Съ Викторомъ Ивановичемъ Григоровичемъ я познакомился за нѣсколько минутъ до начала торжественнаго акта открытия Новороссійскаго университета, слѣдовательно 1 мая 1865 года... Я и товарищъ мой, В. И. Модестовъ, прѣѣхали въ Одессу только на канунѣ вечеромъ, и утромъ, въ день открытия университета, успѣли только явиться попечителю, А. А. Арцимовичу, и того застали въ такихъ попыхахъ, что успѣли съ нимъ обмѣняться лишь нѣсколькими словами...

— Очень радъ васть видѣть, господа!—успѣлъ онъ намъ сказать, пожимая руки.—Но извините, спѣшу!.. Надѣюсь съ вами увидѣться на актѣ открытия...

Дѣйствительно, до назначенаго часа, въ который предстояло начаться акту, оставалось уже очень немного времени, и мы, потолкавшись по бульвару и полюбовавшись моремъ, направились къ зданію университета. Заявивъ швейцару о томъ, что мы—прѣѣзжие изъ Питера, назначенные въ новый университетъ, доценты, такие-то, мы услышали отъ него, что для всѣхъ профессоровъ въ залѣ назначены впереди, около каѳедръ два ряда креселъ,—и, прѣѣхавши сквозь порядочную толпу, направились къ указаннымъ мѣстамъ, уже занятымъ профессорами бывшаго лицея, въ распѣтыхъ мундирахъ и орденахъ... Вѣроятно, наши скромные фраки показались имъ не особенно внушающими довѣrie, потому что чуть только мы успѣли намѣтить себѣ два кресла,—одинъ изъ бывшихъ профессоровъ лицея замѣтилъ намъ очень сухо:

— Здѣсь не для публики мѣста...

Мы не успѣли еще отвѣтить, какъ уже съ другой стороны, отъ другого лица, облеченаго въ мундиръ, услышали:

— Здѣсь сидѣть члены ученой коллегіи...

Нѣсколько удивленные, мы еще не знали, какъ намъ поступить, какъ вдругъ къ намъ подлетѣлъ какой-то очень плотный, румянный господинъ, и сталъ передъ нами расшаркиваться, бормоча довольно невнятно, что онъ тоже профессоръ здѣшняго университета, что онъ очень радъ — и еще что-то, чего мы никакъ не могли разслышать среди шума толпы, наполнившей залу.

Мы отрекомендовались.

— Какъ же! Какъ же! Знаю... Уже слышалъ отъ швейцара о вашемъ прѣѣздѣ... И рекомендуюсь вамъ: профессоръ здѣшняго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчий—Григоровичъ...

«Григоровичъ!! Да вѣдь это цѣлая знаменитость!» — мелькнуло у меня въ головѣ... «Да вѣдь я это имя такъ много разъ слышалъ отъ Измаила Ивановича... И, кажется, я все знаю, что онъ напечаталъ... Такъ это-то и есть Григоровичъ!»

передалъ ему поклонъ отъ Срезневского, на который онъ отвѣталъ мнѣ цѣлымъ диэирамбомъ сначала Срезневскому, а по-томъ и моему покойному отцу; но я, признаться, слушалъ эти диэирамбы не очень внимательно... Меня гораздо болѣе интересо-вала оригинальная внѣшность этой крупной ученой знаменитости — внѣшность, на которую нельзя было не обратить вниманія.

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ былъ выше средняго роста, но ростъ этотъ, въ значительной степени скрадывался его довольно неуклюжею плотностью, даже полнотою. Лицо у него было широкое, круглое, полное, лоснящееся, съ толстыми, очень подвижными губами и ямочками на полныхъ, какъ бы отдутыхъ румяныхъ щекахъ. На головѣ большая лысина, съ рѣденькою каймою неопределеннаго цвѣта крашеныхъ волосъ; такія же узенькия, прямые, коротенькия бакенбарды опускались отъ висковъ немного пониже ушей. Но болѣе всего были въ его лицѣ поразительны глаза: свѣтло-голубые, широко-открытые, съ отблѣкъю какого-то испуга или опасенія, они постоянно бѣгали, то закатываясь подъ высоко-поднятыя густыя брови, то умильно посматривая по сторонамъ, то совсѣмъ прищутиваясь и одной точкой блистая изъ-подъ вѣкъ, когда Викторъ Ивановичъ говорилъ о чемъ нибудь чувствительномъ или вдавался въ паѳосъ (что съ нимъ случалось нерѣдко). Одѣтъ онъ былъ въ мундиръ и при шпагѣ; но мундиръ былъ застегнутъ криво, изъ-за расшитаго воротника торчали тесемки крахмаленой манишки, а «Владимѣръ на шеѣ» болтался поверхъ воротника, гдѣ-то съ боку, почти на плечѣ. Надо признаться, что внѣшность почтеннаго ученаго была странная — чтобы не сказать больше — невольно останавливалася на себѣ вниманіе, а въ людяхъ, не знаяшихъ его, возбуждала недоумѣніе и улыбки...

Пока я внимательно разсматривалъ этого страннаго чудака, онъ продолжалъ говорить безъ умолку, и все повторялся, и все вращался около тѣхъ же общихъ мѣстъ, и напрягалъ всѣ усилия, чтобы сказать намъ обоимъ что нибудь особенно пріятное... Наконецъ, уже передъ самымъ началомъ акта, онъ указалъ намъ на мѣстѣ около себя и весь обратился въ слухъ и вниманіе, когда взошелъ на каѳедру попечитель и прочель высочайшій указъ объ учрежденіи новаго университета и наименованіи его «Новороссийскимъ».

— Прекрасно! Превосходно! — твердилъ про себя Григоровичъ, не спуская глазъ съ попечителя, среди громкихъ рукоплесканій.

— Новороссийскій! Не правда ли, безподобно! — повторялъ онъ, — обращаясь съ блаженною улыбкою то ко мнѣ, то къ моему товарищу. — Большая будущность, большая — у этого университета!

Затѣмъ взошелъ на каѳедру вновь назначенный ректоръ университета, И. Д. Соколовъ, и прочель официальный списокъ назначеній, которыми пополнялся составъ профессоровъ бывшаго лицея.

— Прекрасно! Безподобно! — твердилъ опять про себя Григоровичъ. — Какія прекрасныя назначенія!

Чтениемъ ректора актъ открытія университета закончился, потому что конфиденціально попечителю было сообщено, что министерство не желаетъ на актѣ никакихъ рѣчей и требуетъ, чтобы актъ прошелъ «почти незамѣтно».

Какъ только публика стала расходиться, Григоровичъ пустился насы знакомить съ лицейской профессорской коллегіей и рекомендовалъ насы такъ пышно и усердно, какъ если бы мы были очень крупными учеными знаменитостями. Намъ отвѣчали очень сухими рукопожатіями и поклонами: надо сказать правду, пріемъ быть очень не радушный. А тутъ еще, какъ на бѣду, попечитель, мимоходомъ, шепнулъ кое-кому въ группѣ профессоровъ, что онъ просить не собираться нигдѣ праздновать открытие университета, не говорить по этому поводу рѣчей, даже не посылать въ газеты телеграммы о совершившемся фактѣ открытия...

Мы были очень непріятно всѣмъ этимъ поражены; но насы уѣхали Викторъ Ивановичъ, обратившись къ намъ весьма дружелюбно:

— Господа! Вы тутъ пріѣзжіе... Вы гости, пока... Я не могу васъ просить къ себѣ — я живу бобылемъ... Такъ ужъ, пожалуйста, не откажитесь со мною отѣбѣдать въ гостиницѣ... Милости просимъ.

Само собою разумѣется, что мы не отказались отъ его доброго предложения и еще два часа подъ рядъ слушали его очень высокопарную рѣчь о будущей знаменитости и славѣ Новороссійскаго университета, о томъ какъ онъ уже давно былъ необходимъ въ этой мѣстности, и какъ это все «прекрасно и безподобно» устроилось и т. д. Разставаясь съ нимъ, послѣ обѣда, мы обѣщали ему, что завтра начнемъ наши визиты — съ него.

Однако же, составивъ себѣ планъ, по которому слѣдовало дѣлать визиты, я уѣхалъ, что мнѣ придется сначала обойти всѣхъ профессоровъ, помѣщавшихся въ зданіи университета, а потомъ уже направиться къ Григоровичу. Визиты въ зданіи университета продолжались около двухъ часовъ, а затѣмъ довольно долго задержался я въ миломъ семейномъ домѣ ректора, и къ Григоровичу я могъ явиться не ранѣе, какъ около часа по полудни. Въ самый разгаръ полуденного зноя я очутился въ переулкѣ и вошелъ въ ворота того дома, гдѣ жилъ Викторъ Ивановичъ. По узенькой лѣстницѣ добрался я до его крошечной квартирки, состоявшей изъ двухъ комнатъ съ кухонькой, отдѣленной отъ передней, и уѣхалъ, что онъ жилъ совершеннымъ спартанцемъ. Въ комнатѣ, въ которую я вошелъ, я увидѣлъ только книги — дѣловой потопъ книгъ, которыя грудами лежали на полу, на окнахъ, на столахъ, на стульяхъ на какомъ-то диванѣ... На уголкѣ этого дивана сидѣлъ самъ хозяинъ, а на уголкѣ стола передъ диваномъ онъ обѣдалъ, безъ скатерти, безъ салфетки, хлебая прямо изъ какой-то чашки... Онъ вскочилъ съ своего мѣста, принялъ меня съ распростертыми объятіями, тот-

часъ же сбросилъ какія-то книги со стула на полъ, обтеръ съ него пыль рукавомъ и усадилъ около себя.

Опять началось съ диоирамбовъ. Опять упомянуть былъ мой отецъ, потомъ относительно меня выражены кое-какія надежды, потомъ рѣчъ перешла на почтеннаго моего старшаго товарища по каѳедрѣ, Петра Спиридовича Быстраго—и тотъ былъ превознесенъ до небесъ за свои заслуги...

Признаюсь, мнѣ все это очень казалось приторно и скучно, и я попытался завести разговоръ о личныхъ заслугахъ моего собесѣдника, о его путешествіи по Турціи и славянскимъ землямъ и т. п. Но и самъ былъ не радъ! Григоровичъ сейчасъ же заородствовалъ:

— Помилуйте, — воскликнулъ онъ, вскочивъ съ дивана и размахивая руками, — какія мои заслуги, что такое мои путешествія! Это такое ничтожество, и говорить даже объ этомъ не стойти... Вотъ — Измаилъ Ивановичъ! Осипъ Максимычъ Бодянскій! — вотъ это ученые, это люди съ большими заслугами! А я что? Червякъ въ сравненіи съ ними! Простой чернорабочій—не болѣе. Я могу только глину мѣсить для нихъ, а они ужъ изъ нея лѣпить, созидать... За то у нихъ и связи, и положенія, а я что? Сами видите...

Становилось больно слушать это нытье, и я перевелъ разговоръ на книги, грудами около меня лежавшія. Взялъ въ руки одну, другую, третью—и перепачкалъ руки: все это было въ пыли, въ грязи, въ паутинѣ. А изъ одной книги вдругъ совершенно случайно выпала рублевая бумажка, вѣроятно, замѣнявшая въ ней закладку.

— Ахъ, Боже мой! Извините,—спохватился хозяинъ, выхватывая у меня книгу изъ рукъ.—У меня такой вездѣ беспорядокъ, грязь—совсѣмъ не такъ, какъ у другихъ ученыхъ, гдѣ все это въ такомъ блестящемъ порядкѣ... Вотъ, напримѣръ, у Измаила Ивановича...

И опять диоирамбы... Я попробовалъ было заговорить о рукописяхъ, которыми Григоровичъ былъ очень богатъ; но и тутъ вышло совсѣмъ невпопадт... Григоровичъ вдругъ какъ-то смущенно сталъ улыбаться, щурить глаза и заговорилъ почти недовольнымъ голосомъ:

— Помилуйте? Какія же могутъ быть у меня рукописи? Не скрою: есть кое-какой хламъ—такъ, знаете, никакой цѣны не имѣющій... А вотъ враги мои — тѣ говорятъ и распространяютъ вездѣ, будто бы я, во время моихъ странствованій по Македоніи и Греціи, всюду вырывалъ листы изъ рукописныхъ сборниковъ... Но... но... но это клевета... и не болѣе, какъ злоба людская...

Такъ и не показалъ онъ мнѣ ни одной рукописи изъ цѣлаго сундука, биткомъ набитаго ими и стоявшаго въ сосѣдней комнатѣ: съ нѣкоторыми изъ нихъ я ознакомился уже впослѣдствіи, года полтора спустя. Попытался я говорить о мѣстной профессорской кол-

легіи, о мѣстныхъ условіяхъ жизни, о мѣстномъ обществѣ—и опять, по словамъ Григоровича все оказалось и «прекраснымъ, и превосходнымъ»—и только. Однимъ словомъ, изъ первыхъ двухъ свиданій съ Викторомъ Ивановичемъ я вынесъ впечатлѣніе очень тяжелое.

Впослѣдствіи, въ теченіе нашего двухъ-лѣтняго знакомства, это впечатлѣніе нѣсколько сгладилось; но общій выводъ, сложившійся у меня въ головѣ относительно нравственной физіономіи Григоровича, и какъ человѣка, и какъ ученаго, былъ какой-то чрезвычайно странный... и непривлекательный.

Біографія его очень мало извѣстна, да притомъ отъ него и невозможно было получить какія бы то ни было положительныя свѣдѣнія въ этой области. Но родомъ онъ былъ несомнѣнно южно-руссъ (южнорусскій отг҃бенокъ оставался постоянно и въ его говорѣ) и даже южно-руссъ, родившійся близко къ Новороссіи. По нѣкоторымъ его обмолвкамъ и намекамъ, не трудно было заключить, что первоначальное воспитанія свое онъ получилъ въ кременецкомъ лицѣѣ, не безъ вліянія латино-польской іезуитской закваски. Отсюда именно почерпнуто было у него превосходное знаніе польского языка и обычаевъ и навыкъ къ латинскому письму и рѣчи. Можетъ быть, отсюда же исходила и нравственная пришибленность, и какая-то запуганность, которая совершенно обезличивала Виктора Ивановича, побуждала его стоять навытяжку передъ начальствомъ, и каждому, по мѣрѣ силъ, говорить пріятныя, лѣстивыя, заискивающія рѣчи. Дальнѣйшіе годы ученія, годы странствованій и ученой университетской карьеры, можетъ быть, по той же безличности и безхарактерности Виктора Ивановича, тоже протекли для него какъ-то сѣро и тяжко: онъ, видимо, не вынесъ изъ нихъ ничего, кроме опасеній и огорченій, изъ которыхъ самымъ крупнымъ было несостоявшееся приглашеніе его изъ Казани въ Москву на каѳедру Бодянскаго, подвергнувшагося временнѣй опалѣ... Неуловимо-скрытный во всемъ, онъ объ этомъ эпизодѣ не разъ рассказывалъ мнѣ съ глазу на глазъ, наивно описывая свое зимнее странствованіе изъ Казани въ Москву, на возу съ книгами.

И несмотря на то, что эпизоду этому минулъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, у Виктора Ивановича голосъ дрожалъ и слезы навертывались на глаза, когда онъ о немъ рассказывалъ...

— Съ чѣмъ поѣхалъ — съ тѣмъ и вернулся... И каково мнѣ было вернуться—сами посудите!—говорилъ онъ.

Знаній у этого человѣка была какая-то непроглядная тьма! Чего онъ не зналъ по своей специальности? Кроме языковъ древнихъ и новогреческаго, онъ отлично зналъ всѣ славянскія нарѣчія и на пяти изъ нихъ объяснялся и переписывался совершенно свободно. Онъ превосходно зналъ славянскія земли, въ особенности земли balkанскихъ славянъ, которые исходилъ пѣшкомъ съ котомкой за спиною и съ грошемъ въ карманѣ. Въ его головѣ держалась по-

стоянно подробная карта этихъ мѣстностей, въ которыхъ онъ зналъ не только города, но и городишки, и мѣстечки, и поселки, и при этомъ, конечно, до мелочей зналъ бытъ и нравы мѣстного населенія. Онъ могъ при своей колоссальной памяти, не запинаясь, перечислить, по первому спросу, десятки мѣстностей по опредѣленному, указанному маршруту, въ Сербіи, Черногоріи, Албаніи, Македоніи и Герцеговинѣ. Онъ зналъ на этомъ пространствѣ всѣ библиотеки, всѣ архивы, всѣ монастырскія ризницы и тайники, набитые старыми книгами и полуистлѣвшими рукописями... Но вся эта нестройная громада знаній лежала у него въ головѣ такою же безличною и безъимяною грудою, какъ и книги въ его кабинетѣ, и такой же толстый слой пыли и патины покрывалъ эти хаотически-нагроможденныя знанія, которыми онъ, какъ и своими книгами, не могъ и не умѣлъ пользоваться. И мудрено было бы изъ него что либо добыть: и слушателю, и случайному собесѣднику... Даже и при большомъ умѣньѣ допрашивать, извлекать свѣдѣнія и живые факты изъ человѣка, обладающаго такимъ богатымъ запасомъ знанія, какимъ обладалъ Григоровичъ, невозможно было составить изъ этихъ фактovъ что либо связное, полное, удовлетворяющее разумной и естественной любознательности. Онъ сообщалъ только какіе-то обрывочки, какіе-то лоскутки знанія, безъ всякой послѣдовательности, быстро перескакивая съ одного обрывка на другой, вырванный изъ совершенно иной области, и, послѣ получасовой бесѣды, вдругъ замолкалъ, какъ бы спохватываясь: «не слишкомъ ли ужъ много я сказалъ? да и не сказалъ ли чего нибудь лишняго?»

Въ ту пору, когда я съ нимъ познакомился, онъ, видимо, давно уже пересталъ работать. Ничего не писать, почти ничего не читать,— и ничѣмъ не интересовался въ близкой ему области знанія. Онъ жилъ весь въ быломъ, жилъ давно-приобрѣтеннымъ запасомъ свѣдѣній, и къ новѣйшей наукѣ относился съ полнымъ разочарованіемъ, которое тщательно прикрывалъ очень высокопарнымъ и лъстивымъ подобострастіемъ.

Къ студентамъ и въ особенности ко всякимъ проходимцамъ изъ славянскихъ земель онъ относился чрезвычайно радушно: каждого готовъ былъ надѣлить деньгами, даже дать у себя пріютъ и столь каждому, кто былъ бы въ состояніи вынести его ужъ черезчуръ спартанскій бытъ... Но, въ сущности, онъ никого не любилъ, ни къ кому не относился съ горячей симпатіей, и очень былъ доволенъ, если его оставляли въ покоѣ, въ которомъ онъ и по лѣтамъ, и по всему складу своей натуры очень нуждался. Къ жизни и ея проявленіямъ онъ относился, какъ малое дитя, неразумное и ничего въ житейскихъ отношеніяхъ не смыслящее,— и съ этой стороны можно было бы о немъ сообщить массу удивительно характерныхъ анекдотовъ... Но, въ общемъ, какъ профессоръ и, въ особенности, какъ деканъ факультета, онъ производилъ все же впечатлѣніе очень

тяжелое и служилъ лучшимъ доказательствомъ той несомнѣнной истины, что очень крупный ученый, обладающій массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній по своей специальности, можетъ быть въ то же время человѣкомъ весьма недальниимъ и совершенно неразвитымъ, даже въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова. И если мы много гимъ дѣятелямъ общественнымъ, литературнымъ и научнымъ прощаемъ многіе ихъ недостатки въ уваженіе ихъ крупнымъ заслугъ и достоинствъ, то, произнося нашъ отзывъ о Григоровичѣ (отзывъ правдивый и неофиціальный), мы бы рѣшительно не знали: что о немъ сказать, въ общемъ выводѣ? Всякія «omnia humana» были ему совершенно чужды; знанія его были и остались его личною неотчужденною собственностью; сношенія съ нимъ были затруднительны, и ни къ чему не приводили, никому не могли принести никакой пользы... Безцвѣтный, безличный, безхарактерный—онъ весь выдохся, опустился и какъ бы замеръ уже и въ той порѣ, когда другіе научные дѣятели только еще входятъ въ настоящую силу... Нужно ли говорить, что онъ и покончилъ свою научную карьеру за много лѣтъ раньше своей смерти.

П. Полевой.

„МЕРЗЛЫЙ РУССКИЙ“

ВЫБХАЛЬ, по телеграммѣ, къ нему на свиданіе въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, лежавшихъ на пути его возвращенія изъ Сибири въ Россію, и тамъ дождался его. Мы не видѣлись болѣе двадцати лѣтъ... Какая радость встрѣтить человѣка, котораго давно считалъ мертвымъ и который явился нежданно передъ вами. Онъ заговорилъ знакомымъ голосомъ, сіяя знакомымъ выраженіемъ глазъ и каждымъ поворотомъ своего туловища напоминая все болѣе и болѣе себя самого въ раннѣй молодости, когда мы оба впервые мысленно тронулись къ отдаленному будущему... Многіе изъ насъ растерялись съ тѣхъ поръ и перемерли; а теперь, подъ старость лѣтъ, какъ-то не вѣрится глазамъ, что съ нѣкоторыми мы опять встрѣтились и опять вмѣстѣ думаемъ и вспоминаемъ ушедшія въ вѣчность лица и событія. Да, это большая радость встрѣтить старого товарища, и каждая такая радость укрѣпляетъ намъ жизнь.

— А были-то мы, помнишь, Вадимъ, какими молодцами?

— Ну, ты-то былъ какъ спичка, — отвѣтилъ онъ, — а теперь съ животомъ...

— Тоже и ты не безъ лысины...

— Это ужъ тамъ, — отвѣтилъ онъ. — Въ тайгѣ да по тюрьмамъ растерялъ всѣ свои украшенія. Цинга да голодовки... Слава Богу, что желудокъ исправенъ... Зубовъ нѣть, да въ Россіи мы вставимъ новые...

Онъ тихо улыбнулся, но мнѣ вдругъ стало его жаль. Чѣмъ болѣе я всматривался въ его блѣдное, съ строгими и правильными чертами, лицо, тѣмъ сильнѣе мнѣ хотѣлось что нибудь для него сдѣлать.

— Нѣтъ, пока мнѣ ничего не надо, — сказалъ онъ. — Все есть... Лѣто посвящу обработкѣ материаляовъ изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній по рѣкамъ Сибири, а осенью буду искать мѣста гдѣ нибудь секретаря при земской управѣ или по статистикѣ... На старости лѣтъ Богъ наказалъ меня дочкой, и надо посвятить остатокъ жизни младенцу.

Въ послѣднихъ словахъ слышалась покорность судьбѣ, но любовная и нѣжная.

— За пятьдесятъ лѣтъ приходится начинать жизнь заново, — сказалъ онъ...

— А прежняя? — воскликнулъ я и пытливо взглянулъ ему въ глаза.

Онъ спокойно отвѣтилъ мнѣ:

— Каждому суждено играть свою роль, и необходимо быть только искреннимъ въ ней. Не дорожить своимъ прошлымъ свойственно однимъ гадкимъ людямъ. Надо любить свое время...

— То-то, Вадимъ, — обрадовался я. — Вѣдь прошлая жизнь сдѣлала наши характеры, и каждому свое дорого... Расскажи мнѣ въ общихъ чертахъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и ты былъ отправленъ въ Сибирь?

— Ты хочешь знать, — спросилъ онъ: — какъ я былъ на поселеніи слесаремъ, печникомъ, экскурсантомъ, литераторомъ и адвокатомъ въ Якутской области?..

— Да... Расскажи, что переживаетъ въ дикой тайгѣ интеллигентный человѣкъ, и пойдемъ за городъ. Здѣсь душно.

Мы взяли шляпы и скоро вышли на шоссе, по бокамъ котораго тянулся прелестный лѣсокъ. Было еще не поздно, и въ кустахъ неистово пѣлъ соловей поперемѣнно съ криками коростелей по лугамъ.

Мы шли нѣкоторое время молча... Не знаю, думалъ ли Вадимъ о страшномъ противорѣчіи прошлаго идеализма съ безличнымъ мѣстомъ по статистикѣ; но я былъ подавленъ этимъ сравненіемъ.

«Все въ томъ же родѣ и у другихъ», вспомнилось мнѣ, но тотчасъ же нашлось и утѣшеніе въ томъ, что, можетъ быть, эти другие тѣмъ и мили, что мечты у нихъ не погублены дѣйствительностью и прозой. Можетъ быть!

Соловей пѣлъ такъ сладко въ кустахъ, что и размышиль о жизни хотѣлось лучше, чѣмъ она есть. Заяцъ перебѣжалъ шоссе, то прыгая кверху, то присѣдая на одномъ мѣстѣ и уморительно прислушиваясь по сторонамъ. Кукушки перелетали изъ одной рощи

въ другую, оглашая лѣсь своеобразнымъ крикомъ, на который онъ въ эту пору слетаются другъ къ другу.

Налюбовавшись дивнымъ вечеромъ, Вадимъ обратился къ преванному между нами разговору.

— Помню день,— началъ онъ:— когда намъ объявили въ тюрьмѣ о ссылкѣ въ Сибирь. Никто ничего обѣ этомъ не подозрѣвалъ, и каждый томился въ своемъ казематѣ. Вдругъ щелкнулъ ключъ въ одномъ изъ замковъ какъ-то особенно, и въ камерѣ послышался голосъ смотрителя болѣе радостный, чѣмъ обыкновенно... Вся тюрьма наполнилась торжествомъ, и всѣ разомъ узнали новость. Мы были рады вырваться изъ централокъ, и переводъ въ Сибирь принимали за свое спасеніе и свободу. Дѣйствительно, мы такъ измѣнились, что едва могли узнать другъ друга и плакали отъ радости, что остались живы и встрѣтились вновь. Разстройство здоровья сказалось тѣмъ, что въ партіи дѣлались то съ однимъ, то съ другимъ нервные припадки. Во время разговора человѣка вдругъ, безъ всякой причины, начинало корчить и гнуть въ разныя стороны. Очевидно, организмъ не выносилъ новыхъ впечатлѣній.

— Да... да... Это понятно!— перебилъ я его.— Послѣ продолжительного одиночного заключенія я самъ не могъ управлять долгое время на свободѣ даже рѣчью и удержать ея центральный интересъ. Я могъ говорить безостановочно, связывая съ главнымъ содержаніемъ массу подробностей и утомляя ими слушателя. Я отвыкъ мыслить по существу и быть краткимъ въ своей логикѣ. Вслѣдствіе долгаго неупражненія въ одиночномъ заключеніи челюстями, онъ у меня сильно болѣли на первыхъ порахъ по освобожденію отъ разговоровъ и споровъ. Нервы мои также не выносили чувствительныхъ драмъ и сценъ въ театрѣ, нѣжнаго пѣнія и чтенія романовъ. Я не могъ удержаться отъ слезъ...

— Все это результаты продолжительного одиночного заключенія,— согласился Вадимъ.— На каторгѣ гораздо лучше, чѣмъ въ одиночномъ заключеніи... Общежитіе! Работа! Улыбка человѣческаго лица и разговоры!.. Мы досиживали сроки наказанія на Карѣ и потому переведены были, кто куда, на поселеніе. Быть поселенцевъ нѣкто М. Михайловъ весьма справедливо изобразилъ въ газетѣ «Новое Время». Я сохранилъ его разсказъ и перечитывалъ вчера; вотъ что онъ пишетъ о ссыльныхъ,— произнесъ Вадимъ, развернувъ находившійся у него въ карманѣ номеръ газеты: «Представьте себѣ ссыльно-поселенца, бывшаго ремесленника, мастерового, я уже не говорю интеллигента, причисленнаго къ какой нибудь отдѣльной волости Сибири, поселенаго въ глухой деревнѣ, где и коренные жители еле себя прокормливаютъ, да и то отхажимъ промысломъ, чего при-численный лишень, такъ какъ всякая его отлучка на срокъ болѣе 14-ти дней безъ разрѣшенія сельской власти является для него преступленіемъ. Есть между тѣмъ поселенцу надо, онъ ищетъ ра-

боты въ предѣлахъ своей волости и въ большинствѣ случаевъ ея не находить. А между тѣмъ кругомъ, въ городахъ, на постройкахъ желѣзной дороги, на почтовомъ трактѣ, на пріискахъ, на заводахъ требуются рабочія руки, есть возможность заработать себѣ и семье кусокъ хлѣба. Естественный результатъ такого положенія тотъ, что поселенцы стремятся въ тѣ центры, гдѣ есть работа. Для этого онъ испрашивается необходимое ему разрѣшеніе на отлучку въ волостномъ правленіи, которое, въ надлежащей мѣрѣ подумавъ, въ большинствѣ случаевъ отказываетъ. Послѣ подобнаго отказа поселенцу остается только своими средствами разрѣшать дилемму: нищенствовать ли въ предѣлахъ своей волости, или работать за этими предѣлами. Всякій не въ конецъ испорченный преступникъ, безъ сомнѣнія, избираетъ послѣднее, а это послѣднее побѣгъ и наказаніе за него плетьми и водвореніе на прежнее мѣсто жительства. Но положеніе его вѣдь отъ этого не измѣняется и, оставаясь въ прежнихъ условіяхъ, онъ вынужденъ и действовать по-старому. Его бываютъ опять и опять водворяютъ. Наконецъ, въ третій разъ, познакомившись основательно съ плетьми, онъ попадаетъ на каторгу, отбывъ срокъ которой, станеть опять поселенцемъ съ прежними преимуществами. Словомъ каторга, поселеніе, плести—это заколдованный кругъ, изъ котораго добрая часть ссыльно-поселенцевъ не выходитъ. Теперь спрашивается, за что, строго говоря, такой поселенецъ подвергается переименованіемъ наказаніямъ. Били ли его за закоренѣлую преступную волю, за новое ли тяжелое злодѣяніе? Нѣтъ, его били за старое преступленіе, потому что не назвать же, по совѣсти, побѣгъ, о которомъ идеть рѣчь, преступленіемъ».

Прочитавъ эти отрывки изъ газетной статьи, Вадимъ перешелъ къ своей собственной участіи и сказалъ:

— Моя судьба сложилась благопріятнѣе, вслѣдствіе того, что въ Карийскихъ мастерскихъ я выучился разнымъ ремесламъ и пріѣхалъ въ Якутскую область уже недурнымъ столяромъ.

— Ты былъ сосланъ туда?

— Да.

— Мне крайне интересны твои первые шаги... узнать, какъ устраиваются русскіе интеллигенты въ отдаленной ссылкѣ.

— Мы были сосланы вдвоеемъ съ товарищемъ,—продолжалъ онъ.—Послѣдній предпочелъ улусную жизнь и остался съ якутами рыбу ловить, загонять съ собакой звѣря на утесы и бить его тамъ... Иногда онъ уходилъ въ камни Верхоянского хребта и отводилъ душу среди примитивныхъ тунгусовъ; то убивалъ время въ разбросанныхъ на десятки и сотни verstъ стойбищахъ, сроднившихся съ нимъ, Верхоянскихъ якутовъ, обездоленныхъ до крайности и живущихъ еще при условіяхъ допотопного порядка. Но чаще онъ осѣдалъ на полудесятинномъ участкѣ пахоты, въ самой сѣверной части Якутскаго округа, на берегу рѣки Алдана. Оттуда онъ писалъ

10*

въ сибирскія изданія объ упроченіі здѣсь приполярного земледѣлія, въ виду вытѣсненія скотоводческихъ и охотничихъ промысловъ у инородцевъ приближающимися къ нимъ желѣзнодорожными путями и пароходнымъ движеніемъ, сть будущими золотыми пріисками и превращеніемъ хозяевъ-инородцевъ въ пріисковыхъ пролетаріевъ и пропойцъ... А въ захолустныхъ городахъ и уроцищахъ приходилось ему быть и врачомъ, и администраторомъ. Тамъ, въ какойнибудь Чурунчѣ, еще съ 60-хъ годовъ не переводились колоніи ссыльныхъ, и на каждого изъ нихъ принято издавна смотрѣть, какъ на врача. Всякій изъ нихъ зналъ что нибудь по патологіи и терапії, а главное, вмѣсто латинской кухни, могъ дать бѣдняку-пациенту какойнибудь питательный экстрактецъ. Отсюда истекала слава врачей... Курьезная была его жизнь въ приполярной тайгѣ. На его попеченіи не разъ были мѣстная больница, казенная сельскохозяйственная ферма, а однажды онъ имѣлъ на своихъ рукахъ всѣ дѣла, кассу и имущество администраціи. Исправникъ былъ въ далекой окраинѣ, а помощникъ умеръ у него на рукахъ. Volens-nolens, при его всестороннихъ познаніяхъ, онъ былъ всюду нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ. Одно не удалось ему—коммерція... Зная силу денегъ и необходимость въ нихъ для своихъ земледѣльческихъ опытовъ, онъ въ означенномъ смыслѣ принялъ на себя содержаніе станцій по Верхне-Колымскому тракту на протяженіі около 1.000 верстъ. При этомъ онъ мечталъ пріурочить къ почтовымъ станціямъ и сельскохозяйственный... Но, увы, оказалось, что для успѣха всякой коммерціі необходимо здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, быть способнымъ къ кулачеству... Пьяные ямщики теряли вѣрренныхъ имъ животныхъ, крали упряжь и т. д. Преслѣдовать ихъ судомъ было некогда и не охота, а обстоятельства складывались все болѣе и болѣе неблагопріятно. Эпизоотія истребила сотни оленей; лѣсные пожары уничтожили по тракту подножный кормъ; пошли неурожай сѣна и т. д. Онъ геройски выносилъ борьбу и наконецъ остановился на главной своей работѣ, выразившейся въ устройствѣ имъ опытныхъ участковъ въ микроскопическихъ размѣрахъ и въ различныхъ мѣстахъ; вывозомъ хлѣбныхъ сѣмянъ и картофеля въ Верхоянскъ и доставкою туда же земледѣльческихъ орудій. Находя въ приполярномъ земледѣліи спасеніе массъ отъ обнищанія и вымирания, онъ изъ всѣхъ силъ старался привлечь таежную интеллигенцію къ этому насущному дѣлу и сильно горевалъ, что дѣятели географического отдѣла, члены сибиряковскихъ экспедицій, составители «Памятной книжки Якутской области за 1896 годъ» и мѣстная администрація остаются глухи къ его проповѣди о приполярномъ земледѣліи и работаютъ надъ вопросами, по его мнѣнію, какъ бы отрѣшенными отъ существенныхъ нуждъ края. Мало утѣшительными казались ему предпринимаемыя экскурсіи на родину Будды и изученіе монгольскихъ надписей, геологическая раскопки гробницъ или проекты о возрожденіі скотоводства

на рациональной почвѣ, съ ветеринарами, скотоводной близъ Якутска фермою и цѣлымъ рядомъ случныхъ пунктовъ. Земледѣлю же, только какъ подспорному промыслу, придавали при этомъ значеніе при введеніи его на научныхъ рациональныхъ началахъ, подъ руководствомъ, подготовленныхъ въ особой специальной школѣ, мѣстныхъ специалистовъ.

— О, да,—перебилъ я Вадима.—Я помню, онъ мнѣ самому писалъ о представленныхъ въ Петербургъ проектахъ объ увеличеніи числа ветеринаровъ не одного, какъ теперь, на всю область, но по одному на каждыя округи; объ открытіи скотоводческой фермы и земледѣльческой школы съ просьбой ассигновать на это отъ казны около 30.000 рублей. Но зная отлично, что 65—80% Якутскаго населенія живеть впроголодь, онъ понималъ невозможность, безъ болѣе широкихъ, общихъ реформъ, перехода отъ заступа къ сохѣ, отъ ножа къ серпу, отъ приложенія собственныхъ рукъ къ приложенію животной силы и воздержанію отъ потребленія того зерна, которое необходимо на посѣвы. Немыслимы также и работы на себя при закабаленности бѣдняковъ богатымъ скопцамъ и тойенамъ изъ якутовъ. Во многихъ письмахъ ко мнѣ онъ говорить, что, конечно, каждый экспертъ прекрасно понимаетъ, что, при громадныхъ пространствахъ каждой изъ сибирскихъ округъ, увеличеніе числа ветеринаровъ не имѣть ровно никакого значенія для массы населенія; но каждый изъ нихъ, съ другой стороны, отлично знаетъ, что для него, какъ состоятельнаго и могущаго «отблагодарить», совѣтъ и помошь ветеринара, въ случаѣ какой напасти, могутъ быть и небезполезны. Знаютъ хорошо эксперты и то, что «случные пункты» для плебса точно также бесполезны: какъ бы ни былъ породистъ скотъ, но если кормить его нечѣмъ, то все равно онъ или окончательно, или уйдеть за безцѣнокъ ему же, эксперту, какъ болѣе могутному, и что, наоборотъ, для нихъ, болѣе могутныхъ тойеновъ, имѣющихъ непосредственное дѣло съ рынкомъ сбыта, улучшеніе крови ихъ скота — дѣло не безвыгодное. Ясно, наконецъ, для нихъ и то, что юные специалисты-скотоводы и земледѣльцы, получивши образованіе въ проектируемыхъ школахъ, могутъ найти приложеніе своихъ званій только въ болѣе или менѣе широкихъ и сильныхъ капиталомъ хозяйствахъ. Постановка этихъ хозяйствъ, при помощи означенныхъ специалистовъ, на болѣе рациональную почву можетъ избавить ихъ отъ зависимости въ сферѣ соглашенія съ рабочимъ плебсомъ въ страдную пору, а, слѣдовательно, можетъ еще болѣе развязать имъ руки для заграбанія труда и имущества того плебса на свое благоутробіе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы плебсъ, не имѣя пищи на время страдной поры, или даже средствъ на серпъ или соху, могъ мечтать о какой либо улучшенной системѣ земледѣлія... Государственнымъ путемъ, а не покупками черезъ банкъ или уроками на фермѣ можно помочь ему. Преслѣдуя свои личные инте-

ресы, дѣльцы-тойены поддерживаютъ и остальные проекты администраціи: «открытие ссудо-сберегательныхъ кассъ» и «организацію общественныхъ подрядовъ по перевозкѣ тяжестей». По идеѣ, оба проекта должны привести къ благотворнымъ результатамъ, имѣть въ основѣ очень либеральная и честная тенденці... Но дѣльцамъ, какъ и изслѣдователямъ, прекрасно известна не одна казовая, но и изнанковая сторона дѣла... Въ «Восточномъ Обозрѣніи» уже было указано, какъ эти общественные подряды обратились въ подряды общественныхъ главарей, мѣстныхъ пауковъ-мизгирей. А еще вопросъ, когда подряды выгоднѣ для плебса: тогда ли, когда они организуются кулаками, стоящими въ общества, или тогда, когда фактически они орудуются главарями тойенами-собственниками... Никогда членъ плебса не можетъ быть такимъ безгласнымъ, порабощеннымъ рабомъ подрядчика — посторонняго кулака, какимъ онъ является предъ собственнымъ тойеномъ. И вотъ тойены-эксперты, прекрасно понимая это, энергично поддерживаютъ либеральный проектъ известныхъ помпадуровъ и самодовольно потираютъ себѣ руки, предвкушая кусокъ вкуснаго пирога на почвѣ закона и благодѣянія бѣдствующей массы. Что касается до ссудныхъ кассъ, то исторія ихъ хорошо известна всюду... Капиталъ ихъ обыкновенно разбирается бѣдняками, но именно не иначе, какъ на уплату своихъ кабальныхъ долговъ тойенамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не выгодно для этихъ тойеновъ, которые будутъ орудовать кассами, забравъ въ карманъ всю кассу, вложить въ нее кабалы бѣдняковъ, вместо того, чтобы держать эти кабалы на свое имя въ своихъ шкатулкахъ... Понятно, никто изъ экспертовъ-дѣльцовъ не врагъ себѣ; для нихъ нѣть никакого резона обратить вниманіе администраціи на полную безплодность ея проектовъ для блага массы — для голодающаго плебса. Гдѣ же знать таежной администраціи, что въ Европейской Россіи періодъ подобныхъ «благихъ» мѣропріятій уже отжилъ свою кульминаціонную точку. Отрицательное къ нимъ отношеніе замѣтно усиливается даже въ средѣ специалистовъ-хозяевъ, склонившихся къ мысли, что, при бѣдности и нищетѣ населенія, поднять расшатавшееся народное благосостояніе сельско-хозяйственная педагогія не можетъ, что «организацію крестьянскихъ хозяйствъ не улучшать хотя бы миллионы воспитательно-образовательныхъ учрежденій, пока, цѣлью рядомъ коренныхъ реформъ и мѣропріятій чисто экономического характера, народная жизнь не будетъ направлена по другому, болѣе здоровому и надежному руслу». (журналъ «Хозяинъ»). Не обязательно, можетъ быть, для таежной администраціи быть знакомой хотя бы съ мнѣніемъ А. С. Ермолова, по словамъ которого «масса населенія находится въ такомъ положеніи, при которомъ всѣ мѣры, направленные непосредственно къ улучшенію техники земледѣлія, не имѣютъ подъ собою почвы...» и что подъемъ производительности земледѣлія (сказано въ отчетѣ министра земледѣлія) и создание благопріятной эко-

номической обстановки для сельского хозяйства, промышленности находятся въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій». Такъ ссыпался нашъ другъ на многочисленные авторитеты и удивлялся, что канцелярскіе проекты нашли себѣ поддержку и опору въ научныхъ якобы изслѣдованіяхъ сибирскихъ экскурсантовъ и сотрудниковъ «Памятной книжки». Онъ горячо ратовалъ противъ нихъ и всей атмосферы, въ которой приходилось ему дышать и гдѣ естественно не могли найти опоры его еретическія мнѣнія по вопросу о поддержкѣ земледѣлія, какъ основного и необходимаго промысла въ приполярномъ краѣ. Убѣдившись, что завѣдуемая имъ образцовая ферма служить лишь загородной дачей для аристократіи и безцѣльна въ смыслѣ полевой культуры, нашъ рыцарь отказался отъ введенія ее въ такомъ видѣ, предложивъ закрыть ону, а взамѣнъ того открыть на имѣющейся при ней особой дачѣ—специально полевое хозяйство съ цѣлью, путемъ подбора мѣстныхъ сѣмянъ, культивировать болѣе выносливые сорта полезныхъ растеній не только для Якутской округи, но, главнымъ образомъ, для сѣверныхъ окраинъ. Ферма закрыта, а послѣднее предложеніе отвергнуто, такъ какъ скопцы—эти якобы авторитеты въ дѣлѣ земледѣлія—вносятъ достаточно благодѣтельного примѣра для Якутской округи, а земледѣліе въ сѣверныхъ округахъ не признаютъ возможнымъ. Между тѣмъ, нашъ товарищъ все болѣе и болѣе заручался фактами о полной возможности культуры разныхъ полезныхъ растеній (падалки-ярицы, ячменя, овса, конопли и даже гречехи) подъ 64° с. шир. и составилъ альбомъ препарованныхъ растеній въ различные периоды ихъ развитія, коллекціи зеренъ, таблицы съ измѣреніями, рисунками, подсчетами, взвѣшиваніями и т. д. Но и администрація, и ученые члены «отдѣла» остались ко всему глухи.

Вадимъ внимательно выслушалъ мой разсказъ о необыкновенно разнообразной дѣятельности на краю свѣта нашего общаго друга и мягко замѣтилъ о немъ:

— Доказывая возможность земледѣлія, онъ увлекался имъ въ такой мѣрѣ, что сталъ научно и достаточно обоснованно пропагандировать необходимость «приполярного земледѣлія» повсемѣстно, а не только оазисами въ зависимости отъ горъ, теченія рѣкъ и вѣтровъ. По моему же мнѣнію, сибирская природа представляетъ иногда природныя теплицы, согрѣваемыя въ глубинѣ горъ солнцемъ, и въ такихъ мѣстахъ, разумѣется, земледѣліе допустимо; но тотчасъ же за такими теплицами тянутся холодныя пространства, и тамъ ничего не вызрѣваетъ. Фанатически преданный идеѣ приполярного земледѣлія, онъ не замѣчалъ преувеличности этого громкаго дѣла по самому его выраженію. Во всякомъ случаѣ изслѣдованія «природныхъ теплицъ» и земледѣльческіе опыты оазисами могутъ только помочь общей идеѣ о приполярномъ земледѣліи, нужной особенно теперь для инородцевъ съ угасаніемъ среди нихъ скотоводства,

охотничихъ промысловъ и развитіемъ въ Сибири пароходства, желѣзныхъ дорогъ и золотопромышленности. Какъ только вышелъ на волю мой товарищъ — и твой также — нашъ товарищъ... такъ сей-часъ же его труды по приполярному земледѣлію обратили на себя вниманіе, и часть ихъ напечатана въ журналѣ министерства земле-дѣлнія и государственныхъ имуществъ: «Сельское хозяйство и лѣсоводство» за іюль 1897 года.

II.

— Ну, а ты? О себѣ что ничего не говоришь?..

— Я приѣхалъ въ уѣздный городишко ссылочно-поселенцемъ и тотчасъ же получилъ подрядъ сдѣлать новую мебель въ больницу. Столярничалъ, однако, я недолго, такъ какъ городъ небольшой, и спрось на мой трудъ быль ограниченъ. Тѣмъ не менѣе, первый конь быль купленъ мною на деньги, вырученныя за столы и кро-вати. Съ конемъ я уже могъ предпринять поѣздки и расширить свои связи и знакомства среди якутовъ. Нужно сказать, что по-слѣдніе очень любятъ судиться... Большиe сутяжники! Они сами навели меня на мысль обѣ адвокатурѣ. Мнѣ постоянно приходилось выслушивать ихъ между собой жалобы и произносить рѣшенія, принимаемыя сторонами всегда охотно. Я быль безпристрастенъ, и якуты, зассорившись между собою, часто говорили: идемъ къ Вадиму судиться... А судились они между собою постоянно... Можно подумать, что они правдолюбцы, но, кажется, сутяжничали больше отъ скучи... для лишняго волненія крови въ холодной тайгѣ. У нихъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ я жиль, существуетъ обычай одаривать хозяина: гость привозить съ собою вино и угожасть имъ хозяина; иногда даже даетъ хозяину денегъ. А тотъ, въ свою очередь, на прощаньѣ, привязываетъ къ санямъ гостя нового коня, либо оленя и т. д. Въ этомъ случаѣ якуты удивительно правильно ведутъ счеты: кто у кого сколько разъ быль, что кому привезъ въ подарокъ, что по-лучилъ въ обмѣнъ и кто кого и насколько обдуль. Счеты иногда тянутся за цѣлые годы, и мнѣ не разъ приходилось распутывать ихъ и подводить итоги подаркамъ. Тяжущіеся были мною довольны и выражали свою благодарность тоже вещественными доказательствами. Послѣ домашнихъ судовъ, я уже бралъ дѣла для защиты въ правительственныхъ судахъ и всегда выигрывалъ по той про-стой причинѣ, что никогда не бралъ безчестныхъ и сомнительныхъ дѣлъ. Чистыя дѣла я защищалъ и быль извѣстнымъ адвокатомъ.

Вадимъ засмѣялся, когда иронически произнесъ:

— Какъ быстро передѣлалъ я въ городѣ мебель, также быстро пересудилъ и частная дѣла. Нужно было думать о новомъ зара-боткѣ.

— А какъ, — перебилъ я его, — относились жители города къ тому, что ты занимаешься чернымъ физическимъ трудомъ? Я слышалъ, что богатый якутъ презираетъ трудъ и никогда самъ ничего не сдѣлаетъ для себя, если можетъ поручить работу другому.

— Это правда. Богатые якуты презираютъ трудящихся и эксплуатируютъ ихъ. Ну, а къ намъ они относились, точно къ сектантамъ. Намъ, по ихъ мнѣнию, все допустимо... Мы иностранцы среди нихъ и можемъ что угодно дѣлать, съ насть нѣть спросу, и мыничѣмъ не удивимъ... Однако, все-таки...

— Что? Ты удивилъ и ихъ?

— Кажется, что удивилъ, когда взялся за печное дѣло.

— Ты былъ печникомъ?

— Акушеромъ быть неоднократно приходилось,—разсмѣявшись отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, на всѣ руки? И швецъ, и жнецъ, и на дудѣ игрецъ?

— О, съ музыкой я бы далеко ушелъ... Къ сожалѣнію, я зналъ ремесла, а не искусства. Пришлось взяться за печное мастерство. Купилъ я себѣ домъ за 75 рублей и пожелалъ его расширить. Прикупилъ амбаръ за 30 рублей и сдѣлалъ изъ него пристройку. Не домъ, а домина получился, но отапливать его я не зналъ какъ... Нужно тебѣ сказать, что въ городахъ Якутской области жилыя строенія отапливаются лучистымъ тепломъ, какъ у насть при каминной системѣ. При этомъ 90 процентовъ тепла уходитъ изъ трубы на дворъ, а 10 процентовъ остается въ комнатахъ; между тѣмъ при печной системѣ, при нашихъ голландкахъ, нагреваются стѣны, и стѣны уже испускаютъ тепло до 90 процентовъ въ комнаты. Якутскіе камельки въ домахъ — тѣ же камини: всегда холодно, а дровъ идетъ страшно много. Мнѣ было не рука такъ строиться и класть въ домѣ камельки. Задумался я и все старался припомнить кладку русскихъ печей, какъ онѣ у насъ кладутся, и на чёмъ основано сбереженіе тепла.

— Любопытно,—произнесъ я.—Какимъ оказался ты математикомъ?

— Смѣялись надо мной якуты много, когда я сталъ вбивать колышки, чтобы оградить пространство для дома.

— Куда такой большой домъ?—спрашиваютъ они, узнавъ значение колышковъ.—Ты замерзнешь въ немъ. У насъ маленькие дома, и то холодно.

— Вы, отвѣчаю, тратите въ день три четверти сажени дровъ, а я и одну четверть не сожгу.

Смѣются и не вѣрятъ.

— «Мерзлый русский», говорятъ, что значить—соображать не умѣеть человѣкъ; какъ мерзлый, разсуждаетъ и ничего не умѣеть дѣлать.

— Ну, продолжай...

— Послѣ того, какъ я набилъ колышки, начертилъ планъ комнать, приступилъ къ самому трудному.

— Гдѣ же у тебя камельки-то? — спрашиваютъ якуты и хохочутъ, когда узнали, что я безъ нихъ строю домъ.

— Мерзлый русскій!

— Да... Мерзлый. Чѣто въ родѣ дурака. Часто приходили они ко мнѣ на работу: посмотрѣть на меня, скажутъ «мерзлый русскій» и безнадежно отойдутъ прочь. Вѣдь у васъ, говорю имъ, отчего холодно? Въ камелькахъ горизонтальный ходъ для пламени по одному углу, и потомъ пламя почти напрямикъ вверхъ идетъ въ трубу?

— Да, мало задерживается,—соглашаются болѣе толковые изъ нихъ.

— А вотъ у меня будетъ мѣсто для топки, печь съ шестью вертикальными оборотами и уже седьмая труба... Чѣмъ болѣе оборотовъ, тѣмъ пламя медленнѣе вылетаетъ. Огонь и дымъ въ шести вертикальныхъ колодцахъ, соединенныхъ коридорчиками въ оборотахъ... Девяносто процентовъ тепла остается въ домѣ, а десять процентовъ уйдетъ въ седьмую трубу.

— Не будетъ такъ,—смѣются якуты.—Камельки, а не твои печи нужны тутъ... Мерзлый русскій!

— Такъ вы и спорили между собой?

— Такъ и спорили, пока не наступили морозы, и я не затопилъ свою печь... Тепла набралось у меня въ домѣ столько, что всѣ якуты сбѣжались ко мнѣ грѣться и хвалили мою топку. Съ тѣхъ поръ сталъ я печникомъ извѣстнымъ. Въ одинъ годъ заработалъ пять сотъ рублей и построилъ печи въ больницѣ, управѣ и у частныхъ жителей.

— Молодецъ Вадимъ,—воскликнулъ я и не безъ зависти взглянулъ на его высокую и стройную фигуру, несмотря на то, что онъ былъ старше меня.

— Не совсѣмъ молодецъ, — поправилъ онъ меня. — Глина-то у насъ плохая, и кирпичи изъ нея выходили не важные. Печь держалась не больше трехъ лѣтъ... Наконецъ, всякие реприманды въ природѣ озадачивали меня не одинъ разъ. Нужно тебѣ сказать, что дома въ Якутской области безъ крыши...

— Какъ безъ крыши?

— Ну, чего ты изумляешься? Безъ крыши. А просто потолокъ засыпанъ землею, а на ней снѣгъ. Весной снѣгъ сбрасываютъ, а зимой потолокъ подъ снѣгомъ не промерзаетъ и штукатурка внутри не мокнетъ, понялъ?

— Ладно. Дальше.

— Въ одной только больнице была крыша, — продолжалъ онъ... — Вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ и объявляютъ, что выведенная мною въ больнице печь никуда негодна, и самъ я вижу, что дымъ нѣдетъ въ трубу, а валить въ комнаты. Что за исторія? Полѣзть на

крышу и вижу, что мою трубу законопатило внутри ледянымъ ядромъ. Насилу пробилъ ледянную, вмѣстѣ съ глиной, пробку жалѣзнымъ ломомъ.

— Что же это такое?

— А видишь, въ чёмъ тутъ дѣло. Люди практики всегда чрезвычайно умны. Я смеялся надъ камельками, а есть большой смыслъ въ этой системѣ въ холодномъ и суровомъ краѣ. Если избы безъ крыши, то и трубы низкія. Огонь сразу обогрѣваетъ трубу и не даетъ ей промерзать. Больница же имѣла крышу, печь была съ большою трубой, и труба всегда промерзала. При топкѣ она оттаивала, и по ней струилась вода, размягчая глину плохихъ кирпичей. Когда образовался на стѣнкахъ трубы рубецъ, то пошли одинъ за другимъ новообразованія, и въ одинъ морозный день получилась массивная пробка, черезъ которую дымъ пройти уже не могъ. Я поправилъ горе тѣмъ, что догадался вставить въ кирпичную трубу жалѣзную... Въ другой разъ тоже приполлярная природа подшутила со мной въ моемъ собственномъ домѣ. Замѣтилъ я, что печь у меня погружается въ почву. Что за оказія? Насилу догадался, что подъ маленьками камельками почва не оттаиваетъ, а у меня подъ огромной печкой она оттаяла и не выдержала фундамента. Надо было перестраивать основаніе печи, пропуская подъ нее коридорчики съ воздухомъ и препятствуя, такимъ образомъ, оттаиванию земли. Словомъ, надо было всюду открывать Америку своимъ умомъ, и я торжествовалъ только послѣ многихъ мучительныхъ часовъ.

— Совсѣмъ Робинзонъ!—подумалъ я.

Мужественное и умное лицо Вадима свидѣтельствовало, что онъ способенъ преодолѣвать многочисленныя препятствія спокойно, не теряя своего благодушного настроенія. Онъ рассказывалъ исторію своей жизни съ такимъ объективизмомъ, точно читаль повѣсть посторонняго автора о тайговой жизни русскихъ интеллигентовъ, и мирился съ своей долею совершенно такъ же, какъ самые счастливые смертные. Мы шли по шоссе долгое время и не замѣчали окружающей сырости.

— Не пора ли повернуть?—сказалъ наконецъ я, обративъ вниманіе на свои мокрые усы и бороду.

— Пройдемся еще до слѣдующей сопки.

— Ну, хорошо... Чѣмъ же кончилась твоя Одиссея послѣ печничества?

— Послѣ я писалъ разныя статейки въ мѣстныя сибирскія газеты и получалъ гроши; но важнымъ событиемъ было приглашеніе меня членомъ экспедиції, снаряженной Сибиряковымъ, для изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ въ Якутской области. Эти экскурсіи по рѣкамъ и горамъ извлекли меня изъ ссыльного города, а иркутскій отдѣлъ географического общества отстоялъ мое право жить въ г. Иркутскѣ для обработки собраннаго мною материала. Такъ за одно

это, что многие изъ насъ выбралисъ изъ ссылочныхъ мѣсть на свѣтъ Божій при помощи сибиряковскихъ экспедицій, слѣдуетъ быть имъ благодарными.

— Это личное дѣло, Вадимъ. Вотъ упоминаемый нами пріятель находитъ, что экскурсанты были бы гораздо полезнѣе для его при-полярного земледѣля, чѣмъ для антропологическихъ или геологи-ческихъ наблюденій среди инородцевъ.

— Онъ и тутъ былъ въ основѣ правъ... Но пока жизнь на второмъ планѣ, лучше заниматься наукой, чѣмъ одними спорами да водкой, къ которой люди нерѣдко прибѣгаютъ въ ссылкѣ. Правда, онъ укорялъ экскурсантовъ тѣмъ, что они тѣ же «колонисты» на Карѣ: послѣдніе потихоньку отъ товарищѣй отправлялись къ на-хальству за милостями и выходили раньше срока на поселеніе, а въ ссылкѣ экскурсанты стали культуртрегерами либо въ адми-нистративныхъ видахъ, либо съ мертвно-научными цѣлями... Но надо понять это явленіе. «Колонисты» появлялись въ тюрьмѣ въ моменты упадка общественной жизни на волѣ. Страдать легко, если есть вѣра и солидарные съ нею люди; но когда и на волѣ ихъ нѣтъ, то это отражается и въ тюрьмѣ. Тѣшить себя самихъ муками не всѣмъ хочется, и заключенные просились и уходили на волю. Дурно въ этомъ только то, что дѣлались эти уходы потихоньку отъ товари-щѣй, а вѣдь можно было съ сохраненіемъ достоинства идти на по-селеніе, если не было болѣе нравственной солидарности съ тюрьмой и были свои собственные искреннія убѣжденія. Точно также и въ ссылкѣ: пока общіе вопросы не были заслонены практическими занятіями, типъ ссылочно-поселенца не измѣнялся; но какъ только администрація допустила ссылочно-поселенный элементъ къ мѣстнымъ задачамъ, такъ и поселенцы стали придавать значеніе мѣстнымъ интересамъ и посвящать себя культурной миссіи. При безучастії въ мѣстной жизни, намъ было рѣшительно все равно: заведутъ ферму или нѣтъ; назначеніе того или иного чиновника никому не казалось важнымъ. Прежде даже думалось, если чиновникъ пьяница, тѣмъ лучше; а теперь мы знаемъ, что онъ испортитъ дѣло, которое нами изучено и изслѣдовано. Культуртрегеры изъ насъ невольно всту-пили въ союзъ съ администраціей, и этому въ значительной сте-пени содѣйствовали сибиряковскія экспедиціи и отдѣлы географи-ческаго общества. Тому, къ чemu мы раньше относились скандачка или равнодушно, теперь стали придавать значеніе, и нельзѧ ска-зать, чтобы все сводилось къ прославленію «просвѣщенного адми-нистратора»... Эта крайность осуждаласъ лучшими экскурсантами. Тѣмъ не менѣе, нашъ общий другъ былъ правъ совершенно, когда хотѣлъ, чтобы культуртрегерскія задачи были болѣе живыми и ме-нѣе въ области Монголіи съ изученіемъ череповъ вымершихъ ино-родцевъ; чтобы ссылочно-поселенный элементъ хлопоталъ о дарованіи имъ правъ на болѣе тѣсную связь съ интересами коренного насе-

ленія, и тогда бы интеллигентные ссылочные прониклись истинно культурными и насущными задачами края. Я вѣрю, что въ будущемъ высшая администрація сама придетъ къ такому рѣшенію о таежныхъ интеллигентахъ и воспользуется ими для блага приполярнаго края, и тогда уже нельзя будетъ упрекать культуртрегеровъ тѣмъ, что они занимаются пустяками.

Мы подходили къ городу, и я поторопился спросить моего спутника:

— Теперь ты получилъ право жить въ Россіи, но скоро ли ты разсчитываешь получить работу?

— Не знаю. Не къ кому обратиться...

На этомъ разговорѣ нашъ нѣсколько затянулся, и въ городъ мы вернулись тогда, когда время уже близилось къ приходу ночного поѣзда, съ которымъ я долженъ былъѣхать обратно домой.

— Черезъ двое сутокъ буду у себя въ Петербургѣ,—произнесъ я,—дай Богъ и тебѣ устроиться поскорѣе...

Вадимъ обнялъ меня и бодро отвѣтилъ:

— Мы, жители дикой тайги, вновь допускаемые къ жизни, не требовательны и мириемся съ возможнымъ минимумомъ.

Въ вагонѣ желѣзной дороги, простившись съ Вадимомъ, я не переставалъ думать о дальнѣйшей судьбѣ «мерзлого русскаго» и не могъ не чувствовать за него тихой радости и гордости.

А. Фаресовъ.

ОТЪ ТИХВИНА ДО ВЕСЬЕГОНСКА.

(Путевые наброски).

I.

По Устюжскому тракту.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у Бога;
Ты вдаль протянулась, прямая, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла.

И. С. Аксаковъ.

ОТЪ и лопадки вамъ готовы,—заявилъ монахъ-гостиникъ Тихвинскаго монастыря, входя въ нашъ номеръ,—ямщикъ надежный, жаль только, погода-то не совсѣмъ благопріятствуетъ.

Дѣйствительно, небо было сплошь покрыто сѣрыми дождевыми облаками.

— Куда же теперь, если смѣю спросить, изволите направляться?—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да думаемъ въ Весьегонскъ, а потомъ въ Мологу.

— Это значитъ на Сомину, на Устюжну? Изъ любопытства изволите путешествовать?

— Изъ любопытства. Хотимъ вдоль вашей Тихвинской системы проѣхать. Вотъ здѣсь ее посмотрѣли, въ Соминѣ взглянемъ...

Гостиникъ махнулъ рукою.

— Что наша система,—заговорилъ онъ; — ничего не осталось! Вотъ у насъ монахъ одинъ, тридцать четыре года въ обители жи-

веть, такъ сказывалъ мнѣ по опыту. Прежде, говорить, ходили здѣсь тысячи; лѣтъ пятнадцать назадъ еще сотни ходили, а теперь какіе нибудь десяточки пройдутъ. Заглохла совсѣмъ наша система,— все въ Маріинскую ушло!

Вошелъ ямщикъ за вещами, и мы стали прощаться съ любезнымъ хозяиномъ.

— Да мало погостили-то, — сожалѣлъ онъ: — въ другой разъ прїѣжжайте наподольше. У насъ тутъ хорошо! Много вашихъ питерскихъ прїѣзжаетъ.

Мы поблагодарили и уѣхали въ тарантасъ.

Лихая тройка бойко подхватила экипажъ и понесла нась мимо каменной монастырской стѣны. Мы взглянули въ послѣдній разъ на протекающую подъ монастыремъ рѣку Тихвинку, на шлюзы, подпирающій ея воды для удобства судовъ, идущихъ по системѣ, взглянули на мѣста, обагренные кровью русскихъ и шведовъ во время достопамятной осады Тихвинскаго монастыря войсками Делагарди, въ 1614 г., и вскорѣ выѣхали на большую дорогу, идущую отъ Тихвина на Устюжну и Весьегонскъ.

Поднявшись на пригорокъ, мы еще разъ оглянулись назадъ, на Тихвинъ. Сравнительно съ окружающею его мѣстностью, городокъ лежитъ, въ низинѣ и съ первого раза можетъ показаться страннымъ, почему основатели его не выбрали мѣста повыше и посушѣ. Но взглянуть на бѣльющія вправо отъ города стѣны монастыря напоминаетъ исторію возникновенія города. Въ концѣ XIV вѣка вся мѣстность, на которой находится теперь Тихвинъ, представляла собою одну сплошную, непроходимую дебрь, словомъ, такое мѣсто, гдѣ, по словамъ лѣтописца, «не точію человѣкомъ, но и звѣремъ земнымъ жилище тогда не обрѣташеся, понеже бѣ и равностію необдержимо и никакоже отнюдь стройно». Когда, въ 1383 г., здѣсь, на болотистомъ берегу Тихвинки, остановилась пришедшая отъ Ладожскаго озера явленная икона Богоматери, съ тѣхъ поръ ставшая извѣстною подъ именемъ Тихвинской, около храма построенного въ честь св. иконы, начали селиться люди, и возникъ поселокъ, получившій название Пречистенского на рѣкѣ Тихвинкѣ. Съ устройствомъ монастыря въ 1560 г., частные дома были отнесены отъ храма за версту, и изъ этого поселка образовался, съ теченіемъ времени, монастырскій посадъ, превратившійся, въ 1773 г., въ уѣздный городъ Тихвинъ, волею императрицы Екатерины II, въ честь которой главная улица города названа Екатерининскою.

Дорога легкимъ подъемомъ шла все выше въ гору. На третьей верстѣ передъ нами среди зелени забѣлили невысокія стѣны Николо-Бесѣдной обители, расположенной направо подлѣ самаго шоссе.

Исторія этой обители тѣсно связана съ исторіею Тихвинскаго чудотворнаго образа. Древнее сказаніе повѣствуетъ, что когда на Тихвинкѣ, въ честь появленной иконы, срубили деревянный храмъ,

былъ посланъ въ окрестныя мѣстности иѣкій благочестивый человѣкъ, пономарь Георгій,—или, по тогдашнему, Юрышъ,—съ извѣщеніемъ о предстоящемъ освѣщеніи храма. Исполнивъ порученіе, Юрышъ возвращался домой и наканунѣ Успенія дня былъ уже недалеко отъ Тихвинки, какъ вдругъ, подходя къ мѣсту, гдѣ нынѣ находится Бесѣдный монастырь, ощутилъ разлитое въ воздухѣ необыкновенное благоуханіе. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣлъ яркій свѣтъ, сиявшій между деревьями. Юрышъ пошелъ на свѣтъ, и глазамъ его, вся окруженнная лучами свѣта, предстала сама Богоматерь. Она сидѣла на сосновой колодѣ и держала въ рукѣ червленый жезлъ. Подлѣ нея стоялъ убѣленный сѣдинами, благолѣпный старецъ, похожій видомъ на святителя Николая. Юрышъ въ страхѣ повалился на землю. Святитель подошелъ къ лежавшему и, дотронувшись до него рукою, произнесъ: «Встань, не бойся!»—Пономарь поднялся на колѣни и, сложивъ благоговѣйно руки на груди, осмѣлился поднять глаза на Богоматерь. «Иди, человѣче», сказала Она, «въ трехъ поприщахъ отсюда сооружаютъ церковь во имя Успенія Богородицы и хотятъ поставить на ней желѣзный крестъ. Иди и скажи священникамъ и людямъ, чтобы поставили крестъ деревянный, ибо Сынъ Мой, Господь Иисусъ Христосъ, распялся на деревянномъ крестѣ, а не на желѣзномъ».—Госпожа Владычница, — проговорилъ со страхомъ Юрышъ: — не повѣрять мнѣ.—«Если не повѣрять», — отвѣчалъ святитель Николай, — «будетъ знаменіе». — Такъ и случилось. Юрышу не повѣрили и стали водруженать на церкви приготовленный заранѣе желѣзный крестъ, но лишь только мастеръ съ крестомъ достигъ церковной главы, какъ мгновенно поднялся вихрь, мастера сорвало съ кровли и, вмѣстѣ съ крестомъ, невредимо поставило на землю. Увидѣвъ это знаменіе, священники и народъ поспѣшили изготавить деревянный крестъ и водрузить его на храмъ, а затѣмъ всѣ, вмѣстѣ съ Юрышемъ, отправились на мѣсто видѣнія Богоматери, соорудили изъ сосновой колоды, на которой Она сидѣла, крестъ и помѣстили его тутъ же, въ нарочно для него срубленной часовнѣ. Дальнѣйшая судьба этого креста оказалась тѣсно связанною съ судьбою Тихвинской иконы. Черезъ семь лѣтъ церковь, воздвигнутая надъ Тихвинкою, сгорѣла до основанія, но чудотворная икона найдена невредимо въ кустѣ можжевельника. Въ то же время сгорѣла и бесѣдная часовня, но крестъ, какъ и икона, найдены также невредимы и тоже въ можжевельникѣ за полверсты отъ мѣста пожара. Церковь и часовня были построены вновь, но черезъ пять лѣтъ опять сгорѣли дотла, при чемъ и икона, и крестъ остались невредимы и найдены, на этотъ разъ, въ пеплѣ сгорѣвшихъ построекъ. Когда великий князь Василій Ивановичъ воздвигъ на Тихвинѣ каменный храмъ, въ честь чудотворной иконы, онъ на мѣстѣ бесѣдной часовни велѣлъ построить деревянную церковь и

подлѣ нея устроилъ монастырь; это было въ 1515 году. Черезъ тридцать лѣтъ въ Тихвинъ пріѣхалъ на богомолье Иоаннъ Грозный. Поклонившись чудотворному образу Богоматери, онъ посѣтилъ и мѣсто Ея явленія Юрышу и приказалъ замѣнить деревянный храмъ каменнымъ; кромѣ того, онъ устроилъ въ обители еще другой храмъ

Устюжна. Ворота соборной ограды.

во имя усѣкновенія главы св. Иоанна Предтечи, въ честь своего ангела.

Мы остановились у монастыря и зашли въ часовню, находящуюся подлѣ самой дороги, гдѣ помѣщается чудотворный крестъ, сдѣланный изъ сосновой колоды, о которомъ я говорилъ выше.

Самъ монастырь находится отъ шоссе саженяхъ въ сорока; онъ не великъ и, повидимому, не богатъ, хотя всѣ тихвинскіе богоомольцы считаютъ своимъ долгомъ побывать въ Бесѣдномъ и оста-

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1899 г., т. лxxvi.

11

вить здѣсь свою посильную лепту. Постройки всѣ принадлежать временамъ недавнимъ и ни археологического, ни художественного интереса не представляются. Въ храмахъ есть нѣсколько старинныхъ иконъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе икона Иоанна Крестителя, носящая на себѣ слѣды шведского кощунства во времена Тихвинской осады. Шведы мололи на ней муку, и слѣды ручныхъ жернововъ, вмѣстѣ съ остатками муки, до сихъ поръ видны на обратной сторонѣ иконы.

За Бесѣднымъ монастыремъ дорога пошла лѣсомъ, попрежнему поднимаясь въ гору. На восьмой верстѣ она достигла высшей точки, съ которой начался отлогій спускъ внизъ. Кругомъ, утопая въ синеватой дымкѣ, виднѣлись лѣсные дали, а налѣво подъ горою снова показались спокойныя воды Тихвинки. Встрѣчаясь вторично съ рѣкою, давшею свое имя одной изъ трехъ судоходныхъ системъ, соединяющихъ Волгу съ Невою, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ обѣ исторіи самого тихвинскаго воднаго пути.

Путь этотъ былъ знакомъ новгородскимъ купцамъ еще въ XIV столѣтіи; по нему они пробирались на извѣстную тогда ярмарку въ Холошій городокъ, на Мологѣ. Началомъ этого воднаго пути служила рѣка Сясь, впадающая въ Ладожское озеро неподалеку отъ устья Волхова и имѣющая въ числѣ своихъ притоковъ Тихвинку, верховья которой очень близко подходитъ къ верховьямъ рѣки Горюна, текущей уже по направленію къ Волгѣ. Впрочемъ, рѣка эта носить название Горюна только въ нижнемъ своемъ теченіи, въ среднемъ же называется Соминою, а въ верхнемъ Вѣлчиною. Между верховьями Тихвинки и Вѣлчины еще въ древнія времена существовалъ волокъ. Перетащивъ товары и ладьи въ Вѣлчину, торговцы спускали ихъ къ Волгѣ, переходя изъ Горюна въ р. Чагодощу — одинъ изъ наиболѣе крупныхъ притоковъ Мологи. «Превеликій и первый старый торгъ» Холошьяго городка «разыдется розно», а торговое движеніе по облюбованному пути продолжалось и въ XVI и въ XVII столѣтіи.

Желая соединить свою новую столицу съ хлѣбородными побережьями нижней Волги, Петръ Великій, между прочимъ, обратилъ вниманіе и на этотъ старинный новгородскій путь. Въ 1710 году, сюда посланъ былъ англійскій инженеръ Джонъ Перри для изысканій и нивеллировки мѣстности. Раздѣльнымъ пунктомъ воднаго пути Перри призналъ озеро Крупино, лежащее между верховьями Тихвинки и Вѣлчины, при чемъ, по его вычисленіямъ, паденіе отъ Крупины къ Ладожскому озеру, составляло 897 футъ, а къ Волгѣ — 572 фута. Въ промежутокъ времени между 1712-мъ и 1716-мъ годами мѣстность эту посѣтилъ самъ государь. Онъ лично осмотрѣлъ волокъ между Тихвинкою и Вѣлчиною и согласился съ мнѣніемъ Перри относительно озера Крупина, какъ раздѣльного пункта будущей системы. Въ полуверстѣ отъ озера находился и деревянный

дворецъ государя, къ сожалѣнію, сгорѣвшій въ 1802 году. Петра Великаго главнымъ образомъ занимала мысль объ устройствѣ обходнаго пути для минованія страшныхъ Боровицкихъ пороговъ на Вышневолоцкой системѣ. Онъ задумалъ соединить воды Мологи съ водами Мсты ниже пороговъ, но въ то же время не покидаль мысли и о самостоятельной судоходной системѣ изъ Мологи на Тихвинку и Сясь. Занимаясь устройствомъ Ладожскаго канала между устьемъ Волхова и истокомъ Невы, государь уже подумывалъ и о другомъ каналѣ, который соединилъ бы устье Сяси съ устьемъ Волхова, но смерть положила конецъ его замысламъ.

Вопросъ о неудобствѣ Вышневолоцкой системы и объ устройствѣ Тихвинской былъ снова поднятъ въ царствованіе Елизаветы Петровны генераль-фельдмаршаломъ графомъ П. И. Шуваловымъ. Для осмотра мѣстности между Мологою и Сясью былъ посланъ генераль-поручикъ Рязановъ съ порученіемъ составить профиль, планъ и смыты, придерживаясь линіи, предположенной Петромъ Великимъ. Проектъ Рязанова былъ утвержденъ въ 1762 г., уже въ царствованіе Петра III, но дѣло, за недостаткомъ средствъ, было отложено на неопределеннное время.

Странное мелководье, случившееся на Вышневолоцкой системѣ въ 1797 году и причинившее торговлѣ огромные убытки, заставило вспомнить о водномъ пути на Тихвинъ, и для окончательного его изслѣдованія былъ посланъ инженеръ-генералъ Деволантъ.

Въ 1799 г. повелѣно было окончить Сясьскій каналъ, начатый еще при Екатеринѣ II, а 1 января 1802 г. высочайше утвержденъ проектъ Тихвинскаго канала, между Тихвинкою и Вѣлчиною; на устройство его ассигновано 433.709 р., и работы поручены Деволанту. Въ 1805 г. земляныя работы были окончены, а въ 1811-мъ вся система оказалась уже настолько устроеною, что по ней открыто судоходство; дальнѣйшиe труды по ея окончанію и улучшенію продолжались и въ послѣдующіе годы.

Около половины нашего столѣтія по Тихвинской системѣ проходило ежегодно до 5.000 судовъ съ грузомъ болѣе, чѣмъ на 10 миллионовъ рублей. Но съ устройствомъ желѣзодорожныхъ путей и съ развитіемъ обильной водою Маріинской системы, Тихвинскій водный путь началъ клониться къ упадку. Хотя путь этотъ значительно короче не только Маріинскаго, но и Вышневолоцкаго (отъ Рыбинска до Петербурга по нему считается всего 813 верстъ), но главный и почти неисправимый недостатокъ его заключается въ маловодности составляющихъ его рекъ и въ недостаточности водныхъ его резервуаровъ, вслѣдствіе чего по нему могутъ двигаться только сравнительно небольшія суда мѣстнаго типа, извѣстныя подъ названіемъ тихвинокъ и соминокъ. Весною они еще могутъ ходить съ осадкою отъ 10 до 18 вершковъ, но въ лѣтннее время осадка въ 10 вершковъ становится уже предельною, и часто приходится

еще уменьшать ее до семи и даже до шести вершковъ. Послѣдній ударъ Тихвинской системѣ былъ нанесенъ проведеніемъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, и въ настоящее время заброшенная, полузабытая, она еле влачить свое существованіе.

— Много ли хлѣба у васъ по системѣ въ годъ проходить?— спросили мы ямщика.

— Совсѣмъ бездѣлица,—отвѣчалъ онъ: — воды мало, неудобно, все перегрузки.

— А что еще, кромѣ хлѣба, идетъ?

— Да все по мелочи. Везутъ стекло со стеклянныхъ заводовъ, спиртъ везутъ, снасти, а главное у насъ теперь лѣсныя гонки. Лѣсу гонять въ Питеръ еще порядочно.

Слова его отчасти подтверждались тѣмъ, что на столбахъ у мостовъ мы неоднократно встречали объявленія, относившіяся специально къ лѣсопромышленникамъ и извѣщавшія, что срокъ лѣсного сплава въ этомъ году продолженъ до 25 іюня.

На четырнадцатой верстѣ отъ Тихвина показалась деревня Голищна, осѣненная въ концѣ красивою сосновою рощицею. Отъ Голищны проселочная дорога ведетъ въ Антоніевъ Дымскій монастырь, до которого отъ деревни считается всего три версты.

Мы рѣшили завернуть въ обитель и минутъ черезъ двадцать остановились у ея каменной, невысокой ограды.

Монастырь основанъ въ XIII вѣкѣ св. Антоніемъ, ученикомъ преподобнаго Варлаама Хутынскаго, поселившимся на Дымскомъ озерѣ въ 1243 г. и получившимъ грамоту на созданіе обители отъ Александра Невскаго. Собравъ братію и устроивъ монастырь, преподобный мирно скончался въ 1273 году, а черезъ девяносто семь лѣтъ моси его были обрѣтены нетлѣнными. Монастырь, страдавший въ XV в. отъ татаръ, а въ началѣ XVII отъ шведовъ, былъ упраздненъ въ 1764 году, но въ 1794, по желанію окрестныхъ жителей и по ходатайству тихвинскаго архимандрита Игнатія, восстановленъ вновь митрополитомъ Гавріломъ.

Въ соборномъ храмѣ обители намъ показали серебряную раку преподобнаго Антонія, моси котораго находятся подъ спудомъ со временемъ шведскаго нашествія, когда дымскіе иноки изъ болезни непріятельского кощунства скрыли ихъ въ землѣ, покрывъ каменною плитою. Подлѣ раки находится желѣзная шляпа, найденная въ Дымскомъ озерѣ и, по преданію, принадлежавшая святому, который носилъ ее для умерщвленія плоти. Полагаютъ, что въ озерѣ она была брошена иноками во время того же шведскаго нашествія, но подобное обращеніе съ мѣстною святынею, которую легко можно было бы унести съ собою, является несовсѣмъ правдоподобнымъ. Весь этой шляпы — 8 фунтовъ, поля широки и прямы, на круглой тульѣ ея прибита гвоздями заплата.

Выйдя изъ церкви, мы прошли къ озеру, находящемуся саженяхъ въ 150 отъ обители. Вдоль дороги расположено зданіе церковно-приходского училища и монастырскій скотный дворъ. Дымское озеро не велико; болотистые берега его покрыты невысокимъ, большою частью хвойнымъ лѣсомъ. У берега устроена отъ монастыря купальня. Вода въ озерѣ считается целебною, и богомолцы

Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).

купаются въ немъ не только лѣтомъ, но и зимою въ устроенной для того проруби.

Сдѣлавъ наброски монастыря, мы тронулись въ обратный путь и черезъ полчаса уже миновали Голишину съ ея красивою сосновою рощицею, разросшуюся на пригоркѣ. Вскорѣ мы подъѣхали къ полуразрушенному мосту.

— Это что же такое? — спросилъ я.

— А тутъ надняхъ проѣзжіе провалились, — отвѣчалъ ямщикъ, сворачивая лошадей въ бродъ.

— Какъ такъ?

— Да ѿхала тутъ изъ Питера барыня одна съ французинкой, да съ горничной, въ имѣніе. Имѣніе-то далеко, еще за Сомину верстъ около сотни будетъ. А онѣ всегда въ своемъ рыдванѣ єздятъ. Рыдванъ грузный, пудовъ на 120, говорять, будетъ, и иначе его, какъ пятерней, и не возять. А мосты у насъ здѣсь плохіе, — вотъ и случилось.

— Да почему же мосты-то плохіе?

— А кто ихъ знаетъ! Дорога-то была казенная, теперь, говорять, въ земство переходитъ; можетъ, лучше будетъ.

— На видъ, дорога, кажется, содержится въ порядкѣ.

— Въ порядкѣ-то, въ порядкѣ, что говорить. По всей дорогѣ сторожки поставлены, и сторожа ходятъ, и мосты какъ будто хороши: настилка новая, перила крѣпкія, а загляни подъ мостъ, снизу-то, такъ балки всѣ струхши. Пока Богъ хранить, єздимъ. И этотъ мостъ такой же былъ. Все єздили, ничего, а какъ этакій-то рыдванъ на пятернѣ въѣхалъ, ну, и ахнули наскролько, прямо въ ручей. Еще какъ ихъ Богъ спасъ, дивиться надо!

Мы миновали извилистую рѣчку Редань, деревни Туркѣво, Го-рѣлуху. Сторожевые домики, подобно желѣзнодорожнымъ, то и дѣло показывались на дорогѣ, но мы относились къ нимъ уже не съ прежнимъ довѣріемъ, а вѣзжая на мосты, на случай, освобождали ноги изъ тарантаса.

Наконецъ, показалась на возвышеніи и первая станція отъ Тихвина, деревня Большой Дворъ. Деревня съ виду кажется дѣйствительно очень большою.

— Большая-то, большая, — замѣтилъ ямщикъ: — шестьдесятъ дворовъ въ ней, а народъ все бѣдный живеть. На шестьдесятъ дворовъ у нихъ всего пятьдесятъ коровушекъ приходится, такъ тутъ не разгуляешься.

За Большимъ Дворомъ, гдѣ мы перемѣнили лошадей, намъ снова встրѣтилась Редань, а за нею цѣлый рядъ деревень, и почти подлѣ каждой изъ нихъ красовались холмики, покрытые рослыми, красивыми соснами.

— Что это за горушки у васъ? — спросилъ я ямщика.

— А это жальники, — отвѣчалъ онъ: — родители тутъ похоронены.

— Славныя сосны!

— Хороши, хороши, высокія, стройныя. Растиуть на волѣ, потому рубить ихъ никому нельзя. Одинъ мужичекъ пробовалъ было вырубить, такъ за это и отвѣтилъ.

— Запрещено?

— Строго-на-строго.

Мѣстность становилась все гористѣе и гористѣе. Съ высокихъ точекъ дороги открывались красивые виды на зеленые лѣса, на широкій просторъ синѣвшей дали. Неподалеку отъ казенной лѣсной дачи «Горушки» передъ нами развернулся глубокій оврагъ съ крутымъ спускомъ. Внизу протекала уже знакомая намъ Редань, а на противоположной горѣ виднѣлась деревня Зиновья-гора.

— Это что за оврагъ? — освѣдомился я.

— А это Чортова харчевня, — повернулся къ намъ ямщикъ.

— Почему это мѣсто такъ называется?

— А не могу вамъ сказать, — не знаю. Была тутъ, правда, харчевня, да лѣтъ десять назадъ уничтожилась. Все звали Чортова, да Чортова, а почему, — не знаю; ничего въ ней особенного не было.

На станціи Обрино, пока намъ перепрягали лошадей, я разговорился съ содержателемъ почтовой станціи и, между прочимъ, спросилъ о заинтересовавшемъ нась названіи. Содержатель станціи оказался болѣе свѣдущимъ, чѣмъ ямщикъ.

— Это, видите ли, лѣтъ двадцать тому назадъ было, — рассказалъ онъ. — Сторожку-то на горѣ изволили проѣхать? За ней спускъ въ оврагъ замѣтили? А внизу подъ горой стояла тогда харчевня. Такъ вотъ отъ сторожки и до самой харчевни сплошь и рядомъ можно было слышать, какъ въ лѣсу кто-то хохочетъ, кричитъ, шумитъ, хлопаетъ въ ладоши. И этому не только ямщики, а и многіе проѣзжающіе свидѣтелями были. А какъ до харчевни доѣдутъ, все и кончится. Вотъ отъ этого и прозвали харчевню Чортовою. Теперь ужъ и харчевни давно нѣтъ, и хохоту больше не слышно, а мѣстность все попрежнему прозвывается.

За Обринымъ дорога все продолжала подниматься. Мы уже находились въ области водораздѣла системы и приближались къ наивысшей точкѣ всего пути. Наконецъ, около деревни Михеево точка эта была достигнута, и шоссе начало спускаться уступами уже по направленію къ волжскому бассейну.

На 13-й верстѣ отъ Обрина мы проѣхали стеклянный заводъ Рейтера, а подъ деревней Чудцами миновали границу Тихвинскаго и Устюженскаго уѣздовъ. Въ Чудцахъ мы замѣтили старую, пустую избу съ интересными порѣзками и остановились зачертить мотивы рѣзного орнамента. Пока мы работали, у тарантаса собралась толпа любопытныхъ, съ которыми у насъ вскорѣ завязалась бесѣда.

— Что у васъ по тракту церквей мало? — спросилъ я, между прочимъ, крестьянъ.

— Народъ-то все здѣсь небогатый живеть, — отвѣчали они. — Вотъ наша деревня отъ своего села-то въ 27 верстахъ, — какъ тутъ въ церковь попадешь? Вѣдь это взадъ впередъ безъ мала 60 верстъ надо пройти. Свадба ли, ребенка ли крестить, покойника ли схоронить — просто бѣда! А свою церковь строить силъ не хватаетъ.

Разговоръ перешелъ на избу, которую мы рисовали.

— Давно ли эта изба поставлена?

— А вотъ я тебѣ скажу, — отозвался одинъ изъ крестьянъ: — мнѣ теперь сорокъ лѣтъ безъ году, а какъ я ее помню, такъ она ужъ стояла засивѣрѣвши.

— Что-жъ теперь такихъ порѣзокъ не дѣлаете?

Крестьяне засмѣялись.

— Гдѣ теперь?! Теперь лѣсъ-то вздорожалъ, приступу нѣтъ. И избы-то часто некрытыя стоять, такъ до порѣзокъ ли? Печурку иной разъ нечѣмъ стопить...

На станціи Косыя Харчевни намъ объявили, что изъ комплекта въ шесть лошадей дома осталась только одна, и въ ожиданіи другихъ намъ пришлось просидѣть на станціи два часа съ половиною. Но по пословицѣ: «бѣда не ходитъ одна», впереди настѣ ожидать сюрпризъ еще болѣе непріятнаго свойства.

Изъ Косыхъ Харчевенъ мы выѣхали лишь въ одиннадцать часовъ вечера. Небо было сплошь покрыто тучами. Проѣхавъ полдороги, ямщикъ обернулся къ намъ и заявилъ, что въ Соминѣ мы совсѣмъ не найдемъ коней, такъ какъ въ эту ночь тамъ проѣдетъ на Устюжну новый губернаторъ.

— Прежній-то бывало на двухъ троекахъ Ѳздилъ, — замѣтилъ онъ, — а этотъ слышно двѣнадцать лошадей потребовалъ, такъ тутъ ни на одной станціи не хватить. Ну, да я вамъ вольныхъ найду; тамъ ихъ много. И придется вамъ, пожалуй, до самой Устюжны на вольныхъ Ѳхать, потому губернаторъ у васъ все время впереди будетъ.

Дѣлать нечего, пришлось примириться съ вольными.

II.

Сомина.

Кто не проклиналь станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранился? — Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и, можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе.

Пушкинъ.

Въ Сомину мы прїѣхали въ часъ ночи. Черные силуэты избы съ нависшими надъ узкою улицею кровлями слабо выдѣлялись на фонѣ темнаго, покрытаго тучами, неба. Огни вездѣ были погашены, и только на почтовой станціи, близъ моста черезъ р. Сомину, мерцалъ слабый свѣтъ.

У широкаго крыльца стояли двѣ темныя фигуры.

— Лошадей нѣть, — заявили онѣ.

Соборъ въ Устюжнѣ.

— Вѣдь губернаторъ проѣхалъ?

— Нѣтъ, не проѣзжалъ. Вотъ ужъ который день ждемъ съ минуты на минуту. Лошади все на дворѣ, въ хомутахъ стоять, а никому отпустить не смѣемъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ, съ черной бородою, былъ содржатель станціи, другой, блондинъ въ бѣлой фуражкѣ, его помощникъ.

— А вольные?—спросилъ ямщикъ.

— Вольные все разѣхались, кто съ кѣмъ.

Ямщикъ назвалъ нѣсколько фамилій, но оказалось, что никого изъ названныхъ не было дома.

Блондинъ вызвался сбѣгать къ какому-то Саблукову, который, можетъ быть, успѣлъ вернуться. Онъ исчезъ въ темнотѣ, а мы, отпустивъ ямщика, сѣли на крыльца въ ожиданіи. Началъ накрапывать дождь.

— Ни одной лошади нѣть, — заявилъ блондинъ возвращаясь.— Впрочемъ, постойте, еще къ одному человѣку сбѣгаю.

Куда онъ пошелъ, на этотъ разъ мы не знали; быть можетъ, просто скрылся за уголъ и постоялъ минутъ пять, чтобы получить побольше на чай. Но мы ему искренно вѣрили, потому что нельзя было не вѣрить въ нашемъ положеніи.

Черезъ нѣсколько минутъ блондинъ вернулся.

— Опять лошадей нѣть,—произнесъ онъ со вздохомъ.—Теперь ужъ, значитъ, совсѣмъ нѣть.

— А гдѣ же бы намъ остановиться хоть на ночь-то?

— Мѣста нѣть. Была комната на станціи, да ту помѣщикъ одинъ ужъ занялъ; тоже безъ лошадей сидитъ.

Положеніе наше становилось критическимъ.

— Но, вѣдь, не можемъ же мы сидѣть подъ дождемъ цѣлую ночь?—протестовали мы.

— Да, оно, конечно.

Съ моста къ станціишли два человѣка: это были помѣщики, занявшій комнату, съ своимъ товарищемъ.

Они присѣли на крыльца и познакомились съ нами. Рѣчь зашла о здѣшнемъ краѣ.

— Медвѣжій, буквально, медвѣжій край,—говорилъ помѣщикъ.— Народъ грубый, темный, съ вѣрою въ нечистую силу, въ чертей, колдуновъ и тому подобное. Недавно, чуть ли не въ прошломъ году, недалеко отъ Сомины пролеталъ на аэростатѣ полковникъ воздухоплавательной команды и хотѣлъ спуститься на землю. Мужики увидали и порѣшили принять его въ колья. По счастью, случился тутъ приказчикъ лѣсопильного завода Бранта, такъ онъ, и то еле-еле, уговорилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, на всякий случай, они все-таки заставили полковника перекреститься.

— И нравы здѣсь дикие, грубые, — замѣтилъ товарищъ помѣщика,—чуть если гдѣ поссорятся, сейчасъ и драка, а драка сплошь

и рядомъ переходитъ въ колья. Здѣсь жизнь не дорога, того и гляди, что либо изувѣчать, либо прямо до смерти. Зато здѣсь во многихъ мѣстностяхъ и установлено, чутъ кто посильнѣе подерется, обязанъ цѣлый годъ всѣ праздники отсиживать подъ арестомъ. Какъ только утро, онъ ужъ и отправляется.

— У насъ въ Соминѣ,—подхватилъ блондинъ,—становой-то хороши былъ, бѣда какой строгій. Его порядки и посейчасъ еще держатся. Народъ здѣсь все буйный,—извѣстно, пристань—постоянно пьянство, драки, кромѣ какъ строгостью, ничѣмъ не возьмешь. Арестантская у насъ теперь на самомъ базарѣ поставлена. Чутъ кто по національному выразится, сейчасъ въ холодную. А за драки да за буйство денъ по шести отсиживаются на хлѣбѣ, на водѣ, и ужъ въ это время никакой другой пищи, ни табаку,—ничего не даютъ, скучно, говорятъ, сидѣть, особенно безъ табаку-то. Даже пѣсни у насъ громко горланить запрещается,—сейчасъ урядникъ остановить; а не уймутся—въ холодную.

— Здѣсь домовъ и сотни не наберется,—замѣтилъ помѣщикъ,—а кабаковъ чутъ не шестьдесятъ.

— А не будь перегрузки, и кабаковъ бы не было,—отвѣчалъ блондинъ,—вѣдь наша Сомина тѣмъ только и важна, что въ ней перегрузка бываетъ.

Дѣйствительно, благодаря неравномѣрному распределенію водъ въ системѣ, идущимъ по ней судамъ приходится испытать на пути не одно перегруженное мытарство. Идя, напримѣръ, отъ Петербурга къ Волгѣ, они вступаютъ въ Сясь съ полнымъ грузомъ отъ 2500 до 3500 пудовъ при осадкѣ въ 20 вершковъ, но у Рождественской пристани, отъ которой начинаются пороги, имъ приходится разгружаться на паузки, при чемъ осадка уже не превышаетъ 10 вершковъ, а въ мелководье доходитъ до четырехъ. Такимъ образомъ, суда добираются до Тихвинки. Здѣсь, въ виду обилия воды въ шлюзованной части системы, осадка можетъ быть снова доведена до 14 вершковъ, и товары перегружаются изъ двухъ паузковъ въ одно большое судно. Но, пройдя шлюзованную часть и достигнувъ Сомины, имъ опять приходится разгружаться на паузки, такъ какъ осадка въ Чагодощѣ и Мологѣ не должна превышать 9 вершковъ. Понятно, что и судамъ, идущимъ отъ Волги къ Петербургу, приходится претерпѣвать тѣ же мытарства, только въ обратномъ порядкѣ.

— Теперь у насъ въ Соминѣ,—разсказывалъ блондинъ:—случайно скопилось до 75 тихвинокъ, а то обыкновенно бываетъ гораздо меньшѣ. Къ осени онъ опять нѣсколько скопляются, а лѣтомъ совсѣмъ тихо. Лодокъ вообще идетъ мало. Сплавляются больше лѣсь, да и лѣса-то, кажется, скоро всѣ вырубятъ.

Ночь была попрежнему сырая, дождливая. Время отъ времени мы замолкали и прислушивались, не звенить ли по дорогѣ губер-

наторскій колокольчикъ, но кругомъ все было тихо, и слышно было только, какъ дождь постукиваетъ о крышу, какъ вода каплетъ съ нея на землю.

— Послѣдняя телеграмма была, что во вторникъ пріѣдетъ,— заговорилъ помѣщикъ:— а вотъ и вторникъ прошелъ, и среда началась, а его все иѣтъ.

— Пятый день ждемъ,—отозвался блондинъ.

— Намъ-то что! — подхватилъ помѣщикъ: — а каково теперь крестьянамъ? Сколько ихъ теперь выгнано на дорогу въ малоконные деревни. Лошадь надо кормить, самому питаться, а время горячее. Гдѣ бы работать, а онъ жди. За кормъ и постой имъ, конечно, должно будетъ заплатить земство, да теперь крестьянину не такъ дороги деньги, какъ работа вѣремя, да въ пору. Ну, видно, спать идти. Вонъ ужъ свѣтъ начинаетъ.

Помѣщикъ и товарищъ его простились съ нами и удалились въ свою комнату.

— А для васъ я мѣстечко придумалъ, — заявилъ блондинъ. — Тутъ у насъ рядомъ трактиръ, такъ не хотите ли на ночь въ общей залѣ расположиться?

Онъ привелъ насъ во второй этажъ на чистую половину. Комната оказалась сырой, грязной, съ твердыми, какъ камень, диванами, но мы были рады и такому помѣщенію.

Блондинъ удалился, пожелавъ намъ пріятнаго сна и обѣщаю завтра найти лошадей до Устюжны.

О пріятномъ снѣ, конечно, не могло быть и рѣчи. Мы кое-какъ примостились на жесткихъ диванахъ, но только намъ удавалось забыться минутъ на 15, на 20, какъ невыносимая боль въ боку заставляла насть просыпаться и перекладываться на другую сторону. Такъ мы промаялись до 8 часовъ утра и, наконецъ, встали.

Я подошелъ къ окну. Погода была сѣрая. Прямо противъ трактира, на берегу Сомины, стояла каменная часовня, и неподалеку отъ нея, на рѣкѣ, грузилась тихвинка. Направо виднѣлся мостъ съ одиноко торчавшею на немъ фигурою сторожа; слѣдовательно, губернаторъ еще не прѣѣжалъ. Внизу подъ окнами двигаются судорабочіе и крючники, многіе изъ нихъ уже навеселѣ. Национальные слова раздаются то и дѣло. Внизу въ трактирѣ уже что-то поютъ.

Въ комнату входить блондинъ и подобно утренней газетѣ начинаетъ сообщать новости. Мы узнаемъ, что отъ губернатора получена телеграмма, что онъ пріѣдетъ въ 5 часовъ вечера, что помѣщику придется ночевать еще ночь, такъ какъ для его экипажей и клади лошадей не хватитъ, что утромъ на улицѣ былъ какой-то скандалъ и т. п.

Подъ окнами раздается стукъ колесъ, и къ станціи подѣзжаетъ какой-то господинъ въ мундирѣ. Блондинъ объясняетъ, что это одинъ

изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, желающій получить должность земскаго начальника.

Пѣніе внизу переходитъ въ скору. Слышенъ шумъ, крики.— «А я сикундантомъ!»—вырѣзается изъ общаго говора чей-то высокій теноръ.

— Уряднику-то теперь нѣкогда слѣдить,—замѣчаетъ блондинъ,— а то уняль бы. Иначе съ ними нельязъ, какъ сразу же осадить. На-

Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.

родъ звѣрь: расходятся, такъ просто бѣда! Недавно разодрались, такъ и уряднику мундиръ новенькой весь разорвали, да еще двѣ ленты дали.

— Какія ленты?

— А это по-уху, значитъ.

Распорядившись подать намъ чаю, блондинъ собирался идти для насть къ какому-то Силантьеву, предупреждая, что у него всего одна лошадь. Но этотъ Силантьевъ составлялъ уже послѣднюю нашу надежду.

Вдругъ на мосту показывается дѣлая пара лошадей, въ тарантасѣ, шагомъ.

— Это Саблуковъ!.. сейчасъ поряжу!—восклицаетъ блондинъ и опрометью бросается изъ комнаты.

Но его предупредили. Съ Саблуковымъ уговаривается какой-то черноватый парень, и когда блондинъ прибѣгаетъ на мостъ, Саблуковъ уже пораженъ.

Блондинъ уходитъ къ Силантьеву, и минутъ черезъ десять возвращается окончательно угнетенный. Послѣдняя надежда рухнула: Силантьевъ уѣхалъ куда-то на мызу.

Отъ нечего дѣлать сидимъ у оконъ и дѣлаемъ наброски часовни и моста. Наконецъ, товарищъ мой шумно захлопываетъ альбомъ и отправляется бродить по улицѣ.

Но, видно, судьбѣ угодно было сжалиться надъ нами. Черезъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ послышались его быстрые шаги.

— Ура!—кричаль онъ:—мы спасены! Привезли сюда изъ села какую-то сумасшедшую, лошади єдутъ обратно, и я порядиль мучичка до Устюжны.

Не успѣли мы наскоро собраться, какъ на улицѣ зазвенѣли бубенцы, и подѣхала наша бричка. Она оказалась очень маленькою, но мы кое-какъ усѣлись и тронулись въ путь, напутствуемые желаніями блондина, который былъ очень радъ нашей удачѣ.

III.

До Устюжны.

— Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Не веселая дорога...

Некрасовъ.

Нашъ подводчикъ Василій и, помѣстившійся рядомъ съ нимъ на козлахъ, мальчикъ, помощникъ волостного писаря, были оба изъ с. Бѣлые Кресты, находящагося по дорогѣ между Соминою и Устюжною. Они утромъ привезли сюда мать писаря, допившуюся до бѣлой горячки.

Песчаная дорога шла больше лѣсомъ. Малорослыхъ деревенскія лошадки бѣжали, конечно, неважно, но мы были рады и тому, что хотя тихо, но все-таки подвигаемся впередъ.

На седьмой верстѣ отъ Сомины мы проѣхали Важанское озеро, входящее въ составъ Тихвинской системы и представляющее собою не что иное, какъ разливъ Сомины, которая здѣсь какъ бы оканчивается, потому что ниже озера она называется уже Горюномъ.

По дорогѣ часто попадались намъ бабы съ котомками за плечами, встрѣтились и нищіе слѣпцы: всѣ они направлялись въ Тихвинскій монастырь.

Въ деревняхъ бубенчики наши производили сенсацию, крестьяне, бабы и дѣти выбѣгали на улицу, но лишь только убѣждались, что Ѳдеть не губернаторъ, уже не обращали на насъ никакого вниманія и, пропустивъ нашу бричку, снова вытягивали шеи по направленію къ Соминѣ. Даже собаки и тѣ лаяли на насъ какъ-то неохотно и, какъ намъ казалось, даже съ оттѣнкомъ пренебреженія. Впрочемъ, деревни встрѣчались не часто. По сторонамъ почти безпрерывною полосою тянулся все тотъ же лѣсъ. Наши лошади еле трусили, и дорога тянулась безконечно долго. Но надо замѣтить, что и перѣѣздъ былъ не малый: отъ Сомины до Бѣлыхъ Крестовъ считается 40 верстъ.

Наконецъ, проѣхавъ болѣе пяти часовъ безъ отдыха и не встрѣтивъ на пути ничего особенно замѣчательнаго, если не считать двухъ стеклянныхъ заводовъ: Позена и Бакунина,—мы добрались до Бѣлыхъ Крестовъ.

Возница нашъ, какъ оказалось, жилъ довольно зажиточно и имѣлъ двѣ пары лошадей.

Пока онъ перепрягалъ, мы напились чаю и сходили посмотретьъ сельскую каменную церковь, которая, судя по стилю, построена еще въ прошломъ столѣтіи. Наконецъ, около 6 часовъ вечера все было готово, и мы поѣхали далѣе. Протягившись почти цѣлый день въ тѣсной, неудобной бричкѣ, мы къ вечеру уже, что называется, обтерпѣлись и теперь сидѣли въ ней довольно благодушно.

Дорога нѣкоторое время шла берегомъ рѣки Кобожи, но потомъ снова углубилась въ лѣсъ.

— Много ли отъ вашего села до Устюжны? — спросилъ я Василья.

— Верстъ 80 считаются.
 — Такъ, значитъ, кормить будешь?
 — Нѣть.
 — Какъ нѣть? Неужели до Устюжны не кормя поѣдешь?
 — Да я до Устюжны не поѣду,—обернулся онъ къ намъ.
 — Вотъ тебѣ разъ!
 — Я вѣдь гдѣ нибудь передамъ другому ямщику. Ужъ вы не сумнѣвайтесь,—доставимъ.

— Да гдѣ же у тебя другой-то?
 — А поищу.

И дѣйствительно, проѣхавъ верстъ двадцать, онъ привернуль къ одинокому двору, стоявшему влѣво отъ дороги. Дворъ этотъ онъ назвалъ Мищуровскимъ выселкомъ.

У воротъ стояли два молодые парни, родные братья.
 — Кони у вѣстъ дома? — освѣдомился Василій, осаживая лошадей.

— Дома,— отвѣчали братья.

Василій соскочилъ съ козель и началъ съ ними переговариваться вполголоса; но переговоры, повидимому, окончились ничѣмъ, такъ какъ онъ сердито, снова взобрался на облучокъ и погналъ лошадей. Но не отѣхали мы и четверти версты, какъ онъ пустилъ ихъ шагомъ, видимо что-то обдумывая.

— Ужъ набавить имъ развѣ четвертакъ, что ли?— обратился онъ къ намъ.

— А много ли просятъ?

— Да я три рубля надавалъ, не берутъ.

— Твое дѣло.

— Я набавлю,—черезъ нѣсколько времени снова заговорилъ онъ.

— Ну, набавь.

Василій повернулъ лошадей, и вскорѣ мы снова были у мишуровцевъ.

Четвертакъ тотчасъ же рѣшилъ дѣло.

Взявъ съ насть до Устюжны 11 рублей, Василій за половину дороги бралъ себѣ 7 рублей 75 копеекъ, а за другую половину въ 60 верстъ платилъ 3 рубля 25 копеекъ. Мы съ товарищемъ смыялись между собою, что мишуровцы передадутъ насть третьему ямщику, третій — четвертому и такъ далѣе, пока дѣло не дойдетъ до двугривенного, и тогда послѣдній ямщикъ предложитъ намъ добраться до Устюжны по образу пѣшаго хожденія. Но, конечно, это говорилось только въ шутку, такъ какъ мы знали, что на самомъ дѣлѣ подобныхъ случаевъ никогда не бываетъ. По всей Россіи у вольныхъ ямчиковъ искони установлены понятія о ямской чести и круговой порукѣ, и каждый изъ нихъ, перенимая проѣзжаго, свято исполняетъ всѣ обязательства, принятые на себя его товарищемъ предпосѣщенникомъ.

Закладыванье продолжалось довольно долго. Тарантасъ у мишуровцевъ былъ разобранъ, и его пришлось собирать, сколачивать, связывать, прикуплять сверху кибитку, смазывать колеса и проч. Сбруя также была не налажена. Братья занимались полевыми работами и проѣзжихъ не ожидали. Лошаденокъ привели такихъ крохотныхъ, что мы боялись, свезутъ ли онѣ насть съ мѣста. Признаться, во время всѣхъ этихъ приготовленій мы порядкомъ подтрунивали надъ новыми ямщиками, но оба молодые парня оказались очень симпатичными; они если и не были особенно довольны замѣяніями, тѣмъ не менѣе возражали и оправдывались очень скромно.

Наконецъ, лошади были заложены, и младший изъ братьевъ, Венедиктъ, сѣлъ на козлы. Къ нашему крайнему удивленію, крохотные коньки покатили гораздо скорѣе Васильевыхъ. Мы разговорились съ Венедиктомъ. Отецъ его переселился сюда изъ ближней деревни и года два тому назадъ умеръ. Остались они, два брата,

Устюжна. Казанское кладбище.

«ИСТОР. ВѢСТН.», АПРѢЛЬ, 1899 г., т. LXXVI.

съ матерью и сестрою, и помаленьку хозяйствуютъ. Онъ разсказа-
залъ, что рожь здѣсь въ хорошій годъ и на удобномъ полѣ бы-
ваетъ самъ-десять, овесъ въ прошломъ году былъ самъ-двѣнадцать. По
всѣмъ деревнямъ сѣютъ много гречихи. У крестьянъ есть и пчелы,
но ведутся не особенно успѣшно.

Солнце опускалось къ горизонту. Справа надвигалась тяжелая
грозовая туча, изъ которой по временамъ сверкали молніи,—мы на-
дѣялись, что туча пройдетъ стороною, но она, точно исполинскій
драконъ, медленно ползла все выше и выше, и вскорѣ покрыла
собою половину неба. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣ-
нія, что она идетъ прямо на насъ, а размѣры ея не предвѣщали
ничего добра.

Прѣѣхавъ двѣ деревенъки, мы вѣхали въ лѣсъ.

— Теперь десять верстъ ни одной деревни не будетъ,—сказалъ
Венедиктъ:—дорога все лѣсомъ пойдетъ.

А туча была уже надъ нашими головами. Вдругъ сверкнула молнія,
загрохоталъ громъ, полилъ частый дождь, рѣзкій, упорный. Кругомъ давно уже царила тьма, которая еще усиливалась мрач-
нымъ пологомъ нависшей тучи и окружающимъ лѣсомъ.

Гроза разразилась съ полною силой; молніи вспыхивали поми-
нутно, озаря впереди все тотъ же однообразный невысокій лѣсъ и
узкую полосу дороги. Громъ гремѣлъ, почти не переставая. Дождь
уже началъ проникать къ намъ въ кибитку, и Венедиктъ опустилъ
переднюю кожу. Темнота настала полная. Молніи мы уже не видѣли
и слышали только, какъ грохоталъ громъ, и крупныя капли дождя
стучали о стѣны кибитки. Такъ мы ѿхали нѣсколько верстъ въ со-
вершенномъ мракѣ, попыхивая папиросами и время отъ времени
перекидываясь словомъ съ Венедиктомъ.

Наконецъ, дождь пересталъ, туча проползла влѣво, раскаты грома
сдѣлялись рѣже. Мы подняли кожу. Кругомъ стало какъ будто по-
свѣтлѣ. Громъ прекратился, но молнія долго еще сверкала въ лѣ-
вой сторонѣ.

Лѣсъ кончился, мы вѣхали въ деревню. Была уже глубокая
ночь. Въ деревнѣ всѣ спали, и только одинъ домъ, съ настежь откры-
тыми дверями, былъ ярко освѣщенъ.

— Что это, свадьба что ли здѣсь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, губернатора ждутъ,—отвѣчалъ Венедиктъ:—тутъ поч-
товая станція.

За деревней потянулись поля; на нихъ, среди мрака, тамъ и
сямъ мелькали огоньки: это крестьяне пахали ночью, во избѣжаніе
дневныхъ оводовъ и слѣпней, которые страшно кусаютъ и мучатъ
лошадей.

Впереди, сплошною стѣною, темнѣль густой лѣсъ. Мы вѣхали
въ него, но лишь только проѣхали полверсты, какъ передъ нами
воочию представлена картина изъ «Братьевъ-разбойниковъ». Подъ ста-

рой развесистой елью горѣль болѣйшой костеръ. Подлѣ него, кто сидя, кто лежа, расположилось около десяти человѣкъ. Красноватый свѣтъ огня переливался на ихъ грубыхъ, бородатыхъ лицахъ, на пестрыхъ лохмотьяхъ ихъ одежды, отбрасывая кругомъ темныя тѣни ихъ характерныхъ силуэтовъ.

Венедиктъ спокойно проѣхалъ мимо нихъ, объяснивъ, что это погонщики съ системы, ведущіе лошадей обратно.

Проѣхавъ въ темнотѣ еще шесть верстъ, мы добрались до небольшой деревни, гдѣ Венедиктъ хотѣлъ передать насъ иѣкоему Алексѣю. На востокѣ показалась блѣдная полоска зари, но кругомъ было еще темно, когда мы подѣхали къ избѣ Алексѣя. Венедиктъ спрыгнулъ съ козель прямо въ лужу, налитую дождемъ, подошелъ къ воротамъ и началъ стучаться.

— Кто тамъ?— послышался сонный голосъ въ избѣ.

Венедиктъ назвалъ себя, прибавивъ, что привезъ проѣзжихъ. Въ избѣ вспыхнула огонекъ, и минутъ черезъ пять изъ калитки появился самъ Алексѣй, заспанный, всклокоченный, съ хриплымъ голосомъ, но не выказалъ и тѣни неудовольствія на то, что его такъ безцеремонно подняли съ постели. Поговоривъ съ Венедиктомъ, онъ пригласилъ насъ въ избу и только досадовалъ на своихъ бабъ, которыхъ уѣхали пахать и въ такой дождь не вернулись домой, а сидѣть въ полѣ.

Въ избѣ горѣла лучина, но ее вскорѣ замѣнили какимъ-то маляннымъ свѣтломъ, темнымъ и дымнымъ. Хозяйка хлопотала около самовара, а мы принялись сушиться. Начались разспросы о губернаторѣ.

— Ужъ мы улицу-то пашемъ, пашемъ (метемъ),— рассказывала старуха, мать хозяина:— каждый день вѣдь все ждемъ. Пройдетъ дождикъ, всю напу работу размоетъ; опять давай налаживать. Пройдетъ ли кто, коровушки ли пройдутъ, ужъ мы опять на улицѣ, опять выравниваемъ да выглашиваемъ. Просто измаялись и бабы-то всѣ,—съ добродушною улыбкой добавила она.—По деревнямъ вотъ ужъ которую ночь караульные ходятъ и съ колотушками стучать, стучать родненки, а толку все нѣтъ.

Съ пашни вернулись молодыя бабы съ лошадями, всѣ мокрыя, но веселыя. Побравивъ ихъ, Алексѣй наскоро засыпалъ лошадямъ овса и, пока мы пили чай, сталъ собираться въ дорогу.

— Эхъ, господа, ужъ только по нуждѣ везу, — говорилъ онъ во время сборовъ:— не оставить же васъ посреди дороги, надо доставить; а то кони-то у насть совсѣмъ умаялись, слѣдовало бы имъ въ праздникъ денекъ передохнуть дать, да виши случай-то такой выходитъ, что ничего не подѣлаешь.

Часовъ около трехъ разсвѣло совсѣмъ, и мы тронулись въ путь.

Черезъ полчаса наша пара трусила по широкой улицѣ села До-

лоцкаго, всѣ жители котораго еще спали, и на улицѣ похаживала небольшая дѣвочка, одѣтая въ какую-то сермягу.

— Сторожишь? — крикнулъ ей Алексѣй.

— Сторожу, — улыбнулась дѣвочка.

— Смотри, не прозѣтай! — засмѣялся онъ.

Но вотъ и село и дѣвочка остались позади, мы вѣхали въ прекрасный лѣсъ, принадлежащій, по словамъ Алексѣя, рыбинскому фабриканту Журавлеву. Глазъ, утомленный жидкую невысокую растительностью, соловождавшую дорогу почти отъ самаго Тихвина, съ удовольствиемъ отдыхалъ теперь на этихъ зеленыхъ гигантахъ, изъ которыхъ любой могъ бы служить пейзажисту прекрасною моделью для этюда. Въ лѣсу подлѣ дороги Алексѣй указалъ намъ ключъ, текущій изъ-подъ часовни; на ключѣ поставлена мукомольная мельница.

За лѣсомъ потянулся цѣлый рядъ деревень, расположенныхъ въ нѣсколькоихъ верстахъ одна отъ другой: Ельники, Мезга (село съ почтовой станціей), Логаново, Мочала, Мареино. За деревнями снова начался лѣсъ, который, какъ говорятъ, тянется на 15 верстъ въ длину.

Устюжна была уже недалеко. На одномъ изъ поворотовъ, вдали мелькнули шпили ея колоколенъ. Выѣхавъ изъ лѣса, мы увидали внизу Мологу, а за нею и городъ, расположенный за рѣкою, вдоль ея берега. Обиліе церквей придаетъ маленькой Устюжнѣ довольно богатый и красивый видъ.

Алексѣй остановилъ лошадей и подвязаль колокольчикъ.

— Въ другое-то время и такъ ъѣздимъ, — замѣтилъ онъ: — а теперь какъ бы полицію не напугать, подумають — губернаторъ.

Мы спустились къ парому, переправились черезъ Мологу и, поднявшись въ городъ по довольно кругому подъему, остановились у гостиницы, которая считается лучшею въ городѣ.

IV.

У ст ю ж на.

Устюжна желѣзна, люди каменны.

Пословица.

Дверь гостиницы была еще заперта, но въ открытомъ окнѣ второго этажа лежала растрепанная, сонная фигура. Это былъ номерной, дремавшій на окнѣ.

У нихъ загулять хозяинъ, и по этому случаю никто всю ночь не ложился спать. Номерной отперъ дверь и отвелъ намъ комнату.

Подрядивъ Алексѣя везти насъ на другой день въ Весьегонскъ, мы спросили чаю.

Видъ Весьегонска съ Устюжского тракта.

— Ну, что у васъ въ городѣ посмотретьъ можно? — спросилъ я номерного.

— Да что у насъ смотрѣть? Кажется, нечего.

— Ну, можетъ быть, церкви старыя, памятникъ какой?

— Новыхъ церквей у насъ и нѣтъ, все старыя, а вотъ памятниковъ такъ дѣйствительно много, потому у насъ два кладбища.

Напившись чаю, мы отправились на осмотръ города и, выйдя на торговую площадь, наняли извозчика, «лехковаго № 12», какъ гласила надпись на его билетѣ.

Устюжну правильнѣе было бы называть Устижною, или, еще точнѣе, Усть-Ижиною, такъ какъ городъ былъ основанъ при устьѣ впадающей въ Мологу рѣчки Ижинѣ, которая и давала ему свое название.

При сліяніи Ижинѣ съ Мологою, на мыскѣ, называвшемся встарину Стрѣлицею, и теперь еще видны остатки небольшого землянаго укрѣпленія,—городища,—бывшаго начальнымъ пунктомъ всего городка, который, съ теченіемъ времени, распространился и по Ижинѣ, и по обоямъ берегамъ Мологи, растянувшись на протяженіи четырехъ верстъ. По преданію, въ городищѣ находилось камище бога Купалы, въ честь которого ежегодно, весною,правлялось особое торжество купанія или обливанія водою. Раскопки, произведенныя въ городищѣ, не увѣнчались успѣхомъ, но память о купальскомъ празднике сохранилась въ городѣ до нашихъ временъ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста дѣвушки, одѣвшись въ простыя платья, отправляются къ рѣкѣ, купаютъ другъ друга и затѣмъ, запасшись водою въ ковшахъ, шайкахъ, ведрахъ, еще сами мокрыя отъ купанья, бѣгаютъ по городу и обливаютъ каждого, кого встрѣтятъ. День оканчивается общимъ гуляньемъ, на которое обливальщицы являются уже въ праздничныхъ костюмахъ, и въ пѣсняхъ и играхъ веселятся до поздней ночи.

Существуетъ преданіе, что на мѣстѣ языческаго камища на городищѣ была поставлена и первая христіанская церковь.

Въ лѣтописяхъ сохранились нѣкоторыя отрывочные извѣстія изъ былой жизни Устюжны. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что около 1341 года на городъ напали «молодцы» новгородскіе, пожгли его и разграбили, но устюженцы собрались съ силами, напали въ свою очередь на грабителей и отняли у нихъ добычу. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ новгородцы, враждовавши съ московскимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, снова повоевали Устюжну. Въ то время она уже принадлежала къ московскимъ владѣніямъ, какъ это видно изъ духовной того же князя Василія Дмитріевича, завѣщавшаго ее въ удѣль младшему брату своему Константину. Имя Устюжны мы встрѣчаемъ такъ же въ завѣщаніяхъ Василія Темнаго и Иоанна III. Грозный, въ 1564 году, пожаловалъ ее въ вотчину княгинѣ-старницѣ Александрѣ, вдовѣ брата своего Юрия Васильевича.

Устюжна искони носила название железнопольской, такъ какъ во всей этой мѣстности въ изобилии добывалась и разрабатывалась желѣзная руда, и устюженцы съ самыхъ давнихъ временъ уже носили прозвище кузнецовъ. «На разстояніи почти шестидесяти верстъ»,— говоритъ одинъ путешественникъ, посѣтившій Устюжну въ 50-хъ годахъ:—«лѣса по всѣмъ направленіямъ наполнены полузаросшими угольными ямами, болота проймами, или прежними рудовыми выемками, а открытыя мѣста покрыты осарками (мусоромъ) отъ бывшихъ тутъ нѣкогда приселковъ съ плавильнями. И это огромное, по всей вѣроятности, количество желѣза свозилось въ Устюжну и тамъ ковалось. До восьми сотъ кузницъ стояло по берегамъ обѣихъ рѣкъ и по краямъ города. Изъ этихъ-то кузницъ, говоритъ преданіе, какъ въ настоящее время изъ Тулы, шли всѣ русскія издѣлія, какъ военные, такъ и хозяйственныя, отъ гвоздя и до пушки».

Въ наше время желѣзное дѣло во всей мѣстности почти совершенно упало и практикуется лишь въ небольшихъ размѣрахъ, кустарнымъ способомъ, да и желѣзо добывается очень низкаго качества. Тотъ же путешественникъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ крестьянъ, занимающихся добываніемъ желѣза, или по-здѣшнему «дмовкою».

— Да что, батюшка,—разсказывалъ крестьянинъ: — и говорить нечего, работа томная, бѣдовая. Кому стало за охоту, да ёсть нечего, такъ не что,—а то Богъ съ ней! День деньской маешься, да и ночь не спишь, горишь, какъ диманъ, передъ печью, ни рубахи снять, ни вымыться. За то такой выйдешь, что и Богъ тя знаетъ,— а силушка-то, силушка! какъ испитой станешь, вѣдь дмёши, дмёши цѣлую недѣлю!

— А сколько вѣсъ тутъ работаетъ—одинъ или двое?

— Гдѣ ти—одинъ, да этакъ и трехъ день не выстоишь; нѣть, покришко съ братаномъ (т. е. по двѣ ступки съ товарищемъ).

— Значить, во сколько же времени выплавливаются двѣ крицы?

— Да этакъ съ хорошую, какъ ты сказать, обѣдню будетъ (слѣдовательно двѣ крицы, или полтора пуда, примѣрно, въ два часа).

— А сколько въ барышахъ вы за недѣлю?

— Да не что, какъ кто могутѣнъ, да дѣло знаетъ, такъ двое-то крицъ около сорока добудемъ.

Относительно цѣны за пудъ желѣза крестьянинъ отвѣтилъ.

— Да всяко: инѣ рубль, а инѣ рубль съ четвертью, а инѣ и полтинникъ. Вѣдь оно всяко, и у насъ бываетъ разница въ желѣзѣ-то, иное лучше, а иное хуже; вѣдь рудой ведется. Старики бають, что прежде сего и у насъ желѣзо-то бывало доброе, да повывело, вишь охотника стало много. Оно бѣ можно и изъ этого, пожалуй, сдѣлать ладно, да больно неталанно: надоть сжечь половину, либо болѣе.

Въ началѣ XVII вѣка устюженцы прославили себя геройскою обороною города отъ поляковъ.

Зимою 1607 года, въ самый Николинъ день, пришла въ Устюжну грамота отъ бѣлозерцевъ, которые совѣтовали устюженцамъ вѣры христіанской не попирать, польскимъ и литовскимъ людямъ не сдаваться и сложить головы за царя Василія и за домъ Богородицы. Хотя въ городѣ не было никакихъ укрѣплений, но устюженцы отвѣчали на грамоту полнымъ согласіемъ. Какъ разъ въ это время посланные изъ Тушина люди пріѣхали править съ города кормы. Устюженцы поцѣловали крестъ не сдаваться, въ кормахъ тушинцамъ отказали и послали въ уѣздъ звать бояръ и дѣтей боярскихъ въ осаду, а такъ какъ у нихъ не было воеводы, то они назначили себѣ головами: Солмеея Отреѣева, Богдана Перскаго и приказчика Алексея Суворова. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ изъ Москвы Андрей Петровичъ Ртищевъ, и устюженцы выбрали его своимъ воеводою. Съ Бѣлоозера также явилась помошь въ лицѣ юомы Подщиаева, приведшаго съ собою четыреста человѣкъ.

Между тѣмъ изъ Углича уже шло на Устюжну войско, состоявшее изъ черкасъ, нѣмцевъ и русскихъ воровъ. Ртищевъ съ своимъ ополченiemъ тронулся имъ навстрѣчу, но боялся заходить далеко, зная силу и военную опытность противника. Ополченцы рвались впередъ. «Пойдемъ противъ супостатовъ», — кричали они, — «умремъ за церкви Божьи, за вѣру христіанскую!» Воевода долженъ былъ уступить общему желанию, онъ двинулся впередъ и въ деревнѣ Батневкѣ встрѣтился съ тушинцами.

5 января 1608 г. произошла битва, въ которой храбрые, но неопытные ополченцы были окружены непріятелемъ и, по выражению лѣтописца, посѣчены, какъ трава. Ртищевъ бѣжалъ въ Устюжну и не зналъ, что предпринять, такъ какъ врагъ, не сегодня, завтра, могъ появиться передъ городомъ. — «Помремъ на Устюжнѣ за домъ Богородицы и за вѣру христіанскую», — сказали ему устюженцы, уцѣлѣвшіе отъ пораженія. Въ это же время пономарь церкви Рождества Божіей Матери услышалъ голосъ, ясно говорившій: «Не устрашайтесь, православные христіане, не отпадайте: не дамъ дома моего на разореніе иноплеменнымъ». Между тѣмъ врагъ не показывался, и отъ Батневки, неизвѣстно почему, повернуль обратно.

Устюженцы возблагодарили Богоматерь за чудесную помошь и дѣятельно принялись возводить острогъ. Работа кипѣла днемъ и ночью: копали рвы, ставили надолбы, ковали пушки, пищали, готовили ядра, точили оружіе и послали за порохомъ въ Новгородъ. Вмѣстѣ съ порохомъ Скопинъ прислалъ къ нимъ сто человѣкъ ратныхъ людей. Надо было торопиться: изъ Тушина, подъ начальствомъ Петрицкаго и Козаковскаго¹⁾ уже двигалась на Устюжну рать,

¹⁾ Называя предводителя тушинцевъ Козаковскимъ, мы слѣдуемъ С. М. Со-

Плоть и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ.

состоявшая на этотъ разъ изъ поляковъ, литвы, черкасъ, татаръ, нѣмцевъ и русскихъ. Предводители еще съ дороги послали въ городъ предложенія о сдачѣ, но предложенія эти были отвергнуты.

Въ ночь съ 2 на 3 февраля непріятель появился подъ стѣнами Устюжны. Не теряя времени, онъ началъ стрѣльбу по острогу, но былъ встрѣченъ дружнымъ огнемъ и отступилъ за версту отъ города въ мѣстность, называвшуюся Подсосенье, спаливъ предва-

рительно часть незащищенного посада съ двумя церквами. 4 февраля поляки двинулись на приступъ, таша за собою возы съ соломою, чтобы поджечь стѣны. Главные силы были направлены на ворота св. Димитрія. Осажденные съ криками: Господи помилуй! обороняли стѣну. Въ это время священники вынесли на стѣну икону Богоматери. Видъ священного изображенія Заступницы города удвоились силы ратниковъ, и приступъ былъ отбитъ. Не медля ни минуты, устюженцы устроили изъ города вылазку по отступавшему непріятелю отняли у него мѣдную пушку и при ней захватили пушкаря Капусту, которого разрубили на части, а голову, въ видѣ трофея, подняли на высокое дерево.

Непріятель былъ прогнанъ за четыре версты, но не оставлялъ своего намѣренія взять городъ. 8-го числа къ тушинцамъ подошло подкрепленіе, и 9-го они снова бросились на приступъ. На этотъ разъ они повели его съ двухъ сторонъ, но горожане, призвавъ на помощь Владычицу, снова отразили ихъ съ большимъ урономъ. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, часть осаждающихъ потеряла терпѣніе и, переправившись за Мологу, ушла отъ города, но другая часть рѣшилась добиться своего во что бы ни стало и 10 февраля снова подступила къ стѣнамъ. Тушинцы гремѣли изъ орудій, пускали стрѣлы съ горящимъ паклей и съ криками, какъ бѣшеные, лѣзли на стѣны. Осажденные отбивались изъ всѣхъ силъ. Приступъ былъ настолько силенъ, что защитники уже начинали терять мужество, но въ критической моментъ на стѣнѣ снова появилась икона Богоматери, и на этотъ разъ появленіе ея окончательно рѣшило судьбу осады. Непріятель былъ отбитъ и вскорѣ удалился, а благодарные устюженцы, въ память своего избавленія, установили ежегодное празднество 10 февраля для прославленія своей небесной Заступницы.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій приказалъ деньги, издержанные городомъ на защиту и на пушки, зачесть въ сборъ таможенныхъ пошлинъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ была подтверждена грамота, выданная устюженцамъ еще при Грозномъ, по которой они имѣли право судиться у своихъ же выборныхъ судей. По переписи 1626 года въ Устюжнѣ людей, способныхъ носить оружіе, насчитывалось до 355, изъ нихъ 300 человѣкъ посадскихъ, вооруженныхъ: сто человѣкъ пищалями и двѣсти — рогатинами.

Въ настоящее время Устюжна — одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Новгородской губерніи, и въ ней насчитывается до 5.000 жителей обоего пола.

Осмотръ города мы начали съ западнаго его конца и велѣли везти себя къ устью Ижинь. Остатки древняго городища замѣтны

ловьеву; Костомаровъ называетъ его Казановскимъ, у другихъ онъ носить название Касовскаго и т. д.

еще и теперь, но уже ни калища, ни храма на нихъ не видно. На холмѣ надъ Ижиной находится кладбище съ церковью св. Василія Великаго, построеною на мѣстѣ древняго городскаго собора. Мѣстность между Ижиной и кладбищемъ встарину носила название «буй на бую». Здѣсь когда-то происходили кулачные бои между Ижинскою и Зарѣцкою (т. е. Замоложскою) стороною.

Противъ Васильевской церкви, на другомъ холмѣ, стоитъ церковь Троицкая, также древней постройки. Впрочемъ извозчикъ нашъ оказался настолько тупымъ парнемъ, что изъ тринацдати церквей города зналъ далеко не всѣ, и за справками постоянно приходилось обращаться къ прохожимъ.

Отъ Ижины мы поѣхали улицей, идущею параллельно Мологѣ, и, миновавъ небольшой винный заводъ, принадлежащи мѣстному богачу, Курбатову, увидѣли влѣво каменный храмъ, стоявшій нѣсколько въ сторонѣ отъ улицы.

— Это что за церковь? — спрашиваемъ у извозчика.

— Это? А не знаю; въ ней не служать.

По улицѣ проходитъ старушка.

— Какая это церковь, бабушка? — обращаемся къ ней.

— Ась?

— Церковь-то какъ во-имя?

— Это что?

— Церкви-то этой какъ у васъ название,—имя-то?

— А Димитрія.

— Хорошо,—такъ и запишемъ.

Старушка проходитъ, но снова возвращается.

— Великомученика Димитрія, запиши.

— Ладно.

Улица привела насть на небольшую площадь, на которой стояла уже не одна, а три церкви.

— Церкви знаешь? — спросили мы возницу.

— А это, — какъ его? Вотъ память- то! Вотъ эту посерединѣ зналъ, да забылъ. Какъ она?

Пока онъ припоминалъ, мы сошли съ дрожекъ и обратились къ проходившимъ по площади мѣстнымъ барышнямъ.

— Посерединѣ Стрѣтенье, направо Здвиженье, а налево Пребраженіе,—отвѣчали онъ.

Съ площади мы проѣхали на другую часть города, за рѣку Ворожу, протекающую почти въ центрѣ Устюжны. На мосту, въ ожиданіи губернатора, плотники спѣшно перестилали верхнюю настилку.

— А это вонъ Блообѣщеніе, — ткнулъ извозчикъ кнутомъ по направлению церкви, виднѣвшейся вправо, на берегу Ворожи.

— А что за праздникъ такой—Благовѣщеніе? — полюбопытствовалъ я.

Извозчикъ повернулся къ намъ и глупо улыбнулся.

- А не знаю.
- Ты грамотный?
- Нѣту, нѣту.
- Что же не учился?
- Поучился годъ, да худо учился, такъ...

По берегу налѣво отъ моста тянулась соборная ограда съ довольно красивыми, характерными воротами, выходящими на Ворожу. Въ оградѣ густо разрослась зеленая березовая роща, а среди нея возвышался бѣлый каменный соборъ съ высокою колокольней. Мы остановились и вошли въ ограду.

Соборъ построенъ въ XVII столѣтіи. Прежде на его мѣстѣ находился монастырь во имя Рождества Богородицы, нынѣ уже не существующій. На соборной колокольнѣ помѣщаются часы съ боемъ, относимые преданіемъ къ временамъ Иоанна Грознаго. Часы эти устроены русскимъ мастеромъ Некраскою часовикомъ и, по словамъ писцовой книги, снабжены двумя заводами, на денные иочные часы. Отъ собора, отъ окружающей его рощи и каменной ограды вѣтъ духомъ нетронутой, какъ бы застывшей старины.

Противъ собора вдоль берега Ворожи тянется большая пустынная площадь съ высокою пожарною каланчею посрединѣ. Полюбовавшись съ берега прихотливыми изгибами Ворожи,—которой какъ будто хочется вдоволь нагуляться на свободѣ, прежде чѣмъ приметъ ее въ себя Молога,—мы снова сѣли на дрожки и отправились на Казанское кладбище, оканчивающее собою городъ съ восточной стороны.

Церковь, на Казанскомъ кладбищѣ, построенная, повидимому, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія, очень интересна по своей архитектурѣ. Изъ всѣхъ церквей Устюжны она представляетъ наибольшій интересъ въ смыслѣ стиля и характерности деталей.

Проѣхавъ изъ конца въ конецъ, или, что то же самое, отъ кладбища до кладбища—всю Ижинскую сторону, мы побывали и въ части города, лежащей за Мологою, но тамъ ничего достойнаго примѣчанія не нашли и, вернувшись въ гостиницу, легли спать, такъ какъ были порядкомъ измучены двумя предшествовавшими безсонными ночами.

На другой день въ три часа утра отправились въ Весьегонскъ, такъ и не видавъ губернатора, а за Устюжною даже и самые слухи о немъ прекратились.

Соборъ въ Весьегонскѣ.

VI.

Весьегонскъ.

Весьегонскъ, уѣздный городъ Тверской губерніи на р. Мологѣ и р. Рени, съ 3500 жителей, болѣею частію мѣщанъ, работающихъ на пристани и на судахъ. Купцы ведутъ значительную торговлю.

Изъ стараго словаря.

Не стану подробно описывать, какъ мы добрались до Весьегонска, такъ какъ общій характеръ дороги уже извѣстенъ читателю изъ предыдущихъ главъ, а на пути между Устюжною и Весьегонскомъ мы ничего особенно интереснаго не встрѣтили. Скажу только, что Алексѣй еще съ вечера передалъ насъ нѣкоему Александру, живущему на половинѣ дороги къ Весьегонску. Этотъ Александръ все время рассказывалъ намъ о мѣстныхъ помѣщикахъ, объ ихъ житьѣ-бытьѣ, ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, ихъ чудачествахъ и пр. Характеристики получались, правда, очень интересныя, но такъ какъ рѣчь шла о личностяхъ, и понынѣ еще здравствующихъ, то я не считаю себя въ правѣ оглашать его не совсѣмъ скромные рассказы.

По пути мы не разъ любовались красивыми видами, такъ какъ дорога пролегала по высокой, холмистой мѣстности, миновали границу Тверской губерніи, зачертigli нѣсколько кургановъ, насыпанныхъ, вѣроятно, еще древнею весью, и перемѣнившись лошадей въ домѣ Александра, прикатили въ Весьегонскъ часу въ первомъ дня.

Издали городъ производилъ менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Устюжна. Церквей, составляющихъ главное украшеніе панорамы каждого провинціального города, здѣсь всего три или четыре. Первое, что мы увидѣли, вѣзжая въ городъ, было кладбище съ недостроенной колокольней. Пробѣхавъ двѣ-три улицы, мы очутились на берегу Мологи и спустились къ пароходной пристани, чтобы оставить тамъ вещи, такъ какъ хотѣли изъ Весьегонска добраться на пароходѣ до Волги. Пароходъ еще не приходилъ.

Распростиившись съ нами, Александръ отправился на постоянный дворъ ожидать попутчика, а мы остались на пристани, любуясь на Мологу, катившую такъ же спокойно, какъ и въ Устюжнѣ, свои тихія воды по направленію къ Волгѣ.

Черезъ рѣку съ того берега медленно переправлялся паромъ съ крестьянскими телѣгами и лошадьми, а на плоту, почти подлѣ самой пристани, нѣсколько бабъ полоскали бѣлье; звонкіе голоса ихъ далеко разносились по тихой водѣ. Паромъ подошелъ къ нашему берегу.

— И чего трещите-то? Чего стрекочете? — крикнула съ парома бабамъ какой-то стариечекъ, которому, видно, надоѣли ихъ крики во время переправы.

— А ты что за указчикъ? — огрызнулись бабы.

— Много-ль корзинъ наполоскали?

— А тебѣ на что? Ну, шесть! Ну, такъ что-жъ?

— А косточекъ перемыли, что и въ двѣнадцать не уберешь.

Слова его были покрыты громкимъ смѣхомъ присутствующихъ. Бабы принялись кричать старику что-то, очевидно, бранное, но мы не дожидались конца этой сцены и попали осматривать городъ.

Онъ не великъ и по внѣшнему виду, кажется, меньше и бѣднѣе Устюжны, хотя и ведеть болѣе значительную торговлю. Название его произошло отъ древнихъ насельниковъ этой мѣстности, веси егонской, обитавшей здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Прозвище егонской здѣшней веси получила, по мнѣнию однихъ, отъ финского слова Йогги — рѣка, а по мнѣнию другихъ, отъ рѣки Йогницы, для отличія отъ жившой неподалеку веси моложской. Въ XVI столѣтіи село Весь Егонское принадлежало московскому Симонову монастырю, и въ немъ находилась таможенная застава. Село было торговое и, вѣроятно, давало порточный доходъ обители. Отъ 1563 года сохранилась грамота Иоанна Грознаго Ширяю Лопакову, повелѣвающая вызвать на судъ приказчиковъ и крестьянъ князя Прозоровскаго за нанесеніе убытковъ Симонову монастырю переводомъ ярмарки изъ Веси Егонской въ Старый Холопій. Въ слѣдующемъ году тому же Ширяю была отправлена другая царская грамота, запрещавшая прѣѣхимъ людямъ торговатъ въ селахъ Городецкаго, Углицкаго и Ярославскаго уѣздовъ, кромѣ Веси Егонской, где они должны были платить мѣстнымъ таможникамъ. Въ концѣ XVI столѣтія сюда переплыла часть извѣстной моложской ярмарки, и торговые обороты сдѣлались еще крупнѣе.

Въ 1764 году село перешло отъ монастыря въ вѣдѣніе государственной экономіи, а въ 1776-мъ обращено въ заштатный городъ Тверского намѣстничества.

Въ настоящее время Весьегонскъ фигурируетъ уже въ качествѣ уѣзднаго города и извѣстенъ своею Богоявленскою ярмаркою, на которой продаются: хлѣбъ, кожи, мѣха, рыба и гвозди мѣстнаго и устюженскаго производства. Оборотъ ярмарки достигаетъ до 1,000.000 рублей.

Проходивъ по городу около часа, мы, кромѣ нѣсколькихъ довольно широкихъ улицъ, торговыхъ рядовъ и собора, построенного на холмѣ надъ Мологою, ничего заслуживающаго особаго вниманія не замѣтили.

Во время осмотра города намъ пришлось случайно познакомиться съ двумя мѣстными обывателями, въ бесѣдѣ которыхъ заключались кое-какіе штришки для характеристики нравовъ.

Переходя изъ улицы въ улицу, мы нѣсколько разъ встрѣчали все одну и ту же старуху съ коромысломъ и ведрами. Она какъ будто нарочно старалась попадать намъ на глаза и каждый разъ низко раскланивалась съ нами. Въ послѣдній разъ, когда мы шли по бульвару, насаженному на соборномъ холмѣ вдоль Мологи, старуха уже безъ ведеръ снова повстрѣчалась съ нами и, отвѣшивъ низкій поклонъ, стала просить денегъ на дорогу въ Леухинскій монастырь (лежащій ниже по теченію Мологи), куда она собирается на богоомолье.

— Я мѣщанка здѣшняя,—рассказывала она:—хочется съѣздить отца Ioannia повидать; онъ скоро тамъ будетъ. У своихъ просить не хочется, не дадутъ, все равно, еще обругаютъ, а вы, господа, люди проѣзжіе, никому не скажете.

Мы дали ей на билетъ. Старуха осталась очень довольна и уже не отходила отъ насъ. По ея словамъ, o. Ioannъ кронштадтскій очень любить Леухинскую обитель и бываетъ въ ней чуть не каждый годъ.

— А то еще строять здѣсь монастырь,—продолжала она:—верстахъ въ 30 отсюда, на камнѣ. На камнѣ и церковь стоять будетъ. Бывшій слѣдователь ставить.

— Камень тутъ не при чемъ! — раздался чей-то рѣзкій голосъ слѣва.

Мы обернулись.

У рѣшетки, идущей вдоль бульвара, стоялъ человѣкъ, по костюму похожій на мѣщанина; онъ былъ замѣтно выпивши.

— Камень тутъ не при чемъ! — отчеканилъ онъ снова.

— Ась? — откликнулась старуха.

— Камень тутъ не при чемъ, — повторилъ мѣщанинъ еще настойчивѣе.

— Какъ не при чемъ, когда на камнѣ...

— Такъ и знайте, господа, — обратился онъ къ намъ, — что камень тутъ не при чемъ.

Мы тронулись далѣе.

— Это Курченковъ, маляръ здѣшній, — пояснила старуха: — въ соборѣ работаетъ, только выпиваетъ шибко.

Маляръ шелъ за нами слѣдомъ.

— Зачѣмъ это вы распространяете, путаете господъ? — обратился онъ къ старухѣ.

Теперь я разсмотрѣлъ его ближе. Глаза смотрѣли тускло, апатично; выраженіе лица плаксивое, голосъ высокій, слегка дребезжащій.

Старуха начала что-то возражать.

— Это мы знаемъ: какъ либо, какъ нибудь, было или не было! скороговоркой оборвалъ онъ ее и повернулся ко мнѣ: — позвольте, милостивый государь, я вамъ все разскажу. Государь — слово вели-

кое, но я васъ изъ уваженія милостивымъ государемъ называю. Я же вѣдь тамъ на постройкѣ работаю, и вы спросите только Василія Иванова Курченкова, онъ вамъ все скажеть. Камень тамъ не при чемъ. Камень будеть этакъ 8 аршинъ и этакъ 6 аршинъ. Понимаете? Этакъ 6, а этакъ 8. Но и при всемъ томъ теперь тамъ изображеніе Параскевы Пятницы.

- На камнѣ?
- Нѣть, въ часовнѣ.
- А гдѣ же часовня?
- Позвольте. Камень этакъ 8 аршинъ, а этакъ 6...
- А часовня-то на камнѣ?
- Нѣть.
- Сбоку?
- И опять нѣть.
- Такъ гдѣ же? на воздухѣ?
- Нѣть, и не на воздухѣ. А вотъ, положимъ, камень, этакъ 8 аршинъ, а этакъ 6 аршинъ...

И только лишь послѣ долгихъ разспросовъ намъ удалось наконецъ разобрать, что часовня сооружена вокругъ камня и охватываетъ его своими стѣнами.

Старуха начала рассказывать, что прежде тамъ часовни не было, а вѣра къ камню ужъ давно жила въ народѣ. На поверхности камня находилась ямочка, постоянно полная водою, которая почтилась цѣлебною, и жившая близъ камня корелка кроила этою водою больныхъ.

— И вдругъ благодать святаго Духа! — закричалъ Курченковъ. — Причемъ тутъ благодать? Понятно, сама воду наливала.

Желая поддержать старуху, я возразилъ, что народная вѣра въ камень на чёмъ же нибудь да была основана.

Онъ уклонился отъ прямого отвѣта, видимо боясь спорить съ нами, но за то старуха снова воодушевилась.

— Изъ Дубровы мужикъ съ больными ногами пришелъ, а ушелъ здоровый,—заговорила она.

- А вы при этомъ были? — накинулся Курченковъ.
  - Моя невѣстка съ нимъ шла.
  - А позовльте васъ спросить, изъ какой деревни?
  - Изъ Дубровы.
  - А сколько ему лѣтъ?
  - Не молодой.
  - Я васъ не о томъ спрашиваю, молодой онъ, или немолодой, а вы мнѣ скажите, сколько ему лѣтъ?
  - Да почемъ же я его лѣтъ знаю?
  - Такъ вотъ видите, не знаете, а насть учить хотите!
- Узнавъ, что мы ёдемъ на Волгу, онъ заговорилъ:

«стор. вѣстн.», апрѣль, 1899 г., т. IХХVI.

— Вы меня, милостивый государь, спросите: Курченковъ, какие отъ Питера до Нижняго перекаты? Всѣ знаю.

— Вы лоцманомъ ходили?

— И лоцманомъ, и поставщикомъ, и судохозяиномъ, а теперь—маляръ! Я еще въ молодости это дѣло изучилъ, но въ одно прекрасное время попалъ по другимъ дѣламъ. А почему Курченковъ въ Весьегонскомъ Богоявленскомъ соборѣ работает? Потому что онъ поставщикъ!—закончилъ онъ, важно покосившись на старуху.

Но той, очевидно, хотѣлось познакомить насъ со всѣми мѣстными святынями, и она начала говорить о находящейся въ городѣ часовнѣ Кирика и Улиты, и приношеніяхъ въ нее натурою.

— Это вотъ какъ,—перебилъ ее Курченковъ:—вы, милостивый государь, несете туда, напримѣръ, пѣтуха, они (онъ указалъ на моего товарища) корову несутъ, я—гуся, а она (на старуху)—ничего; она молитву несетъ, и кончено. Потомъ эти наши приношенія начнутъ продавать отъ церкви намъ же. Мой гусь стоитъ рубль, я за него отъ усердія два даю. Такъ не лучше ли мнѣ прямо два рубля отдать? Зачѣмъ же гуся-то носить?

Старуха начала рассказывать, что у такихъ-то и такихъ-то коровы все телились неблагополучно, а какъ снесли теленка къ Кирику и Улитѣ, и оставили тамъ на крылечкѣ, коровы стали тетьаться прекрасно.

— Позвольте,—вразбранилъ Курченковъ:—вы при томъ не были. Это надо было самимъ видѣть.

— Чего? какъ телятся-то?

— Нѣтъ, а чудо-то. Вотъ еще, милостивый государь, есть здѣсь въ соборѣ икона Грузинской Божьей Матери, и говорятъ, будто бы въ давнія времена икона эта сама на лошади въ телѣгѣ пріѣхала. Встаютъ будто бы поутру, а у собора лошадь съ телѣгой, и въ ней икона. Но вѣдь это го-во-рять, а кто же это видѣлъ?

— А нешто Тафинская Владычица не явилась на воздусяхѣ?—вступилась старуха.

— Такъ, Тафинская на камнѣ приплыла.

— Нѣтъ, не на камнѣ, а по воздуху.

— Какъ же по воздуху, если я и самое мѣсто видѣлъ, гдѣ камень остановился?

— Такъ вы судохозяиномъ были? — спросилъ я, чтобы замять споръ.

— Былъ-съ, милостивый государь, былъ-съ! У меня въ Копринѣ судно льдомъ унесло.

— Какъ такъ?

— Оставилъ тамъ человѣку на храненіе, а онъ говоритъ, будто льдомъ унесло. Восемьдесятъ бочекъ винныхъ дубовыхъ было, и тѣ пропали, говоритъ, льдомъ унесло и шабашъ! Сужусь, и посейчасъ сужусь! Вы знаете, каково имѣть дѣло съ дровокатами? Я и самъ

собаку съѣль, да не пускаютъ, куда слѣдуетъ, тормозятъ. Вѣрно, такъ ничего и не выйдетъ.

Мы стали спускаться съ бульвара къ пристани. Курченковъ простился съ нами, но, отойдя наѣсколько шаговъ, онъ вернулся и сказалъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ:

— А если вамъ насчетъ нашего города что интересно, такъ я вамъ всю тайну открыть могу. Это стоитъ только три копейки, письмо пошлите въ Весьегонскъ Курченкову, и отвѣтъ не замедлитъ.

Онъ ушелъ. Старуха продолжала идти за нами.

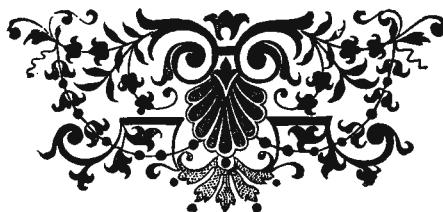
— Дуракъ пьяный!—ворчала она, вслѣдъ своему удалявшемуся оппоненту:—два дома просудилъ, теперь на квартирѣ живеть. Его ужъ и изъ городской управы гоняютъ, а все неймется! Все не по немъ!

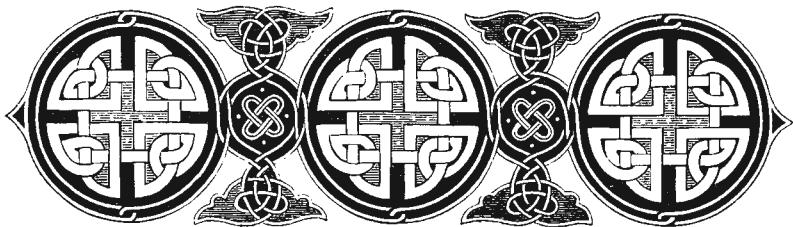
Пароходъ уже стоялъ у пристани и готовился къ отходу. Занявъ мѣсто въ рубкѣ, мы заказали обѣдъ и сѣли къ столу. Послышились свистки: первый, — второй,—третій. Вдругъ отъ сильного толчка рубка вся вздрогнула. Со стола полетѣли на полъ уксусъ, перецъ и горчица.

— Что это?—спросили мы покачнувшагося слугу.

— Это ничего-съ! Это пароходъ тронулъ,—отвѣчалъ онъ.

И. Тюменевъ.

РОДИНА КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

В ФЕВРАЛЬ мѣсяцѣ 1898 года, я провелъ нѣсколько дній близъ села Чижева, Духовщинского уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ 160 лѣтъ назадъ родился Григорій Александровичъ Потемкинъ, «высокоповелительный генералъ-фельдмаршалъ» (такъ называетъ Потемкина въ официальной бумагѣ современникъ его оренбургскій и уфимскій генеральгубернаторъ, баронъ Игельстромъ) ¹⁾.

Хотя о «великолѣпномъ князѣ Тавриды» возникла цѣлая историческая литература, тѣмъ не менѣе полагаю, все-таки не безъинтересны будуть, въ особенности для земляковъ-смолянъ, до сихъ поръ сохранившіеся о немъ и его родныхъ въ приходскомъ села Чижева храмѣ письменные документы и изъ устъ въ уста передаваемые старожилами-чижевцами рассказы.

Село Чижево свое название получило отъ рѣчки Чижевки, которая, обтекая на пространствѣ четверти версты западную сторону села, впадаетъ въ рѣку Славицу, а Славица въ Хмость. Чижево отъ своего уѣзднаго города Духовщины—въ 15, а отъ губернскаго города Смоленска—въ 40 верстахъ. Расположено оно на обширномъ холмѣ, окруженному у подошвы болотами и поеннымъ лугами. Съ какого времени существуетъ Чижево, неизвѣстно, и первымъ историческимъ лицомъ, имя котораго связано съ именемъ Чижева, является отставной подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ (ро-

¹⁾) «Русскій Архивъ» 1897 года, выпускъ 4, стр. 526.

дился въ 1673 году; женился въ 1727 году вторымъ бракомъ на вдовѣ Дарьѣ Васильевнѣ Скуратовой, рожденной Кондыревой; умеръ въ 1746 году; отъ первого брака дѣтей не было), отецъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина. Александръ Васильевичъ Потемкинъ, владѣлецъ села Чижева, сравнительно небогатый дворянинъ, построилъ въ немъ въ 1700 году деревянный однопрестольный, во имя Покрова Пресвятой Богородицы храмъ, который и существовалъ 90 лѣтъ. Доказательствомъ служатъ надписи: а) на холстинномъ антиминсѣ, перемѣненномъ на новый атласный, освященный въ 1823 году епископомъ смоленскимъ Іосифомъ; б) на богослужебныхъ книгахъ.

О дѣтствѣ Григорія Александровича Потемкина извѣстно изъ устныхъ преданій, что онъ обучался азбукѣ, часослову и псалтири у дѣячка села Чижева, Семена Карцева, которому не разъ, выражая свою благодарность за обученіе грамотѣ, маленький Потемкинъ говоривалъ: «Когда я буду великимъ, то дамъ тебѣ хорошее мѣсто».

Чижевцевъ до настоящаго времени сохранился причудливый разсказъ, слышанный ихъ предками, будто бы отъ самого Карцева. Когда Потемкинъ достигъ высокаго положенія, Карцевъ отправился въ Петербургъ, где, послѣ долгихъ поисковъ, попалъ, наконецъ во дворецъ Потемкина. «Князь не узналъ меня»,— рассказывалъ Карцевъ, «а когда я сказалъ: здравствуй, Гриша Потемкинъ»,— князь обрадовался такому привѣтливому слову и въ отвѣтъ сказалъ: «здравствуй, братъ; еще никто въ жизни моей не называлъ меня такимъ ласковымъ словомъ». А когда я ему напомнилъ, какъ его маленькаго возилъ на своемъ буланомъ конѣ, князь еще пуще обрадовался и, обласкавъ меня, предложилъ взять въ Петербургъ «любое поповское мѣсто». По дальнѣйшей версіи, мѣста священника въ Петербургѣ Карцевъ не принялъ, а получилъ какую-то должность, съ хорошимъ содержаніемъ, при дворѣ князя. Если преданіе о посѣщеніи Карцевымъ Потемкина и справедливо, то достовѣрнымъ источникомъ устанавливается, что Карцевъ должности при дворѣ князя не занималъ: такъ, изъ клировыхъ вѣдомостей видно, что Семенъ Карцевъ былъ дѣякомъ въ селѣ Чижевѣ съ 1742 по 1806 годъ и умеръ «за штатомъ» стольнѣмъ старцемъ. Воспитываясь потомъ вдали отъ родины, въ Москвѣ, у дяди своего Козловскаго и прѣѣжная въ Чижево лишь гостить, Потемкинъ не оставилъ послѣ себя въ селѣ воспоминаний. Одинъ только монументъ, построенный, по всей вѣроятности, по распоряженію самого Потемкина, свидѣтельствовалъ о рождении въ Чижевѣ Григорія Александровича Потемкина и о его рѣдкомъ пребываніи въ немъ: это небольшое квадратное зданіе, съ колоннами, въ которомъ вѣланъ бронзовый портретъ князя. Никѣмъ неподдерживаемый, памятникъ сталъ разрушаться и въ 1869 году бывшими дворовыми людьми совершенно разобранъ, при чемъ матеріалъ распроданъ, а портретъ похищенъ.

Въ настоящее время нѣтъ даже слѣдовъ усадьбы, а между тѣмъ, по рассказамъ старожиловъ, въ Чижевѣ былъ дворецъ, въ которомъ Потемкинъ принималъ императрицу Екатерину II, и теперь еще указываютъ колодезь, изъ котораго брали воду для государыни.

Болѣе точныя свѣдѣнія сохранились и несомнѣнныи источники говорятъ о наслѣдникахъ Потемкина—Энгельгардтахъ. Изъ этихъ источниковъ мы знаемъ, что у Григорія Александровича Потемкина была сестра Мареа Александровна, вышедшая замужъ за полковника Василія Андреевича Энгельгардта, прапрадѣда благополучно здравствующей супруги оберъ-прокурора святѣйшаго синода Екатерины Александровны Побѣдоносцевой. Ко времени возвышенія своего брата (какъ извѣстно, Потемкинъ сталъ самымъ близкимъ лицомъ къ императрицѣ Екатеринѣ II въ 1774 году, а въ 1776 году былъ уже свѣтѣйшимъ княземъ) Мареа Александровна уже овдовѣла и, обремененная многочисленнымъ семействомъ (однѣхъ дочерей было пять), скромно проживала въ своемъ смоленскомъ имѣніи, откуда Потемкинъ и вызывалъ къ себѣ въ Петербургъ своихъ племянницъ, изъ нихъ старшая Александра Васильевна Энгельгардтъ въ ноябрѣ 1781 года вышла замужъ за польского короннаго гетмана Ксаверія Петровича Браницкаго, а черезъ 10 лѣтъ, 15 октября 1791 года, въ пустынной молдаванской степи принялася послѣдній вадохъ своего могущественнаго дяди.

Безошибочно должно полагать, что Чижево, еще при жизни Потемкина, перешло къ племяннику его, сыну Мареи Александровны, генераль-майору и впослѣдствіи дѣйствительному тайному совѣтнику, Василію Васильевичу Энгельгардту, который, въ виду ветхости чижевскаго деревяннаго храма, разобралъ его и на томъ же самомъ мѣстѣ и также въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, съ разрѣшеніемъ и благословеніемъ епископа смоленскаго Пароенія, возвѣдивъ въ 1791 году каменную одноэтажную, съ каменными колокольнею, оградою и въ ней башнями, церковь, освященную тѣмъ же епископомъ и существующую поднесь. Доказательствомъ сему, кроме клировыхъ вѣдомостей, служитъ еще храмозданная грамота, выданная Василію Васильевичу, при благословенной печати, 19-го мая 1788 года, за № 74. Въ этой грамотѣ написано: «по благодати, дару и власти всесвятаго и животворящаго Духа..., благословили мы его превосходительству, господину генераль-майору и кавалеру, Василію Васильевичу Энгельгардту въ вотчинномъ его Духовской округѣ селѣ Чижевѣ, вмѣсто ветхой деревянной Покрова Пресвятыя Богородицы церкви, построить новую каменную церковь...» и проч. Въ этой церкви, подъ самымъ алтаремъ, въ особо-устроенномъ, въ видѣ погреба, мѣстѣ, въ склепѣ, задѣланномъ кирпичемъ и опутканутуренномъ, и погребенъ строитель ея Энгельгардтъ. Умеръ онъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись на стѣнѣ погреба, въ маѣ мѣсяца 1829 года въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ, Киевской губерніи, а тѣло его,

по высочайшему повелѣнію, перевезено въ Чижево въ мартѣ 1830 года и погребено преосвященнымъ Іосифомъ, епископомъ смоленскимъ. Въ 1851 году церковная ограда, съ четырьмя огромными башнями и въ одной изъ нихъ складомъ для церковныхъ вещей, пришедшая въ разрушеніе, вновь передѣлана изъ прежняго же материала, но въ иномъ фасадѣ и безъ башенъ, иждивенiemъ бывшаго тогда церковнымъ старостою, владѣльца сельца Фролова, артиллеріи капитана Евменія Іосифовича Криштафовича. Въ чижевскомъ храмѣ, по цѣнности, заслуживаются вниманія немногіе предметы: двѣ, во весь ростъ, въ серебряныхъ ризахъ иконы—святителя Великія Арменія Григорія, въсомъ 19 фунтовъ, и мученицы Татьяны, 18 фунтовъ, да серебряное кадило въ 3 фунта. Церковная ризница, какъ можно судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ облаченіямъ, нынѣ за ветхостью почти не употребляемы, была прежде очень богата: одну, напримѣръ, священническую парчевую ризу знатоки оцѣниваютъ въ 300 рублей. Церковной писцовой земли, по плану генерального межеванія 1788 года, состоить 46 дес. 1.000 квадр. саж. Причтъ чижевской церкви, въ составѣ священника, дьякона, дьячка и пономаря, хотя получалъ отъ казны (съ 1847 года) содержанія въ годъ только 150 рублей и ограничивался весьма скромнымъ, сравнительно съ настоящимъ, вознагражденіемъ за отправленія требъ¹⁾, жилъ небезбѣдно, ибо постоянно пользовался милостями владѣльцевъ села Чижева и натураю, и деньгами: такъ есть письменный документъ, свидѣтельствующій, что по 1848 годъ причтъ получалъ ежегодно по 500 рублей ассигнаціями (142 руб. 85^{3/4} коп. серебромъ) за упокойныя обѣдни. Въ особенности пользуется признательностью графиня Александра Васильевна Браницкая, которая, движимая любовью къ благолѣпію храмовъ божіихъ при своей жизни, пожелала увѣковѣчить свое имя памятью о немъ молитвами церкви и по смерти. Она завѣщала²⁾ всю чижевскую землю, въ количествѣ 2.700 десятинъ, съ лѣсами, лугами, водами, господскою постройкою и всѣми угодіями, ея крестьянамъ деревень Чижева, Залужья, Труханова и Задерихи, съ увольненіемъ, притомъ, крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но съ тѣмъ, чтобы крестьяне

¹⁾ Сохранились, между прочимъ, два доходные реестры за 1840 годъ, изъ коихъ видно, что крестьяне платили (перевожу прежній ассигнаціонный счетъ на нынѣшній серебряный): за крещеніе младенца 10 копеекъ, за молитву въ 40-й день женѣ-родильницы 3 коп., за бракъ 2 рубля, за погребеніе 1 рубль, за литургию по усопшимъ 50 копеекъ, за всенощную 50 копеекъ, за молебенъ въ церкви или въ домѣ, съ акаѳистомъ 25 копеекъ, за молебенъ безъ акаѳиста, въ домѣ 15 копеекъ.

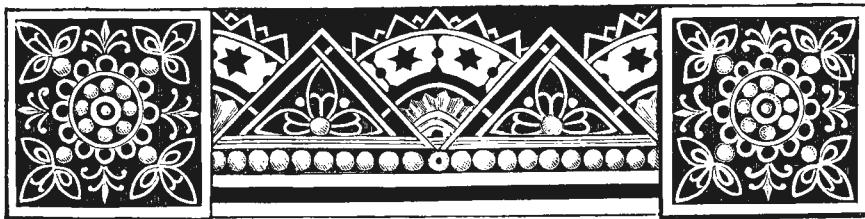
²⁾ Свѣдѣній о переходѣ къ графинѣ Браницкой Чижева отъ брата Василія Васильевича Энгельгардта не имѣется, и слѣдуетъ предположить, что Чижево досталось ей по какому либо документу отъ Василія Васильевича или сына его Андрея Васильевича.

зтихъ деревень ежегодно на вѣчное время вносили на поддержку и благолѣпіе храма села Чижева по 500 рублей ассигнаціями (142 руб. 85^{3/4} коп. сер.). Завѣщаніе это, по неизвѣстной причинѣ (не слу-жило ли тормазомъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной за-висимости съ землею?), не приводилось въ исполненіе около 20 лѣтъ, и уже дочь графини Александры Васильевны, графиня Елизавета Воронцова, исходатайствовала «правительственными мѣ-рами» утвержденіе его. Завѣщаніе помѣщено въ актѣ, учиненномъ крестьянами названныхъ деревень въ смоленской гражданской па-латѣ отъ 21-го февраля 1858 года, за № 1722; смоленская же ду-ховная консисторія 3-го мая того же года, за № 3660, предписала чижевскому причту творить поминовеніе на вѣчное время по усоп-шимъ графинѣ Александрѣ и роднымъ ея свѣтлѣйшимъ князьямъ Григорію, Михаилѣ, Василию и Маркѣ, съ отчисленіемъ ежегодно изъ означенной суммы (142 рублей 85^{3/4} копеекъ) въ пользу причта 15 рублей серебромъ, что до сихъ поръ свято исполняется: крестьяне безнедоимочно вносятъ ежегодно 142 рубля 85^{3/4} копейки, а цер-ковь поминаетъ указанныхъ консисторіею усопшихъ. Такимъ обра-зомъ, на поддержку и благолѣпіе чижевского храма должно посту-пить въ теченіе 40 лѣтъ, за вычетомъ опредѣленныхъ консисто-риею причту 600 рублей, 5.114 рублей 30 копеекъ, а храмъ, вели-чавый по внѣшности, убогъ внутреннею лѣпotoю, не имѣть даже печей, и, какъ каменный, зимою чрезвычайно холоденъ, чѣмъ и объясняется малолюдство посѣщающихъ церковь въ зимнее время. Правда, за 40 лѣтъ было немало издержекъ по церкви, а состоя-тельныхъ прихожанъ неѣть, и милости къ Чижеву наследниковъ Потемкина, Энгельгардтовъ и Браницкихъ, прекратились, но все же желательно и, думается, возможно, хотя бы устройство печей, чтѣ несомнѣнно привлечетъ въ свободное отъ сельскихъ работъ зимнее время молящихся и увеличитъ церковный доходъ.

Не пошло въ прокъ и благодѣяніе графини Браницкой ея кре-стьянамъ, получившимъ безмездно въ надѣль плодородной пахатной земли и заливныхъ луговъ по 12 десятинъ на душу мужского пола, но о печальномъ экономическомъ положеніи крестьянъ и поголов-номъ ихъ пьянствѣ достаточно сказано въ 43 № «Смоленского Вѣст-ника» за 1898 годъ («корреспонденція изъ Духовщинского уѣзда»), и остается лишь пожалѣть о забытой родинѣ всесильного князя Григорія Александровича Потемкина.

Лавръ Зайцевъ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЙ КНИГИ.

«Окраины» Самарина—подвигъ гражданской доблести одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи, глубокаго мыслителя, философа, богослова и въ то же время практическаго дѣятеля, неутомимаго стоятеля и борца за правое русское дѣло».

И. С. Аксаковъ.

ТЪ ПРОШЛОМЪ году, съ выходомъ въ свѣтъ IX-го тома полнаго собранія сочиненій Самарина, закончилась перепечатка его «Окраинъ Россіи», изданныхъ первоначально за границей. Въ прошломъ же году исполнилось тридцать лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ первого выпуска упомянутаго изданія—и пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія «Писемъ изъ Риги», этой прелюдіи къ «Окраинамъ Россіи».

«Окраины Россіи», сдѣлавшіяся въ настѣащее время во всемъ своемъ объемѣ доступными русской читающей публикѣ, принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ книгъ послѣдняго полстолѣтія. Замѣчательна исторія этой книги, возбудившей при своемъ появленіи страшную полемику въ русской и особенно въ заграничной печати и навлекшой на автора неудовольствіе правительства. Замѣчательна и та историческая роль, которая выпала на долю «Окраинъ Россіи» при разрѣшеніи вѣкового балтійскаго вопроса въ минувшее царствованіе, когда программа Самарина была усвоена правящими сферами, а его изданіе сдѣлалось настольной книгой для русскихъ дѣятелей въ Прибалтийскомъ краѣ.

Но книга Самарина представляєть не одинъ только чисто-исторический интересъ. Перепечатка ея, хотя и запоздавшая своимъ окончанiemъ, далеко не можетъ считаться излишней и въ настоящее время, когда не подлежитъ никакому сомнѣнию благодѣтельное для Прибалтійского края вліяніе объединительныхъ реформъ. Дѣло въ томъ, что программа Самарина проведена не во всей полнотѣ, многія изъ его предположеній близятся къ своему осуществленію, а нѣкоторыя, и при томъ наиболѣе важныя, намѣчены только, какъ вопросы болѣе или менѣе отдаленного будущаго. Въ виду всего этого книга Самарина не утратила вполнѣ своего значенія и для настоящаго времени. Познакомить современныхъ читателей съ исторіей и содержанiemъ этой книги будетъ тѣмъ болѣе не лишнимъ, что громадный объемъ ея (четыре большихъ тома, считая «Письма изъ Риги» и «Исторію Риги») можетъ отпугнуть даже записного любителя чтенія.

Ни въ одномъ сочиненіи такъ полно и такъ всесторонне не освѣщенъ балтійскій вопросъ въ его новѣйшемъ періодѣ, какъ въ «Окраинахъ Россіи». Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что Самаринъ интересовался разрѣшенiemъ этого вопроса въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ своей жизни, при чемъ послѣднее ея десятилѣtie онъ посвятилъ изданию «Окраинъ Россіи». Практическое знакомство Самарина съ остзейскимъ вопросомъ началось еще въ царствованіе Николая I-го. Уже въ 1845 году мы находимъ у Самарина готовую программу относительно разрѣшенія балтійского вопроса. «Задача заключается въ томъ,—писалъ онъ Хомякову 1-го января 1846 года, — чтобы эманципировать низшіе классы или лучше всѣ классы (исключая одного высшаго) отъ исключительного господства дворянскаго сословія. Обращеніе латышей въ православную вѣру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершился неминуемо, само собою; остается только отстранять препятствія, воздвигаемыя на каждомъ шагу нѣмцами-протестантами и особенно нѣмцами-православными... Другой вопросъ, также чрезвычайно важный, заключается въ томъ, чтобы вывести народъ изъ рабства, прикрытаго формами законности, и дать ему: 1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода въ сосѣднія губерніи на условіяхъ, 3) право приобрѣтенія земель... Кромѣ всего этого, предстоить преобразовать устройство гильдій, цеховъ, магистрата и вообще торговыхъ и городскихъ законовъ».

Въ томъ же 1846 году, Самаринъ дѣлается помощникомъ дѣлопроизводителя при двухъ комитетахъ, только что учрежденныхъ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ, и въ этомъ званіи онъ составляетъ исторический очеркъ уничтоженія крѣпостного состоянія въ Лифляндіи и подробное сравнительное изложеніе узаконеній о лифляндскихъ крестьянахъ 1804, 1809, 1819 и 1843 годовъ. Послѣ пятимѣсячныхъ занятій при лифляндскихъ комитетахъ

въ Петербургъ, послужившихъ хорошей практической школой для будущаго дѣятеля крестьянской реформы въ Россіи и Польшѣ, Самаринъ отправляется въ Ригу, гдѣ остается въ теченіе двухъ лѣтъ и составляетъ, главнымъ образомъ, на основаніи архивныхъ материаловъ «Исторію городскихъ учрежденій Риги» (болѣе 500 стр.), напечатанную въ 1852 году на казенныи счетъ «для лицъ высшаго управлениія».

Но исполненіемъ своихъ офиціальныхъ обязанностей Самаринъ, живя въ Ригѣ, не ограничивается. Онъ внимательно присматривается и чутко прислушивается ко всему, что дѣлается и говорится въ административномъ центрѣ Прибалтійского края, и глубоко негодуетъ при видѣ того приниженнаго положенія, въ которое поставлено нѣмцами все русское и православное, и того безотрадного состоянія, до котораго доведено прибалтійское крестьянство, получившее за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ личную свободу, но безъ земли. Особенно возмущаетъ Самарина дѣятельность прибалтійского генераль-губернатора, свѣтлѣйшаго князя Суворова (внука генералиссимуса), смѣнившаго въ февралѣ 1848 года Е. А. Головина, горячо преданнаго интересамъ православія и русской народности. На границѣ Рижскаго уѣзда вновь назначенный высшій представитель русской власти въ краѣ дѣлаетъ выговоръ ордунгсрихтеру за то, что тотъ рапортуетъ генераль-губернатору порусски, а не на своеи родномъ языке; пріѣхавъ въ Ригу, Суворовъ дѣлаетъ визиты всѣмъ лютеранскимъ пасторамъ и не забываетъ ни къ одному православному священнику; раскольнически свадьбы онъ на первыхъ же порахъ обзываютъ «собачими» и всѣхъ женъ старообрядцевъ приказываетъ именовать «блудными дѣвками» и т. д. Эти возмутительные факты Самаринъ сообщаетъ въ длинномъ письмѣ Погодину, котораго просить сообщить подвиги Суворова А. П. Ермолову и вообще распространить слухи о нихъ по Москвѣ, чтобы возбудить общественное мнѣніе и хотя такимъ путемъ немного сдержать не въ мѣру увлекшагося своими остзейскими симпатіями генераль-губернатора. Не надѣясь на особенную пользу этого письма Самаринъ рѣшается поподробнѣе ознакомить русское общество съ сущностью балтійского вопроса и лѣтомъ 1848 года пишетъ свои знаменитыя «Письма изъ Риги».

«Систематическое угнетеніе русскихъ нѣмцами, ежечасное оскорбліе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей— вотъ что волнуетъ во мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ къ сознанію, выставить его передъ всѣми... Отнынѣ я считаю долгомъ всякаго русскаго, по мѣрѣ силъ, дѣйствовать противъ остзейцевъ. Но это послѣднее убѣжденіе досталось мнѣ не даромъ. Сколько оскорбительныхъ отзывовъ о русскихъ волновало во мнѣ кровь и шевелило желчь. Всякое обидное слово о русскихъ я чувствовалъ, какъ личную обиду, я принялъ и не

могъ не принять на свой счетъ ненависть къ моимъ соотечественникамъ. Атмосфера, въ которой я жилъ эти два года, была пропитана ненавистью. Сердце мое и характеръ испортились; я чувствую, что въ этомъ отношеніи перемѣнился къ худшему. Авось, это пройдетъ въ Москвѣ, а урокъ останется. Если слѣпая, глупая и, наконецъ, все-таки не слишкомъ страшная вражда, мною встрѣченная, такъ меня перевернула и лишила способности дѣйствовать спокойно и разсудительно, то мнѣ ли толковать о всепрощающей любви, о русскомъ смиреніи и т. п.?» Вотъ въ какомъ настроеніи были написаны знаменитые «памфлеты», какъ самъ Самаринъ называлъ свои письма.

Но эти письма замѣчательны не только своимъ страстнымъ и пропитаннымъ ненавистью къ нѣмцамъ тономъ, они замѣчательны, и какъ первый набросокъ мыслей и взглядовъ, подробнѣе развитыхъ Самаринымъ впослѣдствіи въ «Окраинахъ Россіи». Въ первомъ письмѣ Самаринъ бѣгло обозрѣваетъ историческое прошлое Прибалтійского края, чтобы доказать, что «Россія имѣла на Остзейскій край историческая и даже естественные права». Во второмъ письмѣ онъ бичуетъ сословную исключительность доминирующихъ классовъ прибалтійского общества, не останавливающихся для сохраненія своихъ средневѣковыхъ привилегій ни передъ какими недозволенными средствами. Въ третьемъ письмѣ передаются возмутительные факты пренебрежительного отношенія нѣмцевъ къ русскому закону и русскому языку. Четвертое письмо не менѣе возмущаетъ изображеніемъ безправнаго положенія русскихъ въ покоренномъ ими краѣ. Въ пятомъ письмѣ доказывается, что современное устройство Прибалтійского края противорѣчитъ не только «основнымъ государственнымъ и общественнымъ началамъ, выработаннымъ новѣйшей исторіей, достоинству и выгодамъ Россіи», но и интересамъ самого края, въ которомъ и правосудіе, и экономическое развитіе страдаютъ вслѣдствіе упорно отстаиваемыхъ немногочисленными кружками своихъ устарѣвшихъ привилегій. Шестое письмо передаетъ исторію движенія латышей въ православіе, начавшагося въ 1841 году, остановленного мѣстной администрацией путемъ самыхъ суровыхъ мѣръ и ославленного нѣмцами, какъ результатъ агитациіи со стороны православнаго духовенства.

«Отношеніе Остзейского края къ землѣ русской, къ правительству, положеніе русскихъ—все это неестественно, должно и требуетъ коренного преобразованія. Его можетъ осуществить правительство, чего мы и должны ожидать... Коренное преобразованіе съ каждымъ днемъ становится необходимымъ. Я желаю его отъ всей души, не потому только, что продолжительное торжество лжи, обмана и злоупотребленій убиваетъ всякую вѣру въ правительство, не ради однихъ только русскихъ, болѣе пятидесяти лѣтъ страдающихъ за свою народность, но ради будущей судьбы самихъ остзейцевъ, ко-

торая вся заключена въ Россіи». Такъ резюмируетъ самъ Самаринъ главную мысль своихъ памфлетовъ, распространявшихся въ рукописяхъ по Москвѣ и Петербургу не только среди близкихъ друзей Самарина, но и среди вліятельныхъ въ то время лицъ. Эти письма читали между прочимъ въ Москвѣ митрополитъ Филаретъ, А. П. Ермоловъ, графъ С. Г. Строгановъ, а въ Петербургѣ — министры графъ Перовскій и графъ Киселевъ, которые находили нужнымъ представить эти письма, въ смягченномъ видѣ, самому императору Николаю I. Но прежде чѣмъ Самаринъ собрался передѣлать свои письма, слухъ о нихъ дошелъ до ушей петербургскихъ остзейцевъ и князя Суворова, и, благодаря ихъ соединеннымъ усилиямъ, 5 марта 1849 года Самаринъ очутился въ Петропавловской крѣпости «за разглашеніе канцелярской тайны».

«Я надѣюсь на справедливость государя, — писалъ С. Т. Аксаковъ, узнавъ объ арестѣ Самарина: — когда онъ прочтетъ всѣ письма Самарина, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобы онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе русскихъ въ Ригѣ». Надежды Аксакова оправдались. Вечеромъ, 17 марта, послѣ двѣнадцатидневнаго заключенія, обставленнаго, впрочемъ, всевозможнымъ комфортомъ (бѣлье, книги, сигары), авторъ «Писемъ изъ Риги» былъ доставленъ въ Зимній дворецъ въ кабинетъ императора Николая I, где произошла интересная бесѣда, записанная Самариномъ въ тотъ же день. Государь успѣлъ уже ознакомиться съ письмами Самарина, и вотъ какой отзывъ сдѣлалъ онъ о ихъ содержаніи. «Не говоря уже о томъ, что многое въ томъ, что вы пишете, не вѣрно и лживо, вы, очевидно, возбуждали вражду нѣмцевъ противъ русскихъ, вы ссорили ихъ, тогда какъ слѣдуетъ ихъ сближать; вы укоряете цѣлые сословія, которыхъ служили вѣрно; начиная съ Палена, я могъ бы высчитать до 150 генераловъ. Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечемъ въ рукахъ, какъ Магометъ, но мы этого не должны дѣлать, именно потому, что мы христіане. Вы писали подъ вліяніемъ страсти; я хочу думать, что она была раздражена личными непріятностями и оскорблѣніями. Русскіе не могутъ сдѣлаться нѣмцами, но мы должны любовью и кротостью привлечь къ себѣ нѣмцевъ. Вы прямо мѣтили на правительство: вы хотѣли сказать, что со временеми императора Петра I и до меня мы всѣ окружены нѣмцами, и потому сами нѣмцы. Понимаете, къ чему вы пришли: вы поднимали общественное мнѣніе противъ правительства; это готовилось повтореніе 14 декабря». Этимъ отеческимъ выговоромъ и закончилась много нашумѣвшая въ высшихъ столичныхъ сферахъ исторія съ «Письмами изъ Риги», являющаяся только прелюдіей къ той журнальной оргії, которую вызвалъ Самаринъ черезъ двадцать лѣтъ первымъ выпускомъ своихъ «Окраинъ Россіи».

Въ эти двадцать лѣтъ Самаринъ пріобрѣлъ одно изъ почетнейшій

шихъ мѣсть въ исторіи величайшей реформы XIX вѣка—въ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи и Польшѣ, когда онъ былъ правой рукой главного дѣятеля этой приснопамятной эпохи, Н. А. Милютина. Но, работая практически надъ осуществленіемъ своей завѣтнѣйшей мечты, Самаринъ не упускалъ изъ виду и остзейского вопроса. Что же происходило въ то время въ Прибалтійскомъ краѣ? «Гуманній внуکъ воинственнаго дѣда», какъ называлъ Суворова поэтъ Тютчевъ, несмотря на обличенія Самарина, оставался въ Ригѣ на генераль-губернаторскомъ посту до 1861 года. Положеніе «свободныхъ» латышей и эстовъ нисколько не улучшилось, несмотря на видимыя заботы о нихъ нѣмецкихъ бароновъ, выразившіяся въ цѣломъ рядъ законодательныхъ мѣропріятій, направленныхъ якобы въ пользу крестьянъ. Когда прибалтійское населеніе стало просить распространенія на ихъ края Положенія 19 февраля 1861 года, помѣщики поспѣшили убѣдить правительство, что крестьянамъ и безъ того живется хорошо. «Доходъ одного женатаго сельскаго работника въ Лифляндіи, среднимъ числомъ, превосходитъ доходъ цѣлаго семейства прусскихъ землевладѣльцевъ». «Всѣ имѣющіяся числовыя данныя говорять одинаково въ пользу развитія благо-состоянія крестьянъ». Такіе выводы преподносила остзейская статистика русскому правительству и русской публикѣ¹⁾, семь лѣтъ спустя послѣ того, какъ императоръ Александръ II въ государственномъ совѣтѣ сказалъ, что «безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое» (Русскій біографіческій словарь, I, 557).

Далѣе, если положеніе прибалтійскихъ крестьянъ вообще было «весьма жалкое», то положеніе тѣхъ латышей и эстовъ, которые перешли въ православіе въ надеждѣ на улучшеніе своей участіи, было поистинѣ невыносимое. Не говоря уже о томъ, что у нихъ почти не было школъ, что православныя церкви нерѣдко помѣщались въ сараахъ,—помѣщики подвергали православныхъ крестьянъ такимъ притѣсненіямъ, что въ 1864 году они массами заявляли флигель-адъютанту графу Бобринскому просьбы о дозволеніи обратно перейти въ лютеранство.

Точно также и мѣры, предпринятые правительствомъ въ царствованіе императора Николая I относительно распространенія русскаго языка въ правительственныйхъ учрежденіяхъ и школахъ края, не привели ни къ какимъ результатамъ. Указы 1842 и 1850 года о введеніи переписки на русскомъ языкѣ и о замѣщеніи съ 1858 года вакантныхъ мѣстъ предпочтительно лицами, знакомыми съ русскимъ языкомъ, оставались мертвой буквой. Преподаваніе русскаго

¹⁾ См. роскошно изданное статистическое изслѣдованіе секретаря ліфляндскаго статистического комитета Ф. Юнгъ-Штиллинга: «О сельскомъ бытѣ ліфляндскихъ крестьянъ», Спб., 1868.

языка, введенное, благодаря настойчивости графа Уварова, въ прибалтійскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по смерти императора Николая I пошло на ущербъ, и познанія учащихся въ русскомъ языке въ шестидесятыхъ годахъ, по заявленію графа Д. Толстого, оказались ниже, чѣмъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Не къ единенію, а наоборотъ еще къ большому разъединенію съ Россіей направлена были усилившіеся помѣщиковъ и лютеранскихъ пасторовъ, уразумѣвшихъ опасность тѣхъ православно-русскихъ симпатій, которыя проявило прибалтійское населеніе въ эпоху массовыхъ обращеній латышей и эстовъ въ православіе. Германизація латышей и эстовъ дѣлается священнымъ долгомъ и политической задачей прибалтійского дворянства. Объ этомъ было заявлено публично, во всеуслышаніе, между прочимъ, въ 1864 году, при открытии лифляндскаго ландтага, генералъ-суперъ-интендентомъ Вальтеромъ¹⁾. Главнымъ проводникомъ этой германизаціи должны были служить народныя школы, число которыхъ поразительно быстро ростетъ и въ программы которыхъ вводится нѣмецкій языкъ.

Во вторую половину шестидесятыхъ годовъ правительство замѣтило ненормальность подобныхъ явлений и предприняло рядъ мѣръ для ослабленія сепаратистическихъ тенденцій. Въ 1867 году было подтверждено распоряженіе 1850 года о веденіи на русскомъ языке переписки съ высшими государственными учрежденіями и съ присутственными мѣстами въ края. Тогда же былъ санкционированъ рядъ мѣръ для усиленія преподаванія въ школахъ русскаго языка и было положено начало русскимъ учебнымъ заведеніямъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Всѣ эти распоряженія, понятно, встрѣтили ярую оппозицію со стороны прибалтійскихъ нѣмцевъ, видѣвшихъ въ распространеніи русскаго языка нарушеніе «балтійской конституціи», будто бы обезпечивающей господство нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ и школахъ. Эта оппозиція не ограничивалась вѣрноподданническими адресами прибалтійского дворянства о сохраненіи господства нѣмецкаго языка, она перешла на страницы заграничныхъ изданій и даже нашла себѣ мѣсто въ нѣмецкихъ газетахъ, издающихихъ въ Россіи. Русская печать не оставила безъ возраженій вопли заграничныхъ газетъ о «попираніи ногами священнѣйшихъ правъ человѣчества», и началась рѣзкая полемика, въ которой наиболѣе замѣтное участіе принимала «Москва», органъ И. С. Аксакова.

Не могъ не принять участія въ этой полемикѣ и Самаринъ, недолго передъ тѣмъ закончившій свои труды по устройству быта польскихъ крестьянъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1867 года, на страницахъ

¹⁾ Всльдѣ за рѣчью Вальтера московскій пасторъ Ферманъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» письмо, где между прочимъ было сказано: «германизировать латышей и эстовъ мы считаемъ долгомъ гуманности и христіанской любви».

«Москвы» появляется рядъ передовыхъ статей, посвященныхъ балтійскому вопросу. Въ этихъ статьяхъ говорилось о «жалкомъ положеніи православныхъ» въ Прибалтійскомъ краѣ, о безотрадномъ положеніи прибалтійского крестьянства, которое «надѣется, что когда нибудь и для него наступитъ 19-е февраля», о потворствѣ администрації нѣмецкимъ помѣщикамъ въ ущербъ латышамъ и эстамъ, которые «положительно не желаютъ нѣмечиться» и «тянутъ къ русской народности». «Но обрусьте собственными средствами,—говорить Самаринъ,—безъ помощи и содѣйствія съ нашей стороны они не могутъ; наоборотъ, всѣ снаряды для невольного ихъ онѣмеченія давно подготовлены и приведены въ дѣйствіе. Не трудно предсказать, что произойдетъ, если мы не пойдемъ къ нимъ навстрѣчу, а оттолкнемъ ихъ, или только не протянемъ имъ руки. Школа, кирха, полиція, судъ, вотчинная расправа, мѣстные фонды—все это въ нѣмецкихъ рукахъ. Средствъ для національной нѣмецкой пропаганды много, беспечности съ нашей стороны еще больше. Пройдетъ поколѣніе, другое и, можетъ быть, въ какую нибудь критическую минуту, когда намъ понадобятся безотчетныя сочувствія и порывы самоотверженія, когда мы будемъ искать друзей вездѣ, не только въ замкахъ, но и въ избахъ, мы встрѣтимъ на своемъ Балтійскомъ поморью ужъ не нѣмецкую колонію, а цѣлую нѣмецкую націю».

За эти статьи издание «Москвы» было пріостановлено на три мѣсяца. Тогда Самаринъ прибѣгаєтъ къ содѣйствію заграничнаго печатнаго станка, и въ 1868 году въ Прагѣ появляются первые два выпуска «Окраинъ Россіи».

«Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ». Такъ рекомендуетъ себя Самаринъ въ предисловіи къ первому выпуску «Окраинъ Россіи», какъ бы оправдываясь въ томъ, что издаетъ свою книгу за границей. «На окраинахъ Россіи, особенно сѣверо-западной и балтійской, пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ... Въ другомъ мѣстѣ накопляются горючіе материалы... Въ своемъ приходѣ будить людей нельзя—это ужъ дознано рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходѣ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на пражскомъ Вышеградѣ скромную пожарную каланчу. Авось увидятъ сигналъ изъ дома». Такими побужденіями руководился Самаринъ, начиная первую серію «Окраинъ Россіи», посвященную Балтійскому поморью, обѣщаю въ будущемъ вторую серію, посвященную Сѣверо-западному краю, и мечтая о третьей серіи, посвященной Польшѣ и Юго-Западному краю.

Гоненіе на православіе, безотрадное положеніе крестьянъ, антирусская пропаганда среди латышей и эстовъ, германізація населенія посредствомъ школы, возбужденіе общественнаго мнѣнія Европы противъ правительственного вмѣшательства въ прибалтійскія дѣла,

устарѣлость и несправедливость «балтійской конституції», ошибки русской администраціи въ краѣ, неравноправность русскихъ съ нѣмцами — вотъ главныя темы, которыя Самаринъ подвергаетъ обсужденію въ первомъ выпускѣ «Окраинъ Россіи». «Все лютеранское духовенство,—говорится тамъ,—ежедневно и ежечасно, въ журналахъ и съ каѳедръ поносить православную церковь». «Германізациія латышей и эстовъ—это первая задача нынѣшней балтійской политики». «Народныя школы въ Балтійскомъ краѣ употребляются именно съ цѣлью германізировать латышей». «Тамошніе школъмайстеры окончательно отвоюютъ у насъ народъ». «Намъ объявлено печатно, на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, что если правительство вздумаетъ серьезно настаивать на введеніи русскаго языка въ официальное употребленіе, если оно захочетъ, чтобы суды назначались въ Балтійскомъ краѣ такимъ же порядкомъ, какъ и въ остальной Россіи, если впослѣдствіи оно потребуетъ, чтобы полиція въ этомъ краѣ, какъ и въ Россіи, была въ его рукахъ, а не въ рукахъ дворянства; тогда пробеть послѣдній часъ его законнаго владычества, и вѣрноподданные рыцари, ничего никогда не забывающіе, вспомнятъ про своего героя Рейнгольда фонъ-Паткуля. Въ этомъ же духѣ преподаётся въ учебныхъ заведеніяхъ исторія края и воспитываются молодыя поколѣнія».—Вотъ наиболѣе рѣзкія выраженія Самарина, подкрѣпленныя имъ ссылками на дѣйствительные факты. «При первомъ удобномъ случаѣ,—говоритъ Самаринъ въ заключеніе,—пусть заведенную машину въ ходъ, и въ одно прекрасное утро проснувшаяся Россія увидитъ на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи колыбель народившейся за ночь новой Остзейской Финляндіи».

Всльдь за первымъ выпускомъ «Окраинъ Россіи» явился и второй, гдѣ были напечатаны «Записки православнаго латыша Индрика Страумита», крайне интересныя по изображенію экономического и нравственнаго состоянія латышей въ эпоху движенія ихъ въ православіе, то-есть, въ первую половину сороковыхъ годовъ. Авторъ этихъ записокъ, латышскій крестьянинъ, впослѣдствіи православный священникъ, разсказываетъ то, что онъ видѣлъ и слышалъ собственными глазами и ушами и испыталъ на собственной спинѣ. Его безыскусственный разсказъ о бѣдствіяхъ латышей, особенно перешедшихъ въ православіе, производить сильное впечатлѣніе на читателя. Это «жалобный стонъ глубоко уязвленной души», говорить издатель записокъ, провѣрившій ихъ, насколько оказалось возможнымъ, съ фактической стороны. «Сердце мое обливалось кровью,—говорить Погодинъ,—при чтеніи этого разсказа, на которомъ легитимъ печатать правды. Этотъ разсказъ стоитъ романа г-жи Бичерь-Стую «Хижина дяди Тома» и долженъ быть переведенъ на всѣ европейскіе языки, чтобы Европа увидѣла различіе между русскими варварами, которые надѣлили 60 миллионовъ своихъ и чужихъ, поль-

скихъ и грузинскихъ крестьянъ, свободою и землею, и нѣмецкими гуманистами, которые, reg fas et nefas, отстаиваютъ феодальный права среднихъ вѣковъ на основаніи извѣшавшихъ пергаментовъ».

Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Россіи и за границей первые выпуски «Окраинъ Россіи». Изъ русскихъ газетъ «Московскія Вѣдомости», «Биржевые Вѣдомости» и особенно «Москва» Аксакова помѣстили цѣлый рядъ статей по поводу заграничного изданія Самарина. «Появленіе этой книги, — писалъ Аксаковъ, — есть истинное событіе въ нашей общественной жизни. «Московскія Вѣдомости» совершенно вѣро опѣнили достоинство изданія г. Самарина, говоря, что оно должно сдѣлаться настольною справочною книгою каждого русскаго дѣятеля въ Балтійскомъ краѣ. «Мы скажемъ болѣе, — прибавляется Катковъ, — эта книга — гражданскій поступокъ, — заслуга передъ всей Россіей и ея государемъ. Безпредосторожно, на основаніи точныхъ данныхъ, неопровергимыхъ историческихъ свидѣтельствъ, несомнѣнныхъ административныхъ документовъ и собственного сознанія нѣмецкихъ балтійскихъ публицистовъ, раскрываетъ Ю. Ф. Самаринъ передъ взорами русскаго правительства и общества — настоящую картину нашей балтійской приморской окраины. Разоблачаю все искусное сплетеніе козней и происковъ, направленныхъ къ ослабленію связи этого поморья съ Россіей; обнажая съ другой стороны въ длинномъ перечинѣ наши административныя и общественные ошибки и промахи, наши собственные грѣхи противъ русскихъ національныхъ интересовъ, — авторъ напоминаетъ Россіи ея долгъ и ея призваніе».

Сдержаннѣе отнеслись къ книгѣ Самарина русскіе органы противоположнаго направленія. Такъ «Вѣстникъ Европы» остался недоволенъ полемическими увлеченіями «Окраинъ Россіи» и набросилъ на нихъ нѣкоторую тѣнь, заявивъ, что «въ книгѣ Самарина есть положенія недоказанныя, и полемической характеръ ея требуетъ осторожнаго обращенія съ его выводами». Но и несочувствующій Самарину либеральный журналъ подписался подъ нѣкоторыми изъ требованій автора «Окраинъ Россіи». «Нѣть сомнѣнія, — читаемъ мы въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1868 годъ, — что государственный языкъ для всѣхъ мѣстностей Россіи долженъ быть общій; нѣть сомнѣнія, что всѣ граждане Русскаго государства должны знать его языкъ. Наконецъ, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что русскому правительству нѣть никакого расчета, ни обязанности помогать остзейскимъ нѣмцамъ въ германизаціи эстовъ и латышей».

Совершенно иначе отнеслось къ книгѣ Самарина правительство, подвергшееся рѣзкой критикѣ въ лицѣ остзействующихъ министровъ и генераль-губернаторовъ. Оба первые выпуска «Окраинъ Россіи» подверглись строгому цензурному запрещенію, и, кромѣ того, въ ноябрѣ 1868 года московскій генераль-губернаторъ объявилъ Самарину высочайший выговоръ за обходъ закона, совершенный изда-

ніемъ книги за границей, и за подрывъ довѣрія къ правительству и авторитета верховной власти рѣзкимъ порицаніемъ дѣйствій администраціи. Самаринъ написалъ императору Александру II смѣлое и полное достоинства оправдательное письмо, въ которомъ доказывалъ пользу и необходимости публичнаго и свободнаго обсужденія балтійскаго вопроса и повторялъ главнѣйшія положенія своей книги¹⁾.

Гораздо болѣе шуму было произведено въ заграничной прессѣ, гдѣ появились десятки статей въ нѣмецкихъ газетахъ и рядъ отдѣльныхъ брошюръ, направленныхъ противъ «Окраинъ Россіи», первый выпускъ которыхъ появился въ нѣмецкомъ переводѣ. Главную роль въ заграничной полемикѣ противъ Самарина играли остзейскіе публицисты: Боккъ, Эккардтъ, и особенно профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университѣтѣ, Ширренъ, книга котораго «Liefländische Antwort an Herrn Juri Samarin» въ одинъ годъ выдержала три изданія. Посвященная опроверженію выводовъ Самарина и безусловной защитѣ «балтійской конституції»²⁾, книга Ширрена оказалась наполненной возмутительнѣйшими нападками на Россію и на все русское. Профессоръ русской исторіи въ русскомъ университетѣ заявлялъ, что «русскіе не знаютъ прошедшаго и не имѣютъ будущаго», что въ Прибалтійскомъ краѣ русскіе только гости, потому что этотъ край принадлежитъ русскому императору (котораго Боккъ называлъ «лифляндскимъ герцогомъ»), а не русскому народу, что Лифляндія—«западно-протестантская страна», а не русская губернія, что онъ, Ширренъ, «позволилъ бы молодежи въ остзейскихъ провинціяхъ учиться по-китайски, по-французски, только не по-русски» и т. д. и т. д.

Возмутительная книга Ширрена, имѣвшая такой успѣхъ за границей, обратила на себя вниманіе и въ Россіи и, пожалуй, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ «Окраины Россіи», содѣйствовала проясненію общественнаго мнѣнія относительно остзейскаго вопроса. «Вѣстникъ Европы» отмѣтилъ въ книгѣ Ширрена «много возмутительнаго». «Особенно возмутительна у него,—по заявлению почтеннаго журнала,—манера представлять нѣмцевъ у насъ преисполнеными и защита германизаціи латышей и эстовъ». «Голосъ» помѣстилъ рядъ статей Погодина въ формѣ открытаго письма къ Ширрену, гдѣ маститый историкъ выступилъ на защиту историческихъ правъ Россіи на Прибалтійскій край и правъ туземцевъ, которые, по его словамъ, «благословляютъ имя г. Самарина, возвысившаго свой независимый голосъ въ защиту несчастныхъ илотовъ XIX вѣка»³⁾. Общественное мнѣніе въ Россіи было до того возбуждено полеми-

¹⁾ Это письмо напечатано въ началѣ VIII тома сочиненій Самарина.

²⁾ «Нѣмецкая нація и ея потомство въ этихъ странахъ, и эти страны для нѣмецкой націи и ея потомства — вотъ сумма всѣхъ капитуляцій». Таково одно изъ заявлений Ширрена.

³⁾ Письмо Погодина составило цѣлую брошюру, изданную отдельно («Остзей-
14*

кой по поводу «Окраинъ Россіи» и «Лифляндского отвѣта» Ширрена, что лифляндское дворянство было вынуждено заявить правительству о своей несолидарности съ сепаратистическими стремлениями Бокка и Ширрена.

Болѣе всего оскорблений во время этой полемики, конечно, выпало на долю Самарина. Остзейские публицисты постарались одновременно возстановить противъ Самарина и русское правительство и общественное мнѣніе Европы. Боккъ, еще до появленія «Окраинъ Россіи», приступившій къ изданію за границей враждебнаго Россіи органа «Livländische Beiträge», аттестовалъ книгу Самарина, какъ «яростное нападеніе на верховную власть всероссийскаго самодержца». Самого автора Боккъ причислилъ «къ шайкѣ негодяевъ, получавшей направление изъ мрака панславистическихъ клубовъ», а его книгу объявилъ результатомъ личной мести за то, что Самаринъ былъ смѣщенъ съ должности княземъ Суворовымъ. Далѣе Самаринъ назывался агентомъ правительства, написавшимъ свою книгу по заказу и издавшимъ ее на полученное отъ правительства пособие; кроме того, авторъ «Окраинъ Россіи» уличался въ намѣренномъ искаженіи фактовъ и въ систематическихъ подлогахъ. Большую часть возраженій на «Окраины Россіи» и нападокъ на свою личность Самаринъ оставилъ безъ отвѣта. Но для Бокка и Ширрена, а также для автора анонимной брошюры, напечатанной въ Баденъ-Баденъ на французскомъ языкѣ и перепечатанной потомъ въ Берлинѣ, онъ сдѣлалъ исключеніе, имѣя, конечно, въ виду болѣе влиятельное положеніе своихъ оппонентовъ и большую популярность ихъ изданій. Отвѣтъ Бокку и Ширрену по поводу «Окраинъ Россіи» появился въ 1870 году и далъ Самарину возможность уличить своихъ противниковъ въ самыхъ недобросовѣстныхъ приемахъ полемики и еще разъ подчеркнуть тѣ положенія, которые вызвали наиболѣе ожесточенные нападки въ заграничной печати.

Въ предисловіи къ этому отвѣту Самаринъ обѣщалъ въ слѣдующихъ выпускахъ привести «документальная доказательства главныхъ тезисовъ, только затронутыхъ» въ первомъ выпускѣ. И дѣйствительно, уже въ 1871 году вышелъ третій выпускъ «Окраинъ Россіи», посвященный подробному и основанному на документальныхъ данныхъ изложенію исторіи движенія латышей къ православію въ началѣ сороковыхъ годовъ. Этотъ исторический очеркъ особенно нуженъ былъ въ то время, потому что за границей настойчиво распускались слухи, выставлявшіе упомянутое движеніе не добровольнымъ стремлениемъ латышей и эстовъ къ православію, а результатомъ злонамѣренной агитации православнаго духовенства,

---

скій вопросъ. Письмо М. П. Погодина къ проф. Ширрену». Москва. 1869 г.) и переведенную на немецкій языкъ.

будто бы увлекшаго довѣрчивый народъ къ перемѣнѣ вѣры обѣща-
ніями всяческихъ земныхъ благъ. Слухи эти такъ усердно распро-
странялись врагами православія, что даже нѣкоторые изъ русскихъ
сановниковъ считали ихъ справедливыми; а въ 1867 году органъ
русскихъ крестьянниковъ «Вѣсть» даже печатно заявилъ, что латыші
были обращены въ православіе «искусственными мѣрами». По мнѣнию
же Самарина, неоднократно имъ заявленному и раньше, «это была
не искусственная агитациѣ и не случайная вспышка, а историческая
тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ
совершенно свободная, исходившая изъ неудовлетворенныхъ духов-
ныхъ потребностей и въ то же время изъ глубокаго недовольства
всею тогдашнею обстановкою крестьянскаго быта». Въ третьемъ вы-
пускѣ «Окраинъ Россіи» мы и находимъ яркую картину безотрад-
наго экономического и религіозно-нравственнаго состоянія латышей,
такъ что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что отпаденіе
прибалтійскихъ массъ отъ лютеранства сначала въ гернгутерство, а
потомъ въ православіе было «казнью за вѣковое нерадѣніе и за вы-
сокомѣрное пренебреженіе къ простонародью и его нуждамъ»¹⁾.

Но обвиненіями православнаго духовенства въ «совращенії» ла-
тышей и эстовъ въ православіе заграничная агитациѣ не ограничилась.
Прибалтійское лютеранско духовенство хотѣло отпавшихъ въ право-
славіе вернуть обратно въ лоно евангелическо-лютеранской церкви.
Оно не удовольствовалось отмѣною въ 1865 году предбрачныхъ подпи-
сокъ о крещеніи въ православіе дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и
подняло вопли о насилиі надъ совѣстью «совращенныхъ» латышей
и эстовъ, которымъ не позволяютъ перейти въ лютеранство.
Весною 1870 года въ Женевѣ читались публичныя лекціи о пре-
слѣдованіи лютеранства въ Прибалтійскомъ краѣ. По просьбѣ воз-
никшаго въ Швейцаріи «Общества друзей латышей и эстовъ, запо-
лоненныхыхъ греко-rossijskoy церковью», депутаты Евангелическаго
союза, 23 июня 1870 года, добились аудіенціи у императора Алек-
сандра II, во время его пребыванія въ виллѣ Бергъ близъ Штут-
тарта, и обратились къ нему съ ходатайствомъ за притѣсняемыхъ
латышей и эстовъ. Съ подобнымъ же ходатайствомъ вторая депу-
тациѣ Евангелическаго союза обратилась въ слѣдующемъ году къ
канцлеру Горчакову. Помимо этихъ ходатайствъ, подававшихъ за-
граниченной прессѣ поводъ къ оскорбительнымъ нападкамъ на пра-
вославіе, появлялись книги и брошюры не менѣе оскорбительного
содержанія, взводившія на православное духовенство Прибалтійского
края такія невѣроятныя преступленія, какъ, напримѣръ, насиль-

¹⁾ Въ третьемъ выпускѣ «Окраинъ Россіи» излагается история православныхъ латышей только въ періодъ 1841—1844 годовъ. Продолженіе истории этого рели-
гіознаго движенія (1845—1848 года) появилось только въ 1896 году въ X томѣ
полнаго собранія сочиненій Самарина.

ственное причащеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ воамутельныхъ изданій явились изъ-подъ пера лицъ, допущенныхъ къ изслѣдованию положенія дѣла на мѣстѣ. Таковъ отчетъ пивѣцарца Вурстембергера, объѣхавшаго въ 1871 году съ дозволеніемъ русскаго правительства Прибалтійскій край и рекомендовавшаго себя православному духовенству жандармскимъ полковникомъ Андриановимъ. Чтобы дать понятіе, какими отчетами о прибалтійскихъ дѣлахъ угощали тогда заграничную публику, достаточно указать на то, что, по заявлению Вурстембергера, прибалтійские крестьяне, благодаря нѣмцамъ, «стояли выше всѣхъ европейскихъ народовъ, занимающихъ земледѣліемъ».

Разсказъ о вмѣшательствѣ Евангелическаго союза въ религіозный вопросъ Прибалтійскаго края и отчетъ Вурстембергера съ комментаріями Самарина и составляютъ первую часть IV выпуска «Окраинъ Россіи», вышедшаго въ 1874 году.

Защищая православное духовенство Прибалтійскаго края отъ несправедливыхъ обвиненій и ратуя за интересы православія въ краѣ, Самаринъ не скрывалъ, что одною изъ причинъ отпаденія латышей отъ лютеранства была надежда новообращенныхъ на улучшеніе своего материальнаго положенія; онъ не отрицалъ также, что подъ вліяніемъ обманутыхъ надеждъ и преслѣдованій, которымъ подвергались православные латыши отъ помѣщиківъ и пасторовъ, началось обратное движеніе изъ православія въ лютеранство. Хорошо понимая причины этой религіозной неурядицы, онъ совѣтовалъ принять цѣлесообразныя мѣры для ея устраниенія. Одною изъ такихъ мѣръ онъ считалъ надѣленіе православныхъ крестьянъ участками казенної земли для освобожденія ихъ отъ экономической зависимости у помѣщиковъ-лютеранъ. Другою неотлагательной мѣрой онъ считалъ поднятіе православныхъ школъ на должную степень высоты. Вопросамъ аграрному и школьному и посвящена большая часть IV выпуска «Окраинъ Россіи». Въ статьѣ «Водвореніе православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ» разсказывается длинная исторія этого вопроса, возбужденного еще въ 1849 году преосвященнымъ Платономъ, но задержанного остзейскими генераль-губернаторами. Особенно интересенъ разсказъ о дѣятельности управляющаго прибалтійскою палатою государственныхъ имуществъ, С. Н. Шафранова, по проекту котораго во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ началось надѣленіе казенной землей православныхъ латышей, какъ хозяевъ, такъ и батраковъ. Эта мѣра, особенно надѣленіе землей батраковъ, была ослаблена остзейскими, какъ дѣло соціализма и какъ революціонный пріемъ, и результатомъ этой агитациіи было удаленіе Шафранова изъ Прибалтійскаго края.

Гораздо подробнѣе остановился Самаринъ на школьному вопросѣ. Его статья «Сельскія школы въ Лифляндіи» представляетъ грустную исторію православной прибалтійской школы въ первое

двадцатипятиліттє ея существованія, когда она влачила самое жалкое существование, подвергалась самымъ возмутительнымъ гонениямъ со стороны лютеранъ, и несмотря на все это, хотя и медленно, но все-таки развивалась и преподаваніемъ русскаго языка привлекала къ себѣ даже лютеранскихъ дѣтей. Самаринъ ратовалъ за правительственную и общественную поддержку православной прибалтийской школы въ интересахъ православія, въ интересахъ распространенія русскаго языка среди прибалтийского сельскаго населенія и въ интересахъ противодѣйствія германизаторскимъ тенденціямъ лютеранской школы. «Тяжба между руссізмомъ и германизмомъ,— говоритъ Самаринъ,— за обладаніе массою коренного мѣстного населенія вступила въ третій, вѣроятно, послѣдній фазисъ и разрѣшается теперь въ стѣнахъ сельской школы. Пойдетъ ли народъ въ нѣмецкую или русскую школу? Послужитъ ли ему ключемъ къ дальнѣйшему образованію языкъ нѣмецкій или языкъ русскій? Въ первомъ случаѣ онъ мало-по-малу повернется всею массою лицемъ къ Германіи, усвоить себѣ вмѣстѣ съ ея языккомъ общественные и политические ея идеалы, ея національныя сочувствія и антипатіи, и тогда наша балтийская окраина въ сущности будетъ для насть потеряна, какъ бы долго ни числилась она въ составѣ Россіи, подобно тому, какъ уже теперь потеряна для нѣмецкой Австріи не только Венгрия, но и Богемія и Галиція. Во второмъ случаѣ, пріобрѣтеніе Петра I укрѣпится за нами навсегда не въ силу Ништатскаго трактата, а въ силу органическаго срапченія тамошняго народа съ Россіей».

Яркими иллюстраціями къ разсказу Самарина о тогдашнемъ положеніи православія въ Прибалтийскомъ краѣ являются приложенія къ IV выпуску «Окраинъ Россіи», где помѣщены рядъ подлинныхъ документовъ и рассказовъ очевидцевъ о состоянії православныхъ латышскихъ церквей и школъ. Такой же характеръ носить и V выпускъ изданія Самарина, выпущенній въ 1875 году, где между прочимъ напечатаны всеподданѣйшія записки бывшаго прибалтийского генераль-губернатора Альбединскаго съ очень интересными его свидѣтельствами о настроеніи прибалтийского дворянства по отношенію къ Россіи. Нѣкоторые заявленія этого высшаго представителя русской власти въ краѣ такъ напоминаютъ взгляды Самарина, что кажутся заимствованными изъ его «Окраинъ Россіи». Такъ, напримѣръ, Альбединскій писалъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтийского края «растетъ и крѣпнетъ нѣмецкое національное чувство», что «прибалтийское юношество пропитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ, совершенно чуждымъ всему русскому». Даѣ, по поводу упорной защиты нѣмцами своихъ привилегій Альбединскій почти слово въ слово съ Самариномъ заявляетъ, что «прибалтийскіе нѣмцы считаютъ всѣ способы пригодными для противодѣйствія русскому вліянію въ краѣ», что среди нихъ «укоренилось

мнініє о возможности обойти всякое правительственныее начинаніе и ослабить всякий неблагопріятный для нихъ законъ». Приведенныя выдержки изъ всеподданѣйшей записки бывшаго прибалтійскаго генераль-губернатора свидѣтельствуютъ между прочимъ о томъ, что если отчасти и справедливы упреки по адресу Самарина въ томъ, что онъ нерѣдко увлекался своимъ пристрастіемъ къ прибалтійскимъ нѣмцамъ, то во всякомъ случаѣ возбужденныя имъ обвиненія не были созданіемъ его фантазіи, а покоились на прочномъ основаніи несомнѣнныхъ фактovъ, которые долженъ быть признать и Альбединскій, этотъ, по терминологіи автора «Окраинъ Россіи», представитель «генераль-адъютантскаго нигилизма».

Самымъ обширнымъ и наиболѣе объективно написаннымъ выпускомъ «Окраинъ Россіи» является послѣдній (VI-й), вышедший въ 1876 году и посвященный «крестьянскому вопросу въ Лифляндіи». На основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, Самаринъ подробно разсказываетъ исторію крестьянской реформы въ Лифляндіи, произведенной въ 1804 году подъ просвѣщенными давленіемъ русского правительства и при участіи русскихъ дѣятелей. Положеніе 1804 года, не даровавшее лифляндскимъ латышамъ и эстонцамъ полной свободы, но зато закрѣпившее за крестьянами-хозяевами обработываемую ими землю и урегулировавшее повинности крѣпостныхъ по довольно благопріятной для нихъ шведской таксѣ 1680 года, Самаринъ считаетъ наиболѣе благодѣтельнымъ законодательнымъ актомъ изъ всѣхъ мѣръ, предпринятыхъ для улучшенія экономического положенія прибалтійского крестьянства. По мнѣнію автора «Окраинъ Россіи», русское правительство, стремясь обезпечить латышей и эстовъ землей,шло по вѣрному пути, и Самаринъ очень сожалѣеть, что въ 1816—1819 годахъ прибалтійскому дворянству удалась «выгодная афера» безземельного освобожденія прибалтійскихъ крестьянъ. «Крестьянское дѣло въ прибалтійскихъ губерніяхъ,—говорить Самаринъ,—не разрѣшено, а только испорчено, и прибавлю для ясности: оно можетъ и должно быть исправлено». Исторія крестьянскаго положенія 1804 года потому и привлекла вниманіе Самарина, что она дала возможность указать на тѣ «забытыя начала», которыя должны быть положены въ основу «исправленія» крестьянскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ. Другая тенденція, проходящая красною нитью черезъ весь VI выпускъ «Окраинъ Россіи», заключается въ указаніи на то, что балтійская интеллигенція должна быть по возможности устранина отъ участія «въ законодательной разработкѣ предметовъ, касающихся тамошнихъ мѣстныхъ интересовъ». Съ этою цѣлью Самаринъ съ особенной силой подчеркиваетъ ту ненависть прибалтійского дворянства, съ которой оно относилось къ главному виновнику реформы 1804 года, благородному ландрату Фридриху Сиверсу, и то противодѣйствіе, которое оказалось дво-

рянство изданію и введенію въ дѣйствіе новаго положенія. Факты, сообщаемые Самаринъ на основаніи бывшаго въ его распоряженіи подлиннаго дѣлопроизводства, касающагося положенія 1804 года, не оставляютъ никакого сомнінія въ томъ, что прибалтійское дворянство, за такими рѣдкими исключеніями, какъ Фридрихъ Сиверсь и графъ Мелинъ, дѣйствовали въ высшей степени эгоистически, не останавливаясь ради материальныхъ выгодъ передъ подлогами, извращавшими въ ущербъ крестьянъ смыслъ высочайшей воли.

Весною 1876 года, Ю. Ф. Самаринъ неожиданно скончался въ Берлинѣ. «Эта роковая вѣсть не могла не поразить глубоко каждого на всѣхъ концахъ Россіи». Такъ писалъ К. Д. Кавелинъ въ горячо прочувствованномъ некрологѣ, напечатанномъ въ «Вѣстнике Европы». — «Отечественные Записки» такъ же почтили память Самарина, какъ «человѣка замѣчательного и достойнаго всякаго уваженія». «Зло онъ видѣлъ тамъ,—писалъ между прочимъ Г. З. Елисѣевъ,—гдѣ оно дѣйствительно есть: въ тяжеломъ положеніи народныхъ массъ, въ поглощеніи общественной самодѣятельности бюрократизмомъ, въ феодальныхъ стремленіяхъ русскаго дворянства, въ преобладаніи и господствѣ иноземнаго элемента надъ русскимъ на окраинахъ». Если такъ сочувственно отнеслись къ Самарину два такие органа печати, какъ «Вѣстникъ Европы» и «Отечественные Записки», несмотря на свое антиславянофильское направлѣніе, то легко себѣ представить, какіе некрологи печатались и какія рѣчи произносились друзьями и единомышленниками покойнаго славянофила. «Человѣкъ, которому нѣтъ замѣны, съ которымъ ушло отъ насы цѣлое богатство духа» (И. С. Аксаковъ); «незамѣнимый человѣкъ для его родныхъ, друзей и знакомыхъ» (А. Н. Поповъ); «человѣкъ съ высокимъ философскимъ развитіемъ» (М. И. Каринскій); «одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской жизни и лучшихъ друзей русского народа» (князь А. И. Васильчиковъ); «неутомимый борецъ народности, оказавшій неоцѣненная услуги исторіи» (А. Д. Градовскій); «современный богатырь русского народа» (Г. К. Градовскій); «прекрасный докладчикъ, блестящій діалектикъ, истинный ораторъ въ высшемъ значеніи этого слова» (В. И. Ламанскій); «одинъ изъ представителей вышихъ задачъ нашей народной жизни» (протопресвитеръ Янышевъ); «истинный православно-русскій герой» (М. И. Горчаковъ); «истинный сынъ своей церкви и своего народа» (протоіерей Ключаревъ, духовникъ Самарина). Таковы характернѣйшіе эпитеты, извлеченные изъ рѣчей, произнесенныхъ членами славянскаго благотворительного общества и духовными лицами по поводу смерти Самарина.

Не были забыты ораторами и некрологистами и заслуги Самарина, какъ автора «Окраинъ Россіи», но отмѣчено это было гораздо слабѣе, чѣмъ его литературная, научная и въ особенности общественная дѣятельность. Ораторы славянскаго благотворительного обще-

ства упомянули о нихъ только мимоходомъ. Даже Орестъ Миллеръ, напечатавшій въ «Недѣлѣ» пространный «опытъ характеристики» Самарина, упомянувъ и о его стремлениі «поправить ошибку Петра», посвятилъ «Окраинамъ Россіи» всего только двѣ странички. И едва ли не первая сколько нибудь подробная посмертная оцѣнка этого труда Самарина была сдѣлана протоіереемъ Никольскимъ въ его словѣ передъ панихидой по Самаринѣ. «Характеризуя дѣятельность Н. Ф. Самарина,—передаетъ «Голосъ» сущность этой рѣчи,—А. Т. Никольский болѣе всего остановился на такъ называемомъ балтійскомъ вопросѣ, доказывая, что этотъ вопросъ, собственно говоря, Самарину обязанъ своимъ существомъ. До него Прибалтійскій край былъ какъ бы *terra incognita* для русского общества. Что дѣлалось въ составляющихъ этотъ край трехъ губерніяхъ,—обществу не было известно до появленія писемъ Самарина. Письма эти были похожи на взрывъ, который пробилъ брешь въ высокой стѣнѣ, отдѣлявшей русское общество, русскія губерніи отъ прибалтійскихъ. Черезъ эту брешь зрителямъ представилась картина несчастнаго, забытаго населенія эстовъ и латышей, отторгнутыхъ отъ Россіи чужеземнымъ вліяніемъ. И не только эти несчастныя населенія разобщены были съ русскими людьми и православною церковью, но въ краѣ распускались спас клеветы на православныхъ священниковъ. Если бы эти слухи остались неопровергнутыми, то на православіи осталось бы неизгладимое пятно позора—пятно тяжелое, потому что православное духовенство обвинялось въ пропагандѣ, въ насильственномъ навязываніи православнаго ученія эстамъ и латышамъ, въ возбужденіи ихъ противъ помѣщиковъ. Такое позорное пятно было смыто Самаринъ, и въ этомъ его великая, бессмертная заслуга».

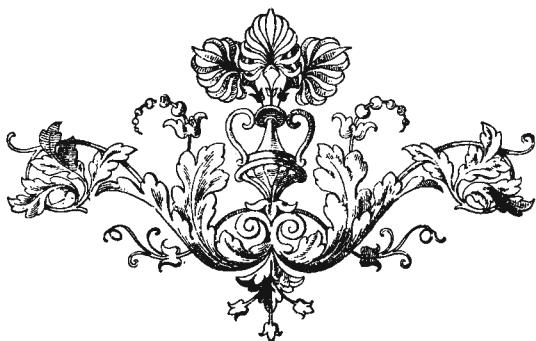
На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ упомянутое невниманіе даже друзей и единомышленниковъ Самарина къ литературнымъ произведеніямъ послѣднаго десятилѣтія его жизни. Но если мы вспомнимъ, что «Окраины Россіи» издавались за границей и подверглись строгому цензурному запрещенію, вслѣдствіе чего были доступны сравнительно небольшому кругу лицъ; если примемъ еще во вниманіе, что программа Самарина по многимъ пунктамъ довольно рѣзко расходилась съ настроениемъ правящихъ сферъ,—то поймемъ, что правильная и всестороння оцѣнка его сочиненій по балтійскому вопросу не могла быть сдѣлана тотчасъ послѣ его смерти. Нужна была перемѣна царствованія и послѣдовавшая въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ревизія Прибалтійского края сенаторомъ (впослѣдствіи министръ юстиції) Манассеинъ, чтобы правительство убѣдилось, что программа Самарина въ сущности является выражениемъ завѣтныхъ чаяній и стремлений латышей и эстовъ, за-кабаленныхъ нѣмцами въ экономическомъ и духовномъ отношеніи. Гласный всесословный судъ, всесословная земская учрежденія, незави-

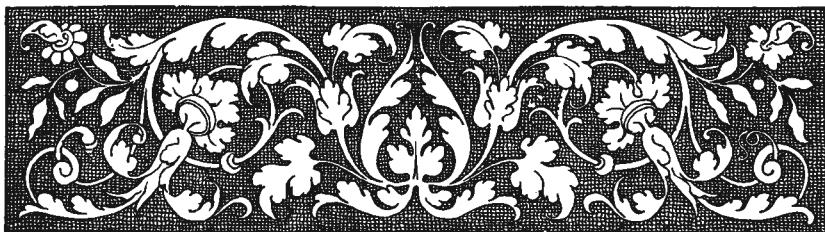
симая отъ лютеранского духовенства народная школа съ усиленнымъ преподаваниемъ русскаго языка, выкупъ усадебъ по казенной таксѣ, надѣлѣніе батраковъ участками казенної или пасторатской земли, распространеніе повинностей, лежащихъ на крестьянскихъ земляхъ, и на мызныя земли, сокращеніе числа помѣщичьихъ корчемъ и т. д., вотъ чего просили латыши и эсты у русскаго правительства въ началѣ царствованія императора Александра III. Необходимость и разумность почти всѣхъ этихъ требованій была прекрасно доказана Самариномъ въ его «Окраинѣ Россіи», и поэтому нисколько неудивительно, что это сочиненіе сдѣгалось довольно популярной книгой среди той части латышской и эстонской интелигенціи, которая отшатнулась отъ нѣмцевъ и обратила свои взоры къ Россіи. Неудивительно также, что «Окраины Россіи» сдѣгались настольной книгой и для русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ. Не только въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ восьмидесятыхъ годовъ, но даже въ министерскихъ представленіяхъ въ защиту необходимости обрусительныхъ мѣропріятій приводятся аргументы, впервые высказанные Самариномъ. Такъ, напримѣръ, въ представленіи министра народнаго просвѣщенія о введеніи въ прибалтійскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія на русскомъ языкѣ говорится слѣдующее: «Поддерживая нѣмецкія училища преимущественно передъ русскими, правительство воспитываетъ въ народѣ мысль, что эсто-латышскій край не есть русскій, что онъ примыкаетъ къ иной чужеземной культурѣ. Эта мысль невольно усвоивается самими учебными заведеніями, весь внутренній строй которыхъ получаетъ характеръ отчужденія отъ Россіи; на преподаваніе русскаго языка смотрять въ этихъ училищахъ, какъ на уступку печальной необходимости; юноши воспитываются по нѣмецкимъ учебникамъ, читаютъ только нѣмецкія книги и почерпаютъ въ нихъ міровоззрѣніе».

Вслѣдствіе совершившейся во взглядахъ правительства кореннай перемѣны по отношенію къ балтійской окраинѣ, съ сочиненій Самарина, посвященныхъ балтійскому вопросу, была снята цензурная опала, и въ 1889 году впервые печатаются «Письма изъ Риги» и перепечатывается «Исторія города Риги», а съ 1890 года начинается перепечатка «Окраинѣ Россіи», закончившаяся въ 1898 году. Перепечатка «Окраинѣ Россіи» въ такое время, когда вопросы, затронутые въ нихъ теоретически, разрѣшались практически, много, конечно, помогла правильной оцѣнкѣ этой когда-то опальной книги. Если не принимать во вниманіе остзейскихъ публицистовъ, которые продолжаютъ еще смотрѣть на Самарина глазами Ширрена и Бокка, то среди лицъ, знакомыхъ съ современнымъ положеніемъ балтійскаго вопроса, едва ли найдется въ настоящее время хотя одинъ человѣкъ, который не призналъ бы, что, несмотря на всѣ свои увлеченія ненавистью къ прибалтійскимъ нѣмцамъ, несмотря на всѣ

обусловленныя этой ненавистью преувеличения, Самаринъ своими «Окраинами Россіи» сослужилъ великую службу и проясненію общественнаго мнѣнія по отношенію къ прибалтійскому вопросу, и объединительной политикѣ правительства, и православно-русскимъ интересамъ въ Прибалтійскомъ краѣ и, наконецъ, дѣлу улучшенія, если не материальнаго, но во всякомъ случаѣ нравственного положенія коренного туземнаго населенія. И настѣ нисколько не должна удивлять та популярность, которою пользуются въ Прибалтійскомъ краѣ, не только среди русскихъ, но еще болѣе среди латышей и эстовъ,—имя Самарина и его сочиненія, посвященные балтійскому вопросу. Самаринъ въ представленіи латыша и эстонца является идеальнѣйшимъ обрусителемъ, потому что для него благо народныхъ массъ стояло на первомъ планѣ, и въ основу объединительныхъ реформъ онъ клалъ обеспеченіе крестьянъ землей. Нельзя не пожелать въ интересахъ дальнѣйшаго успѣха обрусительныхъ реформъ въ Прибалтійскомъ краѣ, чтобы и для русскихъ дѣятелей въ краѣ Самаринъ быть такимъ же идеаломъ обрусителя, какимъ онъ является для латыша и эстонца.

М. Н. С.

НАРОДНИКИ И МАРКСИСТЫ.

(Критическая замѣтка).

I.

ЛАВЯНОФИЛЫ наши указывали, между прочимъ, какъ на важнѣйшую ошибку Петра Великаго, на то, что они называли «средостѣніемъ», т. е., говоря проще, перегородкой между правящимъ классомъ и народомъ. Эту перегородку они видѣли въ чиновничьей бюрократіи, пересаженной къ намъ съ тогданией западной почвы, почти какъ разъ около того времени, когда тамъ она начала падать. Съ этого времени на Западѣ развивается единеніе съ народомъ интеллигентіи и правящихъ классовъ, единеніе, напоминающее старую Русь; у насть же, наоборотъ, развивается все большее разъединеніе, разрывъ, результатомъ котораго являются крайне своеобразныя и печальныя ненормальности. Тѣ же славянофилы, а также Достоевскій и нѣкоторые народники, указывали на то, что наша интеллигентія, оторванная отъ народа, живетъ какъ бы въ облакахъ, а «народъ совсѣмъ покинуть» (Достоевскій, въ Дневникѣ, 1880 г.). «Правда,—говорить нашъ великий романистъ,— у народа много начальства, такъ много, что на каждого человѣка приходится чуть не по десятку начальниковъ», а тѣмъ не менѣе «народъ одинокъ, потому что это—только начальство»...

Когда, при Александрѣ II, было введено земство, русскіе старообрядцы писали ему: «въ новизнѣ твоей наша старина чутется». И они не ошибались: въ земствѣ, хотя отчасти, возрождалось ста-ринное единеніе. Возрождалось оно отчасти и въ печати, насколько печать успѣвала отразить дѣйствительныя нужды, чаянія и душу народа. Но, какъ извѣстно, и эта малая замѣна прошлаго единства была съ самаго начала встрѣчена опасеніями. Поэтому она не могла въ достаточной мѣрѣ выполнить своего назначенія, и вотъ разрывъ интеллигенціи съ народомъ росъ и развивался.

Однако, интеллигенція всегда чувствовала мучительно этотъ ро-ковой разрывъ. Она всегда напоминала у насъ знаменитый Плато-новскій миѳ о происхожденіи мужчины и женщины, которые сперва были половинками одного цѣлага, но потомъ разорвались. И вотъ эти половинки вѣчно ищутъ другъ друга. Такъ и интеллигенція вѣчно искала общенія съ народомъ. Она создала обширную и не-оцѣненную, такъ называемую «народническую» литературу, въ ко-торой народъ изображался, изучался, воспѣвался, какъ самый до-рогой возлюбленный, съ которымъ разлучили его другую половину. Это стремленіе къ народу доходило до обожанія, до преклоненія передъ народомъ, до состоянія, напоминающаго религіозный экстазъ. Народники готовы были положить за народъ и жизнь, и душу, готовы были нести ради него какія угодно жертвы. Быть созданъ въ 60-хъ годахъ не только догматъ о «долгѣ народу цивилизован-ныхъ классовъ», но многіе, — какъ, напр., Юзовъ, а впослѣдствіи Толстой,—видѣли въ народѣ единственнаго носителя истины, нрав-ственности, государственной мудрости и т. д., у которого нужно учиться интеллигенціи, т. е. образованнымъ классамъ, воспитан-нымъ въ духѣ и на идеяхъ Западной Европы.

Что понималось этими народниками подъ цивилизаціей и духомъ Западной Европы? Прежде всего ея экономический строй, который обыкновенно называется «капиталистическимъ» и «буржуазнымъ». Англія являлась въ то время самымъ типичнымъ представителемъ этого строя.

Но для того, чтобы понять, за что именно и почему стояло «на-родничество», мы должны вкратцѣ ознакомиться съ исторіей англій-скаго буржуазнаго капитализма и его послѣдствіями. Только при та-комъ знакомствѣ читатель пойметъ, напримѣръ, такія стремленія на-родниковъ 60-хъ годовъ, какъ освобожденіе крестьянъ съ землею, и не только съ землею, но и съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Дѣло въ томъ, что западно-европейскій капитализмъ, создавъ гигантское развитіе промышленности и торговли, создалъ и вели-чайшія народныя бѣдствія.

До наступленія въ Англіи эпохи капитализма, — которую въ наукѣ не гаромъ называютъ «промышленной революціей», — вся англійская промышленность — мануфактурная, горная и земледѣльче-

ская — была дѣломъ ручной работы человѣка, пользовавшагося весьма несложными орудіями. Она велась множествомъ мелкихъ капиталистовъ (хозяевъ), которые часто сами работали вмѣстѣ со своими наемными рабочими. Такъ какъ еще не существовало крупныхъ фабрикъ, то производство велось, по большей части, въ домахъ рабочихъ, цѣлыми семьями,—какъ работаютъ теперь русскіе «кустарі», — при домахъ имѣлись клочки земли, гдѣ семья вела небольшое хозяйство.

Переходъ отъ этой системы домашняго производства къ новѣйшей системѣ машинной промышленности, съ примѣненіемъ силы пара, каменного угля, раздѣленія труда и могучихъ машинъ, отличался внезапностью и насильственностью (*was sudden and violent*, какъ выражается историкъ англійской промышленности Гиббинсъ). Это былъ настоящій лихорадочный взрывъ (*feverish burst*).

Отчего же это зависѣло?

Косвенной и отдаленной причиной были открытия Колумба и Васко-де-Гама, давшіе Западной Европѣ громадные рынки для сбыта товаровъ и страны для полученія сырья. Еще въ срединѣ XVI в., — какъ видно изъ одного статута Генриха VIII, — самымъ крайнимъ пунктомъ, до которого рѣшались доходить англійскіе мореплаватели, была Малага. Но послѣ открытия Колумба и Васко-де-Гама прошло почти столѣтіе, прежде чѣмъ Англія могла воспользоваться новыми путями и рынками: ихъ держали въ своихъ рукахъ — Испанія, Португалія, а позднѣе Голландія. И вотъ исторія XVII в. представляется лѣтописью непрерывной борьбы Англіи съ Испаніей и Голландіей: двѣ войны съ Испаніей и торговая война Кромвеля позволили Англіи распространить свою торговлю на востокѣ — въ Остѣ-Индіи, а на западѣ — въ Америкѣ. Войны Вильгельма III и Анны отдали въ руки Англіи Гибралтаръ, территорію Гудзонова залива, Нью-Фаундлендъ, Новую Шотландію... Семилѣтняя война дала ей — Канаду, Флориду, и вообще всѣ французскія владѣнія къ востоку отъ Миссисипи (кромѣ Нью-Орлеана). И вотъ Англія стала во главѣ всемирной торговли, получивъ сразу и обширныя области для добыванія сырья и обширныя области для сбыта товаровъ.

Но это была только одна причина развитія ея капитализма; другая заключалась въ тѣхъ научныхъ открытияхъ и техническихъ изобрѣтеніяхъ, которая подоспѣли какъ разъ къ этому времени. Уже въ 1770 году, т. е. до примѣненія къ машинамъ силы пара, — изобрѣтеніе прядки «Дженні», пустившей въ ходъ нѣсколько веретенъ на одномъ станкѣ, увеличило производительность (т. е. быстроту) труда прядильщика въ 8 разъ и болѣе. Въ слѣдующемъ году Эркрайтъ приспособилъ къ ней силу паденія воды. Но это, хотя и увеличило производительность, однако, было ничто въ

сравнениі съ изобрѣтеніемъ Уатта, взявшаго въ 1769 году привилегію на свою паровую мельницу. Вѣдь, чтобы работать водой, нужно было строить фабрики около рекъ, а съ изобрѣтеніемъ применения пара, которымъ воспользовались, прежде всего, бумаго-прядильные фабриканты, — работать стало возможно где угодно. И вотъ, въ 15 лѣтъ (съ 1788 по 1803 г.) производство этихъ фабрикантовъ еще утроилось (чему помогло еще изобрѣтеніе мюль-машинъ, сдѣланное ранѣе, въ 1774 г.). Благодаря этой послѣдней, на одномъ станкѣ, подъ надзоромъ одного человѣка могли уже работать 12.000 веретенъ. Паръ же сдѣлалъ то, что уже въ 1811 г. въ Англіи работало четыре съ половиною миллиона веретенъ, а къ серединѣ нашего десятилѣтія ихъ работало уже сорокъ пять миллионовъ! (Hundry: «Eastern Competition»).

Понятно, что этимъ было совершенно уничтожено домашнее пряденіе: развѣ могла конкурировать на рынкѣ со своей пряжей семья, работавшая во сто и тысячу разъ медленнѣе ¹⁾.

Но то же случилось и съ прежнимъ домашнимъ тканьемъ, когда въ 1785 году Карграйтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ.

Съ внѣшней стороны результаты были блестящи, почти невѣроятны: Англія представила изъ себя настоящій вулканъ, извергающій товары: такъ, еще въ 1793 году вывозъ товаровъ достигалъ только суммы въ 122.400.000 рублей, а къ 1815 году онъ дошелъ до 417.000.000, т. е. учетверился въ какія нибудь 17 лѣтъ!

Не буду говорить о другихъ отрасляхъ промышленности. Тамъ было то же.

Посмотримъ теперь не на внѣшніе, а на внутренніе плоды этого явленія.

Прежде всего началось съ изгнанія лордами-землевладѣльцами почти всѣхъ людей, снимавшихъ у нихъ землю (фермеровъ) и занимавшихся ея обработкой: стало гораздо выгоднѣе обратить эти земли въ пастбища для овецъ, шерсть которыхъ бралась по высокой цѣнѣ на фабрики. Въ началѣ XVIII вѣка рента равнялась 7 шиллингамъ (шиллингъ = 36 коп.,) за акръ (0,37 дес.), но уже въ 1799 году она поднялась до 2 фунтовъ стерлинговъ (т. е. до 15 рублей). Народъ былъ оторванъ отъ земли и брошенъ въ города, а что изъ этого вышло, тому слѣдуютъ пункты:

1) Еще въ концѣ XVIII столѣтія земледѣльцевъ было 2.800.000 (на 8 миллионовъ жителей), теперь (къ 1895 году) ихъ 1.336.945 (мужчинъ и женщинъ).

¹⁾ Если, напримѣръ, вы производите 100 шляпъ въ одинъ день, а я только двѣ, то, продавъ ваши шляпы за такую цѣну, что вы проживете на чистую выручку, положимъ, два дня, вы заставите этимъ и меня продать двѣ свои шляпы по той же цѣнѣ (больше мнѣ не дадутъ, чѣмъ дали вамъ). Но я проживу на свою выручку только $\frac{1}{25}$ часть дня, т. е. долженъ буду умереть съ голода.

2) Прежде люди жили болышею частью за городомъ, имѣли клочекъ земли, хозяйство; теперь они скучены въ душныхъ переулкахъ и закопченныхъ улицахъ, средоточіяхъ грязи, дыма, нищеты и разврата. Жизнь рабочихъ въ средней цифрѣ понизилась и стала ниже средней жизни остальныхъ классовъ населенія. Антропометрическія измѣренія показываютъ, что эти городскія населенія вырождаются, понижаются въ типѣ: уменьшается ростъ, ширина груди, физическая сила и воспріимчивость органовъ чувствъ.

3) Въ первое время развитія капитализма, благодаря возвысившемуся сразу спросу на трудъ, рабочая плата повысилась такъ, что семья зарабатывала отъ 14 руб. 40 коп. до 43 руб. 20 коп. въ недѣлю. Но это продолжалось не долго, да и эта времененная высокая плата не была счастьемъ: хотя до капитализма средній зароботокъ ткача былъ только 3 руб. 45 коп. въ недѣлю, но за свой домикъ съ клочкомъ земли онъ платилъ только 11 руб. въ годъ, т. е. 21 коп. въ недѣлю. Поэтому у него оставалось въ мѣсяцъ 15 р. Между тѣмъ, мясо стоило тогда отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ пенсовъ ($7\frac{1}{4}$ — $9\frac{3}{4}$ к.) за фунтъ, а хлѣбъ $1\frac{1}{4}$ ($3\frac{3}{4}$ коп.). Но, чѣмъ дальше отъ этой эпохи, тѣмъ выше стоитъ и плата за квартиры и цѣнность всѣхъ продуктовъ. Такъ, къ 1802 году четверть пшеницы уже дошла въ Англіи до 17 руб., въ 1806 году до 21 руб. 80 коп., къ 1812 году до 35 руб. 60 коп. и т. д.

4) Это бы еще не бѣда, если бы рабочая плата оставалась въ первоначальномъ состояніи, но вышло совсѣмъ обратное: около машинъ не требовалось физической силы, и мужчины стали гнать съ фабрикъ, замѣняя ихъ женщинами и дѣтьми. При этомъ женщинамъ стали давать плату, равную $\frac{1}{2}$ мужской, а дѣтямъ, равную $\frac{1}{4}$ мужской ¹⁾.

5) Такъ какъ одна машина замѣняетъ тысячи и десятки тысячъ рабочихъ, то образовалась многомилліонная масса безработныхъ, спасавшихся отъ голодной смерти—отчасти эмиграціей, отчасти особымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ (poor law). Онъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ и все растетъ:

1889 года	8,366.477	фунт. стерл.	(28,448.259 рублей).
1890 »	8,434.345	»	(28,763.673 »)
1891 »	8,643.718	»	(29,082.585 »)
1892 »	8,647.618	»	(29,403.054 »)
1893 »	9,217.514	»	(29,731.100 »)

¹⁾ Годы: плата: мужчинамъ, женщинамъ, дѣтямъ, цѣна хлѣба.
 1808—1815 24—26 шилл. 13—14 шилл. 4—5 ш. 17 р.
 1815—1823 24—26 » 13—14 » 4—5 » 21 » 80 к.
 1823—1830 24—26 » 11—12 » 4—5 » 35 » 56 »
 1830—1836 24—26 » 4—10 » »—» » 21 » 56 »
 1836—1845 24—26 » 8—9 » »—» » 32 » 70 »

Междуд тѣмъ, какъ налогъ для бѣдныхъ возросъ за 5 лѣтъ на 10%, народонаселеніе возросло только на 4%, т. е. процентъ возрастанія бѣдности почти въ три раза выше процента возрастанія населенія!!

6) Увеличилось число преступленій (осужденныхъ):

въ 1889 году 9.348, въ 1890—9.242, въ 1891—9.655, въ 1892—9.607, въ 1893—9.997¹⁾.

Но, быть можетъ, улучшилось положеніе капиталистовъ? Да, нѣ-которыхъ. Но для большинства вышло совсѣмъ наоборотъ: масса капиталистовъ, имѣющихъ сравнительно небольшіе капиталы, бро-шена была въ полную нищету, такъ какъ они не могутъ кон-курировать съ крупными капиталистами (припомните романъ Золя: «Au bonheur des dames»). Но и крупные капиталисты пережили рядъ разорительныхъ кризисовъ (въ 1809, 1810, 1815, 1818, 1826, 1830 гг. и т. д.); съ 1837 года кризисы повторялись почти каждыя 10 лѣтъ, а въ послѣднее время сбыть Англіи падаетъ во всѣхъ отрасляхъ ея производствъ. Это объясняется конку-ренціей другихъ странъ, между прочимъ, Японіи, которая завела у себя производство бумажной пряжи и многихъ другихъ товаровъ, ко-торые прежде получала отъ Англіи. Теперь же она сама перебываетъ у нея сбыть даже въ сосѣднія страны, напримѣръ, въ Китай. Дру-гимъ важнымъ конкурентомъ Англіи въ самое послѣднее время является Германія, вывозъ которой возрастаетъ. Итакъ, Англія убила у себя внутренній рынокъ, оторвавъ людей отъ земли, и образовала миллионный пауперизмъ: $\frac{1}{4}$ работающаго населенія содержитъ $\frac{3}{4}$ не-работающаго. Безъ занятій въ Англіи было по переписи 1891 года девять миллионовъ! Теперь въ Англіи начинаются судорожныя по-пытки вернуть голодныя массы на землю, экспропріиуя небольшіе участки земли для рабочихъ (Small Holding Act, 1892 года). Но это, очевидно, паліативы: легко было отучить земледѣльцевъ отъ ихъ труда, обративъ въ городскихъ жителей и фабричныхъ рабочихъ, но не такъ легко—произвести обратное, т. е. обратить городского человѣка въ усерднаго и умѣлаго, сильнаго и выносливаго пахаря! Къ этому люди приспособляются вѣками...

Итакъ, подводя итоги, не трудно видѣть, что Англія стоитъ на краю величайшихъ внутреннихъ бѣдствій и потрясеній, изъ которыхъ едва ли есть даже выходъ. Съ уменьшеніемъ сбыта увели-

¹⁾ Чтобы меня не обвинили въ сгущеніи красокъ, я еще не упомянулъ о многомъ другомъ: о почти полномъ распаденіи семьи, объ ужасномъ состояніи отцовъ, которые замѣнены своими дѣтьми и женами и должны питаться ихъ трудомъ, оставаясь въ бездѣлѣ и нравственныхъ пыткахъ, изъ которыхъ одинъ вы-ходъ — кабакъ; я не говорилъ о перепроизводствѣ, о банкротствахъ фаб-рикантовъ, влекущихъ закрытие фабрикъ и безхлѣбіцу десятковъ тысячъ семей, etc., etc... Въ послѣднее время, положеніе рабочихъ нѣсколько лучше, но исключи-тельно благодаря законамъ, изданнымъ для ихъ защиты, а также благодаря гро-мадному развитію рабочихъ союзовъ и коопераций. Цѣна хлѣба тоже понизилась (въ 1892 г.—12 р. 40 к., въ 1894 г. 8 р. 87 к. за квартеръ).

чивается число безработныхъ. Чѣмъ же будутъ кормиться эти много-милліонныя массы?!

Если мы примемъ во вниманіе, что развитіе буржуазнаго капитализма влечетъ такія же послѣдствія и въ другихъ странахъ, то намъ станетъ понятнымъ, почему наши народники еще въ 60-хъ годахъ боролись въ литературѣ съ поборниками западнаго капитализма, съ помощью которого эти послѣдніе надѣялись поднять нашу промышленность, нашу культуру и цивилизацію и даже улучшить правовое наше положеніе: вѣдь, въ Западной Европѣ оно де достигнуто въ эпохи господства капитализма. На это народники возражали, что, во-первыхъ, оно тамъ было достигнуто до эпохи капитализма¹⁾, оно было однимъ изъ условій его развитія, потому, что буржуазія, добившись политическихъ правъ и участія въ законодательствѣ, именно и поддерживала, и сама составила тѣ законы, которые отдавали на ея полный произволъ народныя массы; подъ видомъ «свободнаго договора» между нанимателемъ и нанимаемымъ, и посредствомъ принципа невмѣшательства власти въ эти «свободныя, юридическія» отношенія (принципъ *laissez faire*), и было достигнуто экономическое рабство западныхъ рабочихъ! Во-вторыхъ, народники доказывали, что свобода рабочаго фиктивна, такъ какъ онъ вынужденъ избирать или голодную смерть съ семьей, или соглашаться на какія угодно условія²⁾.

Зашита крестьянскаго землевладѣнія, и именно общиннаго, теперь вамъ вполнѣ понятна: безъ земли освобожденный народъ явился бы семидесяти-милліоннымъ пролетариатомъ, отаннымъ въ полное экономическое рабство каждого, кто имѣеть или собственный клокъ земли, или капиталецъ для устройства промышленнаго предприятия. Если бы при этомъ въ Россіи дѣло капитализма могло хотя немножко уподобиться его теченію на Западѣ, то введеніе машинъ и другихъ усовершенствованій, какъ въ земледѣліи, такъ и въ производствѣ, замѣняя тысячи рабочихъ рукъ одной машиной, создало бы у настъ уже цѣлые десятки миллионовъ безработныхъ пауперовъ-бродягъ, что просто ужасно себѣ представить, и что было бы величайшимъ абсурдомъ внутренней политики! Наконецъ, сохраненіе общини было необходимо потому, что безъ него мелкая крестьянская собственность не могла бы выдержать конкуренціи ни съ ка-

¹⁾ Такъ, въ Англіи политическая свобода была достигнута за нѣсколько столѣтій до эпохи капитализма; въ ея пріобрѣтеніи гораздо большую роль играло сектантство (Кромвель); во Франції она была завоевана во второй половинѣ XVIII в., а развитіе тамъ капитализма относится къ XIX столѣтію и т. д.

²⁾ Знаменитый англійскій поэтъ Соути, въ письмѣ 1833 г., говорить: «невольничья торговля по сравненію съ этимъ кажется самимъ милосердіемъ». Леклеркъ говоритъ: «въ ту эпоху (1841 г.) самое существование англійской націи подвергалось такой опасности, какою еще ни разу не грозилъ ей ни одинъ завоеватель» (*«Восп. и общ. въ Англіи»*, стр. 447).

кой болѣе крупной земельной собственностью; крестьянамъ пришлось бы продавать свои участки почти даромъ. Наконецъ, никакое правильное хозяйство немыслимо на участкѣ въ 2—3 десятины, безъ луговъ, безъ общаго пастбища и проч., т. е. безъ общины.

Но, помимо всего этого, была надежда, что съ развитиемъ народнаго образованія крестьяне поймутъ важное значеніе своей общини,— что они станутъ пользоваться своей общинной землей артелью и, такимъ образомъ, въ состояніи будутъ вводить тѣ же улучшенія, какія вводятся и въ крупныхъ хозяйствахъ, т. е. въ состояніи будутъ конкурировать съ ними, а, слѣдовательно, не только сохраняться, но и процвѣтать, развиваться въ высшія экономическая формы сотрудничества. Это казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что русскій крестьянинъ уже при крѣпостномъ правѣ выработалъ у себя ту привычку къ труду сообща, которую западному рабочему нужно было еще выработать въ себѣ, скопляясь на фабрикахъ. Наконецъ, въ общинѣ народники видѣли и воспитательное средство, развивающее въ людяхъ чувство солидарности, сотрудничества, взаимопомощи, способности завѣдывать своими общественными дѣлами, интересоваться ими и проч., и проч.

Въ то время ужъ было известно народникамъ учение знаменитаго экономиста Карла Маркса, стоявшаго одно время во главѣ «международнаго общества рабочихъ». Во многихъ своихъ выводахъ и надеждахъ народники опирались отчасти и на учение Маркса, хотя и не всѣ; кроме того, не всѣ положенія Маркса принимались народниками.

Но здѣсь я долженъ вкратцѣ изложить учение Маркса и пункты несогласія съ нимъ народниковъ, чтобы читателю было понятно послѣдующее.

II.

Въ основѣ учения Маркса лежитъ ученіе о цѣнности товаровъ.

При теперешнихъ экономическихъ (хозяйственныхъ) отношеніяхъ,— говорить онъ,— т. е. когда капиталъ находится въ рукахъ предпринимателя, а рабочій ничего не имѣтъ, кромѣ своей рабочей силы, и когда люди производятъ предметы не для собственного потребленія, а для обмѣна ихъ и даже не на другіе товары, а на деньги (по формулѣ = деньги — товаръ — деньги), рыночная цѣнность товара зависитъ отъ нѣсколькихъ условій. Прежде всего, естественно, что, когда мы производимъ какую нибудь вещь для ея обмѣна на другую, то мы стремимся взять за свою вещь столько другой вещи (например, за сапоги столько-то аршинъ холста), чтобы трудъ, вложенный нами въ нашу вещь, уравновѣшивался тѣмъ трудомъ, который вложенъ въ приобрѣтаемую вещь. Естественно это

потому, что, если бы я сшил сапоги въ 10 часовъ, а мнѣ за нихъ давали холста, сотканного въ 8 часовъ, то мнѣ было бы выгоднѣе самому соткать себѣ холстъ, а не шить сапоги.

Но, такъ какъ одинъ шьетъ сапоги скорѣе, другой медленнѣе, то хотя обмѣнъ и тяготѣеть къ обмѣну равнаго количества труда на равный трудъ, однако, если я, напримѣръ, шью сапоги 20 часовъ, тогда какъ въ моемъ городѣ шьютъ ихъ обыкновенно 10 часовъ, то мнѣ никто не дастъ за мои сапоги 20 часовъ, а пойдутъ къ другимъ сапожникамъ. Поэтому обмѣнъ тяготѣеть не къ дѣйствительно затраченному труду, но къ «общественно-необходимому» времени труда. (Нечего ужъ и говорить, что самый предметъ, чтобы имѣть мѣновую цѣнность, долженъ имѣть, непремѣнно цѣнность для потребленія, т. е. быть нуженъ, полезенъ).

Такимъ образомъ, цѣнность предметовъ тяготѣеть къ общественно-необходимому времени труда. Поэтому эта теорія называется трудовой теоріей цѣнности. Но, при существующихъ экономическихъ отношеніяхъ, и рабочая сила является товаромъ. Въ эпохи рабства и крѣпостнаго права покупался весь человѣкъ; владѣлецъ его долженъ былъ до извѣстной степени заботиться о немъ, какъ онъ заботится о всякой своей собственности: лошади, коровѣ. Но освобожденный рабочій продаетъ только свою рабочую силу, а потому на капиталистѣ не лежитъ никакихъ заботъ о немъ, какъ о человѣкѣ или предметѣ; у него только одна забота: какъ бы выгоднѣе использовать эту купленную имъ рабочую силу. Что же онъ платить за эту рабочую силу, покупая ее, положимъ, на сутки? По закону цѣнности, опредѣленному нами выше, рыночная цѣна рабочей силы должна тяготѣеть, какъ и цѣна всякаго товара, къ общественно-необходимому времени труда, затраченного на ея производство¹⁾. А рабочій затрачиваетъ на производство своей силы ежедневно тотъ продуктъ, который онъ потребляетъ или изнашивается въ день, чтобы продлить свое существованіе. Положимъ, что ему нужно употребить на это пять часовъ труда въ день. За это онъ и продаетъ свою силу. Но капиталистъ употребляетъ эту силу въ дѣло въ теченіе, положимъ, десяти часовъ. Значить, онъ за уплаченные пять часовъ получить продуктъ десятичасового труда, который и на рынкѣ долженъ имѣть цѣну, тяготѣющую къ десяти часамъ. То-есть, онъ получить пять часовъ лишнихъ. Предположимъ, что изъ этихъ пяти часовъ два часа идутъ на покрытіе расходовъ по приобрѣтенію матеріала, одинъ часъ — на покрытіе тѣхъ трать, которыя претерпѣваютъ машины и орудія производства, дѣлаясь болѣе ветхими, т. е. три часа идутъ на покрытіе издер-

¹⁾ Не мѣшаетъ замѣтить одно изъ важныхъ отличій труда, какъ товара, отъ другихъ товаровъ: если онъ не проданъ сегодня, то вся затрата на его производство, сдѣланная въ этотъ день рабочимъ, пропала навсегда.

жекъ производства. Капиталисту остается все же лишнихъ два часа труда; этотъ остатокъ Марксъ называетъ «прибавочной стоимостью». Изъ нея и только изъ нея можетъ происходить, следовательно, возрастаніе капитала. Вѣдь постоянный капиталъ (машины, орудія, матеріалы) не даетъ прибыли; онъ только окупается. Прибыль дается только трудомъ рабочаго (перемѣннымъ капиталомъ, по терминологии Маркса). Прибыль есть реализированная на рынкѣ прибавочная стоимость. Я не буду излагать другихъ положеній; упомяну лишь объ одномъ, которое развито уже въ 3-мъ томѣ, вышедшемъ недавно: на рыночную цѣну товара оказывается влияніе и еще одно обстоятельство: представьте себѣ, что дивидендъ (т. е. известный процентъ прибыли на затраченный рубль) оказался бы у фабриканта ситца ниже, чѣмъ у фабриканта шелковыхъ издѣлій. Конечно, фабрикантъ ситца постарался бы обратить свой капиталъ на производство шелковыхъ тканей и бросилъ бы выработку ситцевъ. Этимъ онъ понизилъ бы прибыль шелковыхъ фабрикантовъ, явившись ихъ конкурентомъ и повысилъ бы (косвенно) прибыль бумажныхъ фабрикантовъ, устранившись отъ конкуренціи съ ними. Въ силу этого, конечно, при условіи полной свободы и подвижности капиталовъ, прибыль всѣхъ капиталистовъ должна тяготѣть къ средней прибыли, т. е. уравниваться (по процентному отношенію къ затраченному капиталу).

Какой же отсюда практическій выводъ?

Если капиталъ есть созданіе только труда, т. е. рабочаго, то онъ и долженъ принадлежать рабочему. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если орудія и матеріалы производства будутъ принадлежать самому же рабочему.

А какъ же этого достигнуть?

Это сдѣлаетъ, по мнѣнію Маркса, самъ же капитализмъ: онъ имѣть свойство скопляться все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, такъ какъ имѣетъ свойство побѣждать въ конкуренціи болѣе мелкія, слабыя или непредпріимчивыя предпріятія. (Такъ дѣлошло, действительно, когда писалъ Марксъ, но затѣмъ этотъ «законъ» былъ измѣненъ самой жизнью, такъ какъ мелкіе капиталисты стали образовывать огромныя акціонерныя общества). И вотъ Марксъ предсказывалъ, что, въ концѣ концовъ, капиталъ сосредоточится у двухъ-трехъ капиталистовъ-мамонтовъ. А такъ какъ противъ нихъ будетъ все остальное общество, то оно легко экспроприируетъ (т. е. отбереть) у нихъ эти капиталы¹⁾.

Въ подкрѣпленіе этого экономического ученія Марксъ создалъ философско-историческую теорію, называемую обыкновенно «экономическимъ матеріализмомъ» (а также «діалектическимъ матеріализ-

¹⁾ Оправдженіе этого предсказанія было сдѣлано бельгийскимъ профессоромъ Вильямомъ Грэмъ.

момъ»). Теорія эта состоитъ въ томъ, что въ основѣ всѣхъ явлений исторіи лежатъ экономическая отношенія¹⁾). Эти экономическая отношенія (рабство, крѣпостной трудъ, домашнее производство, буржуазно-капиталистическое производство) слѣдуютъ другъ за другомъ съ неизбѣжностью законовъ природы, однако, тамъ, где для этого существуютъ известныя условія. Самъ Марксъ, въ письмѣ къ Салтыкову (Щедрину), по поводу одной статьи Н. К. Михайловскаго, говоритъ, что онъ вовсе не считаетъ капитализмъ неизбѣжнымъ для всѣхъ странъ, временъ и условій. Онъ полагаетъ даже, что Россія могла бы его избѣгнуть, если бы, съ момента освобожденія крестьянъ, не сдѣлала многихъ шаговъ по пути къ возвращенію у себя капитализма. Но она сдѣлала въ этомъ направлениі уже такъ много, что повернуть назадъ для нея, по его мнѣнію, невозможенъ, и она должна будетъ испытать судьбу западныхъ странъ.

Теперь посмотримъ, съ чѣмъ не соглашались у Маркса народники.

Одни изъ нихъ совершенно не признавали неизбѣжности капитализма въ Россіи, доказывая, что онъ и теперь держится только покровительственной системой²⁾). Они утверждали, что не только наша община, но и артели кустарей, если ихъ поддержать кредитомъ, если въ нихъ будутъ внесены техническія и экономическая знанія, разъясняющія значеніе усовершенствованій, разъясняющія важность артельного начала и страшной народной бѣды отъ развитія капитализма etc., etc.—будутъ способны настолько конкурировать съ капитализмомъ, что не допустятъ его развитія. Такимъ образомъ, Россія явится совершенно своеобразной страной въ своемъ экономическомъ развитіи и строѣ.

Нѣкоторые же признавали возможность развитія капитализма, но, однако, все-же совершенно оригинального: такъ какъ русскій рабочій останется и земельнымъ общинникомъ, то у него будетъ въ землѣ (не отчуждаемой, общинной, а потому и не побѣдимой капиталистическимъ всезахватомъ) прочная опора противъ экономического порабощенія, западно-европейского пролетариата и пауперизма. Даже тѣ неудачники-землемѣдѣльцы, которымъ не повезло на землѣ и которые ушли на фабрику, способны будутъ, поправивъ свои дѣла этимъ «отходжимъ» промысломъ, возвращаться къ землѣ,

¹⁾ Право, мораль, философія, даже наука—суть лишь «надстройки» надъ различными послѣдовательными ступенями экономическихъ отношеній.

²⁾ То-есть, высокими пошлинами на товары, ввозимые къ намъ изъ-за границы. Благодаря этому, къ цѣнѣ товара, ввозимаго къ намъ, прибавляется и та ввозная пошлина, которая за него уплачена; поэтому цѣна его гораздо выше настоящей. Это позволяетъ русскому фабриканту продавать и свой товаръ дороже. Этотъ излишекъ переплачиваетъ русскимъ капиталистамъ нашъ потребитель — вы, я, народъ...

когда на фабрикѣ имѣть будетъ тяжело. Этимъ будетъ поддерживаться известная высота заработка. Она будетъ поддерживаться и сильными внутренними рынками, такъ какъ обширные массы крестьянъ-общинниковъ будутъ надежными потребителями. Этотъ взглядъ представляется очень практическимъ (онъ развивается, между прочимъ, и профессоромъ Менделѣевымъ). Фабрика является съ этой точки зрения чѣмъ-то въ родѣ временного экономического госпиталя, куда идутъ временно экономически захудалые элементы, чтобы возвращаться къ землѣ съ возобновленными экономическими силами и давать мѣсто тѣмъ, кто въ это время успѣлъ захвачать экономически. Надо замѣтить, что между послѣдователями Маркса на Западѣ существовалъ иной взглядъ даже и на такое мирное (стносительно капитализма) народничество. Марксисты западные видѣли исходъ для европейскихъ обществъ только въ развитіи пролетариата, въ увеличеніи числа городскихъ рабочихъ: вѣдь только этого рода классъ можетъ сознать себя, какъ нѣчто единое, интересы которого противоположны интересамъ другихъ классовъ и въ томъ числѣ земледѣльцевъ, которые на Западѣ являются мелкими собственниками, страстно держатся за свою собственность и явятся прямыми врагами идеи пролетариата: вѣдь сущность этой идеи въ томъ и состоитъ, что отрицается личная собственность, а признается только колективная (всеобщая). Поэтому западный марксизмъ почти до самого послѣдняго времени рѣшалъ игнорировать деревню, не помогать ея благосостоянію, какъ враждебному идеи пролетариата, и сосредоточить всѣ свои силы на развитіи «классового сознанія» въ городскихъ пролетаріяхъ. Лишь въ недавнее время (на конгрессѣ въ Бреславль) мнѣнія раздѣлились: нѣкоторые изъ выдающихся членовъ конгресса доказывали, что возможно примирить положительныя мѣры на пользу крестьянства съ воспитаниемъ сельского населения въ демократическомъ духѣ, и что опасно уступать это поле другимъ, реакціоннымъ партіямъ, которыхъ уже наложили на это дѣло свою руку.

Но часть западныхъ марксистовъ осталась и нынѣ при прежнемъ взглядеѣ, и это весьма понятно, если мы примемъ во вниманіе процентное отношеніе на западѣ земледѣльцевъ къ промышленнымъ рабочимъ¹⁾). Тамъ нѣть особыхъ основаній опасаться, что реакція разрозненного и сравнительно небольшого земледѣльческаго класса въ состояніи побѣдить стройную, сплоченную, организованную въ союзы (и въ союзы союзовъ) армію промышленныхъ рабочихъ.

Еще менѣе было склонно наше народничество согласиться съ экономическимъ материализмомъ Маркса. У насъ до второй половины девяностыхъ годовъ пользовалась особой популяр-

¹⁾ Въ Англіи на 10½ миллиона рабочихъ мужскаго населенія 6.700,000 работниковъ, т.-е. около 2/3 всего населенія; въ Германіи на 44.222,113—болѣе 16 миллионовъ рабочихъ, а земледѣльческаго класса 19 миллионовъ.

ностю такъ называемая субъективная теорія¹⁾ развитія или прогресса. И этой теоріи держались почти всѣ «народники», хотя я думаю, что можно быть марксистомъ, не будучи субъективистомъ, и можно быть народникомъ, являясь въ то же время экономическимъ материалистомъ. Таковъ былъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ народниковъ, Юзовъ, дѣлавшій, однако, изъ экономического материализма совсѣмъ противоположные выводы, сравнительно съ марксистскими.

Несколько лѣтъ тому назадъ, почти одновременно, вышли въ свѣтъ двѣ книжки (Бельтова и Струве), въ которыхъ съ необыкновенной рѣзкостью, глумлениемъ, презрительными шутками и насмѣшками сдѣлано было нападеніе главнымъ образомъ на субъективизмъ нашихъ народниковъ. Ихъ теорія противополагалася «экономической материализму»²⁾. При этомъ дѣлались выводы о необходимости наступленія у насъ стадіи капитализма, безъ котораго де не мыслимъ никакой дальнѣйшій прогрессъ. Лучшее будущее достичимо только переходомъ черезъ капиталистическую стадію. Поэтому все что мѣшаетъ этой послѣдней (въ томъ числѣ община, кустарные промыслы, артели etc.), не только вредно для прогресса, но и осуждено погибнуть по естественному ходу вещей, по закону развитія экономическихъ отнosiеній. Поэтому де народники, стремящіеся охранить эти отжившіе, неизбѣжно гибнущіе и уже погибшіе на западѣ остатки старины, не понимаютъ, что дѣлаютъ, напрасно мороочатъ и себя, и людей... Надежда народниковъ на то, что можно поддержать эти остатки прошлаго, вдохнувъ въ нихъ новую живую душу, есть утопія и результатъ ихъ непониманія исторического процесса: прогрессъ создается не личностями, а борьбой классовъ, выступающихъ постепенно на поприще исторіи со своими классовыми (экономическими) интересами.

— Правда,—прибавляли марксисты,—въ личности могутъ зарождаться всякія идеи и утопіи, но берется изъ нихъ исторіей только то, что назрѣло въ потребностяхъ и сознаніи классовъ. Только такія идеи могутъ прививаться и побѣждать. Поэтому надежда на то, что идеи народниковъ будутъ кѣмъ либо поддержаны среди современного общества, въ которомъ на очереди стоятъ совсѣмъ иные

¹⁾ Субъективисты полагаютъ, что не экономическая отnosiенія создаютъ идеи, право, мораль и т.-д., а, наоборотъ, сами эти отnosiенія создаются человѣческими стремленіями, а, стало быть, и идеями, идеалами. Прогрессъ создается самимъ человѣчествомъ въ его стремленіи къ своимъ идеаламъ. У прогресса неѣтъ иного критерія, кроме наибольшаго блага личности, состоящаго въ ея всестороннемъ развитіи. Изъ борьбы личностей (индивидуальностей) за свои особенности и создается прогрессъ. Мѣриломъ прогресса или формулой его считалось наибольшее развитіе личности (наибольшаго числа личностей) въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отnosiеніяхъ.

²⁾ См. объясненіе этой теоріи выше.

«классовые интересы», такая надежда—чистое заблуждение. Русское общество настолько охвачено капиталистическим течениемъ, что вся деятельность симпатіи окажутся на его сторонѣ, и оно побѣдить, поэтому, неизбѣжно. И обѣ этомъ нечего печалиться, этому надо радоваться, такъ какъ это и есть тотъ путь, которымъ мы придемъ къ свѣтлому грядущему, и т. д.

Съ этого и началась борьба. Сперва она была только книжной и журнальной, но мало-по-малу охватила и практическіе вопросы, коснулась и живой народной жизни. Такъ, всѣ попытки народничества въ направленіи практическаго осуществленія его идей, напримѣръ, къ охраненію общины, къ поддержанію кустарныхъ артелей кредитомъ, къ образованію новыхъ артелей—земледѣльческихъ и промышленныхъ, вообще всякия попытки народниковъ помочь тѣмъ или другимъ способомъ земледѣльческому труженику, вызвать тѣ или другія мѣропріятія въ его пользу, или мѣропріятія, способныя замедлить развитіе капитализма, вышучивались и статьями, и цѣлыми трактатами, въ которыхъ цифры и факты подбирались тенденціозно, часто неправильно (см., напримѣръ, разборъ, сдѣланный Каблуковымъ, въ февральскихъ №№ «Русскихъ Вѣдомостей», докторской диссертациіи доцента университета Туганъ-Барановскаго).

Изъ этого краткаго изложенія взглядовъ напихъ нео-марксистовъ читателій могутъ видѣть, что случилось снова то, что уже не разъ случалось въ исторіи нашего развитія, вслѣдствіе болѣе стольніей оторванности русской интеллигенціи отъ жизни народа: въ то время, какъ во многихъ губерніяхъ крестьяне изнемогаютъ отъ недорода, пытаются хлѣбомъ съ мякиной, а иногда и такого хлѣба не имѣютъ,—въ то время, какъ они сняли даже соломенные крыши со своихъ избъ, чтобы кормить скотъ и тѣмъ не менѣе во многихъ губерніяхъ насчитываются до 35% и болѣе безлошадныхъ, т. е. неспособныхъ къ труду, въ то время, какъ прежде всего необходима существенная помощь сельскому труженику, поддержка и развитіе его производительныхъ силъ, его общины, его кустарныхъ промысловъ и артелей и преобразованіе ихъ въ высшія, болѣе научные формы,—въ это время огромная часть нашей интеллигенціи пересаживается цѣликомъ съ Запада таможнія теоріи и программы дѣятельности, совершенно не замѣчая безграничной разницы условій тамъ и у насъ: подражая западнымъ марксистамъ, отрицающимъ помощь благосостоянію сельского труженика, и нашъ марксизмъ отрицаетъ всякую помощь сельскому населенію и совѣтуется всѣ силы интеллигенціи обратить на дѣятельность въ пользу рабочаго класса. Но такъ какъ тутъ, на первыхъ же шагахъ, онъ натыкается на противорѣчіе между чужой программой и русской дѣятельностью, то выходитъ цѣлый рядъ самыхъ невѣроятныхъ послѣдствій. А именно: на Западѣ ужъ образовался огромный классъ пролетаріевъ, могучій и своей числен-

ностью, и своей классовой сознательностью; тамъ капитализмъ, въ своемъ высочайшемъ развитіи, а у насъ еще не можетъ ходить безъ помочей протекціонизма; тамъ—рабочій классъ уже составляетъ политическую силу, принимая участіе въ парламентахъ; тамъ существуетъ свобода сходокъ, печати, ассоціацій и союзовъ; наконецъ, тамъ — этотъ классъ почти большинство страны. У насъ все это противоположно. Что же остается дѣлать? Какъ примѣнить чуждую программу дѣятельности къ тому, что совершенно противоположно? Приходится и ее вывернуть на изнанку.

На Западѣ марксисты борются съ капитализмомъ, организуютъ обширные союзы рабочихъ и союзы союзовъ, устроиваютъ митинги, конгрессы, издаются газеты для рабочихъ etc, etc. У насъ приходится нео-марксистамъ, наоборотъ, умолять капитализмъ: «голубчикъ, развейся поскорѣе въ Россіи! Какой же ты лѣнтий! Дайте намъ западныхъ капиталистовъ на разводку! Допустите ихъ полную свободу скучать у насъ земли, рыть наши скрытые горныя богатства, рубить лѣса и строить фабрики!» Однимъ словомъ, идеиный марксизмъ обращается въ самый пламенный капитализмъ, какого даже и на Западѣ не бывало. Вѣдь, тамъ люди, стремясь по этому пути, имѣли въ виду личную выгоду, экономической интересъ. У насъ эти «теоретические» нео-капиталисты одушевлены идеей совершенно безкорыстной, идеей будущаго рая пролетаріевъ. Сами они не капиталисты и не рабочіе, они просто русскіе интеллигенты, они скорѣе всего стоятъ въ томъ положеніи, въ какомъ была французская буржуазія XVIII вѣкѣ, добивавшаяся «правъ человѣка», пока изъ нея не образовался классъ настоящихъ капиталистовъ.

И вотъ это первое противорѣчіе заставляетъ нашихъ марксистовъ вообразить, что они сами воплощаются въ себѣ рабочій классъ русскаго народа, что они сами пролетаріи (заявленіе М. М. Филиппова во время преній о моемъ докладѣ въ «Обществѣ промышленности и торговли»). Но такъ какъ они не сидятъ въ шкурѣ рабочаго, а въ большинствѣ, сидѣть прекрасно въ своихъ кабинетахъ, получая казенное или профессорское или редакторское жалованье, то, чтобы успокоить свою совѣсть, они изобрѣтаютъ новую этическую теорію: по этой теоріи, необходимо заглушать въ себѣ всѣ человѣчныя чувства состраданія, жалости, нужно подавить въ себѣ всякую симпатію къ грядущимъ страданіямъ миллионовъ людей, а загипнотизировать себя одной идеей, однимъ образомъ, образомъ далекаго, грядущаго рая. Этимъ способомъ, гдѣ, вместо сердца, представляется яко бы наука и научный законъ, обѣщающій райское блаженство, нео-марксисты доводятъ своихъ послѣдователей почти до религіознаго состоянія. Изъ практической теоріи, опирающейся на науку, каковыми онъ является на Западѣ, тотъ же марксизмъ у насъ становится почти религіозной сектой, со всѣми признаками подобныхъ сектъ: у него есть всемогущее и вездѣсущее существо,

подъ именемъ «закона экономическихъ отношеній», есть священные книги, цитируемые безъ всякой критики, подобно тому, какъ наши старообрядцы цитируютъ свои книги; у него есть свои пророки, за которыми бѣгаютъ, которымъ «внимаютъ», какъ оракуламъ; у нихъ есть страхъ соблазна со стороны «нечестивыхъ», есть, наконецъ, фанатическая нетерпимость къ чужому мнѣнію, не позволяющая имъ говорить о другихъ теоріяхъ иначе, какъ съ укорами, озлобленіемъ, осужденіемъ и презрѣніемъ; свою «истину» они считаютъ безусловной; своихъ пророковъ—непогрѣшими...

Подобное обращеніе западныхъ, практическихъ теорій въ нѣкоторое подобіе религіозныхъ вѣрованій весьма характерно для русской молодой интеллигенціи не только въ данномъ случаѣ, но и вообще. Я уже упоминалъ, что и народничество доходило почти до религіознаго обоготворенія крестьянина. Объясняется это также (отчасти) оторванностью интеллигенціи отъ народа, невозможностью близко знать реального народа или рабочаго, съ его житейскими недостатками; невозможностью свободно обсуждать вопросы его жизни и практически работать для нихъ. Запретъ на нѣкоторыя идеи, на свободное сближеніе и единеніе съ массой, приводить къ тому, что эти идеи и это единеніе покрываются туманомъ таинственности, приводящей почти къ религіозному мистицизму. А если являются и жертвы, то это еще болѣе усиливаетъ мистической престижъ, устранивъ всякую возможность критического отношенія. Тѣмъ не менѣе я попробую сдѣлать въ наиболѣе общедоступной формѣ разборъ основныхъ положеній марксизма, имѣющихъ наибольшій практическій интересъ.

III.

Самой поразительной ошибкой этого пересадочного ученія является то, что, утверждая неизбѣжность повсемѣстного развитія капитализма, оно подразумѣваетъ подъ словомъ капитализмъ только «буржуазный» капитализмъ, т. е. такой, какимъ онъ явился въ Англіи и Западной Евроپѣ. На самомъ дѣлѣ, сила распространенія капитализма зависитъ вовсе не отъ того, будетъ ли капиталъ принадлежать одному лицу, или акціонерной компаніи капиталистовъ, или цѣлой націи, или артели, въ которой акціонерами являются сами рабочіе.

Сила распространенія капитализма,—какъ мы видѣли въ моемъ изложеніи исторіи капитализма въ Англіи,—зависитъ, во-первыхъ, отъ возможности, открывающейся для крупнаго капитала (все равно какого—единоличнаго, акціонернаго, національнаго или артельнаго), вводить машины и другія научно-техническія изобрѣтенія, увеличивающія производительность труда каждого рабочаго въ тысячи и десятки тысячъ разъ. Въ этомъ же, и только въ этомъ, лежитъ его способность поглощать мелкіе капиталы, а тѣмъ болѣе домаш-

нее (или кустарное) производство, если оно не организовано въ обширную артель съ крупнымъ капиталомъ. Безъ этого условія, мелкій капиталъ или маленькая артель, не вооруженные тѣми же экономическими митральезами, конечно, будутъ побѣждены, какъ будеть побѣженъ какой угодно герой, если онъ, какъ Давидъ, выступить противъ современаго монитора въ простой лодкѣ и вооруженный прапоромъ.

Во-вторыхъ, для возростанія капитализма нужны рынки сбыта. Если ихъ мало, то развитіе капитализма не пойдетъ дальше того скромнаго процвѣтанія, какое было въ Англіи до побѣдъ, давшихъ въ ея руки Востокъ и Америку.

Не думайте, что она не имѣла въ то время свободныхъ капиталовъ. Наоборотъ: войны XVII столѣтія произвели въ Англіи такое гигантское скопленіе капиталовъ, лежавшихъ въ бездѣйствіи, благодаря войнѣ, что подобного скопленія, быть можетъ, никогда еще не бывало и не будетъ въ исторіи этой страны. Историкъ этой эпохи говоритъ: «то было время какой-то бѣшеной горячкі... сотни компаний возникали ежедневно». Въ Лондонѣ возникла даже «компания для передѣлки соленої воды въ прѣсную, компания на-сажденія тутовыхъ деревьевъ и развитія шелководства» вблизи Лондона. Была даже компания для вывоза изъ Испаніи огромнаго количества ословъ, чтобы развести въ Англіи крупную породу ихъ! Какъ велики были капиталы, не находившіе себѣ примѣненія, видно изъ того, что одна компания предлагала правительству въ заемъ 54 миллиона рублей, и т. д., и т. д. И несмотря на существованіе такихъ громадныхъ капиталовъ, несмотря на горячечную жажду наживы, капитализма (въ современномъ смыслѣ) не было, потому что не было рынковъ и научныхъ, техническихъ изобрѣтеній. Но достаточно было имъ появиться, какъ совершился тотъ «взрывъ вулкана», который въ нѣсколько лѣтъ совершилъ промышленную революцію. Марксисты толкуютъ это явленіе обратно, они говорятъ: потому и явились научныя открытия и изобрѣтенія, что они были нужны производству. Однако, исторія побиваетъ ихъ предвзятую теорію зависимости всѣхъ явленій отъ экономическихъ отношеній. Кто же не знаетъ исторіи Колумба? Развѣ онъ работалъ для капитализма? Развѣ онъ не встрѣтилъ гоненій и преслѣдованій со стороны тогдашняго общества и государства? Машина, изобрѣтенная Уаттомъ, была только подражаніемъ машинѣ, изобрѣтенней ранѣше во Франціи Папеномъ (Dénis Papin), ученикомъ Гюйгенса. Ея описание появилось впервые въ «Энциклопедіи», т. е. задолго до возникновенія капитализма во Франціи и Англіи. Изобрѣтатель ткацкаго станка, Картрейтъ, вовсе не принадлежалъ даже къ промышленному классу: это былъ пасторъ въ Кентѣ и т. д.

Итакъ, очевидно, что, если въ Англіи и вообще на Западѣ капитализмъ развился именно, какъ буржуазный капитализмъ, а не

какой нибудь иной (национальный, артельный), то это зависѣло отъ причинъ совершенно исключительныхъ. Англійское государство было представительнымъ, чуждымъ какихъ бы то ни было экономическихъ национальныхъ предпріятій. Всѣ капиталы были въ рукахъ буржуазіи, которая и воспользовалась первая научными, техническими и географическими открытиями. Народныя массы не обладали ни знаніями, ни капиталомъ, ни даже кредитомъ, и, понятно, что не могли организоваться въ артельные предпріятія, подобныя капиталистическимъ. Наконецъ, ни у этихъ массъ, ни у государства не было еще того страшнаго опыта, который въ теченіе столѣтія открылъ глаза всѣмъ европейскимъ націямъ на бѣдствія, сопряженныя съ буржуазнымъ капитализмомъ. Достаточно уже одного этого опыта, что, создавъ миллионы пауперовъ, онъ создалъ въ ихъ средѣ такъ называемый анархизмъ...

Прошло сто лѣтъ, сто лѣтъ опыта, и нась хотять убѣдить, что необходимо продѣлать тотъ же путь, потому де, что таковъ «законъ экономического развитія», таковое непреоборимое свойство капитала—развиваться и пожирать все, пока онъ не пожреть самого себя.

Да, говорю я, у капитала есть это непреоборимое свойство, но оно лежитъ вовсе не въ буржуазномъ капиталѣ, а во всякомъ, который въ состояніи примѣнить къ производству паръ, электричество, машины, раздѣленіе труда и воспользоваться рынками внутренними или внешними. Въ этомъ свойствѣ капитала нѣтъ ничего мистического, какъ думаютъ нео-марксисты, нѣтъ никакого таинственного закона, а лежитъ самый простой и обыденный законъ: если изобрѣтены способы увеличить производительность труда въ тысячу разъ и если для этого есть средства и потребность, то никто уже не будетъ работать первобытными орудіями и голыми руками. Вотъ и все. Но чтобы работать не голыми руками и не первобытными орудіями, нуженъ капиталъ, нужно нѣкоторое знаніе хотя бы значенія машинъ (установить и сдѣлать и будутъ ими управлять специалисты). Значитъ, совершенно безразлично для этого «закона», будетъ ли владѣть капиталомъ одно лицо, или акціонерное общество, или артель, или государство. Достаточно просвѣтить артель настолько, чтобы она поняла свое значеніе, чтобы она узнала, что такое кредитъ, а затѣмъ, конечно, государство должно позабочиться объ этомъ кредитѣ въ широкихъ размѣрахъ, какъ оно до сихъ поръ заботилось о кредитѣ буржуазному капитализму. Развѣ этотъ капитализмъ живетъ и работаетъ не кредитомъ? И развѣ артель заслуживаетъ меньшаго довѣрія, чѣмъ единоличный буржуа-спекулянтъ или десятки такихъ же спекулянтовъ?

Наоборотъ, артель заслуживаетъ большаго довѣрія, такъ какъ она образуется изъ людей труда, дорожащихъ каждымъ грошомъ, а не изъ случайныхъ «баловней судьбы», швыряющихъ деньги направо и налево, залѣзающихъ въ большіе и большиіе долги для удовлетворенія своихъ прихотей и фантазій...

Наконецъ, артель и потому заслуживаетъ большаго кредита, что она создаетъ потребителей внутренняго рынка, развивая благосостояніе въ массахъ, тогда какъ буржуазный капитализмъ неизбѣжно сокращаетъ внутренній рынокъ, дѣлая сотни тысячи и миллионы людей безработными нищими и бродягами. Надежды на вѣшніе рынки, какъ мы уже показали на примѣрѣ Англіи,—крайне наивны. Всѣ такие рынки могутъ существовать до поры до времени, пока цивилизација не проникнетъ въ мѣста нынѣшняго сбыта. А она теперь проникаетъ повсюду съ быстротой небывалой прежде. Мы приводили въ примѣръ Японію. Но послушайте, что рассказываютъ даже обѣ Австраліи! И, наконецъ, самъ Китай, это воплощеніе застоя въ теченіе тысячелѣтій, теперь натуживается и готовъ стремительно броситься на тотъ же путь широкой промышленности при помощи европейскихъ изобрѣтеній.

О вѣшніхъ рынкахъ сбыта одинъ изъ самыхъ выдающихся западныхъ марксистовъ, Каутскій, сказалъ въ Эрфуртской программѣ: «капитализмъ имѣть своей основой безпредѣльное увеличеніе производства, но именно въ этомъ-то и лежитъ его смерть, такъ какъ природа создала земной шаръ черезчуръ малымъ» (*sie hat die Erdball sehr klein gemacht*).

Такимъ образомъ, марксизмъ напрасно указываетъ на то, что если де въ Англіи вывозъ падаетъ, за то онъ возрастаетъ въ Германіи, Японіи и т. д. Да, вѣдь, все это—временные вспышки сбыта, какъ онѣ были и въ Англіи. Но въ концѣ концовъ, и Германія, и Японія, будутъ приведены къ тому же концу, и это уже, дѣйствительно, неизбѣжно, какъ законъ природы: вѣдь, это законъ природы, что земной шаръ не выростаетъ въ угоду капиталистической потребности въ сбытѣ! Вѣдь, это законъ природы, что цивилизација, наука, культура, развиваются повсюду, создавая въ самыхъ отдаленныхъ и варварскихъ странахъ тѣ производствы, которыми они пользовались ранѣе посредствомъ ввоза. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ выгоднѣе производить, чѣмъ въ другихъ, тотъ или другой товаръ, по условіямъ болѣе удобнаго полученія сырья. Такимъ образомъ, обмѣнъ между различными странами останется, вѣроятно, всегда, но въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, а именно въ предѣлахъ тѣхъ товаровъ, которые представлять наибольшую дешевизну по мѣстнымъ условіямъ. Такихъ товаровъ немного, да и на нихъ всегда найдутся конкуренты, такъ какъ одни и тѣ же условія (на примѣрѣ, въ Россіи земледѣльческое, горное сырье и т. п.) существуютъ вовсе не единственно у нашей страны.

Но допустимъ даже, что Россія будетъ имѣть еще на сотни лѣтъ вѣшніе рынки, что она побѣдить дешевизной своихъ товаровъ конкуренцію другихъ странъ (хотя это—нелѣпость: вѣдь, ей придется все заводить сначала, затрачивать огромные основные капиталы, тогда какъ у конкурентовъ все это уже заведено),—до-

пустимъ, однимъ словомъ, что капитализмъ у насть процвѣтеть, побѣдить всѣхъ и т. д., но почему же это долженъ быть капитализмъ буржуазный, то-есть съ капиталами единоличными или акціонерными, а не съ капиталами артельными, не съ капиталами національными?

Если отвѣтять, что такія предпріятія не шли, то надо сперва изслѣдовать, безъ марксистскихъ предвзятыхъ идей, почему они не шли. Здѣсь изслѣдовать этотъ вопросъ было бы долго. Но на Западѣ они плохо развивались отъ причинъ весьма простыхъ: попытки національныхъ мастерскихъ 1848 года были уничтожены буржуазнымъ министерствомъ, знаменитый банкъ Прудона былъ закрытъ Наполеономъ III по настоянію буржуазныхъ капиталистовъ; противъ ассоціацій Шульца-Делича возстало не только буржуазія, но и западный марксизмъ, увидавшій въ нихъ препятствіе къ скорѣйшему царству пролетаріата etc., etc...¹⁾.

Но въ то время, повторяю, ни правительства, ни общественное мнѣніе еще не имѣли того опыта бѣдствій, какой имѣемъ мы въ концѣ XIX вѣка. Утверждать, что для человѣчества ничего не значитъ «чужой» опытъ, что надо пережить его на собственной спинѣ (какъ утверждалъ г. Струве въ своей книгѣ, ссылаясь на нѣмца Зиммеля), значитъ считать человѣчество глупѣемъ многихъ животныхъ и даже птицъ: и они видя, что одна попала въ капканъ, обходятъ это мѣсто. Одни только бараны, да и то не всѣхъ породъ, прыгаютъ вѣсна на томъ мѣстѣ, гдѣ прыгнулъ черезъ препятствіе передовой баранъ, хотя потомъ это препятствіе уже устраниено. Неужели русская нація не умнѣе этихъ барановъ?

IV.

Я до сихъ поръ разсматривалъ идеи неомарксизма съ точки зрењія политico-экономической и отчасти философско-исторической. Не желая растягивать своей статьи, я не войду въ болѣе подробное опроверженіе экономического материализма. Достаточно немножко знать исторію, чтобы понять его насильственную подогнанность къ мечтамъ о будущемъ раѣ. Каждый знаетъ, что экономическая потребности играли роль въ первобытномъ состояніи человѣчества. Но даже и у дикарей, — какъ замѣтилъ Спенсеръ, — «украшающее предшествуетъ полезному», и дикарь лучше будетъ голодать нѣсколько дней, чѣмъ выйдетъ къ знакомымъ безъ известной раскраски и татуировки своего тѣла.

¹⁾ Обыкновенно марксисты указываютъ только на неудачные опыты, не изслѣдуя вовсе причинъ неудачъ. Такъ, напримѣръ, указываютъ на наши горные, казенные заводы, а не принимаютъ во вниманіе хотя бы берлинского городского хозяйства, идущаго превосходно. При такомъ сопоставленіи выяснилось бы, что неудачи зависятъ не отъ существа дѣла, а отъ системы его веденія.

По мѣрѣ культивированія людей, выступаютъ все больше и больше на первый планъ потребности нравственныя, умственныя, религіозныя, общественно-національныя и т. п. Леонидъ Спартанскій, Муцій Сцевола, мученики религіи, мученики науки, мученики общественныхъ идей, совершенно чуждые личныхъ или классовыхъ интересовъ, напримѣръ, наши раскольники самосожигатели, «блѣлые голуби», раскольники, зарывавшіеся живыми въ землю, наконецъ, тѣ наши народники и тѣ марксисты, которые готовы принести въ жертву все, лишь бы служить родному народу въ его цѣломъ или только въ одной его фракціи (городскихъ рабочихъ),— какие экономические или классовые интересы двигаютъ ими? Сами они—не крестьяне, не рабочіе, а просто русскіе интеллигенты. Руководить ими не корысть, ибо ихъ желанный рай придетъ, даже по ихъ расчетамъ, только послѣ ихъ смерти! Ими руководить инстинктъ симпатіи, та мука оторванности отъ народа, то его искашеніе, та страстная, почти религіозная любовь къ нему, о которой я говорилъ въ началѣ (другой вопросъ, почему эта любовь принимаетъ фантастическое направленіе и пересаживается цѣликомъ чуждая программы,—объ этомъ я также говорилъ, — это также плоды нашего исторического разрыва съ народомъ).

Итакъ, обходя эту часть задачи, какъ черезчуръ очевидную, коснусь болѣе практическаго вопроса.

Нашъ неомарксизмъ отвергаетъ работу среди земледѣльческихъ тружениковъ на такихъ основаніяхъ, которыя до извѣстной степени понятны и естественны на Западѣ, но которыя, когда пройдетъ время молодого экстаза, когда опять разбѣгнется quasi-религіозное вѣрованіе, охватившее нѣкоторые умы,— покажутся невѣроятными, немыслимыми самимъ проповѣдникамъ такой программы. Я уже не говорю о грядущемъ поколѣніи...

Это послѣднее будетъ съ изумленіемъ спрашивать себя: какъ же эти люди не видѣли тѣхъ выводовъ, къ которымъ ихъ должны были привести даже самыя общія цифры статистики, напримѣръ, отношеніе въ Россіи ремесленныхъ тружениковъ къ земледѣльческимъ? Какъ они могли разсчитывать, что 2% на 100 могутъ побѣдить этихъ 100?! Какъ они не видѣли простой ариѳметической истины, что 98 больше двухъ въ 49 разъ, и что, проповѣдуя антагонизмъ городского рабочаго противъ земледѣльца, не желая заботиться о просвѣщеніи и развитіи земледѣльца, они на каждого городскаго рабочаго возстановляютъ 49 поселянъ? Правда, они надѣются, что, если дать право общинникамъ продавать кому угодно свои земельные надѣлы, то отношеніе пролетаріевъ къ земледѣльцамъ будетъ очень скоро иное. Но какое же? Если мы возьмемъ мѣриломъ Францію, гдѣ капитализмъ процвѣтаетъ уже болѣе 100 лѣтъ, и посмотримъ, какъ онъ отразился на мелкой земельной собственности, то увидимъ, что эти надежды марксистовъ на капитализацию

земли (т. е. на переходъ ея отъ крестьянъ къ капиталистамъ) доказываютъ только ихъ полное незнакомство съ фактами науки, которые имъ неудобны. Они знаютъ и читаютъ только то, что поддерживаетъ ихъ вѣру; всякая книга, кромѣ ихъ священныхъ книгъ, есть для нихъ «жупель», къ которому не нужно прикасаться. Если бы они не держались этой пагубной системы чтенія, они знали бы, что во Франціи при Людовикѣ XVI было около 4 миллионовъ земельныхъ собственниковъ на общее населеніе въ 26,000.000. Это, составляло одного собственника на $6\frac{1}{2}$ жителей; въ 1825 году число собственниковъ достигло $6\frac{1}{2}$ миллионовъ, къ 1850—семи миллионовъ, а къ 1888 году—восьми миллионовъ. И это увеличеніе собственниковъ земли (т. е. мелкаго землевладѣнія) было не только абсолютное, но и относительное, а именно: какъ мы видѣли, при Людовикѣ XVI былъ одинъ собственникъ на $6\frac{1}{2}$ жителей, въ настоящее время одинъ приходится только на 5 жителей. Тѣмъ не менѣе, французскій экономистъ Рамбо находить возможнымъ утверждать, что земля все же концентрируется, а именно: замѣчается уменьшеніе такъ называемыхъ «côtes foncières» (статей земельного обложенія). Между тѣмъ, во Франціи вычислено, что на каждыя 100 такихъ côtes foncières приходится 59 собственниковъ (вычисленія администраціи; по вычисленію же Фовилля—55 на 100). Такъ какъ ежегодно число «côtes foncières» уменьшается почти на 10.000, то черезъ 100 лѣтъ оно уменьшится на 1 миллионъ; считая съ 1888 года, когда было 14,236.000 côtes foncières, къ 1988 году ихъ число уменьшится только на $\frac{1}{14}$ часть; даже къ 2088 году, т. е. еще черезъ сто лѣтъ, оно уменьшится лишь до 12,236.000. Однимъ словомъ, чтобы землевладѣніе во Франціи сконцентрировалось на половину, дойдя до 7 миллионовъ côtes foncières, нужно 7,000.000 раздѣлить на 10.000 лѣтъ, и получимъ 700 лѣтъ, т. е. концентрація на половину французскаго мелкаго землевладѣнія совершится въ 2600 году.

Если то же вычисленіе примѣнить къ Россіи,—а нѣтъ оснований его не примѣнять,—то время обезземеленія нашего крестьянства на половину совершится даже не черезъ 700 лѣтъ послѣ 1899 года, а черезъ 700 лѣтъ послѣ того, какъ имъ дано будетъ право раздѣлить общинную землю и стать личными собственниками своихъ участковъ¹⁾.

Это такъ долго, что никто изъ нео-марксистовъ до тѣхъ поръ не доживетъ. А, если считать, что у насъ всѣ подобныя настроенія интеллигентціи держатся не болѣе 10 лѣтъ, допуская даже больше, 30—35 лѣтъ, то до тѣхъ поръ явится еще 20 и болѣе направле-

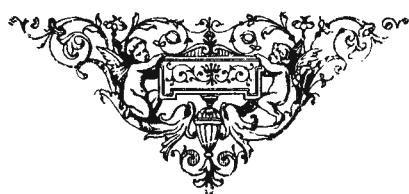
¹⁾ Нужно ли пояснить, что эти вычисленія далеко не серіозны. Я въ нихъ пародирую обычныя вычисления марксистовъ, дѣлающихъ «законы» и предсказанія изъ двухъ, трехъ фактовъ или цифръ.

ній, быть можетъ, такъ же враждебныхъ марксизму, какъ онъ теперь враждебенъ народничеству...

Но едва ли когда нибудь устарѣетъ народничество. Не устарѣеть оно уже потому, что народъ останется, пока останется Россія, съ ея обширными пространствами земли, изъ которыхъ еще безграницыя пространства ждутъ своего воздѣлывателя, русскаго крестьянина...

Забота о земледѣльцѣ останется центральной заботой русскаго государства и русскаго общества, и чѣмъ больше мы будемъ причастны къ просвѣщенію, къ лучшимъ плодамъ европейской цивилизациі, тѣмъ эти заботы будутъ выше, разумнѣе, сильнѣе, какъ это мы видимъ въ такихъ высоко-культурныхъ странахъ, каковы Швеція и Норвегія. Наша промышленность должна стать и будетъ, конечно, лишь подспорьемъ земледѣлію. А чтобы она стала такимъ подспорьемъ, а не разрушеніемъ его, она будетъ не буржуазной, а либо артельной, либо національной, питающей, а не разоряющей великий русскій народъ.

Л. Е. Оболенскій.

РУССКИЕ ПОЭТЫ ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

СЛИ мы перенесемся мысленно лѣтъ за 40—50 назадъ оть нашего времени, то мы увидимъ, что представлени¤ европейскаго образованнаго общества о Россіи были до крайности смутныя. Это— полуварварская страна снѣговъ и медвѣдей, населенная племенемъ не арійскимъ, погруженная въ глубокій умственныій сонъ и постоянно угрожающа общему спокойствію Европы и свободному развитію ея цивилизаци; по своему внутреннему режиму, Россія нисколько не отличается оть восточныхъ деспотій и потому въ высшей степени враждебна всякому просвѣтительному движению, тѣмъ болѣе, что варварство въ ней поддерживается отсталой и косной массой православнаго духовенства или поповства (Pfaffenthum); наиболѣе характерными представителями русской народности являются полу-азіаты, дикие казаки (wilde Kosaken), орды которыхъ несутъ съ собою повсюду смерть и разрушеніе. Исторія этой страны не только не представляетъ интереса, но даже совсѣмъ отсутствуетъ: это есть только этнографическое прозябаніе огромной массы людей, въ высшемъ слоѣ которой интеллектуальная жизнь цѣликомъ сосредоточивается въ придворныхъ интригахъ разныхъ временщиковъ. Объ этой официальной, показной сторонѣ русскаго быта можно почерпнуть прекрасныя свѣдѣнія изъ записокъ разныхъ авантюристовъ, посѣщавшихъ Россію; а что касается духовной жизни, то она совсѣмъ не существуетъ въ странѣ, и слѣдовательно изучать ее не приходится. При подобныхъ понятіяхъ вполнѣ естественно предаваться размыш-

леніямъ о томъ, что «у каждого фута земли на римскомъ форумѣ есть болѣе богатая исторія, чѣмъ у всей Русской имперіи», какъ это о себѣ сообщаетъ авторитетный критикъ (по правдѣ сказать, отличающійся изрядной склонностью въ болтовнѣ) Брандесъ. Въ такихъ взглядахъ отразилась и вѣроисповѣдная рознь, и послѣдствія политическихъ недоразумѣній, въ родѣ нашего участія въ Священномъ союзѣ, и легковѣрное отношеніе ко всякимъ баснословнымъ рассказамъ, а болѣе всего, конечно, сказалось прямое незнаніе Россіи и даже нежеланіе сколько нибудь серьезно изучить ея прошлое и настоящее состояніе.

Понятно, что при этомъ русская литература должна была оставаться совершенно неизвѣстной для европейской критики. Случайные переводы и статьи о ней даже такихъ почтенныхъ дѣятелей, каковы Боденштедтъ или Фарнгагенъ фонъ-Энзе, теряются почти безслѣдно въ массѣ печатнаго матеріала и обращаются на себя вниманіе только весьма ограниченного кружка специалистовъ любителей. Однако положеніе значительно измѣняется съ начала 70-хъ годовъ, и въ этомъ фактѣ мы должны признать огромную заслугу за И. С. Тургеневымъ. Живя долгіе годы за границей и сблизившись съ лучшими представителями европейской науки и литературы, нашъ великий романистъ заинтересовываетъ ихъ прежде всего своими произведеніями, въ которыхъ для нихъ открывается новый міръ, полный своеобразной цѣльности и высокой поэзіи. Передъ друзьями Тургенева развертывается широкая картина русской жизни, они видятъ въ ней не одну уже дикость и отсталость, чутится вѣяніе великаго духа славянской націи, чутится что-то освѣжающее въ этомъ вѣяніи, вносится какая-то новая струя въ нравственное и эстетическое ихъ міросозерцаніе; тѣмъ болѣе, что Тургеневъ скоро указываетъ европейцамъ и на другихъ своихъ русскихъ собратьевъ по перу, знакомить съ произведеніями Пушкина, гр. Л. Н. Толстого...

Толчокъ данъ, и начинается энергичное движение. Увлеченіе формами и содержаніемъ русской литературы, исходя изъ небольшого кружка друзей Тургенева, постепенно охватываетъ все европейское образованное общество: появляется множество критическихъ статей, въ которыхъ говорится о русской литературѣ и о «гени» русского народа, при чемъ внимательно рассматривается, какъ современное состояніе Россіи, такъ и ея историческое прошлое, и прежнее баснословіе понемногу начинаетъ уступать мѣсто серьезному, вдумчивому изученію; издаются цѣлые, обстоятельный исторіи русской литературы, при чемъ преимущественное вниманіе обращается на новый русскій романъ; переводятся наши писатели съ какою-то лихорадочною горячностью, переводятся не только корифеи, оказывающіе настолько сильное вліяніе на европейскую литературу и на міросозерцаніе европейскаго общества, что приходится даже сѣтовать по поводу распространенія «русской жалости», — переводится рядъ про-

изведеній второстепенныхъ дѣятелей нашей литературы. Въ началѣ въ этомъ движениі можно видѣть моду, но для всякой моды есть предѣлъ, и теперь первый порывъ увлеченія миновалъ, однако интересъ къ русской литературѣ не ослабѣлъ: въ Англіи и въ Америкѣ послѣ Библіи болѣе всего читается Л. Н. Толстой, въ Германіи огромнымъ вліяніемъ пользуется Достоевскій, котораго также усиленно изучаютъ и въ Англіи, Тургеневъ, Гончаровъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ стали для европейцевъ своими писателями...

Конечно, въ этомъ движениі огромную роль играютъ переводы, но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что далеко не всегда они отличаются точностью, и многое въ этомъ случаѣ объясняется крайне усиленнымъ спросомъ книжного рынка: постоянно требуются русскіе авторы, и за переводъ ихъ произведеній зачастую принимаются люди, мало подготовленные или даже совсѣмъ неподготовленные, такъ что получаются весьма печальные искаженія прекрасныхъ подлинниковъ. Однако рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемся и съ отличными, прямо выдающимися образцами передачи русского текста, что особенно представляется цѣннымъ при стихотворной формѣ. Среди этой второй, лучшей категоріи переводчиковъ, несомнѣнно одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ нашему соотечественнику, Ф. Фидлеру, краткому обозрѣнію литературныхъ трудовъ котораго мы посвящаемъ настоящій нашъ очеркъ.

Воспитанникъ реформатскаго церковнаго училища и С.-Петербургскаго университета, г. Фидлеръ еще на школьнай скамьѣ дебютировалъ въ 1878 году переводомъ стихотворенія Лермонтова «Благодарность», и въ этомъ переводѣ сразу обнаружились его будущія свойства: переводчикъ отлично знаетъ языки, такъ что переводить почти дословно, умѣеть хорошо вникнуть въ настроеніе оригинала, точно сохраняетъ стихотворный размѣръ, благодаря чему воспроизводить очень хорошо музыкальную сторону переводимыхъ стиховъ. Какъ первый опытъ, приводимъ это стихотвореніе цѣликомъ, сравнительно съ подлинникомъ:

Für Alles, Alles sei dir Dank gesagt:
 Für meiner Leidenschaft geheime Leiden,
 Für bitte Thränen, giftger Küsse Freuden,
 Für Feindsrache und für Freundestrug.
 Für meiner Seele Gluth, vergebens angefacht,
 Für meines Lebens jeglichen Betrug,
 Für Alles, Alles—bringe nur zu Wege,
 Dass ich nicht lange mehr dir danken mäge.
 За все, за все Тебя благодарю я:
 За тайныя мученія страстей,
 За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
 За месть враговъ и клевету друзей;
 За жаръ души, утраченной въ пустынѣ,
 За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
 Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
 Недолго я еще благодариль.

Въ этомъ юношескомъ переводѣ можно, пожалуй, придраться къ выражению *Freundestrug*, не вполнѣ точно передающему слова «клевету друзей», да въ концѣ, въ предпослѣднемъ стихѣ добавлены два слова, которыхъ нѣть въ подлиннике; вообще же переводъ исполненъ образцово.

Въ томъ же году г. Фидлеръ даетъ еще нѣсколько переводовъ изъ произведеній Лермонтова, Пушкина, Крылова и Кольцова, которые выпускаетъ въ свѣтъ въ маленькомъ сборнике, составляющемъ теперь библиографическую рѣдкость, подъ заглавиемъ: «*Dichtungen von Puschkin, Kryloff, Kolzoff und Lermontoff*». Для образца приводимъ отсюда переводъ Пушкинского «Ангела», при чемъ разрядкой отмѣчаемъ незначительныя отступленія отъ подлиннаго текста.

An Eden's Pforten stand ein Engel
Gesenkten Haupts, ein Strahlenblid,
Und über Höllentiefen kreiste
Der finstre Dämon, unmuthwild.

Der Geist des Zweifels, der Verneinung,
Betrachtete die Lichtgestalt,
Und in sein Herz zog tiefe Rührung
Zum ersten Mal mit Allgewalt.

Ich sah dich an und nicht vergeblich—
Sprach er—hat mich dein Glanz erhellt:
Nicht Alles habe ich verachtet,
Gehasst nicht Alles auf der Welt!

Въ первомъ стихѣ не переведены эпитеты «нѣжный», а въ 8-мъ словами «mit Allgewalt» невѣрно передается тотъ оттѣнокъ, который у Пушкина заключается въ выражении «смутно познаваль»; но эти неточности вполнѣ искупаются тѣмъ, что сохранена музика и грація Пушкинского стиха.

Сравнительно большую трудность долженъ былъ представить сюмъ народнымъ складомъ Кольцовъ, но и въ его переводахъ обнаруживается та же самая точность въ воспроизведеніи гармоніи и настроенія, какъ это, напримѣръ, видно изъ слѣдующихъ начальныхъ стиховъ «Лѣса».

Sprich, worüber sinnst,
Düstrer Wald, du nach?
Warum hüllst du dich
So in Nebelflor?

Wie der Held Bowa,
Der Verzauberte,
Stehst du in der Schlacht
Unbehelmten Haupts и т. д.

Слабѣе переводы басенъ Крылова, да ихъ не очень много (всего 4 басни), и объясняется это, вѣроятно, различiemъ нѣмецкаго и чисто-

русского юмора: мѣткій, образный и лаконичный языкъ Крылова почти не переводимъ.

Начавъ такъ удачно свою дѣятельность, г. Фидлеръ затѣмъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ трудится надъ переводами произведеній русскихъ писателей и выпускаетъ послѣдовательно въ изданіяхъ Реклама (Universal Bibliothek), Меїера (Volksbücher) и Генделя (Bibliothek der Gesammtlitteratur des In-und Auslandes), изданіяхъ, весьма распространенныхъ, десять томиковъ своихъ переводовъ. Тутъ напечатаны лирическія стихотворенія и драмы Пушкина («Борисъ Годуновъ» въ отдѣльномъ томѣ), стихотворенія Лермонтова, Никитина, Кольцова, гр. А. К. Толстого, Надсона, «Недоросль» и «Ревизоръ». Кромѣ того, въ 1889 году въ Лейпцигѣ Минденомъ напечатана составленная г. Фидлеромъ «антологія русскихъ лириковъ» подъ заглавиемъ: «Der russische Par-nass»; въ этомъ изданіи помѣщены образцы русской лирической поэзіи, начиная съ Ломоносова и Державина и кончая гг. Фругомъ, Фофановымъ и Мережковскимъ, всего 58 авторовъ, при чемъ о каждомъ изъ нихъ сообщаются краткія, но довольно обстоятельныя біографическія и бібліографическія свѣдѣнія; больше всего мѣста отведено, конечно, Пушкину и Лермонтову, и съ ними рядомъ стоятъ гр. А. К. Толстой, Никитинъ и Полонскій, а сравнительно мало представлены въ этой христоматіи Батюшковъ, Жуковскій, у которыхъ взято лишь по одному стихотворенію, и Майковъ.

Разсматривая эти переводы, мы должны сказать, что наименѣе удались г. Фидлеру «Ревизоръ» и «Недоросль», по всей вѣроятности, вслѣдствіе той же причины, по которой у него не такъ хорошо вышелъ переводъ басенъ Крылова. Нельзя утверждать, чтобы эти переводы были не хороши, однако соль многихъ остротъ Гоголя и Фонвизина въ почти буквальной передачѣ значительно ослабляется, и нѣмецъ не всегда пойметъ, въ чемъ заключается юморъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ выражений. Гораздо лучше оказываются переводы въ стихотворной формѣ, и въ особенности лирическихъ произведеній Пушкина, Лермонтова, гр. А. К. Толстого, Кольцова и Никитина, а также очень хороши переводы Пушкинскихъ драмъ.

Лирика Пушкина представлена г. Фидлеромъ очень полно въ сборникѣ, заключающемъ около 150 страницъ убористой печати, при чемъ болѣе половины переведенныхъ стихотвореній является на нѣмецкомъ языкѣ въ первый разъ. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1812 года, и въ переводѣ вездѣ сохраненъ размѣръ подлинника. Вездѣ можно замѣтить указанную нами точность въ передачѣ гармоніи Пушкинского стиха, и невольно удивляешься разнообразію размѣровъ, которыми такъ искусно пользуется г. Фидлеръ, слѣдя за своимъ оригиналомъ. Вотъ начало «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ»:

Die Männer Olegs sind gerüstet zumal,
Den Trotz der Chasaren zu brechen,
An Saaten und Dörfern mit Feuer und Stahl
Die letzte Verwüstung zu rächen;
Zum Ausbruch bereit ist der glänzende Tross
Oleg giebt das Zeichen auf herrlichem Ross.

Совсѣмъ другой размѣръ, но также вполнѣ подходящій къ Пушкинскому, является въ «Демонѣ».

Zur Zeit, da meine junge Seele
Zuerst erregt des Lebens Wort—
Nachts der Gesang der Philomele
Und Mädchenblick und Waldeshort;
Als edlerer Gefühle Walten
Des Ruhmes Glanz, der Liebe Glut,
Die Freiheit und der Kunst Gestalten и т. д.

Приведемъ также образцовый по точности переводъ стихотворенія: «Я вѣсть любилъ»:

Ich liebte dich. Vielleicht ist noch bis heute
In meiner Brust das Feuer nicht verglht
Doch will ich nicht, dass sich dein Schmerz erneute —
Nichts soll fortan erregen dein Gemth.
Ich liebte dich mit hoffnungslosem Schweigen,
Bald schchtern, bald durch Eifersucht betrbt;
Ich liebte dich so zrtlich, so treueigen —
Gott gebe, dass ein Anderer dich so liebt!

Труднѣе всего поддается переводу на европейскіе языки замѣчательная простота Пушкинского стихотворного стиля, такъ какъ особенно нѣмецкіе стихи отличаются приподнятыстью тона, что, можетъ быть, находится въ зависимости отъ звукового состава нѣмецкой рѣчи; но въ этомъ отношеніи г. Фидлеръ вышелъ побѣдителемъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго перевода элегическаго стихотворенія «Родина» («Опять на родинѣ»):

...Wiederum betrat
Ich jenen Erdenfleck, wo ich verlebt
Einsiedlerisch zwei unbemerkte Jahre.
Zehn Sommer sind verflossen seit der Zeit—
Und mancherlei Verndrung bot das Leben.
Ich selbst, gehorsam dem Naturgesetz,
Bin umgewandelt. Hier jedoch erfasst mich
Aufs neue lebhaft die Vergangenheit.
Ich streifte, glaub ich, gestern noch umher
In jenem Hain.

Изъ Пушкинскихъ драмъ г. Фидлеромъ переведены «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость» и «Русалка». Переводъ отличается тѣми же достоинствами, которыя замѣчаются въ лирическихъ произведеніяхъ: та же точность въ передачѣ настроенія,

въ гармонії стиха и въ складѣ рѣчи. Особенно здѣсь выдѣляются «Скупой рыцарь», въ которомъ прекрасно выдержанъ тонъ знаменитаго монолога въ подвалѣ передъ сокровищами, и «Русалка», представляющая большія трудности своимъ простымъ, народнымъ стилемъ. Приведемъ для характеристики начало словъ мельника въ первой сценѣ:

Ja, ja, so seid ihr all', ihr jungen Dinger — (не лучше ли сказать: Dirnen?)
Seid dumm! Ist's euch gelungen, einen Mann,
Der durch sein Geld und Ansehn Neid erweckt,
Zu kirren—müsst ihr ihn auch fesseln knnen!

Прекрасно также переведена пѣсня русалокъ изъ четвертой сцены:

Wir tauchen vom Grunde
Im frlichen Chor
Zur Mitternachtsstunde
Im Mondschein empor.
Welche Lust vom Grund zu eilen
In des Vollmonds Strahlenglut,
Freien Hauptes zu zerteilen
Die kristallklar khle Flut!
Unser Gang ruft mit Frohlocken
Die Geschwister Paar um Paar;
Milde Winde machen trocken
Unser feuchtes grnes Haar.

Читая такие прекрасные стихи, такъ близко воспроизведяющіе текстъ Пушкина, невольно сожалѣшь, что г. Фидлеръ не перевелъ многихъ другихъ произведеній нашего великаго поэта,—ихъ онъ могъ бы очень хорошо передать понѣмецки,—что онъ не занялся переводомъ «Евгенія Онѣгина» и Пушкинской прозы, простота которой, навѣрное, была бы имъ воспроизведена такъ же хорошо, какъ это ему удалось сдѣлать при переводѣ лирическихъ произведеній Пушкина. Но мы надѣемся, что указанными переводами не заканчивается работа г. Фидлера надъ произведеніями Пушкина, и намъ остается въ заключеніе пожелать нашему переводчику продолженія и развитія его дѣятельности, которою онъ одинаково служить, какъ нѣмецкой литературѣ, такъ и Россіи, знакомя нѣмцевъ съ лучшими созданіями русскаго генія и тѣмъ содѣйствуя выработкѣ болѣе серіозныхъ взглядовъ среди европейцевъ на характеръ нашего просвѣщенія, нашей умственной жизни.

А. Бороздинъ.

ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО.

ЕДАВНО вышла черезвычайно интересная книга «Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу» съ 450 иллюстраціями, составленная г. Петромъ Коломнинымъ, завѣдывавшимъ въ теченіе двадцати лѣтъ типографіей «Нового Времени» и общеобразовательной бесплатной школой для наборщиковъ при ней. Прочтя въ газетахъ объявление о выходѣ настоящаго труда, быть можетъ, многіе, даже изъ числа лицъ, близкихъ къ дѣлу печати, не обратили должнаго вниманія на сдѣянный анонсъ и не поинтересовались узнать, если только свѣдѣній по настоящему предмету они не почерпнули изъ случайно попавшейся имъ рецензіи, что это за книга и о чёмъ въ ней идеть рѣчь. Типографія... типографское дѣло... корректура... наборщики... вѣроятно, для многихъ покажутся низменными темами и вопросами, которыми врядъ ли есть основаніе интересоваться и въ которыхъ врядъ ли можно найти что либо поучительное и забавное. Такъ, смѣемъ полагать — и на то имѣмъ нѣкоторое основаніе — думали и разсудили многіе. Другое же, жизнь и дѣятельность которыхъ почему либо связаны съ печатнымъ русскимъ дѣломъ, какъ, напримѣръ, гг. типографы, издатели, редакторы и представители печати, тоже могли отнести не съ подобающимъ вниманіемъ къ работѣ г. Коломнина, въ легкомысленномъ убѣжденіи, съ одной стороны, что это слишкомъ хорошо извѣстная матерія, и съ другой, что это скучная матерія, гдѣ нельзя сказать ничего нового и животрепещущаго. Намъ уже приходилось обращаться съ разспросами по настоящему предмету къ свѣдущимъ лицамъ изъ

указанныхъ выше категорій, и отвѣты, нами полученные, были именно отмѣченного характера: «не видали», «не знаемъ», «стоить ли?» А между тѣмъ книга г. Коломнина заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ причастныхъ къ печатному дѣлу, какъ явленіе общественнаго свойства, и даже поучительное. Въ этихъ-то видахъ мы и выдѣляемъ ея обозрѣніе изъ отдѣла «Критики и библіографіи» и отводимъ ей въ журналъ отдѣльную замѣтку, въ надеждѣ такимъ образомъ скорѣе обратить вниманіе публики на это прекрасное и полезное изданіе.

Типографское дѣло въ Россіи, при несомнѣнномъ у насъ ростѣ издательства, стоитъ на довольно низкой ступени развитія. Количества выпускаемыхъ изъ типографій изданій далеко не соотвѣтствуетъ типографскому ихъ качеству, и вся сила издательства, повидимому, сосредоточилась, въ удешевленіи изданій въ интересахъ ихъ распространенія, непосредственно связанного, у однихъ съ коммерческими задачами, у другихъ — съ идеяными. Поэтому, особенно въ послѣднее время, можно назвать нѣсколько чрезвычайно энергичныхъ фирмъ, запружающихъ рынокъ дешевыми книгами и брошюрами, можетъ быть, и чрезвычайно поучительного и интереснаго содержанія, но за то представляющихъ собою верхъ безобразія, какъ со стороны типографской техники, такъ даже и грамотности. Погоня за дешевизной создала извѣстную конкуренцію типографій, сбавившихъ до очень значительной степени цѣнность работы, что въ свою очередь отразилось на доброкачественности типографского выпускаемаго въ обращеніе матеріала и на стоимости оплаты труда рабочихъ. Правда, на выручку явились усовершенствованныя машины, весьма ускорившія процессъ самаго печатанія, но за то остальные живые аксессуары типографскаго дѣла идутъ на ущербъ, и во главѣ множества типографій стоятъ лица, не имѣющія ничего общаго съ книгопечатнымъ дѣломъ и преслѣдующія исключительно цѣли легкой наживы. Рядомъ съ этимъ печальнымъ явленіемъ наблюдается и другое, именно перенолненіе обширнаго кадра наборщиковъ безграмотными людьми, составляющими горе каждой порядочной типографіи. По этому предмету г. Коломнинъ свидѣтельствуетъ, что вся ремесленники изучаютъ свои профессіи цѣлыми годами и, пробывъ въ ученіи не менѣе 4—5 лѣтъ, действительно усваиваютъ себѣ извѣстные практическіе пріемы и затѣмъ уже оказываются въ состояніи работать самостоятельно, не обращаясь ежеминутно къ завѣдующему мастерской за указаніемъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ области типографской профессіи и техники. Здѣсь современный молодой русскій наборщикъ ограничивается лишь знаніемъ самого простого, такъ называемаго, «сплошнаго набора», да и того зачастую не можетъ выполнить вполнѣ добродорядочно, благодаря исключительно своей по разительной безграмотности и невѣжеству.

«Не спрашивайте отъ него знанія болѣе или менѣе сложнаго набора (математическаго, таблицъ, вывода и пр.): онъ не въ состояніи

выполнить ихъ безъ подробныхъ указаній и постоянного надзора метранпажа,—говоритъ г. Коломнинъ. Развѣ не звучить смѣшно «безграмотный наборщикъ»! А между тѣмъ такихъ въ настоящее время большинство. Научные познанія и развитіе наборщиковъ настолько ничтожны, что ихъ затрудняютъ, при работѣ, самые обыкновенные выраженія и термины, хорошо знакомые каждому гимназисту третьаго класса. Я врядъ ли ошибусь, если скажу, что письменная «упражненія» по крайней мѣрѣ половины наборщиковъ могли бы съ успѣхомъ фигурировать въ музеяхъ рѣдкостей или во всякомъ случаѣ конкурировать съ тѣми знаменитыми іероглифическими начертаніями, которая расходитятся по всей Россіи изъ нашихъ селъ и деревень, приводя въ изумленіе и наводя на грустныя мысли каждого, кому они попадаются на глаза. Безъ сомнѣнія, встречаются и между наборщиками люди развитые, вполнѣ грамотные, любящіе и знающіе наборное дѣло, но они представляютъ, къ сожалѣнію, весьма рѣдкое исключение и совершенно теряются среди большинства сотоваріщей-невѣждъ».

Это печальное обстоятельство объясняется тѣмъ, что у насъ до послѣдняго времени не было школъ печатнаго дѣла, а въ типографіяхъ мальчики-наборщики рѣшительно никакихъ научныхъ познаній не приобрѣтаютъ и знакомятся поверхностно и неудовлетворительно лишь съ одною техническою стороною набора. Въ цѣляхъ поднятія интеллигенціи этого класса русскихъ рабочихъ при Техническомъ обществѣ была основана въ 1884 г. совокупными усилиями нѣсколькихъ лицъ, причастныхъ къ типографскому искусству, школа печатнаго дѣла. Точно также и А. С. Суворинъ, первый изъ частныхъ типографовъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, учредилъ при своей типографіи «Нового Времени» общеобразовательную и профессиональную бесплатную школу для наборщиковъ¹⁾, въ которой въ теченіе четырехъ лѣтъ учениками изучаются не только теорія и практика типографскаго дѣла, но также общеобразовательные предметы. По свидѣтельству г. Коломнина, изъ этой школы выходятъ если не готовые метранпажи, то «молодые люди, очень нерѣдко безусловно грамотные и получившіе основательную теоретическую и практическую подготовку для самостоятельной работы въ типографіяхъ».

Отмѣтивъ это стремленіе къ созданію въ Россіи интеллигентнаго класса наборщиковъ, авторъ труда по типографскому дѣлу подчеркиваетъ, однако, всю трудность осуществленія этого стремленія, благодаря отсутствію у насъ подходящихъ для того учебниковъ. Въ настоящее время въ немногихъ существующихъ уже школахъ преподавателямъ приходится учить «съ голоса», что крайне затруднительно,

¹⁾ Примѣръ А. С. Суворина вызвалъ подражаніе еще двухъ частныхъ типографій.

такъ какъ эти изустные уроки съ болѣшимъ трудомъ удерживаются въ памяти. За границею это неудобство устранено, и тамъ имѣется масса превосходныхъ учебниковъ типографскаго дѣла на всевозможныхъ языкахъ. У насъ же, кромѣ довольно специального руководства А. Д. Путяты «Математические знаки и формулы» и устарѣлого — гг. Н. Ф. и Р. Н. «Руководства для типографовъ», — нѣть ничего. Первое руководство относится лишь къ изложенію одного математического набора, второе же, при всѣхъ его достоинствахъ, помимо его устарѣлости, страдаетъ отсутствиемъ рисунковъ и чертежей, почему и несовсѣмъ удобно для пользованія.

Вотъ въ восполненіе этого-то пробѣла и издалъ П. П. Коломнинъ свою превосходную книгу, гдѣ дѣлаетъ первую попытку дать русскимъ типографіямъ обстоятельное руководство, съ основательнымъ, яснымъ и снабженнымъ массою иллюстрированныхъ примѣровъ текстомъ, и гдѣ наконецъ-то устанавливаются для отечественныхъ типографій, въ руководство ихъ завѣдующимъ и рабочимъ, единыя правила, которыя должны объединить и упорядочить отечественное типографское искусство. Помимо всѣхъ прочихъ достоинствъ работы автора, за нею именно должно быть прежде всего признано значеніе объединяющаго типографскаго начала, благодаря которому русское искусство печати становится отнынѣ, по крайней мѣрѣ, съ теоретической его стороны доступнымъ и понятнымъ всякому грамотному человѣку.

До послѣдняго времени у насъ обывателъ, пожелавшій бы издать со вкусомъ, добродорядочно и аккуратно книгу, былъ совершенно безъ рукъ и предоставленъ исключительно усмотрѣнію того заведенія, куда, быть можетъ, случайно и по неопытности занесла его судьба. Ему предоставлялось исключительно быть рѣшителемъ только двухъ вопросовъ въ этой области техники — 1) касающагося образца шрифта и 2) бумаги. Заботу обо всемъ остальномъ брала на себя подчасъ совершенно невѣжественная, юркая коммерческая типографія, которая и дѣлала съ вашимъ дѣтищемъ, что ей вздумается и что ей Богъ на душу положить. Получивъ отъ брошюровщика книгу, вы, если только природа одарила васъ какимъ нибудь художественнымъ вкусомъ и чутьемъ, могли быть огорчены ея уродливымъ и беспорядочнымъ видомъ, но констатировать и указать съ точностью, въ чёмъ тутъ сила тяжести, въ чёмъ тутъ грѣхъ, вы были лишены возможности. Вы могли лишь, по сравненію ея съ таковыми другими работами иныхъ типографій и въ особенности заграничныхъ, удостовѣрить уродливость ея состоянія, но точно формулировать ея недостатки вамъ не было дано, по неимѣнію для того теоретическихъ началъ и практическаго компетентнаго руководства, гдѣ бы вамъ было разъяснено, въ чёмъ заключается типографская техника и книгопечатное искусство. У васъ не было, такъ сказать, ключа къ типографскимъ ребусамъ, и оставалась лишь печальная возможность со-знавать въ этомъ отношеніи свое бессиліе.

Въ настоящее время г. Коломнинъ выводить обывателя на дорогу знанія и создаетъ своей книгой ту контролирующую инстанцію, къ которой всегда возможно, въ случаяхъ спорныхъ и случаяхъ недоразумѣній, апеллировать. Это на первыхъ же порахъ побудить самихъ типографщиковъ подтянуться, быть болѣе заботливыми и чистоплотными относительно доброкачественности выпускаемаго изъ ихъ заведеній товара.

Какъ въ вопросѣ правописанія у настъ въ руководствѣ Я. Грота имѣется объединяющее начало и возможность предъявить къ рукописи или книгѣ требование ореографії «по Гроту», такъ нынѣ, сдавая въ типографію для печати вашъ трудъ, вы можете требовать, чтобы онъ былъ изданъ «по Коломнину», гдѣ трудъ послѣдняго и долженъ служить критеріемъ вашего довольства или недовольства сданной вамъ работы. Смѣемъ думать, что такая постановка издательского дѣла со стороны его техники послужить первымъ и сильнымъ толчкомъ къ упорядоченію всего отечественнаго типографскаго искусства. Но тутъ, во всякомъ случаѣ, необходимо нѣкоторое вмѣшательство авторитетныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, Техническаго общества и состоящей при немъ комиссіи по техническому образованію, а также министерства финансовъ, въ лицѣ его органовъ — комитета по техническимъ дѣламъ и учебного комитета при департаментѣ мануфактуръ и торговли. Эти компетентныя учрежденія должны санкционировать своимъ авторитетомъ означенное изданіе, выдвинуть его и рекомендовать всѣмъ профессиональнymъ и техническимъ школамъ, лицамъ, надзирающимъ за типографіями и, въ частности, издателямъ и книгорговцамъ. Точно также эта же книга должна быть принята за критерій при экспертизахъ на судебныхъ разбирательствахъ по дѣламъ нѣкоторыхъ типографскихъ исковъ. Такимъ образомъ, мы признаемъ за работой г. Коломнина несомнѣнное и при томъ широкое общественное значеніе, въ качествѣ первого серьезнаго шага къ упорядоченію нашего издательского дѣла, къ установленію здѣсь единства типографской техники, ея изящества и доброкачественности.

Самъ авторъ труда, конечно, по свойственной ему скромности, далекъ придавать столь широкое значеніе своему труду. Его непосредственная цѣль была значительно уже. «Завѣдуя школою «Нового Времени», говорить онъ, я отлично видѣлъ, съ какимъ трудомъ усвоивается учениками теорія типографскаго искусства, и какъ легко все понятое и усвоенное ими забывается по неимѣнію руководства, которое давало бы возможность возобновлять (по временамъ) въ памяти объясненія преподавателя. Отсутствіе учебника тормозило и самое преподаваніе, такъ какъ вместо дальнѣйшихъ и новыхъ объясненій безпрестанно приходилось повторять то, что уже было разсказано и даже не одинъ разъ. Давно задумалъ я написать нѣчто въ родѣ учебника типографскаго дѣла, специально для школьн., и сталъ подготовлять необходимый материалъ. Его набралось

такъ много, что я могъ бы написать 109 съ лишнимъ листовъ. Непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня, однако, сократить мою работу до объема этой книги.

«Я писалъ вовсе не для метранпажей и опытныхъ типографовъ, а для учениковъ типографскихъ школъ и тѣхъ малоувѣдущихъ, но любознательныхъ наборщиковъ, которые не довольствуются свѣдѣніями, приобрѣтенными ими въ типографіяхъ, и рады бы научиться большему, да нѣ по чему. Я старался излагать кратко, но, по возможности, понятно и не сухо, такъ какъ типографское дѣло само по себѣ довольно скучно. Я не скрупулюсь на рисунки, пояснительные чертежи и многочисленные наглядные примѣры, не избѣгаю иностранныхъ и всякаго рода «мудреныхъ» словъ, вошедшихъ въ составъ современного русскаго языка, но обязательно поясняю ихъ, равно какъ объясняю рѣшительно всѣ имена и термины, встрѣчающіеся въ текстѣ. Мнѣ не однѣ разы приходится повторяться, но врядъ ли это можетъ быть поставлено въ укоръ. Болѣе половины всѣхъ рисунковъ сдѣланы нарочно для этой книги и никогда ни въ одномъ изданіи не появлялись».

Такого рода задачей г. Коломнина надѣется облегчить, по возможности, русскимъ наставникамъ преподаваніе въ школахъ теоріи типографскаго дѣла и дать ученикамъ и малоувѣдущимъ наборщикамъ такого рода справочную книгу, которая помогла бы имъ избѣгать, при самостоятельныхъ работахъ, крупныхъ промаховъ и не обращаться ежеминутно за указаніями къ метранпажу. Авторъ безусловно превосходно выполнилъ свою задачу; при чемъ, можетъ быть, даже противъ воли, по самому существу дѣла, его постановкѣ и исполненію, значительно перешагнувъ предѣлы своей задачи и создавъ не простой учебникъ и руководство для типографскихъ учениковъ, а большую книгу широкаго общественнаго значенія, которая должна быть настольною въ каждой типографіи, въ каждомъ книжномъ магазинѣ, у всякаго издателя и редактора. Книга стоитъ того и по своему содержанію и по внѣшности, какъ одно изъ лучшихъ произведеній современной типографской техники.

Составленная на основаніи многочисленныхъ изданій, главнымъ образомъ, конечно, иностранныхъ—итальянскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, книга г. Коломнина снабжена 450 рисунками, обнимающими собою типографское дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и во всѣхъ его составныхъ частяхъ, со включеніемъ сюда и историческихъ изображеній памятниковъ типографскаго искусства, какъ, напримѣръ, іероглифическихъ надписей на египетскихъ постройкахъ, образчиковъ бирманского и санскритскаго письма, финикійскаго алфавита, помѣйской живописи, отрывковъ изъ латинской библіи IX вѣка, писанной золотыми буквами, портретовъ историческихъ лицъ, причастныхъ къ типографскому искусству, разныхъ произведеній отечественнаго книгопечатанія, относящихся ко

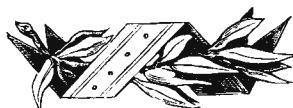
Иларіонъ Федоровичъ Богдановъ.
(Метранажъ «Исторического Вѣстника»).

временамъ пропшедшимъ. Рядомъ съ такой работой исторического характера авторомъ положено немало труда на воспроизведеніе типографской современной жизни со всѣми ея мельчайшими аксессуарами и подробностями, которыя самымъ нагляднымъ образомъ рисуютъ передъ читателями эту сферу, бытъ и процессъ работы, о которыхъ идетъ обстоятельная рѣчь въ текстѣ. Такъ называемыя кассы всѣхъ видовъ и образцовъ, литеры, шпоны, орудія, которыми оперируютъ наборщики, и способы, коими слѣдуетъ ими пользоваться, корректуры, упорядоченіе текста и шрифта, образцы печати для разныхъ мѣстъ книги, схемы листовъ, стереотипы, печатные станки и самая разнообразная машины и пр. и пр.— все это нашло себѣ въ книгѣ г. Коломнина превосходное и отчетливое изображеніе, благодаря чему на массѣ примѣровъ вы можете до самыхъ мелкихъ подробностей изучить типографское дѣло, жизнь въ наборныхъ и отдѣленіяхъ печатныхъ машинъ. Такая постановка вопроса въ книгѣ чрезвычайно оживляетъ ее и дѣлаетъ интересно даже для лицъ, которымъ почему либо даже никогда не пришлось бы самимъ печатать ни одной страницы; что же касается лицъ, живущихъ такъ или иначе литературнымъ трудомъ, то таковая изъ ознакомленія съ трудомъ г. Коломнина извлекутъ не только громадную пользу практическаго свойства, но и неиз不可缺少ное удовольствіе, можетъ быть, впервые ознакомившись отсюда, какая судьба постигнетъ ихъ произведенія до появленія послѣднихъ въ печатномъ видѣ на свѣтъ Божій, какъ обращаются съ ихъ рукописями и при помощи чего и какимъ путемъ чернильные знаки, набросанные на бѣлую бумагу въ ночной тиши кабинетовъ, становятся могучими орудіями общественнаго мнѣнія.

Что касается громадной «свинцовой арміи», то въ книгѣ г. Коломнина уложена вся ихъ рабочая жизнь, все то, надъ чѣмъ они мучатся, страдаютъ и чѣмъ живутъ. На 612 страницахъ убористаго шрифта рассказана эта жизнь и повѣдано, какъ слѣдуетъ каждому рабочему работать, изъяснено значеніе каждого его шага въ типографіи и даны совѣты, какъ должно работать съ расчетомъ, чтобы трудомъ этимъ были довольны другіе и онъ самъ. Г. Коломнинъ дѣйствительно возводитъ типографское искусство въ науку, даетъ здѣсь въ своемъ родѣ непреложные законы и, какъ настоящій знатокъ и любитель дѣла, обслѣдуетъ ее всесторонне съ богатыми экскурсіями въ область повседневной жизни. Къ своему обширному изслѣдованію онъ прилагаетъ и «Краткій толковый словарь наборщика», гдѣ даетъ не просто только сухое объясненіе словъ, встрѣчающихся въ его книгѣ, съ указаніемъ страницы, куда это слово относится, но и толкованіе этихъ словъ въ ихъ типографской практикѣ. Таково внутреннее содержаніе книги, котораго мы касаемся лишь бѣгло, такъ какъ болѣе обстоятельное изложеніе повело бы насть къ буквальной передачѣ всего ея текста.

Что же касается книги, какъ образца настоящаго искусства техники, то въ данномъ случаѣ она можетъ удовлетворить самыемъ взыскательнымъ требованіямъ. Здѣсь вы не найдете ни одного типографскаго дефекта, которыми щеголяютъ почти сплошь всѣ русскія изданія: весь шрифтъ однообразенъ, однотоненъ и компактенъ, краска вездѣ ровная, нѣтъ висячихъ строчекъ и лишнихъ пробѣловъ между строкѣ и вдоль страницѣ, весь слова и буквы разставлены въ строгой симметрии и всякая набранная и отпечатанная страница во всѣхъ ея деталяхъ можетъ выдержать саму строгую и придирчивую критику. Многія страницы, кромѣ того, особенно заключительныя и начальныя при отдѣлахъ, украшены превосходными и оригинальными виньетками и заставками, по своему духу и содержанию вполнѣ соответствующими самому содержанию главъ. Достигнуть такого совершенства работы г. Коломнину удалось, конечно, только при сочувствіи и поддержаніи тѣхъ лицъ, съ коими въ теченіе многихъ лѣтъ онъ совмѣстно трудился въ типографіи «Нового Времени» и въ особенности И. Ф. Богданова, состоящаго въ теченіе двадцати лѣтъ метраниажемъ «Историческаго Вѣстника», которому нашъ журналъ обязанъ аккуратностью ежемѣсячнаго выхода и удачностью всей его типографской техники. Ему г. Коломнину счелъ долгомъ выразить горячую признательность за живое участіе, которое онъ принялъ въ его работѣ, за его полезные совѣты и указанія и за нелеткій трудъ верстки настоящей превосходной книги, которой мы отъ всей души желаемъ самаго широкаго распространенія.

Г. Л. И.

ПАМЯТИ В. О. МИХНЕВИЧА.

ЗЪ РЯДОВЪ русскихъ журналистовъ выбылъ испытанный и даровитый собратъ, Владимиръ Осиповичъ Михневичъ, хорошо знакомый читателямъ «Исторического Вѣстника» по многимъ напечатаннымъ здѣсь его статьямъ, посвященнымъ разработкѣ вопросовъ бытовой отечественной жизни. Покойный былъ истинный другъ нашего журнала, любилъ его, и послѣдніе его труды были посвящены именно «Историческому Вѣстнику», на страницахъ котораго черезъ нѣсколько дней послѣ его похоронъ появилась его послѣдняя, посмертная работа «Русскій народъ въ воззрѣніяхъ на себя и свое прошлое». Хотя смерть Михневича и не была неожиданностью для нашей тѣсной журнальной семьи, и мы готовились къ ней уже давно, тѣмъ не менѣе эта утрата полезного и любимаго нами собрата и товарища была для насъ истиннымъ горемъ, съ которымъ и по сію пору какъ-то не хочется мириться, которая и посейчасъ острою болью отзывается въ нашихъ сердцахъ.

Съ несказанною грустью смотришь на неоконченныя рукописи съ интересно задуманными историческими темами, которыхъ поступили отъ вдовы покойнаго въ портфель редакціи и вспоминаются, какъ живыя, всѣ его письма, всѣ его бесѣды по предмету именно задуманныхъ работъ... Оборвалась жизнь мучительнымъ тяжкимъ концомъ, оборвались рукописи, и нѣтъ между нами того, кто съ такою любовью, съ такимъ сердечнымъ участіемъ вникалъ во всѣ перипетіи жизни «Исторического Вѣстника», во всѣ радости и горести его сотрудниковъ и его редактора, во всѣ наши замыслы и планы...

Я счастливъ, что на мою долю выпала лестная обязанность помянуть прощальнымъ редакціоннымъ словомъ товарища и собрата и повѣдать нашимъ читателямъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности незабвеннаго Владимира Осиповича. Дѣлаю это съ тѣмъ большею охотою, что, помимо соображеній литературнаго и редакціоннаго свойства, выполняя тѣмъ какъ бы свой нравственный долгъ передъ покойнымъ, который всегда былъ такъ участливъ, милъ и душевенъ со мною, сообществу котораго я обязанъ многими хорошими часами, и симпатичный образъ котораго никогда не изгладится изъ моей памяти.

I.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, стараго малорусскаго, но ополяченаго впослѣствіи рода; самъ онъ въ разговорахъ относилъ себя къ «украинцамъ», но никогда не выражалъ особеннаго сочувствія всѣмъ крайностямъ такъ называемаго «украинскаго движенія». Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ непрестаныхъ занятій русской исторіей въ немъ выработалась широкая историческая точка зренія, которая и не позволяла ему прымкать къ излишнимъ политическимъ увлеченіямъ, къ коимъ онъ и относился всегда въ бесѣдахъ съ близкими людьми съ добродушной и иронической снисходительностью.

Родился онъ въ 1841 г., дѣтство провелъ среди Херсонскихъ степей, гдѣ отецъ его арендовалъ имѣніе, затѣмъ онъ былъ опредѣленъ родителями во 2-ю Кіевскую гимназію, откуда послѣ четырехлѣтняго пребыванія здѣсь быть переведенъ въ Нѣжинскую гимназію, которую благополучно и окончилъ. Уже на школьнай скамье средненучебного заведенія Михневичъ ярко обнаружилъ передъ учителями и товарищами тотъ Божій даръ, который впослѣствіи вывелъ его на широкую дорогу служенія родинѣ печатнымъ словомъ. Какъ это наблюдалось въ отроческихъ годахъ большинства писателей, его рано стало тянуть къ перу и книгѣ, и онъ среди учащейся молодежи заявляетъ себя открыто «писателемъ», что называется «домашнимъ талантомъ». Характерной чертой этого ранняго периода его жизни служить то, что не къ лирическимъ стихамъ, какъ это именно всего чаще наблюдается на первыхъ порахъ у будущихъ писателей, тянуло гимназиста-литератора, а къ произведеніямъ драматическимъ и историческимъ, т. е. къ тому жанру нашей словесности, которому онъ остался вѣренъ до склона своихъ дней, въ одномъ случаѣ въ качествѣ постояннаго рецензента драматическихъ произведеній, въ другомъ — въ качествѣ изслѣдователя бытовой исторіи русскаго общества. Десяти лѣть онъ прочиталъ «Исторію Александра Македон-

скаго» Квінта Курція, а, будучи во второмъ классѣ, проштудировалъ пространную исторію Кайданова, которую, согласно тогдашней программѣ, проходили только въ старшихъ классахъ. Когда Владиміру Осиповичу минуло 13 лѣть, онъ сочинилъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ чтенія Марлинскаго, какую-то рыцарскую повѣсть, а вслѣдъ за симъ выступилъ передъ товарищами съ комедіей «Отставка безъ мундира», которая и была разыграна гімназической молодежью на частной квартирѣ.

Въ началѣ 1860 года, Михневичъ поступилъ въ университетъ св. Владимира, но курса здѣсь ему не удалось окончить, такъ какъ, нуждаясь донельзя въ средствахъ къ жизни, большую часть времени посвящалъ даванію уроковъ и гувернерству. Какъ плохо приходилось бѣднягѣ, видно изъ небольшого автобіографического очерка его «На зарѣ кіевской журналистики», напечатанного имъ не задолго до смерти въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» (1898—1899 гг.). «Уже въ университетѣ, сильно нуждаясь въ средствахъ,—повѣствуетъ онъ,——нанялся я однажды... чтецомъ къ одному просвѣщенному барину, лѣчившемуся у знаменитыхъ кіевскихъ окулистовъ отъ какой-то тяжкой глазной болѣзни. Большому было предписано сидѣть взаперти и въ абсолютной темнотѣ; а такъ какъ онъ любилъ чтеніе и самъ читать не могъ, то и нанялъ меня, въ качествѣ чтеца. Самъ съ дѣтства страстный любитель чтенія, я съ радостію и безъ торга принялъ предложеніе на такихъ условіяхъ: читать въ слухъ порусски ежедневно, отъ 5 до 10 часовъ вечера, все, что бы ни по-желалъ мой патронъ, и въ вознагражденіе за трудолюбіе и искусство получать четвертакъ звонкой монетой за каждый вечеръ и, въ видѣ особаго благосклоннаго поощренія, стаканъ чая во время передышки. Въ жизнь мою не встрѣчалъ я такого, можно сказать, свирѣпаго любителя чтенія, какимъ оказался мой патронъ! За изъятіемъ коротенькаго антракта для чаепитія, битыхъ пять часовъ аккуратно, изо дня въ день, читалъ я, и долженъ былъ читать нарочито громко, такъ какъ патронъ мой слушалъ черезъ перегородку, изъ другой неосвѣщенной комнаты. Такъ продолжалось два, три мѣсяца, и—можете судить—чего, чего мы не перечитали, какую, въ томъ числѣ, кучу ерунды и всякаго мусора!.. Замѣчательно, что патронъ мой, повидимому, слушалъ все, что я ни читалъ ему, съ одинаковыми вниманіемъ и съ одинаковымъ безразличіемъ,—и эта черта была въ немъ особенно ужасна! Что касается меня, несмотря на всю любовь мою къ чтенію, въ жизнь мою не подвергался я такому изнуренію. Я положительно надсаживалъ себѣ грудь и непремѣнно кончилъ бы чахоткой, если бы тяжелый искусствъ продолжился еще нѣсколько долѣ».

Тогда же Михневичъ сталъ испытывать свои силы и въ мѣстной журналистицѣ, плодомъ чего явился легкій фельетонъ, напечатанный въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», издававшемся фонъ-Юнкомъ. Вслѣдъ

за тѣмъ онъ сталъ посыпать карикатуры и юмористическія статейки въ «Искру» и «Занозу», гдѣ онъ печатались, не принося, впрочемъ, автору ничего, кромѣ нравственнаго удовлетворенія. Это было въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда на русскую жизнь только-что повѣяло волей и свободой, когда обличенія отечественной косности и отсталости были любимыми темами въ литературѣ, и «Искра» Курочкина была высшей кассационной инстанціей по вопросамъ нашей общественной жизни. Для молодого писателя сдѣлаться сотрудникомъ «Искры» составляло особенную гордость, такъ какъ онъ на живыхъ лицахъ и въ живыхъ примѣрахъ могъ видѣть всю силу сатирическаго бичеванія этого талантливаго и бойкаго журнальчика. Въ тѣхъ же кievскихъ автобіографическихъ очеркахъ, которые цитированы выше, Михневичъ повѣствуетъ, какой переполохъ въ нѣжинской жизни произвелъ № «Искры», гдѣ анонимный корреспондентъ, въ сатирической аллегорії, весьма прозрачно осмѣялъ ученыхъ представителей мѣстнаго учебно-педагогическаго міра. «Если бы разразились надъ Нѣжиномъ среди яснаго дня громы небесные, если бы самъ молненосный богъ сопелъ съ Олимпа во всеоружії,—впечатлѣніе, произведенное ими, не было бы болѣе разительнымъ и болѣе потрясающимъ, чѣмъ то, какое пережила нѣжинская публика подъ дѣйствіемъ этой невинной и наивно-обличительной сатирической статейки «Искры». Блаженный сонъ взбаломученного болота, надъ которымъ дотолѣ раздавалось только усыпительно мелодическое кваканье лягушекъ... былъ внезапно прерванъ и прерванъ навсегда. Начать съ того, что всѣ нѣжинскіе интеллигенты всякаго рода и возраста бросились съ неописуемой жадностью читать и выписывать «Искру». Совсѣмъ почти невѣдомый дотолѣ въ Нѣжинѣ бойкій журнальчикъ этотъ сталъ вдругъ чрезвычайно распространеннымъ, и положительно не было такого, сколько нибудь культурнаго, «порядочнаго» дома, среди нѣжинской интеллигенціи, гдѣ бы «Искру» въ ту пору не выписывали».

Успѣхъ дебютовъ въ популярномъ журналѣ Курочкина былъ безспорно рѣшающимъ моментомъ въ жизни нашего писателя, послѣ чего онъ окончательно предопредѣляетъ свое жизненное поприще и въ 1865 г. появляется на берегахъ Невы съ опредѣленною цѣлью посвятить себя всецѣло русской журналистикѣ. Но съверное небо встрѣтило неприглядно нашего южанина, и цѣлыхъ пять лѣтъ пришлось тянуть тяжелую лямку интеллигентнаго пролетарія, мечущагося по стогнамъ столицы въ поискахъ хоть скучнаго заработка и куска хлѣба. Ему не везло, какъ это часто случается въ нашемъ журнальномъ мірѣ, когда человѣкъ, несмотря на знанія, трудолюбіе, усидчивость и несомнѣнное дарованіе, не можетъ найти себѣ постояннаго заработка и журнального пристанища. Тутъ часто, да почти сплошь и рядомъ, рѣшающую роль играетъ случай, то счастье, по справедливости именуемое «слѣпымъ», которое изливаетъ свою bla-

годать невѣдомо на кого и невѣдомо за что. Изъ всѣхъ видовъ неудачъ и горестей, изъ всѣхъ треволненій интеллигентнаго пролетариата, нѣтъ ужаснѣе и безпощаднѣе по своимъ послѣдствіямъ бѣдственныхыхъ скитаній служителей идеянааго искусства, куда я позволю себѣ на первомъ мѣстѣ поставить нашу братію-профессиональныхъ журналистовъ. Сколькими разбитыми жизнями, сколькими загубленными дарованіями усѣяна сплошь наша русская журналистика, страшно даже и подумать... Ихъ даже не даль себѣ труда подсчитать кто нибудь, и только пожелтѣвшія и запыленныя страницы старыхъ газетныхъ фоліантовъ въ Публичной библіотекѣ могутъ засвидѣтельствовать эту мало говорящую публикѣ жесткую регистрацію: «умеръ во цвѣтѣ силь, изнуренный невзгодами жизни и непосильной съ нею борьбою, оставивъ по себѣ семейство безъ всякихъ средствъ къ существованію».

Этотъ ужасъ грозной регистраціи цѣлое пятилѣтіе дышалъ и на нашего молодого журналиста, побуждая его, въ борьбѣ за право жизни и за сохраненіе своего Богомъ даннаго таланта, хвататься за всякую побочную работу. Появляясь въ печати главнымъ образомъ на страницахъ «Петербургской Газеты» Ильи Арсеньева, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимается одновременно то перепискою бумагъ, то сочиненіемъ прошеній у одного дѣльца, то служить помощникомъ библіотекаря у великаго князя Константина Николаевича, то даже бросается въ коммерцію, вынужденный крайностью занять мѣсто приказчика въ мебельномъ магазинѣ. Впослѣдствіи, когда Владимиръ Осиповичъ выбился на широкую журнальную дорогу и сдѣлался заправскимъ и неизмѣннымъ рядовымъ газетнымъ байцомъ, въ пылу полемической брані, въ искаженномъ видѣ, припоминалась часто практическая сторона этой ранней его жизненной дѣятельности и преподносилась публикѣ въ превратномъ освѣщеніи, какъ нѣчто недостойное и компрометирующее его. Михневичъ своеевременно отвѣчалъ своимъ зоиламъ, и можно съ чистой совѣстью нынѣ заявить, что въ этой его дѣятельности не было ничего рѣшительно предосудительного, могущаго лечь какою нибудь тѣнью на его доброе имя. Эта сторона уже достаточно выяснена, но не отмѣчено лишь, сколько страданій, ужасныхъ душу сжимающихъ страданій, должны были поднимать эти несправедливые уколы, когда такъ живо воскресали передъ его очами страницы скорби и печали, коими отмѣчена была заря его жизни...

II.

Въ 1870 году, послѣдовалъ переломъ въ его скитаніяхъ, и онъ, не растерявъ по дорогѣ умственныхъ и душевныхъ силъ, но закалившись въ добрыхъ стремленіяхъ, вышелъ на твердый берегъ, гдѣ его ожидали удачи, благополучіе, известность и уваженіе всѣхъ со-

прикасавшихся съ нимъ. Прежде всего онъ получилъ приглашениe отъ извѣстнаго карикатуриста Н. А. Степанова участвовать въ «Будильникѣ» въ качествѣ постояннаго сотрудника; затѣмъ, въ 1872 г., онъ дѣлается воскреснымъ фельетонистомъ въ «Сынѣ Отечества», откуда переходитъ, по приглашенію В. А. Бильбасова, на то же ам-

Владимиръ Осиповичъ Михневичъ.

плуа во всесильный и вліятельный тогда «Голосъ» Краевскаго, а съ 1877 года по день своей смерти принимаетъ самое дѣятельное участіе въ «Новостяхъ» О. К. Нотовича, где до послѣдняго почти времени занимаетъ мѣсто одного изъ самыхъ видныхъ и отвѣтственныхъ со-трудниковъ, одновременно ведущихъ нѣсколько отдельловъ. Онъ ра-

боталъ въ этой газетѣ въ качествѣ еженедѣльнаго фельетониста, за подписями «Вл. Михневичъ» или «Коломенскій Кандидъ», вель ежемѣсячная обозрѣнія историческихъ журналовъ и новостей, завѣдавъ отдельномъ художественной и театральной критики, обозрѣніемъ журналовъ и газетъ и провинціальныхъ корреспонденцій. Кромѣ того, иногда принималъ участіе и въ другихъ новомъненныхъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Стрекозѣ», где давалъ волю своему природному малороссійскому юмору, какъ бы вспоминая тѣ давніе дни, когда онъ впервые соприкоснулся съ писательской профессіей въ органѣ Курочкина. Любимой же его работой, которой онъ отдавался съ особенной страстью и которая надолго оставляла за нимъ солидный слѣдъ въ литературѣ, были его историческія изысканія, печатавшіяся имъ на страницамъ «Наблюдателя» и въ особенности «Исторического Вѣстника». Кромѣ этихъ трудовъ, о коихъ я скажу подробнѣе далѣе въ ихъ специальной группировкѣ, имъ составлено было нѣсколько справочныхъ изданій, вышедшихъ отдельно, вѣ связы и зависимости съ остальными прочими, напримѣръ, «Наши знакомые»—фельетонный словарь; «Петербургъ весь на ладони» (2 т.), «Пятнадцатилѣтіе газеты «Голосъ» (1863—1877), «Новороссійскій календарь».

Изъ этой категоріи изданій для исторической литературы имѣть особенное значеніе обозрѣніе «Голоса» за 15 лѣтъ, составленное чрезвычайно объективно, съ обстоятельнымъ указаниемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ за это время, именъ сотрудниковъ, постоянныхъ и случайныхъ, въ газетѣ когда либо печатавшихся. Наиболѣе важною частью въ этой книгѣ должна считаться первая часть, где обрисованы задачи и направление «Голоса», и отмѣчено, при помощи рельефныхъ выдержекъ, отношеніе этой газеты къ вопросамъ вѣнѣніи и внутренней политики, къ вопросамъ экономическимъ, народнаго просвѣщенія, церковнымъ и военнымъ. Заслуживаютъ вниманія и статистическая данныя, обрисовывающія ростъ подлиски, ея ежедневную розничную продажу и формуляръ ея «поведенія», въ видѣ постигавшихъ ее административныхъ каръ и взысканій.

Вторымъ, по своему историко-общественному значенію, должно быть поставлено изданіе «Петербургъ весь на ладони, съ планомъ Петербурга, его панорамой съ птичьего полета, 22 картинками и съ прибавленіемъ календаря». Это изданіе, вышедшее въ свѣтъ 25 лѣтъ тому назадъ, нынѣ нѣсколько забытое, по всей справедливости должно считаться первообразомъ позднѣйшихъ изданій календарного и справочнаго характера, относящихся къ жизни и состоянію нашей сѣверной столицы. Оно не блещетъ обилиемъ статистического материала, обстоятельностью адресной части, касающейся мѣстожительства обычавтелей, но зато обстоятельно рисуетъ Петербургъ съ точки зреянія его культурно-исторического роста и въ литературной формѣ, легко усваиваемой и доступной, изображаетъ городъ дѣйствительно, какъ на ладони, съ указаніемъ такихъ сторонъ жизни, коими нынѣшніе

издатели, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не интересуются. Прекрасно разработана здѣсь историческая часть (1 т.) — «Петербургъ въ ста-рину» (1703—1803 гг.), которая если и уступаетъ въ своемъ объемѣ и въ частностяхъ извѣстному труду М. Пыляева «Старый Петербургъ», зато превосходитъ его достовѣрностью материала и осторож-ностью его разработки. Не меньшаго вниманія заслуживаютъ и 1, 2 и 3 главы втораго тома, посвященные «естественно-историческому ходу заселенія С.-Петербурга», «движенію населенія» и «нравственно-статистическимъ свѣдѣніямъ о С.-Петербургѣ». Въ этихъ главахъ, помимо ихъ справочно-статистического значенія, заслуживаетъ вни-маниія подчасъ широкая, гуманная точка зрѣнія автора, которая такъ наглядно проявлялась и въ его всегдашихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ. Изученіе нашей столицы по составленію кален-дара сдѣлало изъ Михневича рѣдкаго и тонкаго знатока петербург-ской жизни, что помогло ему въ теченіе почти двадцати лѣтъ быть занимателынымъ и разнообразнымъ фельетонистомъ большой газеты, чутко отзывавшимся на всѣ злобы столичнаго дня и треволненія ея населенія. Болѣе сухо, кабинетно составленъ «Новороссійскій кален-дарь», гдѣ уже не проглядываетъ писатель, изучившій предметъ по личнымъ наблюденіямъ и въ близкомъ съ нимъ соприкосновеніи. Но во всякомъ случаѣ, въ качествѣ справочнаго изданія для про-винціи, и онъ долженъ быть помянутъ добрымъ словомъ и имѣть такъ же право на доброе и почетное мѣсто въ исторіи провинціаль-наго издательского дѣла.

Что же касается изданія «Нашихъ знакомыхъ», то, должно по-лагать, происхожденіе ихъ главнымъ образомъ обязано сотрудни-честву покойнаго въ юмористическихъ изданіяхъ, гдѣ принято да-вать легкіе и въ нѣсколько игривомъ духѣ написанные портреты современниковъ. Такая постановка вопроса ставить иногда авто-ровъ такихъ писаній въ нѣсколько щекотливое положеніе, гдѣ трудно соблюсти должное равновѣсіе, и подчасъ, независимо отъ собственнаго желанія, приходится перегибаться то въ ту, то въ другую сторону, вдаваясь въ шаржъ и карикатуру, а также при-нося дань дириамбу и преувеличенной оцѣнкѣ. Михневичъ не остался чуждъ этихъ недостатковъ, и характеристики его далеко не всегда отличаются необходимымъ остроуміемъ, спокойствіемъ и мѣткостью. Главное достоинство этого словаря — иллюстраціи, пор-треты, изъ коихъ нѣкоторые, насколько мнѣ помнится, появились въ этой книжѣ впервые. «Наши знакомые» — книга, имѣвшая сво-имъ назначеніемъ собрать воедино главнѣйшихъ дѣятелей столицы, пользующихся особенной извѣстностью, и представить ихъ въ нѣ-сколько окарикатуренномъ видѣ, конечно, задѣла весьма многихъ и вызвала противъ автора немало злобы и недовольства, для которыхъ, говоря по совѣсти, въ интересахъ истины, было въ нѣкоторыхъ слу-чаяхъ достаточное основаніе. Были задѣты личности, и они-то спѣ-

шили платить автору монетой личного же характера, создавая ему не всегда и не вездѣ добрую славу. Покойный, въ качествѣ вообще газетнаго работника, печатавшагося за полною подписью и занимавшаго въ общественной жизни, такъ сказать, боевую позицію на протяженіи всей своей слишкомъ тридцатилѣтней дѣятельности, сплошь и рядомъ сталкивался съ этимъ элементомъ личныхъ счетовъ, личныхъ симпатій и антипатій, которые поневолѣ создаютъ вокругъ человѣка всяческія легенды, сплетни и злословія, находящія себѣ отраженіе въ писаніяхъ его противниковъ. Нужно, однако, сказать къ чести покойнаго, что онъ въ своихъ работахъ всегда по мѣрѣ силы и возможности избѣгалъ личныхъ счетовъ, являясь скорѣе жертвою редакціонныхъ счетовъ, нежели субъективныхъ побужденій.

III.

Выше уже сказано, что Михневичъ принялъ настоящее крещеніе газетнымъ огнемъ только съ 1872 г., т. е. въ ту уже пору жизни, когда его характеръ, складъ ума и общественныхъ взглядовъ вполнѣ опредѣлились и выработались; поэтому въ его дѣятельности не наблюдается никакихъ рѣзкихъ идеиныхъ переломовъ, и онъ по всей справедливости является въ нашей журналистикѣ чрезвычайно послѣдовательнымъ и цѣльнымъ типомъ, отъ начала своего газетнаго поприща до послѣднихъ своихъ дней. Будучи сначала сотрудникомъ «Голоса», а потомъ «Новостей», онъ отражалъ во всѣхъ своихъ отвѣтственныхъ работахъ на общественные темы редакціонные взгляды этихъ изданій и ни въ чемъ рѣшительно, по наиболѣе существенному, по крайней мѣрѣ, не расходился съ пріютившими его редакціонными семьями. Работая поразительно много въ самыхъ разнообразныхъ отдѣлахъ, онъ по необходимости стоялъ всегда на виду читателей и противниковъ, участвуя во всѣхъ полемическихъ битвахъ, производимыхъ и сокрушаемыхъ строемъ и вразсыпную. Особенно отвѣтственна, тяжела и вмѣстѣ съ тѣмъ чревата послѣдствіями была его работа въ «Новостяхъ», где онъ постоянно фигурировалъ или подъ псевдонимомъ «Коломенскій Кандидъ» или безъ всякоаг забрала, а съ открытымъ лицомъ; кромѣ того, имъ же велся одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ въ газетахъ отдѣловъ—обозрѣнія печати, почти цѣликомъ покоящіяся на элементахъ полемики по принципіальнымъ вопросамъ. Отсюда становится яснымъ все значеніе покойнаго писателя въ установлениіи известнаго направленія и поддержанія его, въ интересахъ опредѣленнаго общественнаго и политическаго знамени. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ началахъ, которыя положены въ политическую программу «Новостей»: лица, стѣдящія за нашими общественными теченіями, вѣроятно, и безъ моихъ указаній хорошо освѣдомлены по настоящему предмету, а

обрѣтающимся въ невѣдѣніи краткая моя характеристика скажеть немного. Считаю лишь долгомъ отмѣтить, что Владімиръ Осиповичъ, принявъ либеральные завѣты шестидесятыхъ годовъ, превосходно гармонировалъ своимъ настроениемъ предъявляемымъ къ нему редакціоннымъ требованиямъ и твердо держалъ въ рукахъ довѣренное ему знамя, подъ сѣнью котораго въ разное время стояли такие представители русской литературы, какъ: Гр. Градовскій, Р. Сементковскій, А. Скабичевскій, И. Боборыкинъ, В. Немировичъ-Данченко, Д. Мордовцевъ, К. Барапецевичъ, И. Василевскій-Буква и множество другихъ того же направленія. Сотрудничество съ Михневичемъ никогда и никого изъ названныхъ лицъ не смущало, и изъ-за его личности или его убѣжденій никакихъ редакціонныхъ замѣшательствъ или осложненій не выходило.

Онъ работалъ честно, упорно и удивительно плодовито, такъ что въ первые, напримѣръ, года существованія «Новостей» ему приходилось почти цѣликомъ составлять № газеты, просиживая надъ этой работой съ утра до ночи. Молодое изданіе требовало для своего упроченія необыкновенно большого напряженія силъ ближайшихъ сотрудниковъ, далеко не всегда, однако, будучи въ состояніи пропорціонально вознаграждать ихъ за понесенный трудъ. Михневичъ понималъ это, отдавалъ себя цѣликомъ газетѣ, имѣя широкое нравственное удовлетвореніе въ томъ успѣхѣ, которымъ сопровождалась его кипучая напряженная дѣятельность; по мѣрѣ роста дѣла, росло и его материальное благополучие, а отношенія между нимъ и редакторомъ газеты становились все прочнѣе, сердечнѣе и неразрывнѣе.

Мѣнялись общественные настроения, на русскую жизнь набѣгали, когда легкія, когда грозныя, тучи, совершались кругомъ большія и малыя события, газета по необходимости, какъ живая часть огромнаго общественного организма, испытывала на себѣ всѣ перипетіи жизни. Въ вѣчной сутолокѣ ея, обязанная повседневнымъ отвѣтомъ и отзывомъ на вопросы и злобу дня, она, конечно, часто оказывалась въ жестокихъ тискахъ, оказывалась припертою къ стѣнѣ, въ необходимости говорить робкимъ языкомъ, а когда и совсѣмъ молчать. Михневичъ, въ качествѣ повседневнаго выразителя этихъ психологическихъ ощущеній редакціи, несомнѣнно отражалъ въ своихъ писаніяхъ всѣ слѣды этихъ ощущеній и несъ за нихъ невольную и подчастъ несоразмѣрную отвѣтственность. Бывали, конечно и несомнѣнно, личные промахи, срывались съ пера ненужныя слова и выраженія, отъ усталости и окружающаго шума затуманивалась мысль... Противники зорко слѣдили за измученнымъ работникомъ, рады были посвистать ему, общество выражало ему свое неудовольствіе, а редакція претензіи. Но стойкость и бодрость сотрудника не ломилась подъ напоромъ неблагопріятныхъ порывовъ; взбаломученные волны уходили въ свое ложе, поверхность житейского моря успокаивалась, и снова его парусъ блѣлъ на необозримъ про-

сторѣ журналистики, символизируя вѣчное стремленіе къ простору, къ жизни и свободѣ. Бодрость, упорство и вѣра въ порученное дѣло— вотъ тѣ дороги спутники, которые никогда не покидали покойнаго журналиста и побуждали его часто приносить въ жертву личное деспотически-властному редакціонному единству. Уходили старые сотрудники и сотоварищи по работѣ, прибывали новые, а Михневичъ не разставался съ своей этажеркой и перомъ, оставаясь неизмѣннымъ и стойкимъ другомъ окрѣпшаго газетнаго дѣла. Уже безпощадная смерть, не допуская ни одного дня отсрочки, занесла надъ нимъ грознымъ взмахомъ всесокрушающую косу, а испытанный журналистъ все еще протягивалъ свою холодѣющуя руку къ листу исписанной бумаги, чтобы выполнить свой долгъ передъ читателями и редакціей.

На очереди въ «Новостяхъ» стоялъ историческій фельетонъ; его надо было сдавать, а онъ былъ только начать и былъ посвященъ работѣ друга покойнаго, М. Л. Песковскаго: «А. В. Суворовъ, его жизнь и военная дѣятельность». Какъ ни трудно было работать въ тискахъ жестокой болѣзни, но привычка и сознаніе обязанности дѣлали свое дѣло, и фельетонистъ надѣялся окончить работу. Суждено, однако, было иначе, и на другой день послѣ аншлага о вѣчномъ упокоеніи Владимира Осиповича появилась лишь часть работы, прерванная почти на половинѣ фразы и заключенная поучительнымъ указаниемъ редакціи, что «на послѣднихъ, нѣсколько неясныхъ, строкахъ и пресѣклась жизнь Михневича, умершаго въ полномъ смыслѣ съ перомъ въ рукѣ, всепѣло поглощенаго вопросами высшаго порядка, которымъ онъ отдалъ всю свою жизнь...».

Подводить общій итогъ газетной работѣ покойнаго нѣть возможности, да врядъ ли это и можетъ представить какойнибудь интересъ: она вся была посвящена текущимъ вопросамъ дня, самые слѣды которыхъ уже нынѣ смыты волнами послѣдовавшихъ событий. Остались лишь вороха бумаги въ Публичной библіотекѣ, тысячи исписанныхъ имъ листовъ, гдѣ, впрочемъ, сплошь и рядомъ невозможно даже опредѣлить, гдѣ начинается Михневичъ и гдѣ кончается то, что называется редакціонной коллегіальностью. Нѣкоторые фельетоны его, однако, и то болѣе относящіеся до беллетристики, изданы отдѣльными книгами: «Литературный міръ», «Поддѣлки», «Всего понемножку», «Романы кухарки и камеліи», «Барышни и барыни», но и относительно ихъ я долженъ сознаться, что цѣна имъ не Богъ вѣсть какъ велика: ихъ содержаніе по большей части случайное, эскизное, не сохраняющееся долго и прочно въ памяти. Особнякомъ стоятъ лишь двѣ его книжки «Варшава и варшавянѣ» и «Черные дни».

Первая изъ нихъ посвящена вопросу о сближеніи русскихъ и поляковъ, въ интересахъ ихъ совмѣстной и солидарной работы для

решенія экономическихъ, общественныхъ и государственныхъ задачъ въ царствѣ и въ Россіи, «которыя не могутъ и не должны быть откидываемы». Въ этой небольшой книжкѣ авторъ является горячимъ сторонникомъ расширенія свободы слова польской печати, при помощи чего, онъ надѣется, разсѣются многія недоразумѣнія между нами и поляками. Вторая имѣеть своимъ содержаніемъ его «наблюденія и замѣтки» во время поѣздки въ 1891 г. по голоднымъ мѣстамъ и является первыми въ русской печати корреспонденціями, посвященными печальнымъ, дѣйствительно «чернымъ» днямъ нашей общественной жизни. Живые наблюденія опытного журналиста внесли въ разясненіе вопроса посильный свѣтъ и въ свое время читались публикой, когда они печатались на страницахъ «Новостей», что называется, нарасхватъ. Итоги его размышеній надѣ стихійнымъ бѣдствиемъ, периодически постигающимъ Русскую землю, сводятся къ слѣдующимъ словамъ: «Горе русского крестьянина-пахаря заключается именно въ томъ,—по его мнѣнію,—что, кроме зеледѣлія, у него почти нѣтъ никакого порядочнаго, солиднаго промыслла, что онъ половину года сидитъ сложа руки или лежитъ на печи и есть калачи, когда они есть. Когда же ихъ нѣтъ, когда они не уродились, онъ безпомощенъ, какъ дитя, и не знаетъ, какъ себѣ пособить. Если бы наша промышленность стояла на должной высотѣ развитія, соотвѣтственно потребностямъ страны, у насъ не было бы тѣхъ миллионовъ праздныхъ рукъ, которая теперь безъ толку мыкаются въ конецъ, нигдѣ не находя спроса, не было бы той страшной рискованной зависимости огромной трудовой массы населенія отъ стихійныхъ случайностей, отъ какого нибудь поздняго заморозка, отъ засухи или отъ несвоевременной мокрыни; не было бы той не преоборимой, жестокой власти неурожая надѣ всей страной, какую мы испытываемъ нынѣ, не было бы никогда и голодовокъ».

IV.

Русская исторія манила къ себѣ Владимира Осиповича съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и занятіямъ ею остался онъ вѣренъ до гробовой доски. Слѣдомъ этихъ занятій были цѣлый рядъ монографій, начечатанныхъ, отчасти въ «Наблюдателѣ», отчасти въ «Историческомъ Вѣстнике» и въ большинствѣ случаевъ изданныхъ отдельно, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ значительную цѣнность.

Михневичъ былъ историкомъ по призванію, и все его работы, даже публицистического характера, носятъ на себѣ несомнѣнныи слѣдъ большихъ историческихъ знаній и постоянныхъ занятій областю прошедшаго. Этотъ историзмъ въ значительной мѣрѣ удерживалъ его отъ публицистическихъ крайностей, когда журналистъ, работая изо дня въ день, въ вѣчной лихорадкѣ проклятыхъ вопросовъ, часто

теряетъ руль и компасъ и кидается отъ одной крайности къ другой, разжигая общественные страсти и воздѣйствуя на читателя парадоксами и категорическими, мало обоснованными, построениями. Историческая занятія были тою спокойною и мирною бухтою, гдѣ умъ нашего публициста находилъ успокоеніе и пріобрѣталъ ту ровность и разсудительность, которая далеко не всегда являются удѣломъ всѣхъ нашихъ собратьевъ по газетной профессіи. Онъ находилъ поэтому возможность постоянно судить событія дня вѣшнімъ безпредвѣстнымъ судомъ и въ той широкой перспективѣ, которая дается лишь людямъ именно по ихъ специальности историковъ.

Вступивъ въ литературу въ шестидесятыхъ годахъ, онъ попалъ въ ту именно полосу, когда разработка бытовыхъ сторонъ нашей былой жизни стала особенно плодотворна, и интересъ къ отечественному прошедшему сдѣлался особенно популярнымъ. Михневичъ примкнулъ по своимъ симпатіямъ и характеру работъ къ категоріи именно тѣхъ тружениковъ, которые задались цѣлью съ возможной тщательностью разобраться въ опубликованныхъ многочисленныхъ документахъ, относящихся главнымъ образомъ къ бытовой исторіи Россіи XVIII в. Подобно М. И. Семевскому, Карновичу и другимъ нашимъ историкамъ того же типа, онъ не задавался задачею обработки явлений жизни въ ихъ политической, государственной или статистико-экономической постановкѣ дѣла; нѣтъ, онъ по большей части отмежевывалъ себѣ сравнительно небольшую какую нибудь, но вполнѣ опредѣленную, область и ее разрабатывалъ съ удивительнымъ стараніемъ и добросовѣстностью, тщательно подбирая факты лишь изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ и не вызывающихъ сомнѣній. Поэтому редакціи никогда не были обременены провѣркой его работы или сомнѣніемъ въ ихъ доброкачественности; на него смѣло можно положиться въ полной увѣренности, что онъ, во-первыхъ, не подведетъ какими нибудь сомнительными или фантастическими апокрифами и, во-вторыхъ, что по данному вопросу авторъ исчерпалъ весь существующій материалъ, и ничто не ускользнуло отъ его внимательного изученія.

Редакція «Исторического Вѣстника», гдѣ преимущественно и были помѣщены историческая работы покойнаго, всего лучше можетъ засвидѣтельствовать, какъ спокойно и увѣренно можно было работать съ Владимиромъ Осиповичемъ и въ какомъ порядкѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внешней стороны были представляемы всѣ его рукописи. Онъ относился къ намѣченной имъ темѣ не съ плеча, какъ многие изъ насъ, грѣшныхъ, облюбовывали ее, велъ по ея предмету переговоры, совѣтовался, старательно подбиралъ литературу. По сдачѣ статьи въ редакцію, онъ съ такою же любовью слѣдилъ за временемъ ея появленія, заботливо входилъ въ переговоры съ типографіей о наборѣ, тщательно правилъ доставленную корректуру и преподносилъ публикѣ статью безъ всякихъ зависящихъ и неза-

висяющихъ изъяновъ. Также въ высшей степени былъ онъ корректоръ въ своихъ денежныхъ отношеніяхъ къ конторѣ редакціи, выражая всегда щательное попеченіе о покрытии своихъ небольшихъ авансовъ, къ коимъ онъ, какъ и всѣ мы, труженики печати, вынуждаемъ былъ обращаться въ минуты жизни трудныя. Короче сказать, Михневичъ былъ для нашего журнала въ высшей степени цѣннымъ сотрудникомъ, съ которымъ было легко и пріятно работать. Онъ вступилъ въ составъ сотрудниковъ съ первого же года основанія «Исторического Вѣстника», т. е. съ 1880 года, и тогда же имъ были помѣщены здесь два очерка—«Лодка» (простонародная святочная игра) и «Съ сильнымъ не борись» (картина нравовъ первой половины XVIII в.). Съ этихъ поръ, съ небольшимъ перерывомъ въ концѣ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ годовъ, онъ неизмѣнно помѣщалъ свои произведения исторического жанра въ нашемъ журналѣ, особенно сильно участвуя въ немъ въ первые годы его существованія и въ послѣдніе годы своей жизни. Въ промежутокъ же своего отсутствія въ журналѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ, онъ печатался въ «Наблюдателѣ».

Для «Исторического Вѣстника» Владимира Осиповича былъ однимъ изъ самыхъ желанныхъ сотрудниковъ, какъ тонкій знатокъ эпохи XVIII в., которая въ интересахъ популярнаго чтенія даетъ такой неизсякаемый источникъ для литературныхъ работъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что съ его смертью редакція чувствуетъ себя значительно осиротѣлою, сознавая, что послѣ него остается вакантное мѣсто, на которое трудно подыскать достойнаго кандидата. Сотрудники новѣйшей формациіи въ этомъ отношеніи не представляютъ надежнаго элемента, такъ какъ по своимъ вкусамъ, тенденціямъ и специальностямъ, они болѣе склонны снабжать портфель редакціи работами общелитературнаго характера, вѣнѣ соприкосновенія съ столь интересной эпохой XVIII в. или съ стоящимъ на очереди разработки началомъ текущаго столѣтія. Поэтому оплакивая кончину Владимира Осиповича, какъ человѣка, какъ даровитаго писателя, какъ сотрудника вообще, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, даже съ узко-эгоистической точки зрѣнія, скорбимъ о выбытіи изъ рядовъ неутомимаго изслѣдователя русской старинѣ, талантливо разработанныхъ страницы которой, подъ перомъ почившаго, въ теченіе многихъ лѣтъ являлись въ нашемъ журнале.

Выше уже было говорено, что труды нашего изслѣдователя XVIII в. имѣли своимъ содержаніемъ главнымъ образомъ бытовую исторію отечественной жизни, тѣ ея конкретныя детали и страницы, гдѣ выражалась культурная работа общества и составныхъ его элементовъ, во образѣ отдѣльныхъ лицъ, семей и соціальныхъ группъ. Въ числѣ такихъ трудовъ наиболѣе существенное значение имѣютъ: «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи» (1879 г.), «Исторические этюды русской жизни» (1882 г.), «Любимцы.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1899 г., т. LXXVI.

Хроника одного семейства» (1885 г.), «Русская женщина XVIII столѣтія». Всѣ названныя работы имѣются отдельными изданіями, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Исторія музыки» или очерки— «Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ», составляющіе значительную часть его «Этюдовъ», или «Русская женщина» являются въ своемъ родѣ единственными монографіями въ нашей литературѣ, гдѣ автору удалось собрать громадный и драгоцѣнѣйшій материалъ.

Въ послѣдніе годы, уже на краю, такъ сказать, могилы онъ усиленно былъ озабоченъ собраніемъ данныхъ и разработкою ихъ, касающихся карточной игры въ напѣмъ отечествѣ. Эта тема донельзя интересовала автора, онъ рылся въ массѣ источниковъ, выкапывалъ оттуда самыя мелкія крохи и, несмотря на всю тяготу злого недуга, надѣялся въ концѣ концовъ осуществить свою полюбившуюся ему такъ задачу. Къ сожалѣнію, бѣдному Владимиру Осиповичу не сужено было довести дѣла до конца, и оставшаяся послѣ него рукопись, правда вполнѣ отдельная, перебѣленная и просмотрѣнная, обнимаетъ собою исторію карточной игры до конца XVIII вѣка включительно; текущее же столѣтіе съ этой стороны осталось неразработаннымъ, и только мелкія замѣтки, обрывки мыслей и фактовъ, нанесенные на клочки бумаги, свидѣтельствуютъ, что и нашъ картежный вѣкъ долженъ быть въ лицѣ покойнаго найти себѣ безпристрастнаго и всесторонняго историка. Та часть, которая обработана, современемъ и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ появится на страницахъ «Исторического Вѣстника», для котораго и предназначалась эта работа. Сюда же готовился имъ и другой очеркъ, посвященный характеристикѣ гр. Браницкой и заказанный ему редакціей, но, увы! и этой работы ему не удалось довести до конца и даже упорядочить въ предѣлахъ, возможныхъ для напечатанія. А вмѣстѣ съ тѣмъ заботы объ обѣихъ этихъ темахъ не покидали его почти до послѣдняго времени и незадолго до своей кончины, посыпая для мартовской книги рукопись статьи «Русскій народъ въ своихъ возврѣніяхъ на себя и на свое прошлое», онъ писалъ редактору, въ заключеніи письма личнаго характера: «А теперь позвольте потолковать о нашихъ съ вами кровныхъ литературныхъ дѣлахъ! Посылаю вамъ при семъ, съ усердной просьбой напечатать въ мартовской книжкѣ — это, какъ увидите, логически необходимо — статью «Самоопредѣленіе Руси по народнымъ сказаніямъ»¹⁾. Въ статьѣ не больше листа съ четвертью, она здѣсь вся, безъ продолженій впередъ, хотя и является своего рода продолженіемъ «Кто и когда выдумалъ Россію?»²⁾. Я, впрочемъ, это оговорилъ въ примѣчаніи... Если припомните, у меня была начата большая работа въ этомъ родѣ, но теперь, по болѣзни,

¹⁾ Она и напечатана въ мартовской книжкѣ подъ приведеннымъ выше заглавиемъ.

²⁾ «Истор. Вѣстн.» 1899 г., февраль.

я не имѣю надежды ее окончить въ желаемомъ объемѣ; не хотѣлось бы, тѣмъ не менѣе, забрасывать изъ сдѣланного то, что сдѣлано не совсѣмъ худо, сдѣлано со стараніемъ и можетъ быть не безъ пользы и пріятности прочитано публикой «Исторического Вѣстника». Что касается Браницкой, то ея характеристика — вопросъ нѣсколькихъ дней, когда голова у меня будетъ ясна и силъ достаточно, чтобы усѣсться за письменный столъ. Уповаю и надѣюсь, прежде чѣмъ окачуриться, дать вамъ и исторію карточной игры»...

Но ни «Браницкой», ни «карточной игры» выполнить ему не удалось — не хватило силъ, и длительный процессъ тяжкаго умирания не сжалился надъ несчастнымъ страдальцемъ. «Браницкая» такимъ образомъ отъ имени Владимира Осиповича и не появится на страницахъ «Исторического Вѣстника», а исторія карточной игры будетъ напечатана лишь неполнотью, какъ ее довелъ до извѣстнаго момента самъ авторъ.

Изъ приведенного письма къ С. Н. Шубинскому читатели могутъ убѣдиться, что, помимо этихъ работъ, покойнаго Михневича озабочивала и та широкая тема о самоопределѣліи русскаго народа, отрывки которой, въ видѣ законченныхъ очерковъ, были напечатаны въ текущемъ году въ нашемъ журнальѣ. Помѣщая второй изъ этихъ очерковъ, авторъ снабдилъ его примѣчаніемъ, гдѣ даетъ объясненіе обѣимъ статьямъ заразъ. «Обѣ статьи не случайны,—говорить онъ. Въ сущности, онъ извлечены изъ большого, неоконченного, много лѣтъ уже занимающаго автора труда по изученію народныхъ сказаний, какъ материала и первоисточника для начертанія русской народной исторіи, которая у насъ до сихъ не написана. Дать полный, всесторонне обработанный и систематизированный сводъ возврѣній и представлений русскаго народа о томъ, какъ, за кого онъ самъ себя и свое историческое прошлое разумѣеть,—задача оказалась слишкомъ большой, слишкомъ сложной и отвѣтственной, чтобы авторъ отважился самонадѣянно взять ее на себя. Оставалось ограничиться частными, бѣглыми развѣдками въ широкую, какъ темный боръ, необозримую и такъ еще мало изслѣдованную область народнаго самосознанія и самоопределѣленія. Одну изъ такихъ развѣдокъ и представляетъ настоящій этюдъ».

Итакъ, отсюда читатели могутъ убѣдиться, что за широкая, оригинальная и славная тема интересовала автора, надъ которой онъ действительно много лѣтъ работалъ и выполнить которую составляло его завѣтную мечту. Онъ любилъ въ личной бесѣдѣ говорить обѣ этой работѣ, въ его уютномъ кабинетѣ на письменномъ столѣ всегда можно было найти по настоящему предмету множество книгъ, среди которыхъ словарь Даля, сказки Сахарова, работы С. Максимова и другихъ нашихъ писателей-этнографовъ занимали почетное мѣсто, чередуясь съ томами былинъ и разныхъ справочныхъ лингвистическихъ изданій.

Еще за три недѣли до смерти, встрѣтившись со мною за обѣдомъ у А. М. Скабичевскаго, онъ съ удивительной любовью говорилъ объ этой работѣ, объ этой дорогой ему темѣ, но и тутъ же съ глубокой, душу щемящей тоской пророчествовалъ, что для выполненія этой задачи ему не дано судьбою больше дней и часовъ... И когда мнѣ пришлось послѣ первой панихиды заглянуть въ столь хорошо знакомый мнѣ кабинетъ Владимира Осиповича, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза на его осиротѣломъ письменномъ столѣ, была рядомъ со слѣдомъ недоконченной работы для исторического фельетона въ «Новости» именно кучка аккуратно подобранныхъ авторовъ, которые съ такою любовью собирали совокупную работу русскаго духа, изъ каковой объединенной и опредѣленно освѣщенной работы дорогой покойникъ надѣялся вывести самоопредѣленіе русскимъ народомъ самого себя.

Издавая въ 1884 году собраніе сочиненій Павла Якушкина, этого типичнаго интеллигентнаго калики перехожаго и представителя нашей разночиннѣцкой литературной богемы, Михневичъ писалъ въ предисловіи: «Непосредственное изученіе народа—дѣло у насъ молодое, новое, едва начатое. Дѣло это великое, первостепенной важности, и теперь уже для всѣхъ это ясно. Поэтому, каждая добросовѣстная работа по изученію народа должна быть на виду и на счету, каждый, самый даже скромный изслѣдователь, посвятившій этому дѣлу свои силы, заслуживаетъ вниманія, памяти и признательности». Обращаясь же непосредственно къ личности Якушкина, онъ говорилъ: «Въ народѣ онъ шелъ не мудрить надъ нимъ, не прикладывать къ нему тѣ или другіе взгляды и теоріи, шелъ онъ въ него, какъ мѣтко выражился о немъ одинъ журналъ, «смиренно, т. е. воздерживаясь отъ всякаго суда и приговора». Его воодушевляла единственно горячая, беззаботная любовь къ народу, — любовь не дѣланная, но дѣятельная, которая стремится извѣдать до глубины сокровенныя думы, нужды и боли того, кому посвящена она. Въ Якушкинѣ это было самородное, задушевное призваніе, ставшее посланничествомъ всей его жизни, которымъ онъ и заслужилъ бесспорное право быть помянутымъ добрымъ словомъ и вниманіемъ всѣхъ любящихъ родину русскихъ людей».

Эти прекрасныя слова Михневича мнѣ хотѣлось бы обратить и по его адресу, какъ историка, какъ писателя нашей отечественной дѣйствительности, въ которой онъ съ такою любовью обращалъ свой взоръ на низины нашей жизни, гдѣ думаетъ, чувствуетъ и страдаетъ это многочисленное населеніе, именуемое русскимъ народомъ, самосознаніе и самопознаніе котораго, во всей ихъ совокупности, ему такъ таки и не удалось опредѣлить, но къ чѣму онъ даже на краю холодной могилы съ такою страстью стремился.

Чтобъ закончить бѣглый обзоръ историческихъ трудовъ покойнаго, считаю долгомъ отмѣтить слѣдующія его статьи, напечатанныя

въ «Историческомъ Вѣстнику», «Непреклонный майоръ» — картинка административной неурядицы Александровскихъ временъ, и «Извращение народного пѣснотворчества» (1880 г.), «Лодка» (1881 г.), «Женское правление и его противники», — характеристическая подробность русской исторіи XVIII вѣка; «Исторія мѣдного всадника» (1882 г.), «Съ сильнымъ не борись», картинка нравовъ первой половины XVIII в. (1883 г.), «Старина XVIII стол. 1730—1740 г.» (1884 г.), «Дѣдъ Пушкина» (1886 г.), «Скавронские. Страница изъ истории фаворитизма въ Россіи» (1885 г.), «Страница изъ литературныхъ воспоминаний» (1891 г.), «Графиня М. А. Румянцева» и «Изъ старыхъ бумагъ» (1897 г.), «Двѣ невѣсты Петра II» и «Черты быта и нравовъ XVIII столѣтія» (1898 г.), «Біографія М. С. Перекусихиной» (1899 г.), «Кто и когда выдумалъ Россію» (1899 г.), «Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое». Кромѣ того, имъ помѣщено много рецензій и мелкихъ замѣтокъ.

V.

Михневичъ всю свою жизнь съ 1870 года провелъ въ литературѣ, живя ею и для нея. Поэтому, помимо его дѣятельности, какъ писателя, какъ автора многочисленныхъ статей въ газетахъ и журналахъ, заслуживаетъ вниманія и отвѣта вопросъ, что же дѣлалъ онъ для своей среды, для лицъ, составляющихъ профессіональный классъ журналистовъ. По всей справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что онъ жилъ въ самомъ тѣсномъ и дружномъ единеніи съ этою средою, болѣя всѣми ея невзгодами и болѣзнями и по мѣрѣ силы неся къ услугамъ ея свое свободное время и безкорыстный трудъ. Въ этомъ отношеніи Михневичъ оставилъ по себѣ самую теплую память въ «Кассѣ взаимопомощи литераторамъ и ученымъ», какъ ревностный членъ правлениія и самый аккуратный исполнительный казначай этого правлениія. Избранный членомъ ревизіонной комиссіи кассы, именно въ бытность Владимира Осиповича казначеемъ, я совмѣстно съ своими товарищами по ревизіи, имѣль уже случай въ докладѣ общему собранію засвидѣтельствовать о безупречномъ и ревностномъ трудѣ нашего милаго казначея. То же самое могу я повторить и сейчасъ, добавивъ къ этому лишь то, что, будучи требователенъ и взыскателенъ въ отношеніи самого себя, какъ административнаго лица, Михневичъ былъ также неумолимъ и въ отношеніи своихъ товарищѣй по правлению.

Въ архивѣ «Исторического Вѣстника» имѣются по настоящему предмету очень любопытные документы, которые, можетъ быть, когда настанетъ очередь писать исторію кассы, пригодятся и увидятъ свѣтъ Божій. Вотъ это-то строгое отношеніе къ обязанностямъ и послужило въ значительной мѣрѣ толчкомъ къ упорядоченію вообще каз-

начайской и дѣлопроизводительской частей кассы, что и достигнуто уже въ настоящее время. Инициаторомъ этого упорядоченія и былъ именно покойный Владіміръ Осиповичъ, который еще въ 1895 году вошелъ въ правленіе по настоящему предмету съ представленіемъ, которое я, какъ документъ для истории кассы и какъ памятникъ дѣятельности покойнаго члена правленія и казначея, привожу здѣсь цѣликомъ.

Записка члена правленія кассы взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ В. О. Михневича.

Считаю своимъ долгомъ внести на обсужденіе правленія ниже-слѣдующія, вынесенные изъ слишкомъ трехлѣтняго опыта участія въ составѣ правленія, соображенія и предположенія, касающіяся дѣлопроизводства кассы.

Въ настоящее время все бремя дѣлопроизводства кассы лежитъ въ сущности на плечахъ предсѣдателя правленія, въ лицѣ котораго поэтому сосредоточены какъ иниціатива, такъ и вся исполнительная власть по дѣламъ кассы. Другія должностныя лица (секретарь и казначей) и само правленіе узнаютъ о теченіи дѣлъ кассы только то, что угодно и когда угодно сообщить имъ объ этомъ предсѣдателю. Переписка, поступленіе денегъ, отчетность по нимъ и проч., все это идетъ черезъ руки предсѣдателя и въ нихъ сосредочено, причемъ надъ дѣятельностью предсѣдателя не установлено точно опредѣленного контроля или во всякомъ случаѣ открыта возможность уклоняться отъ него или оттягивать его на неопределѣнное время.

Такой порядокъ, заключая въ себѣ нарушеніе началъ коллегіальности, ведетъ къ неравномѣрному распределенію занятій между должностными лицами правленія—къ непосильному обремененію ими одного предсѣдателя и ничего почти недѣланію секретаря и казначея, и отсюда къ возможности замедленія въ теченіи дѣлъ, путаницы, дезорганизаціи и затемненія предѣловъ отвѣтственности.

Этотъ порядокъ можетъ еще не вызывать опасеній и признаваться отчасти естественнымъ при нынѣшнемъ почтенномъ предсѣдателѣ правленія, Г. К. Градовскомъ, которому касса обязана своимъ созданиемъ и своей организацией, когда, по новизнѣ дѣла, творецъ нашего учрежденія вынуждался не только руководить общимъ направлениемъ дѣлъ, но и непосредственно принимать всеобъемлющее участіе въ отправлениі всего дѣлопроизводства.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду не исключительно-счастливое, а нормальное положеніе вещей и предусматривать возможность такого случая, когда предсѣдатель будетъ лицо, не столь вѣрное долгу и пре-

данное интересамъ кассы, не столь посвященное въ ея уставъ и организацію. Поэтому и необходимо заблаговременно установить и ввести въ практику такой болѣе правильный порядокъ, который предупреждалъ бы на будущее время возможность упущеній и злоупотребленій. Необходимо теперь же урегулировать общій порядокъ дѣлопроизводства кассы, разграничитъ въ точности права и обязанности каждого должностнаго лица правленія и устранить почву для всего случайного и произвольнаго.

На этомъ основаніи предлагаю внести въ порядокъ дѣлопроизводства кассы слѣдующія правила:

1) Правленіе кассы должно быть собираемо въ опредѣленные сроки и не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, за изъятіемъ развѣ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

2) Отчетъ за каждый истекшій годъ долженъ быть составленъ и опубликованъ не позже первой половины слѣдующаго года и возможно ранѣе.

3) Денежная отчетность должна производиться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ (не исключая и трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ) въ бюро правленія, причемъ вся денежная поступленія и расходы приводятся въ извѣстность и заносятся въ кассовыя книги.

4) Помимо этого каждое денежное поступленіе должно записываться въ день его поступленія въ особо установленную, прошнурованную дневную кассовую книгу.

5) Всѣ поступающія суммы должны немедленно вноситься на специальнно установленный въ благонадежномъ банкѣ текущій счетъ кассы, или обращаться, по мѣрѣ накопленія, на покупку процентныхъ бумагъ, хранимыхъ въ государственномъ банкѣ; во всякомъ случаѣ на рукахъ не должно оставаться безъ надобности болѣе ста рублей.

6) По всѣмъ вообще денежнымъ поступленіямъ въ кассу обязательно должны выдаваться квитанціи, независимо отъ того, требуетъ или не требуетъ таковой платящее лицо.

7) Необходимо вообще составленіе опредѣленной, точной казначейской инструкціи, а также и секретарской.

8) Каждый членъ кассы при поступленіи приглашается дать запись (по наслѣдованію, въ случаѣ его смерти, причитающейся ему суммы), для чего выдается ему печатный бланкъ таковой, подъ расписку. Съ своей стороны правленіе выдаетъ расписку въ принятіи каждой «записки», не дожидаясь ея истребованія.

9) Никакія мѣры и предпріятія, касающіяся дѣлъ и интересовъ кассы, не должны быть принимаемы никѣмъ изъ членовъ правленія (хотя бы и на свой личный рискъ) безъ предварительного обсужденія и согласія, по большинству голосовъ, всего правленія.

Вл. Михневичъ.

18 сентября 1895 года,
Спб., Песочная, 10.

Ликвидирия свое жизненное поприще, Михневичъ не пожелалъ оставаться какъ бы въ долгу передъ русскою литературою и за то, что она дала ему доброе имя, и за тотъ материальный достатокъ, который онъ почерпнулъ именно изъ своихъ литературныхъ трудовъ. Поэтому, завѣщая потомству накопленное имъ духовное богатство, въ видѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ оставить по себѣ и вещественную память своему родному сословію, въ рядахъ котораго протекла его жизнь. Свою отлично подобранныю историческую библіотеку онъ завѣщалъ (на сло-вахъ) «Союзу русскихъ писателей», а все остальное имущество, сначала въ пожизненное владѣніе супругѣ своей, Елизаветѣ Николаевнѣ, а послѣ ея смерти «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», или, иначе, такъ называемому литературному фонду. Этотъ вкладъ чрезвычайно цѣнныи, цѣнныи и по своему значительному материальному объему, и по тому нравственному началу, которое вложено въ эту волю и которое вносить въ нашу, въ общемъ небогатую радостными и свѣтлыми явленіями, жизнь русскихъ писателей лучъ тепла и свѣта.

Скончался Михневичъ 24 февраля, послѣ тяжкой мучительной болѣзни—расширения аорты, которая въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ держала его жизнь подъ страшною угрозою ежеминутнаго конца. Процессъ такимъ образомъ умирания длился страшно долго, и послѣдніе два-три года были годами сплошныхъ страданій и чувства безсилія передъ неминуемымъ роковымъ концомъ. Больно было глядѣть на человѣка, который на глазахъ таялъ и отходилъ въ вѣчность, не самообольщая себя на счетъ своего здоровья и неминуемаго близкаго конца. «Умереть не страшно, страшно помирать,— писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ редактору «Историческаго Вѣстника»,—и даже не столько страшна, сколько противна и отвратительна самая процедура и такъ называемая «борьба со смертью». И вмѣстѣ съ тѣмъ эта борьба со смертью заняла въ послѣдніе годы его жизни почти все время, и никакая помошь самой опытной, самой искусной науки не была тутъ въ силахъ что либо подѣлать. Отошелъ онъ, впрочемъ, въ вѣчность безъ особыхъ страданій и ярко-выраженной агоніи, на рукахъ близайшаго друга своей жизни, жены, Елизаветы Николаевны, положившей столько попеченій и заботъ, чтобы облегчить страданія своего мужа. Схороненъ Владимиръ Осиповичъ на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, въ томъ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, которое является какъ бы послѣднею жизненною наградою всѣмъ русскимъ писателямъ и которое уже сыздавна стало могильнымъ пантеономъ русской литературы. Михневичъ по всѣмъ заслугамъ занялъ въ этомъ пантеонѣ заслуженное мѣсто, и память о немъ такимъ образомъ ни въ какомъ отношеніи не будетъ забыта ни среди почитателей этой литературы, ни среди ея живыхъ представителей.

Б. Глинскій.

БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНИЯХЪ¹⁾.

II.

ЛАВНОЙ эпохѣ своей политической дѣятельности, занятой войнами съ Даніей, Австріей и Франціей, Бисмаркъ посвящаетъ въ своихъ мемуарахъ немного страницъ, и то въ нихъ онъ не высказываетъ ничего новаго, не выясняетъ причинъ своихъ дѣйствій, не указываетъ на ихъ результаты, а словно мимоходомъ говоритъ кое-что по поводу знаменитой военно-дипломатической трилогіи. У Буша также, кромѣ французской войны, которой отведенъ цѣлый томъ, встрѣчается мало свѣдѣній объ отношеніяхъ его кумира къ этимъ событиямъ, составляющимъ его славу и гордость. Только одинъ пресловутый инцидентъ съ эмской депешей подробно разсказанъ и въ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ, но такимъ образомъ, что не только позорное пятно этого политического подлога не смыто съ желѣзного канцлера, но оно оттѣнено столь мрачными красками, о которыхъ не мыслили даже злѣйшіе его враги. Другіе указанные источники еще болѣе скучны данными о дипломатическихъ фортельахъ, которыми человѣкъ огня и желѣза вообудилъ эти три войны, и успѣшно достигъ ими намѣченныхъ заранѣе цѣлей: лишь у Поппингера встрѣчается характерный анекдотъ объ отношеніяхъ Бисмарка къ Рехбергу передъ войной съ Даніей. Но зато въ послѣднее время появилось въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ нѣсколько документовъ и воспоминаній со-

¹⁾) Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. LXXV, стр. 976.

временниковъ, въ томъ числѣ только-что умершаго графа Рехберга, обѣ интригахъ Бисмарка передъ войной съ Австріей. Такимъ образомъ все-таки эти матеріалы даютъ возможность, сведя въ одно цѣлое отдѣльныя черты, охарактеризовать отношенія Бисмарка къ своимъ крупнѣйшимъ военно-дипломатическимъ подвигамъ.

Онъ самъ говорилъ Бушу, что наиболѣе гордится изъ всѣхъ своихъ дипломатическихъ кампаній—Шлезвигъ-Гольштинской, и потому онъ охотно принялъ бы только одинъ титулъ герцога Гольштинскаго. А на вопросъ «маленькаго Буша»—думаль ли онъ заранѣе о присоединеніи герцогства къ Пруссіи, величайшій послѣ Наполеона примѣнитель въ XIX вѣкѣ теоріи «силы, господствующей надъ правомъ», отвѣчалъ: «Да, конечно: я думалъ объ этомъ со времени смерти датскаго короля. Но не легко было осуществить мою мысль. Всѣ были противъ меня: наследный принцъ и его жена по причинѣ родственныхъ связей; Вильгельмъ, я самъ, не знаю почему; Австрія, мелкія германскія государства и Англія — изъ зависти. Либералы, дѣлавшіе мнѣ всяко го рода непріятности, выставляли какія-то права герцога аугустенбургскаго, а жители Шлезвига-Гольштініи, конечно, и слышать не хотѣли о присоединеніи къ Пруссіи. Я долженъ былъ бороться со всѣми этими враждебными элементами. Въ одномъ засѣданіи государственного совѣта я обязанъ былъ убѣдить своихъ противниковъ и произнесъ одну изъ самыхъ длинныхъ рѣчей, когда либо сказанныхъ мною. Я доказалъ королю, что всѣ его предшественники, за исключеніемъ его покойнаго брата, присоединили къ Пруссіи какой нибудь клочокъ территоріи, и спросилъ его, неужели онъ не хочетъ расширить своего королевства, а послѣдователь примѣру брата. Не успѣль я произнести эти слова, какъ всѣ стали смотрѣть на меня подозрительно, какъ будто я напился съ утра... Потомъ при подписи протокола засѣданія случилась новая исторія. Изъ моей рѣчи выпустили самые опредѣленныя рѣшительныя фразы, и я противъ этого горячо протестовалъ. Мнѣ отвѣчали, что пропуски сдѣланы нарочно, изъ желанія мнѣ угодить. «Знаю, возразилъ я: вы думаете, что я былъ пьянъ, но это все равно... Я требую, чтобы все, мною сказанное, было буквально занесено въ протоколь». Такъ и сдѣлали».

Въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ повторяетъ этотъ анекдотъ, но только прибавляетъ, что самъ Вильгельмъ принялъ его за пьяного, а наследный принцъ, будущій императоръ-философъ, поднялъ руки къ небу, словно сомнѣваясь, не сошелъ ли онъ съ ума. Потомъ онъ приводить свое письмо къ замѣнившему его въ Парижѣ Гольцу, по шлезвигъ-гольштинскому вопросу, гдѣ болѣе читается нравоученій посланнику за его дерзкое желаніе «имѣть свое сужденіе», чѣмъ высказываетъ политическихъ соображеній. Характерны въ этомъ документѣ, помѣченномъ 24-мъ декабря 1863 года, только слова: «Я не боюсь войны, напротивъ и вы, можетъ быть, скоро увидите, что

война входитъ въ мою программу, но вашъ путь къ войнѣ политически ложный и не согласный съ интересами Пруссіи». Какъ известно, либералы и вообще большинство нѣмцевъ желали воевать съ Даніей въ пользу правъ герцога аугустенбургскаго на Шлезвигъ-Гольштинію; даже король склонялся въ пользу этой точки зреянія, но Бисмаркъ не хотѣлъ обѣ этомъ слышать и рѣшился съ самаго начала, по его словамъ, «бить на присоединеніе Шлезвигъ-Гольштиніи къ Пруссіи». Въ своихъ мемуарахъ онъ разсказываетъ: «Не обсуждая сложныхъ юридическихъ вопросовъ о шлезвигъ-гольштинскомъ наслѣдствѣ, Вильгельмъ твердилъ одно: «Я не имѣю никакого права на Гольштинію». Тщетно я говорилъ ему, что герцогъ аугустенбургскій также не имѣть никакихъ правъ на одну часть Гольштиніи, что отъ другой онъ отказался два раза, и что герцогъ держитъ сторону Австріи; мои слова не производили на короля никакого вліянія. Если обѣщаемое мною пріобрѣтеніе провинцій и указанная историческая воспоминанія льстили его династическимъ стремленіямъ, то онъ боялся своей жены, наслѣдного принца и общественного мнѣнія, которая склонялись въ пользу герцога аугустенбургскаго. «Я же,—характерно прибавляетъ желѣзный канцлеръ,—никогда неуважалъ общественного мнѣнія, т. е. болтовни ораторовъ и газетъ».

О томъ, какъ онъ обошелъ австрійскаго первого министра, графа Рехберга, и втянулъ Австрію въ войну съ Даніей, хотя она признавала, что право, какъ въ сущности и было, находилось на сторонѣ Даніи, Бисмаркъ не упоминаетъ ни слова, а также молчить о томъ, какъ онъ, соблазнивъ Австрію принять участіе въ войнѣ миражемъ наживы, потомъ обманулъ ее и предоставилъ одной Пруссіи всѣ выгоды. Онъ только приводить письмо къ нему Вильгельма, въ которомъ король благодаритъ его за присоединеніе къ Германіи герцогства Лаунбурга, «плодъ его совѣтовъ», и жалуетъ ему графскій титулъ. Къ этому онъ цинично прибавляетъ: «вступивъ во владѣніе Лаунбургомъ, который былъ первымъ въ его царствованіе расширеніемъ Пруссіи, король подвергся психологической метаморфозѣ и вспелъ во вкусъ завоеваній».

Какими средствами Бисмаркъ добился этого первого завоеванія, прекрасно характеризуютъ анекдоты, разсказанные имъ самимъ Попшингеру и Бушу о томъ, какъ онъ обошелъ Рехберга и какъ заставилъ именитыхъ гражданъ Лаунбурга присягнуть въ вѣрности прусскому королю. «Я однажды съ Рехбергомъ ѿхалъ верхомъ въ Франкфуртѣ,—говорилъ желѣзный канцлеръ,—и тщетно старался убѣдить его предпринять вмѣстѣ съ Пруссіей войну противъ Даніи по шлезвигъ-гольштинскому вопросу, какъ неожиданно передъ нами оказался глубокій ровъ; я, не думая ни минуты, пришпорилъ лошадь и перескочилъ черезъ него. Потомъ я обернулся и видя, что Рехбергъ остановился передъ рвомъ въ раздумья, крикнулъ ему: «Вотъ что сдѣлаетъ Пруссія, если вы не пойдете съ ней противъ

Данії». Относительно же присяги лауенбургцевъ, Бисмаркъ передалъ Бушу, что когда Вильгельмъ поѣхалъ принимать эту присягу, то именитые граждане герцогства, съ Бюловомъ во главѣ, требовали, чтобы король подтвердилъ старинныя привилегіи герцогства до принятія ими присяги. Но Бисмаркъ сказалъ Бюлову, что король ничего подобнаго не сдѣлаетъ, а когда тотъ отвѣчалъ: «Такъ мы откажемся отъ присяги», новый графъ хладнокровно произнесъ: «Въ такомъ случаѣ вы узнаете въ церкви, что ваше герцогство вошло въ составъ сосѣдней прусской провинціи». Написавъ декретъ подобнаго содержанія и давъ его подписать Вильгельму, Бисмаркъ спряталъ документъ въ карманъ и пошелъ на слѣдующій день въ церковь. Когда наступила минута присяги, Бюловъ первый выступилъ впередъ и пристально посмотрѣлъ на Бисмарка, взглядъ которого оказался столь выразительнымъ, что онъ молча принялъ присягу. Его примѣру послѣдовали другіе, и о старинныхъ привилегіяхъ всѣ забыли.

Хотя Бисмаркъ увѣрялъ, что самымъ блестящимъ дипломатическимъ успѣхомъ была подготовка датской войны, но интриги, которыми онъ расчистилъ себѣ почву, чтобы разыграть, какъ на клавиахъ, второй актъ своей трилогіи—войну съ Австріей—отличались не меньшимъ искусствомъ и пренебреженiemъ всѣхъ нравственныхъ принциповъ. Онъ въ своихъ мемуарахъ не говорить ни слова не только о дипломатическомъ прологѣ, но даже и о самой драмѣ, увѣнчавшейся побѣдой при Садовѣ, а только разсказывается ея эпилогъ, именно заключеніе мира съ Австріей въ Никольсбургѣ. Правда, въ главѣ, посвященной франкфуртскому конгрессу, встречаются кое-какіе намеки на переговоры Бисмарка съ Рехбергомъ послѣ датской войны въ Шенбрунѣ, при чёмъ Бисмаркъ увѣряетъ, что онъ былъ вполнѣ расположенъ тогда къ Австріи и предлагалъ заключить съ нею союзъ, основой которого была бы система дуализма, т. е. равнаго вліянія въ Германіи той и другой страны, но что этому соглашенію помѣшало удаленіе отъ дѣлъ Рехберга. Однако, изъ только-что напечатанного въ «*Neue Freie Presse*» разсказа объ этихъ переговорахъ самого Рехберга оказывается, что дѣло происходило совершенно иначе. «Когда Бисмаркъ приѣзжалъ въ Вѣну съ королемъ прусскимъ,—сказалъ Рехбергъ въ юнѣ 1892 г. своему собесѣднику,—послѣ датской войны, въ которой Австрія участвовала, помимо моей воли, я предложилъ въ Шенбрунѣ заключить дружескій союзъ между Австріей и Пруссіей. При этомъ я замѣтилъ, что эти двѣ страны, дѣйствуя дружно, могли помѣшать, чтобы въ Европѣ раздался хоть одинъ пушечный выстрѣль. Но Бисмаркъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, война была неизбѣжна. Я тогда сказалъ, что война могла быть только возбуждена Франціей, а потому мы могли въ тѣсномъ союзѣ предупредить ее и сдѣлать общее нападеніе на эту нарушительницу мира. Бисмаркъ представилъ кое-какія возраженія, но въ

концѣ концовъ просилъ меня формально изложить мое предложение. Я составилъ проектъ союзного трактата, но встрѣтилъ въ совѣтѣ министровъ энергичную оппозицію. Рѣшено было, напротивъ, принять враждебное Пруссіи положеніе, и я долженъ былъ подать въ отставку». Хотя въ этомъ разсказѣ Рехбергъ не указываетъ причины, почему австрійские министры, съ которыми согласился императоръ Францъ-Іосифъ, были противъ союза съ Пруссіей, но изъ ранѣе напечатанныхъ воспоминаній Фридъюнга¹⁾ ясно видно, что ихъ испугала та чрезмѣрная плата, которую потребовалъ Бисмаркъ за союзъ съ Пруссіей. Такимъ образомъ онъ, какъ всегда, вѣль двойную игру: съ одной стороны соглашался съ Рехбергомъ заключить союзъ съ Австріей, какъ онъ увѣряетъ въ своихъ мемуарахъ, на основаніи равнаго вліянія обѣихъ странъ въ Германіи, а съ другой — пугалъ Франца-Іосифа и его министровъ, что согласится на такой союзъ не иначе, какъ если Австрія добровольно откажется отъ всякой роли въ Германіи и предоставитъ Пруссіи полное въ ней главенство.

Послѣ удаленія отъ дѣлъ Рехберга, Бисмаркъ продолжалъ еще два года свою подготовительную работу, имѣвшую цѣлью устроить такъ политическую шахматную доску, чтобы у Пруссіи въ минуту войны съ Австріей руки были развязаны, и на Австрію пало обвиненіе въ возбужденіи войны. Въ первомъ отношеніи онъ легко добился того, что Франція, Россія и Англія предоставили Пруссіи на свободѣ покончить свою распрю съ Австріей: одну онъ ослѣпилъ миражемъ уступокъ на Рейнѣ, другую увѣрилъ, что она обязана благодарностью Пруссіи за пассивное содѣйствіе къ усмирению польскаго восстанія, а третью убѣдилъ, что ея интересы совпадаютъ съ усиленіемъ Пруссіи насчетъ Австріи. Но нейтралитета главнѣйшихъ европейскихъ державъ ему было мало, и онъ заключилъ наступательный союзъ съ Италіей, обѣщавъ распространеніе предѣловъ новаго тогда королевства. Что касается до второй части своей задачи, то Бисмарку было не трудно такъ смѣшать карты дипломатической игры, чтобы Австрія оказалась въ роли зacinщика. Къ его услугамъ былъ еще не решенный тогда сложный вопросъ о раздѣлѣ добычи датской войны, хотя, по его словамъ, онъ съ самаго начала шлезвигъ-гольштинской распри рѣшилъ присоединить обѣ спорныя датскія провинціи къ Пруссіи, но сразу этого совершить было нельзя и послѣ общій победы съ Австріей надъ маленькой беззащитной Даніей, онъ предложилъ общее занятіе завоеванныхъ провинцій, зная очень хорошо, что подобное общее занятіе дастъ ему въ психологическій моментъ не только предлогъ къ войнѣ съ Австріей, но и возможность выставить ее зacinщицей.

Послѣ многихъ хитрыхъ ходовъ, все было подготовлено на по-

¹⁾ Der Kampf um die Vorherrschaft, von dr. Friedjung. Leipzig. 1889.

литической шахматной доскѣ для развязки игры, но прежде чѣмъ сдѣлать послѣдній шагъ, который долженъ былъ дать Австріи матъ, Бисмаркъ нашелъ нужнымъ ослѣпить своего противника новымъ предложеніемъ союза и обращенія собранныхъ другъ противъ друга армій на общаго врага Францію. По словамъ Бисмарка, приведеннымъ въ книгѣ Буша, это предложеніе было сдѣлано за два дня до отѣзда короля Вильгельма на войну, но тотъ же Бисмаркъ говорилъ Фридѣнгу въ 1890 году, что онъ посыпалъ Антона фонъ-Габленца къ Францу-Іосифу съ проектомъ союза и объявленія войны Франціи въ маѣ мѣсяцѣ, то-есть за мѣсяцъ до войны. Правда, существуетъ еще третье противорѣчивое указаніе все того же Бисмарка на то, что этотъ фактъ происходилъ послѣ объявленія войны: въ «*Kolnische Volkszeitung*» помѣщенъ отрывокъ изъ дневника барона Франкенштейна, бывшаго вожака парламентскаго центра, который говоритъ, что въ 1879 году Бисмаркъ говорилъ ему: «послѣ начатія войны съ Австріей я предлагалъ Францу-Іосифу раздѣлить съ прусскимъ королемъ господство надъ Германіей, при чемъ Австріи подчинился бы югъ, а Пруссіи — сѣверъ, а затѣмъ, вмѣстѣ напасть на Францію и отнять у нея Эльзасъ-Лотарингію. Францу-Іосифъ былъ не прочь отъ такой комбинаціи, но Ларишъ воспротивился ей съ финансовой точки зренія, доказывая, что если бъ даже Австрія одержала победу въ такой войнѣ, то ей потребовалось бы много денегъ, а въ случаѣ пораженія, дѣло дошло бы до національного банкротства». Но всего вѣрнѣе, что Бисмаркъ выкинулъ этотъ дипломатическій фортель въ маѣ мѣсяцѣ, какъ указываетъ Фридѣнгъ и подтверждается анонимный авторъ статьи въ «*Times*», который приводитъ неизвѣстное и ненапечатанное до сихъ поръ письмо Бисмарка къ Мантеїфелю отъ 9-го іюня 1866 года, бросающее яркій свѣтъ на его интриги, предшествовавшія войнѣ съ Австріей.

Это письмо вполнѣ доказываетъ, что Бисмаркъ дѣйствовалъ передъ войной съ Австріей точно такъ же, какъ онъ поступилъ относительно знаменитой эмской депеші. Въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ ловко подготовилъ свою игру и, дождавшись психологического момента, хотѣлъ, во что бы то ни стало и какой бы то ни было цѣной, начать войну, возложивъ на противника роль зачинщика. Не согласившись на проектъ Бисмарка о союзѣ съ Пруссіей и войнѣ съ Франціей, Австрія предложила отдать долго длившіяся пререканія по Шлезвигъ-Гольштинскому вопросу на разрѣшеніе германскаго союза и созвала гольштинскій сеймъ, но Бисмаркъ рѣзко противостоялъ противъ этого, признавъ подобный шагъ за нарушеніе Гаштейнскаго соглашенія о занятіи Шлезвигъ-Гольштініи обѣими странами, приказалъ прусскому губернатору Шлезвига, Мантеїфелю, немедленно двинуть прусскія войска въ Гольштинію, гдѣ находился австрійскій губернаторъ, Габленцъ. Хотя его приказаніе было исполнено

нено, но ему показалось, что недостаточно энергично, и онъ написалъ 9-го іюня рѣзкое письмо Мантейфелю, котораго упрекалъ въ томъ, что онъ мирно вступилъ въ Гольштинію, какъ союзникъ, и любезничаетъ съ австрійцами, когда отъ него ждали пушечныхъ выстрѣловъ. «Вы увѣряете», — пишетъ онъ, — «что военная оккупациѣ Гольштиніи была бы сочтена за актъ насилия, но я вамъ скажу словами Деврѣ: «другъ, настало время шумѣть», и если вы не напушмите, то не только уничтожите всю европейскую комбинацію изъ любезности къ Габленцу, но не найдете ни души въ армії, кромѣ виртембергцевъ, которая пойметъ ваше поведеніе. Каждые три дня стоять намъ 2 миллиона, а мы не можемъ долго вынести такие расходы, такъ какъ мы не живемъ подобно Австріи на счетъ своихъ кредиторовъ; каждые три дня прибавлять къ австрійской арміи 1.000 союзниковъ. Сегодня вѣтеръ дуетъ въ нашу сторону во всей Европѣ. Всѣ ожидаютъ, что мы будемъ дѣйствовать, и считаютъ это естественнымъ. Можетъ быть, черезъ недѣлю положеніе измѣнится... Я получилъ свѣдѣнія, что Австрія не готова, и потому даны приказанія Габленцу тянуть дѣло и вести себя мирно. Наконецъ, Австрія намѣрена отмѣнить свои дѣйствія, которымъ мы придали въ глазахъ Европы характеръ нарушенія Гаштейнскаго соглашенія. А если нѣть нарушенія, то нѣть у насть права занимать Гольштинію, а теперь всѣ за насть и даже въ Вѣнѣ вѣрятъ въ наше право. Если же мы имѣемъ право войти въ Гольштинію, то имѣемъ право идти и далѣе. Потому я посовѣтую королю, чтобы, кромѣ оккупациї Гольштиніи, которую, я надѣюсь, вы уже совершили, было заявлено Габленцу о совершенной очисткѣ этой провинції Австріей».

Дѣйствительно, такому игроку, какъ Бисмаркъ, не приходилось ждать ни минуты, когда все было готово къ игрѣ. Война съ Австріей началась и въ 7 недѣль привела къ разгрому подъ Садовой. Тутъ снова Бисмаркъ выступилъ на сцену, но ему не легко было устранить Мольтке и весь военный элементъ, а потому онъ очень цѣнилъ одержанную победу. Это видно уже изъ того, что въ своихъ бесѣдахъ съ Бушемъ онъ отозвался о причинахъ войны съ Австріей, очень лаконически говоря, что «Австрія скверно обращалась съ Пруссіей, и послѣдней пришлось воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы прогнать ее изъ Германіи», а въ своихъ «Мемуарахъ» вовсе обѣ этомъ не говорить ничего, но Никольсбургскому же эпизоду онъ посвятилъ цѣлую главу, а Бушу съ видимымъ удовольствиемъ сказалъ по этому поводу: «Я никогда не забуду военный совѣтъ, который происходилъ въ моей комнатѣ въ Никольсбургѣ. Всѣ хотѣли во что бы то ни стало продолжать войну и овладѣть Венгрией. Я всячески старался помѣшать такому результату; я говорилъ о холерѣ въ венгерскихъ степяхъ, обѣ опасной перемѣнѣ фронта арміи и о политическихъ соображеніяхъ, но никто не хо-

тѣль слушать моихъ благоразумныхъ словъ. Наконецъ, я бросиль ихъ и упелъ въ свою маленькую спальнюю, которая отдѣлялась отъ комнаты, гдѣ собирался совѣтъ тоненъкой, перегородкой. Я бросился на кровать, и нервы мои были такъ разстроены, что я сталъ громко всхлипывать. По ту сторону перегородки это услышали, голоса замолкли, и мало-по-малу всѣ ушли. Этого-то мнѣ и надо было. На слѣдующій день было поздно продолжать споры, и ихъ планъ такимъ образомъ не осуществился».

Въ своихъ «Мемуарахъ» Бисмаркъ подробно разсказываетъ этотъ эпизодъ и обставляетъ его выясненiemъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ его. Конечно, всѣ военные съ Мольтке и королемъ во главѣ были такъ возбуждены одержанной побѣдой, что не хотѣли слышать о мирѣ и требовали немедленнаго вступленія въ Вѣну и завоеванія Венгрии. Но Бисмаркъ смотрѣлъ на дѣло не съ военной, а съ дипломатической и государственной точекъ зрењія. Австрія была окончательно унижена и не могла болѣе противодѣйствовать господству Пруссіи въ Германіи. Этого было достаточно и цѣль, Бисмарка достигнута. Кроме того, въ дѣло вмѣшался Наполеонъ III въ качествѣ посредника по просьбѣ Австріи, а этого вмѣшательства Бисмаркъ не хотѣлъ допустить. Наконецъ, онъ понималъ, что Австрія могла понадобиться впослѣдствії Пруссіи. Въ виду всего этого онъ рѣшилъ оставить ее въ прежнемъ видѣ и расширить Пруссію на счетъ мелкихъ германскихъ государствъ, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Австріей. Такимъ образомъ, когда собрался 29-го іюля, подъ предсѣдательствомъ короля, совѣтъ въ Никольсбургѣ съ цѣлью разрѣшить вопросъ о заключеніи мира или продолженіи войны, то за миръ стоялъ одинъ Бисмаркъ, а за войну были всѣ остальные. «Я былъ тогда серіозно боленъ»,—разсказываетъ онъ,—«и его величество приказалъ, чтобы военный совѣтъ происходилъ въ моей комнатѣ. Я одинъ былъ статскій, хотя въ военномъ мундирѣ. Я изложилъ свое убѣжденіе, что слѣдовало заключить миръ на предложенныхъ Австріей условіяхъ, но я былъ одинъ, и король принялъ сторону военнаго большинства. Мои нервы не выдержали, и, выйдя въ другую комнату, я подвергся припадку истерическихъ рыданій. Безъ меня военный совѣтъ разошелся, и когда я оправился, то принялъ излагать на бумагѣ всѣ аргументы, которые, по моему мнѣнію, доказывали необходимость заключенія мира. Въ концѣ этого документа я прямо заявилъ королю, что если онъ не согласентъ принять моего совѣта и будетъ продолжать войну, то я прошу уволить меня въ отставку, а въ противномъ случаѣ я отвѣчаю за все. Съ этимъ документомъ я отправился на слѣдующее утро къ королю. Въ передней я встрѣтилъ двухъ полковниковъ, которые явились съ докладомъ о томъ, что около половины ихъ полковъ заболѣло холерой. Эти извѣстія меня еще болѣе убѣдили въ необходимости мира».

Но какъ ни доказывалъ Бисмаркъ всю основательность изложенныхъ имъ аргументовъ, король упорно стоялъ на своемъ. Онъ, напротивъ, полагалъ, что главный виновникъ войны долженъ быть всего болѣе наказанъ, а его сообщниковъ онъ даже соглашался совершенно освободить отъ отвѣтственности, и потому требовалъ, чтобы у Австріи были отняты значительныя територіи. Тщетно возражалъ Бисмаркъ, что Пруссіи не пристало играть роль карателя, такъ какъ въ сущности она была столько же виновата, какъ Австрія въ борьбѣ за господство Германії, единеніе которой подъ главенствомъ Пруссіи должно было составить всю цѣль ея стремленій. «Мнѣ казалось, прибавляеть Бисмаркъ, что, несмотря на громкія фразы короля, имъ руководило главнымъ образомъ нежеланіе прекратить побѣдоносное шествіе его арміи, что вполнѣ раздѣлялось всѣми военными. Мое сопротивленіе его рѣшимости продолжать войну такъ выводило его изъ терпѣнія, что я наконецъ ушелъ, вполнѣ убѣжденный въ полнѣйшемъ фiasco. По дорогѣ мнѣ даже вошла въ голову мысль просить у короля разрѣшенія поступить въ мой полкъ простымъ офицеромъ. Придя въ свою комнату, я находился въ такомъ настроеніи, что спросилъ себя мысленно, не лучше ли мнѣ броситься изъ окна третьего этажа. Услыхавъ, что кто-то вошелъ въ комнату, я не обернулся, хотя подозрѣвалъ, что это былъ наследный принцъ, мимо комнаты котораго я только что прошелъ. Чья-то рука опустилась мнѣ на плечо, и голосъ принца сказалъ: «Вы знаете, что я всегда былъ противъ войны; вы считали ее необходимою, и вы за нее отвѣчаете. Если вы теперь убѣждены, что цѣль достигнута, и что должно заключить миръ, то я готовъ помочь вамъ и уговорить отца согласиться съ вами». Онъ действительно пошелъ къ королю и, спустя часъ, вернулся, спокойный, довольный. «Тяжеленько было, но отецъ согласился»,—сказалъ онъ. Это согласіе было написано карандашемъ на поляхъ поданной мною записки и заключалось почти буквально въ слѣдующемъ: «такъ какъ мой первый министръ меня покидаетъ въ виду непріятеля, и я не могу его никѣмъ замѣнить, то я обсудилъ этотъ вопросъ съ моимъ сыномъ. Онъ соглашается съ моимъ первымъ министромъ, и я принужденъ съ величайшимъ горемъ и послѣ блестящихъ побѣдъ моей арміи проглотить чиллю и заключить постыдный миръ». Хотя выраженія короля были рѣзкія и непріятныя для меня, но я съ удовольствіемъ встрѣтилъ его согласіе, которымъ благополучно оканчивалось ужасное нервное напряженіе, въ которомъ я тогда находился».

Вторый актъ военно-дипломатической трилогіи окончился. Пруссія присоединила къ себѣ Ганноверъ, Нассау, Гессенъ-Кассель, Франкфуртъ и Шлезвигъ-Гольштинію, создала сѣверо-германскій союзъ, который былъ совершенно подчиненъ Пруссіи, и вытѣснила Австрію изъ Германії.

Мало-по-малу факты доказали дальновидность политики Бисмарка, назначенного канцлеромъ новаго германскаго союза, и Австрія изъ врага въ теченіе времени обратилась въ союзника Пруссіи. Здѣсь-кстати, приведемъ все, что встрѣчается интереснаго обѣ отношеніяхъ Бисмарка къ Австріи какъ въ его мемуарахъ, такъ въ дневникѣ Буша и въ переданныхъ Бюхеромъ бесѣдахъ съ Бисмаркомъ. Онъ самъ говорилъ Бушу: «я очень желалъ послѣ войны помириться съ Австріей и все сдѣлалъ, что зависѣло отъ меня въ 1867 и въ 1870 годахъ, но съ Бейстомъ ничего нельзѧ было устроить. Андраши выказалъ болѣе готовности, и я старался сблизиться съ нимъ. Обстоятельства между тѣмъ значительно ушли впередъ, и надо было обновить старую идею, придавъ ей новую форму. Я хотѣлъ открыто заключить союзъ, законный и ненарушимый, т. е. такой, который могъ быть уничтоженъ только императорами и парламентами. Все уже было готово, какъ возникла война съ Турцией, и потомъ послѣдовалъ берлинскій конгресъ. Тогда я очень боялся, чтобы Россія не заключила отдѣльного союза съ Австріей, но Андраши въ Гаштейнѣ меня совершенно успокоилъ, и я предложилъ ему осуществить нашъ старый проектъ. Онъ заявилъ полную готовность, но привелъ такие аргументы въ пользу союза не конституціоннаго и тайного, что я долженъ былъ съ нимъ согласиться. Австрійскій императоръ одобрилъ нашъ проектъ, но мой императоръ воспротивился самымъ грубымъ образомъ и выразилъ твердое желаніе пожертвовать родиной ради дружбы съ Россіей. Работалъ же я тогда и суетился безъ конца! Я, быть можетъ, написалъ въ то время не менѣе тысячи страницъ. День и ночь я сочинялъ аргументы за аргументами, просилъ, умолялъ и все напрасно. Андраши наконецъ это такъ надоѣло, что онъ хотѣлъ выйти въ отставку, и только сохранилъ свой постъ, благодаря моей просьбѣ. Наконецъ, Вильгельмъ согласился; что же касается до Франца-Іосифа, то онъ во все это время велъ себя очень честно и благородно».

Вообще Бисмаркъ отзывался постоянно самымъ сочувственнымъ образомъ обѣ австрійскомъ императорѣ. Бушу онъ говорилъ, что Францъ-Іосифъ «очень хороший, разумный человѣкъ, и соглашался со всѣми его идеями», конечно, послѣ Садовы. Въ своихъ мемуарахъ онъ замѣчаетъ: «императоръ Францъ-Іосифъ честная натура», а въ бесѣдахъ съ Лотаромъ Бюхеромъ онъ свидѣтельствовалъ, что Францъ-Іосифъ всегда заботился о сохраненіи мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однажды прямо сказалъ: «если бы судьба не помѣстила на тронѣ Франца-Іосифа, и онъ могъ бы жить богатымъ частнымъ человѣкомъ, то это было бы лучше и для него и для Австріи». Однако, несмотря на то, что Бисмаркъ заключилъ съ Австріей оборонительный союзъ противъ Россіи и тайный противъ Франціи послѣ войны 1870 — 1871 года, онъ никогда не надѣялся на твердость дружескихъ отношеній съ Австріей, и это видно во многихъ мѣстахъ той

главы его мемуаровъ, которая посвящена тройственному союзу. «Говоря объ Австріи,—замѣчаетъ онъ между прочимъ,—надо помнить, что она можетъ во всякое время перемѣнить свою политику и не только бросить насть, но и дѣйствовать противъ насть враждебнымъ образомъ, какъ при Тугутѣ, Шварценбергѣ, Бахѣ и Бюолѣ. Политика неблагодарности, которую такъ гордился Шварценбергъ въ отношеніи къ Россіи, можетъ быть примѣнена и къ Германії». Эту ненадежность австро-венгерского союза Бисмаркъ объясняетъ противоположными интересами тѣхъ различныхъ національностей, которые входятъ въ составъ Габсбургской имперіи, въ особенности беспокойными тенденціями Венгрии, клерикальнымъ вліяніемъ и ролью, которую разыгрываютъ въ Австріи поляки. «Вѣдная Австрія, говорилъ онъ однажды Бюхеру: я думаю, что ея дни сочтены. Вѣроятно, мы не будемъ въ живыхъ, когда наступить крахъ, но онъ наступить, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ думаютъ. Австрія уже не великая держава и никогда ею снова не будетъ». Главными причинами этого паденія Австріи Бисмаркъ считалъ неспособность ея министровъ, которые постоянно дѣлали уступки чехамъ и другимъ славянамъ. По его словамъ, «даже частный человѣкъ едва ли имѣлъ право быть дуракомъ, но глупые министры, да еще не сознающіе своей глупости, какъ въ Австріи, самое величайшее несчастіе для страны». Такимъ образомъ оказывается, что каковы бы ни были отношенія Бисмарка къ Австріи, боролся ли онъ съ нею дипломатическимъ путемъ и на полѣ браніи, жалѣлъ ли онъ ее послѣ Садовскаго погрома, или заключалъ съ нею явные и тайные союзы, но всегда онъ одинаково презиралъ ее и эксплоатировалъ въ пользу, прежде Пруссіи, а потомъ Германії.

Къ другому члену тройственного союза, именно къ Италіи, Бисмаркъ не питалъ болѣе нѣжныхъ чувствъ, хотя во время войны съ Австріей Италія, какъ союзница Пруссіи, оказала немалую услугу послѣдней, отвлекая часть военныхъ силъ Австріи. Въ 1880 году желѣзный канцлеръ говорилъ Бушу. «Итальянцы похожи на вороновъ, которые пытаются падалью и витаются надъ полемъ сраженія, ожидая добычи. Въ 1870 году они были готовы наброситься на насъ, если бы только имъ обѣщали присоединеніе части Тироля. Одинъ русскій дипломатъ говорилъ мнѣ тогда съ негодованіемъ: «Какъ Италія еще требуетъ чего-то, не потерпѣть пораженія!». На замѣчаніе Буша, что въ Италіи умирали съ голода, благодаря тяжести налоговъ, Бисмаркъ отвѣчалъ: «Вотъ настоящая *«Iridenta Italia»*. Итальянцы лучше бы думали о томъ, какъ не умереть съ голоду, чѣмъ о завоеваніяхъ. Они кончатъ тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день дойдутъ до положенія Испаніи при Изабеллѣ; тогда неаполитанскій король и папа вернутся въ свои владѣнія. Нечего говорить, теперь Италія и Россія единственная державы, которая нарушаетъ миръ». Что касается до Виктора-Эмануила, то Бисмаркъ

не высказываетъ ни въ своихъ мемуарахъ, ни въ разговорахъ со своими приближенными никакого опредѣленного мнѣнія о «гэ галантюме», но Бушу онъ разсказывалъ одинъ анекдотъ о пребываніи итальянскаго короля въ Берлинѣ. «Викторъ-Эмануиль далъ мнѣ знать,— говорилъ онъ,— что намѣренъ подарить мнѣ табакерку съ брилліантами. Я сначала былъ очень доволенъ, такъ какъ этотъ подарокъ стоилъ по крайней мѣрѣ 50,000 франковъ, но затѣмъ я подумалъ, что всѣ будуть говорить объ этой табакеркѣ, какъ о взяткѣ, которой король купилъ меня, и потому отказался принять ее. Въ замѣнѣ Викторъ-Эмануиль приспалъ мнѣ свой портретъ съ очень любезной надписью».

Третій актъ военно-дипломатической трилогіи Бисмарка—франко-prusская кампанія, потребовалъ такъ же, какъ и предъидущіе два акта, пролога. На этотъ разъ подготовка и подтасовка дипломатическихъ картъ, среди которыхъ многіе потомъ оказались країлѣнными, потребовали четыре года. Бисмаркъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ помощи всей Германіи, которую онъ гипнотизировалъ идеей единства, въ пассивномъ содѣствіи Австріи, находившейся еще подъ удручающимъ вліяніемъ разгрома при Садовѣ, и Италіи, помнившей, что, несмотря на пораженія, нанесенные ей Австріей, она увеличила свои предѣлы, благодаря союзу съ Пруссіей, наконецъ въ нейтралитетѣ остальной Европы, такъ какъ къ прежнимъ условіямъ, обезпечивавшимъ общее невмѣшательство, присоединился престижъ Пруссіи, какъ побѣдительницы въ двухъ войнахъ. Но надо было немало времени, чтобы обойти Наполеона III, считавшагося тогда верхнителемъ европейскихъ судебъ. Съ необыкновеннымъ искусствомъ, но, конечно, не разбирая средствъ, Бисмаркъ заманилъ своего соперника въ западню, то обѣщая ему Рейнскую провинцію, то предлагая удовольствоваться Люксембургомъ, то наконецъ утѣшая его надеждой на приобрѣтеніе Бельгіи. Когда же всѣ эти политические проекты оказались мыльнымъ пузыремъ, и все-таки французскій императоръ не рѣшался начать войны съ Пруссіей, что было необходимо Бисмарку для оправданія своихъ дѣйствій въ глазахъ Европы, то онъ изобрѣлъ кандидатуру на испанскій престолъ принца Гогенцоллернскаго, которая, по его словамъ, подѣствовала на французовъ, какъ «красный флагъ на быковъ».

Въ мемуарахъ Бисмарка и въ книгѣ Буша ничего не говорится о подготовкѣ франко-prusской войны и очень мало о Гогенцоллернскомъ эпизодѣ, но въ біографическомъ очеркѣ своего кумира, помѣщенному въ «Times», Бушъ хотя кратко, но очень рельефно разсказываетъ, какъ Бисмаркъ руководилъ изъ своего берлинскаго кабинета всѣми нитями этой интриги. Что касается до него самого, то онъ увѣряетъ въ главѣ «Мыслей и воспоминаній», посвященной эмской депешѣ, что онъ «политически былъ равнодушенъ къ этому дѣлу» и считалъ его «испанскимъ вопросомъ, а не германскимъ».

Далѣе онъ разсказываетъ, что въ его памяти не сохранилось письмо къ маршалу Приму, которое онъ, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, между прочимъ герцога Грамона и короля румынскаго, дѣйствительно писалъ. Его память въ этомъ дѣлѣ такъ странно ему измѣняетъ, что онъ называетъ принца Леопольда Гогенцоллернскаго родственникомъ Мюратовъ, когда онъ, въ сущности, былъ родственникомъ Богарне. Но Бушъ, какъ всегда, выдаетъ головой своего кумира, хотя и полагаетъ, что все разсказанное про него служить только къ его славѣ. Онъ прямо говоритъ, что Бисмаркъ изобрѣлъ гогенцоллернскую кандидатуру на испанскій престолъ, чтобы дать Франціи предлогъ къ объявленію войны. Онъ обстоятельно разсказываетъ, какъ сначала Бисмаркъ велъ переговоры съ испанскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, какъ писалъ свое знаменитое письмо маршалу Приму, какъ посыпалъ своего наперсника, Лотара Бюхера, и прусского офицера, майора фонъ-Верзена, въ Мадридъ для наведенія справокъ, какъ, не расчитывая на принца Леопольда, подготовилъ ему замѣстителя въ лицѣ его брата Фридриха, какъ подбивалъ отца своихъ кандидатовъ, принца Карла-Антона, уговаривать сыновей то принять, то отвергнуть кандидатуру, смотря по обстоятельствамъ, какъ наконецъ, доведя игру до желаемаго результата, онъ едва не проигралъ ея, благодаря слабохарактерности короля Вильгельма, и какъ въ послѣднюю минуту, передернувъ карты съ нахальствомъ ловкаго шулера, онъ сорвалъ банкъ. Этотъ послѣдній шагъ, составляющій, по словамъ Буша, славу, а по мнѣнію всѣхъ честныхъ людей позоръ желѣзного канцлера, извѣстенъ въ современной исторіи подъ названіемъ эмскаго эпизода, или, лучше сказать, эмскаго подлога.

Самъ Бисмаркъ говорить обѣ этой черной страницѣ своей политической дѣятельности очень характерно и какъ-то безсознательно. Онъ не доказываетъ, что поступилъ хорошо, не оправдываетъ своего поступка и не кается въ совершеніи преступленія, а просто разсказываетъ, какъ было дѣло, и приводитъ рядомъ оба документа: и подлинную депешу короля и свою подложную. Сначала онъ объясняетъ, что король Вильгельмъ, находясь одинъ въ Эмсѣ, поддалъ подъ вліяніе своей жены, которая боялась войны, и цѣлью рядомъ уступокъ французскому посланнику Бенедетти совершенно уничтожилъ всю подготовленную Бисмаркомъ хитрую игру. Дѣло дошло до того, что приходилось, по его словамъ, или выйти въ отставку, или искусственно создать такой дипломатическій фортель, чтобы Франція сама и немедленно объявила войну. Бисмаркъ такъ и сдѣлалъ, онъ послалъ королю просьбу обѣ отставкѣ, а когда вместо отвѣта получилъ пресловутую эмскую депешу, то рѣшился ее поддѣлать, съ цѣлью создать изъ нея брандеръ, который поджогъ бы войну, такъ старательно имъ подготовленную. Иалишне приводить обѣ эти столько разъ уже напечатанныя депеши цѣли-

комъ, а необходимо лишь напомнить, что въ депешѣ короля подробно, именно въ 200 словахъ, говорилось о томъ, что Бенедетти требовалъ отъ Вильгельма обязательства никогда не дозволить принцу Гогенцоллернскому, который уже отказался отъ своей кандидатуры, снова ее вовстановить, что король указалъ на невозможность давать такое обязательство и на неизвѣстность, дѣйствитель но ли отказался отъ кандидатуры принцъ Гогенцоллернскій, что, наконецъ, на слѣдующій день, получивъ обѣ этомъ извѣстіе, король приказалъ адъютанту увѣдомить обѣ этого Бенедетти и прибавить, что послѣ этого не о чёмъ было королю говорить съ посланникомъ. Вотъ о чёмъ извѣщалъ Абекенъ Бисмарка по приказанію Вильгельма, который предоставлялъ своему министру решить, слѣдовало ли обѣ этомъ увѣдомить представителей Пруссіи за границей и газеты. Канцлеръ получилъ эту депешу въ Берлинѣ за обѣдомъ, на которомъ присутствовали Мольтке и военный министръ, Роонъ.

«Я прочелъ имъ депешу, и они пришли въ такое отчаяніе, что перестали есть и пить, — разсказываетъ Бисмаркъ: — я же прочелъ нѣсколько разъ ее и остановился на той мысли, что король поручилъ мнѣ увѣдомить посланниковъ и газеты о новомъ требованіи Бенедетти и обѣ отказѣ короля. Я предложилъ Мольтке нѣсколько вопросовъ о нашихъ вооруженіяхъ, и онъ отвѣчалъ, что если вести войну, то намъ выгоднѣе тотчасъ ее начать... Тогда я въ присутствіи моихъ гостей сократилъ депешу, не измѣнивъ ни одного слова. Она явилась въ слѣдующемъ видѣ: «Извѣстіе обѣ отказѣ принца Голенцоллернскаго отъ своей кандидатуры получено въ Парижѣ; потомъ французскій посланникъ представилъ въ Эмсѣ его величеству королю требованіе, чтобы король обязался никогда не давать согласія на кандидатуру Гогенцоллерна, если бы тотъ возобновилъ ее; тогда король отказался принимать французскаго посланника и приказалъ ему сказать черезъ своего адъютанта, что ему болѣе нечего сообщить посланнику». «Различіе въ томъ впечатлѣніи, которое должна была произвести сокращенная депеша въ сравненіи съ подлинной, заключалось не въ рѣзкости выраженій, а въ томъ, что мой текстъ сообщалъ обѣ окончаніи переговоровъ, а текстъ Абекена оставлялъ вопросъ открытымъ. Я прочелъ свою редакцію моимъ гостямъ, и Мольтке воскликнулъ: «Вотъ это звучитъ иначе; прежде слышалось отступленіе, а теперь аттака». Я съ своей стороны сказалъ: «Мой текстъ ничего не измѣняется и ничего не прибавляется къ депешѣ, но если я сейчасъ сообщу его въ газеты и телеграфирую посланникамъ, то къ ночи о немъ будутъ знать въ Парижѣ. Эта депеша произведетъ тамъ не только по своему содержанію, но и по формѣ ея сообщенія такое дѣйствіе, какое производить на быка красный флагъ. Намъ необходимо, чтобы Франція напала на насъ, и она, благодаря своей гальской щекотливости и надменности, дастъ намъ возможность выставить ее передъ Европой въ роли зачинщицы».

Почти въ такихъ же словахъ, но короче рассказывалъ Бисмаркъ Бушу объ эмскомъ эпизодѣ, только въ концѣ онъ гордо прибавилъ: «и дѣло удалось!» Дѣйствительно, декабрьская имперія попала въ ловушку, и началась третья изъ войнъ, которая подготовила и довелъ до желанного результата человѣкъ огня и желѣза. Собственно о франко-пруссской войнѣ Бисмаркъ почти не упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ и лишь жалуется на то, что во время этой кампаніи военные начальники бойкотировали его, т. е. не допускали его въ военные совѣты подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ статскій. Бушъ также приводить въ сколько очень рѣзкихъ отзывовъ Бисмарка насчетъ прусскихъ генераловъ, которые причинили, по его словамъ, очень много потерь арміи своимъ глупымъ самолюбiemъ и взаимной зависью. Онъ одинаково обвинялъ ихъ въ томъ, что они изъ угожденія наслѣдному принцу, щадившему Парижъ изъ чувства гуманности, постоянно отсрочивали бомбардировку французской столицы. Конечно, для Бисмарка подобная гуманность была непостижима, и приписывая ее вліянію на наслѣдного принца его жены англичанки, онъ выходилъ изъ себя. Даже онъ однажды сказалъ Бушу, который сопровождалъ его во время французской кампаніи: «Сегодня король мнѣ солгалъ. Я спросилъ его, скоро ли наконецъ начнется бомбардировка Парижа. Онъ отвѣчалъ, что уже далъ объ этомъ приказъ. Но я тотчасъ понялъ, что это неправда. Я его знаю; онъ не умѣеть лгать, а если лжетъ, то неловко и тотчасъ же измѣняется въ лицѣ. Я посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, и онъ отвернулся». Вообще изъ разговоровъ Бисмарка съ Бушемъ во время войны видно, что онъ дѣйствительно не только на словахъ, но и на дѣлѣ былъ человѣкъ огня и желѣза. Онъ настаивалъ на бомбардировкѣ Парижа и уничтоженіи всего города въ 6 дней, требовалъ, чтобы безжалостно жгли всѣ города и селенія, сопротивлявшіяся пруссакамъ, совѣтовалъ казнить, какъ преступниковъ, французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, взятыхъ въ пленъ, и т. д.

Бисмаркъ проходитъ молчаниемъ свои переговоры съ Жюлемъ Фавромъ и Тьеромъ, о которыхъ онъ, по словамъ Буша, отзывался съ большимъ пренебреженіемъ, какъ о людяхъ, съ которыми онъ могъ сдѣлать все, что угодно; а только посвящаешь нѣсколько страницъ своихъ мемуаровъ упорной борьбѣ, которую онъ велъ въ Версалѣ съ Вильгельмомъ объ его новомъ титулѣ. Вильгельмъ ни за что не хотѣлъ называться императоромъ, а наслѣдный принцъ, по увѣренію Бисмарка, настаивалъ на титулѣ короля Германіи. Когда же послѣ долгихъ пререканій канцлеру удалось настоять на императорскомъ титулѣ, то Вильгельмъ требовалъ, чтобы его называли императоромъ Германіи, а Бисмаркъ находилъ это неудобнымъ, такъ какъ подъ этимъ титуломъ разумѣлось бы подчиненіе императору другихъ германскихъ государей, на что они, конечно, не согласились бы. Поэтому онъ считалъ болѣе удобнымъ титулъ германского императора.

«Я провелъ много непріятныхъ недѣль въ Версалѣ, говорилъ онъ потомъ Бушу, ничего я не могъ добиться отъ короля, и были минуты, когда я хотѣлъ подать въ отставку». Наконецъ все уладилось: въ рейхстагѣ принять былъ титулъ германскаго императора, а при провозглашеніи Германской имперіи въ Версалѣ, великий герцогъ Баденскій ловко выпелъ изъ затрудненія и провозгласилъ «ура» въ честь императора Вильгельма. «Но все-таки, замѣчаетъ Бисмаркъ, его величество былъ такъ недоволенъ мною, что, сходя съ эстрады, сдѣлалъ видъ, что меня не замѣчаетъ, хотя я находился одинъ впереди всѣхъ, и, пройдя мимо меня, онъ подалъ руку генераламъ, стоявшимъ позади. Вильгельмъ вѣсколько дней дулся на меня, и только мало-по-малу возвстановились наши прежнія отношенія».

Третій актъ военно-дипломатической трилогіи былъ съигранъ. Подготовленная и разыгранная, какъ по нотамъ, война съ Франціей сдѣлала короля Вильгельма императоромъ, а Германію единой, хотя въ сущности достигнутое единство было далеко не то, кото-раго жаждали съ давняго времени лучшіе германскіе умы. Конечно, и Бисмаркъ получилъ награду: онъ былъ произведенъ въ князья и сдѣланъ канцлеромъ Германской имперіи. Онъ тогда находился въ апогей своей силы и славы. Не только Германія, но вся Европа повиновалась ему. Цѣль его жизни была достигнута, и остав-нныя девятнадцать лѣтъ, проведенные имъ у кормила правленія, были посвящены только упроченію того, что онъ сдѣлалъ въ первыя десять лѣтъ своей необыкновенной карьеры. Хотя многіе поклон-ники желѣзного канцлера увѣряютъ, что его послѣдующіе государ-ственныя и дипломатическіе подвиги были выше всего, что онъ со-вершилъ до тѣхъ поръ, но въ сущности его такъ называемая мир-ная дѣятельность далеко уступаетъ по искусству и ловкости его военно-дипломатической трилогіи. Самъ Бисмаркъ это хорошо понималъ и въ разговорахъ съ Бушемъ всего чаще и съ наибольшой гордостью вспоминалъ о трехъ войнахъ, составлявшихъ апогей его политической дѣятельности. Но онъ отзывался о нихъ съ различ-ныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, однажды онъ сказалъ съ саркастической улыбкой:

«Пресса имѣеть могучую силу для зла, такъ какъ она возбудила три великия войны. Датская пресса побудила прусского короля присо-единить къ своимъ владѣніямъ Шлезвигъ-Гольштинію; австрійская пресса привела насъ въ Садову, а французская пресса содѣйство-вала продленію французской кампаніи».

Напротивъ, въ другой разъ, именно 19-го октября 1877 года желѣзный канцлеръ мрачно и печально произнесъ въ присутствіи своего вѣрнаго маленькаго Буша:

«Тяжело у меня на душѣ. Во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ—ни друзей, ни семью, ни самого себя... а зла я сдѣлалъ много, очень много. Я былъ причиной трехъ вели-

кихъ войнъ; по моей милости убито на полѣ браны 80.000 человѣкъ, о которыхъ еще до сихъ поръ плачутъ матери, сестры... Во всемъ этомъ я отдаю отчетъ Богу, а теперь я не имѣю ни малѣйшей радости, и душа моя полна тревогъ, полна смущенія».

Вотъ къ какому безнадежному сознанію пришелъ человѣкъ жезла и огня, спустя шесть лѣтъ послѣ окончанія послѣдняго акта своей военной трилогіи. Это, однако, не помѣшало ему продолжать еще многіе годы свою дѣятельность въ томъ же духѣ, и если онъ болѣе не возбуждалъ войнъ и не убивалъ людей, по его собственному выражению, то онъ обратилъ всю Европу въ громадный военный лагерь, прямой результатъ бисмарковскихъ трехъ войнъ.

В. Т.

(Продолженіе съ следующей книжки).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Минхъ. Историко-географический словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ 1. Саратовъ. 1898. (Приложение къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи).

РЕДИ вспомогательныхъ къ исторії знаній одно изъ видныхъ мѣсть принадлежить, безъ сомнѣнія, той категоріи ихъ, которая носить название исторической географії. Какъ отдельная научная дисциплина, историческая географія выдѣлилась въ сравнительно недавнее время, и труды, посвященные ей, весьма немногочисленны. По своему содержанію послѣдніе распадаются на двѣ части: въ первой, меньшей, дѣлаются попытки историко-географического изученія всей Россіи, всей ея территории; во второй — дѣлаются замѣчанія, касающіяся той или другой мѣстности, или даже какого либо пункта въ ней. Изъ первыхъ изслѣдований должны быть упомянуты труды проф. Барсова и Замысловскаго, но они далеко не исчерпываютъ собою всего предмета — полного изученія исторической географіи Россіи, — такъ какъ проф. Барсовъ ведетъ свои «Очерки» только въ предѣлахъ географіи первоначальной лѣтописи, профессоръ же Замысловскій комментируетъ лишь историко-географическія извѣстія Герберштейна, или, въ другомъ мѣстѣ, ограничивается объясненіями, необходимыми для изданного имъ атласа по русской исторіи. Не нужно, конечно, доказывать, что для того, чтобы дать полный очеркъ исторической географіи Россіи, необходимо предварительно изслѣдовать въ этомъ отношеніи отдельныя ея части, при чемъ такое изслѣдованіе должно вести систематически

и по одному плану. Нѣчто похожее мы можемъ наблюдать въ другой сферѣ вспомогательныхъ къ исторіи знаній — археологіи: въ самое послѣднее время дѣло изученія археологии Россіи поставлено на вполнѣ желательную и научную почву, благодаря именно такому систематическому изученію относящихся сюда матеріаловъ по губерніямъ; въ итогѣ этой системы имѣеть получиться ясная и отчетливая археологическая карта всего пространства Россіи.

Ничего подобного не сдѣлано пока въ отношеніи исторической географіи. Поэтому недавно вышедший трудъ г. Минха привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся предметомъ, такъ какъ, судя по его заглавію, онъ представляеть собою первый опытъ систематического изслѣдованія даннаго района съ точки зренія историко-географической.

Въ качествѣ источниковъ для своего «Словаря» г. Минхъ располагалъ статистическими свѣдѣніями земскаго статистического бюро и губернскаго комитета, описаніями сель и городовъ, находящимися въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, матеріалами архивной комиссіи и, наконецъ, описаніями приходовъ и церквей, доставленными причтами по распоряженію преосвященнаго. Исполнить свою задачу г. Минхъ рѣшилъ въ нѣсколько приемовъ, именно — разбить всю губернію на отдѣльныя группы, соединяя въ каждой не болѣе 2—3 смежныхъ уѣздовъ, носящихъ, по возможности, однородный характеръ; каждая группа снабжена особымъ алфавитомъ.

Оставляя въ сторонѣ сужденіе о планѣ работы, относительно котораго все же нельзя не замѣтить, что онъ отличается сложностью и громоздкостью, не оправдываемыми при той постановкѣ вопроса, какъ его понимаетъ г. Минхъ,— разсмотримъ настоящій выпускъ, гдѣ даются обзоръ Камышинскаго и Царицынского уѣздовъ, впрочемъ, далеко неполный, такъ какъ въ него входятъ названія лишь подъ лит. А—Г.

Къ сожалѣнію, даже одно начальное ознакомленіе съ «Словаремъ» г. Минха заставляетъ читателя убѣждаться, что здѣсь онъ имѣеть дѣло съ очень своеобразнымъ пониманіемъ исторической географіи. Такъ, напримѣръ, первое же свѣдѣніе, которымъ открывается «Словарь», слѣдующее: «Абрамова Устинья Федоровна, дворянка Царицынского уѣзда; не записана въ родословной книгѣ Саратовской губерніи. Владѣетъ 9-ю десятинами при дер. Трудовѣ, Александровской волости». Спрашивается, какое соотношеніе между г-жей Абрамовой и исторической географіей Саратовской губерніи? А подобныхъ «историко-географическихъ» свѣдѣній разбросано по книгѣ г. Минха довольно много. Или, далѣе, при описании д. Акатовки, обязательно указывается, что видъ изъ нея на р. Волгу и Заволжье превосходный; пароходы и другія суда проходятъ по рекѣ почти подъ окнами крестьянъ — замѣчаніе, умѣстное болѣе въ художественномъ или живописномъ альбомѣ, нежели въ историко-географическомъ словарѣ. Считается нужнымъ г. Минхъ объяснять своимъ читателямъ понятія бредня, буэра, оврага, генеральна го межеванья, бортнаго ухожья, забывая, что это — термины далеко не мѣстные, да и въ качествѣ даже таковыхъ они не подлежатъ вѣдѣнію исторической географіи. Чужды ей точно такимъ же образомъ генеалогическая данныя, которыми изобилуетъ книга г. Минха, сообщающаго о родахъ Воропановыхъ, Всеяловскихъ, кн. Гагаринъ.

ныхъ, Голицыныхъ и друг., или о происхождении фамилий Галкиныхъ-Врас-скихъ путемъ брачной комбинаціи, о губернаторахъ и предводителяхъ дворянства, бывшихъ въ Саратовской губерніи, и т. п., при чёмъ значительная доля этихъ данныхъ почерпнута авторомъ изъ Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефона.

При обозрѣніи селеній авторъ обращаетъ всего болѣе вниманія на ихъ современное экономическое и статистическое описание, свѣдѣній же историческихъ мы найдемъ у него весьма мало. Такимъ образомъ, въ результатѣ—работа г. Минха есть ни болѣе ни менѣе, какъ сводъ статистическихъ материаловъ земского бюро и губернского комитета, но никакъ не трудъ историко-географической. Если г. Минхъ доведетъ свое предпріятіе до конца, держась подобного же воззрѣнія на него, какое обнаруживается на разбираемомъ выпускѣ, то польза его, въ смыслѣ историко-географического описанія края, будетъ незначительна. Самый объемъ труда г. Минха грозитъ принять обширные размѣры, въ силу того, что въ немъ говорится о предметахъ, которымъ, въ сущности, не должно было бы быть мѣста здѣсь. Если 207 страницъ потребовалось для того только, чтобы разсмотрѣть названія, начинающіяся съ четырехъ буквъ по двумъ уѣздамъ, то сколько же потребуется для всѣхъ названий во всѣхъ десяти уѣздахъ Саратовской губерніи? И въ итогѣ—только материалы, и то незначительные, которыми, быть можетъ, воспользуется будущій изслѣдователь Саратовскаго края въ отношеніи историко-географическому.

В. Б—въ.

Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательные сношения Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898.

Небольшая брошюра князя Н. Голицына (36 страниц.) рассматриваетъ любопытный и малоразработанный у насъ вопросъ о научно-образовательныхъ сношенияхъ Россіи съ Западной Европой въ началѣ XVII вѣка. Извѣстно, что первымъ изъ русскихъ государей, возымѣвшимъ мысль установить духовно-просвѣтительную связь Россіи съ Западомъ, былъ Иоаннъ Грозный, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ оказались неудачными. Продолжателемъ его дѣла былъ Борисъ Годуновъ. «Въ усердной любви къ гражданскому образованію,—говорить Карамзинъ,—Борисъ превзошелъ всѣхъ древѣйшихъ вѣнценосцевъ Россіи». Онъ предполагалъ покрыть Россію цѣлою сѣтью учебныхъ заведеній и съ этой цѣлью собирался вызвать въ Россію западныхъ ученыхъ для обученія своихъ подданныхъ иностраннымъ языкамъ. Въ то же время Борисъ обратился и къ другому средству, которымъ впослѣдствіи широко воспользовался Пётръ Великій, именно къ отправкѣ молодыхъ русскихъ людей за границу, съ цѣлью полученія тамъ образованія. Этотъ послѣдній вопросъ и служить предметомъ брошюры князя Голицына. При этомъ нашъ авторъ пользуется преимущественно архивными материалами, находящимися въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и сообщаетъ въ своемъ труѣ свѣдѣнія, значительно дополняющія напечатанную въ «Историческомъ Вѣстникѣ»

(1881 года, июль) статью г. Арсеньева, подъ заглавіемъ: «Первые русские студенты за границей».

Борисъ Годуновъ отправилъ за границу для обученія до 18 молодыхъ людей, но о тѣхъ изъ нихъ, которые были отправлены во Францію, не сохранилось никакихъ извѣстій, а извѣстно лишь о лицахъ, посланныхъ въ Любекъ и Англію. Въ Любекъ были отправлены пять человѣкъ въ 1603 году, вмѣстѣ съ посольствомъ отъ ганзейскихъ городовъ, возвращавшимся изъ Россіи. Членамъ этого посольства было внушено царемъ, что они должны посланныхъ съ ними юношами представить городскому совѣту Любека, помѣстить потомъ въ школу для обученія языкамъ нѣмецкому, латинскому и другимъ, во время ученія не стѣснять ихъ въ религіозномъ отнosiеніи и дать имъ возможность оставаться въ православной вѣрѣ и соблюдать русскіе обычаи; по окончаніи ученія ихъ должно было возвратить обратно въ Россію; материальное содержаніе юношамъ царь взялъ на себя. Посланные русскіе юноши благополучно прибыли въ Любекъ и принялись за науку, но, достигнувъ образованія, не захотѣли возвратиться въ Россію. Въ 1606 году, при царѣ Василіи Шуйскомъ, по поводу ихъ была переписка съ любекскими бургомистрами, но безъ успѣха: вѣроятно, лишь одинъ изъ нихъ (Димитрій, переводчикъ у шведскаго полководца Делагарди) пожелалъ возвратиться на родину.

Въ Англію царемъ Борисомъ были отправлены въ 1602 году четверо русскихъ юношъ вмѣстѣ съ Джономъ Мерикомъ, главнымъ агентомъ англійской политики и торговли въ Россіи. Они прибыли въ Лондонъ для изученія англійскаго и латинскаго языковъ и, вѣроятно, были размѣщены въ различныхъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наступившая послѣ смерти Бориса Годунова смута въ Московскому государству отдала Россію отъ тѣсныхъ сношеній съ Западной Европой. Московское правительство забыло о посыпкѣ русскихъ юношъ въ Англію при Годуновѣ и вспомнило о нихъ лишь тогда, когда восстановились правильныя дипломатическія сношения Россіи съ Западомъ, и когда отправленные за границу юноши стали «къ посольскому дѣлу надобны». Въ 1613 году было отправлено въ Англію требование прислать обратно отправленныхъ туда для обученія русскихъ юношъ. Но оно осталось безъ успѣха. Подобныя же требованія были предъявлены англійскому правительству еще въ 1615—1616 годахъ, въ 1617 и въ 1621 году, но также безуспешно. Дѣло въ томъ, что русскіе ученые не захотѣли возвращаться въ Россію, перемѣнили православную вѣру, а одинъ даже сдѣлался англиканскимъ пасторомъ. Въ 1617 году въ Англію былъ посланъ съ образовательною цѣлью нѣкій Иванъ Алманзеновъ. Онъ изучалъ за границей главнымъ образомъ медицину, но возвратился ли на родину—неизвѣстно.

Борисъ Годуновъ пытался вызывать въ Россію и западныхъ ученыхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обширное письмо Товіи Лонціуса, лиценціата государственного права, изъ Гамбурга, хранящееся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностраннаго дѣла. Въ этомъ письмѣ, которое князь Голицынъ сообщаетъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, Лонціусъ предлагаєтъ русскому правительству свои ученые услуги и обѣщаетъ привлечь въ Россію «ученыхъ и опытныхъ людей и художниковъ». Послѣдствіе этого письма неизвѣстно.

Брошюра князя Голицына читается съ интересомъ и, при небольшомъ своемъ объемѣ, даетъ немало новыхъ свѣдѣній, восполняющихъ прежнія наши знанія по вопросу о просвѣтительныхъ сношеніяхъ Россіи съ Западной Европой.

О.

**П. А. Картавовъ. Библіографическія извѣстія о рѣдкихъ кни-
гахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898.**

Подъ такимъ заглавиемъ петербургскій библіоманъ г. Картавовъ выпустилъ два первыхъ «номера» (?) не безинтереснаго для библіографовъ изданія. Цѣль этой работы, по словамъ издателя, «дать рядъ свѣдѣній, возможно правильныхъ, для справокъ о книжныхъ рѣдкостяхъ, съ указаніемъ, кѣмъ онѣ отмѣчены таковыми или подробно описаны». Другими словами, г. Картавовъ хотѣлъ составить болѣе или менѣе полный каталогъ рѣдкихъ книгъ. Несомнѣнно, что такая книга была бы очень полезна для лицъ, занимающихся библіографіей, такъ какъ пользованіе Сопиковымъ, Смирдинымъ и другими подобными изданіями представляется затруднительнымъ, въ виду ихъ распродажи. Но, къ сожалѣнію, материалъ «Библіографическихъ извѣстій» такъ распределенъ, что обращаться къ нему для справокъ не совсѣмъ-то удобно. Перечисленіе книжныхъ рѣдкостей раздѣлено на два отдѣла. Въ первый, названный «Новые материалы для собирателей книжныхъ рѣдкостей», гдѣ по плану изданія должны помѣщаться произведения печати, относящіяся къ выдающимся лицамъ и событиямъ русской исторіи, вошли два перечня изданій, касающихся—одинъ личности цесаревича Константина Павловича, другой—императора Иоанна Антоновича. Во второмъ отдѣлѣ—«Перечнѣ рѣдкихъ изданій»—группируются книжныя рѣдкости, уже встрѣчавшіяся въ работахъ извѣстныхъ нашихъ библіографовъ, въ отчетахъ Императорскихъ публичныхъ и частныхъ библіотекъ, въ офиціальныхъ изданіяхъ по цензурѣ и печати и въ каталогахъ антикварныхъ лавокъ. Подъ этимъ заголовкомъ пока помѣщены книги изъ Сопиковскаго «Опыта» съ ссылками на Смирдина, Геннади, Березина-Ширяева и другіе источники. Эти два отдѣла составляютъ основу всего изданія. За ними слѣдуетъ рядъ дополнительныхъ рубрикъ: «Библіографические вопросы», гдѣ, главнымъ образомъ, исправляются неточности и ошибки, вкравшіяся въ работы различныхъ библіографовъ. 2) «Рѣдкости моего книгохранилища»—каталогъ библіотеки самого издателя. 3) «Пѣн прошлаго», гдѣ помѣщаются мелкія статейки, стихотворенія и курьезы изъ рѣдкихъ изданій. Такъ, между прочимъ, здѣсь напечатано стихотвореніе поэта начала нынѣшняго столѣтія Ак. Ник. Нахимова и объявление изъ эпохи крѣпостничества изъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Среди этого материала разбросано нѣсколько отдѣльныхъ статей. Изъ нихъ укажемъ на три. «П. Б. и его издательская дѣятельность»: это — перечень изданій довольно извѣстнаго переводчика прошлаго вѣка Петра Богдановича, скрывавшагося подъ инициалами П. Б. При составленіи этого перечня, г. Картавову не лише было бы заглянуть въ «Русскія книги» Венгерова, гдѣ даны болѣе полныя заглавія изданій Богдановича. Въ замѣткѣ «Свѣдѣнія о мало-

извѣстныхъ типографіяхъ» перечисляются изданія, напечатанныя въ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ типографіяхъ съ 1783 по 1896 годы. «Перечень провинціальныхъ изданій» даетъ списокъ книгъ, отпечатанныхъ за тотъ же періодъ въ провинціальныхъ городахъ.

Если бы г. Карташовъ ограничился только этимъ материаломъ, то его изданіе не осталось бы въ проигрышѣ. Къ чему было печатать весь остальной балластъ? Кому, напримѣръ, интересно знать, у какихъ букинистовъ г. Карташовъ покупаетъ книги для своей библиотеки, кого изъ нихъ считаетъ добросовѣстнымъ, а обѣ этомъ онъ распространяется довольно подробно. Далѣе составитель разбираемой нами книги, какъ истый библіоманъ, даетъ совѣты, какіе нужно дѣлать для книгъ папки и переплеты, и скорѣйтъ, что среди нашихъ книголюбцевъ нѣтъ ни своей переплетной, ни типографіи, ни журнала. Все это совсѣмъ лишнее. Выставленные на книжкахъ номера 1-й и 2-й, раздѣленіе одной статьи на два выпуска, а также некрологъ Березина-Ширяева и нѣсколько рецензій о только что вышедшихъ книгахъ придаютъ «Библіографическімъ извѣстіямъ» немного странный обликъ, напоминающій собою ежемѣсячный журналъ, составляемый безъ всякой системы и опредѣленной программы.

Борисъ Городецкій.

**Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію.
Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Издание Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя
Георгія Александровича. Спб. 1898.**

Вышедший томъ сочиненія капитана Мэхэна обнимаетъ событія отъ 1798 г. по 1812 г. Интересъ автора сосредоточенъ на выясненіи роли флота и политики Великобританіи въ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнахъ. Вопросъ этотъ въ обширной литературѣ о наполеоновскихъ войнахъ изслѣдованъ пока еще мало, и трудъ капитана Мэхэна занимаетъ, несомнѣнно, серьезное мѣсто. Нужно замѣтить, что взгляды Мэхэна и пріемы его изслѣдованія обнаруживаются въ немъ не только хорошаго знатока военнаго дѣла, но и широко образованного историка. Но все же часто военная исторія у него на первомъ планѣ, и страницы, где авторъ (12—16, 368—374, 390—400 и др.) касается внутренней исторіи — исторіи во Франціи, преобразованія Наполеона, финансы и пр., задѣваютъ лишь слегка вопросъ. При томъ, въ этихъ вопросахъ Мэхэнъ часто стѣнуется далеко ненадежному источнику по культурной исторіи — Тьери, который, какъ извѣстно, преклонялся передъ силой. Въ данномъ случаѣ, внутренняя исторія Англіи и Франціи прибавила бы кое-что хотя бы въ выясненіи финансового вопроса. Авторъ весьма удачно характеризуетъ Францію и Англію, какъ двѣ противоположныя силы, и сравниваетъ французскую революцію, съ ея фанатизмомъ, съ движениемъ, охватившимъ Европу во время нашествія магометанъ (398 стр.). Разрушительнымъ элементамъ въ характерѣ французской революціи онъ противопоставляетъ консервативный и прогрессивный характеръ Англіи, отличающейся настойчивостью въ преслѣдованіи цѣли и упорною выносливостью. «Положеніе Англіи,—гово-

рить онъ, — и ея морская сила были крупными, рѣшающими факторами въ исходѣ французскихъ революціонныхъ войнъ, но эти элементы сами были лишь орудіемъ британской мощи». Эта «мощь» принудила Францію обратиться къ абсолютной власти, т. е. вызвала успѣхъ Наполеона и довела Францію до такого состоянія, при которомъ она не была больше страшна для Европы. Отсюда, какъ разсуждаетъ Мэхэнъ, ходъ борьбы между Франціей и Англіей можетъ быть разсмотриваемъ съ двухъ точекъ зрења: съ точки зрења политики вождей обѣихъ сторонъ или съ точки зрења морской силы, которая, хотя и находилась въ рукахъ государственныхъ людей и направлялась ими, но въ сущности сама господствовала надъ ними. Такова основная точка зрења автора, съ которой онъ и рассматриваетъ всѣ события. Взглядъ этотъ — оригинальный и свѣжій въ томъ отношеніи, что невольно заставляетъ задуматься надъ этой «чудесной», какъ выражается Мэхэнъ, силой Англіи, одаренной самостоятельной жизнью, имѣющей великую исторію въ прошломъ и создающей себѣ «еще болѣе чудесную исторію въ настоящемъ». Замѣчательна живучесть и жизненность морской силы и коммерческаго процвѣтанія Великобританіи. Эту силу Великобританіи отлично постигли тогдашніе министры, но не они создавали ее: она только направлялась ими, а создавалась она характеромъ и естественными склонностями населенія Англіи. Морскую силу Англіи онъ рассматриваетъ, не какъ простое только оружіе въ рукахъ министерства. Сила эта доставляла политическому тѣлу государства охрану и питаніе, поддерживала духъ его. Изслѣдовавъ эту сторону вопроса, Мэхэнъ переходитъ къ политикѣ и морской стратегіи войны, рассматриваетъ, къ чему стремились министры въ своей политикѣ, и останавливается на томъ, годилась ли стратегія войны для благопріятнаго исхода ея политики. Въ этомъ отношеніи громадныя заслуги оказались Питтъ, который формулировалъ цѣли Великобританіи въ одномъ словѣ «безопасность», а средствомъ для достижени¤ ея — «истощеніе» Франціи. Описывая события на континентѣ 1798 — 1800 гг., Мэхэнъ останавливается на роли Наполеона въ тотъ периодъ и примыкаетъ къ извѣстному взгляду Меттерніха, для котораго Наполеонъ былъ простымъ лишь воплощеніемъ революціи. Но есть и другой взглядъ, по которому Наполеонъ былъ «первымъ изъ контрь-революціонеровъ», какъ выразилась г-жа Сталь, и который, если бы Мэхэнъ примѣнилъ его къ разсмотрѣнію правительственной системы Наполеона, ясно указываетъ на необходимость анализа главныхъ явленій эпохи консульства и имперіи. Немного найдется у насъ, въ Россіи, такихъ великолѣпныхъ изданій, какъ это. Къ книгѣ приложено девять иллюстрацій, переведъ — безукоризненно прекрасный, въ концѣ книги — указатель.

П. К.

**Лирика Я. П. Полонскаго. Критический этюдъ Н. М. Соколова.
Издание П. П. Сойкина. Спб. 1899.**

Критический этюдъ Н. М. Соколова о Я. П. Полонскомъ представляетъ собой довольно своеобразное явленіе въ нашей литературѣ. Тѣ эстетическая теоріи, которые въ большей или меньшей степени признаны въ наше время,

г. Соколова, повидимому, не удовлетворяют. Судя по ссылкамъ и цитатамъ въ его работѣ, онъ въ своихъ критическихъ взглядахъ выходитъ изъ эстетики Канта и Шопенгауэра. Установившійся приемъ литературной критики характеризовать поэта только, какъ мыслителя, только въ суммѣ его теоретическихъ, а иногда и тенденціозныхъ воззрѣній, съ точки зреянія г. Соколова—кажется ошибочнымъ. Нашъ критикъ пытается понять и определить поэта, именно какъ поэта. Не только лучшимъ, но и единственнымъ средствомъ для этого, онъ считаетъ внимательное изученіе конкретныхъ элементовъ въ любыхъ образахъ того или другого поэта. Краски и пластическая очертанія въ поэзии, по взгляду критика, уже отражаютъ въ себѣ личность поэта. Въ этомъ отношеніи интересны сопоставленія Я. П. Полонского съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ по выбору образовъ и сюжетовъ и по манерѣ ихъ обработки. На основаніи детальнаго изученія нѣкоторыхъ произведеній Полонского, критикъ приходитъ къ тому выводу, что покойный поэтъ былъ превосходнымъ лирикомъ. И именно по этому большія эпическихъ произведенія въ общемъ ему далеко не всегда удавались. По самому свойству исключительно лирическаго дарованія поэта, нѣкоторыя случайныя попытки покойного Полонского писать сатиры, по мнѣнію критика, оказались неудачными.

Выдѣливъ, такимъ образомъ, изъ своего изслѣдованія исключительно одну лирику поэта и только на ней сосредоточивъ свое вниманіе, критикъ, путемъ сопоставленія отдельныхъ лирическихъ пьесъ, приходитъ къ заключенію, что Полонскій, прежде всего, былъ пѣвцомъ весны и счастья, мира всего міра, единенія и любви между людьми. Рознь—вотъ постоянный и единственный врагъ этой симпатичной музы. Торжество лирики Полонского—это страстная и пла-менная рѣчи противъ вражды, злобы и разъединенія.

Поэтъ сравнительно мало отдаетъ свое вниманіе началу зла въ мірѣ, какъ будто не вѣрить въ него и считаетъ его чѣмъ-то случайнымъ и времененнымъ. Даже къ смерти поэтъ относится въ высшей степени своеобразно. Она играетъ слишкомъ случайную роль въ его міровоззрѣніи. За эту жизнью сразу же другая жизнь, и мѣста для смерти почти не остается. Страницы, посвященные изслѣдованію этого вопроса въ критическомъ этюдѣ г. Соколова, заслуживаютъ особаго вниманія.

Вообще, поклонники симпатичной музы покойного ветерана-поэта, который всю свою долгую жизнь стоялъ на стражѣ идеаловъ любви и правды, найдутъ въ г. Соколовѣ весьма умѣлаго, талантливаго и глубокаго коментатора, тѣмъ болѣе, что критикъ съ горячимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ любимые и завѣтные мотивы лирики Полонского. Закончимъ свою замѣтку тѣми же словами, которыми г. Соколовъ заканчиваетъ свой критической этюдъ:

Бездушенъ, кто не понимаетъ,
Насколько тогъ богатъ душой,
Кто дерзновенною рукой
Намъ перлы творчества бросаетъ.

О. Л—нъ.

Краткій історическій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремесль. 1873—1898 г. П. З. Рябковъ. Елисаветградъ. 1899.

Въ минувшемъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе дѣятельности названаго общества, въ отчетѣ котораго, за первый годъ его существованія (1873—1874 г.), сказано: «Ощущаемый всѣми недостатокъ въ краѣ честныхъ и свѣдущихъ ремесленниковъ, грубое обращеніе съ дѣтьми, отдаваемыми на выучку въ разныя ремесленныя заведенія и магазины, нравственная порча, которой они подвергаются въ этихъ школахъ,— ясно указывали на насущную необходимость подобнаго общества».

Исторіи этого «общества» г. Рябковъ посвятилъ цѣлую брошюру, ярко рисующую умственную жизнь одной изъ нашихъ провинцій, весьма типичную и для прочихъ уголковъ нашего отечества. Слѣдя за подъемами и упадками дѣятельности столъ гуманнаго общества, все-таки приходишь къ заключенію о слабомъ развитіи общественныхъ привычекъ въ провинціальной интеллигентіи и малой ея способности вести даже самое маленькое, ею же созданное, дѣло. Уставъ общества давалъ широкій просторъ для дѣятельности къ содѣйствію умственного и нравственного развитія ремесленного класса въ г. Елисаветградѣ.

Общество имѣло право открывать воскресныя школы для неграмотныхъ ремесленниковъ, учреждать для нихъ библіотеки, издавать руководства и книги о ремесленныхъ производствахъ и вообще книги, доступныя для народа по изложению и цѣнѣ; учреждать ссудо-сберегательныя товарищества и устраивать артели ремесленниковъ и склады для нихъ съ материалами, а также склады для сбыта ихъ издѣлій, со взятіемъ для нихъ установленныхъ закономъ торговыхъ свидѣтельствъ, и, наконецъ, устраивать выставки ремесленныхъ издѣлій.

Тѣмъ не менѣе общество на первыхъ порахъ не оправдало надеждъ болѣе увлекающихся его учредителей: Н. Ф. Федоровскаго, А. Некрасовой, М. Лапченко, А. Резановой и др. Оно ограничилося однимъ училищемъ и совершенно забыло другую программную сторону своего устава. По этому поводу г. Рябковъ говоритъ: «Разъ только въ 1875 году помощникомъ попечителя М. А. Лапченко дѣлается предложеніе открыть воскресную школу при ремесленно-грамотномъ училищѣ. Предложеніе это хотя и принимается совѣтомъ, но осуществленія не получаетъ и не доводится даже до общаго собранія. На все одинъ и тотъ же отвѣтъ: денегъ нѣтъ. Сознавая, какъ не надеженъ источникъ его доходовъ, исключительно составлявшихся изъ членскихъ взносовъ, случайныхъ пожертвованій и сборовъ отъ вечеровъ, спектаклей и проч., совѣтъ приходитъ къ убѣждѣнію, что самою лучшою и болѣе прочной гарантіею существованія училища можетъ и должно быть привлеченіе къ участію въ его судѣбѣ земства и преимущественно города, такъ какъ въ училищѣ учатся исключительно дѣти бѣдныхъ горожанъ».

Но и городская дума, и елисаветградское земство отказываютъ обществу въ своемъ содѣйствіи. «Причины къ отказу, говорить г. Рябковъ, нужно искать въ самомъ составѣ думы, враждебно относившейся къ училищу и его попечительству. Послѣднее строго проводило идею: училище только для дѣтей хри-

стіанъ, чего дума не желала допустить и вслѣдствіе чего упорно отклоняла всякаго рода просыбы училища и общества, въ рядахъ котораго до 1878 года не было ни одного еврея».

Между тѣмъ дѣятельность общества съ каждымъ годомъ слабѣла. Въ 1876 году членовъ всего только насчитывается 21; взносовъ и пожертвованій поступаетъ все меныше и меныше, касса истощается, нечѣмъ платить жалованье учителямъ и мастерамъ; первымъ отказываютъ отъ занятій, ихъ замѣняютъ лицами, изъявившими желаніе заниматься съ дѣтьми даромъ, вторымъ отдаютъ мастерскія въ эксплоатацию: что выручите отъ нихъ, то и ваше. 1877 годъ еще болѣе пошатнулъ дѣла общества. Всльдъ за объявленіемъ русско-турецкой войны многие его члены перешли въ Красный Крестъ, приливъ пожертвованій значительно сократился, вниманіе епископатградской интеллигенціи къ обществу и училищу ослабѣло. Въ теченіе двухъ лѣтъ не созываются общія собранія даже для выбора должностныхъ лицъ; составъ совѣта, избранный еще въ 1873 году, остается тотъ же, попечительство тоже; несмотря на то, что г. Федоровскій въ 1876 году выѣхалъ въ Кіевъ, онъ продолжаетъ считаться попечителемъ училища и при посредствѣ госпожи Некрасовой и Резановой управляетъ имъ. Предѣдатель совѣта, называющей себя вице-президентомъ общества, повидимому, не живетъ въ городѣ и своей дѣятельности ни въ чемъ не проявляетъ.

Такъ печально заканчивается первое пятилѣтіе общества.

Съ окончательнымъ уходомъ Н. Федоровскаго изъ состава попечительства и съ избраніемъ новаго предсѣдателя, А. Н. Пащупина, начинается преобразованіе общества. По словамъ г. Рябкова, «на смѣну прежней барско-помѣщицкой партіи идетъ интеллигентный разночинецъ по преимуществу, которому расовые вопросы, повидимому, чужды, и онъ уже не дѣлаетъ различія между эллиномъ и іудеемъ, въ чемъ упрекали прежнихъ дѣятелей во главѣ съ г. Федоровскимъ. Первое же общее собраніе 17-го сентября 1878 года, отдавъ должное Н. Ф. Федоровскому, избрать его единогласно въ почетные члены общества, въ значительной степени обновляетъ попечительство и совѣтъ, вводя въ его составъ еврея Цеткина. Выдвинувъ новыхъ дѣятелей, общество тѣмъ не менѣе не освободилось отъ старой закваски. На первыхъ же порахъ въ обновленномъ обществѣ происходитъ расколъ. Одни стоятъ за прерогативы училища, другіе—общества, признавая за послѣднимъ верховныя права надъ училищемъ».

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ (съ 1878 г. по 1882 г.) дѣятельность общества совершенно замираетъ, и попечительство училища обходится безъ его содѣйствія. Но съ 1882 г. г. Рябковъ опять отмѣчаетъ оживленіе общества, особенно съ назначеніемъ попечителемъ ремесленно-грамотнаго училища В. В. Михайлова.

Симпатіи къ училищу и обществу возрастаютъ, и къ концу 1882 г. насчитываются уже до 50 дѣйствительныхъ членовъ, до 20 соревнователей и нѣсколько почетныхъ. Въ общее собраніе 1 декабря 1882 года является 43 человѣка, цифра никогда небывалая. Это первое собраніе послѣ 4 лѣтъ бездѣйствія общества.

Но, совершивъ свой обычный пятилѣтній циклъ, общество какъ бы изне-

могаетъ и само себя упраздняетъ. Въ 1886 и 1887 г.г. общихъ собраній вовсе нѣтъ. Въ общее собраніе 2-го іюля 1888 года является всего только 8 душъ; послѣднее собраніе созывается въ 1889 году, затѣмъ въ послѣдующія иять лѣтъ уже нѣтъ никакихъ собраній. Въ городѣ мало-по-малу начинаютъ забывать о существованіи общества распространенія грамотности и ремесль. Такъ продолжается до 1894 года.

«Это время,—говорить г. Рябковъ,—одна изъ мрачныхъ страночекъ въ его жизни, указывающая на невысокій общественный уровень тогдашней елисаветградской интеллигенціи, допустившей захирѣть обществу, единственно свѣтлому явлению на темномъ фонѣ провинціальной жизни. Тѣ самые люди, которые еще такъ недавно въ томъ же самомъ обществѣ ратовали и ломали перья за него, за его права, программу и проч., продолжая оставаться его членами и послѣ, позволили довести его до такого печального состоянія. Не нашлось ни одного человѣка, ни одной живой души, которая приложила бы хотя малѣйшее усиленіе къ тому, чтобы вдохнуть въ замиравшее общество немногого жизни и не допустить его до гражданской смерти».

Но 1894 годомъ начинается какъ бы новый періодъ его исторіи, рѣзко отличающейся отъ предшествовавшаго времени.

Прежде всего общество уменьшило членскій взносъ съ 10 рублей на пять; затѣмъ улучшены и пополнены ученическая и учительская библіотеки. Открыта бесплатная народная библіотека-читальня, дающая возможность въ городскомъ, а частью и подгороднемъ населеній, расширять внѣшкольное образованіе путемъ широкаго распространенія хорошихъ книгъ. Въ настоящее время библіотека имѣеть свыше 800 абонентовъ, берущихъ книги на домъ, не считая тѣхъ, которые посѣщаются читальнюю. Расходуя не много болѣе тысячи рублей ежегодно, она располагаетъ довольно цѣннымъ книжнымъ имуществомъ, постоянно увеличивающимся. Кроме того, библіотека имѣеть уже небольшой капиталъ для постройки собственного зданія. Библіотекѣ принадлежитъ инициатива поднятія вопроса объ открытии общественной библіотеки въ Елисаветградѣ. Положено начало народному театру; изысканы новые источники доходовъ. Сдѣланъ опытъ приглашенія профессоровъ для прочтенія лекцій въ Елисаветградѣ. Поддерживаются сношенія съ другими обществами и учрежденіями, преслѣдующими тѣ же цѣли и задачи.

Такимъ образомъ, послѣднее пятилѣтіе дѣятельности общества самое прогрессивное за все время его исторіи, которую г. Рябковъ заканчиваетъ совершенно вѣрными словами: «Только при сочувствіи всей елисаветградской интеллигенціи и ея активной поддержкѣ и возможна была такая работа на пользу просвѣщенія народа. Нужно полагать, что это сочувствіе и это содѣйствіе не есть нѣчто скоропреходящее, что они и впослѣдствіи будутъ оказываемы обществу. Въ нихъ его сила и мощь».

«Очеркъ» г. Рябкова о дѣятельности елисаветградской интеллигенціи на пользу городскихъ ремесленниковъ богатъ яркими подробностями о томъ, съ какимъ трудомъ мѣстная интеллигенція развивалась въ этомъ направленіи, и какъ много нашлось препятствій въ ея собственной средѣ прежде, чѣмъ «общество распространенія грамотности и ремесль» окрѣшило. Трудъ его секретаря,

г. Рябкова, заслуживает похвального подражанія и въ другихъ аналогичныхъ провинціальныхъ обществахъ, не боящихся гласности о своей дѣятельности и исторії.

А. Фаресовъ.

Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898.

Бывшій профессоръ Петербургскаго университета, Н. М. Коркуновъ, выпустилъ солидный томъ своихъ научныхъ статей, помѣщенныхъ въ теченіе двадцати лѣтъ на страницахъ разныхъ специальнно-юридическихъ изданий и обнімающихъ собою четыре группы вопросовъ, относящихся до общихъ вопросовъ права, истории права, государственного и международного права. Н. М. Коркуновъ, создавъ вѣсколько цѣнныхъ для науки трудовъ, изъ коихъ особенное вниманіе привлекла къ себѣ его докторская диссертациѣ «Указъ и законъ», успѣвалъ немало поработать въ журналахъ по своей специальности, и только лишь половина этихъ работъ включена въ настоящій сборникъ. Всѣ очерки(23), вошедши сюда и разработывающіе отмѣченныя выше группы, такъ или иначе пріурочены талантливымъ представителемъ юридической науки къ тѣмъ общественнымъ явленіямъ отечественной жизни, на которыхъ съ своей ученой каѳедры профессоръ считалъ долгомъ отзываться то среди слушателей-учениковъ, то въ ученыхъ собраніяхъ, то на благотворительныхъ лекціяхъ. Обладая прекраснымъ даромъ рѣчи, способностью ясно, образно и сжато излагать мысли, г. Коркуновъ рядомъ съ этими качествами, которыми блещутъ далеко не всѣ его собратья, вмѣщаєтъ всегда въ содержаніе своихъ членій богатый материалъ, освѣщающій жизненный вопросъ, подлежащій въ данный моментъ обсужденію. Отсюда двоякое достоинство его работъ — ихъ отзывчивость на вопросъ дня и строгость научной постановки, гдѣ авторъ никогда не жертвуетъ своимъ амплуа ученаго ради прихотей и настроенія аудиторіи слушателей. Онъ не гоняется за красивымъ словечкомъ, за полемической задачей и либеральной модой; нѣть, онъ всѣми силами старается примирить жизнь и науку, никогда не поступаясь истинами послѣдней ради суетныхъ вопросовъ дня. Отсюда можетъ быть, проистекаетъ невозможность для него всегда угодить требованіямъ публицистической критики, которая, исходя именно изъ задачъ современности, изъ голоса дня, иногда беретъ перевѣсъ надъ нимъ въ симпатіяхъ толпы, ея шумныхъ рукоплесканіяхъ и ободреніяхъ. Отсюда же отсутствіе у г. Коркунова той популярности въ литературѣ, которую нѣкогда обладалъ его учитель — А. Д. Гравовскій, а также тѣ эпизоды этого талантливаго представителя Петербургскаго университета, которымъ лишь счастливья случайности помогли составить себѣ нѣкоторыя имена и дутую извѣстность. Можно отъ души пожалѣть объ уходѣ этого дѣйствительно талантливаго ученаго изъ университета, находя уг҃шеніе лишь въ томъ, что въ настоящее время онъ значительно усилилъ свое сотрудничество въ журналахъ и газетахъ, гдѣ со свойственными ему знаніемъ и умѣньемъ продолжаетъ отзываться на злобы юридического характера въ ихъ научной постановкѣ.

Ученикъ П. Рѣдкина и главнымъ образомъ А. Гравовскаго, онъ взялъ все лучшее у своихъ учителей, и если не создалъ какой нибудь опредѣленной школы

то въ рядѣ талантливыхъ монографій сумѣль разработать немало живыхъ вопросовъ въ области теоретического изслѣдованія правовыхъ вопросовъ и живыхъ страницъ русской общественной и исторической дѣйствительности. Обращаясь къ выясненію значенія права, И. М. Коркуновъ въ одной изъ своихъ статей говорить: «Упрочение и развитіе правъ приводить къ тому, что вся масса разнообразныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе человѣческой жизни, получаетъ себѣ признаніе и взаимно разграничивается. Поэтому каждое индивидуальное стремленіе находитъ себѣ въ развитомъ правовомъ быту возможность извѣстнаго осуществленія на ряду съ другими. Благодаря праву, господствующему культурные интересы данной эпохи не подавляются собою всѣхъ другихъ, а напротивъ, и имъ отмежевывается извѣстная сфера проявленія. Если бы права не было, данный культурный строй, быть можетъ, получилъ бы болѣе полное осуществленіе, его основная начала проявились бы въ болѣе послѣдовательной и безусловной формѣ. Но за то право оберегаетъ элементъ будущаго прогрессивнаго развитія, спасая разнообразные индивидуальные интересы отъ поглощенія ихъ однимъ господствующимъ въ данный моментъ интересомъ. Итакъ право должно быть признано необходимымъ элементомъ общественной культуры. Культурное развитіе выражается въ расширеніи и усиленія общественного элемента: теоретическое и техническое знаніе, нравственные навыки, скопленіе капиталовъ, общественная учрежденія, содѣйствующіе человѣку въ его разнообразной дѣятельности,—все это является общественнымъ достояніемъ, всѣмъ этимъ надѣляетъ человѣка окружающая его общественная среда. Но все это—только средство. Цѣль и основа жизни только въ индивидуальномъ. И вотъ для того, чтобы исторически вырабатываемая общественная культура не утратила своей жизненности, чтобы она не замерла въ неподвижномъ застое, необходимо, чтобы цивилизација включала въ себѣ и право, обособляющее и оберегающее индивидуальное».

Для лицъ, занимающихся изученіемъ историческихъ судебъ Русской земли, особеннаго вниманія заслуживаютъ монографіи, помѣщенные во 2-мъ отдѣлѣ, къ числу каковыхъ должны быть отнесены—«Время первого учрежденія губерній», «Проектъ устройства сената Г. Р. Державина», «Проектъ судебного устройства М. А. Балугянского», «Проектъ верховнаго совѣстнаго суда въ двадцатыхъ годахъ». Единственными также по своей сжатой дѣловитости должны быть признаны и біографическіе очерки И. Рѣдкина и А. Градовскаго, гдѣ авторъ съ любовью рисуетъ ученыя заслуги и значеніе въ русской наукѣ обоихъ своихъ наставниковъ. Нѣкоторыя работы г. Коркунова имѣютъ и практическое значеніе, какъ, напримѣръ, «Укорененіе иностранцевъ и прекращеніе подданства», «Тридцать пятая глава проекта уголовнаго уложенія», гдѣ идетъ рѣчь объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ, а также статья «Комитетъ министровъ и проектъ совѣта по земскимъ дѣламъ». Въ послѣдней своей работѣ онъ рекомендуетъ учрежденіе при комитетѣ особаго земскаго совѣта, на подобіе совѣтовъ желѣзодорожныхъ и по тарифнымъ дѣламъ. Указавъ на составныя части этого совѣта, чины администраціи, земскихъ дѣятелей по выбору, онъ утверждаетъ, что послѣдній представлялъ бы всѣ условія для обстоятельного и всесторонняго обсужденія возникающихъ со-

мнѣній въ цѣлесообразности постановленій земскихъ собраний. Всѣ могущіе быть затронутыми при этомъ интересы имѣли бы въ немъ своихъ представителей, и, что особенно важно, въ немъ были бы и люди, близко знакомые съ разнообразными мѣстными условіями различныхъ областей нашего отечества. Естественной склонности бюрократіи все подгонять подъ одинъ общій шаблонъ было бы этимъ созданъ должный противовѣсь. Рѣшенія совѣта по земскимъ дѣламъ признавались бы окончательными, лишь подъ условіемъ согласія съ ними ministra внутреннихъ дѣлъ и начальниковъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ въ немъ своихъ представителей. Въ противномъ случаѣ дѣло, переходило бы въ комитетъ министровъ.

Б. Г.

**Очерки современного офицерского быта. Соч. Н. Бутовскаго.
Спб. 1899.**

Это — очень интересная книжка, которую можно прочесть съ большимъ удовольствиемъ даже и не военный человѣкъ. Въ ней изображается бытъ офицеровъ въ различныхъ частяхъ войскъ — и въ гвардіи, и въ арміи, — и всѣ тѣ многоразличные условія, которыя создаются этотъ бытъ, начиная отъ личного качества большинства офицерскаго общества въ полку и кончая вліяніемъ командира полка. Авторъ подробно говорить обо всемъ, что развивается чувство порядочности въ офицерской сфере, придавая въ этомъ отношеніи особое значеніе офицерскимъ собраніямъ и ежегоднымъ товарищескимъ обѣдамъ — въ дни годовщинъ корпусовъ и военныхъ училищъ.

Попутно почтенный авторъ вводитъ читателя за кулисы этой, таинственной для непосвященныхъ, жизни офицеровъ полка и указываетъ на то громадное вліяніе, какое можетъ и долженъ имѣть на ихъ жизнь командиръ полка, ихъ старшій товарищъ и ближайшій начальникъ. Какъ примѣръ и доказательство доброго воспитательного вліянія командира отдельной части, приводится исторія общества офицеровъ одного пѣхотнаго (човидимому, армейскаго) полка, гдѣ все офицерство было такъ деморализовано, такъ кутило, картежничало и входило въ долги, что ему, кажется, не было уже и спасенія... И достаточно было лишь, чтобы командиромъ полка былъ назначенъ некто Авиловъ, — и всѣ лихія болѣсти офицеровъ исчезли безъ слѣда. Все было достигнуто умомъ, тактомъ, настойчивостью и знаніемъ дѣла, главное же, конечно, сердцевѣдніемъ, такъ что не пришлось прибѣгать ни къ «прощеніямъ обѣ отставкѣ», ни къ «судамъ чести», ни даже къ гауптвахтамъ...

Вторая часть книжки трактуетъ о «дисциплинѣ въ бытовомъ ея примѣненіи» и отличается не меньшимъ интересомъ. Тутъ уже предъ глазами читателя проходить совсѣмъ иные типы и характеры, получающіе свою некрасивую формацию опять-таки же въ полку: хороший полкъ — и молодежь, поступающая въ него, получаетъ окраску истинной порядочности; полкъ распущенный, «бурбонскій» — и юный офицерикъ быстро портится въ немъ. Вотъ, напримѣръ, сынъ генерала К., «скромный, воспитанный и весьма способный юноша, вышелъ въ офицеры — и черезъ годъ нельзѧ было узнать его: съ какой-то трактирной манерой онъ опрокидываетъ рюмку за рюмкой; кряхтить и

даже кашляет не почеловѣчески; папиросы не вынимаетъ изо рта; сидить въ обществѣ развалившись, съ закинутой назадъ головой, насвистываетъ изъ оперетки и рисуется своей грубостью съ отцомъ. По вечерамъ, его все тянетъ куда-то, не хочетъ ни въ гости, ни въ оперу: мнѣ, говорить, надо маленькую рекогносцировку произвести... и т. д.

— Неужели ты такъ все время проводишь въ полку? — спрашиваетъ отецъ.

— А то какъ же? Что же мнѣ прикажете дѣлать — книжки или газеты читать? Нынче все вздоръ пишутъ, — отвѣтствуетъ сынъ.

— Помилуй, какой же вздоръ?.. Наконецъ, у васъ есть библиотека...

— Удивительно интересно труху перечитывать! предоставлю это удовольствіе старымъ дѣвамъ... Наконецъ, ты знаешь, что я еще дома все интересное перечиталъ.

— Ну, а служба? Навѣрно же ты ею интересуешься? Безъ этого не стоитъ быть офицеромъ.

— Служба? Что ты называешь службой? Для господъ подиоручиковъ она главнымъ образомъ заключается въ обученіи новобранцевъ направо и налево ворочаться; ну, а это занятіе довольно скучное и, кромѣ того, у насъ есть большой мастеръ на эти дѣла — фельдфебель Ликсѣй Иванычъ.

— Какъ? а воспитаніе солдата?

— Охота тебѣ вѣрить всякому книжному вздору: это одинъ сентиментализмъ...

— Да неужели же ваше начальство примиряется съ такими взглядами, не принимаетъ никакихъ мѣръ?

— Начальство? Да когда же мы его видимъ? У насъ командиръ старенький, на подъемъ тяжелъ, да и слѣповать при этомъ... Мы часто во время занятій сидимъ въ «собраніи», иногда даже въ карты играемъ, а если командиръ тронется по казармамъ, то намъ даютъ знать. Онъ всѣхъ находить на мѣстахъ, умиляется нашей исправной службой и даже благодарности въ приказахъ отдаетъ, — такой чудакъ!

Отецъ распущенаго юноши пришелъ въ отчаяніе, поднявшись на ноги всѣхъ влиятельныхъ знакомыхъ и перевелъ сына въ другой, хорошо извѣстный ему полкъ. Черезъ какой нибудь мѣсяцъ молодого человѣка нельзя было узнать: сначала, онъ сталъ задумываться; его сразу ошеломило приличие и порядочность общества, въ которое онъ вступилъ: деликатное обращеніе начальства, радушіе и вниманіе товарищѣй, акуратно отдавшихъ ему визиты и прочее, — и онъ сталъ все это сравнивать со своимъ положеніемъ въ прежнемъ полку, где его третировали, насмѣхались надъ его скромностью и наивностью до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не сталъ распущеннымъ человѣкомъ. Когда же ему пришлось въ этомъ новомъ полку заболѣть, и его, по заведенному обычая, навѣстили не только товарищи, но и начальство, онъ былъ глубоко растроганъ и всей душой готовъ былъ слиться съ этимъ прекраснымъ и столь новымъ для него обществомъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ скромнымъ, симпатичнымъ. Куда дѣвались эти угловатыя манеры, этотъ пошлый тонъ... Даже по наружности точно красивѣе стала: лицо чистое, глаза ясные, жизнерадостные, стройная осанка, щеголеватость въ одеждѣ... Его такъ и тянуло въ полкъ, о которомъ

онъ иначе не говорилъ, какъ съ восторгомъ; о товарищахъ отзывался точно влюбленный. Сталъ педантично посыпать занятія; иногда безъ чая убѣгалъ, чтобы явиться до прихода ротнаго командира, и нерѣдко приносилъ домой работы по вечерамъ: солдатскія диктовки, тактическія задачи, материалы для «сообщенія»; даже завелъ у себя маленьку военную библиотеку, подражая товарищамъ, интересующимся военною литературой...

«Вотъ какія чудеса — заключаетъ авторъ — можетъ дѣлать офицерское общество: оно можетъ возвысить человѣка и уронить, даже совсѣмъ погубить. Надо изслѣдоватъ причины подъема и упадка порядочности въ офицерскихъ обществахъ; это вопросъ огромной важности — вопросъ объ основаніяхъ, на которыхъ зиждется развитіе нашей арміи».

И. Н. З.

Библиографические материалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библиографія. Библиотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898.

Всякому, кто только возьметъ на себя нелегкій трудъ познакомиться съ объемистымъ каталогомъ г. Смирнова, невольно придется въ голову вопросъ: кому и зачѣмъ нужна эта книга? Быть можетъ, г. Смирновъ думаетъ, что его библиотека столь же замѣтальна, какъ и Императорская публичная, что въ ней много рѣдчайшихъ книгъ; но нѣтъ — г. Смирновъ, отмѣчая въ предисловіи неполноту своей библиотеки, говорить: «Настоящее изданіе, естественно, не можетъ претендовать на полноту, ибо въ него вошли только книги и статьи, имѣющіяся въ моей библиотекѣ, а потому я озаглавилъ его «Библиографические материалы»; но для возможнаго восполненія этого недостатка, въ каждомъ отдѣлѣ перечислены *извѣстныя* (курсивъ подлинника) мнѣ болѣе или менѣе важныя сочиненія, которыхъ вѣтъ въ моей библиотекѣ, и многія изъ нихъ описаны довольно подробно по экземплярамъ, которыми я пользовался въ Императ. публ. библиотекѣ». Эти строки не позволяютъ уже смотрѣть на «трудъ» г. Смирнова, какъ на каталогъ; нѣтъ, его книга пріобрѣтаетъ совсѣмъ иной интересъ: авторъ хочетъ дать болѣе или менѣе полные библиографические материалы. Мы, слѣдовательно, недостатки разбираемой книги не можемъ приписывать скудости и беспорядочности библиотеки г. Смирнова; мы должны предъявить иныхъ требованій къ его труду. Во всѣхъ библиографическихъ трудахъ вниманіе останавливается на двухъ пунктахъ: на характерѣ библиографическихъ указаний и на ихъ полнотѣ. Г. Смирновъ называетъ свой каталогъ описательнымъ: это — потому, что вслѣдъ за заглавіемъ книги приводится нѣсколько строкъ, такъ или иначе описывающихъ книгу. Кромѣ обычнаго библиографического описанія книги, состоящаго въ указаніи формата, числа страницъ и вообще вида, извѣстный смыслъ можетъ имѣть краткій перечень содержанія книгъ очень рѣдкихъ и потому малодоступныхъ; извѣстную пользу (для справокъ), пожалуй, принесутъ указанія содержанія въ книгахъ капитальныхъ. Но, во-первыхъ, собственно содержанія г. Смирновъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ, и вотъ наудачу нѣсколько «описа-

ній». Выписываю буквально: «Славяно-русская палеографія И. И. Срезневского (Журн. Мин. Нар. Пр. 1884 г., № 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 12) 269 стр. Этому труду Изм. Ив. посвятиль много лѣтъ; въ немъ есть страницы, писанныя въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Описание памятниковъ доведено въ немъ до конца XIX в. Статья «Обзоръ матеріаловъ для изученія слав.-руск. палеографії» составляеть введеніе къ этому труду, здѣсь она вновь перепечатана. Внослѣдствіи авторъ сдѣлалъ въ своемъ труѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыя и включены въ настоящее изданіе, сдѣланное съ рукописи безъ всякихъ измѣненій» (стр. 11). Изъ этого «описанія» нельзѧ даже понять, знаетъ ли г. Смирновъ объ отдѣльномъ изданіи книги Срезневского, или нѣтъ. «Списокъ статей и выдающихся замѣтокъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ кавказскихъ ученыхъ обществъ, разныхъ правительственныхъ учрежденій на Кавказѣ и въ газетахъ, издававшихся въ Закавказье, за все время ихъ дѣятельности по 1891 г. (Кавказскій календарь на 1892 г.). Списокъ этотъ заключаетъ простой перечень изданій того или другого общества или учрежденія, съ переименованіемъ всѣхъ статей и выдающихся замѣтокъ, помѣщенныхъ въ тѣхъ изданіяхъ». Это описание не даетъ ничего нового сравнительно съ заглавіемъ. Еще одно: «Свѣдѣнія о тюркахъ Енисейской губерніи. Н. Катановъ, 9 стр. Въ этомъ перечнѣ авторъ старался, главнымъ образомъ, указать источники, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія, касающіяся тюрковъ Енисейской губерніи» (стр. 288). Два раза напечатано заглавіе. Г. Смирновъ вообще щедръ на описание и поясненія. Любопытный читатель можетъ, напримѣръ, познакомиться на стр. 169, 425 съ изложеніемъ содержанія статей «Энциклопедич. словаря Брокгауза и Ефона» (библиографія, библиотека), на стр. 601 узнать, что «по богатству антикварного матеріала книжная лавка В. И. Клочкива принадлежить къ числу лучшихъ въ Спб.». На стр. 606 можно прочитать, по поводу каталога книжной лавки Л. Ф. Мелина, о томъ, что «г. Смирновъ получилъ отъ Мелина еще одинъ неизданный номеръ его каталога; въ магазинѣ его большая коллекція иллюстрированныхъ изданій». На стр. 630 г. Смирновъ сообщаетъ, что «магазинъ Шибанова помѣщался сначала на старой площади на Ильинкѣ, а теперь на Петровкѣ въ Петровской линії». Примѣровъ можно выписать изъ книги г. Смирнова безчисленное множество, но и приведенныхъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить понятіе объ «описательскихъ» приемахъ автора.

Обратимъ теперь вниманіе на полноту указателя. Прежде всего, бросается въ глаза удивительная несистематичность и беспорядочность. Если бы г. Смирновъ далъ только каталогъ книгъ своей библиотеки, мы ничего не имѣли бы противъ его книги и, пожалуй, говорить бы не стали о ней; но авторъ вздумалъ перечислить всѣ извѣстныя ему болѣе или менѣе важныя сочиненія и статьи. Здѣсь прямо приходится удивляться малой освѣдомленности г. Смирнова. Беру примѣры совершенно случайно. На стр. 164 авторъ приводитъ название одной статьи Скабичевскаго по истории цензуры (От. Зап., т. I. CCLXI, отд. 1, стр. 44) и ни словомъ не оговаривается объ извѣстной его книжѣ по истории цензуры. На 419 стр. г. Смирновъ указываетъ на соч. Чистовича о Феофанѣ Прокоповичѣ и не приводить сочиненій Морозова и Самарина. Въ отдѣ-

лѣ «Указатели къ періодическимъ изданіямъ» мы встрѣтили пропускъ, напримѣръ, указателя къ «Историческому Вѣстнику». Среди книгъ, посвященныхъ «Слову о полку Игоревѣ», пѣть, напримѣръ, чисто библіографической работы Смирнова «Литература Слова о полку Игоревѣ». Въ отдѣлѣ «Журналистика» мы нашли указанія на книгу Весина и статьи Милютина и не нашли даже простого заглавія книгъ Пятковскаго, Колюпанова, Глинскаго и т. д. Не знаетъ г. Смирновъ и «Словаря русскихъ писательницъ» Руцова и т. д. Списокъ незнакомыхъ г. Смирнову книгъ можно было бы увеличить до почтенныхъ размѣровъ. Теперь спрашивается, кому и зачѣмъ нуженъ «трудъ» г. Смирнова? Дилетанту, конечно, онъ не интересенъ, а специалистъ не встрѣтить въ немъ ничего новаго, а «описанія» ему ни на что не нужны.

II. Щ.—въ.

**Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи.
Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ III.
Нижній Новгородъ. 1898.**

Материалъ, помещенный въ настоящемъ томѣ «Сборника», распределенъ по тремъ отдѣламъ: въ первый вошли статьи и рефераты членовъ комиссіи, во второй—описи архивныхъ дѣлъ, и въ третій—копіи съ отдѣльныхъ документовъ. Открывается отдѣлъ «статей и рефератовъ» небольшою статьею г. Г. И. Родзевича—«Очеркъ истории больницы въ Нижнемъ Новгородѣ». Рассказывая эту «исторію» въ связи съ положениемъ врачебнаго и больничнаго дѣла вообще на Руси, авторъ утверждаетъ, что первыя больницы въ Нижнемъ Новгородѣ были монастырскія—въ Благовѣщенскомъ и Печерскомъ монастыряхъ—существовавшія съ XVI в.; въ XVIII в. больницы и богадѣльни были открыты и при другихъ монастыряхъ. Во второй половинѣ того же вѣка архіерейскій домъ былъ обращенъ въ военный госпиталь и выстроенъ новый такой же госпиталь на пустошорожнемъ мѣстѣ, близъ Варварской рѣшетки. Что же касается «гражданскихъ» больницъ, то онѣ возникаютъ только съ 1810 г., и при этомъ довольно туго: черезъ 45 лѣтъ ихъ было всего лишь три. Въ 1894 г. ихъ имѣлось 14, съ 970 кроватями. Въ приложеніи къ своей статьѣ г. Родзевичъ напечаталъ «списокъ дѣлъ бывшаго Нижегородскаго приказа общественнаго призрѣнія по благотворительной части» (свѣдѣнія за время 1798—1856 г.).

Слѣдующая статья г. А. Можаровскаго—«Къ исторіи Нижегородской духовной семинарії»—является дополненіемъ, сообщающимъ нѣкоторыя детали изъ начальной жизни семинаріи, съ выписками изъ документовъ и переписью состава ея въ 1766 г., къ подробной исторіи его же, печатавшейся въ мѣстныхъ «Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1894 и 1895 гг.

Далѣе идетъ изслѣдованіе г. В. К. Магницкаго—«Нѣчто о чувашахъ, татарахъ и мишаряхъ»,—основанное на подробномъ изученіи литературы предмета и сообщающее нѣкоторыя новыя положительныя свѣдѣнія. Такъ, авторъ утверждаетъ, что имя чувашей впервые встрѣчается въ нашихъ памятникахъ не въ 1524 г. (Карамзинъ) и въ 1551 г. (Сбоевъ), а въ 1548 г. — въ гра-

мотъ, данной «казанскимъ татарамъ». Мѣстомъ жительства ихъ были, кроме извѣстныхъ доселѣ губерній: Казанской, Симбирской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской,—еще Нижегородская и Вятская. Далѣе, по его словамъ, чуваши «до казанскаго взятия учились арабской грамотѣ, особенно въ лицѣ своихъ мурзъ»; и, наконецъ, онъ рядомъ сопоставленій и выписокъ доказываетъ, что «мишари» (или «мижеры») есть національное название мещераековъ и мещеры, и потому они должны быть отдѣлены отъ татаръ.

Въ заключеніе отдѣла, послѣ маленькихъ замѣтокъ: А. В. Смирнова: «Плѣнныя шведы въ Нижнемъ Новгородѣ (1710 — 1712)» и «О земляхъ кн. Д. М. Пожарского въ Клинскомъ уѣздѣ», помѣщена любопытная статья г. В. И. Снѣжневскаго, подъ заглавиемъ: «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля 1861 г. и первые годы послѣ нея». Основываясь, главнымъ образомъ, на данныхъ мѣстнаго исторического архива, авторъ подробнѣе всего останавливается на 1857 — 1860 гг. Изъ его очерка видно, что крестьянское движеніе въ Нижегородской губерніи не имѣло остраго характера; незначительные случаи волненій и «бунтовъ» легко подавлялись простыми полицейскими мѣрами и даже одними внутренніями. За то нижегородскіе помѣщики явили собою примѣръ «жестокихъ» крѣпостниковъ и «тирановъ» и рѣдкихъ ретроградовъ во взглядѣ на крестьянскую реформу, чтѣ особенно сказалось въ дѣйствіяхъ нижегородскаго дворянскаго комитета обѣ улучшени и устройствѣ быта крестьянъ. Они даже подвергли обвиненіямъ и преслѣдованію главнаго виновника успѣшнаго проведенія реформъ въ губерніи, своего губернатора А. Н. Муравьева.

Во второй отдѣль книга вошли двѣ описи В. И. Снѣжневскаго: а) журналъ нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1781 — 1783 гг., и б) дѣламъ того же правленія за 1790—1799 гг., и одна В. Г. Короленко — дѣламъ балахинскаго городового магистрата. Изъ первой описи г. Снѣжневскаго видимъ, что въ дѣлахъ ея наиболѣе матеріаловъ о бѣглыхъ и о приказныхъ людяхъ. Во второй, въ качествѣ болѣе крупныхъ матеріаловъ, находимъ напечатанный полностью: 1) опись церкви и церковнаго имущества въ с. Локатищахъ, принадлежащемъ кн. А. Н. Долгоруковой; 2) свѣдѣнія «о вновь учрежденныхъ городахъ» за 1796 г.; 3) предложеніе генераль-губернатора кн. Вяземскаго по поводу замѣченныхъ имъ беспорядковъ во время объѣзда Нижегородской губерніи; 4) «Замѣчанія» бригадира Львова, какъ результатъ его «обозрѣнія городовъ и ревизіи присутственныхъ мѣстъ» въ 1796 г.; 5) свѣдѣнія о фабричной и заводской промышленности Нижнаго Новгорода и другихъ городовъ губерніи за 1797 г. и 6) топографическое описание гг. Княгинина, Сергача и Починокъ, 1797 г., представленное въ сенатъ по поводу ихъ упраздненія.

«Какая-то благопріятная случайность,—говорить г. Короленко,—помогла избѣгнуть «архивѣ» балахинскаго городового магистрата общей участіи; передъ нами полное дѣлоиздѣлство за цѣлое столѣtie, со всѣми его уже исчезнувшими характерными особенностями, историческими, бытовыми и мѣстными». Описаны или «обработаны» (по выражению автора) имъ самимъ дѣла съ 1748 до 1776 г.; въ настоящій томъ вошла только часть этого опи-

санія, другая відеть въ слѣдующій томъ. Всѣ дѣла, относящіяся, главнымъ образомъ, до торгово-промышленного сословія, г. Короленко подраздѣляеть на 12 главныхъ категорій: 1) о паспортахъ, обь увольненіи изъ сословія и принятіи въ сословіе; 2) о взысканіяхъ по векселямъ и заемнымъ письмамъ (болѣє всего дѣлъ); 3) о казенныхъ поставкахъ соли и провіанта и взысканіяхъ по нимъ; 4) обь отдачѣ въ зарабатываніе за частные и казенные долги; 5) по поводу соляныхъ варницъ и соляной продажи; 6) о раскольникахъ; 7) о побѣгахъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ (изобилують бытовыми и географическими подробностями); 8) дѣла уголовныя; 9) о прелюбодѣяніяхъ; 10) о незаконныхъ промыслахъ; 11) о сказываніи слова и дѣла государева, и 12) смѣшанныя (изложены наиболѣє «типическихъ»).

Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ: 1) списокъ съ правой грамоты, данной въ 1694 г. Александру Вешнякову на помѣстья измѣнника Асая Айбулатова (пособника Стеньки Разина) въ Керекскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ; 2) грамоту 1698 г. арзамасскому воеводѣ И. К. Козлову о сосланныхъ въ Арзамасъ стрѣльцахъ; 3) отрывокъ изъ рядной записи попа Еремѣя съ прихожанами с. Сарги, 1690 г.; 4) сыскное дѣло арзамасской приказной избы 1698 г. о кражѣ денегъ и имущества у чернаго попа арзамасскаго Троицкаго монастыря Варсонофія; 5) грамоту балахнинскому стольнику и воеводѣ П. Ю. Козинскому обь отдачѣ на откупъ кружечныхъ дворовъ въ г. Балахнѣ и его уѣздѣ; 6) материалы о мѣрахъ правительства къ пресѣченію Пугачевскаго бунта въ 1774 г.; 7) два документа о чумѣ въ Нижегородской губерніи въ XVII ст., и 8) формуллярный списокъ о службѣ В. И. Даля, составленный въ юлѣ 1858 г.

Б. Р—въ.

**Общественная жизнь Англіи. Издание I. D. Трайля. Томъ IV.
Отъ воцаренія Іакова до смерти Аῆны. Т. V. Отъ воцаренія Георга I
до битвы при Ватерлоо. Москва. 1898.**

Издание Трайля страдаетъ общимъ недостаткомъ колективныхъ трудовъ—неравномѣрностью въ разработкѣ разныхъ отдѣловъ. 4-й томъ посвященъ бурной эпохѣ въ исторіи Англіи—англійской революції, бывшей и политическою, и религіозною одновременно. Эта эпоха полна не только политическими вопросами, но въ особенности соціальными и экономическими. Въ изданіи Трайля «общественная жизнь», въ смыслѣ культурно-соціальныхъ отношеній, какъ разъ затронута довольно слабо. Въ этомъ томѣ представлены отдѣльныя статьи, относящіяся къ Стюартамъ и націи (1603—1642), гражданской войнѣ и республикѣ (1642—1660), періоду отъ реставраціи до революціи 1688 года. Послѣдняя глава охватываетъ время отъ 1689 до 1714 года. Каждая глава начинается съ политической исторіи періода, далѣе идутъ статьи о религіозной борьбѣ, воинской системѣ, торговлѣ, монетахъ, политическихъ теоріяхъ, развитіи промышленности, общественномъ здравіи, университетахъ, общественной жизни и т. д. Среди этихъ разнообразнѣйшихъ отдѣловъ пріоцились статьи обь Ирландіи и Шотландіи. Нѣкоторыя статьи (о земледѣліи, промышленности, Шотландія, Ирландія) обработаны очень хорошо и въ достаточной степени

полно, но много вопросовъ совсѣмъ не освѣщено. Парламентская борьба, въ одномъ изъ лучшихъ отдельовъ — политическомъ, все же представлена очень слабо. Авторъ (Гассаль) не дѣлаетъ никакого анализа «песни о правахъ», даже основныхъ ея требованій излагаетъ въ сокращенномъ видѣ. Характеръ англійской революціи мало выясненъ, и оставлена въ сторонѣ парламентская оппозиція въ лицѣ Пима. Такіе же проблемы и въ слѣдующихъ статьяхъ о политической истории, гдѣ Гассаль не разбираетъ слѣдствій второй революціи и не останавливается на «бллѣ о декларации правъ». Роль индепендентства тоже представлена слабо. Англійская политическая и философская литература, оказавшая громадное влияніе на Францію и всю Европу, въ изданіи Трайля не занимаетъ должнаго мѣста (Локкъ отведенъ двѣ страницы). Замѣчательно живо написана статья, проходящая черезъ весь томъ, — «общественная жизнь» Батесона, гдѣ яркими красками нарисованъ важный и строгій пуританинъ. Есть интересныя страницы, посвященные магії, алхімії, архитектурѣ и искусству этого периода, но все это носить отрывочный характеръ, а главное — сведено все въ одну линію, какъ мелочи, такъ и крупные вопросы.

Пятый томъ раздѣляется на четыре отдѣла: эпоха Вальполя (1714—1742), переходная эпоха, революція и реакція (1784—1802), борьба Англіи за существование (1802—1815). XVIII вѣкъ — время упроченія англійского «кабинета» и установлениія въ Англіи «господства права». Въ экономическомъ отношеніи это время представляетъ изъ себя эпоху промышленной революціи. Въ книгѣ Трайля мы не найдемъ разбора эволюцій парліаментской и парламентской эволюціи. Политической истории до 1742 года отведено 7 страницъ, исторіи законодательства 5 страницъ, но мы не найдемъ здѣсь вопроса о положеніи англійскихъ политическихъ партій, и не узнаемъ о значеніи министерства Вальполя въ развитіи англійского парламентаризма, не видимъ развитія принципа ответственности министровъ предъ парламентомъ. Вообще, какъ хорошія, такъ и аномальная явленія въ англійскомъ строѣ XVIII вѣка у Трайля не выяснены. Политическая теорія и публицистика даже совсѣмъ отсутствуютъ, а литература занимаетъ очень скромное мѣсто. Въ своей статьѣ «Литература» Трайль посвящаетъ ровно одну строчку (393 страницы) известной книжкѣ Бёрка «Размышленія о французской революціи», а между тѣмъ это сочиненіе было настольной книгой даже для виговъ, и взглядъ Бёрка на революцію былъ усвоенъ англійскими правящими классами. Безъ знакомства съ этой книгой трудно разобраться въ происхожденіи англійской реакціи начала XIX вѣка. Трайль говоритъ лишь, что «это произведеніе выпило образцовымъ». Экономическому состоянію Англіи Трайль отводить довольно много мѣста, и это одинъ изъ лучшихъ страницъ тома. Хозяйственные отношенія здѣсь представлены въ четырехъ статьяхъ — земледѣліе, промышленность, финансы и національная экономика. Редакторъ смѣло могъ бы сократить статьи по искусству, медицине, которыхъ мало говорятъ. И въ этомъ томѣ очень любопытны страницы изъ «общественной жизни» Англіи, написанныя талантливо Батесономъ.

К.

**Вань-Мюйденъ. Исторія швейцарского народа. Перев. съ франц.
подъ редакціей Э. Л. Радлова. Выпускъ I съ 35 политипажами.
Выпускъ II съ 6 политип. Спб. 1898.**

Авторъ этого труда не претендуетъ на оригинальность. Задачей его было представить возможно ясную картину развитія швейцарской національности. Картину онъ раздѣлилъ на пять частей. Порусски переведена первая часть, «героический періодъ» (1291 — 1515 гг.). Второй періодъ охватываетъ эпоху реформації, третій — XVI и XVII вв., четвертый — XVIII в., и пятый — XIX в. Исторія Швейцаріи глубоко-поучительна и полна драматическихъ сценъ. Она представляеть благодарный матеріалъ для изученія соціальныхъ явлений, вслѣдствіе своего удивительно сложнаго характера. Боевое время въ жизни Швейцаріи въка XIV — XVI, послѣ котораго она продолжаетъ мирно развиваться. Швейцарію Вань-Мюйденъ рассматриваетъ, не какъ агломератъ многихъ національностей, связанныхъ искусственнымъ союзомъ, а какъ націю, въ которой, если нѣть тождества языка и расы, то есть «общее наслѣдіе воспоминаній, интересовъ, учрежденій». Задача автора, рассматривая исторію Швейцаріи въ общихъ чертахъ, представить ея единство. «Разнообразіе въ единстве — вотъ оригинальная черта, общее стремленіе, характеризующее нашу національность», — говоритъ онъ. Документовъ авторъ не имѣлъ въ рукахъ, но въ своемъ введеніи перечисляетъ главныя сочиненія, которыми пользовался. Первая часть его труда представляеть собою введеніе, въ которомъ фигурируютъ предки швейцарскаго народа: гельветы, бургунды, алеманы, представлена борьба ихъ съ Римомъ, церковью, феодализмомъ и королями. Часть вторая начинается союзомъ вальдштедцевъ въ 1291 г. и оканчивается 1515 г., битвой при Мариньянѣ, представляѧ собою рядъ сценъ и описаній битвъ при Лоупенѣ, Земпахѣ, Нефольсѣ, Сенъ-Шакѣ, Гранзонѣ, Муртенѣ и Новарѣ. Исторія Швейцаріи очень тѣсно связана съ жизнью Европы, и автору, по необходимости, приходится серіозно считаться со всѣми крупными явленіями западно-европейской средневѣковой жизни: католицизмомъ, феодализмомъ и связанными съ ними вопросами. Для этого необходимо выдѣлить всѣ выдающіеся вопросы и уже рассматривать ихъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрењія. Къ сожалѣнію, Вань-Мюйденъ очень плохо справился съ обще-европейскими явленіями. Исторіи феодализма у него совсѣмъ нѣть, а общественный строй въ эпоху феодализма представленъ слабо. Въ одной главѣ онъ пытается дать и очеркъ развитія рыцарства, и состоянія церкви, и происхожденіе Габсбурговъ. Получается сухой перечень фактovъ изъ любого учебника. Мы не находимъ совсѣмъ исторіи коммунального движенія, особенностей феодального права, очень скучно знакомимся съ городскимъ устройствомъ среднихъ вѣковъ, съ аскетизмомъ и соціально-экономическими измѣненіями въ жизни Германіи. Да и вообще въ книгѣ Вань-Мюйдена на первомъ планѣ политическая исторія, а не соціальная, хотя о ней онъ говоритъ. Вся 2-я часть, называемый имъ «героический періодъ», состоитъ изъ массы виѣшнихъ фактovъ, описанія войнъ и сраженій. Фактический матеріалъ, видимо, подавляется автора, и онъ не можетъ разобраться въ немъ; оттого у него множество ме-

лочей, мало ілюструючихъ исторію Швейцарії, но дѣлаючихъ книгу его довольно скучной. Нельзя сказать, чтобы выпущенные были старательно переведены: переводчикъ предпочелъ сохранить иногда слова въ совершенно непонятной для русскаго читателя формѣ, напримѣръ: «водомъ или метраль» (134 стр.), «контъ», Kaiser-Augst (18), Landsgemeinde (19) и т. п. цѣлый рядъ иностранныхъ названий на 301 стр. 2-го выпуска. Издана книга неважно: печать мелка, а бумага плоха.

П. К.

А. Кириловъ. 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владімірской губернскай типографіи къ столѣтнему юбилею. Владіміръ-на-Клязьмѣ. 1898.

«Матеріалы» г. Кирилова представляютъ, въ сущности, исторію Владімірской губернскай типографіи, которую онъ дѣлить на четыре періода: 1) состояніе типографіи при ея основателѣ прaporщикѣ Матвѣѣ Петровичѣ Пономаревѣ (къ сожалѣнію, объ этомъ образованномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ нѣть біографическихъ свѣдѣній), въ 1797 — 1802 г.; 2) со времени перехода ея въ полное завѣдываніе губернскаго правленія до изданія губернскихъ вѣдомостей (1837 г.); 3) до 1867 г. и 4) до современаго ея состоянія. При изложеніи первого періода онъ приводить перечень представленныхъ къ разрѣшенію губернскай цензуры и напечатанныхъ М. П. Пономаревымъ книгъ. Послѣ Пономарева типографія влачила жалкое существованіе: въ ней не было многихъ необходимыхъ матеріаловъ, машинъ; а недостатокъ въ шрифтѣ и опытныхъ работникахъ часто заставлялъ останавливаться на продолжительное время даже при печатаніи казенныхъ бланковъ. Съ конца 1860 г. она стала улучшаться, но въ это время пришлося выдерживать борьбу съ частными типографіями, что также тяжело отзывалось на ея производительности, и только съ 1894 г., при усиленіи денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на нее, получила надлежащее развитіе.

Любопытны, между прочимъ, сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія, на основаніи архивныхъ данныхъ, о распространеніи въ первые два года «Владімірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Распространеніе этоило изъ губернскаго правленія, чрезъ посредство становыхъ и исправниковъ, которымъ «строго внушалось озабочиться приглашенiemъ подпischиковъ на вѣдомости». Но, несмотря на строгости и «усердіе» распространителей, изъ частныхъ лицъ всей губерніи подписалось 13 человѣкъ только на «неофиціальную часть». Нѣкоторыя присутственныя мѣста отказывались даже отъ получения обязательной офиціальной части. Интересно, что даже губернскія правленія другихъ губерній не находили «нужнымъ» и «возможнымъ» обмѣниваться съ Владімірскимъ правленіемъ неофиціальной частью.

Книжка г. Кирилова имѣетъ несомнѣнное значеніе и вообще для исторіи типографскаго дѣла на Руси; можно только пожелать, чтобы подобнаго рода изданія были болѣе частыми явленіями.

В. Р—въ.

Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхождение русскаго дворянства. Спб. 1898.

Книга г. Павлова-Сильванского даетъ сводъ исторіи дворянскаго сословія ex origine, кончая временемъ Петра Великаго. Свое изслѣдованіе авторъ дѣлить на четыре части. Въ первой онъ разсматриваетъ зарожденіе дворянскаго класса, первоначальная его формы—боярство киевскаго и удѣльнаго времени. Во второй части—исторія образованія класса служилыхъ людей въ XV—XVI вѣкахъ. Здѣсь обстоятельно разобраны вопросы о вольныхъ слугахъ князей, о служебныхъ князьяхъ, о мѣстничествѣ. Третья часть рисуетъ положеніе служилыхъ людей въ XVII вѣкѣ и, наконецъ, четвертая даетъ очеркъ шляхетства въ царствованіе Петра Великаго.

Исторія дворянства уже давно, конечно, служить предметомъ специальныхъ изысканий ученыхъ; не разъ эта исторія въ цѣломъ дѣлалась предметомъ особыхъ трудовъ, научныхъ и ненаучныхъ. Одни изъ авторовъ плохо компилировали, не имѣя даже достаточныхъ знаній; другіе выдавали эту исторію, какъ плодъ самостоятельныхъ изученій въ области источниковъ. Въ книгѣ г. Павлова-Сильванского вы не найдете самостоятельныхъ изысканий по источникамъ; трудъ г. Павлова-Сильванского есть только сводъ данныхъ, изложенный, нужно замѣтить, весьма догматически. Но никакъ не нужно смышивать его изслѣдованія съ бездарными компиляціями. Авторъ, очевидно, прекрасный знатокъ своего дѣла, подвергъ своему изученію обширную литературу по вопросамъ исторіи служилаго класса, не упустивъ изъ виду ни одной видной статьи и введя въ свое изложеніе даннаго, добытыя въ самое послѣднее время. Если принять во вниманіе обширность литературы предмета, если вспомнить, что въ исторіи дворянскаго класса и по сіе времена найдется немало нерѣшенныхъ вопросовъ, немало спорныхъ пунктовъ, то мы должны признать, что авторъ исторіи этого класса не можетъ оставаться безответнымъ компиляторомъ. Г. Павловъ-Сильванскій, стоя на уровне требованій современной исторической науки, очень умѣло справляется съ этими спорными мѣстами, выбирая для своего изложенія все, наиболѣе отвѣчающее современнымъ историческимъ знаніямъ. Мы сказали уже, что работа автора отличается догматичностью изложенія; но догматичность эта не является обременительной для читателя, такъ какъ въ примѣчаніяхъ, слѣдующихъ за текстомъ, авторъ, сообщая разнообразныя рѣшенія того или другого вопроса, передавая многочисленные взгляды на то или другое явленіе, подробно мотивируетъ, почему въ текстѣ онъ остановился на извѣстномъ рѣшеніи или выбралъ извѣстный взглядъ.

Нѣкоторымъ, чисто вѣтшнимъ, недостаткомъ книги является сухость изложения. Во всякомъ случаѣ, неспециалистамъ, желающимъ изъ тѣхъ или другихъ видовъ познакомиться съ исторіей дворянскаго сословія, собственно съ исторіей его происхожденія, можно смѣло рекомендовать книгу г. Павлова-Сильванского, какъ вполнѣ надежное пособіе. Какъ систематизація данныхъ, отвѣчающая современному положенію науки, разбираемый трудъ принесетъ извѣстную пользу и специалистамъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ другихъ областяхъ русской исторіи.

Пещ.

Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена. 1688 года. Составилъ и издалъ И. Голышевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голышевка, близъ с. Мстери, Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898.

Эта книга составляетъ посмертное изданіе извѣстнаго труженика науки И. А. Голышева. Повѣсть о видѣніи игумена Косьмы является какъ бы дополненіемъ къ изданнымъ имъ раныше рукописнымъ синодикамъ XVII вѣка. Содержаніемъ ея служитъ лицевая повѣсть — о видѣніи загробной жизни игумена Косьмы. Впавъ «въ изступленіе» во время тяжкой и продолжительной болѣзни, игуменъ одного изъ винническихъ монастырей, по имени Косьма, перенесенъ быть въ загробный міръ и удостоился видѣть какъ блаженное состояніе праведниковъ, такъ и мученія грѣшниковъ. Сопровождаемый апостолами Андреемъ и Ioannомъ игуменъ Косьма попалъ «въ красный градъ Елеонъ» и въ царские чертоги, где уготована была «траиза» для праведниковъ, видѣль Авраама и лоно его и тьмы праведниковъ «паче песка морскаго». Тѣ же апостолы показали Косьмѣ и «езера муки», где претерпѣваютъ различныя мученія грѣшники. Прида въ себя, и возвращенный снова къ жизни, Косьма собралъ всю братію монастыря и «потонку» разсказалъ ей, чemu онъ былъ свидѣтелемъ.

Повѣсть эта, бывшая ранѣе въ скитскомъ патерикѣ, попала затѣмъ въ составъ славино-русскаго пролога и сдѣлалась любимой «народной» повѣстью, такъ какъ отвѣчала на самые жизненные вопросы, всегда глубоко интересовавшіе благочестиваго «книжника», — вопросы о загробной жизни, — переписывалась много разъ составителями назидательныхъ сборниковъ для чтенія и, наконецъ, украсилась рисунками.

Въ настоящемъ изданіи весьма цѣнны миніатюры, украшающія и изъясняющія текстъ. Онѣ носятъ на себѣ печать народности и живыя черты русскаго быта конца XVII вѣка. Грады, палаты, сѣни, чертоги, тралеза и всѣ предметы утвари живо рисуютъ намъ конецъ XVII вѣка въ безъискусственныхъ народныхъ формахъ. Обычное во всѣхъ изданіяхъ И. А. Голышева художественное чутье и умѣніе среди многихъ древне-русскихъ памятниковъ искусства выбрать наиболѣе характерное чисто народное сказывается и въ этомъ новомъ изданіи.

Предисловіе съ оцѣнкою текста составлено В. Т. Георгіевскимъ, имъ же и самый текстъ повѣсти тщательно свѣрены съ однородными рукописями Императорской Публичной библиотеки и общества древне-русской письменности, согласно волѣ покойнаго Голышева, не успѣвшаго сдѣлать этого по болѣзни. Весьма умѣстно къ этому послѣднему изданію И. А. Голышева приложенъ его большой фототипическій портретъ, а также краткая біографія покойнаго, составленная тѣмъ же г. Георгіевскимъ. Книга издана весьма хорошо на средства вдовы Е. И. Голышевой, за что русская археологическая наука должна принести ей глубокую благодарность: у насъ чаще случается, что по смерти ученыхъ ихъ неизданные труды безслѣдно погибаютъ, а библиотеки ихъ прощаются на пуды букинистамъ.

В—скій.

Книга для чтенія по исторії среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Выпускъ III-й. Москва. 1899.

Мы уже указывали (январь, 1898 г.) на главный недостатокъ «Книги для чтенія»—неравномѣрность въ распредѣлениі и обработкѣ материала, а также на нѣкоторую недоступность статей для учениковъ. Вновь вышедшій 3-й выпускъ страдаетъ тѣми же недостатками. Здѣсь помѣщены 22 статьи, изъ которыхъ 11 относятся къ исторіи славянскихъ народностей. Сдѣлано это 1) согласно условію, поставленному соискателямъ преміи Петра Великаго, и 2) изъ желанія помочь читателю при знакомствѣ съ исторіей славянскихъ народовъ. Къ сожалѣнію, именно статьи по славянскому вопросу не отличаются достоинствомъ, а нѣкоторые вопросы изложены не вполнѣ, чѣмъ въ прекрасномъ учебникѣ того же проф. Виноградова. «Законнику» Душана отведено 2 страницы, почти столько же «Золотой булы», хотя о Карлѣ IV писаль чешскій ученый В. Новотный. Лучшими являются статьи, посвященные исторіи Англіи, а первое мѣсто занимаетъ отлично написанная, по первоисточникамъ, статья Д. Петрушевскаго «Возстаніе Уота Тайлера», стоявшее болѣе 7 тысячъ человѣческихъ жертвъ. Въ этомъ выпускѣ соединены статьи по исторіи образованія государствъ Западной Европы. Составитель имѣлъ въ виду здѣсь Францію, Англію и Германію, такъ какъ въ нихъ ярче всего выразились всѣ характерныя особенности средневѣковой жизни. Въ первой же статьѣ (Завоеваніе Англіи норманнами) авторъ вводить читателя въ своеобразныя черты англійского феодализма, обусловленного до нѣкоторой степени нормандскимъ завоеваніемъ. Слѣдующая статья посвящена исторіи и происхожденію парламента въ Англіи, при чёмъ авторъ ея начинаетъ свое изложеніе съ политическихъ учрежденій саксонской эпохи, вполнѣ достаточно знакомить читателя съ Великой Хартіей Вольностей, опредѣлять ея значеніе, какъ основу свободы Англіи, излагаетъ исторію «бѣщенаго» парламента и переходить къ парламенту 1265 г. Исторіи Франціи посвящены четыре статьи: «Филиппъ II, Августъ», «Генеральные штаты во Франціи въ половинѣ XIV вѣка», «Людовикъ XI» и «Жанна д'Аркъ». Флорентинская жизнъ, а въ связи съ нею гуманистическое настроение изложены въ статьѣ: «Господство Медичи во Флоренціи». Здѣсь авторъ, послѣ разсмотрѣнія внутренняго состоянія Флоренціи, ея промышленности, торговыхъ классовъ, знакомить нась съ дѣятельностью Козимо Медичи, меценатствомъ и поэзіей Лоренцо. Нацрально только авторъ называетъ Данте «первымъ человѣкомъ нового времени». Правда, онъ былъ поэтомъ нового времени, но по своему міросозерцанію былъ совершенно средневѣковымъ человѣкомъ. «Первымъ» человѣкомъ нового времени былъ Петрарка. Изъ остальныхъ статей особенный интересъ представляютъ статьи Г. Любавскаго по исторіи Польши, гдѣ выдвинута на первый планъ культурная исторія: «Нѣмецкая колонизація и новое сельское и городское устройство въ Польшѣ», «Польскій король Казимиръ Великій», «Нешавскіе статуты Казимира Ягеллончика, ихъ мѣсто и значеніе въ исторіи государственного развитія Польши». Такіе сборники не вполнѣ удовлетворяютъ читателя именно потому, что многіе вопросы оставлены

безъ вниманія. Что даетъ статья г. Лаврова о «Коссовской битвѣ»? — пересказъ пѣсенъ изъ сборника Караджича. Лучше было бы напечатать самыя пѣсни, хотя и это, въ сущности, не такъ важно. Если для сопискавія преміи Петра Великаго составителемъ пришлось обратить особенное вниманіе на исторію славянъ, то все же желательно было бы имѣть доступныя статьи, касающіяся культурной стороны жизни Западной Европы.

К.

А. Фаресовъ. Народники и марксисты. Спб. 1899.

Небольшая брошюра г. Фаресова будеть прочитана съ большимъ интересомъ всѣми, кто только слѣдилъ или слѣдить и понынѣ за несмолкающей и на страницахъ повременныхъ изданій и въ ученыхъ обществахъ борьбою нашихъ марксистовъ и народниковъ. Въ настоящей книжкѣ «Исторического Вѣстника» предлагается также статья, посвященная этой борѣбѣ, и брошюра г. Фаресова какъ нельзя лучше является на свѣтъ, чтобы рекомендовать нашимъ читателямъ выдающагося дѣятеля «живого народничества», о коемъ вообще предварительно они узнаютъ изъ очерка г. Оболенскаго. Типомъ этого живого народничества является извѣстный организаторъ крестьянскихъ артелей въ Херсонской губерніи, Н. В. Левитскій, біографію и характеристику котораго и даетъ авторъ брошюры. Для своихъ цѣлей характеристики г. Фаресовъ пользуется главнымъ образомъ бесѣдами съ организаторомъ артелей, гдѣ послѣдній въ рядѣ разговоровъ съ авторомъ выкладываетъ свое profession de foi, свое отношеніе къ современному марксизму, возраженія послѣднему, повѣствуетъ исторію артелей, въ связи съ фактами личной жизни, разъясняетъ ихъ значеніе и намѣчаетъ ихъ будущее. Рядомъ съ такого рода пользованіемъ непосредственнымъ живымъ материаломъ г. Фаресовъ почерпаетъ немало цитатъ изъ докладовъ энергичнаго инициатора артелей и его отчетовъ по организаціи ихъ. Благодаря такой постановкѣ дѣла, портретъ, нарисованный Фаресовымъ, вышелъ живымъ, съ плотью и кровью, и публика получила возможность обстоятельно ознакомиться съ дѣйствительно вполнѣ заслуженнымъ, въ высшей степени симпатичнымъ общественнымъ дѣятелемъ, упорно идущимъ къ опредѣленной цѣли и являющимся истиннымъ печальникомъ народа. Левитскій весь проникнутъ мыслью о народѣ, и благо и счастье послѣдняго есть единый импульсъ всей его широкой практической дѣятельности. Такими людьми наше общество не богато, и они являются отрадными исключеніями въ общей массѣ застоя, спячки и узкаго доктринерства, благодаря которымъ въ русской жизни постоянно чувствуется какая-то неурядица и безтолковость, при наличности коихъ для народа ближайшимъ образомъ ничего не дѣлается, и послѣдній совершенно лишенъ дѣйствительно необходимыхъ ему и полезныхъ учителей и радѣтелей. Левитскій, напротивъ, близокъ къ народу, знаетъ его, знаетъ его нужды и запросы, почему, обладая вдобавокъ недюжинными организаторскими способностями, есть именно тотъ живой человѣкъ, который особенно нуженъ въ настоящемъ, и примѣръ дѣятельности котораго долженъ вызвать послѣдователей и подражателей. Смѣемъ надѣяться, что такие и найдутся, по прочтеніи интересной и прекрасно составленной брошюры г. Фаресова, которую и позволительно

рекомендовать въ этихъ видахъ и нашей молодежи и тѣмъ читателямъ изъ землевладѣльческаго класса, у которыхъ есть желаніе и возможность поработать на народъ.

Гл.

А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публицистический элементъ въ романахъ Ф. А. Эмина. Спб. 1898.

Небольшой, но очень цѣнныи этюдъ г. Лященки, заглавіе котораго мы при вели выше, посвященъ разсмотрѣнію романовъ небезызвѣстнаго въ свое время писателя Федора Эмина. Романы эти интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ замѣчается уже стремленіе къ реализму, что герои этихъ романовъ стараются быть похожими на живыхъ людей и, по крайней мѣрѣ, интересуются злободневными вопросами. Г. Лященко, имѣвшій терпѣніе прочесть всѣ романы этого писателя, выдѣлилъ цѣлый рядъ чисто публицистическихъ вопросовъ, которыми интересовался Эминъ. Подобно другимъ сатирикамъ своего времени, Эминъ порицаетъ обычай поручать воспитаніе юношества полуобразованнымъ иностранцамъ, часто даетъ цѣлые программы государственного устройства, останавливается на жгучемъ вопросѣ того времени о положеніи крестьянъ и т. п. Публицистический элементъ, замѣчающійся въ романахъ Эмина, выдѣляетъ его изъ толпы романистовъ XVIII вѣка, писавшихъ сказки съ самыми невѣроятными «приключеніями», не имѣвшія никакого отношенія къ действительной жизни. Повидимому, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ настоящей книжки, г. Лященко работаетъ надъ исторіей нашего романа, предполагая разсмотрѣть смынъ романа «съ приключеніями» романомъ «семейнымъ», выяснить вліяніе переводного романа на первыя попытки оригинальнаго творчества въ этомъ родѣ и т. п. Работа эта, конечно, потребуетъ немало самого кропотливаго труда, но за то дастъ, несомнѣнно, интересные результаты, и нельзя не пожелать, чтобы г. Лященкѣ удалось выполнить ее по возможности скорѣе.

В. Б.

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1897 годъ. М. 1898.

Въ теченіе 1897 года музеи обогатились многими весьма цѣнными пріобрѣтеніями. Въ музеи передана модель кремлевскаго дворца, проектированнаго въ 1773 году архитекторомъ В. И. Баженовымъ, хранившаяся ранѣе въ московской оружейной палатѣ. Извѣстный собиратель Д. А. Ровинскій послѣ смерти своей оставилъ музею часть своего собранія, именно: 1) собраніе русскихъ портретовъ и русскихъ гравюръ, и 2) собраніе русскихъ народныхъ лубочныхъ картинокъ. Н. И. Стояновскій съ 1897 года началъ передавать въ музеи официальный изданія, залиски и служебныя бумаги. Это пожертвованіе составляетъ важный источникъ для исторіи «эпохи реформъ». Это—наиболѣе крупныя пріобрѣтенія музея. Затѣмъ отчетъ перечисляетъ болѣе мелкія поступленія въ музеи. Рукописи описываются довольно подробно. Изъ цифръ, приведенныхъ въ отчетѣ, видно, что музеи привлекаютъ къ себѣ съ каждымъ годомъ все большее и большее число посѣтителей, наибольшій процентъ па-

даетъ, конечно, на учащихся. Коллекціями музеевъ пользовались ученые, и появился уже нѣкоторые труды, основанные на изученіи этихъ коллекцій. Стараясь ближе знакомить съ собой публику, музей устраивалъ выставки своихъ сокровищъ. Въ отчетномъ году имѣла большой успѣхъ выставка эскизовъ А. Иванова.

III.

Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ общественной жизни, политики и религії.
Составилъ Ж. Губеръ. Спб. 1899.

Очень пріятно отмѣтить появление въ русскомъ переводе этого небольшого (320 стр.), но талантливо написанного, съ настроениемъ, труда извѣстнаго профессора Мюнхенскаго университета Губера. Онъ даетъ полную картину исторіи іезуитскаго ордена, убившаго всякую жизнь въ католической церкви, подправившаго самыя глубокія основы ея и ворочавшаго судьбами всего цивилизованнаго міра. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книжки Губеръ негодующе отзыается объ іезуитахъ и высказываетъ свой взглядъ на римскую церковь: «Подобно самой римской церкви, и іезуитскій орденъ идетъ къ медленной смерти. Оба учрежденія, въ своемъ логическомъ развитіи, сдѣлались темницей для человѣческаго разума. Человѣчество освободится отъ римской церкви и отъ іезуитскаго ордена, несмотря на ихъ кажущуюся прочность и непоколебимость» (29 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (111 стр.) авторъ прямо говоритъ, что господство іезуитовъ могло основаться лишь на разлагающемся трупѣ народа. Эта точка зрѣнія освѣщаетъ весь его трудъ, и онъ подкрѣпляеть ее множествомъ интереснѣйшихъ примѣровъ дѣятельности іезуитовъ въ различныхъ странахъ и въ разнообразныхъ сферахъ жизни. Куда бы ни проникаль духъ іезуитовъ — начинался застой, чувствовалось разложеніе. Это видно изъ вліянія іезуитскаго ордена на университеты, изъ отишеннія іезуитовъ къ богословію и наукѣ. Ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ они, какъ доказываетъ авторъ, не создали ничего замѣчательнаго. «Іезуиты, — говоритъ онъ, — были положительно неспособны писать исторические трактаты, проникнутые любовью къ истинѣ» (233 стр.). Когда имъ приходилось разсказывать о столкновеніи между католическими государствами, они ловко лавировали, чтобы не оскорбить ни одного изъ нихъ. Суевѣрія іезуитовъ, процессы, всевозможная поддѣлки — все это очень живо изображенено Губеромъ. Говоря о кульѣ Богородицы, Губеръ сообщаетъ и о послѣдніхъ доктринахъ іезуитскихъ патеровъ очень любопытные курьезы. Такъ, Освальдъ, проф. богословія въ Падерборнѣ, недавно преподавалъ, что духовныя лица получаютъ въ Евхаристіи не только тѣло Христово, но и тѣло и молоко Дѣвы Маріи, а Малу, епископъ брюггскій, поучаетъ, что Марія носить тройную діадему, потому что Она Дочь Отца, Мать Сына и Невѣста Св. Духа. Много интересныхъ страницъ найдетъ читатель при описаніи интимной жизни іезуитовъ, ихъ забавъ и провождений времени. Написана книга легко и переведена хорошо.

П. К—ій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О французскихъ византинистахъ.—Интеллектуальная история Сициліи.—Титанъ французской революції.—Наполеонъ подь Тулономъ.—Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ.—Эпизодъ изъ времень берлинской революції 1848 г.—Донесение Лотара Бухера о Лассалѣ.—Изъ записокъ американского генерала.—Французы въ Портъ-Артурѣ.—Конгрессъ исторіи религій—Смерть Эркмана и Бамбергера.

ФРАНЦУЗСКИХЪ византинистахъ. Въ «*Revue Encyclopédique*» появилась статья византолога Шарля Диля, посвященная вопросу о занятіяхъ византологіею во Франції¹⁾). Авторъ справедливо указываетъ на то, что заниматься Византією, изучать ея прошлое научнымъ образомъ, стали впервые во Франції, въ которой ровно два съ половиной вѣка тому назадъ въ королевской типографії въ Луврѣ отпечатанъ былъ первый томъ первого сборника византійскихъ историковъ. Великие труды Дюканжа по розысканію византійскихъ историковъ, изученію средневѣковаго греческаго языка, древностей Константинаополя и т. п., ознаменовали XVII вѣкъ во французской науцѣ. Въ это время такъ велись былъ интересъ къ византологіи во Франціи, что Кузенъ могъ перевести на французскій языкъ нѣсколько византійскихъ лѣтописцевъ, Мэнбури написалъ книгу объ иконоборствѣ, и еще въ началѣ слѣдующаго, XVIII вѣка, Бандури могъ издать свой трудъ по исторіи восточной имперіи и византійской нумизматики, а Лекленъ (Лекенъ) написать свой грандіозный трудъ по церковной

¹⁾ Charles Diehl, «Les études byzantines en France» (*Rev. Encycl.*, 11 mars 1899).

исторії «Oriens christianus». Однако, съ половины XVIII вѣка интересъ къ Византіи вдругъ ослабъ во Франціи. Вольтеръ видѣлъ въ исторії Византіи лишь смѣну фактovъ «ужасающихъ и отвратительныхъ», а для Монтескье вся исторія восточной имперіи казалась лишь исторіею упадка римскаго государства. За вторую половину XVIII вѣка Дильт не въ состояніи назвать ни одного значительного труда на французскомъ языкѣ по византологіи, а за первыя шесть или семь десятилѣтій XIX вѣка лишь очень немногое, между тѣмъ какъ въ это же самое время въ Россіи, Англіи и Германіи занятія Византію успѣли стать очень высоко. Новая эпоха для французскихъ византинистовъ настала съ 1868 года, со времени основанія такъ называемой «École des hautes études» и выхода изслѣдованія Леже о Кириллѣ и Меѳодіи. Первымъ крупнымъ трудомъ этого новаго периода въ изученіи Византіи явился «Константинъ Багрянородный» А. Рамбо, изданный въ 1870 году; это, по словамъ Диля, «наиболѣе уясняющая и наиболѣе понятливая книга, которая въ наши дни написана во Франціи о Византіи». Перечисливъ и остальные труды Рамбо по исторіи Византіи, Дильт выражаетъ сожалѣніе, что въ настоящее время труды этого ученаго, который могъ бы быть наиболѣе выдающимся изъ историковъ греческой имперіи, получили иное направленіе: онъ сталъ изучать исторію Россіи. Примѣръ Рамбо оказалъ, однако, свое дѣйствіе. Появился рядъ трудовъ по византійской исторіи на французскомъ языкѣ: Марра въ 1874 году издалъ свои «Византійские эскизы», а черезъ семь лѣтъ послѣ этого свою «Жизнь Византіи въ VI вѣкѣ»; затѣмъ послѣдовали трудъ Васта о кардиналѣ Вискаріонѣ, книга Гаске о религіозной власти императоровъ, попытка Дебидура изобразить загадочную фигуру Феодоры, изслѣдованіе аббата Батиффоля о Россіанскомъ аббатствѣ и многое другое. Однако, во главѣ новѣйшихъ французскихъ византинистовъ Дильт ставитъ Шломберже и Ш. Бейе. Первый изъ нихъ, послѣ ряда работъ по археологіи византійской, въ своихъ прекрасныхъ книгахъ о Никифорѣ Фокѣ (1890) и византійской эпопеѣ (1896) сумѣлъ такъ оживить, на основаніи подробѣйшаго изученія всѣхъ сохранившихся текстовъ и памятниковъ старины, политическую и соціальную жизнь Византіи, что интересъ къ этому миру, забытому и давно спущенному со сцены исторіи, былъ оживленъ и въ далекихъ кругахъ публики, помимо однихъ лишь специалистовъ. Бейе началъ съ ряда изслѣдованій о церквяхъ въ Палестинѣ, памятникахъ средней Сиріи и остаткахъ христіанской живописи и скульптуры на Востокѣ, а въ своей книжѣ о византійскомъ искусстве (1883) сумѣлъ дать первую правильную картину этого искусства, которое еще недавно было столь мало известно. Упомянуть еще о трудахъ Бордье, Молиње, Мюнца и Шуази, о разныхъ явленіяхъ въ художественномъ мірѣ нового Рима, о сочиненіяхъ по праву и литературѣ византійскимъ Монтреля, Псишари, Леграна и др., Дильт останавливается на современныхъ задачахъ для византинистовъ Франціи. По его мнѣнію, Франція непремѣнно должна бы имѣть центральное учрежденіе или хотя бы печатный органъ, вокругъ которого могли бы группироваться французскіе византинисты. Авторъ съ грустью говоритъ, что Франція, гдѣ начались занятія Византію, теперь уступаетъ Россіи и Германіи въ этомъ отношеніи. Любимая мысль Диля — чтобы французская академія занялась

изданіемъ собрания византійскихъ надписей. И это дѣло должно быть начато поскорѣе, иначе и съ нимъ случится то же, что со сборникомъ латинскихъ надписей: предположенный парижской академіей, онъ былъ изданъ академіей берлинской.

— Интеллектуальная исторія Сицилії. Сальво-ди-Піетроганцили, извѣстный въ Италии многими почтенными трудами по исторіи и древностямъ Сицилії, недавно окончилъ обширное сочиненіе въ трехъ томахъ объ интеллектуальной исторіи сицилійцевъ съ древнѣйшихъ временъ до половины настоящаго вѣка¹⁾, и, кромѣ того, дополнилъ эту исторію очеркомъ дальнѣйшаго умственнаго развитія своего отечества въ особыхъ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Сицилійскія революціи»²⁾. Признавая, что интеллектуальная исторія тѣсно связано съ политической и не можетъ служить отдѣльнымъ предметомъ изслѣдованія, авторъ подробно и рельефно рисуетъ послѣдовательныя картины чужеземныхъ завоевавій Сициліи прежде греками и византійцами, а потомъ норманнами, аравитянами, нѣмцами, французами и испанцами. Конечно, всѣ эти внѣшніе элементы значительно вліяли на развитіе національныхъ учрежденій и характера туземцевъ, но все-таки отличительная сицилійская индивидуальность сохранилась вполнѣ. На этой чертѣ исторіи своей родины Піетроганцили особенно настаиваетъ, и онъ приводить вѣскія доказательства своего мнѣнія, черпая ихъ въ языкахъ, обычаяхъ, преданіяхъ, народныхъ пѣсняхъ и литературѣ. Такъ въ современномъ сицилійскомъ языке, составляющемъ, по словамъ автора, самую чистую форму древняго осканскаго нарѣчія на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ, нельзя найти никакихъ слѣдовъ греческихъ, аравитянскихъ, французскихъ или испанскихъ словъ. Хотя испанскій языкъ въ продолженіе двухъ вѣковъ, отъ половины XVI до половины XVIII столѣтія, былъ офиціальнымъ въ Сициліи, но онъ никогда не проникъ въ народныя массы и теперь совсѣмъ исчезъ. Всего интереснѣе въ первомъ обширномъ трудѣ итальянскаго ученаго сообщаемыя имъ свѣдѣнія о томъ, что въ различныя эпохи интеллектуальная дѣятельность въ главнѣйшихъ сицилійскихъ городахъ была гораздо замѣчательнѣе, чѣмъ полагали до сихъ поръ. Даже въ древнія греческія времена существовали въ Сициліи школы, доступные для всѣхъ и содержимыя на общественный счетъ. Въ мусульманскій періодъ, обыкновенно считаемый варварскимъ, въ Палермо было 300 школьныхъ учителей и, кромѣ того, значительное число профессоровъ, которые читали публичныя лекціи по философіи, медицине, астрономіи, математикѣ и поэзіи. Норманскіе и швабскіе короли въ особенности Фридрихъ II славились во всей Европѣ литературной и художественной культурой, царившей при ихъ дворѣ. Въ XVII вѣкѣ философскій факультетъ Мессинскаго университета отличался болѣе здоровыми и передовыми взглядами, чѣмъ всѣ остальные университеты Европы, а въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія литературно-политическое развитіе Сициліи находилось на значительной высотѣ. Свой разсказъ о продолженіи интеллектуального развитія своего отечества отъ 1848 до 1860 г. Піетроганцили оживляетъ своими соб-

¹⁾ Salvo di Pietroganzili. *Storia delle Lettere in Sicilia*. Palermo. 1895—1899.

²⁾ Salvo di Pietroganzili. *Rivoluzioni Siciliane*. Palermo. 1899.

ственными воспоминаниями о событияхъ того времени. Эти воспоминанія очень интересны и выставляютъ автора, какъ человѣка, сумѣвшаго примирить превратность историческимъ правамъ своей родины съ патротическимъ пыломъ современного итальянца, охотно жертвуящеаго узкимъ мѣстнымъ партикуляризмомъ общему стремлению къ единству и свободѣ Апеннинского полуострова.

— Титанъ французской революціи. Обширная и богатая литература французской революціи обогатилась надняхъ не большимъ, но цѣннымъ вкладомъ. Умершій въ прошедшемъ году лекторъ Оксфордскаго университета, Беллокъ, резюмировалъ въ мастерскомъ очеркѣ всѣ новыя изслѣдованія французскихъ историковъ, въ особенности Олара, Бужара и Робинэ, о жизни и политической дѣятельности Дантонъ¹⁾. Долго историки изображали Дантонъ, котораго Карлайлъ называлъ «Мирабо-безштанниковъ», дикимъ тираномъ, руководившимся въ государственной дѣятельности одной смѣлостью и возбудившимъ всѣ ужасы террора, но въ послѣдніе годы новая французская историческая школа на основаніи бесспорныхъ документовъ доказала, что Дантонъ былъ титаномъ революціи и, посвятивъ свою удивительную энергию на служеніе революціонной идеѣ, спасъ Францію отъ чужеземного нашествія и роялистическихъ интригъ. Этотъ трезвый безпристрастный взглядъ на крупную историческую личность никогда еще не былъ высказанъ въ такой конкретной, сжатой формѣ, какъ въ очеркѣ англійскаго ученаго, который и называется свой трудъ не биографіей, а изслѣдованіемъ. Особенно рельефно, логично и вполнѣ фактически опровергаетъ Беллокъ главное обвиненіе, предъявляемое противъ Дантонъ, именно въ томъ, что онъ причинилъ сентябрьскіе ужасы, окончившіеся избиеніемъ 12.000 жертвъ, хотя теперь доказано, что тогда убито было болѣе 900 и менѣе 1.000 человѣкъ. «Никакая человѣческая сила,— говорилъ самъ Дантонъ,— не могла бы остановить этой катастрофы». Дѣйствительно, лѣтомъ 1792 года народное воображеніе во Франціи было воспламенено до послѣдней степени страхомъ чужеземного вторженія и подозрѣніемъ, что защитники отечества хотѣли ему измѣнить. Дерзкій манифестъ герцога Брауншвейгскаго угрожалъ немедленной смертью всѣмъ французамъ, которые осмѣлились бы противодѣйствовать побѣдосному шествію союзныхъ войскъ, уже занимавшихъ пограничные города. Тысячи эмigrantовъ находились въ рядахъ чужеземной арміи подъ начальствомъ братьевъ короля, а самъ король и королева обнаружили свое сочувствіе къ врагамъ Франціи попыткой достигнуть въ тайне Рейнскаго берега. Лонви былъ взятъ 23 августа австрійскимъ генераломъ Клерфейтомъ, а Верденъ—2 сентября прусскимъ королемъ, который заявилъ о своемъ намѣреніи прямо идти въ Парижъ. Естественно, что когда эти извѣстія достигли Парижа, то его населеніе дошло до безумія отъ страха наступавшаго непріятеля и недовѣрія къ аристократамъ и клерикаламъ, явно сочувствовавшимъ тѣмъ эmigrantамъ, которые вели чужестранныя войска на свою родину. Вотъ каково было народное настроеніе, когда произошла сентябрьская рѣзня, и Беллокъ, рассказывая этотъ мрачной эпизодъ исторіи революціи, хотя и доказываетъ, что факты не подтверждаютъ, чтобы Дантонъ организовалъ эту рѣзню или руководилъ ею, но

¹⁾ Danton, a study, by Hilacre Relloc. London. 1899.

вполнѣ безпристрастно рисуетъ его роль въ означенномъ событіи. «Дантонъ могъ возвысить свой голосъ противъ этой рѣзни,—говорить англійскій историкъ. Пользуясь своей громадной популярностью, этотъ энергичный и здравомыслящій человѣкъ могъ посвятить всѣ свои силы на то, чтобы помѣшать вспышкѣ народнаго гнѣва. Я не отрицаю, что его умомъ могъ овладѣть пламенный гнѣвъ, возбужденный манифестомъ герцога Брауншвейгскаго и интригами эмигрантовъ, какъ это дѣйствительно было съ громадной массой парижанъ, которые, благодаря этому чувству, воздержались отъ всякаго вмѣшательства и предоставили дѣйствовать группѣ убийцъ. Но что подобное проглядываетъ въ приписываемыхъ Дантону г-жею Ролланъ словахъ, которая будто бы онъ сказалъ на слѣдующій день, говоря объ узникахъ: «Они могли спастись бѣгствомъ». Но это анекдотъ, а не исторія, и въ немъ слышится обвиненіе, предъявленное врагомъ. Былъ другой и лучшій мотивъ, которымъ можно объяснить его поведеніе. Если бы Дантонъ возсталъ и началъ говорить противъ рѣзни, то онъ поставилъ бы все на карту, а если бы ему не удалось устраниТЬ рѣзню, то онъ пересталъ бы быть Дантономъ». Или, иными словами, если бы Дантонъ возвысилъ свой могучій голосъ противъ рѣзни безъ всякаго успѣха, то наступилъ бы конецъ его личному вліянію, а онъ считалъ, что оно было необходимо для установленія энергичнаго правительства, которое одно могло спасти родину въ наступившемъ кризисѣ. «Пусть мое имя будетъ покрыто позоромъ,— говорилъ онъ:—но Франція свободна!». Подобные люди, по замѣчанію Беллока, создаются подъемомъ народнаго духа, но вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ. Дантонъ погибъ на эшафотѣ 5 апрѣля 1794 года, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ казненъ былъ Робеспьеръ, но смерть того и другого не объясняется реакцией противъ жестокаго деспотизма, какъ увѣряли прежніе историки, но тѣмъ простымъ фактамъ, что Франція была спасена, и не было уже болѣе надобности въ исключительныхъ энергичныхъ мѣрахъ противъ чужеземнаго вторженія извѣнѣ и политической измѣны внутри, чѣмъ воспользовались корыстные честолюбцы въ родѣ Барра и компаний для устраненія отъ власти неподкупныхъ титановъ революціи.

— Наполеонъ I подъ Тулономъ. Въ настоящее время вышелъ третій томъ книги Артура Шюке, о второмъ выпускѣ которой упоминалось въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ (т. LXXV, стр. 722—723). Весь томъ посвященъ участію Наполеона въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Тулона¹⁾). А. Шюке даетъ сначала картину того времени, когда весь югъ возсталъ противъ террористовъ и находился въ сильнѣйшемъ движеніи. Городъ Тулонъ, отказавшись отъ повиновенія конвенту, передался англичанамъ. Молодой Бонапартъ, который около этого времени, остановился поужинать въ гостиницѣ въ Бокэрѣ, въ ярмарочный день, встрѣтилъ здѣсь нѣсколько южанъ, съ которыми вступилъ въ разговоръ. Этотъ разговоръ показался ему до того замѣчательнымъ, что онъ его напечаталъ въ «Courrier d'Avignon» подъ заглавіемъ: «Ужинъ въ Бокэрѣ или разговоръ между военнымъ изъ арміи Карто, марсельцемъ, нѣмцемъ и фабрикантомъ изъ Монпелье». Марселецъ, называв-

¹⁾ La jeunesse de Napoléon; Toulon, par Arthur Chuquet. Paris. Armand Colin. 1899.

шій себя жирондистомъ и представляющій собою, прежде всего, сенарата, такимъ образомъ въ этомъ діалогѣ объясняеть причины возстанія юга: «Силенъ всякий, кто рѣшился умереть, а мы на это рѣшились скорѣе, чѣмъ вернуться подъ ярмо этихъ кровожадныхъ людей, управляющихъ государствомъ... Утопающій хватается за вѣтви, какія можетъ достать. Такъ же и мы, раньше чѣмъ дать себя перерѣзать, раньше чѣмъ подчиниться такимъ людямъ, готовы на и послѣднюю крайность. Мы передадимся непріятелю! Мы призовемъ испанцевъ. Иѣть народа, котораго нравъ былъ бы столь же кротокъ, какъ нашъ, но иѣть и болѣе способного на ненависть. Судите по тѣмъ жертвамъ, которыхъ мы приносимъ, о томъ, какъ дурны тѣ, кого мы боимся». Банды вооруженныхъ южанъ бродили по Провансу. Отрядъ марсельцевъ, стоявшій у Авиньона, былъ вытѣсненъ оттуда Карто и передъ штыками республиканской арміи долженъ былъ отступить въ Шатонефъ. Майоръ Доммартэнъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ, что марсельцы въ неудержимымъ бѣгствѣ «исчезли, какъ китайскія тѣни». Во всякомъ случаѣ, въ небольшой войнѣ на югѣ не было недостатка ни въ крови, ни въ слезахъ. Это была война, похожая на вандейскую, и болѣе, чѣмъ одинъ разъ, «бѣлые дороги покрывались красными пятнами отъ крови». Такъ какъ жители Иль-де-Соргъ убили трубача, посланного въ качествѣ парламентера, этотъ маленький городъ былъ взятъ штурмомъ легіонерами республики. «Ворота были сожжены, разсказываетъ генераль Дошпѣ, и я вошелъ въ городъ; всѣ офицеры видѣли, какъ я старался прекратить грабежи, но солдаты были слишкомъ возмущены». Конвентъ былъ сильно раздраженъ провинціальнымъ сенаратизмомъ, который наносилъ громадный вредъ странѣ, всѣ границы которой находились въ опасности. Депутаты Альбиттъ, Роверь и Путье слѣдовали за колонною генерала Карто, съ порученiemъ строго наказать «федералистовъ и децентрализаторовъ». «Слѣдуетъ, говорилъ Дантонъ о марсельцахъ, дать хорошій урокъ этой купеческой аристократіи». «Мы должны, прибавлялъ онъ, показаться столь же страшными кущамъ, какъ и священникамъ и аристократамъ». Сообразно этому депутаты Фреронъ, Барра, Рикоръ и Салицетти отнеслись къ Марсели почти такъ же, какъ депутатъ Кутонъ съ товарищами въ свое время къ Ліону. Въ Національномъ архивѣ въ Парижѣ сохраняется документъ, составленный въ такихъ выраженіяхъ: «Имя Марсели, которое носить этотъ преступный городъ, будеть измѣнено. Національный конвентъ дастъ ему современемъ другое название. Пока городъ пусть остается безъ имени»... Этотъ документъ помѣченъ 17-ымъ числомъ нивоза II-го года республики. Такъ какъ этого «морального» наказанія оказалось мало, то рѣшено было изгнать изъ Марселя наиболѣе беспокойныхъ гражданъ. Дѣло съ Тулономъ было гораздо серьезнѣе. Тулонцы защищены были отъ регулярной арміи артиллеріею своихъ фортовъ и английскими пушками. Тулонъ въ то время считался одною изъ наиболѣе сильныхъ крѣпостей въ мірѣ. Дю-Тейль, командовавшій артиллеріею итальянской арміи, осмотрѣвъ береговыя укрѣпленія, рѣшилъ, что эта военная гавань со своими бастионами и редутами, полевыми батареями и хорошо защищеннымъ рѣйдомъ не можетъ быть взята. Къ тому же, англичане имѣли время высадить десантъ. Разнаго рода береговыми сооруженіями сумѣли они поставить свой флотъ въ дѣйствія непріятельского огня. Отрядъ ихъ стрѣлковъ,

высаженныхъ на берегъ, былъ помѣщенъ такъ, что могъ свободно обстрѣливать всѣ высоты, господствовавшія надъ Тулономъ. Генералу Карто пришлось вступить въ первую битву 7 сентября, чтобы овладѣть мѣстечкомъ Оліуль на дорогѣ изъ Тулона въ Марсель. Во время этой битвы баталіонный командиръ Доммартэнъ, командовавшій артиллерію, былъ раненъ пулею въ тотъ моментъ, какъ онъ наводилъ пушку. Это былъ выдающійся офицеръ, произведенный въ поручики въ 1785 году, одновременно съ Бонапартомъ. Нужно было замѣнить его, что было несложно. Въ этотъ самый моментъ молодой корсиканскій офицеръ, случайно находившійся здѣсь, счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ депутату Салицетти, который также былъ изъ Корсики. Таково было начало удачъ Наполеона. Вліятельный избиратель, на родинѣ своей участвовавшій въ разнообразнѣйшихъ интригахъ, онъ, по рекомендации депутата, славившагося своей «легкою рукою», сразу выдвинулся и попалъ въ почетъ. Какъ относился къ нему генераль Карто, объ этомъ говорять различно. По словамъ Барра, этотъ генераль самъ ничего не значиль въ войскѣ; все вліяніе принадлежало его женѣ, будто бы подписывавшей даже бумаги за него. Рѣзкій тонъ Бонапарта не нравился генералу, и онъ жаловался, что артиллерія выпала изъ повиновенія. Какъ разсказываетъ майоръ Доммартэнъ въ своихъ письмахъ, жена Карто неоднократно уговаривала своего мужа: «предоставь полную свободу этому молодому человѣку, который знаетъ гораздо больше тебя; онъ у тебя ничего не просить, онъ отдаетъ тебѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и слава остается за тобою; если же онъ надѣлаетъ ошибокъ, то вся вина падетъ на него одного». Депутатъ Салицетти и его коллега Гаспарэнъ открыто поддерживали молодого артиллерійского капитана. Они были на его сторонѣ тѣмъ болѣе охотно, что его гражданское чувство и «якобинизмъ» его, по крайней мѣрѣ на словахъ, не уступали республиканскимъ доблестямъ санкюлотта Карто. Авторъ «Ужина въ Бокэрѣ», журналистъ и артиллеристъ, отдыхалъ отъ службы при батареяхъ, произнося декламаціи противъ тирановъ и ихъ «сейдовъ». Революціонеръ и патріотъ, онъ прославлялъ, въ стилѣ своего времени, національную армію, «сто разъ омытую кровью бѣшеныхъ аристократовъ и свирѣпыхъ пруссаковъ». Лиризмъ монтаньяра подъ перомъ его смежался съ техническою точностью выражений ученика военного училища. То онъ обращался къ муниципалиту Буссе съ требованиями о присылкѣ фашиинника и т. п., то импровизировалъ рѣчи, въ которыхъ хотѣлъ заставить понять мятежниковъ Тулона всѣ прелести свободы. Но главное вниманіе его было обращено на улучшеніе артиллеріи. Онъ привелъ въ порядокъ марсельскій арсеналъ, который расхищался самими хранителями его. Бонапартъ поставилъ во главѣ арсенала артиллерійскаго майора, который при помощи «марсельскихъ санкюлоттовъ», какъ сказано въ официальномъ документѣ, привелъ его въ порядокъ. «Генералы» доставляли больше всего заботы Бонапарту, особенно Карто, который вмѣшивался во все, не признавая распоряженій Бонапарта, считая его неспособнымъ и «грубіяномъ». Безъ помощи депутатовъ конвента, Бонапарту врядъ ли удалось бы освободиться изъ-подъ власти Карто, и Тулонъ остался бы невзятымъ. Благодаря Салицетти и Гаспарену, Карто въ октябрѣ 1793 получилъ порученіе принять подъ свое начальство итальянскую армію и отправиться въ Ниццу. Послѣ короткаго перерыва

во власти, управление армиею было передано генералу Доппè, который раньше былъ врачемъ; онъ однако отказался отъ начальства, послѣ чего въ главную квартиру въ Оліуль прибыль генераль Дюгоммье, старый вояка временъ семилѣтней и американской войны. Дюгоммье любилъ «работниковъ», и дѣятельный Бонапартъ вскорѣ получилъ отъ него полную свободу дѣйствій и могъ привести свои планы въ исполненіе: 18 декабря Тулонъ былъ взяты, англичане были изгнаны, и имя Бонапарта стало историческимъ. Позже, на островѣ святой Елены, императоръ Наполеонъ, вспоминая обѣ осады Тулона, сдѣлалъ такого рода добавочную статью къ своему завѣщанію: «Мы оставляемъ сумму въ сто тысяч франковъ сыну или внуку генерала Дюгоммье, бывшаго главнокомандующимъ армиею передъ Тулономъ. Подъ его начальствомъ мы управляли этой осадою и командовали артиллерию. Это свидѣтельство памяти о тѣхъ доказательствахъуваженія, преданности и дружбы, которая намъ далъ этотъ бравый и неустрашимый генералъ». Въ этомъ же завѣщаніи императоръ не забылъ упомянуть и о роли депутатовъ конвента: «Мы оставляемъ,—читаемъ мы здѣсь,—сто тысяч франковъ сыну или внуку депутата Гаспарэна, бывшаго представителемъ народа въ тулонской арміи, за то, что онъ защитилъ и санкционировалъ своимъ авторитетомъ нашъ планъ осады. Гаспарэнъ, своею защищтою, поставилъ насъ въ опасности преслѣдований и невѣжества начальниковъ штаба, смѣнявшихся на этой должности до прибытія Дюгоммье». Взятие Тулона является послѣднимъ эпизодомъ въ «молодости» Наполеона, которую изображаетъ въ своемъ трехтомномъ изслѣдованіи А. Шюке.

— Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ. Мина Черазъ, редакторъ журнала «Arménie», напечаталъ въ «Revue des Revues» армянскую легенду о Наполеонѣ I, слышанную имъ въ Константинополь отъ старого армянского купца, не умѣющаго ни читать, ни писать, и всѣми своими знаніями обязаннаго разговорамъ въ стамбульскихъ кофейняхъ и харчевняхъ¹⁾. «Бонапартъ, — гласить эта легенда, — родился во Франції. Онъ завоевалъ Египетъ, который потомъ вновь завоеванъ былъ арабами, при чмъ они убили столько французскихъ солдатъ, что груда тѣлъ ихъ достигла высоты минарета. Бонапартъ былъ герой; онъ завоевалъ весь міръ. Онъ захотѣлъ завоевать и Россію. Онъ сдѣлалъ вторженіе въ нее съ семью стами тысячъ солдатъ, съ лошадьми и пушками. Русскіе генералы держали совѣтъ и не знали, какой имъ принять планъ дѣйствій. Тогда старый генераль, армянского происхожденія, прибылъ изъ Сибири, куда царь сослалъ его за его либеральные взгляды, предложилъ скечь Петрополь (Петербургъ) и другіе города и отступить внутрь Россіи, чтобы уничтожить непріятеля голодомъ и сурвостью климата. Всѣ генералы приложили свои печати внизу этого проекта, и старику было поручено привести его въ исполненіе. Когда Бонапартъ увидѣлъ, что города превращены въ пепель, онъ удивился ловкости плана и сказалъ окружающимъ: «Не думаю, чтобы русскіе мужики могли выдумать эту военную хитрость. Я подозрѣваю, что здѣсь кроется замыселъ какого нибудь старого армянина». Француз-

¹⁾ Minas Tchératz, «Napoléon Bonaparte dans les légendes arméniennes» (*«Rev. des Revues»*, 1899, 1 mars).

ская армія все время подвигалась впередь, не встрѣчая, однако, ни одного русского солдата. Все было пустынно. Приближалась зима; какъ провести ее въ странѣ, где не было крова? У Бонапарта былъ большой плащъ, онъ надѣвалъ его каждый вечеръ и упорно глядѣлъ на звѣзды до утра, чтобы изслѣдовать ходъ временъ года. Вслѣдствіе наблюденія звѣздъ, глаза его сдѣлились косыми. Наконецъ, онъ однажды потребовалъ свой большой плащъ и надѣлъ его послѣшно, не дожидаясь начала ночи; онъ зналъ, что немедленно пойдетъ снѣгъ. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ снѣгъ и, притомъ, въ такомъ количествѣ, что всѣ пути сообщенія для арміи были отрѣзаны, и стало невозможно запа-саться провизію. Войска Бонапарта принуждены были начать ъсть своихъ лошадей. Многіе солдаты разрѣзали живѣты своихъ лошадей и залѣзали въ нихъ, чтобы согрѣться. Послѣ того, какъ большая часть войска пала, старый генераль окружилъ то, что осталось отъ французской арміи, и взялъ въ плѣнъ Бонапарта, величайшаго царя въ мірѣ. Царь хотѣлъ вознаградить стараго генерала, помиловавъ его и оказавъ ему разныя милости, но опальный арманинъ отказался и вернулся въ Сибирь, повинуясь раньше полученному отъ государя приказанію. Государь тогда велѣлъ ослыпить Бонапарта раскаленнымъ желѣзомъ. Его помѣстили во дворецъ, где онъ долженъ былъ оставаться до самой своей смерти. Два русскихъ жандарма стояли все время на стражѣ передъ его комнатою. Бонапартъ былъ человѣкъ необыкновенной смѣлости и ловкости. Онъ однажды объявилъ жандармамъ, что чувствуетъ приближеніе смерти; онъ просилъ ихъ поэтому пойти отыскать священника, такъ какъ онъ хотѣлъ исповѣдаться и причаститься. Жандармы призвали попа и оставили его одного съ пѣнникомъ, затворивъ дверь комнаты. Бонапартъ, который былъ католикомъ, задушилъ священника, надѣль его монашескую одежду, оставилъ дворецъ и Россію и, несмотря на то, что былъ слѣпъ, добрался до Англіи, где онъ, въ концѣ концовъ, умеръ. Передъ смертью онъ завѣщалъ такой совѣтъ: непріятели Россіи не должны нападать на нее со стороны западнаго моря, такъ какъ съ этой стороны она непобѣдима, но со стороны Чернаго моря. Этимъ совѣтомъ воспользовались во время Крымской войны». По словамъ М. Чераза, эта легенда была записана имъ въ промежуткѣ между 1865 — 1889 годами, во время путешествія на Востокѣ; до сихъ поръ она еще ни разу не появлялась въ печати.

— Эпизодъ изъ временъ берлинской революціи 1848 года. Въ одномъ изъ №№ газеты «Temps» за мартъ нынѣшняго года разсказывается мало извѣстный эпизодъ изъ истории революціи 1848 года въ Берлинѣ, когда принцъ Вильгельмъ прусскій, который былъ весьма непопуляренъ въ столицѣ, долженъ былъ бѣжать изъ города¹⁾). Объ этомъ бѣгствѣ имѣется слѣдующій разсказъ дочери садовника съ такъ называемаго Павлиньяго острова, расположенного на сѣвероистокѣ отъ Потсдама у королевскаго дворца: «Отзвукъ парижской революціи раздался въ Берлинѣ съ большой силою. Послѣ четырехдневной битвы, королю пришлось уступить возставшимъ, провозгласить перемиріе и избрать министромъ Кампгаузена, главу либеральной оппо-

¹⁾ Un souvenir du 21 mars 1848 (Temps, 1899, № 928).

зици. Какъ разъ 18 марта я, — рассказываетъ очевидица, — пошла въ Потсдамъ вмѣстѣ съ моими сестрами. Намъ нужно было взять урокъ танцевъ, но учитель отослалъ насъ обратно, сказавъ, что въ Берлинѣ революція. Когда мы пришли домой, наша мать, женщина умная и просвѣщенная, сказала намъ: «Дѣти мои, намъ слѣдуетъ принять мѣры, какъ принять гостей. Преданность нашей семьи давно извѣстна. Вы можете быть увѣрены, что король станетъ искать убѣжища у насъ, если ему придется оставить Берлинъ». Тотчасъ мы принялись провѣтривать и чистить комнаты. На другой день мы отправились въ городъ и закупили всякаго рода провизіи, особенно рыбы и мяса. Въ ночь, съ 20 на 21 марта, безъ десяти минутъ въ три часа, я услышала, какъ сестра моя говоритъ: «Я не могу выйти, я не одѣта». — «Дѣло идетъ о спасеніи человѣка», — отвѣчалъ голось снаружи. Я тотчасъ спрыгнула съ моей постели, отворила двери дома и оказалась лицомъ къ лицу съ дамой, въ которой немедленно узнала принцессу (позднѣйшую императрицу) Августу. Въ это же мгновеніе прибѣжалъ и отецъ мой; она протянула ему обѣ руки и сказала ему: «Я вамъ довѣраю то, что мнѣ всего дороже: будетъ ли принцъ у васъ въ безопасности?» Когда отецъ мой поклялся, что готовъ умереть за своихъ господъ, принцесса повела его къ пристани, гдѣ какъ разъ стояла барка. Была свѣтлая лунная ночь; я тотчасъ узнала принца по его высокому росту и по сѣрой шинели. Много лицъ находилось при немъ, а изъ лодки вынимали безконечное количество чемодановъ и пакетовъ. Въ этотъ моментъ прибѣжалъ перевозчикъ, разбуженный шумомъ. Принцъ велѣлъ ему поклясться, что онъ не откроется никому видѣннаго имъ, а затѣмъ къ нашему дому направились слѣдующія лица: принцъ, принцесса, графиня Оріолла, г-жа фонъ-Нейдорфъ и камердинеръ принца Кругъ. Два офицера и два артиллериста изъ Шпандау были помѣщены во дворцѣ. Принцъ занялъ комнату моего отца; онъ былъ такъ утомленъ, что немедленно же заснуль на диванѣ. Дамы почти всю ночь провели въ нашей комнатѣ. Въ слѣдующую ночь принцесса спала въ комнатѣ моихъ родителей, съ графинею Оріолла, а г-жа фонъ-Нейдорфъ помѣстилась въ сосѣдней комнатѣ. Передняя была завалена чемоданами и узлами. Что касается барки, то ее затопили. Она была вытащена уже много позже этихъ событий. Охрана была устроена по-военному. Каждое утро принцъ сообщалъ моему отцу лозунгъ. Тѣ, кто желали быть допущенными, должны были знать этотъ лозунгъ и въ то же время подать записку на имя г-на Эльрихса (псевдонимъ принца). Съ виду, нашъ образъ жизни никакъ не измѣнился, такъ какъ принцъ рѣшительно воспрѣтилъѣздить въ городъ за провизією. Въ первый день, съ ранняго утра, одинъ изъ артиллерийскихъ офицеровъ хотѣлъ стать въ дверяхъ, съ пистолетомъ въ рукѣ. Моя мать, однако, уговорила его не дѣлать этого, справедливо замѣтивъ, что единственныи напи посѣтители представляли собою людей, приходившихъ покупать молоко. Замѣчательная особенность: 21-го марта былъ день рожденія принца. Камердинеръ Кругъ первый рѣшился поздравить своего господина. Графиня Оріолла просила мою мать одолжить ей свѣтлое платье, такъ какъ она въ этотъ день не хотѣла представляться въ черномъ. Принцъ Фридрихъ (позже императоръ Фридрихъ III) и принцесса Луиза (потомъ великая герцогиня баденская) пришли съ массою лицъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Утромъ, когда я вошла

въ комнату, чтобы спросить, все ли въ порядке, и посмотреть за огнемъ, я увидѣла наслѣдную принцессу, сидѣвшую въ голубомъ шелковомъ платьѣ на диванѣ и горько плакавшую. (Раньше она въ эти два дня ни разу не плакала). Графиня Оріолла каждое мгновеніе подавала ей новые носовые платки. Принцъ Фридрихъ стоялъ, прислонившись къ столу, закрывъ лицо руками. Принцесса Луиза въ красномъ клѣтчатомъ платьѣ, сидѣла на табуретѣ передъ фортепіано. Черезъ нѣкоторое время я вернулась и застала у дверей принца Карла (брата принца Вильгельма), въ костюмѣ, невообразимо изношенномъ. «Барышня, скажаль онъ мнѣ, я страшно голоденъ, не можете ли мнѣ дать поѣсть?» Несчастный принцъ пришелъ пѣшкомъ изъ дворца въ Глинеке. Оправившись, онъ вошелъ въ комнату брата. Обѣдъ въ этотъ день состоялъ изъ картофельного супа, угри, жареной телятины и пудинга съ подливкою изъ фруктовъ. Благодаря моей матери, у нашихъ гостей ни въ чемъ не было недостатка, и наше меню имъ даже такъ понравилось, что принцесса, когда она потомъ поселилась въ Бабельсбергѣ, попросила у нея рецептъ этого пудинга. Рѣшено было, что принцъ 23 отправится въ Англію (въ новозѣ моего отца и на нашихъ лошадяхъ до Науэна, а оттуда до Гамбурга на почтовыхъ). Отъездъ совершился въ назначенный день. Луна свѣтила очень ярко, когда принцъ пустился въ путь. Ихъ величества сѣли въ лодку, которая должна была перевезти ихъ на другой берегъ Гавеля; во время переѣзда принцесса все время рыдала. Наконецъ, настало время разлуки, принцъ отправился въ Англію, а супруга его поселилась въ Бабельсбергѣ, гдѣ она провела лѣто безъ всякихъ непрѣятностей. Наши высокопоставленные гости не остались неблагодарными къ моему отцу. 18 октября того же года принцъ написалъ моему отцу письмо, полное изъявленій признательности, и прислалъ ему свой бюстъ изъ бронзы. Многимъ позже, когда для отца настала часъ отставки, король сообщилъ ему, что жалованье будетъ сохранено ему до самой его смерти, и что онъ можетъ помѣститься при томъ изъ королевскихъ замковъ, который онъ самъ изберетъ».

— Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ. Въ одномъ изъ номеровъ газеты «*Berliner Tageblatt*» за истекшій мѣсяцъ появилась небольшая выдержка изъ новаго, еще не вышедшаго изъ печати изданія Морица Буша «*Tagebuchblätter*»¹⁾. Въ выдержкѣ этой приводится донесеніе извѣстнаго по воспоминаніямъ о Бисмаркѣ Лотара Бухера, которому пришлось объяснять передъ княземъ Бисмаркомъ, каковы были отношенія его къ Лассалю; пѣ-за связей съ этимъ послѣднимъ Бухеру не хотѣли давать давно желаемое имъ званіе *Legationsrat*'а. Приводимъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, разсказъ Бухера: «Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Англіи, въ маѣ 1861 года я впервые увидѣлъ Лассалля на засѣданіи философскаго общества. Онъ съ большою любезностью встрѣтилъ меня, нѣсколько разъ сославшись на мою дѣятельность въ «*Nationalzeitung*» и на мой разрывъ съ нею, въ виду несогласія моего съ тогданимъ ея направлениемъ. Послѣ того, какъ мы еще разъ встрѣтились въ одной семье, онъ пригласилъ меня къ себѣ. При той славѣ, которой онъ пользовался въ берлинскомъ обществѣ, я, несмотря на интересъ его бѣздѣйствия, очень неохотно по-

¹⁾ «*Bucher und Lassale*». — «*Berliner Tageblatt*», 13 März 1899, № 133
«истор. вѣстн.», апрѣль, 1899 г., т. lxxvi.

слѣдовалъ приглашенню и въ сношеніяхъ съ нимъ соблюдалъ извѣстную осторожность, что, однако, при его несомнѣнномъ дружелюбіи ко мнѣ, иногда мнѣ казалось несправедливостью съ моей стороны. Увидавъ, однако, что среди гостей Лассала были лица, въ родѣ тайного совѣтника Бѣка, генерала Пфюля, тайного совѣтника Фрерихса и другихъ, и узнавъ, что онъ переписывается съ важнѣйшими авторитетами въ философіи, я рѣшился не обращать вниманія на отношенія другихъ моихъ знакомыхъ. Около Рождества 1861 года, Лассаль сдѣлалъ попытку привлечь меня къ агитации, которую онъ тогда имѣлъ въ виду; я видѣлъ въ его взглядахъ неправильность и изложилъ по этому поводу свои мысли письменно, такъ какъ устно я не въ силахъ былъ спорить съ ihmъ. Ошибка Лассала была не нова для меня; я наблюдалъ ее и у другихъ гегеліанцевъ, и она совершенно естественно объясняется изъ сущности гегелевской философіи, которая, какъ извѣстно, берется доказать параллельную идентичность между развитіемъ понятія въ чистомъ мышленіи и явленіями природы и событиями въ исторіи. Лассаль не относился пренебрежительно къ моимъ замѣчаніямъ. Я помню, на него большое впечатлѣніе произвело указанное мною ему мѣсто въ «Воспитаніи рода человѣческаго» Лессинга: «Мечтатель часто вѣрно предугадываетъ будущее, но онъ не въ состояніи воспользоваться этимъ. Онъ желаетъ ускорить наступленіе будущаго, и желаетъ, чтобы ускореніе это произошло, благодаря ему. Для чего природѣ нужны тысячи лѣтія, должно созрѣть въ мгновеніе его существованія». Онъ много размышлялъ, но влияніе другой страстной личности одержало верхъ, и онъ бросился на агитацию съ надеждою еще увидѣть побѣду, какъ онъ часто высказывалъ это друзьямъ. Онъ началъ агитацию, какъ политическую, но уже черезъ годъ перенесъ ее на экономическую почву. Въ политической агитации я вовсе не участвовалъ, а въ экономической принялъ участіе краткимъ извлечениемъ изъ того, что я за много лѣтъ написалъ противъ манчестерской школы. О событияхъ послѣднихъ четырехъ недѣль его жизни я узналъ только послѣ его смерти. Завѣщаніе его, полное доказательствъ дружественныхъ чувствъ его ко мнѣ, поставило меня въ очень щекотливое положеніе. Его естественные наследники, мать и сестра, къ которымъ онъ, какъ мнѣ извѣстно, всегда относился съ сыновней и братской любовью, у смертнаго одра его вступили въ рѣзкій споръ съ графинею Гацфельдтъ и полковникомъ Рюстовомъ. Мать, прибывшая до открытия завѣщанія, въ качествѣ естественной наследницы, вступила во владѣніе наследствомъ. Начался процессъ, грозившій затянуться, такъ какъ женевскія власти отказывались переслать сюда подлинникъ завѣщанія для засвидѣтельствованія его и для сліченія подписи... Прибыть въ Дюссельдорфъ, графиня Гацфельдтъ, окруженная портретами, посмертной маскою, письмами и реликвіями покойнаго, ежедневно все болѣе погружалась въ воспоминанія о немъ, въ продолженіи того, что онъ оставилъ незаконченнымъ. Чтобы понять развитіе ея мыслей и точку зреенія, къ которой она, въ концѣ концовъ, пришла, слѣдуетъ вспомнить, что Лассаль въ большомъ своемъ труде по исторіи права далъ новое объясненіе римского наследственного права, согласно которому инстинктивная мысль римского наследственного права была та, чтобы увѣковѣчить волю и даже упрямство завѣщателя; не нужно забывать также, что эта замѣчательная

женщина принимала съ полнымъ пониманіемъ участіе во всѣхъ работахъ своего друга. Между рукописями я находилъ выписки изъ Согріус juris, сдѣланныя ея рукою. Предполагая, что и она не только наслѣдница, но и продолжательница воли покойнаго, графиня направилась въ Бреславль и хотѣла заставить вдову Лассаль дать ей распорядиться наслѣдствомъ сообразно волѣ умершаго. Вскорѣ послѣ этого, уполномоченный отъ госпожи Лассаль прибылъ ко мнѣ съ предложеніемъ о добровольномъ соглашеніи. Соглашеніе разрѣшило графинѣ все, что ей было завѣщано Лассалемъ, и только Рюстову и Гервегу, тѣжко оскорбившимъ мать и сестру Лассаля, предоставлено было искать своей доли судомъ. Былъ, однако, одинъ пунктъ, котораго нельзѧ было решить такъ просто, какъ имущественный вопросъ, и этотъ-то пунктъ поставилъ меня въ непріятнѣйшую дилемму и навлекъ на меня сплынѣвшую ненависть графини Гацфельдтъ. Дѣло было въ перепискѣ покойнаго, которую онъ завѣщалъ ей. Если бы его послѣдняя воля была немедленно исполнена, какъ онъ самъ это, вѣроятно, предполагалъ, и если бы мои душеприказчики немедленно получили въ свое распоряженіе наслѣдство, то мы передали бы графинѣ пакетъ, содержащий письма, и на насть бы не падало никакой ответственности. Теперь же бумаги, запакованныя съ другими предметами въ два ящика, попали въ наши руки, послѣ того, какъ состоялось соглашеніе. Пришлося поневолѣ просмотрѣть ихъ. Входя въ интересы графини Гацфельдтъ, я предложилъ другому душеприказчику, Гольтгоффу, возложить на меня всю ответственность за приведеніе въ порядокъ и выдачу бумагъ. Я зналъ, что у покойнаго хранится много документовъ графини, зналъ также, что она недовѣрчиво относилась къ Гольтгоффу, какъ къ политическому противнику и другу семьи Деннигесъ, и часто съ нимъ ссорилась. Поэтому я предположилъ, что ей было бы непріятно, если бы онъ просмотрѣлъ ея документы. Г. Гольтгоффъ охотно принялъ мое предложеніе и не имѣлъ никакого дѣла съ бумагами. Акты и пакеты, которые по надписи или по почерку можно было признать принадлежащими графинѣ Гацфельдтъ, я и не вскрывалъ. Нѣкоторыхъ писемъ Лассаля къ его родственникамъ, писемъ, о которыхъ графиня мнѣ говорила, уже не имѣлось совершенно. Зато попалось нѣсколько другихъ связокъ, которыхъ, по надписямъ завѣщателя, относились къ связямъ съ женщинами, и существенное содержаніе которыхъ я, въ отдѣльныхъ случаяхъ, могъ угадать съ точностью. Опубликованіе этихъ писемъ возобновило бы забытые и прощенныя скандалы и раскрыло бы оставшееся неизгѣстнымъ. Графиня Гацфельдтъ говорила людямъ, на которыхъ я при случай могъ сослаться, что она считаетъ себя въ правѣ опубликовать подобного рода переписку покойнаго, и что она, навѣрное, это сдѣлаетъ по отношенію къ одной дамѣ. Поэтому было невозможно передать ей эти письма. Если я и не былъ нравственно обязанъ исправить зло, сдѣланное моимъ покойнымъ другомъ, сохранившимъ подобныя письма, зато я нравственно былъ обязанъ къ этому передъ остальными участниками, даже если я и подвергъ бы себя еще инымъ юридическимъ послѣдствіямъ, кромѣ жалобы о возмѣщении убытковъ. Я долженъ быть рѣшиться скечь эти письма. Что я это сдѣлалъ, я лично сообщилъ графинѣ Гацфельдтъ». При письмѣ Бухера было приложено еще нѣсколько оправдательныхъ документовъ. Всѣ вмѣстѣ они при-

бавляютъ небезъинтересную страницу къ тому, что уже пзвѣстно изъ имѣю-
щихся біографій Лассала.

— Изъ записокъ американского генерала. Въ «The Century» по-
явилась интересные выдержки изъ дневника знаменитаго американского воена-
чальника временъ союзной войны, генерала Шермана, касающіяся путешествія,
въ 1871—1872 годахъ, совершенаго генераломъ по Испаніи, Италии, Египту
и Турції¹⁾. Генераль Шерманъ предпринялъ это путешествіе вмѣстѣ съ сыномъ
президента Гранта и довольно значительнымъ числомъ лицъ изъ высшихъ
военныхъ и административныхъ сферъ Штатовъ. Въ дневникѣ своемъ путе-
шественникъ отмѣчалъ лишь тѣ события поѣздки, которыя ему казалось по-
чему либо важными отмѣтить: поэтому за цѣлыхъ недѣли у него подчасъ не ока-
зывается никакихъ замѣтокъ. Въ Мадридѣ Шерманъ видѣлся съ королемъ
Амедеемъ, вторымъ сыномъ Виктора-Эмануила, черезъ годъ съ небольшимъ
послѣ этой встречи низложеннымъ. «Королю Амедею — читаемъ мы въ днев-
никѣ Шермана — на видъ было лѣтъ двадцать пять, одѣтъ онъ былъ просто и
николько не былъ похожъ на традиціоннаго короля: никакого украшенія ни въ
одеждѣ, ни въ окружающемъ, такой обыкновенный молодой человѣкъ, какого
можно было встрѣтить, гдѣ угодно. Въ наружности его ничто не указывало на
твърдый или опредѣленный характеръ; лицо и голова были длинны и узки. По-
клонники его находятъ въ немъ замѣчательный умъ, превосходные нравы и счи-
таютъ его многообѣщающимъ. Онъ не могъ говорить по-англійски, но говорилъ
по-испански, на каковомъ языкѣ и я произнесъ свое формальное привѣтствіе;
такъ какъ, однако, ни та, ни другая сторона не могла находить много интереса
въ разговорѣ другъ съ другомъ, то мы скоро выразили желаніе видѣть коро-
леву. Наше желаніе имѣло передано въ дверь внутри кабинета, и мы направ-
ились назадъ въ послѣднюю изъ залъ дворца, откуда вела дверь въ аппар-
таменты королевы. Мы застали ее въ прекрасно убранной гостиной, гдѣ она
стояла, готовая встрѣтить насъ. Она была одѣта просто, но изящно, совсѣмъ
какъ американская леди. Лицо ея было ясное, молодое, симпатичное, и она при-
няла насъ такъ привѣтливо, что мы были болѣе чѣмъ обрадованы. Я загово-
рилъ съ нею по-англійски, и она отвѣчала совершенно правильно, но съ тѣмъ
итальянскимъ акцентомъ, который выдавалъ ея происхожденіе. О ней говорять
съ уваженiemъ во всѣхъ кругахъ, какъ среди испанцевъ, такъ и среди ино-
странцевъ, и я пришелъ къ убѣжденію, что она идеальнѣйшая леди. Она раз-
сказала мнѣ, что у нея двое дѣтей, оба мальчика, и я не могъ не выразить
своего искреннѣйшаго пожеланія, чтобы она и семья ея долго прожили, на-
слаждаясь королевскою властью, или инымъ родомъ жизни, который она пред-
почла бы. Конечно, мы не затягивали визита и вскорѣ вернулись въ свой
отель». Интересно, что въ Испаніи Шерману пришлось говорить о Кубѣ. «Хотя
и говорять, пишетъ онъ, что испанцы къ намъ относятся ревниво изъ-за Кубы,
но я никакой ревности не замѣчалъ; напротивъ, адмиралы Тонета и Маль-
кампо и др. говорятъ о кубинскихъ дѣлахъ очень откровенно и при этомъ по-
рицаютъ недавнѣе выстrelы, направленные на студентовъ въ Гаванѣ по прика-

¹⁾ «General Sherman's Tour of Europe». The Century Magazine, March, 1899

занію генерала Вальмаседы». Изъ Испаніи американскіе путешественники направились во Францію. Шерманъ осматривалъ доки и арсеналы въ Тулонѣ. «Мы встрѣтили здѣсь, говорить онъ, адмирала Пюфера, который говорилъ о бездѣятельности, къ которой принуждаетъ Францію контрибуція въ тысячу миллионовъ долларовъ, наложенная Пруссіею. Я не думаю, чтобы много рабочихъ въ это время было занято въ Тулонѣ, хотя намъ и говорили, что около трехъ тысячъ преступниковъ было въ то время приговорено къ работамъ. Тутъ имѣется вѣсколько прекрасныхъ доковъ, арсеналовъ, магазиновъ и верфей, при помощи которыхъ могли бы производиться громаднѣйшія работы. Но Франція теперь находится подъ гнетомъ пораженія, и вопросъ даже, удастся ли ей подняться хоть до того положенія, которое она занимала всего два года тому назадъ». Посѣтивъ Римъ, а затѣмъ и Неаполь, гдѣ генералъ Шерманъ былъ представленъ русской великой княгинѣ Ольгѣ Феодоровнѣ, американцы прибыли на Мальту, которую Шерманъ называетъ вторымъ Гибралтаромъ. Въ марта 1882-го года путешественники прибыли въ Каиръ. Хедивъ Измаиль произвелъ въ общемъ благопріятное впечатлѣніе на Шермана. «Ему сорокъ два года, — читаемъ мы въ дневникѣ, — онъ воспитывался во Франціи, не говорить поанглійски, но прекрасно пофранцузски; одѣтъ онъ совершенно поевропейски, съ тою лишь разницей, что носить красную феску, какъ всѣ мусульмане — но ни тюрбанъ, ни халатъ, ни диваны, ни какие либо иные турецкіе символы не отличаютъ его отъ другихъ людей. Онъ скоро вступилъ съ нами въ разговоръ и оказался освѣдомленнымъ во всѣхъ текущихъ новостяхъ. Онъ вызвалъ меня на общія замѣчанія по поводу Суэцкаго канала, предположеннаго расширенія порта въ Александрии и Суэцѣ и о разныхъ иныхъ предметахъ. Ему, кажется, было почему-то интересно бесѣдовать съ нами и мы разговаривали болѣе часа, послѣ чего онъ всталъ и проводилъ насъ до самыхъ дверей дворца, гдѣ на насъ ожидала коляска — почетъ, который, какъ мнѣ сказали, былъ столь рѣдокъ, что вызвалъ всеобщее удивленіе. Всѣ мы были очень довольны его обхожденіемъ; онъ не только говорилъ очень умно, но и шутилъ очень мило». Изъ Египта путешественники направились въ Константинополь, гдѣ Шерманъ былъ любезно принять султаномъ, имѣть возможность наблюдать церемонію селямлика и пріобрѣть нѣсколько интересныхъ знакомствъ. «Въ пятницу 16-го апрѣля, — разсказываетъ онъ, — мы обѣдали въ русскомъ посольствѣ; большая часть присутствующихъ состояла изъ свиты принца Фридриха-Карла прусского, слава котораго, какъ полководца, послѣ послѣдней войны съ французами, была велика. Прибывъ въ зданіе посольства, мы застали гостей уже собравшимися, и принцъ бесѣдовалъ какъ разъ съ г-жею Игнатьевою. Мы произнесли обычное привѣтствіе, и черезъ нѣкоторое время г-жа Игнатьева поинтересовала насъ сѣсть. Затѣмъ вскорѣ мы всѣ перешли въ столовую, при чемъ Фридрихъ-Карлъ вѣль подъ руку хозяйку, а генералъ Игнатьевъ единственную другую даму, г-жу Радовицъ, жену прусского уполномоченного. Принцъ Карлъ былъ одѣтъ, какъ мы всѣ, въ простое статское платье, съ нѣкоторыми орденами; онъ казался гордымъ и надменнымъ; голова его была совершенно лыса, а лицо было очень красное; въ фигурѣ его, которая начинала брюзгнуть, не было ничего интеллигентнаго или привлекательнаго. Ему сорокъ четыре года,

и въ каждомъ дюймѣ его сказывался нѣмецъ, очевидно, весьма гордающійся и своей страною и собою самимъ. Обѣдъ былъ формаленъ и неинтересенъ, а послѣ него всѣхъ настъ пригласили въ гостиную курить. Здѣсь большая турецкая трубка была подана принцу, но больше никому, и, хотя я сначала подумалъ, что это — случайность, я замѣтилъ потому, что это сдѣлано по этикету, и что даже я обязанъ быть смотрѣть на принца, какъ на обладателя какихъ-то божественныхъ правъ и преимуществъ. Фредъ Грантъ, замѣтивъ это пренебреженіе къ моей персонѣ, весьма любезно подошелъ и предложилъ мнѣ сигаръ и сигаретокъ. Я взялъ сигаретку, зажегъ ее и стала курить ее въ унисонъ съ принцемъ-генераломъ. Какъ генералъ, онъ пользуется установившіяся славою; какъ принцъ, онъ не подлежитъ критикѣ; но зато, какъ джентльмена, его приходится ставить очень низко: такимъ образомъ, одна изъ иллюзій моей жизни потерпѣла крушеніе. Я слышалъ, что пруссаки вознеслись превыше всякой мѣры вслѣдствіе своихъ блестящихъ побѣдъ надъ французами, чтѣ очень жаль, такъ какъ въ должное время это высокомѣріе призвѣть на нихъ осужденіе міра, если только не такія же несчастія, какія теперь приходится оплакивать французы... Какъ видно изъ приводимыхъ выдержекъ, въ запискахъ Шермана очень много интереснаго; жаль, что «Century» не сообщаетъ, весь ли дневникъ генерала сохранился, и будетъ ли онъ пданъ цѣликомъ.

— Французы въ Портъ-Артурѣ. Обыкновенно сооруженіе портовыхъ укрѣплений на Ляодунскомъ полуостровѣ приписывается бывшему прусскому лейтенанту фонъ-Геннекену. Неправильность этого взгляда доказываетъ г. Демусинъ въ недавней статьѣ о «Портѣ-Артурѣ и французы», появившейся въ «Nouvelle Revue»¹⁾. Геннекену, дѣйствительно, какъ указывается въ этой статьѣ, поручено было устройство укрѣплений въ этомъ мѣстѣ, но истиннымъ создателемъ военного порта и руководителемъ всѣхъ работъ, сюда относившихся, былъ французский инженеръ Гриффонъ, умершій въ 1896 году, всего тридцати шести лѣтъ отъ роду, въ Чжи-фу. Гриффонъ прибылъ въ Тянъ-цзинь 7 марта 1887 года, какъ причисленный къ французскому промышленному синдикату въ Китаѣ, и почти немедленно же переправился въ Портъ-Артуръ, где ему пришлось взять подъ свое управление болѣе двухъ тысячъ китайскихъ рабочихъ, которые были заняты въ мастерскихъ. Условія для производства работъ были наихудшія, для рабочихъ не было помѣщеній, пища была плоха и недостаточна, и среди китайцевъ возникла холера, уносившая въ одинъ сутки до полутораста человѣкъ. Работы, исполненіе которыхъ взялъ на себя французскій синдикатъ въ Портъ-Артурѣ, состояли въ слѣдующемъ: надо было углубить фарватеръ и часть рейда, устроить глубокій бассейнъ въ 450 метровъ длиною и 300 метровъ шириной, чтобы высота воды въ немъ при приливѣ составляла около двѣнадцати метровъ, а при отливѣ около одиннадцати; требовалось установить эллингъ въ 150 метровъ длины и 22 метра ширины, построить большое количество мастерскихъ, размѣстить на берегу паровые краны, проложить рельсы для подвоза грузовъ и т. д. Срокомъ для окончанія этихъ работъ назначенъ былъ августъ мѣсяцъ 1889 года, но дѣло затянулось на лишнихъ пятнадцать

¹⁾ Démousyne, «Port-Arthur et les Fraçais» (La Nouvelle Revue, 1899, 1 mars).

мѣсяцевъ, въ виду цѣлаго ряда встрѣтившихся затрудненій. Несмотря на это запозданіе, Ли-хунъ-чжанъ, который бы главнымъ виновникомъ созданія Портъ-Артура, остался весьма доволенъ работами: дѣйствительно, Гриффонъ, помимо условленного по контракту съ китайскимъ правительствомъ, устроилъ еще нѣсколько желѣзныхъ амбаровъ, шлюзы, госпиталь и приспособленія для снабженія водою казармъ и госпиталя. Китайцы изумлялись, какъ можно было закончить такую громадную работу всего въ четыре года. Отецъ императора, принцъ Кунъ, посѣтившій Портъ-Артуръ, выразилъ свое полное одобрение Гриффону. Особенною заслугою французского инженера является устройство водоснабженія и канализаціи. Для этой цѣли Гриффонъ оградилъ особой постройкою ключи притока рѣки, впадающей въ море у Портъ-Артура; эта постройка находится въ $1\frac{1}{2}$ километрахъ къ востоку отъ большой дороги изъ Портъ-Артура въ Цзинь-чжоу. Отсюда вода, при помощи особыхъ каналовъ, проведена въ городъ, где для пользованія ею Гриффономъ устроено было фонтанъ съ кранами: такъ какъ въ китайскихъ городахъ не существуетъ никакой уличной полиціи, то мѣдные краны фонтана давно уже сняты и украдены; тѣмъ не менѣе, однако, фонтанъ дѣйствуетъ исправно, и ему приходится приписать почти совершенное исчезновеніе въ Портъ-Артурѣ холеры, которая раньше сильно свирѣпствовала въ концѣ каждого лѣта, когда приходилось черпать зловонную, застоявшуюся воду въ рѣкѣ. Гриффону пришлось, руководя занятіями въ Портъ-Артурѣ, выказать не одинъ лишь техническія, но и часто дипломатическія и административныя способности при сношеніяхъ съ различными китайскими чиновниками, при заботахъ о доставленіи всего необходимаго находившимся подъ его присмотромъ пятидесяти французскимъ техникамъ и тысячамъ китайскихъ рабочихъ, при завѣдываніи доставкою многихъ тысячъ тоннъ цементу, машинъ, материаловъ. Съ каждымъ изъ китайскихъ рабочихъ приходилось разсчитываться лично, въ виду того, что всякое посредничество повлекло бы за собою непремѣнно злоупотребленія, дезертирства рабочихъ и даже бунты. Особенно трудно стало его положеніе, когда парижскій учетный банкъ, доставлявшій часть средствъ синдикату, принужденъ былъ простоять платежи. Англійскія газеты въ Тянъ-цзинѣ, Шанхай и Гонконгѣ пророчили, что французскіе строители «прогорятъ», и что изъ всего предприятия ничего не выйдетъ. Къ счастію Гриффона, китайцы не вѣрили этимъ пророчествамъ, а генераль Сунь, главнокомандующій войсками на Ляодунскомъ полуостровѣ, даже выдалъ французскому инженеру семьдесятъ тысячъ франковъ авансомъ изъ собственныхъ своихъ средствъ. Точно также китайскія власти въ Портъ-Артурѣ и вице-король Ли-хунъ-чжанъ, чтобы помѣшать прекращенію работъ, распорядились выдать впередъ часть денегъ, которыхъ предполагалось раньше уплатить только по окончанію всѣхъ сооруженій. Благополучное окончаніе работъ создало Гриффону большой авторитетъ среди китайцевъ, и если бы жизни инженера не суждено было принять безвременного конца, онъ могъ бы много содѣйствовать успѣхамъ Франціи въ Китаѣ. Ли-хунъ-чжанъ въ 1891 г. далъ Гриффону орденъ Двойного Дракона, а въ слѣдующемъ году сдѣлалъ его членомъ дирекціи китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1894 году, по порученію вице-короля, Гриффонъ произвелъ работы по укрѣплению береговъ рѣки Юнъ-

динъ-хэ; работы окончились успешно, и уже не было наводненій этой рѣки, которая за годъ передъ тѣмъ унесла 13.000 жизней, а въ 1892 году даже 30.000 человѣкъ. Многочисленные проекты продолжали занимать Гриффона до самой смерти. «Онъ палъ, говорить Демузинъ, въ тотъ самый моментъ, когда ему оставалось лишь пожать плоды своихъ долгихъ и энергичныхъ трудовъ, послѣ того какъ онъ показалъ, на что еще способна наша старая Франція, на которую такъ нападаютъ теперь»...

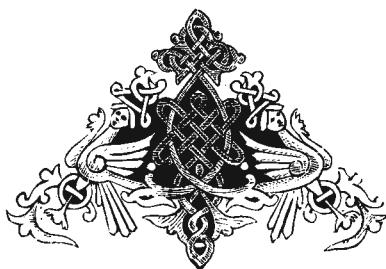
— Конгрессъ исторіи религій въ 1900 году. Среди многочисленныхъ ученыхъ конгрессовъ, которые будутъ созваны въ Парижѣ по случаю всемирной выставки въ будущемъ году, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ будетъ первый конгрессъ исторіи религій. По идеѣ его создателя, въ немъ не будетъ ничего религіознаго, а его отлічительную черту составить строго ученый характеръ. Принять участіе въ этомъ конгрессѣ приглашаются не люди того или другаго вѣроисповѣданія, а ученые, безпристрастно и строго-научно занимающіеся исторіей религій. Какъ известно, исторія религій возникла, какъ наука, только въ настоящемъ вѣкѣ. Много времени потребовалось ей, чтобы выйти изъ эпохи гипотезъ а priori и пріемовъ апологетики, но можно сказать, что въ послѣднія 30 лѣтъ она ясно взглянула на свой предметъ, именно изученіе религіозныхъ явлений, какъ фактовъ психологическихъ и соціальныхъ. Въ то же время она ясно сознала методъ, который необходимъ для подобныхъ изслѣдований: онъ состоить въ основательномъ наблюденіи и объективномъ представлениі формы, условій, а также способовъ исторического развитія религіозныхъ явлений, независимо отъ ихъ метафизического или нравственного достоинства. Такимъ образомъ понятая наука религій достигла значительного развитія. Число лицъ, занимающихся, ю съ каждымъ днемъ увеличивается, а результаты, добытые имъ трудами, все болѣе и болѣе дѣлаются общимъ достояніемъ. Напримеръ, въ Парижѣ существуетъ во французской коллегіи каѳедра исторіи религій, которую занимаетъ Альберъ Ревиль, пользующійся большимъ авторитетомъ, въ школѣ высшихъ занятій отведено особое отдѣленіе для этой новой науки и ее преподаютъ 15 почтенныхъ ученыхъ, наконецъ издается специальный журналъ по исторіи религій подъ редакціей Жана Ревеля и Мариньи. Точно также почти во всѣхъ европейскихъ и американскихъ университетахъ открыты каѳедры исторіи религій. Потому эта наука имѣеть полное право выставить на порогѣ XV столѣтія результаты своей дѣятельности въ теченіе предыдущаго столѣтія. Вотъ для чего Альберъ Ревиль и задумалъ созваніе конгресса исторіи религій въ 1900 году. Уже образованъ организаціонный комитетъ, состоящій изъ сорока членовъ, среди которыхъ находятся, кромѣ предѣдателя Альбера Ревеля, извѣстные ученые и писатели, какъ Бреаль, Масперо, Берже, Гиме, Оперъ, Сенаръ, Рипи и другіе. Надняхъ этотъ комитетъ выработалъ программу конгресса и составилъ циркуляръ, который будетъ разосланъ ко всѣмъ французскимъ и заграницнымъ ученымъ съ цѣлью пригласить ихъ принять участіе въ конгрессѣ. Эта конгрессъ будетъ раздѣленъ на VIII отдѣловъ: 1) религіи народовъ не цивилизованныхъ и древнихъ населеній Америки до Христофора Колумба; 2) религіи крайняго востока: Китая, Японіи, Индо-Китая и т. д. 3) религіи симетической, юдаизмъ и исламизмъ; 4) религія Египта; 5) религія Индіи

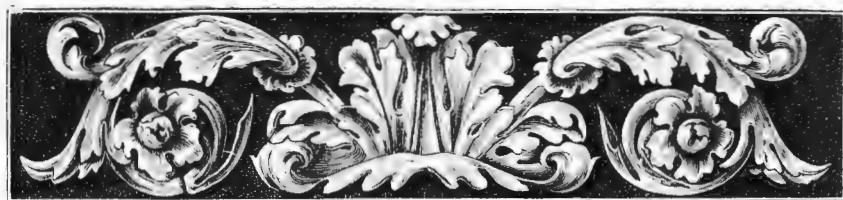
и Ирана; 6) религії Греції и Рима; 7) религії кельтovъ, германцевъ, славянъ и т. д. и 8) христіанская религія. Конечно, эта классификація не строго научная и нѣкоторыя изъ рубрикъ рутинныя, но организаціонный комитетъ поступилъ такимъ образомъ съ цѣлью доказать свою полную вѣротерпимость и уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, въ чемъ, конечно, нельзя сомнѣваться, такъ какъ на конгрессъ будуть допущены всѣ научные сообщенія, за исключениемъ догматической полемики.

— Смерть Эркмана и Бамбергера. Европейская литература понесла двѣ чувствительныя потери: во Франціи умеръ Эркманъ, участникъ извѣстной историко-романической фирмы Эркманъ-Шатранъ, а въ Германіи скончался столь же извѣстный Несторъ нѣмецкихъ либераловъ и выдающійся публицистъ по политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Между ними въ сущности не было ничего общаго, кроме случайной смерти въ одинъ день 14-го марта и почти одинакового возраста, такъ какъ первому было 77 лѣтъ, а послѣднему 76. Ихъ жизненная дѣятельность, напротивъ, была совершенно противоположная и пока одинъ посвящалъ свои умственныя силы исключительно литературному труду, хотя и освѣщенному либеральной идеей, другой словомъ, первомъ и дѣломъ одинаково служилъ торжеству прогресса и благу своей родины. Эмиль Эркманъ, родомъ эльзасецъ и сынъ провинціального книготорговца, родился въ Фальсбургѣ въ 1822 году и, окончивъ школьнное воспитаніе въ своемъ родномъ городѣ, отправился въ Парижъ, гдѣ 15 лѣтъ тщетно занимался юридическими науками въ университетѣ, не достигнувъ и диплома бакалабра. Наконецъ, онъ вернулся въ Фальсбургъ и тамъ познакомился со своимъ соотечественникомъ Шатраномъ, который былъ учителемъ въ мѣстной гимназіи. Вскорѣ ихъ соединила самая тѣсная дружба, и они сдѣлались литературными сіамскими близнецами. Они дебютировали на литературномъ по-прицѣ фельетоннымъ романомъ, подъ заглавиемъ «Жертва Авраама», а затѣмъ мало-по-малу достигли извѣстности своими «Эльзасскими легендами» и «Рейнскими разсказами», напоминавшими Эдгара Поэ и Гофмана. Но громкую славу имъ доставила серія національныхъ романовъ, въ которыхъ они съ удивительной простотой и пламенной силой возстали противъ войны, представивъ всѣ ея ужасы въ постепенныхъ картинахъ четырехъ чужеземныхъ вторженій, которымъ подверглась Франція именно въ 1792, 1814, 1815 и 1870 годахъ. Этотъ рядъ наиболѣе талантливыхъ ихъ романовъ состоялъ изъ «Безумца Юзуфа», «Терезы», «Исторіи рекрута», «Ватерлоо» и «Исторіи Плебесцита». Но въ историческомъ и политическомъ значеніи первое мѣсто среди ихъ популярныхъ произведеній занимаетъ народная исторія французской революції, подъ названіемъ «Исторія крестьянина». Авторы этого образцового, популярнаго исторического романа поставили себѣ цѣлью въ длинномъ, связномъ разсказѣ представить, какъ французский народъ добылъ себѣ свободу послѣ вѣковаго рабства, и они представили эту борьбу просто, картино, реально, а самой свободѣ придали не философскій или поэтическій отг҃енокъ, а совершенно практическій ощущительный, понятный для всякаго, даже необразованного читателя, характеръ. Вотъ какъ рассказывающей свою исторію старый поселенинъ объясняетъ, какую пользу онъ и его семья пріобрѣли отъ революціи

1789 года: «Мой внукъ Жакъ,—говорить онъ,—учится въ политехнической школѣ; моя внучка Христина вышла замужъ за Мартена, инспектора лѣсовъ, человѣка очень благоразумнаго; моя другая дочка, Жюльета, вышла замужъ за инженера Форбена, а мой младшій внукъ только что получилъ дипломъ доктора. Всѣмъ этимъ я обязанъ революціи. Если бы ея не было, то я всю жизнь работалъ бы на господь и патеровъ». Для народа и съ точки зрењія народной исторической романы Шатріана самая полезная историческая пища, и они, конечно, долго будуть читаться послѣдующими поколѣніями. Что касается до опредѣленія, кому изъ двухъ авторовъ что именно принадлежало въ ихъ общемъ трудѣ, то это задача неисполнимая, да притомъ безполезная. Лучшимъ доказательствомъ того, что они были необходимы другъ другу, доказываетъ тотъ фактъ, что когда они подъ конецъ своей литературной дѣятельности рассорились, то Шатріанъ вовсе пересталъ писать, а Эркманъ, если и напечаталъ нѣсколько разсказовъ, то они далеко не имѣли прежняго достоинства и успѣха. Этассора была тѣмъ печальнѣе, что Шатріанъ публично обвинялъ Эркмана въ томъ, что онъ остался жить въ Эльзасѣ съ цѣлью измѣнить Франціи и перейти на сторону нѣмцевъ. Эркманъ привлекъ своего сотрудника къ суду за клевету, и дѣйствительно онъ выигралъ процессъ, доказавъ, что жиль въ Эльзасѣ по приказанію докторовъ, которые находили необходимымъ для его стараго здоровья воздухъ родины, и что онъ нимало не сочувствуетъ нѣмцамъ. Какъ всѣ французскіе авторы, Эркманъ-Шатріанъ поставили на сцену нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ громадный успѣхъ имѣли «Польскій еврей» и «Другъ Фрицъ».—Людвигъ Бамбергеръ, еврейскаго происхожденія, родился въ Майнцѣ въ 1823 году и, окончивъ университетское образованіе въ Гисенѣ, Гейдельбергѣ и Гетингенѣ, занимался адвокатурой въ своемъ родномъ городѣ, когда вспыхнула революція въ 1848 году. Пламенный республиканецъ, онъ принялъ участіе въ тогдашнихъ событияхъ и послѣ кроваваго усмирения беспорядковъ въ баварскихъ владѣніяхъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, такъ какъ его приговорили заочно къ смертной казни. Восемнадцать лѣтъ жилъ онъ въ изгнаніи въ Швейцаріи, Англіи, Бельгіи, Голландіи и, наконецъ, въ Парижѣ. Во все это время онъ серіозно занимался изученіемъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, а въ Парижѣ его домъ служилъ блестящимъ центромъ для всѣхъ французскихъ и чужестранныхъ либераловъ, такъ какъ онъ былъ старшимъ компаньономъ банкирской фирмы Гонтофгеймъ и Гольшмидтъ. Амнистія 1867 года дозволила Бамбергеру вернуться въ Германію, и онъ былъ тотчасъ избранъ членомъ таможеннаго парламента; хотя практическое знакомство съ финансовой дѣятельностью и плутократіей заставили остыть его республиканскій жаръ, онъ все-таки остался твердымъ, стойкимъ либераломъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Но отличаясь горячимъ патріотизмомъ и преданностью идеѣ германского единства, онъ сначала поддался вліянію Бисмарка и во время франко-пруссской войны оказалъ ему большое содѣйствіе въ подготовительной работѣ по устройству Германской имперіи. Затѣмъ, онъ энергично поддерживалъ желѣзного канцлера въ его культурной борбѣ съ клирикалами, въ введеніи общей подачи голосовъ, устройствѣ народныхъ школъ и распространеніи свободной торговли.

Но какъ только Бисмаркъ преобразился въ защитника реакціи и протекціонизма, Бамбергеръ не только отвернулся отъ него, но вышелъ изъ партіи національ-либераловъ, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вожаковъ которой онъ былъ въ рейстагѣ. Вмѣстѣ съ прогрессистами онъ составилъ партію свободномыслящихъ и съ тѣхъ поръ былъ самымъ ярымъ противникомъ желѣзного канцлера, его коммерческой политики, такъ называемаго государственаго соціализма и колоніального движения. Въ 1893 году онъ потерпѣлъ пораженіе на парламентскихъ выборахъ и съ тѣхъ поръ болѣе не появлялся на политической аренѣ, а велъ спокойную литературную жизнь, продолжая пе-ромъ отстаивать либеральные принципы, которымъ онъ дотолѣ служилъ краснорѣчивымъ словомъ и энергичнымъ дѣломъ. Наиболѣе замѣчательныя его сочиненія были: «Zur Deutschen Münzgesetzgebung», «Reichsgeld Studien über Währung und Wechsel», «Die Arbeiterfrage unter dem Gesichtspunkt des Vereinsrechts» и «Naturgeschichte des französischen Krieges». Еще въ 1867 г. онъ написалъ для «Revue Germanique» на французскомъ языкѣ мѣткую характеристику Бисмарка подъ заглавиемъ «Monsieur Bismarck», а за нѣсколько дней до своей смерти сказалъ послѣднее слово о «геніальномъ юнкерѣ», какъ онъ всегда его называлъ въ брошюре «Bismarck posthumus». Послѣ Бамбергера остались драгоценные мемуары, но, къ сожалѣнію, и они доведены только до созданія Германской имперіи, такъ что въ нихъ именно нѣтъ свѣдѣній объ его совмѣстной дѣятельности съ Бисмаркомъ, чѣмъ всего интереснѣе.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ характеристикѣ императора Николая I.

НЪ БЫЛО всего пять лѣтъ, когда моя покойная мать, бывшая воспитанница Смольного монастыря, вышла къ обѣду въ черномъ платѣ и съ заплаканными глазами; мы, дѣти, видѣли ее первый разъ въ черномъ и въ слезахъ, и, конечно, стали ее спрашивать, о чемъ она плачетъ и отчего въ «скучномъ платѣ». Она намъ отвѣчала, что государь скончался, и прибавила, когда мы не поняли, какое отношеніе имѣть смерть государя къ нашей семье: «когда подростете, то вы узнаете, что сдѣлалъ государь для вашего дѣда и отца». Понятно, что потомъ мы много разъ слыхали эту чудесную повѣсть милости, великодушія и рыцарства государя, и я увѣрена, что много, очень много въ Россіи есть дворянскихъ семей, облагодѣтельствованныхъ такъ или иначе государемъ. Дѣдъ мой, Григорій Михайловичъ Лопатинъ, былъ сынъ виленского воеводы Михаила Лопатина. Гдѣ онъ учился—не знаю, но во время отечественной войны за отличие былъ произведенъ въ полковники, а возвращаясь изъ Парижа въ 1814 году, получилъ командованіе полкомъ; ему въ то время было около 30 лѣтъ. Не знаю, куда слѣдоваль полкъ на зимнія квартиры, но знаю, что побѣдоносное войско встрѣчали вездѣ съ тріумфомъ. Такимъ образомъ, проходили они черезъ гор. Торопецъ, Псковской губ., гдѣ въ то время былъ предводителемъ дворянства Александръ Алексѣевичъ Челищевъ, человѣкъ богатый, хлѣбосольный и отецъ красавицы дочери Капитолины Александровны, которой тогда было всего 13 лѣтъ. Предводитель дворянства, конечно, пригласилъ къ себѣ въ «Подгород-

ное» полкового командира и всѣхъ офицеровъ. Долго ли они тамъ приворовали — не знаю, но, вѣроятно, не долго, такъ какъ полкъ долженъ былъ выступить, а дѣдъ мой настолько успѣлъ влюбиться въ бабку, что, боясь отказа, уѣзжая изъ «Подгороднаго», написалъ письмо будущему тестю, прося, въ случаѣ согласія, послать ему верхового на такую-то станцію. Предложеніе было принято, и жениха вернули. Влюбленный полковникъ полетѣлъ къ невѣстѣ, вѣроятно, думая на другой же день догнать полкъ и не передавъ командинанія старшему послѣ себя офицеру, нѣмцу по происхожденію, который считалъ себя давно обиженнымъ по службѣ, а можетъ и предпочтеніемъ красавицы Челищевой, и не принялъ начальства. Полкъ, привыкшій къ нѣкоторой распущенности послѣ побѣдѣ, разбрелся по окружнымъ деревнямъ, забирая вездѣ все, что нужно и не нужно. Дѣдъ думалъ, что уѣдетъ изъ «Подгородней» надругой же день, но не тутъ-то было — старинное русское хлѣбосольство, да еще по такому важному случаю, какъ сговоръ любимой дочери, взяло много времени, и на всѣ заявленія дѣда, что ему надо догонять полкъ, онъ получалъ отъ будущаго тестя отвѣтъ, что «полкъ не иголка — не потеряется», и не дождаться такой-то и такой-то важной родственницы для параднаго сговора — преступленіе, и дѣдъ оставался. Когда, наконецъ, онъ выѣхалъ, то полка нигдѣ не нашелъ: по дорогѣ до Осташковскаго уѣзда, Тверской губ., полкъ весь растаялъ, и дѣдъ въ отчаяніи остался съ незначительнымъ числомъ солдатъ въ деревнѣ, гдѣ была назначена стоянка полку (деревня эта называется Лопатино). Мало-по-малу начали собираться части полка, но вмѣстѣ съ ними начали поступать и требованія денегъ отъ помѣщиковъ и городовъ по квитанціямъ за забранный фуражъ, такъ какъ передъ этимъ было объявлено, что за все продовольствіе войска будетъ уплачено казною. Конечно, цѣны были назначены произвольно высокія и, такимъ образомъ, взысканіе съ моего дѣда равнялось нѣсколькоимъ десяткамъ тысячъ на ассигнаціи, и, кромѣ того, надъ нимъ было наряжено слѣдствіе, какъ надъ преступникомъ по службѣ. Дѣдъ, сознавая свою фактическую вину, все это подробно и откровенно написалъ великому князю Николаю Павловичу, не прося помилованія, а лишь объясняя нравственную причину. Что же сдѣлалъ великий князь? Онъ лично просилъ государя объ его помилованіи и изъ своей собственной шкатулки заплатилъ весь долгъ, который бы разорилъ дѣда моего, тогда уже женатаго; но этого мало, послѣ смерти дѣда, государь, по восшествіи на престолъ, вспомнилъ облагодѣтельствованнаго имъ дѣда и приказалъ написать его вдовѣ, которая пережила дѣда всего на нѣсколько мѣсяцевъ, что всѣхъ дѣтей покойнаго государь принимаетъ въ казенныя учебныя заведенія на свой личный счетъ. Такимъ образомъ отецъ мой, бывшій смоленскій губернаторъ, Алекс. Григор. Лопатинъ, воспитывался на счетъ государя, и легко понять, какъ глубоко и свято въ нашей семье почтается память государя, такъ трогательно и рыцарски спасшаго и честь и состояніе дѣда.

Капит. Алекс. Энгельгардтъ, урожденная Лопатина.

Ментона, 1899.

СМѢСЬ.

Ъ ЮБИЛЕЮ Пушкина. I. Астрахань. Съ разрѣшенія попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ Астрахани, на масляницѣ, въ залѣ общественнаго собранія, состоится торжественное чествованіе Пушкина мѣстными средними учебными заведеніями. Начальники мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній предполагаютъ устроить платное литературно-музыкальное утро, весь сборъ съ съ котораго поступить, за исключеніемъ необходимыхъ расходовъ, въ пользу астраханскаго попечительства о бѣдномъ учащемся юношествѣ. Программа Пушкинского утра составлена интересно и разнообразно. Устроители

утра заготовляютъ изящныя афиши съ портретомъ поэта и рисунками, представляющими нѣкоторыя сцены изъ лучшихъ произведеній Пушкина. На этомъ литературно-музыкальномъ утре предполагается также устроить Пушкинскую выставку, а именно: его портреты, гравюры, различныя изданія его сочиненій (Смирдина, Анненкова, Исакова, Литературнаго Фонда, Суворина, Комарова, Карцева и проч.). II. Вильна. Инициатива подготовленія въ Вильнѣ празднованія памяти Пушкина принадлежитъ мѣстному музыкально-драматическому кружку любителей. 29-го января, въ день кончины А. С. Пушкина, въ помѣщеніи музыкально-драматического кружка была отслужена, въ 3 часа дня, панихида. Залъ былъ убранъ зеленою и украшенъ портретомъ А. С. Предъ началомъ панихиды священникъ Померанцевъ сказалъ теплое слово, охарактеризовавъ въ немъ значеніе А. С. Пушкина для русской жизни и литературы, указавъ, что Вильна стоитъ съ покойнымъ поэтомъ въ связи еще и потому,

что въ древнѣйшемъ православномъ храмѣ ея—Пятницкой церкви, быль крещенъ императоромъ Петромъ Великимъ дѣдъ А. С. по матери, А. П. Ганнибалъ, известный «арантъ Петра Великаго». На панихиду, кромѣ членовъ кружка, собралось не мало мѣстныхъ русскихъ людей изъ интелигенціи; были на ней и почти всѣ артисты мѣстной драматической труппы. 6-го февраля музыкально-драматической кружокъ устроилъ въ своемъ помѣщеніи вечеръ въ память А. С. Пушкина, который состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Открыть онъ былъ увертюрою оперы «Русланъ и Людмила», исполненной оркестромъ любителей изъ членовъ кружка. Затѣмъ былъ прочтены краткій очеркъ поэтической дѣятельности А. С. Пушкина, составленный однимъ изъ виленскихъ педагоговъ М. Х. Соколовымъ. Во время чтенія среди богато декорированной сцены стояла бюстъ поэта. 18-го февраля, въ городскомъ театрѣ состоялся «вечеръ, посвященный незабвенной памяти А. С. Пушкина». Весь сборъ съ этого спектакля поступаетъ въ пользу русского театрального общества, состоящаго подъ августейшимъ покровительствомъ государя императора. Программа вечера состояла исключительно изъ произведеній поэта. Вся труппа, во главѣ съ г. Незлобинымъ, принимала участіе. Часть декорацій была изготовлена специально для этой цѣли, главною частью вечера былъ апоѳеозъ-интермедія. Сцена представляла красивый садъ, весь въ зелени и аркахъ изъ цѣствовъ. Посрединѣ на колоннѣ красовался бюстъ А. С. Пушкина, къ подножію котораго, по поднятіи занавѣса, были возложены лавровые вѣнки. Изъ боковыхъ кулисъ прослѣдовали попарно всѣ известные герои поэта, съ лаврами и пальмами въ рукахъ, первыми «Онѣгинъ и Татьяна». Подойдя къ бюсту Пушкина, они поклонились ему и прикрѣпили свои вѣтки лавра и пальмы. То же исполнили и прочіе, и такимъ образомъ вокругъ бюста составился вѣнокъ изъ лавровъ и пальмъ. После Онѣгина и Татьяны слѣдовали: «Русланъ и Людмила», «Старикъ и Старуха» изъ сказки о «Рыбакѣ и рыбѣ», «Мазепа и Марія», «Мельникъ и Руслака», «Моцартъ и Сальери», «Графиня и Германъ» изъ «Никовой дамы», «Капитанъ Мироновъ и его dochь», «Цыгане — Алеко и Земфира», «Статуя Командора и Лепорелло», «Пѣвцы и гуслѣры». Когда каждая пара стала на свое мѣсто, при чемъ на аркѣ, ихъ окружающей, открывались соответственные надписи, пѣвцы и хоръ исполнили «Славу», подъ аккомпанементъ музыки, специально аранжированной на темы Пушкина. **III. Воронежъ.** По докладу «комиссіи по вопросу о постройкѣ зданія для публичной библіотеки, народныхъ чтеній, музея и рисовальной школы», «Пушкинскій Народный Домъ» еще не рѣшенъ окончательно. На постройку народного дома предлагается Воронежской городской думѣ капиталъ въ 80.000 рублей изъ 4% роста и 4% погашенія на 17 лѣтъ, по истечении которыхъ зданіе поступаетъ въ полную собственность города. Предполагается, что съ процентами, погашеніемъ и прочими расходами думѣ придется ежегодно приплачивать по 3.500 рублей. Городской голова недовѣрчиво относится къ послѣдней цифрѣ и теперь вопросъ о Пушкинскомъ народномъ домѣ вновь переданъ на разсмотрѣніе въ городскую финансовую комиссию для точнаго опредѣленія тѣхъ расходовъ, какіе долженъ будуть принять на себя городъ въ случаѣ осуществленія проекта о постройкѣ этого дома. Народный домъ проектируется построить въ центрѣ города, близъ Кольцовскаго сквера. Воронежская

публичная библиотека въ общемъ годичномъ собраніи членовъ постановила открыть на одной изъ городскихъ окраинъ третье филиальное отдѣлѣніе библиотеки, назвавъ это отдѣлѣніе Пушкинскимъ. Комиссія народныхъ чтеній, въ Воронежѣ, отзовется на чествованіе Пушкина двумя бесплатными чтеніями, посвященными памяти великаго поэта. Въ засѣданіи городской думы 18-го февраля единогласно принято предложеніе городской управы почтить память А. С. Пушкина слѣдующимъ образомъ: 26-го мая отслужить въ залѣ городской думы панихиду въ присутствіи гласныхъ думы и всѣхъ желающихъ почтить память поэта; открыть городское мужское приходское училище, наименовавъ его «Пушкинскимъ»; просить воронежскую комиссію народныхъ чтеній организовать юбилейный день въ фойе зимняго театра или въ другомъ помѣщеніи народное чтеніе изъ произведеній А. С. Пушкина; поручено управѣ пріобрѣсти и раздать всѣмъ ученикамъ и ученицамъ городскихъ школъ, а при возможности и народу, сборники избранныхъ сочиненій Пушкина или листы, съ отискомъ на нихъ портрета, краткой біографіи и избранныхъ произведеній Пушкина.

IV. Екатеринославъ. 1). Особо избранная комиссія выработала и представила въ распорядительный комитетъ комиссіи народныхъ чтеній программу чествованія столѣтней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина. Порядокъ празднованія по программѣ предположенъ слѣдующій: 1) назначить на 24 мая 1899 г. торжественное засѣданіе членовъ комиссіи по устройству народныхъ чтеній, которое должно быть всесѣло посвящено памяти великаго поэта. Засѣданіе должно быть открыто рѣчью на тему: «А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ». Остальная часть засѣданія должна быть посвящена чтенію воспоминаній о Пушкинѣ. Затѣмъ комиссія находить, что желательно было бы для означенія столѣтней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина учредить при комиссіи народныхъ чтеній литературное общество подъ наименованіемъ «Пушкинское общество любителей искусствъ и литературы»; 2) 27 мая утромъ устроить общедоступное чтеніе для народа, первая часть которого должна быть посвящена сообщенію краткой біографіи А. С. Пушкина; затѣмъ должно быть прочитано какое нибудь цѣльное произведеніе поэта, кккъ, напримѣръ, «Русланъ и Людмила» или «Мѣдный Всадникъ»; конецъ же вечера долженъ быть посвященъ пѣнію, музыкѣ и декламаціи, для чего предположено войти въ соглашеніе съ екатеринославскимъ отдѣломъ императорскаго музыкального общества и другими представителями изящныхъ искусствъ въ городѣ Екатеринославѣ; 3) въ тотъ же день, вечеромъ, устроить за плату Пушкинскій литературно-музыкальный вечеръ для интеллигентной публики; 4) пригласить профессора Харьковскаго университета, Овсяннико-Куликовскаго, для прочтенія 30 мая въ народной аудиторіи публичной лекціи объ А. С. Пушкинѣ. Распорядительный комитетъ комиссіи народныхъ чтеній принялъ программу чествованія памяти А. С. Пушкина, выработанную специальною комиссіей, и постановилъ: 1) для общедоступныхъ чтеній для народа выписать изъ саратовской комиссіи народныхъ чтеній 75 туманныхъ картина, для иллюстрированія сообщенія о біографіи поэта и его произведеній; 2) пригласить для участія въ литературномъ вечерѣ нѣсколькихъ лицъ и для устройства музыкального отдѣлѣнія вечера войти въ соглашеніе съ екатеринославскимъ отдѣломъ императорскаго музыкального об-

щества, представителя которого пригласить для совѣщанія въ слѣдующее засѣданіе распорядительного комитета. 2) На послѣднемъ засѣданіи думской комиссіи, разрабатывающей вопросъ объ организаціи въ Екатеринославѣ празднествъ 26 и 27 мая текущаго года по случаю столѣтія рождения знаменитаго русскаго поэта А. С. Пушкина, съ цѣлью особенно озnamеновать въ Екатеринославѣ память незабвенного поэта, рѣшено возбудить предъ городскимъ общественнымъ управлениемъ ходатайство о сооруженіи специального зданія для народной читальни и наименовать ее «Пушкинскую». Читальню предположено открыть въ какой либо мѣстности Екатеринослава, наиболѣе заселенной рабочими и мастеровыми людьми. Въ случаѣ, если городъ согласится на открытие такой читальни, будуть просить о немедленномъ осуществлении этого, предлагая на первое время, до сооруженія специального зданія, читальню открыть гдѣ либо въ наемномъ помѣщеніи. Ко дню празднованія юбилея комиссія имѣеть въ виду приобрѣсти нѣкоторое количество недорогихъ юбилейныхъ изданій сочинений Пушкина и раздать ихъ народу. 3) 28-го января, въ помѣщеніи городской управы, происходило второе засѣданіе думской комиссіи, избранной для детальной разработки вопроса объ организаціи въ Екатеринославѣ празднества въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина. По всестороннемъ обсужденіи вопроса объ организаціи празднества, которому предположено придать характеръ специально народный и одновременно дѣтскій, комиссія постановила слѣдующее. По предложению Я. Г. Гололобова, рѣшено «Пушкинскій праздникъ» пріурочить къ организуемому въ этомъ году въ Екатеринославѣ для всѣхъ учащихся празднику «древонасажденія». Выработанную съ этой цѣлью программу представить на усмотрѣніе попечителя Одесского учебного округа и просить его разрѣшенія на право участія въ празднествѣ всѣй учащейся екатеринославской молодежи обоего пола, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Праздникъ древонасажденія рѣшено устроить за городомъ на свободномъ участкѣ городской земли, у таクъ называемаго монастырскаго лѣса. Для этой цѣли тамъ отведена уже цѣлая десятина земли, удобной для растительности. Посадка молодыхъ саженцевъ будетъ произведена на шестой недѣльѣ Великаго поста. Будущая роща получить наименование «Пушкинской». Обсуждался вопросъ объ устройствѣ праздника древонасажденія на Военной улицѣ, ширина которой весьма значительна, и здѣсь можно бы насадить прекрасный бульваръ, который также наименовать «Пушкинскимъ», но это признано неудобнымъ потому, что среди улицы, въ центрѣ города, собирать массу дѣтей и устраивать для нихъ праздникъ—совсѣмъ нежелательно. Въ этомъ же засѣданіи программа празднованія юбилея и озnamенованія его намѣчена слѣдующимъ образомъ: 26 мая, въ каѳедральномъ соборѣ будетъ отслужена, въ присутствіи всѣхъ учащихся, торжественная панихида по покойномъ поэту. Затѣмъ для учащихся въ залѣ Потемкинского дворца (если на это будетъ дано разрѣшеніе мѣстного дворянства) будетъ устроено вокально-музыкальное утро. На эстрадѣ будетъ установлена бюстъ поэта. Во всѣхъ театрахъ города въ этотъ день для учащихся, вечеромъ, будутъ устроены бесплатные спектакли; во всѣхъ садахъ бесплатная гулянья для народа съ музыкой, туманными картинами, чтеніями и объясненіями народу о значеніи торжества. 27 мая, въ зданіи аудиторіи народныхъ чтеній, въ новомъ театрѣ уѣздного

попечительства о народной трезвости и въ цомъщеніи циклодрома велосипедистовъ, для всѣхъ учащихся въ низшихъ школахъ будуть устроены чтенія съ туманными картинами. **V. Елец.** Пушкинскій юбилей мѣстная городская дума предполагаетъ озnamеновать устройствомъ школы и библіотеки-читальни имени Пушкина, а комитетъ народныхъ чтеній предполагаетъ образовать фондъ для капитала на постройку особой большой аудиторіи для народныхъ чтеній, въ которой уже давно въ Ельцѣ ощущается необходимость. Притомъ въ дни Пушкинскихъ торжествъ будетъ устроенъ рядъ чтеній для народа съ туманными картинами на сюжеты Пушкинскихъ произведеній. **VI. Казань.** Городская Пушкинская комиссія предложила придать Пушкинскому дню характеръ, прежде всего, школьнаго празднства, сдѣлавъ его въ то же время всенароднымъ, а также пріурочить къ этому дню закладку народной аудиторіи. **VII. Калуга.** Въ Калугѣ организовалась Пушкинская комиссія изъ выборныхъ представителей общества калужской бесплатной народной библіотеки-читальни, общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Калужской губерніи и мужской воскресной школы. Въ комиссіи принимаютъ участіе и многіе другіе члены этихъ учрежденій. На первомъ собраніи ея присутствовало до 30 человѣкъ. Предметомъ обсужденія первого собранія были вопросы объ общемъ характерѣ «Пушкинскихъ дней», мѣстѣ и времени ихъ устройства, объ ихъ общедоступности и нѣкоторые другіе. Рѣшено устроить рядъ литературно-музыкальныхъ и художественныхъ вечеровъ изъ произведеній самого Пушкина, при чемъ родственнику поэта Д. Д. Гончарову поручено составить по семейнымъ воспоминаніямъ и реликвіямъ небольшую статью для публичнаго чтенія—о пребываніи Пушкина въ Калугѣ и въ Полотняномъ Заводѣ (имѣніе Гончаровыхъ, къ семье которыхъ принадлежала жена поэта). Для выработки программъ избраны три подкомиссіи: литературная, художественная и музыкальная. Послѣднія уже приступаютъ къ своей работѣ. **VIII. Киевъ.** 1) Дума рѣшила озnamеновать столѣтіе со дня рожденія Пушкина слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, устроить праздникъ для воспитанниковъ всѣхъ городскихъ училищъ съ раздачею имъ избранныхъ сочиненій Пушкина, ассигновать на приобрѣтеніе изданій 2.000 рублей; во-вторыхъ, дума рѣшила учредить въ Киевѣ четыре городскія училища имени А. С. Пушкина; въ-третьихъ, рѣшено открыть новую бесплатную народную читальню имени поэта и, въ-четвертыхъ, ассигновать 1.000 рублей на учрежденіе стипендій имени поэта для воспитанниковъ городскихъ училищъ. Независимо отъ этого дума, по предложению гласнаго О. О. Эйхельмана, рѣшила возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи устроить въ Киевѣ на средства города и частныхъ пожертвованія «Пушкинскую гимназію», учебное заведеніе нового типа, въ которомъ преподаваніе древнихъ языковъ было бы замѣнено преподаваніемъ новыхъ языковъ и естественныхъ наукъ, причемъ окончившимъ курсъ этого заведенія предоставлялось бы право поступать въ высшія учебныя заведенія. Избрана особая комиссія подъ предсѣдательствомъ О. О. Эйхельмана для разработки мотивированного ходатайства по этому вопросу. 2) Комиссія изъ профессоровъ университета, обсудивъ вопросы обѣ устройствѣ празднованія столѣтняго юбилея А. С. Пушкина, обратилась ко всѣмъ владѣльцамъ какихъ либо предметовъ,

относящихся къ личности А. С. Пушкина или близко стоявшихъ къ нему современниковъ (портретовъ большого формата, бюстовъ поэта, старыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, появившихся при его жизни, рукописныхъ списковъ съ его сочиненій) съ покорнѣйшею просьбою выслать въ университетъ (по адресу: Киевъ, университетъ св. Владимира, библиотека, въ Пушкинскую комиссию) на время до 1-го іюня (когда вещи будутъ возвращены казенною посылкой черезъ университетъ владѣльцамъ), въ виду предполагаемой Пушкинской выставки въ одной изъ залъ университета, а также для обзора материаловъ въ приготовляемомъ университетомъ къ печати сборникѣ статей объ А. С. Пушкинѣ и его эпохѣ. 3) Въ Киевѣ педагогическомъ обществомъ предпринять рядъ лекцій о Пушкинѣ и его поэзіи. 30-го января, въ IX аудиторіи университета св. Владимира, была прочитана 1-лекція А. М. Лободой на тему: «Общество и литература въ Россіи наканунѣ Пушкина». Эта лекція по своимъ результатамъ вполнѣ доказала, что мысль педагогического общества вполнѣ удачна. Блесты были проданы всѣ, и многимъ изъ слушателей не хватило мѣсть въ довольно обширной аудиторіи. Слѣдующая лекція состоится 6-го февраля. В. С. Рыбинскій прочтеть: «Дѣтство, отрочество и юность Пушкина».

X. Коломна. На первомъ засѣданіи 15-го февраля представителей городскихъ и уѣздныхъ жителей рѣшено: гласный Е. М. Левинъ, А. Н. Сазоновъ, онъ же и предсѣдатель земской управы, городской голова Покосинъ вносятъ предложеніе въ думу о преобразованіи Коломенской женской прогимназіи въ гимназію съ наименованіемъ ее Пушкинскою. Е. М. Левинъ, состоящій почетнымъ почетителемъ мужской гимназіи въ г. Коломенѣ, снабжаетъ всѣхъ учениковъ полнымъ собраніемъ сочиненій Пушкина. Въ юбилейный день все коломенское общество и ученики городскихъ училищъ соберутся въ соборъ на торжественное богослуженіе и панихиду. Въ залѣ гимназіи будуть произнесены рѣчи о значеніи нашего національнаго поэта для Россіи и всего человѣчества. Вечеромъ въ двухъ мѣстныхъ клубахъ устроятся спектакли и живыя картины изъ пушкинскихъ произведеній. Для народа готовятся отъ города увеселенія на площади. Будутъ играть два оркестра музыки. Кромѣ того, участники лажечниковской библиотеки постановили: основать при библиотекѣ пушкинскую народную читальную съ постановкой въ ней бюста поэта.

X. Москва. 1) Совѣтъ Московскаго университета въ засѣданіи 13-го февраля обсуждалъ вопросъ объ участіи университета въ чествованіи памяти А. С. Пушкина. По слухамъ, предположено, 26-го мая, послѣ литургіи и панихиды въ университетской церкви, устроить въ актовой залѣ торжественное публичное засѣданіе съ произнесеніемъ рѣчей въ память великаго поэта. Кромѣ того, предположено назвать одну изъ залъ новой университетской библиотеки Пушкинскою и помѣстить въ ней портретъ поэта. 2) Пушкинская комиссія, состоящая при московскомъ обществѣ любителей россійской словесности, имѣла 16-го февраля девятое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора А. И. Кирничникова. На собраніи былъ разсмотрѣнъ рядъ вопросовъ. Комиссія разрышила на Пушкинской выставкѣ продавать изданія, портреты и художественные произведения, относящіяся къ Пушкину. Пушкинская выставка будетъ устроена въ залахъ исторического музея, расположенныхъ во второмъ этажѣ

по фасаду, обращенному къ Кремлю; для выставки отведено шесть большихъ залъ. Правление общества камерной, вокальной и оркестровой музыки обратилось въ комиссию съ предложениемъ принять участіе въ Пушкинскихъ торжествахъ совмѣстно съ обществомъ любителей российской словесности. Предложеніе было принято, и постановлено благодарить общество. Учрежденна особая комиссія по устройству литературно-музыкальныхъ вечеровъ, въ составъ которой избраны: профессоры Н. И. Стороженко, А. И. Кирпичниковъ и А. Н. Веселовскій, В. И. Сафоновъ, князь А. И. Сумбатовъ, Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, А. Е. Носъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко и князь А. Е. Львовъ. Было постановлено обратиться къ ученымъ, литературнымъ и художественнымъ обществамъ и учрежденіямъ столицы съ предложениемъ принять участіе въ Пушкинскихъ торжествахъ при обществѣ любителей российской словесности. Комиссія разрѣшила художнику Шрейдеру выставить картину «Бѣсы» на Пушкинской выставкѣ. 3) Московская губернская земская управа предполагаетъ означеновать столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина учрежденіемъ въ каждомъ уѣздѣ по одной народной библіотекѣ въ такой мѣстности уѣзда, где по условіямъ жизни населенія чувствуется въ этомъ наибольшая нужда и будетъ предоставлено необходимое для такой библіотеки помѣщеніе, но где вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя ожидать безъ помощи земства учрежденія такой библіотеки. Библіотеки предположено украсить портретами А. С. Пушкина. 4) Московская городская управа предполагаетъ особенно роскошно украсить 26-го мая памятникъ Пушкина. Къ этому времени будутъ поставлены около памятника новые красивые фонари съ эффектнымъ освѣщеніемъ, которые затѣмъ останутся у памятника навсегда. Кроме того, управа поручила архитектору И. А. Иванову-Шитцу выработать проектъ декорацій и украшеній памятника, которыя могли бы спосбствовать величію памятника, а также позволяли бы располагать у подножія его вѣнки, возложеніе которыхъ предположено различными обществами. Городская управа въ настоящее время уже намѣтила содержаніе книгъ, которыя будутъ разданы бесплатно 26-го мая ученикамъ городскихъ начальныхъ училищъ. Это юбилейное изданіе, содержащее исключительно сочиненія А. С. Пушкина, будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый томъ, предназначенный для раздачи въ 1-й классъ училищъ, включить въ себя сказки — «О Царѣ Солтанѣ», «Рыбакѣ и рыбкѣ» и «О мертвѣй царевнѣ и семи богатыряхъ», какъ болѣе доступныя для дѣтскаго пониманія. Во второй томъ, размѣромъ до 6 печ. листовъ, войдутъ поэмы «Полтава», «Мѣдный всадникъ», «Пиръ Петра Великаго» и др. Болѣе объемистый томъ будетъ 3-й — до 25 печ. листовъ; въ него, кроме избранныхъ мелкихъ стихотвореній, войдутъ «Борисъ Годуновъ», «Евгений Онѣгинъ» и др. крупныя вещи. Ко всему изданію будетъ приложенъ портретъ Пушкина (съ гравюры Уткина) на отдѣльномъ листѣ и видъ памятника ему въ Москвѣ. Къ печатанію изданія будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени. 5) Въ происходившемъ 20 февраля засѣданіи педагогического общества при Московскому университетѣ обсуждалось предложеніе отдѣленія русскаго языка и словесности объ участіи общества въ празднованіи столѣтія со дня рожденія Пушкина. По предложенію отдѣленія, было постановлено назначить особую депутацію съ привѣтствіемъ отъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ тор-

жественное засѣданіе общества любителей российской словесности. Было решено устроить отъ педагогического общества публичное засѣданіе въ мартѣ или апрѣлѣ, которое было бы посвящено памяти Пушкина. Далѣе было постановлено ходатайствовать предъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, чтобы для всѣхъ учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ были устроены празднества по слѣдующей программѣ: 1) 26 мая панихида въ храмѣ Христа Спасителя и затѣмъ торжественное шествие учащихся къ памятнику Пушкина подъ звуки военного оркестра; 2) возложение вѣнковъ на памятникъ Пушкина депутатіями отъ учебныхъ заведеній; 3) пѣніе ученическими хорами и исполненіе музыкальныхъ піесъ предъ памятникомъ; 4) произнесеніе рѣчей у памятника; 5) исполненіе гимна; 6) Пушкинскіе вечера для учащихся въ императорскихъ театрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено просить попечителя учебнаго округа, чтобы подробная выработка программы и общая организація торжествъ для учащихся была поручена совѣту педагогического общества. По предложению одного изъ членовъ, общество назначило двухъ представителей въ Пушкинскую комиссию общества любителей российской словесности для совмѣстнаго обсужденія обѣ устроїствъ Пушкинскихъ празднествъ.

6) Надняхъ послѣдовало утвержденіе августѣйшімъ попечителемъ училища проекта участія училища живописи, ваянія и зодчества въ празднованіи юбилея А. С. Пушкина. Въ училищѣ предполагается: 1) предложить учащимся живописного и скульптурного отдѣленія, въ числѣ другихъ темъ для эскизовъ, темы изъ біографіи и твореній Пушкина, а для учащихся архитектурного отдѣленія—проектъ Пушкинской читальни и аудиторіи; за лучшія работы назначить въ видѣ преміи—жетоны; 2) учредить вечернія бесѣды, послѣ 7 часовъ вечера, при участіи преподавателей училища и подъ руководствомъ профессора А. И. Кирничникова, посвященные изученію біографіи и твореній А. С. Пушкина, между прочимъ—съ цѣлью выбора художественныхъ темъ; 3) помѣстить бюстъ Пушкина въ актовомъ залѣ училища; 4) въ день чествованія памяти А. С. Пушкина (26 мая) отправить депутацію отъ училища для участія въ общемъ празднованіи юбилея; 5) если въ программу общаго чествованія памяти Пушкина войдетъ возложеніе вѣнковъ на его памятникъ, то возложить вѣнокъ отъ училища; 6) 19 октября отслужить въ училищѣ панихида и устроить торжественный актъ съ постановкой бюста, выставкой премированныхъ ученическихъ работъ на предложенные въ томъ пунктѣ темы и раздачей за нихъ жетоновъ. На приобрѣтеніе бюста А. С. Пушкина предположено ассигновать 600 рублей; жетоны же пожертвованы училищу лицомъ, пожелавшимъ отстаться неизвѣстнымъ.

7) Въ 3-й московской классической гимназіи состоялось 23 февраля литературно-музыкальное утро, посвященное А. С. Пушкину; исполнителями выступили исключительно воспитанники гимназіи. Эстрада въ залѣ гимназіи была красиво убрана лавровыми деревьями, среди которыхъ возвышался бюстъ поэта. 25 февраля Пушкинское утро было повторено по желанію воспитанниковъ и ихъ родителей, не имѣвшихъ возможности присутствовать на первомъ утре.

XI. Нижний Новгородъ.

1) Нижегородская городская управа вносить докладъ по вопросу о чествованіи памяти А. С. Пушкина и возстановлять въ памяти думы все тѣ пожеланія, которые были высказаны гласными еще во

время открытия памятника поэту въ Москвѣ. Въ числѣ этихъ благихъ пожеланій, забытыхъ въ настоящее время, значится открытие подписки на сооруженіе памятника поэту въ Нижнемъ и устройство сада его имени. Существуетъ предположеніе именемъ поэта назвать садикъ на Большой Покровской улицѣ, въ которомъ и поставить бюстъ его. 2) Губернская земская управа, озабоченная изготавленіемъ картинъ для народныхъ чтеній въ память Пушкина, поручила снять для этой цѣли 15—20 видовъ Болдина—виды усадьбы, церкви, школы, базара, съѣзднаго села Кистенева, портретъ старика, мѣстнаго жителя, помнятаго Пушкина, видъ его избы и пр. Въ началѣ поста соберется, по словамъ «Нижегородского Листка», комиссія, избранная послѣднимъ очереднымъ губернскимъ земскимъ собраниемъ, и обсудить, какъ израсходовать 5 тыс. руб., ассигнованные собраниемъ на празднованіе Пушкинского юбилея. Существуетъ проектъ, при предстоящемъ преобразованіи одноклассной школы въ Болдинѣ въ двухъ-классное министерское училище, исходатайствовать присвоеніе ей имени Пушкина и открыть въ школько новыхъ школъ въ окрестности съ наименованиемъ ихъ Пушкинскими. Будетъ поднять также, вѣроятно, въ комиссіи вопросъ о бесплатной раздачѣ популярной біографіи поэта населенію. Губернское земство организуетъ Пушкинскія народныя чтенія во всѣхъ уѣздахъ (передвижныя, изъ школы въ школу), кромѣ нижегородского, земство котораго устраиваетъ ихъ отъ себя. 3) Общество распространенія начального образованія въ Нижегородской губерніи съ своей стороны намѣreno устроить празднество въ честь Пушкина. Въ состоявшемся надіяхъ засѣданіи совѣта общества рѣшено устроить въ день рождения Пушкина большое бесплатное народное чтеніе въ манежѣ, посвященное памяти покойнаго поэта; кромѣ того, общество въ тотъ же день устроитъ народное гуляніе. 4) По порученію нижегородского уѣзданого училищного совѣта, инспекторомъ народныхъ училищъ Н. Н. Іорданскимъ составленъ докладъ по вопросу о чествованіи памяти Пушкина въ народныхъ школахъ Нижегородского уѣзда. Докладъ основанъ на той мысли, что чествованіе памяти поэта должно включать: 1) ознакомленіе дѣтей и народа съ произведеніями его и его біографіей, 2) устройство юбилейныхъ празднествъ и 3) увѣковѣченіе памяти поэта среди сельского населенія. Дѣти сельскихъ училищъ хотя знаютъ имя Пушкина изъ хрестоматіи, но еще мало знакомы съ его произведеніями и жизнью. Для чтеній о Пушкинѣ (непремѣнно съ волшебнымъ фонаремъ) докладчикъ предлагаетъ распределить школы Нижегородского уѣзда на 15—20 группъ, приготовить коллекціи картинъ и брошюры и разослать ихъ въ школы каждой группы для чтенія и демонстраціи въ каждой школѣ поочередно; кромѣ учащихся, слѣдуетъ пригласить на чтенія и взрослыхъ. Въ одинъ или два мѣсяца чтенія будутъ закончены во всѣхъ школахъ каждой группы и всего уѣзда. Самое чествованіе, где можно по мѣстнымъ условіямъ, лучшее пріурочить къ 26-му мая. Но при невозможности привлечь населеніе въ школы въ этотъ день придется устроить праздникъ на Пасхѣ. Церковное празднество слѣдуетъ ознаменовать торжественной панихидой по поэтѣ. Школьное и народное торжество должно быть литературнымъ и, по возможності, музыкально-литературнымъ. Народъ и дѣти уже раньше будутъ ознакомлены съ біографіей Пушкина и его поэзіей на чтеніяхъ. Краткая рѣчь свя-

щенника и учителя о значеніи его можетъ быть дополнена чтенiemъ дѣтьми его мелкихъ произведеній. Школьный хоръ могъ бы исполнить народный гимнъ и нѣсколько пѣсень со словами Пушкина. Такимъ образомъ литературный праздникъ сильнѣе запечатлѣеть въ памяти народа пушкинскій день. Сохранить его въ этой памяти необходимо и другими нерукотворными памятниками, имѣющими просвѣтительное значеніе: а) раздача произведеній поэта учащимся желательна, но вызвала бы крупный расходъ; возможно ограничиться раздачей избранныхъ сочиненій и лишь кончающимъ курсъ ученикамъ; б) учрежденіе одной или нѣсколькихъ народныхъ библіотекъ-читателенъ имени Пушкина на средства уѣздного земства; в) открытие образцовой пономѣщенію и обстановкѣ новой начальной школы въ уѣзда съ наименованіемъ Пушкинской. Докладчикъ руководился тою мыслью, что по программѣ празднованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ безъ особенного труда могли бы быть устроены такія же празднованія и въ другихъ уѣздахъ. Тогда «пушкинские дни» распространились бы на всю губернію. Смѣта необходимыхъ расходовъ (по уѣзду) выражается въ такихъ суммахъ: 177 р. на изготошеніе картинъ и на приобрѣтеніе сочиненій Пушкина для 600 учащихся. Картины въ биографіи Пушкина предположены: портреты его въ дѣствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, портретъ императора Николая I, Пушкинъ въ Михайловскомъ, смерть его, памятникъ въ Москвѣ, могила. Эти предложения Н. Н. Йорданского были приняты училищнымъ совѣтомъ. Рѣшено также отпечатать краткій очеркъ жизни поэта, составленный Н. Н. Йорданскимъ. 5) 18-го февраля спектакль въ Нижегородскомъ театрѣ былъ посвященъ памяти А. С. Пушкина. Чествованіе, по словамъ мѣстного «Листка», началось чтенiemъ стихотвореній, посвященныхъ поэту, предъ бюстомъ послѣдняго, къ присутствію всей труппы. Къ подножію бюста г. Собольщикомъ-Самариномъ былъ положенъ лавровый вѣнокъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе отрывковъ изъ произведеній Пушкина. Послѣ отрывковъ изъ произведеній Пушкина послѣдовала живая картина: «Дуэль Пушкина съ Дантеомъ»; картина была поставлена очень хорошо и вызвала шумные аплодисменты. Спектакль закончился апоѳеозомъ: ангель вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ поэта, окруженного героями его произведеній. Апоѳеозъ былъ, по требованію публики, повторенъ нѣсколько разъ. На другой день назначено было повтореніе этого же спектакля.

XII. Одесса. 1) Чествовать память Пушкина въ Одессѣ полагаютъ слѣдующимъ образомъ: избрать депутацію для привѣтствованія отъ имени одесского городского управлѣнія, въ торжественномъ засѣданіи Новороссійскаго университета 26-го мая; отвести для сооруженія Пушкинского дома 1.230 кв. саж. земли на Алексѣевской площади, въ кварталѣ, гдѣ предположено сооруженіе средняго техническаго училища; внести въ городскую смѣту 1900 года 6.970 рублей на открытие съ 1-го января 1900 года на Молдаванкѣ народной читальни имени Пушкина (на обзаведеніе 3.000 руб. и на содержаніе 3.970 руб.), и ассигновать до 3.000 рублей на устройство празднествъ 26-го и 27-го мая этого года. По совѣсти сказать, Одесса могла бы и побольше расщедриться и, между прочимъ, принять участіе въ подискѣ на всероссійской памятникъ Пушкину въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одесскую городскую управу, по словамъ мѣстного «Листка», поступило предложеніе гл. В. В. Навроцкаго объ

устройствѣ въ Одессѣ «Убѣжища для инвалидовъ печати имени А. С. Пушкина», въ которомъ находили бы себѣ убѣжище труженики печати, начиная отъ литератора и кончая наборщикомъ, безъ различія званія, состоянія, класса и вѣроисповѣданія, преждевременно разстроивши свои силы и здоровье на по-прищѣ служенія печатному слову, или потерявши, вслѣдствіе преклоннаго возраста, способность къ другому занятію. Устройство такого убѣжища, которое должно быть наименовано Пушкинскимъ, въ честь великаго поэта, наиболѣе умѣстно, по мнѣнию автора предложенія, въ Одессѣ, которая, по своему климату и курортамъ, и какъ центръ юга Россіи, представляется наиболѣе соответствующимъ пунктомъ для данной цѣли. На убѣжище это собрано уже до пятнадцати тысячъ рублей; одесская управа предлагаетъ думѣ отвести подъ него участокъ городской земли. 2) Проектъ чествованія въ Одессѣ памяти А. С. Пушкина 26-го мая выработанъ соединеннымъ собраніемъ членовъ комиссіи, избранной совѣтомъ Новороссійскаго университета, и комиссіи, составленной правленіемъ историко-филологического общества. Постановлено, что чествование столь знаменательнаго дня не должно имѣть характера празднества узкаго, замкнутаго въ тѣсныхъ предѣлахъ университета или отдѣльныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Дни Пушкинскихъ празднествъ должны объединить культурныя силы мѣстнаго общества и слить отдѣльныя проявленія ихъ дѣятельности въ одно гармоническое цѣлое. Для обсужденія вопроса о степени участія города въ Пушкинскихъ празднествахъ состоялось, по словамъ «Одесского Листка», подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должностъ городского головы А. А. Швейцера, засѣданіе, въ которомъ приняли участіе представители славянского общества, городской театральной комиссіи и лекціоннаго комитета. Въ собраніи въ общихъ чертахъ, такимъ образомъ, намѣчено участіе города въ предстоящемъ чествованіи памяти поэта. По инициативѣ городского общественнаго управлѣнія, отслужена будетъ панихида, на которую будутъ приглашены, кромѣ гласныхъ городской думы, депутаты отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Затѣмъ городское общественное управлѣніе приметъ участіе въ торжественномъ церемоніальномъ шествіи передъ памятникомъ А. С. Пушкина на бульварѣ, при чѣмъ отъ имени городского общественнаго управлѣнія также будетъ возложенъ вѣнокъ на памятникъ. Въ городскомъ театрѣ, народныхъ аудиторіяхъ на Старо-Портофранковской ул., на Слободкѣ-Романовкѣ и на Переяслави, а также въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ, будутъ поставлены Пушкинскіе спектакли. Въ собраніи высказана была также симпатичная мысль о томъ, чтобы Пушкинскій праздникъ ознаменовался у насъ устройствомъ какого либо учрежденія, имѣющаго образовательный и воспитательный характеръ, имени А. С. Пушкина. Вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ думой.

XIII. Орелъ. Особое совѣщеніе, созванное орловскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства М. А. Стаковичемъ, по вопросу о наиболѣе достойномъ чествованіи въ Орлѣ Пушкинского юбилея, собралось на засѣданіе 14-го февраля, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Никанора. Въ результатѣ была выработана примѣрная слѣдующая программа празднованія: 1) подготовительная лекціи за нѣкоторое время до наступленія юбилея; 2) 26-го мая: а) торжественная литургія и панихида въ соборѣ; б) соединенное торжественное засѣданіе

обществъ; с) бесплатное чтеніе для взрослыхъ въ читальняхъ и другихъ помѣщенияхъ; д) дневной бесплатный дѣтскій праздникъ—гулянье, шествія и игры; е) дневные бесплатныя представленія для дѣтей во всѣхъ театрахъ и циркѣ; ж) литературно-музыкальный вечеръ въ дворянскомъ собраніи; 3) 27-го мая: а) платное гулянье въ саду и другихъ мѣстахъ для взрослыхъ, и б) платные спектакли для взрослыхъ въ театрахъ и циркѣ. М. А. Стаковичъ высказалъ мнѣніе о необходимости отмѣтить день столѣтнаго юбилея чѣмъ либо, что постоянно напоминало бы объ А. С. Пушкинѣ и, вмѣсть съ тѣмъ, удовлетворяло бы одну изъ культурныхъ потребностей г. Орла. Указавъ на существующій громадный спросъ на книги для чтенія со стороны населенія, что можно видѣть изъ краснорѣчивыхъ данныхъ Тургеневской читальни, г. Стаковичъ высказался за желательность учрежденія въ память А. С. Пушкина публичной библіотеки и представилъ собранію примѣрный проектъ такой библіотеки, выработанный комиссией по чествованію столѣтнаго юбилея со дня рождения поэта. Собраніе выслушало проектъ, а во время сдѣланнаго послѣ этого краткаго перерыва проектъ подписали, начиная съ преосвященнаго Никанора, около 80 человѣкъ; затѣмъ собраніе постановило организовать комиссию, которая приняла бы на себя осуществленіе программы празднества. Составъ комиссии: представители всѣхъ учрежденій и обществъ и всѣ лица, которыя возьмутъ на себя организацію по осуществленію той или другой части программы. Почетнымъ предсѣдателемъ комиссии выбранъ преосвященный Никаноръ, предсѣдателемъ—М. А. Стаковичъ.

XIX. Петербургъ. 1) Въ § 9 высочайше утвержденной 20-го января программы высочайше учрежденной при императорской академіи наукъ комиссіи по чествованію столѣтней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина указано, что разрѣшеніемъ отъ правительства частнымъ обществамъ предоставляется устройство художественныхъ празднествъ въ память А. С. Пушкина каждому въ отдѣльности или по соглашенію обществъ между собою. Вслѣдствіе этого 12 находящихся въ Петербургѣ литературныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ обществъ образовали особый комитетъ изъ своихъ представителей для совмѣстного устройства художественного праздника, сборъ съ которого предназначенъ на памятникъ Пушкина въ Петербургѣ. Въ составъ означенного комитета входятъ представители слѣдующихъ обществъ: Союза русскихъ писателей, Русского литературного общества, Русского театрального общества, Литературно-артистического кружка, Императорского русского музыкального общества, Императорского общества архитекторовъ, Императорского общества поощренія художествъ, С.-Петербургскаго общества художниковъ, Русского общества акварелистовъ, Товарищества передвижныхъ выставокъ, Понедѣльничныхъ художественныхъ собраній и 9-го дамскаго художественного кружка. Праздникъ, устраиваемый комитетомъ, имѣть быть 26-го мая въ залахъ и саду Таврическаго дворца, на предоставление коихъ въ распоряженіе комитета послѣдовало высочайшее разрѣшеніе. Программа праздника, уже намѣченная въ общихъ чертахъ, разрабатывается въ подробностяхъ своихъ особыми комиссіями и своевременно будетъ опубликована.

2) Дума рѣшила вопросъ объ участіи городскаго управления въ чествованіи предстоящей столѣтней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина. Кромѣ извѣстныхъ уже

нашимъ читателямъ проектовъ празднованія Пушкинскихъ дней, представленныхъ городскою комиссию по народному образованію, совмѣстно съ управою и техническимъ отдѣленіемъ городской управы, думѣ были сдѣланы еще частные предложения: директоромъ женскаго медицинскаго института, профессоромъ В. К. фонъ-Анрепомъ — обѣ учрежденіи въ институтѣ стипендиѣ имени А. С. Пушкина, и гласнымъ П. П. Дурново — обѣ учрежденіи стипендиѣ въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ и о наименованіи именемъ Пушкина открываемыхъ въ этомъ году 30-ти начальныхъ городскихъ училищъ. Всѣ эти предложения думою были приняты, равно какъ и предложения городской управы, училищной комиссіи и техническаго отдѣленія управы. Такимъ образомъ, въ окончательномъ видѣ думою принятая слѣдующая резолюція: 1) поручить комиссіи по народному образованію избрать изъ своего состава особую комиссію по устройству самаго юбилейнаго Пушкинскаго празднества; 2) ко дню чествованія столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина раздать оканчивающимъ въ 1899 г. курсъ начальныхъ городскихъ училищъ 4.000 экземпляровъ и посѣтителямъ двухъ читаленъ имени А. С. Пушкина 1.000 экземпляровъ юбилейнаго Пушкинскаго сборника. На расходъ по изготавленію упомянутаго сборника отпустить запрообразно въ распоряженіе комиссіи 9.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы по распродажѣ остальныхъ напечатанныхъ экземпляровъ названнаго сборника, сверхъ необходимыхъ для надобностей комиссіи, получившійся денежній остатокъ сверхъ отпущенной суммы послужилъ къ образованію фонда, подъ названіемъ Пушкинского, на благотворительныя дѣла; 3) въ день 26-го мая 1899 года отслужить отдѣльно для учащихся каждого школьнаго участка панихиды, а въ городскихъ бесплатныхъ читальняхъ имени А. С. Пушкина отслужить панихиды до начала чтенія въ нихъ; 4) избрать для устройства пушкинскихъ школьнаго праздниковъ день акта городскихъ начальныхъ училищъ, 30-е мая, и поручить комиссіи по устройству юбилейнаго Пушкинскаго празднества разработать подробную программу предполагаемыхъ школьнаго праздниковъ, на расходы по устройству которыхъ ассигновать 5.000 р.; 5) ассигновать въ распоряженіе комиссіи по народному образованію необходимый кредитъ на учрежденіе 10-ти стипендиѣ, по 400 руб. каждая, въ различныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, предоставивъ комиссіи распределеніе стипендиѣ по тѣмъ или другимъ учебнымъ заведеніямъ, съ тѣмъ однако, чтобы стипендиї были учреждены въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; на всѣ эти стипендиї открыть комиссіи кредитъ въ размѣрѣ 4.000 руб. въ годъ; 6) учредить въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ одну стипендию имени А. С. Пушкина въ 800 р. въ годъ; 7) поручить комиссіи войти въ соглашеніе съ владельцами дома № 10-й, по Мойкѣ, гдѣ скончался поэтъ, о пріобрѣтеніи этого дома въ собственность города для помѣщенія въ немъ многокласснаго училища имени А. С. Пушкина и другихъ городскихъ учрежденій съ просвѣтительнымъ характеромъ. Въ случаѣ, если бы не представилось возможности, почему бы то ни было, воспользоваться для Пушкинскаго училищнаго дома домомъ наслѣдниковъ свѣтл. кн. Волконскаго, то для означенной цѣли предоставить комиссіи свободный городской участокъ земли по Большой Ружейной ул., подъ № 14, для постройки на немъ школьн-

наго дома съ 20-ю классами, по образцу уже существующихъ такихъ домовъ, открывъ комиссію по народному образованію кредитъ въ размѣрѣ 200,000 р. на сооруженіе означенного городского школьнаго дома; комиссию по тому или другому предложенію уполномочить представить подробный докладъ; 8) войти съ ходатайствомъ о наименованіи части вновь строящейся набережной р. Невы между мостами Троицкимъ и Самисониевскимъ—«Пушкинскую набережную»; 9) принять участіе въ изысканіи мѣръ къ огражденію мѣста дуэли поэта рѣшеткою, съ постановкою здѣсь приличествующаго случаю монумента или часовни; 10) поставить въ классныхъ комнатахъ всѣхъ городскихъ начальныx училищъ портреты поэта, ассигновавъ на этотъ предметъ 500 р.; 11) наименовать 30 училищъ, которыя предположено открыть въ настоящемъ году, училищами въ память А. С. Пушкина; 12) ассигновать 1,000 р. попечительству учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ на увеличеніе капитала, обезпечивающаго содержаніе въ надлежащемъ впѣдь могилы поэта и учреждаемаго его имени богадѣльно и бесплатную читальню въ Святыхъ Горахъ; 13) ходатайствовать предъ правительствомъ объ открытии въ Петербургѣ подиумки на сооруженіе въ одномъ изъ павильоновъ столицы памятника А. С. Пушкину и 14) для основанія фонда на постройку упомянутаго памятника ассигновать изъ городскихъ средствъ 25,000 р. 3) Съ цѣллю чествованія памяти А. С. Пушкина, по случаю предстоящей столѣтней годовщины со дня его рожденія, въ Петербургѣ образовался специальный литературно-художественный комитетъ, изъ представителей существующихъ въ столицѣ литературныхъ и музыкальныхъ обществъ. Въ составъ комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ П. Н. Исакова, входитъ свыше 30-ти представителей разныхъ обществъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, принимаютъ участіе: гг. Гнѣдичъ, Боборыкинъ, Кривенко, Карповъ, Черемисиновъ, Молчановъ, Каразинъ, Кондратенко, Брюлловъ, Шрейберъ, Овсянниковъ, Вилье, фонъ-Гогенъ, Крамаренко и др. Комитетъ предполагаетъ создать особый праздникъ литературы и художествъ. На бывшихъ уже нѣсколькихъ предварительныхъ засѣданіяхъ комитета намѣчена въ общихъ чертахъ программа праздника, который будетъ состоять изъ четырехъ самостоятельныхъ частей: 1) литературной — пролога, изъ произведеній Пушкина, 2) музыкальной — изъ произведеній на Пушкинскіе сюжеты, 3) художественной — процессіи типовъ Пушкинскихъ произведеній и 4) бала. Для разработки деталей каждой части въ отдѣльности, комитетъ раздѣлится на четыре секціи: административную, которая будетъ завѣдывать устройствомъ праздника съ хозяйственной стороны, литературную, художественную и музыкальную. Всѣ залы въ помѣщеніи, въ которомъ будетъ устроенъ праздникъ, предполагается украсить всякаго рода декоративными украшеніями, соответствующими произведеніямъ Пушкина или его жизни. Ко дню праздника издана будетъ специальная художественная программа, иллюстрированная Пушкинскими сюжетами. Праздникъ, цѣль которого будетъ основать фондъ для дешеваго народнаго изданія сочиненій Пушкина, предполагается устроить въ самый день рожденія Пушкина, 26 мая, вечеромъ. 4) Въ засѣданіи С.-Петербургскаго общества художниковъ, по предложенію М. Е. Малышева, было постановлено составить альбомъ изъ рисунковъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина,

для чего каждый художникъ выбираетъ самостоятельно сюжетъ и рисуетъ картину. Назначеніе этого альбома будетъ рѣшено по полученіи картинъ. Подобный опытъ современемъ можетъ привести къ хорошимъ послѣдовательствіямъ. Незамѣтнодля самихъ художниковъ, изъ такихъ альбомовъ могутъ появиться прекрасныя иллюстраціи къ произведеніямъ нашихъ великихъ писателей. Въ томъ же засѣданіи г. Прокофьевъ познакомилъ присутствовавшихъ съ проектомъ зданія для художественныхъ выставокъ, которое общество думаетъ выстроить на мѣстѣ Лебяжьей канавки. Въ кандидаты къ членамъ правленія на 1899 г. выбраны А. А. Писемскій и Р. А. Бергольцъ. 5) Въ министерствѣ народного просвѣщенія предпринята разработка нормального устава просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, учреждаемыхъ при высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Утвержденіе устава предполагается пріурочить ко дню столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина и самому уставу присвоить наименование «Пушкинского».

XV. Исковъ. Комитетъ по сбору пожертвованій на устройство учрежденій въ память А. С. Пушкина довольно часто получаетъ обратно разсылаемые имъ подписные листы, при чемъ возвращающія ихъ лица обыкновенно указываютъ на то, что подпись уже производится по листамъ, прежде полученнымъ ими отъ Святогорского попечительства. Комитетъ, полагая, что на громадномъ пространствѣ нашего обширнаго отечества 3—4 тысячи листовъ, разосланныхъ попечительствомъ Святогорской богадѣльни, врядъ ли можно признать достаточнымъ количествомъ для ознакомленія всего русскаго общества съ предполагаемымъ чествованіемъ столѣтней годовщины поэта А. С. Пушкина въ Псковѣ, имѣть честь покорѣйше просить лица и учрежденія, къ коимъ отправляются подписные листы, не поставить себѣ въ труда распространеніе ихъ въ публикѣ. При этомъ комитетъ, во избѣженіе возникающихъ недоразумѣній, считаетъ долгомъ вновь напомнить, что высочайше утвержденный 5-го октября 1898 года комитетъ изъ представителей псковскаго дворянства, земства, города и попечительства Святогорской богадѣльни замѣнилъ собою бывшій комитетъ Святогорского попечительства,—поэтому весь сборъ пожертвованій какъ по листамъ Святогорского попечительства, такъ равно и по вновь разсылаемымъ листамъ комитета нынѣ долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ этого послѣдняго. Широкая программа, на выполненіе которой уполномочены названный комитетъ, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ: пріобрѣсти все или часть имѣнія отъ наследниковъ поэта и устроить тамъ пріютъ для престарѣлыхъ писателей; построить въ г. Псковѣ домъ имени А. С. Пушкина, который заключалъ бы въ себѣ: городскую общественную ббліотеку съ читальней для народа, помѣщеніе для начальной воскресной школы, зрительный залъ со сценой для народныхъ спектаклей, для концертовъ, выставокъ и т. п., помѣщеніе для мѣстныхъ научныхъ музеевъ, залъ для засѣданія мѣстныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы быть устроены засѣданія комитета, завѣдывающаго дѣлами учрежденій имени А. С. Пушкина въ г. Псковѣ; затѣмъ, привести въ подобающей видѣ памятникъ на могилѣ поэта въ Святогорскомъ монастырѣ и, наконецъ, обеспечить, насколько возможно, открытые уже въ Св. Горахъ богадѣльню и пріютъ имени А. С. Пушкина. Само собою разумѣется, что выполненіе подобнаго плана, полу-

чившаго высочайшее одобрение, требуется для осуществления своихъ соотвѣтствующихъ суммъ, сборъ которыхъ займеть не нѣсколько мѣсяцевъ, оставшихся до 26-го мая 1899 года, а болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени; при этомъ сумма сбора, конечно, будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того сочувствія, какое встрѣтить этотъ планъ среди русскаго общества. Для ознакомленія публики съ этимъ дѣломъ, комитетъ распространилъ 24 тысячи подписныхъ листовъ съ 2,500 писемъ, излагающихъ предположенія его объ устройствѣ учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Псковѣ и въ Псковской губерніи. Такимъ образомъ комитетъ, разославъ такую груду подписныхъ листовъ и писемъ, имѣлъ достаточно основаній предполагать, что русское общество во всѣхъ слояхъ вполнѣ ознакомилось какъ съ подпискою, производимою Псковскимъ комитетомъ, такъ и съ цѣлями, для которыхъ эта подписка производится. Что касается программы чествованія А. С. Пушкина въ Псковѣ и у могилы его въ Святогорскомъ монастырѣ, то, имѣя въ виду, что чествование Пушкина составляетъ настолько же псковское, насколько и общее всей Россіи дѣло, комитетъ находилъ рановременнымъ объявлять въ печати обрывки программы, когда программа императорскою академію наукъ не была еще окончательно выработана. Во всякомъ случаѣ, псковской комитетъ по сбору пожертвованій и устройству учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Псковѣ и въ Псковской губерніи вполнѣ разсчитываетъ на то, что столичная печать поможетъ «псковичамъ» своимъ авторитетнымъ словомъ. Комиссія, избранная губернскимъ земствомъ, по пріему гостей на предстоящемъ торжествѣ чествованія памяти А. С. Пушкина, выѣзжала въ Святые Горы и имѣла тамъ первое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ псковского губернского предводителя дворянства. Комиссія рѣшила составить списокъ квартиръ, которыя могутъ быть приготовлены для прѣѣзжихъ въ Святые Горы, затѣмъ определить число лошадей, могущихъ быть выставленными на каждую изъ почтовыхъ станцій, а также и число экипажей; устроить площадку кругомъ могилы А. С. Пушкина, отремонтировать памятникъ ко дню торжества и разработать проектъ декоративныхъ украшеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія рѣшила просить мѣстная уѣздная земская управы о приведеніи въ полный порядокъ дорогъ, ведущихъ къ Святымъ Горамъ, кромѣ главнаго пути отъ гор. Острова. О предполагающемся торжествѣ празднованія будетъ сообщено уѣзднымъ предводителямъ дворянства Псковской губерніи съ просьбою увѣдомить объ этомъ мѣстныхъ дворянъ. Предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ постановлено просить увѣдомить уѣздныхъ гласныхъ. Кромѣ того, о предстоящемъ торжествѣ будетъ сообщено петербургскому и новгородскому губернскимъ предводителямъ дворянства и предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ. Въ Псковѣ на имя предсѣдателя комитета по сбору пожертвованій въ память А. С. Пушкина получено отъ проживающаго въ Веронѣ итальянца г. А. Торретто предложеніе принять отъ него для постановки на сценѣ псковскаго театра новую, написанную имъ на слова Пушкина оперу «Цыганы». Вслѣдствіе отсутствія, однако, въ Псковѣ вокальныхъ и музыкальныхъ силъ, способныхъ взяться за постановку оперы, комитетъ, не можетъ воспользоваться предложеніемъ итальянскаго композитора. **XVI. Рига.** Лиѳляндскій губернаторъ В. Д. Суровцовъ

взялъ на себя ініціативу въ дѣлѣ устройства въ Ригѣ чествованія памяти Пушкина въ день столѣтняго юбилея поэта. Къ совѣщанію о способахъ чествованія приглашены, кромѣ вице-губернатора, также представители рижскихъ русскихъ общественныхъ учрежденій и учебнаго вѣдомства, предсѣдатели: ремесленного общества, театрального комитета, рижской городской головы и нѣкоторыхъ другія лица. По Рижскому учебному округу приняты мѣры къ празднованію столѣтняго юбилея Пушкина въ возможно большемъ количествѣ низшихъ учебныхъ заведеній округа. На предстоящихъ по этому поводу собранийхъ учащихся, предположено ознакомить ихъ, при посредствѣ волшебныхъ фонарей, съ лучшими произведеніями великаго поэта, раздать имъ его портреты и сочиненія. Празднованіе юбилея состоится и во всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ округа по особой программѣ. Рижское латышское общество намѣreno дать ко дню Пушкинского празднества изящный томикъ съ избранными произведеніями великаго русскаго поэта въ возможно лучшемъ латышскомъ переводаѣ и съ возможно полною биографіей знаменитаго писателя. **XVII. Рыбинскъ.** Рыбинская городская дума, рассматривая вопросъ о чествованіи 26-го мая столѣтняго юбилея со дnia рожденія А. С. Пушкина, рѣшила въ день юбилея отслужить въ соборномъ храмѣ панихиду, въ городскомъ театрѣ устроить бесплатный спектакль для учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ; переименовать Конюшенную улицу въ городѣ—въ Пушкинскую; назвать именемъ поэта одно изъ приходскихъ училищъ, содержимое исключительно на средства города, и ассигновать на расходы по чествованію 300 рублей. **XVIII. Сѣдлецъ.** 17-го февраля устроенъ былъ въ русскомъ общественномъ собраніи любительскій спектакль, сборъ съ котораго назначенъ въ исковскій комитетъ по выкупу села Михайловскаго, а 21-го февраля въ томъ же собраніи данъ концертъ любителями пѣнія, сборъ съ котораго пойдетъ на памятники Пушкину и Суворову. Первый номеръ программы концерта изъ оперы Даргомыжскаго «Русалка», а затѣмъ изъ «Жизни за Царя», «Вильгельма Телля», «Невольниковъ» и др. Кромѣ того, предполагается, какъ говорятъ, устроить еще одинъ спектакль или концертъ специально на памятникъ Пушкину. **XIX. Тифлісъ.** Въ Тифлісѣ возникла мысль объ основаніи въ память А. С. Пушкина «пушкинского фонда», со вспомогательной кассой для писателей, ученыхъ и артистовъ. Въ настоящее время составляется проектъ устава, который затѣмъ будетъ представленъ на усмотрѣніе лицъ, желающихъ войти въ составъ будущаго общества. **XX. Харьковъ.** Харьковское губернское земство готовить особый докладъ по вопросу обѣ участій въ чествованіи памяти Пушкина. Докладъ этотъ будетъ обсуждаться на экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи, которое предполагается созвать въ непродолжительномъ времени послѣ утвержденія въ должности вновь избраннаго предсѣдателя губернской земской управы. Предполагается ассигновать изъ средствъ земства довольно солидную денежную сумму какъ на приобрѣтеніе сочиненій поэта для раздачи ихъ сельскому населенію Харьковской губерніи, такъ равно и на устройство какого либо новаго учрежденія, которое, въ память поэта, будетъ названо Пушкинскимъ. Къ столѣтнему юбилею дnia рожденія А. С. Пушкина издательскій комитетъ, состоящій при Харьковскомъ обществѣ грамотности, рѣшилъ выпустить сборникъ избранныхъ его стихотвореній какъ

для взрослыхъ читателей, такъ и для дѣтей школьнаго возраста. Сборникъ, по словамъ «Южн. Края», будеть заключать въ себѣ биографію поэта съ его портретами, затѣмъ три большихъ поэмы («Мѣдный всадникъ», «Полтава» и «Кавказскій пѣнникъ»), сцену изъ «Бориса Годунова», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Вѣсовъ», «Женіха» и рядъ болѣе мелкихъ произведеній пушкинскай музы. Спрось на сборникъ предвидится очень большой. Уже въ настоящее время поступили требованія на нѣсколько тысячи экземпляровъ (для мѣстныхъ городскихъ училищъ 2.000, а отъ инспектора народныхъ училищъ Сумскаго уѣзда, 5—10 тысячъ). **XXI. Черниговъ.** Черниговское земство постановило образовать въ теченіе пяти лѣтъ капиталъ въ 15.000 рублей для выдачи въ память А. С. Пушкина наиболѣе способнымъ изъ учениковъ сельскихъ школъ стипендией для продолженія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и высшихъ. **XXII. Феодосія.** Феодосійская управа, въ виду исполняющагося въ нынѣшнемъ году столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина и предстоящаго чествованія памяти поэта, предполагаетъ въ день годовщины дня рожденія раздать всѣмъ учащимся въ подвѣдомственныхъ Феодосійскому уѣздному училищному совѣту народныхъ училищахъ полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, независимо отъ наградъ, выдаваемыхъ оканчивающимъ въ нихъ курсъ. Въ настоящее время земская управа озабочена выпиской подходящаго юбилейнаго изданія, разрѣщенаго для народныхъ школъ. На это ассигновано 5.000 рублей.

Годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. 24-го февраля, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Зимнемъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго величества государя императора, при участіи пхъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владимира Александровича и Константина Константиновича, годичное общее собраніе императорскаго русскаго Историческаго общества. По открытии засѣданія, предсѣдатель общества, А. А. Половцовъ, прочель слѣдующій, приводимый въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», отчетъ о дѣятельности общества. Со времени послѣдняго собранія обществомъ издано 9 томовъ Сборника. 98-й томъ, изданный подъ наблюдениемъ члена общества Н. Ф. Дубровина, заключаетъ въ себѣ документы изъ дѣлъ комиссіи для собиранія матеріаловъ, относящихся къ исторії царствованія императора Николая I, учрежденной подъ предсѣдательствомъ съ начала барона Корфа, затѣмъ князя Урусова и наконецъ, графа Делянова. 98-й томъ состоить изъ трехъ частей: 1) матеріалы и черты къ биографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія, а именно: рожденіе и первыя двадцать пять лѣтъ его жизни; 2) императоръ Николай въ соѣдательныхъ собраніяхъ (по изложению статьи секретаря барона Корфа, въ двухъ отдѣлахъ: а) 1835—1843 гг., и б) 1844—1849 гг.), и 3) отчеты министерства и высшихъ управленій, поднесенные императору Николаю I въ 1850 году. Этотъ томъ, изданный въ память столѣтія со дня рожденія императора Николая I, былъ разосланъ къ 25-му іюня 1896 года какъ учрежденіямъ и лицамъ, которыхъ безмездно получають «Сборникъ Общества», такъ и всѣмъ министрамъ и членамъ государственного совѣта, по особому распоряженію предсѣдателя общества. 99-й томъ служить продолженіемъ изданія хранящихся въ Лондонскомъ архивѣ министерства иностраннаго дѣлъ донесеній и другихъ диплома-

тическихъ бумагъ англійскихъ посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ. Въ этотъ томъ, составляющій XI часть изданія англійскихъ бумагъ, вошли документы съ юна 1742 года по апрѣль 1744 года. 100-й томъ составляетъ XII часть изданія извлеченныхъ изъ Парижскаго архива министерства иностраннныхъ дѣлъ кошій съ донесеній французскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ и распоряженій французскаго министерства. Въ этотъ томъ вошли донесенія маркиза де-ла-Шетарди и д'Аліона, съ 1-го декабря 1741 года по 18-е апрѣля 1743 года. Томъ изданъ подъ наблюдениемъ секретаря общества. 101-й томъ заключаетъ послѣднюю часть обширнаго изданія протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайного совѣта. Сюда вошли документы до 4-го марта 1730 года, то-есть по день упраздненія верховнаго тайного совѣта. 101-й томъ, какъ и предыдущія части этого изданія, напечатанъ подъ наблюдениемъ Н. Ф. Дубровина. Въ 102-мъ и 103-мъ томахъ помѣщены бумаги изъ Лондонскаго архива министерства иностраннныхъ дѣлъ. Первый изъ этихъ томовъ составляетъ XII часть, а второй—XIII часть изданія англійскихъ бумагъ и обнимаютъ періодъ времени съ апрѣля 1744 года по 24 мая 1748 года. Оба тома служать продолженіемъ изданія «Дипломатической переписки англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ». Въ 102-мъ томѣ напечатаны донесенія за 1744 и 1745 годы англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: сначала лорда Тироули, а затѣмъ Гиндуфорда, и королевскія инструкціи и приказанія, передаваемыя имъ черезъ статсъ-секретарей лорда Картерета и лорда Гаррингтона. Главная цѣль переговоровъ со стороны Англіи заключалась въ желаніи короля Георга I, во-первыхъ, получить отъ императрицы Елизаветы Петровны обусловленный оборонительный договоромъ 1742 года 12-тысячный вспомогательный корпусъ, такъ какъ 21 марта 1744 года Франція объявила Великобританіи войну, а, во-вторыхъ, склонить императрицу присоединиться къ союзу съ морскими державами, направленному, главнымъ образомъ, противъ короля Пруссіаго, который все усилившимся своимъ могуществомъ угрожалъ равновѣсію европейскихъ державъ. Въ видѣ приложенийъ къ 102-му тому напечатаны извлеченные изъ московскаго главнаго архива министерства иностраннныхъ дѣлъ документы, частью изъ «перлюстрированныхъ писемъ» 1745 г., частью же изъ хранящагося въ томъ же архивѣ тома подъ заглавіемъ: «Протоколы о докладахъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ отъ коллегіи иностраннныхъ дѣлъ» за 1745 годъ; протоколы подписаны канцлеромъ и вице-канцлеромъ и скрѣплены И. О. Пуговицниковымъ, бывшимъ въ то время оберъ-секретаремъ коллегіи иностраннныхъ дѣлъ. Документы эти, насколько известно, въ полномъ видѣ еще никогда не напечатаны. Небольшие изъ нихъ отрывки приведены только покойнымъ С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» (т. XXII). Въ сборникѣ документовъ изъ архива князя Воронцова помѣщались «Доклады императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ по коллегіи иностраннныхъ дѣлъ» за 1742—1744 годы (т. IV и VI), а также за 1746—1755 годы (т. VII), но въ томъ же VII томѣ находится примѣчаніе издателя П. И. Бартенева: «за 1745 годъ докладовъ въ архивѣ князя Воронцова не имѣется». Изъ «перлюстрированныхъ писемъ» напечатаны кошій съ писемъ англійского представителя въ Константинополь Стенгопа Аспинвала къ лорду Гиндуфорду и отвѣты послѣдняго, одно

письмо лорда Гиндфорда къ графу Гаррингтону и коиі съ писемъ англійскаго торговаго агента въ Персіи Джона Эльтона къ лорду Тироули и къ комитету россійской компаніи въ Лондонѣ; эти послѣднія письма проливають нѣкоторыи свѣтъ на положеніе англійскихъ торговыхъ дѣлъ въ Персіи. Документы «изъ протоколовъ о докладахъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ» относятся къ такъ называемому «большому совѣту», собранному императрицей для рѣшенія вопроса о томъ: слѣдуетъ ли допускать дальнѣйшее усиленіе короля Пруссаго и не надо ли оказать помощи саксонскому курфюрсту Августу III, владѣніемъ котораго угрожалъ король Фридрихъ II. Изъ напечатанныхъ документовъ ясно видѣть весь ходъ засѣданій совѣта и рѣшеніе, принятое совѣтомъ и палаженное въ протоколѣ, который былъ подписанъ всѣми членами совѣта и утвержденъ императрицей. 102-й томъ еще не совсѣмъ оконченъ печатаніемъ, вслѣдствіе прибавленія къ нему нѣкоторыхъ документовъ изъ московскаго главнаго архива, которые не были сообщены изъ Лондонскаго архива военнымъ агентомъ, сотрудникомъ общества, нынѣ покойнымъ генералъ-майоромъ Ланцомъ. 104-й томъ изданъ подъ наблюденіемъ профессора императорскаго Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова и заключаетъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Ioannovны. Издаваемые нынѣ впервые документы кабинета касаются устройства, компетенціи и дѣятельности учрежденія, почти непосредственно слѣдовавшаго за верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, протоколы, журналы и указы котораго уже напечатаны въ восьми томахъ «Сборника» общества. Изъ сопоставленія содержанія документовъ кабинета съ содержаніемъ актовъ, характеризующихъ дѣятельность верховнаго тайного совѣта, получаются обильныи и интересныи данныи для сравненія двухъ учрежденій, почти непосредственно примыкающихъ другъ къ другу и игравшихъ весьма важную роль въ исторіи нашего управления первой половины XVIII вѣка. Бумаги кабинета министровъ Аннинскаго царствованія хранятся въ четырехъ архивахъ: государственномъ и сенатскимъ въ С.-Петербургѣ, въ архивѣ министерства юстиціи и въ главномъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ въ Москвѣ. Въ настоящемъ томѣ помѣщены коиі съ подлинниковъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ (въ С.-Петербургѣ) и въ архивѣ министерства юстиціи (въ Москвѣ); изъ документовъ государственного архива, въ цѣляхъ изданія, оказалось возможнымъ напечатать лишь одинъ актъ (стр. 354 и слѣд.); изъ бумагъ же, хранящихся въ главномъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, въ особомъ отдѣлѣ, подъ наименованіемъ «дѣла бывшаго кабинета», — ни одной, такъ какъ весьма многочисленныи и важныи бумаги эти относятся къ послѣдующимъ годамъ дѣятельности кабинета, начиная съ 1733 года, и не содержать за 1731 и 1732 г. ничего такого, что должно было бы найти себѣ мѣсто въ настоящемъ томѣ. 105 томъ содержитъ донесенія представителей французскаго двора при императрицѣ Елизавете Петровнѣ за 1743 и 1745 гг. Посвятивъ весьма значительную часть трудовъ своихъ уже и прежде того славившемуся, хотя и мало извѣстному въ подробностяхъ, царствованію императрицы Екатерины II, общество за послѣдніе годы обратилося къ обнародованію документовъ, долженствующихъ пролить надлежащиій свѣтъ на царствованіе императрицы Елизаветы. Царствованіе это, быть можетъ, нынѣ еще менѣе извѣстно, чѣмъ было

екатерининское царствование 25 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ оно имѣеть весьма серьезное въ исторіи нашей XVIII вѣка значеніе. Вступивъ 25 ноября 1741 года на престолъ, императрица Елизавета застала Россію среди большихъ и многочисленныхъ трудностей. Протекло почти семнадцать лѣтъ со дня смерти великаго двигателя русскаго преуспѣянія. Въ теченіе этого времени смѣнилось четыре властителя, но ни сами они, ни окружавшіе ихъ дѣятели не могли служить оберегателями петровскихъ наслажденій. Наиболѣе продолжительное въ этотъ промежутокъ времени царствование императрицы Анны Ioannovны почти исключительно сосредоточивало свое вниманіе на событияхъ придворной жизни и нѣкоторыхъ военныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ преимущественно Минихомъ. Потребности русской народной и государственной жизни оставались безъ вниманія. Избранные Петромъ иностранцы, подъ его твердою рукой столь полезно трудившіеся надъ осуществленіемъ его предначертаній, по смерти его заняли положеніе самостоятельное, ставившее для многихъ изъ нихъ цѣлью достижениѳ по преимуществу всякаго рода личныхъ выгодъ. Благо и польза Россіи отходили на задній планъ или служили только предлогами для интриги, которая въ глазахъ народа являлась девизомъ правительства. Русское сердце болѣло, чувствовалось, что такъ продолжать нельзя, нравственная скорбь, болѣе тягостная, чѣмъ всякое материальное угнетеніе, заставляла искать выхода. Выходить этотъ явился въ лицѣ Елизаветы Петровны. Преклоняясь предъ памятью отца, проводя жизнь вдали отъ двора и, такъ сказать, подъ надзоромъ временщиковъ, будучи щедро одарена смѣливостью и снисходительностью,—отличительными свойствами русской натуры,—императрица Елизавета, несмотря на не-приготовленность свою къ тяжкому дѣлу управления, тотчасъ по вступленіи на престолъ, по достоинству оцѣнила людей, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Возстановивъ сенатъ въ прежнихъ правахъ правительствующаго, установивъ конференцію для обсужденія высшихъ государственныхъ вопросовъ, избравъ на высшія должности людей, по происхожденію и складу возврѣній не похожихъ на своихъ предшественниковъ,—людей, пользовавшихся ея довѣріемъ, отбросивъ попеченіе о мелочахъ, императрица сохранила за собою въполномъ смыслѣ верховную власть. Веденіе иностранной политики было поручено вице-канцлеру Бестужеву, человѣку высокопросвѣщенному, испытанному въ дѣлахъ, смѣло отстаивавшему предъ императрицей свои взгляды, подчасть расходившіеся съ возврѣніями государыни. Съ первыхъ дней нового царствованія Россія стала жить спокойнѣе, ровнѣе, безмятежнѣе, свойственнѣе своему природному нраву; существуя по этому пути, она вскорѣ дожила до возможности плодотворной дѣятельности для Ломоносова, до учрежденія первого русскаго университета и академіи художествъ, фаворитомъ государыни Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, до ниспроверженія военного могущества опаснѣйшаго по мысли императрицы со-сѣда Россіи—Фридриха II. Но если на разстояніи 150 лѣтъ признательные потомки могутъ такъ оцѣнивать личность и дѣятельность императрицы, то, разумѣется, совсѣмъ иною, хотя нерѣдко полно интереса и фактическихъ подробностей, была оценка ея современниковъ, а въ особенности иностранцевъ, какъ д'Алонъ и де-ла-Шетарди, донесенія коихъ нынѣ издаются обществомъ. Депеши послѣдняго представляютъ тѣмъ болѣшій интересъ, что онъ пріѣхалъ въ

Россію въ концѣ царствованія Анны Ивановны и принималъ вмѣстѣ съ довѣреннымъ врачомъ Елизаветы Петровны Лестокомъ участіе въ ея воцареніи. Осыпанный щедротами императрицы, онъ, несмотря на исключительное его при русскомъ дворѣ положеніе, былъ въ іюнѣ 1742 года отозванъ Людовикомъ XV, какъ кажется, опасавшимся излишней со стороны его приверженности русскимъ интересамъ. Въ концѣ слѣдующаго 1743 года де-ла-Шетарди возвратился въ Петербургъ въ качествѣ посла и, получивъ свободный доступъ къ императрицѣ, сталъ писать своему правительству крайне любопытныя для насть донесенія о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Съ отличавшею его самоувѣренностью французскій посолъ думалъ достигнуть указанныхъ ему въ Парижѣ цѣлей—возбужденія Россіи противъ Австріи и заключенія выгоднаго для Швеціи мира. При первомъ свиданіи императрица тонко намекнула ему о необходимости «distinguer la Russie et la princesse Elizabeth». При дальнѣйшихъ его настоящихъ, обращенныхъ прямо къ императрицѣ, она прекращала разговоръ, отсылая Шетарди къ Бестужеву, который, въ свою очередь, передавалъ вопросы на обсужденіе конференціи, не выражавшей сочувствія къ удовлетворенію узко-эгоистичныхъ видовъ Людовика XV. Шетарди пытался очернить Бестужева въ глазахъ императрицы, но не достигъ своей цѣли; напротивъ, приемы дѣлались рѣже; разнаго рода празднества служили къ тому удобными предложеніями. «Avcc une princesse du caractere de la Czarine»,—пишетъ Шетарди,—«l'on ne pourrait en un sens savoir o l'on en est qu'autant qu'on se monte-rait sur le ton de l'greté et de dissipation, qui la dirige continuellement». Выведеній изъ терпѣнія неудачей, которой не ожидалъ, Шетарди сталъ сваливать всю вину въ томъ на императрицу и ея приближенныхъ. Письма его съ неосторожными въ подобномъ смыслѣ заявленіями и мрачными для Россіи пророчествами были перехвачены, представлены государынѣ, и онъ былъ поспѣшно высланъ изъ Россіи. Неодобрительные отзывы Шетарди не заставили императрицу Елизавету измѣнить свои правительственные приемы; все продолжало идти по прежнему, и послѣ двадцатилѣтняго царствованія Россія сдѣлалась во многомъ неизвестною. Народное чувство, связующее благо родины съ преданностью престолу, разрослось, просвѣщеніе стало подвигаться и безъ «дубинки» Петра Великаго, его земельныя пріобрѣтенія начали сростаться съ кореннымъ отечествомъ, ближайшиe и потому опаснѣйшиe сосѣди преклонились предъ русскимъ знаменемъ, государственное наше существованіе готово было войти въ новую эпоху, — эпоху гражданского развитія, эпоху Екатерининской славы. 106-й томъ составляетъ вторую часть издаваемыхъ профессоромъ Юрьевскаго университета А. Н. Филипповымъ бумагъ кабинета императрицы Анны Ioанновны. Помѣщенные здѣсь бумаги за 1733 годъ напечатаны въ томъ же порядке и на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты для первой части, помѣщенной въ 104-мъ томѣ сборника (см. предисловіе на стр. XXXI и въ текстѣ на стр. 1). Выводы, сдѣланные по отношенію къ кабинету за 1731—1732 года въ обширномъ «введеніи» къ 104-му тому, остаются въ общемъ въ силѣ и по отношенію къ кабинету въ 1733 г., такъ какъ ни въ устройствѣ, ни въ составѣ его не происходитъ никакихъ перемѣнъ, а отношенія къ императрицѣ остаются прежними. Дѣятельность министровъ, впрочемъ, получаетъ фактически вообще

болѣе широкое, чѣмъ прежде, развитіе, что виѣшне выражается въ усиленіи письменныхъ сношеній министровъ съ различными мѣстами и лицами и въ появлениі именныхъ указовъ и высочайшихъ реескриптовъ, подписанныхъ двумя кабинетомъ-министрами (гр. Остерманомъ и кн. Черкасскимъ). Документы для настоящаго тома извлечены изъ сенатскаго архива въ С.-Петербургѣ и изъ московскаго главнаго архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ, а частію и изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. Представивъ отчетъ о дѣятельности общества за три года, съ февраля 1896 года по настоящее время, докладчикъ перешелъ къ понесеннымъ обществомъ утратамъ. За это время общество лишилось четырехъ своихъ членовъ: князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, К. Н. Бестужеву-Рюмина, барона Ф. А. Щюлера и Е. М. Феоктистова. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій скончался 19-го августа 1896 года. Несмотря на непрерывныя занятія дѣлами государственными, князь Алексѣй Борисовичъ съ самаго начала существованія общества принималъ теплое участіе въ судьбахъ его. Въ противоположность Талейрану, утверждавшему, что въ каждой дѣлѣ важенъ моментъ дня, интересъ настоящаго, князь признавалъ въ дѣлахъ первостепенно важную связь этихъ дѣлъ съ историческимъ прошедшимъ. Онъ любилъ отечественную исторію, какъ назидательную вдохновительницу рѣшителей судебъ отечественныхъ. Любовь эта не могла не быть взаимною: исторія возвасть ему свой долгъ благодарности. Князь Лобановъ любилъ исторію еще и по другимъ побужденіямъ, не для всякаго сразу доступнымъ. Быть погруженъ къ сложныя дѣла самыхъ разнообразныхъ отношеній между собою людей, отношеній цѣлыхъ государствъ, обособленныхъ группъ и въ концѣ концовъ отдѣльныхъ личностей, онъ поневолѣ наталкивался на мрачныя, неприглядныя стороны человѣческаго духа. Тягость такого прикосновенія онъ подчасъ пытался ослабить, переносясь мыслию въ прошедшее, знакомясь съ людьми, давно исчезнувшими, стараясь найти въ ихъ дѣяніяхъ побужденія, болѣе возвышенныя, чѣмъ тѣ, съ коими приходилось считаться современному дипломату или администратору. Не выступая писателемъ, публицистомъ, сохраняя свои впечатлѣнія на скромныхъ страницахъ замѣтокъ и записокъ, по повелѣнію его величества переданныхъ послѣ смерти князя историческому обществу, князь Лобановъ могъ безнаказанно давать волю своему природному благодушію, своему снисходительному къ людямъ любопытству. Онъ отыхалъ на привлекательныхъ чертахъ встрѣчавшихся ему характеровъ, огражденныхъ на этотъ разъ отъ клеветы; онъ забавлялся мелочами житейской суеты, защищенной надгробною плитой отъ злословія; чѣмъ меныше изучаемые имъ люди были похожи на окружавшихъ его современниковъ, тѣмъ они легче привлекали вниманіе князя; выборомъ руководило часто не сравнительное достоинство людей, а только несходство мертвыхъ съ живыми, разнообразіе и противоположность типовъ. Такъ, живя и трудясь въ царствованіе императора Александра II, князь Лобановъ посвящалъ досуги изученію царствованія императора Павла I; занимаясь по обязанности дѣлами современной политики, онъ собралъ обширный материалъ о французской эмиграціи и напечаталъ биографіи вѣкоторыхъ изъ эмигрантовъ. Таковы были основныя черты служеній князя Лобанова наукѣ исторіи,—служенія, не выразившагося опредѣленными знаменательными результатами.

тами, но связавшаго самые часы его отдохновенія съ днями, посвященными тру-
дамъ государственнымъ, связавшаго ихъ единствомъ духовнаго стремленія, на-
коемъ всего прочнѣе зиждется цѣлостность характера — залогъ успѣшнаго труда.
Скончавшійся 2-го января 1897 г. Константина Николаевича Бестужевъ-Рю-
минъ былъ однимъ изъ членовъ-учредителей общества. Онъ всегда принималъ
дѣятельное участіе въ изданіяхъ общества. Подъ его наблюденіемъ были на-
печатаны слѣдующіе томы сборника: 1) 21-й томъ, содержащий въ себѣ памят-
ники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ 1810 и 1811 гг. до
начала отечественной войны. Матеріа́ль для тома былъ извлеченъ изъ госу-
дарственного архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ членомъ
общества А. Н. Поповымъ, по смерти которого приведеніе въ порядокъ и на-
блюденіе за печатаніемъ собранныхъ документовъ принялъ на себя и исполн-
илъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. 2) 38-й томъ, начатый членомъ общества Ю. В. Толстымъ, оконченъ также К. Н. Бестужевымъ. Въ этотъ томъ вошли доку-
менты, относящіеся до дипломатическихъ сношеній Московскаго государства
съ Англіей съ 1581 по 1604 годъ. Документы были извлечены изъ московскаго
главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Участіе К. Н. Бестужева
въ дѣлѣ изданія «Біографическаго словаря» выразилось въ составлениі обсто-
ятельныхъ статей: о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и св. князѣ Александрѣ Нев-
скомъ, которыя помѣщены въ I томѣ «Словаря»; обѣ исторіографѣ Н. М. Ка-
рамзинѣ, напечатанной во II томѣ, и о царѣ Борисѣ Годуновѣ, которая будетъ
напечатана въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ. Кроме того, покойный Кон-
стантина Николаевича нерѣдко читалъ въ общихъ собраніяхъ свои статьи.
10-го мая 1896 г. скончался въ Москвѣ дѣйствительный членъ Императорскаго
русскаго историческаго общества, дѣйствит. тайный советникъ баронъ Федоръ
Андреевичъ Бюлеръ, директоръ московскаго главнаго архива министерства
иностранныхъ дѣлъ. Начиная съ 1871 г., онъ принималъ дѣятельное участіе
въ изданіяхъ общества. Такъ, барономъ Бюлеромъ были напечатаны въ XV
томѣ «Сборника общества» «Неизданныя письма Вольтера», адресованныя къ
князю Д. А. Голицыну и извлеченные изъ бумагъ князя Сергія Михайловича
Голицына. Въ числѣ этихъ же бумагъ баронъ Бюлеръ издалъ нѣсколько чи-
семъ князя Д. А. Голицына къ князю А. М. Голицыну. Кроме того, баронъ
Бюлеръ оказывалъ содѣйствіе предпринятому обществомъ обширному изданію
дипломатической переписки Екатерины II, за 1767 — 1771 гг. Скончавшійся
16-го июня 1898 г., сенаторъ Евгений Михайловичъ Феоктистовъ, былъ однимъ
изъ членовъ-учредителей общества. Съ первыхъ дней существованія общества,
то-есть съ мая 1866 г., онъ принялъ на себя обязанности казначея, каковыя
и исполнялъ до самой своей смерти. Затѣмъ, нижеслѣдующіе члены общества
прочли: 1) членъ совѣта Василий Ивановичъ Сергеевичъ — о значеніи въ зако-
нодательствѣ императрицы Екатерины II депутатскихъ наказовъ комиссіи о
сочиненіи проекта новаго уложенія; 2) Николай Карловичъ Шильдеръ — а) о нѣ-
которыхъ событияхъ изъ исторіи царствованія императора Николая I, за
1847 — 1848 годы (манифестъ 14-го марта 1848 г.), и б) представленія
общему собранію его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Влади-
міромъ Александровичемъ — письмо императрицы Маріи Феодоровны къ импе-

ратору Александру I отъ 25-го августа 1808 г., и отвѣтъ на это письмо императора Александра I. Далѣе, на основаніи §§ 12, 30 и 31 устава Императорскаго русскаго историческаго общества, было предложено общему собранію: 1) переизбрать на новое трехлѣтіе: въ предсѣдатели — Александра Александровича Чоловцова, въ вице-предсѣдатели — Афанасія Феодоровича Бычкова, въ секретари — Георгія Феодоровича Штендмана; 2) избрать въ члены совѣта — Феодора Феодоровича Мартенса; 3) утвердить въ должности казначея — исполняющаго казначейскія обязанности — Николая Феодоровича Дубровина; 4) избрать въ действительные члены общества, совѣтомъ предложенныхъ: а) министра иностранныхъ дѣлъ графа Михаила Николаевича Муравьева, б) статье секретаря Николая Николаевича Селіфонтова, в) тайного совѣтника Ивана Егоровича Забѣлина, г) ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Александра Никитича Филиппова. Его величеству государю императору благоугодно было предложить въ почетные члены общества его императорское высочество великаго князя Николая Михайловича. На всѣ сдѣланныя предложения послѣдовало единогласное утвержденіе общаго собранія.

Русскій археологіческій институтъ въ Константинополѣ. Весной и лѣтомъ институтъ сдѣлалъ двѣ экскурсіи: въ Малую Азію и въ Македонію. Цѣлью первой экскурсіи было изслѣдование древностей Никеи и главнѣйше — древней никейской митрополіи, известной своими мозаиками. Предстояло изучить архитектуру церкви Успенія и мозаики въ Абсидѣ и Нартексѣ. Занятія въ Никеѣ привели институтъ къ весьма интереснымъ наблюденіямъ и дали важные результаты. Во-первыхъ, оказалось, что мозаики въ Нартексѣ и въ Абсидѣ не могутъ быть относимы къ одной и той же эпохѣ; во-вторыхъ, получились нѣкоторыя данныя къ опредѣлению времени происхожденія древнѣйшей части храма и его мозаикъ. Полученный материалъ, въ видѣ фотографій, рисунковъ и замѣтокъ, въ настоящее время обрабатывается въ подробностяхъ и составить предметъ специальнаго изслѣдованія. Независимо отъ изученія упомянутой главной святыни Никеи, институтъ имѣлъ случай собрать значительное количество разнообразнаго материала, по преимуществу надписей. Изъ послѣднихъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе огромная надпись въ 34 строки, найденная въ окрестностяхъ Никеи. Экспедиція въ Македонію, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождалась разнообразными научными приобрѣтеніями и при томъ столько же по отношенію къ средневѣковымъ христіанскимъ памятникамъ, сколько греко-римскимъ. Македонія представляетъ обширное и мало изслѣдованное поле для археології, здѣсь возможны еще открытия въ настоящемъ значеніи этого слова. Наиболѣе важныя приобрѣтенія института состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Открыто древнее кладбище по желѣзно-дорожной линіи Салоники — Битоли, близъ селенія Натели, где произведены институтомъ въ октябрѣ — ноябрѣ мѣсяцахъ раскопки, давшія около 600 предметовъ (Галлиштадтскій археологіческій періодъ). 2) Найдено нѣсколько древнихъ надписей, между ними въ особенности должна обратить на себя вниманіе славянская надпись царя Сомуила отъ конца X вѣка, написанная кириллицей. Какъ древнѣйший изъ до селѣ известныхъ памятниковъ славянскаго языка и письма, эта надпись представляеть громадный филологический и палеографический интересъ. 3) Отмѣ-

чено и частью изучено, а частью фотографировано нѣсколько интересныхъ греческихъ рукописей. Наиболѣшій интересъ въ этомъ отношеніи представляеть прекрасная рукопись на пергаментѣ Іоанна Куропалата Скилицы, написанная въ XIII вѣкѣ и сохранившаяся въ цѣлости, за исключеніемъ послѣдняго листа. Эта кодексъ долженъ будетъ получить первостепенное значеніе въ вопросѣ обѣ отношеніи Кедрина къ своимъ источникамъ. Не меныше значенія имѣть другой кодексъ каноновъ вселенскихъ соборовъ, въ концѣ котораго сохранилась небольшая тетрадь съ протоколами константинопольскихъ соборовъ. Здѣсь сохранились, между прочимъ, любопытныя данныя о положеніи провинціальныхъ церквей въ XII вѣкѣ и, между другими, церкви аѳинской. Въ сохранившихъ здѣсь соборныхъ дѣяніяхъ трактуется вопросъ о харистикарії. 4) Путешествіе по Македоніи сопровождалось описаніемъ и изученіемъ многочисленныхъ монументальныхъ памятниковъ, главнѣйшия церквей, сохранившихъ древнія росписи въ сводахъ и на стѣнахъ и надписи. Эта отдельность памятниковъ многочисленъ и разнообразенъ, обнимаетъ періодъ отъ X по XVI—XVII столѣтіе и заслуживаетъ тщательнаго и внимательнаго изученія на мѣстѣ. Въ особенности важны: базилика царя Самуила на Преснѣ и другие храмы въ той же мѣстности. Необходимость безотлагательнаго изученія и опубликованія остатковъ монументальныхъ памятниковъ Македоніи вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что эти памятники подвергаются въ послѣднее время злонамѣренной иорчѣ и уничтоженію вслѣдствіе вражды и политической конкуренціи между сербами и болгарами, съ одной стороны, патріархистами и экзархистами—съ другой. Лѣтомъ прошлаго года, почти на глазахъ экспедиціи, уничтожены были росписи и изображенія историческихъ лицъ въ нѣсколькихъ храмахъ съ той цѣлью, чтобы замаскировать факты, могущіе подать поводъ къ политическімъ притязаніямъ... Изъ внутренней жизни института можно отмѣтить слѣдующія явленія. Постепенно увеличивающіяся научный матеріаль побудилъ администрацію института измѣнить форму изданія «Ізвѣстій». Съ 1899 года труды института будуть издаваться тремя книжками въ годъ. Приобрѣтаемое русскимъ ученымъ учрежденіемъ значеніе на Востокѣ видно, между прочимъ, изъ того, что въ немъ начинаетъ организоваться школа для археологического образования славянъ. Въ институтѣ командированы сербскими правителѣствомъ двое молодыхъ людей съ цѣлью усовершенствованія въ византійской археологии и южно-славянской исторіи. Недостаточный личный составъ института, состоящій изъ директора и секретаря, въ настоящее время можетъ быть пополненъ, благодаря увеличенію бюджета института съ нынѣшняго года. Вслѣдствіе увеличенія средствъ получается возможность развивать научную дѣятельность, равно какъ пополнить библіотеку и коллекціи.

Общество любителей древней письменности. I. 29-го января состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Засѣданіе было открыто заявлениемъ предсѣдателя о томъ, что общество получило отъ вдовы покойнаго Г. Д. Филимонова щедрый даръ—5.000 рисунковъ, принадлежащихъ Г. Д. Филимонову. Затѣмъ Б. А. Тураевъ сдѣлалъ сообщеніе объ имѣющихся въ музеѣ общества предметахъ древне-восточныхъ письменности и археологии. Докладчикъ разобралъ и представилъ въ переводѣ надписи на

предметахъ и выяснилъ, какое значеніе онѣ имѣютъ. Докладчикъ остановился въ своихъ объясненіяхъ, между прочимъ, на египетской деревянной погребальной статуэткѣ, вѣка XIII до Р. Хр.; на глиняномъ кирпичѣ съ надписью, сдѣланной архаическимъ клинообразнымъ шрифтомъ («Навуходоносоръ, царь Вавилонский, украситель храмовъ Эсагиль и Эзидда, сынъ Набополассара, царя Вавилонского, я есть»); на двухъ древне-персидскихъ кирпичахъ съ эмалью (три послѣднихъ предмета пожертвованы М. А. Гамазовымъ) и на др. Затѣмъ, секретаремъ былъ прочитанъ присланный М. Н. Сперанскимъ рефератъ о «Трапетникахъ». Подъ этимъ названіемъ извѣстна книга, содержащая въ себѣ вѣрованія въ предзнаменовательное значеніе дрожи, суда — непроизвольныхъ мускульныхъ и нервныхъ явлений человѣческаго тѣла и его отдѣльныхъ частей. Для славянской литературы существование этой книги восходить къ XV, если не къ XIV вѣку, но исторію «Трапетника» необходимо начинать съ очень отдаленного времени. Примѣты по «трапету» различныхъ частей человѣческаго тѣла принадлежать къ числу тѣхъ примѣтъ, которыя вмѣстѣ съ гаданіемъ являются достояніемъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ и восходятъ ко временамъ доисторическимъ. Весьма рано эти повѣрія стали складываться въ систему, подвергаясь обработкѣ людей, или интересующихся естественными науками или признающихъ практическое значеніе этихъ явлений въ жизни человѣка, каковы, напримѣръ, гадатели, медики, физиологисты древности. Давъ обозрѣніе и анализъ извѣстныхъ ему текстовъ «Трапетника», докладчикъ по вопросу объ отношеніи славянскихъ текстовъ къ ихъ источнику приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ XIV вѣкѣ, едва ли позднѣе, «Трапетникъ» былъ переведенъ съ греческаго языка на болгарскій, съ которого не позднѣе XV вѣка былъ сдѣланъ сербскій переводъ, сохранившій свою популярность до XIX вѣка. Рядомъ съ старымъ переводомъ появляется другой, младшій, по греческому же тексту, но иной редакціи; этотъ послѣдній переводъ даетъ материалъ для переработки стараго «Трапетника» на новый ладъ. Старый южно-славянскій переводъ, или уже осложненный болѣе позднимъ или, вмѣстѣ съ нимъ, перешель на Русь и послужилъ источникомъ русскаго «Трапетника». Независимо отъ стараго перевода, въ новое время въ Сербіи и Болгаріи явился еще переводъ «Трапетника», на этотъ разъ имѣвшаго своимъ источникомъ текстъ румынскій, восходящій къ французскому. Что касается отношенія славянскаго «Трапетника» къ живымъ вѣрованіямъ, то, по мнѣнію М. Н. Сперанскаго, разсмотрѣнные имъ тексты оказали очень незначительное вліяніе на народное повѣрье. В. Н. Перетѣ сообщилъ вирли изъ раскольничаго сборника конца XVIII вѣка, описывающія жизнь въ скитахъ. II. 12-го февраля состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе: «Къ литературной исторіи Несторова житія преподобнаго Феодосія Печерскаго» было сдѣлано Д. И. Абрамовичемъ. Затѣмъ былъ прочитанъ Хр. М. Лопаревымъ рефератъ о переводахъ съ русскаго на греческій языкъ въ концѣ XVII вѣка. Остановившись на вопросѣ о возможности переводовъ съ русскаго на греческій языкъ еще въ византійское время, докладчикъ констатировалъ наличность переводныхъ памятниковъ только съ конца XVII вѣка. Въ это время были переведены: «Путешествіе въ Китай Николая Снаѳарія (1693 г.), «Пу-

тешествіе Байкова», «Чертежъ Сибири», «Описаніе Каспійскаго моря», «Наказъ боярину Матвѣеву», «Повѣсть о смерти князя Даниила Александровича и началѣ Москвы», «Бесѣда Кирилла философа съ великимъ княземъ Влади-міромъ», вѣсколько позже было переведено на греческій языкъ Несторово «Житіе Ѳеодосія Печерскаго» вмѣстѣ съ разсказомъ о перенесеніи мощей и похвалою ему. Референтъ остановился главнымъ образомъ на баснословной повѣсти о началѣ Москвы и показалъ, что переводчикъ-грекъ въ 1693 году переводилъ повѣсть въ Москвѣ съ какой-то, неизвѣстной пока, русской редакціи, доказательствомъ чего служать значительныя прибавки и дополненія въ греческомъ текстѣ сравнительно съ русскою редакціею, опубликованною Чертковымъ. Къ сообщенію Хр. М. Лопарева были сдѣланы дополненія С. О. Долговымъ, А. И. Соболевскимъ и Ф. П. Успенскимъ. В. Н. Шеретцъ сообщилъ раскольничью легенду о происхожденіи картофеля, представляющую перера-ботку мотивовъ, которые легли въ основаніе извѣстной повѣсти о происхожде-ніи табака.

Общество ревнителей русского исторического просвѣщенія въ па-мять императора Александра III. 26-го февраля состоялось торжественное годовое собраніе въ присутствіи министровъ, главноуправляющихъ и множества высокопоставленныхъ лицъ. Передъ началомъ засѣданія была совершена па-нихида по въ Бозѣ почившемъ императорѣ Александрѣ III. Затѣмъ, по объяв-леніи графомъ С. Д. Шереметевымъ засѣданія открытымъ, оркестръ графа А. Д. Шереметева, подъ его управлениемъ, исполнилъ музыкальную картину «Въ церкви» соч. Чайковскаго. Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочиталъ свое стихотвореніе, озаглавленное «Къ друзьямъ». Послѣ чтенія стихотворенія ор-кестръ и хоръ графа А. Д. Шереметева, подъ управлениемъ графа, исполнили «Славься, славься, нашъ Русскій Царь» и гр. С. Д. Шереметевъ прочиталъ нѣ-сколько писемъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра III къ профес-сору Боголюбову. Письма эти относятся къ семидесятымъ годамъ, когда покой-ный императоръ былъ наслѣдникомъ. Прекрасно обрисовываются они благород-ный характеръ Царя Миротворца, его простое и сердечное отношеніе къ окру-жающимъ и его любовь къ искусству. Послѣ того были прочитаны воспомина-нія одной дамы о покойномъ императорѣ. Воспоминанія рисуютъ покойного Монарха хорошимъ семьяниномъ. Въ заключеніе засѣданія хоръ и оркестръ исполнили народный гимнъ, выслушанный публикою стоя.

Археологическое общество. 16-го февраля состоялось, подъ предсѣдатель-ствомъ Н. И. Веселовскаго, засѣданіе русского отдѣленія, въ которомъ А. И. Лось сдѣлалъ сообщеніе объ отрывкахъ русскихъ рукописей XIV—XVI вв., найденныхъ въ Люблинской губерніи. Референтъ, отмѣтивъ, что изъ этихъ отрывковъ заслуживають наибольшаго вниманія три, а именно: отрывки Пролога, Ирмоля и сборника апокрифовъ, остановился на отрывкахъ Пролога и апокрифического сборника; сдѣлавъ подробный анализъ ихъ языка, референтъ отнесъ отрывки Пролога къ XIV вѣку, а сборника—къ XVI вѣку, при чемъ высказалъ предположеніе, что сборникъ этотъ, представляющей довольно много полонизмовъ, былъ переведенъ съ польскаго. Затѣмъ референтъ указалъ отно-шеніе данныхъ апокрифическихъ отрывковъ (о Георгіи и слово Іоанна Бого-

слова о Успеніи Богородицы) къ извѣстнымъ уже текстамъ этихъ апокрифовъ. С. О. Долговъ замѣтилъ, что разсмотрѣнныя референтомъ отрывки апокрифа о Георгіи и Слово Иоанна могутъ и не представлять перевода съ польского; илонизмы же ихъ могутъ быть объяснены тѣмъ, что они писаны въ юго-западной Руси, языкъ памятниковъ которой изобилуетъ полонизмами. Затѣмъ гр. А. А. Бобринскій сообщилъ объ «Альбомѣ путешествія въ Москву шведскаго посланника Пальмквиста въ царствование царя Алексея Михайловича». Въ соображеніи своемъ графъ Бобринскій ограничился указаніемъ содержанія этого путешествія, изданного шведскимъ правительствомъ всего въ 50 экземплярахъ, и высказалъ желаніе, чтобы археологическое общество издало его переводъ на русскомъ языкѣ, если возможно, воспроизведя и рисунки. Предложеніе гр. Бобринскаго встрѣтило сочувствіе общества, и Н. В. Султановъ указалъ, что рисунки Пальмквиста имѣютъ огромное значеніе при изученіи исторіи русской архитектуры, и замѣтилъ, что нѣкоторые рисунки Пальмквиста были воспроизведены лѣтъ 15 назадъ г. Бергомъ въ «Нивѣ», и что уже тогда былъ поднятъ въ обществѣ любителей древней письменности вопросъ объ изданіи путешествія Пальмквиста. В. Г. Глазовъ съ своей стороны замѣтилъ, что замѣчанія и рисунки Пальмквиста, бывшаго офицеромъ шведской арміи, весьма важны, и интересно было бы ихъ издать. Въ виду того, что текстъ путешествія уже переведенъ М. А. Веневитиновымъ и, какъ сообщилъ С. О. Долговъ, скоро будетъ изданъ въ членіяхъ общества исторіи и древностей российскихъ, предложеніе гр. Бобринскаго осталось въ силѣ только относительно изданія рисунковъ. Затѣмъ Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ краткое сообщеніе: «Полоцкіе князья въ Константинополь въ 1128 году», и высказалъ предположеніе, что одновременно съ полоцкими князьями были сосланы въ Константинополь Евфросинія Полоцкая и Ксенія Брячиславля, бывшая, по мнѣнію докладчика, женою Брячислава Борисовича, а не женою Брячислава Изяславича, какъ предполагается Данилевичъ. Кроме того, докладчикъ далъ нѣсколько остроумныхъ соображеній объ именахъ сосланныхъ князей, исходя изъ того положенія, что нѣкоторые изъ нихъ могли носить по два имени, напримѣръ: Борисъ-Давидъ, Глѣбъ-Романъ. Послѣ этого А. А. Спицынъ сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ г. Сацкимъ въ Одесскомъ уѣздѣ, отмѣтивъ наиболѣе интересныя находки, кашка, напримѣръ, находка погребенія въ сидячемъ положеніи, при чемъ въ курганѣ было найдено множество сложенныхъ въ кучи рѣчныхъ раковинъ. Судя по найденнымъ въ могилѣ вещамъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень древнимъ, непозвестнымъ намъ доселѣ, типомъ погребенія.

Географическое общество. Въ засѣданіи 1-го февраля Н. А. Бушемъ было сдѣлано сообщеніе: «Результаты изслѣдованія ледниковъ Кубанской области и Сухумскаго округа въ 1896 и 1897 гг.». До сихъ поръ Кавказъ считали очень бѣднымъ ледниками, теперь же оказывается, что онъ заваленъ ими и количество ихъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ въ Альпахъ. Гр. Бушемъ и Щукинымъ осмотрѣны 220 ледниковъ, изъ нихъ около 130 являются совершенно новыми; изъ нихъ нѣкоторые достигаютъ 6—7 верстъ, какъ, напримѣръ, ледникъ Акъ-Тюбе; нѣкоторые очень круты и завалены постоянно обрывающимися скалами, образующими огромныя пещеры. Гр. Бушъ послѣ своихъ экспедицій

пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) всѣ ледники Кубанской области находятся въ періодѣ отступанія, продолжающагося уже около 20 лѣтъ; 2) число ледниковъ отъ запада къ востоку сильно увеличивается; 3) Марухскій ледникъ, считавшійся до сихъ поръ по описанію Динника самымъ большимъ, оказался не длиннѣе трехъ верстъ; 4) ледники западныхъ частей отличаются отъ ледниковъ восточныхъ тѣмъ, что снѣговыя поля въ первыхъ меныше, а ледяные потоки большие. На ледникахъ въ эти двѣ экспедиціи были сдѣланы отмѣтки, и поэтому будутъ очень интересны послѣдующія наблюденія, по которымъ можно будетъ решить вопросъ: отступаютъ ли вообще наши кавказскіе ледники или не отступаютъ, что очень важно для Кавказа и военно-грузинской дороги. Это тѣмъ болѣе интересно, что съ 1895 года замѣчено наступаніе ледниковъ въ Альпахъ.

Сообщеніе было демонстрировано прекрасно снятymi со всѣхъ ледниковъ фотографіями г. Щукинымъ.

Поддѣльныя древности. Въ Киевѣ 8-го февраля изловили фабриканта археологическихъ драгоцѣнностей, Боруха Деренгейма, австрійскаго подданного, о которомъ полиціи сообщили, что онъ контрабандно водворяетъ вещи изъ низкопробнаго серебра. Въ номерѣ его оказалось очень много серебряныхъ вещей, по виду старинныхъ, такъ что комната носила характеръ небольшого музея. Тутъ стояли огромныя серебряныя блюда, почернѣвшія отъ времени, съ разными изображеніями изъ исторіи среднихъ вѣковъ, тяжелые массивные бокалы, рюмки, большиe серебряные барельефы въ старыхъ плюшевыхъ рамкахъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніемъ извѣстной сцены изъ Вильгельма Теля, когда онъ сбиваетъ выстрѣломъ яблоко съ головы своего сына. Изъ этой коллекціи болѣе всего достойны вниманія металлическія изображенія Петра Великаго, правительницы Анны Леопольдовны, парей Алексея Михайловича и Феодора Алексѣевича, Яна Собѣскаго, Станислава Понятовскаго и Яна-Казимира. Послѣднихъ вещей по нѣсколько экземпляровъ. Затѣмъ металлическая фигура Наполеона I на каменной подставкѣ, два ковша слоновой кости, въ серебряной оправѣ, большая фигура женщины изъ такой же кости на серебряной подставкѣ, серебряное блюдо съ надписью попольски «Масера»; кромѣ того, тамъ находилось 14 серебряныхъ блузечекъ, 17 бокальчиковъ, рюмки, солонки, подсвѣчики, 60 ложечекъ, ножи, вилки, старинныя монеты и т. д. Всѣ эти вещи носятъ характеръ древнихъ. Деренгеймъ объяснилъ, что онъ эти «старинныя» вещи самъ изготавливаетъ въ своей мастерской, которую онъ содержитъ совмѣстно съ своимъ тестемъ Яковомъ Цимерманомъ во Львовѣ, и привозитъ ихъ для сбыта въ Россію. Насколько онъ искусно поддѣланы, доказывается тѣмъ, что ихъ приобрѣтали специалисты, антиквари и иллами большія деньги. Деренгеймъ пока подвергнутъ домашнему аресту, а контрабандныя «древности» изъ низкопробнаго серебра конфискованы. Дѣло передано судебному слѣдователю.

Музей О. М. Достоевскаго. Въ предшествующей книжкѣ мы сообщали о коллекціи предметовъ, относящихся къ памяти О. М. Достоевскаго и хранящихся въ одной изъ угловыхъ башенокъ Императорскаго историческаго музея. Теперь мы узнали, что надняхъ вдова покойнаго писателя А. Г. Достоевская

принесла всю коллекцію въ даръ историческому музею. Для того, чтобы осмотрѣть собраніе Ф. М. Достоевскаго, нужно подняться въ библіотеку, изъ которой уже прямой доступъ въ угловую башенку, гдѣ расположена вся коллекція. Стѣны небольшой восьмигранной башни увѣшаны портретами Ф. М. Достоевскаго, среди которыхъ встрѣчается не мало повторений; здѣсь можно видѣть лучшій портретъ писателя, сдѣланній однимъ изъ известныхъ художниковъ. Интересенъ портретъ представляющій копію съ портрета работы К. Трутовскаго. Затѣмъ здѣсь можно видѣть много бюстовъ, среди которыхъ выдѣляются бюсты работы Бернштама и Лаверецкаго. Подъ стекломъ въ особомъ футляре хранится маска Ф. М. Достоевскаго, исполненная Бернштамомъ. Много имѣется бюстовъ кустарной работы. Далѣе на стѣнахъ развѣшано много иллюстрацій, относящихся къ похоронамъ знаменитаго писателя въ Петербургѣ. Иллюстраціи похороннаго шествія дополняются цѣлымъ собраніемъ предметовъ, имѣющихъ отношение къ кончию Достоевскаго. Въ двухъ витринахъ хранятся ленты отъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ покойнаго, много снимковъ съ видами могилы его и памятника; между прочимъ, тутъ имѣются снимки со всѣхъ проектовъ его памятника, которые не были утверждены. Нѣсколько витринъ и одинъ шкафъ заключаютъ въ себѣ тщательно собранныя сочиненія Ф. М. Достоевскаго въ той послѣдовательности, какъ они выходили въ свѣтъ; тутъ же собраны критическіе отзывы о Достоевскомъ и почти всѣ переводы его произведеній; по крайней мѣрѣ, здѣсь можно видѣть переводы его сочиненій на французскій, англійскій, нѣмецкій, датскій, польскій, чешскій, шведскій и новогреческій языки. Еще болѣе интереснымъ и цѣннымъ является полное собраніе рукописей Ф. М. Достоевскаго; между ними есть такія, которыя еще нигдѣ не были напечатаны. Для обозрѣнія публики открыты рукою «Братьевъ Карамазовыхъ» и предсмертная рукою «Дневника писателя 1881 года». А. Г. Достоевская въ числѣ другихъ предметовъ принесла въ даръ музею книжный шкафъ, письменный столъ и кресло къ нему, представляющіе точную копію съ вещей Ф. М. Достоевскаго. Копіи исполнены настолько удачно, что ихъ трудно, по словамъ А. Г. Достоевской, отличить отъ оригиналовъ. На столѣ помѣщается письменный приборъ писателя и подсвѣчники съ фигурами. Въ одной изъ витринъ подъ стекломъ хранятся ручка съ перомъ, которымъ писаль Ф. М. Достоевскій, очки въ футляре, значки съ пушкинскихъ торжествъ 1880 года, портсигаръ съ сигарами и папиросами, которыя курилъ писатель, и нѣсколько мелкихъ вещицъ, принадлежавшихъ его матери, которыми онъ очень дорожилъ. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о видахъ домовъ, въ которыхъ жилъ писатель въ разное время, а также о портретахъ нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ. Имѣется одна гравюра съ хорошимъ портретомъ А. С. Пушкина, въ углу которой помѣщенъ миниатюрный портретъ Достоевскаго. Публика свободно допускается къ обозрѣнію музея Ф. М. Достоевскаго.

Завѣщаніе И. С. Никитина. Въ № 33 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано нижеслѣдующее письмо въ редакцію, подымающее весьма интересный вопросъ о соблюденіи воли завѣщателя-поэта: только что закончившаяся въ Воронежскомъ губернскомъ музѣѣ шестая периодическая выставка привлекла въ музей значительное количество разнаго рода пожертвованій, въ числѣ ко-

торыхъ выдѣляются автографы поэта И. С. Никитина и подлинное его духовное завѣщаніе. «1861 г. ноября 16 дня, — какъ значится въ надписи подъ текстомъ этого документа, — это духовное завѣщаніе явлено (было) въ Воронежской палатѣ гражданскаго суда. По опредѣлению ея.... въ подлинности заświadczenie издано предъявителю онаго надворному совѣтнику Михаилу (Феодоровичу) Де-Пуле». Наслѣдниками Де-Пуле завѣщаніе пожертвовано въ музей. Шестой пунктъ завѣщанія гласить: «Право на съставшіяся по смерти моей и на прежнія изданныя сочиненія мои предоставить статскому совѣтнику Николаю Ивановичу Второву съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя за эти сочиненія, онъ употребилъ, по своему усмотрѣнію, для какой нибудь благотворительной цѣли». Первое изданіе сочиненій Никитина послѣдовало въ концѣ 1860 годовъ въ Воронежѣ. Издателемъ былъ воронежскій купецъ, почитатель поэта, Антонъ Родионовичъ Михайловъ. «Уважая память покойнаго Никитина, — писалъ издаватель графу Д. Н. Толстому, — я рѣшился издать его сочиненія изъ опасенія, что какъ этотъ трудъ ничѣмъ не вознаграждался для издавателя, то и полное изданіе могло бы состояться не скоро» (Памятная книжка Воронежской губерніи 1894 года, отдѣлъ III, стр. 51). «Можетъ быть, продолжаетъ издаватель, я увлекаюсь своимъ провинціальнымъ патріотизмомъ, ради котораго, несмотря на всѣ настоянія другихъ, рѣшился я издать Никитина не иначе, какъ на его родномъ непелищѣ» (*ibid.*). Вырученныя отъ продажи этого изданія деньги употреблены были на пособіе бѣднымъ ученицамъ мѣстной женской гимназіи. Интересно было бы знать, на какихъ условіяхъ и кѣмъ именно и по какому праву издаются сочиненія И. С. Никитина и поступаетъ ли доходъ отъ изданія на какія либо благотворительныя дѣла? Въ числѣ свидѣтелей подъ духовнымъ завѣщаніемъ Никитина подписался «духовный отецъ завѣщателя учитель Воронежской семинаріи, іеромонахъ Арсеній», нынѣ здравствующій епископъ кирилловскій, викарій новгородскій. Примите и пр. Предсѣдатель комиссіи по устройству Воронежскаго губернскаго музея, священникъ Стефанъ Звѣревъ. 18 января 1899 года. Воронежъ».

† Л. И. Поливановъ. Въ ночь на 11-е февраля скончался извѣстный въ Москвѣ педагогъ Левъ Ивановичъ Поливановъ, основатель и директоръ частной классической гимназіи. Покойный родился въ 1838 г. въ Нижегородской губерніи, образование получиль въ Московскомъ университѣтѣ, гдѣ въ 1861 г. окончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Съ февраля 1864 г. онъ былъ назначенъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ 3-ю Московскую гимназію, но пробыть здѣсь лишь до сентября того же года, когда былъ переведенъ старшимъ преподавателемъ русской словесности въ 4-ю Московскую гимназію. Открытое имъ вмѣстѣ съ другими педагогами средне-учебное заведеніе (съ 1868 г.) заставило покойнаго прекратить преподаваніе въ правительственныхъ гимназіяхъ Москвы и сосредоточить свои педагогическія занятія въ собственной частной гимназіи, гдѣ онъ и состоялъ директоромъ до своей кончины. Вмѣстѣ съ педагогическою дѣятельностью Л. И. Поливановъ соединялъ, въ теченіе свыше тридцати лѣтъ, свои учебно-литературные труды. Прежде всего онъ составилъ себѣ громкое имя такими книгами, какъ «Русская и церковно-славянская этимологія» (М., 1867 г.), «Краткій учебникъ русской грам-

матики» (М., 1872 г.), «Русскій синтаксисъ» (М., 1882 г.), «Русская христоматія» (М., 1870—1878 гг., три части), «Начальная книжка для обученія русскому языку» (М., 1883 г.), «Первая и Вторая Пчелка» (М., 1886 г.), вышедшія многими изданіями. Затѣмъ имъ же изданы очень важныя пособія, какъ, напримѣръ: «Избранныя сочиненія Державина» и «Избранныя сочиненія Карамзина» съ примѣчаніями (М., 1883 г.), «Сочиненія Пушкина» съ подробными объясненіями (М., 1887—1888 гг.), пять томовъ, «Библіотека по русскому и церковно-славянскому языку и словесности» (М., 1888 г.), «Избранное чтеніе для юношества» (М., 1888 г.), и особенно книга «В. А. Жуковскій и его произведенія» (М., 1883 г., подъ псевдонимомъ «П. Загаринъ»), и сборникъ статей М. Н. Каткова «Наша учебная реформа» (М., 1886 г.). Наконецъ, покойному принадлежалъ рядъ статей, изъ которыхъ назовемъ: «Уроки объяснительного чтенія и логического разбора» (Циркуляръ по Московскому учебному округу 1867 г., № 3), «Демонъ» Пушкина на основаніи новаго пересмотра рукописей поэта» («Русскій Вѣстникъ», 1886 г., кн. 8), «Материалы для биографіи А. С. Пушкина» («Русская Старина», 1887 г., кн. 1), «Многосторонний интересъ научныхъ изслѣдований о Пушкинѣ» (Московскія Вѣдомости, 1887 г., № 41), «М. Ю. Лермонтовъ въ 1831—1832 годахъ» («Русская Старина», 1889 г., кн. 1), «В. Я. Стоюнинъ» («Пантеонъ Литературы», 1889 г., кн. 2), и рядъ критическихъ замѣтокъ въ «Учебно-воспитательной библіотекѣ», изданной учебнымъ отдѣломъ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній. Сверхъ того, Л. И. Поливановъ былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ. Ему, напримѣръ, принадлежали переводы трудовъ Амедея Тьерри «Іоаннъ Златоустъ и царица Евдоксія» (М., 1884 г.) и «Аларихъ» («Русское Обозрѣніе», 1893 г., кн. 1, 3 и 11). Въ послѣдніе же годы имъ были переведены и изданы «Мизантропъ» Мольера (М., 1893 г.), «Гораций» Корнеля (М., 1894 г.), «Гоѳолія» и «Федра» Расина (М., 1895 г.), всѣ съ подробными объясненіями и вступительными статьями. Изъ этихъ переводовъ «Мизантропъ» и «Гоѳолія» удостоены наградъ отъ Императорской Академіи наукъ. Почившій принималъ также живое участіе при открытии памятника великому поэту въ 1880 году, какъ членъ и секретарь Московскаго общества любителей россійской словесности, издавшій подъ своею же редакціей извѣстный «Альбомъ Пушкинской выставки» (М., 1880 и 1887 гг.). («Моск. Вѣд.» №№ 43, 44, 45 и 46; «Русскія Вѣдом.» № 43; «Нов. Вр.» № 8250).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 іюля 1863 года.

Съ чувствомъ удовлетворенія прочиталъ я въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ описание Жиржинскаго боя, составленное на основаніи военно-следственного дѣла г. Естифьевымъ, исправившимъ вѣкорыя мои неточности въ разсказѣ объ этомъ дѣлѣ («Исторический Вѣстникъ»

1895 г., май). Понятно, что, только пользуясь такимъ матеріаломъ, какой былъ у г. Естиф'єва, можно уберечься отъ неточностей, неизбѣжныхъ при возстановлении факта по рассказамъ даже самихъ свидѣтелей и участниковъ боевого дѣла,—тѣмъ болѣе, что подобные рассказы почти всегда носятъ на себѣ слѣды глубокихъ личныхъ впечатлѣй. А если событие рассказывается по памяти, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ (какъ въ моихъ замѣткахъ), то задача поѣстившего становится еще труднѣе. Можно только пожалѣть, что трагическій эпизодъ, столь ярко обрисовавшій геройство русскихъ воиновъ (офицеровъ и солдатъ), всегда впрочемъ присущее имъ,—что этотъ эпизодъ только черезъ 36 лѣтъ привлекъ на себя вниманіе тѣхъ, кто имѣлъ возможность раньше, на основаніи официальныхъ данныхъ, со всею точностью передать печати событие, хотя печальное, но тѣмъ не менѣе составляюще нашу гордость, благодаря мужественной кучкѣ саперъ, артиллеристовъ и казаковъ.

Междудругимъ, для уясненія дѣла, нельзя не обратить вниманія на слѣдующую подробность. Авторъ приводить надпись, карандашемъ сдѣланную на слѣдственномъ дѣлѣ, такого содержанія: «Слѣдствіе производится по требованію изъ Варшавы. Тамъ есть молва, что отрядъ былъ пьянъ». «Эта надпись,— добавляетъ г. Естиф'євъ,—а также и упоминаемая въ воспоминаніяхъ Любарскаго бочки съ водкой до сихъ поръ поддерживаетъ мнѣніе, что солдаты будто бы напились, разбивъ эту бочку, которую везли два повстанца, захваченные передъ лѣсомъ. Фактъ этотъ официально не подтверждается такъ же, какъ и проісхожденіе слуха».

Кто бы изъ участниковъ могъ подумать, что столь пустое обстоятельство могло послужить поводомъ къ возникновенію такого инкриминирующаго предположенія! Тотчасъ послѣ дѣла, подъ вліяніемъ понятнаго возбужденія, весь Ивангородъ былъ наполненъ разсказами о роковой неудачѣ, при чёмъ о захватѣ двухъ повстанцевъ съ водкой упоминалось, какъ о случайности, послужившей указаніемъ, что неподалеку скрывается банда. Но о томъ, что солдаты воспользовались водкой, я ни отъ кого изъ участниковъ дѣла не слышала, и о существованіи такого слуха узнаю въ первый разъ изъ статьи г. Естиф'єва. Уже изъ этого можно заключить, что означенный слухъ — не мѣстный и возникъ въ Варшавѣ произвольно, такъ сказать, механически: была дескать захвачена водка, битва проиграна, значитъ—солдаты перепились.

Сколько мнѣ помнится, «фурманка» съ бочкой, послѣ поимки, слѣдовала вмѣстѣ съ отрядомъ подъ нашимъ конвоемъ, а когда вскорѣ начался бой, то солдатамъ было уже не до водки. Можно полагать, что пресловутая водка вновь досталась повстанцамъ, потому что тотчасъ по окончаніи дѣла запасъ ея оказался у побѣдителей, и они на радостяхъ щедро угождали тѣхъ солдатъ Ивангородской крѣпостной роты, которые во время жаркаго боя прятались въ канавахъ и не принимали участія въ дѣлѣ (о чёмъ заявлено въ официальной реляціи), а потомъ безъ смущенія отдавались въ пльнь, какъ съ негодованіемъ рассказывалъ мнѣ раненый въ ногу саперъ, оставшійся на мѣстѣ и видѣвшій эту сцену (плѣнныхъ, какъ ненужную обузу, повстанцы отпустили).

Не могу не прибавить, что постыдное поведеніе солдатъ крѣпостной роты (по реляціи — 114-ти изъ 184-хъ) объясняется тѣмъ, что Ивангородской крѣ-

постной баталіонъ только недавно бытъ сформированъ изъ нижнихъ чиновъ бывшей внутренней стражи (а не изъ новобранцевъ, какъ сказано въ запискахъ покойнаго Н. В. Берга, «Русская Старина», сентябрь 1879 г.). По распоряженію высшаго начальства, сюда должны были бытъ назначены самые лучшіе люди, но ближайшіе прежніе начальники сбыли въ этотъ баталіонъ, какъ прежде обыкновенно водилось, много солдатъ, крайне деморализованныхъ. А новые командиры (баталіонный и ротные) еще не успѣли воспитать этихъ солдатъ въ духѣ строгой дисциплины и воинской доблести. Столь ненадежный составъ Ивангородской крѣпостной роты имѣть послѣдствіемъ то, что нашъ отрядъ, крайне малочисленный, еще болѣе уменьшился при первыхъ же выстрѣлахъ, устрашившихъ ивангородцевъ, и очутился противъ непріятеля, численно въ двѣнадцать разъ сильнѣйшаго.

И. Любарскій.

II.

Къ запискамъ графини Головиной.

Въ 1-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1899 г. въ предисловіи къ «Запискамъ графини Головиной», стр. 50—51, авторъ говоритъ: «въ 1821 г. графини Фредро и Потоцкая (дочери Головиной) исходатайствовали себѣ для ликвидациіи дѣль по наслѣдству необычайное право разыграть въ лотерею всѣ недвижимыя имѣнія графа Головина. Всѣ имѣнія были оцѣнены въ 8 $\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей. Непрѣдѣльно, какую прибыль отъ этой лоттереи получили наследницы, хотя билеты были всѣ раскуплены»... «И такъ отъ Головиныхъ, прибавляетъ авторъ, въ Россіи не осталось ничего».

Но такое заключеніе автора оказывается не вполнѣ вѣрнымъ: одна изъ дочерей графини Головиной, именно Прасковья Н. Фредро, продолжала владѣть имѣніями въ Россіи и послѣ 1821 г. Въ 1831 г. ей принадлежало въ разныхъ уѣздахъ Владимирской губерніи 709 душъ крестьянъ, съ коихъ въ томъ году поступило дохода 11.087 рублей; имѣнія эти въ 1824 г. были заложены въ оценкунскомъ совѣтѣ за 115.800 рублей.

Такъ какъ мужъ графини генераль-майоръ Фредро во время польского восстанія 1830 г. находился въ Варшавѣ, то на ея имѣнія, на основаніи высочайшаго указа 21 декабря 1830 г., наложено было запрещеніе. Но въ виду того, что имѣніе было уже заложено, съ согласія оценкунского совѣта оно было отдано подъ охрану Юрьевской дворянской оценки, и доходы съ него должны были идти прежде всего на погашеніе долга (ежегодно по 6.406 руб.), а остатокъ въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Но это запрещеніе тяготѣло надъ имѣніемъ весьма не долго: въ началѣ 1832 г. послѣдовало особое высочайшее повелѣніе, чтобы имѣніе г-жи Фредро было отъ секвестра освобождено и отдано въ ея распоряженіе.

(Свѣдѣнія эти извлечены изъ архива Владимирскаго губернскаго правленія—секретное дѣло № 867).

Членъ Владимирской ученой архивной комиссіи

Вас. Добронравовъ.

паспортъ для особы этой національности, тогда мы могли бы быть совершенно спокойны. Иначе твоя почтенная абэсса можетъ выхлопотать *lettre de cachet* и засадить насъ туда, гдѣ будеть похуже, чѣмъ въ твоемъ мирномъ монастырѣ.

— И насъ бы разлучили?— спросила съ ужасомъ Генріетта, прижимаясь къ нему.— О Мирабо, тогда поѣдемъ въ Лондонъ сегодня же, сейчасъ! А маленькаго Коко мы тоже возьмемъ съ собою?

— Конечно,— отвѣтилъ Мирабо, улыбаясь,— безъ него мы никуда не поѣдемъ. Я обязался торжественною клятвой никогда не разлучаться съ маленькимъ веселымъ человѣчкомъ. Но, къ сожалѣнію,ѣхать сегодня мы не можемъ. Говоря откровенно, какъ побываетъ между друзьями, у меня нѣть никакихъ денегъ. Къ тому же, я еще не представляю себѣ ясно способа, какимъ я выведу тебя изъ этого дома. Жду къ себѣ сегодня утромъ моего друга Шамфора, только-что иззвѣстившаго меня, что онъ опять въ Парижѣ. Съ нимъ-то, хорошо знакомымъ со всѣми моими дѣлами, я посовѣтуюсь о томъ и другомъ, и увѣренъ, что мой умный и хитрый овернѣцъ сумѣетъ опять вывести меня изъ затрудненія.

— Посовѣтуйся лучше сейчасъ же со мною!— воскликнула Генріетта, ласкаясь къ нему.— Развѣ я тоже тебѣ не другъ? Быть можетъ, и я придумаю что нибудь чрезвычайно умное, несмотря на то, что я не изъ Оверни, какъ твой пріятель Шамфоръ. Позволь же мнѣ начать съ денегъ. Возможно ли, чтобы у насъ опять ихъ не было, когда?..

— Когда,— перебилъ Мирабо съ громкимъ смѣхомъ,—нѣсколько дней тому назадъ у насъ была ихъ цѣлая куча, потому что ты не только ласточка, принесшая весну сюда, къ Мирабо, но и сказочная ласточка, нанесшая ему золотыя яички. Да, мое дитя, всѣ твои драгоценности, великодушно намъ предоставленныя, уже исчезли. По твоему приказанію, я наложилъ свою разбойническую руку на хранившіеся въ твоей шкатулкѣ кольца, браслеты и драгоценные камни и продалъ все. А это были, вѣроятно, дорогія для тебя по воспоминаніямъ вещи! И ту довольно значительную сумму,— безъ сомнѣнія, сбереженные тобою карманнныя деньги,— которую ты мнѣ вручила, я тоже пустыль по тому гибельному пути, по которому должны идти всѣ деньги Мирабо. Не ужасно ли это?

Въ первую минуту Генріетта громко вздохнула, съ изумленіемъ смотря ему въ глаза, но вслѣдъ за тѣмъ отъ души расхохоталась.

— Въ самомъ дѣлѣ,— продолжалъ Мирабо съ трагическимъ выражениемъ,— деньги никакъ у меня не держатся. Это болѣзнь, которой я страдаю всю жизнь. Только что я дотронусь до нихъ, какъ онѣ разлетаются на всѣ четыре стороны. У меня нѣть и никогда не будетъ денегъ, хотя бы ты приворожила къ ногамъ моимъ золотыя горы.

Въ привычкахъ графа Мирабо было вѣчно и всѣмъ жаловаться на свои денежные дѣла, но при этомъ, вмѣстѣ съ огорченіемъ, прглядывало что-то столь забавно-равнодушное, что друзья его, желая возвратить ему вполнѣ хорошее расположеніе духа, охотно приходили ему на помощь.

Въ эту минуту Генріетта тоже чувствовала, что ей слѣдуетъ какъ нибудь облегчить настоящее затруднительное положеніе, на которое онъ счѣлъ нужнымъ жаловаться, чтъ такъ мало согласовалось съ его обычнымъ достоинствомъ и величиемъ.

Она сняла съ себя золотой, унизанный жемчугомъ медальонъ съ портретомъ отца и, не взглянувъ на него даже, подала его Мирабо, значительно смотря и кивая ему головой.

Какъ ни готовъ былъ Мирабо принять отъ своихъ друзей всякую жертву, безъ разсужденій и не придавая никакого значенія, однако, онъ взялъ медальонъ лишь затѣмъ, чтобы съ нѣжными упреками за ея легкомысліе опять надѣть ей его и спрятать на ея груди.

— Счастливъ тотъ,—сказалъ онъ, пѣля ее,—кто можетъ хранить на сердцѣ память о своемъ отцѣ. Знаменитый Вань-Гаренъ былъ высокой чести человѣкъ, и мы въ нашемъ союзѣ будемъ достойно хранить его воспоминаніе!

— Ну, такъ я придумала что-то другое,—воскликнула Генріетта, весело хлопая въ ладоши.— Я вѣдь должна еще получить наслѣдство въ Брюссель, и какъ я глупа, что до сихъ поръ объ этомъ не подумала! Жившій тамъ родственникъ моего отца помѣстья меня въ своеемъ завѣщаніи. Но это всего четыре тысячи франковъ, Мирабо! Только надняхъ получила я увѣдомленіе объ этомъ, и ты не долженъ удивляться, что при всемъ со мною происшедшемъ это ускользнуло изъ моей памяти. Документъ долженъ быть въ шкатулкѣ, которую я передала тебѣ съ моими вещами.

— Быть можетъ, при моей небрежности, я выбросилъ его,—сказалъ Мирабо, послѣдно направляясь къ письменному столу, гдѣ была спрятана шкатулка. Бумага оказалась въ ней. Мирабо съ любопытствомъ развернула ее, а Генріетта пристально смотрѣла на него, желая прочесть удовольствіе на его лицѣ.

— Хорошо,—сказалъ Мирабо равнодушно,—деньги несомнѣнно твои и могутъ быть тотчасъ же получены. Объ этомъ мы позаботимся, когда прїѣдемъ въ Брюссель, по дорогѣ въ Лондонъ, хотя это нѣсколько замедлитъ наше путешествіе, которое слѣдуетъ совершить какъ можно быстрѣе, главнымъ образомъ, изъ-за тебя, прелестная бѣглынка! Но мы это устроимъ. Теперь нужно только достать денегъ на дорогу отъ Парижа до Брюсселя, и это уже пустяки. Придетъ Шамфоръ, и мы увидимъ, какъ это сдѣлать. Черезъ него я спекулирую на кошелекъ госпожи Гельвеціусъ, которая охотно и щедро снабжаетъ своихъ друзей изъ своей всегда полной кассы.

Въ эту минуту послышались два легкихъ удара въ дверь, и Мирабо, узнавъ по нимъ своего друга, громко закричалъ: «Войди, Шамфорть! здравствуй, Шамфорть!»

Послѣдній быстро вошелъ, и друзья сердечно обнялись.

— Итакъ, теперь мы опять будемъ вмѣстѣ въ Парижѣ, мой другъ и наставникъ?—спрашивалъ Мирабо, нѣжно его обнимая, чего онъ не дѣлалъ ни съ однимъ изъ остальныхъ своихъ друзей.—Я такъ и думалъ, что, при твоей дивной подвижности и непокойѣ, ты не останешься надолго среди отельской философской идиллии.

Туть Шамфорть замѣтилъ Генріетту, покраснѣвшую и желавшую удалиться, но Мирабо, удержавъ ее, представилъ своему пріятелю.

— Вотъ она, Генріетта,—торжественно произнесъ Мирабо,—обла-дающая неземнымъ мужествомъ раздѣлять со мною жизнь и судьбу! Ты видишь, какъ она прекрасна, и найдешь, конечно, что всѣ описанія въ моихъ письмахъ остались далеко позади истины. Одной своей красотой она могла бы завоевать мѣсто на королевскомъ тронѣ, если бы она не предпочла раздѣлять невѣрную участь безпокойнаго Мирабо. Но она, кромѣ того, сама доброта, нѣжность, кротость и принадлежитъ къ тѣмъ возвышеннымъ, правдивымъ душамъ, возлѣ которыхъ чувствуешь себя подъ вѣрной охраной, какъ у себя на родинѣ. Я не стою ея, но, клянусь тебѣ, сдѣлаюсь достойнымъ обладать ею¹⁾!

Генріетта быстро подошла къ нему и, держа руку передъ его губами, робко упрашивала прекратить похвалы. Затѣмъ, дружески простясь съ Шамфортомъ, любезно ее привѣтствовавшимъ, поспѣшно удалилась въ сосѣднюю комнату.

— Можно позавидовать твоему таланту создавать себѣ счастіе!—сказалъ Шамфорть, слѣдя долго глазами за исчезающимъ образомъ Генріетты.

— Моя же жизнь—вся изъ противорѣчій и контрастовъ,—продолжалъ онъ съ нѣкоторою горечью.—Одно изъ такихъ противорѣчій привело меня опять въ Парижъ. Маркизъ де-Водреиль пригласилъ меня жить у него, предоставивъ мнѣ, единственно изъ всѣхъ извѣстной любви къ литературѣ и искусству и не ставя никакихъ условій, роскошное убѣжище въ своемъ домѣ.

— Такъ что отнынѣ мой другъ Шамфорть находится на Бурбонской улицѣ, въ великолѣпномъ отелѣ Водреиль?—сказалъ Мирабо, улыбаясь.—Тамъ онъ можетъ на просторѣ изучать высшій свѣтъ, что, конечно, принесетъ пользу всей нашей эпохѣ.

— Да, все у меня одни противорѣчія,—повторилъ Шамфорть,—но объ этомъ въ другой разъ. Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Маркизъ де-Водреиль поручилъ мнѣ передать тебѣ этотъ пригласительный

¹⁾ Собственные слова Мирабо о Генріеттѣ. Lettres de Mirabeau à Chamfort, p. 76, 87, 92.

билетъ. Завтра вечеромъ, въ его отелѣ, будетъ представлена «Свадьба Фигаро» Бомарше, и онъ придастъ большое значение твоему присутствию. Будетъ много приближенныхъ ко двору лицъ, такъ какъ задача въ томъ, чтобы все-таки добиться благоволенія короля и королевы для этой комедіи, имѣвшей еще въ рукописи столь странную судьбу. Друзья автора, въ числѣ коихъ, какъ извѣстно, и маркизъ де-Водрейль, хотятъ ловкимъ образомъ получить завтра разрѣшеніе на публичное представление пьесы.

Взявъ пригласительный билетъ, Мирабо долго, молча и задумчиво рассматривалъ его, повидимому, что-то соображая, потомъ сказаъ:—принимаю приглашеніе де-Водрейль, хотя, какъ ты знаешь, я нимало не интересуюсь комедіей спекулянта Бомарше. Все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ для денегъ, и у меня не можетъ быть симпатіи и желанія причислить къ нашимъ человѣка, дѣлающаго изъ движенія впередъ и свободы дѣло наживы. Такъ онъ представился передовымъ человѣкомъ американцамъ, а что же онъ сдѣлалъ для американской свободы? Ничего, кромѣ поставки оружія новымъ республиканцамъ въ ихъ первыхъ походахъ, причемъ нажилъ невѣроятныя суммы, заставляя не только платить себѣ страшныя цѣны, но и поставляя негодныя ружья, плохіе сапоги и шапки. А потомъ, когда американцы, обвиняя его въ этомъ, стали сами заниматься военными поставками, онъ имѣлъ удовольствіе, съ биткомъ набитыми карманами, торжествовать въ общественномъ мнѣніи, какъ мученикъ свободы. О, я хорошо знаю этого патрона! И комедія его такой же гешефть съ общественнымъ мнѣніемъ. Какимъ путемъ этотъ Бомарше дошелъ до того, чтобы всю испорченность и ложь нашего общества сдѣлать предметомъ веселой комедіи? Если когда нибудь, подобно американцамъ, мы станемъ сражаться за свободу, то Бомарше будетъ всегда лишь Фигаро нашей революціи, то-есть надѣть всѣмъ смѣющимся и изъ всего извлекающимъ свою выгоду плутомъ!

— Ненависть твоя къ Бомарше мнѣ знакома,—возразилъ Шамфоръ,—но если не для самой комедіи, то приходи, чтобы пріятно провести вечеръ, въ чемъ я тебѣ ручаюсь. Друзья Бомарше съ Monsieur, братомъ короля во главѣ, хотятъ непремѣнно добиться разрѣшенія пьесы, запрещенной, къ неудовольствію публики, королемъ, когда первое представление было уже объявлено на театрѣ «Menus-Plaisirs». Готовится какая-то интрига, и я доволенъ, чуя въ воздухѣ что-то неладное. Какъ ты обѣ этомъ думаешь, Мирабо?

— Но съ—важное орудіе хорошаго политика,—отвѣтилъ Мирабо,— и ты знаешь, что я всегда отдавалъ справедливость твоему. Но если завтра я буду въ отелѣ Водрейль, то потому, что хочу провести тамъ свою собственную интригу, для которой мнѣ нужна твоя помощь, Шамфоръ. Ты сейчасъ видѣлъ мою прелестную газель, скрывшуюся не только отъ твоихъ восхищенныхъ глазъ, но и отъ по-

лиціи, ежеминутно могущей обрушиться на нее, о чёмъ я уже подробно писалъ тебѣ. Теперь же я рѣшилъ увезти ее въ Лондонъ на нѣкоторое время и, натурализовавъ ее англичанкой, привезти обратно и жить съ нею здѣсь. Но не вижу способа, какъ мнѣ ее вывести отсюда изъ дома. Внизу цѣлый день прогуливаются агенты полиціи, они немедленно вырвутъ у меня мою крошку. Въ эту минуту, благодаря твоему приглашенію къ Водрейлю, у меня родился планъ. Безъ сомнѣнія, маркизъ предоставляетъ въ твое распоряженіе и экипажъ, какъ это подобаетъ покровителю всѣхъ музъ, считающему за честь имѣть ихъ у себя въ домѣ.

— Конечно,—возразилъ Шамфоръ,—онъ позволяетъ поэту разъѣзжать въ великолѣпной каретѣ маркиза, думая, что отъ этого маркизъ дѣлается немного поэтомъ.

— Вотъ и хорошо,—сказалъ Мирабо,—пусть же карета маркиза сослужить службу и моей юной любви. Слушай, каковъ мой планъ. Завтра вечеромъ, окончивъ здѣсь всѣ приготовленія для отѣзда, я прибуду въ отель маркиза де-Водрейль заблаговременно. Ты же, попозже, пожертвовавъ мнѣ однимъ дѣйствіемъ комедіи, пріѣдешь сюда, ко мнѣ, въ каретѣ маркиза. Генріетта будетъ тебя ждать, переодѣтая, для отвода глазъ полицейскихъ, въ костюмъ крестьянской дѣвушки, няни при маленькомъ Коко, и, съ ребенкомъ на рукахъ, быстро сядеть съ тобою въ экипажъ. Полиція замѣтитъ все это, но не заподозритъ ничего, или не посмѣтъ простирать свои розыски на экипажъ съ гербомъ и ливреей маркиза де-Водрейль. Ты пріѣзжаешь съ моей подругой и ребенкомъ въ отель Водрейль, они остаются въ экипажѣ, которому ты приказываешь на время постоять въ сараѣ. При первой возможности, я оставляю залъ, а ты своимъ авторитетомъ въ отелѣ долженъ устроить такъ, чтобы я могъ воспользоваться этимъ же экипажемъ до Монмартра, гдѣ меня будутъ ждать мои люди и дорожная карета, и тогда уже, надѣюсь, мы достигнемъ безъ приключений дороги въ Брюссель, куда я долженъ направиться прежде всего.

Подумавъ съ минуту, Шамфоръ кивнулъ головой своему другу и сказалъ:—Ты можешь, какъ всегда, положиться на меня, Мирабо! Устрой все, а я выполню твои указанія самымъ точнымъ образомъ. О, я искренно радуюсь своему участью въ интригѣ, да еще сыгранной съ этой враждебной народу и безстыдной парижской полиціей. Но, ради большей безопасности, я бы совѣтовалъ запастись для Генріетты паспортомъ на чужое имя. Для этого тоже распоряжайся мною, если моя помощь можетъ пригодиться.

— Я и хотѣлъ отдать это дѣло въ твои дружескія руки,—отвѣтилъ Мирабо.—Было бы отлично, если бы я уже здѣсь, въ Парижѣ, могъ получить паспортъ для Генріетты, какъ для природной англичанки. При твоихъ связяхъ въ Парижѣ и общеніи съ знатными и сильными, ты легко могъ бы намъ устроить это. Мнѣ кажется, ты свой человѣкъ и въ отелѣ англійского посланника, герцога Дорсэ? Вообще

твое вліяніе громадно, дорогой Шамфоръ, и мы счастливы, найдя въ тебѣ защитника нашей любви.

— Шамфоръ—покровитель влюбленныхъ!— воскликнулъ Шамфоръ съ грустной улыбкой.— Однако, я могу взять на себя это порученіе. Въ домѣ маркиза де-Водрейль есть нѣсколько боннъ-англичанокъ, и никого не удивить, если, для возвращенія одной изъ нихъ въ Лондонъ, я поручу управляющему отелемъ исходатайствовать паспортъ. О томъ же, чтобы онъ быть выданъ безъ затрудненія, на любое имя, я позабочусь самъ въ канцеляріи посольства. Рѣши только, какъ съ этой минуты должна называться твоя прекрасная Генріетта.

— Объ этомъ намъ слѣдуетъ спросить ее самое,— возразилъ Мирабо, подходя къ комнатѣ, въ которой Генріетта скрывалась.

На его громкій стукъ и зовъ у двери она сейчасъ же вышла съ выражениемъ ужаса на свое мѣсто прелестномъ лицѣ. Но Мирабо успокоилъ ее. Рѣчь лишь въ томъ, чтобы ей, которая есть сама правда, дать вымышленное имя, для огражденія ея на будущее время отъ всякихъ преслѣдований.

Генріетта смотрѣла на него сначала съ улыбкой и недовѣріемъ; но затѣмъ лицо ея на минуту омрачилось, и она медленно, но серіозно покачала головой.

— Я тебя понимаю,— воскликнулъ Мирабо,— ты не хочешь и не можешь лгать, потому что ты великая, честная душа! Но ты не должна относиться къ этому слишкомъ строго, ибо, что такое имя человѣка, какъ не домино, въ которомъ онъ допускается въ залѣ собранія. Случается, что для забавы домино переворачиваются и надѣваются наизнанку. Старыхъ же друзей, всегда во всѣхъ видахъ узнающихъ насъ, эта новая тайна только сильно располагаетъ къ намъ.

— Ну, если ты хочешь перевернуть мое имя, то оно будетъ Нѣра!— воскликнула Генріетта, снова оживляясь и глядя на него счастливыми дружескими глазами.— Когда, бывало, въ дѣтствѣ, играя, мы измѣняли наши имена, я часто называлась Генріеттой Нѣра.

— Браво!— вскричалъ Мирабо, цѣлюя ея руки.— Съ этой минуты, твое имя—госпожа Нѣра¹⁾). Генріетта Гаренъ исчезла. Пусть же эта анаграмма вашихъ дѣтскихъ игръ будетъ счастливымъ предзнаменованіемъ нашего союза и нашей будущности! Другъ Шамфоръ добудетъ англійскій паспортъ на это имя.

— Примите же, госпожа Нѣра, мои наилучшія пожеланія по поводу этого крещенія,— сказалъ Шамфоръ, торжественно подходя къ ней и подавая руку, которую она дружески пожала, сказавъ:

— Генріетта Нѣра останется, вѣрьте мнѣ, тѣмъ же, чѣмъ была Генріетта Гаренъ: простушкой, подчиненной лишь своему сердцу теперь и всегда!

¹⁾ Montigny, Mémoires de Mirabeau, VI, 145.

— И такъ мы обо всемъ отлично переговорили съ нашимъ дорогимъ Шамфоромъ,—началъ вновь Мирабо.—Остается прибѣгнуть къ его помощи по очень щекотливому вопросу. Шамфоръ уже знаетъ, въ чёмъ дѣло, судя по его злорадной, дьявольской улыбкѣ, блуждающей на его лицѣ всякий разъ, когда ему удается подсмотреть какую нибудь слабость бѣднаго человѣческаго сердца.

— Да, я знаю, чего ты хочешь, или вѣрнѣе, чего у тебя нѣтъ,—засмѣялся Шамфоръ.—Признанія твоего сердца я выслушивалъ не разъ и бывалъ при этомъ всегда счастливѣе, чѣмъ при совѣщаніяхъ о твоемъ кошелькѣ, на сердечную слабость котораго ты, вѣроятно, намекаешь въ эту минуту.

— Правильно,—сказалъ Мирабо,—ты угадалъ! Я опять въ томъ положеніи, когда все существованіе человѣка выражается признаніемъ: «у меня нѣтъ денегъ!»

При этихъ объясненіяхъ Генріетта заволновалась. Щеки ея зардѣлись, какъ бы отъ величайшаго стыда, а глаза опустились въ землю.

— Это милое дитя не можетъ вынести разговора о денежныхъ затрудненіяхъ,—сказалъ Мирабо, забавляясь ея смущеніемъ.—Краснѣеть, какъ если бы это былъ позоръ для насъ всѣхъ и для цѣлаго свѣта, что у меня нѣтъ денегъ.

— Напротивъ того, госпожа Нэра, это для него большая честь, что у него денегъ нѣтъ,—сказалъ Шамфоръ, подходя къ ней ближе.—Графъ Мирабо, съ вѣчно разстроеными финансами, и въ этомъ отношеніи нормальный человѣкъ своего времени. Мы уже по одному тому надѣемся, что Мирабо появится когда нибудь спасителемъ Франціи, что у него, какъ и у Франціи, нѣтъ денегъ, и что съ пустыми карманами онъ можетъ успѣшнѣе обдумывать устройство прекраснаго будущаго Франціи.

— Ты слишкомъ много философствуешь на счетъ моего пустого кошелька,—сказалъ Мирабо немного озабоченно.—Если не можешь сегодня помочь мнѣ или посовѣтовать что нибудь, скажи прямо. Намъ нужны деньги на дорогу только до Брюсселя, потому что тамъ наскъ выручить ожидающее наслѣдство. Но и до Брюсселя мнѣ нужно немало. Ты знаешь, что безъ прислуги и секретаря я обойтись не могу и долженъ ихъ взять съ собой. Ну, такъ что же, Шамфоръ, есть у тебя деньги?

— Наша добрая мать, госпожа Гельвеціусъ, щедро надѣлила меня ими, при прощаніи, полагая, что въ высшемъ свѣтѣ мнѣ необходимо имѣть приличныя карманныя деньги,—вразбилъ Шамфоръ.—Изъ нихъ у меня еще есть, кажется, франковъ восемьсотъ, и ты отлично сдѣлаешь, Мирабо, взявъ ихъ, потому что мнѣ они только мѣшаютъ пріятно мечтать, заставляя думать о томъ, что бы мнѣ на нихъ купить. Живя въ отелѣ Водрейль, въ деньгахъ я не нуждаюсь; тамъ я на полномъ иждивеніи маркиза; для нѣкоторыхъ же

мелкихъ расходовъ мнѣ довольно получаемой мною, благодаря прекрасной королевѣ Марії-Антуанеттѣ, пенсіи. Къ тому же, надягхъ я выпускаю въ свѣтъ собраніе своихъ драматическихъ произведений и надѣюсь получить за нихъ хорошій гонораръ. Ну, а теперь прощайте, мои дѣти! Завтра утромъ принесу вамъ англійскій паспортъ и деньги. Все прочее, о чёмъ мы говорили, остается безъ измѣненій.

Мирабо обнялъ друга съ выраженіемъ живѣйшей благодарности. Шамфоръ собрался уходить, но опять вернулся и, вынимая изъ кармана сложенные листки, подалъ ихъ Мирабо, говоря: — Чуть не забыть передать тебѣ эти бумаги. Это обѣщанныя прибавленія къ твоему труду о цинциннатскомъ орденѣ, частью мои, частью доктора Веніамина Франклина, который просилъ кстати кланяться тебѣ. Ты можешь воспользоваться этими замѣтками, или нѣтъ — какъ тебѣ угодно. Кондорсѣ и Кабанись извиняются пока. Они работаютъ надъ математикой и физикой, не будучи еще въ состояніи дѣлать политику. Кабанись съ кровавымъ плотомъ трудится надъ открытиемъ связи между физическими и нравственными законами.

Послѣ ухода Шамфора, Мирабо, обращаясь къ своей подругѣ, стоявшей возлѣ него съ радостной улыбкой, сказалъ:

— Ну, Генріетта, намъ надо уже сегодня много приготовить для отѣбада. А потому поторопись, мое дитя! Мы должны взять съ со-бою въ Лондонъ все наше движимое имущество. Всего же важнѣе хорошенько закутать и собрать нашего Коко, съ которымъ мы никогда не разстанемся. Маленькій мужчина предпринимаетъ свое первое морское путешествіе, и надо знать, все ли у него есть для этого. Ты вѣдь приняла на себя роль его Провидѣнія, такъ заботься же обо всемъ.

Генріетта кивнула головой въ знакъ согласія и хотѣла уже выйти, чтобы послѣшно приняться за исполненіе его порученій, какъ вдругъ, будто что-то вспомнивъ, остановилась въ нерѣшительности посреди комнаты, потомъ, быстро подойдя къ Мирабо и ласкаясь къ нему, сказала тихо:

— Ты, конечно, могъ бы скорѣе жить безъ меня, чѣмъ безъ твоего маленькаго Николая. Не правда ли, онъ всѣхъ ближе твоему сердцу? И я буду беречь его поэтому, какъ зѣницу ока. Однако, тайна его рожденія часто мучить меня. Ты обѣщалъ разрѣшить мнѣ эту загадку, но не сдержалъ слова, Мирабо.

— Ну, такъ я теперь скажу это тебѣ,—сказалъ Мирабо какъ-то торжественно строго.—Герцогиня де-Ламбаль — мать ребенка. Тайно родивъ его, она отдала его подъ мою защиту и на мое попеченіе, и я поклялся ей, что никогда и нигдѣ не разстанусь съ нимъ. Эту клятву, которую намѣренъ свято исполнить, я произнесъ, будучи обязанъ герцогинѣ и желая оказать услугу ей, поддержавшей меня въ самую тяжкую минуту моей жизни.

— И только по этой причинѣ ты принялъ Коко? — спрашивала Генріетта, недовѣрчиво глядя на него.— Другихъ отношеній къ тебѣ ребенокъ не имѣетъ?

— Тише,тише! — воскликнулъ Мирабо, закрывая ей ротъ рукой.— Я никогда тебѣ не назову отца ребенка, но со временемъ разскажу тебѣ обѣ этомъ цѣлую исторію.

Генріетту, повидимому, это не удовлетворило, но она не посмѣла яснѣе предложить мучившаго ее вопроса, и, задумчивая, медленно вышла изъ комнаты.

Мирабо, улыбаясь, смотрѣлъ съ нѣмымъ восторгомъ вслѣдъ за нѣжнымъ, юнымъ созданіемъ, удалявшимся съ тревожными мыслями, прямо къ нему относящимися, и такъ сильно желавшимъ узнать, кто имѣлъ права на его сердце.

VII.

«Свадьба Фигаро».

На предстоящее въ театральномъ залѣ отеля Водрѣйль представление «Свадьбы Фигаро» Бомарше, къ восьми часамъ вечера, къ великколѣпному отелю маркиза стали съѣзжаться блестящіе экипажи со всѣхъ концовъ Парижа.

Сначала гости собирались въ небольшихъ салонахъ, своеобразно устроенныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ музыкальной комнатой, со всевозможными инструментами. Въ другомъ находилось все необходимое для живописи и рисованія, и если бы кто изъ общества пожелалъ показать свой талантъ, то къ услугамъ своимъ нашелъ бы краски, кисти и все прочее. Въ третьемъ салонѣ столы были завалены драгоценными гравюрами и рисунками; далѣе слѣдовала великолѣпно устроенный, роскошнѣйший кабинетъ для чтенія. Любитель искусствъ и гордый именемъ покровителя всѣхъ музъ, маркизъ устраивалъ у себя вечера, на которыхъ, при самой оживленной бесѣдѣ, шла въ этихъ салонахъ усердная работа, и случалось, что именно здѣсь набрасывалось или обсуждалось замѣчательное произведеніе, дѣлавшееся впослѣдствіи извѣстнымъ.

Самъ маркизъ, одна изъ наиболѣе блестящихъ личностей тогдашняго общества, обладалъ великколѣпнымъ голосомъ, и пѣніе его было предметомъ всеобщаго восхищенія. Благодаря этому таланту, давшему ему доступъ въ придворныя сферы, а также изяществу своихъ манеръ и изысканной любезности, маркизъ де-Водрѣйль, не будучи однимъ изъ выдающихся умовъ того времени, сдѣлался, однако, виднымъ и вліятельнымъ лицомъ не только между литераторами и художниками, но и при версальскомъ дворѣ, въ кружкѣ, сгруппировавшемся преимущественно около королевы.

Сегодня всѣ члены этого интимнаго кружка Маріи-Антуанетты собрались въ отель Водрёйль на представлениe такъ сильно нашумѣвшей комедіи. Во главѣ ихъ находились прелестная графиня Жюли де-Полиньякъ и ея невѣстка, гордившаяся и даже кокетничавшая своимъ умомъ, графиня Діана де-Полиньякъ. Вліянію именно этихъ двухъ дамъ, сильно заинтересовавшихся комедіей Бомарше, должно приписать то, что королева, а черезъ нее и король изъявили согласіе на пробное представлениe въ отель Водрёйль, передъ избранной публикой, пьесы, будто бы передѣланной авторомъ.

Смѣлая и веселая графиня Діана, недавно назначенная статьѣ-дамой къ графинѣ Артуа, та самая, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ выказала свои симпатіи къ Веніамину Франклину и американской свободѣ, вооружилась теперь въ защиту свободы комедіи Бомарше; противостоять ея милымъ кознямъ было нелегко.

Передъ началомъ спектакля, обѣ графини Полиньякъ, окруженные избраннымъ кружкомъ своихъ друзей и поклонниковъ, вели не громкую, но оживленную бесѣду въ музыкальной залѣ, обсуждая возможность публичнаго представления «Свадьбы Фигаро».

— Отвѣчаю за всякия дурныя послѣдствія, могущія произойти отъ сегодняшняго спектакля для васъ, любезный маркизъ,—сказала прекрасная графиня Жюли де-Полиньякъ съ гордымъ сознаніемъ своего новаго важнаго положенія, занятаго ею, съ прошлой зимы, при особѣ королевы.

— Я не тревожусь о послѣдствіяхъ,—возразилъ маркизъ Водрёйль, съ изысканною вѣжливостью и почтеніемъ обращаясь къ графинѣ,— но меня начинаетъ немногого мучить совѣсть; я нахожу, что господинъ Бомарше могъ выбросить хотя бы нѣкоторыя неприличныя мѣста, замѣченныя королемъ съ такимъ неудовольствиемъ.

— Господинъ Бомарше упрямъ и не пожелалъ этого сдѣлать,—отвѣтила графиня Полиньякъ, улыбаясь и показывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.—Но разъ пьеса будетъ представлена здѣсь, и такія выдающіяся при дворѣ лица, какъ вы, маркизъ, или нашъ милый швейцарскій полковникъ, господинъ де-Безенваль, засвидѣтельствуютъ ея безопасность, король будетъ радъ отмѣнить свой прежній строгій приговоръ, разрѣшивъ представлениe пьесы и уничтоживъ, такимъ образомъ, неудовольствіе публики. Всѣ мы сдѣлали доброе дѣло, а вы, господинъ маркизъ, можете опять гордиться, что одно изъ образцовыхъ національныхъ произведеній возродилось къ жизни въ отель Водрёйль.

Благодарный маркизъ поцѣловалъ графинѣ руку со всею утонченною изысканностью манеръ французскаго двора.

— Имѣя графиню Жюли во главѣ, мы можемъ смѣло вступить въ бой,—сказалъ съ галантностью баронъ Безенваль, начальникъ

швейцарской гвардіи, пожилой человѣкъ съ блестящими волосами, простой и искренній. Благодаря этимъ качествамъ, онъ сталъ довѣреннымъ лицомъ у дамъ, которымъ, однако, несмотря на свои годы, онъ не переставалъ поклоняться. Въ настоящее время предметомъ его восхищенія была графиня Жюли де-Полиньякъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь собрались, точно заговорщики,— начала графиня съ неотразимою веселостью. — Но присутствіе между нами славнаго, доброго начальника швейцарской гвардіи должно, мнѣ кажется, оправдать наши намѣренія.

Графиня Жюли де-Полиньякъ, не будучи перворазрядной красавицей, была очаровательна своею непринужденностью, изяществомъ и необыкновенною простотой своего туалета. Этой же простотою и веселостью покорила она и сердце королевы, не проводившей безъ нея ни одного дня.

Въ эту минуту вошли Мирабо и Шамфоръ и, остановясь у дверей, разглядывали собравшееся общество.

— Мы очень рано приѣхали,— замѣтилъ Мирабо, бросая беспокойные взглѣды повсюду.— Пока на мѣстѣ одна лишь разряженная дворня, замышляющая сегодня что-то необычайное. А я, между тѣмъ, въ страшномъ нетерпѣніи. Еслибъ ужъ эта проклятая комедія началась, наконецъ, чтобы мы могли завязать нашу собственную интригу и убѣдиться въ счастливомъ бѣгствѣ Генріетты!

— Для этого нужно намъ прежде просмотрѣть одно или два дѣйствія «Фигаро» Бомарше,— возразилъ Шамфоръ, подсмѣиваясь, и, съ этими словами, оба друга перешли въ соседній салонъ, чтобы и тутъ поглядѣть на собравшихся.

— Право же, тамъ Дидро! — внезапно воскликнулъ Шамфоръ, показывая на группу гостей, посреди которой выдавалась высокая, внушительная фигура мужчины съ привлекательными чертами лица.— Мнѣ не вѣрилось сегодня словамъ маркиза, что Дидро будетъ у него вечеромъ; мы вѣдь знаемъ, какъ онъ боленъ. Но маркизъ, какъ видно, сумѣлъ его поставить на ноги. У этого человѣка настоящій талантъ собирать у себя людей. А вотъ и милѣйший старикъ, баронъ Гольбахъ, на вѣрную дружескую руку котораго Дидро опирается въ эту минуту.

Они подошли ближе, и Дидро, едва увидавъ обоихъ друзей, поспѣшно повернулся въ ихъ сторону и, выходя изъ круга обступившихъ его, любезно привѣтствовалъ ихъ, съ особеною симпатіею пожимая руку Шамфора.

— Вы видите меня вновь восставшимъ изъ мертвыхъ единственno для того, чтобы познакомиться со «Свадьбою Фигаро» Бомарше,— сказалъ Дидро своимъ пріятнымъ голосомъ, едва пострадавшимъ отъ болѣзни и лѣтъ.

Дидро шелъ семьдесятъ-первый годъ, и онъ могъ бы еще называться красивымъ, если бы не всевозможныя физическія страда-

нія, оставлявшія мало надежды на продленіе его жизни и въ послѣднее время наложившія свою печать на его могучую фигуру. Однако, въ необыкновенно красивыхъ большихъ глазахъ горѣль еще неугасаемый огонь генія, а тонкія губы оживлялись прелестью безпримѣрного даже въ обыкновенномъ разговорѣ краснорѣчія.

— Вижу тамъ уединенный уголокъ, гдѣ мы можемъ посидѣть,— сказалъ Дидро, направляясь подъ руку съ Гольбахомъ къ дивану, стоявшему въ углу залы. Мирабо и Шамфоръ, по дружескому знаку его добрыхъ глазъ, послѣдовали за нимъ.

— Печально и больно,—тихо сказалъ Мирабо Шамфору,—видѣть разрушающагося героя, вся духовная мощь которого не можетъ, однако, защитить его отъ этой дани ничтожеству! Смотри, какъ онъ едва тащится и покачивается, и это Дидро, та великая голова, которая учila французовъ, что все въ мірѣ — матерія, и что полагаться должно на одну лишь природу. А рядомъ съ нимъ, не менѣе знаменитый баронъ Гольбахъ, который еще кое-какъ держится. И вотъ два старика, написавшіе вмѣстѣ «Систему природы» (*Système de la nature*), два исполнина ума, дряхло покачиваются передъ нами. А мы, молодые, что можемъ мы предъявить, чтобы достойно называться ихъ наслѣдниками?

— Ну, вслѣдъ за этими двумя титанами мы ужъ проскользнемъ какъ нибудь,—весело замѣтилъ Шамфоръ.—Добрый, милейший Дидро, его время прошло, конечно, но ему все-таки есть что вспомнить. Веди онъ себя поосторожнѣе при дворѣ императрицы Екатерины, онъ, вѣроятно, создалъ бы себѣ блестящее положеніе въ Петербургѣ¹⁾.

Дидро и Гольбахъ опустились на диванъ, а Мирабо и Шамфоръ усѣлись въ кресла рядомъ съ ними.

— О ты, котораго я вдѣсь вижу и лишь въ эту минуту вполнѣ узнаю, ты — графъ Мирабо, тотъ, который, подобно мнѣ, сидѣлъ въ Венсенскомъ замкѣ, размыслия о будущности Франціи! — воскликнулъ Дидро патетическимъ голосомъ.

Мирабо поклонился и съ благоговѣніемъ пожалъ протянутую ему руку.

— Да, это была роковая для меня минута, когда за мои сочиненія, частью уже оконченныя, частью лишь начатыя, я былъ препровожденъ въ Венсенъ,—продолжалъ словоохотливый Дидро, но былъ прерванъ, подошедшими къ нимъ въ эту минуту нѣсколько беспокойною и торопливою походкою, человѣкомъ средняго роста, который почтительно поклонился и представился группѣ друзей.

Это былъ авторъ комедіи, баронъ Бомарше, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, свѣтлые, блестящіе глаза котораго выражали проница-

¹⁾ *Mémoires de l'abbé Georges*, II, 240.

тельность и умъ; главною же и характерною чертою всей физиономии было плутовское лукавство, сразу не внушавшее къ нему довѣрія.

— Вотъ счастье, что къ намъ подошелъ Бомарше, — сказалъ Шамфоръ, обращаясь къ Мирабо, — иначе Дидро не пересталъ бы говорить. Мнѣ еще никогда не удавалось прервать «золотой языкъ Дидро», какъ его такъ красиво прозвали, какимъ либо ловко вставленнымъ замѣчаніемъ.

Въ это время со всѣхъ сторонъ гости стали стекаться въ великолѣпную, огромную театральную залу. Многочисленное общество заняло свои мѣста, нетерпѣливо ожидая поднятія занавѣса.

Пьеса разыгрывалась артистами изъ Théâtre français, съ первоначальнымъ распределеніемъ ролей для представлѣнія, запрещенаго королемъ.

Комедія началась живымъ, частью забавнымъ, частью сварливымъ разговоромъ между Сюзанною и Фигаро, которые, въ виду предстоящей свадьбы, тревожатся желаніемъ графа Альмавивы воспользоваться своимъ извѣстнымъ феодальнымъ правомъ. Едва успѣла публика понять, что здѣсь подъ зѣмкомъ графа Альмавивы рѣчь идетъ о Франціи и испорченности нравовъ всего общества, какъ живыя и веселыя сцены стали смѣнять одна другую. Появленіе влюбленнаго въ графиню пажа Херувима, потомъ графа Альмавивы, требующаго отъ Сюзанны принадлежащаго ему феодального права; внезапное появленіе Донъ-Базиліо, отъ которого Сюзанна скрываетъ графа за кресломъ, на которомъ уже спрятанъ пажъ; ловкія хитрости находчиваго Фигаро — все это вызываетъ громкіе взрывы смѣха и одобренія. Такъ проходять два первыхъ дѣйствія при все болѣе и болѣе возрастающемъ интересѣ и при всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ сужденіяхъ публики.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, мой другъ? — обратился Шамфоръ къ замечавшемуся Мирабо. — Развѣ эта комедія не заключаетъ чего-то необыкновенного, удивительно привлекательного и заставляющаго задуматься?

— Ты поэтъ, — возразилъ Мирабо, — и, конечно, болѣе, чѣмъ я, склоненъ откапывать символическое значеніе въ этой пошлой комедіи. Я же въ эту минуту думаю только о Генріеттѣ, милой дѣвушкѣ, дрожащей тамъ дома, и сердце мое сильно бьется надъ развязкою этого узла. Не забудь только выйти въ-время. Мы вѣдь условились такъ, что по окончаніи треть资料 dѣйствія, во время болѣе продолжительного антракта, ты удалишься. При появленіи же твоемъ вновь въ залѣ, я заключаю, что ты возвратился счастливо, и что экипажъ съ Генріеттою и ребенкомъ находится въ безопаснѣ мѣстѣ, во дворѣ отеля. Тогда я выхожу, готовый пуститься въ путь, и прощаюсь съ тобою на нѣкоторое время, мой Шамфоръ!

Шамфоръ кивнулъ ему головой, дѣлая знакъ своими прекрасными, преданными глазами, что все понято имъ хорошо, и въ эту минуту занавѣсь вновь взвился, и началось третье дѣйствіе.

Колкія остроты въ этомъ дѣйствіи комедіи неоднократно вызывали взрывъ восторженного одобренія зрителей. Въ особенности же, мѣста, направленныя противъ аристократіи, сопровождались поистинѣ бурными рукоплесканіями со стороны самыхъ знатныхъ лицъ собравшагося общества. Рукоплесканія эти выражали или согласіе съ авторомъ, что было яснымъ доказательствомъ начинающаго уже распространяться въ придворныхъ кругахъ настроенія; или же это былъ способъ противостоять жестокой правдѣ, принимая ее лишь, какъ блестящее остроуміе, и потѣшаясь имъ. Такъ, всѣ присутствующіе государственные люди и дипломаты апплодировали въ особенности тому мѣсту, гдѣ Фигаро, съ своимъ здоровымъ природнымъ остроуміемъ, разъясняетъ, что такое, въ сущности, политика, соединяя съ этимъ понятіемъ самые предосудительные поступки. На это графъ Альмавива слабо возражаетъ:

— Это не политика, это—интрига!

Но такое наивное заявленіе представителя испорченности нравовъ вызвало взрывъ хохота и несмолкаемая рукоплесканія. Подъ вліяніемъ все возрастающаго интереса пьесы, общество, не отдавая себѣ само въ этомъ отчета, вступало на путь политики. Особенно сильно выразилось это въ сценѣ суда, гдѣ графъ Альмавива, какъ судья среди своихъ вассаловъ, долженъ произнести рѣшеніе по дѣлу Фигаро съ Марселиной, требующей, чтобы Фигаро женился на ней.

Вся слабость и негодность старого судопроизводства осмысляна здѣсь самимъ безпощаднымъ образомъ. И вдругъ сцена принимаетъ до невѣроятности легкомысленный оборотъ: по пятну на руцѣ, Фигаро признаетъ сыномъ той самой Марселины, которая хотѣла его заставить жениться на себѣ. Тутъ Марселина, какъ бы въ роли хора древней комедіи, мгновенно превращается въ адвоката угнетенныхъ женщинъ, и все положеніе, не теряя фривольного характера, возвышается до истинной философіи.

Въ эту минуту, когда опускался занавѣсь, Шамфору удалось незамѣтно удалиться. Мирабо сталъ беспокоиться. Нетерпѣніе, съ которымъ онъ ждалъ возвращенія своего друга, постоянно усиливалось, и самыя мрачныя мысли лѣзли ему въ голову. Разговоръ, въ который маркизъ де-Водрѣйль старался вовлечь его теперь съ графинями Полиньякъ, наталкивался лишь на односложные отвѣты Мирабо, такъ что начавшаяся уже распространяться при дворѣ слава его, какъ таланта и выдающейся личности, казалась въ опасности.

Такъ начался четвертый актъ, но Мирабо съ трудомъ могъ слѣдить за ходомъ пьесы. Голова его невольно оборачивалась къ двери, въ которую онъ ежеминутно ожидалъ увидѣть Шамфора. Но воз-

вращеніе послѣдняго замедлилось, и Мирабо мучился, допуская возможность, что Генріетта, несмотря на всѣ предосторожности, узнана и задержана полиціей. При этой мысли, вмѣстѣ съ невыносимымъ страданіемъ и гнѣвомъ, онъ чувствовалъ, какъ ему дорога его новая подруга, и страстное желаніе видѣть ее овладѣло имъ съ нерадостною силою.

Шамфоръ все еще не появлялся. Съ окончаніемъ четвертаго акта безпокойство Мирабо дошло до крайней степени. Онъ былъ не въ силахъ оставаться на мѣстѣ, всталъ и вышелъ въ переднюю, черезъ которую Шамфоръ долженъ былъ вернуться.

Начался пятый актъ. Мирабо стоялъ въ дверяхъ зала, въ нерѣшительности, оставаться ли ему, или пропасть къ себѣ домой, чтобы узнать о случившемся. Въ эту минуту комедія открылась сценой ночного *rendez-vous*, въ которой всѣ скопившіяся несчастья разрѣшаются самой забавной и вмѣстѣ колкой насмѣшкой, наказывающей виновнаго виновнымъ же, и гдѣ, въ концѣ концовъ, каждый получаетъ лишь то, что ему принадлежитъ на самомъ дѣлѣ, по праву и закону. Фигаро, закутанный въ плащъ, въ темнотѣ, произносить свой удивительный монологъ о судьбѣ, жизни, обществѣ, ясно намекая на происхожденіе и исключительное положеніе графа. Съ дьявольской хитростью произносить онъ слова: «дворянство, состояніе, званіе, почетная должность—все это такъ сильно возбуждаетъ гордость. А что же вы сдѣлали для всего этого благополучія? Вы приняли на себя единственный трудъ—родиться, и больше ничего! вообще же вы—совсѣмъ заурядный человѣкъ».

Тутъ Мирабо почувствовалъ, что его кто-то тихонько трогаетъ за плечо, и, обернувшись назадъ, увидалъ Шамфора, легкимъ кивкомъ головы показывавшаго ему, что все исполнено.

Продолжительное ликованіе, возбужденное среди зрителей монологомъ Фигаро, дало друзьямъ возможность незамѣтно удалиться.

Мирабо послѣдно послѣдовалъ за своимъ другомъ въ аванзалу, и, лишь дойдя до лѣстницы, они обмѣнялись нѣсколькими, шепотомъ сказанными, словами.

— Чуть-чуть все не пропало,—сказалъ Шамфоръ. — Полиція, какъ церберъ, сторожаща твой домъ, заподозрила прелестную провансальскую крестьянку, съ которой я какъ разъ собирался скользнуть въ карету. Потребовали свѣдѣній о ней и о томъ, куда мы ѻдемъ. Повинуясь твоимъ наставленіямъ, я показалъ на имя и гербъ маркиза де-Водрѣль, рассказалъ имъ длинную, обстоятельную исторію на счетъ того, почему твой ребенокъ съ нянечкой долженъ быть отвезенъ къ маркизу, при чемъ живо всунулъ твою Генріетту въ экипажъ, а ихъ съ дальнѣйшими разспросами просилъ обратиться лично въ отель Водрѣль. Эти противные сыщики, однако, напугали меня, потому что, какъ тебѣ известно, я совсѣмъ теряюсь, приходя съ ними хотя бы въ малѣйшее соприкосновеніе. Однако, теперь мы

благополучно прибыли, и Генретта съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ тебя.

Шамфоръ довелъ друга до скрытой въ сараѣ кареты. Мирабо быстро вскочилъ въ нее, закрывъ рукою ротъ Генреттѣ, готовой было вскрикнуть отъ радости. Маленький Коко лежалъ у нея на колѣняхъ и крѣпко спалъ.

Шамфоръ съ минуту постоялъ на подножкѣ, напутствуя ихъ сердечными пожеланіями. Потомъ съ озабоченнымъ видомъ обратилъ ихъ вниманіе на англійскій паспортъ, вручая Мирабо портфель, въ которомъ онъ былъ вложенъ; Генреттѣ же совѣтовалъ немедленно переодѣться, для чего все нужное она найдетъ приготовленнымъ въ экипажѣ, такъ какъ, по паспорту, она бонна-англичанка. Генретта сердечно, съ благодарностью жала ему руку.

— Ну, прощай, мой другъ Шамфоръ!—сказалъ Мирабо, обнимая его.—Поклонись тамъ въ залѣ всѣмъ Альмавивамъ, которыхъ я долженъ покинуть на нѣкоторое время. Боюсь, что, путемъ легкой комедіи, Альмавивы не исправятся, и намъ придется скоро начать для этого во Франціи болѣе серіозную игру. Напишу тебѣ, какъ на счетъ этого стоять дѣла въ Англіи. Конечно, находясь тамъ, буду изучать англійскую свободу. Прощай, я люблю и уважаю тебя, Шамфоръ. Люби и ты меня немного!

Экипажъ покатилъ впередъ и скоро достигнулъ цѣли.

У подошвы Монмартра, въ условленномъ мѣстѣ, стояла дорожная карета, въ которую слѣдовало пересѣсть изъ экипажа маркиза де-Водрѣйль, и у дверецъ которой секретарь Гарди и камердинеръ ожидали Мирабо. Тутъ же находилась и миссъ Сара, составлявшая нераздѣльную часть семьи и лаемъ и визгомъ выражавшая счастье встрѣчи своего господина.

Караванъ приготовлялся немедленно пуститься въ путь. Мирабо подсадилъ въ экипажъ Генретту, всѣми силами старавшуюся успокоить маленькаго Коко, разбуженнаго лаемъ собаки. Рядомъ съ кучеромъ сѣлъ секретарь, камердинеръ помѣстился позади кареты, и такимъ образомъ наполненный дорожный экипажъ повернуль на залитую луннымъ свѣтомъ большую брюссельскую дорогу.

VIII.

Прогулка по Лондону.

Уже вѣсколько дней Мирабо и Генретта находились въ Лондонѣ. Вѣрный своимъ привычкамъ, Мирабо занялъ большую дорогую квартиру въ одной изъ лучшихъ улицъ Вестъ-Энда, на что потребовалась значительная часть наслѣдства Генретты, полученного въ Брюсселѣ.

Былъ прекрасный лѣтній день. Мирабо, отложивъ нѣкоторая дѣла въ городѣ, рано вернулся домой, желая уговорить свою милую подругу, не покидавшую еще со времени прибытія въ Лондонъ своей комнаты, прогуляться съ нимъ по городу. Онъ надѣялся, что великолѣпная погода и бальзамический воздухъ на улицахъ и пло-щадяхъ Лондона будутъ самымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ для сильно пострадавшаго во время путешествія здоровья Генріетты.

Она съ радостью согласилась, и на блѣдныхъ щекахъ ея за-игралъ на минуту прелестный румянецъ. Быстро поднимаясь съ мѣста, на которомъ сидѣла съ какой-то работой въ рукахъ, она хотѣла поспѣшно одѣться для прогулки, но вдругъ, грустно улыбаясь, замѣтила, что должна осторожнѣе обращаться съ своими слабыми силами.

Здоровье ея пострадало отъ утомленія и опасностей, которыми сопровождалось ихъ морское путешествіе. Два раза при перебѣзѣ изъ Франціи въ Англію имъ угрожала гибель. Въ первый разъ, въ открытомъ морѣ, поднялась такая буря, что ихъ дряхлый пакетботъ дѣлался почти цѣликомъ добычею вѣтра и волнъ. Второй разъ, уже въ гавани, чутъ не произошло кораблекрушенія. Почти въ виду Лондона, по недосмотру, руль получилъ такой сильный толчекъ о скрытый въ водѣ якорный канатъ, что судно, при сильнѣйшей ки-левой качкѣ, стало уже наполняться водой. Къ этимъ опасностямъ присоединилось еще у Генріетты непрерывное страданіе морской болѣзни, такъ сильно ее изнурившее, что, по прибытіи въ Лон-донъ, Мирабо былъ вынужденъ тотчасъ же послать за врачемъ.

— Бѣдное дитя,—сказалъ Мирабо, глядя на ея изнуренный видъ,—видно, что ты путешествовала съ Мирабо. Было ли хоть разъ, чтобы въ моемъ путешествіи не сопутствовали мнѣ несчастія и опасности? Бду я по большой дорогѣ—колеса ломаются; на морѣ достаточно моего присутствія, чтобы всѣ ураганы обрушились на мой корабль. У меня сейчасъ же, при малѣйшемъ случаѣ, дѣло идетъ о жизни и смерти. И въ судьбу такого-то человѣка вошла ты, моя милая, невинная Генріетта! Боюсь, какъ бы ужасы этого путешествія не нанесли серіознаго вреда твоему прелестному нѣж-ному тѣлу.

— Я теперь рѣшилась быть совсѣмъ здоровой,—сказала Ген-ріетта,—а то мое теперешнее состояніе, раздражающее меня, не-выносимо и для всѣхъ нась. Къ тому же, на то, чтобы хворать, доктора здѣсь слишкомъ дороги. За каждый визитъ — гинею, это нестерпимо и угрожаетъ скорою гибелю нашей кассѣ.

— А, тутъ я узнаю мою милую скрягу!—воскликнулъ Мирабо смеясь.

— Противнымъ деньгамъ я не придаю никакого значенія,—воз-разила Генріетта, глядя на него серіозно своими довѣрчивыми, ясными глазами.— Но меня огорчаетъ, когда ты долженъ беспокоиться. Вотъ

почему мнѣ хотѣлось бы, чтобы напѣтъ денежный за часъ могъ существовать вѣчно. Однако, на это не похоже. Мирабо, мы слишкомъ много тратимъ, и я страшно боюсь, что ты вдругъ опять съ тревоговою спросишь меня: «Генріетта, а гдѣ же деньги?»

— На этотъ разъ ты можешь быть спокойна, потому что скоро я получу много денегъ, добрая моя графиня Іеттъ-Ли! — сказалъ Мирабо, называя ее, какъ онъ это часто дѣлалъ, послѣдними словами ея двухъ именъ, Генріеттъ-Амели, и присоединяя, вмѣстѣ съ тѣмъ, титулъ графини, съ которымъ и прислуга должна была обращаться къ ней.

— Нельзя же не жить прилично, — прибавилъ Мирабо въ то время, какъ госпожа Нэра послѣдно оканчивала свой туалетъ. — Правда, деньги у насъ опять начинаютъ исчезать. Великая вѣчно необъяснимая тайна отлива моря владѣеть еще болѣе необъяснимымъ образомъ нашей кассой. Но постой, Іеттъ-Ли, на этотъ разъ я позаботился и о приливѣ. Я задумалъ крупныя литературныя работы, которыя принесутъ мнѣ большія выгоды. Все утро сегодня бѣгалъ по Лондону, призывая цѣлый сонмъ издателей подъ знамя моего гenія. И это окажеть свое дѣйствіе, можешь вполнѣ положиться на это. Мое сочиненіе о Цинциннатскомъ орденѣ я уже пристроилъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно выйдетъ изъ печати здѣсь, въ Лондонѣ, и будетъ произведеніемъ, гдѣ я выступлю передъ публикой съ поднятымъ забраломъ, называвъ себя полнымъ именемъ. Другому издателю я обѣщалъ написать кое-что о свободѣ плаванья по Шельдѣ въ смыслѣ, благопріятномъ для голландцевъ, взи- мающихъ, по своему столѣтнему договорному праву, пошлину у устьевъ Шельды и тѣмъ отрѣзывающихъ австрійцевъ отъ моря. Гонораръ, конечно, будетъ не великъ, но это сочиненіе пріобрѣтеть мнѣ много друзей въ Лондонѣ и Парижѣ. И вообще, Іеттъ-Ли, голова моя кишитъ литераторскими проектами, которые должны прінести свои золотые плоды. Для меня безразлично, что работать. Будь это географія или китайская грамматика — все равно, но работать я хочу и буду. Секретарь Гарди сидѣть тамъ въ кабинетѣ и долженъ цѣлыми днями дѣлать извлеченія изъ книгъ и журналовъ, которыя мнѣ необходимы для особой цѣли. Вотъ видишь, все это должно имѣть успѣхъ, и издатели будутъ меня скоро осаждать самыми блестящими предложеніями.

Генріетта, уже готовая для прогулки и утвердительно покачивая головой при его послѣднихъ словахъ, подошла къ нему ближе, чтобы дать посмотрѣть на себя, въ ожиданіи его приказаний.

— Идемъ, — сказалъ онъ, цѣлую ея руки и долго глядя на нее. Его взглядъ, казалось, вновь оживлялъ всю ея прелесть и красоту; щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ, а когда она оперлась на его руку, то почувствовала, какъ будто и силы возвращаются къ ней.

Они направились сначала по главнымъ улицамъ Лондона, видѣ и

характеръ которыхъ возвуждали удивленіе Мирабо, въ то время, какъ Генріетта дѣлала сравненія съ Парижемъ и Амстердамомъ.

— Здѣсь я буду себя чувствовать отлично,—сказалъ Мирабо,— потому что куда ни посмотришь, вездѣ видно довольство, чистота и человѣческое достоинство. Здѣсь, на улицѣ, невольно чувствуется, что находишься въ странѣ, гдѣ народъ есть нѣчто, и что каждый человѣкъ можетъ свободно развивать и примѣнять свои способности. Посмотри только на эти великолѣпные троттуары, доказывающіе, что тутъ занимаются и тѣми, кто пѣшкомъ ходить. А эти громадныя пространства, не имѣющія себѣ подобныхъ ни въ одномъ городѣ стараго Свѣта! А эта удивительнѣйшая чистота! Да, Лондонъ величественный городъ! Каждая черепица на кровлѣ говоритъ намъ, что здѣсь живетъ собраніе людей, управляющихъ собою собственою силою воли. Хотя въ этомъ изъ кирпича построенномъ городѣ мало видно блестящихъ и выдающихся своимъ стилемъ домовъ, но величие его заключается въ разлитой повсюду идеѣ національности, благодаря которой все такъ удобно и уютно, надежно и самостоятельно. И, какъ символъ этого величія, волнуется гордая, чудная Темза, какъ бы принимая поклоненіе всякаго, кто смотритъ на нее, и спрашивая: «съ чѣмъ посмѣете вы меня сравнить, меня, которой ежедневно океанъ и всѣ міры приносятъ дань свою»¹⁾?

— Я скоро начну ревновать въ этому Лондону,—сказала Генріетта, прижимая руку Мирабо. — Не могу вынести, когда ты такъ страстно превозносишь что нибудь на свѣтѣ, будь это хоть стѣны и камни города.

— Да вѣдь въ Парижѣ тебя самое принимали за англичанку,— смысь возразилъ Мирабо.— Во время нашихъ прогулокъ по бульварамъ, я часто слышалъ за собой: «ахъ, посмотрите на эту красивую блондинку англичанку!» Скоро, впрочемъ, и ты будешь имѣть возможность потѣшаться надо мной, потому что, если и дальше будетъ мнѣ здѣсь такъ хорошо, то въ одинъ прекрасный день, вмѣсто Гонорэ-Габріеля Рикетти графа Мирабо, окажется въ высшей степени почтенный Жакъ Ростбифъ! Тогда уже, конечно, я буду потерянъ для Франціи. Впрочемъ, едава ли когда либо удастся мнѣ быть полезнымъ этой проданной своему двору странѣ.

— Однако, что либо подобное прекрасныи парижскимъ бульварамъ едава ли можешь ты мнѣ показать въ Лондонѣ, — сказала Генріетта въ то время, какъ они поворачивали на Регентъ-стритъ и очутились среди поразительного, подобнаго торжественному шествію, оживленія этой улицы, переполненной пѣшими толпами пѣшешходовъ и самыми разнообразными одинъ возлѣ другого движущи-

¹⁾ Изъ одного изъ писемъ Мирабо въ *Lettres à Chamfort*, стр. 52.

мися экипажами, безъ малъшаго, однако, нарушенія удивительнаго порядка и спокойствія.

— Здѣсь лучше, чѣмъ на парижскихъ бульварахъ, — возразилъ Мирабо, указывая на это движеніе, сть такой ясной и довольной улыбкой, какой его спутница давно уже не видала у него на лицѣ. — Здѣсь виденъ народъ, видна цѣлая здоровая нація, которая, въ своемъ стремлениі жить, катится, подобно потоку, повинуемомуся лишь собственнымъ законамъ движения. Въ Парижѣ, дорогая графиня Геттъ-Ли, пока еще нѣтъ народа. Впереди то время, когда мы изъ мутной, лишенной физіономіи, пресмыкающейся массы сдѣлаемъ народъ, который будетъ знать свои права и, благодаря этому, стать живымъ и способнымъ къ жизни существомъ. То, что ты видишь на бульварахъ, это не народъ, это лишь пестрая кожа змѣи, подстерегающей минуту, когда однимъ взмахомъ хвоста она перевернетъ весь Парижъ.

— Но на меня толпа поглядываетъ здѣсь такъ дико и язвительно,—замѣтила госпожа Нѣра послѣ нѣкотораго молчанія, боязливо прижимаясь къ Мирабо.

Въ эту минуту кучка простыхъ людей, между которыми было нѣсколько пьяныхъ матросовъ, прошла мимо нихъ. По выражению ихъ лицъ и по жестамъ, Генріетта замѣтила, что они обратили на нее вниманіе и находили въ ней что-то странное.

— Какъ видно, въ Лондонѣ меня не желаютъ признавать такой хорошей англичанкой, какъ дѣлали это еще недавно на бульварѣ въ Парижѣ,—сказала Генріетта, обращая вниманіе Мирабо на возбужденное ею любопытство.—Подозрѣваю, что всему причиной мой парижскій туалетъ. Въ особенности должна ихъ поражать моя громадная шляпка съ перьями.

— Пойдемъ спокойно дальше, — сказалъ Мирабо, — туалетъ же твой мы еще сегодня замѣнимъ прекраснѣйшимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи народъ здѣсь глупъ. Надѣ всѣмъ чужестраннымъ онъ простодушно смеется и думаетъ, что имѣтъ на это право, чувствуя себя въ своей собственной кожѣ такимъ увѣреннымъ и обособленнымъ. Въ этомъ случаѣ парижанинъ цивилизованный и не выказываетъ такъ явно своего ребячества.

Они шли дальше, и Мирабо не замѣчалъ, что изъ этой нѣсколько шумной группы людей, считавшей своимъ долгомъ потѣшаться при видѣ Генріетты, нѣсколько шутниковъ, отдѣлившихъ и повернувъ назадъ, со всевозможными ужимками и восклицаніями, возбуждавшими громкій смѣхъ остальныхъ, проскользнули вслѣдъ за ними.

Генріетта, начинавшая все болѣе бояться, убѣдительно просила взять фіакръ. Мирабо сталъ теперь тоже замѣчать увеличивающуюся за ними толпу, однако находилъ, что это будетъ трусостью—внезапно обращаться въ бѣгство.

Въ эту минуту они повстрѣчались съ господиномъ и дамой, въ которыхъ узнали спутниковъ по перѣзду моремъ изъ Франціи въ Англію. Это были ирландецъ и парижанка, по всей вѣроятности, увезенная своимъ спутникомъ. Во время путешествія она была такъ мила и умна, что Мирабо съ удовольствіемъ познакомился и разговаривалъ съ нею.

Пока, остановясь на улицѣ, они обмѣнивались любезными привѣтствіями и взаимными разспросами, странные уличные субъекты, сопровождавшіе Мирабо и Генріетту, нашли, казалось, новый и еще большій поводъ для своихъ насмѣшекъ. Парижская дама, слѣдя гостепріимствовавшей въ столицѣ Франціи модѣ, имѣла тоже на головѣ громадный пукъ перьевъ; костюмъ же ея представлялъ для англійской уличной публики еще болѣе странностей, чѣмъ костюмъ Генріетты.

Окружившая свои жертвы толпа стала выражать опасное настроение сперва сдержаннѣмъ говоромъ и шепотомъ, а затѣмъ громкимъ смѣхомъ. Потомъ изъ толпы выдѣлился дикаго, полусумасшедшаго вида человѣкъ; съ большой трубой и съ кривляньями пьяного приблизился онъ къ обѣимъ дамамъ, съ испугомъ глядѣвшимъ на него, и какимъ-то, очень забавнымъ комплиментомъ, обращеннымъ къ нимъ, вызвалъ радостныя воскликанія своихъ товарищѣй.

Это былъ, какъ видно, извѣстный всѣмъ шутъ изъ одного изъ народившихся въ сосѣднихъ маленькихъ улицахъ кабаковъ; звали его почтительнѣмъ именемъ «lorda-трубача», что, кажется, было принадлежавшимъ ему среди ликующей толпы прозвищемъ. Слава его, какъ комика, была, повидимому, также велика, потому что теперь настали тишина и вниманіе въ ожиданіи того, что онъ намѣренъ предпринять.

А лордъ-трубачъ вступилъ въ свою роль, дѣлая невѣроятныя гримасы почти прямо въ лицо обѣимъ дамамъ. Эти гримасы, въ которыхъ онъ былъ настоящимъ виртуозомъ, такъ характеристично и точно изображали странные наряды и въ особенности головные уборы дамъ, что этой карикатурой былъ сразу произнесенъ надъ ними приговоръ. Всльдѣ за этимъ, при общемъ веселіи, онъ вдругъ заигралъ на своей трубѣ, какъ бы желая звучной фанфарой возвѣстить всей улицѣ о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ. Повторивъ это нѣсколько разъ, онъ довелъ толпу до оглушительныхъ возглашений одобренія.

Генріетта выбрала при этомъ самую умную часть, начавъ отъ души смеяться надъ всѣми дурачествами лорда-трубача, чemu помогла присущая ей веселость и невольное воспоминаніе о дѣтскихъ годахъ въ Амстердамѣ, гдѣ подобныя уличныя сцены въ порядкѣ вещей.

Другая же парижская дама не могла долѣе сдерживать своего гнѣва, возбужденного уже въ самомъ началѣ этой сцены, и съ

рѣшительностью, не взирая на опасность, стала, на плохомъ англійскомъ языке, бранить, лорда-трубача, бросая въ лицо толпѣ самыя обидныя для національного самолюбія англичанъ выраженія, гнѣвно сверкая при этомъ своими огромными черными глазами. Ей почти удалось возбудить и гнѣвъ своего спутника-ирландца, принявшаго угрожающую позу боксера, тогда какъ графъ Мирабо спокойно и хладнокровно стоялъ со сложенными крестъ на крестъ руками и, съ невозмутимымъ равнодушiemъ озираясь кругомъ себя, нѣсколько озабоченно обдумывалъ, какимъ путемъ найти выходъ изъ этого непріятнаго приключения.

Национальный юморъ почтеннаго лорда-трубача не былъ еще исчерпанъ, однако. Послѣ маленькой сатирической пьески на трубѣ, онъ затянулъ англійскую народную пѣснь, обращаясь при этомъ опять къ обѣимъ дамамъ. Глупое содержаніе пѣсни съ грязными и нахальными намеками вызывало шумное одобреніе толпы, не только комизмомъ исполнителя, но и тѣмъ, что пѣніе сопровождалось странной и безстыдной жестикуляціей, почти касавшейся дамъ¹⁾. Эта сцена начала возбуждать такое вниманіе, что экипажи и всадники останавливались среди улицы для наблюденія. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ видно, знатные англичане, сходили съ коней и, смѣшиваясь съ толпой, раздавали направо и налево удары хлыстомъ самымъ пьянымъ крикунамъ, а затѣмъ, обращаясь преимущественно къ Мирабо, давали совѣты, какъ всего лучше избавиться отъ этихъ людей. Къ несчастью, Мирабо не понималъ ихъ и начиналъ уже терять спокойствіе, не будучи въ состояніи смотрѣть на наглость лорда-трубача, обращавшагося теперь, въ особенности, къ госпожѣ Нэра. Мирабо схватилъ его за грудь и однимъ лишь движениемъ своей сильной руки потрясъ его съ такой силой, что человѣкъ, этотъ въ ужасѣ и съ громкимъ крикомъ, упалъ на колѣни и, казалось, потерялъ сознаніе.

Это могло бы послужить сигналомъ къ опасному замѣшательству, если бы въ эту минуту не обратилъ на себя вниманіе высокій, стройный мужчина, сумѣвшій пробиться сквозь толпу. Одѣтъ онъ былъ въ черный костюмъ бюргера, и Мирабо, обладавшій вѣрнымъ взглядомъ на личность, принялъ его въ первую минуту за реформатское духовное лицо изъ Женевы, которыхъ, вмѣстѣ съ другими политическими бѣглецами этой республики, было съ нѣкоторыхъ поръ много въ Лондонѣ.

Вновь прибывшій, еще довольно молодой человѣкъ, рѣшительнаго и сильнаго вида, успѣлъ обращенною къ разъяренной толпѣ рѣчью тотчасъ же занять ее, отвлекая на себя ея вниманіе. Онъ говорилъ свободно поанглійски, употребляя сильныя народныя выраженія. Лестными намеками на благородный и великодушный

¹⁾ Мирабо описываетъ это приключение въ «Lettres à Chamfort», стр. 54.

духъ британцевъ, онъ предлагалъ толпѣ разойтись и позволить почтеннымъ чужестранцамъ, гостившимъ на прекрасномъ, гостепріимномъ островѣ Альбиона, безпрепятственно продолжать свой путь.

Хотя его иностранный выговоръ выдавалъ въ немъ швейцарца, однако, рѣчь его была вполнѣ понятна и убѣдительна, чemu немало содѣствовалъ, какъ органъ голоса, свойственный проповѣднику, такъ и весь его внушительный видъ.

Увидавъ, что своей сильной рѣчью, съ нѣкоторымъ религіознымъ отг҃ѣнкомъ, онъ уже начиналъ оказывать дѣйствіе, онъ сталъ поддерживать его, раздавая деньги, что измѣнило сразу настроеніе самыхъ буйныхъ зачинщиковъ. Самъ лордъ-трубачъ, оправившійся отъ львинаго кулака Мирабо, почувствовалъ, къ своему немалому удивленію, нѣсколько сиксъ-пенсовыхъ монетъ въ рукѣ, которыми одновременно онъ давно уже не обладалъ. Вслѣдъ за этимъ, незнакомецъ, наградивъ его сильнымъ толчкомъ въ спину, строго и съ укоромъ приказалъ ему немедленно отправиться на мѣсто стоянки наемныхъ экипажей и привести для иностранцевъ, передъ которыми онъ такъ сильно провинился, два фіакра.

Послѣ того, какъ лордъ-трубачъ отправился бѣгомъ, безъ возраженія, удалось и остальныхъ коноводовъ прогнать съ помошью нѣсколькихъ монетъ. Теперь незнакомецъ любезно обратился къ графу Мирабо съ просьбой войти со всѣмъ своимъ обществомъ, въ ожиданіи экипажей, въ ближайшее caf , куда и предложилъ проводить ихъ. Это, конечно, было принято Мирабо съ живѣйшей благодарностью.

Въ caf  пришлось ждать довольно долго. Тѣмъ временемъ, незнакомецъ, желавшій непремѣнно самъ усадить ихъ въ безопасный фіакръ, занималъ ихъ разговоромъ. Онъ съ большою откровенностю рассказалъ имъ о себѣ лично. Звали его Дюваль. Онъ былъ изъ Женевы, гдѣ занималъ мѣсто проповѣдника, оставленное имъ лишь полтора года назадъ, послѣ того, какъ онъ, вслѣдствіе же-невской революціи 1782 года, въ которой былъ на сторонѣ побѣженной народной партіи, былъ отрѣщенъ и изгнанъ изъ отечества.

Мирабо, заинтересованный личностью незнакомца, медлилъ еще, однако, открыть ему себя, находя время и мѣсто неудобными. Проницательный незнакомецъ, догадываясь объ этомъ, предупредилъ его, сказавъ: — Знаю, что теперь я имѣю честь познакомиться съ графомъ Мирабо. Я такъ много про васъ слышалъ, а въ кругу моихъ друзей и единомышленниковъ, питающихъ здѣсь горькимъ хлѣбомъ изгнанія, мы уже радовались пребыванію Мирабо въ Лондонѣ. Мы, женевскіе демократы, сердечно желали бы обрѣсти дружбу и участіе графа Мирабо. Нѣсколько дней тому назадъ, когда мы сидѣли въ caf  de Paris на Геймарктѣ, вы вошли,

графъ, и были названы однимъ изъ присутствовавшихъ. Много говорилось о вашей великолѣпной книжѣ «О деспотизмѣ», распространенной и въ нашихъ швейцарскихъ долинахъ, и мы признали, что для настѣ и нашего дѣла была бы большая польза, если бы намъ удалось какъ нибудь имѣть съ вами совѣщеніе. Какъ бы намъ хотѣлось обсудить вмѣстѣ съ Мирабо положеніе нашего отечества и надежды демократіи въ Европѣ! И вотъ сегодня я смыю, быть можетъ, надѣяться на исполненіе этого желанія, благодаря случайной встрѣчѣ, при которой юмористическое тупоуміе англійской черни доставило мнѣ возможность быть вами замѣченнымъ.

Мирабо съ благодарностью пожалъ его руку и далъ ему карточку съ указаниемъ своего жилища, прося назначить время своего посѣщенія и потребовать отъ него какой угодно благодарности за оказанную сегодня услугу.

Въ эту минуту на улицѣ появился лордъ-трубачъ, возвращеніе котораго было привѣтствуемо громкимъ «ура» неразсѣявшейся еще вполнѣ толпы. Дювалль поспѣшно выпѣль, чтобы посмотреть, готовы ли фіакры, и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что этотъ глупецъ, котораго теперь онъ прогналъ прочь, привель всего одинъ двухмѣстный фіакръ, не найдя будто бы другого на мѣстѣ стоянки экипажей.

Мирабо, обращаясь къ дамѣ изъ Парижа, заявилъ, что, безъ малѣшаго сомнѣнія, этимъ фіакромъ должна воспользоваться она, какъ болѣе пострадавшая отъ испуга при этомъ приключеніи.—Я же,—прибавилъ онъ,—подожду здѣсь съ графиней Нэра другого экипажа, который, при покровительствѣ нашего новаго друга, Дювала, не заставитъ себя долго ждать.

Это было принято безъ возраженій, и Мирабо вмѣстѣ съ ирландцемъ стали усаживать въ экипажъ даму, находившуюся въ состояніи, близкомъ къ обмороку.

Въ то время, какъ онъ оказывалъ эту помощь своему спутнику ирландцу, Мирабо не замѣтилъ, что посреди улицы остановилась великолѣпная карета, и сидѣвшій въ ней господинъ, привѣтствуемый всѣми окружавшими съ величайшимъ почтеніемъ, разспрашивалъ черезъ своихъ напудренныхъ и одѣтыхъ въ богатую ливрею слугъ о подробностяхъ всего случившагося.

Вслѣдъ за этимъ къ Мирабо подошелъ слуга и просилъ его отъ имени своего господина, первого лорда-канцлера, министра Вильяма Питта, воспользоваться экипажемъ его свѣтлости и занять въ немъ мѣсто вмѣстѣ со своей дамой. Мирабо съ удивленіемъ взглянулъ на карету, откуда министръ дружески кланялся ему. Только вчера познакомился онъ съ Вильямомъ Питтомъ, поѣхавшимъ его для передачи ему сочиненія графа д'Антрэгъ, привезенного имъ изъ Парижа.

Мирабо немедленно принялъ предложеніе и, поспѣшно возвратясь въ кофейную за госпожею Нэра, направился съ нею къ эки-

пажу министра. Послѣдній, со свойственной ему въ частной жизни любезностью, настаивъ на томъ, чтобы приглашенные имъ гости заняли почетныя мѣста въ каретѣ, напротивъ него.

Вильямъ Питтъ, стоявшій съ недавнихъ порь во главѣ англійскаго министерства, несмотря на то, что ему было всего двадцать пять лѣтъ, только на своемъ государственномъ посту и въ дѣлахъ былъ старъ и вполнѣ зрѣлъ, обладая тѣмъ величественнымъ и проницательнымъ хладнокровiemъ, которое не разъ уже, въ борьбѣ, побѣжало его противниковъ. Въ обыденномъ же обхожденіи его выступала вся свѣжесть и живость юности, при чемъ на тонко очерченныхъ, выдающихъ талантъ краснорѣчія губахъ его играла плѣнительная улыбка, побѣждавшая отчасти его строгія, неумолимыя, полныя мысли морщины на челѣ.

Замѣтивъ это, Мирабо былъ очарованъ, такъ какъ при вчерашнемъ посѣщеніи, на которое онъ возвлажалъ нѣкоторыя надежды, онъ встрѣтилъ лишь холоднаго, взвѣшивавшаго каждое слово и съ математическою точностью отнесшагося къ нему государственного человѣка. Теперь Питтъ съ трогательной предупредительностью ухаживалъ за госпожею Нэра, и хотя прелестная, веселая Генретта ни на минуту не теряла своего хорошаго расположенія духа, онъ все-таки считалъ своимъ долгомъ утѣшать и успокаивать ее по поводу непріятной сцены.

Экипажъ направился къ жилищу Мирабо, по настоянію ministra, желавшаго доставить своихъ гостей домой.

— Это была одна лишь чернь,—сказалъ Вильямъ Питтъ,—которая провинилась своею грубостью противъ достойныхъ уваженія иностранцевъ. Судить по этому объ англійскомъ народѣ вы не должны, графъ. Народъ нашъ добръ, честенъ, полонъ уваженія, съ крѣпкой узой, наложенной ему сильнымъ парламентскимъ режимомъ и великой национальной королевской властью; онъ полонъ достоинства и послушанія. Рѣзвящаяся же чернь есть и у васъ, въ Парижѣ, и сегодняшняя сцена, безъ сомнѣнія, обезчестившая лондонскія улицы, могла бы, я думаю, произойти и въ вашей столице.

— Конечно, чернь всюду одна и та же, равно какъ и аристократія всюду одна и та же,—вразбрѣлъ Мирабо.—Огсюда можно заключить, что эти двѣ крайнія общественные сферы, чернь и аристократія, стоять по отношенію къ націи въ одинаковомъ положеніи и во многомъ представляютъ одно и то же.

При этихъ словахъ Питтъ судорожно закусилъ себѣ нижнюю губу, но тотчасъ же возвратилъ своему лицу прежнее дружеское и даже робкое выражение.

— У насъ аристократія отъ черни еще сильно отличается,—отвѣтилъ онъ съ кроткой улыбкой, но, вмѣсть съ тѣмъ, бросивъ въ сторону острый взглядъ своихъ большихъ, блестящихъ удивительнымъ спокойствиемъ глазъ.—Въ другихъ сосѣднихъ странахъ ари-

стократія можетъ уже работать надъ уничтоженiemъ чернью государства и народа; мы же, къ счастью, этого не можемъ. Мы здѣсь старомодны, имъемъ законы, удовлетворяющіе всѣхъ, и обладаемъ аристократіей такъ же, какъ обладаемъ королевскою властью и народомъ.

— Во Франціи не такъ прекрасно,—вразилъ Мирабо, причемъ его оживленно пылавшее лицо подернулось грустью.—Во Франціи все готово обратиться въ чернь, если только намъ не удастся во время выработать изъ этой общей грязи новое, здоровое народное тѣло. Вотъ тогда народъ будетъ вновь открыть, какъ та мраморная статуя древняго бога, погибшая при землетрясениі города. Однако, рискуя вызвать враждение вашей свѣтлости, я позволю себѣ замѣтить, что никогда парижская чернь не допустила бы себя до подобной злобной выходки противъ почтенныхъ иностранцевъ. Наша чернь слишкомъ легкомыслена и слишкомъ дитя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ свѣтской человѣкъ, чтобы дойти до понятія національной ненависти. Мы же испытали сегодня на себѣ національную ненависть англійской черни противъ французовъ. Я не думалъ, лордъ-канцлеръ, что уже на улицахъ Лондона можно будетъ видѣть приведеніе въ дѣйствіе завѣщанія вашего знаменитаго отца, графа Чатама, бывшаго величайшимъ ненавистникомъ Франціи.

— Эта ненависть не была завѣщаніемъ, но государственнымъ принципомъ,—замѣтилъ Вильямъ Питтъ съ полнымъ достоинства спокойствиемъ.—Вообще же, мой отецъ не былъ настолько варваромъ, чтобы, въ лицѣ каждого француза, не воздавать должного столь богато одаренной націи, какъ ваша. И я буду счастливъ всегда считать себя другомъ Франціи и французовъ. Не вступая въ неосторожный союзъ съ вами, который могъ бы вовлечь Англію въ прошастіе, мы будемъ всегда учиться у васъ и стараться возвыситься вашимъ величиемъ!

Мирабо почтительно поклонился, ясно выразивъ при этомъ, насколько этимъ заявлениемъ министра онъ обязанъ дипломатіи его. Затѣмъ значительно произнесъ:

— Я самъ вовсе не такой другъ Франціи, чтобы не видѣть всѣхъ ея ошибокъ и недостатковъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я люблю ее такъ сильно и безпощадно, что позволилъ бы отхлестать ее крапивой и розгами, лишь бы могъ увидѣть ее вновь сильной и здоровой душой и тѣломъ. Если бы эта цѣль могла быть достигнута уничтоженiemъ Франціи Англіею, то политикъ съ такимъ направленiemъ я охотно предложилъ бы мои услуги и силы, мою голову и руки. Я отлично знаю, что вашъ великий отецъ, графъ Чатамъ, питавшій не только политическую, но и физическую ненависть къ Франціи и содрогавшійся всѣми своими членами при одномъ имени француза, основывалъ свою политику на господствѣ въ Европѣ одной изъ двухъ: Англіи или Франціи. Мнеъ всегда ка-

залось, что онъ смотрѣлъ, какъ на естественный законъ, на то, что если Англія должна быть велика и могущественна, то Франція должна быть попрана и уничтожена. Но теперь мы приближаемся къ новой эпохѣ народовъ, когда всѣ свободныя, честныя и полныя жизни государства будутъ существовать рядомъ, на одной ступени и въ искреннемъ братствѣ между собой. Придетъ день, когда мы должны будемъ силой заставить Францію быть свободной и счастливой, и тотъ, кто употребить противъ нея эту силу, какимъ бы то ни было образомъ, будетъ ея благодѣтелемъ. Да, ваша свѣтлость, Англія имѣеть назначеніе по отношенію къ Франціи болѣе прекрасное, чѣмъ ненависть къ ней. Мы хотимъ бороться съ Франціей до крайнихъ предѣловъ, и Англія представляется самымъ благопріятнымъ пунктомъ, откуда борьба можетъ начаться. Она должна заставить королевскую власть во Франціи одуматься и принудить ее, во избѣженіе вѣнчанихъ опасностей, искать опоры въ освобожденіи внутренней силы народа, или, вѣрнѣе, въ самой свободѣ его. Съ этими мыслями, какъ я уже вчера заявилъ вашей свѣтлости, я прибылъ въ Лондонъ, и былъ бы счастливъ, если бы министерство Питта нашло согласнымъ со своею политикою воспользоваться услугами Мирабо.

Тонкая улыбка блуждала на губахъ ministra. Опустивъ глаза, онъ, молча, съ нѣкоторой ироніей, казалось, взвѣшивалъ все слышанное имъ, но въ то же время, однако, умѣлъ придать своему лицу выраженіе дружескаго расположения. Его рѣзкія черты, такъ легко принимавшія жесткій, даже отталкивающій характеръ, подернулись теперь какою-то духовною прелестью, смѣнившую кротостью и вниманіемъ то холодное превосходство силы, съ которымъ онъ выслушивалъ объясненія Мирабо.

Въ эту минуту карета проѣзжала мимо Сен-Джемского дворца. Питтъ поднялъ на него свой пронизывающій взглядъ, какъ бы желая увѣрѣть что-то въ окнахъ королевской резиденціи. Затѣмъ, вновь обратясь къ Мирабо, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидавшему его слова, онъ быстро проговорилъ:

— Политика министерства Питта, мой дорогой графъ, будетъ всегда готова воспользоваться замѣчательными умами, въ качествѣ своего орудія, но ея направленіе будетъ вездѣ и всегда консервативны. Въ Англіи мы будемъ защищать дѣло престола, во что бы ни стало. Народъ—это липъ отвлеченнаго понятія или призракъ, о существованіи котораго имѣются самыя различныя представленія. Ищутъ всегда народъ тамъ, гдѣ его нѣть, а находять тамъ, гдѣ не ищутъ. Какъ ужасно было бы строить политику государства на такомъ колеблющемся и ускользающемъ понятіи! Хотя Англія у себя охраняетъ и соблюдаетъ вольности народа, однако, въ ея интересахъ — не допускать народной политики во Франціи, потому что это создастъ такое головокруженіе, которое опрокинетъ

всю Европу! Мы здесь будемъ продолжать жить привольно и спокойно. Мы не идеалисты, графъ, мы англичане, и свобода должна наполнить не только наши головы, но и карманы. Мы должны непремѣнно быть богаты. Вотъ наше рѣшеніе, а отъ него уже зависить все прочее. Не одинъ только умъ дѣлаетъ націю цвѣтущею. Богатство—вотъ другая и болѣе прочная сторона народной силы. Политика Питта воздвигнетъ на этомъ зеленомъ островѣ алтари богатству, и тогда наша борьба съ другими народами будетъ простымъ состязаніемъ.

Мирабо, почувствовавшій себя отстраненнымъ, съ минуту молчалъ, обдумывая, дать ли ему или нѣть волю своему негодованію. Затѣмъ порывисто сказалъ:

— Ваша свѣтлость должны прежде всего простить мнѣ, что я — восторженный поклонникъ свободы англійской конституції, цѣлебную силу которой желалъ бы обратить и на страданія Франціи! Я завидую каждому англичанину, ибо онъ несомнѣнно самое свободное существо на землѣ. Эта конституція ваша, обращенъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ конституцій, не заключаетъ ли она въ себѣ удивительную жизненную силу, если народъ, отъ природы далеко не самый даровитый и не самый благородный, единственно благодаря своей конституції, занялъ первое мѣсто? Самъ по себѣ, англійскій народъ не многаго стоитъ: онъ глупъ, невѣжественъ, суевѣренъ, полонъ предразсудковъ и причудъ, ненадеженъ въ дѣлахъ и надѣленъ материальною алчностью гораздо болѣе, чѣмъ французы. И такой-то испорченный народъ охраняется и защищается отъ своей собственной испорченности единственno потому, что гражданскую свободу нашли удобною для него, и что ему дали отечество, распостертное надъ его жизнью, какъ ясный и вѣрный небесный сводъ. И чѣмъ бы еще стала Англія, если бы прекрасные основные законы ея конституції были распространены и на правительство, и если бы всѣ недостатки и пороки вашей англійской администраціи прониклись живительнымъ дыханіемъ свободы вашей конституції¹⁾? Какимъ бастіономъ англійская конституція служить противъ всякихъ случайностей и слабостей правящихъ лицъ, это всего лучше доказывается настоящимъ положеніемъ вещей въ Англіи. Конституція есть здоровье Англіи, хотя бы при этомъ глава ея быть боленъ душою и тѣломъ. О вашемъ королѣ, Георгѣ III, рассказываютъ, что его умъ часто помрачается, и что, быть можетъ, ночь безумія покроетъ вскорѣ совсѣмъ тронъ Англіи. Но какой же вредъ можетъ это нанести странѣ, народу и общему благополучію? Ваша конституція живеть и работаетъ отлично сама собой; она ясна и разумна, хотя бы на тронѣ все было темно и безумно; она есть и

¹⁾ «Lettres à Chamfort», стр. 69, а также изъ сочиненія Мирабо «Lettres de cachet» и изъ «Considérations sur l'ordre de Cincinnatus».

будеть благословенная сила, хотя бы во главѣ государства царствовало безсиліе. Это—счастливое положеніе. И если, вѣрно, какъ гласить молва, что Георгъ III, при чтеніи газетъ, теряетъ вниманіе и засыпаетъ, то это настоящая государственная идиллія, характеризующая вашъ политическій рай. Счастливъ тотъ народъ, король котораго можетъ спокойно заснуть, читая газеты, и которому безразлично, спить или бодрствуєтъ его монархъ предъ лицомъ политическихъ событій!

При этихъ словахъ Мирабо, лицо англійскаго министра замѣтно омрачилось. Непріятное выраженіе, столь типично выступавшее на лицѣ и въ манерахъ Питта, обнаружилось легкимъ подергиваніемъ, но тотчасъ же вновь исчезло подъ дипломатическимъ оборотомъ, скрывшимъ неудовольствіе отъ только что выслушанного.

— Его величество король Георгъ III здоровъ,—сказалъ Питтъ настойчиво и строго.—Давно уже здоровье его величества не было такъ утѣшительно, и, благодареніе Богу, мы можемъ считать благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго монарха навсегда избавленнымъ отъ демона болѣзни. Иначе это было бы невознаградимымъ несчастиемъ для Англіи, потому что безъ живого и вполнѣ личнаго содѣствія короля благополучію Англіи, безъ его силы и искусства управлять, нація была бы лишена своего настоящаго учредителя счастья. Такую самодвижущуюся машину, однимъ верченіемъ своихъ колесъ распространяющую благоденствіе и свободу, англійская конституція изъ себя не представляеть. Это вамъ, французы, наговорилъ вашъ Монтескье, видѣвшій въ нашей конституції универсальное средство, такъ сказать, всемирный пластырь, который слѣдуетъ лишь наклеить любому народу, и онъ натянетъ пузыри всевозможнаго политическаго счастья. Нѣтъ, графъ Мирабо, англійская конституція вовсе не политическая машина. Она не можетъ и не должна быть ею, и если бы живительное дыханіе мудраго короля не чувствовалось въ ея колесахъ, она перестала бы работать. Берегите себя во Франціи отъ страсти отыскивать универсальныя средства для политической свободы. Вашъ Монтескье потащилъ за собою уже цѣлый философскій хвостъ спасителей человѣчества, выдумывающихъ тамъ у васъ, какъ бы въ одной схемѣ заключить и удержать политическую свободу и соціальное счастье. Мне было бы жаль, если бы и ваши прекрасныя силы ушли на исчерпываніе бочки Данайдъ. Въ политикѣ важны одни живые люди, а не система. Какъ бы я могъ справиться съ окружающими меня здѣсь партіями, если бы я не видѣлъ въ нихъ личностей, чувствующихъ и дѣйствующихъ почеловѣчески, и къ которымъ поэтому и подходитъ слѣдуетъ почеловѣчески? Даже мои опаснѣйшіе противники, какъ Фоксъ, Буркѣ и другіе, гремящіе противъ меня въ парламентѣ, вовсе еще для меня не потеряны; я изыскиваю пунктъ, на которомъ они могли бы сойтись со мною, во имя общаго блага. Важно—укрѣпить зданіе, а гдѣ взять для этого камни—это безразлично

— Какъ? и Фоксъ, внесшій билль объ Индіи, и великий демократъ Бурке, утвердившій народный принципъ въ американской войнѣ?— спросилъ, качая головой, Мирабо.

Однако, Питтъ, казалось, не хотѣлъ болѣе вдаваться въ такія подробности и, какъ бы не слыхавъ вопроса Мирабо, обратился къ госпожѣ Нэра, извиняясь передъ ней въ томъ, что разговоръ въ каретѣ принялъ такъ неожиданно и такъ неумѣстно строго политической характерѣ, и тутъ же указалъ на большоій модный магазинъ, мимо котораго они проѣзжали, и въ окнахъ котораго было выставлено множество элегантнѣйшихъ дамскихъ пляпокъ.

— Не позволите ли вы мнѣ выбратьъ вамъ здѣсь шляпку по англійской модѣ?— спросилъ онъ, улыбаясь и дѣлая уже знакъ, чтобы остановить экипажъ.— Полагаю вполнѣ правильнымъ, чтобы первый министръ Англіи загладилъ дерзость, оскорбившую и напугавшую на лондонскихъ улицахъ милѣйшихъ иностранцевъ. И для меня самого это было бы величайшимъ въ мірѣ удовлетворенiemъ, потому что я могъ бы вамъ доказать, что я не только скучный и одѣтый въ броню политикъ, но и понимаю немного въ вещахъ вкуса. А такъ какъ болѣе всего, конечно, большая французская шляпка графини озадачила и возбудила нашъ глупый, суевѣрный, невѣжественный и испорченный народъ, какъ графъ Мирабо опредѣлилъ англичанъ, то позвольте Вильяму Питту замѣнить вашу шляпку маленькою англійскою, какими теперь украшаются здѣсь самыя прелестныя головки. Каждая страна имѣеть всегда свой головной уборъ, который не только васлуживаетъуваженія, но и долженъ быть принятъ, пока находишься въ странѣ.

Генріетта смутилась и бросила изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ быстрый вопросительный взглядъ на Мирабо, все еще, повидимому, погруженного въ послѣднія, знаменательные слова Питта.

Получивъ отъ него знакъ согласія, она съ милою непринужденностью обратилась къ министру, выражая ему свою благодарность и готовность принять его предложеніе.

Экипажъ остановился, и Вильямъ Питтъ, желая теперь быть только любезнымъ кавалеромъ, подалъ госпожѣ Нэра руку и съ утонченною вѣжливостью ввелъ ее въ магазинъ.

Въ нѣсколько минутъ шляпка была выбрана, при выразившихся и здѣсь увѣренности и тактѣ Питта, и Генріетта не могла скрыть своего удовольствія, замѣнивъ свою большую парижскую шляпку модной, элегантной англійской, такъ удивительно походящей къ ея лицу.

Мирабо, съ которымъ министръ видимо избѣгалъ говорить, поспѣшилъ уплатить въ кассѣ счетъ за выбранную и еще разсматриваемую Питтомъ шляпку. Когда же госпожа Нэра окончательно выразила свое удовольствіе, министръ обратился съ приказаниемъ прислать счетъ въ его отель, но былъ непріятно задѣтъ сообще-

ніемъ, что счетъ уже уплачень. Нѣсколько смущенный, предложилъ онъ вернуться къ экипажу.

Мирабо попросилъ, однако, позволить имъ взять одинъ изъ близъ стоявшихъ фіакровъ, чтобы не злоупотреблять долгъ любезностью министра, такъ какъ ихъ квартира находилась хотя и не далеко, но въ совершенно противоположной сторонѣ отъ его отеля.

Питтъ бросилъ на него холодный испытующій взглядъ и, съ легкимъ поклономъ, согласился. Они разстались съ видимымъ обоюднымъ неудовольствіемъ.

Возвратясь домой, Мирабо бросился на диванъ и разразился жалобами и проклятіями противъ всюду преслѣдующей его неудачи. Генріетта подошла къ нему и, успокаивая, положила свою руку на его горячій, переполненный мыслями лобъ.

— Чѣмъ ты такъ недоволенъ? — спросила она своимъ кроткимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Самимъ собою, — отвѣчалъ онъ, вздыхая. — Благопріятнѣйшій случай даетъ мнѣ возможность вступить въ дружескую бесѣду съ первымъ государственнымъ человѣкомъ Англіи. А я, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ къ своей выгодѣ, какъ могъ и долженъ быть сдѣлать, теряю всякий дипломатическій тактъ и говорю ему все напрямикъ. Всегда меня называли страстнымъ и необдуманнымъ, но что я буду фигурировать болваномъ правды тамъ, гдѣ умъ требовалъ быть скрытымъ и расчетливымъ, этого я не могу себѣ простить. Я разговаривалъ съ Вильямомъ Питтомъ такъ, какъ болталъ бы дома съ Шамфоромъ или Кондорсэ. Быть можетъ, это и было достойно меня, но было крайне глупо для того, кто, какъ я, мечталъ извлечь въ Лондонѣ нѣкоторую дипломатическую пользу или быть облеченнымъ тайными порученіями министерства Питта. Я не думалъ, что моя откровенность сыграетъ со мной такую глупую штуку. Вмѣсто того, чтобы говорить этому Питту, какъ я думаю и чего хочу, мнѣ надо было разыграть съ нимъ комедію, въ которой полуискренно, полуковарно сдѣлать видъ, что я постигъ его самыя сокровенные мысли, и всѣ свои силы направить къ полной мелодіямъ варіаціи на его же тему. Между тѣмъ, я дую свою собственную пѣсню на своемъ собственномъ инструментѣ прямо ему въ носъ, а когда онъ этого не можетъ вынести, то бью его еще по пальцамъ моимъ же инструментомъ. Ну, теперь, во избѣженіе нищеты здѣсь въ Лондонѣ, мнѣ остается только составлять китайскую грамматику и географические учебники.

— Не сердись такъ, Мирабо, — замѣтила Генріетта, ласково глядя его рукой. — Ты не хуже этого англійского министра. Я такъ люблю, когда мужчины смѣло спорятъ о своихъ мнѣніяхъ. Если онъ не возложитъ на тебя никакихъ порученій, то мы обойдемся и безъ него. Мы вѣдь не глупы, и великая, великая будущность принадлежитъ тебѣ, Мирабо! Будемъ спокойны и веселы сегодня. У меня

такъ хорошо стало на душѣ. Я опять чувствую себя здоровой. Прогулка съ тобой совершила чудо, и силы мои вновь ожили. Къ тому же, изъ сегодняшняго приключения на мою долю досталась прелестная новая англійская шляпка, такая нѣжная и легкая, что сама Титанія, царица сильфидъ, могла бы носить ее; выбралъ же мнѣ ее его свѣтлость министръ Вильямъ Питтъ, а мое сокровище честно за нее расплатилось. Ну, Мирабо, хочешь я опять буду твоимъ старымъ шутомъ?

Съ этими словами она отбѣжала отъ него, повелительно кликнула къ себѣ миссъ Сару, неохотно спрыгнувшую съ дивана, гдѣ она сидѣла у ногъ своего господина. Генріетта принесла свою старую парижскую шляпку и надѣла ее на голову собаки, подвязавъ ей на шеѣ и лапахъ развѣвавшіяся ленты. Боязливо и съ трудомъ двигаясь въ этомъ головномъ уборѣ, животное забилось въ уголъ комнаты, а Генріетта, мгновенно принявъ самый смѣшной и вмѣстѣ ужасный видъ, встала передъ собакой и невѣроятными ужимками начала изображать лорда-трубача, готоваго напасть на прекрасную парижанку при видѣ ея громадной шляпки. Она не могла, конечно, изобразить его ужасную фигуру и манеры, но обращалась къ миссъ Сарѣ съ такими же жестами и остротами и, приложивъ пальцы ко рту, подражала его трубѣ. Затѣмъ, рѣзкимъ голосомъ, въ носъ, затянула англійскую народную пѣсню, удерживавъ дѣйствительно въ памяти нѣкоторыя слова и напѣвъ, что совсѣмъ уже напомнило лорда-трубача.

Мирабо не могъ устоять противъ ея веселья, и наградилъ свою подругу искреннимъ смѣхомъ, прервавшимъ его унылое настроеніе. Радостно бросилась она къ нему, чтобы поблагодарить его за это долгимъ поцѣлуемъ.

конецъ первой части.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазинъ „Нового Времени“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАРТЪ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Авенариусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзии. Съ портретомъ Рябина и рисунками. Изд. 5-е. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
Авсеньюно, В. Новые рассказы. Т. I. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Адамовичъ, В. И. Встрѣчный искуш. (Къ учению о зачтѣ). И. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Альбомъ двадцатипятилѣтія товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ (1872—1897). М. 1899 г. Ц. 15 р.

Альбомъ картинъ по географіи Европы со вступительной статьей д-ра А. Гейстбека. Перев. съ немецк. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Андерсенъ, Гансъ Христіанъ. Избранныя сочиненія въ переводѣ русскихъ писателей. Часть 1-я. (Выпускъ XV-й русской классной библіотеки, издаваемой подъ редакціею А. Н. Чудинова). Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

— Гадкий утенокъ и навозный жукъ (Дѣтство. № 5. 1899 г.). Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Апраксинъ, А. Д. Баловны судьбы. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ю. Теорія постановки голоса по методу старой итальянской школы. Вып. III. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Архипова, П. Н. Выгѣ русскаго народа въ повѣстяхъ для дѣтей школьнаго возраста. Повѣсть первая. Симбирскъ, 1898 г. Ц. 25 к.

Астафьевъ, С. У святыхъ Придатѣровъ. Замѣтки странника. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Астафьевъ, П. Е. (проф.). Опытъ о свободѣ воли. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Астаховъ, И. Романъ въ тюрьмѣ. Рассказы. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Балобанова, Е. В. Дѣтъ судьбы. Герцогиня Рената Феррарская и Муза Италии Олимпій Мората. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

* Бальзакъ. Женщина тридцати лѣтъ. Романъ (Новая библіотека Суворина, № 32). Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Барановъ, А. И. Руководство для ротныхъ фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Съ 94 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга тринадцатая. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Баязитовъ, А. Исламъ и прогрессъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Березинъ, Н. И. Въ пучинахъ моря (Дѣтство. № 6. 1899 г.). Спб. Ц. 15 к.

Беркоѳ, П., и Ингеницкій, И. Рѣчной ракъ (Практическая зоотомія. Вып. II). Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Берсъ, Е. О причинахъ разоренія землемѣрческой Россіи. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бертенсонъ, Левъ. Оздоровляющая и цѣлитъ ная силы въ природѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бинзъ, А., и Анри, В. Умственное утомленіе. Переводъ съ французскаго. Съ 93 рисунками и діаграммами. М. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

* Бичерь-Стон, Генріета. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведения Джорджа Буллена, 2 тома. Издание 2-е (Новая библіотека Суворина). Спб. 1899 г. Ц. за 2 т. 1 р. 20 к.

Благовидовъ, Ф. В. Оберъ-прокуроры Святѣшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Опытъ исторического изслѣдованія. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.

Болгарская пропаганда въ Македонии и македонский вопросъ. И. Д. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Броуновъ, П. И. О зависимости урожаевъ хлѣбовъ отъ солнечныхъ пятенъ и метеорологическихъ факторовъ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Будде, Е. О вародныхъ говорахъ въ Тульской губерніи. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Булгановъ, Е. И. Японія и японцы. Съ рисунками. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Бѣлевичъ, В. Краткая французская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бѣляевъ, А. О беображеніи и антихристѣ. Т. I. Подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста. Сергіевъ Посадъ. 1898 г. Ц. 3 р.

Бѣляевъ, Ю. Д. В. Ф. Комиссаржевская. Критический этюдъ. Съ портретами (Наши артисты. Выпускъ первый). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

- Варини-де, Генри.** Воздухъ и жизнь. Переводъ съ англійскаго. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.
- Весь Киевъ** 1899 г. Адресная и справочная книга. Кіевъ. 1899 г. II. 1 р.
- Витбергъ, Ф. А. В. Я. Стоянинъ,** какъ педагогъ и человѣкъ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Ревнители русскаго слова прежняго времени (Чтения и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. I). Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Яковъ Петровичъ Полонскій (Чтения и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. II). Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Владиміровъ, П. В.** Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторії русскаго языка» (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые материалы). Кіевъ. 1899 г. Ц. 40 к.
- Войславъ, О.** Развѣдки пластовыхъ, гнѣздовыхъ и жильныхъ мѣсторождений полезныхъ испытаемыхъ. Третье, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.
- Волкова, М. М.** Больной ребенокъ. Уходъ за нимъ и поданіе первой помощи до прибытія врача. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вольфсонъ, Владиміръ.** Крейцерова соната графа Л. Н. Толстого съ точки зреінія гигиены. Гигиена воздержанія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Вся область войска Донского на 1899 г. Справочная книга. Годъ изд. 5-й. Ростовъ-на-Дону. 1899 г. Ц. 75 к.
- «Вѣстникъ права», журналъ Юридическаго Общества. № 2. Февраль 1899 г. Ц. 2 р.
- Выгановскій, И. Д.** и **вахрушевъ, К. М.** Временные правила о примѣненіи судебныхъ установовъ въ областяхъ: Сыръ-Дарынскай, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Гавалевичъ, Марианъ.** Силуэты женъ. Переводъ съпольскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Гань, И. К.** Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Изд. 6-е. Вильна. 1899 г. Ц. 30 к.
- Карманійский словарь для правописанія по Гроту. Изд. 2-е. Вильна. 1899 г. Ц. 15 к.
- Гартманий.** Руководство къ токарнымъ работамъ по металлу. Четвертое изд. въ новой обработкѣ инженера Ф. Нейманна. Переходъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Гебель, В.** Вицшкольное народное образование въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ: 1) Учрежденія и общества для распространенія народного образования; 2) Народные университеты, и 3) Народныя библиотеки. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Гельдъ, Адольфъ.** Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Глинскій, Ф. А.** Вѣловѣжская пуща и изубры. Съ иллюстраціями. Вѣлостокъ. 1899 г. Ц. 50 в.
- Гогель, С. К.** Проектъ норвежскаго уголовнаго уложения. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Гринвудъ, Дж.** Подлинная история маленькаго оборыши. Романъ. Переходъ Марка-Бовчка. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Грушке, А. В.** Гальваническое никелированіе металловъ. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 80 к.
- Грыгоренко, Грыцко.** Налии люди на сели. Сватання. Ось яка «сторія». Юрьевъ. 1898. Ц. 15 к. Старый—молодой. Хибризы языката. Ц. 30 к. Хто—кого? Божевильна. Батько. Ц. 35 к. Всѣ три книги вмѣстѣ. Ц. 80 к.
- Гусевъ, Д. Св. Феофиль Антиохійскій.** Казань. 1898 г. Ц. 20 к.
- Тертулліанъ, пресвитеръ Карагенскій. Очеркъ его литературной дѣятельности. Казань. 1898 г. Ц. 30 к.
- Гутманъ, Оскаръ.** Гимнастика голоса. Руководство къ развитію и правильному употребленію органовъ голоса въ пѣніи. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Гутторпъ, В. П.** Первые уроки пѣнія. Нотная грамота и хрестоматія (Материалы для первоначального преподаванія музыки). Вып. I. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Далматовъ, Константинъ.** Древне-индійское вѣроученіе и сравненіе его съ христианствомъ. Казань. 1899 г. Ц. 20 к.
- Дарвинъ, Чарльзъ.** Собрание сочиненій въ четырехъ томахъ. Изд. 2-е. Томъ второй. Спб. 1899 г. Цѣна I и II т. въ отдѣльной продажѣ 4 р. 50 к.
- Дворъ императрицы Екатерины II, ея сотрудники и приближенные. Сто восемьдесятъ девять силузтовъ. Спб. 1899 г. Ц. за 2 тома 20 р.
- Денисовскій, М. М.** Фотографія любителя. Практическое пособіе къ изученію фотографіи. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Деполовичъ, П.** Витязи сѣвера (съ 20 рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ переплѣтѣ 85 к.
- Разсказы о землѣ Аравійской (съ 39-ю рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ переплѣтѣ 60 к.
- Джеромъ К. Джеромъ.** О женихахъ и невѣстахъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Дмитріевъ, Д.** Чудо-богатырь. Исторический романъ. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Иванъ Мазепа. Исторический романъ временъ Петра I. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Добрый сѣм'я—не грѣхъ. Шутливые разсказы (съ рисунками). Сборникъ первый. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 80 к.
- Достоевскій, Ф. М. Пушкинъ.** (Очеркъ). Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Дриль, Дм.** Бродячество и нищенство и мѣры борьбы съ ними. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Ссылька во Францію и Россію. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Дуброва, Я. П.** Выть калмыковъ Ставропольской губерніи. Извѣстія общества археологии, истории и этнографии при Императорскомъ Казанскомъ университете. Т. XV, вып. 1—2. Казань 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Египетъ.** (Съ 47-ю рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 75 к.
- Егоровъ, Яновъ.** Среди крестьянъ. Разсказы и очеckи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ждановъ, Ив.** Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- «Женское дѣло», Ежемѣсячный литературный журналъ. Мартъ. 1899 г. Ц. 75 к.
- «Жизнь», журналъ, № 5. 1899 г. 40 к.

- ЖИТКОВЪ, С. М.** Хлѣбъ и пути сообщенія. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Пути сообщенія п финансъ въ истекшее столѣтіе. 1798 — 1898. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- ЖУКОВСКИЙ, В. А.** Наль и Дамаянти. Индійская повѣсть, подражаніе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- «Журналъ журналовъ» и «Энциклопедическое Обозрѣніе». № 4. 1899 г. Ц. 75 к. и 1 руб.
- Журналъ министерства юстиціи.** № 2. Февраль 1899 г. Ц. 1 р. Съ приложеніемъ статьи «Международный союзъ криминалистовъ». Ц. 2 р.
- «Землевѣдѣніе». 1898 г. Книжка III—IV. Подъ редакціей Д. Н. Анучина. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ЗОЛА, Э.** Жакъ Дамуръ. Наисъ Макуленъ. Капитанъ Бюрль. Наводненіе. М. 1899 г. Ц. 75 к.
- Ивановъ, Ив.** Изъ западной культуры. Спб. 1899 с. Ц. 1 р. 50 к.
- Ивановъ, С. Ф.** Объясненія, проведенія по книгамъ и отчетности штрафныхъ суммъ, взыскиваемыхъ со служащихъ по казенной винной операции. Новгородъ. 1899 г. Ц. 20 к.
- Счетоводство по казенной продажѣ питья. Новгородъ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Иконниковъ, В. С.** Значеніе царствованія Екатерины II. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.
- Имшенецкий, М.** Сборная книжка для сельскихъ старостъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- ***Найдородъ, Дм.** Седьмой стѣнной календарь петербургской весны. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Канторовичъ, Я. А.** Законы о вѣрѣ и вѣротѣпимости, съ приложеніемъ свода разъясненій по кассационнымъ рѣшеніямъ сената. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Карбоньеръ, А. А.** Каталогъ предметовъ глинянаго, фаянсоваго и ма旡иковаго производствъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Нарѣ, А.** Бригъ «Эмануэль». М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Нернеръ фонъ-Мариланъ, А., проф.** Жизнь растеній. Т. I. Форма и жизнь растенія. Переводъ съfrm. Ц. въ перепл. 7 р. 50 к. Спб. 1899 г.
- Недровъ, П. П.** Баргузинская тайга. Томскъ. 1899 г. Ц. 1 к.
- Клингъ, А. Г.** Новыя и новѣйшія лѣкарственные средства въ алфавитномъ порядкѣ, ихъ химическая и физическая свойства и терапевтическое примѣненіе. Справочная книга для фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ и др. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ковалевский, Максимъ.** Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленія на періоды. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Ковалевский, С.** Покровительственная плащаница, что она даетъ населенію и что у него береться. Цифры и факты. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Двойной ионіусъ, его теорія и примѣчаніе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Константиновъ, Н. Н.** Провода электричества, ихъ прокладка, ремонтъ и измѣренія. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Косоноговъ, И. И.** Конспектъ лекцій по атмосферному электричеству и земному магнитизму. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Кочубинский, Ал.** Графъ Андрей Иванович Остерманъ и раздѣлъ Турціи изъ исторіи восточного вопроса. Война пяти лѣтъ (1735—1739). Одесса. 1899 г. Ц. 3 р.
- Краткія методическія указанія о веденіи обученія предметамъ церковно-приходской школы. Казань. 1899 г. Ц. 25 к.
- Купчинский, И. А.** Театръ. Книга II. Комсдія: «Любовь требуетъ жертвъ», «Уладиль», «Прощай до радостнаго утра», «Язвы», «Прелесты флирта», «Злодѣй, какихъ мало» и «175 лѣтъ тому назадъ». М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ламперъ, К., проф.** Жизнь прѣсныхъ водъ. Животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространение и значеніе для человѣка. Выпуски I. Подписанная цѣна на все сочиненіе въ 10 выписковъ 6 р. Спб. 1899 г.
- Латкинъ, В. Н.** Учебникъ исторіи русскаго права. Періодъ имперіи (XVIII и XIX стол.). Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Landessmann и Hitschmann.** Терапія вѣнскихъ клиникъ. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Лебедевъ, В. А.** Питейное дѣло. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Leistikow, L.** Терапія кожныхъ болѣзней. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Les Archives principales de Moscou du Ministere des affaires étrangères.** М. 1898. Prix 3 roubles.
- Leube, W.** Частная диагностика внутреннихъ болѣзней. Руководство для врачей и студентовъ, составленное по лекціямъ. Переводъ съ немецкаго. Томъ I, ст 10 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899. Ц. 3 р. 50 к.
- Лиленблумъ, М. Л.** Палестинофильство, сионизмъ и ихъ противники. Одесса. 1899. Ц. 25 к.
- Лихачева, Е.** Материалы для исторіи женского образования въ Россіи (1086—1856). Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Лонгфелло, Генрі.** Пѣсни о Гайаватѣ. Переводъ съ англійскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Лукашевичъ, Клавдія.** Зернышки. Саорникъ для дѣтей. М. 1899 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
- Лухманова, Н. А.** Инна Воронцова. Психологический романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Льювъ, В. Н.** Курсъ эмбриологии позвоночныхъ. Общая часть. Выпускъ I. Введеніе, исторія половыхъ продуктовъ и оплодотвореніе. Съ 42 рисунками. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лэнъ-Пуль, Стенли.** Мусульманскія династіи. Хронологическая и генеалогическая таблица съ историческими введеніями. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Люттерманъ, Р.** Практическое руководство къ производству искусственныхъ цветовъ изъ матеріи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лясковский, Валерій.** Братья Кирбевские, жизни и труды ихъ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.
- Л. С.** Въ защиту личности. Педагогическая идеи Н. А. Добролюбова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Майеръ, Н. В. I.** Права и обязанности торговцевъ и промышленниковъ, какъ пла.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

- тельщиковъ раскладочного съ процентнымъ сбора. II. Образцы торговыхъ книгъ и значеніе ихъ для торговцевъ и промышленниковъ, какъ плательщиковъ раскладочного сбора. Петрозаводскъ. 1899 г. Ц. 60 к.
- Максимовъ, А. Я.** На далекомъ востокѣ. Полное иллюстрированное собрание сочинений. Книга IV. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. II. В — Брай. Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ за все издание въ 12 выпускахъ 18 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Общій любимецъ публики. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Матусевичъ, П. А.** «Введеніе» къ ученію объ элементахъ. Пособіе при изученіи основныхъ законовъ минеральной химіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Кіевъ. 1898 г. Ц. 30 к.
- Матченко, И. П.** Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Общее обозрѣніе Европы и западно-европейскія государства. Кіевъ. 1899 г. Ц. 40 к.
- Менделеевъ, В. Д.** Проектъ поднятія уровня Азовскаго моря запрудою Керченскаго пролива. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Мечниковъ, Л. И.** Цивилизаций и великия историческая рѣки. Географическая теорія развитія современныхъ обществъ. Переводъ съ франц. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Минуличъ, В.** Яшина книжка. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Минцловъ, С. Р.** Женское дѣло. Комедія въ пяти действияхъ. Одесса. 1899 г. Ц. 1 р.
- Мурносъ, Г. А.**, профес. Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ XVII вѣкѣ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Мюръ Петиссонъ.** Химія огня. Съ 17-ю рисунками. Переводъ съ англійск. М. 1899 г. Ц. 85 к.
- Мягковъ, Н.** Какъ извѣщать о пожарахъ. Пожарныя команды въ Петербургѣ. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Наракхіонъ, П. Е.** Идилліи въ прозѣ. Рассказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Наумовъ Н. И.** Нефедовский починокъ. Рассказъ. Спб. 1899 г. Ц. 16 к.
- «Научное Обозрѣніе». Журналъ № 3, марта 1899 г. Ц. 75 к.
- На велосипедѣ изъ Варшавы въ Лондонъ. Письма П. В. Каменского къ профес. Л. Е. Владимирову. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Королева въ дохмотьяхъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Николай, Л. Ф.** Краткія историческія данія о развитіи мостового дѣла въ Россіи. Спб. 1898 г. Ц. 90 к.
- Никольский, А. И.** Страстная и Великая седьмница. Изд. 3-е. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50.
- Никольский, Николай.** Описаніе рукописей Кирилло-Белозорскаго монастыря, составленное въ концѣ XС вѣка. Спб. 1897 г. Ц. 10 р.
- Нитче, Фр.** Происхожденіе трагедій. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Новые правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ съ дополнительными къ этимъ правиламъ узаконеніями. Спб. 1899 г. Ц. 30 к., въ переплетѣ 50 к.
- Новѣйшая приобрѣтенія въ области животноводства. Перев. съ нѣмецк. Н. В. Петрова. М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Нордау, Максъ.** Рѣчи и статьи. Екатеринославъ. 1898 г. Ц. 10 к.
- Нѣмецъ, Я.** Промышленное плодоводство въ Сѣверной Америкѣ. Съ портретомъ автора, картой Сѣверной Америки и 223 рисун. и чертежами въ текстѣ. Издание 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Общий таможенный тарифъ по Европейской и Азиатской торговлѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Овчининская, В.** Какъ живутъ японцы. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Oertmann, Paul,** проф. Обычай и законъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Олсуфьевъ, А. А.**, гр., и Панаевъ, В. П. По Закаспийской военной желѣзной дорогѣ. Путеводитель. Съ 43 иллюстр. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Онз, Жоржъ.** Король Парижа. Перев. съ франц. М. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- д'Оссонвиль, гр.** Нужда, порокъ и благотворительность. Переводъ съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ.** Переписка князя П. А. Вяземского съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819 г. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Остроумовъ, Н. П.** Аравія и Коранъ. (Происхожденіе и характеръ ислама). Опытъ исторического изслѣдованія. Казань. Ц. 1 р. 50 коп.
- Памятіи В. Г. Бѣлинскаго.** Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. М. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- На вел. бумагѣ. Ц. 5 р.
- Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1898—99 учебный годъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Паскаль, Блезъ.** Мысли (о религії). Пер. съ франц. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пастернакъ, Ф. И.** (проф.). Климатотѣчебные пункты на Черноморскомъ побережье Кавказа. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Пасхалия зряча и неисходная до конца вѣка. Вѣчный календарь. Спб. 1899 г. Ц. 30 к., на папкѣ 50 к.
- Перельгинъ, Н. И. Любовь и дружба. Иovelлы съ иллюстр. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Перетцъ, В. Н. «Filar Wiary» и «Księga Smierci», архіеп. Лазаря Варановича. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50 к.
- Перримондъ, Э.** и **Бутми-де-Кацманъ, Е.** Программа школьнаго зданія на 56 и 112 учениковъ. Семь чертежей съ пояснительной запиской. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Петри, Э. Ю.** Учебный географический атласъ. Спб. 1898 г. Ц. въ пер. 2 р. 60 к.
- Плоссъ, Г., д-ръ. Женщина въ естествовѣдѣй и народовѣдѣніи. Съ рис. и таблицами. Т. II. Кіевъ. 1899 г. Ц. за два тома 6 р.
- Подсьѣжинъ.** Сборникъ для дѣтей. Рассказы: Алтаева, Сирошевскаго, Оржешко, Уайда, Поповой и др. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Позднѣевъ, А.** Монголія и монголы. Результаты поездки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

- Покровская, М. И.** Популярный статья по гигиене. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Покровский, В. В. Г.** Бълинский, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Полетаевъ, Ипполитъ.** «Норь-Кагакъ». Записки невольного двоеженца и вообще неосторожнаго человѣка. Тифлісъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи.** Т. VIII. 1733 — 1734 гг. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Положеніе о выдахъ на жительство съ законоадательными мотивами, дополненіями и разъясненіями.** Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Половъ, И. А.** Изобрѣтенія изъ древеснаго дегтя и смолы, убывающія вредныхъ насекомыхъ. Дезинфиціонныя и врачебныя. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Порошинъ, Ив.** Русалка и друг. рассказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Порфирій (Успенскій), (архимандритъ).** Востокъ христіанскій. Александровская патріархія. Сборникъ материаловъ, изслѣдований и записокъ, относящихся до исторіи Александровской патріархіи. Томъ I. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Порфирий, П. Ф.** Первая любовь. Поэма. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Постѣній, В. В.** «На рельсахъ и виѣ рельсь». Стихотворенія. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- * **Потапенко, И.** Свѣтлый лучъ. Романъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Предписанія и правила относительно безопасноти электрическихъ установокъ.** Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Придорогинъ, Ю.** Общедоступный учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Пропертій Секстъ.** Элегіи. Пер. А. А. Фета. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Прияншинковъ, И. П.** Совѣты обучающимся пѣю. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Психологія оперы «Князь Игорь» и ея исполненіе на московской частной сценѣ.** М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Радонежскій, А.** Пушкинъ. Разборъ главныхъ произведеній, литературное и воспитательное его значеніе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Раисъ, К. В.** Въ чешской школѣ. Пер. съ чешскаго. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.
- Ранке, І.** Человѣкъ. Вып. 6-й. Ц. 50 к. Ц. за всѣ 30 вып. по подицѣ 12 р.
- Рачинскій, С. А.** Письма къ духовному попечеству о трезвости. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Рашевскій, П. И.** Крестовина для главныхъ желѣзодорожныхъ путей. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Реверсовъ, И. П.** Защитники христіанства. (Апологеты). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Ренненкампфъ, Н. К.** Киевскій политехническій институтъ Императора Александра II. Кіевъ. 1899 г. Ц. 20 к.
- Роджерсъ, Т.** Исторія труда и заработка платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Пер. съ англійск. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Розановъ, В. В.** Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Рубецъ, А. И.** Два хора «Слава Пушкину». Въ память 26 мая 1899 года въ день торжественного празднованія 100-лѣтнаго юбилея рожденія великаго поэта. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Руководство для плательщиковъ** государственного промысловаго налога. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- «Русскій Вѣстникъ», журналъ. № 3-й. Мартъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- «Русскій Трудъ», журналъ. № 8 — 9. Ц. 30 коп.
- «Русское Экономическое Обозрѣніе», журналъ. № 2. Февраль. Ц. 1 р.
- «С.-Петербургъ», иллюстр. еженед. журн. № 11. Ц. за годъ съ дост. и перес. 2 р.
- Сабуровъ, П.** Материалы для исторіи русскихъ финансовыхъ. 1866 — 1897 г. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Сапожниковъ, Д. И.** Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина. М. 1899 г. Ц. 40 к.
- Сборникъ законовъ о мусульманскомъ духовенствѣ изъ Таврической и Оренбургской скопий округахъ и о магометанскихъ учебныхъ заведеніяхъ.** Казань. 1899 г. Ц. 50 к.
- Свѣтловъ, П. Я.** Опытъ апологетического изложенія православно-христіанского вѣроученія. Т. I. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- «Сельский Хозяинъ». № 20. Ц. въ годъ съ доставкой б. р.
- Семеновъ, Н. П.** Наше дворянство. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.
- Семеновъ, П. Д.** Изъ когтей выручили. Бытова народная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Казань. 1899 г. Ц. 40 к.
- Сенкевичъ, Генрихъ.** Крестоносцы. Исторический романъ. Часть 6-я. Спб. 1899 г. Ц. на 30 к.
- Сергѣева, Анна.** Идеализація и любовь. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Серновский, С. И.** Къ вопросу о строеніи бактеріальныхъ колоній и новой классификациіи бактерій. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Сеславинъ, Д. Н.** Самоучитель французскаго языка. Вып. 10-й. Харьковъ. 1899 г. Ц. по подп. 3 р.
- Сибирское переселеніе въ 1899 г.** Выпускъ II-й. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.
- Сизова, А. Н.** Наканунѣ лихолѣтья. Историческая повѣсть (Изъ смутнаго периода 1602—1603 гг.). М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Скальковскій, К.** Въ театральномъ мірѣ. Наблюденія, воспоминанія и разсужденія. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Славянскія минеральные воды** Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ. Составлено комиссіею, состоящею изъ Л. И. Анисимова, д-ра В. И. Коссовскаго и Н. А. Степанова. Славянскъ. 1898 г. Ц. 40 к.
- Сльцовъ, М.** Разсказы о Норвегіи. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 75 к.
- Жилища и нравы птицъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 1 р.
- Соболевскій, А. В., д-ръ.** Основы трезвости. (Опытъ руководства для школьн.). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

- Современная жизнь подъ первомъ современ-
ныхъ беллетристовъ. Критический очеркъ.** Одесса. 1899 г. Ц. 60 к.
- Справочная книжка Смоленской губерніи** на 1899 г. Смоленскъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Справочный указатель кустарныхъ произ-
водства и кустарныхъ мастеровъ.** Вып. III. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Спенсер, Гербертъ.** Этика половыхъ отно-
шений. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.
- Старниціе (отецъ и дочь).** Передъ бурей. Исторический романъ изъ времень Хмельни-
цыны. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р.
- Строгановъ, проф.** О патогенезѣкламсии. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Строальная книга города Пензы.** М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Стройновский, І.** Вспомогательныя таблицы
для лицъ, производящихъ учетъ и продажу
казенного вина. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- * **Суворинъ, А. С.** Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Третье исправлен-
ное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Сырку, П. А.** Къ исторіи исправленія книгъ
въ Болгаріи въ XIX в. Томъ I. Вып. 1-й.
Время и жизнь патріарха Евѳимию Тернов-
скаго. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Tacchella, Paul.** Dictionnaire étymolo-
gique fran ais-russe, renfermant, dans un
ordre gradu l, tous les mots de la langue
fran aise, analys s et group s aupr s de
leurs racines. Ouvrage couronn  du grand
prix Pierre le Grand. 2 т. Спб. 1899 г. Ц.-
на 7 р.
- Тардъ, Г.** Молодые преступники. Пер. съ
франц. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Тарутинъ, Александръ.** Стихотворенія. Спб.
1899 г. Ц. 1 р.
- Тархановъ, И., акад.** О закаливаніи человѣ-
ческаго организма. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Толстой, Л. Н., графъ.** Смерть Ивана Ильи-
ча. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.
- Толстой, Л. Л., графъ.** Яшка. Разсказъ. Ка-
занъ. 1899 г. Ц. 15 к.
- «Трудовая помощь», журналъ. Январь и
февраль 1899 г. №№ 1 и 2. Ц. каждаго 50 к.
Цѣна за годъ съ дост. и перес. 3 р.
- Трудовая помощь** въ Скандинавскихъ го-
сударствахъ. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Трухановский, М. И.** Основы ученія объ
удобреніи почвы. Руководство для сред-
нихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ за-
веденій и хозяевъ-практиковъ. Саратовъ.
1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Трэси, Ф.** Психологія первого дѣтства. Pe-
реводъ со второго американскаго изданія.
Спб. 1899 г. Ц. 80 к.
- Thoinot, L. H., д-р, и Masselieu, E. I.** Меди-
цинская бактеріология. Техника и патоген-
ные микробы. Пер. съ франц. В.-Волочекъ.
1898 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Турыгина, Л.** Учебникъ элементарной тео-
ріи музыки со сборникомъ задачъ. Курсъ
старшаго возраста. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Уваровъ, А.** Механическая обработка джу-
та и кенефа. Съ чертежами на 17 отдель-
ныхъ листахъ. М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Уссингъ, Ж., проф.** Воспитаніе и обученіе
у грековъ и римлянъ. Перев. съ нѣмецкаго.
Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Фаресовъ, А.** Народники и марксисты.
Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Фарраръ, Ф. В.** Аллегорія. Борьба добра
со зломъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899 г.
Ц. 1 р. 50 к.
- фауль, Т.** Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи.
Переводъ съ англійск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Филипповъ, М. М.** Концъ и его методъ.
Л. И. Филиппова. Огюстъ, Концъ и Клотильда-
де-Во. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Finger, E. и Saenger, M.** Наталогія и тे-
рапія мужскаго бесплодія. Переводъ съ нѣ-
мецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Флоберъ, Густавъ.** Простое сердце. Раз-
сказъ. Изд. II. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Иродіада. Историч. разсказъ. Изд. II.
Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Фойницкий, И. Я.** Курсъ уголовнаго судо-
производства. Томъ II. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
50 коп.
- Фредерикъ и Нюэль.** Основы физіологии че-
ловѣка. Томъ II. Переводъ съ 3-го француз-
скаго изданія. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Фулье, Альфредъ.** Будущее морали. Спб.
1899 г. Ц. 20 к.
- Фурнье, Альфредъ (проф.).** Ученіе о сифи-
лисѣ. Выпускъ первый. Переводъ съ фран-
цузскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ходасій, Л. В.** Политическая экономія въ
связи съ финансами. З-е изданіе. Вып. 1-й.
Спб. 1899 г. Ц. за оба выпуска 3 р. 50 к.
- холодковский, Н. А. и Силантьевъ, А. А.** Пти-
цы Европы. Практическая орнитологія съ
атласомъ европейскихъ птицъ. Выпушкъ 1-й.
Ц. по подпискѣ на всѣ 10 выпусксовъ 14 р.
Спб. 1899 г.
- Царевскій, А. (проф.).** Иамати въ бозѣ по-
чившаго митрополита С.-Петербургскаго вы-
соконреовицнѣйшаго Чалладія. Казань.
1899 г. Ц. 30 к.
- Циммерманъ, В.** Правило Эйлера въ при-
мѣненіи къ одному классу вопросовъ объ
относительныхъ maxima и minima. Одесса.
1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шамборанъ-де, А. В., графъ.** Воспоминаніе
о Феликсе Форѣ, покойномъ президентѣ
Французской республики. 1895 — 1899 гг.
Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Шантепи-де-Соссей, Д. П.** Иллюстриро-
ванная история религій. Вып. 9-й. Ц. по
подпискѣ на 10 выпусксовъ 4 р. М. 1899 г.
- Шараповъ, С.** Вопросъ о валюте на Орлов-
скомъ областномъ съѣзѣ сельскихъ хо-
зяевъ 1898 г. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Шаховская, Людмила.** Но геройскимъ слѣ-
дамъ.. Романтическая грѣза изъ быта древ-
нихъ римлянъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Шевляковъ, М. В.** Русскіе остряки и остро-
ты ихъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Шелгунова, А. П.** Дешевый домашній столъ
скромный и постыній. Изд. 5-е. Спб. 1899 г.
Ц. 1 р.
- Шеляговскій, Ф. Е.** Наденіе Константино-
поли. Исторический очеркъ. Спб. 1899 г.
Ц. 25 к.
- Шерръ, Іоганнъ.** Комедія всемірной исто-
рии. Исторический очеркъ событий 1848 г.

Перев. ст. изъмецкаго. Спб., 1899 Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Понятіе о гражданскомъ правѣ. Казань. 1898 г. Ц. 50 к.

— Задачи и методы гражданского права въ юрисдикціи. Казань. 1898 г. Ц. 50 к.

— Исторія кодифікаціи гражданскаго права въ Россіи. Казань. 1898 г. Ц. 1 р.

Шнеллеръ, Ио слѣдамъ апостола Павла. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

* Энгель. Шекспиръ. Переводъ съ нѣм.

Ф. Черниговца. («Научная Дешевая Библиотека»). Съ портретами и рисунками, въ переплѣтѣ. Ц. 60 к.

Энциклопедіческій словарь Брокгауза и Ефрона. Полут. 51-й (Рабочая книжка—резюлюція). Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Эрсманъ, Ф. Ф. Краткій учебникъ по гигіенѣ. Съ 50 политицажами. М. 1898 г. Ц. 3 р.

*) Издание А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,
внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія. Изд. 2-е 1896 г. и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ф. И. Буслава, ст. портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

15. — Великий князь Димитрій Иоанновичъ, прозваниемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

17. — Царствованіе Феодора Иоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

20. — Царствованіе Бориса Феодоровича и Лжедимитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.

70а и 70б. Квитка-Основьяненко, Гр. Ф. Панть Халиевскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплѣтѣ 75 к.

79. Козловъ, И. Три поэмы: Чернецовъ.—Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.—Безумная. Съ біографіей и портретомъ автора.

Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 30 к.

239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплѣтѣ 25 к.

— То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплѣтѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленевой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. Корнель, П. Гораций. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплѣтѣ 27 к.

222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

28. Кохановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

318. Крыловъ. Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.

7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сионячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

9. Кукольникъ, Н. В. Историческая повѣсти. Кн. I-я (Асадотъ Лихончиха).—Купецъ Калустинъ.—Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 30 к., на вел. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я (І. Сказаніе о синемъ иззеленомъ сукнѣ.—ІІ. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ф. Долгорукова. Издание 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 30 к.

11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Но- вый годъ). Съ гравюрами: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Издание 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к.,

- въ переплѣтѣ 30 к., на веленевой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы). Историческая быль временъ Екатерины Великой. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
19. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно). — Вольный гетманъ панъ Савва. — Староста Меланія. Издание 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 35 к.
20. Ламартинъ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣвка). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
21. Ломоносовъ, М. В. Избранный сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.
22. Маркъ Аврелій Антонінъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплѣтѣ 40 к.
23. Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Амадѣтъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
24. — Страшное гаданье.—Два вечера на бивуакѣ.—Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
25. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
26. — Рассказъ офицера, бывшаго въ пѣтъ у горцевъ. — Красное покрывало.—Ночь на кораблѣ.—Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
27. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
28. — Морехоль Никитинъ. — Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплѣтѣ 40 к.
29. — Наезды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
30. — Лейтенантъ Вѣлозоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
31. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.
32. — Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, А. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
4. — То же. Книга II-я.
5. Бальзакъ. Шагреневая кожа. Романъ.
6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Ром.
7. Крэкъ, А. д'Эмілій. Повѣсть изъ эпохи гоненія на христіанъ при Деци и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
8. Кингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.
9. — То же. Томъ II.
10. Жоржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.
11. Мериме, П. Жакерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.
- 12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.
14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.
15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козицкаго дворянства. Романъ.
16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденіша. Романъ. Томъ I-й.
17. — То же. Томъ II-й.
18. — То же. Томъ III-й.
19. Ясинский, Іер. Старый другъ. Романъ.
20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.
21. — То же. Томъ II-й.
22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.
23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Послѣдніе дни Шомпсона. Ром. Томъ I-й.
24. — То же. Томъ II-й.
25. Бичеръ-Стонъ, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джорджа Буллена. Томъ I-й.
26. — То же. Томъ II-й.
27. Сю, Евгений. Вѣчный ждѣ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
28. — То же. Томъ II-й.
29. — То же. Томъ III-й.
30. — То же. Томъ IV-й.
31. — То же. Томъ V-й.
32. Бальзакъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
- 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Вовари. Провинціальные нравы. Ром. Перев. съ франц.
35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.
36. Якушинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другие разсказы.
- 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесные близнецы. Перев. съ иѣм. А. Гердъ.
- 39 и 40. Поэз. Эдгаръ. Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Программа „Исторического Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводе или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе материалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергея Николаевича Шубинского.

Редакція отвѣтствуетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Исторического Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинский.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВѢСТИНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

МАЙ, 1899

СОДЕРЖАНИЕ.

~~~~~  
МАЙ, 1899 г.  
~~~~~

	стр.
I. Владімірські Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. VI—XI. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	385
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). IX—X. (Продолженіе)	407
III. Одинъ изъ предковъ Пушкина. (Матеріалы для характеристики нравовъ русскаго общества XVIII в.). И. А. Бѣлозерской.	427
IV. Нашъ великий поэтъ. И. Н. Полевого.	464
V. Памяти А. С. Пушкина. (26 мая 1799 г.). Стихотвореніе. И. Ф. Тюменева.	480
VI. А. С. Пушкинъ и поэзія действительности. А. К. Бороздина.	482
VII. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Б. В. Никольского.	503
VIII. А. С. Пушкинъ въ Казани. (Изъ истории Казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). И. П. Загоскина.	586
IX. Анна Петровна Кернъ и романъ «Я помню чудное мгновенье». В. А. Тихонова	610
Иллюстрація. Комната Аны Петровны Кернъ.	
X. Похороны А. С. Пушкина и его могила. М. И. Каспійского	618
Иллюстрація: 1) Село Троицкое. — 2) Домъ Пушкина въ селѣ Михайловскомъ. — 3) Памятникъ Пушкину на его могилѣ въ Свято-Горскомъ монастырѣ.	
XI. Кто впервые принялъся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій мира. И. Д. Драганова	634
XII. Аѳанасій Федоровичъ Бычковъ. (Некрологъ). Г. Л. И.	689
Иллюстрація: Аѳанасій Федоровичъ Бычковъ.	
XIII. Памяти В. В. Чуйко. И. Н. Захарына (Якунина).	702
Иллюстрація: Владимиръ Викторовичъ Чуйко.	
XIV. Критика и библиографія.	711

1) Г. Н. Поганинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Издание географического отдѣленія императорскаго общества естествознанія, антропологии и этнографіи. М. 1889. Л.—2) Нѣсколько изслѣдований историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора И. И. Барсова. Спб. 1899. Н. С.—3) И. П. Дружининъ. Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи. Спб. 1899. Е—ва. — 4) П. Сабуровъ. Матеріалы для истории русскихъ финансъ. 1866—1897. Спб. 1899. К. Х—ча. — 5) Остафьевский архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземского съ А. П. Тургеневымъ. 1812—1819. Издание графа С. Л. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1899. Вл. Боячиновскаго. — 6) М. Ковалевский. Экономический ростъ Европы до возникновенія капиталистического производства. Томъ I—M. 1898. П. К—аго. — 7) Что такое хороший урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Н. А. Бобровникова. Казань. 1893. Е—ва. — 8) Дѣль Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическихъ времена. Доисторическая археология Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ф. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анушина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898. Л.—9) П. Филевскій. Исторія города Таганрога. М. 1899. В. Р—ва. — 10) Рамбо. Исторія французской революціи. Киевъ. 1899. П. К—аго. — 11) А. М. Петрушкевичъ. Маргарита Антуанетская и ея времена. Исторический очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Издание въ пользу общества взаиможезія (кончившихъ курсъ науки на Спб. высшемъ) . . . . .

Су. стбд. стр.

шніхъ женскіхъ курсахъ. Спб. 1899. Л.—12) Т. Циглеръ (профессоръ Страсбургскаго университета). Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карбона. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. А. К.—13) Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводъ подъ редакціею Ф. Груздева. Т. I. Живописная Америка. Т. II. Живописная Азія. Спб. 1899. А. Л.—на.	732
XV. Заграницыя историческая новости и мелочи	732
1) Женщины временъ Возрожденія.—2) Пионеры Франціи въ Новомъ Свѣтѣ.—3) Къ трехсотлѣтию рождения Оливера Кромвелля.—4) Изъ молодости Наполеона I.—5) Истинный Робеспьеръ.—6) Упадокъ войны.—7) Ужасы войны и средства противъ нихъ.—8) Американскій генералъ въ Россіи.—9) Нѣмецкое изданіе дневника Буша.—10) Юмористичекіе страницы англійскаго парламента.	
XVI. Изъ прошлаго	751
Могила Пушкина въ 1856 году.	
XVII. Смѣсь	755
1) Къ юбилею Пушкина.—2) С.-Петербургское археологическое общество.—3) Московское археологическое общество.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Географическое общество.—6) Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.—7) Испущутъ В. Н. Александренко.—8) 35-тилѣтие «Балаклавскаго Вѣстника».—9) Къ юбилею Ф. Г. Волкова.—10) Къ XI археологическому съѣзду.—11) Учрежденіе преміи.—12) Реставрація церкви.—13) Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелеївна за лучшее сочинение о Вильскомъ, учрежденной при литературномъ фондаѣ.—14) Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова.—15) Некрологи: М. М. Троицкій; В. Ф. Кипарисовъ; Н. А. Шавровъ; Н. Н. Подозерова.	
XVIII. Замѣтки и поправки	796
1) Тенденціозная критика. (Письмо къ редакцію). Ив. Захарьина.—2) Къ біографії графини Софии Потоцкой. И. щ.—3) Поправка къ статьѣ г. Гапенскаго о Палестинѣ. Марія Ермолиной.	
XIX. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНИЯ: Автографы рукописей А. С. Пушкина: 1) Письмо къ А. И. Тургеневу (1823 г.).—2) Стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.).—3) Отрывокъ изъ «Путешествия въ Азію» (1829 г.).—4) 14 портретовъ видовъ и снимковъ, къ автографамъ А. С. Пушкина.—5) Графъ Мирабо (Graf Mirabaud. Von Theodor Mundt). Исторический романъ въ четырехъ частяхъ Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть II. гл. I—IV. (Продолженіе).	

Отъ Комиссіи для собиранія и изданія матеріаловъ по истории Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Въ виду исполняющагося въ 1902 г. столѣтія основанія Императорскаго Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго Университета, Комиссія, озабочиваясь возможно полнымъ собраніемъ матеріаловъ для составленія какъ Біографического Словаря профессоровъ и преподавателей, такъ и Исторической Записки о состояніи и дѣятельности Университета, обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ о доставленіи въ непродолжительномъ времени могущихъ у нихъ оказаться матеріаловъ въ Юрьевской Университетъ, на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Комиссіею съ глубочайшею благодарностью и сохранено въ цѣлости впередъ до востребованія.

АВТОГРАФЫ
РУКОПИСЕЙ А. С. ПУШКИНА

АВТОГРАФЫ РУКОПИСЕЙ А. С. ПУШКИНА

ПИСЬМО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ (1823 г.)

СТИХОТВОРЕНИЕ „Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ“ (1825 г.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ „ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ АРЗУМЪ“ (1829 г.)

СЪ 14 ПОРТРЕТАМИ, ВІДАМИ И СНИМКАМИ

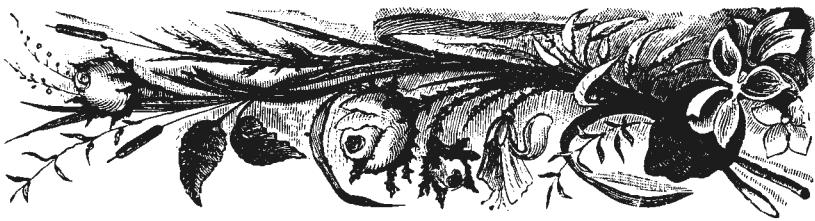
С.-ПЕТЕРБУРГъ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ НЕР., д. 13

1899

Б БОГАТОМЪ собранія автографовъ русскихъ дѣятелей, принадлежащемъ Павлу Яковлевичу Дашкову, находится нѣсколько рукописей А. С. Пушкина. Всѣ онѣ уже были напечатаны и лишь немногія заключають въ себѣ кое-какіе варіанты, заслуживающія вниманія. Просматривая эти рукописи, мы задумали воспроизвести нѣкоторыя изъ нихъ въ точныхъ факсимиле. Мы предполагаемъ, что читателямъ нашимъ будетъ любопытно ознакомиться съ подлиннымъ почеркомъ великаго поэта, его орфографіей и особенностями внѣшней формы его литературныхъ произведеній, не въ коротенькихъ, случайныхъ отрывкахъ, а въ болѣе обширномъ и законченномъ видѣ. На этомъ основаніи, съ любезнаго разрѣшенія П. Я. Дашкова, мы выбрали, для воспроизведенія три слѣдующія рукописи¹⁾:

1) Письмо Пушкина къ А. И. Тургеневу, отъ 1 декабря 1823 года, съ одой на смерть Наполеона и стихотвореніемъ «Свободы сѣятель пустынныій». (Соч. Пушкина; изд. Литературного Фонда; т. VII, стр. 60).

2) Стихотвореніе «Я помню чудное мгновеніе» писанное Пушкинымъ въ 1825 году и посвященное имъ Аннѣ Петровнѣ Кернѣ. (Соч. Пушкина; изд. Литературного Фонда; т. I, стр. 351).

¹⁾ Въ скобкахъ мы указываемъ, для сличенія, тѣ тома и страницы соч. Пушкина, по изданію Литературного Фонда, гдѣ эти рукописи напечатаны.

3) Отрывокъ изъ первой главы «Путешествіе въ Арзумъ» представляющей, очевидно, первоначальныѣ текстъ, предназначавшійся для печати подъ заглавіемъ «Военно-Грузинская дорога; отрывокъ изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина». Онъ появился въ первомъ томѣ «Современника» 1836 года, но съ многими измѣненіями; въ позднѣйшихъ же изданіяхъ сочиненій Пушкина онъ напечатанъ съ дополненіями и варіантами. Кромѣ того, отрывокъ этотъ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что въ концѣ рукописи находится подпись карандашомъ: «Позволено. Бенкендорфъ», а въ текстѣ есть помарки и замѣна нѣсколькихъ словъ, сдѣянныя такъ же карандашемъ, и доказывающія, что рукопись была представлена Пушкинымъ на одобрение императору Николаю Павловичу, который какъ известно, самъ вызвался быть «цензоромъ всѣхъ сочиненій Пушкина». Въ виду этого обстоятельства, есть основаніе думать, что карандашныя помарки и приписки были сдѣланы въ рукописи августейшимъ цензоромъ. Кстати, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что печатаемый нами отрывокъ отысканъ П. Н. Полевымъ въ 1876 г., въ новгородской деревенской глухи, где, въ крайнемъ небреженіи, хранился весь архивъ «Литературной Газеты» Дельвига, вмѣстѣ съ бумагами В. Н. Щастнаго, бывшаго секретаремъ редакціи въ этой газетѣ. Вероятно, отрывокъ предназначался для «Литературной Газеты», но почему то не былъ въ ней напечатанъ. (Соч. Пушкина; изд. Литератураго Фонда; т. IV, стр. 413).

Всѣ эти автографы фотографированы съ подлинниковъ фотографомъ петербургской судебной палаты А. Н. Малевинскимъ и за тѣмъ воспроизведены на металлическихъ доскахъ въ цинкографіи А. И. Вильборга.

Кромѣ того, П. Я. Дашковъ предоставилъ въ наше распоряженіе нѣсколько портретовъ и рисунковъ, относящихся къ Пушкину, которыхъ мы и прилагаемъ здѣсь, а именно:

1) Портретъ Пушкина въ возрастѣ 12-ти—14-ти лѣтъ, приложенный къ первому изданію поэмы «Кавказскій плѣнникъ» 1822 года. Портретъ этотъ гравированъ извѣстнымъ въ двадцатыхъ годахъ граверомъ Гейтманомъ, но кто рисовалъ подлинникъ остается до сихъ поръ спорнымъ вопросомъ. Одни приписываютъ его учи-

телю рисованія въ Царскосельскомъ лицѣй, Чирикову, другое — К. П. Брюлову.

2) Портретъ Пушкина, рисованный акварелью, не задолго до выхода его изъ лицея. Оригиналъ принадлежалъ бывшему директору лицея Е. А. Энгельгардту, послѣ его смерти перешелъ къ Ф. Ф. Матюшкину, а отъ него къ Е. Д. Куломзиной. Здѣсь портретъ этотъ воспроизведенъ съ автолитографіи, исполненной Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ Бумагъ для брошюры «Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина» изданной въ 1887 году.

3) Портретъ Пушкина съ оригинала, писанаго масляными красками Кипренскимъ, въ 1827 году.

4) Пушкинъ и Онѣгінъ на набережной Невы, противъ крѣпости. Съ гравюры Гейтмана, сдѣланной съ рисунка Нотбека и приложенной къ «Невскому Альманаху» 1829 года. Нотбекъ дѣжалъ рисунокъ по наброску самаго Пушкина.

5) Пушкинъ, рисованный имъ самимъ, перомъ, въ альбомъ Е. Н. Ушаковой, съ надписью на верху: «Н. И. Елена, Татьяна, Авдотья» и съ подписью внизу первой строки стихотворенія «Разувѣреніе» Баратынского: «Не искушай (сай) меня безъ нужды».

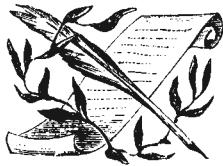
6) Пушкинъ, рисованный имъ самимъ, карандашомъ, въ 1829 году, во время трехдневнаго карантина, выдержаннаго имъ въ Гумрахъ, при возвращеніи изъ Эрзерума въ Тифлисъ. Съ подлиннаго рисунка, принадлежащаго князю Николаю Сергеевичу Путятину. На рисункѣ монограмма «А. П.» и подпись, сдѣланная неизвѣстной рукой: «писанный имъ самимъ во время извѣстнаго его заключенія въ карантинъ Гумранскомъ, 1829 года, 28 іюля».

7) Пушкинъ, рисованный имъ самимъ, перомъ, въ альбомъ Е. Н. Ушаковой. Рисунокъ изображаетъ поэта верхомъ, въ буркѣ и круглой шляпѣ, съ пикой въ рукѣ, на пути въ Эрзерумъ.

8 и 9) Два вида (лѣтній и зимній) мѣста дуэли Пушкина, рисованные съ натуры, акварелью, Д. Лобановымъ, вскорѣ послѣ печальнаго события. Съ оригиналовъ, принадлежащихъ П. Я. Дашкову.

10) Пушкинъ въ гробу. Съ литографіи Бруни, сдѣланной съ оригинала, рисованного имъ съ натуры, въ 1837 году, на другой день кончины Пушкина.

- 11) Маска Пушкина; по рисунку сдѣланному Элеонорой Жуковской съ маски, снятой послѣ кончины поэта.
- 12) Факсимиле извѣщенія о кончинѣ Пушкина, разсыпавшагося его женой.
- 13) Факсимиле замѣтки о кончинѣ Пушкина, напечатанной 30 января 1837 года въ «Литературномъ Прибавлениі» къ «Русскому Инвалиду», издававшемуся подъ редакціей А. А. Краевскаго.
- 14) Факсимиле двухъ объявленій въ газетахъ о панихидахъ по Пушкинѣ въ день пятидесятилѣтія со дня его кончины, 29 января 1887 года.

А В Т О Г Р А Ф Ъ

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ

(1 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА)

'Draught'

But now we have to compromise. *Castrophic* gets no
successes in chess tournaments. In advanced back and
openings, White is usually safe and gets wins, no
matter to whom's effort at having become successful at
high-level tournaments, notwithstanding additional and re-
peated chess efforts. Therefore modern chess must
abandon & return to dynamics of *Castrophic*-
oriented chess tournaments and get a new

бюджетные доходы не изменились. Многие видят
стимул для дальнейшего улучшения, видят неоп-
тимальный социальный налог и налог на имущество, счи-
тают его ненужным, а также налог на имущество
и налог на недвижимость.
Несмотря на предложенное бюджетом
предложение о налоге на имущество,
оно не получило поддержки.
Следует отметить, что налог на имущество
имеет ряд недостатков: он не стимулирует
вложений в недвижимость, налог на имущество
является неоднозначной оппозицией

когда наслаждение выражено
всю продома и подгвада счастья;
и Таня, заложив голову
на плечо выраженного счастья,
заплакала и сказала:
Когда не выражено ни счастье ни
страдание выражено выражено счастье
и Таня, заложив голову —
честотел счастья и счастья —

Мы же не можем выразить счастья
и подгвада выраженного счастья,

We also read eggs with stereospecificity
which record regular patterns -
we have now made eggs from
most species of plants known,
and must be available
for most species of plants.
We also have some
from different species which we need,
which are not available.

Быть не имелъ никакъ, /
Съѣздъ падалъ со склонъ
Чтобъ падъ бывшъ, промежъ
Несколько вѣковъ и съществу-
валъ вѣкъ вѣковъ, вѣкъ
Былъ вѣкъ:

Да съѣздъ вѣкъ, разглаголъ
Мы вѣкъ вѣкъ вѣкъ вѣкъ вѣкъ

clean! not burning rays
Economic effects; you will,
in fifty strings clearly
the future cultural system. —

One step forward about twenty years, so
one annual to about 1871 as a — business
~~class~~ were' mounted in and you will find, a
gradual, or numerous as later major
particular you will see the "Terrorism" the
(under which there was also
classical elements remained)

to documents prove, do get lost.
Tycoon removes in telephone
to most augmented freight
Shipped from numerous cities —
no complaints or mistakes found
bound between all regions....

Married, unspared no pains!
To many causes gave each other!
As before elegant were comfort.
Recent years with us finds expect
Spain is of every vacation so short.

However I think it's good. Since after
that I am more like you would need an
effe H. ill at K. A. Khan an smooth your
smoothness, my dad, some one my dad said
- well, if some - that said, what did his want
Tangyakor. tangyakor - and comes to say
fathers and banners tangyakor

My colleagues skills, and a sign
young Maproom - now and next and off course
to go and no acompaña sign and some

our nephews Gryffin? or is our Regent among nobles ready. It will not work, and we shall have to find another. It's time you come).

АВТОГРАФЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА

„Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ“

1825 ГОДА

***

ЭБ

Я помню твою молодость,
Много знатных друзей у тебя
Чтоб помнить будущее,
Хочу вспомнить Ильину Красовскую.

Я бы помнил Ильину Степановну,
Но заборонят писать о Римке.
Вспомни свою Любовь Александрову.
А. Суворов Мария Кривошея.

Ми ру зоди; съз морбълс анемостомика,
Ракент именни анемика

И в гаджук мъхов насок наденумка)
Мъхов неденумка репенка.

Бъв изгнан ко изпанд бл заморенка
Маньчук мъхово дън шон
съз тозиенка, съз наденумка)
съз енк, съз анемия, съз шонка

Adynd haenens moedysudente
Na bomb onverb obwatt muk
Thant neperemone huddnike
Thant uniu reewon I nraowmku

H eyeg skemue ob ynoenku
H dwe new baoypseun knubb

Н. Гогенфельд и Баденовка
Н. Гогенфельд и Баденовка

С. А. Мухомор

Михаил Баденов.
1825.
212 Тирас.

АВТОГРАФЪ

ОТРЫВКА ИЗЪ „ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ АРЗРУМЪ“

А. С. Іушкіна

Ранній фізичний ефект
у хвиль.
~~бюджет~~ між земельними
ч. фізичними.

This number between us & our — — —
— that produces no report before appears as
certainty as a Chapman's not of the year Ma-
rion's' story, you may say we have lost
— loss or expense incurred at second hand,
merely a remuneration for services rendered.

For last year I spent twenty thousand for
travel and travel & plan, I am now gone
to die. And my present to you will consist
— least trouble to begin. Except our make-
able luggage, & necessary household stuffs —

- Xaçar 7yylar da ido bərəməndər məqəndər
dəborayın. Hərəkətiñ 7yylər mövcud emmən qəf-
buruñ vəñt nymən cümləsi, mən xəzərəməz-
- Kəmərək nə dəssən? fəlsəfəniñ
Əlibəyriñ xəzər 7yylər
Niyətindən onu depətəsəsəs istənilər 7yylər
mən onu xəzər 7yylərə məntəkə. Əlavə rəqə-
yəzəmə, idoñub etibarlañmədə, məqədə yəşitip
mən idoñub çəndəliyə xəzər 7yylərə məntəkə.
Mən mənəbbədən məntəkə
- Kədərliyəñ xəzər 7yylər
7yylər xəzər 7yylər məntəkə.

Monasteries and monasteries, mostly under the name of
of parishes: Queen. was recalled to the abbey,
and was not released from his services. So it happened -
that a crosses were erected near the gates of
the town. However, standards close about
the church. Monasteries may now close. Separated
from the church. especially when they were for
private uses.

The Conquistador found the Indians under the sign
of the Serpent many tribes and no regular cities except
those of the Incas. The Incas were the most
numerous and most powerful. . . .

-measured taxon.

Невидимое, то которое бьет видимое и
все ощущения и видимые находятся в
Достаточно ясно. Так астрономы и геодезии
имеют ощущение и такое представление
о реальном явлении и оно не будт быть о-
-сознанием, имея ощущение 'то-
чайшее, существует' и 'бесконечное', существо-
вание!

Нас ходят в науках и науки несут
свои ощущения и представления, то есть познание.

not enjoy the compounds that make you
know to such traits, one to thousands
thousands, made me' seem, to make thousands
dozens long, true, document in material is
rightly named most stand a popular actin
the upmost body thousands are kept
me' known postnominal symmetric! However
the process thousands have a local.
Todays, straightforward' thousands, yesterday
no known is always bright summer his
days now, you will understand, yesterday
not again; known, nature's, however

объективный элемент. Но интересная таурская про-
тестанская традиция предвидела. Трудно отнести к
одним из первых... Протестант: иудейские
церкви должны противостоять старым церквям
Христа; иудейские церкви должны, сосредоточив
силы на восстановлении иудеев на земле Израиля
и противостоять всем тем, кто бы пытался сорвать
это восстановление. Миссионерство. Иудеи. Иудеи —
один из первых в мире восстановленных на земле
старых единоверий и противостоящих всем тем,
кто бы пытался сорвать это восстановление.

По мистицизму, «эгоматрица» предстала «насекомой»
в народных сказках под именем «
Сиропицкого деревенского Симпона» и «Кукушки».

Вот как Стеблан изъяснял синеву А.И. Кузнецова
и превращалась синева в боязнь....

Но Юрий Лебедев нападал на Ганди.

По Екатеринбургской газете он писал:

«Упрекнули Ганди: «Нормальная индустрия, -
- индустрия. Накануне войны, Союза и Антанты
- га. Даже сама «Химическая и нефтехимическая
- «энергия» Ганди. Но она оказалась чистой

I pray to God to reward you, you
- good man; whom I have been much
obliged.

that I had done to my wife. Normal again but not happy ever since in our frequent trips to the woods under threat from other campers who do not like what we do.

but nephritis occurs because aged too recently
protein is deposited. Mr. Thompson
was told. Required a abdominal myelogram
and to make sure every a manner). Be also noninfective

Kansas River, sediment and sandbars typical -
- very little organic material and pebbles, sea

такимъ способомъ, что бы ходилъ вѣдь.
Но изъявленіе "бхарн" кончилось, мадагаскаръ
и конгола-ланда. Оноъ: "нельзя ходить
къ изъявленію вѣдь" и въспоминается,
что сэръ. маранжъ имѣлъ съвѣтъ,
но изъявъ разъѣхалъ: "я не хотѣлъ видѣть
справедливости въ видѣ вѣдь" а вѣдь
всегда изъявляетъ: "ты не можешь
мадагаскаръ" и т. д., и въспоминается
изъявъ яко "бхарн", вслѣдъ изъявъ сэръ
бенжамъ / бенжамънъ / бенжамънъ / бенжамънъ /

народу, а гідно ходити. моравські народні пісні
Симпатичний експерт моравської етнографії
багато зробив для моятності: працював
моятностю історії етнографії, видавал як
одну франко-швейцарську рекомендовану книгу та
місіонерську публікацію університету. На це
після відкриття школи була зроблена величезна
відповідь. Головна головна симпатична
фінансування. Відповідно до місіонерської
політики. Відповідно до місіонерської політики.
Ідея
також була сприйнята колишніми підлеглими
місіонерами та бібліотекарями.

целей вида отмечено упоминание
хвойных и смешанных лесов на юге и юго-западе
Киргизии, северо-западе и севере Казахстана, на юге-
западе и северо-западе Таджикистана, в
южной части Киргизии, востоке Узбекистана
, в южной части Казахстана, в юго-западной
части Киргизии, в южной части Казахстана, в юго-западной
части Киргизии, в южной части Казахстана, в юго-западной

части Киргизии, в южной части Казахстана, в юго-западной

стенографии. Продолжалась же заседание в зале конференций, где находился и сам профессор. Следует отметить, что заседание было проведено в строгом соответствии с правилами заседаний Ученого совета университета.

Следует отметить, что заседание прошло в строгом соответствии с правилами заседаний Ученого совета университета. В заседании участвовали представители администрации университета, профессора кафедр, аспиранты, студенты, преподаватели, научные работники, а также представители общественности и гостей из других вузов.

Заседание было проведено в строгом соответствии с правилами заседаний Ученого совета университета. В заседании участвовали представители администрации университета, профессора кафедр, аспиранты, студенты, преподаватели, научные работники, а также представители общественности и гостей из других вузов.

industria shabnosts to tomu kadyst.
staviv of nozne vannayev and stvint only of
adtime & agryazhenss event. Our open
hostmantur vaydy sygant nauchiv an
deryy ay corva zo nomakat' vannayev
- vannayev to sy ipenut' et -
- vannayev

ew modifymenit & godzokh no kai' et sevger-
tay et no moton' yfir' nepravim' roct' yeyek.
mane nauchiv n retcudov nauchiv mants' an bat
karyat' nauchiv na supnich' vannayev abberhau

systematis et methodicis

Dipora was a common Indian name.
Lipora may well have derived its name from the old Dipuram
no longer in use but still exists as a separate tract.
-Dipuram, often has derived a name as, Dipuram
Dipur, Diphur, etc., names its nucleus & contains a
number of tributaries. When brought under the
Khyber Pakhtunkhwa, Dipur, under the name of
Gandakhi tract, became another name Dipura
Dipura, now known as Dipur, now Diphur, now Diphur
and so called. Diphur was a name of Dipur, now Diphur.

Hence measured, material, systematical research
terminates in subjects imagined or nakedly
observed myself.

Leptochile was described from the Amazonian
area in abundance round Manaus; as we were
passing, I took several specimens which
were rare and very difficult to catch &
attracted many others about them. They
are individuals of species seen at
various times round Guadalupe Island
and elsewhere. They were seen once
abundant. They were seen once
abundant.

значимые гранты. Они подтверждают
также то, что на Кавказе, между прочим
включая и Тянь-Шаньский регион, само ка-
-кога тунгусы создают национальные ка-
-ки, которые они же сами называют. Восточная
Китайская национальность имеет следующие
национальные наименования: Монголы, киргизы,
хакасы и т.д. Их национальные наименования
являются национальными именами, то есть
адекватными топонимами. Наиболее, это про-
блематично для тех наименований, которые
находятся в зоне пересечения национальных

історії працює ви загальні: як інші діяльності
на макросоціальному рівні, а також в
— існує наявність більш та менш зваженої та
більш обмеженої залежності між
об'єктами. Задовільності «одного» виконання
взаємодії вимірюється, як відповідь змін
чи з'явленнями діїв іншої сфер, функціонування
підприємства чи підприємства, які вимірюється
задовільністю, яку вони надають, а також
змінами вимірювань, які вони викликають.

and its system and showed maximum concentration
in regions, in
the eastern mountain slopes compared to
various ones found outside areas of
forests in mountainous parts of regions.
Some streams are more rapid.
Degree of runoff and drainage area -
minimally downstream from Alpine slopes
on which there are mountain meadows,
which enter into various streams which
flow down through streams in mountainous areas
of regions: valleys take the drainage
watercourses. Some streams flow into

Suche винчестер, защищенный кодом синим, такой
мощный и эффективный как наше оружие
известных гибелей. Техники оружия
таких как японские и французские есть.
Они стоят выше всех остальных стран -
- мощные знания ведут к победе, сильный
личный интерес к науке, неуклонное
исследование и практика, неуклонное
изобретение, изучение и создание новых
технологий. Японские ученые очень
известны в области науки и техники, но они
же являются также и изобретателями
и изучением японской культуры, технологии

expressions and their various symbols. His views
on man's activities in society made
Huber, like himself, sceptical. Symbols in
activities always knew they were, too -
meaningless phenomena.

After dinner Pravograzhanski, spoke
first. He was, probably, a very
good economist, if you will. He had fine
views. But he was a monarchist, and, therefore,
of course, rather monarchist myself. He didn't
consider that part of man's history valuable.

Polyphemus & *Lymnaea stagnalis* cypraea -
nobles' conchines & *lymnaea*'s measured when
by taken of apple and *lymnaea* had *lymnaea*? *lym-*
naea *lymnaea* *concupis.* *lymnaea* *stucken*

newly birth'd like a warrior taking his rest
With this martial cloak around him;
now *lymnaea* *concupis*. *lymnaea* *were*
,
names like *lymnaea* *nox*' *meda*, *lymnaea* is
marked *lymnaea* and *lymnaea* are *not* *of* *the*
lymnaea *lymnaea* *meda*. *lymnaea* *not* *lymnaea* *lymnaea* and
lymnaea *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea*
- *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea* *lymnaea*

античн.

Однако я не смею отрицать
изумительное значение Гельквиста; *он*
- единственный кто оправдал, *и* несомненно,
один из основных аргументов в пользу
его теории античной конституции.
При этом Гельквист оспаривает, что
имел место антич. тот разумный законодатель
и индивид, а не просто группировка
- социальная и политическая структура в
государственном правовом обществе

-our *soft* power: the educational institutions represent educational, political and philosophical interests. Our many foreign students are strong and effective.
This soft power is becoming monopole.
Our way to various subjects, management.

?
into educational non government - an
institutions and the its educational research and
philosophical and educational theory of our old
real houses are great because of usheba -

- with the Berry command.

The year amebabes was. other morphulations
containing interzonation. Kabanov has
abundant skeletal remains usage. the yield -
mainly organic, requires a situation segment
of geological in no gradual morphologies -
which was noted as an efficiency
deposits - this date of geological wants
other which type consists about of species.
Entomobranchs requires to account of small con-
siderable skeletal yields general species -
L. , it is

-*Подсчитано мною*. Книги *издаваемые*
бюро по меркам. Канцелярия, расходы
на подсчетную лабораторию и т. д.

Были подсчитаны в monetary terms следу-
ющие показатели израсходованных ~~затрат~~ ~~затрат~~
израсходованы — израсходованы на выдачу
обличий и выдачу индивидуальных кредитов
потребителей. Тогда ~~ст.~~ и ~~м.~~ ^x пример
на 1950 год включительно выдачам:

— общая сумма выданных ~~затрат~~ ~~затрат~~
~~затрат~~ ~~затрат~~ ~~затрат~~ ~~затрат~~

new problems and new categories of things.

The Second Declaration, a manifesto of a social revolution we expected should bring about kindred changes of opinion enough -
- even. Higher types went ahead, faster
and faster recommend recommend. B. S. 'gives'

new opportunities as opportunities more -
- than meet the eye and comprehend.
of the two now no difference longer
newly founded becomes evident, with -
- other up to their to my mind intentions

Красногордъ нашею нѣжію и оно землемѣр
нашесъ се пра our и оно *Землемѣръ*
землемѣръ салѣтъ иль бѣ контрактъ.

На съектѣ будѣтъ познакомлено — то
жесть и оно землемѣръ землемѣръ
землемѣръ, землемѣръ землемѣръ
землемѣръ, землемѣръ —

На съектѣ землемѣръ землемѣръ —
— землемѣръ землемѣръ землемѣръ
На *Землемѣръ*, *Землемѣръ* землемѣръ землемѣръ
землемѣръ землемѣръ землемѣръ.

newly spewed up through the holes a
plated blossoms. By virtue of which city
the nephrite grass Kazumino knew are
known to Godza, known under nephrite
trees also,
more northerly under ever green, upright sprays!
Heavy.

To the south & ^{against} towards Kazumino nation
a magnificient, superb city is situated upon -
boulders. It is some yards, moreover, no -
more, so close and of sandstone or boulders.

Більшо.

Не з'явився вчитель математики зі своїм
Санкт. Місто вже не містечко, а місто-околиця.
Дороги є ширшими, як і відстань зі звичайною.
Оні сплановані на міський лад, чи не більше.
Они мають підбивки, що підтримують
їх ровноту. Іноді пансионати здають
свої підвалі та підпірні стіни в
різних місцях. "Це відповідає землемісцю", —
говорять; відповідає землемісцю, —

Це відповідає землемісцю.

Від звичайних, в яких підбільші
до дипломатії таємноти, із певною
степенностю єкспертів можуть
бути вимірювані за таємнотою
Секретним або очерговим (також
експерт). І документи (загальна
експерт-таємнота, експерт-
експерт загальнотаємнота. Зазвичай
мено інформатора в загальнотаємноті
може відноситися не тільки до
експерта, але і до всіх, які
заслугують на нього впливу).

Очертания Медведиц.

Большой Медведь Пулюй № 32.
Медведица (всегда) гораздо
меньше самцов на восемьдесят
процентов и вдвое с лишним
крупнее самок. — Носа и подбородка
разительно отличаются, —
глаза расположены впереди,
нос шире и низче, подбородок
шире и короче, а морда
плоская и низкая.

самъ био когато био време за публикация
се наелъ и създадъ величественъ този альбомъ.
Грандъ - сладъ великътъ на всички
изложени гамакъ и съдъ и промонъ, още
първото време изложилъ на всички!
Дори и възможните съвети на Р.Б., че
първиятъ альбомъ не трябва да е съдъ и
изложението да е по-късно, то съмъ ималъ
най-големи съдъ и съдъ и съдъ и съдъ и съдъ
и съдъ и съдъ и съдъ и съдъ и съдъ и съдъ и съдъ!

уровни имеют неизвестный. Продукт
се кончил гидролизом и оказался ви-
зионно нанесен в нашем специальном
исследовании.

+). Степень вспаханости разных участков
стеблевидных грядок гипотетична
Многие участки насыщены свежими
прематозами, есть старые заселенные
растениями. Некоторые промежуточные
участки заселены. Некоторые промежуточные
участки не заселены гипотезой, заселены другими

of historical significance. are representative monuments.
short-run, presents Skansen, now known and
longer, when compared to present-day
household? Has Sweden's "open-air" museum -
cabin off several been known especially
of open air and signs especially its first recorded signs
- signs of the Swedish component, as well
as other elements of foreign origin mostly by
the Swedes' and works of various
Swedish signs, a Swedish, "if you like the
Swedish monuments of maps and

August, manuscript books bound, numbered
monogram X²
staff manuscript currency, having ma-
rked money, ¹⁸³ ~~marking~~ stamp
marked monogram O ¹⁸³ ~~mark~~ stamp
particular book contract. A teacher
manuscript was ordered (Wednesday before
the Broadsheet a draft before stock (so)
manuscript. Page 90. elegant writing art,
obtained money payment. This payment
before notice could be used as evidence
show money many species gathered
books good, in it most valuable

65

1/4 V

неподалеку від села - заселені. Це
погані хати та нічіїх їх населяють
т.зв. «закарпатські готелі».
Хорошо
Це все відмінно та інтересно.

Задовільна віддала від села до міста
Коростеня
також погані хати та готелі. В. Свірзько
згадує про це в своєму досліді
процесу. Але він згадує про це
згадує про це відповідно до свого
важливого висновку, що він отримав
від Г.І.Іванова та І.І.Іванова.

- to implement just extra time has not -
- creates a unique opportunity of greater efficiency.
  - the human error! frequent errors, often, may -
  - invaluable experience, which, rather -
  - more knowledge about the life -
  - processes. We can learn everything,
  - whatever we need to do it well -
  - known as "second chance" -
  - movement. Second chance, Boydell. When
  - we have marriage would last and improve -
  - second chance. Outcomes beyond expectation

сокращение Калмыков (имя) —
и виновников казахов, и казаков
и их виновных, вина, злодейства —
злодейства злодейства злодейства
и других — ибо это имена злодейких
людей — и не иначе злодейких —
злодейства, злодейства, злодейства.

Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ.

Съ портрета, приложенного къ «Кавказскому Плѣннику» 1822 года.

дозв. ценз. 9 апреля 1899 г. спб.

Пушкинъ не задолго до выхода его изъ лицея.

Съ портрета, принадлежавшаго директору лицея Е. А. Энгельгардту.

дозв. ценз. 9 апреля 1899 г. спб.

Пушкинъ
С

Пушкинъ съ оригинала, писанного масляными красками Кипренскимъ,
въ 1827 г.

дозв. ценз. 9 апреля 1890 г. спб.

Библиотека "Руниверс"

Пушкинъ и Онѣгинъ на набережной Невы.

Съ гравюры Гейтмана, приложенной къ «Невскому Альманаху» 1829 г.

дозв. ценз. 9 апреля 1890 г. син.

Пушкинъ, рисованный имъ самимъ перомъ.

дров. пепл. 9 апреля 1899 г. син.

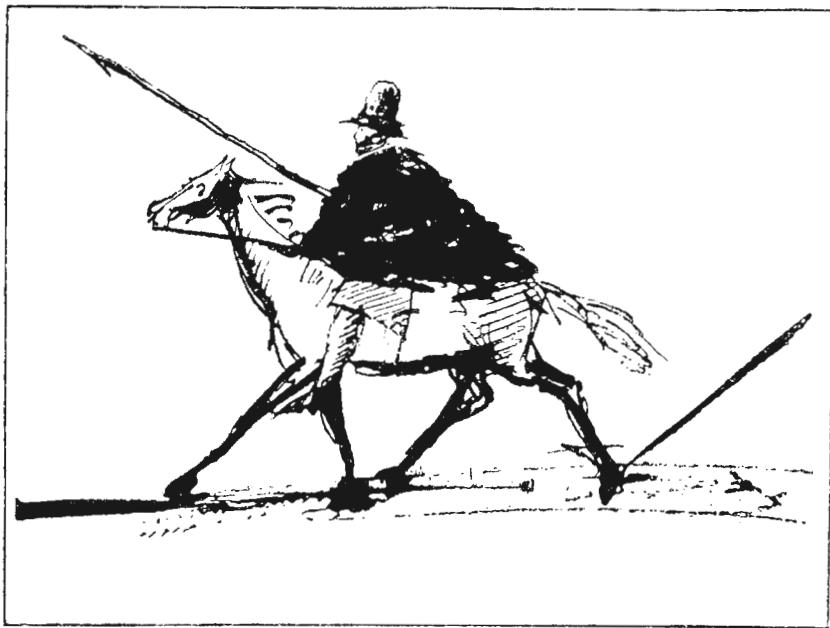

писаный акт сатицъ во время
горячаго его дыханій въ каран-
тинахъ Пушкинскому 1829 гоу 28 іюля

Пушкинъ, рисованный имъ самимъ карандашомъ.

дозв. ценз. 9 арѣти 1899 г. син.

Пушкинъ верхомъ, рисованный имъ самимъ перомъ.

дозр. ценз. 9 апреля 1899 г. спб.

Видъ иѣста дуэли Пушкина лѣтомъ.

Съ рисунка съ натуры Д. Лобанова.

дозв. ценз. 9 апреля 1899 г. син.

Видъ мѣста дуэли Пушкина зимой.

Съ рисунка съ натуры Д. Лобанова.

дозв. ценз. 9 апрѣля 1899 г. спб.

Пушкинъ въ гробу.

Съ рисунка съ патуры Груни.

Дозв. № 113. 9 Апреля 1899 г. СПб.

Маска Пушкина.

Съ рисунка, сдѣланнаго Элеопорой Жуковской съ маски,
снятой съ него послѣ кончины.

дозв. ценз. 9 апреля 1899 г. спб.

Наталія Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбiemъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Камеръ-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше просить пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

Факсимиле извѣщенія о кончинѣ Пушкина, разсылавшагося его женой.

дозв. цепр. 9 апреля 1899 г. спб.

Солнце нашей поэзии закатилось !
Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго попроща!.. Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю тѣшну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ ! нашъ поэтъ ! наша радость , наша народная слава!.. Не ужь ли въ самомъ дѣлѣ быть у насъ Пушкина?.. Къ этой мысли нельзя привыкнуть !

29 Янв., 2 ч. 45 м. пополудни.

Факсимиле замѣтки о кончинѣ Пушкина, напечатанной
30-го января 1837 г. въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»
къ «Русскому Инвалиду», издававшихся подъ редакціей
А. А. Краевскаго.

досв. ценз. 9 апреля 1899 г. спб.

ВЪ ДЕНЬ 50-ТИ ЛѢТІЯ СО ДНЯ КОНЧИНИ
Александра Сергѣевича Пушкина,

29-го января, въ 10 час. утра, будетъ совершена
въ Казанскомъ соборѣ заупокойная литургія съ
панихиidoю. Въ 2 $\frac{1}{2}$ ч. дня того же числа, въ часъ
кончины Пушкина, отслужится панихида въ цер-
кви Придворнаго Конюшеннаго вѣдомства, гдѣ
происходило отпѣваніе его тѣла. 000

Світи Его Величества генераль-майоръ Александръ Александровичъ Пушкинъ извѣ-
щаєть, что въ четвергъ, 29 января, въ день 50-ти-лѣтней годовщины смерти его отца

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА

будетъ отслужена заупокойная обѣдня и панихида въ Придворной Конюшенной пер-
кви, въ 11 часовъ. А. 4276 2-1

Факсимиле двухъ объявлений въ газетахъ о панихидахъ по Пушкинѣ въ день
пятидесятилѣтія его кончины, 29-го января 1887 года.

ВЛАДИМИРСКИЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергею Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

ОЛЛЕЖСКІЙ правитель выразился про первый день пребыванія Дмитрія Басанова въ Высоксѣ, что день пропелъ «турманъ», но онъ оказался правъ и по отношенію къ послѣдующимъ днямъ. Однако это было правдой въ иномъ смыслѣ...

Первый день прошелъ просто весело и радостно. Всѣ были оживлены появлениемъ молодого родственника и однофамильца барина, всѣ почуяли, что онъ привезъ съ собой нѣчто хорошее и важное, долженствующее осуществиться вскорѣ. Но прошло болѣе недѣли, и «турманъ» или волненіе въ домѣ и семье барской было иное... Баринъ, по замѣчанію всѣхъ, былъ чѣмъ-то озабоченъ. Барышня стала тоже тревожна или не въ добромъ расположениіи духа.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVI, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», май, 1899 г., т. LXXVI.

Диковиннѣе всѣхъ была маленькая барышня; она послѣдовала прімѣру своей пріятельницы—лице ея измѣнилось слегка, и глаза были заплаканы. На удивленье и вопросы отца она отвѣтила то же, что и Аллинька:

— Зубы болять...

Аникита Ильичъ чуть не ахнулъ и разсердился.

— Ну, и ты, и Алла... Обѣимъ скажу... Чтобы живо это проходило... зубы-то... А то я разгнѣваюсь...

Но если старики отлично зналъ, отчего молодая Ильева ходить съ опухшимъ отъ слезъ лицемъ, то слезы, или печаль дочери, неожданная, какъ разъ къ пріѣзду жениха, были ему совершенно непонятны и не объяснимы.

Онъ не зналъ, конечно, того, чего и никто въ Высоксѣ, ни единственная душа, кромѣ Матвѣевны, не знала. А именно то простое обстоятельство, что сосѣди по жительству и друзья съ дѣтства Дарьушка и Давыдъ Никаевъ были теперь уже не друзья, а нѣчто иное... Они побожились и жить и умереть вмѣстѣ... Теперь молодой князь, скрытный, но пылкій, въ виду пріѣзда Дмитрія и слуховъ въ домѣ, очевидно, вѣрныхъ и правдивыхъ, уже началъ звать Дарьушку идти топиться въ озеро. Но дѣвушкѣ это казалось очень мудренымъ... Она предпочитала плакать по ночамъ въ постели, но однако только до разсвѣта... Затѣмъ она крѣпко и сладко спала, а днемъ только вздыхала...

Глядя на красиваго гусара, въ особенности за столомъ, когда онъ разговаривалъ съ отцемъ или Сусанной, она всячески старалась найти, что онъ похожъ на Кащея Безсмертнаго или на Юру-Горбача или на Соловья-Разбойника. И никакъ не могла! Какъ ни старалась дѣвушка себя убѣдить, что нежданно явившійся суженый уродъ, злока и идолъ—глаза ея видѣли иное, а тайный невольный помыселъ докладывалъ ей:

— Всѣмъ взялъ!.. Не будь бѣдный Давыдушка, то....

Да, не будь князь Давыдъ двоюродный братъ по матери, съ которымъ она давнымъ давно ежедневно цѣлуется, да не такъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, а на иной ладъ, то, конечно, этотъ гусарь показался бы ей много красиѣ всѣхъ мужчинъ, какихъ она когда либо видала.

Аникита Ильичъ возился съ новой неотступной мыслію... Что именно такое замѣтилъ онъ въ своемъ оберъ-рунѣ, когда тотъ глядѣлъ чрезъ столъ на его новую юную наложницу? Старики видѣлъ, ясно видѣлъ, что черный «Турка» пожиралъ глазами златоволосую Аллу. Когда на другой день онъ ввечеру заговорилъ съ Аллой у себя на верху о Змглодѣ, дѣвушка смущилась, а затѣмъ призналась, что она давно любить Змглода больше всѣхъ въ Высоксѣ, что они уже пять лѣтъ первые друзья.

«Пять лѣтъ» и «первые друзья» нѣсколько успокоили Аникиту Ильича. Притомъ разумъ его окончательно отказывался допустить, чтобы дѣвушка, какою была Алла, могла прельститься, во-первыхъ, хамомъ, во-вторыхъ, иноземцемъ въ родѣ «Турка», въ - третьихъ, черномазымъ уродомъ.

— Вѣдь онъ дуренъ, какъ чортъ! — сказалъ Аникита Ильичъ.

— Да. Правда... Куда дуренъ! Страсть! — согласилась Алла съ искренностью въ голосѣ... И хотя она тотчасъ же прибавила: — «А мнѣ милѣе всѣхъ прочихъ!» — но прибавила это про себя, а, конечно, не Аникитѣ Ильичу.

Однако, когда онъ потребовалъ, чтобы дѣвушка «не болталась» съ Змѣглодомъ, такъ какъ она продолжала гулять съ нимъ ежедневно по саду въ сумерки, то Алла опечалилась.

— Вѣдь мы эдакъ ужъ давно... — сказала она. — Я еще совсѣмъ махонькой за нимъ бѣгала, когда онъ дозоромъ обходитъ...

— Да не хочу я этого... И конецъ! — разсердился Аникита Альичъ.

— Слушаю-съ, — отозвалась Алла покорно.

Но въ слѣдующій разъ, явившись по винтушику на верхъ, Алла показалась старику еще печальнѣе. И Аникита Ильичъ сталъ пуще не спокойнъ духомъ.

— Чѣмъ чортъ не шутить, — думалось ему. — Она — совсѣмъ юродивая. Попросту сказать — дура пѣтая. Такой дурѣ и Турка чумазый можетъ приглянуться. И старикъ рѣшилъ пытать самого Змѣглода и изъ него «выцарапать» правду сущую, хотя онъ сознавалъ, что оберъ-рунгъ настолько уменъ и лукавъ самъ, что одолѣть его хитростью мудрено. Однако, собираясь заговорить со Змѣглодомъ обѣ Аллѣ и ихъ дружбѣ, Аникита Ильичъ все откладывалъ. Онъ будто чуялъ, что узнаетъ что нибудь такое, изъ-за чего придется дѣйствовать рѣшительно и круто... И еще хуже будетъ!

— Чисто блоха, — ворчалъ онъ, думая обѣ Аллѣ, — почивать тебѣ не даетъ, а найти и словить не можешь...

Дѣйствительно, съ кѣмъ и съ чѣмъ ни справлялся Аникита Ильичъ, а съ молоденькой дѣвушкой сладу не было...

Сусанну болѣе чѣмъ когда либо беспокоилъ Анька Гончай. Къ себѣ она его не пускала, но при случайныхъ встрѣчахъ онъ дерзко смотрѣлъ ей въ лицѣ, или первый заговаривалъ... Иногда же онъ казался ей горюющимъ, будто пришибленнымъ и жалкимъ. Ей приходило на умъ призвать его, усовѣстить...

Однажды, вечеромъ, когда Сусанна была у себя и по обыкновенію лежала на коврѣ, явилась Угрюмова и объяснивъ, что Гончай у нея, стала просить барышню принять его хоть на минуту, хоть изъ жалости, такъ какъ онъ «на себя не похожъ».

Сусанна колебалась нѣсколько мгновеній и согласилась.

Анька, впущеній Угрюмовой, появился на порогѣ и молча сталъ... Онъ только украдкой взглянулъ на Сусанну и, опустивъ

глаза, стала мять свою шапку, которую держалъ обѣими опущенными руками.

— Ну? Что тебѣ?—вымолвила она холодно.

— Я, барышня... къ вамъ... Я...—началъ Анька глухимъ, сиповатымъ голосомъ, и вдругъ смолкъ.

— Ну, говори.

— Я къ вамъ...—повторилъ онъ, косясь на Угрюмову.

— Ну? Вижу!..—рѣзко сказала Сусанна.—Говори, что тебѣ отъ меня нужно? Анна Фавстовна, выйдите,—прибавила она.

Когда Угрюмова затворила за собой дверь, Гончій заговорилъ тихо:

— Сусанна Юрьевна... Такъ нельзя... Вотъ Христосъ Богъ — такъ нельзя. Помилосердуйте.

— Чего ты хочешь?—мягче произнесла Сусанна.

— Я хочу... Я вотъ съ той самой поры, не сплю, не Ѳмъ, не работаю... Съ той поры...

— Съ какой поры?

— А вотъ, сами знаете... За что вы такъ!.. Зачѣмъ вы меня загубливаете!.. — проговорилъ онъ рвуцімся голосомъ. — Жиль я ничего, ни хорошо, ни плохо... Вы меня невѣдомо за что облюбили. Я ума рѣшился отъ благополучія... И вотъ опять, ни за что, ни про что, вы отступились... Не позволяете даже прійти поглядѣть на васъ. Что же мнѣ дѣлать теперь? Удавиться! Утонуться!.. Не хочу. Не могу. Не таковъ я уродился. Что же мнѣ дѣлать? Скажите. Разсудите сами!

Онъ смолкъ. Сусанна молчала тоже.

— Что же? Сказывайте!.. — вымолвилъ онъ, наконецъ, полуশепотомъ.

— Изволь. Я тебѣ скажу,—заговорила Сусанна съ горделивымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.—Будь счастливъ тѣмъ, что приключилось, и удовольствуйся... И больше не прискучивай мнѣ. Не хочу я — и конецъ. Прошло у меня, ну, и...

— Прошло?

— Да.

— Совсѣмъ, стало быть? Прежнему промежъ насъ не бывать?— глухо проговорилъ Анька.

— Нѣтъ.

— Николи, то-ись, въ жизни?!

— Нѣтъ, говорю. Конецъ и полно... Не хочу.

— Теперь Файка эта?.. Хохоль?—злобно пропенталь онъ.

— Это не твоя забота!—вспыхнула Сусанна.

— Какъ не моя?

— Такъ. Не твоего ума дѣло! Да къ тому же я тебѣ не жена. Да, наконецъ того — я барышня, дворянка, племянница Аникиты Ильича. А ты что?

— Прежде бы такъ-то было сказывать, — рѣзко выговорилъ Анька.—А теперь нельзя! Теперь для меня барышни нѣту... Есть, аль была, моя полюбовница... А теперь бросила и за хохла Тараса принялась... Ну, вотъ я и помѣшаю... Я не допущу. Я помѣшаю.

— Какъ это ты помѣшаешь?..—вдругъ Ѳдко разсмѣялась самолюбивая красавица, презрительно глядя на Гончаго.

— Какъ... Грѣхъ будетъ! Я не могу. Что же? Я не могу... Помѣшаю...—бормолъ онъ.

— Какъ, тебя спрашиваютъ?

— Ножемъ.

— Что?! Что!!

— Ножемъ, говорю.

— Да что, ты взбѣсился, что ли? — воскликнула она, невольно поднимаясь и садясь на коврѣ.— Право, ты разума рѣшился... совсѣмъ...

— Да. Что-жъ? Рѣшился...—прошепталь онъ будто себѣ.

— Да вѣдь мнѣ одно слово Змглоду сказать, и знаешь ли ты, что съ тобой будетъ?

— Знаю, но не дамся. Я не таковскій. Я себя не пожалѣю. А потому и совсѣмъ плохо станетъ. И Денису Иванычу, и Файкѣ этому, и вамъ самимъ...

— Какъ ты смѣешь!—разсердилась наконецъ Сусанна.

— Я къ Аникитѣ Ильичу пойду! Въ ноги брошу... Такъ и такъ, молъ, а все—сущая правда... Вотъ какъ... передъ Богомъ.

— А-а?.. Вотъ что... Да-а...—протяжно проговорила она.—Ножемъ?.. Въ ноги къ Аникитѣ Ильичу?.. Хорошо... Ну, что же... Дѣйствуй. Ступай.

Наступило молчаніе.

— Ступай, тебѣ говорятъ!—уже гнѣвно произнесла Сусанна.

— Барышня... Ради Господа Бога...

— Ступай. Уходи. Слышишь. Иди вонъ!..

— Барышня?!—отчаянно воскликнулъ Анька, и, казалось, онъ готовъ былъ зарыдать.

— Анна Фавстовна!—кликула Сусанна...

И, поднявшись съ ковра, она двинулась къ двери и чрезъ голову Гончаго крикнула громче:

— Анна Фавстовна...

Угрюмова появилась за спиной молодого малаго.

— Выведите его...

— Барышня!—вскрикнулъ Анька. — Помилуй Богъ, что будетъ!

— Пошелъ вонъ!! Анна Фавстовна! Оглохли вы!—закричала Сусанна внѣ себя.—Вонъ!! Гоните нахала...

Анька сорвался съ мѣста и бросился вонъ въ двери, какъ если бы вдругъ испугался чего... Самъ себя испугался онъ!

VII.

Санна не была особенно встревожена угрозами бывшаго любимца, отчасти потому, что Анику Ильину слишкомъ вообще всѣ боялись, чтобы кто либо, хотя бы и смѣлый Гончай, рѣшился идти къ нему съ объясненiemъ... Чего? Невѣроятнаго дѣла!

Нѣкоторые обыватели Высоксы искренно и не шутя говорили, что идти къ барину по иному дѣлу страшнѣе, чѣмъ идти на смерть... Это была привычка бояться его, безсознательная, огульная, внушенная въ плоть и кровь съ малолѣтства.

Отчасти же смѣлая лицедѣйка надѣялась на свое искусство и на свою власть надъ старымъ дядей. Несмотря на всѣ свои мимолетныя прихоти и измѣны своей любимицѣ, онъ все-таки былъ по-прежнему подъ вліяніемъ ея красоты. Малѣйшая нѣжность и ласка съ ея стороны вновь воспламеняли какъ бы охладѣвающаго къ ней старика. Отъ доноса и заявлениія Аньки она собиралась защитить себя предъ дядей цѣлой хитро задуманной комбинаціей лжи и клеветы.

Впрочемъ въ эти дни ей было и не до дерзкаго конторщика. Увлекая Дмитрія, она тоже увлеклась... И какъ пылкая, своевольная и разнудзанная женщина, она то избѣгала развязки и объясненія съ нимъ, то вдругъ нетерпѣливо и прихотливо сама толкала его на рѣшительный шагъ. Если бы Дмитрій былъ смѣлѣ и опытнѣе, то уже овладѣлъ бы ею, улучивъ минуту, когда она не владѣла собой. Но онъ былъ второй Алеша... Боготворя и поклоняясь, нельзя бороться и одолѣвать...

Пользуясь почти юношеской робостью и наивностію его, Сусанна иногда шалила, дразнила и забавлялась его страстью на всѣ лады.

Такъ прошло еще болѣе недѣли, и Дмитрій былъ у нея въ гостяхъ послѣ обѣда, и они остались одни; она легла на свой коверъ, а онъ сѣлъ около нея тоже на полу... Понемногу, все лѣнившѣ болтая и отвѣчая, она притворилась, что вдругъ крѣпко заснула...

Дмитрій долго смотрѣлъ на нее... Затѣмъ позвалъ раза три, чтобы разбудить и прекратить волненіе, которое овладѣвало имъ... И видя наконецъ, что она страшно крѣпко спитъ, онъ потерялъ самообладаніе, нагнулся и сталъ тихо цѣловать руки ея... Чрезъ нѣсколько мгновеній, уже почти не помня себя, онъ страстно прильнулъ губами къ ея лицу...

И долго, крѣпко спала Санна, только дыханіе ея, неровное и порывистое, доказывало, что ей будто снится что-то волнующее ее...

И она проснулась только тогда, когда поняла, что онъ совсѣмъ теряетъ разсудокъ... Она открыла свои чудные глаза, поглядѣла кругомъ себя, потомъ на него и удивилась...

— Да я спала?!— изумленно вымолвила она.

Послѣ этого дня Дмитрій сильно измѣнился, сталъ пасмуренъ, задумчивъ, иногда просто печаленъ...

— Бѣдный мой! — нѣжно говорила Санса, оставаясь одна.— Погоди... Скоро помогу тебѣ стать отважнымъ...

За эти же дни, однако, ее снова стало сильнѣе озабочивать поведение конторщика... Она думала, придумывала и не знала, что сдѣлать, что предпринять, ежедневно ломала себѣ голову и не находила ничего.

Между тѣмъ Анька Гончай, будто совершенно одичавъ или обезумѣвъ отъ нравственныхъ пытокъ, не давалъ Сусаннѣ проходу, подходилъ и при постороннихъ, не стѣсняясь, или не понимая, что онъ творить, или ничего и никого не замѣчая, и привязывался къ ней, то молилъ, то грозился... Всякій день могло произойти что нибудь пагубное для Сусанны.

И наконецъ, однажды, она рѣшилась окончательно обратиться къ Змглоду. Пославъ за нимъ, вдругъ она стала нетерпѣливо ждать его, будто боясь, что раздумаетъ... Наконецъ Угрюмова доложила ей, чтоoberъ-рунть явился, а затѣмъ, выйдя въ коридоръ, она позвала и пропустила его къ барышнѣ. Змглодъ вошелъ и, ставъ у дверей, поклонился. Сусанна подошла къ нему и произнесла ласково.

— Здравствуй, Денисъ Иванычъ... Я за тобой послала. Миѣ надо дѣло одно порѣшить. У меня до тебя большая просьба...

— Что прикажете...—отозвался oberъ-рунть.

— Скажи мнѣ... Это не къ дѣлу... А такъ... Давно я хотѣла тебя спросить. Что ты такой сталъ вдругъ хмурый, не то хворый. Ужъ вотъ которое время. Что съ тобой приключилось?

— Ничего, барышня... Такъ, неможется.

— Да что именно?..

— Не знаю... Неможется... Пройдетъ! Что указать изволите?..

— Скажи... Не могу я тебѣ помочь въ твоей заботѣ?—настаивала Сусанна.

Змглодъ глянулъ быстро ей въ глаза, потомъ потупился и засопѣлъ, будто тяжело переводя дыханіе.

Сусанна замѣтила все и, понизивъ голосъ, ласково и вкрадчиво произнесла!

— Скажися мнѣ. Есть у тебя что-то на душѣ. Можетъ быть, я могу тебѣ чѣмъ помочь...

Змглодъ, не глядя на нее, молча замоталъ головой, а затѣмъ угрюмо выговорилъ:

— Ничего нѣту... А если бы что и было... то не могу я сказать, потому что самъ не знаю.

— Что? какъ?—удивилась она.—Самъ не знаешь.

— Да, барышня. Самъ не знаю... Мерещится мнѣ чертовицна... Да все, знать, выдумки мои. А коли не выдумки, а правда, то конецъ мой пришелъ

— Да что? Скажи.

— Нѣтъ, барышня... Сказываютъ люди про дѣло какое, а про выдумки что же сказывать. Станетъ мнѣ представляться, что вотъ наша колокольня либо башня коллежская качается... Такъ что же? И сказывать? Нѣтъ, лучше помолчать, а то люди осмѣютъ. Легче не будетъ... А вотъ... Вы что прикажете? Зачѣмъ приказали прійти?

— Мнѣ нужно, Денисъ Иванычъ, одно важное дѣло порѣшить... заговорила Сусанна смущаясь.—Избавь меня отъ дерзостнаго холопа. Я не хочу беспокоить дядюшку и гнѣвать его пустяковиной. Поэтому я за тобой послала... Надо примѣрно наказать бы... Да не такой малый. Надо сразу его! Чтобы не было его!

— Кого, барышня!

— Аньку.

— Гончаго?—удивленно глядя, переспросилъ Змглодъ.

— Да,—отозвалась Сусанна тихо и опустила глаза, подъ упорнымъ и изумленнымъ взглядомъ оберъ-рунта.

— Аньку Гончаго?—опять переспросилъ этотъ.

— Да, Аньку. Онъ дерзостно ведетъ себя. Будто разума рѣшился. И его надо...

— Унять?

— Нѣтъ. Его не умешь, какъ другого кого. Его надо просто похѣритъ...

Змглодъ молчалъ и сильнѣе сопѣль, будто уткнувшись носомъ. Онъ хорошо, конечно, понималъ, что барышня хотѣла сказать словомъ: «похѣритъ». Это было слово самого барина Аникиты Ильича. Сдать человѣка въ солдаты или сослать на поселеніе въ Сибирь, представивъ въ нижній земскій судъ въ городѣ,—не значило похѣритъ...

ПохѣриТЬ обозначало иное, что Змглодъ, слышавшій за злыдня и изверга,—не любилъ однако брать на свою душу. Но никто этого не зналъ и даже не подозрѣвалъ, воображая, что «Турка» радъ радехонекъ изувѣрствовать.

Наконецъ, съ тѣхъ поръ, что Змглодъ былъ оберъ-рунтомъ, баринъ только четыре раза приказалъ ему четырехъ человѣкъ похѣритъ.

Теперь впервые барышня указывала то же... Но онъ даже сомнѣвался, имѣеть ли онъ право повиноваться ей въ такомъ важномъ дѣлѣ...

На краю сада было небольшое зданіе въ два этажа съ башней въ видѣ небольшого бастіона, гдѣ внизу жили павлины, павы, цыцарки, аисты и разныя другія заморскія птицы. Въ верхнемъ же этажѣ были отдѣльныя комнаты, въ которыхъ, однако, никто никогда не жилъ. Зданіе называлось Павлиній павильонъ. Подъ этимъ зданіемъ былъ большой и глубокій подвалъ, почти подземелье.

Ужъ четыре раза Змглоду пришлось приводить сюда, съ двумя рунтами, «живого человѣка съ заткнутой глоткой» и, растворивъ поочередно трое желѣзныхъ дверей подвала, вводить его и оставлять...

Человѣкъ пропадалъ безъ вѣсти... Баринъ называлъ это наказаніе, самое тяжкое и даже преступное, словомъ: «похѣрить». Въ Высоксѣ обѣ этомъ догадывались, конечно, вслѣдствіе нескромности рунтовъ, но говорить обѣ этомъ не смѣли. Даже приближаться къ павильону суетѣроно боялись, говоря, что около него «нечисто».

Теперь не самъ баринъ, а барышня приказывала это тягчайшее наказаніе... Змглодѣй смущался, колебался и наконецъ выговорилъ:

— Простите, Сусанна Юрьевна... Я безъ указа барина не посмѣю... Вдругъ спросить баринъ: гдѣ Анька? Пропалъ безъ вѣсти, безъ его указа!. Какъ можно! А что просто пропалъ, убѣгъ — не повѣрить.

— Какъ знаешь, Змглодѣй... холодно, даже надменно, отозвалась Санса.—Долгъ платежемъ красенъ.

— Что вы это, барышня? — какъ бы оробѣвъ, воскликнулъ оберъ-рунть.

— Да такъ говорю... Долгъ платежемъ красенъ. Я у тебя тоже въ долгу не останусь... Вотъ скоро будетъ Аникита Ильичъ одно такое дѣло рѣшать.. Постригать собрался кое-кого въ монастырь ради того, что ему глупое хныканье прискучило... Я его все отговаривала не грѣпить... Ну, теперь попрошую не откладывать...

Змглодѣй перемѣнился въ лицѣ.

— Въ монастырь? — глухо проговорилъ онъ и глядѣлъ, будто думая, что онъ ослышался.

— Да. И постригутъ... смѣло лгала Сусанна.—А если въ Высоксѣ никому не въ домекъ... то я-то хорошо знаю, что отъ этого Денисъ мой Иванычъ ума рѣшился... Я одна знаю. Да мало ли чего другое не знаютъ и не видятъ, а я вижу и знаю, да молчу до поры до времени... Ну, прощай. Ступай.

Змглодѣй стоялъ не двигаясь и глядѣлъ въ лицо Сусанны какъ бы обезумѣвшими отъ ужаса глазами.

— А если я, барышня, ваше приказаніе,—глухо заговорилъ онъ,— безъ вѣдома Аникиты Ильича... въ точности исполню...

— Тогда я обѣщаюсь тебѣ, вотъ, какъ передъ Богомъ, никогда ея постриженью не бывать. Я знаю такое слово на Аникиту Ильича... И пригрожуся...

— Слушаю, барышня. Будетъ по вашему... — рѣзко вымолвилъ Змглодѣй.—А въ случаѣ беспокойства барина, куда пропалъ Анька, что намъ дѣлать? Скажите теперь.

— Правду скажемъ. Я скажу — я приказала... А за что — сумѣю сказать. И я застуپлюсь за тебя... Полно, Денисъ Иванычъ, мало ты меня знаешь, а то бы не боялся по моему указанію всякое творить... Отъ меня и благополучье и бѣду — не долго нажить.

— Знаю, барышня... И если бы вы когда... воскликнулъ Змглодѣй и смолкъ, махнувъ рукой...

— Что? Говори. Что?.. Если-бѣ я когда за твоє дѣло взялась...

Такъ что ль?.. Молчипъ... Ну, обожди... Можетъ, я за него и возьмусь... Сказала я: долгъ платежемъ красенъ. Одолжи меня, и я отплачу.

— Ладно! Помните, Сусанна Юрьевна... Анька будетъ у меня въ Павлиньемъ павильонѣ послѣ завтра... А вы помните...

— Въ долгъ не останусь,—глухо произнесла Сусанна, вдругъ зволновавшись.

И когда оберъ-рунть вышелъ изъ комнаты, она осталась на томъ же мѣстѣ, тяжело переводя дыханіе и задумавшись...

— Жаль мнѣ тебя, глупаго...—тихо произнесла наконецъ она.— Не полагала я даже, что меня хватитъ на эдакое. Да что же дѣлать? Себя дать загубить?.. Никогда! Такой молодецъ, который меня извѣдеть,—еще не народился. Самъ себя, Анька, вини. Я тутъ не при чёмъ. Я себя упасаю. Оставь тебя, то сама по міру, нищая, иди, прогнанная отсюда. Нѣть...

VIII.

Время шло и шло, а нѣчто особенное тоже длилось въ домѣ... Если дворня и всѣ крѣпостные рабы радовались за свою будущую судьбу, узнавая ближе Дмитрія Андреевича, то сами господа, всѣ отъ Аникиты Ильича до маленькой барышни, продолжали пребывать въ странномъ расположеніи духа. Даже нового молодого барина захватило что-то... Не таковъ онъ былъ, когда пріѣхалъ.

Въ домѣ была важная новость, но ею будто никто не интересовался... Будто всѣмъ было не до того. Баринъ вдругъ приказалъ заново отѣлывать правое крыло или флигель дома, гдѣ жилъ поварикъ... Это всѣмъ показалось знаменательно...

Прежде всего изъ всѣхъ комнатъ вынесли мебель и перенесли въ заводскія мастерскія. Затѣмъ въ комнатахъ появилось человѣкъ съ дюжину рабочихъ, и началась спѣшиная чистка и окраска... Разумѣется, это прежнее помѣщеніе Алексѣя Аникитича предназначалось для Дмитрія Андреевича.

Наконецъ, въ этомъ крылѣ была указана работа, которая очень краснорѣчиво сказала о томъ, чего баринъ никому не говорилъ...

Дѣлались такія перемѣны, что по догадкѣ дворовыхъ людей изъ холостой квартиры выходилъ, по ихъ выраженію, «семейникъ».

Стало быть, если все готовится для перехода въ правое крыло молодого родственника, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поселится тутъ не одинъ и не сейчасъ, а послѣ важнаго событія.

Однако, ни самъ баринъ, ни баринъ гость, ни обѣ барышни совсѣмъ не занимались работами и передѣлками въ крылѣ.

Всѣмъ имъ было прямо—не до того...

Аникита Ильичъ былъ вдругъ сраженъ просьбой Аллы—идти въ монастырь... Дѣвушка не притворялась и не лукавила, рѣшив-

шись просить подобное. Это было единственное средство для нея избавить себя отъ невыносимой пытки принадлежать старику, который ей былъ ненавистенъ и противенъ до ума помраченія... Алла перестала плакать, но стала дико задумываться и заговариваться, бредить и нести околесную наяву, среди бѣла дня.

Вдбавокъ—и что особенно разгнѣвало Аникиту Ильича—вернувшійся съ богомолья отецъ Аллы похвалилъ дочь за ея рѣшеніе и просилъ барина о томъ же... Самовластный стариkъ догадывался...

По всей вѣроятности, богообразный, честныi и всячески добро-порядочный Василій Васильевичъ Ильевъ самъ убѣдилъ дочь выйти изъ срамнаго положенія и сдѣлаться инокиней.

Дѣйствительно, если жена Ильева и старая дѣвица сестра надѣялись, что Алла станетъ впослѣдствіи барыней въ Высоксѣ, законной супругой барина, то Ильевъ вѣрно зналъ, что никогда этого не будетъ. Не мало таковыхъ мѣтило и напрасно...

Что касается Сусанны, то она, искусно добивавшаяся влюбить въ себя Дмитрія, разумѣется, добилась этого скорѣе, чѣмъ думала... Молодой человѣкъ былъ отъ нея безъ ума и мысленно твердо рѣшилъ не жениться на Дарьушкѣ...

Онъ мечталъ уже о томъ, что когда онъ обвѣнчается съ Санной, то дядя оставитъ ихъ жить въ Высоксѣ или, отпустивъ въ Петербургъ, положить имъ пенсию... Вѣдь онъ добрый и обоихъ ихъ любить.

Разумѣется, только Дмитрій Басановъ, по своей наивности, могъ мечтать о подобномъ. Сусанна же на подобные намеки троюроднаго «брата», какъ она звала его, отвѣчала смѣхомъ.

— Да, душевно, сердечно, помыслами своими ты будешь моимъ мужемъ,—думала она.—Но по закону ты будешь мужемъ Дарьушки и хозяиномъ Высоксы. И отлично мы заживемъ... особливо, когда «Кита» уберется на тотъ свѣтъ. Будетъ онъ долго откладывать—можно и помочь въ сборахъ!—усмѣхалась она странной усмѣшкой.

Даже Анна Фавстовна, однажды замѣтивъ эту улыбку, спросила невольно, вдругъ:

— И какія это мысли можете вы держать себѣ на умѣ, чтобы эдакъ нехорошо ухмыляться?

Однако, завлекая Дмитрія и видя, что она вполнѣ достигла цѣли, не нынѣ-завтра онъ способенъ прямо объясниться въ любви и предложить ей руку, Санна была сильно и даже постоянно озабочена и встревожена...

Змглодѣй послѣ ихъ разговора явился чрезъ дня три и объяснилъ нѣсколько смущенный, что случился казусъ, небывалый въ Высоксѣ. Намѣченная жертва ускользнула изъ рукъ.

Анька, очевидно, узнавъ или пронюхавъ, что ему грозить, исчезъ, бѣжалъ... Аникита Ильичъ, озадаченный исчезновеніемъ своего

лучшаго писаря конторы, приказалъ взяться за поиски... Но, разумѣется, это ни къ чему не поведетъ.

— Я полагаю,—сказалъ оберъ-рунть,—что молодецъ со страху хватилъ за Волгу, а то въ Украину.

Сусанна не согласилась мысленно съ оберъ-рунтомъ... Страшно встревоженная, она приготовила цѣлый планъ кампаніи...

Единственное, чего она никакъ не могла рѣшить, былъ вопросъ: дѣйствовать ли тогчасъ, не ожидая появленія Гончаго, или обождать, молчать и явиться защищать себя, когда врагъ нападетъ. И день Сусанны проходилъ въ томъ, что она любезничала и крутила голову «братцу», а затѣмъ волновалась отъ мысли, что вдругъ появится Анька и заявить Аникитѣ Ильичу, что онъ былъ ея любовникомъ. А лучшимъ доказательствомъ этого служить то самое, что она со Змглодомъ задумала учинить надъ нимъ безъ приказу и безъ вѣдома барина...

Дмитрій Басановъ тоже, по замѣчанію всѣхъ, нѣсколько перемѣнился, былъ пасмуренъ и задумчивъ, не такъ простодушино болтливъ и смѣшилъ, какъ въ первое время по прїездѣ. Разумѣется, причины никто не зналъ, кроме его самого и красавицы, его околовавшей...

Наконецъ, Дарьушка, догадавшаяся въ первый же день прїзыва гусара, что онъ по волѣ отца ея суженый, все-таки будто надѣялась, что судьба смилиостивится надъ ней. Теперь же, какъ всегда бываетъ съ простоватыми людьми, громовымъ ударомъ подѣйствовалъ на нее пустякъ. Приказъ отдаѣвать апартаменты ея покойнаго брата и расположение комнатъ, новое и особое, дѣлавшее изъ крыла «семейникъ», поразили Дарьушку. Дѣвушкѣ казалось, что рѣшеніе отца, о которомъ онъ молчитъ и которое только всѣ подозрѣваютъ,—не важно... Важно приготовленіе будущаго помѣщенія для нея съ мужемъ...

Такъ какъ правое крыло дома было, какъ разъ передъ лѣвымъ крыломъ, гдѣ она жила, и только на половину укрытое липами, то Дарьушка съ утра видѣла все, что тамъ дѣлалось, слѣдила за работами и ужасалась, какъ все идетъ спѣшно и быстро... Чувство, которое вызывали въ ней эти работы, было таково, какъ если-бы на глазахъ ея рабочие готовили для нея склепъ и гробъ. И какъ только все поспѣть, такъ и будутъ ея похороны, жива ли она, нѣть ли.

Однако, несмотря на свою простоту или благодаря женскому чутью, Дарьушка замѣтила что-то между этимъ ея не объявленнымъ еще женихомъ и тетушкой-сестрицей Сусанной Юрьевной... Если она не сама додумалась, то ея няня Матвѣевна помогла ей додуматься до pomysла:

— Вотъ бы ему на ней жениться!..

IX.

Наконецъ, однажды, давно ожидаемое Сусанной отъ влюбленнаго Дмитрія и лишь отчасти избѣгаемое ею случилось, и вдругъ, когда она наименѣе ждала.

Санна позвала къ себѣ вечеромъ въ гости Аникиту Ильича, Дмитрія, Дарьюшку и кое-кого изъ главныхъ приживальщиковъ.

Для всѣхъ былъ приготовленъ сюрпризъ... А именно цѣлый концертъ. Въ гостиной Сусанны появились четыре главныхъ музыканта изъ Высокскаго оркестра, двѣ скрипки, віолончель и флейта... Но вмѣстѣ съ ними явился и новый пѣвчій, хохоль, котораго всѣ уже стали баловать за чудный голосъ.

По приказанію и подъ наблюденіемъ Сусанны, лучшіе и, дѣйствительно, даровитые музыканты, а равно и Тарасъ Файка, разучили нѣсколько пьесъ, выписанныхъ изъ Москвы, нѣсколько русскихъ пѣсенъ и нѣсколько кусковъ изъ заморскихъ театральныхъ представлений...

И крѣпостные виртуозы и молодой хохоль-теноръ превзошли себя... Или они особенно постарались, или новая диковинная музыка, которой никто, даже Аникита Ильичъ и сама Сусанна, никогда еще не слыхали,—но впечатлѣніе на всѣхъ было потрясающее, не только неожиданное, но даже имъ самимъ непонятное и загадочное.

Аникита Ильичъ послѣ двухъ, трехъ пьесъ, спѣтыхъ подъ аккомпанементъ квартета его наемныхъ пѣвчихъ,—слегка взъвался. Въ церкви Файка пѣть хорошо, его голосъ звучалъ сильнѣе и звонче всего хора... Но ничего особеннаго поразительнаго не было... Только разъ онъ удивилъ и тронулъ многихъ чуть не до слезъ, когда впервые спѣлъ за преждеосвященной обѣдней «Да исправится молитва моя»... Но теперь это оказался какой-то другой человѣкъ, другой Тарасъ, другой голосъ...

Или же вся сила была въ томъ, что музыка была другая, какая-то душу захватывающая. Или же главный виновникъ былъ первая скрипка и дирижеръ Высокскаго оркестра, Неручевъ, человѣкъ тихій, молчаливый, тщедушный, съ худымъ лицомъ, покрытымъ сплошь веснушками, но съ удивительными сѣрыми глазами, которые, когда онъ игралъ, мѣнялись и становились будто безумными.

Или же Файка, въ первый разъ въ жизни разучившій не церковное пѣніе, а заморское, итальянское, со страстью отдался тому, что его чуткая художническая природа вдругъ напала въ этихъ чужихъ звукахъ... Голосъ Тараса звучалъ иначе и сильнѣе, и заунывнѣе, и грознѣе, и печальнѣе... Это быть не Тарасъ Файка...

Въ саду, подъ отворенными окнами, въ тѣни деревьевъ, собрались всѣ нахлѣбники, многіе изъ коллежскихъ и конторскихъ, многіе

изъ заводскихъ заправиль... И все, что слушало и ахало,—не вѣрило, что это «Тараска» изъ ихъ хора пѣвчихъ...

Кончилось однако тѣмъ, что если послѣ одной аріи Василій Васильевич Ильевъ прослезился, а Бобрищева послѣдовала его прімѣру, то глупая Дарьюшка расплакалась, а потомъ и совсѣмъ разрыдалась, какъ въ сороковой день поминокъ по братѣ. И дѣвуспку пришлось отпустить къ себѣ.

Около часовъ десяти концертъ кончился... Вслѣдъ за Аникитой Ильичемъ всѣ разошлись... А Сусанна, оставшись одна, вышла на свой балконъ, сѣла и уныло задумалась.

Музыка эта и ее растревожила... И Богъ вѣсть, почему она заставила ее думать о такомъ, что хотя и приходило на умъ, но изрѣдка...

Мысли тяжелыя, черныя были о себѣ, своею житьѣ-бытьѣ, своей судьбѣ, своею нерадостномъ будущемъ... темномъ, невѣдомомъ... быть можетъ, неисходно тѣжкомъ...

А съ ней, именно съ ней, все и всяческое могло приключиться, самое невѣроятное. И виновата она сама въ этомъ. Не будь она безстрашная, озорная «кавказка», то, конечно, и будущее не грозило бы ничѣмъ особенно роковымъ... А такъ, какъ она живетъ и дѣйствуетъ, и впрямь — жди всяческихъ бѣдовыхъ и даже гнѣва Господня!

Задумчивость и мысли Санны были прерваны вдругъ какимъ-то шорохомъ, который ей почудился подъ балкономъ... Благодаря облачному небу, ночь была настолько темна, что нельзя было видѣть даже высокихъ деревьевъ, укрывавшихъ два крыла дома, не только разглядѣть кого либо у балкона...

Санна снова было задумалась, но снова тотъ же шорохъ, яснѣе и опредѣленѣе послышался ей у самыхъ столбовъ ея балкона...

— Кто это? — окликнула она тихо... Но никто не отвѣтилъ. И ей вдругъ представилось, почуялось, что это навѣрное онъ, Дмитрий... Онъ не легъ спать, вышелъ бродить по саду... А увидать ее среди ночи было легко, такъ какъ она была освѣщена черезъ окно двумя горѣвшими въ спальнѣ свѣчами.

— Кто тутъ? Отвѣчай... снова сказала Санна, перевѣшиваясь черезъ перила.

— Я влѣзу по столбу... послышался знакомый шопотъ...

— Нѣтъ... Не надо, — отозвалась она, невольно смѣясь. Но, понявъ по шороху на столбѣ, что ея приказаніе не исполняется, она двинулась въ комнаты и окликнула Анну Фавстовну...

Угрюмова уже спала и не отвѣтила. Санна прошла въ спальню, потушила свѣчи и, осторожно ступая, на носкахъ, снова вернулась на совершенно уже темный балконъ.

Подойдя къ периламъ и увидя фигуру, которая съ усиліемъ поднимается, она выговорила...

— Зачѣмъ?.. И что хорошаго?.. Я лучше лѣсенку спустила бы, если-бъ знала...

Но влѣзшій уже ухватился за перила, приподнялся и запыхавшись сѣль на нихъ...

— Сестрица... Простите... Я васть увидѣль,—заговорилъ Дмитрій смущенно...

— Ну, что жъ дѣлать... Влѣзли... Что вамъ?—отозвалась Санна и отъ избытка волненія, не страха, а наплыва радостнаго чувства, голосъ ея измѣнился и слегка дрожалъ.

Дмитрій молча слѣзъ съ перилъ и запепталъ.

— Сестрица... Я увидѣль изъ сада... Захотѣлось поговорить съ вами. Сказать вамъ все, что у меня на душѣ...

— Тише,—произнесла Санна.—Окна въ домѣ у многихъ открыты... Узнаютъ, Богъ вѣсть, что подумаютъ... Идите...

Они вошли въ гостиную... Дмитрій тотчасъ же наткнулся на мебель и нашумѣлъ.

— Тише,—разсмѣялась Санна и, подойдя къ нему, взяла его за руку... Идите за мной...

Доведя его до дивана и посадивъ около себя движенемъ руки, она, сильно волнуясь и смущаясь, колебалась... зажигать ли свѣчи, затворивъ окна и опустивъ занавѣси, или оставаться въ темнотѣ.

— Сидите... Я зажгу свѣчи...—сказала она поднимаясь.

— Зачѣмъ? Нѣтъ... Не надо,—тихо отозвался онъ.

Она снова сѣла и молчала.

— Сестрица... —заговорилъ Дмитрій робко.—Я хочу вамъ сказать... Позволите вы мнѣ все сказать... всю душу раскрыть предъ вами?... Дядюшка—я знаю—имѣеть скрытое намѣреніе меня женить на Дарьѣ Аникитинѣ, но я вамъ уже не разъ обинякомъ сказывалъ, что я не могу... Сердце мое, всѣ мысли мои... Вы не видите, не знаете...

— Я все знаю, Дмитрій Андреевичъ...—отвѣтила Санна твердо.—Все знаю... Вы женитесь на Дарьюшкѣ и непремѣнно. Это мой вамъ приказъ. Слышите! Мой, а не дядюшкинъ приказъ. И если вы меня послушаетесь...

— Сестрица... Сусанна... Я не могу!—воскликнула онъ и среди темноты сталъ искать ся руки. Найдя ихъ, онъ стиснулъ обѣ въ своихъ рукахъ.—Вы, Сусанна, сдѣлайте меня счастливымъ, согласясь принадлежать мнѣ на всю жизнь.

— Да... Я и согласна,—шепнула она.—Но только тогда, когда вы женитесь на Дарьюшкѣ. Или, по крайней мѣрѣ, когда обѣщаетесь, поклянетесь мнѣ, что женитесь на ней. Намъ обѣнчаться, Дмитрій, было бы сумасшествіемъ... Если вы любите меня, то исполните мой софтъ.

— Но, Сусанна... Какъ же мнѣ вѣнчаться съ ней, когда я жить не могу безъ васъ.

— Мы и будемъ... И останемся жить вмѣстѣ... — нѣжно заговорила она, ближе наклоняясь къ нему. — Но мы не будемъ нище супруги... Будемъ здѣсь въ Высоксѣ. Покуда живъ Аникита Ильичъ, будемъ скрываться всячески... А умретъ онъ... Мало ли что можетъ случиться и устроиться къ благополучію нашему... Ну, обѣщайте мнѣ... Обѣщай... Дмитрій. Сейчасъ поклянись, что женишься на Дарьушкѣ...

Санна передвинулась еще ближе, и онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ среди темноты ея дыханіе, горячее, неровное, говорившее объ ея волненіи...

— Клянись мнѣ сейчасъ!.. вскрикнула она рѣзкимъ шепотомъ.— И сейчасъ же я отплачу за повиновеніе... И на всю жизнь буду твоя...

— Если такъ...—упавшимъ голосомъ вымолвила онъ:—будь ваша воля...

— Клянись.

— Клянусь Богомъ. Женюсь и все буду творить, какъ вы... Какъ ты... Сусанна, указывать будешь...

— Ну, вотъ... шепнула она, обвила его голову руками и прильнула горячимъ лицемъ къ его лицу, губами къ губамъ его...

X.

Дней пять, шесть подъ рядъ Сусанна спускала вечеромъ свою маленькую подъемную лѣсенку, и, благодаря темнымъ ночамъ, Дмитрій являлся никѣмъ невидимый и удалялся задолго до разсвѣта. Но затѣмъ появилась луна, и свиданія черезъ балконъ стали невозможны и прекратились.

Одновременно Сусанна, узнавъ ближе и вполнѣ изучивъ нравъ своего возлюбленнаго, поняла, что надо спѣшить, дѣйствовать... Пройдетъ еще недѣля, двѣ, и Дмитрій, безъ ума обожающій ее, все сильнѣе и сильнѣе привязывающійся глубоко и страстно, пожалуй, уже не найдетъ въ себѣ воли согласиться на предложеніе дяди и наотрѣзъ откажется стать мужемъ его дочери... Онъ возмутится, какъ всѣ безхарактерные люди — порывисто, шумно и неукротимо.

Сусанна рѣшилась идти объясниться съ дядей и спросить или выспросить, какая его намѣренія. Аникита Ильичъ, посмѣшиваясь, заговорилъ съ ней и къ ея удивленію стала доказывать, что спѣшить съ такимъ дѣломъ нельзя...

— Дѣло это, Санна, рѣшенное,—сказалъ онъ, ухмыляясь своими ехидными губами,—рѣшенное совсѣмъ, если не перерѣшится...

— Что?—обомлѣла Санна.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ и Его Святую волю творимъ, мудрствуя и воображая, что по-своему поступаемъ... Гадаешь, не

знаешь, что по утру будет съ тобой. А коли знаешь, то не божися, прежде Богу помолися...

— Я васъ, дядюшка, совсѣмъ не уразумѣю... сказала Санна. Вы что-то на умѣ имѣете, что не хотите прямо сказать.

— Вѣрно угадала, моя умница... засмѣялся снова Аникита Ильичъ.—Я вотъ собираюсь дочь замужъ выдавать, а вмѣстѣ съ нею въ одинъ день... можетъ, я и самъ вѣнчаться хочу...

— Я желала съ вами толково побесѣдовать о счастії Дарьушки,— отвѣтила она холодно.—А если вы шутки шутить хотите, то бросимъ бесѣду... И дѣло-то оно не мое, а ваше...

— Я, Санна, не шучу и не балагурю,—серіознѣе сказалъ старикъ.—Отчего же бы мнѣ въ третій разъ не жениться? Законы дозволяютъ три брака и до 70-ти лѣтъ.

— На комъ же это вы женитесь?—уже усмѣхаясь, заговорила она.

— Да на той, которая отъ меня зачнетъ и нового наслѣдника мнѣ на мѣсто Алеша дастъ.

— А-а?.. Ну, это другое дѣло!..—вспыхнула Санна.—Стало быть, вы уже въ ожиданіи рожденія такого наслѣдника.

— А хоть бы и въ ожиданіи! — усмѣхнулся Аникита Ильичъ такимъ голосомъ, какъ если бы подразнивалъ племянницу.

— Ну, что же! Давай Богъ...—раздражительно и сухо разсмѣялась она.

— Обидно, что не ты?..

— Кабы была похитрѣе да поозорнѣе, такъ давно бы вамъ... подставила младенца!—презрительно выговорила Санна:—своего, да не вашего. Вотъ что, дядюшка. Ну, а теперь, стало быть, нашлась таковая смѣляя.

— Знать, чего не знаешь, — нельзя, а судить да рѣдить о неизвестномъ совсѣмъ малоумно,—суроно отвѣтилъ Аникита Ильичъ.—Не такъ я уже простъ, чтобы меня можно было провести, особенно бабѣ или дѣвкѣ. Купецъ какой, заказчикъ, бываетъ, нагрѣтъ. А чтобы баба меня надула... За всю мою жизнь...

— Николи этого не бывало?.. — продолжала Санна, будто подсмѣиваясь.

— Полагаю, что не бывало и быть не можетъ...

Санна усмѣхнулась, тряхнула головой и подумала: «Ахъ, старая Кита!».

Но затѣмъ она тотчасъ же вспомнила, что пришла за важнымъ дѣломъ и ничего не добилась.

— Стало быть, невѣдомо, дядюшка,—сказала она, мѣняя голосъ на серьезный и дѣловитый тонъ... Невѣдомо, когда вы съ Дмитриемъ Андреевичемъ толковать будете.

— А тебѣ-то что же?—вдругъ произнесъ старикъ отчасти съ нетерпѣнiemъ.

— Мнѣ?—отвѣтила она не зная, что сказать.

— Да, тебѣ. Подумаешь, тебѣ замужество Дарьушки къ спѣху... понадобилось...

— Стало быть, вы мнѣ дозволите,—вдругъ вырвалось у Санны.—Дозволите сказать Дмитрію Андреевичу, что онъ можетъ отложить по-печеніе и собираться.

— Куда?!

— Куда! Въ столицу... Въ полкъ... Его отпуску скоро конецъ. Онъ съ вами смущается говорить, а со мной изъясняется откры-венно... Онъ у меня спрашивалъ, можетъ ли онъ надѣяться, что пріобрѣть ваше расположеніе, и будете ли вы согласны, если онъ... ну, если посвataется...

— Это не его дѣло!.. Я этихъ новыхъ порядковъ не жалую...—вдругъ сердито заговорилъ Аникита Ильичъ.—Выдумали! Скоро дѣвики сами за себя заговорятъ: иду, молъ, я за тебя замужъ... Будь живъ и будь здѣсь его отецъ—иное дѣло. А коли онъ одинъ, то долженъ молчать, покуда я не заговорю...

— А если ему къ сроку надо... Въ полкъ...—возразила Санна.—Что же онъ будетъ здѣсь сидѣть? Онъ пріѣхалъ вамъ представиться. Вы такъ его приняли, что вся Высокса считаетъ его нареченнымъ Дарьушки... Наконецъ Алешинъ комнаты приказали устроивать... Всякому понятно, дядюшка. Не мудрено, если и ему, Дмитрію Андреевичу, пришло въ голову то, чего онъ и въ умѣ не имѣлъ, Ѣдучи сюда.

— Ну, имѣлъ, не имѣлъ... Этого мы не знаемъ. Пріѣхалъ послѣ смерти Алеши... когда Дарьушка объявила единственной наслѣдницей.

Санна поднялась съ мѣста и вымолвила сухо и назидательно:

— Ну, дядюшка... Не пеняйте на меня... если что выйдетъ вамъ не по сердцу. Я сегодня скажу Дмитрію Андреевичу, что вы это дѣло считаете еще гадательнымъ, какъ еще Богъ на душу вамъ положить. Онъ тотчасъ же собирается въ столицу... А тамъ у него невѣста ждетъ его...

— Какъ невѣста? Какая невѣста?—воскликнулъ стариkъ.

— Да такъ... Невѣста какъ невѣста. Дочь генерала Москов-скаго...—соглашала Сусанна и думала: «что я путаю, потомъ забудешь еще, да переврешь»...

Аникита Ильичъ молчалъ насупившись. Онъ привыкъ вѣрить своей племянницѣ и никогда ни на единый мигъ не усомнился въ ней за всѣ десять лѣтъ ихъ сожительства. Она сумѣла заставить его вѣрить себѣ.

— Пустое!—вдругъ выговорилъ онъ.—Пускай Дмитрій... Скажи ему... Нѣть, не говори ничего... Слушай, Санна... Я тебя буду про-сить... Поняла. Прощу я тебя... Ты умница. Протяни... Ну, недѣлю протяни... Такъ нужно. Чрезъ недѣлю я его позову, и все... Ну, прямо обрученіе будетъ. Недѣля не велико дѣло.... А тебѣ легче ему эда

кое сказать. А мнѣ торговаться не приличествуетъ. Ужъ если ты въ свахи пошла, то одолжи...

— Изъ-воль-те,—протянула Сусанна, озадаченная. И, не прибавивъ ни слова, она вышла отъ дяди въ раздумъи и въ волненіи.

«Что у него на умѣ? Что такое, новое приключилось? Неужто же и впрямь новая его зазнобушка — Алла? И обѣщаетъ ему наслѣдника? Она не такая, чтобы обмануть. Что же это? Помилуй Богъ!!»

И, вернувшись къ себѣ, Сусанна долго волновалась, недоумѣвая. Въ тотъ же день вечеромъ она по уговору ждала у себя Дмитрія. Ей хотѣлось скорѣе объясниться съ нимъ и научить его, какъ дѣйствовать на дядю, «ковать желѣзо, пока горячо», потому что разговоръ съ Аникитой Ильичемъ все больше смущалъ ее. Чѣмъ болѣе думала она о загадочныхъ словахъ дяди, тѣмъ болѣе убѣждалась, что судьба будто снова смѣется надъ ней.

— Опять сатана замѣшался! Что же это? Конца нѣту!—злобно сказала она Аннѣ Фавстовнѣ, придя послѣ ужина къ себѣ. Ее окончательно сразило то, что за ужиномъ Аникита Ильичъ говорилъ съ Дмитріемъ суровѣ или во всякомъ случаѣ сдержаннѣе, чѣмъ прежде. Вѣроятно, это было послѣдствиемъ разговора съ ней. Выйдя изъ-за стола, Сусанна шепнула Дмитрію быть у нея тотчасъ же.

— Луна!—замѣтилъ онъ кратко.

— Изъ коридора!—отозвалась она и отошла.

Уже одинъ разъ онъ былъ у нея въ комнатахъ вечеромъ, войдя просто въ двери, но такъ какъ онъ не могъ, какъ Анька, прослыть за любезнаго самой Анны Фавстовны, то это было крайне опасно. Если бы кто нибудь изъ людей или изъ дежурной дюжины замѣтилъ его въ ея дверяхъ входящимъ или выходящимъ, то, конечно, это произвело бы переполохъ.

Сусанна разсчитывала только на одно. Комнаты, отведенные Дмитрію, граничили съ Китайской и съ большимъ заломъ, изъ котораго былъ выходъ въ маленькую прихожую и на террасу съ лѣстницей въ садъ, мимо праваго крыла. Въ концѣ ея коридора была такая же терраса съ выходомъ тоже въ садъ, мимо другого крыла, гдѣ жили князь Никаевъ съ семьей и Дарьюшка. Дмитрій могъ прійти чрезъ обѣ террасы и садъ и тѣмъ же путемъ вернуться къ себѣ... Дежурная дюжина не отлучалась изъ передней, дюжинный шагалъ и бродилъ отъ передней до большей гостиной или зачастую дремалъ такъ же, какъ и вся дюжина.

Единственный человѣкъ, на котораго Дмитрій могъ нечаянно наткнуться, былъ Змглодъ. Но этотъ странный человѣкъ настолько измѣнился теперь, что на него всѣ перестали обращать вниманіе, и Сусанна при мысли обѣ немъ подумала:

— Ему не до того!..

XI.

Около одиннадцати часовъ, когда все въ домѣ потухло и затихло, Дмитрій въ туфляхъ смѣло вышелъ изъ своихъ комнатъ въ большой залъ, а затѣмъ на террасу и въ садъ.

Полумѣсяцъ то ярко свѣтилъ, то исчезалъ, ныряя въ быстро идущія клубами желтоватыя плотныя облака. Иногда онъ исчезалъ надолго за большими облакомъ, и становилось почти совершенно темно.

Дмитрій обождалъ въ липовой аллѣ, и когда полумѣсяцъ снова исчезъ, онъ быстро двинулъся, прошелъ по лѣстницѣ и по террасѣ мимо двухъ отворенныхъ оконъ въ квартирѣ князя Никаева и, нѣсколько смущаясь, вошелъ въ коридоръ.

Двери комнатъ Сусанны были уже пріотворены нарочно, и около нихъ дежурила Анна Фавстовна... Когда онъ вошелъ, она юркнула и спряталась.

Пройдя въ гостиную Сусанны, онъ нашелъ ее среди гостиной, выходящей на балконъ, въ легкой бѣлой кофѣ.

— Бѣда это, Сусанна...—выговорилъ онъ.

— Что?.. Свѣтло?.. Да, пожалуй, и бѣда...

— Эдакъ приходитъ—прямо подъ вѣнецъ съ тобой угодимъ!—улыбнулся онъ.—И слава Богу!

И, обнявъ ее, онъ сталъ страстно цѣловать ее въ лицо, въ голову, въ шею...

— Ну, полно... Довольно!..—угрюмо вымолвила она.—Не до того, право. На душѣ кошки скребутъ...

— Отчего?

— И сама не знаю... Думаю, отъ бесѣдъ съ дядюшкою. Садись и слушай...

Она передала ему весь свой разговоръ съ Аникитой Ильичемъ. Дмитрій слушалъ, и лицо его становилось все свѣтлѣе.

— И слава Богу! Слава Богу!—сказалъ онъ наконецъ.—Не захочеть онъ за меня свою Дарьюшку отдать—я не виноватъ. Тогда ты за меня поневолѣ пойдешь...

— Ахъ, глупый... глупый!—сердито отозвалась Сусанна.—Ниществовать! Надолго хватить твоей любви, когда черствый хлѣбъ жевать придется обоимъ.

Дмитрій началъ было, какъ всегда, горячо увѣрять, что за всю свою жизнь не измѣнилъ ей, будетъ вѣчно обожать и боготворить... Санна наконецъ положила ему руку на губы и вымолвила:

— Буде... Буде... Слышала... Вѣрю, что ты будешь меня любить всю жизнь, если будешь мужемъ Дарьюшки и владѣльцемъ Высоксы... А если иначе какъ, то пролюбишь безъ году недѣлю. Слушай лучше, что я тебѣ говорить буду, и исполни старательно. Иначе ты здѣсь, у меня, въ послѣдній!

И она стала обучать его, какъ малаго ребенка, толково, подробно, заставляя иногда повторять свои слова и спрашивая, понимаетъ ли онъ.

Все сводилось къ тому, что онъ долженъ стать гораздо внимательнѣе съ Дарьушкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать видъ, что собирается уѣзжать.

Дмитрій слушалъ разсѣянно и наконецъ вдругъ спросилъ: останется ли онъ у нея часа на два, или долженъ уходить тотчасъ...

— Конечно, уходить!.. — строго выговорила она. — Въ эту пору, если кто и увидитъ тебя, то подумаетъ, что ты еще не ложился и гуляешь въ саду. Гляди, какъ свѣтло... Бѣда...

И Сусанна, показавъ на окно, вдругъ поднялась. Ей что-то померещилось...

Она подошла къ открытымъ дверямъ балкона и оторопѣла... Затѣмъ она шагнула на балконъ и быстро затворила ихъ за собой.

На перилахъ балкона сидѣла верхомъ мужская фигура. Санна, нѣсколько оробѣвъ, выговорила въ полголоса:

— Кто это?

Отвѣта не было.

— Какъ ты посмѣль влѣзть сюда! — тверже произнесла она.

— Что жъ... Помѣшѣшь, — глухо отозвался голосъ, отъ котораго Санна вздрогнула и отступила два шага назадъ, пораженная... Но затѣмъ она въ одинъ мигъ оправилась и выговорила надменно:

— Это что же?.. Ты обезумѣлъ? Совсѣмъ...

Влѣзшій на балконъ былъ Анька Гончій... Если бы Сусанна могла видѣть его лицо, то, конечно, испугалась бы гораздо больше. Но и хриплый, странный голосъ его, произнесшій слова: «что жъ, посмѣшѣшь», уже смущалъ ее больше, чѣмъ самое появленіе Аньки.

— Барышня... Въ послѣдній разъ прошу... — заговорилъ Анька, слѣзая съ перилъ и подходя...

Сусанна отступила вновь, отстраняясь отъ его протянутыхъ рукъ.

— Уходи. Сейчасъ...

— Барышня, Богомъ прошу... Не то грѣхъ... Меня лукавый одолѣваетъ... Я не въ себѣ... Вы приказали Змѣглоду меня похѣрить. Правда ли это? Вы ли?

Сусанна молчала и не знала, что ей дѣлать. Одно мгновеніе ей припала на умъ смѣлая мысль и коварный поступокъ...

И какъ легко было это исполнить!...

Впустить его къ себѣ, удаливъ прежде Дмитрія, и послать за оберъ-рунтомъ. Она знала по рассказамъ, почему жертвы Змѣглода, схваченные имъ по приказу барина, всегда ночью, всегда молчатъ... И всегда все проходитъ тихо, неслышно, для всѣхъ невѣдомо. И здѣсь, у нея, то же все сойдетъ тихо... Но Сусанна чувствовала, что если она способна заманить Аньку въ западню, то не способна, не сумѣеть притвориться и лицедѣйствовать, покуда будутъ Змѣглода разыскивать... Анька все увидитъ, пойметъ, догадается тотчасъ и не дастся въ обманъ.

Между тѣмъ конторщикъ что-то говорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ и будто молилъ...

— Ступай! Уходи!.. — выговорила Сусанна рѣшительнѣе и даже грозно. — Ничего я тебѣ не позволю... Если хочешь вести себя смирно, шуму не затѣвать, я тебя не трону... Если будешь грозиться идти съ доносомъ... Ну, тогда знай... Я дядюшкѣ все сама скажу и представляю въ иномъ видѣ. И онъ мнѣ повѣрить, а не тебѣ... И самъ прикажеть Змѣглоду тебя похѣрить... Вонъ... Убирайся...

Анька молча протянула къ ней руки, но она ударила его по рукамъ и опять отступила...

Онъ подвинулся и быстро обхватилъ ея станъ. Она рванулась отъ него и выскользнула изъ объятій... Онъ схватилъ ее за руки и сталъ снова привлекать къ себѣ... Она изъ всѣхъ силъ противилась. Завязалась безгласная борьба. Сусанна ослабѣвала, но на помощь не звала. Анька на это и разсчитывала. Но онъ ошибался. Не будь Дмитрія въ комнатахъ ея, она бы давно крикнула.

Между тѣмъ Дмитрій все ясно видѣлъ, но не смѣлъ двинуться, чтобы не выдать себя.

Онъ ничего не понималъ. Что за человѣкъ ночью могъ влѣзть и явиться на балконѣ точь въ точь такъ же, какъ когда-то и самъ онъ.

Смущеніе, недоумѣніе, ревность, боязнь, что происходитъ что-то невѣроятное, страхъ за Сусанну, страхъ быть найденнымъ у нея... все помутило разсудокъ молодого человѣка, нерѣшительнаго, почти робкаго отъ природы.

Услыхавъ, наконецъ, легкій крикъ Сусанны и увидя, что незнакомецъ будто ломаетъ ей руки, и она, уже выбиваясь изъ силъ, согбается, будто сломленная, готовая упасть около него на колѣни, онъ не выдержалъ и, отворивъ дверь балкона, быстро вышелъ.

— А-а! И Таракса тутъ! Вотъ что! — раздался бѣшеный крикъ. — Такъ на вотъ тебѣ! Нѣ!..

И пронесся вдругъ второй дикій крикъ, огласившій садъ и весь домъ... Закричала пронзительно и отчаянно Сусанна, опрокидываясь навзничь на руки Дмитрія.

Анька шарахнулся, перемахнулъ чрезъ перила и исчезъ въ темнотѣ...

— Убилъ... Дмитрій... Помогите... — кричала Сусанна, цѣпляясь за него руками.

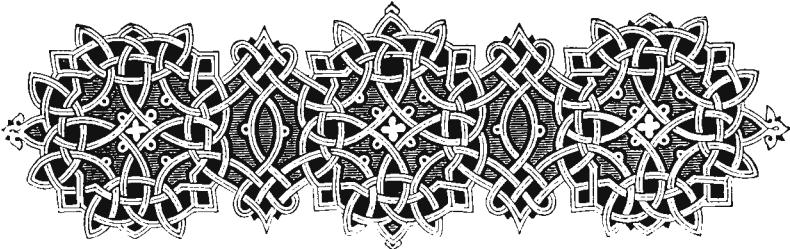
Обхвативъ ее кругомъ стана и удерживая отъ паденія, Дмитрій съ трепетомъ замѣтилъ, что на бѣлой кофтѣ ея выступаютъ большія темныя пятна.

Сусанна обливалась кровью, которая шибко струилась изъ груди и шеи.

— Зарѣзана! — мысленно вскрикнулъ Дмитрій, цѣпенѣя отъ ужаса и отчаянія.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ¹⁾.

(1766—1820).

XI.

Екатерина Великая предъ своей кончиной.—Пріѣздъ въ Петербургъ великаго князя Павла Петровича и его супруги.—Поведеніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Агонія и кончина императрицы.—Характеръ новаго государя.—Эпизодъ съ Турчаниновымъ.—Перенесеніе праха Петра III.—Погребальныя церемоніи.—Перемѣны въ гвардіи.—Погребеніе Екатерины II и Петра III.—

Первый приѣмъ Павла I и императрицы Маріи.—Княгиня Долгорукая.

ХОЧУ помѣстить здѣсь подробности о послѣднихъ дважды императрицы Екатерины II-ой и о событияхъ, произошедшихъ внутри дворца въ первыя минуты послѣ ея смерти. Я ихъ привожу со словъ той особы, которую уже цитировала.

Печаль, которую испытывала императрица вслѣдствіе неудачи ея проектовъ относительно шведскаго короля, вліяла на нее замѣтно для всѣхъ окружающихъ. Она перемѣнила свой образъ жизни, появлялась только по воскресеньямъ у обѣдни и за обѣдомъ и очень рѣдко принимала въ брильянтовой комнатѣ или въ Эрмитажѣ. Она проводила почти всѣ вечера въ спальнѣ, куда допускались только нѣкоторыя лица, которыхъ она удостоивала особенной дружбой. Великій князь Александръ и его супруга, обыкновенно проводивши всѣ вечера съ императрицей, видѣли ее не болѣе раза или двухъ

1) Продолженіе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 33.

въ теченіе недѣли, кромѣ воскресенья. Они часто получали приказъ сидѣть дома; часто она приказывала имъ идти въ городской театръ слушать новую итальянскую оперу.

Въ воскресенье, 2-го ноября 1796 г., императрица Екатерина въ послѣдній разъ появилась публично. Казалось, она вышла для того только, чтобы проститься съ своими подданными. Когда она скончалась, всѣ были поражены, вспоминая впечатлѣніе, которое она произвела въ тотъ день.

Хотя публика собирается обыкновенно каждое воскресеніе въ кавалергардской залѣ, а дворъ—въ дежурной комнатѣ, императрица рѣдко проходила по кавалергардской залѣ: чаще всего она прямо выходила изъ дежурной комнаты, черезъ обѣденную залу въ дворцовую церковь, куда она приглашала также великаго князя, своего сына, или внука, когда великаго князя-отца не было тамъ, и слушала обѣдню съ антресолей внутреннихъ апартаментовъ, одно окно которыхъ выходило въ алтарь церкви. 2 ноября, императрица пошла къ обѣднѣ черезъ кавалергардскую залу. Она была въ траурѣ по королевѣ португальской и выглядела лучше, чѣмъ все послѣднее время. Послѣ обѣдни императрица довольно долго оставалась въ тронной залѣ. Г-жа Лебренъ только что окончила портретъ во весь ростъ великой княгини Елизаветы, который она въ этотъ день представила императрицѣ. Ея величество велѣла помѣстить его въ тронной залѣ; она долго его рассматривала, изучала во всѣхъ подробностяхъ и высказывала о немъ свое мнѣніе въ бесѣдѣ съ лицами, приглашенными въ этотъ день къ ея столу. Затѣмъ состоялся большой обѣдь, какъ это было принято по воскресеньямъ. Среди приглашенныхъ находились великіе князья Александръ и Константинъ, а также и ихъ супруги. Это былъ не только послѣдній день, когда великіе князья съ супругами обѣдали у ея величества, но и послѣдній разъ, когда она ихъ видѣла. Они получили приказъ не являться къ ней вечеромъ. Въ понедѣльникъ 3-го и во вторникъ 4-го числа, великій князь Александръ и великая княгиня Елизавета были въ оперѣ. Въ среду 5-го числа, въ 11 часовъ утра, когда великій князь отправился гулять съ однѣмъ изъ князей Чарторижскихъ, за нимъ, съ величайшей поспѣшностью, прислали отъ графа Салтыкова къ великой княгинѣ Елизавете. Графъ Салтыковъ просилъ ее сообщить ему, не знаетъ ли она, гдѣ находится великій князь. Великая княгиня не знала этого. Немнogo спустя, великій князь явился къ ней крайне взволнованный извѣстіемъ, полученнымъ отъ графа Салтыкова, который посыпалъ отыскивать его во всѣхъ уголкахъ Петербурга: онъ уже зналъ, что императрица почувствовала себя дурно, и что графъ Николай Зубовъ посланъ въ Гатчину. Великий князь Александръ такъ же, какъ и великая княгиня Елизавета, былъ подавленъ этой новостью; оба они провели день въ невыразимой тоскѣ. Въ 5 часовъ вечера великій князь Ал-

ксандръ, съ трудомъ сдерживавшій до тѣхъ поръ первое движеніе сердца, получилъ позволеніе графа Салтыкова пойти въ комнату императрицы. Въ этомъ утѣшенніи ему сперва было отказано безъ всякой видимой причины, но о мотивахъ этого запрещенія легко догадаться, зная характеръ графа Салтыкова. При жизни государыни ходилъ весьма распространенный слухъ о томъ, что ея величество лишилъ своего сына права престолонаслѣдія и провозгласить своимъ наслѣдникомъ великаго князя Александра. Никогда я не была увѣрена въ томъ, чтобы императрица дѣйствительно имѣла эту мысль, но достаточно было однихъ этихъ слуховъ, чтобы графъ Салтыковъ вздумалъ запретить великому князю Александру входъ къ бабушки до приѣзда отца. Въ виду того, что великій князь-отецъ долженъ былъ вскорѣ прїѣхать, великій князь Александръ и великая княгиня Елисавета отправились къ императрицѣ въ 6-мъ часу вечера. Во внутреннихъ аппартаментахъ встрѣчались только дежурные и прислуга съ грустными лицами.

Уборная, находившаяся передъ спальней, была переполнена лицами, предававшимися сдержанному отчаянію. Войдя въ слабо освѣщенную спальню, великій князь и великая княгиня увидали императрицу, лежавшую безъ сознанія на полу, на матрасѣ, огороженномъ ширмами. Въ ногахъ ея стояли г-жа Протасова, камер-фрейлина, и г-жа Алексѣева, одна изъ первыхъ камер-фрау; ихъ рыданія вторили страшному хрипѣнію государыни. Это были единственные звуки, нарушившіе глубокое безмолвіе. Великий князь Александръ и его супруга оставались тамъ недолго. Они были глубоко тронуты. Ихъ высочества прошли черезъ аппартаменты императрицы, и по внушенію своего доброго сердца великій князь отправился къ князю Зубову, жившему рядомъ. Такъ какъ та же галлерей вела къ великому князю Константину, то великая княгиня Елисавета пошла къ своей невѣсткѣ. Имъ нельзя было оставаться долго вмѣстѣ: слѣдовало готовиться къ встрѣчѣ великаго князя-отца. Онъ прїѣхалъ къ семи часамъ и, не зайдя къ себѣ, остановился съ супругой своей въ аппартаментахъ императрицы. Павель видѣлся только съ своими сыновьями: невѣстки его получили приказаніе оставаться у себя. Комната императрицы наполнилась тотчасъ же лицами, преданными великому князю-отцу; то были, по большей части, люди, взятые изъ ничтожества, которымъ ни таланты, ни рожденіе не давали права претендовать на мѣста и на милости, о которыхъ они уже мечтали. Толпа увеличивалась въ приемныхъ все болѣе и болѣе. Гатчинцы (такъ называли лицъ, о которыхъ я только что говорила) бѣгали, толкали придворныхъ, спрашивавшихъ себя съ удивленіемъ, что это за остатки, одни только имѣвшіе право входа во внутренніе покои, тогда какъ прежде ихъ не видывали даже въ приемныхъ.

Великий князь Павель устроился въ кабинетъ, рядомъ со спальней своей матери, такъ что вся, кому онъ отдавалъ приказанія,

проходили, направляясь въ кабинетъ и обратно, мимо еще дышавшей императрицы, какъ будто бы ея уже не существовало. Это крайнее неуважение къ особѣ государыни, это забвение священныхъ чувствъ, возмутительное по отношенію даже къ послѣднему изъ подданныхъ, взволновало всѣхъ и выставило въ дурномъ свѣтѣ великаго князя-отца, который допустилъ это.

Ночь прошла такимъ образомъ. Быть此刻ъ, когда появилась надежда, что врачебные средства произведутъ свое дѣйствие, но скоро эта надежда была потеряна.

Великая княгиня Елисавета провела ночь одѣтой, ожидая съ минуты на минуту, что за ней пришлютъ. Графиня Шувалова приходила и уходила. Каждую минуту доставляемы были свѣдѣнія о состояніи, въ которомъ находилась императрица. Великій князь Александръ не возвращался домой со времени прѣѣзда своего отца. Около трехъ часовъ утра онъ вошелъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ къ великой княгинѣ Елизаветѣ. Они уже облеклись въ форму батальоновъ великаго князя отца, служившихъ въ царствованіе Павла образцомъ, по которому преобразовали всю армію. Иногда ничтожныя обстоятельства имѣютъ болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ другія, болѣе серьезныя. Видѣ этихъ мундировъ, которые не допускались никогда, виѣ предѣловъ Павловска и Гатчины, и которые великая княгиня до сихъ порь видѣла на своемъ супругѣ только тогда, когда онъ надѣвалъ ихъ тайкомъ, — потому что императрица не любила, чтобы внуки ея учились прусскому капральству, — видѣ этихъ мундировъ, надѣ которыхи великая княгиня тысячу разъ насыпалась, уничтожилъ въ эту минуту послѣднюю иллюзію, которую она старалась еще сохранить. Великая книгиня разразилась слезами: это были первыя слезы, которыя она могла наконецъ пролить. Ей казалось, что изъ тихаго, радостнаго, надежнаго убѣжища она была внезапно перенесена въ крѣпость. Появленіе великихъ князей было непродолжительно. Къ утру дамы получили приказаніе надѣть русское платье: это значило, что кончина государыни приближается. Однако весь день прошелъ еще въ ожиданіи. Императрица была въ жестокой и продолжительной агоніи, ни на минуту не приходя въ сознаніе. 6-го числа, въ 11 часовъ вечера, пришли за великой княгиней Елизаветой и ея невѣсткой, бывшей у нея: императрицы Екатерины уже не было въ живыхъ. Великія княгини прошли сквозь толпу, почти не замѣчая окружающаго. Великій князь Александръ встрѣтилъ ихъ и сказалъ, чтобы онъ стали на колѣна, цѣлюя руку новаго императора. У входа въ спальню онъ нашли государя и императрицу Марію. Привѣтствовать ихъ, великіе князья съ супругами должны были пройти черезъ спальню мимо остановъ императрицы, не останавливаясь, и войти въ смежный кабинетъ, гдѣ застали молодыхъ великихъ княженъ въ слезахъ. Въ это время императрица Марія дѣятельно и съ полнымъ присутствиемъ

духа занялась одѣяніемъ почившой императрицы и уборкой ея комнаты. Усопшую положили на постель и одѣли въ домашнее платье. Императорское семейство присутствовало на панихидѣ, которая отслужена была въ самой спальнѣ, и, поцѣловавъ руку почившей, отправилось въ дворцовую церковь, гдѣ императоръ принималъ присягу въ вѣрности. Печальная церемонія окончилась только къ двумъ часамъ утра.

Рѣдко случается, чтобы перемѣна царствованія не возбудила болѣшихъ или меньшихъ перемѣнъ въ участіи частныхъ лицъ, но перемѣны, которыхъ ожидали при восшествіи императора Павла, внушали всѣмъ страхъ, такъ какъ всѣ хорошо знали его характеръ.

Хотя у Павла были всѣ данныя быть великимъ государемъ и однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ людей въ имперіи, но онъ достигъ только того, что возбуждалъ страхъ и заставлялъ всѣхъ себя чуждаться. Въ молодости путешествія, свѣтскія удовольствія, масса мелочей, въ которыхъ онъ находилъ себѣ удовлетвореніе, заставляли его забывать непріятную роль, которую онъ вынужденъ былъ играть, благодаря своему ничтожному политическому значенію, но, съ годами, онъ началъ чувствовать ее сильнѣе. Павелъ обладалъ пылкой душой, умомъ дѣятельнымъ, но его характеръ, отъ природы впечатлительный и вспыльчивый, вслѣдствіе бездѣятельности, мало-по-малу ожесточился, сдѣлался подозрительнымъ, суровымъ и мелочнымъ. Павелъ почти совершенно уединился, проводилъ только три зимніе мѣсяца при дворѣ своей матери, а остальное время находился въ Павловскѣ или въ Гатчинѣ, въ своихъ загородныхъ дворцахъ. Изъ морскихъ батальоновъ, которые находились подъ главнымъ его начальствомъ, какъ генералъ-адмирала, онъ образовалъ себѣ пѣхоту, которую обучалъ по прусскому образцу. Во всѣхъ мѣстахъ, находившихся въ его вѣдѣніи, Павелъ ввелъ не только среди военныхъ, но даже и при своемъ дворѣ, самую суровую дисциплину: опозданіе на одну минуту часто наказывалось арестомъ; большая или меньшая тщательность въ причесѣ мужчинъ часто служила поводомъ къ ихъ изгнанію или къ фавору; къ нему нужно было представляться не иначе, какъ въ костюмѣ временъ Петра III (*de leurs ayeuls*). Тѣ, къ которымъ императрица благоволила, не пользовались расположениемъ великаго князя: вслѣдствіе этого Павла избѣгали, насколько то допускаль его санъ. Тогда, впрочемъ, боялись только вспышекъ и выговоровъ, но, при его восшествіи на престолъ, всѣ, у кого не было особенной причины разсчитывать на его милость, ожидали для себя самого худшаго, потому что онъ часто ко многимъ чувствовалъ отвращеніе безъ всякаго видимаго повода, но выказывалъ это лишь при случаѣ, такъ что такую немилость часто приписывали одному только капрizu. Хотя онъ и выражалъ по отношенію къ своей матери, иногда неосновательно, чувство отчужденія, но когда увидалъ ее распостертую, безъ движенія, то выказалъ глубокую чувствитель-

ность. Однако его несчастный характеръ обнаружился уже черезъ нѣсколько минутъ. Первые должности при дворѣ были замѣщены новыми лицами, точно по мановенію волшебнаго жезла. Все, что въ теченіе 34 лѣтъ дѣлало царствованіе Екатерины II столь славнымъ, рухнуло безвозвратно. Князь Барятинскій, гофмаршалъ двора, былъ сосланъ, какъ одинъ изъ виновниковъ революціи 1762 г. Графъ Алексѣй Орловъ дрожалъ, какъ преступникъ, но опала его ограничи-лась лишь высылкой его спустя нѣкоторое время.

Посреди ссылокъ, всякаго рода метаморфозъ и новыхъ назначеній, состоявшихся въ то время, случались и смѣшные эпизоды. Г. Турчаниновъ былъ секретаремъ императрицы Екатерины, которому она поручила наблюдать надъ зданіями, находившимися въ ея личномъ владѣніи¹⁾. Этотъ человѣкъ, низенькаго роста, былъ такъ гибокъ и низкопоклоненъ, что казался оттого вдвое меныше. Когда императрица Екатерина давала ему приказанія, гуляя въ саду Царскаго Села, Турчаниновъ, желая выразить ей почтеніе, до того сгибался, что ея величество, которая сама была небольшого роста, вынуждена сама была наклоняться для разговора съ нимъ. Говорили, что Турчаниновъ набивалъ себѣ карманы. Я не знаю, правда ли это, но императоръ Павель, при вступленіи на престолъ, выказалъ къ нему нерасположеніе, котораго нельзя было ожидать, такъ какъ у него не было съ нимъ ранѣе никакихъ столкновеній. Государь велѣлъ Турчанинову оставить Петербургъ и никогда не появляться ему на глаза. Турчаниновъ исполнилъ это приказаніе такъ хорошо, что никто не зналъ, когда и какъ онъ выбылъ изъ города. Никто не видалъ его ни у одной заставы, никто не зналъ, куда онъ отправился, и, съ этой минуты, никто въ Петербургѣ не слышалъ о немъ.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павель совершилъ нѣсколько актовъ справедливости и благотворительности. Повидимому, онъ желалъ только счастія своей имперіи: онъ обѣщалъ, что наборъ рекрутовъ будетъ отложенъ на нѣсколько лѣтъ, старался уничтожить злоупотребленія, допущенные въ послѣдніе годы царствованія императрицы. Павель выражалъ чувства возвышенныя и благородныя, но онъ самъ повредилъ себѣ, стараясь бросить тѣнь на добрую память императрицы, своей матери. Первымъ дѣйствіемъ императора было приказаніе совершить заупокойную службу въ Невской лаврѣ у гробницы своего отца, императора Петра III. Павель присутствовалъ на ней со всей своей семьей и всѣмъ дворомъ и пожелалъ, чтобы гробъ былъ открытъ въ его присутствіи. Въ немъ наплы только кости, которымъ императоръ приказалъ воздать поклоненіе. Затѣмъ Павель далъ повелѣніе устроить великолѣпныя похороны и,

¹⁾ Турчаниновъ, Петръ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, управлялъ конторою строеній послѣ И. И. Бецкаго, находясь при собственныхъ ея величества дѣлахъ, р. 1737, ум. 18...

среди всевозможныхъ церемоній, религіозныхъ и военныхъ, велѣль перенести гробъ во дворецъ, а самъ пѣшкомъ слѣдовалъ за нимъ и заставилъ графа Алексѣя Орлова сопровождать его, возложивъ на него обязанности при этой церемоніи. Все это произошло въ теченіе трехъ недѣль послѣ кончины императрицы.

За двѣ недѣли до этого поступка, взволновавшаго всѣхъ, я назначена была на дежурство къ тѣлу моей государыни. Его должны были перенести въ тронную залу. Я вошла въ залу, находившуюся рядомъ съ дежурной комнатой. Мнѣ было бы невозможно выразить разнообразіе моихъ ощущеній и горе, поразившее мою душу. Я искала глазами нѣсколько лицъ, на выраженіи которыхъ сердце мое могло бы отдохнуть. Императрица Марія ходила взадъ и впередъ, отдавала приказанія и распоряжалась церемоніей.

Смерть имѣетъ нѣчто торжественное: это поражающая истина, которая должна бы погасить страсти; ея острыя коса подкашиваетъ насъ; однихъ подкосила она вчера, другихъ подкосить сегодня или завтра. Это завтра иногда такъ отдаленно, а иногда такъ неожиданно!

Я пришла въ тронную залу и сѣла у стѣны, противъ трона. Въ трехъ шагахъ отъ меня находился каминъ, о который оперся камер-лакей Екатерины II; его горе и отчаяніе вызвали мои слезы: онѣ облегчили меня.

Все было обтянуто чернымъ: потолокъ, стѣны, полъ. Блестящій огонь въ каминѣ одинъ лишь освѣщалъ эту комнату скорби. Кавалергарды, съ ихъ красными колетами и серебряными касками, размѣстились группами, опираясь на свои ружья или отдыхая на стульяхъ. Тяжелое молчаніе царило повсюду, его нарушали лишь рыданія и вздохи. Нѣкоторое время я стояла у дверей. Подобное зрѣлище гармонировало съ моимъ душевнымъ настроениемъ. Въ горѣ контрасты ужасны: они растравляютъ нашу скорбь, дѣлаютъ ее болѣе острой. Его горечь смягчается лишь тогда, когда встрѣчаешь что либо похожее на муку, которую самъ испытываешь. Минуту спустя, обѣ половинки двери открылись: появились всѣ придворные чины въ самомъ глубокомъ траурѣ, медленно проходили черезъ залу и приблизились къ тѣлу почившей императрицы, которая положена была въ спальнѣ. Раздавшееся погребальное пѣніе вывело меня изъ задумчиваго состоянія, въ которое я была погружена при этомъ зрѣлищѣ смерти. Увидала я духовенство, свѣтильники, хоръ и императорскую фамилію, сопровождавшую тѣло государыни: его несли на великолѣпныхъ носилкахъ, прикрытыхъ императорской мантіей, концы которой поддерживали первые чины двора. Едва увидала я свою царицу, какъ сильная дрожь овладѣла мной, выступили на глазахъ слезы, и рыданія мои перешли въ невольные крики. Императорская фамилія стала впереди, меня и въ это время, несмотря на торжественность минуты, г. Аракчеевъ, приближенное лицо, взятое императоромъ изъ ничтожества и сдѣлавшееся выразителемъ его ме-

лочной строгости, сильно толкнуль меня, сказавъ, чтобъ я замолчала. Горе мое было слишкомъ велико, чтобы какое либо постороннее чувство могло овладѣть мною: этотъ поступокъ, по меньшей мѣрѣ не-вѣжливый, не сдѣлалъ на меня никакого впечатлѣнія. Господь въ своемъ милосердіи ниспослалъ мнѣ минуту кротости, глаза мои встрѣтились съ глазами великой княгини Елисаветы: въ ихъ выраженіи напла я утѣшненіе для своей души. Ея высочество тихо подошла ко мнѣ, за спиной протянула мяѣ руку и пожала мою. Началась служба. Молитвы укрѣпили во мнѣ твердость духа, смягчивъ мое сердце. По окончаніи церемоніи вся императорская фамилія подходила поочередно къ усопшѣй, дѣлала земной поклонъ и цѣловала ея руку. Затѣмъ все удалились. Священникъ сталъ противъ трона для чтенія Евангелия. Шесть кавалергардовъ были поставлены вокругъ. Я вернулась домой, проведя двадцать четыре часа на дежурствѣ, утомленная тѣломъ и духомъ.

Нѣсколькихъ дней достаточно было дать почувствовать всю глубину совершившейся перемѣны: справедливая свобода каждого была скована терроромъ. Болѣе строгій этикетъ и лицемѣрные знакиуваженія не дозволяли даже вздохнуть свободно: при встрѣчѣ съ императоромъ на улицѣ (что случалось ежедневно) надо было не только останавливаться, но и выходить изъ кареты въ какую бы то ни было погоду; на все, не исключая даже и шляпъ, наложенъ былъ родъ регламентациі. Изъ 4 гвардейскихъ полковъ, не имѣвшихъ со времени Петра другого полковника, кроме своего государя, два пѣхотныхъ полка были поручены великимъ князьямъ Александру и Константину, которые были именованы ихъ полковниками; конногвардейцы считались полкомъ великаго князя Николая, находившагося еще въ колыбели; императоръ сохранилъ за собою одинъ только Преображенскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ. Съ этой минуты великие князья должны были исполнять обязанность каправловъ. Надо было реорганизовать полки по образцу гатчинскихъ батальоновъ, которые вошли въ ихъ составъ, и трудъ этотъ былъ не маловажный. По обыкновенію, молодые люди аристократическихъ семействъ начинали свою карьеру въ гвардіи, потому что служба эта была номинальной; они даже рѣдко носили военный мундиръ, а между тѣмъ подвигались въ чинахъ, предаваясь развлеченіямъ петербургской жизни. Но съ восшествіемъ на престолъ Павла служба эта сдѣлалась дѣйствительной и даже очень строгой: дѣло оканчивалось ссылкой или крѣпостью, если не умѣли носить эспантона, не были по формѣ одѣты и причесаны. Можно представить себѣ, какъ много надо было приложить труда, чтобы переформировать по новому цѣлый полкъ! Съ этой утомительной обязанностію князь Александръ соединялъ еще должность военнаго губернатора Петербурга, такъ что въ первое время у него едва было нѣсколько часовъ для отдыха, и то ночью, потому что, кромѣ того, въ теченіе дня часто приходилось

удѣлять время на представительство. Императоръ послалъ фельдмаршалу Суворову приказъ обмундировать всю армію по-новому; Суворовъ повиновался, доложивъ тѣмъ не менѣе, что букли не пушки, а коса не тесакъ. Въ этомъ смѣшніи строгостей, мелочей и требованій у императора встрѣчались высокія и рыцарскія понятія. Въ Павлѣ были два совершенно различныя существа. Голова его представляла лабиринтъ, въ которомъ разсудокъ запутывался. Душа его была прекрасна и исполнена добродѣтелей, и, когда онѣ брали верхъ, дѣла его были достойны почтенія и восхищенія. Надо отдать ему справедливость: Павелъ былъ единственный государь, искренно желавшій възстановить престолы, потрясенные революціей; онъ одинъ также полагалъ, что законность должна быть основаніемъ порядка.

Недѣлю спустя послѣ только что упомянутаго дежурства у гроба въ тронной залѣ, я была снова назначена на дежурство въ большой залѣ, въ которой обыкновенно даются балы. Посреди ея въдвигнутъ былъ катафалкъ. Онъ имѣлъ форму ротонды съ приподнятымъ куполомъ. Императрица лежала въ открытомъ гробѣ съ золотой короной на головѣ. Императорская мантія покрывала ее до шеи. Вокругъ горѣло шесть большихъ паникадиль; у гроба священникъ читалъ Евангелие. За колоннами, на ступеняхъ, стояли кавалергарды, печально оперпясь на свое оружіе. Зрѣлище было прекрасно, религіозно, внушительно. Но гробъ съ останками Петра III, поставленный рядомъ, возмущалъ душу. Это оскорблѣніе, которое даже и могила не могла устранить, это святотатство сына относительно матери дѣлало горе раздирающимъ. Къ счастію для меня, я дежурила съ госпожей Толстой, сердца наши были настроены на одинъ ладъ, и мы пили до дна изъ одной и той же чаши горести. Другія дамы, бывшія на дежурствѣ съ нами, смѣнялись каждые два часа, а мы просили позволенія не отлучаться отъ тѣла, и это было намъ разрѣшено безъ затрудненій. Темнота еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое этимъ зрѣлищемъ, смыслъ котораго проявлялся во всей своей очевидности. Крышка отъ гроба императрицы лежала на столѣ у стѣны, параллельно катафалку. Графиня Толстая такъ же, какъ и я, была въ самомъ глубокомъ траурѣ. Наши креповые вуали ниспадали до земли. Мы облокотились на крышку этого послѣдняго жилища, къ которой я невольно прижималась: я ощущала желаніе смерти, какъ будто бы это была потребность любви. Божественные слова Евангелия проникали мнѣ въ душу. Все вокругъ меня казалось ничтожествомъ. Въ душѣ моей былъ Богъ, а передъ глазами—смерть. Долгое время я оставалась почти въ безсознательномъ состояніи, закрывъ лицо руками. Поднявъ голову, я увидѣла графиню Толстую, ярко освѣщенную луной透过 окна второго этажа. Этотъ свѣтъ, тихій и спокойный, составлялъ дивный контрастъ съ источникомъ свѣта, сосредоточеннымъ среди печальной обстановки, составлявшей какъ бы подобіе храма. Вся остальная часть этой роскошной гал-

лереи была въ тѣни и въ потьмахъ. Въ восемь или въ девять часовъ вечера, императорское семейство приблизилось къ гробу медленными шагами, поклонилось въ землю передъ гробомъ усопшей и удалилось въ томъ же порядкѣ и въ самомъ глубокомъ молчанії. Часъ или два спустя, пришли горничныя покойной императрицы. Онѣ цѣловали ея руку и едва могли отъ нея оторваться. Крики, рыданія, обмороки прерывали временами торжественное спокойствіе, царствовавшее въ залѣ: всѣ приближенныя къ императрицѣ лица боготворили ее. Трогательная молитвы признательности возносились за нее къ небесамъ. Когда стало разсвѣтать, я была тѣмъ опечалена. Съ горестью видѣла я приближеніе конца моего дежурства. Съ труdemъ отрываемся мы отъ останковъ тѣхъ, кто былъ для настъ дорогъ.

Тѣло императрицы и гробъ Петра III были перенесены въ крѣпость. Послѣ заупокойной обѣдни они были погребены въ усыпальницѣ своихъ предковъ.

Тотчасъ по окончаніи погребального обряда, всѣ придворные чины получили приказаніе явиться ко двору. Всѣ собрались въ траурной залѣ кавалергардовъ. Трепетавши муччины и дамы (*trembleurs et trembleuses*) рѣшили, что слѣдуетъ цѣловать руку императора, склоняясь до земли; это показалось мнѣ весьма страннымъ. Когда императоръ и императрица вошли, начались такія присѣданія, что императоръ не успѣвалъ поднимать этотъ новый родъ карточныхъ капуциновъ. Я была этимъ возмущена и, когда пришла моя очередь, поклонилась, какъ кланялась обыкновенно, и только сдѣлала видъ, будто взяла руку его величества, которую онъ поспѣшно отдернулъ. Въ быстротѣ этого движенія поцѣлуй его на моей щекѣ проозвучалъ такъ громко, что императоръ разсмѣялся; онъ меня сильно покололь бородой, которой, вѣроятно, не брить въ тотъ день. Я была слишкомъ огорчена и не замѣтила смѣшной стороны этой сцены. Пожилыя дамы побрали меня, зачѣмъ я не подражала ихъ низкопоклонству. Я сказала имъ: «Никто не уважалъ Екатерины II такъ глубоко, какъ я: если я даже передъ ней не работала, то не могла и не должна была этого дѣлать передъ ея сыномъ». Не знаю, почувствовали ли онѣ, насколько слова мои были справедливы, но дѣло въ томъ, что вскорѣ затѣмъ присѣданія до земли были отмѣнены.

Вскорѣ по восшествіи императора Павла на престолъ мужъ мой просилъ у императора разрѣшенія путешествовать, но его величество отказалъ ему въ этомъ самымъ любезнымъ образомъ, поручивъ ему сказать, что государь желалъ бы сохранить при своемъ сыну такихъ честныхъ людей, какъ онъ. Его величество назначилъ моего мужа гофмейстеромъ при дворѣ великаго князя Александра, а графъ Толстой былъ произведенъ въ гофмаршалы. Я отправилась благодарить императора въ день куртага (во Франціи день этотъ назывался когда-то *appartement*). Придворные и городскіе чины уже были собраны въ георгіевскомъ залѣ. По прибытии своемъ, ихъ

императорскія величества, проходя по одной изъ залъ, бывшихъ на ихъ пути, застали тамъ всѣхъ желавшихъ принести имъ свою благодарность. Старая графиня Матюшкина, оберъ-гофмейстерина и статсъ-дама¹⁾, должна была представлять и называть дамъ по фамиліи. По ошибкѣ она назвала меня т-те Козицкой. Я остановилась и сказала ей: «Вы ошибаетесь, графиня, я графиня Головина». Это случилось какъ разъ передъ императоромъ, и строгій видъ его пропалъ. Когда мы присоединились къ обществу, императрица подошла ко мнѣ и сказала: «Хотя васъ сейчасъ неправильно назвали, madame, я васъ тотчасъ узнала».—«Я всегда буду счастлива,—отвѣтала я,—когда вашему величеству угодно будетъ узнавать меня». Императрица повернулась ко мнѣ спиной и ушла. Г-жа Гурьева²⁾, стоявшая около меня, сказала: «Боже мой, какъ это вы рѣшаетесь такъ отвѣтить, дорогая моя?»—«Потому что я не такъ боюсь, какъ вы».

На этомъ же самомъ куртагѣ я услыхала очень замѣчательный отвѣтъ императора. Княгиня Долгорукая³⁾ еще ранѣе просила о помилованіи своего отца, князя Барятинскаго, но его величество отказалъ ей въ томъ. Она попросила г-жу Нелидову⁴⁾ принять въ ней участіе. Mlle Нелидова обѣщала ей свою протекцію. Я стояла позади ихъ обѣихъ, когда княгиня возобновила свои убѣдительныя просьбы, чтобы г-жа Нелидова походатайствовала за нее у императора. Его величество подошелъ къ mlle Нелидовой, которая заговорила ему о княгинѣ Долгорукой, какъ о дочери, страдающей отъ несчастія своего отца. Императоръ отвѣталъ: «Я также имѣлъ отца, сударыня».

¹⁾ Графиня Анна Алексѣевна, пожалованная въ статсъ-дамы въ 1762 году, 22 сентября, въ день коронования императрицы Екатерины II и черезъ пять дней по восшествіи Павла на престолъ—въ оберъ-гофмейстерины, р. 1722 г., ум. 1804 г. Отъ супружества съ т. с. гр. Дм. Михайл. Матюшкинымъ имѣла дочь Софию (ум. 1796), въ замужествѣ за гр. Юр. Мих. Вельгorskимъ.

²⁾ Прасковья Николаевна Гурьева, урожд. Салтыкова (ум. 1830 г.), въ замужествѣ за Дмитріемъ Александровичемъ Гурьевымъ, получившимъ впослѣдствіи графскій титулъ и бывшимъ министромъ финансовъ при Александрѣ I.

³⁾ Кн. Екатерина Феодоровна, дочь Феодора Сергеевича Барятинскаго, пособника при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины, находившагося въ Ропишѣ во время кончины Петра III.

⁴⁾ Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839), фрейлина, другъ императора Павла.

XII.

Образъ жизни великаго князя Александра.—Лица, приближенныя ко двору императора Павла.—Г-жа Нелидова.—Привязанность къ ней императора.—Сближеніе съ ней императрицы Марии Феодоровны.—Значеніе Нелидовой при дворѣ.—Положеніе великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Король польскій Станиславъ.—Путешествіе двора въ Москву.—Приготовленіе къ коронаціи.—Чувства великой княгини Елисаветы.

Я болѣе не видала великой княгини Елисаветы. Мои пожеланія, моя сильная привязанность къ ней,—все осталось неизмѣннымъ; но великій князь Александръ воспользовался нерасположеніемъ императрицы-матери ко мнѣ, чтобы отнять у меня всякую возможность видѣть великую княгиню и быть съ нею въ сношеніяхъ. Это было бы трудно для меня даже и при большемъ желаніи: сверхъ безчисленныхъ занятій, которыми великій князь былъ осажденъ, всѣ привычки его и великой княгини совершенно измѣнились впродолженіе этой первой зимы. Не было установленного порядка: день проводили насторожѣ и въ ожиданіи. Еще до разсвѣта великій князь былъ въ пріемной императора, и часто случалось, что ранѣе онъ пробылъ уже часъ въ казармахъ своего полка. Парадъ и учевіе занимали все утро. Онъ даже обѣдалъ одинъ съ великой княгиней, лишь иногда съ однимъ или двумя посторонними лицами. Послѣ обѣда слѣдовали вновь или посѣщенія казармъ, или осмотръ карауловъ, или исполненіе приказаній государя. Въ семь часовъ надо было отправляться въ пріемную его величества и дожидаться его тамъ, хотя онъ появлялся иногда только къ девяти часамъ, къ самому ужину. Послѣ ужина великій князь Александръ отправлялся представлять свой военный рапортъ императору. Въ ожиданіи его возвращенія великая княгиня Елизавета присутствовала при ночномъ туалетѣ императрицы, которая удерживала ее у себя, пока великій князь Александръ, выходя отъ императора, приходилъ къ матери пожелать ей покойной ночи и отвести великую княгиню къ себѣ. Измученный дневными занятіями, онъ былъ очень радъ возможности прилечь, и часто случалось, что великая княгиня оставалась одна печально сравнивать тихую свободу, простоту и увеселенія прошлаго царствованія съ стѣснительными порядками настоящаго.

Кромѣ императорскаго семейства, общество, наполнившее дворъ ежедневно, состояло изъ нѣсколькихъ придворныхъ и лицъ, бывшихъ приближенными къ императору, въ бытность еще великимъ кня-

земъ, а именно гг. Плещеева¹⁾, Кушелева²⁾, Донаурова³⁾). Императоръ вызывалъ также изъ Москвы г. Измайлова, одного остававшагося изъ всѣхъ приближенныхъ къ Петру III⁴⁾). Государь произвелъ его въ генераль-адъютанты и пожаловалъ ему большія отличія. Дамы были слѣдующія: г-жа Протасова, сохранившая свое положеніе при дворѣ, г-жа Нелидова, г-жа Бенкендорфъ, вновь приглашенная въ Петербургъ со временемъ примиренія, происшедшаго между императрицей и г-жей Нелидовой, а также гофмейстерины великихъ княгинь и дежурныхъ фрейлины. При дворѣ ежедневно бывали также два иностранца: графъ Дитрихштейнъ, командированный вѣнскимъ дворомъ для поздравленія его величества съ восшествіемъ на престолъ, и г. Клингспоръ, явившійся съ тѣмъ же порученіемъ отъ шведского двора. Часто ужинъ внезапно прерывались извѣстіемъ о пожарѣ. Въ началѣ своего царствованія императоръ Павель, въ какомъ бы часу дня или ночи это ни было, никогда не пропускалъ случая присутствовать на всѣхъ городскихъ пожарахъ. Сыновья его и всѣ, носившіе мундиръ, слѣдовали за нимъ, а дамы съ остальнымъ обществомъ оканчивали ужинъ.

Императоръ строго придерживался этикета. Глубокій трауръ не допускалъ ни баловъ, ни спектаклей, никакихъ удовольствій, кроме малыхъ собраній, официальныхъ приемовъ, небольшихъ игръ и ужиновъ. Дворъ часто ѳздавалъ въ Смольный монастырь, сдѣлавшійся очень интереснымъ мѣстомъ, благодаря обстоятельствамъ, о которыхъ я упомяну далѣе. Это учрежденіе основано было императрицей Елизаветой, дочерью Петра I: говорятъ, будто она имѣла намѣреніе окончить дни свои въ этомъ монастырѣ. Императрица Екатерина образовала изъ него воспитательное общество для благородныхъ девицъ и много имъ занималась въ первые годы своего царствованія, но впослѣдствіи она менѣе обращала на него вниманія; императоръ Павель, по восшествіи своемъ на престолъ, поручилъ управление имъ своей супругѣ. Тамъ, съ первыхъ дней этого царствованія, состоялось замѣчательное примиреніе двухъ достопамятныхъ лицъ. Императрица Марія, будучи великой княгиней, имѣла въ своей свитѣ фрейлину, м-ле Нелидову. M-ле Нелидова была маленькаго роста, не красива, съ темнымъ цвѣтомъ лица, съ маленькими, узенькими гла-

¹⁾ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, другъ императора Павла и императрицы Маріи, вице-адмиралъ и почетный опекунъ, род. 1751, ум. 1802 г.

²⁾ Григорій Григорьевичъ, впослѣдствіи графъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, род. 1754, ум. 1833 г.

³⁾ Михаилъ Ивановичъ Донауровъ, секретарь и библиотекарь при Павлѣ, управлялъ его кабинетомъ, впослѣдствіи сенаторъ, дѣствит. тайный совѣтн., род. 1754, ум. 1817 г.

⁴⁾ Измайлова, Петръ Ивановичъ, приверженецъ Петра III, при воцареніи Екатерины, уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ полковника, 19 ноября 1796 года. Павель пожаловалъ его дѣйств. тайн. совѣтн., ум. 1807 г.

зами, съ широкимъ ртомъ и съ длинной талией на короткихъ ножкахъ; все это, вмѣстѣ взятое, не представляло очень привлекательной внѣшности, но у нея было много ума и способностей, между прочимъ, большой сценическій талантъ. Великій князь Павелъ, долго смыавшійся надъ ней, влюбился въ нее, увидавъ ее въ роли Зины въ «Сумасшествіи отъ любви». Это было въ то время, когда онъ еще любилъ свѣтъ, и у него часто бывали любительскіе спектакли.

Но надо изложить предшествовавшія обстоятельства, чтобы объяснить источникъ этой интриги. Это было въ 1783 или въ 1784 г. Великій князь Павелъ особенно благосклонно относился къ камергеру, князю Голицыну¹⁾, человѣку очень ловкому, который сдружился съ м-ше Нелидовой и старался убѣдить великаго князя, что пора ему свергнуть иго своей супруги, прибавивъ, что онъ съ группою видѣть, какъ имъ управляетъ великая княгиня Марія и другъ ея, г-жа Бенкendorfъ. При этомъ онъ умышленно преувеличилъ ихъ маленькия интриги. Великій князь поддался обману, и г-жа Нелидова сдѣлалась предметомъ его особеннаго вниманія. Чувство это вскорѣ превратилось въ страсть. Великая княгиня Марія сильно тѣмъ огорчила. Она нисколько не скрывала своей ревности и сильно противилась супругу во всемъ, что касалось г-жи Нелидовы, которая была къ ней не особенно почтительна. Великая княгиня рѣшилась жаловаться императрицѣ, которая уговаривала сына, но напрасно, и наконецъ пригрозила ему удалить г-жу Нелидову. Князь Голицынъ опять воспользовался этой угрозой, чтобы возстановить великаго князя противъ его матери. Павелъ уѣхалъ въ свой гатчинскій дворецъ и кончилъ тѣмъ, что остался въ немъ всю зиму, прїѣзжая въ городъ только на самые важные праздники. Своимъ непріязненнымъ для м-ше Нелидовой образомъ дѣйствій великая княгиня ничего не выиграла, а, напротивъ, всѣ преданные ей люди были удалены отъ двора. Госпожа Бенкendorfъ была также удалена потому, что великій князь справедливо предполагалъ, что великая княгиня слѣдовала совѣтамъ своихъ друзей, а, будучи изолирована, скорѣе уступить его желаніямъ. Онъ не ошибся въ этомъ, и великая княгиня, лишенная поддержки, подчинилась всѣмъ самымъ унизительнымъ для себя обстоятельствамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ произошла легкаяссора между великимъ княземъ и г-жей Нелидовой. Причиной тому была ревность: когда великій князь слегка заинтересовался, повидимому, другой фрейлиной своей супруги, г-жа Нелидова оставила дворъ и поселилась въ Смольномъ, въ которомъ она получила воспитаніе.

Въ такомъ положеніи было дѣло при восшествіи императора на престолъ. Въ первый визитъ свой въ Смольный императоръ при-

¹⁾ Ки. Николай Алексѣевичъ Голицынъ, впослѣдствіи тайный сов., сенаторъ, родился 1751 г., 1809.

мирился съ Нелидовой и велъ себя такъ хорошо, что сама императрица вынуждена была смотрѣть на нее, какъ на лучшаго своего друга, и, сообразно съ этимъ, относиться къ ней. Съ этого момента единеніе самое полное видимо установилось между императрицей и г-жей Нелидовой. Этимъ союзомъ съ новою своею подругой императрица укрѣпила свое вліяніе, и обѣ онѣ вмѣшивались во всѣ дѣла и во всѣ назначенія и въ особенности поддерживали другъ друга. Единеніе это было бы для всѣхъ удивительнымъ, если бы вскорѣ не стало яснымъ, что оно основывалось на личномъ интересѣ: безъ г-жи Нелидовой императрица не могла разсчитывать имѣть какое либо вліяніе на своего супруга, какъ это и было потомъ доказано; точно также и Нелидова, безъ императрицы, въ стремлениі своемъ вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворѣ той роли, которую она пользовалась, и нуждалась поэтому въ расположеніи императрицы, бывшемъ какъ бы защитой для ея репутаціи. Посѣщенія Смольного дворомъ сдѣливались весьма часты. Императрица была чрезвычайно рада видѣть дворъ въ учрежденіи, которымъ она управляла, а г-жѣ Нелидовой пріятно было доказать публикѣ, что именно ея присутствіе влекло туда императора, и что онѣ охотно являлся туда потому, что г-жа Нелидова въ особенности любила это мѣсто. Вслѣдствіе всего этого, всѣ три заинтересованныя лица находили свои вечернія собранія прелестными, проводя ихъ часто исключительно въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Но остальная часть двора присутствовала тамъ лишь потому, что императоръ пріѣзжалъ всегда въ Смольный не иначе, какъ съ большою свитою. Великіе князья и великія княгини проводили тамъ время смертельно скучно. Иногда молодыя воспитанницы давали концерты, иногда онѣ танцевали, но часто время проходило въполномъ ничего-недѣланіи.

Можно представить себѣ, какъ тяжело отозвались на великой княгинѣ Елизавѣтѣ новыя условія жизни. Къ тому же она иногда подвергалась обращенію и вспышкамъ, которыхъ до того никогда и во снѣ не видала. Я приведу только два примѣра. Извѣстно, что одинъ изъ самыхъ важныхъ проступковъ въ глазахъ императора было опозданіе. Однажды вечеромъ, когда была назначена поѣздка въ Смольный, обѣ великія княгини, одѣтые и совершенно готовыя сѣсть немедленно въ карету, дождались въ комнатахъ великой княгини Елизаветы, когда за ними придуть. Онѣ послѣшили отправиться къ императору, какъ скоро получили отъ него приглашеніе. Какъ только государь вошелъ, онѣ взглянули на нихъ пристально и гнѣвно и сказали императрицѣ, указывая на великихъ княгинь: «Вотъ поступки, которые не полагаются; это привычки прошлаго царствованія, но онѣ не изъ лучшихъ. Снимите, mesdames, ваши шубы и надѣвайте ихъ не иначе, какъ въ передней». Это было сказано сухимъ и обиднымъ тономъ, свойственнымъ императору, когда

онъ бывалъ не въ духѣ. Второй примѣръ въ томъ же родѣ случился въ Москвѣ, въ самый день коронаціи. Всѣ были въ полномъ парадѣ: въ первый разъ появились придворныя платья (замѣнившія національный костюмъ, принятый при Екатеринѣ II). Для пополненія своего костюма великая княгиня Елизавета артистически перемѣшала прелестныя свѣжія розы съ бриллиантовымъ букетомъ, приколотымъ у нея сбоку. Когда она вошла къ императрицѣ, до начала церемоніи, государыня окинула ее взглядомъ съ головы до ногъ и, не сказавъ ей ни слова, грубо сорвала свѣжія розы изъ ея букета и бросила ихъ на землю: «это не годится при парадныхъ туалетахъ», сказала она; «cela ne convient pas», было обычною фразой, когда ей что не нравилось.

Великая княгиня стояла пораженной и была болѣе удивлена дѣйствительно не совсѣмъ приличными манерами, особенно въ данную минуту (въ моментъ помазанія и причастія), чѣмъ опечалена неудачей своего букета. Контрастъ обращенія постоянно спокойнаго, полнаго достоинства и величія прошлаго царствованія съ волненiemъ въ бездѣлицахъ и часто рѣзкимъ обращеніемъ, которое она имѣла теперь передъ глазами, поражалъ великую княгиню въ высшей степени. Чувство долга можно уподобить религіозному чувству вѣры, которое руководить напимъ поведеніемъ: это узда, которая сдерживаетъ вспыльчивость, горячность нашихъ дѣйствій и желаній и устанавливаетъ въ нихъ порядокъ; но обязанность, продиктованная, предписанная духомъ власти и высокомѣрія, должна непремѣнно уничтожить чувство. Благородная душа великой княгини Елизаветы, ея ясный умъ, возмущались подобными поступками: существованіе ея было продолжительнымъ и тяжелымъ сномъ, который она должна была бояться признать за дѣйствительность. Ежеминутно чувствовала она нравственную боль и обиду, а потому и гордость ея увеличилась. Она все болѣе и болѣе удалялась отъ установленного порядка, который ей вовсе не нравился. Ея высочество исполняла всѣ обязанности своего сана, но зато она создала себѣ внутреннее удовлетвореніе, въ которомъ воображеніе имѣло болѣе власти, чѣмъ разсудокъ. Она удалялась въ этотъ міръ и отдыхала въ немъ отъ скучи и непріятностей, которыхъ испытывала въ дѣйствительномъ мірѣ. Этотъ неутѣшительный исходъ повлекъ за собою печальнаяя и продолжительная послѣдствія.

Возвратимся къ приготовленіямъ къ коронаціи и къ нѣсколькимъ предшествовавшимъ ей событиямъ. Когда императрица пріобрѣла опять нѣкоторую власть надъ своимъ супругомъ со времени своего примиренія съ г-жею Нелидовой, оба князя Куракины получили назначеніе: старшій ¹⁾ вице-канцлера, а младшій генераль-прокурора.

¹⁾ Кн. Александръ Борисовичъ, другъ императора Павла и императрицы Марии, р. 1752, † 1818, былъ потомъ посломъ въ Парижѣ, д. т. с.

Князь Безбородко остался первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Несмотря на всѣ тяжелыя чувства императора относительно Шанина ¹⁾, онъ назначилъ его однимъ изъ первыхъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Г. Нелединскій ²⁾, двоюродный братъ князя Куракина, былъ приближенъ по особенной протекціи императрицы, которая достигла такимъ образомъ того, что окружила императора исключительно только своими приверженцами. Возлѣ особы государя, по его личному выбору, былъ одинъ только графъ Ростопчинъ, котораго онъ пожаловалъ генералъ-адъютантомъ и которому ввѣрилъ управление военной части.

Февраль 1797 г. былъ ознаменованъ пріѣздомъ польского короля ³⁾. Одно изъ первыхъ дѣйствій императора Павла по восществіи на престолъ было возвращеніе свободы всѣмъ заключеннымъ полякамъ, находившимся въ Петербургѣ послѣ послѣдняго раздѣла Польши. Несчастный Понятовскій, когда-то король Польши, находившійся въ Гродно на положеніи плѣнника, былъ приглашенъ императоромъ въ Петербургъ и отлично принялъ. Его пригласили слѣдовать за двоюромъ въ Москву присутствовать на коронаціи. Дворъ выѣхалъ первого марта, остановился въ Павловскѣ въ продолженіе двѣнадцати дней, а оттуда свита ихъ величества отправилась по отдѣленіямъ черезъ сутки одно послѣ другаго. Послѣ пятидневнаго путешествія каждое отдѣленіе являлось послѣдовательно одно за другимъ въ Петровскій дворецъ, расположенный у Московскихъ воротъ. Этотъ замокъ выстроенъ былъ императрицею Екатериною для временныхъ остановокъ, потому что обычай предписывалъ государямъ торжественный вѣзѣдъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ Москву. Петровскій замокъ былъ отстроенъ въ то время, когда императрица Екатерина предпочитала готическую архитектуру всякой другой, но архитектура Петровскаго придавала этому дворцу видъ безформенной массы. Онъ былъ мраченъ и въ дурномъ мѣстоположеніи: съ одной стороны онъ примыкалъ къ запущенному парку, а съ другой—фасадъ его выходилъ на большую дорогу, пересѣкавшую довольно безплодную равнину. Хотя городъ былъ только на разстояніи всего четверти часа пути, но изъ дворца его вовсе не было видно. За исключеніемъ ихъ величествъ всѣ были дурно размѣщены и отчасти въ дурномъ расположеніи духа. Несмотря на то, слѣдовало являться къ двору ежедневно, и московская публика пріѣзжала въ Петровскій дворецъ представляться императору. Тамъ императрица получила из-

¹⁾ Графъ Никита Петровичъ, сынъ генералъ-аншефа Петра Ивановича, былъ затѣмъ посломъ въ Берлинѣ и вице-канцлеромъ. Въ началѣ царствованія Александра уволенъ былъ отъ службы, а затѣмъ былъ ему воспрещенъ вѣзѣдъ въ столицы, † 1837 г.

²⁾ Юрій Александровичъ, статсь-секретарь императора Павла, при Александрѣ почетный опекунъ, т. с., писатель, р. 1752, † 1829.

³⁾ Станиславъ-Августъ, бывшій король польскій.

вѣстie о смерти т-ре Бенкendorфъ, своего лучшаго друга; она оплакивала ее въ продолженіе сутокъ и появилась въ обществѣ лишь на другой день. Императоръ часто ъездилъ въ Москву. Потѣзки его совершились будто инкогнито, но весь дворъ его сопровождалъ; цѣлью этихъ поѣздокъ было посѣщеніе госпиталей и другихъ заведеній. Какъ-то поздно вечеромъ, когда возвращались по дорогѣ, почти непроходимой вслѣдствіе оттепели, карета, въ которой были императоръ съ императрицей, оба великие князя и великая княгиня Елисавета, каждую минуту угрожала паденiemъ. Императора это забавляло, и онъ спросилъ у великаго князя Александра: «Боится ли великая княгиня Елисавета?» Великій князь, думая сдѣлать похвалу своей супругѣ, отвѣчалъ, что нѣтъ, что она не трусила и ничего не боится. «Вотъ именно то, чего я не люблю», сухо отвѣчалъ императоръ. Великій князь поправился, прибавивъ: «Она боится только, чего слѣдуетъ». Но ошибка была сдѣлана: императоръ впалъ въ дурное расположение духа. Несмотря на величие его души, характеръ Павла имѣлъ такія странныя стороны, что государь всегда готовъ былъ видѣть врага въ человѣкѣ, котораго неувѣренъ былъ запугать. Нельзя сказать, чтобы въ другія минуты его величество не доказывалъ, что умѣеть прѣнить возвышенность чувствъ и энергію. Слѣдуетъ приспать эту мелочность недовѣрію, которое сумѣли ему внушить.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Петербургѣ устроилась свадьба, которая отпразднована была при дворѣ довольно торжественно. Графъ Дитрихштейнъ, чрезвычайный посолъ вѣнскаго двора, и о которомъ говорено было выше, былъ въ большой милости императора и послѣдовалъ въ Москву за дворомъ. Не живя въ Петровскомъ, онъ пріѣзжалъ ежедневно обѣдать къ императору, а въ ожиданіи обязательного ужина у его величества проводилъ послѣобѣденное время у графини Шуваловой, младшая дочь которой сильно влюбилась въ него. Дитрихштейнъ вовсе не отвѣчалъ ея чувствамъ, но въ дѣло вмѣшался графъ Шуазель и такъ искусно повелъ эту интригу, что шесть недѣль спустя, графъ оставилъ Москву съ графиней Шуваловой, въ качествѣ будущаго зятя. Дипломатический характеръ графа Дитрихштейна и особенная благосклонность къ нему императора придали этой женитьбѣ нѣкоторый блескъ, который естественно отразился на графинѣ Шуваловой, къ которой императоръ, впрочемъ, не особенно благоволилъ.

Въ вербную субботу, 27 марта, состоялся торжественный вѣздръ императорской четы въ Москву. Поѣздъ былъ громадный, войска тянулись отъ Петровскаго до дворца Безбородко. Всѣ гвардейскіе полки прибыли изъ Петербурга, согласно обычаю въ подобномъ случаѣ. Императоръ и сыновья его были верхомъ; императрица, великая княгиня Елисавета и одна изъ молодыхъ великихъ княжень—въ большой каретѣ, устроенной для помѣщенія всѣхъ великихъ княгинь съ императрицей, но за исключеніемъ только что названныхъ; остальная

были больны¹⁾). Кортежъ остановился въ Кремлѣ, гдѣ императорская фамилия обошла всѣ соборы и поклонилась мощамъ. Оттуда кортежъ двинулся далѣе и въ 8 часовъ вечера прибылъ къ дворцу Безбородко, выбывъ изъ Петровскаго около полудня. Этотъ дворецъ принадлежалъ князю Безбородко, первому министру, который только что отдалъ его для себя съ необыкновенной роскошью и изяществомъ; но князь предложилъ его императору на время коронаціи, потому что, за исключениемъ кремлевскаго дворца, другого помѣщенія не было, и даже императрица Екатерина имѣла пребываніе въ частныхъ домахъ въ послѣдній разъ, когда была въ Москвѣ. Императорскій дворецъ давно уже сгорѣлъ. Вскорѣ послѣ коронаціи государь купилъ дворецъ Безбородко. Онъ былъ построенъ въ концѣ города и въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ кварталовъ. При немъ находился небольшой садъ, отдѣленный отъ придворнаго только прудомъ, и садъ этотъ служилъ прекраснымъ мѣстомъ для публичнаго гулянья. Онъ не былъ сжатъ постройками, и изъ него разстился довольно обширный видъ, почему и пребываніе въ немъ было настолько пріятно, насколько въ Петровскомъ, наоборотъ, было непріятно. Великій князь Александръ, его супруга и молодыя великия княжны жили въ немъ, но великій князь Константинъ помѣщался напротивъ, въ зданіи, называемомъ «Старымъ сенатомъ». Дворъ провелъ только нѣсколько дней въ дворцѣ Безбородко, а въ среду на Страстной недѣлѣ перѣѣхалъ съ большой церемоніей въ Кремль готовиться къ коронаціи. Надо владѣть талантомъ историка, чтобы выразить въ краткихъ словахъ все благоговѣніе, внушаемое Кремлемъ, и первомъ поэта, чтобы воспѣть впечатлѣнія, навѣваемыя этимъ древнимъ и прекраснымъ мѣстомъ, этимъ соборомъ, а также дворцомъ, готическій стиль котораго съ его террасами, оградами и сводами придаетъ ему нѣчто фантастическое, и который высотой своего положенія господствуетъ надъ всей Москвой. Такъ какъ дворецъ былъ не достаточно обширенъ, чтобы помѣстить все императорское семейство, великій князь Александръ и его супруга поселились въ археійскомъ домѣ, а великій князь Константинъ—въ арсеналѣ. Великая княгиня Елизавета сказала мнѣ, что никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведенного на нее видомъ Кремля вечеромъ въ день

¹⁾ Великая княгиня Анна уѣхала больная изъ Петербурга, но такъ какъ въ гла-захъ императора болѣзнь вмѣнялась въ вину, то она выносила свои страданія до тѣхъ поръ, пока едва не сдѣлалась жертвой воспаленія въ груди. Ее перевезли изъ Петербурга въ Москву, гдѣ пришлось пустить ей кровь. На другой день ея пріѣзда императоръ отправился къ ней и сказалъ: «Я теперь дѣйствительно вижу, что болѣзнь ваша серьезна, и жалѣю, что вы такъ страдаете. Признаюсь, что до сихъ поръ я приписывалъ ее вашимъ уловкамъ (*petites mani res*), усвоеннымъ вами въ прошлое царствованіе и которыя я непремѣнно желалъ бы искоренить». Нельзя знать навѣрное, что именно Навель хотѣлъ сказать этимъ выраженіемъ: *petites mani res du r gne pass *, на что постоянно намекалъ. Примѣчаніе В. Н. Головиной.

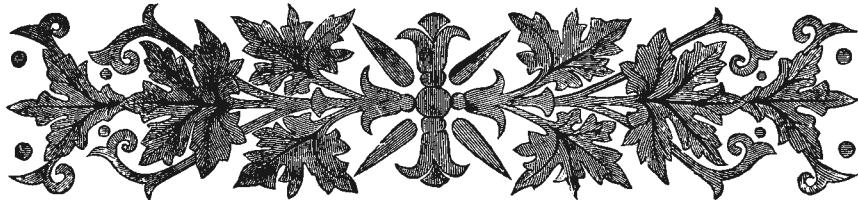
пріѣзда. По выходѣ своемъ отъ императрицы она отправилась къ великой княгинѣ Аннѣ и оставила ее только въ сумерки. Она была печальна: ея пребываніе въ Москвѣ не имѣло до тѣхъ поръ ничего привлекательнаго для нея, а непріятнаго было достаточно. Все окружавшее не только не восхищало ея воображенія, но подавляло и щемило ей сердце. Однако, въ тотъ вечеръ, выходя отъ своей нѣвѣстки и садясь въ карету, она взглянула на эту древнюю красу Кремля, выдѣлявшуюся еще болѣе при яркомъ свѣтѣ луны, восхищительно отражавшейся всѣми позолоченными куполами соборовъ и церквей. Великая княгиня невольно пришла въ энтузіазмъ, и никогда съ тѣхъ поръ воспоминаніе обѣй этой минутѣ не изглаживалось изъ ея памяти.

Два дня спустя, была сцена такая же красавая, но еще болѣе вѣнчительная. Императоръ со всей своей свитой присутствовалъ за вечерней въ пятницу на Страстной въ древней маленькой дворцовой церкви, построенной на одной изъ самыхъ возвышенныхъ террасъ, и слѣдоваль за крестнымъ ходомъ и плащаницей по большой части стѣнъ Кремля. Вечеръ былъ великолѣпный и тихій, а солнце клонилось къ закату, освѣщаща чудный видъ на городъ; звуки колоколовъ сливались съ печальнымъ, торжественнымъ пѣніемъ процессіи. Всѣ были въ восхищеніи, но подобныя впечатлѣнія бываютъ еще болѣе глубоки, когда они гармонируютъ съ настроениемъ души.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДИНЪ ИЗЪ ПРЕДКОВЪ ПУШКИНА.

(Материалы для характеристики нравовъ русского общества XVIII в.).

I.

Бракоразводные процессы прадѣда и дѣда А. С. Пушкина.—«Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ» А. С. Пушкина.—Оправдание С. Л. Пушкина въ «Современникѣ» 1840 года.—Третій случай семейного несогласія въ родѣ Ганнибаловъ.—Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ.—Три фельдмаршала.—Взглядъ императрицы Екатерины II на бракоразводныя дѣла.

РАКОРАЗВОДНЫЕ процессы прадѣда и дѣда А. С. Пушкина въ свое время возбудили много праздныхъ разговоровъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, какъ по видному общественному положенію обоихъ Ганнибаловъ, такъ и потому, что они, при живыхъ неразведенныхъ съ ними женахъ, вступили во второй бракъ и оказались виновными въ двоеженствѣ. Процессы эти были мало по-малу забыты; но снова получили интересъ не только для общества, но и литературы, по отношенію къ знаменитому потомку Ганнибаловъ, А. С. Пушкину. Хотя бракъ великаго поэта не имѣлъ ничего общаго съ ихъ бракоразводными дѣлами, но послужилъ поводомъ къ еще большимъ пересудамъ и догадкамъ, такъ какъ связанъ съ исторіей его преждевременной, трагической кончины.

Извѣстно, какое значеніе придавалъ своимъ фамильнымъ традиціямъ А. С. Пушкинъ, который въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго» представилъ фантастический образъ своего прадѣда, а затѣмъ въ «Родословной» изобразилъ поэтическими красками исторію

его первой неудачной женитьбы. Публика и критика не отдалили поэтического вымысла отъ дѣйствительности, при появлениі въ печати этихъ литературныхъ произведеній; и только впослѣдствіи вопросъ выяснился, благодаря изслѣдованіямъ, основаннымъ на подлинныхъ документахъ. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія: монографія «А. П. Ганнибалъ», составленная М. Н. Лонгиновымъ¹⁾, и статья «Евдокія Андреевна Ганнибалъ», С. И. Опатовича²⁾, гдѣ рельефно выступаетъ своеобразная личность Абрама Петровича Ганнибала и исторія его семейныхъ отношеній. Затѣянный имъ процессъ противъ первой жены, настолько же характеренъ со стороны обрисовки его полудикой непосредственной натуры, какъ и въ бытовомъ отношеніи, потому что на немъ всецѣло отразились суровые нравы времени.

Абрамъ Петровичъ (аралъ Петра Великаго), оскорбленный въ своихъ супружескихъ правахъ, безнаказанно домашнимъ способомъ подвергаетъ пыткѣ невѣрную жену, отдаетъ ее въ руки правосудія, а затѣмъ, втеченіе пятилѣтняго заключенія Евдокіи Андреевны на госпитальномъ дворѣ, не считаетъ нужнымъ давать что либо на ея содержаніе и вступаетъ въ это время во второй бракъ. Дѣло тягнется болѣе двадцати лѣтъ и наконецъ рѣшается въ пользу Абрама Петровича Ганнибала, несмотря на его двоеженство. 9-го сентября 1753 года, по опредѣленію консисторіи, бракъ его со второй женой былъ утвержденъ; взысканіе ограничилось для него элитиміей и денежнымъ штрафомъ, между тѣмъ какъ его первая жена, Евдокія Андреевна, отправлена на пожизненное заточеніе въ Староладожскій монастырь.

Нѣсколько иной характеръ носить бракоразводный процессъ Осипа Абрамовича Ганнибала, подробно описанный на основаніи архивныхъ документовъ В. О. Михневичемъ въ его статьѣ «Дѣдъ Пушкина»³⁾. Осипъ Абрамовичъ, человѣкъ менѣе крутої и рѣшительной, нежели его отецъ, отличался полнымъ отсутствиемъ нравственныхъ принциповъ и не признавалъ никакихъ семейныхъ обязанностей. Не считая нужнымъ стѣснять себя въ чемъ либо, онъ, безъ всякаго повода, бросилъ жену и малолѣтнюю dochь, будущую мать поэта А. С. Пушкина, и 9-го января 1779 года обвѣнчался съ капитаншей Устиньей Толстой, представивъ ложное свидѣтельство о смерти первой жены. Тѣмъ не менѣе бракоразводное дѣло, продолжавшееся около пяти лѣтъ, кончилось довольно благополучно для Осипа Абрамовича, несмотря на его двоеженство и представленное имъ подложное письмо. 17 января 1784 года, состоялся указъ съ окончательной резолюціей, положенной государыней, по которой по-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1864, № 2.

²⁾ «Русская Старина» 1877 г., т. XVIII, стр. 69—78.

³⁾ «Историческій Вѣстникъ», январь, 1866 г., стр. 87—144.

велѣнно второй бракъ Осипа Ганнибала съ Толстою «почитать уничтоженнымъ и ее за законную ему не признавать, а за учиненное Ганнибаломъ преступленіе,—вступленіе во второй бракъ при живой женѣ,—вмѣсто наложенной на него церковной эпитиміи, послать его на корабляхъ въ Средиземное море, дабы онъ тамъ службою съ раскаяніемъ своимъ содѣланное имъ преступленіе заслужить могъ»...

Два подобныхъ рельефныхъ примѣра изъ жизни прямыхъ предковъ А. С. Пушкина съ материнской стороны привели г. Михневича, автора упомянутой статьи «Дѣдъ Пушкина», къ слѣдующему выводу: «Въ судьбѣ иныхъ родовъ,—говорить онъ въ видѣ вступленія,—отъ поколѣнія къ поколѣнію проходитъ иногда одна какая нибудь особенная, роковая черта. Такая именно черта пронизываетъ семейную исторію рода нашего великаго поэта съ материнской стороны и на немъ лично обрывается трагической развязкой. Тутъ, конечно, ничего нѣтъ таинственнаго и сверхъестественнаго, а семейный *fatum* лежитъ, въ сущности, въ свойствахъ темперамента и характера даннаго рода, потомственно передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію»...

Весьма возможно, что такого рода соображенія являлись у самого А. С. Пушкина, и вѣра въ семейный *fatum* заставляла его опасаться за свое семейное счастіе, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій знакомства и сватовства къ Н. Н. Гончаровой, о которыхъ мы узнаемъ изъ «Семейной хроники», написанной его роднымъ племянникомъ Л. Н. Павлищевымъ¹⁾), а также изъ опубликованныхъ писемъ поэта къ невѣстѣ и будущей тещѣ, рисующихъ его тогдашнее мрачное настроеніе. Подтвержденіемъ этого можетъ служить отчасти то обстоятельство, что А. С. Пушкинъ въ общеизвѣстной краткой «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ», написанной имъ въ 1830—1831 гг., слѣдовательно, въ пору помолвки съ Н. Н. Гончаровой, приводить четыре примѣра несчастныхъ супружествъ своихъ предковъ, со стороны отца и матери, что едва ли можно приписать простой случайности... «Прадѣдъ мой, Александръ Петровичъ Пушкинъ, пишетъ онъ въ своей «Родословной», былъ женатъ на меньшой дочери Головина, первого андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, Левъ Александро-вичъ... дѣдъ мой, былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсили на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась»...

Затѣмъ А. С. Пушкинъ переходитъ къ родословной своей ма-

¹⁾ Ibid., июнь, 1888 г., стр. 573—577.

тери, Надежды Осиповны, урожденной Ганнибалъ, и въ значительно пріукрашенномъ видѣ описываетъ исторію первой неудачной женитьбы своего прадѣда Абрама Петровича. Но при этомъ онъ вполнѣ вѣрно передаетъ подробности бракоразводного процесса своего дѣда Осипа Абрамовича, который, по всѣмъ даннымъ, не пользовался любовью иуваженiemъ своихъ родныхъ, и умеръ въ одиночествѣ въ 1806 году, отъ послѣдствій невоздержной жизни, въ извѣстномъ селѣ Михайловскомъ.

Однако, несмотря на такие разсказы и рѣзкие отзывы А. С. Пушкина о своихъ предкахъ, никто изъ жившихъ въ то время Ганнибаловъ не вздумалъ заступиться за честь своего рода, при печатаніи «Родословной» въ 1840 году. Но у фамиліи Пушкиныхъ явился защитникъ, въ лицѣ Сергея Львовича Пушкина, отца поэта. Неизвѣстно, зналъ ли Сергей Львовичъ о существованіи «Родословной» при жизни своего знаменитаго сына; но скорѣе можно предположить, что нѣтъ, такъ какъ между ними никогда не было особенно близкихъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, появленіе въ свѣтѣ «Родословной» въ 1840 году, послѣ смерти поэта, возбудило негодованіе Сергея Львовича; онъ нашелъ нужнымъ протестовать противъ ея напечатанія и заступиться за память своего отца. Въ виду этого онъ помѣстилъ въ «Современникѣ» того же года слѣдующую замѣтку:

«Въ № 7 «Сына Отечества»,—пишетъ Сергей Львовичъ,—я прочелъ отрывокъ изъ записокъ покойнаго сына моего—протестуя, что разсказы сіи брошены на бумагу единственно по причинѣ ихъ невѣроятности на память того, чѣмъ воображеніе случайно поражено было, а не для всеобщаго извѣстія»...

Затѣмъ авторъ замѣтки заявляетъ о своемъ желаніи заступиться «за священную память» своего отца, Льва Александровича Пушкина, «добродѣтельнѣйшаго изъ людей», и говорить: «Онъ былъ любимъ, уважаемъ, почитаемъ даже тѣми, которые знали его по одному слуху. Взаимная любовь его и покойной матери моей была примѣрная. Никто не помнилъ и не слыхалъ ни о малѣшемъ отступлѣніи отъ вѣрности, отъ должнаго уваженія другъ къ другу, во все продолженіе ихъ 30-ти-лѣтняго союза.

«Исторія о французѣ и первой женѣ отца много увеличена. Отецъ мой никогда не вѣщалъ никого. Въ поступкѣ съ французомъ участвовалъ родной братъ его жены, А. М. Воеиковъ: сколько я знаю, это ограничилось тѣлеснымъ наказаніемъ—и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отецъ мой и въ счастливомъ супружествѣ съ моей матерью съ вѣжливостью вспоминалъ о первой женѣ своей...

«Примѣчаніе: Разсказъ о смерти на соломѣ въ домашней тюрьмѣ первой жены отца моего не заслуживаетъ даже опроверженія. Кто не знаетъ, что въ XVIII столѣтіи таковыя тюрьмы не могли существовать въ Россіи и Москвѣ? Правительство потерпѣло ли бы такое ужасное злоупотребленіе силы и власти? Родные ея не прибѣгли ли бы подъ защиту законовъ? Послѣ такого жестокаго поступка сохранили ли бы они родственную дружескую связь съ отцомъ моимъ?

«Кто могъ сыну моему дать столь лживое понятіе о благородномъ характерѣ моего отца?—И подозрѣваю виновнаго, но да простить ему Всевшинскій, и онъ уже давно предсталъ предъ судь Божій»...¹⁾

¹⁾ Современникъ, 1840 г., т. XIX, стр. 102—106.

Однако, протестъ Сергея Львовича Пушкина прошелъ безслѣдно въ тогдашней литературѣ и едва ли произвелъ какое нибудь впечатлѣніе на публику, въ виду всеобщаго восторженного поклоненія рано погибшему поэту. Съ другой стороны, вопросъ самъ по себѣ не имѣлъ большого интереса, такъ какъ Левъ Александровичъ Пушкинъ не представлялъ собою ничего замѣчательнаго въ историческомъ или общественномъ отношеніи. Извѣстно только, что онъ служилъ въ артиллеріи, въ 1762 году остался вѣренъ Петру III и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ службу, жилъ въ Москвѣ и въ своихъ помѣстьяхъ.

Въ иныхъ условіяхъ находилась фамилія Ганнибаловъ, родонаучальникъ которой Абрамъ Петровичъ, арапъ Петра Великаго, опоэтанизированный его правнукомъ, привлекъ на себя вниманіе изслѣдователей, какъ по близости къ великому царю, такъ и по своей романической жизни, представлявшей много любопытныхъ чертъ для характеристики тогдашняго общества и нравовъ. Старшій сынъ его, Иванъ Абрамовичъ (1735—1801), былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подъ Чесмою спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ; затѣмъ онъ является героемъ и участникомъ первой Наваринской битвы и строителемъ города Херсона, гдѣ ему впослѣдствіи былъ воздвигнутъ памятникъ. Третій сынъ арапа Петра Великаго, Осипъ Абрамовичъ, дѣдъ А. С. Пушкина, не успѣлъ прославиться никакими подвигами и не отличался нравственными качествами. Но въ свое время онъ пользовался достаточною, хотя и незавидною, извѣстностью, благодаря упомянутому выше бракоразводному процессу, настолько же типичному въ бытовомъ отношеніи, какъ и процессъ родонаучальника рода Ганнибаловъ.

А. С. Пушкинъ, приводя въ «Родословной» примѣры семейнаго раздора своихъ предковъ, со стороны матери, съ очевидною цѣлью показать ихъ непригодность къ супружеской жизни, совсѣмъ умалчиваетъ о третьемъ случаѣ неудачнаго брака въ семье Ганнибаловъ, а именно Петра Абрамовича Ганнибала (второго сына арапа Петра Великаго), съ которымъ онъ познакомился, послѣ выхода изъ лицея, въ 1818 году. Причина такого умалчиванія, какъ намъ кажется, заключается отчасти въ томъ, что семейная история Петра Абрамовича чужда какихъ либо эффектовъ, дѣйствующихъ на воображеніе, и которыми богаты бракоразводные процессы двухъ другихъ Ганнибаловъ. При этомъ, Петръ Абрамовичъ и его жена, по-видимому, принадлежали къ тѣмъ дюжиннымъ личностямъ, у которыхъ одинаково стушевываются, какъ хорошія, такъ и дурныя стороны характера и не представляютъ никакихъ сколько нибудь рельефныхъ чертъ.

Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ не менѣе своего младшаго брата Осипа Абрамовича тяготился супружескими обязанностями и также безъ всякихъ основательныхъ причинъ, кромѣ личнаго усмотрѣнія,

бросилъ свою семью на произволъ судьбы. Тѣмъ не менѣе дѣло не дошло до формального развода, о которомъ Петръ Абрамовичъ не заботился, такъ какъ послѣ разлуки съ женой и дѣтьми пользовался полной свободой и могъ жить сообразно своимъ личнымъ вкусымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что единичные случаи, если они не представляютъ чего либо особенно типичнаго или любопытнаго, то сами по себѣ не имѣютъ значенія. Они получаютъ бытовой исторической интересъ не иначе, какъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ случаевъ, и только при этомъ условіи могутъ служить для наглядной характеристики общества извѣстной эпохи. Съ этой стороны мало рельефная семейная история Петра Абрамовича Ганнибала безусловно заслуживаетъ вниманія, наравнѣ со многими подобными исторіями того времени, которыя были настолько часты, что не возбуждали ни удивленія, ни особенного негодованія въ русской публикѣ. По свидѣтельству современныхъ мемуаровъ и записокъ, въ царствование Екатерины II, помимо значительного числа формальныхъ разводовъ, особенно увеличилось число супруговъ, живущихъ врозь съ своими женами. Поэтому и Петръ Абрамовичъ, бросивъ жену, не видѣлъ надобности скрывать своей связи съ постоянной женщиной передъ окружавшимъ его провинціальнымъ обществомъ. Жалобы законной жены и ея хлопоты у Державина, (какъ видно изъ архивныхъ документовъ, полученныхъ нами отъ редакціи «Исторического Вѣстника»), мало тревожили Петра Абрамовича Ганнибала. Онъ даже не опровергалъ приводимыхъ противъ него фактовъ и заботился только объ огражденіи своихъ имущественныхъ правъ.

Въ данномъ случаѣ Петръ Абрамовичъ не представлялъ собою исключенія. Такъ смотрѣли на законный бракъ многіе въ тѣ времена, особенно въ высшемъ русскомъ обществѣ, гдѣ мы видимъ много пріемъровъ такого же отношенія къ женамъ представителей самыхъ знатныхъ аристократическихъ фамилій. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть трехъ фельдмаршаловъ Екатерининской эпохи: А. В. Суворова, семейная исторія которого достаточно извѣстна, а затѣмъ гр. М. Ф. Каменского и гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Графъ Михаилъ Федотовичъ Каменскій, представлявшій собою типъ стаинаго русскаго барина, по образу жизни и привычкамъ, сурово и деспотически властвовалъ въ своеемъ домѣ, гдѣ азіатская роскошь смѣшивалась съ утонченностью европейской жизни. Подобно Румянцову-Задунайскому и Суворову, гр. Каменскій жиль несогласно съ женой и держался того мнѣнія, что «можно любить кого угодно и какъ угодно, но жениться должно подъ извѣстными условіями, что бракъ нисколько не препятствуетъ мужу имѣть постороннія связи» и пр., и онъ самъ пользовался этимъ предполагаемымъ правомъ вполнѣ, хотя

жена, его урожденная Щербатова, была рѣдкой красоты и доброты»¹⁾...

Тотъ же взглядъ проводилъ на практикѣ гр. П. А. Румянцовъ-Задунайскій, тѣмъ болѣе, что его жена Екатерина Михайловна, урожденная Голицына, была значительно старше его. Гр. П. А. Румянцовъ-Задунайскій, женившись 23-хъ-лѣтнимъ юношой на 34-хъ-лѣтней женщинѣ, умной по природѣ, и разсудительной, со сложившимися взглядами и характеромъ, послѣ шестилѣтней супружеской жизни бросилъ жену и дѣтей и всецѣло предался обязанностямъ службы, свѣтскимъ удовольствіямъ, сердечнымъ и другимъ увлеченіямъ. Супруги продолжали жить въ разлуцѣ до конца жизни, съѣзжались изрѣдка и на короткое время, какъ бы для того, чтобы убѣдиться въ полной невозможности жить вмѣстѣ. Опубликованныя письма гр. Е. М. Румянцовой къ мужу съ 16 іюля 1762 по 17 марта 1779 года, при ихъ безъ искусственности, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о пережитыхъ ею тяжелыхъ нравственныхъ мученіяхъ²⁾. Послѣ долгихъ, напрасныхъ стараній возвратить мужа къ семейному долгу, она посвящаетъ себя заботамъ о воспитаніи дѣтей, мирится съ ролью «покорной и вѣрной жены» невѣрнаго мужа и видѣть въ этомъ судьбу свою: «Такъ мнѣ, знать, отъ Бога во всемъ опредѣлено, чтобы все было противу моего желанія!»—пишетъ она мужу, въ письмѣ отъ 7 іюня 1764 года.

Но, разумѣется, не всегда страдательная роль доставалась на долю жены, и также нерѣдки были случаи, когда супруги расходились съ обоюдного согласія. Такъ въ «Разсказахъ бабушки»³⁾ приведенъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ: «Въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ сельцѣ Шиховѣ жилъ тогда старикъ Бахметевъ, Петръ Алексѣевичъ: человѣкъ старого закала, предерзкій и преображеній.. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Львовой, Марѣ Семеновнѣ; у нихъ былъ только одинъ сынъ, Владимира Петровича. Не знаю, сколько лѣтъ жили они вмѣстѣ, только Марья Семеновна не могла больше вынести жизни съ такимъ мужемъ и его оставила и потомъ вышла, съ согласія мужа за другого, не помню навѣрно за кого, а кажется, если не ошибаюсь, за Якова Андреевича Дашкова»...

Въ царствованіе Екатерины II вошли также въ обычай самовольные разводы съ помощью бракоразводныхъ писемъ, скрѣпленныхъ формальнымъ порядкомъ подписью свидѣтелей или «медиаторовъ», какъ ихъ тогда называли. Типичнымъ примѣромъ этого рода случаевъ

¹⁾ «Графъ Блудовъ и его время», Спб., 1866, стр. 27.

²⁾ «Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому», Спб., 1888 г.—См. также «Истор. Вѣстн.» іюль, 1888 г., ст. П. П. «Покорная и вѣрная жена», стр. 88—104.

³⁾ «Разсказы бабушки» изъ воспоминаній пяти поколѣній, зап. и собр. ея внукомъ Д. Благово, Спб., 1885.

служить дѣло графа Александра Сергеевича Строганова съ его женой, гр. Анной Михайловной, урожденной гр. Воронцовой.

Графъ М. Воронцовъ началъ было хлопотать о формальномъ разводѣ своей дочери съ гр. А. С. Строгановыи и по этому поводу обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II. Но государыня отклонила отъ себя рѣшеніе дѣла и въ собственоручномъ письмѣ къ гр. М. Воронцову, отъ 2 декабря 1764 года, отвѣчала, что «это церковное дѣло, вступаться не могу и не буду... гр. Строгановъ подобную просьбу съ мѣсяцъ назадъ подавалъ и тотъ же отвѣтъ получилъ; и хотя бѣ и желательно было, чтобы возстановить законное согласіе между сими брачными, но въ отсутствіе жены его графини Анны Михайловны рѣшено быть не можетъ. Съ своей стороны, добавляетъ въ томъ же письмѣ государыня, въ ихъ волю отдаю жить вмѣстѣ или разводиться: для меня все равно графиня Анна Михайловна называться ли будетъ Строганова или Воронцова»¹⁾.

Въ началѣ 1765 года, графиня Анна Михайловна Строганова вернулась въ Петербургъ къ неудовольствію своего супруга, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки С. А. Порошина въ его Запискахъ отъ 25 февраля... «Въ покояхъ великаго князя говорили только о графѣ А. С. Строгановѣ, въ какомъ онъ теперь смущеніи, что графиня А. М. возвратилась. Вчера о томъ же говорили, и для того сказалъ государь: «Мнѣ кажется, теперь это *la nouvelle du jour*»...

Но почему-то дальнѣйшія хлопоты о формальномъ разводѣ Строгановыхъ были оставлены, и супруги рѣшили съ обоюдного согласія устроить разводъ домашнимъ порядкомъ. 2 июля, того же 1765 года, гр. А. С. Строгановъ далъ своей женѣ бракоразводное письмо, скрѣпленное подписью свидѣтелей, и отъ нея получиль такоѣ же, послѣ чего, судя по современныи извѣстіямъ, оба супруга считали свой бракъ окончательно уничтоженнымъ²⁾.

¹⁾ Сб. Им. Р. И. Об., т. VII, 1871, стр. 395.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, кн. 34, Москва, 1888, стр. 351—352. Считаемъ нелишнимъ привести въ сокращеніи это любопытное письмо, въ видѣ образчика такого рода документовъ, которые, вѣроятно, писались по извѣстному шаблону... «И нижеподписавшійся, пишетъ гр. А. С. Строгоновъ, даю супругѣ моей бракоразводное письмо, что мы по извѣстной ей, яко бывшей моей супругѣ и мнѣ причинамъ... положили съ общаго нашего съ нею, графинѣ Воронцовой, согласія оной (бракъ) разрушить, съ тѣмъ чтобы, какъ ей, такъ и мнѣ одному отъ другого быть во всю нашу оставшуюся жизнь свободнѹ, не препятствуя одинъ другому впередъ избрать по склонности другую партію... и вступить въ супружество. А какъ мы при семъ нашемъ общемъ разрушениіи брака... сдѣлали полный расчетъ и каждый свое къ себѣ возвратили, то какъ ей графинѣ Воронцовой по смерти моей отъ моихъ наслѣдниковъ не искать... равномѣрно по тому же и мнѣ, ни при жизни ея, ни по смерти отъ ея наслѣдниковъ седьмой части не искать

II.

Мусинъ-Пушкинъ приписываетъ частые разводы и развращеніе нравовъ французскому воспитанію.—Несостоятельность этого объясненія.—Воспитаніе Петра Абрамовича Ганнибала.—Условія военной службы при Екатеринѣ II.—Образъ жизни Петра Абрамовича.—Отрывокъ изъ его автобиографіи.—Знакомство съ А. С. Пушкинымъ.—Свѣдѣнія объ его семейной жизни на основаніи архивныхъ документовъ.—Письмо Ольги Григорьевны Ганнибалъ къ императрицѣ.

Обыкновенно современники стараются объяснить тѣми или другими причинами злоупотребленія и недостатки окружающаго ихъ общества; но такъ какъ причины бываютъ довольно сложныя и, въ большинствѣ случаевъ, неуловимыя для непосредственного наблюденія, то объясненіе является довольно поверхностнымъ и не выдерживающимъ критики. Въ царствованіе Екатерины II,—когда наше общество все еще рѣзко дѣлилось на людей, болѣе или менѣе усвоившихъ европейскую образованность, и на сторонниковъ старыхъ русскихъ порядковъ и обычаевъ,—послѣдніе упорно приписывали порчу тогдашнихъ нравовъ и частые случаи нарушенія супружеской вѣрности французскому воспитанію. Такъ, напримѣръ, извѣстный Мусинъ-Пушкинъ пишетъ въ 1793 году: «До тѣхъ поръ, пока мужья содержали женъ своихъ подъ властію... дѣти воспитывались въ страхѣ Божіемъ и благонравіи, взаимная супруговъ польза сохранялась. Французское воспитаніе сю спасительную связь, сей священный союзъ между мужа и жены, утвержденный на любви мужа къ женѣ и на повиновеніи жены мужу, расторгнуло, разрушило, уничтожило, и домъ воспитанныхъ по новому образу обратился, какъ простолюдины говорятъ, въ верхъ дномъ. Сколько появилось отъ того разводовъ, сколько прежде было не слыхать, сколько несчастныхъ дѣтей, сколько поводовъ къ соблазну, къ вящшему нравовъ развращенію, къ взаимному грѣху и погибели души и тѣла»... ¹⁾.

Не говоря о несостоятельности этого объясненія вообще, оно во многихъ случаяхъ прямо противорѣчило дѣйствительности, какъ это мы видимъ на примѣрахъ фельдмаршала М. О. Каменского и Петра Бахметева. Равнымъ образомъ это объясненіе совершенно непримѣнимо и къ Петру Абрамовичу Ганнибалу. Второй сынъ Арапа Петра Великаго не только не былъ испорченъ французскимъ воспи-

и по рядной возвращенія ея имѣнія не требовать и рядную совѣтъ уничтожить. Въ чомъ въ увѣреніе я ей при свидѣтельствѣ избранныхъ по общей нашей просьбѣ и согласію господахъ медіаторахъ: гр. Р. Л. Воронцовъ и кн. А. М. Голицынѣ, даю сіе письмо, получивъ отъ нея другое къ себѣ въ равной сему моему силѣ».

Далѣе слѣдуютъ подписи свидѣтелей. На подлинникѣ сургучная красная печать съ государственнымъ русскимъ гербомъ и вокругъ нея надписью: *Imperialis pot. pub. iug. S. Petersb.*

¹⁾ Духовная В. К. Владимира Всеходовича Мономаха дѣтямъ своимъ. Спб 1793. См. Прим. 43 и 44, стр. 25—26.

таніемъ, но и по-русски писалъ безграмотно, хотя служилъ въ артиллеріи и достигъ генераль-майорскаго чина, такъ что его первона-чальное образованіе, повидимому, не превышало общаго уровня до-машинаго воспитанія, получаемаго большинствомъ русскихъ дворянъ. Что касается «спеціальныхъ» свѣдѣній, которыя и въ то время счи-тались необходимыми для службы въ артиллеріи, то Петръ Абра-мовичъ могъ пріобрѣсти ихъ въ с.-петербургской артиллерійской школѣ, учрежденной въ 1735 году, для дворянъ и офицерскихъ дѣ-тей, генераль-фельдцейхмейстеромъ Людвигомъ-Вильгельмомъ, прин-цемъ Гессентъ-Гомбургскимъ. Несмотря на нѣкоторыя улучшенія по технической части, послѣдовавшія въ 1745 году, съ переходомъ школы въ завѣдываніе Геннина, — преподаваніе спеціальныхъ пред-метовъ шло здѣсь крайне неудовлетворительно. Такъ, напримѣръ, В. О. Ратчъ, сравнивая записки артиллерійской школы 1750 года съ записками по артиллериі первой военной школы, учрежденной Петромъ Великимъ при бомбардирской ротѣ, нашелъ, «что обученіе этому предмету въ истекшее полустолѣтіе нешло впередъ, но по-двинулось назадъ»¹⁾.

Равнымъ образомъ, преподаваніе родного языка оставалось въ зачаточномъ видѣ, такъ что Петръ Абрамовичъ, въ этомъ отноше-ніи, едва ли могъ сдѣлать какіе либо успѣхи; а при недостаточномъ домашнемъ воспитаніи долженъ былъ писать безграмотно и по окон-чаніи курса въ артиллерійской школѣ. Подтвержденіемъ этого мо-жетъ служить слѣдующее извѣстіе о способѣ обучения въ артилле-рійской и инженерной школахъ въ 1750-хъ годахъ, когда Петръ Абра-мовичъ могъ находиться въ числѣ учениковъ артиллерійской школы: «Обученіе въ школахъ велось обычнымъ порядкомъ. Вытвѣривъ букварь, ученикъ приступалъ къ часослову, а затѣмъ принимался за псалтырь; окончившиимъ словесную науку признавался тотъ, кто могъ бѣгло прочесть любую страницу псалтыря и часослова. Пись-менная наука ограничивалась списываніемъ буквъ и цифръ, потомъ обучали рисованію, послѣ чего ученики переходили къ наукамъ ма-тематическимъ и до инженерства и артиллериі принадлежашимъ»... Такой же нелестный отзывъ о состояніи тогдашнихъ спеціальныхъ школъ въ техническомъ и научномъ отношеніи даетъ П. И. Шуваловъ, привявшій тогда начальство надъ артиллерійскимъ и инженернымъ корпусами: «Хотя школы въ обоихъ сихъ корпусахъ и есть, токмо онѣ отъ неимѣнія знающихъ учителей и отъ весьма ограниченного своего учрежденія такъ недостаточны, что чисто ска-зать можно, надежда не есть желанія достигнуть; слѣдственно на ономъ основаніи людей, просвѣщенныхъ науками и искусствами въ ремеслахъ, получить нельзя»... Въ 1758 году гр. Шуваловъ пере-вѣль артиллерійскую школу на инженерный дворъ на Петербург-

¹⁾ Свѣдѣнія объ артиллериі гатчинскихъ войскъ. Спб. 1851.

ской сторонѣ, гдѣ съ 1733 помѣщалась инженерная школа и соединилъ въ одно заведеніе. При этомъ во внутреннемъ устройствѣ произведены были нѣкоторыя улучшенія, усилены практическія и учебныя занятія, введено преподаваніе нѣмецкаго языка и пр. ¹⁾.

Но Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ не дождался этихъ улучшеній и дальнѣйшихъ преобразованій, такъ какъ въ это время уже находился на дѣйствительной службѣ, судя по тому, что на пятидесятомъ году жизни онъ уже былъ въ отставкѣ съ генералъ-майорскимъ чиномъ, а до этого нѣсколько лѣтъ состоялъ подъ судомъ. Петръ Абрамовичъ, насколько извѣстно, не оказалъ никакихъ особыхъ услугъ отечеству; и поэтому его быстрое повышение на службѣ можно только приписать тому значенію, какое придавалось тогда специальному воспитанію, которое при всей своей недостаточности было все-таки выше общаго уровня образования большинства тогдашнихъ представителей военнаго сословія. Многіе изъ нихъ не имѣли никакого образованія и практически пріобрѣтали свѣдѣнія, требуемыя для военной службы, вслѣдствіе того, что между дворянами все болѣе и болѣе распространялся обычай заблаговременно записывать дѣтей въ военную службу. «Въ тогдашнія времена,— говорить Болотовъ,— всѣ дѣтей своихъ и даже въ самыхъ колыбеляхъ имѣли обыкновеніе записывать въ гардію и всѣмъ тѣмъ, которые имѣли какой нибудь случай въ Петербургѣ или знакомство... производить сіе было очень легко» ²⁾. Подготовкой къ военной службѣ также не затруднялись, судя по свидѣтельству другого современника, который разсказываетъ, какъ обыкновенный фактъ, что мальчика лѣтъ 13-ти опредѣляли въ полкъ, и родители въ этихъ случаяхъ «просили шефа полка поручить ихъ сына кому либо, кто бы за нимъ имѣлъ присмотръ и сообщалъ ему нужные по службѣ свѣдѣнія» ³⁾.

Такіе порядки отчасти объясняются условіями времени. Безпрестанныя войны заставляли правительство поддерживать и даже усиливать наклонность русскаго дворянства къ военной службѣ дарованиемъ разныхъ льготъ и преимуществъ. Съ другой стороны рядъ побѣдъ и завоеваній еще болѣе возвысили званіе военныхъ; на нихъ смотрѣли, какъ на избранныковъ государства. Вслѣдствіе этого, сколько нибудь достаточные дворяне почти исключительно отдавали своихъ дѣтей въ военную службу и считали для нихъ унизительными канцелярскія и другія занятія въ коллегіяхъ, приказахъ и управахъ. Если дворянинъ опредѣлялъ своего сына или которыхъ либо изъ своихъ сыновей въ гражданскую службу, то дѣлалъ это вслѣдствіе невозможности прилично содержать ихъ въ полку, что и тогда стоило не дешево.

¹⁾ Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, сост. Лаласевъ. Спб. 1880, стр. 17—18 и 35—36.

²⁾ «Записки А. Т. Болотова», Спб., 1871, т. III, стр. 791.

³⁾ «Записки И. И. Толубѣева», Сиб., 1888 г., изд. «Русской Старины», стр. 61.

Понятно, что Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, оставившій послѣ себя болѣе 1.400 душъ крестьянъ и достаточное количество денегъ, не жалѣлъ средствъ для опредѣленія своихъ четырехъ сыновей въ военную службу, представлявшую столько преимуществъ въ тѣ времена. Иванъ Абрамовичъ, старшій и наиболѣе даровитый изъ сыновей Абрама Петровича, участникъ Наваринской битвы и основатель Херсона, вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-поручика, послѣ ссоры съ Потемкинымъ; двое младшихъ, Осипъ и Исаакъ Абрамовичи, служили въ «морской артиллерії», а Петръ Абрамовичъ въ артиллеріи и дослужился, какъ упомянуто выше, до генералъ-майорскаго чина.

Весьма возможно, что Петръ Абрамовичъ достигъ бы еще болѣе виднаго общественнаго положенія, если бы не попался въ непріятномъ дѣлѣ, въ видѣ растраты какихъ-то артиллерийскихъ снарядовъ. Вслѣдствіе этого, онъ долгое время состоялъ подъ судомъ и избавился отъ него, только благодаря связямъ и вліянію своего старшаго брата, Ивана Абрамовича. Такимъ образомъ, о новой службѣ помышлять было нечего; и Петръ Абрамовичъ, послѣ выхода въ отставку, поселился въ своеимъ наслѣдственномъ псковскомъ имѣніи, доставлявшемъ ему возможность безѣднаго и празднаго существованія. Здѣсь онъ зажилъ жизнью большинства тогдашнихъ провинціальныхъ дворянъ, которые по грубости нравовъ и отсутствію всякихъ интересовъ, кроме чувственныхъ, составляли рѣзкій контрастъ съ щегольской внѣшностью и изысканными удовольствіями людей новаго направленія, усвоившихъ не только внѣшнюю сторону европейской цивилизаціи, но европейскія понятія и нравы.

Отставной генералъ-майоръ отъ артиллеріи Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, поселившись на покой въ своеимъ имѣніи Елизы, изобрѣлъ для себя своеобразное занятіе, которое давало ему возможность применить на практикѣ специальнаяя, нѣкогда приобрѣтенная имъ свѣдѣнія. Къ тому же бездѣствіе должно было неизбѣжно тяготить его послѣ долголѣтней службы, связанной съ извѣстными обязанностями, а тѣмъ болѣе, въ виду деревенскаго затишья и одиночества, смыслившаго шумную жизнь въ кругу военныхъ товарищѣй. Такъ, по свидѣтельству Михаила Калашникова, крѣпостного слуги Петра Абрамовича Ганнибала, отставной генералъ-майоръ, проживая въ своей усадьбѣ, занимался перегономъ водокъ и настоекъ и занимался со страстью. Михаилъ Калашниковъ принималъ дѣятельное участіе въ его трудахъ и помогалъ ему «возводить настойки въ извѣстный градусъ крѣпости», при чемъ разъ они сожгли свою дистиляцію, вздумавъ дѣлать въ ней нововведенія по проекту самого Петра Абрамовича. По этому поводу слуга поплатился за чужой неудачный опытъ собственной спиной, такъ какъ, по его словамъ, «когда бывали сердиты Ганнибали всѣ безъ исключенія, то людей у нихъ выносили на простыняхъ».

Но, какъ нерѣдко бываетъ съ людьми крутого характера, Петръ Абрамовичъ не былъ чуждъ извѣстной сентиментальности, какъ видно изъ того дѣйствія, какое производила на него музыка. И въ этомъ отношеніи Калашниковъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для своего господина: «обученный черезъ посредство какого-то нѣмца искусству разыгрывать на гусяхъ русскіе пѣсенныя мотивы, онъ погружалъ генералъ-майора въ слезы или приводилъ въ азартъ своей музыкой», что обыкновенно происходило по вечерамъ¹⁾.

Вообще у Петра Абрамовича, помимо любви къ музыкѣ, проявлялось иногда стремленіе къ духовной жизни, судя по тому, что одно время, несмотря на свою безграмотность, онъ задумалъ приняться за литературный трудъ и началъ свою автобіографію, которая, къ сожалѣнію, осталась неоконченной. Считаемъ нeliшнимъ привести ее, въ виду ея краткости, какъ образчикъ своеобразнаго слога и правописанія Петра Абрамовича:

«Отецъ мой служилъ въ россійской службе, происходилъ въ оной чинами и удостоился іенералъ анштѣфского чина, былъ негерь, отецъ его былъ знатнаго происхожденія то есть владѣтельнымъ княземъ и взять вомонаты отецъ мой константинопольскаго двора изъ онаго выкраденъ и отосланъ къ государю Петру Первому; детей послѣ себя оставилъ Ивана—Генералъ Поручика, Петра артиллеріи полковника—Іосифа морской артиллеріи втораго ранга капитана—Исаака морской артиллеріи 3 ранга капитана; дочерей Елизавету—которая была за Пушкинымъ вдовою, Анну коя была за Генералъ Маюромъ Неѣловымъ, Софья за Роткирхомъ. Братья сестры и зятья волею Божею все вроди и чада помре; остался я одинъ, я и старшій въ роде Ганнибаловъ; теперь начну писать о собственномъ рожденіи, происходящемъ въ чинахъ и приключеніяхъ. Родился я въ 1742 году юля 21 число по полуночи въ городе Ревеле гдѣ отецъ мой въ ономъ городе былъ Оберъ-комендантъ; восприемники были заочно вѣчно достойна Императрица Елизавета Петровна достойной памяти съ Петромъ Третьимъ — вто же время пожаловано отцу моему 500 душъ Псковской губерніи»...

Здѣсь обрывается автобіографія Петра Абрамовича Ганнибала, которая при всей своей краткости и безграмотности имѣть несомнѣнныи интересъ, какъ живой отголосокъ прошлаго. Петръ Абрамовичъ уступилъ приведенный нами отрывокъ автобіографіи своему внучатному племяннику А. С. Пушкину, съ которымъ познакомился въ 1817 году, во время его пребыванія въ селѣ Михайловскомъ.

Свиданіе съ старымъ родственникомъ, которому въ это время было семьдесятъ пять лѣтъ, показалось настолько характернымъ поэту, что онъ описалъ его въ короткихъ словахъ на клочкѣ бумаги: «Попро-

¹⁾) «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху» П. Аиненкова, Спб., 1874, стр. 11—13.

силъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился — и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ старого арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда»...¹⁾

Но какъ ни безотрадно было существованіе Петра Абрамовича Ганнибала въ деревнѣ, онъ никого не могъ обвинять въ своемъ одиночество, такъ какъ смолоду любилъ жить въ свое удовольствіе и, находя семейную жизнь слишкомъ стѣснительной для себя, добровольно разстался съ женою и дѣтьми, насколько можно судить изъ прилагаемыхъ документовъ, полученныхъ нами отъ редакціи «Исторического Вѣстника». Семейная исторія Петра Абрамовича несложная и, какъ мы упоминали выше, лишена драматическихъ эффектовъ и романической окраски. Онъ женился въ 1777 году на Ольгѣ Григорьевнѣ, дочери коллежскаго совѣтника Г. Г. фонъ-Данненстерь; но, повидимому, не имѣлъ къ женѣ особенной привязанности, потому что вскорѣ послѣ брака началъ измѣнять своимъ супружескимъ обязанностямъ. Тѣмъ не менѣе, супруги продолжали жить вмѣстѣ и въ теченіе девяти лѣтъ нажили троихъ дѣтей: сына и двухъ дочерей. Но тутъ Петръ Абрамовичъ, по собственному ли побужденію, или подъ вліяніемъ своей новой Дульцинеи, дѣвицы Надежды Гавриловны Лихачевой, неожиданно уѣхалъ въ свою псковскую деревню, извѣстивъ письменно жену, чтобы «она къ успокоенію его не жила болѣе съ нимъ вмѣстѣ, а получала бы отъ него съ дѣтьми положенное имъ содержаніе». Ольга Григорьевна покорилась своей участіи и осталась жить въ Псковѣ съ дѣтьми, хотя не переставала собирать точныя свѣдѣнія о поведеніи своего мужа, жившаго въ 48 верстахъ отъ города, въ усадьбѣ Елицы, Псковскаго уѣзда, и не разъ обращалась къ нему съ различными претензіями, по поводу получаляемаго содержанія.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Но въ 1792 году Ольга Григорьевна узнала отъ Ивана Абрамовича Ганнибала, что мужъ ея не только намѣренъ продать свою наслѣдственную вотчину, но отобрать отъ нея дѣтей и лишить ее всякихъ средствъ. Это послѣднее извѣстіе сильно встревожило ее, хотя Петръ Абрамовичъ при своихъ привычкахъ едва ли рѣшился бы взять на себя заботу о дѣтяхъ, и могъ распустить такой слухъ сть единственою цѣлью помучить нелюбимую жену. Во всякомъ случаѣ, она повѣрила этому на слово и, не видя другого исхода, обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ II съ письменнымъ прошеніемъ, которое настолько типично, что мы приводимъ его почти цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ мало общаго съ обычнымъ характеромъ этого рода документовъ, адресуемыхъ на высочайшее имя. Ольга Григорьевна въ своемъ прошеніи наивно

¹⁾) «А. С. Пушкинъ. Материалы для его биографіи» П. Анненкова, 2-е изд., стр. 39.

посвящаетъ императрицу въ разныя подробности своего домашняго обихода, жалуется на несвоевременную доставку и негодность пропизіи, положенной на ея содержаніе и прочее. На ряду съ этимъ она разсказываетъ о своей семейной жизни и отношеніяхъ къ мужу, предлагаетъ даже въ подтвержденіе своихъ словъ представить ея величеству письмо дѣвицы Лихачевой къ Петру Абрамовичу:

«Всемилостивѣйшая государыня (пишеть Ольга Григорьевна въ своеемъ прошении), мужъ мой генераль-майоръ Петръ Абрамовичъ сынъ Ганибалъ, сосватавъ меня въ замужество въ 1777-мъ году у отца моего коллежскаго совѣтника Григорья Григорьевича сына фонъ-Даннестернова, по волѣ котораго я и по согласію моему за него въ томъ году и вышла, съ коимъ и жила до прижитія двухъ дочерей и сына, не видя отъ него дальнѣйшихъ себѣ оскорблений, исключая нѣкоторыхъ со стороны его поступковъ, нарушающихъ долгъ, супружественной обязанности, каковыя сдѣянности узнавъ я къ прискорбію моему безъ показанія ему въ томъ укоризнами моими малѣйшаго оскорблія, во удаленіе распри и вражды отъ того произошли между нами могущей, сносилъ терпѣливо, въ чайній чрезъ такой примѣръ обращенія его къ лучшему сожитію! Но опытъ, всемилостивѣйшая государыня! презрѣя сносимое мною уваженіе, клятвы и обѣты священнаго союза, отдавъ постѣ того двоихъ старшихъ дѣтей для обученія въ пансионъ, а меня въ 1786 году оставилъ одну, самъ взявъ себѣ для житія въ домъ прапорщику Анну Антонову съ дочерью дѣвицею Надеждою Гаврилову по фамиліи Лихачевыхъ, уѣхалъ въ Псковскую свою вотчину, изъ которой и извѣстилъ меня письменно, чтобы я къ успокоенію его не жила болѣе съ нимъ вмѣстѣ, а получала бы отъ него съ дѣтьми моими себѣ на содержаніе въ годъ по пятисотъ рублей и прочее еще нѣкоторое самонуждѣшее по положенію его для себя и для людей, при мнѣ находящихся, изъ домашней пропизіи,—а дабы вящіе доказать неблагонамѣренія свои ко мнѣ расположенія и дать восчувствовать мнѣ болѣе притѣсненіевъ, лишилъ меня въ состоящей въ здѣшней губерніи во 147 душахъ его деревни Елицахъ¹⁾ права хозяйственнаго участія и всякаго распоряженія, препоручивъ онуую зятю своему, надворному совѣтнику Адаму Карпову сыну Ротхерху²⁾, которому къ большему угнетенію моему и предоставилъ все доносимое вашему императорскому величеству для содержанія моего доставлять мнѣ, по каковой волѣ я и сіе малое его положеніе сноси безъ роптаній и живу съ 1786 года, оставлена имъ будучи одна. Мужъ же мой, видя и въ семье мою терпѣлившую молчаливость, не умокъ однако же и тутъ чинить мнѣ разнообразныя оскорблія, какъ-то: запрещеніемъ людямъ безъ позволенія того Ротхерха отиискатъ мнѣ изъ той деревни по требованію моему ничего, а сей благоугождая недоброжелательствамъ мужа моего дѣлалъ мнѣ разнообразно чувствительнѣйшія притѣсненія въ доставленіи по тому опредѣленію мужа моего. Первое, не все, что опредѣлено имъ и не такое, какъ должно, а совсѣмъ иногда отпускаль негодную къ продовольствію на употребленіе муку и прочее тому подобное, но и то съ уменьшениемъ въ мѣрѣ и вѣсѣ количества, да и не въ свое, а гораздо позже опредѣленаго времени, отъ чего я и претерпѣвало крайнюю нужду и прицуждаюсь иногда входить въ долги по сей необходимости—что все я относила неоднократно съ просьбами моими о избавленіи меня отъ сихъ притѣсненіевъ къ мужу моему. Но онъ, не будучи пѣтъ симъ убѣждаемъ оставилъ все сіе безъ вниманія и не только чѣмъ либо

¹⁾ Деревня Елицы при р. Черехѣ, Псковскаго уѣзда въ настоящее время содержитъ всего 110 душъ: 60 ч. м. п. и 50 ж. п., см. «Списки населенныхъ мѣстъ Росс. имп., сост. центр. стат. комит. мин. ви. дѣлъ», Спб., 1885.

²⁾ А. К. Ротхерхъ былъ женатъ на Софіѣ Абрамовнѣ Ганибалъ, родной сестрѣ Петра Абрамовича. См. Родословная А. С. Пушкина, сост. Н. И. Навлинцевымъ. 1855.

удовлетворилъ мои прошения, но даже и не удостоилъ меня своимъ отвѣтомъ. И я тутъ, всеавгустѣйшая императрица!.. никогда не хотѣла входить ни въ какія просьбы, есть ли бы только онъ не продолжалъ болѣе сихъ обидъ. Но онъ Августѣйшая Монархия! за всѣмъ симъ ко усовершенію своихъ предпріятіевъ, клонящихся единственно только на сугубое отягощеніе судьбы моей, не могши болѣе уже ничѣмъ совершить моего несчастія, вымыслилъ новое средство: продать наслѣдственную доносимую Вашему императорскому величеству деревню и отобравъ дѣтей оставить меня безъ всего уже, о чемъ я извѣстилась нынѣ чрезъ брата его родного Ивана Абрамовича, а какъ чрезъ таковую продажу не только претерплю я, но и разстроить вѣчно благосостоянія малолѣтнихъ нашихъ дѣтей,—поелику онъ мужъ мой, по полученіи въ наслѣдіе послѣ отца своего сего имѣнія, и такъ уже продалъ состояній въ здѣшнемъ городѣ домъ, да дачу, приносимую не малое количество доходовъ, къ тому же получиль по смерти онаго и наличными до 12.000 рублей и все сіе дѣлать не по необходимымъ каковымъ либо нужнымъ обстоятельствамъ, или къ присовокупленію къ сему чего либо, а только на прожитокъ своихъ увеселеній и дабы провести симъ образомъ оное въ руки того, кому вся приверженность посвящена, а симъ то жертвую, самъ содѣлывають дѣтямъ на весь ихъ вѣкъ бѣднѣйшее состояніе и лишаю право по рожденію ихъ достойнаго воспитанія, мнѣ же, отъ маленькаго моего приданаго, сколь бы желанія мои ни были велики, не только ихъ воспитать, но и содержать нечѣмъ, вручить же ихъ въ попеченіе его по таковому образу сожитія предстоитъ очевидно вѣчное ихъ несчастіе. Поелику, живучи у него, ничего иного занять не могутъ, кроме такого же плода, которому они ежеминутно будутъ свидѣтелями, да и мнѣ можно ли тутъ имѣть свое пребываніе, гдѣ жизнь моя подвержена всегдашней опасности, а честь безвинному поруганію. Всемилостивѣйшая государыня! я не осмѣливаюсь обременить священнѣйшаго слуха вашего императорскаго величества подробнѣйшимъ описаніемъ всѣхъ событій со мною происшествій, а пріемлю только дерзновеніе въ доказательство моей невинности, всеподданѣйше донести вашему императорскому величеству, что я имѣю у себя отъ той помянутой дѣвицы Лихачевой писанное къ оному моему мужу письмо, поощряющее его на угнетеніе меня и открывающее непозволенную между ими взаимность, которое ежели угодно будетъ потребовать соизволеніе вашего величества, то имѣю представить... Великодушная монархия! Сnidите съ престола и извлеките Божескимъ своимъ снисходительнымъ покровомъ, чтобы невинно несчастную жену, погибающую съ своими дѣтьми по-вельнѣемъ: во удержаніе расточеніе родового имѣнія въ письмѣ крѣпостей и прочихъ сдѣлокъ ему запрещено и оставлене у меня дѣтей, для обученія оныхъ, подъ моимъ надзоромъ, а мнѣ обѣ отпускѣ безудержно для содержанія моего съ ними стѣдуемыхъ суммъ высочайше повелите опредѣлить опеку. Я бы иначе никакъ не осмѣлилась утруждать священнѣйшую императорскую вашего величества особу, еслибы не син кровныя нужды и поступки моего мужа, а наиболѣе повсюдуносимые звуки о безпредѣльно милосердаѣйшій щедротѣ вашей къ тому меня не привлекли. Удостой въ свѣтѣ великая государыня въ возстановленіи бытія нашего сподобиться правосудно милостивой своей резолюціи».

«Всемилостивѣйшей государыни
«Вашего Императорскаго Величества
«всеподданѣйшая
«Генераль-майора Ольга Ганибалова».

«Генваря « » дня
1792 года».

III.

Назначеніе Г. Р. Державина кабинетскимъ секретаремъ у принятія прошеній. — Его неумѣніе угодить императрицѣ. — Письмо Ольги Григорьевны Ганнибалъ къ Г. Р. Державину. — Перечень содержаній, положенного ей Петромъ Абрамовичемъ. — Новый составленный ею перечень. — Значеніе этихъ перечней для обрисовки городскаго домашняго обихода дворянъ средняго состоянія.

Прошеніе Ольги Григорьевны Ганнибалъ было доложено императрицѣ 15-го января 1792 года, Г. Р. Державинъмъ, который за мѣсяцъ передъ тѣмъ былъ назначенъ кабинетскимъ секретаремъ (статьею секретаремъ) у принятія прошеній. Хотя Державинъ, по своей обязанности, принялъ на себя ходатайство по жалобѣ Ольги Григорьевны, но, какъ мы увидимъ ниже, вѣль себя крайне нерѣшительно, прибѣгалъ къ полумѣрамъ и хлопоталъ только о скорѣйшемъ прекращеніи дѣла, въ виду множества другихъ поступавшихъ къ нему прошеній и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своего шаткаго положенія при дворѣ.

Послѣ хлопотъ и непріятностей по тамбовскому губернаторству, Державинъ довольно долго оставался въ неопределенномъ положеніи и, только два мѣсяца спустя послѣ смерти Потемкина, дождался нѣваго назначенія. Но и тутъ при частыхъ докладахъ, въ качествѣ кабинетскаго секретаря, онъ не сумѣлъ угодить императрицѣ и, въ самомъ непродолжительномъ времени, навлекъ на себя ея неудовольствіе. При назначеніи Державина, императрица, между прочимъ, имѣла въ виду поручить своему новому секретарю просмотръ сенатскихъ меморій; но прославленный пѣвецъ Екатерины на первыхъ же порахъ такъ наскучилъ ей своими замѣчаніями по этому поводу, что она приказала ему объясняться по сенатскимъ меморіямъ только съ оберъ-прокурорами и генераль-прокуроромъ. Такимъ образомъ, доклады у государыни становились все рѣже и непріятнѣе для обѣихъ сторонъ. «Самъ Державинъ приписывалъ это тому, что черезъ его руки проходили дѣла непріятнаго свойства: жалобы на неправосудіе, награды за заслуги и прошенія о пособіяхъ, тогда какъ доклады о болѣе важныхъ и интересныхъ предметахъ относились къ обязанностямъ другихъ секретарей. Но главной виной было то, что Державинъ не обладалъ тою ловкостью и уклончивою гибкостью, которыя необходимы для успѣха въ придворной сферѣ, не умѣлъ скрывать мыслей, ни выражать ихъ съ приличною осторожностью»¹⁾.

Достаточнымъ подтвержденіемъ этого служатъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчанія императрицы, по поводу докладовъ Державина, приведенные въ «Дневникѣ А. В. Храповицкаго» за 1792 годъ:

¹⁾ «Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями» Я. К. Грота, т. IX, Спб., 1883, стр. 619.

«13-го февраля. Сказали мнѣ послѣ доклада Державина, что онъ ходитъ съ такими просыбами, какими бабы разжалобили тещу и жену его.

«2-го марта. Какъ-то не въ добрый часъ Державинъ докладывалъ... и съ неудовольствиемъ Державина отпустили. Потомъ, тотчасъ призвавъ меня, сказывали... Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ... и скоро, кликнувъ Державина, со словъ моихъ дали резолюцію. Послѣ и безъ него говорили: онъ такъ новъ, что ходитъ съ дѣлами, до меня не принадлежащими»...¹⁾.

Съ другой стороны, Державинъ, убѣдившись въ своемъ неумѣніи угодить императрицѣ, долженъ былъ избѣгать всякихъ лишнихъ докладовъ, а тѣмъ болѣе по одному и тому же дѣлу. Поэтому, не дожидаясь отвѣта императрицы на прошеніе О. Г. Ганнибалъ, онъ вызвалъ Петра Абрамовича для личныхъ объясненій и, успокоенный его доводами, что «онъ даетъ достаточно своей женѣ, и что она имѣеть своихъ приданыхъ 140 душъ», обратился письменно къ Ольгѣ Григорьевнѣ, совѣтуя ей вступить въ переговоры съ мужемъ и покончить дѣло мирнымъ путемъ. Ольга Григорьевна буквально исполнила совѣтъ кабинетскаго секретаря и написала своему супругу письмо, приложивъ новый составленный ею списокъ содержанія, которое она желала получать отъ него «натурою и деньгами для безбѣднаго существованія съ дѣтьми». Но Петръ Абрамовичъ, и прежде не обращавшій никакого вниманія на заявленія жены, еще менѣе расположень былъ къ какимъ либо уступкамъ, послѣ ея жалобы императрицѣ. Вмѣсто отвѣта, онъ возвратилъ ей обратно посланный ей перечень содержанія съ короткой собственноручной надписью:

«Я у его превосходительства Державина былъ и ему объяснился, вы отъ меня получайте по прежнему моему положенію, что и получите именно послѣ завтра, а предписывать вы мнѣ не можете. П. Г.»

Не довольствуясь этимъ, Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ пріѣхалъ въ Псковъ, чтобы, противъ желанія жены, продать свое наслѣдственное имѣніе Елицы и совершилъ на него купчую крѣпость. При этомъ онъ разсказывалъ всѣмъ знакомымъ, что «Г. Р. Державинъ не думалъ докладывать государынѣ, а удержалъ просьбу Ольги Григорьевны у себя, и его, Петра Абрамовича, отъ своего имени дружески пропросилъ удовлетворить жену, помимо воли государыни».

Ольга Григорьевна тотчасъ же узнала о предполагаемой продажѣ и розсказняхъ своего мужа; и подъ вліяніемъ огорченія послѣшила извѣстить кабинетскаго секретаря о неблагопріятномъ для нея поворотѣ дѣла. Письмо ея къ Державину носить тотъ же характеръ, какъ и прошеніе къ императрицѣ, отличается такимъ же многослов-

¹⁾ «Дневникъ А. В. Храповицкаго» 1782—1793. Николая Барсукова. Спб. 1874, стр. 389, 391—392.

нымъ изложеніемъ фактovъ и отсутствиемъ какихъ либо личныхъ, самостоятельныхъ соображеній. Исполнивъ въ точности совѣтъ Державина, она поражена постигшей ее неудачей и довѣрчиво посвящаетъ его въ малоинтересныя для него подробности своихъ домашнихъ дѣлъ, въ надеждѣ, что онъ такъ или иначе выведетъ ее изъ затрудненія и придумаетъ планъ дѣйствій:

«Милостивѣшій государь Гаврила Романовичъ! (пишетъ Ольга Григорьевна Ганнибалъ). Нѣть сомній, чтобы врожденная добродѣтель ваша, узнавъ причину нудящаго меня донесенія, не простила мнѣ оное, такъ какъ я, выполняя волю приказанія вашего Превосходительства, хотѣла достигнуть спокойнаго окончанія: но нѣть, вмѣсто сего встрѣчена таковыми обстоятельствами, которыя болѣе видѣ подаютъ ко угинѣнію меня, нежели къ надеждѣ получения желаемаго. Ибо я, не имѣя случая видѣть мужа моего почла за должное отнестиась ему самою нужною запискою, что сколько бы подражательно было получать мнѣ въ годъ на содержаніе, на которую въ отвѣтъ и получила, что онъ вашему превосходительству о даѣ мнѣ прежняго своего положенія объяснялся и будто бы вы сверхъ того отпускать мнѣ ничего ему не приказывали. А какъ доходы его состоять болѣе 5000 рублей, положеніе же заключалось не изъ чего иного, какъ изъ отпускаемыхъ мнѣ въ годъ 500 рублей и небольшаго количества для людей муки, а лошадей сѣна и овса, которое и во всеподданнѣйшей моей просьбѣ объяснено, что столь недостаточно, что я изъ долговъ не выходила никогда, что самое и убѣждало меня повергнуться къ стопамъ монаршаго покровительства,—тепериче же онъ, не только чѣмъ симъ меня по сей запискѣ удовлетворилъ, но и деревню доносимую ея императорскому величеству, о которой я всеподданнѣше и просила учинить въ письмѣ крѣпостей запрещеніе, за 37.000 рублей продаль и крѣпость на сихъ днѣахъ въ здѣшней (псковской) гражданской цалатѣ вознамѣрился совершиТЬ, чрезъ что невинныя дѣти и лишаются ужъ навсегда оной, къ тому, жъ еще всѣмъ отзываются, якобы по просьбѣ моей ваше превосходительство не изволили государынѣ докладывать, а удержали оную у себя, что и сказывали ему по дружбѣ своей за секретъ, что вы мнѣ таковое объявленіе будто бы изволили учинить отъ себя, а его только дружески просили, чтобы онъ меня по вашей просьбѣ удовлетворилъ, а не по волѣ государыни, о чѣмъ я и извѣстилась отъ весьма надежнаго и близкаго ему человѣка—чemu я однако, чтобы оное могло произойти со стороны вашей, не додаю ни малаго вѣроятія. Но поелику таковой отзывъ его есть презрительная насмѣшка и умыселъ, клонящійся впередъ на утѣшненіе меня, то я и почитаю за долгъ моей обязанности обѣ ономъ учинить вамъ донесеніе. Что жъ онъ объяснялся вашему превосходительству, что все будто бы даетъ на содержаніе мое достаточно, и я имѣю за собою своихъ приданыхъ 140 душъ, такое его донесеніе есть дѣйствительно несправедливое, ибо я въ приданое получила отъ отца моего только 100 душъ, а отъ него получала то самое, что я выше сего вамъ донести честь имѣла, но и то не всегда все, а гораздо съ уменьшеніемъ положеннаго...».

Далѣе, въ томъ же письмѣ, Ольга Григорьевна вновь распространяется о своемъ стѣсненномъ материальномъ положеніи и просить Державина оказать ей покровительство въ доставленіи ей сполна содержанія по запискѣ, «учиненной» ею для Петра Абрамовича и полученной отъ него обратно съ отказомъ.

Любопытно, что Ольга Григорьевна, представляя ту же записку Державину съ краткимъ перечнемъ получаемаго отъ мужа содержанія, сочла нужнымъ нѣсколько видоизмѣнить ее и перевести статьи

требуемаго содержанія на тогдашнія цѣны, что составило въ итогѣ 2581 рубль 60 копеекъ; и, не довольствуясь этимъ, просила, чтобы суммы, слѣдуюмыя учителямъ за воспитаніе дѣтей, были отпускаемы ей на руки (см. прил. I и II). Между тѣмъ, въ прежней запискѣ, составленной ею для мужа, она не рѣшилась упомянуть о годовой суммѣ, означенной въ запискѣ къ Державину и далеко превышающей положенное имъ содержаніе, и предоставляла по его усмотрѣнію «ему самому платить въ пансіонъ и учителямъ за воспитаніе дѣтей».

Въ то же время, Ольга Григорьевна, повидимому, не совсѣмъ была покойна относительно записи, представляемой кабинетскому секретарю, такъ какъ въ письмѣ къ нему дѣлаетъ оговорку, что она лично, «судя беспристрастно, не находится въ своей записи ничего излишняго, а все полагала только одно необходимое»... «А есть ли, добавляетъ она, что и за тѣмъ усмотрѣно будетъ вами излишнее, то, исключая оное, предоставить мнѣ безбѣдное содержаніе, чѣмъ и можете прекратить всю таковую между нами разстройку и симъ то самымъ положеніемъ оградите во всю жизнь мою бытіе утѣсненнаго семейства, съ которымъ я въ ожиданіи сего вашего снисхожденія пребыть честь имѣю и пр.

«Покорѣйшая къ услугамъ

«Ольга Ганнибалова».

«Иваря < > дня
1792».

Въ дополненіе къ этому письму считаемъ нелишнимъ привести записку Ольги Григорьевны, представленную ею П. А. Ганнибалу съ вычисленіемъ требуемаго содержанія, на ряду съ перечнемъ дѣйствительнаго содержанія, получаемаго отъ мужа透过 A. K. Роткирха:

Перечень содержанія, положенного Петромъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ въ 1790 году.

Для собственнаго своего содержанія Ольгѣ Григорьевнѣ опредѣляю въ годъ 500 рублей, да изъ деревень ея, въ приданство полученныхъ, доходы отъ оныхъ отдаю же на ея произволъ. Для услугъ ея опредѣляю людей, а именно трехъ лакеевъ, повара и двухъ конюховъ, женска полу трехъ, провіантъ въ мѣсяцъ мужскому два четверика, женскому полтора четверика, крупъ каждому въ мѣсяцъ по гарцу, гороху вѣмъ четыре гарца въ мѣсяцъ, мяса десять пудъ въ годъ, капусту на зиму рубленой.

Лакеемъ сертукъ и камзолъ на полтора года, а нижнее платье повсѧгодно на рубашки и на прочую обувь по три рубли каждому въ треть; повару камзолъ на полтора года, а нижнее повсѧгодно, на рубашки и на фартуки и на обувь по три рубли въ треть, да на два года повару кафтанъ простово сукна; конюхамъ кафтаны на полтора года, на рубашки и обувь по два рубля въ треть, шубу на четыре года; женщинамъ двумъ верхнимъ двѣ пары платья затрапезные или на-

бойчатые на полтора года, на рубашки, на платки и на обувь по четыре рубли съ полтину въ годъ; прачкѣ сѣрой кафтанъ на два года, на кофту и юпку и прочую обувь и рубахъ по рублю семидесяти копѣекъ въ треть; шубу на четыре года.

Для экипажу 4-хъ лошадей, для коихъ фуражъ получать и на одну корову съна; для ковки лошадей 24 рубли въ годъ.

Для стола муки пеклеванной три четверти, три четверика съ половинкою; пшеничной домашней четыре четверика; масла четыре пуда, вся оная провизія на годъ; солоду въ мѣсяцъ по четверику.

Ольга Григорьевна получила отъ меня на 4-е мѣсяца, щитая съ марта на ее содержаніе 166 рублей 40 копеекъ, за квартиру за полгода 80 рублейъ, въ пенсіонъ отдано за обѣихъ дѣтей за полгода впередъ 225 рублей, считая съ 21 февраля; дѣтямъ дано на одежду 100 рублей; на дрова получаетъ денегъ изъ суммы продажныхъ въ Гачину дровъ, лакеемъ всѣмъ сдѣлать по нижнему платью, а Сеньки и Фильки по сертуку и три шляпы; для двухъ конюховъ по синему кафтану съ кушаками и двѣ шляпы, жалованья по положенію роздать всѣмъ дѣвкамъ по положенію купить на платье или деньгами выдать по цѣнѣ; прачкѣ сдѣлать сѣрой кафтанъ изъ сукна, имѣющагося при мызѣ, а шубу дать еще обождать, ибо срокъ еще не вышелъ; малой дѣвкѣ сдѣлать платье...

въ 26 февраля

1790 года

Мыза Элицъ.

Перечень полагаемаго къ полученію годового содержанія по запискѣ Ольги Григорьевны, представленный ею Петру Абрамовичу Ганибалу въ январѣ 1792 года.

1. На наемъ квартиры и покупку дровъ въ годъ триста двадцать рублей.
2. На разные припасы къ столу, что для содержанія семейнаго въ домѣ потребно и на лекарства, полагается въ годъ всего тысячу рублей, да въ натурѣ отпускать изъ деревни для стола въ каждой годъ муки пеклеванной пять четвертей, пшеничной три четверти, масла коровья семь пудъ, солоду на квасъ и кислые шти три четверти, крупу гречневыхъ, ячменныхъ и полбѣнныхъ или какія другія вмѣсто того случатся, каждаго сорта по два четверика.
3. На починку экипажа, на исправленіе конской сбруи, на подковку лошадей и на лекарства 80 рублей.
4. Для двухъ лакеевъ и третьяго парукмахера на ливрею, въ каждый годъ на каждого по 30 рублей, да имъ же на рубашки, галстуки, манжеты и обувь, жалованья въ годъ по 12 рублей на человѣка, да въ три года на теплые сертуки или бекеши, каждому по 20 рублей.
5. Для повара на камзолъ съ рукавами и штаны толстаго синяго сукна на годъ 10 рублей, да на сѣрой кафтанъ въ два, тулути овчинной въ три года 10 рублей, на рубашки, фартуки, обувь и тому подобное жалованья въ годъ по 12 рублей.
- 6-е. Кучеру и форейтору для выѣзда на синіе ямскіе кафтаны въ два года каждому по 12 рублей; на шляпы и шапки ямскія по три рубли въ годъ; на сѣрые повсѧдневные кафтаны въ два года по 4 рубли каждому, на тулуны овчинные въ два года по 7 рублей каждому, на рубашки, обувь и прочее жалованья въ годъ по 10 рублей.
- 7-е. Для трехъ вверху дѣвокъ каждой на двѣ пары носильныхъ затрапезныхъ по семи рублей на пару, да каждой на одну чистую для праздниковъ пару изъ выбойки по 6 рублейъ, да на рубашки, платки и обувь, каждой въ годъ по 8 рублей, да каждой на три года по овчинной шубѣ синей крашениной крытой цѣ-

ною по восьми рублей, да для одной прачки на двѣ пары носимаго простаго платья въ годъ по шести рублей,—на сѣрой кафтанъ и овчинной тулупъ на два года по 7 рублей, на обувь, рубашки жалованья по 5 рублей.

Для людей на пищу:

8-е. На каждый мѣсяцъ на каждого человѣка муки аржаной по два четверика— крупу по одному гарцу—гороху для всѣхъ въ мѣсяцъ четыре гарца, да говядины всѣмъ вообще во весь годъ 12 пудъ или за оную деньгами 24 рубля; капусты рубленой 24 ведра.

Для четырехъ лошадей каретной и одной водовозной и двухъ коровъ фуража.

9-е. На всѣхъ овса въ мѣсяцъ по 6 четвертей, сѣна на всѣхъ лошадей и коровъ въ мѣсяцъ по сту по пятидесяти пудъ, да муки коровамъ въ мѣсяцъ осмину.

Все описанное по сему исчислению должно отпускаемо быть деньгами предъ наступлениемъ каждого года въ декабрѣ мѣсяцѣ за годъ въ передъ, а въ натурѣ хлѣбъ и фуражъ и прочие припасы по мѣсячно впередъ — но буде призвано будуть по чому неудобнымъ доставлять оные въ натурѣ, то вмѣсто онаго вносить въ тожъ самое время, когда что представить долженъ, деньгами, по тѣмъ цѣнамъ, какія тогда показаннымъ вещамъ состоять будутъ.

Что жъ принадлежитъ до дѣтей, то за преподаваніе имъ разныхъ наукъ въ пансионѣ и учителямъ по условиимъ суммы денежнай платить прямо отъ себя Петру Абрамовичу.

Приведенное нами вычисленіе содержанія, получаемаго Ольгой Григорьевной Ганнибалъ отъ мужа, а равно и составленные ею печерни увеличенаго содержанія, любопытны не только со стороны цѣнъ на тѣ или другіе продукты и тогдашней стоимости жизни вообще, но имѣютъ безусловно бытовое значеніе, такъ какъ наглядно рисуютъ городской домашній обиходъ дворянъ средняго состоянія. Хотя Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ наслѣдовалъ отъ отца 300—340 душъ и по числу ихъ принадлежалъ къ крупнымъ помѣщикамъ, которыхъ въ прошломъ столѣтіи было въ Великороссіи всего 6%, а тѣмъ болѣе въ Псковской провинціи, гдѣ преобладало мелкопомѣстное владѣніе¹⁾; но во всякомъ случаѣ онъ не могъ сравниться съ вотчинниками, владѣвшими нѣсколькоими тысячами крестьянъ, которые жили на широкую ногу, сообразно своимъ средствамъ. Послѣдніе щеголяли другъ передъ другомъ не только мебелью, дорогими экипажами и множествомъ лошадей, ио и количествомъ дворовыхъ,—такъ что «въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ въ Петербургѣ число слугъ обоего пола доходило до 150 и даже 200 человѣкъ»²⁾. Такія условія жизни были, конечно, возможны только при крѣпостномъ трудѣ, когда «все было свое: и хлѣбъ, и живность и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень; всего заготовлялось помногу, стало быть, и содержаніе стоило не дорого; а жалованье людямъ платили небольшое; сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ некупленный» и пр.³⁾.

¹⁾ «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II» В. И. Семевскаго, т. I, Спб., 1881, стр. 30 и 20.

²⁾ Ibid., стр. 127.

³⁾ «Разсказы бабушки» Д. Благово, Спб., 1885, стр. 55.

Но, какъ ни дешево было въ тѣ времена содержаніе дома и прислуги, стремленіе дворянъ средняго состоянія жить по образцу знатныхъ и богатыхъ баръ приводило къ довольно печальнымъ результатамъ въ виду усилившейся роскоши; и заставляло ихъ дѣлать долги или урѣзывать себя на болѣе необходимомъ. Такъ Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, считая нужнымъ, «сообразно по рожденію и чести всей фамиліи», приличнымъ образомъ содержать жену съ дѣтьми въ городѣ, назначилъ ей для прислуги десять человѣкъ: три лакея (изъ нихъ одинъ исполнялъ должность парикмахера), повара, кучера, форейтора, трехъ «верхнихъ» дѣвокъ и прачку, а для выѣздовъ дѣлать четверку лошадей, потому что карета цугомъ составляла тогда неизбѣжную принадлежность порядочнаго дворянскаго дома. Но въ то же время Петръ Абрамовичъ урѣзалъ, насколько могъ, домашній обиходъ семьи и ограничилъ содержаніе прислуги скучнымъ удовлетвореніемъ самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей, относительно пищи, одежды, обуви и получаемаго жалованья. Ольга Григорьевна, съ своей стороны, чтобы не отстать отъ другихъ и поддержать честь семьи, позволяла себѣ лишь расходы и вошла въ неоплатные долги. Хотя въ запискѣ, поданной Державину, она, между прочимъ, просила о небольшой прибавкѣ содержанія прислугъ, но едва ли сдѣлала это для гуманныхъ цѣлей, а скорѣе хлопотала объ увеличеніи своего содержанія вообще, которое желала по возможности получать «наличными деньгами и прямо на руки».

IV.

Резолюція императрицы на пропшеніе Ольги Григорьевны Ганнибаль.—Сомнінія Ольги Григорьевны и ея жалобы Державину на Петра Абрамовича въ ослушаніи высочайшей воли.—Письмо Петра Абрамовича Ганнибала.—Обличительное письмо Ольги Григорьевны къ Державину и просьба вновь дождѣть обѣ ея дѣлъ государынѣ.—Вторичный докладъ Державина по дѣлу Ганнибала.—Переписка Державина по этому поводу съ обоними супругами.

Державинъ, получивъ письмо Ольги Григорьевны, съ приложениемъ составленной ею записки увеличенного содержанія, не нашелъ нужнымъ входить съ нею въ какія либо объясненія по этому поводу, тѣмъ болѣе, что считалъ дѣло оконченнымъ, въ виду послѣдовавшей на него резолюціи государыни. Но, для успокоенія Ольги Григорьевны, онъ поспѣшилъ сообщить ей содержаніе именнаго указа ея величества, по которому Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ обязывался выполнить ея, Ольги Григорьевны, требованія, выраженные въ прошеніи, о выдачѣ ей «безнужнаго содержанія, нечиненіи впредь оскорблений и неограбленіи у нея дѣтей».

Ольга Григорьевна недовѣрчиво отнеслась къ полученному извѣстію, но не рѣшилась прямо высказать своихъ сомнѣній. Поэтому,

въ письмѣ къ Державину отъ 21 января 1792 года, не входя ни въ какія подробности, она только просила его взять съ Петра Абрамовича Ганнибала письменное обязательство въ точномъ выполненіи послѣдовавшей резолюціи, а также принять должныя мѣры къ охраненію имущества ея малолѣтнихъ дѣтей, чтобы «она могла оставаться покойною и навсегда безопасною»...

Неизвѣстно, получила ли Ольга Григорьевна отвѣтъ на это письмо, но, во всякомъ случаѣ, ея сомнѣнія относительно готовности Петра Абрамовича исполнить высочайшую волю имѣли достаточное основаніе. Упрямый генералъ-маіоръ, повидимому, не выказывалъ ни малѣйшаго желанія подчиниться кому бы то ни было въ устройствѣ своихъ семейныхъ дѣлъ; и по прїездѣ въ Псковъ заявилъ объ этомъ Ольгѣ Григорьевнѣ, чтобы навсегда отбить у нея охоту писать на него жалобы и прошенія.

Но Ольга Григорьевна, подъ страхомъ лишиться получаемаго содержанія, рѣшилась вновь обратиться къ заступничеству кабинетскаго секретаря, потому что считала вмѣшательство власти единственнымъ спасеніемъ въ своей распѣ съ мужемъ.

«Милостивѣйший государь Гаврила Романовичъ!—писала она Державину отъ 2 февраля того же года,—простите вы мнѣ, что бѣдственное изнуреніе всіхъ положеніевъ и угрозы въ преслушаніи высочайшой воли, мужа моего, нудятъ меня паки, симъ утруждалъ васъ, совершенно предать себя покровительству вашихъ добродѣтелей. Такъ какъ мужъ мой прошедшаго числа иззвѣстилъ меня, чтобы я отъ него никакого полученія на мое содержаніе не только вновь мною полагаю, но и изъ того, что имъ было положено, не дождалась, а просила бы на него, гдѣ бы то ни было и сколько хотѣла, но онъ ничьихъ приказанийъ выполнять не будетъ, послику де имѣніемъ моимъ распоряжать права кромѣ меня никто не имѣтъ, каковое свѣденіе и поразило меня столь чувствительно, что я вашему превосходительству лично предстать никакъ не могу, тѣмъ вящее, что по тому его положенію я всегда получала на каждый мѣсяцъ при наступленіи начала онаго все что слѣдовало, а по сему самому, что было получено за истекшій мѣсяцъ, то все издержано, и у меня теперь ни денегъ, для людей муки, а дошадей фуражу ничего нѣть и кормить оныхъ, не войдя въ долгъ, не чѣмъ, что и убѣжало меня... просить васъ, милостивѣйший государь, о скорѣйшемъ исходатайствѣ своимъ представительствомъ отъ высочайшей власти великодушно материяго на безбѣдное по тому расчисленію опредѣленія, а дабы я до онаго не могла мереть голодомъ, пожаловать приказать ему доставлять мнѣ все по прежнему. Пожалуйте, милостивѣйший государь, войдите въ разсмотрѣніе таковой его ожесточенности и горестибѣшаго моего состоянія и докажите свѣту, что вы есть истинный щитъ покровительства невиннаго страданія, чего въ ожиданіи и пребуду всегда съ истиннымъ моимъ къ вамъ почитаніемъ» и пр.

Однако, какъ ни храбрился Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ передъ окружающими и женой, готовой повѣрить на слово всякой его угрозѣ, но не посмѣть на дѣлѣ выказать неповиновеніе высочайшой волѣ. Поэтому, вслѣдѣ за полученіемъ упомянутаго указа государыни о выдачѣ имъ, Петромъ Абрамовичемъ, достаточнаго содержанія семьѣ, онъ написалъ почтительное письмо кабинетскому секретарю, въ которомъ, жалуясь на несправедливыя требования Ольги Григорьевны,

тѣмъ не менѣе, изъявилъ полнѣйшую готовность, согласно повелѣнію императрицы, давать «ежегодно женѣ на все ея содержаніе по тысячи рублей».

«Милостивый государь мой Гаврило Романович,—писалъ Ганибаль Державину своимъ несложнымъ слогомъ,—на объявленный мнѣ отъ вашего превосходительства именный всемилостивѣшей нашей государыни указъ имѣю честь доности: жена моя имѣть собственныхъ своихъ крестьянъ въ Казанской губерніи 140 душъ, а за мною всего во владѣніи состоять 300 душъ, съ которыхъ ежегоднаго дохода получаю только 2500 рублей, изъ онаго содержу себя и трехъ моихъ дѣтей, изъ коихъ двое въ пенсіонѣ, не входя во объясненіи причинъ равномѣрно и свое неудовольствіе женѣ мнѣ, честь имѣю Вашему Превосходительству донести, хотя отъ жены моей и несправедливая жалобы и отъ сожитія со мною удалилась добровольно, но и ея избѣгая навести дальнихъ беспокойствъ и повинуясь слѣпо повеленію ея величества обязуюсь давать ежегодно на все ее содержаніе по тысячи рублей, которое число денегъ съ доходами, получаемыми ею изъ собственныхъ ее деревень, превосходить почти то, что я на содержаніе и воспитаніе дѣтей своихъ и для себя оставляю.

«Въ противъ, приемля высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе съ надлежащимъ вѣрноподданному благоговѣніемъ, все то предаю материему и правосудному ея императорскаго величества о подданныхъ ея промышленію.

«Вашему Превосходительству

«Милостиваго Государя

«покорнѣйшій слуга Петъръ Ганибаль».

«Февраля 6 дня
1792 г.».

Добродушный тонъ письма Петра Абрамовича и выраженная имъ готовность выдавать ежегодно своей женѣ по тысячи рублей, во исполненіе высочайшаго указа, настолько расположили Державина въ пользу обвиняемаго, что онъ и на этотъ разъ оставилъ безъ вниманія жалобу Ольги Григорьевны, съ вычисленіемъ требуемаго ею содержанія, о которой она вновь напоминала ему въ своемъ письмѣ отъ 2 февраля. Къ тому же, посланіе Петра Абрамовича казалось настолько краснорѣчивымъ кабинетскому секретарю, что онъ цѣликомъ переслалъ его Ольгѣ Григорьевнѣ при слѣдующей запискѣ:

«Милостивая Государыня моя

«Ольга Григорьевна.

«По дѣлу вашего превосходительства съ мужемъ вашимъ генералъ-майоромъ Петромъ Абрамовичемъ Ганибаломъ получиль я отъ него письмо, при семъ прилагаемое, въ которомъ онъ въ исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества соизволенія, обязуется сверхъ воспитанія дѣтей давать вамъ на все ваше содержаніе ежегодно по тысячи рублей, о чёмъ и донесено будетъ ея императорскому величеству, извѣщаю о семъ, пребываю съ особливымъ моимъ почтеніемъ

«Гавриль Державинъ».

«Февраля 8-го дня, послано съ Г. Куперомъ.

«1792 года, С.-Петербургъ».

Но письмо Петра Абрамовича не произвело на его жену того впечатлѣнія, какого ожидалъ отъ него Державинъ, въ чемъ онъ могъ убѣдиться изъ полученнаго на другой день подробнаго письма Ольги

5*

Григорьевны, въ которомъ она открыто уличала своего мужа во лжи. По ея словамъ оказывалось, что прежнее, положенное мужемъ содержаніе далеко превосходило обѣщанную имъ сумму въ тысячу рублей, и что, кромѣ того, Петръ Абрамовичъ намѣренно уменьшилъ количество принадлежащаго ему имущества, а также неправильно показалъ число душъ, полученныхъ ею въ приданое. Взаключеніе Ольга Григорьевна просила кабинетскаго секретаря, въ случаѣ отказа Петра Абрамовича дать ей безбѣдное содержаніе, вновь доложить обѣя ея дѣлѣ императрицѣ.

Обличительное письмо Ольги Григорьевны опять-таки настолько характерно по общему тону и нѣкоторымъ своеобразнымъ выраженіямъ, что мы рѣшаемся привести его:

«Милостивый Государь
Гаврила Романовичъ.

«И имѣя честь быть о положеніи мужа моего и прочаго отъ васъ возвѣщенію! Одолжаюсь донести вашему превосходительству, что таковое его положеніе ни есть уважительное исполненіе высочайшей воли, а вящее угнѣтеніе токмо меня, поелику онъ, не имѣя на сіе прежде обѣявленаго ему повелѣнія, доставлять къ содержанію моему гораздо превосходѣй сей суммы, нежели чѣмъ нынѣ обязуется, а узнавъ, сколь скоро оное не только восхотѣлъ чѣмъ удовлетворить, но тотчасъ въ доказательство мнѣнія своего иродалъ деревню, уменьшилъ и то, изъ чего ясно уже познательно, что духъ миролюбія его въ немъ болѣе не имѣть соприсутствія, что и самъ онъ подтверждаетъ сими словами, что, повинуясь слѣпо повелѣнію ея величества, опредѣляетъ мнѣ таковое положеніе, а безъ сего будто бы онъ и не имѣлъ обязанности, каковую дерзновенность и предоставляю прозорливости Вашего превосходительства, съ таковыми донесеніемъ, что я оныхъ его опредѣленіемъ довольною быть не могу, ибо доходы его совсѣмъ не такие, какъ онъ объясняетъ, и онъ по смерти отца получитъ въ наслѣдіе не 300, а 340 душъ, да до двѣнадцати тысячъ рублей наличныхъ денегъ, домъ, за который по продажѣ взялъ 7 тысячъ, да дачу продалъ же приносимую довольною число доходовъ, а нынѣ получилъ за деревню тридцать четыре тысячи, то казалось бы, что таковой суммы, изъ коей онъ за обученіе дѣтей въ годъ только платить по 500 рублей, а прочие всѣ употребляетъ не на присовокупленіе сего, а на угодность прожитія съ нимъ живущихъ, достаточно довольно ему было и ко удѣленію безбѣднаго моего содержанія, такъ какъ я и дѣти страдаютъ безвинно и несчастлива тѣмъ только, что за нимъ замужемъ, но тутъ нужно ему имѣть на сіе изъятіе, дабы я таковыми ложными вымысломъ, какъ то въ моемъ его оставленіи приданымъ и тому подобнымъ отторгнута симъ была монаршаго милосердія, и онъ болѣе бы имѣлъ удобности весь сей доходъ перевести въ руки тому, къ кому посвящена вся его приверженность, на каковой доводѣ имовѣрія о приданомъ моемъ, что оного за мною столько нѣтъ, имѣю представить рядную; о оставленіи имъ меня, а не я его—руки его письма, о прочемъ же, по бывшему извѣстною, что онъ вознамѣрился возвести, рѣшительно ни чего сказать не могу, почему вашего превосходительства покорнѣйше и прошу, если онъ на дачу мнѣ въ годъ всего на все, изключая дѣтей, что имъ слѣдуетъ, не согласится дать 1800 рублей или 1000, да къ оныхъ по расчисленію моему запасъ и фуражъ, то о упорномъ прислушаніи его и сихъ стеченьяхъ, а равно и о долгѣ на мнѣ по сему имѣющемуся доложить ея императорскому величеству и мнѣ своимъ покровительствомъ исходатайствовать отъ материаго ея великодушія къ безбѣдному моему содержанію опредѣленія во ожиданіи чего пребуду и пр.

«Ольга Ганибалова».

«Февраля 9 дня
1792 г.».

Но Державинъ медлилъ съ докладомъ императрицѣ, а равно и съ отвѣтомъ Ольгѣ Григорьевнѣ, такъ какъ, помимо путаницы въ денежныхъ расчетахъ обоихъ супруговъ, имѣлъ теперь достаточное основаніе усомниться въ правдивости ихъ показаній. Неизвѣстно, чѣмъ объяснила Ольга Григорьевна молчаніе кабинетскаго секретаря, но, вѣроятно, объяснила его по-своему, такъ какъ нашла нужнымъ прибѣгнуть къ авторитету старшаго брата своего мужа, заслуженнаго и всѣми уважаемаго генералъ-поручика Ивана Абрамовича Ганибала, чтобы вновь дать ходъ своему дѣлу. Не дождавшись отвѣта отъ Державина, она написала ему второе письмо, въ которомъ заявила, что «была наканунѣ у Ивана Абрамовича, обо всѣхъ обстоятельствахъ съ нимъ говорила, и онъ крайне удивился, что оное (дѣло) и понынѣ еще не достигло своего окончанія, и вѣрить не хотѣлъ, чтобы Петръ Абрамовичъ могъ опредѣлять столь малую сумму на содержаніе женѣ... такъ какъ отзываться ему не состояніемъ на дачу болѣе сего никакъ нельзя»... Затѣмъ, въ томъ же письмѣ Ольга Григорьевна передаетъ со словъ своего шурина, что будто бы «Петръ Абрамовичъ сказывалъ своему старшему брату, что каждогодно впередъ на содержаніе жены изключая дѣтей давать будетъ 1.500 рублей. Но только оные онъ иначе нынѣ доставить не можетъ, какъ дождавшись о семъ извѣщенія отъ его превосходительства г-на Державина» и пр.

Хотя весьма сомнительно, чтобы наивная уловка Ольги Григорьевны могла произвести особенное впечатлѣніе на Державина; однако на докладѣ у императрицы 13 февраля 1792 года, онъ опять отважился поднять вопросъ о супружеской распѣ Ганибаловъ. На это послѣдовала словесная резолюція государыни, чтобы «Петръ Абрамовичъ Ганибалъ непремѣнно по мѣрѣ достатка удовлетворялъ жену и не доводилъ бы болѣе жалобъ ея до высохайшаго престола».

Послѣ такой резолюціи Державинъ, желая сложить съ себя хлопоты по непріятному для него дѣлу, написалъ слѣдующее письмо Петру Абрамовичу и одновременно послалъ копію съ этого письма Ольгѣ Григорьевнѣ:

«Милостивый государь мой

«Петръ Абрамовичъ.

«По отношеніи вашего превосходительства ко мнѣ 6-го числа сего мѣсяца, касательно согласія вашаго давать супругѣ вашой сверхъ нужного воспитанія и содержанія дѣтей вашихъ, при ней находящихся, ежегодно по тысячи рублей, а равно по отношеніямъ и супруги вашей ко мнѣ же, что она тѣмъ опредѣляемъ отъ васъ количествомъ, въ разсужденіи доходовъ вашихъ, довольно быть не можетъ и просить, чтобы ей опредѣлили вы болѣе того, потому что вы и прежде запасомъ превосходило того ей доставленіе и въ присутствіи его превосходительства Ивана Абрамовича и при мнѣ обѣщались, имѣть я счастіе докладывать ея императорскому величеству сего февраля 13 числа и получить высочайший отзывъ, чтобы ваше превосходительство непремѣнно, по мѣрѣ вашего достатка ее удовле-

творяли и не доводили бы болѣе жалобъ ея до высочайшаго престола. Извѣщаю о семъ высочайшемъ ея императорскаго величества повелѣніи, прошу не оставить меня вашимъ отзывомъ. Пребывая впрочемъ съ почтениемъ

«Гаврілъ Державинъ»¹⁾.

«18 февраля
1792».

Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ находился въ это время въ Петербургѣ и въ тотъ же день, 18-го февраля, написалъ требуемый отъ него отвѣтъ, въ которомъ категорически заявилъ, что «нерезонабельное» требование Ольги Григорьевны удовлетворено быть не можетъ, и что онъ, взявъ на себя воспитаніе и содержаніе дѣтей, не въ состояніи давать женѣ болѣе тысячи рублей ежегоднаго содержанія. Взаключеніе, Петръ Абрамовичъ просилъ кабинетскаго секретаря защитить его и не допустить до крайняго разоренія, въ случаѣ, если бы жалобы его жены вновь дошли до престола ея величества.

Ольга Григорьевна, получивъ копію съ приведенного письма Г. Р. Державина, въ свою очередь обратилась къ нему съ просьбою о заступничествѣ и въ письмѣ отъ 21 февраля, жалуясь, по обыкновенію, на свое несчастное положеніе и дѣтей, «столь злополучныхъ по ненависти отца ихъ къ матери», умоляла кабинетскаго секретаря выхлопотать ей на «теперешній разъ» хотя бы 1000 р. въ число слѣдуемой ей суммы годового содержанія. При этомъ она выражала надежду, что Г. Р. Державинъ употребитъ всѣ средства «къ приведенію въ существительное дѣйствіе выполненія во всей мѣрѣ высочайшаго ея величества повелѣнія... такъ какъ на него отъ ея величества возложено сіе дѣло выполнить въ полномъ обрядѣ его обстоятельствъ»...

Г. Р. Державинъ, во избѣжаніе новыхъ хлопотъ, немедленно обратился къ генерал-майору Ганнибалу, съ требованіемъ выдать женѣ слѣдуемыя ей деньги и, вѣроятно, пригрозилъ строгимъ взысканіемъ за ослушаніе высочайшей волѣ, судя потому, что Петръ Абрамовичъ сразу перемѣнилъ тонъ. Вместо рѣзкаго отказа въ выдачѣ женѣ чего либо, кромѣ положенной имъ тысячи рублей, онъ смиренно докладываетъ въ своемъ письмѣ къ Державину объ окончаніи денежныхъ расчетовъ съ Ольгой Григорьевной и просить о дозвolenіи выѣхать изъ Петербурга:

«Милостивый Государь

«Гаврыла Романовичъ»²⁾.

«Требованіе жены моей, какъ вашему Превосходительству самымъ довольно известно безпредельны и конечно всего моего имени недостанеть, чтобы по же-

¹⁾ Письмо это напечатано въ «Сочиненіяхъ Державина съ объясн. примѣч. Я. Грота», Спб., 1883, стр. 303 и съ слѣд. замѣткой: «Доставлено И. Ф. Дубровинымъ изъ архива Кабинета Его Величества».

²⁾ Собственноручное письмо П. А. Ганнибала, съ точнымъ соблюдениемъ его ореографіи:

ланию ее могъ бы удовлетворить, однако согласуясь спредписаніемъ вашего пре-
восходительства въ первыхъ за прошлый года внедоплаченныхъ денегъ во всемъ
ее удовольствовалъ и за весь ныне текущей годъ по положению моему впередъ
тысяча рублей выдалже вчмъ отъ нее и росписку получить, о чмъ честь имея
донести вашего Превосходительства покорно прошу о выезде москвъ отъ сель вд-
ревни мои дозволениемъ разрешить, пребывая здолжнымъ монимъ почитаниемъ

«Вашего Превосходительства

«Милостиваго Государя

«Покорный слуга

«Петръ Ганнибалъ».

«23 февраля

1792.

С.-Петербургъ».

На это Державинъ отвѣтилъ слѣдующій запиской:

«М. Г. мой

«Петръ Абрамовичъ.

«На почтенное письмо вашего превосходительства, сего числа мною полученное,
имѣю честь служить вамъ отвѣтомъ, что отсутствие ваше отъ сель въ вани де-
ревни отъ моего разрѣшенія не зависить; что же касается до удовольствованія
вами супруги вашей, то свѣденіе сіе нужнымъ почитаю, на случай какого либо
отъ нея откошенія по извѣстному вамъ имѣющемуся у меня дѣлу.

«Пребывая въ прочемъ съ почтеніемъ и пр.

«Гавріилъ Державинъ».

«Февраля < > дня

«1792».

V.

Второе письмо Ольги Григорьевны Ганнибаль къ императрицѣ.— Петръ Абрамо-
вичъ назначенъ попечителемъ надъ имѣніемъ своей имѣянницы Надежды Оси-
повны Ганнибаль.— Прошеніе Петра Абрамовича въ сенатъ о скорѣйшемъ окон-
чаніи дѣла съ Устиной Толстой.— Исаакъ Абрамовичъ Ганнибаль посаженъ въ
тюрьму.— Два письма его къ князю А. Б. Куракину.— Прошеніе Анны Андреевны
Ганнибаль объ опредѣленіи дѣтей по случаю заключенія мужа.

Петръ Абрамовичъ Ганнибаль, видя изъ записки Державина, что
нѣть препятствій къ его выѣзду изъ Петербурга, и что отъ него
больше ничего не требуется, уѣхалъ «въ свои деревни». Ольга Гри-
горьевна попрежнему жила въ Псковѣ съ дѣтьми и должна была
окончательно уѣздить, что затѣянныя ею хлопоты обѣ увеличениі
содержанія только ухудшили ея материальное положеніе. Петръ Абра-
мовичъ, послѣ продажи своего наслѣдственного имѣнія Елицы, не
находя болѣе нужнымъ снабжать жену сельскими произведеніями,
ограничился выдачей назначенныхъ имъ 1000 рублей; но самъ пла-
тилъ учителямъ за обученіе дѣтей. При этомъ онъ намѣренно рас-
пускалъ разные слухи, грозилъ женѣ отобрать у нея дѣтей и оста-

вить безъ всякихъ средствъ; и такимъ образомъ держалъ ее подъ вѣчнымъ страхомъ новыхъ непріятностей.

Наступило лѣто 1792 года. Ольга Григорьевна, вслѣдствіе ли неумѣнія распоряжаться средствами и соразмѣрять съ ними свои привычки, или по причинѣ недостаточнаго получаемаго ею содержанія, снова очутилась въ безвыходномъ положеніи. Несмотря на переданное ей и ясно формулированное желаніе императрицы, чтобы «ея жалобы не доходили болѣе до престола», она рѣшилась снова подать прошеніе на высочайшее имя и для этой цѣли отправилась въ Петербургъ. Второе прошеніе Ольги Григорьевны замѣтно отличается отъ первого болѣе трагическимъ тономъ, но содержать много уже извѣстныхъ подробностей; поэтому мы приведемъ его въ извлеченіи и, по возможности, словами генераль-маиорши Ганнибаль.

Ольга Григорьевна начинаетъ свое прошеніе объясненіемъ по-водовъ, заставившихъ ее въ первый разъ обратиться къ императрицѣ, сообщаетъ о поданной ею запискѣ Державину, въ надеждѣ, что, за исключениемъ липниаго, она получить требуемое отъ мужа содержаніе: «Но нѣтъ, чадолюбивая матерь отечества!—восклицаетъ она.—Ожесточенная ненависть! по однимъ только слабостямъ и капризамъ мужа моего, отъ которыхъ я иногда его, будучи съ нимъ еще въ сожитіи, по долгу супружества, теряя терпѣніе, за всѣмъ мною выносимымъ старалась напоминаніями моими воздерживать, обратила и нынѣ не на выполненіе божественнаго вашего повелѣнія! а на мщеніе за сіе вящего меня и дѣтей угнѣтеніе, ибо мужъ мой, по выслушаніи святой воли вашей не только что прибавилъ на содержаніе съ дѣтьми моими къ прежнему своему положенію... а уменьшилъ еще изъ того положенія сотъ на семью, которое и безъ сего было недостаточно»... Затѣмъ Ольга Григорьевна обвиняетъ мужа, что онъ «не устыдился скрыть доходы свои господину Державину», и подробно перечисляетъ доходы Петра Абрамовича Ганнибала, а равно и суммы денегъ, полученные имъ въ разное время, «коихъ бы, замѣчаетъ она, живучи дворянину порядочно въ деревнѣ... довольно къ содержанію достаточно было, но сихъ всемилостивѣшшей государыни, къ увеселенію ихъ видно недостало, то и изыскать средство, отложа о дѣтяхъ попеченіе, на утѣщеніе пожеланіямъ продавать имѣніе—по продаже коего у него теперича и имѣется за исключениемъ отцовскихъ одного онаго капиталу 41.000 рублей... За всѣмъ же еще симъ, всемилостивѣшшей государыни, мужъ мой, по прїѣздѣ своемъ отсюда въ Псковскія свои вотчины разсказывая тамошнему обществу, что я по просьбѣ своей ничего выиграть не могла, дѣлаетъ всѣмъ отзывы, что онъ нынѣшнею зимою, несмотря ни на каковыя мои просьбы, прїѣдетъ въ домъ ко мнѣ и возьметъ дѣтей къ себѣ, а меня уже оставить тогда вѣчно, не давъ впредь никогда на содержаніе мое ни единые полушки, о чёмъ я по сожалѣнію одной его родственницы и извѣщена пись-

менно, каковая крайность прискорбія! и претерпѣвается только потому, что я занимъ за мужемъ; отъ вѣчнаго погубленія таковой невинности неизбѣжно и нудить изыскать спасеніе въ одномъ уже монаршемъ вашемъ великолѣпіи; возри, всеавгустѣйшая императрица! сострадательнымъ окомъ твоего милосердія и услыши гласъ слезно молящей жены, которой естьли несчастіе уже такъ велико, что не удостоится сподобиться внимательнаго вашего сожалѣнія?...»

Послѣ такого торжественнаго воззванія Ольга Григорьевна переходитъ къ главной и, повидимому, единственной существенной цѣли своего прошенія и молитъ а) о сохраненіи остального имущества ея малолѣтнихъ дѣтей «запрещенiemъ Петру Абрамовичу въ письмѣ крѣпостей, закладныхъ и прочихъ сдѣлокъ»; б) о выдачѣ ей съ дѣтьми ежегоднаго безбѣднаго содержанія и, наконецъ, с) о выдачѣ ей на руки денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ учителямъ за обученіе дѣтей, которыхъ платились прямо отъ Петра Абрамовича. «Но дѣти»,—добавляетъ она взаключеніе своей просьбы,—«въ наученіяхъ мало имѣютъ успѣху, для того, что мужъ мой по непрѣбыванію своему во испытаніе ихъ никогда не выходитъ; мнѣ же по сей зависимости ни перемѣнять учителей и требовать отчетовъ отъ оныхъ нельзя».

Отвѣта на это прошеніе не послѣдовало, и Ольгѣ Григорьевнѣ пришлось покориться своей печальной участіи. Здѣсь кончаются наши свѣдѣнія о женѣ Петра Абрамовича Ганнибала. Что касается дѣтей его, то извѣстно, что его единственный сынъ умеръ въ малолѣтствѣ, а двѣ дочери, о воспитаніи которыхъ онъ заботился по-своему, вышли впослѣдствіи замужъ. Между тѣмъ Петръ Абрамовичъ продолжалъ вести прежній образъ жизни. Семейная и другія огорченія и чрезмѣрное употребленіе изготавляемыхъ имъ водокъ и настоекъ не помѣшали ему достигнуть глубокой старости. Онъ дожилъ до 1822 года и еще въ 1813 году въ качествѣ попечителя своей племянницы Надежды Осиповны Ганнибаль, будущей матери А. С. Пушкина, подавалъ прошеніе по дѣлу своего покойнаго брата Осипа Абрамовича, съ его второй непризнанной женой Устиньей Толстой:

«6 января 1813 года.

«Прошеніе въ сенатъ.

«Прошуъ водставку генераль майоръ Петръ Аврамовъ сынъ Ганнибаль аочемъ томъ следують пункты:

«Правительствующаго Сената 5 департамента, во 2-мъ отдлениіи находится въ ревизіи дѣло поступившее изъ псковской губерніи пыне умершихъ брата моего роднаго, флота капитана иосифа Ганнибала съ бывшю его женою, по первому муже капитаншею Устиньенъ Толстой другъ друга пороучищихъ въ обоюдныхъ ихъ денежныхъ искахъ и стемъ умерли а репиности не получили, а потомъ я за смертю брата моего бынъ попечителемъ въ именіи у наследница его дочери и утруждалъ правительствующій сенатъ обзаконченій упомянутаго дѣла и ежели чемъ конецъ послѣдовать всенодданѣйше ирошу снабдить коніями съ рѣшеніемъ.

«Прошение сие сочинялъ и писалъ съ словъ и повеленіе самого господина моего означеннаго просителя генераль маиора Петра аврамовича Ганнибала крестной его служитель Алексей Мартиновъ».

На прошенніи собственноручная подпись И. А. Ганнибала¹⁾.

Случайно уцѣльвшее прошеніе Петра Абрамовича въ сенатъ представляетъ интересъ и по отношенію къ вышеупомянутому бракоразводному процессу Осипа Абрамовича Ганнибала, дѣда А. С. Пушкина, такъ какъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что второй романическій бракъ Осипа Абрамовича привелъ «бывшихъ» супруговъ къ далеко нероманическимъ денежнымъ искамъ съ обѣихъ сторонъ. Капитанша Толстая, повидимому, чувствовала особенную склонность къ веденію судебныхъ дѣлъ и отличалась въ этомъ своего рода удалью.

По окончаніи бракоразводного процесса, и отсылки Осипа Абрамовича на корабли въ Средиземное море, она дѣятельно продолжала начатую имъ тяжбу, по поводу отобранный въ опеку деревни Кобрина въ Софійскомъ уѣздѣ. Несмотря на свое сомнительное положеніе непризнанной разведенной жены, въ силу указа 17 января 1784 года, она подала два прошенія на высочайшее имя въ 1785 и 1786 году почти одинакового содержанія, въ которыхъ жаловалась, что первая жена Осипа Абрамовича съ содѣйствіемъ опекуновъ своей дочери Надежды овладѣла Кобринымъ и имѣть въ немъ пребываніе. На ряду съ этимъ, она обвиняла всѣми уважаемаго генералъ-поручика Ивана Абрамовича въ хищническомъ присвоеніи части Осипа Абрамовича изъ наслѣдственного отцовскаго капитала, распространялась о 27.000 рублей, будто бы полученныхъ за нею въ приданое ея «бывшимъ» мужемъ, и требовала удовлетворенія. Но оба прошенія Толстой были отвергнуты съ замѣчаніемъ, что «жалобы ея до разсмотрѣнія ея величества не слѣдуютъ», чѣмъ и положенъ былъ конецъ ея тяжбы съ семьей Осипа Абрамовича²⁾. Проходить еще нѣсколько лѣтъ, и капитанша Толстая начинаетъ искъ противъ своего «бывшаго» мужа Осипа Абрамовича и ведетъ дѣло съ ожесточеніемъ до самой смерти.

Но еще рельефнѣе выступаетъ характеръ Устины Ермолаевны Толстой въ ея продѣлкѣ съ младшимъ братомъ Осипа Абрамовича, простодушнымъ Исаакомъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, который изъ-за нея, по требованію с.-петербургскаго губернскаго правленія, былъ высланъ изъ Пскова и привезенъ въ Петербургъ «за карауломъ, яко совершенно преступникъ», какъ онъ самъ выражается въ

¹⁾ Подлинникъ этого прошенія, а равно двухъ слѣдующихъ писемъ Исаака Абрамовича Ганнибала къ князю А. Б. Куракину, находится въ рукописномъ отдѣленіи Сиб. Публичной библіотеки.

²⁾ «Истор. Вѣстн.», январь, 1886 г., ст. В. О. Михневича: «Дѣдъ Пушкина» стр. 140—142.

письмѣ къ князю А. Б. Куракину отъ 1 февраля 1798 года, изъ котораго видѣнъ ходъ дѣла:

«Сіятельнейшіи Князь

«Милостивѣніи Государь!

«Будучи обремененъ судью вышемерь содеяннаго не нахожу ко спасенію моему другихъ средствъ кроме особы вашего сіятельства: яко хранителя и блюстителя спасительныхъ законовъ содержаніе коего есть слѣдующее:

«Источникъ нещастія моего есть капитанъ Устинъ Толстая бывшая въ замужествѣ за роднымъ братомъ приживой его жены за него вышедшая и съ нимъ после разведенія; коей я по единственной моей оплошности и простодушію далъ разписку что заплатить за нее данной ею поручику Крыгеру въ пяти тысяча пяти стахъ рубляхъ вексель; сія Толстая по предъявленіи на нее отъ Крыгера защищалася отъ платежа по оному денегъ тою разпискою: но всеми государственными мѣстами сенатъ Питербургскій губерніи и наконецъ палатою та разписка какъ въ защищеніе ей такъ и законовъ не принято и о чёмъ и дано было знать псковскому губернскому правлѣнію.

«Оная Толстая видя сей для нее неуспѣхъ просила по той же самой разпискѣ въ Псковскомъ губернскомъ правлѣніи, которое однакоже... ей отказалось, но она спустя нѣсколько лѣтъ вторично подала свою просьбу оному правлѣнію, которое забыть о прежнемъ зделанномъ ей отказѣ и о палатномъ решеніи, принудило съ меня по той разпискѣ деньги взыскать и въ С.-Петербургѣ черезъ Спб. Правлѣніе требовало объявленіе мнѣ того своего решенія, поэтому отозвался, что решеніемъ почитаю себя недовольнымъ и по пріездѣ во Псковъ имѣю узаконеннымъ порядкомъ подписать аппеляцію, что я здѣсь никакого имѣнія не имѣю, а состоить оной въ Псковской губерніи, где и самое то дѣло производится и что охраненіе иска происходит при начальномъ его производствѣ а не по решеніи — — но губернское правлѣніе не вникая сіе настояло что непременно я охранилъ тотъ искъ, что видя крайнее для себя отягощеніе — — рѣшился я поѣхать въ Псковъ куда пріехавъ подписать на то решеніе аппеляцію и не пропущая указанного срока подальше я въ правительствующій сенатъ декабря 31 дня 1797 года аппеляціонное прошеніе; но однажды къ нещастію моему и всего моего семейства по требованію С.-Петербургскаго губернскаго правлѣнія высланъ и привезенъ сюда за карауломъ яко совершенно преступникъ и теперь не знаю участіи моей, и въ семъ несчастномъ моемъ положеніи соперница моя полагаетъ для себя утешеніе.

«Правость и человѣколюбіе души вашей подаютъ мнѣ надежду и пр.

«всепокорнѣйшій слуга

«Исаакъ Ганибаль».

«1 февраля 1798».

Три мѣсяца спустя, Исаакъ Абрамовичъ снова обратился къ князю А. Б. Куракину съ слѣдующимъ донесеніемъ отъ 7-го мая 1798 года:

«О удержаніи исполненія по решенію псковской палаты суда и Расправы по претензіи на меня отъ капитанши Толстой просиль я у престола Монарха милосерднаго и высочайше препоручена разсмотрѣть вашему сіятельству.....

«1) въ противность высочайшаго запрещенія о неисполненіи по решеніямъ палатскимъ приступило ко взысканію съ меня денегъ но еще и безъ воли на то отъ палаты; 2) за неплатежъ подвергло меня подъ судъ и вмѣсто свободы недопустило меня на мѣстѣ знать о решеніи обвиняющія притчины о которыхъ было неизвестно. Здѣсь меня задѣржало и по нынѣ болѣе четырехъ месяцевъ отъ пріемути полиціи не освобождѣнъ; 3) въ довершenія бедствія моего въ донесеніи сенату означено, что извещеніе объявленіе мнѣ решеніе не 9-го декабря, а зад

нимъ числомъ 31 августа, почему сенатъ обвиная меня пропущенiemъ четырехъ-месячнаго срока предписалъ привести решеніе по исполненію, а потому прибегнувъ подъ сень Милосердія нашего сіятельнейшій князь! всесущинейше прошу повелѣть суду надворному до котораго сіе дѣло дошло, до решенія верховной власти удержаться отъ взысканія и меня отъ присмотра полицейскаго свободить имя уже о не выездѣ моемъ изъ Санктъ Петербурга поручительство и темъ облагодѣтельствовать» и проч.

Между тѣмъ, Исаака Абрамовича Ганибала постигла новая бѣда, и въ самомъ непродолжительномъ времени. Не успѣлъ онъ еще выпутаться изъ дѣла, въ которое вовлекла его Устинья Толстая, какъ былъ посаженъ въ городовую тюрьму за собственный долгъ въ 35.000 рублей; и черезъ это его многочисленная семья, состоящая изъ жены и двѣнадцати человѣкъ дѣтей, очутилась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Анна Ганибалъ, въ виду заключенія мужа и своего безвыходнаго положенія, подала два прошенія на высочайшее имя, въ которыхъ предлагала для покрытія долга перевести въ вспомогательный для дворянства банкъ имѣніе ея мужа 247 душъ и собственно ей принадлежащія въ той же губерніи 200 душъ. При этомъ, она просила объ опредѣленіи малолѣтнихъ дѣтей, а старшую «18-ти-лѣтнюю дочь, обученную французскому и нѣмецкому языку», представляла на услуги ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ княжнамъ.

Состоявшіеся по поводу прошеній Анны Ганибалъ доклады, съ высочайшими на нихъ резолюціями, мы приводимъ въ подлинникѣ (см. прил. III и IV).

А. С. Пушкинъ по пріѣздѣ своемъ въ село Михайловское въ 1817 году навѣстилъ, какъ извѣстно, престарѣлаго Петра Абрамовича Ганибала, жившаго въ его родовомъ имѣніи Елицы и даже оставилъ замѣтку объ этомъ посѣщеніи. Но Исаака Абрамовича онъ уже не засталъ въ живыхъ, и познакомился съ его двумя сыновьями Петромъ и Павломъ, которые «своимъ хлѣбосольствомъ, добротой и порой навязчивымъ гостепріимствомъ» вошли въ пословицу у своихъ сосѣдей. Петръ и Павель Исааковичи были люди веселые, особенно Павелъ, придумывавшій для гостей всевозможные забавы, лишь бы имъ не было скучно въ деревенской глупши... «А. С. Пушкинъ, только что выпущенный тогда изъ лицея, очень сошелся съ нимъ, что, однако, не помѣшало ему вызвать его на дуэль за то, что Павелъ Исааковичъ Ганибалъ въ одной изъ фигуръ котильона отбилъ у него дѣвицу Лошкареву, въ которую юный поэтъ по уши влюбился въ этотъ вечеръ. Скора племянника съ дядей кончилась минутъ черезъ десять мировой и... новыми увеселеніями и пляской...»¹⁾.

Н. А. Бѣлозерская.

¹⁾ «Исторический Вѣстникъ», январь, 1888 г. См. статью «Изъ семейной хроники» Л. Н. Павлищева, стр. 48—49.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Перечень получаемаго содержанія, представленный Ольгой Григорьевной Ганнибалъ, въ январѣ 1792 года, при письмѣ Г. Р. Державину.

Отъ Петра Абрамовича прежде получасо было на все содержаніе:

Въ годъ деньгами по 500 руб. да къ столу муки пеклеванной 3 четверти $3\frac{1}{2}$ четверика, пшеничной 4 четверти — масла коровьяго 4 пуда — солоду въ мѣсяцъ по четверику; на квартиру 160 рублей, на дрова 50 рублей.

Для услуги опредѣлено было: три лакея, да поваръ, кучерь и фарейторъ — женска полу три дѣвки, да четвертая прачка.

На оныхъ провіантъ въ мѣсяцъ: мужска полу 2, женскому $1\frac{1}{2}$ чет. крупъ каждому въ мѣсяцъ по гарцу, гороху всѣмъ 4 гарца, мяса 10-ть пудъ въ годъ.

Лакеямъ сертукъ и камзолъ на полтора года, а нижнее платье повсѧгодно. — На рубашки и на прочую обувь жалованья по три рубли каждому въ третью — повару камзолъ на полтора года, а нижнее платье повсѧгодно — на рубашки, на фартуки и на обувь по три рубля въ третью да на два года кафтанъ простова сукна, — конюхамъ синіе кафтаны на полтора года на рубашки и обувь по два рубли въ третью — тулупъ на четыре года.

Женщинамъ тремъ верхнимъ двѣ пары платья затрапезныя на полтора года, на рубашки, на платки на обувь каждой по 4 рубля съ полтиною въ годъ. Прачкѣ сброй кафтанъ, на два года, на кофту, юпку и на прочую обувь и рукахъ по рублю по 70 копѣекъ въ третью, шуба на четыре года.

Четыремъ лошадямъ и одной коровѣ сѣна по 130 пудъ, овса по 5 четвертей, по $3\frac{1}{2}$ четв. въ мѣсяцъ, а въ годъ сѣна 1560 пудъ, овса 65 четвертей съ четвериками.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Перечень содержанія, «испрашиваемаго» Ольгой Григорьевной Ганнибалъ, представленный при письмѣ Г. Р. Державину, въ январѣ 1792 года.

Нынѣ же испрашивается въ годичное содержаніе семейнаго дома:	
1.— Полагая на столъ каждый день по 2 руб.	730 р.
Да къ оному отпускать изъ деревни натурою или деньгами же:	
Пеклеванной муки 5 четвертей за каждую по 7-ми	35 р.
Пшеничной 3 четв. по 8-ми	24 р.
Масла коровьяго 7 пудъ по 5 р.	35 р.
Солоду на квасъ и кислые шти двѣ четв. по 6 руб. по 40 коп.	12 р. 80 к.
На сахаръ 7 пудъ по 16 р. за пудъ	112 р.
На чай за 6 фунтовъ по 3 р. 50 коп.	21 р.
На свѣчи за 7 пудъ по 5 р.	35 р.
Для мытья бѣлья на мыло и крахмаль	25 р.
За пользованіе лекарю и медикаменты	100 р.
2.— На квартиру и дрова	320 р.
Людамъ:	
3.— Двумъ лакеямъ и третьему парикмахеру на ливрею, каждый годъ по 30 р.	90 р.

Имъ же на рубашки, галстуки, манжеты и обуви жалованья по 12 р.	36 р.
Да въ три года каждому за теплый сертукъ или бекешъ по 20 р.	60 р.
Повару въ годъ за камзогъ съ рукавами и исподнее платье	8 р.
Ему же на тулупъ овчинный въ три года.	7 р.
Да на рубашки, обувь и прочее жалованье	13 р.
4.— Тремъ дѣвкамъ, каждой за двѣ пары въ годъ посильныхъ по 7 р.	21 р.
Да за одну чистую по 6 р.	18 р.
Имъ же на рубашки, платья и обувь жалованья по 7 р.	21 р.
Да на три года по овчинной каждой шубѣ, крытой крашенинной по 8 р.	24 р.
Прачкѣ за двѣ пары посильного платья.	6 р.
За тулупъ въ два года	7 р.
На обувь рубашки и платки въ годъ жалованья.	6 р.
5.— Кучеру и фарейтору за ямскіе выѣздные кафтаны, на шапки и шляпы въ два года по 12 р.	24 р.
Да за посильные вседневныи кафтаны въ два года по 4 р..	8 р.
За тулупы въ 2 года по 7-ти	14 р.
Жалованья каждому въ годъ по 9-ти.	18 р.
Онымъ на пинцу:	
6.— За оржаную муку каждому въ мѣсяцъ по два четверика за 30 четвертей по 5 р.	
За четверть.	150 р.
Крупъ гречневыхъ на всѣхъ въ годъ за 2 четверти по 6 р.	
40 коп.	12 р. 80 к.
Гороху за 5 четвериковъ по 1 рублю.	
да за 12 пудъ говядины по 2 р.	5 р.
7.— За починку экипажа и на исправленіе конской збруи подковку, лошадей и на лѣкарства онымъ	24 р.
За фуражъ четыремъ каретнымъ лошадямъ одной водовозной и коровы полагается сѣна въ мѣсяцъ онымъ по 150 р. за 1800 пудъ, за каждый по 15 коп.	80 р.
За овесъ по 6 четвертей въ мѣсяцъ за 72,— за каждую по 2 рубли по 50 коп.	270 р.
За муку за осыпку коровъ въ годъ.	180 р.
Итого годовой суммы за исключеніемъ трехъ годичной и двухъ годичныхъ сумму составлять	30 р.
А всего съ оными.	2437 р. 60 к.
	2581 р. 60 к.

Ольга Ганибалова.

Что жъ принадлежитъ до дѣтей, то какъ за преподаваніе онымъ разныхъ наукъ учителямъ денежныя суммы по условіямъ платились всегда прямо отъ Петра Абрамовича, но дѣти мало успѣху въ наученіяхъ имѣли, потому что Петръ Абрамовичъ, не пребывая здѣсь, въ испытываніе никогда не входилъ, мнѣ же отчету отъ учителей въ томъ по вышеписанной зависимости требовать было не можно: нынѣ же приемъ воспитаніе дѣтей на единственное свое попеченіе прошу, чтобы и слѣдуетъ учителямъ суммы въ доставленіе на заплату онымъ отпускаемы были ко мнѣ же.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Первый докладъ.

Докладывано сентября 6-го дня 1798 года.

Ганибалова жена флота артиллеріи отставнаго капитана, пишеть, что мужъ ея 3-й мѣсяцъ содергится въ городовой тюрьмѣ за долги до 35000 рублей простирающіеся; она остается съ дѣтьми въ отчаянномъ состояніи — просить Всемилостивѣйшаго повелѣнія, имѣніе мужа ся Псковской губерніи въ Опоченскомъ уѣздѣ 247 душъ, заложенный партикулярно и собственно ей принадлежащія въ той же губерніи 200 душъ, изъ коихъ часть заложена 8-ми лѣтнему и 20-ти лѣтнему банкамъ, перевестъ въ вспомогательный для дворянства банкъ по первоклассному положенію. 4-хъ сыновей ея 14-ти, 11-ти, 9-ти и 7-ми лѣтъ принять въ покровительство монаршее и повелѣть уготовить ихъ на службу; 18-ти лѣтнюю dochь, обученную французскому и нѣмецкому языкамъ, представлять на услуги ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ княжnamъ; другихъ 4-хъ, 11-ти 9-ти 7-ми и 6-ти лѣтъ просить опредѣлить нынѣ въ учрежденія для полу ихъ мѣста, а 2-хъ малолѣтнихъ, когда достигнутъ возраста; всѣхъ дѣтей 12 человѣкъ.

Отмѣтка на докладѣ: По высочайшему повелѣнію прощеніе ея препрощено въ С.-Петербургскому военному губернатору фонъ-деръ-Палену, который доноситъ, что вспомогательный банкъ подъ залогъ крестьянъ не можетъ выдать болѣе какъ по состоянію ихъ въ третьеклассной губерніи 23.350 рублей да ежели принять и по первоклассному положенію, то причтется къ выдачѣ менѣе нежели долгъ намужѣ ее состоитъ 1475 рублями; почему она никако удовлетворена быть не можетъ, какъ только единими къ толикуму семейству милосердіемъ вашаго величества; о дѣтяхъ же увѣдомляеть, что изъ нихъ 3-хъ сыновей и дочерей 4-хъ отдать она желаетъ въ Сиротскій военного воспитанія домъ, а сына 14-ти лѣтъ въ кадетскій корпусъ, dochь же 18-ти лѣтнюю къ высочайшему двору, но сіе зависить отъ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества воззрѣнія и повелѣнія.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Второй докладъ¹⁾.

Докладывано 24 сентября 798 года.

Анна Ганибалова жена флота артиллеріи отставнаго капитана, который содергится въ тюрьмѣ за долги, просить 4-хъ ея сыновъ (14-ти, 11-ти, 9-ти и 7-ми лѣтъ) принять въ покровительство монаршое и повелѣть уготовить ихъ на службу.

(Резолюція: въ кадеты въ разные корпусы).

18-ти лѣтнюю же dochь, обученную французскому и нѣмецкому языкамъ, представлять на услуги ихъ императорскимъ высочествамъ княжnamъ.

(На это никакого рѣшенія).

Другихъ четырехъ 11-ти, 9-ти, 7-ми и 6-ти лѣтъ просить опредѣлить нынѣ въ учрежденія для полу ихъ мѣста, а 2-хъ малолѣтныхъ, когда достигнутъ возраста.—Всѣхъ дѣтей 12-ть человѣкъ.

(Рѣшеніе: О принятіи 4-хъ дѣтей въ домъ военного воспитанія писано къ барону Палену 26 Сентября).

¹⁾ Обѣ записи получены нами отъ редакціи «Исторического Вѣстника» въ числѣ другихъ вышеупомянутыхъ документовъ.

НАШЪ ВЕЛИКІЙ ПОЭТЪ.

...«Онъ между нами живъ»...

Б ВИДУ наступающихъ для всей просвѣщенной и грамотной Россіи «Пушкинскихъ» дней, въ нашемъ сознаніи постепенно выясняется то высокое, дивное, почти вѣщее значеніе, которое для всѣхъ нась заключается въ имени величайшаго изъ нашихъ поэтовъ. Немного болѣе полувѣка прошло съ кончины Пушкина, и его имя уже вполнѣ сознательно повторяется миллионами устъ, повторяется съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, съ глубокою, прочувствованною признательностью. И что въ немъ, что въ этомъ имени? Оно уже не напоминаетъ намъ живого человѣка, не возобновляетъ въ нашей памяти образа поэта и писателя, принадлежащаго извѣстной эпохѣ, не напоминаетъ того энергического дѣятеля, который скорбѣлъ и радовался, вмѣстѣ съ другими своими современниками, который любилъ и ненавидѣлъ, какъ человѣкъ, который боролся и страдалъ, и палъ безвременною жертвою беспощадной молвы... Это имя обратилось въ символъ—въ нѣчто неуловимое и въ то же время осознательно-ясное для всѣхъ. Мы говоримъ: Пушкинъ—и въ сознаніи нашемъ является представление о чѣмъ-то высоко-изящномъ, прекрасномъ и по сущности своей, и по формѣ. И подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ не личность, даже не произведенія поэта, а нѣчто вполнѣ отвлеченнное — великаго творца и доброго генія русской поэзіи, облеченаго въ свѣтлую ризу славы и благоговѣйнаго преклоненія многихъ поколѣній. И мы твердо убѣждены въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ живыя черты личности поэта будутъ стираться и сглаживаться, — тѣмъ болѣе дорогимъ,

тѣмъ болѣе обаятельнымъ, тѣмъ болѣе близкимъ будетъ предста-
вляться каждому изъ настъ имя Пушкина, произведенія котораго
еще надолго останутся гордостью и славой русскаго народа...

Отъ этого отвлеченнаго, туманнаго и общаго представлениія о Пушкинѣ намъ даже очень не легко перейти къ далекому прошлому, не легко себѣ представить Пушкина, какъ дитя того вѣка, въ ко-
торый онъ жилъ, къ которому принадлежалъ и плотью, и духомъ,
который и воплотилъ въ своей поэзіи. Трудно представить себѣ тотъ послѣдовательный путь развитія, по которому слѣдовалъ, воз-
ростая, гений Пушкина: вообразить себѣ нашего поэта ребенкомъ,
неповоротливымъ и лѣнивымъ, потомъ отрокомъ, страстно привя-
звшимся къ чтенію, и юношей-лицеистомъ, испытывающимъ свои
силы въ легкомъ поэтическомъ творчествѣ. Намъ представляется
теперь, что Пушкинъ вовсе и не проходилъ всѣ эти обычныя
стадіи развитія, а такъ и родился Пушкинъ — вдохновеннымъ
творцомъ прославившихъ его произведеній... Самое педантическое
нанизываніе біографическихъ фактовъ нисколько не помогаетъ сбли-
женію нашего идеального представлениія о Пушкинѣ съ реаль-
нымъ и живымъ образомъ нашего поэта. Попытки такого нани-
зыванія и подбора разнородныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ
мемуаровъ, воспоминаній, официальныхъ бумагъ и личной пере-
писки поэта были уже сдѣланы неоднократно и представляютъ
собою довольно грубую и аляповатую мозаику, въ которой не хва-
таетъ главнаго: живой, художественной связи между составными
частями. Пушкинъ — геніальный поэтъ — совершенно скрывается изъ
глазъ нашихъ, потому что его загораживаютъ Пушкинъ-повѣсой,
Пушкинъ-вздыхателемъ и поклонникомъ женской красоты, Пуш-
кинъ-игрокомъ, Пушкинъ-чиновникомъ, Пушкинъ-обще-
ственнымъ дѣятелемъ, Пушкинъ-аристократомъ и свѣтскимъ че-
ловѣкомъ. Анекдотическая мелочи, отдѣльные эпизоды, отрывки пе-
реписки, сопоставленные для пущей ясности въ хронологическую
связь, — все это только путаетъ насъ и затемняетъ въ нашемъ со-
знаніи общее представлениѣ о Пушкинѣ. А между тѣмъ, это общее
представлениѣ необходимо для разумнаго пониманія нашего великаго
поэта, для сознательнаго усвоенія красотъ и прелестей его поэзіи.

Прежде всего, любопытно взглянуть на Пушкина, какъ на пред-
ставителя современной ему литературной эпохи; любопытно опредѣ-
лить, въ какой степени эта эпоха наложила на него свою печать
и отразилась въ его произведеніяхъ? Приступая къ решенію этого
вопроса, мы представляемъ себѣ, что въ Пушкинѣ намъ также
легко будетъ намѣтить и указать отразившіяся на немъ черты его
вѣка, какъ въ Державинѣ и Фонвизинѣ, какъ въ Ломоносовѣ и
Херасковѣ. Но, въ дѣйствительности, это наше предположеніе ни-
чѣмъ не оправдывается... Тотъ вѣкъ, въ который Пушкинъ выро-
сталъ и развивался, въ который созрѣвалъ его дивный даръ, былъ

въкомъ переходнымъ отъ мягкаго либерализма и распущенности въ нашихъ общественныхъ нравахъ къ суровому милитаризму и сухой формалистикѣ; отъ пристрастія къ образованію, отличавшемуся скорѣе внѣшнимъ блескомъ, нежели внутреннею содержательностью, отъ грубаго материализма—къ мечтательной настроенности и туманнымъ мистическимъ теоріямъ. Каждый изъ выдающихся писателей Александровскаго времени отразилъ на себѣ, въ большей или меньшей степени, эти различныя вѣянія близкаго прошлого и пережившаго настоящаго и выразилъ ихъ такъ или иначе въ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ даже не трудно отличить опредѣленныя наслоенія и наростанія новыхъ идей на старую основу, въ чёмъ и выражается вліяніе переживаемой писателемъ современной ему эпохи. Въ этомъ смыслѣ и Карамзинъ, и Жуковскій, и Батюшковъ, и любой изъ современныхъ имъ писателей — дѣти своего вѣка, такъ какъ каждый изъ нихъ заплатилъ дань преобладавшимъ въ его время литературнымъ направленіямъ, каждый изъ нихъ, только пройдя черезъ эти направленія, достигъ возможности сказать новое, свое слово въ литературѣ. Отмѣтимъ и еще одну важную черту: всѣ эти выдающиеся литературные дѣятели первой четверти нынѣшняго вѣка носили на себѣ отпечатокъ той школы, которую они прошли и совершенно ясно выразили это въ своихъ произведеніяхъ, и даже Карамзинъ, человѣкъ необычайной воли и энергіи, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ усиленной работы надъ историческимъ материаломъ и надъ изученіемъ напего прошлага, не могъ въ своемъ геніальномъ трудѣ отдохнуть отъ вліянія проиденной имъ литературной школы. Читая и Карамзина, и Жуковскаго, и даже Батюшкова (и въ стихахъ, и въ прозѣ), мы слышимъ въ настоящее время что-то чуждое, давнее, отжившее и отцѣтвшее уже много, много лѣтъ назадъ; мы понимаемъ, что двѣ трети вѣка отдѣляютъ насть отъ этихъ писателей, мы цѣнимъ ихъ по достоинству за ихъ заслуги, оказанныя русской литературѣ, но мы не можемъ ни наслаждаться ими, ни сочувствовать имъ¹⁾... А Пушкинъ, со смерти котораго прошло уже 62 года? Онъ все еще свѣжъ, все еще близокъ и понятъ намъ, какъ бы осѣненный какимъ-то дивнымъ литературнымъ нетлѣніемъ, онъ все еще способенъ восхищать и увлекать современное намъ молодое поколѣніе, какъ восхищалъ и увлекалъ его отцовъ и дѣдовъ! И если мы дадимъ прочесть произведенія Пушкина какому нибудь наивному человѣку, не имѣющему понятія о напемъ литературномъ прошломъ, онъ даже едва ли повѣрить тому, что эти произведенія принадлежать перу человѣка, который родился сто лѣтъ тому назадъ.

¹⁾ За очень немногими исключеніями. Настолько же неувѣдаемымъ, какъ и Пушкинъ, оказывается изъ его современниковъ только одинъ, весьма загадочный для насъ, Грибоѣдовъ, въ своей одной комедіи.

Но какъ же это произошло? Какую же школу прошелъ этотъ необычайно-живой и живучий поэтъ? О, эта школа—увы!—не отличалась никакими особыми достоинствами. По его собственному признанію, и его, какъ и большинство его современниковъ, «учили по-немногу, чему нибудь и какъ нибудь». Притомъ, и выросталъ онъ въ кругу людей, которые въ особенное достоинство себѣ ставили то, что ихъ звали «русскими французами», которые весь обширный досугъ своей праздной барской жизни обращали исключительно на измышленіе каламбуровъ и созиданіе французскихъ мадригаловъ... И первые дѣтские стихи самого Пушкина были написаны по-французски; первые, отроческіе литературные замыслы (*la Toliade*) вращались около сюжетовъ французскихъ и подражаний французскимъ классикамъ на ихъ родномъ языке. Первымъ чтеніемъ Пушкина-ребенка были опять-таки французскіе классики и легкая, вѣтреная поэзія, преобладавшая въ парижскихъ салонахъ XVII и XVIII вѣка—и это чтеніе воспринималось ребенкомъ 9—10 лѣтъ, среди кружка людей, проводившихъ жизнь въ обществѣ Репетиловыхъ и Фамусовыхъ беззаботно, разсѣянно и праздно, перепархвая, какъ мотыльки, съ именинного обѣда на балъ, а съ бала въ клубъ, на карточный вечеръ. Все это общество жило даровыемъ трудомъ, не задаваясь заботами о завтрашнемъ днѣ и воспѣвая на всѣ лады поэтическую лѣнъ, пышные пиры или восторги, посвященные музамъ и крылатому богу любви...

Послѣ такой подготовки наступили годы лицейского ученія, тоже не слишкомъ обильные плодами науки, преподававшейся по программамъ, плохо между собой согласованнымъ, да и при посредствѣ преподавателей, которые едва ли были способны (за весьма малыми исключеніями) внушить своимъ ученикамъ любовь къ наукѣ и уваженіе къ своей личности... А между тѣмъ какъ трудно даже и представить себѣ, что «нашъ Пушкинъ» могъ явиться въ русской литературѣ въ такое время, когда среднее образованіе едва только зарождалось на Руси — гимназіи начинали еще только возникать въ губернскихъ городахъ, а университеты, кромѣ Дерптскаго и Московскаго, существовали еще только на бумагѣ...

И что же? Какъ же вліяютъ на Пушкина всѣ эти далеко не привлекательныя условія воспитательныя? Не губятъ ли они его таланта? Не препятствуютъ ли его развитию? О, нѣть! — нисколько... На противъ того: уже въ одномъ изъ среднихъ классовъ юный Пушкинъ плѣняетъ старика Державина звучностью и гладкостью своихъ строфъ; а въ старшихъ классахъ лицея онъ уже извѣстность, уже видный членъ литературныхъ салоновъ и «Арзамаса»! Отъ него уже ждутъ чего-то крупнаго, большого, замѣчательнаго! И дѣйствительно, по рукамъ ходятъ, кромѣ массы всякаго рода лирики, вышедшей изъ-подъ его пера, первыя главы его «Руслана и Людмилы»—поэмы, поражающей всѣхъ своею прихотливою оригиналь-

ностью. Оригинальность эта была настолько велика и настолько рѣзко выдѣлялась и бросалась каждому въ глаза, что люди старого литературного закала видѣли въ ней одно неприличие и безсмыслицу, а старшіе изъ молодого поколѣнія поэтовъ не знали, что сказать объ этой игривой и граціозной поэмѣ, близкой по сюжету къ лубочной сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ... Даже такие корифеи современной русской литературы, какъ Жуковскій и Батюшковъ, становились втупикѣ при решеніи вопроса объ этомъ новомъ родѣ поэзіи... Они безпристрастно признавали это явленіе новымъ, небывалымъ у насъ въ литературѣ, признавали его произведеніемъ большого, сильнаго таланта, но не могли прійти ни къ какому опредѣленному выводу относительно достоинства новой поэмы...

Изъ этихъ данныхъ съ достаточнou ясностью опредѣляется для насъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой степени Пушкинъ можетъ быть представителемъ современной ему литературной эпохи? Пройдя очень слабую и поверхностную школу, менѣе всего способную правильно развить его поэтическій даръ, возникнувъ на общественной почвѣ, почти ничего не имѣвшей общаго съ народностью,—Пушкинъ уже 19-го лѣтнимъ юношей является не однимъ изъ представителей современной ему литературы, а новаторомъ, основателемъ и главою новой романтической школы, которая не имѣла ничего общаго съ подражательнымъ и переводнымъ романтизмомъ Жуковскаго, и стремилась почерпать существеннѣйшія стороны свои изъ русской народной жизни и ея преданій...

Необычайный поэтическій талантъ, которымъ былъ свыше надѣленъ Пушкинъ, сразу доставилъ ему такое положеніе въ нашей литературѣ, какого не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ поэтовъ. Передъ 20—22-хъ лѣтнимъ юношей преклонилась, съ первыхъ же его шаговъ на литературномъ поприщѣ, вся читающая и просвѣщенная Россія, безусловно и безспорно признавая за нимъ пальму первенства надъ всѣми поэтами настоящаго и прошлаго времени. Въ кружкѣ писателей, близкихъ къ Пушкину и безкорыстно преданныхъ ему, правда, еще слышались голоса, заявлявшіе о томъ, что ему еще необходима школа и внутренняя, усиленная работа надъ собою¹⁾; но отвѣтомъ на эти добрыя пожеланія являлись новые и новые произведенія поэта, изумлявшія всѣхъ блескомъ и неистощимымъ запасомъ его дарованія, и всѣ голоса наконецъ смолкли, выжидая...

Опасенія друзей были, впрочемъ, весьма основательны и болѣе, чѣмъ понятны; но эти сомнѣнія исходили, главнымъ образомъ, изъ

¹⁾ Разумѣемъ извѣстныя сомнѣнія, выраженные въ письмѣ Батюшкова къ А. И. Тургеневу. «Сверчокъ (Арзамасское прозвище Пушкина) что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путного, если онъ самъ не захочетъ»... и т. д.

того, что они ставили въ слишкомъ тѣсную зависимость поэтическій даръ Пушкина отъ его темперамента, не предполагая въ немъ достаточной силы характера, чтобы этотъ темпераментъ обуздать и съ нимъ справиться. По счастью, они ошиблись... Пылкая, опрометчивая, безразсудная юность поэта протекала среди безжизненной пустоты свѣтской петербургской жизни, въ которой не было никакихъ серьезныхъ интересовъ, среди общества, въ которомъ, съ одной стороны, преобладала суровая аракчеевщина, съ другой — быстро распространялось религиозное ханжество и лицемѣрье, прикрывавшееся пристрастiemъ къ мистицизму и пьетизму. Молодыя, незатраченныя силы, при африканскомъ темпераментѣ Пушкина, искали себѣ исхода, и — увы!.. находили его въ пристрастіи къ картамъ, къ кутежамъ и попойкамъ, къ шалостямъ и повѣсничеству всякаго рода. Все это прикрывалось тѣмъ дешевымъ либерализмомъ, который удовлетворялся злую насмѣшкою и рѣзкой эпиграммой и, пренебрегая всякою осторожностью, тѣшился острымъ словомъ. Шалости окончились ссылкою на югъ, гдѣ общественная среда была далеко хуже петербургской и московской, но въ обществѣ (хотя и до крайности распущенномъ) все же чуялись нѣкоторыя свѣжія вѣянья, въ виду возникавшей борьбы за независимость Греціи...

Эти вѣянья и пестрота яркихъ красокъ юга подействовали возбуждающимъ образомъ на нашего поэта, который создалъ здѣсь цѣлый рядъ прелестныхъ своихъ поэмъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ разочарованій Байрона, обдумалъ свой (въ началѣ довольно туманный) типъ Евгения Онѣгина. Но этотъ же югъ, столь благопріятный для поэтическаго вдохновенія, оказывалъ съ другой стороны, самое вредное вліяніе на Пушкина, повторствуя развитію въ немъ именно тѣхъ сторонъ, которыя были ему присущи по его темпераменту и такъ много вредили ему въ жизни. Пушкинъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на ту пеструю толпу людей, которая его окружала; онъ не видѣлъ около себя никого дорогого и близкаго, никого, кто по своимъ достоинствамъ и талантамъ могъ бы хотя сколько нибудь къ нему приблизиться... Друзья его были далеко, на сѣверѣ; а здѣсь онъ видѣлъ около себя или слѣпыхъ, безличныхъ поклонниковъ, или людей, не придававшихъ никакого значенія его дивному дару. И тѣхъ, и другихъ, онъ одинаково презиралъ; и на тѣхъ, и на другихъ, одинаково изощрялъ свое язвительное остротумie, безразсудно ставя на карту свою жизнь и свое будущее.

Особеннымъ счастьемъ для поэта, особенной милостью благосклонной къ нему судьбы, слѣдуетъ считать ту непріязнь, которую Пушкинъ возбудилъ къ себѣ во всесильномъ начальнике края, недовольномъ рѣзко-выражавшеюся независимостью поэта, поставленаго въ подчиненные служебныя отношенія къ «полу-милорду». Послѣдствіемъ этихъ отношеній, совпавшихъ съ другими непріятными и опасными для Пушкина случайностями, была вторичная

ссылка поэта, на этот разъ (по счастью для него!) въ деревенскую глушь, въ которой онъ вынужденъ былъ провести безвыѣздно два года ¹⁾). Этой глупи и суждено было послужить для поэта тѣмъ «Гётингеномъ», котораго такъ жалаль для него Батюшковъ.

Намъ кажется, что биографы Пушкина недостаточно придаютъ значенія этому двухлѣтнему періоду въ жизни Пушкина, между тѣмъ, какъ именно къ этому періоду и относится кругой нравственный поворотъ въ сознаніи поэта, совпавшій съ полнымъ расцвѣтомъ его таланта, съ полнымъ развитіемъ его душевныхъ силъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что именно деревенская жизнь благотворно повлияла на Пушкина, — повлияла успокоительнымъ, отрезвляющимъ образомъ, заставила его одуматься и, наконецъ, взглянуть серьезно на свой даръ и свое высокое назначение. Вглядимся внимательнѣе въ эту жизнь.

Деревенская глушь, даже и въ настоящее время, при полной свободѣ народнаго труда, обладаетъ такими особенностями быта и такими условіями жизни, которые сильно вліяютъ на человѣка, избалованнаго городскою обстановкою. Горожанинъ, призванный жить въ этихъ условіяхъ, видитъ себя вынужденнымъ примиряться съ ними, потому что никакое усиленіе его единоличной воли не можетъ ихъ измѣнить или пересоздать. Избалованный общественною жизнью города, его шумомъ и движениемъ, онъ видитъ себя въполномъ одиночествѣ, и долженъ, волей-неволей, привыкать къ этому уединенію, которое вынуждаетъ нась вдумываться въ наше прошлое и сознательно относиться къ настоящему. Мало того: деревенская глушь оказываетъ на нась и еще одно весьма благотворное вліяніе. Она приводить нась къ необходимости строже относиться къ нашимъ поступкамъ, потому что эти поступки постоянно оказываются известными огромному множеству людей, и ни одинъ изъ нашихъ шаговъ не ускользаетъ отъ пытливаго ихъ наблюденія и вниманія. Какой бы образъ жизни ни велъ горожанинъ, какъ бы ни разбрасывался, какъ бы ни расточалъ свои силы и средства, онъ все же оставался бы затеряннымъ въ толпѣ — однимъ изъ тѣхъ, которымъ «имя легіонъ» — и ни отъ кого не услышаль бы ни суда, ни порицанія. Въ деревнѣ, напротивъ того, каждый мѣстный житель — кто бы онъ ни былъ: дворянинъ и помѣщикъ, или крестьянинъ и батракъ — всѣ представляютъ собою тѣсно сплоченную массу, въ которой каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать и порицать поступки того или другого изъ мѣстныхъ жителей и дѣятелей. И этотъ судъ — этотъ vox populi — достигаетъ своей цѣли, доходить до нась Богъ вѣсть какими путями и неумолчно звучитъ въ ушахъ нашихъ, стѣсняя нашъ произволъ

¹⁾ Съ 9-го августа 1824 года по начало сентября 1826 года, когда онъ былъ такъ внезапно вызванъ въ Москву.

и укрощая наши порывы. Въ городской жизни есть свои законы общественные, свои моды и предразсудки, которыхъ приходится держаться всѣмъ живущимъ въ свѣтѣ; но отъ этихъ законовъ можно и отступать, и видоизмѣнять ихъ, и даже дѣйствовать наперекоръ имъ. Не то въ деревнѣ: здѣсь на все и про все свой, искони идущій, вѣками установленный обычай — и никому не подъ силу его измѣнить или отмѣнить; приходится поневолѣ идти съ другими вровень и плыть по течению... И вотъ именно этими-то условіями деревенской жизни и объясняется то благотворное вліяніе, которое деревня оказала на «своенравный геній» нашего поэта. Пріѣхавъ въ деревню при самыхъ печальныхъ и тягостныхъ условіяхъ¹⁾, Пушкинъ вскорѣ остался тамъ одинъ-одинѣшенькъ среди типины старого барскаго дома и условій того крѣпостного быта, который въ то время тяготѣлъ всею своею удручающею силу на нашемъ крестьянствѣ. Онъ возмущался вначалѣ свою неволею и тѣми стѣснительными условіями полицейскаго и духовнаго надзора, въ которыхъ онъ былъ поставленъ, онъ тяготился ими до того, что готовъ былъ по-александровски разрубить этотъ Гордіевъ узелъ и даже «проклиналь» свою родину...²⁾). Но у него же за стѣною жужжали веретена и стучали ткацкіе станки крѣпостной дворни; а около него вся жизнь псковской глухи (какъ и всей обширной Россіи) созидалась и текла своимъ путемъ на основѣ того же крѣпостного труда, которому терпѣливо подчинялись миллионы русскихъ людей, безропотно снося свое тяжкое бремя, признавая въ немъ свыше-ниспосланное испытаніе, не дерзая залетать мечтою за предѣлы неказистой дѣйствительности... И Пушкинъ, какъ истинно русскій человѣкъ, не способенъ былъ отнести къ этимъ миллиямъ подневольныхъ тружениковъ, какъ отнесся бы къ нимъ какой нибудь польскій панъ, объяснявшій покорность крестьянина его животностью, его неспособностью къ духовной дѣятельности... Нѣтъ! Чуткая душа поэта признаетъ свое близкое, тѣсное сродство съ этою меньшою братію, признаетъ и ея даровитость, и высокія качества ума и души, дарованныя Богомъ русскому человѣку. Онъ даже клянеть свое «французское» воспитаніе, препятствующее его сближенію съ народомъ, его пониманію духовныхъ потребностей массы. Онъ съ наслажденiemъ изучаетъ памятники народной словесности

¹⁾ Напомнимъ, вмѣсто всякихъ біографическихъ комментаріевъ, известный стихъ Пушкина:

...«И былъ печаленъ мой пріѣздъ
Въ далекій сѣверный уѣздъ».

²⁾ Мы разумѣемъ планы Пушкина о бѣгствїи за границу и всѣмъ известное мѣсто въ письмѣ поэта къ его другу Вяземскому: «въ IV пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь. Когда нибудь прочтешь ее, и спросишь: гдѣ же мой поэтъ? ...Услыхнешь въ отвѣтѣ: онъ удралъ въ Парижъ, и никогда въ проклятую Русь не вернется...».

и самъ собираетъ ихъ, и пополняетъ свой поэтический языкъ свѣжимъ запасомъ словъ изъ живой народной рѣчи—и, пользуясь народной почвой, создаетъ новый русскій романтизмъ, широко почерпая для него матеріалъ изъ области народныхъ преданій, повѣрій, пѣсень и сказокъ.

Увлекаясь народнымъ творчествомъ, Пушкинъ впервые начинаетъ серьезно всматриваться въ жизнь и бытъ народа и невольно ощущаетъ на себѣ влияніе окружающей его среды. Онъ видитъ, какъ все, живущее около него, упорно трудится, въ потѣ лица добывая себѣ насущный хлѣбъ, не унывая, сохраняя бодрый духъ въ здоровомъ тѣлѣ,— и онъ тоже отдается весь своему труду, онъ тоже предается ему всѣми силами своей страстной души, сдерживая свои порывы, обрѣзая крылья своей необузданной фантазіи, и, по его собственному признанію, впервые находитъ въ труда высокое наслажденіе. Дѣйствительно, во всей жизни Пушкина едва ли найдется еще два года, въ которые бы онъ также отдавался труду и также много работалъ надъ собою, какъ въ эти два года своего обязательного пребыванія въ деревнѣ. Этими двумъ годами труда и уединенія, вдали отъ всѣхъ тревогъ, суетъ и увлеченій городской общественной жизни, Пушкинъ былъ обязанъ такимъ подъемомъ своего поэтическаго духа, такимъ накопленіемъ своей творческой энергіи, что самъ себѣ дивился и всю жизнь съ признательностью обращался мысленно къ тому уголку, «гдѣ онъ отшельникомъ провелъ два года незамѣтныхъ...».

Деревенская глушь повліяла въ значительной степени и на характеръ, и на весь нравственный складъ нашего поэта. Здѣсь впервые онъ созрѣлъ и остыпенился... Бурный, кипучій потокъ вошелъ въ берега и устоялся въ нихъ. Поэтъ, повидимому, впервые задумался надъ вопросами первѣйшей важности: вполнѣ владѣя своими силами, онъ созналъ важность своего назначенія и намѣтилъ себѣ цѣль въ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ примирился со своей долей, подавилъ свою природную строитивость, и, махнувъ рукою на мрачные байроновскіе идеалы, рѣшился вступить на путь примиренія съ дѣйствительностью, не волновать себя неосуществимыми мечтами и быть отнынѣ однимъ изъ мирныхъ гражданъ земли Русской.

Нельзя отрицать того, что пребываніе въ деревенской глухи и еще въ одномъ важномъ смыслѣ повліяло на развитіе и направление поэтическаго дара Пушкина. Русская деревня и русская деревенская природа могутъ только издали манить и прельщать своими идеалическими сторонами. Деревнею увлекаются и деревню украшаетъ своей фантазіей только случайный гость, посѣщающій ее на время, не вступающій въ прямыя, непосредственные отношенія ни съ природой, ни съ людьми. Напротивъ того, человѣкъ, вынужденный постоянно жить въ деревнѣ, испытывать на себѣ всякия стихійныя невзгоды, бороться съ некультурною природою и съ непо-

движнымъ застоемъ народной массы,—не можетъ чувствовать расположения ни къ какой идеализациі окружающихъ его условій жизни. Онъ видѣть около себя удручающую нужду, слѣдить невольно и вблизи за всѣми фазисами тяжкой, неустанной борьбы за существованіе, происходящей среди самыхъ неѣроятныхъ бытовыхъ условій, не облегченной никакими удобствами и подспорьями цивилизациі. Всѣ мечты и надежды, всѣ чаянія и упованія массы, окружающей постояннаго деревенскаго жителя, не идутъ далѣе умѣренного вознагражденія трудовъ, потраченныхъ на борьбу съ природою,—далѣе возможности быть сытымъ и хоть на самый краткій срокъ свободнымъ отъ вѣчныхъ заботъ о существованіи.

Среди такой бытовой обстановки, невольно и сильно вліявшей на чуткую душу поэта, у него естественно должно было явиться желаніе—оглянуться на свою прошлую поэтическую дѣятельность, привѣрить ея идеалы, согласовать ихъ съ дѣйствительностью. Байронизмъ и навѣянные имъ туманные, мрачные, неопредѣленные по характеру герои, не принадлежащіе по главнымъ чертамъ своего типа никакой опредѣленной національности — о, эти герои, воспѣтые въ первыхъ поэмахъ Пушкина, теперь должны были ему показаться неестественными и странными. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими твердую почву родины, впервые уразумѣлъ свою тѣсную связь съ нею и захотѣлъ творить образы, близкіе къ ней, заимствованные изъ живой дѣйствительности и вѣрные ей въ своемъ неприкрашенномъ реализмѣ. Изъ этого новаго направленія въ поэзіи Пушкина и родились его лучшія созданія: типъ Татьяны въ Онѣгинѣ и вся окружающая ее картина деревенской жизни, съ живыми, типическими лицами, взятыми прямо изъ дѣйствительности и начертанными рукою великаго мастера. И этотъ великий мастеръ видимо ростетъ и крѣпнетъ, какъ сказочный богатырь, отъ прикосновенія къ родной почвѣ: онъ удовлетворенъ вполнѣ своею чудною поэмою, онъ сознаетъ, что вѣрно и рельефно передалъ окружающую его дѣйствительность, что создалъ нѣчто небывалое, невиданное въ русской поэзіи, и рѣшается даже испробовать силы свои на задачѣ гораздо болѣе трудной — на живомъ воспроизведеніи отдаленного исторического прошлага.

Въ этомъ обращеніи къ историческому прошлому своей родины мы видимъ также, въ значительной степени, вліяніе деревенской глуши. Бытовыя условія и вся обстановка жизни нашей глухой, захолустной деревни и теперь еще невольно переносятъ насъ къ отдаленному прошлому, въ глубь вѣковъ, къ тѣмъ временамъ, когда и вся историческая русская жизнь текла почти въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ донынѣ течетъ жизнь нашей деревни. Каждый разумный и беспристрастный наблюдатель, не задающійся никакими предвзятыми воззрѣніями и готовыми теоріями, и теперь еще видѣть въ нашей деревнѣ много такого, что въ значительной степени уясняетъ

ему многія страницы нашей исторіи и даетъ ключъ къ разгадкѣ многихъ темныхъ сторонъ нашей древне-русской жизни. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ такая связь нашей деревни съ до-петровскою Русью была еще осознательнѣе. Можетъ быть, даже она болѣе, чѣмъ гдѣ либо, ощущалась въ псковской сторонѣ, гдѣ еще и донынѣ такъ много сохранилось остатковъ старины и въ памятникахъ, и въ народѣ и гдѣ еще существуютъ такие архаические города, какъ Торопецъ. Принимая это въ соображеніе, мы понимаемъ отчасти то крайнее одушевленіе, тотъ горячій порывъ, который охватилъ Пушкина при чтеніи «Исторіи государства Россійского», среди деревенской глупши, съ которой онъ успѣлъ свыкнуться, которую успѣлъ полюбить и ревностно изучалъ въ памятникахъ народнаго творчества!.. Еще не далѣе, какъ лѣтъ за семь до этого времени, когда классическій трудъ Карамзина только что явился въ свѣтъ, юный, вѣтреный и еще неиспытанный жизнью поэтъ встрѣтилъ его небрежной и колкой эпиграммой. Теперь, въ томъ уединеніи, гдѣ онъ

«Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій»,

Пушкинъ съ восторгомъ вчитывался въ «Исторію» Карамзина, находилъ въ этомъ чтеніи величайшее наслажденіе и полное удовлетвореніе своему пытливому уму, своему гибкому и проницательному генію. Великій нашъ историкъ вдохновилъ великаго поэта и приводилъ его вниманіе къ богатой характерами и яркими образами эпохѣ смутнаго времени, а въ ней остановилъ его вниманіе на загадочномъ характерѣ Бориса Годунова. Онъ принялъся за работу, и работа захипѣла: его не затрудняла ни совершенно новая для него форма поэтическаго творчества, ни языкъ, ни бытовая обстановка, ни характеры выводимыхъ имъ на сцену героевъ, ни рѣзкая противоположность двухъ національностей—польской и русской. По его собственному признанію, онъ «работалъ, какъ никогда не работывалъ прежде, даже изобрѣтая новые приемы, новые способы работы»; несмотря на свою обычную и чрезвычайную скромность, онъ съ полнымъ сознаніемъ собственного достоинства писалъ друзьямъ: «Я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить»... И то, что онъ творилъ, было до такой степени невиданно и ново, до такой степени не похоже на все, что было кѣмъ либо и когда либо создано у настъ въ литературѣ, что творецъ «Евгенія Онѣгина» и «Бориса Годунова» былъ всѣми безпрекословно признанъ главою новой школы русскихъ писателей и первымъ между русскими поэтами. Пушкинъ не даромъ писалъ о «Борисѣ Годуновѣ», что это произведеніе «доставило ему все, чѣмъ писателю насладиться дозволено»...

Оторванный отъ деревенской почвы и возвращенный свѣтской жизни, авторъ «Бориса Годунова» надолго разстался съ вдохновенiemъ. Почти въ теченіе двухъ лѣтъ онъ переживалъ странное по-

ложење человѣка, который относится съ недовѣремъ и пренебреженіемъ къ шуму, блеску и развлеченіямъ большого свѣта—и въ то же время увлекается имъ; называетъ свою жизнь «гадкою прозою»—и чувствуетъ себя не въ силахъ отъ нея отстать. Божій даръ гаснетъ «среди хладнаго свѣта, наносящаго поэту неотразимыя обиды», крылья стремительного вдохновенія опускаются, и оно еще только три раза въ жизни¹⁾ возвращается къ поэту съ тою же силою, съ какою непрерывно проявлялось въ Михайловскомъ, въ теченіе 1824—1825 гг.

Одинъ изъ современниковъ Пушкина, въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени, когда поэтъ вновь явился въ средѣ московскаго общества, даетъ намъ очень увлекательную картину будто бы наступившаго тогда расцвѣта нашей литературы. «Всякій день,— пишетъ онъ,—слышалось о чёмъ нибудь новомъ. Языковъ присыпалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денись Давыдовъ—съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; «Горе отъ ума» Грибоѣдова только что начинало распространяться. Пушкинъ прочелъ «Пророка» и познакомилъ насъ съ «Борисомъ» и продолженіемъ «ОНѣгина»... А тамъ еще Дельвигъ съ «Сѣверными цвѣтами», Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ «Иліадой», Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями... Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ...»

Картина блестящая, и лицъ въ ней много; но набросана она безвкусно, безакто и неправдоподобно. Въ сопоставленіи всѣхъ этихъ лицъ нѣть ни критического смысла, ни живой связи, потому что, въ сущности, не было и не могло быть никакого соотношенія между этими литературными дѣятелями трехъ разныхъ поколѣній. Главнымъ выдающимся событиемъ этой эпохи было только пребываніе въ Москвѣ Пушкина, который и тогда уже былъ (несмотря на всю свою авторскую скромность) выше всѣхъ русскихъ поэтовъ и настоящаго, и прошлаго вѣка, и быстро шелъ къ тому, чтобы въ ближайшемъ будущемъ пріобрѣсти значеніе поэта «всероссійскаго». Рядомъ съ нимъ не могъ быть поставленъ никто — ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни имъ самимъ усердно выставляемые друзья его, Баратынскій, Дельвигъ и Языковъ,—потому что онъ представлялъ собою явленіе исключительное, феноменъ, какихъ не много можно указать и во всей европейской литературѣ. Дѣйствительно, по силѣ, плодовитости и разнообразію своего поэтическаго дара, Пушкинъ

¹⁾ Мы разумѣемъ осень 1828 г., когда написана была — въ одинъ мѣсяцъ! — «Полтава» и законченъ «Евгений Онѣгинъ»; и затѣмъ осени 1830 и 1833 гг., проведенные поэтомъ въ Болдинѣ.

мало имѣлъ соперниковъ въ литературѣ Запада Европы, и сравненіе его произведеній, въ ихъ общемъ составѣ, съ произведеніями всемирно-извѣстныхъ поэтовъ, такихъ, какъ Шиллеръ, Гете, Байронъ, не оставляетъ большихъ преимуществъ на ихъ сторонѣ.

Главнымъ достоинствомъ главною цѣнностью (если можно такъ выразиться) въ поэтической сокровищницѣ Пушкина является то, что дивный даръ его съ одинаковою силою вдохновенія находитъ себѣ выраженіе во всѣхъ главныхъ формахъ поэтическаго творчества—въ эпосѣ, въ лирикѣ и въ драмѣ. И едва ли найдется, даже и въ данное время, такой глубокомысленный и тонко-проницательный критикъ, который, принимая въ соображеніе всѣ условия русской жизни и русской образованности въ вѣкѣ Пушкина, решился бы сказать: въ которомъ изъ трехъ поэтическихъ родовъ Пушкинъ проявился сильнѣе и ярче? Что въ пушкинской поэзіи лучше и выше: эпосъ, лирика или драма? Въ которомъ изъ этихъ родовъ Пушкинъ не является величайшимъ мастеромъ, достигнувшимъ высокой степени совершенства? Для всѣхъ настѣ, воспитанныхъ и выросшихъ на поэзіи Пушкина, решеніе подобного вопроса представляется невозможнымъ, и на нашъ взглядъ Пушкинъ въ совершенно одинаковой степени блещетъ умомъ и силою поэтическаго дарованія въ «Пророкѣ», въ «Борисѣ Годуновѣ» и въ «Евгениѣ Онѣгінѣ»... А между тѣмъ такого равновѣсія таланта во всѣхъ формахъ проявленія поэтическаго творчества мы не можемъ указать ни въ одномъ изъ современныхъ Пушкину европейскихъ классиковъ: изъ нихъ, быть можетъ, только одинъ Гёте подходитъ къ нему по достоинствамъ своимъ, въ этомъ смыслѣ, т. е. по силѣ и разнообразію своего дарованія, хотя и далеко уступаетъ Пушкину въ одной изъ весьма важныхъ сторонѣ поэтическаго творчества...

Эта важная сторона: общедоступность и наивная простота всего, что поэтъ творить и что должно быть для всѣхъ одинаково понятнымъ, одинаково внятно говорить сердцу каждого... Вотъ этою-то простотою и доступностью массѣ и отличаются въ высокой степени всѣ произведенія Пушкина, одинаково понятныя и ребенку, и юношѣ, и человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, уже искусившемуся въ житейскомъ опытѣ... Пушкина читаются и въ народной толпѣ, Пушкина поютъ въ народѣ¹⁾, Пушкина разбираются на университетской каѳедрѣ, Пушкина даются на сценѣ—и вездѣ, и всѣмъ онъ приносить то, что изъ него можетъ добыть пытливый умъ и чуткое къ прекрасному чувство изящнаго, которымъ люди одарены далеко не въ одинаковой степени. И эта общедоступность Пушкина вовсе не стоитъ въ связи и зависимости отъ содержанія его поэзіи, затрогивающей иногда весьма жи-

¹⁾) Мне самому пришлось слышать балладу «Утопленникъ» въ самомъ незатѣмливомъ исполненіи одного исковского крестьянина, между прочими народными пѣснями.

выя и тонкія струны сердца человѣческаго, иногда касающіяся весьма важныхъ вопросовъ нравственныхъ... Эта общедоступность есть прямое слѣдствіе того удивительно-гармонического соотвѣтствія внутренняго содерянія виѣшней формѣ, которое составляеть одно изъ важныхъ достоинствъ пушкинскай поэзіи. Мысли, выраженные въ ней, всегда являются вполнѣ законченными и ясными, и всегда находять въ душѣ поэта вполнѣ законченное и вполнѣ гармоническое выраженіе въ той изящной виѣшней формѣ, которую только Пушкинъ умѣеть подыскать для своихъ произведений.

Необычайная даровитость, можно даже сказать, геніальность Пушкина выражается ярко и осознательно въ томъ, что онъ съ удивительною легкостью и безъ малѣйшаго усиливъ переходитъ отъ одного созданного имъ образа—къ другому, почти противоположному: отъ «Бориса Годунова» къ «Графу Нулину», отъ «Полтавы» къ «Скупому рыцарю», отъ «Моцарта и Сальери» и «Донъ Жуана» къ «Русалкѣ»... Недаромъ одинъ изъ его пріятелей мѣтко охарактеризовалъ это свойство поэта, сказавъ «Пушкинъ — Протей!..». Онъ, дѣйствительно, съ дивнымъ и неуловимымъ умѣньемъ, непрерывно мѣняеть строй своей лиры, и является передъ нами то страстнымъ испанцемъ, то хвастливымъ ляхомъ, то благочестивымъ лѣтописцемъ-иноскомъ, то безумно-влюбленнымъ юнопей—и каждому изъ нихъ умѣеть придать черты свойственного имъ характера, прирожденной имъ национальности и настроеніе переживаемаго ими момента. И для всѣхъ этихъ образовъ, для всѣхъ настроеній и положеній Пушкинъ—первый изъ русскихъ поэтовъ—сумѣлъ подыскать и подходящій языкъ, и превосходно-выработанныя виѣшнія формы, безукоризненные по чистотѣ и совершенству виѣшнему.

Мы говоримъ «сумѣлъ подыскать» — и прямо готовы сознаться въ томъ, что беремъ первое попавшееся подъ руку выраженіе. Собственно говоря, не «сумѣлъ подыскать», а сумѣлъ выработать тяжкимъ и упорнымъ трудомъ и постоянной работой надъ стихомъ и надъ поэтическимъ языкомъ своимъ, въ которомъ онъ не могъ терпѣть никакихъ несовершенствъ и недостатковъ. Его тетради служать живымъ и неодѣненнымъ памятникомъ этой усиленной и изумительной работы, при посредствѣ которой онъ искалъ и находилъ, наконецъ, ту форму выраженія мысли въ стихѣ и словѣ, которую могъ допустить его высокоразвитый художественный вкусъ и слухъ. И только путемъ этой необычайной работы, при своей природной геніальности, Пушкинъ могъ добиться тѣхъ изумительныхъ результатовъ, которыхъ онъ достигъ въ поэзіи, опередивъ всѣхъ бывшихъ до него и современныхъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ, на полвѣка. Въ какой степени велико было его превосходство надъ всѣми его сбратьями по перу, это не трудно видѣть изъ того, что, даже и въ самыхъ слабыхъ сторонахъ своего творчества, Пушкинъ явился чуть ли не образцовымъ представителемъ каждого литературнаго рода,

прокладывалъ новые пути, вызывалъ всѣхъ на новую отросль литературной дѣятельности. Такъ было съ его повѣстями, въ сущности, составляющими его Ахиллесову пяту, и все же далеко лучшими, нежели вся современная Пушкину беллетристика; такъ было и съ «Исторіей Пугачевскаго бунта», которая ничего не прибавила къ лаврамъ Пушкина, но все же явилась едва ли не лучшею изъ историческихъ монографій своего времени и навела автора на мысль о «Капитанской дочкѣ», бесспорно лучшемъ изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній пушкинского времени. По этимъ легкимъ пробамъ его пера, по этимъ слабымъ проблескамъ его творческаго дара, мы можемъ судить объ относительномъ достоинствѣ и значеніи его лучшихъ произведеній по отношенію къ общей массѣ всѣхъ литературныхъ произведеній его эпохи.

Поразительная сила таланта и совершенно исключительная гениальность Пушкина дали ему возможность прославиться въ самой ранней юности, а въ зреломъ возрастѣ доставили ему недосягаемо высокое, выдающееся положеніе въ нашей литературѣ,— такое, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ-поэтовъ. Всѣ признавали превосходство его поэтическаго дара, всѣ читали его произведенія съ восторгомъ, переписывали и заучивали ихъ наизусть, всѣ преклонялись передъ нимъ, какъ передъ свѣтиломъ; но далеко не всѣ были въ состояніи проникнуться духомъ его поэзіи, оцѣнить ея достоинства, уразумѣть ея красоты... Такъ широко шагнулъ впередъ нашъ великий поэтъ, и такъ поразительно новы были пути, которые онъ открывалъ поэтическому творчеству, сближая его съ жизнью и дѣйствительностью, низводя изъ заоблачныхъ высотъ на землю, разсѣивая и разгоняя тотъ туманъ, которымъ его предшественники старались окутать поэтические образы, и небрежно попирая ложныя теоріи, созданныя вѣками фальши и заблужденій... Оцѣнка, близкая къ справедливой и безпристрастной, явилась уже только по смерти Пушкина и составляеть одну изъ крупныхъ заслугъ нашего знаменитаго критика, Бѣлинскаго, который былъ первымъ истолкователемъ Пушкина. Вслѣдъ за нимъ, многіе брались за разборъ произведеній Пушкина въ связи съ его личною жизнью, которую изслѣдовали и изучали во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ— явилась цѣлая литература о Пушкинѣ и его произведеніяхъ, полная всякихъ сужденій— и правильныхъ и превратныхъ, то возвеличивавшая его достоинства и какъ поэта, и какъ человѣка, до крайнихъ границъ возможности, то отрицавшая значеніе нашего поэта и низводившая его до положенія простаго стихотворца...¹⁾). И все же, когда для него наступила исторія, его слава

¹⁾ Главный укоръ, который дѣлали Пушкину его противники, заключался въ томъ, что онъ былъ исключительно поэтомъ личныхъ впечатлѣній, и никогда не коснулся въ произведеніяхъ своихъ такъ называемой «мировой скорби». Дѣйствительно, мы знаемъ въ его произведеніяхъ только одно стихотвореніе («Румянѣй

стала рости и рости, и полвѣка спустя, когда его произведенія стали общимъ достояніемъ всѣхъ русскихъ людей, — его стали читать и изучать еще ревностнѣе, чѣмъ при жизни, когда онъ находился въ апогей своей славы. Шумныя празднества по поводу открытия ему памятника въ Москвѣ показали въ полномъ блескѣ то значеніе, какое придаются ему лучшіе представители русской мысли, лучшіе дѣятели науки и литературы. Все, что говорилось и читалось во время этихъ памятныхъ празднствъ, было единымъ, общимъ, непрерывнымъ гимномъ прославленія нашему великому поэту, было искреннимъ и вдохновеннымъ взрывомъ восторга, вызванного чествованіемъ его памяти.

Съ тѣхъ порь минуло еще почти двадцатилѣтіе, — періодъ, достаточный для того чтобы покрыть мракомъ забвенія многія и многія имена, громко прославляемыя въ извѣстный періодъ, — и что же мы видимъ? Значеніе и слава Пушкина какъ будто еще болѣе возросли въ соотвѣтствіи съ общимъ ростомъ всей Россіи; число поклонниковъ и почитателей Пушкина какъ будто распространилось по всему обширному лицу земли Русской, и теперь уже не одна русская литература и русская интеллигенція собираются праздновать наступающіе Пушкинскіе дни, а вся громадная грамотная Россія; не одинъ кружокъ избранныхъ людей готовится увѣковѣчить память Пушкина, а весь народъ несетъ свою посильную лепту на многія и многія добрыя дѣла и добрыя начинанія, достойныя памяти поэта, всѣмъ одинаково дорогого, и такъ широко и далеко прославившаго русскій народъ и Русскую землю.

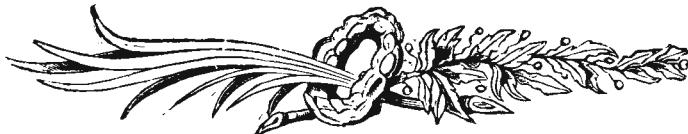
Въ такомъ народномъ празднствѣ нельзя не видѣть доказательства великихъ нравственныхъ и умственныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Россіею во второй половинѣ истекающаго вѣка — нельзя не видѣть въ немъ и залога будущаго, еще бѣльшаго возрастанія и распространенія славы Пушкина, который, по мѣрѣ сближенія съ нами Европы, долженъ будетъ со временемъ изъ поэта всероссійскаго обратиться въ поэта обще-европейскаго, и со славою вступить въ кругъ тѣхъ избранниковъ, которыми справедливо гордится история европейскаго просвѣщенія.

П. Полевой.

критикъ мой...), въ которомъ выразились сѣтованія на житейскія невзгоды... Но что же изъ того? По самой натурѣ своей Пушкинъ былъ поэтомъ того вдохновенія, которое бываетъ результатомъ подъема духовнаго; онъ неспособенъ быть къ нытью и хныканью, и предпочиталъ молчаніе этому угнетенному, минорному настроенію, которое не было свойственно его музѣ, и которое онъ не считалъ достойнымъ поззіи? Можетъ ли это быть ему поставлено въ вину?

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

(26 мая 1799 г.¹).

I.

ЕЛИКА и обширна родная земля
И обильна дарами природы,
И российскую мощь и святыни Кремля
Почитаютъ давно всѣ народы.

* * *

Много славныхъ у ней родилось сыновей
Въ царствѣ творчества, пѣнья и слова,
И давно уже пѣсней баяны своей
Славу славили края родного.

* * *

Но, чтобъ выразить силу родимой земли,
Ей пѣвца по плечу было надо,
И сто лѣтъ съ того свѣтлаго дня протекли,
Какъ родилось великое чадо.

* * *

Вдохновенной душой надѣлилъ его Богъ
И горячей, кипучею кровью;
Все постичь, все воспѣть богатырь этотъ могъ,
Все согрѣть своей русской любовью.

¹) Это стихотвореніе составляетъ текстъ юбилейной канцаты, написанной для
майскихъ торжествъ однимъ изъ нашихъ композиторовъ, желающимъ, въ виду
предстоящихъ конкурсъ, скрыть, па время, свою фамилию. Ред.

II.

Онъ воскресиль для насъ Петра
Съ бессмертной думой, величавой,
И Карла на бергахъ Днѣпра,
И бой великий подъ Полтавой.

* * *

И старой Руси былъ онъ свой,
Онъ сердцемъ жилъ съ ея сынами, —
И царь, и инокъ, какъ живой,
Въ его стихѣ стоитъ предъ нами.

* * *

Руси желая чести, славы,
Онъ за нее душой страдалъ
И Святорусскія Державы
Клеветникамъ отвѣтъ онъ далъ.

* * *

Душою чуткій, благородный,
Онъ весь свой вѣкъ въ себѣ вмѣстилъ,
Природу нашу, духъ народный
Въ стихѣ онъ дивномъ воплотилъ.

* * *

Идя всегда стезею правой,
Каралъ неправду онъ и зло,
И увѣнчаль бессмертной славой
Свое высокое чело.

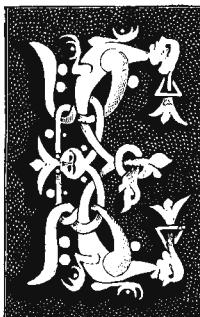
III.

Слава родинѣ, сына взлелѣявшѣй,
Тѣ стихи ему въ душу навѣявшій!
Слава лирѣ поэта торжественной,
Слава искрѣ небесной, божественной,
Вдохновеніемъ стихѣ окрыляющѣй!
Умиленьемъ сердца наполняющей!
Слава, слава и сыну любимому,
Всю Руслану Великою чтимому, —
Слава Пушкину нашему славному
И народу всему православному!

И. Тюменевъ.

А. С. ПУШКИНЪ И ПОЭЗІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

СЛИ мы отглянемся на состояніе нашей литературы начала нынѣшняго столѣтія, то передъ нами откроется чрезычайно пестрая и далеко не отрадная картина: нельзя сказать, чтобы мало было дѣятелей, но всѣ они дѣствуютъ какъ-то въ раздробь, и весьма немногіе отдаютъ себѣ ясный отчетъ, въ чемъ заключается ихъ прямая задача, и есть ли какаянибудь серьезная, жизненная цѣль для ихъ писательства. Здѣсь мы прежде всего увидимъ совсѣмъ не малочисленную группу представителей старыхъ литературныхъ традицій уже отжившаго свой вѣкъ, но твердо старающагося сохранить преобладаніе, классицизма прошлаго столѣтія: главная цѣль для нихъ есть соблюденіе условныхъ правилъ литературного стиля, защита опредѣленныхъ, строгихъ формъ, установленныхъ западной, преимущественно французской, пітикой или риторикой, содержаніе же представляется имъ чѣмъ-то второстепеннымъ, такъ какъ поэзія въ сущности остается для нихъ тѣмъ же вкуснымъ лимонадомъ, какимъ она была для Державина; конечно, объ общественномъ значеніи подобного лимонада толковать не приходится: литература только доставляетъ удовольствіе, есть средство, при помощи которого получаются болѣе или менѣе богатые дары отъ разныхъ милостивцевъ; иногда она обличаетъ порокъ, но никому и въ голову не можетъ прійти, чтобы писатель могъ сдѣлаться общественнымъ вождемъ; правда, если онъ облечень какимъ нибудь важнымъ саномъ, то его можно послушать, какъ всякаго другаго начальника, по виду ужъ это выходить изъ области чисто-литературного воздействиа, и понятно, что къ подобному писательству вполнѣ приложимо данное И. С. Аксаковымъ название Staats-liter-

ратура. Къ этому классическому направлению примыкаетъ школа литературныхъ старовѣровъ, группирующихся около Шишкова и со-средоточивающая свое вниманіе исключительно на вопросахъ стиля.

Единственнымъ жизненнымъ проблескомъ въ этой сколастикѣ является сатира, которая по самому существу своему не можетъ быть чѣмъ либо отвлеченнымъ; но она связана съ классицизмомъ только по формѣ, содержаніе же ея коренится въ чисто-русскомъ сатирическомъ реализмѣ, возникающемъ еще въ XVII столѣтіи, при столкновеніи старыхъ и новыхъ просвѣтительныхъ началъ. Однако сатира всегда бываетъ только одностороннимъ отраженіемъ жизни: какъ бы плохи ни были люди, какъ бы низко ни стояло общество, въ немъ всегда есть что нибудь положительное, какіе нибудь, хотя бы и очень слабые, задатки дальнѣйшаго развитія,—иначе остается въ перспективѣ только смерть. Поэтому-то наша обличительная литература конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и пытается отрицательнымъ явленіямъ, взятымъ ею изъ жизни, противопоставить что нибудь свѣтлое, хорошее, но недостаточное, одностороннее наблюденіе приводить только къ созданію вполнѣ нереальныхъ фігуръ всяческихъ Стародумовъ, Добролюбовыхъ, Честоновъ.

Отчасти это же стремленіе къ положительному типамъ, трогающимъ сердце читателей, видно и въ другомъ литературномъ направлении, которое вступило въ борьбу съ классицизмомъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ такъ называемомъ сентиментализмѣ Карамзина и его послѣдователей; но эта школа, несомнѣнно имѣющая за собой крупныя заслуги, такъ какъ содѣствовала въ нѣкоторой степени разрушенію якобы непрекаемыхъ правилъ хорошаго стиля и установленныхъ формъ, въ свою очередь страдаетъ тоже существеннѣйшимъ недостаткомъ, полнымъ отсутствіемъ наблюденія надъ фактами окружающей дѣйствительности: самъ Карамзинъ сочиняетъ такія безжизненные фигуры, какъ бѣдная Лиза съ ея мамашей, или какъ добродѣтельный поселянинъ Фроль Силинъ; а его послѣдователи разные Милоновы и Нахимовы наводняютъ русскую литературу до крайности фальшивыми образами добродѣтельныхъ героевъ и героинь, чувствительныхъ пейзановъ и пейзанокъ во вкусѣ пастушескихъ идиллій XVII вѣка. Такимъ образомъ и здѣсь выращивается тепличное растеніе, и здѣсь литература немногимъ отличается отъ классического лимонада: вѣдь слезы, пролитыя надъ Лизиннымъ прудомъ, никакъ не мѣшали сентиментальнымъ помѣщикамъ и помѣщицамъ отсылать настоящихъ крестьянъ на конюшню для производства надъ ними экзекуціи, и даже самъ прекраснодушный авторъ, заявившій, что и крестьянки чувствовать умѣютъ, отлично могъ совмѣстить съ такимъ заявлениемъ доказательство необходимости крѣпостного права. Чувствительность сама по себѣ, литература сама по себѣ, но и жизненная практика тоже сама по себѣ: лимонадъ не можетъ вліять на жизнь.

Гораздо плодотворнѣе оказывается для дальнѣйшаго развитія литературы третье направленіе, проявляющееся у насъ въ эту эпоху, романтическое: въ немъ прежде всего начинаютъ толковать объ идеалѣ, о высшемъ совершенствѣ, къ которому надо стремиться; правда, у романтиковъ идеалъ представляется или въ прошломъ, въ «миломъ воспоминаніи о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ», или въ заоблачныхъ сферахъ, гдѣ-то не на землѣ, въ надеждѣ «на лучшій неизмѣнныій свѣтъ», правда, наши романтики часто ограничиваются, подобно Ленскому, тѣмъ, что воспѣваютъ «нѣчто и туманну даль», — однако это не позволяетъ намъ строго относиться къ тому направленію, которое первое заговорило у насъ о возвышенномъ значеніи поэзіи и устранило всякую возможность видѣть въ ней пустую забаву, одинъ лимонадъ; разъ заведена рѣчь объ идеалѣ, то можно надѣяться, что этого идеала станутъ искать гдѣ нибудь и поближе къ жизни, сведутъ поэзію съ небесъ на землю. Расчистивъ такимъ образомъ путь для будущаго движенія литературы къ серьезному цѣлямъ, романтики, кроме того, чрезвычайно много сдѣлали и для того, чтобы литература наша стала народною: въ своей западной родинѣ романтизмъ былъ теченіемъ чисто національнымъ, и этотъ же національный характеръ скоро сообщается ему и у насъ; подражая нѣмцамъ, мы видимъ, что у нихъ романтизмъ есть возрожденіе народности въ литературѣ, и потому естественно начинаемъ сами стремиться къ сближенію съ народностью, тѣмъ болѣе, что подобное стремленіе идетъ у насъ и изъ другихъ источниковъ, изъ направленія нѣкоторыхъ старыхъ писателей, затрогивавшихъ народную жизнь, и изъ патріотического одушевленія, охватившаго русское образованное общество въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, который, пожалуй, въ этомъ отношеніи дѣйствительно «русскому народу высокій жребій указалъ». Однако, при всѣхъ этихъ заслугахъ, въ нашемъ романтизмѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія слишкомъ много наноснаго, чуждаго русской жизни.

Изъ этой краткой характеристики литературныхъ направленій мы видимъ, что главнымъ ихъ недостаткомъ является отрѣпленность отъ русской жизни, и такая литература, чуждающаяся дѣйствительности, не есть еще литература: мы видимъ нѣсколько хорошихъ писателей, но ихъ дѣятельность не можетъ служить отраженіемъ жизни. И вотъ въ такую-то среду вступаетъ юноша, почти мальчикъ, уже на школьной скамѣ обнаруживающій задатки рѣдкой оригинальности, говорящій такимъ языкомъ, какой невѣдомъ его учителямъ. Много ли мы найдемъ въ то время (1814 г.) у нашихъ поэтовъ такихъ строкъ, какія видимъ у 15-ти-лѣтняго Пушкина въ его «Городкѣ»? Для примѣра приведемъ слѣдующій отрывокъ:

Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренъко старушки

Душистый пью чаекъ;
 Не подхожу я къ ручкѣ,
 Не шаркаю предъ ней,
 Она не присѣдаетъ.
 Но тотчасъ же вѣстей
 Мнѣ пропасть наболтаетъ.
 Газеты собираетъ
 Со всѣхъ она сторонъ,
 Все свѣдастъ, узнастъ:
 Кто умеръ, кто влюбленъ,
 Кого жена по модѣ
 Рогами убрала,
 Въ которомъ огородѣ
 Капуста цвѣть дала;
 Ома свою хозяйствку
 Ни за что наказать,
 Антошка балалайку,
 Играя, разломать,—
 Старушка все расскажеть.
 Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
 Болтаетъ все свое;
 А я сижу смиренно,
 Въ мечтаньяхъ углубленный,
 Не слушая ее.

Въ этомъ прекрасномъ, легкомъ стихѣ, въ образномъ и въ то же время совершенно простомъ языке виденъ уже не ученикъ, а человѣкъ, смѣло могущій стать рядомъ съ лучшими тогдашними поэтами,—чувствуется будущая великая сила, сказывается тотъ Пушкинъ, который и впослѣдствіи долженъ всѣхъ очаровывать именно своей простотой. Но не одна форма поражаетъ насъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, нельзя забывать, что и содержаніе ихъ совсѣмъ уже не всегда такъ легкомысленно, какъ это мы привыкли постоянно говорить, извиняя поэту его легкомысліе юнымъ возрастомъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ, ставшемъ достояніемъ шарманщиковъ романѣ «Подъ вечеръ, осенью ненастной» мы находимъ такие, полные серьезнаго чувства, совсѣмъ не легкомысленные и не мальчишескіе стихи:

Несчастны! будешь грустной думой
 Томиться межъ другихъ дѣтей,
 И до конца съ душой угрюмой
 Взирать на ласки матерей;
 Повсюду странникъ одинокій,
 Всегда судьбу свою кляня,
 Услышишь ты упрекъ жестокій...
 Прости, прости тогда меня!
 Ты спиши.. позволь тебя, несчастный,
 Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
 Законъ неправедный, ужасный,
 Къ страданью осуждаешь насть.
 Пока лѣта не отогнали

Невиной радости твоей,
Сии, милый! горькія печали
Не тронуть дѣтства тихихъ дней!

Также вполнѣ серьезнымъ по тону является одно изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній «Лицинію», напоминающе до нѣкоторой степени позднѣе написанную сатиру Рылѣева «Къ Рубеллію». Здѣсь мы видимъ полные жизненной правды образы двухъ римлянъ, при чемъ рѣчи поклонника свободы, самого поэта, совсѣмъ не похожи на беспечные призывы къ веселью и вину:

Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскому,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больши не страшась народнаго волненія,
Подъ старость отдохнемъ въ глухи уединенія.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изобразжу
И правы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что уже въ юномъ лицейстѣ обнаруживается умѣніе владѣть формой и порой содержательная мысль; остается эту мысль направить на окружающую дѣствительность, и это осуществляется, какъ только Пушкинъ окончилъ курсъ лицея. Вступивши въ свѣтъ, ведя разсѣянную жизнь, предаваясь удовольствіямъ, Пушкинъ въ то же время интересуется и литературными дѣлами: онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ литературныхъ кружковъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ его посланія къ Жуковскому. Онъ жестоко нападаетъ на партію Шипкова, на членовъ «Бесѣды любителей россійскаго слова», которые представляются ему злостными обскурантами, съ которыми, конечно, у него не можетъ быть мирныхъ отношеній:

Бѣда (восклицаетъ онъ), кто въ свѣтѣ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицу пѣжной лирої,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языккомъ,
И русской глупости не想要 быть человѣмъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата!

Но обскуранты, сѣющіе развратъ и защищающіе «русскую глупость», проявляютъ свое рвение не только въ «Бесѣдѣ», ихъ множество завелось въ ту реакціонную пору и въ другихъ сферахъ, и

вотъ Пушкинъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ эпиграммъ, въ которыхъ казнить изувѣрство Фотія, мистицизмъ кн. А. Н. Голицына, фрунтовые идеалы Аракчеева и т. п. Онъ сближается съ представителями передовыхъ взглядовъ, и на него сильное вліяніе въ это время оказываетъ П. Я. Чаадаевъ, къ которому впослѣдствіи онъ обращается съ такими словами:

Ты сердце зналъ мое во цветѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно изнывать, страдалецъ утомленный;
 Въ минуту гибели надѣй бездной потасенной
 Ты поддержать меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламенилъ къ высокому любовь;
 Терпѣніе смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣль я презирать, умѣя ненавидѣть.
 Что пужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
 Холопа знатчаго, нерѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежни лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части сиѣта?

Бесѣды съ Чаадаевымъ вели иногда крайне пылкимъ заявленіямъ свободолюбиваго характера, каково, напримѣръ, слѣдующее:

Пока свободою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души высокіе порывы.
 Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она.
 Заря плѣнительного счастья,
 Россія всприянетъ ото сна
 И на обломкахъ . . . .
 Напишеть наши имена.

Въ такихъ стихахъ или въ одѣ «Вольность» выражалось молодое увлеченіе горячей головы, но былъ одинъ вопросъ, который занималъ очень многихъ, и которому суждено было получить разрѣшеніе еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, при чемъ Пушкинъ какъ бы пророчески предугадалъ способъ его разрѣшенія. Это былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостного права, и въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Деревня», заканчивающемся постоянно цитируемыми стихами, въ которыхъ какъ бы предсказано освобожденіе крестьянъ «по манию царя», поэтъ даетъ намъ чрезвычайно яркую характеристику ненормального состоянія крестьянства:

Среди цветущихъ нивъ и горъ
 Другъ человѣчества печально замѣчетъ
 Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
 Не видя слезъ, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,

Присвоило себѣ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
 Склонись на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
     Неумолимаго владѣльца.
 Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
 Надеждѣ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
     Здѣсь дѣвы юныя цвѣтуть
 Для прихоти развратнаго злодѣя;
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижинъ родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Указанныя темы могутъ намъ служить отличнымъ матеріаломъ для выясненія отношеній поэта къ общественной жизни: поэтъ не стоитъ вѣѣ общественныхъ интересовъ, они живо его захватываютъ, онъ является выразителемъ стремленій извѣстныхъ общественныхъ круговъ своего времени, и въ этомъ онъ видѣтъ свое главное назначение. Такимъ онъ остается и впослѣдствіи, хотя, конечно, съ годами долженъ исчезнуть юношескій задоръ, должна устраниться нетерпимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется область вопросовъ, затрагиваемыхъ его творческой фантазіей, и поэтъ идетъ не съ «вѣкомъ наравнѣ», а впереди своего вѣка.

Выражая лучшія стремленія своего времени, поэтъ невольно производитъ окружающую его дѣйствительность: является эта жизнь и въ сатирическомъ, юдкомъ освѣщеніи, какъ, напримѣръ, въ посланіи «Кн. А. М. Горчакову», гдѣ поэтъ даетъ замѣчательно рельефную характеристику большого свѣта,

Гдѣ умы хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 . . . . .
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
 И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ...
 Когда въ кругу Ласицъ благочестивыхъ
 Затинутый невѣжда-генераль
 Красавицамъ изношеннѣемъ и сонными
 Съ трудомъ острѣть французскій мадrigаль,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклонными,
 И всѣ вокругъ и дремлють, и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль широкими бренчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ...

Но гораздо важнѣе отмѣтить въ это время нѣсколько иное настроеніе, при которомъ поэтъ, наблюдая житейскую пошлость, не бичуетъ ее съ Ювеналовскимъ негодованіемъ, а представляеть ее съ добродушнымъ юморомъ. Такова, напримѣръ, слѣдующая картина Москвы въ стихотвореніи «Н. В. Всеволожскому», подходящая къ

той характеристикѣ первопрестольного града, которую мы находимъ впослѣдствіи въ «Евгениі Онѣгінѣ»:

Ты скачешь въ мирную Москву (говорить поэтъ своему другу),
Гдѣ наслажденья знать знаютъ цѣну,
Безпечно дремлють наяву
И въ жизни любить перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шунунѣ,
Москва—премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмелье,
И скучу съ картами въ рукахъ.

Въ подобныхъ стихахъ почти уже вполнѣ опредѣленно вырисовывается намъ будущій образъ поэта-реалиста, поэта, дорожащаго болѣе всего простотой и въ этой простотѣ умѣющаго открывать присутствіе истинной красоты. Правда прежде всего, и правда во всемъ, и въ картинахъ жизни, и въ самомъ выраженіи, изъ котораго изгоняется все условное, напыщенное, намѣренно-слащавое. Поэтъ уже теперь не боится представлять намъ вполнѣ обыденную, будничную обстановку, онъ умѣеть ею заинтересовать и очаровать гораздо лучше, чѣмъ это дѣлаютъ творцы модной въ то время фантастики, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣеть такъ пользоваться языкомъ, что незамѣтно ни малѣйшаго подчиненія всякимъ незыблемымъ авторитетамъ. И достается же ему за это отъ строгихъ туристовъ, которые видятъ въ такомъ попраніи литературныхъ правилъ страшную дерзость, которые указываютъ поэту на мнимое неприличіе его языка, стиля, возмущаются его образами. Но откуда же этотъ реализмъ? На этотъ вопросъ мы находимъ весьма поучительный отвѣтъ въ лицейскомъ стихотвореніи 15-лѣтняго поэта «Бова»:

Часто, часто я бесѣдоваль
Съ болтуною страны Эллинскія,
И не смѣль осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Риоматовымъ
Вспѣвать героеvъ сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клонштока,

И не могъ понять премудраго;
 Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ;
 Я хочу, меня чтобъ поняли
 Всѣ, отъ мала до великаго.
 За Мильтономъ и Камоэнсомъ
 Опасался я безъ крылья парить,
 Въ серафимовъ жарить пушками,
 Ст сатаною обитать въ раю.
 Но, вчера, въ архивахъ рояся,
 Отыскалъ я книжку славную,
 Золотую, незабвеннную,
 Прочиталъ—и въ восхищеньи
 Про Бову пою царевича.

Подчеркнутыя нами слова, въ которыхъ поэтъ выражаетъ желаніе быть всѣми понятымъ, нельзя не признать въ высшей степени замѣчательными не только потому, что они написаны мальчикомъ, сидящимъ на школьной скамьѣ, но и потому, что вслѣдъ за ними поэтъ объясняетъ намъ источникъ, изъ котораго возникло его стремленіе, для того времени представлявшееся вполнѣ оригинальнымъ, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что тогда почти всѣ поэты писали «для немногихъ», да и не могли видѣть надобности расточать свой «вкусный лимонадъ» для всѣхъ потому, вѣроятно, что только очень немногимъ онъ могъ показаться вкуснымъ. Источникомъ вдохновенія для нашего поэта является старая сказка про Бову королевича, и благодаря ей становится возможнымъ отказаться и отъ классическихъ традицій Шапелена и Риѳматова, и отъ романтического паренія «безъ крылья». Нечего поминать въ этомъ случаѣ о значеніи знаменитой няни, которой юный поэтъ посвящаетъ прочувствованная строки въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи «Сонъ», которая рассказывала ему «о мертвцахъ, о подвигахъ Бовы», и благодаря которой онъ «терялся, въ порывѣ сладкихъ думъ, въ глупи лѣсной, средь Муромскихъ пустыней, встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней». Конечно, не слѣдуетъ черезчуръ преувеличивать значеніе няни, не слѣдуетъ видѣть въ ней, какъ это иногда дѣлается, настоящую спасительницу поэта, охранившую его отъ тлетворного вліянія французского воспитанія, нельзя забывать того, что уже родительскій домъ знакомилъ Пушкина съ русскимъ языкомъ и литературой, но все же собственное показаніе поэта опредѣляетъ намъ, какъ велика была польза, принесенная ему его «мамушкой». Не случайно же первое крупное произведеніе поэта, его изящнѣйшая поэма «Русланъ и Людмила», заимствовано имъ изъ сказочнаго міра, и хотя источникъ поэмы указанъ проф. Владимировымъ въ передѣлкахъ сказокъ литератора Екатерининской эпохи, Чулкова, тѣмъ не менѣе знаменитые стихи пролога поэмы:

У лукоморья дубъ зеленый,
 Златая цѣпь на дубѣ томъ:
 И днемъ и ночью котъ ученый

Все ходить по цѣли кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
На лѣво — сказку говоритъ,—

взяты Пушкинъ, по его собственному свидѣтельству, изъ няниной сказки о царѣ Салтанѣ: «У моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходить котъ: вверхъ идетъ—сказки сказываетъ; внизъ идетъ—пѣсни поетъ». И какъ въ сущности выправлена въ поэмѣ Пушкина (при всѣхъ ея несовершенствахъ, даже при подражаніи Аріосту) весьма недоброкачественная передѣлка Чулкова, какъ извѣстно, нисколько не церемонившагося съ текстомъ народно-поэтическихъ созданій! Откуда же это? Тутъ,казалось и вліяніе няни, и домашняя обстановка, самое же главное здѣсь заключается въ геніальномъ проникновеніи поэта въ существо народнаго творчества. Въ поэмѣ не приоровленіе нѣмецкой баллады къ русской обстановкѣ, какъ это мы часто видимъ у Жуковскаго, а напротивъ возстановленіе народнаго колорита въ тенденціозной фальсификаціи прошлаго столѣтія. Впослѣдствіи, въ Михайловскомъ кругѣ наблюденій народной жизни и изученія народнаго творчества значительно расширяется, и поэтъ даетъ неподражаемыя произведенія въ духѣ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, но и теперь самый выборъ сюжета и его обработка намѣчаютъ намъ человѣка, тонко постигающаго характеръ народности и въ этомъ отношеніи идущаго по пути реальнаго воспроизведенія жизни.

Такимъ образомъ въ первомъ, такъ сказать, еще ученическомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ является передъ нами поэтомъ, стремящимся къ народности въ своихъ произведеніяхъ, поэтомъ, не чуждающимся дѣйствительности, не видящимъ въ ней чего либо низкаго, а напротивъ въ ней находящимъ лучшій источникъ для своего вдохновенія, которое направляется, какъ на воспроизведеніе этой дѣйствительности безъ всякихъ условныхъ, фальшивыхъ прикрасъ, такъ и на выраженіе ея лучшихъ стремленій къ свѣту и правдѣ. Это поэтъ прежде всего правдивый, и такимъ онъ остается въ теченіе всей своей послѣдующей славной творческой работы: поворота никакого не замѣчается, а видно только расширение области наблюденія, большее приближеніе къ объективности, безъ которой нѣть настоящей правды, и которая, конечно, не можетъ въ полнотѣ проявляться въ задорномъ юношѣ, и наконецъ болѣе любовное, человѣчное отношеніе къ природѣ и людямъ, задатки котораго можно указывать уже теперь; той же эпикурейской отрѣщенности отъ жизни, того художественного квѣтизма, въ которыхъ, главныхъ образомъ благодаря второстепеннымъ послѣдователямъ Пушкина и неправильному толкованію его взглядовъ на поэзію, мы привыкли обвинять нашего великаго поэта, не наблюдалася ни въ юности, ни въ зрѣломъ его возрастѣ.

Ссылка вырываетъ поэта изъ столичной среды, отдаляетъ его и

отъ пустыхъ увлечений и отъ нѣкоторыхъ серьезныхъ друзей, съ которыми впрочемъ связи не прекращаются. Мы не будемъ угадывать, что бы могло случиться съ поэтомъ, если бы онъ остался въ Петербургѣ, не будемъ предполагать, что его талантъ могъ бы погибнуть въ вихрѣ свѣтской жизни, такъ какъ въ подобныхъ предположеніяхъ нѣтъ ни цѣли, ни основанія; мы постараемся только въ самыхъ общихъ чертахъ припомнить, что дало ему время ссылки (но врядъ ли самая ссылка, такъ какъ «пустая, разсѣянная жизнь» продолжается частью и въ ссылкѣ) въ смыслѣ развитія его творчества, въ смыслѣ сближенія съ русской дѣйствительностью. Для настѣнкою никакого интереса не представляеть ни Байроновское вліяніе, ни недавно очень хорошо доказанное г. Сиповскимъ вліяніе Шатобріана, состоящее, какъ это отмѣчаетъ молодой изслѣдователь, лишь въ заимствованіи нѣкоторыхъ образовъ, — для настѣнкою важно отношение созданныхъ въ это время образовъ не къ ихъ литературнымъ источникамъ, а непосредственно къ русской жизни, такъ какъ нашъ поэтъ, заимствуя свои образы, переносить ихъ на русскую почву, ищетъ имъ соотвѣтствія въ жизни и произносить свой поэтический судъ надъ тѣми или другими жизненными явленіями.

Не говоря о прекрасныхъ описаніяхъ природы и быта въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», мы остановимся только на Алеко и позволимъ себѣ привести мастерскую характеристику этого типа, принадлежащую Ф. М. Достоевскому. «Въ подражаніяхъ, говорилъ Достоевскій, никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя явилъ Пушкинъ въ Цыганахъ — поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому периоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и стремительности, которой не явилось бы столько, если бы онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героя поэмы «Цыганы», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная поэтомъ въ такой гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, где почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осозаемо-реальному и понятному видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и гениально отмѣтилъ того несчастного скитальца въ родной землѣ, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у настѣнкою, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ».

Далѣе, обращаясь непосредственно къ типу Алеко, Достоевскій говоритъ: «Алеко, конечно, еще не умѣеть правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлечено, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія,

плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чёмъ она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастический и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то виѣ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердынь историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскую жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣльымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣть культуры, росъ, какъ институтка, въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странная и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено русское образованное общество. И онъ это чувствуетъ, этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну, и что же въ томъ, что, принадлежа, можетъ быть, и родовому дворянству и даже весьма вѣроятно обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми, живущими «безъ закона», и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, но страстью вѣрой бросается къ Земфирѣ: «Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣть цивилизаціи и законовъ». И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его—безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ:
Мы дики, нѣть у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

«Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человѣкъ» реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ захваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить».

Эта вдохновенная рѣчь Достоевского указала въ Алеко первый у насъ литературный типъ человѣка, оторванного европейскою цивилизаціей отъ родной почвы, тотъ типъ, въ которомъ сосредоточилась коренная болѣзнь всего нашего образованного общества, и критическое отношеніе къ подобному типу, его «развѣнченіе», какъ выражались нѣкоторые критики, должно быть признано наиболѣе

важнымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ Пушкинымъ по пути изученія нашей дѣйствительности. Еще въ «Кавказскомъ пленнику» отношеніе поэта къ типу скитальца далеко не критическое, а въ произведеніяхъ современниковъ Пушкина этотъ типъ постоянно окружается ореоломъ какой-то таинственности и могучей силы. Въ «Цыганахъ» маска величия уже сорвана съ героя, указана его собственная, внутренняя несостоительность, независимо отъ окружающихъ его обстоятельствъ, хотя мы не видимъ еще, не былъ ли правъ Алеко, порывая свои связи съ цивилизованнымъ обществомъ. Судя по его словамъ, въ этомъ обществѣ невозможно ужиться, оно не признаетъ свободы, къ которой онъ стремится; но вѣдь это его собственные слова, и, можетъ быть, корень зла лежитъ въ немъ самомъ. Этотъ вопросъ занимаетъ и нашего поэта, и онъ принимается за его разрѣшеніе въ «Евгениѣ Онѣгинѣ».

Какъ известно, «Евгений Онѣгинъ» былъ такимъ же любимымъ дѣтищемъ фантазіи Пушкина, какими были для Байрона «Донъ-Жуанъ» и для Гете—«Фаустъ»: романъ писался слишкомъ девять лѣтъ, и за этотъ продолжительный періодъ поэту пришлось многое пережить, увидѣть много нового, о многомъ передумать, и, какъ онъ выразился впослѣдствіи, онъ «самъ, покорный общему закону, перемѣнился». Перемѣны коренной не произошли, а явились только болѣе ясное пониманіе своихъ задачъ, и поэтъ въ сущности только укрѣпилъ въ себѣ тѣ задатки реального направленія, которые мы замѣчали въ немъ уже въ первый періодъ его дѣятельности. Здѣсь, конечно, мы должны особенно цѣнить впечатлѣнія жизни въ Михайловскомъ: и нянини пѣсни и сказки получаютъ для него въ это время гораздо болѣе серіозное значеніе, такъ что онъ приступаетъ къ собиранию памятниковъ народного творчества въ деревняхъ и, можно сказать, кладетъ начало болѣе правильному отношенію нашей науки къ народной поэзіи, такъ какъ его собраніе есть одинъ изъ исходныхъ пунктовъ работы П. В. Кирѣевскаго; знакомство съ сбѣдями расширяетъ кругъ его наблюденій надъ русской провинціальной средой, надъ полу-патріархальнымъ помѣщичьимъ бытомъ; отъ современной жизни онъ переходитъ къ исторіи, которая даетъ ему богатый матеріалъ для будущихъ его созданій, и къ которой онъ первый относится у насъ, какъ настоящій реалистъ, что было особенно важно въ ту эпоху, когда господствовали тенденціозные взгляды на исторію, отчасти внушенные Карамзинымъ.

Это сближеніе съ русской дѣйствительностью вполнѣ уясняетъ поэту дальнѣйшій характеръ его творчества, и онъ набрасываетъ такой планъ романа:

...романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныи злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,

Но просто вамъ перескажу
Преданья русского семейства,
Любви плѣнительные сны
Да иправы нашей старины.
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ линъ, у ручейка;
Песчастной ревности мученъя,
Разлуку, слезы примиренъя;
Носсорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ.

Можно предполагать, что этотъ планъ романа осуществленъ въ «Капитанской дочкѣ»; но нельзя также не видѣть его отраженіе и въ «Евгениѣ Онѣгинѣ», который изъ первоначального проекта шуточной повѣсти въ родѣ Байроновскаго «Беппо» разросся въ это время въ широкую картину русской жизни. Сперва запасъ наблюденій былъ не особенно великъ, и можно было ограничиваться намѣреніемъ дать «описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка», но съ годами являются новые типы, новое къ нимъ отношеніе, рисуется жизнь всего общества. Однако существенно-важнымъ представляется то обстоятельство, что уже съ самаго начала авторъ смотрѣтъ на свой романъ, какъ на сатирическій, и съ самаго начала далекъ отъ того, чтобы ставить своего главнаго героя на пьедесталъ. Типъ разочарованнаго, скучающаго, охваченнаго «хандрой», скитальца уже въ это время лишенъ ореола таинственного величія, а впослѣдствіи знакомство съ дѣйствительной жизнью приводить поэта къ окончательному осужденію этого скитальца, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ первый русскій реалистическій романъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Романъ этотъ реалистическій потому уже, что онъ народный романъ; все въ немъ русское, и это изображеніе народной жизни точное до мелочей, согрѣто любовнымъ отношеніемъ поэта. Бѣдная природа, представленная въ разныя времена года, кажется намъ прекрасною въ этомъ освѣщеніи; русскій бытъ нарисованъ намъ въ самыхъ различныхъ сферахъ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городкахъ, въ деревнѣ,—и вездѣ господствуетъ удивительная, свойственная Пушкину и до него небывалая простота, болѣе всего подходящая къ правдивому воспроизведенію картинъ русской дѣйствительности. Развѣ не реальны отдѣльныя картинки крестьянскаго быта, написанныя безъ ультра-народническихъ подробностей, которыми щеголяютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели, но вполнѣ вѣрно воспроизводящія особенности крестьянской жизни? Развѣ не реально, напримѣръ, такое описание провинціальной суполки въ «Путешествіи Онѣгина»:

. . . . передъ нимъ
 Макарьевъ суетно хлопочеть,
 Кипитъ обилемъ своимъ!
 Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
 Поддѣльны вина европеецъ;
 Табунъ бракованныхъ коней
 Пригнали заводчикъ изъ степей;
 Игроκъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей;
 Помѣщикъ — спѣльыхъ дочерей,
 А дочки — прошлогодни моды.
 Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
 И всюду меркантильный духъ.

А какъ характерно описаніе того же провинціального общества, стѣхавшагося на именины Татьяны, причемъ двумя-тремя словами очерчивается цѣлое жизненное явленіе:

Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди стѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, бричкахъ и саняхъ.
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ;
 Лай москв., чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицы крикъ и плачь дѣтей.
 Съ своей супругою дородной
 Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходныи,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уѣздный франтиксъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый спистникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

Рядомъ съ этимъ описаніемъ можно поставить слѣдующее изображеніе московской спячки, неподвижности:

Все въ нихъ на старый образецъ:
 У тетушки, книжки Елены
 Все тотъ же тюлевый чепецъ;
 Все бѣлится Лукерья Львовна,
 Все такъ же лжетъ Любовь Петровна,
 Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
 Семенъ Петровичъ такъ же скучъ,
 У Пелагеи Николавны
 Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
 И тотъ же шинецъ, и тотъ же мужъ;

А онъ все клуба членъ исправный,
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
И такъ же бѣть и петь за двухъ.

• • • • •
• • всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ бесплодной сухости рѣчей
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть новзначай, хоть паобумъ;
Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнѣтъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшины
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Къ этой характеристицѣ пустого и пошлого московскаго общества
очень подходитъ слѣдующее описание петербургскаго большого свѣта:

Туть были однако цвѣты столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемы лица,
Необходимые глупцы;
Туть были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Туть было нѣсколько дѣвицъ,
Не удаляющихся лицъ;
Туть былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Туть былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по-старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что иначе нѣсколько смѣшино,
Туть былъ на эниграммы надкій,
На все сердитый господинъ;
• • • • •
Туть былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души;
Въ дверяхъ другой диктаторъ балльяй,
Стоялъ картиною журнальной,
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ,
Румянъ, какъ вербный херувимъ,
И иутешественникъ залогтнй,
Перекрахмаленный пахать.

Подобные характеристики представляютъ намъ общество въ его цѣломъ составѣ и, пожалуй, могутъ показаться на первый взглядъ слишкомъ поверхностными; но въ сущности, сколько бы мы ни добавляли подробностей, мы ихъ не измѣнимъ, такъ какъ онѣ передаютъ вполнѣ наиболѣе характерныя черты свѣтской среды—пошлисть, пустоту, отсутствіе серьезныхъ, высшихъ интересовъ. Въ этомъ и заключается величое достоинство Пушкинского реализма: онъ не расплывается въ мелочахъ, какъ это дѣлаютъ разные про-

токолисты въ литературѣ,—онъ схватываетъ самое существо жизни, оттѣняетъ въ ней наиболѣе типичное, но большею частью нами не замѣчаемое.

Тотъ же самый реализмъ замѣчается и въ рисовкѣ отдѣльныхъ типовъ, выведенныхъ въ романѣ. Какъ, напримѣръ, типиченъ русской романтикъ, Ленскій, вынесшій изъ пребыванія въ заграничномъ, конечно, Геттингенскомъ университетѣ, «учености плоды», характеризуемые въ слѣдующихъ, полныхъ тонкой ироніи, стихахъ:

Вольнолюбивы мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

И въ этой характеристикѣ, и въ тѣхъ стихахъ, которые въ изобилии сочиняетъ Ленскій, образецъ которыхъ намъ даетъ Пушкинъ въ шестой главѣ资料 ofего романа, замѣчательно вѣрно схвачены черты подлинной русской дѣйствительности, крайне неопределеннаго и зачастую чистѣ вѣнѣнія увлеченія романтизмомъ. Фальшивую сторону такого романтизма напѣть поэтъ прекрасно выставляетъ въ своемъ отзывѣ о писаніяхъ Ленскаго:

Такъ онъ писалъ темно и вяло
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ нимало
Не вижу я; да что намъ въ томъ)?

Тѣ же приемы реального творчества видны въ обрисовкѣ главнаго героя романа, этого скитальца-эгоиста, «москвича въ Гарольдовомъ плащѣ». Все въ Онѣгінѣ (который, повторяемъ, по замыслу Пушкина есть типъ сатирическій) взято изъ современной обстановки и для настѣ отчасти уже отличается историческимъ характеромъ: таково его воспитаніе поверхностное, подъ руководствомъ иностранца, позволяющее блестать въ свѣтѣ, такъ что даже «судьи рѣшительные и строгіе» находять послѣ разговора съ нимъ (хотя онъ и «хранить молчанье въ важномъ спорѣ»), что онъ «ученый малый, но педантъ»; такова его пустая жизнь въ петербургскомъ большпомъ свѣтѣ, проходящая исключительно въ разнаго рода увеселеніяхъ; таковы и скуча, его одолѣвающая, и попытки приняться за какое нибудь серьезное дѣло, читать и даже писать, его интересъ къ вопросамъ экономическимъ, которые особенно были въ модѣ въ это время («читалъ Адама Смита и былъ великій экономъ»), хотя, по всей вѣроятности, и въ этой наукѣ имѣ схвачены одни верхи; столь же характерно для эпохи и отношеніе Онѣгина къ крестьянамъ, судьбу которыхъ онъ облегчаетъ («яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ»), такъ какъ въ то время немало шло толковъ о крестьянскомъ вопросѣ; весьма интересно его деревенское времяпровожденіе, при чемъ онъ въ качествѣ петербургскаго льва съ большимъ пренебреженіемъ относится ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ; нако-

нецъ любопытны, какъ реальная подробности, скитанія Онѣгина, его альбомъ, характеристика его чтенія:

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна ченые разлюбили,
Однако жъ иѣсколько твореній
Онъ изъ оналы исключилъ:
Пѣвица Глаура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кинящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Верхомъ реализма въ романѣ, совершенною новостью для русской литературы, должно быть признано созданіе дивнаго образа Татьяны; особенною новостью является этотъ типъ потому, что въ прежнемъ исключительно сатирическомъ направлениіи реализма его положительные типы всегда бывали сочиненными, къ жизни отношенія не имѣли, тогда какъ Татьяна, несомнѣнно, лицо вполнѣ реальное. Это—самая обыкновенная провинциальная дворянская дѣвица, мало образованная, наивная, суевѣрно убѣжденная въ силѣ примѣтъ и гаданий, фантазерка, начитавшаяся чувствительныхъ романовъ, мечтающая о какомъ-то необыкновенномъ герое и даже свое письмо къ Онѣгину сочиняющая (непремѣнно по-французски, такъ какъ по-русски она писать не мастерица) въ стилѣ письма Юліи къ Сенъ-Пре (изъ романа Руссо «Новая Элоиза»), — короче сказать, что такой типъ, который не представляетъ собою ничего яркаго, выдающагося, бросающагося въ глаза... А между тѣмъ поэтъ сумѣлъ въ своей Танѣ, которую онъ такъ любить, разглядѣть такія черты, которыя поднимаютъ ее на чрезвычайную нравственную высоту и приводятъ Достоевскаго къ заключенію, что въ русской литературѣ есть только два такихъ идеально-чистыхъ образа, т.-е. Татьяна и Лиза изъ «Дворянскаго Гнѣзда». Лицо, не отступающее такимъ образомъ нимало отъ дѣйствительности, возведено Пушкинъмъ въ идеалъ, и въ этомъ заключается наиболѣе существенная особенность, отличающая новое реальное направлениѣ, родоначальникомъ котораго должно признавать Пушкина: это направлениѣ искажающееся идеала, но оно ищетъ его не въ заоблачныхъ сферахъ, не въ иномъ мірѣ, какъ это дѣлалъ романтизмъ, и не въ сочинительствѣ, чѣмъ грѣшилъ прежній реализмъ, а здѣсь, на землѣ, во вполнѣ реальной обстановкѣ.

Сродни Татьянѣ отчасти княжна Полина изъ отрывка «Рославлевъ», а въ особенности героиня «Капитанской дочки», Марья

Ивановна Миронова, тоже крайне простая, лишенная всякой эффектности девушки, воспитанная въ отдаленномъ захолустье, на первый взглядъ кажущаяся даже глуповатой, при этомъ неожиданно обнаруживающая способность къ героизму, самоотверженной любви; здѣсь опять тотъ же пріемъ исканія идеала въ дѣйствительности неприкрашенной.

Коснувшись «Капитанской дочки», слѣдуетъ отмѣтить въ этой повѣсти типъ слуги, Савельича, и отношеніе Пушкина къ исторіи. Савельичъ (если не припомнить няни Еремѣевны у Фонвизина и очень немногихъ крестьянъ изъ комедій и повѣстей прошлаго вѣка, причемъ во всѣхъ есть нѣкоторая фальшивость, карикатурность) можетъ считаться (вмѣстѣ съ няней Татьяны) чуть ли не первымъ правдивымъ образомъ крестьянина-слуги въ нашей литературѣ: это уже не добродѣтельно-чувствительная фигура въ родѣ тѣхъ, какія создавались Карамзинской школой, и не ловкій слуга французскихъ комедій, очень часто повторявшійся въ нашей литературѣ и даже отравившійся въ Грибоѣдовской Лизѣ,— это настоящій, живой человѣкъ, преданный своему барину, стоящій за барское добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенный нѣкотораго сознанія своего достоинства, умѣющій отвѣтить и Пугачеву и защититься отъ укоровъ старика Гринева. Такой типъ, какъ Савельичъ, явился художественнымъ откровенiemъ, и съ него надо вести генеалогію крестьянскихъ типовъ Григоровича, С. Аксакова, Тургенева и другихъ нашихъ бытописателей.

Что касается исторіи въ этой повѣsti, то насы невольно должно поражать тонкое пониманіе поэтомъ характера Пугачева; у другого поэта, не реалиста, Пугачевъ легко могъ бы обратиться въ мелодраматического злодѣя, не умѣющаго и шагу ступить не по-злодѣйски, или же въ добродѣтельного разбойника, какихъ мы много видимъ въ такъ называемыхъ разбойничьихъ романахъ,— у Пушкина нѣть ничего подобнаго, и страшный самоаванецъ, не будучи окруженнъ какимъ нибудь добродѣтельнымъ сіяніемъ, остается прежде всего человѣкомъ и не лишенъ нѣкоторыхъ чертъ, могущихъ вызвать наше сочувствіе: такъ, онъ умѣеть благодарить за оказанную услугу, а на свое дѣло смотрѣть даже съ поэтической стороны, для объясненія его ссылаясь на инородческую сказочку. Отличнымъ также образомъ реалистического отношенія къ исторіи можетъ служить характеристика императрицы Екатерины II, совершенно свободная отъ той приподнятости, которую вообще чрезвычайно часто страдаетъ историческая беллетристика при изображеніи выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: Екатерина является мелькомъ, а между тѣмъ поэтъ сумѣль намъ показать въ ней человѣка.

Тотъ же историческій реализмъ мы можемъ замѣтить и въ обрисовкѣ личности любимаго героя Пушкина, Петра Великаго, и въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», и въ «Мѣдномъ Всадникѣ», и въ «Полтавѣ»: вездѣ передъ нами человѣкъ, а не манекенъ, гово-

ряцій о государственныхъ дѣлахъ и совершающій великия дѣянія; и замѣчательно, что въ такомъ простомъ пониманіи личности Петра Великаго, какъ вѣчнаго работника на тронѣ, Пушкинъ оказался вполнѣ народнымъ: по крайней мѣрѣ, извѣстному изслѣдователю народнаго творчества, Е. В. Барсову, удалось въ Олонецкой губерніи услышать отъ крестьянина отзывъ о великому преобразователѣ, почти совсѣмъ совпадающей со взглядомъ Пушкина.

Близко къ «Капитанской дочкѣ» по общему колориту и по правдивости изображенія провинціальной жизни подходитъ повѣсть «Дубровскій», въ которой мы находимъ такой важный въ историко-литературномъ отношеніи образъ, какъ типъ Троекурова, впослѣдствіи оказавшій нѣкоторое вліяніе и на повѣсть Мельникова «Старые годы» и на типъ старого князя Болконскаго въ «Войнѣ и мирѣ», а также князя Хвалынского отца въ «Пугачевцахъ». И въ «Дубровскомъ», какъ и въ «Капитанской дочкѣ» намъ дана прекрасная психологія массы, которая не представляется стадомъ, а есть совокупность сознательныхъ личностей, и въ этомъ отношеніи обѣ указанныя повѣсти Пушкина послужили отличнымъ образцомъ и для графа Л. Н. Толстого и для графа Е. А. Саліаса.

Воспроизведеніе исторической дѣйствительности не менѣе поражаетъ насъ и въ «Борисѣ Годуновѣ», который основанъ, какъ это прекрасно указалъ профессоръ И. Н. Ждановъ, на самомъ обстоятельномъ изученіи первоисточниковъ, и не можетъ считаться порожденіемъ сильнаго «карамзинизма», за что осуждалъ его Н. А. Полевой: здѣсь и Борисъ, и самозванецъ, и женские образы, и второстепенные лица представляются высоко реальными, и если можно указывать нѣкоторыя неточности въ изображеніи Пимена, то онъ должны быть отнесены на счетъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ. Тутъ обнаружился общий удѣль исторической беллетристики, лишенной возможности руководиться собственными наблюденіями и вынужденной воспринимать факты сквозь призму чужаго освѣщенія.

Возвращаясь къ реальному воспроизведенію современной жизни, приходится прежде всего остановиться на «Повѣстяхъ Бѣлкина», которыхъ помимо своеобразного типа самого ихъ фiktивнаго автора, И. П. Бѣлкина, представляютъ огромный интересъ по своему вліянію на позднѣйшую нашу литературу: изъ этихъ повѣстей критика видѣла въ «Гробовщикѣ» нѣчто такое, отъ чего можно производить художественные пріемы Писемскаго, а въ «Станціонномъ смотрителѣ» — предшественника тѣхъ униженныхъ и оскорблennыхъ, которыхъ впослѣдствіи выводилъ въ своихъ сочиненіяхъ О. М. Достоевскій.

Наконецъ, для полноты характеристики пушкинского реализма необходимо упомянуть и обѣ «Исторіи села Горохина», въ которой находится замѣчательно яркое обличеніе недостатковъ крѣпостного

права. Позволимъ себѣ привести изъ этой «Исторіи» слѣдующую картину «политической системы» Горохинскаго приказчика: «Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ бояче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего ** старался о смиренности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2. Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посанжены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ этого по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ, выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совсѣмъ обнищало. Горохино пріуныло, базаръ опустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по миру — и день храмового праздника сдѣлался, по выражению лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, а годовщиною печали и поминанія горестнаго».

Это обличеніе крѣпостного права, написанное въ 1830 году, показываетъ намъ, что и въ этотъ періодъ своей дѣятельности такъ же, какъ и до ссылки на югъ Россіи, Пушкинъ не ограничивается однимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, но продолжаетъ выражать ея нужды, отзываются на стремленія своего времени. И здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ объ отношеніи Пушкина къ такъ называемой теоріи «искусства для искусства». Дѣйствительно, любопытно разсмотрѣть, на чемъ основано зачисленіе Пушкина въ разрядъ сторонниковъ этой теоріи.

Въ сущности, единственнымъ мотивомъ тутъ является стихотвореніе «Чернь», въ которомъ, повидимому, поэтъ совсѣмъ отстращивается отъ жизни и съ презрѣніемъ относится къ людскимъ горестямъ и нуждамъ. Однако, такое пониманіе этого стихотворенія далеко нельзя признать правильнымъ. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, кого Пушкинъ имѣеть здѣсь въ виду, обращаясь къ черни: не есть ли это та самая свѣтская толпа, въ которой онъ являлся настоящимъ мученикомъ въ послѣдніе годы своей жизни, и которая привела его къ трагическому концу? Намъ кажется, что иначе этого понимать нельзя, такъ какъ презрѣнія къ народу въ широкомъ смыслѣ этого слова мы у Пушкина нигдѣ

не найдемъ, за то съ осуждениемъ свѣтской черни мы встрѣчаемся у него на каждомъ шагу. Затѣмъ вторымъ вопросомъ является: чего требуетъ чернь отъ поэта? Она ищетъ материальной пользы, а главное она желаетъ подчинить его себѣ, своимъ велѣніямъ, тогда какъ для него свобода есть первое, необходимое условіе плодотворности его труда, направленного къ высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ, которыя несомнѣнно внесутъ свѣтъ правды и добра въ эту же толпу. И какъ обращается къ поэту этотъ «хладный и непосвященный» народъ? Онъ говоритъ ему о своихъ порокахъ, просить «уроковъ» и заключаетъ обѣщаніемъ: «а мы послушаемъ тебя». Ясно, что это обѣщаніе лицемѣрно, и если толпа не слушаетъ поэта теперь, то и послѣ его слова окажутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Кромѣ этого, не нужно забывать, что въ этомъ стихотвореніи несомнѣнно звучитъ нотка раздраженія, такъ что нѣкоторыя выраженія именно этимъ и объясняются, а, наконецъ, важнейшимъ аргументомъ противъ признания Пушкина защитникомъ теоріи искусства для искусства являются всѣ другія его стихотворенія, въ которыхъ онъ говорить о задачахъ поэтической дѣятельности.

Изъ этихъ стихотвореній мы, прежде всего, останавливаемся на небольшой параллели «Эхо», которое написано послѣ «Черни»:

«Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, реветь ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ,—
На всякий звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлецъ отвѣтъ.
Тебѣ жъ нѣть отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Поэтъ отзыается на все, что вокругъ него происходитъ, но вѣдь этотъ поэтъ есть въ то же время пророкъ, возвѣщающій волю Божію (стихотвореніе «Пророкъ»), т. е. указывающій людямъ путь, по которому они должны идти, и если онъ своимъ «глаголомъ» жжетъ сердца людей, то, право, нѣтъ никакой возможности говорить о какомъ-то квѣтизмѣ этого пророка: напротивъ, это есть, прежде всего, общественный вождь, учитель, направляющій людей къ самыми возвышенными цѣлямъ. А для этого ему нужна полная свобода, онъ не зависитъ ни отъ милостивцевъ, ни отъ народа («Изъ VI Пиндемонте»), и самъ является своимъ высшимъ судьей, руководясь своей совѣстью, никому не угодная, не стараясь добиться почестей и похвалъ («Поэту»).

Поэтъ нисколько не отрѣшень оть жизни, онъ рвется въ бой:

О музѣ пламенной сатиры (восклицаеть Пушкинъ),
Прійди на мой призывающий клич!
Не нужно мнѣ гремящеей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупицы!

А вы, ребята-подледы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнью стыда,
А если я кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько любовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

И понятно, что поэту приходится очень много выносить отъ той толпы, которая его не понимаетъ. Въ «Отвѣтъ анониму» (1830 г.) Пушкинъ говорить о себѣ:

Вниманья слабаго предмета уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ,
Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, произительно-унылый.
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бѣть и хвалить, иль порой
Неблагосклонно киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвица внезапное волненіе,
Утрата скорбная, изгнанье, заточеніе —
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусства;
«Тѣмъ лучше! Набереть онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намѣтъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта.

Мы знаемъ, что Пушкинъ не разъ и въ эту пору своей дѣятельности, въ послѣдніе годы своей жизни, отзывался на общественные вопросы, онъ именно жилъ общественными интересами. Что какъ не подобный отзывъ стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», въ которыхъ, рассматривая ихъ безпристрастно, нѣть никакой злобы по отношенію къ полякамъ, а, напротивъ, выражается гуманное, незлобивое чувство? Поэтъ сохранилъ прежнія свои личныя симпатіи, какъ это видно изъ стихотворенія «Аріонъ» и изъ слѣдующаго «Посланія въ Сибирь»:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадеть вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудить бодрость и веселье,
Придеть желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;
Оговы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Тѣхъ же самыхъ декабристовъ, своихъ товарищей, находящихся «въ мрачныхъ пропастяхъ земли» Пушкинъ вспоминаетъ и позже въ стихотвореніи «19-го октября 1827 года».

И такъ мы видимъ, что по существу поворота въ дѣятельности поэта въ періодъ его зрѣлости не произошло никакого, что онъ остается тѣмъ же поэтомъ дѣйствительности, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ первыхъ своихъ произведеніяхъ; отрѣшонности отъ жизни нѣть, а, напротивъ, благодаря, прежде всего, Пушкину, литература наша сближается съ жизнью, становится ея точнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ, ея истолковательницею, выразительницею ея лучшихъ стремленій, и поэтъ дѣлается пророкомъ, ведущимъ людей впередъ, къ свѣту и правдѣ. Своей лирой, чуждой фальшивыхъ нотокъ нашихъ прежнихъ литературныхъ направлений, Пушкинъ дѣйствительно пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства; руководясь своимъ неподкупнымъ, не подчиняющимся никакимъ вѣшнимъ силамъ, вдохновеніемъ, онъ указывалъ людямъ тѣ цѣли, къ которымъ они должны стремиться; говорилъ имъ, чѣмъ они живы; онъ и теперь это дѣлаетъ, и такъ будетъ, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пітъ»; поэзія Пушкина есть «арфа серафима», есть яркая путеводная звѣзда для всей нашей литературы, задача которой состоитъ во внесеніи въ нашу жизнь человѣчности; эта поэзія — великий «нерукотворный памятникъ», и «къ нему не заростетъ народная тропа».

А. Бороздинъ.

ПОЭТЪ И ЧИТАТЕЛЬ ВЪ ЛИРИКѢ ПУШКИНА.

I.

РИБЛИЖАЮЩЕЕСЯ всенародное чествование Пушкина, принявшее небывалые, кажется, въ Россіи размѣры, явится окончательною, безповоротною побѣдою великаго поэта надъ своими читателями. Эта побѣда, предрѣщенная, конечно, съ самаго начала, не досталась, однако же, его славѣ безъ борьбы и колебаній, нерѣдко очень рѣзкихъ, общественнаго признанія, какъ при жизни Пушкина, такъ и послѣ его смерти. Разладъ поэта съ читателемъ постоянно сказывался и въ самой его поэзіи, внушая ему болѣзnenныя, тревожныя произведенія, вообще столь несвойственныя его гармоническому духу. Можно даже—болѣе того—сказать, что этотъ разладъ для самого Пушкина являлся не только источникомъ страданія, но и загадкою. Постоянно возвращаясь къ мысли о немъ, вникал въ свою тему со всѣхъ ея сторонъ и всею силою своего геніального ума чувствуя ненормальность, неестественность такой розни, Пушкинъ все же не успѣлъ для себя самого разъяснить удовлетворительно вопроса объ идеальномъ единстве поэта съ читателемъ. Своими тревожными раздумьями надъ этой роковою загадкой онъ даже далъ многимъ цѣнителямъ поводъ къ упрекамъ въ непослѣдовательности, неустойчивости, противорѣчіяхъ съ самимъ собой, и, какъ ни сбивчивы и поверхностны самые эти упреки, нельзя не признать за ними полнаго права на существование. «Не требуй вѣнца», «равнодушно пріемли хвалу», об-

рапдался Пушкинъ къ своей музѣ даже въ самое послѣднее время своей жизни. Эти горькія слова, стоящія въ такомъ рѣзкомъ несогласіи съ величественнымъ началомъ стихотворенія, несомнѣнно выражаютъ, что оно и написано поэтомъ въ отвѣтъ на его собственныя горькія чувства,—что его муза порывалась требовать себѣ спасителя, но по праву принадлежащей, вѣнецъ, что она не могла встрѣтить равнодушно похвалу; но въ то же время изъ нихъ совершенно ясно, что не въ общемъ съ читателемъ почерпалъ поэтъ энергию своего творчества:

Всѣмъ Божію, о муга, будь послушна (II, 190),

говорилъ онъ, видя въ своемъ призваніи тягостный долгъ, подвигъ, возложенный высшою волей и земными радостями невознаградимый. Едва ли нужно пояснить, что лишь на почвѣ глубокаго, и безнадежнаго, и загадочнаго, разлада съ читателемъ расцвѣтала та поэзія, которой послѣднимъ словомъ было это горькое сознаніе. Откуда же возникъ и почему образовался этотъ разладъ? На этотъ вопросъ тщетно стали бы мы искать отвѣта въ литературѣ. Отдельныя попытки, разумѣется, существуютъ, но всѣ онѣ построены на основаніи либо біографическаго, либо культурно-историческаго материала. Никто, сколько известно, не задался вопросомъ общаго свойства,—въ чёмъ, вообще говоря, коренился тотъ разладъ поэта съ читателемъ, который мы наблюдаемъ чуть ли не у всѣхъ главныхъ художниковъ новаго времени, и чѣмъ объясняется этотъ разладъ въ цѣльной истройной индивидуальности Пушкина. Теперь, передъ лицомъ наступающаго Пушкинского праздника, всего своевременнѣе поставить наконецъ этотъ вопросъ и попытаться дать ему надежное решеніе. Поздними, но достойными честовданіями искупая вины предковъ передъ великимъ главою нашей поэзіи, мы вправѣ подумать и о разъясненіи внутренней природы и вѣнчаній исторіи непостижимаго разлада, такъ какъ пониманіе Пушкина невозможно, пока не разрѣшена эта болынная загадка его творчества.

II.

Отношенія человѣка къ миру опредѣляются съ одной стороны его личнымъ характеромъ и особенностями среды, а съ другой — тѣми идеалами, которые онъ старается осуществить въ своей собственной жизни и внести въ окружающую действительность. И тѣ, и другіе, въ свою очередь, опредѣляются тѣмъ, въ чёмъ данный человѣкъ полагаетъ свое жизненное призваніе. Но, во всякомъ случаѣ, ничья деятельность не бываетъ замкнута исключительно однимъ какимъ либо кругомъ. Быть поэтомъ еще не значитъ быть равнодушнымъ къ религіи, наукѣ, государству, семье, политикѣ, свѣтской жизни и т. д. А между тѣмъ въ каждой изъ этихъ областей жизни прихо-

дится преслѣдоватъ совершенно различныя цѣли совершенно различными средствами, такъ что въ одномъ и томъ же человѣкѣ для каждой сферы его дѣятельности вырабатывается самостоятельный героический идеалъ. Отважный на трибунѣ или на каѳедрѣ ораторъ оказывается робкимъ въ практической жизни, вольнодумецъ въ дѣлѣ религіи выступаетъ строжайшимъ охранителемъ въ политикѣ, распущенный въ жизни является въ искусствѣ проповѣдникомъ свя-
тости семейнаго очага и т. д. безъ конца. Такъ какъ различныя сферы жизни биографически раскрываются намъ разновременно, то и отдѣльные героические идеалы наши вырабатываются въ настѣ постепенно, нерѣдко совершенно независимо одинъ отъ другаго, и, взаимно противорѣчивые, уживаются, однако же, одновременно въ нашей душѣ. Чѣмъ даровитѣе человѣкъ, чѣмъ разнообразнѣе его интересы и сферы его жизни, тѣмъ сложнѣе въ немъ противорѣчія, тѣмъ нагляднѣе они для другихъ и ощутительнѣе для него самого, тѣмъ загадочнѣе онъ для окружающихъ и тѣмъ обособленнѣе среди нихъ его одиночество. И дѣйствительно, какъ охватить однимъ взоромъ всю сложность чужаго характера, угадать всѣ сферы чужой дѣятельности, понять всѣ почерпаемыя въ нихъ впечатлѣнія и уяснить себѣ разгадку чужой индивидуальности? Мы охотнѣе останавливаемся на противорѣчіяхъ характеровъ, чѣмъ добиваемся при-
миренія этихъ противорѣчій въ общемъ представлѣніи. Мало того, разладъ отдѣльныхъ идеаловъ составляетъ нерѣдко тяжелую нрав-
ственную задачу для ихъ собственныхъ носителей. Безнравственный человѣкъ бываетъ безупречнымъ ученымъ, циничный политикъ—примѣрнымъ семьяниномъ и честнѣйшимъ человѣкомъ въ личной жизни. Въ молодости, когда всѣ эти идеалы только вырабатываются, воплощаясь немедленно въ неестественнѣй дѣятельности, ихъ про-
тиворѣчія наивнѣе, рѣзче, ярче; но съ годами, когда душа уравно-
вѣшивается, и въ ней всплываетъ потребность гармоніи, покоя и сознанія, начинается для многихъ жестокая внутренняя борьба. Ис-
ходъ этой борьбы различенъ. Иногда затаенная нравственная тре-
вога толкаетъ человѣка къ трагической внѣшней катастрофѣ, за-
глушая порою непримиримый разладъ самоубийствомъ; иногда изму-
ченный безъисходностью своихъ сомнѣній человѣкъ приносить въ души своей все въ жертву одному какому либо изъ своихъ идеа-
ловъ, аскетически отрицая за всѣми другими право на существова-
ніе, и всецѣло замыкается въ той исключительной сферѣ жизни, въ которой этотъ возобладавшій идеалъ выработался; иногда, наконецъ,
разладъ находитъ и желанный исходъ и годы томленія завершаются
внутреннимъ примиреніемъ: разрозненные идеалы сочетаются въ извѣстной взаимной зависимости и какое либо верховное идеальное требование согласуетъ ихъ въ гармоническомъ подчиненіи. Сообразно съ теченіемъ этой внутренней борьбы колеблется и отношеніе че-
ловѣка къ миру. То, измученный противорѣчіями, онъ доходить до

непримиримой мизантропіи или демонического возстанія противъ жизни, то порываетъ всѣ связи съ дѣйствительностью, замыкаясь отъ нея въ уединеніи какой нибудь исключительной дѣятельности, то, наконецъ, находитъ и вовнѣ то примиреніе, котораго достигаетъ въ себѣ самомъ. Такую же точно борьбу и постепенную гармонизацію идеаловъ нерѣдко можно прослѣдить и въ предѣлахъ одного какого либо призванія. И для такого наблюденія Пушкинъ представляетъ незамѣнно-интересную задачу. Гармоничность и разносторонность его натуры были совершенно исключительныя. Его молодость поражаетъ насъ изумительнымъ обиліемъ противорѣчивыхъ страстей и увлеченій, но изъ году въ годъ въ немъ ростетъ потребность въ душевномъ мирѣ и, томимый этою потребностью, онъ стремится къ переработкѣ и согласованію своихъ идеаловъ. Окончательной и сознательной гармоніи онъ не успѣлъ достигнуть, а потому и отношенія его къ миру остались до конца его дней противорѣчивыми. Въ частности тоже приходится сказать и въ области его поэтическаго призванія. Даже какъ поэтъ, онъ не успѣлъ себѣ найти окончательнаго мѣста въ мірѣ и примиренія съ своими читателями. Намъ, доросшимъ до полной побѣды надъ нами Пушкина, позволительно отважиться и на довершеніе его подвига. Намъ возможно продолжать незаконченные, разрозненные лучи, пока они не сомкнутся въ одинъ ярко сияющій очагъ тепла и свѣта.

III.

Рыцарство, въ самомъ чистомъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова, составляло основную, господствующую черту характера Пушкина. Отвага и великодушіе, безстрашіе передъ силой и опасностью, заступничество за обиженнаго и слабаго и особое сочувствіе всякому падшему величію, преданность и вѣрность во всѣхъ привязанностяхъ, щедрость и самоотверженная готовность къ жертвамъ,—все это черты, съ которыми мы встрѣчаемся на каждой страницѣ произведеній, въ каждомъ эпизодѣ биографіи Пушкина. Рыцаремъ безъ страха и упрека онъ желалъ и старался быть во всѣхъ областяхъ жизни, во всѣхъ превратностяхъ своей судьбы, и, дѣйствительно, въ своемъ творчествѣ явился для насъ воплощеніемъ высшей мужественной красоты русскаго духа. Однако, онъ не сразу, подобно многимъ великимъ людямъ, нашелъ свое призваніе и сознательно отдался ему, какъ «благоговѣйному служенію» (V, 71¹). Въ первоначальной молодости у него съ одной стороны, какъ у всякаго несложившагося юноши, не хватало вѣры въ свое дарованіе, а съ

¹⁾ Цифры въ скобкахъ, прибавляемыя къ выдержкамъ изъ Пушкина, во всей этой статьѣ обозначаютъ томъ и страницу сочиненій Пушкина въ изданіи Литературнаго Фонда, 7 т.т., Спб., 1887 г.

другой стороны, при пылкости и разносторонности натуры, ему казалось чѣмъ-то слишкомъ узкимъ и тѣснымъ — быть только поэтомъ. Его влекла живая жизнь, гражданская дѣятельность, свѣтскіе успѣхи, любовь и развлечения, наука и философія. Онъ не могъ бы оставаться безотзывнымъ свидѣтелемъ событий даже въ мирное и спокойное время, а не только предъ лицомъ великой эпохи 1812 года. Среди военныхъ впечатлѣній идеалъ героя вначалѣ ничего не имѣеть общаго у Пушкина съ образомъ поэта. Герой въ его глазахъ — это воинъ, самоотверженный боецъ за родину, за вѣру и царя.

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтушихъ лѣть
Часы безнечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ:
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И вѣсь багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мѣщанья вамъ и жизни,—
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ! (I, 56).

Поэты въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ, вообще, почти всѣхъ нашихъ писателей XVIII вѣка, славенъ и великъ лишь, какъ эхо или спутникъ героя. Какъ Державинъ восклицалъ

Превознесу тебя, прославлю,
Тобой бессмертнѣ буду самъ,

обращаясь къ Екатеринѣ, такъ и Пушкинъ заключаетъ свою первую profession de foi, «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», обращеніемъ къ Александру I:

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бъ Аполлонъ пѣтровъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ иныѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ-бѣ возгрѣмѣлъ гармоніей небесной
И возсиялъ во тьмѣ временъ! (I, 57),

свидѣтельствуя, такимъ образомъ, съ одной стороны, что не считаетъ себя «браннымъ пѣвцомъ», а съ другой — что именно въ долѣ «бранныго пѣвица» полагаетъ истинное, высшее призваніе поэта. Увлекаясь порою другими впечатлѣніями, онъ даже торжественно восклицалъ:

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозить
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый:
Прелестна сердцу типина,—
Пейду, пойду за славой! (I, 82).

Но непосредственные воинственные порывы въ немъ преобладали, а восхищавшій его героический образъ «скальда» или «барда», то-есть

поэта-воина, привлекалъ его къ себѣ сперва лиль извнѣ, болѣе какъ предметъ описанія, чѣмъ какъ предметъ подражанія:

Идеть — и на скалѣ, обросшѣ влажнымъ мохомъ,
Зрить барда стараго, веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь сѣдымъ чоломъ надѣй воюющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, временѣй онъ созерцать полетъ.
Зубчатый мечъ висѣть на вѣтви мрачной ивы (I, 17).

Его собственныя мечты стремились къ другому:

И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, посыпца славы гласть,
Покину кельи кровь пріятнѣй,
Татарскій сброшу свой халатъ, —
Простите, дѣственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ! —
Надѣну узкія рейтусы,
Завью въ колечки гордый усть,
Заблещеть пара эполетовъ —
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ користовт! (I, 74).

Въ выборѣ между творчествомъ и воинственными мечтами онъ, не колеблясь, отдавалъ послѣднимъ рѣшительное предпочтеніе:

Межъ тѣмъ, какъ въ кельѣ молчаливой
Во плѣнѣ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риомы здѣсь и тамъ,
Я слышу топотъ, слышу ржанье:
Блеснувъ узорными чепракомъ,
Въ блестищемъ ментика сіянїи
Гусаръ промчался подъ окномъ, —
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ноппусь на крыльяхъ я мечты...
Огни во станѣ добраются.
Межъ нихъ, скутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу. Вдали штыки сверкаютъ,
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раскатата.
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ бранного булата
Огнемъ пылаеть изоръ — и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе Лари,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищеть саблеи онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатый...

Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча приклонясь ко гравѣ,
Онъ мчить стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ... (I, 99—100).

Еще ярче и художественнѣе выражена та же мысль въ немногого позднѣйшихъ, почти безупречныхъ, строкахъ:

А я... Вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталь, беспечный, безмятежный.
Увы, мнѣ не судиль таинственный удѣль
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!
Сыны Бородина, о, кульмскіе герои,
Я видѣль, какъ на бранѣ летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшиль, —
Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытымъ ранами не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ? (I, 103—104),

или—менѣе удачно—въ болѣе длинной пьесѣ «Наездники» (I, 127 сл.), повидимому, послужившій впослѣдствіи отчасти материаломъ для пре-восходной элегіи «Гробъ юноши» (I, 250). При выходѣ изъ лицея, въ прощальномъ стихотвореніи Кюхельбекеру, онъ предвидѣть для себя въ будущемъ возможность оставаться вѣрнымъ «святому братству»

въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья (I, 179).

Даже значительно позднѣе, когда Пушкинъ уже давно успѣль отказаться отъ своихъ «гусарскихъ мечтаний», онъ не переставалъ и въ жизни, и въ поэзіи увлекаться военнымъ геройствомъ:

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей!
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видѣль,
Тотъ полного веселья не вкушаль
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ (I, 219),

воскликалъ онъ въ 1820 году; тѣми же чувствами проникнута пьеса «Война» (I, 257), относящаяся къ 1821 году; известна его безразсудная смѣлость на войнѣ во время его восточнаго путешествія; какъ и въ лицейскомъ прощальномъ стихотвореніи къ Кюхельбекеру, онъ и въ своихъ «Стансахъ» («Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»), «стараюсь угадать годовщину грядущей смерти», восклик-цаеть:

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина,—
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ? (II, 77);

даже въ предсмертномъ своемъ стихотвореніи онъ съ любовью вспоминалъ о героическихъ мечтахъ своего дѣтства:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... (II, 192).

Вотъ первый, преобладающій героический идеалъ Пушкина. Образъ же поэта вначалѣ не имѣлъ въ его глазахъ ничего героического,—напротивъ, представлялся ему противоположностью геройства и славы.

Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавый,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣницахъ сиять,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рука метать
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣснкой поздравить! (I, 84).

Это — обращеніе къ другу; но вотъ немного позже отказъ и отъ поэтической славы для себя самого:

Сижу ли съ добрыми друзьями,
Лежу-ль въ постель пуховой,
Брошу-ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой, —
Задумаюсь, взмахну руками,
На риомахъ вдругъ заговорю
И никако ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когданибудь,
Желаю въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежнюю мысль мою,
То не для имени поэта
Мараю два или три куплета
И ихъ въ полголоса пою (I, 108).

Поэтическое призваніе было въ его глазахъ какъ бы эгоистическимъ отказомъ отъ жертвъ и подвига, что сказывается въ уже цитированной (стр. 510) пьесѣ «Мечтатель» (I, 81—83), а еще нагляднѣе въ заключительныхъ строкахъ стихотворенія «Сонъ»:

Я не герой, по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгу,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой (I, 137).

Однако, постепенно мы наблюдаемъ въ немъ сліяніе этихъ двухъ идеаловъ, отчасти подъ вліяніемъ дѣйствительности, въ которой молодые поэты являлись въ то же время и воинами, а частью даже

поэтами военной жизни, какъ, напримѣръ, Денисъ Давыдовъ. Зачатки этого двойственнаго героического образа мы наблюдаемъ уже въ 1814 году,—въ посланіи къ Батюшкову:

Поэты, въ твоей предметы волѣ,—
Во звуки струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ поѣтъ:
И ты въ строяхъ ее встрѣчай,
И ты, постигнутый судьюю,
Какъ россъ, питомецъ славы, паль,
Ты паль — и, хладною косою,
Едва, сконченный, не увяль! (I, 35).

Позднѣе тотъ же образъ воина-поэта, унылого мечтателя и безтрепетнаго бойца, встрѣчается намъ въ элегіи «Найдники» (I, 127 сл.); онъ же внушилъ, повидимому, въ посланіи Горчакову стихи

Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ,
Какихъ похваль я въ будущемъ достоинъ
И счастія какой возьму вѣнецъ? (I, 131).

Наконецъ, этому образу всецѣло посвящено посланіе В. Л. Пушкину (I, 173—175), такъ и начинаяющееся словами:

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ избѣжнѣй быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладанъ Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, муга и Венера—
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца (I, 173),

и приходящее къ выводу:

Счастливъ, кто милъ и страшенъ миру,
О комъ за пѣсни, за дѣла,
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темириу
И бранитъ повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣда! (I, 175).

Правда, вскорѣ юноша-поэтъ отказался отъ этого идеала, отчасти подъ вліяніемъ генерала Орлова:

Орловъ, ты правъ. Я забываю
Свои гусарскіи мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты! (I, 202),

но и то отказался лишь условно,— до первой оказіи:

Смиривъ немирный желанъя,
Безъ доломана, безъ усовът,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвицей, пѣгой и природой
По;дъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ.
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ,
Я буду пѣть моихъ боговъ
И буду ждать. Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда вокину миръ полей.
Питомецъ пламенный Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечомъ и съ лицомъ боевой,
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ (I, 202—203).

И дѣйствительно, уже при первомъ извѣстіи о греческомъ возстаніи въ немъ вспыхиваетъ жажда «сильныхъ впечатлѣній», и, предвку-шаая ихъ, онъ вновь восклицаетъ:

Родишия-ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на честь?
Кончину-ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умреть со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата, и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненіе? (I, 257).

Черезъ много лѣтъ послѣ, уже не упоминая болѣе «двойного вѣнка», онъ все же спрашивалъ,— не въ бою ли пошлетъ ему смерть его судьба (II, 77), а еще позже, въ 1836 году, вспоминалъ эти мечты о двойномъ подвигѣ, обращаясь къ кумиру своихъ отроческихъ мечтаній — Д. В. Давыдову — при посыпкѣ ему «Исторіи Пугачевскаго бунта»:

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ:
Наездникъ смиренаго Пегаса,
Носиль я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ;
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наездникъ чудный,
Ты — мой отецъ и командиръ (II, 185).

IV.

Каковъ же былъ идеалъ поэта у Пушкина въ тѣ первыя годы, какъ онъ началъ предаваться опытамъ поэтическаго творчества? Героической окраски этотъ образъ, какъ уже указано, не имѣлъ; однако и самъ-по-себѣ онъ носилъ двойственный характеръ, причемъ постепенно въ немъ начинали проступать черты третьаго рода, о которыхъ впослѣдствіи самъ Пушкинъ такъ говорить о любви къ нему его музъ еще въ его младенчествѣ:

Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже панигрыжалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныхъ фригійскихъ пастуховъ (I, 235).

И дѣйствительно, его юношеское творчество даетъ намъ образцы и «важныхъ гимновъ», и «мирныхъ пѣсень». Поэтъ, какъ создатель «важныхъ гимновъ», представлялся ему въ образѣ его литературныхъ предшественниковъ,— нашихъ поэтовъ XVIII вѣка, пѣвцовъ побѣдъ и побѣдителей, вельможъ и царей, отечества и Промысла. Въ его воображеніи эти

Пѣвцы бессмертные, и честь, и слава россовъ,
Ишатаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учать насъ (I, 9),

они рисуются ему въ образѣ то «барда, созерцающаго полетъ времени» (см. выше), то «вдохновленного скальда Россіи» (I, 57), они въявь предстаютъ ему въ лицѣ Державина—

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣччаный (I, 163),

благословляетъ его на призваніе поэта. Помимо величія и величавости, эти образы прельщаютъ его воображеніе и тѣми чертами подвижничества, которыя біографически имѣтъ свойственны:

Судьбой имъ не даны ни мраморныя палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки—
Вотъ пышны ихъ дворцы, вселкомѣлны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаются лишь журналы.
Катится мимо ихъ фортуны колесо:
Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнѣсь съ нищими постелю раздѣлять,
Костровъ на чердакѣ безвѣстию умираеть,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ,—
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ (I, 10).

И однако, прельщаясь этими подвигами самоотверженаго служенія, восхищаясь самымъ образомъ поэта, какъ глашатая и жреца земнаго величія, онъ, однако, въ молодости не чувствуетъ въ себѣ

тѣхъ строгихъ настроеній и «важныхъ» помысловъ, которые одни внушаютъ возвышенные «гимны». Позднѣе въ его душѣ нашлось и то, и другое; но въ первой юности онъ отказывается отъ «гимновъ» ради «мирныхъ пѣсень». Уже въ цитированной выше (стр. 510) предпослѣдней строфѣ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» онъ жалуется, что Аполлонъ не «вліялъ ему въ грудь» «піитовъ даръ чудесный»; но это сожалѣніе немедленно превращается въ шутку или шутливое отреченіе: юноша сознавалъ, что серіозность ему еще не къ лицу

И не смѣять осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Рилематовымъ,
Воспѣвать героевъ Сѣвера (I, 62).

На вызовъ Батюшкова, чтобы,

славы

Стезею полетѣвъ,
Простишь съ Анакроономъ,
Слѣшишь онъ за Марономъ
И пѣль при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ,—

онъ отвѣчаетъ:

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота — скучный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И, съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
«Будь всякой при своемъ» (I, 78).

Этотъ отказъ въ различныхъ формахъ встрѣчается намъ во многихъ стихотвореніяхъ:

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможъ знатному съ поклономъ
Подносить оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть чистого не умѣю
Высоко, тонко и хитро
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣть, нѣть, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить:
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить? (I, 83),

или въ другой формѣ:

Пускай пѣвицы гремящими хвалами
Полубогамъ бессмертіе даютъ:
Мой голосъ тихъ и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ (I, 132),

или еще позднее:

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ (I, 208),

и, наконецъ, уже въ дивныхъ строфахъ «Евгения Онѣгина» доведенный до полной художественной законченности:

— «Пишите оды, господа,
Какъ ихъ писали въ мощны годы,
Какъ было встарь заведено...»
— «Однѣ торжественные оды!
И, полно, другъ: не все-ль равно?
Припомнія, что сказалъ сатирикъ!» (III, 314).

V.

Такимъ образомъ, «пѣсни мирныхъ фригійскихъ пастуховъ» являются преобладающимъ, основнымъ содержаніемъ первоначальной поэзіи Пушкина. Идиллическія настроенія—коренней тонъ его лиры отъ первыхъ и до послѣднихъ ея произведеній. Уже едва вышедший изъ отрочества поэтъ восклицаетъ по поводу неудачъ своей—быть можетъ, даже воображаемой—любви:

Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ иrostой
Стану въ смиренїѣ
Черпать забвенье
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей (I, 3).

Но, спрашивается, въ чёмъ же состоится содержаніе этой идиллической поэзіи? Каковъ въ мысляхъ юноши идеалъ поэта «мирныхъ пѣсенъ»? Невольно бросается въ глаза двойственность его представлений по этому поводу. Слава, бессмертие—вотъ граница, на которой они сливаются, и въ то же время распутье, съ котораго расходятся. Природа, творчество, любовь, дружба, вино, досугъ и, какъ вѣнецъ всего, тихая и спокойная смерть,—вотъ тотъ мирный и тѣсный кругъ, въ который слава вступаетъ завѣтною, желанною, но погибельною гостьюю. Правда, и слава представляется въ этой атмосферѣ лишь отраднымъ и мирнымъ даромъ судьбы, лишнею каплею счастья, рисуясь притомъ молодому поэту самыми общими и неопределеными очертаніями; но въ благородной душѣ Пушкина слава все же представляется хотя и счастьемъ, но счастьемъ, возлагающимъ на своего избранника особый долгъ,—особая обяза-

ности, и, въ связи съ этимъ сознаніемъ, онъ долгое время въ стихахъ отказывается отъ славы ради творчества (ср. выписки, сдѣланныя выше, на стр. 517). Въ безвѣстномъ уединеніи ждеть и просить онъ отъ жизни мирнаго счастья и тихой смерти. Само собою разумѣется, что съ мыслью о какомъ либо призваніи такія мечты несовмѣстны. Но съ другой стороны творчество неотдѣлимо отъ мысли о славѣ,—хотя бы по нескромности друзей,—а мысль о славѣ неразрывно связана съ мыслью объ обязанностяхъ призванія. Эта первая нравственная задача, представившаяся юношѣ Пушкину, составляетъ содержаніе множества его раннихъ произведеній и красною нитью проходить позднѣе透过 все его творчество:

Оставиши ли свирѣль, умолкнешь или нѣть?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое (I, 2),

обращается онъ къ начинающему поэту въ своемъ первомъ напечатанномъ стихотвореніи. Тотъ же разладъ между счастьемъ и славою, хотя и въ шутливомъ тонѣ, составляетъ содержаніе посланія къ Дельвигу,—гдѣ въ его глазахъ стать поэтомъ значитъ сказать прости покою:

Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился
И ходить на Парнасъ,
Покою поклонился
И писать въ добрый часъ (I, 89).

И если въ стихотвореніи «Мечтатель» (I, 81 — ср. выписку выше, стр. 510) онъ провозглашаетъ:

Нѣйду, нѣйду за славой,—

то въ указанномъ посланіи сознаетъ невозможность такого отказа и предвкушаетъ первыя терпія призванія:

О Дельвигъ, начертали
Миѣ музы мой удѣль, —
Но ты-ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И иѣгой насладиться:
Я, право, иѣги сынъ!
А тамъ, хотѣть охоты,
Но придутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ! (I, 90).

Но въ томъ же году, обращаясь къ другу, который хотѣлъ узнать его «мечты, желанья, цѣли», онъ опять мечтаетъ о счастливомъ уединеніи, въ которое скрывается отъ славы — отъ поэтической и отъ военной.

Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертить,
Въ трубу немолчную гремитъ
И, помнится, зовется славой,—
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой (I, 99),

говорить онъ сначала, а далѣе, нарисовавъ картины военныхъ по-
двиговъ, продолжаетъ:

Но, лаврами побѣдъ увиты,
Бойцы изъ чаши пира пьють;
Всиподъ славою забыты,
Спѣшу въ смиренный мой пріютъ.
Нашедъ на полѣ битвъ и честнѣ
Однѣ болѣзни, костили,
Навѣкъ оставилъ саблю мести.
Ужъ вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, ронцъ темны,
Калитку, садикъ, близкий прудъ,
И снова я, философъ скромный.
Укрылся въ милый мигъ пріютъ
И, міръ забывъ и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь (I, 100).

Тѣмъ же отказомъ отъ славы оправдываетъ онъ и слабости своихъ «бакхическихъ посланій» передъ ихъ «трезвымъ Аристархомъ»:

Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вытrenныхъ стихахъ.
Плоды веселаго досуга
Не для бессмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены, —
Для самого себя, для друга,
Да для Темиры молодой (I, 106).
Моя летучая посланья
Въ потомствѣ будуть ли цвѣсти? (I, 107).

Та же мысль составляетъ отправную точку его отрывочной пьесы «Сонъ», воспѣвающей идилическія картины сельскаго уединенія:

Пускалъ поэта съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и моловой:
Миѣ страшенья свѣты, проходить вѣкъ мой темны
Въ безвѣстности, заглохшою тропой (I, 132).

Однако немедленно вслѣдъ затѣмъ въ цѣломъ рядѣ элегическихъ стихотвореній мы встрѣчаемъ жалобы на пустоту и безвѣстность

этой жизни, въ которой непрочность счастья не искупается даже славой, а понемногу начинаютъ попадаться и слѣды юношескаго сомнѣнія въ своихъ силахъ. Идиллическое однообразіе не въ состояніи заполнить его души своими скучными впечатлѣніями, и имъ навѣянныя вдохновенія кажутся ему недостойными славы.

Душѣ наскучили парнасскія забавы;
Недолго сшились мнѣ мечтанья музъ и славы
И, строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ между розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не гений печатать
Охота смертная на риомахъ лепетать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся —
И полно мнѣ писать! (I, 155).

Это недолгое разочарованіе, конечно, смѣняется немедленно порывами къ болѣе высокому призванію, о чмъ будетъ сказано ниже; но и съ новой высоты, уже достигнувъ дѣйствительной извѣстности, какъ поэтъ, онъ вновь обращается къ Дельвигу съ знакомыми намъ отреченіями:

Нѣть, нѣть! Ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похваль
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ (I, 167),

которая немедленно приводятъ, конечно, къ столь же рѣшительнымъ, хотя и противоположнымъ, признаніямъ:

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа бессмертна, слова нѣть,—
Моимъ стихамъ удѣль перавный,
И пѣсни музъ своеуправной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣть,
Погиблуть смертю забавной,
И насть не тронеть здѣшний свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый гений,
Что предпачтель бы я скорѣй
Бессмертію души моей
Бессмертіе моихъ твореній! (I, 177).

Эгоистичность и пассивность этой идиллической жизни, при всей ея, можетъ быть, чистотѣ и «свяности» (III, 317), слишкомъ очевидны, чтобы ими могла удовлетворяться дѣятельная, пылкая, всесторонне отзывчивая и самоотверженная душа Пушкина. Вполнѣ естественно, что каждое, даже самое поверхностное, увлеченье легко отрывало его сердце и мысли возможностью подвига отъ этого празднаго и однотоннаго счастья. И однако, нельзя не признать, что это «бездѣйствіе счастливое» отнюдь не такъ бездѣйственно и пусто содержащемъ, какъ можетъ показаться съ первого взгляда. Искусство не только даръ: оно въ то же время и трудъ. Каждый художникъ, каковы бы ни были его идеалы, куда бы ни склонялось содержаніе

его поэзии, все-таки прежде всего является техникомъ своего дарованія и, какъ техникъ, долженъ постоянно упражнять, развивать и совершенствовать пріемы своей дѣятельности. Такія упражненія требуютъ досуга и душевнаго мира, требуютъ вѣшняго довольства, благопріятной обстановки и ободряющаго успѣха. Всякій художникъ долженъ быть обеспеченъ, свободенъ и счастливъ, хотя бы настолько, чтобы не запустить и не ослабить своихъ природныхъ дарованій. Всякій трудъ требуетъ для себя досуга,—какъ ни парадоксально звучить эта истина. О ней не разъ свидѣтельствуетъ намъ Пушкинъ, всего нагляднѣе рискованными на первый взглядъ антitezами въ стихотвореніи къ своей чернильницѣ:

Подруга думы праздной,
Чернильница моя! (I, 243)
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣпью примирилъ:
Она — твоя подруга (I, 244).

И вѣшняя праздность, праздность въ ея житейскомъ смыслѣ, для художника является временемъ наибольшей затраты умственныхъ и душевныхъ силъ, расточаемыхъ на неуловимое для сторонняго зрителя созиданіе художественной идеи. Воспѣваемая юношою Пушкинымъ идиллическая счастливая праздность являлась въ сущности тѣмъ воздухомъ, которымъ дышала его творческая сила, и безъ котораго она тратилась въ бесплодныхъ, уже въ высшемъ смыслѣ слова праздныхъ, праздныхъ для міра и человѣчества, страстиахъ и увлеченияхъ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ (I, 180),
восклицалъ онъ самъ, упрекая себя въ томъ, что «влачилъ постыдной лѣни грузъ» (I, 181), но строго отличая отъ этой праздности—
вдохновенные досуги

И праздность вольную, подругу размышленья (I, 205).

И на всемъ протяженіи творчества Пушкина, отъ первой его возмужалости до послѣдней написанной имъ строки, въ немъ зреетъ и выясняется сознаніе этой мысли.

Васть вновь я призывалъ, о дни моей весны,
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти пѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ беззмятежный,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки,

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки, —
Напрасно: я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
И — слезы на глазахъ — со славою прощался (I, 181),

восклицалъ онъ уже въ 1817 году, т. е. едва успѣвъ оставить лицей и вкусить всѣ прелести свободы. «Я твой», восклицаетъ онъ, обращаясь къ «пустынному уголку» родовой деревни,

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышиленья (I, 205).
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ:

Въ уединеніи величавомъ
Слышниче вашъ отрадный гласъ.
Онъ гонить лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раздастъ жаръ во миѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ (I, 206).

Тотъ же смыслъ имѣть позднѣе и элегическая жалоба стихо-творенія «Мнѣ вѣсъ не жаль, года весны моей» (I, 230). Съ полною, мужественной ясностью выражено это сознаніе въ лучшихъ стихахъ посланія къ Чаадаеву:

Въ уединеніи мой своюнравивій геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышиленій;
Владѣю днемъ монимъ, съ порядкомъ друженья умъ;
Учуясь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравиѣ;
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись,
Цѣвицы брошеннай уста мои коснулись,
Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнившіе меня въ младенческія лѣти,
Въ тѣ дни, когда, еще незнамѣмый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣнѣвътъ отговарять ириють забавы и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни (I, 241—242).

Съ тѣмъ же сознаніемъ встрѣчаемся мы въ знаменитыхъ строфахъ «Евгения Онѣгина»:

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глухи звучнѣе голосъ лирикѣ,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятись невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И far niente — мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробуждентъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю...

Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тѣни¹⁾,
Мои счастливѣйшіе дни? (III, 257).

Въ періодъ полной возмужалости онъ, какъ вѣцій законъ вдохновенія для поэта, высказывалъ, что на первый же зовъ Аполлона

Бѣжитъ онъ, дикий и суровый,
И звуковъ, и смятенья полны,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкощумный дубровы... (II, 21),

и послѣднія написанныя имъ строки горестно гласятъ, что

На свѣтѣ счастья нѣть, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, змыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ (II, 193),

не говоря уже о дивныхъ вступительныхъ строфахъ въ 8-ю главу «Евгения Онѣгина» (III, 380 сл.). Конечно, обитель «счастья» и «бездѣйствія» превратилась въ обитель «трудовъ», гдѣ, вмѣсто счастья, лишь «покой и воля»; но тѣмъ не менѣе вполнѣ очевидно родство между юношеской идиллией и мудростью утомленного жизнью мужа.

VI.

Таковъ смыслъ поэзіи «мирныхъ пѣсенъ». Но, если онъ и оправдываетъ ея кажущуюся эгоистичность, онъ не устраняетъ опасностей, таящихся въ ея пассивности: эти опасности состоятъ въ томъ, что, какъ уже указано, всякое увлеченіе, хотя бы и ложное, сильнѣе ея однообразія и привлекательнѣе для души человѣческой, тѣмъ болѣе для такой отзывчивой, пылкой и подвижной натуры, какъ Пушкинъ. Досугъ питаетъ творчество, но онъ же питаетъ и страсти. Творчество требуетъ свободы, но и страсти ея требуютъ. Призваніе даетъ возможность жертвъ, но ту же возможность даютъ и страсти. Граница тутъ часто едва уловима и лишь опытъ и развитое чувство долга могутъ безопасно провести зрѣлаго человѣка «царскимъ путемъ» уравновѣшенной мудрости. Ни опыта, ни ревниваго чувства долга не знаетъ молодость, и свобода художника почти неизбѣжно превращается для нея въ свободу страстей. Чѣмъ даровитѣе и благороднѣе натура, тѣмъ рѣзче и глубже ея уклоненія, такъ какъ во всѣ заблужденія людямъ свойственно вносить не только свои слабости, но и всѣ свои лучшіе задатки. То же было и съ Пушкинымъ.

И я, въ законѣ себѣ вмѣния
Страстей единый произволъ,

¹⁾ Издатели даютъ «въ тиши», но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это опечатка. И смыслъ, и риома «дни» требуютъ здѣсь «въ тѣни».

Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я музу рѣзвую привель
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ,—
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары
 И, какъ вакханочка, рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочиласъ,
 А я гордился межъ друзей
 Подругой вѣтреной моей (III, 382).

Надо притомъ замѣтить, что все его воспитаніе и развитіе подготовили самую гибельную почву для господства страстей. Разнудзданная, чувственная и скептическая французская литература XVIII вѣка напитала еще съ дѣтства незрѣлый умъ Пушкина. Выше всѣхъ поэтовъ ставя Вольтера, зачитываясь «Парни, Вержье съ Греку-ромъ» (I, 44) и считая, что «нашъ другъ Лафоръ, Шолье, Парни» (I, 109)—лучшіе образцы для подражанія, онъ стоялъ воистину на погибельной даже для многихъ взрослыхъ людей почвѣ, не только для 12—15-ти-лѣтняго мальчика. Наилучшимъ свидѣтелемъ въ этомъ отношеній пусть будетъ для насъ самъ Пушкинъ. «Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, писалъ онъ въ 1834 году, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчного источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка бѣщеная и плошадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣль и стихами, какъ важной отрослью умственной дѣятельности человѣка». — «И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, где всѣ высокія чувства, драгоценныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи» (V, 248). Конечно, страсти сами по себѣ легли на душу Пушкина лишь, какъ «рисунокъ беззаконный», который «спадаетъ ветхой чешуей» съ зачерненной «картины генія»; но все же сквозь призму вольнодумной распущенности свѣтлныя впечатлѣнія жизни въ преломленномъ видѣ доходили до его юношескаго сознанія. Развившіяся въ этихъ впечатлѣніяхъ природная заносчивость, пылкость и тщеславіе поставили молодого Пушкина въ оппозицію властямъ того времени и, хотя эта оппозиція болѣе смахивала на школьнчество и порывы безпринципной дерзости, въ ней усмотрѣли принципіальную политическую окраску и приняли соотвѣтствующія политическія же, хотя и снисходительныя, мѣры. Проникнутый, подъ впечатлѣніемъ этихъ мѣръ, болѣе льстившихъ тщеславію, чѣмъ стѣснявшихъ свободу или удобства жизни, самодовольною гордостью, Пушкинъ ознакомился съ поэзіей Байрона и подиалъ ея вліянію. Нельзя согласиться съ тѣми писателями,

которые полагаютъ, будто это вліяніе сказалось въ разочарованіи, отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности, культѣ свободы: все это наблюдается у Пушкина и гораздо раньше, и самостоятельно, и подъ другими вліяніями; пѣть, поэзія Байрона увлекла Пушкина иначе, а именно--какъ идеализація и поэтическое возвеличеніе страстей. «Демонъ смѣха и ироніи» уживался съ идиллическимъ существованіемъ; представшій ему на смѣну демонъ невѣрія, бездѣйственный, опустошающій сердце духъ отрицанія, никуда не звалъ и не указывалъ никакихъ цѣлей и подвиговъ, а потому и господство его не могло быть прочно и продолжительно.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣніе искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшиливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ (I, 292).

«Мнѣ было», говорить поэтъ,

Мнѣ было грустно, тѣжко, болѣло,
Но, одолѣвъ мой умъ въ борбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.
Я стала взирать его очами,
Съ его печальнymi рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ (III, 252).

Словомъ, этотъ демонъ господствовалъ лишь надъ умомъ, сердце поэта до конца не мирилось съ его господствомъ. Совсѣмъ иное дѣло появленіе третьяго демона—Байрона.

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ:
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ (I, 305).

Байроническій апоѳеозъ страстей говорилъ не уму, а сердицу, оправдывая демоническою поэзіею то, съ чѣмъ сердце не мирилось. Возводя несогласованность идеаловъ и влечений и загадочность и уединенность неуравновѣшеннныхъ натуръ въ принципъ своего существованія, Байронъ лѣстилъ неуступчивому тщеславію молодости призракомъ единоборства съ міромъ, отвлекая отъ мысли о примиреніи соблазнами титаническаго упорства и «ничѣмъ неукротимой» энергіи «пламенного демона» (VII, 80). Вотъ эти соблазны, сливаясь съ внутрен-

нимъ сознаниемъ дозволительности для поэта эгоистической свободы въ уединенномъ досугѣ и беспечности, какъ необходимой для творчества атмосферы, на самомъ дѣлѣ и спутывали въ душѣ Пушкина нравственные критеріи, тѣмъ болѣе, что открывали возможность величественной борьбы, жертвъ и подвиговъ, тѣмъ самымъ превозмогая пассивную идиллию мирнаго творчества. Подъ ихъ воздѣйствіемъ, на почвѣ личнаго опыта съ его односторонними и острыми впечатлѣніями, въ Пушкинѣ и образовалось безсознательное убѣжденіе, что истинная дѣятельность, истинный подвигъ могутъ явиться лишь, какъ выраженіе и проявленіе свободныхъ страстей.

Отсюда понятно, почему культура страстей и демоническихъ характеровъ, вопреки мирнымъ потребностямъ и влеченіямъ сердца, надолго становится преобладающимъ содержаніемъ творчества Пушкина. Ниже показано будетъ, какіе идеалы постепенно вытѣснили эту культуру болѣе высокими задачами; здѣсь же достаточно отмѣтить двѣ подробности. Съ одной стороны, нельзя не подивиться, какъ вѣрно и глубоко поэтъ почувствовалъ сущность своего нравственного заблужденія. Онъ самъ и не разъ высказывалъ въ различныхъ формахъ ту мысль, которая всего лучше и глубже воплощена уже въ третьей главѣ «Евгения Онѣгина».

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являть намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Пытая жаръ чистѣшой страсти,
Всегда восторженный горой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.
А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводить сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы
И стать теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсарь,
Или таинственный Сбогарь.
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.
Друзья мои, что-жъ толку въ этомъ? (III, 285 сл.).

Ложь идеализованного «порока», ложь «прихоти удачной», которая облекла «въ унылый романтизмъ» въ сущности лишь «безнадежный эгоизмъ», разоблачена вполнѣ; спрашивается, почему же разоблаченный обманъ продолжаетъ господствовать надъ поэтомъ, почему онъ продолжаетъ и послѣ этихъ строфъ воспѣвать байронические образы и характеры? Потому, что не рѣшена главная загадка: развѣнчанъ байронизмъ, но не развѣнчаны страсти. Безъ страстей нѣть подвига, но подвигъ—главная потребность рыцарской души поэта. Не миновавъ этого «перепутья», поэтъ все еще бродить наугадъ. И вотъ, наконецъ, совершился главный, рѣшающій переломъ: Пушкинъ созналъ, что истинный подвигъ, къ которому онъ съ дѣтства стремился всѣми путями своей жизни, дается лишь перерожденнымъ, чистымъ страстямъ, — и пережилъ это перерожденіе. Не умериц-вленія, но возрожденія требуютъ пламенные порывы духа; не въ отреченіи отъ страстей, а въ обреченіи ихъ на служеніе идеалу состоить главная задача героя: вотъ мысль, которая внушила Пушкину центральное въ его поэзіи стихотвореніе—«Пророкъ»:

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влажился,
И щестикрылый серафимъ
На перенутьи миѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ, —
Отверзлись вѣція зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ, —
И ихъ наполнила шумъ и звонъ,
И винилъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дальней лозы прозібанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ —
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрый змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницаю кровавой.
И опъ миѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное выпусть,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинутъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежаль, —
И Бога гласть ко миѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и вижди, и внемли,
Исполинъ волею Моей
И, обходи моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!» (II, 2).

Съ этимъ сознаніемъ поэтъ уже не собирается съ «царскаго пути». Верховное нравственное начало найдено, страсти ему порабощены,— остается лишь согласовать съ Божественною волею всѣ разрозненные идеалы, достигнуть внутренняго единства и примиренія.

VII.

Подвигъ, независимо оть особенностей его проявленія, принадлежитъ къ числу общественныхъ явленій, точнотакъ же, какъ и геройство. Даже тамъ, гдѣ, повидимому, подвигъ представляется чѣмъ-то отрицательнымъ, въ родѣ аскетического отказа оть общественной жизни, безспорно, что онъ совершается ради цѣлей высшаго общенія,—съ Божествомъ, праведными, богами, героями, почившими предками,—будеть ли это общеніе дѣйствительнымъ или только воображаемымъ. Въ этомъ именно смыслѣ и учить насть религія, что вѣрѣ церкви—нѣтъ спасенія, ибо вѣрѣ церкви нѣтъ добрыхъ дѣлъ, безъ которыхъ спасеніе невозможно. Чтобы быть героемъ, должно быть гражданиномъ—земного ли, Божьяго ли царства, «гражданиномъ кулисъ» (III, 241) или гражданиномъ Парнаса. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что для пониманія каждого поэта вопросъ о его отношеніяхъ къ читателю есть первый, основной, ибо читатели и составляютъ тотъ союзъ, въ которомъ, одномъ возможенъ поэтический подвигъ, возможенъ героизмъ творчества. Читатели—та церковь, въ которой поэтъ является жрецомъ, совершающимъ свое «благоговѣйное служеніе». Но, какъ уже вкратцѣ намѣчено выше, никто не можетъ быть только поэтомъ, и ни для кого жречество не можетъ являться исчерпывающимъ идеаломъ. Сферы общеній, расходясь отъ семьи до всего человѣчества, а отъ человѣчества до Божества, связующаго верховнымъ единствомъ всю церковь земную и церковь небесную, охватываютъ каждого изъ насть множествомъ концентрическихъ круговъ, которыхъ обиліе и размѣры опредѣляются нашимъ основнымъ родомъ дѣятельности, избираемымъ нами, опять таки, въ прямой зависимости оть нашихъ индивидуальныхъ свойствъ (и дарованій) и степени нашей потребности въ подвигѣ. Чѣмъ пламенѣе въ человѣкѣ жажды геройства и самопожертвованія, тѣмъ обильнѣе эти сферы общенія, тѣмъ ближе совпадаютъ онъ одна съ другой и тѣмъ, стало быть, полнѣе сливаются въ общемъ единству. Къ высшему подвигу способенъ тотъ, для кого и семья, и народъ, и человѣчество, и церковь, составляютъ одно, кому всѣ равно дороги и близки, кто для всѣхъ равно готовъ къ подвигу, не въ состояніи будучи одного предпочесть другому. Конечно, этой полнотѣ совершенства неодолимыя границы полагаетъ наша земная природа, и потому въ отношеніяхъ каждого великаго человѣка къ миру мы различаемъ предпочтительныя области подвигничества и сознательное предпочтѣніе этихъ, болѣе тѣсныхъ, областей другимъ—называемъ призваніемъ. Иными словами, призваніе человѣка есть сознаніе съ его стороны предѣловъ высшаго, ему доступнаго, подвига, т. е. высшаго возможнаго для него совершенства.

Обращаясь къ Пушкину, нельзя не замѣтить, что его призваніе отъ дѣтства и до конца дней носило двойственную природу. Двѣ сферы, почти совпадающія между собою, постоянно раскрывались его героическимъ стремленіемъ. Этими сферами были поэзія и отечество. Быть гражданиномъ и быть поэтомъ казалось Пушкину равно прекраснымъ и священнымъ, до такой степени, что сопоставлять эти два сана, не только противополагать ихъ или подчинять одинъ другому, казалось ему какимъ-то верхомъ нелѣпости. Какъ поэтъ, онъ былъ гражданиномъ, и какъ гражданинъ—поэтомъ. Когда князь Вяземскій шутя переиначилъ стихъ Рылѣева:

Я не поэтъ, а гражданинъ,

въ одной изъ своихъ эпиграммъ словами:

Я не поэтъ, а дворянинъ,

то Пушкинъ былъ въ восхищенніи отъ этой насмѣшки (VII, 145) и говоривалъ, что, кто пишетъ стихи, тотъ прежде всего долженъ быть поэтомъ; если же хочешь просто «гражданствовать», то пиши прозою. Если, какъ мы уже видѣли, въ дѣтствѣ эти двѣ сферы расходились въ его представлениі, и онъ готовъ былъ жертвовать поэзіею военнымъ подвигамъ, то это дѣтское увлеченіе очень скоро смѣнилось мечтами о «двойномъ вѣнкѣ»; а съ другой стороны даже вначалѣ его мечты о славѣ были неразрывны съ патріотическими настроеніями:

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много обѣщаю,
Исполнили ли—Богъ вѣсть! (I, 196).

И, разбирая героические идеалы Пушкина, положительно нѣть никакой возможности обособить его представление о поэты отъ представлени о гражданинѣ. Потому въ дальнѣйшемъ мы и будемъ параллельно рассматривать обѣ сферы его дѣятельности, тѣмъ болѣе, что ихъ сближала одна общая для нихъ стихія—языкъ. Нѣть искусства національные поэзіи, потому что материаль поэзіи—слово—есть въ то же время признакъ націи. А, кромѣ того, вся дѣятельность Пушкина протекала въ эпоху чуть ли не наибольшаго подъема нашего національнаго сознанія подъ вліяніемъ 1812 года и польскаго мятежа.

Выше мы наблюдали въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина его колебанья между безвѣстнымъ счастьемъ и тяжелыми обязанностями славы, которая символизировала для него поэтическое призваніе. Правда, эти обязанности представлялись ему вначалѣ скорѣе случайными опасностями, чѣмъ необходимыми жертвами, а поскольку казались необходимыми, постольку выглядѣли не тяжелыми, но развѣ лишь докучными цеховыми повинностями, къ которымъ,

притомъ, онъ бытъ предрасположенъ отъ природы своею задорною насыщливостью: эти обязанности были маленькия кружковыя обязанности, которыя влекетъ за собою званіе поэта.

Аристъ, и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь освѣдѣвать упрямаго Пегаса,
За лаврами спѣшишь опасною стезей
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой (I, 8).

Исканіе славы у читателей и смѣлый бой съ критикой — вотъ къ чему принуждаетъ званіе «служителя Парнаса».

Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовыми восхищаться...
Помилуй, Аполлон! (I, 90),

восклицаетъ онъ при мысли, что сталъ поэтомъ,—и, дѣйствительно, въ литературныя распри, борьбу за вкусъ, красоту и изящество, вступаетъ чуть не съ первыхъ шаговъ на поэтическомъ поприщѣ. Задорныя выходки насчетъ бездарностей отживающей «классической» школы встречаются постоянно въ его стихотвореніяхъ, и эпиграммы за эпиграммами такъ и бѣгутъ изъ -подъ его пера даже въ зрѣломъ возрастѣ. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи его посланіе къ Жуковскому (1817 г.), гдѣ онъ торжественно избираетъ поэзію своимъ призваніемъ, и которое представляетъ изъ себя самое полемическое *profession de foi*, какое только можно себѣ вообразить. Больше половины этой пьесы, начинающейся словами:

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждою полетѣль:
Мнѣ жребій вынуль Фебъ — и лира мой удѣль (I, 163),

представляетъ изъ себя запальчивую сатиру на «безмыслицы дружины боевыя» и кончается воинственнымъ возваніемъ:

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвицы!
Въ счастливої ереси и вкуса, и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины — поэтъ.

Летите на враговъ, — и Фебъ, и музы съ вами! —
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупить хладный взоръ,
Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...
Но, вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертныи приговоръ талантамъ возгрѣмѣль.
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣль?
Что нужды? Смѣло въ даль дорогую прямою,
Ученю руку давъ, поддержаный тобою:
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! Что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ? (I, 166).

10*

Конечно, весь этот насмѣшливый задоръ объясняется также и вліяніемъ школы,—припомнімъ по этому поводу обращеніе поэта къ В. Л. Пушкину:

Въ бояхъ воспитанный пѣвецъ (I, 156),

припомнімъ далѣе характеристику, которую самъ Пушкинъ давалъ Катенину въ письмѣ къ князю Вяземскому: «Онъ опоздалъ родиться и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ XVIII столѣтію. Въ немъ та же авторская спесь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда скора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь. Что ни говори, вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего, а все-таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены по недостатку слушателей читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо». — Какъ бы то ни было, необходимо помнить, что и на Парнасъ Пушкинъ вступалъ заносчивымъ воиномъ вкуса, какъ воиномъ собирался выступить на поприще гражданина. «Цехъ задорный людей, о коихъ не сужу затѣмъ, что къ нимъ принадлежу» (III, 251), напечъ въ немъ дѣйствительно яркаго представителя. И при всемъ томъ, однако же, невзирая на свою природную пылкость и насмѣшливость, невзирая на согласное воздействиѣ всѣхъ литературныхъ традицій, невзирая, наконецъ, на собственные постоянныя порыванья и попытки, Пушкинъ никогда не могъ рѣшительно выступить на дорогу сатирическаго творчества. Начиная съ дѣтскаго посланія къ Батюшкову, мы наблюдаемъ сознательную сатирическую струйку:

...вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ,
Подчасъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣшивай порокъ,
Шутя, показывай смѣшное,
И, если можно, насть исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покой:
Увы, довольно безъ него
Найдемъ безсмысlenныхъ поэтовъ,
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Шера достойныхъ твоего! (I, 35—36).

Еще ярче слышатся тѣ же звуки въ пьесѣ «Лицинію» (I, 71 сл.); но характерно, что эта пьеса, начатая въ строгомъ и даже грозномъ тонѣ, въ серединѣ внезапно сбивается на идиллическую, мирную картину сельскаго уединенія и безвѣстнаго творчества.

Я сердцемъ римлянинъ, кипитъ въ груди свобода,
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа (I, 72), —

восклицаетъ герой пьесы; но куда же влечетъ его кипящая свобода и духъ великаго народа? На форумъ, на собрица заговорщиковъ, въ когорты преторіанцевъ? Ничуть не бывало:

Лиціній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обмачивыхъ красотъ!
 Завистливой судьбы въ душѣ пресрѣвъ удары,
 Въ деревню прнесемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найти не трудно намъ укромный свѣтлый домъ,
 Гдѣ, больше не страшась народнаго волненія,
 Подъ старость отдохнемъ въ глухи уединенія—
 И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскими фіаломъ,
 Свой духъ восплеменю жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сатирѣ праведной порокъ изобразу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу (I, 72).

Конечно, нельзя всего требовать отъ произведения 16-ти-лѣтняго мальчика; но дѣло не въ непослѣдовательности, а въ томъ, что даже сатирическое творчество въ его воображеніи мгновенно превращается въ правдивое бытописаніе современности, въ мирномъ уединеніи деревни, среди воспоминаній старины, «за дѣдовскимъ фіаломъ». Откиньте классическая подобности, возьмите образъ мнимаго сатирика самимъ по себѣ — и не трудно будетъ узнать въ немъ по-своему понятый образъ Карамзина, котораго самъ Пушкинъ съ дѣства считалъ себѣ недосягаемымъ образцомъ: въ упоминавшемся уже посланіи къ Жуковскому дважды упоминается «твердый Карамзинъ» (I, 166) и характеризуется, какъ

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
 Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
 И блѣдной зависти предметъ неколебимый (I, 166).

Сдѣлайте еще одинъ мысленный шагъ, уйдите воображеніемъ въ нашу исторію,— и передъ вами Пименъ, который «воевалъ подъ башнями Казани», «рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ», «видѣлъ дворъ и роскошь Ioanna», но, «уразумѣвъ ничтожность мірскихъ суетъ», «отложился отъ міра» и, во исполненіе того, въ чемъ видѣлъ «долгъ, завѣщанный отъ Бога», «описывалъ не мудрствуя лукаво все то, чemu свидѣтель въ жизни былъ»,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминаютъ
 За ихъ труды, за славу, за добро,
 А за грѣхи, за темную дѣянія
 Спасителя смиренно умоляютъ (III, 10).

Вернитесь изъ этой старины ближе къ напѣй современности, — и вы почувствуете родство этихъ идеальныхъ образовъ съ самимъ Пушкинымъ, пишущимъ «Бориса Годунова», «Капитанскую дочку», «Исторію Пугачевскаго бунта», «Исторію Петра Великаго». Образъ сатирика неуловимо превращался въ его душѣ въ образъ

бытописателя, учителя нравовъ, художника, который, говоря его же, приведенными выше, словами,

Питаетъ здравый умъ и вмѣстѣ учить насть (I, 9),
оставляя дѣйствительную сатиру для журнальныхъ и литературныхъ перепалокъ, да и тамъ полуబезсознательно превращая ее въ «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей» (V, 63). Строго говоря, только два «Посланія къ цензору» (I, 315 сл.) остались намъ цѣльными сатирическими произведеніями Пушкина; всѣ прочія его попытки въ этомъ родѣ либо неуловимо превращались въ правдивое бытописаніе, въ которомъ все дышать любовью и миромъ, гдѣ

Негодованье, сожалѣнья,
Ко благу чистая любовь (III, 263)

волнуютъ насъ безъ всякой желчи и односторонности сатирика, либо такъ и остались недовершенными открытиями, въ родѣ набросковъ литературныхъ сатиръ въ духѣ Буало (II, 160) или великолѣпнаго воззванія:

О музѣ пламенной сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммы:
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-поддесцы,—
Впередѣ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнью стыда,
А если хоть ¹⁾ кого забуду —
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!.. (II, 124),

либо, наконецъ, съ первыхъ же словъ переходили въ оду: воплощеніе идеала отрицательнымъ путемъ было совершенно не по душѣ Пушкину. Болѣе того, когда на его глазахъ Мицкевичъ сталъ пѣвцомъ политического гнѣва, Пушкинъ не призналъ для поэта законнымъ это настроеніе глубокими словами:

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поеть онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ... О Боже, возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу! (II, 167).

¹⁾ Издатели сохраняютъ первоначальное «если же», либо замѣняютъ его «если я»; но «же» весьма легко могло быть прочитано вмѣсто «хоть».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что порывы страстей, наблюдавшиеся въ самомъ Пушкинѣ, какъ воинъ вкуса, не нашли полнаго, законченного воплощенія, ибо слишкомъ противорѣчили основному мирному строю его поэтическаго творчества. Правда, эти порывы были долги, часты, могущественны, но подъ конецъ осуждены имъ величавою мольбой о душевномъ мирѣ другого, безраздѣльно имъ отдавшагося, поэта. Что же, изаякли ли въ немъ самомъ эти страсти? Вовсе нѣтъ,—онъ жили въ его душѣ попрежнему; но съ ними, какъ и со всѣми другими, происходило постепенное перерожденіе. Сознаніе долга и подвига претворяло ихъ въ болѣе чистыя формы и

тамъ, гдѣ все блестастъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираеть
Несовершенство бытія (I, 271),

въ области духовнаго подвига и идеала, онъ являлись уже не безсознательными тревогами духа, но творческими силами высокаго сознанія. Возрожденія страсти возвышали поэта отъ настроеній воина вкуса, сатирика и мстительного борца словомъ, до призванія учителя. Вновь повторяю, что и этотъ идеалъ не былъ у Пушкина чѣмъ либо наноснымъ, извѣзъ заимствованнымъ: напротивъ, уже въ дѣтскихъ пьесахъ мы видимъ его зародыши; но вполнѣ развился онъ среди впечатлѣній жизни и вступилъ сознательно въ свои права значительно позже. Выше было уже упомянуто, что, по представленію Пушкина еще въ первомъ его печатномъ стихотвореніи, «пѣвцы безсмертные»

Пытаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ (I, 9).

Въ пьесѣ «Лицинію» (I, 71) намъ встрѣчается «другъ истины Да-метъ», а вскорѣ послѣ того, въ посланіи къ Галичу,—искренняя и простая сентенція:

Другъ мудрости прямой —
Правдинъ и благороденъ:
Онь любить тишину,
Судьбѣ своей послушный (I, 86).

Избирая поэзію своимъ призваніемъ въ посланіи къ Жуковскому, Пушкинъ уже дѣлаетъ еще шагъ впередъ:

Отмститель генія, другъ истины — поэтъ! (I, 166),

восклицаетъ онъ, присоединяя такимъ образомъ къ пассивному «другу истины» героическое «отмститель генія». Правда, этотъ образъ является для него въ цѣломъ лишь отвлеченнымъ идеаломъ, который онъ, такъ сказать, откладываетъ нравственно для будущаго, отдаваясь, покамѣсть, удовольствіямъ отнюдь не идеальной дѣятельности:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,

Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Молись и Вакху, и любви,
И черни презирая ревниво роптайс:
Она не вѣдаешь, что дружно можно жить
Съ Кнеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ (I, 172—173),

— мысль, которая въ разныхъ видахъ много разъ встрѣчается въ его юношескихъ пьесахъ, — ср., напримѣръ, «Стансы» («Философъ ранній, ты бѣжиши» I, 200 — 201) и др.; но при первомъ же призывѣ къ высокому его душа вновь восплеменяется и строгимъ идеаломъ, и поэтическимъ вдохновенiemъ:

Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло, я жизнью трепеталъ,
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный (I, 181).

Еще яснѣе тотъ же образъ выступаетъ наряду съ другими зреющими идеалами въ стихотвореніи «Деревня»:

Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободно душой законъ боготворить,
Роптаню не внимать толпы непросвѣщенной
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величинѣ неправомъ (I, 205).

Какъ видите, поэтъ-учитель уже не только «другъ истины», «отмститель генія», «плѣненный добродѣтелью»: онъ самъ учится находить блаженство въ истинѣ и свободно читать законъ. Изъ полуотвлеченного «мудреца» предъ нами вырастаетъ живой гражданинъ, одушевленный поэтическимъ даромъ. Еще немного спустя, онъ уже ищетъ

вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ (I, 241)

(ср. выше, стр. 523, всю выписку изъ посланія къ Чаадаеву), — и вскорѣ послѣ того создаетъ истинно-высокую оду — «Наполеонъ» (I, 251 и сл.). Перечтите ея полное несравненнаго величія заключеніе:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душного изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знайный островъ заточенія

Полнощный парусъ посѣтить,
 И путникъ слово примиренъ
 На ономъ камнѣ начертить,
 Гдѣ, устремивъ на волны очи,
 Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
 И льдистый ужасъ полуночи,
 И небо Франціи своей,
 Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
 Забывъ войну, потомство, тронъ,
 Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
 Въ уныны горькомъ думалъ онъ.
 Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмутить укоромъ
 Его развѣнчанную тѣнѣ!
 Хвали!. Онъ русскому народу
 Высокій жребій указалъ
 И миру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ (I, 254).

Передъ вами уже болѣе, чѣмъ «другъ истины», чѣмъ «отмститель генія»: передъ вами дѣйствительно поэтъ-учитель, тотъ поэтъ, который предъ лицомъ вѣчности вмѣнитъ себѣ въ заслугу,

Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
 . . . . .
 И милость къ падшимъ призывалъ (II, 190),

тотъ поэтъ, о которомъ по праву можно восхлиknуть:

Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаетъ,
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣль
 Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ,
 Героевъ утѣшаетъ онъ (I, 311),

тотъ поэтъ, который, на вопросъ друга, въ какую минуту своей жизни поражаетъ его воображеніе герой, можетъ отвѣтить:

Нѣть, не у счастія на лонѣ
 Его я вижу, не въ бою,
 Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
 Не тамъ, гдѣ, на скалу свою
 Сѣвъ, мучимъ казнью покоя,
 Осмѣянъ прозвищемъ героя,
 Онъ угасаетъ недвижимъ,
 Илающимъ закрывшись боевымъ!
 Не та картина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный строй.
 Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Не бранной смертью скружентъ,
 Нахмурясь, ходитъ между одрами,
 И хладно руку жметъ чумѣ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Рождаетъ бодрость. Небесами

Клянусь: кто жизнью своей
Играя предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобы ободрить угасшій взоръ, —
Клянусь, тотъ будеть небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли стѣпной! (II, 122).
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будеть безъ него? тиранъ! (II, 123),

тотъ поэтъ, который, какъ истинный учитель нравовъ, вправъ будеть восхлиknуть, выступая на защиту непризнанной заслуги:

О люди,—жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники уснѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается стѣпной и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣнїи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленіе! (II, 176),

такъ какъ изъ всѣхъ пировъ Петра Великагоувѣковѣчить тотъ, на которомъ «царь великий»

съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пѣнить съ нимъ одну
И въ чело его цѣнуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ (II, 179).

Вы видите, что «перегарь» страстей совершился. «Чувства добрыя», «милость къ падшимъ» — вотъ что воспѣваетъ намъ поэтъ-учитель. Мирное творчество на лонѣ природы, мирныя влеченья сердца, восторгъ и благоговѣніе передъ всяkimъ величиемъ духа — все слилось воедино подъ общимъ вѣнцомъ поэтическаго призванія.

VIII.

Не только личныя, но и политическія страсти волновали юношескую душу Пушкина. Правда, эти страсти, какъ оно и въ порядке вещей, образовались и развились значительно позднѣе и при томъ все время подъ посторонними вліяніями; но изъ этого опять-таки отнюдь не слѣдуетъ, будто онъ были чѣмъ нибудь только внѣшнимъ, только наноснымъ, стихійно-чуждымъ душѣ поэта. Ихъ развитіе и переходъ въ область юношескаго сознанія не трудно прослѣдить, начиная съ «лицейскихъ» стихотвореній. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ не о «гусарскихъ мечтахъ» и даже не о многочисленныхъ патріотическихъ стихотвореніяхъ или тѣхъ, которыя посвящены — преимущественно съ патріотической точки зрѣнія — судѣѣ

Наполеона; здѣсь разумѣется отношеніе поэта къ свободѣ, которое онъ вмѣнялъ себѣ въ одну изъ трехъ заслугъ передъ народомъ:

Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу (II, 190).

Замѣчу, впрочемъ, что о свободѣ въ данномъ случаѣ идеть рѣчь не въ нравственномъ смыслѣ понятія (объ этомъ — ниже), но именно въ гражданскомъ. И съ мыслью о ней мы встрѣчаемся уже у 15-тилѣтнаго мальчика, хотя и подъ сильнымъ вліяніемъ образовъ античнаго міра, но съ такою твердостью и точностью выраженія, которая немыслима въ простомъ подражаніи, не одушевленномъ личнымъ предрасположеніемъ.

Я сердцемъ римлянинъ; кипить въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа (I, 72), —

такіе стихи не выльются у подражателя. Надо впрочемъ замѣтить, что чисто литературныя распри того времени нерѣдко насилиственно навязывали дѣятельности сторонъ политической оттѣнокъ и, въ жару спора, естественно вовлекали въ излишнія выходки не-литературнаго характера. На это жалуется самъ Пушкинъ въ посланіи къ Жуковскому:

Бѣда, кто въ свѣтѣ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицу иѣжной лирой,
Кто смѣло просвистала шутливую сатирой,
Кто выражается правдивымъ языккомъ
И русской глупости не хочетъ быть членомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата! —
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата (I, 165).

И если онъ въ томъ же посланіи, еще сомнѣваясь, спрашивалъ

Гоненія терпѣть — ужель и мой удѣль? (I, 166),

то уже въ ближайшей затѣмъ писѣтъ мы встрѣчаемся съ жалобою:

Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
И злобной клеветы невидимый книжалъ! (I, 167).

На такое же точно подозрительное раздуванье шалостей въ политическія преступленія намекаетъ отчасти и заключительное четверостишіе пьесы «Къ товарищамъ» (I, 177). Но эти слишкомъ пронизательные преувеличенія сами по себѣ не были достаточно серьезны, чтобы путемъ озлобленія довести пылкаго юношу до свободомыслящаго протеста; для этого понадобилось другое, положительное вліяніе, которымъ и оказалось для Пушкина вліяніе Чаадаева. Если до ихъ знакомства мы встрѣчаемъ лишь отрывочные упоминанія о свободѣ національной, сломленной Наполеономъ (I, 69), или о невинной свободѣ въ смыслѣ свободы отъ занятій или страстей (I, 175: «Богъ создалъ... намъ — уединенъ и свободу»; ср. I, 130 «сладостная свобода», I, 143 «прекрасная свобода», I, 179 «Не разлучайся, другъ, съ свободою и Фебомъ»), то уже надпись къ пор-

трету Чаадаева составляетъ наглядный переходъ отъ классическихъ представлений о гражданской свободѣ къ современной дѣйствительности:

Всевышеи волею небесь
Окованный на службѣ царской—
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесь,
У насъ — онъ офицерь гусарскій (I, 180).

Правда, и послѣ того мы находимъ поклоненіе «дружеской свободѣ» (I, 184), но уже гражданскіе мотивы видимо всецѣло начинаютъ господствовать въ мысляхъ поэта, такъ что попадаютъ даже въ свѣтскіе мадригали:

Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ гений мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной? (I, 185),

начинаетъ онъ для заключенія:

Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
И примиренъ съ отечествомъ монъ (I, 185).

Не говоря затѣмъ о цѣлой серии эпиграммъ на кн. Голицына (I, 195), на Фотія (I, 195), позднѣе еще болѣе рѣзкихъ на Аракчеева (I, 221 сл.), достаточно отмѣтить несправедливую выходку противъ Карамзина:

Въ его исторіи изящность, простота,
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастія
Необходимость самовластия
И прелести кнута (I, 195),

достаточно указать на пылкое посланіе къ Чаадаеву, чтобы вполнѣ выяснить, куда направлены мечты юнаго гражданина:

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренний туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливо душой
Отчизны внемлемъ призываю.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждеть любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря пѣнительного счастья,
Россія вспрынется ото сна
И на обломкахъ самовластия
Напишетъ наши имена (I, 190).

Съ того же времени къ вольнодумнымъ въ религіозномъ отношеніи шуткамъ присоединяются въ его стихахъ однородныя съ ними вольности политическія, и музъ поэта становится не прочь въ одинаковомъ тонѣ «потолковать»

На счетъ глупца, вельможи злаго,
На счетъ холопа записанаго,
На счетъ небеснаго Царя,
А иногда на счетъ земнаго (I, 199).

Но любопытно, однако же, что новый идеалъ, возникающій въ его душѣ, идеалъ народнаго трибуна, пламенаго провозвѣстника свободы, борца за правду и справедливость, рисуется ему лишь идеаломъ практической дѣятельности,ничѣмъ не связаннымъ съ его творчествомъ. Какъ мальчику недостаточно было поэзіи, и онъ мечталъ воиномъ на полѣ браніи послужить отечеству, какъ позднѣе онъ въ литературу вступилъ задорнымъ воиномъ вкуса, такъ юношѣй онъ становится «воиномъ свободы» (I, 219; I, 227), и притомъ воиномъ не только словами—

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ (I, 175),—
но главнымъ образомъ дѣломъ и подвигомъ:

Младая кровь играетъ! (III, 11).

И точно такъ же, какъ въ дѣствѣ онъ сѣтовалъ, что его духъ не горитъ восторгомъ «небесныхъ Аонидъ» (I, 57), дабы достойно воспѣть побѣды Александра, такъ въ зреѣлъмъ художественномъ стихотвореніи «Деревня» онъ высказываетъ такія же жалобы уже съ новой точки зреїнія:

О, если-бъ голосъ мой умѣль сердца тревожить!
Почто въ груди моей горить безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣль витїйства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по маню царя,
И надѣя отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря? (I, 206).

Ясно видно, что идеалъ трибуна врывается и въ поэзію и вступаетъ въ борьбу, но все же не торжествуетъ надъ идеаломъ мирнаго поэта. Трибунъ мечтаетъ объ «обломкахъ самовластья» и сѣтуетъ, что въ его «груди горить безплодный жаръ», чуждый «грознаго дара витїйства», — а поэтъ, продолжая ту же рѣчь, мечтаетъ о «рабствѣ, падшемъ по маню царя», о «прекрасной зарѣ просвѣщенной свободы», — и за поэтомъ остается послѣднее слово. Трибунъ и поэтъ не сливаются, но каждый говоритъ свое.

Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,

Гдѣ кастанійскій токъ шумѣлъ,
 Я, вдохновенный Аполлономъ,
 Елизавету втайне пѣлъ.
 Небеснаго земной свидѣтель,
 Воспламененною душой
 Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
 Съ ся привѣтливой красой.
 Любовь и тайная свобода
 Внушали сердцу гимнъ простой,
 И неподкупный голосъ мой
 Былъ эхомъ русскаго народа (I, 208).

Само собою разумѣется, что такое раздвоеніе не могло быть продолжительно. Нуженъ былъ исходъ, котораго, однако, дѣйствительность не давала. Приходилось добиваться этого исхода—и вполнѣ понятно, что пылкая натура поэта шла къ нему на проломъ. И разладъ разрѣшился, какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи: съ одной стороны, трибунъ поработилъ себѣ поэта, продиктовалъ ему «грозную» «Оду вольности» (I, 219 сл.)—и «сѣверъ» сталъ «вреденьемъ» для Пушкина (III, 235); а съ другой стороны колебавшійся между двумя подвижами поэтъ какъ разъ въ это время познакомился съ произведениями Шенѣ. О значеніи послѣдняго обстоятельства для творчества Пушкина было писано довольно много, и однако же до сихъ поръ въ немъ не отмѣчено самое главное. Говорили о вліяніи Шенѣ на Пушкина, какъ художника,—и точно, нельзя отрицать, что такое вліяніе было, хотя и было менѣе глубоко и сильно, чѣмъ думаютъ: конечно, стиль «антологическихъ стихотвореній», писанныхъ парно риѳмованными Александрійскими стихами, такъ привившійся въ русской лирикѣ, введенъ былъ Пушкинымъ именно въ подражаніе Шенѣ. Но что касается содержанія, настроеній, духа поэзіи, то здѣсь вліяніе Шенѣ, въ устахъ критики, вовсе теряется сравнительно, напримѣръ, съ господствомъ Байрона, этого «властителя думъ» нашего великаго поэта. И однако это воззрѣніе, повидимому, общепринятое, совершенно ложно. Вліяніе Байрона рѣзко замѣтно именно потому, что природа «пламенного демона» была чужда природѣ Пушкина, и

краски чуждыя съ лѣтами
 Спадаютъ ветхой чешуей (I, 208).

Напротивъ того, идеалъ и настроенія Шенѣ до такой степени совпадали съ идеалами и настроениями Пушкина, что послѣдній точно въ волшебномъ зеркальѣ узнавалъ себя самого во французскомъ лирикѣ. Когда вы читаете геніальную элегію «Андре Шенѣ» (I, 337 — 342), то вы все время не можете отдѣляться отъ мысли, что Пушкинъ говорить о себѣ самомъ, о своей судьбѣ, о своихъ мечтахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ, идеалахъ.

Пѣвецъ любви, дубравъ и мира,
 Пѣвецъ возвышенной мечты (I, 337),

котораго лира

О чемъ поеть? Поеть она свободу—
Не измѣнилась до конца (I, 338),

поэтъ-мученикъ, проповѣдникъ правосудія, неоплаканный, но тѣмъ
болѣе величавый въ ореолѣ своего подвига

великій гражданинъ
Среди великаго народа (I, 342),

—развѣ это не воплощеніе всего, что снілось Пушкину въ его
собственной судьбѣ? Вліяніе Шенѣ потомъ и не бросается въ глаза,
что не налагало на Пушкина никакихъ «чуждыхъ красокъ», а, на-
противъ, созвучно пробуждало въ его душѣ лучшія и самыя завѣт-
ныя струны.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышенаго галла,
Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушила (I, 219),

взыvalъ онъ къ «гордой пѣвицѣ свободы»; но это было въ минуты
крайняго возбужденія и глубокаго внутренняго разлада: не даромъ
въ посланіи къ Овидію встрѣчается намъ горькое признаніе въ
недовольствѣ собою:

изгнаникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный (I, 259);

по существу же, вліяніе Шенѣ должно было помочь, да и несомнѣнно помогло, внутренней работѣ Пушкина надъ самимъ собою. То, что въ немъ еще боролось, было уже ясно и твердо разграни-
чено у Шенѣ. Нельзя не привести одно изъ характернѣйшихъ въ
этомъ отношеніи стихотвореній послѣдняго,—характерныхъ именно
потому, что оно даетъ намъ ключъ ко всему позднѣйшему перелому
въ возврѣніяхъ Пушкина на идеаль поэта-гражданина:

«Sa langue est un fœur chaud! Dans ses veines brûlées
Serpentent des fleuves de fiel!»
J'ai douze ans en secret dans les doctes vallées
Cueilli le poétique miel;
Je veux un jour ouvrir ma ruche toute entière:
Dans tous mes vers on pourra voir,
Si ma Muse naquit haineuse et meurtrière!
Frustré d'un amoureux espoir,
Archiloque aux furours du belliqueux iambe
Immolé un beau-père menteur:
Moi, ce n'est point au col d'un perfide Lycambe,
Que j'apprête un lacet vengeur,
Ma foudre n'a jamais tonné pour mes injures:
La patrie allume ma voix,
La paix seule aguerrit mes pieuses morsures
Et mes fureurs servent les lois!

Contre les noirs Pythons et les hydres fangeuses
Le feu, le fer armant mes mains:
Exirper sans pitié ces bêtes vénéneuses—
C'est donner la vie aux humains! ¹⁾.

Того, что говорилъ Шенеъ, Пушкинъ не могъ сказать про себя. Слишкомъ много личного замѣшивалось въ «неистовства» его «воинственного ямба» даже въ области политическихъ вопросовъ. Сознаніе того, что и самъ онъ виновенъ, не только юридически, но и нравственно, въ постигшей его участіи, внушало ему недовольство «и собой, и жизнью». Льстившій его упорству апоѳеозомъ нераскаянной гордости Байронъ легко торжествовалъ надъ истинно-героическимъ обаяніемъ гражданина Шенеъ,—хотя нельзя не отмѣтить, что даже въ «Одѣ вольности» Пушкинъ по «благородному слѣду» «возвышенного галла» выступаетъ на защиту Людовика (I, 220): онъ не даромъ воскликнулъ позже о себѣ, что будетъ «любезенъ народу» тѣмъ, что «милость къ падшимъ призывалъ» (II, 190): между тѣмъ этотъ именно героический подвигъ и привелъ Шенеъ на плаху. Но это было позже; идеаль гражданина лишь черезъ пять лѣтъ внутренней борьбы превозмогъ идеалъ «пламенаго демона ²⁾»; и противорѣчія борющихся настроеній наполняютъ поэзію Пушкина за этотъ періодъ. Ограничиваюсь въ настоящей статьѣ преимущественно лирикою Пушкина, мы не будемъ прослѣживать этой борьбы на поэмахъ ³⁾; но и лирика даетъ намъ достаточный материалъ. Подъ впечатлѣніемъ мирныхъ картинъ прекрасной и величественной природы Бессарабіи, Крыма и Кавказа, въ рыцарской и дружной семье Раевскихъ, поэтъ начиналъ успокаиваться

Отъ младости своей мятеjнаго теченія (I, 286)

и переживать тѣ мирныя настроенія, которыя подъ видомъ воспоминаній описываетъ въ музыкальныхъ октавахъ пьесы «Желаніе»:

¹⁾ Poésies de André Chénier, Bibliothèque Charpentier, ed. 1884, p. 272. Вотъ переводъ этой пьесы: «Его языкъ — раскаленное желѣзо; въ его спаленныхъ жилахъ струятся потоки желчи!»—Двѣнадцать лѣтъ въ поляхъ вдохновенія втайне собирая я поэтический медъ; я когда нибудь разоблачу всѣ мои соты: во всѣхъ моихъ стихахъ будетъ видно, ненавидящей ли и убийственно ли родилась мой музъ! Обманутый въ любовной надеждѣ, Архилохъ обрекъ тестя-лжеца на жертву неистовствамъ воинственного ямба, но я — я вью мстительную петлю не на шею вѣроломнаго Лицамба, мои громы никогда не гремѣли за мои обиды: отчество воспламеняетъ мой голосъ, только миръ исцѣляется благочестиво напосимъ мной угрозея, и мои неистовства служатъ законамъ. Противъ черныхъ Пионовъ и смрадныхъ (грязныхъ) гидръ огонь и желѣзо вооружаютъ мои руки: безжалостно истреблять этихъ ядовитыхъ гадинъ значить дарить жизни людямъ.

²⁾ Считая, что Пушкинъ ознакомился сочиненіями Шенеъ въ 1819—1820 годахъ, и что элегія «Андре Шенеъ» относится къ 1824—1825 году.

³⁾ Всего лучше выяснена эта борьба въ брошюре В. В. Никольского, «Идеалы Пушкина», 2-е изданіе, Спб., 1887 года, съ которой вообще настоящая статья имѣть много точекъ соприкосновенія.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
 Забывъ молву и жизни суеты,
 На берегахъ великаго Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 И ты, моя задумчивая лира,
 Ты, вѣрила пѣвица красоты,
 Пѣвица пѣгъ, изгнанья и разлуки,
 Найдешь ли вновь утраченные звуки? (I, 236),

начиналь осуждать себя, — и братоубийственная сторона трибунаты становилась ему понятнѣе и ужаснѣе, а образъ трибуна-изгнанника привлекательнѣе, чѣмъ образъ трибуна-совершителя:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
 Дымились жертвоприношенья,
 Здѣсь успокеона была
 Вражда свирѣпой Эвмениды,
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла,
 На сихъ развалинахъ своршилось
 Святое дружбы торжество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось...

Чадаевъ, помнишь ли былое?
 Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и лѣнъ, и тишина
 И, въ умлѣнья вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена (I, 226),

восклицаетъ онъ въ отвѣтъ и себѣ самому, и Чаадаеву.

Переломъ, казалось бы, очевиденъ; но и послѣ этого стихотворенія Пушкинъ считается возможнымъ къ дочери Карагеоргія обратиться со словами:

Гроза Луны, свободы воинъ,
 Покрытый кровлю святой,
 Чудесный твой отецъ, проступникъ и герой,
 И ужаса людей, и славы быть достоинъ (I, 227),

и даже вновь восхвалять кинжалъ въ сильной, хотя и не лишенной слабостей, одѣ (I, 239), — хотя и имѣвшей чисто отвлеченный отъ жизни характеръ: «Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно» (VII, 130), писать онъ, — правда, позднѣе (въ 1825 г.), но вполнѣ искренно. Точно также и въ одѣ «Наполеонъ» онъ восхваляетъ французскую революцію, правда, не въ темныхъ ея проявленіяхъ, но какъ великій историческій моментъ,

Когда, надеждой озаренный,
Оть рабства пробудился міръ,
И день великий, ненизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ (I, 252),

а въ экспромтѣ Пущину думаетъ не только о лаврахъ Гармодія и Аристогитона:

И скоро, скоро смолкнетъ бранъ
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И возвовешь: свобода! (I, 262),

и, наконецъ, подъ впечатлѣнiemъ греческаго возстанія даже прямѣе высказываетъ ту же завѣтную мысль:

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаешь бранъ
Олимпъ, и Пиндъ, и Фермоили.
Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.
Страна героеvъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣни пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги! (I, 298).

Такимъ образомъ, мы здѣсь наблюдаемъ такое же точно явленіе, какъ отмѣченное нами выше одновременное осужденіе байронизма и продолжающаяся вѣра въ страсти. Мы видимъ, что мирная душа поэта гнушается и братоубийства, и кинжала, и мятеjа,— припомните изъ той же оды «Кинжалъ»:

Исадѣе мятеjа подъемлетъ злобный крикъ;
Преэрѣнныи, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ (I, 239),

— и въ то же время не можетъ отрѣшиться оть мыслей о свободѣ, какъ своей личной, поэтической, «дружеской свободѣ», такъ и еще болѣе оть гаданій —

надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря? (I, 206).

И вполнѣ естественно: и тѣ, и другія мечты — были вполнѣ законны, вполнѣ согласуемы съ самомъ гражданина, съ подвигомъ поэта; но жизнь очевидно свидѣтельствовала, что онъ тщетны, что всякое трибуnство — праздная игра личною судьбой, и больше ничего. Вѣры въ свободу Пушкинъ не могъ утратить:

Вольнолюбивыя надежды оживимъ (I, 243),

обращается онъ къ Чаадаеву;

Любовница свободы (I, 244),

называетъ онъ свою чернильницу; о вѣчной свободѣ, завѣщанной миру, гласить заключеніе оды «Наполеонъ» (I, 254);

Свобода! Онъ одной тебя
Еще искалъ въ подгунномъ мірѣ.
Страстями сердце погуби,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненiemъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленный тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ (II, 280),

говорить онъ о «Кавказскомъ плѣнникѣ»;

Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За что на Бога мѣръ роптать,
Когда хоть одному твореню
Я могъ свободу даровать? (I, 277),

спрашивается онъ съ умилительно-поэтическою кротостью, вполнѣ достойной

Пѣвца любви, дубравъ и мира,
Пѣвца возвышенной мечты (I, 337),

отпустившъ на волю птичку; «мы вольныя птицы», слышитъ онъ въ клекотѣ вскормленного на волѣ молодого орла (I, 273); все такъ; но вѣры въ призваніе трибуна въ немъ больше нѣть.

Свободы сѣятель пустынныи,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросаль живительное сѣмя,—
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды.
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудить чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь!
Пасѣдство ихъ изъ рода въ роды —
Ярмо съ гремушками да бичъ (I, 299).

Было бы крайне ошибочно,—какъ многіе,—видѣть въ этой желчной пьесѣ отреченіе отъ свободы. Ничуть не бывало. Ни отъ свободы закрѣпощеннаго народа, ни отъ своей личной свободы Пушкинъ никогда, до послѣдняго своего дыханія, не отрекался; но мысль о трибунствѣ онъ дѣйствительно оставилъ, — глубоко проникнувъ въ природу трибуна отъ Карагеоргія до Шугачева и убѣдясь во всеобщей незыблемости европейской реакціи (I, 296—298). Разочарованный трибунъ вырастаетъ въ мудраго, внутренне-свободнаго гражданина:

Когда средь оргій жизни шумной
Мени постигнуть остракизмъ,
Увидѣль я толпы безумной
Презрѣнныи, робкій эгоизмъ.

Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
 Вѣнки пировъ и блескъ Аониъ,
 Но голосъ твой миѣ бытъ отрадой,
 Великодушныи гражданинъ!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненья грозныи мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружка измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь.—
 Въ моемъ изгнаныи позабуду
 Несправедливость ихъ обидъ:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ! (I, 281),

и потому по полному праву на вопросъ:

Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И музъ, и вѣтреную моду,
 Что жъ изберете вы? (I, 314)

онъ можетъ отвѣтить: «Свободу!» Теперь Шене побѣдилъ, сомнѣнія разрѣшены — и Пушкинъ создаетъ элегію «Андре Шене», которая въ области его гражданскихъ возврѣній знаменуетъ такой же поворотъ, какъ «Пророкъ» во всемъ его мировозрѣніи. Не дѣлаемъ здѣсь выписокъ, ибо онъ вышли бы слишкомъ обширны, и отсылаемъ читателей непосредственно къ этой пьесѣ съ просьбою тщательно прочесть ее прежде, чѣмъ продолжать чтеніе настоящей статьи. Съ нея начинается совершенная ясность и определенность въ мысляхъ Пушкина о свободѣ. Мятежъ, революція осуждены имъ окончательно, и какъ поэтомъ, и какъ гражданиномъ; въ трибуны онъ больше не мѣтить, — онъ созналъ, что его гражданскій подвигъ не выходитъ за предѣлы поэзіи; но онъ не отрекся ни отъ народной, ни отъ личной свободы, хотя и предоставилъ осуществленіе первой изъ нихъ — рукамъ исторіи, а свою поэзію посвятилъ преимущественно второй. Однако и о первой не молчитъ его лира. Въ бунтѣ декабристовъ онъ несомнѣнно видѣлъ попытку раскрытия нарада и, не оправдывая бунта, не могъ не благоговѣть передъ безкорыстной отвагою самихъ заговорщиковъ, тѣмъ болѣе, что неудача заговора окружала его участниковъ ореоломъ жертвъ.

Насъ было много на членѣ:
 Иные парусъ напрягали,
 Другіе дружко упирали
 Въ глубь мощны вѣслы. Въ тинингѣ,
 На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
 Въ молчаны правила грузный членъ,
 А я — беспечной вѣры полны —
 Пловцамъ я пѣль. Вдругъ доно волны
 Измѣять съ-насту вихоръ шумный.
 Погибъ и кормщикъ, и пловецъ,—
 Лишь я, таинственный пѣвецъ,
 На берегъ выброшенъ грозою:

Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сину на солицѣ подъ скалою (II, 15)¹⁾.

Эти прежніе гимны дѣйствительно слышатся въ его лирикѣ, съ тою лишь особенностью, что поэтъ начинаетъ особенно подчеркивать значеніе просвѣщенія, этого всегда имъ сознававшагося, хотя вначалѣ и оставлявшагося какъ бы въ тѣни, необходимаго элемента народной свободы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни,—
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйного стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой;
Самодержавною рукой
Онъ смѣло свялъ просвѣщеніе,
Не презиралъ страны родной,—
Онъ зналъ ея предназначеніе (II, 7).
И льстецъ? Нѣть, братъ! Льстецъ лукавъ:
Онъ горѣ на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжнаго!²⁾
Онъ скажетъ: просвѣщенія плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мяteжный! (II, 29—30).

¹⁾ Пушкинъ озаглавилъ это стихотвореніе «Аріонъ», но, конечно, исключительно съ цѣлью замаскировать классическимъ именемъ самое современное содержаніе. Смѣшно говорить, будто Пушкинъ «по своему передѣливается» въ своей пьесѣ античный миѳъ. Для этого надо предположить, будто заглавіе пьесы было дано раньше, чѣмъ самая пьеса написана, — что сперва была придумана маска, а потомъ ужъ и кто нибудь такой, кому бы пригодилось въ этой маскѣ укрыться. Равнымъ образомъ слова «тайственный пѣвсцъ» относятся вовсе не къ заглавію, чѣмъ мы отнюдь не хотимъ ихъ лишить того глубокаго и вѣскаго значенія, которое въ нихъ правильно усматривала критика.

²⁾ Замѣчу, что этотъ стихъ не толкуется доселъ съ надлежащою точностью. «Голосъ природы» здѣсь и есть требованіе уваженія къ свободѣ, признаніе ея общимъ достояніемъ, такъ какъ, воспитанный на ученіяхъ естественного права, Пушкинъ всегда смотрѣлъ на свободу, какъ на «право природы» (I, 297). Это можно подтвердить множествомъ соображеній. Ограничимся немногими.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ (II, 13),

говорить поэтъ — и ясно, что быть «воспитанникомъ природы» для него значитъ лѣтѣть мечты о свободѣ. Это воззрѣніе безспорно развило въ немъ еще въ лицѣ, частью подъ влияньемъ Руссо и, можетъ быть, Шатобриана, но всего болѣе подъ

Изъ всего этого ясно, что поэтъ въ немъ попрежнему говоритъ свое, а трибуны—замолчалъ, и, когда въ поэти «живѣй говорятъ»

Змыи сердечной угрозынья (II, 37),

то онъ видѣтъ «и нѣть ему отрады!»—

Въ безумствѣ гибельной свободы
Свои утраченные годы (II, 37).

Но, осуждая себя самого, Пушкинъ вѣренъ себѣ самому и, вѣря въ торжество «славы и добра», взываетъ къ своимъ «братьямъ»:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣніе.
Не пропадеть вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе.
Несчастья вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудить бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходить мой свободный гласъ,
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечь вамъ отдадутъ (II, 11).

Съ полнымъ правомъ поэту, озирая свое творчество, восклицалъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возвеличилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ (II, 190).

Что касается въ частности личной свободы, то въ представлѣніи о ней онъ постепенно откинулъ весь политическій элементъ, съ которымъ оно у него первоначально было связано. Свобода народа и свобода личная сочетались неразрывно въ устахъ пламен-наго трибуна, «витѣствовавшаго» о «правахъ природы». Но постиг-

воздѣйствіемъ лекцій Куиницына, курсъ естественного права котораго не даромъ быль преданъ правительству сожженію.

Куиницыну данъ сердца и вина!
Онъ создалъ насть, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставилъ имъ красноголовый камень,
Имъ чистая лампада возжена (I, 360).

Мнѣ кажется, что связь мыслей очевидна. «Презирать народъ» и «угнетать головы природы» и значитъ отказывать народу въ свободѣ. Это — рѣчи льстеца, и ихъ никому не доводилось слышать отъ Пушкина. Относительно Руссо тоже было бы бесполезно распространяться хотя бы въ виду того, что въ характеристики самаго Пушкина онъ представляется, какъ «защитникъ вольности и правъ» (III, 244).

шее поэта политическое разочарование, озлобление на косность народовъ и всемогущество реакціи, смыняясь успокоеніемъ и мирными настроеніями творчества, вновь освободили молчавшій въ бурахъ политическихъ страстей голосъ врожденаго миролюбія и душевной гармонії. Свобода какъ-то невольно стала отождествляться у Пушкина съ освобожденіемъ или, по крайней мѣрѣ, со свободою страстей, и въ этомъ смыслѣ его излюбленными уподобленіями для свободы стали море и буря.

Гдѣ ты, гроза,—символъ свободы?

Промчись поверхъ невольныхъ водъ! (I, 290),

восклицалъ онъ, чуть ли не по адресу политической реакціи, постоянно занимавшей его мысли въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ. Переживая свое разочарование, Пушкинъ, однако же, не могъ сразу умертвить въ себѣ мечты о непосредственной практической дѣятельности, и онѣ, подъ гнетомъ стѣсненій полицейскихъ, цензурныхъ, служебныхъ и общественныхъ, извратились у него въ планѣ побѣга за границу,—планѣ, который возрождался у него и вторично, во время пребыванія въ Михайловскомъ. Бездѣйственно перегорать было ему несвойственно, и потому всѣ его душевные кризисы отражались и въ его біографіи странными на первый взглядъ причудами и выходками. Лелѣя мысль о своемъ бѣгствѣ, Пушкинъ старался даже разжечь ее до степени культурнаго отчужденія отъ своего отечства,—но это ему не удавалось, такъ какъ «его Африка» все же не могла ему казаться въ какомъ бы то ни было отношеніи привлекательнѣе «сумрачной Россіи», что и самъ онъ сознавалъ и высказывалъ, а «гордая лира Альбіона» все же не могла вполнѣ породнить его съ «волшебнымъ гласомъ адриатическихъ волнъ».

Придеть ли часъ моей свободы?

Пора,hora!—взываю къ ней;

Брошу надъ моремъ, жду погоды,

Манио вѣтрали кораблей.

Подъ ризой бурь, съ волнами споря,

По вольному распятыю моря

Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?

Пора покинуть скучный берегъ

Миръ непріязненной стихіи

И средь полуденныхъ зыбей,

Подъ небомъ Африки мосей,

Вздыхать о сумрачной Россіи,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ и любилъ,

Гдѣ сердце я похоронилъ (III, 255)...

Съ другой стороны и все безразсудство такого побѣга представлялось ему съ полной ясностью, хоть онъ и старался въ себѣ заглушить тѣ чувства, которыхъ его удерживали:

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,

И звать обманутыхъ надеждъ,

Иду въ чужбину, прахъ отчизны

Съ дорожныхъ отряхнувъ одѣждъ.

Умолкни, сердца шопотъ сонный,
 Привычки и довольства гласть!
 Прости, предѣль неблагосклонный,
 Гдѣ свѣтъ узрѣть я въ первый разъ!
 Простите, сумрачныя сѣни,
 Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
 Исполнены страстей и лѣни
 И сновъ задумчивыхъ души!
 А ты въ опасный день разлуки
 Забылъ для брата о себѣ:
 Соединимъ же братски руки
 И покоримся мы судьбѣ.
 Благослови побѣгъ поэта...
 Умолкнеть онъ подъ небомъ дальнімъ,
 Умолкнеть въ чужой сторонѣ (I, 333)...

Всѣ эти образы и впечатлѣнія сливаются у него въ одинъ безконечно музикальный аккордъ въ стихотвореніи «Къ морю»:

Моей души предѣль желанный,
 Какъ часто по брегамъ твоимъ
 Бродилъ я тихій и туманный,
 Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
 Не удалось навѣкъ оставить
 Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтическій побѣгъ.
 Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ, —
 Вотще рвала душа моя:
 Могучей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я.
 О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
 Я путь беспечный устремилъ?
 Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
 Мою бы душу поразилъ, —
 Одна скала, гробница славы...
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы:
 Тамъ угасалъ Наполеонъ.
 Тамъ онъ почилъ среди мученій
 И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой отъ настъ умчался геній,
 Другой властитель нашихъ думъ.
 Исчезъ, оплаканный свободой,
 Оставя миру свой вѣнецъ...
 Шуми, взволнуйся непогодой:
 Онъ быть, о море, твой пѣвецъ!
 Твой образъ былъ на немъ означенъ,
 Онъ духомъ создантъ быть твоимъ, —
 Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
 Миръ опустѣлъ... Теперь куда же
 Меня-бы ты вынесъ, океанъ?
 Судьба людей повсюду та же:
 Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
 Иль самовластье, иль тиранъ (I, 304—305).

Такимъ образомъ, сначала «могучая страсть» удержала поэта, а потомъ пришло и сознаніе, что за свободой бѣжать некуда. Но такъ какъ сердце поэта не могло отречься отъ своей лучшей мечты, отъ «краеугольного камня» своихъ гражданскихъ идеаловъ, то въ немъ и заявили съ особою силою свои права представлѣнія о первона-чальной, лицейской творческой свободѣ, то-есть идеалы личной независимости. Сравнительно съ мирною свободою «вдохновенія, зву-ковъ сладкихъ и молитвъ», бурная свобода стала ему невольно ка-заться тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, — чуждымъ его природѣ увлеченiemъ. Трудно было бы, конечно, настаивать, но весьма вѣ-роятно, что именно зародыши этого возврѣнія символически вопло-щены въ подражаніи Москву — «земля и море» (I, 233), ибо Пушкину дѣйствительно тихое море было милѣе самыхъ пѣсенъ музъ, но на-дежная тишина дубравъ казалась вѣрнѣе прихотей бушующей пучины (припомните восклицаніе «гроза — символъ свободы»). Но уже несо-мнѣнно умиротвореніе политическихъ возврѣній воплощено имъ въ двухъ однородныхъ стихотвореніяхъ — «Аквилонъ» (I, 305—306) и «Туча» («Послѣдняя туча разсѣянной бури» — II, 178), хотя, конечно, это ничуть не лишаетъ обѣихъ пьесъ и ихъ высшаго, неизмѣримо болѣе широкаго значенія, какъ проявленій всеобъемлющаго, олим-пійскаго примиренія съ жизнью. О томъ же умиротвореніи, не за-глушающемъ притомъ и «прежнихъ гимновъ», гласить и приведен-ное уже выше (стр. 548) стихотвореніе «Аріонъ» («Насъ было много на членѣ»). Содержаніе же личной свободы самъ Пушкинъ не сим-волически только, а прямыми словами, сильно и твердо выразилъ въ одномъ изъ своихъ наиболѣе законченныхъ набросковъ въ по-слѣдніе годы своей жизни:

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участіи оспаривать налоги
Или мнѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите-ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія миѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода.
Зависѣть отъ власти, зависѣть отъ народа, —
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
Но приходитъ своей скитатель здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенія
Безмолвно утонуть въ восторгахъ умиленія —
Вотъ счастье! Вотъ права!.. (II, 187).

IX.

Намъ остается разъяснить еще двѣ подробности въ героическихъ идеалахъ Пушкина, чтобы образъ поэта въ его представленияхъ сталъ намъ совершенно, до мелочей, понятенъ, и мы безъ труда могли установить, въ чемъ заключалось многостороннее и сложное его отношеніе къ читателямъ. Мы видѣли въ предшествующемъ, какъ первоначальное легкомысліе въ воззрѣніяхъ на поэзію привело юнаго поэта къ полному подчиненію страстиамъ и лишь постепенно замѣнилось мудростью поэта-учителя; съ другой стороны, мы про-слѣдили, какъ идеалы героической дѣятельности вначалѣ казались ему вовсе чуждыми его творчеству, потомъ вливались въ него, отражались и очищались въ немъ и перерождались наконецъ въ сознаніе, что его подвигъ—весь въ области духа и слова, въ области личного служенія призванію. Намъ остается отмѣтить два противоположныхъ предѣльныхъ образа, которые должны были возникнуть на почвѣ этого развитія: съ одной стороны, образъ художника, проникнутаго «буйствомъ» духа, по слову апостола Павла, т. е. носителя перерожденныхъ страстей, пророка; а съ другой образъ поэта гражданина, сливающаго свое творчество съ жизнью своего народа, роднившаго свое творчество съ уравновѣшенной и безстрастной общественною дѣятельностью зрѣлаго мужа. Сперва мы остановимся на послѣднемъ, какъ на болѣе тѣсно связанномъ съ содержаніемъ предшествующаго изложенія. Именно, выше было уже указано, что патріотизмъ Пушкина былъ тѣмъ верховнымъ сознаніемъ, которое устанавляло виѣнніе предѣлы его призванія въ практической дѣятельности, а поэзія самымъ своимъ материаломъ—словомъ—роднила его съ духомъ и жизнью народа. Но ни патріотизмъ, ни близость съ народомъ невозможны въ одномъ настоящемъ. Прививное родство въ области духа никогда не сравняется съ родствомъ естественнымъ. Гражданину, а тѣмъ болѣе гражданину-поэту, нужно общее прошлое съ народомъ; исторія отечества должна быть для него кровнымъ, роднымъ воспоминаніемъ, и ничто въ ней, даже въ самой древней глупши ея преданій, не должно быть для него чуждымъ. Всякому народному дѣятелю нужны не только предки по крови, но и предки по призванію, и чѣмъ глубже въ исторію идетъ его духовное родословіе, тѣмъ могущественнѣе власть его надъ умами, тѣмъ свободнѣе и обаятельнѣе его подвигъ. Безспорно, бываютъ и чужеродцы, которыхъ народъ съ любовью принимаетъ въ свою исторію и хранить въ своей признателной памяти; безспорно, бываютъ эти «властители думъ» «безъ предковъ и потомства», которыхъ заслуги перевѣшиваютъ самыя родословныя культурныя дѣянія коренныхъ гражданъ; но эти дѣятели все же слуги, въ лучшемъ случаѣ друзья, но не сыновья своего народа, и лишь позднѣйшими

потомками окончательно роднятся съ нимъ не только по судьбамъ, но и по духу. Оттого и достигается ими духовная близость съ отечествомъ неизмѣримо труднѣе. Много силъ приходится имъ затратить, чтобы воспринять и усвоить то, что всякий другой безсознательно впитываетъ съ молокомъ матери, съ чѣмъ сживаются младенческими впечатлѣніями.

Кажется, ни одинъ изъ нашихъ великихъ дѣятелей въ области духа не былъ связанъ такими давними воспоминаніями со своимъ народомъ, какъ именно Пушкинъ. Немного было важныхъ событий въ нашей исторіи, въ которыхъ историку не встрѣчалось бы имя его предковъ. Съ женской стороны его фамильная воспоминанія носили прививной характеръ, но все же ихъ связь съ судьбами нашего отечества была закрѣплена достаточно прочными заслугами, чтобы въ душѣ поэта могла возникнуть острая болѣзнь культурнаго отчужденія. Конечно, память объ «африканскомъ происхождѣніи» никогда не измѣняла Пушкину:

А я, повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ негровъ безобразный (I, 188),

писаль онъ въ 1818 году, а въ 1823 году, затѣмъ свой побѣгъ, собирался

Подъ небомъ Африки своей
Вздыхать о сумрачной Россіи (III, 255);

въ 1824 году опять мы встрѣчаемся съ воспоминаніями о «прадѣдѣ арапѣ», который скрывался въ деревнѣ, гдѣ

думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей (I, 309);

въ 1828 году опять то же самое:

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль? (II, 36) —

не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ. Тѣмъ не менѣе, повторю, отчужденіе это носить поверхностный и случайный характеръ. Любовь Пушкина къ нашей исторіи совершенно исключительна. Нѣть эпохи въ нашемъ прошломъ, которой бы онъ не понималъ и не любилъ всею полнотою своего вдохновеннаго сердца, которою не проникался бы до возможности непогрѣшимо-вѣрнаго художественнаго воспроизведенія. Русская слава была ему родною славою, исторія государства Россійскаго была его родовымъ достояніемъ. «Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками — я оскорблѣнъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ» (VII, 411), писаль онъ Чаадаеву въ 1836 году, т. е. съ полною твердостью мужественнаго сознанія.

Едва ли есть какая нибудь надобность пояснить это выдержками изъ произведеній Пушкина: поясненія здѣсь такъ же излишни, какъ подтвержденія. Мы обратимъ только вниманіе на то, что любовь къ старинѣ, къ родной славѣ и родовымъ воспоминаніямъ замѣтна у Пушкина въ такомъ возрастѣ, гдѣ трудно подозрѣвать какія нибудь вѣнчанія вліянія. Подъемъ народного духа въ борьбѣ съ Наполеономъ окончательно сроднилъ его музу

Со славой нашей старины (III, 381),

а пребываніе въ лицѣй невольно связало юношескую фантазію съ «Екатерининской славой» (I, 336), наполнявшую своими воспоминаніями и памятниками «царскосельская хранительная сѣни» (I, 242):

И славныхъ лѣть передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою женой,
Ея любимые сады
Стоять, населены чортогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ.
Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ:
Глядите, вотъ герой, стѣнитель ратныхъ строевъ,
Перунъ, кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучай вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожарь и плаваль, и леталь!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганибаль! (II, 75—76).

Эти настроенія довершились тѣми впечатлѣніями, которыя Пушкинъ вынесъ изъ знакомства съ Карамзинымъ. Если онъ уже и съ дѣтства помнилъ и любилъ вспоминать

о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старииномъ одѣянїи,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестить меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станеть
О мертвцахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой почникъ изъ глины
Чуть освѣщаль глубокія морщины.
Драгой антикѣ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольнаго поселяло,
И трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты
На ложе розъ крылатыя мечты,

Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я, въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустынѣй,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ (I, 136),

если онъ въ этой мамушкѣ съ ея сказками узнавалъ позже свою музу:

Въ вечерней тишинѣ

Являлась ты весело старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила (I, 246),

если пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже былъ «радъ душою» «время провождать» съ отставнымъ майоромъ, который,

Съ очаковской медалью
На ранепой груди,
Воспомнить ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣль на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ (I, 50),

и если предавался «воспоминаніямъ въ Царскомъ Селѣ» (I, 53 сл.),— то все же близость съ великимъ историкомъ внесла много сознательности и гражданской гордости въ эти настроенія.

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманье сладкимъ упоенный,
На свитокъ гений склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій;
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣкамъ
Онъ бродить тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приносить онъ
Живой души благодареніе
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвеніе
Безплодной суеты земной,—
И въ немъ трепещетъ вдохновеніе (I, 194).

Этотъ замѣчательный, позже зачеркнутый, отрывокъ чрезвычайно важенъ именно потому, что въ его заключеніи видно, какъ природная любовь къ родной старинѣ, благодаря Карамзину, стала родниться со вдохновеніями поэта. Безспорно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно Карамзинъ увлекъ интересъ Пушкина и въ болѣе глубокую

нашу древность. Послѣ знакомства съ нимъ уже нѣтъ рѣчи болѣе о разныхъ «Кольнахъ» (I, 12), «Эвлегахъ» (I, 15), «Осгарахъ» (I, 17) или «Сраженныхъ рыцаряхъ» (I, 91): мы встрѣчаемся съ «Бовой» (I, 62), а позже и съ «Цѣснью о вѣщемъ Олегѣ» (I, 274), въ которую воплотилось настроеніе этихъ полудѣтскихъ попытокъ. Отъ чужой, отвлеченнай древности вдохновеніе поэта уходитъ въ родную старину съ ея славою.

Безспорно, что въ связи съ вліяніемъ Карамзина стоитъ и пресловутый позднѣйшій «аристократизмъ» Пушкина. Однако, спрашивливость требуетъ прибавить, что Карамзинъ подготовилъ почву, но оплодотворяющее сѣмя было на нее брошено только вліяніемъ Байрона. Пушкинъ опровергалъ это, и чѣмъ позже, тѣмъ энергичнѣе. «Я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона», писалъ онъ въ началѣ 30-хъ годовъ (V, 117). Совершенно вѣрно; но говорить о нихъ онъ отважился не раньше, чѣмъ по примѣру Байрона. Та атмосфера либерализма, въ которой протекала первая юность Пушкина, была крайне враждебна дворянской спеси, и можно полагать, что молодому поэту гордость предками оказалась несовмѣстимою съ его блестящимъ вольнодумствомъ, пока Байронъ наглядно не показалъ ему возможности такого совмѣщенія и не освободилъ природную гражданскую гордость отъ внѣшняго стѣсненія. По крайней мѣрѣ только послѣ знакомства съ Байрономъ замѣчаемъ мы ея проявленія,—да и то прежде всего въ эпиграммѣ на Сѣверина (I, 283), и только съ 1824 года внушавшія эту гордость кровные чувства предстаютъ намъ въ своей полной возвышенной чистотѣ и святости:

Два чувства равно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтасть сердце пищу:
Любовь къ родному пепелицу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ (I, 336).

На этой основѣ и на кровной близости съ народомъ и выросло гордое родовое самосознаніе Пушкина: припомните дивную пьесу «Моя родословная или русскій мѣщанинъ» (II, 108 сл.) или «Родословную моего героя» (III, 548 сл.), а какъ подготовительный материалъ къ нимъ—«Посланіе къ Языкову» (I, 308),—и сравните съ ихъ настроеніями только что выписанное отрывочное четверостишие, подготовительное къ нему по мысли «Посланіе къ Овидію»:

«Послѣднюю молѣбъ смигчай рокъ ужасныи,
Приближкьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укорить?
Кто въ трубої гордости прочтеть безъ умиленья
Синъ элегіи—послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тицетній стонъ потомству передаљ? (I, 259)¹⁾,

¹⁾ Ср. разсказъ старика въ «Цыганахъ»:
Ц завѣщасть онъ, умирая,

замѣчательныя строфы «Стансовъ» («Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»):

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Миѣ все-бѣ хотѣлось почивать,
И пусть у гробового входа
Младая будеть жизни играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сять (II, 77—78),

и наконецъ незадолго до смерти написанный отрывокъ, по подобной ясности и чистотѣ замысла принадлежащій къ высшимъ лирическимъ созданіямъ Пушкина,—«Когда за городомъ задумчивъ я брожу»:

По какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлют мертвые въ торжественномъ покое:
Тамъ неукрашенныя могилы есть просторъ;
Къ нимъ ночью темною не лѣзть блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вдохомъ;
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безиспыхъ геніевъ, расстрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя.. (II, 188).

Съ невольнымъ волненіемъ перечитывая эти строки, нельзя не сознавать и не чувствовать родства между этой «любовью къ отеческимъ гробамъ» и гордостью тою многовѣковою связью, которая давала поэту чувствовать себя дома во всѣхъ эпохахъ родной исторіи.

Иначе обстояло дѣло съ поэтическимъ призваніемъ Пушкина. Если, какъ гражданинъ, Пушкинъ вѣль родословіе и по крови и по духу чуть ли не современное своему отечеству, то, какъ поэтъ, онъ чувствовалъ себя чѣмъ-то извнѣ привитымъ. Обращаясь мысленно къ западу, Пушкинъ ощущалъ подъ призваніемъ поэта тысячелѣтніе корни. Своей риомѣ, этой «звукной подругѣ»

Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда (II, 58), —

онъ и той находитъ олимпійское родословіе (II, 58 и 120). Напротивъ, созрѣвъ умственно и нравственно до гражданства въ родной землѣ, Пушкинъ пытливо доискивается въ русской старинѣ своихъ предшественниковъ, — и не находитъ.

Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующи кости
И смертью—чуждой сей земли
Неуспокоенные гости (II, 353).

ПОЭТЪ (приближается, кланяясь низко и хватая Гришику за плечо).

Великий принцъ, светлѣйшій королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЭТЪ (подаеть ему бумагу).

Примите благословленіо

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!

Стократъ священъ союзъ меча и лиры:

Единый лавръ ихъ должно обвиваетъ.

Родился я подъ небомъ полуночныемъ,

Но миѣ знакомъ латинской музы голосъ,

И я люблю парнасскіе цветы. (Читаетъ про себя).

ХРУЩОВЪ (тихо Пушкину).

Кто сей?

ПУШКИНЪ.

Пить.

ХРУЩОВЪ.

Какое-жъ это званье?

ПУШКИНЪ.

Какъ бы сказать по-русски? Виршенисецъ
Иль скоморохъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Прекрасные стихи! (III, 40)

Значеніе этой сцены, хотя и вычеркнутой въ окончательной редакціи, въ особенности оттѣнено тѣмъ, что реплику Хрущову подаеть именно предокъ Пушкина и притомъ такой, котораго имя сохранено отнюдь не возвышенною славою. Конечно, и на западѣ исторія была бы не особенно любезна къ призванію писателя въ современномъ смыслѣ,—примѣръ «Посланіе къ Дельвигу»:

И предокъ твой крѣнкоголовый
Смутился-бъ рыцарской душой,
Когда-бъ тебя передъ собой
Увидѣть безъ одѣжды брашной,
Съ главою, мирами вѣничанной,
Въ очкахъ и съ лирою золотой (II, 17);

но все же тамъ связь не прерывалась, и миннезингеры и труверы даже въ рыцарскія времена не были «скоморохами» въ томъ смыслѣ, который имѣлъ въ виду Пушкинъ вложить въ уста своему предку. Подъ конецъ жизни, ознакомясь ближе съ «Словомъ о полку Игоревѣ», Пушкинъ могъ утѣшиться и въ этомъ отношеніи; но до тѣхъ поръ болѣзненно чувствовалъ свою духовную «худородность» въ отечествѣ. Въ сказкахъ и пѣсняхъ онъ только угадывалъ безъименныхъ

предковъ своего творчества. Онъ не находилъ для себя соединяющихъ звеньевъ съ Баяномъ, съ «вдохновеннымъ кудесникомъ» Олега, съ таинственными силами, отъ которыхъ почерпаетъ свой вѣщій духъ народное творчество:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣнь на дубѣ томъ,
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходить по цѣни кругомъ.
Идетъ направо — пѣснь заводить,
Налѣво — сказку говорить (II, 202).

Напротивъ того, черезъ Карамзина, Щербатова, Ломоносова, че-резъ своего Пимена, Пушкинъ восходилъ до Нестора лѣтописца и чувствовалъ себя, какъ бытописателя, столь же родословнымъ, какъ гражданина. Слитъ эти два образа и пытался онъ въ «Борисѣ Годуновѣ», сочетая въ немъ Нестора, Шекспира и Карамзина и давая своему великому творенію шутливое, но глубокое по смыслу, позже откинутое, заглавіе Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ. Писаль рабъ божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городицѣ Вороничѣ. Едва ли слишкомъ смѣлою догадкой явилась бы поэтому мысль, что потребность близости къ народному духу сильно влияла на Пушкина въ его постепенномъ переходѣ отъ стиховъ къ прозѣ, отъ поэмъ къ повѣстямъ, отъ повѣстей къ исторіи. Однако природное поэтическое влечение было слишкомъ сильно, чтобы отречься отъ него. Если Пименъ восторжествовалъ въ душѣ поэта надъ «виршеписцемъ иль скоморохомъ», то вѣдь зато въ Чудовомъ монастырѣ неумолично гремѣли съ хоровъ, съ амвона, изъ алтаря дивная созданія церковной лирики, и къ этимъ созданіямъ возносился душою Пименъ отъ правдивыхъ своихъ бытописаній:

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ взлетать во области заочныхъ,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ (II, 188).

На этихъ «сіонскихъ высотахъ» (II, 162) раскрывается всеобъемлющей кругозоръ поэтическому творчеству. И къ нимъ, къ этимъ высотамъ, постепенно подымалось просвѣтляющееся вдохновеніе поэта.

Но объ этомъ нѣсколько ниже. Здѣсь должно лишь указать въ самыхъ краткихъ чертахъ на образъ поэта-гражданина, какъ онъ выяснялся Пушкину подъ конецъ его жизни. Образъ этотъ, ясный и мирный, двояко представляется, смотря по тому, возвышаетъ ли поэтъ свой голосъ по долгу или по праву гражданина. Долгъ гражданина — блести родную честь и славу. И этотъ долгъ выполненъ Пушкинымъ съ такою правдою, мощью и совершенствомъ, какъ ни однимъ поэтомъ ни до, ни послѣ него. Перечтите его оды «Къ

тѣни полководца» (II, 128), «Клеветникамъ Россіи» (II, 129), «Бородинскую годовщину» (II, 131) — и вы сами почувствуете, что вся сложность гражданского одушевленія подъ знаменемъ отечества исчерпана въ этихъ дивныхъ произведеніяхъ. Подробный разборъ ихъ слишкомъ растянулъ бы статью, и безъ того обширную, а потому мы ограничимся немногими словами. Внутреннее сбывающееся единство Россіи, вицшняя живая мощь ея передъ лицомъ враждебной и безсильной Европы, безкорыстное великодушіе нашей силы — вотъ что воодушевляетъ поэта. Въ этихъ трехъ девизахъ — и вѣнецъ нашей народной чести, и содержаніе нашей исторіи за послѣднія столѣтія; а если

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать (I, 318),
то тѣмъ болѣе нельзя на поприщѣ народной славы.

Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецы,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ (II, 318);

тѣмъ болѣе невозможна измѣна нашей славѣ тамъ, гдѣ «двойной вѣнокъ» поэта и гражданина снискалъ себѣ великий Пушкинъ.— Это — поэзія долга; но еще возвышенѣе и величественнѣе поэзія правъ гражданина въ душѣ Пушкина. Съ первыми лучами ея сіянія мы встрѣчаемся еще въ 1824 году, въ черновыхъ наброскахъ, поэзіе вошедшихъ въ оду «Клеветникамъ Россіи»:

Последние два стиха — воть «программа» подвига поэта гражданина.

.... Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго. Злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ. Мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ

Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями. Онь вдохновенія былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь. Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословенѣемъ
Его мы проводили (II, 166).

Вотъ призваніе поэта. «Миръ всего міра и соединеніе всѣхъ» — вотъ высшее слово, высшій завѣтъ гражданскаго вдохновенія. А путь къ этому братству племенъ и государствъ — трудъ, просвѣщеніе, свобода и «незлобная память» власти. Таково содержаніе «Стансовъ» («Въ надеждѣ славы и добра» — II, 7) и «Друзьямъ» («Нѣть, я не льстецъ, когда царю» — II, 29). Право поэта быть великодушнымъ и безтрепетнымъ проповѣдникомъ труда, просвѣщенія, свободы и мира у трона: въ этомъ его гражданскій подвигъ, какъ поэта.

Второй предѣльный идеалъ въ души Пушкина — это образъ поэта-пророка. Возвышенный властелинъ своихъ страстей, ревнитель пламенного служенія истинѣ и добродѣти, пророкъ является трибуномъ духовнаго возрожденія, — какъ для себя, такъ и для другихъ. Но только путемъ глубокой внутренней борьбы надъ самимъ собою, только цѣнною полнаго личнаго перерожденія отъ дѣятельности къ идеалу приобрѣтаетъ пророкъ власть и право призывать къ нему другихъ. А между тѣмъ страсти — двуострая сила и прежде, чѣмъ ихъ покорить героическое сознаніе, нерѣдко онъ являются руководящею властью, завлекая, какъ свое игралище, будущаго пророка въ бездны заблужденій и ничтожества. Выше было показано, какъ это случилось съ Пушкинымъ, — какъ, воспитанникъ скептической и вольнодумной словесности прошлаго вѣка, онъ былъ безсиленъ предъ обаяніемъ «пламенного демона» страстей и какъ первоначальное легкомысліе его поэзіи, съ которымъ онъ отсрочивалъ до будущаго свое обращеніе къ чистымъ и свѣтлымъ источникамъ вдохновенія, — какъ это легкомысліе завело его въ рядъ горькихъ противорѣчій съ его собственными мирными и высокими идеалами. Это первое нравственное паденіе и составило всю основную завязку его земной трагедіи. Испытавшія сладость необузданной свободы, страсти болѣе не подчинялись тяжелому и утомительному ярму нравственнаго долга:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ:
Грѣхъ алчній гонится за мною по шатамъ.
Такъ, ревомъ яростныхъ пустыни оглашай,
Взметая (лапой) пыль и гриву потрясаю
И ноздри пыльныхъ утѣкнувъ въ песокъзыбучій,
Голодный левъ слѣдить оленя бѣгъ пахучай (II, 162), —

писалъ поэть даже въ 1833 году,— и мы знаемъ, что именно варывъ непокорныхъ страстей и привелъ его къ безвременной жизненной развязкѣ. Въ остромъ исканіи послѣдняго, верховнаго объединенія всѣхъ своихъ противорѣчивыхъ идеаловъ поэть стремился и въ глушь уединенія, мечталъ порвать съ міромъ и въ аскетическомъ отдаленіи переболѣть послѣднюю борьбу духа,— но послѣдній мятежъ злыхъ влечений привелъ его къ смертельному исходу. Послѣдняго слова примиренія намъ не суждено услыхать, и мы можемъ лишь предугадывать, какъ бы намъ его

рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый быть елей (II, 88).

Соответственно съ тѣмъ и пророческое служеніе наименѣе полно и ясно выразилось въ поэзіи Пушкина. Трибунъ возрожденія человѣческой совѣсти, взывающій къ лучшимъ влеченіямъ людей и подвигающій ихъ на восстаніе противъ власти грѣха и ничтожества, еле начинавъ возвышать свой голосъ въ произведеніяхъ послѣдняго периода жизни поэта,— каковы особенно его «Когда великое свершалось торжество» (II, 186) и «Подражаніе итальянскому» («Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ», II, 187), если не считать его гениальныхъ «Подражаній корану» (I, 322 и сл.), въ которыхъ онъ пробуетъ технику, если можно такъ выразиться, пророческаго слова и одушевленія «широковѣщательной» проповѣди. Зато кающійся пророкъ, пророкъ, уединяющійся въ пустынѣ, пророкъ, въ угрызеніяхъ совѣсти перегарающій къ своему пророческому призванію,— эти образы мы можемъ прослѣдить въ очень яркихъ и опредѣленныхъ проявленіяхъ.

Припомнимъ сначала въ общихъ чертахъ юношески легкомысленный взглядъ Пушкина на поэзію. Въ первой юности ему поэзія не представлялась еще съ полной опредѣленностью его призваниемъ. «Стишки» были для него «одна забава» (I, 309), ими онъ заполнялъ свои досуги, готовясь мысленно къ геройскимъ подвигамъ въ области практической жизни. Эта будущая геросическая дѣятельность давала ему въ его глазахъ право на совсѣмъ не героическую поэзію въ настоящемъ, тѣмъ болѣе, что и сама поэзія вовсе не представлялась ему привлекательною своими серіозными, «важными» сторонами. Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія должна была измѣниться съ того момента, какъ, увлекаясь трибунствомъ, Пушкинъ сталъ обращать самую поэзію свою на служеніе своимъ героическимъ идеаламъ, и вообще съ тѣхъ поръ, какъ его взглядъ на творчество сталъ зрѣлѣй и серіознѣе. Въ эту эпоху мы встрѣчаемся съ отмѣченными уже выше «отсрочкиами» обращенія на строгій путь служенія. Легкомысліе своихъ произведеній Пушкинъ самъ себѣ извиняетъ въ зачетъ будущаго, самъ разрѣшаетъ ихъ, какъ законную дань своей молодости. Таково выписанное выше (стр. 535—536)

посланіе къ Каверину (I, 172), таковы посланіе Кривцову (I, 200), стансы Толстому (I, 200) и др. Въ свою очередь эпоха страстей внесла въ его душу новое сознаніе — стремленіе къ той первона-чальной чистотѣ и невинности, которая сохранились для него въ ихъ лучшихъ проявленіяхъ — въ первыхъ попыткахъ дѣтскаго твор-чества. Утомленный страстями, онъ ищетъ опустошенною душою лучшихъ впечатлѣній. Самая поэзія становится для него такимъ образомъ атмосферою духовнаго очищенія. Это настроеніе начинаетъ въ полной ясности проявляться, начиная съ юношеской пьесы «Возрожденіе»:

Художникъ-варваръ кистью солнной
Картины генія чернить
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безмысленно чертить.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуйей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденія
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней (I, 208).

Затѣмъ, въ періодъ отдыха на югѣ Россіи отъ столичныхъ впе-чатлѣній, то же настроеніе предстаетъ намъ въ видѣ элегической жалобы:

Мнѣ вѣсъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ вѣсъ не жаль, о таинства ночей,
Вспомѣтыя цѣвицей сладострастной;
Мнѣ вѣсъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пиротовъ и чаши круговыи,
Мнѣ вѣсъ не жаль, измѣницы младыя,—
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я;
Но где же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенія?..
Придите вновь, года моей весны! (I, 230).

Наконецъ, уже въ періодъ полной мужественной зрѣлости, мы встрѣ-чаемъ его въ видѣ глубокой скорби раскаянія:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшою главой.
Такъ отрокъ Библии — безумный расточитель —
До капли истощивъ раскаянья фіаль,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ.
Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,

О, много расточил сокровищъ я сердечныхъ
 За недоступныя мечты
 И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
 Раскаянъемъ горя, предчувствуя бѣды,
 Я думалъ о тебѣ, прють благословенный,
 Воображаль сіи сады,
 Воображаль сей день счастливый,
 Когда средь нихъ возникъ лицей,
 И слышалъ снова шумъ игравый,
 И видѣлъ вновь семью друзей.
 Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
 Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ.—
 Поэтому забывался я! (II, 75).

Наиболѣе художественное воплощеніе исторіи подчиненія юнаго поэта господству страстей должны были дать неоконченныя терцины «Въ началѣ жизни школу помню я» (II, 115); но въ своемъ отрывочномъ видѣ это стихотвореніе само еще нуждается въ толкованіяхъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ указанномъ направленіи представляется та точка зрѣнія, которая выражена въ первой половинѣ стихотворенія «Поэтъ»:

Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Опъ малодушно погруженъ.
 Молчать его святая лира,
 Душа вкушасть хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ. (II, 21).

Мы видимъ, что, въ прямую противоположность первоначальному возврѣнію, по которому героическая жизнь давала право на совсѣмъ не героическую поэзію, Пушкинъ здѣсь полагаетъ, что героическая поэзія извиняетъ совсѣмъ не героическое прозябаніе поэта въ минуты, свободныя отъ «вдохновеннаго труда». Но въ этомъ переходномъ моментѣ характерно то, что общій тонъ стихотворенія ближе къ осужденію, чѣмъ къ снисхожденію, ближе къ покаянію, чѣмъ къ примиренію. «Малодушно», «хладный сонъ», «всѣхъ ничтожнѣй»—это не намеки на оправданіе; это скорѣе временное безсиліе, временное изненоженіе во внутренней борьбѣ. И дѣйствительно, послѣ этой пьесы настроенія Пушкина круто мѣняются.

Когда для смертиго умолкнетъ шумный день
 И на нѣмъя стогны града
 Полупрозрачная налияеть ночи тѣнь
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
 Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
 Часы томительного бдѣнья:
 Въ бездѣйствїи почномъ живѣй горять во мнѣ
 Змѣи сердечной угрызенія;

Мечты кинять; въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
     Своей длинной развиваетъ свитокъ —
 И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
     И трепещу и проклинаю,
 И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
     Но строкъ печальныхъ не смываю.
 Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
     Въ безумствѣ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
     Мои утраченные годы (II, 37).

Эти язвительныя угрывенія смѣняютъ полное утомлѣніе жизнью, горькое и безнадежное:

Даръ напрасный, даръ случайный,
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
 Иль зачѣмъ судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?
 Кто меня враждебной властью
     Изъ ничтожества возвалъ,
 Душу мнѣ наполнилъ страстью,
     Умъ сомнѣньямъ взволновалъ?
 Цѣли иѣть передо мною,
 Сердце пусто, праздникъ умъ
 И томить меня тоскою
     Однозвучный жизни шумъ (II, 38).

Еще немного — и поворотъ окончательно завершается:

Высоко надъ семею горь,
 Казбекъ, твой царственный шатерь
 Сиять вѣчными лучами.
 Твой монастырь за облаками,
 Какъ въ небѣ рѣюцій ковчегъ,
 Парить, чуть видный надъ горами...
 Далекій, воцелѣнныій берегъ!
 Туда-бы, сказавъ прости ущелью,
 Подняться къ вольной вышинѣ;
 Туда-бы, въ заоблачную келью,
 Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ! (II, 69).

Пророкъ стремится въ пустыню. Ужасъ бытія начинаетъ охватывать его измученное сердце. Всѣ узы жизни его тѣснятъ и душатъ

И какъ вино, печаль минувшихъ дней
 Въ его душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй (II, 101).

Къ этой эпохѣ относится и выписанный выше (стр. 563) отрывокъ «Напрасно я бѣгу къ сионскимъ высотамъ», и, наконецъ, наиболѣвшая душа поэта вся изливается въ знаменитомъ отрывкѣ — «Однажды, странствуя среди долины дикой» (II, 164 сл.), ознаменовавшемъ собою такой же окончательный переломъ, какъ элегія «Андре Шенье» и стихотвореніе «Пророкъ», о которыхъ въ этомъ смыслѣ говорено выше (стр. 548 и 528). Такъ какъ этотъ отрывокъ слиш-

комъ обширенъ, чтобы выписывать его цѣликомъ, то вновь обращаюсь къ читателю съ просьбою перечесть это изумительное произведеніе прежде, чѣмъ слѣдовать къ заключенію настоящей статьи. Побѣгъ рѣшенъ безповоротно,— и только пуля, посланная презрѣнною рукой, остановила его осуществленіе. Послѣднія предсмертныя строки поэта гласятъ:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить.
Летять за днями дни, и каждый день уносить
Частицу бытія,— а мы съ тобой вдвое сильнѣ!
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣть, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается миѳ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ,
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ (II, 193).

Невольно вспоминаешь надѣ мыслью объ этомъ побѣгѣ другої, болѣе ранній, не состоявшійся, побѣгѣ поэта изъ своего отечества, и не можешь удержаться отъ горькаго гаданья, не принесъ ли бы намъ поэтъ въ этомъ мірѣ изъ своего достигнутаго единенія того вышшаго, безусловнаго и всеобъемлющаго примиренія, которое сіѧть намъ изъ выписанного выше (стр. 562—563) стихотворенія о Мицкевичѣ, которое, наконецъ, съ какимъ-то неземнымъ величиемъ снисходить въ нашу душу изъ беспредѣльно геніальной оды «Къ Е**»:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебя мы долго ожидали,—
И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что-жъ? Ты нась обрѣлъ въ пустынѣ, подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющіхъ буйну пѣснъ и скачущихъ кругомъ
Отъ нась созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждася лучеф.
Въ порывѣ гиѣва и печали
Ты проклялъ нась, безмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижалі...
Нѣть, ты не проклялъ нась! Ты любишь съ высоты—
Скрываться въ тѣнѣ долины малой,
Ты любишь громъ небесъ,— и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надѣ розой алой (II, 168).

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что къ такому примиренію поэтъ стремился всей энергіей своего страстнаго духа, и его послѣднимъ, высшимъ идеаломъ былъ пророкъ, который и не проклялъ, и не разбилъ своихъ скрижалей. Что скажалъ бы намъ этотъ пророкъ? Вотъ тайна, которой разоблаченія намъ приходится искать не въ прошломъ, а развѣ въ будущемъ.

X.

Обрисовавъ образъ поэта, мы уже безъ труда можемъ выяснить его отношеніе къ читателямъ, не останавливаясь притомъ на этой задачѣ съ такою подробностью, какъ на предшествующей, и слѣдя лишь въ общихъ чертахъ за постепеннымъ развитиемъ взглядовъ Пушкина на отношенія къ читателямъ, такъ какъ оношло неразрывно съ развитіемъ самыхъ идеаловъ, обусловливавшихъ это отношеніе. Основная сущность послѣдняго состоитъ въ томъ, что не только творчество, но и любовь, и пониманіе, и самый интересъ къ искусству свойственны лишь незначительному числу предрасположенныхъ людей, а между тѣмъ поэты живутъ не на Геликонѣ, въ обществѣ однихъ этихъ немногихъ избранныхъ, а на землѣ, среди совершенно равнодушной къ нимъ толпы, въ которой теряющимся меньшинствомъ разсѣяны, часто невидные и неслышные для самого художника, сочувствующіе посвященные. До этихъ немногихъ избранныхъ слово поэта достигаетъ не иначе, какъ среди толпы непосвященныхъ. Чтобы вызвать невидный и неслышный ему самому восторгъ одного незѣдомаго друга, поэтъ долженъ говорить для всѣхъ и высушивать

Кривые толки, шумъ и брань (III, 260)

тысячи назойливыхъ и крикливыхъ постороннихъ свидѣтелей. Эта двойственность въ отношеніи міра къ поэту съ необходимостью обусловливаетъ двойственность отношенія поэта къ читателямъ. Вся масса ихъ распадается въ его воображеніи на читателей вообще, тѣхъ, кому онъ не можетъ помѣшать быть его читателями, говоря языкомъ поэтовъ «толпу», или «чернь», и на читателей по преимуществу, читателей-друзей, тѣхъ, къ кому онъ обращается въ своемъ творчествѣ, для кого живетъ, чьего суда, одобренія, восторга, ищетъ и жаждеть. Эти вторые читатели—церковь его призванія, въ которой онъ самъ является жрецомъ и пророкомъ, героемъ и учителемъ, главой и другомъ. Такое раздвоеніе міра встрѣчаетъ всякое явленіе въ области духа: самое слово Божіе подѣлило міръ на царство міра и царство не отъ міра сего. Тѣмъ болѣе неизбѣжна подобная рознь относительно человѣческаго искусства, человѣческаго слова. Отсюда неизбѣжны и двойственные чувства поэта къ читателямъ, кажущіяся часто противорѣчіемъ поверхностнымъ критикамъ: довѣріе, дружба, уваженіе къ читателю-другу, жажда сочувствія, славы, похвалъ, преклоненіе передъ судомъ и запросами съ одной стороны, а съ другой — высокомѣріе, презрѣніе, гнѣвъ, насмѣшка, отказъ отъ славы, равнодушіе къ суду читателя посторонняго, той толпы, «черезъ головы которой» поэтъ ввѣряетъ свои творенія своей разсѣянной церкви. Замѣтьте, притомъ, что эта церковь является поэту лишь въ его воображеніи, тогда какъ житей-

ская толпа съ ея шумомъ, толкотней и слѣпотой обступаетъ его въ живой дѣйствительности на каждомъ шагу, предстаетъ ему нерѣдко въ лицѣ неразрывно близкихъ людей, предъявляеть къ художнику тѣ требованія, на которыхъ имѣеть права только къ человѣку, и настаиваетъ на своихъ правахъ, и превышаетъ ихъ, и нарушаетъ права не только художника, но и человѣка. А это обратно вліяетъ на сознаніе поэта, еще болѣе усложняетъ его отношеніе къ миру. Вместо простаго и несложнаго взгляда художника, которому нетрудно различить «своихъ» и «чужихъ» и установить съ каждымъ соответственный *modus vivendi*, въ поэтѣ путемъ обидъ, оскорблений, сомнѣній и страданій вырабатывается болѣе утонченное чувство. Въ творчествѣ поэта заявляетъ свои права человѣкъ дѣйствительной жизни, а съ другой стороны призваніе поэта, внося съ дѣйствительность лишній элементъ обособленія отъ мира, тѣмъ самымъ усложняетъ ее во всемъ объемѣ, отъ роковыхъ жизненныхъ рѣшений до мельчайшихъ будничныхъ событий и впечатлѣній. Въ недружелюбіе поэта къ толпѣ вливается гнѣвъ и горечь гражданина, обиды непониманія со стороны друзей и близкихъ, преслѣдованія завистниковъ, соперниковъ, враговъ. Обратно, въ дѣйствительную жизнь прямолинейность воззрѣній художника, деспотизмъ искренности и вкуса, вносятъ исключительность, неуживчивость, неспособность къ тѣмъ уступкамъ и мировымъ сдѣлкамъ, безъ которыхъ невозможно ни общежитіе, ни гражданство. Наконецъ, отношенія совсѣмъ запутываются тѣмъ, что либо человѣкъ начинаетъ жертвовать въ себѣ художникомъ, либо, напротивъ, что художникъ порабощаетъ себѣ человѣка, и начинается уже дѣйствительная непослѣдовательность, дѣйствительная противорѣчія, которая, конечно, не только не достигаютъ той цѣли, ради которой на нихъ рѣшаются, но, напротивъ, приводятъ прямо къ обратнымъ послѣдствіямъ, т. е. еще большей назойливости со стороны реальной жизни и толпы въ ихъ вторженіяхъ туда, откуда жертва призванія думаетъ отклонить ихъ натискъ. Не будемъ болѣе останавливаться на распутываніи этого узла жизненной трагедіи каждого художника, но постараемся въ намѣченныхъ предѣлахъ прослѣдить, какъ въ душѣ Пушкина сперва усложнялись, а затѣмъ начинали уясняться и устанавливаться его отношенія къ миру, какъ поэта.

Судьба была необычайно благопріятна къ первымъ попыткамъ поэта въ художественномъ творчествѣ. Его первые читатели были читатели-друзья, и притомъ его личные друзья были этими первыми читателями. «Толпа» существовала для него первоначально только въ воображеніи; напротивъ, церковь его призванія совпадала съ живыми людьми, его окружавшими въ ежедневной жизни.

Младые други
Въ освобожденные досуги

Любили слушать голосъ мой.
 Они, пристрастною душой
 Ревную къ братскому союзу,
 Миѣ первый поднесли вѣнецъ,
 Чтобы имъ украсить ихъ пѣвецъ
 Свою застѣнчивую музу...
 О торжество невинныхъ дней,
 Твой сладокъ сонъ душѣ моей! (III, 382).

Но этого мало: не одни друзья (ср. I, 154 — 155 и множество болѣе раннихъ стихотвореній) встрѣтили сочувствіемъ юнаго поэта, но вмѣстѣ съ ними засыпали его похвалами и одобреніями первые корифеи литературы. Державинъ, Дмитревъ, Карамзинъ, Жуковскій,—всѣ наперерывъ привѣтствовали юное дарованіе, и эти привѣтствія неизгладимо запечатлѣлись въ сердцѣ поэта (см. I, 163—164; III, 382). Самое пылкое честолюбіе не могло бы желать большаго, чѣмъ то, чего онъ достигъ еще на школьнай скамьѣ; жизнь окружила его на утрѣ творчества безпримѣрнымъ баловствомъ и оберегала отъ всякой обиды, отъ всякой борьбы за успѣхъ и признаніе. Волна успѣха и славы сама его подняла на крайнюю высоту, уберегая его отъ всѣхъ ранъ и недуговъ, которыми другіе искупаютъ каждое торжество своего призванія. Вполнѣ понятно, что творчество было для Пушкина вначалѣ такимъ же естественнымъ проявленіемъ духа, какъ для другихъ простая рѣчь, простая мысль.

Судьба лелѣяла мою златую младость,
 Безпечною рукой меня вѣничала радость.
 И муга чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я слаѣко оглашаль и смѣхомъ, и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами (I, 340).

Понятно, что поэтъ не могъ считать своимъ «призваніемъ», чѣмъ-то отличнымъ отъ впечатлѣній ежедневной жизни, какимъ-то «служеніемъ» то, что для него было «потребно, какъ воздухъ»; вполнѣ понятно, что

Свой даръ, какъ жизнь, онъ тратилъ безъ вниманія (I, 359).

Единственное, чего ему оставалось желать,—это развѣ того, чтобы кругъ его читателей былъ возможно шире, возможно многочисленнѣе.

Я хочу, меня чтобы поняли
 Всѣ, отъ мала до великаго (I, 62).

Правда, слава досталась ему хотя еще и въ отрочествѣ, но не на первый день; въ его юношескихъ стихахъ поэтому непрерывно звучитъ желаніе славы, жажда славы, потребность въ славѣ, какъ въ высшемъ земномъ счастіи.

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
 Кто лиру въ даръ отъ Феба
 Во цвѣтѣ дней возьметъ!
 Какъ смѣлый житель неба,

Онь къ солнцу воспарить,
 Превыше смертныхъ стануть,
 И слава громко грянетъ:
 «Безсмертень вѣкъ пить!»
 Но сю мнѣль гордиться,
 Но мнѣль безсмертьемъ льститься?
 До слезъ я спорить радъ, —
 Не бьюсь лишь объ закладъ.
 Какъ знать? И мнѣ, быть можетъ,
 Печать свою наложить
 Небесный Аполлонъ;
 Сия горнимъ свѣтомъ,
 Беатрепетнымъ полетомъ
 Валечу на Геликонъ (I, 47).

Но это желаніе исполнилось такъ полно и скоро, что въ поэтѣ и инстинктивно, и сознательно укоренилась мысль, столь, вообще, чуждая другимъ поэтамъ, о правосудіи славы, взглянь на нее, какъ на неизбѣжное достояніе таланта. Съ другой же стороны, атмосфера исключительного благожелательства читателей, окружавшая его всю первую молодость, выработала въ немъ несравненную нѣжность, чистоту и благородство отношеній къ читателю. Его искренность, прямota и довѣріе къ читателю прямо поразительны, единственны въ литературѣ. Задушевность и чистота юношеской дружбы со всей ихъ непосредственностью перелились и такъ и сохранились до конца дней во всѣхъ обращеніяхъ его къ читателю. Любопытно, что обращеніе «друзья» и «братья» — любимое обращеніе Пушкина къ воображаемымъ собесѣдникамъ въ минуты творчества. И это отношеніе, повторю, тѣсно связано у него съ вѣрою въ правосудіе потомства, то - есть собирательного символа въ умахъ поэтовъ той воображаемой церкви ихъ призванія, къ которой обращено все ихъ творчество.

Потомковъ позднихъ данъ поэтамъ справедлива (I, 9),
 восклицаетъ Пушкинъ въ своемъ первомъ печатномъ стихотвореніи.
 И прослѣдите, сколько братской сердечности звучитъ во всѣхъ обращеніяхъ его къ читателю потомку:

Не весь я преданъ тѣлѣю;
 Съ моей, быть можетъ, тѣлѣю
 Полуночной порой
 Сынъ Феба молодой,
 Мой правнукъ просвѣщенный,
 Бесѣдовать придется
 И, мною вдохновленный,
 На лирѣ воздохнестъ (I, 47), —

мечтаетъ онъ въ 1814 году, и то же настроеніе слышимъ мы въ заключеній посланія къ Овидію, то-есть въ 1821 году:

Утѣши: не увиаль Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,

Безвѣстнѣй буду я для новыхъ поколѣній
 И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
 Съ печальной жизнью, съ минутною молвой!
 Но если, обо мнѣ потомокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ ираха славнаго мой слѣдъ уединенный,—
 Бреговъ забвѣнія оставилъ хладну сѣнь,
 Къ нему слетѣть моя признателыя тѣни
 И будеть мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье:
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой, участью я равенъ бытъ тебѣ.
 Здѣсь, лирої сѣверной пустыни оглашамъ,
 Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
 Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
 И ни единій другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ,
 Но не унизилъ ввѣкъ измѣнной беззаконной
 Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной (I, 260);

наконецъ, оно же вдохновляетъ, въ тѣхъ же образахъ и звукахъ, но въ наиболѣе художественному воплощеніи, геніальныя строфы «Евгения Онѣгина»:

Для призраковъ закрыть я вѣжды,
 Но отдаленные надежды
 Тревожать сердце иногда.
 Всѣзъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было-бы грустно міръ оставить!
 Живу, пишу не для похвалъ,—
 Но я бы, кажется, желалъ
 Нечальныи жребій свой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единій звукъ.
 И чье нибудь онъ сердце тронетъ
 И, сохранившая судьбой,
 Быть можетъ, въ Летѣ не потонеть
 Строфа, слагаемая мной;
 Быть можетъ — лестная надежда! —
 Укажеть будущій невѣжда
 На мой прославленный портретъ
 И молвитъ: то-то бытъ поэтъ!
 Прими-жъ мое благодареніе,
 Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
 О ты, чья память сохранилъ,
 Моя летучія творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплетъ лавры старика! (III, 279—280).

Вотъ наиболѣе чистыя и высокія выраженія Пушкинской мечты о славѣ, — до того чистыя и высокія, что самая мысль о славѣ кажется слишкомъ грубой и земною въ примѣненіи къ нимъ. Болѣе того, это настроеніе, т. е. братская радость при мысли о неизсказо-щемъ духовномъ преемствѣ въ далекихъ будущихъ поколѣніяхъ, не является недостойною даже образа безыменнаго подвижника Пимена;

Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдеть мой трудъ усердный, безымянныи,
Засвѣтить онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартий отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ (III, 9—10).

Развѣ это не одинаковое вдохновеніе съ приведенными выше отрывками? Развѣ не то же великое сердце говоритъ намъ устами умилленного отшельника, что и въ мечтахъ юноши лицеиста?—Вспомните, далѣе, какъ, отрекаясь отъ славы и уединяясь отъ своихъ читателей, все равно, съ похвалой или клеветою, съ вѣнкомъ или обидой они къ нему стремятся, Пушкинъ ни на мгновеніе не сомнѣвается въ правосудії потомства, которое посмертною славою будетъ вознаграждать его за терпія жизненного подвига, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ шітъ» (II, 189).

Толпа, читатель-врагъ и равнодушный читатель, первоначально представлялись Пушкину, какъ уже сказано, только въ отдаленіи, только въ будущемъ,—ср. уже дважды цитированное (стр. 519 и 531) посланіе къ Дельвигу (I, 88—90), гдѣ юный поэтъ предвидѣть первыя безобидныя терпія славы. У него даже сохранилось довольно долго прямое нежеланіе выступать предъ этою безучастною толпою со своими произведеніями:

Я время то воспоминаль,
Когда, надеждами богатый,
Поэть беспечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы
И видѣль вновь пріоты скаль
И темный кровь уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенія,
Бывало, музу призываль.
Тамъ слаже голосъ мой звучаль,
Тамъ долъ яркия видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
* * * * *
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не было я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижать постыднымъ торгомъ;
Я быть хранитель ихъ скучой:
Такъ точно, въ гордости пѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранить любовникъ суетѣрный (I, 310).

Для того, чтобы провѣрить эти позднѣйшія воспоминанія, достаточно перечесть хотя бы посланіе къ Жуковскому («Когда къ мечтательному міру», I, 193). Но, тѣмъ не менѣе, скрываясь отъ толпы,

какъ поэтъ, онъ былъ весь окруженъ ею, какъ человѣкъ. Не признавая за толпою никакихъ правъ по отношенію къ себѣ, онъ, однако, уже встрѣчался съ ея притязаніями, какъ человѣкъ. Его «творческій досугъ» и «вдохновенная лѣнъ» казались толпѣ только лѣнью и праздностью, а неразрывно связанное съ его поэзіею молодое легко-мысліе и кипѣніе страстей — только легкомысліемъ и страстями. Вполнѣ естественно, что, тайными вдохновеніями оправдывая явныя шалости, юноша-поэтъ съ спокойнымъ сердцемъ проповѣдавъ тѣ взглѣды, съ которыми мы встрѣчаемся въ приведенномъ выше (стр. 535 сл.) посланіи къ Каверину (I, 172—173). «Ревнивое роптаніе черни» здѣсь относится къ «гусарскимъ грѣхамъ» и къ «легкому покрываю безумной шалости», за которымъ никто не обязанъ предполагать «высокій умъ», разъ этотъ умъ предупредительно скрытъ отъ посторонняго взгляда. Еще смѣлѣе тотъ же бунтъ противъ осужденій, направленныхъ не противъ поэта, а противъ его житейскихъ увлеченій, проповѣдуется въ блестящемъ подражаніи Парни:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнью играть!
Пусть чернь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ,
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ;
Когда же юность легкимъ дымомъ
Уничтожь веселость юныхъ дней,—
Тогда у старости отыметъ
Все, что отымется у неї (I, 176).

Въ этомъ излишне-рѣшительномъ пренебреженіи ясно сказывается поэтическая прямолинейность, перенесенная въ область практическаго общежитія. Какъ поэтъ, Пушкинъ, конечно, могъ посмѣиваться надъ «трезвымъ Аристархомъ» его «бахическихъ посланій» и на-смѣшиливо просить его:

А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брачи другого—
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ (I, 109),

но, какъ человѣкъ, онъ съ излишнею поспѣшностью пользовался правами художника въ области нравственныхъ обязанностей, хотя бы о послѣднихъ ему и напоминали столь же непривычные Эпикетты, какъ и осмѣянный имъ Аристархъ. Это противорѣчіе уже усложняло его первые шаги въ области общежитія; а если прибавить къ тому, что его муза послушно служила «произволу страстей»

И, какъ вакханочка, рѣзвилась (III, 382),

что она, такимъ образомъ, привлекала и на себя всѣ осужденія, которыя такъ заслуженно сыпались на голову «молодого повѣсъ», то намъ станетъ вполнѣ понятно, почему «толпа» съ недовѣрчивымъ осужденіемъ встрѣтила первые шаги «довѣрчивой» и «нѣжной» (I, 357 — 358) музъ. Конечно, шумъ славы становился лишь сильнѣе отъ препирательствъ и споровъ; но зато подъ этотъ шумъ неуловимѣе настигалъ свою жертву и голость зависти,

И злобной клеветы невидимый кинжалъ (I, 167).

Самъ накликавъ на свою музу недовѣріе, поэтъ, въ разгарѣ страстей и борьбы, не въ силахъ быть разобраться въ шумѣ общихъ суждений, и, вполнѣ естественно, склоненъ быть извиненія со стороны

судей таланта строгихъ,
Священной истины друзей (I, 193)

считать за оправданія своихъ увлеченій и, такимъ образомъ, все-таки обвинять «толпу» за это недовѣріе, особенно подъ вліяніемъ увлеченія Байрономъ, которое вспыхнуло въ его душѣ именно на этой почвѣ. Въ то же время поэтъ постепенно знакомился съ толпой, и какъ съ цѣнительницей его дарованія. Привыкшій къ похваламъ и одобреніямъ, онъ болѣзnenno чувствовалъ всякое недоброжелательство, непониманіе, даже искреннее и добросовѣстное, не говоря уже о тенденціозныхъ, предвзятыхъ сужденіяхъ и осужденіяхъ. Привыкнувъ, кому же, сливать въ своихъ представленияхъ живыхъ друзей и воображаемыхъ друзей читателей воедино, онъ не въ состояніи былъ сразу научиться различать въ житейскихъ отношеніяхъ врага-читателя отъ личнаго врага, тѣмъ болѣе, что враждебную къ нему, какъ къ человѣку, толпу привыкъ видѣть враждебной и къ своимъ вдохновеніямъ. Прибавьте къ этому, наконецъ, и разочарование въ его трибунствѣ, болѣзnenno возниквшее въ немъ убѣжденіе въ преждевременности его гражданскихъ мечтаній, — и вы легко вообразите себѣ то болѣзnenное разочарование въ славѣ, которое начинаетъ все глубже проникать его поэзію.

Я говорить предъ хладною толпой, —
Но для толпы ничтожной и глухой
Смысою гласъ сердца благородный.
Я замолчалъ (I, 287),

гласить его недоконченный набросокъ, относящийся къ 1822 году, и болѣе обработанная, хотя все же отрывочная, къ тому же времени относящаяся элегія:

Красы Ланись, забытные пиры,
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...
Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...

Но что жь теперь тревожить хладный миръ
Души безчувственной и праздной?
Любиль я славу и любовь,
И многому я въ жизни вѣриль,
Когда еще кинѣла въ сердѣ кровь
И самъ съ собой я лицомъриль (I, 287).

Здѣсь мы видимъ разочарованіе только въ славѣ и любви; но не далеко время, когда съ устъ поэта сорвется грозное проклятіе народамъ — «Свободы съятель пустынныи» (I, 299 — выписано цѣликомъ выше, стр. 547). Конечно, это проклятіе — минутная вспышка; но даже и какъ вспышка оно не является противорѣчіемъ ни прежнимъ, ни послѣдующимъ вдохновеніямъ: его произносить не мирный поэтъ, не мудрый учитель, не мужественный гражданинъ, ни даже пророкъ: это — трибунъ, отрекающійся отъ своего призванія. Ни читатель-другъ, ни «толпа» тутъ не затронуты. Это такой же болѣзненный порывъ, какъ тотъ, который онъ позже съ такою титаническою силой и проникновенною правдивостью воплотилъ въ переходныхъ строкахъ своего «Андре Шенье»:

Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикия, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба и корысть? Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня? Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и типинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
И круто направлять безсильные бразды?
И что жь оставилъ я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзостиничтожной!
Погибни, голость мой, и ты, о призракъ ложный,
Ты, слово, звукъ пустой!..

О, иѣть!
Умолкни, ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ!
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣть (I, 340—341).

Возвратимся еще разъ къ вопросу о славѣ. Этотъ вопросъ составляетъ центръ тяжести всѣхъ отношеній поэта къ читателямъ. Мы видѣли, какъ чисты, радостны и свѣтлы были первоначальная представленія Пушкина о славѣ, и какъ дѣйствительность, осложненная его собственными противорѣчіями, даже славой обманула его ожиданія. Между тѣмъ, слава и была та высшая цѣль, которая опредѣлила для Пушкина выборъ его призванія. Разочарованіе въ славѣ, такимъ образомъ, должно бы было быть равносильно для него отреченію отъ поэзіи. Такъ и самъ онъ въ сущности готовъ былъ смотрѣть на дѣло.

Блажень, кто про себя таил
Душу высокія создания
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блажень, кто молча былъ поэтъ
И, терпомъ славы неувитый,
Презрѣнной чернию забытый,
Безъ имени покинуть свѣты!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца? (I, 311).

Но, конечно, такой взглядъ не могъ уцѣлѣть предъ лицомъ дѣйствительности. Нетрудно, вникнувъ въ приведенный отрывокъ, разглядѣть, что въ немъ рѣчь идетъ именно о «толпѣ» и единственно о толпѣ: читатель-другъ забытъ совершенно. Нельзя упрекать поэта въ несправедливости: онъ ждалъ отъ славы не того, что она ему дала, и не можетъ примириться съ ея непрошенной данью. Вполнѣ естественно, что первая же минута спокойнаго обсужденія раскроетъ ему глаза.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гуль, хвалебный гласть,
Изъ рода въ рода звукъ бѣгущій,—
Или подъ сѣнию дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ? (II, 353).

Конечно, «могильный гуль» и «хвалебный гласть» здѣсь еще символизируютъ славу среди «толпы», а цыганъ — того читателя-друга, отъ мысли о которомъ поэтъ не въ состояніи отрѣшиваться; но вѣдь остается совершить лишь одинъ мысленный шагъ, чтобы этотъ одинокій голосъ слился съ общимъ шумомъ славы. И замѣтьте, что «хвалебный гласть» хранить образъ поэта; а разсказъ цыгана — голосъ сердца, голосъ состраданія къ человѣку, т. е. именно то, чего Пушкинъ искалъ, желалъ и не могъ найти. Для него, съ его впечатлѣніями первой молодости, была непостижима мысль, что призваніе поэта требуетъ въ жертву себѣ всего человѣка, со всѣми его надеждами и радостями. Его первые успѣхи скрыли отъ него эту тяжелую необходимость, обманули его ласками дружеской славы, — и лишь долгій рядъ житейскихъ испытаній раскрыль глаза мучительно изстрадавшемуся поэту. Но во всякомъ случаѣ, самъ Пушкинъ не могъ остановиться на неблагодарномъ забвеніи читателя-друга. Достаточно прочесть его посланіе Козлову, чтобы увидѣть, какъ живо въ немъ чувство признательной радости о всякомъ искреннемъ сочувствіи.

А я, кель стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣть, недаромъ жизнь и лира
Миѣ были ввѣрены судьбой! (I, 348).

Такимъ образомъ, первыя же столкновенія съ дѣйствительною жизнью сдѣлали для поэта изъ его дарованія вмѣсто радости—источникъ горя, а славу превратили изъ отрадной цѣли въ тягостное бремя призванія. Трагическое сплетеніе, трагической разладъ съ міромъ началася. Изъ утѣшения жизни призваніе становится для Пушкина жизненнымъ крестомъ, и только рѣдкія минуты облегчаютъ ему эту тяжелую ношу.

Увы, языкъ любви болтливой,
Языкъ и скромный, и простой,
Свою прозой нерадивой
Тебѣ докучентъ, ангель мой.
Ты любишь мѣрины напѣвы,
Ты любишь римы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ.
Тебя страшить любви признанье,
Письмо мое ты разорвешь,
По стихотворное посланье
Съ улыбкой иѣжно прочтешь.
Благословенъ же будь отнынѣ,
Судбою ввѣренный миѣ дары!
Доселъ въ жизненной пустынѣ,
Во миѣ питая сердца жаръ,
Миѣ навлекаѣ одиго гоненъе
· · · · ·
Иль клевету, иль заточенъе
И рѣдко — хладную хвалу (II, 36).

Среди этихъ впечатлѣній и зрѣло въ поэтѣ сознаніе того, что его призваніе—«величье Божіе», что его служеніе—долгъ, а не забава. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не умѣя слиться съ толпою, но и не будучи въ состояніи съ нею бороться, Пушкинъ началь отъ нея замыкаться. Если не ошибаюсь, впервые это настроеніе въ связи съ самообреченіемъ на творчество и вѣрою, то мстительною, то примирительною, въ свое торжество, проявляется у него въ «Подражаніяхъ корану»:

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Сѣница послышавъ приближенъе.
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему язвить недоумѣнъе.
Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто-жъ кичится человѣкъ?
 За то-ль, что наги на свѣтѣ явился,
 Что дышить онъ недолгій вѣкъ,
 Что слабъ умреть, какъ слабъ родилъ?
 За то-ль, что Богъ и умертвить,
 И воскресить его по волѣ?
 Что съ неба дни его хранить
 И въ радостяхъ, и въ горькой долгѣ?
 За то-ль, что далъ ему плоды,
 И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
 Благословилъ его труды
 И вертоградъ, и холмъ, и ниву?
 Но — дважды ангелъ вострубить,
 На землю громъ небесный грянетъ,
 И братъ отъ брата побѣжитъ,
 И сынъ отъ матери отринетъ,
 И всѣ предъ Бога притекутъ,
 Обсаображеніе страхомъ,
 И нечестивые падутъ,
 Покрыты пламенемъ и прахомъ (I, 324).

Вотъ образецъ мстительного предвидѣнія своего торжества. «Спокойно возвѣщать коранъ» Пушкинъ не могъ, «не понуждая нечестивыхъ». Но зато, съ другой стороны, въ «понужденіяхъ» онъ давно разочаровался,—и, какъ имъ была сознана неизбѣжность для народа нести узы рабства до лучшаго времени, такъ онъ подчинялъ свое сердце необходимости ждать лучшаго времени для торжества своего вдохновенія. Во всякомъ случаѣ разладъ съ міромъ, невозможность разграничить съ одной стороны въ отношеніи міра свои права, какъ поэта, и права, какъ человѣка, а съ другой—въ отношеніи себя самого права міра на человѣка и права міра на поэта, наступили для него, и онъ томился съ этою загадкою въ безъисходныхъ противорѣчіяхъ, тѣмъ болѣе, что зреющіе разрозненные идеалы лишь постепенно объединялись и подчинялись верховному идеалу вселенскаго братства и общаго мира въ поэзіи. Не довершивъ внутренней борьбы, воспламеняясь непослѣдовательными вспышками, поэтъ самъ становился міру загадоченъ, и взаимное непониманіе все росло. Инстинктивно чувствуя разницу правъ и обязанностей человѣка и поэта и не успокоясь внутренно въ достаточной мѣрѣ, чтобы уяснить ее себѣ съ полнымъ сознаніемъ, онъ болѣзненно разрывалъ въ себѣ поэта и человѣка, стараясь и въ жизни, и въ творчествѣ строго обособить одного отъ другого.

Пока не требуется поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонѣ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погруженъ.
 Молчить его святая лира,
 Душа вкушаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся оретъ.
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждастся молвы,
 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонить гордой головы,
 Вѣжить онъ, дикий и суровый,
 И звуковъ, и смятенья полнъ,
 На берега пустынныхъ волнъ,
 Въ широкощумныя дубровы (II, 21).

Здѣсь ясно, какъ поэтъ отдаеть человѣка всецѣло на жертву притязаніямъ толпы, забывая, что обязанности поэта простираются и на человѣка. Осуждающій тонъ пьесы, однако, подчеркнутый уже выше (стр. 566), свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ не успокоился на своемъ разобщеніи. А о томъ, какъ насильственно это разобщеніе, какъ противорѣчить оно основному строю души его,—о томъ свидѣтельствуетъ его знаменитый «Отвѣтъ анониму»:

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
 Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденіе,
 Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
 Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
 О, кто бы ни былъ ты, — стариkъ ли вдохновенный,
 Иль юности моей товарищъ отдаленный,
 Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
 Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ, —
 Благодарю тебя душою умиленной.
 Вниманія слабаго предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ
 И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшонъ, участій кто требуетъ у свѣта!
 Холодная толпа взираетъ на поэта,
 Какъ на забѣжаго фигляра: если онъ
 Глубоко выразить сердечный, тяжкий стонъ,
 И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
 Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой, —
 Она въ ладони бѣть и хвалить, иль порой
 Неблагосклонно киваетъ головой.
 Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненіе,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
 «Тѣмъ лучше», говорить любители искусства:
 «Тѣмъ лучше, — наберѣть онъ новыхъ думъ и чувствъ
 И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечного привѣта,
 Когда болезненно безмолвствуетъ оно (II, 98).

Ясно, что здѣсь поэтъ требуетъ отъ толпы участія къ себѣ, не какъ къ поэту, а какъ къ человѣку. Въ его представленіи читатель-другъ все еще не обособился отъ личнаго друга, и онъ съ горечью сѣтуетъ на то, что личная судьба поэта не встрѣчаетъ уча-

стія даже въ церкви его призванія. Не встрѣчая того участія, вѣрнѣе, той полноты участія, которой жаждетъ его душа, онъ старается увѣрить себя, что «таковъ судьбы законъ» (II, 191). Таковъ смыслъ его унылой элегіи «Эхо»:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Ноеть ли дѣва за холмомъ —
На всякий звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлеш грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,
И шлемъ отвѣтъ,—
Тебѣ-жъ нѣть отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ! (II, 128).

Этотъ «пустой воздухъ» равнодушія угнеталъ его до изнеможенія, до желанія принудить себя примириться съ нимъ, при тайномъ сознаніи безсилія такихъ принужденій. Онъ старался пріучить себя къ безстрastію, къ «равнодушію», старался даже увѣрить себя, что это равнодушіе имъ достигнуто —

Толпа холодная поэта окружаетъ
И равнодушныя хвалы ему жужжитъ,
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внимаетъ
И звучной лирою разсѣянно бренчитъ (II, 27),

но все было напрасно: онъ самъ не вѣрилъ своему равнодушію, и когда «толпа» осмѣливалась въ его творчество вторгаться съ заявленіями своихъ правъ, то всѣ громы гнѣвнаго трибуна срывались съ его лиры въ защиту мирнаго поэта:

Подите прочь, — какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживить васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы!
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бачи, темницы топоры,—
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ плумовыхъ
Сметаютъ сорь — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служеніе,
Алтарь и жертвоприношеніе,
Жрецы-жъ у васъ метлу берутъ?
Не для житетскаго волченья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ (II, 50).

Замѣтьте, что неестественное отчужденіе ведетъ поэта къ несправедливому отрицанію дѣйствительныхъ правъ. Не только «чернь»,

но и друзья-читатели могли бы обращаться къ поэту съ законными запросами, — неужели онъ могъ бы имъ отвѣтить тѣмъ же, чѣмъ отвѣчалъ «толпѣ»? Едва ли онъ самъ съ этимъ согласился бы. Конечно, какъ истинный художникъ, онъ переросъ своихъ современниковъ на много поколѣній и достигъ такой высоты, на которой для него поневолѣ наступало одиночество; но вѣдь именно съ этихъ вершинъ и понялъ онъ того, кто

любить съ высоты
Спускаться въ тѣни долинъ малой (II, 168),

— пониманіе, которое завершилось у него убѣжденіемъ: «таковъ прямой поэтъ». Сознавъ свое призваніе учителя, онъ даже не могъ не считать своимъ долгомъ такого снисхожденія; проникаясь призваніемъ пророка, онъ не могъ не стремиться къ тому, чтобы «свой даръ употреблять во благо» толпѣ; но болѣзнь разобщеніе, плодъ внутренней борьбы, прерывало для него всѣ пути къ миру. Самое творчество, правда, вознаграждало его, какъ лучшая награда:

Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, почной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморю плыветь,
Ринальда, Годфреда, Эрминио поеть.
Онъ любить пѣсь свою, — поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ, не вѣдастъ ни славы,
Ни страха, ни надежды, и, тихой музъ полны,
Умѣть услаждать свой путь надъ бездной волны.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшио я пою
И тайные стихи обдумывать люблю (II, 22),

но не обѣ этомъ одиночествѣ думалъ онъ съ озлобленіемъ и горечью. Это одиночество не исключаетъ ни встречи съ міромъ, ни радости обѣ этой встрѣчѣ. Между тѣмъ, сознавая его законность, поэтъ старался вывести изъ него необходимость полного духовнаго одиночества. Однако, насколько уединеніе творчества было ему отрадно и легко, настолько тягостно было то одиночество, которое силился онъ навязать своему вдохновенію. Аскетическое бѣгство для художника невозможно: творчество дѣлаетъ его природу общительной по преимуществу. Аскетическое бѣгство — потребность зрѣющаго пророка, возрождающагося сердца, т. е. потребность человѣка, обращающагося къ новымъ идеаламъ. Но эта потребность — тягостное послушаніе для поэта, который съ нимъ не мирится, который рвется въ кругъ сочувствія, дружбы и привѣтствій. Пророкъ можетъ надъ нимъ временно торжествовать, какъ торжествовалъ когда-то трибуны: послѣднее слово все-таки останется за поэтомъ, и онъ кончила властную рѣчь проповѣдника свѣтлымъ и правдивымъ аккордомъ примиренія.

Поэть, не дорожи любовью народной:
 Восторженныхъ похвалилъ пройдетъ мишутий шумъ,
 Услышавши судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
 Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
 Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
 Иди, куда влечеть тебя свободный умъ,
 Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
 Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
 Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высший судъ.
 Всѣхъ строже одѣнить умѣшь ты свой трудъ.
 Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
 Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
 И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
 И въ дѣтской рѣзвости колеблеть твой треножникъ (II, 95—96).

Проповѣдь «отложенія отъ міра» поэтъ и здѣсь понимаетъ, какъ призывъ къ уединенію, въ которомъ онъ можетъ найти покой и примиреніе. Ожесточенный пророкъ какъ бы отводитъ поэта на нѣ-которое отдаленіе отъ міра и въ этомъ отдаленіи поэтъ мгновенно прощаетъ всѣ наносимыя ему этимъ міромъ обиды.

Вѣнью Божію, о муга, будь послушна:
 Обиды не страшася, не требуя вѣнца,
 Хвалу и клевету пріемли равнодушно
 И не оспаривай глупца (II, 190), —

этого требуетъ пророкъ; но поэтъ говоритьъ другое:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
 Къ нему не заростеть народная тропа;
 Вознесся выше онъ главою непокорной
 Александрийского столпа.
 И нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
 Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
 И славенья буду я, доколь въ подгунномъ мірѣ
 Живъ будеть хоть одинъ пить.
 Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
 И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языки:
 И гордый внукъ славянъ, и фининъ, и нынѣ дикий
 Тунгузъ, и другъ степной калмыкъ.
 И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокій вѣкъ возвеличила я свободу
 И милость къ падшимъ призываль (II, 189—190).

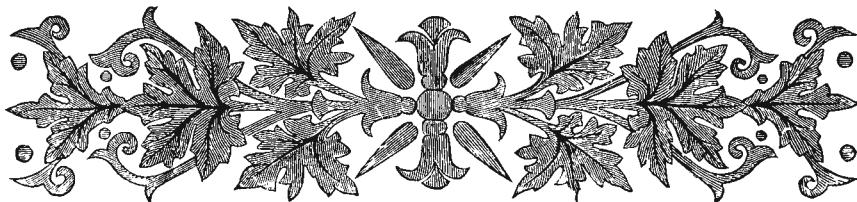
Мы у цѣли нашей статьи. Разладъ поэта съ читателемъ намъ ясенъ: мы видимъ, что этотъ разладъ явился слѣдствіемъ съ одной стороны внутренней борьбы разнородныхъ идеаловъ поэта, стремившихся къ верховному единству и, перемежаясь, обособлявшихъ поэта въ мірѣ своими противорѣчіями, а съ другой—въ немъ сказалась личная судьба поэта. Жизнь не закалила его къ терпѣямъ славы, и переболѣть ихъ язвительную боль онъ принужденъ былъ въ томъ возрастѣ, когда другие давно привыкаютъ равнодушно къ ней относиться.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запутанный въ сѣтихъ судьбы суровой,
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой;
 Съ мольбой моей, печальной и мягкой,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ
 Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной,—
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ (I, 357).

Этими «иными друзьями» были «друзья-читатели». Мы, потомки, въ глазахъ поэта являлись избраниками между послѣдними. Къ намъ обращался онъ въ своихъ лучшихъ порывахъ, отъ настъ ожидать онъ «справедливой дани» себѣ, и какъ поэту, и какъ человѣку. Поэтому нашъ первый долгъ понять въ Пушкинѣ и поэта, и человѣка, и хоть заднимъ числомъ примирить ихъ болѣзненный разладъ съ нашими предками. Намъ легче сдѣлать это,—и когда же было бы это своевременнѣе, если не теперь, наканунѣ чествованія столѣтія съ того дня, когда въ міръ вступилъ человѣкъ, которому суждено было стать первымъ между поэтами.

Б. Никольскій.

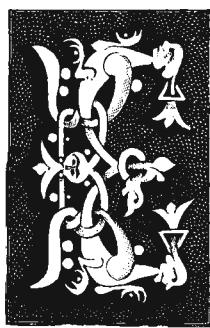

А. С. ПУШКИНЪ ВЪ КАЗАНИ.

(Изъ исторіи казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ).

I.

Историческій казанскій домъ и К. О. Фуксъ, его прежній владѣлецъ. — Профессорская чета Фуксовъ. — Условія умственной жизни казанскаго общества первой трети XIX столѣтія. — Роль въ данномъ отношеніи университета. — Супруги Фуксы, въ качествѣ руководителей умственной жизни Казани. — Итературные вечера въ домѣ Фуксовъ.

СЛИ, случайно попавъ въ Казань, вы надумаете совершить небольшую экскурсию въ мѣстное «Забулачье» (такъ называется здѣсь второстепенная часть города, расположенная за протокомъ Булакомъ и находящаяся на самомъ рубежѣ русской и татарской Казани) и спуститесь въ него переулкомъ, ведущимъ отъ университета и Воскресенской церкви, въ такомъ случаѣ вы натолкнетесь на самомъ крестѣ, образуемомъ Сѣнною площадью и Владимірскою улицею, на бѣлый двухъ-этажный каменный домъ.

Скромна и неказиста внѣшность этого дома: сундукообразный, съ неизбѣжными «антресолями», угольнымъ балкономъ и «параднымъ» крыльцомъ со двора—онъ вполнѣ типиченъ для средней руки дома такой же средней руки русского провинціального города. Еще скромнѣе надпись, значащаяся на стѣнной дощечкѣ этого дома: «Домъ купца Ерлыкина»,—вотъ все, что прочтете вы на этой дощечкѣ. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ вы прочли бы на стѣнѣ этого дома другую надпись: «Домъ профессора К. О. Фукса».

Въ ту пору и самый видъ дома былъ нѣсколько иной. Прилежащая къ нему обширная и торговая Сѣнная площадь еще не была застроена, какъ въ наши дни, цѣлымъ лабиринтомъ деревянныхъ торговыихъ рядовъ и лавокъ; не давила этотъ домъ группа окружающихъ его теперь неуклюжихъ каменныхъ построекъ; пребываютъ въ первобытномъ патріархальномъ состояніи развѣ только грязь и груды мусора, до сихъ поръ составляющая неотъемлемую и характерную особенность этой полуазіатской части города. Самый домъ, на которомъ остановилось наше вниманіе, украшался въ старые годы угловымъ куполомъ, какъ бы придававшимъ ему видъ храма. И въ ту пору этотъ скромный домъ «купца Ерлыкина», съ широкими и бакалейными лавками въ его нижнемъ этажѣ, могъ и въ самомъ дѣлѣ называться «храмомъ знанія и науки». Въ его антресоляхъ хранилась цѣнная библіотека собственника этого дома, казанского профессора Карла Феодоровича Фукса; здѣсь красовалась его замѣчательная (нынѣ составляющая собственность восточного факультета Петербургскаго университета) коллекція восточныхъ монетъ, съ единственнымъ въ это время по своему достоинству собраниемъ монетъ золотоордынскихъ, здѣсь хранились его рѣдкія рукописи, его замѣчательная естественно-историческая коллекція; здѣсь жилъ, работалъ и умеръ (весною 1846 года) этотъ неутомимый труженикъ, видѣвшій зарю жизни Казанскаго университета, переживавшій пору его начального развитія и послѣдующаго «разгрома» лицемѣромъ обскурантомъ попечителемъ Магницкимъ, четыре лучшихъ десятилѣтія своей жизни отдавшій умственнымъ интересамъ Казанскаго университета и своей «второй родинѣ»,—какъ Фуксъ самъ любилъ выражаться,—Казани. Ровно три года тому назадъ исполнилась полувѣковая память кончины К. Ф. Фукса, и казанцы вспомнили своего старожила доброго старого времени: состоялось нѣсколько посвященныхъ Фуксу членій, произнесены были двѣ-три рѣчи, въ мѣстной печати появились статьи о Фуксѣ, и городская дума наименовала «Фуксовскою улицею» переулокъ, прилегающій къ нынѣшнему дому купца Ерлыкина и развела на бывшемъ мѣстѣ свалки мусора и на воза небольшой скверъ имени юбиляра-покойника...

Неказистъ въ наши дни забулачный домъ купца Ерлыкина, а, между тѣмъ, много видѣть этотъ скромный домъ видовъ, на свое мѣсто и много связано съ нимъ мѣстныхъ историческихъ воспоминаній. Этотъ домъ видѣть въ своихъ, когда-то радушно гостепримныхъ, стѣнахъ выдающагося государственного мужа, графа М. М. Сперанскаго, бывшаго въ Казани проѣздомъ изъ постигшей его почетной сибирской ссылки; принималъ этотъ домъ подъ свой кровъ міроваго генія А. Гумбольдта (въ 1829 г.) съ его спутниками; известнаго финолога Кастрена, министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, путешественниковъ по востоку супруговъ Лабать, первого изслѣдователя русской общины барона Гакстаузена, даже

киргизского хана Джангира... Всѣхъ этихъ почетныхъ гостей привлекала сюда симпатичная и далеко за предѣлами Казани популярная личность профессора Фукса, и всѣ эти посѣтители, покидая раздущный порогъ дома, выносили самыя свѣтлыя воспоминанія объ его гостепріимныхъ хозяевахъ: «Профессоръ Фуксъ чудо!—читаемъ мы лаконическую запись въ дневникѣ Сперанскаго.—Многообразность познаній; страсть и знаніе татарскихъ медалей; знанія въ татарскомъ и арабскомъ языкахъ; благочестивый и нравственный человѣкъ; весьма дѣятеленъ; большое вліяніе на татаръ по медицинѣ»... Можно безъ преувеличенія сказать, что никто изъ интеллигентныхъ путешественниковъ, и русскихъ и иностранныхъ, не миновалъ Казани, не побывавъ у Фукса: «Не было еще ни одного странника,—писалъ фельетонистъ казанской губернской газеты сороковыхъ годовъ (извѣстный впослѣдствіи археологъ и статистикъ А. И. Артемьевъ),—зайдавшаго издалека въ нашу Казань, который не встрѣтилъ бы гостепріимства въ этомъ домѣ и не вынесъ теплыхъ, отрадныхъ впечатлѣній по немъ».

Нынѣшній забулачный «домъ купца Ерлыкина» тѣсно связанъ для Казани и съ воспоминаніемъ о великому русскомъ народномъ поэту, память котораго въ этомъ году чествуется всею мыслящею и читающею Россіею. Въ сентябрѣ 1833 года, этотъ домъ принималъ въ своихъ стѣнахъ незабвеннаго Александра Сергеевича Пушкина, который въ то время собиралъ материалы для своей «Исторіи Пугачевскаго бунта» и съ этою цѣлью обѣзжалъ мѣстности, бывшія театромъ кровавыхъ событій 1773—1774 годовъ. Бѣдилъ поэтъ въ этихъ видахъ въ Оренбургѣ; по дорогѣ побывалъ и въ Казани, которая, 12 іюля 1774 года, подверглась, какъ извѣстно, полному разгрому и сожженію отъ взявшихъ ее штурмомъ пугачевскихъ полчищъ.

Прежде, однако, нежели перейти къ описанію казанскихъ «пушкинскихъ» дней сентября 1833 года, необходимымъ считаемъ мы дать читателямъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о профессорѣ К. О. Фуксѣ,¹⁾, имя котораго нераразрывно связано съ пребываніемъ Пушкина въ Казани и съ тѣми задачами, которыя привлекли поэта въ этотъ, по условіямъ сообщеній того времени, отдаленный отъ центровъ полуосточнаго городъ.

Уроженецъ Прирейнской Германіи (родился въ нассаускомъ городкѣ Герборнѣ), студентъ Геттингенскаго и докторъ Марбургскаго университетовъ, К. О. Фурсь прибылъ въ сдѣлавшуюся его вторымъ отечествомъ Россію въ первый годъ заканчивающагося столѣтія и въ 1805 году, 29-ти лѣтъ отъ роду, получилъ каоедру естественныхъ наукъ въ только что передъ тѣмъ открытомъ Казанскомъ

¹⁾ Тѣмъ изъ читателей, которые пожелали бы ближе ознакомиться съ выдающеюся личностью проф. К. О. Фукса, мы можемъ указать на обширную статью гг. Лаврскаго и Пономарева: «К. О. Фуксъ и его время», напечатанную въ «Казанскомъ Литературномъ Сборникѣ», изданномъ въ 1878-мъ году.

университетъ. Здѣсь онъ сразу успѣлъ заручить въ свою сторону симпатію немногочисленной въ ту пору университетской молодежи и живо заинтересовать ее естествовѣдѣніемъ и въ частности коллектированіемъ, о чёмъ въ такихъ яркихъ чертахъ свидѣтельствуютъ намъ воспоминанія С. Т. Аксакова, студента первого же университетскаго состава. Переѣздъ въ Казань предопредѣлилъ собою дальнѣйшую жизнь Фукса: вся его послѣдовательная дѣятельность до самой кончины (въ 1846 г.) была всѣцѣ и безраздѣльно посвящена Казани и университету, котораго, въ тяжелую эпоху попечительства Магницкаго, съ большою ловкостью лавируя между Сциллою и Харибою, какъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ архивныя данныя, онъ былъ даже и ректоромъ. Оставивъ въ 1818 году преподаваніе естественныхъ наукъ, Фуксъ дѣлается профессоромъ врачебнаго отдѣленія, на которомъ и занимаетъ каѳедру терапіи, патологіи и клиники до 1-го іюля 1834 года, т. е. до самаго выхода въ отставку отъ университетской службы.

Разносторонняя дѣятельность К. О. Фукса представляется, своею неутомимостью, по истинѣ изумительною, если мы оставимъ даже въ сторонѣ его административную работу по университету и разнаго рода официальныя порученія, возлагавшіяся на него, какъ на главнаго представителя университетскаго медицинскаго знанія. Гремѣвшій своею славою врачъ-клиницистъ, имя котораго было популярно далеко за предѣлами Казани, въ то же самое время мѣстный историкъ¹⁾, этнографъ, археологъ, натуралистъ, нумизматъ, знатокъ восточныхъ нарѣчий, Фуксъ явился однімъ изъ раннихъ, если только не самыемъ раннимъ, — пionеромъ дѣла всесторонняго изученія мѣстнаго волжско-камскаго края, выступивъ въ этомъ отношеніи предтечю цѣлаго направленія будущихъ послѣдователей, ряды которыхъ не оскудѣваютъ и до нашихъ дней. До самой смерти своей оставался Фуксъ вѣренъ этому направленію, подаривъ городу и kraю цѣлый рядъ изслѣдованій и статей общественно-медицинскаго и историко-этнографического характера, изъ которыхъ нѣкоторыя до нашихъ дней не утратили еще своего значенія, и избранныя изданія которыхъ были бы и въ настоящее время дѣломъ весьма желательнымъ и полезнымъ, тѣмъ болѣе, что эти труды уже давно сдѣлялись библіографическою рѣдкостью.

Заговоривъ о К. О. Фуксѣ, мы должны остановить наше вни-

¹⁾ Профессоръ Фуксъ выступилъ авторомъ первой и до сихъ поръ, по своимъ достоинствамъ, единственной исторіи г. Казани («Краткая исторія города Казани», Казань, 1817 г.). Въ высшей степени загадочна исторія этой книги; ея экземпляры въсѣ безъ исключенія исчезли, безъ слѣда, и буквально единственный ея экземпляръ, съ обычнымъ цензорскимъ разрешеніемъ къ печатанію на оборотной сторонѣ титульной страницы, имѣется лишь въ библиотекѣ автора настоящей статьи. Мы надѣемся когда нибудь печатно возвратиться къ болѣе нежели странной судьбѣ этой любопытной книги.

маніе и на его женѣ, тѣмъ болѣе что ей предстоитъ весьма видная роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ о пребываніи Пушкина въ Казани.

К. Фуксъ не особенно-то спѣшилъ связать себя узами Гименея: онъ женился лишь въ 1821-мъ году (бракъ этотъ остался безплоднымъ), на 41-мъ году жизни, избравъ себѣ въ подруги жизни казанскую уроженку и дворянку Александру Андреевну Апехтину, родную племянницу казанскаго поэта Г. П. Каменева, не безъ основанія почитаемаго первымъ представителемъ русскаго романтизма и даже предшественникомъ въ этомъ отношеніи Жуковскаго¹⁾.

Подъ вліяніемъ ли кипучей литературной дѣятельности своего мужа, или унаслѣдовавъ приверженность къ музамъ отъ своего дяди, Александра Андреевна Фуксъ проявляла, во всякомъ случаѣ, неудержимую страсть къ писательству, въ области котораго, впрочемъ, ея природныя и благопріобрѣтеныя дарованія стояли несравненно ниже уровня обуревавшихъ ее авторскихъ поползненій. Обладая въ высшей степени экспансивною натурою, А. А. Фуксъ пробовала свои силы во всѣхъ отросляхъ литературной дѣятельности: сочиняла она и поэмы изъ мусульманской жизни («Княжна Хабиба», «Основаніе Казани»), и романы («Зюлима», — изъ эпохи пугачевщины), и трагедіи («Сумбека») и ставившіеся на мѣстной сценѣ водевили («Безземельное имѣніе», «Она похудѣла»); дѣлала наша писательница и попытки въ области этнографіи («Записки о чувашахъ и черемисахъ», «Поѣздка въ Чебоксары» и нѣкот. др.).

Болѣе нежели вѣроятнымъ представляется намъ, что весьма значительный импульсъ къ литературнымъ занятіямъ должно было дать А. А. Фуксъ личное знакомство ея съ А. С. Пушкинымъ, завязавшееся въ бытность поэта въ Казани и которое впослѣдствіи поддерживалось, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, перепискою Пушкина съ скромною казанскою поклонницею музъ.

Учрежденіе въ 1805 г. въ Казани университета должно было явиться, само собою разумѣется, серьезнымъ факторомъ въ дѣлѣ насажденія въ этомъ городѣ условій интеллектуальной жизни, которыми далеко не могла похвальиться русская провинція того времени. Долго и упорно приходилось бороться молодому университету для того, чтобы расшевелить казанское общество, зародить и поддержать въ немъ интересы и стремленія умственного характера, чтобы пробить брешь въ оковыавшій его корѣ косности, невѣжества и апатіи, чтобы занять въ духовной жизни города и края то руководящее положеніе, которое должно было принадлежать ему не

¹⁾ Насколько цѣнны гь знаменитый корифей русскаго романтизма, В. А. Жуковскій, направленіе Каменева, видно изъ того, что Жуковскій далъ мѣсто лучшему произведению казанскаго поэта, балладѣ «Громватъ», въ своемъ изданіи «Собрание образцовыхъ русскихъ сочинителей» (т. III). Другія сочиненія Каменева печатались въ журналахъ «Муза», «Ипокрена» и «Новости русской литературы».

не только, какъ право, но и какъ обязанность. Не легкимъ оказалось и положеніе профессоровъ молодого Казанскаго университета не только въ стѣнахъ университета, но и въ обществѣ. Фуксъ жаловался, что, пріѣхавъ на службу въ Казань, онъ напелъ здѣсь «почти дикарѣй». «Наше ученое сословіе, — вспоминалъ впослѣдствіи Фуксъ, — было тогда въ ужасномъ пренебреженіи. Всѣ обращались съ нами крайне грубо; бывшій казанскій комендантъ Есиповъ говорилъ мнѣ «ты», а губернаторъ, принимая меня, никогда не сажалъ; въ первый разъ я началъ пользоваться уваженіемъ при губернаторѣ графѣ Толстомъ¹⁾; профессоръ Цеплинъ получилъ однажды отъ вице-губернатора «нахлобучку» за то, что на какомъ-то торжественномъ богослуженіи въ соборѣ пробрался слишкомъ близко къ властямъ; профессоръ Сторль офиціально жаловался на частнаго пристава Потто, который обходился съ нимъ, «какъ съ бродягой, какъ съ послѣднимъ мальчишкой отъ мастерового», и чуть не раздробилъ палкою голову его повару...

Какъ бы то ни было, но первыя сѣмена умственнаго возрожденія казанскаго общества были брошены вслѣдъ за привованіемъ юнаго университета къ жизни. Любопытно, что уже во второй годъ существованія Казанскаго университета образовался при немъ литературный кружокъ, первоначально именовавшійся «Бесѣдою любителей отечественнаго слова», но уже въ 1814 году преобразовавшійся въ офиціально признанное общество подъ названіемъ «Общества любителей отечественной словесности». Съ основаніемъ университета непосредственно связано и начало казанской періодической печати; мысль объ изданіи при университетѣ литературно-общественнаго журнала зародилась уже въ первые же годы по его открытию, но получила осуществленіе лишь въ 1811 году, когда (съ 19 апрѣля) стала выходить въ Казани въ свѣтъ первоначально по одному, а затѣмъ по два раза въ недѣлю, журналъ «Казанскія Извѣстія» (1811 — 1820 гг.), уже съ самаго начала своего существованія открыто возвѣшившій, что цѣль его изданія — «мѣстная польза жителей какъ Казанской, такъ и прочихъ смежныхъ и съ нею находящихся въ связи другихъ губерній и странъ».

Въ 1814 году, Казанскій университетъ, до тѣхъ поръ находившійся въ переходномъ и довольно таки хаотическомъ состояніи, былъ открытъ уже въ полномъ составѣ факультетовъ, съ выборнымъ ректоромъ и деканомъ во главѣ. «Съ открытиемъ (въ 1814 г.) университета наступило непродолжительное время его цвѣтущаго состоянія», — какъ разсказывалъ впослѣдствіи профессоръ Фуксъ, — выражавшееся въ стремлениі новаго храма наукъ стать на ряду съ лучшими европейскими учрежденіями того же рода, чemu

¹⁾ Графъ Илья Андреевичъ Толстой, — родной дѣдъ знаменитаго писателя Льва Николаевича Толстого, — губернаторствовалъ въ 1815 — 1820 годахъ.

немало способствовалъ приливъ новыхъ научныхъ силъ, среди которыхъ выдаются имена астронома Литтрова, медиковъ Реннера и Эрдмана, физика Броннера, изъ русской ученой молодежи—имена Лобачевскаго, Симонова, Переvoщикова...

Правъ былъ К. О. Фуксъ въ своемъ сѣтованіи на «непродолжительность» этого «цвѣтущаго» состоянія Казанскаго университета: прошло всего шесть лѣтъ со времени его полнаго открытия—и университетская лѣтопись раскрывается передъ нами на той мрачной страницѣ своей, на которой начертаны роковыя въ исторіи казанскаго разсадника наукъ два слова: эпоха Магницкаго. Казанская дѣятельность Магницкаго слишкомъ хорошо известна въ исторіи русскаго просвѣщенія. Начавъ съ разгрома профессорской корпораціи, новый попечитель пошелъ быстрыми шагами по пути своей «обновительной» въ отношеніи къ университету дѣятельности, суровою и безпощадною рукою порвавъ еще неокрѣпшіе всходы предшествовавшаго «непродолжительного» времени прогрессивной жизни университета и доведя, какъ самый университетъ, такъ и пріютившуюся подъ его сѣнью науку, до состоянія совершенного разстройства и упадка. Наложилъ Магницкій свою тяжелую руку и на «Казанскія Извѣстія», на смѣну которымъ явился безличный и работѣствовавшій передъ попечителемъ «Казанскій Вѣстникъ»; въ состояніе полнѣйшей атрофіи приведено было Магницкимъ и молодое казанское «Общество любителей отечественной словесности», оставшееся «по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ», въ этомъ состояніи и въ продолженіе всѣхъ тридцатыхъ годовъ и только во второй половинѣ сороковыхъ годовъ временно воспрянувшее къ жизни, но уже съ тѣмъ, чтобы лѣтъ черезъ семь-восемь снова впасть въ тихій и безмятежный сонъ и уже не пробуждаться отъ него во всю вторую половину заканчивающагося столѣтія. Подорванъ былъ авторитетъ профессорской корпораціи, почти сплюшь наполнившейся креатурами и угодничками временщика-попечителя,—да и врядъ ли могла идти рѣчь о духовномъ вліяніи на общество среды, въ которой фарисейство, лицемѣріе и низкопоклонство были возведены на степень нравственныхъ добродѣтелей, въ которой всесильной волѣ попечителя приносились въ жертву и авторитетъ науки, и интересы академические, и собственная совѣсть, и убѣжденія, и судьба разрушаемаго, подъ личиною «обновленія», молодого университета. Только съ тонкостью ловкаго дипломата лавируя между Сциллою и Харибдою современного ему университетскаго положенія вещей, могъ вынести на своихъ плечахъ бремя эпохи Магницкаго и самъ ректоръ того времени К. О. Фуксъ, которому, тѣмъ не менѣе, доводилось входить въ угоду попечителю въ такія сдѣлки съ собственою совѣстью, какою явилось, конечно, предложеніе имъ въ почетные члены университета всесильного временщика александровской эпохи — графа Аракчеева.

Съ окончаніемъ университетскаго «лихолѣтія», какимъ явилось семилѣтнее владычество Магницкаго, на долю супруговъ Фуксовъ выпала заслуга выступить въ благородной роли объединителей, не-многочисленныхъ еще въ ту пору, представителей казанской интеллигенціи, завязать и поддерживать умственную связь между обществомъ и казанскую университетскою науковою. Домъ Фуксовъ являлся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ тѣмъ интеллектуальнымъ центромъ, вокругъ котораго группировались мѣстныя научныя и литературныя силы и всѣ, вообще, люди, желавши быть причастными казанской умственной жизни. У Фуксовъ устроивались (съ начала 40-хъ годовъ даже регулярно) литературные вечера, въ свое время пользовавшіеся большою популярностью и которые охотно посѣщались мѣстною интеллигенціею; бывали здѣсь и профессора университета, и представители мѣстной администраціи и дворянства, слушались и лица, попадавшія въ городъ проѣздомъ. Извѣстный поволжскій дѣятель, И. А. Второвъ, съ чувствомъ удовольствія вспоминаетъ въ своихъ мемуарахъ о тѣхъ часахъ, которые онъ, въ бытность свою въ Казани, проводилъ на литературныхъ вечерахъ четы Фуксовъ. «Утѣшительно было видѣть живое участіе, принятое многими здѣшними любителями литературы въ прекрасномъ предпріятіи почтенныхъ хозяевъ дома,— говоритъ хроникеръ мѣстной губернской газеты, описывая одинъ изъ этихъ вечеровъ,— участіе, свидѣтельствующее, что общество наше не удовлетворяется обыкновенными общественными удовольствіями, но имѣеть и другія, высшія потребности: нѣкоторые посѣтители литературной бесѣды были приглашены въ то же время на два другихъ вечера, однако они предпочли ее картамъ и танцамъ и въ назначенное время сѣѣхались въ домъ Карла Федоровича». Въ концѣ вечера на смѣну духовной пищи являлась пища вещественная, и только за полночь, гостепріимно предложивъ имъ хлѣбъ-соль въ видѣ ужина, отпускали радушные хозяева своихъ гостей по домамъ. Само собою разумѣется, что хозяева дома принимали въ этихъ «бесѣдахъ» самое близкое и дѣятельное участіе. Такъ, на одномъ изъ вечеровъ Александра Андреевна Фуксъ читала отрывокъ изъ своего новаго романа «Зюлима», сюжетомъ котораго, навѣяннымъ ей личнымъ вліяніемъ А. С. Пушкина, послужила казанская пугачевская эпопея; на другомъ вечерѣ (1 декабря 1843 г.) хозяйка дома заняла гостей сообщеніемъ о пребываніи Пушкина въ Казани, причемъ она прочла и письма къ ней поэта, «свидѣтельствующія о его (Пушкина) дружбѣ къ нашей даровитой писательницѣ»,— добавляетъ хроникеръ губернской газеты. Вечера въ домѣ Фуксовъ, въ значительной степени восполнявшіе собою бездѣйствіе въ ту пору мѣстнаго «общества любителей отечественной словесности», были вечерами литературными не въ смыслѣ словесности только «изящной», но носили и характеръ научный: здѣсь читались рефераты и дѣлались сообщенія по различнымъ специаль-

нымъ отрослямъ знанія, и съ этой точки зре́нія вечера въ домѣ Фуксовъ замѣняли отсутствіе въ то вревя въ Казани ученыхъ обществъ, являлись какъ бы раннею ихъ предтечою въ этомъ городѣ.

Такова была казанская чета Фуксовъ, имя которой стоять въ тѣснѣйшей связи съ пребываніемъ въ Казани нашего бессмертнаго поэта; таковы были и общественныя условія, въ которыхъ жила и дѣлала свое хорошее интеллигентное дѣло эта симпатичная, дружная и интересная чета, воспоминаніе о которой живетъ еще въ памяти уже весьма и весьма немногихъ маститыхъ казанскихъ старожиловъ. Въ лицѣ покойнаго ориенталиста и заслуженнаго профессора И. Н. Березина скончался въ Петербургѣ, конечно, уже послѣдній участникъ когда-то по всему Поволжью славившихся литературныхъ бесѣдъ въ домѣ профессора Фукса.

II.

Прибытие А. С. Пушкина въ Казань.—Первое знакомство съ нимъ К. О. Фукса.—Осмотръ Казани и сї окрестностей.—Вечеръ въ домѣ Фуксовъ.—Съ глаза на глазъ съ великимъ поэтомъ.—Мистицизмъ Пушкина и его вѣра въ прорицанія.—Отѣздъ Пушкина и его прощальный привѣтъ казанской поэтессѣ.—Отголоски казанского пребыванія А. С. Пушкина.—Труды супруговъ Фуксовъ по изученію Пугачевщины и печальная участъ этихъ трудовъ.—Вѣсть о гибели Пушкина и ея впечатлѣніе въ домѣ Фуксовъ.

Александръ Сергеевичъ Пушкинъ прѣхалъ въ Казань, по пути въ Оренбургъ, 5-го сентября 1833 года.

По хранившемуся среди мѣстныхъ старожиловъ преданію, поэтъ остановился здѣсь въ домѣ своего пріятеля по Петербургу и, отчасти, собрата по перу Эрасту Петровича Перцова¹⁾, казанскаго дворянина, отъ времени до времени пописывавшаго и, въ бытность свою въ столицѣ, вращавшагося въ мѣстныхъ литературныхъ кружкахъ, гдѣ и завязались его отношенія къ Пушкину. Впрочемъ, въ самое послѣднее время родной племянникъ покойнаго (онъ умеръ въ 1870 году) Перцова, П. П. Перцовъ, печатно опровергалъ, ссылаясь на свои фамильныя традиціи, установленвшееся мнѣніе о квартириваніи поэта въ домѣ его дяди²⁾, что было вызвано предположеніемъ казанской городской думы украсить этотъ домъ мраморною доскою съ соответствующею подписью. Оставляя, въ силу этого противорѣчія, открытымъ вопросъ о мѣстопребываніи въ Казани Пушкина, перейдемъ къ разсказу Александры Андреевны Фуксъ объ ея казанскомъ знакомствѣ съ великимъ поэтомъ. Относящіяся

¹⁾ Въ настоящее время—домъ купца Асанасьева, всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ проданный ему бывшимъ владѣльцемъ П. П. Перцовымъ; находится на углу Безбородской площади и Малой Проломной улицы.

²⁾ См. газету «Волжскій Вѣстникъ» за 1899 г., № 44.

сюда подробности были изложены казанскою писательницею, уже послѣ трагической кончины Пушкина, въ видѣ обширнаго письма къ своей подругѣ, Еленѣ Николаевнѣ Мандрыкѣ¹⁾), съ воспроизведеніемъ въ немъ и писемъ Пушкина къ А. А. Фуксъ.

6-го сентября 1833 года,—рассказываетъ А. А. Фуксъ,—въ раздумы сидѣла наша казанская поэтесса въ своемъ, кабинетѣ, поджидая извѣстнаго поэта—Евгенія Абрамовича Баратынскаго, собиравшагося уѣзжать изъ Казани и обѣщавшаго забѣхать къ ней проститься.

Поэтъ пріѣхалъ и вошелъ въ кабинетъ съ такимъ веселымъ выраженіемъ лица, что хозяйка дома надулась и уже собиралась сдѣлать гостю упрекъ за такой равнодушный прощальный визитъ, какъ вдругъ Баратынскій обрадовалъ ее слѣдующею неожиданною вѣстью:

— Я привезъ вамъ очень интересную новость... Вчера прибыль въ Казань нашъ знаменитый Пушкинъ и непремѣнно желаетъ быть у васъ въ домѣ!

Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этою вѣстью на нашу экспансивную писательницу: «Такая неожиданная и радостная вѣсть,—припоминаетъ А. А. Фуксъ,—заставила меня проститься съ Баратынскимъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало это прежде».

Отъѣздъ Баратынскаго изъ Казани былъ, повидимому, отложенъ, быть можетъ, именно въ виду прибытія въ Казань желаннаго петербургскаго гостя: по крайней мѣрѣ, 8-го сентября, Баратынскій, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Пушкинъ, находился еще въ Казани. Утромъ, 7-го сентября, прибывъ къ Баратынскому съ отвѣтнымъ прощальнымъ визитомъ, К. Ѳ. Фуксъ засталъ у него кружокъ друзей и знакомыхъ, среди которыхъ находился и Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. Фуксъ тутъ же познакомился съ поэтомъ и былъ обвороженъ имъ. «Въ какіе нибудь полчаса я успѣлъ съ нимъ такъ хорошо сойтись, какъ будто мы уже долго жили вмѣстѣ»,—рассказывалъ онъ потомъ объ этой первой встрѣчѣ съ великимъ поэтомъ.

Дообѣденное время этого дня А. С. Пушкинъ рѣшилъ посвятить непосредственной цѣли своей остановки въ Казани. Прежде всего отправился онъ на тройкѣ къ подгородной Троицкой мельницѣ, находящейся на рѣкѣ Казанкѣ, верстахъ въ десяти выше города: здѣсь, въ 1774 году, расположены были станъ и «главная квартира» Пугачева. Отсюда проѣхалъ поэтъ на мѣсто сраженій съ пугачевцами

¹⁾ Е. Н. Мандрыка, младшая и незамужняя дочь начальника казанского округа внутренней стражи Н. Я. Мандрыки, внослѣдствіи постриглась въ Свіяжской Богородицкой монастырь, гдѣ всего нѣсколько лѣтъ назадъ и скончалась подъ именемъ матери Эсопри. Письмо къ ней А. А. Фуксъ было напечатано въ «Казанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ» за 1844 г. (№ 2),—изданіи въ настоящее время весьма рѣдкомъ.

и осмотрѣлъ Арское поле, въ наши дни уже восточную часть города, но лѣтъ 40 — 50 тому назадъ еще пространное и настоящее «поле», отъ которого пугачевскія полчища вели свой отчаянный штурмъ Казани. Побывалъ Пушкинъ и въ казанскомъ кремль, за древними стѣнами которого въ теченіе цѣлаго дня (12 іюля 1774 г.) и цѣлой мучительной ночи искало себѣ спасенія обезумѣвшее отъ отчаянія и уцѣлѣвшее отъ убийствъ и пожаровъ населеніе города. Посѣтилъ поэтъ и другія мѣстности Казани и ея окрестностей, — не выключая, конечно, и знаменитаго «Соколова кабака», въ Суконої слободѣ,—такъ или иначе связанныя съ воспоминаніемъ объ ужасахъ пугачевскаго разгрома. «Я въ Казани съ 5-го, — писалъ отсюда поэтъ женѣ своей,—и до сихъ поръ не имѣлъ времени тебѣ написать слова. Сейчасъ ѳду въ Симбирскъ, где надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками, современниками моего героя¹⁾, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону... Здѣсь Баратынскій,—вотъ онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска». «Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было: я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ»,—пишетъ Пушкинъ женѣ нѣсколькими днями позже въ письмѣ уже изъ Симбирской губерніи²⁾.

Вернувшись домой изъ своей экскурсіи по Казани и ея окрестностямъ, Пушкинъ отдалъ остатокъ времени до обѣда письменнымъ занятіямъ,—вѣроятно, приведенію въ порядокъ всего видѣннаго и слышаннаго. Обѣдалъ поэтъ съ Э. П. Перцовыми. Къ обѣду былъ приглашенъ К. Ф. Фуксъ, который, какъ мы полагаемъ, явился въ роли чичероне нашего поэта при его экскурсіи по казанскимъ окрестностямъ; Пушкинъ утромъ какъ разъ этого дня познакомился съ Фуксомъ, совершенно обвороживъ资料他的 профессора, и трудно предположить, чтобы поэтъ упустилъ случай воспользоваться опытностью Фукса и его глубокимъ знаніемъ мѣстной старины; трудно предположить, чтобы въ высшей степени отзывчивый Карль Федоровичъ и съ своей стороны не воспользовался случаемъ предложить своему гостю эту пустую, но крайне цѣнную для того услугу³⁾.

¹⁾ Т. е. Пугачева.

²⁾ См. «Новые письма А. С. Пушкина» (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1878 годъ, № 1).

³⁾ Небольшое попутное замѣчаніе. Памъ представляется, что фактъ обѣда Пушкина съ Перцовыми, съ приглашеніемъ къ этому обѣду и Фукса, могъ бы явиться доводомъ того, что нашъ поэтъ остановился въ домѣ именно Перцова, тѣмъ онъ до обѣда и занимается приведеніемъ въ порядокъ своихъ материаловъ. Будь это обѣдъ званый — трудно было бы объяснить отсутствіе на немъ Баратынского. Допустить почетнаго гостя оставаться въ «померахъ» — шло бы въ разрѣзъ съ традиціями провинциального гостепріимства того добра го старого времени.

Вечеръ этого дня явился торжествомъ для дома Фуксовъ,—торжествомъ, о которомъ долгое еще время спустя всегда съ умиленнымъ благоговѣніемъ вспоминала восторженная казанская поэтесса. Весь этотъ вечеръ А. С. Пушкинъ провелъ у Фуксовъ, къ которымъ пріѣхалъ еще съ шести часовъ.

Хозяйка дома встрѣтила поэта въ залѣ. Поздоровавшись съ Фуксомъ, какъ съ хорошошимъ уже знакомымъ, Пушкинъ взялъ Александру Андреевну дружески за руку и обрадовалъ ее слѣдующимъ привѣтствиемъ:

— Намъ не нужно съ вами рекомендоваться: музы насъ познали заочно, а Баратынскій еще болѣе...

Гость и хозяева дома усѣлись въ гостиной, и разговоръ прежде всего завязался, конечно, на интересовавшую Пушкина тему о Пугачевѣ и пугачевицѣ.

«Я имѣлъ счастье видѣть знаменитаго поэта въ моемъ домѣ,—впослѣдствіи писалъ К. О. Фуксъ, — и провести нѣсколько пріятнѣйшихъ, незабвенныхъ часовъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Пушкинъ желалъ получить отъ меня нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Пугачева въ Казани, но я, никогда не занимаясь этимъ предметомъ, не могъ въ полной мѣрѣ сдѣлать ему угодное; однако же передалъ все, что зналъ до того времени».

Мы имѣемъ полное основаніе приписать только-что приведенное нами воспоминаніе К. О. Фукса его, доходившей до щепетильности, скромности. Не такъ смотрѣль, по крайней мѣрѣ, самъ А. С. Пушкинъ на тѣ услуги, какія были оказаны ученымъ: «Слышано мною отъ К. О. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанскомъ университѣтѣ, человѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго; ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ». Такъ отозвался нашъ поэтъ о Фуксѣ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта»¹⁾.

Въ ту пору, о которой идетъ у насъ рѣчь, проживалъ въ Казани древній лѣтами старецъ,—первой гильдіи купецъ Л. Ф. Крупениковъ, представитель извѣстной въ Казанскомъ Поволжѣ торговой фирмы, «патріархъ казанскаго купечества», какъ называется его Н. И. Второвъ. Этотъ Крупениковъ былъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ въ эпоху нашествія на Казань Пугачева, и прекрасно помнилъ всѣ подробности пугачевскаго погрома тѣмъ въ большей степени, что ему довелось быть личною жертвою постигшаго его родной городъ бѣдствія: Крупениковъ взять былъ пугачевцами при штурмѣ Казани въ плѣнъ, отъ котораго избавило его, вмѣстѣ съ другими казанскими плѣнниками, лишь пораженіе ему на-голову, нанесенное Пугачева подоспѣвшими на выручку Казани войсками полковника Михельсона.

¹⁾ «Исторія Пугачевскаго бунта», см. 96-е примѣчаніе къ тексту.

Бесѣда Пушкина съ хозяйкою дома не замедлила перейти и къ личности этого живого памятника казанской старины, въ высокой степени заинтересовавшаго собою нашего поэта. Фуксъ не замедлилъ отозваться на настроение своего гостя, и вотъ, покончивъ съ вечернимъ чаепитіемъ, гость и его хозяинъ, не долго думая, побѣхали къ маститому «патріарху казанскаго купечества», въ домѣ котораго и прошли часы полтора, бесѣдуя съ Крупениковымъ о старинѣ и о событияхъ 1774 года¹⁾). При возвращеніи въ домъ Фуксовъ, Пушкинъ обратился къ Карлу Федоровичу, взойдя въ подъездъ, съ слѣдующими выраженіями благодарности:

— Какъ вы добры, Карлъ Федоровичъ! Какъ дружелюбно и привѣтливо принимаете вы насть, путешественниковъ... Для чего вы это дѣлаете? Вы теряете вашу привѣтливость понапрасну... Мы такъ не поступаемъ: мы въ Петербургѣ живемъ только для себя.

Проговоривъ эти слова, Александръ Сергеевичъ такъ сильно сжалъ руку Фукса, что на ней въ продолженіе нѣсколькихъ дней оставались слѣди ногтей поэта. «Пушкинъ,—вспоминаетъ по этому поводу Александра Андреевна,— имѣлъ такие большие ногти, что мнѣ, право, они показались не менѣе полувершка».

Едва успѣли наши новые знакомцы выйти въ комнаты, какъ за К. Ф. Фуксомъ явился посланный: его звали на практику, которую Карлъ Федоровичъ былъ положительно завалентъ. Думалъ было хозяинъ дома отказаться отъ этого приглашенія, но Пушкинъ настоялъ на томъ, чтобы тотъ непремѣнноѣхалъ къ больному.

Александра Андреевна осталась съ своимъ знаменитымъ гостемъ съ глаза на глазъ. «Признаюсь, я не была этимъ довольна,—пишетъ она. — Пушкинъ тотчасъ же замѣтилъ мое смущеніе и своею привѣтливою любезностью заставилъ меня съ нимъ говорить, какъ съ короткимъ знакомымъ».

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ хозяйки дома. Александра Андреевна показывала поэту стихи, писанные къ ней Баратынскимъ, Языковымъ и Ознобишинымъ. Пушкинъ читалъ ихъ вслухъ и съ особеною похвалою останавливался на стихахъ Языкова. Перешелъ разговоръ и на тему о творчествѣ самой хозяйки дома, причемъ Пушкинъ просилъ Александру Андреевну прочитать ему что нибудь изъ своихъ собственныхъ стихотвореній. Польщенная поэтесса прочла свою сказку въ стихахъ: «Женихъ». Слушая чтеніе этого произведенія, Пушкинъ, по словамъ А. К. Фуксъ, нѣсколько разъ прерывалъ ея чтеніе похвалами,—таковыми, по крайней мѣрѣ, совершенно серьезно казались автору, быть можетъ, уклон-

¹⁾ Разсказы Л. Ф. Крупеникова, вмѣстѣ съ сказаніями другого казанского старца того же времени, купца И. А. Сухарева, также находившагося въ 1774 году плѣникомъ въ станѣ Пугачева, были впослѣдствіи записаны и напечатаны К. О. Фуксомъ. Интересующіеся найдутъ эти воспоминанія въ №№ 44-мъ и 51-мъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1843 годъ.

чивыя замѣчанія гостя; нѣкоторыя мѣста онъ просилъ ее повторить и даже самъ декламировалъ ихъ, повторяя слѣдомъ за чтицею.

Когда кончилось чтеніе, бесѣда перешла къ самой личности хозяйки дома. Александръ Сергеевичъ подробно разспрашивалъ свою собесѣдницу объ ея семье, воспитаніи, ученіи, объ ея учителяхъ. Разговоръ перешелъ затѣмъ на условія столичнаго существованія и на сущность петербургской жизни, что не помѣшало Пушкину побуждать собесѣдницу къ пріѣзду туда:

— Пріѣзжайте къ намъ въ Петербургъ, пожалуйста, пріѣзжайте, — говорилъ поэтъ. — Я познакомлю съ вами мою жену... Позвѣрьте, что мы сумѣемъ отплатить вамъ за вашу казанскую привѣтливость — не петербургскою благодарностью...

Заговорили о текущей литературѣ, и бесѣда сразу приняла болѣе оживленный и менѣе общій характеръ. Пушкинъ, — вспоминаетъ Александра Андреевна, — много говорилъ о современныхъ поэтахъ и литераторахъ, давая мѣткія замѣчанія о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности; толковалъ о «духѣ времени» и объ его вліяніи на отечественную литературу... Надо думать, что эти сентенціи на близкія ему темы отливались у поэта въ довольно желчныя, столь свойственные его темпераменту, формы, такъ какъ, покончивъ съ ними, онъ обратился къ собесѣдницѣ съ слѣдующимъ предупрежденіемъ:

— Смотрите, сегодняшний вечеръ былъ мою исповѣдью: чтобы наши разговоры остались между нами!

Возможно, что литературная бесѣда гостя и его хозяйки не миновала и поэта Баратынскаго, такъ что съ этой стороны дипломатическое предупрежденіе Пушкина являлось и не излишнимъ: Баратынскій былъ въ домѣ Фуксовъ своимъ, повидимому, гостемъ.

Къ десяти часамъ вечера возвратился домой Карлъ Федоровичъ и привезъ съ собою Э. И. Перцова. Вновь прибывшіе приняли участіе въ прерванномъ ихъ пріѣздомъ разговорѣ, который продолжался все на ту же тему о литературѣ. Въ комнатѣ, где находились собесѣдники, висѣлъ на стѣнѣ портретъ дяди хозяйки дома, поэта-романтика Гавриила Петровича Каменева; бесѣда перешла на него. Пристально, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ взглядывшись въ черты портрета, А. С. Пушкинъ заговорилъ:

— Этотъ человѣкъ достоинъ быть уваженія... Онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма... Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти. Этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано¹⁾.

При этомъ Пушкинъ просилъ Фуксовъ собрать для него всѣ свѣдѣнія, касающіяся Каменева, выразивъ намѣреніе заняться его біографіей.

¹⁾ Г. П. Каменевъ скончался въ 1803 г., 31-го года отъ рода. Родство А. А. Фукса съ Каменевыми было близкое: ея мать была родная сестра поэта.

Подали ужинъ, который нашъ поэтъ принялъ безъ всякихъ отговорокъ, несмотря на предстоящій ему на слѣдующее утро ранній выѣздъ изъ Казани, занявъ за столомъ мѣсто рядомъ съ хозяйкою дома.

Въ ту пору входилъ среди русскаго общества въ моду вопросъ о животномъ магнетизмѣ, съ его необыкновенными чудодѣяніями. Коснулся разговоръ и этого моднаго вопроса, въ области котораго ученыи казанскій профессоръ оказался скептикомъ¹⁾). Пушкинъ, наоборотъ оказался сторонникомъ силы животнаго магнетизма и всѣми силами старался убѣдить въ ней своихъ сотрапезниковъ.

— Карлъ Федоровичъ не вѣрить въ магнетизмъ потому, что онъ ужъ очень ученъ, а я—потому, что ничего въ этомъ не понимаю,—замѣтила Александра Андреевна.

— Напрасно!—вставилъ поэтъ.—Испытайте сами. Когда вы будете въ большомъ обществѣ, выберите человѣка, вовсе вамъ незнакомаго, который сидѣлъ бы къ вамъ даже спиною, и, устремивъ на него ваши взоры и всѣ ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомецъ обратилъ на васъ вниманіе... Вы убѣдитесь, что тотъ, какъбы невольно, оборотится и будетъ на васъ смотрѣть.

— Это не можетъ быть! Какъ иногда я желала, чтобы на меня смотрѣли, желала этого и сердцемъ и душою, но тотъ такъ и не взглянуль ни разу,—шутка хозяйка.

— Неужели это съ вами случалось? О, нѣтъ, я этому не повѣрю,—разсмѣялся Пушкинъ. — Нѣтъ, серьезно: вѣрьте магнетизму и бойтесь его волшебной силы... Вы еще не знаете, какія онъ чудеса дѣлаетъ надъ женщинами!

— Не знаю и не желаю знать...

— Но по чести увѣряю васъ,—продолжалъ балагурить поэтъ,— я былъ свидѣтелемъ такихъ примѣровъ, въ которыхъ женщины, любившія самою страстью любовью и при такой же взаимной любви,—оставались добродѣтельными; но были случаи, что эти же самыя женщины, безъ всякой даже любви съ своей стороны, какъбы невольно, со страхомъ, исполняли всѣ желанія мужчины, даже до самоотверженія. Вотъ тутъ-то и кроется сила магнетизма,—закончилъ Пушкинъ.

Разговоръ, какъ видитъ читатель, сталъ замѣтно отклоняться отъ прежнихъ литературныхъ темъ и принимать, отчасти, характеръ нѣсколько даже пикантный. «Я была очень рада,—рассказывала А. А.,—когда кончился разговоръ о магнетизмѣ, но его мѣсто за-

¹⁾ К. О. Фуксу доводилось соприкасаться съ этимъ вопросомъ, съ научной точки зрѣнія, еще въ 1816 г., когда, по предложенію министра, при Казанскомъ университете происходили совѣнціанія по выработкѣ проекта правилъ для пользованія «врачами, но отнюдь не частными лицами, и для цѣлей врачебныхъ», силою животнаго магнетизма. Любопытное дѣло о томъ хранится въ архивѣ мѣстнаго университета.

няль другой, еще менѣе интересный, разговоръ: о явленіи духовъ, о предсказаніяхъ и о многомъ другомъ, касающемся суевѣрія». Насъ не должна удивлять такая тема бесѣды: извѣстно, что А. С. Пушкинъ всегда, особенно подъ конецъ своей жизни, былъ наклоненъ къ мистицизму.

— Вамъ, можетъ быть, покажется удивительнымъ,— заговорилъ Пушкинъ,— что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому? Быть такимъ суевѣрнымъ заставилъ меня, между прочимъ, одинъ случай...

Вслѣдъ за тѣмъ Александръ Сергеевичъ рассказалъ своимъ со-бесѣдникамъ слѣдующее.

Однажды, прогуливаясь по Невскому проспекту съ однимъ зна-комымъ (А. А. Фуксъ обозначаетъ его ивиціалами: «Н. В. В.»), поэтъ шутки ради зашелъ къ какой-то прорицательницѣ, гадавшей на кофейной гущѣ, и спросилъ о своемъ будущемъ. «Вы,—сказала ему петербургская Пиѳія,—на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ давниш-нимъ знакомымъ, который будетъ вамъ предлагать хорошее мѣсто по службѣ. Слѣдомъ за тѣмъ, въ скоромъ времени, вы получите письмомъ неожиданную деньги. А третью, что я должна вамъ ска-кать—вы окончите жизнь неестественной смертью»...

— Я въ тотъ же день забылъ и о гадальщицѣ,— продолжалъ Александръ Сергеевичъ.— Но, спустя недѣли двѣ, я, дѣйствительно, встрѣтился на Невскомъ съ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и перешелъ на службу въ Петербургъ; онъ предлагалъ мнѣ занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя, что и цесаревичъ этого желаетъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ съ почты письмо съ деньгами, которыя прислали мнѣ мой лицейскій това-рищѣ; мы съ нимъ, еще учениками, играли въ карты, и я его обы-гралъ, а теперь, получивъ наслѣдство, онъ прислали мнѣ этотъ долгъ, о которомъ я даже забылъ... Теперь остается сбыться треть-ему предсказанію, и я совершенно увѣренъ въ томъ, что и оно сбудется.

«Суевѣріе такого образованнаго человѣка очень меня удивило тогда,—замѣчаетъ по этому поводу А. А. Фуксъ.—Любопытно, что Александра Андреевна вспоминаетъ о суевѣріи Пушкина въ тотъ же годъ и даже въ томъ же мѣсяцѣ, къ которымъ относится ея бесѣда съ поэтомъ, по поводу встрѣчи своей съ какимъ-то странникомъ-прорицателемъ, о чёмъ она разсказываетъ въ описаніи своей по-ѣздки въ Чебоксары, помѣченномъ 21-мъ сентября 1833 года: «Мнѣ тотчасъ,—пишетъ здѣсь А. А.,—пришли въ голову мысли нашего славнаго поэта Пушкина, который вѣрить предсказаніямъ»¹⁾.

Окончивъ ужинъ, все общество снова перешло въ кабинетъ, гдѣ

¹⁾ «Заволжскій Муравей» 1833 г., ч. I, стр. 42.

А. С. Пушкинъ сталъ пересматривать лежавшія здѣсь книги. Его вниманіе остановилось на томѣ «Сочиненій въ прозѣ и стихахъ», всего за два года передъ тѣмъ выпущенныхъ въ свѣтъ казанскимъ шітою того времени и профессоромъ краснорѣчія и стихосложенія, Г. Н. Городчаниновымъ.

— А, проза и стихи!—воскликнулъ Пушкинъ.—Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой... Признаюсь: ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила.

Только около часа ночи сталъ Пушкинъ прощаться со своими радушными, казанскими амфитріонами. Разставаясь съ ними, какъ съ уже добрыми знакомыми, поэтъ нѣсколько разъ обнялъ Карла Федоровича, со словами:

— Я никогда не думалъ, что бы минутное знакомство могло быть причиною такого грустнаго прощанія... Но я надѣюсь, что мы свидимся въ Петербургѣ!

Долгій вечеръ, проведенный въ обществѣ великаго поэта, наэлектризовалъ экспансивную поэтессу до такой высокой степени, что она всю ночь не смыкала, повидимому, глазъ, передумывая и переживая все видѣнное и слышанное. Это возбужденное настроение требовало себѣ выхода, и на слѣдующее утро, уже въ 5 часовъ утра, Александра Андреевна сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ, изливая вдохновеніе въ стихахъ: «На проѣздѣ знаменитаго гостя». Стихи эти не сохранились «для потомства» и, въ 8 часовъ утра отправленные по адресу поэта, были принесены обратно; оказалось, что А. С. Пушкинъ въ это время уже мчался изъ Казани по симбирскому тракту, направляясь въ Оренбургъ—конечный пунктъ своей поѣзди.

Огорченная поклонница «пѣвца Людмилы и Руслана» могла утѣшиться, впрочемъ, слѣдующимъ письмомъ, оставленнымъ на ея имя Пушкинымъ передъ его выѣздомъ изъ Казани:

«8 сентября 1833 года.

«Милостивая Государыня,

«Александра Андреевна.

«Съ сердечною благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что ваше обѣщаніе пріѣхать въ Петербургъ—не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, милостивая государыня, изъявленіе моей признательности за ласковый пріемъ путешественника, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и пр.».

Кратковременное знакомство съ А. С. Пушкинымъ не осталось для супруговъ Фуксовъ безслѣднымъ. «Простишись съ нимъ,—рассказываетъ А. А. Фуксъ въ письмѣ къ своей подругѣ Е. Н. Манд-

рыкѣ,—я думала, что его привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностью, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ (т. е. А. С. Пушкинъ) оказывалъ мнѣ особенное расположение. Онъ писалъ ко мнѣ не сколько разъ въ годъ; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько лестнаго, что я, по прїѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ, была удостоена ихъ посѣщеніемъ»...

Знакомство съ Пушкинымъ,—таково неотразимое вліяніе генія,—дало даже направленіе и тонъ дальнѣйшей литературной дѣятельности Фуксовъ.

К. ѡ. Фуксъ писалъ впослѣдствіи, что онъ далъ Пушкину слово заняться собираніемъ мѣстныхъ матеріаловъ для исторіи Пугачевскаго бунта. «Къ сожалѣнію,—заявляетъ нашъ казанскій ученый,—не могъ я скоро исполнить желаніе незабвенного Пушкина. Смерть похитила его у Россіи и лишила меня счастья показать ему мою преданность исполненіемъ его желанія, однако, я взялъ твердое намѣреніе и по смерти его сдержать данное ему слово, чтобы, исполняя волю его, принести признателную дань и незабвенному праху его. Четыре года я собиралъ, съ неусыпнымъ стараніемъ, всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописи и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій при самозванцѣ Пугачевѣ».

Эпоха пугачевщины заняла собою и Александру Андреевну Фуксъ, но уже съ другой, беллетристической, стороны; она принялась за романъ изъ этой эпохи, носившій заглавіе: «Зюлима, или Пугачевъ подъ Казанью», романъ съ мѣстно-этнографическою подкладкою, такъ какъ героинею его выступаетъ татарка. Это произведеніе должно было выйти въ свѣтъ съ примѣчаніями и съ обширнымъ предисловіемъ Карла ѡедоровича, въ которое входили всѣ, несомнѣнно въ высшей степени цѣнныя и собранные имъ въ память Пушкина и по его завѣту, матеріалы по исторіи пугачевщины въ Казани и въ Казанскомъ краѣ. И то и другое, въ 1843 году, сдано было въ распоряженіе Н. И. Второва, редактора «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», которыхъ, замѣтимъ попутно, носили въ то время отпечатокъ литературно-общественной газеты общаго характера, и со столбцовъ которыхъ Второвъ дѣлится съ читателями своей газеты слѣдующими предварительными свѣдѣніями о новомъ романѣ казанской писательницы: «Мы съ жадностью прочитали его въ рукописи и, судя по впечатлѣнію, произведеному имъ на насъ, смѣло можемъ предсказать, что романъ этотъ будетъ самымъ пріятнымъ явленіемъ для любителей и любительницъ легкаго чтенія».

Какъ самый романъ «Зюлима», такъ и историческія приложенія къ нему К. ѡ. Фукса впослѣдствіи безслѣдно исчезли, не появившись въ печати. Въ слѣдующемъ году Второвъ перѣѣхалъ на службу

въ Петербургъ, и редактированіе губернскай газеты перешло къ извѣстному впослѣдствіи А. И. Артемьеву, которому и сданы были, конечно, всѣ редакціонные материалы. Если и не приходится, быть можетъ, особенно сожалѣть о романѣ А. А. Фуксъ, то въ высшей степени грустно становится за участіе матеріаловъ, собранныхъ ея мужемъ и такимъ тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ памятью А. С. Пушкина. Александръ Ивановичъ Артемьевъ скончался въ Петербургѣ въ 1874 году, на службѣ Центральнаго Статистическаго Комитета. Не могли ли эти матеріалы сохраниться въ бумагахъ по-коинаго? Вотъ вопросъ, которой мы предлагаемъ вниманію лицъ, освѣдомленныхъ относительно судьбы библіотеки и рукописей по-коинаго статистика и археолога¹⁾.

«Былъ недолгъ срокъ на землѣ пѣвцу», — какъ поетъ Баянъ въ глинковскомъ прославленіи творца «Руслана и Людмилы».

Съ небольшимъ три года истекло со времени посѣщенія Пушкинымъ Казани, какъ вся Россія была потрясена вѣстью о трагической кончинѣ поэта, сбылось и третье предсказаніе петербургской прорицательницы. Пронесясь изъ края въ край по всему широкому лицу земли Русской, дошла печальная вѣсть и до бывшей татарской столицы, внеся неподдѣльное огорченіе въ мирное и тихое теченіе жизни супруговъ Фуксовъ.

Грустное извѣстіе не замедлило найти себѣ отголосокъ и въ перепискѣ нашихъ казанскихъ подругъ. «Какъ трогательно ты описываешь свое сожалѣніе о смерти нашего незабвенного Пушкина! — пишетъ А. А. Фуксъ Е. Н. Мандрыкѣ, будущей «матери Эсоири» свіяжскаго Богородицкаго монастыря. — И кто же изъ русскихъ не уронилъ горячую слезу горести, услыхавъ о такой невозвратимой потерѣ?.. Тебѣ грустно, Елена, а потому ты можешь постигнуть, каково было мнѣ: ты только читала его творенія, а я знала его лично, имѣла съ нимъ переписку и умѣла обратить на себя его особенное вниманіе. Ужасная вѣсть о его смерти ввергла меня въ какое-то безчувственное положеніе. Уже черезъ нѣсколько часовъ чувство горести вывело меня изъ такого несноснаго оцѣпленія, и уже тогда только я съ горькими слезами взглянула на его портретъ и сказала: Тебя уже нѣть съ нами, пѣвецъ любимый и подражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насть? Неужели земной міръ не былъ тебя достоенъ? Правда, наша земная жизнь, холодная, единообразная, —

¹⁾ Маленько отступленіе по поводу этого предложенія. Преемникомъ Артемьева по редактированію «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» явился, въ свою очередь, И. Н. Березинъ, впослѣдствіи извѣстный нашъ оріенталистъ. Не дальше какъ въ концѣ минувшаго и въ началѣ текущаго года мною и моимъ товарищемъ по университету Н. О. Катаповыемъ были пріобрѣтены въ Петербургѣ, у антиквара-книгопродавца Клочкова, пѣнныя рукописи, оставшіяся послѣ кончины И. Н. Березина, касающіяся казанской старинѣ и, повидимому, приготовленныя въ свое время къ печатанію ихъ въ казанской губернскай газетѣ.

была темницею для твоего пламенного гenia: предразсудки, принужденія и всѣ ничтожныя мелочи, необходимыя для нашего свѣта, тебя затомили... Тебѣ было скучно, душно на землѣ, и возвышенная душа твоя рвалась скорѣе сбросить съ себя эти тѣлесныя оковы и улетѣть далеко отъ насть, въ другой, священный міръ, гдѣ, безъ сомнѣнія, обитаютъ бессmertные гenii»...

«Ты желаешь,—продолжаетъ А. А. Фуксъ,—чтобы я описала тебѣ короткое пребываніе Пушкина въ Казани. Съ удовольствiемъ исполню твое желаніе и посвящаю тебѣ это описание. Я люблю тебя, Елена: ты одна пожелала разгадать и понять меня; ты долго раздѣляла со мною и радость, и горе, и пріятные часы, проведенные въ Пановѣ, и скучные дни въ Казани, и минуты поэтическаго вдохновенія и восторженного чувства къ нашимъ любимымъ поэтамъ¹⁾!..

III.

Къ вопросу о критической оцѣнкѣ свидѣтельствъ А. А. Фуксъ относительно пребыванія Пушкина въ Казани.—Интимные отзывы А. С. Пушкина о казанской поэтессѣ.—Противорѣчіе этихъ отзывовъ свидѣтельствамъ А. А. Фуксъ и письмамъ самого поэта.—Письма А. С. Пушкина къ А. А. Фукст.

Мы познакомились съ свѣдѣніями о пребываніи въ 1833 году въ Казани А. С. Пушкина, оставленными намъ мѣстною профессоршею-поэтессою А. А. Фуксъ. Тщетны были наши попытки выяснить и другія, сколько нибудь достовѣрныя, извѣстiя о кратковременномъ пребываніи здѣсь поэта. Можно думать, что Пушкинъ, отъ природы не особенно сообщительный въ средѣ мало извѣстнаго ему общества, врядъ ли и выходилъ, въ бытность свою въ Казани, изъ тѣсныхъ предѣловъ задачъ непосредственнаго посвѣщенiя имъ этого города и того тѣснаго кружка казанцевъ, который встрѣтилъ онъ здѣсь (Перцовъ, Баратынскiй, Фуксъ).

Насколько вправѣ, однако, бiографъ А. С. Пушкина довѣрять всѣмъ тѣмъ подробностямъ относительно пребыванія поэта въ Казани, которыя прошли передъ нами въ разсказѣ А. А. Фуксъ? Таковъ вопросъ, который невольно и совершенно естественнымъ образомъ встаетъ передъ нами. Намъ думается, что на этотъ вопросъ можетъ явиться отвѣтъ только положительный. Примемъ во вниманiе, что разсказъ А. А. Фуксъ относится къ 1844 году, т. е. появился въ печати черезъ семь лѣтъ послѣ преждевременной кончины поэта, когда казанская поэтесса еще не могла позаимствовать изъ вторыхъ рукъ данныхыя, касающiяся психическихъ чертъ личности Пушкина, съ такою рельефностью выступающихъ въ безхитростномъ повѣствованіи Александры Андреевны. Въ ту пору

¹⁾ «Казанскiя Губернскiя Вѣдомости», 1844 г., № 2.

были въ живыхъ и мужъ автора разсказа, К. О. Фуксъ, и пріятель поэта Э. П. Перцовъ, присутствовавшіе при всемъ томъ, что дѣлалъ и говорилъ поэтъ въ памятный вечеръ 7 сентября. Правдивость разсказа въ извѣстной степени гарантируется и личностью Н. И. Второва, давшаго ему мѣсто на столбцахъ редактируемой имъ газеты.

Но «audiatur et altera pars», какъ выражаются юристы. Попросуемъ, что говорить съ своимъ знакомствомъ съ Фуксами самъ А. С. Пушкинъ въ письмѣ къ женѣ отъ 12 сентября 1833 года, писанного въ селѣ Языковѣ, Симбирской губерніи (имѣніи извѣстнаго поэта Языкова), куда Пушкинъ, по дорогѣ въ Оренбургъ, проѣхалъ прямо изъ Казани.

«... Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ — некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной «blue stockings» (т. е. «синій чулокъ», — такъ величаетъ Пушкинъ свою казанскую почитательницу), несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи».

Извѣстно, что Пушкинъ не особенно долюбливалъ типъ женщинъ, къ которымъ сопричислилъ онъ и Фуксъ. Вспомнимъ его стихи:

Не дай Богъ встрѣтиться на балѣ
Иль при разѣздѣ, на крыльцѣ,
Съ семинаристомъ въ желтой шадѣ
Иль академикомъ въ чепцѣ...

«Она (т. е. А. А. Фуксъ), — продолжаетъ Пушкинъ, — развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ ни бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ, но Богъ помиловалъ; однако, она взяла мой адресъ и страшаетъ меня перепискою и прїездомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея — умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумлениіи отъ ея генія; однако, онъ одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился»¹⁾.

Только что выписанныя нами строки изъ письма А. С. Пушкина къ женѣ идутъ, очевидно, совершенно въ разрѣзъ какъ съ разсказомъ А. А. Фуксъ, такъ и съ письмами къ ней поэта, изъ которыхъ одно приведено уже нами выше, а остальные читатели найдутъ въ концѣ статьи. Нелѣпымъ было бы заподозрѣть самую подлинность этихъ писемъ. Въ пользу этой подлинности говорять и подробности ихъ содержанія, и время появленія ихъ въ печати (1844 г.), когда домъ Фуксовъ служилъ центромъ казанской умственной и литературной жизни, и личность самого К. О. Фукса, кото-

¹⁾ «Новые письма А. С. Пушкина» («Вѣстн. Евр.» 1878 г., № 1).

рый не могъ же быть сообщникомъ своей жены въ дѣлѣ печатанія подложныхъ писемъ такъ глубоко почитавшагося имъ великаго поэта. Но чѣмъ же объяснить это рѣзко бывающее въ глаза противорѣчіе? Ничѣмъ инымъ, конечно, какъ тѣмъ неровнымъ, нервнымъ, чисто жолчнымъ temperamentомъ, какимъ отмѣченъ былъ характеръ поэта; мы склонны видѣть въ этомъ противорѣчіи одно изъ мимолетныхъ проявленій той случайной жолчности и нерѣдко чисто психической склонности къ безотчетному сарказму, которыхъ далеко не чужда была натура поэта и съ которыми не разъ доводилось считаться людямъ, окружавшимъ Пушкина или приходившимъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе.

Ниже приводимъ мы рядъ писемъ А. С. Пушкина къ А. А. Фуксъ, обнимающихъ собою промежутокъ времени 1833—1836 годовъ. Эти письма, напечатанныя въ № 2-мъ «Казанскихъ Губернскихъ вѣдомостей» за 1844-й годъ и въ теченіе цѣлаго полувѣка остававшіяся въ неизвѣстномъ забвеніи, вмѣстѣ съ пріютившимъ ихъ сѣренѣкимъ столбомъ малораспространенной и въ напи дни рѣдкой губернской газеты того времени, свидѣтельствуютъ о совершенно иномъ отношеніи поэта къ казанской писательницѣ сравнительно съ тѣмъ презрительнымъ отношеніемъ къ ней, которое бываетъ въ глаза въ сдѣланномъ намъ выше извлечениіи изъ письма Пушкина къ женѣ, писанного пять дней спустя послѣ вечера, проведенного имъ въ домѣ Фуксовъ.

Письма А. С. Пушкина къ А. А. Фуксъ.

Письмо первое.

Текстъ этого письма, помѣченного 8-мъ сентября 1833-го года и оставленнаго А. С. Пушкинымъ для передачи А. А. Фуксъ въ утро выѣзда его изъ Казани, выше уже приведенъ нами.

Письмо второе.

19 октября 1834 г. С.-Петербургъ.

Вчера возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданною находкою: письмомъ съ посыпкою изъ Казани. Съ жадностью прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія и, между ними, ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительную, ужасную исторію Шуга-

чева. Не браните меня. Поэзія для меня, кажется, изсякла. Я—весь въ прозѣ, да еще какой!.. Право, совѣтно,—особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ быть мнѣ доставить письмо еще въ прошломъ году; съ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно, потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ по возвращенію моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту я имѣлъ удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ, но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнныи знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ приспалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь, милостивая государыня, засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Федоровичу, коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностью честь имѣю быть и пр.

Письмо третье.

15 августа, 1835 г. С.-Петербургъ.

Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ его получилъ и спѣшу препроводить вамъ мою книгу.

Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣливаюсь отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную исторію о Казани¹⁾.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Федоровича (предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть и пр.

Письмо четвертое.

20 февраля 1836 года.

Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани,—

¹⁾ «Краткая исторія города Казани», М. Рыбушкина, первое изданіе которой появилось въ 1834-мъ году.

мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь графъ Апраксинъ¹⁾ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, милостивая государыня, препроводить къ вамъ и билетъ на получение «Современника», мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствуя глубочайшее мое почтеніе любезному, почтеному Карлу Федоровичу, поручаю себя вашей и его благосклонности.

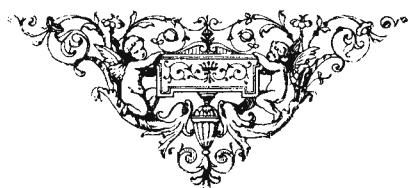
Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью и пр.

Мы исчерпали, всѣ свѣдѣнія, находившіяся въ нашемъ распоряженіи по вопросу о кратковременномъ пребываніи А. С. Пушкина въ Казани.

Не обширны и не многосторонни, быть можетъ, собранныя и приведенные нами выше данныя, но мы будемъ считать нашъ трудъ достигшимъ цѣли, если ему будетъ суждено занять хотя скромное значеніе третьестепеннаго лепестка въ томъ грандіозномъ вѣнкѣ, который въ эти дни сплетаются русская мысль и русское слово памяти своего великаго, своего народнаго поэта.

Профессоръ Н. Загоскинъ.

Казань, 4 апрѣля 1899 г.

¹⁾ Рѣчь идти здѣсь, вѣроятно, о графѣ Петре Ивановичѣ Апраксинѣ (2-мъ), ген.-майорѣ, въ 1840 г. бывшемъ начальникомъ казанскаго округа корпуса жандармовъ.

АННА ПЕТРОВНА КЕРНЪ И РОМАНСЪ „Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ“.

ТИХОТВОРЕНІЕ «Я помню чудное мгновенье», какъ извѣстно, посвящено А. С. Пушкинѣмъ Аннѣ Петровнѣ Кернѣ, этой счастливой женщинѣ, которою увлекались два могучихъ русскихъ таланта, то-есть самъ Пушкинъ и М. И. Глинка, написавшій свой прекрасный романсъ на слова «Я помню чудное мгновенье».

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не исключительное счастье быть предметомъ поклоненія, восхищенія, вдохновлять даже такихъ избранниковъ Божіихъ, какъ Пушкинъ и Глинка? Надо же было имѣть какія нибудь достоинства, надо же было чѣмъ нибудь выдѣляться изъ окружающей среды, чтобы остановить на себѣ такое исключительное вниманіе. А, между тѣмъ, все, что мы знаемъ объ А. П. Кернѣ, совсѣмъ не рисуетъ ее какой нибудь незаурядной женщины. Даже о красотѣ ея существуютъ разнорѣчивые толки и воспоминанія. Большинство сходится на томъ, что она была миловидна и, какъ нынче говорятъ, пикантна. Относительно ея ума, образования, мы тоже не имѣемъ подтверждающихъ это свѣдѣній. Впрочемъ, по словамъ самой А. П. Кернѣ, Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ Осиповой выразился такъ: «Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de m-mme; elle est timide dans les maniÃres et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante!» (Хотите ли знать, что за женщина г-жа Кернъ? У нея гибкій умъ, она понимаетъ все; легко огорчается и утѣшается точно также; застѣнчива въ пріемахъ, смѣла въ поступкахъ; но она очень привлекательна!)

«Гибкій умъ!» Да, конечно, гибкость ума—вещь красавая и привлекательная и особенно идеть къ женщинѣ. Гибкій умъ—это широкое определеніе ума, стало быть, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, если только признать, что вышеприведенные строки дѣйствительно написаны Пушкинымъ, что она была умной женщиной. Но затѣмъ всѣ прозаическія посланія поэта къ ней отнюдь уже не носятъ отпечатка восхищенія передъ ея умомъ. Они полны страсти, даже чувственности, а между тѣмъ А. П. Кернъ являлась ему, какъ «геній чистой красоты»; она будила его душу; съ ся появленіемъ

...для него воскресли вновь
И божество, и вдохновеніе,
И жизни, и слезы, и любовь.

Несомнѣнно, что А. П. Кернъ была обворожительная, очаровательная женщина и, можетъ быть, благодаря этому, терпѣла немало горя отъ клеветы и зависти, окружавшихъ ее. Вспомните другое стихотвореніе Пушкина, посвященное ей же:

Когда твои младыи лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,
Однѣль, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю...

И какимъ уже не страстнымъ, а чисто сердечнымъ призывомъ заканчиваетъ поэтъ:

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныхъ забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

Образъ А. П. Кернъ остался бы въ русской литературѣ полнымъ обаянія и красоты, если бы она не имѣла несчастія надолго пережить и Пушкина, и Глинку. Лучи ихъ генія, озарявши ее, погасли, и она изъ «генія чистой красоты» въ концѣ концовъ превратилась въ самую обыкновенную, будничную женщину, возбуждая удивление въ послѣдующихъ поколѣніяхъ: чѣмъ могла привлекать и вдохновлять эта неопрятная старушка?

Въ 1892 году, въ бытность мою редакторомъ журнала «Сѣверъ», некто В. Д. Р—въ, потомокъ одного изъ друзей Пушкина, доставилъ мнѣ небольшую, но любопытную статейку объ А. П. Кернѣ. Я тогда же ее напечаталъ въ редактируемомъ мною журналѣ, но полагаю, что въ виду ея несомнѣнно современного интереса ее умѣстно будетъ повторить цѣликомъ и на страницахъ «Исторического Вѣстника». Вотъ эта статейка:

«Анна Петровна Маркова-Виноградская, рожденная Полторацкая, въ первомъ замужествѣ была за генераломъ Кернъ. Кто не знаетъ

стихотворенія Пушкина «Я помню чудное мгновенье»... Оно посвящено А. П. Кернъ. Музыка на него написана М. И. Глинкою.

«Неудивительно, что я, пишущій эти строки, былъ очень обрадованъ, когда случай свелъ меня съ Анной Петровной. Къ сожалѣнію, я познакомился съ нею и даже довольно близко сошелся тогда уже, когда ей было подъ 70 лѣтъ.

«Какъ это большую частью бываетъ, сношенія съ нею завязались случайно. Сынъ ея отъ второго брака былъ моимъ сослуживцемъ и переселился въ тотъ городъ, где онъ служилъ, своихъ стариковъ—отца и матеръ.

«Я зналъ, до какой степени, прошлое Анны Петровны, и весьма естественно, хотя она была уже старухой, ожидалъ найти въ ней что нибудь особенное, остатокъ благо, когда она такъ заинтересовалась и поразила нашего великаго поэта. Довольно еще бодрая для своихъ лѣтъ, она пользовалась прекраснымъ аппетитомъ, но плохо видѣла и носила очки.

«Однимъ изъ ея любимыхъ удовольствій было—слушать громкое чтеніе своего мужа, преимущественно англійскихъ романовъ. Всѣ заботы дневныя сводились у нея къ двумъ вопросамъ: «что у насъ будетъ сегодня за обѣдомъ?» и «скоро ли мы начнемъ читать?»

«Къ мужу своему она питала дружескія чувства, хотя особенной любви илиуваженія ему не оказывала. Онъ былъ очень развитой и образованный человѣкъ, но Анна Петровна относилась къ нему свысока, постоянно давала чувствовать, какую она сдѣлала ему честь, выйдя за него замужъ. Она была убѣждена, что онъ долженъ вслѣдствіе этого лѣтъ изъ кожи, заботясь о ея комфорѣ и исполненіи ея прихотей.

«Мужъ называлъ Анну Петровну «мамаша»; Анна Петровна—мужа «Васильевичъ» или «папаша».

«Странный ихъ бракъ, при такомъ неравенствѣ лѣтъ, совершился (какъ я могъ заключить изъ разсказовъ самихъ Виноградскихъ) при не совсѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ. А. В., бывъ еще мальчишкомъ-кадетомъ, ходилъ въ отпускъ къ м-те Кернъ, самъ ее полюбилъ и нравился ей, какъ симпатичный и красивый мальчикъ. Чувство это не остыло въ немъ и тогда, когда онъ окончилъ курсъ, а въ это время сорокалѣтняя Анна Петровна и сама уже была не прочь выйти за него замужъ.

«Въ теченіе цѣлаго года мы жили съ семействомъ Виноградскихъ въ одной квартирѣ, хозяйство было у насъ общее. Несмотря на то, что я видѣлъ Анну Петровну каждый день и часто говорилъ съ нею, мнѣ никакъ не удавалось добиться разъясненія, почему существовала близость между нею, съ одной стороны, и Пушкинымъ, Глинкою и барономъ Дельвигомъ—съ другой. Послѣдній былъ тоже однимъ изъ ея обычныхъ посѣтителей. Она не могла привлечь ихъ образованіемъ, такъ какъ ея воспитаніе было весьма заурядно, какъ

Комната Анны Петровны Кернъ,
въ домѣ ея на Петербургской сторонѣ въ Петербургѣ. Съ рисунка тулью, находящагося въ си альбомѣ. Помещникъ принадлежитъ
П. Я. Данкову. У задней стѣны, въ глубинѣ, кресло, на которомъ обыкновенно сидѣлъ Пушкинъ во время посѣщеній своихъ А. П. Кернъ.

большинства барышень того времени, то-есть, она умѣла поддержать обыденный салонный разговоръ, сказать нѣсколько самыхъ стереотипныхъ фразъ пофранцузски и побренчать на фортепіано двѣ-три польки или вальса.

«Ея миниатюрный портретъ, снятый въ молодости (акварелью на слоновой кости), представляетъ ее дѣйствительно хорошенъкою женщиной, но все-таки наружности—довольно обыкновенной. Быть можетъ, въ ней привлекало то, что называется пикантностью— эти качества нравятся многимъ... Вѣрнѣ же всего, что она была молоденькая, недурная собой женщина, гостепріимная, веселая и не церемонная, у которой всѣ чувствовали себя, какъ дома.

«Хозяйство Анна Петровна знала больше, чѣмъ поверхность, но очень любила давать совѣты по кулинарной части; она непремѣнно сама пекла къ Свѣтлому празднику куличи и бабы и давила творожные пасхи. На все это изводилась масса всякаго добра, и все выходило всегда неудачно; причина неудачи, разумѣется, сваливалась на дрожжи, дурную провизію, печь и т. п.

«Вставала Анна Петровна довольно поздно. Мужъ ея обязанъ былъ вставать гораздо ранѣе и приготовить къ ея выходу кофе, булки и проч. Во время этихъ приготовленій, Ал. В. нерѣдко жаловался на жену (конечно, въ шуточномъ тонѣ), что она его ночью заплевала косточками отъ сливъ или абрикосовъ. Анна Петровна имѣла привычку, просыпаясь ночью, ёсть фрукты, косточки отъ которыхъ, не стѣсняясь, выплевывала на кровать мужа, при чемъ нерѣдко попадала ему въ лицо.

«Итакъ, кофе приготовленъ. Начинается день Анны Петровны... Растворяются двери ея спальни: впереди идетъ горничная, несущая на подносикѣ стаканъ холодной воды. За нею медленно, съ колодою карты въ рукахъ, двигается Анна Петровна. Происходятъ лобзанія рукъ и подставляемой щеки. Усаживаются. Анна Петровна начинаетъ перебирать поочередно всѣ булки и сухари и подносить ихъ къ носу; при этомъ о большинствѣ ихъ заявляется, что они должны быть неважны и пахнуть «воздухомъ». Затѣмъ она начинаетъ отламываніе по кусочку отъ каждой булки, не соображая, что не вся кому пріятно ёсть послѣ нея мятый и разломанный хлѣбъ.

«То же самое происходило обыкновенно за завтракомъ и обѣдомъ съ подаваемыми кушаніями. При этомъ, большею частью, порицались нынѣшние повара и кухарки, и вспоминались обѣды въ былые времена. Впечатлѣнія молодости такъ живо сохранились въ памяти Анны Петровны, что она серьезно приставала довольно долго къ своему «Васильевичу», требуя отъ него, чтобы онъ разыскалъ такую точно «розовую» конфетку, которую она однажды ёла въ молодости, сидя въ ложѣ сенатора Бухарина.

«Послѣ довольно продолжительного питья кофе, начинались приготовленія къ громкому чтенію. Проходя изъ столовой въ комнату,

предназначенную для чтения, Анна Петровна имѣла привычку останавливаться передъ кѣмъ нибудь изъ членовъ семейства, живущаго вмѣстѣ съ Виноградскими, и, положивъ ему руки на плечи и пристально смотря на него черезъ очки, спрашивала:

— «Скажите, душенька, любите вы меня?

— «Очень люблю,— обыкновенно отвѣчали ей.

— «Ну, спасибо вамъ... Анна Петровна успокоивалась и отправлялась раскладывать грань-пасьянсъ подъ громкое чтеніе мужа.

«Такое чтеніе было тоже довольно затруднительно. Она слушала весьма разсѣянно и нерѣдко, на какомъ нибудь интересномъ мѣстѣ романа, прерывала чтеніе совершенно посторонними вопросами, большою частью относящимися къ предстоящему завтраку или обѣду.

«Какъ я уже упоминалъ, Анна Петровна весьма рѣдко говорила о разныхъ эпизодахъ своего знакомства съ Пушкинымъ, Глинкою и барономъ Дельвигомъ. Изъ всѣхъ ея отрывочныхъ рассказовъ, я помню только, какъ М. И. Глинка, сидя у нея въ квартирѣ, сочинилъ свою извѣстную «балладу Финна» въ «Русланѣ», при чмъ заимствовалъ мелодію отъ проѣзжавшаго мимо оконъ чухонца, пѣвшаго свою народную пѣсню. Она рассказывала еще, что М. И. Глинка очень любилъ красное вино и пилъ его въ большомъ количествѣ. О Пушкинѣ Анна Петровна вспоминала, какъ обѣ очень свѣтскомъ человѣкѣ. Пушкинъ былъ большой ловеласъ, отличался остроумiemъ и находчивостью. Одинъ только анекдотъ про Пушкина Анна Петровна рассказывала охотно и часто.

«Въ обществѣ зашелъ разговоръ о томъ: гдѣ лучше быть послѣ смерти — въ раю или въ адѣ?

«Когда съ этимъ вопросомъ обратились къ Пушкину, онъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— «Конечно, въ раю! Я увѣренъ, что встрѣчу тамъ такую прелестную женщину, какъ т-те Кернъ!

«Въ пору нашего знакомства Анна Петровна вообще была весьма прозаическимъ, тѣжелымъ на подъемъ существомъ. Только разъ мнѣ случилось видѣть ее взволнованною. Въ городѣ, гдѣ мы жили, прѣбхалъ давать концертъ нашъ, въ свое время извѣстный, пѣвецъ Коммисаржевскій. Какъ хорошему своему знакомому, я предложилъ ему остановиться у насъ.

«Въ нашей квартирѣ былъ рояль, и Коммисаржевскій доставлялъ намъ весьма часто удовольствіе своимъ прекраснымъ пѣніемъ.

«Узнавъ, что старушка Виноградская — та самая А. П. Кернъ, которой посвященъ романъ «Я помню чудное мгновеніе», артистъ запѣлъ его однажды въ присутствіи Анны Петровны.

«Симпатичный его голосъ, умѣніе фразировать и красивая наружность подействовали на старушку такъ, что она совсѣмъ преобразилась: она вся затряслась, щеки вспыхнули неестественнѣ

для ея лѣтъ румянцемъ, и даже потухшіе, безжизненные глаза засияли. По окончаніи романса, она бросилась пѣвцу на шею и громко разрыдалась.

«Много разъ Ф. П., по ея и нашей общей просьбѣ, повторялъ этотъ романсъ, и почти всякий разъ повторялась вышеописанная сцена.

«Въ скромъ времени Виноградскіе, найдя жизнь въ К. слишкомъ дорогою, перѣѣхали въ одинъ изъ уѣздныхъ городковъ Малороссіи, и съ тѣхъ поръ мы не видались. Это было въ концѣ 60-хъ годовъ. Лѣтъ десять тому назадъ Анна Петровна умерла уже въ глубокой старости»¹⁾.

Какъ видите, не особенно привлекательными красками г. Р—въ рисуетъ старушку А. П. Кернъ, а между тѣмъ, посмотрите, какъ заботливо, бережливо и даже любовно относится къ ней ея мужъ, человѣкъ далеко еще не старый, во всѣхъ отношеніяхъ порядочный, умный и образованный. За что? Былая красота уже утрачена, прежнюю грацію смѣнило неряшество; изящную кокетливость — старческое брюзжаніе. Вѣдь, не за то же, въ самомъ дѣлѣ, любить онъ ее, что ее любили и Пушкинъ, и Глинка. Такой черты нельзя ожидать въ мужѣ. Нѣтъ, надо полагать, что была въ Аннѣ Петровнѣ какая-то внутренняя, духовная привлекательность. Да не любили бы ее ни Пушкинъ, ни Глинка, не будь у нея этой духовной привлекательности. Одной красоты мало. Красотой можно увлечься, обезумѣть отъ страсти, но страсть гаснетъ быстро, какъ только исчезаетъ красота. А Анну Петровну любили до самаго преклоннаго возраста.

Съ своей же стороны Анна Петровна, какъ мы видимъ изъ очерка г. Р—ва, относилась къ мужу даже свысока, какъ бы давая ему понять, что она, уже перевалившая за сорокалѣтній возрастъ, сдѣлала честь молодому, красивому и образованному человѣку, выйдя за него замужъ. Тутъ чувствуется невольно нѣкоторая, простительная даже, гордость. Да какъ и не гордиться женщинѣ, которую любили Пушкинъ и Глинка. Полагаю, до послѣднихъ дней ея жизни, горѣль еще въ душѣ ея тотъ священный огонекъ, который зажгла любовь этихъ могучихъ творцовъ. Она рѣдко вспоминала объ нихъ. Это не мудрено — она щадила самолюбіе своего мужа, но когда до слуха ея долетѣли вдохновенные слова поэта, иллюстрированныя не менѣе вдохновенной музыкой, старушка не выдержала и разрыдалась.

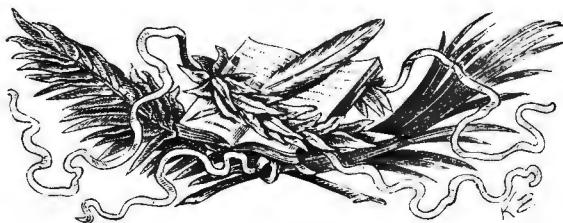
Нѣтъ сомнѣнія, что А. П. Кернъ была вполнѣ достойна и вдохновенныхъ стиховъ Пушкина и чудной музыки Глинки.

Чтобы закончить мою замѣтку, упомяну еще объ одной странной встрѣчѣ: существуетъ разсказъ, что когда бренные останки

¹⁾ «Сѣверъ», 1892 г., № 8.

А. П. Кернъ препровождались къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, на одно изъ московскихъ кладбищъ, съ печальной похоронной процессіей, встрѣтилась другая процессія, запрудившая всю улицу и остановившая даже движение гроба: везли колоссальный монолитъ для пьедестала бронзовой фигуры обожавшаго ее поэта.

Влад. Тихоновъ.

ПОХОРОНЫ А. С. ПУШКИНА И ЕГО МОГИЛА.

РЕДИ интеллигентной Россіи Свято-Горскій монастырь становится извѣстнымъ сравнительно недавно, въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, или иначе со времени погребенія въ немъ А. С. Пушкина.

Связь великаго поэта съ этимъ небольшимъ, захолустнымъ монастырькомъ обусловливается тѣмъ, что въ четырехъ верстахъ отъ Святыхъ-Горъ расположено пушкинское имѣніе Михайловское, гдѣ жилъ нѣкоторое время Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. Михайловское и въ настоящее время большое имѣніе, около 1000 десятинъ удобной земли, или точнѣе часть большого имѣнія, извѣстнаго среди окрестнаго населенія подъ именемъ Зуёва. Первоначально же это сельцо входило въ составъ тѣхъ имѣній и деревень, которыхъ вмѣстѣ съ бывшимъ пригородомъ Вороничемъ были пожалованы въ 1742 году императрицею Елизаветою Петровною извѣстному «арапу Петра Великаго», Абраму Петровичу Ганнибалу¹).

По смерти Абрама Петровича, Михайловское, вмѣстѣ съ окрестными деревнями, въ количествѣ 213 душъ крестьянъ, досталось его третьяму сыну Осипу Абрамовичу, получившему широкую извѣстность бракоразводнымъ процессомъ съ своею супругою, Марией Алексеевной, урожденной Пушкиной. Осипъ Абрамовичъ посѣщалъ иногда Михайловское и даже живаль въ немъ: при этихъ посѣщеніяхъ у него завязались сношения съ Свято-Горскимъ монастыремъ.

¹⁾ Еще ранѣе Вороничъ съ прилегающими деревнями принадлежалъ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, а по ея смерти былъ приписанъ «ко двору» (Истор. Вѣсти., 1886 г., т. XXIII, 134 стр.).

Монастырь видимо настолько расположилъ Ос. Абр. въ свою пользу, что послѣдній, совмѣстно съ крестьянами, подарилъ ему небольшую пустошь (25 дес.) «Долгую», находящуюся во владѣніи монастыря и доселѣ. Какъ благотворитель монастырскій, Ос. Абр. удостоенъ особенной чести быть погребеннымъ возлѣ алтаря Успенского соборнаго храма, гдѣ обыкновенно въ монастыряхъ хоронятъ начальствующихъ лицъ: настоятелей, казначеевъ и проч. Ветхая плита съ почти истершееся надписью доселѣ лежитъ на могилѣ Ос. Абр., находящейся по лѣвой сторонѣ (ближе къ алтарю) отъ могилы его великаго внука.

Чрезъ 10 лѣтъ (въ 1818 г.) послѣ смерти Ос. Абр. нашла здѣсь вѣчное успокоеніе и его несчастная супруга, Марья Алексѣевна.

Послѣ Осила Абрамовича, Михайловское досталось его единственной дочери Надеждѣ Осиповнѣ, вышедшей замужъ за Сергѣя Львовича Пушкина, отца поэта. Такимъ путемъ Михайловское перешло въ фамилию Пушкиныхъ.

Новые владѣльцы сельца смотрѣли на Свято-Горскій монастырь уже, какъ на свою фамильную усыпальницу, посѣщали его во время лѣтнаго пребыванія въ Михайловскомъ, и въ немъ же погребены между могиль Ганибаловъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, какъ любилъ Михайловское А. С. Пушкинъ, какъ часто бывалъ онъ въ немъ, и какую роль сыграло это сельце въ исторіи его творческой дѣятельности. Обо всемъ этомъ достаточно известно изъ біографіи великаго поэта. Для насъ же интересны данные объ отношеніи поэта къ монастырю. Изъ того немногаго, что сохранилось здѣсь о Пушкинѣ, можно заключить, что какъ во время своихъ periodическихъ наѣздовъ въ Михайловское, такъ и въ теченіе двухлѣтнаго своего пребыванія тамъ (1824—1826 г.) Алекс. Сер. любилъ посѣщать Свято-Горскій монастырь. Не беремся рѣшать, что влекло его сюда. Можетъ быть, та безотчетная «любовь къ отеческимъ гробамъ», о которой онъ самъ говорить,—можетъ быть, тихія, полныя живой вѣры бесѣды настоятеля Іоны, старца святой жизни, къ которому, по монастырскому преданію, Алекс. Сер. ходилъ каждую субботу, а, можетъ быть, и та дѣтская, простодушная народная вѣра, которая создала эту обитель и влекла къ ней богомольцевъ съ разныхъ концовъ Россіи и которая, несомнѣнно, находила откликъ въ чуткой душѣ поэта...

Къ сожалѣнію, какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и въ прилегающей къ нему слободѣ, образовавшейся постепенно изъ семействъ бывшихъ монастырскихъ служителей и крестьянъ, почти не сохранилось воспоминаній о поэтѣ. Доселѣ здѣсь живеть одно общее преданіе, что Алекс. Сер. любилъ монастырь, равно какъ и его здѣсь всѣ любили и знали, какъ доброго барина, и очень жалѣли, когда онъ умеръ. Иногда, особенно во время большого стеченія народа на монастырскіе праздники и ярмарки, Александръ Сергеевичъ являлся сюда одѣтымъ въ народный костюмъ, и замѣшивавшись незамѣтно въ

толпу, изучалъ народъ, его образную рѣчь, пѣсни и причитанья... Въ родныхъ мѣстахъ Опочецкаго и Новоржевскаго уѣздовъ, далеко сравнительно отстоящихъ отъ Свято-Горскаго монастыря, намъ приходилось слышать обѣ этомъ разсказы. Во всѣхъ нихъ, съ небольшими вариаціями, передается въ сущности одно и то же, что поэтъ въ «девятнадцати» хаживалъ по ярмаркѣ въ бѣлой холстинной рубахѣ, подпоясанной узенькимъ краснымъ пояскомъ (какіе и нынѣ носятъ крестьяне Псковской губерніи), въ холщевыхъ же штанахъ крестьянскаго покрова и «берестеникахъ», что онъ шутилъ съ торговцами и пилъ сбитень у калачницъ, а у святыхъ воротъ вмѣшивался въ толпу сидящихъ здѣсь нищихъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними стихи про Лазаря и Алексія Божіяго Человѣка. Иногда Александръ Сергеевичъ составлялъ изъ нищихъ старцевъ цѣлый хоръ и дирижировалъ имъ, размахивая «желѣзной дубинкой съ бубенчиками», что со бирало къ воротамъ большую толпу слушателей. При этомъ «вотъ съ Пушкинымъ какая разъ исторія произошла», — рассказывалъ В. Острогорскому одинъ святогорскій обыватель со словъ своего отца, современника поэта. «Пѣлъ это онъ въ девятницкую нашу ярмарку съ нищими Лазаря и деньги собиралъ. Народу набилось столь много, что въ воротахъ ни пройти, ни пройхать. А тутъ самъ г. исправникъ идетъ — нѣть ему хода, да и только. Осерчалъ, кричитъ: «взять его, моль, подъ арестъ!» Вотъ двое соцкихъ и повели Пушкина. Тотъ идетъ себѣ, ничего. Только вдругъ это ему на встрѣчу становой приставъ. — «Александръ, — говоритъ, — Сергеевичъ! Куда это вы, батюшка?» — «Да, вотъ, — говоритъ, — подъ арестъ ведутъ». — «Кто же это васъ арестовалъ?» «Исправникъ». «Да, Богъ съ вами, ступайте домой». А Пушкинъ-то: «нѣть, говорить, не хочу. Арестованъ и пойду». Тогда ужъ становой за исправникомъ послалъ, который Пушкина-то и не зналъ, а узнавъ, что дескать это, онъ отпустилъ и даже пѣть разрѣшилъ: «пустъ, говорить, поеть», а для проѣзда велѣлъ открыть другія ворота. Отецъ разсказывалъ, — продолжалъ свято-горскій обыватель, — что очень хорошъ до народу баринъ былъ Пушкинъ и совсѣмъ простой, со всѣми нами свой человѣкъ и какой веселый! Ужъ какъ жалѣлъ его народъ, какъ убили-то его¹⁾. Любиль окрестный людъ крестьянскій Алекс. Серг. за его доброту и простоту обращенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смущался этою простотою и вообще поведеніемъ поэта. Многое въ манерахъ и поступкахъ поэта, очевидно, не мирилось въ народномъ сознаніи съ сложившимся представлениемъ о баринѣ, и народъ считалъ геніального поэта «tronувшимся», т.-е. сумасшедшемъ. Такимъ поэтъ представляется въ воспоминаніяхъ старика-крестьянина, современника Александра Сергеевича, записанныхъ еще 19 лѣтъ тому назадъ.

«Мы, батюшка, — говорилъ 70-лѣтній старикъ посѣтителямъ

¹⁾ «Миръ Божій» 1898 г., № 9-й, стр. 222—223.

Село Тригорское.

Тригорскаго,—были не его (т.-е. Пушкина) крѣпостные, а осиповскіе, здѣшнихъ, значитъ, господъ. Онъ оченno часто бывалъ у покойницы нашей барыни, почти что каждоденно, и мы, значитъ, его очень хорошо знаемъ. Да, хороший былъ баринъ: царство ему небесное! Добрый такой, да ласковый, но только немного тронувшись былъ (т.-е. съ ума сошелъ).—«Отчего ты такъ думашь, что Пушкинъ былъ тронувшись?»—спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ старика. «Да какъ же, батюшка! вотъ какъ теперь, я его вижу: идетъ онъ бывало изъ усадьбы съ нашими барышнями по Тригорскому съ желѣзной такой палочкой... надо полагать, отъ собакъ онъ бралъ ее съ собой... бросить ее вверхъ, схватить свою шляпу съ головы и почнетъ бросать на землю, али опять вверхъ, а самъ подпрыгиваетъ да прискакиваетъ. А то еще чудный; разъ это я иду по дорогѣ въ Зуево, а онъ мнѣ навстрѣчу; остановился это такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, словно столбякъ на него напелъ, ажно я испугался, да въ рожь и спрятался и смотрю; а онъ вдругъ почалъ такъ громко разговаривать промежъ себя на разные это голоса, да руками все такъ разводитъ—согсѣмъ какъ тронувшійся!» «Ну, а больше ничего не знаешь?» «Частенько мы его видали по деревнямъ на праздникахъ. Бывало, придетъ въ красной рубашкѣ и смазныхъ сапогахъ, станетъ съ дѣвками въ хороводъ и все, значитъ, слушаетъ, да слушаетъ, какія это онѣ пѣсни спѣваютъ, и самъ съ ними пляшетъ и хороводъ водитъ»¹⁾.

За годъ до своей кончины, Александръ Сергеевичъ въ 1836 году похоронилъ въ Свято-Горскомъ монастырѣ свою мать и тогда же, какъ бы предчувствуя скорую смерть, указалъ и приобрѣлъ мѣсто для своей могилы. Предчувствіе поэта сбылось. 29 января 1837 года, онъ погибъ. Согласно его желанію, жена ходатайствовала предъ императоромъ о погребеніи Александра Сергеевича въ Свято-Горскомъ монастырѣ. 3-го февраля, послѣдовало на это высочайшее разрѣшеніе; прахъ поэта былъ отправленъ «къ милому предѣлу» и тамъ преданъ землѣ, хотя и не съ тою торжественностью, какую заслужилъ отъ родной страны оживлявшій это тѣло чудный духъ. «3-го февраля,—говоритъ В. А. Жуковскій въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ С. Л. Пушкину,—въ 10 часовъ вечера собрались мы въ послѣдний разъ къ тому, что еще для насть оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду, ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома, и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ».

Тѣло сопровождали, съ высочайшаго разрѣшенія, А. И. Тургеневъ, старики-лакей Александра Сергеевича, носившій его еще на

¹⁾ «Витебск. Губ. Вѣдом.» 1899 г., № 27.

рукахъ, и жандармъ. Быстро мчались сани съ останками поэта къ родовой усыпальницѣ. 4-го февраля, въ 9 часовъ вечера, они достигли Пскова. Ничѣмъ не почтили вѣдьсѧ, насколько извѣстно, останковъ поэта. Словно, это провозили не гордость Русской земли, а какого-то тяжкаго политического преступника! «По надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е февраля тѣло было отправлено чрезъ г. Островъ въ Свято-Горскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера. Тѣло поставили на Святой Горѣ въ соборной Успенской церкви и отслужили съ вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той, гдѣ покоятся его мать. На другой день, на разсвѣтѣ, по совершенніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ своему помѣщику»¹⁾. Это сообщеніе, сдѣланное въ Пушкинскомъ «Современникѣ» вскорѣ же послѣ погребенія поэта, свидѣтельница похоронъ Александра Сергеевича, Екатерина Ивановна Фокъ (младшая дочь П. А. Осиповой), имѣвшая въ то время 13 лѣтъ, дополняетъ слѣдующими подробностями: «Когда произошла эта несчастная дуэль, я, съ матушкой и сестрой Машей, была въ Тригорскомъ, а старшая сестра, Анна, въ Петербургѣ. О дуэли мы уже слышали, но ничего путемъ не знали, даже, кажется, и о смерти. Въ ту зиму морозы стояли страшные. Такой же морозъ былъ и 5-го февраля 1837 года. Матушка недомогала и, послѣ обѣда, такъ часу въ третьемъ, прилегла отдохнуть. Вдругъ видимъ въ окно: юдеть къ намъ возокъ съ какими-то двумя людьми, а за ними длинныя сани съ ящикомъ. Мы разбудили мать, вышли на встрѣчу гостямъ: видимъ, нашъ старый знакомый, Александръ Ивановичъ Тургеневъ. По-французски рассказалъ Тургеневъ матушкѣ, что пріѣхали они съ тѣломъ Пушкина, но, не зная хорошенъко дороги въ монастырь и перезябши, вмѣстѣ съ везшимъ гробъ ящикомъ, пріѣхали сюда... Нечего и говорить, какая кутерьма поднялась у насъ въ домѣ. Мать моя сейчасъ же дала знать настоятелю монастыря Геннадію, а тѣмъ временемъ drogi съ ящикомъ, въ которомъ помѣщался трупъ Пушкина, въ сопровожденіи жандарма были направлены въ Святые Горы. Вы, должно быть, знаете, — прибавила Екатерина Ивановна, — что гробъ Пушкина отъ самаго Петербурга сопровождалъ жандармъ. Впрочемъ, этотъ жандармъ, повидимому, очень тяготился своей ролью, по крайней мѣрѣ, на похоронахъ онъ не присутствовалъ, хотя по инструкціи и долженъ былъ присутствовать. Вмѣстѣ съ гробомъ послали въ монастырь мужиковъ изъ Тригорскаго и Михайловскаго копать могилу. Но ее копать не пришлось: земля вся промерзла — ломомъ пробивали ледъ, чтобы дать

¹⁾ «Современникъ» 1837 г.

мѣсто ящику съ гробомъ, который потомъ и закидали снѣгомъ. На утро, чѣмъ свѣтъ, поѣхали наши гости хоронить Пушкина, а съ ними и мы обѣ—сестра Маша и я, чтобы, какъ говорила матушка, присутствовалъ при погребеніи хоть кто нибудь изъ близкихъ. Рано утромъ внесли ящикъ въ церковь и послѣ заупокойной обѣдни всѣмъ монастырскимъ клиромъ съ настоятелемъ, архимандритомъ, столѣтнимъ старикомъ Геннадиемъ во главѣ, похоронили Александра Сергеевича, въ присутствіи Тургенева и насть, двухъ барышень. Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадій вынуть ящикъ и закопать его въ землю уже окончательно. Склепъ и все прочее устроивала сама моя мать, такъ любившая Пушкина, Прасковья Александровна. Никто изъ родныхъ такъ на могилѣ и не былъ»¹⁾.

Такъ быстро и незамѣтно провезено было тѣло Пушкина чрезъ Псковскую губернію и также быстро и чрезвычайно скромно погребено въ Свято-Горскомъ монастырѣ. Во всѣхъ перечисленныхъ мѣстахъ его уже ожидали официальны предупрежденія мѣстныя власти и поступали согласно предписаніямъ, понимая ихъ, можетъ быть, чрезчуръ буквально и исполняя чре兹ъ мѣру усердно. Позволимъ себѣ привести здѣсь копіи документовъ, относящихся къ перевезенію и погребенію тѣла А. С. Пушкина; документы эти сравнительно недавно открыты въ псковскихъ архивахъ и потому мало извѣстны.

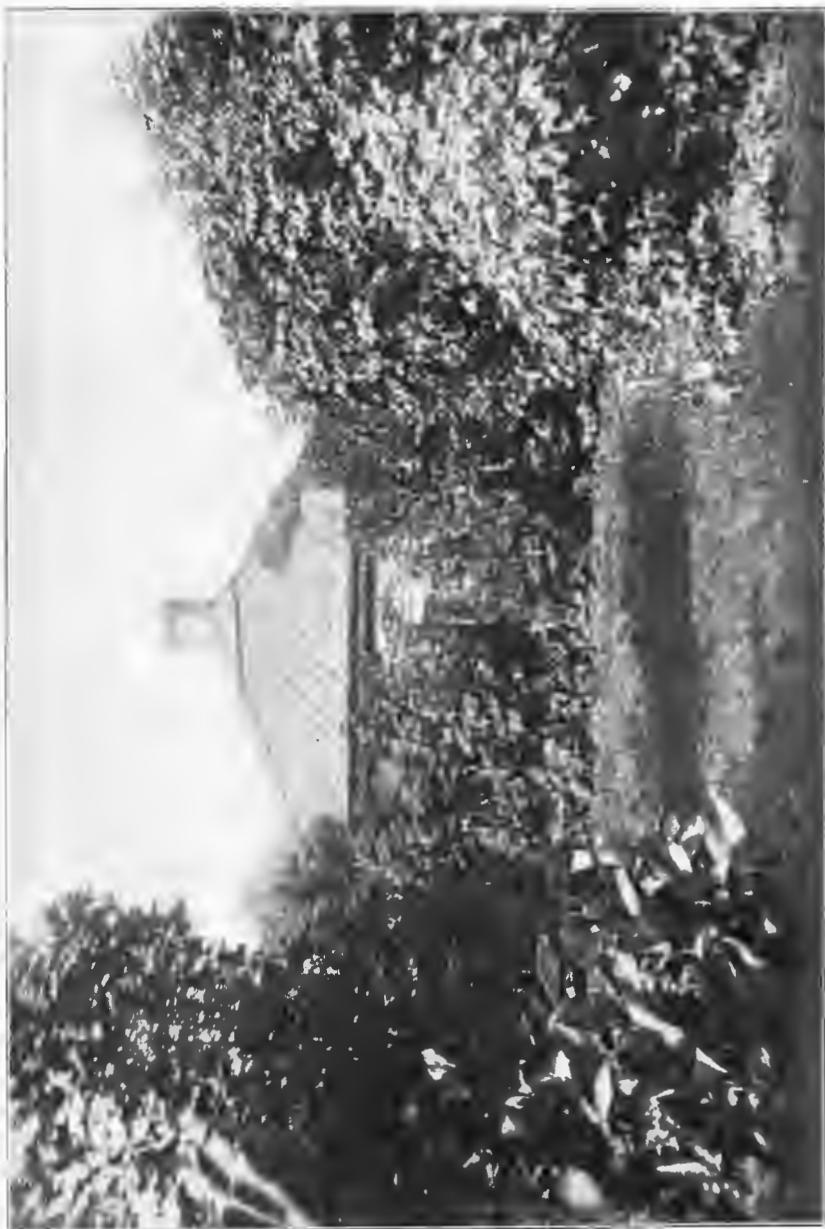
1) «Предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ Псковскому губернатору 1-го февраля 1837 года за № 389.

«Скончавшійся здѣсь 29-го минувшаго генваря въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Александръ Сергеевичъ Пушкинъ, при жизни своей, изъявилъ желаніе, чтобы тѣло его предано было землѣ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, въ монастырѣ Святой Горы, на что вдова его просить разрѣшеніе. Разрѣшивъ перевозъ помянутаго тѣла, буде оно еще не предано землѣ и закупорено въ засмоленомъ гробѣ, имѣю честь уведомить о томъ Ваше Превосходительство, покорнѣйшее прося Васъ, Милостивый Государь, учинить зависящее отъ Васъ въ семъ случаѣ по части гражданской распоряженія въ Псковской губерніи. Къ сему не лишнимъ считаю присовокупить, что обѣ учиненіи надлежащихъ въ семъ случаѣ по части духовныхъ распоряженій я сообщилъ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

«Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Статсь-Секретарь Д. Блудовъ.

«Директоръ Оржевскій».

¹⁾ Приводимъ этотъ разсказъ по статьѣ В. Острогорскаго (Міръ Божій 1898 г., № 9) съ нѣкоторыми дополненіями изъ статьи г. Яблонскаго (Сынъ Отец. 1899 г.).

Домъ Пушкина въ селѣ Михайловскомъ,

2) «Отпускъ донесенія Псковскаго губернатора Пещурова г. министру внутреннихъ дѣлъ отъ 8-го февраля 1837 года за № 1097.

«На предписаніе Вашего Высокопревосходительства имѣю честь донести, что вслѣдствіе отношенія ко мнѣ управляющаго III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцелярии дѣйствительнаго статскаго советника Мордвинова съ объявленіемъ Высочайшей воли о провозѣ тѣла умершаго камеръ-юнкера Пушкина распоряженіе мною сдѣлано еще до получения предложенія Вашего».

3) «Рапортъ Островскаго исправника Бородина Псковскому губернатору, отъ 9-го февраля 1837 года за № 3. «Секретно».

«Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 4-го сего февраля за № 557 донести честь имѣю, что тѣло умершаго въ С.-Петербургѣ камеръ-юнкера Александра Пушкина чрезъ сей уѣздъ 5-го числа и 6-го по-утру весьма рано командированымъ мною состоящимъ при занятіи дѣлами въ земскомъ судѣ, поручикомъ Филиповичемъ, препровождено въ Опочецкій уѣздъ, въ находящійся близъ имѣнія отца покойного Пушкина Свято-Горскій монастырь и предано по обряду христіанскому землѣ».

«Земскій исправникъ Бородинъ».

4. «Опочецкаго уѣзда Свято-Горскаго монастыря архимандриту Геннадію.

«Ордеръ».

«Его Сиятельство Г. Сунодальныи Оберъ-Прокуроръ Николай Александровичъ Протасовъ сообщаетъ мнѣ, что, по просьбѣ вдовы скончавшагося въ С.-Петербургѣ 29-го минувшаго января въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Александра Сергеевича Пушкина, разрѣшено перевезти тѣло его Псковской губерніи Опочецкаго уѣзда въ монастырь Святой Горы, для преданія тамъ землѣ, согласно желанію покойного.

«Съ симъ вмѣстѣ г. гражданскій губернаторъ извѣщаетъ меня о семъ предметѣ, присовокупля Высочайшую Государя Императора волю, чтобы при семъ случаѣ не было никакого особенного изъявленія, никакой встрѣчи, словомъ никакой церемоніи, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребеніи тѣла дворянъ. Также Его Превосходительство увѣдомляетъ меня, что отпѣваніе тѣла совершено уже въ С.-Петербургѣ.

«Преданіе тѣла покойного г. Пушкина въ Свято-Горскомъ монастырѣ предписываютъ вамъ исполнить согласно воли Его Императорскаго Величества Государя Императора.

«Наeanailъ, архіепископъ Псковскій¹⁾.

«№ 10, 4 февраля 1837».

¹⁾ Первые три документа извлечены изъ дѣлъ архива Псковскаго губернскаго правленія (по описи № 13, 1837 г.), а послѣдній—изъ архива Свято-Горскаго мо-

А. С. Пушкинъ погребенъ среди могилъ своихъ предковъ: Ос. Абр. Ганнибала, положенного ближе всѣхъ къ алтарю Успенской соборной церкви,—и бабки Мары Алексѣевны, могила которой теперь приходится на краю обрыва Святой Горы. Александръ Сергеевичъ положенъ подлѣ могилы его матери; возлѣ Александра Сергеевича погребенъ его отецъ въ 1848-мъ году; въ настоящее время могилъ его родителей нельзя найти.

На могилѣ поэта долгое время стоялъ черный деревянный крестъ съ лаконическою надписью: Пушкинъ.

Крестъ этотъ въ 50-хъ, по всей вѣроятности, годахъ замѣненъ памятникомъ, стоящимъ донынѣ. Памятникъ довольно скромный. Основаніемъ его служить каменный бутъ, а на немъ кирпичный оштукатуренный фундаментъ, покрытый по краямъ листовыми желѣзомъ. На фундаментѣ двѣ плиты, а на нихъ еще меньшаго размѣра плита изъ гранита, на ней стоить бѣлый мраморный обелискъ въ формѣ усѣченной пирамиды. Въ нижней части обелиска полу круглая сквозная ниша, въ срединѣ которой стоить урна, эмблема погребенія, прикрытая ниспадающимъ покрываломъ. На верхней части обелиска, съ передней стороны, обращенной къ храму, вѣланъ бронзовый, вызолоченный крестъ, а подъ нимъ звѣздочка въ срединѣ лавроваго вѣнка, высѣченного въ гранитѣ. Карнизъ обелиска надъ полукруглой нишой укрѣпленъ по угламъ акротеріями, а съ передней стороны карнизъ этотъ имѣеть видъ невысокаго фронтончика и укрѣпленъ двумя перекрещающимися рѣзцами, обвитыми вѣнкомъ. На гранитной плите къ сторонѣ храма находится слѣдующая надпись: «Александръ Сергеевичъ Пушкинъ, родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года, скончался въ С.-Петербургѣ 29 января 1837 года». Общая высота памятника около 6-ти аршинъ. Онъ окружено невысокою желѣзною рѣшеткой и стоитъ въ 4-хъ шагахъ отъ церкви¹⁾. Памятникъ не всегда содержался въ должномъ порядкѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ, по словамъ П. Н. Полеваго, приближался къ разрушенню. По сообщенію другого туриста, бывшаго въ эти же годы въ Святыхъ Горахъ, въ монастырѣ даже не всѣ могли указать могилу Александра Сергеевича. «На мой вопросъ, — говорить этотъ туристъ, — где могила поэта Пушкина? провожавшій меня послушникъ отвѣтилъ, что не можетъ указать могилы Пушкина, а знаетъ могилу помѣщицы Пушкиной (?!), которая и оказалась отыскива-

настыря. Документы эти были напечатаны въ «Псковск. городск. листкѣ» (1896 г., №№ 72 и 99-й); въ виду малораспространенности этого изданія мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ.

¹⁾ В. Острогорскій въ своей прекрасной статьѣ «Пушкинскій уголокъ» (Міръ Божій, 1898 г., № 9-й) говоритъ, что памятникъ поставленъ въ 70-хъ годахъ; но о памятникѣ уже упоминаетъ Аиненковъ въ своихъ «Матеріалахъ», напечатанныхъ въ 50-хъ годахъ (П. Аиненковъ, «Матеріалы для біогр. Пушкина», стр. 429).

мою мною могилою»¹⁾). Только уже въ 1880 году, наканунѣ открытия памятника Пушкину къ Москвѣ, былъ подновленъ надмогильный памятникъ въ Святыхъ-Горахъ²⁾.

26-го мая 1880 года, въ день, назначенный для открытия московского памятника Александра Сергеевича, совершиено было скромное торжество и на могилѣ поэта.

Наканунѣ этого дня, вечеромъ, въ Святыя-Горы прибыла изъ Пскова депутація отъ псковскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія съ металлическими вѣнками отъ своихъ учрежденій. Сряду же, по прибытіи въ монастырь, депутаты направились къ могилѣ поэта и нашли памятникъ, какъ говорить стоявшій во главѣ депутації тогдашній преподаватель псковскаго Сергиевскаго реальнаго училища И. Вв-скій,—въ полномъ порядкѣ, заново исправленнымъ; «площадка около него усыпана свѣжимъ пескомъ; рѣшетка была покрашена еще свѣжею черною краскою и была убрана зеленою; по угламъ памятника повѣшены были вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ. Чей это даръ? кто принесъ? намъ осталось это неизвѣстнымъ»³⁾.

26-го числа, въ 10 часовъ утра, въ Успенской соборной церкви монастыря была совершена заупокойная литургія настоятелемъ о. архимандритомъ Михаиломъ. «Здѣсь мы увидали,—продолжаетъ свои воспоминанія г. И. Вв-скій,—предводителей дворянства Опочецкаго и Островскаго уѣздовъ, нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ и дамъ, а такъ же начальницу опочецкой женской прогимназіи съ нѣкоторыми изъ воспитанницъ и классныхъ дамъ, пріѣхавшихъ на подводахъ изъ Опочки; при входѣ въ церковь и на паперти церковной была небольшая кучка старухъ и старииковъ изъ простонародья.

По окончаніи заупокойной обѣдни, ровно въ 12 часовъ, совершена была о. Михаиломъ соборнѣ панихида на самой могилѣ Александра Сергеевича. Вся небольшая площадка за церковью занята была прибывшей интеллигенціей. Рѣшетка надгробнаго памятника вся была увѣшана вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ — это даръ воспитанницъ прогимназіи и нѣкоторыхъ дамъ, присутствовавшихъ на панихидѣ. Предъ началомъ панихиды о. архимандритъ сказалъ краткое слово, въ которому онъ коснулся значенія поэта въ отечественной литературѣ. Послѣ его рѣчи пишущій сіи строки вмѣстѣ съ депутатомъ отъ гимназіи возложили вѣнки, сдѣланые изъ искусственныхъ металлическихъ цвѣтовъ и драпированные голубыми лентами. На одномъ была слѣдующая надпись:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я мирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призываѣть».

¹⁾ «Древн. и Нов. Россія» 1880 г., май, стр. 11.

²⁾ П. Н. Полевой, «Художест. Россія», т. I, стр. 306.

³⁾ «Витебскія Губ. Вѣдом.» 1899 г., № 17.

Памятникъ Пушкину на его могилѣ въ Святогорскомъ монастырѣ.

«Незабвенному генію—поэту Александру Сергеевичу Пушкину отъ служащихъ и воспитанниковъ псковского сергіевского реального училища». На другомъ такая: «26 мая 1880 года. Отъ псковской гимназіи». Влѣдь за этими началась и самая панихида. Панихида эта, отслуженная простецами-монахами, при пѣніи незатѣйливаго хора монастырскихъ послушниковъ, произвела, по словамъ автора воспоминаній, сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. «Настроение минуты,—говорить онъ,— захватывало всѣхъ: у нѣкоторыхъ дамъ были слезы на глазахъ; мужчины, какъ-то понуро опустивши головы, стояли въ молчаніи; нѣкоторые изъ нихъ нервно крестились; другіе тихо подпѣвали монастырскимъ пѣвчимъ»¹⁾.

Послѣ реставраціи памятника въ 1880 году, онъ опять стала постепенно приходить въ упадокъ, очевидно, вслѣдствіе того, что ницья заботливая рука не слѣдила за нимъ. Постоянно размывало дождями кирпичный фундаментъ постамента, незакрываемый на зиму мраморъ обелиска стала вывѣтреваться и терять свою свѣжесть, дорожка къ могилѣ и самая могила почаству заростали высокою травою. А досужіе посѣтители испещряли бѣлую поверхность обелиска надписями и фамиліями.

Начиная съ 80-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ въ печати дѣловой рядъ свидѣтельствъ о неприглядномъ видѣ пушкинской могилы и памятника на ней. Могилу, поросшую травой, обсыпающейся кирпичъ и исцарапанный обелискъ приходилось видѣть лично и пишущему эти строки при посѣщеніи Свято-Горскаго монастыря въ 1892 и 1895 годахъ. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и прилагаемый рисунокъ могилы съ фотографіи, сдѣланной уже лѣтомъ 1896 года, послѣ пребыванія на этой могилѣ академика Л. Н. Майкова и харьковскаго попечителя И. И. Хрущова, возложившихъ на обелискъ изящный металлический вѣночъ (видимый на рисункѣ). Въ томъ же 1896 году могилу поэта посѣтилъ государственный контролеръ Т. И. Филипповъ. Въ окрестностяхъ Святыхъ-Горъ намъ приходилось слышать разсказъ, что высокій посѣтитель пришелъ въ ужасъ отъ вида памятника, отъ покрывающихъ его надписей и, попросивъ воды и полотенце, стала вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ смывать надписи съ мрамора.

Минувшимъ лѣтомъ, когда возникли толки о празднованіи столѣтняго юбилея Пушкину, и послѣдовало высочайшее разрѣшеніе открыть всероссійскую подписку на увѣковѣченіе памяти поэта, свято-горскій памятникъ заново отремонтированъ: не только обелискъ почищенъ и постаментъ оштукатуренъ, но и весь онъ, осѣвшій на бокъ, приподнятъ. Но ремонтъ этотъ не принесъ существенной пользы: съ наступленіемъ осеннихъ дождей внизу фундамента цементъ опять отвалился и кирпичъ обнажился... Но въ будущемъ па-

¹⁾ «Витебскія Губ. Вѣдом.», № 27.

мятнику и могилѣ грозитъ еще большая опасность, вслѣдствіе постепенного осыпанія и оползанія горы. Послѣдняя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушается, такъ что могила бабки поэта приходится въ настоящее время уже на самомъ обрывѣ и грозить обсыпаться. Да и осадка памятника на бокъ произошла именно вслѣдствіе постепенного осѣданія почвы по мѣрѣ приближенія къ краямъ обсыпающейся горы. Въ недалекомъ будущемъ, если не будутъ своевременно приняты надлежащія мѣры къ укрѣплению горы, могила поэта грозить сползти внизъ, а затѣмъ потерпѣть, конечно, серіозныя поврежденія и храмъ.

Въ настоящее время въ г. Псковѣ дѣйствуетъ высочайше учрежденный комитетъ изъ представителей дворянства, земства и города для сбора денегъ по всероссійской подпискѣ иувѣковѣченію памяти поэта на мѣстѣ его погребенія. Комитетъ, конечно, сдѣлаетъ все возможное для укрѣпленія Святой Горы и содержанія дорогой могилы въ должномъ порядкѣ. Ближайшее завѣданіе могилою лежитъ въ настоящее время на святогорскомъ попечительствѣ, состоящемъ, главнымъ образомъ, изъ мѣстныхъ обывателей, знакомство которыхъ съ поэтомъ, и признаніе его заслугъ съ каждымъ годомъ все прогрессируетъ. Характернымъ выраженіемъ этого служить «Богадѣльня и читальня имени А. С. Пушкина», созданная обществомъ прилегающей къ монастырю слободы «Тоболенецъ» и нѣсколькихъ окрестныхъ деревень и справедливо названная «Новымъ Временемъ» «крестьянскимъ памятникомъ на могилѣ А. С. Пушкина». Приводимъ копію съ весьма характерного приговора, вызвавшаго къ жизни вышеизложенное учрежденіе:

«1895 года, декабря 31-го дня, мы, ниже подпісавшіеся крестьянено-домохозяева Тоболенского общества, Воронецкой волости, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, собравшись на напѣтъ сельскій сходъ въ полномъ и законномъ составѣ, въ присутствіи мѣстнаго старосты, имѣли сужденіе о томъ, что въ Святогорскомъ монастырѣ, расположенному среди земли нашего сельского общества, погребенъ нашъ мѣстный помѣщикъ, А. С. Пушкинъ, извѣстный всей Россіи поэтъ. Люди со всѣхъ концовъ Россіи прѣѣзжаютъ почтить память великаго поэта, и со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы, что на мѣстѣ погребенія память Пушкина мало чтима и недостаточно увѣковѣчена, такъ какъ, кромѣ скромнаго семейнаго памятника на могилѣ его, ни въ Святыхъ-Горахъ, ни въ селѣ Михайловскомъ, родовомъ имѣніи Пушкина, расположенному въ 4-хъ верстахъ отъ Святыхъ-Горъ, нѣтъ ничего, что напоминало бы о великомъ имени. Поэтому мы, домохозяева Тоболенского сельского общества, постановили: выстроенное въ 1895 году на наши средства и на нашей землѣ, около могилы Александра Сергеевича Пушкина, двухъэтажное, полукаменное зданіе, предназначенное нами для пріюта на тридцать человѣкъ напихъ престарѣлыхъ односельчанъ и частію для общественной на-

родной читальни, назвать Пушкинскими, дляувѣковѣченія памяти высокочтимаго нами человѣка, о чѣмъ и просить высочайшаго разрѣшенія, а вѣ виду того, что нашихъ мѣстныхъ средствъ недостаточно для содержанія вышеозначенныхъ учрежденій бѣ надлежащемъ видѣ, достойномъ памяти носимаго ими имени, мы постановили: просить высочайшаго разрѣшенія на сборъ пожертвованій для образованія капитала, процентами съ котораго вышеозначенный учрежденія (приютъ и читальня), а также памятникъ поэта, содержались бы вѣ надлежащемъ видѣ»¹⁾.

Въ 1896 году, открыта Пушкинская богадѣльня съ читальней. Учрежденіе это расположено недалеко отъ святыхъ воротъ. Это небольшой, довольно красивый, двухъэтажный, полукиаменный домъ, на крыше котораго высится маленький голубой куполъ съ крестомъ. Весь нижній этажъ и лѣвая половина верхняго заняты богадѣльней, вѣ которой вѣ настоящее время болѣе 20-ти человѣкъ призрѣваемыхъ. Правая сторона верхняго этажа занята читальней. Это большая высокая ($4\frac{1}{2}$ сажени вышины) и свѣтлая комната, имѣющая 4 сажени длины и около 3-хъ ширины. По стѣнамъ ея развѣшены портреты особы царствующаго дома, бюстъ Пушкина и стоять шкафы для книгъ. Посрединѣ большой столъ для читающихъ.

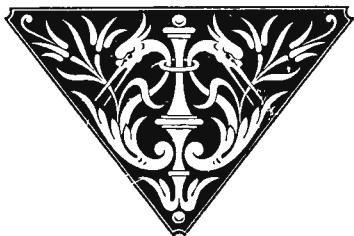
На содержаніе богадѣльни волостной сходъ ассигновалъ ежегодно по 217 рублей изъ своихъ личныхъ средствъ. На содержаніе читальни Тоболенское общество даетъ ежегодно 100 рублей, да Опo-чецкое уѣздное земство 100 рублей. Кроме того, неоднократно поступали пожертвованія: 100 рублей отъ о. Иоанна Кронштадтскаго, книгами — отъ московскаго комитета грамотности и разныхъ частныхъ лицъ, журналами и газетами — отъ нѣкоторыхъ редакцій. Къ концу 1898 года вѣ читальнѣ было, кроме мелкихъ брошюръ и листковъ, до 800 названій книгъ. Окрестное населеніе относится къ читальнѣ съ большимъ интересомъ: осенью и зимой читальня бываетъ переполнена; вѣ теченіе 1898 года вѣ ней перебывало до 1.500 человѣкъ.

И вѣ самомъ монастырѣ вѣ послѣдніе годы поднялся интересъ къ поэту и его могилѣ. Поминая поэта молитвенно, нынѣшній настоятель весьма много хлопоталъ и хлопочетъ о благоустройствѣ Пушкинской могилы и является дѣятельнѣйшимъ членомъ свято-горскаго попечительства. Готовясь чествовать поэта 26-го мая, монастырь не забылъ помянуть его и минувшаго 29-го января, вѣ день кончины. Вѣ этотъ день о. Иоанномъ отслужена была заупокойная обѣдня и послѣ нея панихида на могилѣ Александра Сергеевича. Къ сожалѣнію, никто изъ родныхъ или мѣстной интеллигенціи не пришелъ вѣ этотъ день на могилу поэта помянуть его. Къ майскому торжеству монастырь, между прочимъ, издается монастырскій

¹⁾ «Новое Время» (приложение), 1896 г., № 275, стр. 6.

пушкинскій альбомъ, приготовляемый въ Москвѣ однимъ изъ лучшихъ фотографовъ. Въ 18-ти фототипіяхъ этого альбома будутъ изображены: общій видъ монастыря, нѣсколько отдельныхъ мѣстъ и зданій его, связанныхъ съ именемъ Александра Сергеевича Пушкина, монастырскія святыни и монастырская братія.

М. И. Каспійскій.

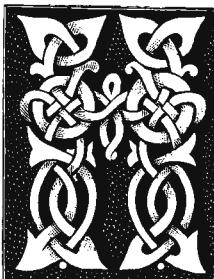
КТО ВПЕРВЫЕ ПРИНЯЛСЯ ПЕРЕВОДИТЬ А. С. ПУШКИНА И ПРОТОТИПЫ ПЕРЕВОДОВЪ ЕГО НА 50 ЯЗЫКОВЪ И НАРѢЧИЙ МИРА¹⁾.

«Слухъ обо мнѣ пройдеть по всей Руси великой,
«И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
«И гордый внукъ славянъ, и финикъ, и нынѣ дикой
«Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

«Пушкинъ.

«Мы нелюбопытны.

«Пушкинъ».

Е ТОЛЬКО Россия, но и литературные сферы всего мира, литература международная, собирается чествовать наступающего 26-го мая столѣтіе со времени рождения величайшаго и славнѣйшаго представителя русской поэзіи XIX вѣка, А. С. Пушкина, который, впрочемъ, давно стоитъ въ пантеонѣ крупныхъ представителей всемирной литературы.

Изъ материаловъ, заключающихся въ трудѣ В. И. Межова «Пушкиніана» (Спб., 1886), и моихъ библіографическихъ замѣтокъ, накопившихся отъ времени до времени за послѣднія 13 лѣтъ, можно видѣть, что поэтическія и, вообще, словесныя произведенія Пушкина въ настоящее время переведены полностью или въ отдѣльности, нерѣдко въ многочисленныхъ изданіяхъ, особенно же такія высокохудожественные повѣстіи, какъ «Капитанская дочка», на всевозможные живые культурные языки, относящіеся ко всѣмъ главнымъ лингвистическимъ группамъ.

¹⁾ Извлеченіе изъ монографіи «Многоязычный Пушкинъ». Этотъ трудъ представляетъ возможно полную библіографію всѣхъ иноязычныхъ переводовъ Пушкина и изученій его произведеній въ иностраннѣхъ литературахъ. Въ «Пушкиніанѣ» покойнаго Межова переводный Пушкинъ показанъ въ количествѣ лишь 27 языковъ и нарѣчій.

памъ, каковы: славянская, германская, романская, кавказская, индо-персидская (азіатско-арійская), семитическая, урало-алтайская (чудская), языки отдаленного Запада, языки крайняго Востока, далѣе языки народовъ прошедшіхъ временъ,—народовъ хотя и вымершихъ, но языки которыхъ считаются классическими и священными, и находящимися до сегодня въ ученомъ или религіозномъ употребленіи, и наконецъ, языки условные или искусственные, напримѣръ, эсперанто, этотъ такъ называемый международный языкъ будущихъ временъ¹⁾.

Такихъ (культурныхъ) языковъ и нарѣчій, на которые въ настоящее время переведенъ Пушкинъ,—языковъ, дающихъ намъ возможность составить длинную, весьма поучительную и крайне любопытную библіографическую галлерею Переводного или Многоязычного Пушкина, въ моемъ собраніи имѣется добрая полсотня. Составленіе или опубликованіе этой своеобразной Пушкинской галлереи имѣло бы несомнѣнныи интересъ и въ научномъ, и въ педагогическомъ, и въ патріотическомъ отношеніяхъ, какъ документальное доказательство русскаго народнаго самосознанія или, по выражению Карамзина, высшаго и третьяго вида народной гордости, гордости политической.

Указываемое мною число пятьдесятъ и вообще ниже приводимый составъ Пятидесятиязычного Пушкина никоимъ образомъ не можетъ имѣть притязанія считать себя законченнымъ, штанд-пунктомъ, выражаясь понѣмецки. Очень можетъ быть, что другие библіографы укажутъ мнѣ на существование переводного Пушкина и на другіе, главнымъ образомъ, восточные, языки. По этому поводу мы скажемъ, что даже доступный намъ материалъ не вполнѣ исчерпанъ, и одному библіографу едва ли хватить времени совладать съ этимъ материаломъ. Чѣ же сказать о материалахъ недоступныхъ, т. е. совсѣмъ отсутствующихъ въ Императорской публичной библіотекѣ? Впрочемъ, я уже напаль на нѣкоторые, надѣюсь, вѣрные слѣды по пути отысканій пушкинскихъ иноязычныхъ переводовъ также на языки арабскій и абиссинскій, принимая во вниманіе и то, что на эти языки уже переведены басни Крылова и нѣкоторыя произведенія Лермонтова и гр. Л. Толстого.

Изъ вышеуказанной монографіи о Многоязычномъ Пушкинѣ, которую я вправѣ до поры до времени называть также Пятидесятиязычнымъ Пушкинѣмъ, явствуетъ, что произведенія Пуш-

¹⁾ Извѣстно, что на землѣ болѣе 1000 языковъ, изъ которыхъ культурными называются лишь тѣ, которые обладаютъ литературою или хотя бы простою письменностью, т. е. безъ отношенія къ тому, существуютъ ли эти словесности и азбуки споконъ вѣка или лишь со вчерашияго дня. Послѣднихъ языковъ не наберется и 100. Переводы священного писанія, этого преддуверія всякой просвѣщенія и въ своемъ родѣ единственной книги міра, въ счетъ не идутъ: оно существуетъ въ переводѣ на 320 языковъ (до 1897 года).

кина печатались въ переводѣ, вызывали о себѣ статьи и подвергались изслѣдованіямъ чуть ли не на всѣхъ параллеляхъ и меридианахъ земной поверхности. Не желая быть бездоказательнымъ, замѣчу, что съ точки зрѣнія географической «Пятидесятиязычный Пушкинъ» занимаетъ слѣдующее положеніе: самая сѣверная его окончность будетъ Абоское (въ Финляндіи) изданіе шведскаго анонимнаго перевода «Кавказскаго плѣнника» (1825); самая южная окончность — Калькутское изданіе (въ Индіи) англійскаго перевода «Капитанской дочки» (1888); самыми крайними пунктами этого тѣла въ областяхъ Англо-Саксонскаго и Романскаго міровъ являются Филадельфійское изданіе англійскаго перевода «Бахчисарайскаго фонтана» (1849) и Бостонское изданіе «Избранныхъ поэмъ Пушкина» въ переводѣ на англійскій же языкъ (1889) (оба въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ) и Чилійское изданіе испанско-американскаго перевода повѣсти «Гробовщикъ» (1875); антиподомъ же ихъ въ старомъ свѣтѣ, на восточномъ полушаріи, считается японскій переводъ «Бориса Годунова» (1892).

Предлагаемый ниже хронологическій перечень иноязычныхъ переводовъ произведеній Пушкина, по мѣрѣ ихъ постепенного появленія въ свѣтѣ, говорить болѣе или менѣе краснорѣчиво о степени, если угодно, сравнительной любознательности каждого народа, знакомившагося постепенно съ Пушкинымъ и привимавшагося когда либо за переводы и даже изученіе его сочиненій, главнымъ образомъ, конечно, поэтическихъ. Таковыми по порядку являются слѣдующіе пушкинскіе переводы.

Французскіе (съ 1823 г.), нѣмецкіе (1823), шведскіе (1825), сербскіе (1826), польскіе (1826), итальянскіе (1828), малороссійскіе (1830), чешско-моравскіе (1830), грузинскіе (1832), молдавско-влахійскіе (1835), иллірійскіе (1835), англійскіе (1835), англо-американскіе (1849), англо-индійскіе (1886), голландскіе (1837), персидскіе (1837), датскіе (1843), армянскіе (1843), ново-греческіе (1847), хорватскіе, на смѣну такъ называемымъ иллірійскимъ (1847), словацкіе (1849), зырянскіе (1856), сербско-лузицкіе (1857), румынскіе, на смѣну молдавско-влахійскимъ (1857), древне-еврейскіе (1861), македонско-славянскіе (1862), венгерскіе (1864), червонорусскія или русинскія изданія, отпечатанныя нарочно въ Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ (1865), хорутанско-словянскіе (1865), турецко-османскіе (1867), болгарскіе (1870), норвежскіе (1871), калмыцкіе (1871), татарско-караимскіе (1873), испанскіе (1874), испанско-американскіе (1875), финскіе (1876), латышскіе (1877), татарско-казанскіе (1877), эстонскіе (1879), латинскіе (1882), древне-греческіе по аттическому нарѣчію (1886), древне-греческіе по эолическому и ново-ионическому нарѣчіямъ (1886), сартовскіе (1887), эсперантистскіе

(1889), татарско-кавказские или адзербайджанские (1892), японские (1892), монгольско-бурятские (1896), черемисские (1897), гагаузско-турецкие по бессарабскому наречию (1898), еврейской жаргонъ (1899), церковно-славянские древнейшей редакции (1899), церковно-славянские поздней редакции (1899), литовско-жмудские (1899).

Этотъ списокъ, свидѣтельствующій о постепенномъ движениі иноязычныхъ произведеній Пушкина по земной поверхности, при томъ о движениі во времени и пространствѣ, указываетъ каждому переводившему его языку, какое именно мѣсто занимаетъ этотъ языкъ-народъ «по старшинству» со времени заключенія знакомства съ любимѣшими русскимъ поэтомъ, и списокъ этотъ можетъ служить показателемъ лишь степени любознательности иноязычныхъ литературъ и первоначального ихъ рвения среди множества языковъ и народовъ міра по этой части; но вовсе еще не можетъ служить доказательствомъ дѣйствительного усердія и дѣйствительной распространенности произведеній Пушкина у того или иного народа, не говоря уже о тѣхъ иноязычныхъ переводахъ Пушкина, которые могли явиться въ свѣтѣ лишь случайно. Если же теперь мы посмотримъ съ иной точки зрѣнія, именно по методу количественному, на вышеприведенную пятидесятиязычную серію переводовъ Пушкина на поприщѣ, такъ сказать, международного состязанія этихъ 50 языковъ и наречий міра въ дѣлѣ первоначальныхъ переводовъ и изученій пушкинской музы, то приходится почти совершенно перемѣстить эти народы-языки, понадобится составить иную таблицу старшинства, указывая каждому, по необходимости перетасованному, субъекту новое мѣсто, уже на основаніи количества представленныхъ переводовъ и изученій Пушкина, и въ результатѣ получаемъ слѣдующую картину, обусловленную нерѣдко психологіей и народнымъ характеромъ тѣхъ литературъ, которыхъ столь порывисто и даже страстно принимались за Пушкина. Одни изъ этихъ народовъ очень рано устремились переводить и изучать Пушкина, другие лишь порывались къ этому, третьи—сильно отстали отъ прочихъ, четвертые—спѣшили заднимъ числомъ познакомиться съ Пушкинымъ, какъ съ величайшимъ художникомъ русской дѣйствительности, бывали, наконецъ, и такие, которые охладѣвали къ нашему поэту, произведенія котораго на долгое время перестали изучать—переводить. Въ концѣ концовъ получилась картина на тему обѣ увлеченіяхъ и подчасть разочарованіяхъ Пушкинымъ въ высшей степени интересная. Первое мѣсто занимаютъ французы, представившіе до сихъ поръ 246 №№ переводовъ и изученій Пушкина. Не многимъ ниже французовъ стоять нѣмцы, которые представили съ своей стороны 224 №№ подобныхъ же трудовъ. Третье мѣсто занимаютъ чехи, давшіе 203 №№. Далѣе слѣдуютъ въ нисходящемъ порядке: сербы—61, поляки—57, англичане—54,

болгари—53, латыши—52, итальянцы—38, хорутаны—36, словяки—24, хорваты—16, шведы—16, датчане—14, греки—12, евреи—12, армяне—11, испанцы—9, малороссы—9, грузины—9, иллиры—9, церковно-славянские древней редакціі—8, турецко-османские—7, финны (чухонские)—7, латинские—6, эсперантисты—6, эсты—5, молдаване—5, голландцы—4, венгерцы—4 (и одно собраніе стихотвореній), червоноруссы—4, караимы—4, румыны (волови)—3, церковно-славянские поздней редакціі—3, гагаузы бессарабскіе—3, лужицкіе сербы—2, македонскіе славяне—2, японцы—2, древне-греческіе по эолическому нарѣчію—2, черемисскіе—2, монгольско-бурятскіе—2, древне-греческіе по аттическому нарѣчію—1, персы—1, сарты—1, калмыки—1, татары - кавказскіе или адвербейджанскіе—1, разговорно-еврейскіе въ Россіи—1, норвежцы—1, зыряне, татары казанскіе и литовцы—по одному собранію мелкихъ произведеній Пушкина.

Предоставляя спеціалистамъ заняться оцѣнкой всѣхъ этихъ сдѣланныхъ переводовъ, мы, съ согласія редакції «Исторического Вѣстника», беремъ на себя трудъ обозрѣнія лишь первоначальныхъ образцовъ (прототиповъ) переводовъ Пушкина на 50 языковъ и нарѣчій мира, т. е. показать лишь основной составъ «Многоязычнаго Пушкина» держась при этомъ порядка хронологическаго. Нижеслѣдующее представляетъ отвѣтъ на вопросъ: кто впервые далъ отзывъ о Пушкинѣ въ своей родной литературѣ? Иными словами говоря: кто первый рекомендовалъ Пушкина своему языку, что пушкинского перевель онъ на этотъ разъ, т. е. переводилъ отрывочно или полностью, когда сдѣлалъ онъ это, т. е. гдѣ напечаталъ свою книгу или статью о Пушкинѣ?

I. Французскій прототипъ (1823).

Юристъ и литераторъ (авторъ книги «Hier et Aujourd’hui»), кавалеръ ордена Почетнаго Легіона Эмиль Дюпре де Сентъ-Моръ, въ своемъ новомъ и весьма изящно изданномъ труда «Anthologie Russe» (Paris, 1823), помѣстилъ частью въ отрывкахъ, отчасти же полностью переводы образцовъ литературныхъ произведеній 16-ти русскихъ поэтовъ и писателей, въ томъ числѣ и А. С. Пушкина, незадолго до того выступившаго на словесное поприще¹⁾. Въ посвя-

¹⁾ Anthologie Russe, suivie de poesies originales, ddiée à S. M. L’Empereur de toutes les Russies par etc. Paris. MDCCCXXIII. Chez Trouvé. 2 цен. л.+XXIX+268 стр. въ 4-ю д. л. Переведены: Дмитріевъ, В. Пушкинъ, Озеровъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, гр. Хвостовъ, А. С. Пушкинъ, Хемницеръ, Воейковъ, кн. Капитмиръ, Державинъ, Давидовъ, Бобровъ, С. Херасковъ и Крыловъ.

тительномъ письмѣ на имя императора Александра I Благословенаго авторъ говорить слѣдующее: «Сдѣлать извѣстными во Франціи нѣкоторыя замѣчательныя произведенія поэтовъ, приносящихъ честь Россіи, значить воздать хвалу знаменитому ея обладателю и государству, цвѣтущему науками и искусствами»¹⁾. На стр. 80—90 этого монументального изданія помѣщены біографической очеркъ А. С. Пушкина, опредѣлившагося таланта на основаніи печатныхъ стихотвореній его и главнымъ образомъ «Кавказскаго пленника» (*Le Prisonier du Caucase*) и «Руслана и Людмилы». Воспроизведены во французскомъ переводѣ эпизодъ I пѣсни поэмы (*Rousslan et Ludmila*). Князь К. Шаликовъ, впервые обратившій вниманіе на книгу Дюпре, нашелъ, что отрывокъ этой поэмы переведенъ «прекрасно» (см. Дамскій Журналъ, ч. III, Москва, Унив. тип., 1823, стр. 217—221). Книга Дюпре заслуживаетъ упоминанія еще потому, что онъ въ числѣ другихъ русскихъ писателей помѣстилъ также и Крылова, именно 10 его басенъ, изъ которыхъ семь были переведены имъ самимъ, а прочія три, именно «Сочинитель и Разбойникъ» (*L'auteur et le voleur*), «Собачья дружба» и «Гуси»—графомъ de ***, par l'auteur du «Voyage autour de ma chambre». Но мы отлично знаемъ автора, который пожелалъ слегка прикрыть свою фамилію. Это былъ посланникъ сардинскаго короля въ С.-Петербургъ, знаменитый ультрамонтанскій писатель и іезуитъ, авторъ книги «Du rарe», Жозефъ де-Местръ. Переведенная имъ крыловская басня «Сочинитель и Разбойникъ» вызвала большую полемику рго и contra во французской литературѣ, ибо Местръ несправедливо увѣрялъ, будто Крыловъ, помѣстивъ живьемъ въ своемъ мысленномъ аду Сочинителя, имѣлъ въ виду при этомъ именно Вольтера (котораго Местръ, кстати сказать, глубоко ненавидѣлъ), а не всемирно-историческій и международный типъ литературного развратителя, разбойника пера и мошенника печати. Эти десять басенъ Крылова въ переводѣ Дюпре и Ж. де-Местра предшествовали знаменитому изданію полнаго собранія басенъ его, сдѣланныхъ въ 1825 г. подъ редакціей Лемонте, въ сотрудничествѣ 57-ми французскихъ литераторовъ салона графини Анны Ив. Орловой, урожд. Салтыковой, въ Парижѣ, о чёмъ говорить и Пушкинъ (*Моск. Телеграфъ*, 1825, ч. V, № 17. См. мою статью «Международное значеніе Крылова» и т. д. въ Ж. М. Н. Пр. за 1895, № 7, стр. 95—97).

Пушкинскихъ переводовъ во французской литературѣ великое множество, въ числѣ которыхъ особенно выдаются переводы Шопена, П. Мериме, Дюпона, кн. Эл. Мещерскаго, Порри, Тургенева, Люи Виардо, г-жи С. Энгельгардтъ, рожд. Новосильцевой, Делиня

¹⁾ ...«Faire connoître en France quelques productions remarquables des poëts honorent la Russie, c'est rendre hommage à Son illustre Souverain et à l'etat florissant des lettres et des arts sous son règne glorieux». На 2 испум. л.

(Ашкенази), Цетлина, Обера, Гальперина-Каминского, Алькье, Катюля Мендеса и мн. Барятинского (барона Ondit). Изъ изслѣдований же, посвященныхъ Пушкину, особенно замѣчательны, не говоря уже о статьяхъ Мицкевича, труды Мериме, Дюпона (1849), Кипріана Робера (1854), Кс. Мармье (1859), Александра Дюма (1865), виконта М. де-Вогюэ (1880). Излюбленнымъ произведеніемъ Пушкина у французовъ является «Капитанская дочка» въ переводѣ Тургенева и Віардо, изданія 1871, 1873, 1876, 1879, 1884, 1889, 1892, 1897 (3 изд.), всего 10 изданій, вмѣстѣ же съ предыдущими 1854, 1859, 1866 и 1869 гг. и позднѣйшимъ Жобера (1892), всего 15 переводовъ одной лишь «Капитанской дочки». Знаменитое же обличительное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи» переведено пять разъ, прежде всего мн. Б. Голицынымъ (еще при жизни Пушкина, который былъ очень высокаго мнѣнія объ этомъ переводе), — гр. С. Уваровымъ, Цуриковымъ (1839), Дюпономъ (1849) и, наконецъ, Лупусомъ (Вольфомъ) въ 1894 году. Всего же пушкинскихъ французскихъ переводовъ въ нашемъ библіографическомъ собрании 246 №№.

II. Нѣмецкій (1823).

Первый нѣмецкій переводъ изъ Пушкина именно «Кавказскаго плѣнника» принадлежитъ лицу, пожелавшему скрыть свою фамилию подъ начальной буквой ея, именно В. На экземплярѣ, имѣющемся въ Императорской Цубличной Библіотекѣ, въ свое время рукой библіотекаря раскрыть этотъ анонимный или псевдонимный переводчикъ. Это былъ нѣкто Вульфертъ. Переводъ озаглавленъ «Der Berggefangene», а въ скобкахъ прибавлено по-русски «Кавказскій плѣнникъ». Отпечатанъ онъ въ 1823 году въ Петербургѣ, въ типографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 2 нен. л. + 32 стр. + 3 нен. л. На оборотѣ заглавнаго листа обычная цензорская сигнатура, которая свидѣтельствуетъ, что переводъ былъ выпущенъ въ свѣтъ А. Красовскимъ, пользующимся столь печальною извѣстностью въ исторіи русской цензуры. Переводъ стихотворный и съ благодарностью посвящается друзьямъ Бернгарду и Томасу Цагелямъ (Zagel), сопровождается 10-ю подстрочными примѣчаніями и приложеніемъ нотъ и словъ Черкесской пѣсни. Очевидно, переводчикъ и его друзья были русские и даже петербургскіе нѣмцы. Но знакомство настоящей нѣмечинѣ, заграничной нѣмецкой литературы съ геніемъ Пушкина произошло три года спустя. Въ этомъ отношеніи судьбѣ угодно было соединить начало пушкинскихъ изданій въ Германіи съ именемъ величайшаго поэта XIX вѣка и всеобъемлющаго генія В. Гёте, проживавшаго въ то время въ центрѣ высшаго нѣмецкаго просвѣщенія, эстетики и культуры, въ нѣмецкихъ Аeniaхъ, Веймарѣ. Достаточно извѣстенъ фактъ, что по случаю 70-лѣтняго юбилея старика

Гёте 30 европейскихъ поэтовъ, критиковъ и мыслителей, во главѣ съ знаменитымъ Томасомъ Карлейлемъ (извѣстнымъ руссофиломъ въ 60—70 годахъ), преподнесли сочувственный адресъ автору всемирной трагедіи «Фаустъ», и что лордъ Байронъ, написавъ своего «Сарданапала», посвятилъ свой трудъ знаменитому Гёте, «какъ дарь литературнаго вассала ленному господину» (Всеоб. Ист. Литературы, I. Шерра, изд. 3, томъ II, Спб., 1880, стр. 93). У посредственного писателя, какъ у крыловской вороньи, закружилась бы голова отъ такихъ похвалъ, но только не у этого величаваго олимпійца или, какъ теперь сказали бы, парнасса Гете, который вмѣстѣ съ Гердеромъ умѣль найти и дѣйствительно напечать богатый родникъ свѣжей поэзіи не только у Пушкина, но и въ ново-греческихъ пѣсняхъ kleftovъ и въ сборникѣ пѣсенъ Вука Караджича и Пропера Мериме. Довольно извѣстны также взаимныя отношенія Гете къ Жуковскому, гр. С. С. Уварову и Шевыреву. Но мало извѣстно въ русской литературѣ, особенно популярной, отношеніе того же Гете къ Пушкину, и интересно знать, какъ выразилось это отношеніе. Уже изъ классической біографіи Пушкина, составленной Анненковымъ, мы знаемъ, что знаменитый нѣмецкій поэтъ, узнавши отъ Шевырева, что Пушкинъ написана «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» (въ 1826 году), тогда же послалъ поклонъ Пушкину черезъ одного русского путешественника и препроводилъ съ нимъ въ подарокъ собственное перо, которое, какъ мы слышали, говорилъ Анненковъ, многие видѣли въ кабинетѣ Пушкина въ богатомъ футляре, имѣвшемъ надпись «подарокъ Гете» (Материалы и т. д., стр. 177). Но въ 1891 году нѣмецкій историко-литературный изслѣдователь О. Гарнакъ сдѣлалъ очень важную находку относительно гетевско-пушкинскихъ отношеній, именно нашелъ четверостишіе Гете въ видѣ обращенія пера его къ неизвѣстному лицу («Goethes Feder an ***»). Это четверостишіе въ русскомъ переводѣ гласить слѣдующее: «Что бы прежде я ни писаль, уже однимъ тѣмъ я заслужу себѣ полное одобрение, что возвращаю тебѣ хвалу, которой ты достоинъ». Статья Гарнака «Отношеніе Гете къ русскимъ писателямъ» (Goethes Beziehungen zu russischen Schriftsteller) напечатана въ изданіи Коха и Гейгера «Журналъ сравнительной истории всеобщей литературы и ренессанса» (Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance Litteratur), III томъ, 4 и 5 выпуски. Англійская литература придала большое значеніе открытію Гарнака, и тогда же его статья была перепечатана въ англійскомъ переводѣ. О подлинномъ стихотвореніи Гете и статьѣ Гарнака см. «Историч. Вѣстникъ», 1891 г., № 7, стр. 217.

Между тѣмъ въ самой Германіи нѣмецкаго перевода изъ Пушкина долго еще не появлялось. Зато въ 1837 году, подъ впечатлѣніемъ трагической кончины Пушкина, извѣстіе о которой незамедлило распространиться на всю Европу, нѣмецкое общество сильно заинтересовалось русской литературой, и въ видѣ удовлетворенія этому

запросу должна была явиться весьма замѣчательная книга Г. Кенига, тогда же напечатанная въ Штутгартѣ подъ заглавіемъ «Literarische Bilder aus Russland» (съ портретами Державина и Пушкина). Книга эта, написанная главнымъ образомъ по Гречу (Ист. русск. литературы) и даннымъ, сообщеннымъ Н. Мельгуновымъ, имѣла огромный успѣхъ и составила то, что называется у нѣмцевъ эпохой. Въ самое короткое время она выдержала нѣсколько изданій, была переведена на чешскій, голландскій и французскій языки, а въ англійской литературѣ появился о ней весьма сочувственный отзывъ. Послѣдствія получились самыя благотворныя. Нѣмецкій литераторъ, столь прославившійся впослѣдствіи Фарнгагенъ фонъ-Энзе, который именно послѣ этой книги принялъ за изученіе русскаго языка съ помощью М. Н. Каткова, черезъ 6 мѣсяціевъ достигъ того, что сталъ свободно понимать Пушкина, и тотъ писалъ автору «Исторіи одной книги», т. е. Н. Мельгунову, слѣдующее: «Фарнгагена я засталъ за чтеніемъ Пушкина: онъ изумилъ меня, Пушкина понимаетъ онъ очень свободно и читаетъ его съ наслажденіемъ». Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ самая статья Фарнгагена о Пушкинѣ, переведенная М. Н. Катковымъ и помѣщенная въ 5 № «Отеч. Записокъ» Краевскаго за 1839 годъ: «Книга Кенига, говорить Фарнгагенъ, въ первый разъ раскрыла богатства русской словесности, которыхъ до того никто не подозрѣвалъ. Нашились любители даже между дамами, особливо въ Берлинѣ, которыхъ тогда же принялись за изученіе русскаго языка, а внукъ Гете пишетъ оперу изъ поэмы Пушкина «Цыганы». Книга Фарнгагена непріятно удивила знаменитаго нѣмецкаго зоила Менцеля и его сторонниковъ, показавъ умственное возвышеніе Россіи, которой они не могутъ простить и ея политическаго возвышенія. Зато В. Г. Бѣлинскій не остался въ долгу, напечатавъ свою не менѣе знаменитую статью «Менцель, критикъ Гете». И вотъ, лишь послѣ замѣчательныхъ книгъ Кенига и Фарнгагена пошелъ въ нѣмецкой литературѣ длинный рядъ пушкинскихъ переводовъ, идущихъ до нашихъ дней и сопровождающихся нерѣдко весьма солидными изученіями музы Пушкина. Таковы переводы: г-жи Каролины Павловой (рожд. ф. Янишъ), Е. Ф. Ольберга (послѣдній перевелъ также стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи»), Роб. Липперта, Брандиса, Требста, знаменитаго Ф. Боденштедта, Т. Олица, Вальда, Ф. Леве, Алексиса Лупуса (доктора Вольфа), А. Зейбера, Мейера и Вальдека, Г. Шмидта, Ашарина, Фидлера, А. Бернгардта, Филиппеуса, Ф. Реклама и многихъ другихъ. А изъ позднихъ изслѣдований особенно замѣчательны труды Боденштедта, впослѣдствіи, по приглашенію короля Максимилиана Баварскаго, занявшаго каѳедру русскаго языка и литературы въ Мюнхенскомъ университѣтѣ¹⁾), и новѣйший и самый полный систе-

¹⁾ Съ благороднымъ мужествомъ Боденштедтъ († 1892) твердилъ Германіи: «Кто не провелъ самъ много лѣтъ среди русскаго народа, не понимаетъ его языка,

матический трудъ на нѣмецкомъ языке по исторіи русской литературы, принадлежащей А. Ф. Рейнгольдту. Всего же нѣмецкихъ переводовъ Пушкина и его изученій 224 №№.

III. Шведскій (1825).

Не въ Швеціи и вообще не въ Скандинавскихъ государствахъ, а въ Финляндіи, именно въ Або, бывшемъ до 30-хъ годовъ университетскимъ городомъ, суждено было появиться первому шведскому переводу изъ Пушкина. Переведенье было въ 1825 году «Кавказскій пленникъ» подъ слѣдующимъ заглавиемъ: «Minne af Kaukasien ofersättning ifran Ryskan. Abo. 1825. Tryckt hos J. C. Frenkell & Son. 2 нен. л. + 32 стр. въ 8 д. л.¹⁾. Переводъ стихотворный и анонимный, снабженный нѣкоторыми примѣчаніями, въ числѣ которыхъ стоитъ объясненіе, что въ русскомъ подлинникѣ поэма называется «Kaukaski Plennik» (Fången i Kaukasien). Переводчикъ нашелъ нужнымъ выпустить авторское посвященіе этой поэмы Николаю Николаевичу Раевскому, взамѣнъ чего вставилъ свое собственное посвященіе самому Пушкину (Till A. Puschkin) состоящее изъ 41 строфы, за подпись Öfversättaren, съ упоминаніемъ о скандинавскомъ скальдѣ (поэтѣ) Акселѣ, о Финляндіи, Лапландіи, Кавказѣ и Грузіи. Переводчику извѣстенъ былъ нѣмецкій переводъ поэмы по петербургскому изданію 1823 года (Der Berggefange), откуда онъ и позаимствовалъ нѣкоторая свѣдѣнія о молодомъ русскомъ поэты, напримѣръ, о мѣстѣ его высшаго образования (Tsarskoje Selo), упоминаетъ объ его предыдущей поэмѣ «Ruslan och Ludmila». Въ примѣръ необыкновенного благозвучія (harmonie) русского стиха и языка, при сравненіи послѣднихъ со стихомъ и языкомъ скандинавскихъ поэтовъ Акселя, и Исаи Тегнера, переводчикъ приводитъ нѣсколько русскихъ строфъ, переданныхъ, однако, въ латинско-шведскомъ шрифѣ. Приводимъ ихъ въ неприкословенности:

Uch märknät sontse sa garami,
Fdali rasdalsa schümnuj gull:

не вникъ въ смыслъ его пѣсенъ и преданій, тому недоступно даже и приблизительное сужденіе о русскомъ народномъ характерѣ. Ингдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ, не встрѣчалъ и болѣе миролюбиваго народа, чѣмъ русскій, хотя наша (нѣмецкая) печать не перестасть распространять столько ужасовъ объ его дикости и грубости» (Russland, Land und Leute).

¹⁾ Абоскій университетъ, въ качествѣ высшаго цензора книжества, вмѣстѣ съ департаментомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Император. Публичной Библіотекой и Академіей Наукъ требовалъ узаконеннаго числа экземпляровъ не только всѣхъ русскихъ, но и рускоязыческихъ книгъ, т. е. печатавшихся и не въ Финляндіи, напримѣръ, былъ истребованъ, какъ видно изъ цензорской замѣтки, также польскій переводъ «Бахчисарайскаго фонтана», отпечатанный въ Вильнѣ.

S polei naråd idjåt v aull,
 Sverkaja svetlimi kasami.
 Raskriff usta, bes sliås ridaja,
 Sidåla dåva maladaja и т. д. стр. 30—31.

Кто былъ переводчикомъ повѣсти, неизвѣстно, ибо онъ скрылъ свою фамилию, а первый именной переводъ изъ Пушкина на шведскій языкъ относится къ позднему времени, именно къ 1841 году, когда нѣкто О. А. Мѣрманъ, напечаталъ въ самой Швеціи, именно въ Стокгольмѣ «Капитанскую дочку» (*Kaptenes datter*), въ типографіи Н. Г. Томсона. Въ томъ же году въ Упсалѣ появилось первое изслѣдованіе у шведовъ поэзіи Пушкина, принадлежащее Ленстрѣму подъ заглавиемъ: A. Puschkin. Rysslands Bygon. Ett skalde portr t. (Русскій Байронъ, съ портретомъ скальда, т. е. Пушкина).

До сихъ поръ главными переводчиками Пушкина у шведовъ финляндскихъ явились г. Аминовъ, а изъ заграничныхъ, королевскихъ шведовъ по этой части заявили себя Оманъ, Эсталэндеръ и особенно профессоръ русского языка и литературы Готтенбургскаго университета докторъ Альфредъ Янсенъ (сынъ русскаго инженера), первый представитель русско-шведской литературной взаимности, авторъ монографіи «Пушкинъ и его время», переводчикъ и другихъ русскихъ поэтовъ и писателей, именно, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Салтыкова и обоихъ Толстыхъ. Послѣднее сочиненіе его о Россіи носитъ слѣдующее заглавіе: «Slavia. I. Kulturbilder. Fr n Volga till Donau», съ 200 картинками. Всего шведскихъ переводовъ изъ Пушкина 16 №№.

IV. Сербскій (1826).

Знакомство сербской литературы съ Пушкинымъ началось шестью годами позже такового же знакомства послѣдняго съ сербствомъ и сербской эмиграціей въ Бессарабіи во главѣ съ семьей кн. Кара Георгія (Георгія Чернаго). Доказательствомъ тому служить датированное стихотвореніе Пушкина «Дочери Карагеоргія», помѣченное 5-мъ октября 1820 г. въ Кишиневѣ. О литературномъ знакомствѣ сербовъ съ Пушкинымъ въ предѣлахъ самого Сербскаго княжества не могло быть и рѣчи: ему было не до литературы. И, кромѣ того, извѣстно, что въ Бѣлградѣ до начала 40-хъ годовъ не было даже типографіи, и сербскій народъ пробавлялся исключительно сербскими книгами, печатавшимися въ различныхъ сербскихъ земляхъ Венгріи, особенно же въ Буда-Пештѣ, Карловицѣ и Новомъ Саду и даже въ Вѣнѣ и Россіи. Честь первоначального ознакомленія сербовъ съ Пушкинымъ, какъ великимъ представителемъ новой русской поэзіи, принадлежитъ австрійскому сербу Юрію Магарашевичу (1791—1830), профессору, писателю, меценату, основателю, организатору и редактору журнала «Серб-

ская Лѣтопись», органъ Сербской Матицы въ Буда-Пештѣ, потомъ въ Новомъ Саду. Въ своемъ журнale за 1826 г. въ первой «частицѣ», т. е. выпускѣ (типографія университетская), Магарашевичъ помѣстилъ небольшую статейку подъ заглавиемъ «О поеты Русскомъ Пушкину» (стр. 143—145). Здѣсь выраженъ восторженный отзывъ о слѣдующихъ произведеніяхъ ново-появившагося русскаго поэта (приводимъ заглавія ихъ въ сербскомъ правописаніи): «Опоминанія о Царскомъ Селѣ», «Источникъ Бакчисарай», «Русланъ и Людмила» и «Кавказскій Пленникъ». Вотъ начало этой радостной сербской критической замѣтки: «Славный поета Русскій Александръ Пушкинъ (родился 1799 г. мая 26) издао е недавно едну, истину, малу поему, по коя, по единогласномъ мнѣнію свію критика, сва нѣгова предашня дѣла превосходи; она се зове «Источникъ Бакчисарай». Господинъ Пономаревъ, московскій книгопродаецъ, платіо му е за ню 3000 руб., а цѣло то дѣло состои само изъ 600 стіхова, докле за свакій стіхъ 5 руб. Пушкинъ блиста свима дарованія» и т. д. Познакомившись съ Пушкинымъ въ подлинникѣ, сербы старого добраго времени убѣдились въ слѣдующемъ: языкъ Пушкина такъ близокъ къ сербскому, что вовсе не стоитъ труда перекладывать готовые стихи на свое мѣстное нарѣчіе и, не мудрствуя лукаво, первыми начали дѣлать то, что теперь такъ въ употребленіи въ западно-славянскихъ литературахъ, т. е. принялись отъ времени до времени въ своихъ сербскихъ журналахъ, а позже и въ газетахъ перепечатывать небольшія произведенія Пушкина во всей ихъ неприкосновенности, т. е., въ русскомъ подлинникѣ. Такимъ образомъ были перепечатаны у сербовъ слѣдующія граціозныя стихотворенія Пушкина: «Муз» («Въ младенчествѣ моемъ она меня любила»), «Дочери (къ Ђери) Карагеоргія» (Гроза луны, свободы воинъ)¹⁾, «Гречанкѣ» (къ знаменитой Калипсо Иолихрони, начинающеся: «Ты рождена воспламенять воображеніе поэтовъ»)... и другія (см. Летоп. Серб. Матицы, 1837 г., XI, кн. 40, стр. 59, 60. Тамъ же, 1838, кн. 43, стр. 74). И это продолжалось съ перерывами еще лѣтъ 10, и сербы лишь впослѣдствіи принялись, въ видахъ литературной обработки своего звучнаго языка, за переводы Пушкина и многихъ другихъ русскихъ авторовъ. Первый сербскій переводъ изъ Пушкина, при томъ анонимный, относится лишь къ 1849 году, когда изъ-подъ станка новоучрежденной правительственной типографіи въ Бѣлградѣ (Државна штампарија у Београду) появилась «Капитанская дочка» (Капетанова Ђерка). Этой книги мы никогда не видали (она составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость), равнымъ образомъ не

¹⁾ Пушкинъ никогда не видѣлъ дочери Карагеоргія въ лицо, но онъ изобразилъ ее здѣсь по своему представлению. Самъ князь Карагеоргій проживалъ нѣкоторое время въ Кишиневѣ, и Пушкинъ могъ его видѣть или слышать рассказы о немъ отъ русскихъ офицеровъ, сражавшихся за одно съ сербами противъ Турци. Семья же князя Карагеоргія проживала въ уѣздномъ г. Хотинѣ.

видаль ея и сербскій бібліографъ, академикъ г. Стоянъ Новаковичъ, теперь посолъ въ Константинополь (Серб. бібл., стр. 569), не видѣлъ ея и В. И. Межовъ, который зналъ о ней единственно на основаніи показанія г. Новаковича изъ другихъ бібліографическихъ свидѣтельствъ. Первый же именованный переводъ изъ Пушкина въ сербской литературѣ принадлежитъ академику Стояну Новаковичу, трудъ которого по этой части, «Кавказски роб» (Кавказскій пленникъ), «спев од А. Пушкина», заслужилъ премію имени Иліи М. Коларца, въ Бѣлградѣ, 1863 г. (2 л. + 35 стр. 12°). Между другими переводчиками Пушкина особенно известны у сербовъ В. Каачанскій, Владиславлевъ, П. Деспотовичъ, М. Стокић (бѣлградскій соборный протодіаконъ, перевелъ повѣсть «Дубровскій»), Змай Јовановичъ, Д. Медичъ, С. Петровичъ, І. Чокичъ, Р. Одовичъ, Станко Мл., М. Гюричъ, Н. Весичъ, І. Ивичъ, бр. Јовановичъ и г-жа Н. Глупевичъ. Между изслѣдованіями о Пушкинѣ лучшими считаются труды С. Петрова, Петрановица и директора Бѣлградской Публичной Бібліотеки, академика М. Миличевича, приславшаго въ наше распоряженіе бібліографію подъ заглавиемъ «Пушкин у Срба». Всѣ эти книги отпечатаны или въ Кралевинѣ (въ Бѣлградѣ) или въ Австріи (въ Новомъ Саду), и лишь новѣйшій переводъ «Капитанской дочки», трудъ нѣкоего Душана М. Радовича, выпелъ въ Мостарѣ въ Герцеговинѣ, въ 1896 году. Всего 61 №.

V. Польскій (1826).

Первому по времени польскому переводу изъ Пушкина предшествуетъ одно весьма замѣчательное, документально засвидѣтельствованное польское мнѣніе о Пушкинѣ въ польской же литературѣ. Имѣемъ въ виду въ высшей степени симпатичный отзывъ о Пушкинѣ польского писателя Франциска Ковальскаго въ его «Воспоминаніяхъ», который въ 1825 году въ Одессѣ замѣтилъ слѣдующее одному изъ своихъ восторженныхъ польскихъ товарищѣй, нѣкоему Каэтану, говорившему, что «Мицкевичъ своими «Дзядами» и «Грожиной» заткнулъ де за поясъ В. Гюго, Ламартиновъ и Делавиней». — «Да, замѣтилъ я,— сказалъ Ковальский,— Мицкевичъ загналъ въ уголъ всѣхъ нѣмцевъ и французовъ, а Пушкина не сдвинулъ съ мѣста. Что вы мнѣ на это скажете?» (А въ это время Пушкинъ и Мицкевичъ оживленно о чёмъ-то бесѣдовали, сидя поодаль отъ Ковальскаго и его companii за кружкой пива въ томъ же самомъ кафе-ресторанѣ въ Одессѣ). — «И въ правду,— добавилъ Каэтанъ:— Пушкинъ для россіянъ то же, что для настѣ Мицкевичъ». Вотъ въ подлиннике польскомъ это интересное мнѣніе:

«On (Miczkewicz) zapadzil w kat wszystkich Niemcow i Francuzow-ja sie odezwaalem-ale Puszkinia z mjesca nie ruszyl. Coz wy na to?» — «Zapewne powiedzial Kajetan—Puszkin dla Rossyan jest

czem dla nas nasz Mickiewicz». См. Biblioteka Warszawska, pismo poświęcone naukom, sztukom i przemyslowi. Nowa seryja, tom czwarty. Warszawa. 1857. Pamiętnik Franciszka Kowalskiego (1825). Odessa. Adam Mickiewicz i Puszkin, str. 355. Переводъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ фельетонѣ за подписью подъ цифрой 31, въ № 277 за 1857 г., на стр. 1049—1050. Этотъ рельефный отзывъ Ковальскаго о Пушкинѣ по сравненію съ Мицкевичемъ, непопулярный у поляковъ и особенно у русскихъ, близко подходитъ къ недавно выраженному мнѣнію о Мицкевичѣ художника г. Семирадскаго, поляка по происхожденію, который, видя въ «Панѣ Тадеушѣ» замѣтальнѣйшее эпическое произведеніе, а въ его авторѣ Гомера польской поэзіи, не находить достаточно словъ, чтобы осуждать Мицкевича, какъ автора «Конрада Валленрода» и «Третьей части Дзядовъ» (см. «Нов. Вр.» 20 марта 1899 г.).

Въ 1826 году появилась анонимно слѣдующая польская книжка: «Fontana w Bakczyseraiu», поэма Alexandra Puszkina. Przeklad z rossyjskiego. Wilno. Iozef Zawadzki w lasnym nakladem 27 str. 8°. Но благодаря библиографической замѣткѣ о польскомъ стихотворномъ переводѣ поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ», напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1826 г., № 36, стр. 1399—1340, стало известнымъ, что переводчикъ былъ образованный петербургскій польянъ А. В. Рогальскій. Весьма замѣтельна «Przemowa tlumacza», т. е. предисловіе переводчика (стр. III—XVIII). Поэма эта названа великоклѣпнной (стр. I), дальнѣйшая оцѣнка ея сдѣлана въ зависимости отъ сочувственного отзыва Фаддея Булгарина, znaiomego w literaturze Rossyjskiej ziomka naszego Tadeusza Bulgaryna (стр. V—VIII), далѣе Пушкинъ сравнивается съ Байрономъ, затѣмъ предложенъ биографической очеркъ А. С. Пушкина на основаніи § 60 «Опыта краткой исторіи Русской литературы», данъ отзывъ о другихъ крупныхъ произведеніяхъ Пушкина, именно о «Русланѣ и Людмилѣ» и «Кавказскомъ плѣнникѣ», сообщаются свѣдѣнія о Маріи Потоцкой и, наконецъ, о первой главѣ «Евгенія Онѣгина» (Eugeniusz Onegin), «Цыганы» (Cyganie) и «Братья разбойники» (Rozbojnicy). Что касается самого перевода (стихотворного), то онъ имѣть длинное посвященіе, тоже стихотворное, неизвѣстному лицу (До***), съ восхваленіемъ гenia Пушкина, который названъ истиннымъ поэтомъ великаго народа (tkliwy poeta wielkiego naroda), словомъ, отзывъ о Пушкинѣ и отношение къ Россіи въполномъ смыслѣ слова восторженные, руссофильские. Начиная съ 6 стр. слѣдуетъ Piesn Tatarska. Вотъ четыре начальныя строфы перевода:

Siedzial Girey zasępiony,
Dymil bursztyn w ustach pana;
Cisnął się dwór ujarzmiony
Około groźnego chana и т. д.

Одновременно съ переводомъ «Бахчисарайского фонтана», сдѣланнымъ Рогальскимъ, появилось и другое произведение Пушкина въ польскомъ переводе, именно «Dwa bracia rozbojnici» (Братья Разбойники), поэма *tłomaczna* ізъ *języka Ross.* Переводъ сдѣланъ Н. Я. Завадскимъ, собственникомъ типографіи въ Вильнѣ, гдѣ и напечатана поэма (въ 1826 г.)¹⁾. Съ этого времени и начинаются на первыхъ порахъ довольно многочисленные переводы поляковъ изъ Пушкина. Переводчиками были: Ад. Врублевскій, Е. Дацковскій, Эд. Одынецъ («Черная шаль», «Сказка о рыбакѣ и рыбѣ»), Л. Юцевичъ, самъ Ад. Мицкевичъ («Влахъ въ Венеціи» и «Воспоминаніе»), П. Дубровскій, Л. Янишевскій, М. Добжанскій, М. Шимановскій, Ад. Сикорскій, Л. Кондратовичъ, онъ же и Сырокомля («Игроки», «Орелъ»), Токаревичъ и, по утвержденію поляковъ, лучшій переводчикъ Пушкина на польскомъ языкѣ Бартошевичъ («Борисъ Годуновъ» и др.). Извлѣдований и критическихъ статей не много: если не считать двухъ статей о Пушкинѣ, написанныхъ Мицкевичемъ (въ его *Globe* и въ его *Mélanges posthumes*), заслуживающихъ упоминанія труды по этой части В. Д. Спасовича (польско-русского писателя), Ю. О. Солтыка-Романского, гр. Тарнавского и Я. Третьяка (библиографа пушкинскихъ переводовъ въ польской литературѣ). Наконецъ, съ удовольствиемъ отмѣчаемъ слѣдующій фактъ. Къ Пушкинскому юбилею выходитъ въ свѣтъ полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина въ польскомъ переводе. Издание будетъ отпечатано въ количествѣ 10.000 экземпляровъ... Лучше поздно, чѣмъ никогда.

VI. Итальянскій (1828).

Незабвенный (С.)Ш(евыревъ), самъ отличный знатокъ итальянского языка и литературы, въ № 13 «Московскаго Вѣстника», издававшагося М. П. Погодинымъ, въ Москвѣ, ч. X, 1828, стр. 6, сообщалъ слѣдующее: «Графъ Риччи, съ успѣхомъ, занимающійся итальянскою словесностью, посвящаетъ досуги свои переводамъ образцовыхъ піесъ русскихъ. Дабы познакомить Италію съ произведеніями нашего родного Сѣвера, онъ намѣренъ издать «Русскую Антологію» на итальянскомъ языкѣ. Многія піесы переведены имъ весьма удачно, именно: «На смерть кн. Мещерскаго» Державина, «Свѣтлана» Жуковскаго, «Демонъ» и «Пророкъ» Пушкина. Переводчикъ умѣль сочетать удивительную близость къ подлиннику съ изяществомъ выраженія». «Русская Антологія» гр. Риччи, насколько

¹⁾ После перевода Рогальского, «Бахчисарайскій фонтанъ» появился еще въ четырехъ новыхъ польскихъ переводахъ Н. Я. Завадскаго, въ Варшавѣ, у Врублевскаго въ 1828 г., Адольфа В(рублевскаго), тамъ же въ 1834 г., Е. Ф. Дацковскаго, въ Варшавѣ въ 1845 г. и, наконецъ, Богуслава Асписа въ журн. *Klosy*, 1871, т. III, № 327.

намъ вѣдомо дѣло, и не выходила въ свѣтъ (мы ея не видали), такъ что первымъ по времени опубликованнымъ итальянскимъ переводомъ изъ Пушкина слѣдуетъ считать книжку: *Il Prigioniero del Caso* (Кавказскій пленникъ), *poemetto Russo di Alessandro Poush-kine, tradotto in italiano da Antonio Rocchigiani. Napoli. Dalla stamperia e cartiera del Fibreno. Largo S. Domenico Maggiore № 3, 1834, 1 гравюра и 44 стр. 8°.* Синьоръ Роккиджіани посвятилъ свой переводный трудъ г-же Варварѣ Кайсаровой, урожденной гр. Ланской (*A Sua Eccellenza la signora Barbara Kaissaroff, nata Lanskoi umilo obo Servitoro Antonio Rocckigini*). На стр. V—VII введенія помѣщено «*Ai lѣttori il traduttore*», гдѣ итальянскому вниманию рекомендуется молодой (*diovane*) русскій поэтъ, произведеніе котораго въ Россіи считается «*un graziosissimo ed interessantissimo poemetto*». Послѣ этого, съ извѣстными перерывами, Пушкинъ сталъ появляться въ Италии въ переводѣ слѣдующихъ лицъ: Чез. Бочелли, Луиджи Мацинни, Игн. Чiamполи (извѣстнаго знатока русскаго языка у итальянцевъ), сеньоры Анины Б(евобразовой), по мужу графини Анджело де Губернатисъ, Сальваторе Фарина, Доменика Чiamполи, Е. Фулькеса, Сальваторе Розы, русскаго сенатора Сергѣя Заруднаго, Марка Каннини, сеньора Васалло (директора римской газеты «*Don Chisciotte*»), А. Высоцкой и, наконецъ, Виргилія Нардучи. Изъ немногихъ изслѣдований и критическихъ статей отмѣтимъ здѣсь труды главнымъ образомъ вышеупомянутаго А. де-Губернатиса (прежде профессора флорентинскаго, теперь римскаго университетовъ по каѳедрѣ русскаго языка и литературы), Шетро Коссы, А. Провенцаля и нашей соотечественницы княгини Гика, урожденной Кольцовской-Мосальской, писавшей очень много о русской и даже о славянской и вообще восточно-европейскихъ литературахъ подъ псевдонимомъ Доры д'Истріи. Имѣемъ возможность сообщить, что въ настоящее время въ типографії Спб. Импер. Академіи Наукъ однимъ изъ извѣстныхъ переводчиковъ стихотвореній Пушкина на итальянскій языкъ печатаются неизданныя еще на этомъ языкѣ произведения знаменитѣйшаго русскаго поэта, а итальянскіе книгопродавцы, по предварительному соглашенію, обязались приобрѣсти 40.000 экземпляровъ этого изданія. До сихъ же поръ было исполнено пушкинскихъ переводовъ въ итальянской литературѣ немного, всего 38 №№.

VII. Малороссійскій (1830).

Пушкинъ восхищался простонародными малороссійскими пѣснями, и слѣды этого впечатлѣнія мы видимъ въ эпопеѣ «Полтава» (см. А. Н. Пыпина, Ист. слав. литературы, ч. I, Спб., 1879, стр. 387). Первымъ по времени переводомъ украинорусскимъ изъ Пушкина считается стихотвореніе «Два ворона». Принадлежитъ онъ перу

лица, пожелавшаго скрыть свою фамилию подъ инициаломъ Б. По нѣкоторымъ признакамъ, главнымъ образомъ ореографическимъ, мы считаемъ возможнымъ видѣть въ этомъ переводчикѣ знаменитаго впослѣдствіи слависта и профессора Московскаго университета М. О. Бодянскаго, украинца родомъ, печатавшаго въ 20-хъ и 30-хъ годахъ довольно много статей по малороссійскому фольклору и даже на малорусскомъ нарѣчіи. Вышеуказанный переводъ стихотворенія «Два ворона» помѣщенъ былъ въ московскомъ журналѣ «Вѣстникъ Европы», издававшемся полу-малороссомъ и полу-грекомъ, извѣстнымъ скептикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мишенью пушкинскихъ эпиграммъ М. Т. Качановскимъ, 1830 г., 170, № 3, стр. 186. Далѣе слѣдуютъ постепенно «Полтава», въ отрывочномъ переводе А. Г. Ш(игонцаго?), въ «Украинскомъ Альманахѣ» за 1831 г. Вольный опытъ перевода «Полтавы», по малорусскому нарѣчію былъ исполненъ въ студенческие годы Евг. Пав. Гребенку и отпечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1831 г., ч. 41, № 17, стр. 128 — 129. Второе изданіе той же поэмы, но уже въ полномъ видѣ, хотя тоже въ вольномъ перекладѣ, отпечаталъ тотъ же Гребенка, съ посвященіемъ А. С. Пушкину, въ Спб., въ типографіи Воробьева, 1836, стр. 64, 12°. Л. Боровиковскій (онъ же и переводчикъ Крылова на малороссійское нарѣчіе) перевелъ граціозное стихотвореніе Пушкича «Зимній вечеръ», помѣстивъ его въ сборникѣ Е. Гребенки «Ластивка», Спб., 1841. г. Онъ же перевелъ поэму «Цыганы» и стихотворенія «Поэтъ» и «Пророкъ» (см. проф. Н. И. Петрова, «Очерки исторіи Украинской литературы XIX в.», Киевъ, 1884 г. стр. 142, 145 и 161). Знаменитый украино-русскій поэтъ Т. Г. Шевченко, по свидѣтельству Ц. А. Кулиша, «зналъ Пушкина наизусть, даромъ что не писалъ его рѣчью» (см. Петрова, стр. 304 и 364) и даже переклалъ на свое родное нарѣчіе такие пушкинские перлы, какъ «Пророкъ» (Перебендя) и «Поэтъ и Чернь». Далѣе, идетъ Гетьманецъ съ своимъ переводомъ «Утопленника», въ галицко-львовскомъ «Словѣ» за 1868 г., №№ 10—11. Наконецъ, переводилъ Пушкина, какъ и Крылова, извѣстный Н. Ф. Квитка (Основьяненко). Всего девять переводовъ, если не болѣе.

VIII. Чешско-моравскій (1830).

Въ замѣчательномъ монографическомъ трудѣ молодого слависта В. А. Францева «А. С. Пушкинъ въ чешской литературѣ» (библіографические материалы, изданные Сборникомъ Огдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXVI и отдельно: Спб., 1898) первымъ по времени опытомъ чешского перевода Пушкина является поэма «Cikani» («Цыганы») preložil Янъ Славомиръ Томичекъ, въ журналѣ «Cechoslaw», за 1830 г., V,

№ 8 (у В. А. Францева на 7 стр.). Но первымъ значительнымъ собраніемъ Пушкинскихъ переводныхъ стихотвореній въ этой поченной славянской литературѣ, къ тому же въ высокой степени соверпеннымъ, является трудъ Франтишка-Ладислава Челяковскаго († 1852), знаменитѣйшаго чешскаго поэта первой половины XIX вѣка, беллетриста, филолога и впослѣдствіи профессора въ Бреславльскомъ и Берлинскомъ университетахъ по каѳедрѣ сравнительной грамматики и русской литературы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательнѣйшаго у чеховъ знатока не только буквы, но и духа русского языка. Подобно другому замѣчательному славянскому поэту, поляку Мицкевичу, чехъ Челяковскій былъ также ровесникъ Пушкина, хотя и пережилъ послѣдняго на 15 лѣтъ. Вышеупомянутый В. А. Францевъ поступилъ очень кстати, помянувъ его добромъ въ своей статьѣ «Къ столѣтію рожденія Фр. Л. Челяковскаго (1799—1899)», въ «Новомъ Времени» въ № отъ 24-го февраля за текущій годъ. Кромѣ того, Челяковскій, въ противность Мицкевичу, совсѣмъ иначе относился къ Россіи, хотя не видѣлъ отъ нея никакой корысти¹⁾. Въ своемъ классическомъ сочиненіи «Отголоски русскихъ пѣсень» (чешскій подлинникъ выпелъ въ Прагѣ въ 1829 году, переводы же — польскій въ 1844 году въ Познани и сербско-лузицкій въ 1846 году) авторъ сумѣлъ мастерски передать характеръ русской народной поэзіи. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный, и чешская критика выразила мнѣніе, что «еслибъ Челяковскій не написалъ ничего больше, то одни эти «Отголоски» («Ohlas rjsnj Ruskish») обеспечивали бы ему мѣсто между первыми поэтами. Переидя отъ изученія простонародной русской поэзіи къ

¹⁾ Русское правительство, въ лицѣ адмирала Шишкова и позже свѣтлѣйшаго князя Ливена, черезъ академика П. Кеппена, предлагало Челяковскому вновь учреждаемую каѳедру славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ университѣтѣ, но изъ этого, въ концѣ концовъ, ничего не вышло, и Пруссія, воспользовавшись оплошностью Россіи, переманила къ себя Челяковскаго въ Берлинскій университетъ, где онъ, впрочемъ, не долго оставался, возвратившись снова въ свою родную Чехію (см. И. В. Ягича: «Источники для истории славянской филологии», т. II, издание отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., Спб., 1897, «Сборникъ Имп. Ак. Н.», т. LXII, стр. 374, 375, 377, 379, 380, 382, 412 и слѣд.). Между тѣмъ, известно, какъ относился Мицкевичъ не только къ официальной Россіи, но и къ Пушкину (некрологъ послѣдняго, помещенный въ журнале «Globe», полный уколовъ и извѣтливыхъ намековъ) и къ тѣмъ своимъ друзьямъ москалямъ, именно къ А. С. Хомякову, С. И. Шевыреву и И. В. Путятѣ, которыхъ именно и поручили черезъ А. И. Попова вручить и вручили обѣднѣвшему Мицкевичу въ Парижѣ 5.000 рублей. См. объ этомъ свидѣтельство И. Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ», 1898, № 8. (Поправка къ брошюре Л. Волкова «Итоги польско-русского примиренія»). Поэтому совершенно неумѣстно самохвалыное заявленіе г. Спасовича («Ист. слав. литературъ», А. Н. Пышнина и В. Д. Спасовича, ч. II, 675), будто по характеру своему Мицкевичъ былъ не только тверже, но и чище Пушкина, который, какъ извѣстно, молилъ Бога о возвращеніи мира «озлобленной душѣ нашего недавняго гостя».

поэзіи личной и художественной, Челяковскій особенно прославился своими, по утверждению знатоковъ дѣла, удивительно вѣрными переводами антологическихъ пьесъ А. С. Пушкина, помѣстивъ ихъ въ «Часописи Чешскаго Музея» за 1833 г. Здѣсь переведены: «Dwa hawrani» («Два ворона»), «Utopenes» («Утопленникъ»), «Зимній вечеръ», «Делибашъ» и др. Первоклассный славистъ и слѣдовательно одинаковый знатокъ обоихъ языковъ (русскаго и чешскаго) А. С. Будиловичъ считаетъ Пушкинскіе переводы Челяковскаго «въполномъ смыслѣ слова прекрасными». (См. его рѣчъ: «Два слова обѣ отнoшeнiяхъ Пушкина къ литературамъ южныхъ и западныхъ славянъ», «Московск. Вѣdom.», 1880, № 158).

Главными переводчиками Пушкина у чеховъ послѣ Томичека и Челяковскаго явились слѣдующія лица: К. Кузмані (извѣстный панславистъ и писатель словацкаго происхожденія), Я. Поспишиль, юристъ профессоръ Герменгильдъ Иречекъ, его братъ и извѣстный славистъ и виослѣдствіи министръ народного просвѣщенія Австро-Венгріи Йосифъ Иречекъ, особенно же Вячеславъ Бендель (псевдонимъ Страницкій), далѣе славянскій ультрамонтанъ Вац. Штульцъ, Гоушецкій, Фр. Махъ, Микшъ, чешскія писательницы Божена Веселая, Элиза Красногорская, Dr. Aloisij O. Kusakъ и др. Изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина, вмѣстѣ взятыхъ, у чеховъ не имѣется, но есть немало изданій избранныхъ его сочиненій—Бенделя (2 тома), журнала «Свѣтозоръ», Сладковича, «Славянская Поэзія» (редакція Вымазала) «Читанка» I, Иречка, «Нова сбирка русскихъ пѣсенъ» (т. е. стихотвореній), изданіе Шимачека, журнала «Квѣтоборъ», Э. Красногорской въ «Сборнику всемірной поэзіи», издаваемомъ Чешской академіей наукъ, подъ редакціей лучшаго чешскаго поэта Яр. Верхлицкаго, «Русскія хрестоматіи» для чеховъ гг. Валечки, Вани, два сборника г. Халупы и др. Между критическими статьями особенно выдаются Коринека (1853), Бендля (1854), Вымазала (1874), А. Дурдика (1874), прекраснаго знатока русскаго языка Я. Грубаго (1879—1880), Веселаго (1880), Тужимскаго (1880), Фойгта (1887), А. Покорнаго (1887), Дурдика Павла (1887), Я. Верхлицкаго (1888) и Квишала (1893). Кромѣ того, произведенія Пушкина и русскихъ композиторовъ, вдохновлявшихся твореніями Пушкина, именно Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго и Направника, представлены на сценѣ въ Прагѣ въ слѣдующихъ операхъ: «Русланъ и Людмила» въ 1867 году, слова О. Коларжа, «Евгений Онѣгінъ», слова Маріи Червинковой-Ригеровой, въ 1868 году, «Дубровскій», либретто М. Чайковскаго, музыка Э. Направника, «Русалка» въ переводѣ А. Мужика. Наконецъ, у чеховъ имѣется и одна самостоятельная опера, навѣянная геніемъ Пушкина, именно «Марія Потоцкая» (т. е. «Бахчисарайскій фонтанъ»), слова О. Коларжа и музыка Мѣхуры, дана въ 1871 году. Всего 203 №№ переводовъ, изслѣдований и статей о Пушкинѣ, т. е. почти столько же, сколько по всѣмъ остальнымъ 11 славянскимъ нарѣчіямъ и ихъ литературамъ, вмѣстѣ взятымъ (282 №№).

IX. Грузинскій (1832).

Всльдъ за В. И. Межовыимъ, я до самаго послѣдняго времени считалъ первымъ грузинскимъ переводомъ изъ Пушкина стихотвореніе «Мечты», напечатанное въ журналѣ «Цискари» за 1852 г., № 2. Въ дѣйствительности же оказывается, что знакомство грузинской литературы съ Пушкинымъ началось, по крайней мѣрѣ, за 20 лѣтъ до того, ибо князь Лордкипанидзе изъ Владикавказа въ своей замѣткѣ на мою статью о переводахъ Пушкина на европейскіе языки («Нов. Бр.», 1899 г., № 8262) сообщаетъ цѣнное свѣдѣніе, что таковыми (т. е. первыми переводчикомъ Пушкина на грузинскій языкъ) слѣдуетъ считать князя Гр. Д. Орбеліани, именно стихотвореніе «Веселый пиръ», перепечатанное на 12 стр. собранія его стихотвореній этого поэта, изданного въ 1884 г. (см. «Нов. Бр.» 1899 г., № 8292). Тотъ же кн. Орбеліани въ 1847 году перевелъ другое стихотвореніе Пушкина «Даръ напрасный, даръ случайный» (его Стихотворенія, стр. 47). Быть можетъ, еще при жизни Пушкина князь А. Герас. Чавчавадзе перевелъ стихотворенія «Обвалъ», «Цвѣтокъ», «Анчарь» и «Пробужденіе» (стих. изд. 1881 г., стр. 100, 102, 103 и 108). Въ 1879 году князь М. Тумановъ помѣстилъ въ издаваемомъ имъ «Грузинскомъ Альманахѣ» (ч. II, 1879 г.) «Донъ-Жуана» (т. е. «Каменного гостя») и, наконецъ, Гомаръ Катиба издалъ въ 1884 году въ Тифлисѣ грузинскій переводъ «Сказки о рыбакѣ и рыбѣ», 8⁰.

X. Молдавскій ¹⁾ (1835).

Пушкинъ зналъ молдавскій языкъ (для картинности допустилъ въ свои стихотворенія бессарабскаго периода нѣкоторые молдаванизмы, напримѣръ: «жокъ», «кукона», «куконица» и др.) и даже записалъ со словъ своего личнаго знакомаго Пендедеки два молдав-

¹⁾ Употребляемый нами терминъ «молдавскій», а не «румынскій» (см. ниже главу XXIV), къ тому же употребляемый всѣми русскими и особенно извѣстный на югѣ, принадлежитъ самому Пушкину и тѣмъ почетнѣмъ молдаванамъ-литераторамъ, которые до недавняго времени его постоянно употребляли. Во времена Пушкина и позже не было на свѣтѣ «Румыніи», ибо Дунайскія княжества «Молдавія» и «Валахія», подъ новыми искусственными именами «Румыніи», появились на нашей памяти, въ началѣ 60-хъ годовъ. Эта Румынія, подъ вѣяніемъ сосѣдней униатской пропаганды изъ Австріи, вытѣшила, во-первыхъ, кириллицу, замѣнивъ ее латиницей, и, во-вторыхъ, устранила молдавскій языкъ, лексическая основа котораго славянская, въ пользу крайне искусственного румынского языка, рѣзко отличающагося отъ первого. Впрочемъ, нѣкоторые румыны и до сихъ поръ не только любятъ употреблять терминъ «молдавскій», но даже считаютъ его эквивалентомъ слова «румынскій». Такъ, напримѣръ, нижеупоминаемый образованный бессараб-

скія преданія, первое подъ заглавiemъ «Дука», молдавскій бояринъ XVII вѣка, и второе «Дафна и Дабижа», 1663 г., не говоря уже о знаменитой «Черной шали», записанной имъ же со словъ пѣвшей ее простолюдинки Маріолы; съ натуры же записана не менѣе знаменитая «Пѣсня Земфиры» (поэма «Цыганы») «Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня» («Арди ма, фриджи ма» и т. д.). Что же касается обратныхъ, то-есть молдавскихъ отношеній къ Пушкину, то они выразились въ слѣдующемъ: молдавскій бояринъ, онъ же и переводчикъ Крылова на молдавскій языкъ, Александръ Доничъ (сербскаго происхожденія), до 1835 года перевелъ поэму Пушкина «Цыганы». Переводъ этотъ составляеть величайшую библіографическую рѣдкость, быть можетъ, даже онъ и не былъ напечатанъ никогда, но о немъ мы знаемъ изъ очень интересной статьи другого бессарабско-молдавскаго писателя, тоже боярина Александра Хиждеу «Бессарабскіе литераторы», напечатанной въ журналѣ Надеждина «Телескопъ» за 1835 г., ч. 25, № 4, стр. 610—614. Кромѣ того, намъ извѣстна Христоматія преподавателя Кишиневской семинаріи и бывшаго организатора ланкастерскихъ школъ въ Бессарабіи еще при императорѣ Александрѣ Благословленномъ, Якова Гинкулова, подъ заглавиемъ «Собрание сочиненій и переводовъ въ прозѣ и въ стихахъ для упражненія въ влахо-молдавскомъ языкѣ», С.-Петербургъ, типографія Императорской Академіи Наукъ, 1840. На страницахъ 91—93 этой книги, составляющей тоже большую рѣдкость, помѣщены «Отрывки изъ поэмы Пушкина «Цыганы», переведенной А. Доничемъ († 1866). Интересъ перевода Пушкинской поэмы, по крайней мѣрѣ, судя по отрывкамъ ея, напечатаннымъ у Гинкулова, заключается въ томъ, что переводъ этотъ отпечатанъ излюбленнымъ тогда у молдованъ, а у молдованъ (моканъ) австрійскихъ и по настоящее время, церковно-славянскимъ шрифтомъ. Вотъ первые двѣ строки стихотворного перевода «Цыганъ»:

Кѣ — шѣтриле динъ локъ **и** локъ

Циганій прин Буцѣкъ (т. е. по Бессарабіи) се поартъ и т. д.

Около этого же времени, если не раньше, была переведена обратно на литературный молдавскій языкъ «Черная шаль» («Шалуль негру») молдавскимъ писателемъ Константиномъ Негруцци (1809 — 1868), личнымъ знакомымъ Пушкина по Кишиневу и эмигрантомъ въ Бессарабію въ 1821 году. Онъ же перевелъ на родной языкъ съ русскаго нѣкоторыя сатиры А. Кантемира.

скій молдаванинъ А. Хиждеу пишетъ слѣдующее, при томъ на русскомъ языкѣ, своему сыну, академику Бухарестской академіи наукъ, Б. И. Хиждеу: «Въ качествѣ послѣдняго потомка семьи, ты долженъ продолжать сокровище «молдавскаго» языка *«Etymologicum Magnum Romaniae»*. См. книгу послѣдняго В. Р. Hasdeu. *«Sic cogito»*. Edit. III. Bucaresci. 1895, стр. 150.

XI. Иллірійскій (1835).

Въ одно время (лѣтъ 200 тому назадъ) этими археологическимъ терминомъ австрійское правительство величало не кого иного, какъ задунайскихъ и отчасти адриатическихъ сербовъ, незадолго до того переселившихся изъ Косовопольского вилаета (классической Дарданіи), подъ предводительствомъ своего патріарха Арсенія Черноевича, въ Австрію (грамоты славному «иллірическому» народу, данная императ. Карломъ VI, Маріей-Терезіей и Францомъ I). Что же касается такъ называемаго «Иллірійскаго королевства», то оно было выдумано и скроено Наполеономъ I. Туда вошли Славонія, Истрія, Краина и Сѣверная Далмація, то-есть добрая часть хорватовъ и словянцевъ (хорутанъ). Именно въ предѣлахъ этого «королевства» проявлять свое дѣтство Проп. Мериме (родился въ Рагузѣ, гдѣ отецъ его былъ архитекторомъ), и вотъ отчего его знаменитая «Гусла» названа сборникомъ пѣсень, распѣваемыхъ современными «иллірами» (изъ собранія абб. Фортиса, Вука Караджича и др.). Короче говоря, «иллірическій» языкъ есть первая генерація современного книжнаго сербско-хорватскаго языка, учрежденного, въ качествѣ такового, австрійскимъ писателемъ и политическимъ дѣятелемъ Людовитомъ Гаемъ (предшественникомъ его, но уже бонапартистомъ въ политическомъ отношеніи, былъ Валентинъ Водникъ). Въ силу четырехъ-язычной панславистической теоріи Я. Коллара, иллірическому или южнославянскому языку должны были быть принесены въ жертву какъ болѣе крупному языку нѣкоторыя ближайшія нарѣчія: словянское (хорутанское) и болгарское—иллірійскому, подобно тому, какъ словацкій, моравскій и лужицкій—чешскому, бѣлорусское (*sic*) нарѣчіе, въ придачу съ литовскимъ языкомъ — польскому и, наконецъ, малорусское нарѣчіе—русскому литературному языку. Тотъ хорутанскій писатель, который впослѣдствіи дѣйствительно принесъ въ жертву свое мѣстное нарѣчіе, на которомъ онъ до того писалъ, такъ называемому иллірійскому языку, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ «илліромъ», ставшимъ переводить Пушкина на этотъ искусственный языкъ. Это былъ высокодаровитый и многосторонне образованный штирійскій словянецъ Станко Вразъ (1810—1851), одинъ изъ самыхъ пламенныхъ илліровъ, главный редакторъ журнала «Kolo» и иллірійской «Даницы». Такъ, съ 1835 по 1845 годы имъ переведены знаменитое обличительное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи» и другія его антологическая стихотворенія, и, кроме того, отрывокъ изъ «Цыганъ» («Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда»), «Черную шаль», «Бородинскую годовщину», «Бахчисарайскій фонтантъ» и эпиграмму «Все мое,—сказала злato». Въ иллірійской литературѣ имѣется еще одинъ переводъ оды Пушкина «Клеветникамъ Россіи», и принадлежитъ онъ воспитателю

князя Милана Обреновича (впослѣдствіи короля сербскаго), графу Медо Пучичу, изъ древняго аристократическаго рода въ Далмациї (въ Рагузѣ или Дубровникѣ, по-итальянски Orsato di Pozza), и напечатанный въ 1849 году въ иллирическомъ журналь «Дубровникъ» (см. А. Н. Пыпина, «Ист. слав. литературъ», I, Спб., 1879, стр. 253). Терминъ «иллирійскій» былъ воспрещенъ австрійскимъ правительствомъ, какъ синонимъ чего-то революціоннаго, въ 1843 году, при Меттернихѣ, такъ что послѣ этого хорваты и тѣ ихъ со-сѣди, которые до того прымкали къ «иллиризму», должны были перемѣнить имя, обозвавъ себя вообще юго-славянами, и главными представителями въ 50-хъ годахъ этой юго-славянской эры были: Ив. Кукулевичъ Сакцинскій, оба Мажуранича и еще нѣкоторые другіе. Впрочемъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, мы видимъ въ Загребѣ (Аграмѣ) еще одного иллира, который допѣвалъ свою лебединую пѣсню переводами изъ Пушкина. Это былъ Ив. Тарнскій. Въ настоящее время добрая часть бывшихъ иллировъ руссофильствуетъ и славянофильствуетъ себѣ на итальянскомъ языкѣ, восхваляя на весь міръ языкъ Пушкина въ своемъ органѣ *«Le Pensiero Slavo»*. Такъ въ № 50 этой газеты за 1896 годъ, въ статьѣ, озаглавленной *«La lingua Russa»*, по поводу изданія *«Canti Russi»* говорилось о русскомъ языке, что онъ *«e una lingua bella, armoniosa, ricca che apprenderebbe la nostra gioventù, è la lingua del piu grande popolo slavo, è la lingua cosi necessaria nei commreci; è una lingua, la cui litteratura è ormai in diversi rami la prima in Europa»*, pag. 2.

XII. Англійскій (1835).

Недавно въ «Новомъ Времени», по поводу моей статьѣ о переводахъ Пушкина на европейскіе и азіатскіе языки (въ № отъ 26-го февраля), напечатанъ былъ рядъ библіографическихъ замѣтокъ съ цѣлью опредѣлить, какъ начальный годъ (прототипъ) англійскихъ переводовъ изъ Пушкина, такъ и количество этихъ переводовъ. Было указано при этомъ, что переведено было именно стихотвореніе «Талисманъ», напечатанное въ 1835 году въ С.-Петербургѣ, и переводъ приписанъ нѣкоему Шульцу. Сообщеніе это неточно, объясняемое очевидно тѣмъ, что г. В. Качановскій (№ 8272 «Нового Времени») судилъ о книгѣ, не видавъ ея лично, а единственно на основаніи «Пушкиніаны» В. И. Межова, который въ свою очередь не видѣлъ ея, но помѣстилъ ее въ свой указатель изъ каталога *«Rossica»* Императорской Шубличной библіотеки, составленного старшимъ библіотекаремъ К. О. Феттерлейномъ. Между тѣмъ содержаніе этой книги свидѣтельствуетъ о неточности ея заглавія. Она называется: *The Talisman. From the Russian of Alexander Pushkin, with other pieces. St.-Pet. Printed by Schulz and Beneze. 1835,*

стр. 14, 8°. Съ технической стороны изданіе это неудовлетворительное и отчасти неряшливое. Изъ обозрѣнія же книги видно, что переведены здѣсь не только «Талисманъ», каковое слово исключительно почему-то стоитъ въ заглавіи, но также и другое стихотвореніе Пушкина, именно на стр. 5—7 «Русалка» (*The Mermaid*), что осталось неизвѣстнымъ В. И. Межову, котораго лишь списывалъ г. В. Качановскій. Даѣ, на стр. 8 — 10 напечатаны «*Ancient Russian Songs*», которые оказываются тремя отрывками русскихъ простонародныхъ пѣсенъ, на стр. 11 — 12 «*Ancient ballade, from the Malorussian*» и, наконецъ, на стр. 13—14 ни къ селу, ни къ городу «*The Renegat, from the Polish of Mickiewicz*». Что же касается личностей Шульца и Бенеце, то они, повидимому, собственники типографіи, а не переводчики, и переводъ во всякомъ случаѣ анонимный. Такимъ образомъ, первымъ именованнымъ, при томъ, заграничнымъ изданіемъ Пушкина оказываются переводы Т. В. Шау (T. B. Shawe), бывшаго профессора англійской литературы въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ въ С.-Петербургѣ: въ Лондонскомъ журналѣ *Blackwood's Magasine for june and july* за 1845 г. напечатаны его «*Notice on Pushkin*», где помѣщенъ превосходный переводъ оды «Наполеонъ» и другихъ стихотвореній Пушкина. (См. цѣнную замѣтку г. А. Журавлева «Пушкинъ въ англійскихъ переводахъ». Письмо въ редакцію «Нового Времени» въ № отъ 21 марта сего года). Даѣнѣйшими переводчиками и изслѣдователями Пушкина у англичанъ являлись: Ф. Р. Грэхэмъ (между прочимъ перевель оду «Клеветникамъ Россіи», Лондонъ, 1865), м-съ Е. А. Бухчанъ-Тельферъ (урожд. Муравьевъ), Русская госпожа (A Russian Lady) именно Анна Давыдовна Баратынская рожденная княжна Абамеликъ, м-съ М. Сутэрлэндъ-Эдвардсъ, рожденная Ватсонъ, москвичка родомъ, м-ръ Сутэрлэндъ (кореспондентъ «Times'a» въ Москвѣ во время коронаціи императора Александра II), Т. Кинъ, Мильнъ Юмъ, А. ф.-Гагенъ, Спельдингъ, г-жа Игельстромъ, м-съ Мэри Анна Фэстонъ, Ф. Маршандъ, Джонъ Полленъ и другіе. Изъ изслѣдователей же особенно важны труды Дональда Мэнкензі Уэллеса (теперешняго редактора иностранного отдѣла газеты «Times»), профессора Оксфордскаго университета по каѳедрѣ русскаго языка и литературы В. Морфилля, профессора англійской литературы въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ Чарльза Эдв. Тёрнера и др. Болѣе подробно объ этомъ въ моей статьѣ въ «Новомъ Времени»: «Дополненія къ замѣткамъ обЪ англійскихъ переводахъ Пушкина».

XIII. Англо-американскій (1849).

The Bakchesaraian Fountain by Alexander Pooshkeen and other poems, by various authors, translated from the original Russian by Willaim D. Lewis. Philadelphia. C. Sherman

«ИСТОР. ВѢСТИН.», май, 1899 г., т. LXXVI.

Printer, 1849, 72 стр., 16°. Замѣчательно изящное филадельфійское изданіе «Бахчисарайскаго фонтана», на отличной бумагѣ, мелкимъ, но вполнѣ отчетливымъ шрифтомъ. Экземпляръ принадлежитъ Императорской Публичной библіотекѣ, отчисленный когда-то изъ Императорской Эрмитажной библіотеки. На 3 стр. слѣдующее прочувствованное посвященіе Вильяма Д. Льюиса русскимъ друзьямъ, внушенное гениемъ Пушкина:

«To my Russian Friends the following effort to render into the english language a favourite poem of one of theier most admired bards and some shorter productions of other Russian poets is respectfully dedicated, as a small testimonial of gratitude for the many Kindnesses of which was the object in their most hospitall country in carby life the translator» (т. е. Вильямъ Д. Льюисъ). Помѣщено «Philadelphia (въ штатѣ «Пенсильванія»), july 1849. Начиная съ 35 стр. и дальше слѣдуютъ любимые романсы и другія поэтическія произведенія русскихъ лириковъ (amatory and other poems) въ англійскомъ переводе: Дмитріева, Нелединскаго, Шатрова, Мерзлякова, именно знаменитый романсь «Среди долины ровныя» или «Тоска въ одиночествѣ» (The Solitude) и двѣ оды Державина, въ числѣ которыхъ «Богъ» (To God). Въ 1889 году въ «Американскихъ Аеннахъ», Бостонѣ (штать Массачусетсъ) вышли «Избранныя поэмы Пушкина съ Примѣчаніями» (Selections from the Poems, translated with notes).

XIV. Англо-индійскій (1886).

The Captain's daughter. A novel by A. C. (sic!) Pooshkin, literally translated from the Russian for the use of students by Stuart H. Godfrey, Bombay Staff Corps. Calcutta: Thacker, Spink and C^o. 1886. VI стр. + 1 нен. л. + 170 стр. 8°. Роскошное изданіе англійского перевода «Капитанской дочки», принадлежащее калькутской (въ Индостанѣ) книгопродавческой фирмѣ Тэkkера и К^o. Снабжено множествомъ подстрочныхъ примѣчаній на пользу англійскихъ студентовъ и офицеровъ, изучающихъ русскій языкъ. На лицевой сторонѣ III стр. посвященіе: «To My Father and Mother this translation is dedicated in return for having left them to travel in Russia». Изъ предисловія переводчика, который оказывается очень большимъ человѣкомъ (начальникъ штаба корпуса англо-индійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Бомбаѣ, Стюартъ Г. Годфрей), видно, что предисловіе написано въ Симлѣ (Simla), то-есть на границѣ Британской Индіи и Афганистана и недалеко отъ русскихъ аванпостовъ, и что переводъ данъ быть на просмотръ профессору западныхъ литературы Московскаго университета, извѣстному шекспирологу Стороженко. Тамъ же встрѣчаемъ слѣдующую тираду о важности для англичанъ и индусовъ изученія Пушкинского русскаго языка

и русской литературы вообще: «Itself a dialect of the Slavonic Russian has, during centuries of Tartar, Mongolian and Polish invasions, adopted many words and ideas from these peoples, so that, although that is unintelligible to the ordinary foreigner will be clear to the oriental traveler, yet to gain a thorough insight into the characteristics of the nation and its peculiar modes of thought and speech, it is absolutely necessary to travel in the country». На ненумерованномъ листкѣ Пушкинскій эпиграфъ: «Guard thy honour from thy youth up. Proverb». (Береги честь смолоду. Пословица). Названія главъ въ англійскомъ переводѣ: Chapter I. The Sergeant of the Guards. II. The Guide. III. The Fort. IV. The Duel. V. Love. VI. Poogachoff's Band. VII. The Assault. VIII. The Unbidden Guest. IX. Separation. X. The Siege of the City. XI. The Rebel. Camp. XII. The Orphan. XIII. Arrest. XIV. Trial.

XV. Голландскій, нидерландскій тожъ (1840).

Въ октябрѣ 1838 года былъ переписанъ, а въ 1840 году вышелъ въ свѣтъ «Кавказскій плѣнникъ», переведенный на родинѣ убѣйцы Пушкина, именно въ провинціальномъ голландскомъ городкѣ Гренегау подъ слѣдующимъ заглавиемъ: De gevangene op den Kaukasus. Een gedicht naarg het Russisch van Alexander Puschkin Gravenhage by W. P. van Stockum. 1840, стр. 40. 8°. Это— великолѣпное изданіе, съ двумя такими же виньетками на обложкахъ. На об. 1-й стр. Gedrukt by Gebroeders Giunta d'Albani. На 2-й стр. аллегорическое изображеніе Пушкинской лиры. На 5-й стр. слѣдующее посвященіе: Den Heere M. J. van der Meer Mohr (uit ware Toegenegenheid opgedragen door zijnen vriend den Vertaller. 1). Van der Bergh (факсимиле переводчика). Изъ предисловія видно (стр. 7—8), что голландскій переводчикъ фонъ-деръ-Бергъ зналъ о переводѣ той же поэмы, сдѣланномъ съ русскаго на нѣмецкій докторомъ Робертомъ Липпертомъ и напечатанномъ въ ежегодникѣ «Der Delphin», и что въ голландской литературѣ къ этому времени было переведено также вышеупомянутое, знаменитое нѣмецкое сочиненіе о Пушкинѣ (по Мельгунову) Геерена Кенига въ 1838 году, напечатанное въ Гарлемѣ книгопродавческой фирмой A. Loosjes, другое же подъ заглавиемъ «Солнце (метеоръ) Русской поэзіи» (Blik od Russlands Letterkunde). Въ концѣ голландского перевода «Кавказскаго плѣнника» (стр. 39—40) находятся примѣчанія (Aanteckeningen), чи- сломъ 14. Всего переводовъ изъ Пушкина въ голландской литературуѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, конечно, ограниченнымъ, весьма не- значительно, всего 4 №№, въ числѣ ихъ «Капитанская дочка» по Гарлемскому изданію 1853 года.

XVI. Персидскій (1837).

Персамъ, собственно кавказскимъ, Пушкинъ извѣстенъ стихотворѣніями «Кавказъ», «Талисманъ», поэмой «Бахчисарайскій фонтанъ» и особенно восторженно-цѣвѣтистой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко прочувствованной элегіей «На смерть Пушкина», принадлежащей перу Мирзы Фетхъ Али Ахундова, по поэтическому прозвищу Сабухія. Эта элегія извѣстна въ русской литературѣ по тремъ переводамъ, сдѣланнымъ съ рукописнаго подлинника, въ настоящее время затеряннаго — Ив. Ив. Клементьевъ въ 1837 году, А. С. Бестужева (Марлинскаго) тогда же и г. С. (1880). Авторъ поэмы, впослѣдствіи полковникъ русской службы, во времена Пушкина занималъ на Кавказѣ должность переводчика при главноуправляющемъ Грузіей генералѣ бар. Гр. Влад. Розенѣ. Прозаическій переводъ съ прімѣчаніями И. И. Клементьевъ помѣщенъ на страницахъ 397—404 «Московскаго Наблюдателя» за 1837 годъ. Переводъ Бестужева въ статьѣ Ад. П. Берже: «Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина», «Русская Старина», 1874 г., т. XI, 76—79. Третій подстрочный переводъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» за 1880 г., № 99. Приводимъ вѣсколько строкъ изъ этого интереснаго восточнаго поэтическаго перла, свидѣтельствующаго, что кончина Пушкина, по справедливому замѣчанію А. П. Берже, потрясла своей неожиданностью не одну только внутреннюю Россію, но произвела впечатлѣніе и на ея мусульманское населеніе въ одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Начало:

«Въ ночь темную, глазъ сну не предавая,
Я сердцу своему съ тоскою говорилъ: и т. д.
О Пушкинѣ слыхалъ ты?
Онъ былъ главой собора всѣхъ поэтовъ,
Ему хвала стократная гремѣла
Со всѣхъ концовъ великой вселенной,
А пѣснъ его, свободно и игриво
Бѣжалаша изъ сердца родника,
Такъ упояла всѣхъ живою влагой:
Бумага жаждала утратить бѣлизну,
Лишилъ только бѣлье ея исчерпнѣй былъ
Рукою вдохновленнаго поэта.
Его мечты — движенія павлина —
Явили радугу блестящихъ словъ и мыслей.
Поэзіи обитель — Ломоносовъ
Украсилъ лишь, а Пушкинъ водворился
Въ обители... Поэтъ Державинъ славный
Завоевалъ поэзіи державу,
Но Пушкинъ!.. Онъ былъ избранъ властелиномъ
Святой поэзіи и избранъ былъ имъ свыше,

Наполнилъ чашу знанія Карамзинъ,
И Пушкинъ выпилъ знаній чашу этихъ.
Распространилась слава его генія по Европѣ,
Какъ могущество и величие Николая,
Отъ Китая до Татаріи¹⁾.
По свѣтлому уму своему
Быть онъ образцомъ на Сѣверѣ
Подобно молодой лунѣ,
Которой видѣь дорога Востоку²⁾.
Четыре стихіи и семь небесъ доселѣ
Такого сына не рождали міру и т. д.
Его душа святая упорхнула,
И вмѣстѣ старъ и младъ слились въ печали,
Сдружились крѣпко горестью единой.
Скорбить Россія, всѣ скорбять народы
И въ вздоханій, и въ скорби восклицаютъ:
Убить! Убить! Злодѣйской рукою
Убийль его разбойникъ міра... Твой Талисманъ
Не могъ разрушить колдовства оковы,
Ушелъ на вѣки ты отъ земныхъ друзей,
Но въ небѣ встрѣтишь ты, поэты великий,
Другую дружбу — милосерда Бога!
И будеѧтъ слать тебѣ съ весны зефиромъ
Благоуханіе двухъ розъ твоихъ «Фонтанъ
Вахчисарай», столь тобой воспѣтый.
И пѣснопѣнія твои глубокимъ стономъ
Вспомянеть сребролукій чудный старецъ,
Тобой любимый и тобою воспѣтый
Сѣдой Кавказъ...
Прими же стоять сердечный,
Прими крикъ сердца моего Великій
Глава собора всѣхъ земныхъ поэтовъ».

XVII. Датскій (1843).

Kapitainens Datter. Historisk Fortælling af Aleksander Pusjkin. Fra det Russiske oversat af F. M. Thorson. Kjobenhavn Udgivet og forlagt af L. J. Friebert. Trpkthos A. Himbach. 1843. Копенгагенское издание датского перевода «Капитанской дочки», исполненного извѣстнымъ переводчикомъ русскихъ авторовъ въ Данії и однимъ изъ старѣйшихъ знатоковъ русского языка у скандинавовъ, Ф. М. Торсономъ. Книжка напечатана швабахомъ. 2 нен. л.+188 стр. 8⁰. На 2 нен. л.: «Revar Aeren fra Ungdom af! Ordsprog», то-есть «Бериги честь смолоду. Пословица» (эпиграфъ Пушкина къ «Капитанской дочкѣ»). Переводъ полный и весьма тщательный. Всего датскихъ переводовъ изъ Пушкина лишь 14 №№.

¹⁾ Китай и Татарія у персидскихъ поэтовъ берутся въ значеніи самыхъ отдаленныхъ предѣловъ міра.

²⁾ ..Потому что всѣ богослужебныя и гражданскія дѣйствія магометанъ связаны съ измѣненіями луны.

XVIII. Армянскій (1843).

Благодаря «Пушкинанѣ» В. И. Межова (№ 3275), мы знаемъ, что въ 1843 году появились слѣдующія стихотворенія Пушкина въ армянскомъ перевоѣ И. Амазаспова: «Русалка», «Земля и море», «Не дай мнѣ Богъ», «И путникъ усталый», «Съ тобою древле, о Всесильный», «Пророкъ», «Похоронная пѣснь», «Соловей», «Туча» и «Кавказъ». Смотри книгу: Переводы въ прозѣ и въ стихахъ съ русского на армянскій языкъ, изъ Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго и Гнѣдича, И. Амазасповымъ. Изданіемъ Никиты Мурачева. Москва. 1843 г. 8⁰. Текстъ съ переводомъ. Въ 1844 г. въ Тифлисѣ появилась «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» въ вольномъ перевоѣ Агаянца, въ 4-ку. По всей вѣроятности, армянскихъ переводовъ Пушкина не мало, но они разбросаны въ журналахъ и вообще въ періодическихъ изданіяхъ.

XIX. Ново-греческій (1847).

Пушкинъ прославилъ ново-греческій народъ какъ въ высокопоэтическихъ строфахъ [стихотворенія: «Гречанѣ» (Ты рождена воспламенять воображеніе поэтовъ), «Возстань, о Гречія, возстань!»], такъ и въ прозѣ (Дневникъ греческаго возстанія, веденный Пушкинымъ въ 1821 г. въ Кипиневѣ). Поэтому нѣть ничего удивительнаго, что Пушкинъ, благодаря русско-греческимъ культурнымъ соприкосновеніямъ на югѣ, обратилъ на себя вниманіе ново-грековъ и ихъ поченной литературы. Въ этомъ соприкосновеніи современныхъ грековъ къ Пушкину замѣчается прежде всего критическое отношеніе, а приступъ къ переводу самихъ произведеній Пушкина сдѣланъ былъ еще позже. Начальными свѣдѣніями по этой части мы обязаны бывшему профессору Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникову, который нашелъ въ Одессѣ у одного букиниста томикъ греческихъ «Повѣстей» (*Διηγήματα*) какого-то Деліяниса (*Δελιγάνης*), изданный въ этомъ городѣ еще въ 1847 году. Тамъ, между прочимъ, оказался разсказъ о дуэли и смерти Пушкина, котораго Деліянисъ считалъ великимъ... историкомъ. (См. лекцію А. И. Кирпичникова при открытии памятника Пушкину въ Одессѣ подъ заглавiemъ «Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ», въ его книгѣ: «Очерки по истории русской литературы», Спб., 1896, стр. 150—151). Но весьма цѣнною является большая критическая статья константинопольскаго ученаго фанаріота Стефана К. Карабеодори, напечатанная въ 1870 году и знакомствомъ съ которой мы обязаны опять, благодаря указанію

А. И. Кирпичникова¹⁾). Статья эта носить общее и весьма скромное заглавіе, именно «Περὶ Ρωσσικῆς φιλολογίας (О русской словесности), которую авторъ, первоклассный греческий ученый и литераторъ, про-челъ въ ССЛXXXIV засѣданіи Константинопольского Литературного Общества, а напечаталъ въ V томѣ «Извѣстій этого общества» въ Константинополѣ, въ типографіи И. И. Врето за 1870 г. на стр. 60—86²). По расцѣнкѣ, произведенной А. И. Кирпичниковымъ, половина этой статьи посвящена Пушкину и носить частное заглавіе «Ἀλέξανδρος Πούσκην». Въ ней талантливый и высокообразованный грекъ, какъ о дѣятельности Пушкина въ цѣломъ, такъ и объ отдельныхъ произведеніяхъ его, высказалъ если не всегда вѣрныя, то интересныя мнѣнія. Разобраны при этомъ слѣдующія произведения Пушкина съ извлечениемъ изъ нихъ отрывковъ въ переводѣ. «Αἰχμαλωτος τοῦ Καυκάσου (Кавказскій плѣнникъ), «Ἄθιγγανοι» (Цыганы), Κόμης Νοῦλιν (графъ Нулинъ), Αδελφοὶ κλέπται (Братья разбойники), «Δεξαμένης τοῦ Βαχτος Σεραίοι» (Бахчисарайскій фонтанъ), Πολτάβα, Εὐγένιος Ονιέγιν, Ο Ρουσλάν καὶ ἡ Λυδηίλα, Βορίς Γοδούνώβ, Ρουσάλκα, Ιστορία τῆς ἐπαναστάσεως τοῦ Πουγάτσεω (Исторія Шугачевскаго бунта) и чудная Ή θυγάτηρ τοῦ λοχαγοῦ (Капитанская дочка).

Лишь въ 1887 году появился первый по времени переводъ изъ Пушкина на ново-греческій языкъ и то не съ русскаго подлинника, а съ французскаго (ἐκ γαλλικοῦ), именно «Η δάμα τῆς πίκας», напечатанный въ великолѣпномъ греческомъ иллюстрированномъ журналь «Εστερος» (Западъ), выходящемъ въ Лейпцигѣ. Празднованіе 50-лѣтія поминокъ по Пушкинѣ въ этомъ году не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея произвело на грековъ довольно сильное впечатлѣніе, ибо съ этого времени начинается у нихъ усиленное изученіе Пушкина, соединенное съ систематическими его переводами. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ редакція аѳинской газеты Αχρόπολις и особенно профессоръ г. Харалампій Вулодемъ, бывшій директоръ греческаго коммерческаго училища въ Одессѣ, теперь профессоръ русской литературы въ Аѳинскомъ университетѣ, котораго мы можемъ считать не только первымъ по времени переводчикомъ Пушкина на греческій языкъ, но и лучшимъ знатокомъ русскаго языка и Пушкина въ частности у грековъ. Въ 1888 году вышла въ Одессѣ въ типографіи Н. Хрисогела греч-

¹⁾ Это толькі самыи грекъ Каравеодори, который въ ряду 40 языковъ—народовъ, переводившихъ и цѣнившихъ графа Л. Н. Толстого, опредѣль ихъ всѣхъ, поставивъ на первомъ мѣстѣ по времени грековъ (въ 1870 г.). 2-е мѣсто занимаютъ австрійскіе словаки (1876), 3-е сербы (1877), 4-е французы (1877—1878), 5-е венгры, 6-е англичане (1878), 7-е датчане (1879), 8-е чехи (1881), а нѣмцы лишь—9-е (1882).

²⁾ Αναγνώσθη ἐν τῇ Σπβ. συνεδριάσεις 'Ο ἐν Κωνσταντινουπόλει 'Ελληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Σύγγραμμα περιοδικὸν τόμος. ε. ἐν Κ—λει. Τυπογραφεῖον Ι. Ι. Βρετοῦ. 1870.

ческая книга г. Х. Вулодема подъ слѣдующимъ заглавиемъ: 'Αλέξανδροι Σεργιάδου Πούσκην Ἐκλεκτῶν ποιημάτων μετάφρασις ὑπὸ Χαραλάμπους Βουλοδήμου, καταγητοῦ Γομος Α. Ἐν Ὀδησσῷ. Τύποις N. Χρυσογέλου, ὁδὸς Δανζερώνος ἀριθμ. 25. 66. γ + 155 ἐν 8°. Это былъ I томъ избранныхъ произведеній Пушкина въ прозаическомъ ново-греческомъ переводѣ. Работа въ высшей степени тщательная и добросовѣстная. Кромѣ того, переводъ сопровождается многочисленными примѣчаніями и даже разночтеніями русскаго подлинника. Этотъ томъ начинаетъ собой первую серію замѣчательнѣшаго ново-греческаго литературнаго изданія: Βιβλιοθήκη Ἑλληνικῶν μεταφράσεων ἐκλεκτῶν πονημάτων τῶν δοκιμωτέρων Ρώσων ποιητῶν καὶ συγγραφέων, т. е. Библиотека греческихъ переводовъ избранныхъ произведеній знаменитѣшихъ Русскихъ поэтовъ и писателей. На страницѣ 5 слѣдуетъ посвященіе извѣстному не въ одной Одессѣ меценату и филантропу и ревностнѣшему поборнику русско-греческой литературной взаимности, бывшему городскому головѣ, тайному соѣтнику и каммергеру Григорию Григорьевичу Маразли. На 7 страницѣ—обращеніе переводчика къ Г. Г. Маразли, котораго просвѣтительная дѣятельность приравнивается къ Эль-Мэкинамъ, Медичисамъ и братьямъ Зосимадамъ. На страницѣ 11—12 обращеніе къ читателю, изъ котораго узнаемъ, что, благодаря щедротамъ Г. Г. Маразли, предпринимается переводъ на греческій языкъ лучшихъ произведеній всемирной словесности и съ русской стороны намѣчены новые или обновленные переводы Державина, Фонвизина, Крылова, Карамзина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Гнѣдича, Озерова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Языкова, Баратынскаго, Тургенева, Островскаго, Козлова, Кольцова, Майкова, Некрасова и др. Главный редакторъ этого монументальнаго литературнаго предпріятія профессоръ Вулодемъ, обласканный въ этой гостепріимной странѣ, т. е. въ Россіи (ἐν τῇ φιλοξένῳ ταύτῃ χώρᾳ), заявляется, что готовъ посвятить «всѣ свои силы» (πᾶσαν τὴν ἀκμὴν τῆς ἡλικίας) на духовную пользу литературной взаимности и преуспѣянія «двухъ великихъ народовъ православнаго востока русскаго и греческаго» (πρὸς πνευματικὴν ὄφελειαν καὶ ὁδηγίας τῆς νεολαίας ἀμφοτέρων τῶν ἐθνῶν ὅρθιοδόξων τῆς Ἀνατολῆς). И вотъ во главу угла поставленъ здѣсь Пушкинъ. Въ I томъ его сочиненій въ греческомъ переводѣ вошли: «Ροοσλάνος καὶ Διοսδημήλα», 'Ο Αἰχμάλωτος τοῦ Καυκάσου (Кавказскій плѣнникъ), 'Η ἐν Βαχτση-σարάη κρήνη, οἱ Αἴγυγανοι (Цыганы), Πολταΐα καὶ Οχαλκοῦς Ἰππεύς (Мѣдный всадникъ).

Вотъ, въ видѣ образчика, по 2—3 начальныя строфы нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній въ греческомъ переводѣ:

а) Πλησίον θαλασσίου κολπου ὑψοῦνται πρασίνη δρῦς καὶ ἐπὶ ταύτης τῆς δρῦς εἶναι τεταμένη χρυσῆ ἄλυσις καὶ ἐπὶ τῆς ἀλύσεως, νύκτα καὶ ἥμέραν ἀδιαλείπτως, περιέρχεται πεπαιδευμένος αἴλουρος, βαδίζων πρὸς τὰ δεξιά ἐντειει ἄσμα, στρεφόμενος πρὸς τὰ ἀριστερὰ απαγγελλεῖ μῦθον (У Лу-

коморья дубъ зеленый и т. д. Прологъ изъ «Руслана и Людмилы»). б) Εκεὶ πνέει ρωσικὸν πνεῦμα... ἐκεὶ αποπνέει Ρωσσία (Тамъ Русью пахнетъ и т. д.). в) Το φαιδρὸν πτηνὸν τοῦ Θεοῦ δὲν γυωρίζει οὐτε μέριμναν, οὐτε πόνον («Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда», изъ «Цыганъ»). г) Φεγγοβολεῖ ἡ ἀνατολὴ δια νέας αὐγῆς («Лорить Востокъ зарею новой», начало III пѣсни Полтавы). д) Τότε δὴ ἐμπνευσθεῖσα ἀνώθεν ἡ κούσθη ἡ βρωντώδης φωνὴ τοῦ Πέτρου. Εἰς τὸ ἔργον μετὰ τοῦ θεοῦ («Тогда-то, свыше вдохновенный, раздался звучный гласъ Петра» и т. д. Тамъ же). е) Καὶ μετὰ τούτων συνεπλάκησαν αἱ αὐτοχρατορικαὶ φάλαγγες εντὸς τοῦ καπνοῦ ἐντῷ μεσῷ τῆς πεδιάδος (И съ ними царскія дружины сошлись въ дыму среди равнинны). ж) Επι τῆς ἀκτῆς ἐρήμου παραλίας ἴστατο ἐκεῖνος, πλήρης μεγαλεπηθόλων διαλογισμῶν καὶ παρετήρει μακράν и т. д. («На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ» и т. д. изъ «Мѣднаго всадника»). з) Ἐντεῦθεν θέελομεν ἀπείλεῖ τὸν Σουηδόν. Ἐνταῦθα θέλει θεμελιωθῆ πόλις παρὰ τὴν θέλησιν τοῦ ἀγερώχου γείτονος. Ἐνταῦθα εἴναι προῳσμένον εἰς ἡμᾶς ὑπό τῆς φύσεως νὰ ἀνοίξωμεν παράθυρον πρὸς τὴν Εὐρώπην. Παρῆλθον ἔκατὸν ἔτη κ. τ. λ. («Отсель грозить мы будемъ шведу» и т. д. Отсюда же). и) Σὲ ἀγαπῶ ὁ δημιούργημα τοῦ Πέτρου, ἀγαπῶ τὴν αυστηράν, εὐσταλῆ θέαν σου, τὸ μεγαλοπρεπὲς ρεῖθρον τῆς Νευᾶς, τὸ παρόχθιον αὐτῆς κ. τ. λ. ὅταν ἐν τῷ δωματίῳ μου γράφω, ἀναγινώσκω ἄνευ λυχνίδας» (Люблю тебя, Петра творенье, и т. д.). Постѣдній, извѣстный намъ по времени переводъ изъ Пушкина на ново-греческій языкъ принадлежитъ Ник. Т. Теодориду, который въ 1893 году въ Одессѣ же напечаталъ «Η κορὴ τοῦ φρουάρχου («Капитанская дочка»). Μυθιστορία μεταφρασθεῖσα ἐκ τοῦ ρωσικοῦ, стр. 192, 8⁰. Наконецъ, имѣется очень интересное извѣстіе, что Пушкина переводилъ на греческій языкъ маститый настоятель греческаго Иверскаго монастыря въ Москвѣ, святогорецъ-афонитъ о. архимадритъ Герасимъ, въ мірѣ Дмитрий Папазафиопуло, уроженецъ о-ва Занте (см. газету «Народъ», 1898 г., августа 8-го)¹⁾.

XX. Хорватскій (1847).

Первымъ изъ хорватовъ (кроатовъ тоже), кто принялъся переводить Пушкина, былъ Огнеславъ Утѣшновичъ, юристъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, авторъ стихотвореній, вышедшихъ въ Вѣнѣ въ

¹⁾ О томъ, съ какимъ живѣшиимъ впечатлѣемъ относятся греки къ предстоящему всероссійскому чествованію Пушкина, краснорѣчивое доказательство принесла намъ послѣдняя почта, именно: въ Одессѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, доставлено изъ Афинъ новое роскошное изданіе произведеній поэта на греческомъ языкѣ, предпринятое національной библіотекой имени Г. Г. Маразли, въ переводѣ Х. И. Вулодема. Почтенійнейшій переводчикъ такъ заканчиваетъ свое послѣсловіе: «Да будетъ мой трудъ слабымъ проявленіемъ святыхъ чувствъ въ тѣ дни, когда Россія, какъ одинъ человѣкъ, преклонится передъ памятью великаго генія».

1847 году подъ заглавиемъ «Vila Ostrožinska». Имъ переведена «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» (см. А. Будиловича, «Два слова объ отношеніяхъ Пушкина къ литературамъ южныхъ и западныхъ славянъ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за 1880 г., № 158). Кромѣ того, имъ же переведены слѣдующія произведенія Пушкина: «Кавказскій плѣнникъ», «Дубровскій» и «Циръ Петра Великаго» (въ журналь «Neven» за 1853 г.), «Барышня крестьянка» (тамъ же, за 1856 г.), Новый переводъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ» принадлежитъ редакціи журнала «Vienac» за 1870 годъ. Слѣдующими переводчиками Пушкина у хорватовъ явились литераторы и ученыe: а) Спиро Дмитровичъ, родомъ изъ Катаро, переводъ «Руслана и Людмилу» и «Евгенія Онѣгина» (въ Загребѣ или Аграмѣ, въ типографіи основателя сраженного иллиризма Людовита Гая). Имъ же переведены «Полтава», «Братья разбойники» и «Цыганы» въ 1860 г. Другой переводъ «Евгенія Онѣгина» («Evgenij Onjegin») принадлежитъ бывшему иллириу Ив. Тернскому (Trnski, или по прежнему иллирійскому правописанію Tarnski), одному изъ лучшихъ современныхъ хорватскихъ поэтовъ (Zabav. kn. XLVIII—L, 1880). Наконецъ «Надписи», т.-е. эпиграммы, Пушкина переведены Е. С. Ансагеромъ (въ журн. «Драголюбъ», издававшемся въ Аграмѣ, 1867 г., № 5) и И. Е. Томичемъ «Капитанская дочка» (Kapetanova kči. Prípovest). Если не считать случайной замѣтки о пушкинскихъ переводахъ у хорватовъ въ статьѣ профессора Варшавскаго университета Ив. Созоновича («Ізвѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Общества», 1884 г., № 3, стр. 27—28), библиографіи этихъ переводовъ вовсе не имѣется. Вотъ отчего мы съ нетерпѣніемъ ждемъ обѣщанную академикомъ И. В. Ягичемъ, къ празднованію столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, обозрѣніе переводовъ изъ него на словинскій и сербохорватскій языки (см. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1898 г. предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи ординарнымъ академикомъ, нынѣ покойнымъ А. Ф. Бычковымъ, Спб., 1898 г., стр. 8).

XXI. Словяцкій, или Словѣнскій (до 1849 г.).

Знакомство словякѣвъ (или словаковъ) съ Пушкинымъ восходитъ къ очень раннему времени, и представителемъ словяцкой стороны былъ величайшій филологъ первой половины XIX вѣка, знаменитый славистъ Павелъ Іосифовичъ Шафарикъ, который самъ отнюдь не былъ чуждъ занятій чистою, притомъ классической, поэзіей (имъ переведены на родной языкъ съ греческаго «Облака» Аристофана, съ немецкаго — «Марія Стюартъ» Шиллера и съ англійскаго — «Потерянный и возвращенный рай» Мильтона). Въ

этомъ отношеніи имѣется одно малоизвѣстное, но весьма цѣнное и авторитетное сообщеніе, Аркадія Осиповича Россета († 1881 г.), записанное г. П. Бартеневымъ и напечатанное во 2-й книжѣ его «Русскаго Архива» за 1882 годъ, именно трогательный разсказъ о томъ, какъ Шафарикъ, черезъ нѣкоего Крюковскаго, служившаго въ Петербургѣ и въ одно время побывавшаго въ Австріи у первого, послалъ Пушкину въ даръ какую-то книгу («Исторія славянскихъ литературы по всѣмъ нарѣчіямъ?»), прося въ обмѣнъ у него издаваемый имъ «Современникъ», но Пушкинъ, зная, вѣроятно, со словъ М. П. Погодина, что ему пришлоось бы имѣть дѣло съ большими учеными и славяниномъ притомъ, «посовѣтился» послать свой «Современникъ», сказавъ: «если удастся издать что нибудь поважнѣе, тогда пошлетъ» (стр. 246). Первымъ же по времени переводчикомъ Пушкина на языкъ прикарпатскихъ «словенцевъ», какъ они сами себя называютъ, а по нашему «словяковъ», по простонародному же «венгерцевъ», былъ мѣстный поэтъ Янко Краль, замѣщавшійся въ 1848 г. въ политическихъ волненіяхъ, схваченный мадьярами, приговоренный ими къ повѣщенію и спасенный лишь заступничествомъ бана Елаича, а съ 1849 года безслѣдно пропавшій въ Буда-Пештской тюрьмѣ. Имъ была переведена «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» (см. статью профессора А. Будиловича въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1880 г., № 158). Большимъ и превосходнымъ знатокомъ пушкинской поэзіи былъ у себя на родинѣ мѣстный писатель и тоже поэтъ Андрей Сладковичъ, онъ же и Браксаторисъ (1820—1872). Въ бытность студентомъ въ университетѣ (въ Галле) онъ познакомился съ русскими Елагинымъ и Д. Валуевымъ, которые впослѣдствіи доставили ему сочиненія Пушкина, сохранившиеся имъ, какъ драгоценное сокровище (см. О. Пичъ: Очеркъ политич. и liter. исторіи словяковъ за послѣднія 100 лѣтъ. «Славянскій Сборникъ», т. II, Спб., 1876 г., стр. 130). Чтобы составить себѣ понятіе о культѣ Пушкина у словяковъ, мы приведемъ здѣсь небольшое стихотвореніе «Духу Пушкина», написанное въ 1861 г. А. Сладковичемъ, однимъ изъ первыхъ славянскихъ поэтовъ. Вотъ оно:

Нѣвець Полючи, братъ родной души моей,
Мой добрый гений, вдохновенецъ юныхъ дней!
Какъ грустно вспомнить мігъ и больно, какъ подумать,
Что кости вѣщи твои ужъ спать въ могилѣ.
Люблю я, Пушкинъ, дивныхъ твои творенья:
Влюбленную «Черкешенку» и гиблый зовъ
«Клеветникамъ» и возмущенную «Полтаву»,
Щеголеватаго «Онѣгина» хандру,
Легко играшаго въ волнахъ душевной страсти,
И радужныя сновъ люблю видѣнья.
Зачѣмъ же смерть цвѣтущей возрастъ твой пресекла,
И нѣть тебя, мой другъ, со мною? Зачѣмъ судьба
Въ тоску повергла мой народъ, и край родной
Нѣвца зачѣмъ поникъ въ слезахъ по немъ?..

Систематические и непрерывные переводы изъ Пушкина у сло-вяковъ начинаются позже; мѣстная библіографія ведеть эру этихъ переводовъ съ 1864 года. На этомъ поприщѣ подвизались: И. В. Постояновъ, переведшій стихотвореніе «Мятель» и «Барышню-крестьянку» (Panička-Sedliačka); Ваянскій-Гурбанъ, извѣстный поэтъ и панславистъ, теперь покойный, перевелъ злополучную пушкинскую «Эпиграмму на А. М. Колосову» (Каратыгину), «Бахчисарайскій фонтанъ», «Бр. разбойники», «Евгений Онѣгінъ», «Кавказскій плѣнникъ» и «Полтаву»; А. Штыкъ—представилъ новый переводъ «Барышни-крестьянки» и, кромѣ того, «Станціоннаго смотрителя» (Stanicnuy dozorca); Само Водицкій—«Евгенія Онѣгина», «Полтаву» и «Разговоръ купца съ поэтомъ»; Я. Маро «Письмо Татьяны Онѣгину» (List Tatiany Oneginovi), «Капитанская дочка» (Kapitanova dcera), «Выстрѣль», «Рославлева»; Бршатскій—новый переводъ «Капитанской дочки» и Федоръ Ольгинъ—«Пиковую даму», всего 24 №№ Пушкинскихъ переводовъ. Весьма цѣнныя библіографическія свѣдѣнія объ этихъ переводахъ у словяковъ, благодаря посредничеству и любезности русско-словацкаго лексикографа и педагога въ Петербургѣ А. М. Мичатка, мы получили отъ заслуженного словяцкаго писателя и славянскаго дѣятеля въ Венгрии, ветерана профессора Яна Францисци (литературное имя его Янко Римавскій), который нарочно для моей монографіи о «Центидесятязычномъ Пушкинѣ», отпечаталъ въ Венгрии «Slovenske preklady Puškina», 1899 года, въ л. ¹⁾.

ХХII. Зырянскій (около 1856).

Опытъ перевода нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина на этотъ языкъ былъ сдѣланъ еще до 1856 года Г. С. Лыткинымъ, извѣстнымъ этнографомъ, переводчикомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ С.-Петербургской 6-й гимназіи. Опыты Пушкинскихъ переводовъ на зырянскій языкъ не только не были напечатаны, но даже затерялись въ Нижнемъ Новгородѣ 43 года тому назадъ, какъ мнѣ сообщаетъ объ этомъ въ своемъ любезнѣ письмъ отъ 11 февраля 1899 года Г. С. Лыткинъ. Кромѣ того, обѣ этой потерѣ см. его книгу: «Зырянскій край и зырянскій языкъ», ч. II, Спб., 1889 г., стр. 194.

¹⁾ Янъ Францисци (родился въ 1822 году), младшій современникъ знаменитѣйшихъ мѣстныхъ политическихъ и литературныхъ дѣятелей Штура, Гурбана-Ваянского, Кузманы и Паудини Тотъ. Во время революціи 1848 года онъ поступилъ въ національную гвардию на свой родинѣ, но когда вмѣстѣ съ Дакснеромъ и Бакулини отказался идти противъ сербовъ и хорватовъ бана Елачича, а за ними отказалось и другое волонтеры, то Францисци и его друзья были приговорены къ висѣнію. Пораженіе мадьяръ измѣнило ихъ казнь на тюрьму, изъ которой освободило ихъ вступленіе въ Пешть Виндишгреца. По усмиренію мадьярскаго восстанія, онъ возобновилъ службу въ администраціи и успѣхъ пріобрѣсти довѣреніе самихъ мадьяръ. А. Н. Пылинъ, Ист. слав. лит., II, 1042.

XXIII. Сербско-лужицкій (1857).

Піонеромъ пушкинскихъ переводовъ на сербско-лужицкое нарѣчіе,—этотъ передовой форпостъ, или, лучше сказать, оазисъ славянской на крайнемъ славянскомъ западѣ, среди нѣмецкаго народнаго моря,—быль недавно умершій въ Будышинѣ (Бауценъ) въ Саксонской королевствѣ, предсѣдатель Матицы Сербско-Лужицкой и вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ ея журнала «Casopis», каноникъ Михаилъ Горникъ ($\dagger$ 1895). Имъ переведена баллада Пушкина «Утопленникъ» («Zaterjenec z Puskina»). См. статью г. Адольфа Чёрнаго: «Prehlad spisow Michała Hornika», Casopis Mac. Serbskeje z 1895, zešiwk I, Budyšin, стр. 59. Лишь 39 лѣтъ спустя переведена *Zlota ryba*, pěsní A. S. Puškin. Z ruščiny preložil M. B. Переводъ снабженъ нѣкоторыми примѣчаніями и замѣтками о Пушкинѣ. Напечатанъ въ изящномъ ежемѣсячномъ иллюстрированномъ изданіи «Luzica, měsačník za zabawu a powučenie. Zhromadny Casopis Hornjo a Delnjo Lužiskich Serbow. Redigujetaj: Miklawš Andricki a dr. phil, Ernst Muka, Letník XV, 1896, číslo 11 и слѣд., стр. 94 и 106. Больше переводовъ изъ Пушкина на сербско-лужицкомъ языкѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, не было.

XXIV. Румынскій (1857).

Профессоръ Бухарестскаго университета, членъ тамошней академіи наукъ и депутатъ національнаго собранія Яковъ К. Негруцци, отецъ котораго Константинъ Негруцци (1809—1868) быль личнымъ знакомымъ Пушкина по Кишиневу, научился тамъ русскому языку и переводилъ на родной языкъ нѣкоторыя произведенія русскихъ писателей—Кантемира, Державина и басни Крылова и въ частности «Черную шаль» Пушкина («Salul negru»), напечаталъ въ Молдавіи статью подъ заглавiemъ *Răcatele tineretilor*, т. е. Грѣхи молодости, въ 1857 году (о Пушкинѣ и его гречанкѣ, знаменитой Калипсо Полихрони). Переводъ въ Бессарабскихъ областныхъ Вѣдомостяхъ за 1866 годъ, № 44. Объ этомъ же въ статьѣ Х. С. Кирова, покойнаго учителя словесности въ Кишиневской женской гимназіи, «Пушкинская гречанка», въ «Историческомъ Вѣстнике» 1884 года, № 2, стр. 337¹⁾). Новѣйшихъ переводовъ какихъ либо про-

¹⁾) Лишь вноскѣствіи выяснилось, что знаменитый романъ «Гляжу я безмолвно на черную шаль» представляетъ русскую художественную обработку молдавской пѣсни, составленную ad hoc простонародьемъ и распѣвавшуюся въ частности молдаванкой Маріолой, къ которой часто прислушивался Пушкинъ въ Кишиневѣ. «Черная шаль» была переложена на ноты А. Н. Верстовскимъ, обошла буквально всю Россію, проникла вмѣстѣ съ нотами въ Молдавію, Сербію и къ дру-

изъведеній Пушкина на румынскій языкъ мы не знаемъ, но въ критическихъ трудахъ первоклассныхъ румынскихъ литераторовъ и ученыхъ попадается немало замѣтокъ о Пушкинѣ, свидѣтельствующихъ объ отмѣнномъ знакомствѣ, по крайней мѣрѣ избранныхъ румынскихъ умовъ, какъ съ Пушкинымъ, такъ и съ русскимъ языкомъ. Говоря это, особенно мы имѣемъ въ виду съ одной стороны г-на Иоанна Герю-Доброджану (Ioan Gherea-Dobrogoreanu), воспитанника Харьковскаго университета, теперь лучшаго румынскаго литературного критика и сотрудника журнала «Contemporanul» (Современникъ) и собственника журнала «Litteratura si Sciinta» (Литература и Жизнь), съ другой же стороны въ трудахъ Богдана Петричейку-Гиждеу, тоже воспитанника Харьковскаго университета, теперь же лучшаго румынскаго филолога, профессора и академика въ Бухарестѣ и члена-корреспондента С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности. Имѣемъ въ виду труды первого «Studii critice, volumul II, editiunea II, Bucuresti, 1891 г., стр. 226, vol. III, edit. 11, Bucur., 1897 г., стр. 146 и брошюра-памфлетъ втораго: Sic cogito, 3 изд.: Бухарестъ, 1895 г., именно статью: «Autograf de la spiritul lui Puschkin», стр. 135—136 и слѣд.

XXV. Древне-еврейскій (1861).

Въ ряду мертвыхъ или классическихъ языковъ—латинскаго, древне-греческаго, древне-славянскаго и древне-еврейскаго — Пушкинъ едва ли больше всего не угодилъ въ переводѣ на древне-еврейскій или священно-еврейскій языкъ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Спб. и вмѣстѣ съ тѣмъ и библіографъ С. М. Гинзбургъ сообщаетъ для моего изданія («Пятидесятиязычный Пушкинъ») слѣдующія весьма важныя и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнныя указанія подобныхъ переводовъ избранныхъ лирическихъ произведеній Пушкина: 1) «Брожули я вдоль улицъ шумныхъ»—переводъ [Л. О.] Г[ордо]на, въ еженедѣльной газетѣ «Гакармель», 1861 г., № 4 (Вильна). То же стихотвореніе вторично переведено г. М. Мане въ его изданіи «Коль Кисвей Мане» (Собраніе сочиненій М. Мане), Варшава, 1897. 2) «Эхо»—переводъ Авнера (псевдонимъ) въ альманахѣ «Ахіасавъ», годъ III, Варшава, 1895. То же стихотвореніе въ новомъ переводѣ Э. Гольдина: «Ширей ноаръ» (Пѣсни юности), Варшава, 1887. 3) «Стансы»—переводъ того же. 4) «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ»—переводъ А. Любошицкаго, подъ названіемъ «Гедаіогъ вегадого», Варшава, 1896.

гимъ южными славянами. Но первоначальное представление я на московской сценѣ вызвало рѣзкое осужденіе со стороны «Вѣстника Европы» Качановскаго (1824 г., № 1). Журналъ упрекалъ композитора за то, что «онъ расточалъ такъ много музыкального таланта на воспѣваніе темнаго злодѣянія какихъ-то неизвѣстныхъ людей, молдаванъ и армянъ» и т. д.

5) «Зимний вечеръ» (Буря мглою небо кроетъ)—переводъ А. Розенфельда въ его книгѣ для дѣтскаго чтенія: «Ганъ шаашуимъ Лейалдей, іешурунъ» (Увеселительный садъ для еврейскихъ дѣтей), Варшава, 1890 (2 изд.). 6) «Вурдалакъ» («Гилгуль-алуко») на стр. 5 сборника стихотвореній для дѣтей на древне-еврейскомъ языкѣ, А. Любошицкаго, подъ названіемъ: «Ламаантъ ахой гактанимъ» (т. е. Момимъ маленьkimъ братьямъ)—Петроковъ, 1899, изд. товарищ. «Тушія»). 7) «Послѣдняя туча разсѣянной бури» («Геононъ гоахронъ»)—тамъ же, на стр. 22.

XXVI. Македонско-славянскій (1862).

Опыты образцовъ перевода Пушкина на Македонско-славянское нарѣчіе можно найти въ журналѣ «Братскій трудъ», издававшемся покойнымъ профессоромъ Лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, македонцемъ по происхожденію, Ксенофонтомъ Жинзифовымъ. Переведены два стихотворенія Пушкина, именно «Брату си» (Не дай мнѣ Богъ съ ума сойти) и Гарванъ (Воронъ къ ворону летить), въ IV книжкѣ этого журнала за 1862 г., на стр. 30—32. Такъ какъ македонское нарѣчіе имѣть въ настоящее время, пожалуй, лишь историческое значеніе, ибо оно съ необыкновеннымъ и одинаковыми рвениемъ изгоняется изъ македонско-славянскихъ школъ какъ болгарами, такъ и сербами, заправляющими въ Македоніи славянскимъ просвѣщеніемъ, и это нарѣчіе осуждено обѣими враждебными сторонами на смерть, какъ недостойное де литературного развитія, то мы, въ виду македонскаго языковаго вопроса, рѣшаемся привести здѣсь первый изъ этихъ образцовъ перевода изъ Пушкина на гонимое и въ настоящее время даже изгнанное изъ школы Македонско-славянское нарѣчіе, именно «Брату си».

Не дай Боже, да залудѣть
Дѣржавки въ рацѣ торбѣ, станъ,
Не дай душевно да пѣмѣстъ,
Да байдитъ онъ другему рабъ.
Не дай по кѣнти онъ да просить
Отъ единго ризы, соль, хлѣбъ,
И дрехи другого да носить
По харно гѣрбавъ или слѣнъ.
Не дай при тѣрпезѣ богатѣ
Да байдитъ низокъ трошкоѣдъ
Или стоечки въ ѿгъль задъ враты,
Да чекашъ за молбѣ свой си редъ.
Не дай да байдитъ онъ играчка,
Не дай да байдитъ другимъ смѣхъ,
Не дай да байдитъ на зло играчка
Душа му искъ не знаить грѣхъ.

Не дай съ очи влажны съзливы
 Да стонть предъ прагъ на гордъ-золь,
 Да слушать думы люты, дивы:
 Пайдете го, онъ нищъ и голъ!»

XXVII. Венгерскій (1864).

Прежде всего у венгровъ, въ переводѣ на мадьярскій языкъ, появились Лирическія стихотворенія Пушкина въ переводѣ Имре Черени въ 1864 году, подъ заглавіемъ: Puskin Költoi bcszébusi fordí totta Cserenyi Imre. Pest. 1864, стр. 27 въ 8-ку. Около этого же времени переведенъ былъ г-номъ Берчи (Berczy) также «Евгений Онѣгинъ» (Onyegin) въ изданіи Венгерскаго Литературнаго Общества Kisfaludy Tarsasag. См. объ этомъ Slavisches Centralblatt Wochenschrift für Litteratur, Kunst und Wissenschaft und Nationale Interessen des Gesammtslaventhums, выходившій подъ редакціей лужицанина I. E. Смоляра (понѣмецки Schmaler) въ Бауценѣ (Будышинѣ) за 1865 стр. 63. Будапештская газета Pesther Lloyd, давая отчетъ о всероссійскомъ празднествѣ открытия памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1880 году, говорила, между прочимъ, слѣдующее своимъ читателямъ: «Въ высшей степени достойно сожалѣнія, что произведенія Пушкина, которому, какъ лирику, принадлежитъ мѣсто рядомъ съ Петефи и Гейне, не сдѣлялись общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ народовъ... Никакая другая литература не можетъ похвальиться личностью, подобной Пушкину; даже многосторонняя германская литература не имѣеть поэта, который могъ бы сравняться съ нимъ» и т. д. Затѣмъ, авторъ статьи разбираетъ подробно всѣ выдающіяся творенія Пушкина, при чемъ приводитъ выписки изъ «Евгения Онѣгина», «Бахчисарайскаго фонтана» и другихъ его произведеній и высказываетъ мнѣніе, что Пушкинъ въ своемъ лицѣ соединяетъ характеры Онѣгина и Ленскаго. Вообще, отзывъ автора написанъ весьма тепло и съ знаніемъ дѣла. См. газету покойнаго Е. Карновича «Отголоски» за 1880 г., № 23, стр. 366¹⁾. Скажемъ кстати, что въ настоящее время русская литература и русскій языкъ въ Будапештскомъ университетѣ представлены въ лицѣ хорошихъ знатоковъ своего дѣла профессора Оскара Ашбота и особенно Эндре Сабо, давшаго множество переводовъ на венгерскій языкъ русскихъ литературныхъ произведеній (послѣдній, къ тому же, говорить и пишетъ порусски въ полномъ смыслѣ слова превосходно).

¹⁾ Здравствующій венгерскій беллетристъ Мавро Йокай написалъ въ свое время разсказъ «Свадьба Пушкина», а въ подражаніе этой повѣсти Луи Ульбахъ сочинилъ: Le Mariage de Pouchkine, imité de Maurice Jokai. Paris. Levy. 1881. 354. 8°.

XXVIII. Червонорусскій, или русинскій (1865).

Этимъ именемъ называемъ изданія сочиненій Пушкина, печатающіяся въ предѣлахъ Галицко-Угорско-Буковинской и вообще Австрійской Руси, хотя и на обще-русскомъ литературномъ языке, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма незначительныхъ мѣстныхъ идіомовъ русской рѣчи въ фопетикѣ, главнымъ образомъ въ лексиконѣ и въ слабой степени даже въ правописаніи: таковы исключительное, излюбленное употребленіе такъ называемаго полногласія, напримѣръ, «городонаачальникъ» (вм. «градонаачальникъ»), «соромъ», «головенство», «архикнязь», «архикнягиня» (вм. эрцъ-герцогъ, эрцъ-герцогиня), далѣе «десарь» (вм. царь), «филозофія», «Платонъ», «Иларіонъ» (германизмы), «Ромынія» (вм. Румынія), «переступный» (вм. високосный), «додатокъ» (вм. прибавленіе), «вычайный» (вм. обыкновенный и, подобно юго-славянамъ, въ употребленіи знака краткости надъ буквой и въ приставкѣ наи, напримѣръ, наибольшій, наи величайшій. Къ подобного рода перепечаткамъ или легкимъ поддѣлкамъ Пушкинскаго подлинника нужно отнести слѣдующія книги: «Біографія А. С. Пушкина» и его «Евгений Онѣгінъ», изданные И. Н. Ливчакомъ въ вѣнско-русскомъ журналѣ «Славянская Бібліотека», выпускі 1—3, типографія Соммера, 1865 г., стр. 192, 8°. Въ 1868 году, львовскій журналъ «Правда» (№ 7) помѣстилъ стихотвореніе Пушкина «Зимний вечеръ». Затѣмъ послѣдовало «Полное собраніе сочиненій» Пушкина, изданныхъ Ставропіїскимъ Институтомъ въ Львовѣ (Слав. обозрѣніе, 1894 г., стр. 263). Раньше въ изданіи «Бібліотека русскихъ писателей для червоноруссовъ» (12 выпусковъ ежегодно), выходящемъ подъ редакціей г. Квинтиліана Лужницкаго, во Львовѣ съ 1884 года, помѣщены «Капитанская дочка» и «Кавказскій шѣпнникъ» Пушкина. Наконецъ, сообщаемъ пріятную новость, что во Львовѣ, какъ бы въ отпоръ дѣйствующему тамъ «Товариству имени Т. Г. Шевченка» открывается «Литературное общество имени А. С. Пушкина», задачей котораго будетъ служить изученіе и распространеніе русской литературы. См. Извѣстія книжныхъ магазиновъ М. О. Вольфа, год. II, 1899, мартъ, стр. 109. Лозунгомъ ново-открываемаго общества должна бы служить вторая часть знаменитаго стихотворенія «Кievъ», принадлежащаго перу А. С. Хомякова, политического единомышленника А. С. Пушкина (по совмѣстному изданію съ Жуковскимъ не менѣе знаменитаго обличительного стихотворенія «Клеветникамъ Россіи»).

XXIX. Словянско-хорутанскій (1865).

Когда русскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Каподистріа, послѣ исторіи съ одою Пушкина «На вольность» и его эпиграммами на Аракчеева препоручалъ первого съ Лайбахскаго конгресса въ письмѣ

«истор. вѣстн.», маѣ, 1899 г., т. LXXVI.

отъ 14—26 апрѣля 1821 года генералу Инзову въ Кишиневѣ, какъ подвѣдомственного ему чиновника¹⁾), конечно, министръ не подозрѣвалъ, что этому Лайбаху (пославянски Любляна), главному городу хорутанъ, и вообще хорутанскому народу, суждено на будущее время играть весьма видную роль въ насажденіи у себя культа всего Пушкинскаго и нѣкоторыхъ славянофильскихъ стихотвореній Пушкина, котораго теперь онъ, Каподистріа, ввѣряетъ добрѣйшему намѣстнику Новороссійскаго края и Бессарабской области, подъ его отеческой опекой, на проживательство на Кишиневской горѣ и въ скромномъ домикѣ, до сихъ поръ называющихся Инзовыми въ старой части Кишинева. Высокообразованной словянско-хорутанской интеллигенціи и поголовно-грамотному хорутанскому народу, хоть и малочисленному, приноситъ большую честь то, что именно ихъ словянское студенческое общество «Словенія» пригласило всѣ другія словянскія общества въ Вѣнѣ, хорватское «Звонимѣръ», сербское «Зора», болгарское «Балканъ», чешское «Сполекъ», польское «Огниско» и оба галицко-русскихъ общества «Сѣчъ» и «Буковина» къ устройству Всеславянскаго Пушкинскаго праздника. Обратимся теперь къ наличности того, что въ дѣйствительности сдѣлано хорутанами по этой части. Если не считать вышеприведенныхъ переводовъ Пушкина на иллірійскій языкъ Станка Враза, оставившаго свое домашнее кайкавское нарѣчіе въ пользу такъ называемаго иллірическаго, то собственно-хорутанскіе переводы изъ Пушкина, по тщательнымъ разысканіямъ хорутанскихъ библіографовъ, восходятъ никакъ не раньше 1865 года, когда деканъ (по-нашему протоіерей) Іоанъ Веселъ, и понынѣ благоденствующій въ Иллірійской Быстрицѣ, впервые перевелъ на родной языкъ знаменитое обличительное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи» («Obrecovalcem Russje») въ журналѣ «Glasnik» и другія лирическія произведенія Пушкина, именно «Prerokъ», «Mogji», «Gvadalkvivir», «Gruzinska pesemъ», «Elegija» (въ Лѣтоциси Хорватской Матицы за 1870 г.), «Dva krokarja» (Два ворона), «Zimski vecer» (Зимній вечеръ), «Besi» (Вѣсы) въ журналѣ «Zora» за 1873 г. Но больше всего переводилъ Пушкина, хотя по оцѣнкѣ знатоковъ не совсѣмъ удачно, покойный совѣтникъ финансового правленія въ Триестѣ Іоанъ Веселъ-Косескій, котораго А. Н. Пыпинъ ошибочно смѣшиваетъ съ первымъ, приписывая послѣднему переводы здравствующаго о. Ив. Весела (см. Ист. слав. литературъ, т. I, Спб., 1879 г., стр. 295). Веселъ-Косескій, умершій въ 1884 году 82 лѣтъ отъ рода, перевелъ слѣдующія сочиненія Пушкина: «Ribic in zlata riba» (Сказка о рыбакѣ и рыбѣ), «Kavkazki vjetnik» (Кавказскій плѣнникъ), «Mertva carevna in sedmero vitezovъ» (Сказка о мертвѣй царевнѣ и семи боятрыяхъ), «Bakcisarajski vodomet» (Бахчисарайскій фонтанъ), «Car

¹⁾ Напечатано въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей за 1862 г., № 2, стр. 245.

Saltan in knez Gvidon» (Сказка о царѣ Салтанѣ). Напечатаны въ полномъ собраніи сочиненій переводчика (Razne dela pesniške in igrokazne), а также въ «Матицѣ Словенской» за 1870 годъ, стр. 125—188). Кромѣ того, любовью къ Пушкину и переводами его сочиненій на родной языкъ заявили себя Матв. Андреевичъ Терновецъ-Ламурскій, старикъ лѣтъ 70, славянофиль и членъ Триестской судебнай палаты, въ журналь «Zora» за 1877 г. «Crni zavoj», т. е. Черная шаль (по переводу Станка Враза), и въ журналѣ «Slovanski Svet» за 1871 г. «Crna šal» (по оригиналу) и русскимъ гражданскимъ шрифтомъ въ особомъ оттискѣ въ Триестѣ (1892). Тамъ же «Rusalka», «Sotlandska pesem», и др. Кромѣ того, въ рукописи у него имѣются «Kavkazki plenik», «Nataša» (баллада). Далѣе идутъ переводчики: священникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій современный хорутанскій поэтъ о. Антонъ Ашкерцъ, съ новымъ переводомъ «Сказки о рыбѣ и рыбакѣ», напечатанной въ журналѣ «Slovanske Večernice» за 1890 г. О. А. Медвѣдь, тоже католическій священникъ, напечатавшій «Talizman» и «Crni šal» въ журналѣ словянскихъ женщинъ подъ заглавиемъ «Slovanka» за 1898 г. Филологъ и редакторъ-издатель сочиненій Валентина Водника, теперь покойный, Фр. Левстикъ помѣстилъ въ «Люблянскомъ Звонѣ» стихотвореніе «Vrana», тѣ-есть Два ворона (двойств. число). Русско-хорутанскій лексикографъ и преподаватель гимназіи въ Россіи М. М. Хостникъ—въ журналѣ «Slovanski Svet» «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» (за 1895). Семенъ Семеновичъ—«Капитансскую дочку (Kapetanova kći»—въ журналѣ «Slovanski knjižnice». Другой переводъ той же повѣсти былъ помѣщенъ за подписью подъ буквой Ѣ въ жур. Ив. Желѣзникаря «Словянски народъ» за 1883—1884 г., тамъ же анонимная повѣсть «Дубровскій»—за 1885 годъ. Студентъ Г. Когей—повѣсть «Гробовщикъ» (Rakvar grobvičik) въ «Slovanski knjižnice» за тотъ же годъ. Наконецъ, еще одинъ разъ въ своемъ журналѣ «Slovanski Svet» докторъ Фр. Подгорникъ помѣстилъ въ русскомъ подлинникѣ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи» (1891, стр. 45). Послѣднимъ по времени переводомъ изъ Пушкина у современныхъ словянцевъ, звомыхъ у насъ еще со временъ Нестора хорутанами, является Русалка, названная «Езеркинею». Переводъ принадлежитъ «послѣднему» иллиру Ив. Тренскому и напечатанъ въ журналѣ г. Фр. Подгорника за 1896 годъ. Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты нами главнымъ образомъ изъ указаній о. А. Ашкерца, о. Ив. Весела и профессора X., благодаря посредничеству М. М. Хостника, по рукописи «Puškinovi prevodi na Slovenski jezik».

XXX. Турецко-османскій (1867).

Крымскій караимъ г. Іосифъ Эрякъ перевелъ въ Петербургѣ въ 1867 году «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Талисманъ» на турецко-османскій языкъ, а въ 1868 году отлитографировалъ этотъ

переводъ съ посвященіемъ «его превосходительству, г-ну миrzѣ Александру Касимовичу Казембеку, заслуженному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета и декану факультета восточныхъ языковъ» и проч. По отзыву покойнаго оріенталиста В. В. (Григорьева), этотъ переводъ очень плохой (см. статью «Русскіе стихотворцы въ турецкихъ переводахъ. Замѣтка по поводу Пушкинскаго юбилея», въ газетѣ проф. П. Цитовича «Берегъ» за 1880 г., № 107). Зато судѣбѣ угодно было, чтобы османскихъ турокъ познакомила съ геніемъ Пушкина сама Россія, при томъ въ лицѣ русской женщины и оріенталистки, именно казанской помѣщицы г-жи Ольги С. Лебедевой, супруги бывшаго казанскаго городскаго головы, которая, подъ псевдонимомъ «Гюльнара» (Подсолнечникъ), въ константинопольской газетѣ «Терджумани Хакикатъ» и въ другихъ литературныхъ органахъ турецкой столицы, задалась крайне оригинальной мыслью, именно познакомить современныхъ турокъ хотя бы съ важнейшими произведеніями русской словесности, и съ этой цѣлью, начиная съ 1893 года ею переведенъ длинный рядъ сочиненій русскихъ авторовъ: Л. Толстого, Лермонтова и главнымъ образомъ, Пушкина, его «Капитанская дочка», «Шиковая дама», и особенно лирическія стихотворенія послѣдняго, напримѣръ, «Метель», названная въ переводѣ «Кара фуртұнасы» и др.¹⁾. Послѣднимъ по

¹⁾ Переводамъ этимъ предшествуетъ обстоятельная біографія знаменитѣйшаго русскаго поэта и разумѣ всѣхъ его важнейшихъ словесныхъ произведеній. Насколько О. С. Лебедева стойкѣ и непреклонна въ своихъ убѣжденіяхъ и, такъ сказать, въ литературномъ туркофильствѣ (въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова) служить множество ея мелкихъ статей, печатающихся въ константинопольскихъ газетахъ и журналахъ съ цѣлью возбудить къ Россіи сочувствіе со стороны Турціи и установить духовное сближеніе двухъ соѣдѣнскихъ государствъ. Она же напечатала на турецкомъ языкѣ переводъ съ русскаго языка полемическаго сочиненія с.-петербургскаго главы магометанства г. Балязитова «О совмѣстности Науки и Ислама» (въ опроверженіе Э. Ренана, отрицающаго послѣднєе). Кромѣ того, ею же составлена специальнѣ для турокъ «Исторія русской литературы» отъ начала до настоящаго времени. Такъ какъ предложенный ею константинопольской цензурѣ новый переводъ Пушкинскаго «Бахчисарайскаго фонтана» выѣхѣ съ «Исторіей Бахчисарайа» не были одобрены къ печати въ Стамбулѣ, то энергичная О. С. Лебедева предпочла напечатать все это въ Россіи (Казані). До какой степени турки нуждались въ книжкахъ, заготовленныхъ О. С. Лебедевой (онѣ очень дешевы, но элегантны и маленькаго формата), наглядно явствуетъ это изъ того, что Пушкинъ, Лермонтовъ, Л. Толстой у турокъ въ переводѣ О. С. Лебедевой разошлись уже въ количествѣ 40.000 экземпляровъ («Новое Время», 1893, № 6430), создавши первоклассными русскими писателями и ихъ переводчицѣ въ Константинополѣ выдающуюся и еще неслыханную популярность. Самъ падишахъ благосклонно отнесся къ трудамъ О. С. Лебедевой, какъ къ ревностной пионеркѣ русско-турецкой литературной взаимности, и на аудіенціи наградилъ ее орденомъ Шефакатъ 2 степени и, черезъ своего первого секретаря, засвидѣтельствовалъ въ особомъ письмѣ свое полное благоволеніе. Съ этого времени имя уважаемой нашей соотечественницы стало произноситься все громче и громче въ высшемъ константинопольскомъ обществѣ, гдѣ она послѣ того стала, конечно, желанной гостьюю (См. «Новини», 1895 г., № 131).

времени переводомъ изъ Пушкина на османскій языкъ является «Мѣдный всадникъ», въ довольно хорошемъ переводѣ, помѣщенному въ турецкой иллюстраціи «Серветъ фунини» за текущій 1899 годъ (сообщеніе проф. В. Д. Смирнова).

XXXI. Болгарскій (1870).

Болгари долгое время вовсе, повидимому, и не подозрѣвали, что Пушкинъ такой писатель, который заслуживалъ бы ихъ благосклоннаго вниманія. Мы можемъ думать это на основаніи документальныхъ данныхъ переводной болгарской литературы. Въ то самое время, какъ Пушкинъ существовалъ въ переводѣ на двадцать четыре языка и нарѣчія міра, въ болгарской переводной литературѣ онъ все время блисталъ своимъ отсутствіемъ. Въ довершеніе скандала одинъ болгарскій педагогъ и писатель (покойный П. С. Каллянджи) счелъ крайне нужнымъ познакомить болгарскій народъ съ печатнымъ переводомъ нѣкогда извѣстнаго, теперь же всѣми позабытаго нравоописательнаго романа О. В. Булгарина «Иванъ Выжичъ» (этотъ романъ, кстати сказать, въ свое время былъ чѣмъ-то моднымъ, ибо онъ очень рано былъ переведенъ на всѣ западноевропейскіе языки). Но главный комизъ положенія болгарскаго малограмотнаго¹⁾ писателя заключался въ слѣдующемъ: онъ не зналъ, что авторъ вовсе не болгаринъ (а полякъ), но пристрастился къ нему, лишь благодаряозвучію словъ болгаринъ и Булгаринъ. Кромѣ того, могъ ли этотъ несчастный переводчикъ произведенія Булгарина, стяжавшаго себѣ печальную славу въ русской литературѣ, знать, что онъ, Булгаринъ, именно и былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, металъ Пушкинъ свои эпиграммы. Какъ бы тамъ ни было, въ сонмѣ языковъ и нарѣчій міра, болгарскій языкъ съ своею словесностью занимаетъ очень и очень скромное мѣсто, именно тридцать третье... въ славянскомъ же мірѣ... послѣднее. Зато свой невольный грѣхъ отсталости въ дѣлѣ знакомства съ Пушкинымъ и изученія его путемъ перевода на свой языкъ болгари загладили количествомъ представленныхъ переводовъ впослѣдствіи. Болгаринъ, который впервые познакомилъ свой народъ съ Пушкинымъ, хотя украдкой, былъ молодой человѣкъ, который въ 1870 году на 103 — 106 стр. I-го выпуска «Болгарскаго Періодическаго Журнала», выходившаго въ Браиловѣ (въ Румыніи), напечаталъ стихотвореніе подъ заглавиемъ «Невѣжи и Пѣвецъ». Уже первое слово этого заглавія,

¹⁾ Переводъ этотъ напечатанъ не гдѣ нибудь за Дунаемъ, а въ Одессѣ, и носитъ буквально слѣдующее заглавіе: «Сочиненіе О. В. Булгарина», и больше ничего. Впрочемъ, авторъ самъ изъ задунайскихъ болгари.

немыслимое, по фонетикѣ, въ болгарскомъ языке, обнаруживало сильное русское влияніе. Подъ стихотвореніемъ значилась лишь фамилія, именно Вазовъ, тогда никому неизвѣстный и только что оставившій константинопольскій сultанскій лицей, гдѣ онъ получалъ свое образованіе, впослѣдствіи же, особенно послѣ кончины П. Р. Славейкова († 1895), общепризнанный, лучшій поэтъ современной Болгаріи. Разсматривая это длинное стихотвореніе, мы видимъ, что оно представляетъ вольный перекладъ знаменитаго стихотворнаго ямба Пушкина «Поэтъ и Чернь», но молодой человѣкъ ни единимъ словомъ не обмолвился хотя бы тѣмъ, что, моль, сюжетъ заимствованъ, притомъ именно у Пушкина. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы лишь одна слѣдующая строфа этого болгарскаго стихотворенія:

«Мълчи, несмисленій народъ» и т. д.

Подлинный переводъ Пушкинскаго стихотворенія на болгарскій языкъ, при томъ въ именованномъ видѣ, былъ сдѣланъ въ 1873 г. даровитымъ болгарскимъ писателемъ и тогда съ Любеномъ Каравеловымъ считавшимся во главѣ болгарской стихотворной поэзіи П. Р. Славейковымъ, который помѣстилъ его подъ заглавіемъ «Поэтъ и Сганъ», въ константинопольскомъ журналь «Читалище», III, № 10, стр. 961—962. Въ томъ же году, тоже въ Константинополь, молодой болгаринъ, чутъ ли не находясь еще на школьной скамьѣ въ англо-американскомъ Robert-College въ Цареградѣ, напечаталъ отдельнымъ изданіемъ книжку подъ заглавіемъ «Русалка-та, съчинение отъ Александра Пушкина, прѣвелъ К. Великовъ»¹). Переводчикъ впослѣдствіи, во времена свободной Болгаріи, уже на нашей памяти, составилъ себѣ добрую славу на родинѣ въ качествѣ плодовитаго писателя, а по должности министра народнаго просвѣщенія, особенно приверженаго къ дѣлу русско-болгарской литературной взаимности и отличного знатока, какъ русской литературы, такъ и русскаго языка, несмотря на то, что онъ никогда не бывалъ въ Россіи, къ тому же образованія онъ западно-европейскаго, точнѣе американскаго. Съ этого времени (начала 70-хъ годовъ, особенно послѣ великой освободительной войны) начинается у болгаръ усиленное знакомство съ Пушкинымъ, и главными дѣятелями въ этомъ отношеніи были: Люб. Каравеловъ, переведшій «Капитансскую дочку» (Бухарестъ, 1875), вышеупомянутый Ив. М. Вазовъ—«Утопленника» (Удавеній, 1883), Йонковъ-Владыкинъ (Естани, о, Грыция, стани!), Г. С. Поповъ—«Скупого рыцаря», Д. К. Анчевъ—«Бориса Годунова» и «Дубровскаго» (1888), М. Г. Грекова—«Киржали» и «Выстрѣль» (1892) и

¹) Другой переводъ появился гораздо позже, именно въ 1893 году, и принадлежитъ Т. Трифонову подъ заглавіемъ: «Русалка, драматический очеркъ въ стиховѣ», стр. 36, 8°.

С. Д. Драганова-Кованжи—«Бонапарте и черногорцы». Но лучшими переводами изъ Пушкина болгары (знатоки обоихъ языковъ) считаютъ переводы рано умершаго, убитаго во время выборной горячки лѣтомъ 1897 года даровитаго болгарскаго беллетриста по должности же юриста Алеко Константинова («Бахчисарайскій фонтанъ» и «Полтава»). Изъ критическихъ статей выдѣляются очеркъ И. Груева, напечатанный въ журналѣ «Лѣтострой» за 1875 годъ, а послѣ войны и до сего времени гг. Ненова, Паламидова и проф. А. Теодорова (статья послѣдняго трактуетъ о Пушкинѣ сравнительно съ Мицкевичемъ). Всего въ болгарской литературѣ 52 №№ переводовъ изъ Пушкина и изданий его отдельныхъ произведеній.

XXXII. Калмыцкій (1871).

Въ своемъ классическомъ по краткости этнографическомъ очеркѣ «Путешествіе въ Азрумъ» Пушкинъувѣковѣчилъ калмыцкую жизнь въ немногихъ, но замѣчательно пластическихъ выраженіяхъ. То же самое нужно сказать и о стихотвореніи «Калмыцкѣ», и особенно въ бессмертномъ «Памятникѣ», гдѣ поэтъ, предвидя события сквозь мракъ будущихъ временъ, предсказываетъ, что настанетъ время, когда его познаетъ въ великой Руси всякий сущій въ ней языкъ и въ частности «другъ степей калмыкъ»... Первымъ и единственнымъ, мнѣ известнымъ, опытомъ со стороны калмыковъ по этой части можетъ служить «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», напечатанная въ дословномъ калмыцкомъ переводѣ, en regard съ русскимъ текстомъ на стр. 23—36 слѣдующей учебной книжки: «Калмыко-русскій букварь», для обученія грамотѣ калмыцкихъ дѣтей, составленъ по распоряженію главнаго попечителя калмыцкаго народа, генералъ-майора К. И. Костенкова. (Спб., тип. Импер. Акад. Наукъ, 1871, 1 нен. л.—52 стр.+1 н. л.).

XXXIII. Татарско-караимскій (1873).

Четыре опыта перевода изъ Пушкина на этотъ языкъ принадлежать автору книги, караиму по происхожденію и теперь директору Евпаторійской (въ Крыму) караимской учительской семинаріи Ил. Ил. Казасу, который перевелъ слѣдующія стихотворенія: «Золото и булатъ», «Перелетная птичка» (Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда), «Осень и зима», и «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ». См. книгу: «Краткій практическій учебникъ русскаго языка для татарскихъ начальныхъ школъ». Составилъ. — Отдѣль I. Одесса, П. Францовъ. 1873 г., стр. 24—36, 81 и 112.

XXXVI. Испанскій (1874) ¹⁾.

Въ испанской литературѣ прежде всего началось критическое отношеніе къ Пушкину, а потомъ уже приступлено было и къ переводамъ его произведеній. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь знаменитый политический дѣятель современной Испаніи (ех-президентъ бывшей испанской республики), академикъ и первоклассный писатель, дважды торжественно разбиравшій А. С. Пушкина, именно Эмиліо Кастеляръ. Въ первой своей критической статьѣ, помѣщенной въ журналѣ гр. Анджело ди Губернатиса «Revista Europea» и переведенной на итальянскій языкъ съ примѣчаніями (1875), Кастеляръ дѣлаетъ три вывода: 1) Пушкинъ былъ насадителемъ романтизма въ Россіи. 2) Этотъ романтизмъ есть не что иное, какъ протестъ русской національности противъ опутавшихъ ее нѣмцевъ. 3) Пушкинъ успѣлъ, по Кастеляру, создать только одно замѣчательное произведеніе, именно «Евгенія Онѣгина» (см. Спб. Вѣд. 1875 г., № 38, статья Б(езобразовой) А. П.). Второй разъ Кастеляръ говорилъ о Пушкинѣ въ торжественномъ собраніи Испанской Королевской Академіи Наукъ въ Мадридѣ отъ 25 апрѣля въ 1880 году, т. е. не задолго до всероссійскихъ торжествъ въ Москвѣ, по случаю открытия тамъ памятника Пушкину, въ чествованіи котораго по телеграфу принималъ участіе и самъ Кастеляръ вмѣстѣ съ В. Гюго, Тенниссономъ, Ауербахомъ и др. Что касается самихъ переводовъ изъ Пушкина на испанскій, то, не считая одного *sine anno* (см. ниже), они стали появляться съ 1879 года. На этотъ разъ была переведена: *La Hija del Capitan, novela rusa* (то-есть Капитанская дочка) de Alejandro Pouschkin, traducida por V. S. C. Madrid imprenta de F.-Macias, San Juan, 61, 1879. Una peseta en Espana. Administracion. Calle de la Libertad, numero 10, narto 4., стр. 223, 8°. Кому принадлежать инициалы фамиліи, переводчика, скромно скрывшагося подъ буквами В. С. К., мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Переводъ знаменитой повѣсти, повидимому, весьма тщательный. 14 главъ въ

¹⁾ Пушкинъ учился испанскому языку и зналъ его (см. П. Анненкова, Материалы, I, 95). Несмотря на то, что онъ никогда не бывалъ за границей (то же было впослѣдствіи и съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ), благодаря лишь своему литературному знакомству съ вѣнчанимъ міромъ, въ частности и съ Испаніей, Пушкинъ такъ описывалъ Гвадалквивиръ и испанскую жизнь, какъ будто онъ видѣлъ все это своими глазами, и первый О. М. Достоевскій имѣлъ счастіе указать въ своей знаменитой и незабвеннѣй, рѣчи при открытии памятника въ Москвѣ Пушкину, что послѣдній съ удивительнымъ умѣніемъ могъ перевоплощаться въ какого угодно человѣка и приспособляться къ быту не только русскихъ, но и всевозможныхъ народовъ земли. Испанцы съ своей стороны заплатили Пушкину вниманіемъ, хоть и запоздалымъ, оказывая, впрочемъ, болѣе вниманія тѣмъ Пушкинскимъ произведеніямъ, гдѣ типически изображена чисто русская жизнь, а не Андалузія, Каменный гость, Испанка...

переводѣ, какъ и въ русскомъ подлинникѣ, имѣютъ столько же заглавій: 1) *El sargento de guardias.* 2) *El guia.* 3) *La fortaleza.* 4) *El duelo.* 5) *El amor.* 6) *Pougatcheff.* 7) *El asalto.* 8) *La visita inesperanda.* 9) *La separacion.* 10) *El asedio.* 11) *El campamento de los rebeides.* 12) *La huerrana.* 13) *El arresto.* 14) *El juicio.* По некоторымъ признакамъ можно думать, что переводъ сдѣланъ не съ русского подлинника, а съ французского перевода (Biардо), но работа весьма добросовѣстная. Самое интересное въ ней то, что многія характерныя русскія слова переданы латиницей и оставлены въ текстѣ безъ перевода, зато въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ объяснены весьма удовлетворительно. Таковы: *groc*, съ объясненіемъ, что это соответствуетъ «*dos kopeks*», а по испанскому курсу «*equivalentes a un real*». Далѣе идутъ: *kvass*, *tsynovka*, *bourane*, *loutchina*, *somo var* (*sic*), *touloup*, *ârmak* (*sic*), *pope*, *ouriadnik*, знаменитые *chtchi*, т. е. Щи, съ объясненіемъ, что это «*sopa rusa, compuesta de carne y legumbres*», далѣе *sarafan*, относительно которого сказано, что это «*vestido de fiesta: los rusos acostumbran à enterrar los muertos con mejores vestidos*», наконецъ *kivot*, *ataman* и *petak* (бм. *piatak*). О В. К. Третьяковскомъ сказано, что это былъ у русскихъ *poeta ridiculo*. О прадѣдѣ Пушкина по отцу сказано, на основаніи собственнаго сообщенія Пушкина («Моя родословная»), что онъ «*fue condenado a muerte por Pedro el Grande*», о Минихѣ, что это былъ «*celebre general de Pedro el Grande*». Кромѣ того, въ Мадридѣ безъ обозначенія года напечатаны три «Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина», подъ заглавиемъ «*Pouschkine, A. Novelas Rusas. Un tiro. El Constructor de Ataúdes. La Nevada.* (Biblioteca Economica Dos reales cada tomo en toda Espana). Madrid. Casa Editorial de Medina. Colegiata, 6. 16°: 1) *Un Tiro* (Выстрѣль) *por A. Pouschkin E(duard) M(edina).* Madrid. Eduard de Medina, editor (стр. 28). 2) *El Constructor de ataúdes* (Гробовщикъ), стр. 29—53. 3) *La Nevada* (Мятель), стр. 55—83. Бросается въ глаза то обстоятельство, какъ мало переведенъ Пушкинъ на испанскій языкъ, между тѣмъ другіе русскіе писатели, именно великие романисты XIX вѣка: Тургеневъ, Достоевскій и гр. Л. Толстой, существуютъ въ Испаніи и въ Южной Америкѣ въ огромномъ количествѣ переводовъ.

XXXV. Испанско-американскій (1875).

El Constructor de ataúdes. Pouschkine, въ южно-американскомъ журналѣ *La Estrella de Chile.* 1875. 14 Novembre. О переводѣ этой повѣсти, если только она (Гробовщикъ) не есть перепечатка вышеуказанного мадридскаго изданія, мы знаемъ, лишь благодаря указанію В. И. Межова (Пушкиніана, № 3468). Экземпляръ этотъ, какъ и журналъ чилійскій, не имѣется въ Императорской Публичной

библиотекѣ. Считаемъ, тѣмъ не менѣе, не лишнимъ замѣтить, что въ Чилійскомъ университетѣ (въ С. Яго) долго профессорствовалъ польскій эмигрантъ, товарищъ Мицкевича по Виленскому университету, Игнатій Домейко, умершій въ началѣ 80-хъ годовъ. Переводъ этой или критическую статью о немъ могъ исполнить въ Чили если не самъ Домейко, то какой нибудь другой близкій ему человѣкъ, знакомъ Пушкина.

XXXVI. Финскій (1876).

В. И. Межовыимъ въ его «Пушкиніанѣ» № 3475 ошибочно названъ «латышскимъ» переводомъ «Капитанской дочки», тогда какъ этотъ переводъ относится къ финскому языку (суми). Вотъ заглавіе книги: Puschkin, Alexander. Kapteenin tyatar. Venäjän kielestä suom. Samuli S(uomalainen). Unsi romani — janso, 2 volikerta 4. Helsingessa. K. S. Kr. 1876. 8°. 126 s. w. Schurber. 200. Послѣ того, въ 1893 году та же повѣсть появилась въ г. Куопіо въ переводѣ И. Фримана. Въ 1895 году повѣсть «Дубровскій» въ переводѣ А. И. Лаппенрена. «Полтава» въ переводѣ Алексѣя Берга и др., всего 7 переводовъ изъ Пушкина.

XXXVII. Латышскій (1877).

Относительно латышей нужно сказать то же самое, что и о болгарахъ: тѣ и другіе очень поздно взялись за умъ переводить Пушкина, но, взявшись за это дѣло, вошли во вкусъ и численностью представленныхъ переводовъ далеко превзошли тѣ народы и языки, которые нѣсколькими десятилѣтіями раньше знали или переводили Пушкина, напримѣръ, знакомство поляковъ съ Пушкинымъ относится еще къ 1826 году, т. е. безъ малаго за полстолѣтіе до такого же литературного знакомства болгаръ или латышей. Въ 1877 году латыши одновременно напечатали въ переводѣ два крупныхъ произведенія Пушкина, одно въ Ригѣ, другое въ Петербургѣ, и переведены были при этомъ «Кавказскій плѣнникъ» и «Русалка». Вотъ подлинныя заглавія: A. S. Puschkina Guhstitais Kaukasâ. Kaudsites Matisa pahrzelts. Rihga. 1877. Drukafs pree M. Jakobsona Wehweru — celâ Spohra — пама, стр. 32, 8°. Переводъ въ стихахъ, латиницей, съ эпиграфомъ изъ латышского перевода Рудольфа Готшаля. Nahra Puschkina, «Русалка» latwiski no Kaschoku Dahwa. Спб., тип. Р. Голике, Влад., № 11 — 10. 1877, стр. 36, 8°. Напечатана швабахомъ. Послѣ этого появились слѣдующіе переводы «Дубровскій» — К. К. въ Ригѣ (1878), «Полтава» въ прозаическомъ переводе М. С., въ 1879 (Jelgawa), и лишь мѣстами допущена стихотворная форма, швабахомъ. Новый переводъ того же произведенія,

тоже прозой сдѣланъ А. С. Тельгавой въ 1889 году, точно также «Капитанская дочка» появилась послѣ первого перевода въ обновленномъ переводѣ И. Лаувы, выдержавшемъ два изданія (1891 и 1895 гг.). Въ 1891 году появилось собраніе избранныхъ сочиненій Пушкина въ переводе того же г. Лаувы, въ Ригѣ, въ 1891 году. Въ слѣдующемъ году появились «Цыганы», въ Ригѣ (1892). Въ 1897 году «Повѣсти Бѣлкина» (сообщеніе Юрія Ге, въ «Нов. Вр.», въ № отъ 16 ноября). Мелкія лирическія произведенія Пушкина въ родѣ «Зимней дороги», «Зимняго вечера», «Беззаботности птички» помѣщены въ русско-латышскихъ христоматіяхъ Межевеера и др. Въ 1898 году году появился «Борисъ Годуновъ» въ переводе Райниса. Къ послѣднему изданію приложенъ автографъ и хороший портретъ поэта, а также обстоятельная его біографія. Еще недавно «Прибалтійскій Листокъ» со словъ мѣстной газеты «Deep Lapa» привела списокъ произведеній А. С. Пушкина, которыя мѣстное общество намѣreno издать ко дню юбилея поэта на латышскомъ языкѣ: 1) «Братья разбойники», 2) «Галубъ», 3) «Мѣдный всадникъ», 4) «Сказка о рыбакѣ и рыбѣ», 5) «Бѣсы», 6) «Утопленникъ», 7) «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», 8) «Анчаръ» (древо смерти), 9) «Скупой рыцарь», 10) «Моцартъ и Сальери», 11) «Пророкъ», 12) «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный», 13) «Деревня», 14) «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», 15) «Дартъ напрасный», 16) «Вновь я постыль тотъ уголокъ», 17) «Исторія стихотворца», 18) «Муза», 19) «Іспанскій романъ», 20) «Ангелъ», 21) «Поэтъ», 22) «Шотландская пѣснь», 23) «Кавказъ», 24) «Осень», 25) «Разставанье» и 26) «Арапъ Петра Великаго». Кромѣ того, имѣется въ виду къ тому же времени приготовить новый переводъ «Полтавы», «Русалки» и переиздать пять первыхъ сценъ изъ «Бориса Годунова» и монологъ Бориса оттуда же («Достигъ я высшей власти»). Словомъ, по свидѣтельству латышской печати, Пушкинъ переведенъ на этомъ языкѣ весь, за исключеніемъ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Кромѣ того, Рижское Латышское Общество къ пушкинскому юбилею издастъ небольшой, но изящный томикъ избранныхъ сочиненій великаго русскаго поэта въ возможно лучшемъ переводѣ и съ возможно полной библіографіей знаменитаго писателя.

XXXVIII. Эстонскій (1879).

Kapteina meitna (Капитанская дочка), welsturigs romans is kreewu rakstneeka Puschkina raksteem palrtulkots по A. Skarre, Rihzes skolotaja. Leeraja, реe Rudolph Puhze, 1878, стр. 114, 8°. Полный переводъ русскаго подлинника, за исключеніемъ пушкинскихъ эпиграфовъ, проставленныхъ надъ каждой главой повѣсти. Мѣстами есть примѣчанія. Всего переводовъ изъ Пушкина на эстонскій языкъ

намъ извѣстно 5 №№. У эстовъ есть не мало образованныхъ людей, которымъ произведенія Пушкина хорошо знакомы. Извѣстны они также и по переводамъ и всей читающей публикѣ, слѣдов. нѣть ничего удивительнаго, что въ эстонской газетѣ «Эсти Пости-месъ» напечатано предложеніе одного просвѣщенаго эстонца о необходимости принять участіе, вмѣстѣ съ прочими народностями и племенами, входящими въ составъ царствующей русской націи, въ всероссійскомъ торжествѣ наступающаго 26 мая, и съ своей стороны почтить память А. С. Пушкина. Поэтому неумѣстно слѣдующее высокомѣрное и злостное мнѣніе балтійской нѣмецкой газеты «Dõna Zeitung»: «Оригинально, что маленький народецъ, въ разгарѣ рабочаго времени, хочетъ праздновать юбилей русскаго писателя, съ произведеніями котораго онъ знакомъ лишь по немногимъ незначительнымъ отрывкамъ» («Нов. Вр.» 1899 въ № отъ 22 января).

XXXIX. Латинскій (1882).

Подъ впечатлѣніемъ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ профессоръ классическихъ языковъ и ихъ литературу въ Московскому университетѣ, извѣстный русскій полиглоттъ-меццофанти О. Е. Коршъ перевелъ на латинскій языкъ три знаменитѣйшихъ лирическихъ произведенія Пушкина, составляющихъ краеугольный камень пушкинской эстетики и отношенія ея къ треволненіямъ дня, именно: «Поэтъ» («Ноکа не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ»), «Поэту» («Поэтъ, не дорожи любовію народной») и «Поэтъ и Чернь» («Поэтъ на лирѣ вдохновенной рукой разсѣянной бряцаль»). Напечатаны въ Альбомѣ Пушкинской Выставки въ Москвѣ, 1882, стр. 177—178. Перепечатаны въ книжкѣ О. Е. Корша, составляющей величайшую библіографическую рѣдкость (въ Императорской Публичной библіотекѣ не имѣется), подъ слѣдующимъ заглавіемъ, въ Копенгагенѣ въ 1886 году: Στέφανος. Carmina partim sua, graeca et latina, partim aliena in alterutram linguam ab se conversa, elegit, recensuit, in ordinem redegit Theodorus Korsch, Mosquanus. Hauniae. MDCCCLXXXVI. Sumptibus librariae Gyldendalianae (Hege-llorum patris et filii), typis Schaltzionis (нен. л.+III+49, стр 8⁰¹).

¹⁾ Всего помѣщено здѣсь 104 №№ греко-латинскихъ переводныхъ и оригинальныхъ (сочиненія самого О. Е. Корша) стихотвореній. Вотъ классификація этой антологіи, небольшого, но очень пестрого букета изъ цвѣтовъ всемирной лирической поэзіи: съ русскаго языка на греческій переведены три стихотворенія, именно Пушкина (№№ 18, 49 и 87), съ русскаго на латинскій—8, въ томъ числѣ изъ Пушкина (№№ 1, 32, 62 и 79), А. Фета (№№ 10 и 11) и барона Дельвига (№№ 23 и 41), съ арабскаго на греческій (№ 65), съ арабскаго на латинскій (№№ 7 и 75), съ армянского на латинскій — изъ Шахъ-Азиса (№ 60), съ греческаго на латинскій изъ Сафо, Алфея, Анакреонта,

Въ томъ же году (1882) инспекторъ одесской 2-й гимназіи Э. А. Ронталеръ перевелъ на латинскій языкъ драматическую хронику Пушкина «Борисъ Годуновъ». Цѣна 3 рубля (см. В. И. Межова, «Пушкиніана», № 3542). При личномъ свиданіи съ высокоуважаемымъ О. Е. Коршемъ, которому мы обязаны указаніемъ мѣста, где отпечатанъ былъ его «Στέφανος», намъ было сказано, что опыты латинскихъ переводовъ изъ Пушкина въ русской ученой литературѣ были гораздо раньше даты, поставленной у В. И. Межова (Вадимъ).

XI. Древне-греческій (эллинскій) языкъ по ново-ионическому и эолическому нарѣчіямъ (1886).

Въ только что упомянутой книжкѣ профессора Ф. Я. Корша «Στέφανος» помѣщены въ переводѣ на «божественную эллинскую рѣчь», передъ которой А. С. Пушкинъ вмѣстѣ съ И. А. Крыловымъ и гравюромъ Л. Н. Толстымъ¹⁾ благоговѣетъ, слѣдующія стихотворенія: «Если жизнь тебя обманетъ» (№ 18), «На переводъ Иліады» (№ 49) и «Послѣдняя туча разсѣянной бури» (№ 87). Въ виду чрезвычайной библіографической рѣдкости этой книжки и желая доставить удовольствіе любителямъ иноязычныхъ переводовъ поэзіи Пушкина также и на «популярный» у насъ греческій (эллинскій) языкъ, приводимъ четыре строфы изъ первого стихотворенія, именно «Если жизнь тебя обманетъ». Вотъ онъ:

Архилоха, Софокла, Менандра, Мелеагра и др. (№№ 3, 5, 7, 12, 13, 19, 26, 29, 30, 34, 37, 45, 47, 51, 54, 58, 66, 77, 82, 86, 89, 99 и 103), съ нѣмецкаго на греческій, именно изъ Гете и Шиллера (№№ 14, 28, 63 и 84), съ нѣмецкаго на латинскій (№№ 56, 61 и 96); съ персидскаго на греческій изъ Гафиза (№№ 25 и 97), съ персидскаго на латинскій (№ 62), съ санскритскаго на греческій изъ Калидасы и др. (№№ 4, 16, 35, 43, 80 и 102), съ санскритскаго на латинскій (№№ 21, 30, 53, 66, 67, 69, 91 и 101), съ словянско-хорутанскаго по карніолійскому нарѣчію на греческій языкъ изъ Фр. Препнерна (№ 94). Далѣе слѣдуютъ оригиналныя греко-латинскія стихотворенія Е. Ф. Корша, написанныя ad hoc, именно — похвальная къ юбилею XXV служенія наукѣ Г. А. Иванова, профессора Московскаго университета (№ 6), посланіе доктору Іангу въ Коненгагенъ (№ 22) и двѣ эпиграммы, въ числѣ которыхъ одна относится къ бывшему профессору Лицѣя Цесаревича Николая, знаменитому эллинисту и филологу Р. Вестфалю (№№ 95 и 100). Вышеупомянутые переводы изъ Пушкина на латинскій языкъ начинаются слѣдующими словами: *Phebi sacerdos dum patitur deus* (Шока не требуетъ поэта...). *O vates, populi favor Ne sit cura tibi* (Поэтъ, не дорожи и т. д.). *Poeta temere dum vaganti pollicе* и т. д. (Поэтъ на лирѣ вдохновенной рукой разсѣянной бряцать).

¹⁾ См. стр. 105 2-го изданія книги Евгенія Соловьевъ: Л. Н. Толстой и т. д., Спб., 1897.

'Рωσσικόν

'Αλεξάνδρου Πούσκιν

'Ελπίδος εἰ ψευσθέηται, μήτ' ἀγνυσσο μήτ' ἀγανάκτει.
Τλῆθι παθών, καὶ γάρ γηθεσύνη ἐπεται.
Βοσκόμεθα' ἐσσομένοις, τὰ δ' ἐόντ' ἀνιηρὰ πέζυκεν.
Πάντ' ἀκαρέα. τὸ δ' ἄπαξ οἴχεται, ηδὺ πέλει (стр. 11).

«На переводъ Иліады»:

Εἰς τὴν Ὁμήρου Ἰλιάδα τὴν ὑπὸ Νικολάου Γνέδιτο μεταπεφρασμένην
Ληξάσης αἷω θείης Ἐλληνίδος αὐδῆς,
Θαυμάζεω δ', ώς μεγάλου πρέβεος ἔγγὺς ἐών. (стр. 24).

«Послѣдняя туча разсвѣянной бури»:

'Εσκεδασμένης θυέλλης ὡς πανύστατον νέφος,
Μούνον αἰγλέεντος ἐσεὶ φερόμενον δὲ σύρανοδ,
Μούνον ἐπὶ πέδῳ κατηφέα καππεταννύεις σκιῆν,
Μούνον αἰσχύνεις ἀνίη μειδιῶσαν ἡμέρην π. τ. д. (стр. 42).

XLII. Сартскій (1887).

Въ 1887 году на сартскомъ языке, близкомъ къ языку киргизскому и узбекскому (съ примѣсью персидскихъ словъ), въ «Туркестанской Туземной Газетѣ», выходящей въ Ташкентѣ, была напечатана повѣсть графа Л. Н. Толстого «Чѣмъ люди живы» (быль и отдельный оттискъ, въ 4-ку). Около того же времени редакторъ этой газеты Н. И. Остроумовъ имѣлъ попытку передать въ переводѣ на сартовскій языкъ стихотвореніе «Пророкъ», какъ сообщилъ мнѣ г. переводчикъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 11-го марта сего года, но онъ не могъ осилить этой работы, устно же въ русско-туземныхъ школахъ края вольная передача стихотвореній Пушкина дѣлается постоянно. Что жъ касается такихъ произведеній Пушкина, какъ «Зима», «Зимній вечеръ», «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», то они разучиваются учениками русско-туземныхъ школъ только на русскомъ языке, и авторъ письма (вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Ташкентской гимназіи) самъ лично неоднократно слышалъ декламацію дѣтьми сартовъ стихотвореній Пушкина.

XLII. Эсперантистскій (1889).

Что же касается перевода произведеній Пушкина на такъ называемый международный языкъ будущихъ временъ (эсперанто), то по этой части до сихъ поръ вышли слѣдующіе переводы, чтобы

не сказать печатных чудачества: «Мятель» въ переводѣ А. Грабовскаго въ Варшавѣ 1888 г. (*La nêga blovado, tradukis A. Grabowski, Varsovio*). 2-е изданіе той же книжки (*«Dua eldono»*) вышло тоже въ Варшавѣ, у Кельтнера, въ 8 д. л., стр. 21, въ количествѣ 1.000 экземпляровъ. Въ 1895 году въ Одессѣ вышелъ, въ переводѣ Н. Боровко *«Stona gasto»* (*«Каменный гость»*) de N. Borovko (*Biblioteko de la linguo internacia Esperanto*), въ тип. Центр., стр. 30, въ количествѣ 1.000 экземпляровъ. Въ томъ же году, уже въ С.-Петербургѣ вышла книжка *«Boris Godunow»*, dramo de Puskin, съ обозначеніемъ, что переводъ выполнилъ В. Девягинъ, стр. 21. Наконецъ, въ прошломъ году вышла *«Капитанская дочка»* въ переводѣ на этотъ «языкъ», исполненному г. Вражинскимъ (см. «Ізвѣстія книжнаго магазина М. О. Вольфъ» за 1899 г., № 1, стр. 6).

XLIII. Татарско-кавказскій, или адзербайджанскій (1892).

По этой части намъ извѣстенъ лишь одинъ переводъ, именно *«Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ»* въ переводѣ Феридунъ-бея. Эривань, 1892 г., типографія Гуламерьянца, стр. 51, 16⁰.

XLIV. Японскій (1892).

Православный японецъ и воспитанникъ С.-Петербургской духовной академіи г. Сергѣй Сеодзи въ своей очень интересной библіографической статьѣ, помѣщенной въ *«Церковныхъ Вѣдомостяхъ»*, объ органѣ православныхъ японскихъ женщинъ и ихъ интересовъ *«Уранисики»* (Скромность), сообщаетъ, что журналъ съ первого же года своего существованія (съ 1892 г.) сталъ помѣщать въ отдѣлѣ литературномъ въ переводѣ нѣкоторыхъ первоклассныхъ словесныхъ произведеній, серія которыхъ начата *«Борисомъ Годуновымъ»* Пушкина. Кромѣ того, переведены басни Крылова, стихотворенія Никитина, повѣсти Тургенева, графа Л. Н. Толстого и другихъ великихъ русскихъ авторовъ XIX вѣка (*«Новое Время»* за 1893 г., № 6208).

XLV. Монгольско-бурятскій (1896).

Редакторъ-издатель газеты *«Жизнь на восточной окраинѣ»* выходившей въ Чите (Забайкальской области) докторъ П. А. Бадмаевъ сообщаетъ мнѣ въ своемъ письмѣ отъ 27 февраля сего года, что имъ давно переведена на бурятскій языкъ *«Капитанская дочка»*, и онъ намѣревался помѣстить ее въ своемъ журнальѣ, съ прошлаго года прекратившемъ свое существованіе. Кромѣ того, преподаватель Иркутской духовной семинаріи, протоіерей В. О. Коныловъ, перевелъ въ текущемъ году къ Пушкинскому юбилею два его произведенія *«Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ»* и эпиграмму *«Золото и булатъ»* (рукопись въ нашемъ распоряженіи).

XLVI. Черемисскій (1897).

Въ «Первой учебной книгѣ для совмѣстного обученія черемисъ и русскихъ», составленной г. П. Еруслановымъ (изданіе 3, Казань, тип. имп. универ., 1897), я напечъ въ переводѣ на черемисскій языкъ два стихотворенія А. С. Пушкина, именно «Зиму» и «Вьюгу» (стр. 111—112).

XLVII. Еврѣйскій жаргонъ (1899).

Только что появилась въ Варшавѣ «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» (Гадаіогъ Вегадою), въ переводѣ на разговорный жаргонъ русскихъ, нѣмецкихъ и австрійскихъ евреевъ, исполненному г. А. Любопицкимъ.

XLVIII. Литовско-жмудскій (1899).

Къ Пушкинскому юбилею печатается собраніе нѣкоторыхъ его стихотвореній въ переводѣ на этотъ языкъ. Сообщеніе завѣдующаго книгами на балтійскихъ мѣстныхъ языкахъ въ Императорской Публичной библіотекѣ С. О. Балтромайтиса.

XLIX. Гагаузско-турецкій по бессарабскому нарѣчію (1899).

Братьями Николаемъ и Иваномъ Фазлы переведены къ торжествамъ 26 мая слѣдующія стихотворенія Пушкина: «Зимняя дорога» (Кышъ-ёлу), «Беззаботная птичка» (Кахыръ-сызъ кушчазъ) и «Зимній вечеръ» (Кышъ гедже-си), 19 февраля 1899 г.

L. Церковно-славянскій, древнѣйшей редакціи (1899).

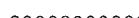
П. Любимовымъ переведены стихотворенія А. С. Пушкина: «Великопостная молитва», «Когда великое свершилось торжество», «Когда за городомъ задумчивъ я брожу», «Мадонна», «Пророкъ», «Подражаніе пѣсни пѣсней» и «Вергоградъ» (помѣщены будутъ въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ).

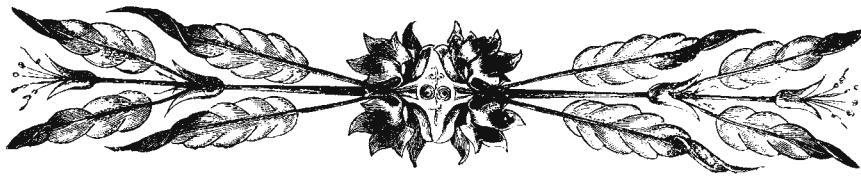
LI. Церковно-славянскій, позднѣйшей редакціи (1899).

«Духовныя стихотворенія» А. С. Пушкина въ переводѣ на современный церковно-славянскій языкъ С. Пчельникова печатаются слѣдующія пьесы: «Даръ напрасный», «Стансы» (Въ часы забавъ) и «Памятникъ».

Всего 1365 №№ иноязычныхъ переводовъ изъ Пушкина, изслѣдований и критическихъ статей о немъ, полностью или въ отдельности.

П. Драгановъ.

АФАНАСІЙ ФЕДОРОВИЧЪ БЫЧКОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

УССКАЯ наука понесла весьма тяжелую утрату: 2-го апрѣля скончался послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ ученыхъ — академикъ, членъ государственного совѣтства и директоръ Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасій Федоровичъ Бычковъ. Преклонный возрастъ покойного не позволяетъ называть эту утрату чѣмъ-то неожиданнымъ, бежалостнымъ и роковымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все же какъ-то не хочется вѣрить, что осиротѣло первое русское государственное книгохранилище и лишилось того бодрого, сѣдовласаго старца, который болѣе пятидесяти лѣтъ посвящалъ свои неутомимыя заботы этому книгохранилищу и являлъ собою живую лѣтопись русской умственной жизни текущаго столѣтія. Со смертью Бычкова какъ будто отходитъ въ историческую даль послѣдній отсвѣтъ той эпохи, съ которой такъ тѣсно связана память о русскихъ людяхъ, дѣятельность и заслуги которыхъ на пользу отечественнаго просвѣщенія остаются общепризнанными,увѣнчанными признательностью и любовью потомства. Погодинъ, Куторга, Востоковъ, Калачовъ, Бѣляевъ, С. Соловьевъ, Кавелинъ, И. Срезневскій, Куникъ и множество другихъ представителей отечествовѣдѣнія были искренними друзьями и почитателями Аѳанасія Федоровича.

Когда въ 1890 году (7-го октября) торжественно праздновался 50-ти лѣтній юбилей государственной службы Аѳанасія Федоровича, редакція «Исторического Вѣстника» помѣстила на страницахъ журнала обзорѣніе его ученой дѣятельности, въ связи съ главнѣйшими событиями жизни юбиляра. Къ сказанному прежде мало что прихо-

дится прибавить нынѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ виду особо-выдающихся заслугъ покойнаго директора Публичной Библіотеки, полезно воскресить въ памяти читателей его плодотворную жизнь съ добавленіемъ тѣхъ любопытныхъ указаний относительно первыхъ шаговъ его жизненнаго поприща, которыя почерпаются изъ прекраснаго труда Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», гдѣ поченному автору такъ часто приходится говорить именно объ А. Ф. Бычковѣ, какъ ученикѣ и другѣ московскаго профессора.

А. О. Бычковъ, происходя изъ стариннаго дворянскаго рода Ярославской губерніи, родился 15-го декабря 1818 года въ г. Фридрихсгамѣ, гдѣ въ то время стояла 21-я артилерійская бригада, въ которой служилъ отецъ его, Федоръ Николаевичъ¹⁾ и дѣтство провелъ въ Финляндіи. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, младой Бычковъ въ 1833 году былъ опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ въ Ярославлѣ. Вскорѣ это училище было преобразовано въ лицей, и въ 1834 г. благородный пансіонъ присоединенъ къ Ярославской гимназіи, куда и были переведены воспитанники пансіона. Въ 1836 году Аѳанасій Федоровичъ успѣшно кончилъ курсъ гимназіи, причемъ имя его, какъ отличнѣйшаго ученика, занесено на золотую доску. Какъ свидѣтельствуетъ авторъ «Погодина» (кн. 5-я), Бычковъ, будучи гимназистомъ, ъздила иногда лѣтомъ къ родной теткѣ, А. П. Владыкиной, имѣніе которой находилось недалеко отъ Погодинскаго Сѣркова. Погодинъ бывалъ иногда у Владыкиныхъ, гдѣ юноша Бычковъ и познакомился со своимъ будущимъ профессоромъ. По совѣту Погодина, Бычковъ рѣшился, по окончаніи гимназическаго курса, поступить не въ Демидовскій лицей, а въ Московскій университетъ, «куда давно не шли воспитанники Ярославской гимназіи».

Въ университѣтъ Бычковъ поступилъ въ 1836 году на 1-е отдѣленіе философскаго факультета. По совѣту все того же Погодина, родные помѣстили юнаго студента на жительство къ извѣстному пастору Зедергольму, прекрасной, свѣтлой личности. Въ университѣтѣ Бычковъ особенно усердно слушалъ лекціи по исторіи, которыя читали тогда такие корифеи науки, какъ профессора Крюковъ, Погодинъ и Грановскій. Во время студенчества Бычковъ часто бывалъ у Погодина, у котораго приходилось ему работать совмѣстно съ другими товарищами, Калачовыми, Соловьевыми, Бѣляевыми, надъ старинными русскими рукописями. На второмъ курсѣ Погодинъ предложилъ Бычкову составить указатель къ сочиненію Арцыбашева: «Повѣствованіе о Россіи», напечатанный въ 1838 году при 2-мъ томѣ труда Арцыбашева. На третъемъ курсѣ, въ 1839 году, Бычковъ за написанную имъ дисертацио «О вліяніи внѣшней при-

¹⁾ Скончался въ 1883 году въ преклонныхъ лѣтахъ, въ г. Рыбинскѣ, отставнымъ артилерійскимъ генераль-лейтенантомъ.

роды на народъ и государство» былъ удостоенъ серебряной медали.

Въ 1840 году онъ кончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата и затѣмъ думалъ держать экзаменъ на магистра по русской исторіи и посвятить себя профессорской дѣятельности въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ обратилъ на себя вниманіе попечителя учебнаго округа, гр. С. Г. Строганова, который приглашалъ его остатся при университѣтѣ, чтобы готовиться къ ученому званію. Равнымъ образомъ и Погодинъ поддерживалъ своего ученика и юнаго друга въ этомъ намѣреніи, надѣясь въ его лицѣ обрести достойнаго себѣ замѣстителя. Но какъ разъ въ это же время графъ С. С. Уваровъ просилъ московскаго профессора рекомендовать ему для службы въ археографической комиссіи молодыхъ людей, специально занимающихся русскою исторіею. Погодинъ указалъ министру на Бычкова и Калачова, и вотъ что онъ писалъ по настоящему предмету первому изъ нихъ¹⁾: «Главное вотъ въ чемъ: министръ просилъ меня рекомендовать ему кандидатовъ, занимающихся преимущественно россійскою исторіею. Я назвалъ васъ и Калачова. Онъ предлагаетъ вамъ службу, жалованье и мѣсто въ археографической комиссіи у источниковъ россійской исторіи. Случай счастливѣйшій! Вы можете держать экзаменъ на магистра еще удобнѣе и получить въ свое время адъюнкціское мѣсто. Такъ онъ обѣщалъ и хочетъ вѣсть видѣть чепремѣнно. Вы должны быть въ Москвѣ на той недѣлѣ въ началѣ. И ёду теперь къ нему въ деревню». 7-го іюля, А. О. Бычковъ подалъ прошеніе министру «объ опредѣленіи его въ департаментъ народнаго просвѣщенія для занятій въ археографической комиссії» и по этому случаю писалъ своему профессору: «Еще большую благодарность приношу вамъ, моему наставнику и руководителю въ дѣлѣ просвѣщенія, за то вниманіе и хлопоты, которыми вы сопроводили мой выходъ изъ университета. Надѣюсь, съ помощью Божіею, оправдать вполнѣ то доброе мнѣніе, которое вы обо мнѣ имѣете, и своими посильными трудами на поприщѣ науки заслужить ваше лестное для меня вниманіе. Съ нетерпѣніемъ ожидаю бумаги изъ Петербурга о моемъ опредѣленіи къ мѣсту; министръ обѣщалъ, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ туда, распорядиться касательно настъ. Теперь же до этого времени тружусь надъ разборомъ свитковъ и столбцовъ и такимъ образомъ приготавлю себя на дѣло, которое меня ожидаетъ».

Незадолго до отѣзда изъ Москвы, рекомендованные и любимые ученики Погодина получили отъ наставника слѣдующее напутственное благословеніе: «Благословляю васъ паки, молодые друзья мои, во имя преподобнаго Шлепера и Карамзина. Берегитесь отъ закваски фарисейской. Будьте чисты и мудры. Работайте Господеви со страхомъ и трепетомъ».

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. 5-й.

По прибытіи въ сѣверную столицу, молодой археографъ писалъ Погодину: «...Приношу вамъ искреннюю благодарность за рекомендательныя письма, которыми вы меня снабдили къ Шегрену и Сербиновичу. Обласканный ими, по вашей рекомендациі, въ первомъ моемъ съ ними свиданіи, я надѣюсь оправдать ваше лестное ко вниманіе, а вмѣстѣ съ этимъ употребить съ пользою свободное время на занятія и бесѣду съ ними. Я беру на себя смѣлость утрудить ваше вниманіе нѣкоторыми подробностями о самомъ себѣ и ходѣ дѣлъ въ археографической комиссії. Явившись на службу, я былъ принятъ съ обязательнымъ вниманіемъ отъ директора и гг. Бередникова и Григоровича; черезъ недѣлю послѣ моего прибытія въ Петербургъ, состоялся протоколъ обѣ опредѣленій меня чиновникомъ въ комиссію съ жалованьемъ въ 1.200 руб. въ годъ; занятія въ ней, начинающіяся съ 11 и продолжающіяся до 3 часовъ, отнимаютъ почти совершенно время на посѣщеніе сокровищницы знанія, Императорской Публичной Библіотеки, въ которой хранятся любопытныя книги на итальянскомъ языке: первая о Лжедимитріи, относящаяся къ 1606 году; вторая—переводъ на итальянскій Герберштейна, съ приложеніемъ переводчика о состояніи Россіи, и третья — о дѣлахъ поляковъ въ Россіи; вотъ уже третья недѣля, какъ я тщетно ихъ добиваюсь. Работа пока для меня довольно механическая: она состояла въ перепискѣ свитковъ, присланныхъ въ комиссію изъ Верхотурья, которые, какъ источники для исторіи Россіи, не слишкомъ важны, но характеризуютъ за то Сибирь, и по перепискѣ всѣхъ ихъ, по всей вѣроятности, образуютъ изъ себя картину полную, живую состоянія края въ царствованіе Михаила, Алексея и Петра съ Ioannomъ... Въ настоящее время занимаемся перепискою актовъ тульскихъ и каширскихъ... Дѣятельность комиссіи довольно живая. Надняхъ я былъ въ университетѣ: познакомился съ Куторгами и Шульгиномъ. Какъ Куторга-историкъ, такъ и Шульгинъ интересовались вами. Шульгинъ спрашивалъ о III томѣ Арцыбашева. Нельзя ли вамъ будетъ дать мнѣ письмо къ Востокову, черезъ которое я могъ бы войти съ нимъ въ ближайшее соотношеніе. Сношенія съ такими людьми, какъ Востоковъ, много помогаютъ человѣку, желающему заниматься. Позвольте мнѣ, Михаилъ Петровичъ, надѣяться, что вы, не оставивъ меня вашимъ поучительнымъ руководствомъ въ моей студенческой жизни, въ моемъ опредѣленіи на службу, не лишите вашихъ совѣтовъ и наставленій въ настоящее время, которые я всегда буду принимать, какъ залогъ духовнаго родства между преподавателемъ и ученикомъ».

Это письмо Бычкова, безспорно, чрезвычайно важный документъ для его біографіи, такъ какъ отсюда, какъ нельзя лучше, обрисовывается настроеніе его на зарѣ жизни и выясняется, кому онъ обязанъ тою любовью къ исторической наукѣ, которая сопутствовала ему до

конца дней. Добрыя отношенія между наставникомъ и ученикомъ не прекращались и въ послѣдующіе годы, и Бычковъ всегда спѣшилъ поставлять Погодина въ извѣстность обо всемъ выдающемся въ жизни Петербурга и его ученыхъ кружковъ, о своихъ планахъ, предположеніяхъ и занятіяхъ. Такъ, въ началѣ 1842 г. онъ писалъ профессору: «Магистерскій экзаменъ подвигается впередъ, но мед-

Леонасій Федоровичъ Бычковъ.

ленными шагами, теперь занимаюсь новою исторіею. Переходъ мой въ министерство внутреннихъ дѣлъ не состоялся. Я отказался отъ мѣста, котораго искалъ, по причинѣ многочисленности занятій, которыхъ, поглотя все свободное время, превратили бы меня не болѣе, какъ въ форму канцелярскаго отношенія къ нумеромъ на боку».

Но не только переходъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ не состоялся у Бычкова, не удалось ему держать и магистерскаго экза-

мена. По настоящему предмету въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1899 г., № 91) разсказано, со словъ покойнаго, слѣдующее. Онъ явился съ письмомъ отъ профессора Крюкова къ М. С. Куторгѣ, чтобы узнать о предъявляемыхъ имъ требованіяхъ къ лицамъ, желающимъ подвергнуться экзамену на полученіе званія магистранта. Но профессоръ принялъ холодно А. О. и, узнавъ, что онъ ученикъ Грановскаго, замѣтилъ, что въ Петербургѣ требованія совсѣмъ иныя, чѣмъ въ Москвѣ, что здѣсь требуется, прежде всего, хорошее знаніе фактовъ. «Я могу, напримѣръ, спросить васъ, — сказалъ Куторга, — какъ назывались тѣ греческія суда, которыхъ участвовали въ битвѣ при Саламинѣ». «Изъ этихъ словъ, — разсказывалъ А. О., — я заключилъ, что мнѣ нечего и пытаться держать экзаменъ въ Петербургѣ, гдѣ мнѣ могутъ всегда предложить такой вопросъ, на который отвѣтить невозможно, а въ Москву, связанный съ Петербургомъ службой,ѣхать я не могъ; поэтому я оставилъ всѣ мечты о профессорской каѳедрѣ». Интересно, что много лѣтъ спустя Куторга, бывшій уже въ хорошихъ отношеніяхъ съ А. О., самъ вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ и разъ какъ-то спросилъ А. О.: «А помните, какъ вы приходили ко мнѣ спрашивать меня о моихъ требованіяхъ на экзамены? Я тогда напугалъ васъ, и вы такъ и не держали экзамена. Я думаю, вы въ этомъ не раскаиваетесь».

Вступивъ въ археографическую комиссию, Бычковъ оставался преданъ этому учрежденію до конца дней своихъ, сначала состоя въ ней чиновникомъ для занятій, а съ 1864 г.—старѣйшимъ членомъ; съ 1864—1874 г. онъ былъ правителемъ ея дѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ будучи и главнымъ редакторомъ лѣтописей (1854—1877 г.), въ день же своего полувѣковаго юбилея онъ былъ избранъ здѣсь почетнымъ членомъ, а въ послѣдніе годы жизни ея предсѣдателемъ.

1844 г. былъ чрезвычайно важнымъ годомъ въ жизни Аѳанасія Федоровича. Тутъ онъ впервые вступилъ на службу въ Публичной Библіотекѣ, навѣки неразрывно связавъ свое имя съ этимъ учрежденіемъ и оставивъ здѣсь по себѣ самую свѣтлую память. Увѣдомляя своего наставника о счастливомъ событии жизни, Бычковъ писалъ: «Я думаю, что вы сердитесь на меня за продолжительное молчаніе, за мою бездѣятельность, но вотъ тому причина: еще съ половины декабря прошлаго года я получилъ обѣщаніе быть определеннымъ въ должность хранителя манускриптовъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, на мѣсто Востокова, который вышелъ въ отставку. Безъ замедленія и проволочекъ у насъ ничто не можетъ совершиться, мое назначеніе подверглось также этой участіи, и только 15-го марта я поступилъ въ настоящую должность. Вотъ шестой день, какъ я началъ приемку, которая продолжится, вѣроятно, нѣсколько мѣсяцевъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я доволенъ своимъ новымъ мѣстомъ; кроме выгодъ материальныхъ, оно представляетъ обширное поприще для труда и

дѣятельности. Открытій предстоитъ много: двѣ тысячи шестьсотъ рукописей славяно-церковныхъ, находящихся подъ руками, обѣщають обильную жатву — остается желать здоровья, чтобы привести въ исполненіе всѣ планы и предположенія относительно обработки нашей древней литературы. Первымъ трудомъ будетъ составленіе обстоятельнаго каталога. Ваши совѣты, Михаилъ Петровичъ, для меня теперь необходимы, и я надѣюсь, что въ предстоящемъ мнѣ дѣлѣ я снова буду имѣть лестное удовольствіе видѣть въ васть моего наставника». И въ дальнѣйшемъ онъ все также охотно увѣдомлялъ московскаго профессора о всѣхъ своихъ шагахъ на пользу порученного ему дѣла: «Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ моей службы по библіотекѣ я принялъ рукописи на языкахъ: церковно-славянскомъ, восточныхъ, нѣмецкомъ, испанскомъ, португальскомъ, исландскомъ, шведскомъ, датскомъ и голландскомъ, и собраніе рѣдкихъ вещей, сверхъ того, успѣть распределить словенскія рукописи по предметамъ. Система дѣленія удержана та самая, которая была предложена покойнымъ Оленинымъ и которая напечатана въ изданной имъ книжѣ подъ заглавиемъ: «Опытъ новаго библіографическаго порядка». Правда, въ этой системѣ есть чѣкоторыя погрѣшности, но какъ книги уже распределены сообразно съ нею, то, слѣдовательно, ввести какія либо новизны въ отдѣленіи рукописей значило бы разрушить гармонію цѣлаго. Всѣ рукописи раздѣлены по языкамъ; это имѣеть на своей сторонѣ большую выгоду, потому что показываетъ съ одного взгляда количество хранящихся въ библіотекѣ французскихъ, итальянскихъ и др. рукописей. Къ составленію каталога я уже приступилъ». Изложивъ далѣе порядокъ своихъ занятій, планы будущихъ работъ, онъ заключаетъ письмо: «Жаль, что у меня отнимаются много времени на другія занятія. Въ библіотекѣ до сихъ поръ существовалъ большой беспорядокъ. Многое, что было подарено, отъ самого поступленія въ библіотеку, не было ни разобрано, ни разсмотрѣно, все это теперь поручается мнѣ. Правда, иногда я нахожу любопытныя вещи, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ даже Востоковъ, какъ, напримѣръ, надняхъ вскрыли ящикъ, наполненный подлинными грамотами, относящимися къ XV и слѣдующимъ столѣтіямъ. Съ Божію помощью началъ учиться по-польски».

Погодинъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ назначеніемъ Аѳanasія Федоровича и привѣтствовалъ его словами: «Поздравляю васъ искренно и желаю успѣха. Мѣсто превосходное, и вы счастливы безпримѣрно! На пятомъ году службы сдѣлаться преемникомъ Востокову! Шутка это! Во Франціи, Германіи нельзя бы и претендовать безъ заслугъ Тьера, Манье, Рафна и тому под. Чувствуйте же это, молодой человѣкъ, и употребите всѣ силы, чтобы заслужить награду, впередъ вамъ данную, не развлекайтесь никакими посторонними дѣлами, посвятите себя всецѣло наукѣ и службѣ, оправдайте довѣріе».

И дѣйствительно, Бычковъ оправдалъ довѣріе, о коемъ говорилъ ему наставникъ: онъ явился достойнымъ сотрудникомъ директоровъ библіотеки: Д. П. Бутурлина, гр. М. А. Корфа и гр. И. Д. Делянова, какъ помощникъ послѣдняго (съ 1868 г.), и, наконецъ, въ должности директора, каковую онъ занялъ послѣ Делянова въ 1882 г. Привѣтствуя его въ день его пятидесятилѣтія, служащіе въ поднесенномъ ему адресѣ говорили: «Большая часть вашей дѣятельности протекла въ стѣнахъ библіотеки. Библіотека была послѣдней школой, въ которой развились и созрѣли ваши дарованія, и вы щедро заплатили ей неустанными трудами и неусыпными заботами. Благодаря вамъ, безпрерывно совершенствовалось ея устройство и росло ея обогащеніе по всѣмъ отрослямъ человѣческихъ знаній. Въ теченіе 40 лѣтъ, значительнѣйшія пріобрѣтенія по всѣмъ отдѣленіямъ библіотеки, цѣльными коллекціями, важныя по своему научному значенію и очень цѣнныя по своей стоимости, дѣлались не иначе, какъ по вашему просвѣщенному совѣту и указанію. Въ особенности полны слѣдами вашей высокополезной дѣятельности отдѣленіе русскихъ печатныхъ книгъ и отдѣленіе рукописей. Первоначальное поприще вашихъ занятій въ нашемъ книгохранилищѣ, оба эти отдѣленія въ нынѣшнемъ своемъ видѣ должны быть названы вашими созданіями. Въ русскомъ печатномъ отдѣлѣ каталогъ, составленный вашимъ личнымъ трудомъ или при вашемъ близайшемъ участіи, сталъ нынѣ твердою основою русской библіографіи. Ваши постоянные заботы о пополненіи этого отдѣла подаются прочную надежду на то, что онъ скоро достигнетъ своей цѣли—служить центральнымъ хранилищемъ всего, что предано типографскому станку на русскомъ языкѣ. Точно такъ же напечатанное собраніе рукописей вами приведено въ порядокъ, а ваши основательные познанія въ русской исторіи, литературѣ и палеографіи, дали вамъ возможность предпринять подробное ученое описание хранимыхъ въ библіотекѣ памятниковъ русской и славянской письменностей. Ихъ ближайшее критическое изученіе вызвало васъ на цѣлый рядъ ученыхъ изданій, которыя существенно обогатили отечественную науку, и въ то же время обильными археологическими указаніями дѣлались вы съ нѣсколькими поколѣніями ученыхъ, посвятившихъ себя изысканіямъ въ области русской старины... Справедливо было сказано, что ни одинъ ученый трудъ, предпринятый въ Россіи, не можетъ быть довершенъ безъ пособія Императорской Публичной Библіотеки. Вамъ лучше, чѣмъ кому либо известно ея значеніе, и въ этомъ сознаніи вы всегда трудились и продолжаете трудиться на ея пользу, на благое просвѣщеніе».

Авторъ некролога въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», очерчивая дѣятельность Бычкова въ Публичной Библіотекѣ, говорить:

«Лично намъ близко извѣстна его дѣятельность по библіотекѣ за самое послѣднее время, и отчасти его дѣятельность по Академіи

Наукъ. Любившій, какъ отецъ дочь, свою библіотеку, въ которой протекла почти вся его жизнь,—вице-директоромъ которой онъ состоялъ съ 1868, а директоромъ съ 1882 года,—А. Ф. интересовался въ ней всякою мелочью, весь жиль ея интересами и заботился, чтобы она стояла на высотѣ своего назначения.

«Всякое неисправное поступление въ нее русскихъ изданій и книгъ волновало покойнаго, и онъ принималъ всѣ возможныя мѣры къ пополненію недостающаго. Въ то же время онъ охотно открывалъ въ нее доступъ всѣмъ тѣмъ, кто приходилъ въ нее заниматься, а не удовлетворять своему праздному любопытству; многочисленныя просьбы, поступавшія отъ этихъ лицъ, о выдачѣ того или другого изданія, почему либо не выдаваемаго читателямъ въ общую залу, всегда удовлетворялись имъ съ величайшей готовностью; и мало того, часто А. Ф. разспрашивалъ подавшаго прошеніе о его занятіяхъ и давалъ ему тѣ или другія полезныя библиографическія указанія, въ особенности если дѣло касалось знакомой ему области русской исторіи или русской литературы. Не имѣя средствъ для опубликованія всѣхъ богатыхъ рукописныхъ матеріаловъ, поступающихъ ежегодно въ библіотеку, Аѳанасій Федоровичъ обратилъ свое вниманіе на отчеты библіотеки, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, помѣщалъ онъ въ нихъ описание наиболѣе выдающихся поступившихъ за отчетный годъ рукописей, и напечаталъ множество чисмъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ. Благодаря этому, отчеты библіотеки являются теперь цѣннымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся исторіей нашей литературы. Побуждаемый любовью къ учрежденію, имя которого было напечатано на оберткѣ отчета, А. Ф. не только самъ составлялъ эти отчеты изъ представляемыхъ ему служащими матеріаловъ, но даже держаль самъ корректуру отчетовъ. Та же чрезмѣрная добросовѣтность отразилась и на трудахъ покойнаго по Академіи Наукъ, гдѣ онъ въ послѣдніе годы занималъ мѣсто предсѣдателя отдѣленія русскаго языка и словесности. Имъ были вызваны здѣсь къ жизни существовавшія когда-то «Ізвѣстія» отдѣленія, и онъ лично прочитывалъ въ корректурѣ всякихъ листъ «Ізвѣстій», гдѣ въ 1896 г. (1-й годъ выхода «Ізвѣстій») имъ была, между прочимъ, напечатана статья: «Энциклопедический словарь Плюшара и А. С. Пушкинъ».

Близость Аѳанасія Федоровича къ Академіи Наукъ началась еще въ 1855 г., которая уже тогда обратила серьезное вниманіе на труды молодого ученаго и избрала его своимъ членомъ-кореспондентомъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1866 г.—въ эстраординарные академики и въ 1869 г.—въ академики срдинарные по отдѣленію русскаго языка и словесности. Какъ видно изъ переписки Грота съ Плетневымъ (т. 3-й) вступленіе Бычкова въ сонмъ академиковъ не протекло вполнѣ благополучно, и по настоящему предмету встрѣтились какія-то затрудненія, такъ что Гротъ писалъ (1865 г.) своему другу:

«Въ четвергъ у насъ въ отдѣленіи важное засѣданіе: мы пригласили Устрялова и Куника для совѣщенія о замѣщеніи двухъ вакансій. При этомъ сперва положено было опредѣлить предметъ, для которыхъ нужны члены; указанъ былъ словарь и изданіе Ломоносова, словарь же, особенно по языку средняго периода, такъ какъ по древнему языку труды этого рода взялъ на себя Срезневскій. Затѣмъ названы были Бычковъ, Костомаровъ и Сухомлиновъ. Хотя первый уже однажды имѣлъ неудачу, но мы думаемъ возобновить о немъ вопросъ: онъ можетъ принести отдѣленію существенную пользу. Костомарова едва ли выберутъ въ общемъ собраніи, а между тѣмъ, академическое кресло было бы для него спасеніемъ. Теперь надо попытаться узнать напередъ, можно ли будетъ ожидать успѣха для Бычкова».

Въ отвѣтъ на это письмо Плетневъ писалъ: «Если о Бычковѣ узнаешь какія либо неблагопріятныя для него предзнаменованія въ общемъ собраніи, то, пожалуйста, не подвергай его новому риску: онъ заслуживаетъ полное уваженіе». Всѣ опасенія оказались на этотъ разъ напрасны, и Афанасій Федоровичъ былъ избранъ въ академики. И. Срезневскій, читавшій на засѣданіи записку о его ученыхъ трудахъ, такъ обрисовывалъ его дѣятельность на пользу русского просвѣщенія: «Имѣя въ виду, что отдѣленію русскаго языка и словесности, по кончинѣ Постникова и выбытіи Биллярскаго, необходимо усилить свой составъ дѣятелями, хорошо подготовленными для предстоящихъ разнообразныхъ лексикографическихъ и историко-литературныхъ трудовъ, и что г. Бычковъ между немногими русскими учеными въ этой области занимаетъ по общему признанию почетное мѣсто, что его основательная и обширная познанія въ славяно-русской письменности, его научное образованіе и рѣдкое трудолюбіе высоко цѣнятся всѣми знатоками, мы считаетъ своею обязанностью предложить его въ экстраординарные академики».

Лестная рекомендация Срезневскаго не была простымъ формальнымъ докладомъ, а дѣйствительно оправдалась цѣлымъ рядомъ существеннѣйшихъ трудовъ, которые Бычкову удалось осуществить и въ которыхъ онъ обнаружилъ въ полной мѣрѣ свои многостороннія способности, эрудицію и трудолюбіе. Эти способности и высокія качества ученаго обратили на него вниманіе графа Блудова, который завѣдывалъ въ то время бывшимъ II Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и который пригласилъ А. Ф. принять на себя изданіе весьма важнаго исторического памятника «Дворцовыхъ разрядовъ XVII вѣка» (вышло четыре тома и одинъ томъ дополненій 1850—1855 гг.). Кромѣ того, А. Ф. тогда же были изданы «Походные журналы Петра Великаго» и много выпускъ «Камеръ-фурьерскихъ журналовъ». Эти работы А. Ф. были оцѣнены по достоинству гр. Д. Н. Блудовымъ, и когда въ 1855 году былъ учрежденъ, подъ его предсѣдательствомъ, коми-

теть для цензурнаго разсмотрѣнія посмертныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго, то гр. Блудовъ пригласилъ А. Ф. въ дѣлопроизводители комитета и возложилъ на него приготовленіе къ печати четырехъ послѣднихъ томовъ пятаго изданія сочиненій Жуковскаго, вышедшихъ въ 1857 году подъ редакціей А. Ф. Бычкова.

Въ слѣдующемъ 1856 году, государь Александръ Николаевичъ возложилъ на барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа порученіе собрать и привести въ порядокъ матеріалы, касающіеся жизнеописанія и исторіи царствованія императора Николая Павловича; А. Ф. Бычковъ былъ тотчасъ же приглашенъ принять участіе въ этомъ обширномъ трудѣ. Въ то же время II Отдѣленіе пользовалось знаніями Аѳанасія Федоровича и въ своихъ кодификаціонныхъ работахъ; именно въ 1863 г. Аѳанасій Федоровичъ, вмѣстѣ съ главноуправляющимъ Отдѣленія, графомъ М. А. Корфомъ, трудился надъ исправленіемъ русскаго перевода 3-ї части «Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остайскихъ», содержащей гражданскіе законы. Былъ Аѳанасій Федоровичъ привлеченъ и къ разнымъ другимъ законодательнымъ работамъ: такъ, въ 1862—онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи для составленія законоположеній, относящихся до преобразованія судебнай части въ имперіи, и въ 1863 г.—членомъ комиссіи для обработки проекта устава книгопечатанія въ Россіи.

Чрезвычайно цѣнны работы Аѳанасія Федоровича по разбору и приведенію въ порядокъ дѣль архива святѣйшаго синода, причемъ съ 1866 г. онъ состоялъ предсѣдателемъ комиссіи по настоящему вопросу. До 1866 г. этотъ цѣнныи архивъ былъ мало извѣстенъ и доступенъ ученымъ изслѣдователямъ; съ принятіемъ же на себя трудовъ по его разработкѣ, Бычкову удалось въ этой области достигнуть значительныхъ результатовъ и дать дѣлу опубликованія цѣнныхъ документовъ сильный толчокъ. Самъ предсѣдатель редактировалъ первый томъ «Описанія документовъ и дѣлъ», хранящихся въ архивѣ (1542—1721), изданный въ 1868 г., и первый томъ «Полного собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія». Значительный слѣдъ оставилъ по себѣ Бычковъ въ комиссіи по устройству архивовъ и храненію въ нихъ документовъ, а также въ комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія по вопросу о мѣрахъ охраненія существующихъ памятниковъ древности, а также въ комиссіи того же министерства для международнаго обмѣна изданій научныхъ и художественныхъ. Въ 1874 г., Аѳанасій Федоровичъ былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ древностей славянскихъ и русскихъ императорскаго археологическаго общества, а съ 1885 г. состоялъ помощникомъ предсѣдателя означенаго общества. За свои труды здѣсь въ 1880 г. онъ удостоился милостиваго реескрипта августѣйшаго предсѣдателя общества, а также—золотой медали отъ общества за полезную дѣятельность. Въ 1886 г., Бычковъ явился членомъ—основателемъ императорскаго русскаго историческаго обще-

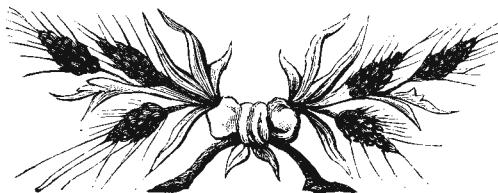
ства, далъе членомъ его совѣта, а съ 1882 г. помощникомъ предсѣдателя. Подъ его редакціей вышли т. т. I. XI и XXV «Сборника общества». Въ 1881 г., онъ былъ приглашенъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предсѣдательствовать въ редакціонномъ совѣтѣ по изданію правительственной еженедѣльной газеты для народа «Сельскій Вѣстникъ», который и издавался подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ.

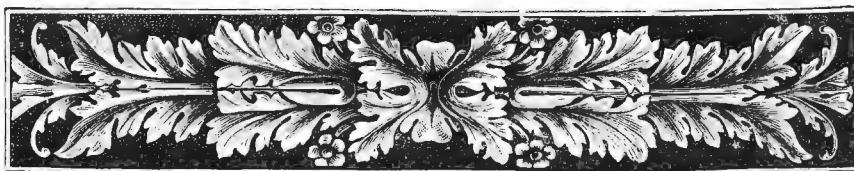
Въ «Бібліографическомъ спискѣ» сочиненій, переводовъ и изданій Бычкова (1838—1890 г.г.), составленномъ Я. К. Гротомъ и появившимся ко дню юбилея покойнаго, обозначены всѣ его труды на пользу русского просвѣщенія. Сдѣлано краткое обозрѣніе этихъ главнѣйшихъ трудовъ и въ статьѣ г. С. Трубачева, напечатанной на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1890 г., кн. 11), поэтому, во избѣжаніе повтореній, мы не будемъ возвращаться къ темѣ, уже достаточно выясненной передъ читателями. Можно смѣло сказать, что въ какую бы область историческаго изслѣдованія мы ни обратились за послѣднія 30—40 лѣтъ, всюду имя Аѳанасія Федоровича явится на первомъ мѣстѣ въ глазахъ всякаго ученаго и изслѣдователя. Заслуга его передъ русскою мыслью и отечественнымъ просвѣщеніемъ огромна, поэтому по всей справедливости съ высоты церковной кафедры, при отпѣваніи покойнаго, было сказано, что къ нему примѣнимы слова св. евангелиста Иоанна Богослова: «Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ. Ей, говорить Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними». Но не только въ качествѣ мужа наука оставляетъ по себѣ добрую и вѣчную память покойнику: велики его заслуги и въ сферѣ практической дѣятельности. Напиши среднеучебныя заведенія и система, здѣсь дѣйствующая, испытали на себѣ все благотворное вліяніе Аѳанасія Федоровича, когда на него, въ отсутствіе гр. Делянова, возложено было управление министерствомъ народнаго просвѣщенія. Онъ приступалъ много смѣлѣе самого министра къ ликвидациіи учебнаго наслѣдія графа Д. Толстого, и въ этомъ отношеніи имъ достигнуты довольно значительные результаты, при чмъ онъ не прибѣгалъ въ данномъ случаѣ къ крутымъ ломкамъ и рѣзкимъ переходамъ. Исторія со временемъ выяснила, по скольку значительна была здѣсь работа покойнаго Бычкова, и что было внесено именно его личное въ дѣйствующую нынѣ систему. Но какъ ни велики заслуги Аѳанасія Федоровича во всѣхъ областяхъ русской жизни, до работы въ государственномъ совѣтѣ, куда онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ 1890 г., включительно однако, онъ разступаются передъ его дѣятельностью, какъ директора Публичной Бібліотеки. Особеной энергіи достигла эта дѣятельность въ административномъ отношеніи, когда, по его иниціативѣ, были увеличены штаты служащихъ, а также приступлено къ расширению нашего книгохранилища пристройкой къ нему громаднаго добавочнаго зданія, которому по

всей справедливости надлежало бы присвоить нынѣ наименование покойного, какъ дань его заслугамъ передъ библиотекой и въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Скончался Афанасій Федоровичъ послѣ очень непродолжительной болѣзни и полный еще силь, 2-го апрѣля. Схороненъ онъ при торжественной обстановкѣ на Александро-Невскомъ кладбищѣ.

Г. Л. И.

ПАМЯТИ В. В. ЧУЙКО.

АРТА 28-го, скончался въ Петербургѣ Влади-
миръ Викторовичъ Чуйко — этотъ милый, ду-
шевный человѣкъ и одинъ изъ образован-
нѣйшихъ старыхъ литераторовъ; говорю —
«старыхъ» потому, что В. В. умеръ 60-ти
лѣтъ отъ роду.

В. В. Чуйко происходилъ изъ малорусской
дворянской семьи и воспитывался въ Петер-
бургскомъ университетѣ. Затѣмъ нѣкоторое
время проживалъ за границей — во Франції и

Италії, оканчивая свое эстетическое самообразованіе, а съ 1871 г.
обосновался въ Петербургѣ, отдавшись всецѣло литературнымъ за-
нятіямъ въ многоразличныхъ и разнохарактерныхъ изданіяхъ: въ
«Женскомъ Вѣстникѣ», «Будильнику», въ «С.-Петербургскихъ Вѣ-
домостяхъ» (Корша), въ «Голосѣ», «Пчелѣ» (Микѣшина), въ «Жи-
вописномъ Обозрѣніи» и мн. др.; при чемъ въ двухъ послѣднихъ
журналахъ покойный Чуйко былъ, непродолжительное время, редак-
торомъ *de facto*. Позднѣе онъ работалъ во «Всемирной Иллюстрації»,
въ «Новостяхъ», въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Лучѣ» Вольфа
(гдѣ тоже былъ недолгое время редакторомъ), въ «Наблюдателѣ»
и «Гласности». Несмотря на нѣкоторую разнохарактерность на-
званныхъ изданій, трудно, повидимому, совмѣстимыхъ для трудовъ
одного и того же литератора, какъ, напримѣръ, «Новости» и «На-
блюдатель», или «Лучъ» и «Гласность», — покойный Владимиръ Вик-
торовичъ былъ, тѣмъ не менѣе, принимаемъ повсюду, какъ самый
желанный и цѣнныій сотрудникъ — главнымъ образомъ потому,
что его гуманизмъ, его серіозное философское образованіе, знаніе
исторіи искусствъ, громадная эрудиція и весь эстетический складъ

его благородной и деликатной души значительно выдвигали его изъ толпы обыкновенныхъ литературныхъ работниковъ; немалымъ достоинствомъ умершаго писателя было обсoluteное отсутствие въ немъ человѣконенавистничества, партійности и тенденціозности. И все, что было прекраснаго и возвышенного въ немъ, какъ въ человѣкѣ, — отражалось и въ томъ, что имъ писалось. Этимъ и объясняется нѣкоторая индифферентность, съ которой относился по-койный къ тѣмъ изданіямъ, гдѣ могъ работать и гдѣ никогда, во

Владимиръ Викторовичъ Чуйко.

всю свою долгую, труженическую жизнь, не поступился ни однимъ словомъ противъ своихъ гуманныхъ убѣждений и возвышенныхъ идей.

За время своихъ 35-ти-лѣтнихъ, непокладныхъ и тяжелыхъ литературныхъ работъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ, по-койный Чуйко написалъ такое множество статей, монографій и библиографическихъ рецензій, что перечисление ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Всѣ эти статьи, какъ бы спѣшно иногда онъ ни были писаны, всегда были интересны и отличались особымъ изяществомъ слога — характернымъ отличиемъ покойнаго — и ясностью изложенія. Владимиръ Викторовичъ могъ бы, несомнѣнно, писать, а слѣдова-

тельно и зарабатывать бы вдвое болѣе, если бы онъ не писалъ такъ тщательно и добросовѣтно, да еще часто по два раза—начерно и набѣло; но онъ, въ силу старосвѣтскихъ традицій литературной порядочности, предпочиталъ придерживаться въ своихъ писаніяхъ тѣхъ правилъ добросовѣтности, которыми руководствовался всю свою жизнь и отъ которыхъ ни разу не отступалъ.

Благодаря своему замѣчательному трудолюбію, покойный Чуйко, помимо обычныхъ журнальныхъ и газетныхъ работъ, оставилъ довольно значительное количество отдѣльныхъ, столь же серіозныхъ литературныхъ трудовъ, заключающихся въ отдѣльно изданныхъ кни-гахъ. Такъ, извѣстна его интересная монографія о Шекспирѣ, отдѣльная книжка сочиненій выдающихся иностранныхъ писателей и нѣкоторыхъ классиковъ (выпущено всего 18-ть книгъ); извѣстны его переводы Данте, Свифта и др.; отдѣльно также издана книга «Современные русскіе поэты», составленная изъ критическихъ статей покойнаго, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ о трудахъ покойнаго писателя слѣдуетъ прибавить, что онъ, проживая за границей, былъ нѣкоторое время корреспондентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (редакторства В. О. Корша), а во время франко-пруссской войны 1870 года состоялъ корреспондентомъ «Голоса» и «Биржевыхъ Вѣдомостей» и находился при сформированномъ тогда итальянскомъ отрядѣ Гарибальди. Можно добавить, что, проживая за границей, В. В. познакомился съ проф. Г. Н. Вырубовымъ, съ о. Мартыновымъ, съ Герценомъ и В. Гюго, слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ, былъ хорошо съ И. С. Тургеневымъ.

Вотъ почти и весь некрологъ В. В. Чуйко. Но я позволю себѣ не ограничиться этимъ, такъ сказать, формулярнымъ литературнымъ спискомъ Чуйко, сухимъ и мало объясняющимъ свѣтлый и благородный образъ почившаго писателя. Я зналъ покойнаго съ 1875 года, не разъ намъ приходилось работать вмѣстѣ, т. е. въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ; а потому я нахожу возможнымъ помянуть В. В. болѣе теплымъ и пространнымъ словомъ, основываясь на личныхъ впечатлѣніяхъ.

Знакомство мое съ покойнымъ Чуйко началось въ 1875 году, вотъ по какому поводу. Въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» того года была напечатана моя статья «Холерный бунтъ въ Тамбовѣ» осторожно (страха ради Лонгинова) озаглавленная М. М. Стасюлевичемъ «Холера въ Тамбовѣ въ 1831 году». Я въ то время жилъ въ Москвѣ, писалъ, преимущественно, въ тамошнихъ изданіяхъ, изрѣдка посыпалъ статьи въ петербургскіе журналы и прѣзжалъ иногда сюда по этимъ литературнымъ дѣламъ. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ прѣздовъ, въ октябрѣ 1875 года, я прочелъ въ «Голосѣ», въ фельетонѣ «Очерки литературы», похвальный отзывъ о названной статьѣ, при чёмъ изъ нея дѣлались обширныя выписки. мнѣ, какъ молодому тогда писателю, это вниманіе солидной газеты было, конечно,

пріятно,— и я пожелалъ узнать имя критика, такъ благосклонно и внимательно ко мнѣ отнесшагося. Оказалось, что буквами X. У. Z. подъ критическими фельетонами «Голоса» подписывается В. В. Чуйко, съ которыми вскорѣ мнѣ и довелось потомъ встрѣтиться и познакомиться, а затѣмъ сойтись и ближе.

Даже и первое впечатлѣніе, получавшееся отъ знакомства съ Владимиromъ Викторовичемъ, было чрезвычайно хорошее: передъ вами былъ образованный и вполнѣ благовоспитанный человѣкъ, всегда искренний и душевный и никогда не лукавившій. Впослѣдствіи, когда знакомство устанавливалось болѣе прочно, и правдивая, честная душа Чуйко раскрывалась предъ вами яснѣе и полнѣе, вѣсть поражало въ немъ еще одно достоинство, которое многими считалось за недостатокъ — это крайняя непрактичность Владимира Викторовича, дѣлавшая его человѣкомъ не отъ мѣра сего, ставившую его не разъ въ тяжелыя материальные условія и постоянно мѣшивавшую ему обосноваться въ тѣхъ изданіяхъ, где онъ сотрудничалъ. Онъ всегда былъ жертвой, которую чрезвычайно легко было съинтриговать, выжить изъ редакціи, занявъ его мѣсто...

Живя съ семьею въ Петербургѣ исключительно однимъ лишь литературнымъ трудомъ и не имѣя никакихъ иныхъ средствъ къ жизни, покойный сознавалъ, конечно, не разъ эту свою «непрактичность», но измѣнить свою довѣрчивую, чисто русскую и вѣчно жизнерадостную натуру все-таки не могъ — и все также продолжалъ оставаться и впередъ беззащитнымъ въ этомъ отношеніи. Я расскажу здѣсь нѣсколько случаевъ, иллюстрирующихъ натуру этого душевнаго и крайне непрактичнаго человѣка.

Первый случай едва не стоилъ жизни покойному Владиміру Викторовичу; о немъ онъ рассказывалъ неохотно, и я узналъ это совершенно неожиданно. Въ одномъ моемъ стихотвореніи «Самоубійца», напечатанномъ въ «Дѣлѣ», стояла слѣдующій эпиграфъ изъ Марка Аврелія: «Оставить жизнь, когда она дѣлается несносной, нисколько не труднѣе, чѣмъ выйти изъ комнаты, въ которой дымить». Цензоръ Юферовъ («Дѣло» издавалось подъ цензурою) исключилъ этотъ эпиграфъ, — и я, встрѣтивъ какъ-то Чуйко, рассказалъ ему объ этомъ казусѣ, упомянувъ и эпиграфъ Марка Аврелія... Лицо Владимира Викторовича вдругъ измѣнилось, стало серіознымъ, мрачнымъ, и онъ, сильно жестикулируя руками, — что было въ немъ всегда признакомъ большаго волненія, — проговорилъ:

— Маркъ Аврелій высказалъ свой личный взглядъ на жизнь, — и его сочѣту не легко иногда слѣдовать...

Затѣмъ, я узналъ вотъ что. Въ 60-хъ годахъ, во время проживания покойнаго въ Генуѣ, онъ, по своей непрактичности, допустилъ постепенно до того, что пришлося, наконецъ, въ буквальномъ смыслѣ умирать съ голоду... Дѣло въ томъ, что, предъ отправленіемъ за границу, Владиміръ Викторовичъ, побывавъ въ друхъ редакціяхъ боль-

шихъ петербургскихъ газетъ и заполучивъ ихъ согласіе печатать его заграничныя корреспонденціи и высыпать ему гонораръ, вполнѣ понадѣялся на эти розовыя обѣщанія и, имѣя въ карманѣ всего 300 рублей, преснокойно уѣхалъ въ свое заграничное странствованіе. Сначала дѣло шло хорошо: онъ, посѣща Сорбонну, пописывалъ изъ Парижа; его письма печатали и высыпали ему скромный, того времени, гонораръ. Но уже и въ Парижѣ Чуйко сталъ замѣтить, что далеко не все его письма появлялись въ печати: или они перлюстрировались и не доходили по назначенню, или же редакція почему либо не находила возможнымъ печатать ихъ. Затѣмъ, съ переѣздомъ въ Швейцарію, а послѣ въ Италію, самъ Чуйко сталъ уже писать рѣже. Оставилъ свою молодую супругу въ Миланѣ, онъ поѣхалъ одинъ въ Геную, — и вотъ тутъ-то онъ и очутился въ крайне бѣдственномъ и безвыходномъ положеніи. Идти за пособиемъ въ консульство или же обращаться къ какимъ нибудь богатымъ соотечественникамъ — для Чуйко, по его натурѣ и характеру, было немыслимо; заработать что нибудь въ Генуѣ литературнымъ трудомъ оказалось тоже невозможно, — и дѣло кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное итальянское утро генуэзская полиція нашла подъ колоннадой одного изъ храмовъ молодого человѣка, иностранца, въ состояніи, близкомъ къ смерти. Когда его доставили въ больницу, то врачи констатировали крайнее истощеніе организма, вслѣдствіе продолжительного голода... Уже потомъ его выручила прѣѣхавшая изъ Милана Наталья Павловна, его молодая жена, — и они вскорѣ вернулись въ Россію. Произошелъ этотъ случай въ концѣ 1871 г., то-есть въ годъ женитьбы Владимира Викторовича, которая состоялась въ Женевѣ.

Второй случай произошелъ уже на моихъ глазахъ, вскорѣ же послѣ моего первого знакомства съ Чуйко. Случилось это, благодаря крайней любезности покойнаго и его безотказности. Многіе гг. литераторы позволяли себѣ злоупотреблять этими слабыми сторонами характера Владимира Викторовича, преподносили ему, какъ журнальному обозрѣвателю вліятельной газеты, свои сочиненія и книжки, прося, какъ водится, «обратить на нихъ благосклонное вниманіе»... Тогда, въ ноябрѣ 1875 года, нѣкто В—скій, имѣвшій книжный магазинъ, купилъ и издалъ въ свѣтъ собраніе сочиненій иѣкоего г. Ш., литератора беллетриста, не лишенаго таланта, но всегда крайне тенденціознаго въ своихъ произведеніяхъ. Авторъ долго заискивалъ предъ Чуйко и, наконецъ, сумѣлъ склонить покойнаго и взялъ отъ него обѣщаніе написать объ его вышедшихъ сочиненіяхъ. По своему добродушію и безотказности, Владимиръ Викторовичъ исполнилъ свое обѣщаніе, не разсчитавъ, однако, того и не пожелавъ сообразоваться, что въ редакціи «Голоса» не долюбливали Ш.—именно за его тенденціозность. И вотъ, появляется въ одинъ изъ четверговъ обычный фельетонъ В. В. въ «Голосѣ», но очень коротень-

кій безъ упоминанія о сочиненіяхъ Ш.; а между тѣмъ, въ оглавлениі фельетона, между прочимъ: стояло: «Полное собраніе сочиненій Ш., изданіе Б—скаго». Было очевидно, что авторъ фельетона, г. X. Y. Z., (т. е. Чуйко), говорилъ объ изданныхъ сочиненіяхъ Ш., а редакція исключила все это, но второпяхъ позабыла сдѣлать соотвѣтствующую купюру и въ оглавлениі фельетона... Эта выходка редакціи «Голоса» ставила, конечно, автора фельетоновъ «Очерки литературы» въ крайне неловкое положеніе. Чуйко пріостановился писать дальше, полагая, что редакція, нуждаясь въ немъ, какъ въ талантливомъ сотрудникѣ, сама первая пойдетъ на компромиссъ. Но вышло иначе: положеніе В. В. ухудшилось еще болѣе при появленіи слѣдующаго очередного фельетона «Голоса», съ тѣми же «Очерками литературы», но въ которыхъ «Собраніе сочиненій Ш.» подвергалось совсѣмъ уже иной оцѣнкѣ и довольно безпощадной—по ихъ дѣйствительной стойности и достоинству. Подъ фельетономъ стояла уже и иная подпись—г. Лароша. Такимъ образомъ, благодаря, съ одной стороны, своему добродушію, а съ другой—назойливости пріятеля, покойный В. В. потерялъ въ «Голосѣ», въ концѣ 1875 года, солидное мѣсто еженедѣльного журнального и литературнаго обозрѣвателя.

Третій случай «непрактичности» В. В., мнѣ известный, произошелъ менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ исторіи съ «Голосомъ», именно лѣтомъ 1877 года.

Этотъ довольно интересный «случай» произошелъ такъ. Въ началѣ 1876 года, я перѣхалъ въ Петербургъ, по приглашенію моего давняго товарища и друга, редактора-издателя «Живописнаго Обозрѣнія», отставнаго артиллерійскаго офицера, Д. А. Карчъ-Карчевскаго. Въ 1863 году, Карчевскій, какъ полякъ, выйдя въ отставку, принялъ участіе въ возстаніи и, по разбитію отряда, въ которомъ онъ находился, успѣлъ перейти границу и эмигрировать въ Америку. Затѣмъ, воспользовавшись двумя милостивыми манифестами (1866 и 1868 гг.), вернулся въ Россію, въ Петербургъ; здѣсь, встрѣтившись и познакомившись съ собственникомъ «Живописнаго Обозрѣнія» и его редакторомъ, Н. И. Зуевымъ, имѣлъ неосторожность дать ему взаймы 12.000 рублей. Этихъ денегъ Зуевъ не возвратилъ, а предоставилъ Карчевскому взять за долгъ его умирающій въ то время журналъ. Вотъ, въ этотъ-то журналъ Карчевскій, будучи утвержденъ редакторомъ-издателемъ, и пригласилъ меня для завѣдыванія редакціей. Болѣе года я велъ дѣло, но, по непривычкѣ къ здѣшнему климату, постоянно хворалъ и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ-таки уѣхать куда нибудь на югъ, въ провинцію. Въ апрѣлѣ 1877 года, я получилъ мѣсто мирового судьи, по назначенію отъ правительства, въ Подольской губерніи, и сталъ подыскивать себѣ, какъ принято выражаться, преемника. По соглашенію съ Карчевскимъ, мы остановились на В. В. Чуйко, который и согласился принять на себя редакторскія тяготы—за тѣ же двѣ тысячи рублей въ годъ, которые по-

лучалъ и я. Надо замѣтить еще, что въ это самое время покойный В. В. редактировалъ, неофициально же, Микѣшинскую «Пчелу»; но такъ какъ оба изданія были еженедѣльныя, то и не представлялось, повидимому, большихъ неудобствъ этого совмѣстительства,—и В. В. былъ чрезвычайно доволенъ, что получилъ постоянная журнальная занятія при ассюрированномъ, опредѣленномъ вознагражденіи. Но — увы!—это продолжалось недолго... Лѣтомъ того же 1877 года, онъ перебѣхалъ на дачу въ Знаменку, а Карчевскій, завѣдывавшій всею хозяйственными частию журнала, — на станцію Сиверскую, совсѣмъ въ другой бокъ отъ Петербурга; постоянно сноситься редактору съ издателемъ было, конечно, довольно трудно,—и вотъ, въ результатахъ дачной жизни вышло то, что нумера «Живописнаго Обозрѣнія» стали запаздывать выходомъ въ свѣтъ, чѣмъ и воспользовались нѣкоторые ловкие господа, поспѣшивши оттереть Чуйко отъ редакціи названного журнала совсѣмъ и захватить эту редакцію въ свои руки. А вскорѣ прекратилась и «Пчела»,—и опять В. В.—этотъ литературный труженикъ не отъ мѣра сего — остался не у дѣлъ и безропотно перешелъ на амплуа «случайного» сотрудника разныхъ журналовъ и газетъ и, между прочимъ, того же «Живописнаго Обозрѣнія»...

А насколько это «случайное» сотрудничество было подчасъ тяжело для Чуйко и неблагодарно, можно судить, напримѣръ, по слѣдующему факту, подтвержденіе котораго мнѣ довелось слышать еще разъ, уже послѣ смерти В. В., отъ его близкихъ родныхъ. Оказывается, что въ «Новостяхъ» Чуйко сталъ сотрудничать тотчасъ же по переходѣ ихъ въ руки г. Нотовича, завѣдуя тамъ критическими отдѣломъ, художественнымъ и, въ экстренныхъ случаяхъ, театральнымъ. При этомъ, онъ получалъ всего по 3 к. за строку; по крайней мѣрѣ, этотъ именно гонораръ онъ согласился получать за свои статьи о Россіи, чтобы только имѣть возможность высказаться о геніальной игрѣ знаменитаго артиста¹⁾.

Послѣдній, известный мнѣ (а сколько я не знаю!..) случай крайней «непрактичности» покойнаго Чуйко произошелъ всего два года тому назадъ. В. В. было въ это время уже 58 лѣтъ; много, конечно, было литературного опыта и знанія, но давала чувствовать себя и наступившая старость: онъ уже не могъ работать по 12-ти и болѣе часовъ въ сутки, какъ случалось работать прежде... Въ это-то время и улыбнулась ему судьба-мачиха: онъ былъ приглашенъ г. А. Вольфомъ и утвержденъ главнымъ управлениемъ по дѣламъ печати редакторомъ въ основанную г. Вольфомъ газету «Лучъ», съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей въ годъ и очень необременительными обязательными работами. Кажется, ужъ какого бы лучше

¹⁾ Свѣдѣнія эти сообщаются мною со словъ жены покойнаго, И. И. Чуйко. И. З.

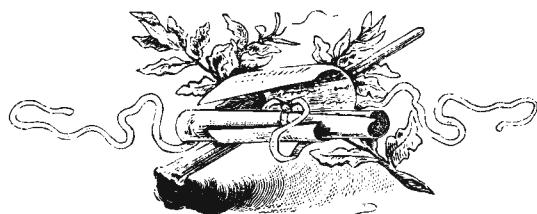
желать положенія?!. Но вся бѣда, какъ оказалось потомъ, произошла все отъ той же «непрактичности» Чуйко, не выговорившаго себѣ, заранѣе, тѣхъ прерогативъ, которыя довлѣли ему, какъ «редактору». Г. Вольфъ, пригласивъ, формальнымъ договоромъ, Чуйко въ редакторы «Луча», не предоставилъ ему обычнаго, въ такихъ случаяхъ, права пригласить и подобрать извѣстный ему, редактору, составъ сотрудниковъ, по отдѣламъ, а сдѣлалъ этотъ подборъ самъ, помимо соглашенія съ В. В. Результаты этого редакціоннаго дуализма не преминули сказаться очень скоро. Пропло всего нѣсколько мѣсяцевъ, — и добродушнаго Владимира Викторовича стали вызывать «на объясненія»—въ цензурный комитетъ... А тамъ онъ весьма наивно, въ простотѣ своей искренней души, сталъ объяснять, что погрѣшности газеты, замѣченныя въ такомъ-то и такомъ-то отдѣлѣ, до него, Чуйко, вовсе не касаются, такъ какъ онъ не завѣдуется этими отдѣлами въ «Лучѣ», и не онъ приглашалъ лицъ, руководящихъ этими отдѣлами... Въ концѣ концовъ, пришлось, конечно, распроститься и съ редакторствомъ въ «Лучѣ»—и перейти, по-старому, на тяжелую роль «случайнаго» сотрудника петербургскихъ журналовъ и газетъ.

Рѣдкій человѣкъ могъ относиться къ своимъ неудачамъ и литературнымъ злоключеніямъ съ такимъ добродушiemъ и чисто-евангельскимъ незлобiемъ, съ какими относился въ этихъ случаяхъ Чуйко. Даже болѣе: онъ такъ юмористично, съ такимъ добрымъ, милымъ и заразительнымъ смѣхомъ, жестикулируя, по обыкновенію, пальцами, рассказывалъ самъ объ этихъ злоключеніяхъ, что невольно заставлялъ и слушателя, прежде всего, улыбаться... На его журфиксахъ, въ началѣ 1877 года (въ домѣ на площади Александрина театра, черезъ домъ отъ теперешняго Кредитнаго общества, въ самомъ углу), собирались очень многiе; радушie хозяевъ и разностороннія познанія самого В. В. въ сфере изящныхъ искусствъ дѣлали вечера его чрезвычайно интересными, такъ что иногда гостямъ приходилось засиживаться до разсвѣта. Я помню на этихъ вечерахъ Д. В. Григоровича, П. Д. Боборыкина, покойныхъ Н. И. Шульгина, П. И. Пашино и Карчъ-Карчевскаго, художника-литератора Н. Александрова, поэта Омулевскаго, В. И. Данченко, А. К. Шеллера, В. В. Иностраницева, А. Аксакова, М. А. Антоновича, В. И. Жуковскаго и мн. др. Не мало содѣйствовала оживленію этихъ вечеровъ и Наталья Павловна Чуйко, жена покойнаго писателя, бывшая постоянной ему помощницей и сотрудникницей на трудномъ и тернистомъ литературномъ поприщѣ. Въ Петербургѣ, среди писательской братіи, не легко было встрѣтить такие милые, радушные и интересные журфикссы, какъ тѣ, что существовали въ квартире Чуйко, 22 года тому назадъ,—и даже теперь, когда прошли съ того времени цѣлые десятилѣтія, я съ особыеннымъ удо-

вольствіемъ вспоминаю милыхъ, радушныхъ хозяевъ, встрѣчавшихъ настъ, шумныхъ гостей, въ своей скромной, уютной квартирѣ.

Мои краткія воспоминанія о покойномъ В. В. Чуйко, конечно, не полны. Найдутся, несомнѣнно, люди, знавшіе этого литературнаго труженика ближе, чѣмъ я, и которые, можетъ быть, напишутъ о немъ болѣе и обстоятельнѣе. Статья моя пишется наскоро — съ тѣмъ, чтобы она могла попасть въ майскую книгу журнала; а потому и прошу не видѣть въ ней ни подробной біографіи покойнаго, ни подробныхъ о немъ «воспоминаній», которыхъ, по нѣкоторымъ причинамъ, даже и преждевременны.

Ив. Захаринъ (Якунинъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Издание географического отдѣленія императорскаго общества естествознанія, антропологии и этнографіи. М. 1889.

ВІШНІНОЕ изслѣдованіе нашего извѣстнаго путешественника-этнографа составляетъ замѣтное явление въ литературѣ, посвященной разработкѣ эпическихъ преданій въ широкомъ смыслѣ. Поставивъ себѣ широкую задачу изслѣдовать тѣ формы, въ которыхъ проявлялось эпическое творчество кочевыхъ народовъ Востока и культурнаго Запада, съ точки зрѣнія ихъ общности и происхожденія, г. Потанинъ пришелъ къ заключенію, что и восточно-ордынскій эпосъ и средневѣковой западный развились изъ одного общаго источника, но разошлись уже въ очень древнюю эпоху, разошлись постепенно, вмѣстѣ съ разселеніемъ племенъ, не переставая и впослѣдствіи, въ историческое время, влиять другъ на друга и «обмѣниваться эпическими материалами». Восточный эпосъ, отъ которого вѣтъ ароматомъ степи и привольной бродячей жизни, сохранилъ болѣе непосредственныхъ, древнихъ чертъ, и къ нему, какъ къ первобытному источнику, восходить многіе сюжеты его отдаленнаго культурнаго сородича.

Основная легенда, въ которой, какъ въ фокусѣ, сходятся схематическая темы безконечнаго множества эпическихъ вариантовъ, заключаетъ въ себѣ преданіе о сотвореніи мира. Творецъ создаетъ міръ, но одной собственной силы ему мало; ему нуженъ помощникъ, и помощникомъ этимъ является его соб-

ственний сынъ. По окончаніи творенія между отцомъ и сыномъ происходитъ споръ изъ-за обладанія міромъ. Изъ легенды объ этомъ спорѣ пошли мотивы, съ одной стороны о бой отца съ сыномъ, отразившися и въ нашихъ былинахъ обѣ Илья Муромецъ и сказкѣ «Ерусланъ Лазаревичъ», а съ другой—сказанія о спорѣ иного рода, принимавшемъ форму пренія проповѣдниковъ о вѣрѣ, въ родѣ того, который, по лѣтописи, имѣлъ мѣсто у кн. Владимира Св. передъ принятиемъ христианства. Въ разнообразныхъ развитіяхъ этой легенды отцу и сыну придавались различные имена; иногда имя, въ одной легендѣ приданное сыну, въ другой переносилось на отца и наоборотъ. Таково было имя Чингисъ, которое прилагалось то къ сыну, то къ отцу; во второмъ случаѣ сынъ получаетъ имя Орусь или Урусланъ, Хасарь или Гэсэръ и др. Оно отожествляется въ извѣстныхъ случаяхъ съ Арья-бало, буддийскимъ божествомъ, и тогда отличается двойнымъ характеромъ, являясь то благимъ, то суровымъ, но всегда борющимся противъ Творца.

Дальнѣйшія видоизмѣненія этого мотива производятъ Творца, царя неба, на степень земного царя. Твореніе міра замѣняется военнымъ походомъ, въ которомъ сынъ выручаетъ отца изъ затруднительного положенія. Затѣмъ сюда вплетаются мотивы о гоненіяхъ и обидѣ царевича, о заговорѣ братьевъ противъ него. Онъ подвергается разнаго рода униженіямъ; по нѣкоторымъ сказаніямъ дѣтство его проходитъ въ низкой средѣ. Но въ концѣ концовъ права его становятся, въ иныхъ версіяхъ — не безъ вмѣшательства чуда; царевичъ торжествуетъ надъ врагами и добываетъ «залогъ счастья».

Это канва ордынского эпоса; на ней вышиты безчисленные узоры, измѣнчивые и капризные, блестящіе яркостью восточныхъ красокъ. Они находять себѣ болѣе или менѣе близкія параллели въ средневѣковыхъ эпическихъ сказаніяхъ, пріуроченныхъ къ имени Карла, въ передѣлкахъ книжного свойства и, между прочимъ, въ русскихъ былинахъ и сказкахъ. Приводя ордынскія параллели, авторъ однако не всегда настаиваетъ на ихъ прямой преемственности отъ ордынскихъ образцовъ, но сходство сюжетовъ указываетъ ему на ихъ единый источникъ. «Если я относительно нѣкоторыхъ преданій,—говорить г. Потанинъ,—высказываюсь за ихъ происхожденіе прямо и признаю ихъ пересадку изъ Азіи въ Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни разу не указываю на пересадки какого либо преданія изъ Европы въ Азію, это, разумѣется, не можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что я вообще признаю средне-азіатскую степь за родину средневѣкового эпоса». Авторъ приписываетъ ордынцамъ, въ частности, народности уйгуровъ, видную роль въ пересадкѣ послѣдняго съ востока на западъ.

Въ такъ называемомъ романѣ авторъ указываетъ цѣлый рядъ сходныхъ мотивовъ и нѣкоторые изъ нихъ рассматриваетъ въ преемственной зависимости отъ ордынскихъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ западно-европейскомъ (средневѣковомъ) романѣ о Карлѣ дѣтство его напоминаетъ нѣкоторыми чертами восточная сказанія; онъ терпитъ обиды и гоненія отъ братьевъ и вынужденъ искать защиты у короля Галафра, которому онъ оказываетъ значительныя услуги въ войнѣ съ врагами; благодарный Галафръ помогаетъ ему, въ свою очередь, вернуться во Францію, отомстить своимъ обид-

чикамъ и занять престолъ. Затѣмъ благочестивый Карль совершаеть путешествіе въ Іерусалимъ и Константинополь; въ священномъ городѣ онъ получаетъ въ даръ отъ патріарха драгоцѣнныя святыни, соотвѣтствующія «залогу счастья» ордынскихъ легендъ. Отголосками восточныхъ сказаний, такъ сказать, наполнены поэтическія преданія Запада (въ томъ числѣ и Россіи). Г. Потанинъ указываетъ ихъ въ средневѣковыхъ легендахъ о волшебникѣ Виргиліѣ, въ финской Калевалѣ, въ романѣ объ Аполлоніи Тирскомъ, въ нашихъ былинахъ и книжныхъ сказанияхъ, въ Голубиной книгѣ и даже — начальной лѣтоисци.

Въ своемъ послѣсловіи авторъ заявляетъ, что онъ — не филологъ и не ориенталистъ, говоритъ о своемъ «неумѣніи» ориентироваться въ специальной литературѣ. «Если главныя положенія моей книги, допускаетъ онъ, и не будутъ приняты наукой, то все-таки, я надѣюсь, нѣкоторыя детали моей работы пригодятся для нея».

Намъ думается, что трудъ г. Потанина будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ то, какое придаетъ ему самъ авторъ. Приводя послѣдовательно и рѣшительно идею объ единствѣ эпосовъ Запада и Востока, онъ всегда имѣетъ въ виду современное состояніе въ наукѣ того или другого вопроса и принимаетъ во вниманіе мнѣнія авторитетныхъ лицъ. Но онъ не подчиняется чужимъ взглядамъ, и новое освѣщеніе той или другой фольклористической проблемы является у него одною изъ главныхъ задачъ. Детальная критическая пропрѣка отмѣтить, безъ всякаго сомнѣнія, крупныя достоинства изслѣдованія г. Потанина, но, можетъ быть, и не менѣе крупные недостатки, среди которыхъ прежде всего подвергнется упреку методологическая сторона работы, необоснованность нѣкоторыхъ выводовъ, слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ кажущемуся сходству параллелей. Весьма возможно, что критика сильно расшатаетъ мостики, перекинутые авторомъ съ восточного берега на западный, но она же признаетъ за нимъ ту заслугу, что онъ впервые представилъ наиболѣе полный и систематизированный по темамъ сводъ ордынскихъ сказаний, значительно облегчающій дальнѣйшую работу.

Трудъ Г. Н. Потанина, по нашему убѣжденію, будетъ содѣйствовать новому пересмотрю «восточной» гипотезы, которая имѣетъ за собой длинную исторію, но все еще составляетъ спорный вопросъ нашей фольклористической науки.

Л.

Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора Н. И. Барсова. Спб. 1899.

Авторъ, бывшій профессоръ здѣшней духовной академіи по каѳедрѣ гомилетики, въ своемъ новомъ сборникѣ отдѣльныхъ статей и монографій, который является продолженіемъ его «Историческихъ и критическихъ опытовъ», появившихся въ 1879 г., даетъ нѣсколько этюдовъ по своей специальности. Такой же, до нѣкоторой степени специальный, характеръ носятъ его статьи о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній и о выдающихся церковныхъ дѣятеляхъ недавнаго прошлаго. Правда, эти статьи представляютъ нѣкоторый интересъ и не для специалистовъ. Авторъ просто и ясно говоритъ о предметѣ

тахъ, мало извѣстныхъ такъ называемому образованному обществу, въ излишнія тонкости не вдается и пересыпаетъ свою рѣчь остроумными замѣчаніями и любопытными подробностями, которыхъ цѣнны и сами по себѣ. Для большинства читателей гораздо интереснѣе статьи автора по общимъ вопросамъ, для пониманія которыхъ не нужно специальной подготовки. Здѣсь, въ «Историческихъ изслѣдованіяхъ» автора, заслуживаютъ полного вниманія любопытные и цѣнныя страницы, посвященные «Декамерону» Боккаччо и одному изъ романовъ Вольтера — «Цадигъ». Повидимому, что общаго можетъ быть между остроумнымъ, на половину языческимъ, произведеніемъ итальянского гуманиста и «Пиромъ десяти дѣвъ» св. Меѳодія Тирскаго, назидательнымъ произведеніемъ начала IV в., где собрано десять проповѣдей, изложенныхъ въ діалогической формѣ, «въ защиту дѣвства и щемлудрія, причемъ въ каждомъ новомъ монологѣ разъясняется какая либо новая черта изъ числа достоинствъ христіанскаго дѣвства»? Но авторъ очень удачно отмѣтилъ и подчеркнулъ здѣсь черты несомнѣннаго сходства, какъ по общему замыслу работы, то вѣнчаній рамкѣ сборника легендъ и новелль, такъ и по манерѣ вести разсказъ, пересыпая его поучительными сентенціями. Но совпаденіе идетъ еще дальше. Оказывается, что два сборника, между которыми лежить промежутокъ времени въ десять вѣковъ, совпадаютъ и по фактическимъ подробностямъ, — если не фабулы (чего нѣть), то наблюдательности двухъ писателей. «Описывая эпизодически въ своемъ «Пирѣ» жизнь супружескую, — замѣчаетъ г. Барсовъ, — Меѳодій входитъ въ такія детали физиологической стороны супружества, которыхъ, можетъ быть, должны быть признаны не совсѣмъ умѣстными въ религіозномъ разсужденіи настыря церкви, тѣмъ болѣе, что эти детали разсказываются и описываются у Меѳодія устами непорочныхъ дѣвъ, для которыхъ эти свѣдѣнія слишкомъ специальны, какъ объ этомъ замѣтилъ еще архиеп. Филаретъ. Анатомическая и физиологическая подробности половыхъ отношеній, встрѣчающіяся у Меѳодія, въ наше время могутъ составлять достояніе лишь специальныхъ медицинскихъ аудиторій и не имѣютъ права гражданства въ сочиненіяхъ, назначенныхъ для общаго чтенія» (стр. 101). Черты сходства, отмѣченныя авторомъ съ этой стороны двухъ литературныхъ памятниковъ, при полномъ несходствѣ ихъ по духу, даютъ, можетъ быть, возможность глубже заглянуть въ тайники творчества остроумнаго мессера Джіованни. Не этимъ ли вліяніемъ объясняется тотъ эффектный, всегда достигающій цѣли пріемъ, которымъ любиль пользоваться итальянскій поэтъ? Та торжественная рѣчь, которую онъ начинаетъ многіе изъ своихъ разсказовъ, где онъ дасть назидательное поученіе, то сдержанное достоинство, съ которымъ онъ начинаетъ свое повѣствованіе о самыхъ соблазнительныхъ похожденіяхъ своихъ героевъ и геронь, — въ этомъ новомъ освѣщеніи приобрѣтаютъ новую силу комизма и новыя черты оригинальности. Было бы, конечно, смѣшно защищать автора «Декамерона» отъ обвиненія въ нѣкоторой нескромности; но и это обличеніе очень удачное и цѣнное, такъ какъ оно бросаетъ свѣтъ на процессъ его творчества, подчеркиваетъ силу его таланта и эффектъ его сарказмовъ. Поэтому только на этомъ основаніи едва ли можно сдѣлать слишкомъ рѣшительный и слишкомъ категорический выводъ, какой дѣлаетъ г. Барсовъ, будто бы Боккаччо

«преднамѣренно имитируетъ или, точнѣе говоря, пародируетъ «Пиръ Меноудія». Вся сила итальянского новеллиста заключалась именно въ томъ, что въ эпоху Возрожденія онъ былъ первымъ человѣкомъ нового врсмени, отъ легенды и сказки умѣль перейти къ живымъ типамъ, къ живымъ сценамъ итальянской жизни и въ старыхъ формахъ,—можетъ быть, заимствованная и у Меноудія,—влиялъ совершенно новое содержаніе. Ту же тему и ту же несоразмѣренность цѣнной справки съ слишкомъ широкимъ выводомъ слѣдуетъ отмѣтить и въ статьѣ автора о Вольтерѣ. Здѣсь авторъ сопоставляетъ романъ Вольтера «Цадигъ» (Zadig) съ «Римскими Дѣяніями» (Gesta Romanorum), которые въ свое время представляли также назидательное чтеніе. Совпаденіе и здѣсь оказывается очень любопытнымъ, но едва ли даетъ право сказать, что «въ романѣ «Цадигъ» вполнѣ отсутствуетъ личное художественное творчество самого Вольтера, такъ какъ онъ даетъ въ своемъ романѣ не болѣше, какъ точное, почти буквальное повтореніе того, что содержится въ «Римскихъ Дѣяніяхъ». Такъ пишутъ свои «задачи», называемыя громкимъ именемъ «сочиненій», школьніки лѣтъ 14—15, когда, заканчивая этимологію и синтаксисъ, переходятъ къ изученію теоріи сочиненія» (стр. 120). Все дѣло въ томъ, что здѣсь повтореніе, «почти буквальное», уже совсѣмъ не повтореніе. Но эти слишкомъ рѣшительные выводы отнюдь не лишаютъ цѣнности тотъ фактическій материалъ, который самъ по себѣ только подчеркиваетъ литературное мастерство великихъ мастеровъ слова, даетъ толчекъ мысли и открываетъ въ этомъ направленіи дорогу для новыхъ и цѣнныхъ изысканій. Въ виду этого историческіе этюды г. Барсова читаются съ большимъ интересомъ.

Н. С.

Н. П. Дружининъ. Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи. Спб. 1899.

Эта книга такъ же, какъ и вышедшее раньше «Общедоступное руководство къ изученію законовъ», представляетъ собою опытъ популяризациіи права. Цѣль автора «облегчить неподготовленному специальному читателю переходъ къ другимъ болѣе обширнымъ и глубокимъ трудамъ по соответствующимъ отраслямъ права». Чтобы придать своему «опыту» практическо-руководственное значение, г. Дружининъ излагаетъ законы въ особомъ «теоретическомъ освѣщеніи», въ извѣстной системѣ: «чтобы дальнѣйшее находило извѣстное объясненіе въ предыдущемъ, и чтобы всѣ излагаемыя понятія состояли между собой въ неразрывной органической связи». Сперва выясняются общія начала дѣйствующаго права, его важнѣйшія положенія и постановленія (понятіе о преступлѣніи, наказаніи; вмѣнляемость, невмѣнляемость преступного дѣянія, самооборона и пр.). Затѣмъ излагается соответствующій «раздѣлъ особенной части уголовнаго права» (преступленія противъ жизни, здоровья, личной свободы, чести и пр.), въ которой разсматривается, какъ охраняетъ законъ права и обязанности того или другого лица, того или другого сословія. Далѣе слѣдуетъ изложеніе законовъ, опредѣляющихъ частныя отношенія лица, гражданскія и имущественные. Заканчивается книга разсмотрѣніемъ другого «раздѣла особенного уголовнаго права», посвященнаго преступленіямъ, нарушающимъ

права гражданскія и имущественныя (преступленія противъ союза брачнаго, союза родителей и дѣтей, а также грабежъ, кражъ, мошенничество и т. д.). Такимъ образомъ въ книгѣ изложены не только общія положенія изъ области уголовнаго и гражданскаго права, но и разсмотрѣны всѣ наиболѣе часто встрѣчающіяся преступленія и проступки, въ силу чего книга г. Дружинина является справочною. Въ ней можно найти требуемыя справки по тѣмъ вопросамъ, на которые приходится часто наталкиваться въ жизни, какъ всякому частному лицу, такъ тѣмъ болѣе лицу, отправляющему ту или другую общественную должность. Нечего и говорить, насколько такая книга необходима всякому. Сколько было бы сохранено времени и расходовъ, если бы юридическія свѣдѣнія были болѣе распространены среди нашего населенія; зачастую обыватель обращается то въ одно, то въ другое судебнное учрежденіе съ совершенно неосновательной жалобой или прошеніемъ, не зная, что ни то, ни другое не имѣть достаточно законнаго основанія. При недостаточной юридической подготовкѣ должностнаго лица, дѣло обстоитъ еще хуже. Черниговскій губернаторъ Е. К. Андреевскій въ одномъ своемъ циркулярѣ говоритъ: «Чиновникъ, прослужившій нѣсколько лѣтъ и дослужившійся сравнительно до большого оклада, получивъ (надняхъ) отъ непосредственнаго своего начальника предложеніе составить для доклада записку, въ которой надлежало привести ссылки на соответствующія статьи закона, и принять для этого отъ того же начальника подлежащіе томы Свода, возвратилъ чрезъ три дня свою работу неоконченную, при чемъ выказалъ вполнѣ неумѣніе ориентироваться въ статьяхъ закона и подыскивать ту или другую статью даже въ раздѣлахъ одного и того же тома» Широкое распространеніе юридическихъ знаній среди населенія необходимо для установленія яснаго правосознанія, для утвержденія законовъ и точности ихъ примѣненія. Ради охраны общаго порядка и благополучія постоянно происходит борьба за право. Профессоръ Таганцевъ въ одной изъ своихъ лекцій говоритъ: «Прямой интересъ нормально организованнаго государства заключается въ развитіи у гражданъ сознанія неприкосновенности ихъ правъ, готовности защищать ихъ всѣми своими силами». Защита же правъ, разумѣется, возможна и желательна только на почвѣ знанія законовъ. Отъ степени юридического развитія и юридического просвѣщенія массы читателей зависитъ какъ качество материала печати, такъ и степень вліянія ея на общество. Такъ какъ публицистика занимается разработкой публичнаго права, касаясь въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, международныхъ, финансовыхъ, военныхъ, судебныхъ и др. правъ, то необходимо, чтобы элементы, понятіе о правѣ были извѣстны читателю.

Въ заключеніе можно указать только на незначительные пропуски въ отдѣлѣ гражданскаго права, такъ въ немъ ничего не говорится о plagiarismѣ, экспропрації, а о нѣкоторыхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, о находкѣ, сказано слишкомъ кратко. Г. Дружининъ пишетъ, что нашедшій вещь получаетъ отъ собственника ея въ награду третью часть стоимости ея, и при этомъ не прибавляетъ довольно важного, что за находку казенныхъ денегъ, предметовъ научныхъ экспедицій и нѣкоторыхъ другихъ вещей награды никакой не полагается.

Е—въ.

**П. Сабуровъ. Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ.
1866—1897. Спб. 1899.**

Изданные г. Сабуровымъ «матеріалы» представляютъ собою сводъ разнообразныхъ цифровыхъ таблицъ, выясняющихъ ростъ нашего бюджета за послѣднее тридцатилѣтие и движение государственного долга. Для тѣхъ, кто научился понимать и цѣнить сухой, но правдивый языкъ цифръ, книга г. Сабурова даетъ богатый и поучительный матеріаль для точныхъ выводовъ о тѣхъ сторонахъ экономической жизни нашего отечества, которые стоятъ въ непосредственной связи съ государственнымъ хозяйствомъ; для не привыкшихъ же безъ чужой помощи обращаться съ цифровыми матеріалами значительный интересъ могутъ представить тѣ 67 стр. текста, гдѣ авторъ сжато формулировалъ главнѣйшіе выводы, основанные на заключающихся въ книгѣ таблицахъ. Во всякомъ случаѣ книга г. Сабурова изобилуетъ въ высшей степени интересными данными, касающимися при томъ основныхъ и первостепенной важности вопросовъ финансового положенія нашей страны.

Главное вниманіе авторъ удѣлилъ, какъ сказано уже, нашему бюджету и стоящему съ нимъ въ связи государственному долгу. Для точнѣйшаго выясненія баланса государственной росписи г. Сабуровъ расчленилъ послѣднюю по составнымъ элементамъ, подраздѣливши государственные доходы и расходы на три отдельныя: обыкновенные доходы и расходы, затѣмъ—желѣзнодорожные, и наконецъ—по кредитнымъ операциямъ (займы, конверсіи, усиленіе размѣннаго фонда и т. д.). Этотъ приемъ далъ возможность г. Сабурову установить выводъ, что «государственные доходы съ избыткомъ покрыли всѣ обыкновенные расходы въ теченіе послѣднихъ тридцати двухъ лѣтъ, и что исключительной причиной нарушенія бюджетнаго равновѣсія надо считать усиленное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ» (стр. 11). Это «нарушеніе» выражается за 30 лѣтъ ни болѣе ни менѣе, какъ крупной цифрой три миллиарда рублей, т. е. около 98 милл. въ годъ. Хотя съ 1893 г. въ указанномъ отношеніи замѣтенъ поворотъ къ лучшему, однако даже при блестящихъ успѣхахъ нынѣшняго финансового вѣдомства «едва ли можно утверждать, что Россія наконецъ возвратилась къ нормальному и здоровому финансовому положенію, пока не улучшится балансъ желѣзнодорожныхъ доходовъ, и расходовъ». По мнѣнію г. Сабурова, убыточность для казны желѣзно-дорожного хозяйства объясняется тѣми неблагопріятными условіями, которыми обставлено было сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи: въ то время какъ, напримѣръ, въ Германіи и Франціи при обилии капиталовъ желѣзныя дороги сооружены частными предпринимателями безъ осеннаго обремененія казны,—у насъ, при отсутствіи капиталовъ, вся тяжесть желѣзнодорожного строительства пала на государственные средства, вслѣдствіе чего въ росписи съ такою устойчивостью держались довольно долгое время дефициты.

Переходя затѣмъ къ подробному обзору роста доходовъ и расходовъ государственныхъ по отдельнымъ статьямъ, г. Сабуровъ указываетъ главнѣйшія перемѣны, послѣдовавшія въ спустя нашей финансовой политики со времени Крымской войны и подготовившія тотъ крутой поворотъ въ воззрѣніяхъ на

наше финансовое положение съ 1887 г., которое авторъ считаетъ въ числѣ современныхъ событій однимъ изъ самыхъ поразительныхъ явлений. Извѣстно, въ какое печальное положеніе привела наши финансы Крымская война: пришлось удвоить количество кредитныхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи. Предпринятая въ 1863 г. попытка возстановить металлическое обращеніе въ странѣ оказалась неудачной, а это повліяло удручающимъ образомъ на настроение финансового управления, «потерявшаго рѣшимость вновь приняться за эту государственную задачу, пока возстановленіе валюты было еще возможно и, по мнѣнию нѣкоторыхъ специалистовъ, сравнительно легко» (стр. 19). Затѣмъ восточная война снова тяжело отразилась на положеніи нашихъ финансъ, такъ что потребовались долгіе годы, пока Россія оправилась отъ причиненного войной экономического разстройства. Въ началѣ 80-хъ гг. господствующимъ было мнѣніе, что Россія бѣдна, что ея средства не соответствуютъ ея міровому призванію. Лишь съ 1887 г. положеніе вещей улучшается: бюджеты принимаютъ болѣе благопріятный характеръ, русскіе фонды повышаются на европейскихъ биржахъ, а въ связи съ этимъ начинаетъ исчезать мрачный оттѣнокъ въ общественныхъ взглядахъ на экономическое положеніе страны. Въ экономическомъ мірѣ, — совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ настоящаго труда, — быть мѣста волшебству», — и надобно думать, что рядъ неблагопріятныхъ вѣнчаний событій не помѣшалъ все-таки экономическому росту государства.

Въ частнѣйшемъ обозрѣніи роста доходовъ вниманіе читателя невольно поражается гигантскимъ, можно сказать, увеличеніемъ поступлений по косвеннымъ налогамъ, которые въ общемъ за 32 года повысились съ 31 милл. до 195 милл., т. е. возросли въ $6\frac{1}{2}$ разъ; при этомъ сахарный, напримѣръ, доходъ увеличился въ 11 разъ за 21 годъ, табачный — въ 7 разъ за 32 года, нефтяной — въ 4 раза и съ зажигательныхъ спичекъ — въ 3 раза за 10 лѣтъ и т. д. Такимъ образомъ, государственные доходы довольно исправно поспѣвали за постоянно возраставшими государственными потребностями, требовавшими увеличенія расходовъ. Г. Сабуровъ далекъ отъ обычного пессимизма, сопровождающаго часто раздающіеся толки о такомъ крайнемъ напряженіи платежныхъ силъ страны. Напротивъ, по его мнѣнію, «такая эластичность въ государственныхъ рессурсахъ, не отстающихъ отъ постояннаго возрастанія государственныхъ нуждъ, служить непреложнымъ доказательствомъ постепенного подъема платежныхъ средствъ и следовательно народного богатства Россіи... И если слышатся жалобы о мѣстныхъ явленіяхъ, стоящихъ какъ бы въ противорѣчи съ вышеуказаннымъ фактамъ, то это доказывается, что народное богатство, вслѣдствіе разныхъ экономическихъ причинъ, не остается въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, но постоянно перемѣщается изъ однѣхъ рукъ въ другія» (стр. 43). Въ томъ, по мнѣнію автора, и состоитъ задача финансовой политики, чтобы постепенно сообразовать систему налоговъ съ этимъ происходящимъ не въ одной только Россіи кочеваниемъ богатства. Въ обнародованномъ недавно новомъ промысловомъ налогѣ и отмѣнѣ пошлины на ввозъ разныхъ земледѣльческихъ орудій авторъ видитъ прочное доказательство того, что наше финансовое вѣдомство руководствуется именно такимъ взглядомъ на задачи своей дѣятельности.

Что касается государственныхъ долговъ, то хотя общая сумма ихъ весьма значительна, но она, по мнѣнію г. Сабурова, «не представляетъ еще угрожающаго характера въ отношеніи къ разсчетному балансу и не превышаетъ средствъ государственного казначейства» (стр. 49). Весьма важны приведенные авторомъ въ заключительной главѣ данныя «объ упадкѣ податной силы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ», выясняющія между прочимъ причины экономического упадка центра. По расчету автора выходитъ, что на уплату налоговъ причитается 30% съ дохода, получаемаго отъ земли, а эта цифра далеко превосходить земельные налоги, существующіе въ другихъ государствахъ Европы, где при томъ указанная подать время отъ времени соразмѣряется съ доходностью земли. Неблагопріятное также вліяніе на крестьянское хозяйство оказывается существующій порядокъ взиманія податей, заставляющей крестьянъ продавать часть хлѣба по низкой цѣнѣ и затѣмъ покупать зимой тотъ же хлѣбъ по возвышенной цѣнѣ для собственного проитанія. Устраненіе этихъ неблагопріятныхъ условій г. Сабуровъ считаетъ главнейшимъ пунктомъ всякой будущей реформы, предпринятой въ цѣляхъ улучшения экономического положенія крестьянъ.

Таковы главнѣйшия выводы разсмотриваемаго труда, основанные на внимательномъ изученіи цѣлой группы цифровыхъ столбцовъ, рисующихъ положеніе государственного и народнаго хозяйства. Входящія въ составъ книги таблицы обработаны авторомъ по даннымъ частью государственного контроля, частью центрального статистическаго комитета и канцеляріи комитета министровъ. Всѣхъ таблицъ пятьдесятъ одна.

К. X—чъ.

**Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн.
П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812 — 1819. Изданіе
графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями
В. И. Сайтова. Сиб. 1899.**

Графъ С. Д. Шереметевъ приступилъ къ изданію принадлежащаго ему очень обширнаго архива князей Вяземскихъ. Литературное наслѣдство, оставленное княземъ П. А. Вяземскимъ, должно представлять собой большой интерес для всякаго интересующагося исторіей русской литературы, и потому опубликованія его нельзя не привѣтствовать тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ предпословія графа С. Д. Шереметева, «общирность этого собранія и его разнообразіе не могутъ служить препятствиемъ къ осуществленію задуманнаго дѣла изданія всего архива».

Передъ нами первый томъ этого изданія. Большая книга, въ 700 слишкомъ страницъ, заключаетъ въ себѣ начало переписки князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, съ 1812 по 1819 годъ. Письма, вошедшія сюда, имѣютъ значеніе главнымъ образомъ для характеристики того и другого корреспондента и представляютъ особенный интересъ потому, что даютъ материалъ для портрета, хотя очень извѣстнаго, но лишь «по слухамъ» А. И. Тургенева. Объ этомъ человѣкѣ мы больше «слышали», больше знаемъ со словъ его дру-

зей, нежели отъ него самого. Письма его прольютъ новый свѣтъ на его личность, дадутъ возможность выяснить его характеръ и опредѣлить ту роль, которую онъ игралъ въ современныхъ ему литературныхъ кружкахъ. Въ пе-ріодъ времени, къ которому относятся вошедшиа въ настоящій томъ письма, Тургеневъ занималъ уже довольно видный служебный постъ, быть солиднымъ человѣкомъ, и потому его письма отличаются серьезностью и сдержанностью, которая особенно ярко бросается въ глаза при сопоставленіи съ остроумными, всегда шутливыми, пересыпанными массой эпиграммъ и каламбуровъ письмами его юнаго друга, князя П. А. Вяземскаго, только что начинавшаго свою слу-жебную и литературную дѣятельность. Для характеристики обоихъ корреспон-дентовъ, какъ уже замѣчено выше, письма эти имѣютъ большое и преимуще-ственное значеніе. Эпоха въ нихъ отразилась мало. Изрѣдка встрѣчаются въ нихъ свѣдѣнія о современной журналистикѣ, сообщаются нѣкоторыя интимныя подробности о жизни современныхъ писателей — В. А. Жуковскаго, В. Л. Пушкина, Карамзина и др., отмѣчено два три подвига цензуры, много гово-рится о полякахъ и общественной жизни въ Варшавѣ. Несомнѣнно, что осталъ-ная часть переписки, которая заканчивается 1845 годомъ, и составить еще три столь же объемистыхъ тома, представить больше общаго интереса, такъ какъ отразить въ себѣ и болѣе живое въ многихъ отношеніяхъ время.

Помимо новаго матеріала, настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ еще очень обширныя, занимающія добрую половину книги, примѣчанія, составленныя В. И. Саптovымъ. Историки литературы прекрасно знаютъ, что значитъ «при-мѣчанія» г. Саптова по тѣмъ замѣчательнымъ комментаріямъ, которые онъ сдѣлалъ къ сочиненіямъ поэта Батюшкова. Не разъ высказывалось пожеланіе, чтобы эти примѣчанія, составляющія строго говоря фактическую исторію рус-ской литературы за Батюшковскій періодъ времени, были изданы отдельно. Примѣчанія къ перепискѣ Тургенева съ княземъ Вяземскимъ обладаютъ тѣми же достоинствами. Они не только объясняютъ каждое имя, каждый фактъ, но даютъ самыя точные, подробные и тщательно составленные біографические очерки и литературныя справки, съ точнымъ указаніемъ на литературу того или иного вопроса. Если весь Остafьевский архивъ будетъ изданъ съ такими «примѣчаніями», то это будетъ такимъ капитальнымъ изданіемъ, которое сдѣлается необходимымъ и настольнымъ для всякаго занимающагося исторіей литературы.

Вл. Бояновскій.

М. Ковалевскій. Экономіческій ростъ Европы до возникновенія капиталистического производства. Томъ I-й. М. 1898.

М. М. Ковалевскій занимаетъ крупное мѣсто среди выдающихся современ-ныхъ юристовъ. Всѣ его работы направлены къ выясненію отношенія между политическимъ строемъ и соціально-экономическимъ въ развитіи человѣческихъ обществъ. Одинъ изъ его послѣднихъ, капитальныхъ трудовъ — «Происхожденіе современной демократіи», привель его теперь къ изученію прошлаго экономи-ческаго роста европейской гражданственности, къ тѣмъ условіямъ, которыхъ создали демократію. Въ недавно вышедшемъ 1-мъ томѣ его новаго труда, съ

необычайно широкой программой, М. М. Ковалевский повторяетъ, во многомъ, прежніе мысли и выводы, извѣстные читателямъ изъ его предыдущихъ трудовъ, въ особенности изъ его стокгольмскихъ лекцій («Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности»). Общинное землевладѣніе въ Западной Европѣ — вопросъ первостепенной важности и глубокаго интереса — вызывалъ много прекрасныхъ трудовъ, но вызвалъ и множество разнообразныхъ мнѣній. Ученые до сихъ порь не пришли къ какимъ либо окончательнымъ выводамъ относительно формы общинного землевладѣнія. Вотъ почему можно привѣтствовать появленіе сочиненія нашего знаменитаго ученаго, сильнаго именно въ области аграрныхъ отношеній средневѣковой Европы. Такъ какъ европейская гражданственность выросла изъ взаимодѣйствія германскаго и романскаго элементовъ и представляется въ прошломъ господство феодально-коммунальныхъ порядковъ, помѣстнаго и цехового хозяйства, то авторъ, держась этихъ рамокъ, даетъ въ вышедшемъ томѣ детальный анализъ натурального, помѣстнаго хозяйства. Основной взглядъ автора такой, что община есть древнѣйшая форма землевладѣнія. Это доказывается авторомъ множествомъ основательныхъ ссылокъ и подробнымъ анализомъ природы помѣстнаго хозяйства. Первый томъ распадается на двѣ части. Въ первой части разсмотрѣны римскіе и германскіе элементы, игравшіе роль въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины, выяснены причины торжества подворной собственности въ Европѣ. Для этого авторъ даетъ картину римскаго помѣстья и останавливается на хозяйственныхъ порядкахъ германцевъ въ эпоху Цезаря и Тацита, на землевладѣліи у франковъ, бургундовъ, вестготовъ, аллемановъ, баварцевъ и другихъ германскихъ племенъ, наконецъ, — землевладѣніи въ Италии и у англосаксовъ. Обзоръ этотъ отличается богатствомъ матеріала и оригинальнымъ освѣщеніемъ, особенно въ вопросѣ о землевладѣнії у лонгобардовъ, у которыхъ существовала мірская община, но не было основныхъ передѣловъ, а землевладѣніе существовало лишь съ временно исправляемыми нарѣзками полосъ въ разныхъ концахъ или поляхъ (333 стр.). Въ многомъ М. М. Ковалевскій расходится съ взглядами ученыхъ, а въ этомъ вопросѣ — съ проф. Виноградовымъ, написавшимъ диссертацию о происхожденіи феодальныхъ порядковъ въ Лонгобардской Италии. Вторая часть труда г. Ковалевскаго посвящена «Экономической сторонѣ процесса феодализаціи недвижимой собственности», изученію крупнаго землевладѣнія въ концѣ VIII вѣка и слѣдующихъ. Эта крупная собственность, какъ доказывается авторъ, есть основа возникновенія феодальной системы, и условій для послѣдней нѣть, гдѣ существуетъ частное или общинное землевладѣніе (408 стр.). Здѣсь авторъ картина изображаетъ процессъ феодализаціи и крупной собственности во Франціи и Англіи, вскрываетъ всю жизнь средневѣковаго помѣстья и даетъ въ высшей степени живой очеркъ аграрного строя средневѣковой Европы. Любопытны чрезвычайно главы, гдѣ авторъ анализируетъ поземельные отношенія въ Бретаніи, Бельгіи, Лангедокѣ и Нормандіи, очеркъ экономической истории которой имъ выдѣленъ въ особую главу. Въ этой главѣ авторъ дѣлаетъ выводы на основаніи незаданныхъ источниковъ сеньеральянаго права Нормандіи. Въ своемъ общемъ взгляде на экономический ростъ Европы, предисланномъ его сочиненію, проф. Ковалевскій называетъ

главнымъ факторомъ экономического развитія ростъ населенія, «большую или меньшую его густоту», а также обусловленную тѣмъ же ростомъ «большую или меньшую зависимость отдѣльныхъ национальныхъ хозяйствъ въ дѣлѣ производства и потребленія другъ отъ друга» (Вступлениe, VII). Въ исторіи и экономической литературѣ трудъ М. М. Ковалевскаго долженъ занять выдающееся мѣсто и сдѣлается, вѣроятно, обязательнымъ для всякаго интересующагося экономической стороной жизни Европы.

П. К—ій.

Что такое хороший урокъ. Извѣстіе съ учителями. Н. А. Бобровникова. Казань. 1898.

Въ этой книжкѣ затрагиваются вопросы, которые въ послѣднее время часто обсуждаются, какъ на страницахъ педагогическихъ и другихъ журналовъ, такъ и въ самомъ обществѣ: нужна ли особенная педагогическая подготовка для учителей, не слишкомъ ли много времени удѣляеть начальная школа на изученіе орѳографіи, въ ущербъ изученію строя и свойствъ русскаго языка, не пора ли уменьшить количество задаваемыхъ на домъ уроковъ и всю подготовку заданного производить въ классѣ? Относительно необходимости специальной подготовки для учителя, г. Бобровникова замѣчаетъ, что даже въ глубокую старину, много раньше, чѣмъ появилась въ свѣтѣ педагогика, были отличные учителя, между тѣмъ какъ теперь среди «присяжныхъ педагоговъ» приходится часто видѣть весьма посредственныхъ учителей. Объясняется это тѣмъ, что преподаваніе есть искусство и требуетъ особаго склада ума и способностей. Хорошій учитель долженъ имѣть добрую отзывчивую душу, горячую любовь къ дѣтямъ и ясныя представлениія по преподаваемымъ предметамъ; такой учитель безъ механическихъ пріемовъ будетъ успѣшно вести преподаваніе и явится не только учителемъ, но и воспитателемъ дѣтей.

Чрезмѣрное увлеченіе грамматикой, какъ средствомъ изученія орѳографіи, вызываетъ справедливые протесты въ педагогической литературѣ за послѣднее время. Вмѣсто того, чтобы поставить грамматику въ связь съ изученіемъ языка, преподаватели въ начальной школѣ всѣ занятія грамматикой сводятъ къ изученію орѳографіи. Въ своей книжкѣ авторъ высказываетъ твердое положеніе: «изученіе грамматики должно быть отдѣляемо отъ изученія орѳографіи». Правильное орѳографическое письмо есть «результатъ ассоціацій впечатлѣній слуховыхъ, зрительныхъ и графическихъ», и только «отчасти» оно исполняется на основаніи заученныхъ правилъ орѳографіи, при чемъ совершается довольно сложная работа подыскиванья въ памяти заученного правила и примѣненія его къ данному слову. По приведенному мнѣнію М. А. Малиновскаго, бывшаго помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ 20—30-хъ гг. ученики городскихъ училищъ писали лучше, чѣмъ теперь (въ концѣ 70-хъ гг.), благодаря тому, что учили тогда по буквослагательному способу, и ученики долгое время читали и перечитывали, а иногда и заучивали наизусть склады. Книга проходилась основательно, разучивалась; понятно, что при этомъ у учениковъ оставались въ памяти «ирочные слѣды», представление о томъ, какъ

нишутся слова въ книгѣ». Такъ какъ орографическое письмо есть дѣло науки и теоріи, то для изученія его необходимы два рода упражненій: 1) упражненіе для созданія «навыковъ письма»— списыванія не съ книги, а съ доски, словъ и выраженій, подобранныхъ учителемъ (грамматическое объяснительное списывание), и отчасти диктовка; 2) упражненія, ведущія къ выясненію грамматическихъ понятій и терминовъ. Это выясненіе, по мнѣнію автора, должно быть дѣлаемо не на урокахъ диктовки, а на урокахъ объяснительного чтенія, или на особыхъ урокахъ (разговорныхъ). Большой вредъ видить Бобровниковъ также въ практикующемся почти повсемѣстно въ школахъ приемѣ задавать ученикамъ письменныя работы въ формѣ пересказа прочитанныхъ статей, т. е. пересказа «чужихъ» мыслей по готовому плану. Такія сочиненія доставляютъ работу главнымъ образомъ памяти учениковъ. Нерѣдко случается, что послѣ «5—6 лѣтъ ежедневныхъ упражненій въ объяснительномъ чтеніи и въ переложеніи прочитанныхъ статей» ученики не могутъ изложить свои мысли о самыхъ простыхъ предметахъ. Почтенный авторъ рекомендуется пріучать дѣтей, какъ только они научнутъ учиться писать, къ самостоятельному изложению своихъ мыслей: слѣдуетъ «предлагать ежедневно три-четыре элементарныхъ сочиненія на самыя простыя темы, при этомъ ученикъ каждый разъ долженъ написать только одну фразу въ нѣсколько словъ». По мѣрѣ развитія учениковъ темы самостоятельныхъ сочиненій должны усложняться.

Чтобы поднять успѣшность занятій и общее развитіе дѣтей, улучшить ихъ приложеніе и поведеніе, необходимо, по мнѣнію г. Бобровникова, изгнать изъ школъ «безполезную» работу. Таковымъ безполезнымъ балластомъ, обременяющимъ дѣтей, является: 1) задаваніе уроковъ на домъ и 2) отсутствіе наглядности при преподаваніи. Въ отчетѣ вѣдомства Императрицы Маріи за 1895 г. напечатано, что запрещеніемъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ задавать уроки на понедѣльникъ было достигнуто увеличеніе успѣховъ учащихся. Мало того, неуспѣхи учениковъ еще вытекаютъ изъ невнимательности учителей къ особенностямъ дѣтскаго ума, которому чуждо отвлеченнѣе мышленіе. Синтетический способъ сужденія должно примѣняться при преподаваніи лишь въ той степени, въ какой онъ посиленъ возрасту и развитію дѣтей, такъ какъ ему болѣе свойственъ аналитический способъ разсужденія.

Въ статьѣ: «О преподаваніи русскаго языка въ инородческихъ школахъ», авторъ говоритъ, что усвоеніе инородцами русскаго языка возможно лишь при общемъ духовномъ подъемѣ учащихся. Если учителю удастся пробудить любознательность учениковъ къ духовной жизни русскаго народа, тогда они станутъ работать самостоятельно «не только въ школѣ, но и дома, и въ полѣ, и въ лѣсу,—всюду, гдѣ имъ выдается свободная минута»: нужно только, чтобы дѣти усвоили себѣ твердо, что русскій языкъ откроетъ предъ ними цѣлый новый міръ и широкую дорогу къ полезному труду.

Е—въ.

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археология Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ф. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анутина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898.

Переводъ сочиненія профессора чешскаго университета въ Прагѣ д-ра Л. Нидерле является какъ нельзя болѣе своевременнымъ, заполняя собой значительный пробѣлъ въ нашей культурно-исторической литературѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ появился переводъ сочиненія Лѣббока «Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества», долгое время служившаго лучшимъ научно-популярнымъ сочиненіемъ по первобытной исторіи человѣчества, прошло почти 25 лѣтъ, а въ этотъ промежутокъ времени наука значительно шагнула впередъ. Въ различныхъ европейскихъ странахъ усилившееся стремленіе къ изученію отдаленной старинѣ вызвало устройство новыхъ археологическихъ музеевъ и значительный приростъ новыхъ матеріаловъ къ коллекціямъ, уже нашедшимъ себѣ научное объясненіе. Важныя находки, добытыя путемъ многочисленныхъ раскопокъ въ разныхъ частяхъ Европы, расширили область изслѣдованія, повели къ новымъ сопоставленіямъ и гипотезамъ. Книга г. Нидерле представляеть собой попытку объединить въ себѣ результаты, добытыя предыдущими изслѣдователями, переработать ихъ, сообразно измѣнившимся требованиямъ, и внести въ сферу научного разсмотрѣнія тѣ новые данные, которыми овладѣла наука сравнительно въ недавнее время.

Сравнительно съ сочиненіемъ Лѣббока, давно уже ставшимъ библіографической рѣдкостью, трудъ г. Нидерле отличается еще однимъ важнымъ преимуществомъ: онъ заключаетъ въ себѣ сводъ прежнихъ и новыхъ работъ по древнейшій антропологии и археологии Европы не только Западной, но и Средней и Восточной, включая сюда и славянскія земли, даже Сибирь, Кавказъ, Малую Азію. Европейскіе изслѣдователи издавна обращали вниманіе на важное значение Востока при выясненіи источниковъ и элементовъ, изъ которыхъ складывалась древнѣйшая культура. Въ вопросахъ этого рода редактору книги принадлежитъ переработка нѣкоторыхъ главъ, напримѣръ, главы о бронзовомъ вѣкѣ, которая и въ книгѣ Лѣббока была недостаточно разработана, и добавление объ историческихъ древностяхъ Россіи, о русскихъ находкахъ предметовъ каменного и бронзового вѣка, о «чудской» культурѣ, о могильникахъ и курганахъ восточной, средней и южной Россіи.

Кромѣ переработки, получившей самостоятельное освѣщеніе подъ первомъ автора, въ книгѣ г. Нидерле нашли себѣ мѣсто и личные воззрѣнія на тѣ или другие вопросы, приводящіе нерѣдко къ гипотезамъ и догадкамъ, напримѣръ, относительно измѣненія физического типа славянъ въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ, относительно погребальныхъ обычаяевъ славянъ и др. Специальная критика укажетъ степень ихъ достовѣрности, но въ трудахъ, предназначенномъ для широкаго круга читателей, эти предположенія не играютъ видной роли.

Къ сожалѣнію, положеніе автора отличается мѣстами нѣкоторой растянутостью, которая особенно замѣтна въ очеркахъ общаго характера. Иное можно было бы сократить, а объ иномъ не упоминать и вовсе. Кому, въ самомъ дѣлѣ,

интересно считаться съ мнѣніями лицъ, не признающихъ ту или другую науку (въ томъ числѣ и археологію) наукой? Едва ли нужно въ обширномъ и ученомъ сочиненіи кому нибудь доказывать, что «доисторическая археология не заключается въ раскапываніи кургановъ», и что «и эта работа необходима, и тотъ, кто провелъ всю свою жизнь, выкалывая, рассматривая и описывая отдельныя находки, — хорошо исполнилъ свою задачу». Впечатлѣніе растянутости еще болѣе усиливается неудачнымъ переводомъ нѣкоторыхъ фразъ. «Очень естественно, читаемъ мы, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ введенія (стр. III), что особенно въ послѣднее время, когда национальные чувства получили такое развитіе (?), каждый невольно старается этому (чemu ?) содействовать и приносить свой вкладъ въ изученіе своего народа. Вѣдь мы постоянно видимъ, что чувство національности играетъ большую роль и въ археологии». Дѣло, какъ видите, идетъ о нѣмцахъ и чехахъ, а не о наукѣ, объективность которой одна только и гарантируетъ истину. И надо отдать честь безпредвзятому автору, онъ относится къ «тѣмъ» и «этимъ» ученымъ археологамъ снисходительно-добродушно. «Нѣть надобности доказывать, говорить онъ, что обѣ стороны бываютъ правы (мы бы сказали неправы), подъ вліяніемъ того чувства, которое ими руководить». А главное — русскимъ читателямъ нисколько не интересно знать, какъ отзываются чешскіе археологи о нѣмцахъ и наоборотъ. Редакціи издания не мѣшало бы это иметь въ виду. Гончарное производство переводчикъ почему-то именуетъ гончарствомъ; первые шаги человѣка въ области художественной дѣятельности рассматриваются, какъ начатки искусствъ — «орнаментального» и «фигурного». Вообще переводъ не вездѣ точенъ и выдержанъ въ смыслѣ стиля.

Совершенно необъяснимыми являются для насъ повторенія однихъ и тѣхъ же рисунковъ въ разныхъ мѣстахъ. На пріимѣръ, булавки изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ являются на стр. 234 (№ 164) и 282 (№ 195); скіира о двухъ лезвияхъ съ о-ва Кипра — на стр. 226 и 242, также за особыми номерами; бронзовый топоръ изъ Моравіи — на стр. 225 (въ вертикальномъ положеніи) и 315 (горизонтально); орнаментированная бритва изъ Даїи — на стр. 223 и 229. Неужели недостаточно было простыхъ ссылокъ?

Нѣкоторая расплывчатость изложенія и чисто технические промахи, подобные вышеуказаннымъ, увеличиваютъ объемъ, и стало быть, и цѣнность книги, которая, несмотря на всѣ отмѣченные недостатки, заслуживаетъ, по своимъ научнымъ достоинствамъ, широкаго распространенія въ кругу образованныхъ и пишущихъ образованія читателей.

Л.

П. Филевскій. Исторія города Таганрога. М. 1899.

Г. П. Филевскій предпринялъ свой трудъ, главнымъ образомъ, потому, что безъ него «исторія Таганрога могла бы и вовсе не появиться къ двухсотлѣтнему юбилею, а какой же юбилей», добавляетъ онъ, «если нѣть исторіи двухсотлѣтней жизни города», хотя въ то же время не отрицаешь и того, что для него, «какъ человѣка вебогатаго, не лишена интереса назначенная городскимъ

управлениемъ премія въ 300 руб.». Далѣе, авторъ говоритьъ, не безъ пѣкото-раго достоинства, что «трудъ этотъ потребовалъ двухлѣтней работы и работы внимательной». Хотя къ юбилейнымъ изданіямъ, исполняемымъ сплошь и рядомъ на спѣхъ, не предъявляется особыхъ требованій, тѣмъ не менѣе, намъ кажется, нельзя обойти ихъ и вовсе безъ замѣчаній.

Прежде всего г. Филевскаго можно упрекнуть въ томъ, что онъ не вполнѣ ознакомился съ литературой своего предмета. Къ указаннымъ имъ въ предисловіи источникамъ и пособіямъ въ количествѣ приблизительно 35 можно прибавить еще такія довольно извѣстныя, какъ «Черноморье» Бруна; «Вѣдомости Таганрогскаго градоначальства», издававшіяся съ 1870 до 1887 г.; «Донскія войсковыя вѣдомости», въ которыхъ, напримѣръ, за 1865 г., въ №№ 1—31 помѣщена не безъинтересная для г. Филевскаго «Опись актамъ и запискамъ въ архивѣ Таганрогскомъ»; «Воспоминанія моей жизни» Д. К. Тарасова, помѣщенные въ «Русской Старинѣ» за 1871 и 1872 гг. и трактующія о пребываніи Александра I въ Таганрогѣ и его кончинѣ; статью Свѣшникова «Основаніе Таганрога Петромъ I» (въ «Вѣстникѣ Московской политехнической выставки», 1872 г. № 27); Х. т. «Записокъ Одесского общества историческихъ древностей», где находится исторія Іерусалимскаго Александро-Невскаго монастыря въ Таганрогѣ; «Исторический очеркъ Таганрога» въ Памятной книжкѣ Таганрогскаго градоначальства на 1865 г.» (вместо нея г. Филевскій указываетъ врядъ ли существующую «Памятную книжку Таганрога», Сиб., 1862 г.), и мн. др. Въ статьѣ, напримѣръ, Свѣшникова авторъ нашелъ бы нѣсколько неизвѣстныхъ ему свѣдѣній о работахъ въ Таганрогѣ при Петре I и между прочимъ то, что казаки называли мысъ не «Таганрогомъ», какъ утверждаетъ онъ, а «Таганымъ рогомъ».

Затѣмъ, особенно въ началѣ книги, поражаетъ читателя излишняя расплывчатость изложенія, вовсе ненужная и только загромождающія книгу постороннія свѣдѣнія. Всѣ четыре первой главы, изложенія на 24 стр.: скиѳскій періодъ, эпоха великаго переселенія народовъ, періодъ удѣльный и періодъ итальянскихъ колоній,— могли бы быть безъ великаго ущерба замѣнены 10—20 строками, особенно въ виду небольшого знакомства автора съ излагаемыми вопросами. Много, потомъ, допущено лишнихъ подробностей при изложеніи слѣдующихъ трехъ главъ: «Первый азовскій походъ», «Взятие Азова» и «Участіе вновь пріобрѣтенныхъ владѣній въ исторической жизни Россіи». Въ послѣдней, напримѣръ, говорится о томъ, какъ было отпраздновано торжество въ Москвѣ по случаю взятія Азова, о вооруженіи флота, о «кумпанствахъ», о посольствахъ Возницина и Українцева и проч., а непосредственно о самомъ Таганрогѣ или Таганемъ рогѣ—всего 15—20 строкъ, считая здѣсь и сообщеніе автора о томъ, что письмо Петра I «съ Таганрогу» «хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, сложено пакетомъ, запечатано краснымъ сургучемъ и имѣть адресъ» такой-то (стр. 46). Не мало лишняго встрѣтить читатель и на стр. 73—75, где авторъ впадаетъ даже въ противорѣчіе (сказавъ на стр. 73, что «со времени Петра въ Россіи некому было думать о Таганрогѣ»... «овладѣть имъ не только никто не добивался, но даже не желали владѣть имъ, когда это было возможно»,... онъ на стр. 75 подробно рассказы-

ваетъ о работахъ въ Таганрогѣ при Анеѣ Іоанновнѣ), на стр. 78—79, 114—117, 122—124, 159—160 и слѣд.

Несмотря на эти недостатки, книга г. Филевскаго, особенно въ виду того, что онъ воспользовался и нѣкоторыми архивными материалами, даетъ значительное количество интересныхъ свѣдѣній о состояніи торговли въ Таганрогѣ, о церквяхъ и монастыряхъ, находящихся въ немъ, и объ учебныхъ заведеніяхъ. Любопытны также нѣкоторыя данныя и объ административномъ устройствѣ города.

В. Р—въ.

Рамбо. Исторія французской революції. Кіевъ. 1899.

Громадное количество трудовъ по исторіи французской революцію отразилось и въ нашей, бѣдной историческими сочиненіями по исторіи Западной Европы, русской литературѣ. Лучшія и болѣе доступныя сочиненія по французской революціи у насъ переведены. Мы имѣемъ 1-й томъ соч. Лун-Блана, труды Минье, Гейссера, Зибеля, прекрасное сочиненіе Сореля, небольшую книжку Карно, а теперь прибавилась и книга А. Рамбо, бывшаго министра народнаго просвѣщенія во Франціи. Несмотря на свою небольшую величину, въ сочиненіи Рамбо есть много такого, чего мы не найдемъ у Минье, Гейссера, Карно. Прежде всего, книга Рамбо хороша своей объективностью. Отголоски революціи миновали: оправдывать революцію, какъ это дѣлали историки 20-хъ годовъ, уже незачѣмъ. Затѣмъ, въ распоряженіи Рамбо были такие документы, какъ это видно изъ главы «Дѣло революціи», которыми ни Минье, ни Тьерь, ни даже въ значительной степени Гейссеръ, не пользовались. Наконецъ, Рамбо сразу же стала на ту точку зрѣнія, которой не держались прежніе историки: онъ сначала даетъ картину, и очень обстоятельную, старого порядка во Франціи, а потомъ знакомить съ тѣмъ новымъ порядкомъ, къ которому привела революція. Замѣчательно ясно опредѣливъ старый порядокъ, какъ соединеніе абсолютизма королевской власти съ исключительными привилегіями двухъ первыхъ сословій государства и застарѣлыми злоупотребленіями во всѣхъ отрасляхъ общественного управления, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію всего строя Франціи, во главѣ которой стоялъ «великій турокъ французъ» Людовикъ XIV. Очень ярко рисуетъ Рамбо гражданскія неравенства старого порядка, провинциальную администрацію, юстицію, армію, состояніе церкви, земледѣліе, промышленность и торговлю, систему налоговъ и народное образованіе, которое находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Послѣ такого обзора, онъ останавливается на той огромной работѣ, которую выполнили Национальное Собрание и Конвентъ, съ сочувствіемъ, конечно, оттѣняя всю дѣятельность революціонныхъ правительствъ. Послѣ картинъ старого порядка, представленного Рамбо, преобразованія всего строя революціи становятся очень ясными: въ этомъ крупное достоинство книжки Рамбо. Больше всего удѣлено вниманія реформъ народнаго образованія при революціи. Вторая часть даетъ живой, образный разсказъ о самой революціи, начиная съ ея происхожденія, которому удѣлена цѣлая глава, и кончая переворотомъ 18 брюмера. На первомъ планѣ — соціальная сторона революціи. Хорошо очер-

чепы якобинцы съ ихъ «идоломъ» Робеспьеромъ. Читатель не найдеть здѣсь страстнаго тона Мишле, апології Мишле, преклоненія передъ всѣмъ великимъ Тьера и нѣмецкой сухости Зибеля. Въ своей книгѣ Рамбо — не судья и не обожатель войны, а спокойный и талантливый историкъ, сумѣвший на 310 стр. дать очень живой очеркъ революціи. Переведена книга хорошо, но напрасно переводчикъ не приложилъ оглавленія книги.

П. К.—ій.

А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Исторический очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Издание въ пользу общества вспоможенія окончившихъ курсъ наукъ на Спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1899.

Книга А. М. Петрункевичъ принадлежитъ къ особому типу работъ по истории, которая въ литературахъ запада, особенно во французской, представлена въ изобилии, но у насъ — въ области всеобщей истории — лишь начинаютъ нарождаться; это видъ историческихъ изслѣдований, основанныхъ на добросовѣстномъ, кропотливомъ изученіи материаловъ, но въ то же время написанныхъ такъ, чтобы являться доступными для чтенія болѣе широкихъ круговъ публики, а не однихъ лишь специалистовъ. Такого рода сочиненія, конечно, требуютъ отъ авторовъ умѣнія выставить въ историческихъ фактахъ сторону, представляющую общечеловѣческий интересъ, для чего материалъ, имѣющійся подъ руками, приходится подвергать совершенно особой обработкѣ, имѣющей мало общаго съ обычными научными методами; историкъ долженъ являться и художникомъ и обладать хоть нѣкоторымъ беллетристическимъ талантомъ. Слѣдуетъ воздать честь автору настоящей книги, не отступившему передъ этими трудностями. Исторический очеркъ г.-жи Петрункевичъ представляетъ собою цѣнныій вкладъ въ нашу небогатую оригиналную популярную литературу по всеобщей истории; вкладъ этотъ тѣмъ болѣе пѣненъ, что читатель найдетъ въ книгѣ о «Маргарите Ангулемской» не простую компиляцію, какими являются большинство нашихъ популярныхъ книгъ, а серіозную самостоятельную работу, которая съ «удобочитаемостью» соединяетъ и научное значеніе.

Авторъ ставить во главѣ своей книги, въ видѣ девиза, цитату изъ Гастона Пари: «Кажется, настало время, чтобы попробовать дать картину жизни Маргариты, изображеніе ея вліянія на ея время; картину, где будутъ сгруппированы вокругъ нея всѣ лица, кого она любила, кому покровительствовала, кому давала направлениѣ: ея мать, ея братъ, оба ея супруга, ея дочь, и — зависящіе отъ нея и такъ или иначе вдохновлявшіе ею: Лефебръ д'Этапль, Маро, Раблэ, Кальвинъ, Бонавантюръ Деперрье и много другихъ. Это была бы полная галлерея дѣятелей первого французского Возрожденія, сгруппированная вокругъ той, кто была душою ея». Всѣ перечисленныя въ этой цитатѣ лица, дѣйствительно, проходятъ передъ нашими глазами въ книгѣ А. М. Петрункевичъ, которая даетъ живую и довольно полную картину духовной жизни Франціи въ XVI вѣкѣ. Чтобы обезопасить себя отъ упрековъ относительно частыхъ въ

книгъ отступленій, авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, что «говорить о Маргаритѣ безъ этихъ отступленій нѣть никакой возможности: иначе рискуешь совершенно исказить ея личность. Говорить же въ книгѣ, спеціально ей посвященной, о Францискѣ I и Франції даже не есть отступление: съ ихъ исторіей слишкомъ тѣсно связана исторія этой замѣчательной женщины, до сихъ поръ еще у насъ, въ Россіи, мало извѣстной, и свѣтлый образъ которой лишь неясно вырисовывается на блестящемъ фонѣ эпохи Ренессанса». Нельзя не замѣтить топлаго, любовнаго отношенія автора къ избранной темѣ: благодаря этому, Маргарита Ангuleмская выступаетъ передъ нами именно, какъ живой человѣкъ, въ счастіи и горестяхъ которого читатель, вмѣстѣ съ авторомъ, принимаетъ живѣйшее участіе. Авторъ, очевидно, съ искреннімъ сочувствіемъ относится и къ тѣмъ идеямъ, за которыя Маргарита стояла въ теченіе своей жизни. Нельзя не привести характерныя въ этомъ отношеніи заключительныя слова книги:

«Прошли вѣка. Прекрасный образъ этой замѣчательной женщины потускнѣлъ даже въ воспоминаніяхъ ея соотечественниковъ, но съ каждымъ днемъ идеи, которымъ она такъ преданно служила, завоевываютъ себѣ все большее число послѣдователей, и изъ тымы временъ все громче раздается призывъ къ духовной свободѣ, въ которой кроется сила и счастье человѣчества».

Слѣдуетъ пожелать книгѣ А. М. Петрункевича широкаго распространенія, какъ въ виду благой цѣли изданія, такъ и въ виду иссомнѣнныхъ достоинствъ содержанія.

L.

Т. Циглеръ (профессоръ Страсбургскаго университета). Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карцева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Это—небольшая, но очень интересная книжка, которая читается такъ легко, какъ рядъ хорошихъ и содержательныхъ фельетоновъ, разработывающихъ различныя стороны университетскаго быта. Книжка заключаетъ въ себѣ 17 небольшихъ лекцій, изъ которыхъ первая даетъ введеніе, втсрая трактуетъ о свободѣ ученія, третья—о свободѣ жизни студента, четвертая—о студенческихъ сборищахъ для выпивки (*comment*), о студенческой чести, пятая—объ отношеніи студента къ женщинамъ и т. д.; но далеко не объ однихъ узко студенческихъ интересахъ трактуетъ умный и живой профессоръ: онъ говоритъ и объ отношеніи родителей къ занятіямъ дѣтей, и о длинѣ вакаций, и о гонорарѣ (стр. 197 и слѣд., авторъ объясняетъ его исторію и энергично высказываетъ въ пользу его отмѣны). Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ онъ не разрабатываетъ глубоко, но обо всемъ говоритъ правдиво, искренно и почти обо всемъ примирительно. Такъ, напр., занявшиись въ VIII лекціи вопросомъ о союзахъ и землячествахъ, онъ признается, что коры, всецѣло поглощающіе личность студента, осужденного на обязательныя вышивки, мензуры, прогулки и проч., суть «общества для развитія тупости» (стр. 94), но стоитъ на своемъ, что *abusus non tollit usum*, и рекомендуетъ поступать въ корпораціи наи-

болѣе многочисленныя, а научнымъ ферейнамъ предсказываетъ блестящее будущее. Заговорить ли онъ о выпивкахъ, онъ рѣзко высказывается противъ студентовъ-пьяницъ (стр. 49), но въ то же время прямо заявляетъ, что не на мѣренъ «уничтожать въ зародыши всякое вакхическое веселье», что находить вполнѣ естественнымъ, если «юноша-студентъ, подогрѣтый общей радостью дружескаго кружка, съ беззаботнымъ увлечениемъ «опораживается и снова наполняетъ бокаль»; и что ему въ высшей степени не симпатиченъ мрачный мистицизмъ и нехристіанскій аскетизмъ Толстого». Только въ немногихъ вопросахъ, каковы, напр., сношевія студентовъ съ проститутками, карьеризмъ студентовъ, стѣсненіе свободы преподаванія для профессоровъ и т. п., онъ горячо защищаетъ единую правду и не допускаетъ никакихъ компромиссовъ съ совѣстью.

Мы вполнѣ согласны съ проф. Карбевымъ, что «книжка Циглера можетъ пригодиться и у насъ», такъ какъ то, что говорить онъ, напр., о студенческихъ научныхъ работахъ, въ одинаковой степени примѣнно къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ всѣхъ странъ. А что важнѣе всего, самая фигура старѣющагося годами, но юного духомъ и искренно любящаго молодежь умнаго профессора-идеалиста, которая такъ рельефно выступаетъ въ книгѣ, въ высшей степени симпатична и поучительна для читателей всѣхъ странъ и возрастовъ.

А. К.

Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводъ подъ редакцією Ф. Груздева. Т. I. Живописная Америка. Т. II. Живописная Азія. Спб. 1899.

Извѣстное сочиненіе Фр. Гельвальда уже имѣется на русскомъ языкѣ, но въ виду того, что прежнее изданіе его теперь уже не можетъ не считаться устарѣлымъ, новый переводъ, несомнѣнно, отвѣчаетъ замѣчающейся у насъ потребности. Новое изданіе (П. П. Сойкина) производить въ общемъ довольно благопріятное впечатлѣніе. Переводъ вездѣ читается легко, крупныхъ погрѣшностей нигдѣ незамѣтно, дополненія сдѣланы умѣло; самая вѣшность изданія можетъ быть названа удовлетворительной; при сравнительно невысокой цѣнѣ (2 рубля за томъ), читатель имѣеть въ каждомъ томѣ около 400 страницъ текста, около полутораста рисунковъ, исполненныхъ довольно недурно; текстъ, при томъ, напечатанъ четко и исправно, т. е. съ незначительнымъ числомъ опечатокъ. Четвертое изданіе подлинника, съ котораго сдѣланъ переводъ, появилось въ свѣтѣ подъ редакцією д-ра Уле, подвергшаго 3-е изданіе кое-какимъ, въ общемъ однако незначительнымъ, перемѣнамъ. Редакторъ перевода, съ своей стороны, оставилъ главный текстъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ измѣненій, но въ подробностяхъ объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ или народахъ (эти подробности приводятся въ мелкомъ шрифтѣ) произвелъ нѣсколько измѣненій и дополненій, преимущественно во II томѣ. Описаніе русскихъ владѣній въ Азіи, именно Сибири и Туркестана, составлено цѣликомъ вновь по русскимъ источникамъ. По поводу этихъ дополненій можно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. При раздѣленіи главъ, къ Сибири почему-то причислено степное генералъ-гу-

бернаторство, которое удобнѣе было бы, по характеру мѣстности и по этнографическому составу населенія, присоединить въ обзорѣ къ Туркестану. Въ описаніяхъ, составленныхъ заново, есть и нѣкоторая неравномѣрность: Туркестану, несомнѣнно, удѣлено слишкомъ мало мѣста (23 страницы), а Восточной Сибири слишкомъ много — 62 страницы, а съ Примурскимъ и Приморскимъ краемъ даже 109 страницъ. Нѣть сомнѣнія, что эта неравномѣрность отчасти объясняется и, пожалуй, извиняется тѣмъ обстоятельствомъ, что этнографія Восточной Сибири гораздо болѣе извѣстна, чѣмъ этнографія Туркестана. Относительно Китая, т. е. особенно Маньчжурии и Монголіи, могло бы быть сдѣлано больше дополненій. Очень жаль, что въ интересахъ правильной передачи китайскихъ названий редакторъ перевода не навелъ справокъ въ незамѣнной книгѣ г. Матусовскаго о Китаѣ. Досадное впечатлѣніе производить въ русской книгѣ воспроизведеніе иностранной транскрипціи китайскихъ названий, въ то время какъ имѣется для тѣхъ же названий отлично выработанная русская транскрипція согласно съверному китайскому произношенію: нужно, конечно, писать «цзянъ», а не «кіангъ», «дунъ», а не «тунгъ», «да» и «дао», а не «та», «тао» и т. д. Нельзя не вспомнить, что и въ извѣстномъ большомъ изданіи «Географії Э. Реклю» на русскомъ языке вслѣдствіе неправильной передачи именъ собственныхъ совершенно не годится весь отдѣль о Китаѣ, равно какъ и карта Китая. Относительно всего тома настоящаго изданія, посвященнаго Азіи, можно пожалѣть, что онъ составленъ слишкомъ кратко: этнографія и природа Америки гораздо менѣе разнообразны, а между тѣмъ Америка въ «Землѣ и ея народахъ» занимаетъ 404 страницы, а Азія только 390, несмотря на дополненія въ отдѣлѣ обѣ Азіатской Россіи.

Жаль также, что новый издаватель поскупился присоединить къ книгѣ Гельвальда порядочныя карты: едва ли большую пользу окажутъ читателю «Азія» и «Америка», извлеченные изъ учебнаго атласа Ильина, причемъ единственное измѣненіе, предпринятое въ этихъ картахъ издавателемъ заключается въ припечатаніи сбоку словъ: Къ соч. Фр. Гельвальда «Земля и ея народы».

Пользованіе книгою сильно затрудняется отсутствіемъ указателя: было бы хорошо, если бы хоть къ послѣднему (V-му) тому быть присоединенъ указатель собственныхъ имёнъ, встрѣчающихся во всемъ сочиненіи.

А. Л.—нѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Женщины временъ Возрожденія.—Пионеры Франціи въ Новомъ Свѣтѣ.—Къ трехсотлѣтию рожденія Оливера Кромвеля.—Истинный Робеспьеръ.—Изъ молодости Наполеона.—Упадокъ войнъ.—Ужасы войнъ и средства противъ нихъ.—Американскій генералъ въ Россіи.—Нѣмецкое изданіе дневника Буша.—Юмористическая сторона англійского парламента.

ЕНЩИНЫ временъ Возрожденія. Р. де-Модь-ла Клавьеъ издалъ интересный этюдъ о женщинахъ временъ Возрожденія, на основаніи и по поводу которого Андре де-Глэ помѣстилъ въ «Revue encyclopédique» статью о зарожденіи «феминизма» въ XVI вѣкѣ¹⁾. Этаотъ вѣкъ, по мнѣнию Андре де-Глэ, былъ временемъ, когда впервые женщины начинаютъ заявлять о своихъ правахъ. Во главѣ феминистического движения въ это время стояли Анна и Маргарита Французскія и Лупза Савойская. Программа Анны Французской была коротка и ясна. Она понимала, что для женщинъ имѣть начаться эра борьбы.

Нужно было готовиться къ борьбѣ и стараться, чтобы самое воспитаніе и образование женщинъ дѣлали ихъ способными защищаться отъ другихъ и отъ самихъ себя. Цѣлью стремленій ставилось счастье, и философскую основу этому учению о счастьѣ давало изученіе Платона. Апостоломъ плatonизма во Франціи была Маргарита Французская, женщина, какъ говорить де-Глэ, изысканныхъ вкусовъ, очень женственная, съ доброжелательной улыбкою и взглядомъ то мечтательнымъ, то ироническимъ или восторженнымъ». Подъ влияниемъ Маргариты во Франціи общественная жизнь приняла болѣе идеальный характеръ. Застольная

¹⁾ *Les femmes de la Renaissance.* Par R. de Maulde la Claviére.—André de-Glay въ «Revue encyclopédique» (1899, № 293).

удовольствія какъ бы одухотворились. Научились за столомъ не только напиваться, но и бесѣдоватъ. Знаніе изящной латыни стало обязательнымъ настолько, что Гильомъ Боденъ даже совѣтовалъ Франциску I принять латинскій языкъ, какъ языкъ охоты. Умственное вліяніе женщинъ вызвало цѣлую феминистическую литературу полуфилософскаго, полуисторического характера, которая не преминула оказать сильное вліяніе и на поэзію этого времени. Всѣ сторонницы гуманистического движенія этого времени отличались и сильною религіозностью. Философія любви, которая служила основою для ихъ идеаловъ, совершенно согласовалась съ наиболѣе живою и искреннюю вѣрою. Вліяніе феминизма въ религіозныхъ вопросахъ имѣло во Франціи лишь посредственные результаты. Женщины, правда, смыло бросились въ религіозные споры XVI вѣка, но ихъ участіе было не въ пользу новшествъ, а скорѣе противъ нихъ. Де-Модъ основательно замѣчаетъ, что католицизмъ особенно расцвѣль въ тѣхъ странахъ, где болѣе всего замѣтно было вліяніе женщинъ въ религії и поэзії. Въ сфере нравственности вліяніе женщинъ въ пору Возрожденія было довольно замѣтно. Благодаря имъ, добродѣтель перестала считаться тожественною съ монашескимъ аскетизмомъ, и отъ послѣдователей ея уже не стали требовать неизрѣдѣнаго отказа отъ міра невинныхъ мірскихъ удовольствій. Въ то же время порокъ потерялъ свои прежнія грубыя формы и какъ бы «облагородился». Отчасти исчезла прежняя искренность и откровенность, но за то исчезло и прежнее варварство. Къ сожалѣнію, однако, вліяніе женщинъ на смягченіе нравовъ въ XVI вѣкѣ было не оченьочно: религіозныя войны и смуты конца XVI вѣка являются снова, по мнѣнію де-Мода, временемъ торжества грубой силы.

— Пионеры Франціи въ Новомъ Свѣтѣ. Немного недѣль назадъ выпило новое англійское изданіе книги Фрэнсиса Паркмана, посвященной первымъ французскимъ поселеніямъ въ Америкѣ¹⁾. Въ этомъ громадномъ трудѣ, который читается какъ романъ, сведены результаты многочисленныхъ мелкихъ работъ и архивныхъ изслѣдований. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и наилучше разсказанныхъ эпизодовъ въ книгѣ Паркмана является исторія избіенія гугенотовъ во Флоридѣ и своеобразнаго мщенія, которое вскорѣ за этимъ послѣдовало. За пятьдесятъ шесть лѣтъ до высадки пуританъ на меляхъ Массачусетского залива, небольшая кучка французскихъ протестантовъ, при могущественной поддержкѣ Колинъи, основала колонію у устья рѣки Маи во Флоридѣ, подъ защитою форта, который ихъ начальникъ Ревѣ д-Ландонньеръ, въ честь Карла IX, назвалъ Fort Caroline. Исторія ихъ была похожа на исторію многихъ, кто приходили съ надеждою на золото, а находили лишь плодородныя земли. Разочарованіе привело къ недовольству, и колонисты находились въ бѣдственнѣйшемъ состояніи, когда появилось англійское судно подъ начальствомъ наводившаго ужасъ на всѣхъ сэра Джона Гауканса. Однако у сэра Джона судно было полно рабами, онъ былъ въ хорошемъ настроеніи и великодушно помогъ колонистамъ. Только что скрылся работор-

¹⁾ «Pioneers of France in the New World; The Jesuits in North America in the Seventeenth Century; La Galle and the Discovery of the Great West». By Francis Parkman. 1899.—Cp. «The Academy», № 1404.

говецъ, какъ появился подкрепленія изъ Франціі подъ начальствомъ Жана Рибо на четырехъ судахъ. Однако припасы были еле выгружены, какъ появилось новое большое судно, на этотъ разъ подъ испанскимъ флагомъ. Франція и Испанія находились въ мирѣ другъ съ другомъ, но французы вспомнили, что они гугеноты, и что они поселились въ полуширіи, которое папа предоставилъ народамъ Пиренейского полуострова. Въ отвѣтъ на запросъ объ имени испанскій адмиралъ отвѣчалъ, что онъ Педро Менендесъ, получившій отъ Филиппа II порученіе «вѣшать и обезглавливать всѣхъ лютеранъ». Французскія суда не въ состояніи были бороться съ могучимъ противникомъ, но они были быстрѣе его и бѣжали отъ него вдоль берега. Испанецъ преслѣдовалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ небольшой бухты, которую онъ называлъ Санть Агостино; здѣсь къ нему присоединились четыре другихъ судна и, высадившись, они устроили окопы и основали Сэнтъ-Агостино, древнійшій городъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Тѣмъ временемъ французы вернулись въ Фортъ-Каролинъ, и тутъ горячо дебатировался вопросъ, ожидать ли здѣсь нападенія испанцевъ или отправиться въ море со всѣмъ гарнизономъ и напасть на непріятеля врасплохъ. Послѣдній планъ одержалъ верхъ. Всѣ способные носить оружіе подъ начальствомъ Рибо ушли на корабляхъ, а Ландоннѣръ остался съ женщинами и дѣтьми и немногими больными инвалидами въ стѣнахъ форта. Къ несчастію для гугенотовъ суда ихъ были разсѣяны бурею какъ разъ въ тотъ моментъ, когда близость ихъ была узнана испанцами. Менендесъ рѣшился немедленно же сдѣлать форсированный маршъ къ Фортъ-Каролину и взять его приступомъ въ отсутствіе гарнизона. Его предпріятіе увѣнчалось гибельнымъ успѣхомъ. Защитники или были убиты на мѣстѣ или повѣшены на сосѣдніхъ деревьяхъ. Менендесъ, съ нѣкоторою опаскою, пощадилъ женщинъ, хотя онъ и боялся, что «ядъ еретичества заразить его солдатъ». Скоро послѣ этого онъ узналъ, что одно изъ французскихъ судовъ выброшено на берегъ, и что 140 человѣкъ изъ экипажа стали лагеремъ на узкой отмели. Менендесъ немедленно же прибылъ туда и не зналъ пощады. Когда ему напомнили, что обѣ страны въ мирѣ другъ съ другомъ, онъ отвѣчалъ, что Испанія объявила войну всѣмъ лютеранамъ, а затѣмъ, какъ сообщается описавшій это событіе шурина его, сказалъ французамъ: «Если вы отдадите ваше оружіе и ваши знамена, и поручите себя моей милости, я приму эти условія и поступлю съ вами такъ, какъ Богъ мнѣ прикажетъ». Французы покорились, а что изъ этого вышло, передано въ слѣдующихъ словахъ самого Менендеса Филиппу II: «Я велѣлъ связать имъ ихъ руки назадъ и повѣль ихъ на казнь. Мнѣ казалось, что, такимъ образомъ наказывая ихъ, я послужилъ Господу Богу и вашему величеству; теперь уже эта зловредная secta дастъ намъ свободу насаждать Евангеліе въ этихъ странахъ». Пощажены были только двѣнадцать бретонцевъ, сказавшихъ, что они католики, и четыре плотника. Удачи Менендеса продолжались. Ему донесли, что еще 350 французовъ потерпѣли крушеніе. Около двухсотъ изъ нихъ предпочли встрѣчѣ съ испанцами бѣгство въ глубину страны, гдѣ имъ грозила голодная смерть и скальпированіе индейцами. Но Рибо и 150 его спутниковъ рѣшили довѣриться милости христіанской державы. «Я сохранилъ,— пишетъ Менендесъ, — жизнь двумъ молодымъ дворянамъ лѣтъ восемнад-

цати, какъ и тремъ другимъ: флейтицу, барабанщику и трубачу; а Жана Рибо, со всѣми остальными, я велѣлъ обезглавить, считая это необходимымъ для службы Господу Богу и вашему величеству». Остальные гугеноты также попали при разныхъ случаяхъ въ руки испанцевъ и, по сдачѣ, были пощажены для работы на галерахъ. Филиппъ II соизволилъ выразить свое полное одобрение Мененденсу за его «справедливый поступокъ съ лютеранскими корсарами». Однако всѣ эти поступки не остались безъ отомщенія. Мишевіе было совершено частнымъ человѣкомъ — нѣкимъ Доминикомъ Гургомъ, гасконскимъ дворяниномъ, который въ августѣ 1567 года отплылъ къ Гвінейскому берегу по полученню королевского разрѣшенія на торгъ неграми. Однако не это была его главная цѣль: его намѣреніемъ было отомстить испанцамъ, у которыхъ онъ самъ нѣкогда находился въ плѣну. Послѣ долгаго крейсированія у береговъ Африки онъ переплылъ океанъ и у береговъ Кубы открылъ своимъ спутникамъ свое намѣреніе. Такъ какъ они одобрили его планы, Гургъ высадился на берегахъ Флориды, и здѣсь скоро подъ знамя его стеклось столько индѣйцевъ, что онъ рѣшился немедленно же напасть на испанскій гарнизонъ, состоявший изъ 400 человѣкъ. Походъ былъ совершенъ чрезвычайно ловко и таинственно. Испанцы были вполнѣ увѣрены, что нѣтъ ни одного француза ближе, чѣмъ за три тысячи миль отъ Флориды, и потому не принимали никакихъ мѣръ предосторожности. Въ полдень, когда они кончали свой обѣдь, появились со всѣхъ сторонъ французы и индѣйцы. Крѣпость была взята, и гарнизонъ перебитъ. Изъ всего испанскаго отряда осталось въ живыхъ только 15 или 20 человѣкъ. Въ отмщеніе за то, что въ свое время Мененденѣсъ повѣсили нѣсколько гугенотовъ на деревьяхъ, прибивъ надь ними дощечку съ надписью: «Не какъ французовъ, а какъ лютеранъ», теперь Гургъ привель своиихъ плѣнниковъ къ этимъ самымъ деревьямъ и, прочитавъ имъ суровую отповѣдь, перевѣшаль ихъ, прибивъ надь ими надпись: «Не какъ испанцевъ, а какъ лжецовъ и убийцъ». Фортъ былъ совершенно разрушенъ, такъ что не осталось и камня на камнѣ. Совершивъ свое дѣло, Гургъ отплылъ во Францію. Однако среди повѣщеныхъ имъ Мененденса самого не было: испанскій предводитель находился въ это время уже въ Испанії. Столь же живо и интересно, какъ и этотъ эпизодъ, разсказаны Ф. Паркманомъ первые опыты іезуитовъ въ Сѣверной Америкѣ и энергичная дѣятельность Де-ла-Салля.

— Къ трехсотлѣтію рожденія Оливера Кромвеля. Въ нынѣшнемъ году исполнилось какъ разъ триста лѣтъ со дня рожденія (25 апрѣля 1599 г.) великаго лорда протектора Англии. По этому поводу въ англійскихъ журналахъ появилось много статей, посвященныхъ различнымъ событиямъ изъ жизни этой до сихъ порть не вполнѣ разгаданной личности¹⁾. Въ «Hargre's Monthly» помѣщена статья Амеліи Барръ о Кромвелѣ и дворѣ его, въ «Gentleman's Magazine» статья Р. У. Рэмзея о Мэри Кромвель, а въ «Puritan» воспроизведенъ рядъ портретовъ и памятниковъ Кромвелевскаго времени. Наиболѣе интересна первая изъ названныхъ статей, особенно своими свѣдѣніями объ отношеніи Кромвеля къ роднымъ его и этихъ послѣднихъ къ нему. Какъ на одну изъ

¹⁾) «Home Gossip about Oliver Cromwell» (Review of Reviews, 15 april 1899).

наиболѣе характерныхъ сторонъ протектора, А. Барръ указываетъ на его любовь къ матери. «Симпатія между матерью и сыномъ,—говоритъ А. Барръ,—представляетъ одну изъ наиболѣе пріятныхъ чертъ въ личной исторіи Оливера. Оба любили другъ друга такой страстью любовью, что ни время, ни перемѣна не имѣли вліянія на нее, и когда онъ достигъ верха своей власти, а ей было уже болѣе девяноста лѣтъ отъ роду, онъ предложилъ ей королевскіе апартаменты въ Уайтголлѣ и посѣщалъ ее ежедневно. Она иногда давала протектору совѣты, которые онъ всегда выслушивалъ внимательно, хотя и поступалъ такъ, какъ самъ считалъ нужнымъ». Вліяніе матери на Кромвеля было такъ сильно, что въ молодости оно удерживало его, несмотря на его бурный и страшный нравъ, отъ беспорядочной жизни. Относительно жены Кромвеля А. Барръ сообщаетъ, что она въ своихъ политическихъ симпатіяхъ сильно расходилась съ мужемъ. «Великою ошибкою Елизаветы Кромвель остается, что она не была вѣрна дѣлу своего супруга. Даже послѣ того, какъ онъ помѣстилъ ее въ Уайтголльскомъ дворцѣ, она постоянно прислушивалась къ плачамъ возвращенія Стюартовъ. Ей бы слѣдовало тѣломъ и душою быть преданною ея великому супругу, или же она должна была бы совершенно разойтись съ нимъ. Но несправедливостью и жестокостью съ ея стороны было оставаться съ нимъ и сомнѣваться и жаловаться, принуждать его отступать отъ начатаго и разрушать собственное дѣло». Не только со стороны жены, но и со стороны женичинъ вообще Оливеръ Кромвель встрѣчалъ очень мало симпатій. Современники обвиняли его въ болѣе чѣмъ платонической склонности къ лэди Дизартъ, а про генерала Тольмѣча говорили, что онъ сынъ Кромвеля отъ этой дамы. Есть ли въ этомъ правда или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ жена и любовница могли бы подать другъ другу руки за одинаковое стремленіе возстановить на престолѣ изгнанного короля. Лэди Дизартъ была остроумна, начитана и большая интриганка. Ея портретъ не даетъ намъ представлѣнія о той красотѣ, которая заставила влюбиться Кромвеля и поработила Лодердэля. Лэди Дизартъ была большими соблазнами для пуританъ, и Кромвель, будучи уже протекторомъ, счелъ за лучшее прекратить посѣщать ее. Миссисъ Гетчинсонъ обвиняла весь домъ Кромвеля въ «грѣховности и тщеславіи». А. Барръ опровергаетъ это обвиненіе и утверждаетъ, что семья Кромвеля въ Уайтголлѣ, несомнѣнно, была одна изъ наиболѣе благочестивыхъ. Дома, среди своихъ, Кромвель отличался большой нѣжностью. Письма его къ сыновьямъ дышали такой любовью, что похожи скорѣе на письма матери, чѣмъ отца. Особенно страстью привязанъ былъ онъ къ своимъ дочерямъ. Старшая изъ нихъ, Бригитта, совершенно не одобряла присвоенія имъ себѣ верховной власти; она сурово, во всякое время, открыто выражала отцу свое мнѣніе обо всемъ. Маленькую дочь ея, Бриджетъ Айртонъ, протекторъ безумно любилъ. Она держала его за руку или сидѣла на колѣняхъ его во время государственныхъ церемоній или тайныхъ совѣтовъ, и если кто либо замѣчалъ ему про ея присутствіе, онъ говорилъ, что «у него нѣтъ секрета, котораго онъ бы не могъ довѣрить этому ребенку». Бриджетъ выросла и сдѣлалась точнымъ, но красивымъ подобиемъ своего дѣда; это была «женщина величественного вида, геройской храбрости и неустанной дѣятельности». Она обожала своего дѣда, защищала память его съ страстнымъ энту-

злазмомъ и дважды дѣлала вызовъ лицамъ, оскорбившимъ его память. Хотя, такимъ образомъ, внучка Кромвеля въ него вѣрила, но за то, кажется, всѣ дочери были противъ него. Вторая дочь его, Елизавета Клайполь, стояла на сторонѣ враговъ его; послѣдними ея словами къ нему были увѣщанія призвать обратно короля и уничтожить великое дѣло жизни протектора. Мэри, третья дочь, вышла замужъ за виконта Фоконберга. Она была женщина очень способная, и епископъ Бернетъ, сравнивая ее съ Ричардомъ Кромвелемъ, говорилъ: «Если бы тѣ, что одѣты въ юбки, носили штаны, то онѣ бы удержались лучше». Она была стойкою роялисткою и постоянно посѣтительницей дворца Карла II. Лэди Фрэнсисъ, младшая дочь, серіозно прочилась въ жены Карлу II. Сватовству этому сочувствовали мать и дочь, но Кромвель сказалъ: «Нѣть, онъ никогда не проститъ смерти отца; кромѣ того, онъ такъ развратенъ — на него нельзя положиться». Лэди Фрэнсисъ имѣла много жениховъ и дважды была замужемъ. Вторымъ мужемъ ея былъ сэръ Джонъ Руссель, родоначальникъ знаменитаго либерального дѣятеля того же имени. Относительно самого протектора А. Барръ считаетъ необходимымъ напомнить въ своей статьѣ о его вкусѣ къ изящному: «Обыкновенно,— пишетъ она,— мы представляемъ себѣ Кромвеля только, какъ воина или государственного человѣка, но мы забываемъ, что это былъ также человѣкъ съ пыащимъ вкусомъ въ поэзии, картинахъ, мебели, лошадяхъ и экипажахъ, и что, какъ ни прость былъ онъ самъ въ обращеніи, за то онъ зналъ, что подобаетъ его женѣ и дочерямъ, и требовать соблюденія ихъ правъ на почетъ. Намъ нельзя забыть и того, что личнымъ усиленіемъ Кромвеля мы обязаны сохраненіемъ Рафаэлевскихъ картоновъ, равно какъ и всѣхъ картинъ и статуй, украшающихъ Уайтголль».

— Изъ молодости Наполеона I¹⁾). Въ октябрѣ 1785 года, Наполеонъ Бонапартъ, будучи шестнадцатилѣтнимъ подпоручикомъ артиллерійскаго полка Ла-Фера, попалъ въ гарнизонъ въ Валансѣ. Рекомендательное письмо дяди Люсена открыло ему домъ нѣкоего Тардивона, которому молодой человѣкъ такъ понравился, что онъ доставилъ ему доступъ въ аристократическіе салоны города. Въ этихъ салонахъ царицею общества была мадамъ дю-Колонбье, дама, получившая въ домѣ отца своего, богатаго землевладѣльца-буржуа, отличное образованіе и преимущественно занимавшаяся философскими вопросами, что тогда было въ духѣ времени. Мадамъ дю-Колонбье тотчасъ приняла теплое участіе въ Наполеонѣ Бонапартѣ. Въ виду блестящихъ его способностей она уже тогда предсказывала ему великую карьеру. Болѣе однако, чѣмъ дама эта, привлекала Наполеона ея дочь Каролина. Она находилась въ томъ же возрастѣ, какъ и онъ самъ, и была необычайно красивой дѣвушкой, веселой и живой, съ большими, темными глазами. Умная и образованная, она заинтересовалась молодымъ Бонапартомъ, и мало-по-малу между обоями возникло то, что теперь называется англійскимъ словомъ «фліртъ». Когда семья дю-Колонбье отправилась на лѣто въ свое, находившееся подъ городомъ, имѣніе Бассо, молодые люди могли видѣться другъ съ другомъ съ большою свободою, и не проходило почти дня, чтобы Бонапартъ не прѣѣзжалъ въ Бассо верхомъ или на

¹⁾ «Eine Jugendliebe Napoleon I» (Fremdenblatt, 13 Apr. 1899, № 101).

«ИСТОР. ВѢСТН.», маѣ, 1899 г., т. LXXVI.

тёлжкъ своего друга Сорбира. Мать давала любящимъ свободу. Они считались женихомъ и невѣстою, и никто не сомнѣвался, что скорая свадьба закончить пидиллю. Однако вышло иначе. Однажды второй баталіонъ, къ которому принадлежала Бонарартъ, получил приказаніе отправиться въ Ліонъ, гдѣ возникли беспорядки среди рабочихъ. Каролина нѣжно простилась съ нимъ. Оба проливали обильныя слезы и думали о скромъ, счастливомъ свиданіи. Какъ это случилось, что и тотъ и другая скоро забыли клятвы вѣчной вѣрности, обѣ этомъ извѣстно очень мало. Вѣроятно, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, время заставило мало-по-малу угаснуть воспоминаніе въ сердцахъ ихъ. Было, правда, мгновеніе, когда, казалось, отношенія обѣщали возобновиться. Черезъ пять лѣтъ, въ маѣ 1791 года, Наполеонъ вернулся въ Валансъ, стоя уже на ступени немногого высшей въ своей военной карьерѣ: онъ былъ поручикомъ. Первымъ дѣломъ его было отправиться въ Бассо, гдѣ онъ засталъ все по-старому, и гдѣ его приняли съ прежней сердечностью. Но прежнихъ отношеній уже нельзя было возобновить. За пять лѣтъ и Бонарартъ и Каролина стали другъ другу совершенно чужими. Они пробовали перейти на прежний тонъ, они снова ходили вмѣстѣ собирать вишни, что раньше было любимымъ ихъ удовольствіемъ, но напрасно. Какая-то принужденность отдала ихъ, и обѣ стороны были довольны, когда Наполеонъ оставилъ Валансъ. Годъ спустя, Каролина вышла замужъ за помѣщика де-Бессье и послѣдовала за нимъ въ замокъ Бессье близъ Тюлліоса въ нынѣшнемъ департаментѣ Изера.

— Истинный Робеспьеръ. Недавно съ большимъ шумомъ поставленный на сцену въ Лондонѣ «Робеспьеръ» Викторіена Сарду вызвалъ снова интересъ къ этой замѣчательной фигурѣ временъ великой революціи. Въ «Academy», по этому поводу появилась краткая біографія и характеристика «истиннаго Робеспьера», то-есть такого, какимъ она была въ дѣйствительности, въ отличіе отъ фальшивыхъ псевдоисторическихъ созданій Сарду и др.¹⁾. Родившійся въ 1758 году, Робеспьеръ былъ тридцати трехъ лѣтъ, когда онъ впервые выдвинулся въ національномъ собраніи. До начала революціи онъ успѣлъ заслужить репутацію хорошаго адвоката въ провинціи, и отчасти занимался и литературой: онъ написалъ нѣсколько философскихъ памфлетовъ и рядъ стихотвореній холодныхъ и аффектированныхъ. Пока живъ былъ Мирабо, на него мало обращали вниманія въ собраніи. Однажды онъ рѣшился вступить на трибуну немедленно послѣ того, какъ Мирабо только что наэлектризовалъ одинаково и друзей и враговъ своихъ великолѣпной рѣчью о правѣ объявленія войны. Робеспьеръ также попробовалъ сказать нѣсколько словъ въ своеобразномъ холодномъ, декламаторскомъ тонѣ, но ироническими криками его заставили умолкнуть. Послѣ смерти Мирабо, онъ зато быстро выдвинулся и въ конвентѣ, въ возмездіе за то, что собраніе не желало его слушать, говорилъ много и долго; рѣчи его, насколько можно судить о нихъ при чтеніи, обладаютъ многими ораторскими достоинствами, но совершенно лишены поэтической красоты. Главныя события его политической карьеры общепизвѣстны. Раньше всего онъ добился популярности въ Парижѣ, защищая право народа

¹⁾ «The Real Robespierre»—The Academy (1899, 15 april).

подавать петиции и предложивъ разрѣшить всѣмъ гражданамъ вступить въ национальную гвардію. Его положеніе въ якобинскомъ клубѣ, при многочисленныхъ провинціальныхъ развѣтвленіяхъ этого клуба, дало ему вліяніе во всей Франціи. Въ законодательномъ собраніи его рѣчи должны были отступить на второй планъ передъ краснорѣчіемъ жирондистовъ. Вернѣо въ особенности умѣлъ увлекать это шумное собраніе своимъ живымъ словомъ, а рѣчь Робеспьера о войнѣ, въ январѣ 1792 года, не имѣла никакого успѣха, хотя она и была сама по себѣ не плоха. Однако бездѣятельность и непослѣдовательность жирондистовъ, которые сами подложили мину подъ тронъ, а теперь начинали жалобиться о послѣдствіяхъ ея, скоро выдвинули впередъ Робеспьера и его товарищѣ. Послѣ 10-го августа и сентябрьскихъ избѣгній, его имя впервые было связано съ кровопролитіемъ, но онъ самъ практическаго участія въ этой «репетиціи террора» не принималъ, хотя онъ и говорилъ на другой день послѣ казни узниковъ: «вчера не пало ни одного невиновнаго». При восторженной поддержкѣ со стороны Кутона, Ле Ба, брата своего Огюстена и Сенъ-Жюста, Робеспьеръ въ первую сессію конвента сильно содѣйствовалъ дискредитированію Жиронды. Ему приходилось въ это время дѣятельно защищаться отъ нападковъ Вернѣо, Гюадэ и другихъ, но онъ не произнесъ ни одной значительной рѣчи до самыхъ дебатовъ по поводу суда надъ королемъ, въ декабрѣ 1792 г. Въ это время онъ сумѣлъ увлечь за собою большинство собранія, убѣдивъ его въ томъ, что смерть Людовика является политическою необходимостью, независимо отъ требованій справедливости. Монтаньяры, къ которымъ въ то время принадлежалъ Робеспьеръ, являлись въ моментъ казни короля партіею сплоченною. Въ немного недѣль послѣ этого они распались на три партіи подъ главенствомъ Робеспьера, Эбера и Дантонова. Еще меньше понадобилось времени для того, чтобы Робеспьеръ одержалъ верхъ надъ своими противниками, а затѣмъ палъ самъ быстро и неожиданно. Робеспьеръ не потому палъ, чтобы его мечтанія заходили слишкомъ далеко, а также не потому, что совершилъ слишкомо много казней. Паденіе его объяснялось тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ мало пригоденъ къ роли государственного дѣятеля, что бытъ слишкомъ послѣдователенъ въ проведеніи своихъ отвлеченныхъ теорій и скорѣе являлся главою секты, чѣмъ главою правительства пѣлаго государства. Очевиднымъ сдѣлалось предстоящее паденіе Робеспьера въ іюнѣ 1794 года, когда онъ заставилъ конвентъ издать декретъ о томъ, что «французскій народъ признаетъ Верховное Существо и бессмертіе души». Извѣстное празднество, которое послѣдовало затѣмъ 8-го іюня, было устроено по плану Давида и принято населеніемъ такъ же, какъ и празднество въ честь Разума. Робеспьеръ разыгрывалъ изъ себя первосвященника и произнесъ двѣ рѣчи, во время одной изъ которыхъ сожжено было эмблематическое изображеніе атеизма. Его товарищи-депутаты смыслились надѣяться формой его мистицизма и его видомъ и жестами первосвященника. Робеспьеръ не желалъ снести этихъ насмѣшекъ; онъ требовалъ наказанія за нихъ, но отвѣтомъ ему было привлеченіе къ суду сумасшедшіей старухи Катерины Тео, которая привѣтствовала его, какъ Мессію. Въ этотъ моментъ практическое могущество Робеспьера достигло высшей своей точки. Законъ 22-го преріала далъ ему право расширить значение

революционного трибунала и, при помощи его, отомстить врагамъ. Однако дѣло Катерины Тео такъ его поразило, что онъ удалился отъ политической жизни на сорокъ дней. Когда онъ вернулся, конвентъ открыто возмущался противъ него. 26-го юля онъ произнесъ длинную рѣчъ, въ которой жаловался на то, что на него не обращаютъ вниманія. Рѣчъ была принята зловѣщимъ молчаниемъ, и, конечно, послѣ такого засѣданія, человѣкъ неослѣпленный немедленно понялъ бы, что нужно сдѣлать рѣшительный ударъ. Робеспьеръ однако не предпринималъ ничего. Онъ только пошелъ въ якобинскій клубъ и произносилъ еще рѣчи. Такъ подошло девятое термидора, и 28-го юля 1794 года голова его скатилась съ гильотины. Нѣкій священникъ, именемъ Лефецъ, первый назвалъ Робеспьера «неподкупнымъ», и это прозвище съ тѣхъ поръ сохранилось за нимъ. Онъ никогда ничѣмъ въ своей общественной жизни не опровергъ этой своей клички. Слѣдуетъ однако помнить, что у него и не было такихъ искушеній, гдѣ бы могла идти рѣчъ о подкупѣ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Онъ искалъ лишь «одобренія согражданъ»; его мысли полны были мечтою объ осуществлѣніи химеричнаго плана демократіи скорѣе, чѣмъ о личномъ могуществѣ. Его нельзя не считать искреннимъ, и нѣтъ никакой возможности видѣть въ немъ чудовище нравственной испорченности. Худшее, въ чемъ его можно обвинить, это тщеславное ослѣпленіе, которое закрывало ему глаза на ужасы кровопролитій, которымъ онъ самъ былъ причиной.

-- Упадокъ войнъ. Александръ Сэтерлендъ помѣстилъ въ «Nineteenth Century» интересную статью о замѣчающемся постепенномъ упадкѣ войнъ¹⁾. Чтобы яснѣе доказать свою мысль, онъ береть промежутки въ четыреста лѣтъ и говорить преимущественно объ Англіи. Если мы перенесемся назадъ въ седьмой вѣкъ, въ одно изъ тевтонскихъ племенъ, тогда обитавшихъ въ Англіи, жизнь въ это время показалась бы намъ однимъ «долгимъ свирѣпымъ кошмаромъ». Въ это время почетомъ пользовалось одно лишь занятіе, именно война, и ни одна карьера не привлекала такъ всѣ мечты, какъ карьера убийствъ. Мирная промышленная дѣятельность считалась унизительною и годною лишь для рабовъ. Лучшимъ путемъ для достижения права пировать на небѣ считалась смерть среди ожесточенной битвы. Войны кончались человѣческими жертвами, причемъ плѣнники подвергались истязаніямъ. Во время нашествія на Испанію, по словамъ Прокопія, германскіе варвары избивали всякое человѣческое существо, которое они встрѣчали, даже мирныхъ женщинъ и дѣтей; такъ было перебито до пяти миллионовъ народу. То же самое совершено было во Франціи. Франки раздавили, напримѣръ, для разнообразія, двѣсти плѣнныхъ дѣвушекъ подъ колесами своихъ повозокъ и бросили трупы ихъ собакамъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ мы застаемъ частное лицо уже въ сильной мѣрѣ потерявшимъ свое право немедленной кровавой мести. Законы уже назначаютъ денежные штрафы въ возмездіе за обиды. Сильный король заступаешь мѣсто мелкаго гла-варя племени, и къ «королевскому миру» относятся съ почтеніемъ. Но еще, какъ говорить Гиббонъ, и въ XI вѣкѣ всякий крестьянинъ былъ солдатомъ и всякая

¹⁾ Alex. Sutherland, «The steady decline of war» (*«Nineteenth Century»*, march, 1899).

деревня крѣпостью; каждая роща и долина были сценою убийствъ и грабежей. Никто въ эти дни не могъ отдохнуть въ безопасности, если эта послѣдняя не была обезпечена оружіемъ его или его товарищѣй. Но уже не въ духѣ времени было избивать женщинъ и дѣтей, развѣ лишь во время безпорядочной рѣзни при штурмѣ города. Однако, всѣ плѣнники, бравшіеся въ плѣнъ, подвергались смерти, но зато, по крайней мѣрѣ, уже не пили вина изъ черепа враговъ, не украшали домовъ человѣческими скальпами, не жгли людей въ жертву, не избивали женщинъ и не поднимали на копья дѣтей. Еще черезъ четыреста лѣтъ мы находимъ новую перемѣну. Война приняла новый видъ. Старинная страсть къ убийствамъ ради убийствъ исчезла. Даже плѣнниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, стали щадить. Уже болѣе двухъ столѣтій ни одинъ англійскій командингъ въ это время не избивалъ своихъ плѣнниковъ. Гуго Гроцій въ своей книжѣ «О правѣ войны» далъ весьма отчетливое изложеніе ходячихъ взглядовъ этого времени. Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы при опустошеніи какой либо провинціи или при взятии города давалась пощада дѣтямъ, женщинамъ, старымъ людямъ, духовенству, землемѣльцамъ, купцамъ и другимъ лицамъ, не участвующимъ въ войнѣ. Онъ признаетъ, что преданіе противъ него, но утверждаетъ, что говорить въ новомъ духѣ. Гуго Гроцій сомнѣвается въ правѣ побѣдителей подвергать насилию женщинъ взятыхъ городовъ. Относительно плѣнниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, Гуго Гроцій находитъ, что лучше было бы ихъ не убивать, а превращать въ рабовъ, если они язычники, или требовать за нихъ выкупа, если они христіане. Переходя къ настоящему времени, А. Сэтерлендъ замѣчаетъ: «Два съ половиною столѣтія почти Англія въ сущности не видѣла войны... Такимъ образомъ выяснилось, что сорокъ миллионовъ населенія могутъ жить въ абсолютномъ мирѣ другъ съ другомъ въ странѣ, где за десять столѣтій, во времена гентархіи, люди всю свою жизнь проводили, борясь другъ съ другомъ... Несмотря на все превосходство нашихъ большихъ орудій разрушенія, потеря человѣческихъ жизней въ Европѣ во время войнъ текущаго столѣтія была не болѣе одного человѣка на каждыя десять тысячъ населенія. Одинъ убитый на сто человѣкъ населенія, это—было бы слишкомъ низко цифрою для Европы тысячу лѣтъ назадъ; такимъ образомъ, войны теперь въ сто разъ менѣе гибельны, чѣмъ въ началѣ среднихъ вѣковъ». Авторъ заключаетъ: «Судьба войнъ будетъ та же, какъ и судьба людѣйства, человѣческихъ жертвъ, баронскихъ войнъ и поединковъ въ Англіи».

— Ужасы войны и средства противъ нихъ. Между многочисленными статьями, вызванными предстоящею мирною конференціею въ Гаагѣ, обращаетъ на себя вниманіе статья Фридриха Эсмарха «О борьбѣ гуманности съ ужасами войны», помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ «Deutsche Revue»¹⁾. Авторъ даетъ обзоръ битвъ послѣдняго столѣтія, обращая при томъ преимущественное вниманіе на положеніе раненыхъ и больныхъ. Особенно плохо было устройство санитарной части во время такъ называемыхъ освободительныхъ войнъ противъ Наполеона I. Русская армія, насчитывавшая болѣе 80.000 человѣкъ,

¹⁾ Friedrich v. Esnarch, «Ueber den Kampf der Humanitaet gegen die Schrecken des Krieges». — «Deutsche Revue» (1899, April).

выступила въ походъ безъ санитарнаго обоза, прусское ополченіе, доходившее до 180 тысячъ, при плохомъ состояніи финансовыхъ королевства, терпѣло сильный недостатокъ въ врачебномъ персоналѣ и лазаретныхъ средствахъ. И вотъ при такихъ условіяхъ одна уже битва при Лейпцигѣ, продолжавшаяся три дня, покрыла поле битвы у Лейпцига десятки тысячъ убитыхъ и раненыхъ, причемъ не менѣе тридцати четырехъ тысячъ тяжелораненыхъ должны были быть помѣщены въ городѣ. Что изъ нихъ болѣе одиннадцати тысячъ погибло вслѣдствіе ранъ и госпитальныхъ болѣзней, въ этомъ нѣтъ ничего удивительного при тогдашнемъ устройствѣ лазаретовъ въ Лейпцигѣ. Раненые лежали въ душныхъ погребахъ или школахъ съ выбитыми окнами и въ церквяхъ, иные же совершенно подъ открытымъ небомъ. Еще на седьмой день послѣ битвы около 20.000 раненыхъ не имѣли ни рубашекъ, ни простынь, ни одѣялъ; многимъ еще не сдѣлано было даже перевязокъ. Повязки часто брались съ мѣшковъ изъ-подъ соли, такъ что они сдирали кожу и тамъ, гдѣ она еще была цѣла. На одномъ открытомъ дворѣ лежали трупы вѣмецкихъ солдатъ и гладались здѣсь собаками и клевались воронами. Въ сараѣ подъ Лейпцигомъ на 10-й день послѣ битвы было обнаружено сто семьдесят пять французскихъ раненыхъ, умершихъ съ голоду. Почти такія же сцены разыгрывались въ 1815 году послѣ битвъ при Линни и Ватерлоо, такъ какъ лазареты въ виду ихъ громоздкости не поспѣвали за арміями. Во время крымской кампаниіи положеніе союзниковъ, въ санитарномъ отношеніи, было также весьма жалкое; особенно мало позаботились англичане о лазаретахъ. Изъ английскихъ полковъ, въ сентябрѣ 1854 года высадившихся у Евпаторіи, ни у одного не было болѣе десяти носилокъ и одного выручного пони съ лѣкарственными средствами. Поэтому, послѣ битвы при Альмѣ раненые остались бы лежать неопренными на полѣ, если бы не помогли на слѣдующій день французы и флотъ. Въ то же время, вслѣдствіе плохого продовольствія и дурнаго состоянія одежды, развились эпидеміи холеры, дизентеріи, цынги и тифа, такъ что въ декабрѣ 1854 года на каждую тысячу приходилось 631 случай смерти, а въ теченіе зимы смертность увеличивалась до того, что исчезали пѣдные полки. Лучше стало положеніе раненыхъ и больныхъ лишь съ того времени, какъ появились добровольные санитарные отряды, во главѣ съ миссъ Найтингэль, и помочь частныхъ лицъ дала возможность принять серьезныя и широкія гигієническія мѣры. Во время абиссинской экспедиціи Англія сумѣла воспользоваться несчастнымъ опытомъ изъ Крыма, и поэтому всѣ войска, принимавшія участія въ этой экспедиціи, потеряли изъ раненыхъ и больныхъ не болѣе 1%. Съ особенной силой, въ французской арміи, сказалась недостаточность официальныхъ средствъ помочи послѣ битвы при Сольферино, въ которой, въ теченіе пятнадцати часовъ, 300.000 человѣкъ съ величайшей храбростью бились за побѣду: 40.000 раненыхъ остались на полѣ битвы и столько же больныхъ на слѣдующее утро требовали помѣщенія въ лазареты. Съ величайшей трудностью 30.000 раненыхъ доставлены были въ Брешію, 10.000 въ Кремону. Но даже на шестой день не были еще убраны всѣ раненые. Множество изъ нихъ истекли кровью и погибли отъ голода и жажды на полѣ битвы, во время переноски, на улицахъ деревень и городовъ. Не доставало силъ, чтобы разыскать безпомощныхъ и перенести ихъ въ ближайшія

мѣста; не доставало рукъ, чтобы доставить жаждущимъ устамъ первое и необходимѣйшее утоленіе — воду. Когда потомъ со всѣхъ сторонъ были доставлены средства всякаго рода, недоставало лицъ, чтобы примѣнить ихъ. Мертвяя тѣла съ поля битвы убрать было совершенно некому и, подъ жгучимъ солнцемъ Италии, оно вскорѣ превратилось въ громадный очагъ заразы. Пзвѣстно, что правдивое описание послѣдствій битвы при Сольферино очевидцемъ, женевскимъ гражданиномъ Ари Дюнаномъ, привело къ появлѣнію женевскихъ союзовъ и женевской конвенціи. Прошло лишь немного лѣтъ, и послѣ битвы при Кенингрецѣ мы видимъ снова ту же ужасающую картину. Многія мѣста, полныя труповъ и умирающихъ, были найдены лишь на третій день послѣ битвы. Деревни вокругъ Кенингречеа были полны тяжелораненыхъ, для которыхъ во второй или третій день должна была быть предпринята тщетная работа подачи помощи тамъ, где не было никакихъ ни перевязочныхъ ни подкрайняющихъ средствъ. Разсказываютъ ужасающія вести о тѣхъ стаяхъ всякаго сброва, которые ночью подобно гіенамъ бродили по оставленному полю битвы, грабили мертвцевовъ, снимали все цѣнное съ умершихъ, отрѣзали раненымъ руки ради колецъ, выкальвали глаза, если боялись, что ихъ узнаютъ. И поле битвы подъ Кенингречеомъ нашло своего описателя въ Наундорфѣ, автора потрясающей книги «Unter dem roten Kreuz». Послѣ описанія этихъ ужасающихъ сценъ, Ф. Эсмархъ переходитъ къ обзору тѣхъ предпріятій, которыя были разсчитаны на ослабленіе ужасовъ войны и на облегченіе участія раненыхъ и больныхъ воиновъ. Въ Германіи особенно много было сдѣлано частными усилиями до и во время непродолжительной, но кровавой войны 1866 года. Сюда относятся «центральный союзъ помощи», образовавшійся въ 1864 году и сдѣлавшій первые свои опыты въ войну съ Даніею; союзъ этотъ получилъ сильную поддержку отъ ордена юаннитовъ, пришедшаго къ нему на помошь; капиталъ и имущество его составили до двухъ миллионовъ талеровъ. Одновременно или не много раньше образовались: «Берлинскій союзъ помощи для арміи въ полѣ», «Женскій лазаретный союзъ» изъ 250 дамъ, принявшихъ на себя завѣдываніе лазаретами, «Патріотическій союзъ помощи», общества и союзы въ Саксоніи, Баварії, Вюртембергѣ, Баденѣ, Гессенѣ, Франкфуртѣ и т. д. Союзы эти первоначально дѣйствовали очень слабо. Помощь ихъ, какъ и помощь офиціальная, сначала всегда запаздывала. Кромѣ того, очень часто правительства встрѣчали частную інициативу въ этомъ дѣлѣ весьма недоброжелательно и лишь нехотя соглашались на нее. «Кильскій центральный союзъ помощи» въ началѣ войны 1864 года не былъ допущенъ къ дѣйствіямъ. Австрійское правительство въ началѣ кампаніи 1859 года отказалось отъ услугъ «Патріотическаго союза» и приняло ихъ съ благодарностью уже послѣ битвы при Маджентѣ, когда въ Веронѣ уже лежало 8000 раненыхъ, сильно страдавшихъ отъ жары и отсутствія средствъ помощи. Необходимость согласнаго дѣйствія частныхъ союзовъ и офиціальныхъ учрежденій лишь постепенно входила въ общее сознаніе: 22 (10) августа 1864 года, эта мысль принята была и женевскою конвенціей о «Красномъ крестѣ». Много простору частной предпримчивости было дано особенно въ Соединенныхъ Штатахъ во время великой гражданской войны, когда одними сѣверянами выставлено было два миллиона

пятьсот тысячъ воиновъ, изъ которыхъ болѣе двухсотъ восьмидесяти тысячъ пало отъ ранъ и болѣзней. Здѣсь частная помощь была впервые организована въ прочной формѣ центральной санитарной комиссіи; въ Вашингтонѣ и другихъ городахъ основаны были бюро, находившіяся въ тѣснѣйшей связи съ правительственными сферами. Въ разныхъ городахъ образовалось до 32 тысячъ женскихъ комитетовъ. Безчисленныя пожертвованія стекались въ центральные склады въ Нью-Йоркѣ, Вашингтонѣ, Луивиллѣ, и отсюда уже распредѣлялись по магазинамъ близъ мѣстъ сраженій. Летучія дено слѣдовали за войсками, въ сопровожденіи врачей и чиновниковъ комиссіи; послѣ битвы при Геттисбургѣ комиссія успѣла уже взять на свое попеченіе 14.000 раненыхъ, раньше чѣмъ подоспѣли военные врачи; то же было и при Шарисбургѣ. Въ Америкѣ особенное вниманіе обращено было на устройство всякихъ приспособленій для того, чтобы раненые и на войнѣ пользовались не меньшими удобствами, какъ въ мирное время: появились госпитальные вагоны и суда, походные бараки, лазареты, устроенные согласно всѣмъ указаніямъ гигиены, и т. п. Особыя бюро комиссіи вели точные списки погибшихъ или раненыхъ и больныхъ; служащіе комиссіи заботились и о доставленіи религіознаго утѣшения раненымъ и умирающимъ, брали на себя доставку корреспонденцій съ полей сраженія и т. п.; среди солдатъ распространялись тысячи брошюръ, поучавшихъ относительно того, какъ избѣгать вредныхъ вліяній жизни въ полѣ и какъ оказывать первую помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Общая сумма, израсходованная комиссіетами о раненыхъ во всѣхъ штатахъ союза, за время войны, равняется 212 миллионамъ долларовъ. Подробнымъ перечисленіемъ полезныхъ новшествъ, введенныхъ американцами, кончается первый очеркъ Ф. Эсмарха. Нельзя не напомнить, что авторъ самъ—одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей по облегченію положенія раненыхъ на поляхъ битвъ.

— Американскій генералъ въ Россіи. Въ «Century» продолжается пе-
чатаніе выдержекъ изъ дневника путешествія генерала У. Т. Шермана¹⁾. Но-
вая серія выдержекъ относится къ пребыванію генерала въ Россіи съ апрѣля
по конецъ мая 1872 года. Въ апрѣль Шерманъ находился въ Севастополѣ.
«Городъ Севастополь,—пишетъ онъ,—до осады содержавшій въ себѣ восемь-
десятъ тысячъ человѣкъ, находится въ развалинахъ и содержитъ теперь еле
восемь тысячъ жителей. Немногіе дома отстроены, но Севастополь, вѣроятно,
никогда не вернетъ потеряного своего величія. Мѣсто, занятое англичанами
и французами во время осады, было высоко и вполнѣ господствовало надъ горо-
домъ, такъ что ихъ выстрѣлы, начиная съ первого, должны были наносить
большой ущербъ зданіямъ; русскій флотъ былъ сравнительно хорошо защи-
щенъ, пока не подошли близко траншеи. Съ паденiemъ Малахова кургана, по
необходимости, городъ долженъ былъ пасть, но инженеръ Тотлебенъ, все-таки,
достигъ славы почти столь же великой, какъ если бы ему удалось удержать
это мѣсто. Въ Севастополѣ было впервые доказано, что земля лучшій матеріаль
для защиты отъ крупныхъ снарядовъ. Всѣ сооруженія каменные, которыя по-
падали въ районъ дѣйствія тяжелой артиллеріи англійской или французской,

¹⁾ «General Sherman in Russia» (Century, April, 1895).

разрушались отъ ихъ выстрѣловъ, въ то время какъ земля оставалась невреди-
мою, и въ каждую ночь удавалось исправить ущербъ, причиненный въ теченіе
дня. Здѣсь мало занимательнаго, чего бы мы еще не видали — развѣ детали
старыхъ сооруженій, служившихъ въ свое время при великой осадѣ Севасто-
поля, а теперь находящихся въ развалинахъ и упадкѣ. Погода, когда мы были
здѣсь, была превосходна, на солнцѣ было тепло, почти какъ въ Новой Мексикѣ».
Въ концѣ апрѣля Шерманъ вмѣстѣ съ Кертиномъ, Оденридомъ и русскимъ
маюромъ, котораго онъ называетъ Rochekoff (Рычковъ?), рано утромъ въ
почтовой повозкѣ отправились изъ Севастополя въ Ялту. Фредъ Гранть и мо-
лодой мистеръ Кертинъ остались въ Севастополѣ, чтобы поѣхать потомъ на
пароходѣ. Полковникъ князь Долгоруковъ и корреспондентъ газеты «New-
York Herald», прибывшій изъ Одессы, сопровождали путешественниковъ въ
другой повозкѣ. «Мы отправились,—рассказываетъ далѣе Шерманъ,—по Ба-
лаклавской дорогѣ, черезъ поле битвы подъ Балаклавою, вдоль теченія рѣки
Черной до Байдарскаго прохода. Отъ Алушки мы продолжали свой путь по
прекрасной шоссейной дорогѣ до Ялты, встрѣтивъ нѣсколько колясокъ, въ
одной изъ которыхъ проѣхала русская императрица, съ дочерью, молодой
лэди, лѣтъ девятнадцати... На слѣдующій день былъ сильный туманъ, и мы
уже начали бояться за нашъ пароходъ, какъ онъ вдругъ выдѣлился изъ ту-
мана и сталъ на стоянку... Въ пятницу, въ 4 часа утра, мы выѣхали, и вошли
въ рѣку Ріонъ у города Поти около $\frac{1}{2}9$, ставъ около верфи... Городъ этотъ не-
давнаго происхожденія и совершенно похожъ на какой либо изъ нашихъ за-
падныхъ эдемовъ. Берегъ совершенно плоскій и заливается моремъ. У всѣхъ
здѣсь лихорадка или ознобъ, но тѣмъ не менѣе, это мѣсто избрано исходнымъ
цунктомъ желѣзной дороги, строящейся отъ Чернаго моря къ Каспійскому».
Въ Кутаисѣ Шерманъ видѣлъ мѣстную милиciю, которой странные для него
костюмы и устарѣлое вооруженіе онъ описываетъ очень подробно. Изъ Кутаиса
путешественники отправились дальше, по пути къ Тифлису, въ особомъ поѣздѣ.
Такъ какъ желѣзная дорога однако была не вполнѣ достроена, то часть пути
пришлось проѣхать на лошадяхъ по шоссе, которое Шерману очень понрави-
лось. По дорогѣ американцы обратили вниманіе на черкесовъ. «Я спросилъ,—
говорить Шерманъ,—не вызываетъ ли ношеніе ножей и пистолетовъ какихъ
либо беспорядковъ и насилий; мнѣ отвѣтили, что нѣтъ. Напротивъ, случаи при-
мѣненія пистолета или ножа были рѣдки. Такимъ образомъ, хотя каждый чер-
кесъ и кажется вооруженнымъ подобно гверильясу, но на самомъ дѣлѣ это во-
оруженіе ничего не обозначаетъ и является простою модою, къ которой туземецъ
привязанъ, какъ къ послѣднему, что осталось у нихъ послѣ нашествія готовъ съ-
вера, т. е. русскихъ». Тутъ же Шерманъ дѣлає замѣчаніе о русскихъ войскахъ.
«Мнѣ говорятьъ, что у русскихъ сто двадцать тысячъ солдатъ на Кавказѣ, но я
на дорогахъ или въ городахъ не замѣчалъ большаго количества солдатъ, чѣмъ
во Франціи или Италии». Въ Тифлисѣ Шерманъ прибылъ 5 мая н. ст. «Здѣсь,—
говорить генералъ,—много большихъ и красивыхъ домовъ, и мы расположились
въ гостиницѣ «Европа», которая похожа на многія подобныя учрежденія въ
Европѣ. Намъ дали завтракъ не хуже, какъ въ Италии, но зато всѣ здѣсь го-
ворятъ порусски, по истинѣ на самомъ непонятномъ языке, какой только воз-

можешь. На всѣхъ другихъ языкахъ, напримѣръ, пофранцузски, поиспански, поитальянски, я, по крайней мѣрѣ, могу понять, что желаетъ сказать прислуга, но порусски я рѣшительно ничего не понимаю; я не въ состояніи запомнить название какого либо лица, города, рѣки и т. п. болѣе чѣмъ на 5 минутъ. Бы счастью для насъ, князь Долгоруковъ былъ съ нами и за насъ разговаривалъ и торговался». Постройка дороги отъ Поти внутрь страны, деревянные дома и зарождавшійся городъ въ Поти, видъ деревьевъ и обозовъ по дорогѣ—все это напоминало путешественникамъ Америку и тихоокеанскую желѣзную дорогу, хотя не могли они не замѣтить и разницы. Близость кавказскаго хребта, узкія долины, превосходное шоссе, быстрота Ѣзды и т. п. составляютъ различія, но зато генераль Шерманъ находилъ много сходства между туземцами Кавказа и индѣйцами или новомексиканцами. 7-го мая путешественники имѣли аудіенцію у великаго князя, намѣстника Кавказа. «Насъ принялъ,— говорить Шерманъ,— у самаго входа кто-то, въ родѣ камергера въ богатой формѣ или ливреѣ, поведшій насъ вверхъ по широкой лѣстницѣ въ переднюю. Здѣсь мы подождали пять минутъ и затѣмъ прошли въ залу, вокругъ стѣнъ которой стояли всѣ генералы и штабъ-офицеры великаго князя въ полной формѣ. Вскорѣ затѣмъ мистера Кертина и меня ввели во внутреннюю комнату, родѣ бюро, гдѣ великій князь насъ встрѣтилъ. Онъ былъ въ полной формѣ, въ темно-зеленомъ мундирѣ, съ большимъ количествомъ военныхъ орденовъ на груди и шеѣ. Онъ казался гораздо болѣе молодымъ, чѣмъ я предполагалъ; это красивый на видъ мужчина лѣтъ тридцати шести, шести футовъ и двухъ дюймовъ ростомъ, и довольно худощавый. Онъ хорошо говорилъ поанглійски, и обхожденіе его было любезно и приятно. Онъ спросилъ меня, желаю ли я видѣть войска, на что я согласился; девять часовъ слѣдующаго утра назначены были для смотра, и напѣ визигъ закончился приглашеніемъ къ обѣду въ $\frac{1}{2}$ 5 дня. Послѣ смотра мы посѣтили военную академію и школу для обученія солдатъ, въ родѣ нашей артиллерійской школы; однако приспособленія для физическихъ упражненій, фехтованія и лазанья превосходили то, что имѣется у насъ. Послѣ этого мы посѣтили корпусть штаба, гдѣ видѣли нѣсколько хорошихъ картъ, которая какъ разъ исполнялись. Около ста офицеровъ, кажется были отряжены для этого дѣла и употреблялись для развѣдочной службы и для приготовленія картъ. Какъ я слышалъ, ихъ изслѣдованія простирались по направлению къ Персидскому заливу. Я бы не удивился, въ концѣ концовъ, если бъ русскіе достигли Персидскаго залива раньше, чѣмъ Индіи, какъ предполагается послѣднєе вслѣдствіе пхъ движения къ Бухарѣ. Я однако сильно сомнѣваюсь, пріобрѣтеть ли Россія истинную силу, распространившись черезъ эти азіатскія земли. Ея потери по части людей и денегъ должны увеличить податное бремя собственной Россіи, и въ случаѣ европейской войны ей нельзя было бы удалить эти войска, если бы возстали туземцы. Что Кавказу присоединеніе его къ Россіи доставило благодѣяніе, кажется мнѣ очевиднымъ, такъ какъ всѣ дороги и дома тамъ новой и хорошей постройки, и все является слѣдствіемъ русской работы. Кроме того, Россія здѣсь соединила въ одно прочное цѣлое, то, что раньше состояло изъ почти дюжины небольшихъ княжествъ, которыхъ всѣ были болѣе или менѣе враждебны другъ другу». 9-го мая путешественники

выѣхали изъ Тифлиса и направились по Военно-грузинской дорогѣ къ Владикавказу, на нѣкоторомъ разстояніи отъ котораго, во второй день пути, ихъ встрѣтилъ отрядъ казаковъ, напомнившихъ Шерману индѣцевъ-команчей. Отъ Владикавказа направились дальше по дорогѣ, которую американцы нашли возможнымъ сравнить съ путями въ Канзасѣ: приходилось ѿхать по степи, гдѣ путь намѣчался лишь линіею телеграфныхъ столбовъ. На шестой день, по выѣздѣ изъ Владикавказа, Шерманъ и спутникъ его, сильно усталые, были въ Ростовѣ. Рѣку Донъ Шерманъ сравниваетъ по величинѣ съ Огайо у Синсиннати. Дальнѣйший путь, черезъ Харьковъ, Курскъ и Орелъ, до Москвы путешественники сдѣлали по желѣзной дорогѣ, которую Шерманъ очень хвалитъ: ему понравилась сравнительная быстрота хода, достаточное количество станцій и хорошия буфеты. Все это тѣмъ болѣе пріятно поразило американцевъ, что по пути черезъ Кубанскую область имъ приходилось ѿстѣ всего разъ въ день и почевать въ пустыхъ станціонныхъ зданіяхъ на сѣнѣ, покрывшись собственою одеждью. Въ Москвѣ 19-го мая генераль Шерманъ удостоился видѣть императора Александра II. «Рано утромъ, — разсказываетъ генераль, — пришелъ адютантъ губернатора князя Долгорукова сообщить мнѣ, что императоръ прибудетъ на вокзалъ въ $\frac{1}{2}$ /3 час. по полудни и по телеграфу изъявилъ свое желаніе, чтобы м-ръ Кертина и мы встрѣтили его тамъ, такъ какъ онъ предполагалъ остановиться лишь на немногихъ мгновеній и затѣмъ продолжать путь до Ялты. Мы, конечно, были пунктуальны, и застали на вокзалѣ вѣкоторое число русскихъ гражданскихъ и военныхъ офицеровъ въ полной формѣ; было и нѣсколько дамъ, изъ которыхъ двѣ хорошо говорили поанглійски. Всѣ мы ждали прибытія поѣзда, и свистокъ, дѣйствительно, во время сообщилъ его приближеніе. Платформа была покрыта краснымъ ковромъ... Намъ отвели мѣсто близъ того пункта, гдѣ императору предстояло стать на платформѣ... Когда императоръ вышелъ, онъ сначала поговорилъ съ нѣсколькими изъ старшихъ офицеровъ, а затѣмъ направился къ намъ. Онъ былъ одѣтъ въ темно-зеленый военный сюртукъ, съ двумя лишь орденами на груди, въ темносиніе шаровары съ красными лампасами и плоскую суконную фуражку съ большими козырькомъ; онъ носилъ усы и бакенбарды и очень походилъ на старого офицера изъ арміи Соединенныхъ Штатовъ, какіе были лѣтъ двадцать назадъ — въ родѣ, напримѣръ, полковника Рива или генерала Мэсона. Онъ обратился къ м-ру Кертина и выразилъ надежду, что тотъ останется въ Петербургѣ настолько, чтобы имъ увидаться еще разъ до окончательного ухода м-ра Кертина, отказавшагося отъ поста посланника. Послѣ этого м-ръ Кертина представилъ меня, полковника Оденрида и Фреда Гранта. Императоръ тепло пожалъ мнѣ руку и поклонился остальнымъ. Между нами завязался общій разговоръ, причемъ я говорилъ о любезности, оказанной намъ русскою администрациєю со времени нашего прибытія въ Севастополь, а особенно на Кавказѣ. Послѣ этого императоръ обратился къ многимъ офицерамъ на платформѣ и говорилъ съ каждымъ изъ нихъ нѣсколько минутъ... Ему пятьдесятъ пять лѣтъ, онъ силенъ, здоровъ, но какъ бы подавленъ заботами; въ общемъ онъ красивый мужчина. М-ръ Кертина всегда говорилъ о немъ съ большимъ уважениемъ, какъ о способномъ правителѣ. Минутъ черезъ двадцать онъ занялъ свое

место на задней платформѣ своего вагона, даль сигналъ къ отходу, и поѣздъ медленно тронулся. Привѣтственные клики раздались, одинаково, и при прибытии и при отбытии его». Для поѣздки въ Петербургъ путешественникамъ отвели особый вагонъ, и Шерманъ съ удовольствиемъ вспоминаетъ проѣздъ на протяженіи четырехъ сотъ миль по «лучшей въ мірѣ дорогѣ, прямой, ровной и гладкой». По прибытии въ Петербургъ, путешественники вчетверомъ отпирались къ князю Горчакову. «Мы застали его,—говорить Шерманъ,—въ его дворцѣ, совершенно старого и болѣзненнаго. Было большимъ снисхожденіемъ съ его стороны, что онъ принялъ насъ, но сдѣлалъ онъ это очень любезно и добродушно. Онъ говорилъ о своихъ семидесяти трехъ годахъ тяжелой общественной работы, но на видъ ему восемьдесятъ лѣтъ. Онъ съ трудомъ поднимаетъ свои ноги, и когда мы прощались, онъ сильно кашлялъ. М-ръ Кертинъ считаетъ его однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей въ мірѣ, а онъ очень лестно отзывался о м-рѣ Кертинѣ...». 25-мая Шерманъ и Оденридъ были приняты наслѣдникомъ цесаревичемъ въ Царскомъ Селѣ. «Насъ ввели,—рассказываетъ Шерманъ,—въ красивую пріемную, где насъ милостиво приняли русскій наслѣдникъ престола Александръ, старшій сынъ императора, и его супруга, принцесса Дагмары. Наслѣдникъ сильный, здоровый мужчина, лѣтъ 26-ти, съ привлекательнымъ лицомъ и истинно русской наружностью... Оба хорошо говорили поанглійски и справлялись о напечатаніи путешествій по Россіи... Цесаревичъ былъ одѣтъ въ военную форму и, говорятъ, онъ командуется гвардейскою дивизіею. По слухамъ, онъ очень не любить пруссаковъ, но въ разговорѣ это не проявилось»... 27-го мая Шерманъ осматривалъ Эрмитажъ, где ему очень понравились картины русской школы, и сильно заинтересовалъ кабинетъ Петра Великаго. 28-го мая путешественники посѣтили Кронштадтъ. Гавань Кронштадта не удовлетворила Шермана: онъ ожидалъ отъ нея большаго, равно какъ и отъ крѣпостныхъ сооруженій на Котлинѣ. На слѣдующій день онъ посѣтилъ академію художествъ, где обратилъ вниманіе на преобладаніе и на хорошія качества батальной живописи; ему показалось, что это объясняется покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ, интересующихся такого рода картинами и могущихъ, при своихъ средствахъ, поощрять художниковъ, между тѣмъ, какъ въ Штатахъ, где военные бѣдны, а меценатами являются купцы, трудно ожидать хорошихъ батальныхъ живописцевъ. Въ тотъ же день Шерманъ видѣлся съ адмираломъ Лисовскимъ, который въ свое время съ адмираломъ Портеромъ находился на Миссисипи и посѣтилъ американскіе лагери въ 1862—1863 годахъ. Послѣдними числами апрѣля 1872 г. кончается нынѣшній отрывокъ изъ дневника Шермана. Слѣдующіе отрывки, если они сохранились, должны относиться къ путешествію по Германіи.

— Нѣмецкое изданіе дневника Буша. Къ началу апрѣля сего года вышелъ наконецъ на нѣмецкомъ языке первоначальный текстъ дневника Морица Буша, посвященного воспоминаніямъ о Бисмаркѣ и напечатанного въ минувшемъ году въ англійскомъ переводе въ Лондонѣ въ складѣ Макмиллена¹⁾. Англійское изданіе было встрѣчено почти всей германской прессою съ негодованіемъ, которое должно было показаться всякому беспристрастному

¹⁾ Moritz Busch Tagebuchblätter (Лейпцигъ, 1899 г.).

наблюдателю несправедливымъ, но зато легко объяснялось, если принять въ соображеніе, что съ одной стороны это негодованіе искусственно возбуждалось лицами, не желавшими портить своихъ отношеній къ великимъ мѣра сего, а съ другой, что Бушъ въ своихъ запискахъ сильно задѣлъ многія изъ нѣмецкихъ газетъ. Среди лицъ изъ литературного и дипломатического мѣра, окружавшихъ Бисмарка, не было недостатка въ группировкахъ и враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; въ запискахъ Буша выражается взглядъ одной группы, и рѣзкіе отзывы Буша о членахъ другихъ группъ естественно должны были вызвать гнѣвъ задѣтыхъ и ихъ друзей; этимъ гнѣвомъ и объясняется, что лица, находящіяся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Фридрихсруэ, сумѣли вызвать въ газетахъ нападки на Буша. Нѣть сомнѣнія, что, несмотря на нѣкоторыя ошибки и неточности, а также и безтактности, значение книги Буша остается очень большое, и сомнѣваться въ общемъ въ ея достовѣрности нѣть никакой возможности. Записки Буша даютъ такое количество чертъ, запечатлѣнныхъ личностью канцлера, и такъ разнообразны, что ихъ никакъ нельзя свести къ выдумкамъ. Особенно цѣнно, что мы здѣсь пріобрѣли болѣе обильный матеріалъ для ознакомленія съ Лотаромъ Бухеромъ и, что того важнѣе, полную картину тѣхъ способовъ, которыми Бисмаркъ вліялъ на прессу. Въ этомъ смыслѣ хорошую оцѣнку книги Буша далъ въ недавней статьѣ своей о «Бисмарковской литературѣ» нѣмецкій историкъ Эрихъ Марксъ¹⁾. Нѣмецкое изданіе представляется довольно замѣтную разницу съ англійскимъ. Новый издатель, откупившій рукопись обратно у англійскаго издателя, кое-что пропустилъ, но зато и включилъ многое, что было опущено въ прошлогоднемъ изданіи. Пропуски, сдѣланыя въ англійскомъ изданіи, составляютъ обыкновенно лишь нѣсколько строчекъ; только въ одномъ случаѣ пропущенъ цѣлый печатный листъ съ описаніемъ Шёнгаузена, такъ какъ оно было сочтено не интереснымъ для англійскихъ читателей. Во многихъ случаяхъ восстановленіе первоначального текста въ нѣмецкомъ изданіи, несомнѣнно, улучшило изданіе и исправило его: такъ, въ томѣ I вставлены строки, характеризующія Жюля Фавра послѣ его переговоровъ съ Бисмаркомъ 20-го сентября 1874 года. Въ томѣ II восстановлены мѣста, гдѣ говорится о планѣ Эгиди создать офиціозный міровой органъ, исправлено начало описанія канцлерского дворца въ Берлинѣ, гдѣ въ англійскомъ изданіи стоить рѣзкая фраза о либеральной престѣ, которой въ первоначальномъ текстѣ Буша вовсе не имѣлось. Современному историку придется теперь при ссылкахъ пользоваться уже нѣмецкимъ изданіемъ Буша, а не англійскимъ. Чрезвычайно разумно сдѣлалъ издатель, снабдивъ всѣ три тома подробнѣйшими указателями и прибавивъ къ нимъ указатель паралельныхъ мѣстъ въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ» Бисмарка.

— Юмористическая стороны англійского парламента. Въ англійскомъ парламентѣ существуетъ очень много курьезныхъ обычаевъ, которые не измѣняются вслѣдствіе приверженности англичанъ къ традиціямъ и очень часто ведутъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ и смѣшнымъ приключеніямъ. Въ осо-

¹⁾ Erich Marcks, «Bismarck und die Bismarckliteratur» (*«Deutsche Rundschau»*, 1899, april).

бенностъ часто даетъ поводъ къ смѣшнымъ инцидентамъ, такъ называемый, «обычай шляпы». Новый членъ парламента, вслѣдствіе своей неопытности, часто нарушаетъ обычаи парламента, и въ особенности трудно бываетъ ему свыкнуться съ тѣмъ, какъ надо обращаться со шляпой, когда надѣвать ее и когда снимать. Каждый членъ парламента долженъ входить въ залу, держа шляпу въ рукахъ, и затѣмъ надѣвать ее на голову, садясь на свое мѣсто. Если же какой нибудь членъ парламента встаетъ со своего мѣста, чтобы произнести рѣчь, то онъ долженъ предварительно снять шляпу и положить на сидѣніе. Бѣда тому, кто позабудетъ это правило! Одинъ членъ парламента, не привыкшій къ обычаямъ, всталъ съ своего мѣста и началъ рѣчь, не снимая шляпы. Поднялся шумъ и возгласы со всѣхъ сторонъ. Новый членъ парламента никакъ не могъ понять, почему ему не даютъ говорить, чѣмъ онъ возбуждается такое негодованіе, и въ смущеніи поглядывалъ по сторонамъ. Тогда одинъ изъ старѣшихъ членовъ парламента, докторъ Таннеръ, подошелъ къ нему, снялъ ему шляпу съ головы и съ глубокимъ поклономъ подалъ ему, при общемъ хохотѣ залы. Случается также, что какой нибудь членъ парламента, произнося горячую рѣчь, опускается на свое сидѣніе, позабывъ взять шляпу, которую онъ, согласно обычаю, положилъ на свое мѣсто и, такимъ образомъ, сгоряча, садится на свою шляпу и обращаеть ее въ блинъ. Такой случай былъ сэромъ Вильямомъ Гаркуромъ и Чембэрленомъ, и благодаря такому смѣхотворному происшествію, весь эффектъ ихъ рѣчи былъ потерянъ. Одинъ изъ новыхъ молодыхъ членовъ, впервые избранный въ парламентъ, долгое время былъ извѣстенъ подъ именемъ «члена, сѣвшаго на свою шляпу». Каждый новый членъ парламента долженъ произнести вступительную рѣчь, и это называется «Maiden Speech». Злополучный членъ парламента тщательно подготовилъ свою рѣчь и разсчитывалъ произвести ею впечатлѣніе, такъ какъ онъ говорилъ противъ ирландскаго гомруля. Но на бѣду онъ позабылъ о своей шляпѣ и, эффективно закончивъ рѣчь, усѣлся на нее. Когда онъ со сконфуженнымъ видомъ вытащилъ снятую шляпу и началъ расправлять ее, то одинъ изъ ирландскихъ депутатовъ обратился къ спикеру (президенту) со слѣдующими словами: «Прошу разрѣшенія поздравить достоинченнаго члена съ тѣмъ, что его голова не находилась въ шляпѣ въ то время, какъ онъ сѣлъ на нее!» Нечего и говорить, что весь эффектъ тщательно заготовленной рѣчи молодого оратора пропалъ, коммюнера и вся палата разразились хохотомъ. Въ другихъ случаяхъ, когда какой нибудь депутатъ хочетъ внести поправку въ формулѣ голосованія, то онъ надѣваетъ шляпу и, такимъ образомъ, обращается къ спикеру. Однажды съ Гладстономъ былъ такой случай: онъ обладалъ такою большою головой, что долженъ былъ специально заказывать себѣ шляпы. Какъ-то торопясь сдѣлать поправку, онъ, вмѣсто своей шляпы, схватилъ шляпу своего сосѣда, обладавшаго очень маленькою головой. И, такъ какъ эта шляпа не влѣзала ему на голову, то Гладстону пришлось во все время своей рѣчи придерживать ее рукой, такъ какъ она помѣщалась у него на макушкѣ головы и все время сѣзжалла. Но изъуваженія къ «великому старцу» члены не расхохотались, хотя видно было, что они съ трудомъ удерживались отъ смѣха, глядя на усилия Гладстона удержать шляпу въ надлежащемъ положеніи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Могила Пушкина въ 1856 году.

ФИГОРІЙ Александрович Тройницкій любезно сообщильт намъ письмо М. П. Розберга, писанное въ августѣ 1856 года, гдѣ, между прочимъ, находится описание могилы Пушкина и дома въ селѣ Михайловскомъ, которые Розбергъ посѣтилъ во время своей поѣздки въ Псковскую губернію. Приводя ниже отрывокъ изъ письма Розберга, счи-таемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Михаиль Петровичъ Розбергъ род. въ 1804 г. и по окончаніи, въ 1825 г., курса въ Московскомъ университѣтѣ, служилъ въ Одессѣ и въ 1830—1833 гг. редактировалъ «Одесскій Вѣстникъ», издававшійся тогда на рус-скомъ и французскомъ языкахъ. Въ 1836—1867 гг. онъ быль профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ; въ 1841 г. онъ быль избранъ адъюнктомъ, а въ 1849 г. экстраординарнымъ академикомъ Ака-деміи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Скончался въ 1847 году.

Въ тридцати верстахъ оть Духова, котораго принадлежности простираются очень далеко, находится имѣніе барона Сердобина, по направленію къ Новожеву, Александрово; мы туда ъѣздили съ Н. И. Шенигомъ и его дочерьми. Мѣсто положеніе прекрасное; почва холмиста; передъ большими домами съ высо-кими колоннами, хорошо, даже изящно построеннымъ, разстилается скатерть обширнаго озера, отороченная съ одной стороны густымъ, тѣнистымъ па-комъ; отъ параднаго крыльца спускаются террасами къ водѣ цвѣтники, дѣлающіе честь вкусу хозяина и хозяйки; ее, однакожъ, мы же застали: она въ чужихъ краяхъ, въ Швейцаріи, вотъ уже слишкомъ годъ, гдѣ, вѣроятно, глядя

на зеркальныя струи Лемана или Женевскаго озера, съ отраженными въ нихъ синѣжными вершинами Альпъ, охотно забываетъ зеленоватую гладь своего, доморощенаго, запрятанного въ одно изъ заходустій Исковской губерніи. Мы провели у Сердобина около недѣли; посѣщали семейство барона Вревскаго. Помѣстіе Вревскаго¹⁾, — Голубово, лежитъ отсюда близко, не съ большимъ въ верстѣ разстоянія; тамъ было нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, гдѣ я познакомился, между прочимъ, съ замѣчательнымъ лицомъ — Вульфомъ²⁾, другомъ и товарищемъ Пушкина и Языкова; отъ него и отъ сестеръ его, по второму замужеству его матери, дѣвицъ Осиныхъ, слышалъ я много любопытныхъ, наглядныхъ подробностей объ обоихъ написахъ поэтахъ, особенно о первомъ. Изъ Александрова, мы съ Солнцевымъ³⁾, вдвоемъ, предпринимали поѣздку за 22 версты, въ Святогорскій монастырь, заключающій въ оградѣ своей прахъ одного изъ самыхъ вдохновенныхъ пѣвцовъ девятнадцатаго вѣка. Дорога туда загромождена холмами, подымающимися чѣмъ ближе, тѣмъ выше, довольно замѣтными уступами, до стѣнъ обители, которой главная церковь стоитъ на крутой горѣ, обросшей, съ подошвы до вершины, густою, дремучею чащию деревьевъ, осѣненныхъ золотымъ заключеніемъ креста. Въ лучахъ вечерняго солнца, онъ изъ-за темной зелени горѣль намъ невечернимъ свѣтомъ путеводной звѣзды, то скрывавшейся за лѣсистыми возвышеніями, то блестѣвшей опять на далекомъ небосклонѣ; справа и слѣва разстилались низменныя, волнистыя долины, по которымъ, упираясь ломанными излучинами въ обрывы, играетъ павлисто быстрая, глубокая, голубая Сороть. Виды, со всѣхъ сторонъ, въ самомъ дѣлѣ, рисовались живописные, очаровательные. Мы прибыли въ монастырь, когда почти уже стемнѣло. Это было 21-го іюля; погода въ тотъ день стояла весьма теплая, при наступленіи ночного мрака, часу въ 12-мъ, поспѣль я бродить около обители, кругомъ ея ограды; храмовая гора воздымалась высоко надъ стѣнами; глухо, при легкомъ вѣтеркѣ, шумѣлъ лѣсъ, ее одѣвающій, качались вѣтви плакучихъ березъ, чернѣли исполинскія ели, и въ ихъ непроницаемой тѣни бѣлѣлъ, словно блѣдный призракъ былого, обелискъ, воздвигнутый надъ могилою творца Онѣгина и Полтавы... Сколько чувствъ стѣснилось въ моемъ сердцѣ! мнѣ приходило на мысль много печальныхъ стиховъ, звуковъ завѣтныхъ, незабвенныхъ, звенѣвшихъ и воздыхавшихъ на струнахъ арфы и лиры, подъ рукою Пушкина... На другой день, по утру, мы посѣтили одного послушника, въ его келліи; это замѣчательный человѣкъ; онъ часовщикъ по ремеслу, долго жилъ въ Москвѣ, продавалъ свѣчи у Василія Блаженнаго, странствовалъ въ Россіи почти по всѣмъ богомоліямъ и наконецъ удалился сюда, въ уединенную обитель Святогорскую, гдѣ еще не починается себѣ достойнымъ вступить въ причетъ монашествующей братіи. Онъ одаренъ рѣдкой любознательностью, прочель, кажется, все, чтѣ только печатано церковно-славянскими буквами, владѣя памятью необыкновенной. Трогательно было видѣть и слышать этого простодушнаго, безпритязательнаго старца,

¹⁾ Барона Бориса Александровича, женатаго на Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ.

²⁾ Алексѣемъ Николаевичемъ.

³⁾ Магистръ Дерптскаго университета.

укрывлагося отъ соблазновъ міра въ тихій пріютъ молитви и съ сердечной ясностью во взорахъ издали смотрящаго на волненія, ему знакомыя. Отъ него мы отправились къ обѣднѣ, въ нагорный храмъ, а по ея окончаніи служили панихиду надъ могилою незабвенного поэта нашей молодости; мѣсто его упокоенія находится противъ главнаго алтаря, и украшено, впрочемъ, очень скромнымъ памятникомъ изъ бѣло-сѣроватаго мрамора, представляющимъ обелискъ, въ сажень вычины, надъ небольшой аркой, заверпленный бронзовымъ, вызолоченнымъ крестомъ. Всего лучше надпись: «Александъ Сергеевичъ Пушкинъ», а нѣсколько пониже: «родился въ Москвѣ 1799 года, мая 26-го, скончался въ Санктпетербургѣ 1837-го года, января 29-го». Хорошо, что ничего болѣе не сказано, и что можно было сказать послѣ высказаннаго бессмертнымъ стихотворцемъ!.. Но есть иной памятникъ: «къ нему не заростетъ народная тропа»:

Поднялся выше онъ главою непокорной
Изаполеона столица...

Глядя на смиренный мавзолей, я помышляль невольно о томъ нетленномъ нагробіи, которое пѣвецъ предрекъ себѣ въ потомствѣ, и котораго не сломить ни вихрь, ни быстротечный громъ, не сокрушить полетъ всеувѣляющаго времени. Могила Пушкина, осѣненная со всѣхъ сторонъ развесистыми деревьями, растущими въ дикомъ безпорядкѣ, находится на самомъ краю обрыва горы, откуда открываются прелестные виды въ неизмѣримую даль, на окрестные поля и лѣса; вблизи, справа и слѣва, вrostаютъ въ землю подернутыя мохомъ каменные плиты, съ едва уже замѣтными надписями, а между ними, мѣстами, явственнѣе выступаютъ черты, обозначающія фамилію «Ганнибаловъ», родовую матери поэта. Около насть собралось нѣсколько простыхъ людей, монастырскихъ служектъ, престарѣлыхъ иноковъ и сельскихъ жителей, случившихся въ церкви; глубоко трогательны были минуты, когда клиръ запѣлъ стихири поминовенія, сопровождавшіе слабый голосъ служивлаго настоятеля, когда съ кадила, легкимъ прозрачнымъ облакомъ, поднялся дымъ ладана, извиваясь и разсыпаясь по темнымъ вѣтвямъ елей, обвѣянныхъ лиловымъ туманомъ утра и въ промежуткахъ, откуда проглядывало небо, пронзенныхъ длинными полосами свѣта!.. Мысль улетала въ минувшее: я всиомнилъ день, осеню 1826-го года, въ который я встрѣтился съ Пушкинымъ у Беневитинова, вечера нашихъ общихъ, согрѣтыхъ огнемъ юности, широхъ у Полевыхъ, за Сухаревой башней; мнѣ мерещилось гулянье подъ Новинскимъ, гдѣ я видѣлъ, какъ толпы народа ходили за славнымъ пѣвцомъ Эльборуса и Бахчисарай, при восклицивіяхъ съ разныхъ сторонъ—укажите! укажите намъ его!.. И онъ палъ подъ пурпуро-пустого вертонараха, жертвой бабыхъ сплетней и суетнаго круга, куда увлекъ его рокъ, и вотъ его прахъ на крутизѣ пустынныхъ мѣстъ, у подножія алтаря, въ забытомъ углѣ Россіи, гордящейся имъ, какъ самымъ громкимъ, самымъ сладкозвучнымъ и многозначащимъ словомъ, произнесеннымъ ею въ текущемъ столѣтіи! Мрачныя думы смѣялись свѣтлыми въ душѣ моей, и скорбныя чувства снова подавляли собою ясныя; я мечталъ о судьбѣ мужественнаго ума и нѣжнаго сердца, создавшихъ столько

неувядаемо-прекраснаго, объ ударѣ, сразившемъ безвременно творца столькихъ изящныхъ, восторженныхъ явленій, и на мысль приходило, какъ онъ погибъ...

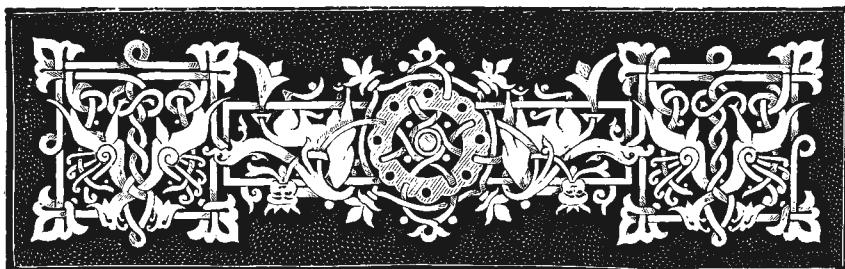
Иль какъ орда стрѣлой произили люди,
Когда, младой, къ свѣтилу дни летѣт;
Иль какъ поѣть, зажавши рану груди,
Блѣднѣя паль, и пѣсни не допѣли..

На возвратномъ пути, мы заѣзжали въ Михайловское, деревню Пушкина, и въ Тригорское, имѣніе Осиновыхъ, где онъ почти ежедневно бывалъ, живя по сосѣству. Господскій домъ, въ Михайловскомъ, где написанъ Борисъ Годуновъ, где сложилась большая часть неподражаемыхъ главъ Онѣгина, где родились очаровательные звуки, нашедшіе отголоски во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества, представляется видъ печальной развалины; онъ деревянный, — крыша и отчасти потолки обвалились, крыльцо распалось, стекла насквозь пробиты; дождь льется въ комнаты, и вѣтеръ въ нихъ завываетъ; все кругомъ заглохло, одичало; дворъ и садъ забиты крашивой, дрянной еловая аллея, примыкающая къ воротамъ, заросла... унылая грусть стѣсняетъ сердце, при видѣ этихъ опустѣлыхъ мѣстъ... какъ будто всѣ слѣды вещественнаго бытія Пушкина должны были исчезнуть, чтобы тѣмъ ярче горѣть слѣды его духа въ народѣ русскомъ!..

Возвратясь въ Александрово 22-го юля, мы еще поспѣли на именинный обѣдъ дочери Вревского, Маріи¹⁾, дѣвушки съ замѣчательно изысканнымъ умомъ и глубокимъ чувствомъ, рѣдкимъ явленіемъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, который преданъ суетѣ, сплетнямъ и пустой болтовнѣ. Черезъ два дня все общество верхами и въ линейкахъ провожало наaszь 12 верстъ на обратномъ пути въ Духово. Мы разстались среди сосноваго лѣса, при голосистыхъ пѣсняхъ родины, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, унося въ душѣ неизгладимое воспоминаніе о миломъ, радушномъ гостепріимствѣ... Наконецъ, 14-го августа оставили мы и дружный кругъ семейства Ник. Игн.; дорогой встрѣтилось нѣсколько препятствий, помѣшившихъ намъѣхать скоро, а 19-го августа показались къ 3-мъ часамъ по полудни такъ называемыя Ливонскія Аениы...

¹⁾ Баронесса Марія Гавриловна Вревская была замужемъ за Григор. Федор. Карповымъ, состоявшимъ одно время опочецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; теперь вдова, живетъ въ имѣніи покойного мужа «Казаны» Опочецкаго уѣзда.

С М Ъ С Ъ.

В юбилею Пушкина. I. Астрахань. Астраханской городской думою постановлено: съ начала будущаго учебнаго года открыть въ 6 участкѣ города, вообще бѣдномъ начальными школами, новое женское приходское училище, присвоивъ ему наименование Пушкинского. Кромѣ того, опредѣлено выдать всѣмъ учащимся въ городскихъ училищахъ собранія сочиненій чествуемаго поэта, на что и ассигновано 2.000 р. На масляницѣ въ Астрахани состоялся вечеръ при участіи учениковъ городскихъ начальныхъ школъ, посвященный также памяти А. С. Пушкина. Вечеръ этотъ былъ данъ

въ пользу попечительства о бѣдномъ учащемся юношествѣ и далъ чистаго сбора въ кассу попечительства, за вычетомъ расходовъ, болѣе 1.000 р. Нынѣшнимъ постомъ чествовать столѣтнюю годовщину рождения великаго поэта предполагаютъ устройствомъ вечеровъ и чтеній мѣстное литературно-драматическое общество, художественный кружокъ и общество трезвости. Въ концѣ февраля, по инициативѣ супруги губернатора, г-жи Газенкампфъ, была устроена въ Астрахани «Пушкинская выставка» изъ предметовъ, имѣющихъ отношение къ памяти поэта. II. Батумъ. Образованная при Батумской думѣ особая комиссія, совмѣстно съ городской управою, выработала программу празднества 26-го мая. Предположена, между прочимъ, раздача дѣтямъ сладостей, портретовъ, биографий и сочиненій поэта, при чёмъ дѣти старшихъ классовъ гимназій, городского ремесленного и маринскаго училищъ, получаютъ дешевое изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина, младшихъ же классовъ — дешевое же

изданіе какого либо одного произведенія. **III. Варшава.** Варшавскій генералъ-губернаторъ, свѣтлѣйший князь А. К. Имеретинскій, желал обсудить въ осо-бомъ совѣщаніи вопросъ о порядкѣ чествованія Пушкинскаго юбилея русскимъ обществомъ въ Варшавѣ, пригласилъ къ участію въ этомъ совѣщаніи: князя А. Д. Оболенскаго, К. В. Комарова, В. Н. Лигина, А. К. Пузыревскаго, П. Д. Па-ренсова, П. М. Иванова, Д. Н. Мартынова, И. С. Крашенинникова, Г. Э. Зен-гера, Е. Ф. Карскаго, К. Я. Грота, А. И. Смирнова, П. А. Кулаковскаго, Е. В. Мѣнкина, А. Т. Тимановскаго, М. Е. Эртель, баронессу Л. Г. Бойе, А. А. Соколова и Ю. Л. Ельца. Совѣщаніе состоялось 28-го марта, въ варшав-скомъ замкѣ, въ $2\frac{1}{2}$ часа для и было открыто слѣдующими словами князя: «Въ настоящее время вся Россія готовится къ чествованію столѣтнаго юбилея Александра Сергеевича Пушкина. Русское общество въ Варшавѣ, смѣю ду-мать, единодушно и дружно сливаются въ общемъ горячемъ стремленіи при-соединиться къ этому духовному торжеству. Желая, чтобы это единодушіе изъ областіи стремленія перешло въ сферу практическаго осуществленія, я просиль-васъ собраться на это совѣщаніе, чтобы совмѣстно обсудить вопросъ о наибо-лѣ достойномъ празднованіи юбилейныхъ майскихъ дней въ кругу русскихъ людѣй въ Варшавѣ. Было бы желательно, чтобы наше русское общество от-праздновало эти дни, не разбиваясь на отдѣльные кружки, а напротивъ тѣсно сплотившись предъ одушевляющею всѣхъ наਸью общую цѣлью. Но при этомъ, конечно, всякая частная инициатива въ составленіи и выполненіи программы чествованія будетъ принята съ искреннею благодарностью». Въ предстоящихъ празднованіяхъ въ честь А. С. Пушкина рѣшили принять участіе и нѣкоторыя войсковыя части. Въ одномъ изъ варшавскихъ крѣпостныхъ пехотныхъ пол-ковъ рѣшено въ день юбилея познакомить солдатъ съ произведеніями нашего поэта и литературными его произведеніями вообще, а также пріобрѣсти для ротныхъ солдатскихъ библіотекъ нѣкоторыя сочиненія Пушкина. **IV. Вильна.** 1) 3-го марта состоялось засѣданіе Пушкинской комиссіи (отъ комитета попе-чительства о народной трезвости). Выработанная уже ранѣе программа чествово-ванія памяти А. С. Пушкина теперь обсуждается въ деталяхъ. Однимъ изъ членовъ комиссіи, какъ сообщается «Сѣв.-Зап. Слово», представлена біографія поэта съ выдержками изъ его произведеній, предназначенная для прочтенія и, быть можетъ, для бесплатной раздачи народу въ дни великаго торжества. Въ томъ же засѣданіи была высказана мысль, что для увѣковѣченія имени Пуш-кина слѣдовало бы выписать платки, какъ съ изображеніемъ поэта, такъ и различныхъ сценъ изъ его произведеній и распространить ихъ въ народѣ. 2) Городскою думою разсмотрѣть докладъ городской управы по вопросу о спо-собѣ празднованія гор. Вильною предстоящаго 25-го мая столѣтія со дня ро-жденія А. С. Пушкина. Рѣшено: 1) Отпускать ежегодно, начиная съ 1 января будущаго года, по 1.000 руб. на организацію курсовъ для виленскихъ ремес-ленниковъ, при чемъ разработку проекта устройства курсовъ возложить на подготовительную комиссію по вопросу объ открытии въ Вильнѣ низшихъ ре-месленныхъ училищъ. 2) Переименовать Замковый скверъ въ «Пушкинскій», при чемъ уполномочить городскую управу возбудить объ этомъ ходатайство. 3) Поставить въ этомъ же скверѣ бюстъ А. С. Пушкина, испрашивая на это

кредитъ въ 1.500 руб. 4) Отпустить 400 руб. на устройство гулянья въ городскомъ Бернадинскомъ саду и на бесплатную раздачу ученикамъ новгородскаго приходского училища сочиненій А. С. Пушкина. 3) Помимо думы и почетительства, въ устройствѣ праздника принимаютъ участіе: управление учебного округа, музыкально-драматической кружокъ любителей, учрежденія вѣдомства императрицы Маріи, духовно-учебная заведенія и купечество города, которое въ собраніи, 9-го марта, составило между собою подписку на устройство празднества и назначило особую комиссию для выработки соответствующей программы. **V. Владикавказъ.** Городская дума, обсудивъ 18-го марта предложеніе городского головы о чествованіи памяти Пушкина, постановила: 1) программу чествованія принять въ томъ видѣ, какъ она предложена городскимъ головой; 2) ассигновать на расходы по пріобрѣтенію 6.000 экземпляровъ юбилейного сборника Пушкина для раздачи учащимся и народу и на устройство народныхъ чтений и спектаклей 480 руб.; 3) построить и учредить начальную одноклассную смѣшанную школу имени А. С. Пушкина на 120 дѣтей при двухъ учителяхъ, съ тѣмъ, чтобы къ школѣ была пристроена затѣмъ народная аудиторія. На постройку школы изъзаимствовать изъ запаснаго капитала 15 тыс. руб. съ погашеніемъ этого долга въ 1901 и 1902 гг.; 4) ассигновать изъ общегородскихъ средствъ по 1.700 руб. въ годъ на содержаніе школы, начиная съ 1900 года, и 5) наименовать «Пушкинскимъ» городской скверъ передъ старымъ соборомъ. **VI. Вологда.** Общество вологодской бесплатной библіотеки, постановивъ чествовать память поэта, рѣшило, между прочимъ, устроить на пасхальной недѣлѣ два литературные вечера (въ театрѣ и помѣщеніи народной аудиторіи) и назвать предполагаемое къ постройкѣ зданіе народной аудиторіи «Пушкинскимъ». Имѣя свѣдѣнія, что и городская управа также полагаетъ обратиться къ думѣ съ предложеніемъ чествованія памяти поэта, Общество постановило просить думу о соединеніи въ одно цѣлое усиливъ его и города для устройства зданія народной аудиторіи въ память Пушкина. У общества имѣется собраныхъ разными путями, пожертвованныхъ учрежденіями и частными лицами, слишкомъ 4.000 р., затѣмъ обѣщано купеческимъ обществомъ до 2.000 руб., стоимость же зданія для аудиторіи опредѣляется приблизительно въ 16.000 рублей. **VII. Гродна.** Городская дума постановила, въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина, учредить при мѣстныхъ гимназіяхъ—женской—четыре и мужской—дѣти стипендіи для лучшихъ учащихся. **VIII. Закаталы.** 21-го февраля состоялось общее собраніе учительницъ и учителей города для выработки программы на 26-е мая. Одинъ изъ устроителей будущаго чествованія Пушкина, учитель мѣстного городского училища Д. Л. Татіевъ, намѣренъ въ недалекомъ будущемъ исходить тайствование разрѣшеніе на открытие воскресной школы для взрослыхъ имени великаго поэта. **IX. Замостье.** 21 февраля въ зданіи мѣстныхъ прогимназій состоялся литературно-музыкальный вечеръ, который служить репетиціей предстоящаго въ маѣ мѣсяцѣ художественного праздника въ память поэта. Программа вечера состояла, какъ изъ декламаціи произведений Пушкина, такъ и инструментальной и вокальной музыки, составленной на слова Пушкина. Ученица Уманецъ прочитала «Сонъ Татьяны», а ученица Лишкевичъ исполнила мелодекламацию —

«Встрѣча». Вечеръ закончился исполненiemъ соединеннымъ хоромъ учащихся обѣихъ прогимназій народнаго гимна. Программа къ майскимъ торжествамъ будетъ пополнена сценами изъ «Бориса Годунова» и «Евгения Онѣгина». **X. Казань.** 1) Въ четвергъ и пятницу на масляницѣ, въ реальному училищѣ и въ женской Марининской гимназіи, въ Казани, были устроены литературно-музыкальные вечера въ честь Пушкина. Въ реальному училищѣ преобладалъ музыкальный отдѣлъ, въ женской гимназіи — литературный. Піесы для инструментальной игры и пѣнія были избраны такія, которыя имѣютъ какое нибудь отношеніе къ чествуемому поэту. 2) Избранная казанской думой комиссія для разработки вопроса о чествованіи въ Казани столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ послѣднемъ своемъ засѣданіи рѣшила предложить думѣ въ честь Пушкина назвать публичную библіотеку «Пушкинскую» и перевести ее въ народную аудиторію, кромѣ того, изготовить бюстъ Пушкина и поставить его сначала въ Державинскомъ садикѣ, а затѣмъ, когда будетъ окончено сооруженіе зданія народной аудиторіи, перенести его туда; раздать всѣмъ учащимся въ городскихъ школахъ по экземпляру полнаго собранія сочиненій Пушкина и ассигновать какую нибудь сумму въ распоряженіе комитета, учрежденного для выкупа имѣнія Пушкина въ Исковской губерніи и устройства тамъ разныхъ учрежденій имени великаго поэта; устроить въ Казани новый бульваръ, которому присвоить наименование Пушкинского. Лучшимъ мѣстомъ для устройства такого бульвара признана комиссіей односторонка Арскаго поля, между Родионовскимъ институтомъ и Промышленнымъ училищемъ. 3) Въ Казани предполагается основать общество любителей русской словесности имени А. С. Пушкина, которымъ историко-филологический факультетъ Казанского университета рѣшилъ почтить предстояцій юбилей великаго поэта. Общество съ подобными задачами существовало въ Казани въ началѣ текущаго столѣтія, и отъ него, кажется, сохранился единственный томъ «трудовъ»; но чуть ли не въ тридцатыхъ годахъ оно совсѣмъ перестало существовать. Гораздо позже, въ 80-хъ годахъ, основано было собственно Пушкинское общество, но оно задавалось самыми разнородными задачами, и такими, между прочимъ, которыя не имѣли ничего общаго съ научными изысканіями въ области русской литературы и языка. Въ кругъ занятій проектируемаго общества должны войти и славянскія литературы. Открыть общество предполагается въ юбилейные дни. Инициаторомъ въ воскрешеніи общества явился профессоръ Будде. **М. Каменецъ-Подольскъ.** Городская дума обсуждала вопросъ о чествованіи столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина и постановила открыть по этому поводу новое, шестое городское училище, наименовать его «Пушкинскимъ», въ дні же предстоящихъ празднествъ раздать всѣмъ оканчивающимъ городскія школы по одному экземпляру полнаго собранія сочиненій поэта. **XII. Киевъ.** 1) Чествованіе Пушкина низшими учебными заведеніями предположено произвести слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день всѣ учащіяся городскихъ приходскихъ училищъ утромъ соберутся въ назначенный пунктъ, при чемъ изъ отдаленныхъ училищъ дѣти пріѣдутъ по городской желѣзной дорогѣ. Собравшись, дѣти выстроются рядами, мальчики отдѣльно отъ дѣвочекъ, и шествуютъ въ Кадетскую рощу; впереди мальчиковъ идетъ одинъ

оркестр музыки, а впереди девочекъ—другой. Мальчики идутъ со значками, одинъ значекъ на 20 мальчиковъ; значекъ состоять изъ легкаго древка, на которомъ укрепленъ национальный флагъ съ нарисованнымъ на немъ или на шитымъ въ большомъ видѣ изображеніемъ высочайше утвержденаго значка для ношения на фуражкахъ учениками городскихъ училищъ. По прибытии на мѣсто, дѣтямъ будетъ предложенъ завтракъ. За тѣмъ, весь день дѣти проведутъ подъ руководствомъ учащихъ, въ играхъ и разныхъ забавахъ. Вечеромъ возвращаются въ городъ тѣмъ же порядкомъ, только значки (знаками) будутъ замѣнены зажженными разноцвѣтными стеклянными фонарями, укрепленными на древкахъ. Всѣмъ дѣтямъ будутъ розданы избранныя сочиненія Пушкина, изданіе Стасюлевича, иллюстрированное, съ потретомъ поэта. Актъ кievскихъ городскихъ училищъ въ этомъ году также будетъ посвященъ памяти великаго русскаго поэта: дѣти будутъ читать на актѣ исключительно стихотворенія А. С. Пушкина, а также и пѣсть положенные на ноты его произведенія, доступныя пониманію дѣтскаго возраста. 2) Почетный почечитель Кіевской первой гимназіи А. Н. Терещенко уреждается при этой гимназіи на пожертвованный имъ капиталъ, въ 5.000 руб., чомѣщеній въ 4% государственной рентѣ, одну стипендию имени А. С. Пушкина. Стипендиа эта, согласно волѣ жертвователя, будетъ выдаваться тому изъ учениковъ 7-го класса названной гимназіи, который окажеть отличные успѣхи по русской словесности при удовлетворительныхъ успѣхахъ по всѣмъ прочимъ гимназическимъ предметамъ. Стипендиатъ долженъ быть русскій, православнаго исповѣданія и благонравнаго поведенія. Въ теченіе двухъ лѣтъ нахожденія въ гимназіи до окончанія курса стипендиатъ получаетъ лишь часть стипендиї въ размѣрѣ, необходимомъ для уплаты за право ученія (60 руб.). По окончаніи же курса стипендиату выдается по выходѣ изъ гимназіи весь остатокъ стипендиї, накопившійся за два года, что составить около 260 руб. 3) По инициативѣ директора Кіево-Печерской гимназіи В. И. Петра, на средства учащихъ и учащихся этой гимназіи, въ скверѣ передъ зданіемъ ея, предполагается поставить памятникъ Пушкину; открытие этого памятника предполагается пріурочить къ 26 мая. 4) Собрание учителей церковно-приходскихъ школъ, обсуждая программу литературно-вокальной части предполагаемаго акта церковныхъ школъ, рѣшило, въ виду предстоящаго пушкинского юбилея, всю литературную программу акта составить изъ произведеній А. С. Пушкина. 5) Кіевская музыкальная фирма А. Соколь (А. Адельгеймъ) къ пушкинскому юбилею выпустила составленный А. Адельгеймомъ каталогъ всѣхъ музыкальныхъ произведеній на слова А. С. Пушкина. Каталогъ составленъ очень подробно въ алфавитномъ порядке фамилій композиторовъ. Въ него вошли помимо оперъ, хоры, дуэты, романсы и пѣсни, изъ которыхъ многія уже забыты публикой. Для музыкантовъ каталогъ Адельгейма представляетъ безспорный интересъ.

XIII. Кишиневъ.

- 1) Кишиневское общество остановилось на слѣдующихъ способахъ увѣковѣченія имени Пушкина: 1) Учредить при городской общественной библіотекѣ самостоятельную библіотеку для дѣтскаго чтенія подъ правильнаго организованнаго руководствомъ. 2) Устроить народную аудиторію имени Пушкина. Мѣсто для аудиторіи отводить городъ на Чуфлинской площади. Ходатайство о присвоеніи будущей аудиторіи имени

Пушкина уже возбуждено. 3) Наименовать Киевскую улицу—Пушкинскою въ силу того, что на эту улицу выходитъ Пушкинская аллея городского сада—излюбленное мѣсто прогулки поэта,—ведущая отъ памятника Пушкина. 4) Ассигновать 100 р. для выкупа села Михайловскаго. Что касается собственно празднованія, то оно предположено на два дня, причемъ въ первый день будуть устроены только вечеромъ Пушкинскія чтенія съ туманными картинами, а на второй день такія же чтенія и днемъ, півнеромъ, при чемъ будуть раздаваться произведенія Пушкина, а оканчивающимъ въ этомъ году курсъ народныхъ училищъ будеть раздано по полному собранію сочиненій поэта. Кромѣ того, Общество любителей драматического искусства устроить Пушкинскій спектакль изъ произведеній Пушкина съ живыми картинами. 2) «Южное Обозрѣніе» воспроизвести интересное прошеніе кишиневскому ремесленному головѣ осѣдлыхъ цыганъ-ремесленниковъ, жительствующихъ въ городѣ Кишиневѣ и его окрестностяхъ, слѣдующаго содержанія: «Въ озnamенование предстоящаго юбилейнаго празднества столѣтія со дня рожденія великаго русскаго поэта А. С. Пушкина, мы, скромные потомки цыганъ Алеко и Земфиры, воспитыхъ въ его высокохудожественной поэмѣ «Цыганы», желали бы озnamеновать это всеобщее торжество дѣломъ благотворительнымъ на пользу устройства проектируемаго, по просвѣщеніи вашей инициативѣ, въ городѣ Кишиневѣ ремесленного училища, но, не обладая сами ни материальными средствами, ни требующимся для сего умѣніемъ, обращаемся къ содѣйствію нашего высокородія съ просьбой помочь намъ осуществить нашу мысль, заключающуюся въ томъ, чтобы отпечатать къ торжеству чествованія великаго поэта его, дорогую для насть, поэму «Цыганы» съ краткимъ біографическимъ очеркомъ ея геніального автора, для распространенія этого изданія, по недорогой цѣнѣ, среди грамотнаго населенія осѣдлыхъ бессарабскихъ цыганъ, а вырученныя отъ продажи названной поэмы деньги предназначить на усиленіе фонда проектируемаго вашимъ высокородіемъ училища». XIV. Красноставъ. Предполагается съ днемъ 26 мая связать основаніе народной бібліотеки, въ которую войдутъ всѣ наши классики. На это дѣло имѣется уже около 300 рублей. Осуществленіе проекта будеть находиться въ зависимости отъ разрѣшенія надлежащей власти. XV. Кременчугъ. Въ засѣданіи городской думы 17 февраля обсуждали по инициативѣ нѣкоторыхъ гласныхъ вопросъ о чествованіи памяти А. С. Пушкина. Дума постановила назначить 500 рублей на приобрѣтеніе собранія сочиненій поэта для раздачи ихъ ученикамъ городскихъ школъ выпускса настоящаго года и на устройство гулянья для всѣхъ городскихъ школьниковъ въ день столѣтнаго юбилея рожденія А. С. Пушкина. Кромѣ того, дляувѣковѣченія памяти поэта рѣшено выдавать каждый годъ по 130 рублей для раздачи стипендій бѣднѣйшимъ ученикамъ городскихъ школъ и ходатайствовать передъ подлежащими властями о присвоеніи будущему кременчугскому дому народно-просвѣтительныхъ учрежденій имени А. С. Пушкина. Завѣдывать устройствомъ гулянья будеть комиссія, назначенная изъ пяти гласныхъ. XVI. Курскъ. Общество содѣйствія народному образованію въ Курской губерніи, по поводу предстоящаго чествованія столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина, рѣшило, между прочимъ, возбудить вопросъ о обще-русскомъ съѣздѣ представителей просвѣтительныхъ

обществъ (грамотности, трезвости, комиссій народныхъ чтеній, обществъ публичныхъ библіотекъ и т. п.), для чего думаетъ войти въ сношеніе со всѣми подобными обществами въ Россіи. **XVII. Люблинъ.** Въ юбилеѣ независимо отъ учебныхъ заведеній предполагаетъ принять участіе и русское общество, но программа чествованія покамѣстъ еще не выработана. **XVIII. Москва.** 1) 16 марта состоялось засѣданіе состоящей при Обществѣ любителей россійской словесности Пушкинскій комиссії. Предсѣдатель комиссіи профессоръ А. И. Кирпичниковъ доложилъ, что сынъ покойнаго великаго поэта А. А. Пушкинъ любезно предоставилъ для выставки портреты, серебряная туалетная принадлежность, конторку и другія вещи, принадлежавшія его отцу, А. С. Пушкину. Особенную цѣнность имѣть оригиналъный портретъ великаго поэта, работы художника Кипренскаго. 2) Пушкинская выставка, устраиваемая въ Москвѣ обществомъ любителей россійской словесности въ концѣ мая, обѣщаетъ быть очень полной и въ высшей степени интересной. Пушкинская комиссія и другая комиссія, специально занятая устройствомъ выставки, обратились съ письмами къ очень многимъ лицамъ, владѣющимъ извѣстными оригиналъными портретами великаго поэта и его родныхъ, рукописями Пушкина, предметами, ему принадлежавшими, и пр., а также портретами друзей поэта и вообще выдающихся лицъ Пушкинскій эпохи. На многія изъ этихъ приглашеній уже поступили благопріятные отвѣты, и самые экспонаты на выставку уже начинаютъ поступать въ историческій музей (тамъ будетъ помѣщаться выставка), гдѣ приемкою вещей завѣдуется членъ комиссіи, библіотекарь историческаго музея А. И. Станкевичъ. Такимъ образомъ, Пушкинская выставка соберетъ много рѣдкихъ и интересныхъ портретовъ, хранящихся въ фамильныхъ коллекціяхъ и почти или совершенно неизвѣстныхъ публикѣ. Кроме фамильныхъ собраній, на выставку будетъ передано много портретовъ изъ коллекцій извѣстныхъ любителей, А. П. Ефремова, А. Е. Носа и др. О богатствѣ и разнообразіи коллекціи А. П. Ефремова московская публика могла отчасти судить по выставкѣ Бѣлинскаго, привлекавшей къ себѣ такое вниманіе посѣтителей въ апрѣль прошлаго года. А. Е. Носу принадлежитъ извѣстная портретная галлерея М. П. Погодина, постоянно имѣющаюшаяся. Главный архивъ иностранныхъ дѣлъ сообщитъ на выставку много портретовъ изъ своей галлереи. Наконецъ, историческій музей также представить на выставку много портретовъ. Всего предполагается имѣть на выставкѣ портреты болѣе четырехъ сотъ современниковъ Пушкина, но такъ какъ многія лица будутъ представлены нѣсколькими портретами, всѣхъ портретовъ на выставкѣ будутъ не менѣе шести сотъ. Кроме портретовъ, на выставкѣ будутъ картины и рисунки, иллюстрирующія какъ сочиненія, такъ и біографію Пушкина. Здѣсь будетъ немало художественныхъ произведеній, которыя представлять особый интересъ. Такъ, И. К. Айвазовскій обѣщалъ выставить свою новую только теперь оканчивающую имѣть картину: «Пушкинъ у Гурзуфскихъ скалъ»—«Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ». 3) Въ происходившемъ 27 марта, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. А. Умова, засѣданіи состоящаго при Московскому университѣтѣ педагогическаго общества, для произнесенія 26-го мая рѣчи у памятника А. С. Пушкина, за отказомъ профессора И. Г. Виноградова, избранъ С. Г. Смир-

новъ. Въ этомъ же засѣданіи, въ дополненіе въ организованной при московскомъ учебномъ округѣ комиссіи для подготовки школьнаго празднества въ память А. С. Пушкина, состоящей изъ 5 членовъ, помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, трехъ окружныхъ инспекторовъ и директора народныхъ училищъ, — отъ педагогического общества избраны еще три члена: проф. П. Г. Виноградовъ, С. Г. Смирновъ и П. Н. Сакулинъ.

XIX. Нижній Новгородъ. Предположено устроить 23 апрѣля Пушкинскій вечеръ въ Нижегородскомъ театрѣ. Въ программу музыкального отдѣленія войдутъ кантата въ честь Пушкина — музыка Виллуана, увертура изъ оперы «Русланъ и Людмила», хоръ нищихъ изъ оперы «Борисъ Годуновъ». Въ драматическомъ отдѣленіи будутъ поставлены первый актъ «Русалки», сцена у фонтана и въ корчмѣ изъ «Бориса Годунова». Передъ началомъ, по случаю высокоторжественнаго дня, будетъ исполненъ народный гимнъ, а затѣмъ передъ бюстомъ Пушкина будутъ прочитаны стихотворенія: Полонскаго — на открытие памятника Пушкину въ Москве и Лермонтова — «На смерть Пушкина». Будетъ поставлена живая картина — «Дуэль Пушкина». Чистый сборъ съ вечера рѣшено употребить на устройство библіотеки-читальни имени Пушкина въ селѣ Болдинѣ, бывшемъ имѣніи Пушкиныхъ.

XX. Николаевъ. Городскою управой выработана слѣдующая программа чествованія памяти Пушкина:

- 1) въ день столѣтія будетъ отслужена по покойномъ поэтѣ панихида въ залѣ городской думы;
- 2) учителя здѣшней гимназіи и реального училища произнесутъ рѣчи о чествуемомъ поэты, причемъ некоторые изъ учащихся будутъ декламировать стихи поэта;
- 3) въ заключеніе хоромъ воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній будетъ исполненъ народный гимнъ;
- 4) въ виду того, что ко дню чествованія памяти поэта занятія въ учебныхъ заведеніяхъ будутъ прекращены, то на Святой недѣлѣ предполагается устроить въ мѣстномъ театрѣ оперное или драматическое представление изъ сочиненій Пушкина для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и повторить это представление для учащихся въ вѣзшихъ учебныхъ заведеніяхъ; затѣмъ рѣшено переименовать одну изъ улицъ въ Пушкинскую;
- 5) приобрѣсти достаточное количество экземпляровъ юбилейного изданія Пушкина для раздачи учащимся всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній;
- 6) ассигновать комитету народныхъ чтеній необходимую сумму на приобрѣтеніе тѣневыхъ картинъ и устроить 26 мая чтеніе о Пушкинѣ для учащихся и отдельно для народа;
- 7) изготовить фотографическіе снимки съ портрета Пушкина или приобрѣсти готовыя гравюры для учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ;
- 8) приобрѣсти въ Петербургѣ художественно исполненный бюстъ для помѣщенія его въ зданіи Пушкинской школы. На покрытіе расходовъ по устройству юбилейного торжества и на приобрѣтеніе юбилейныхъ изданій и проч. у думы испрашивается особый кредитъ.

XXI. Новороссийскъ. Мѣстная дума постановила почтить память А. С. Пушкина учрежденiemъ двухъ стипендій для бѣднѣйшихъ учениковъ въ мужской гимназіи и двухъ въ женской прогимназіи. Кромѣ того, городской голова, г. Броверманъ, въ день юбилея предложилъ устроить дѣтскій праздникъ для учащихся, на что пожертвовалъ 150 рублей, и дума, принявъ это предложеніе, постановила добавить къ нимъ сто рублей изъ городскихъ средствъ. За

тѣмъ рѣшено было во всѣхъ училищахъ вывѣсить портреты А. С. Пушкина и назвать его именемъ 3-е городское училище. **ХХII. Новочеркасскъ.** Между членами новочеркасской комиссіи народныхъ чтеній возникла мысль объ устройствѣ въ Новочеркасскѣ Пушкинского народного театра. **ХХIII. Одесса.** Въ засѣданіи городской думы 24 февраля обсуждались докладъ товарища городского головы г. Швенднера и предложеніе гласнаго г. Навроцкаго. Въ своемъ докладѣ, явившемся результатомъ занятій особаго совѣщанія при участіи представителей мѣстныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, г. Швенднеръ проектируетъ двоякаго рода участіе городского управлѣнія въ Пушкинскихъ празднествахъ — самостоятельное и совмѣстное съ другими обществами. Въ день юбилея городскими общественными управлѣніемъ предполагается отслужить панихиду возлѣ памятника Пушкина, на который будетъ возложенъ вѣнокъ. 27-го мая проектируется устройство спектакля и литературно-музыкального утра въ городскомъ театрѣ. Желая, однако, ознаменовать Пушкинскій юбилей основаніемъ какихъ либо постоянныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, докладъ предполагаетъ открыть народную читальню имени Пушкина на Молдаванкѣ, въ той именно части города, которая до сихъ поръ не имѣеть почти ни одного просвѣтительного учрежденія: для осуществленія этого необходимо внести въ смѣту 1900 г. 6.970 р. Кромѣ этого, предлагается отвести участокъ земли въ 1.230 кв. саж. для сооруженія Пушкинского дома, въ которомъ можно было бы соединить одно или вѣсколько народныхъ училищъ, читальню и аудиторію. Выражая при томъ надежду, что городъ найдетъ возможнымъ приступить къ сооруженію этого дома въ ближайшемъ будущемъ, докладъ предлагаетъ открыть пока читальню имени Пушкина въ наемномъ помѣщеніи. Что касается совмѣстнаго съ другими обществами участія въ празднованіи дней 26-го и 27-го мая, то оно должно выразиться въ содѣйствіи города устройству театральныхъ и музыкальныхъ развлечений, народныхъ чтеній и въ изданіи въ сотрудничествѣ со славянскимъ обществомъ біографического очерка о Пушкинѣ, редакцію котораго согласился принять на себя проф. Кирпичниковъ; этотъ очеркъ въ количествѣ 15.000 экз. предназначается отчасти для бесплатной раздачи по усмотрѣнію городской управы, отчасти же для продажи по минимальной цѣнѣ. На устройство двухдневныхъ празднествъ исپрашивается сумма въ 3.000 р. Одобравъ докладъ г. Швенднера, дума приступила къ обсужденію предложенія г. Навроцкаго. Авторъ предложенія указываетъ, какъ на лучшій способъ увѣковѣченія памяти Пушкина, на учрежденіе такого пріюта, въ которомъ находили бы убѣжище труженики-инвалиды печати, начиная отъ литератора и кончая наборщикомъ, безъ различія званія, состоянія, класса и вѣроисповѣданія. При убѣжищѣ авторъ предложенія находитъ весьма удобнымъ устроить бесплатную народную читальню, залу для народныхъ чтеній и народную школу, которыхъ могли бы находиться подъ наблюденіемъ призрѣваемыхъ. Для осуществленія этого учрежденія г. Навроцкій и обращается къ содѣйствію городского общественного управлѣнія, которое должно выразиться въ отводѣ подходящаго участка земли и въ ежегодномъ ассигнованіи 5.000 руб. на содержаніе убѣжища. Дума отнеслась сочувственно къ предложенію г. Навроцкаго и единогласно одобрила его. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить съ чувствомъ глубо-

каго сожалѣнія непонятное равнодушіе гласныхъ къ одному симпатичному предложенію, также связанному съ Пушкинскимъ юбилеемъ. Это — предложеніе о покупкѣ дома, въ которомъ нѣкогда жилъ незабвенный поэтъ, а теперь занятаго двумя лавками и частными жильцами. Пройдеть немнога лѣтъ, и домъ вмѣстѣ съ прибитой на немъ памятной доской потеряетъ свой теперешній обликъ, носящій на себѣ слѣды старинной архитектуры, но могутій исчезнуть послѣ передѣлокъ и перестроекъ по волѣ частнаго владѣльца. Это равнодушіе явилось рѣзкимъ противорѣчіемъ съ тѣмъ чувствомъ благоговѣнія къ памяти покойнаго поэта, которое обнаруживалось въ рѣчахъ гласныхъ, обсуждавшихъ вопросъ о чествованіи Пушкина. Было бы весьма желательно, чтобы это равнодушіе смѣнилось инымъ отношеніемъ къ упомянутому предложенію, и чтобы городъ принялъ мѣры къ охраненію дома, въ которомъ Пушкинъ провелъ нѣсколько лѣтъ своей жизни.

2) Одесская уѣздная городская управа намѣрена организовать цѣлый рядъ чтеній съ туманными картинами, посвященныхъ Пушкину и его произведеніямъ. Для подбора лучшихъ чтеній земская управа обратилась къ специалистамъ-педагогамъ, между прочимъ, въ отдѣль библіографіи при с.-петербургскомъ педагогическомъ музѣ военно-учебныхъ заведений. Этотъ отдѣль составилъ восемь чтеній: «Русланъ и Людмила», «Арапъ Петра Великаго», «Мѣдный Всадникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Кавказскій илѣнникъ», «Галубъ», «Скупой рыцарь» и «Борисъ Годуновъ». Эти чтенія будутъ приспособлены къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ и, какъ слышно, уже утверждены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Къ 26-му мая будутъ открыты бесплатныя народныя библіотеки-читальни имени Пушкина.

3) Въ Одесѣ образована особая комиссія изъ представителей литературы и науки, которая роется въ обширныхъ архивахъ новороссийскаго генерал-губернатора и одесского градоначальства въ чаяніи добить здѣсь что либо «новое» о пребываніи А. С. Пушкина въ Новороссії вообще и Одесѣ въ частности. Работаетъ эта комиссія уже около двухъ мѣсяцевъ, и результаты ея трудовъ, конечно, представлять интересъ, но пока, по словамъ «Одесск. Нов.», не найдено ничего такого, что представляло бы выдающійся интересъ: комиссія наткнулась на указаніе о существованіи особаго дѣла о высылкѣ Пушкина изъ Одессы, но, какъ извѣстно, самаго дѣла, къ сожалѣнію, не оказалось. Кромѣ того, комиссія нашла подлинную бумагу о командировкѣ Пушкина въ м. Байрамчу для принятія мѣръ противъ саранчи, но знаменитаго рапорта Пушкина обѣ этой командировкѣ генерал-губернатору — въ архивахъ не найдено. Вотъ пока всѣ неважные результаты трудовъ комиссіи. Кромѣ комиссіи, нѣсколько лицъ предприняли поиски старожиловъ — современниковъ и современницъ Пушкина, — которые могли бы что-либо сообщить о поѣздѣ. Передаютъ, что въ Одесѣ до сей поры проживаетъ одна генеральша, которая помнить прѣѣздъ Пушкина въ Одессу. Нѣкоторые взяли на себя трудъ просмотрѣть фоліанты старыхъ газетъ въ надеждѣ найти что нибудь печатное, но мало извѣстное о Пушкинѣ. Собираются издать брошюру «Одесса времена Пушкина». Существуетъ проектъ украсить барельефомъ Пушкина домъ, гдѣ онъ жилъ. Барельефъ предполагается помѣстить надъ воротами дома Сикара, по Пушкинской улицѣ. **XXIV. Пенза.** 7 марта, подъ предсѣдательствомъ началь-

ника губерніи графа А. В. Адлерберга, открыла свои дѣйствія комиссія для выработки программъ празднествъ въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина. Въ первый день празднествъ, 26 мая, послѣ литургіи и панихиды въ соборѣ, рѣшено отслужить панихиду на городской площади, въ присутствіи учащихся города Пензы. Затѣмъ устроить въ городской думѣ актъ для окончившихъ городскія училища и произвести закладку зданія реального училища, присвоивъ ему наименование «Пушкинского». Вечеромъ послѣ всенощного бдѣнія устроить въ дворянскомъ собраніи торжественное засѣданіе, а затѣмъ устроить засѣданіе открываемаго въ этотъ же день «Общества взаимнаго вспомоществованія учившимъ и учащимъ» съ присвоеніемъ этому обществу тоже наименования «Пушкинского». На другой и на третій день предположено днемъ устроить спектакли для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а вечеромъ—соответствующія представленія на сценѣ народнаго театра. Организацію послѣдняго дѣла принимаетъ на себя мѣстный драматический кружокъ, а организацію, такъ сказать, подготовительныхъ празднествъ въ видѣ разнаго рода чтеній, посвященныхъ памяти Пушкина и имѣющихъ быть потомъ въ помѣщеніи городской думы, принимаетъ на себя общество библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Между прочимъ, въ домѣ Лермонтова, въ с. Тарханахъ, Цензенской губерніи, года два тому назадъ, завѣдывающимъ музеемъ губернскаго статистического комитета, г. Поповымъ, найдены были въ числѣ другихъ картинъ двѣ картины, которыхъ приписываются работѣ М. Ю. Лермонтова и изображаются: одна сцену въ маскарадѣ, а другая сцену—изъ интимной жизни А. С. Пушкина. Картины эти, благодаря содѣйствію управляющаго имѣніемъ въ Тарханахъ, переданы были въ распоряженіе г. Попова и въ настоящее время находятся въ помѣщеніи музея статистического комитета. Если снимковъ съ подобной картины (разумѣется, особенно картины изъ жизни Пушкина) не имѣется еще нигдѣ, то было бы недурно воспроизвести ее тѣмъ или инымъ способомъ и помѣстить въ какомъ либо изъ юбилейныхъ изданій. **ХХV. Петербургъ.** 1) Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ (15-го марта). По обсужденіи соображеній попечителями учебныхъ округовъ предположений относительно предстоящихъ празднествъ по случаю исполняющейся, 26-го мая, столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, считаю величнимъ сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно устройства сказанного торжества въ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ, причемъ, однако, указанія эти предлагаются мною лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и усмотрѣнію начальства подлежащихъ заведеній предоставляется допускать отъ нихъ отступленія, если если таковыя будутъ признаны необходимыми по мѣстнымъ условіямъ. Посему, придавая высокое воспитательное значеніе предстоящему торжеству, но не желая стѣснять распоряженій мѣстнаго учебнаго начальства, я нахожу нужнымъ ограничиться слѣдующими указаніями: I. 26-го мая, въ присутствіи имѣющихъ на лицѣ въ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, отслужить заупокойную литургію и панихиду по усопшемъ поэтѣ. II. По отиравленіи Богослуженія устроить: 1) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — торжественные собранія съ произнесеніемъ соответственныхъ рѣчей, гдѣ то окажется возмож-

нымъ; 2) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—акты съ произнесеніемъ рѣчей, чтеніемъ статей о значеніи Пушкина для русскаго народа и отрывковъ изъ сочиненій поэта и исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ на слова Пушкина; 3) въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—чтение статей о Пушкинѣ и отрывковъ изъ его произведеній. Къ сему не лишнимъ считаю присовокупить, что министерство народнаго просвѣщенія имѣеть въ виду: 1) выбиваемыя императорскою академіею наукъ медали въ память А. С. Пушкина, для раздачи выпускнмъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, которые будуть удостоены награжденія въ настоящемъ году; 2) сборникъ избранныхъ стихотвореній Пушкина, изданія министерства финансовъ, для раздачи лучшимъ ученикамъ и ученицамъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, и 3) портреты Пушкина, издаваемые по инициативѣ академіи наукъ, для разсылки въ народныя школы. Если предположенія министерства осуществляются, то о количествѣ и порядкѣ распределенія медалей и экземпляровъ сборника и портрета ваше превосходительство будете поставлены въ извѣстность особымъ сообщеніемъ. Временемъ празднованія юбилея устанавливается 26-е мая, каковой день приходится между двумя свободными отъ учебныхъ занятій днями; такимъ образомъ, учащіеся будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи три дня, которые и могутъ быть удѣлены на устройство торжества безъ особаго обремененія воспитанниковъ, если только они не будуть заняты сложными приготовленіями къ этому торжеству. Что же касается прекращенія всѣхъ учебныхъ занятій къ сроку празднованія юбилея, то изъ высказанныхъ начальствами нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ соображеній, я убѣдился въ крайней затруднительности и нежелательности окончить ученіе въ текущемъ году къ 26-му мая, такъ какъ учебное время вслѣдствіе этого сократилось бы почти на днѣ недѣли, что могло бы вредно повлиять на ходъ ученія, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ году Пасха поздняя и для производства испытаній остается слишкомъ мало времени. Наконецъ, откладывать торжество на осень, какъ предполагалось то въ нѣкоторыхъ округахъ, я нахожу неудобнымъ, такъ какъ при столь запоздаломъ празднованіи юбилея учащаяся молодежь отстала бы по времени отъ остального населения Имперіи, не говоря уже о неизбѣжной въ такомъ случаѣ потерѣ учебного времени. 2) Академія наукъ имѣеть въ виду учредить отдѣленіе изящной словесности въ память А. С. Пушкина при отдѣленіи русскаго языка и словесности съ тѣмъ, чтобы оба отдѣленія составляли одно цѣлое. Но, вслѣдствіе малочисленности членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности (6), обязанности его въ отношеніи занятій изящною словесностью не могли быть въ желаемой степени выполняемы, почему академія наукъ предполагаетъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на увеличеніе числа членовъ отдѣленія до 12 человѣкъ, при чемъ на учрежденія вновь шесть должностей имѣеть въ виду избрать не только ученыхъ филологовъ, но также писателей-художниковъ, а равно представителей научной разработки изящной словесности, то-есть критиковъ и специалистовъ по теоріи и истории литературы. Въ кругъ дѣятельности нового отдѣленія будетъ входить издание произведеній отечественныхъ писателей, словаря русскаго языка и другихъ трудовъ, требующихъ весьма большихъ расходовъ для того, чтобы

академіческія изданія соотвѣтствовали современному состоянію науки и достоинству первенствующаго ученаго учрежденія въ Россіи. На изданіе трудовъ академія предполагаетъ испросить, какъ передаютъ петербургскія газеты, до 15.000 рублей ежегодно и образовать изъ этой суммы капиталъ подъ наименованіемъ «фонда имени А. С. Пушкина при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ». 3) Для оцѣнки стихотвореній, представленныхъ на конкурсъ для капитаты въ день чествованія столѣтія со дня рождения А. С. Пушкина, была составлена подъ предсѣдательствомъ академика М. И. Сухомлинова комиссія изъ слѣдующихъ лицъ: вице-президента академіи Л. Н. Майкова, непремѣнного секретаря Н. Ф. Дубровина, академиковъ: А. Ф. Бычкова, А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова; почетнаго члена академіи А. Ф. Кони; композиторовъ: статского совѣтника Н. А. Римскаго-Корсакова и А. К. Глазунова. Ознакомившись съ 40 представленными произведеніями, комиссія признала наиболѣе подходящими подъ условія конкурса два стихотворенія: одно подъ девизомъ: «Душа поэта встреченется, какъ пробудившійся орелъ» и другое подъ девизомъ: «Начинающій—бессмертному». По тщательной сравнительной оцѣнкѣ обоихъ стихотвореній литературныя достоинства первого оказались значительно выше, чѣмъ втораго, а потому комиссія единогласно остановила свой выборъ на первомъ. 4) Какъ извѣстно, предстоящий столѣтній юбилей рождения Пушкина будетъ ознаменованъ между прочимъ многочисленными новыми изданіями его сочиненій, изслѣдований по его біографіи, сборниковъ статей о немъ и пр. Въ числѣ этихъ юбилейныхъ изданій долженъ появиться также и Пушкинскій словарь. Составленіе его предпринято въ Петербургѣ по частной іниціативѣ, но въ дѣлѣ участвуетъ также и академія наукъ, взявшая его подъ свое наблюденіе и давшая извѣстныя средства на его осуществленіе. Можно разсчитывать, что начало Пушкинского словаря появится къ 26-му мая. 5) Въ виду исполняющагося 26-го мая столѣтія со дня рождения А. С. Пушкина, департаментъ торговли и мануфактуръ обратился въ попечительные совѣты и къ учредителямъ коммерческихъ училищъ со слѣдующимъ циркуляромъ: «По распоряженію министра финансовъ, память нашего поэта должна быть отпразднована слѣдующимъ образомъ: къ 26-му мая должны быть окончены по возможности всѣ испытанія и уроки; 26-го мая ученики должны быть собраны въ учебныхъ заведеніяхъ, где имѣеть быть отслужена панихида по Пушкину, а затѣмъ устроенъ, по ближайшему усмотрѣнію начальства учебнаго заведенія, для учащихъ литературу-музыкальный (или литературный) вечеръ или утро, посвященные памяти поэта. При этомъ было бы желательно, чтобы учащимся было раздано изготовленное министерствомъ финансовъ, подъ редакціею П. О. Морозова, особое изданіе «Избранныхъ сочиненій А. С. Пушкина». Это изданіе будетъ отпечатано въ количествѣ 40.000 экземпляровъ, при чѣмъ 10.000 экземпляровъ предположено къ раздачѣ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства финансовъ и до 27.000 экземпляровъ заявили желаніе приобрѣсти съ тою же цѣлью другія вѣдомства по 50 к. за экземпляръ. 6) У учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи предоставлена возможность почтить блестящимъ образомъ память поэта въ столѣтнюю годовщину со дня его рождения. 24 мая—панихида и слово законоучителя, 25 мая—актъ, на которомъ обяза-

тельно должна быть прочитана рѣчь преподавателя словесности о значеніи поэта, а учениками и ученицами — избранныя произведенія его. Кромѣ того, предложено разнообразить празднество исполненіемъ музыкальныхъ произведеній, относящихся къ словамъ Пушкина, ставить живыя картины на сюжеты его драмъ, поэмъ и повѣстей, исполнять въ костюмахъ и съ подобающею обстановкой сцены изъ нихъ и закончить празднство апофеозомъ. Тремъ лучшимъ по русской словесности ученикамъ каждого класса будутъ розданы сочиненія Пушкина, которыхъ теперь подъ редакціей г. Морозова выпускаетъ въ свѣтъ министерство финансъ. На расходы по устройству праздника вѣдомство отпускаетъ каждому изъ своихъ учебныхъ заведеній необходимыя суммы. 7) Состоящей при педагогическомъ музѣ военно-учебныхъ заведеній «отдѣль критики и библиографіи дѣтской литературы» составилъ къ предстоящимъ Пушкинскимъ торжествамъ для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ съ волшебнымъ фономъ чтенія изъ слѣдующихъ произведеній поэта: «Русланъ и Людмила», «Мѣдный всадникъ», «Борисъ Годуновъ», «Кавказскій пленникъ», «Галубь», «Арапъ Петра Великаго», «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Скупой рыцарь». Получивъ разрѣшеніе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, отдѣль въ настоящее время уже приступилъ къ печатанію этихъ чтеній; они будутъ вышущены въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ и поступятъ въ продажу по самой недорогой пѣнѣ. Кромѣ этихъ чтеній, для народныхъ аудиторій имѣются еще два чтенія, составленныя постоянною комиссіею по устройству народныхъ чтеній при министерствѣ народнаго просвѣщенія: «Полтава» и «Капитанская дочка». 8) Императорское русское техническое общество постановило устроить 26-го мая, въ день столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина, во всѣхъ школахъ общества вокально-литературные вечера или утра, на которыхъ будутъ прочитаны отрывки изъ произведеній А. С. Пушкина съ иллюстраціей ихъ при помощи туманныхъ картинъ, и будутъ исполнены кантанты изъ стихотвореній поэта. Кромѣ того, оканчивающимъ въ этомъ году школы предполагается выдать по тому избранныхъ сочиненій А. С. Пушкина, всѣмъ вообще ученикамъ раздать брошюры о А. С. Пушкинѣ и его портреты. 9) Въ актовой залѣ императорскаго Александровскаго лицѣя подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ воспитанниковъ, члена государственного совѣта И. И. Саломона, 24-го марта состоялось первое собраніе учреждаемаго при лицѣѣ для ознаменованія 100-лѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина Общества его имени. Открывая собраніе, И. И. Саломонъ предложилъ выслушать небольшой очеркъ о дѣятельности избраннаго изъ числа бывшихъ воспитанниковъ лицѣя комитета по вопросу о порядкѣ и способахъ чествованія памяти Пушкина, заключающей вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію возникновенія учреждаемаго пушкинского общества, разсмотрѣніе и утвержденіе проекта устава котораго и подлежало собственно настоящему собранію. По примѣру другихъ почитателей покойнаго поэта Императорскій Александровскій лицѣй въ лицѣ своихъ бывшихъ воспитанниковъ рѣшилъувѣковѣчить въ своихъ стѣнахъ память бывшаго своего воспитанника по случаю 100-лѣтія со дня его рожденія, для чего изъ среды бывшихъ воспитанниковъ лица избрана была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермолова, которая,

между прочимъ, среди намѣченныхъ ею и одобренныхъ общимъ собраніемъ бывшихъ воспитанниковъ лицея мѣръувѣченія памяти поэта и способовъ чествованія его памяти, рѣшила учредить при лицѣ общество имени Пушкина. Цѣль дѣятельности общества — разъяснять и распространять значеніе Пушкина во всѣхъ слояхъ русского населенія, въ частности же: 1) собирать всевозможные фактическіе материалы, касающіеся жизни и дѣятельности поэта; 2) составлять и вызывать къ составленію критическихъ статей, объясняющихъ его значеніе со всѣхъ сторонъ: исторической, эстетической, нравственной и философской; 3) издавать и распространять повсемѣстно въ дешевыхъ общедоступныхъ изданіяхъ (съ общедоступными же комментаріями) сочиненія поэта; 4) стараться всѣми мѣрами о распространеніи этихъ изданій въ народныхъ школахъ, читальняхъ или черезъ книгоношъ, а равно устраивать публичныя чтенія сочиненій Пушкина съ разъясненіемъ ихъ значенія и, наконецъ, 5) въ виду того, что Пушкинъ былъ создателемъ, реформаторомъ и свѣточомъ всей нашей послѣдующей литературы, и что пусть его дѣятельности не перестаетъ въ ней биться до сихъ поръ, Общество рядомъ съ назначенными для просвѣщенія народныхъ массъ изданіями сочиненій собственно Пушкина издастъ подъ своей же фирмой и иная преслѣдующія ту же цѣль сочиненія, какъ-то: выбранныя произведения прочихъ русскихъ писателей или просто общедоступныя книги и брошюры, имѣющія нравственное, учебное, просвѣтительное и вообще образовательное значеніе. Членами возникающаго общества могутъ быть исключительно бывшіе лицеисты. Выработанный по порученію комитета А. Л. Соколовскимъ проектъ устава Общества подъ названіемъ «литературное Пушкинское Общество при Императорскомъ Александровскомъ лицѣ» и предложенъ былъ на обсужденіе общаго собранія будущихъ его членовъ, въ число которыхъ согласно проекта устава будутъ допускаться только бывшіе воспитанники лицея. Открыть дѣйствія Общества рѣшено въ день торжественнаго чествованія памяти поэта по случаю 100 лѣтія со дня его рожденія, которое выразится въ торжественномъ актѣ, на которомъ, послѣ совершенія торжественной панихиды по покойномъ товарищѣ, произнесены будутъ рѣчи и прочитаны стихотворенія, посвященные памяти Пушкина, и исполнены нѣсколько музыкальныхъ произведеній, написанныхъ на темы изъ сочиненій Пушкина, и посвященные ему по случаю юбилея. Внѣслѣдствіи новое Общество намѣreno позаботиться о пополненіи имѣющагося при лицѣ Пушкинского музея и, если позволять средства, устроить для него особое зданіе. Помимо того, кружкомъ бывшихъ воспитанниковъ лицея предположено выпустить роскошное изданіе полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина; экземпляры будутъ двухъ родовъ: обыкновенный цѣною въ 70 рублей и роскошный въ 200 рублей. Все изданіе, иллюстрированное лучшими художниками, будетъ печататься на веленевой бумагѣ въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ отдѣльными выпусками въ теченіе трехъ лѣтъ. Предварительная подписка на изданіе уже открыта на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносятся 7 рублей, затѣмъ 2 рубля ежемѣсячно до внесенія всей суммы. **10)** Ограничивааясь изложенными предположеніями, мы не упоминаемъ особо каждого изъ того множества предпріятій, которымъ ежедневно оповѣщаются печатью и городскими слухами, такъ какъ ихъ пол-

ное перечисление безо всякой надобности заняло бы непомърно много места.

XXVI. Псковъ. Псковскій губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель комитета по сбору пожертвованій и устройству учрежденій въ память А. С. Пушкина, вошелъ съ представлениемъ въ главное интенданское управление обь уступкѣ Паганкиныхъ палатъ для цѣли учрежденія музея и пр. въ память великаго поэта. Означенное правление въ настоящее время разсматриваетъ этотъ вопросъ, отнесясь къ нему сочувственно. Паганкины палаты представляютъ весьма рѣдкій памятникъ архитектуры XV — XVI в. и какъ разъ, по словамъ псковской газеты, подходить подъ устройство археологическаго или историческаго музея.

XXVII. Ростовъ на Дону. Предположена слѣдующая программа чествованія Пушкинского юбилея: 1) 26-го мая въ городскомъ соборѣ, во врѣхъ среднихъ и народныхъ училищахъ должны быть совершены заупокойныя панихиды по нокайномъ поэтѣ; 2) принимая во вниманіе, что чествованіе памяти Пушкина является какъ бы всенароднымъ праздникомъ русской школы, комиссія признала необходимымъ — всѣмъ воспитанникамъ и воспитанницамъ городскихъ и церковно-приходскихъ училищъ раздать по экземпляру нѣкоторыхъ сочиненій поэта, болѣе всего подходящихъ къ дѣтскому чтенію. 3) Для учащихся начальныхъ училищъ устроить въ театрѣ Машонкиной спектакль и народный чтенія для взрослыхъ. Чтенія должны быть посвящены обзору дѣятельности и литературныхъ трудовъ А. С. Пушкина, при чемъ предположено сопровождать ихъ демонстрированіемъ на экранѣ картинъ, позаимствованныхъ изъ сочиненій чествуемаго поэта. 4) Кромѣ этого, именемъ Пушкина рѣшено назвать два начальныхъ городскихъ училища (мужское и женское) и назвать народный театръ, когда онъ будетъ устроенъ, «Пушкинскимъ».

XXVIII. Самара. Самарская городская училищная комиссія намѣтила слѣдующую программу торжества. Въ день юбилея ученики всѣхъ городскихъ и приходскихъ училищъ соберутся въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ будетъ отслужена торжественная панихида по поэтѣ. Затѣмъ учащіе разойдутся по своимъ училищамъ, гдѣ будутъ читаться произведенія поэта и учителями и учащимися. Затѣмъ всѣмъ учащимся будутъ разданы произведения А. С. Пушкина, въ недорогихъ изданіяхъ (на что ассигновать соответствующую сумму). Въ городскомъ театре въ день юбилея будутъ поставлены драматическая произведенія поэта.

XXIX. Саратовъ. Помимо торжественного чествованія А. С. Пушкина, въ самый день столѣтней годовщины его рождения — 26 мая, предполагается устройство новыхъ народныхъ и приходскихъ школъ имени поэта, наименование какой либо изъ улицъ «Пушкинскую», издание популярныхъ и дешевыхъ брошюръ, посвященныхъ биографіи и характеристикѣ поэта для бесплатной раздачи ученикамъ школъ и вообще грамотнымъ среди крестьянъ и городского простонародья и пр.

XXX. Севастополь. 12-го марта состоялось въ Севастополѣ, подъ предсѣдательствомъ городского головы К. П. Мергваго, первое засѣданіе комиссіи для выработки программы чествованія памяти Пушкина. Комиссія рѣшила слѣдующее: 1) въ день столѣтняго юбилея Пушкина отслужить панихиду въ зданіи думы и въ Петропавловской церкви съ участіемъ всѣхъ учащихся; 2) новую прогимназію назвать «Пушкинскую»; 3) сдѣлать пожертвованіе на памятникъ Пушкину въ Петербургѣ; 4) просить гг. Бар-

тенева, Вуколова, Мельникова, Промтова и Фадѣева поставить спектакль въ день юбилея; 5) приобрѣсти портреты Пушкина для школъ; 6) именемъ Пушкина назвать Театральную площадь и 7) выписать 1.000 экземпляровъ сочиненій Пушкина, изданныхъ министерствомъ финансово. **XXXI. Сочи.** Въ Сочи-Черноморской губерніи, предполагается открытие бесплатной народной читальни-библіотеки имени А. С. Пушкина. Инициаторомъ этого дѣла является московскій профессоръ Зерновъ. **XXXII. Ташкентъ.** 19го февраля состоялось совѣщаніе членовъ ташкентской комиссіи народныхъ чтеній, всецѣло посвященное выработкѣ проекта программы празднованія дня 26-го мая. Программа эта такова. 25-го мая въ 6 час. вечера всенародная торжественная панихида по А. С. Пушкинѣ; въ 6 час. веч. бесплатная народная чтенія въ обоихъ городскихъ театрахъ и въ плодосушильнѣ (бюографія Пушкина) и хоровое пѣпіе изъ произведеній А. С. Пушкина (изъ оперъ «Русланъ и Людмила», «Евгений Онѣгинъ», «Русалка»). 26-го мая въ 9 час. веч. бесплатная народная чтенія въ обоихъ городскихъ театрахъ; намѣчены къ прочтенію произведенія поэта: На берегу пустынныхъ волнъ..., «Полтава», «Пѣснь о вѣцемъ Олегѣ» и «Сказка о царѣ Салтанѣ». Чтенія въ оба дня будутъ сопровождаться свѣтовыми картинами волшебного фонаря. 27-го мая вечеромъ платное представление въ лѣтнемъ театрѣ; будутъ поставлены двѣ сцѣны пзъ «Бориса Годунова», исполнено нѣсколько номеровъ изъ упомянутыхъ выше оперъ (намѣчены: «Я помню чудное мгновенье», «Дѣвицы красавицы» и вѣкоторыя другія). Затѣмъ будетъ поставлено нѣсколько живыхъ картинъ изъ произведеній Пушкина («Шествіе Черномора» и др.). **XXXIII. Тирасполь.** Тираспольская городская дума въ засѣданіи своемъ 20го февраля постановила: 1) открыть женское училище имени Пушкина, занятія въ которомъ должны начаться со второй половины текущаго года; 2) назвать Пушкинской одну изъ городскихъ улицъ, выходящихъ на бендерско-кишиневскій трактъ, по которому долженъ былъ проѣзжать Пушкинъ, направляясь изъ Кишинева въ Одессу, причемъ онъ не могъ миновать Тирасполя; 3) ассигновать 300 рублей на приобрѣтеніе брошюръ о Пушкинѣ, его портретовъ для раздачи учащимся и вообще на устройство празднествъ въ честь Пушкина. Самую программу чествованія памяти Пушкина дума получила управѣ выработать совмѣстно съ представителями учебнаго вѣдомства. **XXXIV. Тифлісъ.** Тифлісская думская исполнительная училищная комиссія, разрабатывая программу чествованія столѣтія со дня рождения А. С. Пушкина, между прочимъ, пришла къ предположенію: 26-го мая, съ разрѣшенія дирекцій народныхъ училищъ, устроить шествіе учащихся въ городскихъ начальныхъ школахъ съ флагами и вѣнками къ памятнику А. С. Пушкина, находящемуся въ городскомъ скверѣ. Такія же шествія, по слухамъ, будутъ совершены и мѣстными средними учебными заведеніями. Владѣлецъ пассажа на Пушкинской улицѣ въ Тифлісѣ, построенного на мѣстѣ того дома, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ, въ бытность свою въ 1827г. въ Тифлісѣ, Ег. Цуриновъ, заявилъ тифлісской городской управѣ, что безвозмѣдно уступаетъ городу нѣсколько комнатъ въ названномъ пассажѣ на продолжительный срокъ подъ номѣщеніе дешевой народной библіотеки-читальни имени А. С. Пушкина, предположенной къ открытию въ ознаменованіе столѣтія дня рождения

поэта, 26-мая. **Угличъ.** 24-го февраля въ трехклассномъ городскомъ училищѣ состоялся вокально-литературный вечеръ, посвященный памяти А. С. Пушкина. Исполнителями явились ученики всѣхъ классовъ. Вечеръ начался пѣнiemъ «Слава на небѣ солнцу высокому»; послѣ заключительныхъ словъ: «И великому нашему Пушкину слава», инспекторъ училища И. Ф. Карпевъ въ краткой рѣчи выяснилъ смыслъ устройства праздника въ честь поэта и велическое значеніе приближающагося 26 мая празднованія по поводу столѣтія со дня рожденія Пушкина. Затѣмъ учителемъ Д. И. Розинамъ была прочтена краткая біографія и обзоръ литературной дѣятельности Пушкина, послѣ чего началось чтеніе учениками стихотвореній поэта solo и групами. Въ антрактахъ между отдѣленіями игралъ оркестръ музыки, приглашенный почетнымъ смотрителемъ училища Н. Д. Евреиновымъ, который, по свѣдѣніямъ «Сѣвернаго Края», привыкъ на свой счетъ всѣ расходы по устройству школьнаго праздника и предложилъ ученикамъ угощеніе. Вечеръ закончился пѣнiemъ гимна. **Харьковъ.** 1) Въ Харьковской губерніи земства предполагаютъ въ день празднованія столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина, кроме чтеній въ народныхъ училищахъ о немъ, раздать издаваемыя къ этому дню разными учрежденіями брошюры не только среди учащихся, но и всего грамотнаго населенія. Ими дѣлаются съ этого цѣлью заказы на десятки тысячъ экземпляровъ брошюры. 2) Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности устраиваетъ 26 мая въ залѣ дворянскаго собранія два литературно-музыкальныхъ отдѣленія, изъ которыхъ первое—дневное будетъ съ платой для посѣтителей, а второе—вечернее, бесплатное, на которое по преимуществу будутъ допускаться учащіеся. Чтенія на этихъ собраніяхъ будутъ посвящены памяти А. С. Пушкина и будутъ сопровождаться демонстраціей свѣтовыхъ картинъ, специально для этого выписанныхъ изъ Москвы. 3) На «Пушкинскій Сборникъ», издаваемый издательскимъ комитетомъ, состоящимъ при харьковскомъ мѣстномъ обществѣ грамотности, въ настоящее время поступило уже заказовъ на 18.500 экземпляровъ. Заказы поступаютъ преимущественно отъ городскихъ и земскихъ управлений, желающихъ озnamеновать Пушкинскій юбилей широкою раздачей произведеній великаго поэта среди питомцевъ содержимыхъ ими училищъ. Издательскій комитетъ, кроме сборника, предположилъ выпустить въ свѣтъ и сказки Пушкина въ видѣ небольшой брошюроки, имѣющей въ виду читателей младшаго возраста. **Херсонъ.** Херсонская губернская земская управа высказала желаніе чествовать память Пушкина и вносила особый докладъ, посвященный этому вопросу, на разсмотрѣніе херсонскаго губернского земскаго собранія. Но вслѣдствіе неразрѣшенія чрезвычайного губернского земскаго собранія разсмотрѣніе доклада не состоится; земское чествование памяти Пушкина «нѣсколько запоздаетъ», такъ какъ этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшены лишь очередное сессіей херсонскаго губернского земскаго собранія, которая состоится не раньше 20-го сентября. **Холмъ.** Въ Холмѣ мѣстнымъ драматическимъ кружкомъ будутъ поставлены сцены изъ «Бориса Годунова» и изъ оперы Чайковскаго «Евгений Онѣгинъ». **Царское Село.** Царско-сельское уѣздное земство, на послѣднемъ земскомъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзднаго пред-

водителя дворянства П. А. Ростовцева, единогласно постановило открыть кре-
дить въ 500 руб. на расходы по чествованію и немедленно выслать 100 руб.
на имя г. земского начальника Опочецкаго уѣзда, въ участкѣ котораго распо-
ложенъ Святогорскій монастырь. Затѣмъ подъ предсѣдательствомъ начальника
города генераль-майора В. Е. Іонова, была учреждена особая комиссія для вы-
работки программы чествованія и способа увѣковѣченія памяти поэта. Въ со-
ставѣ комиссіи вошли иѣкоторыя административныя лица разныхъ вѣдомствъ,
а также и архитекторы—придворный и городской. Послѣ иѣсколькихъ засѣ-
даній комиссіи, проектъ былъ выработанъ, и въ настоящее время онъ уже
утверждены. Постановлено: 1) прибить на бывшее зданіе лицейскаго пансиона
мраморную доску съ соотвѣтствующею надписью золотыми буквами; 2) соорудить
въ бывшемъ лицейскомъ садикѣ, окружающемъ церковь Знаменія, памятникъ
поэту, стоимостью отъ 15 до 25 тысячъ руб.; поѣтъ будетъ изображенъ именно
такимъ, какимъ онъ былъ на послѣднемъ курсѣ лицея; въ означенную комиссию
были приглашены четыре извѣстные скульпторы, которые согласились изгото-
вить и представить, каждый отъ себя, миниатюрную модель памятника, изъ
этихъ 4-хъ моделей и будетъ выбрана наилучшая; 3) ежегодно вносить изъ
городскихъ суммъ плату въ мѣстная учебная заведенія: за обученіе двухъ уч-
никовъ мѣстной Императорской Николаевской мужской гимназіи, за одну уче-
ницу женской гимназіи, за десять учениковъ городского училища, за восемь
ученицъ женской министерской школы и по шестидесяти руб. на всѣ три цер-
ковно-приходскія школы, находящіяся въ вѣдѣніи отдѣленія Братства Пресвя-
той Богородицы. Программа самаго чествованія будетъ заключаться въ слѣ-
дующемъ. Въ день столѣтія со дня рожденія поэта, 26-го мая, въ соборѣ св.
Екатерины соберутся начальствующія и административныя лица и представи-
тели сословій. Сюда же прибудутъ со своими наставниками и наставницами
ученики и ученицы всѣхъ мѣстныхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведе-
ній, а также и всѣхъ приютовъ. По окончаніи литургіи въ соборѣ, будетъ от-
служена духовенствомъ всѣхъ церквей города панихида, на которой будутъ пѣть
ученики всѣхъ мѣстныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній и приютовъ. Соста-
вится грандіозный хоръ. По окончаніи церковной службы въ соборѣ, всѣ учеб-
ные заведенія будутъ собраны въ лицейскомъ садикѣ, окружающемъ, какъ
сказано, Знаменскую церковь, придворнымъ духовенствомъ которой будетъ
отслужена въ этомъ храмѣ вторая панихида, а послѣ нея, въ присутствії
всѣхъ поминутыхъ лицъ, произойдетъ чинъ освященія мѣста для памятника
въ лицейскомъ садикѣ. Литію споютъ ученики-пѣвчие всѣхъ мѣстныхъ учеб-
ныхъ заведеній. На другой день 27-го въ большомъ дворцовомъ манежѣ (вмѣ-
стимостью на 1.500 человѣкъ, произойдетъ рядъ народныхъ чтеній со свѣто-
выми картинами, посвященныхъ жизни поэта и его произведеніямъ. Устрой-
ство и составленіе программы этихъ чтеній взялъ на себя, какъ сообщается
«Петербургскій Листокъ», директоръ мѣстной мужской гимназіи И. Ф. Аннен-
скій. XL. Черниговъ. Въ засѣданіи училищной комиссіи для выработки про-
граммы празднества рѣшено, между прочимъ, отслужить въ Борисоглѣбскомъ
каѳедральномъ соборѣ торжественную панихиду, затѣмъ раздать бесплатно для
учащихся въ городскихъ училищахъ избранныя произведенія А. С. Пушкина,

устранить для нихъ же литературное утро, въ программу которого войдутъ произведенія поэта, а также хоровое пѣніе. Вечеромъ въ городскомъ театрѣ предположено устроить народное чтеніе.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 11-го марта, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, состоялось засѣданіе восточного отдѣленія. Здѣсь приватъ-доцентъ В. В. Бартольдъ сообщилъ о полученныхъ имъ отъ г. Калаура изъ Ауліатинскаго уѣзда персидской рукописи, которая содержитъ въ себѣ вновь найденное сочиненіе неизвѣстнаго писателя Молла Сейфа-Эддина Асхинеи «Исторія шайховъ города Кайсана». Затѣмъ Д. А. Клеменцъ представилъ вниманію общества свой отчетъ объ «Археологическихъ результатахъ Турфанскої экспедиціи». Референтъ указалъ, что единственными изслѣдователями Затянышанскаго края являются русскіе ученые и путешественники, каковы: Регель, Пржевальскій и Грумъ-Гржимайло, а также русскія экспедиціи: 1) Пѣвцова, Козлова, Роборовскаго и 2) Богдановича, Козлова и Роборовскаго; давъ затѣмъ краткую оцѣнку трудовъ названныхъ путешественниковъ и экспедицій, Д. А. Клеменцъ перешелъ къ отчету о своей поѣздкѣ. Кургановъ удалось экспедиціи встрѣтить сравнительно немногого, но почти на всѣхъ видѣнныхъ кургахъ находились болѣе или менѣе грубыя каменные изваянія. Среди же остатковъ городовъ первое мѣсто занимаетъ городъ Ярхото, лежащий въ 6-ти verstахъ къ западу отъ Турфана и прекрасно сохранившійся, благодаря своему малодоступному положенію на искусственномъ островѣ, образуемомъ развѣтвлениемъ реки. Всѣхъ пещеръ экспедиціей было осмотрѣно до 130. Всѣ онѣ расположены вдоль теченія реки, изъ которыхъ многія теперь уже превратились въ болото, и имѣютъ узкую форму; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы углубленія въ видѣ нишъ, а у нѣкоторыхъ есть второе, меньшее отдѣленіе. За исключеніемъ одной, имѣющей четырехскатную крышу и плафонъ, всѣ онѣ завершаются сводомъ. Всѣ пещеры оштукатурены изнутри; тѣ изъ нихъ, которые предназначались для жилья, известью съ примѣсью розовой краски, а тѣ, которые предназначались для храма, имѣютъ стѣны и потолокъ бѣлые; на потолкѣ находили въ нихъ изображенія Будды, а по стѣнамъ — картины изъ буддійской міѳологіи или сцены свѣтскаго содержанія. При нѣкоторыхъ изображеніяхъ встрѣчаются китайскія, ургунскія и индійскія надписи (даже и ксилографіи). Интересно, что индійскія надписи встрѣчаются и въ тѣхъ пещерахъ, где изображенія Будды китайскаго типа. Кроме этихъ надписей, въ одной пещерѣ въ Ярхото были найдены надписи руническія, отдѣльные рунические знаки встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, по дорогѣ изъ Сиягимауза въ Муршукъ экспедиція встрѣтила два руническихъ знака. Въ одной пещерѣ были найдены на полу въ пескѣ и въ обвалившейся штукатуркѣ отрывки рукописей и обрывки шелковыхъ матерій съ различными изображеніями. Чтеніе свое Д. А. Клеменцъ иллюстрировалъ множествомъ фотографій, снятыхъ имъ на мѣстѣ, и рисунками. II. 15 марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, засѣданіе классическаго отдѣленія. В. В. Латышевъ прочелъ составленный фонъ-Штерномъ некрологъ недавно умершаго члена общества, вице-президента одесского общества исторіи и древностей, В. Н. Йоргевича. Присутствовавшіе почтили память по-

койнаго ученаго вставаніемъ. Затѣмъ И. И. Смирновъ сдѣлалъ докладъ «О сирийскомъ христіанскомъ блюдѣ съ христіанскими изображеніями». Сравнивъ сдѣланныя на блюдѣ изображенія Сошествія Св. Духа, Воскресенія и Распятія со сходными памятниками византійскаго искусства VI—VIII вв. и съ миниатюрами сирийскаго Евангелія конца VI вѣка, докладчикъ пришелъ къ тому заключенію, что данное блюдо вышло изъ мастерскихъ Месопотаміи или Персіи. Блюдо это, раздѣленное на три кружка, имѣло, по мнѣнію референта, церковное употребление, и, по всей вѣроятности, оно представлялось дискомъ, на которомъ во время богослуженія помѣщались три просфоры. И. В. Покровскій въ своемъ возраженіи И. И. Смирнову замѣтилъ, что нацрасно онъ старается подыскать реальное основаніе и что, напримѣръ, объясненіе трехъ круговъ на блюдѣ тѣмъ, что они предвазначались для трехъ просфоръ, не можетъ быть принято, такъ какъ три просфоры въ литургіи введены сравнительно поздно; по мнѣнію И. В. Покровскаго, блюдо это могло быть скорѣе панагіей для возношенія хлѣба. А профессоръ Троицкій высказалъ сомнѣніе, чтобы блюдо это, въ виду имѣющихся на немъ религіозныхъ изображеній, принадлежало несторіанамъ.

Московское археологическое общество. I. Въ происходившемъ 14-го марта, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергея Александровича, засѣданіи Московскаго археологическаго общества, профессоръ архитектуры К. М. Выковскій сдѣлалъ сообщеніе о соборѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ, на основаніи осмотра этого замѣчательнаго памятника древности гр. архитекторами З. И. Ивановымъ и А. А. Потаповымъ. Осмотръ былъ произведенъ вслѣдствіе возбужденнаго въ прошломъ годуprotoiereемъ собора Знаменскаго и мѣстными землевладѣльцами С. А. и Л. А. Егоровыми вопроса о возможной реставраціи собора, нынѣ застроенного многими позднѣйшими зданіями и во многомъ утратившаго свой древній видъ. Соборъ св. Георгія принадлежитъ къ замѣчательной эпохѣ развитія русскаго зодчества въ XII в., въ Владимиро-Сузdalской землѣ, и возбуждается особенный интересъ своими чертами романскаго стиля въ колонкахъ фасада и входовъ и въ рельефныхъ, изсѣченныхъ изъ камня изображеніяхъ человѣческихъ фігуры, миѳическихъ животныхъ и растительнаго орнамента по своему фасаду. Имѣя болѣе приземистый видъ, чѣмъ болѣе стройные соборы Покрова на Нерли и Дмитровскій, Георгіевскій соборъ отличается крестообразнымъ распорядкомъ своего плана съ тремя выступающими алтарными полукружіями на восточной сторонѣ и съ прямоугольными выступами на остальныхъ трехъ сторонахъ. Подробный осмотръ чердачовъ собора показалъ, что поддерживающій куполъ барабанъ былъ первоначально выше и что существующая четырехскатная крыша собора не представляетъ древнаго покрытия. Затѣмъ можно было удостовѣриться, что древнія окна собора были иные, болѣе узкія; что примыкающая къ собору колокольня (новой постройки и не представляющая художественнаго интереса) сохранила въ свою нижнѣмъ этажѣ слѣды постройки XVII в.; что первоначально наружное убранство собора рельефными изображеніями сохранилось болѣе полно на сѣверной сторонѣ и отчасти на западной, тамъ, гдѣ она не застроена. На южной стѣнѣ уже не сохранилось верхнаго яруса съ колонками, и вся орнаментациѣ этой стѣны представляетъ случайный сборъ камней съ ре-

льефными изображеніями фигуръ и растительныхъ орнаментовъ. Восточная алтарная сторона имѣеть гладкую поверхность, лишь кое-гдѣ выказывающую слѣды орнаментовъ; куполь собора также гладкій, за исключеніемъ иѣкоторыхъ мѣсть, гдѣ встрѣчаются камни съ фигурами. Все это указываетъ на когда-то совершенную перекладку части зданія, при чемъ материаломъ пользовались безъ соблюденія надлежащаго порядка. Изъ исторіи Карамзина извѣстно, что соборъ былъ выстроенъ въ 1234 году княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ; лѣтописецъ говоритъ: «бѣ бо извну около вся церкви по камню рѣзаны святые чудны вельми яже есть и до сего дня». Въ рукописи, хранящейся въ Юрьевскомъ соборѣ (неизвѣстнаго автора), сказано: «Въ лѣто 6738 (1230) князь Святославъ разруши церковь въ Юрьевѣ-Польскомъ соборную яже обвѣщаала, юже прежде созда дѣдъ его благовѣрный князь Юрий Влади-мировичъ Долгорукій, яже стояла 78 лѣтъ отъ начала града, а созда Святославъ паки церковь зело вельми рѣзнымъ каменемъ отъ подошвы и до верху, святыхъ лики и праздники». Далѣе мы не находимъ указаній относительно разрушенія или перестройки собора, хотя послѣдняя несомнѣнно была, судя по результатамъ осмотра. Что касается вопроса о реставрації, то осуществленіе послѣдней, кромѣ отнятія позднѣйшихъ пристроекъ, требуетъ возстановленія древнаго кровельного покрытия (по закомахамъ, т. е. дуговыми очертаніямъ, взамѣнъ существующаго четырехскатнаго), чѣмъ была бы открыта нижняя часть барабана, увеличена его высота и все зданіе получило бы менѣе приземистый видъ. Затѣмъ слѣдовало бы возстановить древнюю форму оконъ и принять мѣры къ реставраціи наружныхъ рельефныхъ украшеній, воспользовавшись сохранившимися и добавивъ, на основаніи детальнаго изученія, недостающія. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей видовъ, плановъ и разрѣзовъ собора, а также фотографій съ рельефныхъ изображеній на его стѣнахъ. И. В. Цвѣтаевъ въ своемъ сообщеніи «Русскій художникъ въ римскихъ катакомбахъ» ознакомилъ слушателей съ работами Ф. П. Реймана по копированію замѣчательныхъ фресокъ I—V вв., сохранившихся въ римскихъ катакомбахъ. На важность изученія этихъ фресокъ для древнехристіанскаго искусства особенно обратилъ вниманіе г. Цвѣтаева покойный Ф. И. Буслаевъ во время ихъ совмѣстнаго жительства въ Римѣ въ 1874 г., но только 14 лѣтъ спустя удалось г. Цвѣтаеву осуществить мысль о снятіи копій съ этихъ фресокъ, при чѣмъ онъ нашелъ превосходнаго исполнителя въ лицѣ русскаго художника Реймана, поселившагося въ Римѣ съ 60-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ (съ 1888 г.) г. Рейманъ работаетъ уже 11-й годъ и успѣлъ изготовить въ краскахъ болѣе 150-ти замѣчательныхъ по вѣрности рисунковъ. Средства для такой работы получались въ теченіе 9-ти лѣтъ отъ К. С. Попова, а въ новѣйшее время отъ кн. Ф. Ф. Юсупова. Работа г. Реймана сопряжена съ немалыми затрудненіями и свидѣтельствуетъ о необычной преданности дѣлу художника, которому приходится проводить цѣлые недѣли въ темныхъ, мрачныхъ, то сырыхъ, то удушливыхъ подземельяхъ, въ полномъ уединеніи, пытаться искать ночлега въ скромныхъ загородныхъ остеріяхъ. Копіи г. Реймана далеко оставляютъ за собою всѣ прежніе снимки и передаютъ вполнѣ точно всѣ особенности фресокъ. Этими достоинствами онъ обратили на себя вниманіе всѣхъ любителей искус-

ства, и г. Рейманъ сталъ получать заказы изъ Англіи и Америки, но онъ остается вѣреиъ принятой имъ на себя задачѣ—составить возможно болѣе полную коллекцію копій для Россіи. Въ качествѣ образцовъ въ засѣданіи были выставлены, между прочимъ, снимки съ фресокъ въ катакомбѣ свв. Павла и Марцеллина, именно съ изображеніемъ Спасителя и свв. Петра и Павла. Древнѣйшая катакомбовая живопись I и II вѣковъ носитъ совершенно языческій характеръ. Это—изображеніе виноградныхъ лозъ, амуроў и т. д., въ которыхъ лишь съ трудомъ можно доискаться аллегорическаго смысла. Лишь мало-помалу вырабатываются христіанскіе образы Доброго Пастыря и другіе, и лишь постепенно античная живопись уступаетъ мѣсто византійско-христіанской. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе «о культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о найденныхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ», на основаніи раскопокъ дѣйствительного члена общества Ф. Д. Нефедова въ 1895—1896 гг. и отчасти раскопокъ костромской ученой архивной комиссіи въ 1894—1898 гг. Г. Нефедовымъ было раскопано 542 кургана въ Костромскомъ, Нерехтскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ, комиссией—болѣе 1.000 кургановъ въ Костромскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ. Благодаря любезному вниманію предсѣдателя комиссіи, статьи-секретаря дѣйствительного тайного совѣтника Н. Н. Селифонтова и непремѣннаго члена комиссіи Н. М. Бекаревича, г. Анучинъ могъ получить для ознакомленія отчеты комиссіи о раскопкахъ, фотографіи съ найденныхъ вещей и нѣкоторые подлинные предметы. Курганы расположены группами отъ 20-ти до 40 и болѣе вдоль рѣкъ и овраговъ по возвышеннымъ мѣстамъ и бываютъ иногда обложены камнями (валунами). Обыкновенно въ нихъ находятъ слѣды погребеній, но иногда (около 2%) и слѣды трупосожженія, причемъ г. Нефедовымъ были найдены случаи сожженія въ лодкѣ или на саняхъ. Положеніе погребенныхъ обыкновенно вытянутое на спинѣ, чаще всего головою на западъ на материцѣ. Въ большинствѣ случаевъ подъ курганомъ оказывается одинъ скелетъ, но встрѣчались случаи, когда ихъ было 2—3 разнаго пола или одинакового. Около умершихъ (въ головахъ или ногахъ) ставились горшки съ пищей; горшки эти плохо слѣщенны и обожженны, съ самымъ простымъ орнаментомъ. Въ насыпяхъ (иногда и подъ скелетомъ) встрѣчаются зола и угли, а на самыхъ костякахъ различныя вещи. Мужскія могилы бѣднѣе; въ нихъ иногда не встрѣчается ничего, кромѣ небольшаго ножа, огнива и кремня около бедра (или пояса), иногда еще топоръ и немногія украшенія изъ бронзы. Въ женскихъ могилахъ предметовъ больше; на головѣ остатки головнаго убора съ бровзовыми или серебряными кольцами, около ушей различныя сережки, на шеѣ бронзовыя гривны или ожерелья изъ бусъ съ разными медальонами и привѣсками, на груди пуговки, бляхи, фигурки животныхъ, на поясѣ пряжки и подвѣшенныя на ремешкахъ, птичкахъ или цѣпочкахъ различныя шумящія (т.-е. спаянныя бубенчиками и лапками) бронзовыя привѣски, на рукахъ браслеты, на пальцахъ руки перстни и кольца, на ногахъ остатки обуви. Многія вещи указываютъ на довольно грубое мѣстное производство, но другія свидѣтельствуютъ о торговыхъ споштіяхъ и культурныхъ вліяніяхъ. Къ послѣднимъ относятся: серебряныя восточныя монеты, разнообразныя бусы, изящныя серебряныя ожерелья, золотой галунъ, узорчатыя

ткани, многія привѣски и въ особенности различные кресты и образки. Эти христіанскіе символы однако имѣли тогда болѣе значеніе украшеній, такъ какъ встрѣчаются, напримѣрь, на сережкахъ или рядомъ съ другими медальонами на ожерельяхъ. Нѣкоторые предметы указываютъ на сошенія съ болгарами на Волгѣ, даже съ Корсунемъ (Херсонесомъ), тогда какъ другіе сходны съ одновременными древностями Петербургской губерніи. Монеты и характеръ вещей опредѣляютъ эпоху кургановъ временемъ съ конца X по XII вѣкъ включительно. Судя по сохранившимся костямъ и остаткамъ волосъ, можно заключить, что это было довольно высокорослое племя съ преобладающимъ темнымъ цветомъ волосъ и длиннымъ черепомъ (долихоцефальное). Въ числѣ крестовъ найденъ былъ одинъ складень съ надписью «Гдѣ Богъ», что указываетъ во всякомъ случаѣ на начавшееся распространеніе христіанства и русской народности. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей массы картоновъ съ вещами, доставленными Ф. Д. Нефедовымъ, а равно нѣкоторыхъ предметовъ и фотографій съ вещей, доставленныхъ костромской архивной комиссией. И. Въ засѣданіи 22 марта А. И. Успенскій прочелъ предварительный отчетъ о командировкѣ, исполненной имъ совмѣстно съ братомъ В. И. Успенскимъ въ Ригу для ознакомленія съ мѣстными церковными древностями. Интересный докладъ этотъ, иллюстрированный во время чтенія многочисленными фотографическими снимками, исполненными докладчиками во время ихъ научной командировкіи съ оригиналами, находящимися въ Рижскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, заключаетъ въ себѣ до 100 писанныхъ листовъ. Фотографированные предметы состоять изъ древнихъ старообрядческихъ иконъ, церковной утвари и священнослужительскихъ одеждъ и относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ.

Общество любителей древней письменности. I. На общемъ собраніи подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, первое сообщеніе: «Логика» живодѣствующихъ и «Тайная тайныхъ», было сдѣлано А. И. Соболевскимъ. Въ московской синодальной библіотекѣ имѣется рукопись второй половины XVI в., упомянутая въ «Указателѣ» преосвященнымъ Саввою, какъ «Метафизика на южно-русскомъ нарѣчіи». Смыслъ текста этой рукописи представляеть очень большія затрудненія (въ немъ находятся, между прочимъ, слова, несомнѣнно сочиненные, въ родѣ: душевенство, гдѣчество, чтовство и т. п.). Лишь при очень внимательномъ чтеніи можно догадаться, что первая часть текста — краткая логика, а вторая часть заслуживаетъ, кажется, названія, метафизики. Рядъ данныхъ приводить референта къ заключенію, что синодальная рукопись представляетъ переводъ сочиненія знаменитаго Моисея Маймовида, сдѣянный прямо съ еврейскаго. Синодальный текстъ имѣть всѣ права на название «Логики» живодѣствующихъ: только его могъ имѣть въ виду архіепископъ Геннадій, и къ его экземпляру, можетъ быть, восходить синодальная рукопись. «Тайная тайныхъ» — обширное сочиненіе энциклопедическо-поучительного характера, написанное будто бы Аристотелемъ для Александра Македонскаго, появилось на русскомъ языкѣ до половины XVI вѣка. Вопросъ объ оригиналѣ «Тайная тайныхъ» не решается пока окончательно, но докладчикъ указалъ на слѣдующее. Въ словарномъ матеріалѣ русскаго текста есть поздніе гречизмы, есть латинизмы, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть рядъ непонятныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ

послѣднихъ, по справкѣ, оказались еврейскими; поеврейски же звучать собственныя имена арабскихъ ученыхъ, наставленія медицинскаго характера излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ лица Моисея Маймонида т. п. Переводъ обоихъ текстовъ, довольно сходныхъ по языку, сдѣланъ или въ Западной Руси, или скорѣе въ Московской Руси людьми, недавно прибывшими изъ Западной Руси и неуспѣвшими еще освоиться съ московскою бытовою терминологіею. Затѣмъ С. О. Долговъ прочелъ рефератъ объ одномъ русскомъ описаніи Китая, составленномъ до Синайскаго. Это «Вѣдомость о Китайской землѣ и глубокой Индіи». Написана она въ 1669 году тобольскимъ стольникомъ и воеводой П. И. Годуновымъ. Вѣдомость даетъ обстоятельное понятіе о государственномъ устройствѣ Китая, религії, нравахъ и обычаяхъ жителей, о производствѣ страны, ея естественныхъ богатствахъ и торговлѣ. Мимоходомъ приведено нѣсколько баснословныхъ разсказовъ о началѣ китайского народа и его переселеніяхъ. Е. А. Ляцкій сдѣлалъ сообщеніе о вновь открытомъ журналь Екатерининской эпохи: «Не всio и не ничево». Этотъ журналъ началъ выходить въ Петербургѣ въ 1786 году и представлять собой тетрадку въ 6-ти номерахъ или «листахъ», изъ которыхъ первый напечатанъ, а остальные писаны четкимъ, красивымъ почеркомъ и, очевидно, были предположены къ изданію. По своему содержанію, онъ заключаетъ рядъ протоколовъ общества, образовавшагося съ издательскими и просвѣтительскими цѣлями, и нѣсколькихъ литературныхъ произведеній. Нѣкоторыя данныя позволяютъ установить связь этого изданія съ кружкомъ лицъ, работавшихъ въ петербургскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія для заведенія училищъ въ столицѣ. Особенно любопытны страницы, где издатели касаются вопроса о положеніи литературы и дѣятельности управы благочинія, въ которой была сосредоточена тогда цензура свѣтскихъ произведеній печати. Журналъ хранится въ библіотекѣ П. М. Дмитріева, въ Петербургѣ. Въ члены-корреспонденты избраны В. М. Васнецовъ, С. О. Долговъ и С. А. Пташицкій. **II.** 26-го марта, состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Засѣданіе было открыто заявлениемъ предсѣдателя о высочайшемъ соизволеніи на внесеніе имени его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича въ списокъ почетныхъ членовъ общества. Затѣмъ А. В. Половцовъ сдѣлалъ сообщеніе о любопытномъ эпизодѣ изъ исторіи малороссійскаго казачества, а именно о томъ, что въ 1646 году при осадѣ Дюнкирхена армію Великаго Конде на французской службѣ находились казаки. Кардиналъ Мазарини обратился къ польскому королю Владиславу съ просьбою оказать французскому правительству помощь въ войнѣ съ испанцами. Владиславъ предложилъ казакамъ принять участіе въ этой войнѣ. Въ результатѣ 2.000 казаковъ отправились во Францію, где и участвовали въ осадѣ и взятіи Дюнкирхена въ 1646 году. До сихъ поръ эпизодъ этотъ былъ извѣстенъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. А. В. Половцовъ произвелъ изслѣдованія въ архивахъ Дюнкирхена и въ архивѣ графовъ Конде въ Шантilly и нашелъ цѣлый рядъ подлинныхъ писемъ кардинала Мазарини и другихъ выдающихся дѣятелей тогдашней Франціи; въ этихъ письмахъ написались интересныя подробности о пути, которымъ прибыли казаки во Францію, о переговорахъ ихъ съ французскимъ правительствомъ и

объ участіи ихъ въ осадѣ Дюнкирхена. Эги, неизвѣстные до сихъ поръ, материалы приготавляются А. В. Полковцовъмъ къ печати. Я. Н. Смирновъ представилъ вниманію собранія новое изданіе: «V. Schultze. Die Quedlinburger Itala-Miniaturen. Fragmente der ältesten christlichen Buchmalerei», и ознакомилъ съ описательнымъ и объяснительнымъ текстомъ издателя.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 5-го марта географіи физической и математической дѣйствительный членъ общества Н. В. Поггенполь сдѣлалъ сообщеніе о восхожденіи своемъ на Эльбрусъ для выбора мѣста для устройства метеорологической станціи. Еще въ 1897 году во время неудавшагося вслѣдствіе снѣжной метели подъема г. Поггеншоля на Эльбрусъ, имъ была замѣчена подходящая для этого площадка, изслѣдованная подробно въ августѣ прошлого года. Въ 1898 году подъемъ на Эльбрусъ начался 20-го августа; въ экспедиціи участвовали три татарина — охотники на туровъ, были взяты двѣ лошади и одинъ лошакъ, навьюченные разными припасами и продовольствиемъ, пришлось подниматься безъ всякой дороги по почвѣ, заросшей травой и усыпанной обломками скаль; лошади могли двигаться только до послѣдняго выступа хребта, раздѣляющаго ледники Гора-Башы и Терткотль, здѣсь ихъ пришлось оставить и сдѣлать на берегу озера привалъ для ночлега. Между тѣмъ въ этотъ же вечеръ г. Поггенполь уже одинъ поднялся до упомянутой выше площадки, которая оказалась расположенной на высотѣ 12.200 футовъ, длина ея 100 футовъ, покрыта не глубокимъ снѣгомъ, подъ которымъ лавистая почва, съ кусками порфира. Съ сѣвера идутъ ледниковые поля, съ юга горный гребень, съ востока же и запада площадка представляетъ спуски въ ледники. Площадка является вполнѣ благопріятнымъ мѣстомъ для устройства на ней станціи. Но на этомъ экспедиція не остановилась и стала продолжать свое восхожденіе, ибо г. Поггенполь хотѣлъ опредѣлить, нельзя ли впослѣдствіи устроить станцію еще выше, у самой вершины Эльбруса. Послѣ большихъ трудностей подъема, при чёмъ приходилось перебираться черезъ огромныя ледниковые трещины и двигаться, для предосторожности связывая себя веревкой другъ съ другомъ, участники экспедиціи къ шести часамъ утра слѣдующаго дня достигли высоты 13.500 футовъ, гдѣ сдѣланъ былъ небольшой привалъ. Послѣдующій подъемъ былъ труднѣе, круче, приходилось иногда карабкаться по гладкому льду, такъ что пришлось надѣть на ноги кошки съ шишами. Между тѣмъ разыгрывалась снѣжная буря. Къ 10-ти часамъ достигли 16 тыс. футовъ, гдѣ нашли стѣнку, сложенную изъ камней лавы еще въ 1891 году Пастуховымъ. Даѣвъ снѣгъ становился очень глубокъ, вѣтеръ усиливался и температура быстро падала, но, несмотря на это, къ двумъ часамъ дня взобрались до 17.500 футовъ, а черезъ 13 часовъ подъема, т.-е. около 4 часовъ достигли до группы скаль по западному склону вершины Эльбруса (на 18.200 ф.), до вершины оставалось очень немного, но все ухудшающаяся погода не позволила двигаться далѣе и пришлось вернуться. Несмотря на это, г. Поггенполь успѣлъ сдѣлать приблизительное заключеніе о возможности постройки небольшой станціи среди скалъ сѣдовинны вершины Эльбруса. Подобная горная обсерваторія существуетъ въ Европѣ: въ Иренеяхъ, въ Альпахъ; самая же высокая находится въ Южной Америкѣ въ Андахъ, около Ареши, на высотѣ

16.650 футовъ. II. Въ засѣданіи 12-го марта по отдѣленію этнографіи В. Г. Богораза сдѣлалъ очень интересное сообщеніе «Олennые чукчи Колымскаго края». Съверо-восточная часть теперешней Азіатской Россіи, прилегающей къ Ледовитому океану, на картахъ прошлаго столѣтія окрашивалась въ другую краску и населена была тѣми же чукчами, но еще самостоятельными и намъ враждебными, съ которыми уже во второй половинѣ XVIII столѣтія приходилось имѣть постоянныя столкновенія, при чемъ казаки, дѣйствовавшіе противъ нихъ, наткнулись на упорное сопротивленіе и были ими побиты. Объ этой борьбѣ, какъ у русскихъ, такъ и чукчей сохранились преданія, которыхъ въ обоихъ случаяхъ говорятъ о пораженіи казаковъ и гибели ихъ атамана Навицкаго. Воинственность чукчей проявилась и къ другимъ сосѣднимъ съ ними племенамъ; у нихъ сохранилось много геропическихъ преданій о борьбѣ ихъ, напримѣръ, съ коряками. Сношенія съ чукчами были возобновлены у насъ въ 1789 году. Въ предѣлахъ Колымскаго округа чукчи пришельцы недавніе. Съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія они стали постепенно двигаться на западъ и югъ, причемъ оттѣнили ламутовъ. Въ завязавшихъ сношеніяхъ главную роль играла торговля, причемъ велись сношенія черезъ особыхъ перекупщиковъ съ Съверной Америкой, доставлявшей въ огромномъ количествѣ мяча въ обмѣнъ на табакъ. Въ послѣднія 25 лѣтъ привозъ этихъ мяховъ на азиатскій берегъ сильно сократился и обороты мястной армарки съ 200 тысячъ упали до 15 тысячъ. По послѣдней переписи, произведенной докладчикомъ и Н. Л. Гондати, всѣхъ чукчей около 15.000 человѣкъ. Они раздѣляются на приморскихъ и олennыхъ — различие это племенное. Чукчъ происходит отъ слова чаукъ — богатый оленями. Сами себя чукчи называютъ — люди, настоящіе люди. Приморскіе чукчи занимаются охотой и рыбнымъ промысломъ; если послѣдній неудаченъ, то они голодаютъ, если удаченъ, то, какъ говорится въ ихъ сказкахъ, тюленій жиръ течеть у нихъ по обѣимъ сторонамъ рта. Олennые чукчи живутъ оленеводствомъ. Всѣ заботы ихъ направлены къ охраненію стадъ, которыхъ, вслѣдствіе низкой степени прирученія оленя, часто разбѣгаются, слѣдствіемъ чего бывають самоубийства цѣлыхъ семей. По количеству головъ (считается по маткамъ) стада оленей простираются отъ 200 и до 4 тыс. Много интереснаго г. Богораза сообщилъ изъ обычаевъ чукчей и ихъ характера. Чукчи быстро поддаются гнѣву, переходящему въ ярость — самоубийства и убийства у нихъ очень нерѣдки. Воровство, особенно оленей, сильно развито, даже выработалось слово, подобное нашему, стибрить. Чукчи очень выносливы — стоять и охать при родахъ женщина считаетъ позоромъ. Къ холodu они почти нечувствительны, крайне трудолюбивы, особенно въ заботахъ за стадами, духовно развиты мало, система счета, напримѣръ, у нихъ существуетъ только пальцевая. До водки они чрезвычайно падки. Несмотря на строгое запрещеніе, спиртъ къ нимъ привозится всяческими способами — запрятываются въ орляжки, въ мяшки съ табакомъ, пропитываются спиртомъ болышіе пряники. Всѣ торговыя ихъ операции происходятъ въ угарѣ, при чемъ ихъ, копечно, страшно надуваютъ. Развита у нихъ также очень игра въ карты, въ которыхъ они проигрываютъ иногда цѣлыхъ стада оленей. Изъ обрядовъ интересны — похороны, которые происходятъ двоякимъ образомъ — покой-

ника сожигаютъ или же обложивъ сырьмы мясомъ оставляютъ въ полѣ на съѣденіе звѣримъ. Передъ выносомъ съ покойникомъ происходитъ общая по-слѣдняя трапеза и гаданье посредствомъ вопрошенія трупа подергиваніями ремнемъ головы покойника. Браки заключаются больше внутри родовыхъ единицъ, тогда калыма никакого не производится. Если же брачается чужія семьи, то калымъ заключается въ 2-хъ годовой службѣ жениха у тестя. Чуки любятъ брать въ замужество русскихъ женщинъ, считая русскую кровь болѣе благородной; часто русские изъ сосѣднихъ селеній продаютъ чукчамъ своихъ дочерей безъ вѣдома послѣднихъ за какихъ нибудь нѣсколько штукъ оленей. Допускается полигамія. Сущность брачнаго обряда состоить въ кровепомазанії, изображеніи кровью животныхъ наслѣдственного знака семьи мужа. Браки не особенно крѣпки, существуютъ и перемѣнныя браки. У чукчей еще крѣпко родовое начало и тѣсны семейные союзы, родственная связь и кровомщеніе охватываютъ кругъ родства до троюродныхъ братьевъ. У чукчей существуютъ семейные связанные очаги, идолы, амулеты, бубны. Они имѣютъ нѣкоторыя представленія о Богѣ, Творцѣ вселенной, о звѣздной системѣ, при чемъ имъ известны полярная звѣзда, созвѣздія Ориона и жены его, Льва, Большой Медвѣдицы и друг., при чемъ съ ними у нихъ связана особая мифологія. Больше всего они боятся злыхъ духовъ, защитниками противъ которыхъ являются у нихъ шаманы. Шаманство у нихъ очень развито. III. Въ засѣданіи 16-го марта по отдѣленію географіи физической и математической было сдѣлано два сообщенія: подполковникъ Шульцъ сообщилъ о шведско-русской рекогносцировочной экспедиціи въ 1898 году на архипелагъ Шпицбергена и В. Л. Комаровъ — о горномъ Зеравшанѣ. Подполковникъ Шульцъ, принадлежа къ корпусу военныхъ топографовъ, былъ уполномоченнымъ съ русской стороны и принялъ дѣятельное участіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ вышеназванной экспедиціи, цѣль которой была произвести градусное измѣреніе на Шпицбергенѣ. Архипелагъ Шпицбергена состоѣть изъ четырехъ большихъ и множества маленькихъ острововъ. На эти острова впервые наткнулись русскіе, а голландцы въ концѣ XVII столѣтія и назвали ихъ Шпицбергенъ, то-есть острыя горы. Своими сѣверными окраинами Шпицбергенъ лежитъ почти подъ 81 град. с. ш. На ряду съ промышленными экспедиціями совершились на Шпицбергенѣ не разъ экспедиціи научныя, при чемъ пытались провести тамъ зиму, но этого не удавалось и препятствовали этому не столько морозы, сколько дынга. Одна изъ экспедицій еще была совершена при Екатеринѣ II въ 1765 году, подъ начальствомъ адмирала Чичагова. Настоящая экспедиція 1898 г. состояла, кромѣ г. Шульца, изъ четырехъ шведскихъ ученыхъ. Экспедиція продолжалась съ 28-го мая до конца сентября и все эти 120 дней, ихъ коихъ 85 проведены въ Ледовитомъ океанѣ, были употреблены на безпрерывные переѣзды и измѣренія, по которымъ выяснилось, что многія мыста въ настоящихъ картахъ нанесены неправильно, напримѣръ, гора Хибемъ. Экспедиція совершила свое путешествіе на канонерской лодкѣ «Ранъ» вмѣстимостью 175 тоннъ. 15-го июня эта лодка вышла изъ города Тромсѣ въ Ледовитый океанъ. 20-го прибыла въ бухту Розыскъ, прекрасно отовсюду защищенную и лежащую на юго-западномъ берегу Шпицбергена, — здѣсь на берегу экспедиція наткнулась на развалины рус-

скихъ хатъ. Двигаясь дальше на сѣверъ, экспедиція достигла Ледяного фюорда, гдѣ посѣтила мысъ Старостинъ, названный именемъ русскаго промышленника, умершаго и похороненаго тамъ въ 1826 году. Къ концу іюня канонерка прибыла въ лучшую бухту Шпицбергена — Адвентъ. На берегу этой бухты есть гостиница, въ которой, отъ 2-го іюля до 20-го августа, помѣщается почта. Съ 28-го іюня погода стала ухудшаться, пошли вѣтры и дожди. Экспедиція, съ трудомъ двигаясь дальше, посѣтила острова Амстердамъ, гдѣ когда-то кипѣла жизнь, а теперь остались только развалины голландскихъ фортовъ и заливъ, оскудѣвшій рыбой, и островъ Птичій, гдѣ наполнялъ свой шаръ злополучный Андрэ, и, наконецъ, достигла самой сѣверной точки Архипелага — Малаго Столowego острова, гдѣ и установленъ былъ самый сѣверный сигналъ, какъ вершина самого сѣвернаго треугольника. Затѣмъ въ половинѣ іюля, послѣ многихъ изслѣдований и установокъ сигналовъ съ юга, часть экспедиціи занялась изученіемъ залива Гинлоенъ, а часть вернулась для возобновленія запасовъ угля въ бухту Адвентъ, которую съ трудомъ можно было узнать, такъ какъ берега ея оказались покрытыми зеленью и цвѣтами, а сама она многочисленными судами. На островѣ Маломъ Соловьевомъ было установлено нѣсколько сигналовъ и выяснено, что можно провести по Гинлоену до мыса Бартъ тріангуляцію на пространствѣ 2° по меридиану, измѣривъ базисы на полуостровѣ Геклѣ и мысѣ Торель. IV. Въ ощемъ соединенному собраніи 19-го марта, дѣйствительный членъ, академикъ С. И. Коржинскій сдѣлалъ сообщеніе: «Ботанико-географическая области Европейской и Азіатской Россіи». Ботаническія области Европейской Россіи болѣе или менѣе выяснены, говорить С. И. Коржинскій, но по отношенію къ областямъ азіатскимъ, особенно русскими учеными сдѣлано очень мало. Наиболѣе принятое раздѣленіе ботаническихъ областей, которое держится и теперь, это — дѣленіе Гринбаха на области: арктическую, лѣсную и степную до Гималаевъ, область Средиземного моря, индусскую, китайскую и японскую. Но и это дѣленіе, по мнѣнію г. Коржинскаго, не совсѣмъ рационально — трудно отдѣлить, говорить онъ, южную область, начиная отъ Средиземного моря до Тихаго океана. Средиземная область очень мало отличается отъ средне-азіатской, также мало разнится Туркестанъ отъ Персіи, даже трудно установить какое либо характерное различіе между Средиземной полосой — съ одной, Китаємъ и Японіей — съ другой стороны. Пространство, прилегающее къ Средиземному морю, очень разнообразно по своей поверхности — тутъ мы встрѣчаемъ и стени, и лѣса, и пустыни, и тундры. Существуетъ еще дѣленіе, болѣе мелкое, областей на провинціи — но это дѣленіе также очень искусственно, дѣленіе кабинетное, приспособленное скорѣе къ географическому и отчасти политическому дѣленіямъ. Итакъ, насколько хорошо и точно раздѣлены области сѣверной зоны, настолько плохо южной. По ботаническимъ признакамъ видно, что ледниковый періодъ подвергалъ Сибирь постепенно охлажденію и покрытию льдомъ. Произошло отступление растительности, а затѣмъ опять наступленіе. Лѣсная область еще характерна — она сначала была лишена растительности, и затѣмъ уже послѣдняя постепенно надвигалась. Лѣсному пространству не дали ничего ни Кавказъ ни Туркестанъ, чemu, вѣроятно, мѣшиали горы и воды. Централами, давшими лѣсное распространение, — являются

южно-европейскій, монгольскій и манджурскій, распространеніе отдѣльныхъ породъ совершалось путемъ концентрическимъ. Менѣ всего объяснены восточныя границы, на распространеніе тутъ имѣть вліяніе несомнѣнно не одинъ климатъ, напримѣръ, облепиха альпійская и иркутская по строенію своему совершенно одинакова, а между тѣмъ одна въ Петербургѣ выживаетъ, другая нѣтъ. Направленіе границъ флоры зависить отъ моментовъ передвиженія. Главныя породы, идущія съ востока: сибирская ель, пихта, лиственница. Дальше всего распространилась сибирская ель: на западѣ она доходитъ до Швеціи и Восточной Пруссіи; европейская ель тожественна сибирской. Манджурскій центръ распространяется вѣрообразно. Дальше всего пошла даурская лиственница, благовонный тополь встрѣчается отъ Камчатки до Енисея. Степная полоса также населена выходцами, для нея центромъ является Кавказъ. Южная флора самая древняя. Флора средне-азіатской пустыни, хотя послѣдняя и была подъ водой, также очень стара, она занимала плоскогорія Тибета и Памира. С. И. Коржинскій на основаніи своихъ изученій производитъ дѣленіе такимъ образомъ: на зону сѣверной флоры и на зону южной. Зона сѣверной подраздѣляется на арктическую, лѣсную и степную (луговую и ковыльную). Зона южной: 1) на область средне-азіатской пустыни, 2) горно-степную (Крымъ, Закавказье, Малая Азія, Туркестанъ), 3) область лѣсовъ объединенныхъ и область лѣсовъ третичныхъ. Встрѣчается также альпійская область. Область луговыхъ степей востока Россіи (трава растетъ силошь лугами) передвинулась изъ Венгрии, съ флорой «Паннонской». Ковыльные степи опираются или на Кавказъ или на Туркестанъ. Въ засѣданіи 26-го марта по отдѣленію этнографіи было сдѣлано сообщеніе предсѣдательствующимъ В. И. Ламанскимъ о книгѣ профессора университета въ Нансі Бертрана Ауэрбаха: «Les cares et les nationalit es en Autriche-Hongrie». Книга эта является трудомъ весьма серьезнымъ и основательнымъ, тѣмъ паче заслуживающимъ вниманія, что еще до послѣдняго времени во Франціи въ отношеніяхъ къ народностямъ Австро-Венгріи выказывали нѣвѣжество, при чмъ происходили такія нелѣпости, какъ возвращеніе обратно привѣтствія чеховъ изъ Праги президенту вѣнскаго парламента, за непониманіемъ де мадьярскаго языка (?!). Ауэрбахъ хорошо изучилъ народности Австро-Венгріи, трудъ его основатель на изслѣдованіяхъ старинныхъ авторовъ Черніка, Фокера, на знакомствѣ съ вопросами мѣстными и принадлежитъ къ области политической этнографіи. Несмотря на то, что Австрія, говорить онъ, является по величинѣ третьей европейской державой, она поражаетъ своей слабостью, это большое тѣло, и самая большая часть его несомнѣнно Чехія. Стоя въ авангардѣ славянъ, она должна или побѣдить, или пасть. Считать Австрію державой славянской, какъ это принято нѣкоторыми, совершенно ошибочно. Оставляя въ сторонѣ чисто нѣмецкую часть Австріи — Цислейтанію (Тироль, Зальцбургъ, Нижнюю и Верхнюю Австрію и др.) и беря области славянскія: Чехію, Моравію, Силезію, Галицію и др., онъ насчитываетъ тамъ славянъ до 14 миллионъ, а нѣмцевъ около 7 миллионовъ, но замѣчаетъ при этомъ, что меньшинство это гораздо сильнѣе и является главнымъ элементомъ, ибо нѣмцы при различныхъ своихъ названіяхъ представляютъ изъ себя все-таки одинъ народъ, славяне же являются только названіемъ, покрывающимъ собою раз-

личная враждующія между собой народности, при чёмъ вражда проиходть между такими, повидимому, близкими, какъ сербы и хорваты, спорящіе изъ-за Босніи и Далмациі, и, при общемъ языке, пишущіе одни латинскими, другіе кирилловскими буквами. 14 миллионовъ славянъ оттого и не страшны для нѣмцевъ, что у нихъ проиходитъ процессъ не объединяющій, а совершенно обратный; у словаковъ и чеховъ, напримѣръ, явились совершенно различныя литературы—хорваты принѣли сербскій языкъ, а $1\frac{1}{2}$ -милліонный народъ словенцы мечтаютъ даже о созданіи своего собственнаго университета. Затѣмъ Ауэрбахъ переходитъ специально къ чехамъ, относясь къ нимъ съ большой симпатіей, какъ къ народу, находящемуся въ тяжеломъ положеніи, но очень развитому и образованному, считаетъ ихъ поведеніе все-таки неправильнымъ и притязанія чрезмѣрными. «Чехи,—говорить онъ,—неправы, выступая съ такими требованиями, чтобы чешскій языкъ былъ государственнымъ, и нѣмцы ему обязательно обучались. Есть округа смѣшанные, гдѣ чехи сильно преобладаютъ, тамъ нѣмцы учатся чешскому языку, но нельзя заставлять ихъ дѣлать это тамъ, гдѣ они представляютъ 98% населения. И вообще вражда и борьба 5 миллионовъ населения (чеховъ) съ 3 миллионнымъ (нѣмцами) не рациональна, тѣмъ паче, когда за нѣмцами стоитъ Германія, давно чающая забрать при удобномъ случаѣ всѣ земли вплоть до Тріеста. Чехія идетъ въ разрѣзъ съ желаніями другихъ славянъ—словенцовъ, русскихъ въ Галиціи и даже нѣмцевъ въ Чехіи—раздѣлиться по національностямъ.

Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ обогатился весьма значительнымъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ. Наслѣдницы потомственнаго почетнаго гражданина Ф. Ф. Мазуриня, умершаго въ концѣ прошлаго года, В. Ф. Бахрушина и В. Ф. Чернышева, пожертвовали архиву всю богатѣйшую библіотеку покойнаго. Библіотека эта состоить главнымъ образомъ изъ рукописей, старопечатныхъ книгъ и книгъ XVIII в. Древнихъ рукописей въ ней насчитывается до 700; изъ нихъ семь — на пергаментѣ, остальная — на бумагѣ. Пергаментныя рукописи слѣдующія: 1) отрывокъ псалтыри (псалмы 8—30) XIII вѣка въ четверку на 31 листѣ; 2) пандекты Никона Черногорца XIII—XIV вѣка въ листъ на 193 листахъ; 3) четвероевангелие XIV вѣка въ четверку на 215 листахъ въ кожаномъ переплетѣ съ стаинными наугольниками и украпленіями; 4) отрывокъ тріоди цвѣтной XIV вѣка въ листъ на 56 листахъ; 5) октоихъ XIV вѣка въ листъ на 116 листахъ, 6) сборникъ XV вѣка въ восьмушку на 110 листахъ съ мелкими статьями разнообразнаго содержанія и въ томъ числѣ повѣстю о Стефанитѣ и Ихніатѣ, и 7) пергаментные отрывки: 6 листовъ изъ евангелия апостола Иоанна XIII—XIV вѣка и 4 листа изъ служебника XII вѣка. Изъ рукописей на бумагѣ нѣкоторыя замѣчательны въ художественномъ отношеніи, напримѣръ, акаѳистъ Божіей Матери, поднесенный царевичу Алексѣю Петровичу іеромонахомъ Каріономъ Истомнымъ, XVII вѣка, въ листъ на 29 листахъ съ 10 отлично исполненными изображеніями и разрисованными заглавными буквами, и евангелие-апракосъ въ листъ XVI—XVII вѣка хорошо письма съ красивыми заставками и разрисованными буквами. Другія замѣчательны по письму; напримѣръ, указатель къ узаконенію.

ніамъ по 1760 годъ чрезвычайно мелкаго письма. Третыи наконецъ цѣнны по своему содержанию, напримѣръ, неизвѣстный доселѣ Судебникъ царя Феодора Ioannовича, составленный по состоявшемуся 14-го іюня 1589 года приговору царя съ патріархомъ и всѣмъ земскимъ соборомъ — рукошие конца XVII вѣка въ восьмушку на 92 листахъ. Сверхъ того, много сборниковъ, замѣчательная по письму Кормчая, нѣсколько лѣтощисей, хронографовъ, Палей и т. д. Печатныхъ книгъ въ собраніи Мазурина свыше 7.000, и въ томъ числѣ много рѣдкихъ. Такъ, изъ числа печатныхъ церковнымъ шрифтомъ можно отмѣтить третью по времени книгу, напечатанную въ Москвѣ по введеніи книгопечатанія въ Россіи—псалтырь 1568 года, далѣе—требникъ, изданный въ Стрятии въ 1606 году, и мн. др. Иныя изъ этихъ книгъ замѣчательны своими переплетами. Напримѣръ, молитвословецъ повседневный, печатанный въ Уневской обители въ 1691 году, въ роговомъ переплете съ красивыми серебряными украшеніями, или молитвословецъ, печатанный въ Могилевѣ въ 1695 году въ филигранномъ серебраномъ переплете, сплошь покрывающимъ всю книгу, очень хорошей работы. Въ числѣ книгъ гражданской печати находится много книгъ и сочиненій, напечатанныхъ при Петре I въ Россіи и по его повелѣнію—въ Амстердамѣ, а также и книги позднѣйшаго времени, въ томъ числѣ много рѣдкихъ книгъ, периодическихъ изданій и брошюръ; напримѣръ, крайне рѣдкое сочиненіе Радищева—«Жизнь Ушакова». Кромѣ рукощисей и печатныхъ книгъ въ собраніи Мазурина находится много отдѣльныхъ актовъ, столбцовъ и писемъ разныхъ лицъ XVI—XIX вѣка. Среди актовъ имѣется одна новгородская и одна молдавская грамоты (обѣ на пергаментѣ) первой четверти XV вѣка. Изъ писемъ заслуживаютъ вниманія шесть писемъ Петра Великаго (въ томъ числѣ три писанныхъ сполна его рукой), три письма Екатерины II, два письма Александра I, въ томъ числѣ одно къ графу П. А. Толстому по поводу оставлевія Москвы княземъ Кутузовымъ и обѣ отправленіи Сперанского изъ Нижнаго въ Пермь, нѣсколько писемъ князя Потемкина, графа Нессельроде, графа Безбородко и др. Наконецъ, въ составѣ собранія входитъ значительное количество дѣлъ XVIII—XIX вѣковъ московской управы благочинія, приказа общественнаго призрѣнія, архивовъ князя С. М. Голицына, князя Куракина, Бахметева и друг. и много гравюръ и литографій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Пожертвованъ это богатое собраніе своего покойного брата архиву и передавъ его такимъ образомъ въ общественное научное пользованіе, наследницы Мазурина оказали, конечно, огромную услугу русской наукѣ. Объ этомъ пожертвованіи доведено было до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество, по всемподданнѣйшему докладу о семъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ 4-й день сего марта, всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе архивомъ этого дара и повелѣлъ объявить жертвователницамъ свою высочайшую благодарность.

Диспутъ В. Н. Александренко. 20-го марта, въ большой словесной аудитории Московского университета профессоръ Варшавскаго университета В. Н. Александренко защищалъ диссертацию, подъ заглавиемъ: «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ (томы 1-й и 2-й)», написанную имъ для полученія степени доктора государственного права. Василій Никифоровичъ Александренко родился 30-го января 1861 года въ Нѣжинѣ, уѣздномъ городѣ

Черниговской губерніи, и послѣ образованія въ нѣжинской князя Безбородко гимназіи, поступилъ на юридической факультетъ Петербургскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ правъ, въ 1885 году онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессорскому званію и съ научною цѣлью командированъ за границу, преимущественно въ Англію. Осенью 1888 года В. Н. Александренко занялъ каѳедру международного права въ Варшавскомъ университѣтѣ, где состоять профессоромъ и въ настоящее время. Его магистерскою диссертацией былъ большой трудъ, подъ заглавиемъ: «Англійскій тайный союзъ и его исторія» (Сиб., 1888 г., IX + 338 стр.). Въ своемъ новомъ труде г. Александренко пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Начиная съ царствованія Петра Великаго Россія вступаетъ въ болѣе тѣсныя организованныя сношенія съ западно-европейскими державами. Восемнадцатый вѣкъ — первая эпоха русскихъ постоянныхъ миссій за границей, и такимъ первымъ постояннымъ посломъ въ Англіи былъ А. А. Матвѣевъ. Дипломатическая сношенія Россіи съ Англіей въ этомъ столѣтіи приобрѣтаютъ важное значеніе, вслѣдствіе первенствующаго положенія Англіи на морѣ и ея стремленія къ міровому господству, вслѣдствіе ея культурно-политического вліянія на континент Евроы и обширныхъ торговыхъ связей съ Россіей. Въ развитіи дипломатической службы и положенія русскихъ дипломатическихъ агентовъ замѣчаются въ предѣлахъ изучаемаго періода три стадіи: при Петре Великомъ должность быстро организуется, но положеніе представителей Россіи, какъ членовъ дипломатическаго корпуса, еще не опредѣлившееся. Послѣ Петра Великаго, при господствѣ иностранцевъ, ихъ положеніе еще болѣе зависитмо, и только съ царствованіемъ императрицы Екатерины II ихъ положеніе упрочивается; растетъ и нравственный ихъ авторитетъ и даже вліяніе на общественное мнѣніе чужой страны. Войны, которыя вела Россія въ XVIII вѣкѣ, наложили свою печать на компетенцію дипломатическихъ агентовъ. Въ функцияхъ ихъ преобладаютъ интересы, вызываемые войной, и затѣмъ цѣли утилитарныя, практическія, задачи же мирнаго порядка — имѣютъ значеніе второстепенное, хотя тѣ и другія обширны. Оппонентами на диспутѣ выступили: профессоры графъ Л. А. Камаровскій и А. С. Алексѣевъ и приват-доцентъ В. А. Ульянницкій. Оппоненты признали, что обширная работа диспутанта исполнена добросовѣстно и представляеть несомнѣнныи интересъ, заключая въ себѣ богатый матеріалъ. В. Н. Александренко былъ признанъ достойнымъ искомой степени доктера государственного права.

35-ти-лѣtie «Виленскаго Вѣстника». 24-го марта исполнилось тридцать пять лѣтъ со дня выхода первого номера «Виленскаго Вѣстника» — первого и донынѣ единственнаго русскаго по духу печатнаго органа въ Вильнѣ, а если не считать «Губернскихъ Вѣдомостей», то и во всемъ сѣверо-западномъ краѣ. Издание русскаго «Виленскаго Вѣстника» начато было по распоряженію графа М. Н. Муравьевъ. До этого въ Вильнѣ издавалась польская газета «Litewski Kurier», т. е. «Литовскій Курьеръ», который съ 1834 года былъ официальнымъ органомъ сѣверо-западнаго края и дѣлился на двѣ части: официальную, заключавшую въ себѣ только приказы и распоряженія правительственной власти и печатавшуюся на русскомъ языке, и неофициальную часть, заключавшую

шую отдѣлы политической и литературный и печатавшуюся на польскомъ языке. Являясь официальнымъ органомъ края, но находясь въ польскихъ рукахъ и будучи польскимъ органомъ печати, «Литовскій Курьеръ», получавший даже съ 1834 года субсидію отъ правительства, ничѣмъ не отличался отъ закордонныхъ «курьерковъ»: это была чисто польская по духу газета, стоявшая на сторонѣ польской революціи и являвшаяся проводникомъ анти-русскихъ и противогосударственныхъ идей въ массы населения сѣверо-западнаго края. Всего удивительнѣе то, что противогосударственная пропаганда эта велась на государственный счетъ. Въ виду вреднаго вліянія польской печати и полной нѣумѣтности изданія, да еще на казенный счетъ, польскихъ газетъ въ русскомъ сѣверо-западномъ краѣ, М. Н. Муравьевъ положилъ конецъ этому ненормальному и вредному явлению и вмѣсто польского «Литовскаго Курьера» приказалъ издавать русскій «Виленскій Вѣстникъ», первый нумеръ котораго и вышелъ 24-го марта 1864 года. «Виленскому Вѣстнику» назначена была правительственная субсидія, и онъ сталъ официальнымъ органомъ сѣверо-западнаго края, отголоскомъ его истинныхъ думъ. Начало изданія русской газеты было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и концомъ изданія въ русскомъ краѣ польскихъ газетъ, смущавшихъ умы края и съявившихъ плевелы на русской нивѣ. Если вообще 35 лѣть — періодъ долгій и трудный для газеты, то для окраиннаго органа, каковымъ является «Виленскій Вѣстникъ», — это періодъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма знаменательный. Нигдѣ русская печать не представляеть собою столь крупнаго культурнаго фактора, какъ на окраинахъ особенно такихъ, какъ западный нашъ край, культурно оторванный отъ Россіи. Здѣсь русскій органъ призванъ нести службу государству культурно-политическую, но вдвойнѣ культурную и вдвойнѣ политическую; задача его здѣсь — проводить въ мѣстную жизнь русскія думы и идеи, содѣйствовать внутреннему, духовному объединенію, культурному слиянію окраины съ центромъ. Въ то же время онъ долженъ служить выразителемъ истинныхъ интересовъ и нуждъ края въ связи ихъ съ интересами и нуждами обще-русскими и обще-государственными. Искренно желаемъ «Виленскому Вѣстнику» и далѣе также здравствовать и также нести вѣрную и полезную службу престолу, церкви и отечеству и въ частности своему краю, какъ онъ несъ ее до сего времени.

Къ юбилею Ф. Г. Волкова. Предстояцій въ Ярославлѣ волковскій праздникъ начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе дѣятелей артистическаго міра: первая отозвалась П. А. Стрепетова, прося принять ее въ число участниковъ этого торжества. На послѣднемъ засѣданіи мѣстной архивной комиссіи почетный членъ ея, Л. Н. Трефолевъ, изъявилъ желаніе принять на себя трудъ составленія исторіи ярославскаго театра. Кромѣ того, предполагается изданіе специальнаго юбилейнаго сборника въ память волковскаго праздника. Мысль объ этомъ, поданная инициаторомъ волковской подкомиссіи Н. Г. Работновымъ, была также одобрена на засѣданіи архивной комиссіи, которая и постановила заняться собираемъ материаловъ.

Къ XI археологическому съѣзду. Въ общемъ годичномъ собраніи членовъ воронежскаго губернскаго статистического комитета, по предложенію губернатора И. А. Слѣпцова, постановлено командировать депутацию изъ гг. членовъ

комитета для участія въ дѣятельности XI археологического съѣзда въ Киевѣ Въ составъ депутаціи вошли: предсѣдатель комиссіи по устройству воронежскаго губернскаго музея, при статистическомъ комитетѣ, священникъ С. Е. Звѣревъ, членъ той же комиссіи М. И. Успенскій (бывшій хранитель музея) и секретарь комитета М. Н. Быловъ. Къ съѣзду готовится описание музея, которое рѣшено напечатать въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и отдельнымъ изданіемъ, снабдивъ послѣднее фототипіями. В. А. Кожевниковъ (изъ Москвы) пожертвовалъ на изданіе описанія выручку отъ продажи его сочиненія «Философія чувства и вѣры въ ея отношеніи къ рационализму XVIII вѣка и къ критической философіи» (Москва, 1898 г.). Воронежскій губернскій статистический комитетъ избралъ В. А. Кожевникова своимъ почетнымъ членомъ.

Учрежденіе преміи. По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія посыпало высочайшее соизволеніе на премъ императорскою академію наукъ капитала въ 10.000 рублей, предоставленного наслѣдниками К. Д. Ушинскаго, для учрежденія на проценты съ него преміи имени К. Д. Ушинскаго. Она будетъ выдаваться черезъ каждыя пять лѣтъ, начиная съ 1901 года, за лучшіе труды, имѣющіе предметомъ разработку антропологическихъ знаній въ ихъ примѣненіи къ воспитанію человѣка. Преміи имени К. Д. Ушинскаго состоять изъ полной преміи въ 800 рублей и половинной въ 400 рублей.

Реставрація церкви. Духовенствомъ собора Киево-Печерской лавры, начиная съ 1894 года, предприняты цѣлый рядъ капитальныхъ работъ по обновленію живописи и реставраціи великой лаврской церкви. Храмъ этотъ, какъ известно, принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ южно-русскаго зодчества XI вѣка. Великая пещерская церковь, центръ всей лавры, представляетъ собою обширное и величественное зданіе, возведенное изъ кирпича на каменномъ фундаментѣ. Древняя фресковая живопись и мозаичныя изображенія, украшавшія внутреннія стѣны храма, не сохранились. Все это было истреблено пожаромъ 1718 года, когда сгорѣла большая часть зданій Печерскаго монастыря. Весьма пострадала Великая Лаврская церковь, внутренность которой вся выгорѣла и купола обвалились. Храмъ былъ возобновленъ въ 1730 году, причемъ внутрення стѣны были росписаны масляною живописью. Вносясь въ извѣстный митрополитъ Петръ Могила пытался реставрировать древнюю фресковую живопись, но неудачно. Слѣды этой живописи сохранились до послѣдняго времени. Въ среднѣхъ восьми-десятыхъ годовъ возникла мысль реставрировать всю внутренность Великой Лаврской церкви, вновь росписать ея стѣны и вообще обновить ее въ первоначальномъ стилѣ XI вѣка. Вопросъ этотъ подвергся всестороннему обсужденію духовнаго собора лавры, и проектъ подобной реставраціи былъ высочайше одобренъ 14-го мая 1894 года. Первоначально имѣлось въ виду ограничиться одинѣми живописными работами, но затѣмъ рѣшено было произвести и другія капитальные работы по обновленію и ремонту храма. Общая стоимость ихъ исчислена въ 700 тысячъ рублей, при чемъ одинѣ живописные работы обойдутся въ 300 тысячъ рублей. Работы по обновленію живописи стѣнъ начаты были въ 1895 году и продолжаются до настоящаго времени. окончательно обновленъ будетъ храмъ не раньше 1901 или 1902 года. Первоначально имѣлось въ виду поручить исполненіе живописныхъ работъ извѣстному академику Васнецову,

столь много способствовавшему украшению собора св. Владимира. Но академикъ Васнецовъ отклонилъ предложеніе, и соборомъ лавры приглашенъ былъ академикъ живописи В. П. Верещагинъ. Послѣдній съ своей стороны пригласилъ къ участію въ работахъ академика архитектуры С. Н. Лазарева-Станиццева и академика живописи В. Д. Фартусова. В. П. Верещагинымъ были подготовлены картины и эскизы главныхъ живописныхъ работъ. Всего предстоитъ расписать огромную площадь стѣнъ около 1.500 квадратныхъ сажень; часть стѣнъ по проекту должна быть украшена орнаментами и, кромѣ того, исполнено около 300 изображеній. По сметѣ работы эти исчислены были въ 200 тысячъ рублей. Прошлымъ лѣтомъ большая часть этихъ работъ окончена. Въ главномъ куполѣ находится изображеніе: Господь Вседержитель; затѣмъ слѣдуютъ въ простѣнкахъ главного купола 12 апостоловъ, 4 евангелиста и др. изображенія; въ главномъ алтарѣ Божія Матерь, сопоставие Святаго Духа на апостоловъ и др. Предполагается еще исполнить изображеніе крупныхъ размѣровъ въ запрестольной части храма—Тайную Вечерю. Изображенія эти разбросаны на фонахъ различныхъ цвѣтовъ: золотомъ, пурпуромъ и друг. Многія изображенія по мысли и исполненію весьма художественны. Въ обновленномъ видѣ храмъ производить глубокое впечатлѣніе. Рѣшено также вопросъ о замѣнѣ нынѣшняго пяти-яруснаго иконостаса новымъ мраморнымъ. Нынѣшній иконостасъ сооруженъ былъ въ XVIII вѣкѣ въ стилѣ рококо и не соответствовалъ общему стилю храма. Предполагается поставить мраморный иконостасъ, также высокій, достигающій до хоръ. Стоимость такого иконостаса обойдется въ 150 тысячъ рублей. Нижнія части стѣнъ храма будутъ выложены мраморными досками. Произведены также крупные архитектурные работы: перемѣнены балки, при чемъ деревянныя замѣнены желѣзными, вставлены желѣзныя рамы въ окнахъ, устроены каменные и желѣзныя полы и т. п. Проектъ иконостаса заслуживаетъ особенного вниманія. Въ основахъ и дегаляхъ онъ разработанъ академикомъ Фартусовымъ. Иконостасъ будетъ изъ разноцвѣтнаго мрамора съ малакитовыми колоннами. Такіе же иконостасы предполагается заготовить въ двухъ другихъ придѣлахъ храма. Будутъ устроены, кромѣ того, четыре мраморные сѣни падъ мощами угодниковъ, покоящихся въ самой великой церкви. Всѣ расходы по обновленію великой лаврской церкви производятся исключительно изъ средствъ монастырской кассы.

Положеніе о премії Л. Ф. Шаптальєва за лучшее сочиненіе о Бѣлискомъ, учрежденной при литературномъ фонду. 1) Капиталь преміи—1.500 рублей, съ наростами до дня выдачи процентами. 2) Срокъ представления черезъ 5 лѣтъ послѣ распубликованія положенія о преміи, то-есть 10-го апрѣля 1904 года. 3) Если ни одно изъ представленныхъ черезъ 5 лѣтъ сочиненій не будетъ удостоено преміи,— назначается новое соисканіе черезъ три года и т. д. 4) Комитетъ литературного фонда, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, избираетъ особую комиссию изъ 3-хъ лицъ, коими могутъ быть и не члены комитета, но окончательный решѣвающій голосъ остается за комитетомъ. 5) Премія присуждается одному лицу. 6) Если комиссія признаетъ достойными преміи два или нѣсколько сочиненій, таковыя передаются на разсмотрѣніе новой комиссіи; если же и она, равно какъ и комитетъ, при-

знаеть ихъ одинаково удовлетворяющими требованиямъ настоящаго положенія—выборъ опредѣляется жребиемъ. 7) Премированное сочиненіе должно заключать въ себѣ: а) полный биографический очеркъ, какъ съ вѣшней, такъ и съ внутренней психологической стороны, на основаніи всѣхъ доступныхъ материаловъ; б) изложеніе хода развитія идей Бѣлинскаго, въ связи съ современными ему и непосредственно предшествующими умственными теченіями, какъ русскими, такъ и европейскими. При этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на исторію русской критики и журналистики въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ. Всестороннюю оцѣнку значенія дѣятельности Бѣлинскаго для русской жизни вообще и для послѣдующаго развитія русской критики въ особенности; в) характеристику близайшихъ друзей и недруговъ Бѣлинскаго. 8) При полученіи преміи авторъ выдаеть литературному фонду обязательство, по которому передается литературному фонду право собственности по изданію 5.000 экземпляровъ. 9) Литературный фондъ издастъ премированное сочиненіе на свои средства или на деньги, могущія поступить для этой цѣли. 10) Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ капиталъ имени Бѣлинскаго при литературномъ фондѣ. 11) До присужденія преміи капиталъ долженъ находиться въ %/о бумагахъ. 12) Если по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ литературного фонда, присужденіе преміи настолько замедлится, что капиталъ преміи вмѣстѣ съ %/о превыситъ 2.000 рублей, то въ премію выдается 2.000 рублей, избытокъ же на покрытие расходовъ по изданію. 13) Такъ какъ цѣль преміи вызвать появленіе новаго труда о В. Г. Бѣлинскомъ, то всѣ труды, появившіеся до опубликованія положенія о преміи, не могутъ быть допущены къ сописканію, хотя бы и были представлены въ новомъ изданіи. 14) Принимая также во вниманіе, что премированное сочиненіе, въ первыхъ пяти тысячахъ экземпляровъ, должно поступить въ собственность литературного фонда, премія не можетъ быть присуждена за трудъ, выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, хотя бы и послѣ опубликованія положенія о конкурсѣ; но не можетъ быть препятствиемъ къ присужденію преміи, если часть труда, не болѣе одной половины его, была напечатана въ періодическихъ изданіяхъ.

Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова. 8 марта, во вторую годовщину смерти А. Н. Майкова, освященъ послѣ панихиды памятникъ на его могилѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Постаментъ памятника изъ чернаго мрамора, на немъ—глыба изъ сѣраго гранита, не полированная. Высота глыбы около двухъ съ половиною аршинъ, ширина аршинъ и толщина около трехъ четвертей. На вершинѣ гранитной глыбы—металлический крестъ, сдѣланный какъ бы изъ двухъ прутьевъ тростника перевязанныхъ веревочкой. Размѣръ креста, его легкость и незатѣйливость формы гармонируютъ съ общимъ видомъ памятника. На верхней части глыбы, на покатости ея, срѣзанной къ лицевой сторонѣ памятника, крупными металлическими буквами полуторавершковаго размѣра надпись: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ». Въ серединѣ гранитной глыбы памятника, на лицевой ея сторонѣ, врѣзанъ, на бронзовой овальной формы пластинкѣ, выпуклый портретъ покойнаго поэта (горельефъ), въ среднихъ лѣтахъ его жизни. Ниже—лира, лавровый вѣнокъ, раскрытая тетрадь и надпись: «Аполлонъ Николаевичъ Майковъ». Годъ рожденія и смерти.

У постамента внизу мѣсто для цвѣтника. Въ этотъ день, восьмаго марта, цвѣтникъ былъ украшенъ, несмотря на холодную, свѣжую погоду, живыми цвѣтами. На освященіе памятника прибыли родные и почитатели покойнаго поэта.

† М. М. Троицкій. 22-го марта, въ Москвѣ скончался деканъ филологическаго факультета и заслуженный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ философіи Матвѣй Михайловичъ Троицкій. Покойный родился въ 1835 году въ семье сельскаго дьякона Калужской губ. и получилъ высшее образованіе въ Киевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1856 году. Пробы въ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ академіи, М. М. былъ командированъ въ 1862 г. для подготовки къ профессорскому званію за границу, гдѣ слушалъ, между прочимъ, лекціи Куно Фишера, Треяцеленбурга, Фехнера и др. По возвращеніи изъ-за границы покойный защитилъ въ 1867 г. диссертацию «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» и получилъ за нее степень доктора философіи отъ Петербургскаго университета. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ профессоромъ философіи въ Казанскій университетъ, откуда переведенъ въ званіе ординарнаго профессора въ Варшавскій, а въ 1875 г. въ Московскій университетъ, гдѣ неоднократно былъ также избираемъ деканомъ историко-филологического факультета, въ каковомъ званіи состоялъ и послѣдніе годы. Покойный былъ учредителемъ и членомъ психологического общества при Московскому университетѣ, а также дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности. Кроме того, покойный болѣе 10 лѣтъ былъ инспекторомъ 1-й московской женской гимназіи, а также читалъ лекціи въ московской консерваторіи и состоялъ предсѣдателемъ основаннаго по его инициативѣ общества вспомоществованія нуждающимся воспитанницамъ 1-й женской гимназіи. Въ теченіе свыше сороколѣтней ученой дѣятельности М. М. Троицкій напечаталъ рядъ трудовъ, изъ которыхъ извѣстны: «Отчеты о заграницей командировкѣ» («Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія» 1862—1864 гг., т. 116—120 и 122), «Субъективные тоны» («Библіотека для Чтенія» 1862 г., кн. 7), «Успѣхи психологической методы въ Англіи со временемъ Бэкона и Локка» («Русскій Вѣстникъ» 1867 г., кн. 2 и 3), «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», докторская диссертация (М., 1867 г.; 2-е изданіе: М., 1883 г., два тома), «Разборъ сочиненія Зеленогорскаго» («Критическое Обозрѣніе», 1879 г., № 1), «Наука о духѣ, общія свойства и законы человѣческаго духа» (М., 1882 г., два тома), «Объ очевидности, какъ предметъ логики», актовая рѣчь (М., 1885 г., 55 стр.), «К. Д. Кавелинъ», страница изъ исторіи философіи въ Россіи («Русская Мысль» 1885 г., кн. 11), «Учебникъ логики» (М., 1885—1886 г., три книги; второе изданіе: М., 1886 г.) и «Элементы логики» (М., 1887 г.). («Моск. Вѣд.» № 81; «Русск. Вѣд.» № 81; «Нов. Вр.» № 8288).

† В. О. Кипарисовъ. 25-го января, въ Москвѣ скончался профессоръ Московской духовной академіи Василий Федоровичъ Кипарисовъ. Сынъ священника Саратовской губерніи, В. О. Кипарисовъ, родившійся 28 марта 1849 года, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ этой губерніи получилъ свое начальное и среднее образование. Въ 1870 году изъ Саратовской духовной семинарии онъ поступилъ, для высшаго образованія, въ Московскую духовную академію, и здѣсь въ 1874 году окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія и съ

правомъ на магистра безъ новаго устнаго испытанія. По окончаніи курса, онъ въ томъ же 1874 году назначенъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ Литовскую духовную семинарію, а чрезъ годъ съ небольшимъ (въ концѣ 1875 года) приглашеннѣ въ воспитавшую его академію на каѳедру пастырскаго богословія и гомилетики, въ званіи приватъ-доцента. Въ 1883 году, по утвержденіи въ степени магистра богословія, Василій Федоровичъ утвержденъ былъ и въ званіи доцента. Въ слѣдующемъ 1884 году введенъ былъ въ духовныя академіи новый уставъ, по которому гомилетика и исторія проповѣдничества выдѣлены были въ особую каѳедру, и на ней-то остался В. Ф. Кипарисовъ, между тѣмъ какъ пастырское богословіе соединилось съ другимъ предметомъ (педагогикой), составивъ съ нимъ отдѣльную каѳедру. Въ 1889 году Василій Федоровичъ избранъ былъ въ экстраординарные, а въ началѣ 1898 г., по удостоеніи ученой степени доктора богословія, и въ ординарные профессоры по занимаемой имъ каѳедрѣ. В. Ф. Кипарисовъ является однимъ изъ крупныхъ учено-литературныхъ дѣятелей, внесшихъ много нового и цѣннаго въ двѣ научныя области, которымъ покойный былъ вѣренъ до конца своей дѣятельности. Къ первой области относятся слѣдующіе печатные учено-литературные труды покойнаго: 1) «Объ усlovіяхъ существованія современенаго русскаго проповѣдничества» (въ «Прибавленіи къ Твореніямъ св. отцовъ» за 1884 годъ, ч. XXXIII, и 1885 года, ч. XXXV); 2) «Приносить ли пользу церковная проповѣдь» (въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», изд. при св. Синодѣ, за 1888 годъ, ч. II, «Прибавленій»); 3) «Слово обличенія въ церковной проповѣди» (тамъ же, 1889 г., ч. II); 4) «Чѣмъ долженъ руководиться пастырь въ словѣ обличенія» (тамъ же), и 5) «Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ» (актовая рѣчь 1892 года)—въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1893 годъ, ч. I—III. Ко второй: 6) «Католицизмъ и протестантство въ отношеніи къ свободѣ совѣсти» (въ «Православномъ Обозрѣніи» 1881 года, кн. 10, и 1882 года, кн. 1 и 2); 7) «О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ 1 по IX вѣкъ» (въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ» 1881 года, XXVII, XXVIII, 1882 года, XXIX, XXX и 1883 года, XXXI). Отдельно: Москва, 1883 года, вып. I. Магистерская диссертаци; 8) «О вѣротерпимости. Два публичныя чтенія въ залѣ Московской городской думы 3 и 10 апрѣля 1883 года (въ «Православномъ Обозрѣніи» 1883 года, кн. 5—6); 9) «Дисциплина древней церкви въ отношеніи къ свободѣ совѣсти» (въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ» за 1884 годъ, ч. XXXIII и 1886 года, ч. XXXVII); 10) «О той же дисциплинѣ» статьи подъ разными заглавіями, напечатанныя въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1896 и 1897 годы и, вмѣстѣ съ предшествующею статьей, вошедшия въ составъ докторской диссертациіи автора, подъ заглавіемъ: «О церковной дисциплинѣ», Сергиевъ-Посадъ, 1897 года («Московскіе Вѣдомости № 69).

† И. А. Шавровъ. 8-го марта, въ С.-Петербургѣ скончался одинъ изъ талантливыхъ журналистовъ Николай Александровичъ Шавровъ, извѣстный и какъ общественный дѣятель. Покойный родился въ 1826 году, образованіе получилъ въ первомъ московскомъ корпусѣ и въ главномъ инженерномъ училищѣ (нынѣ Николаевская инженерная академія). Начавъ службу офицеромъ

съ 1846 года, онъ поступиль въ главное инженерное училище, нынѣ военно-инженерную академію, и по окончаніи курса въ ней 1849 году, быль назна-ченъ завѣдывающимъ военно-инженерною частью въ штабѣ военныхъ поселеній округовъ Новороссійскихъ, Кіевской и Подольской губерній, а затѣмъ, въ 1857 году, переведенъ на Кавказъ, гдѣ въ инженерномъ корпусѣ прослужилъ до 1873 года. Будучи назначенъ завѣдывающимъ инженерною частью при Кутаисскомъ военному генералъ-губернаторѣ, онъ обратилъ особое вниманіе на вопросъ объ устройствѣ портовъ на Черномъ морѣ и, для ближайшаго озна-комленія съ нимъ, быль командированъ на Каспійское море, а затѣмъ въ Одессу, Крымъ и за границу. По возвращеніи онъ быль назначенъ инспекто-ромъ работъ военно-инженерного управлениія кавказской арміи, съ порученіемъ заняться разработкой проекта устройства коммерческаго порта для Закав-казья. Въ теченіе 9 лѣтъ имъ производились изысканія и составленъ быль проектъ Потійского порта, строителемъ которого онъ и состоялъ съ 1863 по 1873 годъ и вскорѣ, въ 1875 году, вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора. Съ 1876 и по 1878 годъ Н. А. Шавровъ посвятилъ себя частной дѣя-тельности, главнымъ образомъ литературной, издавая, совмѣстно съ братомъ своимъ, А. А. Шавровымъ, газеты «Биржа», а затѣмъ «Нашъ Вѣкъ», и раз-работывая экономические и финансовые вопросы въ русскомъ обществѣ для со-дѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Въ теченіе этого времени имъ изданъ, кромѣ того, рядъ отдѣльныхъ изслѣдовавій: «Русскій путь въ Среднюю Азію по направлению, указанному Петромъ Великимъ», «О направлении Сибир-ской желѣзной дороги», «Объ изслѣдованіи дельты рѣки Волги», произведен-номъ имъ по порученію военнаго министерства въ 1873 году, и многія другія. Переѣхавъ изъ Петербурга на Кавказъ въ 1877 году, Н. А. Шавровъ нѣкото-ре время сотрудничалъ въ мѣстныхъ газетахъ: «Тифлісскомъ Вѣстникѣ», «Обзорѣ», а позднѣе въ «Новомъ Обозрѣніи», прекращаю сотрудничество, какъ только эти органы принимали несогласное съ его возврѣніями направлениe. Въ 1878 году Н. А. Шавровъ поступилъ снова на государственную службу, съ чиномъ дѣйствительного статского совѣтника, при главномъ управлениі на-мѣстника Кавказскаго, которую продолжалъ до 1887 года, исполняя разныя порученія—производя ревизіи мѣстныхъ учрежденій, разрабатывая различныя административныя мѣропріятія и т. п., а одно время управляя Кавказскимъ коннозаводскимъ округомъ. Выдя въ 1881 году окончательно въ отставку, Н. А. Шавровъ нѣкоторое время работалъ при управлениі Закавказской же-лѣзной дороги, но затѣмъ посвятилъ себя почти исключительно литературному труду и разработкѣ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ въ различныхъ ученыхъ обществахъ: техническомъ, обществѣ для содѣйствія русской про-мышленности и торговлѣ, обществѣ для содѣйствія русскому торговому море-ходству, присудившему за его труды золотую медаль. Съ 1884 по 1891 годъ онъ состоялъ главнымъ сотрудникомъ газеты «Кавказъ» и почти ежедневно помѣщалъ въ ней статьи по разнообразнымъ вопросамъ, постоянно горячо отстаивая интересы русскаго дѣла на Кавказѣ и правильную разработку устройства Потійскаго порта. Кромѣ того, имъ изданъ цѣлый рядъ отдѣль-ныхъ изслѣдовавій по финансовымъ, экономическимъ и торговымъ вопро-

самъ, какъ-то «Объ экономическомъ состояніи Россіи и мѣрахъ къ его улучшению», «Финансовые этюды», «О причинахъ паденія курса кредитнаго рубля», «Русскій путь въ Закавказье», «О сравнительномъ значеніи Чернаго и Каспійскаго морей», «О направлениі желѣзныхъ дорогъ на Кавказъ», «О значеніи русскаго торгового мореходства», «О значеніи Сѣвера Россіи» и многія другія. Съ 1891 г. Н. А. Шавровъ посвятилъ себя ближайшему участію въ трудахъ общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, которое издало его обстоятельный трудъ о Шотландскомъ портѣ, съ чертежами и планами, и приступило къ изданію на средства, пожалованныя величимъ княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, его обширнаго трактата «О состояніи русскаго торгового мореходства и мѣрахъ къ его развитию»; изъ четырехъ томовъ, долженствовавшихъ составить его, выпущены были въ свѣтъ первые два. Переѣхавъ въ 1897 году въ Петербургъ, Н. А. Шавровъ принялъ ближайшее участіе въ трудахъ императорскаго русского общества судоходства и совершилъ продолжительное путешествіе по Мурману, подробно изучая экономическое состояніе страны и ея населенія и мѣста пригодныя для устройства порта. Результатомъ этого щательного изученія явился рядъ докладовъ обществу, напечатанныхъ въ его «Трудахъ». Тяжелыя условия жизни во время этого путешествія и усиленныя занятія по возвращеніи сильно подорвали его силы, и онъ опасно заболѣлъ болѣзнию, отъ которой ему не суждено было вполнѣ оправиться. Еще годъ проработалъ онъ, продолжая начатые труды и чутко отзываясь на вопросы, затрагивавшіе интересы дорогого для него дѣла, помѣщая по нимъ статьи въ «Русскомъ Трудѣ» и «Новомъ Времени» до послѣдніхъ дней, и среди нихъ внезапно угасъ на 73-мъ году жизни. («Моск. Вѣд.» № 80; «Нов. Вр.» № 8289).

† И.И. Подозеровъ. 29-го марта, скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни профессоръ императорской академіи художествъ Иванъ Ивановичъ Подозеровъ. Покойный пользовался извѣстностью талантливаго скульптора. Уроженецъ Костромской губ. (родился въ 1835 году), Иванъ Ивановичъ получилъ художественное образованіе въ императорской академіи художествъ, въ которой занимался въ продолженіе десяти лѣтъ подъ руководствомъ Н. С. Пименова. За успѣхи по скульптурѣ онъ, будучи ученикомъ академіи, получилъ семь наградъ: 4 серебряныя медали—за «Термъ—древній языческій богъ, охранявший границы полей» и за лѣпку, малую золотую медаль за исполненіе круглой фигуры «Косецъ» и двѣ денежныя преміи. На выставкѣ 1864 года онъ экспонировалъ свой барельефъ, исполненный для получения большої золотой медали: «Іосифъ объясняетъ сны въ темницѣ хлѣбодару и виночерпію». Оставилъ академію въ 1866 году со званіемъ класснаго художника первой степени, Иванъ Ивановичъ черезъ два года былъ признанъ академикомъ за бюстъ Н. С. Пименова, приобрѣтенный академіей. Въ 1869 году покойный уѣхалъ за границу съ художественною цѣлью и, вернувшись оттуда, занялъ должность адъюнкта-профессора въ скульптурномъ классѣ. Въ 1871 году покойному было поручено завѣдываніе академической формовочной мастерской. Изъ произведеній Подозерова назовемъ статую «Ева» (въ натуральную величину), доставившую художнику званіе профессора скульптуры, «Амуръ съ бабочкой» (собствен-

ность великаго князя Владимира Александровича), бюсты Заблоцкаго-Десятовскаго, Ф. Ф. Трепова, М. И. Цейдлера, князя М. И. Аргутинскаго-Долгорукова, профессора П. В. Басина, ректора А. И. Розанова и друг., портреты, эскизы памятника адмиралу А. С. Грейгу, статую императора Александра II и проч. Почти всѣ произведенія нокойнаго были на выставкахъ. Въ 1880 году онъ работалъ по украшенію Екатерининскаго сквера статуями дѣятелей екатерининскаго царствованія и сдѣлалъ статую графа Я. Е. Сиверса (съ портрета) для Петропавловскаго училища. («Нов. Вр.» № 8294).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Тенденціозная критика.

(Письмо въ редакцію).

Въ интересахъ истины, не откажите дать мѣсто моему письму на страницахъ вашего уважаемаго журнала.

Въ юньской книжкѣ «Мира Божьяго» за прошлый годъ, въ библіографическомъ отдѣлѣ, напечатанъ анонимный отзывъ о моей книжкѣ «Хива», въ которую вошли статьи «Зимній походъ въ Хиву въ 1839 года» и «Первое послольство въ Хиву, въ 1841 году» — напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Архивѣ». При этомъ, г. рецензентъ приписываетъ мнѣ такие умыслы и дѣянія, въ которыхъ я совсѣмъ не повиненъ: напримѣръ, племенную вражду, «травлю инородцевъ», изобличеніе «козней инородческой крамолы даже въ дали вѣковъ», и проч. Ничего этого въ моей книжкѣ нѣть, а есть въ ней только исторія, — и какъ по пословицѣ, «изъ пѣсни словъ не выкинешь», такъ и изъ исторіи не выкинешь фактovъ, какъ бы они ни были кому нибудь непріятны. Въ силу этого правила, обязательного для каждого лѣтописца, и я не могъ, да и не желалъ, замалчивать слѣдующіе факты, оглашеніе коихъ сильно почему-то не вразится г. рецензенту: 1) что «во главѣ иностранной политики стояли въ то время (въ 1839 г.) иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ»; 2) что карта пути отъ Оренбурга къ Аральскому морю, составленная полковникомъ фонъ-Бергомъ, была неточна и неполна и послужила, поэтому, одною изъ причинъ гибели экспедиціи, — и 3) что полякъ, генералъ Цюлковскій, начальникъ одной изъ колоннъ, былъ человѣкъ въ высшей степени жестокій и, кромѣ того, весь походъ интриговалъ противъ генерала Неровскаго, начальника отряда.

Всѣ эти факты я, конечно, не отъ себя выдумалъ, а взялъ изъ тѣхъ источниковъ, которые послужили мнѣ материалами при составленіи книжки. А источники эти были разносторонніе и весьма солидные, — и я нахожу иезлишнимъ здѣсь ихъ перечислить.

Прежде всего, у меня въ рукахъ были черновыя бумаги изъ «дѣла» объ этомъ походѣ, находящіяся въ упраздненномъ архивѣ бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторства. Я пользовался также всѣми письмами и сообщеніями о походѣ, напечатанными въ «Русскомъ Словѣ», «Военному Сборнику» и «Русскомъ Архивѣ», писанными самими участниками этого несчастнаго похода. Затѣмъ, во время моего двухъ-лѣтняго проживанія въ Оренбургѣ, въ 1889 и 1890 гг., я знакомился лично со многими участниками похода, остававшимися еще въ живыхъ, и одинъ изъ нихъ, отставной подполковникъ Г. Н. Зеленинъ, передалъ мнѣ даже свои записки объ этомъ походѣ. Самыми же драгоценными материалами для меня служили собственноручныя черновыя письма графа В. А. Перовскаго, писанныя имъ со времени выступленія въ походъ (ноябрь 1839 года) по время своего возвращенія въ Оренбургъ — къ московскому почтѣ-директору А. Я. Булгакову и къ поэту В. А. Жуковскому, съ которыми онъ былъ особенно близокъ¹⁾. Эти черновыя, писанныя по большей части карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ, при сильномъ, иногда, морозѣ, прекрасно сохранились — и находятся, и въ настоящее время, у меня же, любезно врученныя мнѣ родственниками покойнаго графа и графинею А. А. Толстой.

Вотъ, тѣ материалы, которыми я располагалъ при составленіи своего исторического изслѣдованія и на основаніи коихъ не могъ, конечно, умолчать о томъ, напримѣръ, что для политики иноземца графа Нессельроде «были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на дальнемъ востокѣ, но даже его слава и государственная честь». Это мѣсто моей книги очень не нравится г. рецензенту, но вполнѣ подтверждается не только явнымъ равнодушіемъ канцлера Нессельроде къ оскорблѣніямъ, наносимымъ намъ въ тѣ времена (въ 30-хъ годахъ) со стороны хивинскаго хана, но и его, канцлера, дальнѣйшою политикою, вовлекшую Россію въ венгерскій походъ и, затѣмъ, въ Крымскую войну, отъ которыхъ «слава Россіи и ея государственная честь» едва ли выиграли что нибудь...

Я не могъ также не отмѣтить въ своемъ трудѣ тотъ несомнѣнныи фактъ, что опрометчивыя и чисто-поверхностныя военно-топографическія работы полковника фонъ-Берга принесли роковые результаты. Построенные, по его указаніямъ, два укрѣпленія въ степи — первое при впаденіи въ рѣку Эмбу рѣчки Аты-Джаксы и второе у Акъ-Булака — оказались впослѣдствіи очень неудобными: одно по отсутствію вблизи корма для верблюдовъ, а другое — по своей нездоровой водѣ. Я не называлъ Берга иѣмцемъ (это называется его г. рецензентъ), не ставилъ ему это въ вину, да, право, и не знаю даже — «нѣмецъ» ли онъ, или какой другой иноземецъ; я лишь указалъ на ту карту, имъ составленную, которая была одною изъ причинъ гибели экспедиціи.

¹⁾ Какъ интимна была эта близость, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго письма (отъ 1-го января), въ которомъ, описывая бѣдствія похода, Перовскій прибавляетъ: «Вотъ, милый другъ Василій, что мы претерпѣваемъ, искущая, должно быть, сдѣланные нами грѣхи. Процайд; кланяйся Тургеневу. Цалую тебя въ морду. Не забывай вѣрнаго твоего В. Перовскаго». И. З.

Относительно поляка, генерала Ціолковскаго, я быль, можетъ быть, дѣйствительно, нѣсколько предубѣжденъ, когда описывалъ этотъ ужасный походъ, а потому и подчеркнуль нѣкоторыя звѣрства этого генерала, очень подробно описаныя въ имѣвшихъ у меня (и по настоящее время у меня же хранящихъ) запискахъ г. Зеленина. Въ нихъ, описывая смерть Ціолковскаго отъ руки повара, — котораго онъ почти ежедневно сѣкъ и истязалъ, — Зеленинъ говоритъ¹⁾: «У повара явилась мысль убить его, чтобы избавиться отъ такого варвара рода человѣческаго, какъ его называли всѣ, кто зналъ... Если самъ онъ (поваръ) пострадаетъ, то, по, крайности, избавитъ всѣхъ его крестьянъ отъ истязаній. Особенно въ это время Ціолковскій быль озлобленъ, что его уволили въ отставку, а не предложили выйти самому; это было для него посрамленіе, что его отставили отъ службы. И вотъ поваръ выбралъ такое время, что на дворѣ не было никого, и Ціолковскій сидѣть въ своемъ кабинетѣ и читаль книгу; со двора окно было открыто, а Ціолковскій сидѣть въ слѣдующей комнатѣ, тоже у окна. Онъ выстрѣлилъ въ него черезъ двѣ комнаты... Какъ Ціолковскій сидѣть, такъ и остался въ томъ положеніи, ничуть не пошевелился. Поваръ испугался, что даль промахъ, бросиль ружье и спрятался подъ кадку, а потомъ въ картофельную яму. Конечно, отъ выстрѣла произошелъ переполохъ: стали бѣгать по комнатамъ и спрашивать каждого: «кто стрѣлялъ?..» Дошли до кабинета; тутъ только увидѣли, что баринъ убитъ: пуля попала въ високъ; отъ того, онъ и не шелохнулся, остался въ томъ положеніи, какъ сидѣть... Повара наказали и сослали въ Сибирь, а барина его скончили. Но на третій день оказывается, что его изъ могилы вытащили и выдralи розгами, да такъ и бросили, а розги положили возлѣ него (въ гробъ)... Становой приставъ хотѣть произвестъ слѣдствіе и розыскать виновныхъ, но жена покойнаго, генеральша, не пожелала. Такъ дѣло и оставили. Варварскіе поступки Ціолковскаго не прошли даромъ: онъ получилъ возмездіе отъ своихъ крестьянъ» (стрan. 63 и 64).

Девять десятыхъ жестокостей этого ужаснаго человѣка, о которыхъ мнѣ разсказывали въ Оренбургѣ, я не внесъ въ свою книжку, такъ какъ описывалъ походъ въ Хиву, а не звѣрства генерала Ціолковскаго во время этого похода. Его защитникъ въ «Мирѣ Божьемъ» удивляется, что Перовскій не могъ остановить этихъ жестокостей, и говоритъ: «Вѣдь онъ быль главнокомандующимъ,—и одного его слова было довольно, чтобы уничтожить (?) Ціолковскаго. Чего же онъ-то смотрѣлъ? На эти вопросы нашъ историкъ считаетъ за лучшее не отвѣтъ»... Къ величайшему моему сожалѣнію, я и теперь не нахожу возможнымъ прямо «отвѣтъ» — почему именно Перовскій не могъ «уничтожить» Ціолковскаго, имѣвшаго въ Петербургѣ, благодаря красотѣ своей старшей дочери, такую всесильную протекцію, предъ которой «главнокомандующій» былъ безсиленъ. Да наконецъ жестокости съ нижними чинами были въ тѣ времена допускаемы даже и самимъ закономъ.

¹⁾ Привожу здѣсь буквальный текстъ записокъ и тѣ свѣдѣнія, которыя я не рѣшился привести ранѣе, въ моей статьѣ, гдѣ разсказывалъ о смерти Ціолковскаго.

Вотъ все, что я считаю для себя обязательнымъ высказать по адресу anonymago рецензента журнала «Міръ Божій», оставляя безъ всякаго отвѣта его мелкія выходки противъ меня, лично.

И.в. Захаринъ.

P. S. Съ этимъ письмомъ я вначалѣ обращалѣ въ редакцію «Mira Bożego»; при этомъ, я представлялъ, на усмотрѣніе редакціи, и все тѣ материалы, о которыхъ упоминаль выше. Но въ напечатаніи письма мнѣ было отказано.

II.

Къ біографії графини Софії Потоцкой.

По поводу статьи г. Адріанова «Графиня Софія Потоцкая», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Исторического Вѣстника», и приложенного къ ней портрета, позвольте сдѣлать слѣдующія замѣчанія: во-первыхъ, г. Адріановъ говоритъ, что «мы не знаемъ подробностей судьбы старшей сестры Софії, но она не погибла и черезъ 10 лѣтъ была уже главной женой хотинскаго паши». Это не совсѣмъ вѣрно; существуетъ довольно подробное описание ея жизни, составленное тѣмъ же д-мъ Антоніемъ І. (Ролле), статьей котораго о Софії воспользовался г. Адріановъ. Сколько помнится, оно напечатано въ его сборникеъ историческихъ разсказовъ (*opowiadania historyczne*); къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками этого изданія, не могу сдѣлать болѣе подробнаго указанія.

Во-вторыхъ, относительно портрета, приложенного къ февральской книжкѣ «Исторического Вѣстника», надо замѣтить, что подлинность его весьма сомнительна. Оригиналъ находится въ берлинской картинной галлереѣ; копіи его, какъ въ видѣ гравюръ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, такъ и олеографій, весьма распространены. Между тѣмъ, по утвержденію такого знатока мѣстной истории, какимъ былъ недавно умершій Ролле, это портретъ не Софії, а Елены Потоцкой, урожденной княжны Массальской, въ первомъ бракѣ принцессы де-Линь, а по смерти первого мужа вышедшей за графа Винцентія Потоцкаго (см. статью д-ра Антонія І. *Pani podkomorzyka coronna w Tygodnik ilustrowany za 1888 годъ, № 263, стр. 22*¹⁾). Замѣчу еще, что тотъ же портретъ помѣщенъ въ изданіи Вольфа «Живописная Россія» (т. IV, ч. 1-я, стр. 87), какъ портретъ графини Маріанны Потоцкой, но въ текстѣ не имѣется указанія, что за личность Маріанна Потоцкая.

И. ІІІ.

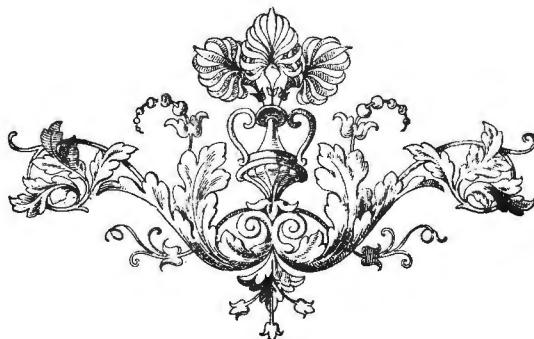
¹⁾ О жизни Елены Массальской, представляющей яркій образъ правовой высшаго общества конца XVIII вѣка, см. L. Parrey: *Histoire d'une grande dame au XVIII si鑒le*, и выше цитированную статью д-ра Антонія І. въ варшавской иллюстраціи.

III.

Поправка къ статьѣ г. Глинскаго о Палестинѣ.

Въ январской книжкѣ «Исторического Вѣстника» за текущій годъ была помѣщена статья г. Глинскаго о Палестинѣ по поводу книги г. Суворина. Въ этой статьѣ г. Глинскій, упоминая о Бейтъ-Жальской женской школѣ, замѣтилъ, что учителінцы, окончившія С.-Петербургскую Покровскую гимназію, являются не вполнѣ благонадежнымъ элементомъ. Въ какомъ смыслѣ употребляеть г. Глинскій слово «неблагонадежный», онъ не поясняеть, а между тѣмъ оно допускаеть толкованія, могущія бросить тѣнь на упоминаемыхъ лицъ. Будучи хорошо знакома съ постановкою палестинскихъ школъ и женскимъ педагогическимъ персоналомъ, считаю своею нравственною обязанностью заявить, что бывшія воспитанницы Покровской гимназіи своимъ трудолюбiemъ и гуманнымъ отношеніемъ къ дѣлу заслуживаютъ искренней признательности всѣхъ, заинтересованныхъ дѣломъ просвѣщенія арабовъ. Оторванныя отъ родины, семьи, молодыя, скромныя труженицы добросовѣстно исполняютъ взятую на себя миссію, чѣмъ пріобрѣли любовь и уваженіе не только своихъ питомокъ, но и мѣстного населенія.

Марія Ермолина.

ОПЕЧАТКА. Въ апрѣльской книжкѣ «Исторического Вѣстника» въ статьѣ «Исторія одной замѣчательной книги» на стр. 210, въ строкѣ 13-й сверху, вместо слова Катковъ должно быть исправлено Аксаковъ.

ЧАСТЬ II.

I.

Женевскіе эмигранты въ Лондонѣ.

Мирабо сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, у письменного стола, и, казалось, былъ весь погруженъ въ работу; но если бы кто пристальнѣ взглянулъ на него, то могъ бы замѣтить, какъ его глаза, постоянно отрываясь отъ бумаги, обращались то къ окну, глядя на мрачное, туманомъ обвѣшшее небо, то съ грустью останавливались на милой Генріеттѣ, сидѣвшей напротивъ него, у окна, съ какимъ-то рукодѣльемъ.

— Не могу сегодня собрать своихъ мыслей,—воскликнулъ онъ вдругъ, вскакивая съ мѣста и подходя къ Генріеттѣ, которая тоже оставила свою работу и пытливо смотрѣла на него.

— Да, этотъ туманъ слишкомъ отвратителенъ,—сказала она, взявъ его руку, и на минуту, какъ бы въ утомлѣні, прислонила къ ней свою прекрасную голову.—Не понимаю, какъ можно жить въ такой странѣ, гдѣ день и ночь стоять эти туманы, ужасъ наводящіе, точно передъ тобою страшныя привидѣнія изъ сказокъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ. Посмотри на это туманное страшилище, кривляющееся какъ разъ передъ нашимъ окномъ и будто хлопающее руками у себя надъ головой? Мирабо, это къ намъ относится; чудовище злобно смѣется надъ нами, что мы все еще сидимъ здѣсь въ Лондонѣ, бесполезно тратя время и деньги.

— Чудовище право,—отвѣтилъ Мирабо мрачно и уныло.—Цѣлые мѣсяцы просидѣли уже мы въ Лондонѣ, какъ глупцы. Будь я фабрикантомъ ваксы для сапоговъ, то, вѣроятно, успѣлъ бы здѣсь больше, чѣмъ съ моими литературными работами, которыми я напрасно стараюсь пробуравить лондонскихъ издателей. Я накопляю проекты на проекты, въ своихъ подготовительныхъ литературныхъ работахъ захватываю всѣ страны міра и, затѣмъ, встрѣчаю лишь жалкія лица этихъ разбойниковъ, отвѣщающихъ мнѣ пожиманіемъ плечъ. И при такихъ-то напрасныхъ усилияхъ всѣ наши деньги опять вылетѣли въ трубу. Уже нѣсколько недѣль, какъ мы себя до жалости ограничили во всемъ, довольствуясь самимъ необходимымъ, а все-таки, если завтра не упадетъ для насъ манна съ неба, то намъ нечѣмъ будетъ позавтракать и пообѣдать. И въ довершеніе

насмѣшки судьбы надо мной, я, сидя въ этой нищетѣ, пишу проповѣдь о бессмертіи человѣческой души!

— Проповѣдь!—спросила съ удивленіемъ Генріетта и разразилась громкимъ смѣхомъ, осушившимъ готовыя уже было брызнутъ изъ ея глазъ слезы.—Ты хочешь быть проповѣдникомъ, Мирабо? Развѣ здѣсь, въ Англіи, можно имъ сдѣлаться такъ просто, безъ всякихъ затрудненій?

Она быстро подскочила къ его столу, схватила лежавшіе на немъ, свѣжо исписанные листы и жадно пробѣжала глазами ихъ содержаніе.

— Дѣйствительно, это проповѣдь о бессмертіи души!—воскликнула Генріетта и, пораженная, выпустила изъ руки бумагу. Лицо ея приняло серіозное и задумчивое выраженіе, а глаза бросили на Мирабо полуторобкій, полупочтительный взглядъ, который своимъ неотразимымъ комизмомъ развеселилъ и его.

— Одна только любезность съ моей стороны дѣлаетъ меня проповѣдникомъ и то лишь въ видѣ этого черноваго сочиненія,—возвра- зилъ онъ, взявъ листы и съ самодовольствомъ разсмотривая ихъ.—Дювалль, выручившій нась тогда во время приключенія на Регентъ-стритѣ и освободившій изъ рукъ англійской черни, обратился ко мнѣ съ просьбой о взаимной услугѣ, отказать ему въ которой я не могъ. Ты знаешь, что онъ принадлежитъ къ женевскимъ бѣглецамъ, изгнаннымъ изъ отечества революціей 1782 года и гостепріимно принятымъ здѣсь въ Лондонѣ и даже состоявшимъ подъ особою охраною англійского правительства. Между тѣмъ, здѣсь имъ овладѣло самое мѣщанско страданіе человѣчества—тоска по родинѣ,—и онъ началъ переговоры о своемъ возвращеніи въ отчество, чѣмъ ему и обѣщано. Милостивые аристократы, правящіе нынѣ въ Женевской республикѣ, готовы допустить его вновь къ занятію духовной должности, но, какъ я думаю, при условіи, что онъ будетъ смиренно стараться объ этомъ, представивъ образцы своихъ новыхъ работъ. Къ нимъ-то и принадлежитъ проповѣдь о бессмертіи души, которою хотятъ пощупать степень его вѣры, полагая возможнымъ, что революціонеръ, боровшійся за господство народа, вступить въ рукопашную и съ догматами церкви. Вотъ онъ и обратился ко мнѣ съ просьбой сочинить ему такую проповѣдь на самомъ прекрасномъ и элегантномъ французскомъ языкѣ. Надѣюсь, что мнѣ удастся благополучно провести его на этомъ экзаменѣ; къ тому же, мнѣ самому доставляетъ удовольствіе хоть разъ очутиться въ роли проповѣдника, и о вещахъ, къ сожалѣнію, крайне мало известныхъ, щедро иувѣренno расточать сужденія кругомъ себя. Сегодня за чаемъ я тебѣ прочту мою проповѣдь ¹⁾.

— А самъ ты, Мирабо, не вѣришь въ бессмертіе души?—спросила тихо Генріетта, нѣжно и пристально глядя ему въ глаза.

¹⁾ См. Montigny: *Mémoires de Mirabeau*, IV, 174.

— Подожди до чая, дитя мое,—возразилъ съ улыбкой Мирабо,—и ты увишишь изъ моей проповѣди, что блаженствомъ будущей жизни я надѣляю полными руками каждую душу. Тотъ, кто захочеть этимъ воспользоваться и чувствуетъ потребность быть бессмертнымъ, найдетъ у меня цѣлый арсеналъ доводовъ...

Генріетта робко прижималась къ нему, ласково заглядывала ему въ глаза и, желая прогнать его раздраженное и насмѣшилово настроеніе, стала его просить быть опять добрымъ и славнымъ, какъ всегда.

— Да, ты имѣешь право бранить меня сегодня,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія мягкимъ и печальнымъ голосомъ.—Лондонскій туманъ на дворѣ и эта проповѣдь, надъ которой я просидѣлъ сегодня цѣлое утро, какъ дуракъ, повергли меня въ самое плачевное настроеніе. А тутъ еще Таржэ, мой адвокатъ въ дѣлѣ съ моимъ отцомъ, пишетъ мнѣ вчера изъ Парижа, что онъ питаетъ мало надежды на выигрышъ моего процесса противъ маркиза Мирабо. Мнѣ бы хотѣлось вернуться теперь въ Парижъ, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ и постараться личными переговорами подѣйствовать на отца. Я не боюсь обуявшѣй его, кажется, опять противъ меня ярости, но не знаю, какова еще, по нашимъ законамъ, его власть надо мною. Можетъ ли онъ, по одному изъ прежнихъ приказовъ короля, засадить меня въ тюрьму или назначить мнѣ, по своему произволу, мѣсто моего пребыванія. Если можетъ, то я, конечно, остерегусь встрѣчаться съ нимъ. Если же нѣть, то я бы съ нимъ лично вступилъ въ борьбу. Хотѣлось бы мнѣ тоже знать, что обо мнѣ думаютъ въ Парижѣ мои закадачные друзья, господа кредиторы, и тогда уже рѣшить, насколько полезно мое возвращеніе туда.

Генріетта, взволнованная, живо вскочила съ мѣста и, казалось, задумалась надъ какимъ-то рѣшеніемъ. Съ минуту стояла она съ опущенными глазами и глубоко и сильно вздыхавшеюся грудью. Наконецъ, съ радостно сияющимъ лицомъ проговорила:

— Пошли меня въ Парижъ, Мирабо! Я тебѣ все разузнаю, все исполню, и ты увишишь, что ты не могъ найти болѣе преданного и заслуживающаго большаго довѣрія агента, какъ твоя Іеттъ-Ли. Самъ же останешься спокойно въ Лондонѣ, въ ожиданіи моихъ писемъ и возвращенія. Ты себѣ и представить не можешь всей моей подвижности и предпримчивости, какъ только рѣчь зайдетъ о томъ, чтобы быть тебѣ полезной или даже преодолѣть для тебя опасности. О, я отправлюсь къ министрамъ, въ Версаль, и съ пламеннымъ краснорѣчiemъ буду просить и убѣждать ихъ объ отмѣнѣ тѣхъ старыхъ ужасныхъ приказовъ короля, предающихъ тебя въ руки твоего отца. Потомъ пойду къ купцамъ, которымъ ты еще долженъ деньги, и постараюсь войти съ ними въ соглашеніе, чтобы эти злые люди оставили тебя въ покое еще на нѣкоторое время, пока ты не устроишь немногого своихъ дѣлъ. Затѣмъ отправлюсь къ парижскимъ книгопродавцамъ для перегово-

ровъ о твоихъ литературныхъ планахъ и отыцу богатаго издателя для предполагаемой тобою газеты, подъ названіемъ «le Conservateur»¹). Другъ мой, я не лягу спать въ Парижѣ прежде, чѣмъ не добьюсь для тебя чего нибудь. Можешь вполнѣ положиться на меня.

Мирабо смотрѣлъ на нее, радостно взволнованный, и съ порывомъ бѣшеной страсти сталъ обнимать ее.

— Мысль твоя великолѣпна,—воскликнулъ онъ,—и я убѣжденъ, что такимъ наѣздомъ на Парижъ ты можешь намъ оказать большую услугу. Гораздо лучше меня самого, портящаго всегда все своею горячностью, ты, Генріетта, однимъ лишь присутствиемъ своей ангелоподобной личности, исправишь, сгладишь и направишь къ лучшему всѣ мои отношенія. Да, въ тебѣ есть что-то магическое и вмѣстѣ трогательное, противъ чего, при первомъ твоемъ словѣ, никто устоять не можетъ. И что же болѣе дѣйствительного могъ бы я послать въ Парижъ, какъ не твою красоту, твое изящество и прелесть, какъ не невинную улыбку твоихъ чистыхъ устъ, которыя, какъ только откроются со словомъ въ мою пользу, не встрѣтятъ отказа даже у варваровъ!

Съ громкими радостными возгласами Генріетта обхватила его шею, потомъ, опять отскочивъ отъ него, стала взволнованно ходить по комнатѣ, обдумывая, повидимому, свои сборы и осматривая лежавшія кругомъ вещи.

— А все-таки это невозможно,—прибавилъ Мирабо, помолчавъ и съ выражениемъ озабоченности.—Нѣть, нѣть, существуютъ опасности и затрудненія, на которыхъ я не хочу и не могу выставлять тебя. Для тебя самой Парижъ небезопасенъ. Въ тебѣ узнаютъ монастырскую бѣгленку и опять отведутъ тебя подъ опеку разгнѣванной абѣссы, заявившей о тебѣ полиціи. Тогда будетъ кончено со мною, если я еще и тебя потеряю.

— Ты ли такъ малодушенъ и трусливъ, Мирабо!—вразила она, при чёмъ лицо ея засіяло свойственной ей рѣшимостью, придававшій всей ея фигурѣ нѣкоторое величие.—Никто меня не узнаетъ; ужъ я постараюсь обѣ этомъ. Развѣ я не стала настоящей англичанкой? Не имѣю ли я паспорта англійской бонны въ полномъ порядкѣ? Кромѣ того, я прѣѣжаю въ Парижъ еще съ гораздо болѣе настоящей, чѣмъ паспортъ, англійской шляпкой, въ которой меня, конечно, примутъ за несомнѣнную природную англичанку. Вѣрь мнѣ, я буду съ страшной дерзостью оспаривать, что я не та Генріетта Гаренъ. Да и развѣ я та? Развѣ твоя любовь меня не преобразила? Вместо того, чтобы, какъ прежде, бояться копки въ темномъ монастырскомъ коридорѣ, я теперь чувствую въ себѣ мужество вступить за тебя въ бой съ цѣлымъ міромъ и, въ качествѣ твоего послан-

¹) Peuchet, Mémoires sur Mirabeau et son époque, II, 305.

ника и агента, юхать не только въ Парижъ, но въ страну самихъ людоедовъ!

Мирабо оставался еще въ нерѣшительности, но Генріетта стала такъ убѣдительно его просить, представляя такие неопровергимые доводы, что онъ, наконецъ, согласился. Теперь онъ принялъ самъ обсуждать весь планъ, сообщая ей свои желанія и намѣренія. Его успокоивало также то, что Шамфорть былъ еще въ Парижѣ, а отъ него онъ надѣялся на защиту и помощь Генріетты.

Отѣзду былъ назначеннъ уже на завтрашній день, хотя Мирабо долженъ былъ еще написать важную записку о своемъ дѣлѣ, которую Генріетта должна будетъ лично вручить министру, барону де-Бретѣйль. При необыкновенной быстротѣ, съ которой онъ работалъ, онъ надѣялся составить эту записку въ одну ночь; теперь же принялъся серьезно за приготовленія къ отѣзду Генріетты.

Но въ эту минуту вспомнилъ обѣ очень важномъ обстоятельствѣ, совсѣмъ упущенномъ имъ было изъ виду, а именно, о деньгахъ на дорогу. Когда же и Генріетта, не думавшая о нихъ до сихъ поръ, слегка намекнула обѣ этомъ предметѣ, Мирабо съ настоящимъ ужасомъ ударилъ себя по лбу.

— Деньги? деньги?—воскликнулъ онъ, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.—Гдѣ найти тебѣ на дорогу деньги? У насъ вѣдь нѣтъ ни одного су, и на этотъ разъ, я не знаю, куда можетъ ударить жезль Моисея, чтобы брызнула новый ключъ въ этой пустынѣ моей кассы. Въ самомъ дѣлѣ, дорогая графиня Летть-Ли, нѣтъ для тебя денегъ на дорогу. Какъ быть?

— Нѣтъ денегъ?—повторила смущенная Генріетта.—И кредита нѣтъ болѣе у насъ, чтобы ихъ достать?

— Мнеъ пришло нѣчто въ голову,—сказалъ Мирабо, подумавъ.—Какъ ты думаешь, если бы мы обратились къ Элліоту? Я съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ ты знаешь; мы были когда-то вмѣстѣ товарищами по школѣ и страданіямъ въ пансіонѣ аббата Шокара. И здѣсь, въ Лондонѣ, онъ уже не разъ увѣрялъ меня въ своемъ братскомъ расположениі. Отправляйся къ нему сейчасъ же и скажи, что я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи, и что онъ бы крайне обязалъ меня, приславъ съ тобою сто гиней. Г-нъ Жильберъ Элліотъ—единственный якорь спасенія моей погибающей кассы. Ну, что, хорошо?

При этомъ имени Генріетта слегка покраснѣла. Она медлила отвѣтить и казалась смущенной.

— Ты вполнѣ можешь идти къ нему; онъ живеть въ своей милѣйшей семье, принадлежащей къ самымъ виднымъ и знатнымъ домамъ Лондона. Я утружаю тебя этой просьбой, потому что не имѣю никого, на кого бы могъ возложить подобное порученіе. Прислуга напа ворчитъ, давно уже не получая слѣдуетемаго ей жалованья; да и вообще жизнь ея теперь у меня не сладка. И

такъ, отправься сама, мое сокровище. Жильберъ Эллютъ—любезнѣйшій кавалеръ; къ тому же, о тебѣ онъ очень высокаго мнѣнія и принадлежитъ къ тѣмъ англичанамъ, которые въ денежныхъ дѣлахъ держать себя совсѣмъ покоролевски и считаютъ себѣ за честь,—какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ,—услужить пріятелю какой нибудь бездѣлицей въ сто гиней.

— Если ты находишь, что я могу пойти къ нему, то я пойду,—сказала Генріетта, помолчавъ немного. — Твоя воля будетъ всегда единственнымъ правиломъ моихъ поступковъ.

Поспѣшно надѣвавъ шляпку и шаль, она, по обыкновенію, протянула ему губы для прощанья.

— Ты возьмешь фіакръ,—сказалъ онъ, цѣлуя ее.—Туманъ засталъ все такъ густо, что иначе, боюсь, ты не попадешь на Бельгравъ-сквэръ, гдѣ живетъ нашъ пріятель. Да и вообще это для тебя слишкомъ далеко, чтобы идти пѣшкомъ.

— А все-таки графиня Леттъ-Ли пойдетъ пѣшкомъ, несмотря на туманъ и всякия опасности,—сказала Генріетта, весело смѣясь,—потому что копелекъ графа Мирабо не принадлежитъ къ тѣмъ кошелькамъ, которые держать себя совсѣмъ по королевски, и на его бездонной глубинѣ нельзя выловить даже бездѣлицу въ нѣсколько шиллинговъ на наемъ фіакра.

Съ этими словами, сдѣлавъ церемонный реверансъ, она выскочила изъ комнаты, оставивъ Мирабо одного, который сталъ теперь въ беспокойствѣ и озабоченно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ, сѣвъ опять за рабочій столъ, сталъ набрасывать записку о своихъ отношеніяхъ къ отцу, которую Генріетта должна была вручить въ Парижѣ министру Бретѣйлю. Проповѣдь же о бессмертіи души была пока положена въ ящикъ бюро.

Только что пошло у него дѣло на ладъ и перо едва послѣвало за ходомъ его мыслей, какъ раздался сильный стукъ въ дверь, открывшуюся на довольно неохотно произнесенное имъ «войдите».

Вошедшій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ выраженіемъ отваги на лицѣ, маленькаго роста, но энергичнаго вида; было въ немъ что-то странное и вмѣстѣ предпріимчивое. Одежда его представляла нѣчто фантастическое: сѣрая шляпа, въ которой онъ вошелъ и которую медленно снялъ, дойдя уже до средины комнаты, тоже не лишена была странности съ своими широкими полями и ярко красной лентой кругомъ.

— А-а, здравствуйте, Этьеннъ Клавьеръ!—воскликнулъ Мирабо, вскочивъ отъ стола и сердечно обнимая вошедшаго.—Но вы вѣдь не прощаться со мною приходите? Говорить, что вы, женевцы, несмотря на то, что вамъ здѣсь въ Англіи устроили ложе изъ розъ, недовольны великобританской щедростью и думаете перемѣнить это убѣжище на иное?

— Многіе изъ нашихъ дѣйствительно хотятъ уѣхать,—возразилъ

гость съ выражениемъ неудовольствія.— Сюрдэ, Жано и другіе намѣрены отправиться въ Невшатель и тамъ пробовать счастья въ магистратѣ, который едва ли, однако, окажеть защиту революціоннымъ бѣглецамъ. Гренусъ, Ринглеръ и другіе хотятъ вернуться въ Констанцъ подъ власть доброго неограниченного германскаго и австрійскаго императора. Многіе изъ настъ думаютъ поселиться еще въ Брюсселѣ. Какъ видите, графъ Мирабо, бѣжавшіе женевскіе демократы не могутъ усидѣть спокойно на англійской землѣ. Но я остаюсь въ Лондонѣ.

— Вы правы,—съ живостью возразилъ Мирабо,— ваши же соотечественники дѣлаютъ большую политическую ошибку, разъединяясь и разсѣиваясь по всѣмъ странамъ свѣта. Именно теперь надо быть вмѣстѣ и здѣсь, въ Лондонѣ, образовать крѣпкое революціонное тѣло, которое, вначалѣ хотя и маленькое, постепенно привлекало бы къ себѣ всѣ элементы свободы въ Европѣ и было бы исходнымъ пунктомъ всѣхъ восстаній противъ тираніи, въ особенности же противъ внутренняго и внѣшняго деспотизма Франціи!..

— Вотъ потому-то я и не теряю еще этой надежды,—возразилъ Клаверь торжественно и сверкая своими непріятно блестѣвшими глазами.— Я, Дюроверѣ и д'Ивернуа остаемся въ Лондонѣ и образуемъ здѣсь свой собственный революціонный комитетъ, который не замедлитъ подкрѣпиться ожидаемыми нами надеждами изъ Швейцаріи единомышленниками женевцами. Именно, Дюмонѣ, Шовѣ, Маратъ и Мелли примкнутъ къ намъ, чтобы помочь завершить организацію революціи, имѣющей прежде всего своею цѣлью вашу Францію. Я пришелъ сообщить вамъ это и еще разъ посовѣтоваться съ вами, какъ самымъ блестящимъ умомъ Франціи, призваніемъ котораго есть завоеваніе свободы своему отечеству.

Сказавъ это, онъ опустился на диванъ, въ ожиданіи отвѣта Мирабо и поглаживая красную ленту на своей шляпѣ.

— Гдѣ я могу помочь, тамъ я буду,—возразилъ Мирабо, продолжая стоять передъ нимъ,—но прежде скажите мнѣ, почему столько вашихъ соотечественниковъ покидаютъ Лондонѣ, гдѣ они нашли такой радушный, исключительный пріемъ не только у публики, но и у правительства? Отчего эти люди бросаютъ васъ и наше общее дѣло? Быть можетъ, въ принципѣ, они измѣнники и теперь выдадутъ настъ и повредятъ всѣмъ нашимъ планамъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Клаверь,—они оставляютъ настъ, не какъ измѣнники. Недовольство англійскимъ правительствомъ гонитъ ихъ изъ Лондона. Исполненіе всѣхъ его великодѣйныхъ обѣщаній, какъ, напримѣръ, разрѣшеніе намъ основать въ Ирландіи городъ Женеву,—гдѣ бы мы могли, приложивъ свойственное намъ трудолюбіе, развить мануфактуру и наше отечественное производство,—все затягивается, и мы начинаемъ сомнѣваться въ искренности Англіи.

— О нѣтъ,—съ живостью возразилъ Мирабо,— когда Англія даетъ

на что либо деньги, какъ дала пятьдесят тысячъ фунтовъ стерлинговъ на устройство первыхъ женевскихъ эмигрантовъ, то она дѣлаетъ это серіозно¹⁾). Сами же вы, какъ бывшій и достойный уваженія банкиръ, состоите вмѣстѣ съ лордомъ Гренвильемъ распорядителями этихъ фондовъ.

— Да, — отвѣчалъ Клавьеръ, — деньги эти есть, но уже начинаютъ употреблять часть ихъ на другія цѣли. А именно лордъ канцлеръ желаетъ, чтобы проценты съ этой суммы были обращены на премии для выдающихся людей, которые своимъ перомъ или своимъ вліяніемъ въ печати и жизни будутъ содѣйствовать тому, чтобы на Англію смотрѣли, какъ на истинное убѣжище политической свободы всѣхъ народовъ, Францію же ненавидѣли, какъ государство, оберегающее неволю и тиранию. Съ этой цѣлью, министръ препроводилъ черезъ лорда Гренвиля въ напѣ комитетъ списокъ лицъ, во главѣ котораго находится ваше имя, графъ Мирабо, съ чрезвычайно лестнымъ о васъ отзывомъ.

— Возможно ли? — воскликнулъ Мирабо съ радостью. — Узнаю тутъ мою лисицу — Вильяма Шитта. Недавно, при одной случайной и въ высшей степени странной встрѣчѣ, я имѣлъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ онъ довольно-таки презрительно позволилъ мнѣ излить всѣ мои мысли о томъ, какъ именно отсюда, изъ Лондона, слѣдуетъ дѣйствовать въ настоящее время. Между тѣмъ, онъ былъ одного со мною мнѣнія, и въ то самое время, какъ, устраниая меня, для виду, чтобы мною себя не компрометировать, онъ, за спиной женевского комитета, опять хочетъ принять мои предложения и, косвеннымъ образомъ, распоряжаться моими силами! Что же постановилъ на это вашъ комитетъ?

— Онъ послалъ меня къ вамъ, — отвѣтилъ Клавьеръ съ напыщеніемъ торжественностью, — и единственная цѣль моего сегодняшняго появленія состоять въ томъ, чтобы передать вамъ въ этомъ портфелѣ банковый билетъ въ сто фунтовъ стерлинговъ, съ почти тельнѣйшей просьбой принять вмѣстѣ съ этимъ благодарность женевского комитета за ваши заслуги въ дѣлѣ политической свободы, а также не отказать въ вашемъ содѣйствіи и на будущее время къ тому, чтобы изъ дѣла Женевы, которому вы уже раньше посвящали вашъ дивный талантъ, воздвигнуть дѣло европейской свободы.

— Думаю, что все, что отъ васъ приходитъ, я могу принять въ представляемомъ вами смыслѣ, — сказалъ Мирабо, принимая не безъ удовольствія портфель, который, однако, тутъ же бросилъ на столъ съ полнымъ равнодушіемъ.

— Вы всегда были покровителемъ Женевской республики, — продолжалъ Клавьеръ. — Въ то время, когда притѣсняющая женевская аристократія могла быть спасена лишь призванными французскими

¹⁾ Soulavie. Mémoires historiques et politiques, V, 284.

войсками, вы вашимъ пламеннымъ перомъ въ запискахъ къ министру Верженну настаивали, какъ на дѣлѣ чести Франціи и французского имени, на отзваніи французскихъ штыковъ¹⁾). Дѣйствуйте же и на будущее время въ пользу Женевы, той Женевы, гдѣ воспламенится однажды свобода всей Европы, и откуда будетъ поданъ сигналъ революціи въ ненавистной Франціи!

— Да, я люблю вашу Женеву,—восторженно воскликнулъ Мирабо,—и буду съ гордостью служить вашему дѣлу, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и мое и всѣхъ истинныхъ французскихъ патріотовъ! Люблю вашу Женеву и вашихъ славныхъ, просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ женевцевъ, своею несравненною дѣятельностью доведшихъ культуру маленькой республики до высшей степени процвѣтанія! Ваши часы, разсылаемые по всей Европѣ и провозглашающіе побѣду вашей драгоценной промышленности, недаромъ возвѣщаютъ всѣмъ народамъ истинное время. Женевскіе часы, бьющи уже во всѣхъ странахъ Европы, провозгласятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что правильное время, долженствующее наступить, будетъ временемъ свободы! Уже нашъ великий Вольтеръ бредилъ вашимъ часовымъ производствомъ и въ своемъ Фернѣ освящалъ его духомъ свободы. Не вы ли первые, еще въ одиннадцатомъ столѣтіи, гнали отъ себя дворянство, князей и ксендзовъ, стремясь къ достижению свободы, основанной на господствѣ народа? Правда, съ тѣхъ порь жизнь ваша протекала въ переворотахъ и потрясеніяхъ. Вы устраивали одну революцію за другой, храбрые женевцы. Все это столѣтіе было у васъ лишь постоянной борьбой между дворянствомъ и народомъ, между демократіей и феодализмомъ, и этотъ примѣръ, выходя изъ вашего чуднаго озера, пробуждалъ всѣ европейскіе народы. Политическія сочиненія и брошюры, вышедшия въ то время изъ Женевы, соперничали съ твореніями нашихъ Монтескье, Мабли, наппего Вольтера, вырабатывая национальный духъ во Франціи и въ Европѣ, придавая новый полетъ народному генію и возводя на горизонтъ народовъ демократію взамѣнъ уничтожаемыхъ старыхъ нравовъ. Женева, откуда впервые революціонный пѣтухъ прокричалъ на всю Европу, поставить Францію на ноги, вѣрьте мнѣ! Та самая Франція, которая, въ вашу послѣднюю революцію, выковала цѣпи Женевы и своими штыками уничтожила у васъ народную партію, отправивъ ея вождей въ изгнаніе, та самая Франція будетъ вамъ обязана своимъ возвышенiemъ, и въ этомъ-то будетъ ваша месть королевству Франціи! А вотъ, смотрите, вотъ моя дань идеальному, родному городу Женевѣ. Я началъ писать исторію Женевы.

Съ этими словами Мирабо взялъ со стола объемистую тетрадь и передалъ своему собесѣднику, бросившему на исписанные листы удивленный взглядъ.

¹⁾ Montigny, Mémoires de Mirabeau, IV, 114—139.

Въ эту минуту на наружной лѣстницѣ раздался странный шумъ, и Мирабо, обладавшему чрезвычайно тонкимъ слухомъ, послышался стонущій и жалобный голосъ Генретты. Мгновенно бросился онъ къ двери и растворилъ ее, какъ разъ въ ту минуту, когда секретарь Гарди вводилъ или, вѣрнѣе, вносилъ Генретту.

Мирабо въ ужасѣ схватилъ ее на руки и, при видѣ ея лица, съ громкими воплями отнесъ и уложилъ ее на диванѣ. Генретта была почти безъ сознанія, но, почувствовавъ себя въ его близости, открыла глаза, а на ея смертельно блѣдныхъ щекахъ пробился едва замѣтный румянецъ. Кротко улыбаясь, стала она успокаивать его, не имѣя еще силъ, однако, разсказать, что приключилось съ ней.

Отъ Гарди Мирабо могъ только узнать, что, находясь въ городѣ по дѣлу и проходя по улицѣ Христова-госпиталя, онъ увидѣлъ въ собравшейся передъ госпиталемъ толпѣ госпожу Нэра, въ эту именно минуту упавшую безъ чувствъ на мостовую. Съ помощью школьніхъ присутствующихъ, онъ немедленно снесъ ее въ стоявшій, къ счастію, по близости фіакръ. Дорогой она тотчасъ же впала въ глубокій обморокъ и лишь когда онъ сталъ ее вести на верхъ по лѣстницѣ, она, прия въ себя, начала громко жаловаться на боль въ головѣ.

Мирабо бросился осматривать ее, боясь, что, быть можетъ, при паденіи она поранила себѣ голову. Клавьеръ предложилъ привести доктора и удалился.

Генретта объявила, что она не повредила себѣ ничего и въ эту минуту чувствуетъ свои силы возстановленными.

— Что же случилось съ тобой, мое единственное сокровище? — спрашивалъ Мирабо, стоя передъ нею на колѣняхъ и въ страшномъ беспокойствѣ цѣлуя ея руки.

— Я отлично исполнила у сэра Жильбера Элліота возложенное тобою порученіе, — начала Генретта свой разсказъ. — Элліотъ сей-чась же далъ мнѣ сто гиней, посыпаемыхъ имъ тебѣ съ искреннимъ поклономъ. Правда, что при этомъ онъ опять себѣ позволилъ слишкомъ большія со мною любезности, которыя чуть не заставили меня вернуть ему деньги, если бы только я не вспомнила, на что онѣ были предназначены. И такъ, я спрятала на груди кошелекъ, въ которомъ онъ вручилъ мнѣ золотые монеты. Счастливо пройдя туда сквозь туманъ, я надѣялась такъ же счастливо и вернуться, когда, дойдя почти до Христова-госпиталя, я вдругъ очутилась среди тѣсно скученной толпы людей, изъ-за тумана мною ранѣе не замѣченной. Лица ихъ дышали враждою, а восклицанія гласили о чѣмъ-то ужасномъ. Разсказывали о какой-то больной женщинѣ, упавшей на улицѣ со всѣми признаками чумы. Женщина была препровождена въ госпиталь, а толпа, собравшаяся передъ нимъ, шумно волнуясь, требовала принятія мѣръ предосторожности. Говорили о томъ, что госпиталь, для прекращенія къ нему доступа, долженъ быть оѣ-

плень войсками; требовали, чтобы замуровали палату, въ которой была помѣщена больная. Внезапно, черезъ вновь прибывшихъ, сталъ распространяться слухъ, что и въ другой части Лондона произошли три подобныхъ заболѣванія, чѣмъ вполнѣ подтверждается слухъ о томъ, что въ Лондонѣ чума¹). Поднялся общій ревъ, толпа кричала, испуская всевозможную брань и проклятія. Я ничего болѣе страшнаго въ жизни не видѣла и не слышала. Неописуемый ужасъ овладѣлъ мною. Страшными привидѣніями являлись передо мною эти плавающія въ туманѣ лица людей. Мнѣ дѣжалось дурно, я чувствовала, что падаю, и когда Гарди поднялъ меня съ земли, я слышала кругомъ крики: «новая жертва чумы! у нея тоже чума!» Сидя уже въ экипажѣ, гдѣ у меня было настолько присутствія духа, чтобы кошелекъ съ деньгами передать Гарди на храненіе, я все еще слышала за собою возгласы: «не пускайте ее, у нея чума!».

Этотъ разсказъ и страшныя воспоминанія вновь исчерпали силы Генріетты, и она опустила голову на диванъ, требуя отдыха. Мирабо приказалъ своему секретарю принести нюхательный спиртъ, а также кошелекъ со ста гинеями, переданный ему госпожею Нэра.

Принеся спиртъ, Гарди лаконически заявилъ, что ни о какомъ кошелькѣ онъ ничего не знаетъ, и что госпожа Нэра ему ничего не передавала.

Мирабо, пораженный, не зналъ, въ первую минуту, что ему дѣлать.

Но Генріетта, которой гнѣвъ, казалось, вдругъ вернуль силы, вспыхнула и воскликнула:

— Какъ? Вы можете отрицать, что я передала вамъ на храненіе кошелекъ? Мирабо, я часто заступалась за него передъ тобой, когда тебѣ случалось заподозрѣвать его честность. Теперь же сама вынуждена обвинить его самымъ рѣшительнымъ образомъ, если онъ будетъ продолжать свою ложь, что не получалъ отъ меня ста гиней.

Гарди громко и презрительно захохоталъ, надменно и дерзко глядя на госпожу Нэра и Мирабо.

— Негодяй!—воскликнулъ Мирабо съ обуявшимъ его теперь гнѣвомъ, при чемъ схватилъ его за грудь и сталъ съ силою трясти. — И ты смѣешь, несмотря на такое свидѣтельство, продолжать настаивать на своей лжи и быть къ тому же дерзкимъ? На колѣни, во прахъ, ты, собачья душа, и реви свое признаніе передъ ней, какъ ревутъ окаянные передъ ангеломъ рая, валяясь въ своемъ ничтожествѣ! Говори, куда ты дѣвалъ деньги, или лучше подавай ихъ сейчасъ! Сто гиней для насъ не бездѣлица, съ которой мы могли бы играть въ прятки.

— Увѣряю васъ,—возразилъ секретарь съ отвратительными ужим-

¹⁾ По неизданной перепискѣ Мирабо съ госпожей Нэра. Montigny, Mémoires de Mirabeau, IV, 151.

ками, не не теряя апломба,—не только ста гиней, но и ста су я не получалъ отъ госпожи Нэра. Не знаю, откуда бы такая благодать могла свалиться здѣсь, въ домѣ графа Мирабо. Вы требуете отъ меня сто гиней, господинъ графъ, сами же должны мнѣ мое жалованье за весь текущій годъ. А за сюртукъ, который у васъ на плечахъ и который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я вамъ удѣлилъ изъ своего гардероба, потому что вамъ уже нельзя было выйти въ вашемъ изорванномъ и истертомъ штатѣ, за мой сюртукъ вы развѣ уже расплатились со мною? Вы мой должникъ, господинъ графъ, и увѣряете, что я, великодушно дающій вамъ въ займы, украдъ сто гиней у васъ, не имѣющаго ничего, рѣшительно ничего, даже собственнаго сюртука.

Одну минуту Мирабо находился въ мучительномъ затрудненіи. Краска стыда вспыхнула на его лицѣ, губы болѣзnenno подергивались. Судорожно сорвалъ онъ съ себя сюртукъ, о которомъ такъ безпощадно шла рѣчъ, и готовъ былъ, казалось, изорвать его въ ключья.

— Ну, такъ я просто отдамъ тебя подъ судъ,—разразился онъ, наконецъ, громовыми голосомъ.—Съ такими, какъ ты, мошенниками здѣсь, въ Англіи, не церемонятся, а ты уже давно заслужилъ себѣ у меня веревку на шею. Если сто гиней у тебя еще въ карманѣ, то я удовольствуюсь, прогнавъ тебя съ позоромъ. Если же ты прятать ихъ въ иномъ мѣстѣ, то передамъ тебя въ руки констебля, за которымъ тотчасъ же пошлю на улицу.

Такъ какъ Гарди продолжалъ еще съ большею силою утверждать, что у него нѣть денегъ, и сталъ выворачивать свои карманы, Мирабо позвалъ слугу и приказалъ ему позвать полицейскаго. Съ прибытиемъ послѣдняго дѣло было живо улажено, потому что свидѣтельства графа Мирабо противъ лица, находящагося у него въ услугеніи, было вполнѣ достаточно для арестованія обвиняемаго въ кражѣ.

Какъ только Гарди былъ уведенъ, Мирабо вновь обратился съ нѣжной заботливостью къ госпожѣ Нэра, болѣзnennoе состояніе которой опять, казалось, усилилось отъ этого новаго волненія. Однако, вошедшій въ эту минуту докторъ, присланный Клавьеромъ, объявилъ, что опасности нѣть, и что спокойствіе и хорошій уходъ скоро восстановятъ силы молодого здороваго организма.

Генріетта должна была согласиться лечь въ постель; не могла она только утѣшиться, что едва раздобытыя средства на ея поѣздку въ Парижъ снова утрачены, и теперь неизвѣстно, откуда достать денегъ.

Быстро, съ торжествующимъ видомъ запагаль Мирабо къ своему письменному столу, принесъ полученный имъ отъ Клавьера портфель съ банковыми билетами и передалъ ей. Она, удивленно улыбаясь, стала пересчитывать у себя на кровати деньги въ то время, какъ онъ рассказывалъ ей исторію этихъ новыхъ ста гиней.

— Теперь я опять спокойна, Мирабо, — сказала она, радостно глядя на него.— Я уже здорова, увѣряю тебя, и завтра могу пуститься въ путь, чтобы приготовить тебѣ мѣсто въ Парижѣ и освободить отъ связывающихъ тебя до сихъ порь цѣпей. Мѣсто Мирабо — въ Парижѣ! Тамъ его божественные силы должны достигнуть своей высшей цѣли!

— Да, но сегодня ты должна отдохать и спать,—вразумилъ Мирабо, цѣлюя ее.— Ты, мое милое, чудное дитя! Такой нѣжной, доброй и кроткой, такой очаровательной и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественной, какъ ты, я не видѣлъ еще ни одной женщины. Красота твоя могла бы тебя возвести на высшія общественные ступени, еслибы ты не предпочла встать возлѣ меня и въ суровой жизненной борьбѣ даровать мнѣ твою любовь и помощь! Да, уже для того только, чтобы вознаградить тебя за все это, Богъ долженъ быть въ небѣ! Не правда ли, моя Генріетта? А теперь, спокойной ночи!

II.

Подъ аркадами Пале-Ройяля.

По прибытіи въ Парижѣ, Генріетта употребила для себя время лишь на то, чтобы отправить свои вещи въ *hôtel garni* и занять въ немъ маленькую комнату. Съ величайшею поспѣшностью и думая только о дѣлахъ Мирабо, она смѣнила свой дорожный костюмъ и, не отдохнувъ и даже ничтожнѣе не подкрѣпившись, опять вышла на улицу съ намѣреніемъ, прежде всего, розыскать Шамфора и, какъ было рѣшено съ Мирабо, прибѣгнуть къ помощи этого испытанного друга.

Быстро пробѣжала Генріетта довольно большое пространство до отеля Водрейль, въ улицѣ Бурбонъ. Ничто не могло сравниться съ тѣмъ радостнымъ мужествомъ, которое, казалось, несло ее и придавало силы ей, совершенно одинокой и безъ всякой иной защиты, кромѣ собственной храбрости и сердечной отваги, броситься въ величайшія опасности.

Передъ отелемъ графа де-Водрейль, Генріетта, которой въ этомъ путешествіи все до сихъ порь удавалось, въ первый разъ была обманута въ своихъ ожиданіяхъ. Стоявший у дверей отеля портье, въ отвѣтъ на ея вопрось, нелюбезно сообщилъ ей, что отель принадлежитъ другому лицу, которому онъ недавно проданъ маркизомъ де-Водрейль; господинъ же Шамфоръ перебѣгъ въ маленькую квартиру подъ аркадами Пале-Ройяля.

Генріетта, утомленная, быстро подавила вырвавшійся изъ груди ея вздохъ и рѣшила весело и бодро продолжать свой путь.

Вскорѣ она достигла Пале-Ройяля, гдѣ въ новопостроенныхъ

галлереяхъ, которыми герцогъ Шартрскій недавно окружилъ садъ своего дворца, должно было находиться дружеское жилище Шамфора.

Эти аркады, возникшія, главнымъ образомъ, благодаря корыстолюбію герцога Шартрскаго и отдаваемая имъ въ наемъ въ видѣ квартиръ, магазиновъ, увеселительныхъ мѣсть, игорныхъ домовъ, читаленъ и для многихъ другихъ, худшихъ цѣлей, уже не разъ подавали поводъ къ возбужденію процесса противъ алчнаго принца. Расположенные напротивъ сада Шале-Ройля дома, цѣнность которыхъ увеличивалась до сихъ поръ, благодаря открытому виду на садъ и правомъ входа въ него, потерпѣли такой убытокъ съ постройкой галлерей, что всѣ домовладѣльцы соединились и возбудили процессъ противъ герцога Шартрскаго. Этотъ процессъ, въ которомъ приняла участіе вся Франція, громко выражавшая въ этомъ случаѣ свою давнишнюю и справедливую непріязнь къ принцу, былъ, однако, рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Новые же постройки, что и было преимущественно ихъ цѣлью, могли свободно развиваться, какъ центръ всякаго разврата и бѣдствій Парижа.

Госпожа Нэра должна была долго блуждать взадъ и впередъ по этимъ длиннымъ аркадамъ, наполненнымъ всякаго рода прогуливавшимся людомъ, должна была много разспрашивать, прежде чѣмъ могла найти квартиру Шамфора. Ей удалось, наконецъ, узнать объ этомъ въ одной читальнѣ, где его знали, и только теперь, когда она начала подниматься по лѣстницѣ, ведущей на антресоль, где въ галлерѣ, выходящей на улицу Ришелье, находилось жилище Шамфора, сердце ея стало тревожно биться.

Каждый разъ при встрѣчѣ ея съ друзьями Мирабо, оно тревожно билось отъ испытываемой ею робости, на которую и время не повлияло. Хотя и тутъ, въ глубинѣ всей невинности своего сердца, она чувствовала себя свободной и спокойной, однако, въ такія минуты, она ясно сознавала единственную ошибку своей жизни и должна была сначала убѣдиться, что къ ней относятся съ уваженiemъ, для того, чтобы успокоиться и почувствовать себя въ безопасности. Тогда уже она могла горячимъ потокомъ словъ говорить о своихъ отношеніяхъ къ Мирабо, откровенно и неудержимо выражая свой восторгъ къ предмету своей любви.

Робко поступала она въ дверь и ждала, прислушиваясь, слова «войдите!»—чтобы удостовѣриться въ голосѣ того, кто ей отвѣтить. Но Шамфоръ самъ открылъ дверь, и ея глаза встрѣтили доброе и спокойное лицо друга, тонкія, легкой грустью подернутыя черты которого, при видѣ ея, мгновенно ожили радостью и искренней симпатіей. Съ сердечнымъ привѣтствіемъ ввелъ онъ ее въ комнату и былъ такъ пораженъ, такъ неувѣренъ въ ея прибытіи, что, усадивъ ее въ кресла напротивъ себя, смотрѣлъ на нее некоторое время молча, хотя съ тѣмъ милымъ, добродушнымъ выраженіемъ, которое всякому внушало довѣrie.

Своей женской проницательностью Генретта угадала, что Шамфоръ находится въ сомнѣніи на счетъ ея отношеній къ Мирабо и потому такъ сдержанно обращается къ ней съ вопросами. Въ другое время она бы этому искренно посмѣялась, но теперь серьезность порученій, съ которыми она прибыла въ Парижъ, удерживала ее. Она поспѣшила поэтому познакомить Шамфора съ настоящею цѣлью своего прибытія и объяснить ему, что теперь дѣло въ томъ, чтобы устроить ея другу почетное и безопасное возвращеніе въ парижскіе общественные круги. Воодушевленно и краснорѣчиво представила Генретта свой планъ дѣйствія, состоявшій, главнымъ образомъ, въ томъ, что она должна передать лично въ руки министру королевскаго двора, барону де-Бретѣйлю, привезенную ею записку Мирабо съ описаніемъ его жизни и настоящаго положенія его дѣлъ.

Затѣмъ она прибавила, что Мирабо поручилъ ей обратиться къ своему столь испытанному другу Шамфору за совѣтомъ о полученіи аудіенціи у министра, а также за помощью, которую, при его дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ де-Водреиль, онъ, конечно, можетъ оказать.

Шамфоръ, помолчавъ съ минуту, сказалъ: — Разумѣется, я васъ проведу на аудіенцію къ барону де-Бретѣйль и, если вамъ угодно, мы отправимся для этого вмѣстѣ завтра же утромъ въ Версаль. Но моимъ добрымъ графомъ де-Водреиль я, по многимъ причинамъ, служить не могу. Мой другъ графъ самъ попалъ въ немилость. Представленіе въ его отелѣ «Свадьбы Фигаро» возстановило противъ него дворъ. Ему дали понять, что эта соціальная адская комедія, которую послѣ представленія у него онъ объявилъ вполнѣ невинной и исправленной, сохранила, однако, весь свой ядъ, и въ такомъ видѣ была допущена на публичную сцену. Оттого-то и столь желанного имъ мѣста наставника дофина онъ не получилъ, и хотя ему не къ чему было стараться обѣ этомъ, однако эта неудача повергла его въ немалое отчаяніе. По той же причинѣ, продалъ онъ и свой прекрасный отель въ улицѣ Бурбонъ, великолѣпныя залы котораго постоянно напоминали ему о злополучномъ представленіи «Фигаро», и по той же причинѣ я себѣ отыскалъ эту квартиру. Хотя графъ купилъ другой еще болѣе блестящий и великолѣпный отель и съ величайшею любезностью вновь предлагалъ мнѣ въ немъ помѣщеніе, но я воспользовался случаемъ, чтобы встать на свои ноги, представивъ ему необходимость разлуки для болѣе прочнаго продолженія нашей дружбы. Такъ мы разстались, но продолжаемъ искренно любить другъ друга¹⁾! Вотъ почему вы меня застаете подъ новыми аркадами Пале-Рояля, гдѣ я основалъ свою философскую келью.

¹⁾ Notices sur la vie de Chamfort (Oeuvres de Chamfort, I, XLIII).

При этихъ словахъ, Генріетта огляделась кругомъ и увидала, что Шамфоръ вѣрно опредѣлилъ свою комнатку. Меблировка ея, а также примыкавшаго къ ней кабинета была чрезвычайно проста и ограничивалась самимъ необходимымъ. Передъ вѣхимъ диваномъ стояль маленький письменный столъ съ нѣсколькими на немъ книгами. Несмотря на недостатокъ свѣта, едва проникавшаго сквозь опущенные на низенькихъ окнахъ занавѣсы, Генріетта замѣтила на столѣ совсѣмъ, казалось, высохшую чернильницу и съ невольной улыбкой вспомнила о вѣчныхъ жалобахъ Мира бо на рѣдкія письма Шамфора и вообще на то, что одинъ изъ самыхъ выдающихся умовъ находилъ такъ мало удовольствія въ работѣ. Тутъ же лежало множество отдельныхъ, исписанныхъ карандашемъ листковъ, на которыхъ Шамфоръ отмѣчалъ свои знаменитыя остроты и разсужденія, часто съ удивительною краткостью и силой высказывавшія самыя рѣзкія истини.

Въ то время, какъ жилище Шамфора, совершенно уединенное, дѣйствительно походило на келью философа-отшельника, изъ галлерей Пале-Рояля, извнѣ, врывался въ этотъ міръ одинокаго мыслителя весь шумъ царствовавшаго здѣсь хаотического веселья. Слышно было шарканіе ногъ пѣшеходовъ, шутки и остроты гуляющихъ, стукъ костяшекъ домино въ кафе, тяжелый и равномѣрный звонъ денегъ въ игорныхъ залахъ, выкрикиванія всевозможныхъ достопримѣчательностей и развлечений въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ, громкій смѣхъ и двусмысленности...

Шамфоръ видѣлъ, что Генріетта невольно прислушивалась ко всему этому, и хотѣлъ уже пуститься въ свои сатирическія философствованія, когда вдругъ замѣтилъ, что госпожа Нѣра со всѣми признаками сильнѣйшаго утомленія откинулась въ креслѣ назадъ, и страшная блѣдность на лбу и щекахъ ясно показывали, что ей дѣлается дурно.

Онъ быстро подошелъ къ ней, желая помочь, но она опять уже раскрыла глаза, слабо улыбаясь ему. Поднявъ занавѣсы и открывъ окна для свѣжаго воздуха, онъ вернулся къ ней, стараясь понять ея состояніе и найти, чѣмъ бы онъ могъ ей помочь.

— Бѣдное дитя,—проговорилъ онъ съ искреннимъ участіемъ,—теперь я понимаю, отчего вы такъ изнурены и страдаете. То, что я долженъ вамъ предложить, покажется вамъ смѣшнымъ, но это теперь всего важнѣе. Не правда ли, вотъ уже цѣлые сутки, какъ вы ничего не кушали?

Генріетта, съ улыбкой, утвердительно кивнула головой, при чемъ на мгновеніе блѣдныя щеки ея зардѣлись.

— Да, это такъ,—продолжалъ Шамфоръ.—Знаю, вы принадлежите къ тѣмъ благороднымъ душамъ, которыя, въ своемъ святомъ порывѣ для другихъ, могутъ умереть съ голоду и не дадутъ себѣ ни отдыха, ни покоя, пока усилія ихъ любви не достигнутъ цѣли.

Человѣческій организмъ, однако, не разсчитанъ на геройство сердца. Въ этомъ организмѣ есть пробѣлы, которые нужно заполнить пищею и питьемъ. Но не затѣмъ ли я живу въ Пале-Роялѣ, чтобы предложить мои услуги? О, позвольте мнѣ только распорядиться! Тутъ есть одна машина, лучше которой и въ сказкѣ не придумать. Дернуть лишь крѣпко раза два звонокъ, и чудо накрытаго столика осуществляется мгновенно. Проворный гарсонъ является, все готовляется, и я получаю свой маленький обѣдъ быстро и прекрасно. Сегодня же въ немъ еще примутъ участіе и граціи, если госпожа Нэра приметъ мое приглашеніе. Но для такого пира необходимы нѣкоторыя болѣе достойныя его приготовленія, для которыхъ мнѣ необходимо покинуть вѣсъ на двѣ минуты.

Генріетта убѣдительно просила его не дѣлать себѣ никакихъ затрудненій, прибавивъ, что чувствуетъ себя опять вполнѣ хорошо и можетъ вернуться въ свой отель къ обѣду. Но Шамфоръ, любезно отклонивъ ея возраженія, выбѣжалъ и скоро вернулся вмѣстѣ съ слугою, который тотчасъ же принялъся накрывать стоявшій посреди комнаты столикъ. Шамфоръ, взявъ съ окна горшокъ розъ въ цвѣту, поставилъ его на столъ, за недостаткомъ другого украшенія, и, срѣзавъ самую красивую розу, положилъ ее на предназначенный для госпожи Нэра приборъ, къ которому подвелье ее съ особою, ему свойственною любезностью.

— Слѣдовало бы вамъ положить лавровую вѣтку,—сказалъ онъ послѣ того, какъ они заняли мѣста одинъ противъ другого. — Вы заслуживаете за свое великолепіе лавры, которые гораздо цѣните тѣхъ, что вѣнчаютъ геній. Одна, при всей своей молодости и красотѣ, пустились вы въ путь за море, чтобы здѣсь, въ этой безднѣ Парижа, хлопотать за милаго друга. Такая храбрость любви не заслуживаетъ ли вѣнца болѣе, чѣмъ что либо иное? Но лавры въ домѣ Шамфора не держатся, и въ настоящую минуту нѣть у меня ни одного листика. Мои же лавры поэта завяли, не будучи въ состояніи переносить ту политическую желчь, которая у меня ежедневно, по каплѣ, падала на нихъ.

Тутъ обѣдъ былъ принесенъ, и философъ обратился въ такого любезнаго хозяина, такъ мило угощалъ и подбодрялъ свою гостью, что ей скоро стало пріятно и покойно на душѣ. Она чувствовала себя оправившейся, обычная ея веселость вернулась къ ней, и дружеская симпатія, зародившаяся между обоими съ той минуты, какъ Мирабо впервые представилъ Генріеттѣ своего друга, выражалась самыми сердечными и искренними словами. При этомъ, однако, Шамфоръ проявлялъ въ своемъ ухаживаніи много тракта и держалъ себя относительно госпожи Нэра съ гораздо большимъ почтеніемъ, чѣмъ дѣлалъ это обыкновенно въ своихъ отнosiенiяхъ съ дамами.

Съ удовольствiемъ замѣтилъ онъ, что маленький обѣдъ и даже стаканчикъ вина, выпитый за провозглашенное Шамфоромъ здо-

ровье отсутствующаго лондонскаго друга, подкрѣпили силы госпожи Нэра.

— Однако, не будемъ забывать, что намъ слѣдуетъ дѣлать для Мирабо,—сказала Генретта, серіозно посмотрѣвъ на Шамфора.—Понятно, что дѣло, по которому онъ меня выслалъ, не терпитъ отсрочки. Бхать, однако, сегодня въ Версаль ни къ чему бы не послужило, а потому я рада, что это отложено назавтра. Но какой же путь мы изберемъ, и на что можемъ мы разсчитывать? Видите, Шамфоръ, я уже начинаю просить и напоминать.

— Я еще ни одной минуты не переставалъ обѣ этомъ думать,—вразбрѣлъ Шамфоръ,—но я нахожу болѣе вѣрнымъ, чтобы госпожа Нэра еще нѣкоторое время спокойно занялась этими *côtelettes aux fines herbes* и подождала результата того смотра, который я мысленно дѣлаю всѣмъ моимъ придворнымъ друзьямъ и покровителямъ. Одинъ изъ нихъ несомнѣнно окажеть намъ услугу, дастъ рекомендацио и испросить аудиенцио у министра Бретѣйля. По странной волѣ судебъ, я имѣль много знакомствъ и даже друзей въ этомъ кругу, однако, умѣль всегда своею откровенностью, совѣтами и даже предсказаніями о ихъ скорой гибели испортить эти отношенія; хорошо еще, что мнѣ удалось при этомъ не вызвать ихъ ненависти. Въ краткихъ словахъ, это есть также исторія моихъ отношеній весьма, впрочемъ, интересныхъ съ отелемъ Водрѣйль.

— Ахъ,—воскликнула со вдохомъ Генретта,—что же станется съ нашими на васъ возложенными надеждами! Мирабо такъ разсчитывалъ на ваше вліяніе въ придворныхъ сферахъ, ослѣпленіе которыхъ, какъ онъ всегда говоритъ, состоить еще и въ томъ, что онъ никогда не замѣчаютъ, что среди нихъ вы изучаете ихъ же испорченность.

— Эти аристократы въ своемъ родѣ слишкомъ хорошо воспитаны, чтобы дать что либо замѣтить. Они могутъ съ своимъ смертельнымъ врагомъ танцевать элегантный менуэтъ, ни разу не сбившись съ такта, и будутъ до тѣхъ поръ возиться и играть съ своимъ противникомъ, пока не вговорять себѣ, а иногда и ему, что, въ концѣ концовъ, онъ тоже принадлежитъ къ нимъ и съ успѣхомъ могъ бы носить за ними шлейфъ. Такъ, высшее общество долго играло съ опасной книгой Гельвеціуса «Объ умѣ», лежавшей у всѣхъ аристократокъ на туалетномъ столѣ, не замѣчая мудраго змія, извивавшагося въ зеленой листьевѣ слога Гельвеціуса. А кто былъ собственно разносчикомъ поистинѣ дьявольскихъ и демократическихъ остротъ нашего Вольтера? Развѣ то не были князья и сильные міра въ Европѣ, первые возвеличившіе и прославившіе его? Смерть незабвенного Дидеро въ прошломъ году также наиболѣе оплакивалась аристократическимъ обществомъ въ Парижѣ¹⁾. Да, мы черезъ аристо-

¹⁾ Дидеро умеръ 31 июля 1784 года.

кратовъ пробукируемъ въ эпоху свободы, или же никогда ея не достигнемъ...

Обѣдъ былъ оконченъ, и Шамфоръ, впавшій теперь, какъ это часто случалось съ нимъ, въ глубокую задумчивость, вдругъ вскочилъ съ своего мѣста и воскликнулъ, радостно улыбаясь:—Ну, развѣ я не дуракъ? Вѣдь я совсѣмъ забылъ, что два дня тому назадъ я назначенъ чѣмъ-то въ родѣ чтеца или секретаря къ принцессѣ Елизабетѣ! Эта юная, интересная принцесса возымѣла настоящую слабость къ моимъ неважнымъ стихамъ и за нихъ облекла меня этою почетною должностю при своемъ дворѣ, которая, вѣроятно, много времени у меня не отниметъ. Однако прелестная принцесса, которую я въ самомъ дѣлѣ уважаю, поручила мнѣ написать коментаріи къ баснямъ Лафонтена, что я уже и началъ. Сегодня же пойду къ ней прочесть написанное вступленіе. Она здѣсь, въ городѣ, въ своемъ домѣ, купленномъ для нея недавно королемъ, ея братомъ, въ Avenue de Paris; этотъ домъ долженъ служить ей резиденціей до ея двадцати-пятилѣтнаго возраста. О Боже, это значитъ пять лѣтъ еще, такъ какъ принцессѣ теперь только двадцать, а какъ знать, останется ли черезъ пять лѣтъ въ Парижѣ хоть одинъ домъ на свое мѣсто? Вотъ я и попрошу принцессу замолвить передъ обожаемымъ ею королемъ доброе словечко въ пользу Мирабо, чтобы снялось все еще грозно носящееся надъ его головой старое проклятие. Первый же камергеръ принцессы Елизабеты—зять министра де-Бретѣйля. Я постараюсь добыть отъ него нѣсколько строкъ, при помощи которыхъ завтра въ Версалѣ вы будете немедленно приняты министромъ. Дѣло пойдетъ на ладъ, въ этомъ я увѣренъ.

Генріетта горячо пожала ему руку, а прекрасные глаза ея засвѣтились искреннею благодарностью. Послѣ того, какъ они условились, въ которомъ часу Шамфору слѣдуетъ заѣхать завтра за ней въ отель, чтобы вмѣстѣ отправиться почтой въ Версаль, Генріетта попрощалась, собираясь идти домой, а Шамфоръ заторопился, чтобы еще во время успѣть доложить о себѣ во дворцѣ madame Елизабетѣ.

III.

Брильянты королевы.

На слѣдующее утро, въ назначенный часъ, Шамфоръ зашелъ за госпожей Нѣра, чтобы сѣсть вмѣстѣ съ нею въ почтовую карету, отправляющуюся въ Версаль. Онъ былъ въ самомъ радужномъ настроеніи и надѣялся на успѣхъ, благодаря данному ему обѣщанію принцессы Елизабеты, а также полученному имъ для госпожи Нѣра рекомендательному письму къ министру королевскаго двора де-Бретѣйлю.

Быстро проѣхавъ четыре лѣ, наши путешественники вышли изъ кареты на обширной площади—«place d' armes», простирающейся передъ лежавшимъ передъ ними громаднѣйшимъ замкомъ короля Франціи. Генріетта, испытывая робость и страхъ въ эту минуту, просила Шамфора, подъ руку съ которымъ ишла, нѣсколько повременить, прежде чѣмъ подойти къ главному входу и войти въ чудесное царство этого исполинскаго зданія.

— Конечно, духъ поневолѣ захватываетъ при видѣ этого громаднаго королевскаго жилища съ его удивительной перспективой!— сказалъ Шамфоръ.— Да, моя дорогая спутница, этотъ Версаль—восьмое чудо свѣта и, говорятъ, въ настоящее время составляетъ предметъ удивленія всего міра, будучи обширнѣйшимъ и величественнѣйшимъ дворцомъ въ свѣтѣ. Даже сильнѣйшіе восточные деспоты Азіи не воздвигали своему могуществу болѣе прекраснаго и обширнаго помѣщенія, такъ что напрѣконтрь Людовикъ XIV, сдѣлавъ изъ этого великолѣпнаго зданія то, что оно есть, показалъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ величайшимъ архитекторомъ деспотизма. Наслѣдники его старались съ честью поддерживать здѣсь его принципъ; одинъ лишь теперешній обитатель нѣсколько лучше своего рода, и это, быть можетъ, послужитъ ему во вредъ, потому что исторія наказываетъ всегда за грѣхи цѣлаго рода именно того, кто хотѣлъ бы изъ него выдѣлиться. Глядя на этотъ Версаль отсюда, съ площади, можно принять его за громадную паутину или за великолѣпный театръ; въ особенности сильно производимое имъ впечатлѣніе театра. Уже въ томъ, какъ возвышается мѣстность, а вышина и величина зданія вмѣстѣ съ шириной дворовъ уменьшаются въ объемѣ, по мѣрѣ удаленія отъ входа, выражается театральная перспектива. И дѣйствительно, здѣсь издавна разыгрывалась комедія со всѣмъ тѣмъ, что свято для націй. А все-таки, мой дорогой другъ, пройдемъ смѣло впередъ и, въ гордомъ сознаніи нашей правоты, войдемъ въ это великолѣпнѣе, которое ни минуты болѣе не должно пугать настѣ.

Шамфоръ вновь предложилъ своей спутницѣ руку, и, пройдя черезъ золотую решетку, окружающую замокъ, они вступили на передній дворъ въ видѣ полумѣсяца; дворъ этотъ слегка возвышался по направлению къ замку, а по четыремъ концамъ его они замѣтили четыре большихъ павильона, занятыхъ министрами и статс-секретарями.

Отъ стоявшихъ въ этомъ дворѣ на часахъ швейцарцевъ Шамфоръ узналъ, въ какомъ изъ павильоновъ жилъ министръ королевскаго двора. Но барона Бретѣйля не было въ его покояхъ; имъ было сказано, что онъ былъ вызванъ въ кабинетъ короля. Посовѣтовано войти въ галлерею замка и, какъ это часто дѣжалось, обратиться тамъ къ министру при его возвращеніи изъ королевскихъ апартаментовъ.

Войдя въ замокъ, они съ удивленіемъ замѣтили царствовавшее

въ немъ странное оживленіе, ясно свидѣтельствовавшее о какомъ-то необыкновенномъ происшествіи, по поводу котораго группами стоявшіе въ коридорахъ и вестибюляхъ слуги и придворные тихо перешептывались, отъ времени до времени издавая громкія восклисанія.

Уже при вступлении на большой дворъ они замѣтили стоявшій тамъ экипажъ, по гербамъ и ливреѣ прислуги котораго Шамфоръ, близкій къ знатнымъ кругамъ общества, узналъ, что это экипажъ его преосвященства кардинала герцога де-Роганъ. При легкости, съ которой Шамфоръ умѣль отъ каждого, мимо проходящаго, узнать что нибудь, онъ услыхалъ, что кардиналъ позванъ къ королю, въ кабинетъ котораго пребываетъ уже съ полчаса.

— Здесь сегодня совершаются что-то необыкновенное,—сказалъ Шамфоръ, при чёмъ комически понюхивалъ воздухъ, будто желая что-то уловить въ немъ.—Никто не разувѣрить меня, что сегодня тутъ что-то есть, какой-то шопотъ о немилости и гнѣвѣ короля, или, быть можетъ, о разоблаченіи тайной лжи здѣшнихъ господъ, предвѣщающемъ гибель для нихъ. Баронъ де-Бретѣйль и кардиналъ герцогъ де-Роганъ, какъ всему Парижу известно, заклятые смертельные враги, и если эти двое одновременно у короля на аудиенціи, то, значитъ, дѣло идетъ о чёмъ-то весьма затруднительномъ и критическомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и забавномъ.

— Не будетъ ли это неблагопріятно для насть?—спросила Генретта, вновь робѣя, въ то время, какъ они, не замѣчаемые придворными лакеями, занятymi, какъ видно, совсѣмъ инымъ, проходили черезъ рядъ приемныхъ залъ. Пройдя послѣдній изъ нихъ, залъ войны, стѣны котораго были украшены картинами, изображающими Францію и Беллону, богиню войны, съ военными трофеями и всевозможными воинскими атрибутами, а также геройскіе подвиги царствованія Людовика XIV, они достигли большой галлереи, простиравшейся передъ ними въ своеемъ необозримомъ протяженіи и поразительной красотѣ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ вообще стоять здѣсь дѣла въ Версальскомъ замкѣ,—возразилъ Шамфоръ, остановясь у входа въ громадную галлерею и обозрѣвая ее своимъ спокойнымъ испытующимъ взглядомъ.—По всему, что я слышалъ, министръ де-Бретѣйль занять прилежанїе, чѣмъ когда либо, тѣмъ, чтобы столкнуть или нанести смертельный ударъ кардиналу де-Рогану. Вчера и сегодня Парижъ былъ полонъ самыми необыкновенными слухами, о которыхъ я вспомнилъ лишь теперь, увидавъ здѣсь экипажъ герцога де-Роганъ. Если въ этомъ адскомъ дѣлѣ, приписываемомъ кардиналу, онъ будетъ побѣжденъ, то Бретѣйль будетъ, разумѣется, внѣ себя отъ радости, и тогда мы можемъ все получить отъ него. Здесь, при дворѣ, для достижениѧ цѣли, надо всегда понтировать на счастливую масть.

Медленно продолжали они идти черезъ удивительную галлерею, семнадцать большихъ оконъ которой и столько же помѣщеныхъ въ аркадахъ громаднѣйшихъ зеркаль производили волшебный эф-фектъ свѣта и картины: окна по отношенію къ зеркаламъ такъ удачно расположены здѣсь, что находящійся позади замка паркъ, видимый изъ галлереи на всемъ протяженіи, весь, со всѣми сво-ими разнообразными предметами, отражается въ зеркалахъ аркадъ, производя чарующее впечатлѣніе.

— Тутъ намъ придется подождать,—обратился Шамфоръ къ своей спутницѣ.—Для отдыха, облокотимся объ эти античныя ста-туи въ нишахъ, одна изъ коихъ представляеть Германника, а дру-гая Венеру. Отсюда же мы можемъ самымъ удобнымъ образомъ на-блюдать все, что будетъ происходить въ этой галлереѣ, потому что тамъ, съ одной стороны, находятся парадныя комнаты и кабинетъ короля, а съ другой—выходъ изъ покоевъ королевы. Такимъ обра-зомъ, ничто не можетъ миновать насъ; а пока намъ придется за-няться разсмотриванiemъ этой великолѣпной героической картины Лебрёна, изображающей часть исторіи царствованія Людовика XIV, въ которой, однако, какъ и во всѣхъ этихъ трофеяхъ, коронахъ и лиліяхъ весьма мало исторической правды, потому что знаменитое «l'état c'est moi» во всѣхъ отношеніяхъ лишь пустое хвастовство. Оно относится къ государству и къ исторіи такъ, какъ разма-ванная декорация къ живому, цвѣтущему ландшафту! Какъ же вы себя при этомъ всемъ чувствуете, моя глубокомысленная госпожа Нэра?

— Нѣть у меня здѣсь никакой надежды, для нашего дѣла въ особынности,—ответила Генріетта, печально глядя въ глубь безко-ничной блестящей галлереи.—Я не могу собѣ представить, чтобы въ такомъ мѣстѣ и окруженные всѣмъ этимъ, мы возбудили сим-патіи къ такому человѣку, какъ Мирабо.

— Симпатіи? — повторилъ Шамфоръ почти громко.— Право же, Генріетта, вы первая прекрасная душа, вздыхающая за симпатіями въ Версальской галлереѣ. Въ томъ мірѣ, въ который мы теперь всту-пили, разсчитываются лишь на презрѣнійный случай; имъ и нужно умѣть пользоваться и наслаждаться. Еслибы не такъ, то никогда бы я не посмѣль отправиться сюда по дѣлу нашего графа Мирабо, возбу-дившаго именно теперь опять гнусное противъ себя обвиненіе, какъ мнѣ ясно дали понять во дворцѣ принцессы Елизабеты. Министер-ство подозрѣваетъ, что въ Англіи, въ эту минуту, онъ старается дѣйствовать противъ Франціи, и обвиняетъ его, какъ въ принятіи тайного вознагражденія отъ англійскаго кабинета, такъ и въ рево-люціонномъ соглашеніи съ женевскими эмигрантами въ Лондонѣ. Разузнавшіе это дипломатические шпіоны наши донесли объ этомъ, какъ о чемъ-то вполнѣ достовѣрномъ. Но у Мирабо есть и друзья при Версальскомъ дворѣ, и мадамъ Елизабетъ принадлежить къ нимъ. Эта юная прекрасная принцесса высказала, по моему мнѣнію, чер-

товски умную мысль, что такие таланты, какъ графа Мирабо, слѣдуетъ пріобрѣтать для Франціи. Вотъ потому-то мы и прибыли сюда, хотя при этомъ должны сказать себѣ, что вся наша надежда—единственno лишь на благопріятный случай. Если мы его здѣсь не найдемъ, то придется намъ долго бѣгать вслѣдъ за прекраснымъ принципомъ мадамъ Елизаветъ. Въ сущности, это крайне революціонная мысль въ головкѣ маленькой принцессы, что слѣдуетъ стараться привлекать таланты во Францію. Въ томъ видѣ, какъ она есть, Франція въ талантахъ не нуждается. Они могли бы ей пригодиться лишь на то, чтобы всю ее перевернуть и перенести на другое мѣсто. Другой услуги своему отечеству талантъ въ эту минуту оказать не можетъ, и я отношу къ самымъ знаменательнымъ признакамъ времени, что подобная мысль могла зародиться у принцессы Франціи.

Госпожа Нѣра боязливо смотрѣла на него въ то время, какъ его неосторожныя слова скользили по гладкимъ мраморнымъ стѣнамъ длинной галлереи, отдаваясь будто глухимъ ропотомъ тамъ, въ глубинѣ, у покоевъ короля.

Шамфоръ только сейчасъ замѣтилъ, что выраженіе лица Генретты, съ которымъ она, казалось, хотѣла заставить его замолчать, имѣло вполнѣ ясный поводъ. Въ концѣ галлереи онъ увидалъ нѣсколькихъ офицеровъ королевской гвардіи, поставленныхъ тамъ, повидимому, съ извѣстною цѣлью. Въ числѣ ихъ онъ узналъ капитана гвардіи, герцога де-Вильруа, съ которымъ часто встречался въ домѣ графа де-Водрѣйль и который всегда съ особымъ интересомъ искалъ разговора съ нимъ.

Какъ только герцогъ замѣтилъ Шамфора, онъ немедленно направился къ нему, чтобы съ изысканною любезностью привѣтствовать его и узнать, не можетъ ли онъ здѣсь быть ему полезенъ въ чёмъ либо.

— Впрочемъ,—прибавилъ молодой герцогъ, улыбаясь и съ галантнымъ поклономъ передъ госпожой Нѣра,—вы обязаны лишь достойному зависти слушаю быть спутникомъ столь прекрасной дамы, что я сейчасъ же не прошу васъ удалиться изъ этой галлереи, такъ какъ я только что откомандированъ сюда барономъ де-Бретѣйль съ строжайшими приказаніями. Вы попали сегодня въ Версальскій замокъ, господинъ Шамфоръ, при крайне необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

— Я вовсе не любопытенъ,—возврѣтилъ Шамфоръ съ притворнымъ равнодушиемъ.—Тайны большихъ господъ узнавать маленьkimъ людямъ—весьма опасно. Мы хотѣли только по дѣлу моей дамы, госпожи Нѣра, поговорить съ министромъ де-Бретѣйль, и если бы герцогъ Вильруа, при своей извѣстной любезности, захотѣлъ помочь намъ въ этомъ, мы были бы ему безконечно благодарны.

— Въ эту минуту никакъ нельзя сказать, когда мнѣ удастся это

сдѣлать,— отвѣтиль таинственно молодой капитанъ гвардіи.— Но я попрошу васъ войти съ госпожей Нэра въ этотъ залъ, рядомъ съ покоями короля. При первой возможности, я доложу о вашемъ присутствіи барону де-Бретёйль. Здѣсь же, въ галлерѣ, остатся дольше вамъ нельзя уже потому, что мои товарищи, стоящіе тамъ, получили одинаковое со мною приказаніе, которое должны исполнить. Одному лишь смятенію между придворной прислугой обязаны вы, что про никли этимъ вообще воспрещеннымъ на сегодня путемъ.

Шамфоръ подалъ госпожѣ Нэра руку, чтобы проводить ее въ указанный имъ залъ, и остановился съ нею въ дверяхъ его, желая еще немного воспользоваться бесѣдой съ герцогомъ Вильруа, оставшимся возвѣхъ нихъ.

— Скажите, пожалуйста, герцогъ,— началъ Шамфоръ,— въ качествѣ чего кардиналъ находится въ эту минуту въ кабинетѣ короля?

— Безъ сомнѣнія, въ своемъ качествѣ высшаго духовнаго лица при особѣ короля для раздачи милостыни¹⁾,— замѣтиль герцогъ уклончиво.— Съ часъ тому назадъ прибыль онъ въ Версаль, какъ полагали, по дѣламъ, относящимся къ его должностіи, а не болѣе полчаса, какъ я и мой товарищъ, графъ д'Агу, съ нѣсколькими другими офицерами, особымъ приказомъ министра де-Бретёйль отряжены сюда въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Повидимому, кардиналъ задержанъ въ кабинетѣ короля; королева также недавно проходила изъ своихъ покоевъ въ кабинетъ его величества.

— Ахъ,— возразилъ Шамфоръ,— королева, конечно, очень нужна въ этомъ дѣлѣ, ибо рѣчь идетъ, вѣроятно, о брильянтахъ, столь любимыхъ Маріею-Антуанеттою и доставившихъ ей въ послѣднее время столько горя.

— Какъ, вамъ извѣстно что либо обѣ этомъ?— воскликнулъ капитанъ гвардіи съ величайшимъ удивленіемъ. Затѣмъ тихо прибавилъ:— По всему Версальскому замку слышать шопотъ, что по по воду одного брильянтоваго украшенія, съ которымъ связываютъ личность королевы, кардиналъ де-Роганъ игралъ въ высшей степени двусмысленную роль. Никогда еще короля не видѣли такимъ раздраженнымъ и гнѣвнымъ, какъ сегодня.

— И такъ, сегодня эта тайна раскрывается при Версальскомъ дворѣ,— воскликнулъ Шамфоръ, причемъ по чертамъ его пробѣжала язвительная улыбка.— Слухи, которые со вчерашняго дня ходятъ по городу, извѣстны вамъ, конечно, такъ же, какъ и мнѣ. Въ этихъ слухахъ не щадятъ, однако, королеву, а потому мнѣ бы очень хотѣлось здѣсь, на мѣстѣ, узнать кое-что по этому дѣлу.

— Кажется, вы тамъ, въ Парижѣ, знаете гораздо больше, чѣмъ мы здѣсь, въ Версалѣ, находясь, такъ сказать, у источника событий,— проговорилъ капитанъ гвардіи, пристально глядя на Шамфора.

¹⁾ Grand amptnier.

— Это совсѣмъ такъ, какъ, стоя въ непосредственной близости большаго водопада, ничего не слышишь, и лишь въ отдаленіи доходить до тебя громъ и шумъ и вся болговня водяныхъ столбовъ,— засмѣялся Шамфоръ.— И, конечно, у Парижа самый вѣрный и тонкий слухъ ко всему, что творится въ Версали. Тамъ уже слышали, что съ нѣкоторыхъ поръ королева въ большомъ страхѣ изъ-за одного брильянтоваго ожерелья, изготовленнаго придворнымъ ювелиромъ Бѣмеромъ, стоимостью въ одинъ миллионъ шестьсотъ тысячъ франковъ. Любительница брильянтовъ, королева отклонила, говорятъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ покупку этого драгоцѣннаго украшенія, заклиная и короля, въ дни столь сильной нужды въ странѣ и народѣ, отказаться отъ приобрѣтенія для нея этихъ драгоцѣнностей. Тѣмъ не менѣе, въ Парижѣ,—разумѣется, все это я говорю лишь объ этомъ безбожномъ, испорченномъ Парижѣ,—въ Парижѣ утверждаютъ, что брильянтовое ожерелье таинственнымъ образомъ перекочевало во владѣніе Маріи-Антуанетты, при чемъ неизвѣстный другъ королевы,— какъ знать, съ какими надеждами на нѣжную награду,— явился покупателемъ и внесъ задатокъ за счетъ королевы. Однако, говорятъ, что этотъ загадочный другъ оказался богаче мечтами, чѣмъ деньгами, или же, что онъ не довѣрялъ чудному торгу, въ который былъ вовлеченъ. Короче, онъ не покончилъ счетовъ, а другъ Бѣмеръ сталъ шумѣть и жаловаться разнымъ лицамъ при дворѣ. Вотъ сколько знаютъ въ Парижѣ, и понятно, что изъ этихъ слуховъ выходитъ еще много ядовитыхъ испареній, грязнящихъ даже прелестный обликъ королевы. Говорятъ, что настоящая интриганка въ этомъ дѣлѣ—какая-то искательница приключеній, графиня Ламоттъ; королеву же обвиняютъ въ тайномъ соглашеніи съ этой дамой, заманившей въ это опасное приключеніе кардинала де-Роганъ, ибо никто другой, какъ онъ, этотъ поставщикъ брильянтовъ королевы.

— Поговоримъ объ этомъ въ другой разъ,— сказалъ герцогъ Вильруа, боязливо озираясь на дверь, ведущую въ покой короля.— Впрочемъ, мой образъ мыслей вамъ извѣстенъ,— прибавилъ онъ украдкой, пожимая Шамфору руку и возвращаясь на свое мѣсто.

— Это молодое дворянство воображаетъ себя въ оппозиціи двору,— сказалъ Шамфоръ, обращаясь къ своей спутницѣ.— Въ сущности же, имъ дѣлается страшно при каждомъ болѣе сильномъ словѣ. Оттого-то мнѣ и хотѣлось немного смутить его именно здѣсь, на мѣстѣ.

Въ эту минуту раздался необыкновенный шумъ въ галлерѣ. Дверь изъ покоевъ короля съ силою раскрылась, и слышны были громкие голоса нѣсколькихъ выходившихъ оттуда лицъ. Шамфоръ отступилъ съ госпожей Нѣра за дверь бокового зала, однако же, могъ видѣть оттуда все происходящее въ эту минуту.

Шамфоръ узналъ ministra de-Бретѣйля, бурно вышедшаго первымъ и знакомъ руки поманившаго къ себѣ обоихъ капитановъ гардіи, герцога де-Вильруа и графа д'Агу. Но тутъ же, вслѣдъ за ми-

нистромъ, въ полномъ одѣяніи своего высокаго княжескаго духовнаго сана, появился кардиналъ де-Роганъ, блѣдное лицо и разстроенный видъ котораго обнаруживали сильнѣйшее потрясеніе.

— По повелѣнію его величества, слѣдуйте за мной! — сурово произнесъ баронъ де-Бретѣйль, — обращаясь къ кардиналу, смущенно и беспомощно остановившемуся при видѣ подходившихъ къ нему гвардейцевъ и бросавшему на министра недоумѣвающіе вопросительные взглѣды.

Высокая, красивая фигура кардинала пошатывалась и вздрагивала. Необыкновенное положеніе, въ которомъ онъ находился, казалось, такъ всецѣло побороло его, что онъ совершенно растерялся и, не въ силахъ принять какое либо рѣшеніе, беспомощно поддался сдѣланному надъ нимъ распоряженію.

Министръ де-Бретѣйль передалъ кардинала въ руки герцога де-Вильруа, сказавъ передъ тѣмъ послѣднему шепотомъ нѣсколько словъ. Герцогъ провелъ кардинала нѣсколько шаговъ впередъ, съ величайшимъ почтеніемъ поддерживая его подъ руку, и затѣмъ передалъ его графу д'Агу и одному драгунскому лейтенанту; тѣ уже приняли его со строгой воинской выправкой, вставъ по обѣимъ его сторонамъ.

— Въ Бастилию! — рѣзкимъ торжествующимъ голосомъ произнесъ позади нихъ министръ, глядя имъ вслѣдъ, а на лицѣ его промелькнуло выраженіе безконечно удовлетвореннаго злорадства.

— Въ Бастилию! — повторилъ герцогъ де-Вильруа, съ крикомъ ужаса, который эхомъ, точно страшнымъ шопотомъ, пронесся въ отдаленнѣйшій конецъ галлереи.

При этихъ словахъ, которыя, наконецъ, помимо воли, стали проникать въ его сознаніе, кардиналъ въ ужасѣ и съ мольбою поднялъ обѣ руки къ небу и, казалось, готовъ былъ лишиться чувствъ. Но его спутники поддержали его и быстро исчезли съ нимъ за дверью, замыкавшую большую галлерею.

— Въ самомъ дѣлѣ, туда повели его, князя церкви, подъ военнымъ конвоемъ! — воскликнулъ Шамфоръ, пораженный. — Прекраснаго герцога Луи потащили въ Бастилию! Какъ? Неужели полицейская рука свѣтскаго деспотизма смѣеть простиаться и на пурпурную кардинальскую мантію и на его прелестную красную шапочку? И эти чудеса творятся среди бѣлаго дня! А вѣдь его преосвященство герцогъ де-Роганъ-Гемене — потомокъ бывшихъ когда-то державныхъ владѣтелей Британіи! Если и такихъ людей посылаютъ въ Бастилию, то скоро Бастилия превратится въ алтарь, на который будутъ приносить жертвы равенства, и на которомъ научатся уничтожать всякие различія и чины, такъ что, чего доброго, къ славѣ короля прибавится еще и основаніе культа равенства во Франціи.

Шамфоръ съ госпожей Нѣра вновь вышли въ галлерею, въ которой все затихло и не было болѣе никого. Но это продолжалось недолго. Показался опять герцогъ де-Вильруа, вошедший передъ тѣмъ

сь министромъ де-Бретёйль въ одну изъ пріемныхъ передъ королевскими покоями.

— Поторопитесь,—сказалъ онъ, любезно обращаясь къ госпожѣ Нэра,—по моему докладу, министръ готовъ принять вѣстъ въ той комнатѣ и выслушать. Вы попали въ самую благопріятную минуту. Баронъ де-Бретёйль въ такомъ прекрасномъ настроеніи, какъ рѣдко случалось его видѣть, и можно быть почти увѣреннымъ, что въ эту минуту онъ исполнитъ всякую просьбу, съ которой къ нему обращаются.

Съ этими словами онъ быстро довелъ госпожу Нэра до двери, въ которую ей слѣдовало войти къ министру.

Шамфорпъ остался въ ожиданіи ея возвращенія. Капитанъ гвардіи стоялъ передъ нимъ, серіозно и значительно кивая ему головой.

— Развѣ кардиналъ сознался во всемъ?—живо спросилъ Шамфорпъ.—Кто онъ въ этомъ удивительномъ дѣлѣ, обманщикъ или обманутый?

— Это, вѣроятно, никогда не разъяснится,—возразилъ герцогъ де-Вильруа.—Судя по тому, что я только что слышалъ въ покояхъ короля, смушеніе кардинала было безпредѣльно. Король и королева, оба наступали на него съ яростью. Кардиналъ сознался, что онъ купилъ у Бёмера брильянтовое ожерелье, побужденный къ тому письмомъ королевы, адресованнымъ къ графинѣ Ламоттъ. Онъ даже предъявилъ самое письмо, вынувъ его изъ портфеля, но король и королева тотчасъ же узнали поддѣлку почерка; въ особенности же вниманіе кардинала было обращено ими на подпись, совершенно невозможную. Говорятъ, король высказалъ ему весьма рѣзко упрекъ въ томъ, что герцогъ изъ дома Роганъ и въ то же время высшая духовная особа Франціи могъ принять подпись «Марія-Антуанетта Франціи» за настоящую, тогда какъ всѣмъ должно было бы быть извѣстно, что королевы Франціи подписываются однимъ лишь своимъ именемъ. На это, яко бы, кардиналъ, весь дрожа, лепеталъ только, что желаніе угодить королевѣ и, какъ онъ думалъ, выразить ей, исполненіемъ этого порученія, свое благоговѣніе, ослѣдило его очи и помутило умъ. Но такое объясненіе возбудило гнѣвъ королевы, которой личное нерасположеніе къ кардиналу всѣмъ извѣстно. Сцена становилась въ высшей степени тяжелой, а такъ какъ его преосвященство едва держался на ногахъ и ничего уже не могъ отвѣтить, то король позволилъ ему удалиться въ сосѣднюю комнату, чтобы изложить тамъ письменно свое оправданіе. Однако, рукопись, съ которой черезъ четверть часа кардиналъ представалъ опять передъ ихъ величествами, еще менѣе, будто бы, могла служить къ разъясненію этой загадки, и король сухо приказалъ ему выйти. Повидимому, исходъ этого вопроса былъ заранѣе решенъ, такъ какъ, при выходѣ, кардиналъ былъ тогчасъ же задержанъ барономъ де-Бретёйль.

Шамфоръ внимательно выслушалъ этотъ разсказъ и сказалъ, покачавъ головой:

— Поразительнымъ и непостижимымъ останется навсегда то, что это дѣло стараются такъ разгласить. Если есть вещь, которую слѣдовало бы затушить, то, по-моему, именно эта. Обыкновенно дворъ такъ силенъ въ молчаніи; теперь же вдругъ онъ хочетъ разболтать и вывести на свѣтъ Божій все, что творится у него за кулисами. Добрый кардиналь, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ и на свою нѣсколько устарѣвшую славу красавца, возымѣлъ намѣреніе приволокнуться за прекрасной королевой? Была ли его ошибка лишь въ томъ, что онъ, какъ большинство публики, считалъ королеву легкомысленной, или же онъ былъ жертвою звѣрскаго обмана со стороны посредника въ этомъ дѣлѣ, съ вѣдома или безъ вѣдома королевы,—кто могъ бы это когда либо узнать? И какое рѣшеніе можетъ произнести судъ—if однажды дѣло это дойдетъ до него—въ дѣлѣ, касающемся самыхъ тайныхъ изгибовъ сердца королевы, и съ одной стороны котораго находится женская страсть къ брильянтамъ, съ другой же—фантастическое ухаживаніе влюбленнаго князя церкви? Какъ неосторожно со стороны ихъ величествъ, что они вздумали, такъ сказать, публично раскрывать этотъ пакетъ, брошенный имъ подъ ноги ихъ злѣйшимъ врагомъ... Но вотъ и госпожа Нѣра, веселое лицо которой предвѣщаетъ хорошее.

Генріетта вышла въ эту минуту съ сияющимъ радостью лицомъ, поспѣшно направляясь къ Шамфору, чтобы сообщить ему, какой выше всяканія ожиданія счастливый исходъ имѣлъ ея разговоръ съ министромъ. Господинъ де-Бретѣль не только принялъ ее съ величайшою предупредительностью, но взялъ у нея и записку Мирабо съ обѣщаніемъ сегодня же прочесть ее и оцѣнить съ наилучшей стороны. Притомъ, въ разговорѣ съ нею, онъ отозвался не разъ о графѣ Мирабо самыи благосклонныи образомъ и заявилъ, что, по его мнѣнію, изданный ранѣе тайный приказъ короля, которымъ Мирабо отдавался въ руки неограниченной власти своего отца, не можетъ болѣе имѣть дѣйствующей силы. Пообѣщавъ завтра же доложить объ этомъ королю и о рѣшеніи немедленно уведомить госпожу Нѣру по оставленному ею адресу, онъ отпустилъ ее.

— И такъ, мы дѣйствительно попали въ Версаль въ счастливую минуту,—сказалъ Шамфоръ, взявъ Генріетту за руку.—Въ слояхъ придворной атмосферы подуль сегодня самый необычайный вѣтеръ: въ одно и то же время онъ отсылаетъ кардинала въ Бастилию, а такого Мирабо снимаетъ съ мели. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что Бретѣль доложитъ хорошо все, какъ обѣщалъ. Будь же благословенна вся исторія съ ожерельемъ, а вы, господинъ герцогъ, примите нашу глубокую благодарность!

Вмѣстѣ съ этимъ, они раскланялись съ капитаномъ гвардіи, любезно проводившимъ ихъ до выхода изъ большой версальской галлереи.

IV.

Графъ Калиостро и его жена.

Въ улицѣ St-Claude, въ кварталѣ des Marais, находился домикъ, съ нѣкоторыхъ порь сдѣлавшійся, повидимому, особымъ центромъ притяженія высшаго парижскаго общества. Въ любое время дня, стояли передъ нимъ самые блестящіе экипажи, изъ которыхъ, къ великому удивленію сосѣдей, выходили знатнѣйшіе придворные кавалеры и дамы, высшіе сановники и даже духовныя лица.

Было извѣстно, что эти постоянныя и обыкновенно долго продолжавшіяся посѣщенія дѣлались какому-то загадочному чужестранцу, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, этотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ съ своей женой и еще нѣсколькими лицами, окруженнymi такою же удивительною таинственностью. Въ извѣстные часы, цѣлые толпы бѣдняковъ также подходили къ воротамъ этого дома и съ щедрыми подарками, раздаваемыми имъ великолѣпно разодѣтой прислугой, уходили, громко благословляя иностранцевъ-благодѣтелей.

Въ сопровожденіи многочисленной, блестящей свиты, состоявшей изъ скороходовъ, камердинеровъ и другихъ слугъ, иностранецъ прибылъ, на почтовыхъ, съ молодой и необыкновено красивой женой и поселился въ этомъ домѣ среди великолѣпнѣйшей, богатой обстановки. Онъ называлъ себя графомъ Калиостро, но это имя часто замѣнялось другими удивительными титулами и званіями, которыми онъ заставлялъ величать себя.

Казался онъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, не болѣе сорока; однако, умѣлъ подчасъ придать своей физіономіи и манерамъ, которыя вообще могъ измѣнить самымъ поразительнымъ образомъ, выраженіе чуть ли не баснословной древности. Вообще, своей вѣнчаностью онъ не производилъ выгоднаго впечатлѣнія, отчасти вслѣдствіе сутулости и малоподвижности, отчасти же по странности костюма. Костюмъ его состоялъ изъ голубого шелковаго кафтана, обшитаго галунами, золотомъ затканныхъ чулокъ и бархатныхъ башмаковъ съ блестящими, усыпанными драгоцѣнными камнями пряжками. На головѣ была шляпа съ бѣлыми перьями, которую онъ рѣдко снималъ даже у себя дома и которой страннымъ и смѣшнымъ образомъ соответствовала его необыкновенная куафюра, состоявшая изъ длинныхъ, слегка напудренныхъ, висѣвшихъ кругомъ головы заплетенныхъ косъ. Всѣ его пальцы, жабо и длинная золотая цѣпь отъ часовъ были покрыты брильянтами, чтѣ придавало таинственному блеску, которымъ онъ себя окружалъ, оттѣнокъ пустого шарлатанства. При

чуть-чуть болѣе холодной погодѣ онъ надѣвалъ, сверхъ этого одѣянія, шубу изъ голубыхъ лисицъ, покрой которой, съ мѣховыми же капюшономъ, придавалъ всей его фигурѣ нѣчто мистическое.

Обстановка въ домѣ была столь же необыкновенна и таинственна. Въ немъ были великолѣпные покои, убранные съ сказочной роскошью, гдѣ графъ Каліостро принималъ своихъ посѣтителей. Рядомъ же съ этими залами были расположены небольшія комната, куда никто не входилъ, и которые были наполнены загадочными фигурами, инструментами и всевозможными приспособленіями.

Въ одномъ изъ такихъ кабинетовъ сидѣлъ теперь Каліостро, весь, казалось, погруженный въ ученыя занятія и какія-то приготовленія. Книга, которую онъ читалъ, видимо поглощала все его вниманіе; изрѣдка лишь бросалъ онъ взглядъ на стоявшіе около него, на жаровняхъ, тигели, клокотаніе и трескъ содержимаго которыхъ нарушилъ типину уединенной комнаты.

Каліостро не замѣчалъ, что уже нѣсколько времени позади него стояла дама, съ улыбкою смотрѣвшая ему черезъ плечо, до которого, наконецъ, слегка дотронулась, чтобы обратить на себя вниманіе графа. Онъ оглянулся и привѣтствовалъ мимолетной холодной улыбкой графиню Каліостро, просившую выслушать ее одну минуту.

— Чего ты хочешь, Лоренца? — спросилъ онъ съ досадой на то, что ему мѣшаютъ, прелестную женщину, роскошная, нѣсколько грубая красота которой представлялась, благодаря надѣтому на ней легкому *négligé*, почти во всей своей полнотѣ.

— Мнеъ необходимо вернуть тебя нѣсколько къ настоящему времени, хотя бы съ опасеніемъ, что въ эту минуту ты находишься въ Египтѣ, или только что занять свое мѣсто на бракѣ въ Канѣ Галилейской, — отвѣтила графиня полуигриво, полунасмѣшливо. — Но произошло нѣчто достойное твоего вниманія. Кардиналъ де-Рогантъ, какъ слышно по всему городу, вчера по полудни отправленъ въ Бастилю, а потому едва ли можетъ, какъ обѣщалъ, прибыть сегодня къ намъ къ обѣду. Не нужно ли отмѣнить обѣдъ, отказавъ и остальному приглашеннымъ?

Каліостро вскочилъ съ мѣста, порывисто снялъ свою шляпу, высоко поднялъ ее и опять сейчасъ же, по обыкновенію, надѣлъ на голову. — Неужели ты думаешьъ, что я не знаю этого? — воскликнулъ онъ, пристально глядя на нее своими удивительно блестѣвшими глазами, заключавшими въ себѣ его главную притягательную силу. — Когда вчера, въ самую полночь, я возвращался изъ Фонтенэбло и щѣхалъ по парижскимъ улицамъ, то внезапно имѣлъ видѣніе, показавшее мнѣ кардинала заключеннымъ въ Бастилии. Такимъ образомъ я узналъ, что давно уже мною предвидѣнное постигло его. Если бы изъ-за этого я хотѣлъ отмѣнить нашъ обѣдъ, то я бы сообщилъ вамъ, графиня, мое распоряженіе сегодня же утромъ. Однако я вижу, что отъ времени до времени у васъ все еще являются со мнѣнія на мой счетъ.

— О нѣтъ, нѣтъ,—вразила Лоренца, съ притворной серіозностью и торжественно преклоняясь передъ нимъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали Великимъ Кофтою, и вашъ могучій духъ открылъ намъ тайны египетскаго масонства, я еще сильнѣе чувствую себя подъ вашимъ вліяніемъ и склоняюсь передъ нимъ, подобно цвѣтку, склоняюще-муся передъ небеснымъ дыханіемъ. Однако же, на тайны кухни и погреба ваше египетское масонство все еще распространиться не желаетъ, графъ Александръ Каліостро. Хотя ваши духи появляются съ точностью тамъ, куда они вами вызваны, но жаркое, паштеты, фрикассе и все, что принадлежитъ къ обѣду, требуютъ гораздо болѣе труднаго приготовленія, а потому слуга твоя боится, на случаѣ, если обѣдъ долженъ дѣйствительно состояться въ семь часовъ, какъ бы не опоздать къ назначенному часу.

— Вижу, что графиня Каліостро все та же веселая Лоренца Фелиціани,—засмѣялся графъ Каліостро, обнимая свою красивую жену, причемъ правильныя черты его лица оживились на минуту веселымъ, непринужденнымъ выраженіемъ. Но сейчасъ же опять онъ облекся во все свое патетическое достоинство и проговорилъ таинственно:— Я обѣщалъ кардиналу, что сегодня онъ будетъ у меня обѣдать вмѣстѣ съ великимъ Ришельѣ, и онъ давно уже съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ этого. Тѣмъ временемъ, всѣ данные мнѣ силы я употребилъ на то, чтобы войти въ общеніе съ духомъ великаго кардинала, и смѣю надѣяться, что когда я вызову его сегодня, онъ не только появится, но, по моему требованію, скажеть и свое пророческое слово о будущности Франціи. Изъ кого будетъ состоять за столомъ общество, въ которомъ онъ появится,—это для духа Ришельѣ безразлично. Такъ какъ кардиналъ Роганъ, по своей глупости, лишился этого удовольствія, то на его мѣсто я пригласилъ сегодня утромъ господина Шамфора, одного изъ самыхъ тонкихъ и начитанныхъ умовъ Франціи, не разъ уже просившаго меня позволить ему присутствовать у насъ при откровеніяхъ новаго египетскаго масонства. Присутствіе этого человѣка для меня важно, потому что онъ членъ академіи, а я желалъ бы, чтобы въ славномъ лонѣ сорока бессмертныхъ быть сдѣланъ докладъ о моей новой наукѣ. Въ признаніи академіи я, конечно, не нуждаюсь, но оно поможетъ нашему дѣлу между глупцами. Господинъ Шамфоръ обѣщалъ быть и просилъ позволить привести еще съ собой одну пріѣзжую даму изъ Англіи, на что я тоже охотно согласился отъ имени графини Каліостро. Кроме того, будетъ еще бывшій министръ Тиррскаго кур-фюрста, баронъ Гогенфельдъ; его представить маркиза де-Барберакъ, за которой онъ ухаживаетъ, какъ, впрочемъ, за всѣми дамами въ Парижѣ. Оба они, какъ маркиза, такъ и баронъ, изъ угощенія маркизѣ, постоянно высказываютъ сомнѣнія на счетъ теоріи царства духовъ, а потому сегодня за столомъ я хочу дать блестательный примѣръ ихъ обращенія.

— Ты великий учитель, Александръ, и я, какъ всегда, повинуюсь тебѣ,—сказала Лоренца, съ плутовскимъ взглядомъ прижимая его руку къ своей груди.—Обѣдъ будетъ готовъ къ назначенному часу. Но я теперь лишь ясно вижу, какъ мало я подхожу къ твоему великому уму, ибо не могу понять твоего равнодушія относительно ареста кардинала де-Роганъ. На твоемъ мѣстѣ, вмѣсто званаго обѣда, я бы поспѣшила заказать для настъ почтовыхъ лошадей. Но, быть можетъ, я все еще слишкомъ просто и обыкновенно смотрю на вещи, какъ бывало въ домѣ моего отца, кузнечного мастера Фелиціани, чѣмъ ты только что упрекнулъ меня.

— Ты бываешь подчасъ слишкомъ глупа,—отвѣтилъ съ раздражениемъ Каліостро.—Что мнѣ за дѣло до кардинала, скажи на милость? Не въ моей власти было охранить его отъ Бастилии, разъ онъ далъ волю своимъ страстямъ, загнавшимъ его въ безвыходное положеніе. Я—человѣкъ идеи, и для меня людскія страсти—это помочи, на которыхъ я вожу судьбу. Если кардиналь вообразилъ себѣ, что прекрасная Марія-Антуанетта захочетъ благосклонно выслушать его, то онъ этимъ далъ великолѣпный образчикъ своей глупости, а подобныя глупости желательны; онѣ часто помогаютъ подготовкѣ великихъ событій. Оттого я и пользовался довѣріемъ кардинала ко мнѣ и толкнулъ его на этотъ путь. Но что же дальше?

— Но вѣдь онъ просилъ у тебя совѣта,—вразила Лоренца съ хитрой улыбкой,—рѣшаться ли ему на покупку этого баснословнаго ожерелья, и послужить ли оно ему къ успѣху при выраженіи его благоговѣнія передъ королевой. И ты, мой другъ, отнесся къ этому весьма серіозно: призвалъ такъ называемую голубицу, то-есть невинную молодую дѣвушку, и, возложивъ ей, въ качествѣ Великаго Кофты, руки на голову, чтобы передать ей силу общенія съ духами, ты поставилъ передъ ней хрустальную вазу, въ которой чистая вода представляла зеркало будущаго. И невинное дитя увидѣло въ графинѣ высшее благополучіе и всякия радости для его преосвященства, такъ что все это дѣло было освящено твою наукой, великий Каліостро.

— Это правда,—вразилась Каліостро, громко захохотавъ, но тотчасъ же спохватившись,—эти люди, ни во что болѣе не вѣроятіе, вѣрятъ въ невинную дѣвушку, извлекающую имъ пророчества изъ графина съ водой! Вслѣдъ за этимъ, кардиналь смѣло идетъ въ разставленную сѣть и связывается съ нашей милѣйшей пріятельницей Ламоттъ, изготавлившей ему еще и собственноручную записку королевы. Онъ покупаетъ ожерелье, а наша добрая графиня Ламоттъ принимаетъ его для передачи изъ рукъ кардинала въ руки королевы. Въ чемъ же тутъ можно упрекнуть меня? Я сыгралъ лишь роль благодѣтеля для фантазій христіанскаго кардинала. Подобно тому, какъ свѣтлѣйшій герцогъ де-Роганъ спалъ уже у меня на одномъ ложѣ съ Клеопатрой и Семiramидой и какъ еще недавно ужиналъ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Программа „Исторического Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводе или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе материалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергея Николаевича Шубинского.

Редакція отвѣтствуетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Исторического Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинский.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВѢСТИНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
ЮНЬ, 1899

СОДЕРЖАНИЕ.

~~~~~  
ИЮНЬ, 1899 г.  
~~~~~

	стр.
I. Владими́рские Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. XII—XXVI. Графа Е. А. Саласа	801
II. Записки графини В. И. Головиной (1766—1820). XIII—XIV. (Продолжение)	848
III. Сидорушкинъ грѣхъ. В. А. Тимашева-Беринга	867
IV. Изъ польского возстанія 1863 г. (Разсказъ крестьянина-очевидца). И. В. Любарекаго	886
V. Русское знамя въ Средней Азіи. VI—IX. (Продолженіе). П. М. К.	895
VI. Эпизодъ изъ исторіи воеводскаго управлениія. (По архивнымъ документамъ). В. Л. Борисова	925
VII. Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. В. Е. Рудакова	937
VIII. Наша оборона на Востокѣ. А. И. Фаресова	954
IX. Памятники И. И. Неплюеву. И. Л. Юдина	961
Иллюстрація: 1) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оревбургѣ, въ прежнемъ видѣ. — 2) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ настоящемъ видѣ.	
X. Домъ Марины Мнишкѣ въ Калугѣ. Г. А. Воробьевъ	968
Иллюстрація: Домъ Марины Мнишкѣ въ Калугѣ.	
XI. Что говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. Е. И. Б.	973
XII. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. III. (Продолжение). В. Т.	991
XIII. Парламентъ мира. Т. И. М.	1011
XIV. Послѣдняя воля В. О. Михневича. Г. Л. И.	1032
XV. Василій Григорьевичъ Васильевский. (Некрологъ). В. Е. Рудакова	1039
Иллюстрація: Василій Григорьевичъ Васильевский.	
XVI. Критика и библіографія.	1045

1) В. И. Сергеевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Издание второе. Спб. 1899. В. 5—ва. — 2) Синайский, А., свящ. Отношеніе древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (Х—ХV в.). Спб. 1899. М. Калужскаго.—3) Сочиненія Константина Багрянороднаго: «О оемахъ» (De themetibus) и «О народахъ» (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавриила Ласкина. Москва. 1899.—4) Н. П. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый Введение. I. Наука истории русскаго права. II. Формація народа и государства. Казань. 1899. Р.—5) Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Гавзенъ. Печатано по распоряженію Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Спб. 1899. С. у—ца.—6) Э. Тома, профессоръ Лильского университета. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Перевель съ французскаго Й. И. Рудневъ. Спб. 1899. А. Малеина.—7) Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій посты отъбывшихъ мѣстничества. Собралъ и издалъ А. Юшковъ. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899. В. Р—ва.—8) Г. Дюкудро. Исторія цивилизации отъ древнейшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ французскаго. Москва. 1898. К.—9) Дворъ императрицы Екатерины II. Ея со-

См. слѣд. стр.

трудники и приближенные. Сто восемьдесят девять силузотов. Два тома. Сиб. 1899. в. б. — 10) Тихомировъ, Д. И. Педагогические курсы 1897 года въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898. пещ.—а.—11) Юланъ Кулаковскій. Смерть и бессмертие въ представленныхъ драматическихъ грековъ. Киевъ. 1899. л. — 12) Э. Лавицъ и А. Рамбо. Всеобщая история съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. Москва. 1899. п. к.—аго. — 13) А. Ч. Петрункевичъ. Маргарита Англійская и ея времена. Сиб. 1899. п. к.—аго. — 14) Ревизи, послѣдний изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдуарда Бульвера-Литтона. Сиб. 1899. п. к.—аго. — 15) Сборникъ Харьковскаго историко-филологического общества. Т. XI. Харьковъ. 1899. в. Р.—за.—16) Жоржъ-Бандъ. Сочиненіе Е. Каро. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1899. В. Бончуковскаго. — 17) Ж. (віс) Уссингъ, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (<i>Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern</i>). Переводъ И. М. Федоровой. Сиб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899. А. М.—на. — 18) Гринъ. Краткая история английского народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. Москва. 1898. И.—19) Обще доступное руководство къ изученію законовъ. П. Н. Дружинина. Изданіе второе. О. Н. Поповой. Сиб. 1899. д. Е.	1073
XVII. Заграничные исторические новости и мелочи	1073
1) Прелать семнадцатаго вѣка. — 2) Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году. — 3) Брестовскій заговоръ временъ великой революціи. — 4) Герцогъ Шуазель и маркизъ де-Помпадур. — 5) Первый бракъ Наполеона Бонапарта. — Политическая слегка начала XIX вѣка. — 6) Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ. — 7) Датскій дворъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. — 8) Петербургъ во время крымской кампании. — 9) Драма временъ парижской коммуны. — 10) Австрийский фельдмаршалъ герцогъ Альбрехтъ. — 11) Смерть Зеллера, Сарса, Цальерона и Бекка.	
XVIII. Смѣсь	1103
1) Къ юбилею Пушкина. — 2) Московское археологическое общество. — 3) Петербургское археологическое общество. — 4) Генеалогическое общество. — 5) Географическое общество. — 6) Въ поискахъ о Димитри Самозванцѣ. — 7) Съѣздъ архивистовъ въ Москвѣ. — 8) Издание архивныхъ документовъ. — 9) Присуждение премій Г. Ф. Карпова. — 10) Библиотека имени И. И. Лажечникова. — 11) Новые приобрѣтенія Императорскаго Эрмитажа. — 12) Некрологи: Г. В. Осиповъ; П. Г. Ширяевъ; С. А. Шмидтъ; А. А. Третьяковъ; И. П. Кемлеръ.	
XIX. Замѣтки и поправки	1132
1) Къ статьямъ о Пушкинѣ. А. Малеина. — 2) Садъ въ селѣ Боддинѣ. И. Н. Званцовъ. — 3) Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ. Вл. Шенрика. — 4) Еще къ статьѣ г. Драганова. Н. Н.	
XX. Рѣдкіе портреты	1135
Князя Михаила Петровича Долгорукова.	
XXI. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ князя Михаила Петровича Долгорукова. — 2) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Исторический романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ немецкаго З. У.). Часть II. гл. V—VI. I. (Продолжение).	

СОДЕРЖАНИЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОГО ТОМА.

(АПРЕЛЬ, МАЙ и ИЮНЬ 1899 года).

	стп.
Владимирские Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. (Продолжение). Графа Е. А. Саласа.	5, 385, 801
Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). IX—XIV. (Продолжение)	33, 407, 848
Былое. (Изъ семейной хроники). В. А. Тихонова.	49
Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнѣ. М. А. Давидовой.	76
илюстрація: Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.	
Русское знамя въ Средней Азіи. I—IX. П. М. К.	96, 895
Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ). П. Н. Полевого.	123
«Мерзлый русский». А. И. Фаресова	144
Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые наброски). И. Ф. Тюменева . .	158
илюстрація: 1) Устюжна. Ворота соборной ограды.—2) Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Сретенская и Вознесенская церкви).—3) Соборъ въ Устюжнѣ.—4) Устюжна. Церковь Благовѣщенія надѣр. Ворожею.—5) Устюжна. Казанское кладбище.—6) Видъ Весьегонска.—7) Плоть и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ.—8) Соборъ въ Весьегонскѣ.	
Родина князя Шотемкина. Л. Я. Зайцева.	196
Исторія одной замѣчательной книги. М. Н. С.	201
Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). Л. Е. Оболенскаго. .	221
Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ. А. К. Бороздина.	244
Типографское дѣло. Г. Л. И.	251
илюстрація: Иларіонъ Федоровичъ Богдановъ.	
Памяти В. О. Михневича. Б. Б. Глинскаго.	260
илюстрація: Владимиръ Осиповичъ Михневичъ.	
Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. II—III. (Продолжение). В. Т.	281, 991
Одинъ изъ предковъ Пушкина. (Материалы для характеристики нравовъ русского общества XVIII в.). Н. А. Бѣлозерской.	427
Нашъ великий поэтъ. П. Н. Полевого.	464
Памяти А. С. Пушкина. (26 мая 1799 г.). Стихотвореніе. И. Ф. Тюменева.	480
А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. А. К. Бороздина.	482
Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Б. В. Никольскаго.	506
А. С. Пушкинъ въ Казани. (Изъ исторіи Казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). Н. П. Загоскина.	586
Анна Петровна Кернъ и романъ «Я помню чудное мгновенье». В. А. Тихонова.	610
илюстрація: Комната Анны Петровны Кернъ.	
Похороны А. С. Пушкина и его могила. М. И. Каспійскаго.	618
илюстрація: 1) Село Троицкое.—2) Домъ Пушкина въ селѣ Михайловскомъ.—3) Памятникъ Пушкину на его могилѣ въ Свято-Горскомъ монастырѣ.	
Кто впервые принялъся переводить А. С. Пушкина и прототипы перево- довъ его на 50 языковъ и нарѣчий міра. П. Д. Драганова. . .	634

	ст. стр.
Аѳанасій Федоровичъ Бычковъ. (Некрологъ). Г. Л. И.	689
Иллюстрація: Аѳанасій Федоровичъ Бычковъ.	
Памяти В. В. Чуйко. И. Н. Захарына (Якунина).	702
иллюстрація: Владіміръ Викторовичъ Чуйко.	
Сидорушкинъ грѣхъ. В. А. Тимашева-Беринга.	867
Изъ польского возстанія 1863 г. (Разсказъ крестьянина-очевида). И. В. Любарского.	889
Эпизодъ изъ исторіи воеводскаго управленія. (По архивнымъ докумен- тамъ). В. Л. Борисова.	925
Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ ко- миссій. Д. Ф. Рудакова.	937
Наша оборона на Бостокѣ. А. И. Фаресова.	954
Памятники И. И. Неплюеву. П. Л. Юдина.	961
иллюстрація: 1) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ прежнемъ видѣ.—2) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ настоящемъ видѣ.	
Домъ Марини Мнишкѣ въ Калугѣ. Г. А. Воробьева.	968
иллюстрація: Домъ Марини Мнишкѣ въ Калугѣ.	
Что говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. Е. И. Б.	973
Парламентъ мира. Т. И. М.	1110
Послѣдняя воля В. О. Михневича. Г. Л. И.	1032
Василій Григорьевичъ Васильевскій. (Некрологъ). В. Е. Рудакова.	1039
иллюстрація: Василій Григорьевичъ Васильевскій.	
КРИТИКА И БИБЛIOГРАФІЯ	298, 711, 1045
1) А. Н. Минхъ. Историко-географический словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ I. Саратовъ. 1898. (Приложение къ V т. Трудовъ Саратов- ской ученої архивной комиссіи). В. б—ва.—2) Князь И. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношения Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898. с.—3) П. А. Карташовъ. Библиографическая извѣстія о рѣд- кихъ книгахъ. № 1 и 2. Спб. 1898. Бориса Городецкаго.—4) Віяніе мор- ской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Издѣданіе капитана Мюхнена. Издание Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898. п. к.—5) Лирика Я. П. Полонскаго. Критический этюдъ И. М. Соколова. Издание П. И. Сойкина. Спб. 1899. с. л—на.—6) Краткій историческій очеркъ Елисавет- градскаго общества распространенія грамотности и ремесль. 1873—1898 г. П. З. Рябкова. Елисаветградъ. 1899. А. Фаресова.—7) И. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898. б. г.—8) Учеркі современного офицерскаго быта. Соч. И. Бутовскаго. Спб. 1899. и. н. з.—9) Библиогра- фические материалы. Описъ книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора П. П. Смирнова. Надеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библиографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898. п. щ—ва.—10) Дѣйствія Нижегородской губернской ученої архивной ком- иссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ III. Ниж- ний Новгородъ. 1898. В. Р—ва.—11) Общественная жизнь Англіи. Издание I. Д. Трайла. Томъ IV. Отъ воцаренія Іакова до смерти Аны. Т. V. Отъ во- царенія Георга I до битвы при Ватерлоо. Москва. 1898. к.—12) Ванъ-Мю- денъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Выпускъ I, съ 35 политическими. Выпускъ II, съ 6 политики. Спб. 1898. п. к.—13) А. Кириловъ. 1797—1897. Материалы для исторіи Владі- мірской губернскай тиографіи къ столѣтнemu юбилею. Владиміръ-на-Клязьмѣ. 1898. В. Р—ва.—14) И. Навловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. Спб. 1898. пещ.—15) Рукописная по- вѣсть о видѣніи Косьмы игумена. 1688 года. Составилъ и издалъ И. Голы- шевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голышевка, близъ с. Мстера, Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898. в.—скаго.—16) Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Выпускъ III-й. Москва. 1899. к.—17) А. Фаресовъ. Народники и марксисты. Спб. 1899. гл.—18) А. Лиценко. Къ исторіи русскаго романа. Публицистический эле- ментъ въ романахъ О. А. Эмина. Спб. 1898. в. Б.—19) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1897 годъ. М. 1898. щ.—20) Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ обще-	

ственной жизни, политики и религии. Составил И. Губер. Спб. 1899. П. к—аго. 21) Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Издание географического отѣлѣнія императорскаго общества естествознанія, антропологии и этнографіи. М. 1889. Л.—22) Нѣсколько изслѣдований историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора И. И. Барсова. Спб. 1899. Н. С.—23) И. П. Дружининъ. Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложении. Спб. 1899. Е—ва.—24) И. Сабуровъ. Материалы для истории русскихъ финансовыхъ 1866—1897. Спб. 1899. К. Х—ча.—25) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн. И. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Издание графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб. 1899. Вл. Бояновскаго.—26) М. Ковалевскій. Экономический ростъ Европы до возникновенія капиталистического производства. Томъ I—II. М. 1898. П. к—аго.—27) Что такое хороший урокъ. Изъ бѣдъ съ учительями. И. А. Бобровникова. Казань. 1898. Е—ва.—28) Д-ръ Люборъ Нидерль. Человечество въ доисторический времена. Доисторическая археология Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго О. К. Волкова подъ редакціей Д. И. Анутина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898. Л.—29) И. Филиппский. История города Таганрога. М. 1899. В. Р—ва.—30) Рамбо. Исторія французской революціи. Кіевъ. 1899. П. к—аго.—31) А. М. Петрункевичъ. Маргарита Англіумская и ея времена. Исторіческий очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Издание въ пользу общества вс поможенія окончившихъ курсъ науки съ Спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1899. Л.—32) Т. Циглеръ (профессоръ Страсбургскаго университета). Нѣмецкій студентъ XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. И. Карбера. Изд. О. И. Поповой. Спб. 1898. А. к.—33) Фридрихъ фонъ Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводъ подъ редакціей Ф. Груздева. Т. I. Живописная Америка. Т. II. Живописная Азія. Спб. 1899. А. л—на.—34) В. И. Сергеевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней истории русского права. Издание второе. Спб. 1899. В. Б—ва.—35) Синайскій, А., свящ. Отношеніе дуевне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (Х—XV в.). Спб. 1899. М. Калужскаго.—36) Сочиненія Константина Багрянородного: «О ѿемахъ» (De thematibus) и «О народахъ» (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавриила Ласкина. Москва. 1899.—37) И. И. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи изслѣдованія по истории русскаго народа. Томъ первый. Введеніе. I. Наука исторіи русскаго права. II. Формація народа государства. Казань. 1899. Р.—38) Труды помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ И. Ганзенъ. Нечатано по распоряженію Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Спб. 1899. С. У—ца.—39) Э. Тома, профессоръ Лильского университета. Римъ и имперія первые два вѣка новой эры. Переиздѣль отъ французскаго Я. И. Рудневъ. Спб. 1899. А. Малеина.—40) Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилий послѣ отмѣнѣи мѣстничества. Собрать и издасть А. Юнковъ. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899. В. Р—ва.—41) Г. Дюкудро. Исторія цивилизации отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ французскаго. Москва. 1898. К.—42) Дворъ императрицы Екатерины II. Ея сотрудники и приближеніе. Сто восемьдесятъ девять силузотовъ. Два тома. Спб. 1899. В. Б.—43) Тихомировъ, Д. И. Педагогические курсы 1897 года въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898. Пещ—а.—44) Юліанъ Кулаковскій. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древніхъ грековъ. Кіевъ. 1899. Л.—45) Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая история съ IV столѣтія до нашаго времени. Томъ V. Москва. 1899. П. к—аго.—46) А. М. Петрункевичъ. Маргарита Англіумская и ея времена. Спб. 1899. П. к—аго.—47) Ріенци, послѣдний изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдуарда Бульвера-Литтона. Спб. 1898. П. к—аго.—48) Сборникъ Харьковскаго историко-филологического общества. Т. XI. Харьковъ. 1899. В. Р—ва.—49) Жоржъ-Зандъ. Сочиненіе Е. Каро. Переводъ О. Н. Маловой. М. 1899. В. Бояновскаго.—50) Й. (Sic) Усснингъ, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römlern). Переводъ И. М. Федоровой. Спб. Издание Ив. Ив. Иванова. 1899. А. М.—на.—51) Гранъ. Краткая история англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. Москва. 1898. К.—52) Общестуденческое руководство къ изученію законовъ. И. П. Дружинина. Издание второе. О. И. Поповой. Спб. 1899. Д. Е.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 327, 732, 1073

- 1) О французскихъ византинистахъ.—2) Интеллектуальная исторія Сициліи.—3) Титанъ французской революціи.—4) Наполеонъ подъ Түдюномъ.—5) Ариянская легенда о Наполеонѣ Бонарпартѣ.—6) Эпизодъ изъ временъ берлинской революціи 1848 г.—7) Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ.—8) Изъ записокъ американского генерала.—9) Французы въ Портъ-Артурѣ.—10) Конгрессъ исторіи религіи.—11) Смерть Эрммана и Бамбергера.—12) Женщины временъ Возрожденія.—13) Пионеры Франціи въ Новомъ Свѣтѣ.—14) Къ трехсотлетію рожденія Оливера Кромвеля.—15) Изъ молодости

Наполеона I.—16) Истинный Робеспьеръ.—17) Упадокъ войнъ.—18) Ужасы войны и средства противъ нихъ.—19) Американскій генералъ въ Россіи.—20) Нѣмецкое изданіе дневника Буша.—21) Юмористической стороны англійского парламента.—22) Прелатъ семинаризата вѣка.—23) Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году.—24) Бретонскій заговоръ временъ великой революціи.—25) Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ.—26) Первый бракъ Наполеона Bonaparta.—27) Политическая сплетня начала XIX вѣка.—28) Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ.—29) Датскій дворъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—30) Петербургъ во время крымской кампаниіи.—31) Драма временъ парижской коммуны.—32) Австрійскій фельдмаршалъ герцогъ Альбрехтъ.—33) Смерть Зеллера, Сарсэ, Пальерона и Бекка.	
ИЗЪ ПРОШЛАГО	348, 751
1) Къ характеристику императора Николая I. Сообщено К. А. Энгельгардтъ, урожденной Лопатиной.—2) Могила Пушкина въ 1856 году.	
СМѢСЬ	350, 755, 1103
1) Къ юбилею Пушкина.—2) Годичное общее собрание императорского русского исторического общества.—3) Русскій археологический институтъ въ Константинополѣ.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—6) Археологическое общество.—7) Географическое общество.—Поддельная древность.—8) Музей Ф. М. Достоевскаго.—9) Завѣщаніе И. С. Никитина.—10) Къ юбилею Пушкина.—11) С.-Петербургскіе археологическое общество.—12) Московское археологическое общество.—13) Общество любителей древней письменности.—14) Географическое общество.—15) Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.—16) Диспутъ В. И. Александренко.—17) 35-ти-лѣтіе «Виленскаго Вѣстника».—18) Къ юбилею Ф. Г. Волкова.—19) Къ XI археологическому съѣзду.—20) Учреждение преміи.—21) Реставрація церкви.—22) Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелеева за лучшее сочиненіе о Бѣланскомъ, учрежденной при литературномъ фондѣ.—23) Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова.—24) Къ юбилею Пушкина.—25) Московское археологическое общество.—26) Петербургскіе археологическое общество.—27) Генеалогическое общество.—28) Географическое общество.—29) Въ поискахъ о Димитріи Самозванцѣ.—30) Съѣздъ архивистовъ въ Москвѣ.—31) Изданіе архивныхъ документовъ.—32) Присуждение преміи Г. Ф. Карпава.—33) Библиотека имени И. И. Лажечникова.—34) Новая приобрѣтенія Императорскаго Эрмитажа.—35) Некрологи: Л. И. Поливановъ; М. М. Троицкій; В. Ф. Кипарисовъ; Н. А. Шавровъ; И. И. Подозоровъ; Г. В. Осиповъ; П. Г. Ширяевъ; С. А. Шмидтъ; А. А. Третьяковъ; И. П. Келлеръ.	
ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ	382, 796, 1132
1) Еще о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 июля 1863 года. И. Любарскаго.—2) Къ запискамъ графини Головиной. Вас. Добронравова.—3) Тенденціозная критика. (Письмо въ редакцію. Ив. Захарьина).—4) Къ біографіи графини Софы Потоцкой. И. щ.—5) Поправка къ статьѣ г. Глинскаго о Палестинѣ Маріи Ермолиной.—6) Къ статьямъ о Пушкинѣ А. Малеина.—7) Садъ въ селѣ Болдинѣ И. Н. Эванцова.—8) Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ. Вл. Шенрока.—9) Еще къ статьѣ г. Драганова. Н. Н.	
Рѣдкіе ПОРТРЕТЫ	1135
Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ.	
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портреты: А. Г. Рубинштейна и кн. М. П. Долгорукова.—2) Автографы рукописей А. С. Пушкина: 1) Письмо къ А. И. Тургеневу (1823 г.).—2) Стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.).—3) Отрывокъ изъ «Путешествія въ Арзумъ» (1829 г.).—4) 14 портретовъ, видовъ и снимковъ, къ автографамъ А. С. Пушкина.—5) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Исторический романъ въ четырехъ частяхъ Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть I. Гл. VII—VIII, и часть II, гл. I.—VIII. (Продолженіе).	

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ.

дозв. денз. 9 апреля 1899 г. спб.

ВЛАДИМИРСКИЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергею Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XII.

РЕЗЬ нѣсколько минутъ домъ былъ весь на ногахъ... Дежурная дюжина первая наполнила комнаты барышни, найдя ее на полу гостиной между Анной Фавстовной и молодымъ бариномъ... Раненую перенесли и положили на диванъ. Чрезъ четверть часа самъ баринъ, полуодѣтый, былъ тоже около племянницы, а затѣмъ явилась уже сплошная толпа, перепуганная, дико и глупо глядѣющая спросонья на лежащую...

Дмитрій объяснилъ все... Онъ первый прибѣжалъ, такъ какъ гулялъ въ липовой аллѣи и увидѣлъ на балконѣ борьбу Сусанны съ невѣdomымъ человѣкомъ.

Вызванный тотчасъ же докторъ Веніусъ взялся за свое дѣло и сталъ хлопотать около раненої съ двумя фельдшерами...

— Умру? Умру? — повторяла Сусанна, глядя на доктора страшными обезумѣвшими глазами.

— Нѣть! — Нѣть! отзывался Веніусъ. — Совсѣмъ ничего... Одинъ недѣль и ничего.

---

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVI, стр. 385.
«Истор. вѣстн.», июня, 1899 г., т. LXXVI.

— Кровь... Все больше... шептала она.

— Кровъ ничего. Зейчасъ онъ ни будеть! — увѣренно отвѣчалъ Нѣмецъ.

Перевязка двухъ ранъ, нанесенныхъ ножемъ, была наконецъ сдѣлана, и Сусаннѣ помогли перейти въ постель.

Веніусъ оказался мастеромъ своего дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, покуда онъ обмывалъ двѣ раны и налагалъ повязки, онъ все время разговаривалъ съ Сусанной, полушутя, и его видъ, его увѣренность, что опасности нѣть никакой, быстро успокоили ее.

Сусанна была сильно блѣдна и отъ страшного перепуга, и отъ жгучей боли, а равно и отъ потери крови, но боязнь за себя, тревога и растерянность прошли. Явилось ясное и спокойное сознаніе происшедшаго и происходящаго кругомъ нея, то-есть всеобщей суматицы.

Уже лежа въ постели, она стала вспоминать, какъ все приключилось. Она вспомнила, что было одно мгновеніе, когда она вдругъ будто почувствовала, что смерть около нея.

— Конецъ! — будто крикнулъ ей кто-то, или громко сказалось въ ней самой.

И кто знаетъ? Если бъ Дмитрій запоздалъ на мгновеніе схватить злодѣя за руку или, ударивъ его наотмашь въ голову, обмахнулся бы и не оттолкнулъ?.. Кто знаетъ, что было бы теперь съ ней, «что» была бы она?

Умирающая или уже мертвая!

Она ясно помнила, что Анька въ третій разъ замахнулся отчаянѣе, азартнѣе... рука съ ножемъ, взмахнутая еще выше надъ ея головой, грозила нанести гораздо сильнѣйший и, конечно, смертельный ударъ... Ножъ, прорѣзавъ, какъ бритвой, рукавъ венгерки Дмитрія, завязъ въ шнуркахъ и позументахъ по самую рукоять и, застрявъ, остался. Злодѣй выпустилъ его изъ руки и обезоруженный бросился къ периламъ и исчезъ съ балкона.

Да, этотъ третій ударъ, остановленный Дмитріемъ, былъ бы ея смертью. Первая рана, нанесенная около плеи, была самая легкая... Анька наносилъ ее дрожащей, невѣрной рукой, не ударила, а будто ткнула... Вторая рана въ грудь была нанесена съ размаха, была глубока и только случайно не была смертельна.

Веніусъ подробно объяснилъ Сусаннѣ, почему рана на видъ большая не опасна, а иная, даже менѣе глубокая, была бы очень опасна. Она поняла хорошо, хотя въ первый разъ въ жизни узнала, что у нея, какъ и у всѣхъ людей, есть жилы, вены, артеріи и т. д... Однако она боялась за сердце и спрашивала, задѣто ли сердце или совсѣмъ прорѣзано. Нѣмецъ даже разсмѣялся и, объяснивъ, что рана далеко отъ сердца, прибавилъ:

— Серсэ и отъ махонъки булавочекъ *würde* капутъ *sein*. Биль би — стой! Серсэ — карошій часи... Немношечки хлопъ — и стопъ!

И онъ сравнилъ сердце съ часами, съ трудомъ кое-какъ объяснилъ Сусаннѣ, что порча малѣйшей пружинки останавливаетъ ходъ часовъ, а простая иголка, воткнутая въ сердечную сумку, причинила бы мгновенную смерть.

— Но это не вапъ дѣло. Ви знай только, что вапъ серсэ совсѣмъ карошъ. Alles, ganz gut!

Между тѣмъ покуда Веніусъ съ фельдшеромъ, съ Анной Фавстовной и горничной хлопоталъ около раненой, Аникита Ильичъ сидѣлъ въ маленькой гостиной племянницы вмѣстѣ съ Дмитриемъ, котораго нѣсколько разъ подробно заставилъ разсказать себѣ, «какъ было дѣло».

Молодой Басановъ правильно, не путаясь, повторялъ то же самое. Единственное, что удивляло старика, какъ могла такъ долго продолжаться борьба злодѣя съ Сусанной, «ихъ барахтанье», чтобы дать возможность молодому человѣку прибѣжать изъ сада въ комнаты Сусанны и вовремя поспѣть на балконъ.

Разумѣется, Аникита Ильичъ тотчасъ приказалъ позвать Змѣлода и строго объяснилъ ему, что надо найти злодѣя.

— Коли не словишь мнѣ этого Каина, то не взыщи, надо будеть мнѣ выискать для Высоксы болѣе искуснаго оберъ-рунта. Мнѣ и барышню жаль вѣстимо, но она поправится, Богъ дастъ, скоро... А мнѣ не меныше важень срамъ на все намѣстничество... Сусанна-то Юрьевна справится, а срамота останется... Хвораніе ея, какъ сказывается, до свадьбы заживетъ, забудется, а эта срамота на вѣки вѣчные запомнится, если мы злодѣя не поймаемъ и не накажемъ примѣрно...

Змѣлодъ промолчалъ... Поймать злодѣя было для него невозможно именно потому, что онъ зналъ не только, кто онъ, но зналъ даже, гдѣ онъ...

Разумѣется, при первомъ же извѣстіи о происшедшемъ въ домѣ, Змѣлодъ одѣлся и прибѣжалъ въ домъ. Но, еще не явившись въ комнаты барышни, онъ уже понялъ или догадался, кто преступникъ.

Слушая барина, онъ думалъ:

«Прикажетъ барышня разыскать его,— сейчасъ же приведу! А если не прикажетъ, то Анька только для меня съ нею будетъ пойманъ и наказанъ, а для тебя останется и нерѣдомъ и въ бѣгахъ».

Оберъ-рунты твердо теперь рѣшилъ уничтожить молодца, хотя бы просто умертвить тайно отъ всѣхъ, застрѣлить глазъ на глазъ и скрыть тѣло. Онъ понималъ теперь, какъ важна была эта заслуга въ глазахъ барышни... Слѣдовательно надо всячески стараться, чтобы Анька не попался въ руки рунтовъ, а «ушелъ бы на тотъ свѣтъ безъ шуму»... Равно понималъ теперь умный Змѣлодъ, какъ прозорлива была барышня, желавшая избавиться скорѣе отъ Аньки, и какого маху далъ онъ — Змѣлодъ — не сумѣвъ вовремя похѣрить эдакаго молодца.

1*

Аникита Ильичъ, убѣжденный Веніусомъ, что опасности никакой нѣтъ, ушелъ къ себѣ не озабоченный, а будто оскорбленный со-бытиемъ.

«Никогда таковое въ Высоксѣ не приключалось и не чаялось. Стыдно холопамъ въ лице смотрѣть!» думалось ему.

Не менѣе старика, хотя совершенно иначе, былъ озадаченъ и молодой Басановъ. Окончательно прійдя въ себя послѣ стычки съ преступникомъ и затѣмъ всей кутерьмы и объясненія съ дядей, онъ тоже, какъ и Сусанна, сталъ вспоминать все видѣнное и слы-шанное за нѣсколько мгновеній ея борьбы съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Теперь онъ спрашивалъ себя, почему онъ въ разсказѣ своемъ дядѣ умолчалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ происшествія, умолчалъ безсознательно, понимая, что разсказать нельзя.

А почему?.. Потому что онъ понималъ, что этотъ злодѣй былъ не простой воръ и душегубъ... Если Сусанна не слыхала или вѣр-нѣе забыла, что кричалъ тотъ, то Дмитрій отлично помнилъ... Ноч-ной негодяй обзывалъ Сусанну странными бранными кличками, онъ очевидно являлся отомстить ей лично, убить ее, а не воровать въ комнатахъ... Наконецъ сама Сусанна назвала его по имени, какъ-то странно, Анной или Анюткой... Стало быть, она знала, съ кѣмъ имѣеть дѣло. А когда ее раненую обступили, опрашивали, она въ полу-безуміи отъ испытанного страха все-таки твердила: «Не знаю! Невѣдомый человѣкъ. Грабитель!»

И Басановъ самъ рѣшилъ, что всего рассказывать дядѣ нельзя... Слова и злобныя прозвища, которыя выкрикивалъ ночной прип-лещъ, повторять не слѣдуетъ.

И, разумѣется, Дмитрій понялъ или заподозрѣлъ, что у этой жен-щины, въ которую онъ безумно влюбленъ, была какая нибудь за-гадочная исторія, какъ будто были даже такія же отношенія, какія у нихъ теперь...

«Быть можетъ, это какой нибудь изъ нахлѣбниковъ дворянъ, думалось ему, который теперь тутъ же въ домѣ и не сказывается, зная, что и Сусанна сама его тоже не выдастъ».

И у молодого человѣка явилась ревность... Онъ рѣшилъ, что при первой же возможности онъ объяснится съ Сусанной, потребуетъ отъ нея, чтобы она призналась во всемъ... Онъ готовъ былъ при-мириться съ фактамъ, но хотѣлъ знать все.

Наиболѣе поражала Дмитрія маленькая подробность. Покуда онъ стоялъ въ комнатѣ за дверями балкона, ночной пришлецъ легко боролся съ Сусанной и будто хотѣлъ только войти... Иногда, каза-лось, онъ хочетъ обнять ее силой... Когда же Басановъ появился къ ней на помощь, онъ вскрикнулъ: «И тотъ здѣсь!» Или нѣчто подобное... И только тогда выхватилъ онъ ножъ и ударилъ. Не появись Дмитрій, быть можетъ, и покушенія не было бы... И это соображеніе все больше укрѣплялось въ немъ и все больше мучило его.

XIII.

Конечно, вся Высокса диву далась.

Покушение на барышню Сусанну Юрьевну было совершенно невероятнымъ и, стало быть, совершенно загадочнымъ.

Отъ барина Аникиты Ильича и до послѣдняго молодца парня на заводахъ всѣ одинаково послѣ первого чувства ужаса, вскорѣ исчезнувшаго, когда узналось, что Сусанна ранена не опасно, всѣ пришли въ недоумѣніе и разводили руками.

Допустить мысль, что это былъ воръ, который лѣзъ красть въ барскомъ домѣ, невозможно уже было и потому, что обѣ двери на обѣ террасы и лѣстницы, спускавшіяся въ садъ, не бывали никогда заперты... И всему населенію это было извѣстно. А если не воръ рѣшился на убийство, то кто же и почему? Неужели добрая, ласковая со всѣми и щедрая барышня Сусанна Юрьевна могла нажить въ Высоксѣ такого врага и ненавистника? И когда, чѣмъ и какимъ поступкомъ?

Люди поумнѣе и посмѣлѣе говорили потихоньку промежъ своихъ близкихъ и вѣрныхъ пріятелей, что ужъ если народился бы такой отчаянныи ненавистникъ въ Высоксѣ, который бы рѣшился на отплату, на месть, такъ онъ не на барышню неповинную пошелъ бы, а на...

Сказать даже страшно... на кого!

Болѣе всѣхъ продолжалъ волноваться, конечно, самъ Аникита Ильичъ...

— Кабы луна съ неба на землю свалилась, говорилъ онъ сурово, то меня меныше бы удивила.

Умный старикъ, конечно, тайно, про съебя, опускаль ту же мысль, что и его рабы... Онъ допускалъ возможность мести какого нибудь отчаяннаго по отношенію къ себѣ... За какое либо жестокое наказаніе, ссылку, солдатство, наконецъ, за кого либо «похѣреннаго» Змглодомъ въ Павлинѣмъ павильонѣ... Но покушеніе на его племянницу Санну, чтобы косвенно отомстить ему, старому барину, было ужъ череацуръ хитроумно... Стало быть, извергъ мстилъ прямо и непосредственно самой Саннѣ.

За что?

Долго размышлялъ и соображалъ Аникита Ильичъ и, какъ умный человѣкъ, не находя простого объясненія, сталъ искать объясненія непростого. Нѣтъ ли чего иного ему невѣдомаго... Загадка для него и для всѣхъ — быть можетъ, не загадка для самой Сусанны? Но она не хочетъ объясняться? Не хочетъ потому, что не можетъ, боится... И чѣмъ болѣе размышлялъ Басановъ, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что загадочное происшествіе есть послѣдствіе чего нибудь, чего онъ никогда не зналъ.

Межу тѣмъ Сусанна, будучи увѣрена, что она не въ опасномъ положеніи, что смерть «шмыгнула» близко, какъ выразился Аникита Ильичъ, но однако пощадила ее, теперь думала уже не о себѣ и не о ранѣ, а о послѣдствіяхъ дѣянія проклятаго Аньки.

— Что дѣлать?—думала и говорила она Аниѣ Фавстовнѣ.

И какъ она сама, такъ и ея наперсница терялись въ соображеніяхъ и выдумкахъ. Ничего измыслить было нельзя. Назвать злодѣя по имени значить выдать себя, потому что пойманній Анька все разскажетъ, а его дѣяніе будетъ служить какъ бы доказательствомъ истинной правды. Съ чего пошелъ бы онъ на такое преступленіе, если бы ничего между нимъ и «барышней» не было? Молчать и не называть злодѣя было тоже опасно... Не преслѣдуемый и не взятый, онъ могъ скрываться до поры до времени, а затѣмъ явиться вновь и повторить покушеніе... Слѣдовательно вся сила была въ томъ, гдѣ Анька и что намѣренъ дѣлать. Бѣжать съ Высоксы куда либо и сдѣлаться на вѣкъ бѣгуномъ, исчезнуть?.. Или рѣшилъ онъ оставаться ради мести.

Угрюмова была того мнѣнія, что Гончій бѣжалъ за тридевять земель, не зная даже, ранилъ или убилъ онъ барышню.

Сусанна напротивъ, зная нравъ Аньки хорошо, судила иначе. Пылкій, упрямый, предпріимчивый, смѣлый до безумія и вдобавокъ страстно влюбленный и ревнивый, молодой малый, по мнѣнію Сусанны, не могъ поступить такъ, какъ всякий иной поступилъ бы на его мѣстѣ.

— Другой бы,—говорила она Угрюмовой,—разумѣется, теперь бѣжалъ бы. Отмстилъ и спасся, чтобы не отвѣтить... А этотъ не таковъ. Онъ теперь понимаетъ, въ какомъ я положеніи, и ждетъ... Назову я его дядюшкѣ или промолчу?.. Если назову, онъ или совсѣмъ скроется, зная, что его именно ищутъ, или дастся въ руки, чтобы зарѣзать меня безъ ножа... Если онъ увидитъ, что я его не называю, онъ будетъ до времени скрываться по близости и чрезъ мѣсяцъ, хоть бы даже чрезъ полгода, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову... И ужъ тогда навѣрное убьетъ.

И Санна въ отчаяніи восклицала иногда:

— Господи! Гдѣ у меня былъ разумъ, когда я эдакого выбрала! Всякій другой смирился бы, еслибы не уѣхалъ просто... А этотъ Кайнъ сатанинской гордости и смѣлости!

И чѣмъ больше думала Сусанна, тѣмъ менѣе знала, на что она должна рѣшиться.

— Какъ же, однако, порѣшите вы?—ежедневно повторяла Угрюмова, тревожась изъ любви къ своей барышнѣ и понимая, что если признаніе во всемъ барину опасно, то молчаніе или лучше, или стократъ хуже.— Сусанна Юрьевна, — разсуждала она, — надумайте что... Рѣшите. Инъ бываетъ отложить хорошо, и инъ бываетъ долгій ящикъ — погибелю человѣческою.

Но Сусанна окончательно не знала, на что рѣшился тотчась, не знала и на что завтра или чрезъ недѣлю она рѣшиится.

И это колебаніе было нравственою пыткою, а оно въ свою очередь дѣйствовало на ея физическое состояніе, казалось, даже мѣшало выздоровленію.

Нѣмецъ докторъ, посѣщавшій Сусанну по два и по три раза въ день, былъ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить нравственнаго состоянія своей пациентки. Она была задумчива и тревожна, а между тѣмъ она не могла, по мнѣнію Веніуса, бояться за себя, такъ какъ видѣла, что ея главная рана быстро заживаетъ, а первая, панесенная злодѣемъ, уже на пути полнаго заживленія.

— Что же ее смущаетъ?—думалъ докторъ.

И онъ отвѣчалъ себѣ на это слухами...

А слухи въ Высоксѣ уже стали ходить, конечно, «по шепту и опасливо».

Исчезновеніе Аньки внезапное и безпричинное... Злодѣяніе въ барскомъ домѣ невѣроятное, небывалое и почти безсмысленное... дружба Гончаго и Анны Фавстовны.. Эти три обстоятельства сопоставлялись.

— Ужъ не ошибся ли Анька? И, желая хватить Угрюмову, хватилъ барышню...—говорили простодушные люди.

— Ужъ не у барышни ли бывалъ Анька?—говорили болѣе дальновидные.

Но главный вопросъ былъ:

— Зачѣмъ онъ пропалъ съ Высоксы еще прежде злодѣянія?.. Чтобы на него не подумали? Да что же ему до этого, если разъ онъ въ бѣгуны себя произвелъ?

Какъ ни мудрствовали обитатели Высоксы, но не могли уразумѣть и объяснить неслыханное и невиданное происшествіе... Однако, исчезновеніе молодца и любимаго канцеляриста барина съ загадочнымъ покушеніемъ на барышню упорно напрашивалось само собой на сопоставленіе и вело къ догадкамъ, которыя были правдой, но правдою отгаданною и не доказанною.

Разумѣется, случилось нѣчто простое... Смутный слухъ достигъ и коснулся смущенного и подозрѣвающаго Аникиты Ильича, который въ нѣкоторомъ смыслѣ хватался даже за соломинку, чтобы объяснить себѣ загадочное происшествіе въ его Высоксѣ.

— Да. Въ моей Высоксѣ!—повторялъ стариkъ то, что его наиболѣе поразило.

Случись такое преступленіе у кого либо изъ помѣщиковъ самыхъ важныхъ и богатыхъ на Руси, Аникита Ильичъ не удивлялся бы. Онъ помнилъ Пугачевщину и видѣлъ ее близко... Давно ли она была, лѣтъ двадцать пять тому назадъ. А сколько было за это время «откликовъ» Пугачевщины или маленькихъ вторичныхъ вспышекъ въ плохо затушенныхъ мѣстахъ главнаго пожарища... Наконецъ даже

повсюду на Руси могло случиться такое происшествіе... Но не у Басманъ-Басанова! Не въ Высоксѣ!

— У меня и во дни властовованія Емельяна Иваныча,— говорилъ стариkъ Дмитрію,— было все смиroно такъ, что смиrнѣе, чѣmъ въ самой Москвѣ. А почему? Потому что съ самаго начала бунта, когда мнѣ доложили, что ночью въ кабакѣ около плотины проходжій человѣкъ объясняетъ моимъ заводскимъ, что явился великий государь Петръ Федоровичъ, то я на утро уже распорядился... Народъ мой, проснувшись, нашелъ на двухъ деревахъ, по бокамъ кабака двухъ затянувшихъ на бичевѣ—проходжаго вѣщуна и самого Антипа кабатчика. Они оба, якобы, сами въ петлю полѣзли изъ страха моего наказанія. Но, понятное дѣло, мои-то все поняли. И затѣмъ, когда полѣ-Россіи было объято пламенемъ, у меня было тихо и смиroно... И вотъ вдругъ въ Высоксѣ моей—да эдакое... Что же я? Даромъ всю жизнь устроилъ свои помѣстья, зря гордился и похвалился симъ устроеніемъ, зря въ своей гордости ослѣпленъ былъ...

И Аникита Ильичъ повторялъ:

— Да. Обида! Въ моей Высоксѣ?! Обида!

Всякое утро стариkъ говорилъ Змглоду, являвшемуся съ докладомъ:

— Что же Турка ты прямая... Оберъ-щенокъ слѣпой, а не оберъ-рунть! Такъ мы при этомъ и останемся. Что же намъ къ гадалкѣ какой или къ колдуну идти для разслѣдованія?

Змглодъ угрюмо отмалчивался и ждалъ повидать самоѣ барышню, узнать отъ нея, какъ она прикажетъ поступить.

Всякое же утро Аникита Ильичъ говорилъ и Масѣичу.

— Ну, что же?.. На кофейной гущѣ въ чапечкѣ намъ злодѣя розыскать...

Масѣичъ или ухмылялся, или по привычкѣ сопѣль. Наконецъ, однажды онъ не выдержалъ и, подавая барину пилу «голландку» для утренней работы, выговорилъ:

— Дикованно, Аникита Ильичъ, что приключилось оно заразъ... И Гончій сбѣжалъ и злодѣй проявился.

Басманъ-Басановъ превратился въ истукана! Это соображеніе ни разу не явилось въ его голову. И теперь слова Масѣича поразили его, какъ громомъ.

Но чрезъ нѣсколько мгновеній онъ разсудилъ такъ же, какъ и многіе въ Высоксѣ.

Зачѣмъ же Анька сначала бѣжалъ или пропалъ?.. Неужто затѣмъ, чтобы на него не подумали... Но если и Анька, то все же... За что? Почему?..

— А зачѣмъ, скажи,— обратился онъ къ камердинеру,— зачѣмъ Гончemu Сусаниу Юрьевну умерщвлять?

— А кто ихъ знаетъ,— отвѣтилъ Масѣичъ.

— Ихъ? Кого—ихъ? Дуракъ...

— Я это такъ сказываю...

— Такъ?

— Да-съ... Такъ это...

— Дурацкое слово российское, за кое бы вѣшать слѣдовало,— разсердился Аникита Ильичъ.—Такъ?.. Спросить человѣка, почему онъ не веселъ... Такъ, моль. Отчего иной померъ вдругъ?.. Такъ! За что другой убилъ?.. Да такъ!.. Тьфу!

И Аникита Ильичъ сердито плюнулъ, а затѣмъ принялъся пилить кружки.

XIV.

Едва только Сусанна видимо поправилась, казалась, даже вполнѣ здоровой, какъ три человѣка пожелали съ ней объясниться тайно «по одному дѣлу».

Разумѣется, «дѣло» это было прошлое происшествіе, оставшееся и остававшееся загадкой.

Первый, страстно ждавшій объясненія, былъ молодой Басановъ, второй, угрюмо спрашивавшій всякий день у Анны Фавстовны, когда его приметъ барышня,—былъ Змглодъ, третій, уже заявившій, что явится «бесѣдоватъ о важной матеріи», былъ самъ Аникита Ильичъ.

Сусанна знала заранѣе, о чемъ всѣ троє будуть спрашивать.

— Но что скажетъ дядя? Что можетъ онъ думать?— говорила Сусанна своей наперсницѣ.—Онъ не можетъ додуматься до правды, не можетъ собственнымъ умомъ дойти до подозрѣнія, что на ея жизнь покусился любовникъ.

Принять у себя днемъ молодого Басанова, лежа въ постели, было, конечно, невозможно. Всѣ обитатели дома пришли бы въ него-дованіе отъ такого соблазна. Встать, одѣться и выйти въ свою гостиную для пріема Сусанна боялась, чувствуя себя еще слишкомъ слабой. Хотя Веніусъ и дозволилъ ей это, отвѣчая, что у нея достаточно силъ, чтобы стать на ноги и что опасности въ ея положеніи неѣть ни малѣйшей, тѣмъ не менѣе она предпочитала лежать до тѣхъ поръ, покуда не почувствуетъ себя совершенно бодрой.

Оставалось рѣшиться принять Дмитрія тайно, ночью, что было бы уже не въ первый разъ, а при теперешнемъ ея положеніи, въ качествѣ больной, еще менѣе опасно... Кто бы могъ подумать, даже подстерегши его, что онъ идетъ или былъ на свиданіи у раненой барышни... Въ случаѣ такой бѣды объясненіе было уже приготовлено заранѣе. Дмитрій долженъ былъ сказать, что онъ изъ своихъ оконъ увидѣлъ снова какую-то фигуру на балконѣ и тотчасъ бросился въ комнаты Сусанны, на всякий случай...

Однажды молодой Басановъ около полуночи снова, какъ прежде, вышелъ въ садъ по одной террасѣ, поднялся по другой и, пройдя быстро пустой коридоръ, гдѣ однако слышались голоса дежурной

дюжину, проскользнула въ отворенные двери. Разумѣется, Анна Фавстовна была на часахъ, прислушивалась и оглядывалась на обѣ стороны.

Войдя къ Сусаннѣ и пылко расцѣловавъ ее нѣсколько разъ, онъ молча, сосредоточенно, точно будто тревожно, сѣлъ около ея постели. Не она, а онъ былъ смущенъ и взволнованъ предстоящимъ объясненiemъ.

— Санна,—началъ онъ тихо и робко,—я хочу тебя спросить... Вотъ который день я мучусь... Все это приключеніе очень чудно и диковинно... Я хочу у тебя спросить...

— Ну, спрашивай,—невольно улыбнулась она.

— Да. И ты мнѣ отвѣчай правду. Скажи, ты отвѣтишь правду, не станешь хитрить и обманывать и скрывать.

— Въ чёмъ? Что? Говори... Я не знаю, про что ты говоришь, чего хочешь,—согласа Сусанна.

— Скажи, что это за приключеніе? Кто былъ этотъ злодѣй? За что онъ тебя хотѣлъ убить?..

— И непремѣнно убилъ бы, еслибы тебя не случилось! — привѣтила она съ чувствомъ.

— Да. Я тоже такъ полагаю... Былъ одинъ мигъ...

— Смерть была на носу!.. — добавила она.

— Да. Еслибы не мой рукавъ, то ножикъ прямо бы вонзился тебѣ въ шею... Вотъ куда...

Дмитрій поднялся, показалъ ей мѣсто подъ лѣвымъ ухомъ и снова попѣловалъ ее.

— Я видѣлъ... Я хорошо помню... Моя рука была вотъ такъ... А за нею твоя голова и запрокинутая... Хвати онъ вершкомъ дальше чрезъ мою руку, то прямо бы въ горло... А билъ онъ шибко... Шутка ли толстое сукно, два слоя и все шнуры, все пробито и прорвано насквозь... Да...

— Знаю. Знаю... А ты говори... Спрашивай? Что ты хочешь знать?

— Я хочу знать, Санна, что все это значитъ. Это не воръ былъ и не грабитель...

— Понятное дѣло.

— Онъ тебя прилѣзъ убивать... Онъ тебя назвалъ очень чудно...

— Назвалъ? Чудно?

— Да. И не разъ...

— Какъ назвалъ?.. Я не помню, не слыхала.

— Бранными словами назвалъ. Скверными. Я и повторять не стану... Но скажи мнѣ, кто онъ?

— Кто? — странно спросила она.

— Да. Скажи, кто онъ. Ты знаешь.

— Да. Знаю.

— Ну, и скажи.

— Гончай.

— Что? — не понялъ онъ.

— Анька Гончай. Онисимъ. А прозвищемъ Гончай.

Наступило молчаніе.

— Я не про это... началъ Дмитрій какъ-то робко.—Имя мнѣ ничего не объяснило. Скажи мнѣ, кто онъ такой.

— Канцеляристъ дядюшкинъ. Сынъ заводскаго смотрителя...

— Опять я не про это спрашиваю. Что онъ такое для тебя?..

— Для меня? — усмѣхнулась Сусанна.

— Да. За что онъ тебя хотѣлъ зарѣзать? Изъ гнѣва, ревности, отмщенія?.. За что? Онъ кричалъ вѣдь... Онъ, Санна, кричалъ: «теперь другой приглянулся». Потомъ, увидя меня и доставая ножъ, онъ крикнулъ: «и этотъ здѣсь». Что все это значитъ?

Наступило снова мгновенное молчаніе, а затѣмъ Сусанна вздохнула и вымолвила серіознымъ голосомъ:

— Значить это вотъ что... Слушай...

И она подробно рассказала Дмитрію, что въ канцеляріи дяди былъ молодой малый, который дерзнулъ изъ самомнѣнія влюбиться въ нее. И онъ сталъ или отъ чрезмѣрной дерзости или отъ безумія страсти говорить ей о своей любви. Она была поражена. Стоило ей сказать одно слово Аникитѣ Ильичу, и, конечно, малый былъ бы стерть съ лица земли. Но ей было жаль его. Она надѣялась, что это безуміе пройдетъ... Однако поведеніе молодого малаго становилось все смѣлѣе, все отчаяннѣе... Тогда, не говоря ничего дядѣ, она приказала оберъ-рунту избавить ее отъ безумца... Что хотѣлъ съ нимъ сдѣлать Змілодъ, она не знаетъ, но дѣло въ томъ, что канцеляристъ скрылся, исчезъ... Его считали въ бѣгахъ. И вдругъ онъ явился... Тогда... ночью... И отомстилъ. За что? За отвергнутую любовь. Чью? Любовь крѣпостного холопа, хама... къ ней, дворянкѣ!

Дмтрій просіялъ и бросился пылко цѣловать Сусанну. Ему казалось, что онъ даже не узналъ отъ нея ничего новаго. Онъ именно все это смутно угадывалъ и предполагалъ. Такъ и должно все было быть.

Чрезъ полчаса молодой человѣкъ довольный, счастливый снова пробирался къ себѣ чрезъ террасы и садъ. Онъ былъ также восторженно настроенъ, какъ когда-то, въ тотъ вечеръ, что впервые тайно явился къ Сусаннѣ тѣмъ же путемъ, что и злодѣй Анька. Причины быть въ восторгѣ были тѣ же. Тогда онъ зналъ, уходя отъ нея, что она любить его. Теперь онъ снова, во второй разъ будто обрѣлъ ее, потерянную... Ревность душила его, истерзала, и сегодня оказалось, что онъ, безумецъ, вообразилъ себѣ Богъ вѣсть какую нелѣпницу. Дѣло оказалось совершенно простое, и все было такъ, какъ онъ самъ предугадалъ.

На утро около полудня Сусанна сказала своеї наперсницѣ твердо и самоувѣренno:

— Теперь я не боюсь объясненія съ «Китой». Его будетъ по-

мудренѣе увѣрить, но все-таки можно. А расскажу я ему то же са-
мое... И будетъ это правдой... А что я не всю правду скажу... Такъ
поди-ка, это докажи! Самъ Анька приди говорить, что онъ пользо-
вался моей благосклонностью, такъ никто не повѣрить. А я буду
поль-правды сказать... А знаете ли вы, что такое поль-правды?..
Это великая сила! Поль-правдой можно и самаго мудраго мудреца
обойти и болваномъ поставить.

Такъ какъ Угрюмова не поняла, что ея барышня хочетъ ска-
зать, то Сусанна объяснила ей, что рѣшилась во всемъ признаться
дядѣ...

— Во всемъ?—воскликнула Анна Фавстовна.

— Во всемъ, только не во всемъ всемъ...—шепнула Сусанна, уже
весело смеясь...—Я скажу дядюшкѣ всю полу-правду... что Анька
былъ мною прельщенъ до помраченія ума, что я его жалѣла... При-
нимала у себя и все его разговаривала да угѣшала, стараясь обра-
зумить. А тамъ, видя, что онъ рѣшился ума, и его мнѣ надо бояться,
какъ бѣшенаго волка, я приказала Змглоду его похѣрить... А Змглодъ
сплоховалъ. Анька, все пронюхавъ, пришель мнѣ отплатить... Дѣло
простое. А что этотъ Анька былъ моимъ любезнымъ, знаютъ только
вы да вотъ эти четыре стѣны.

И Сусанна разсуждала про себя:

«Желающему вѣрить можно доказать легко, что луна на небѣ
трехъ-угольная. А не желающему вѣрить ты не докажешь, что луна
круглая. Онъ и самъ это видѣлъ, да если ему другой будетъ это
говорить, то онъ станетъ сомнѣваться. Такъ ли онъ подлинно ви-
дѣлъ? Вѣрно, моль, ошибся! А коли теперь подозрительный мнѣ че-
ловѣкъ подтверждаетъ, что я самъ видѣлъ, то, стало быть, я и впрямь
ошибся... Луна-то была всегда и есть трехъ-угольная.

Однако, въ ожиданіи объясненія съ дядей, Сусанна предпочла
исprobовать иное... Испробовать, нельзя ли избавиться отъ Аньки,
и тогда, конечно, не только ни въ чемъ не признаваться Аникитѣ
Ильичу, но даже и не называть злодѣя по имени.

Узнавъ, что Змглодъ снова явился, желая видѣть ее, она при-
казала послать за нимъ тотчасъ. Оберъ-рунть явился и, войдя въ
спальню, найдя барышню въ постели, сталъ у порога, опустя глаза.
Онъ только разъ глянулъ на нее, увидѣль ея красивую голову на
подушкѣ съ разбитыми по ней волосами и тотчасъ отвелъ глаза
въ сторону, будто смутился или не желая своимъ взглядомъ смущать
лежащую барышню.

— Здравствуй, Змглодъ... — бодро, почти весело встрѣтила его
Санна.—Ну, вотъ видишь, какъ все потрафилось... Ты вѣдь умный...
Ты, стало быть, знаешь, кто сюда лазалъ на балконъ и меня но-
жемъ хватилъ. Вѣдь ты знаешь, Змглодъ.

— Знаю, барышня,—тихо отозвался оберъ-рунть.

— Ну вотъ... Не даромъ я тебя просила тогда...

— Виноватъ, Сусанна Юрьевна! — съ чувствомъ воскликнуль Змглодъ.—Виноватъ кругомъ!.. Знай я... вѣдай я... было бы не то... Я по глупости думалъ, вы такъ, зря хотите избавить себя отъ парня... Я все зналъ, барышня... Зналь, что только вы знаете да Анна Фавстовна...

— Какъ? Чѣ?—воскликнула Сусанна.

— Все, барышня, я зналъ... Да это не мое дѣло. И я думалъ, что парень смирится и будетъ горевать да молчать... Что вы напрасно опасаетесь его и хотите его похѣрить... А вотъ правда-то ваша была, а не моя... Я взялся за дѣло лѣниво, нехотя... Анька пронюхалъ и бѣжалъ... А, обозляся, вотъ на что пошелъ... Да, я, барышня, виноватъ предъ вами... Приказывайте теперь, что изволите... Изволишь приказать мнѣ самому утопиться—то, право, ей-Богу, готовъ...

— Нѣть, Змглодъ, это не нужно!—разсмѣялась Сусанна.—А надо намъ подумать, какъ намъ быть... Если бы можно было теперь его достать, то хорошо бы. Если онъ здѣсь и укрывается... И не собирается даже бѣжать... Если же бѣжалъ или собирается—то Богъ съ нимъ...

— Нѣть, барышня, не таковъ онъ.

— Чѣ? Какъ не таковъ?

— Онъ не убѣжитъ... Что ему въ бѣгунахъ дѣлать, когда вся душа его здѣсь... Вся злоба его здѣсь останется... Нѣть, не таковъ на наше горе. Онъ останется и будетъ выискивать случая опять проявиться, опять на васъ руку поднять... съ ножемъ. Либо пойдетъ прямо къ барину и повинится и все скажетъ ему...

— Стало быть, или ножемъ или безъ ножа меня зарѣжетъ,—выговорила Сусанна сурово.

— Да. Воистину такъ сказываете вы. А я полагаю, что скорѣе—безъ ножа.

— Пойдетъ къ дядюшкѣ.

— Да. Это злобиѣ. Убилъ человѣка и пабашъ. Только на душѣ твой грѣхъ совѣсть забѣсть. А эдакъ, почитай, тоже убилъ, ногами затопталъ и на всю жизнь несчастнымъ сдѣлалъ живого человѣка... Онъ это понимаетъ... Онъ знаетъ, какая бѣда вамъ будетъ, если Аникита Ильичъ ему во всемъ повѣрить... И какой срамъ опять...

— А повѣрить ли дядюшка? Какъ по-твоему, Змглодъ?

«Турка» помолчалъ мгновеніе, едва замѣтно улыбнулся угрюмой улыбкой и выговорилъ.

— Не знаю, барышня...

— А если дядюшка ему не повѣрить, а повѣрить мнѣ, тому, что я ему выкладу... Всякія турусы на колесахъ. Тогда чѣ?

— Тогда онъ напѣ... Но лучше, барышня...

— Вотъ... Вотъ... Къ этому-то я и веду, Змглодъ,—воскликнула Сусанна.—Нечего ждать, что онъ явится съ рассказами обо мнѣ, и

затѣмъ повѣрить или не повѣрить Аникита Ильичъ... Надо намъ не дожидаясь орудовать...

— Что же? Я вашего разрѣшенья ждалъ. А если такое ваше желаніе, я возьмусь... Завтра, къ вечеру, парень будетъ на томъ свѣтѣ...

— Такъ ты знаешь, гдѣ онъ...

— Полагаю, что знаю... А утверждать не могу. Но если и не знаю теперь, то узнаю завтра... А къ вечеру...

— Избавиши меня?..

— Точно такъ-съ.

— А какъ собственно... Не въ Павлиній павильонъ?

— Какъ можно, барышня! Онъ не тиковскій. Не дастся.

— То-то... Знаю. Мудрено. Какъ же тогда?

— Просто, стало быть... Ну, изъ ружья.

— А тѣло?.. А свидѣтели окажутся ненарокомъ? Съ докладомъ къ дядюшкѣ сунется кто?

— Это все, барышня, ужъ не ваша забота. Предоставьте. Не опасайтесь. Я не махонькій и не дуракъ... Такое ли съ рукъ сходило... Лишь бы убить, а слѣды замести и изъ воды суху выйти—пустое...

И Змглодѣй, уклоняясь отъ подробнаго объясненія, какъ возьмется онъ за дѣло, все-таки убѣдилъ Сусанну вполнѣ положиться на него. Послѣднія слова его были:

— Ужъ будьте благонадежны. Липъ бы, говорю, онъ себя убить далъ, а все достальное само собой наладится.

XV.

Прошло три недѣли послѣ событія, смутившаго и удивившаго всю Высоксу, и вдругъ та же Высокса еще болѣе ахнула...

Сразу на разстояніи двухъ сутокъ случилось три диковинныхъ, небывалыхъ происшествія.

Оберъ-рунть, много наобѣщавшій барышнѣ Сусаннѣ Юрьевнѣ, въ продолженіе четырехъ дней ничего не сдѣлалъ, тщетно проискавъ, гдѣ скрывается Гончій. Свѣдѣнія его оказались ошибочными, или молодой малый, почуявъ намѣреніе Турки, перемѣнилъ мѣсто укрывательства... Быть можетъ, искусный сыщикъ по природѣ и успѣлъ бы въ своемъ немудреномъ для него предпріятіи, но вдругъ съ нимъ самимъ приключилось нѣчто совсѣмъ непонятное...

Однажды, около полуночи, близъ дома раздались крики, стоны, скорбѣ даже какое-то звѣриное рыканіе... Прохожіе, а затѣмъ и половина дежурной дюжины—всѣ побѣжали на эти дикіе вопли.

За угломъ дома въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, ведущей на баринову винтушку, лежалъ на землѣ Змглодѣй, но не въ без-

памятствѣ, а бился какъ бы въ судорогахъ, ревѣлъ, какъ звѣрь, рвалъ на себѣ и волосы и даже платье, стукался головой объ землю и бѣшено кричалъ что-то непонятное на своемъ туркиномъ языке.

На вопросы всѣхъ сбѣжавшихся Змглодѣя не только не отвѣчалъ, но, продолжая биться и ревѣть, даже не замѣчалъ окружавшихъ его.

Рунтъ, стоявшій около него истуканомъ отъ удивленія, не могъ собственно ничего объяснить... По его словамъ, не случилось ничего особеннаго... Они оба стояли и разговаривали о чёмъ-то... Кто-то такой женскаго пола съ закутанной въ платокъ головой прошелъ къ двери мимо нихъ... Оберъ-рунть пошелъ, проводилъ за дверь эту фигуру, а затѣмъ, выйдя обратно, упалъ и забился на землѣ. Вотъ все, что рунтъ видѣлъ.

Пролежавъ съ полчаса, стихнувъ, Змглодѣй не пошелъ, а поспался, какъ подшибленный, домой, въ главное зданіе поліціи...

На утро барину доложили все приключившееся и прибавили, что оберъ-рунть въ постели лежитъ какъ бы въ помертвѣломъ состоянії.

Разумѣется, Аникита Ильичъ тотчасъ же приказалъ Веніусу навѣстить больного и дождѣть, въ чёмъ дѣло... Онъ предупредилъ доктора, что не удивится, если окажется, что его вѣрнаго слугу кто либо опоилъ ради мести.

— Послѣ такого происхожденія, какое было съ Санной,—эдакое со Змглодомъ ужъ и не удивительно,—сказалъ Аникита Ильичъ.

Веніусъ навѣстилъ больного и опросилъ... Сначала Змглодѣй упорно молчалъ и не хотѣлъ отвѣтить доктору, но узнавъ изъ его словъ, что онъ долженъ не медля дождѣть обѣ его болѣзни барину, онъ вдругъ какъ бы очнулся...

Дикими глазами поглядѣлъ онъ на Веніуса... А затѣмъ на всѣ его вопросы отвѣчалъ согласіемъ, объяснивъ, что у него горитъ нутро, болитъ голова, ломитъ тѣло, крючитъ и ломаетъ руки и ноги. Онъ столько насквозь доказывалъ Веніусу или вѣрнѣе, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, столько принялъ на себя хворостей, что нѣмецъ понялъ болѣзнь и сказалъ про себя—себѣ самому.

— Gar nichts... Совсѣмъ не боленъ тѣломъ... Но страшно заболѣть душой.

Змглодѣй выразилъ согласіе лѣчиться и глотать и дѣлать все, что прикажетъ докторъ Веніусъ, понявший, что согласіе этого лукаваго человѣка доказываетъ прямо, что онъ хочетъ скрыть истинную причину и притвориться хворымъ.

Веніусъ ушелъ къ себѣ, прислалъ мнимо-хворому простой настой на миндаляхъ, въ родѣ орната, съ приказаніемъ пить, сколько угодно... Впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ фельдшеру двадцати раза дать оберъ-рунту какія-то капли, уничтожающія возбужденное состояніе.

Аникитѣ Ильичу Веніусъ доложилъ, что у оберъ-рунта сильная лихорадка, выражавшаяся у него необычно и диковично, благодаря его восточному происхождѣнію или его полу-звѣриной натурѣ. Нѣмецъ, конечно, лгалъ умышленно и принималъ сторону Змглода по добротѣ сердечной.

«Хочеть человѣкъ скрыть свое нравственное потрясеніе... Ну, и Богъ съ нимъ! Зачѣмъ я буду выдавать его людямъ!»—разсуждалъ добрый нѣмецъ.

Это первое происшествіе удивило всѣхъ, такъ какъ болѣзнь оберъ-рунта началась необычно, сразу. Стоялъ человѣкъ, свалился и заревѣлъ, какъ звѣрь.

За то это хвораніе главнаго блюстителя порядка привело ко второму происшествію болѣе крупному...

Однажды, въ темную ночь, раздались крики о помощи въ саду около балкона барышни Сусанны Юрьевны... Дюжинный, бывшій случайно въ залѣ, бросился по правой террасѣ и побѣжалъ на крикъ. При его появлѣніи какая-то фигура промчалась по аллеѣ и исчезла въ темнотѣ и чащѣ. Одновременно дюжинный столкнулся съ кѣмъ-то и въ темнотѣ схватилъ невѣдомаго человѣка. Но пойманный не боролся, стоялъ смиро и только задыхался, какъ если бъ пробѣжалъ версту...

Переведя духъ, онъ вымолвилъ:

— Пусти... Я это... Я...

Дюжинный ахнулъ, узнавъ уже по голосу молодого барина Дмитрія Андреевича.

Крикъ его, а затѣмъ и крики дюжинного подняли почти весь домъ на ноги, хотя и не такъ, какъ было въ памятную ночь покушенія на барышню. Если всѣ нахлѣбники не повскакали съ постели и не прибѣжали, то во всякомъ случаѣ Дарьушка и Матвѣевна появились въ своихъ окнахъ, князья Никаевы отецъ и сынъ приѣзжали полуодѣтые въ садъ, и даже выздоравливающая барышня вскочила съ постели и пришла на свой балконъ, пугливо окликая и спрашивая.

На утро рано вся Высокса взволновалась отъ объясненія прошедшаго ночью съ молодымъ бариномъ.

Оказалось, что Дмитрій Андреевичъ, страдая бессонницей—такъ объяснилъ онъ—вздумалъ пойти прогуляться въ садъ среди ночи... Гулялъ онъ, по его словамъ, недалеко, больше все между обѣими террасами.

И вдругъ среди тьмы ночи онъ услыхалъ шорохъ въ кустахъ. А затѣмъ чрезъ минуту онъ почуялъ за собой кого-то и насторожился. И сразу, какъ звѣрь, какой-то человѣкъ бросился на него съ чѣмъ-то въ рукѣ... Положительно съ ножемъ... Но Дмитрійшибко ударилъ его въ грудь, сбилъ съ ногъ на землю и наѣхъ, держа за обѣ руки... Если бъ дюжинный подоспѣлъ раньше, то злодѣй былъ

бы взяты. Но въ ожиданіи, уставъ отъ борьбы, онъ не смогъ справиться одинъ и выпустилъ его.

Кто это могъ быть?

По убѣжденію Дмитрія, онъ узналъ по всѣмъ признакамъ того же самаго молодца, отъ котораго спасъ барышню.

Конечно, всѣхъ страшно поразило объясненіе Басанова, но болѣе всѣхъ Сусанну.

Она поняла теперь, что далѣе ждать и откладывать дѣла нельзя. Надо тотчасъ все сказать дядѣ, то-есть «полъ-правды», и принять мѣры предосторожности противъ Гончаго. Очевидно, что болѣзнь главнаго рунта сдѣлала его смѣлѣе. Но, кромѣ того, нападеніе именно на Дмитрія было знаменательно. Оно ясно доказывало, что Анька, скрывающійся Богъ вѣсть гдѣ, знаетъ, видѣть и понялъ теперь больше, чѣмъ живущіе въ домѣ. Узнавъ, кто спасъ отъ него Сусанну, онъ понялъ, почему Басановъ былъ въ комнатахъ ея среди ночи. И онъ навѣрное постоянно является по ночамъ къ дому со стороны сада и подглядываетъ за ними.

Послѣ совѣщанія между собой, взвѣшивъ все, Сусанна и Дмитрій рѣшили вопросъ одинаково: «Нужно немедленно сообщить все Аникитѣ Ильичу, чтобы принять мѣры предосторожности».

Но вскорѣ послѣ второго приключенія Высокса взволновалась еще пуще, какъ давнымъ-давно не бывало.

Общій переполохъ вызвало оповѣщеніе отъ имени барина по всѣмъ заводамъ, всѣмъ его вѣрнымъ подданнымъ.

Аникита Ильичъ, узнавъ отъ племянницы, какой сугубый уродъ и отчаянный негодяй оказался въ Высоксѣ, да еще въ его собственной канцеляріи, такъ разгневался, пришелъ въ такое странное состояніе духа, что даже Сусанна, знаяшая дядю близко, удивилась... Послѣ ея признанія и объясненія «полъ-правды» пришло старика отшивать водой... Аникита Ильичъ не могъ перевести дыханія и только ахалъ и сжималъ кулаки...

И на другое же утро всѣ заводы, всѣ отъ мала до велика узнали слѣдующее:

«Проявился въ Высоксѣ извергъ рода человѣческаго, Кайнъ и изувѣръ, именемъ Онисимъ Гончай, который, по нѣкимъ причинамъ, скрылся, послѣ чего покушался умертвить барышню, а затѣмъ похуился и на молодого барина. Остается ждать, что онъ попробуетъ умертвить и самого барина... Такъ дѣло обстоитъ не должно... Надо изверга, сатанинова сына, выловить и примѣрно наказать. Поэтому всѣмъ своимъ рабамъ Аникита Ильичъ объявляетъ, что кто онаго Онисима словить и представить, тогъ получитъ отпускную на волю и тысячу рублей ассигнаціями въ награду».

— Вольную! Тысячу рублей!..

Вотъ что загудѣло, будто стономъ стояло по всѣмъ заводамъ. Всякий, послѣдній рудокопъ, проводившій день свой въ «дудѣ»,

«истор. вѣстн.», июнь, 1899 г., т. lxxvi.

2

то-есть въ глубокой ямѣ, изъ которой таскаль руду на свѣтъ Божій, опускаемый и поднимаемый въ ящикѣ на веревкѣ, — и тотъ могъ въ однѣ сутки стать вольнымъ и богатымъ человѣкомъ.

— Только этого Онисима излови!

Но всякий разумный человѣкъ понималъ, что если даже не жалѣть себя и тоже «отвѣдать Онисимова ножа», то все-таки его не поймаешь въ одиночку.

И чрезъ двое сутокъ къ барину явилась цѣлая гурьба молодцовъ заводскихъ съ человѣтъемъ. Всѣхъ было около сотни человѣкъ. Выборный отъ нихъ доложилъ барину, что они просятъ на недѣлю, а то и болѣе, избавить ихъ отъ работы и дозволить идти на поиски злодѣя. А между собою они порѣшили такъ: кто первый выищетъ злодѣя или укажетъ имъ, гдѣ онъ прячется, тому выдать пять сотенъ рублей, остальная пять раздѣлить промежъ себя... А вольная достанется кому либо изъ нихъ или по жеребью, или по приговору барина... Тому, кто, по его разсужденію, больше всѣхъ отличился и дѣлу помогъ.

Аникита Ильичъ отвѣтилъ согласіемъ, но прибавилъ, что его милостямъ предѣла не полагается.

— Видно будетъ,—сказалъ онъ.—Захочу, то на вашу самодѣльную артель сыщиковъ три отпускныхъ напишу и къ каждой отпускной по пяти сотенъ рублей приложу.

И съ этого дня вся Высокса жила толками о томъ, какъ сатана залѣзъ въ душу молодого парня холопа, чтобы заставить его «глаза обратить» на красавицу барышню...

— Выываетъ же эдакое затменіе! Эдакая гордыня!

И вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ жили ожиданіемъ: поймаютъ сатанинова сына или упустятъ?

А старикъ баринъ продолжалъ волноваться отъ глубоко оскорблennаго самолюбія при соображеніи, до какихъ дней на Высокса онъ дожилъ. На его красавицу племянницу и сожительницу «хамы глаза закидываютъ». Въ его домѣ и въ его саду, его же родныхъ, домочадцевъ «рѣжутъ, какъ куръ». Чего же еще ждать? Только и остается, что самого его, барина, избить или совсѣмъ ухлопать, какъ бывало въ Пугачевщину.

— У меня и при Емельянѣ все было тише воды и ниже травы! — восклицалъ старикъ, вздыхая глубоко и сжимая кулаки отъ прилива гнѣва.

И онъ сталъ постоянно спрашивать у Веніуса о ходѣ болѣзни оберъ-рунта.

— Мой Турка всегда былъ молодцемъ. Будь онъ теперь здоровъ и возьмись за поиски, знаю, что розыскаль бы Каина.

XVI.

И Аникита Ильич судилъ справедливо. Если бы былъ здоровъ оберъ-рунть, то, конечно, Анька Гончай не ушелъ бы отъ его рукъ, не скрылся бы не только въ Высоксѣ, но даже и во всемъ намѣстничествѣ. Ему оставалось бы только залѣзть въ непроходимыя лѣсныя трущобы и тамъ, конечно, быть растерзаннымъ медвѣдемъ или умереть съ голоду.

Но Змглодъ не могъ въ такое важное время для барина быть полезнымъ. Докторъ докладывалъ Басанову всякий день одно и то же.

— Хворь. Силы потерялъ. Лежитъ бревномъ и даже говорить не можетъ.

— Помретъ, пожалуй?—спрашивалъ Басановъ.

— О, нѣтъ!—рѣшительно увѣрялъ Веніусъ, увѣрялъ потому, что отъ болѣзни Змглода, по мнѣнию его, можно было повѣситься, въ монахи пойти, или ума рѣшился. Но умереть просто было нельзя.

И пѣмецъ вѣрно понялъ болѣзнь человѣка, котораго считали въ Высоксѣ полу-турецкаго происхожденія, считали способнымъ на всякое изувѣрство по приказу барина и считали неспособнымъ ни на какое человѣческое чувство.

И всѣ ошибались.

Когда года два назадъ стали говорить, что Змглодъ большой другъ и очень любить Василія Васильевича Ильева, то всѣ смыялись.

— Нешто нашть Турка можетъ кого полюбить, съ кѣмъ либо въ дружбу войти? Онъ идолъ деревянный и только злобствовать да злѣйствовать можетъ.

А между тѣмъ этотъ «идолъ деревянный», круто дѣйствовавшій по указу барина и по своему званію сыщика и палача вмѣстѣ, былъ способенъ на такое чувство, на такую привязанность, которыхъ и во снѣ не снились нахлѣбникамъ и приживальщикамъ изъ дворянъ, не только холопамъ Высоксы.

Странная хворость Змглода, угаданная докторомъ, была доказательствомъ пылкости и нѣжности его натуры.

Змглода свалило съ ногъ то, что онъ вдругъ узналъ. Увидѣлъ своими глазами! Если-бъ кто нибудь сказалъ ему то, что онъ видѣлъ воочию, то онъ только бы посмѣялся до слезъ и никогда бы не повѣрилъ.

— Что же онъ видѣлъ?

Онъ видѣлъ Аллу, укутанную съ головой и проходящую на винтушку стараго барина послѣ полуночи... Онъ бросился за ней, не вѣря глазамъ, догналъ, снялъ или почти сорвалъ съ нея платокъ... Узнавъ ее, онъ прохрипѣлъ только:

— Ты?.. Къ нему?!

Алла вмѣсто отвѣта горько заплакала и заговорила, но Змглодъ

бросился обратно въ двери на улицу,—упалъ на землю... И заревѣлъ звѣремъ на удивленіе сбѣжавшимся! Тepерь онъ лежалъ безъ силъ, разбитый, будто раненый и думалъ: себя ли похѣрить тотчасъ, или идти задушить старого изверга, которому онъ столько лѣть служилъ вѣрой и правдой, и который отнялъ у него единственное, дороже ему на свѣтѣ.

Теперь только понялъ онъ, почему его милая, ненаглядная Алла ходила уже давно вся въ слезахъ, несчастная, убитая горемъ.

Но чѣмъ больше онъ обдумывалъ свое положеніе, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что силь нѣть, разума нѣть, и будто земля изъ-подъ ногъ уходитъ... Или онъ зарыть подъ землей заживо?.. Или давно утонулъ и лежитъ на днѣ озера? Или заперть и умираетъ съ голоду въ темномъ подвалѣ Павлиньяго павильона?..

И сколько разъ, и днемъ, и ночью, поднимался онъ, бродилъ по своей комнатѣ и рѣшался...

— Вотъ сейчасъ!.. И конецъ!

Но рѣшеніе окончательное не являлось. Рѣшиться на себя руки наложить ему казалось совершенно пустымъ и легкимъ дѣломъ. Но злоба останавливалась предъ самоубійствомъ,—злоба на него, на старого сластолюбца, ненасыщенаго, не знающаго удержу въ прихотяхъ. Змглодѣй не хотѣлъ жить ради себя самого, а хотѣлъ оставаться въ живыхъ, чтобы надумать...

Что надумать? Онъ самъ не зналъ...

Отомстить старому прихотнику за Аллу и за себя. Это казалось ему немудренымъ. Если за это и поплатиться, такъ что же? Все равно жизнь въ тягость. А, можетъ быть, наладится такъ, что онъ и отомстить и Аллу спасетъ отъ прихотника... Спасетъ и себѣ возметъ, потому что любить ее попрежнему, если еще не больше. Она бѣдная ни въ чемъ не повинна. Не даромъ она такъ скрывалась отъ него за все время и никогда не захотѣла объяснить причины своихъ слезъ, своего гореванія. Не даромъ она такъ страшно разрыдалась, когда онъ ее накрылъ на винтушкѣ.

Теперь онъ вспомнилъ ея слова, сказанныя тогда съ рыданьемъ.

— Милый ты мой!.. Я ни при чемъ... Денисъ Иванычъ... Я молила его, убивалась... Просила... Я ни при чемъ...

Изстрадавшись, похудѣвъ, измѣнившись лицомъ и даже измѣнившись будто и нравомъ, Змглодѣй наконецъ сталъ спокойнѣе, и болѣе ясное сознаніе всего прошедшаго замѣнило какой-то горячечный бредъ...

Черезъ недѣлю послѣ роковой встрѣчи Аллы на винтушкѣ и дикаго припадка горя и злобы, Змглодѣй вышелъ изъ дома и тихо, походкой дѣйствительно больного человѣка направился въ барскій домъ. Здѣсь онъ присѣлъ на тумбу около главнаго крыльца, не отвѣчая проходившимъ и спрашивавшимъ его о здоровье...

Посидѣвъ, передохнувъ, онъ двинулся прямо въ квартиру Ильевихъ въ нижнемъ этажѣ дома.

«Боковой» родственникъ Басановыхъ, добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, забитый если не людьми, то судьбой, жилъ отчасти замкнутой жизнью, мало «водился» съ другими приживальщиками и проводилъ время за чтенiemъ Священнаго писанія, Четыи Минеи и вообще книгу духовнаго содержанія. Единственный человѣкъ, кото-раго онъ принималъ радушно и, пожалуй, любилъ,—былъ оберъ-рунть.

Случилось это, вѣроятно, потому, что Василій Васильевичъ «отплачивалъ» Туркѣ любовью за его удивительную, какъ бы собачью привязанность къ дочери Аллѣ. Наконецъ, Змглодѣй просто какъ-то «навязался» Ильеву и будто заставилъ себя полюбить.

За послѣдній годъ замѣти и обсудивъ странную дружбу между дочерью и Туркой, Василій Васильевичъ сталъ задумываться на ихъ счетъ. Если-бы не «басурманство» Змглода, то чѣмъ бы онъ не женихъ для дочери нахлѣбника, побочнаго дворянина... Однако, басурманство Змглода было только его происхожденіе, такъ какъ вѣры онъ былъ православной, назывался Денисомъ и еще исправнѣе ходилъ въ храмъ и говѣлъ, чѣмъ многие изъ настоящихъ православныхъ.

Но этотъ Денисъ Иванычъ никогда ни единymъ словомъ не обмолвился на счетъ своихъ мыслей или намѣреній по отношенію къ молодой дѣвушкѣ.

Недавнее происшествіе въ семье, судьба Аллы изъ-за нежданной прихоти старика, у которого онъ жилъ на хлѣбахъ, глубоко поразило Ильева и горько отозвалось... Онъ былъ слишкомъ порядочный и нравственно-чистый человѣкъ, богоbezный, и совѣстливый, чтобы не понять, въ какое горькое и зazorное положеніе попала подростокъ-дочь, ставъ любовницей старого родственника.

Но противодѣйствовать, бороться или, наконецъ, бѣжать съ Высоксы и начать нищенствовать, силы, конечно, не хватило. И когда гнусное и грѣховное дѣло должно было окончательно рѣшиться,—Василій Васильевичъ только и смогъ, что уйти... Пойти на боголье ко святымъ мѣстамъ, замаливать свой грѣхъ слабоволія и «его» грѣхъ сластолюбія...

Вернувшись недавно изъ Оптиної пустыни, Ильевъ снова принялся за свои «святыя» книги и еще болѣе чуждался всѣхъ обитателей дома и двора. Къ прежней нелюдимости теперь еще добавился стыдъ людей. Ильеву казалось, что всѣ давно знаютъ «срамъ и грѣхъ» его дочери и корятъ его, или издѣваются надъ нимъ.

Узнавъ о болѣзни удивительной и внезапной пріятеля Дениса Иваныча, онъ собрался навѣстить его, но рунты его не пустили къ больному, объяснивъ, что Змглодѣй строго заказалъ никого къ себѣ не допускать.

Принявъ нежданно явившагося Змглода, Ильевъ ахнулъ при видѣ пріятеля: настолько измѣнился тотъ.

— Что это ты? Зачѣмъ поднялся?— воскликнулъ онъ.— Надо дождаться во всякой хворости.

— Ничего,— угрюмо отвѣтилъ Змглодъ.— Моя хворость такая, что хоть всю жизнь лежи, не долежишься до облегченья.

— Да что у тебя? Сказывали—лихорадка... Я былъ у тебя — не пустили.

— Тебя-то, Василій Васильевичъ, я бы радъ былъ повидать, да думалъ, ты не соберешься ко мнѣ. А всѣхъ прочихъ я рунтамъ дѣйствительно наказалъ не пускать. Лѣзли изъ любопытства одного, поглазѣть, какъ Турка издыхаеть—по-русскому или по-своему, по басурманскому...

Змглодъ хотѣлъ улыбнуться, но не смогъ.

— Ну, вотъ и напрасно... Лежаль бы,— сказалъ Ильевъ.

— Я опять лягу. Я всталъ, чтобы только тебя повидать...

— Спасибо... Я бы и самъ пришелъ. Позвалъ бы... А то отложилъ бы.

— Нельзя откладывать,— вдругъ быстро и рѣзко вымолвилъ оберъ-рунть и странными глазами глянулъ на Ильева. Старикъ вопросительно смолчалъ, глядя на него.

— Нельзя откладывать,— повторилъ этотъ.

— Что жъ такъ? Не пойму.

— Дѣло у меня до тебя, Василій Васильевичъ. Страшнѣющее дѣло.

— Что ты? Богъ съ тобой.

— Страшнѣющее,— глухо повторилъ Змглодъ...— Вотъ ты меня сейчасъ выслушай, а тамъ безъ ножа и зарѣжь... Нѣтъ, я ужъ зарѣзанъ. Ты меня только дорѣжешь...

— Да Богъ же съ тобой...— уже отчасти робко произнесъ Ильевъ, будто смутно чуя, о чемъ сейчасъ дѣло зайдеть.

И онъ не ошибся. Оберъ-рунть помолчалъ мгновеніе и, опустя глаза въ полъ, выговорилъ будто чрезъ силу:

— Василій Васильевичъ... Кабы я проявился вдругъ женихомъ... Ты бы меня... Женихомъ, знаешь, я чаю, чымъ... Ты бы мнѣ арбузъ поднесъ, или бы сыномъ назвалъ...

Ильевъ настолько смущился неожиданнымъ и крутымъ оборотомъ бесѣды, что сидѣть румяный, съ раскрытымъ ртомъ и молча двигалъ руками, разводя ими, какъ бы въ замѣнѣ словъ, которыхъ не находилъ.

— Я человѣкъ не богатый, но не холопъ... Я вольный...— заговорилъ Змглодъ.— И по закону нашихъ мѣстъ, я не крестьянинъ и не мѣщанинъ, а больше...— въ родѣ дворянина, что въ Польскомъ королевствѣ шляхтой прозывается... Уйди я отсюда въ столицу, я всегда достану себѣ мѣсто по полиціи съ жалованьемъ... И я бы давно

ушель отсюда. Меня давно въ Питеръ земляки мои зовутъ и тако-
вое мѣсто обѣщаютъ... Меня здѣсь только одно держало, уходить
не позволяло... Одна твоя Алла Васильевна... Ну, вотъ... Я все вы-
ложилъ...

Василій Васильевичъ уже не смущенный, а растроганный по-
нурился и молчалъ.

— Ахъ, Денисъ Ивановичъ!—наконецъ воскликнулъ онъ и горько
заплакаль.—Что же ты раныше-то?.. Раныше бы...

— А теперь что же? Поздно развѣ?—страннымъ голосомъ спро-
силъ Змглодъ... Ну, что же? Сказывай...

И на смущенное и печальное молчаніе Ильева онъ прибавилъ:

— Ну, такъ я скажу, почему поздно...

— Знаешь, стало быть,—пролепеталъ старицъ.

— Знаю... Отъ того я и хвораль... хвораю... Вотъ что, Василій
Васильевичъ. Чужая душа—потемки. А въ моей душѣ была и есть
хозяйка, твоя Алла... Вотъ что...

— Да теперь-то... Теперь какъ же? Что мы можемъ съ нимъ?..
Я хоть и отецъ, а что могу? Ты и того меныше... Оба мы ничего не
можемъ.

— Все можемъ!—глухо отвѣтилъ Змглодъ, нахмурясь снова.

— Онъ не отдастъ, не позволитъ... Потомъ развѣ, когда приску-
чить... Да тогда, ты самъ-то пожелаешь ли, Денисъ Иванычъ?

— Нѣтъ. Ждать мнѣ не въ моготу. Лучше руки на себя налож-
ить, чѣмъ знать, куда она ввечеру идетъ... Нѣтъ, ждать нечего...
Послушай вотъ, Василій Васильевичъ, что я порѣшилъ на случай,
если не согласится этотъ идолъ.

— Кто?—ахнулъ Ильевъ трусливо.

— Онъ!—вскрикнулъ вдругъ озлобляясь Змглодъ.—Онъ! Истый
идолъ! Старый живодеръ. Иродъ онъ — младенцевъ побивающій...
Алла — тотъ же младенецъ для его гадовъ.

И Змглодъ холодно сурово передалъ Ильеву все то, что онъ на-
думалъ, весь свой планъ воздѣйствія на барина, чтобы добиться его
немедленного соглашенія на бракъ... Если же Басановъ заупрямится,
то онъ будетъ просить согласія Ильева на тайный увозъ Аллы съ
Высоксы.

— Онъ и насть всѣхъ тогда прогонитъ...—заявилъ старицъ.

— Съ нами жить пойдете. Ко мнѣ... Въ столицу. Пойми,—твердо
произнесъ Змглодъ.

Совершенно смущенный и оробѣвшій Ильевъ кончилъ просьбой
дать ему сроку «въ мысляхъ разобраться».

XVII.

Не только вся поліція всѣхъ заводовъ, всѣ рунты, но и сотни
двѣ заводскихъ молодцовъ бросили работу и принялись за розыски
бывшаго канцеляриста.

Одинъ лишь главный рунтъ не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ, хотя изрѣдка выходилъ изъ дома и сказывался здоровоымъ. Докторъ Веніусъ тоже заявилъ Аникитѣ Ильичу, что его больной справился, хотя и не вполнѣ.

Змглодѣй было не до поисковъ. Всѣ мысли его были устремлены на одно или слились въ одинъ помыслъ избавить Аллу отъ стараго барина.

Змглодѣй самъ не зналъ, какъ «простиль» любимую дѣвушку, какъ примирился съ мыслю, что его жена будетъ не кто иная, какъ прежняя наложница Басанова.

Страстная любовь превозмогла все. Вдобавокъ бѣдная дѣвушка сама была такъ страшно несчастна, что это уже вполнѣ очищало ее въ его глазахъ.

На другой день послѣ объясненія съ Васильемъ Васильевичемъ Змглодѣй пошелъ бродить по саду въ обычновенный давно имъ положенный часъ... Алла знала этотъ часъ его обхода и знала, что онъ побывалъ уже у ея отца. И она тоже на удачу вышла въ садъ съ умысломъ его встрѣтить и объясниться.

Съ той ночи, что Змглодѣй поймалъ ее въ дверяхъ проклятой винтушки, дѣвушка мучилась, не спала ночей, а днемъ сидѣла у себя и не показывалась никуда, даже не навѣщала молодую барышню пріятельницу.

Горе ея стало еще горше съ той минуты, что любимый ею че-ловѣкъ зналъ ея невольный срамъ и, страдая такъ же, какъ и она, вдобавокъ могъ обвинять ее. Алла наивно думала, что Змглодѣй подозрѣваетъ ее въ томъ, что она добровольно пошла на такое дѣло, которое для нея было много ужаснѣе всякаго истязанія... Она готова была согласиться, чтобы ее наказывали розгами и плетьми, но избѣвили отъочныхъ посѣщеній старика.

— А онъ меня обвиняетъ!—говорила она себѣ.—Онъ не чаетъ, какое это мнѣ мучительство.

Разумѣется, и оберъ-рунтъ, и молодая дѣвушка, завидѣвъ другъ друга въ саду, тотчасъ сошлись. Аллѣ хотѣлось даже броситься бѣгомъ на встрѣчу, но она боялась, какъ и что скажетъ онъ, какъ глянетъ на нее «пропащую».

Они сошлись молча... Змглодѣй повернулся съ большой дорожки въ чащу, она послѣдовала за нимъ, какъ виновная, но счастливая уже тѣмъ, что онъ не отогналъ ея, хочетъ повидаться и переговорить. Когда они очутились въ глухой части сада, куда почти никто не заглядывалъ никогда, Змглодѣй взялъ Аллу за руку, повелъ къ скамейкѣ, посадилъ и, сѣвъ около нея, продолжалъ упорно молчать, низко опустивъ голову и глядя въ землю.

Алла молчала, не смѣя заговорить. Но вдругъ она увидѣла, что плечи ея «милаго Турки» какъ-то встряхиваются, а онъ будто хрипить и все ниже и ниже клонится туловищемъ и головой къ землѣ.

Змглодъ сдерживался... но не смогъ удержать порыва страстного горя... Онъ началъ рыдать...

Алла вскрикнула и въ одно мгновеніе повисла у него на шеѣ, крѣпко прижимаясь, плача тоже и цѣлуя его въ лицо и въ голову.

Онъ тихо обнялъ ее... И еще нѣсколько мгновеній не вымолвили они ни слова, а плакали, какъ малыя дѣти.

— Денисъ Иванычъ, прости меня,—зашептала наконецъ Алла.— Вотъ тебѣ Богъ — я, несчастная, тутъ не при чемъ...

— Знаю... Знаю... Дорогая моя... — отозвался онъ.— Я виноватъ во всемъ. Да, я виноватъ. Не надо было мнѣ молчать да выжидатъ. Надо было тебя отсюда взять скорѣе, подальше отъ глазъ старого дьявола... Скажи, вѣдь ты бы согласилась... Пошла бы ты за мной...

Алла глядѣла, широко раскрывъ свои чудные глаза, и не понимала...

— Хочешь ты и теперь быть моей женой? — вдругъ воскликнула Змглодъ.

— Денисъ Иванычъ... — едва слышно отвѣтила дѣвушка и еще крѣпче прижалась къ нему...

— Слушай же меня... Вотъ мое рѣшеніе.

И Змглодъ передалъ ей то же, что объяснилъ наканунѣ ея отцу. Разумѣется, дѣвушка отнеслась къ этому не такъ, какъ Ильевъ. Она была согласна и готова на все. Избавиться отъ барина и стать женой «милой Турки» было для нея то же, что попасть изъ ада прямо въ рай. И Алла первая предложила не соображаться даже съ тѣмъ, что рѣшить ея отецъ, и дѣйствовать отважно.

— Хорошо батюшкѣ опасаться да разсуждать,— сказала она.— А мнѣ каково... Мнѣ смерть... Хуже смерти. Я лучше помру, чѣмъ такъ жить... Мнѣ смерть, право, краше кажется, чѣмъ Аникита Ильичъ со своей лаской... Будь ты на моемъ мѣстѣ, Денисъ Иванычъ, ты бы убилъ его... Вотъ какъ... Да.

— На твоемъ мѣстѣ?! — вскрикнулъ Змглодъ.— Я, и на своемъ мѣстѣ будучи, чую, что сейчасъ бы ухлопалъ его, какъ ни на есть! Собственными руками задавилъ бы...

И, судорожно скавъ кулаки, Змглодъ высоко взмахнулъ руками.

Разставшись съ Аллой, онъ отправился прямо къ себѣ и снова прилегъ на постель... Снова какая-то внезапная и удивительная для него слабость сказалась во всемъ тѣлѣ. Ничего подобнаго за всю жизнь не бывало съ нимъ. Пролежавъ до вечера, оберъ-рунть уже не бредилъ, не злобствовалъ безпѣльно, какъ было въ первые дни... Онъ обдумывалъ, какъ будетъ объясняться съ бариномъ, что ему скажетъ, какие доводы приведетъ... Онъ старался угадать, какъ отнесется Аникита Ильичъ къ его просьбѣ. Что ему Алла? Забава... Онъ, можетъ быть, даже будетъ радъ пристроить краткосрочную любовницу и живо найдеть другую... Мало ли таковыхъ перебывало у старого изувѣра!

На слѣдующій день оберъ-рунть явился по утру съ обычнымъ докладомъ къ барину по винтушкѣ, вскорѣ послѣ Масѣча. Онъ какъ бы вновь вступилъ въ отправленіе своей обязанности.

Заявивъ барину, что онъ выздоровѣлъ, Змглодъ добавилъ, что у него дѣло, важная просьба... Аникита Ильичъ, уже отпилившій три кружечка отъ бревна, еще не пилъ свое калмычко зелье...

— Ну, доложиши свое дѣло сегодня послѣ канцеляріи,—сказалъ онъ и вспомнилъ вдругъ о Гончемъ.

— Что же? Никто мнѣ Каина не найдеть! — сурово спросилъ онъ.— И ты тоже не возьмешься? Не такія дѣла ты мнѣ вершилъ... Почкище этого поросенка побывали у тебя въ рукахъ—умные, лихіе, зорные...

— Этотъ Гончай, право-слово, Аникита Ильичъ, не хуже многихъ прочихъ,—отвѣтилъ оберъ-рунть.—Я его полагаю даже много озорнѣе, отважнѣе и смышенѣе, чѣмъ иной муромскій Соловей-Разбойникъ... Его намъ врядъ словить. Лишь бы самъ ушелъ и вѣсть не беспокоилъ. А въ руки онъ не дастся. Не таковскай...

— Не смѣй ты мнѣ эдакое говорить!—вспылилъ Аникита Ильичъ.— Я хочу, чтобы негодяй былъ мнѣ доставленъ; не живого, такъ хоть мертваго мнѣ подай! Ну, ступай... А со своей пустяковиной приходи послѣ докладовъ и приема... Небось, будешь денегъ просить... Наблюдалъ я вѣсть всѣхъ, и стали вы мнѣ служить—хуже нельзѧ...

Часовъ черезъ пять, среди дня, Змглодъ дождался въ пріемной не въ качествѣ начальника полиціи, а въ качествѣ просителя...

Объясненіе «Турки» и барина было короткое, но оба равно были поражены, какъ громомъ. Басановъ—невѣроятной затѣей Змглода, а Змглодъ—отвѣтомъ и обѣданьемъ Басанова.

Когда безродный проходимецъ, наемный рунть, быть можетъ, настоящій турокъ, бывшій магометанинъ, заявилъ, что онъ просить дозвolenія жениться на Аллѣ Васильевнѣ Ильевой, потому что любить ее,—«Владимірскій Мономахъ», казалось, окаменѣлъ на мѣстѣ, лишившись способности мыслить и двигаться...

Онъ, основатель и владѣлецъ Высоксы, и этотъ чумазый проходимецъ—соперники!.. Полюбили одну и ту же?!

Но онъ, старикъ, видѣть и чуетъ, что молоденькая дѣвушка относится къ нему непріязненно, гадливо, со страхомъ и ненавистью, а этотъ Турка заявляетъ, что она его давно любить... И это правда! Правда потому, что самъ онъ, Басановъ, раза два замѣтилъ что-то особенное въ ихъ отношеніяхъ... Оно въ глаза бросилось ему, ничего еще тогда не подозрѣвавшему.

Не сразу припель въ себя Аникита Ильичъ... Ревность через-туръ всколыхнула въ немъ его старческую пылкость... Кровь, въ его старомъ тѣлѣ, еще была молода, горяча, еще бушевала порой шибче, чѣмъ въ иномъ двадцатиѣтнемъ молодцѣ. Змглодъ ждалъ, опустивъ глаза, но изъ почтенія, а не отъ смущенія. Онъ былъ

напротивъ настолько же спокоенъ, насколько старый баринъ вспыхнулъ и взволновался.

«Я вольный,—думалъ Змглодъ.—И она не холопка твоя, а даже дворянка. Наше дѣло въ нашихъ рукахъ — лишь бы отвага была. А хватишъ черезъ край — законы есть. Намѣстники есть... Закупишь?.. Царица есть — милостивая... До нея доберусь... Царицу сребренники обойдутъ и противъ меня поставятъ?.. Бессарабія есть, Дунай — рѣка... За нимъ ни меня, ни Аллы не достанешь.

— Ты вѣдаешь аль нѣть... — раздался надъ нимъ шепотъ барина, всегда шептавшаго отъ избытка гнѣва...

Змглодъ поднялъ глаза и увидѣлъ Аникиту Ильича съ зажмуренными глазами, блесковатымъ лицемъ и дрожащими губами.

— Ты вѣдаешь, что она теперь моя зазноба? Ну, забава что ли...

— Никакъ нѣть-стъ, — солгалъ Змглодъ, заранѣе рѣшивъ, что такъ нужно.

— Такъ знай... турецкая побѣгушка... сultановскій бѣгунъ въ наши православные края... Да, Алла мнѣ, Аникитѣ Басманъ-Басанову, высокскому барину... приглянулась... И покуда она мнѣ не прискутила своимъ воемъ и будетъ состоять въ моихъ прелестницахъ, до того часу я всякаго, кто на нее глаза закинетъ, въ прахъ обращу... А наскучить когда она мнѣ, и захочу я когда тебѣ ее пожаловать, мое будетъ дѣло. А покуда она моя... Не смѣй даже мыслить объ ней, не смѣй отнынѣ подходить къ ней, не токмо бесѣдовать... А если вы вмѣстѣ выкинете какое колѣно, то, помни, у меня руки долги. Тебя, туркину побѣгушку, я, невзирая на твоего паря Салтана, просто запорю до смерти вотъ тутъ предъ коллегіей на улицѣ. А не то безъ хлопотъ прикажу на воротахъ полицейскаго дома повѣсить... А ее въ келью!

— Виновать,—глухо отозвался Змглодъ и мысленно прибавилъ себѣ: «стало, обождя малость — бѣжать!»

— Ну, вотъ... Такъ и знай... У меня двухъ словъ нѣть... А для пущей вѣрности... пущаго уговора... Нà вотъ... Гляди... Видиши — икона Спасителева.

И Аникита Ильичъ, двинувшись, показалъ въ уголъ комнаты, гдѣ висѣлъ образъ.

— Ну, такъ вотъ предъ сею честною иконою Господа Спаса нашего, я, рабъ Божій Аникита, боляринъ Басманъ-Басановъ, даю мою вѣрную непроложную клятку... Въ случаѣ какого дерзостнаго подвоха или ухищренья твоего и Аллинова — я даю божбу съ крестнымъ знаменіемъ: тебя повѣсить, а ее въ монастырь упрятать... предварительно наказавъ плетьми обоихъ на улицѣ... Ну... Пощель вонъ... Ты малый смышеній... заруби это себѣ на носу.

Змглодъ вышелъ отъ барина, прошелъ прѣмную, коридоръ, гдѣ толпились канцеляристы и писцы, медленно спустился по лѣстницѣ, вошелъ въ дежурную переднюю, гдѣ вся дюжина поднялась на ноги

при его появленіи, затѣмъ онъ прошелъ всѣ комнаты дома и чрезъ террасу вышелъ въ садъ... Но онъ ничего по пути не видѣлъ и не замѣтилъ.

— «Что же теперь?—мысленно повторялъ онъ...—Думай! Думай братъ! Все обсуди, чтобы его въ дураки вырядить, а не себя»...

Войдя въ липовую аллею, онъ вдругъ опустился на скамью отъ нового припадка слабости и вскрикнулъ хрипливо:

— Убиль бы... Да и убью, если...

Зміглодѣй зналъ Басанова давно и хорошо... Поэтому онъ зналъ, что если его побѣгъ и увозъ Аллы не удастся, то Аникита Ильичъ сдержитъ свою клятву предъ иконой... И онъ и она будуть нещадно и срамно наказаны плетьми на улицѣ, на потѣху всей Высоксы...

И, просидѣвъ задумчиво около часу, онъ вымолвилъ:

— Ну, что же? Изъ-за Аллы давай биться на смерть... Кто кого одолѣеть. Лучше я помру истерзанный, а все же ее тебѣ не оставлю.

Въ тѣ же мгновенія Аникита Ильичъ, стоя у окна еще взъведенный и разгнѣванный, сказалъ самъ себѣ:

— А все бы лучше, загодя, его упрятать... Или въ Павлиній павильонъ, или на дно озера. Эдакъ вѣрнѣе бы...

XVIII.

Немало было, казалось, раскатовъ грома и молній надъ Высоксой, гдѣ долгіе годы всѣмъ жилось безмятежно и беззаботно... А между тѣмъ настоящая страшная гроза, долженствовавшая все разгромить, еще только надвигалась.

Все населеніе дома, усадьбы и заводовъ жило однимъ помышленіемъ и однимъ ожиданіемъ, чѣмъ кончатся поиски. Имя Аньки Гончаго было у всѣхъ на языкѣ, но самъ онъ, видѣнныи два раза въ самой Высоксѣ,—въ руки не давался, какъ кладъ.

— Съ нечистымъ спознался! Врагъ человѣческій ему въ помощь и заступленіе! — рѣшили многія умныя головы.

А между тѣмъ не разъ видѣли въ Высоксѣ Аньку вѣрные люди... Видѣла его сама молоденькая барышня изъ своего окна на зарѣ. Она среди безсонницы встала подышать утреннимъ воздухомъ и, отворивъ свое окно, увидѣла подъ балкономъ Сусанну Юрьевны какого-то человѣка. Она подумала, что это рунтъ, но, узнавъ Гончаго, ахнула и захлопнула окно... Когда она разбудила Матвѣевну, а та подняла на ноги дежурную дюжину, то, разумѣется, молодца и слѣдѣй простила.

Другой, видѣвшій Аньку, былъ пѣвчій Тарасъ Файка... Но молодой малый видѣлъ скрывающагося молодца совсѣмъ иначе.

Гончай среди ночи явился въ домикъ, гдѣ Тарасъ жилъ вмѣстѣ съ двумя другими пѣвчими... Онъ разбудилъ спящаго, приказалъ молчать и идти за собою тихонько, чтобы не разбудить другихъ... Выведя его на улицу, онъ досталъ ножъ и, держа Файку за воротъ, сталъ допрашивать, грозя за утайку и лганье убить.

Файка отвѣчалъ на все и божился по его требованію Богомъ и Матерью Божией клялся... И Гончай его отпустилъ безъ вреда.

Но о чѣмъ допрашивалъ одинъ и въ чѣмъ клялся другой, осталось никому не извѣстнымъ. Одному барину Аникитѣ Ильичу, глазъ на глазъ, повѣдалъ все красавецъ пѣвчай, самъ изумляясь тому, что рассказывалъ, и опять божась предъ бариномъ, что онъ не причемъ, а Анька, должно быть, свихнулся.

И Аникита Ильичъ, допросивъ Тараса, приказалъ ему строжайше никому не говорить все то, въ чѣмъ его Анька пыталъ.

Отпустивъ пѣвчаго, старики задалъ однако себѣ загадку, спрашивали себя:

— Но почему же шалый и расprodерзкій малый приревновалъ Сашу къ красавцу пѣвчему?.. И съ ножемъ пыталъ его узнать правду?.. Стало быть, онъ ревнивецъ запримѣтилъ что? А ревницы куда зрячи! Примѣръ—онъ самъ.

Басановъ, которому Сусанна рассказала подробно свою исторію съ Гончимъ, то-есть «всю полу-правду», не могъ ни минуты допустить мысли, что красавица племянница, дворянка, воспитанная женщина, могла увлечься хотя и красивымъ, умнымъ малымъ, но все-таки простымъ холопомъ, все-таки простымъ человѣкомъ, существомъ низшимъ... Однако исторія Гончаго съ Файкой смущала его... Ему самому однажды, когда пѣвчай пѣлъ итальянскія пѣсни у племянницы въ комнатахъ, тоже что-то чудилось. Тогда онъ думалъ, что это отъ голоса и пѣсенъ у племянницы такъ чудно глаза разгорѣлись на красавца пѣвчаго... Теперь онъ не зналъ, какъ рѣшить и какъ объяснить то, что замѣтилъ...

Но вѣдь и Тарасъ, хотя и писанный красавецъ, но тоже холопъ, хамъ, мужикъ.

И вдругъ простое, естественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданное и удивительное соображеніе пришло въ голову Аникитѣ Ильичу и поразило его...

«А ты самъ гордый боляринъ, дворянинъ, благовоспитанный?.. Ты гнушаешься красавицами холопками и молодухами мужицкаго состоянія?.. Для тебя красавецъ холопъ—одно, а красавица холопка—другое...

И старики, будто вдругъ самъ себя нечаянно словивъ и устыдивъ, только развелъ руками.

— Вотъ тебѣ, Аникита Ильичъ, и загвоздка!—прощепталъ онъ нѣсколько на смѣшило.

Однако судьба, давно и постоянно благопріятствовавшая Сусаннѣ во всемъ, вдругъ повернулась противъ нея.

Человѣкъ, повліявшій на новый оборотъ обстоятельствъ, былъ нѣкто едва замѣтный теперь среди обитателей дома. Это былъ молодой князь Давыдъ Никаевъ, прежній претендентъ на руку дочери важнаго барина, которому онъ приходился свойственникомъ.

Молодой человѣкъ, тихій на видъ, скрытный, но смѣлый, не могъ примириться съ мыслю, что всѣ его мечты разрушены съ появленіемъ петербургскаго офицера. Помимо самолюбиваго желанія стать въ будущемъ богачемъ и владѣльцемъ Высоксы, Давыдъ дѣйствительно любилъ Дарьушку, съ которой вмѣстѣ выросъ. Чувство его смѣшанное—и любовь и дружба—было однако глубоко и искренно. Сама молоденькая дѣвушка подростокъ обожала Давыда и даже вслѣдствіе намековъ отца и всѣхъ обитателей дома привыкла видѣть въ Никаевѣ будущаго своего мужа.

Давыдъ, молчаливо страдавшій отъ признаванія всѣми Дмитрія женихомъ Дарьушки и уже собиравшійся уѣзжать съ Высоксы, чтобы поступить въ военную службу, вдругъ сразу ожилъ и глядѣть не только бодрѣе, но казался совершенно счастливъ.

Нѣчто, внезапно приключившееся съ княземъ, преобразило его, подавъ надежду, что все снова въ его судьбѣ измѣнится на прежній ладъ.

Случилось это просто...

Однажды, послѣ полуночи, бродя съ тоски въ саду и приближаясь къ дому, онъ подстерегъ нѣчто такое важное и невѣроятное, что онъ боялся повѣрить собственнымъ ушамъ и глазамъ. Онъ видѣлъ Дмитрія Басанова, который прошелъ отъ себя, поднялся по опускной лѣсенкѣ на балконъ Сусанны Юревны и исчезъ въ ея комнатахъ.

И только часа черезъ два, караулившій Давыдъ увидѣлъ снова офицера слѣзающимъ по лѣсенкѣ съ балкона барышни и возвращающимся къ себѣ...

На слѣдующую ночь князь былъ заранѣе, какъ на часахъ, среди чащи сирени и дождался... И онъ увидѣлъ то же самое. На этотъ разъ онъ дерзко отважился влѣзть по столбу на балконъ... Все, что онъ видѣлъ черезъ плохо задернутыя занавѣски оконъ, и все, что онъ слышалъ черезъ пріотворенную дверь балкона, убѣдило его, что Басмановъ не будетъ мужемъ Дарьушки...

Доложить Аникитѣ Ильичу — и тогда онъ, Давыдъ, снова станетъ нареченнымъ Дарьушки.

— Но какъ доказать?—смузенено, но все-таки радостно повторялъ Давыдъ, собираясь отважно съ докладомъ.

И будто не переставая сомнѣваться въ вѣрности своего поразительного открытия, онъ въ теченіе трехъ ночей продолжалъ подглядывать.

Дмитрій Андреевичъ не появился ни разу, но зато на третью ночь съ княземъ случилось нѣчто совсѣмъ нежданное. Притаившись среди чащи сиреневыхъ кустовъ противъ правой террасы, онъ просидѣлъ болѣе часу... И вдругъ онъ ясно разслышалъ, что кто-то осторожно крадется въ тѣхъ же кустахъ за его спиной... Шелестъ вѣтвей слышался все ближе... Давыдъ сильно оробѣлъ, предположивъ, что это какойнибудь ночной звѣрь или самъ нечистый...

Кравшійся ползкомъ наткнулся прямо на него и послѣ мнovenья нерѣшимости бросился на него и схватилъ его за горло...

— Что ты за человѣкъ!—прохрипѣлъ онъ злобнымъ шепотомъ.

Давыдъ, совершенно растерявшись, но сразу отвѣтилъ:

— Давыдъ Никаевъ...

— Князь Давыдъ?

— Да. Да...

И молодой человѣкъ, несмотря на темноту, разглядѣлъ и узналъ ночного пришельца.

Это былъ Гончай...

— Что ты тутъ дѣлаешь? Меня стережешь?!—снова злобно прошепталъ Анька.

— Богъ съ тобой! У меня... свое дѣло... Своя бѣда у меня.

— Говори всю правду истинную. Зачѣмъ ты здѣсь среди ночи, если не меня ловить засѣль?

Князь отчасти изъ боязни и нечаянности встрѣчи, отчасти по причинѣ ему самому непонятной сразу рассказалъ все откровенно.

— Стережешь Дмитрія Андреевича?—разсмѣялся Анька страннымъ смѣхомъ.—Ну, что же? Доброе дѣло. Только не пойму, какая тебѣ охота. Я вотъ иное дѣло... Небось, и ты вотъ, хоть и князь, а желалъ бы если не отпускную на волю, то деньги заработать на мнѣ...

— Избави Богъ, — отвѣтилъ Давыдъ.—Богъ съ тобой. Больше скажу. Ты вотъ уже швырялся на Дмитрія Андреевича, да не со-владалъ. Случись я тутъ въ тѣ поры, я его тебѣ придержалъ бы охотно.

Наступило молчанье. Гончай соображалъ все услышанное, вспоминалъ и то, что прежде доходило до него на счетъ молодого князя... Толки, что онъ можетъ стать будущимъ владѣльцемъ заводовъ, прекратились только съ прїездомъ Басанова.

Но Гончай, занятый, даже поглощенный своей страстью, никогда ни разу не обратилъ вниманія на всѣ эти соображенія и ожиданія. Теперь онъ сразу иными глазами глянулъ на все...

— Слушай-ко, князь Давыдъ Анатольевичъ... Хочешь по душѣ поговорить со мной, пропащимъ человѣкомъ?—выговорилъ онъ вдругъ рѣшительно.

— Вѣстимо, да... Ты для меня не то, что для иныхъ прочихъ. Ты хотѣлъ Дмитрія Андреевича ножемъ хватить. И на горе... Да. Прямо

скажу тебѣ... На мое горе обмахнулся ты... Будь я отважнѣе, я бы на то же пошелъ, хоть вотъ сейчасъ...

— Ладно. Такъ идемъ... Подалъ отсюда... Перетолкуемъ обо всемъ. Одна голова иногда только бѣда, а двѣ головы или двѣ бѣды или счастье... Можетъ, мы съ тобой вмѣстѣ такое дѣло совершимъ, что оба счастливы станемъ. Идемъ.

И оба, осторожно прокравшись кустами, вышли въ аллею, а за тѣмъ двинулись въ самый дальний и глухой край сада...

Здѣсь на той же скамье, гдѣ недавно объяснялись и плакали вмѣстѣ Змглодѣй и Алла, они усѣлись и стали говорить... Гончай рассказалъ всю правду про себя и Сусанну... Князь рассказалъ всю правду про себя и Дарьушку.

Врагъ у обоихъ былъ одинъ...

Только предъ разсвѣтомъ разстались они порѣшивъ: смѣлыимъ Богъ владѣеть! Либо пропадать обоимъ, либо все въ Высоксѣ перевернуть на свой ладъ.

— Помни же, князь,—сказалъ Анька съ чувствомъ въ голосѣ.— Не робѣть?... Я пропаду, мнѣ все одно... Рано ли, поздно ли... Да мнѣ и жисть въ тягость. А ты оробѣешь, все счастье твоє ухнетъ.

XIX.

На другой день во время приема у Аникиты Ильича, когда коридоръ былъ полонъ народу, а въ приемной сидѣло человѣкъ десять, вдругъ произошелъ страшный переполохъ... Всѣ ахнули, кто оробѣлъ, а кто и не испугавшись растерялся отъ изумленія.

Въ приемной явился Анька Гончай.

Онъ глядѣлъ на всѣхъ спокойно и даже какъ будто гордо... Блѣдное лицо его и сверкающіе глаза поразили всѣхъ какимъ-то особыннымъ выраженіемъ рѣшимости, удали, отваги...

Только изумленный пуще всѣхъ начальникъ канцеляріи Пастуховъ рѣшился опросить его...

— Что ты?.. Самъ?

— Да. Самъ. Голову принесъ... Либо иначе все будетъ! Какъ Богу угодно. Доложи барину, пусть допуститъ. Не допустить до себя, я здѣсь же въ приемной горло себѣ перерѣжу, а на мучительство не дамся. Доложи, я не прощеніе просить пришелъ, а глаза ему открыть... А за мной еще четверо...

Пастуховъ доложилъ дословно. Аникита Ильичъ вытаращилъ глаза.

— Здѣсь?—выговорилъ онъ.—Пришелъ?

— Да-съ.

— Самъ, сказываешь. Не поймали да привели?..

Пастуховъ повторилъ слова Гончаго.

Старикъ подумалъ мгновеніе и затѣмъ, поднявшись съ кресла порывомъ, вымолвилъ едва слышино:

— Впусти.

Пастуховъ вышелъ и думалъ:

— «Ну, какъ бы изъ своихъ рукъ его не убилъ чѣмъ попало»...

Но, впустя Гончаго въ кабинетъ, Пастуховъ вошелъ за нимъ, думая совсѣмъ иное:

— «А если Анька отчаянныи и пропащій хватить барина ножемъ»...

Между тѣмъ баринъ мѣрилъ молодца съ головы до пять и замѣтилъ его странное лицо, дикий взглядъ и рѣшимость отчаянія во всей фігуры.

— Теперь меня рѣзать пришелъ? — выговорилъ онъ почти шепотомъ и пытливо глядя Анькѣ въ лицо.

Молодой малый опустилъ сверкающіе глаза и отозвался глухо, но съ искреннимъ чувствомъ:

— Избави Богъ и помилуй!.. Я, кромѣ добра, ничего отъ тебя никогда не видалъ, Аникита Ильичъ... Да если-бъ ты меня и наказалъ когда, на то твоя барская воля... Вотъ, видишь, съ собой взялъ... Но не на тебя, а на себя...

И Анька досталъ большой ножъ изъ-за пазухи... Пастуховъ перепуганный шагнулъ къ канцеляристу, собираясь его схватить за руку...

— Ты чего тутъ! — вскрикнулъ на него Аникита Ильичъ. — Пошелъ вонъ!

Пастуховъ окаменѣлъ на мѣстѣ, разиня ротъ.

— Вонъ, тебѣ говорятъ...

Начальникъ канцеляріи поспѣшно вышелъ изъ кабинета, и, за-творяя за собой дверь, думалъ:

— И впрямь я ошалѣлъ. Нешто это возможно...

Въ приемной, конечно, шелъ толкъ о появлениі бѣгуна и злодѣя, а въ коридорѣ былъ даже шумъ... Всѣ говорили заразъ, дивясь и ахая, соображая и гадая...

Въ кабинетѣ барина стало тихо... Только разъ всѣ раз слышали громкое и гнѣвное слово Аникиты Ильича, повторенное два раза вопросомъ:

— Четверо? Четверо?!

Прошло около полу-часу съ тѣхъ поръ, что Гончай вошелъ въ кабинетъ, когда баринъ вдругъ появился на порогѣ и приказалъ:

— Позвать Абраама!

Абраамъ, отецъ Аньки, за которымъ собирались бѣжать на домну, нежданно оказался внизу на крыльцѣ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ кабинетѣ около сына.

Чрезъ нѣсколько мгновеній Аникита Ильичъ снова появился въ дверяхъ и снова приказалъ къ себѣ позвать князя Давыда и Угрюмову.

Молодой князь оказался не у себя, а въ канцелярии, куда почти никогда не заходилъ. Очевидно, онъ ждалъ, что баринъ пожелаетъ его тоже видѣть и потребуетъ.

Когда Давыдъ вошелъ къ Аникитѣ Ильичу, Анна Фавстовна блѣдно-зеленая поднималась по лѣстницѣ въ сопровожденіи Пастухова.

Угрюмова и Сусанна уже знали, конечно, что Гончій явился самъ къ Аникитѣ Ильичу. Постоянно боявшаяся этого за послѣднее время Сусанна была поражена, какъ громомъ, и сидѣла молча и опустивъ голову на руки. Угрюмова стояла предъ ней и успокаивала ее глупыми словами.

Появленіе Пастухова, потребовавшаго ее на верхъ, было новымъ, но еще сильнѣйшимъ ударомъ для обѣихъ... Цѣло принимало тотъ оборотъ, о которомъ Сусанна боялась и думать.

— Что же? Идите... вымолвила она глухо.—Вы знаете, что отвѣтить...

И Угрюмова пошла... Она знала дѣйствительно, что должна отвѣтить. «Ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!» Но когда женщина вошла въ комнату барина, гдѣ бывала случайно не болѣе раза въ годъ, она отъ страха совершенно лишилась сознанія и едва держалась на ногахъ... Какъ сквозь туманъ, разглядѣла она Аникиту Ильича, а поодаль отъ него у стѣны молодого князя Никаева, а за нимъ сѣдого Абрама и его сына.

— Ну, подлая тварь, отвѣтчай мнѣ... Былъ ли Онисимъ полюбовникомъ барышни Сусанны Юревны?—выговорилъ Аникита Ильичъ отчетливо, но голосъ его былъ другой, будто съ хрипомъ и будто рвался.—Отвѣтчай правду и скорѣе... Солжешь, то къ вечеру изъ-подъ плетей въ гробъ положать. Ну...

Угрюмова не могла вымолвить ни слова. Языкъ не повиновался ей.

— Что же? Подъ плети желаешь, старая собака?—произнесъ Аникита Ильичъ тише... Ну?..

Угрюмова что-то пробормотала... Можно было разобрать только: «вѣд... не вѣд...»...

— Прикажи двухъ рунтовъ съ плетьями позвать сюда по винушкѣ!—разслышала она и повалилась въ ноги барину...

— Послѣдній разъ спрашиваю тебя, пса... Былъ ли Гончій не твоимъ, а барышнинымъ полюбовникомъ?

— Былъ... всхлипнула Угрюмова.

Въ комнатѣ настутила тишина. Слышалось только тяжелое дыханіе или сопѣніе барина. Затѣмъ старикъ подошелъ ближе къ ней и вымолвилъ совсѣмъ дрожащимъ голосомъ:

— А Дмитрій Андреевичъ?.. Тѣперь...

Угрюмова, всхлипывая и закрывая лицо руками, замотала головой...

— Онисимъ... Давыдъ... Берите ее... Швыряй въ окно... Эдакъ проще... вскрикнулъ старикъ.

Князь и Гончай, оба изумленные, двинулись къ женщинѣ нѣсколько нерѣшительно... Но Анна Фавстовна закричала, завыла и шарахнулась отъ нихъ.

— Батюшка Аникита Ильичъ! Я не виновата...

— Говори... Отвѣчай... Нареченный якобы Дарьушкинъ теперь въ ея полюбовникахъ состоитъ? Правда ль это?

— Правда... Правда... вдругъ отчаянно завопила Угрюмова, какъ бы обезумѣвъ.

И снова наступила мертвая тишина, но на этотъ разъ длилась дольше. Наконецъ Аникита Ильичъ, будто прійдя въ себя, вызвалъ Пастухова и распорядился. Онъ казался совершенно спокоенъ. Всѣ вызванные имъ вышли изъ кабинета и всѣ глядѣли бодро, кромѣ Угрюмовой, которая едва шагала...

Однако одинъ Давыдъ отправился къ себѣ. Съдой Абрамъ съ сыномъ подъ конвоемъ двухъ рунтовъ отправились въ полицейскій домъ, где были помѣщены въ свѣтлой горницѣ, но подъ стражей. Анна Фавстовна перешла только коридоръ и очутилась въ канцеляріи и затѣмъ въ маленькой горнице, где былъ складъ бумагъ и дѣлъ, въ родѣ архива. Когда она была введена, то за ней затворили дверь, и звякнула замокъ. Она опустилась на стулъ и почти лишилась сознанія, ожидая, что именно здѣсь ее сейчасъ же начнутъ наказывать плетьми...

Одновременно верховой рунтъ поскакалъ на Проволочный заводъ требовать къ барину священника отца Григорія.

Это былъ четвертый свидѣтель, на которого сослался Гончай... Когда-то священникъ, большой другъ Абрама, послѣ свиданія съ барышней, смутился и кой-что повѣдалъ ему, прося его совѣта. Теперь и Анька и самъ Абрамъ сослались на отца Григорія, который тоже можетъ открыть глаза барину по иному важному обстоятельству.

XX.

Между тѣмъ, покуда Давыдъ, радостный, сіяющій сидѣлъ у Дарьушки и, ничего не объясняя,увѣрялъ ее, что Господь смилиствился надъ нимъ и надъ нею, покуда Абрамъ и Гончай ждали, чѣмъ разрѣшится ихъ участъ, но однако не ждали бѣды, покуда Анна Фавстовна сидѣла запертая и отъ страха полуживая... самъ баринъ Аникита Ильичъ долго, тихо шагалъ по своимъ комнатамъ, а затѣмъ опустился въ любимое большое кресло въ спальнѣ около кюта съ образами...

Онъ чувствовалъ себя не хорошо... Въ головѣ было какъ-то все спутано, мысли о совершенно разныхъ обстоятельствахъ и предметахъ переплелись и перепутались, сбившись какъ бы въ какой клубокъ. Онъ то бормоталъ, то шепталъ, то ясно и громко произносилъ

слова вслухъ... И все объ разномъ, не имѣющемъ ничего общаго между собой...

Ему казалось чудное! Онъ будто плаваетъ или летаетъ по воздуху... Черезъ часъ у него былъ уже Веніусъ, вызванный имъ впервые, какъ врачъ.

— Ну, вотъ и до меня чередъ дошелъ,—встрѣтилъ его стариkъ, иронически усмѣхаясь.—Полагаю, что никогда ты для меня самого не понадобишься... А вотъ, потрафилось... Ну, пользуй... Не хорошо мнѣ...

На вопросы доктора онъ однако отвѣтилъ, что у него ничего не болитъ, кромѣ души, которую «близкіе люди наизнанку вывернули!».

Веніусъ и самъ видѣлъ, что стариkъ только сильно потрясенъ нравственно, и что у него, пожалуй, та же хворость, что недавно была у Змглода. Но это потрясеніе у старика повлекло за собой такой упадокъ духа и силъ, который былъ въ его года, конечно, опаснѣе, чѣмъ для кого другого. Веніусъ тотчасъ добылъ кой-что изъ своего запаса медикаментовъ, самъ состряпалъ, и послѣ первого же пріема старику стало гораздо лучше... Онъ глядѣлъ бодрѣе, и въ головѣ прояснилось...

— Ну, молодецъ ты, хоть и нѣмецъ,—сказалъ Аникита Ильичъ и прибавилъ:—а теперь справь мнѣ другое дѣло, не знахарское, а семейное... Одолжиши...

И онъ далъ Веніусу порученіе.

Сусанна узнавъ, что Угрюмова осталась запертая на верху, послѣ страшнаго волненія, рѣшилась не поддаваться, а дѣйствовать и бороться до послѣдней крайности.

Она послала просить позволеніе явиться къ дядюшкѣ. Аникита Ильичъ отвѣтилъ, что ему не время, и они свидятся за обѣдомъ.

Теперь онъ попросилъ Веніуса пойти къ племянницѣ и передать ей... Первое, что ему слегка «не можетъся», и обѣдать онъ будетъ одинъ у себя. Второе объяснить ей, что Абрамъ и Гончай будутъ на утро высланы въ городъ для сдачи въ земскій судъ ради поселенія въ Сибирь... Въ-третихъ, успокоить ее на счетъ Угрюмовой и не гнѣваться за то, что онъ ее за сплетничество рѣшилъ наказать самымъ пустымъ образомъ: продержать недѣлю запертою на хлѣбѣ и на водѣ.

И все это Веніусъ передалъ Сусаниѣ отъ имени ея дяди, но на всѣ ея разспросы, къ несчастію, не могъ ничего отвѣтить, самъ ничего не зная... Онъ зналъ только, что Аникита Ильичъ былъ сильно взволнованъ, потрясенъ, но упадокъ духа и слабость тѣла уже прошли... И онъ опять молодцемъ...

Сусанна не знала, что подумать... Неужели у старой «Киты» такъ сильна увѣренность въ ней, что онъ даже дерзкому доносу Гончаго не повѣрилъ... Но зачѣмъ онъ вызывалъ Абрама и молодого князя?.. Въ особенности этого «хитраго Давыдку»! За что собственно наказываетъ онъ вдругъ «почетнымъ чуланомъ» ея Анну Фавстовну...

Сусанна совершенно терялась въ догадкахъ...

«Хитритъ старый? Зачѣмъ?.. Нѣтъ! Онъ не таковъ. Если-бъ что случилось, то бура и гроза разразились бы сразу. Очевидно, онъ не повѣрилъ Анькѣ!.. Но Давыдъ зачѣмъ? Наконецъ, въ чемъ же виновата оказалась Угрюмова?»...

И въ головѣ Санны шелъ тотъ же круговоротъ, что былъ и въ головѣ старика Басанова. Всѣ ея мысли, догадки и предположенія тоже будто сбились и сплелись въ клубокъ...

Межу тѣмъ Веніусъ, исполнивъ свое порученіе, вернулся къ барину... Когда онъ поднимался по большой лѣстницѣ, то встрѣтилъ «проволочнаго батьку». Отецъ Григорій не шелъ, а катился внизъ по ступенямъ, блѣдный, съ безумно открытыми глазами и, какъ показалось доктору, съ мокрымъ отъ слезъ лицемъ.

Но, войдя въ кабинетъ, Веніусъ вскрикнулъ и всполошилъ весь верхъ и весь домъ, поднявъ на ноги всѣхъ пишущихъ канцеляристовъ и всю дежурную дюжину...

Онъ нашелъ Аникиту Ильича мертвъ блѣднымъ въ креслѣ, но въ полулежащемъ положеніи... съ повиснувшей на плечо головой.

На его крикливыя вопросы отъ перепуга старики хотѣлъ отвѣтить и не могъ, такъ какъ языкъ не повиновался ему...

— Кровь пустить!— воскликнулъ Веніусъ.— Надо! Дозвольте!.. Это мой долгъ врача!..

Но покуда канцеляристъ сбѣгалъ къ доктору на домъ за ящищкомъ съ инструментами, покуда дежурный сбѣгалъ за фельдшеромъ и все было готово, Аникита Ильичъ уже заговорилъ и произнесъ:

— Пустое... Прошло...

— Дозвольте... Все лучше,— говорилъ Веніусъ.

— За всю жизнь свою этакое баловство я надѣлъ собой не дозволялъ,— уже нѣсколько сурово вымолвилъ Басановъ, совершенно оправившійся.

Нѣмецъ докторъ невольно ротъ разинулъ.

— Ну, натура!— подумалъ онъ по своему.— Желѣзный человѣкъ. Моложе молодого.

Чрезъ полчаса еще Аникита Ильичъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо и всѣхъ отъ себя прогнналъ.

Припадокъ, приключившійся съ нимъ, былъ послѣдствіемъ бѣсѣды съ священникомъ. То, что по его строгому приказу повѣдалъ ему отецъ Григорій, поминая имя его покойнаго сына, всякаго іного человѣка свалило бы съ ногъ. А інога и убило бы!.. Но шестидесятилѣтній старики, на душѣ и сердцѣ котораго была броня себѧ-любія, былъ, видно, не уязвимъ.

Аникита Ильичъ не сошелъ къ столу внизъ и отобѣдалъ одинъ, а затѣмъ вызвалъ къ себѣ на верхъ по парадной лѣстницѣ Василія Васильевича и нахлѣбника Константинова, для партіи въ бостонѣ. Карты доказывали, что барину совсѣмъ хорошо.

XXI.

Сусанна послѣ разговора съ нѣмцемъ докторомъ, принесшимъ ей отъ имени дяди успокоительная вѣсти, все-таки волновалась. Анька съ отцомъ были арестованы при полиціи, что доказывало, какъ именно отнесся Басановъ къ доносу отчаянного молодца. Но одновременное наказаніе Угрюмовой было ей непонятно и поэтому сильно смущало.

Разумѣется, еще до обѣда Сусанна переговорила съ Дмитріемъ и удивила его своей тревогой. Онъ, знавшій съ ея словъ «полу-правду» о Гончемъ, не понималъ, почему она такъ поражена его появленьемъ къ Аникитѣ Ильичу... Что жъ могъ молодецъ старику сказать? Онъ могъ только покаяться въ своемъ безумствѣ и просить пощады...

Однако Сусанна убѣдила и упросила молодого человѣка повидать Давыда Никаева и постараться что нибудь вывѣдать у него, какъ какъ онъ долженъ быть все знать.

Дмитрій послѣ обѣда завелъ разговоръ съ молодымъ княземъ и позвалъ его къ себѣ. Добродушный человѣкъ рѣшилъ хитрить и, какъ всѣ не хитрые люди, воображалъ, что онъ искусно проведетъ за носъ юнаго Давыда. Князь же наоборотъ, малый хитрый, притворился тѣмъ, чѣмъ никогда не бывалъ, то-есть наивнымъ и добродушнымъ.

Едва только Дмитрій началъ наводить бесѣду на утреннее происшествіе, съ цѣлью узнать, что именно дѣжалось и говорилось въ кабинетѣ дяди, какъ князь Давыдъ самъ прямо и просто передалъ ему все подробно.

По его словамъ, Анька Гончій дерзновенно заявилъ, что барышня Сусанна Юрьевна яко бы была его полюбовницей, а потомъ вдругъ бросила. Изъ-за этого онъ и пошелъ на злодѣяніе... Такъ какъ онъ ссылался на своего отца, на Анну Фавстовну и даже на него, князя, якобы видавшаго его по ночамъ въ комнатахъ барышни,—то баринъ вызвалъ и ихъ всѣхъ на очную ставку... Онъ, Давыдъ, конечно, показалъ отрицательно и обозвалъ Аньку вралемъ. Анна Фавстовна объяснила барину, что она знать ничего не знаетъ, но считаетъ свою барышню все-таки способной приласкать простого канцеляриста... Это барина разсердило... «Не тебѣ бы, собакѣ, такъ о своей барышнѣ благодѣтельница разсуждать!»—крикнулъ онъ на Угрюмову. За это онъ ее приказалъ на недѣлю запереть и на хлѣбъ и на водѣ держать. Гончихъ, обоихъ, приказано везти въ городъ для сдачи: Аньку въ солдаты, а Абрама въ Сибирь на поселеніе...

Все это князь Давыдъ передалъ Дмитрію такъ живо, подробно и естественно, что этотъ повѣрилъ всему разсказу безусловно. Чрезъ часъ Сусанна тоже знала чрезъ него все и нѣсколько успокоилась.

Затѣмъ при извѣстіи, что дядя, откусивъ у себя, вызвалъ парт-

неровъ и сѣль за карты, Сусанна еще болѣе пріободрилась. Аникита Ильичъ карты не любилъ и игралъ крайне рѣдко, но почти всегда, когда бывалъ вслѣдствіе чего либо случившагося особенно въ добромъ расположеніи духа.

Въ сумерки къ барышнѣ явился Масѣичъ и принесъ ей два ящика изъ бересты съ вяземскими пряниками. Баринъ только что получилъ цѣлый пудъ въ подарокъ отъ московскаго купца- заводчика и приказалъ тотчасъ снести гостинецъ и барышнѣ.

— Ну, что дядюшка? Какъ себя чувствуетъ? — спросила Сусанна.

— Слава Богу-съ... Это все нашъ нѣмецъ напуталъ да всѣхъ напугалъ,—отвѣтилъ Масѣичъ... Разгнѣвался онъ шибко, какъ я полагаю... Ну, и приключилась одышка на минуту... А нѣмецъ заметался съ дуру.

— Разгнѣвался на Гончаго?

— Да-съ, на обоихъ... Да и на вашу Анну Фавстовну.

— Да за что, Масѣичъ... на Фавстовну?...

— Я, барышня, не присутствовалъ и ничего не знаю,—уклонился Масѣичъ.—Такъ я отъ Пастухова слышалъ... Наврали они всѣ... Ну, баринъ и осерчалъ... А о чёмъ была рѣчъ,—ничего не знаю...

Разумѣется, Сусанна поняла, что камердинеръ не хочетъ говорить. Однако присылка гостинца изъ ящика, который только что прибылъ и былъ откупоренъ, окончательно повліяла на Сусанну. Очевидно, что дядя хочетъ доказать ей, какъ онъ отнесся къ нахалу и его доносу... Вѣроятно, на утро объяснится все... Объяснится равно, почему стариkъ не пожелалъ видѣться съ ней тотчасъ же...

Однако мгновенными волненіемъ вновь овладѣвало ею, сомнѣнья вновь возникали...

Она нетерпѣливо ждала полуночи, чтобы отвести душу въ разговоръ и обсужденіи нежданно случившагося... Дмитрій, по договору, долженъ былъ прійти къ ней чрезъ лѣсенку и балконъ.

Наконецъ пришелъ вечеръ... Наступила полночь... Около часу ночи около дверей винтушки появился Давыдъ... Рунтъ стоялъ у самыхъ дверей.

— Астрахань,—сказалъ князь...

Рунтъ, узнавшій его по голосу, поклонился и самъ растворилъ ему дверь.

Давыдъ, въ первый разъ въ жизни очутившійся въ полной тьмѣ винтовой лѣстницы, сталъ подниматься ощупью и на угадъ, что было и не трудно..,

Упершись наконецъ въ дверь, онъ отворилъ ее и очутился въ маленькой комнатѣ, освѣщенной ночникомъ.

— Давыдъ ты?—раздался голосъ барина за слѣдующей дверью.

— Я—съ,—отозвался онъ.

— Входи...

Князь вошелъ и очутился въ спальнѣ барина, гдѣ тоже никогда

не бывалъ. Предъ нимъ нальво былъ кють съ образами, освѣщенными висящей лампадой, а прямо у стѣны большая кровать и на ней Аникита Ильичъ... Но старикъ былъ не подъ одѣяломъ и лежалъ на постели вполнѣ одѣтый, какъ днемъ.

— Ну, что, Давыдъ... Я правду сказывалъ, а ты вралъ,—произнесъ Аникита Ильичъ, будто шутя, но голосъ его выдавалъ волненіе... Вотъ тебѣ и не завтра, а нынче же...

— Виноватъ-сь... Вы правду сказывали...

— Ну, что жъ? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—вымолвилъ старикъ, вставая съ постели...

Чрезъ нѣсколько минутъ уже двѣ мужскія фігуры спустились по винтушкѣ, вышли на улицу и, обойдя уголъ дома, вошли въ садъ чрезъ калитку. Затѣмъ еще чрезъ минутъ пять они очутились подъ балкономъ Сусанны... Одинъ остался внизу, а другой тихо и осторожно поднялся...

Медленно шагъ за шагомъ подошелъ Аникита Ильичъ къ окнамъ, прислушался и сталъ глядѣть внутрь... Онъ тяжело дышалъ...

— Тварь! Тварь поганая... прошепталъ онъ наконецъ. И вдругъ, двинувшись къ балконной двери, онъ сразу отворилъ ее, вошелъ въ гостиную и быстро прошелъ въ спальню племянницы.

Страшный крикъ раздался на весь домъ среди тишины ночи и замеръ... И наступила снова полная мертвая тишина...

Дюжинный и вся дежурная дюжина долго прислушивались и рѣшили, что имъ почудилось то, что сейчасъ долетѣло до слуха...

«Совѣтъ будто вотъ крикнулъ кто-то? Должно, филинъ въ саду!»

Сусанна и Дмитрій, помертвѣлые отъ ужаса, увида предъ собой стоящаго «дядюшку», будто потеряли сознаніе дѣйствительности.

Говорить, объяснять, оправдываться было нечего... И даже на умъ нешло...

Дм Дмитрій не имѣлъ вида гостя, хотя бы и ночью... Дядюшка нашелъ не собесѣдниковъ, не друзей, а полюбовниковъ!.. Улики были на лицо.

XXII.

Слѣдующій день и еще дня два прошли въ Высоксѣ мирно безъ всякихъ приключений и новостей...

Только и было одно не обычное. Старый баринъ продолжалъ обѣдать одинъ у себя на верху... Кромѣ того, барышня Сусанна Юрьевна чувствовала себя снова хуже, и ее чаще навѣщалъ докторъ... Вдобавокъ и молодой баринъ Дмитрій Андреевичъ глядѣлъ будто хворымъ... Всѣ замѣтили, что онъ блѣденъ, и что будто его «лихоманка ломаетъ».

Анна Фавстовна, прощенная чрезъ сутки, была выпущена, но не ухаживала за своей барышней, а лежала въ постели, будто сраженная чѣмъ.

За то былъ человѣкъ, который ликовалъ и ходилъ съ такимъ лицемъ, что всѣхъ дивилъ и озадачивалъ. Это былъ молодой князь Никаевъ.

Однако если въ домѣ было наружное спокойствіе, то въ дѣйствительности случился страшный переворотъ, про который знали только Басановы, старый и молодой, и Сусанна Юрьевна.

Аникита Ильичъ приказалъ имъ обоимъ молчать, чтобы все обошлось тихо, мирно, исподволь, во избѣжаніе соблазна на всю Высоксу, или вѣрнѣе на все намѣстничество...

Рѣшеніе же его было простое...

Чрезъ недѣлю времени Дмитрію Андреевичу уѣзжать и никогда болѣе ноги не ставить къ нему... Чрезъ недѣли двѣ Сусаннѣ уѣзжать ради своей болѣзни, чтобы посовѣтоваться якобы съ московскими докторами, но... затѣмъ въ Высоксу не возвращаться...

Дарьушкѣ Аникита Ильичъ приказалъ:

— Готовься... Я тебя замужъ выдаю... Но не дивися, если въ одинъ день съ твоимъ вѣнчаньемъ будетъ и другое вѣнчанье... Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ. А покуда молчка! Никому ни слова.

Дарьушка, конечно, пріуныла и начала плакать. Давыдъ убѣжалъ любимую дѣвушку, что она должна радоваться, а не печалиться, но объяснить ей правду побоялся... Простоватая Дарьушка могла внезапной безумной радостью все дѣло испортить...

На четвертый день въ сумерки въ полицейскій домъ прибѣжала красавица Алла, спрашивая Змглода... Когда она вѣрнулась въ его комнату, то съ рыданьями повисла у него на шеѣ... Вѣсть, ею принесенная, совсѣмъ сразила энергичнаго Змглода...

Старый баринъ объяснилъ поутру Ильеву, что дѣлаетъ ему великую честь... желаетъ повѣнчаться законнымъ бракомъ съ его дочерью...

— Ну, стало быть, бѣжать!.. рѣшилъ Змглодъ. И завтра же...

Но на слѣдующее утро, явившись въ домъ, «Турка» узналъ отъ Ильева, гордаго, счастливаго и сіяющаго, что Аникита Ильичъ приказалъ ему Аллу не выпускать три дня ни на шагъ изъ ея комнаты и держать все въ тайнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Змглодъ узналъ, что отцу Гавріилу и старостѣ церковному было приказано готовить все въ храмѣ къ великому торжеству бракосочетанія... И, конечно, вся Высокса догадалась, кто будетъ вѣнчаться. Понятно, что молодой баринъ Дмитрій Андреевичъ и молодая барышня Дарья Аникитишка.

Дивились только всѣ тому, что баринъ содергитъ это втайнѣ... Дивились и тому, что Дмитрій Андреевичъ ходить темнѣе ночи и совсѣмъ на жениха не похожъ...

XXIII.

Около полуночи въ спальнѣ Сусанны появился вдругъ необычный въ такую пору гость...

Она сидѣла въ углѣ комнаты, блѣдная, страшно измѣнившаяся и похудѣвшая за послѣдніе роковые дни... Она казалась раздавленной той бѣдой, которая свалилась ей на голову... Дмитрій, конечно, предложилъ ей тотчасъ же вѣнчаться, но она отвѣчала отка зомъ и клятвой, что никогда этого не будетъ. Ея желаніе и неизмѣнное было оставаться всю жизнь въ девицахъ и быть свободной отъ брачныхъ узъ.

Несмотря на свое нравственное состояніе, какое-то онѣмѣніе, безчувственность и притупленіе разума, Сусанна ахнула, увидя предъ собой нежданнаго ночного пришельца.

Это былъ Змглодъ...

Оберъ-рунть былъ просто страшенъ лицемъ... Можно было даже принять его за привидѣніе...

— Что ты? Что тебѣ?—глухо, почти разбитымъ голосомъ спросила Сусанна.

— Я къ вамъ, барышня,—тоже страннымъ, хриплывымъ сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Змглодъ. — Давайте, барышня, нашу судьбу рѣшать...

— Не пойму я тебя...

— Говорите. Правда ли, Аникита Ильичъ засталъ у васъ Дмитрія Андреевича?..

Сусанна, потупясь, отвѣтила едва слышно:

— Да.

— Правда ли, что и вамъ и ему приказано уѣзжать съ Высоксы, и что всему конецъ?.. Женитьбѣ Дмитрія Андреевича не бывать...

— Правда! Правда!—воскликнула Сусанна.—Я нищенствовать по міру пойду, Денись Иванычъ... Ужь лучше бы теперь убитой быть Гончимъ...

— Барышня... Все на перемѣну будетъ... Всего этого не будетъ... Останетесь вы здѣсь хозяйкой, какъ были... Дарья Аникитишка будеть женой Дмитрія Андреевича, а вы настоящей хозяйкой... И до конца вашихъ дней... Желаете вы такъ-то?.. Говорите скорѣе... Не молчите! Желали бы вы эдакое?..

— Я не пойму? Что ты, ума рѣшился?..

— Дозвольте мнѣ все это такъ наладить... Такъ, какъ я сказывалъ вамъ... Прикажите мнѣ...

— Да что?.. Что!?

— Прикажите васъ самихъ, Дмитрія Андреевича, да еще одного

человѣка — избавить отъ Ирода, мучителя... Прикажите мнѣ его похѣрить...

— Кого?!—произнесла Сусанна пораженная.

— Понятно кого... глухо отвѣтилъ Змглодъ съ искаженнымъ отъ злобы лицемъ.

Наступило молчаніе и длилось безъ конца.

— Прикажите... едва слышно, снова сказалъ наконецъ Змглодъ. Сусанна закрыла лицо руками и замотала головой.

— Вѣдь всѣмъ—и вамъ и мнѣ погибель... А то бы всѣмъ спасеніе... Барышня, подумайте... Вамъ вѣдь только одно слово сказать... Одно слово: ступай! приказываю, моль... тебѣ!

Сусанна молчала и начала вздрогивать всѣмъ тѣломъ, не отнимая отъ лица крѣпко прижатыхъ ладоней.

— Зачѣмъ тебѣ приказаніе?—прощептала она чрезъ силу, такъ какъ голосъ ея рвался... Зачѣмъ? Мое?..

— Для моей совѣсти... Я вѣкъ буду утѣшаться, что мнѣ было указано... А вамъ что же? Вы только согласье дали.

— Погибельное дѣло. Пропадемъ всѣ...—прощептала Сусанна.

— Самое простое, легкое дѣло. Положитесь на меня. Я не махонькій и не скорохватъ. Знаю, что надумалъ и какъ сдѣлаю...

И снова воцарилось молчаніе.

— Сусанна Юрьевна! — громче и уже отчаянно выговорилъ Змглодъ.— Ну, хоть промолчите... Время не терпитъ... Слышите! Я иду сейчасъ къ нему. По винтушкѣ... Черезъ часъ будетъ всему конецъ... И вашей бѣдѣ конецъ, и моимъ мученьямъ. Я иду... А вы это знаете... Мнѣ не возвращаєте?.. Такъ вѣдь?.. Ну?.. Я иду...

Змглодъ смолкъ, въ комнатѣ стало тихо.

Промпто иѣсколько мгновеній.

Сусанна отняла руки отъ лица и хотѣла что-то сказать, но оглянувшись порывисто вскочила съ мѣста. Змглода не было.

Она тихо вскрикнула, схватила себя за голову и упала въ кресло, какъ сраженная..

XXIV.

Среди темноты ночи близъ дома у самыхъ дверей винтушки прохаживался часовой рунтъ.

Изъ-за угла вдругъ появилась шибко шагающая фигура, будто спѣшащая... Это былъ оберъ-рунтъ. Приблизившись къ часовому, Змглодъ сталъ, тяжело переводя дыханіе, и съ трудомъ вымолвилъ:

— Ну, Захаръ... Вотъ... Иду... Помни божбу. Не погуби...

— Денись Иванычъ... Сколько же разъ тебѣ сказывать! Я за тебя душу прозакладаю... Ты мой благодѣтель,—отозвался рунтъ съ чувствомъ.

— Ты одинъ, почитай, свидѣтель... — Одинъ меня видѣлъ... Не погубишь?

— Ахъ, Денисъ Ивановичъ... Ну, желаешь съ тобой пойду!.. Помогать тебѣ буду...

— Нѣтъ! Я и одинъ...

Змглодѣй двинулся и исчезъ въ дверяхъ.

Минуту спустя, въ спальнѣ старого барина послышался шорохъ...

Аникита Ильичъ, плохо спавшій отъ волненія по милости невѣроятныхъ происшествій въ Высоксѣ и въ семье, очнулся, открылъ глаза и въ полусправѣ отъ лампадки увидѣлъ фигуру у дверей.

— Кто тамъ? Что еще?—неспокойно окликнулъ онъ, будто чуя, что опять узнаетъ про какую новую бѣду.

— Я...—глухимъ шепотомъ отозвалась фигура.

— Змглодѣй?! — страннымъ голосомъ произнесъ стариикъ.

И вдругъ, Боясь вѣсть почему, грозный баринъ высокскій, «Владимирскій Мономахъ», будто смутился. Быстрымъ движениемъ поднялся онъ съ подушекъ и сѣлъ въ постели.

— Что тебѣ?..—какъ бы уже не своимъ голосомъ произнесъ Аникита Ильичъ.

Ему не вѣрилось въ то, что чуяло сердце... А оно чуяло... Оно оробѣло!.. Быть можетъ, впервые въ жизни!..

— Я... за Аллу... я...

И Змглодѣй тихо приблизился отъ дверей къ постели. Но онъ не просто шелъ... Нагнувшись, сгорбившись, будто съёжившись, онъ какъ бы крался, подбирался...

И вдругъ, сразу, скачкомъ, бросился онъ на барина и обхвативъ, сжалъ, сдавилъ, какъ въ тискахъ. Стариикъ, цѣпенѣя отъ ужаса, сбралъ все-таки всѣ свои силы, чтобы вырваться, бѣжать отъ злодѣя, звать, но почувствовалъ вдругъ, какъ спина его будто христнула.

Не человѣкъ, а дикий звѣрь облапилъ его, ломая тѣло... Легко опрокинувъ его навзничь, онъ завалилъ его голову подушками и налегъ на нихъ всѣмъ туловищемъ...

Отчаянно забилась жертва. Но еще отчаяннѣе, съ яростью дикаго сильнаго звѣря, давилъ, налегая, остервенившійся мститель.

XXV.

Рано утромъ, еще чуть брезжилъ свѣтъ, Масѣичъ явился, какъ всегда, въ домъ по винтушкѣ и сталъ въ ванной комнатѣ тихо готовить все къ вставанію барина... Онъ налилъ воду въ ванну, разложилъ бѣлье, приготовилъ для подачи халатъ и туфли, оглядѣлъ даже пилу-голландку,— не подточить ли. Затѣмъ перелилъ изъ бутыли въ стопу калмычкино зелье.

Наконецъ, приготовивъ все, онъ сталъ ждать положеннаго часа будить, если самъ баринъ не кликнетъ.

Въ дверяхъ съ винтушками появился Змглодъ.

— Здорово, Никифоръ Масѣевичъ. Баринъ еще не вставалъ?

— Нѣту... А что? Приключилось что? Къ спѣху тебѣ...

— Особаго ничего... Кой-что доложить...

— Чтой-то ты, Денисъ Иванычъ!—ахнулъ вдругъ Масѣичъ, приглядѣвшись къ странно искаженному лицу оберъ-рунта.

— Еле на ногахъ держусь. Опять расхворался еще пуще!—глухо отвѣтилъ Змглодъ, опуская блестящіе глаза.—Иди ужъ... Буди Аникиту Ильича... Минѣ бы скорѣе домой. Прилечь...

Масѣичъ пошелъ въ спальню будить барина. Змглодъ стоялъ, слегка вздрогивалъ, какъ отъ холода, и дергался на мѣстѣ...

— Вотъ... Вотъ...—прощепталъ онъ.—И оно-то... самое мудреное. Да полно! Не выдавайся. Полно! Помни про Аллу...

Старикъ Масѣичъ страшнымъ голосомъ кричалъ въ спальнѣ и звалъ... Змглодъ шагнулъ, хотѣлъ двинуться на зовъ... и не могъ.

Масѣичъ выбѣжалъ изъ спальни и кричалъ, какъ одичалый:

— Веніуса... Барышнѣ... Денисъ Иванычъ, скорѣе... Почитай мертвый... Барышнѣ... Господи, сохрани и помилуй!..

Змглодъ бросился, будто швырнулся, къ дверямъ винтушки.

Черезъ полчаса весь домъ былъ на ногахъ и всѣ, отъ барышни до послѣдняго нахлѣбника толпились на верху, въ отпертыхъ комнатахъ барина, въ коридорѣ, въ канцеляріи и даже на лѣстницахъ.

Черезъ часть вся Высокса встрепенулась въ ужасѣ и онѣмѣла, ошеломленная невѣроятной вѣстью.

— Аникита Ильичъ скончался!?

Докторъ Веніусъ освидѣтельствовалъ тѣло, призналъ смерть, приключившуюся за ночь, вѣроятно, отъ удара. «Полнокровенъ былъ старикъ, а кровь пустить не дозволялось никогда. И этого надо было ждать!»

Однако нѣмецъ докторъ былъ сильно взволнованъ. Онъ тотчасъ же заявилъ Сусаннѣ Юревнѣ, что имѣеть сказать ей нѣчто важное наединѣ...

— Выбралъ время?! Успѣется и послѣ!—отозвалась она.

Барышня Сусанна Юревна была не печальна... Она была сурова и даже столь грозна, какой никогда еще не видали ее. Будто покойникъ вдругъ передалъ ей или завѣщалъ свой грозный видъ и свою «Мономахову» повадку съ людьми и рабами.

Къ вечеру въ большомъ залѣ въ углу у образовъ на столѣ лежало тѣло, служилась панихида. Одновременно снаряжались и пускались гонцы во всѣ стороны, въ Муромъ, во Владиміръ, къ губернскимъ властямъ, въ намѣстническое правленіе...

А весь домъ, вся Высокса, всѣ заводы и заводскія слободы — все ходуномъ ходило.

Но не одна кончина стараго барина смущала всѣхъ...

Ровно смущила всѣхъ и новоявленная грозная барышня, приняв-

шая все въ свои руки... Не прошелъ еще день со смерти барина, а троє ослушниковъ указаний Сусанны Юрьевны уже поплатились, были наказаны строго и, пожалуй, сверхъ вины.

Но примѣръ этотъ подѣйствовалъ на всѣхъ. Всѣ сразу оробѣли и недоумѣвая притихли. Важное лицо, коллежскій правитель Барановъ, былъ въ сумерки смѣщенъ и уволенъ отъ должности за какое-то дерзостное сужденіе по поводу рапорта на имя намѣстника... Старшій сынъ Ильева временно вступилъ въ должность.

Масѣичу было приказано сидѣть безвыходно дома, а къ нему запрещено пускать кого либо. Старому слугѣ дозволено было выйти и явиться только на похороны своего барина. Старикъ провинился тѣмъ, что доложилъ барышнѣ, что покойникъ предъ кончиной, видно, бился и метался. Судя по постели и бѣллю, Масѣичъ выводилъ заключеніе совсѣмъ несообразное. Пуще всего разгнѣвалась за что-то барышня на Дениса Иваныча, сразу лишила его званія оберъ-рунта и приказала содержать подъ арестомъ. Впрочемъ, Змѣодѣль снова захворталъ шибко и лежалъ въ постели.

Но истинно диковинное было еще впереди. Готовилось такое, о чёмъ высокцы и помыслить бы впередъ не могли. Панихиды и молебны, похороны и свадьбы, поминальные трапезы и свадебные пиры — въ перемѣшку...

XXVI.

Послѣ торжественныхъ и пышныхъ похоронъ старого барина состоялся поминальный обѣдъ. Помимо своихъ всѣхъ были приглашены къ столу, конечно, всѣ прїѣзжіе гости, дворянне и чиновники губернскіе. Даже самъ губернаторскій товарищъ, запоздавшій къ отг҃званію, былъ въ числѣ гостей.

Послѣ обѣда было имъ объявлено во всеуслышаніе: «Съ разрѣшенія намѣстника, дворянка дѣвица Касаткина облечена властью управлять всѣмъ, впредь до вскрытия завѣщанія покойнаго, если таковое въ опекунскомъ совѣтѣ въ Москвѣ окажется».

Послѣ этого объявленія Сусанна Юрьевна сурово объявила всѣмъ отъ себя второе, еще болѣе важное и нежданное: «Во исполненіе воли покойнаго, много разъ высказанной всѣмъ и каждому, слѣдуетъ не медля узаконить его завѣтное желаніе... Послѣ поминокъ въ девятый день, не отлагая нимало вопреки обычаяу, на десятый же день быть бракосочетанію наслѣдницы Дарьи Аникитишны съ ея давно нареченнымъ, Дмитріемъ Андреевичемъ», дабы тотчасъ же Высокса снова принадлежала Басманъ-Басановымъ.

Прошли эти девять дней, и дѣйствительно на слѣдующій, десятый, вся Высокса была въ храмѣ и вокругъ храма молясь за брачущихся, а затѣмъ явилась въ домъ на свадебный пиръ...

Новобрачный былъ радостенъ и особенно ласковъ со всѣми, какъ бы обѣщая менѣе суровые порядки въ будущемъ. Всѣ вздохнули свободнѣе, видя новаго Басманъ-Басанова молодого, веселаго, привѣтливаго...

Новобрачная была — краше въ гробъ кладутъ! Убита ли она была горемъ по отцѣ? Или иное что?.. Одна Сусанна Юрьевна знала правду.

Два раза пыталась Дарьушка воспротивиться подъ наущенiemъ любимаго человѣка... Но онъ, князь Давыдъ, вдругъ пропалъ, сгинулъ... Его услали или увезли во Владимиръ... А Дарьушка полу живая, безропотно надѣла подвѣнечное платье и только обливалась слезами и въ храмѣ, и за свадебнымъ пиромъ...

Въ день свадьбы, уже вечеромъ, къ барышнѣ явился по ея вызову, яко бы опальный и хворающій Змглодъ...

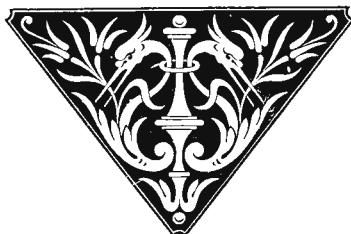
Сусанна Юрьевна, оставшись наединѣ съ нимъ, обняла его и заплакала:

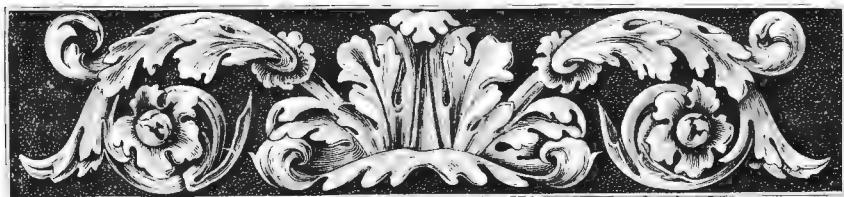
— Ну, Денисъ Иванычъ, проси, чего хочешь.

— Мне только Аллу!..—отозвался Змглодъ.—А успоконіе совѣсти... не въ вашей волѣ. Да чаю я — и это придетъ!

конецъ второй части.

Графъ Саліасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИННИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ¹⁾.

XIII.

Коронація імператора Павла.—Празднества коронації въ Москвѣ и Петербургѣ.—Опала Суворова.—Графъ Никита Панинъ.—Отъездъ императорской четы изъ Москвы.—Нездоровье великой княгини Елизаветы.—Пребываніе двора въ Павловскѣ.—Военные тревоги.—Несчастный случай съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

ЕРЕМОНІЯ коронації совершилась 5-го апрѣля, въ день Свѣтлого Христова Воскресенія, въ Успенскомъ соборѣ. Посреди храма, противъ алтаря, устроили возвышение, на которое былъ поставленъ тронъ императора, а тронъ императрицы былъ въ сторонѣ, въ небольшомъ отъ него разстояніи. Направо устроено было возвышенное мѣсто для императорской фамиліи, а напротивъ другое; кругомъ церкви подымались ступени для публики. Императоръ самъ возложилъ на себя корону, потомъ короновалъ императрицу, снявъ корону съ своей головы и дотронувшись ею до головы своей супруги, на которую тотчасъ же надѣли малую корону. Послѣ обѣдни, причастія, миропомазанія и молебна, императоръ велѣлъ прочесть вслухъ, съ возвышенія, на которомъ находился его тронъ, учрежденіе обѣ импе-

¹⁾ Продолженіе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 407.

раторской фамилії, которое онъ велѣль составить. Этимъ актомъ государь установилъ порядокъ престолонаслѣдія, изъ которого исключилъ лицъ женскаго пола, допуская ихъ къ престолонаслѣдію лишь по пресвѣченіи мужской линіи. Онъ предвидѣль въ актѣ случай несовершеннолѣтія наследника престола, опредѣлилъ положеніе вдовствующихъ императрицъ и великихъ княгинь, со всѣми преимуществами, приличествующими ихъ сану, но и съ нѣкоторыми ограниченіями. Этотъ актъ былъ положенъ на престоль въ алтарѣ церкви, гдѣ былъ прочтенъ. Ихъ величества обѣдали на тронѣ въ большой дворцовой залѣ. Зала эта построена въ первомъ этажѣ, со сводами, и поддерживается готическими столбами. Со стороны входа возвышается трибуна, откуда императорская фамилія видѣла обѣденный столъ. Три оставльныя стороны имѣютъ на извѣстномъ разстояніи небольшія окна, затянутыя, какъ и поль, краснымъ сукномъ, чтѣ придавало совершенно оригинальный видъ этой залѣ и сдѣлало очень непріятными послѣдующіе балы, которые въ ней давали. Рядомъ съ трибуной была малая комната, гдѣ поданъ былъ обѣдъ императорской фамиліи и польскому королю, который присутствовалъ на всѣхъ церемоніяхъ коронаціи въ королевской мантіи. Послѣ обѣда ихъ величества, въ ожиданіи вечерни, отправились къ своимъ молоденческимъ невѣсткамъ, которыхъ помѣстили во дворцѣ, но обстановка ихъ была такъ не комфорtabельна, что великая княгиня Елизавета провела послѣобѣденное время, сидя на сундукахъ, хотя и была въ парадномъ платѣ.

Пожалованія и производства, состоявшіяся во время коронаціи, были значительны. Императоръ высказалъ по этому поводу великому князю Александру, что ему пріятно видѣть его расположеніе къ князьямъ Чарторижскимъ, и спросилъ, чтѣ бы имъ сдѣлать пріятнаго. Великій князь, зная расположеніе отца ко всему военному, полагалъ укрыть ихъ отъ будущей немилости и выказать князей въ хорошемъ свѣтѣ въ глазахъ императора, выразивъ отъ ихъ имени желаніе вступить въ военную службу. Дѣйствительно, государь очень хорошо принялъ эту просьбу и зачислилъ обоихъ князей въ качествѣ адъютантовъ: старшаго — къ великому князю Александру, а младшаго — къ великому князю Константину, и въ то же время очень любезно разрѣшилъ имъ отпускъ въ Галицию для свиданія съ родными. Отпускъ считался тогда знакомъ необычайного благоволенія, особенно въ это время года, такъ какъ онъ допускался только осенью. Это назначеніе, соединявшее, по служебной обязанности, князя Адама Чарторижского съ особой великаго князя Александра и допускавшее близость князя къ его императорскому высочеству, не понравилось большинству и было источникомъ многихъ дальнѣйшихъ событій. Князь Безбородко былъ осыпанъ безчисленнымъ богатствомъ.

Императоръ имѣлъ при себѣ своего камердинера-цирюльника, по фамилии Кутайсова¹⁾, турка по происхождѣнію, привезенаго въ Россію еще ребенкомъ и крещенаго въ православіе. Императоръ былъ его крестнымъ отцомъ. Во время коронаціи государь назначилъ его гардеробмейстеромъ на мѣсто, созданное для него. Быстрое возвышение Кутайсова обратило на себя всеобщее вниманіе, особенно когда въ концѣ того же года онъ получилъ аннинскую ленту.

Дворъ присутствовалъ на обѣдѣ въ понедѣльникъ и во вторникъ на Святой, въ различныхъ соборахъ Кремля, а начиная со среды, ихъ величества, въ продолженіе болѣе двухъ недѣль, проводили каждое утро на тронѣ въ большой залѣ, принимая поздравленія. Императоръ находилъ, что было слишкомъ мало представлявшихся лицъ. Императрица повторяла безпрестанно, будто слышала отъ императрицы Екатерины, что во время ея коронаціи толпа, цѣловавшая ея руку, была такъ велика, что рука ея величества даже распухла, и императрица Марія выражала неудовольствіе, что рука ея не пухнетъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, г. Валуевъ, желая удовлетворить ихъ величества, заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ появляться по нѣсколько разъ подъ разными наименованіями. Случалось, напримѣръ, что одно и то же лицо занимало различные должности, и г. Валуевъ, который желалъ удвоить число представлявшихся, заставлялъ его являться въ одинъ и тотъ же день, то какъ сенатора, то какъ депутата отъ дворянства, то какъ члена того или другого учрежденія. Все императорское семейство и дворъ присутствовали съ самаго начала при этихъ поздравленіяхъ. Императоръ и императрица возсѣдали на своихъ тронахъ. Императорская фамилія находилась по ихъ правую руку, окруженнная своей свитой, а различные корпораціи, равно какъ и московскія дамы, которыхъ также заставляли возвращаться по нѣсколько разъ, торжественно подходили къ трону, кланялись, подымались по ступенямъ, цѣловали руку ихъ величествъ и удалялись въ другую сторону. Переворотъ, вслѣдствіе котораго послѣ самаго краткаго царствованія послѣдовалъ терроръ, произвелъ неожиданное дѣйствіе, объяснимое только тѣмъ, что крайности сходятся: когда не дрожали, то впадали въ шумную веселость. Никогда такъ много не смеялись, никогда такъ хорошо не схватывали и не развивали смѣшную сторону; нерѣдко случалось видѣть, какъ саркастическій смѣхъ смѣнялся на лицѣ выраженіемъ ужаса. Надо сознаться, что никогда торжественность въ обстановкѣ не подавала болѣе повода къ смѣшнымъ сопоставленіямъ, такъ какъ смѣшное, гдѣ бы оно ни было, не ускользаетъ безнаказаннымъ отъ тонкаго ума. Императоръ, согласно своему

¹⁾ Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ (ум. 1834 г.), къ концу царствованія Павла сдѣланъ былъ графомъ, оберъ-шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ.

характеру, преувеличивалъ значение представительства¹⁾. Императоръ точно удовлетворялъ своей долгосодерживаемой страсти и впадалъ въ мелочность. Можно было бы сказать иногда, что Павель похожъ былъ на тщеславное частное лицо, которому разрѣшили играть роль государя, такъ что онъ и стѣпилъ насладиться удовольствіемъ, пока у него его не отняли. Недостатокъ чувства собственного достоинства, проявлявшійся у императрицы въ ея новой роли, дѣтская радость, которую она испытывала по этому поводу и которую не могла скрыть,—то и другое не ускользало отъ публики, и она вознаграждала себя отъ постояннаго состоянія страха, въ которомъ находилась вслѣдствіе характера императора, шутками, часто самыми мѣткими. Въ шуткахъ этихъ упражнялись особенно во время поздравленій, о которыхъ упоминалось, и, сказать правду, онъ помогали переносить скуку и усталость этой церемоніи. Придворные кавалеры, окружавшіе великихъ князей, особенно мужъ мой и князь Голицынъ²⁾, дѣлали свои тонкія и забавныя замѣчанія на счетъ публики и всего происходившаго. Благодаря отдаленности ихъ отъ мѣста, которое занимали ихъ величества, можно было такимъ образомъ немножко оживить эти скучныя утреннія собранія.

Состоялось также нѣсколько парадныхъ баловъ, сдѣлавшихся источникомъ беспокойства для императрицы и г-жи Нелидовъ. Среди громаднаго количества московскихъ дамъ, прѣѣзжавшихъ ко двору, было нѣсколько хорошенъкихъ, между прочими, княжны Щербатовы³⁾ и дѣвицы Лопухины⁴⁾. Послѣднія особенно привлекли на себя вниманіе императора. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ о нихъ. Утвер-

¹⁾ Не могу не сдѣлать здѣсь замѣчанія, что эта крайняя любовь императора Павла къ этикету имѣла непріятныя послѣдствія для царствованія его сына. Императоръ Александръ былъ, какъ и всѣ, смущенъ крайностями отца въ этомъ направленіи, и отъ его вниманія не ускользала ни одна шутка, ни одна жалоба. При вступленіи своимъ на престолъ онъ бросился въ противоположную крайность и создалъ много недовольныхъ, уничтоживъ, насколько возможно, всѣ мелочи этикета. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

²⁾ Князь Александръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ, впослѣдствіи д. т. совѣтникъ, оберъ-прокуроръ синода, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, мистикъ, р. 1778, † 1844 г.

³⁾ Княжна Аниа Андреевна и Марья Андреевна, дочери кн. Андрея Николаевича Щербатова (р. 1726, † 1816) и супруги его, урожд. Яворской. Княжна Аниа Андреевна (р. 1778) была потомъ фрейлиной императрицы, полюбила неизвестного, некрасиваго и бывшаго моложе ея Д. И. Блудова и, несмотря на долгое сопротивленіе ея матери, вышла за него. Д. И. Блудовъ былъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ, президентомъ академіи наукъ и предсѣдателемъ государственного совѣта, писатель. По разсказамъ современниковъ, кн. Аниа Андреевна была очень похожа на императрицу Елизавету Алексеевну.

⁴⁾ Дочери д. т. с. Петра Васильевича Лопухина отъ первого брака его съ Прасковьей Ивановной Левшиной, княжны Екатерина Петровна, въ замужествѣ съ 1797 г. съ гофм. Григоріемъ Петровичемъ Демидовымъ († 1830), и княжна Аниа Петровна (р. 1777 г., † 1805 г.), въ замужествѣ съ 1800 г. съ генераль-адъютантомъ кн. Павломъ Гавр. Гагаринымъ,

ждаютъ даже, что императрица и т-ше Нелидова такъ этимъ обезпокоились, что ускорили отъездъ императора изъ Москвы. Императоръ жилъ поперемѣнно или въ Кремлѣ, или въ домѣ Безбородко, и такъ какъ каждый перебѣзъ изъ одного мѣста въ другое даваль поводъ къ торжественному вѣзду, императоръ повторялъ свои перебѣзы насколько возможно чаще. Дворъ нѣсколько разъѣзжалъ также въ окрестности Москвы, въ монастыри Троицкій и Воскресенскій; этотъ послѣдній называется также Новымъ Иерусалимомъ. Їздили въ село Коломенское, мѣсто рожденія Петра Великаго, въ Царицыно, императорскій дворецъ съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, и въ село Архангельское, которымъ владѣлъ тогда князь Николай Голицынъ. Императоръ совершалъ всѣ эти поѣздки въ большихъ, шести, а иногда восьми-мѣстныхъ каретахъ. Дорогой секретари его стоя читали ему доклады о текущихъ дѣлахъ, а именно—военные рапорты и разнаго рода всеподданнѣйшия прошепнія. Великая княгиня Елизавета, находившаяся въ каретѣ императора, говорила мнѣ, что она часто, при этихъ докладахъ, удивлялась раздражительности императора, когда что нибудь ему случайно не нравилось, и холодной жестокости, съ которой онъ подшучивалъ надъ помошью, за которой обращались къ нему несчастные. Возможно, что вслѣдствіе молодости и неопытности великая княгиня Елизавета могла ошибиться относительно дѣйствительныхъ мыслей императора, но подобныя шутки возмущали ее. Итальянская опера и дворянское собраніе, которымъ ихъ величества сдѣлали честь своимъ присутствіемъ, обѣдъ у польского короля, парадная прогулка въ придворномъ саду и другая первого мая, на публичномъ гулянѣ,—вотъ въ чёмъ заключались послѣднія празднства коронаціи.

Я не присутствовала ни на одномъ изъ тѣхъ, которыхъ давались въ это время въ Петербургѣ. Я оставалась съ т-ше Толстой въ вѣчномъ сердечномъ траурѣ и не считала себя обязанной чздить на публичныя увеселенія, но все же вынуждена была поѣхать на kostюмированый балъ, на который всѣ явились не столько по доброй волѣ, сколько по приказанію полиціи. Тѣ, которые отказывались бы повиноваться, были бы внесены въ извѣстный списокъ, и такимъ образомъ о нихъ доведено было бы до свѣдѣнія императора. Поэтому я отправилась на этотъ печальный праздникъ, такъ же какъ и г-жа Толстая. При открытии бала съиграли полонезъ, который я привыкла слышать въ счастливыя времена. Музыка эта сдѣлала на меня ужасное впечатлѣніе: рыданія душили меня. Шумныя увеселенія и празднства тяжело дѣйствуютъ на горе, конвульсивная улыбка яснѣѣ выражаетъ страданія. Я бѣжала отъ свѣта, который былъ мнѣ противенъ; смерть была въ моемъ сердцѣ, глаза мои, повидимому, искали ея, какъ успокоенія. Мы вернулись, изнемогая отъ усталости, точно послѣ тяжелой и опасной поѣздки.

Во время коронаціи князь Репнинъ получилъ письмо отъ графа

Михаила Румянцева¹⁾), который служилъ тогда въ чинѣ генералъ-лейтенанта подъ командой фельдмаршала Суворова. Графъ Михаиль былъ самый ограниченный, но очень гордый человѣкъ и, сверхъ того, сплетникъ, не лучше старой бабы. Фельдмаршалъ обращался съ нимъ по его заслугамъ; графъ оскорбился и рѣшилъ отомстить. Онъ написалъ кн. Репнину, будто фельдмаршалъ волновалъ умы, и далъ ему понять, что готовится бунтъ. Князь Репнинъ чувствовалъ всю лживость этого извѣстія, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подслужиться и навредить фельдмаршалу, заслугамъ которого онъ завидовалъ. Поэтому онъ сообщилъ письмо графа Румянцева гр. Растворину. Этотъ послѣдній представилъ ему, насколько было опасно возбуждать рѣзкій характеръ императора. Доводы его не произвели, однако, никакого впечатленія на кн. Репнина: онъ самъ доложилъ письмо Румянцева его величеству, и Суворовъ подвергся ссылкѣ.

Несчастный характеръ императора Павла заставилъ его сдѣлать такъ много несправедливостей, что съ трудомъ можно согласовать ихъ съ предположеніемъ, что онъ обладалъ прекрасной душою. Я позволю себѣ прервать на минуту мой разсказъ и привести малоизвѣстный, но вѣрный анекдотъ, въ доказательство величія и врожденной доброты, коренившейся въ глубинѣ души этого государя.

Графъ Панинъ, сынъ гр. Петра Панина, о которомъ я говорила выше, ни въ чемъ не похожъ на своего отца. У него нѣтъ ни силы характера, ни благородства въ поступкахъ; умъ его способенъ только возбуждать смуты и интриги. Императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, выказывалъ ему участіе, какъ къ племяннику гр. Никиты Панина, своего воспитателя. Графъ Панинъ воспользовался добрымъ расположениемъ великаго князя, удвоилъ стараніе и угодливость и достигъ того, что заслужилъ его довѣріе. Замѣтивъ дурные отношенія между императрицей и ея сыномъ, онъ захотѣлъ нанести имъ послѣдній ударъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить потомъ своимъ честолюбивымъ и даже преступнымъ замысламъ. Поужинавъ однажды въ городѣ, онъ вернулся въ Гатчину и испросилъ у великаго князя частную аудіенцію для сообщенія ему самыхъ важныхъ новостей. Великій князь назначилъ, въ какомъ часу онъ можетъ прійти къ нему въ кабинетъ. Графъ вошелъ съ смущеннымъ видомъ, очень ловко прикрылъ свое коварство маской прямодушія и сказалъ наконецъ великому князю съ притворной нерѣшительностью, будто пришелъ сообщить ему извѣстіе самое ужасное для его сердца: дѣло шло о заговорѣ, составленномъ противъ него императрицей матерью, думали даже посягнуть на его жизнь. Великій князь спросилъ у него, знать ли онъ заговорщиковъ, и, по-

¹⁾ Графъ Михаиль Петровичъ Румянцевъ, сынъ фельдмаршала, д. т. с., оберъ-шенкъ, † 1806 г. Въ описываемое время онъ былъ генераль-поручикомъ.

лучивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему написать ихъ имена. Графъ Панинъ составилъ длинный списокъ, который былъ плодомъ его воображения. «Подпишитесь», сказалъ затѣмъ великий князь. Панинъ подписался. Тогда великий князь схватилъ бумагу и сказалъ: «ступайте отсюда, предатель, и никогда не попадайтесь мнѣ на глаза». Великий князь потомъ сообщилъ своей матери обѣ этой низкой клеветѣ. Императрица была такъ же возмущена ею, какъ и онъ. Списокъ, составленный Панинымъ, оставался у великаго князя Павла Петровича въ особомъ ящикѣ, который онъ всегда хранилъ въ своей спальнѣ.

Возвратимся къ тому, что происходило при дворѣ послѣ коронаціи. 3 мая, императоръ оставилъ Москву съ своими сыновьями, съ цѣллю объѣхать губерніи, только что пріобрѣтенные по раздѣлу Польши, а оттуда вернуться прямо въ Петербургъ. Императрица уѣхала изъ Москвы въ одно время съ императоромъ, вмѣстѣ съ великими княгинями, своими невѣстками, и великой княжной Александрой, своей дочерью. Ея величество объявила имъ всѣмъ троимъ, что онѣ не будутъ разставаться съ нею ни днемъ, ни ночью, и дѣйствительно дорогой, какъ и по прїездѣ въ Павловскъ, она приказала имъ всѣмъ тремъ спать въ ея комнатѣ. У великихъ княгинь Елизаветы и Анны не было даже другого помѣщенія, какъ только апартаменты государыни.

Здоровье великой княгини Елизаветы, которое устояло отъ различныхъ испытаній предшествовавшей зимы и отъ утомленія во время коронаціи, ослабѣло наконецъ къ тому времени. Великая княгиня впала въ изнурительную болѣзнь, сопровождавшуюся страданіями, которая заставляли ее ожидать возвращенія императора съ крайнимъ нетерпѣніемъ, чтобы избавиться по крайней мѣрѣ отъ зависимости, въ которой она находилась. Наконецъ эта минута наступила. Въ послѣднихъ числахъ мая императрица выѣхала со свитой на встрѣчу императору въ Гатчину, гдѣ императорская чета провела только нѣсколько дней, послѣ чего дворъ вернулся въ Павловскъ. Старались всѣми средствами заставить позабыть прошлое царствованіе, и одинъ изъ способовъ, употребленныхъ для этой цѣли, заключался въ перемѣнѣ мѣстопребыванія двора. Императрица Марія питаетъ къ Царскому Селу чувство отчужденія, примѣнное только къ какому—нибудь лицу: она чувствуетъ къ нему ревность за созданный ею Павловскъ. Вслѣдствіе этого, царскосельскій дворецъ, достойный царскаго мѣстопребыванія, гдѣ вся свита могла прилично размѣститься, былъ покинутъ и разоренъ, такъ какъ самая лучшая его вещи перевезены въ Павловскъ, мѣсто красивое, но нисколько не соотвѣтствовавшее двору, который, поневолѣ, долженъ былъ тамъ находиться, потому что Павловскъ сдѣлался мѣстопребывающимъ государя, склоннаго къ пышности и представительности. На скорую руку возведено было нѣсколько построекъ, но эти постройки

составляли, наравнѣ съ окружающимъ, самый поразительный контрастъ съ сооруженіями прошлого царствованія. Екатерина II велѣла воздвигнуть великолѣпный дворецъ въ Царскомъ Селѣ для своего внука, а императрица Марія помѣстила наслѣдника престола въ хижинѣ, пока ему строили деревянный домъ по ея приказанію. Помѣщеніе великаго князя Александра было весьма тѣсно, но великая княгиня Елизавета чувствовала себя тамъ очень счастливой, сравнительно съ тремя недѣлями, проведенными ею во дворцѣ.

Однажды вечеромъ (это было 2-го августа), когда государь, окруженный дворомъ и своимъ обычнымъ обществомъ, прогуливался въ саду Павловска, услышали вдругъ звуки барабана, на которые обратили особое вниманіе, такъ какъ для вечерней зари было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это — тревога!» вскричалъ Павелъ и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица, съ остальною частію общества, слѣдовала за нимъ издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна изъ ведшихъ къ нему дорогъ занята была частію гвардейскихъ полковъ; кромѣ того, со всѣхъ сторонъ и со всевозможной поспѣшностью стекались ко дворцу и кавалерія, и пѣхота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дорогѣ, недостаточно широкой для скопленія войскъ, кавалерія, пожарный обозъ, военные повозки прокладывали себѣ путь съ ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворнаго, пробиралась чрезъ эту толпу, спрашивая объ императорѣ, котораго она потеряла изъ виду. Безпорядокъ, наконецъ, сдѣлался такъ великъ, что нѣкоторыя дамы, именно великія княгини, принуждены были перескочить черезъ заборъ, чтобы не быть раздавленными. Вскорѣ войскамъ данъ былъ приказъ раздѣлиться. Повернули ко дворцу. Императоръ былъ взволнованъ и въ дурномъ расположениіи духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать къ дворцу въ теченіе всего вечера. Подобное и безъ всякой уважительной причины скопленіе войскъ, имѣвшихъ репутацію беспокойныхъ, коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недовѣрчивый характеръ, какимъ былъ характеръ императора. Послѣ долгихъ разысковъ открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли въ конногвардейскихъ казармахъ. Въ ближайшихъ казармахъ вообразили, что это — сигналъ къ тревогѣ, повторили его, и такимъ образомъ тревога распространялась отъ одного полка къ другому. Войска думали, что это была дѣйствительно тревога, испытаніе, но дворъ и общество, которые, съ самаго начала царствованія, усвоили себѣ образъ мыслей, заставлявшій предугадывать о концѣ его, постарались объяснить совершенно иначе событие этого дня и особенно то, которое случилось черезъ день. Ничто не способствуетъ такъ къ измѣнѣ, какъ постоянно высказываемая

боязнь ея. Павелъ I не умѣлъ скрывать, до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его душу. Боязнь эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и много допущенныхъ имъ жестокостей были слѣдствіемъ этого постояннаго чувства его души, и, раздражая умы, онъ привели наконецъ къ тому, что дали полное основаніе къ оправданію его подозрительности.

Черезъ день, почти въ тотъ же часъ, когда дворъ прогуливался въ другой части сада, прилегающей къ большой дорогѣ и отдѣленной отъ нея лишь оградой, вдругъ услышали звукъ трубы, и нѣсколько кавалеристовъ во всю прыть проскакали по тропинкѣ, прилегавшей къ большой дорогѣ. Императоръ въ гнѣвѣ бросился на нихъ съ поднятою палкой и принудилъ возвратиться назадъ. Великие князья и адъютанты торопились послѣдовать его примѣру. Всѣ были очень удивлены этой второй сценой. Императрица въ особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись къ камергерамъ: «бѣгите, господа, спасайте вашего государя!» Затѣмъ, увидѣвъ возлѣ себя графа Феликса Патоцкаго¹⁾, доброго малаго, но довольно неулюжаго толстяка, питавшаго смѣшную боязнь къ императору, она схватила его за руку и толкнула впередъ. Рѣдко можно видѣть смѣшнѣе фигуру, чѣмъ фигура, которую изображалъ собою въ это время бѣдный графъ Феликсъ, не понимавшій, чего отъ него хотѣли, и болѣе испуганный криками императрицы, чѣмъ опасностью, которой подвергался императоръ. На этотъ разъ войскамъ помѣшили собраться, но никогда не узнали достовѣрно истинной причины этой второй суматохи: никто не могъ или не хотѣлъ объяснить ее. Говорили, что, будучи убѣждены въ томъ, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанію императора, гвардейцы были ежеминутно наготовѣ ко второй, и что легкій шумъ показался имъ сигналомъ; другіе утверждали, что сигналъ данъ былъ дурнымъ шутникомъ съ цѣлью произвести смятеніе, подобное предыдущему. Въ концѣ концовъ нѣкоторые были наказаны, и затѣмъ ничего подобнаго болѣе не повторялось.

Нездоровье великой княгини Елизаветы все усиливалось. Она получила позволеніе не являться при дворѣ и провести нѣсколько недѣль въ полномъ уединеніи. Доктора предписали ей употребить это время на лѣченіе. Пока она вела эту уединенную жизнь, великий князь Александръ едва не погибъ и былъ спасенъ только чудомъ. Какъ-то утромъ онъ присутствовалъ съ императоромъ на учениіи. Онъ былъ верхомъ позади его величества на краю пригорка. Движеніе войска, вслѣдствіе котораго ружья блеснули на солнцѣ, испугало лошадь великаго князя; она стала на дыбы, заднія ноги ея оступились, и она покатилась съ своимъ всадникомъ подъ гору.

¹⁾ Графъ Феликсъ Францовичъ, генералъ отъ инфантеріи (р. 1752 г., † 1805 г.).

Не смѣли подойти къ великому князю: думали, что онъ убить, но онъ только очень расшибся и, лишь благодаря своей молодости, онъ отдѣлался небольшимъ поврежденіемъ ключицы: еслибъ онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше, то она бы сломана.

XIV.

Отношеніе графини Головиной къ графинѣ Толстой.— Чувства графини Головиной.— Принцессы Тарантъ.— Морские маневры у Кронштадта.— Помолвка короля шведскаго съ принцессой баденской.— Огорченіе великой княгини Елизаветы.— Отношенія принцессы Тарантъ къ графинѣ Головиной.— Жизнь при дворѣ.— Смерть герцога виртембергскаго и короля Станислава Понятовскаго.— Построеніе Михайловскаго замка.— Рожденіе великаго князя Михаила Павловича.— Прибытие корнруса принца Конде въ Россію.— Смерть матери императрицы Маріи.— Начало интригъ при дворѣ противъ императрицы и Нелидовской.

Лѣто 1797 г. проводила я съ графиней Толстой, въ имѣніи ея матери, княгини Барятинской¹⁾, въ пяти верстахъ отъ петергофскаго дворца, куда въ юль перѣхалъ дворъ ко дню ангела государыни. Графъ Толстой и мужъ мой дѣлили время между нами и дворомъ. Имѣніе наше было счастливо расположено: домъ возвышался на небольшомъ пригоркѣ, прелестный видъ разстился на заливѣ, къ дому вела красавая аллея, со всѣхъ сторонъ были мѣста для прогулки, лѣса, сады, масса цветовъ, плодовъ. Изъ окна моего кабинета виднѣлся направо городъ, а налево — безбрежное море. Жили мы дружно, счастливо, въ кругу дѣтей нашихъ; съ ними мы занимались по цѣлымъ днямъ и радовались ихъ развитію. Старшія дочери наши были однихъ лѣтъ и видимо старались быть вмѣстѣ; мы, матери, съ удовольствиемъ слѣдили за ихъ возникавшей дружбой; вторая дочь графини Толстой была замѣчательно умной девочкой, тремя-четырьмя годами моложе своей сестры; моей же младшій дочери и сыну графини было около двухъ лѣтъ. Чрезвычайно отрадно было видѣть, какъ дѣти наши, точно ангелы, рвали цветы и, граціозно приподнявъ платьица, бѣжали показать ихъ намъ и подѣлиться своими впечатлѣніями. Какъ любила я сидѣть по вечерамъ на балконѣ и слѣдить за закатомъ солнца! Картины прошлаго вставали передо мной, но чаще всего останавливалась я на воспоминаніяхъ о великой княгинѣ Елизавѣтѣ, о которой память была для меня священна. Мысленно сравнивала я тихій, прекрасный вечеръ съ спокойнымъ состояніемъ духа, которое даетъ намъ возможность тонко подмѣтать все неуловимое, ускользающее отъ нашего вниманія, когда

¹⁾ То-есть урожденной принцессы Голштейн-Бекской († 1811 г.). Имѣніе ея расположено было возлѣ нынѣшней Знаменки.

мы взволнованы и въ беспокойствѣ. Я вспоминала все прошлое величіе, всѣ малѣйшія подробности временъ моей близости къ великой княгинѣ, и горячія слезы текли неудержимо при воспоминаніи о той, которая осыпала меня своими благодѣяніями и которой я обязана счастіемъ познавать и любить то, что мнѣ всегда будетъ незмѣримо дорого.

Чувство преданности къ любимому государю совершенно особенно и несравненно съ другимъ; чтобы понять, надо испытать его—не иначе. Мыслимо ли сравнивать это чувство съ гордостью? Нѣть, это глубокая, безпредѣльная преданность; гордость и тщеславіе—низкія и личныя побужденія души, тогда какъ преданность своему государю—чувство вполнѣ самоотверженное. Никто никогда не хочетъ оцѣнить, не хочетъ понять этого чистаго, идеального чувства: ему всегда приписываютъ личныя искательства, основанныя на тщеславіи и экзальтациі. Высокій санъ государя, повидимому, не допускаетъ малѣйшей близости между нимъ и подданнымъ, но позволю себѣ высказать, что, разсуждая такимъ образомъ, упускаютъ изъ виду сердце и душу, которая уничтожаютъ разстояніе между государемъ и подданнымъ, не нарушая должнаго почтенія къ государю. Истинно вѣрноподданническое чувство побуждаетъ человѣка къ правдивому выраженію своихъ мнѣній, и эти мнѣнія должны быть выражены открыто. Трудно переносить слабости своихъ государей; скорѣе можно предпочесть въ нихъ жестокость: надо имѣть опору и въ томъ, что должно быть гарантіей нашей безопасности и нашей силы.

Теперь кстати упомянуть и о прѣѣздѣ принцессы Тарантъ, урожденной герцогини де-Тремуиль¹⁾, въ то же время, когда дворъ находился еще въ Петергофѣ. Принцесса эта была дочь герцога Шатильона, пэра Франціи, послѣдняго въ своемъ родѣ; она была статсь-дамой несчастной королевы французской и едва не сдѣлалась жертвой непоколебимой преданности своимъ государямъ. Императоръ Павель и императрица Марія познакомились съ ней во время своего путешествія въ Парижъ. Они часто видѣлись у ея бабушки, герцогини де-ла-Вальерь. Твердость, съ которой принцесса переносила свои несчастія, возбудила уваженіе и участіе ихъ императорскихъ величествъ. По совѣту своего девера, принцессы, во избѣжаніе казни, эмигрировала въ Лондонъ тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы. Король и королева были тогда уже заключены въ Тампль. Не имѣя возможности раздѣлить ихъ участіе, принцесса Тарантъ согласилась временно оставить родину, но вскорѣ вышелъ декретъ, воспре-

¹⁾ Принцесса Луиза Эммануиловна, статсь-дама, королевы Маріи-Антуанетты, известная своюю приверженностью къ французскому королевскому дому и дѣятельностію на пользу католической и іезуитской пропаганды въ Россіи, такъ какъ была ревностной католичкой, р. 1743 г., † 1814 г.

щавшій эмігрантамъ возвращеніе во Францію. Принцесса была въ несчастіи и страдала оть бѣдности. Ужасная участъ короля и королевы переполнили чашу ея горестей. Послѣ пятилѣтняго пребыванія ея въ Лондонѣ, императоръ Павель и императрица Марія, по вступленіи своемъ на престолъ, послали ей чрезвычайно радушное и въ высшей степени деликатное приглашеніе пріѣхать къ нимъ, предлагая ей письменно помѣстье въ Россіи, где бы она могла жить спокойно съ своимъ семействомъ. Сначала принцесса Тарантъ думала отвергнуть это выгодное предложеніе, въ виду того, что ей трудно было разстаться съ трауромъ, столь гармонировавшимъ съ ея вѣчною скорбью, и она довольствовалась пенсіей въ двѣ тысячи рублей, которую въ продолженіе трехъ лѣтъ высыпала ей королева неаполитанская. Но мысль о тѣхъ выгодахъ, которыхъ могли извлечь изъ этого радушнаго предложенія императора ея сестра и семейство, побудила принцессу на путешествіе въ Россію, хотя она не имѣла другого ручательства, какъ только письмо императрицы, и ни о чёмъ болѣе не просила государыни. Семейство ея извѣстно было ихъ величествамъ, которыхъ тайно помогали ей еще до вступленія своего на престолъ.

Принцесса Тарантъ, жившая въ Лондонѣ скромно, въ сторонѣ оть большого свѣта, рѣшилась на эту новую жертву и, послѣ семнадцати-дневнаго плаванія, пріѣхала въ Кронштадтъ за нѣсколько дней до петергофскаго праздника. Пріѣздъ ея заинтересовалъ меня. Дядя мой¹⁾ зналъ хорошо ея бабушку и мать и часто говорилъ мнѣ о нихъ. Я поджидала ее съ сердечнымъ участіемъ, а не съ обычнымъ празднымъ любопытствомъ, возбуждаемымъ новою личностью.

Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ насъ придворныхъ сообщили намъ подробности ея пріема при дворѣ, надѣлавшаго много шума. Пріѣхала она въ воскресенье, въ часъ по полудни, и послѣ обѣда была введена въ кабинетъ ихъ величествъ, которыхъ приняли ее съ особенною благосклонностю. Императрица приколола ей малую звѣзду установленнаго на новыхъ началахъ ордена св. Екатерины, котораго она была главою. Въ понедѣльникъ и во вторникъ ихъ величества осипали вновь прибывшую своимъ высокимъ вниманіемъ, заботами, цѣнными подарками, предложенными въ деликатной формѣ. Принцесса Тарантъ сдѣлалась послѣ этого центромъ всеобщаго вниманія. Въ среду, въ день ангела императрицы, всѣ придворныя дамы собрались еще до обѣдни въ залѣ, у галлереи, ведущей въ дворцовую церковь. Всѣ ожидали высочайшаго выхода тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что и принцесса Тарантъ должна была принять въ немъ участіе. Всѣ поражены были ея печальнымъ видомъ и осанкой, полной достоинства; я же была глубоко тронута, смотря на нее. Послѣ обѣдни принцесса была возведена въ званіе статсъ-дамы и получила портретъ. На другой день дворъ возвратился въ городъ, въ Таври-

¹⁾ И. И. Шуваловъ.

ческій дворецъ. За ужиномъ императоръ посадилъ принцессу около себя, былъ къ ней очень внимателенъ и съ видимымъ участіемъ и интересомъ говорилъ о Франціи. Интересъ и удовольствіе, которые государь показывалъ въ бесѣдѣ съ принцессой, возбудили подозрѣніе и беспокойство князя Александра Куракина, человѣка ограниченного и большого интригана. Онъ вообразилъ себѣ, что императоръ можетъ серіозно привязаться къ принцессѣ Тарантѣ и удалить г-жу Нелидову; поэтому онъ услужливо послѣшилъ сообщить этой послѣдней свои низкія предположенія. Г-жа Нелидова взволновалась при одной мысли о новой интригѣ и, въ свою очередь, послѣшила поговорить о томъ съ императрицей, ревность которой легко было возбудить. Государыня и г-жа Нелидова возстановили государя противъ принцессы, которая, ничего не подозрѣвая, отправилась на другой день въ Таврическій дворецъ, чтобы слѣдовать за дворомъ въ Смольный институтъ. При выходѣ ихъ величествъ, государыня обратилась къ графинѣ Шуваловой, стоявшей рядомъ съ принцессой Тарантѣ, поговорила съ ней, и затѣмъ, смѣривъ принцессу съ головы до ногъ, повернулась къ ней спиной въ тотъ моментъ, когда принцесса начала говорить ей привѣтствіе, съ которымъ она сочла нужнымъ обратиться къ ея величеству; государь же даже и не взглянулъ на нее. Эта внезапная перемѣна поразила и смущила принцессу. Г. Плещеевъ, въ которомъ она возбудила участіе, подошелъ къ ней, вскорѣ по приѣздѣ въ Смольный монастырь, и предупредилъ, что она подверглась окончательной немилости, что она не получитъ приглашенія въ Павловскъ, куда дворъ долженъ былъ возвратиться въ тотъ же день, и что, изъ уваженія къ волѣ императора, онъ проситъ ее избѣжать встрѣчи съ государемъ на его обратномъ пути. Такъ окончился четырехдневный фаворъ принцессы! Результатомъ обѣщаній оказалась пенсія въ три тысячи рублей отъ императора и въ тысячу двѣсті отъ императрицы въ теченіе пребыванія принцессы въ Россіи.

Нѣсколько дней послѣ петергофскаго праздника императоръ отправился моремъ въ Ревель. Императрица, несмотря на то, что была въ тягости уже три мѣсяца, непремѣнно пожелала участвовать въ путешествіи. Г-жи Нелидова и Протасова сопровождали государыню. Великіе князья и довольно многолюдная свита слѣдовали за ихъ величествами. Императоръ и приближенные его отплыли на фрегатѣ «Эммануилъ», приспособленномъ для значительного количества пассажировъ и отдѣланномъ съ такимъ изяществомъ, какого трудно было ожидать на корабль. Этотъ фрегатъ составлялъ часть эскадры, на судахъ которой расположилась свита. Штиль задержалъ императора на рейдѣ въ продолженіе четырехъ или пяти дней противъ Ораніенбаума¹⁾, гдѣ великія княгини Елизавета и Анна

¹⁾ Императоръ только что подарилъ эту императорскую дачу великому князю Александру, а великому князю Константину дачу въ Стрѣлынѣ.

должны были оставаться во время отсутствия ихъ величествъ. Всѣ эти дни великия княгини обѣдали на фрегатѣ и возвращались оттуда только вечеромъ. Онъ прѣѣзжали изъ Ораненбаума, а остальная часть двора получила предписаніе ожидать возвращенія императора въ Петергофѣ. Государь принималъ многихъ въ бытность свою на рейдѣ, въ томъ числѣ г. Пюклера, виртембергскаго посланника, который очень смѣшилъ всѣхъ своимъ ломаннымъ французскимъ языкомъ. Какъ-то разъ послѣ обѣда м.-ше Ренне, фрейлина великой княгини Анны¹⁾, прилегла на диванчикѣ, въ палаткѣ на рубкѣ, въ ожиданіи отѣзга великихъ княгинь. Входитъ г. Пюклеръ. Mlle de-Renne тотчасъ привстала, но г. Пюклеръ, замѣтивъ это, сказалъ: «О, очень жаль: поза была такая прелестная!»

Наконецъ, снялись съ якоря, но со слѣдующаго же дня и до выхода изъ залива разразилась такая сильная буря, что многія изъ судовъ эскадры оказались безъ мачтъ, и пришлось опять бросить якорь. Испытавъ качку въ теченіе сутокъ, ихъ величества почувствовали нерасположеніе къ морской прогулкѣ и поспѣшили, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Петергофъ, гдѣ весь дворъ остался еще съ недѣлю.

Въ подтвержденіе оригинальности императора приведу здѣсь анекдотъ того времени. Княжна Шаховская, впослѣдствіи княгиня Голицына, фрейлина великой княгини Елизаветы, была дежурною въ продолженіе всего сезона и сопровождала дворъ во всѣхъ его путешествіяхъ. Она была красива. Императоръ замѣтилъ это. На одномъ изъ петергофскихъ парадовъ его величество велѣлъ внести въ приказъ благодарность великому князю Александру за то, что у него такая хорошенъкая фрейлина при дворѣ. Полагаютъ, что эта шутка очень раздосадовала г-жу Нелидову, и что съ того времени она возненавидѣла княжну Шаховскую²⁾.

Проведя дни два въ городѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, дворъ вернулся въ Павловскъ, откуда, въ половинѣ августа, перѣѣхалъ въ Гатчину. Въ концѣ пребыванія въ Павловскѣ великая княгиня Елизавета получила письмо отъ принцессы, своей матери, въ которомъ говорилось, что принцесса-мать єдетъ въ Саксонію повидаться съ сестрой своей, герцогиней Саксенъ-Веймарской. Кроме того, на бѣломъ листкѣ бумаги, симпатическими чернилами были написаны слѣдующія слова: «Представьте себѣ мое удивленіе: г. Таубе, который въ данную минуту здѣсь, отъ имени шведскаго короля проситъ у меня руки одной изъ вашихъ младшихъ сестеръ. Я этимъ

¹⁾ Дочь гофмейтерины двора великой княгини Анны Оеодоровны, Маріи Андреевны фонъ-Ренне и генерал-поручика Карла Ивановича фонъ-Ренне.

²⁾ Княжна Наталия Оеодоровна (род. 1779 г., ум. 1807 г.), любимая фрейлина императрицы Елизаветы Алексѣевны, была затѣмъ въ замужествѣ съ гофмейстеромъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1772 г., ум. 1821 г.).

такъ поражена, что не знаю, что и отвѣтить». Какъ только дворъ пріѣхалъ въ Гатчину и великия княгини вернулись въ свои аппаратаменты, императрица тотчасъ велѣла просить къ себѣ великую княгиню Елисавету. Императрица сидѣла за столомъ, съ газетою въ рукахъ, а г-жа Нелидова стояла позади. Входитъ великая княгиня Елисавета, и императрица съ горячностю обращается къ ней: «Это что значитъ? Шведскій король женится на вашей сестрѣ?» — «Въ первый разъ слышу», — отвѣтствуетъ великкая княгиня. — «Это напечатано въ газетахъ». — «Я ихъ не читала». — «Не можетъ быть. Вы знали. Мать ваша назначаетъ свиданіе шведскому королю въ Саксоніи и везеть туда съ собой вашихъ сестеръ». — «Мнѣ писали, что мать моя собирается побѣхать въ Саксонію для свиданія съ тетушкой. Другой цѣли я у нея не знаю». — «Неправда. Не можетъ быть! Это недостойный поступокъ относительно меня съ вашей стороны. Вы не откровенны со мной. По вашей милости лишь изъ газетъ узнаю я объ обидѣ, которую наносятъ моей бѣдной Alexandrine. И, главное, это случилось какъ разъ въ то время, когда намъ подавали надежду, что свадьба состоится. Это ужасно! Это положительно низко!» — «Но я, право, не виновата». — «Вы знали и не предупредили меня. Вы не оказали мнѣ тѣмъ ни довѣрія, ни должнаго уваженія». — «Нѣтъ. Я не знала. Впрочемъ, письма мои вѣдь читаются на почтѣ. Потрудитесь справиться о томъ, что мнѣ пишетъ моя мать». Великая княгиня Елисавета произнесла это послѣднее слово въ сильномъ волненіи и даже раздраженіи, вслѣдствіе сдѣланной ей ея свекровью непріятной сцены. Выслушавъ еще цѣлый потокъ несдержанной рѣчи, великкая княгиня удалилась. Съ этой минуты императрица не говорила съ ней болѣе и не только замѣтно относилась къ ней съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но дѣлала на счетъ великой княгини намеки, которые, несмотря на желаніе государыни, выходили скорѣе жалкими, чѣмъ колкими. Какъ-то вечеромъ великия княгини отправились гулять вмѣстѣ съ ихъ величествами. Великая княгиня Елисавета приблизилась къ государынѣ съ намѣреніемъ поцѣлововать ея руку. Императрица, хотя и протянула ее, но сухо, не отъ души. Великая княгиня поцѣловала ее искренно; однако государыня, вмѣсто того, чтобы обнять свою невѣстку, сказала ей съ большой горечью: «Вы гордитесь и не хотите болѣе цѣловать мою руку, потому что сестра ваша — королева». Великая княгиня, вмѣсто отвѣта, пожала плечами и тѣмъ такъ раздражила императрицу, что она повторила то же и великой княгинѣ Аннѣ. Императоръ ничѣмъ не выражалъ своего неудовольствія великой княгинѣ и ни въ чемъ не измѣнилъ своего обращенія относительно ея. Какъ-то разъ государь сказалъ ей въ шутку: «Ваша сестра идетъ по слѣдамъ моей дочери». — «Очень, очень жалѣю», отвѣтчила великкая княгиня. «Впрочемъ, намъ это безразлично: мы всегда найдемъ, за кого выдать Alexandrine», возразилъ государь.

Немилость, въ которую впала принцесса Тарантъ, не удивила, а скорѣе огорчила меня. Выразить ей это я не могла: принцесса была совсѣмъ въ другомъ кругу: она сблизилась съ супругой князя Алексія Куракина¹), а особенно съ княгиней Долгорукой²), которая незамѣтнымъ образомъ дѣлали все возможное, чтобы она меня не посѣщала. Послѣ моего возвращенія въ городъ, принцесса сдѣлала однако визитъ моей матери и мнѣ. Я отдала ей его безъ особой поспѣшности. Нѣсколько дней спустя, мой дядя далъ въ честь ея ужинъ, на которомъ я принимала гостей. Отношенія наши съ принцессой были нѣсколько натянуты: ее увѣрили, что я—большая педантка, держу себя неестественно и съ большими претензіями. Принцесса сказала мнѣ впослѣдствіи, что она боялась меня, какъ женщины сухой и ученой. Мнѣ известны были всѣ эти мелкія интриги, я знала, что цѣлью ихъ было удалить ее отъ меня, и я сказала графинѣ Толстой: «Въ скоромъ времени принцесса Тарантъ будетъ ежедневно моей гостью: мнѣ это предвѣщаетъ сердце, а оно рѣдко меня обманывало». Послѣ одного или двухъ визитовъ ея ко мнѣ, я пригласила ее къ обѣду, но наканунѣ назначенного дня, вечеромъ, моя младшая дочь и дочь графини Толстой заболѣли осипой, и я написала вѣжливый отказъ принцессѣ Тарантъ, высказывая ей свое искреннее сожалѣніе, что не могу ее принять. Дочь моя была въ сильной опасности, а дочь графини Толстой, хотя и не такъ серьезно заболѣла, умерла въ конвульсіяхъ. Я присутствовала при ея кончинѣ. Несчастная мать ея была въ самомъ жалкомъ положеніи. Я отвела къ себѣ убитыхъ горемъ отца и мать. Графъ прожилъ недѣли двѣ на половинѣ моего мужа, а графиня—у меня, и я ухаживала и заботилась о ней не менѣе мѣсяца. По прошествіи шести недѣль принцесса Тарантъ написала мнѣ, прося увѣдомить, можетъ ли она навѣстить меня. Я отвѣчала утвердительно. Мы сидѣли вмѣстѣ съ графиней, когда она вспла. Принцесса была поражена горестнымъ выраженіемъ лица графини Толстой и невольно подалась назадъ, но я пошла ей на встрѣчу и пригласила ее сѣсть между нами. Принцесса не рѣшалась повернуть головы въ сторону графини, а еще менѣе заговорить съ ней, какъ вдругъ съ графиней Толстой сдѣлался сильный нервный припадокъ. Принцесса обняла и отвела ее въ глубь моего кабинета, гдѣ успокоивала и ухаживала за ней съ величайшей заботливостью, такъ какъ силы окончательно покинули. Когда графиня поуспокоилась, принцесса Тарантъ подошла ко мнѣ и сказала: «Теперь вы беспокойтесь и чувствуете себя несчастной, позвольте же мнѣ возвратиться къ вамъ завтра». И, дѣйствительно, она каждый день навѣщала меня. Мы легко подружились: настѣ сблизило горе. Она оплакивала любимую государыню... Кому же, какъ не мнѣ, было понять ее!

¹⁾ Княгиня Наталья Ивановна, урожденная Головина (р. 1768 г., † 1831 г.).

²⁾ Княгиня Екатерина Феодоровна.

Дворъ оставался въ Гатчинѣ до 1-го ноября. Въ началѣ его пребыванія тамъ были маневры гвардейскихъ полковъ, которые вездѣ слѣдовали за императоромъ. Маневры повторялись ежегодно въ одно и то же время, за исключениемъ 1799 г., когда состоялся походъ въ Италію. Въ концѣ сезона, по вечерамъ, бывали спектакли; по большей части давалась итальянская опера, не потому, чтобы государь не любилъ французскихъ комедій, но во время траура по императрицѣ, подходившаго уже къ концу, французская труппа выбыла изъ Петербурга, и составъ ея еще не былъ возобновленъ. Дворъ выѣхалъ изъ Гатчины 4-го, и 5-го ноября прибыль въ Царское Село, годовщину дня, когда съ императрицей Екатериной II сдѣлался апоплексический ударъ. Лицамъ, которая еще искренно сожалѣли о почившей, отрадно было помолиться за нее въ томъ мѣстѣ, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, все напоминало о ней; къ тому же и время года придавало этому прекрасному мѣсту грустный отѣнокъ, вполнѣ подходящий къ случаю. Это былъ послѣдній день траура. По прѣѣздѣ въ городъ, дворъ тотчасъ повелъ совсѣмъ другой образъ жизни, чѣмъ въ прошломъ году...

Апартаменты, частные и официальные, предназначенные для представленія ихъ величествамъ, были отдѣланы заново. Театръ эрмитажа, куда Екатерина II приглашала только избранныхъ, былъ одинаково открытъ для всѣхъ, кто имѣлъ на то право по чину, а также и для гвардейскихъ офицеровъ. Блестящая свита слѣдовала за государемъ и его августейшимъ семействомъ въ то мѣсто, откуда Екатерина II всегда ее удаляла.

За четыре недѣли до разрѣшенія своего отъ бремени императора получила извѣстіе о смерти отца своего, владѣтельного герцога виртембергскаго. Ея величество провела въ уединеніи эти послѣднія четыре недѣли, что не помышдало императору и остальнымъ членамъ семьи попрежнему показываться въ обществѣ. Польскій король умеръ въ началѣ 1798 г. Для него это не было несчастіемъ, потому что жизнь для него была далеко непривлекательна. Хотя онъ уже не смѣлъ претендовать на тронъ, предоставленный ему Екатериной II, все же онъ былъ королемъ и имѣлъ время привыкнуть къ почету, который оказывали его сану. Роль, которую приходилось ему играть въ Петербургѣ, могла быть только тяжела для человѣка съ его умомъ и самолюбiemъ. Его содержаніе принято было на счетъ двора. Жилъ онъ въ императорскихъ дворцахъ: зимой въ Мраморномъ, а лѣтомъ въ Каменоостровскомъ. Вынужденный часто бывать при дворѣ, онъ, наравнѣ съ другими, страдать отъ неровностей характера императора Павла; но въ томъ возрастѣ, въ которомъ находился король, и при его положеніи, ему, конечно, было еще труднѣе ихъ выносить. Онъ жилъ открыто, и кончина его была потерей для петербургскаго общества. Скончался онъ отъ удара, совершенно такъ же, какъ и Екатерина II, и былъ погребенъ въ

С.-Петербургѣ, въ католической церкви, со всѣми почестями, присущими его сану.

28 января, у императрицы родился сынъ, которого назвали Михаиломъ, по обѣту, данному императоромъ. Не было никакого труда давать надлежащее направлѣніе живому воображенію государя, при его наклонности къ мистицизму, и нѣсколько лицъ, приближенныхъ къ государю, занялись этимъ дѣломъ. Ходила молва, будто съ первого дня царствованія государя часовому Лѣтняго дворца было видѣніе Архангела Михаила; ему приписывали даже слова, значеніе которыхъ было, впрочемъ, не совсѣмъ опредѣленно. Какъ бы тамъ ни было, но въ скоромъ времени послѣ того велѣно было сломать старый Лѣтній дворецъ, и императоръ, по возвращеніи своеемъ изъ Москвы, положилъ первый камень при закладкѣ Михайловскаго дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, где былъ Лѣтній. Въ продолженіе всего своего царствованія онъ съ особеннымъ стараніемъ занимался возвведеніемъ этого зданія. Государь разстроилъ даже свои финанссы вслѣдствіе той поспѣшности и стремленія къ роскоши, которая проявилъ онъ при постройкѣ дворца, но едва только дворецъ былъ оконченъ постройкой, и его величество думалъ насладиться въ немъ жизнью, какъ этотъ же дворецъ сдѣлался его могилой и поэтому былъ заброшенъ его наследникомъ. При первомъ извѣстіи о чудесномъ видѣніи часовому, императоръ Павелъ далъ обѣтъ, въ случаѣ, если у него будетъ еще сынъ, назвать его Михаиломъ.

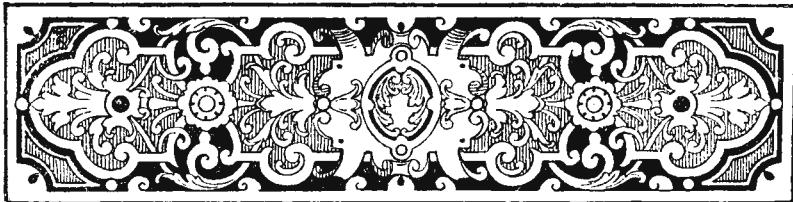
Въ скоромъ времени послѣ разрѣшенія императрицы отъ бремени, въ Петербургъ пріѣхалъ герцогъ Энгіенскій къ своему дѣду, принцу Конде, который уже два мѣсяца какъ былъ тамъ. Герцогъ Энгіенскій представился ихъ величествамъ на придворномъ балу въ эрмитажѣ точно такъ же, какъ сдѣлалъ это и принцъ Конде при своемъ прибытии. Лѣтомъ 1797 года, послѣ мира при Кампопформіо, заключеннаго между Австріей и Франціей, корпусъ принца Конде оказался безъ дѣла; тогда императоръ Павелъ предложилъ ему службу и помѣстя въ своемъ государствѣ. Предложеніе императора было принято съ горячей признательностью. Князь Горчаковъ отправился за корпусомъ принца Конде, находившимся на Дунаѣ, и привелъ его въ Волынь, куда онъ прибылъ въ концѣ того же года. Герцогъ Энгіенскій находился при корпусѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ лишь послѣ того, какъ корпусъ расположены былъ въ Дубно. Принцъ Конде уже ожидалъ его тамъ. Графъ Шуваловъ посланъ былъ на встречу принца Конде черезъ границу съ шубами, которая онъ долженъ былъ поднести принцу отъ имени императора при его пріѣздѣ въ Петербургъ. Его высочеству былъ отведенъ Таврическій дворецъ, такъ какъ домъ Чернышева, который былъ купленъ для принца императоромъ, и на которомъ видѣлась уже надпись «*Hôtel de Condé*» (отель Конде), не былъ еще окончательно отдѣланъ; принцу доложили при этомъ, что для него при-

готовленъ ужинъ, къ которому ему предоставляется пригласить кого пожелаетъ. На другой день къ принцу пріѣхали съ визитомъ оба великие князья и вся высокопоставленныя особы. Императоръ вручилъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и большой крестъ Мальтийскаго ордена. Послѣ этого никто никогда не могъ понять, что было причиною того охлажденія, которое государь сталъ вскорѣ ему показывать. Принцъ Конде и герцогъ Энгіенскій оставили Петербургъ въ концѣ февраля, или въ началѣ марта, 1798 года и отправились въ Дубно. Въ продолженіе этого года маркизъ де-Монтессонъ осмотрѣлъ нѣсколько губерній, въ которыхъ предположено было учредить нѣсколько колоній для эмигрантовъ, но дѣло это не состоялось. Въ 1799 году, корпусъ принца Конде принималъ не безъ славы участіе въ блестящемъ походѣ фельдмаршала Суворова, но, послѣ этой кампаниіи, намѣренія петербургскаго кабинета измѣнились, и принцъ Конде, увѣдомленный, что Россія готовится сблизиться съ Бонапартомъ, началъ вести переговоры съ Англіей, предлагая свой корпусъ этой державѣ, которая дѣйствительно и приняла его; но императоръ Павелъ, узнавъ объ этихъ переговорахъ и не желая, чтобы принцъ его предупредилъ, поспѣшилъ издать приказъ о распущеніи корпуса. Корпусъ былъ тогда въ Нижней Австріи. Англія, въ свою очередь, вскорѣ расформировала его, и это славное войско, въ бывшее время такое преданное, само собою распалось, такъ какъ многіе изъ солдатъ и офицеровъ его возвратились во Францію.

Роды императрицы были трудны, но не опасны. Такъ какъ она въ то время лишилась своего постояннаго акушера, то пригласила акушера изъ Берлина. Этотъ господинъ, подкупленный, вѣроятно, тѣми, кто желалъ подорвать кредитъ императрицы и Нелидовой, именно Кутайсовыми, объявилъ государю, что онъ не отвѣчаетъ за жизнь императрицы въ случаѣ вторичныхъ родовъ. Это послужило источникомъ всевозможныхъ интригъ, происходившихъ въ теченіе года. Едва оправившись, императрица получила извѣстіе о смерти принцессы-матери въ то время, когда ожидала ее въ Россію. Ея величество была поражена этимъ несчастіемъ, и государь удвоилъ тогда вниманіе и нѣжность къ своей супругѣ.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ с.тѣдующей книжкѣ).

СИДОРУШКИНЪ ГРѢХЪ.

ЛУБОКАЯ осень стоитъ надъ огромнымъ, въ три слободы разметавшимся, селомъ Луговымъ. Хмурый октябрь нахлобучилъ свою сѣрую шапку и словно плачетъ о прошедшихъ хорошихъ дняхъ недавняго лѣта. Вѣтеръ завываетъ погребальную пѣснь отжившему вѣдру и гулко проносить ее стономъ истомнымъ по лѣсамъ, лугамъ и осиротѣвшему, помертвѣлому живью.

Ока вторить этой пѣснѣ, катя свои помутнѣвшія волны сѣдыми, угрюмыми валами. Чуетъ ли она близкій плѣнъ свой подъ ледянымъ покровомъ? Чуетъ ли она, что долго уже не услышитъ лихой пѣсни съ бечевника, пароходнаго свиста и плеска судовъ и суденышекъ?...

Невесело!..

Даже около жилья, на улицѣ села, мертво и безлюдно. Не только людей, но и животовъ¹⁾ нигдѣ не видно—все попряталось отъ непогоды. Даже свини и тѣ не бродятъ по огромной, никогда не просыхающей, лужѣ возлѣ избы дѣдушки Панфилы Медовича.

Панфиль, кромѣ избы, имѣлъ еще и пасѣку, которая раскинулась на высокомъ обрывистомъ берегу рѣки, отчего это мѣсто и получило название «Пчеловой горы», а самъ дѣдъ Панфиль—прозвище «Медовича».

На закатѣ дней Медовичъ женилъ единственнаго сына своего, Сидора, на Аленѣ, тихой, смиренной, болѣзненной и какой-то безчув-

¹⁾ Скотина.

ственно-равнодушной ко всему дѣвкѣ изъ сосѣдняго «холопскаго»¹⁾ поселка; отдалъ сыну со снохой всю землю свою—душевой надѣль, избу съ плетневымъ дворомъ, сарай, амбаръ, скотинку, «животовъ», какіе были, а самъ переселился на любимую свою пасѣку Пчеловой горы: «я де и здѣсь сытъ буду».

Сталъ жить Сидорушка со своей хворой Аленою и сыномъ Никиткой: пахалъ, сѣялъ, хлѣбъ убиралъ съ родительской земельки и не то, чтобы объѣдался, но и не голодаль.

Въ ту пору, о которой идетъ нашъ разсказъ, Сидорушкѣ уже былъ сорокъ шестой годъ отъ рода, а Никиткѣ со Вздвиженія пошелъ девятнадцатый. Панфилъ давно умеръ, да и Алена недолго прожила съ мужемъ.

Едва дождался Сидоръ, когда подростегъ сынишка. Очень трудно было ему. И потому, едва сынъ достигъ жениховскаго, съ грѣхомъ пополамъ, возраста, отецъ поторопился подыскать ему невѣсту. Попалась дѣвка хорошая изъ того же села Лугового—красотка Параша, Петра Краснаго дочка. Заслалъ Сидорушка сватовъ, ударили по рукамъ и роспили магарычъ. Со сгадьбой торопились, потому что скоро наступали филипповки²⁾. Да и женихъ съ невѣстой спѣшили. Ужъ такие-то оба они были красивые, статные; давно приглянулись они другъ другу. Еще раньше, чѣмъ подумалъ Сидоръ, они уже любили другъ друга. Позалѣтошный годъ, когда на троицынъ день вѣнки на воду спускали, и Параша немного отстала отъ хоровода, возвращаясь домой, Никитка, вздумавшій караулить ее въ сосѣднемъ лѣсочкѣ, выскочилъ изъ своей засады, когда она проходила, крѣпко обнялъ дѣвку и такъ бы и замеръ, если бы Параша, со звонкимъ смѣхомъ, не оттолкнула прочь баловня. И сейчасъ еще помнилъ Никитка и этотъ поцѣлуй, и самое выраженіе лица Парashi—не то какъ будто сердитое, не то насмѣшилъ—и сладко и жутко становилось пареньку, чѣмъ ближе приступалъ день вѣнчанія.

Пришелъ, наконецъ, и желанный день.

Много выпили вина и родные, и гости, и дружки, и поѣзжане, много горланили пѣсенъ. Много пѣловались молодые, когда ноябрьская ночь скрыла ихъ въ отведенной имъ «бѣлой половинѣ», и смолкли крики, пѣсни и пьяный гомонъ разъѣхавшихся гостей. Кончилось пированіе, и все вошло въ обычную колею.

Принялся Сидорушка за хозяйственныя дѣла. Началась молотьба втроемъ: свекръ да молодица-сноха съ мужемъ. Впрочемъ, немного пришлось и похлопотать. Годъ былъ неурожайный; до новины все равно своимъ хлѣбомъ не обойтись. А тутъ еще староста пристаетъ съ податями—подавать надо...

¹⁾ Холопами и до сего дня называются бывшіе крѣпостные помѣщицы крестьяне въ отличіе отъ бывшихъ государственныхъ или «экономическихъ».

²⁾ Рождественскій постъ.

Задешево продали ржицы «міроѣду»—слава Богу, съ этимъ дѣломъ управлялись. Не растратилъ бы только староста денегъ до станового. Не-то сзынова взыщутъ.

Опять принялись молотить. Яровое почти совсѣмъ не уродилось отъ засухи. Сѣна тоже мало убрали. Кормовъ не будетъ. Стало быть, скотинку лишнюю сбывать надо. А ужъ осенью цѣна на скотъ, всѣмъ извѣстно, какая бываетъ: полтина за рубль.

Эхъ, трудный годъ!..

Сильно сталъ задумываться Сидорушка: какъ быть, что дѣлать? А на ту бѣду Севастьянъ-рядчикъ, каждый годъ уходившій съ артелью овчинниковъ на работу, тутъ какъ тутъ: «отдай, говоритъ, Никитку въ артель».

Сидорушка было уперся:

— Какъ такъ Никитки рѣшиться?¹⁾ А какъ же мнѣ тутъ одному-то управиться?²⁾ Обапола²⁾ дома нептто мало дѣловъ-то?.. Да опять жана, похоже, не пустить!—возражалъ онъ ему.

— Э, жана!..—засмѣялся рядчикъ,— нешто жана яво кормить будетъ. Что-жъ у тебя ионеча, Панфилычъ, новые порядки пошли? Стало, хозяиномъ-то у тебя въ домѣ сноха ч tolъ-ча?...

Сидорушка замолчалъ и поникъ головой. Доводы Севастьяна казались ему основательными. Да и пятьдесятъ рублей задатку давать онъ ему въ руки и четверть вина за-руки ставиль. Очень ужъ желался Севастьянъ Никитка: малый трезвый, сильный, работящій, покорливый.

Подумалъ, подумалъ Сидорушка: годъ ужъ очень трудный. А пятьдесятъ рублей, по деревенскому обиходу, деньги большія: и хлѣбушка, и корму для скотинки запасти можно.

Согласился Сидорушка. Ударили съ Севастьяномъ по рукамъ, распили четверть въ кабакѣ и разсчитались задаткомъ, при чемъ Севастьянъ удержалъ за дорогу двадцать рублей, почему Сидорушкѣ приходилось уже не пятьдесятъ рублей, какъ Севастьянъ говорилъ, а только тридцать.

Ни земные поклоны, которые клалъ передъ отцомъ узнавшій о своей участіи Никитка, ни слезы и причитанія молодой снохи, ни уговоры и просьбы родныхъ молодухи не сломили рѣшенія Сидорушки. Заладилъ одно: «годъ трудный», да и все тутъ. Ничего не подѣлаешь—очень ужъ упористъ былъ Сидорушка.

Больше всѣхъ убивался разлукой Никитка. Тяжело ему было разставаться съ молодою женою. Насталъ и день отѣзда. Пошла Шараша со свекромъ въ городъ проводить безутѣшнаго Никитку. Попили они чайку въ трактирѣ, поплакали съ Никиткой на прощаніе и, когда разстались, поплакали бы еще, еслибы... еслибы въ

¹⁾ Лишиться.

²⁾ Около.

этотъ день не было ярмарки въ городѣ, и взоры молодой красавицы не развлеклись бы блескомъ множества кумачей, ситцевъ, китаекъ, цвѣтныхъ платковъ и шалей, бусъ, сережекъ съ цвѣтными камешками и иныхъ прелестей, соблазнительно раскинутыхъ на прилавкѣ заѣзжихъ краснорядцевъ.

Побѣжала Параша, проводивши Никитку, прямо въ красный рядъ, вмѣстѣ съ свекромъ своимъ; накупила сноха обновокъ: голубую отрѣзную шаль съ затканными по ней разводами, китайки на рукава подъ безрукавку, да золоченыхъ бусъ на ожерелокъ. Горять у нея глаза, разрумянилась молодица не то отъ мороза, не то отъ удовольствія, а про Никитку какъ будто и забыла.

Идетъ Никитка по дорогѣ въ дальний край. Стучать его шаги по мерзлой землѣ.

Эхъ, сердечный, добро ли вернешься подъ родимый кровъ?..

Стоить Сидорушка возлѣ красавицы снохи и посматриваетъ на нее такъ ласково, будто она ему дочка родная.

Побрели они, наконецъ, домой. Сидорушка все поглядываетъ на сноху. Невесело у него что-то на душѣ. Опустилъ онъ голову и все о чёмъ-то задумывается. А Параша идетъ, какъ будто и горюшка-то у нея нѣтъ. Гремитъ по дорогѣ мѣдными подковами полусапожекъ, сѣмечки грызетъ, да пѣсни одна другой веселѣе затягиваетъ.

— Эхъ, да и краля... — подумалъ Сидорушка, взглянувъ еще разъ на сноху.—Никитка наказывалъ: смотри, отецъ, не проморгай Параньку!.. — вспомнилъ онъ просьбу сына, когда онъ уходилъ.—И то не проморгать бы!.. Ишь вотъ какая красота!.. Озорниковъ нешто малъ?..

Отъ этой одной мысли его ожгло, какъ пламенемъ.

— Горло перекушу зубами!.. — подумалъ онъ злобно.—Горло перекушу, кто близко подойдетъ!..

— Ай не жаль хозяина—все пѣсни горланишь?.. — спросилъ онъ Парашу, притворяясь сердитымъ.

— Какъ не жаль?.. съ чего-лѣтъ ты, отецъ?.. — покачала она на него своей красивой головкой.

— Знать, съ горя пѣсни веселыя играешь? — снова спросилъ Сидорушка, ядовито улыбнувшись.

— И-то, отецъ, съ горя... Утѣшаюсь,—отрѣзала Параша, сплевывая шелуху разгрызеннаго подсолнуха.

Наступила зима. Снѣжная пелена окутала землю. Посѣдѣлъ зеленъ лугъ и Человая гора. Занесло пасынку дѣда Панфилы высокими сугробами—не перелѣзешь.

И хатки въ селѣ еле видныются, какъ будто въ снѣгу онъ вырыты. Ока-рѣка съ землей сравнялась: осилилъ ее морозъ—удалой молодецъ, заполонилъ онъ ее, строптивую, въ долгій плѣнъ, заточилъ онъ ее въ свой ледяной острогъ.

Настало Рождество. Сходили православные въ церковь, отстояли утреню, обѣдню, разговѣлись по христіанскому обряду, отдохнули, а вечеромъ, когда ведреное, морозное небо засвѣтилось толпой своихъ путеводныхъ блестокъ, когда кроткій ликъ мѣсяца выплылъ изъ-за горы и залилъ мирную деревенскую картину своимъ мягкимъ свѣтомъ, — молодежь высыпала на улицу. Хохоча и толкая другъ друга, схватились за руки дѣвки, молодицы и парни, грянула веселый хороводъ, далече прокатился задорный посвистъ подголоска. Дождались праздника Христова, слава Богу. Всѣмъ любо, всѣмъ весело.

И Параша тамъ съ подругами да съ парнями. Не помяя своего Никитку, она весело играетъ¹⁾ пѣсню за пѣсней. Чаще всѣхъ ей приходится выходить на середину круга «сударушкой»²⁾, и каждый разъ, какъ на смѣхъ, все съ тѣмъ же Андрюшкой Маркинымъ, солдатомъ. А и хватъ же этътъ Андрюшка Маркинъ: усть молодой кольцемъ, какъ на картинкахъ рисуютъ; глаза, словно жарь, горятъ; надѣнетъ шинель свою съ краснымъ погономъ, заломить шапку съ мерлушьимъ окольшемъ и мѣдной «присягой»³⁾—красавецъ.

Гдѣ же деревенскимъ парнямъ противъ него слово сказать смѣшилкове, или колѣно какое ни на есть выкинуть, или же взглянуть такъ, что у любой красотки попытаемъ пробѣжть за плечами?... Хватъ—хватъ и есть.

— На нашу сестру добрѣ — плутъ, — хихикали между собой дѣвки. Да и молодицы давались диву, откуда этотъ самый, всѣмъ имъ давно извѣстный Андрюшка, рѣшительно ничѣмъ прежде не отличавшійся отъ прочихъ, лишь только побывалъ въ военной службѣ, понабрался теперь такихъ молодецкихъ рѣчей и ухватокъ?.. Повѣрялись другъ другу тайные разсказы о домогательствахъ «добреплути» Андрюшки, повѣствовалось, какъ онъ караулилъ Аксюшку Чернавку у водопоя, или изловилъ Манекшу (Манееву), Оськину хозяйствку, въ полѣ, когда она бѣгала искать вырвавшагося изъ закуты хряка; или еще о томъ, какъ Андрюшка «ладился» подъ Гашку «Ступа», и что «сама-то» она теперича, Гашка, головушка болѣзная, по ёмъ, какъ есть—помираеть.

Словомъ, разсказовъ и «облетныхъ»⁴⁾ тайнъ, передаваемыхъ другъ другу на ухо, было множество, и за «хватомъ» Андрюшкой все болѣе и болѣе упрочивалась слава соблазнителя и покорителя женскихъ сердецъ.

¹⁾ Въ пріокскихъ губерніяхъ не говорить пѣть, а играть пѣсни.

²⁾ Особенная затѣя въ хороводѣ.

³⁾ Крестьяне такъ называютъ двуглавый орелъ или государственный гербъ.

⁴⁾ Облетнюю тайну крестьяне называютъ бабью тайну. Комментаріи кажутся намъ излишними.

А Параща все слушала да посмѣвалась про себя.

Въ послѣднее время она замѣтила, что Андрюшка только на нее и смотрѣтъ, ею любуется. Увѣренность въ этомъ окончательно за-крѣпилась въ ней, когда «хватъ» потихоньку сунулъ ей однажды леденцовъ и каленыхъ орѣховъ, за которыми нарочно посыпалъ въ городъ маленькаго братишку.

Нравился ли ей самой деревенскій соблазнитель—кто знаетъ?.. Во всякомъ случаѣ она не отслоняла его отъ себя. Ей было и страшно и любо на душѣ отъ этого какого-то прянаго, дотолѣ еще неизвѣданныаго ею ощущенія.

Видѣлъ все это молчаливо слѣдившій за снохою Сидорушка, видѣлъ... и не весело было ему.

Угрюмо сиживалъ онъ по вечерамъ на заваленкѣ, слушая пѣсни, въ кругу стариковъ. Нехотя перекидывался онъ съ ними рѣдкими словами, разсѣянно слушая ихъ разговоры и часто зря, невпопадъ, отвѣчая на предлагаемые ему вопросы. Не думалось ему теперь ни о какомъ дѣлѣ. Перемѣнился совсѣмъ Сидорушка, и признать-то въ немъ прежняго было нельзя.

— Скучаетъ по Никиткѣ,—рѣшили межъ собой его односельчане.

— Панфилычъ, а Панфилычъ... Чего голову-то повѣсили?.. Полно горевать обѣ Никиткѣ... Не пропадетъ — не махонькай... Придетъ — денегъ принесеть... Пойдемъ-касъ въ трактиръ, тамъ и завѣемъ горе веревочкой,—утѣшали Сидорушку старики.

И онъ шелъ за ними въ трактиръ и пилъ съ ними вино: да не помогало пить-то... Сначала будто маленько полегчаетъ, а тамъ еще хуже засосетъ.

Тогда только отлегало отъ сердца, — Сидорушка самъ это сталъ примѣтить,—когда ему приходилось оставаться дома вдвоемъ со снохой. Тогда онъ былъ увѣренъ, что никто на нее не заглядывается, тогда онъ могъ безбоязненно смотрѣть на нее, любоваться ею. И морщины его тогда слаживались, и полуулыбка освѣщала дотолѣ угрюмое лицо.

— Что-жъ это я?.. Али вовсе сдурѣлъ?..—тихо вопрошалъ онъ, ловя самого себя на этомъ созерцаніи, на этой улыбкѣ.

А Андрюша тѣмъ временемъ не зѣвалъ. Еѣсомъ подкатывался онъ къ Паращѣ, гдѣ и когда только могъ; случаевъ для встрѣчи на селѣ развѣ мало? — только захоти. За короткое время онъ уже добился многаго: и за рученки-то бѣлляя ее держивалъ, и рѣчей-то сладкихъ успѣлъ наговорить съ три короба, и «зазнобушкой-то желанной», и «голубонькой» своею называлъ, а она—все ничего... Даже смѣхъ свой завсегдашній оставила. Слушаетъ «хвата», и рука не отымаєтъ отъ него, только зарѣбется, да легонько отталкиваетъ солдата, когда тотъ зачнетъ ее къ себѣ притягивать, чтобы поцѣлововать: знать, и ее прошибло вплотную.

Да, прошибло.

Плохо спится молодицѣ по долгимъ зимнимъ ночамъ. Ужъ хороводъ давно замолкъ, давно отужинали на селѣ, загасили керосиновые каганцы¹⁾ и полегли спать, а ей младенецкѣ все не спится. Запрется она на своей «бѣлой» половинѣ (Сидорушка спаль на другой, старой), раздѣнется, Богу помолится, подстелеть зипунъ на широкую дубовую лавку въ «красномъ» углу, накроется потеплѣе, а сонъ бѣжитъ и не дается ей, какъ кладъ завороженный. Размечтъ, раскинетъ молодое тѣло свое—душно станеть; снова зачнетъ молитву творить, а передъ нею такъ и носится красный погонъ да усъ молодецкій... До ушей явственно долетаетъ знакомый ласковый голосъ, таکъ вотъ и чудится, что «хватъ» Андрюшка стоитъ передъ нею... Бывало ли это прежде когда?.. Гдѣ жъ тутъ вспомнить о Никитѣ далекомъ?..

Такъ шло время.

Однажды, въ воскресный день, Сидорушка уѣхала въ городъ на базаръ. Параша, убравшись дома, принарядилась, какъ слѣдуетъ, заперла избу и пошла на цѣлый день къ отцу съ матерью. Пообѣдала она со своими, отдохнула, напилась чаю и вышла, чуть смеркалось, на улицу. Ей думалось затѣять хороводъ; да нѣтъ—въ тотъ вечеръ поиграть пѣсенъ не пришлось. Почти всѣ деревенскіе съ утра уѣхали въ дальний лѣсъ по хворосту и только поздно ночью могли вернуться съ нагруженнымъ обозомъ. Было холодно. Крещенскій морозъ таки порядочно хваталъ за ность и щеки. Сумерки уже сгустѣлись, но на улицѣ было свѣтло. Пусто и непривѣтливо показалось молодицѣ. Постояла, постояла она, да и рѣшила итти домой, въ свекрову избу.

— Соберу ужинать, а тамъ и Сидоръ изъ города пріѣдетъ.. Чай, поздно ужъ...—подумала она, направляясь къ своей свободѣ за верхомъ²⁾. Не успѣла она повернуть за уголъ, какъ «хватъ» Андрюшка словно изъ-подъ земли передъ нею выросъ.

— Ахти!..—едва молвила она, а онъ уже держитъ ее за руки, жадно ласкаетъ взоромъ и притягиваетъ къ себѣ. Не вспомнила она, какъ онъ уже обнялъ ее и впился губами въ ея губы.

Довольно долго боролась она и, наконецъ, собравъ послѣднія силы, оттолкнула его прочь.

— Голубонька моя, не сердись на меня!..—нѣжно лепеталъ онъ, снова обивая молодицу рукою: — не сердись... Лучше ужо, когда ляжешь, отопри дверь!..

Параща молчала.

— Отопрешь... Скажи, отопрешь? — приставалъ солдатъ, покры-

¹⁾ Керосиновые лампочки или каганцы со стеклами и безъ нихъ за послѣдній десятокъ-другой лѣтъ безусловно вытѣснили традиціонную лущину.

²⁾ Оврагъ.

вая щеки трясшися, какъ въ лихорадкѣ, молодицы новыми горячими поиѣляями.

— Пусти, ради Христа, пусти...— слабо говорила она, пытаясь вырваться изъ его цѣлкихъ объятій.

— Не пущу, пока не скажешь,—въ какомъ-то изступленіи шепталъ онъ, все крѣпче охватывая ее руками.

— Пусти, тогда скажу!..

Она вырвалась таки наконецъ и, отойдя нѣсколько шаговъ, остановилась, взглядываясь въ молодецкую фигуру солдата.

— Ну, что жъ?.. Отопрешь?...—снова спросилъ онъ, дѣлая шагъ по направленію къ молодицѣ.

— Отопру, неотвязный!..—шепнула она и, круто повернувшись, почти бѣгомъ бросилась подъ гору, раздѣлявшую обѣ слободы верха.

Давно уже ожидала Параша своего свекра, когда тотъ, изрядно подгулявши, вернулся наконецъ изъ города.

Параша, хоть и замѣтила, что Сидоръ выпивши, но сегодня онъ казался какимъ-то особенно страннымъ, даже загадочнымъ. Ярко блестѣли его глаза, съ губъ не сходила не-то злорадная, не-то ехидная улыбка, словно нашелъ онъ кладъ запретный, съ «нечистымъ» побратался, иль съ вѣдьмой заключилъ грѣховный договоръ. Почти съ ужасомъ смотрѣла она сегодня на свекра, но ни разгадать, что съ нимъ подѣжалось, ни объяснить своего страха она не могла.

Сидѣть Сидорушка на лавкѣ, улыбается, а самъ со снохи глазъ не сводить и все молчитъ, хоть бы звукъ проронилъ.

— Чѣй-то съ нимъ подѣжалось?.. Ишь чудной какой сидѣть...—вопрошала себя Параша, ставя передъ свекромъ чапку съ молочнымъ кулешомъ, хлѣбъ, соль и подсаживаясь къ столу возлѣ него.

— Что жъ, гостинца привезъ, отецъ?—спросила она, чтобы только нарушить тягостное молчаніе.

— Гостинца?..—какъ-то безсмысленно переспросилъ Сидорушка.

— Ну, вѣстимо, гостинца!..

— Гостинца?.. Привезъ!..

Снова наступило молчаніе. Снова странная улыбка искривленного рта, снова вперенные въ лицо снохи блестящіе, недобрые, загадочные глаза.

Чуть хлебнулъ Сидорушка кулеша, солью даже не посыпая, и поднялся изъ за-стола, лба не перекрестивши.

— Ишь ты!.. И Бога-то забылъ!.. Словно осатанѣлъ!.. подумала про себя Параша, накидывая полуушубокъ и собираясь уходить на свою половину.

— Спать пора... похоже, скоро пѣтухи запоютъ!.. сказала она, зѣвнувъ во весь ротъ и направляясь къ низкой двери, ведущей въ сѣни.

— А гостинцу не надѣть что лѣ?—спросилъ Сидорушка, шаря

въ карманахъ своей коротайки... На, получай,—прибавилъ онъ, шагнувъ за печь въ темный уголъ и подавалъ ей свертокъ орѣховъ и новенький шелковый поясокъ.

Параша подошла и протянула руку.

Какъ дикій звѣрь, завидѣвшій давно вожделѣнную добычу, бросился Сидорушка на сноху свою и въ бѣшеномъ порывѣ стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Страшно стало молодицѣ отъ нечестивыхъ ласкъ свекра, и самый страхъ этотъ удесятерилъ ея силы. Змѣю выскользнула она изъ безумныхъ объятій свекра, выскочила въ сѣни, оттуда юркнула на «бѣлую» половину и задвинула за собою дверь внутреннимъ засовомъ.

Сидорушко было за нею, да не поспѣлъ; сунулся было въ двери къ снохѣ—поздно, засовъ не пускаетъ.

— Ну, ладно,—прохрипѣлъ онъ въ бессильной злобѣ, стоя у запретнаго входа и скрипя своими крѣпкими зубами.—Ладно, вдруг-городъ¹⁾ не уйдешь!..

Параша слышала все: и эти слова, и скрежетаніе зубами, и хриплое, словно сдавленное дыханіе Сидорушки за дверью.

— Такъ вотъ оно что?—думала молодица, едва переводя духъ отъ недавняго страха и не смѣя тронутся изъ дальняго угла свѣтлицы, куда она непроизвольно жалась, словно боясь, что вотъ, вотъ войдетъ свекоръ и снова начнетъ творить надъ нею насилие.—Вотъ оно что!.. Вотъ онъ отчего потеряннымъ все ходилъ, да шлялся, пьянствовалъ по кабакамъ!.. Ахти, головушка моя безталанная!.. Старый чортъ!.. Ишь что задумалъ!.. Бѣдный, бѣдный мой Никитка!.. Отъ отца ли родного чаяль ты себѣ горя-обмана!

Молодица закрыла лицо расшитымъ передникомъ и заплакала.

Тѣмъ временемъ Сидорушка вернулся на свою половину. Дышать ему было трудно, словно на дно рѣки его опустили; въ вискахъ и жилахъ на шеѣ кровь стучала, какъ молотъ въ кузницѣ, а по лицу, перекошенному злой неудовлетворенности, струился обильный потъ, который онъ едва успѣвалъ оттирать рукавомъ.

Каганецъ горѣть поцрежнему на столѣ, наполняя низкую клѣть копотью и проливая тусклый, красноватый свѣтъ на будничную, неопрятную обстановку.

— Острогъ!..—прорычалъ Сидорушка, злобно оглядывая давно знакомые предметы и швырнувъ съ себя коротайку. Душно ему было. Онъ загасилъ огонь, разулся и, приподнявъ нижнюю половинку окна, высунулся по плечи наружу.

На улицѣ было пусто и безшумно. Тихо мерцали звѣздочки на прозрачной синевѣ зимняго неба, словно перемигиваясь между собою, словно смѣялись онѣ и недоумѣвали, о чёмъ бы могъ этотъ

¹⁾ Въ другой разъ.

человѣкъ такъ кручиниться, когда имъ тамъ, на выси, такъ хорошо, такъ привольно.

Но Сидорушка не видѣлъ ихъ теперь, не думалъ ни о чёмъ, кроме своего горя, своей кручины. До этого ли ему?.. Онъ лежалъ грудью на подоконникѣ, низко свѣсивъ мохнатую, всклокоченную голову свою и вспоминая всю жизнь, всѣ горя, недостатки и лишнія, претерпѣнные доселѣ. Вспомнилось ему и беззаботное детство, и отрочество, и женитба на нелюбой женѣ, и хворость покойницы Алены, и сынъ Никитка стоялъ передъ глазами. И среди всѣхъ этихъ думъ, какъ призракъ, проносился образъ Парашы, ея карие глазки, смуглого-румяное лицо, статный ростъ, полныя плечи... Тяжко было Сидорушкѣ отъ этого неотвязно преслѣдовавшаго его видѣнія: и Никитку-то жаль, да и съ собой никакъ не совладаешь...

— Тятка, а тять... Мотри, не проморгай Параньку, значитъ... чтобы не «баловалася» безъ меня!.. вспомнилъ онъ слова Никитки при прощаніи.

И что жъ?.. Кто подканывается подъ его добро?—родной отецъ...

— Эхма...—встряхнулъ онъ головой, вспоминая сына...—Проклятый я, какъ есть проклятый... Ужъ будетъ мнѣ жарня на томъ свѣтѣ... Будетъ нечистый надъ «снохачемъ» издѣваться да свои собачьи зубы скалить...

Первая слеза раскаянія задрожала у него на вѣкахъ и, скатясь по угрюому лицу, жемчужиной застыла въ курчавой бородѣ...

Но, чу... Скрипнуло что-то за угломъ избы!.. Словно кто воровскими шагами по снѣгу пробирается. На улицѣ хорошо видно, хотя въ эту ночь луны не было. Сидорушка возврілся.

— И впрямь, ктой-то за угломъ будто бы ворочается. Кой это лѣшій можетъ быть?.. подумалъ про себя онъ, не покидая своего мѣста, но спрятав голову такъ, чтобы самому быть непримѣтному и между тѣмъ имѣть возможность наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что могло бы происходить на улицѣ.

Сидорушка не ошибался. Недолго пришло ему ждать, когда вдругъ изъ-за угла показалася чья-то черная фигура, которая краучись пробралась къ «бѣлой» половинѣ и остановилась подъ окномъ.

— Андрюшка, солдатъ!..—прохрипѣлъ Сидорушка, стиснувъ зубы до боли.

Безмолвно слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ «хвата», и замиравшее сердце его наполнилось сразу какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ.

«Хватъ» межъ тѣмъостоялъ около окна, нѣсколько разъ внимательно оглянулся и, не подозрѣвая ничего, тихонько постучалъ пальцами о стекло.

— Снохались!..—рѣшилъ Сидорушка.

Еще и еще разъ задребежжало оконце «бѣлой» половины, и наконецъ своимъ чутко-напряженнымъ ухомъ онъ услыхалъ шепотъ Андрюшки:

— Я, я!.. Отопри, лапушки!..

Что говорилось изнутри, Сидорушка распознать не могъ, но, видно, Параша не рѣшалась отпирать, такъ какъ «хватъ» все еще продолжалъ стоять, опираясь ногою на заваленку и продолжая шептать сквозь стекло.

— Спить твой хрычъ-то?..—явственно слышалъ Сидорушка вопросы «хвата».

— Не бойсь, не услышитъ!.. Дверь-то нескрипучая?..

— Ну, ладно!..

Сидорушка видѣлъ, какъ солдатъ осторожно отошелъ отъ окна и безшумно взобрался на крыльцо.

Неслышино, съ бѣшено прыгавшимъ въ груди сердцемъ, проскользнула Сидорушка въ сѣницы и притаилася за выступомъ чулана.

— Мотри, не проморгай Параньку!..—промелькнула передъ нимъ просьба сына, и ему явственно представился образъ Никитки, отходящаго въ далекую работу. Его сердце еще болѣе сжалось и запрыгало при этомъ воспоминаніи.

— Нябось!.. Не проморгаю!..—сказалъ онъ про себя, убѣжденno качнувъ головою.

Тихо шурша между скобами, запевелился внутренній засовъ, отворилась дверь «нескрипучая» изъ «бѣлой» половины, и Параша, босая и въ одной рубахѣ, какъ тѣнь, выскользнула въ сѣницы, отодвинула щеколду у наружной двери на крыльцо и тотчасъ же прошмыгнула обратно въ свѣтлицу.

Однимъ розмахомъ ногъ очутился Сидорушка у выходной двери и, чуть-чуть растворивъ ее, просунула голову и очутился почти лицомъ къ лицу съ собиравшимся войти въ сѣни «хватомъ».

Глаза ихъ встрѣтились.

Черезъ минуту на крыльцѣ уже никого не было. Вдали, гдѣ-то едва слышался скрипъ снѣга подъ ногами удирающаго «хвата».

— Вотъ когда ты отъ меня не уйдешь!..—хихикнулъ Сидорушка, входя въ отпертую злонолучной снохой его дверь и тщательно задвигая засовъ за собою...

О Никитѣ онъ теперь уже не думалъ.

Прошло два первыхъ мѣсяца нового года; насталъ и третій—пролѣтъ. «Пришли Евдокеи—настали мужику затѣи»¹⁾). Взялись люди добрые перелаживать сохи, бороны; вашумѣла кузница Луговская: туда то и дѣло теперь валилъ народъ—кто колесо перетянуть новою шиной, кто сошникъ наладить, кто навострить клевцы для боронъ, или сварить еще по осени сломавшейся шворень.

Не однимъ мужикамъ настали затѣи. И бабы, не сложа руки, сидѣли: во дворѣ прибавилось хлопотъ со скотиной—появились те-

¹⁾ Изъ крестьянскихъ поговорокъ и примѣтъ.

лята, поросыта, ягнята; куры, гуси, утки занеслись. А вотъ и Свѣтлый праздникъ уже не за горами, мужей обшивать надо, да самимъ, чтобы обновки кое-какія поспѣли; говѣть надо, къ попу итти — грѣхи сдавать; по вечерамъ же, далече за полночь — пряжа: тихо посвистываетъ колесо на немазанной оси самопрялки, а нитка, чтѣ дальше, то чаще выскользываетъ изъ пальцевъ сонной бабы. Умаялась за день-то... Глаза слипаются.

Одни ребятишки несмыслѣные день-деньской безъ дѣла толкутся, бѣгаютъ по улицѣ, шлепая босыми ноженками по лужамъ, разогрѣтымъ вешнимъ солнышкомъ; а настанетъ студѣный вечеръ — поужинаютъ, да на палати — набираться силенокъ къ завтрашнему дню, а назавтра то же... Эхъ, беззаботное дѣтство...

Осиротѣла Сидорушкина изба. Наглухо заколочены ставни, не видно въ окнахъ свѣту по вечерамъ, и замокъ ядреный¹⁾ виситъ на двери, припечатанной къ косяку большою, круглою съ гербомъ печатью: сидитъ Сидорушка, томится за рѣшеткою вмѣстѣ съ «хватомъ» Андрюшкой по подозрѣнію въ убийствѣ Параши. Ужъ и слѣдствіе было — обоихъ допрашивали, да не добились никакого толку: одинъ на другого валилъ, оба запираются. Диву давался съ ними слѣдователь изъ кандидатовъ на судебную должность, молодой человѣкъ петербургской формациіи, и не видить онъ конца края этого дѣла съ проклятыми мужиками.

Кто убійца — Сидорушка или «хватъ»?

Бился съ ними, допрашивалъ по цѣлымъ часамъ, не понимая и половины того, что говорили ему подозрѣваемые. «Хватъ», какъ уперся сначала: «знатъ, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю», — такъ при томъ и остался. Сидорушка же сваливалъ все на «хвата», такъ какъ де послѣдній состоялъ съ покойницей въ любовной связи и, можетъ быть, приревновавъ ее къ кому ни на есть, убилъ сгоряча. Словомъ, дѣло не подвигалось ни на пядь. Хотя противъ Сидорушки и имѣлась улика: та рубаха, въ которой онъ былъ въ ночь убийства (на ней становой усмотрѣлъ кровяныя пятна), но улика эта нивѣсть какимъ путемъ исчезла и потомъ уже была найдена кѣмъ-то въ загнеткѣ, вся вымазанная въ сажѣ и сорѣ и, разумѣется, уже безъ всякихъ пятенъ.

Противъ «хвата» Сидорушка выставилъ двухъ свидѣтелей, видѣвшихъ его бѣгуши мѣсто поздно ночью по улицѣ. Да, вѣдь, изъ того, что человѣкъ бѣжитъ ночью по улицѣ, еще не слѣдуетъ, что онъ кого нибудь убилъ. Становой было указанъ способъ узнать виновнаго: по слѣдамъ на снѣгу около Сидорушкина двора, да «молодой» слѣдователь петербургской формациіи, не знаяшій этого пріема, забылъ распорядиться, чтобы оцѣнить мѣсто происшествія и, когда вспомнилъ объ этомъ и кинулся туда, то оказалась такая пропасть

¹⁾ Ядреный — большой.

слѣдовъ на снѣгу, что хоть лапоть, хоть бабы полусапожки — все въ мѣру приходится.

Кое-какъ окончилось слѣдствіе, кончился и судъ. Гремѣли адвокаты и прокуроръ, затемня и безъ того темное дѣло кудреватыми рѣчами, преисполненными софизмовъ и парадоксовъ, таکъ что совершенно сбитые съ толку присяжные, уморенные до полусмерти всей этой трескотней, оправдали Сидорушку, а «хвату» вынесли обвинительный приговоръ...

Вернулся Сидорушка въ Луговое зажинками¹⁾). Онъ свободенъ, онъ хотя и сидѣлъ въ острогѣ, да, вишь, безвинно. Его оправдали, его ничѣмъ никто попрекнуть не можетъ, никто не назоветъ его тяжкимъ прозвищемъ «острожника»...

Зажилъ одинокою своею жизнью Сидорушка. И дѣлаетъ-то онъ все вдвоемъ съ работницею, какъ будто такъ же, какъ и прочие всѣ: и жнетъ, и коситъ, и возитъ, и складываетъ хлѣбъ въ сарай... Да, нѣтъ... Не то что-то. Не на себя стала похожъ мужикъ: угрюмый какой-то сдѣлался, исподлобья смотритъ, будто сѣрый волкъ, ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ, сиротливымъ сталъ, народа, свѣта и тьмы боится, словно Богъ къ нему Каинову печать приложилъ.

Диву давались сосѣди: «чтой-то съ мужикомъ подѣлалось?»

Бывало прежде въ какую-какую темную полночь не побоится одинъ въ лѣсъ пойти, а нынѣ, чутъ смерклось, даже и на людяхъ за порогъ ни за что не выйдетъ; корова ли замычитъ гдѣ, кнутомъ ли ударить пастухъ по близости — задрожитъ весь Сидорушка, побѣлѣтъ, какъ холстъ, и начнетъ глазами водить, словно ума рѣшившись. А, если гроза набѣжитъ, такъ ужъ и знай: Сидорушка на погребицѣ сидить, да бѣться, какъ въ лихорадкѣ.

— Не ладно что-то... Ужъ вернулся бы что ли скорѣе Никитка... Все бы легче!..

Надумался Сидорушка поговорить успенскимъ постомъ. Сталъ онъ въ церковь ходить, а допрежде, вернувшись изъ острога, почестъ ни разу и въ храмѣ-то Божиемъ не былъ. Прижмется въ церкви въ уголокъ, склонится, какъ можно лучше, отъ людей, бросится на колѣна, да такъ и замретъ, словно истуканъ какой безсмысленный, и креста-то на себя во всю службу не положить.

Вотъ настаетъ и самый Успеньевъ день.

Наканунѣ вечеромъ Сидорушка отпустилъ работницу на праздникъ домой и, оставшись одинъ, помылся, выпарился въ печи, какъ слѣдуетъ по русскому обычаю, потомъ, вынувъ изъ сундука новый кафтанъ синяго сукна, чистую рубаху, онучи, разложилъ все это на лавкѣ, чтобы завтра было подъ рукой, да и полѣзъ было на палати; уже и ногу занесъ на ступень, глядь, а на палатахъ что-то бѣлое ворочается. Вздрогнулъ Сидоръ, да такъ и замеръ — заледенѣль.

¹⁾ Начало уборки хлѣбовъ.

— Я давно жду тебя, смертоубивецъ... — почудился Сидорушкѣ хриплый, сдавленный голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ покойной снохи.

— А я пришла провѣдать полюбовника!.. — спустя нѣсколько, снова прохрипѣло бѣлое на палатахъ. — Вотъ такъ полюбовничекъ — мужинъ отецъ!.. Снохачъ!.. Слыхать, ты причастія святого сподобиться вздумалъ?.. Дѣло, — да не такъ его дѣлаешь!.. Напредъ за мою душеньку помолись, испроси себѣ прощенія отъ меня, что удавилъ младу!..

— Врешь!.. — прошепталъ Сидорушка едва слыпнымъ голосомъ. Онъ чувствовалъ, какъ волоса шевелились у него на головѣ. — Врешь, я не хотѣль удавить... сама, чай, знаешь... Ненарокомъ!.. Ударилъ разъ, а какъ увидаль, что кровь прошибла изъ ушей и изъ носу... ну, и не взвидѣль свѣта... Ненарокомъ — видитъ Богъ!..

— Ненарокомъ?.. Чего же тебѣ надо было?.. Меня надо было?.. А не поддалась — на смерть бить?.. Такъ что ли по закону-то?..

— Господи!.. — прошепталъ Сидорушка, пятымъ отъ полатей. Но въ это мгновеніе бѣлый призракъ взмахнулъ руками, и мужикъ почувствовалъ, что на его шею накинута мертвая петля. Онъ слышалъ даже, какъ она скользила по кожѣ затылка, чуть-чуть повыше ворота рубахи, и скрипѣла, какъ будто шелкомъ о шелкъ.

— Стой!.. Не уйдешь, смертоубивецъ!.. — захохоталъ призракъ дикимъ смѣхомъ... — я еще не все тебѣ сказала!.. Знаешь ли, съ чѣмъ я пришла?.. Съ гостинцемъ, полюбовничекъ, съ гостинцемъ!.. Какъ ты онадысь прїѣхалъ изъ города, въ тотъ самый вечеръ, когда удавилъ меня!.. Смотрика-съ!.. Помнишь поясокъ-то шелковый, что ты мнѣ тогда подарилъ?.. Вотъ, я тебѣ его назадъ принесла... На тебѣ!.. Мнѣ онъ ненадобенъ, а тебѣ ригодиться можетъ: когда вздумаешь удавиться, за мѣсто веревки — этотъ покрѣпче будетъ, не оборвется.

Мертвящій ужасъ обѣялъ Сидорушку. Онъ хотѣль руками отпихнуться отъ полатей, но петля все сильнѣе и сильнѣе затягивалась, и онъ едва уже держался на ногахъ, такъ было трудно дышать. Помутнѣвшіе глаза его таращились, словно хотѣли выскочить, а руки не сгибались, отяжелѣвші, какъ мѣшки съ пескомъ.

Програмѣло на палатахъ, словно громъ небесный, засвѣтился свѣтъ оттуда, какъ будто мѣсяцъ ошибкой забрель въ Сидорушкину избу, и стало въ ней свѣтло, все равно, какъ днемъ.

Передъ обезумѣвшимъ отъ ужаса грѣшникомъ стояла его жертва — Параша.

Бѣлая рубаха, вся порванная на груди, та самая, въ которой она еще живая, любящая, выбѣгала отворять «хвату» дверь «нескрипучую», была на ней и теперь. Разстегнутый воротъ едва удерживалъ ткань на плечахъ. Страшные, выкатившіеся изъ орбитъ глаза упорно глядѣли на свекра, а вспухнувшія вѣки были непо-

движны. Изъ носу и ушей струилась алая кровь и багрянила бѣлую грудь и передъ рубахи; вокругъ нѣжной шеи виднѣлись подтеки съ отчетливыми слѣдами душившихъ жертву пальцевъ. Все тѣло призрака было прозрачно и залито свѣтомъ. Бѣлые руки цѣпко держали натянутый конецъ петли, въ которой бился Сидорушка.

— Помилосердуй!.. Не дай помереть безъ покаянія!.. Христа ради!..— шепталь въ дикомъ изступленіи мужикъ, изнемогая подъ страшнымъ взглядомъ призрака. Безпомощно опустившись на колѣна, онъ закрылъ глаза трепетавшими руками.

Сноха засмѣялась снова шипящимъ, надгреснутымъ смѣхомъ, отъ котораго у свекра звенѣло въ ушахъ, и волосы еще пуще зашевелились на головѣ.

— Помилосердовать?..— медленно проговорилъ призракъ Цараша, чутъ-чуть ослабляя петлю.— Ладно, только, чуръ, съ уговоромъ!..

Сидорушка качнуль головою въ знакъ согласія.

Призракъ продолжалъ:

— Отъ завтрашняго дня, отъ Успенія¹⁾ ты долженъ сорокъ ночей приходить на погостъ, становиться на моей могилѣ и молиться за мою душеньку, которую ты ни за что погубилъ!.. Когда пропоютъ вторые пѣтухи²⁾, тогда только можешь уходить домой!..

Наступило молчаніе. Сидорушка раздумывалъ надъ страшнымъ требованіемъ призрака и, скорчившись у ногъ его, чувствовалъ, какъ могильнымъ холодомъ обдавало все существо его при мысли, что ему придется ночью одному идти на погостъ и пробыть тамъ нѣсколько часовъ надъ могилой снохи.

— Что же скажешь?..— прерваль молчаніе призракъ.

— Не могу!.. Видить Богъ, не могу!..— простональ Сидорушка, мелькомъ взглянувъ на призракъ и снова поспѣшно закрывая глаза отъ нестерпимаго свѣта и этихъ страшныхъ на него установленыхъ глазъ.

— Не можешь, какъ знаешь!..— злорадно прохихикаль призракъ...— Какъ знаешь... А пока сорокоуста не справишь, и Причастія Святаго не будетъ тебѣ. Помни это!.. Не будетъ тебѣ Причастія, пока не замолишь своего грѣха надъ моей могилкой!.. Затѣмъ, прощавай!.. Помни сорокоустъ!..

Призракъ исчезъ. Въ избѣ попрежнему сдѣлалось темно. Сидорушка неспѣшно открылъ лицо и всталь на ноги, отирая рукавомъ рубахи обильно катившійся со лба потъ. Первымъ движеніемъ его было ощупать шею. Но поясокъ, принесенный призракомъ, исчезъ.

— Вздоръ!..— подумалъ онъ, стараясь пріобрѣти себя, и, очень

¹⁾ Крестьяне великороссы такъ называютъ Успеніе, что, казалось бы, рапопоняли, такъ какъ корень слова «успѣ», удерживаетъ букву «л», а не выпускаетъ ея.

²⁾ Приблизительно третій часъ ночи въ августѣ.

неувѣренно озираясь по угламъ избы, заглядывалъ на палати и за печь.— Вздоръ!.. Пригрезилось!..

Онъ выпелъ въ сѣнцы, сердито толкнулъ дверь ногою и прошелъ на крыльцо.

Гдѣ-то далече запѣлъ пѣтухъ. Никогда въ жизни этотъ звукъ не радовалъ Сидорушку такъ, какъ теперь. Онъ жадно глоталъ утренній студеный воздухъ августовской зари. Было уже почти совсѣмъ свѣтло. Востокъ румянился сквозь легкую дымку роснаго утра. Вдали, надъ рѣкой стоялъ туманъ, который густою пеленою окутывалъ лѣнивое ложе Оки, расползаясь по прибрежному лугу и осѣдая крупными каплями на густой отавѣ.

Широкая улица села, съ чуть-чуть прибитою росой мелкою пылью, была пустынна. Всѣ еще спали на селѣ. Даже печи еще не затоплялись, такъ какъ ни изъ одной трубы не было видно дыму. Сидорушка съ любопытствомъ присматривался къ давно знакомымъ окружающимъ предметамъ, словно видѣлъ ихъ въ первый разъ. Вотъ одинокая лошадь, должно быть, соскучившись въ заперти, отворила мордой ворота подъ навѣсомъ сосѣдняго двора, вышла на улицу и, постоявъ немнога, шумно встряхнулась, испуская цѣлое облако пыли. Потомъ, подойдя къ пустой комягѣ около колодца и обнюхавъ ее, она стала усердно чесать хвостъ о тутъ же торчавшую молодую ракиту съ надѣтымъ на верхушку ея изношеннымъ лаптемъ.

Мимо Сидорушки, важно раскачиваясь и вытягивая длинныя шеи, плелось семейство гусей, какъ будто съ удивленiemъ посматривая на него и издавая свое характерное «гя-го-го».

Онъ даже улыбнулся, когда сосѣдская собака, вынырнувъ изъ-подъ воротъ, вскочила на заваленку и, пощелкавъ бѣлыми зубами на мохнатой ляжкѣ, улеглась преспокойно на пучкѣ соломы, не обращая никакого вниманія на рывшуюся тутъ же курицу, которая, испугавшись, съ отчаяннымъ клохтаньемъ бросилась бѣжать и вскорѣ исчезла въ одной изъ лазеекъ ближайшаго частокола.

Сидорушка глядѣлъ и не могъ наглядѣться на это красное успенскное утро, словно дитя малое, которое всему радуется, всѣмъ забавляется, или какъ долго и при смерти болѣвшій человѣкъ, только что возвратившійся какимъ-то чудомъ къ жизни.

Довольно долго просидѣлъ онъ въ этомъ созерцаніи, когда въ церкви ударили къ заутрени.

Словно кто кольнулъ его шиломъ. Онъ взвился со скамьи и, по привычкѣ, уже занесь было руку со сложенными тремя перстами ко лбу, но сейчасъ же снова опустилъ ее. Ему вспомнились всѣ ужасы прошлой ночи, и сердце его больно защемило.

— Вздоръ!.. — снова подумалъ онъ, какъ давеча, прибадривая себя и опускаясь на скамью.

Но, какъ ни старался онъ усыпить смутно пробивавшуюся въ

душѣ его тревогу,—предчувствіе чего-то недобраго, что непремѣнно должно случиться съ нимъ, если бы онъ нарушилъ приказъ Параши, крѣпло въ немъ и росло до того, что онъ едва дотащился до церкви и, какъ подкошенный, свалился на приступъ амвона...

Отошла заутреня. Вынесли аналой къ одному изъ притворовъ церкви, загородили старою потертой и вылинявшой ширмой, и началась исповѣдь говѣльщиковъ.

— Сказать или не сказать попу?..—неотвязнымъ вопросомъ вертѣлось въ его распаленной головѣ.—Э, вздоръ!.. Скажу!.. На то онъ и попъ... на то и законъ ему не велѣть болтать, кто въ чемъ грѣшень!.. Скажу!.. Нѣть моченъки дольше хорониться!.. Авось полегчаетъ!.. — рѣшилъ онъ, наконецъ, подходя къ таинственному убѣжищу, гдѣ ему предстояло сложить свое грѣховное бремя.

Дословно все, что произошло между нимъ и снохой, передалъ Сидорушка священнику. Онъ рассказалъ ему подробно про то, какъ «нечистый» попуталъ его добиваться обладанія снохою; какъ онъ воспользовался случаемъ проникнуть на «бѣлую» половину, чтобы тамъ достигнуть своей грѣховной цѣли; какъ Параша долго боролась, не поддаваясь ему, и онъ, не видя болѣе никакой надежды склонить ее добромъ, сталъ бить молодицу кулакомъ по лицу, «чтобы посмирнѣйча была и не отбрыкивалась», отчего послѣдняя дѣйствительно посмирнѣла, и онъ, Сидорушка, получилъ возможность удовлетворить свою страсть; какъ, испугавшись послѣ того безжизненаго состоянія своей жертвы и думая, что «она прикидывается», чтобы потомъ пожаловаться на него міру и властямъ, онъ долго уговаривалъ молодицу, чтобы бросила «ломать комедь», но видя, что она все продолжаетъ лежать, какъ колода,—сталъ душить ее руками, полагая, что недостатокъ дыханія заставитъ упрямую сноху прекратить глупую шутку. Высказавшись, наконецъ, такимъ образомъ, Сидорушка прибавилъ:

— А что Андрюшку-солдата въ Сибирь угнали, батька, то незаконно, помни это... Потому онъ невиновать какъ есть ни въ чемъ!.. Какъ сосѣди-то, стало быть, видѣли, что онъ ночью бѣгъ по улицѣ, такъ и показали, что, моль, Андрюшка смертоубивецъ-то и есть... А это, батька, неправда: я... я погубилъ Андрюшкуну душу все одно, какъ снохину... Грѣшникъ я, окаянный. Кабы Господь далъ только сообщиться!.. А тамъ и помереть бы, ослобониться отъ своего самаго осела!.. Моченъки моей нѣтути. Шабашъ — измаялся я въ отдѣлку!.. Молись, батька, за грѣшную душу!..

Въ теплыхъ словахъ старался священникъ умирить эту бѣдную, изстрадавшуюся душу и пріуготовить ее къ воспріятію отъ Животворнаго Источника. Но мужикъ стоялъ, какъ истуканъ, передъ аналоемъ и растерянно поводилъ глазами, не понимая даже словъ священника.

Кончилось увѣщаніе, священникъ прочелъ разрѣшительныій от-

пускъ, наложилъ на покаявшагося грѣшника эпитимью и въ заключеніе, взявъ св. крестъ съ аналоя, поднесъ его Сидорушкѣ.

Какъ глянулъ Сидорушка на св. Распятіе — обомлѣлъ отъ ужаса: почудилось оно ему, словно все въ крови, и надъ самымъ ухомъ кто-то прошепталъ: помни сорохоустъ!..

Потемнѣло у мужика въ глазахъ, и онъ, какъ мертвый, ринулся священнику въ ноги.

Отошелъ Сидорушка, поднялся и, зажмуря глаза, словно боясь снова увидать кровь и услышать страшныя слова, приложился къ Кресту. Губы его ожгло, какъ пламенемъ...

... Обѣдня близилась къ концу. Отворились царскія двери, и священникъ съ торжественнымъ напоминаніемъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите», — вынесъ св. Дары.

Съ низко потупленной головой, безсмысленно, какъ скворецъ, лепеталъ Сидоръ вслѣдъ за священникомъ чудныя слова предпрачтной молитвы.

Онъ невольно приподнялъ голову, взглянулъ и вздрогнулъ, словно затрясла его «ворогуша»¹⁾... Причудился ему образъ Параши бѣлый, прозрачный, какъ дымъ... Да, да!.. Она, она!.. Вотъ и глаза ея страшные, угрожающіе — совершиенно, какъ у давешняго призрака!..

Какъ бѣшеный, сорвался онъ съ своего мѣста, откуда сила взялась, и съ дикимъ стономъ выбѣжалъ изъ церкви...

— ... Поди-ка-сь!.. Вотъ-те и Сидорушка!.. — разсуждалъ небольшой рыжеватый мужиченокъ, обращаясь къ кучкѣ товарищѣй, полукругомъ сидѣвшихъ возлѣ него на травѣ уединеннаго, непривѣтливаго закоулка «Пчеловой горы», неподалеку отъ пасѣки дѣушки Панфила.

— Поди-ка-сь... Сдурѣлъ малый!.. Съ чего бы, кажись, собачью смерть-то принять?..

— И-то собачья, — согласился другой изъ кучки.

— Да, какъ же?.. Чего бы, кажись, не хватало?.. И хлѣбушка, небось, вдосыть, и скотинка не смореная, и кубышка, гѣторятъ, не пустая была!.. Надо-жъ грѣху быть: взялъ, да и удавился!.. Гѣгогрять²⁾ — отъ снохи... Быдто сноха его пужала!..

— Дядя Митряй... А дядь!.. Обрывчикъ-то, чѣмъ удавился дядя Сидоръ, бають³⁾, необнаковенный, асы?.. Ёнтъ, быдта, то-ись, не обрывчикъ, а поясокъ?.. — спросилъ молодой, безъ усовъ и бороды, по виду дурковатый малый, съ вѣчно раскрытымъ ртомъ.

— А тебѣ нужно?.. — сердито возразилъ рыжий мужиченокъ... — Поди, попытай самъ!..

Дядя «Митряй» ткнулъ пальцемъ по направленію недалеко отъ

¹⁾ Ворогуша, на мѣстномъ нарѣчіи — лихорадка.

²⁾ Болтаютъ.

³⁾ Говорятъ, разсказываютъ.

крестьянъ лежавшему предмету, покрытому кафтаномъ синяго сукна. Малый лѣниво поднялся и, почесываясь, подошелъ къ предмету. Онъ осторожно приподнялъ край кафтана и, нагнувшись, что-то ощупалъ рукою.

— И-то необнаковенный!.. Похоже, заправду поясокъ шелковый!..
— Брешешь!.. — отозвались изъ кучки.
— Ей-Богу, прѣ!.. шелковый поясокъ, хошь самъ погляди!..

Бѣжитъ попрежнему Ока по извилистому ложу своему близъ обширного села Лугового, попрежнему замерзаетъ зимой, синѣеть и вздувается вешнимъ временемъ и, ломая ледяныя оковы, вырывается изъ темницы своей, затопляя луга прибрежные, пока жары лѣтнія не обезсилятъ ея и не заставятъ покориться берегамъ. Попрежнему сѣдѣтъ Пчеловая гора осенью, занося снѣговыми сугробами пасъку дѣдушки Панфилы и хоронясь весной подъ зеленою сѣнью деревъ. Попрежнему живутъ люди въ Луговомъ: пашутъ, сѣютъ, въ житница убираютъ; родятся, живутъ, умираютъ.

Не умираетъ только сказаніе о диковинной смерти Сидорушки и страшной мести его снохи. Баеть народъ, что каждый годъ полночью въ Успеньевъ день видаются свѣты въ осиротѣвшей избѣ Сидорушки, слышатся стоны, вопли, рыданія...

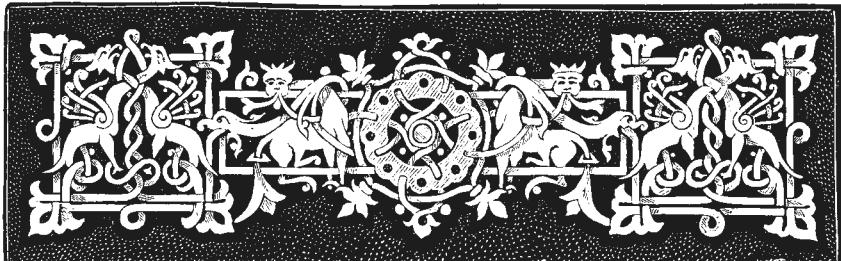
Знать, души покойниковъ этого дома молитвы просятъ...

Какъ разъ, къ Рождественскимъ праздникамъ пришелъ, наконецъ, и Никитка изъ работы. Молодой хозяинъ своей шелковый платокъ принесъ въ подарокъ; отцу шапку смушечью, дорогую, да восемьдесятъ рублей денегъ. Пришелъ, да какъ узналъ про все то, что бѣдою стряслось надъ его домомъ, — такъ его бѣднягу и надломило: поплакалъ, поплакаль онъ надъ своей горькой долюшкой, махнулъ рукою — такъ, молъ, тому и быть — да опять и ушелъ съ артелью въ далекія страны. Вотъ уже который годъ нѣтъ обѣ Никиткѣ никакого слуху: даже паспорта изъ волости не требуетъ.

Померь онъ, что ли, какъ безвинный «хватъ» въ далекой ссылкѣ — кто его знаетъ!.. Неизвѣстно!..

В. А. Тимашевъ-Берингъ.

ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНИЯ 1863 Г.¹⁾

(Рассказъ крестьянина-очевидца).

ТО мы пережили въ то время, невозможно разсказать никакими словами. Не дай Богъ никому испытать то, что мы перестрадали во все время этого несчастного нашего повстанья. Особенно невыносимо было наше положеніе въ самомъ началѣ повстанья и при концѣ его. Я былъ тогда еще подросткомъ, но нѣкоторыя происшествія такъ врѣзались въ мою душу, что даже теперь, по прошествіи 36 лѣтъ, какъ вспомню, то дрожь у меня пробѣгаєтъ по всему тѣлу.

Помню, какъ послѣ той ночи, въ которую повстанцы напали на войска и рѣзали сонныхъ солдатъ и офицеровъ, т. е. 22-го (11-го по стар. ст.) января, къ намъ въ Санники прѣѣхали верхами ксендзы-монахъ Щавинскаго кляштора (монастыря) о. Стефанъ Скупинскій и сосѣдній молодой помѣщикъ Стжичковскій, а черезъ полъ-часа пришли еще шесть вооруженныхъ людей, которые составили конвой этихъ довудцевъ (командировъ). Монахъ былъ мужчина высокій, плечистый и сильный; смотрѣть онъ всегда сердито, даже когда отира-

¹⁾ Факты, изложенные въ этомъ разсказѣ, совпадаютъ со свѣдѣніями, упомянутыми И. И. Навлинскимъ въ его «Седьмицахъ польского мятежа», т. V. Эти «Седьмицы» были представляемы окончательно въ Богъ почивающему государю Александру II, и потому заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія имѣютъ значеніе официальной достовѣрности.

вляль мшу Божію (обѣдню); на сутанѣ у него были нашиты шнурки, какъ на венгеркѣ или чамаркѣ; съ одного боку карабеля (турецкая сабля), съ другого револьверъ. Стжицковскій съ головы до ногъ былъ увѣшанъ разнымъ оружіемъ. У насть рассказывали, что этотъ самый монахъ, котораго мы всѣ хорошо знали, потому что часто ходили Богу молиться въ монастырь, — за нѣсколько дней передъ этимъ, предводительствуя вооруженною небольшою бандой, отбилъ партию новобранцевъ, слѣдовавшихъ изъ г. Гостынина въ Варшаву. Прежде всего онъ собственноручно застрѣлилъ жандарма, чѣмъ на-велъ такой страхъ на безоружныхъ людей, сопровождавшихъ партію, что они разбрѣжались кто куда. Послѣ этого Скупинскій отвелъ новобранцевъ въ лѣсъ, верстахъ въ 7 отъ нашей деревни, роздаль имъ ружья, косы, ножи, привелъ ихъ къ присягѣ на войну съ москалями и, объявивъ себя начальникомъ польского полка, пригрозилъ смертью всякому, кто ослушается его приказаний. Если же кто вздумаетъ бѣжать, то будетъ живьемъ изрѣзанъ на куски. Очень можетъ быть, что онъ участвовалъ гдѣ либо по близости и въ ночномъ нападеніи на русскія войска.

Понятно, что появление этого монаха въ нашей деревнѣ не предвѣщало ничего хорошаго. И дѣйствительно, онъ приказалъ солтысу указывать ему тѣ семейства, въ которыхъ находились люди, способные къ военной службѣ, самъ ходилъ по хатамъ и диктовалъ Стжицковскому, исполнявшему при немъ роль адъютанта, кого записать въ народовое войско; послѣ чего записанныхъ выводили на улицу и оставляли подъ надзоромъ повстанцевъ. Въ списокъ волости почти всѣ мужчины нашей деревни въ возрастѣ отъ 18-ти до 40 лѣтъ. Изъ всѣхъ записанныхъ едва ли кто шелъ по охотѣ, несмотря на повторявшіяся внушенія ксендза, что долгъ повелѣваетъ всякому честному поляку идти въ бой съ врагами, такъ какъ пробилъ часть избавленія ойчизны отъ московскаго ига, причемъ онъ обѣщалъ всякому, кто приметъ участіе въ повстаньѣ, большія награды и льготы въ будущей свободной Польшѣ, а на томъ свѣтѣ — отпущеніе всѣхъ грѣховъ и райское блаженство. Но эта проповѣдь мало помогала, и вскорѣ тѣ хаты, изъ которыхъ завербованы будущіе повстанцы, огласились рыданіями женщинъ и раздирающимъ плачемъ дѣтей. Нѣкоторые крестьяне, пока до нихъ не дошла очередь, узнавъ, въ чемъ дѣло, прятались кто на чердакѣ, кто въ подвалѣ, или сарай; убѣжать совсѣмъ изъ деревни было рискованно, такъ какъ мѣстность у насть кругомъ открытая, и на бѣломъ фонѣ только что выпавшаго снѣга бѣглецъ былъ бы замѣченъ и, пожалуй, паль бы подъ пулей, какъ не разъ грозился Стжицковскій. Если въ хатѣ не оказывалось мужчинъ, намѣченныхъ солтысомъ, то повстанцы начинали шарить по всѣмъ закоулкамъ дома и двора и всегда вытаскивали «бѣдаковъ», появлявшихся предъ грознымъ монахомъ съ виноватымъ и растеряннымъ видомъ. Тогда Скупинскій тутъ же объявлялъ своему адъ-

ютанту революцио: отпустить «лайдаку» въ лагерь столько-то батовъ (кнутовъ), обыкновенно отъ 20 до 50.

Былъ у насъ въ Санникахъ отставной вахмистръ, человѣкъ очень почтенный, которого уважала вся деревня. Жилъ онъ со своею старухой очень бѣдно на одну только свою пенсію, потому что работать уже не могъ, ни земли и никакого хозяйства у него не было, а единственная его замужняя дочь, проживавшая въ дальней деревнѣ, также не могла давать отцу никакой помощи. Вотъ и присталъ къ нему довудца, чтобы непремѣнно шелъ въ повстанье.

— Смилуйся, ксёнже добродѣю, какой ужъ я вояка! Спросите у всѣхъ, вотъ и солтысь знаешь, что я едва ходить могу отъ старости и болѣзней,—отнѣкивался унтеръ.

— Мы тебѣ коня дадимъ, — возразилъ ксендзъ, — а ты можешь быть еще полезенъ народовому дѣлу. Я тебя назначаю инструкторомъ, и ты обучишь моихъ новобранцевъ стрѣльбы и военной муштры.

— Ей-Богу же, не могу. Еще бы я былъ пѣхотинцемъ, ну, можетъ быть, какъ нибудь и училъ бы. А я вѣдь кавалеристъ, пѣхотной службы совсѣмъ не знаю; а что и зналъ, то уже и забылъ, находясь въ отставкѣ больше пятнадцати лѣтъ.

— Не смѣть отговариваться, — сердито крикнулъ ксендзъ, — ты долженъ послужить Польшѣ.

— Воля ваша, а я не могу и не пойду.

— А не хочешь по волѣ, такъ пойдешь по неволѣ. Этого негодяя отвести въ лагерь на веревкѣ,—обратился Скупинскій къ своимъ цриспѣшникамъ.

Тотчасъ накинули бѣдному старику на шею веревку и вывели на улицу къ собранной уже кучкѣ. А тамъ отчаянно голосила молодая женщина, съ полгода назадъ вышедшая замужъ и находившаяся въ благословленномъ положеніи. Она судорожно ухватилась за мужа и, обливаясь слезами, вопила: «не пущу, не пущу Яся; убейте меня, а въ повстанье не дамъ». Скупинскій приказалъ и эту женщину взять на веревку и всю отобранныю кучку людей отвести въ лѣсъ подъ конвоемъ 4-хъ вооруженныхъ повстанцевъ.

Затѣмъ произошла сцена, которую и до сихъ съ ужасомъ вспоминаютъ въ нашей деревнѣ. Зашель ксендзъ въ хату крестьянина Дуная, а его и сльдѣ простили.

— Гдѣ твой мужъ?—грозно приступилъ ксендзъ къ женѣ Дуная.

— Не знаю, ксёнже добродѣю, сама не знаю, гдѣ онъ, — отвѣчала дрожавшая отъ страха Ядвига.

— Врешь ты, пса кровь, говори сейчасъ, куда спрятала, иначе плохо тебѣ будетъ.

— Сжалътесь, ради Господа Іисуса; не знаю же я, гдѣ онъ, можетъ, на заводъ ушелъ, а я не знаю, не знаю,—твердила растерявшаяся женщина.

Въ рыданіи она бросилась на колѣна и стала цѣловать ноги ксендза. А онъ лягнулъ ее въ грудь такъ, что бѣдняжка повалилась навзничь, и приказалъ оставшимся при немъ двумъ повстанцамъ отыскать Дуная во что бы то ни стало. Но всѣ поиски оказались безуспѣшными, и когда обѣ этомъ доложили ксендзу, то онъ пришелъ въ такое изступленіе, что сталъ топтать ногами едва живую отъ страха женщину, а наконецъ, обратившись къ Стжицковскому, крикнулъ: «казнить подлую измѣнницу». Моментально Стжицковскій выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и воткнулъ въ грудь несчастной по самую рукоятку. Обливаясь кровью, Ядвигу безсознательно пробормотала: «въ стодолѣ, въ стодолѣ» (въ ригѣ).

— А, вотъ когда шельма созналась,—и съ этимъ словомъ ксендзъ выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета. А такъ какъ жертва, корчась въ судорогахъ, еще обнаруживала признаки жизни, то жестокій монахъ приказалъ адютанту добить ее, чѣмъ онъ тотчасъ и исполнилъ, ударивъ нѣсколько разъ полѣномъ по головѣ.

Но этимъ не ограничилась месть служителя алтаря; онъ собственоручно поджегъ хату и ригу Дуная, полагая, что тамъ сгорѣть и хозяинъ, если онъ сидитъ въ снопахъ ржи. Но Дунай догадался во-время уйти отсюда и, проползши задами къ тѣмъ избамъ, гдѣ уже побывали вербовщики, спрятался на огородѣ въ картофельную яму и тѣмъ спасъ свою жизнь.

Все это—и убийство женщины, и поджогъ строеній—навело на всѣхъ такую панику, что никто уже не осмѣшивался скрываться или отнѣкиваться. Такимъ образомъ были отведены въ лѣсъ и мой отецъ и старій братъ, восемнадцатилѣтній парень. На хозяйствѣ осталась одна мать съ двумя дѣтьми. Затѣмъ ксендзъ поѣхалъ на сахарный заводъ и забралъ оттуда всѣхъ, кого считалъ способнымъ къ войнѣ.

Вся наша деревня была объята ужасомъ и отчаяніемъ. Никто не спалъ всю ночь. Сходились вмѣстѣ, плакали, совѣтовались, и никто не могъ толкомъ сказать: что слѣдуетъ предпринять. Выскакывались робкія мнѣнія, что нужно дать знать начальству; но тутъ же являлось опасеніе, что, въ случаѣ доноса ксендзу, будетъ сожжена вся деревня, да и неизвѣстно теперь, гдѣ находится русское войско. Такъ ничего и не рѣпили.

Между тѣмъ дня черезъ два, совершенно неожиданно, Скупинскій вновь прїѣхалъ въ нашу деревню. На этотъ разъ онъ появился одинъ, безъ всякаго конвоя; очень ужъ онъ понадѣялся на свою власть и силу. Спѣшившись, ксендзъ грозно потребовалъ: подать ему Дуная, такъ какъ онъ почему-то узналъ, что этотъ здрайца (измѣнника) не сгорѣлъ въ стодолѣ. Тутъ произошло событіе, совершенно неожиданное, которое можно объяснить только тѣмъ, что очень ужъ накипѣла злоба противъ мучителя. Безъ всякаго уговора, по одному охватившему всѣхъ инстинктивному побужденію, всѣ бро-

сились на ксендза, мгновенно обезоружили его и связали, чтобы отвезти въ городъ, гдѣ предполагалась какая нибудь военная власть. Но пока снаряжали подводу, озлобленные сельчане стали наносить тирану жестокіе побои, и особенно были неумолимы женщины: однѣ душили его, другія били по чѣмъ пошло кто полѣномъ, кто кочергой. Попавшійся въ бѣду ксендзъ сначала грозно приказывалъ освободить его, потомъ страшалъ Божіемъ наказаніемъ, а наконецъ сталъ умолять, чтобы простили его, но разгорѣвшаяся месть была неумолима, и ксендзъ скоро испустилъ свой грѣшный духъ. Нѣкоторые рассказываютъ даже, что его просто растерзали на части. Такъ ли это было, не знаю, потому что отъ страха я смотрѣлъ издали на суетящуюся на улицѣ толпу и боялся приблизиться къ зловѣщей вознѣ, но помню, что свирѣпый монахъ поплатился жизнью, и что онъ былъ похороненъ ксендзами съ большими церковными почестями, какъ мученикъ за святое дѣло.

Эта расправа не обошлась однажды для деревни безнаказанно. Правда, повстанцы изъ партіи Скулинского не успѣли отомстить намъ, потому что на другой день послѣ происшествія эта партія, въ виду приближенія русскаго отряда, послѣдно оставила свою позицію, повѣшивъ вахмистра и беременную женщину. Но, спустя недѣли три, къ намъ пришла другая партія, и хотя по ея слѣдамъ гнались русскіе, но все же повстанцы пріостановились и потребовали немедленно выдать убийцъ Скулинского. Всѣ отзывались неизнаніемъ, да это и правда, такъ какъ трудно было сказать, кто собственно былъ виновникомъ расправы, когда всѣ душили и били. Тогда довудца, опасаясь потерять время въ разспросахъ, порѣшилъ, что тутъ всѣ жители—разбойники и шпаги (шпіоны), и приказалъ схватить безъ разбора трехъ человѣкъ. Эта роковая участь постигла двухъ стариковъ и одного подростка, которыхъ повстанцы и увели съ собой. Не далѣе, какъ черезъ часъ прошли черезъ деревню русскіе и въ первомъ же отъ деревни лѣсу увидѣли трехъ нашихъ односельцевъ повѣшенными и еще теплыми. Такъ какъ толстая веревка не очень затянулась вокругъ шеи мальчика, благодаря его малой тяжести, то этого повѣщенного отходили, и онъ остался живъ; двое же стариковъ, несмотря на всѣ попытки къ спасенію ихъ, не возвратились къ жизни.

Братъ, какъ впослѣдствіи стало извѣстно, былъ обученъ стрѣльбѣ, и въ каждой стычкѣ его выдвигали впередъ съ командой застрѣльщиковъ; поэтому онъ скоро, мѣсяца черезъ два, былъ убитъ. Отецъ былъ въ косиньерахъ, которыхъ обыкновенно держали позади, считая такихъ вояковъ ненадежными. Только тогда ихъ гнали впередъ, если случалось, что русскіе отступали передъ большою силой. Быть можетъ, этому косиньерству отецъ обязанъ тѣмъ, что остался живъ. Онъ возвратился домой уже лѣтомъ. Не имѣя о немъ никакихъ извѣстій, мать моя и я съ сестрой считали его погибшимъ и горько

его оплакивали. Поэтому онъ появился къ намъ какъ бы съ того свѣта. Мы всѣ бросились къ нему, осыпали поцѣлуйами и обливали слезами радости. Но это были уже не прежній крѣпкій и краснощекій мужчина; теперь отецъ явился истощеннымъ, желтымъ и слабымъ, до такой степени, что съ трудомъ держался на ногахъ. Испытавъ множество тяжелыхъ невзгодъ во время безпрерывнаго шатанія съ народовымъ войскомъ, переходя зимою рѣки въ бродъ и но-чужа иногда мокрымъ въ лѣсу, оставаясь по нѣсколько дней безъ горячей пищи, отецъ до того разстроилъ свое здоровье, что почти не вставалъ съ постели и года черезъ три умеръ.

Отецъ много разъ рассказывалъ намъ о всѣхъ претерпѣнныхъ имъ злоключеніяхъ. Жалѣю, что я тогда не записалъ ихъ для памяти. Теперь всѣ подробности уже ушли изъ головы, но все же въ общихъ чертахъ кое-что помню. Польскій отрядъ, куда привели отца, состоялъ певоначально изъ ста съ небольшимъ человѣкъ; начальство надъ нимъ послѣ ксендза Скупинскаго принялъ Верещинскій. Такъ какъ повстанцы плохо были вооружены (человѣкъ тридцать носили разнокалиберныя ружья, остальные ходили съ косами на подобіе пикъ), то Верещинскій избѣгалъ встрѣчи съ войсками и почти безъ остановокъ водилъ своихъ людей съ мѣста на мѣсто по Ловичскому и Гостынинскому уѣздамъ, при чемъ повстанцы забирали въ казнечествахъ и гминныхъ управлѣніяхъ казенные и общественные деньги, перехватывали почту, портили телеграфъ, брали у жителей подъ квитанціи довудцы сѣѣстные припасы, всякую живность, лошадей, подводы, одежду и вербовали людей въ повстанье. Черезъ мѣсяцъ эта партія состояла уже изъ 500 человѣкъ и имѣла достаточно ружей, доставленныхъ изъ-за границы. Первая стычка съ русскими произошла въ концѣ февраля недалеко отъ Гостынина и кончилась не въ пользу поляковъ. Они поспѣшили уйти, не убравъ даже своихъ раненыхъ, и скрылись въ большомъ казенному лѣсу. Сюда же вскорѣ пришелъ съ своею партіей Ремишевскій, отставной капитанъ русской службы, и соединился съ Верещинскимъ, такъ что образовался отрядъ человѣкъ въ 800. Командованіе всѣми этими повстанцами принялъ на себя Ремишевскій. Какъ военный человѣкъ, онъ считалъ невозможнымъ вступать въ бой съ этимъ необученнымъ сбродомъ противъ сильного и хорошо вооруженного войска и, лавируя съ своимъ отрядомъ, усердно производилъ людямъ всякую муштру и училъ стрѣльбы, если только представлялась возможность пробить нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ.

Покойный отецъ мой всегда говорилъ, что онъ бродилъ съ повстанцами противъ собственной воли, въ силу роковой необходимости. Мысль объ оставленіи повстанья никогда его не покидала. Но куда дѣваться? Хорошо, еслибы арестовали русскіе; тутъ еще возможно избавленіе. Между тѣмъ онъ видѣлъ много примѣровъ, что уѣхжитъ изъ банды крестьянинъ и пробирается къ домашнему очагу, но въ

первомъ же мѣстечкѣ, а часто и въ деревнѣ, польскія власти—бургомистръ или войтъ изъ шляхты—арестовываютъ бѣгледа и, вмѣсто выдачи военному начальству, передаютъ его довудцѣ первой проходящей повстанской партии. А довудца или вѣщаеть или подвергаетъ жестокой экзекуціи.

Судьбу отца рѣшило кровопролитное дѣло при деревнѣ Буддѣ Заборовской въ началѣ апрѣля. Здѣсь соединенную партію повстанцевъ настигъ значительный русскій отрядъ и стрѣльбою изъ ружей и пушекъ произвелъ большое опустошеніе въ польскихъ рядахъ. Когда же солдаты бросились въ штыки, то поляки не выдержали и обратились въ беспорядочное бѣгство. Много въ этомъ дѣлѣ погибло повстанцевъ! Пользуясь замѣшательствомъ, отецъ бросилъ косу и отдался на волю Божью. Тутъ онъ, вмѣстѣ со многими другими, былъ взятъ въ пленъ и переданъ въ г. Ловичъ военному начальству. Прежде всего отецъ отправленъ былъ въ военный лазаретъ, где пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ. Допросы въ слѣдственной комиссіи продолжались недолго. Тамъ сразу убѣдились, что отецъ былъ невольно жертвой принужденія; поэтому его совершенно освободили съ отдачей только подъ надзоръ полиції. Домой онъ добрался благополучно, благодаря тому, что большую часть пути прослѣдовалъ при отрядѣ, шедшемъ въ нашу сторону.

Въ началѣ слѣдующаго 1864 года, повстанье еще кипѣло, но уже въ лѣтніе мѣсяцы видимо стало ослабѣвать. Повстанскія партіи показывались въ нашей сторонѣ въ это время рѣдко, и были онѣ малочисленны. Тогда по всему краю была учреждена военная полиція съ начальниками-офицерами въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ. По деревнямъ также установлена сельская стража съ обязанностью арестовывать всякаго подозрительного проходимца. Съ своей стороны жондѣ народовый, чтобы парализовать вліяніе военной полиції, наvodнилъ весь край своими жандармами, которымъ молва присвоила впослѣдствіи название вѣшателей и кинжалщиковъ. И вотъ въ это-то время наши деревни очутились между молотомъ и наковальней. Придуть бывало въ деревню или пріѣдуть верхами человѣкъ десять или больше вооруженныхъ народовыхъ жандармовъ и первымъ дѣломъ повѣсять старшаго надъ сельскою стражей, а то и всѣхъ человѣкъ пять стражниковъ; вѣшали также и тѣхъ мужиковъ и бабъ, кто на разспросы военныхъ начальниковъ указывалъ: куда направилась проходившая черезъ деревню банда. Одновременно съ этимъ они бывало наберутъ по хатамъ всякихъ сѣѣстныхъ припасовъ, и слѣдѣ ихъ простылъ. Что могла сдѣлать противъ такой силы ничтожная сельская стража и даже цѣлая деревня? А затѣмъ случалось, что по слѣдамъ этихъ разбойниковъ является летучая русская команда, и офицеръ налагаетъ контрибуцію на всю деревню за то, что жители не оказали сопротивленія вѣшателямъ и снабдили ихъ продовольствіемъ. По слухамъ, народовые жандармы много замучили

всякаго люда во всемъ краѣ¹⁾). Только уже къ концу года сельская стражка пріободрилась и стала арестовывать не только одиночныхъ повстанцевъ, но иногда и кучки изъ нѣсколькихъ человѣкъ, приходившихъ изъ лѣсовъ голодными, оборванными, измощденными. Впрочемъ въ то время повстанье совсѣмъ уже погасло, жондъ народный не существовалъ, и бродившія кучки людей, не знавшихъ, куда дѣваться—эти «недобитки» эфемернаго войска—были не страшны; они скрѣе возбуждали къ себѣ жалость, чѣмъ злобу. По арестованіи такихъ бѣдняковъ, заботились прежде всего о томъ, чтобы отогрѣть ихъ и накормить.

Послѣ этихъ несчастныхъ двухъ лѣтъ (1863—1864) наша деревня, прежде зажиточная и даже богатая, совершенно обнищала. Такія же послѣдствія испытало и все вообще крестьянство нашего края, и это было тѣмъ болѣе горько, что «волостяне» напи не желали повстанья и даже, насколько было можно, противились ему. Тяжко отвѣтить предъ Богомъ тѣ, которые замутили край и навлекли на него неисчислимымъ бѣдствія, а мы желаемъ и просимъ у милосерднаго Господа только одного, чтобы это повстанье было послѣднимъ. Только лѣтъ черезъ десять наша деревня оправилась отъ разоренія, и то благодаря тому, что русское правительство освободило крестьянъ отъ власти помѣщиковъ.

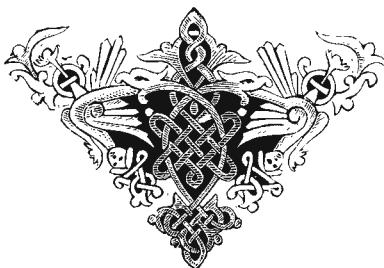
Это мнѣніе грамотнаго и даже развитого крестьянина служить вѣрнымъ выраженіемъ образа мыслей и настроенія всего польского крестьянскаго сословія. Въ трехъ восстаніяхъ Польши оно не принимало добровольнаго участія; поэтому революціи 1794-го и 1831-го годовъ можно бы назвать военно-шляхетскими, а революцію 1863 года клерикально-шляхетскою; но ни одна изъ нихъ не была народною (дворовые люди и «офиціалисты» изъ хлоповъ, находившіеся подъ властнымъ вліяніемъ пановъ, не могутъ ити въ счетъ). Польскій крестьянинъ въ высшей степени консервативенъ; онъ съ любовью воздѣлываетъ свой клочекъ земли, и всѣ помыслы его обращены на то, чтобы улучшить и расширить свое домашнее хозяйство; онъ разсчетливъ и бережливъ до такой степени, что убыль изъ его инвентаря овцы, даже курицы, не говоря уже о лошади, составляетъ для него несчастіе. Поэтому польскіе крестьяне никакихъ перемѣнъ не желаютъ; напротивъ, имъ страшны и антипатичны всякия политическія потрясенія, разрушающія весь хорошо налаженный хозяйственныій строй ихъ быта. Было бы наивно утверждать, что польскіе крестьяне питаютъ особенную преданность русскому правительству; быть можетъ, такого нравственнаго цемента и не существуетъ.

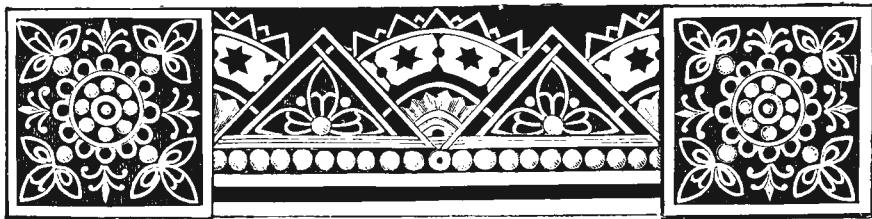
¹⁾ По официальному счету такихъ жертвъ было до 2.000, въ томъ числѣ не мало женщинъ. Но число повѣщеныхъ и зарѣзанныхъ должно быть больше, судя по тому, что вначалѣ гминные войты опасались доносить русскимъ властямъ о звѣрствахъ жандармовъ; кромѣ того, случаи расправы, совершенные въ глухихъ захолустьяхъ, могли остаться не обнаруженными.

Авт.

Но несомнѣнно то, что весь земледѣльческій классъ въ Польшѣ дорожитъ русскою властью постольку, поскольку она гарантируетъ общественный порядокъ и правильное теченіе жизни и тѣмъ оберегаетъ отъ разстройства материальное его благосостояніе. Во всякомъ случаѣ этотъ классъ населенія благонадеженъ въ политическомъ отношеніи. Другое дѣло интеллигентный слой и духовенство. Повидимому, здѣсь еще много такихъ элементовъ, о которыхъ можно сказать, что они ничего не забыли и ничему не научились, о чёмъ нельзя не пожалѣть со всею искренностью славянского чувства. Поляки во многихъ отношеніяхъ — симпатичная национальность, и если бы верхній польскій слой, принявъ во вниманіе поучительные уроки исторіи и здраво оцѣнивъ современное политическое положеніе, разъ навсегда отрѣшился отъ иллюзіи о самостоятельной Польшѣ, возстановленіе которой такъ же немыслимо, какъ невозможно рѣкѣ обратить вспять,—если бы поляки обратили всѣ свои помыслы исключительно на совмѣстную съ нами культурную работу для своего личного и общаго блага, безъ всякой задней мысли, то между поляками и русскими установилась бы искренняя пріязнь, какъ это и естественно между сосѣдними и родственными народностями,—благо мы не злопамятны и за русскую кровь, обильно пролитую на польской землѣ изъ-за трехъ революцій, мы не винимъ потомковъ, нашихъ современниковъ.

И. Любарский.

РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹⁾.

VI.

Взятие Ходжента.

ТОВЫи воспользоваться успехомъ нашимъ на Иръ-Джаръ и достигнуть цѣлей, съ которыми была предпринята въ январѣ 1866 года столь необдуманно затѣянная экспедиція Чернілева на правый берегъ Сыръ-Дарьи, т. е. возвратить наше посольство и наказать эмира за его коварство и вызывающій образъ дѣйствій, намъ представлялись два способа: или, неотступно преслѣдуя разбитаго непріятеля, двинуться на Ура-Тюбе, или направиться на Нау и Ходжентъ. Генералъ Романовскій рѣшилъ двинуться на Ходжентъ, такъ какъ городъ этотъ лежалъ на главномъ пути изъ Коканда въ Бухару. Этимъ способомъ Кокандъ разобицался съ Бухарою, и кокандское правительство ставилось въ невозможность мѣшать въ предстоявшихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ эмира.

Давъ на Иръ-Джаръ необходимый отдыхъ войскамъ, приведя тамъ въ порядокъ свой обозъ и отправивъ оттуда на пароходѣ въ Чиназъ всѣ излишнія тяжести и всѣ трофеи, генералъ Романовскій 14 мая 1866 года направился къ укрѣплению Нау и занялъ его безъ выстрѣла; 15 и 16 числа, верки этого укрѣпленія приведены были въ некоторый порядокъ, и тамъ оставлено двѣ роты, два орудія и

¹⁾ Продолженіе. См. «Исторический Вѣстникъ» т. LXXVI, стр. 96.

команда казаковъ; 17 числа, остальная часть Чиназского отряда прибыла къ Ходженту; одновременно съ нею туда же подошелъ по правому берегу отрядъ Краевского.

Хотя изъ Нау и были отправлены къ жителямъ Ходжента успокоительные прокламации,—Ходжентъ встрѣтилъ наши войска выстрѣлами. 18-го и 19-го, были произведены рекогносцировки по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарыи, при чёмъ не обошлось безъ довольно значительной канонады и живой перестрѣлки, начатой ходжентцами.

Рекогносцировки показали, что наиболѣе доступные для атаки фронты находятся на сѣверо-восточной сторонѣ, но что штурмовать стѣны, безъ предварительного приготовленія, было бы рискованно. Поэтому, въ ночь на 20 число, заложены были четыре батареи: двѣ на правомъ берегу и двѣ на лѣвомъ, съ южной стороны города; на батареяхъ поставлены 18 орудій и 2 мортиры. 20-го числа, было произведено усиленное бомбардированіе по городу, а штурмъ назначенъ на разсвѣтъ на 21 число. Но, въ то время, когда войска уже двигались на штурмъ, изъ города выѣхала депутація, съ изъявленіемъ покорности; войска были возвращены на позицію. Но переговоры, длившіеся болѣе сутокъ, ни къ чему не повели.

Воинственная партія въ городѣ не только не допустила сдачи, но успѣла арестовать главныхъ вожаковъ партіи мира. По истеченіи срока, даннаго жителямъ города для окончательного отвѣта, бомбардировка возобновилась и продолжалась съ 6 часовъ вечера 22-го до 2-хъ часовъ дня 24-го мая.

Послѣ замѣченія ходжентцами движенія нашего, въ ночь на 21-е число, разсчитывать на нечаянность штурма на разсвѣтъ уже было невозможно, а потому въ ночь на 23-е число начата была фальшивая аттака траншейными подступами на южной сторонѣ города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для большаго развлечения вниманія осажденныхъ и для лучшаго обеспеченія путей со стороны Коканда, блокирующей войска были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ, и въ тылу войскъ выставлены сильные казачьи пикеты. Общее наблюденіе за дорогами и охраненіе войскъ со стороны Коканда было поручено подполковнику Пистолькорсу.

Совокупность этихъ мѣръ дала весьма полезные результаты — прибытіе новыхъ подкрепленій изъ Коканда совершенно прекратилось, и вниманіе защитниковъ отвлечено было на восточную сторону.

Для сбереженія снарядовъ, бомбардированіе города въ теченіе 22-го и 23-го чиселъ (кромѣ двухъ мортиръ, стрѣлявшихъ день и ночь) дѣлалось два раза въ день: въ полдень и въ шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, и 24-го числа въ полдень произведена была бомбардировка, а по ея окончаніи начать штурмъ.

Для штурма были назначены двѣ колонны: одна — изъ трехъ ротъ пѣхоты, двухъ батарейныхъ и двухъ облегченныхъ орудій, подъ начальствомъ капитана Михаловскаго, а другая — изъ такого же числа

пѣхоты, но безъ орудій, подъ начальствомъ ротмистра Баранова. Обѣ эти колонны вышли съ позиціи съ разсвѣтомъ 24-го числа. Первая изъ нихъ отправилась прямо къ сѣверо-восточной части города, съ цѣлью, устроивъ тамъ на ближайшемъ разстояніи брешь-батарею противъ прирѣчного барбета, открыть огонь въ полдень вмѣстѣ съ другими батареями; вторая двинулась сначала къ Кокандскимъ воротамъ, съ тѣмъ чтобы перейти къ Келенаускимъ воротамъ уже по началу бомбардированія. Къ Кокандскимъ же воротамъ направлена была и большая часть кавалеріи, которая должна была, съ одною изъ ротъ Баранова, прикрывать построенную здѣсь батарею и траншейная работы по уходѣ Баранова. Въ 7 часовъ утра были двинуты: резервъ для штурмовавшихъ колоннъ, состоявшій изъ двухъ ротъ и двухъ облегченныхъ орудій подъ начальствомъ майора Назарова, и главный резервъ изъ такого же числа ротъ и одной сотни казаковъ, подъ командою подполковника Фавицкаго, который расположился скрытно въ садахъ на келенаусской дорогѣ, сзади мечети, гдѣ былъ устроенъ главный перевязочный пунктъ.

Благодаря пересѣченной мѣстности, множеству строеній и густымъ садамъ, всѣ движенія, какъ штурмовавшихъ колоннъ, такъ и резервовъ, были отъ непріятеля совершенно скрыты и не обратили на себя никакого вниманія.

Колонна Михаловскаго, дойдя незамѣченою къ крѣпости на 150 саженъ и примкнувъ правымъ флангомъ къ рѣкѣ, расположилась скрытою отъ непріятеля, въ находившемся здѣсь оврагѣ, и, выславъ впередъ стрѣлковъ, тотчасъ же приступила къ устройству двухъ батарей—одной для 2-хъ батарейныхъ орудій, въ разстояніи отъ барбета на 65 саженъ, а другой—для двухъ облегченныхъ орудій, на разстояніи 50 саженъ. Несмотря на пушечный и ружейный огонь непріятеля, работы на батареяхъ шли весьма успѣшно. Дѣятствіе батарей, заложенныхыхъ на столь близкое разстояніе, было очень сильно.

Артиллерійский огонь ходжентцевъ замолкъ, многіе зубцы стѣны были сбиты, и вообще стѣны барбета значительно повреждены. Между тѣмъ, въ обѣихъ колоннахъ войска приготовились для штурма: прінесли лѣстницы, расположились за ближайшими къ городскимъ стѣнамъ прикрытіями и ожидали только сигнала для движенія. Сигналъ этотъ долженъ былъ подать Михаловскій.

Въ 2 часа дня, по окончаніи бомбардированія, стрѣлковая рота 3-го баталіона, во главѣ которой шелъ командиръ этой роты, уже извѣстный своей храбростью, поручикъ Шороховъ, и самъ начальникъ колонны Михаловскій, съ крикомъ «ура» бросилась на штурмъ; за ней послѣдовали и другія двѣ роты. Это «ура» и было сигналомъ. Барановъ тотчасъ же двинулъ роты бѣглымъ шагомъ къ Келенаускимъ воротамъ.

Поставивъ три лѣстницы къ барбету, рота Шорохова стала взбираться на стѣну, несмотря на то, что лѣстницы оказались короткими. Но лишь только передовые поднялись къ зубцамъ, какъ на стѣнахъ барбета появилась новая масса защитниковъ. Камни, пули и удары кистеней посыпались на штурмовавшихъ. Михаловскій, Шороховъ, подпоручикъ Куссонскій и прапорщикъ Бѣляевъ были изъ первыхъ сильно контужены, кто кистенемъ, кто камнемъ. Такая встрѣча, хотя и произвела замедленіе, но не охладила храбрости штурмовавшихъ. Павшіе подъ ударами были замѣнены другими, а командиръ облегченного взвода, поручикъ Тилле, выдвинулъ съ батареи свои орудія впередъ почти подъ самыя стѣны и осипалъ непріятеля картечью, при чемъ былъ вскорѣ раненъ пулею въ грудь. Въ это время Бараповъ,бросившись со своими ротами къ Келенаусскимъ воротамъ, несмотря на сильный огонь, успѣлъ поставить лѣстницы и подъ градомъ пуль, картечей и камней, а также бросаемыхъ со стѣнъ бревенъ, влѣзъ на первую стѣну, проломалъ ворота и, внеся черезъ нихъ лѣстницы, скоро взобрался и на вторую стѣну. Первымъ былъ здѣсь гвардейской артиллеріи подпоручикъ Мазингъ. Извѣстный уже по описанію штурма Ташкента, отецъ Маловъ и здѣсь шелъ въ переднихъ рядахъ, ободряя людей своимъ примѣромъ. Ворота второй стѣны также были разбиты, и обѣ роты вошли въ городъ. Всльдѣ за ними направленъ былъ и резервъ Назарова, который, согласно предварительному распоряженію, частью подъ начальствомъ самого Назарова, двинулся прямо въ цитадель, а частью былъ направленъ для поддержанія колонны Михаловскаго.

При самомъ началѣ штурма, Михаловскій получилъ нѣсколько ударовъ въ голову; истекая кровью, онъ не могъ оставаться при войскахъ и вынужденъ былъ сдать начальство штабсъ-капитану Оренбургскаго стрѣлковаго баталіона Бергбому. Пользуясь подошедшими подкрѣпленіями и переходомъ черезъ стѣну колонны Барапова, Бергбомъ возобновилъ штурмъ и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ защитники барбета были переколоты штыками; штурмовавшіе вошли на барбетъ, распространились по стѣнамъ, а затѣмъ спустились и въ самый городъ.

Роты Барапова, по занятіи Келенаусскихъ воротъ, двинулись влѣво, вдоль стѣнъ, отдѣливъ часть своихъ людей, вмѣстѣ съ колонною Назарова, двинувшеюся прямо черезъ базаръ къ цитадели. Распространяясь по стѣнамъ влѣво отъ занятыхъ воротъ, колонна эта уничтожала вооруженіе верковъ заклепываніемъ и сбрасываніемъ орудій и, постепенно подвигаясь впередъ, соединилась у Конканскихъ воротъ съ оставленною тамъ своею третьею ротою, окончивъ послѣднєе содѣйствіе при взломѣ и вторженіи въ эти ворота. Затѣмъ, колонна эта, овладѣвъ шестью орудіями, изъ которыхъ одно взято съ бою, продолжала слѣдовать вдоль стѣны, дошла до самой рѣки и на ночь присоединилась къ войскамъ Назарова,

успѣвшимъ между тѣмъ занять цитадель и ввезти въ нее два нашихъ орудія.

Занявъ стѣны, Бергбомъ направилъ своихъ людей частью влѣво къ Келенаусскимъ воротамъ, а частію вдоль рѣки къ цитадели, где также захватилъ нѣсколько орудій, а на ночь вошелъ въ цитадель. Едва русское «ура» раздалось въ стѣнахъ Ходжента, какъ полковникъ Краевскій, посадивъ съ собой на находившійся при отрядѣ баркасъ часть своихъ стрѣлковъ, переправился на лѣвый берегъ и, пользуясь суматохою въ городѣ, эскаладировалъ прирѣчную стѣнку и ворвался въ городъ. Захвативъ на пути слѣдованія одно орудіе, Краевскій съ стрѣлками прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ и, выйдя къ цитадели, засталъ уже тамъ Назарова, а потому переправился обратно на правый берегъ. Колонны, во время движенія по городу, встрѣчали ожесточенное сопротивленіе; чтобы очистить скорѣе городъ, вслѣдъ за пѣхотою послана была, по распоряженію Пистолькорса, сотня казаковъ — проскакать по городу, а другая, спѣщеннная, введена въ городъ на усиленіе пѣхоты.

Къ 7-ми часамъ вечера орудійная стрѣльба въ городѣ совершило прекратилась, а ружейная перестрѣлка начала замѣтно утихать; въ городѣ и цитадель введено было 10 ротъ, 4 орудія и 2 сотни казаковъ.

Ночь какъ въ городѣ, такъ и на позиціи, была проведена совершило спокойно, а утромъ явились аксакалы съ изъявленіемъ безусловной покорности.

Упорное сопротивленіе защитниковъ стоило имъ одними убитыми около 2.500 ч. Трупы собирались и хоронились цѣлую недѣлю. Кроме того, толпы раненыхъ, на третій же день по занятіи Ходжента, стали являться на нашъ перевязочный пунктъ съ просьбой о помощи. Число ихъ было такъ велико, что при всей неутомимости нашихъ врачей, по необходимости, раненые должны были ожидать очереди по нѣсколько дней.

Трофеи наши состояли, кромѣ множества ружей, значковъ, фальконетовъ и другаго оружія, изъ 13 орудій и одного большого кокандскаго знамени.

У насъ въ продолженіе осады и штурма выбыли изъ строя: убитыми 5, ранеными 65, контуженными 57 и безъ вѣсти пропавшими 6; изъ этого числа офицеровъ ранено 1 и контужено 6; всего 133 человѣка.

Иръ-джарскій бой и взятие Ходжента имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ возвращеніе изъ Бухары нашей миссіи. Въ половинѣ августа въ Ташкентѣ прибылъ генералъ Крыжановскій съ намѣреніемъ лично управлять дальнѣйшимъ военными дѣйствіями. Войскамъ немедленно приказано было стягиваться къ Ходженту, а бухарскому послу предложено уплатить въ 10 дней контрибуцію. Десятидневный срокъ оканчивался 23 сентября, и потому дѣйствующій

отрядъ выступилъ изъ Ходжента еще 20 числа, чтобы къ концу срока быть уже на границѣ. Отрядъ состоялъ изъ 20 ротъ пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ, 20 орудій и 4 мортиры. 22 числа отрядъ уже стоялъ лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Ура-Тюбе; 23 произведена первая рекогносцировка, а коменданту послано предложеніе сдать крѣпость.

Наиболѣе доступною оказалась южная сторона города, гдѣ можно было воспользоваться садами и подвести войска довольно близко. Чтобы избѣжать большой потери въ людяхъ, решено было произвести въ стѣнахъ обвалы.

VII.

Осада Ура-Тюбе.

Къ 27 сентября 1866 г. войска, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго, сообразно составленному плану осады, распредѣлились вокругъ крѣпости.

Главныя силы, въ составѣ 11-ти ротъ пѣхоты и одной сотни казаковъ, при 10 орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Мантейфеля, расположились на дорогѣ въ Джизакъ.

Въ верстѣ впереди, ближе къ юго-западному углу, скрытно за высотами, расположенье былъ авангардъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 3-хъ сотенъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова¹⁾), особый же отрядъ, назначенный для дѣйствій съ сѣверной стороны, въ составѣ 5 ротъ пѣхоты, команды саперъ, сотни казаковъ при 6 орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ ротмистра Баранова, остался на ходжентской дорогѣ, также за высотами.

27 и 28 производились самыя подробныя рекогносцировки стѣнъ для выбора пунктовъ атаки и мѣсть для брешь-батарей, по возможности ближе къ крѣпостной оградѣ.

Въ ночь съ 29 на 30 сентября решено было заложить траншеи и построить двѣ брешь-батареи. 30-го числа разсчитывали пробить бреши и на разсвѣтѣ 1-го октября штурмовать городъ. Штурмъ предположено было произвести не одновременно всѣми четырьмя колоннами, а сначала предполагалосьпустить двѣ колонны по обваламъ, чтобы тѣмъ облегчить болѣе трудную задачу колоннъ, назначенныхъ штурмовать по лѣстницамъ.

Чтобы помочь заложенію брешь-батарей, произведено было съ южной стороны усиленное бомбардированіе и сдѣланы фальшивыя атаки: кавалерію съ ракетною командою на юго-восточный уголъ, а небольшими колоннами пѣхоты, при 3-хъ орудіяхъ, противъ западнаго фаса и сѣверо-западнаго угла. Но большой трудный обходъ,

¹⁾ Впослѣдствіи министръ императорскаго двора, нынѣ членъ государственнаго совѣта.

который пришлось сдѣлать колоннѣ Баранова, задержалъ ее такъ, что она могла бы приступить къ работе не ранѣе полуночи и, значитъ, къ разсвѣту батарея не была бы окончена. Поэтому работа была отложена до слѣдующей ночи. Чтобы помочь заложенію батареи и отвлечь вниманіе непріятеля, генералъ Романовскій, на кото-раго возложены были генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ бли-жайшія распоряженія осады и штурма, направилъ 3 сотни кавале-рии съ 6 ракетными станками и небольшую часть пѣхоты съ од-нимъ орудіемъ на сѣверо-западный уголъ крѣпости и поручилъ полковнику Пистолькорсу произвести съ этими войсками усиленную демонстрацію.

Благодаря этому маневру, заложеніе брешь-батареи противъ сѣ-веро-восточного фронта совершилось вполнѣ счастливо. Какъ только началось дѣйствіе ракетъ колонны полковника Пистолькорса, ко-лонна Баранова, заранѣе построенная въ ближайшей лощинѣ, спу-стилась къ мѣсту, избранному для устройства брешь-батареи. По окончаніи всѣхъ предварительныхъ распоряженій, когда уже нача-лась отрывка земли, непріятель замѣтилъ работу и открылъ огонь, но не замедлилъ этимъ напихъ работъ.

Темнота однако была такова, что при трассировкѣ батареи инже-неры долго принимали небольшой бугоръ впереди батареи за крѣ-постную стѣну. Батарею совсѣмъ уже начали строить противъ этого пригорка, когда ошибку замѣтилъ одинъ изъ зоркихъ офицеровъ, и туры пришлось передвинуть впередъ на нѣсколько саженъ. Со-общеніе батареи было устроено въ сухомъ арыкѣ, послужившемъ прекрасною траншею.

Для поддержанія этой брешь-батареи, позади ея, на мѣстѣ рас-положенія резерва, были устроены два ложемента для 4-хъ нарѣз-ныхъ орудій, стрѣлявшихъ нѣкоторое время черезъ брешь-батарею. Тѣмъ не менѣе, приходилось отказаться отъ надежды пробить здѣсь полную брешь, ограничиваясь только срытиемъ верхней части стѣны аршина на два съ половиною, такъ чтобы осыпавшаяся земля об-разовала обвалъ. Огнемъ этой батареи управлялъ гвардейской артил-леріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ.

Весьма удовлетворительны также оказались дѣйствія и южныхъ брешь-батареи, гдѣ дѣйствовали: 2 нарѣзныхъ, 6 облегченныхъ ору-дій и 4 мортиры. Здѣсь удалось къ вечеру пробить двѣ значитель-ные бреши въ передней и въ западной стѣнахъ и у плечеваго угла юго-западнаго барабета.

Зашитники почти не показывались изъ-за стѣнъ. Соблюдая ве-личайшую осторожность, они стрѣляли черезъ мелкія бойницы, ко-торыя тотчасъ же послѣ выстрѣла затыкали камешками, но на раз-стоянії, на которомъ находилась наша батарея, своими малокалиберными, легковѣсными пулями они не причиняли намъ почти никакого вреда.

Съ разсвѣтомъ 2-го октября назначенъ былъ штурмъ по ракетѣ.

Для штурма южной стороны, подъ руководствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были три колонны, каждая изъ 2-хъ ротъ пѣхоты и команды саперъ. Одна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Шауфуса, должна была направиться на ближайшія къ юго-западному барбету ворота, лѣвѣ ея должна была слѣдовать другая колонна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Глуховскаго и, наконецъ, третья, подъ командою майора Назарова на брешь у барбета. Резервъ этихъ колоннъ изъ 3-хъ ротъ при двухъ горныхъ орудіяхъ состоялъ подъ начальствомъ полковника Мантелейфеля. Для штурма же съверо-восточной стороны въ распоряженіе Баранова были назначены двѣ колонны, каждая также изъ двухъ ротъ и команды саперъ: одна подъ начальствомъ поручика Шоронхова, а другая штабсъ-капитана Конопельскаго, при нихъ резервъ изъ одной роты и двухъ нарѣзныхъ орудій, подъ начальствомъ поручика Кузьминскаго. Колонны эти должны были штурмовать обвалъ.

Правѣ штурмовавшихъ съ южной стороны стала кавалерія отряда (3 сотни и 6 ракетныхъ станковъ), подъ начальствомъ Пистолькорса, а для развлеченія непріятеля оставлена противъ съвернаго фаса небольшая колонна изъ роты пѣхоты, одного орудія и команды казаковъ, подъ начальствомъ капитана Сярковскаго.

Съ разсвѣтомъ, по условленному сигналу, наша артиллерія на время замолкла, и колонны двинулись на штурмъ.

Стрѣлки колонны Шауфуса первые пробѣжали отдѣлявшее ихъ отъ рва пространство и приставили лѣстницу къ стѣнѣ башни, которая прикрывала ворота. Командиръ стрѣлковой роты капитанъ Гриппенбергъ полѣзъ первый, за нимъ послѣдовали прапорщики Машинъ и Федоровъ и нѣсколько стрѣлковъ, но лѣстница не выдержала и обломилась. На верху стѣны остались названные три офицера и пять стрѣлковъ. Со всѣхъ сторонъ по нимъ открыть былъ огонь почти въ упоръ. Чтобы укрыться отъ свинцового дождя, эта горсть храбрыхъ пробилась въ нишу воротъ и засѣла тамъ, обезпеченная съ боковъ и тыла. Здѣсь отстрѣливались наши, пока ворота позади ихъ не были выломаны подпоручикомъ Калитинымъ и титулярнымъ совѣтникомъ Лерхе¹⁾, кинувшимися на выручку съ нѣсколькими охотниками. Въ это время стрѣлки успѣли поднять вторую лѣстницу. Первая стѣна была занята, но за нею оказалась вторая, а въ промежуткѣ масса защитниковъ. Отбросивъ непріятеля штыками и сломавъ ворота во второй стѣнѣ, колонна направилась вдоль стѣнъ направо и овладѣла съ боя четырьмя орудіями.

Почти одновременно съ Шауфусомъ двинулась и колонна Глуб-

¹⁾ Командированный для ученыхъ изслѣдований Лерхе принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

ховского. Впереди съ охотниками и командою саперъ шелъ командръ саперной роты капитанъ Плецъ 1-й. Не обращая внимания на огонь непріятеля, охотники спустились въ ровъ и стали подставлять лѣстницы. Оставилъ на краю рва часть стрѣлковъ, для дѣйствія по стѣнѣ, Глуховской съ остальными пошелъ вслѣдъ за охотниками. Упорная оборона не остановила нашихъ храбрецовъ, которые скоро успѣли перейти первую стѣну, но здѣсь наткнулись на большія массы защитниковъ, частью бросившихся въ рукопашную, частью же открывшихъ по нимъ огонь изъ башенъ и сакель. Произошла не продолжительная, но кровавая схватка. Здѣсь палъ Плецъ, убитый наповалъ. Начальство надъ охотниками принялъ поручикъ Комаровъ. Здѣсь же смертельно ранены подпоручикъ Кончицъ и поручикъ Плѣшковъ; кромѣ того, ранено и контужено еще 4 офицера.

Въ это время, на подкрѣпленіе потерпѣвшихъ и задержанныхъ колоннѣ двинута была часть общаго резерва, что дало возможность Шауфусу двинуться въ городъ, не опасаясь за тыль. Слѣдомъ за нимъ двинулась и колонна Глуховского, усиленная изъ резерва двумя горными орудіями. На долю этихъ колоннѣ выпала самая трудная часть дѣла. Каждая изъ нихъ не превышала числительностью 250 человѣкъ; общая же цифра потерь убитыми и ранеными простирилась въ колоннѣ Шауфуса до 77 человѣкъ, а въ колоннѣ Глуховского до 74, итого 151, т. е. почти третья всего числа штурмовавшихъ!

Междудѣмъ, колонна Назарова, безъ шума, безъ криковъ «ура», шла впередъ, взошла на брешь безъ урона и опрокинула встрѣтившія ее за стѣною массы. Майоръ Назаровъ направилъ часть войскъ ко второй брешви, а остальныхъ вдоль западнаго фаса, при чемъ захвачено было 4 орудія.

Такимъ образомъ, не болѣе, какъ въ полчаса, всѣ три колонны успѣли овладѣть стѣнами и проникнуть въ городъ. Вслѣдъ за ними въ городъ втянулись и войска резерва. Жители упорно защищались въ улицахъ. Перестрѣлка и рукопашный бой въ тѣсномъ пространствѣ грозили намъ большими потерями; но въ это время въ тылу осажденныхъ появилась колонна Баранова.

Задолго до сигнала, въ колоннѣ Баранова сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія: изъ траншей аркана принесены были на батарею штурмовые лѣстницы, сюда же подкатили двѣ арбы, которыми, въ случаѣ надобности, предполагалось завалить ровъ.

Съ разсвѣтомъ горизонтъ прорѣзали огненные ленты трехъ сигнальныхъ ракетъ. Батарея сдѣлала залпъ картечью, и роты двинулись на штурмъ; съ крѣпостной стѣны тотчасъ открыли сильнейший артиллерійскій и ружейный огонь.

Но вотъ на брешь вскочили два-три смѣльчака (Шороховъ, Конопельскій). Брешь забѣлѣла кителеми. Стѣна смолкла. Наши были уже въ городѣ.

Нарѣзной взводъ взялъ въ передки и рысью пошелъ на обвалъ, который саперы въ нѣсколько минутъ разровняли настолько, что по бреши, безъ затрудненія, вошли не только легкія орудія, но и зарядные ящики.

Все внутри цитадели показывало, что бухарцы никакъ въ эту минуту не ожидали штурма и, повидимому, собирались закусывать: позади валганга небольшими кучками сложены были лепешки, у самой стѣны стояли желѣзные треножни, большие чугунные котлы съ водою и пр.

Трофеи побѣды 2-го октября составляли: 4 знамени, 16 орудій (въ томъ числѣ одна двухпудовая мортира), 16 выручныхъ пушекъ, множество фальконетовъ, ружей и огромные запасы пороха и другихъ припасовъ (въ томъ числѣ и разрывные снаряды). Потеря непріятеля была весьма значительная; собственно въ городѣ и близайшихъ окрестностяхъ подобрано было не менѣе 2.000 тѣлъ.

Наши потери состояли: убитыми 3 офицера (капитанъ Плецъ 1-й, поручикъ Плѣшковъ и подпоручикъ Кончицъ) и 14 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 офицеръ и 102 нижнихъ чина; контуженными: 6 офицеровъ, 101 нижній чинъ. Всего 10 офицеровъ и 217 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ, за время осады, убитыхъ три нижнихъ чина и раненыхъ 10.

Главные потери понесли колонны Шауфуса и Глуховского; здѣсь общая потеря убитыми и ранеными доходила, какъ уже сказано, до 150 человѣкъ.

VIII.

Осада Джизака.

Такъ какъ и по занятіи Ура-Тюбе обѣщанное бухарцами мирное посольство не являлось, то войска наши направлены были на Джизакъ. Начальство надъ передовыми войсками, выступившими 5-го октября 1866 года, было поручено графу Воронцову-Дашкову. При движении этого отряда къ крѣпостцѣ Зааминъ, непріятель бѣжалъ столь спопѣшно, что оставилъ одно орудіе; укрѣщеніе было занято безъ выстрѣла. 10-го октября всѣ наши войска сосредоточились у Заамина, откуда 11-го числа двинулись къ Джизаку, въ составѣ 16 $\frac{1}{2}$ ротъ и пяти сотенъ казаковъ, съ ракетною командою, 8-ю конными и 12-ю пѣшими орудіями.

Отрядъ обошелъ Джизакъ съ юго-запада и расположился въ 4-хъ верстахъ отъ города, на дорогѣ въ Самаркандъ, слѣдовательно на сторонѣ, противоположной той, къ которой въ предшествовавшемъ году подходилъ Черняевъ.

Этотъ поискъ указалъ бухарцамъ на необходимость укрѣпить городѣ, и, надобно отдать имъ справедливость, они много успѣли сдѣлать за 8 мѣсяцевъ.

Въ день прибытія отряда была произведена рекогносцировка, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго; вечеромъ попался въ плѣнъ одинъ авганецъ, который сообщилъ подробноти о крѣпости.

Городъ, по его словамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ рекогносцировкою, былъ окружены тремя параллельными стѣнами, цитадель составляла четвертую преграду. Пригородная слобода была покинута жителями. Около крѣпости бухарцы, какъ и въ Ура-Тюбе, разрушили всѣ сакли, находившіяся подъ стѣнами и образовали, такимъ образомъ, эспланаду, шириной отъ 60 до 100 саженъ. Въ Джизакѣ было нѣсколько сотъ авганцевъ, составлявшихъ преимущественно артиллерійскую прислугу; затѣмъ имѣлось еще нѣсколько сотъ туркменъ, до 2-хъ тысячъ сарбазовъ или регулярныхъ войскъ, нѣсколько тысячъ иранцевъ невольниковъ, а всего гарнизона около одиннадцати тысячъ. Главное начальство надъ крѣпостю поручено было Алаяръ-хану, носившему титулъ таксаба-перваначи. Первые двѣ стѣны, а въ особенности передняя, имѣли весьма сильную профиль, такъ какъ по валгангу могла свободно пройхать арба.

Тroe городскихъ воротъ: Самаркандиня, Уратюбинская и Камышъ-Курганская или Ташкентская, были наглухо завалены, чтобы пресечь гарнизону всякий путь къ отступленію, такъ какъ, согласно приказанію эмира, комендантъ намѣревался защищать городъ до послѣдней крайности.

По длинѣ стѣны, черезъ каждыя пятнадцать саженъ, построены были полубашни для фланговой обороны. Полубашни эти или барбеты вооружены были орудіями.

Крѣпостные работы все еще дѣятельно продолжались.

Самаркандиня ворота прикрыты были далеко выступавшимъ впередъ круглымъ туръ-бастіономъ, хорошо обстрѣливавшимъ доступъ къ немъ. Между первою и второю стѣной шла улица, шириной около 60 саженъ, и здѣсь расположены былъ лагерь гарнизона.

О штурмѣ по лѣстницамъ уже никто и не думалъ: глубина и высота стѣнокъ, а главное уратюбинскій опытъ решили вопросъ въ пользу обваловъ.

Между тѣмъ, 12 числа, Алаяръ-ханъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ генерала Крыжановскаго не начинать осады до получения отъ эмира разрѣшенія сдать Джизакъ.

Но къ этимъ азіатскимъ уловкамъ мы уже были пріучены: бекъ, очевидно, хотѣлъ повторить ту же продѣлку, которая употреблена была съ генераломъ Черняевымъ, дабы оттянуть время до получения подкрѣпленія.

Отвѣтомъ на это письмо было настоятельное требование немедленной сдачи крѣпости. Посланецъ, привезшій письмо, долженъ былъ отправиться, при однемъ изъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, съ отвѣтомъ. Но когда отрядъ этотъ остановился у баррикады, загора-

живавшій выходъ изъ улицы на эспланаду, то бухарецъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ въ крѣость, а предпочитаетъ остатся въ русскомъ лагерѣ, потому что боится непріятностей за то, что пришелъ съ напими войсками; наконецъ, онъ откровенно признался, что у него въ Ташкентѣ семейство, и онъ не хочетъ быть убитымъ въ Джизакѣ; его оставили въ покой, отвѣтъ же взялся везти одинъ изъ нашихъ джигитовъ.

Такъ какъ отъ коменданта не послѣдовало никакого отвѣта, то, чтобы убѣдить бухарцевъ въ намѣреніи нашемъ немедленно же начать осаду, артиллериа наша открыла огонь, на который бухарцы тотчасъ отвѣтили канонадой и ружейной пальбой, не причинившей намъ, впрочемъ, никакого вреда.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ выбралъ място для брешь-батареи и нашелъ средство издали измѣрить высоту стѣнъ крѣости.

Бухарцы строятъ свои глиняныя стѣны слоями: сперва выведутъ стѣнку, вышиною въ аршинъ съ небольшимъ, дадутъ глини высохнуть, затѣмъ кладутъ второй слой, потомъ третій и т. д. Между всѣми этими слоями остается весьма замѣтный шовъ. Зиновьевъ насчиталъ въ джизакской стѣнѣ девять такихъ швовъ и вывелъ изъ этого, что стѣны имѣли надъ рвомъ около 10 аршинъ вышины. Такъ это и было.

Тотчасъ по уходѣ рекогносцировочныхъ отрядовъ изъ города, окружающаго крѣость, тамъ вспыхнулъ пожаръ. Оказалось, что сарты сдѣлали вылазку и начали жечь сакли, чтобы расширить эспланаду. Всю ночь зарево освѣщало оставленный городъ. Чтобы помѣшать сартамъ уширять эспланаду, командующій войсками немедленно приказалъ послать въ городъ двѣ роты пѣхоты, которыхъ и должны были занять переднія, еще не разрушенныя сакли, которые могли служить намъ прикрытиемъ вблизи крѣости.

14-го октября назначена была новая рекогносцировка, но она не состоялась. Рано утромъ разнесся слухъ, что фуражиры облегченной батареи и полусотня казаковъ, отправившихся на фуражировку въ окрестныя деревни, прошли въ ущелье Джиланъ-Уты и окружены тамъ бухарцами. Неудачная фуражировка облегченной батареи превратилась въ полевое сраженіе: на помощь къ фуражирамъ посыпалась рота за ротой, пока наконецъ не ушелъ изъ лагеря почти весь отрядъ, со всѣми начальствующими.

Увидавъ приближеніе нашихъ войскъ, бухарцы тотчасъ же стали поспѣшно отступать, преслѣдуемые по пятамъ, черезъ все ущелье на 20 верстъ, до укрѣпленія Яны-Кургана, по ту сторону ущелья. Войска вернулись только къ 8 часамъ вечера. 14-го же числа прибыли артиллерійскій и инженерный парки, и затѣмъ ничто не препятствовало уже начать осаду.

Предположено было построить двѣ брешь-батареи: одну у самаркандской, а другую около уратюбинской дороги. 15-го числа въ 6 ча-

совѣ утра высланы были для этого двѣ колонны: одна подъ начальствомъ капитана Михаловскаго, изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 6 облегченныхъ орудій и 2-хъ мортиръ къ уратюбинскимъ, а другая—подъ начальствомъ подполковника Григорьева, изъ 4 же ротъ, 4 батарейныхъ орудій и 2-хъ мортиръ къ самаркандскимъ воротамъ.

Такъ какъ каждую изъ осадныхъ батарей приказано было строить не болѣе какъ на два орудія, то саперные офицеры (штабсъ-капитанъ Свищевскій и поручикъ Пріоровъ) рѣшили воспользоваться саклями на окраинѣ эспланады. Сартовскія, донельзя кривыя, улицы и переулки служили намъ безопаснѣмыми траншеями. Переднія, не разрушенныя еще, сакли, по краю эспланады, служили закрытиемъ для цѣпи стрѣлковъ и составили, такимъ образомъ, готовую параллель.

Подъ самой самаркандской дороги нашлись три сакли, соединенные заборами; переднія, т. е. обращенная къ Джизаку, стѣнки этихъ сакель были почти параллельны крѣпостной стѣнѣ, поэтому, съ нѣкоторыми приспособленіями, онѣ могли служить довольно сносными брустверами для брешь-батареи. Сакли, находившіяся позади, замѣнили пороховые погреба; тѣ же удобства нашлись и для уратюбинской батареи.

Какъ только стемнѣло, саперы начали приспособлять осадный батареи. Самаркандская была уже готова часамъ къ 11. Вся работа заключалась лишь въ томъ, что за заборомъ, который долженъ быть служить брустверомъ, установили рядъ туровъ въ два яруса, насыпали ихъ землей, и затѣмъ, пробивъ амбразуру въ заборѣ, прикрыли ее деревяннымъ ставнемъ для защиты внутренности батареи отъ непріятельскихъ пуль. Неудобство батареи заключалось въ томъ, что находившійся предъ самаркандскими воротами бастіонъ бралъ нашу батарею во флангъ, а высокія крѣпостныя стѣны командовали мѣстностю настолько, что брустверь батареи закрывалъ отъ стѣнъ лишь на 12 шаговъ. Но зато батарея имѣла и свои хорошия стороны, она была построена въ часъ времени, и слѣдовательно, въ случаѣ надобности, ничего не стоило устроить новую батарею изъ сосѣдней сакли. На уратюбинской батареѣ дѣла шли далеко не такъ успѣшно, потому что непріятель во время вылазки успѣлъ разрушить тѣ именно сакли и заборы, которые были намѣчены для передѣлки въ батарею. Только подъ самое утро новое мѣсто для батареи окончательно было выбрано, и приступлено было къ ея постройкѣ.

Такимъ образомъ, утромъ 16-го октября, открыть огонь могла лишь одна самаркандская батарея. Положеніе ея поэтому было весьма невыгодное: ей надобно было бить не торонясь, а это, конечно, давало бухарцамъ время опомниться, принять мѣры къ исправленію поврежденій и приготовиться къ упорной оборонѣ. Зарядовъ же было мало, и надо было ихъ беречь.

Между тѣмъ, на разсвѣтѣ непріятель замѣтилъ опасность и, открывъ изъ крѣпости учащенный огонь по обѣимъ колоннамъ, произвелъ большую вылазку на правый флангъ и тылъ уратюбинской колонны.

По всѣмъ пріемамъ обороны было очевидно присутствие въ Джизакѣ регулярныхъ войскъ, а въ особенности авганцевъ, научившихся кое-чemu отъ англичанъ.

При осадѣ Ура-Тюбе гарнизонъ ночью успокоивался и не тревожилъ настѣнъ своимъ огнемъ. Въ Джизакѣ же, именно ночью и усиливаясь какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь, достигая къ разсвѣту наибольшей энергіи, вѣроятно, изъ опасенія штурма, по примѣру Ходжента и Ура-Тюбе, взятыхъ на разсвѣтѣ. Кромѣ того, уратюбинцы не сдѣлали ни одной вылазки, а здѣсь это продѣльвалось каждую ночь.

Часамъ къ 10 утра послѣла, однако же, и уратюбинская батарея, тотчасъ открывшая огонь. Батарея была построена заново изъ туровъ, а не передѣлана изъ заборовъ. Солдаты прозвали ее гостиницей: деревья, прудъ и совершенная безопасность внутренняго пространства оправдывали это название.

Правѣе этой батареи, саженяхъ въ 30, поставлены были за тонкой стѣной маленькия полурудовыя мортирки, или, какъ солдаты ихъ называли, собачки. Онѣ также весьма успѣшно дѣйствовали на городъ.

Командовавшій этими мортирками поручикъ Лафицкій придумалъ для развлечения особыю забаву: у воротъ крѣпости устроенъ былъ небольшой плацдармъ, занятый бухарскимъ карауломъ; предупредивъ стрѣлковъ, Лафицкій бросалъ на этотъ плацдармъ гранату, бухарцы опрометью кидались въ калитку стѣны и какъ при этомъ ни крючились,—все-таки имъ приходилось высываться изъ-за не-высокаго бруствера. Наши стрѣлки тотчасъ открывали огонь, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока бухарцы, выждавъ разрывъ гранаты, не возвращались на плацдармъ.

Стрѣльба съ брешь-батареи была весьма удачна: къ вечеру уратюбинская брешь была на половину окончена, самаркандская же батарея, сберегая снаряды, сбила въ теченіе дня только около двухъ верхнихъ вѣнцовъ стѣны (около двухъ аршинъ). Самаркандскую батарею решено было усилить, а для поддержки уратюбинской противъ артиллеріи, громившей ее съ барбетовъ, построить еще контрь-батарею.

Наступила ночь. По дѣятельности, выказанной гарнизономъ, слѣдовало ожидать, что онъ воспользуется темнотою и задѣлаетъ обвалы. Чтобы препятствовать этому, самаркандская батарея (Зиновьевъ) чрезъ каждыя три-пять минутъ посыпала на брешь выстрѣль картечью. Эта мѣра оказалась весьма удачною. Бухарцы, дѣйствительно, сдѣлали кое-какія приготовленія для ночныхъ работъ

по исправлению стѣны, но къ работамъ этимъ приступить не осмѣлились.

На бресть противъ уратюбинской батареи непріятель, однако, успѣлъ устроить засѣку, которая впослѣдствіи была уничтожена выстрѣлами нашей батареи.

17-го октября, по примѣру предшествовавшаго дня, произведена была демонстрація противъ юго-западнаго угла крѣпости отрядомъ графа Воронцова-Дашкова (двѣ роты, двѣ сотни, четыре орудія и ракетная команда). На военномъ совѣтѣ въ этотъ день генералъ Романовскій предложилъ отступить на этотъ разъ отъ обычая штурмовать крѣпость не иначе, какъ на разсвѣтѣ, и произвести нападеніе въ полдень. Безпечность азіатцевъ, не наблюдавшихъ у себя правиль аванпостной и гарнизонной службы, въ особенности по ночамъ, дѣлали до сихъ поръ утренніе штурмы неотразимыми.

Теперь же непріятель именно къ утру и былъ постоянно на готовѣ, ожидая штурма. Поэтому надобно было выбрать другое время; кроме того, штурмую на разсвѣтѣ, мы рисковали найти наши обвалы задѣланными въ теченіе ночи. Къ тому же нечаянность штурма на Джизакъ, пугавшій своими четырьмя стѣнами, была для насъ весьма желательна, сигналы же ракетами, конечно, мало способствуютъ нечаянности, ибо они служатъ сигналомъ и для обороняющихся. Наконецъ, ночи были до того свѣтлы (тогда было полнолуніе), что бухарскіе часовые, конечно, могли бы съ высоты своихъ стѣнъ замѣтить наши ночные приготовленія къ штурму, тогда какъ, собирая колонны въ 10 часовъ утра, мы ничѣмъ не обнаруживали нашихъ намѣреній, ибо въ 10 часовъ утра у насъ обыкновенно и ежедневно происходило движеніе войскъ по случаю смѣны ротъ траншейнаго караула. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, штурмъ былъ назначенъ въ полдень 18-го октября.

Вечеромъ, наканунѣ, произведена была поручикомъ Волынскаго уланскаго полка Кузьминскимъ окончательная рекогносировка для измѣренія глубины рва. Рискуя быть замѣченнымъ, Кузьминскій поползъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ своей роты Терентіемъ Соиновымъ и при помощи 12-ти-аршиннаго шнура съ привязаннымъ къ нему камнемъ измѣрилъ глубину рва, оказавшуюся въ 9 аршинъ.

За день бреши сильно подвинулись. Несмотря на кажущуюся прочность стѣны, она замѣтно уступала выстрѣламъ. Осыпавшаяся на берму глина образовала уже достаточно удобный всходъ.

Съ наступленіемъ ночи оба обвала обстрѣливались картечью, но, несмотря на то, бухарцы успѣли сдѣлать кое-что для исправленія поврежденій: съ обѣихъ сторонъ самарканской бреши они вывели стѣнки изъ большихъ туровъ, сплетенныхъ изъ камыша, а на срединѣ обвала брошено было нѣсколько огромныхъ мѣшковъ (каповъ) съ землей. Съ разсвѣтомъ, 18-го числа, артиллерія наша принялась очищать бреши. На сто сажень орудія наши били безъ промаху и снимали туръ за туромъ.

Штурмъ назначено было произвести двумя колоннами, подъ начальствомъ капитана Михаловскаго и подполковника Григорьева, каждая изъ четырехъ ротъ пѣхоты при командахъ саперъ и казаковъ. Въ резервъ же къ этимъ колоннамъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были четыре роты, два горныхъ орудія и сотня казаковъ. Для того же, чтобы замаскировать наши намѣренія и отвлечь вниманіе непріятеля, выслана была небольшая колонна изъ трехъ сотень казаковъ, ракетной команды и двухъ легкихъ орудій, подъ начальствомъ Пистолькорса, для производства демонстрацій противъ ташкентскихъ воротъ, а резервъ къ штурмовавшимъ колоннамъ вышелъ, какъ сказано, въ 10 часовъ, когда обыкновенно производилась смена частей на батареяхъ.

Въ 10 же часовъ утра, Пистолькорсу было послано приказаніе усилить демонстрацію. Пистолькорсъ спѣшилъ одну сотню и, оставивъ остальныхъ двѣ скрытыми въ садахъ, приблизился со спѣшеными казаками, ракетною командою и друмя орудіями на самое близкое разстояніе къ городскимъ стѣнамъ и надѣлалъ столько шума, что привлекъ на себя вниманіе непріятеля, который, видя малочисленность нападающихъ, предпринялъ противъ нихъ вылазку. Произошла рукопашная схватка, но пѣши казаки и конноартиллеристы блестательно выдержали пробу; атака конныхъ сотенъ изъ-за засады довершила пораженіе непріятеля. Потеря напа здѣсь ограничилась однимъ легко раненнымъ офицеромъ (артиллеріи поручикъ Шпицбергъ) съ 11-ю ранеными казаками; непріятель же оставилъ нѣсколько тѣлъ. Главная цѣль демонстраціи была достигнута.

По мѣрѣ приближенія къ полудню, батареи наши стали ослаблять огонь съ цѣллю усыпить бдительность бухарцевъ, которые дѣйствительно поуспокоились. За 10 минутъ до полудня роты, назначенные на штурмъ, придвинулись къ батареямъ и людей разсчитали по лѣстницамъ.

Уратюбинской колоннѣ приходилось пройти отъ батареи до бреши около 90 саженъ, а самарканской колоннѣ около 100 саженъ.

Ровно въ полдень, среди общей тишины, роты подняли лѣстницы и молча выплы на эспланаду, перешагнувъ черезъ опрокинутыя туры траншеи.

Предположеніе Романовскаго вполнѣ оправдалось: сарты никакъ не ждали штурма. Люди успѣли уже пройти сажень 20, и только тогда непріятель спохватился. Джизакская стѣна окуталась дымомъ, и роты пошли съ обычнымъ «ура».

Резервъ, оставшійся на батареяхъ и слѣдившій за товарищами глазами и сердцемъ, наконецъ не выдержалъ: съ криками «ура» колонна эта кинулась съ батареи и бѣгомъ пошла на обвалъ.

Штурмующіе спустились по лѣстницамъ въ ровъ и менѣе чѣмъ въ четверть часа были уже на стѣнахъ крѣпости.

Одновременно съ тѣмъ, по предварительному распоряженію за-

вѣдывавшаго осадными работами инженеръ-подполковника Яблонского, небольшія команды саперъ, подъ начальствомъ Свищевскаго и Пріорова, бросились къ воротамъ, поддержаные стрѣлками Гриппенберга и штабсъ-капитана Сверчкова.

Во время штурма самаркандской колонны поручикъ Кузьминский, первый въ своей ротѣ взбѣжавшій на обвалъ, былъ проколотъ непріятельскими пиками, прежде чѣмъ подоспѣли люди его роты. Кузьминскій получилъ за свои подвиги (рекогносцировка и штурмъ) орденъ св. Георгія 4 степени.

Въ уратюбинской же колоннѣ, какъ только показались на обвалѣ охотники, раздался взрывъ. 16 человѣкъ нашихъ были тяжело ранены или обожжены.

Разно говорили о причинахъ взрыва. Одни рассказывали, будто часть гарнизона, и, конечно, самая храбрая, видя неизбѣжное паденіе крѣпости, нарочно подожгла пороховой погребъ съ намѣреніемъ погибнуть вмѣстѣ съ побѣдителями. Другіе доказывали, что подобный героизмъ совсѣмъ не въ сартовской природѣ, и что взрывъ произошелъ, конечно, нечаянно: шарахнувшійся гарнизонъ, спасаясь бѣгствомъ и прячась по разнымъ угламъ, легко могъ забраться и въ погребъ и тамъ своими фитильными ружьями нечаянно поджечь порохъ.

Занявъ обвалы, войска наши раздѣлились на нѣсколько колоннъ, направившихся частію по валгангу, для сбрасыванія орудій, частію въ улицу, между первою и второю стѣною, частію въ цитадель. Черезъ самаркандскую брешь удалось ввезти въ крѣпость два горныхъ и одно нарѣзное орудія. Во власти непріятеля остались затѣмъ лишь однѣ ворота ташкентскія, или, вѣриѣ, небольшая калитка при нихъ, такъ какъ ворота были завалены. Не трудно представить то страшное, отчаянное положеніе, въ какое при такихъ условіяхъ поставлены были защитники Джизака. 19-ть бековъ и многочисленный гарнизонъ, стоявшіе лагеремъ между стѣнами, были заперты въ этомъ коридорѣ!

Бухарцы никакъ не ожидали штурма такъ скоро. По ихъ соображенію, мы могли штурмовать городъ развѣ только еще черезъ 10 дней: «если Ура-Тюбе осаждали 8 дней,—разсуждали беки,—то Джизакъ будутъ осаждать по крайней мѣрѣ 18».

По окончаніи вылазки противъ Пистолькорса, всѣ беки собрались на одномъ изъ безопасныхъ отъ нашего огня бастіоновъ и тамъ совѣщались о дальнѣйшихъ мѣрахъ обороны; вдругъ прибѣжали съ извѣстіемъ, что русскіе уже въ крѣпости. Тогда всѣ побѣжали къ ближайшимъ воротамъ, но уже было поздно: навстрѣчу имъ двигалась одна изъ нашихъ ротъ, а такая встрѣча была для большинства роковою!

Когда наши войска овладѣли брешами, сарты кинулись вдоль по коридору, въ которомъ они были заключены, безъ возможности

попасть внутрь крѣпости или выйти въ поле. Масса обезумѣвшихъ отъ страха защитниковъ, подгоняемая нашими пулями и картечью къ ташкентскимъ воротамъ, напирала на переднихъ и не давала имъ перевести духъ. Но ворота эти, какъ уже сказано, были завалены. Здѣсь столпилось около 4.000 конныхъ и пѣшихъ, давившихъ другъ друга. Наши войска быстро двигались слѣдомъ за бѣжавшими и разстрѣливали враговъ. У воротъ образовалась цѣлая гора человѣческихъ и конскихъ труповъ. Тщетно старались перебраться черезъ нее отставшіе: русскія пули укладывали ихъ на верху этой гектаромбы человѣческихъ жертвъ. За этою барrikадою, остановившею нашихъ солдатъ, сидѣли, прижавшись къ стѣнѣ, еще тысячи полуторы защитниковъ, которымъ и была дана пощада. Первый жаръ разгоряченныхъ боемъ и ожесточившихся солдатъ успѣль утихнуть, и затѣмъ убийство прекратилось — живые взяты въ плѣнъ. Между плѣнными оказалось 600 раненыхъ. Со страхомъ смотрѣли они на проѣзжавшихъ мимо нихъ русскихъ офицеровъ, жались къ стѣнѣ и подавленнымъ голосомъ молили о пощадѣ, повторяя свое «аманъ». Весьма небольшому числу удалось, впрочемъ, выбраться и въ поле, черезъ калитку ташкентскихъ воротъ, но здѣсь ихъ поджидалъ Пистолькорсъ съ казаками.

Между убитыми встрѣчалось много богато вооруженныхъ воиновъ, одѣтыхъ въ латы и шлемы съ большими кожаными, изукрашенными серебромъ и золотомъ щитами. Попадались и такие, которые, судя по лицу и по тонкому бѣллю европейского происхожденія, давали поводъ подозрѣвать въ нихъ предпримчивыхъ агентовъ соперничествующей съ нами державы. Подозрѣніе это усиливалось еще и тѣмъ, что въ Джизакѣ найдено было большое количество револьверовъ, а также ударныхъ и нарѣзныхъ ружей европейского образца. Затѣмъ были замѣтны нѣкоторые европейскіе пріемы при оборонѣ крѣпости (караульная служба, вылазки, очищеніе эспланады, исправленіе обваловъ); все это заставляло подозрѣвать присутствіе въ Джизакѣ англичанъ.

Не было еще и часу по полудни, какъ вся крѣпость была уже въ нашихъ рукахъ. Приняты были мѣры къ возстановленію порядка въ городѣ, гдѣ уже вспыхнули кое-гдѣ пожары, и прекрасненію напраснаго кровопролитія.

Вскорѣ войска были выведены изъ Джизака. Въ городѣ былъ оставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькоихъ ротъ и назначенъ комендантъ. Джизакъ съ того времени сталъ русскимъ городомъ.

Въ то самое время, какъ происходило все описанное, въ тылу у насъ, передъ войсками, оставленными для прикрытия лагеря, а также и передъ колонною Пистолькорса появились новыя массы бухарской казалеріи, за которыми въ разстояній одного перехода слѣдовало 2.000 сарбазовъ при 18 орудіяхъ. Это было подкрѣпленіе, высланное эмиромъ. Встрѣченное орудійнымъ огнемъ и узнавъ

объ участи, постигшей Джизакъ, подкрѣпленіе это поспѣшно отступило и болѣе уже не показывалось.

Добыча была богатая и заключалась преимущественно въ оружії, коняхъ и конской сбруѣ; однихъ коней отбито было такое множество, что, напримѣръ, въ стрѣлковомъ баталіонѣ, на каждого рядового приходилось по лошади; этимъ обстоятельствомъ решено было воспользоваться, и стрѣлковый баталіонъ отправленъ былъ въ Ташкентъ въ конномъ строю напрямикъ, черезъ безводную степь къ Чиназу, что пѣшему баталіону за недостаткомъ воды было бы весьма затруднительно.

Трофеями дня, кромѣ крѣпости, были 23 большихъ и 20 выочныхъ орудій, 16 знаменъ и множество всякаго оружія.

Потери непріятеля доходили, по увѣреніямъ жителей Джизака, до 6.000 человѣкъ. У насъ же за все время осады и въ день штурма потеря ограничилась 6 убитыми, 76 ранеными (въ томъ числѣ 5 офицеровъ: поручикъ Кузьминскій, подпоручики: Аленичъ, Ржепецкій, Шпицбергъ и Рѣдкинъ) и 16 контуженными — въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ — подполковникъ Григорьевъ. Всего же 98 человѣкъ.

22-го октября генералы Крыжановскій и Романовскій уѣхали въ Ташкентъ. Экспедиція окончилась. Отъ бухарского эмира однако же не было прислано не только посланства, но даже никакихъ извѣстій. Такимъ образомъ, какъ началась экспедиція поазіатски — безъ объявленія войны, такъ и окончилась — безъ заключенія мира.

Оставшійся за старшаго въ Туркестанской области полковникъ Мантейфель счелъ необходимымъ овладѣть еще укр. Яны-Курганомъ, лежащимъ у Джиланъ-Утынского ущелья, дабы занять это ущелье и обеспечить крѣпость отъ нападенія съ этой стороны. 21 октября, укрѣпленіе Яны-Кургана было занято безъ боя и подорвано двумя минами. Рядъ неудачъ смирилъ бухарцевъ, которые наконецъ начали переговоры, пославъ въ Оренбургъ свою миссію. Разбой и хищническія нападенія мелкихъ шаекъ, впрочемъ, не прекращались на передовой линіи.

Тѣмъ временемъ, а именно въ началѣ 1867 года изъ бывшей Сыръ-Дарьинской линіи, Туркестанской области и Семирѣчья образовано было особое генераль-губернаторство, начальникомъ котораго назначенъ былъ генераль-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ¹⁾, которому поручено было закончить переговоры съ эміромъ. Мирный трактатъ былъ отосланъ къ эмиру съ отправившимся обратно посломъ, а генераль-губернаторъ, прибывъ на мѣсто, тотчасъ занялся введеніемъ нового положенія объ управлѣніи краемъ. Работы организаціонныхъ комиссій указали множество мелкихъ особенностей, дѣлавшихъ необходимыми разныя отступленія отъ перво-

¹⁾ 14 июля 1867 года.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ИЮНЬ, 1899 г., т. LXXVI.

начального проекта. Явилась надобность провести законодательнымъ порядкомъ новый проекѣ положенія, при личномъ участіи генераль-губернатора, для чего ему необходимо былоѣхать въ Петербургъ. Между тѣмъ, непріязненные дѣйствія эмира не прекращались.

Яны-Курганъ былъ окончательно занятъ нами, безъ особой, впрочемъ, надобности, 25 мая 1867 г. Командовавшій передовыми отрядомъ въ Джизакѣ подполковникъ Абрамовъ думалъ этого мѣрою повлѣять на спокойствіе Джизакскаго района и обеспечить его водою, источники которой находились въ рукахъ непріятеля, но вместо этого намъ пришлось отбивать рядъ нападеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ. 26 мая при рекогносцировкѣ верховьевъ р. Джиланъ-Уты, 7 іюля въ 10 verstахъ отъ Яны-Кургана, 5 іюля тамъ же и 7 февраля 1868 г. при рекогносцировкѣ Ухумскаго ущелья отрядомъ, назначеннымъ для выбора мѣста подъ укрѣпленіе на сѣверномъ склонѣ Нуратынскихъ горъ. Въ то же время на соображеніяхъ Яны-Кургана и Джизака нерѣдко появлялись мелкія шайки, нападавшія на наши оказіи. При одномъ такомъ нападеніи былъ захваченъ артиллеріи подпоручикъ Служенко, а при другомъ израненъ подпоручикъ Машинъ. Все это однако же, при вѣкоторой снисходительности, можно было еще не ставить въ вину эмиру, но когда въ Бухарѣ начались волненія, возбужденные духовенствомъ, и когда эмиръ объявилъ «газаватъ», т. е. священную войну противъ русскихъ, то отъ снисходительности поневолѣ пришлось отказаться.

14 апрѣля, ночью, бухарцы сдѣлали нападеніе на лагерь нашихъ войскъ подъ Джизакомъ, но были отбиты. 30 апрѣля отрядъ въ составѣ 21 роты пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ (всего до 3.500 чел.), выступилъ изъ Яны-Кургана по Самаркандской дорогѣ.

Бухарскіе посланцы (вѣрнѣе лазутчики) засновали взадъ и впередъ, увѣряя, что мирный договоръ подписанъ и скоро будетъ привезенъ. Намѣреніе замедлить наше наступленіе было слишкомъ ясно, чтобы слѣдовало останавливаться, и потому отрядъ продолжалъ движение. Жара была такъ велика, что люди чувствовали неодолимую жажду и, найдя на дорогѣ нѣсколько лужкъ отъ послѣдняго дождя, жадно пили изъ нихъ, припавъ ничкомъ. Запрещеніе не дѣйствовало—жажда парализовала дисциплину. Къ вечеру отрядъ остановился на уроцищѣ Ташъ-Купрюкъ близъ оврага, на днѣ котораго течетъ неглубокій ручей.

Всѣ мѣры, возможныя и согласныя съ достоинствомъ Россіи, были приняты генераломъ Кауфманомъ, дабы побудить эмира бухарскаго къ заключенію мира. Простыя, понятныя и безобидныя для него были предложенные ему условія мирнаго торгового трактата. Но слова убѣжденія не повели ни къ чему. Сильный еще по понятіямъ авіатскимъ, бухарскій деспотъ, несмотря на неудачи 1866 года, не могъ помириться съ мыслю о необходимости подчиниться какимъ бы то ни было обязательствамъ. Самъ коварный, онъ не до-

вѣрять русскому генералу, подозрѣвалъ въ заднихъ мысляхъ, не понималъ простаго честнаго слова и обманывалъ. Увѣряя въ готовности своей заключить условія мира, онъ тянулъ дѣло, посыпалъ для переговоровъ своихъ уполномоченныхъ одного за другимъ, но не подписывалъ трактата. Шесть мѣсяцевъ уже шли переговоры и въ началѣ апрѣля 1868 г., казалось, приходили къ концу. Эмиръ прислалъ въ Ташкентъ своего довѣреннаго доложить генералъ-губернатору, что на все согласенъ, и что принятая имъ условія съ приложеною имъ печатью будуть вслѣдъ за тѣмъ высланы. Генералъ-губернаторъ долженъ быть выѣхать изъ Ташкента въ С.-Петербургъ для личнаго доклада Государю о найденномъ имъ положеніи вновь образованнаго генералъ-губернаторства. «Условія» не прибывали, выѣздъ откладывался со дня на день. Послѣдній срокъ былъ назначенъ на 14 апрѣля. Наканунѣ выѣзда, 13 апрѣля, вечеромъ получено было достовѣрное извѣстіе о томъ, что эмиръ приготовился къ войнѣ, что 100-тысячная бухарская армія собралась у Самарканда, и что ожидается лишь выѣздъ изъ края генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана для вторженія этой невиданной еще въ Азіи силы въ наши предѣлы. Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе о сборѣ войскъ нашихъ въ Джизакѣ и въ Яны-Курганѣ. 18 апрѣля, К. П. фонъ-Кауфманъ выѣхалъ изъ Ташкента, но не въ С.-Петербургъ, а въ Джизакъ, принялъ по дорогѣ въ службу роту авганцевъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-Ханомъ, внукомъ Достъ-Магомета¹⁾. 27-го апрѣля, всѣ войска были собраны, а отрядъ выступилъ изъ Джизака къ Яны-Кургану; тутъ присоединился отрядъ, стоявшій въ Яны-Курганѣ съ іюля мѣсяца 1867 г. во временныхъ баракахъ и всю зиму подъ начальствомъ полковника Абрамова. Всего собралось у Яны-Кургана: 21 рота пѣхоты, 16 орудій, 5 сотенъ казаковъ (всего до 3.500 чел.).

30 апрѣля, отрядъ выступилъ на пути къ Самарканду, сдѣлавъ около 35 верстъ, остановился на ночлегъ у Каменного моста; въ 2 часа ночи 1 мая поднялось воинство, готовое къ бою.

IX.

Дѣло на Самаркандскихъ высотахъ.

Когда отрядъ уже былъ готовъ продолжать движеніе, бухарскій посланецъ, встрѣтившій настъ наканунѣ съ такими же предложеніями, какія дѣлались эмиромъ уже въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, т. е.увѣреніями въ дружбѣ, но безъ письменныхъ «условій», кои отъ него требовались, сталъ просить ген. Кауфмана возвратиться въ Яны-

¹⁾ Искандеръ-Ханъ былъ впослѣдствіи произведенъ въ полковники.

Курганъ, или, по крайней мѣрѣ, дождаться на Ташъ-купрюкѣ (Каменный мостъ) прибытия нового посла съ мирнымъ трактатомъ, но его уже не слушали. Отрядъ, пройдя десять верстъ, совершенно ровною степью, спустился у кишлака Акъ-Курганъ въ цвѣтущую Міанкальскую долину. Кишлакъ былъ оставленъ жителями.

Авангардъ остановился для привала, но едва отдано было это приказаніе, какъ изъ партіи джигитовъ, слѣдовавшихъ впереди авангарда, получено было извѣстіе что впереди виденъ непріятель, который выстрѣлами заявляетъ о намѣреніи драться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальнику походнаго штаба, полковнику Петрушевскому, приказано было выѣхать впередъ для осмотра впереди лежащей мѣстности. Войска стали строиться на всякой случай къ бою; въ правой цѣпи и въ авангардѣ завязалась небольшая перестрѣлка. Полковникъ Петрушевскій, выѣхавъ съ 30-ю казаками на версту впередъ, по дорогѣ, остановилъ казаковъ. Бухарцы, увидя небольшую кучку казаковъ, двинулись впередъ. Положеніе Петрушевскаго сдѣлалось затруднительнымъ, но въ это время къ нему подоспѣли двѣ сотни казаковъ изъ авангарда, которые остановили наступленіе непріятеля.

Когда пальба утихла, отъ партіи бухарцевъ отдѣлился новый посолъ, Сардаръ Нажмутдинъ-Ходжа, объявившій, что онъ привезъ условія мирнаго договора, скрѣпленныя печатью эмира. Планъ бухарцевъ состоялъ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ томъ, чтобы, затопивъ всю мѣстность между садами и Самаркандинскими высотами, гдѣ расположены были ихъ войска, задержать нашъ отрядъ подольше подъ выстрѣлами своей многочисленной артиллериі; но плотина, посредствомъ которой они предполагали поднять воду Зеравшана, не могла быть готова въ этотъ день, и потому бухарцы думали задержать насъ переговорами. На этотъ разъ оказалось, что условія, дѣйствительно, присланы, но написанныя на персидскомъ языке, съ обилемъ арабскихъ словъ, не могли быть переведены ни однимъ нашимъ переводчикомъ. Изъ того же, что умѣли прочесть, оказалось, что эмиръ прислалъ свои условія не совсѣмъ похожія на тѣ, которыя ему были предложены. Они были передѣланы въ томъ еще, что ему предложено было заключить условія мира съ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, а въ присланныхъ имъ условіяхъ говорилось, что эмиръ Музафартъ бухарскій заключаетъ условія съ императоромъ Александромъ II. Это служило новымъ доказательствомъ, что эмиръ считалъ себя еще настолько сильнымъ, чтобы не соглашаться на уступки, и вѣрь переговоры единственно съ цѣллю выиграть время, ибо форма и содержаніе «Условій» были ему посланы въ готовомъ видѣ для приложенія печати, и каждый пунктъ ихъ разъясненъ подробнѣ и имъ понять, по его же увѣреніямъ. Понимая эту уловку, генераль Кауфманъ приказалъ отряду двигаться впередъ до самаго Зеравшана. На просьбы Нажмутдинъ-Ходжи не двигаться далѣе и остановиться на мѣстѣ привала, командующій

войсками отвѣтилъ, что намъ не приходится ночевать въ садахъ, имѣя кругомъ со всѣхъ сторонъ многочисленнаго непріятеля. Попланникъ увѣрялъ, что войскъ нигдѣ нѣть, что бухарцы думаютъ лишь о мирѣ, и что люди, которыхъ мы видѣли, были любопытные изъ народа.

Только по выходѣ изъ садовъ, когда открылись предъ нами долина Зеравшана, высоты за рѣкою и сады города Самарканда, примыкавшіе къ высотамъ, мы увидали, что приготовлено было хитрыми бухарцами для нашей встрѣчи.

Позиція длиною 12 слишкомъ верстъ занята была непріятелемъ. Она имѣла форму круга, съ отверстиемъ въ томъ мѣстѣ, куда выходила дорога изъ садовъ. Все остальное пространство, за исключениемъ протоковъ рѣки, сплошь занято воинствомъ. Центръ позиціи тотчасъ за рѣкою составляли самарканскія высоты, покрытыя снизу доверху бухарцами. Тутъ, казалось, собралось все вооруженное населеніе Бухарского ханства.

При первомъ взглѣдѣ на эту внушительную позицію обнаруживалось, что ключемъ ея были высоты; на нихъ-то и слѣдовало устремить всѣ наши усилія. Ближайшій къ намъ лѣвый флангъ непріятеля медленно приближался къ дорогѣ, по которой дебушировали войска изъ узкаго дворика, образуемаго садами. Тотчасъ же полковникъ Штрандманъ, съ четырьмя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями облегченной казачьей батареи и ракетною батарею, направленъ былъ вправо, чтобы отодвинуть непріятеля отъ дороги, дабы онъ не помѣшалъ безопасному движенію обоза, который получилъ приказаніе стянуться на полянѣ на правомъ берегу рѣки въ вагенбургъ. Было 11 часовъ дня, войска сдѣлали уже переходъ около 30 верстъ; день былъ очень жаркий.

Бухарцы открыли пальбу изъ 24-хъ орудій, разстановленныхъ по всей линіи ихъ расположенія, но видя, что снаряды ихъ не долетаютъ, вскорѣ совсѣмъ прекратили ее. Только два орудія, обстрѣливавшія переправу черезъ Зеравшанъ и стоявшія въ долинѣ ближе къ намъ, продолжали стрѣлять навѣсно ядрами, но не наносили намъ вреда.

Войска наши остановились между рукавами Зеравшана въ разстояніи полуторы версты отъ высотъ, занятыхъ бухарцами. Впереди разстипалось широкое каменистое ложе Зеравшана, пробѣгавшаго здѣсь множествомъ рукавовъ глубокихъ и быстрыхъ. За нимъ, какъ сказано, поднимались самарканскія высоты, управлявшія высокимъ отвѣснымъ обрывомъ въ лѣвый берегъ Зеравшана. На самой вершинѣ горы виднѣлась «муллушки» (часовая) чупанъ-ата, покровителя пастуховъ¹⁾). Вдоль подошвы высотъ тянулась непре-

¹⁾ Чупанъ-ата значить отецъ чапанъ, святой чапанъ. Слово же чапанъ значить пастухъ.

рывная линія пѣшихъ сарбазовъ; на самой высотѣ видна была другая линія, и все сплошь было покрыто массами конницы съ бунчуками и значками. Въ Самаркандѣ вели три дороги, и всѣ онѣ обстрѣливались непріятельскою артиллерию. Одна непріятельская батарея въ 12—14 орудій была расположена въ центрѣ и обстрѣливалась большую дорогу, ведущую на высоты; другая въ 6 орудій стояла лѣвѣ и обстрѣливалась переправу черезъ Зеравшанъ по дорогѣ, огибающей высоты съ южной стороны; на правомъ флангѣ непріятеля стояла третья батарея тоже въ 6 орудій, для обстрѣливанія третьей дороги, пролегающей южнѣ двухъ первыхъ.

Когда нашъ авангардъ занялъ назначеннное ему мѣсто, генераль Кауфманъ объявилъ Нажмутдину-Ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшіе переговоры о мирѣ и желаетъ избѣгнуть кровопролитія, то пусть пошлетъ сказать бекамъ, начальствующимъ надъ бухарскими войсками, чтобы они не позднѣе, какъ черезъ два часа, отвели свои войска назадъ и очистили высоты.

Нажмутдинъ-Ходжа, какъ бы согласившись съ этимъ, тотчасъ послалъ двухъ изъ своихъ приближенныхъ сообщить бекамъ волю нашего генерала, совершенно будто бы согласную съ видами эмира. Однако два часа приближались къ концу, а отвѣта не было. Отрядъ нашъ къ этому времени выстроился въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи съ резервомъ, раздѣленныя на двѣ части, одна за правымъ, другая за лѣвымъ флангомъ линій, такъ что боевой порядокъ легко дѣлился на двѣ колонны: правую и лѣвую; обозъ подтянулся и сталъ устраиваться въ вагенбургъ. Командующій войсками далъ понять Нажмутдину-Ходжѣ, что онъ тотчасъ прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно молилъ о пощадѣ, прося подождать еще нѣсколько времени, наконецъ попросилъ позволенія побѣхать самому къ бекамъ, давъ за нихъ слово черезъ часъ очистить высоты. Вѣроятно, онъ разсчитывалъ, что переправа черезъ рѣку, болото за рѣкою, сопротивленіе бухарцевъ и огонь артиллериі задержать насъ до вечера, а тогда ночная атака растянутыхъ войскъ нашихъ, коихъ въ темнотѣ нельзя будетъ стянуть, устроить на незнакомой мѣстности,—довершить наше пораженіе.

Генераль фонъ-Кауфманъ отпустилъ посланного, сказавъ, что онъ не начнетъ атаки и черезъ часъ, если увидитъ, что бухарскія войска начнутъ сходить съ высотъ по направленію къ городу; но оказалось, что посолъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы вырваться изъ нашихъ рукъ и выигратъ еще сколько нибудь времени; тотчасъ по переправѣ его на ту сторону рѣки начались передвиженія бухарскихъ войскъ, и за четверть часа до окончанія данного срока загремѣла канонада и ружейная пальба.

Замаскированная деревьями и конницей батарея бухарцевъ вдругъ была раскрыта, и въ свиту командующаго войсками полетѣли ядра,

направляемыя, какъ оказалось, въроломнымъ Нажмутдиномъ. Когда минута въ минуту окончился срокъ, данный бухарцамъ, генераль Кауфманъ словами «съ Богомъ» двинулъ войска впередъ.

Въ первой линіи шли шесть ротъ 5-го и 9-го линейныхъ баталіоновъ. На правомъ флангѣ, между ротами 9-го баталіона, слѣдовали два нарѣзныхъ и два батарейныхъ орудія; на лѣвомъ, между ротами 5-го баталіона, четыре батарейныхъ орудія. Резервъ праваго фланга составляли три роты 3-го баталіона, двѣ стрѣлковаго и рота авганцевъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-ханомъ во главѣ еще до начала кампаніи. Резервъ лѣваго фланга—три роты 4-го баталіона и полурота саперъ, четыре сотни казаковъ съ 4-мъ конными орудіями и ракетной батареей. Обозъ, устроенный въ формѣ 4-хъ угольного вагенбурга, охраняли 4 роты 6-го баталіона, два нарѣзныхъ, два батарейныхъ орудія и полсотни казаковъ.

Начальникъ дѣйствующаго отряда, генераль Головачевъ, лично повелъ войска праваго фланга по дорогѣ на высоты, что и привело его въ центръ непріятельского положенія на высотахъ.

Войска нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ полковника Абрамова, при коихъ находился и командающій войсками, двинулись на правый флангъ непріятельской позиціі.

Пройдя по грудь въ водѣ рукава Зеравшана и потомъ по колѣна въ грязи топкихъ рисовыхъ полей, войска наши приблизились къ высотамъ; впереди колонна съ генераломъ Головачевымъ во главѣ, а за нею колонна Абрамова, которая, попавъ въ топкое болото и не желая отставать отъ товарищѣй, бросила затруднявшую ее артилерію подъ прикрытиемъ кавалеріи. Вода набравшаяся въ сапоги, весьма затрудняла движение людей, но они скоро нашлись: стоило лечь на спину и поднять ноги вверхъ, пудовые сапоги дѣлались скороходами. Искандеръ-ханъ, рассказывая первыя впечатлѣнія, произведенныя на него новыми товарищами по оружію, потомъ передавалъ, что, увидавъ лежащихъ тамъ и сямъ солдатъ, онъ счелъ ихъ сначала просто трусами, но разглядѣвъ, въ чемъ дѣло, весьма радовался, что сомнѣніе его такъ скоро и забавно разъяснилось.

Пѣхота, одна, скоро прошла болота и тоже выбралась къ поднѣпѣ горы въ то время, когда противъ Головачева только что открылся огонь.

Дружный крикъ «ура» обѣихъ колоннъ и стремительный ударъ въ штыки опрокинулъ линію сарбазовъ; все, что было на склонѣ горы, обратилось въ бѣгство.

24 орудія брошены на мѣстѣ. Солдаты, утомленные тяжелымъ 9-ти часовымъ переходомъ съ ночи и настоящею атакою, не переводя духа взирались на высоты, но не могли догнать враговъ.

Съ вершинъ горъ открылись намъ живописныя развалины старинныхъ мечетей и медресе «священного города», «средоточія міра». Непріятельской арміи не было видно. Кавалерія, задержанная боло-

тами, не скоро подошла, къ тому же она была утомлена; пора было подумать объ общемъ отдыхѣ.

Только когда значки нашихъ войскъ уже разъѣвались у мулуши Чупань-ата, можно было оглянуться назадъ и оцѣнить разомъ все, что перенесли войска наши въ этотъ дѣйствительно славный день 1-го мая 1868 года: подъемъ въ 2 часа ночи, выступленіе передъ разсвѣтомъ, переходъ въ тридцать верстъ, изъ коихъ большая часть вблизи появлявшагося, то тамъ то сямъ, въ закрытыхъ садами мѣстахъ непріятеля, слѣдовательно со всѣми военными предосторожностями, въ видѣ стрѣлковыхъ цѣпей съ резервами, и неизбѣжными при этомъ переходами черезъ арки, черезъ стѣны, окружающія сады, неизбѣжными остановками, возвращеніемъ цѣней на единственную нашу дорогу съ мостами въ тѣхъ мѣстахъ, где рѣки глубоки и широки. Затѣмъ, послѣ 3-хъ-часового отдыха—переходъ черезъ глубокую и быструю рѣку, безъ брода, фронтомъ, гдѣ кому пришлось, при чёмъ сила Зеравшана была столь велика, что одинъ зарядный ящикъ батарейной батареи былъ опрокинутъ водою съ тройкой лошадей кверху колесами, его вытащили уже впослѣдствіи. За рѣкою было топкое болото, а впереди масса непріятеля, много болѣе, чѣмъ въ десять разъ, превосходившая насть числомъ. Всѣ эти препятствія можно было одолѣть сразу только такими войсками, какія приготовляютъ постоянная борьба съ природою, съ многочисленнымъ непріятелемъ, при той мысли, которая если и не понимается сознательно всѣми, то чувствуется каждымъ, отъ солдата до главнаго начальника, что тутъ нѣть отступленія, есть только побѣда или гибель полная, безвыходная. Рѣшимость и энергія въ самой высшей степени проявленія человѣческой воли, вотъ что нужно было здѣсь для побѣды, кромѣ обученія и дисциплины войскъ.

Подведя итоги этого дня, командающій войсками узналъ, что потеря наша заключалась: убитыми 2 (одинъ офицеръ стрѣлковаго баталіона, Губинъ), ранеными 31 (въ томъ числѣ оберъ-офицеровъ 3), контуженными 7. Огонь непріятельской артиллеріи вывелъ у насть изъ строя только 6 человѣкъ, ружейный же 30 человѣкъ.

Къ 9 часамъ вечера, когда знайный день смѣнила сырая и холдная ночь, усталый отрядъ расположился на ночлегъ, и такъ какъ обозъ съ своимъ прикрытиемъ нельзя было до конца боя тронуть съ мѣста, то онъ остался на мѣстѣ вагенбурга; при наступившихъ сумеркахъ переправа была бы затруднительна.

При неимѣніи палатокъ, людямъ пришлось спать на сырой травѣ, въ мокрыхъ рубахахъ, подъ мокрыми шинелями.

Раненыхъ размѣстили кое-какъ въ сакляхъ, которыхъ, по счастію, нашлись въ ближайшихъ садахъ, но и раненыхъ пришлось укрывать также мокрыми шинелями.

Только мысль объ одержанной побѣдѣ поддерживала бодрость закаленныхъ воиновъ нашихъ; было за полночь; говоръ на бивуакѣ

не прекращался, пока усталость не вяла свое, каждый пріотился какъ могъ, закусивъ тѣмъ, что было съ собою,—съ мечтами о завтрашнемъ днѣ.

Всѣ были убѣждены, что непріятель отступилъ въ городъ, для обороны котораго онъ, вѣроятно, и бережетъ свои силы.

Однако, на разсвѣтѣ 2-го мая, къ генералу Кауфману явились старшіе представители духовенства и администраціи города Самарканда съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство и затѣмъ въ подданство «Бѣлага Царя». Каты-аминъ, глава аксакаловъ, объявилъ, что жители Самарканда, страдая отъ своеволія и тираниі бековъ и эмира, съ радостію ожидаютъ прихода русскихъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на своихъ избавителей, и что поэтому, когда разбитыя войска эмира направились въ городъ, жители заперли и не пустили ихъ, въ надеждѣ, что русскіе не дадутъ ихъ въ обиду. То же говорилъ и казы-келянъ (старшій судья), глава самаркандинаго духовенства.

Кауфманъ, выразивъ согласіе на принятіе Самарканда подъ покровительство русской власти, отправилъ часть депутаціи въ городъ съ приказаніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные люди изъ жителей Самарканда собрались впереди ближайшихъ городскихъ воротъ, для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Казы-келянъ и каты-аминъ были оставлены въ лагерѣ для сопровожденія отряда и указанія дороги черезъ сады въ городъ.

Часовъ въ 7 утра, изъ Самарканда прискакали два аксакала съ новою проосьбою поспѣшить вступленіемъ въ городъ, такъ какъ къ полудню онъ можетъ быть занятъ 20-ю тысячами шахрисябцевъ, приблизившихся съ южной стороны къ городу.

Тотчасъ по сбору и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, авангардъ, въ составѣ девяти ротъ 3-го, 9-го и стрѣлковаго баталіоновъ, четырехъ нарѣзныхъ орудій и сотни казаковъ, вытянулся по дорогѣ къ Самарканду; 5-й и 4-й баталіоны, батарейная батарея, казаки и конный дивизіонъ, подъ начальствомъ Абрамова, остались на высотахъ, до прибытія обоза.

Выїдя изъ садовъ, двѣ роты стрѣлковаго баталіона бѣглымъ шагомъ пробѣжали поляну, раздѣлявшую сады отъ города. Одна рота заняла ворота Шейхъ-Зинде, а другая прошла въ цитадель; роты эти привѣтствовали слѣдовавшаго за ними командующаго войсками громкимъ и дружнымъ «ура».

Аксакалы и старѣйшины священнаго города, стоявшіе по сторонамъ воротъ Шейхъ-Зинде, павъ ницъ, поднесли побѣдителю хлѣбъ-солъ и повторили проосьбу о принятіи города въ подданство Бѣлага Царя.

Путь черезъ базарь до цитадели кипѣлъ жителями, привѣтливо встрѣчавшими войска. У воротъ цитадели новое «ура» привѣтствовало вѣзда русскаго полководца.

Междуд тѣмъ, на внутреннемъ дворѣ дворца (Кокъ-ташъ), у самаго трона Тамерлана, уже устроились роты 3-го линейнаго баталіона, подъ начальствомъ командаира своего, подполковника Баранова; при появлениіи командующаго войсками, роты взяли «на караулъ», затѣмъ «на молитву». Отслужили молебствіе и панихиду, и люди были распущены по квартирамъ. Начальство сосчитало трофеи: въ цитадели найдено еще два орудія, 3.747 ядеръ, 533 гранаты и бомбы, 218 зарядовъ, 101 пудъ пороху и 30.763 патрона.

Такимъ образомъ, черезъ двѣ недѣли послѣ начала сбора отряда противъ всего бухарского войска, городъ Самаркандъ, это «средоточіе міра», палъ предъ горстю русскихъ (числомъ до 3.000 штыковъ и сабель). Едва ли какая побѣда наша въ Азіи произвела такое сильное впечатленіе въ мусульманскомъ мірѣ, какъ паденіе Самарканда. Паденіемъ этимъ выказалось неизмѣримое превосходство нашего оружія, нашихъ войскъ наѣзжими полчищами, но въ особенности очевидна стала азіатскимъ владыкамъ наша нравственная сила, нашъ авторитетъ въ Азіи, довѣріе къ намъ мусульманскаго населенія.

Имущество жителей не было тронуто, и черезъ нѣсколько днѣй пошла обычная жизнь въ городѣ, какъ будто никакой перемѣны съ ними не произошло. Весь самаркандскій районъ призналъ власть нашу, кромѣ крѣпости Чилека и обширнаго горнаго селенія Ургута, имѣвшаго своего бека, гордаго и независимаго, съ которымъ и бухарскіе эмиры всегда считались. Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Штемпеля, былъ посланъ къ первому пункту, но крѣпость Чилекъ оказалась брошенной войсками, и верки ея разрушеными. Другой отрядъ подъ начальствомъ полковника Абрамова направленъ въ Ургутъ. Тутъ жители вооружились, и потому селеніе было взято съ боя; Гуссейнъ-бекъ, владѣтель его, бѣжалъ въ Шахрисаѣзъ.

Междуд тѣмъ, эмиру сдѣлано было новое предложеніе о мирѣ, посланное съ двумя иранцами, обязавшимися доставить письмо въ Бухару. Одинъ изъ посланныхъ былъ зарѣзанъ въ Катты-курганѣ, а другой посаженъ въ яму. Чтобы побудить эмира быть сговорчивѣе, рѣшено было занять Катты-курганъ. Отрядъ подъ начальствомъ генерала Головачева, силою въ 14 ротъ, 8 орудій и 4 сотни казаковъ, съ двумя комплектами патроновъ и зарядовъ выступилъ 16-го мая изъ Самарканда.

18-го мая, занятъ городъ и крѣпость, откуда бѣжалъ бекъ съ 500 чел. гарнизона наканунѣ. Жители встрѣтили Головачева съ хлѣбомъ и солью. Эмиръ тотчасъ же выслалъ своихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. По прибытіи ихъ въ Катты-курганъ, командующій войсками предложилъ: уплатить 1 миллионъ тиллей (3.600,000) контрибуції, съ тѣмъ, что занятые нами города въ эту кампанію будутъ эмиру возвращены; если же онъ не можетъ

уплатить такой суммы, хотя бы съ разсрочкою на 8 или на 10 лѣтъ, то эмиръ обязуется уплатить 120.000 тиллей (480.000 руб.), но занятые нами города останутся за нами. Въ обоихъ случаяхъ торго-вый трактатъ долженъ быть утвержденъ. Послы просили, сверхъ того, перемирія на 10 дней. Получивъ на это согласіе, одинъ изъ нихъ отправился въ Бухару, другой самъ пожелалъ остаться у насъ. Бухарцы и тутъ считали для себя не обязательнымъ выдерживать перемиріе и въ теченіе всего 10-ти-дневнаго срока постоянно тревожили наши войска, стоявшія лагеремъ подъ Катты-курганомъ. Мы же до такой степени строго соблюдали данное обѣщаніе, что, ограничиваясь отраженіемъ непріятельскихъ нападеній на отряды и удерживаясь отъ рекогносцировокъ, имѣли лишь смутное понятіе о мѣстѣ расположения главныхъ бухарскихъ силъ.

Бухарцы, какъ оказалось впослѣдствіи, вовсе и не думали заключать мира, и десяти-дневный срокъ перемирія употребили на сосредоточеніе своихъ силъ, на сношенія съ сосѣдями и на подготовленіе возстанія среди населенія занятой нами Міанкальской долины.

Съ 24-го мая катты-курганскій отрядъ ежедневно отбивалъ нѣсколько нападеній мелкихъ партій. 27-го, бухарцы предприняли усиленный поискъ въ нашу сторону, окончившійся, какъ всегда, неудачею. 29-го, нападеніе было повторено еще въ большихъ размѣрахъ, но также отбито. 31-го числа, въ Катты-курганъ прибылъ самъ генераль-губернаторъ съ остальными нашими силами. Составъ отряда возрастъ до 20 ротъ пѣхоты, 6 сотень казаковъ (1.700 штыковъ и 320 шашекъ), 14 орудій и 6 ракетныхъ станковъ; изъ нихъ две роты при двухъ орудіяхъ поставлены гарнизономъ въ цитадель, остальные были готовы къ движению.

Положеніе дѣлъ въ занятой нами части зеравшанской долины было не спокойное: жители киплаковъ на пути между Самаркан-домъ и Катты-курганомъ оставили свои жилища и скрылись.

Аксакаловъ и казиевъ изъ киплаковъ долины нельзя было дотребоваться въ Самаркандъ; казій, назначенный въ Ургутъ, возвратился въ Самаркандъ, объявивъ, что населеніе тамошнее не желаетъ имѣть его своимъ казиемъ; изъ штаба получено было извѣстіе, что шахрисябскіе беки снаряжаютъ большую силу на помощь эмиру, и съ 20 тысячами воиновъ идутъ на Кара-тюбе къ Самаркану. Сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ 3-хъ ротъ изъ Катты-кургана въ Самаркандъ. До прибытія таковыхъ, всѣ войска, собранныя у Самарканда, не исключая и конвойной сборной сотни командинующаго войсками, вошли въ составъ отряда, назначенаго подъ начальствомъ полковника Абрамова встрѣтить шахрисябцевъ у Кара-тюбе. Въ Самарканѣ, для охраны цитадели, оставался одинъ командинующій войсками со своею свитою и съ 15-ю казаками, прибывшими изъ Яни-кургана съ почтою. Къ тому же—полный госпиталь боль-

ныхъ. Послѣднихъ было такъ много, что въ нѣкоторыхъ ротахъ считалось до 80 и 90 человѣкъ на лицо, въ сотняхъ 60 и 70 человѣкъ.

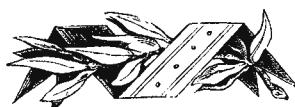
Возвратная горячка свирѣпствовала во всей силѣ. Число больныхъ дѣйствующаго отряда въ походныхъ лазаретахъ: Катты-курганскомъ, Самарканскомъ и Яни-курганскомъ, и въ Джизакскомъ госпиталѣ, куда свозились больные по мѣрѣ возможности изъ Яни-кургана,— достигло 1.200 человѣкъ. Если присоединить къ этому такую же массу слабосильныхъ при войскахъ, которые не удалялись отъ своихъ частей, надѣясь при случаѣ сразиться съ непріятелемъ, тогда только получится вѣрная картина положенія дѣлъ нашихъ къ концу мая 1868 года.

Изъ Ташкента и другихъ городовъ Сыръ-Дарьинской области пришлось взять на линію все, что было возможно, и потому полковникъ Абрамовъ получилъ приказаніе разбить шахрисябцевъ и, не теряя времени, возвратиться въ Самаркандъ, такъ какъ все указывало на необходимость немедленнаго движенія въ Катты-курганъ, для встрѣчи съ собранною передъ нимъ арміею эмира. Головачевъ держался хорошо, но атаковать непріятеля съ шансами на успѣхъ онъ не могъ.

Полковникъ Абрамовъ, какъ всегда, исполнилъ приказаніе: разбить шахрисябцевъ, которые скрылись въ ущельяхъ, и возвратился къ Самарканду. На другой же день, отрядъ подъ личнымъ начальствомъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана выступилъ къ Катты-кургану, двигаясь съ привалами, но безъ большихъ остановокъ. Съ небольшимъ въ сутки сдѣланъ былъ переходъ, при жестокой жарѣ, по песчаной мѣстности съ огромнымъ обозомъ, въ 65 верстъ. Въ Самаркандѣ оставлены гарнизономъ 4 роты 6-го линейнаго батальона и рота саперъ,—съ двумя батарейными орудіями съ запряжкою. Бухарская артиллерія, сколь возможно приведенная въ порядокъ, поставлена была на стѣнахъ.

П. М. К.

(Продолженіе въ супротивной книжкѣ).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ВОЕВОДСКАГО УПРАВЛЕНИЯ.

(По архивнымъ документамъ).

«Радъ дворянинъ собираясь въ го-
родъ на воеводство,—и честь большая,
и кормъ сытный; радуется жена: ей
тоже будутъ приносы, радуются дѣти и
племянники: послѣ батюшки и матушки,
дядюшки и тетушки—земскій староста
зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; ра-
дуется вся дворня—ключники, подклѣт-
ные — будуть сыты; прыгаютъ мельче
ребята—и ихъ не забудутъ; пуще преж-
ниго несѣтъ вздорныя рѣчи юродивый,
живущій во дворѣ: ему также будутъ
подачи. Все поднимается, Ѣдетъ на вѣр-
ную добычу».—С. М. Соловьевъ, Исто-
рия Россіи, т. XIII, стр. 96.

РУСТНУЮ картину воеводскихъ сборовъ на «госу-
дареву службу» нарисовалъ нашъ безсмертный исто-
рикъ! Немногими словами онъ ярко и наглядно пред-
ставилъ тѣ условия, при которыхъ происходило от-
правление воеводами ихъ обязанности — управлять
ввѣренною областью!

Воеводское управление являлось въ XVII столѣ-
тіи всеобщимъ, за немногими развѣ исключеніями,
типомъ мѣстной администраціи на Руси, смѣнивъ
собою другія системы управления—чрезъ намѣстни-
ковъ и чрезъ выборныхъ, излюбленныхъ самими жителями вла-
стей—старость, головъ и цѣловальниковъ. Призванные къ дѣятель-
ности, новые правители—воеводы—далеко не оправдали возлагав-

шихся на нихъ надеждъ, оказавшись такими же хищниками, какими были въ свое время намѣстники и ихъ тіуны, превращавшіе, по словамъ одного изъ изслѣдователей, въ пустыни цѣлыхъ области и заставлявшіе населеніе ихъ бѣжать, куда глаза глядѣть, даже навсегда покидать отчество, уходить за рубежъ. Воеводы, которымъ въ «наказахъ», выдававшихся изъ приказа при отправленіи на службу, предписывалось «держать къ людямъ ласку и привѣтъ и береженье», — на дѣлѣ страшно злоупотребляли своимъ положеніемъ, свою властью, и жалобы угнетаемыхъ и притѣсняемыхъ жителей со всѣхъ концовъ тогдашней Руси массами сыпались въ Москву. Къ концу XVII вѣка дѣло дошло до того, что правительство, «чтобъ тѣхъ воеводъ отъ такихъ вымыщленныхъ и ихъ великихъ государей казнѣ и людямъ разорительныхъ поступокъ унять», рѣшило составить «статьи» и разослать ихъ по сибирскимъ городамъ, где злоупотребленія особенно проявлялись, съ тѣмъ, чтобы жители не слушались воеводы, а посылали на него челобитныя «къ Москвѣ», если онъ «учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ статьи»¹⁾. «Это уже не указъ, а крикъ отчаянія, вырвавшійся отъ сознанія полнаго своего безсилія», справедливо замѣтилъ А. Д. Градовскій, комментируя приведенное распоряженіе²⁾.

Московской практикой былъ установленъ довольно короткій срокъ службы воеводы въ данномъ городѣ: онъ обыкновенно продолжался годъ, иногда два, причемъ назначеніе происходило по государственному указу. Въ рѣдкихъ только, исключительныхъ случаяхъ, когда населеніе бывало довольно своимъ воеводой, оно было челомъ государю, прося оставить его у нихъ по истеченію срока.

Подобное же участіе населенія въ дѣлѣ назначенія воеводъ выражалось въ иныхъ случаяхъ еще тѣмъ, что жители, въ виду смѣны прежніяго воеводы, ходатайствовали о назначеніи къ нимъ известнаго лица, отъ котораго они, очевидно, ждали для себя только хорошаго; и такія просьбы обыкновенно уважались. Наоборотъ, когда своевольство воеводы выходило за тѣ крайніе предѣлы, при которыхъ оно могло бы сноситься, когда населеніе было не въ силахъ болѣе терпѣть его «приметокъ» и «насильства», — оно опять таки било челомъ обѣ удаленіи воеводы, указывая въ челобитной мотивы своей просьбы; тогда слишкомъ рьянаго правителя переводили въ другой городъ, или, въ крайности, вовсе «отставляли отъ дѣлъ».

Эпизодъ, составляющій содержаніе настоящаго разсказа, касается случаевъ послѣдней категоріи, когда воевода оказывался черезчуръ «тяжелымъ» для управляемыхъ. Не было бы такого большого интереса рассматривать нашъ эпизодъ, если бы онъ не отличался одною лишнею чертою, которая отсутствуетъ въ другихъ, анало-

¹⁾ П. С. З., № 1511.

²⁾ Начала русского государственного права, т. III, Спб., 1883 г., стр. 80.

гичныхъ ему, и которая заключается въ томъ, что жители были настолько возмущены дѣйствіями присланного къ нимъ воеводы, что не имѣли силъ даже дождаться прибытія его преемника, а сами ему «отказали отъ воеводства» и учинили у себя временное выборное правленіе «до государева указа».

Такой рѣдкій казусъ, имѣвшій, притомъ, мѣсто въ самомъ почти концѣ XVII вѣка, когда на престолѣ сидѣлъ государь Петръ Алексѣевичъ, не любившій вообще никакихъ проявленій земской инициативы,—заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобы подробно, насколько это возможно, прослѣдить всѣ обстоятельства, вызвавшія его появленіе, и выяснить роль всѣхъ дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ¹⁾.

7-го іюня 1696 года, въ далекомъ сибирскомъ острогѣ Илимскѣ произошло событие, которое нельзя назвать зауряднымъ: мѣстный служивый человѣкъ Абакумко Облизановъ сказалъ «великаго государя дѣло» на воеводу Богдана Аѳиногеновича Челищева и называлъ его «воромъ» въ приказной губѣ, въ присутствіи всѣхъ илимскихъ жителей. Должно быть, заявленіе служилаго человѣка послужило каплей, переполнившей терпѣніе жителей острога, потому что они in corpore, «выслушавъ... извѣтъ и нестерпя ево, Богдановыхъ, обидъ и налогъ и напраснаго раззорѣнія», отказали Челищеву отъ всякихъ дѣлъ и отъ воеводства. Въ движениіи противъ ненавистнаго воеводы принимали участіе всѣ группы, изъ которыхъ въ то время складывалось населеніе русскихъ городовъ,—служилые люди, посадскіе, пашенные крестьяне; къ нему же примкнули и лица, занимавшія административное положеніе въ острогѣ,—городничій, таможенный голова, подьячие. Такая солидарность показываетъ, насколько воевода расположилъ къ себѣ симпатіи своихъ подчиненныхъ; ею же объясняется и то, что воевода безропотно и безъ всякой попытки силой сохранить за собой положеніе подчинился общему рѣшенію.

Отказавъ Челищеву, обыватели Илимскаго острога оказались такимъ образомъ временно безъ правителя, пока къ нимъ прибудетъ новый воевода. Но такъ какъ для этого требовалось очень много времени, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, а безъ управы оставаться было немыслимо, то они рѣшили прибѣгнуть къ хорошо знакомому и нѣкогда распространенному средству—къ выбору себѣ начальника «общимъ совѣтомъ», «міромъ». И вотъ здѣсь, на рубежѣ новой эпохи жизни Русскаго государства, мы встрѣчаемъ явленіе, начало котораго коренится въ далекихъ, смутныхъ вѣкахъ удѣльнаго периода, когда строй государственный и общественный въ

¹⁾ Содержаніе эпизода заимствовано изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ Моск. арх. мин. юстиціи; см. столбецъ Сибирскаго приказа № 7185/1139.

значительной степени опредѣлялся этимъ факторомъ — волею земщины, общины. Ни долгія столѣтія, ни разныя превратности, какія пришлось испытать исконному началу, не убили, не уничтожили его, и оно дошло до нашихъ дней, хотя и въ сильно измѣнномъ, въ смыслѣ ограниченности, видѣ...

Илимскіе жители «по совѣту своему», «разсмотря» и «излюбя всѣ вмѣстѣ, безо всякаго прекословія», выбрали, въ качествѣ начальниковъ надъ острогомъ и его населеніемъ, сына боярскаго Ивана Качина и подьячаго Герасима Утюжникова, поручивъ имъ «государевы всякия приказныя дѣла и всякую градскую и уѣздную расправу». На этомъ, однако, дѣйствія ихъ не прекратились: понимая, что выбраннымъ нужны какія либо нормы, которыми они могли бы руководствоваться при своей дѣятельности, «всякихъ чиновъ люди» составляютъ для этой цѣли особый «наказъ», включивъ его въ «выборъ», какъ мѣрило ихъ будущихъ поступковъ и ихъ отвѣтственности.

Знакомясь съ этимъ «наказомъ», мы должны отдать дань полнаго уваженія его составителямъ,—настолько умѣло, съ знаніемъ предмета и съ стремленіемъ оградить отъ ущерба «государево дѣло», т. е. интересы казны, государства, онъ былъ выработанъ. Первое мѣсто, на которомъ ставится въ разбираемомъ «наказѣ» «государево дѣло», забота о закономѣрности управлениія выборныхъ лицъ, кото-рою проникнуты всѣ его отдѣльныя постановленія, какъ нельзя болѣе показываютъ, что сами участники этого маленькаго соцр *d'état* смотрѣли на свое дѣяніе, не какъ на актъ своевольства, грубаго на-силія, а какъ на поступокъ, обезпеченный ихъ правомъ, хотя и вы-званный крайностью обстоятельствъ, чего они и не скрываютъ, судя по вышеприведеннымъ словамъ «выбора». Такое сознаніе самихъ виновниковъ событія свидѣтельствуетъ, что мы не имѣемъ въ дан-номъ случаѣ дѣла съ фактомъ проявленія силы, съ бунтомъ, гдѣ главнымъ руководителемъ, какъ извѣстно, является стремленіе къ алчности, къ удовлетворенію своихъ эгоистическихъ цѣлей и инте-ресовъ, и гдѣ законъ оказывается всегда попраннымъ,—къ какому заключенію можно прійти съ первого взгляда; напротивъ, все дока-зываетъ, что жители Илимска дѣйствовали съ сознаніемъ правоты своего дѣла и, если не исключительно, то главнымъ образомъ, въ цѣляхъ охраненія спокойствія и порядка и соблюденія государствен-ныхъ интересовъ. Къ такому только выводу приводитъ анализъ «наказа».

Прежде всего сынъ боярскій и подьячій должны были, слѣдуя «наказу», принять у смѣненнаго міромъ воеводы осторожные ключи, всякия дѣла, книги и «столпы» и составить «переписныя росписи» денегъ, хлѣба, соли, судовъ и судовыхъ припасовъ, а также суд-ныхъ дѣлъ, «чтобъ написано было въ переписныхъ росписяхъ все безъ остатку»; кромѣ того, имъ надлежало взять «сказку» отъ ка-

зенного цѣловальника, у котораго находились «въ пріемѣ» всѣ перечисленные сейчастъ предметы, товары и «мягкая рухлядь», — «вся ли та казна у него на лицо въ пріемѣ», и велѣть ему въ «скаскѣ» написать все «имянно», «для подлинной вѣдомости и впредь для спору». Этимъ опредѣлялись первые шаги выборныхъ, знаменовавшіе собою, такъ сказать, ихъ вступленіе въ должностъ.

По исполненіи предварительныхъ требованій «наказа», выборнымъ въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ рекомендовалось «всякимъ государевымъ дѣломъ радѣть неоплощно, и ничего напрасно не терять, и денежную и ясачную казну збирать противъ прежнега съ великимъ радѣніемъ»; расходы же производить, — «бесъ чево быть немочно», оговаривается «наказъ», — съ большимъ разсмотрѣніемъ. Затѣмъ «наказъ» переходитъ къ нормировкѣ отношеній между выборными властями и ихъ выборщиками, и тутъ, въ самомъ же начальѣ, находимъ весьма интересное опредѣленіе. Справедливо разсуждая, что одною изъ главнейшихъ функций правителя служить от правленіе правосудія, а оно нераздѣльно съ назначеніемъ наказанія, актъ предоставляетъ выборнымъ карательную власть въ томъ размѣрѣ, какъ ею пользовались воеводы, т. е. разрѣшаетъ бить виновныхъ батогами, кнутомъ и сажать въ тюрьму, «смотря по винѣ, кто какова наказанія доведетца»; но, рядомъ съ этимъ, дѣлается слѣдующее ограниченіе: если результатомъ «воровства», по мнѣнію выборныхъ, долженъ быть кнутъ для преступника, то осуществленіе приговора — исполненіе экзекуціи — могло происходить лишь «съ вѣдома, призвавъ илимскихъ градскихъ лутчихъ людей», игравшихъ въ данномъ случаѣ роль контролирующей инстанціи. Въ приведенномъ ограниченіи проскальзываютъ нѣкоторая нотка недовѣрія жителей къ своимъ «излюбленнымъ людямъ», что, безъ сомнѣнія, обусловливалось опасеніемъ, чтобы они, получивъ власть, не употребили ее во зло по отношенію къ своимъ же избирателямъ, которые уже были знакомы раньше съ своею волею тогдашняго воеводского правленія. Исторія даетъ намъ, къ сожалѣнію, много примѣровъ злоупотребленій и выборныхъ, земскихъ властей, оказавшихся часто вовсе недобросовѣстными, особенно когда онѣ дѣйствовали, «стакнувшись» съ воеводами или приказными людьми. Подобными прецедентами и объясняется, нужно думать, включеніе указанного выше ограниченія карательной власти выборныхъ въ Илимскѣ. Ограничение это мы назвали интереснымъ въ томъ отношеніи, что оно переноситъ насъ въ ту отдаленную эпоху, — даже отъ того времени, къ которому относится нашъ эпизодъ, — когда все мѣстное управление находилось въ еще болѣе патріархальномъ положеніи, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, именно, когда представителями его были намѣстники и волостели. Какъ тамъ насилия и продажность княжескихъ органовъ имѣли своимъ послѣдствиемъ появленіе въ такъ называемыхъ «уставныхъ» грамотахъ статьи, запрещавшей намѣстникамъ и ихъ тѣунамъ

«судити судъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей», что было повторено и обоими судебниками, съ тою лишь разницею, что въ судебникѣ 1497 года эти «добрьые» люди названы «лутчими», а въ судебникѣ 1550 года — «цѣловальниками», такъ точно требование присутствія «лутчихъ» людей, въ качествѣ гарантіи справедливости и законности, находимъ и въ «наказѣ» илимскихъ жителей, составленномъ въ самомъ концѣ XVII столѣтія. Однаковыя причины произвели, какъ видимъ, однаковыя явленія.

Присутствіе представителей отъ населенія обеспечивало такимъ образомъ справедливость только одного рода наказанія — кнутомъ, въ виду его особой тяжести; что же касается остальныхъ видовъ возмездія за учиненное дѣяніе, то законность ихъ примѣненія къ каждому отдельному случаю нуждалась, по взгляду авторовъ «наказа», въ меньшей гарантіи,— только въ веденіи надлежащей регистраціи наказанныхъ, въ записываніи, какъ выражается документъ, «имянно», «кому какое наказаніе учинено будетъ».

Съ своей стороны обыватели Илимска обязуются подчиняться решеніямъ «излюбленныхъ» людей, «ни въ чемъ ихъ не порочить»; если же кто будетъ дѣлать это — «порочить» распоряженія временныхъ начальниковъ, или попытается «разорить» весь приговоръ, на коемъ основывалась ихъ власть, самый «выборъ», того всѣ жители условливаются наказать сообща.

Ни «всякихъ чиновъ люди», бывши въ Илимскѣ, ни выборные не скрывали отъ себя того факта, что вводимый ими режимъ имѣть и долженъ имѣть по всѣмъ причинамъ временный характеръ. А это сознаніе невольно переносило ихъ мысль къ тому моменту, когда временное должно было исчезнуть и смѣниться постояннымъ, другими словами, когда долженъ быть прибыть новый воевода, назначенный уже «по государеву указу». Само собою разумѣется, что этотъ моментъ имѣть большее значеніе для выборныхъ, нежели для всего населенія, дѣйствовавшаго en masse. Вотъ почему, вѣроятно, по настоянію первыхъ, въ «наказѣ» имѣется опредѣленіе, коимъ устанавливалась защита жителями своихъ начальниковъ на тотъ случай, если бы кто либо началъ впослѣдствіи имѣть «мстить», питать противъ нихъ «злобу», или, подружившись съ вновь присланымъ воеводой, «ихъ, выборныхъ людей, чѣмъ изгонять и теснить»: «и намъ», — продолжаетъ «выборъ», — «всякихъ чиновъ служилымъ и посадскимъ людемъ и папеннымъ крестьянамъ, въ напрасную обиду и въ налогу ихъ не давать, для того, что мы по совѣту своему выбрали ихъ, излюбя поневолѣ, чтобы послѣ отказу ставника и воеводы Богдана Аненигеновича Челищева намъ безъ росправы не быть».

Здѣсь, слѣдовательно, ими руководили тѣ же соображенія, что нѣкогда, если вѣрить легендѣ, побудили при-ильменскихъ славянъ послать по братьевъ-князей съ приглашеніемъ «судить» и «волово-

дѣть»; только въ нашемъ примѣрѣ выборъ производится изъ своей же среды.

Далѣе «наказъ» вновь возвращается къ указанію обязанностей выборныхъ, какъ начальниковъ, запрещая имъ «корыстоваться» го- сударевою казною, «приметываться» къ жителямъ и къ ясачнымъ инородцамъ, чинить «налоги и обиды», наконецъ, «дѣлать расправ- ныя дѣла другъ безъ друга»: наоборотъ, имъ дается совѣтъ, а, по- жалуй, и распоряженіе дѣйствовать вездѣ «собча, по совѣту».

Не могъ «наказъ» оставить безъ вниманія и не высказаться по поводу еще одного обстоятельства, явившагося въ ту пору источ- никомъ многихъ тяготъ для населенія городовъ и уѣздовъ: мы го- воримъ объ отвѣтственности выборныхъ органовъ. Дѣло въ томъ, что вторая половина XVII столѣтія отличалась широкимъ развитіемъ такъ называемой службы «на вѣрѣ», или «вѣрной»: правительству нужна была масса агентовъ для всевозможныхъ предпріятій фискаль- наго характера, и доставлять ему такихъ агентовъ лежало на обя- занности городскихъ и сельскихъ общинъ, причемъ послѣднія без- условно отвѣтствовали предъ казной за исправность доставленныхъ въ ея распоряженіе лицъ; «а будеть они, целовальники, учнутъ ка- кимъ воровствомъ воровать и бражничать и... учинять какую хи- трость и поруху,— и на насъ, на выборщикахъ, великаго государя пена, а пени,— что великій государь укажеть; и вмѣсто ихъ, цело- вальниковыхъ, головъ — наши, выборчиковы, головы, и истерянная и изворованная казна на насъ же, на выборщикахъ»,— такими выра- женіями заканчиваются обыкновенно «выборы» на «вѣрную» службу, даваемые общинами.

Ясно, что подобная повинность ложилась страшнымъ гнетомъ на безъ того истощенная силы посадовъ и волостей, была для нихъ своего рода тягломъ. Ясно также, что общины всегда стремились избавиться отъ подобнаго тягла. Будучи знакомы съ практикой отвѣтственности, жители Илимска категорически отрицаютъ ее по отношенію къ данному случаю и ставятъ условіемъ своимъ избран- никамъ «во всякой казнѣ и въ заводѣхъ и въ приходѣ и въ расходѣ отчетъ дать собою, мимо насъ, служилыхъ и пашенныхъ крестьянъ, а намъ, градскимъ людемъ, никакова убытка въ томъ не привести; а буде что они, выборные люди, какіе казны истеряютъ, и то имъ платить собою, мимо насъ, выборчиковъ».

По заведенному порядку, сейчасъ же за какимъ либо положе- ниемъ слѣдуетъ опредѣленіе наказанія за его нарушеніе. То же наблюдаємъ и тутъ: за «корыстование» казною, «приметываніе» къ жи- телямъ, обиды и налоги, непредставленіе при указанныхъ условіяхъ отчета и за «гордость» вообще къ мірскимъ людямъ угрожается «на- казаньемъ и разоренiemъ безо всякого милосердія».

Послѣднее слово «наказа» опять имѣеть въ виду интересы казны: имъ не дозволяется выборнымъ варить и продавать «запонѣдное

питье, вино горячее», что составляло регалію, и предписывается послать о томъ же памяти «съ великимъ подтвержденіемъ» къ «прикащикамъ», находившимся въ волостяхъ.

Пересказаннымъ исчерпывается содержаніе «выбора», который жители Илимска вручили своимъ «излюбленнымъ» начальникамъ. Выводъ, получаемый изъ изученія «выбора», уже сдѣланъ нами выше.

Но не одинъ только примѣръ,— и примѣръ, смѣемъ думать, довольно яркій,— проявленія земскаго начала въ сферѣ администраціи даетъ намъ илимское дѣло. Не менѣе яркия черты содержатся въ немъ и въ другихъ отношеніяхъ, придавая ему тѣмъ самымъ еще болѣе интереса. Илимское дѣло вскрываетъ предъ читателемъ внутреннюю сторону воеводского управлениія, даетъ отчетливую, прямо выхваченную изъ жизни картину взглядовъ, установившихся среди воеводъ на сущность ихъ обязанностей и на отношенія къ населенію, какія они при этомъ считали вполнѣ нормальными. Эта сторона еще мало разработана въ нашей исторической литературѣ, но не будетъ слишкомъ смѣльмъ сказать, что только тогда мы можемъ детально изучить систему воеводского управлениія, тѣ начала, на которыхъ оно зиждилось, когда подробно ознакомимся со всѣми материалами, подобными заключающимся въ настоящемъ очеркѣ, когда мы обратимъ вниманіе на область быта, практики воеводского управлениія, и данные, отсюда полученные, присоединимъ къ содержащимся въ памятникахъ чисто юридического характера.

Наблюдая эту внутреннюю сторону воеводского управлениія, на сколько она открывается изъ настоящаго факта, приходится прежде всего поражаться тою беззастѣнчивою эксплоатациею народныхъ силъ, тѣмъ свободнымъ распоряженіемъ ими въ своихъ собственныхъ, частныхъ цѣляхъ, какія практиковались воеводами. Если мы сгруппируемъ жалобы, подаваемыя разными лицами государю на дѣйствія воеводы Челищева, то получимъ слѣдующую картину его «правительственной» дѣятельности: отправляясь въ поѣздки по личнымъ дѣламъ, куда ему было даже запрещеноѣздить, воевода бралъ съ собою служилыхъ людей, человѣкъ двадцать, и заставлялъ ихъ караулить себя, носить воду, перетаскивать свои хлѣбные запасы на мельницу, оттуда на дощаники, и отправлялъ ихъ на дощаникахъ въ Якутскъ продавать хлѣбъ; игнорируя указъ, запрещавшій воеводамъ вмѣшиваться въ таможенное дѣло, «чтобъ въ томъ въ таможенныхъ дѣлахъ розни и въ таможенномъ зборѣ недобору не было», Челищевъ, по словамъ илимскаго таможеннаго головы, «со своего пріѣзду почаль во всякое таможенное дѣло вступатца безопасно», пропускать торговыхъ людей безъ досмотра, посадилъ по заставамъ своихъ людей, холоповъ, а таможенному головѣ «на заставѣ» быть не вѣльѣ, отчего, какъ справедливо заключаетъ голова, «казнь почаль быть недоборъ»; илимскіе жители били членъ государю, что изъ-за воеводы они рискуютъ остаться безъ хлѣба и сѣна, потому

что онъ отрываетъ ихъ отъ дѣла въ самое страдное время, приказывая сопутствовать ему въ его поездкахъ, куда онъ ёздитъ «для своихъ пожитковъ»; заставляетъ ихъ сплавлять на плотахъ въ Илимскъ свой хлѣбъ, косить сѣно, привлекая къ работѣ даже ихъ женъ и дѣтей. Однимъ словомъ, Челищевъ, какъ видно отсюда, представляялъ себѣ власть воеводы тождественною съ властью помѣщика надъ своими крѣпостными. О взяткахъ, налогахъ, грабительствѣ его и говорить нечего: о нихъ упоминается въ каждой челобитной, гдѣ стоитъ имя Челищева; онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы получать доходъ, а иногда даже изобрѣталъ такіе случаи самъ, посылая, напримѣръ, «въ посылку» въ Якутскъ дѣтей служилыхъ людей, мальчиковъ лѣтъ восьми и десяти, и, конечно, отъ того «ималъ великия взятки» съ ихъ родителей за освобожденіе отъ «посылки»; или, также съ этой цѣлью, онъ «приметками своими» задержалъ въ Усть-Киренскѣй человѣка гостя Никитина, который зимовалъ тамъ «для торгового промыслу», «чинилъ многую тѣсноту и обиды и держалъ его скована на цепи многіе дни», пока не взялъ съ него 111 рублей; служилые люди указывали, что Челищевъ изъ окладовъ ихъ жалованья «ималъ себѣ болшіе взятки», на что они соглашались «поневолѣ», такъ какъ «домишко и жены наши и дѣтишка въ Илимскомъ безъ нась межъ дворъ скитались и одолжали неоплатными долгами». Всего же больше барыша приносили Челищеву двѣ отрасли управления—«кабацкое дѣло» и собираніе ясака съ инородцевъ. Воевода въ широкихъ размѣрахъ потворствовалъ частному винокуренію, которое онъ долженъ былъ всячески преслѣдоввать, и дѣлалъ это, «норовя тѣмъ винокурцемъ, для многихъ своихъ взятковъ», причиняя тѣмъ самымъ «разореніе» жителямъ, ибо хлѣбъ сильно поднимался отъ этого въ цѣнѣ, и имъ оставалось «помирать голодною смертью»; на казенному «кружечномъ» дворѣ запасъ вина вышелъ весь, но воевода нисколько не заботился о пополненіи его, опять ради своихъ выгодъ; всѣ представленія воеводѣ со стороны жителей о неудобствѣ для нихъ такого положенія не только оставлялись имъ безъ вниманія, но воевода еще грозилъ смѣльчакамъ «всячески», «кто де то согнеть дѣло, что вынять вино, и тому де быть въ болшомъ наказаніи и въ разореніи». Лица, отправленные къ инородцамъ за ясакомъ, прибавляли, что свою миссію имъ приходилось отправлять съ трудомъ, потому что инородцы платили, сколько хотѣли, и то все плохіе мѣха, надѣясь на заступничество воеводы, совѣтовавшаго имъ «не опасатца» сборщикамъ; «и впредь де,—говорили инородцы,—у нась ясакъ будете збирать, что дадимъ, не противъ прежняго».

Свое рѣшеніе отказать Челищеву отъ воеводства жители Илимска мотивировали, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ часто уѣзжалъ отъ нихъ, и въ его отсутствіе происходили ссоры, ясачные люди приносили «казну», но ни разсудить, ни принять «казны» было не-

кому — воевода не назначалъ замѣстителя, чего, однако, не дѣлали прежніе илимскіе воеводы, всегда поручавшіе безъ себя острогъ «судомъ и расправою» «прикащикамъ», такъ что они «не бывали безъ расправы».

Нужно, впрочемъ, отмѣтить маленькое несоответствіе ихъ показаній съ дѣйствительностью: Челищевъ, уѣзжая, не бросалъ на произволъ судьбы ввѣреннаго ему пункта; нѣтъ, онъ оставлялъ его въ еще болѣе надежныхъ и вѣрныхъ рукахъ, чѣмъ поручая «прикащику», на котораго положиться было рискованно, именно на время своихъ отлучекъ онъ облекалъ властью воеводы... свою жену. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не вполнѣ достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ полное понятіе объ административныхъ способностяхъ воеводской супруги, но и изъ того, что есть, можно все же заключить, что она не была лишена распорядительности и, во всякомъ случаѣ, оправдывала выборъ своего мужа. Пусть, впрочемъ, читатель самъ судить по слѣдующей, на нашъ взглядъ, весьма характерной, сценкѣ, представляющей собою показаніе одного изъ казаковъ, Ивана Шишеникина, исполнявшаго у воеводы обязанности «дневального» и принимавшаго въ происходившемъ нѣкоторое участіе: «И того жъ де числа, передъ вечернею, пришолъ на воеводцкой дворъ къ воеводцкой женѣ Богдана Челищева илимской казакъ Тимошка Кырнаевъ — бить чelомъ на илимского жъ казака на Абакушка Облизанова въ бою. И Богданова де жена Челищева по тому ево Тимошкину чelобитью по него, Абакушка, послала ево, Ивашка, и велѣла сво привести къ себѣ на дворъ. А Богданъ де Челищевъ въ то время былъ на Киренгѣ. И онъ де, Ивашка, ево, Абакушка, на воеводцкой дворъ привелъ пьянова, и Богданова де жена Челищева ему, Абакушку, въ то время въ горницѣ говорила, за что онъ Тимошку Кырнаева биль; и онъ говорилъ, кто де на него бьетъ чelомъ, и тѣмъ де и судъ она, Богданова жена, даетъ на него, а какъ де онъ бьетъ чelомъ по калабамъ, и ему де на тѣхъ людей и суда нѣтъ. И она де, Богданова жена, велѣла ему, Ивашку, ево посадить за караулъ въ караулню». Ивашка повелъ его изъ горницы, но тотъ началь отбиваться и даже пытался вынуть ножъ, почему Ивашка «почалъ Богдановъ женѣ говорить, чтобъ де онъ ево не зарѣзалъ»; пока же шли переговоры, Абакушко, такъ и не вынувъ ножа вслѣдствіе сильнаго опьяненія, побѣжалъ изъ дома. Но, разумѣется, слушникъ не могъ уйти далеко и тутъ же на дворѣ былъ пойманъ холопами. Тогда воеводша послала Ивашку «по караулщикамъ, чтобъ ево, Абакушка, свести за караулъ», которымъ виновный и былъ отданъ съ приказомъ посадить его въ караулню; идя по дорогѣ къ мѣсту заключенія, Абакушко кричалъ, — «знаеть де онъ по воеводу государево дѣло», но на такие протесты не обратили вниманія, и распоряженіе было приведено въ исполненіе — казакъ водворенъ въ тюрьму.

Не правда ли, сценка весьма любопытна? Любопытна не только отому, что жена воеводы творить здѣсь судь, но еще и въ томъ отношеніи, что даетъ-то она судь, какъ оказывается, не одинъ уголовный, но и гражданскій, рѣшаеть иски по кабаламъ, т. е. по долговымъ обязательствамъ!

До сихъ поръ мы еще не сказали, какъ отнеслось къ событию въ Илимскѣ центральное правительство, тогда какъ то или другое отношеніе его, безъ сомнѣнія, составляетъ, какъ говорятъ, «гвоздь» всего случившагося. А отношеніе его ограничилось тѣмъ, что правительство поручило думному дьяку Даниилу Полянскому «сыскать накрѣпко, для чего они, илимскіе всякаго чина люди, ему, Богдану, не бывъ челомъ великому государю, отъ воеводства отказали, чего прежде сего не бывало, и то они учинили самоволно и его великаго государя указу противно». Однако, выскаживая такое мнѣніе, само правительство тутъ же забывало, что нѣсколькими строчками выше у него записано члобитье илимскихъ депутатовъ, которые еще 20-го января указывали ему, что Челищевъ «имъ и инымъ градскимъ жителемъ обиды и налоги и тесноты чинить, и многіе взятки емлетъ, и всякими недѣлными нападками нападаетъ напрасно, и тѣмъ ихъ разорилъ безъ остатку», и тогда еще просили государя «перемѣнить» Челищева и «розыскать всякими сыски про его многіе наглые обиды и напрасные взятки». Правительство забывало также, что оно вняло мольбѣ илимцевъ и приказало произвести «розыскъ» именно думному дьяку Полянскому; что же касается первого пункта просьбы — «перемѣны» воеводы, то въ Москвѣ удовлетворили и этому, назначивъ воеводою въ Илимскъ сына боярскаго изъ Иркутска Ивана Порфирьевъ, съ тою только оговоркою: «а буде онъ, Иванъ, престарѣль или до того великаго государя указу умеръ, и въ Илимскомъ велено быть на Богданове мѣсте Челищева сыну его, Иванову, Остаюю»¹⁾.

Впрочемъ, такая забывчивость не представляетъ ничего рѣдкаго въ дѣлоизготовствѣ московскаго времени: сплошь и рядомъ встречаются вещи, діаметрально-противоположныя, но которыя, тѣмъ не менѣе, примираются подъ искусною рукою приказанаго дьяка.

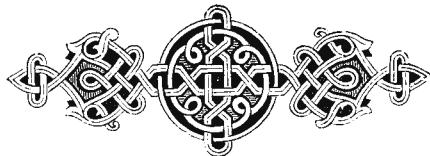
Итакъ, былъ назначенъ «розыскъ», но, насколько можно видѣть изъ дѣла, онъ не сопровождался никакими неблагопріятными послѣдствіями, какъ для выборныхъ начальниковъ, такъ и для илимскихъ жителей вообще. Напротивъ, и центральное правительство — сибирской приказъ, и мѣстный агентъ его — воевода, которымъ, кстати за-

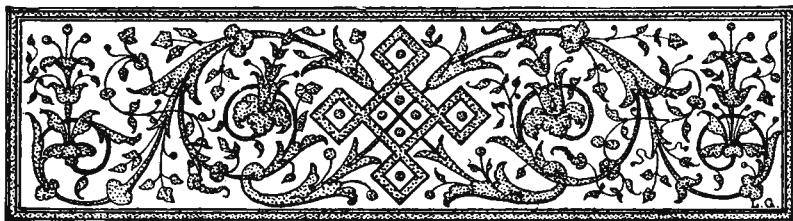
¹⁾ Читателя не должно удивлять подобное условіе при назначеніи воеводы: гражданская служба считалась въ то время, какъ отдыхъ, награда за другую тяжелую службу — военную, и поэтому на гражданское поприще выбирали большую частью уже негодныхъ къ военной службѣ — старыхъ,увѣчныхъ и т. д.; такъ и здѣсь правительство неувѣрено, застанетъ ли въ живыхъ его кандидата на воеводское мѣсто.

мѣтимъ, сдѣлался младшій Порфириевъ, такъ какъ отцу его «за ко-
нечною древнею старостью» изъ Иркутска въ Илимскъ Ѳхать
оказалось «невозможно», — трактуютъ избранныхъ начальниковъ,
какъ вполнѣ законныхъ носителей власти; такъ, въ приказѣ при-
нимаются отъ посланныхъ ими «соболиную казну», разспрашиваются
посланцевъ о состояніи Илимска, о цѣнахъ на хлѣбъ, о дорогѣ
и проч., какъ бы это были посланные отъ воеводы, назначенаго
приказомъ; вновь же прибывшій воевода производить пріемъ долж-
ности не отъ Челищева, который находился еще въ Илимскѣ, а отъ
выбранныхъ, и вмѣстѣ съ ними составляеть «росписной списокъ»;
Челищева же со всѣмъ его семействомъ, съ «знакомцами» и съ хо-
лопами велить «держать за карауломъ».

Если для кого «розыскъ» и былъ неблагопріятнымъ, то лишь
для одного Челищева, который съ Верхотурья отправился въ Москву
въ сопровожденіи служилыхъ людей, скованный, чтобы предстать
предъ судьями сибирского приказа.

В. Борисовъ.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРИЯ ВЪ ТРУДАХЪ ГУБЕРНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОМИССІЙ.

О ПЛАНУ незабвенної памяти основателя Археологического Института, Н. В. Калачова, съ 1884 г. стали создаваться въ Россіи губернскія ученыя архивныя комиссій; въ этомъ (1884) году были открыты четыре комиссіи: въ Рязани, Тамбовѣ, Твери и Орлѣ; вслѣдъ за ними возникали комиссіи постепенно и въ другихъ губернскихъ городахъ и въ настоящее время ихъ насчитывается уже до 17, а именно, кромѣ упомянутыхъ: Рязанской, Тамбовской, Тверской и Орловской, — Костромская, Саратовская, Таврическая (въ Симферополѣ), Нижегородская, Оренбургская, Пермская, Ярославская, Калужская, Симбирская, Черниговская, Бессарабская (въ Кишеневѣ), Херсонская и Владимірская.

На Археологический Институтъ была возложена обязанность слѣдить за ходомъ работъ этихъ комиссій, представляя ежегодно общій отчетъ объ ихъ дѣятельности Академіи Наукъ. Намъ живо вспоминаются эти отчеты покойного И. Е. Андреевскаго, отчеты въ высшей степени содержательные, характеризующіе дѣятельность комиссій со всѣхъ сторонъ и согрѣтые теплымъ чувствомъ уваженія и ободренія. Печатая ихъ своевременно въ периодическихъ изданіяхъ и въ органѣ Археологического Института, уважаемый директоръ немало способствовалъ и распространенію среди публики

свѣдѣній о безкорыстной научной работе провинціальныхъ тружениковъ.

Преемникъ И. Е. Андреевскаго въ своихъ отчетахъ былъ кратокъ и сухъ и не распространялъ ихъ далѣе Академіи Наукъ. Но интересъ, возбужденный особенно среди людей науки къ дѣятельности архивныхъ комиссій, побудилъ проф. В. Иконникова сдѣлать самостоятельно обзоръ ихъ работы, напечатанный въ 1892 г.; еще ранѣе А. И. Л. сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ въ «Историческомъ Вѣстнике» за 1891 г., № 2.

Съ тѣхъ поръ о комиссіяхъ въ печати появлялись только отрывочные свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ специальныхъ изданіяхъ. А работа ихъ росла и росла, и онѣ изъ архивныхъ учрежденій стали вполнѣ мѣстными историко-археологическими обществами, обладающими собственными periodическими органами, въ которыхъ и печатались результаты работы ихъ членовъ.

Придавая немалое научное значеніе этимъ работамъ и желая хотя отчасти познакомить съ ними болѣе широкій кругъ читателей, мы рѣшились обозрѣть periodическую изданія комиссій за послѣдніе два года (1897 и 1898) и извлечь оттуда все сдѣланное членами комиссій въ области археологии и истории¹⁾). При этомъ не можемъ не указать, что намъ стоило большого труда собрать всѣ эти изданія даже въ главнейшихъ столичныхъ книгохранилищахъ. Особенно бѣденъ ими за время послѣ 1892 г. Археологический Институтъ, гдѣ, казалось бы, должна быть наибольшая полнота.

По «Подложенію» 1884 г. главная обязанность архивныхъ комиссій заключается въ созданіи губернскихъ историческихъ архивовъ, путемъ разбора дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ различныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, и выдѣленія изъ нихъ наиболѣе интересныхъ въ научномъ отношеніи къ храненію въ архивѣ, и затѣмъ въ составленіи описей и указателей сохраненнымъ дѣламъ и документамъ, съ приведеніемъ ихъ «въ такой порядокъ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій». Кромѣ того, говорится далѣе, комиссіи «могутъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включить въ кругъ своихъ занятій розыскиваніе, описание и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины». Какъ отнеслись къ этимъ задачамъ архивные комиссіи, мы увидимъ ниже и начнемъ свой обзоръ съ старѣйшихъ комиссій, идя далѣе въ послѣдовательномъ порядке ихъ возникновенія.

¹⁾ Въ нашемъ очеркѣ мы не будемъ касаться лишь Пермской архивной комиссіи, такъ какъ послѣдній выпускъ си «Трудовъ» вышелъ въ 1896 г., и затѣмъ комиссій — Владимирской, Бессарабской и Херсонской, какъ возникшихъ только въ 1898 г.

Археологія.

Археологическая дѣятельность всѣхъ вообще комиссій выражалась въ производствѣ раскопокъ, осмотрѣ и реставрированіи старинныхъ храмовъ и другихъ зданій, въ сношеніяхъ съ отдѣльными лицами и учрежденіями по поводу предметовъ древности, составленіи докладовъ и статей археологического содержанія и въ образованіи музеевъ.

Начавъ производить раскопки особенно исправно съ 1896 г., члены Рязанской архивной комиссіи достигли наибольшихъ результатовъ лѣтомъ 1898 г., когда было предпринято до 16 экскурсій въ 7 уѣздахъ губерніи. Въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ бугрѣ «Верея» были найдены остатки неолитической эпохи каменного вѣка. Изслѣдуя сѣверную часть губерніи, члены открыли многое изъ прошлаго большої площади Мещерского края, почти не тронутаго археологами, и въ то же время представляющаго значительный интересъ, въ виду того, что здѣсь сохранились въ болѣе чистомъ видѣ остатки древнихъ обитателей Окской долины, отѣсненныхъ въ IX и X в. славянами. Заслуживаютъ также вниманія изслѣдованія и опредѣленія находокъ въ Кузьминскомъ могильнику г. Черепнина.

Помимо раскопокъ, члены комиссіи собирали свѣдѣнія объ имѣющихся предметахъ древности отъ другихъ лицъ, а С. Яхонтовъ осматривалъ въ с. Хламовѣ Пронскаго уѣзда предназначенный къ разборкѣ храмъ и не нашель въ немъ ничего интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Составившееся съ 1885 г. многочисленное собраніе древностей озабочило членовъ устройствомъ особаго зданія для «исторического музея»; но такъ какъ обычныя средства комиссіи сравнительно незначительны, то члены ея нашли возможнымъ образовать для этого «особый фондъ» путемъ платныхъ публичныхъ лекцій и пожертвованій, и къ концу іюня 1898 г. собрали около 900 рублей.

Въ изданныхъ въ теченіе 1897—1898 г. Рязанскою архивною комиссіею пяти выпускахъ «Трудовъ» (три XII тома и два XIII) мы находимъ статьи: А. И. Черепнина — «Собрание древностей»; А. В. Антонова,—«Замѣтки о Пальновскомъ могильнику» и наиболѣе обширную — «Кузьминский могильникъ» (въ двухъ выпускахъ не окончена); его же вмѣстѣ съ Ив. Проходцевымъ — «Дневникъ раскопокъ Пронскихъ кургановъ»; А. Мансурова — «Къ вопросу о древнемъ населеніи Мещовскаго края», и А. Раевскаго — «Изъ экскурсіи по Нижегородской губерніи. Коровашекъ» (авторъ нашелъ новый курганъ, который описывается съ виѣшней стороны и предлагаетъ изслѣдовать).

Тамбовская архивная комиссія вовсе не производила раскопокъ, и въ двухъ выпускахъ ея «Ізвѣстій» (XLI и XLII — оба

въ 1897 г.) мы находимъ одну лишь статейку г. Б. Фриксена «Объ осмотрѣ старинныхъ церквей въ Тамбовской епархіи», въ которой онъ намѣчаетъ 9 церквей, могущихъ быть небезынтересными въ археологическомъ отношеніи.

Изъ трехъ «Журналовъ» засѣданій Тверской архивной комиссіи за 1897 г., печатавшихся въ «Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ теченіе 1898 и 1899 гг., узнаемъ, что члены ея: г. Колосовъ производилъ раскопки, а г. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе о вещевыхъ надписяхъ и археологическихъ достопримѣчательностяхъ Тверской губерніи. Въ концѣ 1896 и началѣ 1897 г. комиссія была занята перенесеніемъ въ другое зданіе и приведеніемъ въ порядокъ коллекцій богатѣйшаго тверскаго музея, который находится теперь въполномъ завѣданіи тверской комиссіи¹⁾.

Членъ Орловской комиссіи А. Н. Шульгинъ, производя раскопки лѣтомъ 1897 г. близъ г. Орла, нашелъ цѣлый скелетъ, нѣсколько череповъ, отнесенныхъ имъ къ аборигенамъ до VII в., глиняные черепки, кремневые обломки и проч., сообщивъ объ этомъ въ особой статьѣ «Остатки старины въ окрестностяхъ г. Орла» («Труды Орл. уч. арх. ком.», вып. I, 1898 г.), гдѣ говорить также и объ одномъ старинномъ укрѣплѣніи, состоящемъ изъ подковообразнаго вала высотою до 5 метровъ. Укрѣплѣніе это, бывшее по томъ складомъ, сдѣлано, по его словамъ, въ началѣ XVII в., и едва ли не Григоріемъ Акиноевымъ и атаманомъ Корелой.

Для музея комиссіи въ концѣ 1897 г. устроено особое помѣщеніе и намѣчены его отдѣлы: археологическій, нумизматическій, историческій, архивный и церковно-историческій.

Въ изданномъ Костромскою комиссіей въ 1897 г. четвертомъ выпускѣ «Костромской Старины» находимъ статьи: Д. П. Дементьева — «Краткій исторический очеркъ Шанского городища» (оконч.), И. Д. Преображенскаго — «Новые свѣдѣнія о заслуживающихъ въ историко-археологическихъ отношеніяхъ вниманія мѣстностяхъ и предметахъ Костромского края» (говорится о курганахъ и случайныхъ находкахъ) и его же — «Данныя о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г. въ Костромскомъ уѣздѣ». Въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» (1898 г.) упоминается о раскопкахъ членовъ комиссіи (г. Петровскаго и др.) лѣтомъ 1897 и 1898 гг.

Археологическая дѣятельность Саратовской архивной комиссіи выразилась въ трудахъ А. Н. Минха, Ф. Духовникова и А. Т. Танкова, производившихъ раскопки и разслѣдованія и сообщившихъ о нихъ въ статьяхъ («Труды» комиссіи, вып. XXI, 1898 г.): А. Н. Минхъ — «Курганы Тюриной балки, Царицынского уѣзда» и «Ключевская каменная баба Аткарскаго уѣзда», Ф. Духовниковъ — «Пещеры» и

¹⁾ О послѣдніхъ приобрѣтеніяхъ музея за 1896 и 1897 гг. см. «Тверскія Губернскія Вѣдомости», 1898 г., №№ 97, 99—101, 113, 116, 118, 125, 132 и 133.

А. Т. Танковъ—«По поводу неправильного определенія бар. Тизенгаузена трехъ рѣдкихъ восточныхъ монетъ, принадлежащихъ музею комиссіи» (по мнѣнію автора, монеты отчеканены въ царствованіе Тудаменгу, а не Токты, какъ полагаетъ бар. Тизенгаузенъ). Кромѣ того, раскопки производили гг. Смольяниновъ и Щегловъ, сообщившие объ ихъ результатахъ въ особыхъ докладахъ.

Производившіе раскопки гг. Брунсъ и Кашпаръ, члены Таврической архивной комиссіи, достигли незначительныхъ результатовъ; но комиссіи удалось въ 1898 г. образовать въ видѣ отдѣленія, богатаго цѣнными вещами, Симферопольского музея (къ 1 янв. 1898 г. въ немъ было 3.974 монеты и 1.592 №№ въ 3.397 экземплярахъ разныхъ предметовъ древности) особый «этнографический и историко-археологический музей», преимущественно изъ предметовъ, касающихся истории и быта крымскихъ татаръ, въ бахчисарайскомъ ханскомъ дворцѣ. Г. О. Ретовскій разобралъ и опредѣлилъ значительную часть нумизматической коллекціи музея комиссіи (см. его обширную статью «Генуэзско-татарскія монеты г. Кафы» въ «Ізвѣстіяхъ» комиссіи, № 27, 1897 г.).

Нижегородская архивная комиссія ни раскопокъ, ни осмотровъ не производила.

Хотя Оренбургская комиссія и была открыта еще въ 1887 г., но болѣе правильная дѣятельность ея началась собственно съ 1897 г., когда она получила свой домъ и ежегодную субсидію отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 350 р., завела историко-этнографический музей, установила очередныя засѣданія и до настоящаго года издала три выпуска своихъ «Трудовъ» (II и III—1897 г. и IV—1898 г.). Правильныхъ археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ комиссія не производила, но г. А. В. Попову въ «случайно» разрытыхъ имъ курганахъ въ окрестностяхъ города Оренбурга удалось найти не мало разныхъ предметовъ отдаленной древности (см. объ этомъ его ст. въ IV вып. «Трудовъ»). Другой членъ г. М. Юдинъ въ «Замѣткѣ о курганахъ» на дачахъ Дѣдуровскаго поселка (ib.) сообщаетъ результаты своего осмотра, и наконецъ г. Ф. Севастьяновъ даетъ «Свѣдѣнія о предметахъ старины въ станицахъ и поселкахъ третьяго военнаго отдѣла оренбургскаго казачьяго войска» (ib.), которые попреимуществу состоять изъ пушекъ XVIII в. да кой-какого оружія; въ одномъ только храмѣ Чебаркульскаго поселка нашлись разнаго рода вещи церковнаго обихода тоже XVIII в.

Какъ видно изъ «Отчетовъ» за 1897 г. и 1896—1898 гг., и Ярославская архивная комиссія пережила первое 10-ти-лѣтіе съ небольшою производительностью; послѣ 1892 г. она не издала ни одного выпуска своихъ «Трудовъ» и до 1896 г. дѣйствовала крайне слабо. По словамъ автора «Отчетовъ», виною тутъ была «крайняя скучность въ средствахъ», состоявшихъ изъ 300 рублей, отпускаемыхъ ярославскимъ губернскимъ земствомъ. Нѣсколько приподнялась дѣя-

тельность комиссіи лишь въ 1897 г. и 1898 г. (хотя средства увеличились не болѣе, какъ на 200 р.); въ это время гг. Тихомировъ, Городцовъ и др. произвели рядъ раскопокъ, открывъ при этомъ древній могильникъ бронзоваго вѣка, и осмотревъ старыхъ церквей и другихъ зданій.

1897 г. оказался какъ бы годомъ пробужденія отъ «бездѣйствія» и для Калужской архивной комиссіи, учрежденной въ 1891 г. Въ этомъ году (1897) и слѣдующемъ предсѣдатель комиссіи И. Д. Четыркинъ произвелъ цѣлый рядъ богатыхъ результатами раскопокъ и въ редактируемыхъ имъ же совмѣстно съ г. Кашкаровымъ «Ізвѣстіяхъ», которыхъ вышло въ 1897 г. одинъ 5 №, а въ 1898 г.—10 выпускъ, помѣстилъ множество «археологическихъ замѣтокъ»; изъ нихъ наиболѣе интересны: «Значеніе глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ при раскопкахъ кургanoобразныхъ возвышенній на берегу Оки, вблизи Калуги» (вып. II), «Стекляный сосудъ съ изображеніемъ эмалевыми красками морской бatalіи», вѣроятно, первой половины XVIII в. (вып. III), «Городища, на которыхъ, по преданію, находилась въ древности Калуга» (№ 5) и др. Его же, главнымъ образомъ, трудами устроены при комиссіи и губернскій историческій музей, въ историческомъ домѣ Марины Мнишекъ (1897 г.). Кромѣ И. Д. Четыркина, разслѣдованиемъ памятниковъ древности занимался еще г. Кашкаровъ, составившій историко-археологический очеркъ: «Село Городище Тарусскаго уѣзда» (вып. 7—8).

Наконецъ, члены Симбирской архивной комиссіи: г. Поливановъ и г. Краснодубровскій, произвели раскопки въ Мурanskомъ могильнику, результаты которыхъ дали возможность прійти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) жители изслѣдуемой мѣстности вели оживленныя сношения съ булгарами и восточной Азіей, 2) обладали значительными богатствами и 3) погребенія совершали отличные отъ татарскихъ¹⁾.

Исторія.

Важнѣйшей и въ то же время подготовительной работой архивныхъ комиссій въ области исторіи является «созданіе исторического архива». Слѣдя указаннымъ въ «Положеніи» для этой цѣли путемъ—разсмотрѣнію описей дѣлъ и документовъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ и въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ самыхъ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, и выдѣленію изъ нихъ наиболѣе интересныхъ въ научномъ отношеніи, а также составленію описей сохраненнымъ дѣламъ,—комиссіи для большей полноты губернскихъ историческихъ архивовъ прибѣгали и къ другимъ средствамъ. Розы-

¹⁾ См. «Археологіческія извѣстія и замѣтки», за 1898 г., стр. 245.

скивали частные семейные архивы и важнейшие документы изъ нихъ вносили въ свой исторический архивъ; устроивали командировки своимъ членамъ въ центральные архивы для списыванія актовъ, касающихся ихъ губерніи; заводили по поводу тѣхъ же актовъ сношенія съ присутственными мѣстами сосѣднихъ губерній и съ частными лицами, и т. п.

По мѣрѣ накопленія матеріаловъ, члены комиссій печатали въ своихъ періодическихъ изданіяхъ описи ихъ, а иногда и самые документы, и наконецъ на основаніи, по преимуществу, своихъ архивныхъ матеріаловъ составляли доклады и довольно обширныя статьи, касаясь въ нихъ различныхъ сторонъ прошлой жизни своего края.

Члены Рязанской комиссіи, гг. Шерцевъ и Недошивинъ, разсмотривая описи дѣлъ казенной московской палаты за 1823—1839 гг., отобрали для храненія очень немногія дѣла, а г. Проходцевъ въ описи дѣлъ спасскаго уѣзданого казначейства 1870—1884 гг. не нашелъ ничего заслуживающаго вниманія. Г. Добролюбовъ составилъ описание документамъ Богословскаго монастыря XVII и XVIII вѣковъ. Въ 1897—1898 г. въ исторической архивѣ комиссіи поступили изъ семейнаго архива Трухачевыхъ бумаги XVII, XVIII и первой половины XIX вѣковъ, представляющія «довольно полную картину семейныхъ, бытовыхъ, юридическихъ и земельныхъ отношеній Трухачевыхъ съ сосѣдними помѣщиками и своими крестьянами».

Кромѣ сдѣланной подъ руководствомъ П. Милюкова «описи дѣлъ рязанского исторического архива», въ которую вошли акты и различные грамоты за 1676—1713 г. и платежные книги за 1647—1725 гг., въ пяти выпускахъ «Трудовъ» комиссіи находимъ слѣдующіе матеріалы. Въ I и II в. XII т. С. Шумаковъ напечаталъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи Рязанскаго края»—«научную и систематическую опись» грамотамъ коллегії-экономіи по Переяславль-рязанскому уѣзду, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиції и заключающимъ: акты юридические за 1536—1739 гг. и акты правительственные за 1536—1757 гг. Далѣе въ трехъ выпускахъ г. Яхонтовымъ помѣщены найденные въ числѣ дѣлъ рязанского пансіона «Матеріалы для исторіи главнаго народного училища въ Рязани и учрежденія другихъ народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи» за время съ 1786 г. по 1797 г. (имѣется продолженіе ихъ до 1804 г.). Г. Проходцевъ помѣстилъ (III в. XII т.) въ статьѣ: «Изъ матеріаловъ для исторіи Рязанскаго кремлевскаго явленскаго дѣвичьяго монастыря», — довольно подробную и небезынтересную для будущаго историка рязанскаго кремля «опись» (1780 г.) консistorскаго регистратора Ив. Протопопова, которую онъ нашелъ въ консistorскомъ «архивѣ старыхъ дѣлъ». Гр. И. Добролюбовымъ и П. Милюковымъ напечатаны (XIII т., 1—2 вып.)—«Ко-

шій съ подлинныхъ грамотъ жалованныхъ и съ прочихъ выписей на монастырскія земли Николая Радовицкаго монастыря, на Мещерскія и на Тамбовскія и на Віленскія» за 1616—1630 г. и за 1681—1699 гг. Наконецъ, г. Гр. Шмелевъ напечаталъ (т. XIII, вып. 2) подъ заглавиемъ: «Состояніе укрѣплений г. Переяславля-Рязанскаго въ 1641 г.», заимствованное имъ изъ московскаго архива министерства юстиціи «доношеніе» Глѣба Морозова, наблюдавшаго за производствомъ укрѣплений.

Кромѣ того, отдельно изданы комиссией подъ редакціей В. Сторожева «Акты Рязанскаго края».

Совершенно отдельно отъ указанныхъ материаловъ стоять напечатанныя въ четырехъ выпускахъ и еще не оконченная «Мои воспоминанія» генераль-майора Вас. Абрам. Докудовскаго, на содержаніи которыхъ мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Начинаются они краткимъ изложеніемъ рожденія, обученія и первоначальной службы автора и затѣмъ, становясь по мѣрѣ описываемыхъ событий болѣе подробными, доходятъ до 1862 г. (напечатано пока до 1859 г.). До 1836 г. составлены по памяти, а послѣ — на основаніи дневника. Читаются «Воспоминанія», благодаря живому и мѣстами Ѳдкому языку, съ большимъ интересомъ, особенно въ той части, гдѣ авторъ касается своего пребыванія въ Варшавѣ. Мѣткость характеристикъ, проницательность автора, его честность и самостоятельность, чуждая какихъ бы то ни было искательствъ предъ высшими властями, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми фактами, еще болѣе увеличиваютъ этотъ интересъ.

Наиболѣе любопытными во II ч. «Воспоминаній» мы считаемъ подробности: объ арестѣ декабристовъ А. Муравьевъ, Повало-Швыйковскаго и Тизенгаузена, о бунтѣ стоявшаго въ Житомирѣ Черниговскаго полка, поднятаго С. Муравьевымъ-Апостоломъ, о бѣдствіяхъ нашихъ войскъ въ войну 1828—1829 гг., о беззлаберномъ поведеніи польскихъ повстанцевъ въ 1830—1831 гг., объ обычной сурости императора Николая I во время смотровъ, о покушеніи на него въ Познани въ 1843 г., сравнительно мало известномъ, и о скандалѣ въ 1843 съ испанской танцовщицей Лола Монтесъ, извѣстной наложницей баварскаго короля, очаровавшей своею красотою даже престарѣлого князя Паскевича.

Раскрывая, затѣмъ, интриги, царившія среди главныхъ приверженцевъ и прислужниковъ фельдмаршала князя Паскевича, генераль-майоръ Докудовскій зло осмѣиваетъ послѣднихъ и въ то же время не щадить и самого фельдмаршала вмѣстѣ съ его супругою, бывшею главной правительницей Варшавы. «Воспоминанія» за 1853—1854 г. сообщаютъ о приготовленіяхъ и начать Крымской кампаний и въ то же время раскрываютъ множество тогдашнихъ неурядицъ и беспорядковъ, во многомъ напоминая «Записки» извѣстнаго генерала Менькова.

Говоря подъ 1855 г. о смерти императора Николая I, Докудовской, между прочимъ, пишетъ: «Хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты воздали хвалу рыцарскому характеру (курсивъ подлинника) покойнаго, однако же, мы, россіяне, положа руку на сердце, должны быть справедливы и сказать, что рыцарскій характеръ Николая не только не принесъ существенной пользы Россіи, но служилъ ей во вредъ, и что въ его, около 30 лѣтъ, царствованіе Россія покрыта была мглою, и дышать было тяжело» (т. XIII, вып. 2, стр. 147).

Не менѣе любопытны и его слова, высказанныя по поводу взятія Севастополя: «Надобно сознаться,—Богъ каралъ Россію за гордыню покойнаго вѣнценосца; онъ былъ убѣжденъ въ своей силѣ и могуществѣ и не предпринималъ никакихъ мѣръ къ лучшему устройству и снабженію военной части, и потому-то бѣдственная война нашла насъ безъ усовершенствованного оружія и безъ достаточнаго количества пороха, артиллерійскихъ снарядовъ и другихъ предметовъ, успѣхъ обезпечивающихъ» (*ibid.*, стр. 154).

Подъ 1858 г., на стр. 192, онъ пишетъ: «Одна изъ крупныхъ и утѣшительныхъ мѣръ, для благосостоянія Россіи правительствомъ поданныхъ, — это было уничтоженіе военныхъ поселеній. Сколько казны и крови стоили эти злосчастныя поселенія! Тяжелымъ укоромъ они лежатъ на памяти Александра I и вызываютъ проклятія на Аракчеева».

«Воспоминанія» за послѣдніе годы особенно богаты данными для характеристики императора Николая I и князя Паскевича.

Что касается изслѣдований, то ихъ мы нашли въ «Трудахъ Рязанской комиссіи телько два: одно изъ нихъ принадлежитъ кн. Н. Волконскому — «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ» (т. XII, вып. 2 и 3); авторъ трактуется собственно о помѣщичьемъ хозяйствѣ въ Рыненбургскомъ уѣздѣ и главнымъ образомъ въ имѣніи его дѣда Колобова, на основаніи показаній современниковъ и распространенной въ свое время брошюры г. Семенова («Руководство къ управлѣнію имѣніемъ» — 1848 г.). Матеріалы, заключающіеся въ III томѣ приложений къ «Трудамъ редакціонныхъ комиссій», даютъ г. Волконскому въ концѣ статьи возможность установить въ общахъ чертахъ главныя основанія помѣщичьяго хозяйства и для всей Рязанской губерніи. Въ другомъ изслѣдованій, сравнительно небольшомъ (т. XII, в. I), г. Милюковъ положительно решаетъ вопросъ о томъ, что «задворные люди» стали «государственными тяглецами» съ 1678 г., а не съ 1711 г., какъ полагаетъ В. О. Ключевскій и др. Къ этому убѣжденію его привели «платежныя отписки» изъ пожертвованного въ комиссію семейнаго архива Волковыхъ.

Большая часть «Ізвѣстій» Тамбовской комиссіи занята описями дѣлъ, поступившихъ на храненіе въ исторической архивъ. Здѣсь мы находимъ составленныя г. Курбатовымъ описи: 1) дѣламъ

«истор. вѣсти.», ионы, 1899 г., т. lxxvi.

и документамъ изъ фамильного архива дворянъ Черниговской губерніи, Коссовичей, за время отъ 1598 по 1797 г. (среди разнаго рода документовъ наибольшее число купчихъ, межевыхъ и др. грамотъ, относящихся до землевладѣнія; есть также дѣла и документы, характеризующіе тогдашнюю внутреннюю администрацію съ ея злоупотребленіями); 2) дѣламъ Лебедянскаго и Липецкаго полицейскихъ управлений за 1850—1870 гг. (встрѣчаются разнаго рода документы: вѣдомости городовъ, книги сектантовъ, статистическая описанія, купчія и др., характеризующія внутренній бытъ), и 3) разнообразнымъ дѣламъ, большую частью восходившимъ на решеніе сената (числомъ 37) XVIII и нач. XIX в., между которыми находимъ и просьбу помѣщика Мосолова о разрѣшеніи «для холостыхъ и вдовъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей по неимѣнію за ближнимъ родствомъ невѣстъ въ находившемся подъ его надзоромъ имѣніи брать изъ постороннихъ вотчинъ, а на мѣсто тѣхъ выдавать дѣвокъ изъ спорнаго имѣнія». Сенатъ далъ свое согласіе, основываясь на томъ, что «по причинѣ близкаго родства вдовы и холостые крестьяне претерпѣваютъ нужду въ женитьбѣ, а вдовы и дѣвки въ выходѣ замужъ».

Кромѣ г. Курбатова, много потрудился надъ составленіемъ описей г. Пискаревъ, просмотрѣвшій: «Документы Казанскаго Богородицкаго монастыря въ Тамбовѣ» (выписи изъ писцовыхъ книгъ, царские указы, челобитныя и др. конца XVII в. и перв. пол. XVIII в.), «Документы Трегуляевской Предтеченской пустыни Тамбовскаго уѣзда» (записи, памятіи, выписи, челобитья, указы, статистическая вѣдомости и др., и между ними «Планъ осады Килійской октабря отъ 3 дня 1790 г.» Андрея фонъ-Фитингофа, «Описаніе Новороссійской губерніи» генералъ-инженера Сухтелена—цѣликомъ—и біографія князя А. А. Шаховскаго съ перечнемъ его трудовъ, составленная въ 1821 г.), и разнаго рода дѣла и документы XVII и XVIII в. (попреимуществуя челобитья).

Въ отдѣлѣ «Исторические материалы» помѣщены: 1) «Сотенскіе. Родословіе, составленное М. Ф. де-Пуле»; 2) «Списокъ съ памятіи, данной изъ иноземнаго приказа П. И. Сотенскому» въ 1683 г.; 3) «Грамота въ Козловѣ воеводамъ Биркину и Спѣшневу о построеніи вала между р. Вольнымъ Воронежемъ и р. Челковой», 1636 г. (сообщена г. Голомбіевскимъ изъ московского архива министерства юстиціи); 4) «Переписка 1737—1738 г. объ угрожавшемъ приходѣ кубанскихъ татаръ и крымскаго хана на казацкіе городки и мѣро-пріятія, вызванныя имъ» (сообщилъ П. И. Пискаревъ); 5) «Книга записная Тамбовской губерніи въ Совѣтномъ судѣ опредѣленіямъ», которыхъ по разнымъ дѣламъ 42; изъ нихъ одно о 35 крестьянахъ, испорченныхъ злачарями, выписывается сполна; 6) «Наказъ ясельничему и воеводамъ Ивану Биркину и Михаилу Спѣшневу о построеніи города между Воронежскимъ и Цненскими верховъ на Ур-

лановѣ городищѣ или гдѣ лучше» (1636 г., заимствованъ изъ московскаго архива министерства юстиції); 7) «Экстрактъ 1753 г. № 390»: объ учрежденіі Тамбовской епархіи, и др. болѣе мелкія.

Обработаннымъ статьямъ въ «Ізвѣстіяхъ» отводится сравнительно незначительное мѣсто; тутъ мы находимъ лишь нѣсколько рефератовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ упоминанія: И. И. Дубасова о «церковныхъ просвѣтителяхъ Тамбовскаго края»—старцѣ Матвѣѣ, основателѣ въ 1573 г. Шацкаго Николаевскаго Черніева монастыря, и архіепископѣ Мисайлѣ, замученномъ мордою въ 1656 г.; его же «Къ бытовой исторіи Тамбовскаго края XVI—XVIII вв.», и г. Фриксена «Укрѣпленіе г. Тамбова въ 1659 г.», съ планомъ укрѣплений (на основаніи документовъ московскаго архива министерства юстиції).

По отношенію къ Тверской комиссіі намъ извѣстно, что И. А. Виноградовъ докладывалъ о своей книгѣ: «Секта бѣгуновъ въ Тверской епархії»; г. Колосовъ—о свиткѣ, содержащемъ наказъ 1696 г. козловскому воеводѣ Исленьеву, интересный по подробностямъ областнаго управлениія въ украинныхъ городахъ и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ на счетъ политики русскаго правительства въ отношеніи кочевниковъ, и г. О. Аксаковъ—«Къ исторіи Псково-Печерскаго монастыря» (статья составлена на основаніи рукописи, принадлежащей Тверскому музею). Намъ думается, что недавнее возникновеніе въ Твери «Общества любителей археологии, исторіи и естествознанія» должно отразиться на дѣятельности архивной комиссіі, подобно смерти ея главнѣйшаго работника А. К. Жизневскаго.

Правителемъ дѣль Орловской комиссіи, г. Блохинъ, просмотрѣно нѣсколько описей довольно большему числу дѣлъ, но, къ сожалѣнію, изъ «Отчета» не видно, сколько изъ нихъ онъ намѣтилъ къ храненію. Изъ трехъ документовъ—«материаловъ», составляющихъ главное содержаніе I в. «Трудовъ» (1898 г.), заслуживаетъ упоминанія только «Указъ Петра I столънику и воеводѣ елецкому Тютчеву» (1699 г.), интересный для исторіи землевладѣнія. Но зато довольно цѣнными являются изданныя комиссией отдельно подъ редакціей г. Яницкаго: «Историко-біографический очеркъ объ архимандритѣ Макаріи», «Дневникъ» Макарія, «Дневникъ» его келейника Орлова и нѣкоторые изъ ненапечатанныхъ трудовъ Макарія.

«Костромская Старина» 1897 г. изобилуетъ разнаго рода актами, грамотами, выписями, старинными рукописными сборниками монастырей, синодиками, описаніями частныхъ архивовъ (Лосевскаго) и извлеченіями изъ дѣлъ архивовъ, но въ отдѣлѣ «изслѣдованій», кромѣ докладовъ И. А. Миловидова, не имѣется ничего. Въ двухъ изъ нихъ онъ рассматриваетъ «Наказы» дворянъ Костромскаго и Судиславскаго уѣздовъ депутатамъ въ комиссию екатерининскую 1767 г., а въ третьемъ говорить «Объ историческихъ записяхъ сержанта Черниговскаго пѣхотнаго полка Саввы Порхомова, съ 1735 по 1744 г.»,

сопоставляя ихъ съ выдержками изъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева.

Отдѣльно изданъ въ 1898 г. комиссіей «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Феодоровича. Родословіе рода Захарыныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ И. П. Сахарова», ч. II, съ дополненіемъ Н. Н. Селифонтова, учредившаго въ 1897 г. «Романовскій отдѣлъ» при комиссіи, гдѣ будуть собираяться всѣ матеріалы и изслѣдованія, относящіяся до рода Романовыхъ.

Членъ Саратовской комиссіи, г. Щегловъ, въ теченіе 1897 г. просмотрѣлъ нѣсколько многотомныхъ описей казенной палаты за 1747—1828 гг., но сообщеніе объ его работѣ будетъ напечатано, вѣроятно, въ XXII выпускѣ «Трудовъ» комиссіи; въ настоящемъ же XXI выпускѣ находимъ лишь матеріалы, заимствованные 1) изъ фамильного архива дворянъ Шахматовыхъ (копія съ бумагъ XVIII в.—императорскихъ указовъ, реестровъ, купчихъ, доношеній и др., содержащихъ данныя для топографіи г. Саратова и его ближайшихъ окрестностей и вообще для исторіи землевладѣнія); 2) изъ дѣлъ архива царицынской городской думы: изъ просмотрѣнныхъ 300 дѣлъ за 1797—1812 гг. г. Н. А. Соловьевъ описываетъ только нѣкоторыя наиболѣе важныя для исторіи г. Царицына и затѣмъ «имѣющія общій интересъ», къ которымъ онъ относить: высочайший «указъ о ябдникахъ и ябдническихъ прошеніяхъ» 1806 г., предписаніе сената всѣмъ начальствующимъ въ губерніи отклонять отъ себя «всякія приношенія и угощенія» и предложеніе губернатора, отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, рекомендующее думѣ выписать «Санктъ-Петербургскій журналъ», какъ заключающій въ себѣ «интересныя для любителей просвѣщенія свѣдѣнія»; 3) изъ дѣлъ царицынской городской управы, 1800—1808 гг. (изъ помѣщенныхъ здѣсь тѣмъ же г. Соловьевымъ бумагъ наиболѣе интересны тѣ, въ которыхъ говорится о развитіи шелководства въ Саратовской губерніи, и затѣмъ «Условіе, заключенное въ 1808 г. городскою думой съ отставнымъ сержантомъ Власовымъ относительно обученія послѣднимъ дѣтей царицынскихъ гражданъ». Этотъ первый распространитель грамотности въ Царицынѣ обязывался «въ надлежащемъ совершенствѣ» обучить: «читать, писать прописи и цифирной щетѣ, и ариѳметикѣ въ 4-хъ частяхъ», а также «въ свободное время занимать дѣтей прогулкою въ поле...», и все это за плату въ 150 рублей въ годъ); 4) Изъ дѣлъ Саратовского окружного суда (4 дѣла 1839—1841 гг. о раскольникахъ; сооб. г. Бундасъ) и 5) изъ фамильного архива гр. Нессельроде. Изъ него заимствованы самые интересные и притомъ малоизвѣстные документы: копія съ формуллярнаго списка графа В. Нессельроде, указъ иностранной коллегіи, пять промеморій, инструкція Фридриха-Вильгельма I подполковнику фонъ-Роховъ относительно воспитанія своего сына Фридриха (1729 г.), шесть писемъ Фридриха Великаго графу В. Нессельроде и одинъ черновикъ письма

послѣдняго первому (1769—1775 гг.), копія письма Доротеи, герцогини Курляндской, высказывавшей благодарность Екатеринѣ II по поводу мира 1780 г., письмо короля Фридриха-Вильгельма II графу В. Нессельроде, копія съ письма его же великому князю Павлу Петровичу (1788 г.) и черновое письмо графа В. Нессельроде великому князю Павлу Петровичу (1790 г.).

Тавріческая комиссія просмотрѣла описи дѣламъ архивовъ: Бессарабской казеннаї палаты за 1848—1852 гг. и за 1860—1866 гг. и изъ 2.205 дѣлъ опредѣлила къ храненію 31 д. (г. Лашковъ), Ставропольской казеннаї палаты за 1837—1862 г.—изъ 9793 д. къ храненію 596, казначействъ—Александровскаго, Георгіевскаго, Моздокскаго и Кизлярскаго за 1788—1816 гг.—изъ 1837 д. къ храненію 118, Бессарабской казеннаї палаты за 1877—1880 гг.—изъ 87 д. къ храненію—8 (г. Маркевичъ) и прокурора Симферопольскаго окружнаго суда за 1869—1893 гг.—изъ 28.000 д. къ храненію 6 (г. Кашпаръ, Романюкъ и Маркевичъ), и напечатала въ трехъ №№ (26—28) своихъ «Ізвѣстій» довольно цѣнныє историческіе матеріалы и изслѣдованія. Къ первымъ относимъ «Ордера князя Шлатона Ал. Зубова правителю Тавріческой области» (они печатаются уже очень давно и въ настоящемъ 26 № оканчиваются), «Сборникъ документовъ по истории Крымскаго татарскаго землевладѣнія» (подъ редакціей Ф. Ф. Лашкова, также окончаніе, а начало въ 22 №) и «Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 г.». Въ предисловіи къ послѣдней («Литовскія упоминки татарскимъ ордамъ. Литовскій скарбъ и татарскія орды въ 1502—1509 гг.») М. В. Довнаръ-Запольскій сообщаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о скарбѣ и скарбовыхъ книгахъ и затѣмъ подробнѣе останавливается на значеніи и содержаніи печатаемой имъ ниже Скарбовой книги. Послѣдняя принадлежитъ, по его словамъ, къ рѣдкимъ явленіямъ и особенно драгоцѣнна потому, что содержитъ приходо-расходныя росписи, не заключающіяся въ другихъ скарбовыхъ книгахъ XVI в. Особенно много свѣдѣній въ ней по истории внутренняго быта Перекопской орды. Документъ извлеченъ изъ Московскаго главнаго архива министерства иностраннныхъ дѣлъ.

Изслѣдованія принадлежать: М. В. Довнаръ-Запольскому—«Замѣтка о крымскихъ дѣлахъ въ Метрикѣ Литовской» (начала XVI в.), профессору М. Бережкову—«Нуръ-султанъ, царица крымская. Историко-біографический очеркъ». (Нуръ-султанъ, жена Менгли-Гирея, оказала «существенные услуги дѣлу мира» и извѣстна въ исторіи болѣе другихъ женъ хана. Очеркъ составленъ на основаніи свѣдѣній, извлеченныхъ изъ крымскихъ посольскихъ книгъ царствованія Ioanna III и Василія III), и профессору Ал. Маркевичу—«Императрица Екатерина II и Крымъ» и «Южная Россія на X Археологическомъ съездѣ въ Ригѣ».

Нижегородская комиссія издала въ 1898 г. весьма содержатель-

ный III томъ «Сборника», въ который вошли статьи по различнымъ вопросамъ внутренней жизни Нижегородского края, описи дѣлъ (между ними особенно цѣнна «Опись дѣлъ Балахнинскаго городового магистратса» съ предисловиемъ, составленная извѣстнымъ беллетристомъ В. Г. Короленко) и нѣсколько грамотъ и документовъ XVII в.¹⁾). Кромѣ того, членъ комиссіи, г. Савельевъ, помѣстилъ въ «Русской Старинѣ» (1898 г., №№ 6 и 7) обстоятельную статью о бывшемъ нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ.

Возобновившаяся дѣятельность Оренбургской архивной комиссіи особенно плодотворно отразилась на архивныхъ работахъ гг. членовъ. Изъ дѣлъ бывшаго Оренбургскаго генераль-губернаторства ими просмотрѣно 10.986 и къ храненію опредѣлено 2.556 дѣлъ, которыемъ составлены и описи (гг. Шукшинцевъ, Поповъ и друг.); затѣмъ г. Биркъ просмотрѣлъ описи дѣлъ: Уфимскаго губернскаго правленія съ 1766 г., девяти волостныхъ правленій Оренбургской губерніи, Орскаго уѣзднаго полицейскаго управлениія и Тургайскаго областнаго правленія; г. Шуклинцевъ—описи дѣлъ Оренбургскаго правленія за 1886—1896 г. и канцеляріи директора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи и Уфимскаго уѣзднаго училища.

Кромѣ того, въ трехъ выпускахъ «Трудовъ» комиссіи за 1897—1898 г. находимъ нѣсколько интересныхъ статей, каковы, напримѣръ: Ардашева—«Къ столѣтнему юбилею Оренбургской губерніи» (на основаніи, главнымъ образомъ, архивныхъ материаловъ авторъ разсказываетъ исторію г. Оренбурга ок. 1796 г., когда была образована Оренбургская губернія), С. Севастьянова—«Князь Г. С. Волконскій, какъ инициаторъ памятника Неплюеву—Неплюевскаго училища, нынѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса» (также на основаніи архивныхъ данныхъ), В. Водопьянова—«Неудавшееся посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго въ 1803 г.», и Д. Н. Соколова—«Опытъ разбора одной башкирской лѣтописи», а именно изданной г. Назаровымъ въ 1890 г.

По отношенію къ Ярославской комиссіи можно указать только то, что членъ ея Тихомировъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими просмотрѣлъ за три года (1896—1898 г.) описи 40.000 дѣлъ, изъ которыхъ къ храненію оставилъ 2.100. Всего въ историческомъ архивѣ комиссіи имѣется только 7.000 дѣлъ. Отсутствіе съ 1892 г. своего органа сильно отразилось и на ростѣ библиотеки.

Въ «Ізвѣстіяхъ» Калужской комиссіи гг. Трейтеромъ и Капикаровымъ помѣщено немало разныхъ материаловъ, среди которыхъ наиболѣе интересны: «Книга о засѣчномъ строеніи» (книга эта въ рукописи половины XVII в. сохранилась въ библиотекѣ Калужской мужской гимназіи и любопытна потому, что является едва ли не

¹⁾ Подробнѣе о содержаніи «Сборника» см. нашу замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за нын. годъ, № 4, отд. критики и библіографіи.

единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ мѣрами, предпринятыми въ 1638 г. боярской думой для «огражденія и защищенія» окраинъ засѣками отъ набѣговъ крымскихъ татаръ); нѣкоторыя жалованыя грамоты XVII в.; «Къ исторіи указа 1702 г. объ ограниченіи воеводской власти» (помѣщенъ подлинный указъ и черновая отписка на него мещовского воеводы Радищева, служащія дополненіемъ къ свѣдѣніямъ объ этомъ у С. М. Соловьевъ, т. XV); «Синодикъ Покровскаго монастыря», и друг. Не безинтересно также цитированное С. Вагиномъ «Предложеніе графа Остермана о гуманномъ обращеніи съ колодниками при допросахъ», писанное въ 1776 г. графомъ Федоромъ Остерманомъ; въ немъ онъ предписываетъ не дѣлать никому тѣлесныхъ истязаній (пытокъ), предлагая поступать по правиламъ 10 главы Екатерининскаго «Наказа».

Въ приложениі находимъ впервые появляющіяся въ печати «Записки Семена Ивановича Яновскаго. Путешествіе вокругъ свѣта отъ Кронштадта на островъ Сиху въ портъ Новоархангельскъ, на кораблѣ Суворовѣ и обратно въ Петербургъ чрезъ Восточный или Тихій океанъ и Охотское море до Охотска на маленькомъ галетѣ Румянцевѣ; а отъ Охотска сухимъ путемъ чрезъ Якутскъ, Иркутскъ до С.-Петербургъ, совершенное въ 1816—1817 г. до Сихи и обратно въ 1821—1822 г.». Неоконченныя еще печатаніемъ «Записки» прерываются въ 10 вып. на мартъ 1817 г.

Въ отдѣлѣ статей находимъ: И. Д. Четыркина—«Историко-топографическая данная о Калугѣ, относящіяся къ XVII вѣку, и о такъ называемомъ домѣ Марины Мнишкѣ»; А. А. Прозоровскаго—«Изъ исторіи закрытыхъ монастырей Калужской губерніи»—Лихвинскаго Михайло-Малеинскаго, Мещовскаго Дорогошанскаго Троицкаго и Жиздринскаго Троицкаго (при очеркѣ ихъ прошлаго приводится и нѣсколько новыхъ документовъ); В. М. Кашкарова—«Пріѣздъ императрицы Екатерины II въ Калугу. Открытие Калужского намѣстничества. Первый калужскій намѣстникъ М. Н. Кречетниковъ» (составлена преимущественно на основаніи архивныхъ данныхъ), его же—«Городъ Перемышиль» (историческая справка); его же—«Дѣло о разграбленіи усадьбы Домогацкаго» (дѣло относится къ 1730—1740 гг. и интересно по подробностямъ, характеризующимъ тогдашнее судопроизводство, на которое въ этомъ дѣлѣ оказывали давленіе Я. В. Брюсь и Никита Ак. Демидовъ, такъ какъ причастными къ разграбленію оказались и ихъ крѣпостные люди); его же—«Село Любутское»; М. П. Чельцова—«Къ исторіи открытия Калужской епархіи» (авторъ доказываетъ, что мысль объ открытии епархіи возбуждалась еще въ концѣ XVII вѣка и затѣмъ въ 1784, 1788 и 1796 годахъ; окончательно же открыта, какъ извѣстно, въ 1799 году); С. Вагина—«Престорожность отъ злодѣя Пугачева» (рѣчь о спѣшныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ 1774 году испуганною Москвою по поводу слуховъ о приближеніи Пугачева къ столицѣ. Матеріаломъ для статьи

послужили: указъ сената отъ 25-го іюля 1774 года, найденный въ архивѣ калужского губернского правленія, и дѣлон производство по поводу него провинціальныхъ канцелярій, въ томъ числѣ и Калужской; И. Тихомирова—«Строгая ревизія. Эпизодъ изъ калужской жизни начала XIX вѣка» (по архивнымъ даннымъ авторъ слѣдить за ревизіей Г. Р. Державина въ 1801 году по поводу злоупотребленій калужского губернатора Д. А. Лопухина и при этомъ старается оправдать отъ обвиненій ревизора-поэта (въ его «Запискахъ») епископа Феофилакта), и Д. Д. Соколова—«Объ изданіяхъ Оптиной Козельско-Введенской пустыни вообще и святоотческихъ твореній въ частности» (старцы этой знаменитой пустыни съ 1839 до 1897 года выпустили въ свѣтъ болѣе 125 изданій разныхъ сочиненій въ количествѣ, свыше 21.700 экземпляровъ).

Симбирская архивная комиссія, занятая въ 1897 г. главнымъ образомъ подготовительными работами къ 250-ти-лѣтнему юбилею Симбирска, въ слѣдующемъ году издала: Мартыновъ—«Симбирскъ за 250 лѣтъ существованія»; его же—«Тугай. Упраздненный городъ Симбирской губерніи. Историко-статистический очеркъ»; Супранскій—«Симбирскъ и его прошлое»; Поливановъ и Красовскій—«Материалы исторические и юридические района бывшаго приказа Казанского дворца»; Красовскій—«Хронологический перечень событий Симбирского края», и Холмогоровъ—«Материалы для исторіи Симбирского края второй половины XVIII вѣка»¹⁾.

Наконецъ, открывшая свои дѣйствія въ 1897 г. Черниговская комиссія помѣстила въ изданномъ его первомъ выпускѣ «Трудовъ»—«Материалы для жизнеописанія святителя Феодосія, черниговскаго чудотворца» (М. Доброгаевъ) и «Вытовой памятникъ»—вѣновной реестръ 1786 г. (П. Тихоновъ).

Въ дополненіе къ сдѣланному обзору работъ губернскихъ архивныхъ комиссій слѣдуетъ остановиться еще на трудахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ области библиографіи, біо-библиографіи и исторіи литературы. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить отличающійся полнотою и точностью второй выпускъ «Опыта указателя книгъ и статей, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще», Арс. Маркевича (въ 28 № «Ізвѣстій» Таврической комиссіи). Далѣе членъ Саратовской комиссіи С. В. Дегенъ помѣстилъ въ «Трудахъ» «Библиографіческий указатель сочиненій А. Ф. Леопольдова». Комиссіи Рязанская и Тамбовская напечатали біо-библиографические словари своихъ уроженцевъ—первая только ученыхъ и писателей (г. И. Добролюбовъ), а вторая вообще всѣхъ дѣятелей (г. И. Токмаковъ). Наконецъ, комиссіи: Ярославская приняла на себя заботы о постановкѣ памятника поэту Сурикову въ Угличѣ;

¹⁾ Подробнѣе объ этихъ трудахъ см. «Историческій Вѣстникъ», 1898 г., № 11, отд. Критики и библиографіи.

Рязанская собираетъ въ свое музей материалы, касающіеся біографії Н. Д. Хвоцінської (Заіончковской); Нижегородская напечатала формулярный списокъ В. И. Даля и Оренбургская статью П. Гутьяра — «Къ біографії И. С. Тургенева», въ которой авторъ приводить неизвѣстное еще въ печати и недавно доставленное въ комиссию В. П. Щегловой письмо Ивана Сергеевича къ Щепкину, отъ 3-го (15-го) декабря 1848 года, разъясняющее «исторію» съ комедіей Тургенева «Нахлѣбникъ». Въ этомъ письмѣ Иванъ Сергеевичъ сообщаетъ о поправкахъ, которыя предложилъ ему А. И. Герценъ и которыя состояли въ замѣнѣ у Кузовника дворянскаго сюртука частнымъ и словъ Тропачева: «смѣю сказать» — «извините за выражение», потому что, «по его мнѣнію», писалъ Тургеневъ, «смѣю сказать не идетъ въ устахъ петербургскаго чиновника» (но оно осталось). Въ концѣ письма авторъ сообщалъ, что онъ «вполнѣ согласенъ, что это мелочь, и онъ устыдился бы писать о ней, если бы этого не потребовалъ Герценъ». Кроме того, письмо интересно и для характеристики самого Тургенева и для выясненія дружескихъ отношений его къ Щепкину. Въ предисловіи г. Гутьяръ сообщаетъ самую исторію написанія и пропуска въ печати «Нахлѣбника».

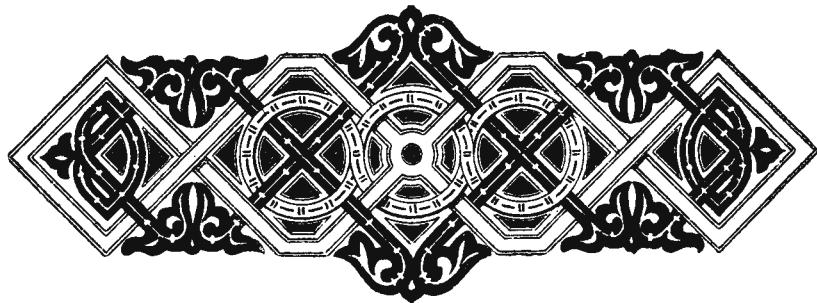
Такова за разматриваемые годы дѣятельность нашихъ архивныхъ комиссій, инертность которыхъ была далеко не одинакова и сказывалась въ различныхъ областяхъ. Первое мѣсто среди нихъ должно быть отведено Рязанской и Калужской. Та и другая произвели немало археологическихъ наблюденій и изслѣдований, много заботились о составленіи исторического архива и обогатили историческую науку цѣнными историческими материалами, особенно Рязанская комиссія, въ трудахъ которой принимали участіе видные наши историки П. Милюковъ и В. Сторожевъ. Калужская комиссія къ тому же дала немало цѣнныхъ статей по исторіи своего края.

Что касается другихъ комиссій, то производство раскопокъ для нихъ было дѣломъ болѣе или менѣе случайнымъ; поэтому нѣкоторые комиссіи обращали особенное вниманіе на просмотръ дѣлъ и описей и составленіе описей сохраненнымъ дѣламъ (Тамбовская, Костромская, Оренбургская и Нижегородская), а также заботились о помѣщеніи въ своихъ изданіяхъ историческихъ материаловъ (Тамбовская, Костромская, Саратовская — почти исключительно одни исторические материалы и документы, Нижегородская и Таврическая). Наконецъ, видное мѣсто должно быть отведено и изслѣдованіямъ, которыя мы встрѣтили въ изданіяхъ комиссій — Таврической, Симбирской, Нижегородской и Оренбургской.

Несомнѣнно, по нашему убѣжденію, что эта работа нашихъ провинціальныхъ тружениковъ вызоветъ въ читателѣ глубокоеуваженіе, особенно, если онъ вспомнитъ, что она производится ими не только безкорыстно, но даже иногда съ затратой собственныхъ средствъ.

Д. Рудаковъ.

НАША ОБОРОНА НА ВОСТОКЪ.

БЕЗОПАСИВЪ навсегда Европу отъ азіатскихъ ко-
чевниковъ и ордынцевъ, Россія, по необходимости,
должна была принять наступательное движение на
востокъ, не прекращающееся и по настоящее время.

Занявъ Сыръ-Даринскую область и соединивъ
Оренбургскую линію защиты съ Сибирской рядомъ
укрѣплений, уже легко было покорить Ташкентъ,
Хиву и подвигаться далѣе. Проникая въ глубь
азіатскихъ степей, Россія встрѣтилась съ Англіей,
еще ранѣе настъ распостранившей свое господство
на индійские и среднеазіатскіе рынки. Приближеніе Россіи къ Герату
до сихъ поръ шло воинственнымъ путемъ. Напи цари Іоаннъ Грозный,
Алексѣй Михайловичъ, Петръ I, Екатерина II, Павелъ, Николай
Павловичъ и Александръ II постоянно дѣлали попытки захватить
азіатскія земли либо дипломатическими принужденіями, либо открытой
войною. Англосаксонскіе завоеватели Индіи очень скоро поэтому
почувствовали своего опаснаго сосѣда. С. Южаковъ въ брошюрѣ
«Англо-руssская распря» говорить: «въ тридцатыхъ и сороковыхъ
годахъ Англія принимаетъ поспѣшно мѣры предосторожности и
вступаетъ окончательно и безповоротно на путь сознательного со-
перничества съ Россіей на Востокъ. Соперничество сказалось еще
съ конца прошлаго столѣтія и довольно ярко обнаружилось въ эпоху
русско-турецкой войны 1828—1829 гг., но только послѣ этой войны,
повидимому, поняли въ Лондонѣ, что приходится это инстинктивное
и случайное соперничество превратить въ систему. Когда это поняли,

то рѣшились немедленно привести въ исполненіе и со свойственною Британіи энергіею и постоянствомъ принялись за проведение программы систематического противодѣйствія Россіи на востокѣ. Въ высшей степени энергичная, хотя и не всегда искусная политика эта наполняетъ собою два десятилѣтія, предшествовавшія и подготовившія первое великое столкновеніе Европы на востокѣ—крымскую войну 1852—1856 гг.»

Ослабивъ наше вліяніе на европейскія дѣла, Англія не могла не чувствовать, что на востокѣ мы можемъ вознаградить себя на счетъ ея могущества. Но если прежде она исключительно боялась русского оружія, то теперь ей болѣе страшна наша мирная и прогрессивная миссія на востокѣ. Въ недавно вышедшей чрезвычайно интересной книжкѣ Б. Г. «Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію» — авторъ представляетъ именно картину мирнаго завоеванія нами въ ближайшемъ будущемъ «ключей къ Индіи» и боязнь англичанъ нашего культурно-экономического вліянія на Среднюю Азію и Индостанъ. Не умѣя сискать себѣ до сихъ поръ симпатій въ покоренныхъ туземцахъ Индіи, англичане не могутъ опираться на нихъ въ случаѣ вооруженного столкновенія съ Россіей. Авторъ названной книги совершенно справедливо заключаетъ, что «безжалостно-хищническое и цинически-откровенное выжиманіе послѣднихъ соковъ изъ этого населенія, презрительно рассматриваемаго, лишь какъ выгодное удобреніе для пышной англійской цивилизациі, создало съ теченіемъ времени опасныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными, гдѣ достаточно одного властнаго и многообѣщающаго сигнала, чтобы побѣженные, опираясь на данное обѣщаніе или хотя на призракъ будущей помощи, готовы были броситься въ борьбу съ ненавистнымъ побѣдителемъ и эксплоататоромъ. Отъ кого же эта помошь, этотъ сигналъ могли бы воспослѣдовать? Очевидно не отъ тѣхъ, кто своими политическими и экономическими интересами и запросами исторической жизни не имѣютъ на азіатскомъ материкѣ никакого касательства къ англо-индійскимъ отношеніямъ, а со стороны именно того могущественнаго и сильнаго сосѣда, который уже давно сталъ властною стопою на территорії смежныхъ областей, который нынѣ стремится возможно тѣснѣе сблизить эти области непрерывныхъ рельсовыхъ путей съ своимъ центромъ и надѣется при помощи этого сближенія открыть себѣ на югѣ Азіи такие рынки, которые дотолѣ для него были закрыты, несмотря на всѣ старанія проникнуть туда». Дѣйствительно, надежды азіатскихъ народовъ на помошь Россіи оправдывается и историческими событиями. Кто читаль книгу доктора И. Л. Яворскаго: «Путешествіе русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг.», тому легко вспомнить, какъ это посольство, во главѣ съ генералами Столѣтовымъ и Разгоновымъ, одними только обѣщаніями помоши

«бѣлаго царя» быстро подняло азіатскіе народы противъ англо-индійского владычества. Если бы не Берлинскій конгрессъ, удержавшій наши войска, между прочимъ, и отъ движенія въ Авганистанѣ на помощь эмиру, Абдурахману-хану, то при всеобщемъ возстаніи азіатскихъ владѣтелей противъ англійского владычества въ Азіи, мы давно бы господствовали въ ней. Необходимость выполнить предписаніе европейскихъ державъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій за Ташкентомъ сильно попатнула въ то время русское обаяніе на востокѣ, но не въ такой степени, чтобы азіатскіе народы предпочли колоніальную политику англичанъ нашему режиму. Англичане хорошо понимаютъ это и чувствуютъ возможность при удобныхъ обстоятельствахъ отпаденія колоній отъ метрополіи. Нынѣшній вице-король Индіи, сэръ Георгъ Керзонъ, дѣятельно пропагандируетъ выдвореніе Россіи изъ Средней Азіи преимущественно путемъ возбужденія противъ насъ Авганистана. При этомъ, Авганистанъ выставляется политическимъ буферомъ, силами которого должна руководить Англія.

«Въ случаѣ же если силы этого буфера почему либо ослабнутъ, то Англія должна захватить его, какъ свою собственность, и уже лично, всѣми зависящими отъ нея мѣрами, скрытыми и открытыми, вредить Россіи въ Средней Азіи и не допускать въ особенности ея усиленія въ Персидскомъ Хорассанѣ. Захватъ Хорассана Россіей рисуется Керзону, какъ нѣчто чрезвычайно опасное, такъ какъ отсюда она, по его соображеніямъ, должна угрожать Герату. Кроме того, отсюда же ей открывается путь въ Кандагаръ, чрезъ Фарра и Гиршикъ, въ долину Гильменда, существующую считаться лучшимъ и естественнымъ путемъ для Россіи, въ прямомъ, южномъ направленіи къ Индійскому океану. Занявъ Хорассанъ, Россія войдетъ, по мнѣнию Керзона, въ соприкосновеніе съ Белуджистаномъ и будетъ находиться еще ближе къ Индіи, нежели теперь. Онъ опасается, что мы свяжемъ напрѣдъ Закаспійскую желѣзную дорогу съ Нуфтабадомъ и тогда будемъ окончательно въ состояніи выйти къ океану, чего такъ боится Англія, и въ чемъ она видитъ угрозу своему могуществу. Поэтому нынѣшній вице-король рекомендуетъ открыть новый путь черезъ Белуджистанъ (что уже нынѣ выполнено) и построить на югѣ желѣзную дорогу для уравновѣшенія вліянія нашей Закаспійской желѣзной дороги и для окончательного захвата всей территории южной Персіи». «Но,—продолжаетъ Б. Г.,—если бы Англія, слѣдя шовинистской программѣ сэра Керзона, вздумала продолжать свое будированіе Россіи и довела бы это будированіе до крайности, то тогда, конечно, наше отечество сумѣеть подготовиться къ будущей встрѣчѣ и сумѣеть разрушить замыслимые противъ нея козни и засады. Въ качествѣ такого подготовительного шага и можетъ послужить прежде всего осуществленіе того рельсоваго пути, направленіе и задача котораго обсуждаются въ брошюрѣ:

«Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію».

«Такимъ образомъ двѣ первоклассныхъ державы, совершая на землѣ свое историческое предопредѣленіе, медленно идутъ на встрѣчу другъ другу, и мы присутствуемъ при знаменательномъ, небываломъ въ лѣтописяхъ человѣчества историческомъ процессѣ, гдѣ миллионы народа должны рано или поздно встрѣтиться или для братскаго лобзанія и клятвенного обѣщанія «быть провозвѣстниками вѣчной истины и мира», или грознаго окрика: «прочь съ дороги, мѣсто силѣ и мечу». И оба народа, обѣ державы чуютъ эту неминуемую встрѣчу, готовятся къ ней и думаютъ о ней свои глубокія тревожныя думы»...

Самъ авторъ «Кратчайшаго пути», однако, склоненъ думать, что проектируемый имъ «Кратчайшій путь» отъ Саратова къ Чарджую, черезъ Хиву и Бухару, поведеть не къ войнѣ, но къ новому индо-европейскому транзиту (Россія-Індія), и тогда въ обширной территорії Азіи найдется достаточно мѣста для мирной и культурной работы и для русскихъ, и для англичанъ.

«Занявъ Кавказъ и обойдя Авганистанъ, Россія географически приблизилась къ владѣніямъ Англіи и почти подошла къ самымъ вратамъ Герата и къ долинѣ Гильменда, откуда уже прямой выходъ къ Индостану и Индійскому океану. На всемъ протяженіи своихъ сложныхъ отношеній къ Россіи, Англія болѣе всего опасалась именно нашего приближенія къ этимъ важнымъ географическимъ пунктамъ; равнымъ образомъ, и мы, несмотря на всѣ препятствія, намъ чинимыя, силою всѣхъ историческихъ событий неминуемо приблизились сюда. Роковое мѣсто встрѣчи двухъ державъ точно опредѣлилось, и остается лишь выяснить, поскольку мы успѣли укрѣпить свой тылъ для безопаснаго движенія впередъ, если бы это требовалось по соображеніямъ военно-стратегическимъ и поскольку за протекція 30 лѣтъ съ небольшимъ мы достигли укрѣпленія русской гражданственности въ покоренныхъ и подчиненныхъ намъ среднеазіатскихъ областяхъ, подобно тому, какъ мы это дѣлали по отношенію всѣхъ добытыхъ нами силою оружія бывшихъ кочевыхъ владѣній въ предѣлахъ Европейской Россіи».

Что касается Англіи, то и она за это время, свидѣтельствуетъ Б. Г., «перерѣзала всю Индію сѣстью желѣзныхъ дорогъ, закрѣпила ими своими сѣверо-западными границы, доведя свой рельсовый путь отъ Кветы до Нушки, откуда въ настоящее время ею проектируется рельсовый путь на Дербендъ-Амирча-Сындақъ и далѣе на сѣверъ, въ направленіи къ Сеистану. Такое энергичное движеніе на западъ, съ одной стороны, въ цѣляхъ приближенія къ юго-западной границѣ Авганистана, а также къ полному захвату Белуджистана, а съ другой — для соединенія съ Персидскимъ заливомъ и въ цѣляхъ встрѣчи съ рельсовыми путями Германіи, подвигающимися

нынѣ къ востоку отъ береговъ Босфора и отъ сирійского побережья въ долину Месопотаміи, имѣетъ для Англіи громадное политическое и торгово-промышленное значеніе. Прорѣзавъ весь Белуджистанъ рельсовымъ путемъ, который не оказалъ, въ противность Афганістану, никакого сопротивленія англичанамъ и пассивно отдался имъ во власть, наша азіатская сосѣдка тѣмъ самымъ завладѣла обширнѣйшимъ рынкомъ и получила возможность, въ разстояніи слишкомъ 500 верстъ подвинуть къ сѣверу свои гарнизоны, которые, благодаря существующему караванному пути на Сеистанъ, быстро и легко могутъ, на случай военныхъ дѣйствій, еще ближе быть подведены къ вратамъ Герата. Что же касается движенія къ персидскому заливу, то въ данномъ случаѣ, минуя Россію, Англія достигаетъ возможности, при содѣйствіи встрѣчныхъ ей германскихъ желѣзныхъ дорогъ, создать непрерывный индо-европейскій (англо-германскій) транзитъ, въ коемъ наше отечество уже не примѣтъ никакого участія, и отъ коего оно останется въ сторонѣ. Кромѣ того, если мы не примемъ рѣшительныхъ мѣръ къ соединенію нашихъ дорогъ съ англо-индійскими или не продвинемся южнѣ Герата, то Англія сведеніемъ своихъ индійскихъ дорогъ съ Персидскимъ заливомъ отрѣжетъ навсегда намъ путь къ Индійскому океану по долинѣ Гильменда, а также нанесетъ существенный непоправимый уронъ нашему вліянію даже въ сѣверной Персіи, не говоря уже про центральную. Достигнувъ съ востока на западъ Персидского залива, Англія этимъ самымъ какъ бы объединяетъ свои африканскія колоніи съ азіатскими, такъ какъ Аравія въ данномъ случаѣ не можетъ быть принята въ соображеніе: энергичная британская нація уже давно исправно хозяйствуетъ здѣсь и чувствуетъ себя здѣсь, какъ дома. Такимъ образомъ, параллельно нашей Закаспійской желѣзной дорогѣ, въ недалекомъ сравнительно разстояніи отъ нея къ югу, образуется обширнѣйшая колоніальная область Англіи, откуда она уже безъ труда, во всякое время, можетъ грозно подыматься къ сѣверу, въ интересахъ захвата персидского Хорасана и въ цѣляхъ, какъ то намѣчаеть сэръ Керзонъ, полного вытѣсненія насъ изъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній. Въ этомъ можетъ ей окказать извѣстное содѣйствіе и Германія,двигающаяся нынѣ, минуя австрійскіе Салоники, прямо отъ Босфора въ направленіи черезъ малую Азію къ важнѣйшимъ персидскимъ рынкамъ. Такимъ образомъ, на югѣ Азіи, въ недалекомъ будущемъ, грозить образоваться тѣсный союзъ двухъ сильныхъ европейскихъ народностей, направленный къ изолированію Россіи отъ ея естественныхъ рынковъ въ Средней Азіи, отъ Индійскаго океана и отъ тѣхъ индостанскихъ торговыхъ центровъ, къ которому она такъ неуклонно до сихъ поръ стремилась».

Чтобы парализовать подобное бойкотированіе англичанами Россіи на востокѣ, послѣдняя должна создать оборону, по мнѣнію Б. Г.,

въ видѣ собственнаго индо-европейскаго транзита, въ пользу котораго собраны имъ въ книжѣ многочисленныя доказательства политического и экономического характера. «Мирно встрѣтившись у береговъ Ганга съ нашей былой соперницей, соперницей по недоразумѣнію,—говорить Б. Г.,—мы тѣмъ самымъ положимъ рѣшительный конецъ нашему давнему спору на востокѣ. Слившись нашими рельсовыми путями съ общую сѣтью индійскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы будемъ вполнѣ и нравственно, и материально вознаграждены за былую историческую неудачи, за понесенные въ Азіи жертвы и затраты и обѣ руку съ «владычицею морей» получимъ возможность не дробить свои культурные силы понапрасну, а гармонически направить ихъ на благо міровой цивилизаціи и на вовлеченіе въ сферу этой цивилизациіи тѣхъ восточныхъ народовъ сѣверной, средней и южной Азіи которые, можетъ быть, именно благодаря нашей исторической розни съ Англіей, нашей обоюдной неумѣлости столкноваться, такъ долго пребывали внѣ вліянія европейской культуры. Но помимо этихъ высокихъ культурныхъ задачъ соединеніе Закаспійской желѣзной дороги и примыкающаго къ ней Туркестана съ общую напею рельсовою сѣтью въ наикратчайшемъ направленіи помогаетъ памъ прочно цементировать наши далекія среднеазіатскія окраины съ центромъ нашей государственной и торгово-промышленной жизни, въ чёмъ чувствуется нынѣ такая насущная надобность. Отвѣчающимъ всѣмъ намѣченнымъ задачамъ является желѣзно-дорожное соединеніе станціи Чарджуй Закаспійской желѣзной дороги, расположенной на бухарской территории, черезъ Хиву, по Уральской области, къ станціи Александрово-Гай-Покрово-Уральской линіи, берущей свое начало отъ Саратова».

До сихъ поръ вся среднеазіатская торговля захвачена, кроме англійскихъ фирмъ, армянами, евреями, татарами и персами; а русскіе, вслѣдствіе разобщенности Закаспійской желѣзной дороги съ общую рельсовою сѣтью, не имѣютъ никакого вліянія на среднеазіатскую торговлю и нравы мѣстного населенія. Между тѣмъ соединеніе Чарджуя Закаспійской желѣзной дороги съ Александровомъ, Гаемъ и Волгой привлечетъ русскіе элементы въ области: Зауральскую, Закаспійскую, Сырь-Дарьинскую, Самаркандинскую, въ Хиву, Бухару, Фергану, Церсю и къ самому Индостану. Кромѣ того, по мнѣнію Б. Г., «центральный фабрично-заводскій районъ, постепенно развивающій свои силы, получить со стороны среднеазіатскихъ владѣній болѣе близкій и обеспечивающій доставки обширный рынокъ сбыта своихъ товаровъ, а съ другой стороны, будетъ тѣсно связанъ съ тѣмъ райономъ культуры хлопка, отдаленность и изолированность котораго отъ общей сѣти дорогъ невыгодно отражается на развитіи этой культуры и снабженія хлопкомъ напихъ фабрично- заводскихъ районовъ. Пользуясь имѣющейся уже Мургабской вѣткой, Россія, при наличности необходимаго соединенія Закаспійской

желѣзной дороги съ центромъ, сразу разрѣшаетъ тѣ великия проблемы, надъ которыми трудилось столько народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это же дасть возможность созданія для всей Европы дѣйствительно кратчайшаго непрерывнаго сухопутнаго транзита, который въ сферѣ желѣзнодорожнаго строительства даетъ неисчислимые выгоды и самой Англіи, избавляя ее отъ необходимости прокладывать въ направленіи Персидскаго залива отъ запада громадный рельсовый путь, трассируемый по необслѣдованной мѣстности и сопряженный съ значительными денежными затратами».

Конечно, одно будущее покажетъ, въ какой мѣрѣ основательны надежды Б. Г. на мирный исходъ борьбы Англіи съ Россіей на востокѣ, благодаря осуществленію его рельсовой программы; но несомнѣнно, что логика событий и духъ времени сильно говорятъ въ пользу его предсказаній о культурномъ согласіи двухъ первостепенныхъ державъ на рубежѣ Индіи и конца бойкотированія Россіи англичанами съ проведеніемъ Волга-Хива-Бухарской желѣзной дороги. Проектируя ее, Б. Г. резюмируетъ основныя ея задачи и выгоды слѣдующими словами: дорога эта «1) тѣсно свяжетъ отдаленные среднеазіатскія окраины съ центромъ Россіи непрерывнымъ рельсовымъ путемъ въ кратчайшемъ направленіи. 2) Дасть возможность развить въ среднеазіатскихъ нашихъ владѣніяхъ культуры цѣнныхъ земледѣльческихъ растеній—хлопка, шелка и риса и продуктовъ садоводства, а также снабжать эти владѣнія и сопредѣльные съ ними области продуктами центральной фабрично-заводской промышленности. 3) Поможетъ снабженію края русскимъ хлѣбомъ, благодаря чему освободятся земли, нынѣ занятые подъ культуру продовольственныхъ хлѣбовъ, для воздѣлыванія болѣе цѣнныхъ растеній и особенно хлопка. 4) Облегчить колонизаціонныя задачи Россіи въ Средней Азіи, направляемой, какъ для заселенія туземныхъ городовъ, такъ и тѣхъ земледѣльческихъ районовъ, которые могутъ быть для того пригодны. 5) Упрочить наше политическое вліяніе въ Авганистанѣ и Персіи. 6) Поможетъ, на случай надобности, быстро передвинуть части войскъ южныхъ и восточныхъ округовъ Россіи къ южной границѣ среднеазіатскихъ владѣній, въ цѣляхъ укрѣпленія Кушки и оккупациі Герата. 7) Разрѣшить вопросъ о наиболѣе удобномъ и краткомъ индо-европейскомъ сухопутномъ транзите, трассируемомъ въ значительной своей части по территоріи нашего отечества, чѣмъ достигается заключеніе съ Англіей прочнаго союза, въ интересахъ вѣчнаго мира и дружнаго совмѣстнаго культурнаго воздействиія на народы азіатскаго материка».

А. Фаресовъ.

ПАМЯТНИКИ И. И. НЕПЛЮЕВУ.

Ъ ПРОШЛОЙ жизни отдаленного Оренбургского края, обширного и въ былое время пограничного, насчитывается немало людей обширного ума, замѣтныхъ административныхъ, военныхъ и общественныхъ дѣятелей. Только о немногихъ изъ нихъ сохранило благодарную память потомство, и мѣстные биографы и историки посвятили свои досуги описанію и оцѣнкѣ ихъ плодотворной общественной дѣятельности. Лишь одному тамошнему администратору, первому губернатору оренбургскому (1744 — 1758) и организатору Оренбургской окраины, тайному совѣтнику Ивану Ивановичу Неплюеву, выпалъ счастливый жребій заслужить признательность послѣдующихъ поколѣній. Немало статей, очерковъ и замѣтокъ, посвященныхъ его памяти, разбросано въ периодическихъ изданіяхъ, даже составлена цѣлая пяти-томная монографія¹⁾ о немъ, а нынѣ полезная дѣятельность его оцѣнена съ высоты престола: «по ходатайству оренбургской городской думы, въ 31-й день декабря 1898 года, состоялось высочайшее разрѣшеніе на открытие сбора добровольныхъ пожертвованій для сооруженія въ г. Оренбургѣ памятника Неплюеву, какъ организатору Оренбургскаго края».

Въ виду этого, намъ кажется нелишнимъ на страницахъ исторического изданія сказать нѣсколько словъ по поводу этого предполагаемаго сооруженія, долженствующаго увѣковѣчить въ потомствѣ неувядаемую память о Неплюевѣ именно въ томъ городѣ, ко-

¹⁾ «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край» Витевскаго. По второму изданію три тома.

торый созданъ его трудами въ дикомъ дотого краѣ, посреди широкой степи, на рубежѣ непокорныхъ варварскихъ племенъ, чтобы быть всегда на стражѣ отъ дерзкаго вторженія кочевниковъ внутрь страны, управлять и руководить ими и, при случаѣ, заставлять ихъ повиноваться Россіи,—и который, благодаря этому, съ тѣхъ поръ получилъ название «столицы степей»,—а также попутно разсказать и о другихъ памятникахъ покойному, увы, неизвѣстныхъ не только его биографамъ, но даже многимъ жителямъ Оренбурга.

Всѣхъ сооруженій, исключительно посвященныхъ имени Неплюева и такъ или иначе напоминающихъ о его дѣятельности, въ степной столицѣ въ настоящее время насчитывается три. Первымъ по времени такимъ напоминаніемъ, воздвигнутымъ еще при жизни Неплюева, хотя до сей поры мало извѣстнымъ и почти всѣми позабытымъ, являются каменные ворота, стоящія нынѣ въ концѣ Николаевской улицы (главной въ городѣ), противъ бывшаго генералъ-губернаторскаго дома¹⁾, между бульваромъ и оранжереей оренбургскаго отдѣла императорскаго общества садоводства, на правомъ на горномъ берегу рѣки Урала, какъ разъ при спускѣ по нарочито устроенной каменной лѣстницѣ къ лѣтнему пѣшеходному мостику. Ворота эти, сложенные изъ кирпича и окрашенные бѣлой краской, имѣютъ 6 аршинъ ширины и $3\frac{1}{2}$ аршина вышины. Въ боковыхъ глухихъ калиткахъ ихъ (какъ указано на рисункѣ № 1), въ углубленіяхъ съ лицевой стороны, вставлены двѣ грубо обдѣланыя изъ бѣлаго камня статуи, изображающія ангеловъ съ щитами и пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. На верху, на перекладинѣ, между маленькими четырехскатными крышами, утверждены ребромъ три, соединенные вмѣстѣ позади желѣзными скобами, плоскіе бѣлые камни, изъ коихъ на двухъ боковыхъ видны различные предметы старинаго вооруженія: знамена съ древками, ружья, сѣкиры, копья, ядра, топоры, барабаны, сигнальные рожки, литавры, трубы и заднія части орудій. На среднемъ, гораздо большемъ противъ двухъ первыхъ, высѣченъувѣнчанный императорской короной россійской государственный гербъ съ переплетенными въ срединѣ его инициалами императрицы Елизаветы Петровны — «Е. Р.», а подъ низомъ его цифра «1755» годъ.

Памятникъ этотъ былъ присланъ государыней изъ Петербурга, въ видѣ награжденія Неплюеву за усмиреніе башкирского бунта 1755 года²⁾), и тогда же, ради большаго напоминанія туземцамъ объ этомъ печальному событию, вышепоказанныя арматурныя украшенія были поставлены поверхъ (на карнизѣ) водяныхъ воротъ Оренбургской крѣпости, обращенныхъ лицомъ къ Уралу на корпунную сторону, по Яицкой (нынѣ Водяной) улицѣ, гдѣ украшенія

¹⁾ Нынѣ въ этомъ домѣ помышдается казенная палата.

²⁾ См. «Оренбургск. Губернск. Вѣдом.» 1890, № 29, стр. 5—6.

Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ прежнемъ видѣ.

были расположены на одной высотѣ: по срединѣ камни съ надпи-
сями, а по бокамъ ангелы (см. рис. № 2), что еще помнятъ многіе
старожилы Оренбурга.

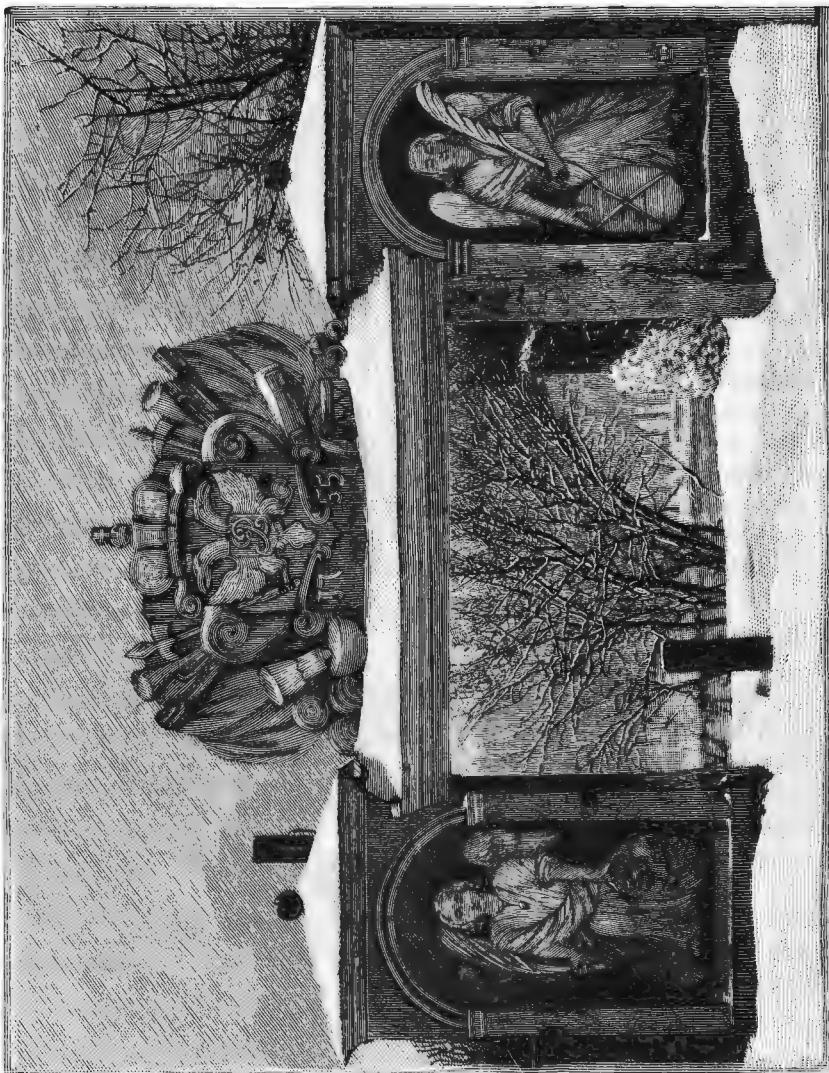
Въ 1862 году, 11-го юнія, послѣдовалъ указъ объ упраздненіи
въ Оренбургѣ крѣпости, какъ уже утратившей свое значеніе. Лѣтомъ
следующаго года, при разрушеніи крѣпостнаго вала, памятникъ
этотъ былъ снятъ съ водяныхъ воротъ и долгое время валялся въ

запустѣніи. Лишь съ пріѣздомъ въ 1864 году въ Оренбургъ новаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Н. А. Крыжановскаго, ангелы и арматурныя украшенія были снова вынесены на свѣтъ Божій изъ сараевъ интенданцкихъ складовъ и пристроены къ воротамъ собственной его оранжереи, перешедшей потомъ къ оренбургскому отдѣлу императорскаго общества садоводства¹⁾.

Вторымъ памятникомъ Неплюеву служить кадетскій корпусъ его имени, открытый въ 1824 году, по инициативѣ императора Александра I, на средства мѣстныхъ дворянъ и получившій съ высочайшаго соизволенія название «Неплюевскаго». До 1844 года корпусъ этотъ именовался военнымъ училищемъ, потомъ (до 1867 г.) корпусомъ, военной гимназіей (до 1882 года) и, наконецъ, вновь кадетскимъ корпусомъ, коему въ текущемъ году, 4-го августа,

¹⁾ В. Н. Витевскій въ своей монографіи — «Неплюевъ и Оренбургскій край» (вып. II, стр. 188), утверждаетъ, что «водяные ворота сохранились до сихъ поръ и находятся къ пѣшеходному мосту черезъ Ураль на Бухарскую (sic) сторону», а о сооруженіи этого памятника не обмолвился ни единимъ словомъ. Очевидно, онъ даже не подозрѣвалъ о его существованіи такъ же, кстати сказать, какъ не зналъ о существованіи многихъ документовъ къ біографіи Неплюева, хранящихся въ архивахъ Тургайскомъ (хотя данными послѣдняго онъ и пользовался), Уфимскомъ и Оренбургскомъ (центральномъ). Монографія его есть сплошное восхваленіе Неплюева и совсѣмъ не касается отрицательныхъ сторонъ его дѣятельности, какъ будто онъ не имѣлъ никакихъ слабостей и недостатковъ. Въ рецензіи нашей (въ № 474 «Камско-Волжскаго края» за 1897 годъ) мы указали ему недостатки его книги, перечисливъ некоторые весьма существенные ошибки Неплюева: 1) основаніе Оренбурга на нынѣшнемъ мѣстѣ — въ голой степи, не защищенномъ никакими естественными преградами и не имѣвшемъ никакихъ выгодъ и преимуществъ ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ, ни въ экономическомъ, ни въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ; 2) переселеніе въ Оренбургскій сплошь инородческій край въ 1744—1745 годахъ Кундроксихъ (Астраханской губерніи) и Казанскихъ татаръ, когда требовалось обустроить пограничныя провинціи, о чёмъ заботились предшественники Неплюева, т. е. Татищевъ и князь Урусовъ; 3) неумѣлое управленіе киргизами и, наконецъ, 4) неправильная организація и устройство казачьихъ войскъ, особенно Оренбургскаго, заставившія впослѣдствіи (до 1844 года) снова переселять казаковъ съ одного мѣста на другое. Кроме того, мы опровергли невѣрныя данные монографіи о первомъ появленіи въ 1584 году казаковъ на Яикѣ и ихъ подданствѣ Россіи во времена Михаила Феодоровича, когда уже въ 1580 году казаки эти разгромили столицу ногайскаго хана Сарайчикъ (на Яикѣ) и въ 1591 году ходили по приказу царскому противъ Шамхала Тарковскаго. Указаны были спутанныя даты о построеніи гг. Уфы, Бирска, Мензелинска и Оренбурга, невѣрныя свѣдѣнія о разделеніи киргизскихъ родовъ, сборѣ съ киргизовъ ясака до 1736 года, о посылкѣ въ степь первого торгового каравана въ 1738 году, когда такой караванъ былъ отправленъ еще въ 1734 году, о возникновеніи въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища и т. д., подтверждая наши доводы неизвѣстными автору монографіи архивными документами. Но противъ всякаго ожиданія, вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ за наши указанія, г. Витевскій выступилъ противъ насъ (въ № 503 «Камско-Волжскаго Края») съ рѣзкими отзывами и при вторичномъ изданіи своей монографіи никакъ не позаботился исправить допущенные ошибки. А между тѣмъ самъ сбѣстуетъ (въ предисловіи къ 2 вып. 1890 года), что мѣстная (т. е. казанская) печать «и словомъ не обмолвилась» о его трудахъ.

исполнится 75 лѣтъ существованія. Сначала, до перевода въ 1872 году въ нынѣшнее громадное каменное четырехъ-этажное зданіе на Каравансарайской площади, училище это помѣщалось въ домахъ, занимаемыхъ теперь женскими гимназіей и прогимназіей, на

Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ настояЩемъ видѣ.

углу Введенской и Петропавловской улицъ и, поэтому съ того же времени послѣдняя улица была переименована въ «Неплюевскую», сохранивъ свое название и по сю пору, служа такимъ образомъ третьимъ напоминаніемъ о бывшемъ первомъ оренбургскомъ губернаторѣ.

Наконецъ, четвертымъ грандіознымъ монументомъ въ честь по-
койнаго воздвигнутъ въ Оренбургѣ на Сакмарской площади¹⁾ новый
кафедральный соборъ во имя Казанской иконы Божьей Матери, за-
ложенный 8-го сентября 1886 года и оконченный постройкой вчера
въ 1895 году²⁾.

Предполагаемый нынѣ къ сооруженію новый памятникъ Неп-
люеву будетъ такимъ образомъ по счету пятымъ о немъ напоми-
наніемъ.

Мысль о сооруженіи его впервые возникла среди горожанъ въ
1893 году, во время празднованія 5-го ноября 200-лѣтія со дня
рожденія Ивана Ивановича³⁾, но недостатокъ средствъ въ городской
кассѣ заставилъ отложить на время задуманное предпріятіе. Теперь
же, можетъ быть, не далеко то время, когда Оренбургъ украсится но-
вымъ капитальнымъ сооруженіемъ.

Смотря по собраннымъ средствамъ, до болѣе детальной разра-
ботки памятника, оренбургская дума пока остановилась на такомъ
интересномъ проектѣ.

На камennомъ постаментѣ возвышается пирамидальной формы
гранитная четырехгранныя колонна съ бронзовымъ бюстомъ покой-
наго на вершинѣ ея. Со всѣхъ сторонъ колонны врѣзываются чу-
гунныя доски съ изображеніями важнѣйшихъ моментовъ его жизни
и дѣятельности и съ соотвѣтствующими подъ ними надписями. Такъ,
напримѣръ, на лицовой сторонѣ будетъ красоваться гербъ дворянъ
Неплюевыхъ съ надписью о томъ, когда онъ имъ пожалованъ, и
бюографическими датами о рожденіи, смерти и времени управления
краемъ Ивана Ивановича. На противоположной сторонѣ — гербъ
г. Оренбурга и дата о днѣ его основанія на нынѣшнемъ мѣстѣ. На-
конецъ, на двухъ другихъ сторонахъ вставляются рисунки выше-
показанного памятника усмиренія башкирскаго бунта 1755 года въ
прежнемъ и настоящемъ видахъ.

Памятникъ предполагается поставить среди цвѣточной куртины
такъ называемаго нового садика, лицомъ къ Неплюевскому кадет-
скому корпусу такъ, чтобы на Каравансарайской площади были
сосредоточены всѣ сооруженія, о немъ напоминающія.

Къ сожалѣнію, опять остаются почти забытыми гдѣ-то въ глухи
пожалованнаго Неплюеву арматурныя украшенія 1755 года. Вотъ
ихъ-то, по нашему мнѣнію, и слѣдовало бы скорѣе всего перенести

¹⁾ Служащеи продолженіемъ площади Каравансарайской.

²⁾ Хотя въ главномъ приදѣлѣ производится служба, но соборъ еще не отдѣ-
ланъ ни внутри (живописью), ни снаружи, на что, какъ говорятъ, потребуется
еще свыше 160 тысячъ рублей, помимо уже затраченныхъ 350 тыс. руб.

³⁾ Ив. Ив. Неплюевъ родился 5-го ноября 1693 года, умеръ 11-го ноября
1773 года. Управлялъ краемъ спачала командиромъ Оренбургской комиссии (съ
1742 года), а потомъ оренбургскимъ губернаторомъ (съ 1744 года) до 1758 года.

на показанную площадь и уставить въ воротахъ новаго садика противъ корпуса въ томъ же самомъ видѣ, какъ они стояли раньше на водяныхъ воротахъ Оренбургской крѣпости, устроивъ для нихъ точно такія же ворота. И тогда можно было бы вполнѣ сказать, что всѣ памятники Неплюеву сосредоточатся на Каравансарайской площади, замѣнивъ кстати и татарское название послѣдней болѣе пріличествующимъ названіемъ «Неплюевская площадь».

П. Юдинъ.

ДОМЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ ВЪ КАЛУГѢ.

ОСЛѢ трагической смерти Димитрія I, именуемаго самозванцемъ, 17-го мая 1606 года, въ Москвѣ, несчастная жена его, царица Марина Юрьевна, по волѣ судьбы, должна была испытать всѣ превратности послѣдней. Исторія Марини не менѣе трагична, чѣмъ исторія ея мужа. «Если кѣмъ на свѣтѣ играла судьба,— писала Марина королю Сигизмунду III, 15 января 1609 года,—то, конечно, мною!» И дѣйствительно, интеллигентная, красавая собою, умная женщина достигаетъ рѣдкаго счастія. Жребій возводить ее на тронъ московскій. Но счастіе продолжается недолго. Тотъ же жребій низвергаетъ ее съ трона, дѣлаетъ игрушкою въ рукахъ грубыхъ авантюристовъ, заставляя при этомъ испытывать всевозможныя лишенія и оскорбления, пока, наконецъ, не приводить въ тѣсную тюрьму московскую, въ которой и кончаетъ свои дни блестящая нѣкогда царица, отъ болѣзни и «съ тоски по своей волѣ», какъ выражаются наши хронографы.

Убитая горемъ о погибшемъ «лютою» смертью мужѣ, брошенная родными отцомъ на произволъ судьбы, оставленная Сигизмундомъ III, словомъ, не видя ни въ комъ къ себѣ сочувствія, беспомощная молодая царица-вдова, помимо уже всякихъ эгоистическихъ соображеній, въ которыхъ ее обыкновенно укоряютъ историки, volens-nolens должна была примкнуть къ тому, который называлъ себя спасшимся отъ смерти мужемъ ея—царемъ Димитріемъ, и котораго историки называютъ «Лжедимитріемъ II», «Тушинскимъ воромъ» и «царикомъ»¹⁾. Исторія знаетъ, насколько было выгодно для этого

¹⁾ Что это была за личность,—исторія еще не знаетъ (да и узнаетъ ли?).—Г. В.

«царика» имѣть при себѣ Марину. Съ самаго момента похищенія ея подъ деревнею Любеницами онъ старался не разлучаться съ нею. И только сознаніе страшной опасности заставило его, одного, бѣжать изъ Тушина въ Калугу (29 декабря 1609 г.). Но существуетъ извѣстіе, что и это онъ сдѣлалъ съ вѣдома Маринъ¹⁾. Не сладка была жизнь Маринъ Юрьевны въ Тушинѣ послѣ бѣгства мужа, хотя, можетъ быть, и неособенно милаго... Она рвалась въ Калугу. Въ концѣ концовъ, послѣ бурной сцены съ Яномъ Сапѣгою, отговаривавшимъ ее отъ поѣздки въ Калугу, она, переодѣвшись въ мужской польскій кафтанъ, вооружившись на всякий случай, пустилась въ путь и, наконецъ, достигла благополучно Калуги. Это было во второй половинѣ февраля 1610 года. Въ Калугѣ «царикъ», или «Тушинскій воръ», съ преданными ему людьми, оставался до самой своей смерти²⁾. Устроился онъ недурно. Карамзинъ говоритъ, что Лжедмитрій II занималъ лучшій домъ въ городѣ³⁾, а Костомаровъ пишетъ, что самозванецъ съ Мариною поселился сначала въ монастырѣ, а потомъ въ построенному для него особомъ дворцѣ⁴⁾.

До настоящаго времени въ одной изъ глухихъ калужскихъ улицъ (Проломной), за Березуйскимъ оврагомъ, вблизи рѣки Оки, показываются древній каменный домъ красивой архитектуры XVII столѣтія, вполнѣ подходящій къ типу дворцовъ той эпохи. У простого народа онъ извѣстенъ подъ именемъ Маринушкина дома. И это название такъ за нимъ укрѣпилось, что въ семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія одна изъ его хозяекъ звалась по дому «Маринушкой», хотя имя ея было вовсе не Марина. Точныхъ свѣдѣній о времени сооруженія исторического дома не имѣется. Собственно документальная его исторія начинается съ конца XVII столѣтія. Изъ сохранившейся раздѣльной записи 1697 года видно, что домъ этотъ принадлежалъ роду Коробовыхъ. Коробовы были мѣщане, занимавшіеся торговлею. А какъ онъ имъ достался, не извѣстно. Фамилія Коробовыхъ пресѣклась въ мужскомъ колѣнѣ

¹⁾ Martinus Bær. Chronicon.—Г. В.

²⁾ Т. е. около 8—9 мѣсяцевъ, не считая, разумѣется, времени, употребленаго имъ на походъ къ Москвѣ, лѣтомъ 1610 г. Здѣсь онъ былъ убитъ на охотѣ однимъ татарскимъ княземъ. До сихъ поръ въ одномъ изъ заброшенныхъ калужскихъ овраговъ, гдѣ-то за бойнею, преданіе указываетъ могилу этой загадочной исторической личности.—Г. В.

³⁾ «Ист. госуд. Росс.», т. XII, изд. Эйнерлипга, стр. 113. Г. В.

⁴⁾ «Рус. ист. въ жизнеописаніяхъ», т. I, Спб., 1880, стр. 673.

Извѣстный знатокъ калужской старины, пок. архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), въ 1847 г. писалъ, что «домъ этотъ и донынѣ существуетъ въ Калугѣ безъ перемѣнъ своего внутренняго расположенія» («Историческое описание Коозельской Введенской Оптиної пустыни», изд. 1-е). Впрочемъ, историкъ признавалъ «этотъ домъ» за домъ воеводы Скотницкаго. Любопытно еще одно замѣчаніе о. Леонида, будто тогдашній владѣлецъ дома, т. е. Коробовъ, «имѣть у себя бумаги самозванца».—Г. В.

въ 1870 году, и домъ перешелъ, по наслѣдству, къ мѣщанкѣ Лабахиной¹⁾.

Домъ Марины Мнишекъ двухъэтажный. Нижній этажъ значительно вошелъ въ землю. Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ привлекъ вниманіе любопытныхъ своими тайниками и подземными ходами. Одинъ изъ подземныхъ ходовъ, въ 70-хъ годахъ, представлялъ своею длиною цѣлую улицу. Тутъ были слѣды конюшенъ, а изъ конюшенъ выходъ въ оврагъ. Обращали на себя вниманіе крѣпкія чугунныя двери и могучіе запоры. Интересна была то же одна комната, безъ оконъ и дверей, въ которую входъ былъ съ чердака, около печной трубы, а выходъ въ подземелье. Очевидно, «царикъ», устраивая всѣ эти хитрости во дворцѣ, имѣлъ въ виду воспользоваться ими на случай измѣны или внезапнаго нападенія. Отъ красиваго каменнаго крыльца, по серединѣ фронтона, которое вело во 2-й этажъ, въ 1874 году оставались только слѣды. Видѣвшій тогда «Маринушкінъ домъ» архитекторъ гр. де-Рошфоръ описалъ его въ журналѣ «Зодчій»²⁾. Можно было ужаснуться тому состоянію, въ какомъ онъ его нашелъ... А состояніе это годъ отъ году все болѣе и болѣе ухудшалось. Въ половинѣ 70-хъ годовъ не оставалось уже ни печей³⁾, ни половъ, ни оконныхъ рамъ, а въ одной изъ комнатъ нижняго этажа сваливались даже нечистоты...

Отъ Лабахиной историческій домъ пріобрѣла вдова бывшаго военнаго министра И. О. Сухозанетъ. Г-жа Сухозанетъ подарила «Маринушкінъ домъ» калужскому губернскому дворянству. Постѣднѣе его реставрировало, впрочемъ, довольно поверхностно и даже, какъ намъ пишутъ, съ совершеннымъ измѣненіемъ внутренняго плана зданія⁴⁾... Теперь въ немъ помѣщаются мѣстная архивная комиссія и историческій музей⁵⁾.

¹⁾ Послѣдній изъ Коробовыхъ, Иванъ Ивановичъ, умеръ въ апрѣлѣ 1870 г. Его налили мертвымъ, одѣтаго въ шубу и почти разложившагося совсѣмъ. Тогда же открыли большиіе сундуки со старинной утварью и платьемъ. Были тутъ и дорогіе парчевые сарафаны и кокошники, низанные жемчугомъ, но они до того были ветхи, что, по разсказамъ, отъ одного прикосновенія къ нимъ разлетались въ прахъ...—Г. В.

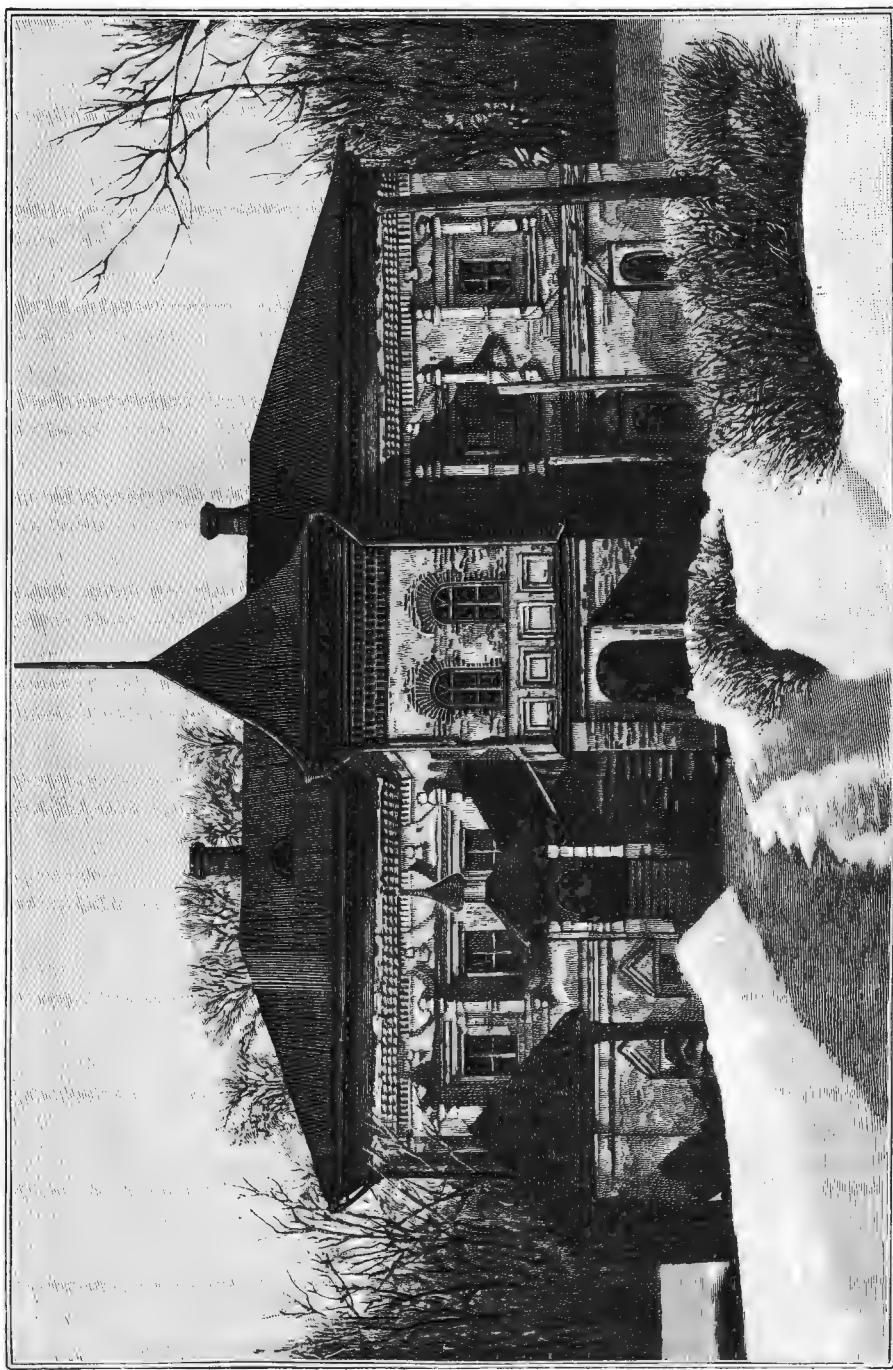
²⁾ «Зодчій», 1874 г., № 1—3. Тамъ же проектъ гр. де-Рошфора тщательной реставраціи дворца. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ остался невыполненнымъ. Видъ дворца въ то время, вмѣстѣ съ проектомъ реставраціи его, помѣщены также въ сборникѣ «Древ. и Нов. Россія» за 1876 г. (т. I, ст. Н. А. Гильтебрандта, «Домъ Коробовыхъ въ Калугѣ»).—Г. В.

³⁾ А что были, по разсказамъ очевидцевъ, за чудныя кафли этихъ печей!.. Ихъ безжалостно выломали и продали. Говорили тогда, что кто-то пріобрѣлъ ихъ за хорошую цѣну.—Г. В.

⁴⁾ Къ счастію, наружный видъ не подвергся существеннымъ измѣненіямъ: крыльцо, какъ видно на рисункѣ, возстановлено отчасти, да крыша надъ зданіемъ современная.—Г. В.

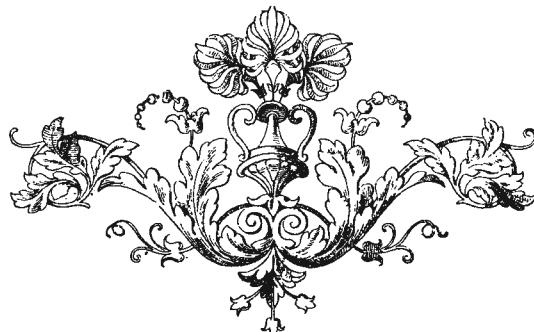
⁵⁾ Послѣдній открыть въ текущемъ году, 20 апрѣля («Правительств. Вѣстн.» 1897 г., № 92).—Г. В.

Домъ Маріи Миншѣкъ въ Калугѣ.

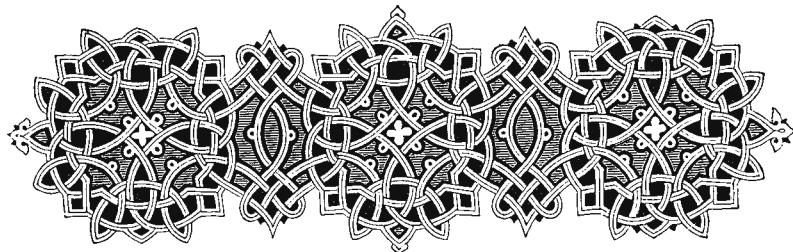

Позволяемъ себѣ надѣяться, что калужское общество и, въ частности, дворянство оправдаютъ надежду предсѣдателя императорскаго московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, сумѣютъ въ дальнѣйшемъ «сохранить этотъ домъ безъ всякихъ уродующихъ реставрацій»¹⁾.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ «Калужский Вѣстникъ», 1896 г., № 67.—Г. В.

ЧТО ГОВОРИЛЪ НАПОЛЕОНЪ НА ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ¹⁾.

Ъ ОБШИРНОЙ и ежедневно разростающейся наполеоновской литературѣ особый интересъ возбуждаютъ воспоминанія о пребываніи знаменитаго узника на островѣ св. Елены. Съ одной стороны они рисуютъ трагическую картину послѣднихъ дней грознаго повелителя всего свѣта, а съ другой — знакомятъ съ его откровенно высказанными мнѣніями о всевозможныхъ вопросахъ, что даетъ богатый матеріаль для психологической, исторической и философской оцѣнки величайшей личности истекающаго столѣтія. Вотъ почему мемуары и записки Ласъ-Казаса, Монтолона, Анто Марка, Омеары, Гудеинало, маркиза Маншенню, барона Штюрмера, Бальмэна, Бетси Балькамъ и многихъ другихъ читаются до сихъ поръ съ живѣвшимъ интересомъ. Въ послѣднее время къ нимъ присоединились воспоминанія графини Монтголонть, напечатанныя въ «Carnet historique et littéraire» за 1878 годъ и «Дневникъ генерала Гурго», а газеты обѣщаютъ скорое появленіе въ свѣтъ мемуаровъ адмирала Малькольма. Но самый замѣчательный изъ этихъ новыхъ вкладовъ въ наполеоновскую литературу, конечно, дневникъ Гурго, веденный на островѣ св. Елены отъ 1815 г. по 1818 г. и который нельзя не поставить по историческому значенію рядомъ съ трудами Ласъ-Казаса и Монтолона. Впрочемъ, иначе и не могло быть, такъ какъ Гурго вмѣстѣ съ Ласъ-Казасомъ, Монтлономъ и Бертраномъ были един-

¹⁾ General baron Gourgaud. Sainte Hélène, journal inedit de 1815 à 1818, avec preface et notes de Antoine Guillois et le vicomte de Grouchy. 2 vol. Paris. 1899.

ственнымими товарищами узника св. Елены, который дѣлилъ съ ними всѣ свои мысли, надежды и печали. Берtranъ никогда ничего не писалъ, а потому дневникъ Гурго, о существованіи которого давно уже извѣстно, необходимое добавленіе къ книгамъ Ласъ-Казаса и Монтолона. Въ настоящее время, наконецъ, семья Гурго поручила изданіе этого любопытнаго историческаго матеріала двумъ молодымъ французскимъ историкамъ: виконту Груши и Антуану Гилльу, которые добросовѣстно исполнили свою задачу, снабдивъ «Дневникъ», занявший два большихъ тома, примѣчаніями и предисловіемъ, въ которомъ они сообщаютъ біографическія свѣдѣнія объ его авторѣ.

Гаспаръ Гурго, сынъ музыканта королевской капеллы, родился въ Версалѣ въ 1783 году и воспитывался прежде въ политехнической школѣ, а потомъ въ артиллерийскомъ училищѣ. Поступивъ на дѣйствительную военную службу поручикомъ пѣшой артиллеріи, онъ съ 1804 года участвовалъ во всѣхъ наполеоновскихъ кампаніяхъ, былъ раненъ при Аустерлицѣ, отличился въ битвахъ іенской, фридландской, ваграмской, а въ 1811 году послѣ испанской экспедиціи назначенъ ординарцемъ при Наполеонѣ. Въ этомъ качествѣ онъ сопровождалъ императора въ походахъ 1812—13—14 годовъ. Раненый подъ Смоленскомъ, Гурго первый вошелъ въ Кремль и уничтожилъ мину, благодаря которой долженъ былъ взлетѣть на воздухъ Наполеонъ со всей своей гвардіей. За этотъ подвигъ онъ произведенъ въ бароны. Подъ Бріеномъ онъ уже вторично и буквально спасъ жизнь Наполеона, убивъ изъ пистолета казака, который готовился пронзить его своей пикой, за что Наполеонъ подарилъ ему саблю, которая была на немъ во время первыхъ его побѣдъ при Лоди, Монтеноти и Риволи. Снова раненный въ сраженіи подъ Монмірамлемъ и произведенный въ полковники, Гурго, хотя остался въ рядахъ арміи послѣ отреченія Наполеона и удаленія его на островъ Эльбы, но во время Стадней снова присоединился къ нему. Произведенный въ генералы и въ адютанты императора, онъ сопровождалъ его въ несчастной кампаніи, окончившейся битвой подъ Ватерлоо, а затѣмъ на островъ св. Елены, въ числѣ немногихъ приближенныхъ ему лицъ, которыхъ остались вѣрными Наполеону въ печальные дни его заточенія. Однако, несмотря на всю свою любовь къ Наполеону, которому онъ пожертвовалъ своею молодостью и блестящей карьерой, Гурго не долго выдержалъ лишенія и мелкія непріятности мрачной, унылой жизни въ Лонгвудѣ. Спустя два года и четыре мѣсяца, онъ съ разрѣшеніемъ Наполеона и англійскаго начальства вернулся въ Европу. Опасаясь правительства Людовика XVIII, яростно преслѣдовавшаго приверженцевъ Наполеона, онъ провелъ три года въ Англіи и въ Гамбургѣ. Въ это время онъ написалъ письма къ императорамъ русскому и австрійскому, къ императрицѣ Маріи-Луїзѣ и къ принцу Евгенію, рисуя печальную картину положенія Наполеона на св. Еленѣ и жалобно умолялъ ихъ

принять мѣры къ спасенію несчастнаго узника, который быстрыми шагами шелъ къ смерти. Неизвѣстно, почему его планъ поступленія на русскую военную службу не состоялся, и только въ 1821 г. французское правительство разрѣшило ему вернуться во Францію, где вскорѣ онъ женился на дочери графа Редерера и предался всецѣло защищать память Наполеона, умершаго въ томъ же году. Вмѣстѣ съ генераломъ Монтолономъ онъ написалъ «*Memoires pour servir à l'histoire de la France sous Napoleon*» (Материалы для истории Франціи при Наполеонѣ) въ восьми томахъ, а одинъ напечаталъ критический разборъ «Истории великой арміи 1812 года»—Сегюра, за что былъ вызванъ на дуэль авторомъ этой книги. Дуэль окончилась серьезной раной Сегюра, а затѣмъ Гурго написалъ еще болѣе рѣзкій отвѣтъ на «Жизнь Наполеона» Вальтеръ-Скотта. Знаменитый романистъ не только отвѣчалъ на эту критику клеветей, состоящей въ томъ, что будто бы Гурго измѣнилъ Наполеону на св. Еленѣ и выдалъ англійскому начальству его планъ бѣгства, но и добился запрещенія французскимъ правительствомъ Гурго печатно доказать всю нелѣпость введенного на него обвиненія. Послѣ восшествія на престолъ Людовика-Филиппа, Гурго снова вступилъ въ военную службу и былъ назначенъ адъютантомъ къ королю, а потомъ генераль-инспекторомъ артиллеріи, пэромъ и членомъ палаты. Въ 1840 году онъ принялъ участіе въ экспедиції, посланной на св. Елену за останками императора и въ церемоніи ихъ перенесенія въ Домъ Инвалидовъ. Во время второй республики Гурго былъ начальникомъ первого легіона національной гвардіи и членомъ законодательного собрания, и 25 іюля 1852 г. онъ умеръ въ Парижѣ.

Спустя сорокъ семь лѣтъ послѣ смерти барона Гурго, наконецъ, появляется въ свѣтъ его дневникъ, веденный на св. Еленѣ, и эту долговременную отсрочку обнародованія драгоценнаго исторического материала можно только объяснить тѣмъ, что его родственники не желали измѣнять что либо въ подлинникѣ «Дневника», а съ другой стороны боялись скомпрометировать почтеннаго генерала нѣкоторыми страницами «Дневника», выставляющими его не въ очень лестныхъ краскахъ, хотя они только доказываютъ его полное безпристрастіе. Только теперь Груши и Гильзуа удалось добиться разрѣшенія напечатать дневникъ безъ всякихъ измѣненій, но, конечно, они взяли на себя обязанность въ предисловіи объяснить къ чести Гурго все, что могло бы въ этомъ дневникѣ набросить тѣнь на его память. Все дѣло заключается въ томъ, что Гурго отличался тяжелымъ характеромъ, болѣзненнымъ самолюбіемъ, солдатской прямотой и откровенной рѣчью, доходившей до грубой рѣзкости, благодаря чему онъ имѣлъ постоянныя непріятности не только со своими товарищами по изгнанію, но даже и съ самимъ Наполеономъ. Эти качества Гурго подтверждаются всѣми, кто его зналъ: такъ Гудсонъ-Ло, пресловутый тюремщикъ Наполеона, говорить о немъ: «Генераль

Гурго имѣетъ привычку выражать свои мысли съ большей независимостью, чѣмъ всѣ лица, окружающія генерала Бонапарта». По словамъ австрійскаго комиссара на св. Еленѣ Штюрмера: «Гурго храбрый и достойный генераль, но плохой царедворецъ», а русскій комиссарь Бальмэнъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ его портретъ: «Это блестящій, храбрый авантюристъ съ примѣсью фанфарона; онъ не вмѣшиваются въ интриги, но самонадѣянный фатъ, любящій кричать и не умѣющій себя ни въ чѣмъ сдерживать». Самъ Наполеонъ говорилъ о немъ: «Это мой первый ординарецъ, онъ мое созданіе, онъ мой ребенокъ. Онъ любитъ меня до того, что ревнуетъ ко всѣмъ». Если принять въ соображеніе всѣ эти характеристическія черты Гурго, то легко понять, что, очутившись въ 32 года въ уныломъ, мрачномъ одиночествѣ на св. Еленѣ, гдѣ его товарищи Бертранъ и Монтолонъ были съ женами, а Ласъ-Казасъ съ сыномъ, онъ поддавался первому раздраженію, обижался отъ всякихъ мелочей, ссорился съ товарищами до такой степени, что вызывалъ на дуэль Монтолона и не хотѣлъ переносить всѣхъ выходокъ Наполеона, который всегда грубо обращался со своими приближенными, а на св. Еленѣ, конечно, былъ нестерпимъ, чѣмъ когда либо. Все это естественно вызывало безконечные пререкательства и сцены, которыя при постоянныхъ непріятностяхъ отъ англійскихъ властей и скучной однообразной жизни въ Лонгвудѣ принимали такой драматический характеръ, что въ концѣ концовъ вызвали удаленіе Гурго съ острова св. Елены.

Напрасно издатели его дневника стараются доказать, что всѣ скандалы, въ которыхъ участвовалъ Гурго и которые прямо или косвенно описаны имъ изо дня въ день, были, если не вполнѣ вымыслены, то нерѣдко преувеличены для того, чтобы найти предлогъ въ глазахъ англичанъ для отправки Гурго въ Европу съ политическимъ порученіемъ отъ Наполеона. Правда и Бальмэнъ упоминаетъ, что на св. Еленѣ считали ссору Гурго комедіей, прикрывающей тайную отправку наполеоновскаго агента въ Европу, но однако онъ прибавляетъ: «я этому не вѣрю». Конечно, существуетъ письмо Монтолона, который послѣ отѣзда Гурго изъ Лонгвуда и во время его еще пребыванія на св. Еленѣ писалъ своему врагу въ очень любезныхъ выраженіяхъ, что императоръ боится, не слишкомъ ли онъ переигрываетъ свою роль, такъ какъ необходимо быть очень хитрымъ и осторожнымъ. Но эти слова нисколько не доказываютъ, что ссоры Гурго въ Лонгвудѣ были комедіей, а просто объясняются тѣмъ, что Наполеонъ и Монтолонъ желали, чтобы даже непріятный имъ человѣкъ, но все-таки товарищъ ихъ изгнанія, уѣхалъ безъ всякаго скандала, а потому совѣтовали ему вести себя хитро и осторожно. Наконецъ, если послѣ возвращенія Монтолона съ его женой въ Европу Гурго находился съ ними въ дружбѣ и, описывая свою вторую поѣздку на св. Елену за останками Напо-

леона, говорить: «На этотъ разъ я высадился на эгомъ островѣ не съ отчаяніемъ въ сердцѣ, а радостно, съ цѣлью исполнить послѣднее мое обѣщаніе императору, именно освободить его изъ тюрьмы», то эти факты нисколько не подтверждаютъ вымышленности ссоры Гурго въ Лонгвудѣ и отправки его Наполеономъ въ Европу съ тайнымъ порученіемъ. Нечего и говорить, что нельзя видѣть, какъ полагаютъ Груши и Гиллья, исполненія этого порученія въ письмахъ Гурго къ императорамъ австрійскому и русскому, благодаря которымъ были посланы на св. Елену два патера и докторъ Антомерки, которые своимъ присутствіемъ, будто бы, уладили послѣдніе дни Наполеона. Если бы дѣйствительно Гурго былъ посланъ въ Европу при такой ловкой и хитрой обстановкѣ, обусловливающей болѣе чѣмъ двухлѣтнее веденіе ложнаго дневника, то, конечно, порученіе, данное ему, имѣло бы болѣе серьезный характеръ, чѣмъ посылку на св. Елену двухъ патеровъ и доктора, а какъ известно Гурго ограничилъ свою дѣятельность въ пользу Наполеона писаніемъ писемъ къ двумъ императорамъ и не принималъ никакого участія въ бонапартистскихъ заговорахъ того времени. Наконецъ, трудно повѣрить, чтобы онъ не напелъ нужнымъ оправдать себя въ веденіи ложнаго дневника, который, онъ зналъ, рано или поздно, будетъ напечатанъ, или исправить этотъ дневникъ относительно завѣдомо записанныхъ въ немъ неточностей примѣчаніемъ, выясняющимъ все дѣло.

Такимъ образомъ, всего правильнѣе признать дневникъ Гурго за вѣрный и замѣчательно безпристрастный разсказъ о томъ, что дѣйствительно происходило на островѣ св. Елены въ то время, которое онъ провелъ тамъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Это тѣмъ болѣе представляется основательнымъ, что, по другимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, дѣйствительно окружавшія Наполеона лица на островѣ св. Еленѣ постоянно пререкались и ссорились, а самъ Наполеонъ далеко не держалъ себя такимъ героемъ, какимъ его рисуютъ легенды, а въ мелочахъ ежедневной жизни отравлялъ существованіе преданныхъ ему лицъ. Наконецъ, та часть дневника Гурго, которая рисуетъ неблаговидную картину мелочныхъ дряговъ Лонгвудской жизни, въ сущности мало интересна и не представляетъ ничего новаго, такъ какъ эта картина уже давно известна, благодаря другимъ историческимъ материаламъ. Что же касается до бесѣдъ Наполеона, передаваемыхъ генераломъ Гурго и составляющихъ всю суть его дневника, то нѣть основанія сомнѣваться въ ихъ достовѣрности, такъ какъ высказанныя въ нихъ мысли совершенно правдоподобны и въ духѣ Наполеона, а равно соответствуютъ ранѣе известнымъ его взглядамъ и мѣстами даже повторяютъ то, что уже сообщили Лась-Казасъ и Монтолонъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Наполеонъ говорилъ при немъ много интереснаго, кромѣ того, Гурго еще писалъ подъ его диктовку замѣтки по артиллеріи и фортифи-

каці, но онъ отличаются такимъ техническимъ характеромъ, что издатели дневника вполнѣ правильно поступили, не напечатавъ ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже появились въ 1897 году въ «Revue d'artillerie» и «Revue du genie militaire».

Если мы перейдемъ теперь къ мыслямъ и мнѣніямъ Наполеона, оставивъ въ сторонѣ его жизнь на островѣ св. Елены, то прежде всего настѣ поразить откровенный, часто рѣзкий, но всегда искренний характеръ всего, что говорилъ Наполеонъ, а также разнообразіе тѣхъ вопросовъ и предметовъ, на которыхъ останавливался его геніальныи умъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Гурго. Для того, чтобы дать понятіе читателямъ о томъ, что именно говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, мы приведемъ рядъ его сужденій о религії, силахъ природы, вліяніи общественнаго мнѣнія, войнѣ, великихъ полководцахъ, египетской экспедиції, кампаніи 1812 года, будущности Россіи, битвы при Ватерлоо, событіяхъ и людяхъ его времени, наконецъ о женщинахъ, книгахъ, писателяхъ и т. д.

Религія въ глазахъ Наполеона была необходима для сліяння людей въ общество. Она доставляла величайшее чувство сердечнаго наслажденія, но большое зло происходило, по его словамъ, отъ дурныхъ патеровъ и отъ того, что во имя религії совершалось столько преступлений. Самый древней религіей было поклоненіе солнцу, и не разъ Наполеонъ говорилъ: «Если бы мнѣ пришлось выбрать себѣ религію, то я поклонялся бы солнцу, такъ какъ оно оплодотворяетъ все на землѣ. Впрочемъ вся суть религії—нравственность, и со времени Юпитера всѣ религіи проповѣдывали нравственныи идеи, именно Старый и Новый Завѣтъ, Сократъ, Платонъ, Магометъ». Но бывали минуты, когда Наполеонъ высказывалъ самыи материалистическіи идеи и увѣрялъ, что все на свѣтѣ проявленіе матеріальной силы, и если человѣкъ думаетъ, то лишь потому, что у него природа совершеннѣе, чѣмъ у рыбъ. «Если бы все совершилось на свѣтѣ по волѣ справедливаго и милосерднаго Бога, говорилъ онъ, то честные люди не были бы несчастными, а негодяи счастливыми. Наконецъ, что такое не только религія, но и нравственность? Все это суeta суетъ. Говорятъ, что нравственность мѣшаетъ мнѣ убить мать или жениться на сестрѣ, а на необитаемомъ островѣ что мнѣ помѣшало бы совершить одно изъ этихъ преступлений? Я думаю, что электричество, гальванизмъ и магнетизмъ составляютъ великія тайны природы. Я думаю, что человѣкъ плодъ этихъ тайныхъ силъ и атмосферы, что человѣческій мозгъ втягиваетъ въ себя эти силы и получаетъ жизнь, что душа живетъ ими, а послѣ смерти они возвращаются въ пространство и снова одушевляютъ другой мозгъ». Что касается до распространенія христіанства, то Наполеонъ приписывалъ это главнымъ образомъ тому, что въ данную эпоху люди повсюду были расположены къ принятію религії, проповѣдующей единаго Бога. Вообще, великій провозвѣстникъ силы во всѣхъ ея проявленіяхъ пи-

талъ глубокое уваженіе и къ силѣ общественнаго мнѣнія. По его словамъ, общественное мнѣніе создало и создаетъ все; оно не только подчинило весь свѣтъ христіанству, но дало возможность Магомету покорить полѣ-мира, Лютеру побороть папъ и провести реформы, и англійскому королю Генриху VIII сдѣлать Англію протестантскою, а если Екатерина II вступила на престолъ, то лишь потому, что попы и мужики враждебно отнеслись къ Петру III. Наконецъ, если самъ Наполеонъ сталъ императоромъ, то только благодаря общественному мнѣнію. «Если бы не я, замѣтилъ Наполеонъ, то другой сдѣлалъ бы то же. Франція хотѣла имперіи и господства надъ всѣмъ міромъ, а потому рано или поздно она добилась бы своей цѣли. Повторяю, человѣкъ — ничто, если обстоятельства и общественное мнѣніе ему не содѣйствуютъ. Общественное мнѣніе руководитъ и управляетъ всѣмъ».

Конечно, главнымъ культомъ Наполеона была война, и онъ со-жалѣлъ, что въ его время воевали не серьезно, какъ въ старину, а съ приправой «розовой водицы». «Прежде, говорилъ онъ, побѣжденныхъ убивали или отводили въ рабство, а женщины предавали изнасилованію, вотъ это я понимаю. Война дѣло серіозное. Если бы я такъ поступилъ въ Вѣнѣ, то русскіе не дошли бы такъ легко до Парижа». Что касается до искусства войны, то, по его словамъ, оно не требовало сложныхъ движений, а напротивъ самая простая тактика была наилучшая, и главное необходимъ было на войнѣ здравый смыслъ. Всѣ военные описки происходили отъ того, что начальники хотѣли доказать свой умъ и перехитрять. Но, кроме здраваго смысла, чтобы выиграть сраженіе, необходимо отгадать планъ непріятеля, хорошо знать карту мѣстности и никогда не давать сраженія иначе, какъ подъ давленіемъ обстоятельствъ. «Странное искусство война, говорилъ Наполеонъ: я командовалъ въ шестидесяти битвахъ и ничему не научили болѣе того, что зналъ въ самой первой изъ нихъ. Точно также и Цезарь: онъ дѣйствовалъ въ первомъ сраженіи столь же хорошо, сколько и въ послѣднемъ. Впрочемъ, я наполовину виновникъ одержанныхъ побѣдъ, и въ сущности арміи одерживаютъ побѣду, а не полководцы. Самая лучшая арія была бы та, въ которой всѣ офицеры знали бы, что имъ дѣлать согласно обстоятельствамъ».

О великихъ полководцахъ прошедшихъ временъ Наполеонъ отзывался очень оригинально и характеристично. Такъ онъ считалъ Александра Македонскаго только храбрымъ воиномъ, но не замѣчательнымъ военачальникомъ и доказывалъ, что онъ одерживалъ побѣды не своимъ искусствомъ, а благодаря Македонской фалангѣ и слабости его противниковъ. Не сохранилось извѣстій ни объ одномъ искусствѣ его движеній, а напротивъ онъ много дѣлалъ ошибокъ, напримѣръ, безъ всякой причины вернулся въ Египетъ, когда необходимо было преслѣдоватъ персовъ, и точно также онъ

потерялъ неосновательно время подъ Тиромъ послѣ сраженія при Иссѣ вмѣсто того, чтобы идти по слѣдамъ Дарія. Но за то, какъ политическому дѣятелю, Наполеонъ поклонялся Александру, который послѣ своей смерти на тридцать третьемъ году отъ рожденія оставилъ громадную и прекрасно организованную имперію. Въ особенности онъ отличался искусствомъ привлекать къ себѣ любовь побѣжденныхъ народовъ и доказалъ свое политическое искусство поклоненiemъ Амону, что заставило Египетъ ему подчиниться. Напротивъ, Цезарь въ глазахъ Наполеона былъ великимъ военнымъ геніемъ. Онъ имѣлъ дѣло съ могучими соперниками и одерживалъ побѣды столько же смѣлостью, сколько искусствомъ. Его сраженія были настоящими битвами, плодомъ смѣлости и генія. Странно сказать, что побѣдитель при Аустерлицѣ очень цѣнилъ военные таланты Моисея и намѣревался описать его кампаніи, для чего серіозно изучалъ карту Палестины и Библію. Напротивъ, славу шведского короля Густава-Адольфа онъ считалъ вполнѣ неосновательной и преувеличенной протестантскими писателями, видѣвшими въ немъ военный геній только потому, что онъ былъ героемъ протестантизма: въ этомъ отношеніи исторія доказала, что она дѣйствительно романъ, такъ какъ серіозно нельзя пріобрѣсти славу великаго полководца человѣку, который въ восемнадцать мѣсяцевъ одержалъ одну побѣду, проигралъ другую и убить въ третьей. Поэтому, по мнѣнію Наполеона, Телли и Валленштейнъ были полководцами гораздо выше Густава-Адольфа. О Фридрихѣ Великомъ естественно Гурго приводить много отзывовъ своего геніального собесѣдника, и всѣ они сводятся къ тому, что Фридрихъ былъ великій, первоклассный полководецъ, но главнымъ образомъ бралъ смѣлостью и рисковалъ на полѣ брани такъ, какъ никогда не позволялъ себѣ Наполеонъ. Къ тому же онъ часто дѣлалъ ошибки, нарушая основныя правила войны и обыкновенно давалъ сраженіе съ меньшимъ числомъ войскъ, чѣмъ у непріятеля. Если бы онъ, напримѣръ, имѣлъ дѣло съ Наполеономъ, то никогда ему не удалось бы его рискованныя движенія. О Суворовѣ Наполеонъ отзывался слѣдующимъ образомъ: «Это не былъ великій полководецъ, но онъ отличался двумя качествами— силой характера и мужествомъ, благодаря которымъ онъ дѣлалъ чудеса со своей арміей, но военныхъ талантовъ у него не было». Въ Кутузовѣ, его соперникѣ подъ Бородиномъ, признавалъ только одно достоинство—осторожность. Наконецъ, своего случайного побѣдителя подъ Ватерлоо, Велингтона, онъ считалъ обыкновеннымъ благоразумнымъ человѣкомъ, а главное удачникомъ, но нисколько не военнымъ геніемъ.

Изъ всѣхъ французскихъ полководцевъ Наполеонъ признаетъ одного Тюремъ геніемъ, особенно въ немъ онъ хвалитъ то, что со старостью онъ выказывалъ все большую смѣлость, а такого нѣть другаго примѣра въ исторіи. Быть можетъ, Тюренъ потому пришелся

по сердцу Наполеону, что онъ всегда дѣйствовалъ такъ, какъ поступилъ самъ Наполеонъ подъ Ваграмомъ. Если бы въ этой послѣдней битвѣ находился при немъ Тюренъ, то онъ понялъ бы всѣ его распоряженія, такъ одинаковы были ихъ взгляды. «Вообще, если бы я имѣлъ помощникомъ Тюрена, замѣчаетъ Наполеонъ, то я быль бы повелителемъ всего міра. Онъ стоитъ, какъ военнона-чальникъ, гораздо выше Фридриха Великаго, и хотя предводительствовалъ маленькими арміями, но его генія хватило бы и побольше. Пройдя всѣ чины отъ солдата до маршала, онъ бралъ всегда опытностью на полѣ бранн и никогда ни дѣлалъ ошибокъ». Что касается французскихъ королей, которые всѣ отличались храбростью, то императоръ смѣется надъ тѣми писателями, которые увѣряютъ, что Генрихъ IV былъ величайшимъ воителемъ всѣхъ временъ и народовъ, хотя и признаетъ, что онъ былъ недурнымъ служакой, также какъ Францискъ I. Людовикъ XIV былъ единственный король Франціи, достойный этого имени, но не имѣлъ военныхъ талантовъ, и его прославленный переходъ черезъ Рейнъ ничего не значитъ въ военномъ отношеніи. Что касается до Людовика XV, то онъ самъ выигралъ битву подъ Фонтенуа, которая непремѣнно была бы проиграна, если бы онъ послушался царедворцевъ и перешелъ рѣку. О своихъ маршалахъ Наполеонъ отзывался очень рѣзко и находилъ, что у него не было ни одного достойнаго помощника. Хотя онъ самъ прозвалъ Нея храбрымъ изъ храбрыхъ, но считалъ ошибкой его производство въ маршалы и находилъ, что надо было оставить его дивизіоннымъ генераломъ, такъ какъ онъ не отличался ни умомъ, ни нравственнымъ мужествомъ, а во время Стадней вель себя самымъ постыднымъ образомъ, то хвастаясь Людовику XVIII, что привезетъ Наполеона въ желѣзной клѣткѣ, то хвалился Наполеону, что онъ вернульт ему престолъ. Мюратъ умѣлъ лучше Нея вести кампанію, но также былъ неважнымъ полководцемъ, никогда не обращалъ вниманія на карты, а главное всѣмъ готовъ былъ пожертвовать, чтобы имѣть хорошую главную квартиру и красивыхъ женщинъ. Вообще, это былъ глупый человѣкъ, который мнѣлъ себя великимъ геніемъ, и посыпавшися на него почести, а въ особенности титулъ неаполитанского короля, совершенно вскружили ему голову. Принца Евгенія Богарне Наполеонъ очень цѣнилъ, какъ хорошаго администратора Италии, но называлъ его четыреугольной головой и невысоко ставилъ его военное достоинство. Большую часть своихъ маршаловъ онъ обвинялъ въ измѣнѣ, какъ только ему не повезло, и въ страсти къ наживѣ.

Впрочемъ, рѣзко выражаясь о своихъ помощникахъ, къ винѣ которыхъ онъ относилъ свои пораженія въ кампаніяхъ 1812—13—14—15 годовъ, онъ не щадилъ себя и открыто признавалъ свои ошибки. «Я совершилъ болѣе чѣмъ преступленіе, говорилъ онъ, я дѣлалъ ошибки.

Для исторіи я долженъ быть умереть въ Москвѣ». Свои главныя побѣды, Аустерлицъ и Іену, онъ относилъ не столько къ своему генію, какъ къ прекрасному составу арміи, которая впослѣдствії, начиная съ Фридланда, стала терять свое превосходство отъ большого числа молодыхъ солдатъ. Съ особымъ удовольствиемъ распространялся онъ обѣ египетской экспедиціи и не разъ говорилъ Гурго, что если бы остался въ Египтѣ, то не кончалъ бы своей жизни на св. Еленѣ, а быть бы императоромъ востока. При этомъ онъ рисовалъ въ блестящихъ краскахъ, какъ изъ Египта онъ пошелъ бы въ Индію черезъ Евфратъ и уничтожилъ бы тамъ англійское владычество съ помощью туземцевъ, у которыхъ прекрасная кавалерія. Для этого онъ считалъ совершенно достаточнымъ 30.000 французовъ и 60.000 фелаховъ съ продовольствиемъ на 50 дней, такъ какъ въ сущности, по его словамъ, отъ Египта до Инда было не дальше, чѣмъ изъ Парижа въ Москву. Кампанію 1812 года Наполеонъ также рассказывалъ очень подробно на о. св. Елены. «Мой бракъ съ Маріей-Луизой былъ причиной русской экспедиціи, говорилъ онъ. Однако въ Дрезденѣ, когда я узналъ, что Швеція и Турція не переходятъ на мою сторону, то мнѣ не слѣдовало идти дальше. Правда, что, несмотря на это, я дошелъ побѣдителемъ до Москвы, и моя главная ошибка заключается въ томъ, что я слишкомъ долго оставался въ этомъ городѣ, иначе мое предпріятіе увѣнчалось бы успѣхомъ. Если бы русскіе не сожгли Москвы, то я быль бы повелиителемъ всей Россіи, возбудилъ бы восстание крестьянъ, и все было бы въ моихъ рукахъ. Но послѣ пожара Москвы мнѣ не слѣдовало тамъ оставаться и вѣрить обманамъ, которые продолжались изо дня въ день... Въ сущности я никогда не хотѣлъ войны съ Россіей, такъ какъ понималъ всѣ трудности подобной кампаніи, а началъ ее только потому, что былъ убѣжденъ въ желаніи русскихъ воевать со мною. Куракинъ представилъ грозную записку насчетъ корпуса Даву въ Гамбургѣ, и мои неспособные министры Бассано и Шампань увѣрили меня, что эта записка означала объявление войны со стороны Россіи, которая вызвала свои войска изъ Молдавіи и намѣревалась занять Варшаву, Куракинъ потребовалъ паспорты, и я отправился на войну, но все-таки послалъ Лористона къ Александру, который его не принялъ. Изъ Дрездена я снова послалъ къ Александру довѣренное лицо, на этотъ разъ Нарбонна, и самъ убѣдившись, что Россія желаетъ войны, перешель черезъ Нѣманъ близъ Вильны, тогда Александръ отправилъ ко мнѣ одного изъ своихъ генераловъ, чтобы увѣрить меня въ своемъ нежеланіи воевать. Я встрѣтилъ очень любезно посланного, и онъ обѣдалъ со мною, но я принялъ это за хитрость съ цѣлью дозволить Багратіону соединиться съ Барклаемъ, и продолжалъ свое наступленіе, тѣмъ болѣе что Россія требовала моего обратнаго перехода черезъ Нѣманъ... Многие потомъ увѣряли, что если бы не было въ то время

войны съ Испаніей, то я могъ бы двинуть на Россію еще 250.000 человѣкъ, но это ни къ чему не повело бы, а только увеличило бы число жертвъ, такъ какъ холодъ, а не врагъ погубилъ нась... Когда я былъ въ Москвѣ, то Александръ хотѣлъ вступить со мной въ переговоры, но онъ не рѣшился на это въ виду сильнаго вліянія сторонниковъ Англіи. Пожаръ Москвы принесъ большой вредъ Россіи и заставилъ ее пойти назадъ на пятьдесятъ лѣтъ. Если бы императоръ Александръ находился въ арміи, то онъ не дозволилъ бы уничтожить своей древней столицы и заключилъ бы со мной миръ. Онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что заключилъ бы миръ, если бы я пошелъ на Петербургъ. Быть можетъ, и лучше было бы, если бы я взялъ Петербургъ, центръ правительства и всѣхъ дѣлъ, хотя Москва настоящая столица Русской имперіи, и нашъ походъ на Москву причинилъ много вреда русскимъ».

На вопросъ Гурго, не были ли виновны въ бѣдствіяхъ, навлеченныхъ на французскую армію отступленіемъ изъ Россіи, Мюратъ и Бессьеръ, которые отговаривали императора отъ движенія на Малый Ярославецъ, Наполеонъ отвѣчалъ: «нѣтъ, я былъ повелителемъ, и вся вина лежитъ на мнѣ. Я долженъ былъ остаться въ Москвѣ не 35 дней, а только двѣ недѣли, разбить остатки Кутузовской арміи тотчасъ послѣ моего вступленія въ Москву, отправиться черезъ Малый Ярославецъ на Тулу и Калугу, наконецъ заявить Россіи, что я удалюсь, не причиняя никакого вреда той мѣстности, по которой мнѣ предстояла путь. Прибыть въ Смоленскъ, я хотѣлъ тамъ зимовать и размѣстить солдатъ въ баракахъ. Въ Витебскѣ у меня были большие магазины, но пока я колебался въ Смоленскѣ, не зная, на что рѣшиться, Витебскъ былъ занятъ русскими. Прежде чѣмъ достигнуть Борисова, я могъ напасть на Витгенштейна и уничтожить его, прежде чѣмъ Кутузовъ догналъ бы меня. Если бы я остался во главѣ арміи, то сумѣлъ бы удержаться всю зиму въ Вильнѣ. Я сдѣлалъ большую ошибку, оставивъ начальство Мюрату. Онъ хороши только въ огнѣ, а въ минуту пораженія онъ дѣлается трусымъ; еще большая ошибка съ моей стороны, что я не укрѣпилъ Вильны 15-ю редутами. Во всемъ этомъ я виновенъ, но совершенно напрасно обвинять меня, что я покинулъ армію. Мнѣ лично оставаться въ Россіи было нелѣпо, такъ какъ Пруссія и Австрія въ этомъ случаѣ возстали бы противъ меня два мѣсяца раньше». Вообще о Россіи Наполеонъ отзывался сочувственно и предсказывалъ ей великую будущность. «Теперь, когда меня болѣе нѣтъ,—говорилъ онъ:—императоръ Александръ пойдетъ прямо въ Константинополь, онъ ничего не боится со стороны Польши, а греки за него. Въ Эрфуртѣ онъ просилъ у меня Константинополь, но я на это не согласился, и дѣло было отложено... Россія должна дѣйствовать за одно съ Франціей; русское правительство гораздо шире и либеральнѣе австрійскаго. Растопчинъ, который сжегъ Москву, оставилъ въ своемъ

домъ бумаги, доказывавшія, что Россія имѣла право столько же жаловаться на Англію, какъ на Францію... Англичане увидяты въ концѣ концовъ, что сдѣлаютъ съ ними русскіе, которымъ не далеко идти въ Индію, такъ какъ они уже теперь въ Персіи. Имъ легко послать въ Индію 10.000 солдатъ, а по дорогѣ они найдутъ союзниковъ въ мѣстныхъ племенахъ. Теперь, когда не существуетъ больше Франціи и нарушено политическое равновѣсіе, Россія пойдетъ вѣрными и крупными шагами къ всемірному господству». Сожалѣя о томъ, что онъ предался въ руки англичанъ, Наполеонъ не разъ говорилъ: «Франція и Александръ лучше бы обошлись со мною, чѣмъ англичане. Все-таки австрійскій императоръ честный человѣкъ, и я зять его, а въ Россіи я быль бы чѣмъ-то въ родѣ втораго императора, и царь всегда съ удовольствіемъ совѣтовался бы со мною».

Хотя Наполеонъ болѣе всего говорилъ на св. Еленѣ, особенно въ первое время своего тамъ пребыванія, о Ватерлоо, но онъ не высказывалъ ничего новаго. Онъ называлъ эту роковую битву глупостью, которую самъ не могъ себѣ объяснить,увѣрялъ, что если бы вмѣсто Груши у него былъ Сюше, то онъ не проигралъ бы сраженія, и приписывалъ причину всей катастрофы ошибкѣ ординарца, передавшаго Гильо приказъ коннымъ гренадерамъ вступить въ бой, когда Наполеонъ берегъ ихъ для послѣдней атаки. Естественно, что, постоянно возвращаясь къ послѣднимъ, хотя и печальнымъ днямъ своей славной военной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ часто вспоминалъ о временахъ революціи и директоріи, къ которымъ относились его первые подвиги. О знаменитомъ кампоформійскомъ трактатѣ, которымъ закончились его італьянскія побѣды, онъ, напримѣръ, рассказывалъ любопытный анекдотъ. Переговоры со стороны Австріи велъ Кобенцель, котораго Наполеонъ называлъ «бѣлымъ медведемъ сѣвера», и онъ велъ себя чрезвычайно грубо, постоянно рѣзко говорилъ, «этому не бывать, на это императоръ, мой повелитель, не согласится». Наконецъ, генералъ Бонапартъ былъ выведенъ изъ терпѣнія одной изъ подобныхъ выходокъ австрійского дипломата и воскликнулъ: «графъ Кобенцель, вы говорите, что этому не бывать, а я говорю, что прекращаю переговоры и въ три мѣсяца уничтожу вашу монархію, какъ эти чашки». И онъ бросилъ на полъ драгоценный чайный сервизъ Кобенцеля, который получилъ его въ подарокъ отъ Екатерины II. Затѣмъ онъ съ шумомъ вышелъ изъ комнаты. Угроза подействовала, и на другой день трактать былъ подписанъ. Рассказывая этотъ анекдотъ, Наполеонъ прибавилъ: «Я отличался тогда республиканской гордостью и презиралъ австрійцевъ». Эту эпоху своихъ італьянскихъ побѣдъ Наполеонъ считалъ счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни и однажды задалъ своимъ приближеннымъ вопросъ, когда онъ былъ всего счастливѣе, на что одинъ отвѣчалъ: «консуломъ»; другой—«послѣ свадьбы съ Маріей-Луизой», а третій,—«послѣ рожденія римскаго короля»,

онъ самъ произнесъ: «Да, я былъ счастливъ въ эти моменты, но, быть можетъ, я былъ счастливѣе въ Тильзитѣ, когда послѣ тяжелыхъ заботъ и превратностей судьбы, напримѣръ, подъ Эйлау, я очутился побѣдителемъ во главѣ двора, состоявшаго изъ императоровъ и королей. Но, по всей вѣроятности, наиболѣе счастливъ я былъ послѣ моихъ итальянскихъ побѣдъ. Тогда энтузиазмъ былъ невообразимый, и всѣ кричали: «Да здравствуетъ освободитель Италии!». А тогда мнѣ было 25 лѣтъ, и я тогда предвидѣлъ, до чего дойду. Мнѣ казалось, что міръ ускользаетъ изъ-подъ моихъ ногъ, и что я подымаюсь на воздухъ». Къ итальянскимъ воспоминаніямъ Наполеона, касающимся позднѣйшаго времени консульства, относится любопытный разсказъ о встрѣчѣ съ одной бѣдной старушкой на Тарраской дорогѣ, гдѣ онъ однажды шелъ пѣшкомъ съ Дюрокомъ. На вопросъ старухи, какъ бы ей видѣть первого консула,— Наполеонъ отвѣчалъ съ улыбкой: «Что на него смотрѣть — тиранъ, какъ тиранъ, все одно и то же». Но старуха отвѣчала: «Нѣтъ, не все то же; Людовикъ XVI былъ королемъ дворянъ, а Бонапартъ — король народа». Дѣйствительно, Наполеонъ никогда не гнушался своего плебейского происхожденія, говорилъ не разъ Гурго, что онъ такой же сынъ народа, какъ этотъ храбрый генералъ, и рассказывалъ, что онъ два раза отказался отъ предложения смастерить ему аристократическую генеалогію. Когда уже онъ былъ императоромъ, ему предлагали доказать, что онъ происходилъ отъ Желѣзной Маски, который будто бы былъ братомъ Людовика XIV. Существовала легенда, что губернаторъ Пеньероля, Бомпарть, женилъ этого таинственнаго узника на своей дочери и отправилъ на Корсику подъ именемъ Бонапарта; тамъ этотъ братъ короля народилъ большую семью, отъ которой происходилъ Наполеонъ, который прибавлялъ къ этому разсказу: «Мнѣ стоило сказать только одно слово, чтобы всѣ повѣрили подобной сказкѣ». Относительно второго предложения возвести его въ аристократы Наполеонъ передавалъ слѣдующее: «Передъ моимъ бракомъ съ Марией-Луизой, австрійской императоръ прислалъ мнѣ ящикъ съ документами, доказывавшими, что я происходилъ отъ герцоговъ флорентійскихъ. Взглянувъ на эти бумаги, я только разсмѣялся и сказалъ Меттерниху: «Неужели вы думаете, что я буду заниматься такими пустяками? Если бы даже эти бумаги были подлинны, то какое мнѣ до нихъ дѣло? Герцоги флорентійские стояли ниже императоровъ германскихъ, а я не желаю поставить себя въ положеніе ниже моего тестя. Я полагаю, что во всякомъ случаѣ не хуже его. Къ тому же я добылъ себѣ дворянство на поляхъ Монтенотскихъ. Унесите эти бумаги».

Какъ известно, Наполеонъ въ юности былъ пламеннымъ якобинцемъ, сторонникомъ Робеспьера и другомъ его брата, а потому, хотя онъ въ своихъ бесѣдахъ съ Гурго не упоминалъ ни слова о своихъ республиканскихъ идеяхъ и очень рѣзко выражался о дняхъ террора,

но въ его отзывахъ о событияхъ и герояхъ революціи проглядываетъ иногда старая якобинская струнка. Такимъ образомъ онъ говорилъ о Людовикѣ XVI, что этотъ король послѣ бѣгства вполнѣ заслужилъ своей печальной судьбы. «Онъ заставилъ всѣхъ насть присягнуть конституціи, а потомъ насть бросилъ,—замѣтилъ Наполеонъ,—его присудили къ казни и хорошо сдѣлали, я также подалъ бы голосъ за казнь, хотя съ сожалѣніемъ». О главныхъ дѣятеляхъ революціи онъ отзывался характеристично. Въ его глазахъ Дантонъ былъ удивительный человѣкъ и съ его лозунгомъ: «смѣлость, еще смѣлость и всегда смѣлость», онъ могъ достигнуть всего, такъ что непонятно, зачѣмъ онъ отѣлился отъ Робесппера и позволилъ себѣ гильотинировать. Точно также Робеспперь, котораго исторія никогда вполнѣ не узнаетъ, сдѣлалъ большую ошибку, погубивъ Дантона. «Робеспперь былъ свергнутъ,—рассказываетъ Наполеонъ,—не за свою жестокость, такъ какъ свергнувшіе его Каррьеръ, Тальенъ, Фьeronъ и т. д., были гораздо кровожаднѣе его, но потому что онъ хотѣлъ умѣрить крайности революціи. Камбасересъ мнѣ рассказывалъ, что наканунѣ своей смерти онъ произнесъ великолѣпную рѣчь, въ этомъ духѣ, но она никогда не была напечатана. Ему слѣдовало сдѣлаться диктаторомъ, но это было не легко. Къ тому же онъ былъ человѣкъ честный и строго нравственнѣй. «Марата любилъ Наполеонъ за его искренность и прямо это высказывается: «Странный это былъ человѣкъ, но крупная историческая фигура. Онъ всегда говорилъ, что думалъ. У него была удивительная сила воли, и онъ боролся одинъ противъ всѣхъ. Главной причиной его громадной популярности было то, что онъ предсказалъ въ 1790 году события, совершившіяся два года спустя». «Знаменитаго организатора побѣдъ» въ первыя времена революціи, Карно, Наполеонъ ставить невысоко и признавалъ въ немъ только одно хорошее качество—честность. Вообще о всѣхъ генералахъ революціи побѣдитель при Аusterлицѣ судить очень строго и находить, что только двое изъ нихъ, Дессе и Гошъ, могли пойти дальше, въ особенности Гошъ, который и отличался большими способностями, энергіей, пыломъ и громаднымъ самолюбіемъ. Изъ всѣхъ дѣятелей революціи всего рѣзче отзываются Наполеонъ о Барре и Талейранѣ. Первый, по его словамъ, былъ самымъ безстыднымъ, безнравственнымъ, развратнымъ и фальшивымъ человѣкомъ, какого только можно себѣ представить. Онъ открыто воровалъ, никогда не имѣть своего мнѣнія, былъ чрезвычайнымъ невѣждой и всѣхъ обманывалъ, стремясь только къ достижению своихъ корыстныхъ цѣлей. Если возможно, то Тайлеранъ былъ еще безнравственнѣе Барра: онъ всѣмъ и каждому продавалъ свою душу и умѣлъ изо всего дѣлать деньги, но, несмотря на всѣ его пороки, не было лучшего человѣка для поста министра иностранныхъ дѣлъ. Талейранъ, какъ увѣряетъ Наполеонъ, настоялъ на похищении и казни герцога Энгіенского: «Я не совер-

шилъ при этомъ никакого убийства,—объясняль онъ,—герцога Энгейнскаго судили, какъ эмигранта, за сношенія съ врагами родины и за составленіе заговора. Талейранъ совѣтовалъ мнѣ воспользоваться предложеніемъ нѣсколькихъ англійскихъ контрабандистовъ, которые обѣщали умертвить всѣхъ Бурбоновъ по миллиону за штуку. Я имѣлъ полное право бороться съ ними тѣми же средствами, къ которымъ они прибегли противъ меня, а за исключеніемъ Людовика XVIII они все пытались отдѣлаться отъ меня убийствомъ. Быть можетъ, я и дурно поступилъ относительно Франціи, что не осуществилъ этого проекта Талейрана. Во всякомъ случаѣ смерть герцога Энгейнскаго отняла у Бурбоновъ всякую надежду на мирное соглашеніе со мной; люди революціи одобрили мой поступокъ, и Бурбоны перестали составлять заговоры, такъ какъ до тѣхъ поръ они считали, что ихъ не приговорятъ къ смерти, если бы они даже захвачены были во Франціи, какъ заговорщики». Изъ революціонныхъ воспоминаній Наполеона приведемъ еще одинъ анекдотъ, который онъ рассказывалъ Гурго: «Послѣ Вандемьера были въ Парижѣ безпорядки, по случаю голодовки, и во время одной стычки съ толпою я во главѣ своего штаба увидѣлъ передъ собою громадную толстую женщину, которая неистово меня бранила, называя кровопѣйцей. Я тогда обратился къ толпе съ слѣдующими словами: «Судите сами, кто изъ насъ двухъ болѣе походитъ на жертву голода?» Какъ известно, въ то время Наполеонъ былъ худощавымъ, поджарымъ юношемъ, и толпа, сравнивая его тощую маленькую фигуру съ колосальной женщиной, расхохоталась, а потомъ мирно разошлась.

Во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ женщинами Наполеонъ всегда одерживалъ верхъ такъ же легко, какъ и въ этой исторіи, и вообще онъ относился къ нимъ цинично, свысока, какъ къ существамъ, подчиненнымъ мужчинамъ. Теоретически онъ считалъ, что во Франціи напрасно окружали женщинъ большими уваженіемъ, и, по его мнѣнію, онъ не могутъ быть равны мужчинамъ, такъ какъ въ сущности онъ только «машины для производства дѣтей». «Во время революціи,— говорилъ онъ,—женщины участвовали въ восстаніяхъ, составляли собранія и даже пытались сформировать батальоны, но я положилъ всему этому конецъ. Общество было бы перевернуто вверхъ дномъ, если бы женщины вышли изъ того зависимаго положенія, въ которомъ они должны находиться. Тогда происходила бы вѣчная борьба. Одинъ полъ обязательно долженъ подчиняться другому. Конечно, бывали случаи, когда женщины воевали, какъ солдаты, и выказывали не только мужество и необыкновенный пылъ, но даже бесполезную жестокость. Въ Оргонѣ при моемъ отѣзгадѣ на островъ Эльбу одна молодая и хорошенъкая женщина такъ дико бросалась на меня, что навѣрное напилась бы моей крови, если бы ее до этого допустили. Рыночные торговки здоровье молодыхъ людей, и если бы была возможна борьба между мужчинами и жен-

щинами, то она бы была бы ожесточеннѣе, чѣмъ между чернокожими и бѣлыми, при чемъ только беременность ставила бы женщинъ въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ мужчинъ. Что касается до развода, то онъ не выгоденъ для женщины, такъ какъ въ мужчинѣ не оставить слѣда тотъ фактъ, что онъ былъ женатъ нѣсколько разъ, а напротивъ женщина, имѣвшая нѣсколько мужей, теряетъ всякую свѣжесть. Въ старину, кромѣ женъ, мужчины имѣли konkubinokъ, и дѣти послѣднихъ не презирались, какъ теперь незаконные. Я нахожу нелѣпымъ, что мужчина можетъ имѣть законнымъ образомъ только одну жену, тѣмъ болѣе, что во время ея беременности онъ вовсе лишенъ жены. Теперь кункубинатъ замѣненъ содержанками, но онъ разоряютъ достаточныхъ людей, а бѣдные, конечно, могутъ имѣть только одну жену. Во всѣ времена поднимали крикъ противъ уличныхъ женщинъ, но говорятъ, что онъ необходимы. Безъ нихъ мужчины бросались бы на честныхъ женщинъ, лишь только онъ появлялись бы на улицахъ. Однако, каждая молодая дѣвушка, предающаяся разврату, причиняетъ вредъ своему полу, унижаетъ его и лишаетъ общество той прелести, которую ему придается каждая красавица». На вопросъ Гурго, правда ли, что госпожа Сталь, прежде чѣмъ сдѣлаться врагомъ Наполеона, всячески ухаживала за нимъ, онъ вполнѣ подтвердилъ этотъ фактъ и прибавилъ: «На одномъ празднике у Талейрана она битыхъ два часа ко мнѣ приставала и наконецъ задала мнѣ вопросъ: «кто первая женщина съ древности и до нашихъ дней?» А я спокойно ей отвѣчалъ: «та, у которой всего болѣе дѣтей».

Конечно, циничный взглядъ Наполеона на женщинъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ никогда не встрѣчалъ отказа со стороны тѣхъ женщинъ, на которыхъ обращать вниманіе. Поэтому онъ гордо говоритъ: «Я никогда не бѣгалъ за женщинами», а упоминая о томъ, что онъ велья себя въ Италии очень сдержанно, прибавляетъ: «и однако всѣ итальянки были въ распоряженіи освободителя ихъ родины». Потомъ, разсказывая о встрѣчахъ, устраиваемыхъ ему, какъ императору, во всѣхъ городахъ Франціи, причемъ молодые дѣвушки подносили всегда ему цветы, онъ замѣчаетъ самонадѣянно: «всѣ эти юные существа составили бы мнѣ прекрасный сераль, если бы я этого желалъ». Въ доказательство того, что это не слова, и дѣйствительно не онъ бѣгалъ за женщинами, а женщины за нимъ, можно привести случай съ одной изъ лектрисъ императрицы, молодой дѣвушкой, по имени Гильбо, которая потомъ вышла замужъ за Сурде. «Я не знаю, разсказываетъ Наполеонъ, зачѣмъ Жозефина представила мнѣ эту дѣвушку и какие она на нее имѣла виды, но я видѣлъ ее три раза, и она мнѣ показалась очень наивной. Случайно Лавалетъ передалъ мнѣ письмо ея матери, которая совѣтовала ей со всевозможными циничными подробностями, какъ взяться за дѣла, чтобы меня обойти. Это было въ Байонѣ, и я тотчасъ при-

казаль отослать дѣвицу. «Что касается до актрисъ, съ которыми онъ согласно легендамъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, то Наполеонъ торжественно заявилъ Гурго, что все это неправда, за исключениемъ одной г-жи Жоржъ, хотя, напримѣръ, г-жа Марсъ ему очень нравилась, но вообще онъ считалъ неудобнымъ какія либо отношенія съ актрисами, такъ какъ невозможно заставить ихъ молчать. «Въ Эрфуртѣ, разсказывалъ онъ, императоръ Александръ совѣтовался со мною насчетъ актрисы Бургонь, и я съ удовольствиемъ отказался въ его пользу отъ всякихъ на нее правъ, но уговорилъ его не копрометировать себя, такъ какъ на другой день двадцать писемъ увѣдомили бы Парижъ о происшедшемъ». Что касается до госпожи Марсъ, то Наполеонъ отзывался о ней очень характеристично: «Я былъ противъ того, чтобы она играла роли большихъ кокетокъ, но, увидавъ ее на сценѣ, перемѣнилъ мнѣніе. Нельзя играть лучше ея, она была образцомъ женщины хорошаго тона, и правительство должно было бы покровительствовать подобнымъ актрисамъ для распространенія хорошихъ манеръ. Чѣмъ жены будутъ очаровательнѣе, тѣмъ менѣе причинъ мужьямъ предаваться разврату».

О своихъ двухъ женахъ Наполеонъ отзывался на св. Еленѣ сочувственно: «Хотя я очень любилъ Марию, говорилъ онъ, но я долженъ сказать, что никого и никогда я не любилъ такъ, какъ Жозефину. Это очень естественно, такъ какъ я вмѣстѣ съ нею возвысился, и она была настоящая женщина, настоящая парижанка. Я никогда бы ея не покинулъ, если бы у нея только былъ ребенокъ. Она была полна граціи и хотя постоянно лгала, но такъ умно и такъ мило, что нельзя было на нее сердиться. Она знала меня прекрасно и никогда у меня ничего не просила, но заставляла меня платить миллионы долговъ. У нея были дурные зубы, но она такъ за ними ухаживала, что это было незамѣтно. Она была способна сопровождать меня на островъ Эльбу. Напротивъ Марія-Луиза была олицетвореній невинности и никогда не лгала, она меня очень любила, всегда желала оставаться со мною и, конечно, не покинула бы меня, если бы обстоятельства не пересилили ея, если бы она постоянно не думала о томъ, что ея тетка была казнена, если бы я окружилъ ее лучшими людьми, чѣмъ каналъ герцогиня Монтебелло и негодяй Корвизарь, наконецъ, если бы ея отецъ не назначилъ состоять при ней повѣсу Нейперга». Однако, несмотря на свои похвалы Маріи-Луизы, онъ признавалъ, что лучше сдѣлалъ бы, женившись на француженкѣ, такъ какъ бракъ съ австріячкой вовлекъ его въ войну съ Россіей и окончательно погубилъ.

Наполеонъ на островѣ св. Елены много читалъ и имѣлъ небольшую библіотеку. Изъ приложеннаго къ дневнику Гурго списка книгъ этой библіотеки видно, что онъ были итальянскія и французскія, а по содержалю относились къ математикѣ, военному искусству, религіи, исторіи, литературѣ и т. д. Въ чтеніи Наполеонъ былъ настоя-

щимъ космополитомъ и придерживался того правила, что не было такой дурной книги, изъ которой нельзя было бы чему нибудь научиться. Онъ самъ читалъ и слушалъ чтеніе другихъ, а потомъ высказывалъ свое мнѣніе о прочитанномъ. Гурго приводить нѣсколько такихъ критическихъ взглядовъ императора, и изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе: упрекъ Расину въ незнаніи географіи по поводу трагедіи «Митридатъ»; замѣчаніе относительно «Figaro» Бомарше, что эта комедія дышитъ революціей, такъ какъ въ ней унижаются аристократы, и критика письма Виргиніи къ ея матери въ «Paul et Virginie» Бернардена де Сент-Пьера.

Окончимъ этотъ бѣглый очеркъ того, о чёмъ говорилъ Наполеонъ съ генераломъ Гурго на островѣ св. Елены, его отзывомъ о французахъ и парижанахъ: «Я очень люблю французовъ и всегда дѣлалъ для нихъ, что могъ. Мнѣ слѣдовало бы сдѣлать болѣе для Италии, но я ожидалъ рожденія второго сына, чтобы объявить ее независимой подъ его владычествомъ. Я одной ногой стою въ Италии, а другой во Франціи. Моя семья происходитъ изъ Тосканы, гдѣ она жила 200 лѣтъ. Я рѣшительно не корсиканецъ, а французъ по воспитанію и даже родился въ то время, когда Корсика принадлежала Франціи. Однажды въ Ліонѣ городской меръ сказалъ мнѣ въ видѣ комплименты: «удивительно, государь, какъ вы, не будучи французомъ, такъ любите Францію и столько сдѣлали для нея». Его слова были для меня точно ударами палки, и я повернулся къ нему спиной. Только бы французы, а въ особенности парижане, помня о своихъ дняхъ славы, не забывали меня, и я буду доволенъ. Впрочемъ они не могутъ ни о чёмъ говорить, чтобы не вспомнить обо мнѣ. Парижане отличаются умомъ и никогда не забудутъ обо мнѣ. Парижъ олицетворяетъ всю Францію и замѣняетъ теперь меня для французовъ».

Е. И. Б.

БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНИЯХЪ¹⁾.

III.

НЕ ПОНИМАЮ, какъ могутъ люди жить, какъ они могутъ сами исполнять свой долгъ и заставлять другихъ его исполнять, если они не вѣрятъ въ Бога, творящаго добро, въ вѣчный судъ и въ загробную жизнь. Еслибъ я пересталъ быть христіаниномъ, то не сталъ бы болѣе ни за что служить королю. Еслибъ я не надѣялся на Бога, то не питалъ бы довѣрія и къ земному властителю. Посмотрите на меня: выступая на государственное поприще, я имѣлъ средства къ жизни и занималъ довольно высокое положеніе. Къ чему мнѣ было работать и трудиться безъ устали, къ чему переносить непріятности и мученія, еслибъ я не чувствовалъ, что исполняю свой долгъ относительно Бога? Уничтожьте во мнѣ вѣру въ Провидѣніе, которое предназначило германскую націю къ достижению великихъ добрыхъ цѣлей, и я ни на минуту не сохранилъ бы своихъ обязанностей государственного человѣка. Ордена и титулы имѣются для меня мало цѣны. Я роялістъ только потому, что твердо вѣрю въ вѣчную жизнь послѣ смерти, иначе я бы былъ бы республиканцемъ. Да, по природѣ, я республиканецъ; посмотрите, какую борьбу я веду въ теченіе десяти лѣтъ со всѣми нелѣпостями придворной жизни, и вы убѣдитесь, что только пламенная христіанская вѣра могла сохранить во мнѣ роялизмъ. Болѣе того, отнимите отъ меня вѣру, и во мнѣ исчезнетъ любовь къ родинѣ. Еслибъ я не былъ хорошимъ христіани-

---

¹⁾) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. LXXVI, стр. 281.

номъ, то вы не имѣли бы великаго канцлера. Еслиъ я не былъ хорошимъ христіаниномъ, то я съ удовольствіемъ отвернулся бы отъ королевскаго двора, а еслиъ завтра вы нашли мнѣ преемника, который былъ бы лучшимъ христіаниномъ, чѣмъ я, то я тотчасъ уступилъ бы ему свое мѣсто. Вы не можете себѣ представить, съ какой радостью я поѣхалъ бы въ деревню! Я такъ люблю природу, лѣса, поля. Уничтожьте узы, связующіе меня съ Богомъ, и я завтра отправлюсь въ Варзинъ, гдѣ стану обрабатывать землю. Если бы я не сознавалъ, что Богъ велитъ мнѣ служить этимъ Гогенцоллернамъ, то я не сталъ бы унижаться? Они принадлежать къ Швабской семье, которая не лучше моей».

Эти слова Бисмаркъ сказалъ Бушу подъ Парижемъ, и трудно повѣрить, что они произнесены желѣзнымъ канцлеромъ. Только, вспомнивъ другія его слова, что «нѣть ничего на свѣтѣ, кроме лицемѣра и гаерства», становятся вѣроятными подобныя фразы въ устахъ желѣзного канцлера, для котораго въ сущности не было ничего святаго, что вполнѣ доказывается вся его жизнь, вся его политическая дѣятельность, самые его мемуары, одинаково осуждающіе враговъ и друзей, въ томъ числѣ Вильгельма I. Этой характеристической чертой его «Мыслей и воспоминаній» въ особенности отличаются главы второй части, которыя посвящены долговременной мирной дѣятельности Бисмарка по упроченію созданной имъ Германской или, скорѣе, Прусской имперіи, какъ онъ въ одномъ мѣстѣ самъ называетъ по опискѣ, или нахальству, свое созданье. О цѣляхъ и результатахъ своей внутренней политики, о смыслѣ и мотивахъ проведенныхъ имъ мѣропріятій, о тѣхъ обстоятельствахъ и причинахъ, которыя побуждали его постоянно менять свои взгляды и дѣлаться то консерваторомъ, то либераломъ, то сторонникомъ свободной торговли, то рыцаремъ протекціонизма, то бойцемъ культурной борьбы съ клерикалами, то союзникомъ клерикаловъ въ борьбѣ противъ прогресса,—онъ говорить очень мало, но за то о своихъ отношеніяхъ къ окружавшимъ его политическимъ дѣятелямъ онъ охотно распространяется, при чемъ старается выставлять эти отношенія въ такомъ видѣ, какъ будто бы онъ былъ постоянной жертвою всевозможныхъ интригъ и злобныхъ котовъ. Если же всегда онъ выходилъ побѣдителемъ изъ подобныхъ столкновеній и безжалостно топилъ своихъ враговъ, то онъ это объясняетъ своей правотой и справедливой каждой виновныхъ со стороны милосерднаго Бога, стоявшаго будто бы всегда на сторонѣ этого «хорошаго христіанина», погубившаго, по его собственнымъ словамъ, десятки и десятки тысячъ христіанъ. Конечно, «Мысли и воспоминанія» великаго лицемѣра надо читать съ должной критикой, и тогда онъ представляются очень любопытный материалъ для характеристики его самого и его отношеній къ окружавшимъ его лицамъ.

Переходя отъ внѣшней политики, апогеемъ которой были три

войны, создавшія Германскую имперію, къ внутренней, имѣвшей цѣлью упроченіе этой имперіи, Бисмаркъ счелъ прежде всего необходимымъ примириться съ парламентомъ и создать общій германскій рейхстагъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ. Ту и другую уступку ненавистному ему парламентаризму и либерализму онъ сдѣлалъ изъ хитраго политического расчета. Онъ зналъ, что внѣшними побѣдами вполнѣ заручился отпущеніемъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ, и ему стоило только сдѣлать эти два аванса, чтобы представительство германского народа очутилось у его ногъ. Но добиться согласія Вильгельма на эти уступки было не легко: первую онъ считалъ сознаніемъ въ своей виновности, такъ какъ для примиренія надо было провести въ парламентѣ биль, признававшій законными всѣ дѣйствія правительства, сдѣланныя безъ согласія парламента въ эпоху борьбы съ нимъ, а вторую торжествомъ демократіи надъ принципомъ монархизма. Большихъ и долгихъ трудовъ стоило Бисмарку увѣрить старика, что такъ называемый биль индемнізаціи только пустая проформа, которая въ сущности даже освящала право короля поступать противъ конституціи, и что германскій народъ, по его картииному выраженію, «однажды осѣдавъ коня, сумѣеть его обѣздить», или, другими словами, убѣдившись, что общая подача голосовъ вредна, быстро отдѣляется отъ нея. Конечно, въ концѣ концовъ онъ поставилъ на своеѣ и поймалъ на удочку сначала прусскій ландтагъ, а затѣмъ германскій рейхстагъ. Съ тѣхъ поръ уже не могло быть и рѣчи о борьбѣ съ парламентомъ, а все заключалось только въ манипуляціи партій такъ, чтобы большинство раболѣпно исполняло всѣ требования канцлера. Онъ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ постоянно достигалъ этой цѣли самыми различными и противоположными средствами. Его внутренняя политика представляла самый полный оппортунизмъ, какой можно только себѣ вообразить, и никогда не было, да и, вѣроятно, никогда не будетъ болѣе совершенного оппортуниста, какъ Бисмаркъ. У него не существовало никакой опредѣленной государственной системы, а онъ дѣйствовалъ, всегда руководясь только тѣмъ, откуда дуетъ политический вѣтеръ. Вся его политическая программа заключалась въ немногихъ словахъ, по мѣткому выраженію одного англійского критика: «Богъ одинъ, а Бисмаркъ былъ, есть и будетъ его пророкомъ въ отношеніи германской расы».

Конечно, на словахъ онъ не высказывалъ этой программы, но практически у него не было другой. Въ его же громко выражаемыхъ теоріяхъ онъ такъ же, какъ въ дѣйствіяхъ, постоянно противорѣчилъ себѣ. Въ мемуарахъ онъ то говоритъ: «абсолютизмъ составляетъ самую идеальную конституцію для европейскихъ государствъ», а потомъ прибавляется: «еслибы государи и его совѣтники не были люди, какъ всѣ». Затѣмъ онъ высказываетъ, что «абсолютизмъ не такая форма правленія, которая могла бы долго продержаться въ

Германії», и тутъ же заявляетъ: «абсолютизмъ парламентскаго большинства такъ же мало можно оправдать, какъ абсолютизмъ короны». По его мнѣнію, идеальное управление было достигнуто при Вильгельмѣ I, т. е. насколько несовершенства человѣческой натуры могутъ достичь идеала, а известно, что вся система управления при Вильгельмѣ I заключалась въ одномъ — въ канцлерѣ, который одинаково управлялъ императоромъ и парламентомъ. Что онъ думалъ о своемъ «баринѣ», какъ онъ всегда его называлъ, мы видимъ впослѣдствіи, но о рейхстагѣ онъ выражался самымъ рѣзкимъ образомъ: «либералы и консерваторы, говорилъ онъ Бушу, только стараются извлечь изъ меня наибольшую для себя пользу и дружатъ со мною, или отворачиваются отъ меня, смотря потому, какъ требуютъ интересы ихъ партіи... Оппозиція въ рейхстагѣ не имѣеть другого мотива, какъ ненависть ко мнѣ... На меня нападаютъ всегда лично и никогда не обсуждаютъ вопросовъ по существу. Какое дѣло, что я перемѣняю свое мнѣніе? А они постоянно упрекаютъ въ этомъ меня. Въ сущности же я перемѣнилъ мнѣніе только въ экономическихъ вопросахъ, а въ политикѣ я мало менѣялся. Но какъ мнѣ было не перемѣнить своей экономической системы! Принявъ власть, я имѣлъ одну цѣль: единеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи; этой цѣли я подчинилъ все остальное, въ томъ числѣ экономические интересы. Но когда другія государства стали возвышать тарифъ, то и мнѣ пришлось сдѣлать то же. Мы не могли сидѣть, сложа руки... Что такое рейхстагъ? Всѣ депутаты, къ какой бы партіи они ни принадлежали, стадо рабовъ, ползающее начетверенькахъ передъ своимъ повелителемъ. Между консерваторами и либералами существуетъ одно различіе: первые работѣнчатаютъ открыто, а послѣдніе тайно».

Послѣднія его слова вполнѣ справедливы, и дѣйствительно за исключениемъ немногихъ стойкихъ принципіальныхъ радикаловъ и соціалистовъ, какъ Бамбергеръ, Рихтеръ, Бебель, Либкнехтъ и др., всѣ либералы и консерваторы были всегда къ его услугамъ, когда онъ обращался къ ихъ помощи. Но онъ напрасно упрекаетъ ихъ въ томъ, что они дружили съ нимъ и бросали его, какъ того требовали ихъ собственные интересы: онъ самъ дѣлалъ то же самое. Консерваторы, которые одинаково съ нимъ происходили изъ прусскихъ юнкеровъ, онъ называлъ слѣпыми фанатиками, какъ только они начинали дѣйствовать противъ него, и благородными патріотами, когда они поддерживали его. При ихъ помощи онъ началъ такъ называемую культурную борьбу съ католическими клерикалами, и какъ только они стали сопротивляться школьнамъ законамъ, то онъ отвернулся отъ нихъ и снова возвратился къ нимъ, когда сталъ вводить протекціонизмъ. Пока онъ боролся съ клерикалами, поддерживалъ свободу торговли и распространялъ народное образованіе на прогрессивныхъ началахъ, то опирался на националь-либераловъ съ

ихъ вожаками Ласкеромъ, Бенингсеномъ, Форкенбекомъ, Бамбергеромъ и другими, но какъ только нашелъ болѣе выгоднымъ для своей оппортунистской политики не только примириться съ клерикалами и пойти въ Канносу (хотя прежде гордо увѣрялъ, что никогда этого не сдѣлаетъ), но открыто поддерживать протекціонизмъ и аграрные помѣщичьи интересы, то онъ бросилъ националь-либераловъ, т. е. тѣхъ изъ нихъ, которые остались вѣрными своимъ принципамъ и составили новую партію свободомыслящихъ подъ предводительствомъ Бамбергера. Вообще обѣ этихъ случайныхъ своихъ сторонникахъ онъ отзывался очень рѣзко и увѣрялъ, что они только интриговали противъ него, хотѣли прижать его спиною къ стѣнѣ и, выживъ его изъ министерства, образовать свое собственное, которое онъ съ ехидствомъ называетъ кабинетомъ Гладстона. Но, конечно, Бисмаркъ съ наибольшимъ ожесточенiemъ отзывался о прогрессистахъ и не разъ поручалъ Бушу писать противъ нихъ газетныя статьи, полныя браній и клеветы.

Не лучше политическихъ партій относился желѣзный канцлеръ и къ отдѣльнымъ личностямъ, даже его ближайшимъ сотрудникамъ. Пока они ему были нужны, онъ осыпалъ ихъ милостями, а какъ только они перестали ему быть полезными, а тѣмъ болѣе, если осмѣливались противодѣйствовать ему, то онъ безпощадно ихъ губиль, топталъ въ грязь и стиралъ съ лица земли. Очень характерно, что этотъ «геніальный юнкеръ», какъ его называетъ Бамбергеръ въ недавне вышедшій брошюре¹⁾, ни о комъ не отзыается сочувственно, а всѣхъ бранитъ съ плеча въ своихъ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ. Напримѣръ, своего преемника въ Петербургѣ и Парижѣ, Роберта Гольца, онъ называетъ умнымъ интриганомъ, легкомысленно влюблявшимся во всѣхъ принцессы, при дворѣ которыхъ онъ находился, отъ греческой королевы Амаліи до императрицы Евгени; другой прусскій дипломатъ Радовицъ въ его глазахъ былъ или дуракомъ или измѣнникомъ, австрійскимъ іезуитомъ или сумасшедшимъ. Про своихъ товарищѣй министровъ онъ отзывается самымъ презрительнымъ образомъ: министръ торговли, Иценплацъ, по его словамъ, былъ слабохарактерный человѣкъ, подпадавшій подъ вліяніе то одного то другого подчиненнаго; министръ внутреннихъ дѣлъ, Яговъ, былъ такой вспыльчивый и непріятный человѣкъ, что всѣ его ненавидѣли; министръ земледѣлія, Сельгофъ — ни на что неспособный провинціальный чиновникъ; министръ духовныхъ дѣлъ, Фалькъ, дѣжалъ отибики за ошибками по безтактности; министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Фридрихъ Эйленбургъ, не годился ни на какое дѣло, такъ какъ распутная жизнь истощила его силы и нервы; замѣнивший его, графъ Бото Эйленбургъ, отличался большими талантами, но постоянно подкашивался подъ желѣзного канцлера.

¹⁾ Bismarck Posthumus, von L. Bamberger. Berlin. 1899.

Конечно, о германскомъ посланникѣ въ Парижѣ, графѣ Гарри Арнимѣ, Бисмаркъ отзывается всего рѣзче и по-своему разсказываетъ его скандальную исторію. Если вѣрить ему, то Арнимъ хотѣлъ всячески подставлять ему ножку и занять его мѣсто, для чего лгалъ, похищалъ государственные документы и совершаилъ всякаго рода преступленія, между прочимъ присвоилъ себѣ отпустившіяся ему 6.000 талеровъ на защиту германской политики во французскихъ газетахъ и употреблялъ эти деньги на подземную борьбу съ Бисмаркомъ въ купленной имъ «Шенеровой газетѣ». Хотя желѣзный канцлеръ увѣряетъ, что никогда не хотѣлъ мстить Арниму, и если подвергъ его дважды судебному преслѣдованію, то лишь по долгу начальника, не могущаго допустить несубординацію подчиненнаго, но ничѣмъ инымъ нельзѧ объяснить того факта, что онъ не только погубилъ очень талантливаго, по его же словамъ, человѣка, и подвергъ его пытливому тюремному заключенію, но еще въ своихъ мемуарахъ ехидно замѣтилъ, что этотъ слишкомъ строгій приговоръ можно было бы признать справедливымъ только, еслибы было доказано, что подсудимый, какъ тогда ходили слухи, имѣлъ преступныя сношенія съ барономъ Гиршемъ и отсрочивалъ исполненіе полученныхъ инструкцій въ интересахъ своей биржевой игры. Послѣ подобнаго поведенія относительно лежачаго соперника, Бисмаркъ еще имѣеть дерзость кончить свой разсказъ обѣ эпизодѣ Арнима слѣдующими словами: «Очень жаль для нашей дипломатіи, что необыкновенныя способности Арнима не сопровождались надежнымъ характеромъ и благородствомъ». Читая эти слова, невольно приходится признать, что желѣзный канцлеръ былъ не только великимъ лицемѣромъ, но чѣмъ-то еще худшимъ. Не даромъ называлъ его сэръ Робертъ Морерь «сatanой современной Европы».

Къ тому же заключенію нельзѧ не прійти, взвѣшивъ безпристрастно его сужденія о двухъ императрицахъ и трехъ императорахъ, съ которыми онъ имѣлъ постоянныя, ежедневныя отношенія. Что онъ неблагопріятно отзывается обѣ императрицахъ, о Фридрихѣ и о Вильгельмѣ II, то это еще можно объяснить ихъ враждебными дѣйствіями противъ него, но все, что онъ говоритъ презрительно рѣзкаго о Вильгельмѣ I, котораго онъ постоянно называлъ своимъ повелителемъ, своимъ «бариномъ» и который всегда стушевывался передъ нимъ, предоставляя ему полную свободу дѣйствій и всѣ лавры,— рѣбѣнко является чудовищнымъ. Онъ самъ это хорошо понималъ и, говоря о своихъ мемуарахъ съ Бушемъ, произнесъ знаменательные слова: «Съ 1847 года я всегда былъ представителемъ монархического принципа и держалъ твердо, высоко его знамя. Но я видѣлъ трехъ государей, такъ сказать, въ обнаженномъ видѣ и долженъ сказать, что эти три господина не всегда показывали мнѣ нѣчто прекрасное. И все-таки я не могу кричать обѣ этомъ

съ колокольни; тогда я пересталъ бы быть вѣрнымъ себѣ и сталъ бы въ противорѣчіе съ своими принципами. Вотъ я нахожусь въ большомъ смущеніи, какъ мнѣ быть съ моими мемуарами. А все-таки, если послѣ моей смерти что нибудь напечатаютъ изъ моихъ воспоминаній, то всѣ восхлиknуть: «Вотъ онъ какой! Даже въ могилѣ! Что за отвратительный старый подлецъ!»

Однако какое отталкивающее впечатлѣніе ни производятъ нѣкоторые изъ отзывовъ Бисмарка о представителяхъ гогенцоллернскаго дома, но посвященные имъ страницы въ его мемуарахъ и въ книгѣ Буша представляютъ большой исторической интересъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что еще не появился въ свѣтѣ третій или, вѣрнѣе сказать, первый томъ его «Мыслей и воспоминаній», о существованіи кото-раго не можетъ быть теперь сомнѣнія въ виду главнѣйшихъ свѣдѣній, сообщенныхыхъ близкими къ нему лицами. Въ *Grenzboten* появились воспоминанія доктора Гиттермана¹⁾, который часто бывалъ въ Фридрихсруэ, и вотъ что ему говорилъ объ этомъ первомъ томѣ писавшій его Лотаръ Бюхерь: «Самая важная часть мемуаровъ, относящаяся до царствованія Вильгельма II и отставки князя, была написана прежде всего. Осеню 1891 года она уже была готова къ печати и заключала въ себѣ болѣе 1.000 страницъ мелкаго письма. Это исторический трудъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, и онъ составляетъ нѣчто, вполнѣ цѣлое. Но я боюсь, что могущественная вліянія помышлаютъ его появленію въ печати, и мнѣ придется пожалѣть, что я посвятилъ ему послѣдніе годы своей жизни. Остальная «Мысли и воспоминанія» не такъ важны, такъ какъ они состоятъ изъ отдѣльныхъ главъ, не связанныхъ между собою и написанныхъ разговорнымъ тономъ». Существование этого драгоценнаго тома мемуаровъ Бисмарка подтверждается и его докторъ Швенингеръ, который пишетъ большой трудъ о своемъ пациентѣ, на основаніи замѣтокъ, набросанныхъ имъ почти ежедневно съ 1883 года, когда онъ началъ его лѣчить. По словамъ нѣмецкихъ газетъ, первый томъ воспоминаній Швенингера вскорѣ появится, и въ нихъ онъ прямо говоритъ, что первая мысль о мемуарахъ Бисмарка вошла въ голову ему. Онъ посовѣтовалъ своему пациенту взяться за этотъ трудъ, на другой же день послѣ его окончательного возвращенія въ Фридрихсруэ, изъ боязни, чтобъ бездѣйствіе не имѣло дурнаго вліянія на его сильную натуру, привыкшую къ постояннымъ занятіямъ. Бисмаркъ долго сопротивлялся, но наконецъ изъявилъ согласіе и вызвалъ въ Фридрихсруэ Лотара Бюхера, который записывалъ его разговоры, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Изъ этихъ-то разговоровъ и вышли три тома «Мыслей и воспоминаній», изъ которыхъ первый посвященъ паденію желѣзного канцлера и составляетъ совершенно отдѣльный, цѣлый разсказъ.

¹⁾ Erinnerungen von W. Gittermann. *Grenzboten*. Mrz. 1899.

Въ виду такихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, нельзя не признать, что третій въ хронологическомъ порядкѣ томъ мемуаровъ Бисмарка написанъ, и, конечно, онъ рано, или поздно выйдетъ въ свѣтъ. Но врядъ ли онъ дастъ много новыхъ чертъ для характеристики Вильгельма I и императрицы Августы, даже Фридриха III и его жены, за то представить массу самаго драгоцѣннаго и свѣжаго материала о Вильгельмѣ II о послѣднемъ эпизодѣ политической дѣятельности Бисмарка, который подробно описалъ свою отставку по горячимъ слѣдамъ. Поэтому можно смѣло считать, что портреты двухъ императоровъ и двухъ императрицъ, какъ они выступаютъ изъ рамокъ напечатанныхъ томовъ мемуаровъ желѣзного канцлера и книги Буша, носятъ характеръ окончательный. Только фигура Вильгельма II представляется туманнымъ абрисомъ, ожидающимъ дальнѣйшихъ и множественныхъ штриховъ, чтобы представить рельефнымъ образомъ.

Совершенно различно говорить Бисмаркъ о Вильгельмѣ I въ своихъ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ: въ первыхъ онъ отзывается о своемъ повелителѣ, или «баринѣ», вообще сдержанно, прилично и официально, а въ послѣднихъ онъ доходитъ до рѣзкостей и грубостей. Но, всматриваясь ближе даже въ официальные его отзывы о Вильгельмѣ, можно вывести то же заключеніе, какъ и изъ откровенностей, записанныхъ Бушемъ: Вильгельмъ самъ по себѣ былъ ничто, а Бисмаркъ все; онъ ничего не понималъ и всегда дѣлалъ глупости, а Бисмарку приходилось ихъ поправлять. Одно только было въ немъ хорошее качество, онъ предоставлялъ Бисмарку дѣлать все, что угодно. Конечно, ничего подобнаго великій лицемѣръ прямо не говоритъ, но это вытекаетъ изъ каждого его слова. Впрочемъ онъ Бушу буквально говорилъ: «Вильгельмъ обыкновенно во всякомъ дѣлѣ бралъ ложный путь, но потомъ добываялъ мнѣ вывести себя на прямую дорогу. Онъ зналъ очень мало и очень медленно понималъ то, что ему объясняли». Даже въ той главѣ своихъ мемуаровъ, которую онъ посвящаетъ характеристикѣ Вильгельма, Бисмаркъ замѣчаетъ, напримѣръ, что, зная пристрастіе императора ко всему военному, онъ, хотя и статскій, носилъ всегда военный мундиръ и тѣмъ имѣлъ на него болѣшее вліяніе. Еще наслѣднымъ принцемъ, Вильгельмъ обнаруживалъ полное невѣдѣніе государственныхъ дѣлъ, и Бисмарку приходилось учить его, что такое пѣтистъ, и въ какихъ отношеніяхъ находились прусскіе помѣщики къ своимъ крестьянамъ. При этомъ характерно, что Бисмаркъ именно считалъ невѣжествомъ со стороны Вильгельма — его увѣренность въ угнетеніи помѣщиками крестьянъ. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался регентомъ, королемъ и императоромъ, то Бисмаркъ ехидно замѣчаетъ, что «знатія не поддерживали его здраваго смысла», а «упорные предразсудки мѣшиали ему понимать дѣла». Вообще онъ называетъ императора «храбрымъ офицеромъ на тронѣ» и доказываетъ, что его лучшая черта заключалась именно въ томъ, что онъ былъ прусскимъ офицеромъ

и дворяниномъ. Благодаря этимъ офицерскимъ и дворянскимъ качествамъ, онъ никогда, по словамъ желѣзного канцлера, не забывалъ принципа «noblesse oblige», и когда затронута была въ немъ эта струна, то онъ являлся настоящимъ патріотомъ-государемъ. «Если онъ иногда забывалъ свой долгъ государя, замѣчаетъ Бисмаркъ, то его можно было быстро привести въ сознаніе, и онъ тогда становился государемъ съ головы до ногъ, оставаясь все-таки прусскимъ офицеромъ». Въ его отношеніяхъ къ Бисмарку, послѣдній всего болѣе цѣнилъ то, что, «сохраняя свое императорское достоинство, онъ открыто признавалъ, что его вѣрный слуга не только отгадывалъ его намѣренія, но и руководилъ ими». Во время многочисленныхъ пререканій съ Бисмаркомъ, который при каждомъ несогласіи съ нимъ Вильгельма тотчасъ подавалъ въ отставку, императоръ всегда убѣждалъ его остаться канцлеромъ, говоря: «Вы не захотите своимъ уходомъ сдѣлать меня смѣшнымъ въ глазахъ всего свѣта». Въ одинъ изъ такихъ непріятныхъ эпизодовъ Вильгельмъ писалъ Бисмарку: «Мое величайшее счастье всегда жить въ согласіи съ вами, а вы хотите изъ-за пустого спора бросить меня».

Съ своей стороны Бисмаркъ въ откровенныхъ разговорахъ съ Бушемъ на вопросъ о томъ, былъ ли Вильгельмъ настоящимъ государемъ, отвѣчалъ: «да, это былъ благородный товарищъ, хотя мнѣ много приходилось съ нимъ возиться и часто, благодаря ему, переживать тяжелыя минуты, но все-таки никогда по его милости я не попадалъ впросакъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не разъ жаловался Буппу, что «Вильгельмъ не даетъ покоя и не знаетъ жалости, ставя ему преграды во всѣхъ его предпріятіяхъ, оканчивающихся въ его же славу». Такъ Вильгельмъ ни за что не хотѣлъ воевать съ Даніей и Австріей, заключить мира съ послѣдней послѣ побѣды подъ Садовой, побудить Францію къ объявленію войны Пруссіи и заключить союзъ съ Австріей противъ Россіи, а всѣ эти события, по словамъ Бисмарка, были трюмфами для того же Вильгельма, котораго необходимо было всегда дѣлать трюмфаторомъ помимо его воли. Въ особенности желѣзный канцлеръ нападаетъ на то качество своего «барина», которое онъ называетъ «излишней добросовѣстностью». Это качество онъ проявилъ наиболѣе, сопротивляясь заключенію союза съ Австріей противъ Россіи, доказывая, что онъ опозоритъ себя, измѣнивъ своему старому другу и племяннику, русскому государю. Дѣйствительно, подобныя чувства были незнакомы Бисмарку и естественно, становясь ему поперегъ дороги, возбуждали въ немъ только презрительный гнѣвъ. Въ этомъ отношеніи онъ иногда заходилъ очень далеко, и однажды сказалъ Бушу: «можно признать, что покушеніе Нобелинга на жизнь императора (при чемъ Вильгельмъ былъ раненъ) было въ некоторомъ отношеніи счастливъ, такъ какъ иначе я ничего не добился бы на берлинскомъ конгрессѣ; онъ всегда стоялъ за невозможные проекты и

упорствовалъ въ нихъ до послѣдней крайности». А рядомъ съ подобными неблаговидными откровенностями мы встрѣчаемъ отзывы великаго лицемѣра о Вильгельмѣ такого рода: «Благородство, достоинство и спокойствие императора вызывали всеобщее уваженіе даже его враговъ. Чувства чести и справедливости проявлялись во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ друзьямъ, слугамъ и врагамъ». Не только у Бисмарка поворачивалась рука, чтобы написать подобные диаѳрамбы послѣ того, какъ онъ открыто называлъ счастьемъ покушеніе на жизнь Вильгельма, но онъ еще завѣщалъ начертать на своей гробницѣ, что и сдѣлано: «Вѣрный германскій слуга императора Вильгельма I».

«Отличительной чертой гогенцоллерновъ, сказалъ однажды Бисмаркъ Бушу, всегда служила привычка плясать подъ дудку своихъ женъ». Такое подчиненіе вліянію своей жены, императрицы Августы, желѣзный канцлеръ считалъ главнымъ недостаткомъ Вильгельма I. Съ этимъ вліяніемъ онъ постоянно боролся, и всегда онъ и императрица Августа были заклятыми врагами. Хотя въ концѣ концовъ ему постоянно удавалось одерживать верхъ надъ ея интригами, но онъ все-таки питалъ къ ней такую ненависть, которая открыто выражается не только въ разговорахъ съ Бушемъ, но и въ его мемуарахъ. «Я такъ привыкъ, разсказываетъ онъ, къ вѣчной борьбѣ съ императрицей Августой, что, всегда зналъ, когда императоръ сопротивлялся мнѣ по личному убѣждѣнію или по вліянію жены. Въ первомъ случаѣ мы обсуждали вопросъ серіозно, а въ послѣднемъ онъ приводилъ самые пустые аргументы и въ концѣ концовъ махалъ рукой и воскидалъ: «Ну, чортъ возьми, простите меня тысячу разъ». Я тогда понималъ, что передъ мною не императоръ, а его жена. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ не скрывалъ отъ меня своего непріятнаго домашнаго положенія и часто совѣтовался со мною, какъ примирить съ государственнымъ интересомъ семейное спокойствіе, вѣчно угрожаемое «изверженiemъ волкана». Хотя Бисмаркъ и признаетъ, что императрица Августа была умная, образованная и энергичная женщина и главнымъ образомъ боролась съ нимъ, для того, чтобы не допустить чужого вліянія на слабохарактернаго мужа, но онъ никогда не могъ говорить о ней хладнокровно. Эта принцесса, дочь великаго герцога Саксенъ-Веймарского и великой княгини Маріи Павловны, была, по его словамъ, хотя истой нѣмкoi, но не патріоткой и отдавала всегда преимущество иностранцамъ, въ особенности французамъ и англичанамъ, пристрастіе къ которымъ равнялось только ея ненависти къ Россіи. Во внѣшнихъ и во внутреннихъ дѣлахъ, во всемъ и всегда, она противодѣйствовала Бисмарку. Во время войнъ съ Даніей, Австріей и Франціей, она сочувствовала врагамъ Пруссіи; во время культурной борьбы миролила католикамъ, всегда противилась союзу съ Россіей; постоянно дружила съ либералами и пользовалась всяkimъ удобнымъ случаемъ, чтобы на-

солить геніальному юнкеру. Зато и онъ постоянно дѣлалъ ей все-возможныя непріятности, даже поручалъ Бюхеру писать о ней въ англійскихъ газетахъ скандальная клеветы.

«Ужъ эта мнѣ Августа, говорилъ Бисмаркъ въ 1885 году Бушу: не успѣть Вильгельмъ приняться со мною за работу, какъ является она и, просунувъ голову въ дверь, говоритъ: «Я вамъ не мѣшаю?» Онъ всегда любезенъ съ женщинами и потому отвѣчаетъ: «нѣть»; она садится и начинаетъ болтать всякий пустякъ. Онъ ее слушаетъ, а дѣло ждетъ. Потомъ она уходитъ, а черезъ двѣ минуты возвращается. Снова извиняется и снова болтаетъ. Онъ краснѣетъ, но ничего не можетъ сказать ей. Она не женщина, а просто бичъ Божій. И какая это любовь къ мужу, это просто комедія. Ничего въ Августѣ нѣть естественнаго, а все въ ней искусственно и снаружи и внутри». Когда однажды Бушъ спросилъ, послать ли поздравительную депешу наследному принцу Фридриху, по случаю его дня рожденія, то Бисмаркъ, бывшій съ принцемъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, воскликнулъ: «конечно, надо ему послать, а вотъ если бы дѣло шло объ его маменькѣ, то ужъ ей я никогда не сдѣлаю никакой любезности. Она всегда интригуетъ и дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы возстановить императора противъ меня».

Такую же ненависть питалъ желѣзный канцлеръ къ женѣ наследного принца, а потомъ императора Фридриха III, которая съ своей стороны отвѣчала ему тѣмъ же. «Эта англичанка, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—съ самаго начала заявила, что не довѣряеть мнѣ, а послѣ войны 1866 года въ разговорѣ со мной она полусерьезно, полушути спросила, правда ли, что я хочу сдѣлаться королемъ, или по крайней мѣрѣ президентомъ республики». Я отвѣчалъ ей тѣмъ же тономъ, что во мнѣ не было ничего республиканскаго, что я воспитанъ въ роялистскихъ традиціяхъ и считалъ себя счастливымъ, что Богъ предоставилъ мнѣ быть не королемъ, котораго вѣчно показываютъ на золотомъ блюдѣ, а слугой короля. Но къ этому я прибавилъ, что за сохраненіе роялизма въ будущемъ поколѣніи я не ручаюсь, такъ какъ въ монархіи прежде всего надо имѣть короля, въ виду французской пословицы «pour faire un chef, il faut un lièvre». Точно также Бисмаркъ говорилъ Бушу о будущей императрицѣ во время французской кампаніи: «это настоящая англичанка. Я помню, однажды она мнѣ сказала съ гордостью, что у трехъ ливерпульскихъ купцовъ больше серебра, чѣмъ у всей прусской аристократіи». Я на это ей отвѣтилъ: «можетъ быть, ваше высочество, но мы цѣнимъ выше серебра нѣчто другое». Впрочемъ она очень умная женщина и не скрываетъ своихъ чувствъ. Такъ однажды она спросила стаканъ воды, а когда я исполнилъ ея желаніе, то она сказала, обращаясь къ своей фрейлинѣ: «онъ мнѣ стоилъ болѣе слезъ, чѣмъ воды въ этомъ стаканѣ». Дѣйствительно она такъ много горевала отъ присоединенія къ Пруссіи Шлезвига и Ганновера, съ дво-

рами которыхъ находилась въ близкомъ родствѣ, что никогда не могла простить Бисмарку. Въ этомъ отношеніи она была вѣрнымъ отраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя вообще питала къ желѣзному канцлеру англійская королевская семья, младшая представительница которой, принцесса Beатриса, говорить, ребенкомъ на вопросъ Вильгельма, что ей подарить, сказала: «голову Бисмарка на блюдѣ». Кромѣ родственныхъ причинъ, враждебно располагавшихъ старшую дочь Викторіи къ желѣзному канцлеру, она еще принципіально боролась съ нимъ, какъ съ апостоломъ милитаризма, абсолютизма и консерватизма, тогда какъ она была искренняя либералка, воспитанная отцемъ въ строго парламентскихъ и конституціонныхъ принципахъ, которые она всячески старалась поддерживать въ своемъ мужѣ. Поэтому естественно, что она и Бисмаркъ постоянно враждовали, хотя, по его признанію, она никогда не прибѣгала къ такимъ недостойнымъ средствамъ борьбы, какъ Августа, и со времени вступленія на престоль ея мужа искренно поддерживала желѣзного канцлера, сознавая, что его услуги одинаково необходимы Германіи и Гогенцоллернскому дому. Однако эти обстоятельства не мѣшали ему диктовать Бушу позорные, грязные нападки на нее въ статьѣ, напечатанной въ «Grenzboten», которую онъ официально порицалъ въ «National-Zeitung», а также ехидно намекаетъ въ своихъ мемуарахъ на зловредное вліяніе ненавистной ему женской юбки на Фридриха и рѣзко отзыается въ разговорахъ съ Бушемъ объ «ученицѣ» Гладстона, которая, по его словамъ, «притупляла, мучила и тиранила своего больнаго мужа доктринерской болтовней». «Вотъ ужъ болтаетъ-то безъ умолка, гнѣвно говориль о ней Бисмаркъ, во время эпизода сватовства принца Батенбергскаго (которому Бисмаркъ не дозволилъ жениться на дочери Фридриха изъ политическихъ соображеній, несмотря на всѣ хлопоты двухъ императрицъ Викторіи: индійской и нѣмецкой), а ему бѣдняку не подѣ силу съ нею тягаться, и какъ онъ ужъ радъ, когда я спѣшу къ нему на выручку. Я знаю, что она желаетъ оставить меня у власти, и старается меня обмотать ватой и бархатомъ. Да я не поддамся. Я не хочу подчиняться ихъ капризамъ, глупостямъ и англійскимъ интересамъ, не согласнымъ съ германской политикой. Для нея только важна Англія, и она считаетъ наась низшей расой, способной лишь быть лакеями англичанъ. Она часто распространяется о моей преданности къ династіи. Это правда, но особенно я былъ преданъ ей при старомъ императорѣ, а если я остался послѣ его смерти, то лишь на основаніи формального уговора, что я буду попрежнему продолжать свою старую политику, не боясь чужаго вмѣшательства и не видя надобности бороться съ женщинами за управление страной».

Быть можетъ, ни о комъ такъ рѣзко и несправедливо не отзывался Бисмаркъ, какъ объ императорѣ-философѣ. Еще рѣзкость его

суждений о Фридрихѣ III при его жизни и послѣ смерти можно допустить, въ виду привципіальной противоположности между либеральными, гуманными взглядами Фридриха и теоріей желѣзного канцлера о силѣ господствующей надъ правомъ, благодаря чему они часто враждовали между собой. Но явная несправедливость нѣкоторыхъ изъ его отзывовъ о Фридрихѣ положительно ставитъ втуликъ всякаго беспристрастнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ его неприличныхъ выходкахъ относительно Вильгельма I и императрицы Августы есть доля правды, а тутъ, кромѣ гнусной клеветы, нѣть ничего. Конечно, эти недостойныя выраженія встрѣчаются въ книгѣ Буша, а въ своихъ мемуарахъ великий лицемѣръ отзываетъся очень сладко о Фридрихѣ и увѣряетъ, что «всегда пользовался его милостивымъ довѣріемъ, благодаря чему онъ и легко стала питать къ нему тѣ же чувства, которыя питалъ къ отцу». Мало этого, онъ прибавляетъ, что совершенно несправедливы всѣ толки о постоянныхъ несогласіяхъ между ними, хотя, конечно, и были минутные недоразумѣнія, но вообще Фридрихъ болѣе своего отца понималъ конституціонные порядки, между прочимъ, министерскую ответственность. Собственно Фридриху посвящены въ мемуарахъ желѣзного канцлера двѣ главы: о Данцигскомъ эпизодѣ и объ его кратковременномъ царствованіи. Первое событие заключалось въ томъ, что въ 1863 году, во время борьбы Бисмарка съ парламентомъ, сторону которого открыто принималъ либеральный Фридрихъ, онъ заявилъ въ своей рѣчи къ данцигскому муниципалитету сожалѣніе о королевскомъ декретѣ насчетъ репресивныхъ мѣръ противъ печати, а затѣмъ послалъ протестъ по этому поводу въ министерство. По словамъ Бисмарка, король очень разгневался на сына и будто бы помирисился съ нимъ только по просьбѣ первого ministра «чожалѣть для него юнаго Авессалома». Примирившись съ отцемъ и признавъ себя виновнымъ въ неприличномъ поступкѣ, Фридрихъ однако написалъ рѣзкое письмо первому ministру, въ которомъ осуждалъ его политику, называя ее нарушеніемъ конституціи и заявляя, что онъ просилъ отца дозволить ему не присутствовать болѣе на засѣданіяхъ совѣта ministровъ, пока остается премьеромъ Бисмаркъ. Этотъ благородный протестъ молодаго принца объясняется Бисмаркомъ въ такомъ видѣ, какъ будто Фридрихъ находился подъ башмакомъ своей жены и написалъ письмо чуть не подъ ея диктовку. «Въ Гаштейнѣ меня посѣтилъ принцъ, прибавляетъ онъ, и тамъ, не находясь подъ англійскимъ вліяніемъ, онъ объяснилъ мнѣ скромно и любезно свой поступокъ отсутствиемъ самостоятельности, недостаточнымъ политическимъ образованіемъ и незнаніемъ съ дѣлами. Онъ говорилъ искреннимъ тономъ человѣка, который сознаетъ свою вину и находить ей извиненіе въ чужомъ вліяніи на него». Но, по схидному замѣчанію Бисмарка, не успѣлъ Фридрихъ снова попасть подъ чужое вліяніе, какъ вторично протестовалъ противъ правительства-

наго мѣропріятія, именно противъ распущенія палаты депутатовъ, и написалъ первому министру лаконическую записку, въ которой заявлялъ себя рѣшительнымъ противникомъ министерства. Вслѣдствіе этого произошло объясненіе между либерально-настроеннымъ юношой и гениальнымъ юнкеромъ. «Я, разсказываетъ Бисмаркъ, спросилъ его, почему онъ держитъ себя такъ далеко отъ правительства, которое черезъ нѣсколько лѣтъ должно сдѣлаться его правительствомъ, и прибавилъ, что если онъ имѣлъ другіе принципы, то ему слѣдовало искать способъ къ постепенному переходу отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, а не играть въ оппозицію. Онъ энергично протестовалъ, полагая, вѣроятно, что я подготовлялъ себѣ сохраненіе власти при его вступленіи на престолъ. Я долго не могъ забыть враждебнаго олимпійскаго величія, которымъ дышало его лицо. И теперь еще я вижу передъ собою его откинутую назадъ голову, красное лицо и гнѣвный взглядъ, брошенный черезъ плечо на меня. Я сдержалъ свое раздраженіе, вспомнилъ о сценѣ Дона Карлоса съ герцогомъ Альбонъ въ пьесѣ Шиллера и отвѣталъ, что если я позволилъ себѣ говорить, то лишь въ интересахъ страны и династіи, которыхъ могло скомпрометировать его удаленіе отъ дѣлъ. Я прибавилъ, что если старался удержать короля отъ гнѣвной противъ него выходки, то въ тѣхъ же интересахъ и съ цѣлью, при нашей борьбѣ съ парламентаризмомъ, поддержать согласіе въ королевской семье. Я былъ вѣрнымъ слугой его отца и желалъ ему при его воспоминаніи на престолъ найти себѣ такихъ же вѣрныхъ слугъ, а я, конечно, не буду въ ихъ числѣ. Онъ тотчасъ успокоился, понявъ, что напрасно разгорячился, и окончилъ нашъ разговоръ любезно».

Въ разсказѣ Бисмарка о трехмѣсячномъ царствованіи Фридриха II, нѣть ничего ни новаго ни интереснаго, кроме нѣсколькихъ строкъ, относящихся до его разговора съ Фридрихомъ, еще наслѣднымъ принцемъ, въ 1885 году, по случаю неиздоровья императора Вильгельма. На вопросъ принца, останется ли канцлеръ на своемъ мѣстѣ при перемѣнѣ царствованія, онъ отвѣталъ, что останется, но подъ двумя условіями: безъ парламентскихъ порядковъ и безъ чужаго вмѣшательства въ политику. Фридрихъ отвѣчалъ безмолвнымъ знакомъ руки, очевидно выражавшимъ: «я обѣ этомъ и не думаю». Оканчивается глава о Фридрихѣ III, а съ нею второй томъ «Мыслей и воспоминаній», подлиннымъ письмомъ императора отъ 25 марта 1888 года, въ которомъ только что вступившій на престолъ Фридрихъ поздравлялъ канцлера по случаю 50-ти-лѣтней годовщины его вступленія на военную службу и выражалъ благодарность всей арміи за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ ей. Это письмо сопровождается довольно страннымъ и таинственнымъ замѣчаніемъ Бисмарка: «какъ образецъ переписки императора Фридриха со мною, я приведу только одно письмо, въ его интересахъ и въ моихъ». На какіе бы интересы ни намекалъ человѣкъ

желѣза и огня, но, очевидно, его интересы не могли имѣть ничего общаго съ интересами императора-философа.

Что въ интересахъ Бисмарка было не говорить о благородномъ мученикѣ всего того, что онъ позволилъ себѣ сказать Бушу, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Первый отзывъ желѣзного канцлера о наслѣдномъ принцѣ, который приводится Бушемъ, уже дышитъ злобой и ехидствомъ. На замѣчанія Буша въ день сраженія подъ Бомономъ во время франко-пруссской войны, что наслѣдный принцъ казался сіяющимъ, «геніальный юнкеръ» воскликнулъ: «Отчего ему не сіять? Развѣ онъ не наслѣдникъ одного изъ могущественныхъ престоловъ на свѣтѣ, и развѣ ему не улыбается прекрасная будущность? Со временемъ онъ сдѣлается благоразумнѣе, дозволить министрамъ управлять страною на свободѣ, будетъ меныше соваться впередъ и броситъ дурныя привычки, которыя дѣлаютъ старыхъ его сотоварищѣй по профессіи порой очень скучными. Впрочемъ онъ простой и прямой, но мало работаетъ. Онъ совсѣмъ доволенъ, когда у него карманы полны деньгами, и въ газетахъ его хвалять». Этотъ безсмыленный отзывъ Бисмаркъ повторилъ въ 1880 г. и прибавилъ: «Да, я совершенно вѣрно его охарактеризовалъ. Онъ желаетъ одного—спокойной и безмятежной жизни. Онъ не терпитъ борьбы, и уже теперь избѣгаетъ всякихъ усложненій, зная, что старикъ долго не протянеть, и наступить его очередь. Онъ очень походитъ на своего дѣда Фридриха-Вильгельма II. Этотъ старый король пріѣзжалъ каждый день въ Берлинъ съ Павлиньяго острова или изъ Потсдама и вечеромъ отправлялся въ театръ на какуюнибудь пьесу низкаго сорта, а какъ только занавѣсь опускался, онъ шелъ за кулисы и трепалъ подбородки красивыхъ актрисъ и затѣмъ уже преспокойно возвращался домой. Наслѣдный принцъ таковъ же. Онъ желаетъ не управлять страной, а забавляться. Онъ намѣренъ оставить меня у власти, но я уйду». Еще недостойнѣе и прямо скandalно отозвался о Фридрихѣ Бисмаркъ въ 1884 году: «Я всегда боюсь, чтобъ сегодняшній наслѣдный принцъ, а завтрашній императоръ, не поддался на удочку Англіи въ видууваженія, которое онъ питаетъ къ королевѣ Викторіи и въ особенности въ виду ея щедрости». И, по словамъ Буша, желѣзный канцлеръ знаменательно сталъ одной рукой считать деньги на ладони другой.

Во время царствованія Фридриха, Бисмаркъ ничего не говорилъ своему наперснику о бѣдномъ больномъ императорѣ, но только жалуясь на интриги обѣихъ Викторій, которыхъ, по его словамъ, хотѣли поссорить Германію съ Россіей изъ-за брака принца Баттенбергскаго съ дочерью Фридриха, онъ призналъ, что послѣдній велъ себя въ этой исторіи вполнѣ правильно и держалъ сторону канцлера, который рѣшился выйти въ отставку, если бы баттенбергцы одержали верхъ. Характеристиченъ отзывъ Бисмарка о результатѣ этого эпизода, окончившагося мирно, благодаря личному вмѣшательству коро-

левы Викторії. Вообще онъ очень не долюбливальъ ее и всегда отзывался о ней рѣзко, но на этотъ разъ сказалъ съ улыбкой: «бабушка пріѣхала въ Шарлотенбургъ и повела себя благоразумно. Она сама заявила, что императоръ совершенно правильно вѣль себя относительно Баттенбергскаго брака, и посовѣтовала дочери уступить. Она прибавила, что очень хорошо не забывать своей родины и насколько возможно блюсти интересы, но надо также помнить, что ей необходима любовь нѣмцевъ, для обезпеченія которой она обязана употреблять всѣ свои усилия». Но однажды похваливъ Фридриха и то лишь потому, что онъ держалъ его сторону въ Баттенбергскомъ эпизодѣ, Бисмаркъ, говоря о немъ съ Бушемъ послѣ его смерти, уже нисколько не стѣснялся высказывать самые недостойные о немъ отзывы. Такъ на замѣчаніе Буша, что смерть Фридриха была большими счастьемъ для Германіи, потому что онъ постоянно находился подъ вліяніемъ Англіи и рассорилъ бы нѣмцевъ съ Россіей, желѣзный канцлеръ отвѣчалъ: «Да, онъ всегда держалъ сторону Орлеановъ, хотѣлъ хлопотать за дочь герцога Нимурскаго, дружилъ съ поляками и датчанами, былъ противъ войны съ Австріей въ 1866 году и однимъ словомъ всегда стоялъ за то, что было выгодно англичанамъ». Конечно, появленіе въ «Deutsche Rundschau» дневника императора Фридриха во время франко-пруссской войны вывело изъ себя Бисмарка, такъ какъ изъ замѣтокъ императора философа, собранныхъ Геффеномъ, ясно вытекало, что онъ въ Версаліи настаивалъ на образованіи Германской имперіи, но, конечно, на либеральныхъ, а не на Бисмарковскихъ началахъ. «Лично я убѣжденъ, что дневникъ подлинный, сказалъ Бисмаркъ, гневно обращаясь къ Бушу, которому поручилъ написать самое рѣзкое опроверженіе дневника: это сборище поверхностныхъ взглядовъ, невѣжественныхъ свѣдѣній, пустыхъ, политическихъ сентиментальностей, нелѣпыхъ фразъ и громкихъ претензій. Императоръ Фридрихъ былъ далеко не такой способный человѣкъ, какъ его отецъ, а и этотъ не былъ первокласснымъ политикомъ. Вотъ почему я ни на минуту не усомнился въ подлинности дневника. Но это все равно, намъ необходимо выдать его за подлогъ. Вы такъ сначала и напишите, распространяясь съ негодованіемъ о томъ, что дерзнули очернить подобными клеветами память благородного покойника. А потомъ, когда вамъ докажутъ, что дневникъ подлинный, то вы опровергнете всѣ ошибки и нелѣпости, какія въ немъ заключаются, но осторожно, мягко, не забывая, что онъ былъ императоромъ, и что настоящій императоръ его сынъ».

Но въ отзывахъ, высказанныхъ Бушу по этому случаю, самъ Бисмаркъ не считалъ нужнымъ руководствоваться даннымъ своему наперснику совѣтомъ. Въ доказательство того, что Фридрихъ вовсе не былъ такимъ гуманнымъ человѣкомъ, какимъ онъ себя выдавалъ, Бисмаркъ привелъ разговоръ съ нимъ послѣ Седана. Наслѣдный принцъ былъ очень недоволенъ поведеніемъ баварцевъ

и настаивалъ на примѣрномъ ихъ наказаніи, даже предлагалъ поставить два корпуса ихъ арміи въ такое положеніе, чтобы французы ихъ убили до послѣдняго человѣка. На это Бисмаркъ отвѣчалъ, что нельзя допустить и мысли о подобной безпримѣрной измѣнѣ, и прибавилъ: «принцъ можетъ это сдѣлать, а благородный человѣкъ этого никогда не сдѣлаетъ». Представивъ такимъ образомъ императора-философа личностью легкомысленной, думающей только о забавахъ и спокойствіи, сребролюбивой, корыстной, непатріотичной, жестокосердной и прямо преступной, желѣзный канцлеръ этимъ не удовольствовался; ему оставалось еще доказать, что принцъ дуракъ. «Нѣсколько времени у насъ былъ тайный трактатъ съ Россіей», сказалъ Бисмаркъ Бушу 29 сентября 1888 года; по этому уже несуществующему трактату мы обязывались въ случаѣ войны Англіи съ Россіей оставаться нейтральными. Я однажды сказалъ объ этомъ трактатѣ наследному принцу, и знаете, что онъ мнѣ отвѣчалъ: «конечно, Англію обѣ этомъ уведомили, и она согласилась». Всѣ присутствовавшіе расхохотались, въ томъ числѣ и дамы. Очевидно покойный императоръ нуждался въ томъ, чтобы его голову освѣщали внутри восковой свѣчей». Казалось, достаточно было этихъ оскорбительныхъ словъ, но Бисмаркъ, спустя нѣсколько дней, еще прибавилъ: «я увѣренъ, что императоръ Фридрихъ, будучи наследнымъ принцемъ, показалъ дневникъ своимъ англійскимъ друзьямъ: стряпчимъ и другимъ политическимъ шарлатанамъ. Они сдѣлали свои замѣчанія, и онъ внесъ ихъ цѣликомъ въ дневникъ, потому что, какъ вся посредственности, онъ любилъ списывать, печатать письма и т. д. Впрочемъ ему нечего было другого и дѣлать, такъ какъ императоръ держалъ его всегда далеко отъ политики и не только самъ не говорилъ съ нимъ о политическихъ вопросахъ, но и мнѣ запрещалъ сообщать ему что бы то ни было о дѣлахъ».

Конечно, далѣе этого по пути злословія и клеветы идти было нельзя, даже великому лицемѣру и сатанѣ современной Европы, а потому Бушъ болѣе не приводитъ отзывовъ своего патрона о благородномъ Фридрихѣ. Впрочемъ, быть можетъ, и этому «злюку», съ особеннымъ удовольствиемъ, по словамъ Бисмарка, «записывавшему непріятный отзывъ о комъ нибудь», наконецъ опровергло быть глашатаемъ злобной лжи. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ: «при первой возможности я убѣгу изъ Берлина, чтобы болѣе не слышать лжи изъ устъ нашего главы и не быть обязаннѣмъ ее распространять».

О Вильгельмѣ II въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ» ничего не упоминается и по очень простой причинѣ: ему посвященъ всесѣло первый томъ, въ которомъ подробно описано, какъ, по собственному выражению Бисмарка, его прогнали, словно собаку», а потому надо ждать, когда появится, если не въ Германіи, подлинникъ, то во Франціи или Англіи переводъ этой интереснѣйшей части мемуаровъ

желѣзного канцлера, чтобы судить обѣ его отношеніяхъ къ своему коронованному ученику, а потомъ злѣйшему врагу. Но легко отгадать, какъ долженъ быть отнесись этотъ гордый, злобный человѣкъ къ катастрофѣ, составившей эпилогъ его долговременной политической дѣятельности. По мѣткому выраженію французского историка Сорреля, «эта катастрофа должна была казаться ему тѣмъ трагичнѣе, что онъ погибъ раздавленный своимъ собственнымъ созданіемъ, прусскимъ королемъ, котораго онъ сдѣлалъ императоромъ и самымъ могущественнымъ государемъ въ Европѣ»¹⁾.

Что касается до Буша, то онъ приводить известныя письма Бисмарка къ Вильгельму II передъ отставкой и три его отзыва о немъ. Первый изъ нихъ относится къ 27 сентября 1888 года, когда еще продолжался медовый мѣсяцъ отношеній желѣзного канцлера къ молодому императору. «Онъ очень внимателенъ ко мнѣ, сказалъ Бисмаркъ, и когда пріѣзжалъ въ Фридрихсруэ, онъ выразилъ мнѣ удивленіе, что я не легъ спать, а ожидалъ его до 11 ч. вечера. Его дѣдъ никогда бы не сказалъ ничего подобнаго. А утромъ онъ всталъ въ 9 часовъ вопреки всѣмъ своимъ обычаямъ, потому что полагалъ, что я встаю поздно, и, войдя ко мнѣ въ спальню, просилъ меня не церемониться». На замѣчаніе Буша, что Вильгельмъ былъ послушнымъ и благодарнымъ ученикомъ, скромно помогавшимъ великому государственному человѣкку, онъ получилъ въ отвѣтъ: «Да, его можно упрекать въ очень немногомъ: напримѣръ, онъ начинаетъ свои рѣчи новыми словами, которыхъ заимствуетъ изъ газетъ, но это юношеская горячность, и она современемъ пройдетъ, лучше имѣть слишкомъ много огня, чѣмъ слишкомъ мало». Однако спохватившись, что онъ только хвалилъ Вильгельма и тѣмъ нарушаетъ свое общее правило говорить о всѣхъ что нибудь непріятное, желѣзный канцлеръ нашелъ нужнымъ разсказать анекдотъ о томъ, какъ Вильгельма въ дѣствѣ высѣкла нянѣка. Наказывая ребенка, она извинялась передъ нимъ и увѣряла, что ей еще больнѣе, чѣмъ ему. «Неужели, воскликнулъ мальчикъ, и вамъ больно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мнѣ».

Въ совершенно иномъ тонѣ отозвался о молодомъ императорѣ его учитель 18 марта 1890 года, за нѣсколько дней до его отставки. «Я больше не могу оставаться,—воскликнулъ онъ, увидѣвъ издали Буша,—и чѣмъ я скорѣе уйду, тѣмъ лучше. Я не могу этого терпѣть. Онъ хочетъ знать, кого я здѣсь принимаю, и посыпаетъ шпионъ наблюдать за всяkimъ, кто сюда приходитъ». Потомъ зашелъ разговоръ обѣ императорскомъ циркулярѣ по рабочему вопросу, и Бисмаркъ замѣтилъ: «Вильгельмъ самъ писалъ этотъ циркуляръ, потому что чрезвычайно самоувѣренъ, хотя ничего не понимаетъ въ дѣлахъ. Циркуляръ можетъ только причинить зло, и я это прямо ему выска-

¹⁾ Les mÃ©moires de Bismarck, par Albert Sorrel. «Le Temps» 23 mars 1899.

залъ, но онъ не хочетъ меня слушать, такъ велика его самонадѣянность». Спустя день, Бисмаркъ снова призвалъ къ себѣ Буша и поручилъ ему помѣстить въ благонадежное мѣсто нѣсколько важныхъ документовъ, а на вопросъ, настаиваешь ли онъ на своей отставкѣ, желѣзный канцлеръ отвѣчалъ: «это уже совершившійся фактъ. Обстоятельства идутъ скорѣе, чѣмъ я думалъ. мнѣ казалось, что онъ будетъ благодаренъ, если я останусь при немъ еще нѣсколько лѣтъ, но теперь я вижу, что онъ желаетъ только одного, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ меня и начать управлять по-своему, руководствуясь своимъ геніемъ и во славу свою. Ему надоѣлъ старый менторъ, и онъ хочетъ, чтобы вокругъ него были послушные слуги. Но я не могу преклонять передъ нимъ колѣно и ложиться подъ стулъ, какъ собака. Потомъ онъ хочетъ разрыва съ Россіей, а не имѣеть достаточно мужества, чтобы потребовать отъ либераловъ рейхстага увеличенія арміи. Я съ трудомъ добился, что мнѣ довѣряютъ въ Петербургѣ, и что же тамъ будутъ обо мнѣ теперь думать? Нѣтъ, рѣшительно я не могу въ концѣ своей карьеры отвѣчать за ошибки и глупости надменнаго, неопытнаго юноши». Замѣчательно, что отецъ Вильгельма говорилъ о немъ въ письмѣ къ Бисмарку изъ Портофино въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, именно называлъ его надменнымъ, неопытнымъ и самонадѣяннымъ юношой.

Какъ отзывался желѣзный канцлеръ въ своей опалѣ объ ученикѣ, который, слѣдя системѣ своего учителя о силѣ, господствующей надъ правомъ, подвергъ его оскорбительной и съ официальной точки зрѣнія незаслуженной опалѣ,—Бушъ не повѣдалъ миру, такъ что съ еще большимъ любопытствомъ приходится ждать появленія первого тома мемуаровъ Бисмарка.

Впрочемъ, извѣстно, что, живя восемь лѣтъ вдали отъ власти, сдѣлавшейся его второй натурой, стариkъ, такъ долго повелѣвавшій не только Германіей, но и всей Европой, не сумѣлъ окружить заката своей карьеры ореоломъ благороднаго равнодушія, или даже презрѣнія къ опалѣ, что неминуемо увѣнчало бы его мученическимъ вѣнцомъ, а напротивъ постоянно велъ мелочную, то явную, то тайную, борьбу съ Вильгельмомъ, прибѣгая къ помощи анонимныхъ статей въ преданныхъ ему газетахъ. Эта борьба, столь же недостойно поддерживаемая и Вильгельмомъ, который то преслѣдовалъ имъ же оскорблennаго учителя, то официально примирялся съ нимъ, окончилась исторической сценой въ Фридрихсруэ, 2-го августа прошедшаго года, когда императоръ явился съ повинной головой ко гробу человѣка, котораго онъ нѣкогда ставилъ выше своего благороднаго отца, а потомъ прогналъ, какъ собаку. Извѣстно, что, уѣзжая изъ Берлина послѣ своей вынужденной отставки и озлобленный неблагодарностью Вильгельма, Бисмаркъ угрожающимъ тономъ сказалъ пофранцузски «le roi me reverra» (король меня увидитъ). Если ему не удалось дожить до подразумѣваемой подъ этими словами победы

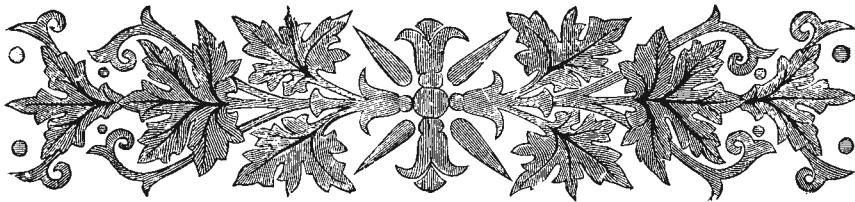
надъ Вильгельмомъ, то все-таки сцена у его гроба могла вызвать на неподвижномъ лицѣ покойника торжествующую улыбку. Онъ мертвый побѣдилъ сокрушившую его силу, имъ же вознесенную до небесъ. «Король его увидѣлъ» побѣдителемъ хотя въ гробу. Дѣйствительно гордому высокомѣрному крушителю всякаго, кто посмѣеть ему сопротивляться, было не легко поклониться праху «всякаго» и пѣть ему еще диригамбы, такъ какъ въ кабинетѣ Бисмарка онъ написалъ рескриптъ, въ которомъ даваль «клятву отъ имени всей націи сохранить, продолжать и кровью защищать то, что создалъ первый канцлеръ Германской имперіи!» Сидя въ кабинетѣ покойнаго и подыскивая громкія фразы для панегирика своего соперника въ восьмилѣтней недостойной борьбѣ, онъ не могъ не упрекнуть себя за то, что заставилъ его въ теченіе столькихъ лѣтъ повторять слова Шекспира, которыя, по свидѣтельству доктора Хризандера, Бисмаркъ записалъ въ свою памятную книжку: «О, какъ шатко, какъ непрочно жилище, сооруженное въ сердцахъ королей».

Окончивъ ту часть нашего очерка, которая касается до отношеній Бисмарка къ политическимъ событиямъ и дѣятелямъ нашего времени, намъ остается бросить взглядъ на его отношенія къ Россіи, а затѣмъ подвести итоги и опредѣлить результаты его государственной дѣятельности.

В. Т.

(Окончание въ следующей книжкѣ).

ПАРЛАМЕНТЪ МИРА¹⁾.

В МИНИСТЕРСТВѢ иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ, 24 августа 1898 года, происходилъ обычный приемъ пословъ. Каждый изъ нихъ, входя въ залъ, получалъ отъ министра, графа Муравьевъ, бумагу и быстро пробѣгалъ ее глазами съ тѣмъ большимъ удивленіемъ, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о приготовленномъ сюрпризѣ. Это былъ знаменитый циркуляръ о разоруженіи. Спустя девять мѣсяцевъ, 6—18 мая настоящаго года, въ «Лѣсномъ домикѣ» въ Гаагѣ открылась мирная конференція, состоящая изъ представителей 24 государствъ всего свѣта. Каковъ бы ни былъ результатъ этого парламента мира, какъ прозвалъ конференцію извѣст-

1) United States of Europe on the eve of the parliament of peace, by W. Stead Annual of Review of Reviews. 1899. London.

L'Europe et le desarmement, par C. C. Calderon. Paris. 1899.

Die Ewige Friede, von Karl Freiherr von Stengel. Mюnchen. 1899.

The vanishing of Universtal Peace, by Diplomaticus Fortinghly Review. 1898 May.

The Hipocracies of the Peace conference, by Sidney Low.—Nineteenth Century May. 1899.

Peace Conference, by M. Courtney.—Contemporary. 1899. May.

Waragainst-War—steckly organ of the crusade, edited by M. Stead. 12 number. 1899.

The Decline of War, by Al. Sutherland.—Nineteenth century. 1899. April.

Paix universelle, par L. Cauperus.—La Revue hebdomadaire.—1899.—15 avril.—27 may.

The Hause in the Wood, by Mrs Lecky.—Nineteeuth Century. 1899. May.

La Russie et la conference de la Haye, par A. Leroy-Beaulieu.—Revue des Revues.—15 may. 1898.

La Guerre, par Jean de Bloch.—Revue des Revues.—1899.—15 may.

Conferenza della Pace, di Fr. Crispi.—Nuova Antologia.—Maggio. 1899.

ный англійскій публицистъ, Стэдъ, но она во всякомъ случаѣ со-
ставить знаменательное событие въ исторіи конца XIX столѣтія.
Идея всеобщаго мира, считавшаяся доселѣ несбыточной утопіей и о
которой мечтали только мыслители и поэты, сдѣлалась впервые
предметомъ официального обсужденія на конгрессѣ всесвѣтныхъ дип-
ломатовъ. Одинъ этотъ фактъ уже придаетъ историческую важ-
ность Гаагской конференціи, и не удивительно, что теперь глаза
всего свѣта обращены на Оранскій залъ въ «Лѣсномъ домикѣ» Га-
агскаго парка, где происходятъ засѣданія конференціи передъ гро-
мадной картиной, изображающей аллегорически заключеніе Мюнстер-
скаго мира съ надписью «Ultimus ante omnes de parta pace trіum-
phus» (Величайшая побѣда та, которой поіобрѣтается миръ).

«Я надѣюсь,—сказалъ очень кстати нидерландскій министръ
иностранныхъ дѣлъ, Бофоръ, привѣтствуя членовъ конференціи на
первомъ ея засѣданіи,—что эта прекрасная аллегорія будетъ хороши мъ
преднаменованіемъ для вашихъ трудовъ, и по окончаніи ихъ вамъ
можно будетъ сказать, что миръ, который введенъ искусствомъ въ
этотъ залъ, выйдетъ изъ него, чтобы разлить свои благодѣянія на
все человѣчество». Апостоломъ этого мира и вдохновителемъ Гааг-
ской конференціи, какъ извѣстно, является императоръ Николай II, и
его великую заслугу передъ человѣчествомъ вѣрно опредѣлилъ Бо-
форъ въ той же рѣчи: «Русскій императоръ, взявъ на себя благо-
родный починъ, которому рукоплещутъ во всемъ цивилизованномъ
мире, пожелалъ осуществить желаніе, выраженное однимъ изъ его
славнѣйшихъ предшественниковъ, императоромъ Александромъ I—ви-
дѣть всѣхъ государей и всѣ народы Европы живущими въ согласіи,
побратски, помогая другъ другу въ ихъ взаимныхъ нуждахъ. Вдох-
новленный этими благородными преданіями своего августейшаго
предка, его величество предлагаетъ всѣмъ правительствамъ, коихъ
представители здѣсь собрались на конференціи, изыскать средства,
чтобы положить предѣль постояннымъ вооруженіямъ и предупредить
бѣдствія, угрожающія всему миру».

Естественно, что въ виду такого важнаго исторического значе-
нія парламента мира онъ уже породилъ цѣлую литературу: не только
газеты наполнены безконечными извѣстіями о томъ, что дѣлается въ
Гаагѣ, и разсужденіями о многочисленныхъ отголоскахъ конферен-
ціи во всемъ мірѣ, не только журналы изобилуютъ статьями, раз-
сматривающими идею о всеобщемъ мирѣ съ разныхъ сторонъ, но
появляются книги и брошюры въ пользу и противъ войны. Не лишне
поэтому познакомить читателя съ главнѣйшими произведеніями запад-
най публицистики о томъ, что въ настоящую минуту интересуетъ
образованныхъ людей, и дать ему возможность составить себѣ пол-
ное понятіе о происхожденіи и возможныхъ результатахъ парламента
мира, а также объ отношеніи къ нему общественнаго мнѣнія и печати
въ Европѣ.

Наибольшій материалъ даетъ въ этомъ отношеніи трудъ Стэда. Это особый номеръ его журнала «Review of Reviews» — подъ заглавіемъ «Соединенные Штаты Европы наканунѣ парламента мира», которымъ онъ замѣнилъ обычный святочный номеръ своего журнала, хотя и выпустилъ его въ мартѣ. На 200 страницахъ большого формата, въ два столбца и мелкой печати, снабженныхъ многочисленными портретами, авторъ рисуетъ картину того, какъ отнеслась Европа къ русскому предложению, на основаніи лично имъ собранныхъ свѣдѣній во время посѣщенія осенью прошлаго года Парижа, Брюсселя, Берлина, Москвы, Ялты, Константиноополя, Софіи, Бѣлграда, Будапешта, Вѣны, Рима и Берна, гдѣ онъ разговаривалъ по этому предмету съ государями, президентами республикъ, министрами, общественными дѣятелями, представителями интеллигенціи, журналистами и т. д. Что же касается до брошюры нѣмецкаго профессора Штенгеля и французскаго публициста Ш. Кальдерона, а равно указаныхъ статей англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ журналовъ, то они дополняютъ взглядами отдѣльныхъ личностей общую картину. Наконецъ, помѣщенный въ «Revue Hebdomadaire» переводъ романа голландскаго писателя Людвига Куперуса «Всеобщій миръ» представляеть очень интересное описание открытія конгресса мира, созванаго фантастическимъ героемъ автора, Отомаромъ, юнымъ королемъ Липаріи, въ столицѣ его южно-европейскаго и католического государства. Эта блестящая страница художественнаго, беллетристическаго произведенія тѣмъ болѣе замѣчательна, что она представляеть какъ бы предсказанье Гаагской конференціи, потому что въ оригиналѣ разсказъ Куперуса напечатанъ въ 1895 г. въ голландскомъ журналѣ «Gids» въ то самое время, какъ въ Скевенингенѣ близъ Гааги долженъ былъ произойти седьмой конгресъ мира, дѣйствительно собравшійся въ Брюсселѣ.

I.

Идея всеобщаго мира составляеть не новость, и она появляется въ той или другой формѣ въ концѣ каждого столѣтія, начиная съ XVI, когда французскій король Генрихъ IV принялъ на себя инициативу преобразованія Европы на этомъ основаніи. Его знаменитый планъ христіанскаго народоправства имѣлъ цѣлью соединить въ одну федерацію шесть королевствъ: Англію, Францію, Испанію, Данію, Швецію и Ломбардію, пять избирательныхъ монархій: Германскую имперію, Шапство, Польшу, Венгрию и Богемію, а такъ же четыре республики: Швейцарію, Венецию, Голландію и Италію. Въ то время Пруссіи еще не существовало, а Россія не входила въ составъ Европы. Всѣ эти пятнадцать европейскихъ державъ должны были содержать одну постоянную армію для поддержки мира среди

государствъ, воспрепятствованія правительству одной страны вмѣшиваться въ дѣла другой и охраненія Европы отъ мусульманъ, или варваровъ. По словамъ министра Генриха IV, Сюли, уже двѣнадцать державъ изъ предполагаемыхъ пятнадцати выразили согласіе на составленіе европейской федeraціи, какъ неожиданное убийство короля положило конецъ этому смѣлому плану. Прошло сто лѣтъ, и въ 1693 году Вильямъ Пэнъ, основатель Пенсильвaniи въ Америкѣ, выпустилъ въ свѣтъ свой замѣчательный «Очеркъ обезпеченія мира въ Европѣ устройствомъ европейскаго сейма». По его проекту, всѣ государи Европы должны были образовать союзъ, выразителемъ которого былъ общій европейскій парламентъ, состоящій изъ представителей этихъ государей. Онъ разбиралъ бы всѣ распри между ними, а если бы кто либо изъ нихъ воспротивился исполнить приговоръ европейскаго парламента, то всѣ европейскіе государи принудили бы его къ этому. Еще миновали сто лѣтъ, и въ 1795 году Эмануилъ Кантъ напечаталъ свое глубокомысленное сочиненіе «Zum evigen Frieden», въ которомъ проповѣдовалъ идеи всеобщаго мира и федeraціи самоуправляющихся европейскихъ государствъ. Наконецъ въ концѣ XIX столѣтія по предложенію Россіи состоялась мирная конференція въ Гаагѣ.

Впрочемъ, въ нашемъ вѣкѣ было нѣсколько неудачныхъ попытокъ къ достижению всеобщаго мира и разоруженія. Такъ императоръ Александръ I послѣ низложенія Наполеона предлагалъ всей Европѣ произвести общее разоруженіе для блага всего человѣчества. Но священный союзъ отвлекъ его мысли въ другую сторону и совершилъ подчинилъ Метерниховской реакціи. Въ 1863 году Наполеонъ III въ апогѣѣ своего величія послѣ итальянской войны и въ то время, когда уже Пруссія подготовлялась подъ руководствомъ Бисмарка къ знаменитой военной трилогіи, неожиданно предложилъ европейскимъ государямъ собраться въ Парижѣ на конгресъ для вдоворенія всеобщаго мира. Эта странная выходка героя декабряского переворота осталась, конечно, безъ всякихъ послѣдствій, а послѣ Седана и провозглашенія третьей республики, Гамбетта выработалъ проектъ о разоруженіи и просилъ Криспі переговорить объ этомъ съ Бисмаркомъ. По словамъ итальянскаго государственного человѣка, въ его новѣйшей статьѣ, Бисмаркъ далъ ему категоричный отвѣтъ: «Разоруженіе практически невозможно: предоставимъ объ этомъ разсуждать конгресамъ мира». Дѣйствительно, объ этомъ долго разсуждали только конгресы мира, собираемые частными лицами, по инициативѣ такихъ проповѣдниковъ этой идеи, какъ Викторъ Гюго и Мадзини.

Наконецъ, семь лѣтъ тому назадъ, англійскій премьеръ, лордъ Сольсбери, приказалъ составить конфиденціальную записку о томъ, что стоитъ Европѣ современный милитаризмъ, и представленные цифры показались ему столь краснорѣчивыми, что онъ передалъ эту за-

писку германскому императору, на которого она такъ подѣйствовала, что онъ заявилъ частнымъ образомъ желаніе созвать европейскій конгресъ, для принятія мѣръ къ водворенію всеобщаго мира. Но чтобы узнать, какъ отнесется къ этому вопросу общественное мнѣніе Европы, было предварительно поручено германской прессѣ обсудить со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ. Полуофиціальные нѣмецкіе органы слѣпо повиновались, но французы враждебно отнеслись къ этому плану, говоря прямо, что до возвращенія Франціи отнятыхъ Германіей правинцій не могло быть и разговора о разоруженіи, а потому Вильгельмъ II отказался отъ осуществленія своего намѣренія.

Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и помина не было о вѣчномъ мирѣ въ офиціальныхъ сферахъ Европы, составлявшей громадный вооруженный лагерь, и даже такой либеральный государственный человѣкъ, какъ Гладстонъ, въ началѣ 1894 года, заявилъ, что несвоевременно возбуждать переговоры съ другими европейскими государствами о разоруженіи. Но вскорѣ послѣ этого парижскій корреспондентъ «Times» Бловицъ передалъ разговоръ датскаго короля съ однимъ испанскимъ дипломатомъ. «Я надѣюсь дожить до того времени, когда Европа вступить на путь сокращенія вооруженія,— сказалъ этотъ король: и когда европейскія государства примутъ мѣры къ охраненію своихъ народовъ отъ постоянно увеличивающагося бремени военныхъ расходовъ. Мой милый зять, русскій императоръ, призваніе котораго поддерживать миръ, готовъ вступить на эту дорогу, и мой добрый другъ австрійскій императоръ также расположены сдѣлать все, что возможно для достижениія этой цѣли. Я не говорилъ еще объ этомъ германскому императору, потому что онъ молодъ и мечтаешь о новыхъ лаврахъ».

Но движеніе въ пользу всеобщаго мира получило толчекъ съ другой стороны, именно: лѣтомъ того же года, по инициативѣ англійскаго общества «Водворенія международного третейскаго суда», составленъ былъ адресъ съ прѣлью ходатайствовать, чтобы англійское правительство вступило въ переговоры съ другими государствами о заключеніи общаго обязательства не увеличивать существующихъ военныхъ и морскихъ силъ до первого года будущаго столѣтія. Этотъ адресъ подписало тридцать пять тысячъ представителей англійской интеллигенціи, въ томъ числѣ Гербертъ Спенсеръ, 80 депутатовъ и много епископовъ, пасторовъ, писателей, ученыхъ, журналистовъ. Но лордъ Кимберлей, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, отказался принять подобное выраженіе общественнаго мнѣнія на томъ основаніи, что будто бы тогда не была удобная минута для подобной демонстраціи. Почти въ то же время англійской либеральной премьеръ, лордъ Розбери, сообщилъ русскому послу въ Лондонѣ Стаалю, что, по его мнѣнію, было бы хорошо собрать конференцію для принятія мѣръ къ сокращенію вооруженій,

и что русскому императору наиболѣе приличествовало бы взять на себя ея починъ. Это было сообщеніе, по словамъ Стэда, сочувственно встрѣчено въ Петербургѣ, но тамъ также было указано, что время неблагопріятствовало подобной мѣрѣ.

До 1896 года снова ничего не было слышно о мирной пропагандѣ, но тогда собралась въ Пештѣ междупарламентская конференція мира. На нѣкоторыхъ изъ ея засѣданій, если вѣрить Стэду, присутствовалъ теперешній директоръ азіатского департамента, г. Базили и, заинтересовавшись этимъ дѣломъ, донесъ своему правительству, что было бы очень полезно принять мѣры къ ограниченію вооруженій, но, повидимому, высшее начальство взглянуло на вопросъ иначе, и докладу г. Базили не было дано никакого хода.

Въ концѣ слѣдующаго года, лордъ Сольсбери на банкетѣ у лондонскаго лорда мэра сказалъ: «Единственная надежда на то, чтобы постоянное соревнованіе державъ въ отношеніи вооруженій не кончилось общей войной, которая имѣла бы роковый послѣдствія для христіанской цивилизациі,—заключается въ составленіи международнаго суда, который разбиралъ бы мирно всѣ распри между государствами, обезпечивая тѣмъ вѣчный миръ и процвѣтаніе торговли». Послѣ этого, по словамъ Стэда, г. Базили снова представилъ свои соображенія въ пользу международнаго соглашенія по предмету разоруженія. Тогда завѣдовалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ, и онъ представилъ эти соображенія на высочайшее благоусмотрѣніе. Тотъ же Стэдъ указываетъ на нѣкоторое значеніе, которое имѣла въ подготовкѣ почвы для мирнаго движенія книга Блюха: «Будущія войны въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ». Она вышла въ 1898 г.; въ настоящее время печатаются ея нѣмецкій и французскій переводы, а въ послѣдней книжкѣ «Revue des Revues» помѣщены краткій ея очеркъ, сдѣланный самимъ авторомъ подъ заглавіемъ «Война». Знаменательна причина, по которой Блюхъ перемѣнилъ названье своего долговременнаго труда, въ которомъ онъ представляеть будущую войну столь страшною по своимъ послѣдствіямъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ орудій войны и неимовѣрной стоимости ея веденія, что пріостановленіе вооруженій и установленіе международнаго третейскаго суда потеряли, по его словамъ, свой невозможный несбыточный характеръ». «Метранпажъ нѣмецкой типографіи, гдѣ печатался переводъ моей книги, разсказываетъ Блюхъ Стэду, однажды пришелъ ко мнѣ и говорить: «Не считаете ли вы неправильнымъ названье вашего сочиненія «Будущность войны».—Отчего? — спросилъ я.—Отъ того, что послѣ русского циркуляра не должно быть войны; а если это такъ, то зачѣмъ же вы говорите о будущности войны?—Я былъ такъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ, что назвалъ свою книгу просто «Война», такъ какъ я надѣюсь, что у войны нѣть болѣб удущности».

Вотъ всѣ мирныя попытки, планы и проекты, которые предшествовали циркуляру гр. Муравьева. Всѣ онѣ были неудачны и не выходили изъ области предположеній и разсужденій. Только державное слово русскаго императора придало идеямъ всеобщаго мира и разоруженія практическое значеніе, только благодаря его высокому благородному почину, состоялось въ Гаагѣ впервые офиціальное обсужденіе этихъ идей компетентными всесвѣтными представителями дипломатіи, права и военнаго дѣла.

II.

О предложеніи Россіи говорить нечего: оно извѣстно всѣмъ и встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Офиціально мысль о конференціи для обсужденія мѣръ къ сокращенію вооруженій, къ введению большей гуманности въ способахъ войны и учрежденію международнаго третейскаго суда для разбирательства распреи между государствами, прината всѣмъ свѣтомъ и въ настоящее время уже приводится въ исполненіе въ Гаагѣ. Тамъ собраны представители почти всѣхъ государствъ Старого и Нового Свѣта за немногими исключѣніями, такъ не допущены на конференцію Трансвааль и Оранская республика, на основаніи протеста Англіи, считающей себя верховнымъ распорядителемъ судебъ этихъ маленькихъ африканскихъ государствъ, созданныхъ боэрами, по происхожденію голландцами. Еще одно исключеніе надѣлало много шума, но, строго говоря, оно гораздо правильнѣе недопущенія въ парламентъ мира мужественныхъ боевъ. Несмотря на всѣ усиленія Ватикана, ему отказано въ правѣ принять участіе въ конференціи на томъ простомъ основаніи, что папа не государь и притомъ никогда не принималъ участія въ подобныхъ дипломатическихъ конгрессахъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ интригъ Италіи, которая, какъ говорятъ, при поддержкѣ Англіи, заявила, что въ случаѣ допущенія на конференцію папы, она не приметъ въ ней участія, и въ концѣ концовъ оскорбленный Левъ XIII отозвалъ своего интернунція изъ Гааги на время пребыванія тамъ конференціи. Еще слѣдуетъ упомянуть, что Черногорія причислена къ Россіи, и она не имѣть отдельныхъ представителей, а ее представляютъ русскіе уполномоченные. Напротивъ, Болгарія значится въ офиціальномъ спискѣ отдельно отъ Турціи и имѣеть двухъ delegatovъ. Изъ вѣтвевропейскихъ государствъ приглашены въ Гаагу Соединенные Штаты, Мексика, Персія, Китай и Японія. Что касается до южно-американскихъ государствъ, то они сами отказались отъ участія въ конференціи. Всего двадцать четыре государства стоять въ офиціальномъ спискѣ парламента мира, и число представителей каждого различно; всего болѣе у Россіи и Турціи, именно по восьми, а у Германіи, Австро-Венгріи и Франціи по шести. Всѣ делегаціи

состоять изъ пословъ и экспертовъ, дипломатическихъ, юридическихъ и военныхъ. Однако на общихъ собранияхъ конференціи каждая страна будетъ пользоваться лишь однимъ голосомъ.

Предѣдателемъ конференціи избранъ баронъ Сталь, представитель Россіи, а вице-предѣдателемъ нидерландскій делегатъ, Карнебекъ. Кромѣ того, въ виду оказанныхъ уже конференціи услугъ нидерландскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Бофоромъ, на кото-раго были возложены всѣ хлопоты по созванію и подготовкѣ кон-ференціи, онъ избранъ въ почетные предѣдатели. Секретарей назна-ченено девять, въ томъ числѣ одинъ военный, одинъ морской и одинъ русскій, именно делагать министерства финансовъ, Рафаловичъ. Для подготовительныхъ работъ конференція раздѣлена на три комиссіи: 1) о сокращеніи вооруженій; 2) о международныхъ законахъ войны и средствахъ къ приданію ей болѣе гуманнаго характера, и 3) о ме-ждународныхъ третейскихъ судахъ и посредничествѣ¹⁾). На первое

¹⁾ Документы, которые составлять матеріалъ для обсужденія комиссіями пред-ложенныхъ имъ вопросовъ, всего краснорѣчивѣе указываютъ на характеръ ихъ ра-боты, а потому приведемъ ихъ цѣликомъ.

Документы для первой комиссіи: 1) меморандумъ князя Меттерниха 1816 года, относительно поддержаннаго императоромъ Александромъ I предложенія англійскаго принципа-регента, чтобы международная конференція установила норму для арміи каждой державы; 2) письмо Наполеона III къ европейскимъ монархамъ съ предложе-ніемъ созвать въ Парижѣ конференцію для обсужденія вопроса о всеобщемъ умиротвореніи; 3) предложеніе Роллена Жакмена въ 1887 г., обращенное къ институту международного права въ Гейдельбергѣ, обсудить вопросъ, возможно ли посредствомъ соглашенія европейскихъ державъ ограничить составъ армій и военные бюджеты во время мира; 5) мѣніе профессора Эдинбургскаго университета Лоримера отно-сительно вопроса о разоруженіи; 5) разсужденіе графа Комаровскаго о возрастаніи вооруженій въ Европѣ; 6) статья Дудля Фильда объ ограниченіи боевыхъ силъ; 7) статья Меригера обѣ единовременномъ пропорціональномъ разоруженіи; 8) со-чиненіе И. Блюха «о войнѣ»; 9) сочиненіе Бастиа о распущеніи войскъ, и 10) со-чиненіе князя Обсленского обѣ идеѣ всеобщаго мира и разоруженія.

Документы для второй комиссіи: 1) декларація парижскаго конгресса отъ 5-го апрѣля 1856 года; 2) женевская конвенція отъ 22-го августа 1864 года; 3) нера-тифицированныя дополнительныя статьи женевской конференціи отъ 20-го октября 1868 года; 4) петербургская конвенція относительно запрещенія нѣкоторыхъ сна-рядовъ; 5) протоколы брюссельской конвенціи относительно военныхъ законовъ и обычаевъ; 6) проекты соглашенія, предложенный Россіей на брюссельской конфе-ренціи относительно военныхъ законовъ и обычаевъ; 7) оксфордскій сборникъ уста-новленій, касающихся сухопутной войны, принятый институтомъ международного права въ оксфордской сессіи 1880 года; 8) правила относительно обстрѣливанія открытыхъ городовъ морскими военными силами, принятые институтомъ между-народного права въ венеціянской сессіи 1896 года; 9) заявление Франціи и Англіи по поводу дополнительныхъ статей къ женевской конвенціи; 10) проектъ Муанье о пересмотрѣ женевской конвенціи; 11) предварительная программа, предложенная швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ, и 12) циркуляръ нидерландскаго министра ино-странныхъ дѣлъ къ представителямъ Нидерландовъ, отъ 13-го февраля 1871 года, относительно просьбы амстердамскаго торгового банка, одобрить принципъ непри-косновенности частной собственности на морѣ и определить понятіе о военной кон-трабандѣ.

засѣданіе конференціи была допущена публика и представители печати, но послѣдующія засѣданія, какъ общія, такъ и комиссіонныя, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, и по предложенію г. Сталаля тайна совѣщаній на конференціи тщательно сохранена, но газетнымъ корреспондентамъ сообщаются свѣдѣнія о работахъ конференціи, съ разрѣшенія предсѣдателя. Что касается до продолжительности конференціи, то газетныи свѣдѣнія очень разнорѣчивы, одни говорять о недѣляхъ, а другіе — о мѣсяцахъ, но достовѣрно, что большинство иностранныхъ delegatovъ наняли свои помѣщенія на шесть недѣль.

Вотъ все, что пока извѣстно о Гаагской конференціи, и вмѣсто того, чтобы приводить описанія газетными корреспондентами Лѣснаго домика, его залъ, первого засѣданія конференціи и т. д., — мы лучше познакомимъ читателей съ пророчески набросанной пять лѣтъ тому назадъ талантливымъ голландскимъ романистомъ, Куперусомъ картинки открытия фантастического конгресса мира въ фантастическомъ городѣ Липарѣ и фантастическимъ королемъ Отомаромъ.

«27-го октября, въ Липарѣ, столицѣ Липаріи, обширнаго южноевропейскаго и католическаго королевства, происходило съ утра громадное движение. Открытие въ этотъ день конгресса мира составляло необыкновенное событие. Это былъ не простой съездъ ученыхъ и

Документы для третьей комиссіи: 1) предложеніе лорда Кларендана на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, относительно посредничества дружественной державы до начала непріязненныхъ дѣйствій; 2) предложеніе Мачети отъ 24-го ноября 1875 года, въ итальянской палатѣ депутатовъ о томъ, чтобы третейскій судъ сдѣлался всеобщимъ средствомъ для справедливаго разрѣшенія международныхъ споровъ; 3) резолюція института международного права по поводу параграфа о третейскомъ судѣ въ цюрихской сессіи 1877 года; 4) 12-я статья общаго протокола берлинской конференціи 1885 года, относительно посредничества или разрѣшенія третейскаго суда для спорныхъ вопросовъ въ бассейнѣ рѣки Конго и Нигера; 5) проектъ регламента для международныхъ третейскихъ судовъ, выработанный институтомъ международного права на гаагской сессіи 1875 года; 6) предложеніе Дудлея Фильза объ учрежденіи третейскаго суда; 7) основныя правила для обработки международного соглашенія о третейскихъ судахъ, установленныя институтомъ международного права въ брюссельской сессіи 1895 года; 8) проектъ учрежденія постояннаго международнаго третейскаго суда, принятый междупарламентской конференціей въ Брюсселе въ 1895 году; 9) протоколы междупарламентской конференціи отъ 1897 года; 10) вашингтонское соглашеніе отъ 8-го мая 1871 года; 11) проектъ учрежденія третейскаго суда между государствами Сѣверной, Центральной и Южной Америки, подписанный въ Вашингтонѣ 18-го апреля 1890 года; 12) письма лорда Сольбери къ британскому послу въ Вашингтонѣ отъ 5-го марта и 18-го мая 1896 года, по поводу заключенія договоровъ, основанныхъ на разрѣшеніи третейскаго суда; 13) нератифицированный договоръ, составленный на основаніи разрѣшеніи третейскаго суда между Англіей и Сосединными Штатами; 14) общее соглашеніе относительно третейскаго суда между Италіей и Аргентинской республикой отъ 25-го июля 1898 года; 15) статьи 55 и 58 общаго протокола, подписанного на брюссельской конференціи 2-го июля 1890 года; 16) 23-я статья всемирной почтовой конвенціи отъ 4-го июня 1891 года; 17) заключенія, принятые юридическимъ конгрессомъ въ Мадридѣ въ 1892 году, и 18) сочиненіе Дешана о третейскихъ судахъ.

литераторовъ, а торжественное собрище всѣхъ друзей мира, подъ предсѣдательствомъ молодого короля, Отомара... Благодаря его инициативѣ, благородная мысль о мирѣ вошла въ общую моду. Не только всѣ города королевства завели свои лиги мира и послали на конгрессъ ихъ представителей, чтобы оставить въ меньшинствѣ иностранныхъ делегатовъ, но повсюду происходили балы мира, банкеты мира, балеты мира; композиторы сочиняли оперы мира, а писатели—романы мира и драмы мира. Созданы были общества мира для женщинъ и общества мира для дѣтей. Со всѣхъ сторонъ сыпались деньги въ кассу національного фонда мира. Голубь съ вѣткой маслины въ клювѣ сдѣлался любимымъ символомъ и являлся вездѣ: отъ почтовой бумаги до дамскихъ брошекъ. Конечно, эта мода началась въ большомъ свѣтѣ, но быстро распространилась во всѣхъ слояхъ общества, и вся Липарія была фанатически предана идеѣ мира.

«Естественно, что при такомъ настроеніи первый день когressа долженъ быть принять характеръ общаго праздника, а начало его трудовъ было отложено до слѣдующаго дня. Самое открытие конгресса было назначено въ 12 часовъ, въ помѣщеніи Атенея, въ присутствіи короля. Затѣмъ былъ назначенъ торжественный обѣдъ во дворцѣ для всѣхъ членовъ конгресса, а вечеромъ былъ устроенъ для нихъ же балъ въ городской ратушѣ.

«Глубокая радость наполняла сердце юнаго короля Отомара, когда приблизился часъ, назначенный для церемоніи. Никогда еще въ продолженіе 5 лѣтъ своего царствованія онъ не заботился такъ ни объ одной церемоніи. Вообще, онъ не любилъ ни роскоши, ни блеска, но для своего любимаго дѣтища, конгресса мира, онъ ничего не жалѣлъ и придалъ собранію въ Атенѣй торжественный видъ открытия парламента. Идея мира должна была возвориться при блестящей военной обстановкѣ. Отомаръ въ тотъ день гордился массой войска, которое онъ могъ собрать на улицахъ Липары, въ доказательство того, что, проповѣдуя миръ, онъ не боялся войны.

«Король выѣхалъ изъ дворца при пушечныхъ выстрѣлахъ и направился среди громадныхъ массъ, которая наполняли всѣ улицы, окаймленныя шпалерами войскъ. Впереди щекали герольды въ богатыхъ средне-вѣковыхъ костюмахъ. За ними слѣдовалъ въ коляскѣ оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ Леони. Наконецъ, показался самъ король въ открытомъ экипажѣ, окруженный офицерами верхомъ и въ блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ. Въ парадной синей мантіи гросмейстера ордена св. Владислава и въ кирасирской каскѣ съ развѣвающимися перьями, онъ сиялъ юной красотой и радостно улыбался восторженно привѣтствовавшей его публикѣ.

«Достигнувъ Атенея, король поднялся по лѣстницѣ, богато украшенной флагами и цветами, въ сопровожденіи своей блестящей свиты. На порогѣ большой залы съ бѣлыми мраморными колоннами образовалось шествіе, вступившее въ залу при громкомъ пѣніи женскимъ

хоромъ національнаго гімна Ліпаріі, подъ акомпанементъ оркестра духовыхъ инструментовъ. Впереди шли герольды и церемоніймейстеры, а за ними принцъ калскронскій, король, канцлеръ, министры, члены палаты магнатовъ, кавалеры ордена св. Владислава и высшіе сановники. Пройдя среди почтительно поднявшихся со своихъ мѣсть членовъ конгресса и массы публики, наполнившей трибуны внизу и хоры, Отомаръ спокойный, улыбающійся, величественный, всталъ передъ приготовленнымъ ему трономъ.

«Звуки женскихъ голосовъ и трубъ замолкли. Оберъ-церемонійстеръ подвелъ къ трону мэра Ліпары, и онъ произнесъ привѣтственную рѣчъ. Затѣмъ наступила очередь предсѣдателя подготовительной комиссіи конгресса, Вленчи, члена нижней палаты и вожака парламентской группы ліпарійскихъ членовъ конгресса. Со сверкающими глазами политического фанатика и вдохновеннымъ голосомъ пророка, этотъ апостоль идеи мира сначала краснорѣчиво поблагодарилъ короля за оказанную имъ честь конгрессу своимъ присутствиемъ, а затѣмъ, обратясь къ разноплеменнымъ членамъ конгресса, изложилъ просто, ясно, величайшую и благороднѣйшую идею конца XIX столѣтія, идею мира. Онъ братски привѣтствовалъ делегатовъ всего свѣта, явившихся въ Ліпарію для доставленія конечнаго торжества этой идеи, и подробно объяснилъ, въ какомъ положеніи находился вопросъ о мирѣ. Болѣе пятнадцати парламентовъ въ Европѣ уже высказались въ пользу установленія всеобщаго мира, и впредь всѣ избиратели будутъ обязаны требовать отъ кандидатовъ въ депутаты обязательства присоединиться къ мирной группѣ въ своемъ парламентѣ. Эти группы составляли могущество орудіе для достижения цѣли конгресса — совершенного разоруженія Европы. Что касается до многочисленныхъ преградъ къ торжеству этой идеи, то съ ними необходимо было бороться и главное уничтожать предразсудки въ пользу войны, которая будто бы была необходимостью и даже приносila пользу, какъ школа мужества, средство уменьшить постоянно распространяющееся населеніе земнаго шара и элементъ развитія промышленности. Всѣ эти аргументы Вленчи побѣдоносно опровергалъ и краснорѣчиво, строго логически доказывалъ, что принципъ войны былъ въ концѣ XIX вѣка анахронизмомъ и только разорялъ материально всѣ страны, а нравственно развращалъ всѣ народы. Идея мира, сначала имѣвшая характеръ моды, быстро распространилась повсюду и теперь сдѣлалась всеобщей заботой королей, министровъ, общественныхъ дѣятелей и журналистовъ.

«Мы стоимъ на порогѣ новой эпохи, — воскликнулъ Вленчи въ концѣ своей рѣчи:— но этотъ порогъ можно переступить лишь послѣ великой революціи, которая, однако, не требуетъ ни борьбы, ни крови. Эта благотворная эволюція человѣческаго ума мирно побѣдить всѣ предразсудки и восторжествуетъ надъ варварскимъ наслѣдіемъ прошедшаго, надъ войною. Уничтоживъ эту гидру, упоенную

человѣческой кровью, конецъ настоящаго вѣка водворить всеобщій миръ и царство идеальной правды, которая лучезарно освѣтить весь свѣтъ.

«Громкія рукоплесканія, восторженные крики и маханіе платками привѣтствовали оратора, а когда король подозвалъ его къ себѣ и пожалъ ему руку, то невозможно описать энтузіазма, овладѣвшаго всѣми присутствовавшими.

«Затѣмъ произнесли рѣчи одинъ за другимъ представители всѣхъ европейскихъ государствъ и липарскихъ лигъ мира.

«Сидя на своемъ тронѣ, Отомарь съ улыбкой слушалъ прѣбы краснорѣчія, сыпавшіеся безъ умолка въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, а мысленно радовался, что могъ своимъ могуществомъ поддержать великую идею мира и обставить конгрессъ мира всѣмъ блескомъ вѣковыхъ традицій, упорно поддерживающихъ войну. Онъ съ удовольствиемъ вспомнилъ, что теперь эта идея мира была не утопія великихъ умовъ, а ей открыто сочувствовали могущественные государи Россіи, Австро-Венгрии, Германіи. И вдругъ въ его умѣ блеснула новая мысль. Ахъ, если бы онъ могъ когда нибудь присутствовать на другомъ конгрессѣ, на которомъ засѣдали бы всѣ государи Европы. На такомъ конгрессѣ коронованныхъ особъ, о которомъ еще никто не мечталъ, конечно, водворился бы всеобщій миръ, и съ той минуты золотой вѣкъ уничтожилъ бы на землѣ горе, бѣдность, нищету подъ лучезарнымъ свѣтомъ всеобщаго мира.

«Рѣчи кончились. Делегаты заняли свои мѣста; наступила очередь короля сказать свое слово.

«Его голосъ громко, ясно, съ хрустальной чистотой раздался среди водворившейся безмолвной тишины, а высказанныя имъ мысли унесли всѣхъ слушателей на крылья ихъ искренняго краснорѣчія въ возвышенную область идеала, где царятъ величія идеи мира, правды, и народнаго блага.

«Конгрессъ открылся».

III.

Возвратясь изъ области поэтической фантазіи, где долго витала идея всеобщаго мира, къ трезвой дѣйствительности, куда она попала такъ недавно, что еще многіе глубокомысленные нѣмецкіе філистеры смотрѣть на нее, какъ на квадратуру круга, недоступную человѣческому разуму,—посмотримъ, какъ отнеслись Старый и Новый Свѣтъ къ предложенію Россіи и къ его прямому результату—Гаагской конференції.

Вообще, по словамъ Стэда, послѣдившаго всѣ европейскія столицы съ цѣлью изучить этотъ вопросъ, офиціальные сферы государственныхъ людей и дипломатовъ настроены холодно, равнодушно и даже враждебно къ идеямъ всеобщаго мира, разоруженія и уста-

новленія международного третейского суда. Поэтому отъ сильныхъ міра сего на западѣ Гаагской конференціи нечего ждать помощи, кроме официального выраженного сочувствія на словахъ. Что же касается до общественнаго мнѣнія въ Европѣ, то въ великихъ державахъ оно не далеко ушло отъ своихъ руководящихъ классовъ, въ мелкихъ государствахъ оно обнаруживаетъ искреннее сочувствіе къ парламенту мира и его цѣлямъ. Еще горячѣе относятся къ тому и другому народныя массы, почти во всѣхъ углахъ Европы и поголовно всѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, начиная отъ президента, министровъ, депутатовъ и миллионеровъ до послѣдняго рабочаго, или поселянина.

Англійскія газеты большою частью относятся къ гаагской конференціи съ внѣшнимъ сочувствіемъ, но съ внутренней ироніей, какъ, напримѣръ, «Times», который предсказываетъ, что изъ нея ничего не выйдетъ. Только «Daily News», у которой гаагскимъ корреспондентомъ состоить Стэдъ, и некоторые другие либеральные, или радикальные органы пламенно поддерживаютъ мирное движение. Въ журналахъ еще болѣе слышится враждебныхъ нотъ, все равно къ какому бы политическому оттѣнку они ни принадлежали. Такъ въ майскихъ книжкахъ «Fortnightly Review», «Nineteenth Century» и «Contemporay» помѣщены одинаково злобныя и желчныя статьи подъ заглавіемъ «Исchezновеніе всеобщаго мира», «Лицемѣрія мирной конференціи» и «Упадокъ войны». Въ первой изъ нихъ авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ «дипломата», пессимистически смотрить на результатъ гаагской конференціи и уверяетъ, что свѣтъ никогда не былъ такъ далекъ отъ золотого вѣка, какъ теперь; во второй Сидней-Ло разносить на всѣ корки циркуляръ графа Муравьевъ, обвиняя его въ хитрыхъ ковахъ, а въ третьей Судерландъ доказываетъ, что война постепенно смягчается и что, можетъ быть, черезъ четыреста лѣтъ исчезнетъ, но не ранѣе.

Зато въ англійской журналистикѣ напелся и самый пламенный защитникъ русскаго предложенія. Это редакторъ «Review of Reviews» Вильямъ Стэдъ, который, посѣтивъ Петербургъ и Ялту осенью прошедшаго года, возбудилъ въ Англіи цѣлый крестовый походъ противъ войны, собралъ до тридцати митинговъ въ различныхъ мѣстахъ страны, основалъ газету «Война противъ войны» и составилъ планъ паломничества въ Петербургъ съ адресомъ отъ имени англійскаго народа къ русскому царю. По его проекту это паломничество должно было состоять изъ представителей всего свѣта, которые присоединились бы къ первоначальнымъ делегатамъ Англіи при ихъ слѣдованіи черезъ всю Европу въ русскую столицу. Но эта колоссальная демонстрація не удалась, и также Стэдъ былъ вынужденъ прекратить на двѣнадцатомъ номерѣ свою еженедѣльную газету «Война противъ войны», но все-таки онъ возбудилъ сильную агитацию на своей родинѣ въ пользу гаагской конференціи, и, вто-

рично пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ апрѣля, онъ привезъ съ собою ощущительные результаты этой агитациі. Они состояли изъ адреса англійского народа русскому царю для поддержки его циркуляра съ 160.000 подписей, которая заняла тридцать томовъ изъ 12 номе-ровъ газеты «Война противъ войны», изъ списковъ всѣхъ митинговъ, бывшихъ въ Англіи въ пользу гаагской конференціи и текстовъ принятыхъ на нихъ резолюцій. Сдѣлавъ столько для поддержки рус- скаго предложенія, Стэдъ имѣлъ полное право на митингъ, кото- рый онъ устроилъ въ Петербургѣ въ англо-американской церкви, гордо указать на свои заслуги и упрекнуть русское общество въ равнодушіи и хладнокровіи къ великому дѣлу, начатому державнымъ апостоломъ мира.

Но всего равнодушнѣе и хладнокровнѣе отнеслась къ предложе- нию Россіи ея пресловутая союзница, Франція. Тамъ почти совсѣмъ не обращено вниманія на этотъ вопросъ, и только со времени откры- тія конференціи въ Гаагѣ стали появляться въ газетахъ кое-какія кор-респонденціи. Хотя это странное явленіе можно объяснить тѣмъ, что Франція слишкомъ занята злополучнымъ дѣломъ Дрейфуса; но, по справедливому замѣчанію Стэда, она безсознательно оказываетъ сво- имъ примѣромъ громадную помощь той самой мирной идеи, о ко- торой, повидимому, не хочетъ и знать. Дѣло Дрейфуса воочию дока- зываетъ, что милитаризмъ можетъ привести къ еще болѣе печаль- нымъ послѣствіямъ въ нравственной области, чѣмъ въ экономиче- ской, на которую указывалъ циркуляръ графа Муравьевъ. Впро- чемъ, и кромѣ этого безсознательного содѣйствія парламенту мира, Франція послала туда своимъ представителемъ главу радикальной партіи, Буржуа, одного изъ лучшихъ, способнѣйшихъ и наиболѣе благонамѣренныхъ государственныхъ людей, а потому нѣтъ сомнѣ- нія, что Франція, очнувшись отъ столь долго давившаго ея ко- шмара, послѣ ожидаемаго вскорѣ окончанія дѣла Дрейфуса, дока- жетъ въ Гаагѣ, что она не только отрицательно, но и положительно поддерживаетъ великое дѣло всеобщаго мира.

Хотя вопросъ объ Эльзась-Лотарингіи дѣлаетъ чрезвычайно за- труднительнымъ, если не совершенно невозможнымъ для нея во- просъ о разоруженіи, Франція во всякомъ случаѣ можетъ и должна всячески отстаивать другіе два поставленные на гаагской конферен- ціи вопросы: о смягченіи условій войны и объ учрежденіи между- народнаго третейскаго суда. Это прекрасно понимаютъ лучшіе фран- цузскіе умы и высказываются въ такомъ смыслѣ, но очень сдер- жанно изъ боязни, чтобы ихъ не заподозрѣли въ недостаткѣ патріо- тизма за сочувствіе къ гаагской конференціи. Подобнымъ характе- ромъ отличается статья известнаго французскаго публициста и зна- тока Россіи, Анатоля Леруа-Болье, въ послѣдней книжкѣ «Revue des Revues». Такое отношеніе къ дѣлу еще можно допустить, но бо- лѣе чѣмъ странно, подъ предлогомъ полнаго сочувствія къ идеямъ

мира и разоруженія, предложить гаагской конференціи заняться увеличеніемъ предѣловъ Франціи, какъ это дѣлаетъ Ш. Кальдеронъ авторъ брошюры «Европа и разоруженіе».

Этотъ диковинный публицистъ серьезно предлагаетъ не только возвращеніе Франціи Эльзаса и Литарингіи, но присоединеніе къ ней рейнскихъ провинцій и части Баваріи отъ Германіи, съвернаго Брабанта отъ Голландіи и части Базельскаго, Бернскаго, Нешательскаго, Женевскаго и Ваатскаго кантоновъ отъ Швейцаріи. Да, кромѣ того, еще на прикуску Франція получаетъ протекторатъ надъ Бельгіей и Люксембургомъ, которые однако остаются независимыми государствами. Чтобы Германія согласилась на подобное увеличеніе предѣловъ Франціи, ей отдаются на стѣденіе осталъная часть Голландіи, Данія, часть Польши, принадлежащая Россіи отъ Вислы до теперешнихъ границъ Германіи, Силезія, австрійскія части Галиціи и Тироля, а также часть Швейцаріи. Этимъ, конечно, не ограничивается оригиналъ дѣлжъ Европы Кальдерономъ въ текстѣ своей брошюры и на приложенной къ ней картѣ Европы. Россія получаетъ за потерю части Польши восточную Пруссію, часть Галациі и часть Финмарка на Скандинавскомъ полуостровѣ; кромѣ того, Румынія и Болгарія подчиняются русскому протекторату. Австро-Венгріи отмежуютъ Боснію, Герцоговину, Албанію и часть Швейцаріи, а вѣдѣвокъ отдадутъ подъ ея протекторатъ Черногорію и Сербію. Къ Италії присоединится часть Швейцаріи и итальянскій Тироль отъ Австро-Венгріи; Греція увеличится Фессаліей и Македоніей.

Такимъ образомъ, благодаря этому курьезному раздѣлу Европы, потеряетъ болѣе всего Швейцарія и неизвѣстно почему сдѣлается самымъ маленькимъ уголкомъ, а также пострадаетъ Турція, хотя, положимъ, и извѣстно за что. Послѣдняя будетъ состоять только изъ небольшой мѣстности вокругъ Константина, причемъ Босфоръ и Дарданелы объявляются нейтральными. Наконецъ, Испанія и Португалія однѣ остаются въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Этотъ диковинный планъ передѣла Европы по случаю гаагской конференціи встрѣченъ сочувственно французскими газетами, а авторъ его кончаетъ свою безмысленную брошюру словами: «Благодаря великодушной инициативѣ Николая II, могущественнаго и благороднаго императора Россіи, заря ХХ вѣка можетъ еще освѣтить для народовъ древней Европы новую эру благоденствія».

Въ Вѣнѣ, Буда-Пештѣ, и Римѣ не болѣе интересуются парламентомъ мира, чѣмъ въ Парижѣ, но между Австро-Венгріей и Италией существуетъ то различіе, что на общемъ съро-равнодушномъ фонѣ рельефно выдѣляется въ первой изъ этихъ державъ пламенная дѣятельность въ пользу мира баронесы Зутнеръ, а во второй сначала грозная, а затѣмъ лицемѣрная, нападки Криспи на гаагскую конференцію. Извѣстная предсѣдательница австрійскаго общества друзей мира собирала публичные митинги, на которыхъ гово-

рила краснорѣчивыя рѣчи, составляла адресы своему правительству съ просьбой, чтобы его представитель въ Гаагѣ оказалъ возможно болѣшее содѣйствіе къ достижению цѣлей конференціи, и напечатала въ послѣднемъ выпускѣ «Zukunft» статью, въ которой, разви- вая съ обычнымъ пыломъ свои излюбленныя идеи, она однако вы- ражаетъ опасеніе, что конференція будетъ только зародышемъ но- ваго порядка вещей, который лишь достигнетъ полнаго своего раз- витія въ XX столѣтіи.

Въ Италии только одинъ папа искренно сочувствуетъ гаагской конференціи, очень сожалѣть, что не допустили туда его представителя, и считаетъ необходимымъ учрежденіе постояннаго международнаго третейскаго суда. Напротивъ Квириналъ и общественное мнѣніе вовсе не обращаютъ вниманія на занимающій весь свѣтъ вопросъ. Бывшій гарibalдіецъ и затѣмъ ставленникъ Бисмарка, Криспи, съ самаго начала рѣзко возсталъ противъ конференціи и прямо заявилъ, что она окончится общей войной, но надняхъ онъ напечаталъ въ *Nuova Antologa* статью, въ которой уже высказывается съ іезуитской хитростью за принципъ общаго мира, но доказывается, что въ Гаагѣ принимаются за дѣло не такъ, какъ слѣ- дуетъ, и что если разоруженіе и учрежденіе международнаго тре- тейскаго суда немыслимы при теперешнихъ условіяхъ, то слѣдуетъ создать изъ Европы Соединенные Штаты, и «тогда дѣйствительно исчезнутъ всѣ созданныя дипломатами границы, всѣ національныя ненависти и всѣ стремленія къ варварскимъ завоеваніямъ, которыхъ до сихъ поръ сдерживаютъ человѣческій прогрессъ и благоенствіе свѣта».

Хотя германское правительство официаlно поддержало русское предложеніе и Вильгельмъ II надняхъ въ Висбаденѣ выразилъ свои сердечнѣйшія пожеланія Гаагской конференціи и увѣрялъ, что онъ далъ приказанія своему представителю въ Гаагѣ, графу Мюнстеру, дѣйствовать заодно съ барономъ Сталемъ, такъ чтобы русскій им-ператоръ остался доволенъ конференціей, но не подлежитъ сомнѣ- нию, что Германія прямо враждебна дѣлу мира и его парламента. Это доказывается не только назначеніемъ вторыми представителями Германіи въ Гаагѣ рѣяныхъ защитниковъ войны, профессоровъ права Цорна и Штенгеля, но и публично высказанными противъ конференціи мнѣніями цѣлаго ряда выдающихся людей германской науки. Какъ известно, профессоръ Цорнъ всегда поддерживалъ из-любленную теорію Бисмарка, что международные трактаты, имѣя только нравственное значеніе, не могутъ ограничивать правъ го-сударствъ, и онъ недавно еще высказалъ, что «намѣреніе сдержать мирными средствами отъ воспламененія, накопившійся горючій ма-теріаль религіозныхъ страстей, династическихъ и торговыхъ инте-ресовъ, а также національныхъ ненавистей, все равно, что желаніе погасить пожаръ пульверизаторомъ съ розовой водой».

Штенгель—еще болѣе жестокій проповѣдникъ милитаризма; въ своей брошюре, выпущенной въ короткое время въ двухъ изданіяхъ подъ ироническимъ названіемъ «Вѣчный миръ», онъ распинается за войну. По его словамъ, Ветхій и Новый Завѣты удостовѣряются, что война будетъ существовать до конца свѣта; мало того, война всегда была благодѣтельна, и поэзія, живопись, скульптура, архитектура немыслимы безъ нея, наконецъ она вдохновляла всѣ науки: исторію, географію, право, хирургію, мореплаваніе. «Война,—говорить онъ далѣе,—пробный камень народнаго развитія, такъ какъ въ войнѣ проявляется не одна физическая мощь народа, но и его нравственныя, духовныя качества. Доказывая еще, что несправедливы жалобы на гибель Европы отъ чрезмѣрныхъ вооруженій, которыя напротивъ развиваются промышленность и торговлю, нѣмецкій филистеръ серьезно утверждаетъ, что пропаганда мира среди нѣмцевъ подрываетъ патріотизмъ и преданность императору, верховному главѣ арміи. Для наибольшаго же подтвержденія проповѣдуемаго имъ культа милитаризма, Штенгель приводить известныя слова Мольтке: «Вѣчный миръ сонъ и даже не прекрасный, потому что война звено Божественнаго мірозданія. Безъ войны свѣтъ погрязъ бы въ материализмѣ».

Назначить такого заклятаго врага мира представителемъ Германіи въ парламентъ мира болѣе чѣмъ странно и кажется даже неприличной насмѣшкой. Въ официальныхъ нѣмецкихъ сферахъ это хорошо понимаютъ и просто отрицаютъ не только, что Штенгель представляетъ Германію на Гаагской конференціи, гдѣ онъ будто бы только экспертъ, но и напечатаніе его брошюры. Такъ покрайней мѣрѣ сказали Стэду въ германскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и еще прибавили: «Вы увидите, какой Штенгель мягкий и смиренный человѣкъ, точно ребенокъ». Это замѣчаніе вполнѣ подтверждается гаагскій корреспондентъ французской газеты *Jougnal*, который рисуетъ жанровую картинку, какъ этотъ жрецъ войны мирно, добродушно пьетъ пиво съ своимъ товарищемъ по культу милитаризма, профессоромъ Цорномъ. Самъ Штенгель чувствуетъ неловкость своего положенія и увѣрялъ одного газетнаго корреспондента, что, посыпая его въ Гаагу, германское правительство не знало о выходѣ его брошюры, что онъ вовсе не врагъ всѣхъ стремленій къ миру, что хотя разоруженіе теперь не мыслимо, но было бы пріятно, еслибы конференція хоть теоретично высказалась въ пользу этого желательного принципа, что гораздо легче достигнуть успѣха относительно полезнаго распространенія женевской конвенціи, вполнѣ разумнаго учрежденія необязательныхъ, международныхъ, третейскихъ судовъ, что наконецъ ни онъ, ни другіе германскіе делегаты не будетъ противодѣйствовать разрѣшенію затрудненій на конференціи. Такимъ образомъ Вильгельмъ II торжественно обѣщаетъ содѣйствіе Германіи великому дѣлу парламента

мира, а его представитель очень добродушно заявляетъ, что онъ только не будетъ противодѣйствовать. Второй варіантъ насчетъ дѣятельности нѣмцевъ въ Гаагѣ болѣе вѣроятенъ, если принять въ соображеніе, какъ относится къ этому вопросу общественные мнѣнія Германіи.

Такие авторитеты нѣмецкой науки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ устарѣлые, затхлые филистеры, какъ Момзенъ и Куно Фишеръ, выразились вполнѣ враждебно въ отношеніи парламента мира. Первый назвалъ его «опечаткой въ исторіи, о которой нечего и говорить», а послѣдній сказалъ: «изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей: вѣры, надежды и милосердія, первыя два покинули меня, когда я думаю о конференції». Къ этому профессоръ философіи, Паульсенъ, прибавляетъ, что конференція преждевременный шагъ, а въ политикѣ главная заповѣдь: «не дѣлай второго шага прежде первого», а профессоръ Лабандъ, занимающій каѳедру международного права въ страсбургскомъ университѣтѣ и пользующійся болѣшой репутацией, чѣмъ его сотоварищи по изученію международного права, Штенгель и Цорнъ, не ожидаетъ практическихъ результатовъ отъ конференціи, кроме проведения нѣсколькихъ гуманныхъ постановленій о смягченіи условій войны, такъ какъ разоруженіе теперь не возможно. То же мнѣніе о прямомъ послѣствіи дипломатическихъ совѣщаній въ Гаагѣ высказываетъ магдебургскій профессоръ Вестеркампъ, хотя онъ вообще сочувствуетъ мирнымъ конференціямъ и считаетъ ихъ лучшимъ средствомъ къ воспитанію общественного мнѣнія, которое еще не дозрѣло до разоруженія и международныхъ третейскихъ судовъ. Даже пострадавшій еще недавно отъ обуревающаго Германію милитаризма, профессоръ Дельбрюкъ въ послѣдней книжкѣ «Preuisischen Jahrbüchern» сilitся опровергнуть доводы Блюха въ его книгѣ и доказать, что разоруженіе немыслимо и только привело бы не къ общему миру, а къ общей войнѣ. По его словамъ, международные третейскіе суды годятся лишь для мелкихъ государствъ, а великия державы никогда не подчинятся его юрисдикціи. Что же касается доувѣреній Блюха и гр. Муравьевъ о близкой гибели Европы отъ бремени военныхъ расходовъ, то нѣмецкій ученый отвергаетъ ихъ справедливость и обращаетъ вниманіе на процвѣтаніе Германіи, какъ доказательство противнаго.

Не только дипломаты, ученые, общественное мнѣніе и печать въ Германіи расположены противъ идеи мира, но и народныя массы, которые такъ сроднились съ милитаризмомъ, несмотря на его тяготу, что считаются невозможнымъ разстаться съ милой ихъ сердцу военициной. Такимъ образомъ Марксъ Нордау прямо сказалъ Стэду: «Мнѣ отлично известны южно-нѣмецкіе поселяне: спросите у любого изъ нихъ, желаетъ ли онъ войны, и онъ отвѣтитъ: «Боже избави, я болѣе всего ненавижу войну». Но если вы спросите, ненавидѣть ли онъ военный мундиръ, то онъ отвѣтитъ: «это дѣло дру-

гое—мы любимъ военный мундиръ и съ гордостью его носимъ». Только рабочіе классы, находящіеся подъ вліяніемъ соціаль-демократовъ, которые всегда возстаютъ противъ вооруженія, сочувственно относятся къ цѣлямъ гаагской конференціи, но не довѣряютъ ея плодотворнымъ результатамъ. Одинъ лишь старикъ Бебель со своимъ обычнымъ чистосердечіемъ говорить на публичныхъ митингахъ: «Россія теперь нашъ союзникъ и товарищъ».

Если мы перейдемъ отъ великихъ державъ къ второкласснымъ европейскимъ государствамъ, то увидимъ, что всѣ они питаютъ глубокое сочувствіе къ всеобщему миру, разоруженію и гаагской конференціи. Ихъ еще болѣе, чѣмъ крупныхъ націй, разоряетъ теперешнее состояніе вооруженного мира и, кроме того, они постоянно боятся нападенія своихъ грозныхъ сосѣдей, а потому естественно, что они радостно привѣтствуютъ парламентъ мира. Въ особенности Бельгія обнаруживаетъ къ нему пламенный энтузіазмъ. Въ этой маленькой, дѣятельной, предпріимчивой, промышленной странѣ всѣ, безъ различія классовъ, единогласно выскаживаются въ пользу разоруженія, и только одинъ генералъ Бріальмонъ, извѣстный авторитетъ по военнымъ вопросамъ, отрицає практическое значеніе гаагской конференціи.

Чтобы мелкія государства не играли на этой конференціи слишкомъ незначительной роли, знаменитый норвежскій писатель, патріотъ и проповѣдникъ мира, Бьернсенъ, составилъ планъ образованія ими федераціи, благодаря чему они явились бы на европейскомъ ареопагѣ не беспомощными единицами, а 27.000.000 массой, рѣшившейся дѣйствовать дружно въ пользу всеобщаго мира и своего собственного нейтралитета. Въ эту федерацію онъ хотѣлъ включить только Бельгію, Данію, Голландію, Швецію, Норвегію, Швейцарію и Португалію. Относительно Испаніи, онъ вовсе забылъ, какъ о націи, не имѣющей никакого значенія со времени войны съ Америкой, а Грецію, Болгарію, Черногорію, Румынію и Сербію, онъ считалъ слишкомъ беспокойными странами, чтобы онѣ примкнули къ мирной федераціи. Хотя его планъ не осуществился во время, но всѣ предположенные Бьернсеномъ члены новой федераціи сочувственно отнеслись къ ней, и, быть можетъ, ихъ представителемъ при ежедневныхъ столкновеніяхъ въ Гаагѣ выработаютъ организацію этого нового фактора политической жизни Европы. Проектъ норвежскаго писателя уже настолько созрѣлъ, что поговариваются о будущемъ главѣ новой мирной, нейтральной федераціи, которая могла бы разыграть роль великой державы. Кандидатами выставляются бельгійскаго и шведскаго королей, молодую голландскую королеву и барона Бильдта, представителя Швеціи и Норвегіи въ Италіи, который, по словамъ Бьернсена, первоклассный дипломатъ, государственный человѣкъ и ученый.

Несмотря на то, что американцы теперь поглощены своими новыми колониями и борьбой съ Филиппинскими островами, они горячо отозвались на предложение Россіи, и ихъ представители явились въ Гаагу съ готовымъ проектомъ учрежденія международного третейского суда. Для доказательства искренности своихъ намѣреній эти представители уже заявили, что Соединенные Штаты готовы дать обязательство никогда не начинать ни одной войны безъ предварительного обращенія къ посредничеству дружеской державы. Присутствіе американскихъ делегатовъ составляетъ новую и характерную черту гаагской конференціи, такъ какъ до сихъ поръ Соединенные Штаты не принимали участія ни на одномъ международномъ конгрессѣ. Они такимъ образомъ дебютируютъ на всесвѣтной дипломатической аренѣ въ роли пламенного защитника мира; а это многознаменательный фактъ, такъ какъ американцы обязаны своимъ допущеніемъ въ европейскія дипломатическія святыя святыхъ, на противъ благодаря ихъ военнымъ подвигамъ.

IV.

Но что можетъ дать въ результатѣ парламентъ мира?

Его предсѣдатель, баронъ Сталь, въ отвѣтъ на адресъ, который ему представила одна англійская лига мира въ Лондонѣ, сказалъ: «Никогда нельзя знать, что выйдетъ изъ конференціи. Но я все-таки надѣюсь, что съ Божьей помощью и при доброй волѣ державъ мы сдѣлаемъ большой шагъ на пути къ торжеству права, справедливости и мира».

Самая рьяная проповѣдница мира, баронесса Зутенеръ, въ своей послѣдней статьѣ говоритъ: «Достигнуть цѣли конференціи сразу физически и морально немыслимо, потому что элементы, участвующіе въ конференціи, будутъ внутренно настроены въ большинствѣ случаевъ еще противъ осуществленія ея задачъ. Впрочемъ конференція и созвана не для того, чтобы достигнуть осуществленія намѣченныхъ цѣлей, а, какъ прямо говорится въ русскомъ циркуляре, для отысканія средствъ, чтобы ихъ осуществить».

Такимъ образомъ главный дѣятель конференціи и наиболѣе торжествовавшая по случаю ея созванія личность въ Европѣ сводятъ къ очень малому свои надежды на ея результатъ, а одинъ изъ ея горячихъ сторонниковъ, Блюхъ, прямо говоритъ: «лучше отложить конференцію, если ея члены найдутъ, что недостаточно собрано для нихъ матеріала, чѣмъ допустить неудачу, или недоношь порученнаго ей великаго, возвышенаго дѣла».

Однако Стэдъ, такъ много поработавшій въ пользу парламента мира,увѣряетъ, что въ Гаагѣ могутъ вполнѣ успешно принять три практическія и вполне осуществимыя въ настоящее время мѣры:

1) заключить перемиріе на 5, или на 10 лѣтъ, 2) пріостановить вооруженіе на такой же срокъ, 3) составить международное соглашеніе между всѣми государствами насчетъ того, что въ случаѣ возникновенія споровъ между двумя странами, во время этого перемирія, они не прибегали бы къ войнѣ безъ предварительного посредничества дружественныхъ державъ. По словамъ Стэда, въ пользу послѣдней мѣры, повидимому, склоняются русскіе дипломаты, и одинъ изъ нихъ, теперешній повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, Лессаръ, прямо развилъ ему этотъ планъ и прибавилъ, что, если бы конференція приняла подобную мѣру, то былъ бы сдѣланъ большой шагъ впередъ.

По газетнымъ извѣстіямъ, американцы и англичане видимо расположены въ пользу учрежденія постояннаго, международнаго третейскаго суда, но что врядъ ли большинство конференціи на это согласится. Что же касается до расширенія женевской конвенції, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ пунктъ программы будетъ единогласно принятъ. Кроме того, въ Гаагѣ говорятъ, что одинаково несомнѣнно установленіе періодическихъ конференцій, каждые пять или три года. Очевидно, что при такой періодичности конференцій они могутъ мало-по-малу сдѣлаться тѣмъ самыми международными третейскими судомъ, до котораго будто бы еще не созрѣлъ свѣтъ. Что же касается до самаго основного вопроса, ради котораго и создана конференція, именно разоруженія, въ Гаагѣ, по словамъ одного изъ иностранныхъ корреспондентовъ, «ничего не будетъ окончательно постановлено, такъ какъ это значило бы перессорить между собою представителей всѣхъ державъ».

Какъ бы то ни было и что бы ни даль въ результатѣ парламентъ мира, онъ все-таки останется свѣтлой страницей въ лѣтописяхъ послѣдняго года XIX столѣтія, столь кичившагося своей цивилизацией и сохранившаго, однако, до сихъ поръ позорное клеймо войны, разоряющей человѣчество материально и растлѣвающей его нравственно.

Т. И. М.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ В. О. МИХНЕВИЧА.

Ъ ОЧЕРКЪ, посвященномъ «памяти В. О. Михневича», напечатанномъ, вслѣдъ за кончиною его, на страницахъ «Исторического Вѣстника» (апрѣль 1899 г.), было сообщено въ общихъ чертахъ о духовномъ завѣщаніи покойного писателя. «Ликвидируя свое жизненное поприще,—сказано было тамъ,—Михневичъ не пожелалъ остаться какъ бы въ долгу передъ русскою литературою и за то, что она дала ему добroе имя, и за тотъ материальный достатокъ, который онъ почерпнулъ именно изъ своихъ литературныхъ трудовъ. Поэтому, завѣщаю потомству накопленное имъ духовное богатство, въ видѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшилъ оставить по себѣ и вещественную память своему родному сословію, въ рядахъ котораго протекла его жизнь. Свою отлично подобранную историческую библіотеку онъ завѣщалъ (на словахъ) «Союзу русскихъ писателей», а все остальное имущество, сначала въ пожизненное владѣніе супругѣ своей, Елизавѣтѣ Николаевнѣ, а послѣ ея смерти «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», или, иначе, такъ называемому литературному фонду. Этотъ вкладъ чрезвычайно цѣнныи, цѣнныи и по своему значительному материальному объему, и по тому нравственному началу, которое вложено въ эту волю и которое вносить въ нашу, въ общемъ небогатую радостными и свѣтлыми явленіями, жизнь русскихъ писателей лучъ тепла и свѣта».

Къ сказанному въ означенной статьѣ мы имѣемъ возможность сдѣлать нѣкоторыя добавленія и разъясненія, почерпнутыя нами изъ подлиннаго завѣщанія Владимира Осиповича и замѣтки въ «Новостяхъ» (№ 103 с. г.), гдѣ напечатано «нравственное завѣщеніе» его душеприказчикомъ. Эти добавленія чрезвычайно характерны и какъ

нельзя лучше обрисовывать духовный обликъ покойного сотрудника «Исторического Вѣстника», почему мы считаемъ, въ интересахъ нашихъ читателей, полезнымъ привести ихъ здѣсь въ возможной полнотѣ.

Весною 1891 года, В. О. Михневичъ, озабочиваясь судьбою своей супруги и упорядоченiemъ, на случай смерти, своихъ имущественныхъ дѣлъ, рѣшилъ составить нотаріальнымъ порядкомъ духовное завѣщаніе, для коего въ свидѣтели пригласилъ своихъ друзей и извѣстныхъ писателей: А. М. Скабичевскаго, И. Ф. Василевскаго (Буква), А. И. Поповицкаго. Сущность завѣщанія заключается въ ниже-слѣдующемъ:

«Все движимое имущество, какое послѣ меня окажется, въ чемъ бы оно ни заключалось и гдѣ бы ни находилось, кромѣ библіотеки и капитала, я завѣщаю въ полную собственность любезнѣйшей женѣ моей, Елизаветѣ Николаевнѣ Михневичъ. Принадлежащую мнѣ библіотеку, вмѣстѣ съ шкафами, въ которыхъ она помѣщается, я отказываю въ собственность «Русско-литературному обществу», съ тѣмъ, чтобы она навсегда была сохранена, а въ случаѣ ликвидациіи означенного общества—передана въ распоряженіе общества литературного фонда, которое благоволить тѣмъ или инымъ способомъ обратить мою библіотеку въ пользованіе писателей.

«Всѣ мои сочиненія и изданія, а равно всю отъ нихъ прибыль я завѣщаю въ собственность женѣ, Елизаветѣ Николаевнѣ. Изъ всего капитала, если таковой послѣ меня останется, въ чемъ бы онъ ни заключался и гдѣ бы ни находился, одну третью часть я завѣщаю въ собственность женѣ моей, Елизаветѣ Николаевнѣ, а двѣ трети онаго—ей же въ пожизненное владѣніе; въ собственность же двѣ трети моего капитала я отказываю обществу литературного фонда. Принадлежацій мнѣ домъ, состояцій въ С.-Петербургѣ, петербургской части, третьаго участка, по Песочной улицѣ и набережной рѣки Карповки, подъ №№ по табелямъ 1876 года тысяча двѣсті девятимъ, а 1874 года тысяча сто сороковимъ и полицеіскимъ десятимъ, я завѣщаю женѣ моей Елизаветѣ Николаевнѣ въ одной третьей части въ собственность, а въ двухъ третьихъ частяхъ въ пожизненное владѣніе; въ собственность же эти двѣ трети части отказываю «Обществу литературного фонда»: при этомъ предоставляю Елизаветѣ Николаевнѣ право, если она пожелаетъ, означенный домъ со всѣми постройками и землею продать и изъ вырученаго отъ таковой продажи капитала одну третью часть получить въ свою собственность, а двѣ трети онаго, какъ собственность литературного фонда, должны быть обращены въ государственные или правительство гарантированные процентныя бумаги и внесены на храненіе въ государственный банкъ; проценты съ этого капитала получаетъ пожизненно жена моя Елизавета Николаевна. Я желалъ бы, чтобы завѣщанный мною въ собственность «Общества литературного фонда»

капиталъ былъ обращенъ на устройство въ С.-Петербургѣ общежитія для нуждающихся литераторовъ, впавшихъ въ инвалидность».

Вслѣдъ за этимъ юридическимъ актомъ, свидѣтелемъ завѣщанія, И. Ф. Василевскимъ, получено было отъ Михневича письмо, гдѣ онъ писалъ: «Дорогой другъ Ипполитъ Федоровичъ! прилагаю при семъ извѣстное тебѣ «нравственное» завѣщаніе мое и прошу тебя, запечатавъ оное, хранить у себя до моей смерти, а по наступленіи оной распечатать и привести въ исполненіе. Весь твой В. Михневичъ».

Нравственное это завѣщаніе, распечатанное, согласно волѣ покойника, послѣ его похоронъ и нынѣ опубликованное въ «Новостяхъ», гласить:

«Дорогие друзья мои, Александръ Ивановичъ, Александръ Михайловичъ и Ипполитъ Федоровичъ! Вы сдѣлали мнѣ дружескую услугу, согласившись быть свидѣтелями моего юридическаго завѣщанія; теперь я прошу васъ взять на себя трудъ быть повѣренными и настоящаго моего, такъ сказать, нравственнаго завѣщанія. Въ первомъ я исполнилъ сердечный долгъ передъ моей неизмѣнной подругой въ жизни—женою, которой я обязанъ личнымъ счастьемъ. Я хотѣлъ, чтобы послѣ моей смерти она была, сколько отъ меня зависитъ, обеспечена и дожила свой вѣкъ спокойно безъ нужды. Здѣсь же я ввѣряю вамъ мой нравственный долгъ передъ русской литературой, которую возлюбилъ съ той минуты, какъ научился грамотѣ, и съ этой любовью умру.

«Русской литературѣ я всѣмъ обязанъ,—и самыми свѣтлыми минутами въ жизни, и лучшими чувствами и помыслами, и, наконецъ, какъ писатель, обязанъ ей моимъ именемъ, положеніемъ, материальнымъ достаткомъ и всѣмъ тѣмъ, что имѣю.

«Завѣщая теперь послѣ себя мой достатокъ литературнымъ учрежденіямъ, я только возвращаю то, что дала мнѣ литература.

«Мое самое большое и горячее желаніе—умереть съ перомъ въ рукахъ, на службѣ русскому печатному слову, до послѣдняго издыханія. Надѣюсь, съ Божией помощью, это такъ и случится, и на этотъ счетъ я въ старости буду счастливѣе, чѣмъ былъ въ молодости. Стремясь со дней ранней юности сдѣлаться писателемъ и найти себѣ мѣсто въ журналистикѣ, я добился этого долгимъ и труднымъ путемъ, среди неудач и разочарованій, подъ гнетомъ нужды и всякихъ лишеній. Такъ, впрочемъ, не я одинъ начиналъ.

«Но когда молодъ, здоровъ и силенъ вѣрой въ себя, когда вся жизнь еще впереди, — такой искусть не страшенъ, и если удается переспорить не ласковую судьбу, то даже полезенъ, какъ закаль для металла. Вотъ горе, когда онъ приходить подъ старость, когда писатель, дряхлѣя, утрачиваетъ дарованіе, силы, способность къ работе, когда его, какъ отслужившаго инвалида, отчисляютъ въ «заслѣ» или начисто увольняютъ «безъ прошенія», и ему негдѣ преклонить сѣдую голову и остается мыкаться въ нищетѣ, пока, на-

конецъ, не свезутъ раба Божія на Волково кладбище на счетъ благодѣтельнаго литературнаго фонда! Горька и жестока такая участъ, и—однакожъ ей такъ часто подвергаются русскіе писатели, нерѣдко люди съ почтеннымъ именемъ, въ свое время талантливые, оставившіе по себѣ замѣтный слѣдъ въ литературѣ! Минѣ она всегда казалась страшной, и я не разъ внутренно молилъ судьбу, чтобы она не дала мнѣ дожить до такого положенія. Не знаю—смируется ли судьба надо мною лично, но если смируется, если то, что я завѣщалъ сегодня литературному фонду, послѣ смерти моей и моей жены, сохранится и дойдетъ по назначенію, то самое завѣтное и горячее желаніе мое, чтобы завѣщанныя мною крохи послужили хотя бы началомъ для основанія такого учрежденія, которое доставляло бы неимущимъ писателямъ—инвалидамъ, по болѣзни или старости утратившимъ способность работать, теплый кронъ, со всѣмъ необходимымъ для жизни, и чтобы все это, само собой разумѣется, предлагалось имъ и обставлялось въ возможно деликатной, безобидной, истинно-товарищеской формѣ.

«И эту-то мою волю я поручаю вамъ, мои дорогіе друзья, и убѣдительно прошу васъ всѣхъ вмѣстѣ и каждого порознь, кто изъ васъ переживеть меня, приложить всяческое стараніе, чтобы эта воля моя была свято исполнена при непосредственномъ содѣйствіи литературнаго фонда.

«Владиміръ Осиповичъ Михневичъ».

Въ послѣдующіе годы, когда тяжкая болѣзнь овладѣла уже цѣликомъ Владимиromъ Осиповичемъ, и смерть ежечасно грозила перенести его въ міръ иной, онъ неоднократно собирался передѣлать духовное завѣщаніе, съ тѣмъ чтобы направить свой материальный достатокъ въ иныхъ литературныхъ учрежденіяхъ, а именно: въ кассу взаимопомощи русскихъ писателей, на которую онъ такъ много поработалъ и съ которой онъ успѣлъ тѣсно сродниться, и въ «Союзъ русскихъ писателей», въ будущность котораго ему хотѣлось вѣрить. Въ этихъ видахъ все имущественное, въ видѣ недвижимой собственности и изданий, онъ собирался завѣщать кассѣ, а библіотеку «Союзу», учрежденію, еще не пережившему организаціонный періодъ и нуждающемуся въ хорошо-устроенной библіотекѣ и читальне. Но, какъ это часто случается съ «завѣщателями», частію по недосугу, частію по болѣзни, воли своей ему не удалось осуществить и завѣщаніе сохраняетъ свою юридическую силу въ томъ видѣ, какъ оно изложено выше.

Но что не удалось сдѣлать покойному Владиміру Осиповичу, рѣшила отчасти хотя бы восполнить вдова его, Елизавета Николаевна. Въ этихъ видахъ она направляетъ всѣ посмертныя поступленія отъ литературы, въ видѣ небольшихъ даже гонораровъ, и также будущихъ доходовъ съ изданий именно въ «Кассу взаимопомощи» для

усиленія ея пенсионнаго фонда. Сюда такимъ образомъ имѣютъ быть направлены гонорары и прибыль съ задуманныхъ литературныхъ предпріятій по изданію сочиненій Михневича. Изъ числа таковыхъ изданій на первую очередь поставлено изданіе историческихъ работъ его, напечатанныхъ въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и не вошедшихъ въ отдельныя изданія. Статьи эти въ настоящее время собраны и переданы уже въ типографію «Нового Времени», которая, съ одобренія А. С. Суворина, согласилась открыть по печатанію будущаго «сборника» льготный кредитъ. Къ печатанію приступятъ съ юня мѣсяца, и въ началѣ осени, можно надѣяться, посмертный даръ Михневича родному сословію появится на свѣтѣ Божій. Книга обниметъ собою до 20 печатныхъ листовъ и будетъ снабжена портретомъ ея автора и біографическимъ очеркомъ, ему посвященнымъ. Можно быть увѣреннымъ, что имя В. О. Михневича, содержаніе «Сборника» и та возвышенная цѣль, съ коей онъ издается, будутъ по достоинству оцѣнены литераторами и читателями, и доброе дѣло получить настоящую поддержку и содѣйствіе. Непосредственной надзоръ за этимъ изданіемъ принялъ на себя редакторъ «Исторического Вѣстника», а всю черную работу—чененіе корректуръ, сношеніе съ типографіей и пр., сохранила за собою вдова покойнаго. Ею же замышляются въ интересахъ пенсионнаго фонда кассы и нѣкоторыя иные предпріятія по изданію работъ Владимира Осиповича, но это уже вопросъ будущаго, и пока вниманіе сосредоточено на сборникѣ историческихъ статей.

Что касается до выполненія желанія нокайна относительно передачи бібліотеки Союзу писателей, то и въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, дѣло получаетъ благопріятный оборотъ. «Русское литературное общество», становясь юридическимъ собственникомъ богатой бібліотеки въ 1246 №№ стоимостью въ 4000 р. *minimum*, даже по оцѣнкѣ букинистовъ, не имѣть въ виду употребить исключительно на свое потребленіе этого книжнаго богатства, а входить по настоящему предмету въ дружеское соглашеніе съ своимъ младшимъ по возрасту братомъ—Союзомъ. Такимъ образомъ, члены Союза въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ получать возможность пользоваться отлично организованной исторической бібліотекой, особенно цѣнной для того, кто интересуется и занимается судьбами родной земли. Въ настоящее время трудами Елизаветы Николаевны бібліотека приведена въ образцовый порядокъ, ей сдѣланъ обстоятельный каталогъ, и семь шкаповъ, очень изящныхъ и немалоцѣнныхъ, снажены надлежащими надписями, кому нѣкогда бібліотека принадлежала. Прикреплены къ шкафамъ синія дощечки съ золотыми буквами гласятъ: «бібліотека В. О. Михневича». Помѣщены они будуть въ одной изъ комнатъ квартиръ, занимаемой совмѣстно русскимъ литературнымъ обществомъ и Союзомъ.

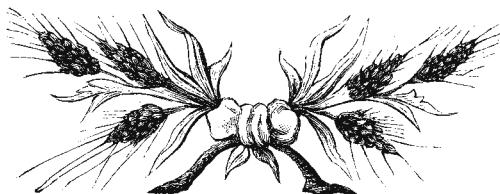
Остается сказать о цѣнности имущества, доставшагося литературному фонду по наслѣдству отъ Михневича. Уже въ настоящее время за него покупатели предлагаютъ до 100.000 р. ¹⁾, но нѣть сомнѣнія, что современемъ эта цѣнность въ связи съ ростомъ городского имущества еще повысится. Нѣкоторые поспѣшные люди уже выступили въ печати съ разсужденіями на тему, какъ приспособить это имущество на пользу литераторовъ и какъ всего лучше его утилизировать. Такія разсужденія по меньшей мѣрѣ преждевременны. Не слѣдуетъ забывать, что все недвижимое имущество В. О. Михневича, «въ чёмъ бы оно ни состояло», оставлено частію въ по жизненное пользованіе Елизаветы Николаевны, частію въ полную ея собственность. Такая постановка вопроса должна вызывать крайнюю осторожность разсужденій на тему утилизации наслѣдства: деликатность прежде всего требуетъ, чтобы вдова В. О. Михневича ни въ чёмъ не нуждалась и не чувствовала въ своей жизни никакой материальной перемѣны со смертью мужа. Ея интересы должны быть поставлены прежде всего, а остальное приложится само собою. И это тѣмъ болѣе справедливо и законно, что, если имущество создано трудами и расходами покойного, то не менѣе трудовъ и, пожалуй, расходовъ положила въ это созданіе и Елизавета Николаевна. Извѣстный участокъ земли на Карповкѣ, близъ Ботаническаго сада, былъ приобрѣтенъ въ свое время, такъ сказать, въ складчину, поровну между мужемъ и женою, вложившими сюда по 6000 рублей каждый. Въ дальнѣйшемъ, если мужъ вкладывалъ въ упорядоченіе имущества значительныя части своего гонорара, своего труда и опыта, то вмѣстѣ съ тѣмъ эти же тяготы косвенно въ равной мѣрѣ несла и «подруга его жизни», которой онъ былъ «обязанъ личнымъ счастіемъ». Вмѣстѣ дѣлились и радость и горе, вмѣстѣ дѣлалась экономія въ жизни, вмѣстѣ обдумывались и замышлялись всѣ шаги и дѣйствія. Поэтому можно считать, что каждое бревно, каждый гвоздь прилажены и вбиты совмѣстными трудомъ и обоюдными дружными усилиями—откуда и обоюдное нравственное право ихъ на наслѣдственное имущество. Цѣнность имущества возрастила такимъ образомъ въ тѣсной зависимости отъ дружной работы и доброго согласія между мужемъ и женою, но главную роль, и притомъ решающую, сыграло здѣсь время съ его неизбѣжными спутниками—счастливыми обстоятельствами. Такими обстоятельствами въ данномъ случаѣ явился неимовѣрный за послѣдніе годы ростъ недвижимой городской собственности и спросъ на городскія и загородныя квартиры. Вотъ это-то и подняло столь значительно цѣнность дачнаго имущества В. О. Михневича и позволило ему, не нарушая по жизненныхъ интересовъ своей «подруги жизни», оставить родному со-

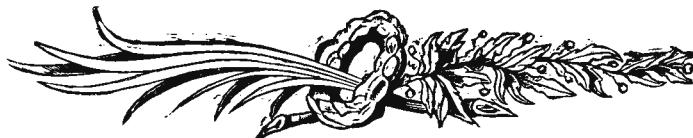
¹⁾ Отсюда слѣдуетъ исключить долгъ Кредитному Обществу свыше 30.000 р.

словію богатое наслѣдіе, которое въ рукахъ вдовы его несомнѣнно еще окрѣпнеть и выростетъ.

Врядъ ли приходится много распространяться о нравственномъ значеніи «послѣдней воли» Владимира Осиповича: оно неизмѣримо высоко и остается лишь порадоваться, что изъ нѣдръ писательского сословія все чаще и чаще появляются жертвы и дары «самопомощи». Покойные Гр. Елисѣевъ, Надсонъ, Плещеевъ и нынѣ Михневичъ даютъ намъ, живымъ поколѣніямъ писателей, прекрасный примѣръ и разумное указаніе, въ чемъ должна быть наша нравственная и даже материальная сила: мы должны быть сильны и крѣпки сами собою, изъ своего сословія, и изъ того труда, коимъ мы живемъ. Внѣшняя помощь вещь не надежная. Будемъ же трудиться и работать съ тѣмъ непремѣннымъ расчетомъ, чтобы этотъ трудъ не только поддерживалъ наше собственное существованіе, но и помогалъ бы намъ пещись о нашихъ младшихъ, немощныхъ и безсильныхъ, братьяхъ по труду и профессіи. Только при такой постановкѣ вопроса писательская среда будетъ сильна своей нравственной солидарностью и освободится отъ частыхъ спутниковъ ея существованія— голода, необеспеченности и материальныхъ лишений.

Г. Л. И.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

ДЛЯ РУССКОЙ исторической науки нынѣшній годъ оказался крайне тяжелымъ. Не прошло еще пяти мѣсяцевъ, какъ мы уже лишились трехъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи, трехъ академиковъ. Вслѣдъ за А. А. Куниковомъ замолкъ на вѣки авторитетный голосъ доброго наставника и руководителя весьма многихъ русскихъ ученыхъ, А. Ф. Бычкова. Въ четвергъ, 13 мая, телеграфъ принесъ изъ Флоренціи еще болѣе печальную вѣсть: скончался 12 мая Василій Григорьевичъ Васильевскій, истинный энциклопедистъ исторической науки и создатель цѣлой школы русскихъ византинистовъ.

Сынъ сельского священника Ярославской губерніи, Любимского уѣзда, покойный родился 21-го января 1838 года; первоначально воспитывался въ ярославской духовной семинаріи; въ 1856 г. поступилъ въ главный педагогический институтъ, а черезъ три года, по закрытии его, перешелъ на послѣдній курсъ историко-филологического факультета С.-Петербургскаго университета, гдѣ работалъ, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ профессоровъ Благовѣщенскаго, Срезневскаго и Стасюлевича. Въ 1862 г. В. Г. Васильевскій былъ посланъ университетомъ за границу и слушалъ лекціи Момзена и Дройзена въ Берлинѣ и Адольфа Шмидта въ Іенѣ. По возвращеніи оттуда онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ исторіи въ виленской гимназіи; въ 1870 г. былъ приглашенъ читать среднюю исторію въ С.-Петербургскій университетъ и оставался на этой каѳедрѣ до конца своихъ дней. Кромѣ того, онъ одновременно читалъ лекціи по средней исторіи и византійской въ Александровскомъ лицѣѣ, въ духовной академіи и на высшихъ женскихъ курсахъ.

Съ 1874 г. В. Г. Васильевскій состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; въ 1876 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ и въ 1890 г.—ординарнымъ академикомъ. Послѣдняя восемь лѣтъ онъ редактировалъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и съ 1894 г.—имъ же основанный вмѣстѣ съ В. Э. Регелемъ «Византійскій Временникъ».

Первую ученую работу В. Г. Васильевскій напечаталъ въ 1864 г., въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (ч. 121)—«О новыхъ сочиненіяхъ по исторіи Римской имперіи». Во II томѣ «Вѣстника Европы», за 1866 г., появилась довольно обширная и вводившая нѣсколько важныхъ поправокъ рецензія по поводу магистерской диссертациіи Ф. Ф. Соколова: «Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи». Во время пребыванія въ Вильнѣ онъ помѣстилъ въ «Виленскомъ Вѣстнике» слѣдующія статьи: «Ученый подлогъ либо забавная ошибка» (за 1869 г., № 56), гдѣ вполнѣ авторитетно доказывается, что приведенный польскимъ историкомъ Нарбутомъ въ его «Сборникѣ» посольскій дневникъ конца XIV в. и приписываемый графу Конраду Кубургу сочиненъ проф. Онацевичемъ; «Письма Гедимина и католическое посольство въ Вильнѣ 1324 г.» (за 1869 г., №№ 62, 63, 67, 73, 77, 78 и 87), «Жена Витовта» (за 1870 г., №№ 18, 19, 24, 40—43, 51, 52, 55, 57 и 59) и «Два письма папскаго нунція о Виленскихъ событияхъ 1609 г.» (за 1870 г., № 13).

На основаніи тогда же собранныхъ архивныхъ материаловъ В. Г. Васильевскій напечаталъ въ 1872 г. «Обращеніе Гедимина въ католичество» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. 159) и въ 1872—1874 г. обширный «Очеркъ исторіи города Вильны», составившій пятый и шестой выпускіи «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издававшихся по высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ».

Ко времени пребыванія въ Вильнѣ относятся и слѣдующіе его труды изъ области древне-греческой исторіи: «Взглядъ Грота на исторію афинской демократіи». Написанъ по поводу сочиненія Онкена (Athen und Hellas. Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen. Leipzig, 1865—1866 г.)—въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867 г., ч. 134; «Герои Греціи въ войнѣ и въ мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ Г. В. Штолля»; редакція перевода (Спб., 1868 г., 2-е изданіе вышло въ 1879 г.), и «Политическая реформа и соціальное движение въ древней Греціи въ періодъ ея упадка» (Спб., 1869 г.). Послѣднее сочиненіе было магистерскою диссертациею В. Г. Васильевскаго, создавшею ему славу выдающагося ученаго и знатока древне-греческой исторіи, и въ то же время послѣднею работою въ этой области.

Въ дальнѣйшей своей научной дѣятельности В. Г. Васильевскій

обратился къ изученію средневѣковой исторіи и преимущественно византійской, съ особою любовью останавливалась на тѣхъ ея моментахъ, которые приходили въ соотношеніе съ исторіей древней Руси. Благодаря его статьямъ: «О варяго-русахъ. Отвѣтъ Д. И. Иловайскому» (въ «Древней и Новой Россіи» 1875 г., т. III), «О мни-

Василій Григорьевичъ Васильевскій.

момъ славянствѣ гунновъ, болгаръ и роксоланъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1882 г., ч. 222), «Еще разъ о мнимомъ славянствѣ гунновъ. Отвѣтъ Д. И. Иловайскому» (*ibid.*, 1883 г., ч. 226), «По поводу сочиненія Ф. Бруна: «Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи Южной Россіи».

«Истор. вѣсти.», июнь, 1899 г., т. LXXVI.

16

Одесса, 1879 г. (въ «Отчетѣ о двадцать первомъ присужденіи на-градъ графа Уварова», XXXVI т. «Записокъ Императорской Академіи Наукъ») и «О построеніи крѣпости Саркела» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1889 г., ч. 266), — многіе вопросы русской исторической географіи и этнографіи получили надлежащее научное освѣщеніе.

Въ области политической и внутренней исторіи Россіи В. Г. Васильевскій оставилъ слѣдующіе труды: «Замѣтка къ статьѣ Н. Ламбина о годѣ смерти Святослава» (въ «Запискахъ Императорской Академіи Наукъ» т. XXVIII, 1876 г.), «Древняя торговля Кіева съ Ренесбургомъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1888 г., ч. 258), «Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Ioannomъ Грознымъ» (*ibid.*, 1889 г., ч. 261) и «Рейнгольда Гейденштейна записки о московской войнѣ 1578—1582 гг.», переводъ съ латинскаго, изданіе археографической комиссіи (Спб., 1889 г.). Сюда же могутъ быть отнесены напечатанныя въ русскомъ переводаѣ съ объясненіями В. Г. Васильевскаго «Записи о постановлѣніи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Феогностѣ въ Ватиканскомъ «греческомъ сборникѣ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1888 г., ч. 255).

Самый обширный отдѣль работы покойнаго, какъ мы уже замѣтили выше, составляютъ статьи по византійской исторіи, въ области которой онъ врядъ ли имѣлъ себѣ равнаго даже среди западно-европейскихъ византинистовъ. «Извѣстно», говоритьъ, близко знавшій В. Г. Васильевскаго, Н. Д. Чечулинъ въ своей статьѣ, посвященной памяти покойнаго («Новое Время», 1899 г., № 8339), «что нѣсколько западно-европейскихъ ученыхъ, ознакомившись съ трудами Васильевскаго по рефератамъ въ журналахъ, выучились русскому языку для того, чтобы читать его произведенія; въ послѣднихъ по времени трудахъ по византійской исторіи и нѣмецкіе, и французскіе, и англійскіе ученые единогласно признаютъ огромную важность его работъ».

Больше всего, кажется, имъ сдѣлано по описанію византійскихъ рукописей и обзору трудовъ по изученію византійской исторіи. Такъ ему принадлежать: «Описаніе Порфириевскаго сборника византійскихъ документовъ» (въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1883 г.», Спб., 1885 г.); «О жизни и трудахъ Симеона Метафраста» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1880 г., ч. 212); «Совѣты и разсказы византійского боярина XI вѣка. По неизданной греческой рукописи XV вѣка» (*ibid.*, 1881 г., ч. 215, 216); «Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Московской Синодальной Библіотеки» (*ibid.*, 1886 г., ч. 248); «Διήγησις Ἐπιφανίου περὶ τῆς Ἱεροσαλήμ καὶ τῶν ἐν αὐτῇ τόπων Σύγγραμμά εἰλμυνιλὸν τῆς Θ' ἐκατονταττηράδος εκδοδίν, φωσιστὶ μεταγραμμένον καὶ διηγμηνιθέν ὑπό Βασιλείοι Βασιλεῖη. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстѣ, первой половины IX вѣка, зданная, переведенная и объясненная

В. Г. Васильевскимъ» (въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ», т. IV, вып. 2-й, Спб., 1885 г.)¹⁾.

«Νικολάπι ἐπίσκοπο Μεθώνης καὶ Θεοδόφου τοῦ Πρεσβότου ζηγγαρηὲων τῆς ΙΒ ἐκάφστατηφίδος Βίοι Μετεπίου τοῦ Νέου». «Николая епископа Меѳонского и Феодора Продрома, писателей XII столѣтія. Житіе Мелетія новаго». Предисловіе и переводъ (въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ», т. VI, вып. 2-й, Спб., 1885 г.); «Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1876 г., ч. 188); «Житіе Стефана новаго» (*ibid.*, 1877 г., ч. 191); «Житіе Иоанна Готскаго» (I в., 1878 г., ч. 195); «Житіе Георгія Амастридскаго. По неизданному греческому подлиннику» (I в., 1878 г., ч. 195 и 196); «Житіе св. Стефана Суровскаго» (I в., 1889 г., ч. 263²⁾); «Василія Орхидскаго, архиепископа Солунскаго. Неизданное надгробное слово на смерть Ирины, первой супруги императора Мануила Комнина» (въ «Византійскомъ Временникѣ», 1894 г., т. I); «Хроника Лагофеста по-славянски и гречески» (*ibid.*, 1895 г., т. II); «Хрисовуль императора Алексія Комнина Великой Лаврѣ св. Афанасія на Аеонѣ» (*ibid.*, 1896 г., т. III); «Epirotica Sacculi XIII» (*ibid.*—помѣщены заимствованные по преимуществу изъ переписки Иоанна Навпактскаго документы 1213—1228 гг., которые по содержанию касаются во 1) борьбы съ франками латинской имперіи и 2) соперничества и антагонизма Глира съ Никеей и довольно ярко выставляютъ на видъ руководящую, роль высшей греческой іерархіи); «Два надгробныхъ стихотворенія Симеона Логофета и одно Феодора Продрома» (*ibid.*, 1896 г., т. III); «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи Ч. I. Издание источниковъ» (Спб., 1890 г.) и др.

Послѣ этихъ описаній и изданий особенную цѣнность по новизнѣ фактовъ и освѣщенію представляютъ слѣдующія изслѣдованія В. Г. Васильевскаго: «Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ. 1. Союзъ двухъ имперій. 1148—1155 г. 2. Южно-итальянская война. 1156—1157 г.» (въ «Славянскомъ Сборникѣ», т. II и III); «Законодательство иконо-борцовъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1878 г., ч. 199 и 200); «О синодальномъ спискѣ эклоги императоровъ Льва и Константина и о двухъ спискахъ землемѣрческаго закона» (*ib.*, 1879 г., ч. 201); «Матеріалы для исторіи внутренней византійскаго государства. 1. Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія. 2. Властили, монастыри и сборщики податей въ XI и въ

¹⁾ Въ «Приложенияхъ» къ этой «Повѣсти» помѣщены: «Conspectus locorum, quibus is codex græcus, quo usus est auctor slavo-rossicae a Narrationis Epiphani, lectiones diversas habuisse vldetur a codice Vaticanu Dresselii», «Армянское описание святыхъ мѣсть VII вѣка», «Изъ неизданного житія Константина и Елены; списокъ церквей, построеніе которыхъ приписывается Еленѣ», и «Нѣсколько текстовъ для исторіи Иерусалима подъ властію арабскою».

²⁾ Пояснѣніе дни «житія» по новымъ текстамъ напечатаны въ одной книжѣ, въ 1893 г., Издание Археологической комиссии.

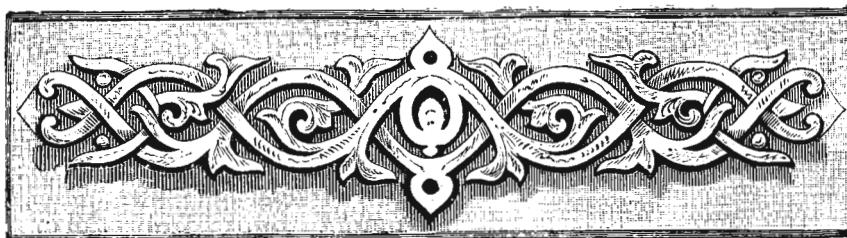
XII вѣкахъ» (ib., 1879 г., ч. 202); «Византія и печенѣги» (ib., 1878 г., ч. 164); «Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ въ XI и XII вѣкахъ» (ib., 1874 г., ч. 176 и 1875 г., ч. 177 и 178); «Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Иоаннѣ Асѣнѣ, II въ 1235 году» (ib., 1885 г., ч. 238); «О севастократориссѣ Иринѣ» (ib., 1893 г., № 1); «Авары, а не русскіе, Феодоръ, а не Георгій». Замѣчанія на статью X. Лопарева «Церковное слово о русскомъ походѣ на Византію въ 860 г.» (въ «Византійскомъ Временникѣ», 1896 г., т. III); «Въ защиту подлинности житія Игнатія и принадлежности его современному автору Никитѣ Пафлагону» (ib., 1899 г., т. VI); «Синодальныи кодексъ Метафраста» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1897 г., № 6), и др.

Кромѣ того, В. Г. Васильевскій напечаталъ рядъ рецензій на ученые сочиненія, являющихся всегда почти необходимымъ дополненіемъ къ послѣднимъ, и отзывовъ на учебники (по обязанности члена ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія), а также нѣсколько некрологовъ, изъ которыхъ послѣдними по времени являются некрологи графа Ив. Д. Делянова (безъ подписи, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1898 г., № 1) и А. А. Куника (печатается тамъ же).

Какъ ученый, покойный обладалъ обширною начитанностью и въ источникахъ и въ ученой литературѣ; ему были до мельчайшихъ подробностей знакомы исторія всеобщая и русская, движенія философской мысли и даже науки юридическая и политico-экономическая, что, несомнѣнно, всегда давало ему возможность стоять на высотѣ современаго научнаго движенія. Тонкость и оригинальность его критическихъ пріемовъ были поразительны. «Въ своихъ изслѣдованіяхъ», говоритъ Н. Д. Чечулинъ въ упомянутой выше замѣткѣ, «онъ всегда умѣлъ затронуть предметъ чрезвычайно широко и глубоко, умѣлъ охватить его со всѣхъ сторонъ, не упуская ничего, что могло служить для полнаго выясненія изучаемаго явленія... Часто онъ находилъ существенно важныя указанія тамъ, где ихъ, повидимому, никакъ нельзя было и ожидать, часто изъ источниковъ, повидимому, исчерпанныхъ, извлекалъ свѣдѣнія очень цѣнныя, но до него остававшіяся незамѣченными. Сильный и строго выработанный литературный языкъ его отличался какою-то особою «прелестью изложенія».

Всѣ, знаящіе В. Г. Васильевскаго, пожалѣютъ о немъ, и какъ о добромъ и отзывчивомъ на все хорошее человѣкѣ. Скромный въ оцѣнкѣ себя и собственныхъ заслугъ и весьма снисходительный къ недостаткамъ и слабостямъ другихъ, онъ часто являлся и энергичнымъ защитникомъ потерпѣвшихъ отъ несправедливости или излишней строгости и примирителемъ враждующихъ. Миръ праху твоему, рѣдкій ученый и рѣдкій человѣкъ!   В. Е. Рудаковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. Сергеевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Издание второе. Спб. 1899.

ЕКУЩІЙ годъ является благопріятнымъ для исторіи русскаго права: сверхъ недавно вышедшихъ трудовъ проф. Латкина и Загоскина, мы имѣемъ изъ этой же области знаній еще «Лекціи и изслѣдованія» проф. В. И. Сергеевича. Сразу три крупныхъ работы — въ такой непродолжительный періодъ.

Въ основу труда г. Сергеевича легли «Лекціи и изслѣдованія», вышедшія въ 1894 году, съ нѣкоторыми, вирочемъ, прибавленіями, сравнительно съ изданіемъ 1894 года (см. стр. 36, 37—75, 196—210, 296—297, 301—302, 408—410 и друг.). Наиболѣе крупныя отличія второго изданія заключаются въ изложеніи о Русской Правдѣ (стр. 37—75) и о княжеской и царской думѣ (стр. 196 — 210). Должно однако замѣтить, что указанныя вставки уже извѣстны специалистамъ ранѣе выхода въ свѣтъ разбираемаго труда: изслѣдованіе о Русской Правдѣ, подъ заглавіемъ — «Русская Правда и ея списки», — было напечатано въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за вынѣшій годъ, въ январской книжкѣ; изложеніе же въ «Лекціяхъ» вопроса о думѣ представляетъ собою сокращеніе изложенія того же вопроса, сдѣланного авторомъ во второмъ выпускѣ II тома его капитального сочиненія — «Русскія юридическія древности» (Спб., 1896 г.).

Въ виду всего сказаннаго, мы не будемъ касаться труда проф. Сергеевича во всемъ его объемѣ, тѣмъ болѣе, что начало его нужно относить къ еще болѣе раннимъ изданіямъ «Лекцій и изслѣдованій», нежели изданіе 1894 года.

Позволимъ себѣ лишь сказать нѣсколько словъ по поводу мнѣнія проф. Сергѣевича о думѣ. Какъ ни странно, по появлѣніе въ 1896 году сочиненія В. И. Сергѣевича, посвященнаго «совѣтникамъ князя», уясненію роли друзійниковъ—впослѣдствій бояръ и другихъ придворныхъ чиновъ,—а также духовенства, въ качествѣ «думцевъ» князя, затѣмъ—царя, прошло, насколько намъ извѣстно, незамѣченныемъ нашей историко-юридической литературой, не вызывавъ отповѣди со стороны тѣхъ ученыхъ, воззрѣнія которыхъ были подвергнуты критикѣ профессоромъ Сергѣевичемъ. Между тѣмъ въ названномъ выше сочиненіи имъ высказано мнѣніе, по его собственнымъ словамъ, господствующее: «Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Памятники постоянно говорять о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя къ людьми, которымъ онъ довѣряетъ? Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе».—Вотъ основное положеніе автора. Итакъ, дума княжеская—«учрежденіе» не постоянное, а лишь «актъ думанія», «дѣйствіе совѣтыванія» князя съ приближенными. Проф. Сергѣевичъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ томъ, что свидѣтельства источниковъ о думѣ понимаются ими въ привычномъ для насъ смыслѣ, отсюда—заблужденіе относительно истиннаго характера княжеской думы. Однако, утверждая, что дума не была постояннымъ «учрежденіемъ», авторъ, какъ кажется, самъ впадаетъ въ ту же ошибку, трактуя терминъ «учрежденіе» именно въ привычномъ для насъ смыслѣ. Не только явленія удѣльновѣчевой Руси, но даже московской, имѣли мѣсто въ жизни, далеко не будучи тѣмъ, что соответствуетъ нашему понятію обѣ «учрежденіи»; тщетно, напрасно стали бы мы искать для этихъ явленій юридического опредѣленія ихъ, точнаго и всесторонняго нормированія путемъ законодательнымъ. Всѣ отношенія того времени обусловливаются обычаемъ, законъ же, какъ мѣрило, появляется въ эпоху, значительно позднѣйшую. Взамѣнъ термина «учрежденіе постоянное» проф. Сергѣевичъ предлагается другой—«актъ думанія», «дѣйствіе совѣтыванія» князя съ приближенными. Но для того, чтобы новый терминъ могъ быть принятъ, необходимо прежде доказать, что такой «актъ думанія» носилъ вполнѣ случайный характеръ, являлся продуктомъ доброй, ничѣмъ нестѣсненной воли князя, его прихотью, что князь при достижениѣ своихъ цѣлей могъ прекрасно обходиться безъ подобного «акта думанія»; если же этотъ «актъ» совершается каждымъ княземъ удѣльной Руси, при каждомъ дѣйствіи, вызываемомъ потребностями управлѣнія волостью, ради котораго князь существовалъ,—тогда «актъ думанія» его ipso совпадаетъ съ «учрежденіемъ постояннымъ»,—насколько, повторимъ, терминъ «учрежденіе» примѣнимъ къ удѣльно-вѣчевой эпохѣ,—и всякое различие между ними, устанавливаемое проф. Сергѣевичемъ, исчезаетъ.

«Князь не былъ обязанъ съ кѣмъ либо совѣщаться, онъ совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находить это нужнымъ и желательнымъ; во всѣхъ

остальныхъ онъ дѣйствуетъ одинъ», — продолжаетъ авторъ и приводить примѣры дѣйствій князей безъ всякаго совѣта съ кѣмъ либо. Конечно, никто не могъ «обязывать» князя имѣть совѣтниковъ, и по той простой причинѣ, что не было смысла требовать того, что имѣло мѣсто въ силу естественныхъ условій жизни, въ силу необходимости; князья должны были имѣть совѣтниковъ, потому что дѣлать все и вездѣ одному князю представлялось немыслимымъ по причинѣ ограниченности силъ нашей натуры; возможность управлениія удѣломъ могла быть осуществлена только при наличности «думцевъ». Помощники же князя по управлению участвовали въ совѣтахъ съ нимъ, такъ какъ это были не позднѣйшіе «холопы» московскихъ государей, а «вольные слуги», расположавшіе всегда правомъ «отъѣзда», если видѣли, что съ ними обращаются только, какъ съ исполнителями чужой воли, и не желаютъ прежде выслушивать ихъ мнѣній и сужденій. Сказанное подтверждается и нѣкоторыми данными памятниковъ современной эпохи: такъ, напр., извѣстное «моленіе» Даниила Заточника, лѣтоиси—говорять и осуждаютъ «думцевъ» «лихихъ», «младыхъ», «уныхъ» (т. е. юныхъ), которые заставляютъ князя «впадать во многія злыхъ вещи»; следовательно, осуждаютъ только выборъ князьемъ людей неопытныхъ или злонамѣренныхъ, но ничего не говорятъ о томъ, что князь вовсе не имѣть совѣтниковъ; послѣднее же не могло бы ускользнуть отъ вниманія и не вызвать порицанія, какъ оно вызвано въ первомъ случаѣ.

Въ качествѣ примѣровъ самостоятельной дѣятельности князей, безъ участія думы, проф. Сергѣевичъ указываетъ на 42-ю статью Русской Правды (сп. Акад.), которую опредѣлялся «поклонъ вирный», т. е. размѣръ доходовъ вирниковъ, и на статью 16-ю, коей назначалась смертная казнь рабу за ударъ свободного мужа (сп. Троицк., ст. 58). Намъ кажется, что примѣры эти вовсе неубѣдительны, потому что они не содержатъ никакихъ данныхъ относительно самостоятельной дѣятельности князей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можно вывести, что подобныя данные заключаются въ ст. 42-й? Что она заканчивается фразой—«то ти урокъ Ярославъ?» Но, вѣдь, это говорить только о томъ, что статья, приписанная къ памятнику послѣ перечня статей такъ называемой Правды сыновей Ярослава, есть результатъ законодательной дѣятельности Ярослава, отца ихъ, а не сыновей. Помѣщая эту приписку, составитель свода не могъ имѣть въ виду никакой другой цѣли, кромѣ указанной. Ни о чёмъ другомъ она не говоритъ, не давая такимъ образомъ свѣдѣній касательно того, составилъ ли «урокъ» одинъ Ярославъ, самолично, или же — на совѣщаніи со своими дружинымиками. Затѣмъ, если ст. 42-ю авторъ считаетъ плодомъ единоличного творчества Ярослава, то почему же не считать имъ и первыя семнадцать статей т. н. академического списка, приписываемыя Ярославу?—Конечно, никто и никогда не рѣшился утверждать, чтобы Ярославъ самъ, одинъ, составилъ первый русский сборникъ законовъ. Переходя къ ст. 16-й, мы должны также сказать, что не видимъ въ ней доказательства, говорящаго въ пользу мнѣнія проф. Сергѣевича. Его нельзя усматривать въ словахъ—«великій князь то Ярославъ Володимировичъ быль уставилъ убити» (сп. Троицк., ст. 58; Карамз., 76), потому что ихъ необходимо поставить въ связь съ послѣдующими словами—«но то сынове его по немъ уставиша на куны»; говорить же обѣ единолич-

личної дѣятельности сыновей Ярослава мы уже не имѣемъ права, вслѣдствіе ясныхъ и опредѣленныхъ указаний той же Русской Правды, свидѣтельствующей объ участіи дружинниковъ въ дѣлѣ отмѣны смертной казни за убийство (ст. 2 Трояцк. сп.). Слѣдовательно, и эта статья не даетъ изслѣдователю никакого материала для сужденія объ единоличной дѣятельности князей, скорѣе даже противорѣча такому сужденію.

«Были въ древности и такие князья,—замѣчаетъ наконецъ, проф. Сергѣевичъ,—которые вообще не любили никакихъ совѣщаній», указывая на галицкаго князя Владимира, который «бѣ любезнивъ питию многому и думы не любашеть съ мужми своими». Но,—отвѣтимъ на это,—такие князья терпѣли не-пріятности за отсутствіе у нихъ любви къ совѣщаніямъ; такъ, тотъ же Владимиръ Галицкій, за свое нерадѣніе къ дѣламъ управлѣнія, явившееся слѣдствіемъ его пристрастія къ «питию многому», принужденъ былъ, какъ извѣстно, покинуть Галичъ и удалиться въ предѣлы Венгрии, т. е. лишиться стола. Приведенный случай какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, къ чему вело стремленіе князя дѣйствовать единоличными силами, обходясь безъ помощи со-вѣтниковъ.

Съ усиленіемъ Московскаго княжества, положеніе сторонъ мѣняется: «вольные слуги» становятся «холопами» государя и, въ качествѣ таковыхъ, лишены возможности быть непремѣнными участниками въ княжескихъ совѣщаніяхъ; съ другой стороны, князья московскіе могутъ теперь смѣло вѣршить дѣла «самъ третей у постели», не опасаясь лишиться слугъ и сотрудниковъ, которымъ некуда уже стало «отѣхать» безъ того, чтобы не заклеймить себя по-зорнымъ именемъ измѣнника.

В. Б—въ.

Синайскій, А., свящ. Отношеніе древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (Х—XV в.). Спб. 1899.

Вопроſъ, разсмотриваемый о. Синайскимъ въ его книгѣ, давно интересуетъ изучающихъ жизнь и міровоззрѣнія русскаго народа. Историки наши, едва ли не начиная съ Татищева, въ своихъ сочиненіяхъ отводили ему надлежащее мѣсто и соотвѣтствующее значеніе. Особенно это нужно сказать объ исторіяхъ второй половины нынѣшняго столѣтія, когда отношеніе древне-русской церкви и русскаго народа къ латинамъ стало съ ясностью сознаваться, какъ одинъ изъ весьма сильныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ міровоззрѣніе нашихъ предковъ — политическое и религіозное, и самую жизнъ ихъ въ ея бытовой и церковной сторонахъ. Много содѣствовало развитію интереса и ученаго вниманія къ этому вопросу изданіе по частямъ и въ цѣломъ нашими учеными, напримѣръ, А. Поповымъ, А. Павловымъ и др., древне-русскихъ политическихъ сочиненій и другихъ памятниковъ сношений русскихъ съ Западомъ. Непосредственно за этими изданіями стали появляться и отдѣльныя журнальныя монографіи, и научныя изслѣдованія въ области изысканій по вопросу объ отношеніяхъ къ латинамъ нашихъ предковъ. Появились различные взгляды, мнѣнія и объясненія. Потребовалось даже сведеніе всего этого многоразличія къ возможному единству для болѣе яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросы,—каковы же

были эти отношения, где коренились их причины и в чемъ выражались ихъ слѣдствія. Отвѣту на эти вопросы посвящена книга о Синайскаго. Но если, такимъ образомъ, она отвѣчаетъ на старые же, давнинные вопросы, то въ чёмъ ся новизна и значеніе ея появленія въ свѣтѣ.

Потребность въ таковомъ изслѣдованіи, какое представилъ нашъ авторъ, обусловливается будто бы «современнымъ обсужденіемъ вопроса о сближеніи и единеніи христіанскихъ обществъ различныхъ вѣроисповѣданій» (Предисловіе). Вопросъ этотъ, дѣйствительно, въ настоящее время весьма сильно возбужденъ. Но какую помошь тому или другому разрѣшенію его можетъ принести трудъ автора? Положительно—никакую. «Опыта исторіи», которымъ авторъ рекомендуетъ «руководиться» при «обсужденіи вопроса о возстановленіи утраченного единенія между христіанами», никто все-таки не найдетъ во всемъ его трудѣ; не найдетъ не потому, чтобы авторъ недостаточно точно или удовлетворительно раскрылъ взятый имъ предметъ, а просто потому, что его и не было, и не даетъ его вся исторія отношений русскихъ къ латинамъ въ X—XV в. Какой же опытъ исторіи можно разыскывать въ отрывочныхъ, случайныхъ по мотивамъ и цѣлямъ, вытекавшихъ изъ совершенно не религіозныхъ и не церковныхъ побужденій, а изъ своеокрыстныхъ расчетовъ,—сношеніяхъ русскихъ съ латинами? Въ собственномъ смыслѣ кромѣ двухъ случаевъ—при Изяславѣ Ярославичѣ въ 1075 г. и Даниилѣ Галицкомъ въ XIII в.—и сношеній-то не было, а были лишь напоры папскихъ притязаній на вѣру и церкви русскихъ. Итакъ эта, такъ сказать, практическая мотивировка появленія труда автора, по нашему,—красное лишь словечко...

Но, быть можетъ, авторъ желалъ въ своемъ труде объяснить что либо еще не достаточно по данному вопросу разъясненное, раскрыть еще неизвѣстное? Вотъ его слова: «наша поытка состоить въ приведеніи разнообразнаго материала—къ единству мысли» и въ установлениі того положенія, что «сношенія и отношения древне-русской церкви къ латинству основывались на существовавшихъ въ древней Руси взглядахъ и понятіяхъ (курсивъ автора) о латинствѣ и, слѣдовательно, были фактъмъ не случайнымъ, а зависѣвшимъ отъ причинъ сложныхъ и постоянныхъ» (стр. 2). Первая задача автора—чисто формального характера, а вторая—материальнаго: касается содержанія.

«Къ единству мысли» сводить авторъ бывшій у него въ распоряженіи материалъ т. е. другими словами—планъ избранъ авторомъ довольно удачно. Все сочиненіе распадается у него на пять главъ. Въ первой онъ выясняетъ главнѣйшіе факторы, дѣйствовавшіе на образованіе взглядовъ и отношений древне-русской церкви къ латинству. О нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Во второй главѣ онъ исчисляетъ самые факты внѣшнихъ церковно-политическихъ сношеній древне русской церкви съ римскою; здѣсь онъ находитъ, что сношенія эти за исключеніемъ трехъ (при кн. Изяславѣ въ XI в., Даниилѣ Галицкомъ въ XII в. и при м. Исидорѣ въ XV в.) происходили по своему началу отъ Рима; русскіе лишь на нихъ отвѣчали,—при томъ неохотно и съ натянутостію. По мотивамъ и участію лицъ они были церковно-политическія (стр. 33). Состояли сношенія эти главнымъ образомъ въ папскихъ посланіяхъ, въ коихъ папы, адресуясь къ Русской Церкви, какъ будто имъ подчиненной, брали всегда по от-

ношенню къ ней покровительственный тонъ (34). Третья глава у автора съ болѣе интересными, хотя общеизвѣстными свѣдѣніями трактуетъ о древне-русскихъ литературныхъ взглядахъ на латинство. Въ ней авторъ прежде всего устанавливаетъ то положеніе, что въ литературныхъ своихъ взглядахъ русскій народъ былъ въ полной зависимости отъ греческой полемической противъ латинянъ литературы (стр. 44). Самостоятельнымъ онъ былъ развѣ только въ томъ, что, будучи по умственному своему состоянію совершено неразвитымъ, буквалистомъ и обрядовѣрцемъ, онъ и изъ греческой литературы преимуще-ственno заимствовалъ обличенія латинянъ въ ихъ обрядовыхъ разностяхъ и ново-введеніяхъ. Этимъ опредѣлялось и содержаніе русской полемической литературы. У нашего автора приведено цѣлыхъ 18 такихъ изобличаемыхъ русскими от-ступленій латинянъ, изъ коихъ одно только—ученіе о filioque-догматического, а остальные всѣ обрядового характера. А сами русскіе, какъ видно изъ спора панагюта (грека) съ азимитомъ (латиняномъ), насчитывали этихъ еретическихъ латинскихъ отступленій до 72-хъ (стр. 85). Сюда входили, разумѣется, и не существующія у латинянъ отступленія, въ родѣ, напримѣръ, непочитанія будто бы ими Дѣвы Маріи за Богоматерь, иконъ, мощей, название земли ма-терью. Неудивительно послѣ этого, что самое название «латинянинъ» въ пони-маниі русскихъ было равносильно представлению о церковной схизмѣ, нрав-ственной испорченности и грубости. Поэтому употреблялось оно въ смыслѣ иро-ническомъ, презрительномъ (стр. 48, 50). Такъ смотря на латинство, греческіе, а за ними и русскіе полемисты не могли равнодушно писать о немъ: пи-санія ихъ всегда растворялись какимъ либо чувствомъ къ латинамъ. Чувство это у древнихъ русскихъ проявлялось то какъ жалость къ латинскому, то какъ отвращеніе къ нему, то сопровождалось ироніей, то и прямою бранью его (стр. 54).

При такомъ взглѣдѣ на латинъ, разумѣется, и отношенія къ нимъ какъ церкви, такъ и государства (гл. IV) должны были быть самыя недружелюбныя, даже враждебныя. Такъ и было. Всѣ напи древніе пастыри и уважаемые мо-нахи повторяли лишь одно, что «латиняне всѣхъ языковъ тогдашихъ поган-нѣйшие и злѣйшие», а поэтому «вѣрѣ латинской, какъ проклятой и окаянной, не прилучатися, ни обычая ихъ держати, и общенія ихъ бѣгати..., своихъ дщерей не даяти за ня, ни понимати за себя у нихъ, ни поклонитися, ни цѣ-ловати»... и такъ далѣе въ этомъ же родѣ (стр. 90—91); такой характеръ отношеній къ латинамъ не слаживался, если только не усиливался еще и въ послѣдующемъ за XI вѣка XII—XV (стр. 92—93). Въ силу такого взглѣда пріемъ латинянъ въ родство съ кѣмъ либо изъ русскихъ или на государеву—великаго князя службу необходимо долженъ былъ сопровождаться переходомъ его въ православіе (стр. 95—115 и далѣе); при чемъ самый переходъ совершался че-резъ миропомазаніе, какъ утверждаетъ авторъ, а временами и по мѣстамъ, надо полагать, и черезъ крещеніе (ср. доводы нашего автора съ другими на стр. 95—98). Въ свою очередь и древне-русскіе старались какъ можно рѣже имѣть сношенія съ латинами (глава V). Сношенія эти были вынужденныя: торговля и брачныя у князей. Ради торговли попускалось даже иностранцамъ имѣть свои «божницы»—церкви въ городахъ Россіи, по крайней мѣрѣ, пограничныхъ

(стр. 124, 118). Брачныхъ союзеній княжескихъ семей съ иноземными авторъ насчитываетъ 29. Изъ нихъ только 8 падаетъ на браки русскихъ князей съ иноземками, а остальное 21 — на браки русскихъ княженъ съ иностранцами. Такое неравномѣрное распределеніе браковъ съ иновѣрными съ очевидностью свидѣтельствуетъ, какъ они были не въ духѣ русского народа и что къ нимъ прибѣгали только въ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, русскую княжну не за кого было выдать у себя на родиѣ (стр. 128—180).

Какъ бы въ заключеніе своего очерка авторъ обращается снова къ первому вопросу его труда — о причинахъ такого недружелюбнаго, прямо-таки враждебнаго отношенія русскихъ къ латинамъ. Въ первой главѣ онъ выставляетъ три такихъ фактора — причины: первый — вліяніе грековъ, второй — национальные свойства русского народа и третій — отношеніе самихъ лatinянъ къ russkimъ. Первый факторъ — причина весьма естественная и всѣмъ понятная. Жаль только, что авторъ раскрылъ ее спутанно и сбивчиво, безъ соблюденія хронологической точности, объясняя событиями позднѣйшими (напримѣръ, безобразіями въ Константиноопольскомъ крестоносцевъ) явленія раннѣйшія; самое появленіе и первичное развитіе непріязни у русскихъ къ латинамъ. Не указано у него ни того, въ чёмъ выразилось самое первоначальное вліяніе русскихъ на грековъ, ни того, почему оно было успѣшно. Вторая причина, вѣроятно, и въ представлениіи самого автора предносится весьма смутно. Высказавъ сначала нѣсколько самыхъ общихъ фразъ о томъ, что русская церковь уживается со всяkimъ мірскимъ порядкомъ (откуда слѣдовалъ выводъ, что она могла ужиться и съ порядкомъ устройства западныхъ государствъ, то-есть обратный тому, какой нуженъ автору), что наше духовенство, хотя вначалѣ и иноземное (а слѣдовательно, нашего-то и не было), не составляло касты; что христіанская вѣра, принятая Русью добровольно (?), стала вѣрою национальною (потому, что была принята націею, народомъ?), авторъ вдругъ изрекаетъ такую вошющу несправедливость, что Русская Церковь «сознавала, что она учрежденіе (курсивъ нашъ), явившееся по желанію князя и народа»...; что она срослась съ государствомъ, какъ его учрежденіе (стр. 11—12). Въ такомъ представлениі древней нашей церкви, какъ государственного учрежденія, помимо его исторической несправедливости (даже и Регламентъ Петра не рѣшался такъ ее трактовать), не дается совершенно никакого объясненія того, почему же у русскихъ составилось непріязненное отношеніе къ латинамъ: слѣдствіемъ причина не выясняется. Говорить о чёмъ и о несрѣдности латинства кореннымъ свойствамъ русского народа. Забывая или не зная, что эти послѣднія суть въ большей своей части не что либо данное, и лишь результатъ жизни народа. Одно лишь у автора безспорно, это указаніе на то, что russkie не знали лatinянъ (стр. 15). Не знали же потому, что не хотѣли и не могли знать, то-есть и здѣсь, образуя кругъ, авторъ ничего не выясняетъ. Третьей причинѣ — отношенію самихъ лatinянъ къ древней Руси — авторъ придаетъ существенное и важнѣйшее значеніе въ ряду причинъ, развившихъ у русскихъ непріязнь къ латинамъ. «Эгоистический прозелитизмъ», пристекавший изъ самой основной доктрины — римского папизма, и «безцеремонность въ способѣ достиженія цѣли» (подчиненія русскихъ папской власти) «были источникомъ

и причиной недовѣрчивости и ненависти къ латинскимъ миссіонерамъ», говорить авторъ (стр. 21). А въ концѣ своего очерка онъ прямо заявляетъ, что «дѣйствія латинства—одинъ изъ важайшихъ факторовъ, изъ которыхъ образовались отношенія нашей церкви къ нему (стр. 158)». Справедливо или неѣть это сужденіе автора, спорить не будемъ; укажемъ лишь, что оно не раздѣляется многими изслѣдователями старинной жизни русскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Пышинъ (Вѣстн. Евр., 1875 г., окт., 657 стр.), послѣдней причинѣ не придаютъ никакого значенія, останавливаясь лишь на первыхъ двухъ. Въ концѣ своего очерка авторъ указываетъ уже извѣстныя давно слѣдствія непріязненнаго отношенія русскихъ къ латинамъ: отчужденность отъ западной науки, своеобразность русской жизни и развитіе самомнѣнія у русскихъ.

Изъ представленнаго нами краткаго анализа книжки о. Синайскаго нельзѧ не видѣть, что новаго въ мысляхъ, взглядахъ и выводахъ она по взятому авторомъ вопросу даетъ немногого. Болѣе или менѣе новымъ является, въ чемъ со-знается и самъ авторъ (стр. 33), первая глава; но и въ ней представленное раскрытие факторовъ появленія и развитія у русскихъ непріязни къ латинамъ страдаетъ многими недостатками. Общій же и существенный недостатокъ книги о. Синайскаго — это дурное изложеніе мыслей автора: неопредѣленность и туманность выражений, перебѣганія отъ одного къ другому, растигнутость и запутанность въ мысляхъ встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ. Замѣтно, что авторъ недостаточно поработалъ надъ книгой и издалъ ее скрѣе въ черновыхъ записяхъ. Достоинство же ея — это «приведеніе къ единству мысли» всего матеріала по данному вопросу, что дѣлаетъ книгу не безполезною и не безынтересною для изучающихъ древнюю русскую жизнь и міровоззрѣнія нашихъ предковъ.

М. Калужскій.

Сочиненія Константина Багрянороднаго: „О єемахъ“ (De thematis) и „О народахъ“ (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. Москва. 1899.

Византійскій императоръ Константинъ VII Багрянородный принадлежалъ къ числу лучшихъ правителей средневѣковой Византіи и оставилъ послѣ себя крупный слѣдъ въ исторіи этого государства. Онъ родился въ 905 году и былъ сынъ императора Льва VI Мудраго (886—911 гг.) и внукъ знаменитаго основателя византійско-македонской династіи Василія I (867—886 г.). Въ 912 году онъ былъ коронованъ на царство, но сдѣлался фактическимъ императоромъ только въ 945 году, находясь до этого времени подъ опекой своего дяди Александра (886—912 г.) и тестя Романа I Лакапина (920—944 г.), и царствовалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 959 году. Единовластное царствование Константина Багрянороднаго отличалось сравнительнымъ благополучіемъ и тишиной. Ко времени его единоправленія, т.-е. къ началу 945 года, были закончены самыя трудныя войны византійцевъ—съ болгарами, печенѣгами, саарацинами и другими народами, и внутри государства наступило затишье, которое не прерывалось до самой смерти Константина. Спокойное царствование дало возможность Константину Багрянородному посвятить себя занятіямъ нау-

кою и искусствомъ, къ которымъ онъ имѣлъ большую любовь и способность. Еще до вступленія своего на царство, находясь подъ опекою Романа I, Константинъ весьма усердно занимался наукой, а когда падъ домъ Романа, и онъ сталъ настоящимъ царемъ, то началъ усердно поощрять ученыя занятія и побуждалъ современныхъ ученыхъ къ составлению различныхъ сборниковъ и компиляцій, имѣющихъ практическое значеніе и пригодныхъ для тѣхъ или иныхъ государственныхъ должностей. Кромѣ того, онъ блестящимъ образомъ возстановилъ Константинопольскій университетъ, основанный кесаремъ Варзою въ серединѣ IX вѣка, но пришедший въ сильный упадокъ отъ небреженія Романа I. Онъ прігласилъ дѣльныхъ преподавателей, назначилъ имъ щедрое вознагражденіе и отличилъ разными почестями; по отношенію къ студентамъ онъ также выказывалъ большое попеченіе и щедрость, приближалъ ихъ къ себѣ, приглашаль за свой столъ, доставлялъ имъ средства къ жизни и по окончаніи образованія заботился о помѣщениіи ихъ на государственную службу. Наконецъ, Константинъ Багрянородный и самъ занимался литературною дѣятельностью и написалъ нѣсколько литературныхъ произведеній, за которыхъ ставится во главѣ византійской исторіографіи X-го вѣка. Изъ его сочиненій самымъ лучшимъ по литературной обработкѣ признается «Жизнь Василия Македонянина», где рассматривается исторія этого императора, котораго авторъ изображаетъ идеальнымъ монархомъ. Затѣмъ, Константину Багрянородному принадлежитъ сочиненіе «О церемоніяхъ», где главнымъ образомъ описывается этикетъ византійскаго императорскаго двора, унаследованный отъ прежняго времени и отчасти дополненный и измѣненный отцемъ Константина, Львомъ Мудрымъ, и имъ самимъ. Въ частности, здесь излагаются обряды, соблюдавшіеся при появленіи царей народу въ большиіе праздники, при рожденії, крещенії, вѣнчанії и похороненіи лицъ царской фамиліи, при пріемахъ иностранныхъ пословъ, назначеніяхъ на высшія гражданскія, военные и духовныя должности и при выступленіи въ походъ. Кромѣ того, въ сборникѣ внесены и различные постороннія свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, перечень византійскихъ императоровъ, бюджетъ императора Льва VI Мудраго и т. п. Несмотря на то, что въ сборникѣ «О церемоніяхъ» нѣтъ ни единства предмета, ни порядка въ изложеніи, онъ имѣть важное научное значеніе и заключаетъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ историко-археологическихъ свѣдѣній изъ области византологіи. Константину Порфирородному принадлежать также сочиненія: «О ѿемахъ» и «О народахъ», настолько интересныя и важныя въ научномъ отношеніи, что г. Гавриль Ласкинъ призналъ необходимымъ издать ихъ въ русскомъ переводѣ.

Сочиненіе «О ѿемахъ (περὶ Θεμάτων)» есть первый литературный трудъ императора Константина, составленный имъ еще до времени самостоятельного царствованія, а именно въ 934 году или немного позже. Оно содержитъ въ себѣ описание Византійской имперіи по ѿемамъ, т.-е. провинціямъ, при чемъ иногда излагается и исторія провинцій, при чемъ авторъ выясняетъ ихъ название, указываетъ границы, описываетъ населеніе и административное устройство и т. п. Сочиненіе написано въ видѣ поученія сыну Константина, Роману; въ выборѣ формы сочиненія (поученіе) Константинъ, повидимому, слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, такъ какъ дѣдъ его, императоръ Васи-

лій, написалъ «увѣщательныя главы» своему сыну Льву, а этотъ послѣдній составилъ такъ называемый «Тактиконъ», придавъ ему аналогичную форму.

Въ сочиненіи «О народахъ» описываются всѣ, населявшіе Византійскую имперію, народы и вѣкоторыя варварскія племена, а также преподаются правила виѣшней политики. Въ частности, здѣсь рѣчь идетъ о печенѣгахъ, россахъ, козакахъ, арабахъ, вандалахъ, иллірійскихъ славянахъ, уграхъ (туркахъ), моравахъ, грузинахъ, пелопоннескихъ славянахъ; кромѣ того, одна глава сочиненія (13) посвящена «Закону Константина Великаго», другія описываютъ: Испанию, Италию, сѣверное и восточное побережья Чернаго моря, Арmenію, Кипръ, Челопонезъ и городъ Херсонъ.

Что касается достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ Константиномъ Багрянородныхъ въ сочиненіяхъ «О єемахъ» и «О народахъ», то должно сказать, что вообще Константинъ достовѣренъ и важенъ тамъ, где описывается события, современные ему, или непосредственно предшествовавшія (т.-е. половину IX вѣка и X в.), при чемъ вѣкоторыя изъ этихъ его извѣстій представляютъ собою драгоценныя историческіе материалы, а его сообщенія о событияхъ давно минувшихъ, за немногими исключеніями, имѣютъ мало цѣны. Задача ученой критики по отношенію къ Константину Багрянородному въ томъ и состоитъ, чтобы тщательно разобрать указанные его два труда, отдать важное отъ неважнаго и показать, где Константинъ является, какъ писатель, во всемъ своемъ величиї, и где онъ сочиняетъ или повторяетъ жалкія гипотезы и фантастическіе миоы.

Въ виду важнаго историческаго значенія сочиненій императора Константина «О єемахъ» и «О народахъ», у насть давно сознавалась нужда въ переводе ихъ на русскій языкъ. Это отчасти доказывается тѣмъ, что вѣкоторыя главы этихъ сочиненій уже давно переведены на русскій языкъ (Шалаузовымъ, Протопоповымъ, Гротомъ). Но, конечно, переводы такого рода не могутъ замѣнить собою перевода всего сочиненія, и необходимость въ послѣднемъ остается во всей своей силѣ. Идя на встрѣчу этой потребности, г. Ласкинъ и взялъ на себя трудъ предложить русской публикѣ означенныя два произведенія византійской литературы въполномъ ихъ переводѣ. Переводъ (стр. 19—208) сопровождается историко-археологическими примѣчаніями, необходимыми для правильнаго пониманія византійскихъ литературныхъ памятниковъ. Въ предисловіи къ переводу (стр. 1—18) помѣщенъ историко-литературный этюдъ о Константинѣ Багрянородномъ, какъ писателѣ, а въ приложеніи (стр. 209—243) помѣщено шестнадцать отрывковъ и примѣчаній, поясняющихъ и дополняющихъ текстъ переведенныхъ произведеній. Кромѣ того, приложенъ (стр. 244—260) указатель собственныхъ именъ.

Издание г. Ласкина представляется весьма на липнімъ у насть — тѣмъ болѣе, что сопровождается необходимыми комментаріями. Нельзя, конечно, всецѣло довѣряться г. Ласкину и въ перевodѣ, и въ толкованіи его, такъ какъ г. переводчикъ не занимался исправленіемъ греческаго текста, за отсутствиемъ у него надлежащаго филологическаго аппарата, а съ другой стороны — наука о византійскихъ древностяхъ далеко еще не сказала своего послѣдняго слова по тѣмъ вопросамъ, которыхъ касается г. Ласкинъ, тѣмъ не менѣе и въ настоя-

щемъ своею видѣ труда г. Ласкина заслуживаетъ полнаго вниманія тѣхъ, кто заинтересованъ и занимается новою у нась отраслью историческаго знанія, именуемою византологіей.

Н. П. Загоскінъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый Введение. I. Наука исторіи русскаго права. II. Формація народа и государства. Казань. 1899.

Болѣе двадцати лѣтъ назадъ профессоръ Загоскінъ предпринялъ обширный трудъ—«Исторія права Московскаго государства». Издание остановилось на первомъ выпускѣ второго тома, вышедшемъ въ 1879 г. Теперь авторъ со-знается, что «попытка изложенія отдельного, притомъ промежуточнаго, периода исторіи права, отторгнувъ его отъ периодовъ предшествующаго и послѣдующаго, окончилась неудачею». Настоящий трудъ проф. Загоскіна задуманъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Авторъ предполагаетъ въ 12 томахъ довести исторію русскаго права до реформъ императора Александра II включительно. И по существу проф. Загоскінъ ставить свою задачу очень широко. Первый томъ его труда по справедливости можетъ быть названъ введеніемъ въ русскую исторію вообще, а не только въ исторію права. Мы думаемъ, однако, что слишкомъ широкая постановка задачи въ данномъ случаѣ не можетъ быть признана удачною. Излишняя пестрота и невыдержанность плана, расплывчатое, иногда обремененное ненужными подробностями, изложение предмета, въ упѣрѣ глубинъ и стройной сосредоточенности, составляютъ существенный недостатокъ нового труда почтеннаго профессора.

Въ краткомъ введеніи г. Загоскінъ даетъ очень бѣглый обзоръ главнѣйшихъ воззрѣній на науку права и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ предметъ и задачи науки исторіи русскаго права: «исторія русскаго права имѣть своимъ предметомъ изложеніе постепенного хода развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая известна подъ названіемъ права; она должна имѣть своею задачею изслѣдованіе генезиса и исторического развитія русской правовой жизни, въ ея правосознаніи, институтахъ и правоотношеніяхъ». Согласимся съ авторомъ, что это определеніе не представляетъ трудности. Но что оно выясняетъ? Даѣе, больше половины всей книги отведено изложению исторіи науки и современному ея состоянію. Нельзя признать удачнымъ разделеніе общаго очерка русской исторіографіи и очерка развитія науки исторіи русскаго права. Первый очеркъ самъ по себѣ является даже лишнимъ: онъ не даетъ ни полноты фактическихъ свѣдѣній, ни сложнаго и скатааго направлениія исторической мысли. Съ другой стороны возможно ли ясно и послѣдовательно изложить постепенное различие историко-юридического знанія, вырывавъ его изъ общаго хода развитія исторической науки? Думаемъ, что нѣтъ. Точно также совершенно неудачнымъ представляется намъ подробный обзоръ источниковъ русскаго исторического знанія, занимающій болѣе ста страницъ. Такіе обзоры цѣнныюю и обстоятельностью библіографическихъ свѣдѣній. То и другое читатель скорѣе найдеть въ I т. «Исторіи» Бестужева-Рюмина, чѣмъ въ книгѣ

г. Загоскина. Обзору источниковъ авторъ предпосыпаетъ общий взглядъ на источники и, между прочимъ, дѣлить ихъ по способу происхожденія на первоначальные и производные. Развивая эту мысль, авторъ приходитъ къ заключенію, что самое понятіе первоначальности или производности источника крайне растяжимо и условно. Оно и не нужно, прибавимъ отъ себя, такъ какъ нигдѣ не отражается въ обзорѣ источниковъ. Ничего существенно новаго и оригинального во взглядахъ и въ изложеніи не найдетъ читатель и въ послѣдніхъ двухъ отдѣлахъ I части (отд. IV: Историческая критика. Соотношеніе исторіи къ другимъ наукамъ. Вспомогательныя для нея отрасли знанія. Отд. V: Система изложенія и литература исторіи русскаго права).

Часть II-я, посвященная «формаціи народа и государства», распадается на два отдѣла: 1) «Славяне и начало русской самобытности», и 2) «Зарожденіе русской государственности». Въ этой второй части своей книги проф. Загоскинъ также очень широко раздвигаетъ рамки изложенія. Онъ подробно останавливается въ особыхъ главахъ на вопросахъ о стародавности славянъ и связи ихъ съ болѣе древними обитателями Европы, о происхожденіи Руси. Древній-шій періодъ русской исторіи не былъ, какъ видно, предметомъ самостоятельныхъ изысканій автора. Ему приходится ограничиваться группировкой общепризнанныхъ фактовъ и сопоставленіемъ разныхъ теорій, не всегда приводящимъ читателя къ опредѣленному выводу. Недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось почтенному профессору подробно рассказывать, по устарѣвшему шаблону, исторію вопроса о происхожденіи Руси. Ничего оригинального въ изложеніе этого спора не внесено, хотя авторъ и пытается аргументировать за и противъ, по поводу нѣкоторыхъ безнадежно спорныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, авторъ не дѣлаетъ никакого опредѣленного заключенія изъ разсмотрѣнія учений норманистовъ и ихъ противниковъ, оставляя въ читателѣ смутное впечатлѣніе большей виновности норманизма передъ судомъ ученой критики.

Наиболѣе цѣннымъ является послѣдній отдѣлъ книги — «Зарожденіе русской государственности». Сдѣлавъ обстоятельный разборъ разныхъ теорій древнаго быта славянъ, авторъ объявляетъ себя сторонникомъ задруженно-общинной теоріи. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ излагаетъ основы политической, общественной и духовной жизни восточныхъ славянъ до образования государства. Далѣе особая глава посвящена древнійшему обычному праву славянъ; въ ней проф. Загоскинъ поднимаетъ вопросъ о началахъ общеславянского права, какъ общемъ и первоначальномъ источникеъ права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, и о средствахъ познанія этихъ началь. Но и здѣсь нужно повторить почтенному автору упрекъ въ невыдержанности плана. Эта глава, безъ сомнѣнія, интересная, должна имѣть значеніе введенія, а между тѣмъ она совершенно некстати разрывается разсказомъ о догосударственномъ бытѣ славянъ и о началѣ государства. О правѣ обычномъ говорилось уже въ обзорѣ источниковъ. Въ послѣдней главѣ — о началѣ Русского государства — проф. Загоскинъ снова возвращается къ спору норманистовъ и ихъ противниковъ объ основномъ начальномъ фактѣ русской исторіи. Не признавая значенія такого факта за призваниемъ варяжскихъ князей, онъ усматриваетъ первый исторический моментъ русской государственности въ завоеваніяхъ Олега, объединяющихъ Приднѣп-

ровые въ одно политическое цѣлое. Таково содержаніе и характерныя черты новаго труда проф. Загоскина. Какъ введеніе въ исторію русскаго права, онъ, къ сожалѣнію, не свободенъ отъ нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ со стороны построенія. Надо надѣяться, что большими достоинствами и интересами будутъ отличаться послѣдующіе томы, въ особенности охватывающіе Московскій періодъ, которому были посвящены самостоятельный изслѣдованіи автора, хорошо известныя каждому занимающемуся русской исторіей. Р.

Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Ганзенъ. Печатано по распоряженію Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Спб. 1899.

Въ апрѣлѣ прошлаго года П. Г. Ганзеномъ издана была книга «Общественная самопомощь въ Дании, Норвегии и Швеціи», удостоившаяся чести быть поднесеной Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, Августѣйшей Покровительницѣ Нопечительства о домахъ трудолюбія въ Россіи. Изволивъ обратить, при разсмотрѣніи названнаго сочиненія, особое вниманіе на очеркъ, посвященный дѣтскимъ трудовымъ убѣжищамъ, и усматривая въ примѣненіи трудовой помощи къ дѣтямъ бѣдѣйшихъ классовъ населенія благотворный принципъ, обѣщающій современемъ богатые плоды, Ея Императорскому Величеству благоугодно было поручить автору изучить на мѣстѣ постановку въ Скандинавскихъ государствахъ дѣла трудовой помощи, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Настоящій обширный трудъ г. Ганзена есть результатъ высочайше возложенного на него порученія. Предъ нами огромный томъ, нѣсколько болѣе чѣмъ въ восьмую долю листа, превосходно изданный и переполненный объясняющими текстъ рисунками, изящество и щеголеватость которыхъ дѣлаетъ честь художественнымъ мастерскимъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, где эти иллюстраціи исполнялись.

Не представляющая собой никакой существенной пользы и являющаяся лишь весьма сомнительнымъ паліативомъ прежняя система даровой благотворительности, такъ давно практиковавшаяся и понынѣ существующая у насъ въ Россіи, давно оставлена на Западѣ вообще, а въ Скандинавскихъ государствахъ въ особенности. Поддержка несчастныхъ и воспособленіе неимущимъ должны итти рука объ руку съ трудомъ этихъ послѣднихъ, облагораживающимъ самый актъ общественной помощи обездоленнымъ элементамъ населенія и не дающимъ возможности благотворенію обратиться въ деморализующую нищаго милостыню, дѣлая его лишь своевременно оказанной поддержкой, при непремѣнномъ условіи труда пользующихся ею. Принимая далѣе въ соображеніе, что дѣтской взрастѣ наиболѣе воспріимчивъ къ прочному усвоенію на всю жизнь тѣхъ или иныхъ началь воспитанія, общество въ Скандинавскихъ государствахъ обращаетъ особенное вниманіе на устройство дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія для дѣтей неимущихъ или больныхъ родителей, пріучая такимъ образомъ подростающее поколѣніе къ труду съ первыхъ шаговъ жизни

и постепенно подготвляя изъ подростковъ людей, привыкшихъ къ честной и методической работѣ и чуждающихся подаянія, незамѣтно разворачивающаго тѣхъ, кто имъ пользуется, не завоевавъ права на него какимъ бы то ни было трудомъ, по мѣрѣ силы, возможности и умѣнья. Наконецъ, облегчая участіе своихъ бѣдныхъ скорымъ и охотнымъ предоставленіемъ имъ всевозможныхъ формъ труда и воспитывая юношество въ здоровой нравственной атмосферѣ работы и дисциплины, Скандинавское общество главнымъ образомъ само является инициаторомъ въ дѣлахъ благотворительности, не дожидаясь указаній со стороны правительства и строго придерживаясь разумнаго принципа общественной самопомощи, безъ котораго ни одно доброе начинаніе не приносить желаемыхъ результатовъ.

Таковы гуманныя и высокія начала постановки благотворительности въ Скандинавскихъ государствахъ, которая, по счастью, начинаютъ входить въ жизнь и нашего отечества. Основанное у насъ въ 1895 году Попечительство о домахъ трудолюбія, во главѣ котораго непосредственно стоитъ Государыня, съ самого своего возникновенія уже является всесѣло одушевленнымъ именно этимъ принципомъ трудовой помощи, вызывая всеобщее сочувствіе къ благотворной дѣятельности Ея Величества, такъ близко принявшей къ сердцу горе и нужду неимущихъ и несчастныхъ.

Вся сумма, вырученная отъ продажи книги П. П. Ганзена, поступить полностью въ пользу Попечительства о домахъ трудолюбія. О. У—цъ.

Э. Тома, профессоръ Лилльского университета. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Перевелъ съ французскаго Я. И. Рудневъ. Спб. 1899.

Французскому ученому, г. Тома, пришла въ голову хорошая мысль—изложить въ краткой и популярной формѣ жизнь древнеримскаго общества, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій по Р. Хр., когда античная культура достигла съ одной стороны своего апогея, а съ другой не носила еще въ себѣ особы замѣтныхъ слѣдовъ разложения. Авторъ прежде всего знакомить своего читателя съ тѣми мѣстностями, где въ настоящее время можно легче всего познакомиться съ древнеримскою жизнью, т. е. съ развалинами Помпей и вѣчнаго города. Руины Цалатина даютъ возможность г. Тома коснуться придворной жизни, или того, что онъ называетъ императорскимъ режимомъ. За этими начальными главами слѣдуетъ изложеніе явленій собственно общественной жизни столицы: авторъ говоритъ здѣсь объ общественныхъ увеселеніяхъ, новогоднихъ подаркахъ, обѣ обрядахъ при похоронахъ и о завѣщаніяхъ. Въ главѣ 8-й г. Тома переносить читателя въ древнеримскую виллу и разбираетъ мимоходомъ любопытный вопросъ о чувствѣ любви къ природѣ у древнихъ римлянъ. Затѣмъ идутъ главы, посвященные духовной жизни древнеримскаго общества. Здѣсь знакомимся мы съ античными школами, книгами и значеніемъ искусства въ древнеримской жизни. Эта послѣдняя глава врядъ ли не можетъ быть названа самой удачной въ цѣлой книжѣ. Авторъ блестательно доказываетъ, правда, общепризнанное положеніе,

что древній міръ жилъ художественною жизнью въ гораздо болѣшой мѣрѣ, чѣмъ мы. Коснувшись далѣе мимоходомъ военного дѣла, г. Тома показываетъ, наконецъ, читателю типы лучшихъ лицъ тогдашняго общества. Въ качествѣ философовъ-моралистовъ фигурируютъ здѣсь Сенека, Епиктетъ и Маркъ Аврелий, а въ качествѣ истаго римлянина вообще—Плиній Младшій. Французскій писатель сходится во взглядахъ на эту личность, какъ тишину для разбираемой эпохи, съ г. Мережковскимъ (см. книгу послѣдняго «Вѣчные спутники»), но далеко не раздѣляеть незаслуженныхъ восторговъ передъ Плиніемъ русскаго автора. Въ обѣихъ характеристикахъ Плинія встрѣчаются противорѣчія, легко впрочемъ объяснимыя, такъ какъ въ своихъ письмахъ Плиній является предъ читателемъ вполнѣ живой личностью, а всякий живой человѣкъ неизбѣжно сотканъ изъ противорѣчій.

Изъ этого кратаго обзора содержанія книги г. Тома ясно, что авторъ умѣло выбралъ дѣйствительно типичныя явленія древнеримской жизни; добавлю сюда же, что изложены эти явленія античной жизни, по большей части, довольно увлекательно и интересно. На этомъ и кончаются достоинства сочиненія, но есть у него и недостатки. Взявши за такой обширный предметъ, авторъ, видимо, не былъ вполнѣ подготовленъ къ нему, на что неоднократно указываетъ и самъ. Отсюда вытекаетъ значительная неравномѣрность въ изложеніи, напримѣръ, главъ о новогоднихъ подаркахъ, явленіи въ сущности не особенно замѣчательномъ, отводится столько же мѣста, сколько и главѣ о сельской жизни и любви къ природѣ у римлянъ; отсюда также авторъ выходитъ за предѣлы своей темы, напримѣръ, говоря о варварахъ, онъ даетъ характеристику ихъ по сочиненіямъ писателей IV вѣка, тогда какъ въ заглавіи книги обозначено, что она обнимаетъ жизнь древнихъ только за два первыхъ вѣка. Наконецъ, въ сочиненіи г. Тома есть и прямо фактическія неточности, напримѣръ, онъ грубо ошибается, говоря объ извѣстной эмблемѣ двухъ змѣй въ помійской живописи (стр. 31); не имѣтъ надлежащаго понятія о руинахъ Палатина, путая домъ Ливіи съ дворцомъ Тиберія (стр. 56); мѣшааетъ императора Калигулу съ Каракаллой (стр. 70). Можно утвержденіе г. Тома, будто мѣстности Италии, признаваемыя за красивыя древними, не совпадаютъ съ признаваемыми за красивыя теперь (стр. 180). Шуточное завѣщаніе поросенка, про которое говорится на стр. 155, не есть театральное произведеніе, и оно сохранилось до нашего времени, чего г. Тома и не подозрѣваетъ. Число подобныхъ неточностей можно было бы и еще значительно увеличить. Наконецъ, строя по личному вкусу, касаться вѣрности котораго здѣсь неумѣстно, свои характеристики исключительно почти на «Історіи Августовъ», г. Тома часто возводить отдѣльные факты этого мутнаго источника въ общія правила, при чемъ иногда сильно опибаются (ср. разсказъ о Сентімії Северѣ на стр. 68 съ гл. 8 его древней біографіи).

Русскій переводъ сочиненія г. Тома сдѣланъ вполнѣ прилично за исключеніемъ именъ авторовъ цитуемыхъ сочиненій, гдѣ г. Рудневымъ допускаются ужасныя искаженія, напримѣръ нѣмецкій ученый г. May обращается въ француза Мо, французы г. Гоклеръ (Hauckler) въ нѣмца Гауклера, докторъ Германъ Виннефельдъ въ доктора Герма (стр. VI) и др. На стр. 177 вмѣсто Катулла

надо читать Тибулль. Наконецъ, планы Помпей и Римскаго форума, приложенные къ русскому и французскому изданіямъ, не совпадаютъ между собою, а вмѣсто плана Палатина въ русскомъ изданіи данъ весьма мелкій и потому ни къ чему негодный планъ древняго Рима вообще.

А. Малеинъ.

Акты XIII — XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. Собралъ и издалъ А. Юшковъ. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899.

Въ январѣ 1682 г. царь Феодоръ Алексѣевичъ, соглашаясь съ мнѣніемъ земскаго собора, отмѣнилъ «Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество», и въ то же время далъ обѣщаніе «впередь будущимъ родамъ на память» составить официальную родословную книгу русскихъ служилыхъ родовъ, въ которую должны были войти «не только роды московскихъ служилыхъ людей, но даже провинциальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ». Для составленія этой книги въ томъ же году была учреждена палата родословныхъ дѣлъ, прообразъ нынѣшняго департамента герольдіи правительствующаго сената, которой предписано было руководиться старыми официальными родословцами и родословными росписями. Послѣднія должны были доставить въ нее представители служилыхъ фамилій, вмѣстѣ съ документами, свидѣтельствующими о «честяхъ» ихъ предковъ. Съ послѣднихъ въ палатѣ родословныхъ дѣлъ были снимаемы копіи, подлинники же возвращались владельцамъ. Эти-то копіи-документы, которые хранятся теперь въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и послужили материаломъ для разматриваемаго нами изданія А. Юшкова.

Древнейшій и единственный отъ XIII в. документъ относится къ 1257 г. — это «жалованная грамота великаго князя рязанскаго Олега Ингваревича Ивану Шеину на поле по р. Пронѣ». Отъ слѣдующаго вѣка имѣется также одна грамота — «купчая, по коей великий князь рязанскій Олегъ Ивановичъ съ зятемъ своимъ Иваномъ Мирославичемъ продали Солотчанскому монастырю Федорково селище». Къ XV в. относится 43 документа, къ XVI — 214 и къ XVII до 1613 г.—55. Наиболѣе древніе акты принадлежать великимъ княжествамъ: Московскому (97) и Рязанскому (40), и удѣльнымъ: Дмитровскому и Кашинскому (7), Углицкому (3), Волоцкому (2), Рузскому (2), Ярославскому (1), Пронскому (1) и Старицкому (1). Большинство документовъ юридического характера, и ихъ составляютъ: главнымъ образомъ грамоты волостелямъ и намѣстникамъ на кормлениѣ, жалованная несудимыя, жалованная вотчинныя и ввозныя; болѣе рѣдки: доходные списки волостелямъ и намѣстникамъ, докладныя, правыя, купчія, данныя и др. Изъ административныхъ актовъ имѣются наказы воеводамъ, памяти и грамоты по нѣкоторымъ специальнымъ случаямъ.

Помимо своей древности, нѣкоторые изъ актовъ имѣютъ громадное значеніе еще потому, что они доселѣ были крайне рѣдкими. Таковы, напримѣръ, несудимыя грамоты отдельнымъ лицамъ и грамоты на кормлениѣ. При этомъ громадное большинство не только впервые появляется въ печати, но и вообще были мало, по словамъ г. А. Юшкова, эксплоатированы учеными. Только не-

значительная часть документовъ вошла въ кой-какія изслѣдованія въ видѣ приложенийъ, да еще въ «Сборникъ» (1895 г.) Н. П. Лихачова, но и ихъ г. А. Юшковъ перепечаталъ въ своей книгѣ, при чемъ указать и на ошибки прежнихъ издателей, особенно Н. П. Лихачова. Хотя напыть издатель иувѣряеть читателя въ необыкновенной точности переписчиковъ XVII и XVIII вв., а также въ тщательности собственной работы, все-таки то обстоятельство, что столь цѣнныя древнѣйшіе документы издаются съ копій XVII и XVIII вв., является нѣкоторымъ пятнышкомъ, впрочемъ ничуть не умаляющимъ высокаго значенія труда г. Юшкова. Въ концѣ книги помѣщены указатели: личный, географическая и предметный.

В. Р—въ.

Г. Дюкудрэ. Исторія цивилизациі отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ французскаго. Москва. 1898.

Талантливый почулиизаторъ Дюкудрэ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ книжекъ по истории, изданныхъ для учащихся. Настоящая книга предполагаетъ тоже педагогическая цѣль. Авторъ имѣлъ въ виду программы высшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній во Франції. Мысль Дюкудрэ прекрасная— пополнить свѣдѣнія, сообщаемыя въ учебникахъ по религіозной, общественной и экономической жизни, по литературѣ, искусству, техникѣ и материальной культурѣ древнихъ и новыхъ народовъ. Для читателя, оставившаго уже среднюю школу, книга Дюкудрэ даетъ доступную ему систему понятій—по истории науки, литературы и искусства. Если она и не сообщаетъ много новыхъ знаній, то книжка эта, несомнѣнно, послужитъ толчкомъ къ изученію науки. Поставивъ себѣ такую цѣль, Дюкудрэ долженъ былъ сжать свое изложеніе, не опуская, въ то же время, ничего существенного. Такимъ образомъ, читатель получить въ одномъ томѣ исторію цивилизациі до настоящаго времени. Авторъ обещаетъ особенное вниманіе посвятить литературной, научной и художественной части. Вышедший первый томъ доводитъ исторію цивилизациі до среднихъ вѣковъ, заключая въ себѣ исторію древнаго востока, греческой цивилизациі и римскаго міра. Изъ 354 страницъ востоку отведено 132, и, дѣйствительно, наиболѣе обработанъ, ярче и живѣе, именно, этотъ отдѣлъ. Особенно удачно представлены египетскій периодъ, ассирийско-аварийский, исторія евреевъ. Къ сожалѣнію, авторъ плохо составилъ первую главу, посвященную опредѣленію вопроса о цивилизациі и доисторической эпохѣ. Здѣсь, при опредѣленіи цивилизациі, онъ держится формулы Гизо (стр. 7), какъ будто послѣ Гизо не появилось соціологической литературы. Точно также, онъ какъ будто не считается съ тѣйлоровской теоріей происхожденія арійцевъ, указывая на Среднюю Азію, какъ на родину арійцевъ. Вообще, Дюкудрэ слабо изложилъ вопросъ о первобытномъ человѣкѣ. Исторія Греціи и Рима изложена хорошо, но иногда слишкомъ кратко, остаются только имена, сухія, никому ненужныя. А вѣдь есть имена, настолько великия въ исторіи человѣчества, что о нихъ стоило бы поподробѣѣ сказать. Платону, напримѣръ, отведено $\frac{1}{2}$ страницы (196 конецъ и начало 197 страницы), и хотя авторъ воспользовался отрывочкомъ изъ Maillet (Введеніе къ Рес-

публикѣ Платона), но читатель, безъ сомнѣнія, не получитъ никакого понятія о философіи Платона. Пострадалъ и Аристотель. Авторъ, правда, расхвалилъ его «Политику», но за что — неизвѣстно. Чѣмъ онъ великъ, такъ и не выяснено. Въ исторіи Рима найдемъ удачныя выдержки изъ Момзена, Левассера, а послѣднія двѣ главы, въ которыхъ дана картина римскаго общества во времена имперіи (глава XIII) и очеркъ христианства, затѣмъ паденіе Рима — замѣчательно хороши. Здѣсь блестящій талантъ Дюкудрѣ вполнѣ развернулся. Кратко, но ясно указываетъ онъ на причины паденія Рима, опредѣляетъ его всемирно-историческую роль и сущность завѣта, оставленнаго древнимъ міромъ. Книга переведена прекрасно, литературно. Если есть нѣкоторые недосмотры, въ родѣ того, что «Фасти» Овидія названы лѣтощисью (313 стр.) или «Historia naturalis» Плинія — всемирной исторіей (318 стр.), то это нисколько не умаляетъ достоинствъ и перевода, и самаго изданія, очень опрятнаго, со многими рисунками, и дешеваго.

К.

Дворъ императрицы Екатерины II. Ея сотрудники и приближенные. Сто восемьдесятъ девять силуэтовъ. Два тома. Спб. 1899.

Къ числу немногихъ появляющихся у насъ рѣдкихъ изданий слѣдуетъ отнести вышедшую наднѣхъ, по волѣ его высочества герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, книгу, заглавіе которой мы привели выше. Это, художественное въ полномъ смыслѣ слова, изданіе воспроизводить прекрасный сборникъ силуэтовъ, принадлежавшій нѣкогда графу П. К. Разумовскому и составленный въ 1782 — 1783 годахъ. Сюда вошло 189 силуэтовъ работы очень извѣстнаго въ свое время французскаго художника Сидо. Страница за страницей проходять передъ вами тѣни Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II, великаго князя Павла Петровича, мальчика великаго князя Александра Павловича и цѣлаго ряда другихъ выдающихся и второстепенныхъ дѣятелей. Г. Круглый, которому поручена была редакція этого изданія, снабдилъ почти всѣ силуэты (за исключеніемъ нѣсколькихъ, оставшихся неразгаданными) коротенькими біографіями на русскомъ и французскомъ языкахъ. Кромѣ того, въ началѣ книги онъ предославлялъ обширное предисловіе (тоже на двухъ языкахъ), въ которомъ сообщилъ, помимо подробнаго описанія сохранившихъ въ разныхъ рукахъ силуэтныхъ коллекцій, интересныя свѣдѣнія относительно исторіи силуэтной живописи. Оказывается, что живошись эта была въ большой модѣ у насъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Великая княгиня Марія Феодоровна вырѣзывала силуэты на камнѣ и рисовала ихъ на стеклѣ. Этимъ же занимались извѣстный фаворитъ А. Д. Ланской, первая жена Державина Екатерина Яковлевна и другие. Мода на силуэты занесена была къ намъ изъ Франціи, гдѣ живопись этого рода получила свое начало и название. Послѣднее дано было этимъ рисункамъ, требовавшимъ затраты небольшихъ средствъ и искусства, по имени бывшаго въ то время министромъ финансовъ Этьена Силуэта, который отличался большою скучностью. Съ теченіемъ времени самого министра забыли, а окрещенные его именемъ «силуэты» получили большое распространеніе. Настоящее изданіе силуэтовъ является первымъ по

количеству вошедшихъ въ него портретовъ и представляетъ собой не только художественный, но также исторический интересъ, какъ альбомъ портретовъ историческихъ дѣятелей Екатерининского времени.

В. Б.

**Тихомировъ, Д. И. Педагогические курсы 1897 года въ г. Полтавѣ.
Полтава. 1898.**

Полтавская губернская земская управа устроила лѣтомъ 1897 года педагогические курсы для учителей и учительницъ земскихъ народныхъ школъ Полтавской губерніи. Разработанная г. Тихомировымъ программа курсовъ была разослана участникамъ, представлявшимъ отвѣты на вопросы программы. Во время съѣзда сообщенія эти читались и обсуждались подъ руководствомъ гг. Тихомирова и Кармазина. Авторъ книжки, заглавие которой мы выписали, даетъ изложеніе сужденій, останавливаюясь преимущественно на практическихъ вопросахъ обученія въ народныхъ школахъ. Народный учитель найдеть здѣсь много разъясненій и добавлевай къ своей учительской практикѣ. Съ наибольшей детальностью быть разработанъ на курсахъ вопросъ о толковомъ чтеніи. Изъ подробностей общаго характера отмѣтимъ отзывы учителей и учительницъ о борьбѣ съ мѣстнымъ народнымъ языкомъ — въ данномъ случаѣ, съ малороссийскимъ. Оказывается, что «даже при усиленномъ напряженіи, какъ со стороны учителя, такъ и со стороны учениковъ, даже къ концу курса 3—4 лѣтъ удается достигнуть только пониманія русской рѣчи, но никакъ не правильного умѣнья говорить порусски». Да и врядъ ли это возможно, продолжаетъ учитель, такъ какъ окружающая обстановка внѣ школы этому не благопріятствуетъ.

Въ книжкѣ г. Тихомирова напечатанъ и докладъ управы о нуждахъ народнаго школьнаго дѣла. Это — малочисленность школъ, заставляющая отказывать въ приемѣ сотнямъ дѣтей, узость программъ и недостатокъ въ настольныхъ руководствахъ и пособіяхъ для учителей. Докладъ особенно подчеркиваетъ этотъ недостатокъ и настаиваетъ на заведеніи при школахъ маленькихъ библіотекъ, вполнѣ правильно указывая на то, что «затраченныя на покупку книгъ материальныя средства сторицей оккупятся улучшеніемъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи преподаванія въ школѣ, наибольшимъ распространеніемъ въ народѣ знаній».

Пещ—ъ.

Юліанъ Кулаковскій. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древніхъ грековъ. Кіевъ. 1899.

Эта книга составилась изъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца; отрывки изъ нихъ были помѣщены въ журналѣ «Cosmopolis» за 1897 годъ. Въ первой лекціи акторъ останавливается на древнѣйшей стадіи развитія эсхатологическихъ представлений у грековъ. Гомеръ служить основнымъ источникомъ наблюдений и выводовъ,—источникомъ, которому, естественно, г. Кулаковскій придаетъ исключительное значеніе. Населенный богами, переходящими въ разрядъ людей, и людьми, пре-

врачающимися въ боговъ, міръ Гомера свободенъ отъ привидѣній и призраковъ, — «въ немъ все свѣтло, ярко и радостно, мертвые не смущаютъ покоя живыхъ». Образы демоновъ и культа предковъ, утраченные юнянами Гомера послѣ ихъ выселенія съ родины, сохранились въ силѣ у грековъ материка и нашли выраженіе у Гезіода, вообще отразившаго болѣе широкій кругъ представленій, но еще далекаго до выраженія идеи безсмертія человѣка. Вторая лекція посвящена развитію представленій о смерти и безсмертії въ эпоху послѣ Гомера. Здѣсь начинается періодъ исторіи, сознательнаго творчества въ литературѣ и искусствѣ, и во взглядахъ на посмертное состояніе человѣка замѣчается рѣзкій и рѣшительный поворотъ. «Постепенно они (греки) пришли къ великой ідѣї безсмертія человѣческаго индивидуума и устами своего величайшаго философа облекли ее въ ясныя и опредѣленныя формы, къ ідѣї возмездія за гробомъ и надеждѣ на вѣчное блаженство». На совершеніе этого процесса потребовался цѣлый рядъ вѣковъ, и осуществленію его содѣйствовали одновременно различные элементы религіи, культа и философской мысли. Въ эпоху расцвѣта греческой литературы міръ боговъ и грековъ сближается между собою. Невѣдомый и далекій Аидъ сталъ ближе, и владыки его являются уже и богами живыхъ; отъ нихъ зависить ихъ благодеяниѳ и плодородіе земли. Вмѣстѣ съ этимъ сонмы божествъ пріобрѣтаютъ опредѣленныя поэтическія формы. Дальнѣйшему развитію ідей о посмертной жизни человѣка посвящена третья лекція г. Кулаковскаго. Элевзинскія мистеріи въ таинственной обстановкѣ своего культа скрывали обѣщаніе блаженной жизни за гробомъ. Мистеріи эти, какъ и орфизмъ, повліявший на образованіе мистическихъ представленій о душѣ человѣка, возникли на почвѣ могучаго религіознаго движенія, вызваннаго культомъ Діониса. Тогда-то появилась идея, что въ насть заключена частица бога, для которой тѣло наше служить лишь вѣшнімъ покровомъ. Смерть освобождаетъ божественный элементъ отъ насильственнаго сочетанія съ тѣломъ. Но прежде чѣмъ достигнуть полнаго освобожденія, душа должна совершить на землѣ «цикль рожденій», постепенно очищаясь и совершающіяся. Эта идея подверглась философской обработкѣ Піѳагора и, наконецъ, была обоснована Платономъ, который «воспринялъ ее, какъ идею религіи, разработалъ, какъ мыслитель, и оставилъ въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ, какъ философски обоснованную истину».

Авторъ иллюстрировалъ свою книгу многочисленными и превосходно исполненными снимками вазовой живописи грековъ. Вообще его этюдъ прочтется съ интересомъ; жаль только, что классическія цитаты не снабжены переводомъ, и представленія грековъ не приведены, хотя бы въ общихъ чертахъ, въ соотношеніе съ соответствующими представленіями Востока и особенно египтянъ.

Л.

**Э. Лависс и А. Рамбо. Всеобщая история съ IV столѣтія до на-
шего времени. Томъ V. Москва. 1899.**

Вновь выпущенный, пятый томъ «Всеобщей истории», составленной подъ ру-
ководствомъ Лависса и Рамбо, охватываетъ собою годы 1559—1648, и но-
сить общее название «религіозныхъ войнъ». Этаотъ періодъ—одинъ изъ самыхъ
славныхъ, такъ какъ здѣсь, рядомъ съ распространениемъ кальвинизма, его
борьбою съ коронной властью и развитиемъ идеи народовластія, происходятъ,
вслѣдствіе католической реакції, религіозно-политическая война, вспыхиваетъ
англійская революція, въ которой переплелись события политическая, соціаль-
ная и религіозная. Естественно, что литература по истории реформаціи и реак-
ції—огромная, но лишь въ новѣйшихъ трудахъ началось научное отношеніе
къ этой эпохѣ, т.-е. возвышается политическая и соціальная сторона вопроса,
а не только церковная и религіозная, какъ дѣжалось раньше, со временемъ Бос-
юэта. Вотъ почему, въ книгѣ Рамбо настѣ поражаетъ глава «Римское прави-
тельство и католическая реформація», съ которой начинается 5-й томъ. Въ
этой главѣ (ее составилъ М. Е. Chénon) дается разсказъ о Тридентскомъ со-
борѣ и разобраны его постановленія (Decreta Tridentina). Въ своемъ изложе-
ніи авторъ держится католической точки зрѣнія. Онъ даже не называется этого
періода «реакціей», а называетъ послѣднюю «церковнымъ возрожденіемъ». Онъ не указываетъ на ту ужасную реакцію, которую папство открыло въ Ита-
лии еще до составленія постановленій собора. Такое сочувствіе католической
реакції у автора ясно сказывается въ главѣ «Церковное возрожденіе», где
рѣчь идетъ о репрессивныхъ мѣрахъ, созданныхъ реакцией—инквизиція, цен-
зурѣ. Жестокія гоненія и казни, нанесшія такой грубый ударъ расцвѣтшей
свѣтлой культуры въ Италии,—все это не замѣчено авторомъ. Онъ говорить
лишь, что «церковное возрожденіе» и основанныя нѣкоторыя новыя учрежде-
нія (т.-е. «sanctum officium», цензура и монашеские ордена) «должны были
поддерживать въ средѣ духовенства церковную дисциплину» (28 стр.). Съ та-
кимъ же сочувствіемъ написаны страницы объ ордѣнѣ іезуитовъ и ихъ успѣ-
хахъ. Блѣдно и неопределѣленно составлена глава «Царствованіе Филиппа II»
(составилъ Mariérol). Нерѣшительность автора въ оцѣнкѣ дѣятельности Фи-
липпа II лишаетъ этотъ очеркъ силы. О Филиппѣ Мартьероль говоритъ:
«онъ не былъ и не такъ дуренъ и не такъ великъ» (108 стр.). Такъ же слабо
составлена и исторія тридцатилѣтней войны, крайне сложнаго явленія, въ ко-
торой историкъ долженъ видѣть не только международную борьбу, но и борьбу
князей съ императоромъ вслѣдствіе запутанныхъ отношеній въ Германіи. Со-
ставитель этого вопроса (глава XII) ограничился довольно общимъ очеркомъ
войны, не останавливаясь на войнѣ, по ея отношенію къ внутреннему, куль-
турно-соціальному развитію и на раздорахъ въ протестантскому лагерѣ. Главы,
посвященные исторіи Англіи (V и XIII), мало удовлетворяютъ читателя своею
чисто фактической полнотой. Въ эпоху религіозныхъ войнъ особенно поучи-
тельна и сложна исторія Англіи. Въ англійской реформаціи, где главная роль
принадлежала государству, пришли въ столкновеніе королевская и народная
реформаціи, а въ XVII в.—королевская власть и парламентъ. Для пониманія

революції XVIII в. необходимо выяснить обстоятельно релігіозну исторію Англії при Елизаветѣ и соціальну. Послѣдней отведено нѣсколько страницъ въ III отдѣлѣ 5-й главы—«Перемѣна въ идеяхъ и нравахъ». Но здѣсь не выясненъ соціальний прогрессъ въ епоху Елизаветы, а ідейное движение представлено слабо: Шекспиру удѣлено менѣе одной страницы (всего во всемъ томѣ 880 стр.), не указано даже на значеніе повѣстей и разсказовъ Грина и Нэша. Также слабо составлена исторія революції въ Англії: нѣть содержанія и анализа петицій о нравахъ, вся памфлетная публицистика и ея политическая идеи оставлены безъ вниманія, не разсмотрѣны перемѣны, происшедшия въ жизни англійского парламента и не выясненъ союзъ его съ пуританизмомъ. Наконецъ, совѣтъ не освѣщены всѣ выдающіеся дѣятели этой эпохи, какъ: Пимъ, Гемпденъ, Мильтонъ, даже Кромвель (стр. 627) вышелъ безцвѣтнымъ. Вообще, въ книгѣ дана только описательная сторона всей бурной исторіи Англіи, отсюда и нѣть анализа теченій пресвитеріанскаго, индепендентскаго, образовавшихся въ пуританизмѣ, и не разсмотрѣнъ капитальный вопросъ о роли индепендентовъ, анабаптистовъ, квакеровъ. Слѣдовательно, авторъ не подмѣтилъ самаго главнаго: той борьбы, которая скрывалась подъ раздорами политическихъ и релігіозныхъ партій—борьбы различныхъ сословий, и важнѣмъ проблѣмъ является отсутствіе вопроса о соціальномъ строѣ Англії передъ революціей. Главы, посвященные Франції, составлены прекрасно; особенно хороши: Генрихъ IX и Сюллі (VII гл.), гдѣ обстоятельно выяснена Левассеромъ экономическая политика Генриха, Людовикъ XIII и Ришелье, гдѣ сжато, очень талантливо изображена дѣятельность Ришелье. Послѣднія 200 страницъ разматриваются итальянскія государства, Польшу, Румынію, Венгрію, Трансильванію, Оттоманскую имперію, такъ умѣло написанную Рамбо, Востокъ и успѣхи европейской колонизации въ Америкѣ. Безъ сомнѣнія, въ сравненіи съ Веберомъ, изданіе Лависса и Рамбо—очень полезное, а для насъ, русскихъ, цѣнное пособіе: другого нѣть.

П. К-ій.

**А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Спб.
1899.**

Маргарита Ангулемская, справедливо указываетъ авторъ въ своемъ предисловіи, очень мало извѣстна русскому читателю: у насъ есть нѣсколько пре-восходныхъ сочиненій по исторіи итальянскаго и нѣмецкаго гуманизма, но ничего нѣть по исторіи гуманизма во Франції. Талантливое сочиненіе А. М. Петрункевичъ является добрымъ вкладомъ въ нашу литературу. Такъ какъ біографія знаменитой герцогини Алансонской, потомъ королевы Наварской, тѣсно переплется съ жизнью XVI в., то авторомъ нарисована и картина французскаго возрожденія. Замѣчательно то восторженное отношеніе, то восхищеніе, съ которымъ относились къ Маргаритѣ ея современники, а потомъ относятся и историки. Личность королевы высоко-привлекательна. Ее называли «жемчужиной» дома Валуа. Она была самой типичной представительницей гуманизма, а въ частности французскаго Возрожденія; Маргарита сама была выдающаяся писательница, всѣ поэты и представители реформаціи находили въ ней под-

держку, она руководила и внѣшней политикой Франції при Францискѣ I, когда во Франціи расцвѣло въ полномъ блескѣ Возрожденіе. По словамъ историка XVI в. Лефранка, «во всей эпохѣ Возрожденія не встрѣчается женщины болѣе удивительной и болѣе заслуживающей любви». Понятно, отсюда, то горячее чувство, съ которымъ написана книга г-жи Петрункевичъ. Рядомъ съ полной характеристикой Маргариты, читатель найдетъ здѣсь отличный портретъ Франциска I и цѣлую галлерею гуманистовъ и поэтовъ того времени, окружавшихъ Маргариту. Слѣдя за биографіей гуманистки, авторъ раздѣлилъ свой рассказъ на двѣ части: въ первой изображена Маргарита замужемъ за герцогомъ Алансонскимъ (до 1525 г.) и представленъ французскій дворъ съ Францискомъ во главѣ, «который перенесъ Италию во Францію». Конечно, роль самого Франциска блѣднѣеть передъ его сестрою, неутомимой путешественницей, проведшей почти половину своей жизни на носилкахъ, писавшей на всякие сюжеты и не брезгавшей самой разнообразной формой. Изъ всѣхъ ея произведеній наиболѣе извѣстенъ ея «Гентамеронъ», написанный подъ обаяніемъ Боккачіо. Г-жа Петрункевичъ приводить почти цѣликомъ новеллу IV первого дня, оригиналную, прекрасную по своей безыскусственности и неизрѣченности мысли. Къ сожалѣнію, авторъ ограничился лишь нѣсколькими штрихами обѣ этомъ замѣтливомъ произведеніи, не указавъ, на какой ступени въ изображеніи чувства находится Маргарита въ сравненіи съ прежними буржуазными новелистами. Ея стихи вполнѣ рисуютъ намъ сложную и благородную натуру гуманистки. Во второй части мы видимъ Маргариту — королеву Наваррской, съ полнымъ самоотверженіемъ оказывающей покровительство всѣмъ гонимымъ, заподозрѣннымъ, пострадавшимъ отъ монаховъ или парламента. Все Возрожденіе и вся реформація нашли у нея пріютъ. Рядъ имёнъ неразрывно связанъ съ свѣтлой дѣятельностью королевы Наваррской: Маро, Денерье, Фарель, Сентъ-Мартъ, Руссель, Кальвинъ. Но какъ всѣ эти гуманисты и проповѣдники сухи и черсты въ сравненіи съ безкорыстной и широкотерпимой Маргаритой, для которой всѣ заповѣди сводились къ «любви, — любви къ себѣ, любви къ ближнему» (391 стр.). Она не была кальвинисткой, строгой и догматичной, ея міросозерцаніе не сравнянно шире Кальвина, хотя она и примыкала къ нему въ области догматики. Авторъ называетъ историческую фигуру Маргариты — «высоко-драматичной», опередившей свое время, а потому и одинокой, непонятой — или ложноцѣнной, девизомъ которой было вѣчное «стремленіе въ высшіе сферы». Интересная, такъ тепло написанная книга А. М. Петрункевичъ, издана въ пользу общества вспоможенія окончившимъ курсъ науки на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

П. К-ій.

Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдварда Бульвера-Литтона. Спб. 1898.

Романъ Бульвера «Rienzi, the last of the tribunes» появился въ 1835 г. и впервые былъ переведенъ по-русски подъ заглавиемъ «Свобода безъ закона, или послѣдній римскій трибунъ» (Москва, 1871 г.). Въ свое время это сочиненіе Бульвера читалось съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ въ немъ много

драматизма, интересныхъ положеній и благодарной обстановки. Умный и талантливый романистъ, Бульверъ отличался удивительною наблюдательностью, романы его поражаютъ необыкновеннымъ разнообразiemъ содержанія и блестящей фантазіей. Рядъ неожиданныхъ картинъ завлекаютъ читателя. Но тотъ же Бульверъ ужасно скученъ въ своихъ историческихъ романахъ, съ ихъ ходульнымъ тономъ, классическими позами и моралью. Его «Ріенци» — «одаренный умомъ, способнымъ на величайшія предпріятія, сердцемъ, которое билое возвышенійшими стремленіями» (439 стр.), утомляетъ читателя напряженностью тона и тою идеализацией, которая сдѣлала изъ любопытной фигуры немножко запоздавшаго трибуна что-то ужъ слишкомъ идеально-высокое. Бульверъ сравниваетъ его съ Кромвелемъ, хотя симпатіи его лежать на сторонѣ Ріенци, «обладавшаго большой привлекательностью и мягкостью». Въ своемъ романѣ Бульверъ проводить ту мысль, что «Ріенци палъ вслѣдствіе пороковъ римского народа», что трибунъ сдѣлался жертвой невѣжественной трусости, а сенаторъ — жертвой жестокой алчности. Ошибки Ріенци — крайне ничтожны, а потому авторъ вездѣ представилъ его только героемъ и чистымъ. «Онъ не совершилъ ни одного преступленія», не былъ тираномъ, потому что, когда онъ умеръ, «онъ немъ горько сожалѣлъ». Таковы основная линія, создавшія изъ честолюбиваго мечтателя и жалкаго труса, бѣжавшаго постыдно изъ Рима, — великую фигуру. На фонѣ изображенной римской революціи разставлены Бульверомъ необходимыя лица — соперничавшія фамиліи Колонна и Орсини, изображенъ римскій *plebs* и ярко представлены бурныя выходки хозяйствавшаго дворянства. Особенной типичности выведенныхъ лицъ современный читатель здѣсь не найдетъ, а русскій читатель будетъ непріятно пораженъ дубовымъ языкомъ, неуклюжими фразами и сухостью перевода второго изданія.

П. К-їй.

**Сборникъ Харьковскаго историко-филологического общества.
Т. XI. Харьковъ. 1899.**

Въ офиціальной части «Сборника» помѣщены, между прочимъ, выдержки изъ рефератовъ: о Ф. И. Буслаевѣ — гг. Сумцова, Алякритскаго, Халанскаго, Рѣдина и Харціева; о раскольническомъ сборникѣ XVIII в.—г. Сумцова; о посольскомъ обрядѣ Московскаго государства — г. Саввы (авторъ не вполнѣ согласенъ съ прежними теоріями объ «обрядѣ» и утверждаетъ, что «въ Московскому государству практиковалось два вида обряда приема иноземныхъ пословъ: одинъ для пословъ европейскихъ государей, а другой для азіатскихъ. Первый создался и развился на почвѣ сношеній Московскаго государства съ европейскими. Въ основѣ его была идея равенства и братства между государствами», чего не было въ сношеніяхъ съ татарами, въ основѣ которыхъ была «идея подчиненности». При этомъ онъ признаетъ, что сношения съ татарами наложили «известный колоритъ» и на обрядъ приема пословъ европейскихъ государей), и о «проектѣ новаго уложенія законодательной комиссіи 1754—1666 г.» — г. Максимайка.

Въ отдѣлѣ «изслѣдований и материаловъ» на первомъ мѣстѣ находимъ статью г. Рѣдина «Обзоръ трудовъ по истории искусства Ф. И. Буслаева», из-

вѣстную уже по ранѣе выпущеннымъ отдельнымъ оттискамъ. Затѣмъ идетъ не безъинтересная статья г. Лебедева «Разѣзды Бѣлгородскихъ архіереевъ по епархіи». Пользуясь архивными документами (Курской и Харьковской духовныхъ консисторій и Курского Знаменского монастыря), авторъ представляетъ вѣзѣдъ въ епархію и поѣздку по епархіи бѣлгородскихъ архіереевъ прошлаго столѣтія. Пріѣзу предшествовала «обмѣнъ радостныхъ привѣтствій», и затѣмъ уже шли приготовленія и снаряженія подводъ, обходившіяся для епархии довольно дорого (около 1500 руб. и болѣе). Еще «тягостнѣе были поѣздки по епархіи», совершившіяся на счетъ епархиального духовенства, обязанного давать подводы, продовольствовать архіерея со всѣми сопутствующими ему и «подносить поклоны». Эти «архиастырскія посѣщенія», говоритъ авторъ, «могли напоминать нашествія татаръ, устремлявшихся на похищеніе, и, если бывали часто, должны были просто разорять духовенство».

Г. Пельцеръ въ статьѣ: «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности», едва ли не впервые даетъ болѣе точное опредѣленіе анекдота, какъ «краткаго разсказа о вымышленномъ и дѣйствительномъ событиї, или разсказа, большою частью юмористического, обыкновенно безъ примѣси морали», и въ то же время вполнѣ опредѣленно устанавливаетъ его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти и баснѣ, вліяніе на него западныхъ литературныхъ памятниковъ и проч., сопровождая свое изложеніе примѣрами. Извѣстно, что наши историки литературы вопроса объ анекдотѣ касались мимоходомъ, а Нор-Фирьевъ, напримѣръ, вовсе не упоминаетъ о немъ. Всѣдѣ за этимъ слѣдуетъ обширное собраніе «Анекдотовъ о глупцахъ» г. Сумцова, съ сравнительнымъ изслѣдованіемъ. Въ концѣ книги помѣщены «Экстракты о изнеможеніи слободскихъ полковъ», важный для ихъ исторіи за 1750 и 1760 гг., продолженіе котораго предполагается въ будущемъ томѣ.

В. Р—въ.

**Жоржъ-Зандъ. Сочиненіе Е. Каро. Переводъ О. Н. Масловой.
М. 1899.**

Біографія Жоржъ-Зандъ, написанная г. Каро, считается, и совершенно справедливо, лучшимъ трудомъ о французской писательницѣ. Собственно говоря, это не біографія—въ полномъ смыслѣ слова. Г. Каро хорошо зналъ Жоржъ-Зандъ лично, былъ большимъ почитателемъ ея, какъ человѣка и какъ писательницы. Поэтому его сочиненіе о ней представляеть собой нѣчто среднее между воспоминаніями, характеристикой и критической статьей о ея произведеніяхъ. Всѣ эти элементы замѣтно отразились въ книгѣ г. Каро, придали ей субъективный характеръ, выдѣляющій настоящую книжку изъ серіи ей подобныхъ, фактически, быть можетъ, и болѣе полныхъ, но зато и болѣе сухихъ и менѣе интересныхъ. По прочтеніи этой не особенно большой, написанной изящнымъ языкомъ и прельщающей своимъ простымъ задушевнымъ тономъ книжки, передъ вами встаетъ, какъ живой, симпатичный обликъ почти забытой теперь, но въ свое время приводившей всѣхъ въ восторгъ идеалистки. Пробѣгая страницу за страницей книжки г. Каро, вы переживаете впечатлѣніе, вынесенное Тургеневымъ изъ личнаго знакомства съ писательницей; подобно ему, начинаете

чувствовать, что находитесь въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и дотла выжжено неугасимымъ пла-менемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеаль, которой все человѣческое доступно и дорого, оть которой такъ и вѣтъ помошью, участіемъ... Г. Каро даетъ вполнѣ законченный нравственный портретъ Жоржъ-Зандъ, знакомясь съ которымъ все болѣе и болѣе становятся понятными и вызванный этой писательницей восторгъ и тѣ нерѣдко грязные нападки, которые совершенно неза-служенно сыпались на нее во все времена ея литературной дѣятельности. Дѣятель-ность эта—непрерывная борьба свѣта съ мракомъ, борьба, на которую Жоржъ-Зандъ употребила всѣ лучшія свои силы, всю свою энергію. Для настѣ, русскихъ, съ ея именемъ связаны поэтическія свѣтлые воспоминанія. Достаточно озна-комиться съ восторженными отзывами о ней всѣхъ лучшихъ нашихъ писате-лей, начиная съ Бѣлинскаго и кончая Достоевскимъ и Тургеневымъ, прочесть оды, написанныя въ честь ея многими изъ нашихъ писательницъ, наконецъ проглядѣть длинный перечень газетъ и журналовъ, отмѣтившихъ смерть Жоржъ-Зандъ сочувственными некрологами — и мы поймемъ, какое значеніе имѣла для насъ эта иностранка. Движеніе, вызванное въ русскомъ обществѣ ея романами, въ настоящее время поулеглось, такъ какъ многіе и наиболѣе существенные идеалы Жоржъ-Зандъ уже достигнуты, а вмѣстѣ съ тѣмъ забыта понемногу и сама писательница, вызвавшая это движение. Г-жа Маслова напомнила о ней переводомъ лучшей біографіи Жоржъ-Зандъ, ознакомиться съ которой не без-полезно для всякаго образованнаго человѣка.

В. Боцяновскій.

Ж. (Sie) Уссингъ, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у гре-ковъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Переводъ Н. М. Федоровой. Спб. Издание Ив. Ив. Иванова. 1899.

Однимъ изъ жгучихъ вопросовъ, всегда волновавшихъ и волнующихъ че-ловѣчество, является безспорно вопросъ о воспитаніи и обученіи подростающихъ поколѣній. При решеніи этого вопроса, пожалуй, болѣе, чѣмъ при всякомъ дру-гомъ, должна являться на помощь исторія, которая можетъ и предостеречь отъ повторенія гибельныхъ заблужденій, и указать много забытаго хорошаго. Такъ, недавно весь педагогический міръ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ чи-талъ поучительную во многихъ отношеніяхъ брошюру (изданіе К. П. Побѣдо-носцева): «Новая школа» и находилъ въ ней какъ бы новыя откровенія для себя. А между тѣмъ типъ подобной «новой школы» появился на свѣтъ уже давнымъ давно, въ чемъ легко можно убѣдиться, если прочесть интересный этюдъ по-кайна М. С. Кореллина «Casa giojosa», описание такого же учебнаго заведе-нія, устроеннаго въ 1425 г. въ Мантуѣ итальянцемъ Витторино Рамбальдони да-Фельтре. И исторія воспитанія у античныхъ народовъ съ ихъ мудрымъ де-визомъ: *mens sana in corpore sano*, должна представлять немаловажный инте-ресъ. Этимъ слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что одно изъ лучшихъ со-чиненій по данному вопросу, книга датскаго профессора Уссинга, переводится на русскій языкъ уже во второй разъ. Книга эта имѣеть цѣлью дать скжатый

обзоръ жизни античнаго ребенка, начиная съ его появленія на свѣтъ и кончая очеркомъ тогдашняго высшаго образованія въ риторскихъ школахъ. Переводчица второго русскаго изданія, г-жа Федорова, мотивируетъ появление своего труда тѣмъ, что она руководствовалась при переводѣ вторымъ изданіемъ оригинала, въ которомъ авторъ «сдѣлалъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, добавленія». Къ сожалѣнію, русскому читателю, незнакомому съ нѣмецкимъ языкомъ, не придется, вѣроятно, узнать, въ чемъ состоять эти добавленія профессора Уссинга, такъ какъ переводъ г-жи Федоровой рѣшительно неудобочитаемъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, обратимся къ предисловію автора, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующій церль: «Сочиненія (sic) Эрнеста Гуля и Вилья (sic; вмѣсто Вильгельма) Конера, «Жизнь римлянъ и грековъ, изображенная по античнымъ извѣніямъ», даетъ легкое обозрѣніе (?) о существенныхъ выгодахъ (?), которыхъ представлялись для античныхъ памятниковъ, чтобы изобразить картину жизни въ древности». Подобныя загадочные и безграмотныя фразы обильно разсыпаны въ книгѣ и дальше, напримѣръ, на стр. 23: «Въ Римѣ мы не находимъ ничего, что либо соотвѣтствующаго этому. Если Куріи и ихъ празднества (Curionalia Tacra), которыхъ хотя имѣли нѣсколько похожее значеніе, какъ Фратріи въ Аѳинахъ, но эти празднества скоро прекратились». Затѣмъ г-жа Федорова, какъ видно, недостаточно знакома съ древней исторіей, чѣмъ объясняются такія фразы, какъ на стр. 20: «Встрѣчались такія имена, которыхъ въ нѣкоторыхъ семействахъ совершенно избѣгались; напримѣръ, имя Маркъ избѣгалось мужчинами послѣ осужденія Капитолины, въ родѣ Манліевъ». Конечно, эта загадочная Капитолина есть не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный со школьной скамьи Маркъ Манлій Капітолійскій. Въ самомъ началѣ перевода сочиненіе Гезіода «Ѳеогонія» производится въ особаго писателя съ именемъ Ѹегоній. О плохомъ знакомствѣ г-жи Федоровой съ нѣмецкимъ языкомъ свидѣтельствуетъ стр. 47, гдѣ въ русскій текстъ переписано безъ перевода стереотипное выраженіе нѣмецкихъ цитатъ: «Mehr bei Marquardt» (т.-е. подробнѣе смотри у Марквардта). Ко всему этому надо добавить, что г-жа переводчица во многихъ мѣстахъ выпускаетъ цитаты, такъ что въ ея переводѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются такія фразы, какъ: «о ходуляхъ упоминается у Плавта и въ другихъ мѣстахъ». Поэтому, повторяю, желающему познакомиться съ классическимъ трудомъ Уссинга надо, минуя новый переводъ, обратиться къ старой, но за то надежной работѣ г. Новопашенаго (Спб., 1878 г.).

А. М-нъ.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. Москва. 1898.

«Краткая исторія» Грина была написана имъ послѣ его знаменитаго труда «Исторія англійскаго народа» (1874 г.). На первомъ планѣ у Грина—явленія политического, духовнаго и общественнаго прогресса, отражающаго въ себѣ исторію народа. Онъ «врагъ» военной исторіи, слегка лишь касаясь частностей войны и дипломатическихъ сношеній. Его мало интересуютъ и похожденія королей и вельможъ, роскошь двора и фаворитовъ. Война въ исторіи Англіи

дѣйствительно играла, сравнительно, такую малую роль, что точка зрењія англійского историка вполнѣ оправдывается. Вслѣдствіе этого, и въ маленькомъ его сочиненіи «Краткая исторія» онъ развернуль картину исторіи народа, а не англійскихъ королей или завоевателей, выдвинулъ не лица военной или политической исторіи, а малозамѣтныя, работавшія скромно, фигуры миссіонера, философа, поэта, упорного купца и трудолюбиваго книгопечатника. Изобразивъ такие крупные кризисы, какъ крестьянское возстаніе или возникновеніе новой монархіи, Гринъ на нихъ развиваеть ту основную мысль, что политическая исторія Англіи является результатомъ соціальныхъ перемѣнъ, что конституціонный прогрессъ Англіи основанъ на ея соціальномъ развитіи. По-руски, пока, переведены очень тщательно и прекрасно первые 2 выпуска. Первый выпускъ доведенъ до Столѣтней войны. Здѣсь авторъ посвящаеть блестящія страницы литературы при нормандскихъ и англійскихъ короляхъ, университетамъ, нищенствующимъ орденамъ и возрожденію англійской народности, отводить цѣлый отдѣль образованію англійского парламента и росту англійскихъ городовъ. Главное вниманіе Грина сосредоточено на изображеніи религіознаго, интеллектуальнаго и промышленнаго прогресса Англіи. Второй выпускъ доведенъ до 1646 г. Здѣсь особенно хороши страницы, гдѣ нарисованъ портретъ пуританина (250—269 стр.), мастерски, сжато выяснено гуманистическое движение, и представлена Англія временъ Елизаветы, характеристика которой, какъ и всѣ, впрочемъ, живыя характеристики Грина, у него вышла особенно удачной (123—140 стр.). Послѣдній отдѣль—«Пуританская Англія» изображаетъ ростъ пуританства и революцію до битвы при Нѣсба. Сочиненіе Грина выдержало въ подлиннику нѣсколько десятковъ изданій и стоить около 5 р. Въ русскомъ переводѣ оно обойдется рубля два, и представлять собою единственный, по своимъ крупнымъ достоинствамъ, трудъ, написанный притомъ увлекательно и вполнѣ доступно.

К.

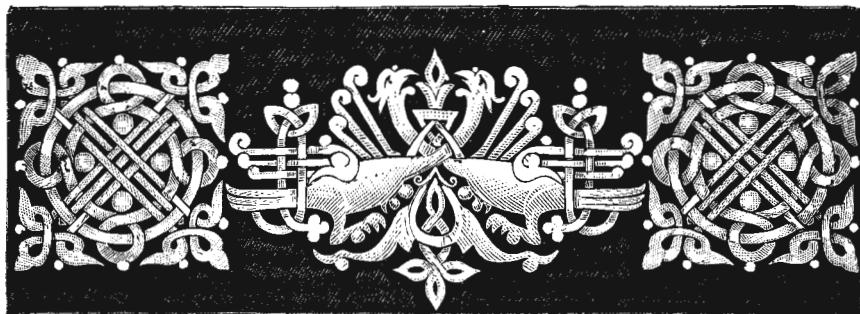

Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Н. П. Дружинина. Издание второе. О. Н. Поповой. Спб. 1899.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтѣ популярной книжки г. Дружинина: «Общедоступное руководство къ изученію законовъ». Выходъ ея вторымъ изданіемъ уже говорить о сочувствіи публики къ ней. Да, и какъ не сочувствовать, когда распространеніе юридическихъ знаній въ народѣ такъ необходимо въ виду того, что русское законодательство очень обширно, и юридические вопросы чрезвычайно сложны; между тѣмъ человѣку приходится на каждомъ шагу сталкиваться съ различными юридическими нормами. Никакая школа намъ не дастъ знаній законовъ, а отговариваться незнаніемъ ихъ, какъ извѣстно, закономъ же воспрещается. Г. Дружининымъ выпущены пока только первыя двѣ части руководства, обнимающихъ собою: 1) начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія и 2) правомѣрныя начала управления въ Россіи. Эти части служить какъ бы введеніемъ къ дальнѣйшему изложенію русскаго права. Остальные выпуски, числомъ пять, выйдутъ въ недалекомъ будущемъ.

Д. Е.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Прелатъ семнадцатаго вѣка.—Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году.—Бретонскій заговоръ временъ вслікай революціи.—Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадур.—Первый бракъ Наполеона Бонапарта.—Политическія сплетни на-
чала XIX вѣка.—Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ.—Датскій дворъ пятьде-
сять лѣтъ тому назадъ.—Петербургъ во время крымской кампаниіи.—Драма вре-
менъ парижской коммуны.—Австрійскій фельдмаршаль герцогъ Альбрехтъ.—
Смерть Зеллера, Сарсэ, Пальерона и Бекка.

РЕЛАТЬ СЕМНАДЦАТОГО ВѢКА. И. М. Бернардэнъ¹⁾ въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ даетъ инте-
ресную біографію прелата семнадцатаго вѣка, герцога Генриха II Гиза. Людовикъ Лотарингскій, который, несмотря на архіепископскій санъ, былъ женатъ и имѣлъ пять человѣкъ дѣтей, оставилъ по завѣщанію свое архіепископство и аббатства Сэнть-Дени, Сэнть-Реми въ Реймсѣ, Клюни, Корби, Феканъ, Монъ-Сэнъ-Мишель, Понтуазъ и другія своему племяннику Ген-
риху, которому въ это время было семь лѣтъ. Сдѣ-
лавшись коадьюторомъ, въ 1619 году получивъ званіе, а затѣмъ и дѣй-
ствительную власть архіепискона, Генрихъ въ Реймсѣ окончилъ свое ученіе и
блестящѣ защитилъ свои тезисы въ присутствії капитула кафедральнаго со-
бора. Подобно дядѣ своему, архіепискону, онъ заявлялъ, что признается лишь
двѣ вещи въ жизни: «войну и женщинъ, или женщинъ и войну; порядокъ слѣ-
дованія того и другого, говорилъ онъ, мало его интересуетъ, лишь бы встрѣ-

¹⁾ N. M. Bernardin, Henri de Lorraine, duc de Guise («Revue de Paris», 1899).
«Истор. вѣсти.», июнь, 1899 г., т. LXXVI.

чалось и то и другое». Сначала онъ отправился въ Германию, чтобы тамъ участвовать въ войнѣ въ рядахъ императорской арміи, а затѣмъ вернулся въ Парижъ для галантныхъ приключений. Здѣсь Ришелье, изъ политическихъ соображеній, потребовалъ, чтобы Генрихъ оставался въ предѣлахъ своей епархіи. Онъ послушался, потому что иного исхода для него не оставалось, и сталъ утѣшаться, дѣлая въ монастыряхъ «пастырскія посѣщенія», часто весьма страннаго свойства. Въ аббатствѣ Авенѣ, близъ Аи, онъ засталъ своихъ красавицъ кузинъ, принцессъ Анну и Бенедикту де-Гонзага, и всѣ троє старались возможно веселѣе провести время. Однажды вечеромъ, рѣшивъ не возвращаться въ Реймсъ, архиепископъ велѣлъ постлать себѣ постель въ пріемной аббатства, а принцессы Анна легла спать съ нимъ рядомъ, но за рѣшеткою для посѣтителей; эта шалость «спѣшила ихъ до слезъ». Слѣдуетъ замѣтить, что обѣ этой именно принцессы Аннѣ, Боссюэтъ, вѣроятно, вполнѣ искренно, говорилъ въ одной изъ надгробныхъ рѣчей своихъ, что «молодая аббатисса была образцомъ добродѣтели». Коротко говоря, архиепископъ влюбился въ обоихъ своихъ кузинъ одновременно; когда Бенедикта умерла, онъ обвѣнчался съ Анною, 4-го мая 1638 года, въ присутствіи священника, каноника реймской церкви. Въ 1641 году, у него родилась дочь отъ Анны. Такъ какъ положеніе для обоихъ становилось затруднительнымъ, Генрихъ рѣшилъ открыто повести къ алтарю ту, съ которой онъ уже двадцать мѣсяцевъ какъ былъ тайно обвѣнчанъ. Однако, для этого ему нужно было отказаться отъ владѣній, дававшихъ ему четыреста тысячъ франковъ въ годъ и сложить съ себя санъ реймского архиепископа. Это была, конечно, тяжкая жертва. Онъ предложилъ Ришелье такого рода компромиссъ: пусть король передастъ братьямъ архиепискоца его владѣнія, чтобы они не вышли такимъ образомъ изъ рукъ семьи Гизовъ; тогда онъ соглашался немедленно же передать архиепископство въ распоряженіе короля. Ришелье не хотѣлъ согласиться на этотъ торгъ. «Вы должны,—сказалъ онъ Генриху Лотарингскому,—лучше пораздумать надъ тѣмъ, о чёмъ вы мнѣ говорите; у васъ четыреста тысячъ франковъ дохода отъ вашихъ владѣній, и вы желаете ихъ бросить, чтобы вступить въ бракъ съ женщиной: я знаю людей, которые бросили бы четыреста тысячъ женщинъ, чтобы имѣть такие доходы». Раздраженный архиепископъ отправился въ Седанъ, принадлежавшій тогда герцогу Бульонскому, брату Тюрення, и бывшій сборнымъ пунктомъ для всѣхъ недовольныхъ. Людовикъ XIII вслѣдъ наложилъ арестъ на доходы Генриха и секвестрировалъ ихъ. Въ Седанѣ Генрихъ, сдѣлавшись, вслѣдствіе смерти отца, главою семьи Гизовъ, составилъ лигу, въ союзѣ съ императоромъ и королемъ испанскимъ, противъ Франціи и передалъ Аннѣ Гонзага, чтобы она спѣшила къ нему. Она почти немедленно, въ маѣ 1641 года, отправилась въ путь, но вдругъ узнала, что супругъ ея, противъ всякаго ожиданія, только что женился на молодой девятнадцатилѣтней дамѣ Онорѣ де-Бергъ, дочери графини Гримбергъ и вдовѣ графа де-Боссю. Предварительно онъ объявилъ свой бракъ съ Анною недѣльствительнымъ. Эта послѣдняя вернулась въ аббатство Авенѣ, адресовавъ сначала къ архиепископу Малинскому (Мехельскому) протестъ подъ заглавиемъ: «Манифестъ принцессы Анны для оправданія брака ея съ герцогомъ Гизомъ». Семья Гизовъ, возмущенная неравнымъ бракомъ Генриха, стала на ея сторо-

ну. Какъ бы то ни было, Генрихъ Гизъ заключилъ миръ съ Людовикомъ XIII и тотчасъ же вернулся во Францію, оставивъ въ Дельфтѣ графиню Онорѣ де-Боссю, которая уже успѣла ему надоѣсть. Въ Парижѣ его любовницею была герцогиня де-Монбазонъ, и онъ убилъ на дуэли Мориса де-Колиньи, своего предшественника въ успѣхѣ у этой дамы. Проведя затѣмъ нѣкоторое время съ арміею въ Нидерландахъ, онъ вернулся, чтобы начать усиленное ухаживаніе за Сусанною де-Понъ, почетною фрейлиною королевы. Де-Понъ желала возможно скорѣе сдѣлаться герцогинею де-Гизъ, и поэтому она упорно не сдавалась герцогу. Необходимо было сначала упорядочить отношеніе герцога къ браку, скромирометированое уже двумя женитбами, не говоря уже о томъ, что онъ находился въ духовномъ званіи и былъ, слѣдовательно, обязанъ хранить безбрачіе. Онъ думалъ, что ускорить рѣшеніе дѣла, если лично отправится въ Римъ ходатайствовать за себя. Однако, изъ Рима его потянуло въ Неаполь, гдѣ только что произошло возстаніе противъ испанцевъ, и съ неслыханною смѣлостью Генрихъ далъ себѣ провозгласить дожемъ неаполитанской республики на пять лѣтъ. Посреди этой агитации онъ не забывалъ и г-жи де-Понъ, къ которой онъ послалъ герцога де-Бранка, чтобы онъ заочно совершилъ съ нею брачную церемонію. Оказалось, однако, новое затрудненіе: у г-жи де-Понъ Генриха Гиза уже успѣлъ смѣнить его собственный оруженосецъ де-Маликорнъ; за эту быструю перемѣну парижане прозвали де-Понъ—*le Pont au change*. Въ то же время въ Неаполь дѣла герцога пошли плохо: городъ снова попалъ въ руки испанцевъ, и герцогъ сталъ ихъ плѣнникомъ. Чтобы спасти свою жизнь, онъ согласился вступить на службу Испаніи и, желая упрочить свое новое положеніе, обѣщалъ признать законной своей женою графиню де-Боссю, подданную короля испанского. Эти обѣщанія, однако, связывали его лишь нѣсколько мгновеній. Герцогъ помирисился съ регентшею Франціи и вернулся къ погамъ красавицы Сусанны де-Понъ. Между нею и графинею де-Боссю началась настоящая борьба за обладаніе герцогомъ, закончившаяся довольно комически: герцогъ увѣрился въ томъ, что Сусанна его самимъ дерзкимъ образомъ обманывала, а графиня де-Боссю бѣжала съ нѣкімъ де-Ванди во Фландрію. Что же касается герцогини Анны де-Гонзага, то та уже вѣсколько лѣтъ, какъ была замужемъ за принцемъ Эдуардомъ Баварскимъ, сыномъ ифальцкаго курфюрста Фридриха V; она была известна въ это время подъ именемъ «принцессы ифальцской». Послѣдніе годы жизни герцога де-Гиза были заняты новой экспедиціею противъ Неаполя, которая кончилась рѣшительной неудачей, новыми галантными приключеніями и усиленною заботою герцога затмить роскошью своего двора все его окружающее.

— Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году. По поводу недавнаго взрыва въ Тулонѣ, совершенно уничтожившаго большой пороховой складъ и часть селенія Лагубранъ, Поль д'Эстрѣ вспоминаетъ въ «Revue des Revues» таинственную катастрофу, случившуюся въ Брестѣ въ началѣ 1744 года¹⁾). Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1744 года въ Парижѣ

¹⁾ «Catastrophes mystérieuses», par Paul d'Estrée.—(Revue des Revues, 1899, 15 mai).

пришло извѣстіе о событиї, которое сильно взволновало населеніе: въ морскихъ складахъ въ Брестѣ возникъ пожаръ, который почти совершенно уничтожилъ эти склады. Это былъ уже третій случай пожара въ складахъ: въ 1743 году также сгорѣли военные магазины въ Брестѣ и Страсбургѣ. Причины пожара остались не выясненными и въ обществѣ ходили самые разнообразные слухи. Время было такое, что охотно вѣрили всѣмъ указаніямъ на злой умыселъ въ этомъ дѣлѣ. Предстояла война съ Англіею и была уже объявлена война Австро-Венгрии. Довольно понятно, что обѣ державы стали обвиняться въ причиненіи катастрофы. Въ парижскихъ кофейняхъ раздавались возгласы противъ нечестнаго образа веденія войны непріятелями Франціи. Полю д'Эстрѣ удалось въ архивахъ Парижа открыть рукоишный полицейскій журналъ, составленный однимъ изъ чиновниковъ полиціи, служившимъ у Морепа, который въ это время стоялъ во главѣ морскаго министерства и вѣдомства королевскаго двора. Пожаръ произошелъ 30-го января, а слухи о немъ появились въ Парижѣ 5-го февраля. «Разсказываются,— занесено подъ этимъ числомъ въ полицейскій журналъ,— что г. Морепа въ прошлый понедѣльникъ, чрезвычайною эстафетою, получиль извѣстіе о страшномъ пожарѣ, случившемся въ Брестѣ и уничтожившемъ большую часть королевскихъ магазиновъ. Говорять, убытокъ доходитъ до трехъ миллионовъ. Счастье, что хоть двадцать семь судовъ были совершенно вооружены и находились уже въ гавани: иначе убытокъ быль бы еще больше. Вотъ уже третій пожаръ, который въ теченіе короткаго времени уничтожаетъ наши склады. Увѣряютъ, что это не могло случиться ни случайно, ни по небрежности, и мы должны предположить измѣну или искать виновниковъ въ эмиссарахъ Англіи или королевы венгерской (Марії-Терезії). Въ мемуарахъ современниковъ—у Барбье и де-Люнья—находятся почти категорическая утвержденія, что виновниками пожара были англичане. Въ письмѣ, посланномъ изъ Бреста 31 января, на другой день послѣ катастрофы, говорится слѣдующее: «Огонь появился почти одновременно во всѣхъ помѣщеніяхъ. Густой дымъ мѣшалъ принять какія бы то ни было мѣры. Огонь быстро перешелъ въ склады смолы, снастей и канатовъ. Все это вспыхнуло въ одно мгновеніе. Весь портъ оцепленъ войсками. Производятся розыски злоумышленниковъ. Арестованъ какой-то неизвѣстный, который предлагалъ шесть луидоровъ, чтобы его пропустили въ городъ. Г. Морепа сообщилъ, что нужно держаться насторожѣ, что у него уже имѣются подозрѣнія на одного человѣка въ Брестѣ. Сгорѣли запасы на два года, такъ что убытокъ доходитъ до четырехъ миллионовъ. Не осталось даже материала, чтобы снарядить хоть одну шлюпку». Въ Парижѣ рассказывали, что испанскій посланникъ (Испанія была въ это время союзницею Франціи), получивъ извѣстіе о двухъ англичанахъ, которые, переодѣвшись монахомъ и аббатомъ, направились въ Дюнкеркъ, чтобы поджечь тамъ морскіе склады, немедленно довелъ обѣ этомъ до свѣдѣнія королевскаго правительства; оба англичанина были, какъ говорять, схвачены и брошены въ Бастилю. Однако не всѣ смотрѣли одинаково на причину катастрофы. Полицейскій журналъ, найденный д'Эстрѣ, отмѣчаетъ и другія попытки объяснить уничтоженіе складовъ въ Брестѣ. Въ Парижѣ многие доказывали, что злого умысла со стороны иностранцевъ вовсе не было, и что пожаръ,

вѣроятно, устроенъ быль поставщиками морского вѣдомства, которые боялись, что откроются ихъ продѣлки. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что Морена очень не энергично вѣль разслѣдованіе причинъ катастрофы, такъ существенно ослабившей французскій флотъ. Въ публикѣ надолго сохранилось убѣжденіе, что съ Брестскою катастрофою было что-то «неладное» и таинственное. По мнѣнію Поля д'Эстрѣ это-то обстоятельство и даетъ намъ право проводить параллель между Брестскою и нынѣшнею Лагубракскою катастрофами.

— Бретонскій заговоръ временъ великой революціи. Г. Ленотръ¹⁾ издалъ основанную на тщательномъ изученіи документальныхъ источниковъ книгу, посвященную событиямъ изъ жизни маркиза де-ла-Руэри и бретонскому заговору 1790—1793 годовъ. Заговоръ маркиза, явившійся прелюдіею возстанія Бретани и страшныхъ вандейскихъ войнъ, въ общихъ чертахъ уже былъ известенъ, но Г. Ленотру удалось пролить новый свѣтъ на ту роль, которую въ открытіи заговора играли агенты комитета общественнаго спасенія. Начинается книга Г. Ленотра съ біографіи маркиза де-ла-Руэри. Мы узнаемъ о событияхъ его молодости, о любовныхъ приключеніяхъ его съ г-жею Бомевиль, о пребываніи его среди траппистовъ, его военныхъ подвигахъ въ Америкѣ, откуда онъ вернулся съ 50.000 франковъ долгу, объ арестѣ его въ Бастилии за то, что онъ стоялъ на сторонѣ бретонскаго парламента во время борьбы парламентовъ съ королевскою властью. «Эти дворяне, говорить Ленотръ, играли съ огнемъ; они привѣтствовали зарожденіе республики, которая для всѣхъ ихъ должна была быть нескончаемою цѣпью катастрофъ, печали и разоренія». Очень рано разочаровавшись въ революціонномъ движениі, ла-Руэри съ 1790 года сталъ агитировать въ Бретани и создавать партию въ пользу короля. Шатобранть, видѣвшій его въ это время, нарисовалъ такой портретъ его въ своихъ «Загробныхъ запискахъ»: «Я встрѣтилъ въ Фужерѣ маркиза ла-Руэри, который отличился въ американскую войну за независимость. Соперникъ Лафайетта и Лозёна, предшественникъ ла-Рошаклена, маркизъ де-ла-Руэри былъ умнѣе ихъ; онъ былся на дуэляхъ еще чаще первого, похищалъ оперныхъ артистокъ, какъ второй, и могъ бы быть товарищемъ по оружію третьему. Онъ фуражировалъ въ лѣсахъ Бретани, сопровождаемый американскимъ майоромъ и съ обезьяною, сидѣвшую за сѣдломъ на его лошади... У него были элегантныя манеры и осанка, смѣлое выраженіе лица, симпатичный видъ, и онъ походилъ на портреты молодыхъ дворянъ временъ лиги». Маркизъ де-ла-Руэри женился въ 1785 году, и съ этого времени въ его жизни стала играть роль предатель, который помогъ погубить его самого, а всѣхъ его близкихъ послалъ на эшафотъ. Жена его умерла черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ брака. Онъ пригласилъ къ ней и поручилъ сопровождать ее на югъ, для лѣченія, молодого доктора по имени Шеветеля, сына знаменитаго въ то время врача. Когда маркиза умерла, Шеветель остался другомъ и сотрапезникомъ маркиза и когда, немного спустя, ла-Руэри переселился въ Парижъ, онъ продолжалъ поддерживать съ врачомъ самыя дружественные отношенія. Между тѣмъ, помимо его вѣдома, Шеветель

¹⁾ G. Lenotre, «Le marquis de la Rouerie et la conjuration bretonne» (1790—1793). Paris. 1899.

сталъ близкимъ другомъ Дантону, Фабръ д'Эглантина, Камилла Демулэнса; онъ даже жилъ въ одномъ домѣ съ Маратомъ. Послѣ того какъ ла-Руэри подготовилъ все, что нужно было, для восстанія въ Бретаніи, набралъ сторонниковъ, собралъ деньги, условился съ принцами въ Кобленцѣ, онъ, по возвращеніи, поспѣшилъ сообщить своему другу Шеветелю всю задуманную имъ интригу и даже поручилъ ему участь въ банкѣ вексель на 15.000 франковъ, данный ему Калонномъ. Будучи, такимъ образомъ, введенъ въ весь кругъ заговора, принимая у себя эмиссаровъ отъ ла-Руэри, въ то время какъ тотъ превращалъ свой замокъ въ главную квартиру, Шеветель слѣдилъ за ходомъ заговора, ожидая удобной минуты, чтобы поставить ловушку тѣмъ, кто ему довѣрились. Онъѣздилъ въ Бретань, чтобы лично видѣть, въ какомъ положеніи дѣла. На островѣ Джерсей онъ долженъ былъ, по порученію ла-Руэри, ускорить доставленіе запаса ружей и амуниціи; говорившись съ Дантономъ, онъ наложилъ арестъ на приготовленный уже грузъ. Въ Лондонѣ онъ видѣлся съ Калонномъ и о бѣсѣдѣ съ нимъ сообщилъ комитету общественного спасенія. Въ Люттихѣ онъ видѣлся съ графомъ Артуа и увѣрилъ его въ своей вѣрности. И вся эта сложная система предательской дѣятельности все время оставалась тайною для руководителей заговора. Комитетъ общественного спасенія послалъ Шеветеля въ Бретань для окончательныхъ дѣйствій, поручивъ его наблюденію другого агента, Лалиганѣ-Морильона. Благодаря тому, что друзья маркиза вполнѣ на него полагались, считая его соучастникомъ въ заговорѣ, ему удалось завладѣть планомъ восстанія и принять мѣры къ аресту всѣхъ заговорщиковъ. Ла-Руэри, больной отъ усталости, бѣжалъ изъ убѣжища въ убѣжище и умеръ въ замкѣ ла-Гюйомарѣ, гдѣ его тайкомъ похоронили. Открытие его трупа привело къ аресту тѣхъ, кто ему далъ прибѣжище. Что касается бумагъ, скомпрометировавшихъ столь многихъ знатныхъ бretонцевъ, Шеветелю не представило труда указать мѣсто, гдѣ онъ хранятся: когда онъ, все еще считавшійся среди заговорщиковъ «своимъ», въ крайней поспѣшности прибылъ на мѣсто, гдѣ былъ архивъ заговорщиковъ, то ему же и поручили спрятать бумаги въ надежное мѣсто. На основаніи точныхъ указаний Лалиганѣ-Морильону ничего не стоило найти тайникъ съ документами. Чтобы доиграть комедію до конца, Лалиганѣ-Морильонъ велѣлъ арестовать Шеветеля, но уже на другой день, конечно, освободилъ его. Длинный рядъ пленниковъ былъ направленъ въ Парижъ, для которого, по выражению Лалигана въ его докладѣ министру, «слѣдовало прибѣречь столь прекрасныхъ головъ». Двѣнадцать этихъ головъ, въ томъ числѣ три женскія, именно г-жѣ де-ля-Гюйомаре, Ла-Пансѣ и Терезы Мoальенѣ, «подруги» маркиза Ла-Руэри, пали черезъ иѣсколько мѣсяцевъ подъ лезвеемъ гильотины. Шеветель, который, можетъ быть, присутствовалъ при ихъ казни, могъ быть доволенъ, такъ какъ ни одна изъ его жертвъ не подозревала его предательства. Роль его выяснилась лишь теперь, на основаніи архивныхъ документовъ, именно его докладовъ Дантону и комитету спасенія.

— Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ. Долгое время считалось неизвѣстнымъ, оставилъ ли герцогъ де-Шуазель, извѣстный министръ Людовика XV, записки, или вѣтъ. Вопросу этому суждено было решиться въ утвердительномъ смыслѣ лишь немногихъ тому назадъ, когда были най-

дены старинные копии и довольно большой отрывокъ подлинныхъ записокъ. Когда въ концѣ 1787 года книгоиздатель Бюиссонъ объявилъ о поступлениі въ продажу двухъ томовъ «Записокъ герцога де-Шуазеля, бывшаго министра морскаго, военнаго и иностраныхъ дѣлъ, написанныхъ имъ самимъ и напечатанныхъ на его глазахъ, въ его кабинетѣ, въ Шантлу, въ 1778 году», семья Шуазелей протестовала противъ этого изданія въ «Journal officiel», заявляя, что, хотя нѣкоторыя части издаваемаго и могли быть написаны самимъ герцогомъ, но для опубликованія онъ никогда не предназначались; Шуазели требовали недопущенія изданія, ссылаясь на то, что оно могло получить свой матеріалъ лишь путемъ кражи и подлога. Въ 1829 году племянникъ и наследникъ министра, герцогъ Шуазель, доказывалъ, что матеріалъ для изданія доставленъ былъ бывшимъ секретаремъ его дяди. Кроме этихъ отрывковъ, собранныхъ въ формѣ историческихъ разсказовъ, существованіе «Записокъ» доказывалось еще письмами. Неоднократно, въ 1791 и 1793 годахъ, Сулави противостоялъ двумъ изданіямъ Бюиссономъ томамъ «Секретную переписку», яко бы переданную имъ тому же книгопродавцу для изданія въ двѣ наддати томахъ. Этотъ трудъ никогда не былъ напечатанъ, и поэтому появилось предположеніе, что Сулави, извѣстный своими литературными подлогами, и здѣсь ссыпался на документы, въ дѣйствительности не существовавшіе. Однако въ настоящее время удалось среди оставшихся отъ Сулави бумагъ найти подлинный отрывокъ изъ записокъ Шуазеля; Сулави, вѣроятно, хранилъ его для того, чтобы «придѣлать» къ нему продолженіе и выпустить въ нѣсколькихъ томахъ въ свѣтъ. Найденный отрывокъ напечатанъ теперь въ «Revue de Paris», послѣ того, какъ его подвергли тщательному изслѣдованию съ точки зрѣнія палеографической, стилистической и исторической¹⁾. Новые изданіи, Этьенъ Шаварэ и Жюль Фламмермонъ, прибавили къ своей находкѣ рядъ необходимыхъ примѣчаній и небольшое предисловіе, разъясняющее почему именно Шуазель нашелъ необходимымъ писать эти записки. Герцогу было известно, что въ придворныхъ кругахъ его обвиняли въ томъ, будто его блестящая карьера началась съ предательства, совершенного въ угоду мадамъ де-Помпадуръ, по адресу жены одного изъ его двоюродныхъ братьевъ. Это была нѣкая Шарлотта Розалія де-Романѣ, которая въ 1751 году вышла замужъ за графа Шуазеля-Бонре. Несмотря на то, что она была племянницей мадамъ д'Эстрадъ, двоюродной сестры и креатуры фаворитки, мадамъ де-Шуазель-Романѣ завязала интригу съ Людовикомъ XV и чуть не вытѣснила маркизу де-Помпадуръ. Разсказывали, что послѣдняя удерживалась лишь потому, что Шуазель, изъ желанія добиться ея милостей, выдалъ ей письмо Людовика XV къ Шуазель-Романѣ. Вотъ эту-то невыгодную для себя легенду герцогъ де-Шуазель и рѣшилъ уничтожить своими записками. По его разсказу, между нимъ и маркизой де-Помпадуръ, когда онъ появился при дворѣ, были самые холодныя, и даже недружелюбныя отношенія. Въ 1752 году, во время поѣздки въ Марли, онъ замѣтилъ, что мадамъ де-Шуазель замѣтно кокетничаетъ съ дофиномъ. Черезъ нѣкоторое время, въ

¹⁾ Duc de Choiseul. Ma liaison avec Madame de Pompadour (*«Revue de Paris»*, 15 mai 1899).

Фонтэнбло онъ услышалъ, что называютъ имя жены его кузена, то въ связи съ дофиномъ, то съ королемъ. Кузенъ, во время одной изъ встрѣчъ съ нимъ при дворѣ, жаловался на оскорбительные для его семейной чести слухи и говорилъ, что онъ, для защиты своей чести, пойдетъ на всѣ крайности и готовъ хоть сжечь весь дворецъ въ Фонтэнбло. Шуазель его уговаривалъ и просилъ не придавать большого значенія сплетнямъ, которыя врядъ ли имѣютъ какое либо основаніе. Самъ про себя онъ рѣшилъ, что будетъ держаться подальше отъ придворныхъ интригъ, лишь бы и его не зацептали въ нихъ. Между тѣмъ, при дворѣ образовалась сильная партія, чтобы свергнуть всемогущую фаворитку, поставивъ на ея мѣсто мадамъ де-Шуазель-Романэ; этого желали д'Аржансонъ, мадамъ д'Эстрадъ и многіе другіе, у которыхъ были личные счеты съ маркизою де-Помпадуръ. Шуазель не придавалъ всему этому значенія, пока случайный разговоръ съ женой кузена не разъяснилъ ему всей опасности, которая угрожала добруму имени Шуазелей. Мадамъ де-Шуазель-Романэ, предполагая, что кузенъ мужа вполнѣ ей сочувствуетъ, рассказала ему, что имѣла свиданіе съ королемъ въ саду Дианы, и что условiemъ измѣны мужу и переходу въ фаворитки она поставила немедленное изгнаніе маркизы де-Помпадуръ. Своимъ новымъ «высокимъ» положеніемъ она обѣщала воспользоваться для того, чтобы немедленно добиться всевозможныхъ милостей для своихъ родственниковъ. Въ доказательство словъ своихъ она показала рядъ любовныхъ писемъ, написанныхъ ей Людовикомъ XV; изъ писемъ было видно, что мадамъ де-Шуазель еще «оставалась добродѣтельной», — «но, говоритъ Шуазель, мысль видѣть носительницу нашего имени въ роли метрессы была для меня ужасна: я заявилъ ей, чтобы она не позже, какъ черезъ четыре дня уѣзжала съ мужемъ въ Парижъ, иначе я буду прнужденъ все сообщить мужу». Собесѣдница Шуазеля была, конечно, крайне возмущена этимъ «вѣроломствомъ», но Шуазель сумѣлъ ее уговорить, представивъ ей рискъ борьбы съ маркизою де-Помпадуръ и крайнюю нежелательность наложенія позорного пятна на родъ Шуазелей. Въ это время подошелъ кузень Шуазеля, и всѣ трое рѣшили, что во избѣженіе скандала и сплетенъ, четвѣтъ Шуазелей слѣдуетъ уѣхать изъ Фонтэнбло. Въ кругахъ маркизы де-Помпадуръ ничего не было известно про то, что успѣлъ уже устроить Шуазель, и фаворитка находилась въ сильномъ безшкодствѣ. Въ это время Шуазелю пришлось разговаривать съ шуриномъ своимъ, герцогомъ де-Гонто, причемъ онъ какъ-то обмолвился, что знаетъ нечто, что могло бы сразу успокоить мадамъ де-Помпадуръ. Гонто передалъ обѣ этомъ разговоръ фавориткѣ, и та, хотя и была съ Шуазелемъ мало знакома, пригласила его къ себѣ. Шуазель хотѣлъ сначала представить свой разговоръ съ Гонто шуткою, но слезами и мольбами мадамъ де-Помпадуръ вынѣкнула у него его тайну и узнала даже содержаніе писемъ Людовика XV къ ея соперницѣ. Въ тотъ же день ревнивая фаворитка устроила сцену королю, который, застигнутый върасплохъ, не зналъ, какъ вывернуться изъ затрудненія, и поклялся маркизѣ, что онъ ей останется вѣренъ. Что же касается мадамъ де-Шуазель-Романэ, она вмѣстѣ съ мужемъ выѣхала изъ Фонтэнбло въ Парижъ, гдѣ черезъ несколько мѣсяцевъ умерла въ родахъ. Король позже узналъ, какую роль въ этой исторіи сыгралъ Шуазель, и сильно

сердился на него, но фаворитка сумела вскорѣ заставить Людовика склонить гнѣвъ на милость и доставила Шуазелю мѣсто посла въ Римѣ, что положило начало позднейшей его блестящей карьерѣ.

Первый бракъ Наполеона Бонапарта. Г. Ленотръ въ парижскомъ «Temps»¹⁾ посвятилъ особый очеркъ одному изъ стариннѣйшихъ зданій Парижа, обширному отелю на улицѣ д'Антэнъ, построенному въ эпоху регентства. Этотъ отель въ теченіе семнадцатаго вѣка принадлежалъ маркизу де Галле-де-Мондрагонъ, бывшему государственнымъ совѣтникомъ и гофмейстеромъ короля. Домъ этотъ, какъ и многіе другіе дома аристократовъ, во время революціи былъ конфискованъ и отданъ въ распоряженіе мэріи второго парижскаго округа: здѣсь, 9-го марта 1796 года, происходило гражданское бракосочетаніе Наполеона Бонапарта съ Жозефиной Богарне. Контрактъ былъ подписанъ наканунѣ брака, послѣ обѣда, у нотаріуса «будущей супруги», Рагидо, въ присутствіи одного лишь свидѣтеля, гражданина Лемаруа, «друга обѣихъ сторонъ». Будущій супругъ заявилъ, что у него нѣть «ни недвижимаго ни движимаго имущества, кромѣ своего гардероба и военныхъ экипажей, всего на сумму...». Но въ此刻, когда нужно было опредѣлить цифру, Бонапартъ передумалъ и вѣльзъ вычеркнуть это признаніе собственной бѣдности. Очевидно, въ надеждѣ на грядущія блага, онъ опредѣлилъ, на всякий случай, для «будущей супруги вдовій пансіонъ въ размѣрѣ тысячи пяти сотъ франковъ ежегодно». Гражданка Богарне оказалась не богаче будущаго супруга своего, и ея приданое оказалось почти равнымъ нулю. Оригиналъ этого контракта сохраняется въ архивѣ г. Магод-де-ля-Керантоннѣ, наслѣдника нотаріальной конторы Рагидо. Нѣкоторый интересъ придаются ему лишь подписи: Napolione Bonaparte и M.-J.-R. Tascher. Первая изъ нихъ написана весьма нечетко, спѣшно и съ большимъ росчеркомъ, въ противоположность спокойной и безстрастной подписи Жозефины. Исполнивъ формальность заключенія контракта, женихъ и невѣста разстались, чтобы увидѣться вновь 9-го марта, въ 8 часовъ вечера, въ мэріи на улицѣ д'Антэнъ, гдѣ слѣдовало составить актъ о бракѣ. Въ назначенное время находились на мѣстѣ оба свидѣтеля, Баррасъ и Тальенъ, довѣренный Жозефины Кальмелѣ и сама невѣста. Прихода Наполеона пришлось ждать цѣлыхъ два часа, въ теченіе которыхъ Жозефина сильно беспокоилась и уже опасалась, какъ бы генералъ Бонапартъ не «раздумалъ». Уже успѣло пройти десять часовъ, какъ по лѣстницѣ быстро взбѣжалъ Наполеонъ, сопровождаемый адютантомъ Лемаруа, разбудилъ ударомъ по плечу задремавшаго чиновника мэріи гражданина Леклерка и сказалъ ему нетерпѣливо: «Вставайте, господинъ мэръ, и поскорѣй жените насъ». Въ актѣ о бракѣ занесены были свѣдѣнія изъ доставленныхъ обѣими супругамъ документовъ. Наполеонъ представилъ документъ о личности, который старилъ его на восемнадцать мѣсяцевъ и свидѣтельствовалъ, что онъ родился въ Парижѣ 5-го февраля 1768 года. Жозефина, напротивъ, достала себѣ актъ о рождении, въ которомъ она оказывалась на четыре года моложе, чѣмъ въ дѣйствительности. Это были не единственныя неточности въ актѣ о бракѣ: подписавшійся подъ нимъ свидѣтель Лемаруа, оказывается, былъ несо-

¹⁾ G. Lenotre. Le mariage de Napoléon—«Temps», 11 mai 1899.

вершеннолѣтнъ и, собственно говоря, не имѣлъ права подписывать документъ. «Впрочемъ, говоритъ Г. Ленотръ, могъ ли кто либо изъ участниковъ этой церемоніи предполагать, что будущіе хроники станутъ рыться во всѣхъ этихъ «мелочахъ»? Развѣ не должны они были предполагать, что бумага со всѣми этими мало извѣстными именами навсегда будетъ забыта въ пыли архивовъ мэріи?» Церемонія взяла немногого времени: въ нѣсколько минутъ необходимыя бумаги были прочитаны и подписаны, произнесено было: да! обѣими сторонами, а затѣмъ молодая чета, въ сопровождѣніи свидѣтелей, вышла изъ мэріи. Благодаря дружбѣ съ Баррасомъ, у Жозефины была карета, которую комитетъ общественного спасенія далъ ей, вмѣстѣ съ двумя вороными лошадьми, въ возмѣщеніе отнятыхъ у Богарне лошадей и повозки. Въ этой каретѣ, конфискованной изъ числа принадлежавшихъ королю, Наполеонъ поѣхалъ теперь на квартиру своей жены на улицѣ Шантрэнъ. Здѣсь Жозефина уже шесть мѣсяцевъ какъ снимала помѣщеніе въ домѣ Жюли Карро, жены Тальма. Узкая лѣстница въ этомъ небольшомъ домикѣ вела на верхъ, где находилась зала и двѣ комнаты. Въ одной изъ нихъ, овального вида, находилась спальня, стѣны которой состояли изъ ряда зеркалъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга небольшими колонками. Когда Наполеонъ вошелъ въ эту комнату, оказалось, что на брачной кровати растянулась любимая собачка Жозефины, «Fortuné». «Вы видите это животное, — рассказывалъ позже Бонарпартъ одному изъ завсегдатаевъ своихъ въ домѣ на улицѣ Шантрэнъ,— оно завладѣло кроватью хозяйки, когда я на ней женился. Я хотѣлъ его согнать, но мнѣ сказали, что придется или лечь въ другомъ мѣстѣ или дѣлить съ нимъ ложе. Это было довольно непріятно, но можно было только или соглашаться или не соглашаться, и фаворитъ оказался гораздо менѣе сковорчивымъ, чѣмъ я». Дѣйствительно, разсерженный вторженіемъ незнакомца въ привычное мѣсто отдохновенія, песь такъ укусилъ въ икру «счастливаго супруга», что шрамъ и воспоминаніе сохранились у Наполеона надолго. Позже Наполеонъ велѣлъ своему повару завести «сильнаго дога, въ надеждѣ, что большая собака проглотитъ маленькую». На слѣдующій день послѣ брака Жозефина рѣшила представить своему супругу своихъ дѣтей отъ первого брака. Гортензія и Евгений Богарне уже шесть мѣсяцевъ какъ находились въ шансіонахъ въ Сэн-Жермэнѣ: мальчикъ въ училищѣ ирландца Патрика Макъ-Дермотта, дѣвочка въ воспитательномъ заведеніи, устроенномъ г-жею Контанъ въ прежнемъ дворцѣ Рогановъ. Евгений уже зналъ генерала: онъ ходилъ къ нему, послѣ вандемьера, просить обратно оружіе Богарне, конфискованное согласно декрету конвента. Бонарпартъ зналъ и Гортензію, которой какъ-то пришлось сидѣть рядомъ съ нимъ на обѣдѣ у Барраса. Какъ разсказывается одна изъ ея подругъ по шансіону, г-жа Паннелье, Гортензія какъ-то расплакалась въ классѣ посреди занятій. Когда ее окружили подруги съ разспросами о ея горѣ, она, рыдала, рассказала, что «у нея страшное горе, такъ какъ мать ея выходитъ замужъ за генерала Бонарптарта, котораго она боится и который, вѣроятно, будетъ очень строгъ съ нею и съ Евгениемъ»... Однако, 10-го марта, во время посѣщенія Сэн-Жермэна, генераль выказалъ себя весьма любезнымъ. Онъ захотѣлъ посѣтить классы и задавалъ разные вопросы дѣтямъ. Однако страхъ Гортензіи оказался заразительнымъ, и дѣти отвѣчали, трясясь отъ боязни. Генераль,

тѣмъ не менѣе, былъ очень любезенъ съ начальницею заведенія: «Я хочу, скажу онъ г-жѣ Контанѣ, поручить вамъ свою маленькую сестру Каролину; только я предупреждаю васъ, что она ровно ничего не знаетъ. Попробуйте сдѣлать ее столь же знающей, какъ дорогая Гортензія»... Говоря такъ, онъ ласково потрепалъ за ухо свою падчерицу. На слѣдующій день, 11-го марта, насталъ конецъ «медовому мѣсяцу» Наполеона. Во дворѣ дома на улицѣ Шантененъ появилась почтовая карета съ чемоданами, полными книгъ, картъ и оружія. Въ каретѣ помѣстились адъютанты Жюно и Шове. Бонапартъ вырвался изъ объятій жены, сталь на подножку и сдѣлалъ знакъ прощенія. Дверь захлопнулась, и карета покатила по направленію къ Италии. Началось «сказочное путешествіе», черезъ двадцать лѣтъ закончившееся на островѣ св. Елены.

— Политическая сплетня начала XIX вѣка. Въ теченіе 1802 и 1803 годовъ, графъ Провансій (позже Людовикъ XVIII) получалъ изъ Парижа правильную корреспонденцію, извѣщавшую его о всѣхъ политическихъ событияхъ, ежедневныхъ слухахъ и сплетняхъ. Эти развѣдки были, какъ кажется, хорошо организованы и давали свѣдѣнія вполнѣ достовѣрныя. Во всякомъ случаѣ, графъ Провансій вполнѣ полагался на то, что ему сообщали. Сдѣлавшись королемъ, онъ рѣшилъ, что эта интересная переписка не должна погибнуть и помѣстилъ ее на храненіе въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Терь знать эти письма и воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ для своей «Исторіи консульства и имперіи». Въ настоящее время рядъ отрывковъ изъ нихъ напечатанъ въ «Revue des Deux Mondes»¹⁾. Здѣсь имѣется много интересныхъ указаній на состояніе общественного мнѣнія въ времена консульства: эта сторона парижской жизни должна была, конечно, болѣе всего интересовать жившаго въ изгнаніи претендента, каковымъ былъ графъ Провансій. «Говорять,— читаемъ мы въ письмѣ отъ 31-го мая 1802 года,— что Бонапартъ суровъ и нечувствителенъ. Однако, разсказываютъ кое-какіе анекдоты, изъ которыхъ видно, что въ глубинѣ души его скрывается глубокая чувствительность. Напримеръ, въ моментъ кризиса, о которомъ въ публикѣ ничего не было известно, онъ велѣлъ ночью призвать въ Тюильерійскій дворецъ генерала Каффарелли. Брать генерала, убитый подъ Акрою былъ близкимъ другомъ Бона парты, и съ тѣхъ поръ первый консулъ хранилъ у себя сердце этого друга. И вотъ, чтобы передать это сокровище на храненіе брату, онъ велѣлъ призвать его къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ просилъ Каффарелли сохранить это сердце до конца кризиса, чтобы, если онъ самъ погибнетъ, «то хоть сокровище это избѣгло руки враговъ». Въ письмѣ отъ 11-го июня того же года говорится: «Цѣлью первого консула, безъ сомнѣнія, является не то, чтобы его любили, хотя это едва ли было бы трудно при его умѣ и остроуміи, лишь бы только нравъ его не заставлялъ его часто поступать несогласно съ тѣмъ и другимъ. Художники вообще не принадлежать къ его сторонникамъ, и въ этомъ нѣть ничего удивительного, если знать, какъ онъ съ ними обходится. Портретъ г-жи Бонапартъ, писанный Жераромъ, во время послѣдней выставки надѣлалъ много

¹⁾ «Un document inédit sur le consulat», par le comte Remacie (Réd. d. deux Mondes), 1 mai 1899.

шуму. Исторія этого портрета мало известна, но довольно курьезна. Г-жа Бонапартъ долго преслѣдовала Жерара, желая добиться отъ него, чтобы онъ написалъ ея портретъ. Жераръ не обращалъ на это никакого вниманія и уклонялся подъ разными предлогами. Наконецъ, однажды она ему сказала: «Вы, вѣроятно, отказываетесь потому, что я уже не молода и не красива». Тутъ уже отступленія не было. Портретъ было на цѣнѣ въ восемь тысячъ франковъ. Жераръ написалъ портретъ супруги первого консула, и эта картина имѣла большой успѣхъ на выставкѣ въ Луврѣ. Прошло пять мѣсяцевъ, и Жераръ все еще не получиль болѣе, какъ двѣ тысячи франковъ. Такъ какъ ему надоѣло постоянно напоминать о дополненіи платы, онъ послалъ раму въ Тюильерійскій дворецъ, а картину оставилъ у себя. Эта смѣлый поступокъ имѣль весь тотъ успѣхъ, котораго онъ добивался: ему заплатили все, что ему слѣдовало, и еще двѣ тысячи франковъ лишнихъ... Первый консулъ имѣть дурную привычку подшучивать или же говорить непріятную правду въ глаза лицамъ, не осмѣливающимся возражать. Мегюль какъ-то въ качествѣ члена института былъ приглашенъ къ нему. Бонапартъ сказалъ ему: «Гражданинъ Мегюль, ваша слава выше вашего таланта. Я не люблю вашего таланта; мнѣ нравится только итальянская музыка». Когда артисты оперы пришли поздравлять его по поводу спасенія отъ покушенія З-го нивоза, онъ обратился къ Гардю и сказалъ ему: «Гражданинъ Гардю, устраивайте-ка намъ балеты. Въ оперѣ я люблю только балеты; наши артисты вѣдь не поютъ, а кричатъ». Въ письмѣ, помѣченномъ 17-мъ юна того же года, разсказывается анекдотъ объ опубликованіи конкордата: «Бонапартъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ былъ и Вольней. Послѣдній, вѣрный своимъ принципамъ, продолжалъ противиться мысли о религіозной реставрації. Первый консулъ, желая покончить съ его возраженіями, заявилъ, что семь восьмыхъ населенія Франціи католики, и что онъ долженъ скорѣе согласоваться съ мнѣніемъ народа, чѣмъ съ мнѣніемъ атеистовъ въ Парижѣ. «Если вы хотите согласоваться съ мнѣніемъ народа,—отвѣчалъ Вольней,—то я долженъ вамъ замѣтить, генераль, что семь восьмыхъ населенія Франціи требуютъ также возращенія Бурбоновъ!» Бонапартъ, не будучи въ состояніи отвѣтить на этотъ аргументъ, увидѣлъ себя принужденнымъ «сообщить Святого Духа» этому невѣрующему путемъ наложенія рукъ, которое однако очень мало походило на апостольское». Другое письмо, отъ 8-го юля, разсказывается, какъ въ трибуналѣ и въ законодательномъ корпусѣ происходила вотировка пожизненнаго консульства: «Карно былъ въ числѣ немногихъ, отказавшихъ дать свое согласіе, и такъ закончилъ свою рѣчь: «Я знаю, что подписываю свою проскрипцію... Нѣть!» Вотъ эпиграмма, которая ходитъ по этому поводу: «Вы говорите: да, я говорю: нѣть; мое мнѣніе не сходится съ вашимъ. Я подписываю свою проскрипцію: но вѣдь я же подписалъ столько проскрипцій чужихъ!» Присоединенные департаменты дали наибольшее количество вотирующихъ. Департаментъ Аахенскій одинъ далъ 89.000 да и 247 нѣтъ. Добрые нѣмцы ко всему этому относятся самымъ добросовѣстнымъ образомъ: всѣ у нихъ вотируютъ и рѣшаются говорить и да и нѣтъ. Я не говорю о частныхъ голосованіяхъ, собранныхъ особенно въ «Journal de Paris», но слѣдуетъ привести одну подачу голоса,

общую двумъ очень извѣстными личностями и достойную того, чтобы исходить отъ какого-либо германского университета: Лрафайеть и Латуръ-Мобуръ вотировали: да, если онъ вернетъ свободу печати». Въ томъ же іюль мѣсяцѣ графу Прованскому сообщались слѣдующія сплетни: «Бонапартъ относится далеко не ко всѣмъ членамъ своей семьи съ тою же снисходительностью. Когда онъ послалъ генерала Леклерка на Санть-Доминго, г-жа Леклеркъ, сестра его, не имѣла никакого желанія ѻхать туда же. Первый консулъ однако заявилъ ей, что если Леклеркъ ѻдетъ воевать и зарабатывать деньги на Санть-Доминго, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы она оставалась въ Парижѣ кокетничать и веселиться съ любовниками. Г-жа Леклеркъ ссыпалась на свое здоровье. Бонапартъ велѣлъ своему доктору выдать свидѣтельство, что она въ состояніи совершить путешествіе. Она указывала на свою беременность и плохія дороги въ Нижней Бретаніи, гдѣ легко можетъ случиться какое либо несчастіе. Бонапартъ отвѣчалъ, что противъ этого будутъ прияты мѣры. Дѣйствительно, онъ велѣлъ нести ее въ носилкахъ болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ и такимъ образомъ заставилъ сопровождать мужа». Письмо отъ 17-го іюля сообщаетъ: «Новое занятіе Бонапарта — это литература и поэзія. Эта маленькая человѣкъ забралъ себѣ въ голову быть выдающимся во всемъ рѣшительно; онъ желаетъ поставить свое имя рядомъ съ именами Фридриха II и Густава III и обезсмертиться своими сочиненіями такъ же, какъ и своими завоеваніями. Великая литературная знаменитости начинаютъ уже утомлять его самолюбіе; онъ произноситъ свои краткія сужденія о стихахъ и обѣ авторахъ и немилосердно осуждаетъ все то, что люди со вкусомъ согласны поставить въ рядъ великихъ произведеній. Хотя онъ и не любить Вольтера, но «Mahomet» является для него первою изъ трагедій. Въ настоящее время въ Мальмезонѣ проводятъ время, разучивая въ семье лучшія наши драматическія пьесы. Люсень, Іосифъ, г-жа Баччюкки и супруга Людовика Бонапарта являются главными актерами. Первый консулъ слушаетъ ихъ и судить ихъ. Онъ въ большомъ отчаяніи, что не имѣть никакой способности къ декламаціи, и Іосифъ, который чудесно успѣваетъ и талантъ котораго блещетъ, внушаетъ ему сильную зависть. Это напоминаетъ намъ шутку мадамъ дю-Шателѣ по адресу Вольтера, который какъ-то хандрилъ и былъ недоволенъ и не чѣмъ не могъ быть развлечено. Всѣ тщетно старались догадаться, какова причина этого, и уже раскаивались въ томъ, что мало ему воскуряли лести за послѣдніе дни: въ это время какъ разъ повѣсили какого-то извѣстнаго преступника и всѣ и вездѣ говорили о его смерти и его преступленіяхъ. «Развѣ вы не видите,—сказала мадамъ дю-Шателѣ о Вольтерѣ,—что онъ мучится завистью къ этому висѣльнику, о которомъ всѣ только и говорятъ вотъ уже двѣ недѣли?» Есть нѣкоторая аналогія между завистью Вольтера къ висѣльнику и завистью Бонапарта къ брату». Въ началѣ октября 1802 года графу Прованскому писали: «Вотъ, что здѣсь рассказываютъ о немилости къ Фушѣ. Онъ только что доставилъ Бонапарту длинный рапортъ о состояніи Парижа и провинцій. Бонапартъ бросилъ презрительный взглядъ на бумагу и сказалъ министру: «Вы меня всегда обременяете вашими длинными письменными разсужденіями. У меня нѣть времени читать ихъ. Мне нужны факты». — Развѣ вы

хотите,—сказалъ Фуше,—чтобы я въась утомляль ненужными деталями, если нѣть ничего столь замѣчательнаго, чтобы заслуживать быть донесеннымъ вамъ?—Неизвѣстно, быль ли Бонапартъ въ дурномъ расположениіи или онъ узналъ что либо со стороны, но опѣ искаль ссоры съ министромъ и продолжалъ укорять его, такъ что Фушѣ, выведенный изъ себя, сказалъ: «Вы хотите знать все, до самыхъ подозрительныхъ деталей. Такъ послушайте, что мнѣ сообщили сегодня утромъ, но чмю я не придаю никакой вѣры. Меня увѣряютъ, будто человѣкъ, очень похожий на вѣась, вышелъ изъ Тюильерийскаго дворца въ два часа утра, подошель ко вторымъ воротамъ, наняль тамъ фіакръ, кучеръ котораго не былъ собственникомъ повозки, сѣль въ него и направился въ улицу Шантенрэнъ. Говорятъ также, будто то же самое повторяется всякий разъ, когда вы только проводите ночи въ Парижѣ, и что вы не возвращаетесь въ Тюильери ранѣе, чмѣль въ шесть часовъ. Вотъ что мнѣ говорили. Вы прекрасно знаете, что я этому не вѣрю». Бонапартъ ничего не отвѣчалъ, повернулся къ министру спиною, а, три дня спустя, министерство полиціи было упразднено, о чмѣль Фушѣ не быль даже предупрежденъ. Еще наканунѣ этого дня онъ работаль вмѣстѣ съ Наполеономъ». Чтобы понять только что приведенную сплетню, слѣдуетъ знать, что на улицѣ Шантенрэнъ находился домъ супруги Людовика Бонапарта, рожденной Г'ортензіи Богарнѣ, матери Наполеона III. Она въ это время была и падчерицею и невѣсткою Наполеона Бонапарта одновременно, что не помышало однако первому консулу вступить съ нею въ связь далеко не платонического характера... Какъ видно изъ этого, парижскіе сплетники 1802 года знали обѣ очень многомъ.

— Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ. Анри Гуссэ, выпустивъ нѣсколько недѣль тому назадъ вторую часть тома, озаглавленного цифрою «1815», закончилъ свою «Исторію паденія первой имперіи», начатую имъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и являющуюся однимъ изъ самыхъ выдающихся историческихъ трудовъ послѣдняго времени¹⁾. Книга Гуссэ въ первыхъ своихъ томахъ имѣла громадный успѣхъ: «1814 годъ» вышелъ уже въ двадцать пятомъ изданіи, а первая часть тома «1815» переиздавалась 24 раза. Гуссэ собралъ для своего сочиненія громадное количество материала, изучалъ мѣстности и планы битвъ, собирая устныя свѣдѣнія отъ лицъ, которыхъ еще имѣли возможность видѣть очевидцевъ, и поэтому его книга, написанная съ огромнымъ литературнымъ талантомъ, даетъ много новыхъ, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ деталей. Послѣдняя страшная борьба Наполеона нашла въ Анри Гуссэ лучшаго до сихъ поръ си изобразителя. Въ бояхъ 1814 года, въ неравной борбѣ съ соперниками, гений полководца Наполеона выказался во всемъ его блескѣ и не его была вина, если въ этой борьбѣ онъ потерялъ неудачу. А. Гуссэ доказываетъ эту мысль, приводя всевозможные подробности о планѣ кампаніи и, часъ за часомъ, перечисляя и объясняя всѣ распоряженія, сдѣланныя Наполеономъ во время похода. Несчастіе великаго полководца состояло въ томъ, что съ нимъ уже не было тѣхъ способныхъ помощниковъ, которые раньше его окружали: «не доставало орудій, а тѣ, которыхъ еще оставались, были уже испор-

¹⁾ Henri Houssaye. «Histoire de la chute du premier Empire. 1815» (Paris, 1899).

чены и надломаны». Маршаль Ланнъ былъ убитъ; Массена былъ утомленъ и неспособенъ уже къ командованію; Миоратъ еще годился, но, послѣ измѣны, на него нельзя было положиться, какъ ни искренно онъ желалъ принять участіе въ войнѣ. Макдональдъ, Гувонъ, Сэнъ-Сиръ отпали отъ императора. Оставались Даву, Сульть, Сюшэ, Груши, Ней. Даву былъ военнымъ министромъ. На этотъ постъ былъ нуженъ человѣкъ, и Даву былъ здѣсь вполнѣ у мѣста. Но зато его не хватало при Ватерлоо. Груши былъ хороший командиръ, но ему недоставало инициативы. Ней, смѣлый изъ смѣлыхъ, не былъ выдающимся умомъ и особенно съ 1814 года въ немъ замѣтны были сильныя колебанія. Онъ оставался еще чуднымъ вождемъ на полѣ битвы, бывшимъ въ состояніи поднять и воодушевить войсковыя массы, но въ его же характерѣ было и оставаться бездѣятельнымъ и нерѣшительнымъ, какъ, напримѣръ, при Катрь-Брѣ. Если въ комъ болѣе всего нуждался Наполеонъ въ 1815 году, такъ это былъ Бертье. Бертье былъ истинно правою рукою Наполеона. Всегда спокойный и уравновѣшенный, умъ ясный, хотя и не изобрѣтательный, умѣлый исполнитель всякаго приказанія, Бертье давалъ Наполеону всегда полную увѣренность, что каждое порученіе, лишь бы оно было дано, будетъ немедленно исполнено. Теперь на мѣстѣ его былъ Сульть, мало привыкшій къ несеснію сложныхъ обязанностей ближайшаго помощника великаго полководца и мало внушившій довѣрія къ себѣ въ армії. За все время кампаніи въ Бельгіи въ 1815 году у Наполеона «были только лѣвые руки». Вслѣдствіе этого великолѣпнаго боя у Линны, который могъ бы рушить участіе всей кампаніи, не дать тѣхъ результатовъ, какіе можно было ожидать отъ него. Онъ могъ бы быть рѣшительнымъ, но не привель ни къ чему: «битва при Ватерлоо была уже потеряна при Линны». Однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ въ книгѣ Гуссѣ является разсказъ о томъ, какъ Груши со своей арміею стоялъ въ указанномъ ему Наполеономъ мѣстѣ и, слыша отдѣленную канонаду, мучился сомнѣніями, что ему дѣлать: выполнять ли приказаніе императора и стоять на мѣстѣ, или спѣшить туда, гдѣ его присутствіе было крайне необходимо. «Надо птии туда, гдѣ звучать выстрѣлы,—говорилъ Жераръ. «Это, вѣроятно, небольшая стычка съ аррѣргардомъ»,—отвѣчалъ Груши. Приложивъ ухо къ землѣ, всѣ вслушивались: вдали звучала страшная канонада, земля дрожала отъ выстрѣловъ. Къ Грушѣ подбѣжалъ Валазѣ: «Надо идти туда: тамъ бой»: Груши упорно отвѣчалъ: «Императоръ приказалъ стоять здѣсь, а не тамъ». И армія Груши не послѣшила на помощь, и Ватерлоо было потеряно. Эмиль Фагэ въ отзываѣ о книгѣ Гуссѣ указываетъ на громадное, обыкновенно оставляемое безъ вниманія, значеніе этой битвы для всей Европы. «Если вѣрить, что для европейскаго равновѣсія нужно, чтобы Франція была столь же сильной континентальной державой, какъ Германія, вѣрить, что Франція не должна быть ни уѣснительницей ни уѣсненою, и вѣрить, наконецъ, что для гармонического цѣлаго цивилизаціи требуется, чтобы Франція была первоклассною державою, то всякий европеецъ долженъ смотрѣть на Ватерлоо, какъ на несчастіе¹⁾. Въ долинѣ Ватерлоо,—говорить Э. Фагэ,—началось окончательное уменьшеніе Франціи: «Седанъ заключался въ Ватерлоо».

¹⁾ Emile Faguet, «1815» (*Revue bleue*, 22 авг. 1899).

— Датский дворъ пятьдесят лѣтъ тому назадъ. Въ Daily News¹⁾ помѣщенъ любопытный отзывъ о только что вышедшихъ мемуарахъ генерала Гольтена, который состоялъ при дворѣ трехъ датскихъ королей: Фридриха VI, Христіана VIII и Фридриха VII. Находясь, какъ адъютантъ послѣдняго изъ этихъ государей, вѣсколько лѣтъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нимъ, Гольтенъ, конечно, имѣлъ достаточно вѣскихъ причинъ, чтобы сказать: «Я глубоко убѣженъ, что мой повелитель былъ слабоумнымъ, хотя у него были свѣтлые минуты, когда онъ отличался даже гениемъ». Повидимому, онъ страдалъ серьезнымъ разстройствомъ нервовъ, которое проявлялось различными экцентричностями, а происходило, главнымъ образомъ, отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Пьянство было такимъ обычнымъ дѣломъ тогда при датскомъ дворѣ, что приглашенные къ королевскому столу обыкновенно развозились по домамъ послѣ обѣда въ безчувственномъ состояніи. Читая рассказы Гольтена о томъ, что творилось при копенгагенскомъ дворѣ въ эпоху 1850—1863 гг., невольно думаешь, что передъ вами не современные мемуары, а лѣтописи X или IX вѣка. Однажды, напримѣръ, король сдѣлалъ выговоръ за что-то слугѣ, и тотъ прескокойно отвѣтилъ: «Стоитъ ли поднимать шумъ изъ такого пустяка. Я былъ вчера пьянъ, но это такъ часто случается съ вашимъ величествомъ». Король добродушно отвѣчалъ: «Это правда». Какъ известно, Фридрихъ VII былъ морганатически женатъ на бывшей швеѣ, очень сомнительной репутаціи и которая получила титулъ графини Даунерь. Она имѣла непонятное роковое влияніе на него. Она была очень низкаго происхожденія, грубая, невѣжественная, и ранѣе связи съ королемъ имѣла вѣсколько незаконныхъ дѣтей. Мать ея находилась въ нищетѣ, и графиня Даунерь посыщала ее передѣтая и по секрету носила ей подарки. Однажды, катаясь въ коляскѣ съ Гольтеромъ, Фридрихъ VII указалъ проходившую мимо бѣдную женщину въ ложмотьяхъ, которой онъ дружески махнулъ рукой, и спросилъ своего адъютанта: «Вы знаете эту женщину?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ прибавилъ: «Это моя теща».

— Петербургъ во время крымской кампаниі. Въ юнѣской книжкѣ «Deutsche Revue»²⁾ помѣщены отрывки изъ дневника молодого человѣка, въ 1855 году поступившаго въ Петербургскій университетъ. Какъ сообщается редакція журнала, дневникъ этотъ остался послѣ «недавно умершаго въ С.-Петербургѣ высшаго сановника». Догадаться объ авторѣ пока трудно: изъ содѣржанія дневника вытекаетъ лишь, что авторъ—«русскій нѣмецъ» и лютеранинъ. Приводимъ вѣкоторыя выдержки: «13 (1) іюля. Послѣ трехдневнаго путешествія въ почтовой повозкѣ я прибылъ въ Петербургъ и помѣстился у кузена Л. До обѣда, при страшной жарѣ, осматривалъ я этотъ прекрасный, величественный городъ, громадная величина котораго находится въ противорѣчіи съ малолюдностью улицъ. Всѣ теперь въ деревняхъ и вернутся лишь поздно. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ дядя и подтвердилъ, что у меня есть шансы попасть въ число студентовъ: «Мы здѣсь не такие педанты, какъ въ про-

¹⁾ Doings at a northern Court 50 years ago.—Daily News.—May. 1899.

²⁾ «St.-Petersburg zur Zeit des Krim Krieges» («Deutsche Revue», 1899, Juni).

винциі, гдѣ относятся серьезно къ приказавію, по которому число студентовъ ограничено тремя стами». Попечитель ссылается на то, что открытиемъ нового факультета (восточного) обстоятельства измѣнены, а министръ Норовъ, который въ общемъ добрый малый, увеличилъ законное число до 400. Впрочемъ дядя предостерегалъ отъ иллюзій о студенческомъ великодѣїи и свободѣ. Университетъ не въ почетѣ, такъ какъ благородные учатся, болышею частю, въ училищѣ правовѣдѣнія и въ лицѣ, гдѣ кончаютъ «съ девятымъ классомъ» (титулярными совѣтниками), и откуда сразу можно попасть на службу въ министерства. Городъ не такъ пріятенъ, какъ онъ кажется—зимою прямо ужасно, и сносно развѣ только для новичковъ. Вечеромъ шла рѣчь о войнѣ. Здѣшнія газеты почти ничего не сообщаютъ, зато частныя свѣдѣнія изъ Крыма изо дня въ день все болѣе неблагонріятныя, чому никто не удивляется, зная по-рядки... Михаилъ Горчаковъ называется *le plus incapable de tous*; говорить, онъ началъ свою карьеру адъютантомъ и офицеромъ генерального штаба и никогда не командовалъ даже ротою. За чаемъ пришелъ лакей Христофоръ, который подаетъ хлѣбъ; онъ принесъ дядѣ нѣсколько грязныхъ билетиковъ съ литографированными надписями. «Вотъ наши мелкія деньги». Такъ какъ серебро и мѣдь совершенно исчезли изъ обращенія, ремесленники и лавочники выдаютъ обязательства на свое имя, когда у нихъ мѣняютъ бумажные рубли. Эти обязательства, которыхъ вездѣ много, нужно хорошенько разматривать, такъ какъ часто при помощи ихъ обманываютъ. Всѣ наличныя деньги уносить война, и нашъ Брокъ (министръ финансовъ) самъ знаетъ, что онъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Покойный императоръ при принятии имъ на себя этой должности, сказалъ: «Я тебѣ помогу», но самъ онъ теперь скончался.—14 (2) юля. Разговоръ о предстоящемъ мнѣ вступительномъ экзаменѣ и плохомъ моемъ знаніи русскаго языка. «Это ничего не значитъ, если ты только съ грѣхомъ поисоламъ можешь объясниться по-французски», сказалъ дядя. «О латинскомъ и греческомъ говорить нечего; ихъ ты, какъ нѣмецкій гимназистъ, знаешь приблизительно столько же, какъ и профессора, которые тебя будутъ экзаменовать. Серіозно здѣсь относятся только къ математикѣ и физикѣ; тутъ тебѣ придется замѣтить себѣ французскую терминологію». Знаніе этихъ предметовъ ведеть начало со временъ Екатерины II, Александра I и іезуитовъ, когда учителя математики были французы, или обучали по французскому методу. «По русской исторіи достаточно выучить наизусть маленькаго Устрялова. Составитель, нашъ государственный исторіографъ, экзаменуетъ самъ: когда стоишь передъ нимъ, главное, чтобы были «руки по швамъ». Онъ и ректоръ, единственныя тайные совѣтники въ университѣтѣ, и Устряловъ очень гордится своимъ чиномъ». Я спросилъ о ректорѣ. «Это нѣкто Плетневъ. О немъ тебѣ нечего заботиться. Онъ такъ только для украшения и считается имѣющимъ значеніе, потому что былъ душеприказчикомъ и близкимъ другомъ Пушкина. Кое-что значитъ лишь первый инспекторъ Александръ Ивановичъ Фиштумъ фонъ-Экпфедтъ, бывшій кавалерійскій офицеръ, которого оба хромца и инвалиды Норовъ и Мусинъ-Пушкинъ (министръ и попечитель) сильно уважаютъ. Онъ очень грубъ, очень необразованъ, говорить по-русски не лучше, чѣмъ по-нѣмецки, но въ общемъ добрый малый, если не спорить съ нимъ. Хорошенько

«истор. вѣстн.», июня, 1899 г., т. lxxvi.

застегивай сюртукъ, отдавай честь начальству и являйся во время къ маршировкѣ, и ты уже сладишь съ нимъ». Я спрашиваю, что такое маршировка: «Когда старый императоръ въ послѣдній разъ былъ въ университетѣ, онъ подарилъ ему двѣ пушки, поставленныя въ большомъ коридорѣ; у этихъ пушекъ студенты обучаются военно-артиллерийскимъ приемамъ, чтобы, зная ихъ и умѣя маршировать, въ крайнемъ случаѣ быть въ состояніи защищать отечество». Мой кузенъ замѣтилъ, что только со второго курса студенты участвуютъ въ маршировкѣ, и что теперь ей не придаютъ серьезнаго значенія. Послѣ обѣда мыѣзды кататься по городу. Такъ какъ я еще не видѣлъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, то дядя отвезъ меня на царскосельскій вокзалъ. «У насъ имѣется только эта увеселительная дорога, такъ какъ желѣзныя дороги считаются политически неблагонадежными, а Канкринъ находилъ ихъ непрактичными». Теперь всѣ жалѣютъ объ этомъ, такъ какъ будь желѣзная дорога на югѣ, посылаемымъ въ Крымъ солдатамъ не пришлось бы недѣлями идти пѣшкомъ и приходить намѣсто больными или умирать по дорогѣ. «Пока управляетъ Клейнмихель, у насъ не будетъ новыхъ дорогъ и останется незаконченной дорога въ Москву. Чѣмъ дольше строять и больше ремонтируютъ, тѣмъ больше зарабатываютъ Клейнмихель и его люди». Вечеромъ цыганскій концертъ въ Вилла Боргезе у Ивана Ивановича Ислера на островахъ. Очень интересно; великколѣпная свѣтлая лѣтняя ночь — много военныхъ, въ томъ числѣ многочисленные офицеры въ кавказскихъ мѣховыхъ шапкахъ, которые довольно курьезны при теплой погодѣ. Мыѣ разсказали, что служащіе на Кавказѣ офицеры смотрѣть на ношеніе этихъ шапокъ, какъ на личную привилегію: они отстояли ее противъ высшихъ сановниковъ и послѣ борьбы, которая въ свое время раздѣлила все высшее общество на двѣ партии. Прочимъ офицерамъ строго воспрещено появляться въ столицѣ иначе какъ въ каскахъ.—20 (8) іюля. Разговоръ объ университетѣ. Раньше онъ имѣлъ гораздо большее значенія, имѣлъ больше студентовъ и лучшихъ профессоровъ, но съ 1848 года его систематически унижали, такъ какъ стали смотрѣть на высшія учебныя заведенія, какъ на разсадники революціонныхъ идей; ихъ чуть не превратили въ интернаты военнаго образца. За спину тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, по мысли предназначавшагося въ преемники его генерала Димитрія Бутурлина, устроенъ былъ тайный комитетъ, который провѣль ограниченіе числа студентовъ, уничтоженіе каѳедръ философіи и европейскаго государственного права, правительственное назначеніе ректоровъ и т. д. Уваровъ послѣ этого подалъ въ отставку, а Бутурлинъ умеръ отъ холеры, раньше, чѣмъ ему удалось стать министромъ. Онъ былъ покровителемъ моего дяди и старшимъ изъ четырехъ братьевъ Бутурлиныхъ, о которыхъ князь Меньшиковъ обыкновенно говорилъ: «Я охотно отдалъ бы обоихъ первыхъ, чтобы незнать обоихъ послѣднихъ». Между нынѣшними профессорами есть, говорять, нѣсколько образованныхъ людей, получившихъ образованіе за границею, въ томъ числѣ превосходный математикъ Буняковскій, историкъ Кугорга и др. Дядя замѣтилъ: «они могутъ еще войти въ моду, такъ какъ говорятъ, что вѣтеръ подуетъ въ другую сторону».—22 (10) іюля. Начало моего обученія математикѣ, уроки которой даетъ мнѣ молодой человѣкъ, только что окончившій университетъ. Мы вечеромъ гуляли въ Лѣтнемъ саду, гдѣ онъ

мнѣ показалъ «единственный памятникъ штатскаго», т. е. баспописца Крылова. Николай Петровичъ С. оказался вольнодумцемъ, атеистомъ и материалистомъ прогрессивно-демократического, почти революционного образа мыслей. Онъ утверждаетъ, что многіе его товарищи думаютъ, какъ онъ, и что того же образа мыслей придерживаются всѣ лучшіе элементы «новаго поколѣнія». Въ Москвѣ, где тонъ задаютъ старорусскіе славянофилы, состоящіе въ сношеніяхъ со многими знатными лицами, господствуютъ другія тенденціи, чѣмъ въ Петербургѣ,—но къ правительству и тамошніе недружелюбно настроены. Даже Закревскій (грозный генераль-губернаторъ московскій) не рѣшился дѣйствовать противъ этихъ господъ, такъ какъ тѣ въ большомъ почетѣ у аристократіи. «Мы съ москвичами не сходимся, но мы согласны въ томъ отношеніи, что пораженія нашей арміи являются банкротствомъ старой системы и должны повести къ лучшей будущности». Даѣе Николай Петровичъ рассказалъ о заговорѣ 1849 года и о «добрыхъ сѣменяхъ», которыхъ онъ посыпалъ; онъ выказалъ удивленіе, какъ я въ провинціи ничего не слыхалъ обо всемъ этомъ. Вечеромъ я все рассказалъ дядѣ, который совѣтовалъ мнѣ быть возможно осторожнѣе съ Николаемъ Петровичемъ, но самъ нисколько не былъ удивленъ услышаннымъ. «Высшее общество», сказалъ онъ, «знаетъ о дурномъ направленіи молодаго поколѣнія, но считаетъ московскихъ славянофиловъ столь же опасными, какъ петербургскихъ «красныхъ». Между москвичами, правда, есть лица изъ стариннаго дворянства, которыхъ поддерживаютъ сношенія съ Петербургомъ и находятъ покровительство у г-жи Блудовой (дочери предсѣдателя государственного совѣта). Теперь считается хорошимъ тономъ ругать нѣмцевъ и называть ихъ *tame louks de l'empire*. Мнѣ дядя совѣтовалъ не вмѣшиваться въ политические разговоры, такъ какъ изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ: «молодежь послѣ смерти старого государя стала какъ будто болѣе дерзкою, а Третье Отдѣленіе менѣе строгимъ». — 24 (12) іюля. Второй урокъ у Николая Петровича С., который, кажется, умный и веселый малый, но страшный материалистъ. Онъ спросилъ меня, слыхалъ ли я что либо о великомъ публицистѣ Искандерѣ — который собственно называется Александромъ Герценомъ—о его «вольной русской типографіи въ Лондонѣ» и печатающемся тамъ журналѣ «Полярная Звѣзда». Я отвѣчалъ, что, правда, слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ имя Искандера на ряду съ именами Ивана Головина и Бакунина, но о носителѣ этого имени и о его журналь не знаю ничего. Николай Петровичъ заявилъ, что Герценъ гораздо значительнѣе Бакунина, котораго рѣчь 1847 года о полякахъ, вирочемъ, можетъ претендовать на прочное значеніе. — 28 (16) іюля. Пріемъ въ университетѣ. Инспекторъ сообщилъ мнѣ, что мои бумаги въ порядкѣ, что я допущенъ до экзамена, и что послѣдній начнется послѣ завтра. Одновременно со мною поступилъ нѣкій нѣмецъ О., которому, несмотря на хорошее свидѣтельство, съ трудомъ удалось добиться допущенія. Его отецъ метрѣ-д'отель при дворѣ, а по приказу 1849 года дѣти разночинцевъ не должны быть допускаемы въ высшія учебныя заведенія. Но такъ какъ отецъ его часто оказывалъ услуги высокопоставленнымъ лицамъ, то они доставили сыну доступъ къ изученію восточныхъ языковъ. Онъ хочетъ быть драгоманомъ на дипломатической службѣ и думаетъ «добриться», такъ

какъ «у насть» связи съ Нессельроде.—Мы обѣдали вмѣстѣ, и О. рассказывалъ о печальномъ настроеніи при дворѣ. и т. д. Между будущими товарищами онъ называлъ брата Нелидову. Попечитель какъ-то накричалъ на студента, который шумѣлъ въ коридорѣ, но самъ ужаснулся, когда тотъ ему сказалъ, что онъ «брать Нелидову». Къ русскимъ товарищамъ слѣдуетъ относиться осторожно. Между ними есть беспокойные головы, и если съ ними свяжешься, то конецъ и «карьерѣ».—11 августа (25 июля). Утромъ я заѣхалъ въ большое зданіе генерального штаба, чтобы передать генераль-квартирмайстеру Ливену письмо подруги дѣтства, г-жи Э. При входѣ моемъ, Ливенъ съ длинной трубкою лежалъ на софѣ. Онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ и, вѣроятно, не спалъ и не раздѣвался ночью; онъ принимаетъ извѣстія изъ Крыма. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ и просилъ меня зайти вновь, такъ какъ онъ теперь занятъ. Въ сѣняхъ толпились ординарцы, очевидно ожидающіе порученій и чувствовавшіе себя очень плохо. Послѣ обѣда, когда мы сидѣли у Доминика въ билліардной, сынъ одного санонника разсказывалъ, что изъ Крыма пришли плохія извѣстія. Хомутовъ, про которого говорили, что у него межъ зубовъ пупки, какъ будто ничего не добился, а неспособность Горчакова всѣмъ извѣстна. Патріотизмъ моихъ русскихъ товарищѣй не очень великъ. Они сказали еще нѣсколько плоскихъ острѣй, а затѣмъ перешли къ разговору о женщинахъ, съ которыми познакомились третьяго дня вечеромъ у Излера.—7 августа (26 июля). У Черной было сраженіе, оставшееся безрезультатнымъ. Знатоки говорятъ, что это означаетъ пораженіе. Шали генераль Редѣ и полковникъ Веймарнъ. Говорятъ, что у послѣдняго было много друзей, и онъ стоялъ близко къ императору. Императора я еще не видѣлъ, такъ какъ дворъ въ лѣтней резиденціи и почти не появляется въ городѣ, где все еще страшно жарко. Сегодня вечеромъ многие знакомые отправляются на Лисий Носъ, откуда видны англійскія суда. Дорога туда довольно плоха, такъ какъ на нижней Невѣ движенія нѣтъ, и приходитсяѣхать сушимъ. Англичанъ и флотъ ихъ безпрестанно ругаютъ, между тѣмъ какъ о французахъ отзывы лучше. На улицѣ мнѣ показали часто упоминаемую французскую актрису Миллѣ: «Elle a changé de r  gime», то-есть, теперь у нея любовники лишь изъ офицеровъ конной гвардіи. Здѣсь и тамъ толкуютъ, почему французскій театръ, несмотря на войну, не закрытъ, и басистъ Лаблашъ, родомъ французъ, продолжаетъ оставаться ангажированнымъ въ оперѣ. Дядя замѣтилъ, что Михайловскій театръ незамѣнны для высшаго общества, но что царская фамилія его не посѣщаетъ и съ прошлаго года вообще не появлялась при публичныхъ спектакляхъ. Лаблашъ, правда, французъ, но получилъ образованіе въ Италии и безупречно корректнаго образа мыслей. На французовъ вообще смотрятъ, какъ на жертву соблазнителей-англичанъ, и этихъ послѣднихъ страшно ненавидятъ. Шлое впечатлѣніе произвело, что измѣнена форма генераловъ, и имъ даны красные штаны, «точно у французовъ и (особенно ненавистныхъ) австрійцевъ». Всѣ теперь ожидаютъ отставки Клейнмихеля; плохое управление путями сообщенія неоднократно находило неодобрение нынѣшняго императора, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ. Но объ этой отставкѣ ничего не слышно—15 (3) августа. Начались экзамены.—17 (15) августа. Экзамены за мною. Испы-

таніе по математикѣ я кое-какъ сдалъ. На основавіі рекомендательного письма Буняковскій разрѣшилъ мнѣ отвѣтить по-французски (онъ парижскій докторъ и охотно говоритъ обѣ этомъ), а физикъ Ленцъ экзаменовалъ меня на нѣмецкомъ языкѣ. При русскомъ сочиненіи (о любви къ родителямъ) мнѣ помогъ поповичъ, которому я написалъ вѣмецкую работу. Официальной резолюціи еще неѣть, но инспекторъ мнѣ сказалъ: «Вы можете заказать себѣ форму». О. рассказалъ, что поповичъ Ф. сдалъ экзаменъ лучше всѣхъ и по всѣмъ предметамъ получилъ 4 (хорошо), между тѣмъ какъ у насть были нѣкоторыя пятёрки, но зато математика была сдана лишь на тройку. Всѣхъ студентовъ, говорять, 399, т. е. 99 сверхъ предписанного по закону числа». 18 (6) августа. На актѣ обратили на себя вниманіе нѣкоторые вновь поступающіе студенты и профессоры восточного факультета, явившіеся въ восточныхъ костюмахъ. Профессоръ Казембекъ получилъ разрешеніе сохранить свой персидскій костюмъ и носить на немъ большую ленту ордена Станислава. Учитель чистописанія, калмыкъ съ бритой головой и парчевою шапочкою на ней, похожъ на китайца. Между студентами были грузины въ красныхъ курткахъ и караимы въ фиолетовыхъ кафтанахъ. Лекціи начнутся лишь черезъ нѣсколько дней и объявляются всѣ сразу. Я, какъ юристъ, долженъ слушать на первомъ курсѣ энциклопедію, русское государственное право, исторію права и логику. Кромѣ того, я хочу быть вольнослушателемъ у Куторги (средняя исторія). Такъ какъ это не въ модѣ, я попросилъ позволенія у Куторги, который любезно разрѣшилъ, хотя и съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Товарищи думаютъ, что довольно отъ иоры до времени показываться инспекторамъ въ коридорѣ или аудиторіи. Такъ какъ экзаменуютъ только по тетрадямъ, которыхъ литографированы, составляются прилежными «поповичами» и дешево продаются, то особенно посѣщать аудиторію не приходится. Инспекторы, говорятъ, люди хорошие, и оставлять насть въ покой, только бы мы не попадались имъ въ штатскомъ. — 20 (8) августа. Дядя озадачилъ меня вопросомъ, не желаю ли я познакомиться съ графомъ Сологубомъ, его старымъ знакомымъ, которого повѣсти изъ высшаго свѣта произвели почему-то большое впечатлѣніе; онъ недавно вернулся съ Кавказа, гдѣ игралъ «роль военного исторіографа» и живеть въ домѣ своего тестя, оберь-шенка графа Віельгорскаго, на Михайловской площади, близъ французскаго театра. Я съ благодарностью принялъ предложеніе передать знаменитому писателю рекомендательное письмо и похвалилъ повѣсти и особенно «Тарантасъ» Сологуба. Дядя засмѣялся: онъ уже двадцать пять лѣтъ живеть въ Петербургѣ, чувствуетъ себя наполовину русскимъ, знаетъ весь міръ, но считаетъ русскую литературу предразсудкомъ, который не долженъ быть замѣчаться у людей съ высшимъ образованіемъ. Для грубо реалистическихъ изображеній у русскихъ есть вѣкоторый талантъ, также и для сатиры, но все остальное заключается въ подражаніи нѣмцамъ, французамъ и англичанамъ. Въ моду занятіе русской литературою вошло только въ недавнее время; люди постарше всегда читали только французовъ. Посѣщеніе у Сологуба. У дверей, вмѣсто швейцара, стоялъ человѣкъ въ черкесскомъ костюмѣ, съ кинжаломъ за поясомъ. Онъ провелъ меня въ рабочій кабинетъ графа, изъ которого выбивались густые клубы дыма отъ сигаръ. Хотя было отъ часу до двухъ по полудни, Сологубъ сидѣлъ не мытый и небри-

тый въ мѣховомъ халатѣ и рубашкѣ — высокій, грубоватый и чувственного вида мужчина, съ истасканными чертами, въ которыхъ никто не узналъ бы творца проникнутыхъ міровой скорбю повѣстей. Онъ принялъ меня ласково, обрадовался, что молодежь еще читаетъ его вещи и что нѣмецъ умѣеть цѣнить его. Я сказалъ ему о впечатлѣніи, которое на меня произвели «Медвѣдь» и «Аптекарша». Сологубъ отвѣчалъ, что писалъ эти повѣсти еще съ «убѣждениемъ», съ внутреннимъ участіемъ,— все остальное «искусственные продукты», на которые онъ рѣшился, такъ какъ его манера писанія встрѣтила сочувствіе. Напротивъ него сидѣлъ молодой человѣкъ въ темной военной формѣ, котораго онъ представилъ, какъ князя Голицына. Когда я послѣ короткаго разговора попрощался, Сологубъ просилъ меня зайти еще «поболтать о литературѣ и покурить» съ нимъ, а другой присутствовавшій здѣсь господинъ просилъ меня передать поклонъ дядѣ, прибавивъ при этомъ: «скажите ему, что вы встрѣтили доктора Голицына». Въ обѣдъ я рассказалъ все дядѣ и спросилъ его, какъ это князь Голицынъ называетъ себя докторомъ и носить мундиръ военного врача. Князь, дѣйствительно, оказался докторомъ медицины, которую онъ онъ изучаль изъ интереса къ дѣлу, въ Москвѣ.—Мнѣ рассказываютъ о нелюбви императора Николая къ гражданскимъ чиновникамъ и формамъ. Гдѣ только гражданскія должности,—напримѣръ, по управлению институтомъ благородныхъ дѣвицъ—замѣщались бывшими офицерами, послѣдніе легко добивались позволенія удержать военную форму и считаться въ арміи» — 29 (12) августа. Рано утромъ меня разбудилъ слуга Христофоръ, передавшій мнѣ печатный листъ. Я усматриваю изъ него, что одно изъ главныхъ укрѣплений Севастополя, Малаховъ курганъ, взято союзниками, и посылаю это извѣстіе дядѣ въ спальню. Затѣмъ, при проливномъ дождѣ иду въ университетъ. Улицы оживленыѣ, чѣмъ обыкновенно — по Невскому ѣдетъ рядъ всядниковъ, передъ которыми всѣ снимаю шапки. «Государь», — кричитъ мнѣ извозчикъ — и, дѣйствительно, оказалось, по Невскому прослѣдовать императоръ. Онъ высокъ ростомъ, строенъ, очень блѣденъ, съ утомленными чертами лица, съ гордой и независимой осанкой, строгимъ и неподвижнымъ выраженіемъ лица. Вѣроятно, онъ уже ночью получилъ печальное извѣстіе черезъ Ливена, къ которому приходятъ телеграфные сообщенія и который иногда цѣлыми сутками не можетъ снять формы. Извѣстія о Севастополѣ въ университетѣ уже были извѣстны, но, кажется, не привели впечатлѣнія, «такъ какъ ихъ ожидали». Одни пожимаютъ плечами, другіе смотрятъ насмѣшиво: «point de politique, je vous rie». Въ городѣ много ополченцевъ въ сѣрыхъ кафтанахъ, красныхъ кушакахъ и высокихъ сапогахъ, въ которые, по національному обычая, запрятаны штаны. Гвардейскій резервъ императорской свиты одѣть въ тотъ же костюмъ, но изъ чернаго сукна; среди знатнаго міра стало модою записываться въ этотъ отрядъ, который, впрочемъ, остается въ столицѣ. Вечеромъ къ чаю пришли русскіе родственники дяди. Надняхъ прибыли въ Петербургъ офицеры къ точными извѣстіями о битвѣ при Черной и рассказали о настоящемъ пораженіи. Горчаковъ надѣлъ много ошибокъ и предпринялъ нападеніе, хотя и предвидѣлъ его безнадежность. Множество орудій потерянно, потому что упустили изъ виду привлечь для прикрытия ихъ стоявшіе у Перекона гвардейскіе полки. Замѣча-

тельно, что русские выражались гораздо рѣзче, чѣмъ здѣшніе нѣмцы. — Особенno рѣзко выражался отставной полковникъ И., который, какъ рѣзный либеральцъ, требовалъ «реформъ во всѣхъ областяхъ» и сильно бранился. Онъ рассказалъ о мемуарѣ курляндскаго губернатора Валуева, предлагавшаго уничтоженіе крѣпостнаго права, винаго откуна и т. д.; этотъ мемуаръ расходится въ тысячахъ копій. Другой мемуаръ, составленный богатымъ землевладѣльцемъ Кошелевымъ и предназначенный для императора, предлагаетъ созвать собраніе нотаблей, надѣясь отъ такового на усиленіе патріотического духа, который замѣтно слабѣетъ, какъ видно изъ незначительныхъ поступлений въ ополченіе. Дядя искугдался при этой мысли, которая, по его словамъ, угрожаетъ принципу самодержавія и можетъ вызвать ужасныя опасности. С. отвѣчалъ въ Ѣдкомъ тонѣ, что у нѣмцевъ нѣтъ должнаго довѣрія къ русскому народу. Разошлись въ непріятномъ настроеніи. Дядя разъяснилъ кузену, что либеральная пополновенія русскихъ сами по себѣ ничего не значатъ, но вавѣрное поведутъ ко всесобѣй травлѣ противъ нѣмцевъ.—31 (19) августа. Слухи о новыхъ бояхъ подъ Севастополемъ. Къ обѣду пришелъ инженерный офицеръ, финляндецъ, только что прибывшій изъ Крыма, и стоявшій въ одномъ изъ севастопольскихъ фортовъ. Онъ не могъ разсказать многаго, такъ какъ фортъ его стоялъ, какъ пустынныи островъ, и былъ почти совершенно отрѣзанъ отъ центра. О большихъ операций было известно только самое необходимое. Князь Горчаковъ (которому Паскевичъ доставилъ это мѣсто) добрый малый (bon enfant), но непрактиченъ, легковѣренъ и непопуляренъ. Онъ говорить почти только по-французски и остается чуждымъ для солдатъ и унтер-офицеровъ. Душою защиты является Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, сынъ мелкаго митавскаго купца, котораго способности признаются всѣми, хотя и говорять про него: «Жаль, что онъ не русскій». 31-ымъ числомъ августа 1855 года пока кончается дневникъ. Редакція «Deutsche Revue» обѣщаетъ дать еще продолженіе его.

— Драма временъ парижской коммуны. Въ «Revue des Revues»¹⁾ со словъ «главнаго участника», А. Калле разсказываетъ исторію разстрѣлянія коммунарами заложниковъ. «Случай, говорить А. Калле, дасть намъ возможность войти въ сношенія съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, послѣднимъ оставшимся въ живыхъ участникомъ кровопролитія, который былъ судью въ военномъ судѣ, принесъ приказъ о казни, командовалъ стрѣльбою и составилъ протоколъ казни. Очень молодой еще въ это время онъ принадлежалъ къ бланкистской группѣ, очень незначительной, но бывшей въ состояніи внушить своимъ членамъ дикую энергию и неукротимую смѣлость; въ то же время это былъ лучшій изъ сыновей въ мірѣ, упорный работникъ, талантливый скульпторъ, остроумное и насмѣшилъ лицо котораго свидѣтельствовало о томъ, что угрызенія совѣсти для него легки». Вотъ этотъ-то главный участникъ и рассказалъ А. Калле слѣдующее: онъ участвовалъ въ кампаніи, какъ мобіль, и вернулся въ Парижъ только немногими днями раньше 18-го марта. Онъ примкнулъ къ Жантону, котораго зналъ по прежнимъ совѣтскимъ работамъ.

¹⁾ Une drame sous la Commune, par A. Callet Revue des Revues 1899, 15 mai.

24-го мая они находились въ меріи одиннадцатаго округа. Подошли бѣшеные, ожесточенные и кричавшіе о мести национальные гвардейцы, которые только что бились на бастионахъ улицы Комартенъ. Ихъ заставили отступить, а человѣкъ пятнадцать изъ нихъ были разстрѣляны подъ самыми глазами товарищѣй, которые ничего не могли сдѣлать. Они уступали бастиону за бастиономъ и теперь стучали въ стѣны и двери мэріи одиннадцатаго округа, крича: «Отмщенія!» Къ нимъ присоединились жены убитыхъ, взбѣшенныя, дико кричавшія. Феррѣ приказалъ впустить делегацію, которая потребовала, чтобы немедленно же быть созданъ военный трибуналъ для суда надъ заложниками, чтобы отомстить за убитыхъ друзей. Феррѣ, который видѣлъ, что вездѣ вокругъ него малодушіе и отчаяніе уже дѣлали свое дѣло, рѣшилъ, что здѣсь имѣется случай однѣмъ рѣшительнымъ ударомъ поднять энергію, подбодрить упавшихъ духомъ и пустить гальваническій токъ для оживленія лежавшей въ агоніи коммуны. Немедленно же онъ, съ Жантономъ и Фортеномъ, устроилъ военный судъ, который постановилъ сейчасъ же предать смерти шесть главныхъ заложниковъ, находившихся въ тюрьмѣ Рокеттъ. Жантонъ направился въ Рокеттъ съ отрядомъ въ сорокъ национальныхъ гвардейцевъ, половина которыхъ исчезла по дорогѣ. Въ тюрьмѣ директоръ ея, Франсуа, справедливо замѣтилъ, что онъ не можетъ выдать узниковъ, фамиліи которыхъ не указаны въ приказѣ. Сержантъ мобилей Фортенъ вернулся въ мэрію, чтобы ему дали приказъ съ обозначеніемъ именъ. На уголкѣ листа Феррѣ написалъ своимъ крупнымъ канцелярскимъ почеркомъ, синимъ карандашомъ: «шесть главныхъ заложниковъ и, главнымъ образомъ, архиепископа». Фортенъ тогда сталь на груду камней и сдѣлалъ призывъ къ добровольцамъ, которые могли бы отомстить за своихъ братьевъ. Первымъ выступилъ пожарный, который хрюкнулъ голосомъ, съ судорожно искаженнымъ лицомъ, потребовалъ ружье, чтобы наказать убийцъ своего брата, разстрѣянного въ этотъ день утромъ. Скоро собралось двадцать человѣкъ, которые, подъ начальствомъ Фортена, попали по улицѣ де-ла-Рокеттъ, съ ружьями на плечахъ, съ глазами, влившимися въ пространство, съ скжатыми зубами... За ними бѣжали женщины, кричавшія: «Казнить ихъ.. Къ стѣнѣ!» На площади Фортенъ увидѣлъ извѣстнаго рабочаго Межи, Жуаннена, и капитана генерального штаба Сикара, который согласился принять начальство надъ отрядомъ. Такъ какъ у него не было сабли, Фортенъ передалъ ему свою. Директоръ тюрьмы уже не дѣлалъ никакихъ возраженій. Было $7\frac{1}{2}$ часовъ, когда тюремщики пошли разыскивать заложниковъ, которыхъ свели внизъ по небольшой спиральной лѣстницѣ. Кононада, свирѣпствовавшая на лѣвомъ берегу и на Монмартрѣ, немного унялась, и слышны были лишь немногіе глухие выстрѣлы. На синемъ небѣ видѣлись какъ бы громадныя подвижныя тѣни: это былъ дымъ отъ пожарищъ. Отрядъ выстроился вдоль стѣны. Когда заложники проходили мимо, нѣсколько пьяныхъ гвардейцевъ начали насмѣхаться надъ ними. Жантонъ и Фортенъ заставили ихъ замолчать, крикнувъ: «Вы здѣсь, чтобы стрѣлять, а не для чего другого!» Среди дрожавшихъ гвардейцевъ прошли шесть заложниковъ, безстрастные и спокойные, «очень умно и съ большиимъ достоинствомъ», какъ говорилъ потомъ одинъ изъ очевидцевъ. Архиепископъ, проходя мимо Фортена, молодость которого поразила его,— сказалъ ему: «Но вѣдь три раза посыпали

въ Версаль? Я полагаю, что обмѣнъ уже рѣшенъ?» Фортенъ отвѣчалъ ему: «О, какъ могли вы надѣяться на слова Тьера!» Президентъ Бонжанъ, который съ трудомъ двигался, передалъ свои бумаги одному изъ тюремщиковъ. Послѣ этого заложники выстроились въ рядъ вдоль стѣны въ глубинѣ двора. Кромѣ о. Аллара, который раскрылъ себѣ грудь («желая, какъ говорить очевидецъ, порисоваться»), и стоялъ на колѣни передъ архиепископомъ, не смотрѣвшимъ, однако, на него,— всѣ оставались безстрастными, съ глазами, устремленными къ небу. Дорожка, ведшая вокругъ тюрьмы, была слишкомъ узка, и пришлось поставить гвардейцевъ въ три шеренги въ глубину. Архиепископъ стоялъ на лѣво. Противъ него стали самые ярые, Межи и Жуаннэнъ. Сикаръ, около которого стоялъ Фортенъ, хотѣлъ скомандовать огонь. Площадка была такъ узка, что онъ не могъ дать команду саблею, а голосъ его былъ такъ слабъ — у него была чахотка, — что Фортену пришлось повторить приказаниѣ. Сзади, въ двадцати шагахъ отъ гвардейцевъ, бесѣдовали Жантонъ и Франсуа. Раздались два залпа, одинъ послѣ другого. Послѣ первого архиепископъ еще стоялъ, съ глазами, устремленными въ одну точку, читая предсмертную молитву. При второмъ залпѣ онъ зашатался. Уже послѣ того, какъ онъ упалъ, два или три гвардейца добили его своими выстрѣлами. Жантонъ поручилъ двумъ гвардейцамъ оберегать мертвыхъ, а затѣмъ всѣ разошлись, одни молчаливо и какъ бы въ столбнякѣ, другіе шумно разговаривая. Фортенъ отправился съ рапортомъ къ Феррѣ. На площади онъ встрѣтилъ Гомбера и Лиссагарэ и рассказалъ имъ о разстрѣляніи заложниковъ: они къ этому отнеслись безучаstно. Темною ночью тюремщики и солдаты пришли за трупами. Ихъ сложили на небольшія повозки и закопали въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Пэръ-Лашеза. Черезъ три дня, кварталь этотъ былъ взятъ арміею. На Пэръ-Лашезѣ оказано было отчаянное сопротивленіе; здѣсь пало очень много федералистовъ. Когда пришлось возсоздавать сцены этой печальной драмы, разыскивать виновныхъ, находить свидѣтелей, встрѣтилась тысяча затрудненій, появились тысячи разнородныхъ разсказовъ. Слѣдствіе не могло разобраться въ этомъ хаосѣ. Фортена, который былъ случайно арестованъ, пришлось освободить за неимѣniемъ уликъ. Во время преній ничего нельзѧ было разобрать среди безсвязныхъ фактовъ, умолчаний и преувеличеній обвиненныхъ и свидѣтелей. Президентъ суда попробовалъ устроить личную ставку. Нельзя было никакъ узнать, кто доставилъ смертный приговоръ и кто скомандовалъ огонь. Одинъ изъ свидѣтелей говорилъ, что онъ узналъ Фортена. Если бы это было доказано, то угрожала неминуемая казнь. Изъ боязни, часть тѣхъ, кто участвовали въ дѣлѣ, не рѣшались узнать его. Велѣли принести на креслахъ въ засѣданіе суда капитана Сикара, который былъ едва живъ. Среди мертвой тишины, Фортенъ былъ поставленъ въ двухъ шагахъ отъ него, съ приказанiемъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Два офицера внимательно слѣдили за ими обоими. Безстрастно и безучастно оба эти человѣка посмотрѣли другъ на друга, ни знакомъ ни жестомъ не показавъ наблюдавшимъ ихъ, что они другъ друга знаютъ. «Это продолжалось одну минуту, которая, разказывается Фортенъ, показалась мнѣ вѣчностью: я не слышалъ биенія собственного сердца, но слышалъ шорохъ въ больныхъ легкихъ Сикара». Сикаръ поднялъ свою изсохшую руку и пробормоталъ: «Нѣть, я не знаю его».

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ умеръ. — Въ настоящее время, какъ сообщаютъ изъ Парижа, старая тюрьма Рокеттъ предназначена къ упраздненію, и заодно съ нею грозитъ опасность уничтоженія и стѣнъ, у которой пали безвинныя жертвы коммуны.

— Австрійскій фельдмаршалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ. 21 (9) мая нынѣшняго года исполнилось какъ разъ девяносто лѣтъ со времени битвы при Аспернѣ, въ которой австрійскій эрцгерцогъ Карлъ побѣдоносно отбилъ нападеніе Наполеона. Въ этотъ день, въ присутствіи императора Франца-Іосифа, совершилось открытие памятника другому знаменитому полководцу, сыну эрцгерцога Карла, Альбрехту. По поводу постановки памятника всѣ австрійскія газеты и журналы помѣстили статьи, посвященные памяти побѣдителя при Кустоццѣ. Изъ этихъ статей можно отмѣтить очеркъ жизни фельдмаршала, по-мѣщенному полковникомъ К. фонъ-Дункеромъ въ приложеніи къ вѣнскому «Freundenblatt»¹⁾. Эрцгерцогъ Альбрехтъ былъ вторымъ ребенкомъ эрцгерцога Карла отъ брака съ принцессою Генрієттою Нассау-Вейльбургскою. Онъ родился 3-го августа 1817 года. Съ одиннадцати лѣтъ воспитаніе его всецѣло передано было въ руки военныхъ воспитателей; на характеръ эрцгерцога несомнѣнно наложило печать и то, что онъ въ 1829 году лишился матери. Послѣ основательной теоретической подготовки Албрехтъ принялъ въ маѣ 1837 года команду надъ первымъ батальономъ Грацкаго пѣхотнаго полка. Послуживъ затѣмъ нѣкоторое время въ кирасирахъ, онъ совершилъ кратковременный визитъ вѣжливости при русскомъ дворѣ, а затѣмъ продолжалъ свою военную карьеру. Находясь на дѣятельной службѣ, эрцгерцогъ имѣлъ возможность замѣтить и оценить многочисленныя невыгодныя стороны тогдашняго строя австрійской арміи, особенно ея сильнѣйшей, но совершенно ненужный формализмъ. Чрезвычайно строгая служба въ гарнизонахъ и на сторожевыхъ постахъ, педантичныя маршировки въ лагеряхъ, парады и разсчитанные на эффективность маневры составляли все содержаніе мирной жизни арміи. Эрцгерцогъ признавался, что лишь въ Италии, подъ руководствомъ Радецкаго, ему удалось понять, что такая истинная военная подготовка. События въ Вѣнѣ 13 марта 1848 года вызвали временный перерывъ въ дѣятельности эрцгерцога. Въ народѣ про него распространены были слухи, что онъ одинъ изъ главвѣйшихъ виновниковъ реакціи, вслѣдствіе чего 14-го марта онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которая и была принята. Недовольный событиями, онъ удалился въ свои моравскія имѣнія, но оставался тамъ недолго: военные дѣйствія въ австрійской Италии заставили его выступить снова на сцену: онъ даже предполагалъ, если бы ему не дали команды, пойти на войну въ качествѣ простого добровольца. Подъ Санта-Лучіею онъ въ первый разъ очутился подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ концѣ декабря 1848 года возведенный мартовскими событиями на престолъ императоръ Францъ-Іосифъ назначилъ Альбрехта начальникомъ дивизіи въ Италии. Ему пришлось особенно отличиться въ битвѣ подъ Наварою, проигранной сардинцами. Послѣ подавленія революціонного движения во всѣхъ Габсбургскихъ земляхъ, на долю эрц-

¹⁾ Karl v. Dunker, «Feldmarschall Erzherzog Albrecht» («Freundenblatt», 21 Mai. 1899).

герцога Альбрехта досталось нѣсколько очень видныхъ назначений. Осенью 1851 года онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ третьей арміи и военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ Венгрии. Онъ довольно умѣло руководилъ здѣсь переходомъ отъ осадного положенія, въ которое была поставлена Венгрия, къ нормальнымъ условіямъ. Въ 1859 году эрцгерцогъ посланъ былъ въ Пруссію для переговоровъ съ принцемъ-регентомъ Вильгельмомъ по очень щекотливому поводу: Австрія надѣялась добиться помощи Пруссіи противъ Наполеона III, который готовился къ войнѣ и поддерживалъ революціонное движение въ Италии. Эрцгерцогъ, который самъ про себя говорилъ, что онъ «прежде всего — солдатъ», совершенно не справился съ этой дипломатической задачею. Извѣстно, что итальянская война съ Франціею была неудачна для Австріи. Однимъ изъ послѣдствій ея было и броженіе въ Венгрии, гдѣ снова подняли голову всѣ недовольные элементы: эрцгерцогъ не надѣялся на свои силы и въ апрѣлѣ 1860 года вышелъ въ отставку. Однако самое важное событие въ его жизни еще предстояло. Въ 1866 году, когда Австрія была объявлена война одновременно Пруссіею и Италіею, эрцгерцогъ Альбрехтъ былъ поставленъ во главѣ южной арміи. Побѣда, которую онъ 24 (12) іюля 1866 года одержалъ при Кустоццѣ, имѣла громаднѣйшее значеніе для Австріи. Если бы эрцгерцогъ былъ побѣженъ, то навѣрное, въ день битвы при Садовой (3 іюля н. ст.) побѣдоносная итальянская армія перешла бы черезъ рѣку Тальяменто и ко времени перемирія весь южный Тироль, Герцъ, Тріестъ и Истрія могли бы быть въ рукахъ Италіи. При такихъ условіяхъ требования побѣдителей могли бы быть весьма суровы: Италія, вѣроятно, потребовала бы альпійской границы въ Тиролѣ, всего побережья Истріи, можетъ быть, даже Далмаціи; Австрія пришлось бы уничтожить флотъ и быть навсегда отрѣзанной отъ моря. Послѣ пораженія сѣверной арміи эрцгерцогъ сталъ во главѣ соединенныхъ силъ и въ короткое время собралъ близъ Вѣны двухсотъ-тысячную армію. Послѣ заключенія мира эрцгерцогу поручена была реорганизація всего австрійскаго войска на основѣ всеобщей воинской повинности. Неустанной работѣ улучшеніяхъ въ арміи были посвящены послѣднія три десятилѣтія въ жизни эрцгерцога до самой смерти его, послѣдовавшей 18 (6) февраля 1895 года. Слѣдуетъ замѣтить, что эрцгерцогъ былъ дѣятеленъ, и какъ писатель. Ему принадлежать четыре довольно важные для исторіи австрійской арміи сочиненія: «Какъ перерганизовать австрійское войско?». «Мысли о воинскомъ духѣ», «Критическая замѣчанія по поводу похода 1866 года въ Италіи» и «1870-ый годъ и вооруженные силы Австріи».

— Смерть Зеллера, Сарсэ, Пальерона и Бекка. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ умерло нѣсколько вѣдающихъ писателей: историкъ Зеллеръ, журналистъ и драматический критикъ Сарсэ, академикъ и водевилистъ Пальеронъ, наконецъ, первый драматургъ современной Франціи, Генрихъ Беккъ. Бергольдъ Зеллеръ родился въ 1848 году, воспитывался въ лицѣ Генриха IV и, окончивъ курсъ въ Нормальной школѣ, былъ профессоромъ въ вѣсколькихъ провинціальныхъ лицеяхъ и наконецъ въ парижскомъ лицѣ Карла V. Въ 1874 году онъ былъ посланъ въ Италію съ археологическимъ порученіемъ и во Флоренціи нашелъ многочисленные, невѣдомые документы относительно исторіи отношений

между Францией и Тосканой, въ началѣ XVII столѣтія. Эта находка рѣшила всю его научную дѣятельность: онъ всецѣло посвятилъ себя историческому воспроизведенію эпохи малолѣтства Людовика XIII до окончательного водворенія Ришелье во главѣ государства. 25 лѣтъ трудился онъ надъ этой громадной работой и постепенно издавалъ всѣ ея семь томовъ подъ различными заглавіями. Послѣдній, однако, только приготовленъ имъ къ выпуску, и онъ умеръ, не дождавшись появленія на свѣтѣ своего послѣдняго дѣтища. Весь этотъ обширный трудъ («Henri IV et Marie de Medicis», «Le conteable de Luynes Montauban et la Vallezine», «Richelieu et les ministres de Louis XIII de 1621 à 1624», «Marie de Medicis et Sully», «Marie de Medicis et Vielleroi», «Marie de Medicis chef du conseil», «Louis XIII, Marie de Medicis, Richelieu ministre») представляетъ искусный пересказъ въ научной и художественной формѣ старинныхъ флорентинскихъ хроникъ и дипломатическихъ депешъ, бросающихъ новый свѣтъ на исторію Франціи избранной имъ эпохи. Какъ историкъ, Зеллеръ слѣдовалъ по стопамъ Леопольда Ранке, но къ точному воспроизведенію свидѣтельствъ современниковъ онъ прибавлялъ еще глубокое изученіе тогдашняго искусства, что позволяло ему придавать своему разсказу всецѣло тонъ, колоритъ и характеръ изображаемаго времени. Конечно, отъ него нельзя требовать глубокихъ общихъ взглядовъ или психологического анализа, но какъ воскрешатель старины въ живой, интересной и строго научной формѣ, онъ занимаетъ видное мѣсто среди новыхъ французскихъ историковъ. Занимая профессорскую каѳедру въ факультетѣ словесности въ Парижскомъ университѣтѣ, онъ издалъ еще рядъ маленькихъ томиковъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторія Франціи, разсказанная современниками», и въ которой онъ изложилъ всѣ факты исторіи своей родины отъ галловъ до Генриха IV въ видѣ отрывковъ изъ хроникъ и писемъ современниковъ, связанныхъ краткимъ разсказомъ и иллюстрированныхъ портретами и снимками съ памятниковъ. Эта добросовѣстная попытка популяризовать излюбленныя имъ лѣтописи оказала большую услугу дѣлу образования во Франціи. Наконецъ, серіозный, трезвый изслѣдователь старины соблазнился мыслью попытать счастье въ беллетристикѣ и помѣстилъ въ фельтонахъ газеты «Liberté» исторический романъ «Клавдія», но- несмотря на художественный его сцены, драматический интересъ и вѣрное изображеніе старинныхъ нравовъ, онъ показался историкамъ слишкомъ историческимъ, а публикѣ слишкомъ скучнымъ. Эта неуспѣхъ и неполученіе первой академической преміи за свой громадный исторический трудъ о Людовикѣ XIII, которой онъ вполнѣ заслуживалъ, разстроили здоровье скромнаго труженика, и онъ скончался на 52-мъ году жизни, прочитавъ послѣдній листъ корректуры «Людовика XIII, Маріи Медичи и Ришелье министра».

Смерть Франциска Сарсэ, прозваннаго королемъ парижскихъ театральныхъ критиковъ, произвела много шума въ Парижѣ. Его торжественно похоронили, на могилѣ произнесли цвѣтистыя хвалебныя диэирамбы и въ газетахъ напечатали безконечныя статьи объ его добродушіи, роскоши, богатствѣ, великолѣпныхъ обѣдахъ, ежедневныхъ посѣщеніяхъ театровъ, наконецъ, о безконечномъ его сотрудничествѣ въ парижскихъ и провинціальныхъ газетахъ и журналахъ, что приносило ему до 1.000 и 1.500 франковъ въ день, но обѣ его

литературномъ талантѣ, обѣ его значеніи, какъ критика и публициста, никто не коснулся. Впрочемъ и коснуться обѣ этомъ было нельзѧ. Сорокъ лѣтъ Сарсѣ писалъ ежедневно обо всемъ, наполняль столбцы газетъ и страницы журналовъ всевозможными статьями, фельетонами, критиками и рецензіями, даже сочиняль романы и пьесы, но все это была такая ординарная литературная стряпня, отъ которой ничто не осталось, даже при его жизни, а въ исторіи литературы его имя сохраниится, какъ зауряднаго журналиста, высказывавшаго самыя узкія, буржуазные взгляды, и театрального критика, не понимавшаго Шекспира, Гёте, даже Мюссе, любившаго только мелодрамы и фарсы, гнавшаго всѣ молодые таланты и преслѣдовавшаго всѣ попытки новаго, честнаго, смѣлаго слова въ драматическомъ искусствѣ, которое онъ однако любилъ. Какимъ образомъ такой пустой, поверхностный и узко-буржуазный критикъ сумѣль приобрѣсть столь громадный авторитетъ, что въ продолженіе трехъ десятилѣтій его понедѣльничные фельетоны въ «Temps» вѣнчали лаврами или повергали въ бездну отчаянія авторовъ и актеровъ, — представляется одной изъ загадокъ современной Франціи. По крайней мѣрѣ, его безконечныя газетныя статейки, въ родѣ «Fagots» (Полѣнья) въ «Temps» и «Grains de Sel» въ «Figaro» не имѣли никакого вліянія и пропадали безследно, но театральныя сужденія Сарсѣ имѣли самый роковой результатъ, такъ какъ всѣ ихъ читали, всѣ признавали ихъ компетентность, а они возставали противъ всего высокаго, благороднаго, смѣлаго, художественнаго, новаго. Больѣ литературнаго гасильника, въ полномъ смыслѣ этого слова, трудно себѣ вообразить, и на совѣсти Сарсѣ много безвременно погибшихъ литературныхъ и драматическихъ силъ, много несправедливо возвеличенныхъ пустоцѣтовъ. Что касается до жизни Сарсѣ, то о ней нечего много сказать. Онъ родился въ 1848 году, воспитывался въ лицѣ Карла Великаго, прошелъ курсъ нормальной школы, гдѣ его товарищами были Абу и Тэнъ, служилъ немнога лѣтъ учителемъ въ провинціальныхъ лицахъ, а затѣмъ съ 1858 года жилъ постоянно въ Парижѣ, ходилъ въ театръ иногда два раза въ день и писалъ, писалъ, писалъ. Къ чести его можно сказать одно: онъ гордо охранялъ свою независимость журналиста и никогда не хотѣлъ ни быть академикомъ, ни носить въ петлицѣ красную ленточку Почетнаго Легиона.

По злой ироніи судьбы умерла почти въ одно время съ Сарсѣ одна изъ его роковыхъ жертвъ, величайшій современный французскій драматургъ Генри Беккъ, и одинъ изъ несправедливо возвеличенныхъ имъ водевильныхъ пустоцѣтовъ, академикъ Пальеронъ. Эти два человѣка представляли во всемъ поразительный контрастъ. Эдуардъ Пальеронъ былъ всю свою жизнь удачникомъ и умеръ академикомъ, въ роскоши, богатствѣ, славѣ, а Генри Беккъ представлять типъ полнаго неудачника и скончался въ нищетѣ, но зато первый былъ зауряднымъ водевилистомъ, написавшимъ только одну забавную пьесу, а послѣдній составляеть самое крупное имя въ исторіи французскаго театра XIX вѣка, адвѣ изъ его пьесъ останутся всегда украшеніемъ театральнаго репертуара. Родившись въ 1834 году, сынъ богатаго купца, Пальеронъ занимаясь въ конторѣ нотаріуса, началъ писать стихи, затѣмъ женился на дочери редактора «Revue de Deux Mondes», Бюлоза, завелъ литературный салонъ и

сталъ писать водевили, болыше и малые, изъ которыхъ, собственно говоря, только «Le Monde ou l'on s'en prie» имѣлъ большой успѣхъ на театрѣ французской комедіи и отворилъ ему двери французской академіи. Все въ жизни ему улыбалось, и Сарсѣ ему расточалъ похвалы, даже удостоилъ его поставить рядомъ съ своимъ идоломъ Сарду, этимъ мастеромъ современной сценической стряпни. Зато не было тѣхъ гадостей, которыхъ не дѣлалъ Сарсѣ бѣдному Бекку, хотя и признавалъ, что его пьеса «Parisienne» одна изъ наилучшихъ четырехъ-пяти драматическихъ произведений французского театра XIX в. Шестьдесятъ два года жилъ этотъ талантливѣйшій драматургъ и видѣлъ на каждомъ шагу только бѣдность, нищету, неудачи, горе. Онъ перепробовалъ всѣ ремесла: былъ чиновникомъ, секретаремъ какого-то русскаго князя, контролеромъ на желѣзной дорогѣ, биржевымъ агентомъ и учителемъ, но всегда и вездѣ ему не везло, а на той почвѣ, где онъ дѣйствительно былъ первымъ, именно на театрѣ, ему мѣшиали одержать успѣхъ материальный, потому что нравственнымъ онъ пользовался всецѣло, такие тупоголовые, чтобы не сказать хуже, критики, какъ Сарсѣ, который былъ непримиримымъ его врагомъ. Не гоняясь за эффектомъ и мишурой славой, Беккъ стремился въ своихъ пьесахъ только быть самому довольнымъ собой; онъ не старался подновлять, по его словамъ, «старыйя отрепья драматического искусства», не «питалъ расположенія къ убийцамъ, истеричнымъ субъектамъ, алкоголикамъ и т. д.», а «любилъ изображать невинныхъ, обойденныхъ, униженныхъ, тѣхъ, которые отбиваются отъ всякихъ насилий и тираній». Въ «Мишель Поперѣ» онъ вывелъ геніальнаго изобрѣтателя, дѣлающагося жертвой корыстныхъ плутократовъ; «Вороны» представляютъ картину эксплуатации дѣльцами несчастной вдовы съ тремя дочерьми, а «Парижанка» рисуетъ геніальными чертами всю низость, весь обманъ, все лицемѣре парижскаго общества, где «жизнь вгроемъ узаконенное учрежденіе». Всѣ эти пьесы и въ особенности послѣдняя написаны прекраснымъ классически-реальнымъ языкомъ, если можно такъ выражаться, высказываютъ горькую правду о современномъ растѣніи нравовъ и служатъ примѣромъ того, чѣмъ должна быть комедія нравовъ нашего времени. Благодаря высказываемой ими смѣлой правдѣ и новой, реальной формѣ его пьесъ, онъ удалился вражды Сарсѣ и не имѣлъ успѣха, а ихъ авторъ умеръ въ нищетѣ, оставивъ недоконченной свою послѣднюю пьесу «Полишинели», надъ которой онъ работалъ десять лѣтъ и въ которой онъ хотѣлъ представить блестящую сатиру хищниковъ новѣйшей фракціи, героеvъ Панамы. Всѣ литературныя произведенія этого славнаго неудачника заключаются въ двухъ томахъ пьесъ и одного томика «Воспоминаній драматурга», въ которыхъ этотъ «новаторъ драматического искусства» злобно, ядовито, но справедливо клеймитъ Сарсѣ, Клареси, французскую академію и т. д., а рядомъ энергично ломаетъ кошля за молодыхъ, неизвестныхъ силы.

СМѢСЬ.

Ъ ЮБИЛЕЮ ПУШКИНА. І. Александрія, Херсонской губернії. Управа предполагаетъ сдѣлать распоряженіе, чтобы во всѣхъ земскихъ школахъ уѣзда въ присутствіи учащихся 26-го мая отслужены были панихиды по усопшемъ поэтѣ; учителя же должны ознакомить собравшихся въ этотъ день учащихся съ биографіею поэта и его произведеніями. Въ болѣе многолюдныхъ школахъ предполагается произвести народныя чтенія съ туманными картинами; такія чтенія будутъ устроены въ 23-хъ школахъ. Кромѣ того, управа предполагаетъ раздать всѣмъ ученикамъ брошюры, содержащиа избранныя стихотворенія, а прочимъ присутствующимъ сказки Пушкина. На приобрѣтеніе 7.500 брошюръ и 200 картинъ управа испрашивается кредитъ въ размѣрѣ 500 рублей. Понечительство о народной трезвости также устраивается въ своихъ чайныхъ и столовыхъ чтенія съ тѣневыми картинами, а въ г. Александріи и на ст. Долинской бесплатные народные спектакли. II. Арзамась. Дулою постановлено 26-го мая совершить въ соборѣ заупокойную обѣдню и панихиду въ присутствіи всѣхъ учащихся города. Для каждой приходской школы будетъ приобрѣтенъ портретъ поэта. Ученикамъ и ученицамъ, окончившимъ курсъ въ нынѣшнемъ году въ городскихъ школахъ, свидѣтельства объ оконченіи курса будутъ выданы съ портретомъ Пушкина. Всѣмъ учащимся будутъ разданы біографіи поэта и школьнія изданія произведеній Пушкина. Во всѣхъ училищахъ устроены будутъ чтенія для учащихся о Пушкинѣ; для выдачи сочиненій Пушкина ученицамъ женской прогимназіи и городскаго 4-хъ

класснаго училища Думой ассигновано 100 руб. Съ Цасхи начнутся пушкинскія празднества въ земскихъ школахъ уѣзда, для которыхъ губернскимъ земствомъ высланы картины для волшебнаго фонаря къ чтеніямъ о Пушкинѣ. Окончившіе курсъ въ земскихъ школахъ получать по сборнику произведеній поэта. III. Асхабадъ. Въ «Пушкинскіе дни» въ частяхъ мѣстнаго гарнизона будетъ отмѣченъ юбилей Пушкина чтеніемъ для солдатъ биографіи и въкоторыхъ произведеній поэта; кромѣ того, солдатамъ будутъ разданы сочиненія Пушкина въ дешевомъ народномъ изданіи. IV. Село Баланда. Мѣстное общество намѣревается присоединиться къ общимъ празднествамъ 1) устройствомъ подписки въ пользу праздника; 2) ходатайствомъ предъ баландинскимъ обществомъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ извѣстной суммы. Назначеніе собранныхъ денегъ таково: 1) устроить народныя чтенія при школахъ (3-хъ) съ волшебнымъ фонаремъ; 2) организовать помощь хозяевамъ-крестьянамъ, лишившимся, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, возможности хозяйствовать (падежъ лошади, пожаръ). V. Бахмутъ. Городская дума по предложению городского головы ассигновала на чествованіе памяти А. С. Пушкина 300 рублей. Для выработки программы празднества 26-го мая думой избрана комиссія. Бахмутское общественное собраніе, согласно предложенію предсѣдателя собранія В. И. Першина, предоставило на время празднованія столѣтней годовщины Пушкина въ распоряженіе городского головы садъ, театръ и музыку и, кромѣ того, ассигновало 100 рублей на угощеніе учащихся низшихъ учебныхъ заведеній. VI. Бердичевъ. Въ ознаменованіе столѣтняго юбилея рожденія Пушкина предположено учредить въ Бердичевѣ коммерческое училище имени поэта, причемъ городъ обязывается построить на свои средства соотвѣтствующее зданіе подъ помѣщеніе означенаго училища. Это постановленіе встрѣчено съ живѣйшимъ сочувствіемъ со стороны мѣстнаго населенія и многіе изъ представителей купечества изъявляютъ готовность пожертвовать для этой цѣли болѣе или менѣе значительныя суммы. Независимо отъ сего дума постановила ассигновать 300 рублей на приобрѣтеніе сочиненій чествуемаго поэта для раздачи учащимся въ городскихъ и приходскихъ училищахъ. VII. Варшава. Согласно выработанной программѣ торжества, съ 25-го по 31-е мая, въ варшавскомъ Большомъ театрѣ будутъ даны Пушкинскіе драматическіе спектакли. Для этой цѣли будетъ приглашена сюда, по всей вѣроятности, часть труппы московскаго Малаго театра. Для народа будетъ устроено 30-го мая пушкинское гулянье въ Александровскомъ паркѣ. VIII. Двинскъ. Думѣ было доложено заявленіе гласнаго Князева объ участіи города въ празднованіи 100-лѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина. Гл. Князевъ въ заявлѣніи своемъ высказалъ, что городское управление могло бы ознаменовать этотъ день основаніемъ, въ память гениальнаго поэта, такого учрежденія, которое, имѣя общеполезный и просвѣтительный характеръ, было бы долговѣчно и не зависѣло отъ времененныхъ и измѣнчивыхъ обстоятельствъ, а также было бы общедоступно для каждого жителя города, безъ различія вѣры, національности и проч., и что наиболѣшимъувѣковѣченіемъ имени и заслугъ знаменитаго человѣка было бы учрежденіе библіотеки, музея или учебнаго заведенія. Дума, выслушавъ, кромѣ того, и словесное заявленіе гл. Князева и соображаясь съ наличными сред-

ствами городской казны, постановила: открыть въ самой отдаленной части города, подъ названіемъ Старый Форштатъ, начальное имени А. С. Пушкина училище. **IX. Иркутскъ.** Мѣстною Пушкинскою комиссию рѣшено основать самостоятельное училище и напменовать его училищемъ А. С. Пушкина. Закладку зданія произвести 26-го мая. Здѣсь же у школы насадить скверъ и назвать его Пушкинскимъ, для чего 9-го мая устроить праздникъ древонасажденія, въ которомъ должны принять участіе всѣ городскія школы. Ходатайствовать объ окончаніи занятій въ городскихъ школахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ не позже 24-го мая. При этомъ просить гг. учителей передъ роспускомъ ознакомить учениковъ съ жизнью и произведеніями поэта. 27-го мая устроить въ городскомъ театрѣ актъ для городскихъ школъ, на которомъ будеть прочтены доступный для дѣтскаго возраста очеркъ жизни поэта и указется значеніе его произведеній, чтеніе должно сопровождаться туманными картинами. Далѣе ученики декламируютъ стихотворенія поэта и исполняютъ нѣсколько вокальныхъ и музыкальныхъ нумеровъ. Актъ заканчивается шпінемъ славы А. С. Пушкину, причемъ на бюстъ поэта возлагается вѣнокъ. Въ награду лучшимъ ученикамъ выдаются исключительно сочиненія поэта. Кромѣ того, всѣмъ ученикамъ раздаются біографія и избранныя сочиненія поэта. 26 мая торжественная панихида въ соборѣ, затѣмъ закладка школы имени Пушкина, а вечеромъ музыкально-вокальный вечеръ. 27-го мая—чтенія, посвященные памяти поэта, во всѣхъ аудиторіяхъ. На всѣ расходы комиссія проектируетъ не менѣе тысячи рублей. **X. Казань.** Засѣданіе 1-го апрѣля казанской городской думы было цѣликомъ посвящено обсужденію программы чествованія памяти Пушкина. Какъ сообщаетъ «Казанскій Телеграфъ», былъ поднятъ (гл. Образцовымъ) вопросъ и о томъ, чтобы какъ учащаяся мусульманская молодежь, такъ и все мусульманское общество было привлечено къ празднованію юбилея Пушкина. Для этого, по мнѣнію г. Образцова, слѣдуетъ поручить кому нибудь изъ образованныхъ мусульманскихъ учителей сдѣлать нѣсколько переводовъ въ стихотворной формѣ на татарскій языкъ и познакомить татаръ съ біографіей поэта. А. В. Васильевъ, присоединяясь къ мнѣнію г. Образцова, замѣтилъ, что вопросъ о переводѣ на татарскій языкъ сочиненій Пушкина въ послѣднюю очередь сессію Казанскаго уѣзднаго собранія былъ поднятъ проф. Д. А. Корсаковымъ и теперь сочиненія Пушкина уже переводятся. А. М. Галлѣевъ находилъ, что мусульманское общество крайне нуждается въ хорошихъ переводахъ съ русскаго языка, а потому переводъ сочиненій Пушкина всѣмъ мусульманскимъ обществомъ будетъ горячо привѣтствованъ. Казанская дума постановила назначить конкурсъ на переводъ произведеній Пушкина на татарскій языкъ, при чемъ за лучшій переводъ выдать 500 рублей. Сумму эту въ продолженіе трехъ лѣтъ равными частями вносить въ городскую смѣту. Далѣе дума уполномочила управу поставить въ Державинскомъ скверѣ на колоннѣ временно бюстъ Пушкина, а затѣмъ, по постройкѣ зданій народной аудиторіи, поставить въ ней бюстъ въ нишѣ на видномъ мѣстѣ. Вопросъ объ этой постройкѣ вызвалъ продолжительная и весьма оживленная пренія, послѣ которыхъ дума постановила продолжать начатую постройку аудиторіи, назвавъ ее «Домомъ Пушкина», при чемъ на производство работъ ежегодно ассигновы-

вать изъ доходовъ съ Дрябловскаго дома по 4 тысячи рублей. Въ заключеніе дума постановила: почтить память А. С. Пушкина открытиемъ на два мѣсяца (июня и юля) бесплатной столовой на 200 человѣкъ нуждающихся въ продовольствіи. На расходы по ознаменованію столѣтія со дня рождения А. С. Пушкина (плата за панихиду, напечатаніе похвальныхъ листовъ, приобрѣтеніе сборниковъ произведеній Пушкина, устройство туманныхъ картинъ, напечатаніе рѣчи г. Архангельскаго, постановка бюста Пушкина, расходы по закладкѣ зданія народной аудиторіи, устройство и содержаніе столовой и пр.) дума ассигновала 1.200 рублей. XI. Кіевъ. 1) Кромѣ прочтенія однимъ изъ профессоровъ университета св. Владимира въ день предстоящаго 100-лѣтнаго юбилея А. С. Пушкина публичной рѣчи, посвященной памяти поэта, въ актовомъ залѣ, университетъ св. Владимира имѣеть также въ виду выбрать юбилейныя медали въ честь Пушкина, для чего совѣтъ университета въ настоящее время и входить съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія о разрѣшении ему чеканки означенныхъ медалей. 2) Всльдѣствіе наступленія праздника Вознесенія Господня, чествованіе Пушкина въ Кіевской академіи будетъ происходить только втечение дня, то-есть часовъ, предшествующихъ вечернему богослуженію. Программа празднованія въ настоящее время еще не выработана окончательно, но, какъ сообщается «Жизнь и Искусство», профессоромъ Н. И. Петровымъ уже подготовляется лекція о Пушкинской поэзіи, которая предполагается къ прочтенію 26 мая. XII. Курскъ. Программа чествованія столѣтней годовщины дня рождения Пушкина выработана думскою комиссіею совмѣстно съ правленіемъ общества распространенія грамотности въ Курской губерніи. Постановлено открыть бесплатную читальню для народа и наименовать ее Пушкинской, основать город ское училище и назвать его Пушкинскимъ; въ саду, который предназначенъ для дѣтей и содержится на городской счетъ, поставить бюстъ Пушкина и сдѣлать называть Пушкинскимъ; 23-го и 25-го мая обществомъ распространенія грамотности утромъ будетъ устроено чтеніе для народа изъ произведеній Пушкина, 26-го мая отслужить панихиду и устроить торжественный актъ въ дворянскомъ собраніи для учащихся въ городскихъ училищахъ, а въ городскомъ театрѣ вечеромъ будетъ прочитана краткая біографія Пушкина и нѣкоторая изъ его произведеній. 27-го мая утромъ дѣтское гулянье въ скверѣ, а вечеромъ — бесплатный спектакль; 26-го мая также будетъ торжественное заѣданіе всѣхъ обществъ въ Курскѣ. Что же касается мысли Курского общества распространенія въ народѣ грамотности о своевременномъ созывѣ съѣзда представителей русскихъ просвѣтительныхъ обществъ, работающихъ въ области виѣшкольного просвѣщенія народа для чествованія памяти Пушкина, то курское общество предложило этимъ russkимъ обществамъ обсудить слѣдующіе вопросы: 1) желательно ли теперь возбудить передъ высшимъ правительствомъ ходатайство о разрѣшении периодическихъ «съѣздовъ дѣятелей по виѣшкольному образованію» въ память А. С. Пушкина? 2) Если желательно, то что предпочтительнее и осуществимѣе — общерусские съѣзы или мѣстные (областные)? 3) Гдѣ и кому должна принадлежать ближайшая организаціонная роль по разработкѣ вопроса и по устройству съѣзовъ? По послѣднему пункту курское общество со своей стороны полагаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ просить взять на себя такую

роль Петербургское попечительство о народной трезвости. **XIII. Люблин.** Рѣшено устроить торжественный спектакль въ городскомъ театрѣ изъ произведеній поэта, на который сперва допустить учениковъ и ученицъ имѣющихихъ въ городѣ гимназій и училищъ, а затѣмъ повторить для публики. Драматическая часть спектакля будетъ состоять изъ чтенія сценъ изъ «Евгения Онѣгина» и изъ постановки сценъ изъ «Бориса Годунова» и «Скупого рыцаря». Въ музыкальную часть войдутъ отрывки изъ «Руслана» и «Евгения Онѣгина». Кромѣ того, 26-го мая будетъ отслужена торжественная панихида въ соборѣ и затѣмъ въ гимназіяхъ будутъ устроены акты съ чтеніемъ произведеній Пушкина, съ декламаціями и туманными картинами, съ раздачей портретовъ и сочиненій поэта. Въ начальныхъ школахъ будутъ раздаваться отдѣльныя произведенія и сборники сочиненій А. С. Пушкина. Вечеромъ будетъ устроено гулянье въ лагерѣ Рязанскаго 69-го пѣхотнаго полка для войскъ и простого народа, при чмъ будутъ пѣть 16 хоровъ и играть нѣсколько оркестровъ. **XVI. Москва.**

1) Въ концѣ апрѣля состоялось соглашеніе относительно времени и порядка пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ былъ выработанъ предположительный планъ празднованія, который представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Празднства, какъ извѣстно, займутъ три дня—26-го, 27-го и 28-го мая. Въ виду праздника отданія Пасхи, которое приходится на 26-е мая, панихида по Пушкину будетъ совершена не въ храмѣ Христа Спасителя, какъ это предполагалось ранѣе, а въ манежѣ. Сюда въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра соберутся участники торжествъ, а также и учащаяся молодежь, и послѣ панихиды процесія съ вѣнками двинется къ памятнику Пушкина на Тверскомъ бульварѣ. Шествіе закончится въ $10\frac{1}{2}$ часовъ; затѣмъ послѣдуетъ возложеніе вѣнковъ на памятникъ, рѣчъ С. Г. Смирнова, исполненіе канаты соч. Ипполитова-Иванова и въ заключеніе—народнаго гимна; все это кончается къ $11\frac{1}{2}$ часамъ. Тѣмъ временемъ въ церкви Богоявленія, въ Елоховѣ, будетъ совершаться обѣдня и кончится въ 12 часовъ панихидой при митрополичьемъ служеніи. Затѣмъ отсюда процесія двинется на Нѣменскую улицу, къ дому, гдѣ родился Пушкинъ; здѣсь состоится закладка «Пушкинского дома». Послѣ перерыва, въ 3 часа, въ университѣтѣ состоится торжественное соединенное засѣданіе университета и общества любителей российской словесности, на которомъ послѣ привѣтствія, сказанного ректоромъ, будутъ произнесены рѣчи профессоровъ Н. И. Стороженко и А. И. Кирпичниковымъ. Вечеромъ же въ этотъ день состоится подписаній обѣдня. Слѣдующіе за этимъ дни—27-го и 28-го мая—по программѣ торжествъ будутъ одинаковы: по утрамъ засѣданія въ залѣ благороднаго собранія, чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, приемъ депутатій изъ провинцій отъ университетовъ и обществъ; по вечерамъ—художественные вечера въ дворянскомъ же собраніи. Кромѣ того, въ Историческомъ и Румянцевскомъ музеяхъ будутъ открыты Пушкинскія выставки. Выставки останутся нѣкоторое время и послѣ торжествъ. 2) Въ три наддатомъ засѣданіи Пушкинской комиссіи принимали участіе сынъ поэта, генераль-лейтенантъ А. А. Пушкинъ, и внукъ поэта, бронницкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Пушкинъ. Было сообщено о нѣсколькихъ новыхъ предметахъ, доставленныхъ или обѣщанныхъ на выставку. Сынъ поэта

А. А. Пушкинъ сообщить, кромѣ другихъ предметовъ, о которыхъ было известно раньше, сохраненный имъ на память кусокъ послѣдней Пушкинской сосны въ Михайловскомъ, сломленной грозою въ 1895 г. Въ Императорскомъ Историческомъ музѣи Пушкинская выставка займетъ шесть залъ второго этажа нальво отъ входа, въ которыхъ помѣщалась выставка Археологического събзда. Главное мѣсто отводится портретамъ. Между прочимъ, на выставку доставлены подлинные портреты А. С. Пушкина, рисованные съ него самого художниками Мазеромъ (портретъ доставленъ М. Н. Кузнецовымъ), Трошининомъ (изъ собранія кн. Хилковой) и портретъ работы художника Кипренского, доставленный сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ. С. Н. Батюшкова доставила акварельный портретъ Пушкина работы художника Соколова, а г-жа Беклемишева небольшой портретъ работы Брюлова. Далѣе на выставкѣ будуть выставлены нѣсколько портретовъ близайшихъ родственниковъ поэта, а также близкихъ ему лицъ: портретъ К. Н. Батюшкова работы художника Кипренского 1815 г. и друга Пушкина Н. И. Кривцова. Оба эти портрета доставлены С. Н. Батюшковой, урожденной Кривцовой. Далѣе на выставкѣ будутъ собраны портреты всѣхъ литературныхъ дѣятелей, современныхъ поэту, представителей тогдашней администраціи (Бенкендорфъ), цензуры (Тимковскій, Цвѣтаевъ и др.). Портреты эти частію исполнены масляными красками, частію акварелью. Кромѣ того, будетъ выставлена богатая коллекція гравированныхъ портретовъ, доставленная г. Ефремовымъ. Особенно рѣдки изъ доставленныхъ портретовъ три портрета графа Ф. И. Толстого (Американца), превосходной работы неизвѣстного художника. Т. А. Бакунина доставила портреты А. П. Бакунина, лицейского товарища Пушкина, въ лицейскомъ мундирѣ. Портретъ этой работы Кипренского, исполненный цвѣтными карандашами, представляетъ собою художественную рѣдкость; вмѣстѣ съ тѣмъ Т. А. Бакунина доставила портретъ Е. П. Бакуниной, предмета первой юношеской страсти Пушкина, посвятившаго ей нѣсколько первыхъ своихъ стихотвореній. С. П. Каткова доставила портретъ своего отца, редактора-издателя «Дамскаго журнала», князя И. И. Шаликова. Портретъ рисованъ карандашемъ. Въ числѣ другихъ на выставкѣ будуть находиться миниатюрные акварельные портреты тонкой художественной работы И. И. и М. А. Дмитревыхъ; подлинные портреты Н. М. и А. И. Смирновыхъ и К. И. и А. И. Росеть, близкихъ приятелей Пушкина, обѣщанныя имъ сестрой Н. Н. Соренъ, урожденной Росеть. 29 апрѣля получено извѣстіе, что графиня Воронцова-Дашкова доставить на выставку портретъ Е. К. Воронцовой, подарившей Пушкину извѣстный перстень съ символическими изображеніемъ, которымъ, какъ извѣстно, такъ дорожилъ поэтъ. 3) Въ виду невозможности подыскать на Нѣмецкой улицѣ свободный участокъ земли для предполагаемой постройки городской Пушкинской народной аудиторіи въ ознаменованіе исполняющагося столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, городская управа предполагаетъ открыть аудиторію временно въ наемномъ помѣщеніи. 4) Еще въ прошломъ году комитетъ общества любителей художествъ рѣшилъ принять участіе во всеобщемъ чествованіи памяти А. С. Пушкина по случаю предстоящаго столѣтія со дня его рожденія и отмѣтить это событие чѣмъ либо такимъ, что наиболѣе соответствуетъ характеру и задачамъ самого

общества. Въ виду этого рѣшено было избрать наилучшій портретъ-оригиналь А. С. Пушкина и издать его къ юбилею наиболѣе художественнымъ способомъ. Въ настоящее время въ коллекціи княгини А. М. Хилковой находится чудный портретъ Пушкина, писанный съ натуры художникомъ Тропининымъ, бывшимъ крѣпостнымъ кн. Хилковыхъ. Этотъ-то оригиналъный портретъ и рѣшено было избрать для изданія. Кн. А. М. Хилкова, членъ общества любителей художествъ, сочувственно отнеслась къ просьбѣ общества и разрѣшила издать этотъ портретъ. Комитетъ постановилъ издать его геллогравюрой, въ 1.200 экземпляровъ, при чемъ исполненіе его поручено лучшей въ настоящее время заграницной мастерской при берлинскомъ фотографическомъ обществѣ.

5) Общество любителей россійской словесности, состоящее при Московскому университѣтѣ, въ засѣданіи 6-го апрѣля постановило учредить въ память столѣтнаго юбилея со дня рождения А. С. Пушкина особое Пушкинское отдѣленіе, въ которое ежегодно будутъ избираться не менѣе пяти членовъ изъ числа дѣйствительныхъ. Пушкинское отдѣленіе должно слѣдить въ теченіе года за всѣмъ тѣмъ, что появилось новаго въ литературѣ о Пушкинѣ, а равно дѣлать свои изслѣдованія въ той же области. Доклады Пушкинского отдѣленія будутъ читаться въ особомъ торжественномъ засѣданіи ежегодно 29 января.

XV. Новочеркасскъ. 26-го мая, на Соборной площади въ Новочеркасскѣ, въ присутствіи воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній, будетъ отслужена архіереемъ панихида съ провозглашеніемъ вѣчной памяти боярину Александру. Затѣмъ въ залѣ дворянскаго собранія состоится торжественное публичное засѣданіе членовъ общества содѣйствія народному образованію, гдѣ память великаго поэта будетъ чествоваться соотвѣтствующими рѣчами. Въ каждомъ изъ среднеучебныхъ заведеній города будетъ устроено литературно-вокально-музыкальное утро. Во всѣхъ же низшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ пріуроченъ къ 26-му мая актъ, который и состоится, общій для всѣхъ, въ обширной залѣ общества взаимнаго кредита; на актѣ всѣмъ воспитанникамъ будутъ разданы дешевыя изданія сочиненій Пушкина. 26, 27 и 28-го мая комиссія народныхъ чтеній устраиваетъ шесть бесплатныхъ чтеній, составленныхъ исключительно изъ произведеній Пушкина; четыре изъ нихъ будутъ предназначены для воспитанниковъ и воспитанницъ низшихъ учебныхъ заведеній города, а два для народа. Всѣ посѣтители этихъ чтеній получатъ по одному экземпляру сочиненій Пушкина изданія Харьковскаго общества распространенія грамоты. 27 и 28-го мая въ городскомъ театрѣ состоятся художественные вечера: живыя картины, иллюстрирующія чтеніе произведеній Пушкина; представленіе нѣкоторыхъ отрывковъ изъ драматическихъ произведеній Пушкина; исполненіе музыкальныхъ и вокальныхъ номеровъ, написанныхъ на слова Пушкина.

XVI. Одесса. 1) Въ Одессѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, назначена слѣдующая программа чествованія юбилея Пушкина. Празднованіе будетъ продолжаться три дня — 26, 27 и 28-го мая. Окончательно выработана программа первого дня празднованія. Вмѣсто предполагавшихся нѣсколькихъ панихидъ въ различныхъ мѣстахъ, комиссія рѣшила отслужить одну панихиду у памятника А. С. Пушкина на Николаевскомъ бульварѣ, при чемъ передъ памятникомъ продефилируютъ 6.000 учащихся въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ случаѣ,

если погода не позволит устроить панихиду на открытомъ воздухѣ, комиссія постановила отслужить таковую въ залѣ городской думы. По окончаніи панихиды торжество начнется въ городскомъ театрѣ. Усиленнымъ городскимъ оркестромъ и хоромъ будетъ исполнена малая канцата. Затѣмъ нѣкоторыми профессорами университета будутъ произнесены рѣчи, посвященные памяти Пушкина. Вслѣдъ за этимъ депутаціи отъ различныхъ учрежденій и обществъ будутъ читать адресы и, наконецъ, торжество закончится исполненіемъ большой канцаты, при чемъ одесская комиссія предлагается остановиться на исполненіи канцаты Глазунова, какъ выбранной императорской академіей наукъ. Для организаціи музыкальной части празднованія избрана была комиссія изъ гг. Климова, проф. Деревицкаго, Соколова, Донашевскаго и д-ра Цѣновскаго, которая займется разработкой этой части программы вмѣстѣ съ городскою театральною комиссіей и представителями отъ города. 2) Одесское литературно-художественное общество устраиваетъ въ маѣ пушкинскую выставку. Будетъ выставлена очень цѣнная коллекція портретовъ А. С. Пушкина, его друзей и современниковъ, купленная еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Москвѣ по случаю у букиниста. Въ этой коллекціи есть очень рѣдкіе экземпляры, между прочимъ, неизданный портретъ Гоголя, принадлежавшій В. Жуковскому; Гоголь изображенъ въ креслѣ. Портретъ снабженъ собственноручною надписью Гоголя. На выставкѣ будутъ собраны рукописи поэта, всѣ изданія его сочиненій, его «Современникъ» и всѣ журналы его времени, въ которыхъ онъ помѣщалъ свои произведения, затѣмъ—дѣла «О коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ», найденные въ Одессѣ въ архивахъ управления государственныхъ имуществъ и новороссійского генераль-губернаторства. Для воспитанниковъ учебныхъ заведеній входъ будетъ бесплатный; въ праздничные дни профессорами Новороссійскаго университета и мѣстными литераторами будутъ даваться объясненія и устраиваться на выставкѣ популярныя чтенія. 3) Въ пушкинские дни произойдетъ закладка зданія убѣжища инвалидовъ печатнаго дѣла. Зданіе будетъ состоять изъ двухъ этажей; въ нижнемъ будутъ помѣщаться народная аудиторія на 500 человѣкъ, двухклассная школа и двѣ лавки для найма; въ верхнемъ этажѣ—квартиры для 25-ти призрѣваемыхъ, столовая, читальня, библіотека, общая зала, квартира для завѣдывающаго убѣжищемъ. Завѣданіе постройкою Пушкинского убѣжища, а также сборомъ пожертвованій, приняло на себя одесское общество пособія нуждающимся литераторамъ. 4) Въ архивѣ управления государственными имуществами Херсонской и Бессарабской губерній найдены интересные документы, касающіеся А. С. Пушкина. Одно дѣло 1823 года, за № 12-мъ, «о выдачѣ коллежскому секретарю Пушкину жалованья», заключаетъ въ себѣ три препроводительныхъ бумаги о деньгахъ, пересылавшихся въ Кишиневъ Пушкину, состоявшему тогда при генералѣ И. Н. Инзовѣ. Второе дѣло 1820 г., за № 63-мъ, «о взысканіи съ коллежскаго секретаря Пушкина долгихъ по заемному письму, данному имъ барону Шиллингу, 2.000 рублей денегъ». Оказывается, что этого долгъ образовался еще въ бытность Пушкина въ Петербургѣ. Въ 1820 году Пушкинъ вынужденъ былъ оставить столицу и уѣхать на югъ. Вслѣдъ за нимъ послѣдовала денежная претензія барона Шиллинга. Но въ Екатеринославѣ она Пушкина не застала. Онъ уѣхалъ оттуда на Кав-

казъ вмѣстъ съ семьею генерала Раевскаго, потомъ въ Крымъ и, наконецъ, въ Кишиневъ. Впрочемъ, тамъ онъ пробылъ недолго и уѣхалъ въ Каменку къ Давыдовымъ и Раевскимъ. Видно, онъ долго загостился у гостепріимныхъ друзей: въ дѣлѣ имѣется письмо генерала Инзова, въ которомъ онъ справляется о Пушкинѣ и о причинахъ его долгаго отсутствія. Давыдовъ 15-го декабря 1820 года увѣдомляетъ Инзова, что Пушкинъ боленъ, и какъ только выздоровѣеть, сейчасъ же вернется въ Кишиневъ. Какъ видно изъ письма отъ 29-го декабря 1820 года, добрый старикъ Инзовъ не на шутку встревожился этой вѣстью и просить Пушкина поберечься, не выѣзжать пока изъ Каменки, въ виду сѣжной, сурої зимы, чтобы не простудиться. При этомъ Инзовъ очень осторожно, щадя самолюбіе поэта, сообщаетъ о томъ, что екатеринославскій гражданскій губернаторъ 9-го ноября 1820 года за № 7.707-мъ препроводилъ ему, Инзову, для взысканія съ Пушкина заемное письмо, выданное симъ послѣднимъ барону Шилингу на 2.000 рублей. Оба эти дѣла предлагались «къ уничтоженію». Любопытно, что «къ уничтоженію» были предназначены и другіе документы, касавшіяся Пушкина и хранившіяся въ архивѣ Новороссійскаго края, а именно: дѣло 1821 года, № 401, на 38-ми стр. по отношенію министерства иностраннаго дѣль о жалованыи коллежскаго секретаря Пушкина. Дѣло это, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го ноября 1861 года за № 1.969, отправлено новороссійскимъ генерал-губернаторомъ графомъ Строгановыемъ министру иностраннаго дѣль 7-го января 1862 года за № 288 вмѣстъ съ другими 63-мя архивными дѣлами, «признанными необходимыми для пополненія имѣющихся въ петербургскомъ главномъ архивѣ свѣдѣній». 5) Около двухъ десятковъ различныхъ оркестровъ Одессы, въ томъ числѣ оркестры городского театра, музыкальныхъ классовъ одесского отдѣленія императорскаго русскаго музыкального общества, оркестры частныхъ музыкальныхъ училищъ, любительскіе и различныхъ учрежденій, ученическіе оркестры мѣстныхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній дѣятельно готовятся къ участію въ предстоящемъ чествованіи памяти А. С. Пушкина. Почти столько же хоровъ и пѣвческихъ кружковъ готовятся къ пушкинскимъ торжествамъ; какъ оркестрами, такъ и хорами разучиваются всевозможныя кантаны, написанныя мѣстными и столичными композиторами къ юбилею Пушкина. Кромѣ того, разучиваются отрывки изъ оперъ на слова Пушкина.

XVII. Орель. Съ публичной лекціи епископа Никанора вырученено 300 рублей, которые пожертвованы его преосвященствомъ въ пользу Пушкинской библиотеки. Для той же цѣли мѣстная дума ассигновала 500 рублей и отъ 200 до 300 рублей на приобрѣтеніе для школъ сочиненій и портретовъ Пушкина.

XVIII. Петербургъ. Въ Петербургѣ празднованіе пушкинского юбилея причиняетъ превосходящіе возможность подробнаго описанія размѣры. Мы ограничиваемся поэтому сообщеніемъ лишь главныхъ свѣдѣній и предположеній, имѣя въ виду главнымъ образомъ правительственные и общественные предна-
чертанія и касаясь частныхъ способовъ чествованія лишь въ особо исключительныхъ случаяхъ. 1) Ко дню празднованія столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) по С.-Петербургскому учебному округу — разрѣшено университету

издѣть ко дню юбилея сборникъ статей о Пушкинѣ; 2) по Казанскому — выставить отъ имени совѣта университета мраморную доску съ соотвѣтствующою надписью на домѣ въ Казани, въ которомъ проживалъ временно Пушкинъ (если на то имѣется согласіе города) и издать ко дню празднованія брошюру о пребываніи Пушкина въ Казани и 3) по Варшавскому — образовать по добровольной подпискѣ въ мѣстномъ университетѣ стипендиальный фондъ, а въ ветеринарномъ иститутѣ капиталъ для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ названныхъ учебныхъ заведеній. 2) Министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшено учредить при Томскомъ университетѣ премію, въ размѣрѣ отъ 50 до 100 рублей, за лучшее студенческое сочиненіе въ память празднованія университетомъ столѣтней годовщины дня рождения А. С. Пушкина и принять къ изысканію средствъ для составленія фонда означенной преміи слѣдующія мѣры: 1) напечатать составленныя профессорами для проізнесенія 26-го мая рѣчи о поэзіи Пушкина ипустить ихъ въ продажу съ тѣмъ, чтобы сборъ поступиль на образованіе фонда пушкинской преміи; 2) съ тою же цѣлью просить профессоровъ прочитать рядъ публичныхъ лекцій и 3) обратиться черезъ сибирскія газеты, а также посредствомъ именныхъ писемъ съ воззваніемъ о добровольныхъ по жертвованіяхъ на образованіе упомянутаго фонда. 3) Учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ предоставилъ празднованіе въ чамять А. С. Пушкина въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усмотрѣнію начальствъ, сообщивъ лишь для руководства слѣдующія указанія: 1) 26-го мая имѣющіеся налицо воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній могутъ быть освобождены отъ учебныхъ заведеній для присутствованія при Божественной литургіи и панихидѣ. 2) Праздникъ 26-го мая не долженъ быть предлогомъ къ задержанію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, у которыхъ къ этому времени могутъ окончиться учебные занятія. 3) Если бы гдѣ оказалось желаніе и возможность устроить какое либо по этому поводу собраніе для рѣчей и чтеній, то ни въ какомъ случаѣ для того не долженъ быть избираемъ вечеръ 26-го мая, наканунѣ праздника Вознесенія Господня. 4) Для народныхъ училищъ пушкинскій праздникъ перенесенъ съ 26-го мая на 30-е — обычный день акта начальныхъ народныхъ училищъ. Этотъ день совпадаетъ, какъ извѣстно, со днемъ рождения Петра Великаго. На актѣ окончивши курсъ (свыше 4.000 дѣтей обоего пола, въ возрастѣ отъ 11 до 12 лѣтъ) получать сборникъ сочиненій Пушкина съ портретомъ и біографіею поэта, иллюстраціями и историческими объясненіями. Городской училищный совѣтъ постановилъ, чтобы въ нынѣшнемъ году на свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ имъ объ окончаніи курса, были помѣщены два медальона съ изображеніемъ «Мѣднаго всадника» и Пушкина. Актъ предполагается заключить прогулкой изъ думы всѣхъ выпускемыхъ дѣтей, свыше 4.000, въ Александровскій садъ, къ конной статуѣ Петра Великаго, предъ которою дѣти подъ звуки оркестра проносятъ «Коль славенъ» и народный гимнъ. 31 мая предполагается собрать всѣхъ дѣтей изо всѣхъ 400 народныхъ училищъ, числомъ до 20.000 обоего пола, на Царицыномъ лугу. Оттуда дѣти пройдутъ по набережной Невы въ Таврическій садъ, гдѣ проведутъ весь этотъ день въ играхъ

и увеселеніяхъ. 5) 13-го марта послѣдовало высочайшее соизволеніе на означеніе, по военному вѣдомству, исполняющагося 26-го мая сего года столѣтія со дня рождения А. С. Пушкина издаваемъ сборника произведеній нашего великаго поэта, доступныхъ, по содержанію, пониманію нижнихъ чиновъ, для бесплатной разсылки этого сборника, по одному экземпляру, въ каждую роту, эскадронъ, батарею, сотню, команду и т. п. мелкія части войскъ. При изданіи названнаго сборника главнымъ штабомъ обращено особое вниманіе на то, чтобы онъ, какъ по своему содержанію, такъ и по внѣшности, вполнѣ соответствовалъ чествуемому событию. Помѣщенные въ сборникѣ рисунки изготовлены экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Независимо отъ экземпляровъ, кои будутъ разосланы бесплатно, всѣмъ частямъ войскъ, управлѣніямъ, учрежденіямъ и заведеніямъ военного вѣдомства предоставляется выписывать означенный сборникъ въ любомъ количествѣ экземпляровъ (изъ книжного и географического магазина изданій главнаго штаба) по заготовительной его стоимости—отъ 30 до 36 коп. за экземпляръ,—при чёмъ о таковомъ желаніи и о количествѣ экземпляровъ необходимо теперь же заявить упомянутому магазину. 6) Въ Императорскомъ Александровскомъ Лицѣ въ Пушкинскомъ музѣ и библиотекѣ (существ. съ 1879 года) собраны некоторые предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину, его автографы, изданія его сочиненій и вообще различныя воспоминанія о великомъ русскомъ национальномъ поэту, а также и литература о немъ и его произведеніяхъ какъ русская, такъ и иностранная. Приближающаяся годовщина дня рождения Александра Сергеевича вызвала и вызоветъ во всѣхъ периодическихъ изданіяхъ статьи, посвященные памяти великаго поэта и касающіяся какъ его жизни, такъ и литературной дѣятельности. Не только содержаніе этихъ статей, но самыи фактъ всеобщаго чествованія памяти Александра Сергеевича имѣетъ значеніе для исторической оценки его. Императорскій Александровскій Лицей желалъ бы имѣть въ Пушкинскомъ музѣ по возможности все относящееся до великаго поэта и надѣется, что широкіе круги русскаго интеллигентнаго общества откликнутся на этотъ призывъ къ пополненію и къ поддержанію на должностной высотѣ единственнаго въ Россіи Пушкинского музея. Собрание всѣхъ периодическихъ изданій, всѣхъ нумеровъ газетъ, какъ столичныхъ, такъ и провинциальныхъ, издаваемыхъ не только на русскомъ, но и на иностраннѣхъ языкахъ, гдѣ помѣщено что либо о Пушкинѣ, не по силамъ одному учрежденію, и осуществленіе этой мысли возможно только при содѣйствіи самихъ редакцій. Разсчитывая на благосклонное сочувство ихъ, Лицей обращается ко всѣмъ редакціямъ современныхъ изданій съ просьбой о доставленіи въ лицейскій Пушкинскій музѣ и библиотеку (Пушкиніана) по возможности всѣхъ нумеровъ газетъ и журналовъ, гдѣ помѣщено что либо касающееся А. С. Пушкина. Для руководства жертвователямъ позволяемъ себѣ помѣстить планъ устройства Пушкинского музея и библиотеки (Пушкиніана): I. Автографы и снимки съ нихъ, рисунки самого Пушкина, документальная данныя, частныя и официальныя, касающіяся жизни и литературной дѣятельности поэта, въ оригиналахъ или старинныхъ копіяхъ. II. Предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину и посвященные его памяти. III. Портреты А. С. Пушкина (оригиналы, копіи, гравюры и т. п.), сцены изъ его жизни,

виды мѣстностей, связанныхъ съ именемъ поэта, рисунки къ его сочиненіямъ и т. п. IV. Полныя собранія сочиненій А. С. Пушкина, отдельно вышедшія сочиненія, изданія самого Пушкина. V. Альманахи, сборники, повременные и періодическая изданія (на русскомъ языкѣ), заключающіе въ себѣ сочиненія А. С. Пушкина, биографическая, критическая и библиографическая статьи о немъ, стихотворенія, посвященные его памяти, статьи о торжествахъ въ честь Пушкина и о подготовкѣ къ таковымъ и т. д. VI. Сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшия отдельно, цѣликомъ или частями посвященные Пушкину: биографія, критика, библиографія, юбилейные изданія и т. п. VII. Отраженія А. С. Пушкина въ музыкѣ и театральномъ искусствѣ: ноты, либретто оперъ, балетовъ, драмъ, комедій и т. п., передѣланныхъ изъ его произведеній. VIII. Переводы и передѣлки сочиненій А. С. Пушкина и статьи о немъ всевозможного содержанія на иностраннѣхъ языкахъ. IX. Сочиненія и статьи, касающіяся исторіи императорскаго Александровскаго лицея (бывш. Царскосельскаго) и лицействовъ I-го выпуска (товарищей А. С. Пушкина). Не только всякая пожертвованія, но и малѣйшія указанія, касающіяся жизни и дѣятельности А. С. Пушкина, будутъ приняты съ глубокою благодарностью. XIX. Исковъ. Комитетомъ по сбору пожертвованій въ память А. С. Пушкина выработана слѣдующая программа торжествъ въ Святыхъ Горахъ на 25, 26 и 27 мая 1899 года въ память А. С. Пушкина. 25-го мая, въ 5 часовъ по полудни, торжественное всенощное богослуженіе въ храмѣ Святогорского монастыря. 26-го мая, въ 9 часовъ утра, торжественная заупокойная литургія въ храмѣ Святогорского монастыря, панихида на могилѣ поэта и возложеніе вѣнковъ депутатіями. По окончаніи церковныхъ торжествъ публичное засѣданіе по особой программѣ, посвященное памяти А. С. Пушкина. 27-го мая народное гуляніе въ Святыхъ Горахъ до 2-хъ часовъ по полудни. XX. Ревель. Постановлено наименовать вновь устраиваемую улицу, соединяющую Гаванскую съ Новгородской, «Пушкинской» и учредить въ каждомъ изъ 5 ревельскихъ среднихъ учебныхъ заведеній по одной стипендиѣ имени поэта въ размѣрѣ 50 рублей въ годъ. XXI. Рязань. Установленъ слѣдующій общій планъ чествования въ городѣ Рязани памяти А. С. Пушкина: а) 25-го мая — въ городскомъ театрѣ литературно-музыкально-театральный вечеръ или утро исключительно для учащихся и въ саду «Общества народныхъ развлечений» — народное гулянье съ чтеніемъ о Пушкинѣ и изъ Пушкина; б) 26-го мая — заупокойная литургія въ соборѣ, послѣ нея — панихида на площади при участіи всѣхъ вѣдомствъ, учащихся, войскъ, народа и съ провозглашеніемъ «вѣчной памяти» Петру I, Александру I, болярину Александру при залахъ изъ орудій; затѣмъ въ думѣ — угощеніе учащихся начальныхъ школъ, потомъ въ часъ дня — общій въ дворянской залѣ торжественный актъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Рязани (мужскія гимназія, прогимназія, учительская семинарія, ремесленное и городское четырехклассное училище и женская гимназія); наконецъ, въ 9 часовъ вечера — торжественное засѣданіе рязанской ученой архивной комиссіи съ четырьмя рѣчами о Пушкинѣ; в) 27-го мая — народный спектакль и народное гулянье въ двухъ мѣстахъ, а въ дворянской залѣ — литературно-музыкальный вечеръ для интеллигентіи. Изъ общественныхъ учрежденій въ память Пушкина проектируются: городская управа — сдѣлать

обученіе въ городскихъ школахъ бесплатнымъ, а земская управа — либо построить новую «Пушкинскую» начальную школу, либо учредить стипендию имени Пушкина для воспитанія сына одного изъ земскихъ учителей. **XXII. Симферополь.** Утромъ, 26-го мая, въ соборѣ отслужена будетъ панихида по великому поэту; затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ состоятся народныя чтенія, посвященные памяти поэта; предполагается предложить одному изъ преподавателей гимназіи прочесть въ залѣ городской думы лекцію, въ которой выяснено было бы историко-литературное значеніе Пушкина. Вечеромъ будетъ устроено для учащихся спектакль изъ произведений Пушкина, съ живыми картинаами. Учащимся будутъ разданы дешевыя изданія поэта. Симферопольская татарская учительская школа въ полномъ составѣ, при участіи своего ученическаго оркестра, предполагаетъ на третій день Пушкинскихъ празднествъ совершить экскурсію въ Бахчисарай, гдѣ между прочимъ предположено поставить нѣсколько сценъ или отдѣльную пьесу изъ произведений Пушкина для мѣстного населения. **XXIII. Темиръ-ханъ-Шуринскій** общественнымъ управлениемъ, въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, по словамъ «Кавказа», возбуждено въ установленномъ порядке ходатайство: 1) о присвоеніи темиръ-ханъ-шуринской начальной школѣ наименованія «Пушкинской»; 2) о помѣщеніи въ классной комнатѣ этой школы портрета А. С. Пушкина и 3) объ открытии подиумки на приобрѣтеніе зданія для упомянутой школы. Въ самый день юбилея, 26-го мая, предположено отслужить панихиду по А. С. Пушкину въ присутствіи полного состава городского общественного управления и тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые пожелаютъ почтить память поэта. **XXIV. Уфа.** Ассигновано 400 рублей на устройство 26-го мая общаго гулянья для учащихся въ городскихъ школахъ. Затѣмъ учащимся будутъ разданы произведения А. С. Пушкина и устроены въ народныхъ аудиторіяхъ чтенія съ туманными картинами изъ произведеній поэта. Кромѣ того, предположено приступить къ постройкѣ фонтана въ Ушаковскомъ паркѣ, назвать фонтанъ «Пушкинскимъ» и украсить его бюстомъ поэта. Далѣе постановлено ходатайствовать объ открытии въ Уфѣ женской прогимназіи, такъ какъ женская гимназія не можетъ удовлетворить просьбу многихъ желающихъ поступить въ нее. **XXV. Харьковъ.** Совѣтъ императорскаго Харьковскаго университета избралъ комиссию для составленія и изданія сборника статей объ А. С. Пушкину. Въ исполненіе этого порученія комиссія обращается съ покорнейшей просьбою къ лицамъ, располагающимъ какими либо не обнародованными рукописными материалами, относящимися къ личности и творчеству Пушкина, дозволить имъ воспользоваться этими материалами для цѣлей изданія. Лица, желающія передать имѣющіеся у нихъ материалы или для временнаго пользованія ими, или для напечатанія въ означенномъ сборникѣ, благоволятъ прислать рукописи въ Императорскій Харьковскій университетъ или на имя г. ректора университета, или на имя кого либо изъ членовъ означенной комиссіи. Члены комиссіи, профессоры университета: Н. Ф. Сумцовъ, Д. И. Багалѣй и М. Г. Халанскій. **XXVI. Царицынъ.** Царицынская дума рѣшила открыть двѣ школы — мужскую и женскую, которая называть Пушкинскими, затѣмъ устроить 26-го мая въ одномъ изъ клубовъ особое торжество, на которое

пригласить бесплатно всѣхъ учащихся, а вечеромъ устроить спектакль изъ произведеній Пушкина. Кромѣ того, постановлено пріобрѣсти для думы образцовый бюстъ Пушкина, на что ассигновано 300 рублей.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 9-го апрѣля проф. Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ сообщеніе «Аѳонъ и его древности», причемъ ознакомилъ съ данными, собранными археологической экспедиціей на Аѳонъ, организованною въ его лицѣ, при участіи фотографа, Императорской академіей наукъ. Экспедиція эта значительно пополнила данные, собранныя около 30-ти лѣтъ тому назадъ, преимущественно въ иконографическомъ отношеніи, Севастьяновымъ. Послѣ того нѣсколько ученыхъ поѣхали Аѳонъ для знакомства съ хранящимися тамъ рукописями, особенно лицевыми (съ миниатюрами), но оказалось, что эти рукописи не представляютъ особаго значенія для истории искусства и литературы. Болѣе можно было ожидать отъ ознакомленія съ церквами и ризницами аѳонскихъ монастырей. Экспедиціей г. Кондакова было сдѣлано 220 фотографическихъ снимковъ, не считая 60-ти снимковъ съ рукописей. Что касается церквей, то болѣе древнія изъ нихъ построены въ XV вѣкѣ; архитектура ихъ венеціанская и далматинского побережья; она изучалась еще Севастьяновымъ и особенно архитекторомъ Кракау. Только мѣстами сохранились постройки и части изъ болѣе раннаго времени, XII—XIV вѣковъ. Церковь Хиляндара несетъ на себѣ снаружи особый греко-сербо-болгарскій стиль, съ плирами, украшенными звѣринными изображеніями, но внутри она вполнѣ греческаго типа. Росписи аѳонскихъ церквей были описаны Брокгаузомъ, хотя болѣе съ вѣнчаной стороны, безъ настоящаго знанія иконографіи. Онъ довольно однообразны. Любопытны изображенія изъ Апокалипсиса въ Ксенофѣ, 1643г., именно тѣмъ, что они выказываютъ молдавское вліяніе, такъ какъ византійской иконографіи Апокалипсиса не было. Особенно благопріятныя обстоятельства дозволили Кондакову сдѣлать снимки съ многихъ чудотворныхъ иконъ (а онъ—единственный здѣсь древнія, V—VI вв.), хотя болѣе удачными вышли снимки только съ иконъ подновленныхъ. Эти же благопріятныя условія дали возможность проникнуть во многія ризницы, обыкновенно недоступныя. Въ числѣ замѣчательныхъ археологическихъ предметовъ, имѣющихся на Аѳонѣ, слѣдуетъ указать: древохранилище, ковчежецъ, родъ триптиха съ перегородчатою эмалью и драгоценными камнями, второй половины XI вѣка; окладъ Евангелія съ эмалью, драгоценными камнями и съ изображеніемъ Спасителя въ золотѣ, горельефомъ, того же времени; небольшая мозаичная икона Иоанна Богослова съ филиграномъ окладѣ, той же эпохи; собственно это не филигрань (т.-е. не нитка изъ выцаенныхъ зернышекъ) и не скань (изъ двухъ нитокъ, ссученныхъ веревочкой), а какъ бы перегородочки, т.-е. вертикально поставленные золотыя ленточки, образующія сложный рисунокъ, но безъ всякой эмали или мастики между ними. Вещи такой работы относятся къ XI—XII столѣтіямъ; совершенно такую же работу представляетъ извѣстная Мономахова шапка, что подтверждается мнѣніе, высказанное Кондаковымъ раньше о византійскомъ ея происхожденіи, хотя г. Филимоновъ и старался доказать, что она восточной работы, сдѣлана была въ Египтѣ и попала въ Москву отъ татарскихъ хановъ. Тотъ же видъ перегородчатой скани оказался за многихъ предметахъ, хранящихся на

Аѳонѣи въ Солуни, такъ что всего естественнѣе признать это искусство мѣстнымъ, проявившемъ нѣкогда въ сосѣдней Охридѣ. Замѣчательны еще образцы рѣзбы по камню (жировику) въ формѣ панагій; крестъ Стефана Лазаря со славянскою надписью; ониксовая чаша Мануила Палеолога съ греческою надписью и т. д. Что касается ризницъ, то одну изъ самыхъ знаменитыхъ, Лаврскую, удалось только посмотреть, но нельзя было получить разрѣшенія на снятіе предметовъ, ни даже на записываніе подробностей. Въ этой ризнице есть удивительные предметы, начиная съ XV в., богатыя ткани, ризы, митры и пр.; къ числу митръ относится и такъ называемая золотая корона Никифора Фоки, — въ дѣйствительности произведеніе венеціанского искусства XVI вѣка, ничего общаго съ Никифоромъ Фокой не имѣюще. Въ Ватопедской ризнице совершенно не удалось проникнуть. Въ числѣ хранящихся въ монастыряхъ вкладовъ есть любопытные, напримѣръ, сербская завѣса 1371 г. съ славянской надписью; вкладъ царицы Анастасии Романовны, въ Хиландарѣ, съ годомъ и др. Вообще же, аѳонскія древности представляютъ главнымъ образомъ два типа: 1) византійскій XII—XIII вв. и 2) молдавскихъ скій или славянскій. Г-ну Кондакову удалось видѣть снимки, сдѣланные И. Гладкимъ, въ 60-хъ годахъ, въ монастыряхъ Буковины, въ Путнахъ (XV в.) и Сучавицѣ (XVI в.). Снимки эти изображаютъ рядъ драгоцѣнныхъ молдавскихъ вышивокъ и т. д., часто съ годами и съ портретами молдавскихъ господарей. Многія изъ этихъ вещей, такъ же какъ и виды самихъ монастырей и старинныхъ росписей въ нихъ, напоминаютъ монастыри Аѳона. Приходится заключить, что въ то время, въ XV—XVI вв., въ предѣлахъ Буковины существовало много монастырей (около 150-ти, болѣе чѣмъ на Аѳонѣ), и что вообще она представляла собою тогда культурный и художественный центръ. Эти молдавскія древности сливаются со славянскими и имѣютъ непосредственное отношеніе къ русскимъ. Г. Кондакову удалось еще видѣть опись вкладовъ одного древняго аѳонскаго монастыря отъ 1147 г., въ которой упоминается о русскихъ вкладахъ (тканяхъ, епитрахили, Евангелии и т. д.), очевидно, присланныхъ съ Сѣвера, изъ Россіи. Изученіе русскихъ древностей великокняжескаго периода доказываетъ, что въ то время на Руси искусство проявляло почти въ той же мѣрѣ, какъ въ южныхъ славянскихъ странахъ и въ самой Византіи, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ производствъ, сохранявшихся византійцами въ скретѣ (напримѣръ, шелковыхъ тканей). Въ этомъ отношеніи древности Аѳона и Буковины могутъ дать важныя указанія для пониманія древнѣйшаго искусства русскаго. Сообщеніе г. Кондакова сопровождалось демонстраціей массы фотографическихъ снимковъ.

Петербургское археологическое общество. Подъ предсѣдательствомъ С. Ф. Платонова состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія. С. В. Рождественскій сдѣлалъ сообщеніе о «Земскомъ соборѣ 1642 г.». Референтъ поставилъ нѣсколько вопросовъ, а именно: сколько было засѣданій собора, кто принималъ въ нихъ участіе и когда происходили засѣданія? Въ Собрании государственныхъ грамотъ и договоровъ напечатанъ официальный актъ о засѣданіи 3-го января 1642 года; этимъ актомъ пользовались всѣ наши историки и въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ. Но ближайшее ознакомленіе съ актомъ, напечатаннымъ въ «Собрании», показываетъ намъ, по мнѣнію докладчика, что было не одно,

а два засѣданія; причемъ на первомъ засѣданіи, 3-го января, въ присутствії Алексѣя Михайловича и освященнаго собора было рѣшено представить выборнымъ условія, предложенные Турціей относительно Азова. По мнѣнію докладчика, на первомъ засѣданіи 3-го января дѣло ограничилось тѣмъ, что думный дьякъ Ф. Ф. Лихачовъ объявилъ собравшимся, что имъ предстоитъ обсудить важный государственный вопросъ, на второмъ же засѣданіи ни царя, ни представителей освященнаго собора не присутствовало, а были лишь представители сословій, которые и дали отвѣтъ относительно принятія Азова. Когда было второе засѣданіе, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ оно было не раньше конца января, такъ какъ мы можемъ утверждительно сказать, что отвѣтъ на рѣчь Лихачова отъ нижегородскихъ муринскихъ дворянъ послѣдовалъ лишь 17-го января. Въ преніяхъ принялъ участіе С. Ф. Платоновъ, замѣтившій, что мнѣніе докладчика подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что имена выборныхъ людей помѣщены послѣ акта собора 3-го января. Затѣмъ А. С. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о шаманизмѣ въ отношеніи къ русской археологіи. Исходя изъ той точки зрѣнія, что религіозныя вѣрованія должны отразиться на памятникахъ древности, по мнѣнію докладчика, на древнѣйшихъ находкахъ, въ особенности Сѣвернаго Кавказа, отразилось вліяніе шаманизма на памятникахъ сравнительно позднихъ, III—V вѣка, такъ называемыхъ чудскихъ образахъ. Господствующимъ типомъ является борьба оленя (добраго начала) съ змѣемъ—представителемъ начала злого. Въ своемъ возраженіи Я. И. Смирновъ указалъ, что невозможно современныя вѣрованія шаманистовъ сравнивать съ возврѣніями шаманистовъ III вѣка. Послѣ этого С. А. Бѣлокуровъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о поступившей въ московскій главный архивъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ замѣчательной рукописной библіотекѣ Ф. Ф. Мазурина, въ которой, среди рукописей, есть нѣсколько пергаменныхъ очень цѣнныхъ XV—XVII вѣка, а также нѣсколько писемъ Петра I, Екатерины II и Александра I, между прочимъ, отъ 1812 года.

Генеалогическое общество. Въ началѣ апрѣля подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева состоялось засѣданіе русскаго генеалогическаго общества. Членъ правленія общества, князь М. С. Путятинъ, сдѣлалъ докладъ о гербовникѣ Князева. Познакомивъ собраніе съ личностью и дѣятельностью А. Т. Князева прочтеніемъ отрывковъ изъ статей Н. П. и А. П. Барсуковыхъ объ этомъ замѣчательномъ «трудолюбцѣ» прошлаго вѣка и упомянувъ о заслугахъ Князева специально по межевой части, раскрытыхъ и опубликованныхъ Н. Н. Селифонтовымъ, докладчикъ перешелъ къ описанію самого Гербовника, представивъ на обозрѣніе собранія точная копія заглавнаго листа съ текстомъ посвященія императрицѣ Екатеринѣ II и четырехъ первыхъ страницъ съ 16-ю гербами — все это исполнено акварелью на бумагѣ того же типа, какъ и подлинный Гербовникъ. Затѣмъ, изложивъ обстоятельства, послужившия поводомъ къ собиранию Князевымъ гербовъ и систему расположения ихъ въ Гербовнику, докладчикъ въ заключеніе обратилъ вниманіе собранія на то, что трудъ Князева, какъ до сихъ поръ не изданный, представляетъ собой «унісит», точная копія котораго, въ виду цѣлей и задачъ общества по разработкѣ вопросовъ отечественной геральдики, явилась бы цѣннымъ вкладомъ въ библіо-

теку общества и предложилъ исполнить эту работу, принося ее въ даръ обществу. Секретарь общества В. В. Руммель прочелъ докладъ о способахъ подачи дворянскими родами въ Разрядъ, въ XVII вѣкѣ, родословныхъ росписей. Докладчикъ, выяснивъ причины, вызвавшія появление такъ называемыхъ разрядныхъ родословныхъ росписей, а именно указы царя Феодора Алексѣевича 1662 года и царей Иоанна и Петра и царевны Софіи 1686 года объ «обновлении» старого государева Родословца (1555 г.) и установлениіи четырехъ другихъ, новыхъ, родословныхъ книгъ, въ которыхъ имѣли быть внесены дворянские роды по определеннымъ категориямъ, упомянуло о судьбѣ этихъ росписей, часть которыхъ, по мнѣнію докладчика, растеряна при разныхъ переноскахъ разрядного архива изъ одного помѣщенія въ другое въ первой половинѣ XVIII вѣка, а другая часть погибла въ 1812 году (изъ 600 росписей, числившихся по реестрамъ XVIII вѣка, послѣ 1812 г. уцѣльно въ подлинникѣ 163), указалъ, что, благодаря принятымъ еще въ XVIII вѣкѣ мѣрамъ, многія росписи оказались переписанными, вслѣдствіе чего до нась дошло въ кошяхъ свыше 300 росписей, окончательно же утраченными докладчикъ считаетъ около 100 росписей. Засимъ докладчикъ указалъ на внутреннее содержаніе росписей, большая часть коихъ изложена въ обычной формѣ старинныхъ русскихъ родословій, то-есть, заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе достовѣрное сказаніе о происхожденіи рода, постепенно излагаетъ развѣтленіе родословнаго древа, при чемъ очень часто приводятся весьма цѣнныя данныя служебно-біографическаго характера (какъ примѣръ, докладчикъ привелъ роспись Матвѣевыхъ, въ которой стольникъ А. А. Матвѣевъ, впослѣдствіи графъ, обстоятельнѣйшимъ образомъ изложилъ свѣдѣнія о службѣ своего отца, знаменитаго боярина А. С. Матвѣева); оканчиваются росписи указаніями: «а нашего роду только» или «а что пишутся нашимъ прозваніемъ (такіе-то) — и тѣ не нашего роду»; здѣсь докладчикъ привелъ окончаніе росписи, поданной представителями боярскаго рода Салтыковыхъ, которые писали, что еще при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ присвоилъ себѣ фамилію Салтыкова — дмитровецъ, сынъ боярскій Тимоѳей Салтыковъ, который за это «въ Разрядѣ быть батоги», съ воспрещеніемъ именоваться Салтыковымъ; по изысканіямъ докладчика, потомкомъ этого Тимоѳея Салтыкова былъ извѣстный сатирикъ М. Е. Салтыковъ. Въ концѣ росписи помѣщались представленные «на свидѣтельство» грамоты, часть которыхъ, XIV—XVI вѣка, напечатана А. И. Юшковымъ въ Членіяхъ Московскаго общества исторіи и древностей за 1898 годъ. Описавъ наружный видъ росписей и упомянувъ, что 5 изъ нихъ были поданы въ видѣ родословныхъ таблицъ и что при 18 росписяхъ были представлены рисунки гербовъ, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ виду ошибокъ, встрѣчающихся въ изданіи Юшкова, и крайней неполноты этого изданія, поданныя въ Разрядъ росписи, съ приложенными при нихъ документами, были изданы цѣлостно, безъ пропусковъ.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 30-го марта, по отдѣленію статистики, было сдѣлано М. К. Валласомъ сообщеніе о виноградарствѣ и винодѣліи въ Закаспійской области и Туркестанскомъ краѣ. Закаспійская область присоединена къ Россіи въ 1881 г.; съ этого времени текинцы стали

заниматься хлѣбоцашествомъ, а стараніями генерала Куропаткина въ странѣ начались хлоцководство и винодѣліе. Въ Асхабадѣ существуетъ теперь виноградная школа, достигшая большихъ успѣховъ. Уже 11—15 лѣтъ завелись виноградники въ аулахъ—самый большой изъ нихъ въ Геокъ-Тепе. Въ Асхабадѣ около 100 десятинъ виноградниковъ и 74 около Мерва; виноградники эти удовлетворяютъ мѣстному спросу, въ видѣ ягодъ, вино же все-таки ввозится съ Кавказа. Въ Бухарскомъ ханствѣ главные центры—Бухара и Каракуль. Въ Бухарѣ выдѣлывается до 1 миллиона ведерь вина; виноградъ очень высокаго достоинства—приемы выдѣлки кахетинскаго вина. Въ Каракулѣ положеніе винодѣлія остается въ жалкомъ видѣ. Завѣдуетъ имъ французы,—выдѣлываются сладкія вина, извѣстныя на югѣ Франціи. Перерабатывается вино въ бродильныхъ колодцахъ съ примѣшиваніемъ изюма. Серьезнымъ пунктомъ винодѣлія является Самаркандъ—преимущественно въ долинѣ Заравшана. Общая площадь, занятая виноградниками въ Самаркандѣ, исчислялась въ 1891 году въ 3 тысячи десятинъ, а теперь въ 5.381 десятину. Культура винограда очень высокая, уходъ за нимъ образцовы; насчитывается 24 сорта винограда—преобладаютъ сорта столовые, которые, понятно, при мусульманскомъ населеніи края, очень прочны и хороши для изюма. Еще выше культура винограда въ Ходжентѣ, тутъ $\frac{1}{4}$ десятины виноградниковъ доходитъ цѣнностью до 1.500 рублей. Въ Ходжентѣ виноградниковъ 4.800 десятинъ, а всего въ Самаркандѣ 11.265 десятинъ. Винодѣліе здѣсь сравнительно ничтожно, но изюмное производство велико. Среднимъ счетомъ въ годъ выдѣлывается около 6 миллионовъ пудовъ, вывозится его до 300 тысячъ пудовъ. Затѣмъ виноградъ идетъ на коньячное производство и спиртокуреніе, кромѣ того, перерабатывается въ патоку, и этимъ производствомъ заняты цѣлыхъ селенія. Въ Ташкентской области виноградниковъ около 1.800 десятинъ. На вино идетъ ничтожная часть, хотя есть у насъ оттуда довольно хорошія вина (Первушинская). Но общая сумма производства не велика и объемъ избытка не можетъ быть и рѣчи. Ферганская область наиболѣе благопріятна по климатическимъ условіямъ—виноградники достигаютъ здѣсь обширной площади, но промышленнаго развитія яѣтъ, чemu мѣшаетъ густота населенія, при чемъ виноградомъ не удовлетворяются и мѣстныя потребности. Производительность простирается до 2 миллионовъ пудовъ. Итакъ общая площадь виноградниковъ въ Туркестанскомъ краѣ—19.704 тыс. десятинъ, общая производительность 7 миллионовъ 500 тысячъ пудовъ. Промышленное положеніе края по виноградарству обѣщаетъ несомнѣнно въ будущемъ сильно развиться, тѣмъ паче, что мѣстныя лозы винограда—американскаго типа—очень крѣпки. Въ настоящее время рыночная мѣстная цѣна винограда не соответствуетъ ни качеству, ни расходамъ и труду по обработкѣ—цѣна иногда доходитъ до 15 копеекъ за ведро. Между тѣмъ, оттуда можно было бы вывозить въ большомъ количествѣ виноградъ столовый, въ которомъ у насъ въ Россіи недостатокъ. Необходимо только ускорить и облегчить доставку на наши рынки. Изъ туркестанскихъ винъ многія обладаютъ хорошими качествами, очень устойчивы и нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, мускатъ, вполнѣ отвѣчаютъ ликернымъ французскимъ винамъ, ибо виноградъ нѣкоторыхъ сортовъ содержитъ до 32 процентовъ сахара. Куль-

тура разведенія винограда различна — стелящаяся, дугами и на столбахъ, по-слѣдняя подобна ломбардской и самая дорогая. II. Въ общемъ собраніи 7-го аирѣля сдѣлалъ очень интересный и собравшій многочисленную публику докладъ капитанъ генеральнааго штаба В. О. Новицкій: «Изъ Индіи въ Фергану». Это путешествіе капитанъ Новицкій совершилъ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, пройдя черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Каракарамское нагорье, вершину Раскетъ, Джытышааръ, Яркендъ, Кашгаръ и, наконецъ, Алай до города Ошъ, откуда уже для обратнаго пути направился въ Андижанъ, где и сѣлъ на поѣздъ желѣзной дороги. Въ долину Кашмира докладчикъ вступилъ въ концѣ мая съ разрѣшеніемъ англійскаго правительства и направилъ свой путь по долинѣ Джелюма, представляющей изъ себя глубокое узкое ущелье; черезъ каждыя 25 верстъ встрѣчаются домики для проѣзжающихъ; природа чудная, масса атмосферныхъ осадковъ, обширные луга, разнообразные лѣса. За Джелюмомъ идетъ Финагарская горная равнина съ городомъ Финагаромъ, растянувшимся на три версты и перерѣзаннымъ цѣлой системой каналовъ, берущихъ воду изъ обширныхъ озеръ; на этихъ озерахъ расположены многочисленные плавучие дома. Населенія около 100 тысячъ человѣкъ; магометанъ немногі; индусскіе туземцы очень несимпатичны. Управление въ рукахъ магараджи — подъ контролемъ англійскаго резидента. Здѣсь былъ сформированъ караванъ и путешественники двинулись далѣе по рѣкѣ Синдѣ къ перевалу Заджи-да — очень опасному для перехода и подымающемуся на 11 тысячъ футовъ; за переваломъ начинается Ладакъ, горная страна, лежащая на 11—14 тысячъ футовъ. Климатъ ея очень умѣренный, пшеница созрѣваетъ на высотѣ 12 тысячъ футовъ, а ячмень даже 15 тысячъ футовъ. Населеніе Ладака большинство буддійцы, только на западѣ немногіе держатся ислама; въ странѣ повсюду встрѣчаются такъ называемыя моненаны — буддійскія молельни въ видѣ длинныхъ каменныхъ валовъ — и небольшія пирамидки съ священными реликвіями. Главный городъ Ладака Лей представляетъ изъ себя большую деревню съ одной улицей и базаромъ. Здѣсь капитанъ Новицкій нашелъ для себя китайскій паспортъ и могъ продолжать свое дальнѣйшее путешествіе. Онъ двинулъся къ сѣверу отъ Лея на перевалъ Кардунгъ, пропшелъ долину рѣки Шейока, впадающей въ Индъ, и направился вверхъ по рѣкѣ Нуры — долина Нуры воздѣлывается, въ ней встрѣчаются огромныя старыя селенія и многочисленныя моненаны. За переваломъ Ляскетъ мѣстность стала болѣе суровой, подъемъ къ Сасыръ-ла сталъ затрудняться, на дорогѣ постоянно попадались павшіе лошади и ослы. Перевалъ Сасыръ покрытъ снѣгомъ, вершина — его плоская сѣдовина на высотѣ 17.700 футовъ. Здѣсь живутъ 6 ладакцевъ для помощи переваливающимъ; самая высокая точка нагорья каракарамскій перевалъ — 18 тысячъ футовъ. Каракарамское нагорье кончается переваломъ Сугетъ — въ общемъ оно представляетъ изъ себя край очень непривѣтливый, нигдѣ не видно жилья, температура прохладная, утромъ до 0°, ночью морозы. Двигаясь дальше, путешественники достигли Шакодула, китайское укрѣпленіе, въ которомъ живетъ китайскій амбанъ. Отсюда экспедиція не пошла обычнымъ переваломъ черезъ Роксетскій хребеть, а рѣшила подыскать какой либо новый; сопутствовать въ этомъ новомъ направленіи путешественникамъ киргизы положительно отка-

зывались, такъ что пришлось ихъ заставить слѣдовать почти силой. Двинулись по рѣкѣ Таргасу; мѣстность оказалась очень дикой; черезъ 4 дня киргизы все-таки бѣжали; пришлось идти на угадъ къ западу; черезъ нѣкоторое время достигли сибирской сѣдловины и послѣ часоваго подъема очутились на высшей точкѣ перевала. Спускаться было очень трудно, одна изъ лошадей съ багажемъ оборвалаась и полетѣла внизъ. На спускъ пришлось употребить 4 часа. Двигаясь далѣе по рѣкѣ Удолъ-су и къ сѣверо-западу отъ нея, экспедиція вступила черезъ два дня въ безбрежныя равнинны Кашгара и 20-го юля была въ городѣ Каргаликѣ. Каргаликъ представляетъ изъ себя рядъ мазанокъ съ большими грязнымъ и зловоннымъ базаромъ. Каргаликскій амбанъ для дальнѣйшаго слѣдованія далъ путешественникамъ почетную стражу, которую пришлось прогнать назадъ, ибо поведеніе китайскихъ солдатъ просто неприлично. Дальнѣйшее движеніе было по направлению къ Яркенду; за Яркендъ-Дарьей встрѣтилась группа ферганскихъ сартовъ. Яркендъ самый населенный пунктъ Кашгара: здѣсь соприкасается Россія съ Индіею. Населеніе отличается развитіемъ зобовъ, достигающихъ размѣровъ больше головы. Между Яркендомъ и Кашгаромъ впервые стали встрѣчаться путевые китайскіе столбы (3 версты). 2-го августа достигли Кашгара, административного центра Семиградія. Здѣсь находится британскій политическій агентъ, наше консульство. Путешественниковъ приняли очень радушно, но отъ угощенія китайцевъ приходилось отбояриваться, или бѣсть тухлыхъ яйца, маринованная водоросли и т. п. Изъ обычаевъ очень интересны наказанія, существуютъ казни, при чемъ палача послѣ казни сѣкутъ, а затѣмъ уже платятъ деньги. Къ русскому консулу относятся съ большимъ уваженіемъ. На докладѣ присутствовалъ въ качествѣ почетнаго гостя географическаго общества путешественникъ-англичанинъ Морганъ, переведшій на англійскій языкъ Пржевальскаго. Морганъ въ концѣ засѣданія довольно хорошо русскимъ языкомъ выразилъ симпатію русскимъ и желанія англичанъ сблизиться съ ними. III. Въ послѣднемъ засѣданіи отдѣленія статистики, П. Е. Островскихъ сдѣлалъ докладъ о значеніи Урянхайской земли для южной Сибири. Земля урянхайцевъ или сойотовъ, подданныхъ Китайской имперіи, граничащая съ нашими сибирскими владѣніями и занимающая огромную площадь (до 200 тыс. квадр. верстъ), обладаетъ громадными природными богатствами и несомнѣнно должна заслуживать полнаго вниманія съ нашей стороны. Изъ богатствъ ея, имѣющихъ выдающееся значеніе, являются: скотъ, разводящійся здѣсь въ большомъ количествѣ, пушнина (соболь, горностай, бѣлка,rossomаха и проч.), самосадочная соль, въ обилии находящаяся въ мѣстныхъ озерахъ, каменный уголь, лежащій мощными залежами въ разныхъ мѣстахъ, мѣдная руда, золотоносная розсыпь по нѣкоторымъ рѣкамъ и проч. Къ сожалѣнію, наши торговыя сношенія съ Урянхайской землей, начавшіяся еще съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, до сихъ поръ остаются совершенно ничтожными. За 1896 годъ они, по имѣющимся свѣдѣніямъ, выражались всего лишь въ суммѣ немногимъ болѣе 100 тысячъ рублей. Ввозятся русскими торговцами въ Урянхайскую землю въ ограниченныхъ размѣрахъ: разные мануфактурные товары, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, кожевенные, чай, крупчатка разные мелочные товары. Причинами, препятствующими надлежащему разви-

тію здѣсь русской торговли, по словамъ докладчика, являются: отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, недостаточная безопасность русскихъ со стороны западныхъ урянховъ, запрещеніе торговцамъ возводить прочныя постройки въ торговыхъ пунктахъ и отсутствіе русскаго резидента въ Улясутай, который бы могъ блести интересы нашей торговли. Немалымъ препятствіемъ, съ другой стороны, является и неумѣніе нашихъ торговцевъ примѣниться къ мѣстнымъ требованіямъ, касающимся товаровъ, и въ то же время успѣшная конкуренція англичанъ, занявшихъ здѣсь довольно прочное положеніе. Въ цѣляхъ улучшенія и развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ Сѣверной Монголіей, по мнѣнію докладчика, необходимо приступить къ точному обслѣдованію урянхайской земли съ торговой точки зренія. Это могло бы быть выполнено командированіемъ специальной разведочной экспедиціи, что уже дѣлается не только англичанами, но и немцами. Желательно, чтобы экспедиція собрала возможно полную коллекцію образцовъ различныхъ товаровъ, ходящихъ, какъ въ Урянхайской землѣ, такъ и въ Сѣверной Монголіи, въ руководство нашимъ торговцамъ.

Въ поискахъ о Димитріи Самозваниѣ. Подъ этимъ заглавиемъ въ № 8308 «Нового Времени» отъ 14-го апрѣля с. г. напечатана слѣдующаго рода замѣтка. «Главнѣйший римскій документъ о Димитріи есть, безъ сомнѣнія, донесеніе краковскаго нунція Клавдія Рангони, измѣченное 2 іюля 1605 года. Оно пока еще не издано, обѣ его содержанія стоитъ сказать нѣсколько словъ. Къ тому же, добраться до него было дѣло не легкое. Обстоятельства сложились слѣдующимъ образомъ. Въ папской куріи интересъ къ Димитрію возникъ собственно при Павлѣ V. Климентъ VIII сперва отнесся къ царевичу скептически, потомъ, принявъ милостиво его первое посланіе, на второе даже и не отвѣтилъ. Левъ XI провелъ только одинъ мѣсяцъ на престолѣ и прошелъ безслѣдно. Зато Павелъ V, бывшій кардиналь Camillo Borghese, обратилъ особое вниманіе на царевича. Какъ членъ инквизиціи, онъ былъ знакомъ съ его дѣломъ, а письма іезуитовъ еще болѣе подстрекали его любознательность. Уже 4 іюня 1605 г., двѣ недѣли послѣ избранія Павла V, кардиналь Валенти поручилъ краковскому нунцію сдѣлать докладъ о Димитріи, а 16-го іюля онъ вторично и настоятельно требовалъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ же лицѣ. Между тѣмъ, донесеніе уже было выслано. Его получили въ Римѣ 23-го іюля, Валенти лестно отзывался о немъ и благодарили отъ имени папы. Вся эта переписка была у меня передъ глазами, а самаго доклада, къ немалой моей досадѣ, долгое время невозможнно было найти. Наконецъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, я догадался, что онъ, пожалуй, таится въ архивѣ римской инквизиціи. Здѣсь новое препятствіе: это древнехранилище недоступно, требуется разрѣшеніе папы, которое дается лишь очень рѣдко. Въ данномъ случаѣ мнѣ посчастливилось: чрезъ посредство кардинала Рамполлы послѣдовало желаемое уполномочіе, и послѣ напряженныхъ усилий мнѣ удалось попасть на цѣлую тетрадь о Димитріи. Между прочими документами здѣсь находился и упорно скрывающійся докладъ 2-го іюля. Рангони, ловкій дипломатъ, смѣкнулъ, что дѣло важное, и ревностно исполнилъ данное ему порученіе. Онъ, очевидно, хотѣлъ отличиться и блеснуть. Его докладъ занимаетъ двадцать семь большихъ страницъ, адресованъ прямо

къ папѣ и распадается на три кое-гдѣ смежныя между собою части. Въ первой части Рангони подробно излагаетъ чудесное спасеніе Димитрія въ Угличѣ, предупредивъ читателя, что онъ воспроизводить записку князя Адама Вишневецкаго. Эта записка не разъ уже печаталась съ разными прибавками и убавками, но, пожалуй, не по достоинству оцѣнивалась. Имѣя въ виду Товіанскаго, Пясецкаго, Грененбруха и другихъ, Н. И. Костомаровъ такъ выражается: «Но то, что у нихъ разсказывается, точно ли было разсказано Димитриемъ и въ такомъ ли видѣ разсказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Разсказы эти черезъ чуръ противорѣчатъ истинѣ...» («Кто былъ первый Лжедимитрій?», стр. 36). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться безъ оговорокъ. Костомаровъ остановился на пересказахъ, иногда довольно неудачныхъ, онъ не дошелъ до первоначального текста записи, не зналъ, откуда и какъ она появилась, какъ она распространялась, а потому не могъ произнести надъ ней рѣшительного и окончательного приговора. На самомъ дѣлѣ, въ общихъ и главныхъ чертахъ записи сходна съ собственноручнымъ письмомъ Димитрія 24-го апрѣля 1604 г. къ папѣ Клименту VIII. Рангони свидѣтельствуетъ, что Вишневецкій ее писалъ со словъ царевича. Ею пользовался и на нее ссылался король Сигизмундъ III въ своихъ посланіяхъ къ сенаторамъ и даже къ Яну Замойскому. На нее упирались всѣ польские приверженцы Димитрія. Въ сравненіи съ другимъ однородными разсказами, записи имѣть явные признаки первоисточника. Во всякомъ случаѣ, въ хронологическомъ порядке она занимаетъ первое мѣсто, ибо была выслана въ Римъ 8-го ноября 1603 года, а въ донесеніи она только повторяется ради полноты очерка. Поэтому записка должна быть признана документомъ первостепенной важности, не столько по своему содержанію, какъ по своему происхожденію и по тому значенію, которое ей придавали современники. Димитрій является въ Польшѣ главнымъ, единственнымъ свидѣтелемъ своего собственного спасенія въ Угличѣ, а князь Адамъ Вишневецкій служить ему порукою. Вторая часть донесенія Рангони не представляется ничего особенно нового. Нунцій разсказываетъ прѣездъ Димитрія въ Краковъ, свою первую встречу съ нимъ, королевскую аудіенцію, обращеніе царевича въ католичество, его причащеніе, миропомазаніе по латинскому обряду, отѣзгадъ въ Самборъ, выступленіе въ походъ и первые военные успѣхи. Здѣсь онъ постоянно руководствуется своими прежними донесеніями и письмами двухъ іезуитовъ: Николая Чижовскаго и Андрея Лавицкаго, которые находились при войскѣ Димитрія въ качествѣ полковыхъ священниковъ. Впослѣдствіи Рангони доставлялъ въ Римъ самыя письма этихъ іезуитовъ къ своимъ краковскимъ собратьямъ, чѣмъ и объясняется, какимъ путемъ они попали въ ватиканскій архивъ. Впрочемъ, всѣ эти факты болѣе или менѣе извѣстны, и были уже разработаны по тѣмъ же источникамъ. Главный интерес сосредоточивается въ третьей части, которая содержитъ собственный наблюденія Рангони. Димитрій постыдилъ его только раза два, три, но они встрѣчались по воскресеньямъ въ королевскомъ дворцѣ, куда столичная знать съѣзжалась на церковную службу. Нунцій могъ такимъ образомъ ближе познакомиться съ царевичемъ и одѣнить его выдержанку въ спошненіяхъ съ королемъ, его пріятное обращеніе со всѣми, его живость въ разговорахъ. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, на какомъ языѣ они обмѣ-

нивали свои мысли. Въ высокой степени поразительна увѣренность, съ которой Димитрій утверждалъ, что онъ будеть короноваться въ Кремлѣ. Въ самый день принятія католичества онъ обдумывалъ подробности коронаціи и тогда уже просилъ разрѣшенія причащаться по греческому обряду. Невольно навязывается мысль, что велась подноготная работа, что дѣло было заранѣе устроено и улажено. Димитрій часто обсуждалъ церковныя дѣла, и въ немъ сказывался человѣкъ, знакомый съ московскими порядками. Онъ обѣщалъ ввести унію, но усердно настаивалъ на сохраненіи патріаршества, по крайней мѣрѣ, пока турки не будутъ изгнаны изъ Константиноополя. Если вспомнить, какую опору Борисъ Годуновъ находилъ въ патріархѣ Іовѣ, и съ какою послѣшнностью Димитрій назначилъ нового себѣ преданнаго патріарха Игнатія, то слѣдуетъ заключить, что онъ хорошо понималъ значеніе своего требованія и имѣлъ въ виду практическія цѣли. О способѣ введенія уніи онъ такъ разсуждалъ: греческаго духовенства опасаться нечего, оно невѣжественно, а съ русскимъ можно говориться: московскаго царя онъ сравнивалъ съ искусственнымъ всадникомъ: куда захочетъ, туда и направитъ коня. «Вотъ какъ я намѣренъ взяться за дѣло, — говорилъ онъ нунцію, — соберу русскихъ архіереевъ и латинскихъ, предложу имъ разные вопросы, заведу между ними пренія; латиняне, конечно, прижмутъ своихъ противниковъ, я это отмѣчу и примкну къ ихъ мнѣнію, и такимъ образомъ мало-по-малу, какъ бы незамѣтно, приведу русскихъ къ церковному единству». Нунцій поощрялъ такого рода намѣренія, полагался на искренность Димитрія, считалъ его набожность непрітворною. Онъ приводилъ иногда имя Константина Великаго, упоминаль о римскихъ фрескахъ, изображающихъ главныхъ христіанскихъ дѣятелей, и въ такомъ случаѣ отмѣчаль со стороны царевича особую воспріимчивость. О политическихъ дѣлахъ Димитрій, пожалуй, охотнѣе и чаще говорилъ, чѣмъ о церковныхъ. На воздѣйствіе нунція и папы онъ разсчитывалъ, чтобы скорѣе устроить свои дѣла съ королемъ и сенаторами. Въ то время главная его забота была послѣшнность. Онъ желалъ, чтобы его какъ можно скорѣе отпустили въ походъ, и ссылался на двоякое отмѣнно внушительное обстоятельство: во-первыхъ, онъ опасался, чтобы московская его партія не упала духомъ, не видя его появленія,—чтобы Годуновъ не окрѣпъ и не прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ; во-вторыхъ, въ случаѣ переворота въ Москвѣ, онъ побаивался, какъ бы кто либо другой не занялъ его мѣста. Нунцій Рангони довольствовался этими общими, неопределѣленными выраженіями, и, къ несчастью, не позабылся глубже вникнуть въ подробноти. Впрочемъ, онъ видимо склонялся на сторону Димитрія, хотя и не былъ вполнѣ убѣжденъ въ его царскомъ происхожденіи. Этотъ вопросъ былъ ему поставленъ ребромъ. Кардиналъ Валенти спрашивалъ: что думаютъ о Димитріи король и общество въ Польшѣ? Отвѣтъ нунція былъ уклончивъ, не то, чтобы онъ скрывалъ истину, но по невозможности дойти до нея. Два мнѣнія были въ ходу. Янъ Замойскій и Янушъ Острожскій относились къ Димитрію отрицательно; Жебжидовскій былъ его ярымъ защитникомъ, король его жаловалъ, принималъ съ честью, оказывалъ ему помошь, даже большинство придворныхъ мало-по-малу переходило на его сторону. Рангони не выводить изъ этого никакого заключенія, но оно само по себѣ подсказываетъ. На Павла V

это донесеніе должно было сдѣлать самое отрадное впечатлѣніе. Изображенный нунціемъ, Димитрій вполнѣ соотвѣтствовалъ тому идеалу московскаго царя, которымъ издавна увлекались въ Римѣ: онъ былъ католикъ, сторонникъ уніи, въ дружбѣ съ Польшею, да къ тому же обѣщалъ войну противъ турокъ. На самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе этого доклада сношенія съ Димитріемъ оживились, началась частная переписка о немъ съ Польшею, предположились взаимныя послыства. Огорченный пререканіями съ Венецію, которой грозила папская анаема, Павелъ V тѣмъ охотнѣй обращался къ Москвѣ. Въ недалекомъ будущемъ всѣ его надежды должны были потерпѣть полное крушениe. *Peregrinus.*

Съездъ архивистовъ въ Москвѣ. 21-го и затѣмъ 22-го апрѣля въ домѣ графини И. С. Уваровой, подъ ея предсѣдательствомъ, происходили совѣщательные собранія по вопросу объ организаціи государственныхъ архивовъ въ Россіи. Въ засѣданіяхъ этихъ принимали участіе: историкъ Д. И. Иловайскій, товарищъ предсѣдателя московской археографической комиссіи при Московскомъ археологическомъ обществѣ В. И. Холмогоровъ, а также изъ пріѣзжихъ лицъ — командированый варшавскимъ генераль-губернаторомъ профессоръ Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ, профессоръ Киевскаго университета В. С. Іконниковъ, директоръ С.-Петербургскаго археологическаго института Н. В. Покровскій и представители нѣкоторыхъ ученыхъ архивныхъ комиссій изъ провинцій. Въ засѣданіи 21-го апрѣля былъ выслушанъ докладъ профессора Д. Я. Самоквасова о проектѣ централизаціи архивныхъ матеріаловъ и архивного управлѣнія на началахъ, предложенныхъ высочайше учрежденной архивной комиссіей 1873 года. Между прочимъ, по этому проекту было предложено учрежденіе двухъ столичныхъ архивовъ и 14 провинціальныхъ для храненія актовъ дѣлоиздѣствія правительственныхъ учрежденій по 1800 году и 70 центральныхъ губернскихъ регистратуръ для храненія актовъ дѣлоиздѣствія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ засѣданіи же 22-го апрѣля тотъ же докладчикъ познакомилъ собраніе съ другимъ своимъ докладомъ по тому же вопросу. Какъ извѣстно, проф. Д. Я. Самоквасовъ по высочайшему повелѣнію былъ командированъ съ этой цѣлью за границу для обозрѣнія архивовъ западно-европейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, второй докладъ профессора былъ составленъ на основаніи всесторонняго изученія вопроса и по образцамъ уже существующей централизаціи архивныхъ матеріаловъ государственныхъ архивныхъ управлѣній въ Германіи, Франції, Италии и др. западно-европейскихъ государствахъ. Проектъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія положенія: 1) учредить состоящий при министрѣ народнаго просвѣщенія центральный органъ управления архивами государственныхъ и общественныхъ учрежденій Российской имперіи; 2) дѣлоиздѣствія по 1800 г. включительно упраздненныхъ и дѣйствующихъ столичныхъ — правительственныхъ и общественныхъ — учрежденій за исключениемъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, уже обладающаго благоустроеннымъ архивомъ, сосредоточить въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, владѣющимъ нынѣ обширнымъ помѣщеніемъ, специально построеннымъ и приспособленнымъ для храненія древнихъ актовъ; 3) учредить въ центральныхъ городахъ учебныхъ округовъ, за исключениемъ Петербурга и Москвы, а также Киева, Вильны и Варшавы, гдѣ архивы древнихъ актовъ уже суще-

ствуютъ, мѣстные центральные архивы древнихъ актовъ и сосредоточить въ нихъ дѣлопроизводства по 1800 году всѣхъ мѣстныхъ—правительственныхъ и общественныхъ—учрежденій; 4) дѣлопроизводства по рѣшеннымъ дѣламъ высшихъ и центральныхъ учрежденій имперіи истекающаго столѣтія сосредоточить въ архивѣ государственного совѣта, владѣющемъ нынѣ обширнымъ помѣщениемъ, построеннымъ и приспособленнымъ специально для храненія архивныхъ материаловъ; 5) учредить въ губернскихъ городахъ мѣстные центральные архивы и сосредоточить въ нихъ дѣлопроизводства губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ—правительственныхъ и общественныхъ—учрежденій истекающаго столѣтія; 6) снабдить всѣ центральные архивы древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства правительственныхъ и общественныхъ учрежденій помѣщеніями, приспособленными для храненія рукописей; 7) снабдить всѣ центральные архивы штатами, проектированными для центральныхъ архивовъ высочайше учрежденной комиссией 1892 г.; 8) нынѣ существующія мѣстныя архивныя ученые комиссіи соединить съ проектируемыми центральными архивами: всѣ онѣ при вышеозначенныхъ условіяхъ найдутъ себѣ подспорье для успѣшного своего развитія. На осуществленіе этого проекта требуется приблизительно ежегодного расхода около 800.000 руб. Съездъ архивистовъ, выслушавъ оба доклада, призналъ болѣе цѣлесообразною для Россіи систему централизаціи архивныхъ материаловъ по второму проекту и постановилъ просить о напечатаніи этого проекта и разсылкѣ его для ближайшаго ознакомленія со всѣми подробностями ученымъ обществамъ, губернскимъ архивнымъ комиссіямъ и управляющимъ архивами. Проектъ въ окончательномъ видѣ будетъ представленъ на XI археологическій съездъ, имѣющій быть въ августѣ текущаго года въ Киевѣ.

Издание архивныхъ документовъ. Покойный членъ императорской академіи наукъ сенаторъ Н. В. Калачовъ выработалъ планъ изданія архивныхъ документовъ XVI и XVII вѣковъ, согласно съ которымъ предполагалось, подъ наблюденіемъ академіи, постепенно издать въ свѣтъ документы и приговоры московской боярской думы съ 1550 по 1701 годъ, ближней канцеляріи съ 1701 по 1711 годъ, а также всѣхъ приказовъ, начиная съ XVI вѣка, которые завѣдывали всѣми отраслями управлѣнія Россіи по ближайшимъ указаніямъ самого царя. До настоящаго времени академія, придерживаясь этого плана, издала 2 тома актовъ московскаго государства и 5 томовъ (въ 8-ми книгахъ) докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената и нынѣ, за окончаніемъ срока кредита на означенный предметъ, вошла въ министерство народнаго просвѣщенія съ представлениемъ о возобновленіи отпуска кредита на изданіе историческихъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, по 2.000 руб. въ годъ, на 5 лѣть, съ 1-го января 1900 г. Министерство народнаго просвѣщенія, сочувственно отнесясь къ такой мѣрѣ, внесло по означеному предмету представление въ государственный совѣтъ.

Присужденіе преміи Г. О. Карнова. 24-го апрѣля состоялось чрезвычайное засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей российскихъ для объявленія о результатахъ VII-го соисканія преміи имени Г. О. Карнова. На соисканіе преміи представлено было только одно сочиненіе, именно — профессора Кіевскаго университета С. Т. Голубева, подъ заглавіемъ: «Кіевскій митро-

полить Петръ Могила», т. П. Избранная обществомъ комиссія изъ профессоръ Д. И. Иловайскаго и В. О. Ключевскаго, С. А. Вѣлокурова, В. А. Ульянскаго и М. К. Любавскаго, поручила разсмотрѣніе этого сочиненія бывшему профессору Московской духовной академіи Е. Е. Голубинскому. Соглашаясь съ представленнымъ отъ него отзывомъ, комиссія присудила г. Голубеву премію, а рецензенту опредѣлила выдать золотую медаль.

Библіотека имени И. И. Лажечникова. 4-го апрѣля въ Коломыѣ была открыта общественная библіотека имени Ив. Ив. Лажечникова, уроженца гор. Коломны. На открытіи присутствовали городскія власти, члены библіотеки и коломенскіе граждане. Молебенъ и панихида были отслужены соборнымъ протоіереемъ, при участіи пѣвчихъ. Послѣ богослуженія хоругвеносцы поднесли правленію библіотеки икону. Затѣмъ, въ довольно помѣстительной читальнѣ, при многочисленной публикѣ, состоялось засѣданіе членовъ библіотеки. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ П. П. Суворовъ. Въ рѣчи, имъ произнесенной, обрисовано значеніе для мѣстной жизни празднуемаго событія. Какъ Лажечниковъ работалъ для развитія русскаго самосознанія, для укрѣпленія въ немъ патріотическихъ чувствъ, такъ пусть и библіотека его имени послужить къ насажденію въ глухой провинціальной жизни здравыхъ понятій о наукѣ, искусствѣ и современныхъ задачахъ нашего отечества, неразрывно связанныхъ съ его славнымъ прошлымъ. Учитель мѣстной гимназіи А. П. Стельмаховичъ пропѣль написанный имъ біографическій очеркъ И. И. Лажечникова. Библіотека помѣщается въ домѣ, принадлежавшемъ когда-то отцу Лажечникова, и въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ писатель рѣзвился ребенкомъ. Къ коломенской библіотекѣ отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ не только частныя лица, но и многіе изъ государственныхъ дѣятелей, министровъ, извѣстныхъ писателей, редакторовъ газетъ и журналовъ и книгопродавцевъ. Количество по жертвованныхъ книгъ достигаетъ до 2.000.

Новыя пріобрѣтенія Императорскаго Эрмитажа. Отдѣль христіанскихъ древностей Петербургскаго Эрмитажа недавно обогатился пріобрѣтеніемъ отъ одного, хорошо извѣстнаго археологамъ, коллекціонера въ Греціи, его собранія древностей V — XV вв. по Рождествѣ Христовѣ. Большая часть ихъ добыта въ Египтѣ. Кромѣ римскихъ и персидскихъ монетъ, византійскихъ ювелирныхъ издѣлій (богатое ожерелье съ драгоценными камнями), глиняныхъ лампадъ обычного типа, архитектурныхъ фрагментовъ и надгробій (одно изъ нихъ — эпохи Птоломеевъ), — есть много коптскихъ древностей: отрывки папирусовъ медицинского содержанія; расписки въ уплатѣ податей на обломкахъ глиняныхъ сосудовъ, утварь изъ коптскихъ церквей; круглая и плоская чаша, исписанная внутри колдовскими заклинаніями, принадлежавшая какому нибудь знахарю. Добытыя изъ коптскихъ кладбищъ клочки тканей, пролежавшихъ, можетъ быть, тысячи полторы лѣтъ на мертвыхъ тѣлахъ, сохранили опредѣленность окраски и узоръ; иные изъ нихъ поражаютъ тонкостью своей выработки. Эти матеріи, преимущественно «гобеленового» типа, изъ шелка, льна и шерсти, — образцы производства персидскаго,alexandrijskаго, византійскаго арабскаго и китайскаго (можетъ быть, только подражаніе китайской ткани, сдѣланное въ Египтѣ, такъ какъ синологи затрудняются прочесть знаки на

этомъ кускъ шелка, сходные по очертаніямъ съ китайскими іероглифами). Почти неприкосновенною найдена короткая верхняя туника, украшенная узорчатою каймой и пестрою бахромой (V или VI вѣкъ по Р. Х.). Часть картины, въ коричневыхъ тонахъ, уцѣлѣла на клочкѣ ковра (близко напоминающаго современные): негритенокъ, съ большими испуганными глазами, поднялъ руку, какъ бы защищаясь отъ нападенія. Нѣсколько деревянныхъ фрагментовъ покрыты изящною и характерною арабскою рѣзьбою. Многочисленные обломки арабскихъ (не позже XI вѣка) маоликовыхъ сосудовъ и вазъ; на нѣсколькихъ — гербы чиновъ сultанскихъ дворовъ. Техника производства указываетъ на происхожденіе знаменитой итальянской маолики отъ арабской. Вмѣстѣ съ этою новою коллекціей, которая временно была собрана въ Галлерей Рафаэлевскихъ ложъ, можно ознакомиться со снимками до сихъ поръ еще неизслѣдованныхъ памятниковъ первоначального христіанского искусства. Во время своего археологического путешествія по Египту въ прошломъ году одинъ изъ хранителей Эрмитажа, В. Г. Бокъ, проникъ въ Большой оазисъ, въ 5 дніяхъ пути отъ Нила, куда лишь изрѣдка заглядываютъ путешественники ради развалинъ древняго египетскаго храма. Между тѣмъ въ этомъ оазисѣ — цѣлый христіанскій некрополь V вѣка,— рядъ мавзолеевъ, покрытыхъ плоскими восточными куполами. Внутрення роспись ихъ, сходная по характеру рисунка съ живописью катакомбъ Рима и Неаполя, впервые снята теперь фотографически. Среди орнаментовъ и греческихъ надписей преобладаютъ лица и событія Ветхаго Завѣта, иногда апостолы и святые, или эмблематическая изображенія христіанскихъ идей: мира, благодати, милосердія. Надо ждать, вѣроятно, вскорѣ подробнаго описанія этихъ памятниковъ первой эпохи христіанской вѣры,— можно сказать,— только что открытыхъ теперь. Рядомъ съ ними представляютъ лишь второстепенный интересъ фотографіи, сдѣланнныя во время того же путешествія съ росписи нѣсколькихъ древнихъ колхскихъ церквей.

[†] Г. В. Есиповъ. 11 апрѣля скончался завѣдующій общимъ архивомъ министерства императорскаго двора Григорій Васильевичъ Есиповъ. Покойный родился въ Москвѣ 24 сентября 1812 года. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ, Г. В. поступилъ въ 1831 году на службу въ комитетъ иностранной цензуры и черезъ пять лѣтъ перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ дѣлопроизводителемъ ученаго комитета. Во время службы въ этомъ министерствѣ онъ ревизовалъ палаты государственныхъ имуществъ и саратовскія колоніи, принималъ калмыцкія земли въ Симбирской губерніи и былъ завѣдующимъ времененнымъ управлениемъ самарскими государственными имуществами. Затѣмъ покойный служилъ въ межевой канцеляріи министерства юстиціи, былъ предсѣдателемъ рязанской гражданской палаты, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при почетномъ опекунѣ графѣ Вельзорскомъ, участвовалъ въ качествѣ дѣлопроизводителя въ комиссіи по дѣламъ опеки надъ дѣтьми великой княгини Маріи Николаевны и въ 1864 году причислился къ министерству императорскаго двора. Съ 1882 года покойный завѣдывалъ общимъ архивомъ императорскаго двора, приведя архивы, помѣщающіеся въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ образцовый порядокъ. Литературная дѣятельность Г. В. Есипова началась въ 1833 г. изданіемъ вмѣ-

стѣ съ графомъ Толстымъ и Д. И. Языковымъ «Сатиръ князя Антіоха Кантемира». Въ 1834 г. онъ перевѣлъ вмѣстѣ съ Мухановымъ романъ В. Гюго «Гань исланецъ». Питая страсть къ отечественной исторіи, покойный всепѣло отдался съ 1850 года изученію ея и преимущественно XVIII вѣка, тогда вовсе еще не разработанного. Онъ сталъ усиленно заниматься въ архивахъ, и плодомъ его трудовъ явился рядъ цѣнныхъ историческихъ статей и изслѣдований, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Рѣчи», «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Бесѣдѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстнике» и въ другихъ журналахъ. Большинство его статей, если не всѣ, заключали въ себѣ драгоценный архивный материалъ и отличались интересомъ и доступностью по легкости и простотѣ изложенія. Нѣкоторыя изъ статей вошли въ отдельно изданные сборники: «Раскольничіи дѣла XVIII вѣка» (два тома, 1861 г.), «Люди старого вѣка» (1880 г.) и «Тажелая память прошлаго» (1885 г.). Подъ редакціей покойнаго напечатаны «Исторія Выговской пустыни», «Сборникъ документовъ о Петрѣ Великомъ», «Камерь-фурьерскій журналъ» съ 1774 по 1798 г. и «Придворный календарь» 1789 и 1790 гг. Кромѣ того, Г. В. занимался изслѣдованіями о старинныхъ дворцовыхъ приказахъ и о преобразованіяхъ Петра Великаго въ придворномъ быту и дворцовомъ хозяйствѣ и до послѣдняго времени продолжалъ собирать материалы для исторіи Преображенского приказа и біографіи князя А. Д. Меньшикова. Изъ многочисленныхъ статей покойнаго назовемъ: «Посошковъ о крестьянствѣ» («Русское Слово»), «Ванька Каинъ» («Русский Архивъ»), «Жизнеописаніе кн. А. Д. Меньшикова» («Русский Архивъ»), собственноручныя записки императрицы Екатерины II («Исторический Вѣстникъ»), письма разныхъ лицъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ («Исторический Вѣстникъ»), «Исторія Краснаго кабачка» («Исторический Вѣстникъ»), «Княгиня Е. Р. Дашкова» («Исторический Вѣстникъ») и другія. («Новое Время» № 8308; «Московскія Вѣдомости» № 103).

† П. Г. Ширяевъ. 1 апрѣля въ Казани скончался отъ чахотки провинциальный газетный работникъ Петръ Григорьевичъ Ширяевъ. П. Г. по происхожденію крестьянинъ Вяземской волости, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, школьное образование получиль въ саратовской гимназіи, на семнадцатомъ году долженъ былъ оставить гимназію иѣхать съ нѣсколькими своими товарищами въ Вологду, затѣмъ въ Архангельскъ, а черезъ нѣсколько времени въ Восточную Сибирь. Свою литературную дѣятельность покойный началъ еще въ Сибири, гдѣ работалъ въ «Сибирскомъ Вѣстнике» и «Сибирской Газетѣ»; затѣмъ въ Саратовѣ П. Г. продолжалъ ту же дѣятельность газетнаго работника въ мѣстныхъ газетахъ. Затѣмъ П. Г. перѣѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на мѣсто завѣдующаго отдѣленіемъ конторы «Казанскаго Биржеваго Листка». Изъ Нижнаго П. Г. началъ писать periodическія корреспонденціи въ «Биржевой Листокъ», гдѣ касался городской и общественной жизни. Въ своихъ корреспонденціяхъ П. Г. повелъ изобличительную кампанию противъ темныхъ дѣльцовъ дворянскаго Александровскаго банка. Результатомъ этихъ корреспонденцій явились два судебныхъ процесса: одинъ, уголовный, по обви-

ненію правленія банка въ хищеніяхъ, закончившійся заслуженою карою виновныхъ, и другой — по обвиненію въ диффамаціи редакціи «Казанскаго Биржеваго Листка» въ лицѣ редактора газеты В. М. Ключникова, издателя С. А. Гисса и сотрудника П. Г. Ширяева, закончившійся оправданіемъ обвиняемыхъ. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Нижнемъ, въ виду закрытія отдѣленія конторы «Биржеваго Листка», П. Г. перебрался въ Казань и здѣсь работалъ въ томъ же «Биржевомъ Листкѣ» до его прекращенія, затѣмъ въ «Волжскомъ Вѣстнике» и «Казанскомъ Телеграфѣ», гдѣ до самой смерти состоялъ постояннымъ сотрудникомъ — хроникеромъ земской и городской жизни. Кроме того, одновременно съ этимъ П. Г. работалъ въ качествѣ корреспондента во многихъ поволжскихъ и столичныхъ изданіяхъ («Русскія Вѣдомости», № 99).

† С. А. Шмидтъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Орлѣ скончался Степанъ Андреевичъ Шмидтъ, имя которого пользовалось извѣстностью въ провинціальной прессѣ. Писалъ онъ, между прочимъ, въ одной изъ саратовскихъ газетъ, сотрудничалъ въ «Орловскомъ Вѣстнике» и т. д. Напечатанныя въ послѣдней газетѣ (подъ псевдонимомъ Гаммеръ) «Картины желѣзнодорожной жизни» въ 1897 г. вышли отдельной книжкой; другое его произведеніе — «Совѣсть убила», — одобренное московскимъ комитетомъ грамотности, было издано Сытинымъ и выдержано два изданія. С. А. былъ простой рабочій. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ изъ Петербурга принужденъ былъ отправиться въ г. Холмогоры, послѣ чего жилъ съ семьею въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Съ 1887 г. С. А. поселился въ г. Орлѣ, въ которомъ и прожилъ до смерти. Темою для своихъ произведеній онъ всегда бралъ дѣйствительность; особенно близко онъ зналъ жизнь желѣзнодорожниковъ, испытавъ на себѣ отношенія «тузовъ» къ рабочему люду. Лишь года за три до смерти покойному удалось поступить на земскую службу (въ страховой отдѣль орловской губернской земской управы), гдѣ условия были лучше, чѣмъ на желѣзной дорогѣ. («Русск. Вѣд.»).

† А. А. Третьяковъ. 6 апрѣля въ Ялтѣ скончался Алексѣй Антоновичъ Третьяковъ. Онъ умеръ имѣя около 36 лѣтъ отъ роду. По окончаніи гимназическаго курса въ Императорскомъ лицѣ цесаревича Николая въ 1883 году и курса ученія въ университѣтѣ по филологическому факультету, покойный одно время исправлялъ должность цензора московскаго цензурнаго комитета, а затѣмъ, выйдя въ отставку, занялся литературою. Какъ религіозный и набожный человѣкъ, Алексѣй Антоновичъ очень увлекался литературою, касающейся церковной жизни Россіи. Въ этомъ же направлѣніи имъ были написаны рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Словѣ» и другихъ изданіяхъ. Покойный принималъ дѣятельное участіе къ организаціи общества бывшихъ воспитанниковъ лицея цесаревича Николая («Моск. Вѣд.», № 99).

† И. И. Келлеръ. 10-го апрѣля, въ 10 ч. вечера, въ С.-Петербургѣ, скоро постижно скончался отъ разрыва сердца профессоръ исторической и портретной живописи Иванъ Петровичъ Келлеръ. Родился онъ 24-го февраля 1826 года въ Лифляндской губерніи, близъ города Феллина. Первоначальное образование получилъ въ уѣздномъ училищѣ. Свои художественные наклонно-

сти онъ сталъ разvивать съ 1839 года, когда поступилъ въ учение къ живописному мастеру въ гор. Венденѣ. Въ 1846 году онъ прибылъ въ Петербургъ и первое время занимался тѣмъ, что писалъ выvѣски. Съ 1848 года сталъ посѣщать классы академии художествъ и дальнѣйшее свое художественное образованіе закончилъ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора А. Т. Маркова. Въ 1855 г. И. П. Келлеръ былъ награжденъ малою золотою медалью за программу «Геркулесъ выводить Цербера изъ ада», а въ 1857 году ему была присуждена большая золотая медаль за «Саула у Эндорской волшебницы». Затѣмъ онъ уѣхалъ на два года за границу, гдѣ и получалъ стипендию отъ императорскаго общества поощренія художествъ. Онъ посѣтилъ всѣ художественные центры Германіи, Голландіи и Бельгіи, прожилъ годъ въ Парижѣ, затѣмъ черезъ Мюнхенъ отправился въ Италию, въ Римъ, гдѣ и оставался до 1862 г. Въ 1861 году, за присланную оттуда картину «Распятіе», ему было присуждено званіе академика. Вернувшись въ Петербургъ, И. П. вѣкоторое время былъ преподавателемъ въ рисовальной школѣ общества поощренія художествъ. Портретъ князя Горчакова, выставленный художникомъ въ 1867 году на академической выставкѣ, доставилъ ему званіе профессора. Съ этихъ поръ И. П. Келлеръ прославился, какъ выдающійся портретистъ того времени. Онъ безъ устали, и днемъ, и вечеромъ, часто при свѣтѣ лампъ, писалъ огромные портреты почти всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ 1873 году, въ Ливадіи, онъ написалъ грудной портретъ императора Александра II, а въ 1882 г.— грудной портретъ императора Александра III, законченный художникомъ съ натуры 3-го апрѣля. Вообще рѣдко кто изъ нашихъ художниковъ поднимался такъ высоко и работалъ такъ усидчиво. Въ его портретахъ многое писано отъ себя, его живопись за послѣдніе годы носила отпечатокъ бездушности, но огромные портреты во весь ростъ невольно останавливаютъ зрителя своимъ хорошимъ общимъ тономъ. Въ послѣднее время имя И. П. Келлера было почти забыто: онъ никдѣ не выставлялъ и ничего нового не писалъ. («Нов. Вр.», № 8306).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьямъ о Пушкинѣ.

Сообщаю двѣ небольшія поправки къ статьямъ, помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Исторического Вѣстника»: 1) въ статьѣ г. В. А. Тихонова объ А. П. Кернѣ (стр. 617) мѣстомъ вѣчнаго упокоенія ея назовано одно изъ московскихъ кладбищъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ А. П. Кернѣ погребена на кладбищѣ ногоста Прутни, Новоторжского уѣзда, Тверской губерніи, рядомъ съ фамильнымъ склепомъ родныхъ ея по второму мужу, А. В. Маркову-Виноградскому, Львовыхъ; 2) въ статьѣ И. Д. Драганова: «Кто впервые принялъ перевodить

А. С. Пушкина», не указаны слѣдующіе переводы Пушкина на латинскій языкъ: «Поэтъ, не дорожи любовью народной»—*Nec nimium, vates, tribuas popularibus auris*, Г. С. (иниціалы одного изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ латинистовъ), напечатано въ журналѣ «Филологическое Обозрѣніе» 1894 г., т. VII, кн. 1. Этому же лицу принадлежитъ переводъ стихотворенія: «Зачѣмъ крутится вѣтъ въ оврагѣ»—*Turbine quid Boreas convallis perflat hiatum*, напечатано тамъ же, т. VIII, кн. 2 (1895 г.). Въ томъ же журналѣ Ф. Е. Коршъ перевелъ стихотвореніе Мечтателю (Ann. II, 244): «Ты въ страсти горестной находишь наслажденье»—*Te iuvat occulto maerere Cupidinis ictu* (т. VIII, кн. 2, 1895 года).

А. Малеинъ.

II.

Садъ въ селѣ Болдинѣ.

Въ мартовской книжкѣ «Исторического Вѣстника» въ отдѣлѣ «Смѣсь» на страницѣ 1084, напечатано о селѣ Болдинѣ слѣдующее: «...Извѣстно, что имѣніе это принадлежитъ мѣстному помѣщику А. Л. Пушкину, родственнику умершаго поэта. Замѣчательнымъ памятникомъ старины и пребыванія знаменитаго поэта въ селѣ Болдинѣ, между прочимъ, служитъ роскошный садъ, принадлежащий тому же А. Л. Пушкину. Въ настоящее время отъ этого сада остались одни грустныя воспоминанія. Владѣлецъ имѣнія вырубилъ часть этого замѣчательнаго сада на мѣста подъ торговыя заведенія...» и т. д.

Свѣдѣнія эти, заимствованныя изъ провинциальной газеты, не вѣрны. Живя оть Болдина въ 10 верстахъ, я уже 30 лѣтъ знаю каждый его уголокъ и обѣ его усадьбы, одну А. Л. Пушкина со старымъ садомъ, другую Зыбинахъ, нынѣ граничащую съ садомъ первой. Вдоль обоихъ садовъ расположена базарная площадь съ присущими ей торговыми заведеніями. Площадь принадлежитъ Зыбинамъ и арендуется вмѣстѣ съ усадьбой однимъ мѣщаниномъ, устроившимъ въ бывшемъ барскомъ флигель трактирное заведеніе.

Прежде, между садомъ Пушкина и усадьбой Зыбинахъ находился пустырь, принадлежащий Пушкину, какъ говорять, давнишнее забытое кладбище. И вотъ, лѣтъ 12 тому назадъ, быть можетъ, и менѣе, хорошенъко не упомню, А. Л. Пушкинъ, не желая тревожить аллей старого сада и вздумавъ увеличить фруктовыя насажденія, использовалъ для этого сказанный пустырь, на которомъ, кромѣ лопуховъ и краивы да нѣсколькоихъ случайныхъ деревцевъ, ничего не росло. Года два тому назадъ на этомъ же пустырѣ, бокъ о бокъ съ трактиромъ на землѣ Зыбинахъ, Пушкинъ сдалъ мѣсто подъ постройки винного склада и квартиры приказчика, при чемъ, можетъ быть, и пришлось срубить нѣсколько деревьевъ, но отнюдь не вѣковыхъ и не принадлежащихъ къ тому саду, по которому гуляль когда-то покойный Александръ Сергеевичъ, а росшихъ на окраинахъ пустыря, превращеннаго во фруктовый садъ стараніями настоящаго владѣльца.

Самый же старый садъ содержится прекрасно, и со временемъ Александра Сергеевича въ немъ не только ничего не тронуто, но произведена масса улучшений и украшений. Пруды вычищены, черезъ ближайшій къ дому перекинутъ живописный мостикъ; въ саду устроены оранжереи и грунтовый сарай, заве-

дены школа и питомникъ фруктовыхъ деревьевъ. Масса цвѣтовъ украшаетъ ближайшую къ дому часть сада и палисадникъ передъ домомъ, построеннымъ на мѣстѣ давно сгорѣвшаго дома, въ которомъ жилъ и писалъ Александръ Сергеевичъ. Тамъ, гдѣ садъ соприкасается съ усадьбами крестьянъ и мѣстного духовенства, возведена высокая каменная стѣна отъ покушений дѣтворы на щѣлости садовыхъ насажденій.

Въ справедливости моихъ словъ могутъ убѣдиться на мѣстѣ желающіе почтить память незабвенаго поэта, посѣтивъ Болдино, Львовку и Кистенево, имѣнія, принадлежавшія покойному Александру Сергеевичу.

И. Н. Званцовъ.

III.

Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ.

Въ майской книжкѣ «Исторического Вѣстника», въ статьѣ г. Драганова «Пушкинъ въ переводахъ», въ примѣчаніи къ стр. 680, вкралисъ мелкія неточности. Во-первыхъ, по поводу замѣчанія о томъ, что Пушкинъ не бывалъ за границей, что уже не точно само по себѣ, такъ какъ Пушкинъ переступилъ русскую границу во времи поѣздки въ Арзерумъ, опибочно утверждается, что «то же было впослѣдствии и съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ», т.-е. что онъ будто бы также не бывалъ за границей, тогда какъ памятникомъ заграничнаго путешествія Щедрина осталось его извѣстное произведеніе «За рубежомъ», а Н. А. Некрасовъ написалъ ему въ 1878 г. также извѣстное посланіе, начинающееся стихами:

«О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ kraю не позабудъ».

Далѣе читаемъ: «благодаря лишь своему литературному знакомству съ вѣнчимъ міромъ, въ частности и съ Испаніей, Пушкинъ такъ описывалъ Гвадалквивиръ и испанскую жизнь, какъ будто онъ видѣлъ все это своими глазами». Относительно Испаніи это замѣчаніе вѣрно, но Гвадалквивиръ, по извѣстному стихотворенію Пушкина, обыкновенно рисуется читателю быстрой и бурливой, скорѣе не особенно широкой рѣкой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Кордовѣ и особенно въ Севильѣ, гдѣ я видѣлъ Гвадалквивиръ лѣтомъ 1887 года, эта рѣка является широкою, величаво и плавно катящей свои волны. Я былъ пораженъ несоответствіемъ заранѣе составившагося у меня представлія съ дѣйствительностью.

Вл. Шенрокъ.

IV.

Еще къ статьѣ г. Драганова.

Въ статью г. Драганова «Пушкинъ въ переводахъ» на стр. 683, вкраласъ неточность. Г. Драгановъ полагаетъ, что переводъ «Капитанской дочки» Картина meitna, A. Skarre, изданіе Rudolph'a Puhze, эстонскій, тогда какъ это переводъ латышскій.

N. N.

РЕДКИЕ ПОРТРЕТЫ.

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ.

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, родной братъ любимца и друга императора Александра I, князя Петра Петровича, родился въ 1780 году. Записанный при рожденіи въ гвардію, онъ на шестнадцатомъ году былъ уже ротмистромъ и поступилъ на дѣйствительную службу въ корпусъ графа Зубова, дѣйствовавшій на Кавказѣ. Произведенный 1800 году въ полковники, онъ былъ посланъ въ Парижъ, въ свитѣ генерала Сиренгпортона, назначенаго комиссаромъ для размѣна пленныхъ по окончаніи войны съ французами въ 1799 году. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, красивый собою, съ изящными манерами, остроумный и любезный, князь Долгоруковъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на высшее парижское общество и былъ принятъ въ самыхъ аристократическихъ салонахъ. Наполеонъ, тогда еще первый консулъ, часто бесѣдовалъ съ нимъ и при прощаніи подарилъ ему пару пистолетовъ. Впослѣдствіи, въ 1805 году, когда передъ сраженіемъ подъ Аустерлицемъ, братъ Долгорукова, князь Петръ Петровичъ, явился, по порученію императора Александра, для переговоровъ съ Наполеономъ, послѣдній вспомнилъ о князѣ Михаилѣ Петровичѣ и спросилъ:

— Не родственникъ ли вамъ тотъ князь Долгоруковъ, который въ дни моего консульства жилъ въ Парижѣ, удивлялъ всѣхъ своимъ умомъ, свѣдѣніями и жаждой знаній? Гдѣ онъ теперь?

— Онъ мнѣ младшій братъ, — отвѣчалъ князь Петръ Петровичъ, — находится здѣсь въ арміи и надѣется, въ случаѣ битвы, снискать уваженіе французовъ и на полѣ битвы.

По восшествіи на престолъ императора Александра I, князь Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и получилъ позволеніе путешествовать, для своего образованія, на безсрочное время. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ посѣтилъ Германію, Англію, Францію, Италію, Испанію, Мальту, Іоническіе острова, Морею и Турцію и въ совершенствѣ изучилъ восемь иностранныхъ языковъ. Объявленіе войны Франціи, въ 1805 году, побудило его возвратиться въ Россію. Онъ находился въ несчастномъ Аустерлицкомъ сраженіи и за ока-

занное мужество получилъ георгіевскій крестъ и шагу за храбрость. Командуя Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, Долгоруковъ участвовалъ во всѣхъ битвахъ кампаніи 1806—1807 гододъ, получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, чинъ генераль-майора и званіе генераль-адъютанта. По заключеніи Тильзитскаго мира, онъ былъ отправленъ съ извѣщеніемъ о томъ въ Петербургъ. По существовавшему здѣсь обычаю, купечество поднесло ему за радостное извѣстіе двѣ тысячи червонцевъ, которые онъ тотчасъ же внесъ, отъ имени неизвѣстнаго, въ Сохранную Кассу, для содержанія изъ процентовъ двухъ пансионеровъ въ военно-сиротскомъ домѣ.

Въ 1809 году, съ объявленіемъ войны Швеціи, князь Михаилъ Петровичъ отправился въ Финляндію и, командуя отдѣльной частью въ дивизіи генераль-лейтенанта Тучкова, былъ убитъ въ сраженіи при Индельсалмѣ. Непріятельское ядро ударило его въ самое сердце, сорвало съ лопади и отбросило на двѣсти шаговъ въ сторону. Смерть постигла его на двадцать девятомъ году отъ рожденія и прервала предстоявшую ему блестящую жизнь. Бренные останки его были перевезены въ Петербургъ и преданы землѣ въ присутствіи императора Александра, искренно оплакавшаго потерю этого даровитаго человѣка. За нѣсколько дней до смерти, князь Михаилъ Петровичъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Портретъ его до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, и мы можемъ приложить его къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстнику», лишь благодаря благосклонному разрѣшенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича, въ коніи съ рѣдкой миніатюры, принадлежащей Его Высочеству.

у насъ вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ и Генрихомъ IV, такъ было ему еще мною назначено мечтать о любовной интригѣ съ королевой Маріей-Антуанеттой. Никакого преступленія чрезъ это противъ прекрасной королевы Франціи я не совершилъ, какъ не совершилъ его и противъ прекрасной Клеопатры египетской, въ благоухающую розами и мазями постель которой я впустилъ кардинала.

— Но кардиналъ можетъ сослаться на насъ, сказавъ, что мы вовлекли его въ этотъ обманъ,—замѣтила Лоренца, на лицѣ которой выраженіе беспокойства все усиливалось.—Я, кромѣ шутокъ, боюсь, мой другъ, какъ бы насъ не причислили къ соучастникамъ въ этомъ дѣлѣ. Кардиналь—полупомѣшанный мечтатель; не долго думая, онъ откроетъ всѣ свои дѣла съ нами. Хотя ты училъ его искусству дѣлать золото и камень мудрости, за что, какъ и за всѣ необыкновенные тайны, онъ платилъ намъ хорошія денежки,—однако, при умѣніи дѣлать золото, онъ становился все бѣднѣе, такъ что не могъ даже внести въ срокъ первого взноса за ожерелье, отчего и вышла вся исторія. Столь же мало помогъ ему твой камень мудрости, потому что онъ становился все глупѣе и не замѣчалъ твоего лукавства. Ты зашелъ слишкомъ далеко, и я боюсь, что если на этомъ мы шагою не свернемъ, то все равно погубитъ насъ безумное *rendezvous*, устроенное тобою въ рощицѣ версальского дворцового парка. Эта *melle* Олива, выхваченная тобою изъ среды порочныхъ дѣвшекъ Пале-Рояля и соответственно переодѣтая, оказалась замѣчательною Маріей-Антуанеттой, въ конецъ помутившей разумъ бѣднаго кардинала; но теперь, когда будетъ возбужденъ процессъ, дѣвшка эта выдастъ тебя, какъ главнаго виновника. Прошу тебя, Александръ, будь благоразуменъ, бѣжимъ сейчасъ же изъ Парижа!

— Не понимаю, откуда это малодушіе у графини Каліостро,—сердито возразилъ графъ.—Вспомни, какой духъ безстрашія и храбрости обиталъ прежде въ твоемъ прекрасномъ тѣлѣ, когда ни одно приключеніе не казалось тебѣ достаточно опаснымъ? А теперь, безразсуднымъ бѣгствомъ, которое всего сильнѣе можетъ возбудить подозрѣніе противъ насъ, мы должны лишиться всѣхъ пріобрѣтенныхъ нами въ Парижѣ выгодъ? Нѣтъ, я не тронусь съ мѣста. Если же буду обвиненъ, то сумѣю защищаться всѣми имѣющимися у меня средствами. Мое вліяніе, передъ которымъ начинаютъ благоговѣть даже принцы королевскаго дома, стремится къ полному господству надъ умами и карманами людей, и вдругъ, въ припадкѣ глупаго страха, я долженъ отказаться отъ этого?

— Я не трусила,—сказала Лоренца, а прекрасные глаза ея сверкнули мрачнымъ пламенемъ,—но ты знаешь, что я всегда вѣрно предчувствую опасность. Благодаря мнѣ, уже два раза, въ Лондонѣ и Мадридѣ, мы избѣжали тюрмы, потому что я во-время выгнала тебя оттуда, тогда какъ ты увѣрялъ даже меня, что съ тобой ничего

не можетъ случиться, потому что ты жилъ еще до потопа и носился вмѣстѣ съ Ноемъ въ его ковчегѣ.

Калиостро расхохотался и на минуту поддался просьбамъ и ласкамъ Лоренца; затѣмъ, какъ бы для ея успокоенія, сказалъ:—Все подозрѣніе падетъ на напу свѣтлѣйшую графиню Ламоттъ-Валуа, которую поэтому я и убѣдилъ бѣжать. Сегодня, до разсвѣта, она оставила Парижъ и направилась въ Баръ-Сюръ-Объ, гдѣ я доставилъ ей вѣрное убѣжище у одного могильщика, съ которымъ состою въ сношеніяхъ.

— Вотъ почему я напрасно искала ее въ цѣломъ домѣ сегодня!— замѣтила Лоренца, подумавъ.— Но ея исчезновеніе никакой пользы намъ не принесетъ, Джьюзеппе Бальзамо,— прибавила она настойчиво.— Такъ какъ она жила у насъ, то здѣсь и будутъ искать начала всѣхъ ея интригъ, и слѣдствіе неминуемо. Здѣсь же будутъ искать ожерелья. Извѣстно, что королева его не приняла, а слѣдовательно гдѣ нибудь же оно осталось.

— Не найдутъ никакого слѣда,—возразилъ Калиостро.— У насъ въ домѣ нѣть ни одного камня. Ты вѣдь знаешь, что мы разобрали ожерелье по частямъ, и мужъ Ламоттъ давно уже съ этимъ въ Лондонѣ для превращенія каменьевъ въ деньги.

— Тебѣ не слѣдовало связываться съ этою отвратительною женщиною,—сказала Лоренца съ неудовольствіемъ.— Свою дьявольскою ловкостью она сумѣла соблазнить кардинала, она же будетъ и твоимъ несчастьемъ и погубить насъ обоихъ. Скажу тебѣ, что я никогда не вѣрила въ ея высокое происхожденіе, которое не болѣе, какъ безстыдная басня. Подобная особа не можетъ быть изъ стараго королевскаго рода Франціи.

— Отчего?—насмѣшливо спросилъ Калиостро.— Вы, женщины, не можете быть справедливыми одна къ другой. Знай, дитя мое, генеалогами давно уже установлено, что графиня Ламоттъ-Валуа ведеть свое происхожденіе отъ того Карла Валуа, барона Сенъ-Реми, который былъ незаконнымъ сыномъ французскаго короля КарлаIX. Судьба сдѣлала ее бродягой и нищей. Когда я здѣсь познакомился съ ней, она жила милостыней, подававшейся ей придворными въ память къ имени Валуа. Я раздуль пламя предпримчивости въ ея жилахъ, и она отблагодарила меня за это, будучи полезнымъ и ловкимъ орудіемъ для моихъ плановъ. И развѣ это не въ высшей степени интересная комедія, какъ этотъ послѣдній отпрыскъ дома Валуа всею силою интриги наступаетъ на дочь кесарей, чело которой украшено одною изъ первыхъ коронъ міра—наслѣдствомъ бѣдной отверженной? Брильянтовое ожерелье будетъ также и орудіемъ мести противъ гордой дочери кесарей.

Лоренца неодобрительно покачала головой и, не произнося болѣе ни слова, направилась къ двери.

— Примись теперь серіозно за приготовленія къ сегодняшнему

обѣду, — внушительно сказалъ онъ ей вслѣдъ. — Все должно быть отборно, блестяще и точно. Полагаюсь въ этомъ, по обыкновенію, всецѣло на тебя. Съ этими словами онъ снова сѣлъ за свой рабочій столъ для продолженія прерванныхъ занятій и опытовъ.

V.

Обѣдъ съ участіемъ духовъ.

Назначенный часъ обѣда у графа Каліостро насталъ, и приглашенные не преминули явиться во время.

Каліостро принималъ гостей въ своемъ обычномъ костюмѣ, которого никогда не снималъ, и къ которому высшее парижское общество уже вполнѣ привыкло. Жена же его облеклась въ великолѣпный обольстительный туалетъ, соотвѣтствовавшій усвоеннымъ ею утонченнымъ манерамъ.

Первою прибыла маркиза де-Барберакъ съ своимъ кавалеромъ, нѣмецкимъ эксъ-министромъ, барономъ фонъ-Гогенфельдомъ. Маркиза, необыкновенная красота которой мало пострадала даже съ ея вступленіемъ, какъ казалось, въ сорокалѣтній возрастъ, своимъ умомъ и граціей служила предметомъ поклоненія не только въ придворныхъ кругахъ, но и среди всего, что было въ то время въ Парижѣ выдающагося по уму и таланту. Въ настоящую минуту въ ея милыхъ цѣпяхъ находился баронъ фонъ-Гогенфельдъ, высокій, внушительнаго вида мужчина лѣтъ пятидесяти, весельчакъ и *bon vivant*, нѣмецъ, по своему характеру и манерамъ явно превращающейся въ француза.

Одновременно съ ними вошли въ домъ Шамфоръ и госпожа Нэра. Послѣдняя тѣмъ охотнѣе согласилась на предложеніе Шамфора сочувствовать ему, что этимъ исполнялось и одно изъ желаній Мирабо. Жизнь и занятія Каліостро привлекали на себя вниманіе Мирабо, и въ письмахъ своихъ къ Шамфору онъ постоянно повторялъ, что доставленіе ему подробныхъ свѣдѣній о знаменитомъ чудодѣѣ, по многимъ причинамъ, крайне для него желательно. Оттого-то Шамфоръ рѣшился познакомиться съ графомъ Каліостро, и Генріетта, всегда усердная во всемъ помощница Мирабо, а теперь при томъ же веселая и радостная, благодаря полученнымъ ею для своего друга обѣщаніямъ, съ величайшею готовностью приняла предложеніе Шамфора присоединиться къ нему.

Каліостро ожидалъ гостей внизу внутренней лѣстницы своего дома, на которой торжественно выстроилась многочисленная прислуга, облаченная на этотъ разъ въ богатую траурную ливрею.

Графиня оставалась въ гостиной на верху, гдѣ съ величайшимъ тактомъ привѣтствовала подводимыхъ ей Каліостро гостей. Сначала

разговоръ касался самыхъ обыденныхъ вещей, причемъ Калюстро выражался сдержанно и нѣсколько торжественно. Еще не все приглашенное общество было на лицо. Ждали генерала Лафайетта, также принявшаго приглашеніе. Со временемъ возвращенія изъ своего вторичнаго путешествія въ Америку, въ началѣ 1785 года, онъ все сильнѣе предавался модному въ то время въ Парижѣ увлеченію матерій и магнетизмомъ.

Наконецъ прибылъ и Лафайеттъ, и все общество немедленно направилось въ обѣдненный залъ, двери котораго были раскрыты дво-рецкимъ. Залъ этотъ былъ убранъ самымъ необыкновеннымъ образомъ. Онъ былъ весь затянутъ, сверху до низу, черными бархатными обоями, усѣянными блестящими золотыми звѣздами. Все въ этой громадной комнатѣ казалось разсчитаннымъ на впечатлѣніе печали и меланхоліи, и лишь великолѣпныя зеркала и люстры своимъ блескомъ и драгоценностью нарушали его. Глубокая тишина, царствовавшая здѣсь, отвлекала отъ видимаго настоящаго и настраивала, казалось, умъ къ лицезрѣнію самыхъ необыкновенныхъ явлений и происшествій.

Стоявшій посреди зала столъ былъ накрытъ съ изысканнѣемъ роскошью на девять приборовъ, хотя общество состояло изъ семи лицъ. Калюстро извинился, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ приглашенныхъ не могли прибыть. Онъ просилъ гостей занять мѣста; лишь же приборы убирать не велѣлъ.

Странное недоумѣніе, съ которымъ общество вступило въ великолѣпную траурную залу, смѣнилось удивленіемъ при ходѣ самаго обѣда. Прислуги не было вовсе, а замѣняли ее, сдѣланные изъ чернаго дерева рабы, которые, при помощи удивительно точно работающаго механизма, то выступали изъ земли, то вновь опускались, принося или убирая блюда и все требуемое за столомъ.

Маркиза де-Барберакъ, смѣло и съ гордымъ сомнѣніемъ вступившая въ эти предѣлы, вначалѣ, при видѣ всѣхъ этихъ вещей, казалась нѣсколько оробѣвшей и призадумывалась. Однако, вскорѣ разговоръ, завязавшійся между Шамфоромъ и маркизомъ Лафайеттомъ, привлекъ ея вниманіе, и она съ оживленіемъ приняла въ немъ участіе.

— Въ Америкѣ, я думаю, некогда вызывать духовъ? — обратился Шамфоръ съ обычнымъ сарказмомъ къ генералу Лафайетту. — Весь свѣтъ и всѣ газеты рассказывали о великихъ троумфахъ, встрѣтившихъ васъ при этомъ новомъ путешествіи по свободному американскому государству. Вы помогли тамъ окончательно воздвигнуть храмъ свободы, и съ полнымъ правомъ присвоеннымъ вамъ титуломъ американского гражданина вновь вернулись во Францію, гдѣ намъ все еще нечего дѣлать пока, и гдѣ поэтому вамъ приходится скучать. А скуча бездѣствія — матъ всѣхъ привидѣній и чудесныхъ лѣченій. Этимъ я объясняю себѣ вашу продолжающуюся привержен-

ность къ месмеризму, такъ какъ я слышалъ, что вы, попрежнему, постоянный посѣтитель въ домѣ нѣмецкаго доктора Месмера, на Вандомской площади, гдѣ присутствуете при всѣхъ его магнетическихъ сеансахъ.

Шамфоръ высказалъ тутъ самыи беззаботнымъ образомъ рѣзкое сужденіе о настоящемъ положеніи. Пока Лафайетъ, прелестное молодое лицо котораго сдѣлалось вдругъ чрезвычайно серіознымъ, медлилъ отвѣтомъ, графъ Каліостро бросалъ кругомъ электрические, сверкающіе взгляды, стараясь пронизывающею силою своихъ глазъ изучить физіономію каждого гостя.

Маркиза де-Барберакъ, къ которой вернулась страсть надъ всѣмъ смѣяться, заговорила первая:

— Если умное замѣчаніе господина Шамфора о скучѣ вѣрно, то я боюсь, что, какъ, впрочемъ, я и ожидала, мы здѣсь за столомъ графа Каліостро никакихъ привидѣній не увидимъ. Мне кажется, намъ становится здѣсь очень весело, и если мать привидѣній—скуча, то едва ли мы узримъ сегодня духовъ. Какъ вы полагаете, графъ?

Каліостро улыбнулся, сверкнувъ при этомъ своими удивительной бѣлизны зубами, что придавало лицу его особое выраженіе. Затѣмъ, на своеи ломаномъ языкѣ, иностранное произношеніе котораго онъ еще искусственно преувеличивалъ, сказалъ: — Духамъ нѣть дѣла до нашей скучи или удовольствія. Спрашивается ли о насъ воздухъ, лобзящій насъ во время сна? Однако, онъ непрестанно вѣтъ и дотрогивается до насъ, а уже отъ насъ самихъ зависить понимать его дуновенія. Воздухъ, духи, истина — это все одно и то же, но только въ самихъ насъ заключается сила достойно открыть ихъ. Все это существуетъ лишь въ нашемъ пониманіи. Для того же, кому міръ чуждъ, все будеъ одинъ пустой туманъ, и завѣса передъ нимъ останется закрытой.

— И я убѣдительно прошу васъ, графъ, не поднимайте еще завѣсы! — сказала маркиза, принуждая себя граціозно улыбнуться. — Хотя я пришла сюда, какъ отчаянныи скептикъ, желая быть вами обращенной, однако, чѣмъ ближе подходитъ эта минута, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ мною страхъ и трепетъ. Быть можетъ, маркизъ Лафайетъ захочетъ пока разскказать намъ что нибудь объ Америкѣ?

— Глаза американцевъ обращены теперь, главнымъ образомъ, на нашу Францію! — отвѣчалъ Лафайетъ. — Конгрессъ вручилъ мнѣ письмо къ королю Франціи, называемому дикарями Америки «великимъ Ононтіо». Въ письмѣ этомъ выражена Франціи благодарность Соединенныхъ Штатовъ за ихъ свободу, которая стала естественнымъ дыханіемъ Америки и уже у этого народа не можетъ быть замѣнена искусственнымъ монархическимъ способомъ дыханія. Да, скоро всѣ тружающіеся и обремененные найдутъ тамъ счастливое пристанище и новое отечество, какъ недавно написалъ

мнѣ генералъ Вашингтонъ, приглашая къ себѣ всѣхъ, ищущихъ своего счастья и мира въ обработкѣ матери-земли, и обѣщаю, что они найдутъ тамъ, какъ въ обѣтованной землѣ, одно лишь мleко и медъ¹⁾.

— Да здравствуетъ Лафайеттъ! — воскликнулъ Шамфоръ, поднимая свой стаканъ, чтобы чокнуться. Но въ эту минуту графъ Калостро сдѣлалъ таинственный знакъ, простирая въ воздухѣ руку и какъ бы приглашая своихъ гостей повременить еще минуту съ принятіемъ провозглашенного тоста. Тутъ вдругъ выскочили изъ полу двое черныхъ рабовъ, держа подносъ съ множествомъ свѣжихъ бутылокъ, наполненныхъ дорогими винами.

Калостро, распредѣливъ бутылки на столѣ, сталь самъ наливать пламенемъ сверкающее вино въ стаканы гостей.

— Это великолѣпное сиракузское, — сказалъ Шамфоръ, съ видомъ внатка попробовавъ вино.— Надѣемся, что графъ получиль его естественнымъ путемъ, потому что хотя всѣ источники духовъ, безъ сомнѣнія, находятся въ распоряженіи его погреба, однако наппи боязливыя дамы примутъ съ большою благодарностью виноградную лозу, въ которой еще не водится домовыхъ, и которая была дѣйствительно воздѣлана загорѣлыми руками итальянского крестьянина.

Графъ Калостро, легкимъ движениемъ руки указывая на пѣняющееся въ стаканахъ вино, предлагалъ его гостямъ, причемъ на минуту лицо его приняло почти добродушное и веселое выраженіе.

Тутъ Шамфоръ поднялъ свой бокалъ и сказалъ:—Этимъ настоящимъ сиракузскимъ пью за здоровье генерала Лафайетта! Пусть процвѣтаетъ, дѣйствуя и впредь на славу, не только его храбрая рука, посвященная свободѣ народовъ, но и прекрасное сердце его, бьющееся за освобожденіе бѣдныхъ черныхъ негровъ! Да здравствуетъ Лафайеттъ, а съ нимъ вмѣстѣ все, что черно и что протестуетъ, но что будетъ однажды свѣтло и лучезарно и обрѣтеть свое право въ общей свободѣ!

Звонъ стакановъ торжественно разнесся по всей залѣ. Даже Калостро опорожнилъ свой стаканъ, хотя обыкновеніемъ его было не принимать у себя за столомъ никакого участія.

Лафайеттъ съ улыбкой кланялся на всѣ стороны и благодариль за тостъ.

Маркиза же, на очаровательномъ лицѣ которой играло насыпливое выраженіе, сказала, граціозно обращаясь къ графу Калостро:

— Мы всѣ съ удовольствиемъ, конечно, поддержали столь остроумно провозглашенный тостъ, въ которомъ не было забыто и о черныхъ, а генералъ Лафайеттъ, учредившій уже въ Парижѣ для дѣла негровъ свой собственный комитетъ, былъ причисленъ къ самымъ

¹⁾ Mémoires du général Lafayette, II, 125.

выдающимся, такъ сказать, чернокнижникамъ нашего времени. Какъ видите, графъ, мы принимаемъ чернокнижіе въ его наилучшемъ значеніи. Скажите же намъ, какъ относитесь вы къ вашему искусству, несомнѣнныне образчики котораго вы хотѣли намъ дать сегодня? Есть ли это идея или магія, истина или сонъ, то, что мы у васъ должны узрѣть?

При этомъ вопросѣ Калюстр сперва спокойно глядѣлъ внизъ, какъ бы погруженный въ глубокую задумчивость, затѣмъ вдругъ его густые черные кудри встряхнулись на головѣ точно какою-то электрическою силою, а маркизѣ видѣлись даже сверкающія въ нихъ искры. Онъ поднялъ глаза и устремилъ на маркизу долгій, упорный взглядъ съ тою загадочною силою, которую въ его взглядѣ признавали даже самые невѣроятные.

Госпожа де-Барберакъ начала при этомъ испытывать странное ощущеніе; капли пота выступили у нея на лбу, и, близкая къ обмороку, она должна была опереться на руку своего сосѣда, барона фонъ-Гогенфельда.

— О Боже, вы все блѣднѣете, маркиза! — воскликнулъ баронъ, желая помочь своей дамѣ, но она быстро оправилась, объявивъ, что чувствуетъ себя прекрасно. Но тутъ вновь увидала устремленными на себя глаза Калюстра, съ такою непреодолимою силою притягивавшіе ее къ себѣ, что она не только повернулась въ его сторону, но и встала, чтобы ближе къ нему подойти и послѣдовать за нимъ.

Движеніемъ руки Калюстр указалъ, однако, ей на стулъ, на который она опустилась съ глубокимъ вздохомъ, а потомъ онъ серіозно, почти съ достоинствомъ проговорилъ: — Прошу только всѣхъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Я отлично помню, госпожа маркиза де-Барберакъ, то, что я вамъ обѣщалъ. Здѣсь нѣть рѣчи объ искусствѣ, къ которому могла бы быть приложена какая либо земная краска. Ни чернымъ, ни бѣлымъ, ни голубымъ, ни краснымъ не можетъ быть обозначена та наука, которая себя здѣсь проявить. Чусть чистое знаніе и зрѣніе возьмутъ настѣ на свои лазурныя крылья и проникнутъ вмѣстѣ съ нами за предѣлы жалкаго кругозора толпы! Вѣсъ же я попрошу только назвать мнѣ лица, которыхъ вы бы желали увидѣть передъ собою.

Маркиза, сильно сдвинувъ брови, молчала. Ей, казалось, не хватало храбрости для яснаго отвѣта. Настроеніе всего общества становилось серіознымъ и торжественнымъ.

— Попробую прочесть въ глубинѣ вашего сердца, маркиза, — сказалъ Калюстр, смотря на нее съ улыбкой, выражавшей увѣренность въ побѣдѣ. — Первое имя, дремлющее въ вашей душѣ и съ силой рвущееся ко мнѣ, я, кажется, уже напечать. Это есть имя великаго кардинала Ришелье.

— Да, — со вздохомъ отвѣчала г-жа де-Барберакъ, — позвольте намъ

увидѣть великаго кардинала Ришелье. А потомъ я хотѣла бы видѣть свою незабвенную бабушку со стороны моей матери.

Едва успѣла маркиза произнести эти слова, какъ Калюстро всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направлению къ зеркалу, висѣвшему, въ великолѣпной рамѣ, на стѣнѣ, прямо противъ маркизы и отражавшему до сихъ поръ лишь образъ красивой элегантной женщины.

Послѣ глубокаго и чрезвычайно почтительного поклона графа передъ зеркаломъ, поверхность его начала вдругъ страннымъ образомъ оживляться. Сначала заколебались въ зеркальѣ какъ бы темные тѣни или влажный туманъ, а потомъ будто вѣтромъ приводимая въ движеніе завѣса начала медленно подниматься.

Границающее съ ужасомъ напряженіе общества достигло высшей степени. Въ огромной залѣ все замерло.

Внезапно, точно зародившаяся дыханіемъ духа, выступила изъ зеркала фигура въ полномъ кардинальскомъ облаченіи, походившая до самыхъ мельчайшихъ подробностей на извѣстный портретъ великаго государственного человѣка и кардинала, показывающіяся и теперь въ отелѣ Ришелье.

Съ возрастающимъ удивленіемъ смотрѣли присутствующіе на высокую, полную достоинства фигуру, приблизившуюся теперь къ столу и съ невозмутимымъ спокойствіемъ призрака поклонившуюся собранію.

Маркиза, нимало не испугавшаяся при видѣ духа, пришла опять въ свое непринужденно веселое настроеніе и съ любезностью и граціей отвѣтила на его поклонъ. Спутникъ же ея, нѣмецкій баронъ, напротивъ того, былъ объять невыразимымъ страхомъ и не осмѣливался даже повернуться въ сторону призрака, который, проходя, задѣлъ его платьемъ. Шамфоръ и Генріетта удивленно смотрѣли другъ на друга. Первый пробовалъ усмѣхнуться, но серіозные взгляды Генріетты какъ бы увѣщевали его и просили о спокойномъ наблюденіи происходящаго.

Маркиза де-Барберакъ расхрабрилась настолько, что рѣшилась вступить въ разговоръ съ тѣнью, съ любезностью свѣтской дамы извиняясь передъ ней, что осмѣлилась ее беспокоить.

Призракъ улыбался и, казалось, съ интересомъ прислушивался къ ея словамъ, а маркиза оживлялась все болѣе и болѣе.

— Политика герцога Ришелье была всегда предметомъ моего величайшаго удивленія,—воскликнула она, съ прелестнымъ свѣтскимъ апломбомъ обращаясь къ призраку.—Къ сожалѣнію, теперешніе министры Франціи давно уже отступили отъ традицій великаго мастера политики.

Тѣнь желала, повидимому, заговорить сама и величественно простила въ воздухѣ обѣ руки. Затѣмъ глухимъ, жалобнымъ голосомъ медленно проговорила:

— И я не могу не пожалѣть объ отступлениі теперешнихъ министровъ Франціи. Тяжко, тяжко заплатитъ Франція за грѣхи моихъ преемниковъ. Море несчастій, все прибываю, смоетъ алтарь и тронъ. Для трона, какъ и для народовъ, нѣтъ спасенія въ лона католической церкви. Я возвеличилъ прежде всего тронъ Франціи тѣмъ, что возвелъ надъ нимъ сводъ католической церкви, но искусство моей политики требовало въ то же время поддержки протестантовъ въ Германіи, чтобы съ помощью послѣдней ослабить опасную австрійскую династію. Горе мнѣ, горе! Этимъ я посвѧль вѣтеръ, благодаря которому Франція пожнетъ свои бури. Но если вы будете вѣрными католиками, то еще можете спасти свою душу и тѣло и устоять въ минуту страшныхъ бѣдъ¹⁾.

При этихъ словахъ выраженіе истиннаго благородства отразилось на чертахъ говорящаго призрака, быстро смѣнившееся, однако, выраженіемъ горькой ироніи. Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ остановился въ непосредственной близости маркизы де-Барберакъ.

— Вы сами умрете смертью злодѣевъ,—рѣзко сказалъ онъ, обращаясь къ ней.—Мое вамъ сообщеніе объ этомъ примите, какъ достойно заслуженную кару за то легкомысліе, съ которымъ вы нарушили мой покой!

Сказавъ это, тѣнь исчезла, какъ бы растаявъ въ воздухѣ. Никто не замѣтилъ, какимъ образомъ произошло ея исчезновеніе. Гробовое молчаніе воцарилось въ залѣ. Маркиза вновь поблѣдѣла и дрожала, а баронъ фонъ-Гогенфельдъ, ухаживая за ней, старался ее успокоить и загладить столь нелюбезное предсказаніе духа Ришелль въ послѣднюю минуту.

— Слова призрака напомнили мнѣ нашего друга Мирабо,—шепнула Шамфоръ Генріеттѣ.—Нашъ другъ высказывалъ предположеніе, что этотъ Каліостро состоится на жалованья у іезуитовъ и дѣйствуетъ лишь для цѣлей ихъ ордена. Только что слышанная нами рѣчь преосвященной тѣни, по-моему, подтверждаетъ это предположеніе, такъ какъ въ этой рѣчи велась открытая пропаганда католической церкви. Не забудемъ сообщить объ этомъ нашему другу въ Лондонѣ²⁾.

Генріетта одобрительно кивнула ему головой, заботливо указывая въ то же время на дальнѣйшее развитіе сцены, вновь привлекшей общее вниманіе.

Въ глубинѣ зеркала стало уже появляться второе видѣніе такимъ же точно образомъ, какъ и первое.

¹⁾ Слово въ слово по найденному между семейными бумагами разсказу барона фонъ-Гогенфельда объ этомъ обѣдѣ у Каліостро и объ изреченіяхъ явившагося тамъ призрака. См. «Рейнскій антикварій» 2, ч. II, томъ 2. «Фонъ-Гогенфельды», стр. 776.

²⁾ Появившееся впослѣдствіи сочиненіе Мирабо «Lettre sur Cagliostro et Lavater» приводить главнымъ образомъ это мысlenіе.

Двигающія и заволакивающія зеркало тѣни на этотъ разъ съ необыкновенной быстротой приняли форму, и новая фигура выступила впередъ. Всѣ увидѣли пожилую даму, въ коричневомъ шелковомъ капотѣ, стариннаго покроя, сверху до низу покрытомъ кружевами, любезно, но съ достоинствомъ приближившуюся къ своей внучкѣ.

Маркиза съ живостью и распостертыми руками бросилась ей навстрѣчу, желая заключить въ свои нѣжныя объятія бабушку, образъ которой вновь предсталъ передъ ней.

— Не тронь меня, дочь моя,—пропептала тѣнь, отступая нѣсколько шаговъ назадъ.

Когда маркиза опять усѣлась, бабушка заняла мѣсто возлѣ внучки, и между ними завязался разговоръ, вначалѣ на тему самыхъ обыкновенныхъ родственныхъ отношеній, въ которомъ маркиза принимала оживленное и радостное участіе. Она, казалось, забыла, какимъ необыкновеннымъ путемъ получила возможность разговаривать съ любимой бабушкой, и воображала себя вновь сидящей у камина въ отцовскомъ замкѣ, откровенно болтая о разныхъ семейныхъ похожденіяхъ.

Бабушка и начала именно припомнить молодость маркизы, проявляя при этомъ поразительную память, чуть ли даже не больше, чѣмъ бы самой маркизѣ было желательно. Послѣ разныхъ воспоминаній о шалостяхъ, непослушаніи и легкомысліи дѣтства, болтливая бабушка дошла до одного пажа, по имени Пери, прелестнаго плуттика, приставленнаго въ то время къ ея красивой внучкѣ и вскружившаго ей голову. Тутъ должны были послѣдовать дальнѣйшія, не слишкомъ, вѣроятно, скромныя откровенія, но испуганная маркиза, не желая допустить ихъ, съ силою схватила бабушку за руку. Въ то же мгновеніе рука эта съ быстротой молніи обратилась въ ничто, и все видѣніе подобно дыханію, въ которомъ не оставалось болѣе ничего осознательнаго, исчезло¹⁾.

Теперь графиня Каліостро поднялась съ своего мѣста, приглашая гостей перейти съ нею въ гостиную и тамъ пить кофе.

Все общество послѣдовало ея приглашенію. Нѣсколько минутъ всѣ молчали, испытывали, повидимому, самыя различныя ощущенія. За чрезмѣрнымъ напряженіемъ послѣдовало утомленіе и какое-то смутное неудовольствіе, а потому, во избѣженіе дальнѣйшихъ разсужденій, всѣ стали прощаться съ хозяиномъ и хозяйкой.

Въ эту самую минуту, въ передней раздались тяжелые шаги, и нѣсколько голосовъ громко, нимало не стѣсняясь, спрашивали графа Каліостро. Вслѣдъ за симъ, двери въ залѣ раскрылись, и двое полицейскихъ, съ шумомъ войдя въ него, подошли къ графу Каліостро и предъявили ему повелѣніе объ арестѣ. Повелѣніемъ этимъ имъ

¹⁾ «Рейнскій антикварій» 2, ч. II, т. 2, стр. 777.

было поручено немедленно отвезти графа и графиню Калюстро въ Бастилию.

Съ невозмутимымъ спокойствиемъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ выраженіи лица, принялъ Калюстро это сообщеніе. — Извѣстно ли вамъ что либо по поводу этого распоряженія? — спросилъ онъ равнодушно, обращаясь къ полицейскому агенту и возвращая ему повѣлѣніе обѣ арестъ, въ которое слегка заглянулъ.

Агентъ пожалъ плечами и съ усмѣшкой отвѣчалъ, что сегодня графиня Ламоттъ-Валуа, задержанная въ Баръ-сюръ-Объ, отвезена въ Бастилию. — А потому весьма возможно, — прибавилъ онъ, — что эта дама сдѣлала уже нѣкоторояя признанія, ведущія въ Бастилию и графа Калюстро съ супругой.

Графиня, при этихъ словахъ, громко вскрикнула, бросилась къ Калюстро и крѣпко обняла его обѣими руками, какъ бы ища у него защиты.

— Не падай духомъ, Лоренца, тучи находять и проходятъ, и каждое облако, въ которое мы вступаемъ, должно вновь, само собой, удалиться отъ насть, — проговорилъ Калюстро съ торжественностью. Послѣ этого онъ подошелъ къ своимъ гостямъ, извиняясь передъ ними, что невольно вынужденъ сократить свои обязанности хозяина. Онъ надѣется, что чрезъ это испытаніе его еще лучше узнаютъ; вотъ единственно, почему онъ охотно принимаетъ то, чему его подвергаютъ.

Лицо его при этомъ имѣло почти торжествующее выраженіе, и, какъ бы съ нѣкоторою гордостью, онъ отдалъ себя въ руки полицейскихъ, съ нетерпѣніемъ желавшихъ уже пуститься въ путь. Графинѣ не было дано времени для перемѣны ея великолѣпнаго туалета, и она должна была послѣдовать за полицейскими чинами въ томъ видѣ, какъ была для пріема своихъ гостей.

Ожидавшая внизу у дверей наглухо закрытая карета приняла обоихъ арестованныхъ и ихъ охрану и быстро направилась къ мѣсту назначенія.

Приглашенные къ обѣду гости оставались еще нѣкоторое время въ залѣ графа Калюстро въ самомъ необыкновенномъ настроеніи. Невольная улыбка, съ которой они смотрѣли другъ на друга, разѣшилась, наконецъ, общими обмѣнами мыслей.

— Хорошо, что поліція поразила насть уже за кофеемъ, а не среди нашего обѣда съ духами! — прерваль молчаніе Шамфоръ. — Что бы это было, если бы бастильскіе посланники возмездія застали здѣсь его преосвященство кардинала Ришелье и достопочтенную бабушку маркизы! Было бы постыдно для кардинала, при первомъ же посѣщеніи Франціи, тотчасъ столкнуться съ поліціей. Духъ же бабушки, имѣя слушателями поліцейскихъ агентовъ, разболталъ бы менѣе, быть можетъ, въ особенности на счетъ прелестнаго пажа Пери.

— Я убѣждена, что мы были здѣсь предметомъ дерзкаго обмана,— съ живостью начала маркиза де-Барберакъ, пришедшая теперь въ себя отъ всѣхъ ужасовъ.— Увѣряю моимъ честнымъ словомъ, что я никогда не слыхала ни о какомъ пажѣ Пери. Кто своимъ духамъ передаетъ подобную ложь, тотъ недостоинъ ни малѣйшаго довѣрія, ни онъ самъ, ни его такъ называемая наука.

— Зачѣмъ я не попросилъ его вызвать мнѣ моего отца?— воскликнулъ Шамфоръ, смѣясь.— Я зналъ всегда только свою мать, и, хотя невозможно, чтобы я не имѣлъ родителя, я, однако, никогда не слышалъ его имени и не видѣлъ лица его. Быть можетъ, графъ Каліостро, такъ хорошо изучившій тайны египетскихъ храмовъ, нашелъ тамъ и того, кто былъ моимъ отцомъ? А еслибъ его положеніе или наружность мнѣ не понравились, я могъ бы съ нимъ сдѣлать то, что сдѣлали съ прекраснымъ пажемъ Пери. Я не призналъ бы его существованія.

Маркиза, которой было не желательно дальнѣйшее продолженіе такого разговора, поспѣшно взяла своего кавалера подъ руку и, любезно откланявшись, удалилась. Генералъ Лафайетъ, оставшійся, казалось, при благопріятномъ мнѣніи о Каліостро, послѣдовалъ за нею, разговаривая съ Шамфоромъ. Онъ замѣтилъ, что противъ столь необыкновенно одареннаго человѣка вмѣшательство полиції ничего не доказываетъ. Развѣ Бастилія, въ данную минуту, не есть родина лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ Франціи?

— Однако, полиція, кажется, жадно собираетъ улики противъ графа Каліостро, — возразилъ Шамфоръ, входя съ Лафайеттомъ въ сѣни, занятые полицейскими и солдатами. Тутъ же они замѣтили, что въ домѣ производился тщательный обыскъ.

— Ищите, — сказалъ Шамфоръ, — что нибудь да найдете въ мастерской чародѣя. Нѣкоторые духи должны еще быть въ гардеробной, гдѣ они какъ разъ мѣняютъ свой костюмъ.

На улицѣ домъ былъ окруженъ нищими и больными, получавшими обыкновенно въ это время милостыню и цѣлебныя средства отъ графа Каліостро, а теперь, при его отѣздѣ, проводившими его громкими сожалѣніями и благословеніями.

VI.

Утро въ Сенъ-Клу.

Королева Марія-Антуанетта пребывала съ нѣкоторыхъ поръ въ замкѣ Сенъ-Клу, перешедшемъ, путемъ купли и обмѣна, изъ владѣнія герцога Орлеанскаго въ руки королевы и объявленномъ ея личною собственностью.

Весь поэтому служебный персоналъ и прислуга замка, равно какъ

отряженные сюда швейцарцы, имѣли на себѣ ливрею королевы; всѣ же распоряженія, прибиваляемыя у воротъ замка или въ его окрестностяхъ, подписывались лишь словами: «отъ имени королевы», что, какъ никогда неслыханное въ обычаяхъ французской монархіи, возбуждало величайшее удивленіе не только среди народа, но даже въ высшихъ кругахъ общества.

Именно въ этихъ кругахъ усиливались жалобы на королеву за то, что она старается уничтожить старые монархические права; находили даже неполитичнымъ и безнравственнымъ, чтобы замки и помѣстья дѣлались исключительною собственностью королевы Франціи¹⁾. Низшіе классы отсюда же черпали новую пищу своей ненависти противъ Маріи-Антуанетты, которая и по этому поводу опутывалась всевозможной клеветой.

Все это усиливало враждебное настроеніе, вновь возбужденное противъ двора процессомъ кардинала де-Роганъ. Со времени ареста принца-кардинала и лицъ, считавшихся его сообщниками, процессъ этотъ шелъ своимъ строгимъ порядкомъ и долженъ быть въ парламентѣ получить окончательное рѣшеніе. Король и королева ожидали этой минуты съ нѣкоторымъ страхомъ, не скрывая передъ собой опасности, угрожавшей въ этомъ дѣлѣ трону, такъ какъ Людовикъ XVI не замедлилъ признать сдѣланную имъ громадную ошибку не только передачею всей этой темной, запутанной исторіи съ ожерельемъ въ руки правосудія, но еще и выразивъ желаніе, чтобы она поступила на разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе парламента въ его полномъ составѣ.

Въ принципѣ мысль короля была смѣла и великодушна, но въ его собственныхъ интересахъ нельзя было придумать ничего болѣе неудачного. Такъ давно уже парламентъ былъ врагомъ и соперникомъ королевской власти во Франціи, что и для возстановителя его, какимъ считался Людовикъ XVI, не было у парламента симпатіи, и надо было ожидать, что и въ данномъ случаѣ страстнымъ желаніемъ послѣдняго будетъ принести въ жертву авторитетъ короля. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе становилось извѣстнымъ, что королева желаетъ осужденія кардинала, тѣмъ сильнѣе утверждалось мнѣніе, что столь желанной цѣли Марія-Антуанетта достигла бы только, если бы выразила противоположное желаніе, то-есть, чтобы парламентъ призналъ кардинала невиновнымъ. Такое положеніе вещей было хорошо извѣстно двору, беззокойство коего усиливалось съ каждымъ днемъ.

Ни разу еще, ни въ одномъ дѣлѣ, король не проявлялъ такой рѣшительности. Онъ считалъ, что любовь и довѣріе къ супругѣ обязываютъ его разслѣдовать это дѣло самymъ безпощаднымъ образомъ и отдать его на судъ публики.

¹⁾ M-me Campan, I, 274.

Гнусное подозрѣніе, окружавшее со всѣхъ сторонъ королеву, дошло до того, что ее обвиняли въ тайномъ соглашеніи съ преступной Ламоттъ и ей, королевѣ, приписывали измыщленіе всей интриги, благодаря которой брильянтовый уборъ, купленный за счетъ несчастнаго кардинала—жертвы своей злополучной страсти къ королевѣ,— попалъ въ ея руки.

Мнѣніе это раздѣлялось многими, даже непредубѣждѣнными людьми во Франціи, и королева поэтому тѣмъ сильнѣе желала полной и открытой побѣды въ этой борьбѣ за свою честь, свое достоинство и за престижъ трона. Опасность чувствовалась ею тѣмъ болѣе, что духовенство и дворянство соединились въ выраженіи сильнѣйшаго недовольствія противъ арестованія князя церкви, и многія вліятельныя и высокопоставленныя лица, какъ, напримѣръ, принцъ Кондэ, женатый на принцессѣ изъ дома Роганъ, все громче и чувствительнѣе заявляли свой протестъ.

При такомъ тревожномъ и печальному настроеніи, уединеніе и тишина Сентъ-Клу оказывали благодѣтельное дѣйствіе на королеву. Король часто оставался въ Версаліи, гдѣ еще пребывали министры, ихъ канцеляріи, многіе придворные и часть королевскихъ конюшень. И сегодня король былъ въ Версаліи, занятый съ архитекторомъ Микомъ планами и обсужденіями необходимаго раставированія Версальскаго дворца, что, въ виду значительныхъ издержекъ и малодоходности королевской казны, должно было быть распределено на десять лѣтъ и окончено лишь къ концу столѣтія.

Королева, по обыкновенію, рано утромъ вышла на прогулку по тебѣнистому парку Сентъ-Клу, желая разсѣять свою тревогу, лишающую ея сна въ послѣднее время, и насладиться тишиною прелестнаго сада, а также обществомъ своихъ любимицъ, герцогини Жюли де-Полиньякъ и ея невѣстки, графини Діаны де-Полиньякъ. Послѣ герцогини де-Ламбаль, это были придворныя дамы, къ которымъ королева питала наиболѣе искреннюю дружбу и довѣріе.

Герцогиня Жюли,—любовь королевы заставила ее недавно принять этотъ титулъ,—была, для упроченія ея положенія при дворѣ, назначена воспитательницей «дѣтей Франціи». Такимъ образомъ Марія-Антуанетта была вдвойнѣ связана съ нею и получила возможность постоянныхъ интимныхъ съ нею сношеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла и вліяніе на воспитаніе своихъ дѣтей.

Но болѣе всего привлекалъ Марію-Антуанетту естественный и милый нравъ герцогини, благодаря которому между ними установились самыя простыя, дружескія отношенія, дѣлавшія королевѣ иллюзію счастливой, спокойной частной жизни.

Въ минуту заботъ и тревогъ, начавшихся вмѣстѣ съ процессомъ кардинала де-Роганъ, дружба эта была для королевы источникомъ истинной отрады. Марія-Антуанетта стала еще болѣе неразлучной съ своей подругой, въ сердцѣ которой находила откликъ на всѣ

свои волненія и страданія. Веселый характеръ герцогини обладалъ талантомъ отвлекать отъ тяжелыхъ мыслей и разсѣивать всякую печаль и заботу.

Болѣе чѣмъ когда либо это было нужно сегодня, когда парламентъ, въ большомъ и торжественному засѣданіи, долженъ быть произнести окончательный приговоръ надъ обвиняемымъ. Утромъ въ этотъ день королева поднялась съ постели еще до восхода солнца. Попѣшно, почти безъ помощи камерюнгферь, сдѣлавъ свой утренний туалетъ, она сошла въ паркъ къ условленному съ герцогинею Жюли *rendez-vous*. Герцогиня ожидала уже королеву на террасѣ вмѣстѣ съ своей прекрасной невѣсткой, графиней Діаной де-Полиньякъ, гостившей у нея уже нѣсколько дней въ Сенъ-Клу и пользовавшейся также довѣріемъ королевы.

— Не жестоко ли это съ моей стороны, — обратилась королева къ объимъ подругамъ, сердечно ихъ обнимая, — что я пробудила такие прекрасные глаза отъ грезъ утренняго сна? Однако, глаза эти смотрѣть на меня весело и ясно, какъ всегда; я же этого только и ищу у васъ, — поддержки и утѣшенія, — потому что подруга ваша, Марія-Антуанетта, измучена печалью и тревогой.

— Утро прекрасно и полно аромата, ваше величество, — отвѣтила герцогиня своимъ нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ, — кругомъ здѣсь, въ саду, все дышитъ миромъ, передъ которымъ всѣ заботы должны разсѣяться; пусть же разсѣются и ваши!... И развѣ эти заботы, омрачающія лучезарное чело вашего величества, такъ велики, что не могутъ быть развѣяны даже этимъ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ? Если глазамъ напимъ, которые бодрствуютъ и глядятъ лишь для вашего величества, вы хотите доставить особое наслажденіе, то благоволите прочесть въ глубинѣ ихъ просьбу, которую мы обѣ не осмѣливаемся вполнѣ высказать. Вотъ эта просьба: будьте вновь сами собой, королева, презираите безуміе глупой толпы и будьте непоколебимо увѣрены, что благословеніе, осѣняющее вашу высокую особу, проникнетъ и въ народъ и съ благодарностью будетъ имъ признано.

— Нѣть, нѣть, — возразила королева, — печально поникнувъ своей прекрасной головой, обыкновенно столь величественно поднятой ею. — Давно уже нѣть у меня этой гордой увѣренности. Да, съ нею прибыла я во Францію, искренно желая обрѣсти любовь и благодарность французского народа. Но я чувствую, наконецъ, что тайное разногласіе, существовавшее съ самаго начала между мною и французами, пріобрѣтаетъ силу, съ каждымъ днемъ наводящую на меня большій страхъ и ужасъ. Сегодня же я поистинѣ страшусь того, что должно свершиться въ Парижѣ. Всю ночь мучимая безсонницей, я сражалась съ страшными призраками, потому что, если парламентъ оправдаетъ кардинала де-Роганъ, я погибла!

Подъ руку съ объими дамами, какъ бы нуждаясь въ ихъ опорѣ,

королева дошла до бесѣдки, сіявшей передъ ними въ розовомъ свѣтѣ восходящаго солнца. Здѣсь Марія-Антуанетта помѣстилась между своими подругами, скрываясь отъ все выше и выше поднимающагося свѣтила. Яркій свѣтъ внезапно засиялъ пурпуромъ всю удивительную бѣлизну ея лица и шеи, и, въ такомъ блескѣ, величественная красота королевы произвела на обѣихъ спутницъ чарующее впечатлѣніе.

— Видя ваше величество въ такую минуту,—сказала живая и умная графиня Діана, можно передъ вашимъ чуднымъ лицомъ поклоняться счастью и силѣ красоты, и безбожникомъ будетъ тотъ, у кого при этомъ останется мрачное на умѣ. Умоляю ваше величество быть веселой и счастливой, какъ вы обязаны быть передъ самой собой.

— Вы милы, какъ всегда, добрая графиня Діана,—отвѣтила королева, пѣлюя ее въ прекрасный лобъ.—Но вы, графиня, умъ болѣе сильный, чѣмъ другіе; вы заняты литературой, науками и изучаете вещи, о которыхъ мы и мечтать не можемъ. Какъ я обязана моей невѣсткѣ, графинѣ Артуа, что она отпустила васъ на нѣсколько дней сюда къ намъ, въ Сентъ-Клу. Графинѣ можно позавидовать, что она постоянно пользуется такимъ обществомъ.

На это посыпались остроумныя шутки и насмѣшки графини Жюли надъ ученостью своей невѣстки, на минуту развеселившія королеву. Но скоро она опять стала серіозною, и ея кроткое, прелестное выраженіе смѣнилось задумчивымъ и печальнымъ. Она опустила голову на свои роскошныя бѣлыя руки и молчала.

— О, если бы я только знала, за что меня во Франціи такъ не любятъ?—воскликнула она, наконецъ, съ горестью, всплеснувъ руками и громко зарыдавъ.—Что я сдѣлала, чтобы видѣть вокругъ себя лишь враговъ и преслѣдованія, и собирать на груди лишь горящіе уголья вместо цвѣтовъ благодарности и преданности, которыми думала себя украсить! Народъ меня ненавидитъ. Я это съ каждымъ днемъ чувствую болѣе и болѣе, а между тѣмъ я готова была отдать ему мое сердце. Я считала французовъ націей благородныхъ и вѣжливыхъ людей, которые окажутъ страведливость хоть женщинѣ, если не королевѣ. Между тѣмъ ихъ страсть къ злословію, которую я незаслуженно навлекла на себя, задѣла меня именно въ самыхъ святыхъ чувствахъ женщины и отравила мнѣ радость исполненія обязанностей королевы. Ахъ, я подчасъ скорблю до смерти, что такъ несчастлива въ симпатіяхъ ко мнѣ французскаго народа.

— Нѣть,—воскликнула съ пламеннымъ воодушевленіемъ герцогиня де-Полиньякъ,—васъ любить, королева! Позволю себѣ напомнить прекрасное слово маршала де-Бриссакъ, облетѣвшее всю страну и отзывающееся въ сердцахъ всѣхъ французовъ. Это было въ день торжественнаго вѣзда въ столицу послѣ вашего бракосочетанія съ дофиномъ Франціи. Указывая на густую, лиющую толпу,

волновавшуюся близъ ратуши, у ногъ вашего величества, губернаторъ Парижа сказалъ на своеимъ, поистинѣ рыцарскомъ, языкѣ: «Государыня, вы видите тамъ двѣстіи тысяча влюбленныхъ, очарованныхъ вашею особой». И такихъ сценъ можно привести множество, когда народъ летѣлъ на встрѣчу вашего величества съ пламенной любовью, чтобы уловить лучъ вашей чарующей улыбки, или хотя услышать теплестъ вашего платья.

— Тѣмъ хуже для меня, что я утратила это расположение, не зная даже, какъ и по какой винѣ!—вздохнула королева, углубляясь все болѣе въ мрачныя мысли.—Неудачно тоже и ваше напоминаніе о томъ днѣ моей жизни. Вѣдь ему предшествовало то ужасное несчастіе, когда, во время фейерверка, въ толпѣ народа произошла такая давка и замѣшательство, что одни другихъ топтали, и на мѣстѣ осталось до четырехсотъ убитыхъ и раненыхъ. Теперь только я понимаю многія изъ этихъ страшныхъ предзнаменованій, встрѣтившихъ меня при моемъ первомъ вступленіи во Францію и послужившихъ теперь моимъ врагамъ сюжетомъ для пасквилей.

— Но вѣдь есть и прекрасныя, великолѣпныя стихотворенія, написанныя въ честь вашего величества,—замѣтила графиня Діана, опускаясь на колѣни къ ногамъ опечаленной монархини.—Кто не знаетъ наизусть стихотворенія великаго Вольтера о красотѣ, любезности и добротѣ королевы¹⁾? А это былъ тотъ ужасный Вольтеръ, для котораго вообще не было ничего святого на тронѣ и на алтарѣ; но и его гордый умъ долженъ былъ поддаться чарующему обаянію королевы.

— Вамъ хочется меня утѣшить добрыми воспоминаніями, благодарю васъ!—сказала королева, быстро вставая и поднимая за собою графиню.—Воспоминанія часто, подобно балансирнымъ шестамъ, помогаютъ противостоять злому настоящему. Но опасность, угрожающая мнѣ сегодня, слишкомъ велика, чтобы я могла успокоить свое тревожно бьющееся сердце нѣсколькими засохшими букетами прошедшаго. Просовѣтуйте, какъ мнѣ перенести сегодня эти страшныя ожиданія? Что намъ дѣлать до прибытія извѣстій изъ Парижа?

— Мнѣ пришла въ голову нечаянная мысль, ваше величество,—мы предупредимъ эти извѣстія, отправясь сами сейчасъ же въ Парижъ!—сказала герцогиня Жюли, глубокомысленно приставивъ свой пальчикъ къ носу.—Тамъ будетъ видно, не можемъ ли мы еще что нибудь предпринять для благопріятнаго оборота дѣла. Во всякомъ случаѣ, мы прибудемъ въ Парижъ задолго до начала парламентскаго засѣданія и можемъ вступить въ дружескіе переговоры съ нѣкоторыми изъ господъ членовъ парламента, между которыми я могу назвать трехъ моихъ друзей. Какъ только приѣдемъ въ Тюльери, призовемъ къ себѣ этихъ господъ и склонимъ ихъ въ

¹⁾ Mémoires de Weber, I, 46.

«Истор. вѣсти.», июнь, 1899 г., т. lxxvi.

пользу справедливыхъ и неизмѣнныхъ желаній вашего величества. Что ваше величество думаетъ о такомъ проектѣ?

— Мнѣ онъ кажется чрезвычайно удачнымъ! — съ живостью воскликнула королева. — Ахъ, сама я такъ беспомощна и нерѣшительна, что одна возможность дѣйствовать представляется мнѣ уже свѣтлымъ лучомъ въ окружающей меня тьмѣ. Король останется еще сегодня весь день въ Версаліи, гдѣ у него дѣла. Хотя мнѣ хотѣлось бы не дѣлать ни одного шага въ этомъ дѣлѣ безъ его вѣдома, однако, я думаю, онъ не разсердится на меня, что я хочу облегчить свою сердечную тоску и разузнать впередъ мнѣніе парламента. Мнѣнія поддаются вообще вліянію, а такъ какъ теперь моя честь и доброе имя находятся въ зависимости отъ мнѣнія парижскаго парламента, то нельзя меня осуждать за то, что я не сижу, сложа руки. Конечно, давно бы намъ нужно было пошевелиться, но король, какъ всегда, мыслилъ черезчуръ благородно и надѣялся на благопріятное рѣшеніе на основаніи лишь совѣсти и закона.

— Такъ я поспѣшу во дворецъ, чтобы сдѣлать распоряженіе обѣ отъѣздѣ вашего величества,—сказала графиня Діана.

— Да, поспѣшите, прошу васъ и умоляю обѣ этомъ! — съ живостью воскликнула королева.—Пусть немедленно запрягутъ самыхъ лучшихъ лошадей, и я проѣду это пространство отъ Сенъ-Клу до Парижа такъ быстро, какъ еще никогда никто не проѣзжалъ его. Вы обѣ, мои дорогія, будете сопровождать меня, потому что я чувствую себя хорошо лишь въ вашемъ обществѣ и только среди васъ сохраняю иѣкоторую надежду противостоять моимъ врагамъ.

Графиня Діана пустилась бѣжать для передачи въ замкѣ приказаній королевы, въ то время какъ Марія-Антуанетта, подъ руку съ герцогиней Жюли, медленно слѣдовала за нею по большой аллѣ парка.

VII.

Парламентъ и королева.

Въ Парижѣ, весь день, во всѣхъ классахъ населенія царство-вало величайшее возбужденіе. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, за-мѣтнымъ на всѣхъ улицахъ и площадяхъ, ожидали приговора парламента надъ обвиняемымъ кардиналомъ. Болѣе десяти тысячъ народа всѣхъ сословій стояли густой толпой, съ самаго ранняго утра, передъ дворцомъ, въ которомъ засѣдалъ парижскій парламентъ. Часть публики проникла даже въ вестибюли и аванзалы суда, чтобы пораньше и изъ первыхъ рукъ узнать о произнесенномъ приговорѣ.

Еще прошлою ночью бастильскіе узники были перевезены въ Корсьержери. Теперь же кардиналъ Роганъ, къ общему удовольствію публики, былъ переведенъ, со всѣмъ подобающимъ его происхождѣнію и сану вниманіемъ и подъ охраной королевскаго лейтенанта

Бастидії, въ кабинетъ первого секретаря суда. Допросъ длился уже съ восьми часовъ утра и теперь, съ наступлениемъ вечера, не былъ еще оконченъ, что все сильнѣе и сильнѣе волновало нетерпѣливо ожидавшія толпы народа.

Отъ времени до времени изъ залы суда проникали нѣкоторые слухи въ волнующуюся толпу. Можно было видѣть при этомъ, какъ все, что касалось особы кардинала, возбуждало въ народѣ сильнѣйшее участіе. Старшій предсѣдатель парламента, господинъ де-Алигръ, разрѣшилъ кардиналу сидѣть во время допроса, такъ какъ, при овладѣвшемъ имъ волненіи въ началѣ засѣданія, онъ страшно поблѣднѣлъ и былъ такъ потрясенъ, что едва могъ стоять на ногахъ. Но затѣмъ, съ благородною силою и искреннею горячностью кардиналъ въ теченіе получаса, безъ перерыва, держалъ рѣчь къ высокому судилищу, и на всѣ обращенные къ нему предсѣдателемъ вопросы отвѣчалъ съ достоинствомъ и ясностью, несомнѣнно свидѣтельствовавшими о его невиновности. Окончивъ, онъ поклонился въ сторону большой парламентской скамьи, равно какъ и всѣмъ членамъ суда; весь же парламентъ, при этомъ поклонѣ, всталъ, чтобы торжественно и почтительно отвѣтить ему тѣмъ же; это было безпримѣрнымъ явленіемъ въ отношеніяхъ обвиняемаго къ суду. Такія предварительныя извѣстія были приняты ближайшей толпой съ громкимъ выраженіемъ восторга и съ ликованіемъ передавались далѣе. Слышины были слова и восклицанія, самымъ несомнѣннымъ образомъ показывавшія, чью сторону держалъ народъ, и почему онъ желалъ видѣть кардинала вполнѣ оправданнымъ и освобожденнымъ!

Дорожный экипажъ, съ трудомъ пролагавшій себѣ путь по одной изъ ближайшихъ къ парламенту улицъ, долженъ былъ, наконецъ, отказаться отъ тщетной борьбы съ задерживающими его со всѣхъ сторонъ толпами народа. Онъ былъ вынужденъ вѣхать въ случайно открытая передъ нимъ ворота и остановиться; сидѣвшія же въ экипажѣ лица вышли изъ него, предпочитая самимъ прокладывать себѣ среди скученной толпы дорогу. Это былъ Мирабо, возвратившійся сегодня въ Парижъ, куда онъ былъ поспѣшно вызванъ чрезвычайно благопріятными извѣстіями, сообщенными ему въ послѣднее время госпожею Нэра и бывшими результатомъ ея хлопотъ. Генріетта, въ сопровожденіи вѣрнаго друга Шамфора, отправилась до самой заставы, чтобы встрѣтить прибывающаго и съ торжествующею любовью ввезти его въ Парижъ. Генріетта и Шамфоръ торжествовали не только потому, что вновь обрѣли друга, но они радовались освобожденію его, путемъ своихъ успѣшныхъ ходатайствъ, отъ всѣхъ старыхъ оковъ и цѣпей, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ всей его жизнью; радовались, что теперь ввозятъ его въ Парижъ вполнѣ освобожденнымъ.

Мирабо взялъ Генріетту подъ руку, чтобы провести ее сквозь неспокойную толпу, испускавшую съ нѣкоторыхъ поръ радостные

возгласы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильныя воскликанія противъ двора и въ особенности противъ королевы. Шамфоръ слѣдовалъ тутъ же за ними, чтобы помочь защищать Генріетту и ограждать ее отъ натиска толпы. Маленький Коко, неразлучный спутникъ и сожитель Мирабо, благополучно привезенный имъ изъ Лондона, остался съ няней въ экипажѣ въ ожиданіи, пока улицы не станутъ опять свободными для проѣзда.

— Болѣе прекрасной музыки для моего возвращенія въ Парижъ, какъ эти ревущіе и шумящіе голоса народа, я не могъ ожидать! — сказалъ Мирабо, съ удовольствіемъ двигаясь подъ натискомъ толпы и заботясь лишь о томъ, чтобы Генріетту, которую онъ плотно прижалъ къ себѣ, никто не задѣлъ и не толкнулъ. Онъ проталкивался прямо къ парламенту, желая приблизиться къ событиямъ, которыхъ послѣ разсказа ему Шамфоромъ о всемъ происшедшемъ, сильно его интересовали.

— Я не только съ удовольствіемъ смотрю на народъ, но я люблю запахъ его, — сказалъ Мирабо, съ любопытствомъ озираясь на всѣ стороны и глубоко вдыхая въ себя воздухъ. — Для меня нѣть ничего выше запаха возбужденной народной толпы. Народъ всегда пахнетъ будущимъ, какъ свѣже-вспаханное поле, которое, чѣмъ больше на немъ навоза, тѣмъ богаче обѣщаетъ оно жатву.

— Какое аристократически-революціонное сравненіе! — воскликнула Шамфоръ своимъ веселымъ громкимъ голосомъ. — Однако, графъ, имѣющій столь высокихъ предковъ, будетъ всегда инымъ другомъ народа, чѣмъ кто либо изъ настѣ, обязанныхъ своимъ существованіемъ темному приключенію въ маленькой хижинѣ. Но твоя графиня Леттъ Ли освободила тебя теперь отъ всей надменности и гордости твоего отца маркиза. Своими чудными глазами, которымъ даже министръ не могъ ни въ чёмъ отказать, она добыла новое повелѣніе короля, возвращающее тебѣ право свободно распоряжаться собою и лишающее твоего отца власти тирана надъ тобой. А потому вдыхай поглубже въ себя этотъ сильный, юдкій запахъ толпы; ей же, взамѣнъ, вдохни изъ твоей графской груди облагороженный пламень, который просвѣтитъ и зажжетъ Францію!

Мирабо и Генріетта отъ души расхохотались при этой рѣчи, произнесенной съ паѳосомъ торжественнаго заклинанія.

— Генріетта сдѣлала уже ранѣе мнѣ столько добра, — сказалъ Мирабо, нѣжно глядя на свою подругу, — а теперь она увѣнчала всѣ свои благодѣянія. Благодаря ея вліянію, происходящему отъ неизѣяснимаго чего-то въ ея особѣ, даже жесткій и черствый баронъ де-Бретѣйль склонился въ мою пользу. Я, конечно, очень благодаренъ за это министру; однако, не могу сегодня же выступить въ качествѣ его приверженца. Какъ ни силенъ, быть можетъ, законъ, на который опирается вся эта интрига, подстроенная имъ противъ кардинала де-Роганъ, я все-таки не хочу, чтобы кардиналъ былъ

осужденъ. Не питая ни малѣйшей симпатіи къ этому влюбленному и гуляющему по ночамъ князю церкви, я придаю, однако, большое значеніе тому, чтобы сегодня онъ былъ блестательнымъ образомъ оправданъ парламентомъ!

— Браво, браво! — воскликнулъ одѣтый въ синюю блузу человѣкъ, слѣдовавшій съ нѣкоторыхъ поръ и внимательно наблюдавшій за ними, при чемъ онъ довѣрчиво и одобрительно потрепалъ Мирабо по плечу.— Повидимому, вы знатный господинъ, а между тѣмъ честно думаете одно съ народомъ, ибо народъ желаетъ признанія невиновности кардинала для того, чтобы вина королевы стала ясна!

— Какой же интересъ представляеть для васъ видѣть королеву обвиненою? — спросилъ Мирабо, вѣжливо отвѣтивъ на поклонъ человѣка въ блузѣ.

— Королева съ народомъ горда и надменна, она ненавидить настѣ, какъ нѣчто низшее и худшее, между тѣмъ, сама она—достойная ненависти лицемѣрка! — воскликнулъ блузникъ съ злобнымъ, полнымъ вражды выраженіемъ лица.— Моя жена прачкой у садовника въ версальскомъ паркѣ; она какъ разъ принесла туда бѣлье, но съ болтовней, да всякой женской возней задержалась въ саду до ночи. Тутъ она ясно видѣла, что не кто другой, какъ сама королева была на свиданіи съ кардиналомъ въ темной рощицѣ парка. Жена моя никогда еще не лгала и готова подтвердить все личною присягой.

— Если ваша жена красива, то мы заставимъ ее принести полную личную присягу¹⁾ , — сказалъ Шамфоръ, подшучивая.— Но я долженъ вамъ сказать, мой другъ, что на этомъ свиданіи особа королевы была представлена одной изъ моихъ прекрасныхъ соседокъ по квартирѣ въ Пале-Ройялѣ, сумасбродно и совершенно не-пристойно замаскированной. Это была красивая м-нѣ Олива, поразительно, съ головы до ногъ, похожая на королеву, какъ одно яйцо на другое. Я подслушиваю иногда изъ моего окна нѣжные разговоры подругъ дѣвицы Оливы, прогуливающіхся подъ аркадами Пале-Ройяля. Отсюда я узналъ, что эти дамы признаются за достовѣрное, что Олива была подкуплена къ тому, чтобы разыграть роль королевы и окончательно свернуть голову бѣдному кардиналу. За это талантливой дамѣ придется, вѣроятно, сильно помучиться сегодня передъ верховнымъ парламентомъ.

— Вы, кажется, за одно съ дворомъ,— возразилъ мужъ прачки, презрительно и угрожающе смигивая Шамфора глазами.— И, конечно, вы одинъ изъ тѣхъ, которые бражничаютъ въ праздности и лѣни, въ то время, какъ трудящійся народъ голодаеть и терпить нужду?

— Нѣть, добрый человѣкъ, — отвѣчалъ Шамфоръ, смеясь, — я

¹⁾ Здѣсь непереводимая игра словъ по-нѣмецки: «Körperlicher Eid» — личная присяга, буквально же «тѣлесная присяга»
Прим. перев.

тоже работаю, а если при этомъ не голодаю, то лишь потому, что желудокъ у меня будетъ похуже и поскромнѣе, чѣмъ у васъ. Но я завидую вашему хорошему желудку и желаю вамъ наилучшаго аппетита, потому что скоро, очень скоро, попомните меня, вы получите страшно много для пожирания...

Подъ натискомъ толпы друзья двигались далѣе, при чемъ съ большимъ трудомъ могли держаться вмѣстѣ. Тутъ встрѣтили они графа д'Антрэгъ. Гонимый встрѣчною волной народной толпы, онъ впалъ прямо въ объятія Мирабо, съ величайшимъ изумленіемъ узнавъ его.

— Принимаю это неожиданное объятіе за точный отвѣтъ на мое письмо, посланное надняхъ вамъ въ Лондонъ, графъ Мирабо! — сказалъ вновь прибывшій, привѣтствуя Мирабо и Шамфора дружескимъ рукопожатіемъ.

— Письма вашего я не получилъ, такъ какъ мой отѣзздъ, благодаря хорошему извѣстію, былъ рѣшенъ внезапно,—отвѣтилъ Мирабо.—Я только что прїехалъ, и вотъ мы уже встрѣчаемся, ёдемъ оба на этотъ пѣнящемся конѣ народнаго волненія и сталкиваемся съ вами? Что подѣлываетъ ваше сочиненіе о привилегіяхъ, графъ д'Антрэгъ¹⁾?

— Сочиненіе, о которомъ я вамъ недавно писалъ, опять застряло,—отвѣтилъ тотъ.—Буду, однако, продолжать его, какъ только соберу побольше материаловъ.

— Въ такой день, какъ сегодня, материалы скопляются съ избыткомъ!—замѣтилъ Шамфоръ.—Не сегодня ли именно тотъ день, когда французскій народъ жизнь бы отдалъ, чтобы видѣть передъ собой виновную королеву? Развѣ этимъ не уничтожаются уже всякия привилегіи?

— Совершенно вѣрно,—сказалъ графъ д'Антрэгъ.—Сегодня многое для королевской власти и для такъ называемаго привилегированнаго общества поставлено на карту. Но на этотъ разъ дворъ самъ сдѣлалъ циническое нападеніе на всѣми признанную привилегію. Кардинала, посвященнаго князя церкви, обязаннаго держать отвѣтъ лишь передъ своими духовными судьями, онъ предалъ суду свѣтскаго парламента, какъ простого обвиняемаго и арестанта. Парламентъ же, повинуясь своему врожденному чувству оппозиціи противъ королевской власти, отомстить за кардинала, оправдавъ его, и тѣмъ обратить наброшенное на королеву въ этомъ темномъ дѣлѣ подозрѣніе въ несомнѣнную почти вину.

— Такъ что и въ придворныхъ кругахъ думаютъ, что парламентъ выскажется въ пользу кардинала? — спросилъ Мирабо.

— Королева сама должна быть страшно озабочена, — отвѣтилъ на это графъ д'Антрэгъ.—Сегодня ранехонько утромъ она прибыла

¹⁾ «Essai sur les priviléges, par le Comte d'Entraigues».

сюда изъ Сенъ-Клу и призвала нѣсколькихъ изъ господъ членовъ парламента къ себѣ въ Тюльери. Тамъ, говорятъ, происходило долгое совѣщаніе, въ которомъ принимали также участіе герцогиня Полиньякъ и ея красавая ученая невѣстка. Вѣроятно, эти господа не устояли противъ неотразимой прелести королевы; но успѣютъ ли они склонить въ ея пользу своихъ остальныхъ товарищѣй въ парламентѣ, это еще весьма сомнительно. Быть можетъ, оправданіе кардинала послѣдуетъ теперь при меньшемъ большинствѣ голосовъ, чѣмъ можно было ожидать. Но оно послѣдуетъ.

Въ эту минуту отъ зданія парламента раздалось страшно шумное ликованіе, повторяемое тысячами голосовъ.

— Какъ видно, приговоръ состоялся уже,—сказалъ Мирабо, указывая на новое движеніе, куда неудержимо и стремительно бросились со всѣхъ сторонъ толпы народа.

Пригнанные толпой къ самому парламентскому дворцу, друзья убѣдились, что приговоръ уже состоялся. Столпившаяся здѣсь публика, первая получившая извѣстіе изъ залы суда, передавала одинъ другому подробности состоявшагося приговора, сопровождая ихъ то новыми радостными кликами, то критическими и язвительными замѣчаніями и всевозможными нравоученіями. Крики: «да здравствуетъ кардиналъ Рогантъ! Судъ призналъ его невиновность!» скоро покрыли собою всякой иной возгласъ. Примѣшивались сюда, однако, восклицанія, съ которыми оскорбительнымъ образомъ смѣшивалось имя королевы, сопровождаемое выраженіями ненависти и проклятіями, дѣлавшимися все громче и свирѣпѣ.

Подробности, передаваемыя въ народѣ и подтвержденныя извѣстными лицами изъ залы суда, были таковы: кардиналъ принцъ де-Рогантъ былъ оправданъ большинствомъ трехъ голосовъ во всѣхъ введенныхъ на него обвиненіяхъ. Настоящую же обманщицу, графиню Ламоттъ-Валуа, верховный судъ, не вдаваясь въ подробности, въ чьихъ рукахъ она могла быть орудіемъ, приговорилъ къ публичному тѣлесному наказанію, клейменію на плечахъ и пожизненному заточенію. Графъ Калюстро былъ вполнѣ оправданъ. Остальныхъ лицъ, замѣщенныхъ въ процессѣ, постигла меньшая или большая кара.

— Да здравствуетъ парижскій парламентъ! — раздалось въ одной кучкѣ народа, съ наибольшимъ оживленіемъ занимавшейся исходомъ дѣла.

— Радость дѣлаетъ народъ довольнымъ, и онъ желаетъ здравствовать даже парижскому парламенту! — шепнула Шамфоръ на ухо графу д'Антрэгъ. — Будь этотъ старый парламентъ немного получше, мы бы охотно пожелали ему долгой жизни. Не потребуетъ ли, однако, скоро этотъ, охрипшій отъ крика, милый народъ другого состава представителей своихъ правъ и требованій? Этотъ же старый парламентъ Людовику XVI-му слѣдовало оставить спать вѣчнымъ

мертвымъ сномъ! Давно бы онъ долженъ былъ созвать генеральные чины. Было бы лучше и для него самого и для Франціи, которая съ благодарностью признала бы тогда его честное сердце.

— Это правда, уже сегодня слышно, какъ дрожитъ балдахинъ надъ трономъ Франціи! — сказалъ Мирабо, высоко поднявъ голову и окидывая всю площадь съ движущимся на ней народомъ своимъ глубокомысленнымъ орлинымъ взглядомъ.— Но за что же презирать намъ этотъ старый парламентъ, когда онъ опять сегодня заслужилъ свои шпоры противъ королевской власти? И действительно онъ храбро сражался и билъ чуть не прикладами. Развѣ присужденіе Ламоттъ-Валуа къ самому обезчещивающему и позорному наказанію преступниковъ не направлено, въ концѣ концовъ, противъ французскаго королевскаго дома? Послѣдній отпрыскъ великой королевской династіи Валуа, которому присуждены розги и клейменіе, что это за поразительная демонстрація противъ всѣхъ поклонниковъ французской королевской крови!

Теперь, передъ входомъ въ зданіе парламента, толпа раздѣлилась, чтобы пропустить закрытый экипажъ, выѣхавшій и подвигавшійся сначала медленно, а затѣмъ, когда толпы народа это дозволили, быстро направившійся по улицѣ, ведшей въ Бастилию. Въ экипажѣ были узнаны кардиналъ принцъ Роганъ и графъ Калостро. Среди парижской толпы распространился слухъ, что оба обвиненные, хотя и оправданы судомъ, но, по особому повелѣнію королевы, должны быть вновь отвезены въ тюрьму и освобождены вполнѣ лишь на слѣдующій день.

Графъ д'Антрэгъ подтвердилъ слышанное имъ въ придворныхъ кругахъ, что королева, движимая своею ненавистью къ кардиналу, действительно издала такое повелѣніе, желая нанести еще это новѣйшее оскорблѣніе человѣку, которому она приписывала самое унизительное и печальное событие своей жизни. Маріи-Антуанеттѣ удалось, на случай оправданія, заранѣе устроить это, въ чемъ, повидимому, и явно, и тайно преданные ей члены парламента оказали содѣйствіе. Однако, въ своемъ страстномъ возбужденіи, королева не подумала о томъ, что она лишь усилить публичный триумфъ кардинала.

Это обнаружилось при первомъ же движеніи экипажа по площади, когда толпа, сопровождая его громкими привѣтственными кликами, выстроилась въ полномъ порядкѣ торжественного кортежа, который долженъ быть сопровождать карету до самой Бастилии.

Съ одной стороны кареты можно было видѣть кардинала, высовывавшагося по временамъ изъ окна, чтобы знаками и поклонами выразить народу свою благодарность за неумолкаемыя восклицанія. Онъ былъ въполномъ облаченіи своего духовнаго сана, но только въ одеждѣ фиолетового цвѣта, т. е. цвѣта траура у кардиналовъ. Грудь его была украшена всѣми его орденами. Но блѣд-

ное, хотя и сіявшее великою радостью лицо его носило еще слѣды перенесенного потрясенія и душевной муки.

— Дѣло могло, однако, весьма плохо кончиться для красиваго принца Луи,—замѣтилъ Шамфоръ въ то время, какъ экипажъ проѣзжалъ мимо нихъ.—Королева, какъ видно, почти достигла своей цѣли передъ господами членами парламента, такъ какъ оправданіе состоялось лишь большинствомъ трехъ голосовъ. А теперь усадили его въ одинъ экипажъ съ этимъ графомъ Калюстро; кардинала вмѣстѣ съ фигляромъ отправляютъ въ Бастилію, вмѣсто того, чтобы тотчасъ освободить, торжественно признавъ его невиновность. И посмотрите, какъ другъ Калюстро умѣеть воспользоваться преимуществомъ своего положенія. Онъ старается еще превзойти своего коллегу кардинала павосомъ и достоинствомъ, раскланиваясь изъ другаго окна кареты съ важностью торжествующаго пророка, какъ если-бъ народъ чествовалъ и его. Съ своей вѣчной таинственной улыбкой онъ милостиво помахиваетъ шляпой съ перомъ, какъ бы считая нужнымъ особо благодарить народъ за его привѣтствія. И вѣдь имѣть же онъ смѣлость предстать даже передъ верховнымъ судомъ парламента въ своемъ костюмѣ колдуна!

— Такъ это онъ, этотъ, всему миру извѣстный, чародѣй Каліостро! — сказалъ Мирабо, внимательно приглядываясь къ высунувшемуся въ окно кареты волшебнику.—Вижу, Генріетта, что въ твоемъ прелестномъ письмѣ объ обѣдѣ съ духами ты такъ хорошо изобразила эту удивительную персону, что по одному твоему описанію я бы узналъ ее. Видъ этого человѣка подтверждаетъ мое о немъ мнѣніе. Каждая черта его лица, каждое движеніе выдаютъ его, какъ орудіе іезуитовъ. Глаза точно мышеловки, то поднимаются, то опускаются, а что они поймаютъ при этомъ, то за хорошій подарокъ отдаютъ святой римской церкви.

— Онъ могъ бы, однако, сдѣлать нѣсколько больше для своего ученика, Людовика Рогана,—замѣтилъ Шамфоръ въ ту минуту, какъ карета медленно проѣзжала мимо, сопровождаемая ликующимъ народомъ.—Съ помощью своихъ чаръ онъ устраивалъ кардиналу ложе со всѣми царицами древняго и новаго міра, но не сумѣть отвратить отъ него ненависти прекрасной королевы Маріи-Антуанетты. Къ чему добруму кардиналу послужило то, что Клеопатра и Семирамида такъ часто осчастливливали его въ таинственные ночи? Марія-Антуанетта пренебрегла пятидесятилѣтнимъ любовникомъ, и въ этомъ все. На мѣстѣ Калюстро, я бы таки влиль бѣдному преплату нѣсколько капель жизненнаго элексира молодости и думаю, что это бы ему помогло немного у Маріи-Антуанетты.

Издали доносились теперь ликующіе народные клики, сопровождавшіе карету по всѣмъ улицамъ до самыхъ воротъ Бастиліи. Здѣсь народъ не расходился до тѣхъ поръ, пока кардиналъ въ послѣдній разъ не высунулъ руку для благословенія толпы, и пока опять не захлопнулись за нимъ двери тюрьмы.

Мирабо и Генріетта поспѣшили направились къ своему экипажу, распрошавшись съ Шамфоромъ и д'Антрэгомъ и принявъ отъ послѣдняго приглашеніе на завтра къ обѣду.

Генріетта уже затосковала по маленькомъ Коко и, лишь только завидѣла экипажъ, поспѣшило пошла впередъ, чтобы поскорѣе успокиться на счетъ своего любимца. Экипажъ домчалъ ихъ быстро по освободившимся теперь улицамъ до ихъ новаго жилища, нанятаго госпожею Нера въ улицѣ Вожираръ и заботливо ею устроеннаго.

VIII.

Жена министра финансовъ.

Уже нѣсколько недѣль какъ Мирабо находился въ Парижѣ, куда онъ прибылъ, въ особенности, съ намѣреніемъ закончить большой историко-политический трудъ, которымъ надѣялся обратить на себя вниманіе министерства и стяжать подобающее ему положеніе.

Сперва, при его мучительномъ неспокойствіи и нерѣшительности, онъ намѣревался отправиться въ родной Провансъ, въ покинутый его семьей замокъ Мирабо и тамъ, въ тиши уединенія, предаться своей работѣ. Тамъ, думалъ онъ, будетъ ему достаточно средствъ къ жизни изъ выплачиваемой ему, наконецъ, по дружескому соглашенію съ отцомъ, маленькой пенсіи изъ фамильного состоянія. Но сначала осуществленію этого плана помѣшала довольно продолжительная и опасная болѣзнь маленькаго Коко, а затѣмъ онъ завязалъ въ Парижѣ нѣкотороя знакомства, имѣвшія, казалось ему, значеніе для его дѣятельности и плановъ.

Генріетта сидѣла у постели больного мальчика, за которымъ, безъ отдыха, уже нѣсколько дней усердно и озабоченно ухаживала. Мирабо все это время казался ей очень занятымъ и разсѣяннымъ, проводя большую часть дня внѣ дома и возвращаясь къ ней поздно, иногда лишь подъ утро,

Когда и сегодня, послѣ короткаго, хотя и сердечнаго разговора, онъ хотѣлъ оставить ее, едва находя время поцѣловать горячій лобикъ маленькаго Коко, Генріетта обратилась къ своему другу съ почти нескрываемой обидой въ голосѣ:

— Мы оба ли существуемъ теперь для тебя, Мирабо? Цѣлыми днями оставляешь ты насъ однихъ. Я почти не слышу твоего голоса, безъ котораго весь день для меня беззвученъ и печаленъ. Если я еще долго буду лишена твоего присутствія, то впаду въ уныніе и буду очень несчастна.

— Дорогое дитя мое, имѣй ко мнѣ немногого снисхожденія и терпѣнія,—отвѣчалъ Мирабо, поднося ея руки къ своимъ губамъ.—Я дѣйствительно попалъ въ новый водоворотъ занятій и знакомствъ, гоняющихъ меня туда—сюда, но ты вѣдь знаешь, что единствен-

ное настоящее счастье для меня состоять лишь въ наслажденіи твоей близостью, когда я могу держать вотъ такъ, въ рукахъ, твою прекрасную блокуру головку.

— Не ты въ этомъ главный виновникъ,—возразила Генріетта, глядя на него съ нѣжно надутымъ лицомъ.—Все бы, конечно, пошло опять хорошо у насъ, если бы не пріѣхалъ въ Парижъ этотъ Клавьеръ, завладѣвшій тобою всецѣло. Не знаю отчего, но еще въ Лондонѣ, какъ только онъ входилъ въ нашу комнату, я начинала тревожиться и тайно дрожать передъ нимъ. Теперь это чувство стало для меня ясно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, ты уходишь и живешь только съ нимъ. Онъ, пожалуй, и совсѣмъ отвлечеть тебя отъ насъ, Мирабо!

— Нѣтъ, нѣтъ, мое добroe дитя!—воскликнула Мирабо съ живостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ торопливо берясь за шляпу.—Никакой Клавьеръ, ни ангель, ни дьяволъ не отвлекутъ меня отъ моей милой графини Леттъ-Ли. Мы скованы вмѣстѣ сердцемъ и душой. Однако, увѣряю тебя, мой пріятель Клавьеръ вполнѣ заслуживаетъ и твоего довѣрія. Онъ сильная, возбуждающая натура, и съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, въ Парижѣ, опять встрѣтились, весь мой круговоръ безконечно расширился. Я ему очень многимъ обязана; съ нимъ я вступила на новый путь, на которомъ достигну однажды блестящимъ образомъ всѣхъ своихъ цѣлей.

— У Клавьера недоброе лицо,—тихо возразила Генріетта, опустивъ глаза.—Его всего дергаешьъ, а когда глаза загорятся злобнымъ огнемъ, то я поддаюсь своимъ старымъ монастырскимъ привычкамъ и тайно осѣняю себя крестомъ. Отъ знакомства съ нимъ, мы еще не стали счастливѣе и,—прибавила она, покраснѣвъ и едва слышно,—богаче тоже не стали!

— Какъ, не стали богаче?—возразилъ Мирабо съ горячностью, вновь кладя свою шляпу на столъ и вынимая изъ ящика бюро маленькую шкатулку, наполненную сверкающими золотыми монетами. Посмотри, пусть твой взоръ погрузится въ этотъ золотой потокъ. Знаешь ли ты, что это за деньги, въ нѣсколько недѣль вдесятеро увеличившіяся въ моихъ рукахъ, благодаря совѣтамъ нашего женевскаго друга?

Генріетта отрицательно покачала головой, бросивъ вскользь недовѣрчивый взглядъ на золото.

— Помнишь ли ты о тѣхъ ста гинеяхъ въ Лондонѣ, причинившихъ намъ столько непріятностей и тревоги? — продолжалъ Мирабо.—Ты достала тогда эту сумму у моего пріятеля Элліота, и на обратномъ пути, когда съ тобой приключился несчастный случай, моппенникъ Гарди укралъ ее у тебя изъ кармана. Послѣ того какъ английскій судъ, за недостаткомъ уликъ, освободилъ его, я нашелъ всю сумму, въ день моего отѣзда изъ Лондона, въ углубленіи стѣны, подъ старымъ хламомъ. Къ счастью, деньги эти мнѣ тогда

не были нужны; здѣсь, въ Парижѣ, я тоже получиль кое-какія, такъ что могъ сберечь эту сумму, что со мною рѣдко случается, и, по совѣту Клавье́ра, началъ спекулировать съ нею. Частью купилъ акцій вновь возникшихъ торговыхъ обществъ, частью же стала заниматься срочной куплей, какъ это теперь называютъ, когда одни другимъ продаютъ акціи, не отдавая ихъ на самомъ дѣлѣ, а заключая сдѣлки на извѣстный срокъ и выплачивая разницу по курсу¹⁾.

— Въ этихъ дѣлахъ я рѣшительно ничего не понимаю,—возвра-
тила Генріетта,—и должна сказать тебѣ, что не имѣю ни малѣйшаго
довѣрія къ этимъ деньгамъ. Не думаю, чтобы онѣ надолго удержа-
лись у насъ, и весьма возможно, что съ ними будетъ то, что бы-
ваетъ со слитками золота въ сказкахъ. Въ одинъ прекрасный день
tronешь ихъ, и въ рукахъ оказываются одни черные уголья; тогда
приходится только стыдиться своей глупости.

— Критика твоя моихъ новыхъ финансовыхъ предпріятій, дитя
мое, не совсѣмъ плоха, — возразилъ Мирабо, смѣясь. — Нужно,
однако, продѣлывать и глупости своего времени, не только когда
хочешь самъ чего нибудь достигнуть, но и когда хочешь помочь
своему времени дойти до истинной мудрости. Вотъ этого-то мы и
добиваемся, Клавье́ръ и я, всѣми нашими силами и мыслями. Вся
Франція съ головой бросилась теперь въ этотъ денежный омутъ.
Спекулируютъ на публичные фонды, на новые правительственные
займы, на акціи торговыхъ обществъ, такъ что покупка и продажа
бумагъ, есть, повидимому, единственное дыханіе жизни, сохранившееся
еще у нашего общества. Это дѣйствительно болѣзнь, но я полагаю,
что вся нація должна перенести ее, чтобы достигнуть своего на-
стоящаго оздоровленія. Рядомъ съ этимъ, мужи прогресса постара-
ются, безъ сомнѣнія, наполнить свои карманы, и это тоже ихъ долгъ
и обязанность. Ажюта́жъ есть эпидемическая болѣзнь, которая за-
хватить весь міръ. Мы заразились ею отъ голландцевъ и англичанъ,
но во Франціи, гдѣ она разомъ проникла подъ каждую кро-
влю, она выступила съ наибольшею силою. Здѣсь-то она принесетъ
свои настоящіе плоды. Скачка за деньгами и выигрышемъ, обуяв-
шая теперь одинаково всѣ сословія, обратится подъ конецъ въ
скачку за свободой. Когда все народное достояніе сплавится въ ка-
налы спекуляціи и улетучится, то народъ долженъ будетъ создать
себѣ новую собственность, а это станетъ возможнымъ лишь на
почвѣ политической и общественной свободы. Ажюта́жъ, дитя мое,
есть всегда лишь вѣрный предвѣстникъ опасной бури.

— Что же говорить на это нашъ другъ Шамфоръ? — спросила
Генріетта, задумчиво играя локонами маленькаго Коко.

— Шамфоръ отправился опять на нѣсколько недѣль въ Отѣйль

¹⁾ Peuchet: Mémoires sur Mirabeau, II, 341.

къ госпожѣ Гельвеціусъ, — отвѣчалъ Мирабо. — Нездоровье помѣшало ему прійти вчера, какъ онъ хотѣлъ, попрощаться съ тобой, а я совсѣмъ было забылъ передать тебѣ его поклонъ. Онъ не сочувствуетъ ажютажу; для этого онъ слишкомъ лѣнивый и мечтательный эпикуреецъ и боится простудиться отъ рѣзкаго сквознаго вѣтра на биржѣ. Но еще при прощаніи со мной и Клавьеромъ онъ сказалъ намъ, чтобы мы честно работали въ пользу финансового головокруженія французовъ. Самъ онъ хочетъ остаться бѣдной золушкой революціи и оберегать у очага священный огонь идеи свободы. Пусть только обанкротившіяся французы, послѣ того, какъ мы потопимъ въ омутъ ихъ деньги, придутъ къ его очагу, и тогда онъ ихъ всѣхъ накормить, напоить и обогрѣть!

Въ эту минуту постучали у дверей, и, на поспѣшило проговоренное Мирабо «войдите», въ комнату вошелъ Этьенъ Клавьеръ, сердечно привѣтствуемый Мирабо въ то время, какъ Генріетта, взглянувъ лишь мелькомъ и съ едва скрываемой непріязнью, слегка отвѣтила на поклонъ вошедшаго.

По наружности Клавьеръ, со времени своего пребыванія въ Парижѣ, замѣтно измѣнился. Манеры его стали мягче и пріятнѣе, или, вѣрнѣе, маленькая, толстая фигурка суетливо старалась произвести болѣе пріятное впечатлѣніе. Но это была только дипломатическая маска, скрывавшая выраженіе почти дикой энергіи на его лицѣ. Станный демократический костюмъ, въ которомъ онъ появлялся, будучи лондонскимъ эмигрантомъ, былъ замѣненъ очень приличнымъ и изящнымъ платьемъ, а вместо стройной съ широкими полями и огненно-краснымъ бантомъ шляпы, на головѣ его была самая модная парижская шляпа.

На обращенные къ Генріеттѣ любезности Клавьера и извиненія, что онъ опять уводитъ отъ нея Мирабо въ ожидающее его общество, Генріетта отвѣтила тихимъ и печальнымъ покачиваніемъ головой, а потомъ сказала, что вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ она привыкла къ такой цѣли его посѣщеній, и что ей только хотѣлось бы знать, куда все это приведетъ, и чья сегодня очередь въ обществѣ друзей: черныхъ ли, клуба ли американцевъ, обѣда ли у банкира Шаншо, или свиданія всѣхъ черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ и свѣтлыхъ друзей ажютажа всего міра.

Генріетта проговорила эти вырвавшіеся у нея вопросы быстро и съ выраженіемъ такого забавнаго негодованія, что оба пріятеля стали громко смѣяться, а Мирабо съ ласкою взялъ ея руки, желая смягчить гнѣвъ милой подруги.

— Сегодня, во всякомъ случаѣ, графъ вернется къ вамъ поздно,—сказалъ Клавьеръ съ лукавой усмѣшкой.—Именно сегодня соберутся на общій банкетъ всѣ тѣ элементы, которые вы такъ прелестно, хотя съ гнѣвомъ и не переводя дыханія, изволили перечислить, и графъ Мирабо, какъ наибольшій общій любимецъ долженъ помогать чествовать

это собрание. Общество «друзей черныхъ» слилось сегодня съ «клубомъ американцевъ» для совмѣстнаго обѣда въ прекрасномъ помѣщеніи клуба. Будутъ произнесены обильныя рѣчи, при чемъ разсчитываются на нѣсколько великолѣпныхъ раскатовъ грома, которые должны прогремѣть изъ устья нашего друга Мирабо. Трудъ его будетъ вознагражденъ, потому что все, чего желаютъ «друзья черныхъ»—уничтоженія рабства и торговли невольниками—новый «клубъ американцевъ» намѣренъ поддерживать всѣми своими средствами. Члены обоихъ обществъ хотятъ тутъ же, на банкетѣ, учредить денежную подписку для достижения этой цѣли. Въ деньгахъ также недостатка не будетъ, такъ какъ между приглашенными почетными гостями фигурируютъ самыя блестящія и громкія имена биржи. Вы вѣрно замѣтили, мой умный соотечественникъ изъ Женевы, господинъ Паншо, тоже будетъ съ нами, во главѣ самыхъ крупныхъ друзей биржевой игры въ Парижѣ; съ ними же появятся нѣсколько выдающихся литераторовъ и философовъ-маркизовъ настоящей эпохи, какъ называется ихъ Шамфоръ. Не правда ли, для такого общества можно на нѣсколько часовъ покинуть жену и ребенка?

Генріетта, раскраснѣвшись, улыбалась и смотрѣла на Мирабо съ выражениемъ вполнѣ возстановившагося искренняго дружелюбія.

— А знаешь ли, что и Калоннѣ будетъ?—началь опять Клавьеръ, обращаясь съ значительными взглядами къ Мирабо.—Я только что изъ кабинета ministra, обѣщавшаго мнѣ навѣрное свое присутствіе въ клубѣ американцевъ.

— А-а, это для меня весьма желательно!—воскликнулъ съ живостью Мирабо.—Такимъ посѣщеніемъ нашего круга господинъ министръ финансовъ не увеличить числа своихъ друзей при дворѣ и среди высшаго дворянства. Пора, чтобы онъ понемногу приподнималъ маску съ этой стороны. Если до сихъ поръ онъ, какъ геніальный игрокъ, бросалъ полными горстями государственные деньги, то теперь онъ долженъ будетъ обнаружить, что деньги эти могутъ быть вновь обрѣтены плодотворнымъ образомъ лишь тогда, когда ихъ постараются извлечь изъ радикальной реформы всего государственного строя!

— Для этого я работаю надъ нимъ ежедневно и ежечасно,—возразилъ Клавьеръ, оскаливая зубы,—и такой поворотъ близокъ, онъ не заставитъ себя ждать, могу тебя уверить.

— Если онъ близокъ и настанетъ, не будетъ ли это заслугой неодолимаго демона, именуемаго Клавьеромъ!—сказалъ Мирабо, улыбаясь.—Въ самомъ дѣлѣ, Клавьеръ, изъ всей массы твоихъ дьявольскихъ идей самой счастливой всегда будетъ та, что ты сумѣлъ сдѣлаться тайнымъ секретаремъ ministra финансовъ. Чрезъ это, въ самую рѣшительную и опасную минуту, ты сталъ тайнымъ мастеромъ государственного переворота, котораго мы ждемъ съ часу на часъ, подобно земледѣльцу, жаждущему грозы и дождя для своихъ

засохшихъ сѣмянъ. Но почему же ты еще не въ формѣ министерства, будучи уже окончательно назначенъ тайнымъ секретаремъ господина де-Калоннѣ? ¹⁾).

— Для этого я недостаточно чиновникъ,—вразбрь Клавьеъ.— Я исполняю съ нѣкоторыхъ поръ всѣ финансовые работы, которыми министръ очень доволенъ и которыхъ приведутъ его на желаемую нами точку. Вчера я окончилъ новый финансовый планъ для Франціи и немедленно вручилъ его Калонну. Многое изъ твоихъ идей, Мирабо, влилось туда, и я думаю, что и ты останешься доволенъ этимъ свареннымъ мною волшебнымъ напиткомъ, сильное дѣйствие которого поставить Францію на совсѣмъ иную политическую ногу.

При этихъ словахъ, Клавьеъ произительно захохоталъ, какъ бы восхищаясь самъ, по обыкновенію, только что сказаннымъ. Затѣмъ онъ сталъ приглашать Мирабо удалиться, замѣтивъ, что сегодня имъ не слѣдуетъ заставлять ждать себя, потому что онъ долженъ произнести на банкетѣ привѣтственную рѣчь.

— Идемъ же скорѣе, Мирабо,—сказалъ Клавьеъ,—и поддержи предъ госпожей Нѣра мои извиненія и просьбу снять свой гнѣвъ съ моей головы.

Они торопливо попрощались съ Генріеттой, молча отвѣтившей имъ на поклонъ и усѣвшейся опять у кроватки маленькаго Коко, скрывая въ ухаживаніи за кричавшимъ больнымъ ребенкомъ свою собственную печаль.

Быстро шагая, Мирабо и Клавьеъ скоро дошли до Монмартрскаго бульвара, чтобы оттуда направиться въ предмѣстье, гдѣ въ отдаленной улицѣ находился небольшой домъ, окруженный садомъ, недавно нанятый «клубомъ американцевъ» для своихъ собраній.

По дорогѣ Мирабо, повидимому, съ извѣстнымъ намѣреніемъ навелъ опять разговоръ на ministra финансовъ, стараясь въ точности узнать у Клавьеъ, когда именно господинъ Калоннѣ прибудетъ на банкетъ и останется ли онъ на немъ до конца.

— Министръ обѣщалъ мнѣ,—отвѣтилъ Клавьеъ,—прослушать мою рѣчь и обѣщалъ явиться ровно въ шесть часовъ и пробыть до конца обѣда, чтобы приглядѣться и прислушаться къ выдающимся умамъ, какъ Кабанись, Кондорсѣ, Гольбахъ, Лафайетъ и другіе, которые не преминутъ явиться.

Мирабо посмотрѣлъ на часы и, остановясь на углу одной улицы, заявилъ, къ немалому удивленію Клавьеъ, что онъ долженъ еще разстаться съ нимъ на нѣкоторое время и, вѣроятно, появится лишь къ концу обѣда.

— Такъ что рѣчъ мою ты слышать не желаешь? — спросилъ Клавьеъ съ возбужденіемъ.—Откуда же это внезапное и странное отреченіе отъ дѣла, которому, казалось тѣ, вполнѣ сочувствовалъ?

¹⁾ Condorcet, Mémoires, I, 227.

— Я непремѣнно приду къ концу банкета,—вразильтъ Мирабо, улыбаясь,—и буду еще имѣть возможность судить о дѣйствіи твоей рѣчи. Это не есть равнодушіе къ твоему сильному ораторскому таланту, которымъ никто не восхищается болѣе меня, равно какъ не есть нечувствительность къ великимъ идеямъ, которыхъ ты хочешь изложить и изъ-за которыхъ мы когда нибудь, грудь съ грудью, рука въ руку, сразимся съ тобой. Но теперь я долженъ удалиться; меня призываешь часъ свиданія. Онъ бѣть для меня сегодня, и я долженъ имъ воспользоваться, чего бы это ни стоило.

— Теперь я понимаю твои разспросы на счетъ посѣщенія Калонномъ клуба американцевъ! — воскликнулъ Клавьеरъ, пристально глядя на Мирабо своими пронизывающими глазами.—Ты хочешь на-вѣстить госпожу Калоннъ въ отсутствіе ея повелителя? Но умоляю тебя, Мирабо, не дѣлай глупостей, выбрось изъ головы эту дурь, выдуманную тобою просто изъ шалости. Министръ, — хотя самъ сумасбронѣйшій и безсовѣстнѣйшій *bon vivant* Парижа,—ревнуетъ свою жену и съ подозрительностью дьявола стережетъ нѣжное, прекрасное созданіе. Если онъ только заподозритъ тебя, всѣ твои едва начинаящія отношенія съ нимъ будутъ поставлены на карту, и мнѣ не удастся болѣе возбудить его интереса къ тебѣ, а это, конечно, принесло бы свои плоды.

— Ну, я ужъ таковъ,—вразильтъ Мирабо, еще разъ посмотрѣвъ на часы и показавъ своему другу, что сейчасъ пробѣть шесть.—Ступай Клавьеरъ, говори свою рѣчъ о свободѣ, человѣческомъ достоинствѣ и полныхъ карманахъ, или же обѣ искусствѣ обратить всеобщее банкротство въ пріиски золота и свободы. А я, тѣмъ временемъ, пойду, куда меня влечетъ, къ прекрасной, требующей утѣшения госпожѣ де-Калоннѣ и прочту ей лекцію о правѣ женщины быть свободной и счастливой. Когда я недавно встрѣтилъ ее на обѣдѣ у графини де-Ріанкуръ, а ея экипажъ за ней не прибылъ, я просилъ позволенія довезти ее до ея отеля въ моей каретѣ. А тебѣ вѣдь извѣстно, что всякая женщина безусловно потеряна, если она хоть разъ проѣдетъ со мною въ каретѣ¹⁾). Когда мы нѣжно разставались, госпожа Калоннъ разрѣшила мнѣ навѣщать ее въ извѣстные дни, когда она одна, и вотъ сегодня мнѣ было бы особенно пріятно воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Въ этихъ дѣлахъ я устоить не въ силахъ и буду пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, даже если бы мнѣ угрожала за это потеря вѣчного блаженства. Нынѣ, когда все въ Парижѣ играетъ на биржѣ, я хочу помочь прелестной женѣ ministra финансовыхъ извлечь еще нѣсколько процентовъ наслажденія изъ своей печальной жизни, потому что тебѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, въ какихъ дурныхъ отношеніяхъ госпожа Калоннъ съ своимъ мужемъ, несмотря на то, что всего два мѣсяца, какъ они праздновали свою свадьбу.

¹⁾ Peuchet, II.-320.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Магазиновъ „Нового Времени“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги
можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ
дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Авенаріусъ, Рихардъ. Философія, какъ мышленіе о мірѣ, сообразно принципу наименьшей мѣры силы. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Афотографы рукописей А. С. Пушкина: 1) Письмо къ А. И. Тургеневу (1823 г.). 2) Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.) и 3) Отрывокъ изъ Путешествія въ «Арзрумъ» (1829 г.). Съ 14 портретами, видами и снимками. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Альбомъ картинъ по географіи виѣвропейскихъ странъ, со вступительной статьею д-ра А. Гейстека. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Архитектурные мотивы. Проекты архитекторовъ: Быковского, Бойцова, Васильева, Геппенеръ, Кекушева, Шехтеля и Эриксона. Вып. 2-й. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Баллантаймъ, Р. М. Міръ льдовъ или приключение экшижа «Дельфина» въ полярныхъ странахъ. Переводъ съ англійск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бекетова, М. Что за земля Голландія и какъ живутъ голландцы. М. 1899 г. Ц. 10 к.

Бердинковъ, проф. По поводу второго изданія проф. Павловъ Номоканова при Требникѣ. Москва, 1897 г. (Критико-библиографическая замѣтка). Казань. 1899 г. Ц. 50 к.

Беренскій, Н. Архимандрий о. Павель (Прусскій) и его противораскольничья дѣятельность. Киевъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Беттани и Дугласъ. Великія релігіи Востока. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 2 р. 25 к.

Битнеръ, В. В. Общедоступный химическій анализ почвъ съ приложеніемъ описаній устройства самодѣльныхъ химическихъ вѣсовъ. Руководство для лицъ, незнакомыхъ съ аналитическою химіею. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Блекки, Джонъ Стоартъ. Четыре фазиса нравственности. Сократъ, Аристотелъ, Христианство, Утилитаризмъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блюхъ, И. С. Пораненія при современномъ оружіи (Сравнительный очеркъ). Спб. 1899. Ц. 20 к.

— Невозможность помочи раненымъ на полѣ битвы. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Бобровъ, Евгений, проф. Философія въ Россіи. Матеріали, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.

Богдановскій, М. Къ вопросу о расположении городовой стѣны Казанскаго посада въ 1562 г. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Богдановъ, М. Н. Мірские захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣчества. Изд. 9-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Богородицкій, В. Объ изученіи художественно-литературныхъ произведеній. Казань. 1899 г. Ц. 8 к.

Бонль, Г. Т. Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи О. К. Нотовича. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Болинъ, В. Спиноза. Біографіческій и культурно-исторический очеркъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Брандтъ, Б. Ф. Иностранные капиталы. Ихъ влияніе на экономическое развитіе страны. Часть вторая. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Будринъ, П. Данная по культурѣ сельскохозяйственныхъ растеній на опытной ферме въ Ново-Александриѣ за время 1881—1898 гг. I. Зерновые хлѣба. Варшава. 1899. Ц. 80 к.

Буткевичъ, Мих., протоіерей. «Онъ памятникъ себѣ воздигъ первокоторый. Трехголовый хоръ». 1899 г. Ц. 25 к.

Бюхеръ, Карлъ. Работа и ритмъ. Рабочія песни, ихъ происхожденіе, эстетическое и экономическое значеніе. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Велицинъ, А. А. Торжество соціализма. Дневникъ Соціаль-Демократа. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Взглядъ на смыслъ и достоинство господствующаго направления въ новой культурной исторіи человѣчества. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Винклеръ (фонъ), П. Тавріческая монета (1783—1788). Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 60 к.

— Передѣлъ мѣдныхъ пушекъ въ монету (1756—1767). Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вознесенский, Н. И. Водные сообщенія и внутренніе торговые порты Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Спб. 1898 г. Цѣна въ перепл. 3 р.

- Вороновъ, А. А.** Теоретическое изслѣдование и расчетъ многофазныхъ асинхроничныхъ электродвигателей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Всемирная художественная, промышленная и земледельческая выставка 1900 года въ Парижѣ. Русский отдѣль въ приложеніи плана выставки. Спб. 1899 г. Ц. 50 коп.**
- Гауптманъ, Гергардъ.** Больные люди. Семейная драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Голлинъ, Джонсъ,** д-ръ. Отчего рождаются двойни? Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Герштейнъ, Н. А.** Катехизисъ правильной телеграфной корреспонденціи внутренней и отдельно международной. Самара. 1898 г. Ц. 65 к.
- Гессенъ, В. М.** О вѣчномъ мири. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Гиггсъ, Г.** Физиократы. Французские экономисты XVIII вѣка. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Гильти, К.** Счастье. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Гимн царю Россіи.** Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Гла-вы, О и А. Леонидъ Георгіевичъ Яковлевъ.** Изъ театральныхъ наблюдений. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Глинка-Янчевский, С.** Пагубныя заблужденія. По поводу сочиненій К. Ф. Хартулари «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности». Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гольцевъ, В. О.** художникахъ и критикахъ. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гошо (по).** Руководство по плодоводству для практиковъ (Плодоводство промышленное и любительское). Выпускъ I. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Цѣна по подпискѣ на 10 выпусковъ 7 р.
- Гнусинъ, Д. Д.** Либавскій портъ. Очеркъ порта въ торговомъ и судоходномъ отношеніяхъ сравнительно съ другими русскими портами. Спб. 1898 г. Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к.
- Гренгагенъ, К. Б.** Путеводитель по Финляндіи. Съ приложеніемъ 27 картинъ и Краткаго Словаря русско-шведско-финскихъ словъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гусевъ, А. Ф., проф.** Отвѣтъ старокатолическому профессору Мило. Но вопросу о Filioque и Пресуществленіи. Харьковъ 1899 г. Ц. 1 р.
- Давыдова, М.** Стихотворенія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Далматовъ, К., свящ.** Наученія въ недѣлю сыропустную и въ воскресные дни св. Четыредесятницы. Казань. 1899 г. Ц. 15 к.
- Дарвинъ, Ч.** Законы измѣнчивости. (Дополненія къ сочиненіямъ, изданнымъ на русскомъ языке подъ заглавіями: «Измѣненіе животныхъ и растеній и Пантенезисъ»). Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Дергиманъ, Г. С.** Туалетная книжка. Полезный подарокъ для дамъ. Собрание советовъ по гигиенѣ, домашней медицинѣ, порядку въ домѣ, уходу за дѣтьми и проч. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Джеромъ К. Джеромъ.** Новый способъ писать романы. Переводъ съ англійскаго Н. Жаринцовой. Издание 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- О женщинахъ и еще кое о чёмъ. Перев. съ англійск. Спб. 1899. Ц. 60 к.
- Дигамма.** Торговля съ Китаемъ. Томскъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Дмитріевъ, Василій.** (В. Полочанинъ). Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Драматическое стихотворение въ пяти дѣйствіяхъ. Одесса. 1899 г. Ц. 50 к.
- Догель, И.** Время, какъ лѣкарство. Казань. 1899 г. Ц. 20 к.
- Дьянова, М. А.** Біографія А. С. Пушкина. Для дѣтей младшаго возраста. Одесса. 1899 г. Ц. 15 к.
- Дѣло о Пушкинѣ.** (1820 г.). Одесса. 1899. Ц. 65 к.
- Дюга, А.** проф. Застѣнчивость и ея лече-ніе. (La timidit ). Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.
- Дюма, Александръ.** Королева Марго. Романъ въ шести частяхъ. Изд. 2-е («Новая библіотека»). № 1—2). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Дюрокіймъ, Эміль.** Методъ соціологии. Переводъ съ французскаго. Кіевъ. 1899 г. Ц. 60 коп.
- Гармбургеръ, А.** Владиміръ Красное Солнце. (Лѣтство, № 12). Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Житновъ, С. М.** Разоруженіе и торгово-промышленная система. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Жуковский, В. П., д-ръ.** Лѣтнія желудочно-кишечныя заболѣванія и холера у дѣтей. (Ихъ предупрежденіе и лѣченіе). Изд. 2-е дополненіе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Журналъ Министерства Юстиціи.** № 4. Апрѣль. 1899 г. Съ приложеніемъ «Проектъ статей объ авторскомъ правѣ на литературу, музыкальныя и художественные произведения». Ц. 2 р.
- Загоскинъ, М. Н.** Полное собрание сочинений. Томъ 8. П. по подпискѣ 15 р.
- Зворыкинъ, Н. Н.** Желательный типъ крупного землевладѣнія. Опытъ экономического изслѣдованія причинъ упадка русского сельского хозяйства и условій, необходимыхъ для его возрожденія. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологический сборникъ критико-біографическихъ статей. Часть седьмая. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ибервегъ-Гейнце.** Исторія новой философіи въ скжатомъ очеркѣ. Вып. второй. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ивановъ-Смоленскій, Е.** Гимнъ А. С. Пушкину въ день столѣтія со дня рождения. Слова И. П. Сперанскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 коп.
- Игнатовъ, Н. Н.** Духовныя завѣщанія дѣйствительныя и недѣйствительныя по кассационнымъ решеніямъ Правительствующаго Сената. Сборникъ решеній гражданскаго кассационнаго департамента. М. 1899 г. Ц. 3 р.
- Депежныя выдачи и повременные платежи по духовныя завѣщаніямъ. Сборникъ решеній Гражданскаго Кассационнаго департамента Правительствующаго Сената Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

- Ильинъ, Владими́ръ.** Развитіе капитализма въ России. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности. Спб. 1899 г. II. 2 р. 50 к.
- Иностранные и руссіе курорты.** 1) Карлсбадъ. Очеркъ д-ра И. К. Камнєсгтова. 2) Маріенбадъ. Очеркъ З. Г. Франкъ-Каменецкаго. 3) Франценсаадъ. Очеркъ доктора П. П. Орлова. Спб. 1898 г. Цѣна каждой книжки 60 к.
- Jacob, Chr., d-r.** Атласъ клиническихъ методовъ изслѣдованія. Съ 182 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. II. 4 р. 50 к.
- Йорданъ, В. О.** Крушение. XX. разсказовъ, очерковъ, сценокъ. М. 1899 г. II. 1 р.
- Каллашъ, В.** Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотворений. М. 1899. II. 1 р.
- Cantlie, James.** Лекція о распространеніи чумы. Пер. съ англійскаго. Спб. 1899. II. 50 к.
- Караачевский-Вольнъ, А.** Определение отверстій искусственныхъ сооружений. М. 1899 г. II. 2 р. 50 коп.
- Каренинъ, Владими́ръ.** Жоржъ-Сандъ, нея жизни и произведенія. 1804—1838 г. Спб. 1899 г. II. 3 р. 50 к.
- Карманная** справочная книжка на 1899 г. для православного духовенства. Спб. 1899. II. за 2 части 1 р.
- Качурина, С.** Въ Варшавѣ. Лѣто въ Майоратѣ. Рыба. На окраинѣ. Спб. 1899 г. II. 1 р.
- Коренский, Вл.** Три мѣсяца въ центрѣ старо-католицизма (въ Вонифѣ и Бернѣ). Казань. 1899 г. II. 25 к.
- На Западѣ (Очерки внутренняго состоянія современного лютеранства). Казань. 1899 г. II. 1 р.
- Ковалевский, Е. П.** Что дало Австро-Іоанновскому образованію 50-тилѣтніе царствование Императора Франца-Іосифа. Спб. 1899. II. 30 к.
- Ковалевский, Максимъ.** Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленій на періоды. Переводъ съ французск. Саб. 1899 г. II. 25 коп.
- Конради, Е. И.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Томъ I. Исповѣдь матери. Спб. 1899 г. II. 2 р. 75 к.
- Коринфскій, Аполлонъ.** «Бывальщины» и «Картины Поволжья». Изд. 2-е. Спб. 1898 г. II. 2 р.
- Короткевичъ, М. А.** Сборникъ задачъ по физикѣ и геометріи съ решеніями. (Для конкурсныхъ испытаний). Спб. 1899 г. II. 1 р.
- Краткій путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Пятигорскъ.—Железноводскъ.—Ессентуки и Кисловодскъ. Пятигорскъ.** 1899 г. II. 35 к.
- Крафтъ, И. И.** Положеніе обѣ управлений въ степныхъ областяхъ. Оренбургъ. 1899 г. II. 1 р. 50 к.
- Крашевский, И. И.** Любони, Романъ X вѣка, въ двухъ частяхъ. Перев. съ польск. Спб. II. 1 р.
- Древнее сказаніе. Романъ IX вѣка. Переводъ съ польскаго. Спб. 1899. II. 1 р. 50 к.
- Кривенко, В. С.** Въ дорогѣ и на мѣстѣ. Спб. 1899 г. II. 1 р.
- Крыжановская, В. И.** (Рочестеръ). Геркуланумъ. Романъ. Издание 2-е. Спб. 1899. II. 1 р.
- «Курьеръ».** Практический путеводитель для русскихъ по городамъ и курортамъ Западной Европы 1899—1900 гг. Издан. 4-е, исправл. и доложенное. II. въ переплетѣ 2 р. 75 к.
- Лавелз, Э.** Будущее католическихъ народовъ. Перев. съ французск. Кіевъ. 1899 г. II. 60 к.
- Ламанский, С. И.** Замѣчанія на новый проектъ узаконенія о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ. Спб. 1899 г. II. 40 к.
- Ламперть, К., проф.** Жизнь прѣсныхъ водъ. Вып. 2-й. II. по подп. за все сочиненіе въ 10 вып. 6 р.
- Ланглуа и Сеньобосъ.** Введение въ изученіе истории. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. II. 1 р.
- Лашкаревъ, А. Н.** Сѣнныя прессы, ихъ описание и устройство. Съ 22 рисунками и чертежами. Саб. 1899 г. II. 50 к.
- Лейкинъ, Н. А.** По стѣверу дикому. Путешествіе изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно. На водопадѣ Кивачъ. Спб. 1899 г. II. 75 к.
- Лохтина, В.** О механизмѣ рѣчного русла. Спб. 1897 г. II. 1 р. 25 к.
- Лупповъ, П.** Народное образованіе среди ватыковъ со временемъ первыхъ изѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ. (Историч. очеркъ). Ватка. 1898 г. II. 30 к.
- Луценко, И. М.** Король и ея лѣченіе. Одесса. 1899 г. II. 15 к.
- Льзовъ, Владими́ръ.** Народная школа. Книга для чтенія, для воскресныхъ и начальныхъ школъ. Старшій возрастъ. Часть I. М. 1899 г. II. 70 к.
- Люксембургъ, Роза.** Промышленное развитие Польши. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. II. 50 к.
- Лютецкій, А.** Открытое письмо къ учащейся молодежи. М. 1899 г. II. 20 к.
- Маевский, Е.** Пропавшій туристъ. Перев. съпольскаго. Спб. 1899 г. II. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Ранніе всходы. Романъ. М. 1899 г. II. 1 р.
- Марковъ, Н. А. С. Пушкинъ.** Выбранныя сочиненія поэта въ связи съ его биографіей. Елисаветградъ. 1899 г. II. 30 к.
- Марлітъ, Е.** Повѣсти и рассказы. Перев. съ нѣмецк. М. 1899 г. II. 1 р. 50 к.
- Марръ, Н.** Сборники притчъ. Вардана. Материалы для истории средневѣковой Армянской литературы. Спб. 1899 г. II. за три части 5 р.
- Миръ.** Иллюстрированный сборникъ по поводу поэты Русского императора о разоруженіи. М. 1899 г. II. 20 к.
- Монтеагаца, П.** Грѣхи любви и ихъ происхожденіе. Переводъ съ истальянск. Спб. 1899 г. II. 30 к.
- Моншузанъ (дѣ).** Практический и теоретический курсъ паровыхъ машинъ. Переводъ съ французск. Выпускъ II. Спб. 1899 г. II. 2 р. 70 к.
- Мутерь, Р.** Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Вып. I-й. Спб. 1899 г. II. 1 р.
- Нарбековъ, Василий,** проф. Номоканонъ Константинопольскаго Патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Казань. 1899 г. II. за двѣ части 4 р. 50 л.

- «Неврологический Вестникъ». Томъ VII. Вып. I. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.
- Некрасовъ, Н. А. Полное собраніе стихотвореній, въ двухъ томахъ. Издание 7-е. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Жертва покаянія. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Немолдышевъ, С. А. Изъ исторіи педагогическихъ теорій. Харьковъ. 1899 года. Ц. 20 коп.
- Никольский, Б. В. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Критический очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Никольский, В. В. Идеалы Пушкина. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Новиковъ, Александръ. Записки земскаго начальника. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Новицкій, А. П. Исторія Русскаго Искусства. Вып. второй. Ц. по подписанію на все изданіе 10 р.
- Нордау, Мансъ. Душевные анализы. Переводъ Д. А. Борзаковскаго. Москва. 1899 г. Ц. 50 к.
- Оболенскій, Л. Е. Изложеніе и критика идеи нео-марксизма. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ondit, баронъ. Потомки. Издание 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Опыт наглядной таблицы промышленности Россіи. Съ приложеніемъ: I. Добывающая промышленность. II. Кустарная промышленность. Казань. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оржено, Элиз. Аргонавты. Переводъ съ польск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Островский, Д. Н. Путеводитель по Сѣверу Россіи. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Официальный указатель желѣзодорожныхъ, пароходныхъ и другихъ пассажирскихъ соображеній. Лѣтнее движженіе. 1899 г. Ц. 70 к.
- Очерки изъ экономической и соціальной исторіи древнаго міра и срединъ вѣковъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 коп.
- Пантюховъ, И. И., д-ръ. О народномъ врачеваніи въ Закаспійскомъ краѣ. Тифлісъ. 1899 г. Ц. 20 к.
- Перцовъ, Ник. Стихотвор. Пермь. 1899 г. Ц. 1 р.
- Пироговъ, Н. И. Севастопольскія письма. 1854—1855. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Плансонъ, А. Сословія въ древней и современной Россіи, ихъ положеніе и нужды (о центрѣ). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Пиетеневъ, И. Учебникъ всеобщей географіи для срединъ учебныхъ заведеній. Часть I. Общая географическая понятія. Спб. 1899. Ц. 75 к.
- Поворинская, В. В. Дѣтскій садъ и огородъ. (Энциклопедія семеинаго воспитанія и обученій. Вып. XI). Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Полевой, Н. А. Исторія Петра Великаго. М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Поповъ, Н. М., докторъ. Эпилепсія въ истории Европы XIX столѣтія. Казань. 1899 г. Ц. 25 к.
- Правила и программы о специальныхъ испытанияхъ на званіе учителя и учительницы начальныхъ училищъ. Саратовъ. 1899. Ц. 25 к.
- Прево, Марсель. Нимба. Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Предметный указатель къ Св. Четвероевангелію. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Пушкинскій сборникъ. Собраниe сочиненій А. С. Пушкина. Издание юбилейное. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Общедоступное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- И. Рудольфъ и Людмила. И. Арапъ Петра Великаго. III. Мѣдный всадникъ. IV. Бахчисарайскій фонтанъ. V. Кавказскій Плѣнникъ. Гадубъ. VI. Борисъ Годуновъ. VII. Скульпуръ рыцаря. (Чтение для народныхъ аудиторій). Спб. 1899 года каждой бронзыры 5 коп.
- Александръ. Графъ Нулинъ. Спб. 1827. Ц. 2 р.
- Александръ. Полтава, поэма. Спб. 1829. Ц. 3 р.
- Пыпинъ, А. Н. М. Е. Салтыковъ. (Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864. Библиографическая замѣтка). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Рейхъ, М., д-ръ. О выраженіи глазъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Розановъ, В. В. Литературные очерки. Сборникъ статей. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Романовъ, Н. Я. Юбилейный сборникъ (26-го мая 1899 г.) историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Россія. Полное Географическое описание нашего отечества. Томъ I. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р.
- Рошаль, Е. А. Планы и краткіе обзоры темъ литературного характера, наимѣнѣе задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ срединъ учебныхъ заведеніяхъ. Варшава. 1898 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Русский Трудъ. № 19. Цѣна съ приложениемъ: Зеландъ. «Женская преступность». Ц. 30 к.
- Русское Экономическое Обозрѣніе. Журн. Апрѣль, № 4. Цѣна 1 р.
- «Сандъ. Жоржъ. Похожденія Грибуля. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками М. Т. Михайлова. Спб. 1899 г. Ц. въ изящ. перепл. 1 р. 10 к.
- Саложниковъ, Д. Цѣнная находка. Вновь найденный рукописи. А. С. Пушкина Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Сельский Хозяинъ. № 26. Ц. 20 к. Цѣна по подпискѣ въ годъ 6 р.
- Сеславинъ, Д. Н. Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ по методѣ Туссена и Лангенштейда. Выпускъ 6-й. Цѣна по подпискѣ 3 р.
- Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методѣ Туссена и Лангенштейда. Выпускъ 15-й. Цѣна по подпискѣ на 1-й курсъ 3 р.
- С.-Петербургъ, иллюстрированный еженед. журналъ, № 19. Цѣна на годъ съ достав. и перес. 2 р.
- Смирновъ, А. В. Уроженцы и дѣятели Владимиrской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ обществен-

- ной пользы. Вып. 3-й. Владимиръ. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Срезневский, И. И. Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтской возраста. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Тардъ, Г. Молодые преступники. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Творения святого Ипполита, Епископа Римского, въ русскомъ переводе. Выпуски II. О Христѣ и Антихристѣ.—О кончинѣ міра, обѣ Аптихристѣ и второмъ пришествии Христовомъ.—Противъ Ноэта.—Слово на день Всогоявлѣнія. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.
- Телешовъ, Н. Повѣсти и рассказы. М. 1899. Ц. 1 р.
- Тихомандрицкій, М., проф. Курсъ дифференциального и интегрального исчислений. Съ примѣрами для упражненій. Вып. 2-й. Изд. 2-е, исправленное. Харьковъ. 1899 г. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.
- Труманъ, Ю. Ю. Чудско-Литовские элементы въ Новгородскихъ пятинахъ. Часть первая. Пятины: Водская, Деревская и Шелонская. Ревель. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Turner, Charles Edward. Translations from Pushkin in memory of the hundred anniversary of the poet's birthday. Спб. 1899 г. Ц. въ перепл. Ц. 3 р. 50 к.
- Турыгина, Л. А. С. Пушкинъ въ области музыки. Для юношества и любителей музыки. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Умановъ Каллуновскій, В. В. Сказка обѣ Иванѣ, Евпраксіи царевичѣ и Климѣ царевичѣ. М. 1899 г. Ц. въ папкѣ 40 к.
- Фальковскій, Ф. Гуси, и Некрасовъ, Н. Дѣдушки Мазай и зайцы. (Дѣтство № 11). Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Федоровъ, П. А. Спутникъ кочегара. Руководство къ установкѣ и уходу за паровыми котлами. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Флери, д-ръ мед. Злость и ея лѣчение. Психологический этюдъ. Перев. съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Филоновъ, Андрей. Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опыт разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899 года. Ц. 45 к.
- Фитtinghoff-Шель, Б. А., баронъ. Мировы знаменитости. (1848—1898). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Флери, Морисъ, д-ръ. Натологія души. Популярные бесѣды. Съ 14 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Флоберъ, Густавъ, Юдіанъ Милостивый. Разсказъ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Фогаццаро, Антоніо. Исчезнувшій тѣни. Романъ. (Новая библиотека, № 43). Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Хорошунъ, В. Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 году. Томъ I. Социальная и экономическая программа наказовъ. Одесса. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Хорунженко, С. Характеристика холодильныхъ машинъ и о примѣненіи холода. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Чепинская, М. Рассказы о животныхъ. (Дѣтство № 10). Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Чернековскій, Дмитрий. Къ вопросу о передней колпотовомъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Черняевъ, Пав. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древнеклассическихъ поэзій. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.
- Чего сегодня готовить? Ручная книжка, содержащая въ себѣ описание болѣе полутораста блюдъ здоровыхъ, питательныхъ и вкусныхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Шестопаль, Я. Изданіе климатическое и лѣкарственное изслѣдованіе больныхъ легочными туберкулезомъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шеффле, А., проф. Къ вопросу о картелиахъ и карточной политикѣ. Переводъ съ французскаго. В. Л. Утина. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Шлезингеръ, Станиславъ. Гаммы Діатоническая и Хроматическая, рассматриваемыя, какъ одинъ изъ отдѣловъ техники фортепианной игры. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Шреберъ, д-ръ. Домашняя врачебная гимнастика для каждого возраста. Съ 90 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Штамперъ, В. Хозяйство и право съ точкою зренія материалистического пониманія истории. Спб. 1899 г. Цѣна по подпискѣ за 2 тома 3 р.
- Stutzer, A., д-р. О навозѣ. Общедоступное изложеніе. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.
- Шутки и остроты А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Эсадзе, Б. С. Очеркъ сношеній Россіи съ единовѣрной Грузіей и прибытіе русскихъ въ Иверію. Тифлісъ. 1899 г. Ц. 15 к.
- Краткое описание Кавказскаго Военно-Исторического Музея. Тифлісъ. 1899 г. Ц. 15 к.
- Эсадзе, Борисъ и Семенъ. Тверскіе драгуны на Кавказѣ. Восточная война. 1854—1856. Тифлісъ. 1898 г. Ц. 10 р.
- Юноша, Клеменсъ. Еврейскій Донъ-Кихотъ. Произведеніе еврейской жаргонной литературы. Переводъ съ польскаго. Казань. 1899 г. Ц. 80 к.
- Юревъ, Н. А. Наше время и его задача. М. 1899 г. Ц. 25 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библіотеки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

- 45 и 46. Нарамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьюю О. И. Буславса, со портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Цѣна 1 р., на велен. бум. 2 руб.
15. — Великий князь Димитрій Ioанновичъ, прозваниемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.
17. — Царствованіе Феодора Ioанновича.—Правленіе Бориса Годунова.—Убієніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
20. — Царствованіе Бориса Феодоровича и Лжедимитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.
24. — Царствованіе Василія Ioанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
- 77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплѣтѣ 40 к.
- 70а и 70б. Квитка-Основяненко, Гр. Ф. Пань Халявскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплѣтѣ 75 к.
79. Козловъ, И. Три поэмы: Чернецъ.—Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.—Безумная. Съ биографіей и портретомъ автора.
- Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 30 к.
239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ биографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплѣтѣ 25 к.
- То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплѣтѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленевой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
149. Корнель, П. Горацій. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплѣтѣ 27 к.
222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
28. Кохановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрия. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.
318. Крыловъ. Басни. Полное собраніе. Съ биографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.
7. Касье-де-Мѣстръ. Параша-Сибирячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
9. Кукольникъ, И. В. Историческая повѣсть. Кн. I-я (Авдотья Лихончиха).—Купецъ Капустина.—Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.
10. — То же. Кн. 2-я (I. Сказание о сиамѣ из зеленомъ сукнѣ.—II. Часовой). Съ портретомъ князя И. О. Долгорукова. Издание 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 30 к.
11. — То же. Кн. 3-я (Позументы.—Новый годъ). Съ гравюрою: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.
14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Издание 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к.,

- въ переплѣтѣ 30 к., на веленевої бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ цапнъ Савва. — Староста Меданья). Издание 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплѣтѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.
183. Маркъ Аврелій Антонінъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Ил. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплѣтѣ 40 к.
19. Марлинсий, А. (А. А. Бестужевъ). Амалатъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
21. — Страшное гаданье.—Два вечера на бивуакѣ.—Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
23. — Рассказъ офицера, бывшаго въ пѣтну у горцевъ. — Красное покрывала.—Ночь на корабль.—Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
26. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
26. — Мореходъ Никитичъ. — Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплѣтѣ 40 к.
32. — Наезды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
74. — Лейтенантъ Бѣлозоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
75. — Латникъ. Расск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.
4. Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я. 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я. 3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я. 4. — То же. Книга II-я. 5. Бальзакъ. Шагреневая кожа. Романъ. 6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Ром. 7. Кранъ, А. Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гонений на христіанъ при Деци и Валеріи. Переводъ съ англійскаго. 8. Кингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й. 9. — То же. Томъ II. 10. Жорнь-Зандъ. Орасъ. Романъ. 11. Мериме, П. Жаквіра. Сцены изъ феодальныхъ временъ. 12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром. 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром. 15. Басанинъ, Марія. Клубъ козицкаго дворянства. Романъ. 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденшпа. Романъ. Томъ I-й. 17. — То же. Томъ II-й. 18. — То же. Томъ III-й. 19. Ясинский, Іер. Старый другъ. Романъ. 20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.	21. — То же. Томъ II-й. 22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром. 23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Послѣдніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й. 24. — То же. Томъ II-й. 25. Бичеръ-Стю, Генр. Хихина дяди Тома. Съ приложеніемъ библіографіи этого произведения Джорджа Буллена. Томъ I-й. 26. — То же. Томъ II-й. 27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й. 28. — То же. Томъ II-й. 29. — То же. Томъ III-й. 30. — То же. Томъ IV-й. 31. — То же. Томъ V-й. 32. Бальзакъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром. 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальные нравы. Ром. Перев. съ Франц. 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. 36. Якушинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другие рассказы. 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесные близнецъ. Перев. съ нѣм. А. Гердъ. 39 и 40. Поэз. Эдгаръ. Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Нового Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“.

Программа „Исторического Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводе или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе материалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергея Николаевича Шубинского.

Редакція отвѣтствуетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Исторического Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинский.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

